РУССКИЙ ЯЗЫК: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

VI Международный конгресс исследователей русского языка

Москва
МГУ имени М. В. Ломоносова,
филологический факультет
20–23 марта 2019 г.

Lomonosov Moscow State University
(MSU)

RUSSIAN LANGUAGE: ITS HISTORICAL DESTINY AND PRESENT STATE

The International Congress
Of Russian Language Researchers

Moscow
Moscow State University, Faculty of Philology
March 20–23, 2019

PROCEEDINGS AND MATERIALS

Edited by
Marina L. Remneva and Olga V. Kukushkina

Moscow University Press
2019

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

РУССКИЙ ЯЗЫК: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

VI Международный конгресс
исследователей русского языка

Москва
МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет
20–23 марта 2019 г.

ТРУДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Под общей редакцией
М. Л. Ремнёвой и О. В. Кукушкиной

Издательство Московского университета
2019

УДК 82
ББК 80/82
Р89

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Издание осуществлено в авторской редакции за счет средств филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Р89 **Русский язык**: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.): Труды и материалы / под общей редакцией М. Л. Ремнёвой и О. В. Кукушкиной. — М.: Издательство Московского университета, 2019 — 610 с.

ISBN 978-5-19-011383-9

УДК 82
ББК 80/82

Научное издание

РУССКИЙ ЯЗЫК: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

VI Международный конгресс исследователей русского языка
(Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова,
20–23 марта 2019 г.)

ТРУДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Под общей редакцией М. Л. Ремнёвой и О. В. Кукушкиной.

Оригинал-макет *Л. М. Захаров*

Подписано в печать 09.03.2018. Формат 60×90/8. Бумага офсетная. Изд. № 11338.

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
(ул. Академика Хохлова, 11). Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: http://msupress.com

ISBN 978-5-19-011383-9

© Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова

КОНГРЕСС ОРГАНИЗОВАН Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова

ПРИ УЧАСТИИ Института русского языка имени В.В. Виноградова.

В организации работы секции «Проблемы семантической экспертизы» принимал участие РФЦСЭ при Минюсте РФ.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНГРЕССА

Состав организационного комитета VI Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность»

В. А. Садовничий (председатель оргкомитета Конгресса)	ректор МГУ, академик РАН
М. Л. Ремнева (председатель программного комитета)	декан филологического факультета МГУ, профессор, зав. кафедрой русского языка
О. В. Кукушкина (заместитель председателя оргкомитета)	профессор, доктор филологических наук
Е. В. Суровцева (ученый секретарь оргкомитета)	старший научный сотрудник
А. А. Варламов (отв. секретарь оргкомитета по компьютерно-информационным вопросам)	заместитель декана по информационной политике
Г. Е. Кедрова	кандидат филологических наук, доцент, зам. декана по международным связям филологического факультета МГУ
О. В. Александрова	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языкознания МГУ;
Л. А. Дунаева	доктор филологических наук, профессор
М.Л. Каленчук	доктор филологических наук, профессор. член-корреспондент РАО, директор Института русского языка им. В. В. Виноградова
С. М. Самойлов	заместитель декана по АХР

Состав программного комитета VI Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность»

Ремнёва М. Л.
доктор филологических наук, профессор,
председатель программного комитета

Александрова О. В.
доктор филологических наук, профессор

Бархударова Е. Л.
доктор филологических наук, профессор

Величко А.В.
доктор филологических наук, профессор

Галактионова И. В.
Кандидат филологических наук, доцент

Галинская Е. А.
доктор филологических наук, профессор

Гвозданович Ядранка
доктор филологических наук, профессор

Клобуков Е. В.
доктор филологических наук, профессор

Красильникова Л.В.
доктор филологических наук, профессор

Кукушкина О. В.
доктор филологических наук, профессор

Онипенко Н. К.
кандидат филологических наук, доцент

Мустайоки Арто
доктор филологических наук, профессор

Нефедова Е. А.
доктор филологических наук, профессор

Панков Ф.И.
доктор филологических наук, профессор

Петрухина Е. А.
доктор филологических наук, профессор

Ревзина О. Г.
доктор филологических наук, профессор\

Сидорова М. Ю.
доктор филологических наук, профессор

Татевосов С.Г.
доктор филологических наук, профессор

Фролова О.Е.
доктор филологических наук, профессор

Чернейко Л. О.
доктор филологических наук, профессор

Шевелёва М. Н.
кандидат филологических наук, доцент

Шмелева Т.В.
доктор филологических наук, профессор

Секция I.
Вариативность и проблемы кодификации

Упрощение семантического потенциала слова как фактор формирования грамматической анти-нормы

Н.А. Аксарина

Simplification of the Semantic Potential of Words as a Factor of Formation of Some Grammatical Anti-Norms

Natalja A. Axarina

Тюменский государственный университет / Tyumen State University

ctvfynbr@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние процесса упрощения семантического потенциала слова (гипосемантизации) на возникновение системных грамматических ошибок.

Ключевые слова: гипосемантизация, семантический процесс, грамматическая ошибка, языковая норма, семантический потенциал слова.

Summary. The article examines the impact of the process of simplifying the semantic potential of words (hypo-semantization) on the occurrence of system grammatical errors.

Keywords: hypo-semantization, semantic process, grammatical error, language norm, semantic potential of a word.

Основной движущей силой, определяющей особенности современной языковой ситуации в России, является мультикоммуникация, обусловленная интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий. Избыточность речевых информационных потоков, усложнение ситуаций их восприятия и декодировки носителями языка, необходимость интерпретировать речевую информацию в различных дискурсах одновременно при жесткой ограниченности времени – все это вынуждает наше языковое сознание искать пути снижения интеллектуальных и временных затрат в новых условиях сверхинтенсивного общения. С этой потребностью связана наблюдаемая в последние годы активизация семантических процессов, ранее протекавших латентно, – например, де-, гипер- и гипосемантизации. Влияние последнего на формирование у современного носителя языка представлений о действующей литературной языковой норме ощутимо во всех сферах коммуникации.

Гипосемантизацию можно определить как процесс частичного выхолащивания, упрощения семантического потенциала единицы языка в сознании его носителей, наблюдаемый как в лексике, так и в грамматике, а также результат такого процесса. Механизм гипосемантизации тесно связан с ограничениями возможности освоения языковой личностью поступающей речевой информации в полном объеме. При этом языковое сознание носителя, стремясь к экономии речемыслительных усилий, фиксирует в семном составе единицы только отдельные компоненты – обычно интегральные, поскольку они определяют принадлежность слова к некоему классу, семантическому полю или тематической группе и квалификация слова только по этим признакам воспринимается как необходимая и достаточная. Нередко фиксируются и отдельные дифференциальные эксплицитные семы, если они способны внутри малой парадигмы (синонимического ряда и др.) играть роль семантического интегратора.

Следствием гипосемантизации являются нарушения лексической нормы, связанные с употреблением слова в несвойственном ему значении, с нарушением семантической валентности слова и со всеми видами речевой избыточности. Таков, например, механизм появления плеоназмов – *наклониться вниз, вернуться назад, система иммунитета, меню рационов питания, пельмени из мяса говядины* и пр. Так, в дефектном сочетании *наклониться вниз* использование избыточной единицы *вниз* обусловлено тем, что говорящий / пишущий, не осознавая наличия в семантике глагола *наклониться* компонента *движение вниз*, испытывает потребность восполнить мнимую содержательную неполноту. Подобным образом сознание современных носителей языка не улавливает в семантике глагола *вернуться* компонента *движение назад*, в семантике существительного *говядина* – компонента *мясо* и т.д.

В то же время гипосемантизация нередко становится и причиной ошибок, традиционно квалифицируемых как грамматические, связанные прежде всего с нарушением норм грамматической сочетаемости. В основе механизмов таких ошибок может лежать как лексическая, так и грамматическая гипосемантизация – то есть выхолащивание либо части лексических, либо части грамматических сем.

Лексическая гипосемантизация обусловливает многие грамматические ошибки, связанные с некорректным выбором предложно-падежных форм зависимого слова при управлении – чаще всего при глагольном управлении существительным или местоимением. Так, в современной речи в различных коммуникативных условиях регулярно фиксируются примеры дефектного управления *утверждать об этом, утверждать о нашем намерении, утверждать о том, что…; автор полагает об этом, считать о том, что…* и т.п. Все подобные грамматические ошибки имеют лексико-семантическую основу – здесь наблюдается лексическая гипосемантизация по доминанте синонимического ряда. В паре *говорить* / *утверждать* доминанта *говорить* способна управлять предложным падежом с предлогом ***о***: *говорить об этом, говорить о нашем намерении* и пр., а периферийный член ряда *утверждать* – нет. Различие в возможностях грамматической сочетаемости обусловлено наличием в семантическом потенциале глагола *утверждать* дополнительных (избыточных по отношению к доминанте) компонентов: утверждать – это говорить *уверенно* и *настойчиво*, в импликации – *делать твердым, прочным*; именно эти компоненты делают невозможной валентность *утверждать о*. Ошибка возникает потому, что говорящий не осознает наличия названных дифференциальных сем в значении глагола *утверждать*, семантически «выравнивает» его в соответствии со значением доминанты ряда. Эта же причина справедлива и для ряда *думать* / *полагать* / *считать*, где управлять предложным падежом с предлогом ***о*** способен только глагол *думать* – доминанта ряда.

Примерами грамматических ошибок, обусловленных грамматической гипосемантизацией, могут служить часто фиксируемые в речи случаи контаминации аналитических и синтетических форм степеней сравнения прилагательных и наречий, смешение в однородном ряду именных сказуемых полных и кратких форм прилагательных и др.

Поскольку ошибки подобного рода носят системный характер и в их основе лежат закономерности, обусловленные глобальным языковым процессом, то имеются основания говорить о становлении в сознании носителей языка антинормы.

Литература

Аксарина Н.А., Трофимова О.В. Гипосемантизация языковых единиц в письменной речи старшеклассников (на материале текстов сочинений ЕГЭ по русскому языку) // Вестник Тюменского государственного ун-та. Филология. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. С. 64–67.

Устная речь молодёжи: новое явление

А.Н. Байкулова

Oral speech of young people: a new phenomenon

A.N. Baikulova

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского / Chernyshevsky Saratov State University

allabay15@mail.ru

Аннотация. Рассматривается одно из явлений, характерных для современной молодёжной речи: использование гибридного союзного средства *то что* при подчинительных отношениях в сложных синтаксических конструкциях. Это влечет за собой речевые ошибки; провоцирует речевую избыточность; негативно влияет на имидж говорящего.

Ключевые слова: русский язык; устная речь; культура речи; союзные слова.

Summary. The article analyses a phenomenon typical of modern youth speech – the use of the hybrid connective “то что” to express subordination in complex syntactic constructions. It can lead to mistakes and redundancy in speech and produce a negative effect on the speaker’s image.

Keywords: Russian language; oral speech; culture of speech; connectives.

Изучение социальных вариантов языка – одна из задач современной лингвистики. Внимание к речи молодёжи обусловлено тем, что в ней всегда больше инноваций (см.: [Грачёв, Романова 2008]).

Одним из инновационных явлений, ставших заметными в устной речи и в интернет-коммуникации (устно-письменной разновидности речи) молодёжи, можно считать распространившийся с начала 2000-х годов новый вариант союзной связи в сложноподчинённом предложении при изъяснительных, определительных и обстоятельственных отношениях между главным и придаточным, когда типичные синтаксические конструкции с союзами *что; потому что; так как; чтобы* начинают заменяться гибридным союзным средством *то что.* Например: (из выступления в СМИ известной российской фигуристки Е. Медведевой): *Я внутренне* ***чувствую то что****… мы сделали всё возможное и… я* ***бы-ла рада то что****… у меня была такая возможность находиться здесь и… сказать свою небольшую речь // И… я* ***надеюсь то что****… на… эта речь произвела тот эффект / который нужен был… и… я очень* ***надеюсь то что****… всё для нашей страны обернётся наилучшим образом <…> Я так* ***понимаю то что*** *это будет ещё обсуждаться // <…> Я* ***знаю то что*** *много людей за меня переживает <…> Я со своей стороны* ***могу пообещать то что*** *я буду продолжать работать.* (https://www.sports.ru/tribuna/blogs/medvedeva/1495906.html). Указательное местоимение *то* лишается акцентного выделения и утрачивает свою частеречную функцию, сливаясь в одно союзное средство с союзом *что*.

Из устной речи это явление проникает в речь письменную и начинает влиять на пунктуационное оформление предложения: (материалы интернет-форума) *Только надо при этом каждый раз, добавлять,* ***то что*** *это не соответствует основному закону нашей страны – Конституции РФ* [НКРЯ]. В материалах Национального корпуса русского языка (НКРЯ) слияние *то что* в одно фонетическое слово и / или единое союзное средство зафиксировано нами с 2004–2005 гг.

Использование нерасчленённого *то что* приводит к нежелательным речевым нарушениям и ошибкам, например к неоправданным повторам и многословию: *Я бы хотела как раз добавить* ***то что чем*** *отличается дистанционное обучение в данном случае / все эти дети находятся в разных уголках / нашей страны* [НКРЯ]; (из речи студентки-филолога) *Я хотела сказать* ***то то что*** *можно использовать эту статью во введении*; (из документального фильма, показанного на телеканале «Культура»; 2009 г.) *Вертолёт был* ***так*** *сконструирован* ***то что*** *он до сих пор вот у нас в строю находится.* В последнем примере *то* сохранилось даже при наличии интонационно выделяемого наречия *так*.

В устной речи *то что* может выполнять функцию диффуза, который нивелирует изъяснительные, определительные и обстоятельственные отношения при подчинении, а иногда и своеобразного хезитатива (см. фрагмент интервью Е. Медведевой), негативно влияющего на речь. Диффузные обозначения в устной речи необходимы, поскольку они экономят усилия говорящих, но не всегда целесообразны и уместны.

Влияние *то что* начинает распространяться и на использование устойчивого выражения *Дело в том / что*: (из разговора по телефону: ***Дело в том*** / ***то что*** *вот/ например / я очень часто езжу по областям / то есть постоянно пересекаю и а какой бы вот мне тариф посоветовали бы* ***так то что***; *…вот меня интересует такой вопрос /* ***дело в том*** / ***то что*** *мои знакомые положили мне на счёт денег…* [НКРЯ]; (из речи участника телепередачи) *Но есть и другая сторона у этого вопроса //* ***Дело в том*** / ***то что*** *Турции надо перезапускать историю своего успеха //* ***Дело в том*** / ***то что*** *была у них многолетняя политика ноль проблем с соседями <…>* («Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым» от 12.03.2017).

Повторяемость *то что* в речи в качестве гибридного союзного средства приводит к его стереотипизации. Примеры НКРЯ и записи устной речи демонстрируют, что местоимение *то* перестаёт склоняться, в результате чего разрушаются подчинительные связи, нередко опускаются необходимые предлоги: (радиожурнал «Правопорядок», 2006) *И прежде всего / я и* ***надеюсь*** / ***то что*** (*на то. – А.Б.) и руководители / они же / организаций / они же специалисты в первую очередь / должны быть хорошими психологами <…>*; *Они* ***завязаны то что*** (*на том. – А.Б.*) *зависит там от командировок короче если вырваться за границу-то раз в год на неделю!* [НКРЯ].

Как показывают наблюдения, *то что* как гибридное образование начинает проникать и в речь старшего поколения.

Литература

Байкулова А.Н. Новое явление в устной речи молодёжи // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сб. науч. тр. Саратов, Изд-во Сарат. ун-та, 2018.

Грачёв М.А., Романова Т.В. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода: Язык молодёжи Нижний Новгород: «Книги», 2008.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс. URL: http://ruscorpora.ru/search-paper.html].

Возрастная и гендерная специфика использования буквы *ё*

В.И. Беликов

Gender and age specificity of the letter *ё* usage

Vladimir I. Belikov

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

vibelikov@gmail.com

Аннотация. Общеизвестно, что меньшинство пишущих по-русски использует букву ***ё***. В Генеральном интернет-корпусе русского языка последовательно различаются юникоды 0435 и 0451, что позволяет получить достоверную статистику по полу и возрасту тех, кто регулярно пользуется буквой ***ё***. Родившиеся в 1980-х гг. менее склонны её использовать, чем лица более старших и младших возрастов. Женщины употребляют букву ***ё*** заметно реже мужчин.

Ключевые слова: ГИКРЯ, гендер, возраст, буква ***ё***.

Summary. Russian letter ***ё*** in most contexts is optional, and the minority of Russians use it regularly in written communication. In the General internet-corpus of Russian codes 0435 and 0451 of the Unicode are consistently distinguished, thus, it is the only means providing reliable statistical data on the practice of using letter ***ё***. Those born in 1980s are less inclined to use this letter than those older and younger; the regular usage of ***ё*** is more typical of males.

Keywords: General internet-corpus of Russian, gender, age, letter ***ё***.

Правилами русской орфографии необходимость употребления буквы *ё* в неспециализированных текстах признаётся лишь для различения омографов и указания на произношение малоизвестных слов. Между тем, заметное число пишущих по-русски использует эту букву часто или совершенно последовательно.

Годы рожд.	Жен.	*ё*, %	Муж.	*ё*, %	Годы рожд.	Жен.	*ё*, %	Муж.	*ё*, %
чёрный					*отчёт*				
1950–1999	**65486**	**20,1**	**47704**	**28,0**	**1950–1999**	**8995**	**11,8**	**7988**	**20,6**
1950–79	9528	21,1	8833	28,9	1950–79	1931	12,1	1888	21,0
1980–89	23898	16,8	16251	26,7	1980–89	3713	9,9	3436	19,3
1990–99	32060	22,3	22620	28,5	1990–99	3351	13,7	2664	22,1
вперёд					*серьёзно*				
1950–1999	**24667**	**21,6**	**22643**	**27,2**	**1950–1999**	**7873**	**25,7**	**7329**	**30,5**
1950–79	3211	26,3	3880	30,9	1950–79	943	23,9	1416	31,6
1980–89	7293	18,7	7299	24,7	1980–89	2024	21,5	2175	28,6
1990–99	14163	22,0	11464	27,5	1990–99	4906	27,7	3738	31,2
придёт / *придёшь* / *придём* / *придёте*					*дешёвый*				
1950–1999	**20929**	**26,1**	**15542**	**31,0**	**1950–1999**	**5896**	**17,8**	**6980**	**23,1**
1950–79	2965	28,2	2997	34,0	1950–79	937	20,6	1460	26,9
1980–89	5899	23,4	4600	29,9	1980–89	2125	14,8	2449	19,8
1990–99	12065	26,9	7945	30,4	1990–99	2834	19,1	3071	23,8
приём					*клёвый*				
1950–1999	**14919**	**16,5**	**12851**	**22,8**	**1950–1999**	**8752**	**29,3**	**4087**	**37,8**
1950–79	3467	17,2	3416	24,9	1950–79	370	29,7	422	41,0
1980–89	5961	14,9	4532	21,7	1980–89	2756	22,2	1440	31,9
1990–99	5491	18,0	4903	22,4	1990–99	5626	32,7	2225	40,9
трёх (словоформа)					*чётко*				
1950–1999	**13232**	**21,5**	**12833**	**27,2**	**1950–1999**	**5415**	**20,8**	**6010**	**27,4**
1950–79	2317	21,9	3160	26,1	1950–79	1140	21,5	1388	28,3
1980–89	5053	19,3	4718	26,2	1980–89	1857	17,2	2209	25,6
1990–99	5862	23,3	4955	28,8	1990–99	2418	23,2	2413	28,6
ёлка					*дёшево*				
1950–1999	**18551**	**35,5**	**6793**	**41,6**	**1950–1999**	**2770**	**14,3**	**2736**	**21,8**
1950–79	2258	35,5	1436	45,5	1950–79	425	21,4	454	28,6
1980–89	8270	31,1	2463	38,5	1980–89	1206	12,1	1126	18,2
1990–99	8023	40,0	2894	42,4	1990–99	1139	14,0	1156	22,6
котёнок					*тёлка*				
1950–1999	**15307**	**23,6**	**4309**	**30,9**	**1950–1999**	**1614**	**29,6**	**3701**	**34,4**
1950–79	1582	25,0	519	34,9	1950–79	105	29,52	325	36,6
1980–89	5833	18,4	1707	26,4	1980–89	336	28,3	935	32,5
1990–99	7892	27,1	2083	33,7	1990–99	1173	29,9	2441	34,8
вдвоём					*всерьёз*				
1950–1999	**12139**	**21,8**	**7169**	**23,9**	**1950–1999**	**2469**	**30,3**	**2299**	**32,4**
1950–79	1127	24,2	1057	23,9	1950–79	375	35,2	570	33,9
1980–89	3277	19,6	2123	22,0	1980–89	725	27,4	752	29,0
1990–99	7735	22,4	3989	24,8	1990–99	1369	30,5	977	34,3
причёска					*пятёрка*				
1950–1999	**16024**	**11,6**	**2097**	**18,8**	**1950–1999**	**1780**	**22,4**	**1463**	**27,2**
1950–79	1479	15,2	340	22,6	1950–79	261	25,3	256	26,6
1980–89	7374	10,0	718	17,0	1980–89	536	18,1	487	22,8
1990–99	7171	12,5	1039	18,8	1990–99	983	24,0	720	30,4

Поисковые машины и большинство корпусов не различают буквы *е* и *ё*; исключение представляет Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ), где символы *е* / *Е* (юникод 0435/0415) и *ё* / *Ё* (юникод 0451/0401) различаются. Таким образом есть возможность выявить определённые характеристики (не)любителей *ё*.

ГИКРЯ включает в себя сегмент ВКонтакте (записи 2014–2015 гг.), где в выдаче указываются год рождения и пол автора, если они есть в профиле. По умолчанию в ГИКРЯ происходит дедубликация выдачи – устранение бóльшей части копипасты, так что основу проанализированного материала составляет спонтанное словоупотребление (что не исключает определённой доли цитирования и включения в тексты иного рода «чужого» узуса). К сожалению, возрастной состав пользователей сети ВКонтакте неравномерен, что не позволяет детально анализировать узус старших возрастов. В таблице ниже приведена возрастно-половая статистика для ряда стилистически и семантически разнородных слов (абсолютные цифры суммируют *е*- и *ё*-написания). Бóльшая склонность мужчин к использованию *ё* очевидна[1].

Не менее любопытен и двух-трёхкратный разброс вероятности появления *ё* в разных словах (ср. *ёлка* vs. *причёска*). Каких-либо фонотактических или иных формальных причин этого усмотреть не удается; возможно, дело в семантике, но для получения относительной ясности потребуется обработка более представительного массива лексики.

Как выясняется, в орфографически контролируемых публикациях, где появление *ё* связано в первую очередь с редакционной политикой[2], картина сходная: в целом по сегменту Журнальный зал ГИКРЯ для большинства приведённых в таблице единиц доля написаний с *ё* колеблется в пределах 6–9%, максимум – у слов *клёвый* (13,1%) и *ёлка* (12,7%), а минимум – у *отчёт* (4,7%) и *приём* (4,8%).

История письма и кодификации как фактор современной политики орфографистов

Е.В. Бешенкова

Spelling and codification in history as a factor in modern spelling policy

Elena V. Beshenkova

Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (Москва) /
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
evbeshenkova@gmail.com

Аннотация. В докладе рассматривается роль фактора ретроспекции в современной кодификации. До 80-х годов XX в. приоритетным фактором кодификации был системный фактор, новые иноязычные и русские слова и словосочетания встраивались в существующую систему письма. К приоритетным факторам кодификации в асистемной области письма относятся транслитерация, слияние незначимых частей слова, увеличение слитных написаний. С 80-х годов слова-новобранцы проходят тот же путь, что и их предшественники, однако политика орфографистов в начале этого пути объективно должна быть иной.

Ключевые слова: орфография, норма, субъективный фактор установления нормы, кодификация, ретроспекция как фактор кодификации.

Summary. The report examines the role of the retrospective factor in modern codification. Until the 80s of XX century the systemic priority was the main codification factor; new foreign words and Russian words and phrases were built into the existing system. Priority factors of codification in the asystemic field of writing are also determined. From the 1980s, recruiters have traveled the same path as their predecessors, but the spelling policy at the beginning of this path objectively cannot be the same.

Keywords: spelling, norm, subjective factor of norm setting, codification, retrospection as a factor of codification.

Современная орфографическая норма является результатом как стихийного процесса установления написания, так и сознательной деятельности лингвистов-кодификаторов. Кодификаторы не просто фиксируют сложившуюся норму, их роль – активная роль субъективного фактора в жизни саморазвивающейся системы языка, его нормативной части. Для выбора адекватной политики сегодня орфографистам важно знать, какую политику проводили кодификаторы в разные социальные периоды на протяжении прошлого века. Ретроспекция позволяет оценивать факты современного этапа (конец XX – начало XXI в.) в сравнении с аналогичными фактами предыдущего этапа (XX в. до 80-х годов): **выделить** общий вектор прошлых изменений, **посмотреть** на сегодняшние стихийные тенденции в практике письма как на точку в истории, **определить** степень эффективности проводимой кодификационной политики, т.е. выявить время и степень принятия или непринятия обществом предыдущих кодификационных решений.

Сравнение политики орфографистов на двух выделенных этапах показало:

1. В области действия правил:
   а) в 60-х гг. шло успешное выравнивание написания слов в соответствии с правилами, позже был закреплен ряд исключений (*мелочёвка, розыскной, кабыздох…*) – в 80-е гг. XX в. и позже словарная кодификация новых слов, входящих в область действия правил, в основном соответствовала правилам (иногда вопреки узусу), исключения устранялись (*мелочовка, плащовка, речовка, кабысдох, разыскной*);
   б) к 60-м гг. установилось написание *е* при передаче звука [э] после твердого и мягкого согласного (*лэ* / *еди, дэ* / *енди*) – с 80-х гг. введено около 100 слов-исключений; некоторые из них уже не соответствуют узусу, выявлена тенденция к расширению области устойчивого написания слов с *е*;
   в) кодификация написания корня на *-и* после русских приставок на согласную лишь частично поддержана узусом (*преды* / *история*) – сохранение политики при противоречивом узусе;
   г) установилось слитное написание сложносокращенных слов (*шлюпбалка*), закреплен ряд исключений (*почт-директор, пресс-бюро, финно-угры*) – сохранение политики (*кибер…*), расширены списки исключений (*культур-…, эротик-…*), некоторые из них уже не соответствуют узусу;
   д) установилось слитное написание большинства слов с первой несамостоятельной частью на гласную *о* и дефисное написание отдельных слов с неповторяющимися несамостоятельными первыми частями на гласные *и, я, у, ю* (*комивояжёр, рандеву*) – увеличение списка слов в дефисном написании до 30 (*дьюти-фри, фри-джаз,* хотя *фридайвинг*), некоторые кодификации уже не соответствуют узусу.

[1] Другой орфографической особенностью мужчин является преобладание у них ошибок любого типа, при этом в младших возрастах доля ошибок растёт. Так, написание *дешовый* от всех вхождений этого прилагательного составляет у женщин 3,9%, у мужчин 5,7%, возрастая по выделенным в таблице когортам, соответственно, как 2,5–3,5–4,7% и 3,4–5,2–7,1%.

[2] Например, по материалам ГИКРЯ, в саратовской «Волге» в 1998–2000 гг. в потенциально пишущихся через ***ё*** проверенных словах буква ***е*** вообще не встретилась.

2. В нерегулируемой правилами области:

а) в 60-х гг. устанавливались написания на стыке приставки и корня на ту же согласную (*диффузия, дифференциал, оффертoрий*), оставленные исключения колеблются в написании и сейчас (*дифракция, апелляция, оферта*) – с 80-х сохраняется та же политика, при введении отдельных успешных исключений (*офис*);

б) устанавливалось транслитерированное написание иноязычных приставок (*де* / *истиллировать*) – кодификация транслитерированного написания приставки *ре* (*ре* / *имейк*) как в *регресс, ревакцинация*;

в) установилось написание нескольких корней с несвойственным русскому языку чередованием согласных (*транскрипция* при *транскрибировать*) – в словари введено много слов с графическим удвоением согласных (*баг – баггинг*);

г) слова с непроверяемыми безударными гласными транслитерируются (*шо* / *еколад, каш(е)мир*), хотя есть исключения (*вахмистр*)— сохраняется тот же подход, но закрепляются и новые исключения;

д) часть слов с этимологическими двойными согласными в одной морфеме закрепились с сохранением двух согласных (*баррикада, великороссы*), чуть большая часть с упрощением (*ак(к)ула, дес(с)ерт, кам(м)ер(-)динер*) – закрепление написания в соответствии с написанием в языке-источнике, что привело к появлению морфем с разным графическим составом (*комбидрес,* но *дресс-код*);

е) слова с возможной двойной трактовкой как сложносокращенных или сложных с чистым сложением основ закрепляются в основном в дефисном написании (*блок-…*) – сохранение политики (*тур-менеджер*);

ж) расширилась сфера слитного написания слов с первой несамостоятельной частью на согласную (**ватер-машина, *метр-д-отель*) – одинаковое написание с одной и той же первой частью (*арт-*).

Если в области звуко-буквенного написания кодификаторы в значительной мере считали приоритетным системный фактор на протяжении всего XX в. и сейчас, то в области слитного / дефисного / раздельного написания кодификаторы на рубеже веков неизбежно часто следовали узуальным предпочтениям, так как для только входящих в язык слов нельзя определить ни степень их самостоятельности, ни характер связи с другими словами, на начальном этапе к ним неприменимы морфологические и словообразовательные критерии, лежащие в основе правил о слитном / раздельном / дефисном написании.

Об одной фонетической иллюзии

Е.М. Болычева

Concerning one phonetic illusion

Ekaterina M. Bolycheva

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

Аннотация. Противопоставленность безударных гласных и-образного и е-образного типа (эканье) имеет свою историю. но для настоящего времени нехарактерно. Однако мысль о таком произношении продолжает поддерживаться на уровне обыденного метаязыкового сознания и превращается в стойкую фонетическую иллюзию благодаря практике вузовского и школьного образования, благодаря графической поддержке феномена, благодаря общему орфографоцентризму наивных лингвистических представлений.

Ключевые слова: русский язык; буквы; звуки; обыденное метаязыковое сознание; наивная лингвистика; коллективное сознание; иканье / эканье; орфоэпическая норма; учебники.

Summary. The opposition of the [i]-type and [e]-type unstressed vowels once observed in the Russian language has disappeared in the course of its history and is no longer relevant in the present-day language. The conception of this pronunciation, however, is still there, existing on the level of common metalinguistic conscience and turning into a stable phonetic illusion through the practice of school and university teaching, due to the graphical support of this phenomena and because of the generally orthographically-centered common linguistic misconceptions.

Keywords: the Russian language; letters; sounds; ordinary linguistic conscience; naive linguistics; collective conscience; [i]-type / [e]-type pronunciation; orthoepic norm; textbooks.

1) Представление людей об устройстве родного языка (т.е. обыденное метаязыковое сознание) формируется в результате осмысления объективно существующих лингвистических особенностей, а также благодаря социо-культурным факторам, важнейшим из которых оказывается опыт школьного обучения предмету.

2) В практике довузовского образования используются два подхода в преподавании фонетики – упрощенный и усложненный. Рекомендованные на федеральном уровне учебно-методические комплексы реализуют оба подхода.

Учебник для 5-го класса Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова и др. и учебник для 5–9 классов В.В. Бабайцевой и Л.Д. Чесноковой ориентированы на упрощенную систему подачи материала, когда в безударных слогах выделяются только звуки [и], [ы], [у], [а]: м[а]л[а]ко, в[и]н[и]грет, л[и]са (одинаково для *леса* и *лиса*). Безударный звук [и] характеризуется как гласный, близкий в своем качестве к ударному, но не идентичный ему. Такое описание хоть и является безусловно упрошенным, однако в теоретических посылках оно соответствует «икающей» модели произношения (младшая орфоэпическая норма), свойственной речи детей, и учит их замечать и анализировать особенности своего произношения.

В учебнике для 5-го класса под редакцией М.М. Разумовской и П.А. Леканта предпринята попытка представить более углубленный курс по фонетике русского языка. Однако он ориентирован на «экающий» вариант произношения (старшая орфоэпическая норма), не свойственный современной речи: так, в безударных слогах помимо [у], [а], [ъ], [ь] требуется различать звуки [и], [и^{э}], [ы], [ы^{э}]: л[и]нейка, но п[и^{э}]тёрка; л[и]са – *лиса*, но л[и^{э}]са – *леса* и т.д. Умозрительная установка формирует у учащихся навык транскрибирования по абстрактным правилам, с опорой на букву, а не на особенности собственного произношения. Порыв искать в букве подсказку поддерживается безусловным орфографоцентризмом всего обучения предмету, поэтому фонетическая иллюзия противопоставленности безударных на месте букв «и» и «е» легко превращается в убежденность, при этом сам мудреный знак [иэ] оказывается безусловно забытым, равно как «не поддержанные» буквами, а потому странные и непонятные *ер* – [ъ] и *ерь* – [ь]. Поскольку указанный учебник является наиболее популярным среди рекомендованных, то существование фонетической иллюзии будет обеспечено на годы вперед у большинства говорящих по-русски, т.е. на уровне факта обыденного метаязыкового сознания.

3) Научное описание «экающего» варианта произношения как единственно возможного или предпочтительного имеет свою историю, оно объясняется сложившейся в середине века практикой нормализаторской работы и тесным образом связано с важной теоретической проблемой – пониманием места вариативности в языке.

В середине века вариативность рассматривалась как побочный результат развития языка, феномен неизбежный, но нежелательный с точки зрения литературной нормы. Исследователи стремились рекомендовать к использованию лишь один способ произношения, отдавая предпочтение традици-

онному способу огласовки слова, в частности «эканью». Такой вариант описания вокализма реализован во всех классических учебниках по фонетике, а следовательно, повторяется в разнообразных менее серьезных изданиях, обеспечивая и по сей день тот методический / дидактический фон, благодаря которому знания об [и^{э}] не утрачивают актуальности, несмотря на отсутствие реальных носителей экающего произношения уже в течение практически полувека или даже целого века. Отметим, что «классический» [э^{и}] превратился в «адаптированный» для современного читателя [и^{э}] / [и^{е}]. Указанный символ, может быть, и оказался приближенным к фактическому произношению, но по-прежнему не утратил своей «экающей» сути, связанной с необходимостью обозначить противопоставленность «чистому» [и]. Многие из учителей, преподающих сейчас в школе, в свое время проходили фонетику в педагогических вузах именно по таким учебникам и, вооруженные знанием, готовы помочь детям «услышать» несуществующую разницу в звуках, что привносит свою толику в жизненность фонетических иллюзий на уровне коллективного сознания нации.

4) С 80-х годов XX века орфоэпия начинает связываться с сознательным отказом от прежних установок на победу традиции. Кодификаторская работа осуществляется с ориентацией на узуально закрепленные особенности речевого поведения людей, и орфоэпический словарь под редакцией Р.И. Аванесова реализует указанный подход. Однако полувековая инерция в оценке эканья как безусловно существующего в узусе произношения оказывается сильнее заявленных установок и остальных вполне реалистичных решений: тезис об актуальности «экающей» нормы и зарождении икающей выглядит как реликт прежних установок, т.к. реальное время колебательного состояния системы в связи с переходом от эканья к иканью датируется началом XX века, но никак не его концом.

5) Изучение динамики происходящих изменений свидетельствует об асинхронности существования фонетического закона и соответствующей ему модели звукового оформления слова. Если привычный фонетический закон теряет былую императивность и оказывается разрушенным, то традиционная фонетическая модель слова способна еще некоторое время оставаться актуальной в узусе. В кодификационных же изданиях мнимая жизненность устаревшего произношения может быть обеспечена на годы и годы вперед. Благодаря практике вузовского и школьного образования, благодаря графической поддержке феномена при общем орфографоцентризме наших наивных лингвистических представлений, некий неактуальный для современного произношения факт может войти в обыденное метаязыковое сознание и мыслиться как существующий, превращаясь в стойкую фонетическую иллюзию лингво-культурологического свойства.

Литература

Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык. Теория. 5–9 класс. Учебник для общеобразов. учреждений. М.: Дрофа, 2012.

Болычева Е.М. Интуитивное фонетическое знание и лингвистические теории: противоречия и соответствия // Вопросы русского языкознания. Выпуск XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. М., 2010. С. 120–131.

Болычева Е.М. О презумпции буквы в наивных представлениях о языке и некоторых актуальных проблемах фонетики // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка, МГУ, 20–23 марта 2007 г. Труды и материалы. С. 340–341.

Болычева Е.М. Фонетический аспект культуры речи: проблема вариативности и ее оценки // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике: Сборник материалов XXI Международной научной конференции по риторике, 1–3 февраля 2017 г. М., 2017. С. 67–76.

Голев Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание и школьный курс русского языка // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н.А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 338–348.

Голев Н.Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Часть 1. Кемерово; Барнаул, 2009. С. 371–386.

Ладыженская Т.А., Баранов М.Т., Тростенцова Л.А. и др. Русский язык. 5 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений: В 2-х частях. Ч. 1. М.: Просвещение, 2012.

Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1983; 4-е изд., стереотип. М., 1988.

Разумовская М.М., Львова С.И., Капинос В.И. и др. Русский язык. 5-й класс. Учебник для общеобразовательных учреждений / Под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2012.

Варьирование падежного оформления прилагательного в конструкциях с малыми числительными

А.А. Герасимова, Е.А. Лютикова

Case variation in Russian paucal constructions

Anastasia A. Gerasimova, Ekaterina A. Lyutikova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Московский педагогический государственный университет / Lomonosov Moscow State University, Moscow Pedagogical State University

anastasiagerasimova432@gmail.com, lyutikova2008@gmail.com

Аннотация. Доклад посвящен исследованию частотного распределения форм именительного и родительного падежа прилагательного в конструкциях с малыми числительными. С помощью лингвистических экспериментов исследуется зависимость дистрибуции вариантов от синтаксического контекста. Показывается, что не всегда возможно установить однозначную корреляцию между падежом прилагательного и структурным контекстом, что не совпадает с результатами предыдущих исследований.

Ключевые слова: падеж, прилагательное, малые числительные, русский язык.

Summary. This talk deals with the frequency distribution of adjective forms in paucal constructions. Using experimental data, we investigate the correlation between case marking and syntactic context. Our results do not coincide with the results of previous investigations and show that there is no one-to-one correspondence between case marking and structural context.

Keywords: case, adjective, paucal constructions, Russian.

В именительном и винительном падежах числительные *два* / *две*, *три*, *четыре* управляют родительным падежом единственного числа существительных [Еськова 2011]. При этом прилагательное в составе конструкций с малыми числительными может принимать форму родительного или именительного падежа. В сочетании с существительными мужского и среднего рода форма родительного падежа является более распространенной и выделяется в качестве нормы, а форма именительного падежа постепенно выходит из употребления: *два курящих человека*, *три разбитых окна* (ср. *два спасительные маяка* (Лермонтов)) [РГ 1980: § 1817]. Если же в сочетание с числительным входит существительное женского рода, то [РГ 1980] допускает использование двух падежных форм прилагательного:

(1) a. *Как и положено, победителей ожидают* ***три наградных номинации*** *— бронзовая, серебряная и золотая.* [НКРЯ]
b. *Все* ***три опытные спортсменки*** *потерпели фиаско на отборе.* [НКРЯ]

В работах [Граудина и др. 1976; Голуб 1997; Розенталь 1998; Былинский, Розенталь 2011] устанавливаются внутрен-

ние параметры количественной конструкции, который определяют выбор между двумя падежными формами. В частности, предполагается, что существенную роль играет акцентный тип существительного и морфологический разряд прилагательного. Так, например, притяжательные прилагательные на *-ин* и *-ов* ставятся в генитиве, а притяжательные прилагательные на *-ий*, *-ья*, *-ье* демонстрируют номинатив. Тем не менее, эти наблюдения не подтверждаются в корпусных исследованиях [Шкапа 2011]. Другое важное наблюдение заключается в том, что выбор формы прилагательного зависит от формы сказуемого. И действительно, при анализе примеров из НКРЯ выяснилось, что выбор формы номинатива практически невозможен, если количественная конструкция находится в позиции не контролирующего согласование подлежащего. В работе [Шкапа 2011] встретилось всего 5 исключений, одно из которых приведено в примере (2).

(2) *Как видно из рисунка, в оптимальном варианте топологии к первоначальному каркасу присоединено три дополнительные линии* [НКРЯ].

Варьирование формы прилагательного наблюдается также в контексте количественных предлогов, которые обычно приписывают своим дополнениям аккузатив, но если их дополнением оказывается конструкция с малым числительным, одушевленность существительного не реализуется, и наблюдается форма не генитива, а номинатива, как у неодушевленных именных групп [Мельчук 1980; Микаэлян 2012]: *по две милых девочки*, *на три плетеные корзинки больше*. Согласно [Голуб 1997], в данном контексте предпочтение отдается прилагательному в форме родительного падежа.

При этом остается неизвестным распределение вариантов в случае, когда конструкция с малыми числительными занимает позицию подлежащего, контролирующего согласование (1). Для исследования частотного распределения вариантов были проведены два лингвистических эксперимента. В первом эксперименте респондентам предлагалось заполнить пропуски в предложении, выбрав одну из двух форм прилагательного. Во втором эксперименте респонденты должны были оценить приемлемость предложений с разными формами прилагательного по шкале от 1 до 5. При этом мы учитывали три типа контекстов: позиция подлежащего, не контролирующего предикативное согласование, контекст количественных предлогов *на* и *по*, позиция подлежащего, контролирующего предикативное согласование.

Результаты экспериментального исследования показали, что в случае контроля согласования со стороны подлежащего предпочтение отдается форме именительного падежа прилагательного: в первом эксперименте это происходит в 68,02%, во втором эксперименте наблюдается значимое различие средних оценок приемлемости: 4,16 для номинатива против 3,41 для генитива. В двух других типах контекстов обе формы оказываются допустимыми: значимого различия ни в частотном распределении вариантов, ни в средних оценках нет. Полученные результаты не совпадают с данными корпусных исследований. В частности, форма номинатива прилагательного оказывается допустима в позиции подлежащего, не контролирующего предикативное согласование.

Результаты экспериментов позволяют сделать вывод о дистрибуции вариантов в речи носителей русского языка. В одном из контекстов обнаружилась явная тенденция к выбору одного варианта из двух, что означает, что варианты не являются равноценными, и вероятно, вскоре перестанут быть взаимозаменяемыми.

Литература

Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Литературное редактирование: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука. 2011.

Голуб И.Б. Стилистика русского языка: Учеб. пособие. М.: Айрис-пресс, 1997.

Граудина Л. К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи (Опыт частотно-стилистического словаря вариантов). М., 1976.

Еськова Н.А. О числительных // Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М.: ЯСК, 2011.

Мельчук И.А. О падеже числового выражения в русских словосочетаниях типа (больше) на два мальчика или по трое больных // Russian Linguistics. 1980. Vol. 5. No. 1. P. 55–74.

Микаэлян И.Л. О категории одушевленности в конструкциях с числительными в русском языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М.: ЯСК, 2012. С. 429–447.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. 5–е изд., испр. и доп. М.: Книга, 1998.

Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1, 2. М., 1980.

Вариативность использования прописной буквы и проблема уточнения действующих правил

Дин Цян

Variability of using uppercase letters and problem of clarification of existing rules

Ding Qiang

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

moerooo@yandex.ru

Аннотация. В докладе будет проведено сопоставление реального употребления прописной буквы в отдельном орфографическом правиле (написания праздников, как светских, так и религиозных) с формулировкой самого раздела правила. Мы делаем вывод о том, что правило переосмысляется пишущими в определенном направлении, важной оказывается не формулировка, а статус события для пишущего. В докладе будет предложено направление изменения формулировки действующего правила.

Ключевые слова: прописная буква, строчная буква, наименование праздника, употребление прописной буквы на практике.

Summary. The report will compare actual use of uppercase letter in the separate spelling rule (writings of secular and religious festivals) with statement of the part of the rule. We conclude that writers are rethinking the rule in a certain direction, the important point is not the statement, but the writer's situation. The report suggests a direction of changing the statement of current rule.

Keywords: uppercase letter, lowercase letter, festival's name, use of uppercase letter in practice.

Действующие правила русской орфографии [Правила-1956] довольно подробно регулируют написание прописной буквы, определяя большую часть встречающихся в языке случаев. Современная редакция этого раздела еще более дробно описывает разные варианты возможных написаний. В соответствии с современными рекомендациями для выбора прописной / строчной буквы в названии праздника можно воспользоваться одним из двух разделов – § 179 ПАС (светские праздники) и § 183 ПАС (религиозные). По сравнению с Правилами-1956 (§ 103) сегодня данный раздел расширяется и уточняется. Наиболее значимые гражданские праздники и праздники, связанные с религией, пишутся с прописной буквы, названия регулярно проводимых мероприятий и дней в честь личных событий рекомендовано писать со строчной (*день встречи выпускников, день рождения*), выделены и случаи возможного использования нескольких прописных. На основе рекомендаций правил и словарей составлены обобщённые списки написаний праздничных дней [Названия]. При этом надо заметить, что в справочных службах русского языка перед очередной праздничной датой все равно появляются вопросы о верном написании названия памятной даты.

Наше исследование проводилось на материале разных по жанру текстов, относящихся к началу XXI в. (с использованием данных Национального корпуса русского языка). В процессе анализа было установлено, что ни правило 1956 г., ни

современные рекомендации в правописном узусе не выполняются регулярно. При этом нельзя определить зависимость выполнения / невыполнения правила от типа текста (СМИ, форумы в Интернете, издания и переиздания художественной литературы). Общая тенденция современного узуса – увеличение числа прописных букв.

В соответствии с § 183 ПАС религиозные праздники пишутся с прописной буквы, однако в реальных текстах частотно употребление строчной: при назывании не самых распространенных в России праздников («Мусульмане отмечают праздник весны – *навруз*»; «Вечером, когда закончился шаббат, нам позвонил хозяин»; оба названия фигурируют в указанном параграфе); при употреблении для обозначения времени года, связанного обычно с каким-либо праздником («Особенно интересен город во второй половине апреля, две недели спустя после католической *пасхи*»; «А в прошлом году мы дочкиной классной подарок делали, на *рождество*»). Напротив, для наиболее значимых праздников, к которым, безусловно, относится Новый год (именно такое написание рекомендовано в § 179 ПАС) зафиксировано стремление к увеличению использования прописной, то есть написание с прописной обоих слов (*старый Новый Год* / *китайский Новый Год*). Перед датой 1 сентября (День знаний) появляются написания, в которых каждое слово употреблено с прописной буквой («Встречаем *День Знаний!*»). В Правилах такое употребление двух прописных букв рекомендовано лишь для названия праздника «День Победы» (примечание 1 к § 179). Напротив, на практике часто не совпадает написание целого ряда праздничных дат с рекомендованными в правиле и словаре: Праздник (День) Весны и Труда в большинстве контекстов пишется строчными буквами (*праздник* / *день весны и труда*).

Нами определен единственный контекст, когда реализуется устойчивое стремление к написанию с прописной буквы первого слова названия и даже к гиперкорректному использованию нескольких прописных – ситуация перечисления («начало мая по-житейски будет тяжелым, <…> на носу Пасха, Первомай, День Победы»; «Весна уходит <…>, Восьмое Марта, Пасха <…>, мусульманский Навруз, еврейский Пурим, заканчиваются занятия в университете…»).

Таким образом, несмотря на четкие формулировки и словарные рекомендации, на практике действует принцип зависимости написания от представлений пишущего о значимости того или иного события, его «почетности» в общей иерархии памятных дней. Следует отметить, что такая тенденция к использованию прописных букв сверх словарных рекомендаций не является специфической для современной языковой ситуации, а фиксируется на протяжении всей истории литературного языка с XVIII в.

Литература

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007 (ПАС).

Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956 (Правила-1956).

Как пишутся названия праздников? [Электронный ресурс.] URL: http://new.gramota.ru/spravka/letters/74-rubric-87 (Названия).

Русский язык в стенах ООН

О.В. Евтушенко

Russian language in the UN

O.V. Evtushenko

Московский государственный лингвистический университет / Moscow State Linguistic University

ovae@list.ru

Аннотация. В докладе изложены результаты анализа особенностей русского языка, складывающихся в процессе выполнения им функций мирового языка. Выявлены внутренние тенденции, влияющие на развитие вариантов нормы, описаны проявления воздействия глобализации на русский язык. Определены характерные признаки устной реализации государственного языка РФ в стенах ООН, и прежде всего при синхронном переводе.

Ключевые слова: мировой язык; глобализация; перевод; государственный язык; нормы государственного языка.

Summary. The report presents the results of the analysis of the peculiarities of the Russian language, emerging in the process of performing the functions of the world language. Identified internal trends affecting the development of standard options, described the manifestations of the impact of globalization on the Russian language. The characteristic features of the oral implementation of the state language of the Russian Federation within the walls of the United Nations, and above all with simultaneous translation, are defined.

Keywords*:* world language, globalization, translation, official language, norms of national language.

Русский язык, являясь средством общения на площадке, где встречаются руководители 193 государств, должен постоянно демонстрировать свою способность развиваться вместе с быстро меняющимся миром, оправдывать ожидания представителей различных культур и конфессий, достойно представлять Россию. В связи с этим встает задача выработки адекватных требований к подготовке письменных и синхронных переводчиков для ООН. Необходимо понимать, какие недостатки неизбежны в заданных условиях коммуникации, какие нужно преодолеть, какие можно обратить в свою пользу. Важно также осознавать преимущества, предоставляемые переводчикам системой русского языка.

Дипломатический подстиль, используемый в работе ООН, формируется под совокупным воздействием селективных и модифицирующих факторов. Выбор языковых средств осуществляется с учетом ограничений, накладываемых законом «О государственном языке Российской Федерации» [Федеральный закон 2005]. Преобразования оказываются неизбежными при взаимодействии с другими официальными языками ООН, в особенности с английским. В большей мере они ощущаются в устной сфере при использовании русского языка как переводящего, значительно меньше представлены в письменной сфере, наконец, точечно проявляются в ситуациях использования русского языка в качестве родного.

Воздействующие на язык факторы образуют противоборствующие пары: 1) вовлеченность в глобализационные процессы – осуществление функций государственного языка Российской Федерации, 2) подготовленность – неподготовленность, 3) безличностный подход – персональность, 4) локальность – всеобщность, 5) традиционность – новаторство (об амбивалентности как свойстве политического дискурса см. [Алферов, Кустова 2014]).

Русский язык функционирует за пределами метрополии, активно взаимодействуя с другими мировыми языками. Создаются благоприятные условия для его обогащения новыми словами и выражениями. Важно, что инновации одновременно апробируются разнотипными национальными языками. Слова, пока еще неизвестные в России (*ваппонизация, мухафазы, двухгосударственный* [Веб-сайт ООН]), в стенах ООН в кратчайшие сроки проходят стадии варваризма и ксенизма и обогащают институциональный лексикон. При этом выбор между заимствованием и расширением уже поименованной категории (*двухгосударственный* или *межгосударственный*), а также между способами вхождения новой единицы в язык – между собственно заимствованием и калькированием – осуществляется небольшой группой переводчиков и силой авторитета редактора. Нельзя недооценивать также заразительности ярких переводческих решений. Так, в ООН был широко, хотя и не всеми, поддержан демонстративный отказ от перевода аббревиатуры *ДАИШ*, чтобы не называть ее референт *государством* и чтобы не связывать терроризм с исламом в целом.

Несмотря на рекомендацию ограждать государственный язык от варваризмов, синхронист, не всегда зная расшиф-

ровку аббревиатур, названия служб и подразделений, инициатив и документов ООН и не имея достаточно времени на ориентирование, может оставлять их без перевода. Поэтому в дискурсе, бытующем в стенах ООН, процент варваризмов заметно больше, чем в национальном языке в целом. Больше и количество произносительных вариантов имен собственных, поскольку выбор зависит от ориентации синхрониста на нормы переводящего (русского) или исходного языка (*Синдзо / Шиндзо Абэ*), на Википедию или словарь (*Рама́лла / Рамалла́х* [Штудинер 2016: 379]). Помимо этого, ярко проявляется взаимодействие орфографических и пунктуационных норм русского и английского языков, отражаясь, например, на выборе прописной буквы (*Гаагская Конференция по Европейской Энергетической Хартии*) или на повсеместном пропуске тире между подлежащим и сказуемым.

Неподготовленность ярко проявляется в структурировании фразы синхронистом. Существует общая рекомендация начинать предложение с подлежащего, однако иногда этот совет приводит к ненормативности или неясности высказывания. Ошибки переводчик может маскировать под сегментацию или однородные члены. При этом исходный текст практически всегда бывает подготовленным, что проявляется в употреблении фигур речи и продуманных тропов.

Безличностный подход ограничивает адресанта в проявлении эмоций. Персональность, напротив, проявляется в выборе синхронистом экспрессивных единиц (*торгашеская площадка, гнусный*), более привычных для него в ситуациях бытового общения и потому быстрее приходящих на ум в условиях нехватки времени. Наблюдается индивидуальная стилевая разбалансированность отдельных фрагментов речи, введение чересчур бытовых или чересчур канцелярских единиц.

Локальность некоторых нормативных требований объясняется необходимостью приспособления к условиям коммуникации в ООН. Так, в целях единообразия не склоняются никакие географические наименования при наличии родового понятия (*в Республике Корея*). При этом редакторы строго следят за соблюдением прочих норм и за их актуальностью.

Традиционность поддерживается сознательным выбором лексических и фразеологических единиц церковнославянского происхождения, придающих речи торжественность и книжность (*попрание, изгой, чаяния*). Новаторство проявляется в замене архаичных слов кальками (*ответственный* вместо *добропорядочный*), в создании метафор в духе времени (*миростроительный*).

Необходим дальнейший всесторонний анализ вариантов нормы, сложившихся в стенах ООН, для выработки рекомендаций переводчикам и для повышения качества подготовки будущих специалистов.

Литература

Алферов А.В., Кустова Е.Ю. О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 24–32.

Веб-сайт ООН [Электронный ресурс. URL: http://www.un.org/ru/].

Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» // Российская газета. 07.06.2005. Вып. 3789 (0) [Электронный ресурс. URL: https://rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html].

Штудинер М.А. Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы. М.: Словари XXI века, 2016.

Регулятивная функция орфографического словаря в современной письменной речи

О.Е. Иванова

The regulatory function of the spelling dictionary in modern writing

O.E. Ivanova

Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (Москва) /
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

olliva95@yandex.ru

Аннотация. Орфографический словарь, построенный на принципе безвариативной кодификации, является важным регулятором современной письменной практики. Фиксируя некоторое состояние нормы, он одновременно предлагает орфографические решения на будущее. Регулятивная функция словаря нацелена на стабилизацию письма в точках варьирования, на поддержание его системных характеристик. Одним из инструментов нормативного регулирования признается перекодификация, имеющая позитивный потенциал вопреки устоявшемуся мнению.

Ключевые слова: орфографический словарь, вариативность, перекодификация, узус, норма.

Summary. *The spelling dictionary,* based on *the principle of non-variable codification, is an important regulator of modern written practice.* Fixing some state of the norm, *it* also offers spelling solutions for the future. The regulatory function of the dictionary is aimed at stabilizing the writing at the points of variation, at maintaining its system characteristics. *Recodification,* which has a positive potential contrary to the established opinion, is recognized as one of the regulatory instruments.

Keywords: *spelling dictionary*, spelling variability, *re*codification, usage, norm.

1. Вопрос о способах и самой возможности орфографической кодификации новых слов, осуществляемой непосредственно в процессе их освоения русским письмом, как и вопрос об изменении написания слов, уже зафиксированных словарем, сейчас активно обсуждается. С одной стороны, даже в условиях экспансии заимствований, вариативности узуса и социального скепсиса кодификационная орфографическая деятельность остается востребованной обществом. С другой стороны, частотное расхождение кодифицированной нормы с узусом понижает значимость словаря в глазах общества, порождает сомнение в эффективности работы кодификаторов.

2. На уровне массового сознания вариативность в письме соответствует максиме «пиши как хочешь». Специалисты же различают вариативность живого узуса – двигателя языковых процессов – и вариативность в кодификации как уже историческое состояние для отечественной орфографической лексикографии. Но сейчас нередко именно лингвисты выступают инициаторами отражения вариативности в прескриптивном словаре, полагая, что таким образом обеспечивается свобода развития нормы. При этом границы варьирования нормы в словарной кодификации практически невозможно определить, как невозможно представить субъектов и инструменты установления вариативных норм. Массовое отражение вариативности в кодификации поставит под вопрос сохранение в культурном обиходе таких явлений, как орфографический словарь и правила.

3. Академический орфографический словарь традиционно привержен принципу безвариативной кодификации. В его основе лежит убеждение, что фиксация вариантов написания не является достойным выходом из ситуации нестабильного варьирования. С одной стороны, это решение не несет позитивную информацию для пользующихся словарем, а с другой, оно способно надолго закрепить колебание написаний, что непродуктивно в плане стабилизации письма в точках варьирования.

Вряд ли возможно избежать предписаний, которые будут существовать какое-то время параллельно с узуальными вариантами. Однако такое сосуществование не катастрофично: ведь именно здесь проявляется роль словаря как регулятора письма, фиксирующего некоторую точку в длительном периоде социального освоения единиц языка и предлагающего решение на перспективу. В ситуации колебания написаний кодификаторы с их стремлением выравнивать и под-

держивать систему письма в целом и его отдельные структурно упорядоченные фрагменты выступают как субъективный фактор функционирования этой саморазвивающейся системы.

4. Коллизии узуса, нормы и кодификации разрешаются с опорой на стратегии нормирования, принятые кодификаторами, и завершаются: 1) подтверждением прежней кодификации или в расчете на изменение узуальной судьбы слова [*разыскной* (включено в академический словарь в 1991 г.), *легинсы* (1999) при преобладающих до сих пор *розыскной*, *леггинсы*; *ретейлер* (2005) при массовом *ритейлер*] или чтобы не поддерживать широко бытующую ошибку [*речовка* (1999) при узуальном *речёвка*]; 2) перекодификацией в соответствии с правилами [первоначальная кодификация (1991) *мелочёвка* и *плащёвка* изменена (1999) на *мелочовка, плащовка*] или узусом [*борсетка* (2005) возможно изменить на *барсетка*].

5. Перекодификация проводится часто вопреки предпочтению узусом другого варианта написания (например, с 1991 г. в академическом словаре *разыскной*, *геолого-разведочный, народно-хозяйственный* при преобладающих *розыскной, геологоразведочный, народнохозяйственный*) с целью поддержать полноту проявления системных признаков письма (например, соответствие правилу) или повлиять на частные отклонения от закономерных реализаций системы (исключения из правил, модные написания, ошибочные рекомендации, и пр.). Социальная сторона такого системно ориентированного подхода таит определенную опасность: если слово востребованное, известное, то изменение его написания чревато конфликтом словаря с пишущим сообществом; если речь идет о термине, то специалисты просто проигнорируют новацию (пусть научно безупречную), посчитав ее вмешательством в свою отрасль. Таким образом, полностью придерживаться перекодификации по лингвистическим соображениям нельзя, хотя бы потому, что орфография часто культивирует отклонения, являясь «в значительной степени результатом длительного историко-культурного саморазвития» (В.В. Лопатин).

Во всех случаях побочной целью орфографической перекодификации – будь то работа над ошибками самих лингвистов или шаг навстречу сформировавшейся узуальной норме – выступает приближение словаря к реальному письму и, как следствие, поддержание доверия общества к орфографическому словарю.

6. Расхождение с узусом – это следствие неизбежного в кодификационной работе конфликта критериев оценки языкового средства (Ф. Данеш). Лингвисты-кодификаторы, будучи гарантами стабильности письма, учитывая наличие выявленных закономерностей, тенденций, вправе настаивать, по нашему мнению, на своем решении, представляющимся более перспективным для письма не в сиюминутном, а в отдаленном времени.

Орфография согласных на границе морфем в словах с суффиксом <-*ск*-> в XVIII–XIX вв.

В.В. Каверина

Spelling of consonants on the border of morphemes in words with the suffix <-sk-> in the XVIII – XIX centuries

Valeriya V. Kaverina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

kaverina1@yandex.ru

Аннотация. В докладе на обширном материале «Ведомостей» эпохи Петра I, «Санктпетербургских ведомостей», памятников деловой письменности прослеживается становление норм оформления границы морфем в словах с суффиксом <-*ск*-> в XVIII–XIX вв. Данные узуса сопоставляются с рекомендациями грамматических сочинений исследуемого периода.

Ключевые слова: история русского письма, орфография границы морфем, слова с суффиксом <-*ск*->.

Summary. The report on the extensive material “Vedomosti” of the epoch of Peter I, St. Petersburg Vedomosti, monuments of business literature traced the formation of the norms for forming morphemes in words with the suffix <-sk-> in the XVIII – XIX centuries. Usus data is compared with the recommendations of grammatical essays of the study period.

Keywords: history of Russian writing, morpheme border spelling, words with the suffix <-sk->.

В «Ведомостях», как и в памятниках деловой письменности предшествующих столетий, прослеживаются «две тенденции в орфографии этой группы прилагательных: 1) независимо от произношения сохранять на письме фонемный состав производящей основы и суффикса, т.е. следовать тому принципу, который мы сейчас называем фонемным... 2) отразить на письме реальное произношение» [Илюшина 1988: 72].

Пользуясь классификацией Л.А. Илюшиной, которая выделяет пять способов написания прилагательных «с мотивирующей основой на *т* и *д*» [Илюшина 1988: 71], отметим, что наиболее многочисленными являются две группы.

Во-первых, это «написания, передающие фонемный состав стыка морфем» [Илюшина 1988: 71] (*шведскомъ* 1703.2[1], *шкотскіе* 1703.3, *нидерландской* 1703.6).

Ко второй группе относятся «написания, отражающие фонетические изменения на стыке морфем» [Илюшина 1988: 71] (*швецкой* 1703.1, *воевоцкой* 1703.10, *дацкий* 1704.19).

Данные группы почти равновелики, что заметно отличает «Ведомости» от скорописных вестей-курантов прошлого столетия, где «строго фонемные» варианты находятся «на периферии», а «явно фонетический вариант» преобладает [Демьянов 2001: 16].

«Фонемно-фонетические (контаминационные)» [Демьянов 2001: 16–17] написания, как и в вестях-курантах, представлены в «Ведомостях» не столь широко, сколь названные выше группы (*седмиградцкой* 1705.7, *датцкіе* 1705.23, *дадцкого* 1710.2).

Вообще, анализ «Ведомостей» не позволяет сделать выводов о ведущей роли фонетического принципа в оформлении морфемного стыка в словах с основой на *д* / *т*, что является нормой для скорописи того времени и соблюдается в деловых и бытовых памятниках первой четверти XVIII в. (ПМ XVIII) без исключения (*θаварицкомъ, прошлогоцкого* 61.10[2], *соцко*[и] *и слобоцкие* 143.28).

Значительно более устойчива орфография прилагательных с мотивирующей основой на *з* (представленных в основном словом «французский»), где стык морфем оформляется двумя способами. В соответствии с фонематическим принципом здесь может сохраняться конечная согласная производящей основы: (*франц&зскими* 1703.2). Другой вариант предполагает усечение *з* перед суффиксом -*ск*- (*франц&кой* 1703.6). Как и в рукописях, исследованных Л.А. Илюшиной [Илюшина 1988: 74], в «Ведомостях» сохранение *з* на стыке морфем является нормой, а написания второго типа с усече-

[1] Здесь и далее число перед точкой обозначает год издания, после точки номер газеты.
[2] Здесь и далее число перед точкой обозначает номер текста в публикации, после точки — номер воспроизведенного в ней рукописного листа.

нием *з* употребляются лишь в номерах за 1703 г., после чего встречаются в единичных случаях.

Несколько дольше упрощенные написания отмечаются в прилагательных с производящей основой на *с* и суффиксом *-ск-*, на стыке которых обе *с* в ранних номерах церковной печати не сохраняются: (*пр&скию, р&скимъ* 1703.1).

Нестабильность наблюдается и в «Санктпетербургских ведомостях», где наряду со стремлением к сохранению морфемного состава (*Французскіи* 1729.6), *Прусскіи, Аншпагскаго* 1729.39, *Шведскіи статскіи* 1734.68) еще очень сильна вариативность (*Прускіи — Прусскіи* 1730.23, *Шведскіи — Дацкіи* 1730.93).

Только в 1780-е гг. годы устанавливается фонематическая орфография прилагательных с суффиском *-ск-* во всех положениях (*Ротенбургскій, Голандскую*, *Шведская, Статскій, Ладожскомъ* 1780.92). Ко времени становления данной орфограммы относится один из первых опытов ее нормализации: «…буквы *(д)* и *(т)* предъ согласною *(к)* исчезаютъ, а вмѣсто себя оставляютъ *(ц)* на пр. пишется; *Персидскій, Египетскій, Датскій*. Выговаривается: Персицкій, Египецкій, Дацкій» [Барсов 1981: 61].

Наиболее основательно сформулированы правила правописания слов с суффиксом *-ск* в Академической грамматике 1802 г.: «Прилагательныя имена произведенныя отъ существительныхъ на *да, дѣ, дь, та, ти, ть,* въ правописаніи сохраняютъ свое словопроизводство, т.е. писать надлежитъ прилаг.: отъ воевода *воеводскій,* отъ адъ *адскій*, отъ скотъ *скотскій*, отъ плотъ *плотскій,* а не *воевоцкій* или *плоцкій,* и проч. Напротивъ того прилагательныя произведенныя отъ существительныхъ кончащихся на *ка, кѣ,* и отъ нѣкоторыхъ на *чѣ*, вмѣсто сихъ буквъ принимаютъ букву *ц,* напр.: козакъ *козацкій,* мужикъ *мужицкій,* Угличъ *Углицкій,* и проч. [Российская грамматика 1802: 27–28].

Н.И. Греч впервые выделяет правило о позициях, когда «согласныя буквы… усугубляются»: «Въ прилагательныхъ, кончащихъся на *скій* (напримѣръ: *Рус-скій, Прус-скій*…» [Греч 1834: 485]. Продолжая тему, Я.К. Грот разграничивает случаи «фонетического» и «этимологического» удвоения, к последним из которых он относит написания типа «русский» «въ составныхъ или второобразныхъ словахъ, при встрѣчѣ основной ихъ части съ приставкою (т.е. какъ префиксомъ, такъ и суффиксомъ» [Грот 1885: 70].

Литература

Вѣдомости времени Петра Великаго. В память двухсотлѣтія первой русской газеты. Вып. 1, 2. М.: Синодальная Типографія, 1903–1906.

Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. М.: Наука, 2001.

Илюшина Л.А. Прилагательные с суффиксом *-ск-* в русском языке XV–XVII вв. (из истории орфографии) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1988. № 2. С. 69–75.

Памятники московской деловой письменности XVIII века / Изд. подгот. А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1981. (ПМ XVIII).

Практическая русская грамматика изданная Николаемъ Гречемъ. СПб.: Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1834.

Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академиею. СПб.: Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1802.

Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подготовка текста и текстологический комментарий М.П. Тоболовой. Под ред. и с предисловием Б.А. Успенского. М.: Издательство Московского университета, 1981.

Русское правописаніе. Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наук академикомъ Я.К. Гротомъ. СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885.

Санктпетербургские ведомости XVIII–XIX вв.

Варьирование формы фразеологических единиц с компонентом *место*

И.Г. Казачук, Ю.А. Сысоева

Variation of form of phraseological units with component of *place*

Irina G. Kazachuk, Yulia A. Sysoeva

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск) /
Chelyabinsk, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University

avis1389@mail.ru, masyanuk@mail.ru

Аннотация. В тезисах представлен результат анализа варьирования структуры фразеологических единиц с компонентом *место.* Выявлены и описаны типы вариантов, возникающие в результате замены компонентов или морфов компонентов, сокращения количества компонентов, а также действия нескольких факторов одновременно.

Ключевые слова: фразеологическая единица, варьирование, компонентный состав, модель фразеологизма, семантическое тождество.

Summary. The theses present the results of analysis of structural variation of phraseological units with component of place. We defined and described the variation types that occur due to substitution of components or component morphs, reduction of the number of components and simultaneous influence of several factors.

Keywords: phraseological unit, variation, compositional structure, phraseological unit model, semantic equivalence.

Проблема вариантности продолжает оставаться актуальной в современной лингвистике, так как, по мнению многих ученых, вариантность является «одним из важнейших условий развития языка» [Филин 1973: 11], «способом существования и функционирования всех единиц языка» [Солнцев 1982: 31]. Фразеологический фонд русского языка дает богатейший материал для исследования данных фактов, поскольку сверхсловные номинативные единицы обладают широким диапазоном варьирования.

Несмотря на то что одним из дифференциальных признаков фразеологизмов является устойчивость компонентного состава, многие фразеологические единицы (ФЕ) русского языка способны к структурному варьированию. «Данный процесс отражает количественные (временные), спорадические изменения компонентного состава, которые зачастую не приводят к качественным преобразованиям фразеологизмов» [Структурно-семантические свойства… 2002, 139]. Под варьированием мы понимаем языковой процесс, при котором внешнее видоизменение структуры языковой единицы не приводит к нарушению ее семантического тождества. В работах отечественных лингвистов описаны типы варьирования структуры фразеологических единиц: компонентное, количественное, морфологическое, морфемное, синтаксическое, фонетическое, комбинированное.

Для анализа нами были взяты фразеологизмы с компонентом *место*, которых, по данным нашей картотеки, насчитывается 80 единиц.

Наиболее типичным для исследуемых единиц оказалось компонентное варьирование, при котором происходит замена одного из компонентов, не приводящая к изменению количественного состава фразеологизма и не разрушающая его семантического тождества. Компонентное варьирование может быть представлено: а) варьированием согласуемого компонента в единицах модели «согласуемый компонент +

сущ.»: *слабое / уязвимое место*; б) варьированием глагольного компонента в единицах модели «глагол + сущ. с предлогом или без предлога»: *задеть / затронуть за больное место. Но в такой системе отопления было* ***уязвимое место*** (Ю. Сенкевич). *Хуже всего, что я сама сомневалась в своей правоте: рублевский старик нащупал-таки мое* ***слабое место*** (И. Грекова). *Малинин, когда считал, что без этого не обойдешься, не боялся портить отношения и доставлять неприятности, но без нужды* ***задевать*** *людей* ***за больное место*** *не любил* (К. Симонов). ***Затронутый за больное место****, Нежданов уже не мог довериться попрежнему* (И.Тургенев). *Нет, ты меня за это мое,* ***за больное место не тронь****!* (М. Горький).

Количественное варьирование заключается в сокращении компонентного состава и также не влечет за собой изменения фразеологического значения: *не находить <себе> места*; *на <своём> месте*; *знать <своё> место*; *стоять на <одном> месте*; *поставить на <своё> место*; *указать <своё> место. И дни для Рогули словно* ***стояли на одном месте*** (В. Белов). *Изнутри меня заливала мелодия детства, на которой выросло мое поколение, она никогда не давала падать духом: Нам ли* ***стоять на месте****? В своих дерзаниях всегда мы правы…* (Л. Гурченко). *Было ясно, как день, что человек томился и* ***не находил места****, быть может, боролся с собой* (А. Чехов). *Мы увидим, как пришлось ему метаться, извиваться, теряться и* ***не находить себе места*** *среди людей, событий, движений и течений* (Н. Суханов).

Морфемное варьирование в исследуемых ФЕ встречается реже, чем компонентное и количественное. Однако оно также представлено несколькими видами: 1) варьирование префикса в глагольном компоненте: *уложить / положить на месте*; 2) варьирование суффиксов именного компонента: *теплое место / тепленькое место / тепленькое местечко*. ***Уложить на месте*** *стотысячную армию ему нипочем было* (С. Ковалевская). *У иных одно лицо сделано величиною в аршин (из мрамора, из металла), причем усы, как бычачьи рога, стремятся вас запороть,* ***положить на месте*** (Г. Успенский). *Словом, отделись он от меня, то, мечтал я, Бубе нашлось бы* ***тёплое местечко*** *в жизни* (А. Ким) *Кто-то стремился после окончания института получить хорошее место, побыстрее в партию вступить… В партию я не бежал,* ***тепленькое место*** *мне не нужно было, и деньги мне не нужны были* (А. Сотников). *А когда Касьянов попытался навести в своем правительственном доме порядок, отстранил Наздратенку, то последнего вернули на* ***теплое место*** (А. Архангельский). ***Тепленькое местечко*** *досталось: за триста-то тысяч и десяти фунтов золота со всех шахт не взяли* (Д. Мамин-Сибиряк).

Синтаксическое варьирование для фразеологизмов с компонентом *место* связано с изменением порядка следования компонентов единицы, а также в контактном или дистантном их расположении. Этот тип варьирования характерен в основном для морфологически изменяемых единиц, прежде всего предметных и процессуальных. *Студент медицины... потом угодил как-то в* ***не столь отдаленные места****, затем сделался аптекарским гезелем* (П. Боборыкин). *Вместо синих морей попал юноша в* ***места не столь отдаленные*** (И. Калмыкова). *Нужно, наконец,* ***поставить*** *эту барышню* ***на место****, заявив, что от комиссара ничего не скроется...* (К. Федин). *Я. конечно, не о Риге говорю – этих полицаев неумных давно надо* ***поставить на место*** (З. Прилепин).

Комбинированное варьирование проявляется в том, что в одной ФЕ наблюдается реализация одновременно разных типов варьирования. Зачастую это одновременное варьирование глагольного и именного компонентов. При замене компонента существительного происходит морфологическое варьирование – изменение формы падежа и появление служебных компонентов (предлогов, частиц). В нашем материале в комбинированном варьировании одновременно представлены два типа: количественное и морфологическое: *мокрое место останется / мокрого места не останется. Он знал, что от него только* ***мокрое место останется****, если слухи о чем-нибудь дойдут до ушей графа* (А. Ладинский). *Женщин не бьют, но я её изувечу…* ***мокрого места не останется****!* (А. Чехов).

Рассмотренные варианты фразеологических единиц с компонентом «место» не утрачивают семантического, грамматического и функционального тождества. Они сосуществуют в языке и речи, употребляются как соответствующие нормам русского языка.

Литература

Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1982. № 2. С. 31–42.

Структурно-семантические свойства русских фразеологизмов: Коллективная монография. Челябинск: ЧГПУ, 2002.

Филин Ф.П. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 3–12.

Чепасова А.М. Понятие о динамических и диалектических процессах в языке / Избранные труды: В 2 т. Т. II. Фразеология в контексте современных лингвистических исследований. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. гуманитарно-педагогического ун-та, 2016. С. 176–177.

Орфографические варьирование как результат отражения фонетического варьирования некоторых слов

М.С. Картышева

The variation of the spelling as a result of the variation of the phonetics of some words

Maria S. Kartysheva

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) /
The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
mariyakartysheva@gmail.com

Аннотация. В докладе проанализированы иностранные слова, которые записывались по-разному: с «*е*» и с «*э*» (*декор, тренд, лейбл, бойфренд, слеш, сленг, бренд, фреш, флешмоб, флешка, стенд* и др.). Было соотнесено реальное произношение и графическая запись слова, а также определены тенденции записи похожих новых слов.

Ключевые слова: орфография, варьирование, кодификация, твердость, мягкость.

Summary. The report analyzed foreign words that were recorded differently: “e” / “э” *декор, тренд, лейбл, бойфренд, слеш, сленг, бренд, фреш, флешмоб, флешка, стенд* etc.). The actual pronunciation and the graphic record of the word were correlated, and also the tendencies of writing similar new words were determined.

Keywords: spelling, variation, codification, phonetics.

Заимствование лексики – неотъемлемый процесс обогащения языка. Впервые иностранное слово употребляется в тексте в исконной орфографии (англ. *trend*, франц. *décor*, англ. *banner* и др.). Затем заимствование включается в сис-

тему русского языка и проходит необходимые этапы освоения: изменения в области семантики, фонетики, графики, морфологии, стилистики. На этом этапе пишущие сталкиваются с проблемой, как новое слово записать средствами русской графики. Например, немецкое *Kitsch* можно записать **кич* или *китч*; английское *boots – бутсы*, **буцы* или **бутцы*; а голландское *bootsman – *ботсман*, **ботцман*, **ботсмен*, **ботцмен*, **ботсмэн*, **ботцмэн*, **боцмен*, **боцмэн* или *боцман*.

Очевидно, фонетические и графические системы русского и исходного языков не совпадают, система языка не будет изменяться, если в язык вошло новое иностранное слово. При этом заимствование накладывает чужую фонетическую систему на наше письмо, на нашу графику. Соответственно, необходимо с помощью средств русской графики записать слово так, чтобы его произношение не вызывало сомнений. Так, например, перед пишущим встает проблема, как записать стечение согласных фонем (*бутсы, боцман, кич* и др.), какую гласную выбрать, чтобы показать твердость-мягкость предшествующей согласной (*крем* и **крэм*). О последней проблеме и будет идти речь в докладе.

Был проанализирован список иностранных слов, в которых варьировалось написание *е* / *э* (*декор, тренд, лейбл, бойфренд, слеш, сленг, бренд, фреш, флешмоб, флешка, стенд* и др.). Нас интересовало, какие варианты записи были, совпадали ли эти варианты с реальным произношением, как слово вписалось в систему русского письма и можно ли определить какие-то тенденции, позволяющие предсказать, что будет со следующим похожим новым словом. Мы также предположили, что варьирование графической записи этих слов было связано с неустоявшимся произношением и что как только произношение слово было определено, то была выбрана одна из букв. Для большинства слов уже зафиксировано словарями предпочтительное написание – с буквой *е*. Однако этот выбор не помогает определить верное произношение слова: предшествующая согласная должна произноситься твердо или мягко? Например, слово *декор* рекомендуется произносить словарями только с твердым [*д*], что не следует из графической записи с *е*, ведь согласные перед *е* могут произноситься и твердо, и мягко. В живой речи мы встречаем варианты с мягким [*д*]. Вероятно, графическая запись с *е* не дает читающему выбрать единственно верное произношение. Слово *тренд* изначально произносилось с твердым [*р*], что соответствовало его первоначальной записи **трэнд*, впоследствии слово стало произноситься как с твердым, так и с мягким согласным [*д*], написание слова тоже изменилось – *тренд* вместо **трэнд*.

Пунктуация в предложениях с функциональными омонимами

Е.В. Нагайцева

Punctuation in sentences with functional homonyms

Elena V. Nagaytseva

Академия социального управления (Москва) /
Academy of Social Management (Moscow)
enagaytseva@yandex.ru

Аннотация. На примере синхронной переходности производных предлогов в составные подчинительные союзы в статье показаны трудности, которые испытывает пишущий при оформлении функциональных омонимов на письме.

Ключевые слова: пунктуация; функциональная омонимия; производные предлоги; составные подчинительные союзы.

Summary. Using the example of the synchronous transitivity of derived prepositions into compound subordinate unions, the article shows the difficulties that the writer experiences when making functional homonyms in writing.

Keywords: punctuation; functional homonymy; composite prepositions; subordinating conjunctions.

В русской грамматике вопрос о частеречном статусе некоторых слов является дискуссионным. Это связано как с разными критериями в классификациях ученых (учитываются только семантические или только синтаксические характеристики классифицируемых слов), так и с явлением синхронной переходности, описанным в работах В.В. Бабайцевой [Бабайцева 1983: 35–42].

Нередко в ситуациях с функциональными омонимами пишущий сталкивается с серьезной проблемой постановки знаков препинания, так как решение необходимо принимать, опираясь на частеречную принадлежность языковой единицы. Такая функциональная омонимия связана с непервообразными предлогами, имеющими живые словообразовательные отношения и лексико-семантические связи со знаменательными словами – существительными, наречиями и глаголами (деепричастиями). Все они делятся на три группы: предлоги отыменные (*ввиду, вследствие, за исключением, наподобие, насчет, под видом* и др.), наречные (*напротив, подобно, согласно* и др.) и отглагольные (*включая, исключая, не считая, спустя* и др.) [Русская грамматика 1980: § 1655–1668].

В статье представлены опорные правила для постановки знаков препинания при оборотах с непервообразными предлогами и в конструкциях с составными подчинительными союзами. Для удобства правила разбиты на блоки, к которым даются пояснения и приводится иллюстративный материал.

В **первом блоке** рассматриваются три случая постановки запятых при непервообразных предлогах, которые вводят в предложение обстоятельственные обороты, и один вариант, в котором обороты обычно не обособляются (с предлогами *вместо, в ответ на, в результате, вроде, за счет, наподобие, напротив, не доходя, по поводу, ради, спустя*).

Пунктуационная трудность примеров **второго блока** заключается в том, что составные союзы могут целиком входить в придаточную часть (в этом случае части союза не разделяются запятой) или же расчленяться (в этом случае запятая ставится перед второй частью союза, а первая включается в состав главной части сложноподчиненного предложения как соотносительное слово).

Необходимость передавать все новые оттенки смысла при использовании уже имеющихся в языке единиц приводит к тому, что появляются функциональные омонимы, часто это единицы, изменившие свои синтаксические функции и синтаксическую сочетаемость. На примере синхронной переходности непервообразных предлогов в составные подчинительные союзы можно построить объяснительные алгоритмы, которые помогут пишущему справиться с пунктограммой, разграничивающей функциональные омонимы в письменной форме речи.

Литература

Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // НДВШ ФН. 1983. № 5. С. 35–42.

Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. § 1655–1668.

Сравнительный анализ употребления прописной и строчной букв в текстах носителей русского языка и изучающих русский язык как иностранный

О.А. Попова, Е.А. Пепеляева

Comparative analysis of the use of capital and lowercase letters in the texts of Russian speakers and learners of Russian as a foreign language

Olga A. Popova

Пермский военный институт войск национальной гвардии РФ /
Perm Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation

p-olgaperm@mail.ru

Ekaterina A. Pepelyaeva

Пермская государственная фармацевтическая академия /
Perm State Pharmaceutical Academy

ekaterina.perm@yahoo.de

Аннотация. Рассматриваются особенности употребления прописной и строчной букв при написании текстов. На материале письменных работ студентов-носителей языка и студентов, изучающих русский язык как иностранный, выявляются типичные ситуации, вызывающие затруднения при выборе прописной / строчной буквы. Отмечается тенденция к вариативному написанию наименований учебных учреждений, профессий, учебных дисциплин, географических названий, пород собак и др.

Ключевые слова: современный русский язык; языковая норма; орфография; вариативность; имя собственное; имя нарицательное.

Summary. The article deals with the problem of the use of capital letters in written texts. On the material of written works of students-native speakers and students studying Russian as a foreign language the authors describe typical situations in which students have difficulties in choosing the letter case. The tendency of variation in the spelling of names of institutions, professions, disciplines, geographical names, dog breeds etc. are determined.

Keywords: contemporary Russian language; language norm; orthography; variability; a proper name; a common name.

Современный русский язык, как и любой другой живой язык, подвержен неизбежным изменениям, протекающим на всех уровнях языковой системы и приводящим к появлению вариативности языковых знаков. Одним из следствий изменчивости языка является, с нашей точки зрения, вариативность выбора прописной или строчной буквы при создании письменных текстов. Данная проблема привлекает внимание современных исследователей. В основном интерес ученых сосредоточен на случаях преднамеренного нарушения нормы и на выявлении новых функций прописной буквы в современных текстах [Дунев 2012; Филинкова 2011; Васильева 2018]. Целью нашего изучения является сопоставительный анализ случаев непреднамеренного отступления от нормы при употреблении прописной / строчной буквы в рукописных текстах (упражнениях, сочинениях, эссе, изложениях, диктантах и т.д.) студентов-носителей языка и студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Выявленные нами ошибки, связанные с ситуацией выбора прописной / строчной буквы, позволили обозначить ряд позиций, в которых сегодня происходит постепенное размывание орфографической нормы: написание заголовков (*Орфоэпические Нормы; Разговорная Речь; Русский язык и Культура речи*); написание фраз, содержащих сокращения (*Уч. Вопросы*); написание должности (*спросил у Декана*; *записался на прием к Ректору*); написание названий учреждений и организаций (*Пермский Политехнический Институт; Пермская фармацевтическая Академия*); написание названия профессии (*Кинолог; инженер Автоматизированных систем управления*), а также самого слова «профессия» (*моя Профессия – Фармацевт*); написание топонимов (*Пермь находится на урале; я учусь в перми; на черном море* и т.д.); написание названий учебных дисциплин (*я сдал Русский, Математику, Биологию и Химию; нужно было сдать Математику, Русский и Физику; самый трудный предмет для меня – Физика*); написание названий пород собак (*Рядом со мной были собаки от Ягдтерьера до Русской Борзой*) и др.

На наш взгляд, можно обозначить несколько причин возникновения ошибок при употреблении прописной / строчной буквы в рукописных текстах русских и иностранных студентов: 1) неправильное разграничение «имени собственного – имени нарицательного» (именно с этой трудностью связан, к примеру, выбор прописной буквы при написании названий пород собак, учебных дисциплин и т.п.); 2) влияние английского языка (этим объясняется, в частности, высокая вариативность в написании названий учреждений и организаций); 3) в качестве одной из причин употребления строчной буквы при написании имен собственных можно назвать влияние интернет-коммуникации и особенностей компьютерного набора текста в целом.

Как нам представляется, массовые ошибки, связанные с выбором прописной / строчной буквы, безусловно, говорят о постепенном размывании орфографической нормы. Применение прописной / строчной буквы утрачивает системный характер (в тексте одного и того же автора могут соседствовать разные написания одного и того же слова), вариативность написания возрастает, что со временем может привести к изменению нормы.

Литература

Васильева М.И. Новые функции прописной буквы в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Тверь, 2018.

Дунев А.И. Прописная и строчная в современной письменной речи: динамика орфографической нормы // Русский язык: нормы и правила современной коммуникации. СПб.: Изд-во РГПУ имени А.И. Герцена, 2012. С. 59–67.

Лопатин В.В. Прописная или строчная? // Лопатин В.В., Нечаева И.В., Чельцова Л.К. Орфографический словарь. М.: Эксмо, 2011.

Розенталь Д.Э. Прописная или строчная? (Опыт словаря-справочника) / Отв. ред. Л.К. Чельцова М.: Русский язык, 1986 [Электронный ресурс. URL: http://genling.ru/books/item/f00/s00/z0000027/index.shtml (дата обращения: 23.02.2018)].

Филинкова Е.О. Прописные буквы в современных текстах // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2011. № 2. С. 213-216.

Морфосинтаксические свойства конструкций с ненормативным *то, что* в современной устной речи

Н.В. Сердобольская, А.Д. Егорова

Morphosyntactic properties of non-standard constructions with *to, chto* in Modern Colloquial Russian

N.V. Serdobolskaya

Институт языкознания РАН (Москва) / Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

serdobolskaya@gmail.com

A.D. Egorova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

astya28@mail.ru

Аннотация. В работе исследуются ограничения на употребление конструкций с ненормативным сочетанием *то* и *что* в корпусе устных текстов, записанных в 2009–2012 гг. Мы показываем, что выбор данной конструкции в речи носителей обусловлен падежной рамкой управляющего предиката. В первую очередь, данное сочетание распространяется на придаточные, которые характеризуются риторическом отношением Топик, Фон или Причина, а также придаточные при именах с валентностью на содержание.

Ключевые слова: изъяснительные придаточные, соотносительные местоимения, сентенциальные актанты, местоимение-коррелят.

Summary. The paper is focused on functional distribution and morphosyntactic properties of non-standard *to chto* in the corpus of Colloquial Russian recorded in 2009–2012. The choice of the new "complementizer" depends on the case assigned by the matrix predicate. It is largely used with clauses having a rhetorical relation of Topic, Background or Cause to the matrix, as well as with noun complements. A narrower group of native speakers employs it in complement and adverbial clauses.

Keywords: complementation, complementizers, subordinator, correlative pronouns.

В исследованиях 70–80 гг. XX в. отмечается, что для устной речи нехарактерно использование соотносительных слов в сложном предложении [Земская 1979: 254; Черемисина 2015: 16–17]. Через два десятилетия тенденция, отмеченная Е.А. Земской и М.И. Черемисиной, сменилась на противоположную: в настоящее время наблюдается экспансия ненормативной конструкции с соотносительным словом *то* при союзе *что* (1)–(2), см. [Коротаев 2013; 2016].

(1) *…в сорок пятом году / после капитуляции Японии <…> Иосиф Виссарионович сказал то / что людям старшего поколения пришлось сорок пять лет ждать возврата этих территорий*. [НКРЯ: Андрей Сахаров. Дипломатия 1939–1945 годов. Проект Academia. ГТРК Культура. 2011]

(2) *Ничего такого, то что нос не дорос / Надо нам про все на свете выдать вопрос* // [Детский мультсериал «Малышарики». Заставка. Песня]

В отличие от литературного сочетания *то, что*, в ненормативной конструкции компонент *то* обычно не получает специального акцентного выделения и падежного оформления (*удивлен то что*); между *то* и *что* нет паузы [Коротаев 2013; 2016]. Ненормативная конструкция активно употребляется в изъяснительных предложениях и может вводиться коррелятом *то* (напр., *удивлен тем то что*), который получает специальное акцентное выделение, падежное оформление и сопровождается паузой:

(3) *…она радуется* ***тому то что*** *она тут считается личностью и ее тут уважают, круто, только вот в реалиях это мало ей поможет*. [https://forum.asterios.tm/topic/459069-почему-так-тухло/?page=5 13.07.2017]

В работе ставится задача определить границы употребления ненормативных конструкций с *то, что* (с коррелятом и без него) в устной речи. Для этого нами был проанализирован корпус устных текстов, записанных в 2009–2012 гг. студентами МГППУ и РГГУ.

Мы проанализировали следующие гипотезы:

1. Семантика придаточного. Искомая конструкция встраивается в систему средств оформления изъяснительного предложения, беря на себя определенный семантический тип – предположительно, пропозитивные придаточные в ассерции и фактивные придаточные (как и союз *что*).

2. Лексико-синтаксические ограничения. Частотность ненормативного *то, что* неодинакова для главных предикатов с разными падежными рамками. Мы будем различать главные предикаты, приписывающие номинатив (*что-л. хорошо / удивительно*), аккузатив (*рассказывать что-л.*), косвенный падеж (*радоваться чему-л.*), предложно-падежное оформление (*намекать на что-л.*).

3. Синтаксические ограничения. Изъяснительное придаточное с *то что* обычно находится в постпозиции к главному предложению.

В результате исследования удалось подтвердить гипотезы 2 и 3. Были выделены два основных типа носителей ненормативного *то что*. Носители первой группы используют *то что* в следующих конструкциях: *то что* при клаузе, находящейся с другой клаузой в риторическом отношении Топик, Фон или Причина; *то что* при именах с валентностью на содержание (*мысль то что*; *такая фишка то что*); конструкции *то что касается / называется / считается / …* Носители стратегии *то что* в изъяснительных придаточных используют это сочетание во всех конструкциях, перечисленных выше, а также в изъяснительных и обстоятельственных придаточных. В первую группу входят люди всех возрастных групп, в том числе с высшим гуманитарным образованием, включая кандидатов наук и филологов – специалистов по русскому языку. Вторая группа, в основном, ограничивается носителями до 25 лет (на момент 2009 г.) и не включает представителей интеллектуальных профессий. Таким образом, можно заключить, что конструкция с *то, что* сначала распространилась на контексты топика, придаточные при именах и др. (первая группа носителей), а затем стала использоваться в речи носителей до 25 лет (вторая группа) в качестве союзного средства в сложном предложении.

На настоящий момент, мы можем проследить путь грамматикализации комплекса *то что* в функции комплементайзера:

1) данное, включая контрастные придаточные (литературное *то, что*) >
2) топикальное *то, что*, придаточные при именах, *то, что* касается / … (в речи носителей различных возрастов и профессий) >
3) *то, что* в изъяснительных и обстоятельственных предложениях (в речи носителей до 25 лет, исключая представителей интеллектуальных профессий) >
4) коррелят + *то, что* в изъяснительных и обстоятельственных предложениях (в речи носителей до 25 лет, исключая представителей интеллектуальных профессий).

Литература

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979.

Коротаев Н. А. Полипредикативные конструкции с *то что* в непубличной устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2013» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 324–331.

Коротаев Н. А. Союз *то что* в устной русской речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований, 2016. Том XII. Часть 1. СПб.: Наука. С. 101–106.

Черемисина М. И. Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением *то* // Вестник Новосибирского государственного университета, 2015. Серия: История, филология. Т. 14, №. 9. Новосибирск. С. 11–24.

Орфографическая адаптация заимствований с удвоенными согласными (по данным корпуса текстов Пушкина)

Чжао Цзяи

Orthography adaptation of borrowings with double consonants (according to the corpus of Pushkin's texts)

Zhao Jiayi

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University
(аспирантка кафедры русского языка филологического ф-та)
zhaojiayi@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматривается вопрос о написании заимствований с удвоенными согласными в корпусе текстов Пушкина. Поскольку удвоенные корневые согласные для русского языка нехарактерны, высказывается мнение о том, что при орфографической адаптации заимствований они должны устраняться. Полученные корпусные данные показывают, что этот процесс активно шел в пушкинскую эпоху.

Ключевые слова: заимствованные слова, орфография, удвоенные согласные, адаптация, русский язык.

Summary. This report considers the problem of spelling borrowings with double consonants in the corpus of Pushkin's texts. Since the doubled root consonants for the Russian language are uncharacteristic, it is suggested that when borrowings are orthographically adapted, the doubled root consonants should be eliminated. The received corpus data shows that this process was actively going on in the Pushkin era.

Keywords: borrowed words, orthography, double consonants, adaptation, Russian language.

Для русских морфем двойные согласные в корне не характерны. Как пишет В.Г. Чурганова, «присутствие в слове геминации, не связанной со стыком морфем, как правило, свидетельствует о его иноязычном происхождении» [Чурганова 1973: 87]. В русском языке отсутствует и противопоставление гласных фонем по долготе / краткости, для отражения которого в некоторых языках используется написание удвоенных согласных.

Поэтому можно было бы ожидать, что при орфографическом освоении заимствований такое удвоение будет устраняться как функционально избыточное.

Попытка такого устранения широко представлена в текстах А.С. Пушкина. Проведенный анализ электронного корпуса Пушкина, созданного в ЛОКЛЛ филологического ф-та МГУ, показал, что зона колебания «одна буква / две буквы» в корнях заимствований – одна из самых больших зон вариативности в текстах Пушкина. Так, нами обнаружено 43 слова, не являющиеся именами собственными, в которых имеются такие варианты.

Важно, что многие слова, имеющие вариант с одной согласной, заимствованы из французского языка, который Пушкин хорошо знал. Тем не менее, и здесь он регулярно отступает от написания языка-источника. Так, например, следующие корни пишутся только или преимущественно с одной согласной: *балет-* 10 / 0 [количество написаний с одной буквой / с двумя буквами] (фр. ballet); *грип-* 1 / 0 (фр. grippe), *официал-* 25 / 0 (фр. officiel), *батал-* 75 / 2 (фр. bataille), *паспорт-* 19 / 0 (фр. Passeport), *атак-* 41 / 1 (фр. attaque), *литература-* 390 / 28 (фр. litterature). Среди них есть и такие корни, которые сейчас нужно писать с двумя согласными: *балоти-* 2 / 0 (фр. ballotter, совр. русск. баллотир-), *опозиц-* 13 / 7 (фр. opposition, совр. русск. оппозиц-). Можно предположить, что преимущественное написание заимствованного корня без удвоения согласных является одним из признаков его хорошей освоенности.

Интересно отметить, что в нескольких корнях имеет место регулярное «избыточное» удвоение. Так, корень *драм-* (гр. drama, фр. dramatique) у Пушкина, вопреки языку-источнику и современных ему словарям, регулярно пишется с *мм* (47 м / 39 мм). Ср.: *драмма* (7), *драмматически* (1), *драмматический* (29), *анти-драмматический* (1), *драмм-* (1). Возможно, это связано с долгим произношением сонорного в заударной позиции в слове *драма.*

Судя по имеющимся данным, в допушкинский и пушкинский период процесс устранения написаний с удвоенными согласными шел достаточно активно. Однако на каком-то этапе он был прерван, и современная русская орфография для многих заимствований сохраняет написание с удвоенным согласным как единственно верное. Это обширную зону традиционных написаний и потенциальных ошибок. В чем функциональный смысл сохранения этой зоны? Удвоение согласных позволяет поддерживать единство с языками-источниками, но препятствует естественному процессу адаптации заимствований. Поэтому можно согласиться с М.В. Пановым, который писал следующее: «все славянские письменности давно избавились от удвоения согласных в заимствованных словах. Пора и нам последовать этому примеру. Тогда и будет единство – с родственными языками, с письмом на этих языках» [Панов 1964:156].

Литература

Панов М.В. И все-таки она хорошая.М., 1964.
Чурганова В.Г. Очерк русском морфонологии. М., 1973.

Русский синтаксис vs. пунктуация русского языка в XXI веке

Н.В. Юдина

Russian syntax vs. Russian punctuation of the 21st century

Natalya V. Yudina

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Владимирский филиал (Владимир)
dr.yudina@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящен анализу активных процессов, происходящих в сфере русского синтаксиса и пунктуации, и выполнен на материале 5000 синтаксических конструкций, извлеченных из средств массовой информации, а также из дискурсивной практики (2000 по 2018 гг.). В качестве основного фактора, влияющего на формирование основных тенденций, выделяется закон речевой экономии, формирующий аналитизм, редукцию, сегментацию, парцелляцию и другие явления в сфере синтаксиса и пунктуации новейшего русского языка.

Ключевые слова: синтаксис, пунктуация, закон речевой экономии.

Summary. The report is focused on the analysis of the dynamic processes in the Russian syntax and punctuation, and reviews five thousand syntactic structures extracted from the mass media, as well as the discursive practice (2000–2018). The principle of speech economy influences the development of the main trends and defines analyticism, reduction, segmentation, parcellation and other phenomena in syntax and punctuation of modern Russian.

Keywords: syntax, punctuation, the principle of speech economy.

Эволюция и динамичный характер активных языковых процессов, происходящих в XXI веке, являются ключевыми направлениями развития современной лингвистической мысли (см. в этой связи исследования В.М. Алпатова, В.И. Бе-

ликова, Н.С. Валгиной, М.В. Всеволодовой, Н.Д. Голева, Е.А. Земской, Ю.Н. Караулова, А.Е. Кибрика, В.Г. Костомарова, В.В. Красных, М. А.Кронгауза, Л.П. Крысина, В.М. Лейчика, В.В. Лопатина, Ю.Е. Прохорова, М.Ю. Сидоровой, О.Б. Сиротининой, Г.Н. Скляревской, В.М. Шаклеина, А.Д. Шмелева и мн. др.). Безусловно, вполне очевидно, что наибольший интерес с точки зрения динамики представляет лексика, с позиций вариативности – орфоэпия, в ракурсе небрежности и нарушения речевой нормы – морфология. На этом фоне активные процессы в сфере синтаксиса и пунктуации русского языка не кажутся столь серьезными и показательными. Однако данный тезис нуждается в определенной корректировке ввиду того, что синтаксис новейшего русского языка также является яркой иллюстраций активных интегральных процессов и речевых тенденций, свойственных русскому языку XXI века.

В настоящем докладе представлена попытка анализа некоторых активных процессов, происходящих в сфере синтаксиса современного русского языка и выполненных на материале более 5000 синтаксических конструкций (словосочетаний и предложений), извлеченных из печатных и электронных средств массовой информации, а также из современной дискурсивной практики в период с 2000 по 2018 гг.

В качестве основного фактора и стимула, влияющего на основные синтаксические изменения, на наш взгляд, выступает *закон речевой экономии*, или *закон экономии речевых усилий*, проявляющий себя в тенденциях к аналитизму, редукции, усечению, сегментации, парцелляции и ряду других явлений. Так, *на уровне словосочетания*, где, по справедливому замечанию Н.Ю. Шведовой, изменения происходят значительно быстрее, чем в системе предложения, отмечаются следующие процессы: 1) редукция словосочетаний (*докладная записка – докладная, запасной игрок – запасной* и др.); 2) замена дескриптивных конструкций однословными единицами (*наличные средства – наличка*, *капитальный ремонт – капиталка* и др.). В строе *предложения* закон речевой экономии иллюстрируется расширением круга расчлененных единиц, связанным с такими явлениями, как 1) присоединение, 2) парцелляция, 3) вставка; 4) сегментация и экспансия номинативов (типа именительного темы, именительного представления или изолированного именительного); 5) активное использование неполных и нечленимых конструкций и др. К сожалению, регулярное необоснованное использование расчлененных комбинаций все чаще приводит к сегментированности сознания современного человека, невозможности точно и ясно выразить мысль посредством правильно сформулированного и построенного по классическим законам русского предложения.

В этой связи всё меньшее влияние на синтаксические процессы, на наш взгляд, оказывают **законы системности** и **традиций**, обычно сдерживающие инновационные процессы. В этой связи мы можем констатировать следующие факты нарушения синтаксических норм, обусловленные, с одной стороны, тенденцией современной языковой личности к смысловой точности, прагматическому подходу и утилитарности использования языка как исключительно коммуникативного ресурса (ср., например, дифференциацию по родо-половой корреляции – так называемую «тенденцию согласования не по форме, а по смыслу» (по Л.В. Щербе): *Молодая директор вошла в зал*), а с другой – с небрежностью в использовании языковых средств: 1) отсутствие согласования между подлежащим и сказуемым (**детвора благодарны*); 2) нарушение норм управления (**согласно приказа*); 3) необоснованный рост предложных глагольных сочетаний (**оплатить за проезд*, **заметить о том, что…*); 4) необоснованное «нанизывание» падежных конструкций; 5) ошибки в употреблении деепричастных оборотов и др.

Не менее активные изменения происходят и в сфере пунктуации русского языка, которая в настоящее время, с одной стороны, является «достаточно устойчивой», а с другой – «нежесткой и гибкой» (по Н.С. Валгиной). Проведенный анализ позволяет выявить следующие тенденции в сфере пунктуации, связанные с активными синтаксическими процессами: 1) ослабление законов системности и традиции иллюстрируются и на примере нарушения пунктуационных норм, проявляющих себя, например, в необоснованной постановке знаков препинания, в первую очередь, лишних запятых; 2) сегментированность психолингвистического сознания языковой личности, выражающееся в необоснованном использовании парцеллированных конструкций, находит отражение в изменении дробления текста и постановке ненужных точек. В этой связи вынуждены присоединиться к мнению В.Г. Костомарова о том, что несомненные пунктуационные ошибки сегодня исчисляются сотнями.

Среди качественных пунктуационных изменений выделим следующие: 1) потерю частотности и – соответственно – «зон влияния» точки с запятой; 2) повышение частотности использования многоточия как знака психологического напряжения, недосказанности и недодуманности, отчасти связанное с законом экономии речевых усилий; 3) сужение функций двоеточия в пользу подчас неуместного тире – более подвижного, энергичного и многофункционального знака, ставшего сегодня более «модным».

В заключение доклада делается вывод об активности эволюционных процессов, происходящих в сфере синтаксиса и русской пунктуации и иллюстрирующих собой общие тенденции и законы развития новейшего русского языка. Вместе с тем, аналитизм, расчлененность, фрагментарность, редуцированность, сегмантация, сжатость и емкость синтаксических средств могут сформировать условия для поиска новых ресурсов, столь необходимых для реализации лингвокреативной деятельности современной языковой личности в XXI веке.

Секция II.
Диалектологические исследования

Организация диалектологических экспедиций с использованием современных информационных технологий

Э.Н. Акимова, В.Л. Акимов

The use of modern information technologies in the field dialectological practice

Elvira N. Akimova, Viktor L. Akimov

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва) / Pushkin State Russian Language Institute (Moscow)

akimovaen@mail.ru

Аннотация: Описываются новые подходы к проведению диалектологической экспедиции, основанные на использовании информационных технологий. Предлагается система сбора информации на базе мобильных гаджетов: ноутбука, планшета и смартфона. При их использовании активизируются возможности быстрого заполнения карточек, редактирования и удаления информации, передачи данных с мобильных устройств сбора на головной компьютер через электронную почту.

Ключевые слова: информационные технологии, диалектологическая экспедиция.

Summary. In the article new approaches to learning dialectological practices in the field, based on the use of information technology are set. It is explained how to create a set of high-performance applications that can be implemented for a laptop, tablet and mobile phone. Students have an opportunity to fill the cards quickly, edit and delete information. Transferring data from mobile devices to a host computer data collection is implemented via an external drive and via email.

Keywords: information technology, dialectological expedition.

Организация диалектологической практики в форме экспедиций – лучший вид вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу.

Диалектологическая практика имеет две формы проведения: полевую и стационарную. Данная методика используется очень широко уже десятки лет и подробно описана во множестве учебников. Конечным результатом таких исследований являются различные диалектные словари, изданные типографским способом.

Недостатки такой классической «бумажной» технологии очевидны: невозможность быстрой коррекции материалов после получения новых данных; ограниченная доступность словарей для научного сообщества, так как их тиражи обычно невелики и каждый экземпляр имеет высокую стоимость; сложность оперативной обработки материала, получения различных выборок, статистических данных и т.д. [Акимова 2014].

Следующим закономерным и логическим этапом является создание электронного словаря, необходимость которого обусловлена не только модой на информационные технологии в различных отраслях науки, но и целым рядом объективных причин.

Электронные словари, созданные на базе новых информационных технологий, обладают очевидными преимуществами: возможность оперативной коррекция материалов после получения новых данных; невысокая стоимость и быстрое тиражирование на электронных носителях; доступность материалов для научного сообщества через сеть Интернет и получение новых версий по подписке через электронную почту; возможность модификации структуры словаря без повторного ввода основного массива информации; простота обработки материалов, получение выборок различной сложности, статистических данных и т.д.

Электронный словарь является автоматизированной информационно-справочной системой, созданной на платформе какой-либо системы управления базами данных (СУБД). Использование современных СУБД позволяет создать удобную систему хранения информации с широким спектром функциональных возможностей её обработки [Акимова 2015].

Переход от бумажных словарей к электронным требует новых подходов к вопросам сбора и хранения информации в полевых исследованиях. Для удобства хранения и использования корпуса собранных диалектизмов, реализации различного рода выборок собранная ранее картотека должна быть переведена в электронный вид.

При переносе информации с бумажного носителя на электронный, часть информации может быть потеряна из-за повреждения карточек от времени, выцветания чернил и даже нечитаемого почерка некоторых собирателей. Повысить надежность и достоверность хранения информации можно за счет перехода к электронной картотеке путем полного исключения бумажных карточек из процесса сбора информации.

Предлагаемая система сбора и обработки информации в ходе диалектологической экспедиции состоит из двух уровней. На первом уровне происходит непосредственный сбор информации студентами-собирателями. Для фиксации материалов целесообразно использовать различные современные компактные средства вычислительной техники, такие как ноутбуки, планшеты, мобильные телефоны и т.д. Во всех этих устройствах есть возможность записи текстовой, аудио- и видеоинформации, то есть сразу формируются электронные карточки, которые фиксируются в локальной электронной картотеке (базе данных).

После окончания полевого этапа экспедиции информация со всех устройств сбора переносится на головной компьютер, хранящий общую электронную картотеку. Это уровень обработки собранной информации, реализованный на базе стационарного персонального компьютера с достаточно большим объемом жесткого диска для хранения всех собранных материалов.

Конечной целью разрабатываемого проекта является создание набора быстродействующих приложений, которые должны иметь удобный современный интерфейс, не требующий от пользователя специальных знаний в области вычислительной техники и не нуждающийся в специальном обучении пользованию программой. Приложения реализованы для ноутбука, планшета и мобильного телефона. Студенты имеют возможность заполнять, редактировать и удалять паспорт собирателя, паспорт населенного пункта, паспорта информаторов и карточки лексических единиц. Перенос информации с мобильных устройств сбора на головной компьютер осуществляется через внешний накопитель и через электронную почту.

Итак, применение информационных технологий при проведении полевой диалектологической экспедиции, имеющей важное научно-практическое значение и являющейся необходимым звеном в системе подготовки бакалавра филологии, открывает новые возможности её организации.

Литература

Акимова Э.Н. и др. Электронный словарь диалектных фразеологизмов как источник изучения картины мира в русских говорах Мордовии / Э.Н. Акимова, В.Л. Акимов, А.Ю. Маслова, Т.И. Мочалова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). Москва; Магнитогорск; Новосибирск. С. 272–274.

Акимова Э.Н., Акимов В.Л. Из опыта создания электронного словаря диалектных фразеологизмов русских говоров Мордовии // Устойчивые фразы в парадигмах науки: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского. Тула, 2015. С. 465-469.

Об этнокультурном содержании русских диалектных фразеологизмов *Ванька-встанька и Ваня-рутютю*

Н.Г. Арефьева

About ethnic and cultural content of the Russian dialect phraseological units *Van'ka-vstan'ka* and *Vanya-rootyutyu*

Natalia G. Arefieva

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова (Украина) / Odessa, Odessa I.I. Mechnikov National University (Ukraine)

n.arefieva@onu.edu.ua

Аннотация. В статье русские диалектные фразеологизмы ***Ванька-встанька и Ваня-рутютю*** рассматриваются в этнокультурном освещении. Автор приходит к выводу о том, что в основе внутренней формы фразеологизмов – синкретизм купальской обрядности, солярного культа и русского фольклорного театра.

Ключевые слова: русские говоры Одесщины, диалектные фразеологизмы ***Ванька-встанька*** и ***Ваня-рутютю***, этнокультурное содержание.

Summary. In this article the Russian dialect phraseological units *Van'ka-vstan'ka* and *Vanya-rootyutyu* are analyzed in ethnic and cultural delighting. The author comes to conclusion that the internal form of the phraseologisms goes back to the syncretism of the Kupala rituality, solar cult and Russian folk theatre.

Keywords: Russian dialects of Odessa region, dialect phraseological units *Van'ka-vstan'ka* and *Vanya-rootyutyu*, ethnic and cultural content.

Фразеология русских говоров Одесщины – уникальный этнолингвокультурный пласт, до недавнего времени фактически не исследовавшийся. В двухтомном Словаре русских говоров Одесщины, фиксирующем около 300 устойчивых сочетаний, находим фразеологизмы-аппозитивы (далее ФЕ) *Ванька-встанька* и *Ваня-рутютю* в общем для них значении 'божья коровка': *Ванькаф-фстанькаф уйма литаить* (Рус. Ив.). *Ваня-рутютю, божья карофка – адно и то ш* (Алекс.) [СРГО, т. 1: 68]. Поскольку лексика русских островных говоров Одесской области представляет собой, главным образом, «отражение унаследованных от материнских, южнорусских диалектов материальных и духовных ценностей, выработанных русскими на протяжении столетий» [Баранник 2015: 4–5], обозначения *божьей коровки* южнорусскими наименованиями-деминутивами, связанными с антропонимом «Иван», являются вполне закономерными. Ср. южнорусск. *Иванчик, Ивашка, Ивашечка, Ваня-женишок* в значении 'божья коровка' и т.п. [СД, т. 1: 221].

Символика *божьей коровки* уходит корнями в древние мифологические представления, отраженные преимущественно двумя мотивами, реконструированными на основе анализа наименований в разных языках и фольклорных текстах – мотивом похищения коров (скота) бога его противником (ср. русск. *божья коровка,* болг. *божа кравица (кравичка),* польск. *boza krywka* и др.) и мотивом «небесной свадьбы», в котором *божья коровка* предстаёт в образе солнца (укр. *сонечко*, верхнелужицк. *boze slyncko*, нем. *Sonnenkafer* и др.) [МНМ: 151]. Свадьба солнца – ключевой мотив Иванова дня, в котором *божья коровка* может выступать как в роли невесты, так и жениха; при этом «мифический жених обозначается наименованиями типа «солнышко» (луж., чеш., пол., бел., укр.) и, как было сказано выше, «Иван» [СД, т. 1: 221]. В этом ключе семантика русских диалектных названий *божьей коровки,* группирующихся вокруг имени «Иван», достаточно прозрачна.

Что касается второго компонента ФЕ *Ванька-встанька* и *Ваня-рутютю*, отметим, что Ванькой-Рутютю в Одессе называли Петрушку. У В.П. Катаева, родившегося и выросшего в Одессе, находим: *Но, на беду, как раз в это время во двор пришёл* ***Ванька-Рутютю,*** *иначе говоря – Петрушка* [Катаев 1975: 150]. Компонент «рутютю» является, по-видимому, региональной модификацией слова *рататуй*, значение которого в южнорусских говорах – «1) 'паяц, клоун, петрушка' (Смол., 1895). Петрушка, главный герой всем известной кукольной комедии, название получил от припева им на шарманке *туй-туй-рата-туй.* (Орл. Тиханов. Дон.)» [СРНГ, вып. 34: 337]. Происхождение слова «рататуй» затемнено и предположительно восходит к украинскому *рятувати* 'спасать': «На юге России Петрушка стал называться Ванька Рататуй. Происхождение слова "Рататуй" неясно. Можно предположить, что оно возникло из украинского слова "ратуй" – "Караул! На помощь!"» [Берков 1953: 329]. Тот же ареал распространения слова находим у В.И. Даля: «*ратовать* кого – немецк. *retten*, южн. новорос. кур. 'спасать, защищать, подать помощь при беде': *Ратуйте, кто в Бога верует*!» [Даль]. Принимая во внимание возможное увеличение слогового объема, характерное для южнорусского музыкального фольклора [Кривчикова 2006], данная версия представляется нам достаточно убедительной. Косвенным подтверждением вторичности компонента «рутютю» и его аккультурации на «одесской» почве служит и дефиниция, данная В.П. Смирновым: «*Ванька-Рататуй (Ванька-Рютютю)* – 'шут гороховый'». Одесский аналог франко-итальянского Арлекино и российского Петрушки. Катринщик (шарманщик) предварял уличные представления призывным кличем «Ру-ту-тю-тю!» невероятно писклявым тембром, доставшимся с помощью особого пищика. Благодаря одной из интермедий кукольного представления в одесском языке появились фразеологизмы «*Взять на тю!* и *Геншалы тю-тю!*; *делал из себя* ***Ваньку-Рютютю*** *с переменным успехом*» (выделено нами. – *Н.А.*) [Смирнов 2002: 24]. Заметим, что сквозным мотивом в «петрушечном» представлении непременно является свадьба, что и послужило, на наш взгляд, одним из мотивов, положенных в основу создания фразеологизма. И хотя ФЕ *Ваня Рутютю* в значении 'божья коровка' можно вполне отнести к фразеологическим одессизмам (по терминологии Е.Н. Степанова [Степанов 2004]), его образная основа уходит своими корнями в мифологическую интерпретацию божьей коровки-жениха-спасителя в обрядовом пространстве Иванова дня и архаические ритуалы, связанные с солярным культом.

Изоморфная, на наш взгляд, мотивация легла в основу возникновения ФЕ *Ванька-встанька. Ванька-встанька* – потешная кукла, появившаяся в России в начале XIX века и ставшая своеобразным символом русского характера; самая устойчивая кукла в мире. «Кувыркается, раскачивается, падает, но сразу встает на ноги, которых у нее нет» [Голдавский 2003: 83–84]. Вспомним, что солнце, с которым напрямую связан образ божьей коровки, в русском и украинском фольклоре играет, пляшет, кружится, скачет и т.п. Характерно, что в основе мотивации обоих фразеологизмов лежит ассоциация «кукла-чучело» как один из символов купальской обрядности [Велецкая 1978: 62–63], наслоившаяся на мифологическую интерпретацию божьей коровки-жениха «Ивана» и солнца, которое, по представлениям древних славян, никогда не падает.

Литература

Баранник Л.Ф. Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении: Учебное пособие. Одесса: «Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова», 2015.

Берков П.Н. Русская народная драма веков // Тексты пьес и описание представлений. М.: Искусство, 1953. С. 115–123.
Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978.
Голдавский Б.П. Куклы: Энциклопедия. М.: Время, 2003.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс. URL: www.slovardalja.net/view_search.php. Дата последнего обращения 24.11.2018].
Катаев В.П. Белеет парус одинокий. Одесса: Издательство «Маяк», 1975.
Кривчикова Н. В. Особенности местной песенной традиции // Традиционная культура Красногвардейского района: Экспедиционная тетрадь. Белгород: БГЦНТ, 2006.
Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 2008. [Электронное издание. URL: www.indostan/ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_0.pdf/. Дата последнего обращения 21.11.2018] (МНМ).
Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения. 1995 (СД).
Смирнов В. Умер-шмумер, лишь бы был здоров! – Как говорят в Одессе. Одесса: Полиграф, 2002.
Словарь русских говоров Одесщины: в 2-х т. / Отв. ред. Ю.А. Карпенко. Одесса: АстроПринт. Т. I.: А-О, 2000 (СРГО).
Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.Г. Сороколетов. Вып. 34. СПб.: Наука, 2000 (СРНГ).
Степанов Є.М. Російське мовлення Одеси: Монографія. Одеса: Астропринт, 2004.

Специфика кодирования представления о человеке в говорах Среднего Поволжья

Т.Е. Баженова

Specificity of coding of representations about the person in dialects of the Middle Volga region

Tatyana E. Bazhenova

Самарский государственный социально-педагогический университет / Samara State University of Social Sciences and Education

tatyabazhenova@yandex.ru

Аннотация. В докладе уделяется внимание проблеме отражения в диалектной лексике представления о человеке. В тематических группах диалектных слов, обозначающих внешнюю и внутреннюю характеристику человека, содержится ряд культурных кодов, вербализующих положительное и отрицательное отношение к особенностям внешности, языковым особенностям, различным сценариям поведения в речи носителей русских говоров.

Ключевые слова: русские народные говоры; диалектный словарь; тематическая группа; культурный код.

Summary. The scientific report focuses on the problem of the manifestation of the speaker in the dialect word-stock. We can see that the thematic groups of dialect words contain a number of cultural codes, revealing the external and internal characteristics of the person, positive and negative characteristics of appearance, linguistic features, different behavior patterns in the speech of native speakers.

Keywords: Russian folk dialects; dialect vocabulary; Middle Volga region; the thematic group; cultural code.

Вопрос о взаимосвязи языка, культуры и этноса оказывается актуальным в парадигме антропоцентрических исследований. Привлечение этнографических и культурологических данных помогает объяснить и связать воедино многие факты при описании специфических черт менталитета того или иного этноса. Неповторимый социокультурный облик русского населения Среднего Поволжья нашел отражение в местных особенностях языка, в большей мере – в диалектной лексике.

В тематическом словаре самарских говоров представлена группа слов, описывающих человека, его поведение в обществе, систему ценностей. Тематический принцип расположения материала в словаре позволяет наглядно представить системные отношения в лексике и создает условия для определения особенностей языковой сегментации действительности.

Для определения специфики кодирования представления о человеке в диалектном языке применяют тематическую классификацию диалектной лексики, в рамках которой устанавливаются мотивационные связи. Система мотивационных признаков диалектных слов позволяет определить базовые образы регионально маркированного представления о человеке.

Номинативные воплощения таких качеств человека, которые определяют его отношения с другими членами общества, составляют самую большую по численности лексическую группу. Следование нравственным нормам строго оценивается носителями говоров, например, *слушли́вые,* т.е. послушные, покладистые люди, воспринимаются положительно, а бесшабашное пренебрежение ими подвергается осуждению (*во́льник*).

Нормой отношения к людям считается доброта, и это качество имеет абсолютную ценность, поэтому его вербализация в говорах редко сопровождается семантической дифференциацией, например: *жела́нница* ‘заботливая женщина’, *забо́тный* ‘заботливый’, *жальни́вый* ‘жалостливый, отзывчивый’, *жела́нный* ‘внимательный, заботливый’, *люби́тельная* ‘заботливая’. Проявлять заботу о слабых и больных, то есть *хе́тать, поко́ить, ходи́ть* за кем-л., означает в наивно-языковой картине мира высшее проявление добродетели. Быть добрым – естественное, само собой разумеющееся качество человека, и отсутствие его лексически маркируется носителями диалекта.

В маркировании тех или иных негативных характеристик человека прослеживается избирательность, что позволяет определить систему ценностей носителей диалекта. Свойства человека, мешающие поддерживать гармоничные отношения в обществе, часто имеют в самарских говорах детализированное лексическое обозначение и выделяются разнообразием отрицательной оценки: *жуля́бия / жуля́бий* ‘проныра, хитрец, обманщик’, *неотёс* ‘грубый, невежливый человек’, *доку́чница* ‘надоедливая женщина’, *зави́дчик*, *зави́дник / зави́дница* ‘завистник’, *чва́нец / чва́нка* ‘гордый человек’, *выки́дывка* ‘гордячка, зазнайка’, *подма́зчивый* ‘льстивый’, *назо́листый* ‘надоедливый’, *неприи́мчивый* ‘неприветливый’ и т.д. Широко распространены эмоционально-оценочные наименования таких отрицательных качеств человека, как жадность (*жаду́ля, промазни́чка, жадо́бный*), распутство (*приблю́дник*, *потаску́ня*, *верту́шка, шля́лка, шалы́га*), пьянство (*байгу́ш, попиво́ха, лотры́га, лупя́тка*). Отклонение от нормы в характеристике человека вербализованы в определенных сценариях поведения, например, пьянство, распутство, безделье и бедность зачастую взаимно детерминированы.

Собирательное, обобщенное обозначение отрицательных качеств человека обозначается единичными лексемами, например: *вахло́* ‘плохой человек, дрянь’.

Специфика народно-языковой оценки человека проявляется в том, что кодирование характеристики является результатом образного представления. Используется целый спектр культурных кодов. Ср. **акциональный код** характеристики человека: *встря́хнутый* ‘со странностями’ – от *встряхнуть* (перемешать содержимое); *разбро́дный* ‘сумасбродный’ – от *разбрестись* (утратить целостность, един-

ство); *слушли́вый* – от *слу́шаться*, *доку́чница* – от *докуча́ть, хожа́лка* – от *ходить за кем-л.* и т.п.; **предметный код** в сочетании с переносом по смежности: *ала́бор* ‘сумасшедший человек’ – от *ала́бор* ‘порядок’ (отсутствие порядка в голове); *засе́льщина* ‘недалекий, необразованный человек, человек из глуши’ – от *село* (отсутствие широкого доступа к знаниям); биоморфный код: *валу́и* ‘темные, некультурные люди‘ – от *валу́й* ‘название лесных грибов’ (отсутствие необходимых знаний у человека, живущего в глухом месте); *ре́дя* ‘простоватый, глупый человек’ – от *ре́дька* (овощ, отсутствие способностей к интеллектуальной деятельности) и т.п.

Рассмотрение лексики говоров по тематическим и лексико-семантическим группам предполагает не только определение семантики слов, но и выявление мотивационных признаков, положенных в основу наименований. Кроме общеупотребительных слов, в качестве мотивирующих основ могут выступать диалектные слова, ср.: *хаба́льный* ‘грубый, невежливый’ – *хаба́лить* ‘ругаться, буянить, озорничать’; *шалы́га* ‘распутный человек’ – *шала́ться* ‘ходить без дела, распутничать’. Для лексики самарских говоров характерны и семантически переосмысленные заимствованные слова, ср.: тюркизм *байгу́ш* ‘пьяница’ из тат., узб. *baiγuš* ‘бедняк’, казах. *baiγus* ‘жалкий, бедный’.

К изучению экспрессивной лексики со значением высокой и низкой скорости передвижения (на материале русских народных говоров)*

Е.О. Борисова

Expressive vocabulary with the meaning of high and low speed of movement (by the material of Russian folk dialects)

Elizaveta O. Borisova

Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург) / Ural Federal University (Yekaterinburg)

elciaborisowa@gmail.com

Аннотация. В русских народных говорах наблюдаются случаи развития семантики высокой и низкой скорости на основании семы интенсивности. В докладе рассматриваются несколько примеров такого рода с опорой на принадлежность лексемы в сходном значении к определенной тематической группе. Отмечается высокая экспрессивность лексем со значением скорости, описываются закономерности возникновения междиалектной энантиосемии.

Ключевые слова: этнолингвистика, русские народные говоры, экспрессивная лексика, скорость.

Summary. In Russian folk dialects there are cases of development of the semantics of the high and low speed on the basis of the same intensity. The report examines several examples of this type, based on the lexeme's membership in the original meaning to a particular thematic group. We note the high expressiveness of tokens with the value of speed, the emergence of patterns of interdialectal enantionymy.

Keywords: ethnolinguistics, Russian folk dialects, expressive vocabulary, speed.

Слова, в значении которых есть семы «быстро» и «медленно», составляют в русских народных говорах объемную лексическую группу, в большинстве своем экспрессивны, обладают образной внутренней формой. Действия с высокой и низкой скоростью могут описываться с привлечением лексики различных тематических групп. Особо выделяются лексемы, развивающие, независимо от принадлежности к тематической группе в исходном значении, семантику скорости на основании семы интенсивности, высокой степени проявления признака. Интересно, что лексемы подобного рода нередко демонстрируют междиалектную энантиосемию: в их семантической парадигме одновременно фиксируются «быстрые» и «медленные» значения. Опишем несколько подобных случаев.

Противоположные значения развиваются у лексем, называющих принадлежность характеризуемого субъекта к той же социальной группе, что и говорящий. Номинативно маркирована чужеродность медлительного человека: волог. *дикий* ‘непроворный, нерасторопный’ – *Экий дикий, экий непроворный*, волог. *проди́кнуть* ‘промедлить’, волог. *очужа́ться* ‘копаться, возиться, делать что-либо слишком медленно’. Медлительность, по-видимому, связывается с социальной неполноценностью, склонность «вести себя не так, как “свои”».

Прилагательное *дикий* также употребляется по отношению к человеку, которому свойственна высокая скорость действий: новг. *ди́кий* и *дико́й* ‘работящий, проворный, расторопный’ – *Доможитка дикая. Расторопная, хорошая хозяйка дома*. М.А. Еремина считает, что в этой лексеме отражаются представления о «ненормативности, дикости поведения трудолюбца» [Еремина 2003: 68]. Отметим однако, что признак ненормативности нехарактерен для обозначений высокой скорости, и предположим другой путь возникновения семантики быстроты у прилагательного *дикой*. Так, Е.В. Рахилина отмечает, анализируя развитие *дикого* в литературном языке, что в исходном значении (ср. *дикая кошка* / *яблоко*) наречие *дико* употребляется с агентивными глаголами и в обычном случае не встречается с пациентными. Однако в ряде случаев это ограничение пропадает (ср. *дико испугаться*, *обрадоваться*, *дико переживать*, *дико огорчиться* и под.) в результате резкой смены семантики признака. «Новое значение признака, – отмечает исследователь, – никак не связано со свойствами дикого животного или человека и его буйным природным нравом. <…> Но вместо исчезнувшей старой семантики переход, который мы назвали ребрендингом, привносит новую: это интенсивность и высокая степень» [Рахилина 2010: 431]. Семантическое развитие слова *дикий* в диалектной лексической системе, на наш взгляд, аналогичен описанному Е.В. Рахилиной, т.е. осуществляется на основании имплицитно присутствующей в исходном значении семантики интенсивности, актуализирующейся в производных.

Подобная ситуация, по-видимому, наблюдается при обозначении человека, для которого характерна высокая или низкая скорость совершения действий, исходя из оценки сопровождающих человека обстоятельств. Представляется, что быстрота, проворство обеспечивают человеку успешный результат деятельности; медлительность, напротив, является причиной неудач: костр., твер. *удача* ‘о ловком, расторопном человеке’, арх., мурман. *беда* ‘о неумелом, нерасторопном человеке’. Однако тот же корень, что и в слове *беда*, представлен в карел. *бедо́вски* ‘быстро, ловко’ и волог., ленингр. *бедо́вый* ‘быстрый, расторопный’. ЭССЯ выделяет для **bĕda* этимон со значением ‘принуждать, заставлять’, откуда выводит весь комплекс значений слова (‘беда, несчастье’, ‘нужда’, ‘бедствие’, ‘опасность’) [ЭССЯ, 2: 55]. Возможно, процесс, называемый Е.В. Рахилиной «ребрендингом», происходит и в этом случае – аналогично якут. *опа́сной* ‘сильный, быстрый, выносливый’ и морд. *ужасно* ‘быстро’. Помимо общего для «опасности» и «быстроты» признака интенсивности, цепочка значений в обоих случаях, вероятно, может быть восстановлена как «опасный →

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

совершающий опасные действия (ср. литер. знач. *бедовый* ‘бесстрашный, отчаянный, озорной, горячий, рисковый’) → совершающий быстрые действия».

Аксиологическую подоплеку «скоростной» номинации продолжают случаи, когда для характеристики скорости используются слова, выражающие оценку говорящего: арх. *пора́че* ‘лучше’ → арх. *пора́че* ‘быстрее, проворнее’ и новг. *заплохова́тый* ‘нерасторопный’.

В ряде случаев слова-экспрессивы выражают параметр скорости окказионально. Так, продолжения корня **div-* (родственного др.-инд. *dhī* ‘созерцать, наблюдать’ [ЭССЯ, 5: 35]), преимущественно выражающие семантику чуда, «дива», удивления, могут развивать значения, связанные с признаком преобладания, ср. *дивный* волог., челяб., урал. ‘большой’, том. ‘длительный, продолжительный (о времени)’, укр. диал. *див* ‘множество’, ‘очень’. Вероятно, именно в этот ряд вписывается слово *диво* в значении ‘быстро’: свердл. *ди́во* ‘быстро, проворно’ – *У меня утки диво в клеточку бегут*.

Литература

Еремина М.А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект. Дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2003.

Лингвистика конструкций / Сост. Е.В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010 (Рахилина).

Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачёва, А.Ф. Журавлёва. М. : Наука, 1974–. Вып. 1– (ЭССЯ).

Диалектные лексические различия в говорах Кубани

О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина

Lexical differences in Kuban dialects

Olga G. Borisova, Lyudmila Y. Kostina

Кубанский государственный университет (Краснодар)

Gp2@mail.ru, Patriot30@mail.ru

Аннотация. В статье доказывается, что для кубанских говоров в их современном состоянии на лексическом уровне характерны непротивопоставленные диалектные различия.

Ключевые слова*:* кубанские говоры; диалектные различия; лексический уровень.

Summary. In article it is proved that not opposed dialect differences are characteristic of the Kuban dialects at the lexical level.

Keywords: Kuban dialects; dialect differences; lexical level.

Языковой ландшафт Краснодарского края представляет собой довольно пеструю картину, обусловленную историей его заселения. Кубанский диалект складывался из двух языковых стихий – украинской и южнорусской. Смешение говоров с разными языковыми основами происходит на всех языковых уровнях, но наиболее активно проявляется в лексике. Однако общность лексико-фразеологического состава говоров Кубани вызвана не только взаимодействием двух лексических систем, но и наличием в них большого количества лексических единиц, параллельно пришедших на Кубань из генетически родственных русского и украинского языков, что является релевантной типологической особенностью кубанского диалекта. В местных говорах зарегистрировано большое количество формальных вариантов. Часть из них не составляет противопоставленных вариантных диалектных различий, поскольку их структурные отличия не связаны с какими-либо фонетическими, грамматическими или словообразовательными особенностями кубанских говоров, обусловленными их языковой основой. Такие формальные оппозиции могут функционировать как в говоре одного населенного пункта, так и в говорах, имеющих разные языковые основы, то есть входить в общекубанский лексический пласт.

Различительные противопоставленные вариантные диалектные различия образуют формальные варианты, по которым дифференцируются и группируются кубанские говоры с украинской и южнорусской языковой основой. Среди них можно выделить корневые (*кулеш* : *кулиш* ‘похлёбка’), префиксальные (*подшукувать* : *пидшукувать* ‘подыскивать’), суффиксальные (*байдаковать* : *байдакувать* ‘бездельничать’), постфиксальные фонематические / фонетические варианты (*ц* / *ц’* в постфиксе *-ся*: *хма́ри(ы)ться* ‘о наступлении пасмурной погоды’). Однако следует признать, что ранее регулярные чередования в результате смешения говоров, а также под влиянием русского литературного языка превратились в нерегулярные, несистематические. Относительность противопоставленных формальных вариантов, дифференцирующих кубанские говоры в зависимости от их языковой основы, позволяет включать их в общекубанский лексический пласт. Основанием для такого решения является также то, что структурное варьирование не нарушает семантического тождества слова.

Большей устойчивостью обладают противопоставленные собственно лексические различия. Среди них также выделяются такие, по которым кубанские говоры дифференцируются по их материнскому языку. На основании лингвогеографического исследования можно выделить несколько бинарных дифференцирующих оппозиций (первый член оппозиции характерен для кубанских говорах с украинской языковой основой, второй – с южнорусской): *доли́вка* : *земля́* (‘земляной пол’); *хлебы́на : пиро́г* (‘хлеб’); *гробкы́ : моги́лки* (‘кладбище’) и некоторые другие. Следует признать, что, как правило, второй член бинарной оппозиции представляет собой общенародное слово (*ба́чить : ви́деть, га́рный : краси́вый, гука́ть : зва́ть, драбы́на : ле́стница, дыбы́ться : смотре́ть, ка́чка : у́тка, чёлови́к : муж* и другие). При этом диалектный эквивалент часто воспринимается диалектоносителями как устаревший или устаревающий. Приведем некоторые высказывания информантов: *Ра́ньшы гава́рили па станицам «цыбу́ля», сича́с жы культу́рна гава́рим «лук»* (ст-ца Тверская). – Называли у вас в станице лестницу «драбына»? – *Называ́ли, ра́ньшы а́на называ́лась «драби́на»* (ст-ца Спокойная). *Для сэ́бэ у мэ́нэ шэсть со́так всиго́ распашной зимли. Для сэ́бэ и картошка, и лук, и вси прадукты сваи́* (хут. Шевченко).

Приходится также констатировать, что члены дифференцирующих собственно лексических оппозиций могут функционировать и в говоре одного населенного пункта как синонимы-дублеты: *Мы усё вре́мя на паталку́ спа́ли, на гары́щи* (ст-ца Ярославская). – Как у вас чердак называют? – *И «пата́лок», и «гари́ще»* (хут. Саньков). *Пока́ воны́ мали́, уси хоро́щи. Пра́вду ка́жуть: га́рна Горпы́на, пока́ дыты́на. А повыростають, так куды шо диваицця. Вжэ нэ такы хоро́щи* (ст-ца Елизаветинская). *Зе́мли были, доли́вки* (с. Новопавловка). *Щас полы́, а тоди́ доливкы, ну зэмля́ чи як* (хут. Куликовский). *Чёлови́к, ну мий муш, ча́сточко уижжав на рабо́ту далэ́че* (хут. Куликовский).

Непротивопоставленные диалектные лексические различия (второй компонент равен нулю) связаны с обозначением различных реалий внеязыковой действительности. Это лексика флоры, фауны и производственно-промысловая лексика. Бытовая, этнографическая лексика, лексика народной медицины у старожильческого населения Краснодарского края характеризуется наибольшей общностью, в то время как хозяйственная деятельность, природные условия в разных районах неодинаковы, и отсюда неодинаков набор реалий, имеющих диалектные названия. К непротивопоставленным лексическим различиям относится, например, рыболовецкая лексика, зафиксированная в тех районах, жители которых занимаются рыбной ловлей (побережье Азовского и Черного морей). В говорах населенных пунктов, где рыбный промысел не развит, эти слова или значения слов отсут-

ствуют. См., например: *атама́н* ‘руководитель рыболовецкой артели’, *аха́н* ‘ставная крупноячеистая сеть, которой ловят красную рыбу’, *ба́йда* ‘большая широкая вёсельная лодка’, *бугу́н* ‘приспособление из длинных жердей, укрепленных на стойках, для сушки и вяления рыбы’, *дуб* ‘большая лодка, баркас с высокими и широкими бортами’, *гала́н* ‘крючковатая снасть для ловли белуги’, *каю́к* / *каючо́к* ‘небольшая лодка, выдолбленная из ствола дерева’, *кула́с* ‘большая лодка’, *чула́рка* ‘мелкая кефаль’ и другие. См. также некоторые другие наименования: *керча́н* ‘ветер, дующий с Крымского полустрова’, *камка́* ‘*раст.* зостера морская, изоморник, морская трава. Zostera marina L.’, *ма́йстра* ‘западный ветер, дующий с Черного моря’, *нордо́с*, *нордося́ка* ‘северо-восточный ветер, норд-ост’. В лесных районах Краснодарского края непротивопоставленные лексические различия составляют, например, наименования грибов: *берестя́нки, берестя́ники* ‘грибы, растущие на поваленных деревьях’, *карага́ч, карага́чник* ‘гриб, растущий на *карагачах*’, *кво́чка* ‘грибы, растущие скученно’, *рядо́вки* ‘грибы, растущие в ряд’, *си́нявки* ‘гриб, имеющий при разрезе синюю окраску’, *чина́рик* ‘гриб, растущий на чинаре’, *яи́чник* ‘яичный гриб’ и некоторые другие.

Проведенные наблюдения демонстрируют, что для кубанских говоров в их современном состоянии на лексическом уровне характерны как общность, так и различия (непротивопоставленные и противопоставленные). Причем в большей степени им присущи непротивопоставленные диалектные различия, обусловленные не столько языковой основой говора, сколько природными условиями и спецификой хозяйственной и промысловой деятельности диалектоносителей.

Лексика традиционной культуры в современных русских говорах

И.А. Букринская, О.Е. Кармакова

Lexicon of the traditional culture in the modern Russian dialects

Irina A. Bukrinskaja, Olga E. Karmakova

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) / Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

irbukr@gmail.com, okarmakova@list.ru

Аннотация. Как показывает материал диалектологических экспедиций 2012 –2016 г., в современных русских говорах достаточно устойчиво сохраняется похоронно-поминальный обряд и культурные термины, с ним связанные.

Ключевые слова: русская диалектология, похоронно-поминальный обряд, культурная терминология.

Summary. This work is based on the materials of dialectological expedition 2012–2016 years. The authors analyze preserved in modern dialects funeral and memorial rite and cultural terms associated with it.

Keywords: Russian dialectology, funeral and memorial rite, cultural terminology.

Традиционная народная культура и лексика, ее отражающая, сохраняются в сельском социуме до настоящего времени. Об этом свидетельствуют диалектологические и этнографические экспедиции. При этом в разных регионах отмечается неравномерная представленность архаических традиций. Далеко не всегда этот факт связан с географическим положением населенного пункта, его удаленностью от больших городов, в большей степени он зависит от сохранения индивидуальных хозяйств, сельскохозяйственных работ, ориентации самого социума на соблюдение обрядов и обычаев. Вербальный компонент традиционной духовной культуры, по наблюдениям диалектологов, является более сохранным, чем лексика материальной культуры, которая перестает употребляться вместе с утратой реалий и остается лишь в пассивном словаре представителей архаического слоя говора. Благодаря экспедициям Отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН за последние десять лет был создан корпус различных по тематике и жанровой принадлежности диалектных текстов, которые содержат много сведений по народной культуре и фольклору. Здесь уместно вспомнить слова Н.И. Толстого, который пишет: «Диалектные фольклорные тексты, как элементы народной духовной культуры, и диалектные языковые явления во многих случаях весьма устойчивы», и далее подчеркивает: «…следует обратить внимание на особый пласт словарного состава языка, на культурную терминологию, преимущественно диалектного характера» [Толстой 1995: 21–22].

В современном деревенском социуме разных территорий элементы похоронно-поминального обряда сохраняются лучше, чем элементы других обрядов. Это связано с устойчивым архаическим представлением о связи «того» и «этого» миров и культом предков. По народным представлениям, ушедшие предки могут влиять на благополучие всего рода или на судьбу отдельных его представителей, поэтому следует соблюдать весь комплекс принятого в данной местности обряда. Об одном из важных компонентов похорон – обрядовом плаче – мы писали в [Букринская, Кармакова 2013].

В данной работе рассматриваются некоторые другие элементы названного обряда и культурная терминология, с ними связанная. Материал собран в экспедициях 2012–2016 гг. Как известно, по русской традиции после похорон принято устраивать поминки. Поминать покойника начинают уже на кладбище, как правило, кутьей (еда из риса, изюма, меда). А во Владимирской обл. на кладбище берут свечи, воду и хлеб, который едят сразу после погребения. Затем родные у всех *просят прощение* и приглашают на *тёплый обед*. «В семантике хлеба угадывается его постоянная связь с загробным миром: его употребление участниками похорон – причащение “плодотворящей смерти”», – пишет О.А. Седакова [Седакова 2004: 117]. Таким образом, во владимирском обряде отразился древнейший обычай разделять трапезу с покойным на могиле и приглашать его на обед в дом. Представленность блюд за поминальным столом строго регламентирована. Обязательными являются каша и кисель, остальные блюда варьируются в зависимости от территории. Наиболее общепринятые – блины и кутья. В Муромском и Гороховецком р-нах Владимирской обл. подаются щи, картошка, три вида каш, компот, после которого следовала молитва, а последнее блюдо – густой кисель. Каждого кушанья нужно съесть, как минимум, три ложки. Разнообразие и обилие пищи объясняется тем, что угощение во всех архаических традициях связано с культом мертвых, о символике обрядовой еды подробно пишет [Седакова 2004: 113–120].

В широком ареале южнорусских и восточных среднерусских говоров до сих пор неукоснительно соблюдается обряд проводов души, приходящийся на 40 день. В разных говорах он может называться по-разному: *выносить душку – выносили душеньку на 40 день в обед* / *с молитвами и со свечами* / *низко кланялись* / *просили прощение и так провожали душку* (д. Молотицы и д. Татарово Муромского р-на Владимирской обл.), *прощание с душкой* (д. Фоминки Гороховецкого р-на Владимирской обл.). По материалам [Седакова 2004: 229], поминки 40 дня называются *проводы душки* (Владимирская обл.) и *провожать душу* (Саратовская обл.). По представлениям диалектоносителей, на 40 день душа приходит прощаться с домом. Утром или днем этого дня родственники обязательно идут на кладбище: *в могилки сходим*, потом собираются на поминальную трапезу. Родные обычно следят, чтобы был знак, свидетельствующий о прощании: *кошка мяукнет*, *дверь хлопнет* – значит покойник ушел (д. Фоминки Гороховецкого р-на).

В Задонском районе Липецкой области был записан рассказ о *проводах душки*: *в 5–6 часов утра все идуть на улицу* / *платочками машем* / *прикладываемся к иконе и хлеб* / *гово-*

рим / *«Лети* / *душка* / *на восток!»* / *душка улетаеть* / *в это время можно голосить* / *прости мини* (меня)*!* / *три поклона все делають* / *цалують хлеб* / *икону*. Если не соблюсти обычай, душа будет являться живым: *Не проводили душку – она ходила по дому*.

В с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. проводы проходят следующим образом: родные и близкие собираются вечером, читают молитвы, каждый поминает, кроме покойного, других умерших родственников, а утром все выходят из дома с иконой и черным хлебом, кланяются на восток и говорят: «Прощай, душка!» В с. Роговатое до сих пор жив еще один древний обычай – *жечь пурину в Рашсво* (Рождество). После рождественской ночи утром во дворе дома или на дороге перед домом принято жечь солому, мусор, дрова, т.е. разводить костер, чтобы покойные родственники пришли погреться. Разводить поминальный костер можно с Рождества по Крещение. Такой обряд подробно описан в [Зеленин 1994]: «…рассмотренный нами обычай распространен повсюду у *однодворцев* южновеликорусских губерний… Что же касается оригинального названия *жечь пурину,* то оно, кажется, равносильно выражению: жечь солому. По «Толковому словарю» В. И. Даля, *пурынь* – соломенные головни, которые носятся по ветру клочьями на пожарах [Даль]». В современном говоре слово *пурина* употребляется лишь в составе устойчивого оборота *жечь пурину*, описывающего обрядовое действие.

Похоронно-поминальная обрядность отражает древнейшие элементы архаического сознания, которые до сих пор бытуют в диалектном социуме.

Литература

Букринская И.А., Кармакова О.Е. Глаголы со значением ‘исполнять похоронный обрядовый плач’ в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2013. СПб., Изд. «Нестор-История», 2013. С. 74–83.

Зеленин Д.К. Народный обычай «греть покойников» // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М.: 1994.

Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Изд. «Индрик», 2004.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Изд. «Индрик», 1995.

Современные акценты в изучении русских говоров

Е.Ф. Галушко

Modern emphases in Russian dialect studies

Elena F. Galushko

Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова / I.N. Ulyanov’s Ulyanovsk State Pedagogical University

ms.galushko@bk.ru

Аннотация. В настоящее время актуально выявление причин, обусловливающих устойчивость диалектных явлений в речи. У представителей среднего поколения, жителей Ульяновской области часто фиксируется 3–5 таких явлений. Возникновение новых реалий влечет за собой использование при создании номинаций продуктивных в диалектах (и не только) словообразовательных моделей, например, запеканка с добавлением банана русскими жителями села Румянцева Барышского района Ульяновской области названа *бананник*. Активные миграционные процессы меняют привычный региональный языковой ландшафт. Недосказанность, неизбежная при оперировании термином *полудиалект*, лишь ориентирует исследователя на фиксацию и подсчет диалектных элементов в речи говорящего, выделение среди них доминантных. Тогда как постоянно возникают новые комбинации литературных и диалектных черт в речи людей за счет смешения в условиях современного города и поселка городского типа представителей разных этносов, жителей города и села и т.п. Такие комбинации требуют анализа.

Ключевые слова: диалект, полудиалект, литературный язык, языковой ландшафт, Ульяновская область.

Summary. It is obvious that reasons for specifying durability of dialect phenomena in speech are topical nowadays. 3 to 5 such facts are often noted when the Ulyanovsk region representatives of the working generation speak. Emergence of new phenomena leads to productive (and not only) derivational models in dialects for nominations of words. For instance, the casserole with bananas is called *бананник* by the Russian citizens of the village Rumyantsevo, Barysh district of the Ulyanovsk region. Active migrant processes are changing familiar regional linguistic landscape. Understatement, inevitable while using the term *semidialect*, only focuses the researcher on recording and counting dialect elements in the speaker’s utterances and identifying them anomg dominant ones. Nevertheless, new combinations with literary and dialect features in people’s speech constantly appear because of merging representatives of different ethnic groups in the conditions of modern cities and towns, i. e. urban and rural citizens, speakers of various dialects, etc. Such combinations require some analysis.

Keywords: dialect, semidialect, the literary language, linquistic landscape, the Ulyanovsk region.

Общеизвестен факт, что диалекты с течением времени в значительной степени утрачивают свои черты под влиянием литературного языка. Однако это процесс, не одномоментное явление. Поэтому существенна не только паспортизация диалектных слов и форм с указанием их точного бытования у носителей разных возрастов, но и выявление причин, обусловливающих устойчивость диалектных явлений в речи респондентов. Например, в речи 44-летней жительницы села Чуфарова Вешкаймского района Ульяновской области Е.В. Ш. (5 дней общения примерно по 15–16 часов в день) были зафиксированы следующие диалектные особенности в сравнении с литературной нормой: 1) иканье ([*в’исна*]); 2) суффикс *-мшы* при образовании деепричастий от основы на гласный глаголов прошедшего времени (*не знамшы*); 3) частое стяжение гласных после утраты интервокального *j* в глагольных формах (*узнашь*, *читам*); 4) частица *чать* со значением выражения вероятности (*чать встретим*); 5) частое использование конструкций с предлогом *с* в ситуации обозначения ограниченного по какому-то признаку пространства, изнутри которого движется человек (*с Чуфарова, с Маклауш*). Было отмечено в речи сельской жительницы слово *скупнуть* ‘промывать для очистки’ (*скупнуть кружку надо*) (о значениях литературного слова *полоскать* см. [Ожегов 2003: 545]). В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) встречается два омонима *скупнуть*, одному из которых сопутствует значение ‘искупать, выкупать’ с пометой Смол. (смоленское) и ссылкой на Даля, приводится и помета Том. (томское). Указывается в словаре и оттенок значения ‘намочить, сделать мокрым (о дожде)’ с пометой Дон. (донское) [СРНГ: 187]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» территориальные пометы у слова *скупнуть* (*скупывать*) в значении «…мыть, споласкивать в водѣ» [Даль 1991: 213] отсутствуют. В речи Е.В. Ш. использовалось слово *сполоснуть*, когда речь шла об одежде, и *скупнуть*, когда речь шла о чашке. Подобное разграничение литературного и, возможно, диалектного в речи жителей современной России слова (*сполоснуть* — *скупнуть*) интересно для установления механизма, способствующего сохранению в речи человека диалектных по происхождению и устаревших слов.

Диалект, как известно, нередко сохраняет формы и слова, утраченные литературным языком. Однако именно в диалекте (и просторечии) подтверждается продуктивность той или иной словообразовательной модели. Например, в просторечии бытует слово *манка* «манная крупа или каша» [Ожегов 2003: 331]. Кушанье из такой крупы — *манник* [НКРЯ]. Для русской народной кухни характерны такого рода запеканки из крупы, лапши, овощей: *пшенник*, *картовник*, *лапшевник* и т.д. [Галушко 2017: 4–5]. При образовании таких слов к производящей основе прибавляется суффикс *-ник.* Любопытный факт: в речи русских жителей села Румянцева Барышского района Ульяновской области (по данным полевых наблюдений 2017 года) зафиксировано слово *бананник* ‘тип выпечки, напоминающий манник, только с

добавлением в тесто мякоти банана'. Следовательно, новая реалия в речи сельских жителей получила название по продуктивной модели.

Лингвисты все чаще говорят сегодня о полудиалекте в речи сельских (и не только) жителей России. Использование термина «полудиалект», как представляется, можно считать условным в силу семантики данной лексической единицы: первая часть сложных слов *полу-* обозначает «нечто в половинном размере или что-то не вполне, почти соответствующее чему-то» [Ожегов 2003: 545]. Недосказанность, неизбежная при использовании данного термина, лишь ориентирует исследователя на фиксацию и подсчет диалектных элементов в речи говорящего, выделение среди них доминантных. И речь одного человека с большим количеством диалектных элементов и речь другого человека с небольшим количеством одинаково будут называться полудиалектом, хотя и сохранится возможность оперирования уточняющими словами «больше, меньше».

Современная ситуация в регионе такова, что продолжается отток сельского населения в город. В Ульяновской области по данным на первое января 2018 года постоянно проживает 1246618 человек. На долю горожан приходится 75% [Официальная статистика…]. Естественно, что города разные: областной центр и районные центры и т.д. В регионе живут представители 12 наций. Кроме того, ощутим транзит населения из других регионов, есть временные жители из других стран. Все это делает городской языковой ландшафт пестрым. Объективно, что горожане (особенно в первом и втором поколении) нередко являются носителями русских диалектов в той или иной степени, точнее — речь их сохраняет те или иные диалектные черты. Поэтому по мере накопления информации о диалекте количество неизвестных фактов не только будет уменьшаться, но и следует ожидать новых (неизученных) причудливых комбинаций литературных и диалектных черт в речи людей за счет смешения в условиях современного города и поселка городского типа представителей разных этносов, жителей города и села и т.п.

Литература

Галушко Е.Ф. Названия блюд из овощей в русских говорах Ульяновской области // Русское слово. Актуальные проблемы преподавания русского языка в условиях реализации ФГОС. Выпуск 9: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти профессора Е.И. Никитиной / Под ред. Е.В. Бакановой. Ульяновск: Изд-во УлГПУ, 2017. С. 3–7.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М.: Русский язык, 1989–1991. Т. 4: Р–Ѣ. 1991.

Национальный корпус русского языка: [сайт]. [Электронный ресурс. URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req =%EC%E0%ED%ED%E8%EA. Дата последнего обращения 11.11.2018 (Манник. Результаты поиска в основном корпусе. 16 вхождений)] (НКРЯ).

Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М.: ООО «Издательский дом “ОНИКС 21 век”»; ООО «Издательство “Мир и Образование”», 2003.

Официальная статистика. Население. Демография. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2018 и в среднем за 2017 год. Ульяновская область. Popul2018.xls. [Электронный ресурс. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#. Дата последнего обращения 11.11.2018].

Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Сороколетова. Вып. 38. Скинать — Сметушка. СПб.: Наука, 2004 (СРНГ).

О некоторых особенностях функционирования наречия *онагда* в архангельских диалектах

М.М. Громова

On some features of the functioning of the adverb *онагда* in Arkhangelsk dialects

Maria M. Gromova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

marija.gromova@list.ru

Аннотация. Наречие *онагда* и его варианты широко распространены в говорах Архангельской области. Тем не менее, в компактном ареале по течению р. Пинега варианты наречия *онагда* отмечены почти исключительно в составе устойчивой формулы *онагдысь на передызье было порато студено* ‘недавно в коридоре было очень холодно’, состоящей из архаичной, вышедшей из употребления лексики. Фиксация лексемы *онагда* в данной формуле свидетельствует не об ее употребляемости, а, напротив, об ее переходе в архаичный пласт лексики.

Ключевые слова: наречия времени, русские диалекты, архангельские диалекты.

Summary. The adverb *онагда* and its variants are widespread in the Arkhangelsk dialects. However, in a compact area along the river Pinega its variants are noted almost exclusively as a part of stable speech formula *онагдысь на передызье было порато студено* ‘it was very cold in the hallway recently’, which consists of archaic, obsolete vocabulary. The *онагда* lexeme being fixed in this formula does not indicate its widespread usage, but, on the contrary, its transition to the archaic layer of vocabulary.

Key words: adverbs of time, Russian dialects, Arkhangelsk dialects.

Наречие *онагда* и его варианты широко распространены в говорах Архангельской области. Конкретизация общего значения ‘недавно’ варьируется в диапазоне от вчерашнего дня до минувшего года [Картотека]. Формирование наречия *онагда* относится к праславянскому периоду, о чем свидетельствует ряд параллелей в славянских языках: стсл. *онагда* ‘иногда, однажды’, укр. *óногда*, *óногди*, *онагдивай* ‘недавно, позавчера’ [ЕСУМ: 193], польск. *onegdy* ‘иногда, недавно’ [Попов 1983: 85], чеш. *onehdy*, *onady* [Фасмер 1987: 142].

В некоторых говорах Архангельской области бытуют устоявшиеся речевые формулы, «присловья, демонстрирующие непонятность местной речи» [Картотека], элементы которых относятся к архаическому слою лексики данного говора и вне этих фраз практически не употребляются. Иногда эти присловья становятся основой анекдотов, обыгрывающих коммуникативную неудачу (характерный сюжет – «приезжая невестка неправильно понимает поручение свекрови»). Они являются визитной карточкой говора как для его носителей, так и для приезжих.

Наречие *онагда* (в нескольких вариантах) функционирует в составе одного из таких присловий – *онагдысь на передызье было порáто студенó* ‘недавно в сенях было очень холодно’ в значениях ‘вчера’, ‘позавчера’, ‘на днях’, ‘недавно’. Большинство пунктов, в которых записано присловье, расположено по течению р. Пинега и составляет компактный ареал – это деревни Веркола, Ёркино, Кеврола, Лавела, Покшеньга, Пиренемь, Сура, Чакола, Шардомень, Явзора (Пинежский р-н). Также отмечено два точечных ареала – Койнас (Лешуконский р-н) и Нёнокса (Приморский р-н).

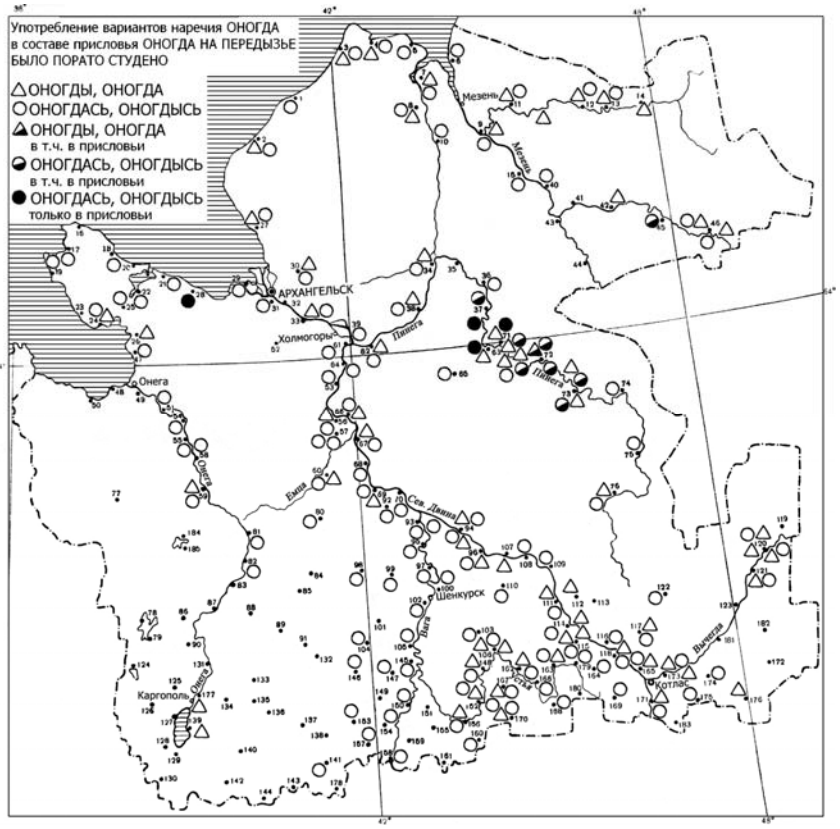
Сами носители указывают на неупотребительность отдельных лексем из присловья в современном говоре: *«Онагдысь на передызье было шыпко холодно» – это как фцера на передызье было холодно. Теперь передызьем не зовут, фсё колидоры. В ворота заходиш и сразу передызье. У нас-то много зьдесь ранишних слоф. Онагдысь – это раньшэ. Было порато студено, это сильно, дак порато.* Сура. *«Онагдысь на передызье было порато студено» – вот ранишний розговор-то*. Шардомень.

В тех населенных пунктах, в которых отмечено свободное употребление вариантов *онагдысь* и *надысь*, наречия со значениями ‘очень’ и ‘холодно’ в составе присловья могут заменяться синонимами, т. е. лексический состав формулы не

является строго фиксированным: *Оногды́сь на переды́зьйе было бо́льно студено́*. Веркола. *А ещё́ говорили, а надысь на переды́зьйе было шы́пко хо́лодно*. Сура. Чакола.

В пунктах Кеврола, Покшеньга, Пиренемь (Пинежский р-н), Нёнокса (Приморский р-н) вариант *оногды́сь* отмечен только в составе присловья: *Я где-то сказа́л: «Оногды́сь на переды́зьйе было пора́то студено́» – фсе присмея́лись*. Кеврола. *Говаривали, оногдысь на передызьйе было порато студено́, фсё́ прозвезди́ло*. Нёнокса. Как видно из приведенных примеров, в данных населенных пунктах присловье является застывшим набором слов без какой-либо вариативности. Можно предположить, что вариант *оногды́сь* окончательно перешел в архаичный пласт лексики местных говоров.

В карте, составленной по материалам [Комягина 1994: 124] и [Картотека], отмечено распространение в архангельских диалектах наречия *онога* и его вариантов:



Литература

Етимологічний словник української мови: У 7 т. Т. 4. Н–П. Київ, 2003 (ЕСУМ).

Картотека Архангельского областного словаря (филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова) (Картотека).

Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.

Попов И.А. Наречие в русских народных говорах. Дис. … д-ра филол. наук. Т. 2. Л., 1983.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3 (Муза – Сят). М., 1987.

Гендерные аспекты диалектологии: возможности описания*

Т.А. Демешкина

Gender aspects of dialectology: the possibilities of description

Tatyana A. Demeshkina

Национальный исследовательский Томский государственный университет / National Research Tomsk State University

demeta@rambler.ru

Аннотация. В докладе обосновывается правомерность выделения гендерного направления в диалектологии, характеризующегося предметом исследования, аспектами, методами, источниковедческой базой.

Ключевые слова: диалектология, гендерные характеристики, аспекты, метод, дискурс.

Summary. The report substantiates the validity of selection of gender field in the sphere of dialects. That field is characterized by the subject of study, aspects, methods, and the source base.

Keywords: dialectology, gender characteristics, aspects, method, discourse.

В недрах русской диалектологии к настоящему времени накоплен большой объем эмпирического материала, позволяющий описать диалекты по гендерному основанию. В работах диалектологов, посвященных той или иной проблематике, содержатся отдельные наблюдения над речью мужчин и женщин, а также анализируются характеристики мужчин и женщин, вербализованные в диалектной коммуникации. Систематизация этих наблюдений и их теоретическое описание становится возможным благодаря развитию таких отраслей современной русистики, как гендерная лингвистика, социолингвистика, корпусная лингвистика. Гендерная диалектология характеризуется своим предметом исследования, аспектами, методами, источниковой базой. Ее предметом являются гендерные характеристики диалекта как особой формы коммуникации.

На наш взгляд, наиболее актуальным является разработка следующих аспектов: теоретико-методологического, лексикографического, когнитивно-дискурсивного, лингвокультурологического, динамического, источниковедческого.

Необходимость развития теоретико-методологического аспекта обусловлена тем, что гендерная лингвистика находится в стадии становления и нуждается в разработке и уточ-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект№16-18-02043.

нении основных терминов и понятий: *гендерная роль, гендерный стереотип, эталон, гендерный дискурс, понятие мужского и женского текста, мускулинность, фемининность*. При определении этих понятий мы исходим из понимания гендера как социокультурного конструкта, имеющего динамический характер и по-разному воплощающийся в разных дискурсивных практиках [Демешкина, Толстова 2017: 87].

Одним из важнейших является лексикографическое исследование гендера, предусматривающее параметризацию диалектной лексики по гендерному основанию. Наличие аспектных словарей подобного типа позволит выявить перечень лексики, имеющей гендерную маркированность, сопроводив ее многопараметровой интерпретацией.

Кроме того, словари послужат источником для описания гендера в других аспектах. Материал, который находится сейчас в распоряжении диалектологов, содержит в большинстве своем тексты, записанные от женщин.

Когнитивно-дискурсивный аспект включает описание всех параметров дискурса с учетом гендерных характеристик (темы, участники, стратегии и тактики, речевые жанры, когнитивные категории, формирующиеся в дискурсивных практиках).

Представления о мужском и женском являются культурной универсалией, которая концептуализируется в разных культурах по-разному, «обрастая» субъективными смыслами. Этим фактом обосновывается необходимость выделения лингвокультурологического аспекта, связанного с изучением языковой картины мира. Динамический аспект проявляется при анализе изменений номинаций, обозначающих мужчину и женщину, Эти изменения обусловлены целым комплексом причин социального, культурного, исторического характера и нуждаются в изучении.

Диалектология представляет собой полипарадигмальный научный феномен, что проявляется в методах, используемых диалектологами. Методы, применяемые в гендерной диалектологии, обусловлены выбором того или иного аспекта описания. Так, лексикографический аспект предполагает использование лексикографического метода, обладающего комплексом приемов. Дискурсивный аспект исследуется с помощью метода дискурс-анализа, метода моделирования. Большие возможности дает корпусное исследование гендерных характеристик, ставшее возможным благодаря созданию диалектных корпусов в разных диалектологических центрах России. Эффективным является использование экспериментальных методик при изучении фонетических характеристик мужской и женской речи. Можно констатировать, что в настоящее время гендерная диалектология не располагает уникальными, свойственными только ей методами, а использует комплекс методов, соответствующих решаемой проблематике. Перспективным при изучении репрезентации гендерных отношений в речи является применение методов социолингвистического анализа, которое поможет получить новые результаты, поскольку «…изучение региональной вариативности современной русской речи, представляющей собой результат сложного взаимодействия литературного языка, диалектов, просторечия, часто в условиях межъязыковых контактов, требует совместных усилий диалектологов и социолингвистов» [Савчук 2018: 234].

Источниковую базу гендерной диалектологии составляют три типа источников: диалектные словари и их картотеки, записи живой непринужденной речи, данные диалектных корпусов. Каждый из названных источников имеет свои преимущества и недостатки. Так, неодинаковыми информативными возможностями обладают разные типы словарей, а также разные зоны словарных статей. Например, Мотивационный диалектный словарь фиксирует мотивационные связи в диалектной речи и может быть использован при анализе когнитивного аспекта гендерной диалектологии, так как в нем представлены рефлексии диалектоносителей по поводу фактов языка и речи, а также представлены разные стратегии толкования мотивационного значения.

Таким образом, исследование гендерных характеристик диалектной коммуникации соответствует общим векторам развития русской диалектологии и русистики в целом, базирующихся на принципах интегративности, междисциплинарности, антропоцентричности.

Литература

Демешкина Т.А., Толстова М.А. Гендерная диалектология и словари как ее источник // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 83–105.

Савчук С.О. Региональная вариативность русской речи в аспекте диалектологии и социолингвистики // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы международной конференции 26–28 октября 2018 г. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 234–236.

Аспектуальный потенциал русского глагола (по данным диалектного словаря и полевым записям)

В.А. Закревская

Aspectual potential of the Russian verb (according to the dialect dictionary and field records)

V.A. Zakrevskaia

Тюменский государственный университет (Тюмень) / Tyumen State University

zakrev@yandex.ru

Аннотация. Доклад содержит анализ видовой характеристики глагола, представленной в «Архангельском областном словаре» (под ред. О.Г. Гецовой). Важно, что глаголы разных видов подаются в отдельных словарных статьях с обширным иллюстративным материалом. Это раскрывает и возможности видообразования, и в какой-то степени функциональный диапазон глаголов. Привлечение собственных записей диалектной речи позволяет составить более полную картину функционирования глагольных видов в диалектах как факте устной речи.

Ключевые слова: совершенный и несовершенный вид, архангельские диалекты, лексическая сочетаемость, видовые пары и цепочки.

Summary. The report contains an analysis of the aspectual characteristic of the verb, presented in Arkhangelsk Regional Dictionary (edited by O.G. Getsova). It is impotent, that verbs of different aspects are given in separate dictionary articles with extensive illustrative material. This allows us to identify the possibilities of formation of aspects and to some extent the functional range of Perfective and Imperfective aspect. Attraction of own records of dialectal speech allows to make a more complete picture of the functional of verbal aspects in dialects as a fact of oral speech.

Keywords: perfective and imperfective aspect, aspectual pairs and chains. Arkhangelsk dialects, lexical compatibility.

Толковые словари, как известно, прежде всего несут информацию о лексическом составе языка. В этом отношении «Архангельский областной словарь» (под ред. О.Г. Гецовой), 18 выпусков которого уже увидели свет [АОС 1980–2017], является одним из богатейших диалектных словарей, отражающих многозначность лексем, их разветвленные синонимические связи.

Как и любой словарь, АОС содержит и грамматическую характеристику. В частности, указываются вид глагола и глагольное управление, приводятся некоторые временные формы. Но этими элементарными сведениями словарь не ограничивается. Тот факт, что глаголы совершенного и несовершенного видов подаются в отдельных словарных статьях (с самостоятельной формулировкой значений и обшир-

ным иллюстративным материалом), позволяет исследователю составить представление и о видовой системе в целом, и в какой-то степени об особенностях функционирования глагольных видов.

Так, в АОС зафиксированы как видовые пары, так и видовые цепочки. Например, видовые пары: *ввалить* / *вваливать, вгонить* / *вганивать, выреветь* / *выревливать, докупить* / *докупать* и под. Видовые цепочки: *вдернуть* / *вдергать – вдергивать, выкокшить* / *выкакшивать* / *выкокшивать, закрасить* / *закрашать – закрашивать* и под. Причем глаголы и в видовых парах, и в видовых цепочках не всегда могут соотноситься по значению просто из-за отсутствия фиксации живого контекста. Но потенциально он возможен. Так, в приведенной выше паре *докупить* / *докупать* имперфектив подается со значением «доливать вино в рюмку?» с очень неясным контекстом, не соотносящимся со значением перфектива [АОС, вып. 11: 317]. Однако записанный нами летом 2017 г. в селе Архангело Каргопольского района пример *Докупали-то немного* (кирпичей) подтверждает «полноценность» данной видовой пары. Кроме того, существующие в архангельских говорах так называемые местоглагольные слова типа *дотогодить, притогодить*, значение которых проявляется только в контексте или в ситуации речи [Закревская 2013: 34–37], тоже способны образовать пару или цепочку: *вытогоделать* / *вытогоделывать* / *вытогоделивать*. Это лишний раз подчеркивает «морфологичность» категории вида, несмотря на всю сложность споров по поводу видовой семантики. Ранее проведенное нами исследование на материале картотеки АОС и собственных записей диалектной речи не противоречит данным опубликованных выпусков словаря, а только дополняет и уточняет их [Закревская 2003: 27–42].

Особенности функционирования глагольной формы сложнее почерпнуть из словаря в силу понятных ограничений, касающихся объема иллюстративного материала. Тем не менее это возможно, если привлечь и собственные записи диалектной речи. Так, наблюдая в течение многих лет употребление глаголов совершенного вида, мы выявили их способность «брать на себя» функции глаголов несовершенного вида, а именно: участвовать в контекстах со значением длительности и кратности действия, сочетаясь с соответствующими аспектуальными показателями [Закревская 2004: 148–158]. Кроме того, говорам свойственно свободное употребление форм разных видов и времен в одном контексте, иногда в качестве однородных членов. Что из этих черт проявляется в словаре? Так, в АОС последовательно отражается удвоение глагольной формы совершенного вида: *Вот эту фсю* (осину) *выкокшыт, выкокшыт* [АОС, вып. 6–7: 263]. *Заболел да заболел серцэм. И у нево отпали ушы у серца* [АОС, вып. 15: 128]. *Закопят, закопят, зароюца в бумагах* [АОС 17: 164]. Можно выявить и контексты с варьированием видо-временных форм: *Выгонила, говорю: поди не кур. Он фсё туд закурит. Фсё здесь закурил* [АОС, вып. 17: 257].

Другие функциональные особенности не так очевидны, их констатация в словарных статьях может носить случайный характер. Например, сочетание перфектива с показателем длительности действия: *Сутки выревит* [АОС, вып. 8: 139].

Приведем примеры из недавней (август 2017г.) экспедиции в Архангельскую область (с. Архангело Каргопольского района), свидетельствующие об устойчивости отмеченных нами черт.

1. **Длительность** действия проявляется в контекстах с удвоением глагола совершенного вида и в сочетании со словами с семантикой меры: *До того наломит-то, вечером натру, натру* (колени). *Привыкла потом да привыкла. Ой, што попишэш, бывало! Иногда полностью потянет фсю ногу, долго вот походиш.*

2. **Повторяемость** действия наблюдается в сочетании с количественными группами: *Сколько рас с ними походила. Вы и так сёдне десеть рас пришли. Сто один рас дождик принелся.*

3. **Контексты с варьированием видо-временных форм**: *Я и в деревне не шумливала, другие роспорят и землю дерут. Офцу сама зарежу, телёнка не резывала.*

Таким образом, диалектный словарь может быть ценным источником сведений о состоянии видовой системы в говорах и функционировании глагольных форм при условии тщательного отбора языковых иллюстраций и при опоре на исследования, выполненные на диалектном материале. Как нам кажется, «Архангельский областной словарь» отвечает этим требованиям.

Литература

Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–12. М.: Изд-во МГУ, 1980–1996. М.: Наука, 1999–2017 (продолжающееся издание) (АОС).

Закревская В.А. Суффиксальная видовая пара приставочных глаголов в диалектной речи // Вопросы русского языкознания. Вып. 10. Архангельские говоры: Словообразование. Лексика. Семантика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 27–42.

Закревская В.А. Некоторые особенности употребления приставочных глаголов совершенного вида в диалектной речи (на материале архангельских говоров // Материалы и исследования по русской диалектологии II (VIII). М.: Наука, 2004. С. 148–158.

Закревская В.А. «Местоглаголие» в архангельских говорах // Семантика и прагматика языковых единиц. Тюмень: ИД Титул, 2013. С. 34–37.

Морфемообразование на базе этимологического корня **-poi-* в русских народных говорах

Е.Н. Иванова

Morphyme formation in the words with etymological roots **-poi-* in the Russian dialects

Elena N. Ivanova

Вологодский государственный университет / Vologda State University

el-ivan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается система диалектных этимонимов с корнем **-poi-*, дается описание процессов семантической дивергенции, приводящих к формированию новых корневых морфем. В составе диалектных слов выявлен ряд вторичных корней, образованных на базе исходного корня **-poi-*.

Ключевые слова: морфемообразование, вторичный корень, этимоним, говоры.

Summary. The article considers the system of dialects etymonims with the root of **-poi-*, describes the processes of semantic divergence leading to the formation of new root morphemes. A number of secondary roots formed on the basis of the original root **-poi-*, were revealed in the composition of dialect words.

Keywords*:* morphyme formation, secondary root, etymonim, dialects.

В докладе исследуются процессы образования новых морфем на основе индоевропейского корня **-poi-* в русских народных говорах. Данный корень в чистом виде представлен в глаголе *пить* и производных от него диалектных лексемах: *питница* ‘большая деревянная бочка, кадка для питьевой воды’ [СВГ, вып. 7: 61]. На базе корня *-пи-* возникли вторичные корни *-пив-*, *-пир-*, продуктивные в говорах русского языка: *пивник* ‘большой сосуд для приготовления пива’ [СВГ, вып. 7: 57], *пирушка* ‘свадебный пир’ [СВГ, вып. 7: 60].

В русских народных говорах корень *-пи-* является свободным во многих диалектных словах: *пивушка* ‘приспособление для питья в виде конуса, сделанного из куска бересты’ [СВГ, вып. 7: 57]. В производных словах статус корня может изменяться. В составе существительного *опойки* ‘сапоги, сшитые из кожи телёнка-сосунка’ [СВГ, вып. 6: 62] корень *-поj-* является связанным. Метонимическое развитие значения слова можно представить следующим образом: *опоек* (мн. *опойки*) ‘телёнок-сосунок’ → ‘шкура телёнка-сосунка, а также кожа из неё’ → ‘сапоги, сшитые из кожи телёнка-сосунка’. Лексическое значение слова утрачивает связь с исходным значением корня, корень теряет сигнификативную значимость.

Изменения в семантике корней могут иметь разные направления. В составе существительного *опоек* ‘пьяница’ [СВГ, вып. 6: 62] корень *-noj-* также является семантически связанным. В лексико-семантическом варианте глагола *пить* ‘употреблять спиртные напитки’ и производных от него диалектных лексемах сигнификативная значимость корня снижается в результате сужения лексического значения слова. Следствием данных изменений является омонимия корневых морфем: *опойки* ‘сапоги, сшитые из кожи телёнка-сосунка’, *опоек* ‘пьяница’.

Эволюционное движение морфем в составе производного слова, процессы десемантизации корней приводят к появлению вторичных корневых морфем. Как отмечают исследователи, исконно русские слова могут включать в свою структуру детерминативы – словообразовательные элементы, исторически предшествующие суффиксу и представляющие собой первую стадию линейного расширения корня [Откупщиков 2005: 6]. Вероятно, в праславянском языке в результате расширения корней **-poi-, *-pai-* детерминативом *-g* возникли вторичные корни *-пойг-*, *-пайг-*: *пойга* ‘малютка, младенец’, ‘жеребёнок’ [СРНГ, вып. 28: 383], *пойгаш* ‘малыш, малютка’, ‘о крепком детеныше животного’ [СРНГ, вып. 28: 383], *пайган* ‘толстый ребенок’ [СРНГ, вып. 25: 153], *пайгаш* ‘упитанный, толстый детеныш животного’, ‘малыш, малютка, мальчуган’ [СРНГ, вып. 25: 153].

Новые корневые морфемы могут возникать в говорах в результате фонетических преобразований. Корень *-пи-*/*-пij-* представлен в диалектных наименованиях пиявки: *вопиялица* [СРНГ, вып. 5: 96], *пияйка* [СРНГ, вып. 27: 63], *пивица* [СВГ, вып. 7: 57], *пиявец* [СВГ, вып. 7: 62]. В устной речи фонетические изменения первичного корня *-пи-*/*-пij-* привели к появлению вторичных корней *пияг-, пиг-*: *пиягалка*, *пияглица* [СРНГ, вып. 27: 63], *пигалка* [СВГ, вып. 7: 57]. В вологодских говорах значение ‘пиявка’ развивает существительное *пигалица* [СВГ, вып. 7: 57]. В результате фонетического сближения общерусской лексемы с диалектными образованиями, имеющими в своей структуре корни *-пи-*/*-пij-*, *пияг-, пиг*, происходит переосмысление внутренней формы слова и формирование переносного значения.

Вероятно, к индоевропейскому корню **-poi-* восходит корень *-пе-* в диалектном глаголе *водопеть* ‘пропитываться водой, делаться влажным’ [СРНГ, вып. 4: 344]. Это подтверждается наличием в говорах сложных слов с корнем *-пой-*, имеющих в содержании лексических значений семы ‘пропитанный водой’, ‘содержащий влагу’: *водопойчина* ‘топкая, болотистая земля’, [СРНГ, вып. 4: 345], *водопойка* ‘луговая трава’ [СРНГ, вып. 4: 345], *водопой* ‘сырое, заболоченное место’ [СРНГ, вып. 4: 345]. Как отмечает Л.Г. Яцкевич, для диалектных глаголов характерно активное преобразование субъектно-объектных отношений. По мнению исследователя, это свидетельствует о сохранении в современных говорах архаичных функционально-семантических особенностей глагольной лексики, связанных с их первичным залоговым синкретизмом [Яцкевич 2015: 140].

В праславянский период на базе алломорфов **-poj-*/*-paj-* начинает формироваться новая корневая морфема *-naj-*/*-noj-*: глаголы, образованные от каузатива **pojiti* и его итеративной формы **pajati,* в праславянский период развивают новые значения: **orzpajati* ‘разделить что-либо соединенное, распаять’ [ЭССЯ, вып. 34: 111], **otъpojiti* ‘отделить что-либо присоединенное, отпаять’ [ЭССЯ, вып. 38: 43].

В говорах корень *-naj-*/*-noj-* обладает большей продуктивностью, чем в литературном языке. Слова с данным корнем в диалектной сфере образуют несколько лексико-семантических зон: ‘паяние’: *запайна* ‘состав, применяемый при паянии’ [СРНГ, вып. 10: 299], ‘слияние’: *спой* ‘место слияния реки и протоки’ [СРНГ, вып. 40: 199], ‘соединение льдин’: *пайда* ‘скопление остановившегося во время ледохода льда’ [СРНГ, вып. 25: 153], ‘сплетение’: *спаивать* и *спайвать* ‘соединять плетением (веревки)’ [СРНГ, вып. 40: 107], ‘совместная деятельность’: *спаиться* ‘объединиться для совместной работы’ [СРНГ, вып. 40: 107].

Мотивирующие семы ‘соединение’, ‘сплетение’ имплицитно представлены в лексическом значении существительных *пайняк* ‘заросли мелкого кустарника’ [СРНГ, вып. 25: 154], *пайма* ‘короб, корзина, котомка из бересты, лыка (обычно па лямках)’, ‘куча, пачка, ворох’, ‘пучок, прядь (волос)’ [СРНГ, вып. 25: 154], *паева*, *пайва*, *пайба* ‘короб, корзина, котомка из бересты, лыка (обычно па лямках)’ [СРНГ, вып. 25: 139, 153]. Вероятно, корни данных лексем образованы на базе первичного корня *-naj-*.

Таким образом, на базе индоевропейского корня **-poi-* в русском языке появились новые корни. Возникшие корневые морфемы в говорах обладают большей продуктивностью, чем в литературном языке. Корни диалектных слов подвергаются семантическому варьированию. Изменение сигнификативной значимости морфемы приводит к структурной нестабильности слова, что в дальнейшем может стать причиной образования новых морфем.

Литература

Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. М.: Академия, 2005. 316 с.

Словарь вологодских говоров / Под ред Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007 (СВГ).

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–47. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2014 (СРНГ).

Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып.1–38. М.: Наука, 1974–2012 (ЭССЯ).

Яцкевич Л.Г. Эволюционные процессы морфемообразования на базе праславянского корня **-pel-* в русских народных говорах (Статья первая: алломорф **-pel-*) // Вестник Вологодского государственного педагогического университета. № 2. 2011. С. 95–104.

Яцкевич Л.Г. Словообразовательная категория залоговости в вологодских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 14: Межвуз. сб. / Отв. ред. А.С. Герд, Е.В. Пурицкая. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2015. С. 120–140.

Собираем и сохраняем сокровища русского языка: практики по диалектологии на филологическом факультете МГУ и в филиалах

И.Б. Качинская

Collect and save the treasures of the Russian language: educational dialects practice at the faculty of Philology of MSU and its branches

Irina B. Kachinskaya

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

kacza@yandex.ru

Аннотация. В докладе будет рассказано о направлениях практики по русской диалектологии у студентов-бакалавров и магистрантов МГУ имени М.В. Ломоносова и в филиалах МГУ в Казахстане и Азербайджане. Эти практики знакомят студентов с народной речью, а также получают серьезный научный выход. Благодаря им создается крупнейший словарь одного региона – «Архангельский областной словарь». Расшифровки полевых материалов поступают в Национальный корпус русского языка: в Устный корпус и Корпус диалектных текстов.

Ключевые слова: русская диалектология, диалектологическая экспедиция, студенческая практика.

Summary. The report will tell about the directions of practice in Russian dialectology among students of MSU and in it’s branches in Kazakhstan and Azerbaijan. These practices introduce students to folk speech, and also get a serious scientific results. Thanks to them, the largest dictionary of one region is created – “Arkhangelsk Region Dialect Dictionary”. Transcripts of field expeditions enter to the Russian National Corpus: to Corpus of Spoken Russian and to Dialectal Corpus.

Keywords: Russian dialectology, dialectological expeditions, student training.

В докладе будет рассказано о практике по диалектологии у студентов и магистрантов МГУ, у студентов в филиалах МГУ в Казахстане и Азербайджане, а также о научных результатах этих практик.

1. Студенческая практика охватывает всех студентов русского отделения филологического факультета МГУ и делится на полевую и камеральную. Полевая практика предполагает выезд в деревни Архангельской области и непосредственную работу с информантами. Во время камеральной практики продолжается обработка полевых материалов уже в Москве. Вид практики студент выбирает по своему желанию.

Диалектологические экспедиции студентов филологического факультета МГУ в Архангельскую область проводятся с середины 50-х годов XX века. Цель практики: собрать и обработать материалы для издаваемого кафедрой русского языка «Архангельского областного словаря» (АОС). В 1980 г. вышел 1-й выпуск Словаря, в 2018-м – 19-й. И хотя до конца еще далеко, этот Словарь оказывается самым большим среди словарей одного региона.

На протяжении нескольких десятилетий студенты под руководством преподавателей и сотрудников кафедры учились со слуха записывать живую речь в полевые тетради, потом весь материал расписывался на каталожные карточки – с обязательным указанием «паспорта» записи, с толкованием диалектного слова и его иллюстрацией. Основными «инструментами» были ручка и тетрадь, реже – магнитофон (диктофон). Но с появлением новых технологий многое поменялось. Сейчас студенты едут в экспедицию с мобильными телефонами, которые используются как диктофоны, и с ноутбуками, куда сразу заносится расшифровка диалектной речи. Бумажные карточки не создаются с 2011 года. Практически исчезли и рукописные тетради. Расшифровка делится на 2 условные «тетради» – на базе первой создаются «электронные карточки», аналоги бумажных: с выведением начальной формы диалектного слова, его рабочим толкованием и иллюстрацией. Во второй тетради поверх расшифровки производится разметка диалектных слов. Создана «Электронная картотека» «Архангельского областного словаря», куда вошло уже ок. 2 млн электронных «карточек». Электронная картотека, наряду с бумажной, активно используется не только для подготовки словарных статей в АОС, но и для научной работы преподавателями, учеными, студентами, магистрантами, аспирантами.

2. Компьютерная практика магистрантов, специализирующихся на кафедре русского языка по истории языка и диалектологии, связана с Корпусной лингвистикой. Цель практики: обучение основам лингвистической разметки в Национальном корпусе русского языка. Магистранты в специально созданной программе размечают тексты для выставления в один из корпусов НКРЯ (диалектный подкорпус): с помощью грамматического анализатора снимают омонимию, отмечают диалектные особенности в грамматике, приводят семантические параллели.

3. Практика на **филологическом факультете в Казахстанском филиале МГУ** связана с изучением русской речи в Казахстане. Это особенно интересно, потому что Казахстан в XX веке представлял собой этнический котел, в котором именно русский язык был языком межнационального общения. Каждый студент расшифровывает 60 мин. монологической речи информанта (информантов). Материалы пополняют Устный корпус НКРЯ, некоторые материалы уже обработаны и выставлены в Корпусе.

4. Диалектологическая практика студентов-русистов **филологического факультета в Бакинском филиале МГУ** (Азербайджан) связана с выездами в старейшее русское село Ивановка, в котором с 30-х годов XIX в. проживают высланные на Кавказ русские протестанты-молокане. Старшее поколение прекрасно сохранило свою культуру и язык. Именно анализ лингвистических данных позволил отнести говор села к восточной зоне южно-русского наречия, т.е. к Рязанским и Тамбовским говорам. Студенты должны опросить не менее 4-х информантов и расшифровать диалектные тексты в общем объеме 60 мин., составить словарь диалектных слов к своим расшифровкам, т.е. получить еще и лексикографические навыки. Расшифровки и аудиосопровождение после обработки войдут в Корпус диалектных текстов НКРЯ.

Доклад предполагается сопровождать презентацией. На презентации будет представлена интереснейшая находка: необычный письменный источник, в котором ярко проявились особенности местного говора. Это платочки, вышитые «крестиком», на которых в три (или в два) ряда вышиты строки из популярных народных песен.

Диалектологическая практика дает возможность студентам не только расширить свое представление о языке, увидеть архаику и новаторство, направление языковых изменений, проявляющееся на всех лингвистических уровнях: фонетики, грамматики, семантики, но и многое узнать об истории своей страны, прикоснуться к народной культуре.

Ремесленная лексика в словарях русского языка

М.Д. Королькова

Craft vocabulary in Russian dictionaries

Mariia D. Korolkova

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) / The Institute for Linguistic Studies RAS (Saint Petersburg)

skifane@gmail.com

Аннотация. Вопрос о классификации и кодификации ремесленной лексики в лексикографических источниках остается открытым и требует специального изучения и систематизации материала. Лингвогеографический анализ лексики русских говоров Поволжья в сопоставлении с данными ряда нормативных и диалектных лексикографических источников показал, что своеобразие ремесленной лексики позволяет выделить ее как самостоятельный объект исследования.

Ключевые слова: диалектология, ремесленная лексика, словари, тематическая группа, диалектная терминология.

Summary. The question of the classification and codification of craft vocabulary in lexicographical sources remains open. Its requires special study and systematization of the material. linguogeographical analysis lexis of the Russian dialects of the Volga region in comparison with normative and dialectal lexicographic sources showed that the peculiarity of craft vocabulary makes it possible to distinguish it as an independent object of study.

Keywords: dialectology, craft vocabulary, dictionaries, subject group, dialect terminology.

На протяжении полутора веков исследования русских говоров исследователи нередко обращались к ремесленной лексике, ее описанию, проблемам соотношения ремесленной лексики и терминологии, истории развития терминологии русского языка. Среди них О.И. Блинова, О.В. Борхвальдт, В.Е. Гольдин, А.В. Громов, В.М. Жирмунский, Т.С. Коготкова, М.И. Литвинова, А.В. Маринин, Г.Г. Мельниченко, Л.П. Михайлова, И.А. Оссовецкий, М.А. Плотников, Л.Ф. Путятина, Г.П. Снетова, А.И. Соколова, Ф.П. Сороколетов, Е.Н. Толикина, О.Н. Трубачев, Ф.П. Филин, И.Л. Чижова, Ю.П. Чумакова, Д.Н. Шмелёв и многие другие. Многие исследователи обращали внимание на сложный и неоднозначный характер профессиональной лексики ремесленников-диалектоносителей, но до настоящего времени ремесленная лексика русских говоров не выделялась из диалектной как самостоятельный, существующий по другим законам объект.

В процессе работы, посвященной анализу ремесленной лексики русских говоров Поволжья, было выявлено, что единицы ремесленной лексики непоследовательно фиксируются в сопоставляемых лексикографических источниках, и воз-

можной причиной этому может быть именно неопределенность их статуса [Королькова 2018]. В качестве источников для сопоставления были выбраны Словарь современного русского яыка в 17 т., Большой академический словарь, Картотека СРНГ, словарь В.И. Даля, словарь В.П. Бурнашева и ряд региональных диалектных словарей, позволяющих сделать предварительные выводы о распространении ремесленной лексики на территории Европейской части России. Исследование показало, что как среди лексических единиц, имеющих общенародный характер, так и среди диалектных, встречаются единицы, имеющие терминологическое или узкоспециальное значение в узком смысле слова, то есть распространенные только в речи ремесленников.

Сложность вопроса о классификации ремесленной лексики проявляется во время анализа конкретного материала, так как, например, решение вопроса о ее кодификации в нормативных лексикографических источниках и наличии или отсутствии помет принимается в каждом конкретном случае.

Следовательно, для адекватного объекту описания необходимо полноценное лингвогеографическое и лексико-семантическое описание лексических единиц, относящихся к тому или иному ремеслу. Необходимо определение основных лингвистических центров развития терминологии ремесел, что возможно только при пристальном анализе лингвогеографической составляющей ремесленной лексики.

Получение подобных данных возможно в процессе экспедиционной работы с информантами-ремесленниками или их ближайшими родственниками (remembers), проработки архивных лингвистических, исторических и этнографических источников, региональных и сводных диалектных словарей и исторических словарей русского языка.

Литература

Блинова О.И. Производственно-промысловая лексика старожильческих говоров с. Вершинина Томской обл.: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Томск, 1962.

Большой академический словарь русского языка: В 30 т. СПб.: Изд-во «Наука», 2004–2017– (продолжающееся издание).

Борхвальдт О.В. Историческое терминоведение русского языка. Красноярск: Красноярский гос. пед. университет, 2000.

Бурнашев В.П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, Т. I–II. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1843–1844.

Гольдин В.Е. Об одном аспекте изучения тематических групп // Язык и общество. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1970. С. 163–175.

Громов А.В. Из опыта изучения специальной лексики в говорах Костромской области (лён, куст., пряд., тканья) // Доклады на научных конференции (Ярославский пед. ин-т). Т. 3, Вып. 2. 1964. С. 82–86.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Изд. 2. СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1880–1882.

Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Ленинград. научно-исслед. ин-т языковедения ЛИФЛИ. Л.: Худ. лит., 1936.

Коготкова Т.С. К вопросу о производственно-профессиональной лексике говора и соотношении ее с терминологической лексикой литературного языка // Диалектная лексика 1969. Л.: Наука, 1971. С. 3–20.

Коготкова Т.С. Национальные истоки русской терминологии. М.: Наука, 1991.

Королькова М.Д. Ремесленная лексика русских говоров Присурского Поволжья: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. СПб., 2018.

Литвинова М.И. Ремесленно-промысловая терминология в словаре В.И. Даля: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1955.

Маринин А.В. Лексика промыслов и ремесел в говорах Вадского района Нижегородской области: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Арзамас, 2011.

Мельниченко Г.Г. Некоторые вопросы региональной лексикологии и лексикографии // Вопросы русского языка. Вып. 1. Ярославль, 1970. С. 22–55.

Михайлова Л.П. Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л., 1970.

Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982.

Плотников М.А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1894.

Путятина Л.Ф. Терминологические словосочетания в говорах Среднего Амура // Ученые записки (Хабар. Пед. институт). Т. 29. 1970. С. 197–204.

Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1950–1965. Т. 1–17.

Снегова Г.П. Русская историческая терминология: учеб. пособие. Калинин: КГУ, 1984.

Соколова А.И. Изменение территориального диалекта под влиянием социальных факторов // Очерки по социолингвистике. Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Шадринск: Свердлов. гос. пед. ин-т, Шадрин. гос. пед. ин-т, 1971. С. 29–63.

Сороколетов Ф.П. Диалектная лексика в её отношении к словарному составу общенародного языка // Слово в русских народных говорах. Л., 1968. С. 222–236.

Сороколетов Ф.П. К истории формирования терминологических систем // Актуальные проблемы лексикологии. Вып. 2. Часть 2. / Отв. за выпуск М.И. Черемисина. Новосибирск, 1969. С. 191–193.

Толикина Е.Н. Русская ремесленно-промысловая терминология первой пол. XIX в. и ее отражение в лексикографии того времени (Словарь В. Бурнашева): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1954.

Трубачёв О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.

Филин Ф.П. Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1936.

Чижова И.Л. Лексика художественных промыслов Среднего Урала: структурно-семантический, лексикографический и номинативный аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

Чумакова Ю.П. Лексика традиционного ткачества в говорах района Богословщина Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). Рязань: Рязан. этнограф. вестник, 1995.

Разрушение севернорусского оканья: акустический анализ

А.М. Красовицкий

The decline of the North Russian *okan'e*: an acoustic analysis

Alexander M. Krasovitsky

Оксфордский университет (Великобритания) / Oxford University (Great Britain)

alexander.krasovitsky@mod-langs.ox.ac.uk

Аннотация. В докладе рассматриваются фонетические процессы, приведшие к возникновению качественной редукции гласных и к разрушению характерных для севернорусского наречия фонологических контрастов в безударных слогах. Последовательные стадии этого процесса синхронно представлены в речи разных возрастных групп носителей говоров. Анализ артикуляционного пространства гласных показал, что утрата фонологических контрастов в безударных слогах связана со сдвигом акустико-артикуляционных зон гласных фонем.

Ключевые слова: фонетические изменения, редукция гласных, акустический анализ.

Summary. The paper investigates sound change leading to the rise of qualitative vowel reduction and to the deterioration of phonological contrasts in unstressed syllables, a distinctive feature of the North Russian variety. We find dialects where different diachronic stages of this process are presented as synchronic variation across speakers from different age groups. An analysis of articulatory vowel space shows that a shift of articulatory zones of vowel phonemes is a key factor contributing to the loss of phonological contrasts in unstressed syllables.

Keywords: sound change, vowel reduction, acoustic analysis.

Характерной чертой севернорусского наречия, отличающей его от южнорусского наречия и части среднерусских говоров, традиционно считается оканье – различение в безударных позициях фонем неверхнего подъема [ДАРЯ 1986]. Согласно недавно проведенным исследованиям [Ваахтера 2009; Красовицкий 2014; Коробейникова 2015], в современных севернорусских говорах в настоящее время представлены разные стадии перехода от старой системы оканья к новым типам вокалических систем, основанных на нейтрализации фонологических контрастов в безударных позициях. В качестве примера можно привести развитие нейтрализации фонем нижнего и среднего подъёма /а/ и /о/ в безударных слогах после твердых согласных. Несколько стадий этого исторического изменения можно наблюдать в речи разных поколений, принадлежащих к одной локальной группе: консервативные идиолекты с последовательным оканьем (1) сосуществуют в обследованных говорах с инновативными идиосистемами, для которых характерна последовательная нейтрализация неверхних фонем в безударных слогах (2), а также с различными переходными системами. В докладе рассматриваются фонетические процессы, приводящие к утрате оканья в речи среднего и младшего поколения.

	ударный слог	безударный слог
(1) Консервативные идиолекты	с [**а**] м	с [**ʁ**] м á ИЛИ с [**ə**]м á
	с [о] м	с [**о**] м á
(2) Инновативные идиолекты	с [**а**] м	с [**ʁ**] м á ИЛИ с [**ə**] м á
	с [**о**] м	с [**ʁ**] м á ИЛИ с [**ə**] м á

Сравнительный анализ артикуляционного пространства гласных консервативных, переходных и инновативных идиолектов, проведенный на основе нормализованных средних значений F1 и F2 с использованием метрики Bark и процедур нормализации Лобанова [Lobanov 1971], свидетельствует, что существует тесная корреляция между развитием нейтрализации фонем неверхнего подъема и сдвигом их артикуляционных зон. Так, в консервативных идиолектах, различающих фонемы /о/ и /а/ в безударных слогах, артикуляционные зоны этих фонем, как в ударных, так и в безударных слогах, находятся на значительном расстоянии друг от друга, что обеспечивает сохранение фонологического контраста. С акустической точки зрения это выражается в значительных различиях между значениями формант и в очевидном перцептивном контрасте. В инновативных – редуцирующих – идиолектах можно наблюдать значительное наложение артикуляционных зон фонем /о/ и /а/, в том числе в ударных слогах. Кроме того, акустический анализ показал, что для среднего и младшего поколения характерен значительный сдвиг ряда ударных аллофонов /о/ к центру трапецоида гласных, что свидетельствует об их слабой лабиализованности [Ladefoged & Maddieson 2002: 358]. Наложение артикуляционных зон фонем /о/ и /а/ ослабляет контраст между ними, способствуя их сближению и нейтрализации в более кратких безударных слогах [Clements & Ridouane 2006]. В то же время краткость безударных слогов сочетается с последовательным различением фонем нижнего и среднего подъема в речи старшего поколения.

Исследование основано на данных из Мезенского района Архангельской области (2006 г.) и из Солигаличского района Костромской области (2018 г.), записанных от информантов, рожденных между 1934 и 1995 годами, а также на записях, сделанных в Мезенском районе Архангельской области в 1966–1967 годах (фонотека ИРЯ РАН).

Литература

Ваахтера Й.М. Эволюция системы гласных фонем в некоторых говорах Вологодской области. Slavica Helsingiensia 37. Helsinki, 2009.

Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. Вып. 1: Фонетика. Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. М., 1986 (ДАРЯ).

Коробейникова Т.Н. Эволюция системы ударного вокализма в свете синхронных данных. Дис. ... кандидата филологических наук. М., 2015.

Красовицкий *А.М.* Артикуляционный сдвиг и развитие нейтрализации гласных (на материале архангельского говора) // Проблемы фонетики № 6. 2014. С. 262–280.

Clements G.N. & Rachid Ridouane. Quantal phonetics and distinctive features: a Review // Antonis Botinis (ed.). Proceedings of the ISCA Tutorial and Research Workshop on Experimental Linguistics. Athens: University of Athens, 2009. С. 17–24.

Ladefoged Peter & Ian Maddieson. The Sounds of World's languages. Blackwell, 2002.

Lobanov Boris M. Classification of Russian vowels spoken by different listeners. Journal of the Acoustical Society of America. № 49. 1971. С. 606–608.

Дательный этический в южнорусском говоре

А.В. Малышева

Dativus ethicus in the South Russian dialect

Anna V. Malysheva

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва) / Vinogradov Russian Language Institut (Moscow)

annamalys@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматривается употребление и семантика дательного этического в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области. Показано, что в этом говоре частотны конструкции с этическим дативом, который используется для установления более тесного контакта с собеседником и интимизации повествования. Особенно широко распространены модели с частицей *вот* (*вот тебе так-то, вот тебе такие-то дела*), не характерные для литературного языка. Сопоставление диалектных корпусов (южнорусского Роговатовского и севернорусского Устьянского) позволяет установить, что доля «этического» *тебе* в южнорусском корпусе значительно выше, чем в севернорусском.

Ключевые слова: русские диалекты, южнорусские говоры, падежный синтаксис, беспредложный дательный падеж, дательный этический.

Summary. The report considers the use and semantics of the ethical dative in the dialects of village Rogovatoe (Stary Oskol district of the Belgorod region). It is shown that in the dialect of the most frequent construction with the ethical dative, which is used for establishing closer contact and intimacy of the narrative. Especially widespread models with a particle *вот* (*вот тебе так-то, вот тебе такие-то дела*), not characteristic of literary language. Comparison of dialect corpora (South Russian Rogovatovsky and North Russian Ustyansky) allows to establish that the share of "ethical" *тебе* in the South Russian corpus is much higher than in the North Russian corpus.

Keywords: Russian dialects, South Russian dialects, case system, case functioning, Dativ case, dativus ethicus.

1. Данное исследование является частью комплексного описания южнорусского говора с. Роговатое (Роговатка) Старооскольского р-на Белгородской области. Исследование проведено на материале двух диалектных корпусов, созданных на основании записей 2007–2015 гг.: корпуса расшифрованных текстов с базой данных (ок. 80000 словоупотреблений) и электронного звучащего корпуса (ок. 100000 словоупотреблений) [Тер-Аванесова и др. 2018].

2. Основной функцией этического датива в славянских языках признается «с одной стороны, указание на эмоцио-

нальную вовлеченность говорящего в ситуацию, с другой – маркирование участников коммуникативной ситуации» [Иванова 2015]. В позиции dativus ethicus выступают личные местоимения 1 и 2 л. [Машовец 2000, Кустова 2012, Иванова 2015 и др.], а также конструкции с возвратным местоимением *себе* [Шахматов 2001, Правдин 1956, Заичкова 1972 и др.].

3. В говоре Роговатки личные местоимения в позиции dativus ethicus употребляются преимущественно в форме ед. ч. Форма личного местоимения 2 л. мн. ч. встретилась всего в одном контексте: *И вот* ***вам,*** *девочки, такие-то дела* (здесь и далее примеры приводятся в том виде, в котором они оформлены в корпусах: орфографическая запись принята в электронном корпусе, транскрипция – в корпусе расшифрованных текстов).

Всего зафиксировано 117 конструкций с дательным этическим. Самой распространенной формой в составе этих конструкций является *тебе* [*табê*]. Этический дательный составляет 37% всех отмеченных употреблений формы *тебе* (106 примеров из 289). Примечательно, что в северном Устьянском корпусе [Даниэль и др. 2013–2018] доля «этического» *тебе* составляет всего 3%. Другие местоимения в позиции dativus ethicus употребляются в Роговатке значительно реже: *мне* [*мнê*] – в 3 примерах, *себе* [*сабê*] – в 8 примерах.

4. Наиболее частотны конструкции, которые способствуют установлению более тесного контакта говорящего с адресатом («дательный контакта» [Заичкова 1972: 66]). В таких конструкциях употребляется только местоимение *тебе*: *И колхозную приведи* (корову), *она* ***будет тебе*** *это,* ***скучать****…*; *Ну* ***табê*** *ш* ***нихтó не винъвáт****,* ***хтó табê винъвáт****?*; *Нý дъ, а* ***идê ш табê*** *дишэ́ўле, а лю́бъ, лю́бъ, лю́бъ.*

Самую многочисленную группу примеров «дательного контакта» составляют фразеологизированные модели с частицей *вот*, которые служат для подведения некоторого итога сказанному и актуализации внимания собеседника: *вот тебе* (8 примеров), *вот тебе всё* (28), *вот тебе (и) так-то* (21), *вот тебе (и) такие (такие-то) дела* (21) и др. Например: *Ну и* ***вôт табê и тáх-тъ****, и тáк йа сирътá ъстáлъс' крýулъйъ*; ***Вôт тъб'е так'ийь****, м'ил'ин'к'ийь,* ***д'елá*** (всего 90 контекстов).

В отличие от структурно близких разговорных конструкций русского литературного языка: *Вот вам и отдых. Вот тебе и рождество*, здесь отсутствует значение неожиданного, противоположного ожидаемому результата. Роговатовские модели с частицей *вот* по значению и функциям напоминают болгарские конструкции со сдвоенным dativus ethicus: *Такива* ***ми ти*** *работи.* – Такие вот дела [Маслов 1956: 146–147, Иванова 2015].

5. Другие семантико-прагматические варианты дательного этического в говоре встречаются относительно редко. Это:

1) *мне* запрета, неодобрения в модели с формой повелительного наклонения глагола: ***Ты мне мулюй****, я, это мне, может, я скажу, и с двадцать четвёртого…* (в ответ на утверждение, что собеседнице не восемьдесят шесть, а восемьдесят семь лет);

2) *мне* в модели с вопросительным местоимением *какой*; конструкция означает неуместность, неприемлемость ситуации для субъекта или адресата высказывания: *Вôсьм'дьс'т шестó́й,* ***къкáйь мнê*** *шýткъ,* ***къкóй мнê*** *зáмуш?*;

3) *тебе* в модели с вопросительным местоимением *какой*; конструкция означает несогласие с предположением собеседника или третьего лица, не участвующего в коммуникации: ***Какú ш табе*** *трусы́ бы́ли, срóду ничеγó нé бы́лъ, ни штанôў, ни трусôў*;

4) *тебе* во фразеологизированной модели с частицей *это*: ***это тебе (не)…***; конструкция означает несоответствие между представлением и реальной действительностью [Заичкова 1972: 64]: *Нукось,* ***это тебе не вот эту комнату*** [засадить свеклой];

5) *тебе* во фразеологизированных моделях с частицами *вот, на* (*вот тебе на, на тебе*); конструкция обозначает неожиданный или противоположный ожидаемому результат: *И кинется – сухая* (пустая) *кастрюля, и всё,* ***вот тебе на***.

6. «Этическое» *себе* употребляется при глаголах движения *бегать, идти, уйти*, при глаголах речи: *шептать*, *клявкать* и глаголе *думать*: *и* ***себе*** *хоть бы хны,* ***бегали***; *ъна́ туды́* ***саб'ê уйдé***; ***кля́ўкъй саб'ê*** *пъ-варôн'ўу!*; *йá не пайдý,* ***саб'ê дýмъйу****, н'е пайдý йа за н'еγó зáмуш* и др.

Литература

Даниэль М., Добрушина Н., Вальденфельс Р., фон. Говор бассейна Устьи. Корпус севернорусской диалектной речи. 2013–2018. Берн; Москва [Электронный ресурс: www.parasolcorpus.org/Pushkino].

Заичкова И. Дательный беспредложный в современном русском литературном языке. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 1972.

Иванова Е.Ю. О претендентах на роль dativus ethicus в болгарском языке // XX Державинские чтения. Современные проблемы болгаристики и славистики. СПб: СПбГУ, 2015.

Кустова Г.И. Дательный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2012.

Маслов Ю.С. Очерк болгарской грамматики. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956.

Машовец Е.Н. Конструкции с дательным этическим в современном русском языке: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Саратов, 2000.

Правдин А.Б. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках // Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. Т. XIII. М., 1956.

Тер-Аванесова А.В., Дьяченко С.В., Колесникова Е.В., Малышева А.В., Игнатенко Д.И., Панова А.Б., Добрушина Н.Р. Корпус говора села Роговатка. 2018. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ [Электронный ресурс: http://www.parasolcorpus. org/Rogovatka/].

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / Вступ. статья Е.В. Клобукова; ред. и комментарий Е.С. Истриной. 3-е изд. М.: Эдиторал УРСС, 2001.

Дифференциация семантического пространства КОРОВА в говорах архангельского региона

О.Н. Маркелова, Ж.А. Панина

Differentiation of the semantic space КОРОВА in Arkhangelsk dialects

Olga N. Markelova, Zhanna A. Panina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University (Moscow)

ezvik@mail.ru, zhanna.panina@gmail.com

Аннотация. Тезисы посвящены анализу номинации коровы в архангельских говорах с точки зрения ее половозрастных характеристик. Лексические единицы, описывающие данную семантическую область, позволяют судить об особенностях диалектной картины мира, связанной с коровой как с важнейшим для крестьянского хозяйства животным.

Ключевые слова: архангельские говоры; номинации коровы; диалектная картина мира.

Summary. The paper provides an analysis of cows naming in Arkhangelsk dialects from its age and gender perspective. The lexemes which describe this semantic area are allowing to judge about worldview associated with cow as the most important animal for farmers.

Keywords: Arkhangelsk dialects; nomination of a cows, dialectal worldview.

В данных тезисах анализируются номинации коровы с точки зрения половозрастных характеристик, в первую очередь – способности к оплодотворению и, соответственно, доению. Номинация коровы в литературном русском языке

имеет двухступенчатую характеристику: 1. *телка – 2. корова*. Под телкой понимается детеныш или молодое животное, под коровой – взрослая особь. Однако процесс перехода из первого состояние во второе для носителей литературного языка неочевиден и никак не отражается на уровне лексики.

В диалектной картине мира ситуация другая. Корова традиционно является одним из основных «поставщиков» продуктов питания, поэтому семантическое пространство КОРОВА разработано очень подробно. В диалектах мы видим пятиступенчатую номинацию коровы: 1. детёныш коровы – 2. особь, приближающаяся к половому созреванию – 3. особь после первой случки – 4. после первого отёла – 5. после второго и последующих отёлов. Связь между данными номинациями не всегда однозначна.

1. Детеныш коровы в архангельских говорах имеет следующие названия: *телёнок, телёночек, телёнко, теля́тко, телёш, теля́ш, телешо́к, телети́шко, телушо́нок*. Эти номинации могут относиться к деенышам обоих полов: *От коро́вы фсё́ телёнки, тёлочька да бычёк ли. У коро́вы теля́тко, телёночек, хоть бы́к, хоть телу́шэчька. Сейча́с коро́вушка оте́лица да и телёнко замёрзнет. Телёш ма́ленький хо́ть бычёк, хо́ть тёлочька. И телешо́к тут ма́ленький, фсе гуля́ют. На фе́рме малышэ́й выра́щивала, телети́шэк-то*. В фольклорном тексте отмечена номинация *телёнушек*: *Ба́бушка-Соломони́душка, помоги́ мойёй коро́вушке Зо́рьке, кро́вушку разгоня́й, да телёнушка на свед Бо́жый выпуска́й*. Детеныш коровы женского пола – *телу́шка, телу́шечка, тёлка, тёлочка, тёлонька, тели́ца, телю́шечка*: *У коро́вы телёночьки роди́лись, телу́шки и бычьки́. Поросёнок и поросю́ха, телёнок и тели́ца. Она отели́лась – тёлоньку родила́. У тебя́ фсё тёлонька да бы́ценько. Де́вочька – тёлочька, телу́шэчька, а ма́льчик – бычёк. Конёк – кобы́лка, быцёк – телю́шецька*.

2. Корова в возрасте около года – полутора лет, но до наступления первой течки и, соответственно, осеменения, также может иметь особые названия, частично совпадающие с названиями детеныша коровы женского пола, однако противопоставленные им территориально: *тёлка, тёлочка, тели́ца, тели́чка, телу́ха, телу́шка, телу́шечка*: *Снача́ла телёночек бу́дет, а пото́м побо́льшэ – и тели́чька. Кото́ра не тели́лась – телу́шэчька. Тёлочька, пока не осемени́ш. Телу́шка, она не тели́лась ишшо и не сте́льна. Не́тель – это случёная коро́ва, неслучёная – тёлка, пока́ не загуля́ла – тёлка. Оди́нацэть месеце́й была́ телу́ха. Телу́шка – подро́сток такой*.

3. Животное после первого осеменения часто требует дополнительного внимания и ухода, поскольку этот период очень важен для всего последующего цикла лактации. Такое животное обычно имеет отдельную номинацию: *не́тель, нетёлка, тели́ца, сте́льная телу́шка, сте́льная, тяжёлая, случёная тёлка*: *Не́тель – это де́вочька ищё, уви́дела быка́, но не тели́лась ищё. Телу́шка – это де́вочка, а не́тель – де́вушка. Ф колхо́зе-то сь нетёлками рабо́та. Тели́цэй* (называют) – *йе́сли йещё не растели́лась, а когда́ она́ расте́лица и́ли оте́лица, по-на́шэму, э́то коро́ва. Она́ тяжо́лая тёлка – хо́дит с телёнком. Тяжо́ла телу́шка – сьте́льна, должна́ тели́ца, то́жэ бу́дет коро́ва. Йе́сли он обгуля́йеца, то йещё тёлка, пока́ не роди́т*.

4. Корова после первого отёла обычно также требует особого внимания: доить ее приходится чаще, чтобы «разработать» вымя. Такое животное может называться *первотёлок, первотёлочек, первотёла*: *Первотёлок – это телу́шка нагуля́лась и оте́лица пе́рвым. То́лько пе́рвый рас те́лица коро́ва – вот и первотёлка появля́йеца. Первотёлочек, не́тель я вы́ростила свою́*; также отмечено, что до второго отёла такую корову могли продолжать называть *тёлкой*: *Ак во́т пока́ не тели́лазь, дак теляшы́. А когда́ уш ро́дид, дак тёлка*. Также отмечены номинации *перворо́дка* и *второро́дка*: *Перворо́тка – во́т э́то не́тель и йе́сьть, перворо́тка ро́дит дак. Отко́рмит телёнка – фторо́рмтка. А ту́т у́ш пойду́т коро́ва и коро́ва, фьсё уш не называ́йем*.

5. Именно после первого отёла корова начинает регулярно давать молоко и становится по-настоящему полезной в крестьянском хозяйстве, окупая затраты на свое содержание, – и только тогда в архангельских говорах ее называют *коро́вой, коро́вкой, коро́вушкой, коро́вонькой: Мно́го ра́с тели́лась – зна́цит, коро́ва. Начьнёт дава́ть молоко́ – и коро́ва. А до коро́вы нетёл йещё, пе́ред телу́шкой. Снача́ла не́тель, а пото́м ро́дит ка́к – коро́фка, а пото́м коро́ва одного́, дву́х оте́лоф. Сево́дня коро́вушка отели́лась. У меня́ коро́вонька моло́денька ху́до дои́т*.

Таким образом, диалектный материал дает принципиально иную, чем в литературном языке, системную организацию лексики, называющей корову. Если в литературном языке мы имеем нечеткое противопоставление лексем *тёлка* как нерожавшая особь, еще не способная к доению / *корова* как животное, родившее детеныша и начавшее давать молоко, то в говорах перед нами пятичастная структура: 1. детёныш коровы – 2. особь, приближающаяся к половому созреванию – 3. особь после первой случки – 4. после первого отёла – 5. после второго и последующих отёлов (пп. 2 и 3 в некоторых частных диалектных системах могут объединяться, демонстрируя четырехчастную структуру): *Ну, та́к телу́шка не э́то, а та́ уж бере́менна хо́дит, дак не́тель, фьсё́ ф коро́ву, расте́лица – и коро́ва вы́йдет, молоко́ даю́т. Телу́шэчька когда́ ма́ленькая, пере́д осемене́нийем тёлочька, а пото́м, когда́ осемени́ца – не́тель, как роди́т – коро́ва. Ро́дицца – телёнок, поку́да йеши́о не огуля́лась она́ – не́тель, а росте́лица пе́рво – первотёлок, а фторы́м оте́лица – дак коро́ва*.

Исследование выполнено на материале «Архангельского областного словаря» («АОС»), Картотеки «АОС» и собственных полевых записей авторов. Примеры даются в упрощенной орфографии, принятой для сбора и обработки материала «АОС».

Наименования болезненного состояния человека в русских говорах на территории Республики Мордовия

Т.И. Мочалова, А.Ю. Маслова

Names of Person's ailment in Russian dialects in the territory of the Republic of Mordovia

Tatjana I. Mochalova, Alina Y. Maslova

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск) /
National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk)
mochalova2014@rambler.ru, al_mas@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются лексические и фразеологические единицы, употребляющиеся для обозначения болезненного состояния человека в русских говорах на территории Республики Мордовия. В работе представлена семантическая оппозиция «здоровье – болезнь», осуществлен комплексный анализ диалектных наименований болезней, выявлена их культурно-историческая коннотация.

Ключевые слова: диалект, лексика, фразеология, наименование, болезнь.

Summary. The paper deals with lexical and phraseological units used to denote the ailment of a person in Russian dialects in the territory of the Republic of Mordovia. The paper presents the semantic opposition "health – disease", a comprehensive analysis of dialect names of diseases and revealed their cultural and historical connotation.

Keywords: dialect, lexis, phraseology, name, ailment.

В диалектной среде особое место занимают языковые единицы, характеризующие физическое или психическое состояние человека, его эмоциональные реакции, поскольку с древнейших времен людям приходилось сталкиваться с раз-

личными заболеваниями, недугами, в поисках исцеления прибегать к разного рода знахарям. В сельской местности считалось, что болезни могут появляться не только вследствие физиологических процессов, происходящих в организме человека, но и могут посылаться как наказание за неправильный образ жизни, как негативное воздействие со стороны недоброжелателей (сглаз, порча, наговоры и т.п.). По справедливому замечанию Л.С. Нечаевой, «в разных национальных культурах болезни приписываются особые черты, на основании которых можно выявить интегральный образ болезни в традиционном народном сознании» [Нечаева 2010: 12]. Рассмотрим на лексическом и фразеологическом материале русских говоров Республики Мордовия [Словарь 1978–2006] наименования болезни, болезненного состояния человека.

В исследуемых говорах зафиксированы языковые единицы с обобщенным значением '*болезнь*': ***бóлесть***, ***лихомáнка*** в 1 знач., ***немоготá***, ***плохотá*** во 2 знач., ***спáйка***, ***сúрта***, ***хворóба***. В то же время здесь функционируют наименования, противоположные по смыслу языковым единицам со значением '*болезнь*' и представляющие оппозицию '*болезнь – здоровье*': ***здрáво***, ***могутá***, ***смóга*** – '*сила, здоровье*': *Мой старик харошъ здравъ имел. Биз здравъ-тъ ни пражыл бы восимь дисяткъф* (Мальцево, Торбеевский район). Как отмечает Е.Н. Ильина, речевые реакции сельских жителей «свидетельствуют о том, что ментальная оппозиция «здоровье – болезнь» также занимает значительное место в их сознании, сохраняет связь с традиционными представлениями, имеет устойчивые речевые реализации» [Ильина 2015: 265].

Примыкают к группе слов с обобщенным значением '*болезнь*' наименования, в смысловой структуре которых присутствуют дифференциальные семы. Так, зафиксированы лексемы ***паскáль, планúда, повéтря*** со значением '*эпидемия*', то есть распространение инфекционной болезни, значительно превышающей обычный уровень заболевших в данной местности: *Как какая планидъ прошла, фсей деревний фсе пъвалились, индъ жуть берёт* (Суподеевка, Ардатовский район). Лексемы ***лихомáнка*** во 2 знач., ***комóха*** в 1 знач. характеризуют болезненное состояние, сопровождающееся жаром и ознобом, – лихорадку: *Лихаманкъ, ана и в жар и ф холът брасат* (Саловка, Лямбирский район). Внезапную болезнь, припадок, вызванные испугом, обозначает образование ***прúтка***: *Приткъ – этъ упал чъловек, испужалси, ёму чово-тъ поприччылъсь – вот и приткъ* (Суподеевка, Ардатовский район). Компаративные фразеологические единицы ***как ножóм (ножáми) рéзать***, ***драть дёркой***, включающие в свой состав глаголы негативного физического воздействия ***резать***, ***драть***, служат для номинации сильной боли.

Отметим, что наименования собственно болезней не многочисленны в анализируемом лексикографическом источнике. Зафиксировано две группы названий: 1) болезни домашних животных, представленные двумя лексическими единицами: ***парéс*** – '*воспаление вымени у коров*' и ***рáспéрец*** во 2 знач. – '*гнойник в межкопытной щели домашних животных*'; 2) болезни человека. Вторая группа объединяет в семантические подгруппы номинации по нозологическому принципу. *Внутренние болезни* представлены лексическими единицами, характеризующими заболевания внутренних органов: ***паралúч*** относится к общеупотребительной лексике, ***ревматúзма*** не совпадает в роде с литературным термином-аналогом, ***падéние желýдка*** в значении '*опущение желудка*' семантически дублирует эффект изменения локации органа (и падение, и опущение – это движение вниз), ***невстанúха*** – '*болезнь радикулит*' – акцентирует сему обездвиженности как следствия проявления симптома сильной боли; ***колюха*** – '*тяжелый, сухой кашель*' – семантически актуализирует болезненные ощущения, обозначая проявление болезни дыхательных путей в виде кашля.

Две лексемы обозначают *неврологическое заболевание* эпилепсию: ***нéмочь***, или ***чéрная нéмочь***, когда метафорически переосмысливаются физиологические проявления припадка и полная беспомощность человека: *Чорнъ немъч – этъ болезнь така. Нъчынаццъ приступ, чъловекъ ломат, пенъ из ръту, пъчэрнет весь. Фсёво чъловекъ изломат, он ничово не помнит* (Суподеевка, Ардатовский район), и **младéнческая болéзнь –** '*болезнь эпилепсия у детей*' – когда в обобщенном наименовании конкретизируется возраст больного; возможно усеченное наименование в виде субстантивата ***младéнческая***. Такое употребление словарь фиксирует в составе ФЕ ***младéнческая ломáет***, обозначающей приступ эпилепсии у детей: *Младенчискъ яво ламалъ. Вапил, вапил, а к утру помир* (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район).

Две номинации представляют *инфекционные болезни*: ***летýчка*** во 2 знач. – '*болезнь ветряная оспа*' – метафорически актуализирует в наименовании способ распространения инфекции воздушным путем и ***опёнок*** в 1 знач. – '*болезнь грипп*'. Можно предположить, что номинация присвоена по принципу народной этимологии (*грипп – гриб*) с максимальной конкретизацией определенного вида грибов.

Наиболее представительна подгруппа с названиями *кожных болезней*. Это обобщенное название болезни кожи – ***волосни́***; наименование конкретных болезней: ***крапúвка*** (метафора по признаку эффекта кожного раздражения) – '*экзема*'; ***чёс, очёс*** (метафора по признаку совершаемого больным действия), ***чухнó*** – '*чесотка*'; простудные заболевания, которые проявляются в виде сыпи на теле – ***звар***, в виде сыпи, гнойных ранок на губах – ***комохá (кумоха)*** во 2 знач. ФЕ ***кумохá окидáла*** '*о появлении сыпи, гнойных ранок на губах в результате простуды*' актуализирует персонифицированное воплощение болезни: *У тебя што з губами-тъ?* – ***Кумоха ъкидалъ***, *простылъ фчэра вечъръм* (Ведянцы, Ичалковский район). В отдельную подгруппу объединяются наименования внешних проявлений кожных заболеваний: ***лапты́*** – '*красные пятна и полосы на лице и теле*'; ***мáлежень*** – '*пятно, выступившее на лице, теле*', – контекст употребления дает основания уточнить, что это проявление аллергии: *Я выпилъ эти таблетки-ти и покрылъсь фся красными малижними* (Суподеевка, Ардатовский район); ***плоть*** – '*перхоть*', ***шалýшка, шéлудь*** – '*язвочка, болячка*', ***щéдринка*** – '*оспина*'.

Отметим, что выделение рассмотренных лексико-семантических групп связано с народными представлениями о здоровье и болезни и дополняет характеристику диалектной картины мира носителей русских говоров на территории Мордовии.

Литература

Ильина Е.Н. Представления о здоровье и болезни в речи жителей Вологодского края // Севернорусские говоры. Вып. 14. СПб., 2015. С. 250–266.

Нечаева Л.С. Образ болезни в традиционной культуре (на материале лексики пермских говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2010. Вып. 1 (7). С. 12–20.

Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / Под ред. Р.В. Семенковой. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006. Т. 1–8.

Лингвоспецифичный концепт СОВЕСТЬ в литературном и диалектном языке

Н.А. Редько

Lingua-specific concept SOVEST' (CONSCIENCE) in literary and dialectal language

Natalya A. Redko

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

nataliaredko@rambler.ru

Аннотация. В докладе на примере гештальтов концепта СОВЕСТЬ в говорах архангельского региона обсуждается важность привлечения диалектного материала к исследованиям концептосферы русского языка.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, диалектный язык, совесть, лингвоспецифичный концепт, гештальт.

Summary. This report on the example of concept CONSCIENCE's gestalts in the dialects of the Arkhangelsk region discusses the importance of attracting dialectal material by researchers of the concept sphere of the Russian language.

Keywords: Russian language picture of the world, dialectal language, conscience, lingua-specific concept, gestalt.

В современной русистике все более и более возрастает интерес к выявлению традиционных доминант языковой картины мира (далее – ЯКМ). Отражением представлений о мире в русском языке сегодня заняты ведущие отечественные лингвисты (Ю.Д. Апресян, А.Д. Шмелев, Е.В. Урысон, Анна А. Зализняк, В.В. Колесов и др.). Однако, как правило, объектом их исследований является только кодифицированный литературный язык или городское просторечие. Изучение этих вариантов национального языка, безусловно, необходимо и ценно, но недостаточно для описания русской ЯКМ.

Моделирование картины мира и исследование русского менталитета трудно представить без обращения к народной культуре. Н.И. Толстой называл язык «зеркалом народной культуры, народной психологии и философии» [Толстой 1991: 8]. Изучение русской культуры, таким образом, не может базироваться на анализе только литературного языка или просторечия. Как отмечают в своих работах А.Д. Шмелев, Е.А. Нефедова, Е.Л. Березович, неправильно реконструировать национальную языковую картину мира только на материале литературного языка. В этом случае, несмотря на тщательные научные разработки в данной области, мы будем иметь лишь частичные представления о своеобразии русской ЯКМ.

Диалектная картина мира отличается от той, которую формирует литературный язык, однако нет оснований говорить о разных картинах мира. Отношение к жизни и смерти, семье и труду, будням и праздникам имеет общенациональную специфику. В.Е. Гольдин и А.Д. Шмелев видят основу единства русской ЯКМ в общерусских словах. «Для языковой картины мира существенны в первую очередь общеупотребительные слова» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 654]. Поэтому правомернее говорить не о разных разных ЯКМ, а о вариативности национальной картины мира [Нефедова 2008: 86].

Диалектный язык дает возможность анализировать более широкие круги сочетаемости слов, их оригинальные мотивировки и коннотации. Обращение к диалектному материалу (даже в объеме языковых данных одного региона или одной группы говоров) заметно расширяет круг представлений о мире, выявленных в кодифицированном русском языке.

Сравним исследования лингвоспецифичного концепта СОВЕСТЬ на материале русского литературного языка с данными говоров архангельского региона. Ю.Д. Апресян впервые отметил, что совесть – «внутренний голос», «некое существо внутри человека», «строгий внутренний судья», который может наказывать или миловать, давая предписания с опорой на понятие добра [Апресян 1995б: 353–354]. Н.Д. Арутюнова описывает пять «аналогий» *совести*: нравственная норма, Другой, Судья, судебный исполнитель, орган [Арутюнова 2000: 54–77]. Четыре концептуализации совести по Е.В. Урысон – это «человек внутри человека», «существо внутри человека», «орган нравственной оценки» и «внутренний голос» [Урысон 2003: 34–35]. М.К. Голованивская представляет *совесть* как судью, червя или жидкость [Голованивская 2009]. Мы видим, что исследователи литературного языка дают несколько частично не совпадающих наборов гештальтов концепта СОВЕСТЬ.

Диалектный материал позволяет выстроить ряд гештальтов, не только объединяющий вышеперечисленные варианты, но и дающий новые.

1. *Совесть* в говорах архангельского региона – нравственный кодекс, с которым сверяется человек перед принятием того или иного решения: *Она́ сама́ зна́ет со́весьть*.

2. *Совесть* мыслится человеком как внешняя сила, которой он не может противостоять. Она способна *побить, убить, ударить* поступающего бессовестно или *не позволить* ему совершить какой-либо проступок.

3. Третий возможный образ *совести* – агрессивное существо, которое живет внутри человека. В литературном языке *совесть мучает, грызет, заедает*. В изучаемых говорах *совесть* никогда не *грызет* (*грызет* болезнь, чаще *грыжа*), зато может *заедать: Со́весьть заéла фсё-таки. Зьдéлал, мо́л, по-хоро́шэму.*

4. *Совесть* может персонифицироваться и приравниваться к разумному существу. Разговоры с *совестью* характерны для фольклорных текстов, где олицетворение – одно из типичных средств изобразительности: *Закури́л да и поло́жыл / На око́шко тру́бочьку. / До свида́нья, моя́ со́весьть, / Я́ полéс под ю́бочьку.*

5. *Совесть* – некая субстанция, которая *есть* внутри у человека: *У него́ со́весьть есьть – ска́жут.* «Количество» совести у разных людей можно «взвесить» и сравнить: *У на́шых со́весьти-то бо́льшэ.* Такую *совесть* можно разглядеть в глазах: *У на́с со́весьть в глаза́х есьть.* Ср. лит. *Глаза – зеркало души.*

6. *Совесть* видится носителю диалекта и как часть тела, некий орган человека: *Ка́к у него́ со́весь подняла́сь тебя́ так тырну́ть, пехну́л-то так!* Ср. литературные варианты: *рука не поднялась* что-л. сделать, *язык не повернулся* что-л. сказать.

7. *Совесть* может восприниматься говорящим и как вещь, которая всегда должна быть у человека. Поступая безнравственно, человек *теряет совесть*: *Он вино́ пил, у него́ со́весь-то потеря́лась*.

Даже на этом небольшом количестве примеров из говоров одного региона видно, что народный язык дает лингвисту богатый материал, позволяющий подкрепить контекстами результаты исследований, проведенных на материале литературного языка, а также существенно их расширить. Соединяя данные литературного и диалектного языков, мы сможем делать более объективные выводы о доминантах русской ЯКМ, концептосфере русского языка и русской ментальности.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 1995.

Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики / Под ред. Н.Д. Арутюновой и др. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 54–79.

Голованивская М.К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. М.: Языки славянской культуры, 2009.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012.

Нефедова Е.А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М.: МАКС Пресс, 2008.

Толстой Н.И. Язык и культура: Некоторые проблемы этнолингвистики // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: Всесоюз. науч. конф. Москва, 20–23 мая 1991 г.: Доклады. Ч. 1 / Редкол.: О.Л. Дмитриева и др. М.: ИРЯЗ, 1991. С. 5–20.

Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира / Под ред. Е.В. Урысон. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Наименования одежды в русских говорах Южного Урала

О.Р. Семенова

Nominations of clothing in the Russian dialects of the southern Urals

Olga R. Semenova

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск) /
South Ural State Humanitarian-Pedagogical University (Chelyabinsk)
semenova-olga-ros@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается степень сохранности диалектных наименований одежды в русских говорах Южного Урала на основе социолингвистического эксперимента.

Ключевые слова: диалект; лексема; одежда; говоры Южного Урала; социолингвистический эксперимент.

Summary. The article discusses the degree of preservation of dialect names of clothes in the Russian dialects of the Southern Urals on the basis of a sociolinguistic experiment.

Keywords: dialect; lexeme; clothes; the dialects of the Southern Urals; sociolinguistic experiment.

Диалектные названия одежды в говорах Южного Урала не являлись ранее предметом исследования.

Социолингвистический эксперимент по уточнению степени сохранности диалектных слов, характеризующих одежду в русских говорах Южного Урала, проводился поэтапно:

1. Подготовительный этап был направлен на выявление диалектной лексики среди носителей традиционного и среднего слоев говора. При сборе материала в разных районах Челябинской области использовался прием непосредственного наблюдения, включающий в себя и опрос информантов: «Какую одежду носили ваши родители, бабушки, дедушки (в разное время года, в доме, на улице, на праздниках, на работе)?». Словник составил от 90 до 130 наименований в разных диалектных системах.

Для общего названия одежды наиболее употребительны древнерусские слова *одёжа* / *одёжка* (73%), *одёва* / *одёвка*, в традиционном слое возможно использование слова *оболочье*.

Лексема *лопотина* зафиксирована в челябинских говорах как общее называние для верхней одежды и как один элемент одежды (например, пальто в восточных районах области). Слово известно архангельским, пермским и сибирским говорам [СРНГ: 138].

В древнерусском языке, по данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», слово «лопоть, лопътъ» имело значение «старая одежда», которое до сих пор сохраняется в отдельных говорах [СДЯ, т. IV: 284]. Противопоставление «новая – старая, ветхая, изношенная», «праздничная – рабочая» актуально для номинаций одежды («идет сестрица на лужок в новом *понитке* и нет её краше»; «чучело обрядили в *шибаны* (старая одежда, мохры)»).

Для лексической группы «верхняя одежда» важен дифференцирующий признак «зимний», например: *иега* «огромная шуба из собачьих шкур или крупного рогатого скота, в которую зимой заворачивались ездоки».

Лексические единицы классифицируются по половому и возрастному признаку (женская, мужская, детская одежда). Например, *жакетка* – приталенная женская куртка из плюша («в те поры у нас бабы *шибко модили в жакетках* с плюшу»).

Группы имеют разную степень насыщенности. Наибольшую детализацию получили наименования варежек, платка и фартука: *верхонки* – перчатки, которые надеваются поверх других варежек для работы; *галицы* – рукавицы для работы из грубой ткани; *кожанки* – рукавицы из кожи; *занавеска* – передник для работы на кухне; *надева* – передник с рукавами для стряпни; *катетка* – небольшой головной платок («станушку надела, *катетку* на голову подвязала, и готова-невеста без места»; *подшалок* – платок, надеваемый под шаль).

Единичны между говорами фонематические различия (*косинка* – треугольный платок, *куфайка* – фуфайка, *спинжак* – пиджак), встречаются словообразовательные варианты (*телогрея* – телогрейка; *ремки* – ремуха), частотен суффикс *-ин-* со значением единичности (*брючина, порточина, штанина*).

В этимологическом плане в исследуемых говорах преобладают исконно русские слова, количество иноязычных слов незначительно.

Основу названий, характеризующих одежду, составили общерусские лексемы.

Ареальные исследования в аспекте связи региональной лексики с лексическими системами других территорий проводилось на основе Словаря русских народных говоров. В лексическом составе исследуемых говоров можно выделить диалектные лексемы, которые по форме и значению соответствуют лексемам исконных говоров (*вершник, душегрейка, запон, нитянки, наладонки*).

2. Социолингвистическое анкетирование проводилось в нескольких направлениях:

А) На данном этапе была сделана выборка для анкеты наиболее употребительных слов в речи носителей традиционного слоя говора. Основное внимание уделялось активности бытования диалектного слова в спонтанной речи уральцев. Учитывались и быстрота реакции на воспроизведение слова при беседе, тематическом опросе.

Границы словника определялись и актуальностью диалектной лексемы для иллюстрации особенностей местного быта и для понимания процессов, протекающих в южноуральских говорах на современном этапе.

В анкету для соцопроса были включены: слова, обладающие высокой частотностью на территории Южного Урала; слова, различающиеся в говорах планом выражения или значения; слова, позволяющие уточнить ареал распространения слова в южноуральских говорах. Анкета состояла из двух частей: в первой части анкеты содержались социологические сведения об участнике опроса (Ф.И.О., год рождения, место проживания, образование, вид занятости), вторая – представляла собственно лингвистическую анкету, в которой необходимо было указать степень бытования предложенных слов в речи (65 лексем), ответив на вопросы: знаете ли это слово? («знаю», «не знаю, но слышал», «слышал от»); «используете ли Вы это слово в своей речи? с каким значением?» («употребляю» (указать значение), «знаю, но не употребляю», «не знаю» и под.). На основании наблюдений над речью жителей Южного Урала и данных опроса исследуемые слова делились на активные («знаю» и «употребляю») и пассивные.

Б) Анкетирование проводилось среди всех возрастных групп жителей Южного Урала (по районам) следуя принятой социальной дифференциации (традиционный, средний, передовой слои говора).

3. Анализ данных эксперимента позволил выявить особенности функционирования исследуемых диалектных слов в разных слоях говора (активные, пассивные, степень архаизации, семантическая трансформация и т.д.).

На сохранность диалектных наименований одежды влияет, во-первых, отсутствие в литературном языке соответствующих эквивалентов для обозначения конкретных реалий (например, в говорах активно функционируют наименования разных видов рабочих рукавиц); во-вторых, ареал распространения лексемы (чем больше область распространения слова, тем выше процент его использования в среднем слое, тем чаще дается его толкование носителями передового слоя);в третьих, близость к областному / городскому центру населенного пункта, уровень образования и наличие доверительных взаимоотношений со старшим поколением участника эксперимента.

Литература

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р.И. Аванесов, И.С. Улуханов, В.Б. Крысько. М.: Русский язык, 1988–2013 (СДЯ).

Словарь русских народных говоров. Выпуск 17. Леснокаменный – Масленичать. Л.: Наука, 1981 (СРНГ).

Программа обследования русского языка в Большом Севастополе*

Ю.Л. Ситько

The investigation program of the Russian language in the Greater Sevastopol

Y. Sitko

Филиал МГУ в г. Севастополь / Lomonosov MSU Branch in Sevastopol

yurii.sitko@gmail.com

Аннотация. Сообщение посвящено проекту обследования функционирования русского языка в Большом Севастополе, включая его сельские поселения.

Ключевые слова: Севастополь, региолект, русский язык.

Summary. The report is devoted to the project of the Russian language functioning in the Greater Sevastopol with its village settlements.

Key words: Sevastopol, regional dialect, Russian language.

Кафедра русского языка и литературы филиала МГУ в г. Севастополе при поддержке РФФИ и Правительства г. Севастополя совместно со специалистами-историками и географами филиала проводит обследование функционирования русского языка в г. Севастополе в рамках проекта «Функционирование русского языка в Большом Севастополе как отражение социальной и этнокультурной политики во 2-ой половине XX – начале XXI вв.: диалектологическое и историческое описание и картографирование».

Фундаментальная задача исследования – системное описание функционирования в пределах региона русского языка (региолекта русского языка) в новейшее время, его взаимодействия с близкородственными и неродственными языками. Для решения этой задачи необходимо учитывать влияние внешних экстралингвистических факторов, которые формируют единую или разрозненную национальную, культурную и политическую идентичность населения различной культурной, этнической и религиозной принадлежности.

Севастопольский регион (Большой Севастополь) представляет собой близкий к эталонному регион и демонстрирует описанную проблематику, поскольку после окончания Великой отечественной войны и до настоящего времени на территории Севастополя происходят разнообразные политические процессы (освобождение от оккупации, передача из состава РСФСР в состав УССР, существование в рамках постсоветской Украины, воссоединение с Россией), массовые миграции населения (депортация и возвращение крымских татар, заселение сельских территорий Крыма жителями РСФСР и УССР), изменения в организации образования, связанные с преподаванием русского, украинского и крымскотатарского языков в школах на протяжении всего рассматриваемого периода, а также изменения в религиозной политике государства и конфессиональной принадлежности населения.

Описание становления новых социо- и региолектов, их формирования одновременно с переразложением диалектного членения русского языка в условиях постоянного взаимодействия с близкородственными и неродственными языками, составляет актуальную задачу современной диалектологии. Такой подход не только обещает инновации в диалектологии и социолингвистике, но и позволяет отработать новые методики в политической географии и новейшей истории.

Междисциплинарное (историко-лингвистическое с использованием географических методов) системное описание русского языка в Севастополе в комплексе с исследованием социально-политических условий функционирования русского языка во 2-й половине XX – начале XXI вв. и динамики изменений социального статуса русского языка с учетом внеязыковых (этнических, культурных, демографических, политических) факторов как цель исследования предполагает решение целого комплекса задач, среди которых важнейшими видятся диалектологическое и социолингвистическое обследование русского языка в Большом Севастополе, системное синхронное описание речи в конкретных сельских населенных пунктах Севастополя с фиксацией влияния диалектов русского языка и иных национальных языков, системное синхронное описание койне, функционирующего в городе Севастополе, с фиксацией новообразований и отклонений от норм русского литературного языка и иных национальных языков.

На текущий момент составлен вопросник для проведения диалектологических и социолингвистических исследований русского языка в Севастополе и Крыму с учетом особенностей функционирования живой речи в условиях взаимодействия в современных условиях и проведена диалектологическая экспедиция в несколько населенных пунктов Севастополя на базе кафедры русского языка и литературы филиала МГУ в г. Севастополе.

Номинации бытовой утвари в западного-причудском говоре: общерусское & диалектное

В.П. Щаднева

Names of household items in the dialect of Western Prichudye: all-Russian & dialectal

Valentina P. Schadneva

Тартуский университет (Эстония) / The University of Tartu (Estonia)

valentina.schadn@mail.ru

Аннотация. В сообщении обсуждается функционирование лексики, называющей в говорах бытовую утварь из природных материалов. Сопоставление западно-причудских номинаций с псковскими показало, что отличия наблюдаются не столько в самих наименованиях, сколько в наборе их вариантов и номинативных параллелей. Тем самым особенности реализации известных общерусских слов также становится диалектной чертой.

Ключевые слова: диалектология, бытовая утварь, западного-причудский говор, староверы.

Summary. The report discusses the functioning of vocabulary which, in dialects, refers to household items made from natural materials. A comparison of names used in Western Prichudye with the ones in Pskov showed that differences are observed not so much in the names themselves as in the set of their variants and nominative parallels. Thus, the peculiarities of the implementation of well-known all-Russian words also become a dialectal feature.

Keywords: dialectology, household items, dialect of Western Prichudye, Old Believers.

Основные бытовые предметы у староверов Причудья традиционно изготавливались из природного сырья. С древних времен излюбленными были материалы из древесных (а не травянистых) растений: их стволов, корней, веток. Номинации таких реалий и стали объектом данного исследования, цели которого заключались а) в выявлении перечня слов, называющих деревянную хозяйственную утварь в причудском говоре, б) в установлении особенностей функционирования такой лексики в речи сельского населения западного Причудья, в) в определении сходства и различия западнопричудских бытовых наименований с аналогичными в территориально близкой Псковской области. Источником материала послужил диалектный архив кафедры русского языка Тартуского университета. Собранные языковые факты сопоставлись с данными ПОС [ПОС]. В сообщении рассматриваются лишь отдельные номинации хозяйственной утвари, поскольку слова на целый ряд букв пока сравнивать невозможно из-за отсутствия соответствующих томов названного словаря (например, *полубочóнок*, *ушáт* и др.).

На основе анализа диалектных записей разных лет был установлен объем лексической группы наименований хозяйственных предметов, типичных для западно-причудского говора. Выявленные номинации были условно разделены на ряд групп с учетом техники изготовления утвари: бондарная, долбленая, столярная, плетеная. Специфика технической обработки бытовых предметов в немалой степени определяется назначением хозяйственной утвари: для хранения продуктов с жидкостью, для переноски и сбережения сухих продуктов или вещей и т. п.

Значительное число бондарных предметов и называющих их слов обычно известно на всей территории проживания русского населения (*бочка*, *кадка*, *квашня* и др.), хорошо знакомыми могут быть и отдельные лексемы других групп (*сундук*, *ларь*). Вследствие этого выделить собственно диалектные названия порой бывает проблематично. Повсеместная распространенность объясняется функциональностью бытовой утвари, ставшей за многие века традиционной, а также устойчивостью уклада крестьянской жизни. Поэтому, думается, наименования крупных бондарных сосудов в западном Причудье не имеют заимствований из эстонского языка, несмотря на то что сами емкости, как правило, покупались у эстонских бондарей.

Хотя основные названия являются общими, в сопоставляемых источниках имеются такие варианты слов и номинативные параллели [Традиционный быт: 8], которые или отсутствуют, или же обладают иной семантикой либо в западно-причудском, либо в псковском материале. В частности, номинация *тренóга*, называющая лохань на трех высоких ножках, в западном Причудье вытеснила слово *лохáнь* в значении «емкость для стирки», т.е. налицо сужение значения и конкретизация наименования, на что, как на специфическую черту лексико-семантической системы диалектного языка, указывают Т.С. Коготкова [Коготкова 1977; 1979] и др. Заимствованное из эстонского *кúпка* («деревянная шайка для мытья») в ПОС представлено со значением «подойник». *Ночвóй* в западно-причудском говоре именуют маленькие долбленые корытца для продуктов, а не большие корыта для стирки белья или кормления животных, как в псковских говорах.

В то же время совпадающие на обеих территориях лексемы, в том числе и хорошо известные общерусские, имеют количественные и качественные отличия в наборе их фонетических, словообразовательных, грамматических вариантов и номинативных параллелей, например, западно-причудское: *бóчка* / *бочóнок* / *бóчечка* / *бочéнька* (×= *кáдка*, *квасни́к*, *квашня́*, *квашни́к*, *квашóнка*, *ушáт*) и псковское: *бóчка* / *бóча* / *бóчечка* / *бóченька* / *бочéнька* / *бочéнечка* / *бочóнок* / *бочóночек* / *бочóшек* / *бочéшечек* / *бочýрка* / *бокýра* / *бýшка* (×= *дежá*, *кáдка*, *кáчка*, *квашня́*, *квашóнка*). Тем самым особенности реализации общенародных лексем на соседних территориях, по сути дела, также становятся диалектной чертой. Иными словами, к диалектной системе целесообразно относить не только лексические и семантические диалектизмы, но и территориально типичные воплощения общерусских слов.

Литература

Коготкова Т.С. Семантические заметки (к проблеме освоения литературной лексики в современных говорах) // Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977. С. 194–208.

Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М.: Наука, 1979.

Псковский областной словарь с историческими данными / Под ред. Б.А. Ларина и др. Л. (СПб.): ЛГУ (СПбГУ), 1967–2016. Вып. 1–26 (ПОС).

Традиционный быт псковских крестьян (Опыт регионального этнолингвистического словаря) / Ред. Н.В. Большакова. Псков: ЛОГОС Плюс, 2012 (Традиционный быт).

Языковая реализация символического значения ‘дом как человек’ в русских диалектах

И.В. Якушевич

Language realization of symbolic meaning ‘house as a person’ in Russian dialects

I.V. Yakushevich

Московский городской педагогический университет / Moscow City University

sa1107@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено диалектным номинациям человека со значением ‘постройка (ее деталь)’, которые являются языковыми реализациями символа «дом». Символ представлен как семантико-семиотическая модель – слово с двумя уровнями означения: понятие о доме становится означающим для символического значения ‘человек’. Диалектизмы совмещают значение ‘дом’ и ‘человек’ как лексико-семантические варианты, словообразовательные дериваты или слова, связанные семантической когерентностью.

Ключевые слова: дом, символ, означающее, означаемое, семантическая когерентность.

Summary. The study is devoted to dialectal nominations of a person with the value ‘building (its detail)’, which are language implementations of the symbol “house”. The symbol is presented as a semantic-semiotic model - a word with two levels of meaning: the concept of home becomes meaningful for the symbolic meaning of ‘man’. Dialectisms combine the meaning of “house’ and ‘man’ as lexico-semantic variants, word-formation derivatives, or words related by semantic coherence.

Keywords: house, symbol, meaning, signified, semantic coherence.

Дом – универсальный антропоморфный образ мирового порядка. Однако символическое значение ‘дом как человек’ для современника является экзотическим, поскольку отражено только в специфических источниках: в словарях символов, в русском фольклоре, диалектах.

Символизация представляет собой процесс означения перцептивным образом (‘дом’) некоей абстрактной реальности, непознанной древним человеком, – его психофизического мира. Символ – знак минимум с трехчленной структурой и двумя уровнями означения 1) слово – 2) понятие об эмпирическом образе – 3) символическое значение. Обобщенный эмпирический образ – ‘здание, жилище’ [МАС]. Образ, материализованный в слове графически и фонетически, является означающим символа, а символическое значение – его означаемым. Означающее может быть вербализовано как самим словом *дом*, так и другими номинациями, в чью се-

мантическую структуру входят значения ‘здание, жилище’, и в частности, диалектизмами. Означаемым символа является несколько абстрактных (редко конкретных) значений мифологического содержания, закрепленных культурой народа. Среди них значение ‘дом как человек’.

Семы ‘дом’ и ‘человек’, являясь компонентами модели символа, в диалектизмах соотнесены 1) в составе семем лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ) в результате метафорического или метонимического переноса; 2) в составе семем однокоренных слов одной словообразовательной пары; 3) на основе семантической когерентности. Метафора «дом как человек» возможна, во-первых, если общеизвестная лексема древнерусского языка в диалектах получает новый ЛСВ, либо если два ЛСВ связаны в пределах одного диалекта. Например, в древнерусском языке *князем* называли обладающего властью человека: правителя, господина, владельца земель и титула, а на свадьбе – жениха [СРЯ XI–XVII, т. 7: 207–208]. *Князь* (*князёк, князец, кнёзь, князевуха, кнезик*) – венчал крышу и считался «владыкой» дома: это двускатная крыша, верхнее бревно крыши, гребень этой крыши, а также венчающий ее конек [Сыщиков 2006: 114–115; СРНГ, т. 13: 354].

Семантическая когерентность (термин И.Е. Колесовой [Колесова 2014: 8], далее СК) – это сближение однокоренных лексем, формально тождественных, но с разным лексическим значением. Хотя они и являются результатом параллельного словообразования в разных диалектах, но имеют общие корневые семы, которые семантически сближают антропоморфные лексемы и позволяют сделать вывод о факте языковой реализации модели ‘дом как человек’. Так, слово *волокуша* имело несколько значений: 1) приспособление для перетаскивания бревен или 2) для подвозки сена к стогу, сделанное из двух ветвистых берез, скрепленных перекладиной; 3) слега, с помощью которой волокут соху; 4) невод; 5) подклеть; 6) женщина легкого поведения [СРНГ, т. 5: 55–56]. Слова разных областей с общим корнем связаны семантической когерентностью. Внутренняя форма слов осталась прозрачной: любой из этих предметов «волокли», он стелился или лежал на земле. Значения ‘женщина’ и ‘подклеть’ относятся к вятскому диалекту, поэтому они могут быть связаны метафорой. В подклети традиционно устраивали брачное ложе молодым. Возможно, поэтому или в результате переосмысления значения ‘низ’ *волокушей* называли также женщину легкого поведения [СРНГ, т. 5: 55–56].

Номинация мужчины называет дом или его детали в следующих примерах: *байгуш*: 1) ленивый нищий человека из кочевых инородцев; 2) в Астраханской области отдаленный дом хутор, заимка. [4, т. 2, с. 53]. *Выморок* в северных областях*:* 1) ‘живой или умерший крестьянин, лишенный наследников’; 2) ‘дом, хозяева которого и их наследники умерли’ [СРНГ, т. 5: 314]. *Мужички*: 1) уменьшительное от *мужик*; 2) круглые палочки, поставленные на *князя* крыши и укрепляющие его [Сыщиков: 2006: 116, 119].

Номинация женщины называет дом или одно из его помещений, деталь интерьера. Слово *матица* в древнерусском языке с XIV в. среди ряда ЛСВ обозначало 1) источник жизни – женский половой орган, 2) саму женщину, подарившую жизнь [СРЯ XI–XVII: т. 9: 44–45]. В диалектах – это опорная балка или поперечный брус в избе, служащий опорой для потолка [Сыщиков 2006: 41, 44]. Диалектное значение родилось в результате метафоризации. Матица символизировала плодородие, основу миропорядка, достаток и наряду с коньком являлась главным оберегом в доме. *Стряпка* (*стряпчая*) 1) ‘женщина, на которой лежит печное хозяйство’; 2) ‘отдельное помещение в доме для приготовления пищи, кухня’ [Даль 1994, т. 4: 346]. *Кирюшка* – 1) выпивающая женщина [СРНГ, т. 13: 225], 2) маленькая вологодская избушка, крытая соломой [Сыщиков 2006: 27]. *Хельга* (*ольга*) – 1) в северных областях маленькая отдаленная избушка, келья [Сыщиков 2006: 27]; 2) черничница [СРГН, т. 23: 192] – девушка, которая отказывалась от замужества во имя служения Богу по разным причинам: уродства, недугов, бедности или затягивания с браком.

Номинация ребенка называет дом или его постройки. *Пасынок* обозначает не только приемного сына, но и обрубок бревна, вбитый в основание столба и поддерживающий его [Сыщиков 2006: 219]. По всей видимости, сыновья ассоциировались с опорой, а пасынки – только с подпоркой. Собирательное название непослушных, шаловливых детей – *божевольница* – стало источником метонимического переноса на название дома, где нет за ними присмотра и где дети брошены на произвол [Даль 1994, т. 1: 108]. *Детышем* называли и ребенка и дощатый сруб с песком, очищающим воду [Сыщиков 2006: 162]. Последнее ассоциировалось с ребенком в чреве матери, поскольку сруб находился внутри колодца.

Таким образом, символическое значение ‘дом как человек’ находит устойчивое выражение в группе диалектных номинаций человека и хранит древнее, ныне забытое мифологическое и сакральное для человека убеждение, что дом – его второе тело, он во всех своих помещениях одушевлен и является фактическим двойником хозяина.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1994.

Колесова И.Е. Некоторые аспекты лексической когерентности // Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания: Сборник научных трудов / Под общ. ред. Л.А. Кудрявцевой. Выпуск 8. Вологда, 2014. С. 42–45.

Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. М.; Л., 1965–2016 (СРНГ).

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975 (СРЯ XI–XVII).

Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999. [URL: http: // feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (дата обращения: 27.06.2018)] (МАС).

Сыщиков А.Д. Лексика крестьянского деревянного строительства: Материалы к словарю. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.

Секция III.
Изучение звукового строя русского языка

Фонетическая грамматика русского языка

Е.Ф. Киров

Phonetic grammar of the Russian language

Evgeny F. Kirov

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва) / Pushkin State Russian Language Institute (Moscow)

evg-kirov@mail.ru

Аннотация. В работе предлагается описание фонетического сегмента грамматики, которая в целом понимается как механизм языка, генерирующий из меньших более крупные фонетические единицы речи.

Ключевые слова: фонетическая грамматика, звук, слог, фонетическое слово, синтагма, фраза.

Summary. The paper describes the phonetic segment of grammar, which is understood as a mechanism of language, which consists of smaller units of larger units of language and speech: syllables arise from sounds by means of such means of phonetic grammar as vowel sound; syllables are combined into words by means of accent; words are combined into syntagmas by means of syntagmatic intonation and syntagmatic accent; syntagmas are combined into phonetic phrases by means of phrasal intonation and phrasal accent.

Keywords: phonetic grammar, sound, syllable, phonetic word, syntagma, phrase.

С.К. Булич в словаре Брокгауза и Евфрона включает в грамматику как комплекс наук следующие: фонетику, морфологию (словообразование и словоизменение) и синтаксис. Далее он пишет: «С бóльшим развитием языкознания в научную грамматику должна будет войти, как четвертый раздел, семасиология, или учение о значении слова» [Булич 1904: 529].

В дальнейшем развитии учения грамматика как комплекс наук была сужена до морфологии и синтаксиса, но затем в нее было включено и словообразование. Встает вопрос о расширении объема грамматики и включении в ее состав фонетики, о чем писал также Л.В. Щерба. В «Русской грамматике» 1980 есть раздел фонетики и фонологии, но не выявлены собственно грамматические функции фонетического фрагмента языкового механизма.

Сведем наше представление о сущности грамматики в целом к следующему: если рассмотреть грамматику со структурно-функциональной точки зрения, то она должна описывать поэтапное объединению меньших единиц языка и речи в бóльшие. Важно подчернуть, что такое процесс начинается уже со звуков и фонем русского языка, что и делает необходимым теоретическое обоснование фонетической грамматики русского языка. Итак, следует обрисовать параметры фонетической грамматики русского языка и принципы ее функционирования.

На начальном этапе звуки как своеобразные первокирпичики объединяются в слоги (владеющий языком осознает эту процессуальную проекцию объединения в синтагматике речепроизводства, хотя и пользуется сложившейся схемой формирования более крупной единицы из более мелкой). Важно подчеркнуть, что на первом этапе генерации слога из звуков гласный звук выполняет особую грамматическую **слогообразующую функцию**, именно он образует первый речеязыковой конструкт в виде слога. Это означает что гласный звук в русской речи является одновременно фонемой со смыслоразличительной функцией, а также и сугубо грамматическим элементом, который образует более крупную единицу языка и речи.

На следующем этапе слоги объединяются в слово при помощи словесного количественно-динамическое ударения. Иногда в сложных (многосложных) словах объединяющей «мощности» основного ударения не хватает, тогда используется добавочное (побочное) ударение (*пѐреподготóвка* и под.), при этом количественно-динамические параметры такого ударения понижены по сравнению с основным.

На следующем этапе фонетические слова объединяются в синтагму при помощи **интонационных конструкций**, которая системно была описана в корпусе интонационных конструкций Е.А. Брызгуновой [Брызгунова 1967]. Важно подчеркнуть, что ударение и интонация выполняют в этом случае и грамматическую функцию. Еще одним грамматическим фонетическим средством, действующим параллельно с интонацией и способствующим объединению фонетических слов в синтагму, является синтагматическое ударение, которое характеризуется большей силой ударения финального слова синтагмы. Важно подчеркнуть, что ударение и интонация выполняют в этом случае сугубо грамматическую функцию Помимо грамматической функции, (а это подавляющее большинство реальных произносительных ситуаций), интонация может придавать высказыванию дополнительную семантику вопросительности (ИК-2, ИК-3, ИК-4), отрицательности (ИК-7), эмоциональной окраски (ИК-5, ИК-6) [Брызгунова 1967]. На следующем этапе **фразовая интонация** как сочетание ИК (типична прогрессия ИК-3 + ИК-4 + ИК-3 … ИК-1) грамматически связывает синтагмы в фонетическую фразу, при этом содействие ей оказывает такое фонетическое грамматическое средство, как фразовое ударение, иногда совпадающее с логическим. Понятно, что средства фонетической грамматики взаимодействуют с другими грамматическим механизмами языка (морфологическими и синтаксическими) в процессе грамматической коллаборации.

Важнейшим системообразующим аспектом в осознании процесса грамматической генерации речи (т.е. связывания меньших единиц языка и речи в бОльшие) является ее неразрывная связь с процессом **делимитации** единиц, т.е. постановки меток, обозначающтх границы млорфем, слов, синтагм и фонетических фраз в реальной звучащей речи. И если лелимитация фонофраз и синтагм при помощи паз понятна, то делимитативны метки внутри синтагм и фонетических слов более сложны. Делимитация слов осуществляется и грамматическими средствами (например, окончание – это морфема и одновременно делимитативный сигнал конца слова, поэтому она так и называется. Также сигналом границы слова и морфемы является оглушение, озвончение, исторические чередования, эпентезы и т.д. [Киров 2017]. Грамматическая генерация и делимитация представляют собой единую систему речевой деятельности и функционируют в неразрывной связи и коллаборации друг с другом.

Литература

Булич С.К. Грамматика. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : В 86 т. С.-Пб., 1890–1907. Т. 82. С.-Пб. 1904.

Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М.: Изд-во МГУ, 1967.

Киров Е.Ф.. Делимитативные сигналы в русской речи // Русский язык за рубежом. 2017. № 5. С. 64–67.

Перцептивная категоризация различий в темпе речи (экспериментальные данные)

О.Ф. Кривнова

Perceptual categorization of speech tempo (experimental data)

Olga F. Krivnova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

okrivnova@mail.ru

Аннотация. **Интегральные** просодические параметры звучащей речи и их функционирование в устном русском дискурсе все чаще становятся предметом фонетического анализа. Однако конкретных сведений о реализации и восприятии таких просодических параметров в естественной речи до сих пор очень мало. В докладе будут приведены характеристики **общего темпа** речи, которые были получены в исследовании по анализу и восприятию темповых различий носителями русского языка. Полученные данные были апробированы в синтезаторе русской речи, разработанном речевой группой кафедры ТиПЛ филологического ф-та МГУ.

Ключевые слова: фонетика, категория, восприятие, темп речи, эксперимент, перцептивный порог.

Summary. Integral prosodic parameters of speech and their function in oral Russian discourse increasingly become the subject of phonetic analysis. However, there is still very little concrete information about realization and perception of these prosodic parameters in natural speech. This report presents the characteristics of speech tempo, which were obtained in the study devoted to the analysis and perception of tempo differences by native Russian speakers. The obtained data were tested in the synthesizer of Russian speech, developed by the speech group of the Department of TIPL of the Philological Faculty MSU.

Keywords: phonetics, category, perception, speech tempo, experiment, perception threshold.

Общие вопросы. Под общим темпом речевого отрезка обычно понимают среднюю скорость его произнесения. Как известно, любой человек обладает индивидуальным, привычным темпом, характеристика которого входит в речевой портрет говорящего. Экспериментально показано, что человек может контролировать темп речи независимо от других речевых параметров как при речепроизводстве, так и при восприятии, используя для этого достаточно устойчивые стандарты темповых категорий (обычно различают три: быстрый, средний, или нормальный, и медленный темп речи). Есть также основания считать, что различия в общем темпе зависят от коммуникативной значимости речевого отрезка, типа устного дискурса, психоэмоционального состояния говорящего и т.д.

При анализе повествовательного текста в качестве текстового фрагмента с заданным темпом как правило выбирается предложение (часть текста от точки до точки) или же интонационная фраза/синтагма, т.е. минимальная интонационно-смысловая единица текста. В диалоге темповая категория обычно соотносится с отдельной репликой.

Ттемповая категория, выбранная говорящим для озвучивания речевого отрезка, реализуется через длительность фонетических единиц, входящих в состав этого отрезка. И здесь возникает отдельный и непростой вопрос выбора типа единицы, которая является наиболее естественным для говорящего носителем темповых различий (далее НТР)[1]. В фонетических работах в в качестве НТР используются разные единицы: звук / фонема, морфема, слово (грамматическое или фонетическое). Такое разнообразие не способствует пониманию природы темпа и приводит к затруднениям в сопоставлении результатов, полученных разными исследователями. Экспериментально показано, что человек способен на основании чисто акустической информации членить речевой сигнал на отрезки соответствующие гласным и негласным речевого потока, и определять длительности этих единиц. Эти факты приводят к заключению, что наиболее вероятными претендентами на роль единицы-НТР являются *фонетический слог* (в традиционном понимании) и *вокалический цикл* (отрезок звуковой цепочки от начала одного гласного до начала следующего при обязательном наличии между ними по крайней мере одного согласного, т.е. отрезок (ГС..С), длительность которого определяет период следования гласных в речевом отрезке. Получены экспериментальные данные, которые говорят о том, что исходной информацией при восприятии темпа является длительность вокалического цикла. Показано также, что речевой отрезок в целом может быть охарактеризован *интегральной оценкой* темпа, основанной на *средней* арифметической длительности НТР указанного типа.

Исходя из того, что слог признается минимальной произносительной единицей речи, в настоящей работе мы считаем слоги носителями темповых различий и соответственно *среднюю длительность слога* в речевом отрезке объективным показателем его *интегрального* темпа.

К сожалению, данных об абсолютных и относительных порогах восприятия, разделяющих среднеслоговые длительности в соответствии с перцептивно значимыми темповыми категориями, крайне мало.

Психоакустические сведения о дифференциальной чувствительности слуха к периодичности звуковых событий дают лишь приблизительное представление о возможной величине слухового порога по общему темпу. По этим данным в диапазоне темпов, типичных для речи, относительный дифференциальный порог по периодичности не превышает 6%. Однако уже введение определенной ритмизации в звуковую последовательность увеличивает порог обнаружения изменений в периодичности до 20–22%. Кроме того, неясно, как соотносится порог обнаружения темповых различий при *попарном* сравнении речевых отрезков и *абсолютная* категориальная оценка темпа, а также, какое влияние на последнюю оказывают прочие факторы, от которых зависит среднеслоговая длительность: сегментный состав речевого отрезка, соотношение числа ударных и безударных гласных (ударная насыщенность) и т.д.

Дизайн эксперимента. Далее кратко описываются результаты исследования, в котором анализировались следующие особенности восприятия темповых различий между синтагмами связного текста:

1. Какова степень согласованности категориальных перцептивных оценок темпа речевого отрезка, которые даются аудиторами при различении трех стандартных категорий – быстрый, нормальный(средний), медленный темп произнесения.

2. Каковы абсолютные и относительные перцептивные пороги по интегральному темпу в области наблюдаемых значений среднеслоговой длительности фонетической синтагмы, и зависят ли они от ее фонетической структуры.

3. Одинаково ли влияние темповых изменений на консонантную и вокалическую части синтагмы и отдельного слогового цикла.

Работа проводилась на материале научного текста по лингвистической тематике, прочитанного в нормальном темпе диктором-мужчиной, лингвистом, носителем московской произносительной нормы с нормальным / средним индивидуальным темпом речи. Запись производилась в студийных условиях с помощью магнитофона высокого класса. Общее время звучания текста – 45 минут.

Перцептивные тесты проводились в следующих условиях. Аудиторам (10 человек) предъявлялись в случайном порядке выделенные из озвученного текста 2-х и 3-х ударные синтагмы, (351 единица). Пауза между последовательно предъявляемыми синтагмами была стандартной и составляла 6–7 сек. Для формирования общего представления об индивидуальном темпе диктора в начале эксперимента аудиторы прослу-

[1] НТР естественно называть такие элементы звучащей речи, временные показатели или частота которых в единицу времени могут использоваться как мера измерения и контроля темпа произнесения.

шивали достаточно большой связный фрагмент (длительность звучания около 3 минут). При прослушивании каждой отдельной синтагмы задача аудиторов заключалась в том, чтобы оценить, как соотносится общий темп произнесения данной синтагмы с индивидуальным темпом диктора. Допускались три оценки: совпадает, т.е. произносится в нормальном темпе (НТ), произносится в быстром темпе (БТ), в медленном темпе (МТ).

Результаты исследования и выводы. Анализ перцептивных оценок позволяет сделать следующие выводы:

В подавляющем большинстве случаев общий темп синтагмы оценивается разными аудиторами одинаково (с согласованностью более 70%). Оказалось, что 87,5% предъявленных синтагм получили согласованные оценки.

При выборе средней длительности слога в качестве физического показателя темпа синтагмы изменение категориальных оценок приходится на интервалы 130–150 мс для перехода БТ > НТ и на интервалы 210–230 мс для перехода НТ > МТ. Синтагмы со среднеслоговой длительностью, принадлежащий промежуточной зоне 150–210 мс, оцениваются как нормальные не менее, чем в 70% случаев. Специальный анализ оценок показал, что показатели граничных переходов (абсолютные пороги по темпу) не зависят от фонетической структуры синтагмы. В связи с этим любопытно отметить, что значения $T_{ср.слога}$, соответствующие категориальным переходам, представляют собой целочисленные произведения минимальной длительности слогового отрезка, необходимой для его *обнаружения* в звуковой последовательности. По литературным данным, эта пороговая длительность равна $T_{пор.}$ ×= 65–70 мс, что дает следующие соотношения для полученных нами результатов: $T_{ср.слога}$ для перехода (БТ > НТ) = **2** $T_{пор.}$; $T_{ср.слога}$ для перехода (НТ > МТ) = **3** $T_{пор.}$ Можно предположить, что длительность обнаружения слога $T_{пор.}$ является *природной мерой* перцептивной оценки темповых категорий.

Анализ изменения перцептивных оценок темпа в синтагмах со сходной фонетической структурой обнаружил, что относительные пороги по темпу характеризуются асимметрией. Пороговые значения находятся в полуинтервале **(–20, –15)%** для перехода БТ > НТ) и **(30, 35)%** для перехода (НТ > МТ).

Темповые различия по-разному влияют на консонантную и вокалическую части синтагмы: при *ускорении* темпа консонантная часть слога подвергается большему сокращению, чем вокалическая – 14% и 10% соответственно; при *замедлении* же удлинение больше заметно на вокалической части. Возможность разного влияния темповых изменений на отдельные участки звуковых сегментов, нами не рассматривалась.

Изложенные результаты были использованы в синтезаторе русской речи, работа над которым велась речевой группой филологического ф-та МГУ.

Исследования фразовой просодии в России: актуальные направления и проблемы

Т.М. Надеина

Phrasal prosody research in Russia: current trends and problems

Tatyana M. Nadeina

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина / Kutafin Moscow State Law University

tanadeina@yandex.ru

Аннотация. В статье обозначены основные направления исследований фразовой просодии за последнее десятилетие. Указаны проблемы, связанные с использованием их результатов при решении практических задач.

Ключевые слова: фразовая просодия, экспериментально-фонетические исследования, функции просодии.

Summary. The article outlines the main areas of research in phrasal prosody over the past decade. The problems associated with the use of their results in solving practical tasks are indicated.

Keywords: phrasal prosody, experimental phonetic research, prosody functions.

Последнее десятилетие охарактеризовалось всплеском экспериментально-фонетических исследований просодической организации звучащей речи, что, в свою очередь, обусловлено повышенным вниманием просодии в целом за последние три десятка лет. Изучая различные аспекты звучащей речи, авторы в основном исходят из представления о том, что понятие «просодия» по своему содержанию шире понятия «интонация», поскольку просодические средства выражают не только лингвистические значения, но и отражают различные экстралингвистические явления.

В кратком обзоре мы рассмотрим работы, в которых изучались просодические характеристики русской речи как корреляты различных экстралингвистических явлений. В большинстве своем такие исследования являются сравнительно-сопоставительными, при этом преобладающим объектом являются варианты английского языка, реже встречаются работы, посвященные немецкому и французскому языкам, совсем редко – другим языкам. Авторы многих работ позиционируют их как экспериментально-фонетические. С сожалением приходится констатировать, что работ, посвященных просодии русского языка, весьма мало.

Цели и задачи исследований разнообразны. Наиболее актуальными объектами или предметами изучения являются просодические средства, выступающие как корреляты (маркеры): социальной [Бабушкина 2010; 2011], профессиональной [Корнелаева 2014] и гендерной [Банков 2008] принадлежности говорящего; перлокутивной функции просодических средств [Сибилева 2009; Крымская 2009] в ее разновидностях: директивных речевых актов [Беленикина 2011; Деркач 2007]; пожелания и поздравления [Ярцева 2016]; убеждения [Кожедуб 2009]; толерантности [Нетёсина 2012] и пр.

Значительная часть исследований посвящена просодическим характеристикам эмоциональной речи: в целом [Эйхгольц 2008; Склярова 2008; Петроченко, Шурова, 2011; Абакумова, Величкова 2009; Демченко 2010; Величкова, Киршинова 2015], в конкретных ее проявлениях: раздражение [Демонова 2008]; удивление [Волков 2013]; гнев [Волков 2013]; иронии: в английском языке [Ликинова 2012; Туяков 2014], в немецком языке [Фромм 2009; Кузьмичева 2011; 2017]; в ситуации стресса [Жабин 2009; 2011; 2012; 2018] и в условиях эмоциональной напряженности [Жабин, Молоканов 2018].

Результаты перечисленных работ имеют несомненное теоретическое значение. Практическое же их использование затруднено по причине отсутствия единой парадигмы исследования, унифицированной модели представления результатов, а также вследствие разнородности речевого материала. Проиллюстрируем сказанное некоторыми примерами.

С.Н. Склярова (2008) изучала соотношение мелодических характеристик речи с ее «тональностью», под которой понимается минорная и мажорная окраска, в изолированных фразах. Использовалась музыкальная система нотации, фиксирующая мелодические интервалы. Показано, что как для английского, так и для русского языка на перцептивном уровне экспрессивными (как минорными, так и мажорными) воспринимаются фразы, в которых интервал тона соответствует септиме, октаве, ноне, дециме и т.п. Эмоционально нейтральными считаются фразы, где тональный интервал соответствует кварте или квинте. Как видим, сделанные автором выводы не позволяют только на основании акустической информации с высокой долей вероятности принять решение о том, какой тональностью (мажорной или минорной) характеризуется исследуемый речевой образец, по-

скольку обе они манифестируются экстремальными интервалами изменения тона.

В статье И.А. Эйхгольц (2008) определены признаки эмоциональной напряженности в спонтанной звучащей речи. Установлено, что возрастание напряженности речи сопровождается: сокращением количества слогов в синтагме (до 2–8 слогов); увеличением интенсивности на 30-40% по сравнению с ненапряженной речью (при этом отмечается, что подобное наблюдается не всегда); замедлением темпа речи, измеряемого как скорость артикуляции (среднее значение 86,5 слогов / мин), что сопровождается увеличением частотности коротких пауз (менее 1–1,5 секунд). В данном случае для диагностики степени эмоциональной напряженности диктора нет точки отсчета, относительно которой можно судить об увеличении интенсивности, о замедлении или ускорении темпа, к тому же средняя скорость артикуляции может значительно различаться у разных людей.

Таким образом, разнородность данных препятствуют непосредственному применению результатов исследований для решения практических задач, связанных с идентификацией и диагностикой говорящего по образцам его речи. Поэтому одной из важнейших задач современных экспериментально-фонетических исследований является выбор исследовательской парадигмы, позволяющей адаптировать их результаты к актуальным практическим запросам.

Литература

Склярова С.Н. Речевая тональность и мелодика в просодии английского и русского языков. // Вестник Адыгейского гос. университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2008.

Эйхгольц И.А. Восприятие формальных признаков эмоциональной напряженности в спонтанной звучащей речи (на материале речи спортивных телекомментаторов) // Вестник Воронежского гос. университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С.95-98.

Длительность гласных как параметр реализации ритмической структуры слова в русской речи носителей турецкого языка

В.П. Некрылова

Vowel duration as a parameter of the rhythmic structure of phonological word in Russian speech of Turkish speakers

Viktoriya P. Nekrylova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

nekrylova@ya.ru

Аннотация. В настоящей работе предпринята попытка описать и систематизировать частотные реализации ритмических структур фонетического слова в русской речи носителей турецкого языка, а также предложено объяснение причин ошибок и успешных воспроизведений ритмических структур русского языка в речи инофонов.

Keywords: Turkish language, rhythmic structure of the word, interference, vowel duration.

Summary. In the present work, an attempt has been made to describe and systematize the frequency of realizations of the word's rhythmic structures in Russian speech of Turkish speakers; an explanation of the reasons for not only errors, but also successful reproduction of the rhythmic structures of Russian is proposed.

Ключевые слова: турецкий язык, ритмическая структура слова, интерференция, длительность гласных.

Русский и турецкий являются типологически отличными языками, их различное фонетическое устройство обусловливает специфику их взаимодействия. Русский язык — флективный, консонантного типа; турецкий – агглютинативный, при этом его вокалическая система несколько более сложная, чем в русском языке. Взаимодействие этой пары разноструктурных языков изучено не полностью, в частности, остается открытым вопрос об особенностях русско-турецкой интерференции в рамках фонетического слова в потоке речи. Отличительной чертой фонетической структуры русского языка является специфическое оформление фонетического слова, что проявляется, во-первых, в наличии просодического ядра [3], во-вторых, в специфическом соотношении ударных и безударных слогов, которое определяется как самой структурой слова, так и его положением во фразе.

Предпринятое исследование имеет своей целью описать и проанализировать реализации ритмической структуры русского слова (далее – РСС) в звучащей речи носителей турецкого языка. В связи с этим были осуществлены экспериментальные записи турецких и русских дикторов, проведен аудитивный анализ записей, определено соотношение таких акустических параметров, как длительность, интенсивность и формантная структура гласных.

Рассматривая длительность гласных как один из акустических параметров словесного ударения, исследователи пришли к выводу, что длительность в тюркских языках является не основным, а сопутствующим релевантным параметром словесного ударения [Баданова 2007]. В турецком языке нет этимологически долгих гласных, поэтому длительность является одним из дополняющих параметров ударения.

Для русского языка длительность является одним из наиболее устойчивых акустических коррелятов слоговой ударности / безударности (так как в русском языке отсутствует противопоставление гласных фонем по долготе и краткости и в связи со значительной редукцией гласных, обусловленной сильноцентрализующим характером ударения), что неоднократно подчеркивалось в многочисленных исследованиях по русской акцентуации [Златоустова 1981].

Консолидирующие факторы в акцентно-ритмических структурах русского и турецкого языков различны. В русском языке это словесное ударение, так как именно оно является сильноцентрализующим детерминантом: количественные и качественные изменения гласных прямо пропорциональны степени близости или удаленности от ударения. В турецком языке организующая роль принадлежит сингармонизму, а ударение чаще всего находится на последнем слоге слова и не имеет сильноцентрализующего характера.

Для проведения эксперимента были подготовлены материалы для чтения, состоящие из трех блоков: 1) фонетические слова для изолированного произнесения, включающие трех- и четырехсложные лексемы современного русского литературного языка с различными РСС; 2) предложения, содержащие эти слова в сильной и слабой фразовых позициях; 3) связный текст, содержащий эти слова в сильной и слабой фразовых позициях. Материалы было предложено прочитать 12 носителям турецкого языка, чтение которых сравнивалось с эталонным чтением носителей русского языка, запись чтения осуществлялась при помощи диктофона.

В ходе настоящего исследования был проведен аудитивный анализ записей, а также анализ одного из акустических параметров реализации РСС – длительности гласных (с помощью программных комплексов для исследования звукозаписей Speech Analyzer и PRAAT). Наиболее типичные результаты приведены в таблицах 1 и 2 (где t – длительность гласного, значения указаны в мс и процентах, 100% – ударный слог).

Таблица 1. Соотношение длительности гласных у турецких и русских дикторов (сильная позиция)

Слог		2-й предударный	1-й предударный	ударный	1-й заударный
t (%) (тур.)	[á]	72,80 (57,9%)	76,60 (60,9%)	125,7 (100%)	63,1 (50,1%)
	[ó]	69,10 (57,7%)	81,70 (68,2%)	119,7 (100%)	70,9 (59,2%)
	общая	70,95 (57,8%)	79,15 (64,5%)	122,7 (100%)	67,0 (54,6%)
t (%) (рус.)	[á]	62,50 (49,2%)	76,20 (60,0%)	127,0 (100%)	59,5 (46,8%)
	[ó]	58,80 (54,1%)	74,20 (68,3%)	108,5 (100%)	58,9 (54,2%)
	общая	60,00 (52,0%)	75,00 (64,2%)	117,0 (100%)	59,2 (50,5%)

Таблица 2. Соотношение длительности гласных у турецких и русских дикторов (слабая позиция)

Слог		2-й предударный	1-й предударный	ударный	1-й заударный
t (%) (тур.)	[á]	77 (61%)	72 (57%)	126 (100%)	76 (60%)
	[ó]	62 (57%)	72 (66%)	109 (100%)	62 (57%)
	общая	70 (60%)	72 (61%)	117 (100%)	69 (59%)
t (%) (рус.)	[á]	45 (57%)	59 (75%)	79 (100%)	45 (57%)
	[ó]	57 (79%)	60 (83%)	72 (100%)	52 (72%)
	общая	51 (68%)	60 (80%)	75 (100%)	49 (65%)

Полученные данные позволяют утверждать, что длительность ударного гласного больше у носителей турецкого языка (что, видимо, объясняется стремлением к подражанию долгим ударным гласным в русском), то есть длительность осознается как один из ключевых коррелятов ударения (также ранее экспериментально было доказано, что данный параметр важен и в словесном ударении турецкого языка [Баданова 2007]). Гласный 1-го предударного слога очень близок по значениям к нормативному русскому произнесению; 2-й предударный и заударный незначительно дольше у носителей турецкого языка. Можно было бы предположить, что длительность гласного заударного слога будет больше, чем у русских дикторов, но эта гипотеза не подтверждается, так как здесь наблюдается влияние механизма чередования сильных и слабых слогов [Щека 2008]. Значения длительности 1-го предударного слога у носителей русского языка вкупе с увеличенной интенсивностью показывают структуру просодического ядра, которая полностью не воспроизводится носителями турецкого языка. Однако значения и общие соотношения по этим параметрам очень близки к нормативному современному русскому произношению.

Таким образом, в русской речи носителей турецкого языка наблюдается нарушение РСС, однако при этом отмечаются нормативные для русской РСС реализации. Системность характера ошибок турок в реализации русских РСС обусловлена отсутствием в турецком языке просодического ядра (выделения ударного и 1-го предударного на фоне других слогов), а также различиями в способах формирования фонетического слова в турецком и русском языках.

Литература

Баданова Т.А. Акустические параметры словесного ударения в русском, алтайском и других тюркских языках // Вестник молодых ученых Горно-Алтайского государственного университета: Сборник научных работ. № 4. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. С. 39–43.

Златоустова Л.В. Фонетические единицы русской речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2005.

Щека Ю.В. Интенсивный курс турецкого языка. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток-Запад, 2008.

Об особенностях просодической организации современной православной миссионерской проповеди

О.А. Прохватилова

About features of the prosodic organization of the modern orthodox missionary preaching

Olga A. Prokhvatilova

Волгоградский государственный университет / Volgograd State University

12_09@mail.ru

Аннотация. В работе раскрываются особенности интонационно-звуковой структуры современной миссионерской проповеди. Установлено, что в ней актуализируются отдельные конститутивные для этого жанра произносительные маркеры, вместе с тем наблюдается сокращение объема архаичных фонетических элементов, а также перераспределение частотности употребления основных интонационных типов, что приводит к появлению новых для проповеди стилистических смыслов и трансформации стилистической окраски ее звучания в целом.

Ключевые слова: интонационно-звуковая организация, проповедь, архаические языковые элементы, принципы членения речевого потока, рамочные акцентные структуры.

Summary. The paper reveals the peculiarities of the intonation and sound structure of the modern missionary preaching. It is established that it actualizes some constitutive for this genre pronouncing markers, at the same time there is a reduction in the volume of archaic phonetic elements, as well as the redistribution of the frequency of the use of the main intonation types, which leads to the emergence of new for preaching stylistic meanings and transformation of the stylistic color of its sound as a whole.

Keywords: intonation and sound organization, preaching, archaic language elements, principles of segmentation of the speech stream, prosodic structure framework.

С середины 90-х гг. XX в. религиозная коммуникация является объектом пристального исследовательского интереса и изучается в самых разных аспектах: стилистическом, дискурсивном, социолингвистическом, коммуникативно-прагма-

тическом, фоностилистическом и т. д. (см., например: [Прохватилова 1999; 2006]; [Бобырева 2007]; [Бугаева 2010], [Ицкович 2015], [5] и др.).

Вместе с тем говорить о всестороннем описании языкового пространства сферы религии еще рано, тем более что появляется новый материал для исследования и осмысления. В последнее десятилетие церковь с целью оптимизации коммуникативного контакта с аудиторией стремится осваивать и использовать современные медиа, в том числе интернет. К числу новых платформ коммуникации можно отнести и проект «Batushka ответит» на канале YuoTube.

Поиски новых форм миссионерства реализуются в попытках изменения проповеди, в частности ее речевой организации.

В докладе рассматриваются особенности просодического строя современных миссионерских проповедей, размещенных в видеоблоге «Batushka ответит».

Описание интонационно-звуковой организации проповеди основывается на синхронно-диахроническом подходе к изучению языкового материала, который предполагает анализ соотношения и взаимодействия фактов истории языка и его современного состояния.

Интонационно-звуковая организация проповеди представляет собой уникальное сочетание акустических признаков, отражающих особенности древней музыкально-тонической и современной акцентно-мелодической фонетических систем [Прохватилова 2004]. Проведенный анализ современных миссионерских проповедей о. Александра (Кухты) обнаруживает, наряду с последовательным воспроизведением в них отдельных просодических маркеров звучания современного пастырского слова, сокращение объема архаичных фонетических элементов, а также перераспределение частотности употребления ряда фонетических средств.

При этом к числу последовательно воспроизводимых элементов интонационно-звуковой организации проповеди можно отнести: а) актуализацию современных орфоэпических норм на сегментном уровне, б) реализацию таких принципов членения речевого потока, как пропорциональность и симметрия, в) использование тональных и динамических компонентов интонации для выделения факультативных центров интонационных конструкций.

Сокращение объема архаичных фонетических элементов в современной миссионерской проповеди происходит вследствие либо невостребованности отдельных стилистически значимых компонентов древнеславянской фонетической системы (например, длительности как маркера факультативных центров синтагм), либо существенного уменьшения их частотности (например, поливершинных интонационных типов).

Анализ показывает, что существенно меняется перечень типов ИК при оформлении современной миссионерской проповеди. Так, ИК-6 (с растяжкой гласного центра и усилением напряженности его артикуляции) теряет свою доминирующую позицию. Ведущим интонационным типом становится ИК-3, преобладание которой при оформлении неконечных синтагм привносит в речь оттенок сниженности и разговорности.

Тенденция к изменению стилистических смыслов звучания современной миссионерской проповеди от высокого регистра к сниженному усиливается и благодаря появлению оттенка иронии. В нашем материале ироническая модальность возникает на участках текста, когда интонации с чередующимся восходящим и нисходящим движением тона, имеющие высокий, торжественно-приподнятый стилистический оттенок, используются при описании бытовых явлений.

Литература

Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007.

Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: дис. … д-ра филол. наук. М., 2010.

Ицкович Т.В. Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди: монография. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2015.

Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999.

Прохватилова О.А. Интонационно-звуковая организация современной духовной речи // Вопросы русского языкознания: Сб. Вып. XI. Аспекты изучения звучащей речи: Сборник научных статей к юбилею Елены Андреевны Брызгуновой. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 163–174.

Прохватилова О.А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2006. Вып. 5. С. 19–26.

Фонетическая система языка как многоуровневая структура

А.А. Соколянский

Phonetic system of language as a multilevel structure

A.A. Sokolyanskiy

Северо-Восточный государственный университет (Магадан) / North-Eastern State University (Magadan)

sokol_2001@mail.ru

Аннотация. Наиболее адекватно фонетическую систему русского языка можно описывать с помощью многоуровневой фонологии, сформировавшейся в Московской фонологической школе. В многоуровневой фонологии предлагается разграничивать следующие единицы: слог как единицу речевого потока, звук речи первого и второго рода как единицы речи, звук языка как единицу, промежуточную между языком и речью, первичную фонему, синтагмо-фонему, парадигма-фонему, морфофонему как единицы языка.

Ключевые слова: фонема, многоуровневая фонология, звук речи, звук языка.

Summary. The phonetic system of the Russian language can be described most adequately with the help of multi-level phonology, which was formed at the Moscow phonological school. In multilevel phonology, it is proposed to distinguish between the following units: syllable as a unit of speech, sound of speech of the first and second kind as units of speech, sound of a language as units intermediate between language and speech, primary phoneme, syntagmo-phoneme, paradigmo-phoneme, morphophoneme as language units.

Keywords: phoneme, multi-level phonology, sound of speech, sound of language.

На III Международном конгрессе исследователей русского языка в 2007 году мною была предложена концепция многоуровневой фонологии русского языка [Соколянский 2007]. В дальнейшем в серии публикаций целый ряд положений был уточнен, а некоторые из них подверглись пересмотру. В предлагаемом выступлении планируется рассмотреть теорию многоуровневой фонологии в том виде, в котором она существует сегодня.

Первоначальным стимулом к созданию теории многоуровневой фонологии послужило стремление уточнить ряд положений в фонемной теории М.В. Панова, изложенной им в монографии «Русская фонетика» [Панов 1967]. Позднее поиски переросли в попытку интеграции достижений основных фонологических школ, сложившихся в отечественной лингвистике.

В фонеме осуществляется постепенное восхождение от сугубо материальных свойств речевого потока к идеальным свойствам языка. Рождаясь в определенным образом устроенном речевом аппарате, фонема постепенно отрывается от своего анатомического носителя и становится единицей

языка, то есть частью иерархически организованной семиотической системы. Главная идея многоуровневой фонологии состоит в том, что функции фонетических единиц распределяются по разным этажам фонетической структуры, создавая тем самым эти этажи.

Нижние этажи многоуровневой фонологии включают в себя слог как единицу речевого потока, звук речи первого и звук речи второго рода как единицу речи, звук языка как межуровневую единицу, выполняющую функцию связующего элемента между речью и языком.

Выделяемые фонологические единицы в известной мере соотносятся с фонемами разных фонологических школ: первичная фонема (Ленинградская фонологическая школа), синтагмо-фонема (Пражская фонологическая школа), парадигмо-фонема (Московская фонологическая школа).

Любое фонологическое описание начинается со стадии выделения единиц, противопоставленных в одной позиции. Получаемые структурные первичные элементы было предложено называть *дифференциаторами*. Дифференциатор – это своеобразная предфонема. Ее выделение предполагает наличие первичных представлений о позиции, то есть условий функционирования языковых единиц. Методика выделения дифференциаторов – это своеобразный фонетический конструктор. На первом этапе выделяются звуки, которые противопоставлены другим звукам и не могут быть далее членимыми. Это отдельно употребленные гласные. По мере расширения состава единиц к проверке правильности выполнения членения подключается механизм сегментации, разработанный представителями ЛФШ [Попов 2014]. После выделения дифференциаторов открывается путь «вниз» к звукам языка и «вверх» – к первичной фонеме. Выделение первичной фонемы на данном этапе остается в пределах фонематических решений ЛФШ, которые основаны на обращение к сознанию говорящих. В дальнейшем правильность решения подкрепляется анализом единиц других уровней, в первую очередь соотношением дифференциальных признаков в составе единиц, что позволяет избежать обращения к сознанию говорящих. Последнее чрезвычайно важно для МФШ, в которой обращение к сознанию говорящих не приветствуется.

Выделение синтагмо-фонем (СФ) предполагает наделение фонемных единиц фонологическими признаками. Отсюда в одну СФ объединяются единицы, обладающие одинаковым набором дифференциальных признаков. Данная процедура разработана ПШФ в работах Н.С. Трубецкого [Трубецкой 1960]. Фонологические признаки во многих случаях представляют собой иерархическую систему фонетических признаков. Например, признак *глухости / звонкости* реализует цепочку зависимостей: *глухость / звонкость* ⊂ *напряженность / ненапряженность* ⊂ *придыхательность / непридыхательность* ⊂ *долгота / краткость.* В тех случаях, когда главный признак не в состоянии выполнять функцию различения, ее может принять на себя другой признак. Так, в шепотном произношении глухость и звонкость перестают различаться, но фонемные единицы продолжают противопоставляться за счет признака напряженности и ненапряженности.

Парадигмо-фонема (ПФ) выполняет в языке функцию отождествления морфов, представляя собой ряд фонетически позиционно чередующихся единиц других фонетических уровней. В качестве этих последних могут выступать звуки языка, первичные фонемы и СФ. Выбор во многом определяется задачами конкретного исследования.

Морфонема (МФ) завершает иерархическое строение языка. Ее выделение основано на анализе грамматических позиционных чередований. МФ объединяет морфы в морфемы. Дальнейшее описание языковых уровней осуществляется уже за пределами собственно фонологии.

Литература

Соколянский А.А. Многоуровневая фонология русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.). М., 2007. С. 356.

Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967.

Попов М. Б. Фонетика современного русского языка: Учебник. СПб., 2014.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Иностранная литература, 1960.

Секция IV. Интегративное описание русской лексики и грамматики

4.1. Лексическая семантика, синтагматика, речевое употребление

Семантика и синтагматика во фразеологии

О.И. Авдеева

Semantics and syntagmatics in phraseology

Olga I. Avdeeva

Московский педагогический государственный университет / Moscow Pedagogical State University

ol_avd@rambler.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу особенностей семантической синтагматики фразем. Многоаспектный анализ фразем позволил выявить разные типы взаимоотношений компонентов на уровне как внутренней, так и внешней синтагматики, что, в свою очередь, позволило выявить взаимозависимость этих видов синтагматики и специфику их проявления во фразеологии.

Ключевые слова: *фразеология, фразеологизм, фразема, синтагматика, семантика.*

Summary. This article is devoted to the analysis of the features of semantic syntagmatics by phrases. Multidimensional analysis of phrases allowed us to identify different types of relationships between components at the level of both internal and external syntagmatics, which, in turn, revealed the interdependence between these types of syntagmatics and the specificity of their manifestation in phraseology.

Keywords: *phraseology, idiom, phraseology, syntagmatics, semantics.*

Предметом данного исследования является взаимодействие семантических и синтагматических факторов во фразеологии. Термином «фразема» обозначается такой языковой знак, в котором сочетаются аналитичность формы, семантическая целостность и синтаксическая неделимость: «своим возникновением (он) обязан комбинаторному взаимодействию смыслов лексических и грамматических компонентов своего свободносинтаксического генотипа» [Алефиренко 2004: 14].

Неоднородный структурно-семантический план рассматриваемых фразем является причиной различия их синтагматики. Фраземы анализируются на двух уровнях: внутренней и внешней синтагматики. Внутреннюю синтагматику образуют связи между компонентами фраземы, а внешнюю – связи фраземы с окружающим контекстом. Ю.А. Гвоздарев считает эти стороны в равной мере необходимыми, поскольку они «находятся в причинно-следственной связи…» [Гвоздарев 1977: 8].

Основой семантического аспекта синтагматики фразем является анализ семного строения семем фразеологических единиц. И внутренняя, и внешняя синтагматика базируются на законе семантического сочетания слов (и фразеологизмов), который, по мнению В.Г. Гака, гласит: «чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему» [Гак 1998: 279]. Б. Потье и А. Греймас используют для ее обозначения термин *классема* [Pottier 1965; Greimas 1966]. Классемы в любом высказывании итеративны, т.е. повторяются не менее двух раз, этим обеспечивая связь слов (и фразеологизмов). Когда в качестве общей семы выступает не категориальная, а более частная сема, ее, по мнению В.Г. Гака, следует называть *синтагмемой* [Гак 1998: 280].

Использование в лексической синтагме, состоящей из двух компонентов M_1 и M_2, семы (а) в качестве синтагмемы позволило В.Г. Гаку выделить три вида отношений между компонентами синтагмы: 1) семантическое согласование; 2) семантическое несогласование; 3) семантическое рассогласование [Гак 1998: 284–285]. Данная схема успешно функционирует и во фразеологии, причем проявляя в ней свою специфику.

Семантическое согласование возникает при наличии одной и той же семы в двух членах синтагмы (формула: M_1 (а) + M_2 (а)). Примером является внутренняя синтагматика фраземы ***мелкая сошка***: здесь у обоих компонентов выделяется общая синтагмема «незначительный». Анализ внешней синтагматики показал, что компоненты выделенной синтагмы – конфигурации ***мелкая сошка*** *забивалась (в глушь)* семантически также соединены синтагмемой «незначительный, уничижительный», т.к. она имеется в семеме не только фразеологизма, но и глагола *забиваться*. Для фразем с полным семантическим согласованием компонентов присуще наличие в конфигурации (на уровне внешней синтагматики) отношений полного и неполного согласования.

Во втором виде отношений компонентов синтагмы – семантическом несогласовании – наблюдается опущение общего компонента в одном из компонентов (формула: M_1 (а) + M_2) [Гак 1998: 284]. С нашей точки зрения, термин «семантическое несогласование», вряд ли можно считать вполне корректным, потому что в данном случае отсутствует согласование по конкретной семе, но присутствует согласование по абстрактной семе. Поэтому, правомернее, по нашему мнению, его называть неполное семантическое согласование. Среди фразеологических единиц отмечены единичные случаи с подобным видом отношений между компонентами (типа ***из любви к искусству***, ***битый час***), т.к. в целом это противоречит образной природе фразеологизма. Фраземы с неполным семантическим согласованием компонентов имеют в конфигурациях (на уровне внешней синтагматики) отношения только неполного согласования.

Рассогласование, являясь третьим видом отношений компонентов синтагмы, возникает тогда, когда в пределах синтагмы соединяются компоненты, несовместимые с точки зрения реальных предметных отношений (формула: M_1 (а) + M_2 ($\bar{a}$)) [Гак 1998: 285]. Этот вид отношений отмечен как достаточно продуктивный во фразеологии. При анализе внутренней синтагматики фразем с рассогласованием компонентов выделяются две подгруппы: 1) фраземы, в которых компоненты содержат противоположные семы, т.е. фраземы оксюморонного характера (***бесструнная балалайка***, ***мертвые души***, ***белая ворона***) 2) фраземы, в которых компоненты не имеют общих сем, в связи с чем не сочетаются в свободном употреблении (***язык без костей***, ***орлиное племя***, ***злоба дня***).

Соединение в рамках синтагмы несовместимых компонентов приводит к тому, что или у слова M_2 должна возникнуть сема (а), или у слова M_1 должна исчезнуть сема (а). Оба случая переводят рассогласование в разряд или полного согласования, или неполного. Таким образом, внутренняя синтагматика оказывает влияние на внешнюю: при образо-

вании конфигураций фразема выступает в качестве единого члена предложения и входит в состав как предикативных, так и непредикативных синтагм. В свою очередь, наблюдается обратное влияние внешней синтагматики на внутреннюю: внешняя синтагматика способствует более тесному семантическому слиянию компонентов.. Для фразем с рассогласованием компонентов характерно наличие внутри конфигураций (на уровне внешней синтагматики) отношений полного и неполного согласования. Таким образом, во фразеологии взаимосвязь семантики и синтагматики имеет как общие с лексическим уровнем черты, так и свою специфику.

Литература

Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц): Монография. 2-е изд., испр. и доп. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004.

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики //Языковые преобразования. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1998. С. 272–297.

Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1977.

Greimas A.-J. Semantiaque structurale. Paris, 1966.

Pottier B La definition semantique dans les dictionnaires //Travaux de linguisque et de litterature. III. Strasburg, 1965.

Китайское и *китайцы* в русской языковой картине мира (на материале лексики и фразеологии)

В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская

Chinese phenomena and the *Chinese* in the Russian linguistic picture of the world (using the material of vocabulary and phraseology)

Veronika I. Abramova, Julia V. Arkhangelskaia

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого / Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

istinijobraz@mail.ru, archangelju@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы лексические и фразеологические единицы, отражающие русское восприятие китайской культуры и китайцев. Данные единицы обладают одной из двух культурно значимых в русской языковой картине мира сем: 1) интенсивно выраженное, сложное, непонятное; 2) плохое, некачественное.

Ключевые слова: Китай, китайцы, русская языковая картина мира, фразеология, лексика.

Summary. The article analyzes lexical and phraseological units reflecting the Russian perception of the Chinese culture and the Chinese. These units have one of the following two semes, which are culturally significant in the Russian linguistic picture of the world: (1) intensely expressed, complicated, incomprehensible; (2) low-quality.

Keywords: China, Chinese, Russian linguistic picture of the world, phraseology, lexis.

Китай и *китайцы* в русской языковой картине мира занимают особое место, что свидетельствует о многовековых исторических и культурных связях между Россией и Китаем и закреплено в лексических и фразеологических единицах русского языка, которые и являются объектом настоящего исследования.

По мнению А.Д. Шмелева, «представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде (пресуппозиции, коннотации, фоновые компоненты значения), так что человек принимает их на веру, не задумываясь», а кроме того, эти неявные компоненты смысла нередко «повторяются в значении целого ряда языковых единиц, представляя собою своего рода “сквозные мотивы” языковой картины мира» [Шмелев, 14–15].

Анализ лексических и фразеологических единиц показывает, что в русской языковой картине мира существует два основных «сквозных мотива», отражающих представления о *Китае* и *китайцах*: 1) интенсивно выраженное (сложное, непонятное, странное и др.); 2) плохое, некачественное.

К первой группе единиц мы относим слова и фразеологизмы *китайская грамота* – ‘нечто очень непонятное, недоступное пониманию’; *китайская стена* – ‘нечто очень длинное’ (например, так называют в различных городах России очень длинные дома) или ‘нечто непреодолимое’ (о полном обособлении, изолированности от внешних влияний); *китайские церемонии* – ‘излишняя, жеманная вежливость’; *китайское терпение* – ‘терпение, проявленное в максимальной степени’; *китайский болванчик* – ‘человек, пассивно соглашающийся с остальными’, а также ‘крайне самодовольный, ограниченный человек’; *последнее китайское предупреждение* – ‘одна из угроз в бесконечном ряду предупреждений’; *как сто китайцев* – ‘очень, сильно’ (хитрый, злой, довольный, умный, тупой, голодный, устал, есть хочу и т.п.); *утро китайского пчеловода* и *утро в китайской деревне*, которые имеют близкие значения ‘очень отекшее лицо, чрезмерно сузившиеся глаза человека после неумеренного употребления алкоголя’; *вести себя как китайский пионер* / *коммунист* – ‘создавать чрезмерные трудности самому себе, а потом мужественно их преодолевать’; *китайский разведчик* / *шпион* – ‘очень хитрый, загадочный человек’, а также ‘излишне бдительные отец или мать’ (в речи подростков); *китаец* – ‘очень хитрый человек’; *китайский* – ‘странный, непривычный; сложный, запутанный, мудреный’. Объективацией интенсивности в значении лексических и фразеологических единиц обычно служат наречия «очень», «слишком», «крайне», «чрезвычайно», «сильно», «совершенно» и др.

Ко второй группе единиц мы относим слова и фразеологизмы *дядюшка* / *дядя Ляо* – ‘нелегальный производитель китайских некачественных товаров (в основном – техники)’, *получить белье из китайской прачечной* – ‘получить нестиранное белье (обычно в поезде)’; *скинуть (задвинуть, загнать и т.п.) китайку кому-либо* ‘выдать пассажиру поезда нестираное белье’; *китайка* – ‘постельное белье, которое, будучи уже использованным пассажирами, выдается проводником поезда другим пассажирам без стирки’.

Итак, китайцы в русской языковой картине мира представлены, с одной стороны, как нация загадочная, сложная, у которой многое проявляется в максимальной степени, а элемент «китайский» в составе фразеологизмов нередко имеет сему – «очень», «слишком» (единицы первой группы). Такие представления о Китае и китайцах традиционны для русского сознания, и единицы языка, в которых они отражены, имеют давнюю историю. С другой стороны, в современном русском языке появляются языковые единицы, в которых все китайское является синонимом некачественного (лексемы и фразеологизмы второй группы). Эти единицы относительно новые, они начали фиксироваться с 90-х годов XX века, когда в Россию хлынули дешевые некачественные китайские товары.

Литература

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской этимологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1999.

Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003.

Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: «Локид-Пресс», 2005.

Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н.Ушакова: В 4 т. М.: ОГИЗ, 1935.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.

Шмелёв А.Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 14–21.

Номинации женщин в русском языке 30-40-х гг. XX века (по материалам Толкового словаря под ред. Д.Н. Ушакова 1935–1940 гг.)

И.В. Баданина

The nomination of women in the Russian language the 30-40-ies of the XXth century (on the materials of the Explanatory dictionary ed. D.N. Ushakov, 1935–1940)

I.V. Badanina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

irinabadanina@gmail.com

Аннотация. Толковый словарь под редакцией Д.Н. Ушакова отражает важный этап в развитии русских номинаций женщин – существительных женского рода. Данная лексическая группа характеризуется разнообразием семантики, выявляющим сферы деятельности женщин, их участие в социальной жизни.

Summary. xplanatory dictionary edited by D.N. Ushakov reflects an important stage in the development of Russian nominations of women – female nouns. This group of vocabulary is characterized by a variety of semantics, revealing the scope of women's activities, their participation in social life.

Ключевые слова: имя существительное, женский род, номинации женщин, толковый словарь.

Keywords: noun, feminine gender, nomination of women, explanatory dictionary.

Изучение номинаций женщин в языке относительно недавнего прошлого, а именно в конце первой половины XX века, важно с позиций отражения как видов деятельности, так и их статуса в обществе. Не все виды деятельности женщин в указанный исторический период выражались существительными женского рода. Так, известно, что в период создания словаря женщины работали в сфере просвещения, но в словаре это не отражается номинациями женского рода, зафиксированы лишь *библиотекарь, избач* «деревенский культработник, руководящий работой избы-читальни» и т.д. Тем не менее большинство характеристик женщин выражаются существительными женского рода, что сближает закономерности функционирования номинаций женщин в языке исследуемого периода и языке современности. По признаку соотносительности с существительными мужского рода все номинации женского рода в словаре можно разделить на две группы:

1. Слова только женского рода. Они входят в тематические группы, актуальные для исследуемого периода: 1) специфически женские виды деятельности – *банкаброшница* «работница, работающая на банкаброше – машине в бумагопрядильном производстве», *ватерщица* «работница-текстильщица на ватерной машине», *модистка, няня* и др., 2) актуальные для данного исторического периода виды деятельности женщин: *женделегатка* «член делегатского собрания работниц и крестьянок», *пятисотница* «колхозница-стахановка», 3) социальные характеристики: *совбарышня* «в первые годы советской власти – о молодой служащей, чуждой общественности»;

2. Слова женского рода, парные к словам мужского рода, образованные от них. Обычно слово женского рода толкуется через однокоренное слово мужского рода: «женск. к *слово мужского рода*». В данную эпоху именно существительные женского рода, парные к существительным мужского рода, наиболее показательны как отражение реального участия женщин в различных сферах жизни общества. Как и в современном литературном языке, в парах существительных мужского и женского рода слова женского рода часто квалифицируются как разговорные, в связи с чем можно констатировать типологическое сходство с современным языком. Выделяются те же тематические группы, что и у существительных только женского рода: 1) виды деятельности (профессии, временные занятия): *милиционер* (без стилистической пометы) – *милиционерка* (разг.). Часто такие слова сопровождаются пометой «спец.»: *насыпальщик* «рабочий по насыпке чего-нибудь» – *насыпальщица, оспопрививатель* «лицо медицинского персонала, производящее оспопрививание» – *оспопрививательница*; 2) социальные характеристики: *односельчанин – односельчанка*. При этом обращает на себя внимание существенное расширение сфер деятельности, что отражается в количестве лексем. Выявляются тематические группы, отсутствующие у слов только женского рода: 3) политические убеждения: *комсомолец – комсомолка*, 4) спорт: *велосипедист – велосипедистка*, 5) искусство: *композитор – композиторша* (разг.), 6) наука: *исследователь – исследовательница*.

Тематические группы существительных в словаре те же, что и в современном языке, см., напр., [РСС 2002]. Однако лексемный состав закономерно совпадает не полностью, поскольку в то время был другой уровень развития экономики, социальной сферы жизни, что отражалось в номинациях: *канительщик – канительщица, босяк – босячка*. У некоторых слов в речи есть значение «вид деятельности, профессия женщины», что создатели словаря в одних случаях квалифицируют как неправильное: *инспектор* (без помет) – *инспекторша* «неправ. разг.», а в других – как называющее профессию женщины: *секретарь – секретарша* «женщина-секретарь». Некоторые слова, употребляемые в современном языке как часть активного словарного запаса, в рассматриваемый период являются неологизмами: *киноартист – киноартистка*. Отмечаются также слова, фиксируемые в словаре как неологизмы, но к нашему времени уже ставшие историзмами*: селькор – селькорка*.

Таким образом, исследование Толкового словаря 1935–1940 гг. позволяет проследить тенденции в функционировании номинаций женщин, актуальные также в последующий период развития русского литературного языка.

Литература

Баданина И.В. Изменения социальных статусов женщин после Октябрьской революции: отражение в русском языке // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV-XXI веков. Материалы 11 международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории 4-7 ноября 2018 г. Нижний Новгород. М.: ИЭА РАН. Т. 1. С. 140–141.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2002 (РСС).

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940 (Ушаков).

Актуализированная лексика современного медийного пространства: «гибридная война», «гибридный»

Г.П. Байгарина

Updated Vocabulary of Modern Media Space: «Hybrid War», «Hybrid»

Gerta P. Baigarina

Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова (Астана, Казахстан) /
Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University (Astana, Kazakhstan)

oirat60@mail.ru

Аннотация. Анализируются ключевые слова, в которых находит отражение современная эпоха. Актуальное слово, повысившее свою функциональную значимость вследствие актуализации обозначаемого им явления, соотносится с рейтинговым списком слов интернет-проекта «Слово года».

Ключевые слова: актуальное слово года, ключевое слово «текущего момента», слова-символы, идеологема.

Summary. In this paper the keywords in which reflect the modern era are analyzed. The actual word which has increased its functional significance due to the actualization of the designated phenomenon corresponds to the rating list of words in «Word of the Year» Internet project.

Keywords: topic word of the year, the key word of «current moment», word-symbols, ideologeme.

Слова, которые повысили свою функциональную значимость вследствие актуализации называемого ими явления, то есть обозначающие, по выражению Е.А. Земской, «явления и понятия, находящиеся в «фокусе социального внимания» [Земская 2000: 92], выступают в качестве слов-символов соответствующей эпохи.

Актуализированная лексика, или, в иной терминологии, «актуальное / ключевое слово года», «ключевое слово текущего момента», может быть соотнесена со «словами года», определяемыми в рамках социально-лингвистического проекта «Слово года», результаты которого представляют собой своеобразный взгляд на социальную жизнь сквозь призму языковой жизни общества.

Так, в последние годы в медийный обиход вошла новая номинация как составляющая информационной войны – «гибридная война», которая оказалась среди лауреатов рубрики «выражение года» по версии «Слово года» 2016 г., однако сохранившая свою актуальность как в традиционных, так и новых медиа и в настоящее время.

Термин «гибридная война» закрепился в лексиконе военно-политического дискурса, но одновременно «гибридная война» как феномен XXI века обсуждается и в медийном пространстве (*Мировая политика «обогатилась» разве что понятием «гибридная война»* (АИФ.28.03.2018). *Запад планировал устроить в Крыму «гибридную войну»...* (Известия. 11.07. 2018). Более того, это выражение проявило способность к порождению новых текстов, то есть способность к тому, что Т.В. Шмелёвой названо свойством текстогенности.

Статус выражения «гибридная война» как ключевого определен в дискурсивной практике медиа: *Ключевым словосочетанием вместо «холодная война» стало «гибридная война». Так обозначен новый конфликт во все менее предсказуемом мире* (Новая газета, №13, 2015). Эта номинация подвергается осмыслению и оценке в рамках обширного метаязыкового дискурса, в котором носители языка отражают свои реакции не столько на ее вербальную сторону, сколько на обозначаемое ею явление. Субъективность восприятия «гибридной войны» может проявляться через оценочные маркеры, наличие которых подчеркивает значимость этого явления для современного общества, например: *Есть иное, странное и прежде человечеству неизвестное. И войной ни в коем случае не являющееся. Называется это странное нечто «гибридной войной»* (https://lb.ua/society/2016/06/20/338240).

Об актуализации выражения «гибридная война», определяемой как «новый тип войны», свидетельствует проявленное в медийном дискурсе словотворчество: «Первая гибридная» – по модели: «Первая / Вторая мировая». В то же время в качестве синонима «гибридной войны» стали использовать «третья мировая» и даже «четвертая мировая война».

Активизация этого выражения приводит к его метафорическому использованию, например, в ситуации любого противостояния: *Конец РБК: Гибридная война против медиа* (https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/13/) – в позиции заголовка, что является одним из признаков принадлежности слова или выражения к разряду ключевых слов текущего момента.

«Гибридная война» расширяет свои синтагматические возможности, что приводит к семантическим приращениям этого выражения и в конечном счете позволяет выявить его новые актуализированные смыслы. С одной стороны, просматривается сочетаемость, в целом типичная для лексемы «война», с другой, – в новой сочетаемости, как, например: *Бескомпромиссная гибридная война; Евровидение: дешевая музыкальная гибридная война; Необъявленная гибридная война. Очень тонкая, но эффективная»; Личина гибридной войны*, легко усмотреть определенные ценностные установки. Не случайно, это выражение может сопровождаться маркерами «чуждости», среди которых – «знаки дистанцирования» (*то, что принято называть гибридной войной; эта самая гибридная война*), как и «показатели недоверия» (*так называемая гибридная война*), показатели «умаления значимости» (*Не нужно придумывать каких-то гибридных войн. Сейчас модно стало говорить о некой гибридной войне*), где неопределенные местоимения выступают знаками тимиологической оценки.

Выражение «гибридная война» способствовало активизации слова «гибридный», которое в словарях истолковывается как «совмещающее признаки различных предметов, явлений», то есть сформулировано значение с нулевой оценочностью. Однако именно «гибридная война» обусловила появление новых, в том числе актуализированных оценочных смыслов у этого слова, что проявляется в новой его сочетаемости, в использовании в составе прецедентных феноменов, а также в его деривационных возможностях, как, например: *Пришла эпоха... эпоха черных лебедей, гибридных войн, гибридной правды... И правит бал одна гибридность* (Новая газета. 07. 08.2018). Расширение синтагматических возможностей слова «гибридный» продемонстрируем на примерах, извлеченных из медитекстов, в том числе 2018 года: *гибридный интерес, гибридный принцип, гибридное сознание, гибридная свобода, гибридная этика*, *гибридные СМИ, гибридное поколение, гибридные воины, гибридный сценарий, гибридная заварушка в Черногории, гибридный госпереворот, гибридные формы конфронтации, выводы из показательной гибридной порки, гибридная составляющая, гибридный ландшафт.* Если «гибридная война» входит в группу слов и выражений с родо-видовыми отношениями, семантической доминантой которой является «война», то для «гибридный», сочетающегося со словами разных лексико-семантических групп, объединяющим началом «*гибридного всего*» является идеологическая доминанта.

Новые словосочетания с атрибутом «гибридный» начинают противопоставляться исходному, то есть «гибридной войне». Например, «бескомпромиссную гибридную войну» заканчивают «гибридной победой». «Гибридной войне» противопоставляют как «гибридную капитуляцию / мягкую гибридную капитуляцию», так и «гибридный мир».

Один из признаков актуализированного слова – активизация его словообразовательных возможностей. Входит в употребление противопоставленная «гибридной» оценка того или иного явления в виде «негибридный», за «гибридной войной» следует «контргибридный ответ». «Гибридизации /

«тотальной гибридизации» и «гибридности», образованным по продуктивным словообразовательным моделям, уделено достаточное метаязыковое внимание. В метарефлексивном осмыслении «гибридности» как проявлении «единого когнитивно-коммуникативного процесса использования языка» представлена попытка определить новое значение «гибридности», соответственно, и слова «гибридный», обусловленное их активизацией: «*это не смесь из двух, это может быть смесь из многих, и часть из этих многих – ненастоящая. Что, в конце концов, гибридов много, – их действительно много, что ни понимать под этим словом* (http://gefter.ru/archive/21337). Используемые в медиатекстах наряду с «гибридный» оценочные слова «имитируемый», «имитационный», подкрепленные синонимической оценкой «ненастоящая», определяют новые семантические, в том числе и экспрессивно-оценочные приращения в этих словах. Выражение «гибридная война», как и слово «гибридный», являющиеся ключевыми для современного отрезка времени, можно отнести к разряду идеологем, так как составляющими их содержания оказываются идеологические смыслы.

Литература

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца столетия (1985–1995) / Под ред. Е.А. Земской. М.: «Языки русской культуры», 2000. С. 90–141.

Пополнение полисемии за счет семантических трансформаций (линия, линейка)

Е.Н. Вакулова

The completion of polysemy by semantic transformations

Elena N. Vakulova

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург) / North-West Institute of Management Russian Presidential Academy (Siant-Petersburg)

vakulova@mail.ru

Аннотация. Описаны семантические трансформации и пополнение полисемии лексем *линия, линейка* за счет их употребления в новом значении, не зафиксированном словарями. Отмечено, что восприятие таких единиц осложняется их обманчивой понятностью.

Ключевые слова: полисемия, семантические трансформации, словарь, толкование значения, *линия (линейка).*

Summary. The article is about new meaning of Russian words *линия, линейка* being a result of semantic derivation, in comparison to their meanings fixed in dictionaries. It also shows dependencies of their correct understanding from a sequential fixation in dictionaries.

Keywords: polisemy, meaning, semantic transformations, dictionary, lexicographic description.

«Вторичное» использование лексических единиц в результате семантических трансформаций различных типов может создавать ложное ощущение, что значение лексемы известно, в связи с чем представляется, что изучению подобных процессов следует уделять особое внимание.

Аналогичные трансформации уже были описаны для новых значений лексем *отношения, проект, шокировать, эксперт* [Вакулова 2011], основная сложность в адекватном восприятии которых при устной или письменной коммуникации состоит в их обманчивой понятности («ложные друзья переводчика»),

Национальный корпус русского языка фиксирует примеры использования лексем *линия* и *линейка*. в значениях, не зафиксированных словарями, к тому же обе лексемы выступают как стилистические синонимы – практически в одном значении, отличаясь друг от друга стилистически, как единица нейтральная, с нулевой (*линия*) и разговорной окраской (*линейка*), чего в прежних их значениях отмечено не было.

Новое употребление зафиксировано в текстах рекламы, торговой и банковской сферы коммуникации, сферы потребления, причем разговорный вариант имеет большее распространение. Это *линейка (линия) моделей сотовых телефонов, смартфонов, автомобилей, хэтчбеков, универсалов, двигателей, роутеров, банковских продуктов, предложений страховых компаний*, *штрафов, телеканалов, учебников литературы, вин, кремов, зубных паст, спреев, отравляющих веществ; парфюмерии* и пр.

Новые значения образуют расширившуюся, обогащенную полисемию, поскольку и прежде оба слова трактовались как полисемантичные (как омоним словарями трактовалось только *линейка* в значении «экипаж с сиденьями в виде двух скамеек, параллельных друг другу и линии движения»).

Малый академический словарь русского языка (МАС) определяет значения этих слов следующим образом:

«**ЛИНЕ́ЙКА**[1] **1.** Прямая черта на бумаге, доске и т.п., помогающая писать ровными строками, делать нужный наклон букв. **2.** Прямая планка для вычерчивания прямых линий. Вычислительный, измерительный инструмент такой формы. **3.** *Воен.* Каждая из дорожек внутри лагеря, разделяющих его на прямоугольные участки – кварталы. **4.** Строй в одну шеренгу. Сбор, на котором участники выстроены в шеренги.

ЛИНЕ́ЙКА[2] *Устар.* Длинный многоместный открытый экипаж, в котором сидят боком к направлению движения.

ЛИ́НИЯ, -и, *ж.* **1.** Узкая полоса, черта, проведенная на какой-л. поверхности от одной точки к другой. || *Мат.* Граница поверхности, имеющая только одно измерение – длину. || Воображаемая черта, соединяющая две точки или являющаяся границей пересечения двух поверхностей. **2.** Черта, определяющая предел, границу чего-л. Очертания, контуры чего-л. **3.** *Устар.* Граница, рубеж какого-л. государства, а также ряд укреплений на такой границе. **4.** *чего.* Длинный ряд или цепь чего-л. || Порядок, строй. || Название некоторых улиц или их сторон, торговых рядов и т.п. **5.** Путь, полотно железной дороги или трамвая. **6.** Путь (железнодорожного, водного и т.п.) сообщения, связывающий два каких-л. пункта. **7.** Последовательный ряд лиц, соединенных кровными связями от предков к потомкам. **8.** *перен.* Направление, образ действий, мыслей. **9.** *Прост.* Жизненный путь, направление жизненного пути; участь, судьба. || Случай, обстоятельство. **10.** Русская мера длины до введения метрической системы».

Среди отмеченных МАС 10 значений слова *линия* современному употреблению частично и отдаленно соответствуют лишь «Последовательный ряд лиц, соединенных кровными связями от предков к потомкам».

Изменения происходят и с однокоренным словом *линейка.* Отмеченный нами актуализированный компонент значения лексемы *линия* словарями не отмечен, для толкуемых ими значений основой является прямизна, цепная последовательность расположения элементов, линейность (прямая планка, черта, шеренга, строй), оказавшиеся в новом употреблении нерелевантными. Актуальной в нем стала периферийная сема, обозначающая множественность, комплексность, системность, связанность, однотипность, единство, объединенность, группировку по какому-либо признаку. Основанием для генерализации значения послужила сема «(последовательный) ряд элементов, соединенных какими-либо связями». Более частный семантический компонент («кровные связи») в формировании нового значения не актуализировался, а в качестве основного семантического компонента выступает «системность», «комплексность» в меньшей степени – «последовательность».

Оснований для словообразовательно-семантического единства слов *линия* и *линейка* в их традиционных словарных значениях нет; в современном употреблении видны их дери-

вационная связь и синонимичность: производящее *линия* и производное, образованное от него суффиксальным способом, *линейка* являются синонимами, различающимися стилистической окраской: книжной или нулевой у слова *линия* и разговорной у слова *линейка*.

Таким образом, употребление данных лексем в новом значении, не сохранив идею последовательного расположения, сохранило значение количества, множества, классификационной группы и могут получить следующее толкование: «*Линия, линейка* (товаров, моделей) – парадигма, ряд, группа, набор, комплекс взаимосвязанных по какому(-им)-либо признаку(-ам) объектов, элементов, товаров».

Литература

Вакулова Е.Н. Речевые ошибки и динамика языковой нормы // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе / Санкт-Петербургский государственный горный университет. СПб., 2011 (Записки Горного института. Т. 193). С. 56–59.

Источники

Национальный корпус русского языка [http://www.ruscorpora.ru/search-main.html. Дата последнего обращения 18.11.2018].

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Том 2. К–О (МАС).

К эволюции лексической системы: тщеславие, понты, гламур, пафос

С.Г. Воркачев

To evolution of lexical system: vanity, “ponty”, glamour, pathos

Sergey G. Vorkachev

Кубанский государственный технологический университет (Краснодар) / Kuban State Technological University (Krasnodar)

svork@mail.ru

Аннотация. Исследуются семантика и речевое употребление лексем- номинантов тщеславия в разговорном регистре современного русского языка. Устанавливается, что «понт» – одно из ключевых слов жаргона, отмеченное специфическим подростковым «окрасом»; что «гламур» пока сохраняет статус варваризма и обладает всеми признаками лингвоидеологемы, что «пафос» также имеет подростковый «окрас».

Ключевые слова: инновация; тщеславие; понты; гламур; пафос.

Summary. Semantics and speech usage of the lexical units designing vanity in conversational style of modern Russian are studied. It is established that the word “pont” is one of the keywords of slang, marked with a specific teenager tinge; that the word “glamour” still retains a barbarism status and possesses all features of ideological word; that the word “pathos” also possesses teenager tinge.

Keywords: innovation; vanity; showing off; glamour; pathos.

Инновации в лексической системе языка, как правило, начинаются в ее периферийных областях: различных жаргонах, где особенно востребованы динамизм и экспрессия, откуда новые слова переходят в разговорный язык, а затем иногда закрепляются в основном словарном фонде. Если развернуть метафору круга, лежащую в основе представления лексической системы национального языка в виде центра и периферии, придав этому кругу вращение, то жаргонные лексические единицы под воздействием центробежной силы будут первыми выпадать из лексической системы, а им на смену будут приходить новые.

Тщеславие – это моральное чувство и моральное качество личности, склонной к чрезмерному прославлению своих действительных или мнимых достоинств и заслуг с целью привлечения к себе внимания и получения общественного признания, возникающее у нее в результате неустойчивости самооценки. Новые времена, новые реалии и новые социальные отношения неминуемо отразились и на стремлении «нового» человека к известности и на его языке: книжно-религиозное слово «тщеславие» дополняется, а кое-где и вытесняется «понтами», «гламуром» и «пафосом» (см.: [Воркачев 2017: 170–189]).

Одним из новых номинантов тщеславия оказалась лексема «понт» (см.: [Воркачев 2018]). Словечко «понты», «отсидевшись» в жаргоне картежников и уголовников около сотни лет, в конце века 20-го, можно сказать, вступило одной ногой в общенародное употребление. На сегодняшний день «понт» – одно из ключевых слов русского жаргона. Возникнув в уголовной среде, это слово вошло в речь вполне законопослушных граждан (см.: [Новиков 2008: 115]). Под «понтом» понимается, главным образом, стремление человека показать себя в глазах окружающих лучше, чем он есть на самом деле. Отмечается специфический возрастной «окрас» «понтов» как свойства, присущего подросткам в переходном возрасте. «Понт» – лексема многозначная и передает стремление к известности лишь в части своих речевых употреблений. С тщеславием его сближают, прежде всего, общие психологические причины происхождения: наличие у субъекта определенного комплекса неполноценности, порождающего у него желание самоутвердиться путем саморекламы. В то же самое время, в отличие от тщеславия, которое может вызываться совершением «добрых дел», проявления «понтов» всегда эгоистичны, прагматичны и совершаются исключительно в собственных интересах. Если в речевом употреблении «тщеславия» присутствуют и юношеский, и старческий «окрасы» с уклоном в сторону последнего, то речевому употреблению «понтов» присущ исключительно подростковый «окрас».

Слово «гламур» пришло в русский язык где-то в середине 90-х годов прошлого века вместе с победой «капиталистической революции» и вместе с обществом потребления, порождением которого является одноименная реалия. В русском языке оно пока сохраняет статус варваризма. «Гламур» имеет все признаки лингвоидеологемы: концепта, аксиологический знак которого определяется мировоззренческой установкой носителя мысли и речи (см.: [Карасик 2013: 16–25]; [Воркачев 2018а]). К гламуру относятся положительно его «производители» и потребители массовой культуры – интеллектуалы, бизнес и офис-сообщества. В то же самое время социальные группы, не принимающие идеалы общества потребления, к гламуру относятся сугубо отрицательно, они видят в нем наследника китча и «чучело красоты».

В молодежном сленге сегодня «гламур» теснится «пафосом», а, соответственно, прилагательное «гламурный» заменяется прилагательным «пафосный». В современном литературном языке слово «пафос» с пометой «книжн.» передает значения напряженной восторженности, страстной приподнятости, энтузиазма, а также значение внешнего проявления одушевления, иногда производящее впечатление фальши, от которого развилось новое, жаргонное значение – значение тщеславия. Пафос – аксиологически двойственное и также идеологемное семантическое образование: тот, кто относит себя к «элите», оценивает пафос положительно, однако преобладающим представляется взгляд на пафос как на отрицательное свойство личности. Как и у тщеславия, в глубинной основе пафоса лежит определенный комплекс неполноценности, побуждающий его субъекта самоутверждаться за счет других. Пафос имеет свой возрастной окрас – подростковый.

Литература

Воркачев С.Г. Vanitas vanitatis: тщеславие в русском языковом сознании // Imago verbi: опыт семантического портретирования имени. М.: Флинта, 2017. С. 120–182.

Воркачев С.Г Реинкарнация тщеславия: понты // Вестник Воронежского ГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2018. № 2. С. 5–9.

Воркачев С.Г. Лики тщеславия: гламур и пафос // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 1 (29). Владикавказ, 2018а. С. 34–41.

Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013.

Новиков В.И. Новый словарь модных слов. М.: АСТ: Зебра Е, 2008.

Развитие качественных значений относительных прилагательных как исторический процесс и актуальная тенденция русского языка

Е.В. Генералова

Development of relative adjectives' qualitative meanings as a historical process and current trend of the Russian language

Elena V. Generalova

Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный педагогический университет / St. Petersburg State University
elena-generalova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения, динамика и основные закономерности процесса окачествления относительных прилагательных – активной лексико-грамматической тенденции современного русского языка.

Ключевые слова: семантика, относительные прилагательные, качественные прилагательные, современный русский язык.

Summary. The article deals with the history, dynamics and basic regularities of the process of development of relative adjectives' qualitative meanings, which is an active lexical and grammatical trend of the modern Russian language.

Keywords: semantics, relative adjectives, qualitative adjectives, modern Russian language.

Вопрос деления имен прилагательных на лексико-грамматические разряды в русском языке не имеет однозначного решения. В частности, еще В.В. Виноградовым было отмечено, что существует значительная группа слов, реализующих и относительные, и качественные значения в зависимости от контекста [Виноградов 2001: 175]. Насколько универсальным является приобретение относительными прилагательными качественной семантики в истории русского языка?

Исследование исторического материала позволяет сделать вывод о том, что этот процесс имел место не во все периоды существования русского языка. В донациональную эпоху развития языка границы между лексико-грамматическими разрядами были более устойчивыми и менее условными, чем в современном языке [Генералова, 2014]; контекстов, в которых фиксируется переход прилагательных в другой разряд, значительно меньше. Об узуальном переходе относительных прилагательных в качественные можно говорить только, начиная с периода XVI–XVII вв.: в старорусском языке единственным регулярным и повсеместным процессом такого рода является образование цветообозначений на базе относительных прилагательных (см. *брусничный, вишневый, дымчатый, мясной* и др.). Другие случаи развития качественной семантики у относительных прилагательных наблюдаются лишь в отдельных контекстах, едва ли можно говорить о регулярной многозначности, намечаются только отдельные тенденции.

В последующий период эти тенденции усиливаются, и на материале языка XVIII–XIX вв. можно наблюдать уже активное развитие относительными прилагательными качественной семантики и выделить типовые сематические переходы. Поскольку при окачествлении у относительных прилагательных развиваются и формальные признаки качественных прилагательных (т.е. качественное значение закрепляется и грамматически, что свидетельствует о завершенности процесса окачествления), фиксируется определенное количество контекстов, в которых от прилагательных в новом качественном значении образуется производное наречие, отвлеченное существительное, прилагательное получает возможность использоваться в краткой форме, сравнительной и превосходной степени.

Анализ данных толковых словарей XX и начала XXI вв., а также современного языкового материала (НКРЯ и других интернет-ресурсов) позволяет интерпретировать процесс приобретения относительными прилагательными качественной семантики как активную и нарастающую в своей интенсивности тенденцию современного русского языка. Ср. «окачествление относительных прилагательных является живым и очень активным процессом в современном русском языке» [Тазиева 2006: 212].

Количество таких слов постоянно увеличивается; словари, созданные в последние десятилетия, фиксируют новые качественные значения относительных прилагательных, не отраженные толковыми словарями предыдущего периода. См. напр., *инфарктный* 'вызывающий сильное беспокойство, заставляющий волноваться, нервничать' (*инфарктный* футбольный матч), *карманный* 'послушно выполняющий чужую волю' (*карманный политик, карманные фирмы*) [Словарь XXI века].

Могут быть выделены определенные закономерности этого процесса. Имеет место и развитие еще одного качественного значения у уже известного в языке качественно-относительного прилагательного (*бархатный* 'мягкий, ненасильственный, неявный (о политическом строе, режиме и т.п.)', и развитие качественных значений у прилагательных, до этого известных только как относительные (*ведомственный* 'узкий, ограниченный, местнический'). Характерной тенденцией современного русского языка является развитие качественной семантики у образований от новых, заимствованных основ (*рейтинговый* 'популярный', *брендовый* 'известный, принадлежащий к более высокому уровню').

С тематической точки зрения, новые качественные прилагательные пополняют в первую очередь группу оценочных характеристик (*маргинальный* 'побочный, не основной, периферийный' (*маргинальные темы*), *беспримесный* 'подлинный, истинный' (*беспримесная радость*)), а также группу характеристик отдельных свойств человека (*беспозвоночный* 'слабый, бесхарактерный' (*беспозвоночный интеллигент*)) и объектов (*митинговый* 'чрезмерно эмоциональный' (*митинговое настроение*), *аллилуйный* 'чрезмерно и необоснованно восхваляющий кого-л., что-л.' (*аллилуйный тост*).

Обнаруживается все большее количество примеров, демонстрирующих появление формальных признаков качественности (см., например, *Но при проницательном взгляде акварельно проступала бесконечная ирония над новыми, несбыточными нормами коммунистической морали* (Г. Фукс. Двое в барабане // «Звезда», 2003) [НКРЯ], новые наречия и существительные, производные от прилагательных, которые приобрели качественную семантику, фиксируются в словарях.

Таким образом, процесс приобретения качественной семантики относительными прилагательными – это историческое явление, которое, возникая как узуальное в языке XVI–XVII вв., охватывает все большее количество слов и тематических групп и может быть охарактеризовано как актуальная тенденция современного русского языка.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд-е. М.: Русский язык, 2001.

Генералова Е.В. Лексико-грамматические разряды имен прилагательных как историческая категория (на материале русского языка конца XV–XVII вв.) // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Серия Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 5. С. 7–19.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс. URL: www.ruscorpora.ru/search-main.html Дата последнего обращения: 13.11.2018] (НКРЯ).

Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Скляревской. М.: Эксмо. 2006 (Словарь XXI в.).

Тазиева Е.М. Развитие качественных значений у относительных прилагательных в современном русском языке. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006.

Расподобление подобного: «успех» и «удача» как формы вербализации концепта

Е.И. Гусева

Divergence of similarity: "*Success*" and "*Luck*" as forms of verbalization of concept

Olena I. Gusieva

Мариупольский государственный университет (Украина) / Mariupol State University (Ukraine)

lenock85@gmail.com

Аннотация. Сопоставление слов-понятий *удача* и *успех*, исследование их дифференцирующих и нейтрализующих контекстов позволяют определить область схождений и расхождений данных синонимов, а также подтверждает вывод о синонимии как «неустойчивом равновесии вариантов».

Ключевые слова: концепт, синоним, вариант, расподобление вариантов.

Summary. The comparison of such concepts as *luck* and *success* confirms the conclusion: synonyms are "the unstable equilibrium of options". Synonyms as forms of verbalization of a concept are combined on the basis of "family resemblance".

Keywords: concept, synonym, variant, divergence of variants.

Слова-синонимы в известном смысле представляют собой отражение в языке гумбольдтовского принципа антиномий: синонимия как семантическая связь на основе тождества, лишь только она устанавливается как таковая, подвергается проверке на прочность с двух сторон – семантической и стилистической. Если многозначность как необходимое условие существования слова требует как можно более четкого, дифференцированного определения значения каждого из лексических вариантов, то синонимия предполагает операцию таргетирования – выделения из всех значений многозначных слов-синонимов только той части, которая удовлетворяет заданным критериям тождества. Сопоставление таких слов-понятий, как *удача* и *успех*, исследование их дифференцирующих и нейтрализующих контекстов позволяют определить область схождений и расхождений данных синонимов, подтверждает вывод о синонимии как «неустойчивом равновесии вариантов». Концептуальная метафора «успех – это путь» определяет дискретность понятия «успех». Успех позиционирует себя как ожидаемый и закономерный результат целенаправленных усилий. В концепте «удача» актуализируется спонтанность, неожиданность, случайность – свидетельства природности, а не социальности понятия. У концепта «удача» иное, не пространственное измерение.

Слова-концепты *удача* и *успех* входят в базовый список лексики и в ее золотой фонд. Афоризмы, цитаты, суждения и мнения то сближают современные представления об успехе и удаче, то разводят их до противоположности, подтверждая вывод о функционально-стилевой дифференциации синонимов. Разбегаются по контекстам значения и смыслы слов-концептов «удача» и «успех», а древняя мудрость откликается им примиряющим откровением: «Не проворным достается успешный бег, но время и случай для всех их».

В референтной области слов-синонимов есть инвариантная зона и зона расхождений. Расходящиеся и пересекающиеся круги синонимии выходят за рамки конкретных языков, концептуальные переменные базовых концептов культуры повторяются и множатся в языках мира.

Литература

Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: В 2 ч. М.: Просвещение, 1965. Ч. II. С. 85–90.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.

Структура лексико-семантического поля «Межличностное общение в Интернете»

О.В. Дедова, Ли Ян

The structure of the lexical-semantic field "Internet interpersonal communication"

Olga V. Dedova, Li Yang

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

ov.dedova@gmail.com, yoyo19930201@gmail.com

Аннотация. В докладе рассматриваются принципы системного описания лексики, обозначающей реалии межличностного общения в Интернете, а также механизмы формирования указанного поля.

Ключевые слова: неология Интернета; общение в социальных сетях, лексико-семантическое поле.

Summary. The report discusses the principles of a systemic description of vocabulary, denoting the realities of Internet interpersonal communication, as well as the mechanisms for the formation of this field.

Keywords: Internet neologism; communication on social media; lexical-semantic field.

Возникновение и масштабное распространение Интернета является революционным технологическим прорывом, видоизменившим каналы и традиционные типы коммуникации. Такой инновационной коммуникативной формой стало общение в социальных сетях. Необходимость обозначить реалии этой сферы – источник активных неологических процессов в современном русском языке и один из главных аспектов т.н. языка Интернета (под этим понимаем различные языковые сдвиги, происходящие под воздействием электронной сетевой коммуникации [Дедова 2010]). Данный лексический материал активно формируется, но несмотря на свою значимость, крайне непоследовательно отражается современными словарями, как толковыми, так и двуязычными.

Проведенное исследование посвящено выявлению лексического состава и анализу лексики, называющей реалии межличностного общения в Интернете. Поскольку указанная денотативная сфера имеет достаточно четкие границы, для описания анализируемой лексики был избран полевой метод. Это позволило не только исследовать семантику неологических номинаций в современном русском языке, но и выявить синтагматические, парадигматические и деривационные отношения между лексическими единицами.

Как показал анализ поля, его структура и частеречная принадлежность лексики, в него входящей, отражает характер самой денотативной сферы. Поскольку изначально эта сфера имела «предметный» характер, в поле количественно преобладают существительные, обозначающие (а) элементы технологии и (б) новые коммуникативные реалии. Центр поля составляют следующие тематические классы: типы программного обеспечения и интернет-платформ (*блог, соцсеть, ЖЖ, ВКонтакте*), статус коммуникантов (*френд, друг, фоллуер*), тип послания (*пост, коммент, статус*), элементы интерфейса сайта (*стена, статусная строка*), средства навигации и организации доступа к информации (*тэг, хэш-тег*), типы негативного речевого поведения (*флуд, флейм*), формы самопрезентации (*ник*, *аватар*), доступность пользователя (*онлайн, офлайн*). Механизмами формирова-

ния субстанциональной зоны поля преимущественно являются прямое заимствование (*френд, лайк*) и семантическое калькирование (*друг*, *обои* – от англ. frend, wallpaper). Также наблюдается словообразовательная деривация как результат адаптации англицизмов (*ава* от *аватар*).

Основной источник формирования глагольной лексики – словообразовательная деривация от основ существительных, входящих в состав поля (*постить / запостить; френдить / зафрендить / отфрендить; лайкать* и под.). Это определяет специфику семантики и тематическую классификацию соответствующих номинаций. При этом нами отмечены случаи семантической деривации узуальных лексем: *подмигнуть* – 'использовать функцию «Подмигивание» с целью привлечения внимание коммуниканта'; *дружить* – 'быть с кем-л. в статусе *друга*').

Адъективная и адвербиальная зоны поля находится в процессе становления и существенно менее представительны, чем классы существительных и глаголов. Прилагательные образуются от основ неологических существительных поля (напр. *блоговый, хештеговый*) или же являются результатом семантической деривации (*статусный* – «статусная строка»). Что касается наречий, то нами отмечены лишь две лексические единицы в пределах поля: *онлайн* и *офлайн*. При этом оба указанных наречия имеют омонимичные существительные (ср. «Вечером я буду онлайн», «Вечером я буду в онлайне»).

Структура поля «Межличностное общение в Интернете» отражает суть коммуникации как формы социального взаимодействия. Это доказывает правомерность функциональных моделей коммуникации, учитывающих такой параметр, как канал (Г. Лассуэлл, Р. Якобсон). Изменение канала и материального носителя письменного текста – это не только технологический прорыв, но и существенные коммуникационные сдвиги, что, в свою очередь, влияет на язык. По мере узуального освоения неологической лексики в пределах поля можно наблюдать, как лексические единицы, изначально относившиеся к «технологическим» тематическим группам (типы программного обеспечения и интернет-платформ, элементы интерфейса сайта) начинают восприниматься как коммуникативные реалии. Например, изначально *пост*, *комментарий, личное сообщение* – это программно поддерживаемые пользовательские опции, осуществляемые в отведенных для этого зонах ввода текста (т.е. элементы интерфейса сайта). Но затем лексемы фактически стали обозначать соответствующие типы посланий.

В пределах поля активно формируются парадигматические связи: синонимия – *друг, френд*; антонимия – *лайк, дизлайк*, а также синтагматические (сочетаемостные) и деривационные связи.

Литература

Дедова О.В. О языке Интернета // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2010. № 3. С. 25–38.

Лексема *менталитет* в контексте проблемы лексического и словообразовательного освоения иноязычных концептов

Л.И. Жуковская

The lexeme *mentalitet* ("mentality") in the context of lexical and word-formative appropriation of imported concepts

L.I. Zhukovskaya

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского / National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

lara_nn@mail.ru

Аннтотация. В работе рассматриваются признаки лексической и словообразовательной «аккультурации» иноязычной по происхождению лексемы *менталитет* в современной русской речи. Рефлексом освоенности для лексемы *менталитет* на лексико-семантическом уровне является ее вхождение в концептуально-метафорические модели овеществления или одушевления абстракции, а на словообразовательном уровне – активное вовлечение указанной лексемы в систему исконно русских способов словообразования, в том числе экспрессивного.

Ключевые слова: лексема *менталитет*, заимствование, лексическое и словообразовательное освоение, концепт, русский язык.

Summary. The work presents features of lexical and word-formative "acculturation" of the foreign-language by origin lexeme *mentalitet ("mentality")* in modern Russian speech. Lexical reflex of appropriation for the lexeme is its inclusion in conceptual metaphor models of reification and animation of abstract concepts, and word-formative one is active incorporation of the lexeme in system of primordially Russian modes of word-formation, including expressive derivation.

Keywords: lexeme *mentalitet ("mentality")*, loanword, lexical and word-formative appropriation, concept, Russian language.

Для активных процессов в русском языке последних лет характерно явление культурного освоения иноязычных по происхождению лексем из разных функциональных сфер как отражение процесса приобщения инокультурных реалий или понятий к русскому национальному сознанию, к системе идеалов и ценностей, свойственных русскому миру. В работах Т.Б. Радбиля эта тенденция именуется «культурной апроприацией заимствований» [Радбиль 2017]. При этом культурное освоение иноязычных элементов имеет ряд отчетливых лексических и словообразовательных признаков, по которым можно определить степень его культурной апроприации и ее характер. Все это справедливо и для лексемы *менталитет*, которая в последнее время получает широкое распространение в современных отечественных дискурсивных практиках [Жуковская 2015]. Данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и нашего собственного интернет-мониторинга свидетельствуют о многочисленных рефлексах культурного освоения лексемы *менталитет* как отражения внедрения одноименного концепта в когнитивную базу современной русской национальной концептосферы.

На лексическом уровне признаком культурной освоенности лексемы *менталитет* является ее вхождение в концептуально-метафорические модели овеществления или одушевления абстракции в духе [Лакофф, Джонсон 2004]. В контекстах овеществления *менталитет* предстает, например, в виде членимого, делимого физического объекта: *И этой позицией между Азией и Европой, которая* ***растаскивает менталитет на два куска.*** *Менталитет* ведет себя как особое техническое устройство, которое можно, например, настроить, отрегулировать: *Вся жизнь насмарку? Весь с таким трудом* ***отрегулированный менталитет****? Менталитет* может быть представлен как вещество, субстанция, которая имеет свойство, например, растворяться: *…****менталитет*** *угасает и* ***растворяется*** *в культуре и традициях других народов, а его носитель – гибнет…* В контекстах одушевления *менталитет* представлен в качестве целесообразно действующего, созидающего, обладающего волей, избирательной активностью субъекта: *В этом плане русский языковой* ***менталитет****, конечно,* ***предпочитает*** *волю как ничем не сдерживаемую силу, порыв души.*

На словообразовательном уровне признаком культурной освоенности для лексем *менталитет* и *ментальность* является их активное вовлечение в систему исконно русских способов словообразования, в том числе и экспрессивного, например, с использованием исконно русских размерно-оценочных формантов (суффиксов *-ик, -ищ(е), -ушк (о/а)* и под.), которые присоединяются к иноязычной по происхож-

дению основе. В частности, нами зафиксированы контексты, включающие следующие окказиональные новообразования с корнем *менталитет-*: *Каков наш* ***менталитетик****?*; *Ох уж этот наш советский* ***менталитетушка****…*; *Наш* ***менталитетушко*** *тесно с нею связан!!!* Для последнего случая отмечается и колебание в роде, посредством согласования по форме: ***менталитетушка родненькая***. Употребления подобного рода свидетельствуют о вписанности концепта «менталитет» в тотальный круг эмпатии русского дискурса [Вежбицкая 1996; Радбиль 2017], о ласкательном, с оттенком свойскости и иронического сниженности отношении говорящего к данному понятию. А следующие употребления: *У вас ущербненький* ***менталитетишка****…*; *Крысиный такой менталитет, подлый и воровитый, злобный и трусливый менталитетишко*, – отражают пренебрежительное отношение к не разделяемым говорящим ценностям, в принципе – то же значение, что за данной моделью закреплено в исконно-русских экспрессивных новообразованиях (налицо – такая специфически русская установка, как острая реакция на ложные, с точки зрения носителя языка, ценности или претензии, т.е. на «пошлость» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]. Контекст: *Ты знаешь, тут есть некоторое таганрогское* ***менталитетище****,* – актуализует такую грань русских моделей языковой концептуализация мира, как установка на чрезмерную гиперболизацию и даже гипертрофию общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996]).

Литература

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; авт. вступ. ст. Е.В. Падучева. М.: Русские словари, 1996.

Жуковская Л.И. Языковая экспликация концепта «менталитет / ментальность» в русском языке последних лет (по данным Национального корпуса русского языка) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 402–405.

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Национальный корпус русского языка [URL: http://www.ruscorpora.ru] (НКРЯ).

Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

Специфика языкового отображения эмоций

Л.А. Киселева

Specificity of language representation of emotions

Larisa A. Kiseleva

Башкирский государственный университет (Уфа) / Bashkir State University (Ufa)

lorentsia09@yandex.ru

Аннотация. В работе рассматриваются основные закономерности языкового выражения эмоций, на основе чего выделяются три класса лексических эмотивов: аффективы, экспрессивы и номинативы. Установлено, что эмоции являются мотивационным базисом языковой коммуникации; в свою очередь, язык выступает важнейшим способом кодирования эмоциональной информации.

Ключевые слова: эмоции, эмотивность, эмотивная функция.

Summary. The article discusses main regularities of language expression of emotions, based on what three classes of lexical emotive units are delimited: affective, expressive, nominative. It has been established that emotions are motivational basis of language communication; in its turn language is fundamental means of coding of emotional information.

Keywords: emotions, emotiveness, emotive function.

Повышенный интерес исследователей к заявленной проблеме объясняется центральным положением эмоций в психической организации индивида: эмоции являются одним из фундаментальных компонентов психики, мотивируя, направляя, организуя как человеческую деятельность в целом, так и отдельные ее виды, в том числе языковую / речевую. Можно предположить, что координация языка и эмоций является многомерной:

1. Естественный язык выступает одним из важнейших способов кодирования эмоциональной информации, а именно знаковой системой, носящей социально обусловленный характер. В этом состоит отличие вербального языка эмоций от биологически мотивированных невербальных средств (мимики, кинесики, фонации и т.д.). Можно полагать, что именно вербальный, а не «телесный» язык представляет собой наиболее совершенную семиотическую систему репрезентации эмоций, поскольку (1) языковые эмотивные знаки образуют не только самостоятельную, но и самодостаточную систему, не нуждающуюся в подкреплении извне; невербальные знаки эмоций, напротив, характеризуются относительной несамостоятельностью: они в большинстве случаев выполняют вспомогательную функцию, дополняя и конкретизируя языковые эмотивы; (2) элементам параязыка эмоций свойственна полисемия, порождающая потенциальную неоднозначность их интерпретации в отрыве от вербального окружения, которая подкрепляется существованием не только общепринятого (конвенционального), но и индивидуального, в том числе спонтанного, проявления эмоций; (3) возможности языковой системы в плане передачи эмоций не ограничены временными, пространственными, количественными или иными рамками, в отличие от физиологически лимитированного невербального выражения эмоций [Калимуллина 2006: 106–107].

2. Эмоции являются мотивационным базисом языковой коммуникации, ведущей предпосылкой акта речи. Это положение опирается на широко признанный в отечественной и зарубежной науке тезис о неразрывной связи эмоциональных и интеллектуальных компонентов когниции. По мнению исследователей, взаимодействие emotio и ratio особенно ярко наблюдается в речевом мышлении: уже на этапе выбора фрагмента объективной действительности, соотносимого с этапом «неясной, формирующейся» мысли, человек проявляет субъективный взгляд на мир, т.е. пристрастное, небезразличное отношение к отражаемому [Пиотровская 1997: 85].

Мотивационная роль эмоций в речепорождении предопределяет комплексный характер их языкового отражения. Разделяя эту точку зрения, исследователи тем не менее по-разному интерпретируют комплексность вербализации эмоций. Так, отдельные ученые видят ее в том, что эмоции «концептуализируются» единицами всех лингвистических уровней: фонетического/фонологического, морфологического, лексического, синтаксического, интонационного [Volek 1987: 15–23]. Соглашаясь с этим утверждением, все же отметим один недостаток подобного подхода: он приписывает системно-языковой статус всем средствам вербального выражения эмоций, тогда как последние могут иметь не только языковую, но и речевую природу (например интонация).

Комплексный характер языковой выражения эмоций подразумевает реализацию инвариантной эмотивной функции с

помощью неопределенного множества единиц и средств. Эта функция эксплицитно представлена в конкретных речевых актах, поскольку именно в процессе коммуникации задействованы механизмы актуализации тех языковых единиц, которые сигнализируют об эмоциональном состоянии. По В.Н. Гридину, это механизм выбора слов, механизм синтаксического конструирования и механизм моторной (в том числе интонационной) реализации высказывания [Гридин 1983: 118]. На наш взгляд, наиболее важным является механизм выбора слов (семантической реализации внутренней программы высказывания), так как он ответствен за поиск тех лексико-фразеологических единиц, которые наиболее эффективно выражают эмоции говорящего либо другого лица. Именно по отношению к лексическим репрезентантам сферы эмоций лингвисты предпочитают использовать термин «эмотивность», хотя общепринятого определения этой категории на данный момент не существует. Вероятно, наиболее приемлемой является интегративная концепция эмотивности, в соответствии с которой лексическими манифестантами эмотивной семантики является широкий класс слов. Придерживаясь этой точки зрения, можно выделить три группы эмотивов на основе следующих критериев: а) функциональная специфика данных единиц; б) характер соотношения эмотивного содержания с денотативным, сигнификативным и коннотативным макрокомпонентами значения.

1. Эмотивы-аффективы (междометия, бранные слова, инвективы и т.п.), которые можно считать «чистыми» знаками эмоций, так как основной для них является собственно эмотивная функция – выражение непосредственной эмоциональной реакции говорящего на действительность или отношения к этой действительности.

2. Эмотивы-коннотативы (экспрессивы): слова с суффиксами субъективной оценки, уменьшительные формы личных имен, зооморфизмы и т.д. В отличие от аффективов и междометий, в которых эмотивность имеет статус самостоятельного значения, в экспрессивах эмотивное содержание выступает как созначение, реализуется в сфере коннотации. Коннотативам, как и междометиям, свойственна эмотивная (прагматическая) функция, но в данном случае она предстает в модифицированном виде, а именно как эмотивно-экспрессивная функция, предполагающая и выражение внутренних состояний говорящего, и эмоциональное воздействие на слушающего.

3. Эмотивы-номинативы, выполняющие функцию обозначения констант эмоциональной сферы (*гнев, весело, бояться, повесить нос* и т.д.). В отличие от аффективов, обобщающих эмоции на уровне денотата, номинативные эмотивы репрезентируют понятия об эмоциях. Следовательно, в данных словах эмотивное значение получает статус предметно-логического значения, закрепляемого в словаре.

Литература

Гридин В.Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 113–119.

Калимуллина Л.А. Сематическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты (с привлечением материала славянских языков): Дисс. … докт. филол. наук. Уфа, 2006.

Пиотровская Л.А. Эмоциональное и интеллектуальное в грамматике говорящего // Давлетшинские чтения: Язык, Культура, Традиции, Новаторство: Материалы межвузовской научной конференции. Бирск: Изд-во БирГПИ, 1997.

Volek B. Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1987.

Деархаизация или вторичное заимствование? (на примере лексемы *бакалавр*)

Ю.Ю. Магерамова

Dearchaization or secondary borrowing? (on the example of the lexeme bachelor)

Y.Y. Mageramova

Северо-Восточный государственный университет (Магадан) / North-Eastern State University (Magadan)

mager.u@bk.ru

Аннотация. На примере анализа функционирования лексемы *бакалавр* в русском языке рассматривается целесообразность использования по отношению к подобным словам термина деархаизация. Предлагается вместо него использовать термин вторичное заимствование как наиболее точно характеризующий сущность данного явления.

Ключевые слова: устаревшие слова, деархаизация, вторичное заимствование.

Summary. On the example of the analysis of the functioning of the lexeme of the bachelor in Russian, the expediency of using the term dearchization in relation to such words is considered. It is proposed instead to use the term secondary borrowing as the most accurately characterizing the essence of this phenomenon.

Key words: obsolete words, dearhayization, secondary borrowing.

Общеизвестно, что процесс заимствования иноязычных лексем неизменно сопровождал развитие русского языка и служил мощным фактором пополнения его словарного запаса. Это явление давно подмечено и описано лингвистами как на примере целых групп слов, так и на основе анализа вхождения в русский язык отдельных лексических единиц. В данной статье мы обращаем внимание на процесс, который обычно именуется специалистами как возвращение в активный словарный запас (деархаизация) лексики, ушедшей когда-то в пассивное использование либо вообще вышедшей из употребления. Н.С. Валгина определяет этот процесс следующим образом: «…возвращение к жизни прежде неактуальных лексем, связанных с понятиями религии, дореволюционного образования, административно-территориального деления, социальной структуры общества» [Валгина 2003: 77]. В работах известных лексикологов и исследователей динамических языковых явлений (В.Г. Костомарова, Н.С. Валгиной, Г.С. Скляревской и др.) приводятся многочисленные примеры такого рода слов: *атаман, губернатор, департамент, гимназия, лицей, магистр, акционер, всенощная, литургия* и многие другие. Безусловно, исследователи обращают внимание на определенные трансформации, которые произошли с этими «вернувшимися» в активное употребление словами, справедливо обращая внимание в первую очередь на идеологическое переосмысление значений этих слов, связанное, к примеру, с их яркой негативной оценочностью в советскую эпоху и снятием этой отрицательной нагрузки в современном употреблении. Об этом явлении, в частности, убедительно пишут М.Б. Геращенко и Г.М. Шипицина: «Влияние официальной идеологии очень часто проводится через языковую политику, исходя из этого в советскую эпоху словари и энциклопедии были использованы не только по своему прямому назначению – для толкования слов и понятий, но и в качестве средства намеренного формирования мировоззренческих установок личности» [Геращенко, Шипицина 2010: 24]. Отрицательная оценочность могла заключаться как в собственно дефиниционной части за счет включения в нее сочетаний типа *в буржуазных странах, враждебное марксистско-ленинскому учению*, *в суеверных представлениях* и т.п., так и в сопровождении словарной статьи пометами типа *неодобрительное, ироническое* и др.

Однако зачастую лексическая единица, ранее функционировавшая в русском языке, а затем отошедшая на периферию, а то и вовсе забытая носителями языка, вновь появляется в языке, но при этом обретает в современном употреблении семантические компоненты, которые никогда не были ей присущи. Как, когда, под влиянием чего произошли

данные смысловые трансформации? Ответить на эти и многие другие вопросы позволяет идея о вторичном заимствовании данной лексической единицы уже в ином значении, которое актуально для современного языка-источника. Эта идея нашла свое отражение, в частности, в работах Л.П. Крысина, который активно пользуется именно терминологическим сочетанием *вторичное заимствование* на основании того факта, что якобы «вернувшиеся» в активное употребление лексемы используются уже в ином значении. И это значение не стало результатом постепенной эволюции слова в русском языке.

Это, на наш взгляд, произошло с рядом слов, имеющим отношение к современному образованию, претерпевшему в последние десятилетия изменения по западному образцу и получившему вследствие этого вторичные заимствования типа *бакалавр*. Эта иноязычная по происхождению лексема была давно известна в русском языке и использовалась преимущественно в следующих значениях: «получившій бакалаврство, первую степень въ иноземныхъ университетахъ; въ нашихъ духовныхъ академіяхъ; адъюнктъ-профессоръ» [Даль, Т. 1, 1880 : 39]. В советские годы слово *бакалавр* на многие десятилетия было вытеснено в пассивный запас. Трансформация российского образования в середине 90-х годов XX века привело к заимствованию из европейской и американской образовательных систем ряда терминов, к которым мы относим и слово *бакалавр*, которое в современной России используется в значении, которое можно сформулировать следующим образом: «выпускник высшего учебного заведения, освоивший программу бакалавриата (первую ступень высшего образования)». Как нам представляется, данное слово и ему подобные являются не «вернувшимися» из пассивного запаса, а заимствованными вместе с новой реальностью.

Литература

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003.

Геращенко М.Б., Шипицина Г.М. Лексикографическое отражение динамических процессов в лексике русского языка // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 18 (89). Вып. 7. С. 20–29.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа. 1880.

Крысин Л.П. Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре // Русский язык сегодня. Вып. 3. Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2004. С. 143–148.

Создание онтологии артефактов на основе толкового словаря: основные проблемы

Ю.А. Маслова

The development of the ontology of artefacts on the basis of explanatory dictionary: basic problems

Iuliia A. Maslova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

cage4soul@ya.ru

Аннотация. Доклад посвящен проблемам разработки онтологии артефактов на основе анализа словарных статей, представленных в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой. Выделено несколько типов проблем, наблюдаемых на разных этапах работы и обусловленных спецификой толковых словарей как отображающих естественно-языковую классификацию объектов.

Ключевые слова: онтология, толковые словари, таксономия.

Summary. The research is concerned with the development of the ontology of artefacts based on analysis of “Explanatory Dictionary of the Russian Language Including Etymologic Data” edited by N. Yu. Shvedova. The research discusses several types of problems that are observed at different stages of development and related to the specific of explanatory dictionaries that are reflected the natural-language classification of objects.

Key words: ontology, explanatory dictionary, taxonomy.

Возрастающий объем информации поставил науку перед необходимостью решения прикладных задач поиска, обработки и накопления данных. Перспективным здесь видится создание онтологий – структур данных, позволяющих представлять концептуализации для обработки компьютерными программами. В качестве материала для создания онтологии предлагается использовать в том числе словарные статьи толковых словарей. Целью данного исследования является выявление и анализ проблем, возникающих при попытке построения онтологии артефактов на основе дефиниций «Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой.

Работа над построением онтологии состояла из нескольких этапов: 1) определение дифференциальных признаков понятия *артефакт* (искусственный объект, созданный руками человека / природный объект, обработанный человеком); 2) поиск слов-наименований артефактов в словнике; 3) разметка найденных слов на основе гиперонима, выделение основных таксономических классов; 4) описание семантических отношений и семантических признаков внутри каждого класса. В ходе исследования выяснилось, что на каждом этапе работы (за исключением первого, не требующего непосредственного обращения к материалу словарных статей) возникают проблемы, затрудняющие построение онтологии. В соответствии с этапами работы, на которых возникают затруднения, можно выделить три группы проблем:

1) проблемы, связанные с поиском и отбором необходимых лексических единиц:

– наличие в словаре слов, толкуемых не через слова, используемые для автоматического поиска (изделие, принадлежность, изделие, орудие др.). При этом возможны разные варианты: толкование слова через ближайший гипероним (слово *карамель* толкуется через *конфета*), толкование через синоним (*шифоньер* толкуется как *гардероб*), толкование производного слова через синонимичное ему производящее (*пластинка* через *пластина*);
– наличие слов, обладающих только несколькими признаками понятия *артефакт* или обладающих одновременно признаками других классов. Это, к примеру, наименования населенных пунктов (*город, деревня, поселок* и др.), которые, обозначая совокупность объектов, созданных человеком, не обозначают предметов;

2) проблемы, связанные с разметкой уже отобранных лексем, распределением их по классам на основе гиперонима; это проблемы квалификации слов:

– толкуемых через максимально абстрактный гипероним типа *предмет*, *вещь*, *то, что*... (*нож* ‘**предмет** для резания’, *шитье* ‘**то, что** шьется или сшито’);
– толкуемых через слова, указывающие лишь на некоторый признак предмета, но не относящие его к какому-либо классу (*скоба* ‘изогнутая под углом металлическая **полоса** для скрепления деревянных частей постройки’, где слово *полоса* указывает на форму объекта);
– толкуемых через неконкретизированный лексико-семантический вариант многозначного слова (*брикет* ‘плитка из какого-нибудь материала, продукта’, при этом слово *плитка* имеет в словаре 4 значения);
– имеющих в толковании словосочетания типа *употребляемый как*, *используемый как* и подобные им (*пикули* ‘мелкие маринованные овощи, **употр. как** приправа’, *соляр* ‘продукт перегонки нефти, **используемый как** топливо’);

– толкуемых через свой синоним и наоборот (*пластинка* ‘диск со звуковой записью для проигрывания и прослушивания’, *диск* ‘то же, что пластинка’);

3) проблемы, затрудняющие описание семантических отношений между лексемами внутри классов и их семантических признаков:

– недостаточная унификация толкований в словаре: один и тот же дифференциальный признак обозначается по-разному (*алкогольный / спиртной / хмельной напиток, изделие из муки / мучное изделие*);
– обозначение семантических признаков объекта через слова, для которых отсутствуют дефиниции (*мадаполам* ‘хлопчатобумажная **бельевая** ткань’, при этом толкование слова *бельевой* отсутствует);
– незаполненность позиций тех семантических признаков, которые характерны для других объектов класса (в толковании слова *вино* ‘алкогольный напиток (преимущественно виноградный)’ не эксплицированы признаки ‘крепость’, ‘вкус’, ‘способ изготовления’ и другие, характерные для класса алкогольных напитков).

Все указанные проблемы можно рассматривать как следствие того, что толковые словари отображают не онтологическую, а естественно-языковую классификацию, главными свойствами которой являются лакунарность, экспликация только тех признаков объекта, которые наиболее релевантны для носителей языка. Онтология же, создаваемая для машины, требует использования особого метаязыка, высокой степени унификации, представления всех имеющихся у объектов признаков. Таким образом, составление онтологии на базе только лишь толковых словарей не представляется возможным; однако материал, представленный в них, может дать важные сведения о принципах систематизации и категоризации информации в нашем сознании.

Литература

Константинова Н.С., Митрофанова О.А. Онтологии как системы хранения знаний [Электронный ресурс. URL: http://www.ict.edu.ru/ft/005706/68352e2-st08.pdf Дата последнего обращения 30.11.2018].

Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. С.

Вторичная семантизация в языке и в речи: к основаниям окказиональных переносов лексического значения

Б.Ю. Норман

A secondary semantization in language and in speech: to the foundations of occasional lexical meanings

B.Ju. Norman

Белорусский государственный университет (Минск) / Belarusian State University (Minsk)

boris.norman@gmail.com

Аннотация. Появление у слова нового (особого) лексического значения может не подчиняться языковым правилам метафоры и метонимии. Говорящий мотивирует это окказиональное значение своими причинами; семантический сдвиг основан на перемещении периферийной семы в центр значения.

Ключевые слова: вторичная семантизация, окказиональное лексическое значение.

Summary. The appearance of a new (special) lexical meaning may not obey the language rules of metaphor and metonymy. The speaker motivates this occasional meaning with their own reasons; the semantic transfer is based on the displacement of the peripheral seme into centre of the meaning.

Keywords: secondary semantization, occasional lexical meaning.

Вторичная семантизация – это развитие у слова нового (дополнительного, переносного) значения. Что касается таких переносов значения, попадающих под статус языковых, то основания их давно описаны. Два глобальных типа развития переносного значения – это метафора (основанная на сходстве, в том числе функциональном) и метонимия, основанная на соседстве (в том числе мысленном, ассоциативном). Эта простая классификация осложняется в последние годы только обнаружением промежуточных, смешанных случаев, да учетом многоступенчатых, многозвенных семантических переходов, основанных на синтаксической компрессии. Приведем один такой пример:

Тут Кузовков молча обхватил рождественского гостя поперек зипуна, вынес на лестничную клетку и посадил на ящик для макулатуры.
– Так, – сказал он. – Ты, кащенко. Чего надо? (В. Шендерович. Святочный рассказ).

Здесь *кащенко* – это ‘человек, по своим умственным способностям и поведению соответствующий тому, чтобы быть помещенным в психиатрическую больницу им. Кащенко в Москве’.

При всей сложности такого семантического переноса, носитель языка (читатель) все же способен догадаться о его внутреннем механизме, В частности, уже стандартными стали разговорные переносы с фамилии «патрона» учреждения на само учреждение (*Склифосовский* – Научно-исследовательский институт имени Склифософского, *Герцен* – Санкт-Петербургский государственный педагогический университет имени Герцена; *Щука* – Театральный институт имени Бориса Щукина при Театре имени Е. Вахтангова и т.п.).

В данном случае объектом наблюдения и обсуждения будут случаи вторичной семантизации, не выходящие за пределы речевого акта и, разумеется, не фиксируемые словарями. Это – случаи окказионального переноса значения («искусственные номинации», по А.Ф. Журавлеву).

Примеры таких переносов из художественной и публицистической литературы: *юриспруденция* ‘овощи’, *обсерватория* ‘склянки и флаконы’, *скрипки* ‘соболя’, *будденброк* ‘идиот’, *щука* ‘волк’, *юбка с блузкой* ‘сотрудничество’, *табуретки* ‘детские сказки’, *гвозди* ‘грибы’ и т.п. Один пример в литературном контексте:

Ведь кто контролирует дверь в туалет, тот в семье и Уго Чавес (Слава Сэ. Сантехник, его кот, жена и другие подробности).

Комментарий: Уго Чавес – долголетний президент Венесуэлы, некогда весьма популярная в России личность.

Привязанные к конкретному речевому акту, подобные переносы уникальны, однако это не значит, что они немотивированы. Семантический перенос начинается со сравнения (сопоставления), и в сознании говорящего возникает связь (иногда сложная, опосредованная) между весьма отдаленными понятиями. Соответственно, на периферии значения двух слов обнаруживается общая сема, и при вторичной семантизации она переносится в центр значения, что полностью перекраивает прежнее семантическое устройство слова. Фактически это – наведение (вставка) чужеродной семы, оправданное эстетической или экспрессивной функцией: *юриспруденция* начинает означать ‘нечто многокомпонентное и неизвестное’, *скрипки* – ‘ценности’, *юбка с блузкой* – ‘демократизм’, *Уго Чавес* – ‘начальник’ и т.п.

Для говорящего этот процесс, очевидно, мотивирован, но по большому счету предусмотреть тут какие-то закономерности трудно: речевая многозначность безгранична, она плохо систематизируется. В принципе название должно переноситься с более известного (более частого) понятия на менее известное. Но на практике бывает так, что говорящий

использует редкое, знакомое ему понаслышке слово (агноним или тароним), выбирая его по фонетическим или стилистическим признакам и наполняя своим произвольным значением. Очень характерны в этом смысле фонетически выразительные слова вроде *брандахлыст, брахмапутра, барракуда, канделябр, шкраб, клеврет, нафталин, скважина* и т.п.

Насыщенные экспрессией примеры речевой (окказиональной) вторичной мотивации становятся признаком конкретного текста или авторского идиолекта. Для читателя же эти номинации служат примерами речевого креатива и расширяют его когнитивный кругозор, обнаруживая новые черты в, казалось бы, знакомых предметах.

Сквозные синонимические оппозиции в идеографическом рассмотрении

А.И. Ольховская

Regular synonymic oppositions in the ideographic aspect

Aleksandra I. Olkhovskaya

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва) / Pushkin State Russian Language Institute (Moscow)

aleksandra_olhovskaya@mail.ru

Аннотация. В работе манифестируется идеографическая обусловленность регулярных синонимических оппозиций. Автор устанавливает ряд взаимосвязей между тематическими классами и релевантными для них семантическими противопоставлениями: «Интеллект» – «высшее / обыденное мышление»; «Эмоции и чувства» – «эмоциональная / рациональная реакция»; «Отношение между людьми» – «равенство / неравенство социальных статусов» и др.

Ключевые слова: семантика; синонимия; синонимические оппозиции; регулярность; семантическая параметризация; тематический класс.

Summary. The paper manifests the ideographic determinism of regular synonymic oppositions. The author establishes some interrelations between the thematic classes and the relevant for them semantic parameters: “Intellect” – “higher / ordinary thinking”; “Emotions and feelings” – “emotional / rational reaction”; “Relationship between people” – “equality / inequality of social statuses”, etc.

Keywords: semantics; synonymy; synonymic oppositions; regularity; semantic parametrization; thematic class.

По верному замечанию Ю.Д. Апресяна, «вся семантическая система языка покоится на едином каркасе повторяющихся, “сквозных” семантических оппозиций» [Апресян, 2004: IX]. Поскольку синонимия есть феномен, оппозиционный по своей природе, можно ожидать, что регулярные смысловые противопоставления наглядно явлены в синонимических отношениях. Анализ материалов «Нового объяснительного словаря синонимов» (около 180 словарных статей) в целом подтверждает это предположение. В ходе него было выявлено порядка 50 повторяющихся параметров разной степени продуктивности (субъект, объект, причина, способ, внешние проявления, длительность, масштаб и др.). Многие из них, по нашим наблюдениям, имеют более или менее четкую идеографическую обусловленность.

Так, синонимы тематической сферы «Интеллектуальные свойства, действия и состояния» регулярно реализуют оппозиции «знание – мнение» и «обыденное – высшее мышление». Первое противопоставление воплощается в синонимических рядах в относительном, градуированном виде: *считать* и *находить* выражают более уверенное предположение, чем *думать* и *полагать*; *вероятный* по сравнению с *возможный* характеризует ситуацию как осуществимую в большей степени; опровержение *вовсе не* чаще опирается на знание говорящего, в то время как *отнюдь не* и *далеко не* – на его мнение. Ср. аналогичные пары: *рекомендовать – советовать*; *маловероятный – сомнительный*; *доказывать – убеждать*, *уверять*; *конечно*, *разумеется*, *естественно – несомненно*, *бесспорно*, *безусловно*; *взгляды*, *воззрение*, *точка зрения – мнение*.

Оппозиция «высшее – обыденное мышление» может считаться частным проявлением параметра «Масштаб». Она усматривается в следующих синонимических рядах: *размышлять*, *мыслить – соображать*, *мозговать*; *разум*, *интеллект – рассудок*; *умный*, *глубокий – мудрый*, *смышленый*; *дальновидный – предусмотрительный*; *глупый*, *неумный – бестолковый*, *несмышленый*; *представляться – сдаваться*; *озарить – осенить*; *заблуждаться – ошибаться*, *обманываться*, *просчитываться* и др.

В основе синонимии эмоциональной сферы лежат противопоставления по параметрам «причина», «длительность», «интенсивность», «внешние проявления» и нек. др. Причинный параметр чаще всего имеет вид оппозиции «эмоциональное – рациональное», т.е. делит синонимический ряд на единицы, называющие непосредственную эмоциональную или даже нервную реакцию на происходящее, и слова, называющие более или менее рациональный отклик, ср.: *тревожиться*, *волноваться – беспокоиться*; *пугаться*, *робеть*, *трепетать – бояться*, *опасаться*, *трусить*; *беситься*, *злиться – сердиться*, *возмущаться*, *негодовать*; *обожать – любить*; *восторгаться – восхищаться* и др. Длительность и интенсивность эмоции или чувства могут находиться в разнообразных отношениях: максимально интенсивное чувство бывает длительным (*тоска – грусть*, *печаль*; *стыдиться – стесняться*, *смущаться*, *конфузиться*), кратковременным (*испуг*, *ужас*, *паника – боязнь*; *кичиться – гордиться*) либо же немаркированным по временно́му параметру (*рыдать*, *реветь – плакать*; *изумиться – удивиться*).

Что касается внешнего проявления, каждый оттенок эмоции имеет, как правило, свои мимические и поведенческие маркеры, благодаря которым состояние человека считывается окружающими людьми. Эта информация, судя по всему, «вшита» в остенсивный компонент значения лексемы. Например, эмоция *радоваться* необязательно имеет внешнее выражение, тогда как *торжествовать* предполагает специфические взгляды и возгласы, а *ликовать* – смех, крики и бурную жестикуляцию.

Для синонимов понятийной сферы «Отношения между людьми» чрезвычайно важным оказывается соотношение социальных статусов субъекта и объекта / адресата. *Выговор* и *разнос* возможны при максимальной разнице статусов (начальник и подчиненный), *нагоняй* существенно сокращает статусное расстояние (непосредственный начальник и подчиненный, родитель и ребенок), *внушение* же допускает равные статусы собеседников. Объект отношения при глаголах *почитать* и *чтить* занимает более высокую позицию, чем субъект, что необязательно для глагола *уважать*. В синонимическом ряду возможна маркировка более высокого статуса как первого актанта (*ругать*, *бранить – пилить*, *грызть*; *журить*, *попенять – упрекать*, *укорять*; *лишить – отнять*, *отобрать*), так и второго (*дерзить – грубить*, *хамить*; *докладывать*, *доносить – сообщать*, *информировать*; *учтиво – вежливо*, *галантно*).

В идеографической сфере «Пространство» активно функционируют параметры «пространственный ориентир» и «тип пространства». Так, в синонимических рядах с доминантой *близкий* и *далекий* маркированы единицы, ориентиром при которых может выступать лишь наблюдатель, – *близлежащий*, *окрестный* и *отдаленный*. Для места, названного *районом*, ориентиром является населенный пункт, городской или географический объект (*в районе Покровки*, *Звенигорода*, *Эльбруса*), для синонима *окрестности* – населенный пункт небольшого размера (*окрестности села*), а для слова *округа* – личная сфера говорящего.

Параметр «тип пространства» можно продемонстрировать следующими примерами. *Наружу*, *вон* (физические пространства) – *вовне* (нематериальные пространства, например, человек); *необитаемый*, *ненаселенный* (крупные, чаще природные объекты) – *нежилой*, *незаселенный* (мест-

ности и помещения, пригодные для проживания людей); *безлюдный*, *пустынный* (открытые просторные места или помещения) – *глухой* (замкнутые тесные пространства, изолированные территории); *порожний* (вместилища) – *пустующий* (помещения, территории) – *пустой, опустелый, опустевший* (вместилища, помещения, населенные пункты, городские объекты и др.).

Среди иных семантических оппозиций, так или иначе связанных с тематическим классом единиц, можно отметить такие: «профессия – актуальное занятие», «движение – перемещение», «устная – письменная форма сообщения», «степень контролируемости эмоции», «свойство – состояние человека» и др.

Таким образом, можно констатировать идеографическую обусловленность синонимии, которая выражается в актуализации одних и тех же параметров дифференциации лексем в рамках тематического класса. Это позволяет рассматривать тематический класс не только как генератор синтаксических («у класса обычно есть характерный (диагностический) участник» [Падучева 2004: 43]) и деривационных («члены одного тематического класса склонны иметь… один и тот же набор семантических дериватов» [там же: 44]) особенностей слов, но и как фактор, формирующий их микропарадигматику.

Литература

Апресян Ю.Д. Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. С. VIII–XI.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Метафорическое моделирование лексических единиц со значением «успех» в русском языке

С.Б. Попова, Т.М. Шкапенко

Metaphorical modeling of lexical units with the meaning of «success» in the Russian language

Sofia B. Popova, Tatiana M. Shkapenko

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград) / Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

sofia_popova39@mail.ru, TSHkapenko_kantiana@ru

Аннотация. В докладе характеризуются базовые метафорические модели, лежащие в основе актов номинации лексических единиц со значением успеха в русском языке. В качестве источникового домена рассматривается образ быстрого движения / созревания, проявляющий свою функционально-когнитивную устойчивость в процессе эволюционного развития русского языка.

Ключевые слова: базовая метафорическая модель, лексические единицы *успех, успешный.*

Summary. The report focuses on the basic metaphorical models underlying the coinage of lexical units with the meaning of success in the Russian language. The image of fast movement/maturation is considered as a source domain which manifests its functional and cognitive stability in the process of evolutionary development of the Russian language.

Keywords: basic metaphorical model, lexical units *success, successful.*

Активное использование в современном русском языке лексической единицы *успех* и ее синтаксического деривата *успешный*, связанное с влиянием лингвокультурной глобализации, заставляет обратиться к анализу концептуальных истоков, лежащих в процессе вербализации данного понятия в русском языке. В.В. Виноградов описывал семантические трансформации в рамках первоначально единого лексического гнезда слов *спеть, успеть, успех, успеваемость*, *спешить*, *спешный* с точки зрения конечных результатов семантической деривации, приводящей к возникновению омонимов [Виноградов]. Рассмотрение когнитивных механизмов, лежащих в основе данных процессов, позволяет определить базовые метафорические модели, лежащие в основе номинативных единиц со значением «успех» в русском языке. Под базовой метафорической моделью мы понимаем «метафорическую модель, объединяющую широкий спектр семантических соотношений «номинативное значение → образное, переносное, метафорическое значение» [Резанова 2010: 37].

В древнерусском языке глагол *спѣти* (*спѣяти, спѣю*) имел значения: ‘идти вперед, продвигаться’, ‘идти спешить (куда-л.)’, ‘стремительно приближаться к (чему-л.)’; ‘делать успехи, возрастать’, ‘приближаться к зрелости, состоянию годности’; ‘расти, увеличиваться’; ‘удаваться, идти успешно (о деле)’ <…> ‘созревать, поспевать (о плодах)’ <…> [Словарь XI–XVII, вып. 27]. Данная дефиниция, как и многочисленные примеры из памятников древнерусской литературы, свидетельствуют о том, что в рамках наивного языкового сознания процесс быстрого движения и поспевания были слабо дифференцированы. Основу их синкретического восприятия составляло наблюдение за созреванием как процессом быстрого увеличения размеров плодов, высоты побегов и т.п. В древнерусском языке также не наблюдается еще разграничения в области оценки скорого, быстрого действия, способного принести положительный или отрицательный результат, что фиксируется в комплексе значений слова *спѣхъ*: 1) ‘поспешность, быстрота’; 2) ‘стремление, усердие, ревность’. 3) ‘достижение цели, успех, удача, счастье’. *На спѣхъ великъ приведе мѣсто наше.* Панд. Ант. XI в. л. 5. *Противьнии вѣтри на спѣхъ намъ быша*. Пат. Син. XI в. 159 [Срезневский 1912].

Осознание прагматической ценности поспевания как необходимого условия для благополучного существования индивида приводит к аксиологизации образов поспевания / движения как положительно маркированного процесса и к появлению семантической группы производных *успеть, успех, успешный.* В то же время отрицательная оценка поспешных действий находит свое выражение в образовании от глагола *спеть* производного *спешить* и в формировании отдельного словообразовательного гнезда *спешка, к спеху, наспех*.

Примечательно, что базовая модель метафоризации успеха на основе синкретизма образов быстрого движения и созревания проявляет свою функциональную жизнеспособность и в современном русском языке. Так, глагол *переть* маркируется в БАС в том числе как ‘вылезать, выступать наружу’ – о растениях [ССРЛЯ, т. IX]. *Гречиха-то? Как поперла!.. У-у-у!.. Посмотрите-ка... От-тлично, то есть просто великолепно…* Г.И. Успенский. Из цикла «Сторона наша убогая» (1865). *После дождей густо полезла трава, размыло картошку, и ботва тонкой дудкой дуром поперла вверх*. В. Распутин. Прощание с Матерой (1976) [НКРЯ][1].

В разговорной речи происходит метафорическое переосмысление заключенного в значении слова *переть* образа ускоренного произрастания как основы для обозначения успешной полосы в жизни человека. НКРЯ фиксирует примеры употребления данного глагола в метафорическом значении уже с начала XX в. *Мне вот повезло, и я покатил в гору, а ты хоть и талантлив, как никто, а тебе не поперло.* А.И. Куприн. На покое (1902). *Попрет мне теперь в жизни.*

[1] Здесь и далее все примеры приводятся из Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс. URL: http://www.ruscorpora.ru].

Но Петровичу не поперло. К вечеру он заболел и через два дня помер в страшных мучениях. М.М. Зощенко. Верная примета (1925) [НКРЯ]. Однако фаза его активного использования относится к началу 2000-х годов, когда в языковое сознание носителя русского языка все активнее внедряется англо-американская идиологема успешного человека: *Жизнь, как говорится, это полоса белая и полоса черная. Белая, это когда всё зашибись, когда удача улыбается тебе на каждом шагу, и всё складывается как нельзя лучше. Черная, это когда не прёт – вещи валятся из рук и неприятности подстерегают тебя на каждом шагу* [НКРЯ]. *Новые, современные дома облепляют богатый исторический «интерьер», лезут друг на друга, лезут вверх, лезут на тротуары. Вот оно – «поперло» «дикое счастье»!* [НКРЯ]. Использование преффиксальной формы *поперло* может быть объяснено ее когнитивным соответствием процессу одновременного появления множества ростков или побегов, представляющего собой сферу-источник для обозначения целого ряда успешных событий.

Исходная метафорическая модель находит свое частичное воплощение и в других образах движения, используемых в качестве источникового домена для ословливания успешных действий человека: *везти / повезти; покатить*. Характерная для их функционирования безличная форма делает акцент на случайность достигаемого успеха. *Мне повезло с группой, хоть и бывают разногласия, но все же общение в удовольствие. И тут Федору покатило, любая сделка заканчивалась успехом и приносила прибыль* [НКРЯ].

Таким образом, к базовым метафорическим моделям, лежащим в основе вербализации значений успеха в русском языке, следует отнести синкретичный образ быстрого движения / созревания, используемый не только в древние периоды развития лексико-семантической системы русского языка, но и подтверждающий свою когнитивную значимость в различных актах метафорической номинации в современном русском языке.

Литература

Виноградов В.В. История слов. [Электронный ресурс URL: http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=spet_uspet_uspeh&vol=1 (дата обращения: 20.09.2018)].

Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 1 (9). С. 26–43.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. В.Б. Крысько. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Наука, 1975. Вып. 27, 2006 (Словарь XI–XVII).

Словарь современного русского литературного языка. Т. IX / Ред. Н.З. Котелова, Г.А. Качевская. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (ССРЛЯ).

Срезневский И.И. Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Т. III. СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1912.

Семантическое расширение лексем – репрезентантов концептуального поля «грех» в современной русской речи

В.В. Сайгин

Semantic increasing of the lexemes – representatives of the conceptual field “grekh” (“sin”) in modern Russian speech

V.V. Saygin

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского / National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

secretar@ahch.unn.ru

Аннотация. В работе рассматриваются рефлексы расширения семантического объема лексем *грех, покаяние, добродетель* и *искупление* за счет изменения условий их стандартной сочетаемости в современной русской речи. Существенное расширение областей приложимости этих понятий применительно к сферам политики, экономики, власти, педагогики, спорта, науки, искусства и т.д. демонстрирует продолжающуюся тенденцию к десакрализации соответствующих концептов в языковом сознании современных носителей русского языка.

Ключевые слова: семантическое расширение, концептуальное поле «грех», десакрализация, лингвокультурология, русский язык.

Summary. The work presents reflexes of increasing semantic extension of the lexemes *grekh (sin), pokayanie (repentance), dobrodetel (virtue)* and *iskuplenie (redemption)* throw change of conditions of their standard compatibility in modern Russian speech. Substantial expansion of spheres of their application with regard to politics, economics, government affairs, pedagogy, sport, science, art etc. demonstrates continuing tendency to desacralization of these concepts in modern native-speakers’ language consciousness.

Keywords: semantic increasing, conceptual field “grekh” (“sin”), desacralization, linguo-culturology, Russian language.

Для современного русского языкового сознания характерна тенденция расширительного понимания ключевых концептов русской национальной культуры, с которыми традиционно связывались представления о духовных ценностях на религиозно-православной основе. В частности, это проявляется в расширении сфер приложимости таких лексем, как *грех, покаяние, добродетель* и *искупление*, которые в наших работах рассматриваются как базовые репрезентанты концепта «грех» [Сайгин 2015]. Языковым выражением данных когнитивных процессов является распространение моделей узуальной сочетаемости указанных лексем, представляющее собой результаты применения механизма «концептуальной метафоры» [Лакоффф, Джонсон 2004], на те смысловые области, в которых раньше употребление этих лексем было невозможно. Об этом свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Так, атрибутивная сочетаемость лексемы *грех* демонстрирует рефлексы осмысления в терминах «греха» таких областей действительности, где раньше это понятие было неприменимо, – финансовая, политическая, экономическая, национальная, педагогическая, спортивная, культурная и другие сферы. *Должникам приходится расплачиваться за чужие* ***финансовые грехи***; *«Первородный* ***грех»*** *белорусской* ***экономики***; *Семь смертных* ***политических грехов***; *Есть* ***национальные грехи****... их очень много, между прочим*; *Тогда мы можем отбросить приведенный выше сомнительный случай с греческим огнем и задать себе вопрос: были ли* ***у науки грехи*** *после 1752 года?*; *Лучше скажи мне что-нибудь приятное, я на смертном одре, отпусти мне* ***педагогические грехи****...*; *...а исполнение старинной музыки я считаю «очищением от* ***вокальных грехов****».*

Примерно такие же свойства обнаруживает и сочетаемость лексемы *покаяние*: ***Политическое покаяние****, несомненно, несет с собой новые проблемы, есть претензии и к внешней стороне ритуалов*; *А* ***экономическое покаяние*** *– это и есть изменение экономического курса в сторону социальной справедливости*; ***Покаяние*** *как* ***социальный*** *институт*; *Федотов Г.П. О* ***национальном покаянии***; *Статья «Австралийское покаяние» на научно-популярном портале журнала «Вокруг света»...*; ***Депутатское покаяние****, или Правда о выборах в Невском районе.*

Лексема *добродетель* также очень часто используется в сугубо «светских» контекстах. Прежде всего становятся возможными профессиональные или социальные добродетели: *Оказывается, что* ***добродетели потребителя*** *чем-то напоминают* ***добродетели научного сотрудника*** *или, шире, представителя свободных профессий...* Так, добродетели могут иметь, к примеру, нефтяные компании: ***Россий-***

ские частные нефтяные компании *прославляют* ***свои добродетели*** *и продвинутый менеджмент, но «горячей нефтью», когда 30 долларов за баррель, не брезгуют*. Широко представлены контексты, раскрывающие добродетели предпринимателей, мира капитала: *Но динамические, «волевые»* ***добродетели предпринимательского духа*** *сами по себе еще не создают капитализма*.

Аналогичным образом актуализуется в контекстах расширенной сочетаемости и лексема *искупление*: **Экономика** *является сферой* **искупления** *по преимуществу, где за господство капитала удается откупиться…* Искупление может переосмысляться в терминах эстетики: ***«Эстетическое искупление»*** *как принцип эволюции культуры (интерпретация финала поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки»)* – название научной статьи. Искупление также расширяет область применимости за счет тематической области военного дела: *Военные люди, штабы всех стран приветствовали ее* [войну. – *В.С.*] *как интернациональное* ***искупление военной чести***. Или спорта: *В свою очередь, и для немецкого клуба* ***победа*** *станет своеобразным* ***искуплением*** *в глазах болельщиков…*

В целом отметим, что проанализированные явления в свете отражения национальной специфики русского мировидения могут рассматриваться как своеобразные проявления «практического идеализма» [Вежбицкая 1996] русского народа и так называемого «концептуального двоемирия» [Радбиль 2017], которое заключается в том, что для «русского мира» характерна возможность двойственной категоризации одно и того же объекта как элемента земного существования и как трансцендентной сущности, некой идеальной проекции объекта или явления.

Литература

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред.и сост. М.А. Кронгауз; авт. вступ. ст. Е.В. Падучева. М.: Русские словари, 1996.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Национальный корпус русского языка [URL: http://www.ruscorpora.ru (НКРЯ).

Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 592 с.

Сайгин В.В. Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры: опыт комплексного линвгокогнитивного описания: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015.

О синтагматике наречия *крайне*

М.В. Сандакова

About syntagmatics of the adverb *extremely*

Marina V. Sandakova

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева / Nizhny Novgorod State Technical University n. a. R.E. Alekseev

sandamarina@yandex.ru

Аннотация. В языке новейшего периода обнаруживается тенденция к расширению сочетаемости наречия *крайне*, которое все более активно употребляется в контекстах с обозначениями: а) непредельных признаков, располагающиеся в зоне больших величин (*крайне сильный*); б) явлений, имеющих положительную оценку (*крайне успешный*). Язык обогащается новыми словосочетаниями с наречием *крайне.* Однако преодоление прежних сочетаемостных границ порождает проблему отношения к новым синтагмам в плане их приемлемости / неприемлемости с точки зрения языковой нормы.

Ключевые слова: интенсификатор, предельный и непредельный признак, положительная и отрицательная оценка, синтагматика, языковая норма.

Summary. In the language of the newest period, there is a tendency to expand the adverb *extremely*, which is more and more actively used in contexts with the following symbols: a) unsaturated signs located in the zone of large quantities (*extremely strong*); b) phenomena with a positive assessment (*extremely successful*). The language is enriched with new phrases with an adverb *extremely*. However, the overcoming of the old combination boundaries raises the problem of attitudes towards new syntagmas in terms of their acceptability / inadmissibility from the point of view of the language rules.

Keywords: intensifier, limit and non-limit sign, positive and negative assessment, syntagmatics, language rules.

Наречие *крайне*, наряду со словами *очень, исключительно, слишком, чересчур, немного, чуть-чуть* и др., относится к числу наречий степени, которые служит лексическим средством выражения интенсификации, см. [Ермакова 2015: 84–93] и др.

Синтагматика наречия *крайне* подчиняется закономерностям семантической и лексической сочетаемости, в совокупности образующим определенный набор разрешений и запретов, которые не всегда носят строгий характер, что осложняется действующей сейчас тенденцией к размыванию сочетаемостных границ. Наиболее характерна сочетаемость с названиями абстрактных признаков. Показательно, что если у прилагательного есть значение свойства физического мира и метафорическое абстрактное значение, то интенсификатор чаще принимается именно вторым значением. Ср. *крайне низкий культурный уровень*, но не **крайне низкая изгородь.* Причины такой избирательности можно видеть в том, что, во-первых, *крайне* как интенсификатор характеризуется антропоцентричностью, а во-вторых, контексты с абстрактными именами стилистически более соответствуют книжности наречия.

Определение точного места наречия *крайне* на градационной шкале интенсивности представляет проблему. Яркая внутренняя форма указывает на «крайнюю», то есть самую высокую, максимальную степень признака. Это наводит на мысль, что данное наречие должно входить в ряд таких слов, как *совсем, совершенно, абсолютно, полностью*. Однако *крайне* в толковых словарях толкуется не как ‘совершенно, абсолютно’, а как ‘очень, чрезвычайно’ [МАС; БТС]. Следовательно, по значению оно вписывается в ряд интенсификаторов не максимальной (абсолютной), а высокой степени, наряду со словами *очень, весьма, чрезвычайно,* а также экспрессивами *удивительно, поразительно, ужасно, чудовищно.*

Семантическими признаками прилагательного или наречия, релевантными для сочетаемости с интенсификаторами, можно считать: 1) предельность / непредельность обозначаемого признака, см. [Апресян 1995; Богуславская 2006; Кустова]; 2) оценочность прилагательного или наречия. Предельным является «прилагательное, обозначающее такое градуируемое свойство, которое имеет максимальную степень (предел)» [Апресян 1995: 44]. Наречие *крайне* обычно тяготеет к предельным признакам (что сближает его с интенсификаторами максимальной степени). Например, возможно сказать *крайне глупый*, но невозможно **крайне умный*; возможно *крайне малый*, но вряд ли **крайне большой.*

Наречие *крайне* обычно определяет названия явлений, имеющих отрицательную оценку, что отмечается в [Григорьева 2000]. Например, более естественно сказать *крайне враждебный*, чем **крайне дружественный*; *крайне отсталый*, чем **крайне передовой.* Показательна сочетаемость с прилагательными и наречиями с приставкой *не-*, ср.: *крайне неблагополучный, неприглядный, непрофессиональный, неустойчивый.*

В русском языке периода конца XX–XXI в. происходит развитие средств интенсификации, что находит проявление как в пополнении класса интенсификаторов новыми единицами, так и в расширении функциональных возможностей

имеющихся интенсификаторов. Синтагматика наречия *крайне* в языке новейшего периода очевидно трансформируется в сторону повышения его сочетаемостных возможностей. Расширение сочетаемости означает ослабление действия семантических и лексических ограничений на образования словосочетаний с данным наречием.

Прежде всего, наречие приобретает возможность сочетаться с непредельными признаками зоны «больших величин». Так, в контекстах НКРЯ, относящиеся к периоду конца XX – начала XXI в., встречаются словосочетания: *крайне дорогая цена, крайне конкурентный рынок, крайне популярная игра, крайне самобытная цивилизация* и др.

Еще более показательна тенденция к выходу за пределы сферы отрицательной оценочности. *Крайне* все активнее характеризует явления и свойства, оцениваемые положительно. В НКРЯ в изобилии встречаются контексты типа: *крайне надежный, чистоплотный, порядочный, талантливый; крайне убедительно, эффективно, познавательно* и др. Встречаются даже словосочетания с прилагательными и наречиями общей оценки: *крайне положительный; крайне позитивно, крайне хорошо.*

Итак, расширение сочетаемости наречия *крайне* приводит к снятию ряда сочетаемостных запретов. Язык обогащается новыми словосочетаниями с наречием *крайне*, необычность которых повышает их экспрессивные возможности. Однако многие из таких словосочетаний ощущаются как нарушение сложившихся традиций и языковой нормы. В связи с этим активизация их употребления требует внимания к наречию *крайне* в аспекте культуры речи.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Богуславская О.Ю. Интеллектуальные способности и деятельность человека в зеркале прилагательных // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 471–512.

Григорьева С.А. Очень // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская и др. / Под общим рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 256–261.

Ермакова О.П. Семантические категории в лексике и грамматике русского языка: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2015.

Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» [Электронный ресурс. Режим доступа: http://dict.ruslang./ru/magn.php (дата обращения: 22. 08. 2018)].

Советизмы: современное состояние и аспекты изучения

З.С. Санджи-Гаряева

Sovietism: current status and aspects of research

Z.S. Sandji-Garyaeva

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского / Saratov State University

sandji93@mail.ru

Аннотация. Активность процессов, происходящих в сфере советизмов, обусловливает необходимость их многостороннего исследования. В докладе рассматриваются особенности устаревания разных групп советизмов, словарное состояние, изменение семантики, стилистические функции.

Ключевые слова: советизмы, историзация, актуализация, лексикографический аспект, семантические изменения, манипуляция, стилистическая функция.

Summary. The activity of the processes taking place in the sphere of Sovietism necessitates their multilateral study. The report discusses the features of the obsolesence of different groups of Sovietism, vocabulary, changing semantics, stylistic functions.

Keywords: Sovetsky, historysize, updating, lexicographic aspect, semantic changes, manipulation, stylistic function.

В настоящее время сложилось несколько направлений в исследовании лексики советского времени. Наиболее важные из них: отслеживание процесса устаревания, особенности лексикографии, семантические изменения, актуализация, связанная с новыми функциями в современной речи.

Устаревание переживает в первую очередь лексика, отражающая политические, идеологические, общественные, социальные стороны советской жизни. Процесс ухода советизмов в пассивный запас полнее всего отражен в Словаре Г.Н. Скляревской [Скляревская 1998].

Отражение советизмов в современных толковых словарях характеризуется недостаточной последовательностью, что объясняется, во-первых, текучестью и незаконченностью процессов, происходящих в семантике слов, во-вторых, неразработанностью принципов лексикографического описания советизмов. Толкование советизмов рассматривается на примере словаря С.А. Кузнецова [Большой толковый словарь: 2006]

Многообразные изменения, происходящие в семантической структуре советизмов, зависят от типа лексических единиц: лексический советизм (слово), семантический советизм (лексическое значение), коннотативный советизм. Самый распространенный вид изменения – сужение семантического объема слова вследствие исчезновения или модификации денотата. У слова полностью утрачивается одно из лексических значений или оттенок значения, соотносившиеся с советским явлением. Утрата коннотации, связанной с советским пафосом, влечет за собой уход целых классов слов, например, прилагательных с гиперболической оценочностью.

Актуализация советизмов в современной речи связана с их востребованностью в качестве выразительных средств и средств воздействия. Использование советизмов в стилистических целях объясняется продолжающейся рефлексией над советским, культурной и стилистической преемственностью российских СМИ. Фонд стилистических средств составляется из единиц разных типов: образные клише советского времени (*холодная война, тлетворное влияние, железный занавес*), нейтральные слова, иронически и комически модифицированные (*многостаночник, стахановец, ликбез, пережитки капитализма*) и слова-оценки, как правило, иронически трансформированные (*враг народа, отщепенец, передовик, приспособленец, пособник*).

В последние годы в рекламном дискурсе советизмы стали выполнять манипулятивную функцию. Потребность в манипулировании ностальгическими чувствами потребителей стала причиной актуализации некоторых слов советского лексикона. Например, **в рекламных текстах** слову «советский» придается значение «хороший, настоящий, качественный». В печатных СМИ и рекламе актуализируется один из оттенков слова *народный* – «недорогой, доступный по цене малоимущим слоям населения».

Таким образом, значительная часть советизмов продолжает жить в языке. Они используется не только для обозначения явлений прошлого, но и для оценки различных сторон современной российской жизни. Являясь маркерами советской стилистики, эти единицы служат средством выражения иронического отношения к современной российской действительности.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2006.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской. СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс, 1998.

Семантика лжи

О.Е. Фролова

Semantics of Lies

Olga E. Frolova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

olga_frolova@list.ru

Аннотация. В докладе рассматривается семантика существительных *вранье*, *ложь*, *неправда*, *лукавство*. Первые три единицы трактуются толковыми словарями как синонимы. В объяснении значения слова *лукавство* словарь не указывает сему ‘несоответствия действительности’. Обращение к Национальному корпусу русского языка позволяет определить частотность употребления интересующих нас слов и выделить контексты, в которых взаимозамена существительных *вранье*, *неправда*, *ложь, лукавство* противоречит языковой интуиции.

Ключевые слова: синонимы, диктум, модус, корпус, взаимозаменяесть.

Summary. The report examines the semantics of nouns lies (*vran’jo*, *lozh*, *nepravda*, *lukavstvo*). The first three units are interpreted by the explanatory dictionaries as synonyms. In explaining the meaning of the word cunning (*lukavstvo*), the dictionary does not indicate this ‘inconsistency with reality’. Appeal to the Russian National Corpus allows you to determine the frequency of use of words of interest to us and highlight the contexts in which the interchange of nouns lies (*vran’jo*, *lozh*, *nepravda*, *lukavstvo*) is contrary to language intuition.

Keywords: synonyms, dictum, modus, corpus, interchangeability.

Существительные *вранье*, *ложь*, *неправда*, *лукавство* близки по семантике и описывают искажение истины, обман [Апресян 2010; Апресян 2014а; Апресян 2014б].

Словарь так объясняет значения трех первых единиц: *ложь* – «неправда, намеренное искажение истины; обман || Выдумка, вымысел» [БТС 2002]; *неправда* – «1. то, что противоречит правде, истине; ложь, 2. обман, мошенничество» [БТС 2002]; *вранье – разг*. 1. к врать. 2. ложь; вздор, небылица [БТС 2002].

В Активном словаре первое значение слова *вранье* описывается с отсылкой к глаголу: «А1 врет А3 об А4, что А2 ‘Зная правду о ситуации или объекте А4, человек А1 сообщает человеку А3 не соответствующие действительности сведения А2 об А4, считая, что это поможет ему добиться какой-то личной цели’» [Апресян 2014: 303; Апресян 2014б: 303]; при толковании второго значения автор не дифференцирует и ставит в один ряд различные по природе цели субъекта: «чтобы добиться какой-то личной цели, создать благоприятное впечатление о себе или развлечь слушателей» [Апресян 2014а: 303].

Толкование БТС в качестве оттенка значения у слова *ложь* приводит ‘выдумку’ и ‘вымысел’, давая в качестве иллюстрации пушкинскую цитату: *Сказка – ложь, да в ней намек...* С нашей точки зрения, современное бытование слова *ложь* «ушло» от узуса первой трети XIX в. В дефиниции второго значения слово *вранье* в АС не разводятся корыстное противоречие правде со стороны адресанта и его бескорыстное фантазирование.

Что касается слова *лукавство*, оно выступает как синоним-эвфемизм существительных *неправда*, *ложь* и *вранье*, но толковые словари этого значения не фиксируют. Между тем такое употребление отмечается в НКРЯ.

(1) *А разве вы не подписывали договор, где соглашались с этим вторжением? Договор был на одиннадцати страницах. Кирилл его не прочитал. — Всё равно* ***это лукавство****, нужно предупреждать отдельно.* (Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 21–39 (2011) [НКРЯ].

Возможно по этой причине В.Ю. Апресян, рассматривая слова *вранье, ложь, неправда*, в ряду синонимичных существительных *обман*, *дезинформация, надувательство* и др., слово *лукавство* в этот ряд не включает. С точки зрения исследователя, существительные *вранье*, *ложь*, *неправда* различаются по признакам: 1) сознательного / несознательного отступления от правды, 2) целей такого отступления, если оно намеренное, 3) инструмента введения адресата в заблуждение (высказывание, действие, конкретный предмет) (см. [Апресян 2000: 224]). Все четыре единицы описывают «сознательное, целенаправленное искажение правды» [Апресян 2000: 225], однако, как показывает обращение к Национальному корпусу русского языка, существенно различаются по частотности.

Задавался поисковый запрос *это* + *X* с интервалом 1–3 единиц. Результат показал, что в конструкции это + *вранье* / *ложь* / *лукавство* / *неправда* употребление существительного *неправда* в позиции именного предиката значительно превосходит по частотности другие единицы.

Корпус позволил выявить контексты, в которых замена слова *неправда* на *ложь* нежелательна.

(2) *С айфоном ты кажешься себе очень укоренённым в жизни… следовательно, к принятию решений — хотя* ***это неправда*** (Алексей Иванов. Комьюнити (2012) [НКРЯ].

Замена предиката *неправда* на *ложь* будет неоправданно резкой, поскольку выбор предиката связан не с диктумом, а с модусом: неслучайно слово *неправда* употреблено в контексте глагола *казаться*.

(3) *И как тут не процитировать слова Марины Нееловой… «Я знаю, что театр* ***— это вранье****»* (Олег Дуленин. «Звезды» театров – за 16 $ (о серии книг «Звезды московской сцены») // «Октябрь», 2001) [НКРЯ].

Замене слова *вранье* на *ложь* в примере 3 препятствует актуализация значения ‘выдумка’.

Имени *лукавство* в предикатном употреблении доступно градуирование с неопределенными местоимениями *некоторый*, *некий*, мало возможное для слов *неправда*, *вранье*, *ложь*.

(4) *Они чуть кокетливо отвечают, мол, конечно, им очень нужна мужская сильная рука. Но в* ***этом*** *есть* ***некоторое лукавство****. У Марии Уваровской другое понимание мужской поддержки: «Самые лучшие мои вторые пилоты умеют делать это незаметно* (Александр Дмитриев. Небесные ласточки // «Огонек», 2015) [НКРЯ].

Итак. Слова *неправда*, *ложь*, *вранье* и *лукавство* при близости значений обнаружили специфику употребления, делающую нежелательными их взаимозамены.

Литература

Апресян В.Ю. Неправда // Новый объяснительный словарь / Под общ. руководством Ю.Д. Апресяна. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 223–229.

Апресян В.Ю. Словарные статьи *правда, не правда, истина, обмануть, обман, врать, лгать, вра нье, ложь, правдивый, лживый* // Проспект активного словаря русского языка. / Отв. ред. Ю.Д Апресян. М.: Языки славянских культур. 2010. С. 170–184.

Апресян В.Ю. Вранье // Активный словарь русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. Т. 2. В–Г. М.: Языки славянской культуры, 2014а. С. 303.

Апресян В.Ю. Врать // Активный словарь русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. Т. 2. В–Г. М.: Языки славянской культуры, 2014б. С. 303–304.

Большой толковый словарь русского языка. / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2002.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс. URL: http://ruscorpora.ru. Дата последнего обращения 25.11.2018].

О сущности лексической и семантической деривации

Э.Р. Хасанов

On the essence of lexical and semantic derivation

Eldar R. Khasanov

Джизакский государственный педагогический институт имени А.Кадыри (Узбекистан) /

Jizzakh State Pedagogical Institute named after A.Kadiri (Uzbekistan)

k_studentu@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам сущности лексической и семантической деривации многозначных лексем современного русского языка, а также их свойствам слова в тексте вообще.

Ключевые слова: лексическая деривация; семантическая деривация; слово, многозначность, текст.

Summary. The article is devoted to the issues of the essence of the lexical and semantic derivation of the multivalued lexemes of the modern Russian language, as well as their properties of the word in the text in general.

Keywords: lexical derivation; semantic derivation; word, polysemy, text.

Лексической деривации подвергается основная единица языка – слово. Слово существенно отличается от предложения в системе языковых механизмов. Если предложение по преимуществу производится, т.е. каждый раз создается заново (и к этому сводится его жизнь в языке), то слово в основном воспроизводится в речевой деятельности, хотя каждый раз своеобразно, неповторимо, т.е. используется как готовая единица, хранящаяся в памяти. Отсюда, казалось бы, следует вывод, что предложение – единица динамическая (речевая), а слово – единица статическая (языковая).

В действительности же слово также динамическая единица, сущность которой состоит в ее непрерывном функционировании, постоянном видоизменении, обновлении. Однако слово функционирует не так, как предложение. Предложение – компонент текста. Более того, как в капле воды заключены свойства воды вообще (капля – та же вода), так и в предложении – все свойства текста. Предложение есть тот же текст. Иное дело – слово. Оно не имеет свойств текста, хотя в конечном счете текст «составляется» из слов. В этом отношении слова подобны химическим элементам вещества: водород и кислород «составляют» воду, но не обладают ее свойствами.

Чем же характеризуется слово как динамическая единица? Оно противоречиво. С одной стороны, слово – неотъемлемая часть текста, т.к. текст «строится» из слов, как здание из кирпичей. С другой стороны, слово не принадлежит тексту, поскольку оно связано сейчас и может быть связано в будущем с определенным множеством текстов. Таким образом, слово принадлежит данному тексту и вместе с тем не принадлежит ему. Этим противоречием и объясняются многие динамические свойства слова. Действительно, слово и конкретно, и абстрактно в одно и то же время. Как элемент текста, это предельно конкретно (в той степени, в которой конкретен данный текст), связано со всеми другими словами текста, которые так или иначе уточняют, ограничивают его значение, делают его метой данного денотата. Но поскольку слово употреблялось в других текстах, где оно выполняло функцию меты, оно связывает данный текст с другими текстами, т.е. выражает то общее, что объединяет эти тексты, и потому по необходимости абстрактно.

Слово выражает данную мысль, «разлитую» в данном тексте, и вместе с тем, будучи связанным с огромным числом других мыслей, «разлитых» в тех текстах, в которых оно употреблялось, оно не выражает данной мысли, а лишь намекает на нее. Слово – представитель текста в целом, и поэтому в нем сконцентрировано все содержание текста. Но текст не сводится к слову, оно занимает в нем ограниченное место и является представителем только предложения или даже словосочетания, а значит, содержание слова ограничено содержание предложения или словосочетания. Можно было бы отметить и другие противоречивые свойства слова, но все они так или иначе есть отражение основного противоречия между его текстовой и внетекстовой природой.

Свойства слова вообще, т.е. любого и каждого слова, по-разному проявляются в тех или других классах слов. Очевидно противопоставление по определенным свойствам знаменательных и служебных слов, узуальных и окказиональных слов, лексических и синтаксических дериватов.

Все сказанное помогает нам разобраться в сущности сложнейшего механизма лексической деривации.

Что касается семантической деривации, то она включает в себя процессы, которые заключаются в преобразовании уже заданного содержания высказывания. Преобразование заключается в семантической интерпретации денотата, в особом способе его языкового представления в поверхностной структуре предложения, где он получает вторичное выражение. Потенциал семантической структуры многозначных слов отражает именно семантическая деривация. Способности того или иного слова к семантической деривации, напрямую зависят от того, какое место занимает оно в той или иной семантической парадигме и каков диапазон их эпидигматических отношений. Ключевую роль в процессе семантической деривации играет экстралингвистический фактор, иными словами, объективные потребности, которые и определяют процесс номинации.

В основу семантической деривации легли разнообразные семантические сдвиги, появление новых, переносных значений, основанных на соотнесенности одного предмета (явления), действия с другими через какой-либо общий признак.

Метафорические, метонимические и функциональные переносы следует считать одними из наиболее распространенных видов семантической деривации. Однако, в «чистом виде» эти семантические преобразования выступают не так уж часто, что объясняется как сложностью соотношений и переплетенностью значений в пределах отдельного конкретного слова, так и общей сложностью смысловой структуры лексики. В связи с этим необходимо привести мнение В.В. Виноградова о том, что «смысловые границы слова могут быть очень широки, а иногда и не вполне определенны. Смысловая область слов (даже многих научных терминов) имеет пограничные зоны и многочисленные переходы оттенки». Иногда трудно бывает однозначно охарактеризовать семантическое новообразование в связи с тем, что сложно определить: представлено ли на данном этапе новое значение в пределах слова или уже имеет место явление омонимии.

Литература

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем.; Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ Прогресс, 2000.

Хасанов Э.Р. Семантическая деривация как универсальный принцип функционирования современного русского языка [Электронный ресурс. URL: https://journal.fledu.uz/ru/semantik-suz-yasash-zamonavij-rus-tilining-universal-tamojillari-sifatida/ Дата последнего обращения 13.11.2018].

Шкуропацкая М.Г. Деривационная системность лексики (на материале русского языка): Диссертация ... доктора филологических наук: Кемерово, 2004.

Устаревание языковой единицы, забвение владения ею, неправильное употребление: границы значения и границы нормы

В.Н. Шапошников

Obsolescence of Language Unit, Oblivion of Possession of It, Misuse: Boundary of Meaning and Boundary of the Norm

V.N. Shaposhnikov

Московский городской психолого-педагогический университет / Moscow State University of Psychology and Education

vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается функционирование лексики и эволюция лексических единиц. Анализируется семантика и структурные характеристики слов. Выявляются слова, которые начинают употребляться с другими значениями, в отличие от кодифицированной нормы. Отмечается их системное соотношение с имеющимися значениями слов. Сдвиги в употреблении могут со временем приводить к более существенным изменениям в лексической системе.

Ключевые слова: лексика, значение, языковое функционирование, эволюция.

Summary. Lexicon functioning and evolution of lexical units is considering. The words which begin to be used with other meanings are identified. There is reinterpreting and rethinking of the words on the basis of an oblivion or ignorance of the codified meanings. Their systemic relationship with the available meanings of words is noting. Shifts in the use of words over time can lead to more significant changes in the lexical system.

Keywords: vocabulary, meaning, language use, evolution.

Язык функционирует и развивается, то есть употребляется носителями, воплощаясь в индивидуальном сознании, а воплощения индивидуальным сознанием соединяются в социальное сознание, претворяющее язык. Исходной реальностью существования языка являются индивидуальные словари. Естественно консолидируется совокупность говоримого и понимаемого в данную эпоху жизни общества; в ходе коммуникации языкового общества происходит постоянное сопоставление и взаимоуподобление индивидуальных словарей.

Тот или иной акт общения одновременно есть акт эволюции языка. Существует определенная вероятность выхода некоторого значения – отображения предмета за сформированные границы его смысловой области. В речи может происходить изменение круга коммуникативных контекстов употребления некоторых лексических единиц. Так осуществляется ассоциативное воздействие на набор признаков каждого значения наиболее повторяющихся смысловых элементов из контекстов употребления значения. В определенной ситуации происходит расшатывание и отклонение от стандарта употребления слова.

В речевой деятельности происходит изменение языкового материала. В языковом функционировании наблюдается понижение активности, системно-структурной роли слова, снижение употребительности и частотности в речи как факт той или иной лексики. Например, уходящее словоупотребление: *советский, товарищ, труд, партбилет, райком; затворить, отворить, притворить, растворить* (открыть), *вёдро, осклабить, осклабиться; бузить, верхатура, домовничать, сбондить, свистеть* (врать), *форсить, шурупить* (соображать), *внакладку* и др. под.

Сфера действия языковых единиц, картина лексико-семантических отношений языка подвержены изменениям в узусе. При функционировании языковой системы место и конструктивные свойства лексических единиц трансформируются. Изменяется сфера действия лексических единиц. У некоторых слов сфера действия расширяется. Какое-то слово захватывает некоторую часть сферы действия другого члена синонимической оппозиции и включает в свою сферу действия. Степень захвата и уровень взаимодействия различны. Так, в современной речи активизируется слово «сложно» по сравнению со сходным по значению «трудно», а также «сложный» по отношению к «трудный». Положение этих слов в языковой системе было различным. Различны их частоты употребления; слово «сложно» относилось к пласту малоупотребительной лексики и имело узкую сферу употребления, в то время как «трудно» было широкоупотребительным. Они различались характером значений; слово «трудно» характеризовалось меньшей отвлеченностью и большей простотой значения. Однако в современной речи активизировалось слово «сложно»: повышается его употребительность, сильно расширяется сочетаемость и состав синтаксических позиций, изменяется стилевая отнесенность. Слово «сложно» занимает позиции слова «трудно» и этим самым соотносится с его семантикой, то есть упрощаясь содержательно и нивелируя содержательные компоненты своего значения. Аналогично соотношение слов – наречий со значением начала процесса: *сначала, вначале, поначалу, изначально…* – из которых в современной речи активизировалось слово «изначально», подменив собою другие члены ряда и испытывая при этом семантические трансформации.

При анализе современной речи можно обнаружить, что происходят те или иные интерпретации слов на основе забвения или незнания значений. Разворачивается стихийное употребление не в том значении, в отличие от кодифицированной нормы, ряда слов. Происходит то или иное повышение частотности трансформированных смысловых фактов в обиходной речи. См.: *Аншлаг* ~ ‘плакат, призыв’, *Апокриф* ~ ‘не официально достоверное сообщение, молва, слух’; *Артефакт* ~ ‘нечто непознанное’, ‘ошибка природы’, ‘некое природное явление’, ‘рукотворный предмет’; *Двурушник* ~ ‘двуличный человек, лицемер’; *Конгениальный* ~ ‘гениальный в высшей степени’; *Скрупулезный/ скурпулезный* ~ ‘придирчивый, слишком строгий’; *Аккуратно* ~ ‘осторожно, осмотрительно’; *Банальный* ~ ‘обычный, обыкновенный, простой, очевидный’; *Категорически* ~ ‘очень, крайне, совершенно’; *Деликатный* ~ ‘бережный, осторожный’; *Одиозный* ~ ‘известный’; *Нелицеприятный* ~ ‘неприятный, негодный’; *Эффективно* ~ ‘полностью, быстро’; *Обременять* ~ ‘мешать, причинять неудобства’; *История* ~ ‘дело, факт, событие’; *Оппонент* ~ ‘противник, враг’.

Употребление не в том значении сопровождается изменением грамматических связей слова. Как это: *Оппозиционер* ~ ‘противник, оппонент’ а) *кого*, с одушевл. существит. в родит. пад., б) *чему*, с отвлечен. сущ. в дательн. пад. *Довлеть* ~ ‘тяготить, преобладать, господствовать’ а) *над*, с существит. в творит. пад., б) *на*, с предлож.пад. *Будировать* ~ ‘продвигать, ускорять’ *что*, с неодушевл. сущ. в винит. пад.

При всех подобных смысловых явлениях в узусе существует правильное употребление, понимание и правильные литературные значения слов.

Язык характеризует степень распространенности, массовости таких новых явлений. В языковой действительности характерен охват употреблением различных стилевых сфер и та или иная распространенность речевых фактов либо ограниченность области употребления лексико-семантических вариантов. Выход очередного значения за прежде сформированные границы создает лишь вероятность закрепления расширившегося объема этой области.

Происходят нарушения языковых норм журналистами в профессиональном стремлении показать себя, выглядеть броско, эрудированными, виртуозно владеющими языком. В средствах массовой информации употребляются такие слова как: *Раут* – ‘ритуал’, *Катаклизм* – ‘авария’, *Вездесущий* – ‘всё заполняющий, везде имеющий место’, *Расстрелять* – ‘застрелить, убить’, *Ипостась* – ‘сфера’.

Такие возникающие новые употребления выступают как дублеты существующих слов. Однако это не синонимы, которые выражали бы различные оттенки понятия и уточняли и обогащали выражение.

В языковом развитии и преобразовании употребления происходит выделение и появление новых значений слов. Они обусловливаются устойчивостью речевых фактов и принадлежностью коммуникативной потребности всего языкового общества. Словообразовательное переоформление признаковыми номинациями плана выражения, замена отдельных знаменательных признаковых номинаций служебно-признаковыми номинациями становится для каждого из значений слов в среднем определяющим в связи с их общим употреблением и при этом обусловливается общей абстрактизацией, депредметизацией и окачествлением, а также субъективацией значений в их истории. Так, в расширившемся употреблении слов развиваются новые лексико-семантические варианты: «приоритет», «альтернатива», «куратор», «курировать», «атака», «амнистия», «интервенция», «функционал». Образуются переносные употребления слов, как например, «аншлаг». В переносных употреблениях слов происходит расширение значений и их метафоризация, как это: транспортный *апокалипсис*, природный *апокалипсис*; транспортный *коллапс*. Определенные значения имеют сниженно-разговорный характер, как образовавшиеся значения у слов «плотно» и «вплотную».

Прилагательные *ядовитый* и *токсичный* в русском языке: развитие новых значений по данным языковых корпусов

К.М. Шилихина

New meanings of the adjectives *ядовитый (poisonous)* and *токсичный (toxic)* in the Russian language: a corpus-based study

Ksenia M. Shilikhina

Воронежский государственный университет / Voronezh State University

shilikhina@rgph.vsu.ru

Аннотация. В докладе рассматривается процесс появления и закрепления у русских прилагательных *ядовитый* и *токсичный* новых метафорических значений. На материале корпусных данных проводится хронологический анализ развития переносных значений этих прилагательных и рассматриваются тенденции их использования в коллокациях, реализующих их различные значения.

Ключевые слова: прилагательное, лексическая сочетаемость, языковой корпус, частота употребления, метафора.

Summary. The paper describes emergence of new metaphorical meanings of two Russian adjectives: *ядовитый (poisonous)* and *токсичный (toxic).* A corpus-based chronological analysis of the usage of these words is presented and most frequent collocations of these adjectives are discussed.

Keywords: adjective, lexical collocation, language corpus, frequency of use, metaphor.

Доклад посвящен корпусному анализу двух прилагательных: *ядовитый* и *токсичный*. В работе используются данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и Генерального интернет-корпуса русского языка (далее – ГИКРЯ).

Цель исследования – описание семантических переходов [Кустова 2004], в результате которых у этих лексем появляются новые значения, в частности, значение оценки манеры речи с помощью прилагательного *ядовитый* и использования прилагательного *токсичный* для характеристики людей и межличностных отношений.

1. *Ядовитый.* Прилагательное *ядовитый* имеет достаточно долгую историю употребления. Наиболее ранний контекст в основном подкорпусе НКРЯ датируется 1726 г.:

Отчаяватися бы пришло роду человеческому, аще бы сие лютое зло не усмирено было, аще бы сия коса на камень, Христа Господа, не попала: «Камень же бе Христос»; аще бы ***ядовитое*** *ея жало на всемирнаго врага не улучило: «Где ти, смерте, жало?* [Гавриил (Бужинский). Слово в день годищнаго поминовения… (1726)]

В 1-й пол. XVIII в. *ядовитый* употребляется исключительно для обозначения отравляющих веществ и предметов, однако уже во второй половине XVIII века *ядовитый* появляется в окружении существительных, обозначающих эмоции или манеру речи:

Автор удовольствовал свой сатирический дух и при всем том в мыслях общества остался скромным писателем; хотя стоит только заглянуть в корзинку у первого разносчика, чтоб видеть, как ***ядовита*** *его сатира.* [И.А. Крылов. Ночи (1792)]

Заметим, что толковые словари фиксируют переносные значения прилагательного *ядовитый* уже в XIX веке [Михельсон, электронный ресурс].

Дальнейший анализ показывает, что с течением времени прилагательное *ядовитый* приобретает новые значения за счет употребления в новом лексического окружении: так, в 1830-е гг. появляются и далее закрепляются в узусе метафорические словосочетания *ядовитая усмешка, ядовитое слово, ядовитая улыбка*, в начале XX века появляются словосочетания *ядовитый цвет*, *ядовитый сарказм.*

2. ***Токсичный***. Прилагательное *токсичный* появилось в русском языке на два столетия позже прилагательного *ядовитый.* НКРЯ фиксирует начало его употребления с 1930-х гг. Наиболее ранний контекст в НКРЯ датирован 1934 г.:

Следовательно, Schizosaccharomyces не только выделяет большое количество алкоголя, но выделенный им алкоголь является, образно говоря, и более ***токсичным*** *для Saccharomyces чем собственный алкоголь этого последнего вида.* [Г.Ф. Гаузе. Борьба за существование (1934)]

По данным основного подкорпуса НКРЯ, в непосредственном окружении прилагательного *токсичный* чаще всего появляются существительные *вещество, отходы, газы, соединения.* Его использование, по сути, терминологическое:

Обычно в выхлопе новой установки ***токсичных веществ*** *в пять-десять раз меньше.* [Л.Черномордик. Азотнокислотный цех без «лисьего хвоста» // «Химия и жизнь», 1969]

Первым шагом на пути к развитию нового значения можно считать терминологическое употребление прилагательного *токсичный* для характеристики ненадежных финансовых активов и невозвратных кредитов в текстах экономической тематики. Такие употребления впервые НКРЯ фиксирует в начале 2000-х гг.:

Авторы доклада сами удивляются: «Это весьма необычно, поскольку Российская Федерация имела лишь небольшое число ***«токсичных» активов*** *в разгар кризиса…».* [Ирина Прусс. Кризис бродит по России // «Знание – сила», 2010]

Характерно, что в таких контекстах появление нового значения отмечено кавычками – маркерами переносного значения.

Следующий шаг в развитии семантики прилагательного *токсичный* связан с его появлением рядом с существительными, обозначающими эмоции и отношения, а также называющими людей, общение с которыми вызывает негативные эмоции. НКРЯ не содержит таких употреблений, а вот в ГИКРЯ их уже достаточно много:

10 типов ***токсичных людей****, с которыми нужно прекратить общение в Новом году* [ГИКРЯ].

…определенные цвета оказывают терапевтическое воздействие, являясь спусковым механизмом для высвобождения ***«токсичных» воспоминаний и переживаний*** *прошлого* [ГИКРЯ].

Отметим, что современные толковые словари пока не фиксируют у прилагательного *токсичный* значения «доставляющий неприятные ощущения».

Появление прилагательных *ядовитый* и *токсичный* в новом лексическом окружении и их регулярное использование в сочетании с существительными, обозначающими чувства, эмоции, взаимоотношения и манеру речи, приводит к развитию у этих прилагательных новых значений. Метафорический перенос становится возможным благодаря наличию отрицательной коннотации в исходном значении – именно она обеспечивает возможность использования данных прилагательных для выражения оценки .

Литература

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Михельсон М.И. Большой толково-фразеологический словарь [Электронный ресурс. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_old/. Дата обращения 23.10.2018].

Многозначные производные диминутивы в словаре и в эксперименте*

М.Г. Шкуропацкая, И.П. Исаева

Polysemantic Derived Diminutives in the Dictionary and Experiment

M. Shkuropatskaya, I. Isaeva

Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина (Бийск) / Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Biysk)

marina-shkuropac@mail.ru; isaeva_ip@rambler.ru

Аннотация. В тезисах приводятся экспериментальные данные, позволяющие выделить наборы лексем многозначных слов, относящихся к сфере диминутивного словообразования в русском языке, и ранжировать лексемы внутри одного многозначного слова. Наивные представления о значениях слов сравниваются с их словарными описаниями.

Ключевые слова: *русские диминутивы, многозначное слово, наивные значения слов, толкование слова в нормативных словарях.*

Summary. The proceedings give the experimental data making it possible to distinguish the sets of lexemes of polysemantic words belonging to the sphere of diminutive derivation in Russian and to range lexemes within one polysemantic word. Naïve notions of word meanings are compared with their dictionary definitions.

Key words: *Russian diminutives, polysemantic word, naïve word meanings, word definition in standard dictionaries.*

Экспериментальные исследования, проводимые лингвистами в последние годы, показывают, что большинство носителей современного русского языка используют многие слова совсем не так, как они представлены в нормативных толковых словарях. Ярким примером такой языковой области, где наивные и словарные значения слов различаются, являются бионимы. К их числу относятся и единицы сферы диминутивного словообразования, обозначающие предметы природного мира, такие как *уточка, перчик, обезьянка, чижик* др. В ходе нашего исследования было выявлено, что в данной сфере узус разных носителей языка существенно различается и часто не соответствует описаниям нормативных словарей.

Слова данной сферы являются отличительной особенностью деривационной подсистемы русского языка. Русским диминутивным суффиксам свойственен особый функционально-семантический синкретизм – отражение в структуре значения суффикса комплекса рациональных и эмоционально-оценочных смыслов, каждый из которых стремится к варьированию в условиях внутрисловного и внесловного контекстов.

Сложное многоплановое значение производного слова включает в себя лексическое и деривационное значение одновременно и может быть осознанно в обоих аспектах. В таком соотношении заложено внутреннее противоречие производных диминутивов, которое носителями языка преодолевается в речевой деятельности.

Изучая взаимодействие двух этих сторон семантики производного слова, мы ставили цель выявить, каким образом определяемые носителями языка рациональные и эмоционально-оценочные компоненты диминутивного суффикса влияют на представления носителей языка о лексической семантике многозначного производного диминутива и какие направления семантического расширения слов с диминутивными суффиксами намечаются в сфере наивных представлений.

Для определения набора и порядка значений исследуемых слов с точки зрения нормативной академической лексикографии мы проанализировали их описание в трех толковых словарях: Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (СОШ, 2007); Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова (БТС, 1998) и Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном Т.Ф. Ефремовой (СЕф, 2000). Приведем пример со словом *уточка*.

Слово *уточка* во всех словарях рассматривается как деривационная форма с модификационным значением: например, в СЕф: уменьш. и ласк. к сущ.: *утка*: в первом значении): «водоплавающая птица с широким плоским клювом, короткой шеей и широко расставленными ногами; самка селезня». В словаре СЕф отмечаются еще три омонима слова *утка*: «сосуд с длинным носом для приема мочи, подаваемый лежачим больным» (*Подать утку. Вылить из утки*); «приспособление на борту судна для временного закрепления конца причального каната»; «ложный сенсационный слух» (*Пустить утку на счет свадьбы.*). В БТС отмечаются все перечисленные значения, за исключением значения «приспособление на борту судна», а также выделяется как самостоятельное метонимическое значение «мясо такой птицы» и как оттенок этого значения «кушанье, приготовленное из нее» (*Утка с яблоками*). В СОШ слово *уточка* представлено как деривационная форма с уменьшительным значением к слову *утка* в двух значениях: «водоплавающая птица» и «сосуд для лежачего больного».

Для сбора экспериментального языкового материала мы использовали анкету, которая содержала следующие вопросы: 1) Какие ассоциации возникают у вас в сознании при восприятии следующих слов? 2) Какие значения имеют данные слова. На анкету ответили 178 человек – носителей русского языка разных возрастов и профессий.

Анализ ассоциаций и обыденных толкований, полученных на слово *уточка* в эксперименте, свидетельствует о том, что носители языка выделяют следующие значения слова, которые с учетом их частотности можно представить следующим образом: «птица» (58% толкований и 72% ассоциаций); в том числе «маленькая по размеру или невзрослая птица» (16% толкований и 6% ассоциаций); «игрушка для купания» (19% толкований; 22% ассоциаций); «животное» (10% толкований); «надутые губы» (4% толкований и 2% ассоциаций); «женская походка» (3% толкований и 1% ассоциаций); «судно для лежачего больного» (2% толкований и 1% ассоциаций); «игра» (0,45% толкований); «песня» (0,45% толкований); «ложный слух, обман» (0,45% толкований); «приманка» (0,45% толкований).

Сопоставительный анализ словарных и узуальных значений выявил, что данное слово в узусе обнаруживает целый спектр новых спецификаций, не отмеченных словарями. Самыми частотными из них являются значения «невзрослая птица» и «игрушка для купания».

* Выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект 18-012-00437.

Анализ всех узуальных значений, с разной степенью частотности встретившихся в толкованиях и ассоциациях, позволяет проследить, в каких направлениях осуществляется семантическое расширение данного слова. Четыре значения образуют концепт «дети»: «невзрослая птица, птенец», «игрушка для купания», «игра», «песня». Два значения образуют концепт «женщины»: «надутые губы» и «походка». Еще два значения образуют концепт «обман»: «ложный слух» и «приманка». Мы полагаем, что на формирование значений, относящихся к сфере «дети» может оказывать определенное влияние диминутивное значение суффикса («маленький» – «невзрослый»); а на формирование значений из сферы «женщины» влияет эмоционально-оценочное значение суффикса.

4.2. Функциональное словообразование

Игровое словообразование в современной русской коммуникации

О.В. Дедова, П.В. Григорьева

Playing word-formation in modern Russian communication

Olga B. Dedova, Polina V. Grigorieva

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

ov.dedova@gmail.com

Аннотация. В докладе рассматривается игровая деривация как разновидность языковой игры, уточняется понятие игрового словообразования. Анализируются механизмы игрового словообразования в современном русском языке.

Ключевые слова: игровая деривация, языковая игра, словообразовательная контаминация, блендинг.

Summary. The report discusses game derivation as a kind of language game, explains the concept of playing derivation. The mechanisms of game formation in the modern Russian language are analyzed.

Keywords: playing derivation, language play, word-formation contamination, blending.

Понятие игровой деривации восходит к выделенной Е.А. Земской игровой функции словообразования. Как известно, эта функция была ею описана наряду с другими: номинативной, конструктивной, компрессивной, экспрессивной, стилистической [Земская 2005; 2007], на основании чего были предложены соответствующие виды словообразования. Игровые дериваты, активно создаваемые в настоящее время, относятся к разряду словообразовательных инноваций, значительное количество которых в современном русском языке заставляет говорить о настоящем «неологическом буме». Эти новообразования обладают яркой, опознаваемой внутренней формой и в большинстве случаев являются средством максимальной компрессии смысла (*Евроненавиденье, НТВошки*). Ввиду своей семантической емкости и «заметности» в контексте игровые дериваты последовательно используются в коммерческой сфере (*«Чебупели», «Творопыши»*).

Игровые дериваты имеют ряд специфических черт, отличающих их от окказиональных речевых неологизмов. Во-первых, как правило, игровые дериваты являются результатом преднамеренного словотворчества, они создаются потому, что в силу определенных причин являются коммуникативно востребованными в данном обществе в конкретное время. Вследствие этого они не обладают такими свойствами окказионализмов, как спонтанность, функциональная одноразовость и зависимость от контекста. Зачастую их можно отнести к разряду т.н. «ключевых слов момента» (*хрущёба, прихватизация, Сколково*). Во-вторых, они обладают комизмом, основанном на эффекте структурно-семантической неожиданности. Будучи самодостаточными в плане выражения смыла и эмотивной оценочности, такие новообразования является результатом игрового отношения к словотворчеству и к языку в целом. Эффект словообразовательного каламбура достигаться за счет переосмысления структуры мотивационных слов и реализации различных языковых намеков (например, *Ксюшадь* от *Ксюша* + *лошадь*), при этом в игровом деривате наблюдается «мерцание» обоих слов. В результате указанных факторов игровое новообразование может представлять собой предел семантической компрессии словосочетания или высказывания (ср.: ‘Ксюша – лошадь’).

Механизмы образования игровых дериватов достаточно вариативны. В самом общем плане следует различать следующие явления:

1. Новообразования, полученные в результате т.н. блендинга, основанном на каламбурной контаминации мотивирующих слов, и неологизмы, созданные аффиксальными способами (например, *оливьед, трампить*). Во втором случае преднамеренно созданный комический эффект, являющийся основным критерием игрового характера деривата, реализуется за счет специфики словообразовательной модели, а также яркой внутренней формы новообразований.

2. Отдельного рассмотрения заслуживает подмена лексем на основании игрового паронимического сближения, «маскирующееся» под словообразовательную деривацию (*дух* от *душман*; *фотожаба* от *Фотошоп, Photoshop*; *клава* от *клавиатура*). Данное явление – один из механизмов адаптации заимствований в современном русском языке. По сути дела это фонетическая метафора, когда существующее в языке узуальное слово начинает использоваться для называния нового объекта, в свою очередь имеющего узуальное наименование, на основании созвучия этих лексических средств, вне зависимости от их значений. Когнитивная «неожиданность» результатов таких номинационных трансформаций является источником комического эффекта, что отражает их игровой характер.

3. Необходимо разграничивать дериваты, ориентированные на использование в устной / письменной и исключительно в письменной формах. Графико-орфографическая деривация активизируется в современной коммуникации и в ряде случаев рассматривается как неузуальный тип словообразования, получивший название *графиксация.* Прием активно используется в коммерческих целях (*«ФорумОК»,* «*МясКо*).

Таким образом, являясь одним из основных видов языковой игры, игровая деривация объединяет достаточно разнородные явления, часть которых даже не может быть однозначно отнесена к словообразовательной сфере («игра» с графической оболочки слова при сохранении омонимии в устной форме, т.н. фонетические метафоры). Актуальности игрового словообразования в современном русском языке, помимо собственно лингвистических факторов, способствует целый ряд социальных и коммуникативных явлений, в первую очередь развитие Интернета. В эпоху электронной коммуникации игровые дериваты выполняют различные функции и зачастую являются проявлением метаязыковой рефлексии носителей языка.

Литература

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Изд-во КомКнига, 2005.

Земская Е.А. Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина. М., 2007. С. 186–193.

К оценке одной активной модели

С.В. Ильясова

To Evaluating one active model

S. Ilyasova

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) / Southern Federal University (Rostov-on-Don)

Ilyasova_rnd@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются инновации на *-аст* (флудераст и под.), созданные по образцу узуального существительного, активно функционирующие в языке СМИ и Интернета. Будучи игровыми словами, они в то же время функционально ориентированы на выражение оценки, как правило, отрицательной, уничижельной. В докладе ставится проблема фиксации подобных слов в словарях.

Ключевые слова: инновация, языковая игра, язык СМИ, язык Интернета, словари.

Summary. The report deals with innovations with -ast (fluderast and that sort of things), created on the model of the usual noun and actively functioning in the language of the media and the Internet. Being playful words they are at the same time functionally oriented towards the expression of evaluation, as a rule, negative, pejorative. The report poses the problem of fixing such words in dictionaries.

Keywords: innovation, language game, language of mass media, language of the Internet, dictionaries.

1. Предметом анализа в докладе будут инновации на *-аст*, созданные по образцу узуального слова, которое в толковых словарях русского языка до недавнего времени приводилось без помет, относилось к литературной лексике и лишь в начале XXI века, войдя в разряд актуальной лексики, в то же время получило помету, ср.: **Педераст**, а, *м. Разг.* Гомосексуалист [АЛ 2006: 720]. Инновации на *-аст*, будучи со всей очевидностью результатом языковой игры, демонстрируют все присущие ей в современном русском языке, а именно в языке СМИ и Интернета особенности, прежде всего оценочность, находящую выражение подчас в эпатаже. Все инновации на *-аст* дают унижительную характеристику лицу и, следовательно, имеют отрицательную коннотацию. Их употребление в языке СМИ рассматривается как проявление речевой агрессии, ср.: «Негативная экспрессия некоторых новообразований усиливается их перекличкой с узуальными словами пейоративного и обсценного характера» [Петрова, Рацибурская 2011: 72]. Поводом для приведенного высказывания стал ряд новообразований, среди которых была и инновация на *-аст*, ср.: *К вопросу о толерантности. Все, чего добьются эти* ***толерасты*** *из прокуратуры и эксперты из помоечных фондов (а кто еще эксперт по* ***толерастии****!) – что люди так себя накрутят, что мв получим новую гражданскую войну по национальному и религиозному признаку* (Русский репортер. 18–25.06.2009) [там же].

Имеющиеся в нашей картотеке примеры в полной мере подтверждают приведенное мнение: *У нас есть свой круг «ельциноидов» ... и* ***гайдарастов*** (АиФ, 1996, № 2); *Дело рук* ***петардастов*** (АиФ, 2012, № 47). Последняя инновация имеет в тексте синоним – *петардометатель* – тот, кто бросает петарды на поле во время футбольного матча.

2. Новые слова на *-аст* стали заметным явлением в языке неформальной интернет-коммуникации, где «отступление от стандарта уже не просто способ привлечь внимание реципиента к тексту, оно постепенно становится характерной чертой сетевой словесности» [Ильясова, Каллистратидис 2012: 235]. Так, например, в неформальной интернет-коммуникации такие инновации с легкостью образуются от заимствованных существительных, ср.: *геймераст, лузераст, спамераст, троллераст, френдераст, читераст.* Часто такие инновации выступают как цепочка производных в одном контексте, ср.*: защита от спамерастов, флудерастов и пиарастов* [http://smo-i-seo.ru/vnutrennee-smo/zashhita-ot-spamerastov-fluderastov-i-piarastov.html]. Такое употребление одноструктурных производных служит подтверждением активности модели.

3. Отдельные инновации на *-аст* зафиксированы в словарях. Так, например, в Викисловаре нам встретилась инновация *флудераст* с пометой *интернет*. и со значением «тот, кто страдает флудерастией, много и часто флудит» [https:// ru.wiktionary.org/wiki]. В зоне Этимология находим следующую справку: контаминация флуд и педераст [там же]. Включена в Викисловарь и инновация *флудерастия*, ср.:

1) *интернет.* болезненная склонность к флуду.

2) *интернет.* то же, что флуд [https://ru.wiktionary.org/wiki]. В зоне Этимология также дается аналогичная справка: контаминация флуд и педерастия.

Не остаются в стороне от фиксации инноваций на *-аст* и традиционные словари новых слов, ср.: **пейджераст**, а, *м.* Тот, у кого есть пейджер (жарг., шутл.) [НСЗ 90-х, с. 40]. В словарной статье приводится целый ряд иллюстраций и дается справка о происхождении слова: Контаминация: **пейджер** + педер**аст**.

Прокомментируем способ образования новых слов на *-аст*. Считаем, что правильней усматривать здесь не контаминацию, а образование слова по конкретному образцу (не менее, чем контаминация, распространенный прием языковой игры), т.к. слово-прообраз вполне очевидно, создатель нового слова отчетливо осознает эту связь и эксплицирует ее (см. [Земская 1992: 194]).

3. Выскажем некоторые соображения о представленном в докладе материале. Словарный состав русского языка находится в постоянном движении. Наиболее заметные неологические процессы в массмедийной и интернет-коммуникации, которые можер назвать полигонами для освоения новой лексики, но значит ли это, что все появившиеся там новации стоит включать в словари? Включение слова в словарь, даже такой мобильный и открытый, как Викисловарь, или фиксирующий языковые изменения, как НСЗ, в любом случае являются пропуском слова в другую жизнь, поэтому этот пропуск надо выдавать с осторожностью.

Литература

Викисловарь [URL: https://ru.wiktionary.org/wiki. Дата последнего обращения 25.11.2018].

Земская Е.В. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.

Ильясова С.В., Каллистратидис Е.В. Языковая игра в «сетевых языках» // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: Колл. монография / Науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. С. 220–236.

Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам и литературы 90-х годов XX в.: В 3 т. / Под. ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.) и Е.А. Левашова. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. (НСЗ 90-х).

Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Скляревской. М.: Эксмо, 2006. (АЛ).

Дериваты в речи взрослых и детей (анализ случая)

В. В. Казаковская

Derivatives in child-directed speech and child speech (case study)

V. V. Kazakovskaya

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) / Institute for Linguistic Studies RAS (Saint-Petersburg)

victory805@mail.ru

Аннотация. В докладе представлены результаты анализа производных имен существительных, зафиксированных на ранних этапах речевого развития детей, в сравнении с функционированием данных дериватов в обращенной к ним речи взрослых. Материалом для наблюдений является русская спонтанная речь, диалог «взрослый – ребенок». Обращение к словообразовательному аспекту усвоения грамматики и изучение факторов, влияющих на этот процесс, является актуальным направлением исследований не только для отечественной русистики, но и для мировой психолингвистики, поскольку предоставляет уникальные возможности исследования механизмов онтогенеза флективного морфологически и морфемно богатого языка.

Ключевые слова: грамматика, словообразование, производные существительные, спонтанная речь, усвоение языка, детская речь, речь взрослых, обращенная к ребенку (инпут), русский язык

Summary. The report presents a comparative analysis of the derivative nouns recorded in the early language development of children, along with the function of derivatives in child-directed speech. The observation material is from Russian spontaneous speech ('adult – child' dialogue). This aspect of language acquisition and studying the factors which influence this process holds great appeal, not only for Russian researchers, but also for linguists worldwide, as it provides unique opportunities for research into the mechanisms of ontogenesis of inflectinal morphologically and morphemically rich languages.

Keywords: grammar, word-formation, nominal derivatives, spontaneous speech, language acquisition, child speech, child-directed speech (input), Russian

В докладе рассматриваются производные слова – имена существительные – в современном русском языке по данным, которые еще только начинают получать систематическое описание. Таким языковым материалом являются лонгитюдные записи спонтанной речи взрослых носителей языка, обращенной к маленькому ребенку (*child-directed speech, input*), и речь самого ребенка (*child speech*).

Недавние исследования, посвященные системной деривации в речи детей, усваивающих родной язык [Казаковская 2018], показали, что словообразовательные механизмы могут «запускаться» очень рано – с середины – конца второго года жизни. Основными «информантами» выступили типично развивающиеся монолингвы. Было установлено, что подавляющее большинство дериватов образовано морфемными способами, субстантивация и другие неморфемные способы – нечастотное и более позднее явление. В рамках аффиксации доминирующим средством образования новых слов оказались суффиксы, а производящей основой – имена существительные; на долю глаголов и прилагательных как производящих основ приходится от 10 до 30%. Это обстоятельство свидетельствует об изначальном развитии именной деривации в рамках одной части речи (ср. [Гвоздев 2007]), с одной стороны, а с другой – отражает системно-языковой статус отсубстантивных дериватов. Вместе с тем была выявлена общая динамика появления деривационных моделей: движение от так наз. простых дериватов к сложным – таким, которые последовательно образованы с помощью двух и более морфем, то есть от производных однокорневых основ либо от композитов. Изменение морфемной сложности дериватов соотносится с изменением их семантической сложности, которая в обсуждаемых данных возрастала к концу периода наблюдений. Наконец, пилотный анализ речи взрослого сформировал начальное представление о том, что в процессе усвоения деривационных моделей и средств морфемики задействован инпут. В связи с чем следующим шагом в изучении разрабатываемой проблематики явилось детальное исследование словообразовательного аспекта речи взрослых и проведение коррелятивного анализа (*input* vs. *output*). Материалом для наблюдений послужила одна диада «мать – ребенок» (К., 1;8–3;0).

Качественный и количественный анализ инпута показал, что его словообразовательный аспекте богат и разнообразен. Используется более 70 аффиксов; дериваты-существительные представляют более 10 семантических (в другой терминологии, словообразовательных) категорий – от самых простых диминутивов и стилистических (разговорных и просторечных) модификаций имен [РГ 1980] до наиболее сложных номинаций абстрактных качеств. В целом количество именных дериватов составило 25% всех существительных в речевой продукции взрослого, что вдвое превысило отмеченное в речи ребенка. Линия (тренда), показывающая распределение дериватов в инпуте на протяжении наблюдений, свидетельствует об увеличении их количества к концу этого периода (что полностью совпадает с данными детской речи), однако не является «ровной» из-за пиков частотности (*spurts*). Так, один из них, отмеченный в начале 3-го года жизни, совпадал с аналогичным в речи ребенка, тогда как другой, зафиксированный в конце года, – предшествовал. В мировой онтолингвистике соотношение подобных пиков связывают с тактикой «подстраивания» взрослого (*caregiver*) под языковое и – шире – когнитивное развитие ребенка (*fine-tuning*). Механизмы подстраивания приоткрывают завесу над мало изученными в настоящее время процессами влияния инпута на усвоение родного языка ребенком.

Статистически значимые корреляции между представленностью дериватов различных семантических категорий в диаде «мать – ребенок» были отмечены на уровне разнообразия лексем (*lemmas*) и количества их словоупотреблений (*tokens*). Этот результат позволил выдвинуть гипотезу о существенности фактора частотности для усвоения ребенком рассматриваемого аспекта грамматики. Она сводится к тому, что чем чаще взрослый использует дериваты (в целом и определенных моделей в частности), тем более высокой становится вероятность их появления в речи ребенка. Привлечение к анализу новых корпусных данных позволит верифицировать высказанное предположение, обосновать значение фактора частотности и экстраполировать выводы. В дополнительной проверке нуждается и предположение о последовательном появлении семантических категорий в инпуте.

Литература

Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М.: Детство-Пресс, 2007. (Часть монографии – «Формирование у ребенка грамматического строя русского языка» – была впервые опубликована в 1949 г. М.: АПН РСФСР).

Казаковская В.В. Производные существительные в русской детской речи // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. 189 (3) (в печати).

Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.

Kazakovskaya V.V. Acquisition of nominal compounds in Russian // Dressler W.U., Kilani-Schoch M., Ketrez N. (eds.). Nominal Compound Acquisition [Language Acquisition and Language Disorders Series 61. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 63–90.

Проблема суффиксального усложнения в русистике: состояние разработки и перспективы исследования

О.Ю. Крючкова

The problem of suffixal complication in Russian philology: the stage of development and research perspectives

O.Ju. Krjuchkova

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского / Chernyshevsky Saratov State University

vpks@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается степень и характер разработки проблемы суффиксального усложнения в русистике, намечены перспективы дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: русский язык, словообразование, суффиксация, сложный формант.

Summary. The article deals with the stage of development and character of suffixal complication studies in Russian philology, and outlines the perspectives of further research in this field.

Keywords: the Russian language, word-formation, suffixation, complex formant.

Проблема суффиксального усложнения в русском языке, имея солидную по времени традицию обращения к ней, далека все еще от исчерпывающего своего анализа. К числу общепринятых положений можно, пожалуй, отнести признание механизма суффиксального усложнения стратегическим направлением эволюции русской и славянской суффиксации [Крушевский 1883: 80; Мейе 1951: 276], представление о непрерывности данного процесса, его постоянном развертывании на диахронической оси развития русского языка [Кузнецова 1987: 98], о втягивании в процесс усложняющей суффиксации в том числе и иноязычных суффиксов [Демьянов 1994: 152], о существовании двух семантических типов суффиксальных усложнений (1) каждый суффикс из входящих в состав сложного придает данному корню свойственный ему оттенок: *-ительство* (*предводительство*), *-овенький (шелковенький)*; (2) увеличенный суффикс придает тот же оттенок корню, что и неувеличенный: *-'онок* при *-ок* (*козленок, уголок*); *-чик* при *-ик* (*стульчик, домик*) [Крушевский 1883: 81]), о возможности формирования на основе суффиксальных последовательностей новых протяженных суффиксальных морфем (А. Мейе, Г. Пауль, Н.М. Шанский, И.А. Ширшов, О.Е. Ольшанский и др.).

Осознание суффиксального усложнения в качестве значимого для русского языка словообразовательного процесса ставит важные для дериватологии вопросы об исчислении словообразовательных морфем, участвующих в моделях разных типов словообразовательного усложнения, о круге словообразовательных значений, включенных в сферу действия названного процесса, о причинах и характере его исторического развития. Все названные вопросы не получили еще полного освещения (на материале моделей дублирующего типа усложнения они рассмотрены в [Крючкова 2000]).

Одним из центральных и традиционных аспектов изучения проблемы суффиксального усложнения является вопрос о формантном статусе суффиксальных сочетаний («имеем ли мы дело с одним суффиксом (по происхождению сложным, но воспринимаемым как простой), с несколькими разными суффиксами или с такими устойчивыми сочетаниями суффиксов, которые функционируют как единое целое» [Кузнецова 1987: 98]). Условия и факторы, стимулирующие образование сложных суффиксальных формантов, долгое время привлекают внимание исследователей (ср., напр.: [Крушевский 1883; Агапова 1974; Пацюкова 2014]. Специального описания требует взаимодействие агглютинативных и фузионных механизмов в разных типах суффиксальных последовательностей, оценка роли этих механизмов в образовании новых протяженных морфем (на материале моделей с нанизыванием тождественных или семантически близких аффиксов эти процессы рассмотрены в [Крючкова 2002]. Сам факт линейного нанизывания аффиксов – проявление агглютинативной тенденции. Однако в одних случаях эта тенденция подкрепляется характером сочетаемости аффиксов, аффиксы, образующие аффиксальные последовательности, сохраняют свою структурную выделимость и семантическую самостоятельность (ср.: *учительница, карикатуристка*), в других случаях – нарушается действием фузии, наблюдается фузионная спайка аффиксов (ср.: *извозчичий, бунтовщицкий* и *бунтовщический*).

К перспективным и неразработанным направлениям в изучении процессов суффиксального усложнения следует также отнести анализ данных русских народных говоров (частичный анализ диалектного материала представлен в [Крючкова 2007], осуществление корпусных (на базе Национального корпуса русского языка) исследований соответствующих словообразовательных моделей, что позволит дать многоаспектное функциональное, в том числе количественное, описание процессов суффиксального усложнения в русском языке.

Литература

Агапова Г.В. К проблеме становления сложных суффиксов: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Саратов, 1974.

Демьянов В.Г. О роли иноязычных словообразовательных формантов в историческом процессе формирования словообразовательных средств русского языка // Исследования по историческому словообразованию. М.: Ин-т русского языка РАН, 1994. С. 148–161.

Крушевский Н.В. Очерк науки о языке // Изв. и учен. зап. Имп. Казан. ун-та. 1883. Т. 19.

Крючкова О.Ю. Редупликация как явление русского словообразования. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000.

Крючкова О.Ю. О формантном статусе аффиксальных композиций // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2002. № 6. С. 59–69.

Крючкова О.Ю. Аффиксальная редупликация в диалектном словообразовании // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология / Под ред. Е.Н. Шабровой. СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ, 2007. С. 248–258.

Кузнецова А.И. Морфемные блоки и их роль в морфемной и словообразовательной структуре слова // Морфемика: Принципы и методы системного описания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 97–106.

Мейе А. Общеславянский язык. М.: Изд-во иностр. лит., 1951.

Пацюкова О.А. Переразложение и закономерности развития протяженных аффиксов в русском языке: Дис. … докт. филол. наук. Н. Новогород, 2014.

Родовые корреляты имени: коммуникативные характеристики и лингвопрагматические функции*

Э.Г. Куликова, О.М. Акай

Generic Correlates of Noun: Communication Characteristics and Linguopragmatic Functions

Ella G. Kulikova

Ростовский государственный экономический университет – РИНХ (Ростов-на-Дону) / Rostov State University of Economics – RINH (Rostov-on-Don)

ella_kulikova21@mail.ru

Oksana M. Akay

Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону) / Don State Technical University (Rostov-on-Don)

oksaakay@mail.ru

Аннотация. Женские родовые корреляты одушевленных имен мужского рода продуктивно анализировать как интраязыковые грамматические лакуны. Явление лакунарности пронизывает (в различных вариациях) всю знаковую деятельность. Неузуальные факты в области грамматических форм, которые традиционно относят к так называемым «авторским» употреблениям и даже к отрицательно оцениваемым девиациям, представляют собой элиминированные лакуны, а значит – явление системное и закономерное.

Ключевые слова: лакунарность; девиации; авторское употребление; женские корреляты.

Summary. It is efficient to analyze female generic correlates of animate masculine names as intra-linguistic grammatical lacunae. The phenomenon of lacunarity permeates (in various variations) all sign activity. Non-usual facts in the field of grammatical forms, which are traditionally referred to so-called "author's" usage and even to negatively assessed deviations, are eliminated gaps, and therefore a systemic and natural phenomenon.

Keywords: lacunarity; deviations; author's use; female correlates.

Женские родовые корреляты одушевленных имен мужского рода продуктивно анализировать как интраязыковые грамматические лакуны, что позволяет сосредоточить внимание на их прагматических свойствах, поскольку системное отсутствие языковых единиц способствует прояснению их коммуникативных характеристик и лингвопрагматических функций.

Явление лакунарности пронизывает (в различных вариациях) всю знаковую деятельность. Элиминированные лакуны в дискурсе берут на себя многочисленные и разнообразные семантико-прагматические функции.

Можно ли считать наличие в языке внутриязыковых лакун, таких, как незаполненная (в норме) ячейка женского рода у слов типа *врач*, свидетельством того, что в русском языковом сознании отсутствуют соответствующие понятия? Скорее всего, отсутствие таких единиц свидетельствует не об отсутствии понятий, а о том, что нет коммуникативной потребности в их реализации. Когда же потребность осознается, появляются соответствующие элиминации прежних лакун. В русской грамматике, считает М.Н. Эпштейн, вообще мало реализован потенциал системности [Эпштейн 2016], потому элиминированные лакуны имеют большие шансы стать системным явлением.

В индоевропейском праязыке-основе реконструируются две родовые системы: противопоставление «одушевленного – неодушевленного» родов и противопоставление «мужского – женского – среднего» родов. Эти две системы принадлежат разным эпохам (вторая более поздняя), они гетерогенны. Впоследствии «одушевленный» род преобразовался в мужской и женский, а древний «неодушевленный» род получил значение среднего рода. «Вторичность» и производность женского рода в этой новой системе родов отчетливо проявляется в области семантического содержания родовых коррелятов, которые составляют привативную оппозицию: мужской род = весь предметный класс (родовое понятие), а не только мужской пол, в то время как женский род в соотносительных случаях указывает исключительно на женский пол. Именно этим обстоятельством обусловлена родовая лакунарность – отсутствие (во всяком случае – в узусе) парных наименований женского рода.

В русском языке последних десятилетий количественный рост имен, называющих лиц по профессиям, в которых заняты в том числе и женщины (*брокер, дилер, джоббер, дистрибьютор, менеджер, мерчендайзер, риэлтор* и под.), мало влияет на образование параллельных наименований женского рода (особенно в стандартном варианте литературного языка).

Возможно, именно малочисленность существительных, однозначно указывающих на пол, делает актуальными коррелятивные формы – отсутствующие в узусе, однако, при необходимых условиях, всегда готовые к использованию и всегда однозначно (с точки зрения семантики) понимаемые. Прагматика же этих форм в высшей степени разнообразна и зависит от совокупности факторов как собственно лингвистических (текстовых), так и экстралингвистических (социальных). Чаще всего такие формы связаны с пейоративностью. Выбор формы рода – стандартного мужского или элиминированной лакуны (то есть женского) – нередко определяется именно условиями коммуникации. С.Г. Мамечков [Мамечков 2010: 12–13], основываясь на идеях М.В. Панова [Панов 1990; 1999] и Е.В. Клобукова [Клобуков 1975; 1979], пишет о «внутреннем» и «внешнем» контекстах, обусловливающих особенности форм грамматического рода.

Элиминацию грамматических лакун в сфере категории рода продуктивно рассматривать как лингвокреативную деятельность, и результаты этой деятельности необходимо тщательно анализировать с точки зрения обусловливающих факторов. Интраязыковые лакуны на базе категории рода – это образования, узуально не закрепленные в языке, но потенциально готовые к речевой реализации. Они выделяются на основании соотнесения существительного мужского рода с коррелятивным существительным женского рода, не имеющим материального выражения в языке, но обладающим способностью обрести его в контекстном употреблении.

Литература

Клобуков Е.В. Теоретические основы изучения морфологических категорий русского языка (морфологические категории в системе языка и в дискурсе): Дис. в виде научн. докл. … докт. филол. наук. М., 1975.

Клобуков Е.В. Теоретические проблемы русской морфологии. М.: Наука, 1979.

Мамечков С.Г. Функционально-семантическое поле биологического пола в современном русском языке. Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2010. 18 с.

Панов М.В. О позиционном чередовании грамматических значений // Типология и грамматика. М.: Наука, 1990. С. 75–89.

Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999.

Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта № 18-012-00085.

Девербативы, обозначающие речевое действие: семантика и прагматика

С.Л. Михеева

Deverbative denoting the speech act: semantics and pragmatics

S.L. Mikheeva

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (Чебоксары) / I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University (Cheboksary)

mikhsveta@rambler.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются аспекты функционирования отглагольных существительных типа *приговор, уговор, договор, заговор, выговор, разговор* и т.п. Специфика подобных слов обусловлена их синкретичной природой. Помимо сугубо грамматических – морфологических и синтаксических – функций девербатив несет в себе обусловленную словообразовательной структурой информацию, которая способна реализоваться на уровне текста.

Ключевые слова: девербатив, грамматическая семантика, текст, временной порядок.

Summary. The report deals with aspects of the functioning of verbal nouns such as *prigovor, ugovor, dogovor, zagovor, vygovor, razgovor,* etc. The specificity of such words is due to their syncretic nature. In addition to purely grammatical – morphological and syntactic – functions, the deverbative carries information conditioned by the word-formation structure. This information can be implemented at the text level.

Keywords: deverbative, grammatical semantics, the text, time order.

Девербативы – один из пластов в составе русской лексики, слова, обладающие синкретичными свойствами, которые проявляются при выражении лексической и грамматической семантики [Вольф, Романова 1979]. Живая словообразовательная связь слов типа *приговор, уговор, договор, заговор, выговор, разговор* и т.п. с производящим глаголом позволяет соотнести их лексическое значение со значением действия, процесса, результата процесса – то есть с категориальной семантикой глагола. С другой стороны, морфологические свойства и признаки – падежное склонение, родовая отнесенность – вводят подобные слова в состав существительного.

Обращение к словарным толкованиям рассматриваемых отглагольных существительных позволяет сделать вывод о доминировании в их семантической структуре предметного либо процессуального аспекта, которые проявляются в зависимости от определенных контекстуальных условий [Михеева 2018]. Кроме того, они обнаруживают специфический функциональный потенциал, который обнаруживается при участии подобных слов в организации текста.

Функционируя в качестве различных обстоятельств, девербативы становятся одним из периферийных, но немаловажных средств выражения семантики временного порядка (1) и временного дейксиса (2): (1) *Когда легат покинул балкон, прокуратор приказал секретарю пригласить президента Синедриона, двух членов его и начальника храмовой стражи Ершалаима во дворец, но при этом добавил, что просит устроить так, чтобы* ***до совещания*** *со всеми этими людьми он мог говорить с президентом раньше и наедине* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); (2) – *Так это ты подговаривал народ разрушить ершалаимский храм? – Прокуратор при этом сидел как каменный, и только губы его шевелились чуть-чуть* ***при произнесении*** *слов* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Во втором примере наблюдается также совмещение значений временного порядка и временного дейксиса [Бондарко 1996].

Отглагольные существительные, относимые к событийным именам и обладающие вследствие этого временными характеристиками, способны сочетаться с предлогами темпоральной ориентации: *после, во время, в течение, в продолжение, до* и т.п. И если предлоги *после, до* характеризуют отношения предшествования и следования, то предложные образования *во время, в течение, в продолжение, при виде* характеризуют развивающуюся одновременную ситуацию.

Таким образом, наблюдение за поведением отглагольных существительных в тексте демонстрирует их функциональную многоплановость и особую, специфическую роль в формальной организации и семантическом структурировании смысловых пластов текста [Михеева 2013]. Помимо сугубо грамматических – морфологических и синтаксических – функций девербатив несет в себе обусловленную словообразовательной структурой информацию, которая способна реализоваться только в тексте [Кубрякова 2004]. Видимо, подобный класс слов возможно классифицировать как особую – текстоориентированную – группу.

Литература

Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996. С. 167–196.

Вольф Е.М., Романова Г.С. Семантика общесобытийных существительных и их роль в тексте // Грамматический строй и стилистика романских языков. Калинин, 1979.

Кубрякова Е.С. Роль словообразования и производного слова в обработке знаний // Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004. С. 390–458.

Михеева С.Л. Отглагольные существительные в тексте: грамматические аспекты семантики // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: К 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича: Материалы Международного научного семинара. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 96–99.

Михеева С.Л. Существительные со значением речевого действия в русском языке // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: Тр. и матер.: В 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. Т. 2. С. 113–116.

Психолингвистический аспект репрезентации языковой картины мира

А.В. Моргун

Psycholinguistic aspect of representation of the language picture of the world

Alla V. Morgun

Мукачевский государственный университет (Украина) / Mukachevo State University (Ukraine)

morgunalla56@gmail.com

Аннотация. Автор доказывает, что изучение словообразования как системы дает возможность рассматривать словообразовательный акт как способ номинации предметов и явлений объективного мира, а словообразование как связующее звено между предметом мысли и языковым знаком.

Ключевые слова: психолингвистика, словообразование, словообразовательная парадигма, словообразовательное значение, зооним.

Summary. The author argues that the study of word formation as a system makes it possible to consider the act of derivation as a way of nomination of objects and phenomena of the objective world and word formation as a link between the object of thought and linguistic sign.

Key words: psycholinguistics, derivation, derivational paradigm, derivational meaning, zoonym.

Характерной тенденцией современной лингвистики являются проблемы взаимодействия языка, мышления и сознания, которые продолжают оставаться дискуссионными. Язык находится в тесных взаимоотношениях с мышлением,

сознанием и логикой, поскольку он выражает не только конкретное содержание мысли (семантический уровень мышления), но и закрепляет логику мышления (логический уровень мышления).

Исследованием проблем взаимодействия языка и мышления, языка и сознания, проблемы становления человеческого сознания в онтогенезе, филогенезе и возникновения знаковости мышления занимается психолингвистика, ориентированная на философские проблемы языкознания и психологии.

С точки зрения психолингвистики, язык существует в той мере, в какой существует внутренний мир говорящего и слушающего, пишущего и читающего.

Исходя из того, что в языковой картине мира на долю словообразования приходится до 80% ее объема, а лексический фонд естественных европейских языков развивается в основном за счет морфологической и семантической деривации, в своем исследовании мы обращаемся к словообразовательным процессам русского языка. Изучение словообразования как системы дает возможность рассматривать его как связующее звено между предметом мысли и языковым знаком.

Словообразовательный акт как акт предикации еще в прошлом веке рассматривал П.А. Флоренский, отмечая, «что слово, понимаемое узко должно рассматриваться как свившееся в комок предложение и даже целую речь. А предложение – как распустившееся свободно слово» [Флоренский 1989: 127]. Это утверждение позволяет рассматривать производное слово как «возможность понять «привычки сознания, узнать, о чем и как думает тот или иной народ, отсылая к его концептуализации мира» [Вендина 1999: 27].

В качестве иллюстративного материала можно рассмотреть глагольный блок словообразовательной парадигмы семиологического класса зоонимов.

Глагольные дериваты, мотивированные зоонимами, представлены незначительным числом, значения которых могут формироваться как на основе прямых значений мотивирующих, так и на основе их вторичных значений.

Глаголов, развивающих в качестве мотивирующего признака переносное значение производящих основ, больше, чем глаголов, основывающихся на прямых значениях мотивирующих (общее количество глаголов, мотивированных зоонимами – 35 единиц, из них 25 коррелирует с переносными значениями исходных слов). Отсюда следует, что образование глагольных дериватов от наименований животных ограничено и нерегулярно.

Глаголы соотносятся с теми наименованиями животных, т.е. с теми существительными, «в семантике которых больше «прилагательности», т.е. качественности или оценочности <…>. Так, <…> глагол *советь* не употребляется в значении “превращаться в сову”, его семантика целиком определяется “образным” сравнением с совой» [Улуханов 1966: 134]. Однако этот тип глаголов, соотносительных с существительными, «гораздо менее продуктивен, так как образования от существительных предполагают наличие у последних «квалифицирующего», оценочного значения»[Улуханов 1966: 141].

Глагольные дериваты чаще всего образуются от тех наименований животных, поведение или характерные черты которых в обыденном сознании носителей языка выступают как объект сравнения с человеком или с другим животным.

Представленный фрагмент анализа словообразовательной активности семиологического класса зоонимов свидетельствует о том, «что при репрезентации языковой картины мира словообразовательные средства используются весьма избирательно»[Вендина 1999: 47]. Однако именно словообразование благодаря производному слову позволяет создать модель представления знания об окружающем нас мире.

Литература

Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 27–49.

Гумбольдт В., фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем., Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.

Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. М: Рус. язык, 1984.

Крейдлин Г.Е. Некоторые пути и типы метафоризации слов в языке // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Наука, 1990. С. 124–139.

Стернин И.А. Разграничение прямого и переносного употреблений слова // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск: Изд-во Новосибирск.ун-та, 1985. С. 47–56.

Улуханов И.С. Глаголы на *-еть* в современном русском языке (о продуктивности и регулярности словообразовательного типа) // Улуханов И.С. Развитие словообразования современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 127–141.

Флоренский П.А. Термин // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 121–133.

Структурно-семантические особенности словообразовательной парадигмы русских фамилий

А.С. Муковоз

Structural and semantic peculiarities of word-formation paradigm of russian surnames

A.S. Mukovoz

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

sorelle_an@mail.ru

Аннотация. В докладе на материале языка СМИ и Интернета показаны перспективы комплексного описания многоуровневой структуры словообразовательной парадигмы русских фамилий. В рамках «семантических мест» словообразовательной парадигмы предлагается разграничивать более дробные компоненты – «семантические субместá», а в рамках «семантических клеток» – «семантические субклетки».

Ключевые слова: имя собственное, словообразовательная парадигма, семантическое место / субместо, семантическая клетка / субклетка.

Summary. The paper showed the perspectives of integrated description multi-level word-formation paradigm of Russian surnames. The studies based on media and Internet coverage. It is important to delimit the semantic subplace and the semantic cage under the semantic place and semantic cage of word-formation paradigm.

Keywords: proper name, word-formation paradigm, semantic place / subplace, semantic cage / subcage.

Русские имена собственные (онимы) наиболее детально изучены в плане способов образования и словообразовательных типов (Е.А. Земская, С.В. Акулова, А.Ю. Долганова, Т.П. Романова и др.). Вопросы словообразовательной парадигматики онимов остаются малоизученными (см. подробнее: [Земская 2009; Муковоз 2017]. Необходимость всестороннего исследования словообразовательных парадигм (СП) онимов (отонимных СП) связана с появлением в СМИ и Интернете многочисленных дериватов типа ***анти****лужковец*, *чубайсо****фобия***, возникающих как именования актуальных реалий действительности, отражающие ментальность человека в современных условиях.

Отонимные дериваты занимают разные места в СП, что отражается в распределении кодериватов в составе СП по частеречным блокам, а также по «семантическим местам» и «семантическим клеткам» [Земская 2009: 17–19]. Указанные термины отражают разные уровни строения СП. Так, в одно семантическое место входят кодериваты с тождественным словообразовательным значением (СЗ), ср. дериваты *жиринизмы*, *лужковизм* с СЗ ‘носитель предметного признака’.

На уровне **семантической клетки** происходит лексико-семантическое уточнение мотивировочной части СЗ. Например, дериваты с СЗ ‘предмет, названный по предмету’, находят отражение в разных семантических клетках: а) ‘высказывания того, кто назван мотивирующим словом’ (*жирин**изм**ы*, *черномырдин**к**и*), б) ‘помещение, именуемое по фамилии того, кто назван мотивирующим словом’ (*сталин**к**а*, *хрущёв**к**а*) и т.п. Таким образом, семантическая клетка углубляет СП по сравнению с семантическим местом.

В докладе показано, что для более точного описания СП онимов целесообразно выделить в рамках семантических мест и клеток более дробные компоненты СП. Так, важно различать в структуре СЗ, маркирующего семантическое место СП, разные категориальные лексико-грамматические семы, что позволяет выделять несколько компонентов СП, относящихся к одному и тому же семантическому месту. Такие компоненты СП предлагается называть **семантическими субместáми**. В СП фамилий семантическое место ‘носитель предметного признака’ содержит 5 семантических субмест: ‘конкретно-личные имена’ (*ресин**ец**, ельцин**ит***), ‘конкретно-предметные имена’ (*хрущёв**к**а*, ***Я/б/л**око*), ‘отвлеченные имена’ (жириновство, ельциноз), ‘собирательные имена’ (*ельцин**иада**, ельцин**иан**а*) и ‘вещественные имена’ (*сталин**ит***).

Необходимо отразить в составе СП дериваты, которые могут употребляться не с инвариантным СЗ, а с фразеологическим приращением к семантике. Это позволяет выделить в СП уровень **семантической субклетки**. Данный компонент структуры СП можно проиллюстрировать дериватом *жириновс**тв**о,* занимающим особую субклетку в семантической клетке ‘течение, характеризуемое по фамилии’. В контексте *карманное жириновс**тв**о* отонимный дериват обозначает не политическое течение, а ‘тип поведения, соотносимого с фамилией’ (ср. дериват *жириновс**тв**о* в указанном ранее инвариантном СЗ, характеризующем данную семантическую клетку в целом).

В докладе рассматриваются не только конкретные отонимные СП, но также и особенности типовой СП [Земская 2009: 18–21] имен собственных. Одной из выявленных нами особенностей структуры отонимных СП является сосредоточение наибольшего количества производных на не на I, а II деривационной ступени. Это связано с тем, что именно на данной ступени расположен объемный блок префиксальных прилагательных, производных от прилагательных I ступени с суффиксом *-ск-* (***анти**чуровский*, ***пост**матвиенковский*, ***про**есинский* и т.п.). Это существенно отличает типовую отонимную СП от отапеллятивной СП, где деривационный потенциал предсказуемо снижается от ступени к ступени. Другая особенность типовой СП онимов связана с разнообразием семантических клеток в рамках одного семантического места. Их создают, в частности, дериваты с одним и тем же аффиксом в разных значениях (*хрущёв**ник*** – ‘помещение, названное по фамилии лица-мотивирующего слова’, ‘сосуд для вина и компота’, ‘ящик для хранения продуктов под кухонным окном’).

Таким образом, образование большого количества производных в рамках определенного числа семантических клеток и субклеток внутри семантических мест и субмест определяет отонимную СП как регламентированную четкими правилами многоуровневую структуру, компоненты каждого уровня которой имеют свои семантические и функциональные особенности.

Литература

*Земская Е.*А. Словообразование как деятельность. Изд. 4-е. М.: КомКнига, 2009.

Муковоз А.С. К вопросу о соотношении компонентов словообразовательной парадигмы русских фамилий // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. № 1. С. 204–213.

Субстантиваты и другие существительные с адъективным склонением в современном чешском языке (в сопоставлении с русским)

Д.К. Поляков

Substantivates and Other Nouns with Adjective Declension in Modern Czech (in Comparison with Russian)

D.K. Polyakov

Российский государственный гуманитарный университет (Москва) / Russian State University for the Humanities (Moscow)

vbnz2005@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются два типа существительных с адъективным склонением в чешском языке в сопоставлении с русским: субстантиваты, возникшие в результате перехода прилагательных в существительные элипсисом определяемого слова в исходном составном наименовании (чеш. *šampaňské víno → šampaňské*; рус. *шампанское вино → шампанское*), и существительные с морфологическими показателями прилагательных, возникшие по готовой модели (чеш. *nájemné* ‘арендная плата’).

Ключевые слова: субстантивация, универбация, адъективное склонение, чешский язык, русский язык, межъязыковая асимметрия.

Summary. The report examines two types of nouns with adjective declension in modern Czech in comparison with Russian. The first of them arose by substantization, that is, as a result of the transition of adjectives into nouns (*šampaňské víno → šampaňské*; *шампанское вино → шампанское*). The second group is the nouns with morphological indicators of adjectives, which arose by analogy (*nájemné*).

Keywords: substantivation, univerbation, adjective declension, Czech, Russian, interlingual asymmetry.

Субстантивация – процесс перехода в разряд существительных других частей речи (прежде всего – прилагательных и причастий), характерный для всех славянских языков. Согласно М. Докулилу, субстантивация складывается из нескольких стадий, переходящих друг в друга. Это 1) возникновение субстантиватa устранением определяемого слова в исходном составном наименовании: *vepřové (maso)* ‘свинина’, при этом субстантиват и составное наименование функционируют параллельно («элиптическая субстантивация»); 2) утрата мотивационной связи со словосочетанием; определяемое существительное сложно или невозможно восстановить: *pokladní* ‘кассир’, *kopaná* ‘футбол’ («прямая субстантивация»; по этой модели в дальнейшем могут возникать производные, никогда не имевшие словосочетание в качестве мотивационной базы); 3) исчезновение связи с омонимичным прилагательным (например, при его утрате), превращение в существительное с адъективным склонением: *hajný* ‘лесник’ («секундарная деривация»; на этом этапе также возможно образование новых производных по аналогии) [Dokulil 1986: 491].

Классификация субстантиватов, произведенная М. Докулилом в Академической грамматике чешского языка, проводится с учетом этих стадий и включает в себя несколько семантических зон [Dokulil 1986: 491–495]. Кратко рассмотрим состав основных из них в сопоставлении с русским языком.

1. Наименования **лиц** могут быть образованы субстантивацией непроизводного (*zdravý* ‘здоровый’, *slepý* ‘слепой’, *bohatý* ‘богатый’) или производного прилагательного (*ženatý* ‘женатый’, *mužský* ‘мужчина (разг.)’, *rotný* ‘ротный’, *vrátný* ‘вахтер’), а также причастия – в таком случае на первый план выходит значение деятеля / носителя состояния (*pracující* ‘трудящийся’, *tonoucí* ‘тонущий’, *raněný* ‘раненый’, *zabitý* ‘убитый’). Мотивирующим словом может быть и сложное прилагательное: *hluchoněmý* ‘глухонемой’, *práceschopný* ‘трудоспособный’, *kolemjdoucí* ‘прохожий’.

Как видно, в рамках данной группы чешский и русский языки в целом симметричны; асимметрия проявляется на уровне конкретных лексем (ср. *cestující* ‘пассажир’, *spolubydlící* ‘сосед по комнате’, *příbuzný* ‘родственник’; *военный* ‘voják’, *сумасшедший* ‘blázen’, *командующий* ‘velitel’, *водяной* ‘vodník’).

Среди женских наименований выделяются производные на *-ová* со значением ‘жена лица, названного существительным м. р.’, в некоторых случаях – парный феминатив

(*starostová* ‘жена старосты’, *šéfová* ‘шеф (ж. р.), шефиня’, *správcová* ‘управляющая’). Наименования с таким суффиксом в русском языке отсутствуют.

2. Наименования **еды**, блюд и продуктов представляют собой преимущественно элипсис определяемого слова: субстантиват сохраняет связь с исходным словосочетанием и употребляется параллельно ему: *červené, bílé, (víno)* ‘красное, белое (вино)’, *vídeňská, černá (káva)* ‘венский, черный (кофе)’, *jahodová, vanilková (zmrzlina)* ‘клубничное, ванильное (мороженое)’, *vepřové, telecí (maso)* ‘свинина, телятина’, *uherský, dietní (salám)* ‘венгерская, диетическая (колбаса)’, *tomátový, rybí (salát)* ‘томатный, рыбный (салат)’ и др., ср. рус. *докторская (колбаса)*, *белое (вино)* и др. Производные слова, возникшие в результате «прямой» субстантивации, типа рус. *жирное*, *горячее*, *сладкое*, *мучное*, *съестное*, отсутствуют.

3. Субстантиваты-**цветообозначения** в русском и чешском языках функционируют симметрично (*bílá (barva)* ‘белый’, *černá* ‘черный’ и т.д.).

4. Наименования **институций**: наблюдаются различия на уровне конкретных рядов наименований, например: чеш. *odborná, vysoká, střední (škola)* – рус. *училище* / *колледж, вуз* / *институт, средняя школа* / *школа* (**средняя*). Наименования из этой группы относятся к элиптической субстантивации: *právnická, pedagogická (fakulta)* ‘юридический, педагогический (факультет)’, *dětské, ženské (zdravotnické oddělení)* ‘детское, женское (отделение)’, *Archeologický, Orientální (ústav)* ‘Археологический, Восточный (институт)’, *Vinohradské, Národní (divadlo)* ‘Виноградский, Национальный (театр)’, *hlavní, Severní (nádraží)* ‘главный, Северный (вокзал)’ и др. Ср. рус.: *Большой, Малый (театр), филологический (факультет), Белорусский (вокзал)* и т.д.

5. Наименования **мест** в обоих языкахпредставляют собой все три уровня субстантивации: *Sokolovská, Národní (třída)* ‘Соколовский, Национальный (проспект)’, *Černé, Máchovo (jezero)* ‘Черное, Махово (озеро)’, *Slovanský, Střelecký (ostrov)* ‘Славянский, Стрелецкий (остров)’, *Bystrá, Rokytná, Desná* ‘Быстра, Рокитна, Десна [реки]’. Ср. рус.: *Нахимовский (проспект)*, *Тверская (улица)*, *Чусовая, Студеная* [реки].

6. Наименования **видов деятельности** представляют наиболее асимметричное поле. Чешский тип *shledaná* ‘свидание’, *uvítaná* ‘встреча’, *čekaná* ‘засада’, относящийся, по М. Докулилу, к «прямой» субстантивации, не находит структурного эквивалента в русском языке. Отдельную группу в рамках того же типа образуют наименования игр: *házená* ‘гандбол’, *kopaná* ‘футбол’, *košíková* ‘баскетбол’, *odbíjená* ‘волейбол’.

7. Субстантиваты как наименования **понятий** в чешском языке конкурируют с суффиксальными дериватами: *tragické – tragično* ‘трагическое’, *krásné – krásno* ‘прекрасное’, *nadpřírozené – nadpřírozeno* ‘сверхъестественное’, *tajemné – tajemno* ‘таинственное’. Русский язык не обладает специальной моделью существительных, называющих философские категории (ср. также обозначения периодов: *minulé – minulost* ‘прошлое’, *budoucí – budoucnost, budoucno* ‘будущее’).

Заметим, что методологически важно различать собственно субстантивацию, т.е. переход прилагательного в существительное, и образование новых существительных с адъективным склонением, возникших по готовой модели. Если в основе первого явления – универбация как семантическая конденсация (чеш. *šampaňské víno* → *šampaňské*; рус. *шампанское вино* → *шампанское*), то второй процесс представляет собой словообразование по аналогии с уже имеющейся моделью, которое невозможно считать универбацией из-за отсутствия исходного двусоставного наименования, ср. рус. *кондитерская, булочная* ← *кондитерская, булочная лавка*; *детская, ванная* ← *детская, ванная комната*, но: *аппаратная*, *шашлычная*, *бутербродная*, из недавних наименований – *кальянная*, *моповая* ‘комната для хранения мопов (швабр)’, *маникюрная*, *шаурмичная*, *«Авосечная»* (название магазина) и др. В чешском языке примером образования по аналогии является продуктивный тип наименований платежей и денежных сумм с суффиксом *-né* / *-ovné* (форма ср. р. ед. ч.): *nájemné* ‘арендная плата’, *školné* ‘плата за образование’, *spropitné* ‘чаевые’, *činžovné* ‘квартплата’, *vstupné* ‘плата за вход’, из неологизмов – *startovné* ‘сбережения для детей’, *pokutovné* ‘деньги на оплату штрафа’ и др. Устойчивость модели, помимо большого числа новых дериватов, подтверждается кумулятивными контекстами, актуализирующими словообразовательную структуру и сочетающими в себе узуальные и окказиональные производные: *Poslanec má plat lehce přes šedesát tisíc, k tomu* ***cestovné***, ***telefonovné***, ***asistentovné***, ***svorkovné*** *a bůhví co všechno ještě* ‘Зарплата депутата – чуть больше шестидесяти тысяч, а еще – командировочные, деньги на телефонные звонки, на помощника, на скрепки и бог знает на что еще’ (база данных Neomat).

Существительные этой группы невозможно считать продуктом субстантивации (на синхронном уровне) не только из-за отсутствия исходного двусоставного наименования, но и из-за того, что они не омонимичны однокоренным прилагательным. (По М. Докулилу, это 3-й уровень субстантивации, на котором связь с исходным прилагательным утрачивается.) Ср.: *nájemné*, но *nájemní* ‘арендный’, *školné*, но *školní* ‘школьный, учебный’, *startový* ‘стартовый’, *pokutový* ‘штрафной’ (заметим, что в этой семантиической области есть и субстантивационная модель, правда, ограниченная всего двумя лексемами: *drobné* ← *drobné peníze* ‘мелкие деньги, мелочь’ и *hotové* ← *hotové peníze* ‘наличные’, ср. рус. *чаевые*, *комиссионные*, *подъемные*). Несоответствие форм адъективных существительных и прилагательных может проявляться и в других разрядах наименований, например, лиц: *rozhodčí* ‘арбитр, судья’, но *rozhodující* ‘решающий’, *pokojská* ‘горничная’, но *pokojový* ‘комнатный’ и др. По мнению П. Карлика, прилагательным не омонимично большинство чешских существительных с адъективным склонением [Karlík 2017]. Хотя это утверждение, как представляется, еще требует специальной проверки, в самом наличии большого числа специфических форм, имеющих морфологические признаки прилагательного, но не омонимичных ему, состоит существенное отличие чешского языка от русского.

Литература

Dokulil M. Zpodstatňování jmen přídavných (substantivizace adjektiv) // Mluvnice češtiny. D. 1. Praha, 1986. S. 488–498.

Karlík P. Substantivum s adjektivním skloňováním (2017) // CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny / Eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. [URL: https://www.czechency.org/slovnik/SUBSTANTIVUM S ADJEKTIVNÍM SKLOŇOVÁNÍM (poslední přístup: 22. 11. 2018].

Феминитивы: неологическая картина (по данным словарей)

Е.В. Пугачева

Feminitives: neologicalpicture (based on dictionary data)

Elena V. Pugacheva

Кубанский государственный университет (Геленджик) / Kuban State University (Gelendzhik)

ele-pugacheva@yandex.ru

Аннотация. В докладе ставится проблема фиксации феминитивов в словарях – как в традиционных типах лексикографических изданий, отражающих языковые изменения, так и в новых, к которым относится Викисловарь. Для подтверждения динамики деривационных процессов привлекаются данные неформальной интернет-коммуникации.

Ключевые слова: феминитивы, инновация, словари новых слов, Викисловарь, язык СМИ, язык Интернета.

Summary. The report reviews the problem of feminitives’fixation in dictionaries – in both traditional lexicographic publications reflecting language changes, and new ones including the Wiktionary. The data from informal Internet communication are involved to confirm the dynamics of the derivation processes.

Keywords: feminitives, innovation, dictionaries of new words, Wiktionary, mass media language, Internet language.

1. Феминитивы – обозначения женщин по роду деятельности – достаточно обширная группа номинаций, имеющая тенденцию к постоянному пополнению. Относящееся к концу XX века высказывание: «Модификационная словообра-

зовательная категория “женскость” – одна из активнейших в современном русском языке» [Земская 1992: 148] – нашло подтверждение в словаре «Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» [НСЗ], где представлены существительные, образованные по разным деривационным моделям: на *-есса* (*политикесса*), на *-иха* (*челночиха*), на *-ка* (*регбистка*), на *-ница* (*пляжница*), на *-ша* (*клипмейкерша*), на *-щица* (*пиарщица*).

Одной из самых пополняемых является группа существительных на *-ша*. Существительные этой группы, помимо стилистической маркированности, отличались и многозначностью, т.к. могли обозначать не только женщину по роду деятельности, но и жену лица, что становилось поводом для обыгрывания [Ильясова 2002: 71–72]. Однако считаем возможным говорить о постепенной утрате многозначности, что подтверждается данными как словарей, так и языка СМИ и Интернета. В НСЗ как многозначные выступают два слова – *мэрша* и *спонсорша*. Но если семантическая структура первого из слов традиционна для рассматриваемой модели, ср.: **МЭРША**, и, *ж. Разг.* 1. Женщина – глава городской исполнительной власти (*разг.*) 2. Жена мэра [НСЗ, т. 2: 906], – то вторая явно отражает произошедшие в обществе изменения, ср.: **СПОНСОРША**, и, *ж. Разг.* 1. Женщина, оказывающая финансовую поддержку кому-, чему-л. 2. Обеспеченная женщина, содержащая своего любовника, мужа (*перен., ирон.*) [НСЗ, т. 3: 1032]. В трех значениях феминитива *кураторша* также отражены только разнообразные профессиональные обязанности женщины-куратора. Инновации на *-ша* позволяют увидеть спектр занятий современной женщины, оценить ее роль в обществе. Она может находиться как на вершине социальной лестницы: быть не только *мэршей*, но и *премьершей – премьер-министром*, так и внизу, ср.: *люмпенша.* Женщины овладели весьма современными профессиями, стали *клипмейкершами, шоувуменшами* (*шоу-вуменшами*), *риэлтершами* (*риэлторшами*) и др. Женщины не отстают от мужчин, вторгаясь в совершенно неженские сферы деятельности, ср.: *наркодилерша*, *наркокурьерша*, *рэкетирша*, *сутенерша.* Данные обозначения женщин по профессии, роду занятий, положению в обществе, безусловно, вторичны по отношению к соответствующим номинациям лиц мужского пола, что находит отражение при толковании феминитивов. Так, *клипмейкерша* – это женщина-клипмейкер, *наркодилерша* – это женщина-наркодилер [Там же: 985].

2. Для продолжения анализа феминитивов считаем целесообразным обратиться к Викисловарю – мобильному, открытому для пополнения лексикографическому источнику. Все рассмотренные инновации на *-ша* (кроме *шоувуменша*), приведены в Викисловаре. Отсутствие последней вызывает удивление, т.к. она имеет широкое хождение в современном русском языке. Сравнение словарных статей в НСЗ и Викисловаре позволяет сделать следующие выводы: во-первых, подтверждается наблюдение об утрате у инноваций на *-ша* значения «жена лица», что объясняется ролью женщины в современном обществе как самодостаточной личности. Подтверждением может служить инновация мэрша, приведенная в Викисловаре со значением *женск.* к *мэр*. Во-вторых, толкования всех феминитивов даются только через соотнесенность с существительными мужского рода, напр.: *клипмейкерша – разг. женск.* к *клипмейкер*; *наркодилерша – разг. женск.* к *наркодилер* и т.д. и т.п.

Мобильность Викисловаря очевидна: в нем представлены инновации, которые отсутствуют в НСЗ, напр.: *лузерша, стримерша, хакерша.* Они служат подтверждением активной роли женщины в различных сферах жизни. В то же время считаем необходимым отметить такую особенность словарных статей, посвященных феминитивам, как отсутствие иллюстраций, что не может не удивлять, учитывая следующий комментарий: «Примеры словоупотребления являются важной и обязательной частью содержания каждой словарной статьи Викисловаря. Иллюстративный материал помогает лучше уяснить значение слова, его стилистические особенности и лексическую, семантическую и синтаксическую сочетаемость» [Викисловарь].

3. Общеизвестно, что лексикографическая практика отстает от реальной языковой ситуации, и даже такой мобильный лексикографический источник, как Викисловарь, не успевает отражать результаты деривационных процессов. Так, например, в неформальной интернет-коммуникации на сегодняшний день функционирует целый ряд не зафиксированных словарями феминитивов на *-ша*: *геймерша, ламерша, спамерша, френдша, фолловерша, троллерша, флудерша, чаттерша, твиттерша* [Ван Яньбин 2018: 69]. Автор также замечает, «что практически от любого заимствованного агентива с легкостью образуется феминитив на *-ша* [там же].

Литература

Ван Яньбин. Новейшие феминитивы и их отражение в Викисловаре и в языке Интернета // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы III Межд. научно-практ. конф. / Под. ред.: В.П. Абрамова и др. Краснодар: Кубан. гос. ун-т. 2018. С. 68–70.

Викисловарь [URL: https://ru.wiktionary.org/wiki (дата обращения 17.11.2018)].

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.

Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002.

Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. / Под ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.) и Е.А. Левашова СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014 (НСЗ).

Новообразования в электронных СМИ

Л.В. Рацибурская

Neologisms in the Internet-media

LarisaV. Ratsiburskaya

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского /
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

racib@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее продуктивные словообразовательные способы и форманты новообразований в электронных СМИ в лингвопрагматическом аспекте.

Summary. The article deals with the most productive word-formation methods and formats of neologisms in the electronic media in the linguopragmatic aspect.

Ключевые слова: электронные СМИ, новообразования, словообразовательные способы, словообразовательные средства, лингвопрагматика.

Keywords: electronic media, neoplasms, derivational means, derivation means, linguo-pragmatics.

Современные электронные СМИ во многом характеризуются теми же тенденциями, что и другие средства массовой коммуникации: усилением авторского начала, коррелирующим со стремлением автора к диалогу с адресатом, свободой вербального выражения в сочетании с тенденцией к интеллектуализации, специфику которой в настоящее время составляют интертекстуальность и различные формы языковой игры, а также поликодовость медийного текста.

Проявлением указанных тенденций в современных медиатекстах, в частности, можно признать новообразования как узуальных способов словообразования, стандартной словообразовательной структуры, так и неузуальных способов словообразования, нестандартной словообразовательной структуры. В последние десятилетия акценты в исследовании новообразований смещаются в сторону социокультурного и лингвопрагматического аспектов [Радбиль, Раци-

бурская и др. 2018; Социокультурные и лингвопрагматические… 2018].

По мнению ученых, наиболее заметную роль в неологических процессах, результаты которых отражены в современных медиатекстах, играют имена существительные, заполняющие «те тематические пространства, которые наиболее полно отражают изменения, происходящие в постсоциалистических славянских обществах» [Коряковцева 2016: 10]. На изменения в языке и отражаемой им картины мира ярко реагирует «интеллектуальная», абстрактная лексика — существительные с суффиксами отвлеченной семантики: *барбар**изация*** (*сознания*), *румын**изм***, *трамп**изм***, *брик**ство***, *яблочн**ость***, *озеничива**ние***. В последние годы актуализировался суффиксоид *-гейт* со значением ‘политический скандал’: *Мытищи-**гейт***, *гугл-**гейт***, *Хиллари**гейт***, *улюкаев**гейт***, *Трамп-**гейт***.

Такие узуальные способы, как именная префиксация и префиксоидация, продолжают оставаться продуктивными поставщиками новообразований. Политическое противостояние в обществе, ситуация господства фальшивых ценностей и ложных приоритетов, высокая плотность оценочной тональности медиатекста отражаются в новообразованиях с префиксоидами *анти-*, *псевдо-*, *супер-*, *микро-*: ***анти**эксперт*, ***анти**коллектор*, ***анти**вакцинатор*, ***анти**трамп*, ***анти**россия*, ***анти**элитные* (*настроения*); ***псевдо**экспертный*, ***псевдо**-Трамп*; ***супер**мост*, ***супер**ъяхта*, ***супер**орган*, ***супер**доходы*, ***супер**эксклюзив*; ***микро**долги*, ***микро**-СМИ*. Актуальность европейских политических событий для современного российского социума способствует появлению новообразований с префиксоидом *евро-*: ***евро**депутат*, ***евро**друг*. Развитие Интернета, информационных и нано-технологий привело к появлению многочисленных новообразований с префиксоидами *нано-*, *кибер-*, *крипто-*: ***нано**хаски*, ***нано**-Россия*, ***кибер**шпионы*, ***кибер**обвинения*, ***кибер**проституция*, ***кибер**ущерб*, ***кибер**хранитель*, ***крипто**рубль*.

Среди медийных новообразований, созданных неузуальными способами, преобладают контаминированные конструкты: ***вкладоискатели*** (*вклад + кладоискатели*), ***стресс-код*** (*стресс + дресс-код*), ***цветочечная*** *бомбардировка* (*цветок + точечная*), ***замещательные*** *люди* (*замещать + замечательные*), ***мэйские*** *указы* (*Мэй + майские*), ***накоученные*** (*наученные + коуч*), ***подзарядьились*** (*подзарядились + Зарядье*).

Нередко при контаминации обыгрываются прецедентные феномены: *с легким **сербцем*** (*с легким сердцем + серб*); ***Колосуй***, *а то проиграешь* (*колос + голосуй*, *а то проиграешь*).

Своеобразным проявлением поликодовости могут служить графические дериваты — гибридные новообразования, в которых совмещаются разные шрифты (***ЗОЖрались*** — *ЗОЖ + зажрались*, ***ФОКус*** *не задался — ФОК + фокус*, ***терПЕНие*** — *терпение + ПЕН-центр*), алфавиты разных языков (***безнадеги.net***, ***noLOVEинки***, ***Tinder-сюрприз***), буквенные и небуквенные знаки (*Beauty **Гала-катика** — Гала + галактика*)

Структурно-семантическая специфика новообразований в электронных СМИ обусловлена социокультурными и когнитивными факторами и связана с прагматической спецификой современного медийного текста.

Литература

Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016.

Радбиль Т.Б., *Рацибурская Л.В.*, *Бакич Н.А.*, *Жданова Е.А.*, *Торопкина В.А.*, *Щеникова Е.В.* Социокультурные, лингвокогнитивные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 2. С. 127–155.

Рацибурская Л.В., *Радбиль Т.Б.*, *Щеникова Е.В.*, *Бакич Н.А.*, *Торопкина В.А.*, *Жданова Е.А.* Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография. М.: ФЛИНТА, 2018.

Об одной особенности употребления заимствованных препозитивных элементов со значением интенсификации / деинтенсификации признака в русском языке*

Е.В. Скачкова

On the one aspect of usage of adopted prepositional (de)intensifiers in Russian

Evgeniia V. Skachkova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

evgeniyaska4kova@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено описанию конструкций со словообразовательными (де)интенсификаторами, в которых они присоединяются к имени прилагательному, не имеющему градуальной семантики, и модифицируют либо целиком словосочетание, в которое входит это прилагательное, либо его вершину (имя существительное).

Ключевые слова: словообразование, заимствованные морфемы, (де)интенсификаторы, аффиксоиды

Summary. The paper focuses on description of construction with derivational (de)intensifiers. In such constructions they are added to the non-gradual adjectives and modifiers the whole word-group or only its head.

Keywords: Russian word-formation, adopted morphemes, (de)intensifiers, half-affixies

В современных исследованиях, посвященных актуальным процессам в словообразовании современного русского языка, уже не раз указывалось на высокую продуктивность заимствованных морфем со значением интенсификации признака (см., например, [Жданова 2010; Рацибурская 2011; Шишикина 2009]. Это довольно многочисленная группа морфем, в которой преобладают префиксы, такие как: ***супер-***, ***гипер-***, ***ультра-***, ***мега-***, ***экстра-*** и т.д. Они входят в состав функционально-семантического поля интенсивности, которое также включает в себя словообразовательные единицы, выполняющие противоположную функцию, т.е. деинтенсификаторы. Потенциально такими единицами могли бы стать заимствованные префиксоиды ***микро-***, ***мини-***, ***нано-*** (мы причисляем эти единицы к аффиксоидам вслед за [Козулина и др. 2009]). Тем не менее, если первая группа может выражать как интенсификацию непроцессуального признака (***мегаважная причина***, ***суперинтересная книга***, ***гипервредный учитель***), так и усиление параметрического показателя (*мегатрактор*), то форманты второй группы выражают только значение ослабленного параметрического показателя (*минидиск, микрошорты, нано-юбка*), поэтому полноценными деинтенсификаторами считаться не могут.

В функционировании и усилителей, и ослабителей признака появляется одна интересная особенность словосочетания с (де)интенсификатором. Рассмотрим следующие примеры:

1) *А теперь давай, расскажи, что это за волшебная канализация такая без водопровода или хоть какого-нибудь подвода воды. Просто «**супер выгребная яма** 3000» какая-то.*

2) *Вообще-то я ехала снимать щеночка. 3-месячного. А когда огромный пес выскочил из багажника, я слегка ошалела: щеночек-то почти с меня! Но Буран оказался очень ласковым и игривым, носился по Костромке и с удовольствием ел вкусняшки, которые заботливые хозяева взяли в избытке, чтобы дрессировать. **Микробелый медведь**.*

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532а «Исконные и заимствованные форманты и модели в русском словообразовании на славянском фоне: семантические отношения, типы взаимодействия, стилистический потенциал».

Некоторые исследователи полагают, что подобные конструкции свидетельствуют о расширении парадигматической сочетаемости словообразовательных формантов со значением степени проявления признака или параметрического показателя. Тем не менее, если присмотреться к таким конструкциям, становится очевидным, что словообразовательный формант не относится к имени прилагательному, рядом с которым он линейно расположен, а выражает интенсивность параметрического признака имени существительного, входящего в данное словосочетание.

Конечно, производные такого рода могут быть рассмотрены как речевая ошибка. Однако для каждой единицы из списка интенсификаторов есть подобные примеры, и, как правило, не единичные, что заставляет рассматривать их как проявление определенных тенденций в сочетаемости (де)интенсификаторов.

Среди примеров подобных конструкций можно выделить три группы. В первой группе происходит модификация только имени прилагательного. При этом заимствованный формант-интенсификатор способен присоединяться только к качественному имени прилагательному с градуальной семантикой: ***экстрасильная фиксация***, ***суперудачная статья***, ***ультракороткая стрижка***, ***мегаприятная встреча***. Присоединение интенсификаторов этого типа, как кажется, невозможно ****экстрадеревянная скамья***, ****суперосновная идея***, ****ультрасоциальная реклама***.

В конструкциях второй группы словообразовательный формант модифицирует все словосочетание целиком, поскольку оно представляет собой целостную двусловную номинацию: ***миниботанический сад***, ***миниболонская система***, ***микробелый медведь*** и т.д.

В третью группу входят конструкции, в которых препозитивный словообразовательный формант, скорее, модифицирует вершину словосочетания: минивесенний отпуск, минизимняя фотосессия, минибредовый стих и т.д. Подобные синтаксические структуры, при которой модификатор и модифицируемое имя существительное оказываются линейно разорванными, достаточно редки.

Литература

Жданова Е.А. Особенности именного префиксального словообразования в русском языке конца XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2010. № 2. С. 56–61.

Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Отв. ред. Е.А. Левашов. СПб.: Нестор-История, 2009.

Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. Москва: Азбуковник, 2016.

Рацибурская Л.В., Тимофеева А.А. Современные тенденции в словообразовании русского и чешского языков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. С. 574–578.

Шишикина А.А. Особенности функционирования новообразований с именной префиксацией в языке современных российских СМИ // Развитие словообразовательнойи лексической системы русского языка: материалы III Респ. науч. семинара (18–21 ноября, г. Саратов). Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. С. 207–217.

Русские конфиксы / циркумфиксы по данным корпуса*

С.Г. Татевосов, К.Л. Киселева

A few corpus-driven observations about Russian circumfixation

Sergei G. Tatevosov

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

tatevosov@gmail.com

Ksenia L. Kiseleva

Институт русского языка имени В.В. Виноградова (Москва) / Vinogradov Institute for Russian Language (Moscow)

xkisseleva@gmail.com

Аннотация. В докладе обсуждаются структурные и семантические свойства префиксально-постфиксальных глаголов и обосновывается анализ, которые предполагает по крайней мере в некоторых в префиксально-постфиксальных конфигурациях две глагольные группы. Доклад опирается на корпусные данные.

Ключевые слова: префиксально-постфиксальное словообразования, лексическая и супралексическая префиксация, семантика событий.

Summary. The paper explores morphosyntactic and semantic characteristics of the so called circumfixal verbs. Relying on corpus-based evidence, the paper argues that at least a subclass of such verbs projects two VPs.

Keywords: circumfixal derivation, lexical and superlexical prefixation, event semantics.

Цель этой работы – предложить несколько наблюдений о морфосинтаксисе и семантике префиксально-постфиксальных глаголов, таких, например, как *узабиваться* и *обзаписываться* в (1)–(2) и обсудить теоретические следствия этих наблюдений.

(1) – *А какие еще-то форварды сейчас? – Кержаков, Кокорин… Не? – Кержаков аж узабивался. Про Кокорина ничего не могу сказать…*

(2) *В наличии целых две пилорамы, и право их всячески запускать, шевелить рудами, закрылками, и нажимать на все существующие кнопки по необходимости. Было бы чем записать звуки, обзаписывался бы!*

Известная нам литература по русскому глагольному словообразованию, опирающаяся на классические работы Н.С. Авиловой, В.Н. Головина, В.В. Лопатина, А.Н. Тихонова, оперирует главным образом данными, где глаголы такого типа мотивированы непроизводными имперфективными основами. Однако внимательное исследование корпусного материала, в особенности близкого к разговорному и просторечному регистрам (чаты, обсуждения, диалоги на интернет-форумах и т.п.), обнаруживает значительное количество единиц, образованных от вторичных имперфективных основ, как в (1)–(2). Эта возможность, насколько мы можем судить, систематически не обсуждалась в предшествующей литературе по предмету.

Если анализировать элементы *у- -ся*, *об- -ся* и аналогичные как циркумфиксы / конфиксы (см. [Земская 2011; Левицкая 2012; Марков 2001; Минеева 2015], где обсуждается проблема эмпирической реальности конфиксов), деривационная структура глаголов из (1)–(2) выглядит так, как показано в (3a–b):

(3) a. би- → за-би- → за-би-ва- → об-за-би-ва- -ся
b. писа- → за-писа- → за-пис-ыва- → об-за-пис-ыва- -ся

(3a–b) примечательны тем, что префиксальный элемент показателей типа *у- -ся* и *об- -ся* занимает позицию, которая не ожидается с точки зрения имеющихся на данный момент обобщений о префиксации в русском языке. Русские префиксы распадаются на два больших класса – внутренние, или лексические, и внешние, или супралексические ([Babko-Malaya 1999] и значительная последующая литература; см. обсуждение в [Татевосов 2013; Татевосов, Киселева 2019]). Основная проблема с (3a–b) состоит в следующем. Префик-

* Работа второго автора поддержана грантом РФФИ № 18-012-90025. Авторы глубоко признательны О.В. Кукушкиной за обсуждение вопросов, связанных с конфиксацией / циркумфиксацией в русском языке.

сы *у-* и *об-*, основной компонент циркумфиксов / конфиксов, ни в одном из употреблений не зафиксированы как супралексические. В многопрефиксальных конфигурациях они всегда расположены в позиции, характерной для лексических префиксов: контактно с корнем. Тем не менее в (3a–b) *у-* и *об-* имеют дистрибуцию, характерную для супралексических префиксов: они расположены на левой периферии основы, дальше от корня, чем второй лексический префикс.

Для решения этой проблемы мы предлагаем анализ, согласно которому в составе префиксально-постфиксальной конфигурации присутствуют две глагольные группы. Одна проецируется лексическим глаголом, вторая – фонологически не реализуемой глагольной вершиной. Каждая глагольная вершина способна лицензировать лексический префикс. Семантическая интерпретация этой конфигурации обеспечивается правилом обобщенной идентификации событий, которое создает пересечение экстенсионалов соответствующих событийных предикатов. Роль постфикса *-ся* сводится к операции рефлексивизации, которая устраняет некорректность актантной структуры, возникающей в результате идентификации событий. Такой анализ полностью соответствует идее Е.А. Земской (например, [Земская 2011: 32 *et seq.*]) отказаться от выделения циркумфиксов / конфиксов в русском языке. Наш анализ не предполагает не только то, что *у- -ся* и *об- -ся* следует рассматривать как морфологическую единицу, но даже и то, что присоединение префикса и *-ся* происходит одновременно. Эти элементы возникают в разных частях структуры, и каждый вносит свой регулярный вклад в интерпретацию.

Литература

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011.

Левицкая А.Д. Динамика словообразовательных процессов: глагольные префиксация и конфиксация // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 150–153.

Марков В.М. Замечания о конфиксации в современном русском языке // Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001. С. 104–109.

Минеева З.И. Префиксально-суффиксальная деривация новых агентивов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 338–345.

Татевосов С.Г. Множественная прфиксация и ее следствия. Заметки о физиологии русского глагола // Вопросы языкознания. 2013. № 3.

Татевосов С.Г., Киселеа К.Л. Идетнификация событий в префиксально-постфиксальном словообразовании // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2019. № 1.

Babko-Malaya O. Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case. Ph.D. dissertation. Rutgers, 1999.

Отношения эквивалентности сложносокращенного слова в диахронном и синхронном освещении

В.И. Теркулов

Relations of compound shortening equivalency in diachronic and synchronic presentation

V.I. Terkulov

Донецкий национальный университет / Donetsk National University

terkulov@rambler.ru

Аннотация. Работа посвящена описанию принципов выделения сложносокращенных слов в синхронии и диахронии. Для синхронного подхода дается перечень семантических типов дешифровальных стимулов, определяющих особенности синтаксической интерпретации значений аббревиатур данного типа.

Ключевые слова: аббревиатура, дешифровальный стимул, сложносокращенное слово, эквивалентность.

Summary. This work deals with the description of principles for distinguishing of compound shortenings in synchrony and diachrony. For synchronic approach the list is provided specifying the semantic types of decryption stimuli which determine the peculiarities of syntactical interpretation of meanings of abbreviations belonging to this type.

Keywords: abbreviation, decryption stimulus, compound shortening, equivalency.

Объектом описания в докладе являются сложносокращенные аббревиатуры, то есть слова, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и содержащие в своем составе эквиваленты не менее двух компонентов этих словосочетаний, как минимум один из которых является **неинициальным** абброконструктом. Абброконструкт – это часть аббревиатуры, являющаяся сокращенным эквивалентом (дублетом) какого-либо слова. Например, абброконструкт ***вин*** в слове *винзавод* эквивалентен словам *винный* (*винный завод*), *винокуренный* (*винокуренный завод*) и т.д.

Отграничение сложносокращенных слов от инициальных аббревиатур обусловлено тем, что они представляют собой особый ономасиологический класс, формирование которого осуществляется по принципам, не совпадающим с принципами формирования ономасиологического класса инициальных аббревиатур: в отличие от инициальных аббревиатур, созданных по коррелятивным моделям, они возникают в результате «стихийной» универбализации, имеют прозрачную внутреннюю форму, могут создаваться по аналогическим квазиаббревиатурным моделям и т.д.

Наши исследования показали необходимость разграничения синхронного и диахронного подхода к описанию сложносокращенных аббревиатур.

При диахронном подходе аббревиатурой может считаться только слово, образованное в результате универбализации – эквивалентной трансформации словосочетания в слово. Однако наш анализ показал следующее.

1. Не все слова, имеющие в своем составе абброконструкт, возникли в результате универбализации: в ряде случаев абброконструкт выполнял функцию аббоморфемы и присоединялся непосредственно к производящему слову. Так, например, возникло слово *авиамодель*, что подтверждается относительно малой частотностью эквивалентного словосочетания *авиационная модель*, невозможностью его трансформации в именное атрибутивное словосочетание **модель авиации*, что противоречит общей тенденции оформления «модельных» наименований (ср.: *автомодель – модель автомобиля*, *судомодель – модель судна* и т.д.), сложностью перефрастической интерпретации внутренней формы слова *авиамодель* («модель чего-то, относящегося к авиации») и т.д. Возникновение синтаксических эквивалентов у таких слов, называемых нами диахронными квазиаббревиатурами, обусловлено действием **псевдоуниверболизации** – эквивалентного развертывания слова в словосочетание: *авиамодель* получило эквивалент *авиационная модель* в силу того, что в сознании носителей языка слово, содержащее абброконструкт, должно иметь синтаксический эквивалент, а абброконструкт *авиа* должен связываться в первую очередь с прилагательным *авиационный*.

2. В подавляющем большинстве случаев и у диахронных аббревиатур, и у диахронных квазиаббревиатур отмечается более чем один синтаксический эквивалент, что также обусловлено псевдоуниверболизационными процессами. Например, слову *бурголовка* соответствует не один эквивалент *буровая головка*, а шесть (обнаруженных в эквивалентных текстах): *буровая головка*, *бурильная головка*, *головка для бурения*, *головка бурового станка*, *головка буровой установки*, *головка бурильной установки.*

Следует указать на то, что носитель языка на синхронном срезе языка не различает, например, аббревиатуру *авиабезопасность* и квазиаббревиатуру *авиамодель*: он воспринимает и первое и второе как сложносокращенное слово,

что подтверждается использованием им в текстах развернутых эквивалентов этих лексем: *авиационная безопасность* и *авиационная модель*. Разрыв в данном случае между результатами диахронного анализа (наличие / отсутствие словосочетания-источника) и синхронного восприятия (дублетность слова и словосочетания) и побуждает нас к признанию необходимости разграничения диахронного и синхронного подходов к аббревиации.

При синхронном подходе аббревиатурой следует считать слово, содержащее абброконструкт и имеющее актуальные текстовые синтаксические эквиваленты, выступающие в качестве расшифровок и «интерпретаторов» значения аббревиатуры.

Вокруг одной аббревиатуры формируется гнездо эквивалентности, включающее чаще всего более чем один ее эквивалент (см. пример с *бурголовкой*). Возникновение таких эквивалентов обусловлено множественностью возможных дешифровок абброконструкта при помощи эквивалентных ему слов и словосочетаний, которые мы называем дешифровальными стимулами (ДС) абброконструкта.

Разные ДС, обеспечивая текстовую семантическую тождественность в направлении «аббревиатура – словосочетание», чаще всего имеют различающееся значение и в силу этого мотивируют разную текстовую интерпретацию аббревиатуры. По типу такой интерпретации нами различаются презентативные и интерпретативные ДС.

Презентативные ДС (**презентативы**), полностью совпадают в значении с аббревиатурой и могут заменить ее в любом тексте, например *гастробар – гастрономический бар*.

Интерпретативные ДС (**интерпретативы**) уточняют семантику абброконструкта и являются маркированными компонентами в оппозиции к презентативному стимулу. Интерпретативные ДС подразделяются на две группы: релятивные ДС и модификативные ДС.

Релятивный ДС (релятив) – это простое существительное в какой-либо падежной форме, указывающей на роль референта абброконструкта в наименовании. Например, для слова *автовольтметр* релятивный ДС имеют эквиваленты *вольтметр* ***автомобиля*** (посессив – «принадлежащий автомобилю»), *вольтметр* ***для автомобиля*** (дестинатив – «предназначенный для автомобиля»), *вольтметр* ***в автомобиль*** (локативно-дестинативный – «предназначенный для использования в автомобиле») и под.

Модификативный ДС (**модификатив**) – это словосочетание или слово, уточняющие лексическую семантику аббревиатуры и отличаются значением от базового релятивного стимула. Например, *автозаправка – заправка для автотранспорта* (указание на то, что на заправке обслуживаются не только автомобили, но и мотоциклы, тягачи и т.д.).

Все типы ДС существуют в целом ряде разновидностей, каждая из которых выполняет свои особые функции в процессе интерпретации значения сложносокращенного слова.

Исчислительно-объяснительный метод изучения языка

И.С. Улуханов

Enumerative-explanatory method of language study

Igor' S. Ulukhanov

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) /
V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

istepu@mail.ru

Ключевые слова: исчисление единиц языка; объяснение причин языковых процессов; чистые и смешанные способы словообразования; окказиональные и узуальные слова.

Keywords: calculus of language units; explanation of the reasons for language processes; pure and mixed methods of word formation; occasional and usual words.

Аннотация. Исчислительно-объяснительный метод изучения языка заключается в исчислении всех математически возможных единиц или процессов, имеющих место на тех или иных участках языковой системы, и объяснении причин реализации / нереализации этих единиц или процессов.

Abstract. The enumerative-explanatory method of language study consists in calculating all mathematically possible units or processes that take place in one or another area of the language system, and explaining the reasons for realization / non-realization of these units or processes.

Полное и адекватное описание языка — это описание не только существующих, реализованных единиц, но и единиц, потенциально возможных, но не реализованных. Ценность такого описания очевидна: только выявление того, что может или не может существовать в языке, вскрывает его действующий механизм и причины наличия или отсутствия тех или иных явлений. Такое объяснительное изложение является обязывающим: оно требует полного указания (исчисления) всех существующих возможностей с тем, чтобы затем указать, какие из них и почему реализованы. Исчисление возможностей вполне реально для фонологии и словоизменения. Собственно, системы словоизменения и представляют собой совокупность исчисленных единиц, организованных в соответствии с единым принципом, у которых выявлены основные нереализованные возможности. Гораздо более сложен вопрос исчисления в лексике, где отсутствие определенного обозначения может и не восприниматься как лакуна в системе. Словообразование и в этом отношении занимает промежуточное положение между лексикой и словоизменением. Единицы словообразовательной системы весьма разнообразны по степени своей распространенности и регулярности. В частности, система способов словообразования достаточно обозрима и регулярна, она поддается описанию предлагаемым исчислительно-объяснительным методом. Эта система рассматривается в докладе в качестве примера применения исчислительно-объяснительного метода в словообразовании.

Рассматриваемый метод стимулирует выявление неизвестных единиц в системе языка. В литературе по словообразованию было описано не более 20 способов словообразования. В моей книге «Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация» описано 79 способов, причем все они документированы примерами из современной художественной литературы и из газет.

Изучая смешанные способы словообразования, можно установить отношение математически возможных комбинаций чистых способов к числу реализаций и указать причины нереализации того или иного смешанного способа. Остановлюсь лишь на парных комбинациях, образуемых узуальными чистыми способами. Таких способов 7: префиксация, суффиксация, постфиксация, сложение, сращение, субстантивация, неморфемное усечение. Сочетаясь попарно, эти чистые способы дают 21 математически возможную комбинацию. Это число сочетаний из 7 элементов по 2. Из них в узуальной лексике представлено 12 способов, только в окказиональной – еще 2. Семь парных смешанных способов остаются нереализованными. Эта нереализация обусловлена двумя причинами:

а) Лексическая реализация слова смешанного способа затрудняется тем, что регулярно реализуются слова тех чистых способов, комбинацией которых является данный смешанный способ. Например, нет слов, образованных одновременно путем сложения и постфиксации, поскольку все глаголы, состоящие из сложной основы постфикса, образованы с помощью чистых способов, т.е. с помощью сложения с постфиксальным глаголом (*настраиваться – самонастраиваться*) или постфиксации сложного глагола (*полуоткрыть – полуоткрыться*). Ни одно из этих звеньев словообразовательной цепочки не пропускается; слово же смешанного способа может возникнуть только в результате такого пропуска.

б) Иные причины сдерживают образование таких способов, как усечение + постфиксация, усечение + субстантивация. В принципе возможно неморфемное усечение основы слова любой части речи, но с помощью этого усечения образуются только существительные (мотивирующими явля-

ются чаще всего также существительные: *специалист — спец*, редко — прилагательные: *букинистический — бук*). Постфиксация же продуктивна только в глаголе (*-ся / -сь*); постфиксы *то-,-либо,-нибудь* выступают в ограниченном числе местоименных слов. Поэтому осуществление способа усечение + постфиксация предполагает усечение основы глагола, а способа усечение + субстантивация — усечение основы прилагательного с сохранением адъективного склонения. И то, и другое маловероятно.

Изучая форманты смешанных способов, можно исчислить возможные комбинации конкретных аффиксов (в случае их многозначности — каждого из их значений) в смешанных формантах и определить причины реализации / нереализации различных комбинаций. Так, из 90 математически возможных в префиксально-суффиксальных глаголах комбинаций 10 значений префикса *пере-* и 9 значений суффикса *-и-* узуально реализовано 7 комбинаций и 1 комбинация реализована окказионально.

Анализ русских существительных с суффиксом *-ость* (на материале электронного корпуса «Русские газеты конца 20-го века»)

Чжан Шучунь

Analysis of Russian Nouns Formed with Suffix *-ost'* (Based on Corpus Database "Russkye gazety kontsa dvatsatovo veka")

Zhang Shuchun

Московский государственный университет имени М.В. Лаомоносова / Lomonosov Moscow State University

shushu8522@mail.ru

Аннотация. Словообразовательный тип «существительные с суффиксом *-ость*» анализируется на основе данных из газетного корпуса с разных языковых точек зрения.

Keywords: word-formation, suffix *-ost'*.

Summary. During this study we will be analyzing the most often used Russian nouns formed with suffix *-ost'* that are included in the "Russkye gazety kontsa dvatsatovo veka" corpus. Analysis will be made in various aspects.

Ключевые слова: словообразовательный тип, суффикс *-ость*.

Для русской лингвистики изучение и описание словообразовательных типов всегда являлось актуальным, поскольку словообразовательные средства очень активно используются в русском языке для передачи информации. Через их анализ раскрываются как особенности устройства системы языка, так и особенности мышления и духовный мир народа. С развитием общей семантики и представления о словообразовании как об особом виде речемыслительной деятельности интерес к русскому словообразованию возрос еще в большей степени. Новые возможности для его исследования дает также развитие компьютерной и корпусной лингвистики, позволяющее использовать количественные данные при анализе словообразовательных явлений. В нашем докладе представлены некоторые результаты комплексного анализа русских существительным с суффиксом *-ость*.

Практически важными при описании слов с одним суффиксом являются следующие параметры: 1) состав употребляемых слов; 2) исходная часть речи; 2) морфонологические варианты (варьирование означаемого); 3) способность быть синтаксическим дериватом; 4) однозначность / неоднозначность семантики.

Исследование состава слов с суффиксом *-ость* проводилось нами следующим образом: сначала был получен список слов с суффиксом *-ость* (и его вариантами) из «Грамматического словаря» А.А. Зализняка [Зализняк 1977], затем аналогичный список по корпусу «Русские газеты конца 20-го века» Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического ф-та МГУ. В конечном счете в первом списке оказалось 3155 слов, а во втором – 1243.

Для всех найденных в корпусе единиц был получен алфавитно-частотный список по убыванию частоты, который позволил выявить наиболее употребительные слова с данным суффиксом. Именно эти слова должны исследоваться в первую очередь, а также входить в лексические минимумы РКИ. Не все из этих слов оказались отадъективными синтаксическими дериватами (ср.: *стоимость, собственность, должность, промышленность*).

При сравнении слов из двух баз данных был также получен список слов, отсутствующих в «Грамматическом словаре» А.А. Зализняка. Анализ показал, что несоставные единицы представляют собой синтаксические дериваты. Среди «новых» слов подавляющее большинство относится к узуальной лексике, что свидетельствует о том, что русские толковые словари отражают далеко не все производные на *-ость*, использующиеся в языке. Очевидно, последовательно отражаются в них прежде всего те, значение которых непредсказуемо, или же самые употребительные на момент создания словаря. К самым частотным из «новых» слов относятся следующие существительные: *оргпреступность, собираемость, госсобственность, госбезопасность, латентность, инаковость, престижность, ангажированность, вовлеченность, комфортность и конфиденциальность*. Можно предположить, что высокая частотность таких слов отражает возросшую важность именуемых ими свойств в русском общественном сознании конца XX века.

Анализ единиц, имеющих количество употреблений 4 и выше, показал, что 333 из 348 слов образуются от прилагательных, 8 являются составными, и лишь 7 слов мотивированы глаголами. Это слова *принадлежность, решимость, собираемость, заболеваемость, бытность, шалость* и *погрешность*.

Существительные на *-ость* в большинстве своем представляют собой результат синтаксической деривации, т.е. транспозиции значения прилагательных во вторичную для их лексического значения позицию – «предметную». Поэтому, как и в случае *бежать → бег,* здесь можно говорить о словообразовательной номинализации. Потребность в номинализации возникает тогда, когда появляется необходимость сделать тот или иной признак предметом речи, высказывания. Поэтому есть основания считать, что изучение существительных, производных от прилагательных, дает представление о том, какие признаки или свойства являются самыми актуальными и важным для носителя языка, чаще всего являются предметом самостоятельного осмысления.

Суффикс *-ость* считается регулярным средством синтаксической деривации. Однако при образовании производных на *-ость* исходное значение регулярно осложняется, т.е. синтаксические дериваты преобразуются, по терминологии Е. Куриловича, в лексические [Курилович 1962] . Процесс такого преобразования лексикализован, и его результаты должны описываться в толковых и словообразовательных словарях. Эти результаты используются, в частности, в тезаурусах, необходимых для автоматической обработки и поиска текстов: здесь очень важно указать, может ли существительное использоваться как синтаксический синоним прилагательного. Существующие словари отмечают как само наличие такого синонима, так и его неоднозначность недостаточно последовательно и полно, так как словарь не может «успеть» за языком. Поэтому необходимо постоянное обращение к корпусному материалу и анализ используемых в нем словообразовательных и лексических средств, участвующих в образовании синтаксических дериватов. В этом нуждаются даже такие регулярные и продуктивные словообразовательные типы, как существительные с суффиксом *-ость*.

Литература

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977.

Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи // Очерки по лингвистике. Сборник статей. М.: Издательство иностранной литературы, 1962.

Принципы функционального анализа русских аффиксальных стилистических дериватов начала XXI века

Янь Юй

Principles of the functional analysis of Russian affixal stylistic derivatives of the beginning of the 21st century

Yan Yu

Университет им. Сунь Ятсена (Китай, г. Гуанчжоу) / Sun Yat-sen University (China, Guangzhou).

228933400@qq.com

Аннотация. В докладе рассматриваются проблемы систематизации результатов функционального анализа аффиксальных стилистических дериватов. Автор обосновывает необходимость введения в научный оборот таких понятий функционального словообразования, как функциональный вид и функциональный класс дериватов.

Ключевые слова: единицы словообразовательной системы, функциональное словообразование, единицы функционального словообразования, функциональные виды и классы дериватов.

Summary. The report considers the problems of the systematization of the results of functional analysis of affixal stylistic derivatives. The author substantiates the necessity for introducing into the scientific circulation the such units of the functional word-formation, as the functional type and the functional class of derivatives.

Keywords: units of derivational system, functional word-formation, units of functional derivation, functional types and classes of derivatives.

Развитие науки связано с постоянным совершенствованием ее инструментария. Начиная с последних десятилетий XX в. в русском словообразовании получил широкое распространение функциональный подход, изучающий, в частности, отражение в деривате «различных коммуникативных установок говорящего» [Земская 2009: 8]. Очевидно, что функциональное словообразование изучает систему производных слов под новым углом зрения по сравнению с типовым и гнездовым подходами к деривату. Поэтому дериватология должна выработать особую систему понятий, которые позволят адекватно отразить функциональные свойства производных слов.

Анализируемая в докладе стилистическая функция словообразования, реализуемая в стилистических дериватах (СД), связана с особой коммуникативной установкой: «согласовать свой способ выражения с определенной сферой речи, областью общения», т.е. с тем или иным функциональным стилем речи [Земская 2009: 8]. Под СД в докладе понимается производное слово, имеющее иные стилевые характеристики по сравнению с производящей базой (таким дериватом является, например, разговорный неологизм *авизо**вк**а*, образованный от профессионализма *авизо*).

Материалом для функционального исследования СД послужила сплошная выборка аффиксальных СД из Толкового словаря актуальной лексики начала XXI в. [Скляревская 2008].

Для функциональной систематизации СД используется понятие **функционального вида дериватов** (ФВД) [Янь Юй 2014: 113–122]. Различение разных ФВД базируется на противопоставлении пяти основных коммуникативных интенций говорящего, реализуемых в словообразовательном значении (СЗ) дериватов – номинативной, экспрессивной, конструктивной, компрессивной и стилистической. Следовательно, любой дериват со стилистически маркированным СЗ по определению относится к стилистическому ФВД.

Однако в СЗ конкретных дериватов каждая из основных функций словообразования может реализовываться или в неосложненном (прототипическом) виде, или же в сочетании с другими функциями. Поэтому в докладе различаются для стилистического ФВД основной (прототипический) и производные (вторичные) подвиды. **Основной** подвид данного ФВД включает дериваты, СЗ которых содержит только стилистические семы (ср.: разг. *бэйдж**ик*** ← нейтр. *бэйдж,* комп. разг. *мышка* ← *мышь,* информ. жарг. *сидюк* / *сидиник* ← *CD* [с'ид'й] 'компакт-диск' и т.п.).

Вторичные подвиды стилистически отмеченного ФВД выражают комбинированное СЗ, в котором стилистическая сема сочетается с одной или двумя семами иной природы. В докладе представлена вся зафиксированная в словаре [Скляревская 2008] система двойных и тройных комбинаций сем в СЗ дериватов анализируемого типа. Наиболее многочисленный (75.13% от общего числа проанализированных нами СД) вторичный подвид СД составляют производные слова, СЗ которых представлено комбинацией стилистических и номинативных сем (ср.: разг. *бизнесмен**к**а* ← *бизнесмен;* экон. разг. ***анти**рыноч**ник*** ← *рынок;* информ. разг. *о**т**цифровать* ← спец. *цифровать* и мн. др.). Что касается тройных комбинаций сем СЗ, то в качестве примера СД такого типа можно привести дериваты типа публ. неодобр. *разоблачи**тельств**о* ← *разоблачить* (стилистическая + конструктивная + экспрессивная семы СЗ).

Второе основание для систематизации СД связано с противопоставлением **функциональных классов дериватов** (ФКД). Основанием для разграничения ФКД является соотношение производящего и деривата по признаку повышения или понижения стилистических свойств деривата по сравнению с производящим (по шкале, устанавливаемой с учетом ломоносовского учения о книжном, разговорном и «среднем» стилях языка). В рамках функциональных подвидов СД могут быть противопоставлены два или даже три ФКД, что демонстрирует многоаспектность отношений в системе СД. Преобладающий в анализируемой выборке СД «**понижающий**» ФКД представлен многочисленными СД типа *коммун**як**а* ← *коммунист*, «**повышающий**» ФКД – редкими и небесспорными примерами типа книжн. ***де**популяция* ← *популяция.* В докладе рассматриваются также примеры отсутствия изменений стилевого «уровня» деривата по признаку повышения / понижения в сравнении с производящим, ср. публ. ***анти**рейтинг* ← книжн. *рейтинг* (ФКД «**одноуровневого**» стилистического словообразования).

Литература

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. Изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2009.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Скляревской. М.: Эксмо, 2008 (Скляревская 2008).

Янь Юй. К вопросу о разграничении функциональных типов стилистической деривации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2014. № 2. С. 113–122.

Типология ономасиологических моделей сложных номинаций лица в составе глагольных деривационных гнезд

Н.А. Ярошенко

The typology of onomasiological models of compound nominations of person in the structure of the verbs' derivational groups

Natalya A. Yaroshenko

Донецкий национальный университет / Donetsk National University

nyaroshenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу структурных и ономасиологических типов сложных наименований лица в составе глагольных деривационных гнезд. Выделяются типовые ономасиологические базисы, ономасиологические признаки и ономасиологические модели рассматриваемых дериватов.

Summary. The article deals with the structural and onomasiological types of compound nominations of person in the structure of the verbs' derivational groups. The typical onomasiological bases, onomasiological attributes and onomasiological models of the mentioned words have been put up.

Ключевые слова: номинация лица; сложная номинация лица; ономасиологический тип; ономасиологическая модель.

Keywords: nomination of person; compound nomination of person; onomasiological type; onomasiological model.

Семантическое поле «человек» занимает ключевое место в системе любого языка. Языковые единицы разных уровней, обозначающие человека, всегда привлекали к себе внимание исследователей. При этом одной из актуальных проблем современной лексикологии и дериватологии, несмотря на относительно давнюю традицию изучения, по-прежнему остается рассмотрение ономасиологического, когнитивного, дискурсивного и прочих параметров номинаций лица в целом и сложных номинаций лица в частности.

В качестве методологической базы исследования в первую очередь выступают работы М. Докулила, Е.С. Кубряковой, Е.А. Селивановой, В.И. Теркулова [Докулил 1962; Кубрякова 2008; Селиванова 2000; Теркулов 2008], посвященные проблематике описания производных единиц через призму понятия ономасиологической структуры и ее компонентов.

Цель данной статьи – определить типовые ономасиологические модели сложных номинаций лица в составе глагольных деривационных гнезд. Материал исследования извлекался путем сплошной выборки из «Гнездового толково-словообразовательного словаря композитов» А.В. Петрова [Петров 2003]. Объектом анализа служат сложные номинации лица, представленные в структуре деривационных гнезд (далее – ДГ) глаголов *бить, брать, держать, валить, валять, варить, делать, производить* и *творить*.

Рассматриваемые ДГ включают 136 номинаций лица композитного типа (при широком понимании термина *композит*): ДГ глагола *бить* – 31, ДГ глагола *брать* – 5, ДГ глагола *держать* – 13, ДГ глагола *валить* – 3, ДГ глагола *валять* – 7, ДГ глагола *варить* – 30, ДГ глагола *делать* – 21, ДГ глагола *производить* (*произвести*) – 3 и ДГ глагола *творить* – 3. Все анализируемые номинации лица композитного типа являются существительными, обозначающими биологических субъектов. При этом среди рассматриваемых единиц значительно преобладают названия лиц мужского пола (116 единиц, или 85,3%) по сравнению с номинациями лица женского пола, представляющими собой модификационные производные (20 дериватов, или 14,7%). Проведенный анализ позволяет утверждать, что среди номинаций лица мужского пола, реализованных в составе названных ДГ, наиболее частотны деривационные композиты (126 производных), которые включают семантику не только производящего глагольно-именного словосочетания, но и «добавочную» сему «лицо» (*китобой, молотобоец*, *новобранец*, *сукновал, тестодел, делопроизводитель* и др.). В то время как только 10 из анализируемых номинаций лица однозначно представляют собой универбализационные композиты: *автосборщик, векселедержатель, товаропроизводитель*, *управделами* и др.

Рассматриваемые отглагольные производные входят в состав ЛСГ одноструктурных единиц (далее – ЛСГОЕ) с ономасиологическим базисом «агент»/«субъект действия», т.е. «производитель действия». Данный ономасиологический базис конкретизируется в рамках следующих ономасиологических моделей:

1) «агент + аллатив», где ономасиологический признак определяет объект, на который направлено действие (*тюленебоец*, *шишкобой*, *глиновал, крохобор* и др.);

2) «агент + фактитив / финитив», где ономасиологический признак указывает на результат действия как на продукт, получающийся в результате этого действия (*маслобой*, *клеевар*, *сталевар*, *сукновал* / *сукновальщик*, *салодел*, *винодел*, *законотворец* и др.);

3) «агент + трансгрессив», где ономасиологический признак определяет объект, на который направлено действие и который приобретает в результате воздействия на него новое качество (*грибовар, пантовар*, *земледелец*, *икродел* и др.);

4) «агент + инструменталис», где ономасиологический признак указывает на орудие производимого действия как в прямом, так и в переносном смысле (*молотобоец*, *челобитчик* и др.).

Часть дериватов в рамках анализируемых глагольных ДГ входит в состав ЛСГОЕ с такими ономасиологическими базисами:

1) «профессия», т.е. «род, характер трудовой деятельности, служащий источником существования» (*автосварщик, газосварщик, электросварщик* и др.);

2) «должность», т.е. «служебное место в учреждении или предприятии, связанное с выполнением определенных обязанностей» (*управдел* / *управделами, делопроизводитель, киноделец* и др.);

3) «статус», т.е. «положение субъекта в системе межличностных отношений, определяющее его права, обязанности и привилегии» (*чекодержатель, залогодержатель, местодержатель* и др.).

Детализация названных базисов осуществляется при этом в рамках таких ономасиологических моделей, как «видовая атрибутивная конкретизация процесса + лицо, для которого этот процесс является сущностью его профессиональной деятельности», «должность + зона деятельности», «статус + объект» (статус субъекта по отношению к какому-либо объекту реальности). Композит *авансодержатель* в силу своей семантики может одновременно входить в две ЛСГОЕ как с ономасиологическим базисом «статус объекта», так и с ономасиологическим базисом «организация».

Литература

Докулил М. Словообразование в чешском языке // Теория словопроизводства: резюме (на русском языке). Прага, 1962.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Петров А.В. Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов. Симферополь, 2003.

Селиванова Е.А. Когнитивная ономасиология. К.: Фитосоциоцентр, 2000.

Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте: Дисс. … д-ра филол. наук. Горловка, 2008.

4.3. Морфология

Аспекты современной лингвистики

М.В. Всеволодова

Aspects of modern linguistic

M.V.Vsevolodova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

mayya133@mail.ru

Аннотация. Чтобы увидеть язык как сложную, но строго организованную структуру, необходимо более подробное, многоуровневое описание грамматики. Оно может быть достигнуто путем выделения на функциональном основании дополнительных категориальных классов, в том числе внутри частей речи.

Ключевые слова: части речи, синтаксические функции, категориальные классы слов.

Summary. To see language as complex but well-organized structure, you need a more detailed, multi-level description of grammar. It can be achieved by allocating additional categorical classes on the functional basis, including within parts of speech.

Keywords: parts of speech, syntactic functions, categorical classes of words.

За последние 40 лет у нас не вышло ни одной Академической грамматики русского языка, но за эти годы принципиально изменились некоторые фундаментальные представления о Языке, что нужно было бы показать в такой грамматике. Выявилась принадлежность Языка к структурам мироздания, к наличию языка у животных и растений, то есть, к структурам полей и пересекающихся множеств дискретных единиц, с одной стороны, и его функция объективации нашего мышления, структурами которого являются категории и парадигмы, с другой. Систематологи высказали мнение о специфике человеческого мышления как системе многоранговых дихотомических оппозиций, впервые представленных в «Теории фонологии» Трубецкого еще в начале прошлого века, наличествующих в структурной лингвистике [Маркус 1963] и системно используемых в нашей дидактиколингвистической модели языка (термин Ю.В. Рождественского) при описании функционально-семантических и функционально-грамматических категорий. Это двуединство структур позволило понять и выявить специфику организации и функционирования языка и его средств, понять и объяснить или не согласиться с некоторыми положениями традиционной грамматики. Поскольку основными единицами мышления являются категории, то и весь язык на всех уровнях категориален. Мы выделяем в самом языке его материальную часть (фонетику и лексику) и сферу их функционирования – грамматику. Практически все представленные в традиционной грамматике единицы языка разных уровней оказались категоризованными. Так, в категории «часть речи» рационально выделить б а з о в у ю и другие формы их реализации – к а т е г о р и а л ь н ы е к л а с с ы с л о в (ККл Ф.И. Панков) А формы изменения связать с типом образования форм. Покажем это с помощью схем 1 и 2.

Схема 1. **Система частей речи русского языка и базовые категориальные классы (БККл)**

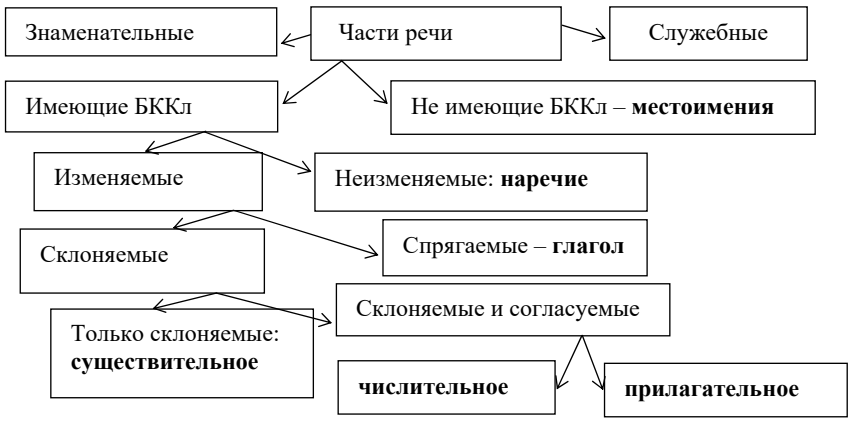
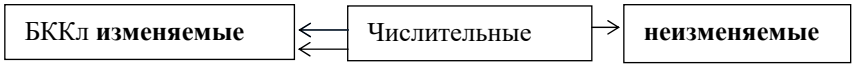
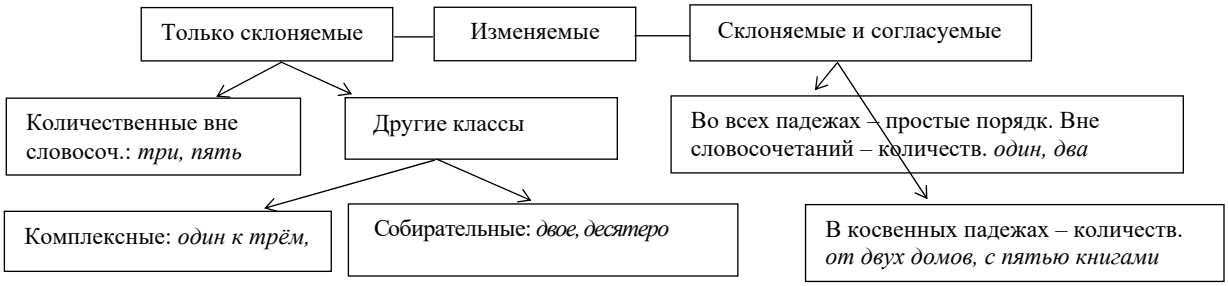


Схема 2. **Типы структур категориальных классов числительного**



Неизменяемые выступают в связи с лицом: *вдвоём, впятером;* с числом: *вдвое, впятеро;* с действием: *дважды, стократно,* пересекающиеся с наречиями. Сюда же можно отнести и количественные числительные в составных единицах в препозиции к порядковому. В разряд изменяемых числительных, если учитывать различие поведения разных форм, входят несколько категориальных классов. Представим их:

Схема 3. **Структура разрядов изменяемых числительных**



Наш материал показал, что нуждается в особой разработке категория словосочетаний (с / с), и прежде всего разного типа дескрипции, где грамматически главное слово выполняет служебные функции, а зависимая словоформа является семантически главной, типа ***вести работу*** ❮ *работать; говорить* ***громким голосом*** ❮ *говорить громко.* Категория с/с пересекается с категорией частей речи (ЧР), что заметила еще Н.Ю. Шведова, переведшая дробные числительные из ЧР в с / с. Это подтверждается данными южнославянских языков, где любое последнее в составной единице числительное присоединяют союзом **и**: *двадесет и едан.* И такие пересечения мы должны в нашем языке выявлять и аргументировать. Как показано выше, дробные числительные не единственный класс, состоящий из двух или трёх самостоятельных слов. Об опыте категоризации наших с / с, включающем описание всех возможных реализаций, см. [Всеволодова 2016].

Классифицируя типы предложений, наша грамматика обращает недостаточное внимание на содержание предложения и способы его выражения в конкретной реализации, на зависимость структуры предложения от смысла высказывания. До сих пор наша грамматика в полной мере не осознает значимость актуального членения (АЧ), выявленного В. Матезиусом, на основе которого и строится конкретная реализация высказывания и которое является у славян главным после содержательного уровня предложения. Именно АЧ позволило выделить в составе предложения разные уровни [Daneš 1959]. Таких уровней в нашей модели четыре: денотативный (содержание предложения) которое реализуется в типовом значении изосемической изоморфной модели; актуализационный уровень (категория предицирования), выделяющий тему и рему; семантический уровень – уровень нашего мышления, определяющий соотношение других трех уровней; и формальный – конкретная реализация высказывания [Всеволодова 2016_2]. И возможность, а чаще, необходимость изменять порядок слов или даже модель предложения, сохраняя состав денотативных ролей, формирующих первый уровень, но с возможными изменениями ЧР, порядка словоформ и пр., обеспечивается тем, что все трансформы синони-мичны по основному содержанию с денотативным уровнем и выбор той или иной формальной реализации определяется конситуацией. Это подтверждает наше представление о том, что с и н о н и м и я е с т ь к а т е г о р и я г р а м м а т и ч е с к а я.

Формат тезисов не позволяет представить некоторые другие аспекты доклада. Дадим их в виде схем.

Схема 4. **Категоризация языковых единиц**

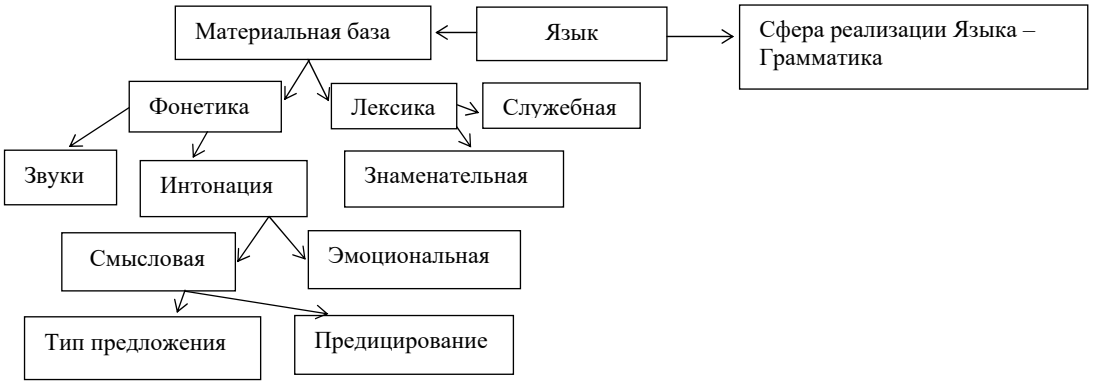


Схема 5. **Грамматика (Сфера функционирования Языка)**

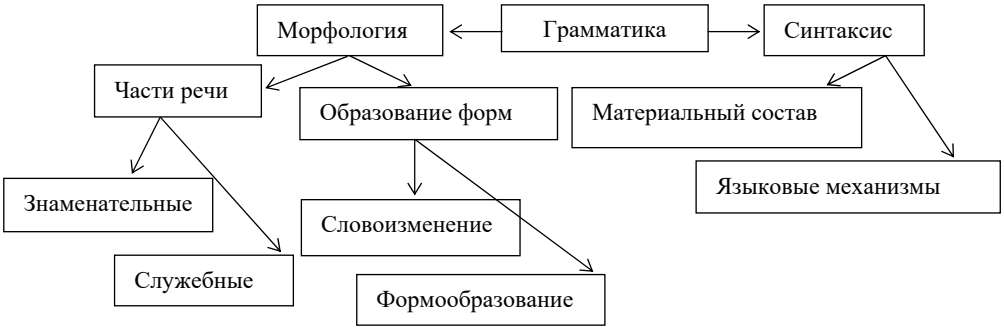
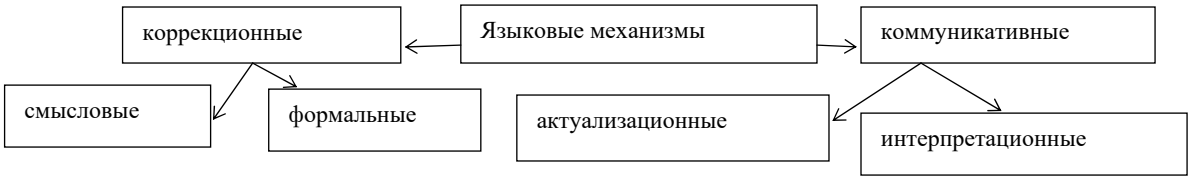


Схема 6. **Языковые механизмы**



Отметим, что в славянских языках представлено преимущественно словоизменение, а не формообразование, как, например, в тюркских и в китайском. Это делает связь с синтаксисом менее эксплицитной, но при категоризации морфологических явлений важно понимать, что язык работает в рамках синтаксиса. И использование при описании форм слов таких категорий, подчеркивающих синтаксические функции, как словесная форма, словоформа [Ломтев 1972], синтаксема [Мухин 1964, Золотова 1973], именная группа, позволяет описать функции форм слова и устранить недоработки нашей морфологии.

Литература

Всеволодова М.В. Язык как система и проблемы объективной грамматики // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016. № 3.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М., 2016.

Всеволодова М.В. Некоторые проблемы современной русской грамматики и категория грамматикализации. № 5. М., 2018.

Золотова Г.А. Функциональный синтаксис русского языка. М., 1973.

Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.

Маркус С. Логический аспект лингвистических оппозиций // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.

Мухин А.М. Функциональный анализ синтаксических элементов. М.; Л., 1964.

Daneš F. A three-level Approsh to syntax // Travaux Linguistiques de Prague. Prague: Academia, 1964. № 1.

Рассогласование по числу русских именных групп с сочинением и прилагательными единственного числа

Д.М. Зеленский

Number mismatch in Russian noun phrases with coordination and adjectives in singular

Dmitrii M. Zelenskii

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

dz-zd@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена расширению синтаксического анализа конструкций с рассогласованием сочинения по числу вида «красный и белый флаги» в рамках минималистской версии генеративной лингвистики на русский язык.

Ключевые слова: сочинение; синтаксис; именная группа; согласование; русский язык.

Summary. The paper extends a syntactic analysis for constructions with number mismatches having singular coordinated adjectives with a plural noun in the Minimalist framework of generative linguistics to the Russian language.

Keywords: coordination; syntax; noun phrase; agreement; Russian.

Данная работа рассматривает именные группы вида «красный и белый флаги». Группы такого вида вызывают проблемы для многих теорий согласования, включая минималистскую (предложенную в [Chomsky 1993] и с тех пор незначительно модифицировавшуюся), так как существительное находится во множественном числе, а прилагательные в единственном, при этом количество прилагательных задает количество объектов.

При этом, в отличие от групп вида «красный и белый флаг», вызывающих множественное согласование на глаголе (например, «красный и белый флаг развеваются на здании»), для этих групп недостаточно сослаться на эллипсис (из «красный флаг и белый флаг»), поскольку он сам по себе не объясняет, почему возникает множественное число на существительном («флаги» вместо «флаг»).

Для испанского языка схожее явление описано в рамках минималистской теории в [Bosque 2006]; для итальянского его описывали в рамках Лексико-функциональной грамматики в [Belyaev et al. 2015]. Ввиду теоретических различий в качестве основы для анализа данных русского языка будет использована первая работа. При этом также будет применяться идея, высказанная в [Wilder 1994], что сочиняются только расширенные проекции, и гипотеза, что в русском языке аргументные именные группы – проекции артикля, из [Pereltsvaig 2007].

Анализ заключается в следующем: такие именные группы представляют собой группу артикля, внутри которой заключена малая клауза (т. е. группа предикативной вершины Pred), в спецификатор которой помещается существительное (в нашем примере – «флаг»). Это слово согласуется далее по числу с группой, являющейся сочинением двух именных групп с одинаковым существительным (в нашем примере – «красный флаг» и «белый флаг») – либо непосредственно, либо через какую-то вершину (в зависимости от общего направления согласования в выбранном варианте минималистской теории). По общему правилу того, как работает внутреннее соединение (ранее известное как «передвижение»), глубинное «флаги красный флаг и белый флаг» с помощью эллипсиса превращается в «флаги красный и белый». Наконец, с помощью еще одного передвижения (в спецификатор какой-то промежуточной вершины – возможно, отвечающей за число Num) из группы «флаги красный и белый» получается группа «красный и белый флаги», которую мы и наблюдаем на поверхности.

Литература

Belyaev Oleg, Dalrymple Mary and Lowe John J. Number mismatches in coordination: An LFG analysis // Proceedings of the LFG15 Conference / Ed. Butt Miriam and King Tracy Holloway. Stanford: CSLI Publications, 2015.

Bosque Ignacio. Coordinated adjectives and the interpretation of number features // Studies in Spanish Syntax / Под ред. Brugè Laura. Venezia, 2006.

Chomsky Noam. A minimalist program for linguistic theory // The view from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger / Ed. Hale Kenneth and Keyser Samuel Jay. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.

Pereltsvaig Asya. On the universality of DP: A view from Russian // Studia Linguistica. 1. № 61. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2007.

Wilder Chris. Coordination, ATB, and ellipsis // GAGL: Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik. 1994. № 37. Groningen: Center for Language and Cognition Groningen Faculty of Arts, University of Groningen, 1994. С. 291–329.

Genitivus partitivus в русском языке: к проблеме генезиса приглагольного родительного падежа

О.С. Ильченко

Genitivus partitivus in Russian: on the origin of the adverbial genitive case

O.S. Ilchenko

Санкт-Петербургский государственный университет / Saint Petersburg, Saint Petersburg State University

o.ilchenko@spbu.ru

Аннотация. Приглагольный генитив в русском языке восходит к и.-е. аблативу и кодирует исходную экзистенциальную известную пропозицию как результат актуализации сигнификативного компонента в значении имени.

Ключевые слова: исходные функции падежей, генитивный объект, предельный глагол, сигнификативное значение.

Summary. A mass of evidence suggests that Russian adverbial genitive originates from Indo-European ablative and encodes the proposition appealing to background knowledge as a result of actualization of the significative component in the meaning of the noun.

Keywords: originative case functions, genitive object, telic verb, significative meaning.

1. *Genitivus partitivus* как феномен отдельных индоевропейских языков.

Одна из разновидностей употребления приглагольного Р.п. – *Genitivus partitivus* – составляет яркую особенность только отдельных и.-е. языков (славянских, балтийских (особенно – литовского), древнегерманских, древнеиндийского, зендского, греческого).

2. «Ген*е*тивен» или «аблативен»?

Хотя в определении генезиса Р.п. *части* как исконно «ге*н*етивного» падежа сходились во мнениях многие индоевро-

пеисты, в отличие от Р.п. *при отрицании*, возводимого большинством славистов к аблативу (Востоков, Зикмунд, Малецкий, Быстрон, Кудрявский, Потебня), однако не раз отмечалась взаимосвязанность функций партитивности и отрицания, выражаемых приглагольным Р.п. в русском языке (Якобсон, Пешковский), и возможность **генетической связи** употребления Р.п. при отрицании с партитивным употреблением (Гримм, Потт, Лебе, Габеленц, Шлейхер, Даничич, Миклошич, Костмих, Богородицкий, Виноградов, Кузнецов).

3. Доводы в пользу аблативного происхождения *Genitivus partitivus.*

(1) Мнения ученых не будут противоречить друг другу, если признать верной точку зрения, что любой приглагольный Р.п. (в том числе *партитив*), по крайней мере в славянских языках, восходит к *аблативу* – исконно *приглагольному* и.-е. падежу, а не к ген*е*тиву – исконно *приименному* (по мнению большинства ученых) и.-е. падежу. Приглагольный генитив не может быть общеиндоевропейским уже потому, что он отсутствует в ряде архаичных языков, например в хеттском [Шеворошкин 1957].

(2) Именно понятие «исхождение от чего» покрывает собой почти все частные типы не только адвербиального, но и адноминального Р.п. в праславянском языке [Ильинский 1916].

(3) Употребление приглагольного Р.п. в современном русском языке обусловливается как значением глагола (*предельная* семантика), так и значением объекта (*абстрактная*, *вещественная* или *собирательная* семантика), а точнее – совокупностью их значений.

Первоначальный Р.п. в *добыть хлеба* означал не часть, а **предел** [Потебня 1985]. С этих позиций находит объяснение известный факт вариативности падежей в современном русском языке только при глаголе сов. в.: *пить воду, рубить дрова* – Р.п. невозможен, употребляется только В.п., т.к. действие представлено безотносительно к его пределам (несов.в.); *испить, отпить, допить, попить, перепить, выпить воды* / *воду, нарубить дров* / *дрова* – вариативность при лексически переходных глаголах сов.в., включающих семантику предела, порождена возможностью **двоякого представления действия**: в отношении к его пределу (с Р.п.) и в отношении к направленности (переходности) действия на объект (с В.п.). Такое двоякое представление действия становится возможным при вещественных существительных, допускающих **двоякое представление объекта**: вещественное (включая предметы в совокупности) и предметное [Томсон 1908]: *принеси воды* / *воду, нарви цветов* / *цветы*. На первый план в конструкциях с Р.п. вещественных имен выступает **бытие качества** в отвлечении от понятия объема, свойственного только предметным именам. Выражение неопределенности хотя и имеет место, но оно вторично и вытекает из основной функции – маркирования «упаковочным» Р.п. падежом **исходной** *экзистенциальной* (бытие качества) **известной** пропозиции. Показательно, что в конструкциях типа *напился воды* возможен только Р.п. объекта, т.к. переходное (препятствует *-ся*) и непредельное (препятствует сов.в.) истолкование глагола в подобных случаях исключено. Вода представляется не прямым объектом, а *причиной исчерпанности* действия. Санскрит в подобных случаях требует формы аблатива. Широкое употребление В.п. вещественных имен является инновацией русского языка, широко развившего категорию переходности, – украинский язык сохраняет более древнее (генитивное) управление: *догребти сіна*.

(4) Изменения в представлении глагольного действия в диахронии породили новые конфигурации глагольного предложения: от актуальности конкретной *пространственно-временной* шкалы **достигательности-предельности** (Р.п.) к актуальности новой абстрактной (метафорически переосмысленной) *причинно-следственной* шкалы **переходности-результативности** (В.п). Это способствовало угасанию древнейшего ген*и*тивного управления и переосмыслению при лексически переходных глаголах генетически «предельной» семантики Р.п. Чередуясь при одном и том же глаголе с В.п. как падежом объекта, «полностью охваченного действием», Р.п. *предела* начинает восприниматься как падеж объекта, «не полностью охваченного» действием. Т.о. не совсем точный по отношению к древнейшему состоянию и.-е. языков термин «партитивный генитив» укоренился потому, что исследователи рассматривали отдаленные по времени факты сквозь призму современной категории переходности.

(5) **Типологические параллели.** В осетинском языке, совершенно не сохранившем приглагольный Р.п., при вещественных именах употребляется, кроме В.п., еще аблатив объекта – *Abl. partitivus* [Томсон 1908]. В предписьменный период истории финского языка предполагается «упрощение» старого *отделительного падежа* (своего рода *аблатива*), ставшего современным *партитивом*, соответствующим во многих своих функциях русскому Р.п. [Томмола 2006].

Литература

Ильинский Г.А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. I. Существительное. Прилагательное. Числительное. Местоимение. Член. Союз. Предлог. М.: Просвещение, 1985.

Томмола Х. Сниженная переходность и управление: акционально-аспектуальные свойства глагола // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб., 2006. С. 154–158.

Томсон А.И. К вопросу о возникновении род.-вин.п. в слав. языках: Приглагольный род. п. в праславянском языке // ИОРЯС. 1908. Т. XIII, кн. 3. С. 281–302.

Шеворошкин В.В. К истории индоевропейского генитива // Вопросы языкознания. 1957. № 6. С. 89–90.

Падежные отношения на линии существительное – местоимение в синтаксических срезах

В.Г. Кульпина

The case relations on the line substantive – pronoun in syntactic aspects

Valentina G. Kulpina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

vgrkulpina@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящен современным подходам к категории падежа как части синтаксического устройства языка. Упор делается на систему падежа местоимений, которая сравнивается с таковой существительных. Показываются результаты анализа в виде определенной асимметрии между системами падежа местоимений и существительных. Устанавливаются причины асимметрических реляций между этими системами, среди которых называется специфическая семантика местоимений, особая – не прямая – связь с денотатом и их роль в качестве средств вторичной номинации.

Ключевые слова: категория падежа, местоимение, существительное, сопоставительный анализ, русский язык.

Abstract. The paper is devoted to contemporary approach to the category of case as a part of syntactic structure of language. The accent is done on the pronoun's system of case which is compared with the substantive one. The results of analyses are presented as a certain asymmetry between pronouns and substantive systems. The reasons of such relations are established. Between of them a specific semantics of pronouns, its particular – not direct – connection with a denotation and its role as a means of secondary nomination are named.

Key words: category of case, pronoun, substantive, contrastive analyses, Russian language.

Доклад посвящен категории падежа местоимений в актуальных для современной русистики ракурсах на фоне интегративного подхода к местоимениям как к лексико-грамматическому классу. Прежде всего в докладе внимание

сосредоточено на *внутриязыковом сопоставлении* существительных и местоимений с точки зрения выражения этими частями речи отношений между объектами языковой и внеязыковой действительности.

Обратившись к падежным реляциям в сфере местоимений, можно заметить, что падежные формы и конструкции этой части речи во многих фрагментах падежной системы непосредственно связаны с синтаксическим уровнем – с синтаксическими механизмами, с устройством синтаксической системы (см.: [Ермакова 2018; Лютикова 2017; Пипер 1988; РСС 1998; Чепасова и др. 2007; Шведова, Белоусова 1995]).

Внутриязыковой сопоставительный анализ позволяет выявить, что сама система падежа у местоимений обладает определенной спецификой по сравнению с таковой существительных. Эта специфика заключается в следующем: 1) в лакунарности и суженности падежной системы местоимений по сравнению с таковой у существительных; 2) в определенной «избыточности» падежной системы местоимений по сравнению с таковой у существительных, проявляющейся в наличии у местоимений падежных значений, выступающих за рамки падежных значений существительных (ср.: [Димитрова 2018; Кульпина 2012]); 3) в различиях по частотности употребления ряда падежных значений между существительными и местоимениями.

Выявляются параметры асимметричности системы падежных значений местоимений по сравнению с системой падежных значений существительных:

1. Параметр типа связи местоимений с денотатом – не прямой тип связи, а опосредованный. Местоимение, выступая преимущественно в качестве средства вторичной номинации, связано с денотатом через заменяемое им существительное, а не непосредственно, что влечет за собой определенные следствия в виде меньших возможностей идентификации денотата в случае его презентации через местоимение.

2. Параметр отсутствия семантико-грамматической вариантности местоименных форм и конструкций (проистекающий из первого параметра) в отличие от возможностей вариативности конструкций существительных (ср.: [Кульпина 2012]. У существительных возможны такие вариантные локативные конструкции для обозначения близости локализуемого предмета к предмету-ориентиру, как а) *рядом с горой*, б) *у горы,* в) *под горой*. В местоименном употреблении из приведенных выше локативных конструкций возможно лишь *рядом с ней* (*горой*).

3. Блокирование употребления местоимений в конструкциях, являющихся узуальными и немотивированными с точки зрения современного языка. Речь идет о таких типах падежных значений существительных, которые встречаются а) в лексикализованных конструкциях существительных: *идти* ***на почту***, *отдыхать* ***на море***; б) в конструкциях с переносными метафоризированными падежными значениями: ***на дворе*** *уже весна*.

4. Наличие сильного глагольного управления выступает как фактор, открывающий путь употреблению форм местоимений в падежных значениях существительных. Среди управляемых глаголом форм и конструкций существительных с точки зрения возможностей употребления местоимений релевантны прежде всего таковые с весьма абстрактной семантикой прямого объекта, тесно связанные с глаголом и обусловленные его валентностью. В формах и конструкциях с выраженной конкретной семантикой (в пределах косвенного объекта) возможности употребления местоимений зависят от семантического типа падежного значения, особенностей предложного употребления местоименной конструкции и других факторов.

5. Местоимение способно выражать сам корпус, костяк падежной системы, выполняя при этом реляционные, связующие, текстоформирующие и скрепляющие текст функции. Так происходит потому, что обобщенная семантика местоимений, взятая вне контекстных связей (как факт словаря), не содержит указующих «подсказок», о каком типе межсловных отношений идет речь в предложении.

Литература

Димитрова М. К вопросу о dativus ethicus в болгарском языке // Славянский мир: язык, литература, культура. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 422–424.

Ермакова О.П. Местоимения в русском языке. М.: Флинта; Наука, 2018.

Кульпина В.Г. Вариативность локативных конструкций как индикатор лингво- и этнообусловленной категоризации мира // Вариативность в языке и коммуникации: Сб. ст. / Сост. и отв. редактор Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2012. С. 85–98.

Лютикова Е.А. Формальные модели падежа. Теория и приложения. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017.

Пипер П. Заменички прилози у српскохрватском, русском и полском језику (Семантичка студија). Београд: Инст. за српскохрватски језик, 1988.

Русский семантический словарь. Т. 1. Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). М.: Азбуковник, 1998 (РСС).

Чепасова А.М., Игнатьева Л.Д., Мительская Ж.З. и др. Местоимения в современном русском языке. М.: Флинта; Наука, 2007.

Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М.: Институт русского языка РАН, 1995.

Некоторые данные о лексических показателях семантики биологического пола в русском языке

С.Г. Мамечков

Some data of lexical indicators of the semantics of biological sex in Russian

Stepan G. Mamechkov

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

mamechkov@list.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются лексические средства выражения семантики биологического пола в русском языке. Существительные, прилагательные, глаголы, наречия могут нести информацию о поле семантически связанного с ним существительного. По данным Национального корпуса русского языка установлен круг таких показательных с точки зрения выражения семантики пола лексем и статистическая вероятность их мужской или женской маркированности.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле биологического пола, лексические средства, Национальный корпус, субъектно-предикатные отношения.

Summary. The paper deals with the lexical means of expressing the semantics of biological sex in the Russian language. Nouns, adjectives, verbs, adverbs may carry this kind of information about the semantically related noun. According to the National corpus of Russian language a set of such relevant lexemes and the statistical probability of their male and female markedness is established.

Keywords: the semantico-functional field of sexus, lexical means, the National corpus of Russian language, the relationship between subject and predicate.

1. Семантика биологического пола в русском языке может быть выражена различными средствами: морфологическими (*брат_ – сестр**а***), синтагматическими (*мой_ младш**ий** брат_ – мо**я** младш**ая** сестр**а***), словообразовательными (*старик – старуха*: суффикс *-ик* указывает на принадлежность слова *старик* к м.р., суффикс *-ух* на принадлежность слова *старуха* к ж.р.), лексическими, что позволяет говорить о наличии особого функционально-семантического поля – ФСП биологического пола (см. об этом [Мамечков 2005; 2008; 2009], о теории поля см. [Бондарко 1976; 2002] и др.).

2. Лексические показатели семантики биологического пола (т.е. связанные с семантикой основы, в частности корневой морфемы) есть в противопоставлениях *дедушка – бабушка, женщина – мужчина, мальчик – девочка, юноша – девушка, жеребец – кобыла, баран – овца*.

3. Мы попытались установить списки наиболее употребительной типично «мужской» и типично «женской» лексики, т.е. лексики, которая либо сама по себе однозначно информирует о поле называемых ею референтов, либо указывает на пол референтов других слов в рамках субъектно-предикатных, атрибутивных и др. семантико-синтаксических отношений. На основании языковой интуиции и интроспективных гендерных представлений о мужских и женских сферах бытия составлялись списки таких слов и словосочетаний. Списки проверялись по Национальному корпусу русского языка.

4. Такие слова оказались принадлежащими к одному из двух единств и, соответственно, были включены в одно из них: 1) лексико-синтаксическое или 2) синтаксическое. К лексико-синтаксическому единству отнесены слова и словосочетания, являющиеся «мужскими» или «женскими» как сами по себе, так и указывающими, что референт слова, для характеристики которого они могут использоваться при субъектно-предикатных, атрибутивных и др. отношениях, мужского / женского пола. К синтаксическому единству относятся слова, для которых верно только второе.

5. В итоге были получены соответствующие списки слов с учетом их распределения по частям речи и семантико-синтаксической функции. Анализ этих списков показал следующее.

А) Существует целый ряд номинаций мужчин, которые не используются по отношению к женщинам. Аналогичный список номинаций выстраивается для именований женщин, которые не могут использоваться для именования мужчин.

Б) Как показывают данные НКРЯ, можно говорить о разных степенях «мужественности» / «женскости» слова или словосочетания. Так, у словоформы *замужн/ий(яя)* наблюдается 316 женских употреблений и 2 мужских, у словоформы *женился* наблюдается 6618 мужских употребления и всего 29 женских, а вот у словоформы *испечь* наблюдается 141 женское употребление и 48 мужских, у словоформы *причитать* – 334 женских употреблений и 122 мужских, у словосочетания *стирать белье* – 49 женских употреблений и 21 мужское.

6. Результаты исследования свидетельствуют, что, как показывает обращение к НКРЯ, существует достаточно большое количество слов, способных в контексте информировать о биологическом поле участника ситуации, обозначенного опорным существительным.

7. С другой стороны, наши данные говорят и о том, что, как показывает обращение к НКРЯ, далеко не все слова, которые, казалось бы, отражают типично мужские / женские реалии (*готовить еду, соскучиться, сплетничать, плакать*), являются типично мужскими / женскими в стандартной речи.

Литература

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., Наука, 1976.

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., Языки славянской культуры, 2002.

Мамечков С.Г. Семантическая категория биологического пола в системе категорий функциональной грамматики русского языка // Материалы XII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». 12–15 апреля 2005 г. Иностранные языки. Филология. Том IV. М., 2005. С. 327–329.

Мамечков С.Г. Семантическая значимость грамматической категории рода в русском языке (с позиций функционального и иных подходов) // Материалы XV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». 7–11 апреля 2008 г. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 35–37.

Мамечков С.Г. К вопросу об особенностях реализации семантического потенциала грамматической категории рода русских существительных. Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». № 4. М.: Издательство МГОУ. 2009. С. 98–102.

Окказиональная лабильность глаголов как грамматическая транспозиция

Нам Хе Хён

Occasional lability of verbs as a grammatical transposition

Nam Hye Hyun

Университет Ёнсе (Сеул, Республика Корея) / Yonsei University (Seoul, Republic of Korea)

zean01@yonsei.ac.kr

Аннотация. Взаимообратимость переходности и непереходности глагола заключается в изменении аргументной структуры, синтаксических и семантических ролей аргументов, что, в свою очередь, сопровождается семантической модификацией.

Ключевые слова: лабильные глаголы, грамматическая транспозиция, каузативные отношения, диатетическая мена.

Summary. Occasional lability of verbs as a grammatical transposition is related to the change of argument structure, syntactic and semantic roles of arguments, which is followed by semantic modification.

Keywords: grammatical transposition, labile verbs, causative relations, diathesis alternation.

Лабильные глаголы, это те глаголы, которые могут употребляться и в переходном, и в непереходном значении. В отличие от английского языка, лабильность глаголов в русском языке не так развита. По оценкам А.Б. Летучего, число таких глаголов в русском языке составляет примерно 30, и большинство из них относится к группе глаголов движения [Летучий 2006]. Примеры: 1) *По дороге* ***мчал*** *серебристый автомобиль – Поезд* ***мчал*** *нас в сторону Парижа*; 2) *Мы* ***повернули*** *назад – Мы решили* ***повернуть*** *стол к стене*.

Однако, помимо глаголов движения, еще многие другие глаголы могут стать окказионально лабильными, чаще всего в публицистических, разговорных и художественных тестах с ориентацией на высокую экспрессивность и установкой на языковую игру. Примеры: 3) *Он не ушел, а его* ***ушли***; 4) *Приходилось все время* ***стоять*** *кого-то в очереди*; 5) *Снега нету, дождь весь его* ***растаял***. Другой сферой развития переходности является и детская речь, что показывает стихийность данного феномена (Эпштейн 2007). Примеры: 6) *Папа,* ***поплавай*** *меня вон там, поглубже*.

Окказиональная лабильность является результатом грамматической транспозиции. Транспозиция – это употребление одной языковой единицы в несвойственной ей функции [ЛЭС 1990: 519]. Так как транспозиция нарушает узуальные грамматические отношения, при этом создается дополнительная оценка, эмоциональность, экспрессивность.

Каким путем происходит грамматическая транспозиция на уровне переходности – непереходности глагола? Мы считаем, что это связано с изменением актантной структуры глаголов. Рассмотрим данный феномен, разделив его на перенос переходности на непереходные глаголы и перенос непереходности на переходные глаголы. При этом развитие переходности происходит значительно чаще[1].

1. Развитие переходности у непереходных глаголов

Непереходные глаголы становятся переходными, сочетаясь с дополнением в форме винительного падежа без предлога. Примеры: 7) *Нас всех* ***вступают*** *в общество охраны природы*; 8) *Вы обедали? Давайте я* ***вас пообедаю***.[2] Еще возвратные глаголы могут употребляться в переходном зна-

[1] Это, наверное, потому, что в русском языке непереходных глаголов больше, чем переходных. Переходные глаголы составляют почти 1/3 всех корневых бесприставочных глаголов ([Виноградов 1972: 506]; Цитата по [Эпштейн 2007]).

[2] Все примеры в данной работе взяты из предыдущих исследований [Летучий 2006; Норман 2006; Эпштейн 2007].

чении путем удаления постфикса *-ся*. Примеры: 9) ***Сбываем мечты***; 10) Это ***меня улыбает***. Подобные случаи обозначаются как обратное словообразование, так как эти возвратные глаголы исторически происходили из переходных глаголов, которых сейчас не существует.

В целом субъект действия, обозначенного непереходным глаголом, опускается на место объекта и на пустое место субъекта вступает новый актант – каузатор, и благодаря этому в предложении причинно-следственные отношения выражаются лаконичнее.[3] То есть предложение с новым каузатором получает иную интерпретацию: мы не сами вступили в общество охраны природы, а нас заставили это сделать (7); мечты не просто сбываются, а осуществляются благодаря усилиям активного деятеля (9) [Эпштейн 2007].

2. Развитие непереходности у переходных глаголов

Употребления переходных глаголов в непереходном значении единичны. Превращение переходных глаголов в непереходные происходит путем опущения объекта – информативно избыточного. 11) *Шина* ***спустила*** *воздух* – 11') *У меня* ***спустила*** *шина*. Также оно может возникать путем опущения субъекта с последующим передвижением объекта на место субъекта. 12) *У меня телефон не* ***ловит*** *сеть* – 12') *Здесь ни одна сеть не* ***ловит***; 13) *Старые телефоны* ***не берут*** *сеть* – 13') *Тут МТС* ***не берет***. В этих примерах сначала происходит опущение субъекта, а затем оставшийся объект передвигается на место субъекта. Такое употребление можно сравнивать с синонимичной возвратной конструкцией *-ся*: ***Здесь ни одна сеть не ловится.*** Интересно отметить, что при этом действие часто отрицается.

В целом, взаимообратимость переходности и непереходности глагола заключается в изменении актантной структуры, синтаксических и семантических ролей актантов. При развитии переходности у непереходных глаголов субъект опускается на место объекта и на его место вступает новый каузатор. А при превращении переходных глаголов в непереходные опускается объект или субъект. Сказанное подтверждают и глаголы движения как типичные лабильные глаголы, чьи актанты похожи по свойствам, ибо оба движутся, и субъект не подвергает объект существенным изменениям [Летучий 2006]. См. примеры (1)–(3). Нам представляется, что, будучи не прототипическим субъектом и объектом, актанты глаголов движения легко подвергаются изменению аргументой структуры и потому глаголы движения составляют группу типичных лабильных.

Литература

Быкова Н.А., Мельникова Е.М. Развитие категории переходности у непереходных глаголов в современной речи // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. С. 99–103.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972.

Летучий А.Б. Лабильность в русском языке: случайность или закономерность? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово 11 мая – 4 июня 2006 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2006.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990 (ЛЭС).

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Наука, 2006.

Эпштейн М. О творческом потенциале русского языка: Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 2007. № 3 С. 193–207.

Dancygier D., Sweetser E. Figurative Language. Cambridge, England: Cambridge. 2014.

Грамматические признаки культурной апроприации заимствований в русском языке Интернета

Т.Б. Радбиль

Grammatical indicators of cultural appropriation of loanwords in Internet Russian

T.B. Radbil

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского /
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

timur@radbil.ru

Аннотация. В работе представлена лингвокультурологическая интерпретация грамматических признаков культурной апроприации заимствований в русском языке Интернета. На грамматическом уровне рефлексы культурной апроприации заимствований проявляются в их грамматической оформленности по законам русской морфологии, т.е. в категоризации по русским морфологическим именным категориям рода, числа, падежа, глагольным категориям возвратности и безличности и пр., изначально несвойственной этим единицам в языке-источнике.

Ключевые слова: грамматические инновации, культурная апроприация заимствований, лингвокультурологический подход, русский язык Интернета.

Summary. The work presents linguo-cultorological interpretation of grammatical features of cultural appropriation of loanwords in Internet Russian. At the grammatical level reflexes of cultural appropriation of foreign-language elements are expressed in their grammatical arrangement on the laws of Russian grammar, i.e. in categorization accordingly to Russian morphological noun categories of gender, number and case, verb categories of reflexivity and impersonality, originally uncharacteristic for these elements in source-language.

Keywords: grammatical innovations, cultural appropriation of loanwords, linguo-cultorological approach, Internet Russian.

В нашей работе развиваются идеи лингвокультурологической интерпретации активных процессов на базе иноязычных элементов в русском языке Интернета, которые в наших предыдущих исследованиях получи терминологическое наименование «культурная апроприация заимствований» [Новые явления 2014; Радбиль 2017; Радбиль, Рацибурская 2017]. В частности, мы показали, что своего рода «аккультурация» заимствований имеет вполне отчетливые фонетические и орфоэпические, семантические, лексические, словообразовательные, грамматические, функционально-стилистические признаки, по которым можно диагностировать степень культурной апроприации того или иного инновационного образования с иноязычными строевыми элементами. В настоящей работе мы подробнее остановимся на грамматических показателях культурной апроприации заимствований.

На грамматическом уровне рефлексы культурной апроприации заимствований проявляются в их грамматической оформленности по законам русской морфологии, т.е. в категоризации по русским морфологическим именным категориям рода, числа, падежа, глагольным категориям возвратности и безличности и пр., изначально несвойственной этим единицам в языке-источнике.

Так, например, аналогическая категоризация по мужскому роду характерна для заимствований, фонетическое оформление которых внешне совпадает с исконными существительными мужского рода (финаль – согласная фонема): *Пуш* – «всплывающие» уведомления на мобильном устрой-

[3] В английском языке, где лабильность сильно развита, в этом легко можно убедиться. Примеры: She *lied* her father into prison; We *laughed* Joe out of his depression. Здесь превращение непереходных глаголов в переходные лаконично выражает каузативное изменение в пространстве и состоянии(Dancygier, Sweetser 2014).

стве: *Сегодня для* ***пуша*** *технологически мы можем использовать 3 компонента: текст, иконку и звуковой сигнал*; *фича* (от feature – свойство, способность, возможность, функциональность): *Instagram вводит новые* ***фичи****, стремясь по максимуму использовать нахлынувшую популярность и превратиться в мощный маркетинговый инструмент.* Точно также в русские грамматические модели категоризации по роду вписываются и сложные слова на базе заимствованных компонентов: *Фидбек* / *фидбэк* – обратная связь с пользователями, участниками группы в социальных сетях: ***Фидбеки*** *позволяют разработчикам игр понять, нравится ли игра пользователям, что конкретно не нравится и почему.* Ряд таких сложных лексем сохраняют орфографический дефис, унаследованный из принятых написаний этих слов в языке-источнике: *Лайк-тайм* – средство для повышения количества лайков в профиле в социальной сети и расширению органического охвата аккаунта: *Интересно, что в некоторых группах возможно попасть в* ***лайк-тайм*** *не один, а несколько раз к ряду*.

В грамматике глагола типично русские способы языковой концептуализации мира при концептуальном освоении заимствований в языке Интернета проявляются в вовлечении иноязычных глагольных корней в модели имперсонализации и рефлексифизации. Культурная апроприация иноязычных корней в грамматике русского языка Интернета прежде всего обнаруживает себя, например, в распространенности безличных форм глагола: *Забанил в одном месте* – **забанилось** *везде; Правда, плюс в том, что* **законнектилось** *очень быстро и настроек минимум; Да просто снова* ***затроллилось*** *и не живется спокойно!*; *У меня на улице с холодной* загрузки зафиксилось за секунд 15 (зафикситься ‘исправиться, заработать после временного выхода из строя’); *Помогите мне ... либо чат* ***зафлудило*** *чем, или убрать рекламу*.

Кроме безличности, к интересующим нас случаям в языке Интернета относятся примеры рефлексивизации – образования возвратных глаголов на базе заимствованного компонента: *Всё* ***зафакапилось****, уже пол часа пытаюсь продолжить просмотр* (*зафакапиться* ‘выйти из строя, перестать работать’); *Как надо было играть песняров, чтоб* ***зашазамилось*** *Road to Ruin?* (*зашазамиться* ‘(для музыкальной композиции) быть определенной при помощи специального мобильного приложения *Shazam*’); *У меня есть бэйсик, но есть ли смысл* ***апгрейдиться****, если через несколько месяцев выйдет новый аддор?* (*апгрейдиться* ‘улучшать систему (обычно компьютерную) путем замены ее компонентов на более новые и/или совершенные’); *Максакову обвинили в желании* ***похайпиться*** *на горе в Кемерово* (*хайпить* ‘поднимать шумиху, ажиотаж вокруг чего-либо (обычно в социальных сетях)’); *Ты слышала, она* ***законтактилась****?* (*законтактиться* ‘1. Зарегистрироваться в социальной сети «ВКонтакте». 2. Связаться при помощи этой сети’).

Литература

Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 592 с.

Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: кол. монография / Под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта; Наука, 2014. 304 с.

Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.

Модальная частица *чуть не* с глаголом как отражение аналитических тенденций в грамматическом строе современного русского языка

И.Г. Родионова

A modal particle *chut' ne* with a verb as a reflection of analytical tendencies in the grammatical structure of the modern Russian language

Inessa G. Rodionova

Пензенский государственный университет / Penza State University

Inessa96@bk.ru

Аннотация. Описывается аналитическая синтаксическая конструкция, представленная сочетанием модальной частицы *чуть не* с глаголом. Отмечается значение близкого к совершению, но нереализованного действия, выражаемого конструкцией. Рассматриваются семантические и грамматические особенности глагола в составе конструкции.

Ключевые слова: частица, глагол, аналитизм, аналитическая синтаксическая конструкция.

Summary. An analytical syntactic construction is described, which is represented by a combination of a modal particle *chut' ne* and a verb. The value of a close but unrealized action expressed by the construction is noted. The semantic and grammatical features of the verb in the structure of the construction are considered.

Keywords: particle, verb, analytism, analytical syntax.

Одной из ведущих тенденций в развитии грамматического строя современного русского языка является усиление аналитизма, что находит проявление в образовании и функционировании аналитических конструкций, представленных сочетанием частиц со знаменательными словами. Одной из таких конструкций, которая активно используется в русской речи, является сочетание модальной частицы *чуть не* с глаголом: *Они ее поцеловали и, по обыкновению, благословили: она* ***чуть не заплакала*** (А. Пушкин); *Ничего не произошло – если не считать того, что я* ***чуть не свалился*** *в воду* (В. Пелевин).

Сочетание частицы *чуть не* с глаголом становилось объектом научного интереса ученых, таких как А.А. Шахматов [Шахматов 2006: 105], В.В. Виноградов [Виноградов 1972: 460, 462, 463, 573], Н.Ю. Шведова [Шведова 2003: 134–135]. Однако, несмотря на внимание лингвистов к названному сочетанию, оно не было предметом специального исследования и не подвергалось комплексному анализу. Особенность нашего подхода к рассмотрению сочетания частицы *чуть не* с глаголом состоит в том, что оно квалифицируется не просто как соединение служебного и знаменательного слов, а как аналитическая синтаксическая конструкция, которая выражает не грамматический статус аналитического образования, а его функцию в высказывании. Аналитические синтаксические конструкции не включаются в парадигму слова, представляют собой семантико-синтаксические единства, содержат, помимо самостоятельного слова, функционально несамостоятельный компонент и определяют, по словам П.А. Леканта, «субъективную тональность высказывания» [Лекант 2009: 49]. Использование аналитических синтаксических конструкций обусловлено стремлением говорящего передать тончайшие оттенки смысла, которые невозможно отразить с помощью синтетических средств языка.

Аналитическая синтаксическая конструкция, представленная сочетанием модальной частицы *чуть не* с глаголом, обозначает близкое к совершению, но нереализованное, неосуществленное действие.

Анализ материала показал, что в составе рассматриваемой аналитической конструкции, как правило, употребляются глаголы, глагольные фразеологизмы и глагольно-именные обороты в форме прошедшего времени: *И тут он* ***чуть не наткнулся*** *на командира дивизии, полковника Сербиченко* (Э. Казакевич); *Когда я под конец дня добралась до*

Николаевки, то бабушка не просто была поражена – она ***чуть не упала в обморок****, увидев меня одну* (И. Архипова). Аналитическую конструкцию может образовывать сочетание частицы *чуть не* со связкой в форме прошедшего времени: *Я понял, что* ***чуть не стал жертвой*** *паники* (В. Пелевин).

Аналитические конструкции, включающие частицу *чуть не* с глаголом в форме настоящего времени, нерегулярны. Они приобретают оттенок возможного ближайшего действия: *Он выскочил, побежал к ней,* ***чуть не плачет*** (Д. Гранин) или возможного повторяющегося действия: *Мы иногда с ней* ***чуть не ругаемся*** (А. Геласимов).

Рассматриваемая аналитическая синтаксическая конструкция активно используется в двусоставном предложении, называя близкое к совершению неосуществленное действие субъекта-подлежащего: *Савельич* ***чуть не завыл****, услышав, как нитки затрещали* (А. Пушкин). Реже частица *чуть не* с глаголом используется в безличном предложении, называя стихийное или независимое действие: *Меня* ***чуть не вывернуло*** *от этого зрелища* (В. Аксёнов); *Пробравшись обратно в штабной блиндаж, Пивоваров (по дороге его* ***чуть не убило*** *осколком немецкой мины) рассказал автоматчику Глушкову, что в медсанбате нет никаких условий для лечения больного* (В. Гроссман); *От досады Романову* ***хотелось чуть не плакать*** (А. Маринина).

Наиболее часто в составе рассматриваемой аналитической конструкции используются глаголы, называющие резкое, интенсивное, нередко разрушительное действие (*свалиться*, *задушить*, *переругаться*, *подраться*, *обезуметь* и др.): *Сидя на корточках, мы стали прыгать по лавочке и* ***чуть не свалились*** *на землю* (В. Медведев); *– Да ведь вы его* ***чуть не задушили****! – грубо и сердито вскрикнула Матрёна* (Л. Андреев); *Вчера мы долго разговаривали с Димкой,* ***чуть не подрались****, но все-таки договорились писать друг другу до востребования* (В. Аксёнов); *Семейный совет битый час решал, что делать, все* ***чуть не переругались*** (Д. Соколов-Митрич).

Обращает внимание частое использование частицы *чуть не* с глаголами *плакать*, *рыдать* и их производными. В подобных случаях с помощью аналитической конструкции называется эмоциональная реакция человека на нежелательную ситуацию: *Тут я сдался и* ***чуть не заплакал*** (М. Булгаков); *Галя* ***чуть не плакала*** *и смотрела на Димку* (В. Аксёнов); *Сердце застучало. Я* ***чуть не расплакался*** (Г. Горин); *Я* ***чуть не зарыдал*** *от жалости к себе* (С. Довлатов).

Регулярным является использование частицы *чуть не* с глаголом *умереть* для обозначения критического состояния субъекта: *Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала с того, что заболела и* ***чуть не умерла*** (И. Тургенев). Однако значительно чаще глагол *умереть* (а также его просторечный вариант *померетъ*) в рассматриваемой аналитической конструкции используется в гиперболизированном значении с целью усиления экспрессивности высказывания: *Когда она услышала, что перед нею испанский король, то всплеснула руками и* ***чуть не умерла*** *от страха* (Н. Гоголь); *И мы все так хохотали, что* ***чуть не померли*** (В. Драгунский).

В высказываниях с аналитической синтаксической кон струкцией, включающей частицу *чуть не* с глаголом, реализуются причинно-следственные отношения. Близкое к совершению неосуществленное действие а) является реакцией на определенное эмоциональное или физическое состояние субъекта (радость, страх, досада, голод и др.): *Вспомня решение совета, я предвидел долговременное заключение в стенах оренбургских и* ***чуть не плакал от досады*** (А. Пушкин); *Чертопханов* ***чуть не обезумел от радости*** (И. Тургенев); *Грозный у нас правитель: вчера увидела я его на улице,* ***со страху чуть не упала*** (В. Гаршин); *Я там* ***чуть-чуть не умер с голода*** (М. Лермонтов); б) вызвано воздействием на субъект внешних раздражителей: *Я* ***от этой пыльцы чуть не задохнулся*** (В. Медведев); в) является следствием действий других субъектов (живых и неживых); при этом аналитическая конструкция приобретает оттенок меры и степени проявления этих действий: ***Хлопнула*** *во втором этаже рама* ***так****, что* ***чуть не вылетели*** *стекла* (М. Булгаков); *Бабушка схватила меня за руку* ***так сильно****, что я* ***чуть не вскрикнул от боли****, и вывела из коридора* (К. Паустовский).

Средством усиления значения неосуществленности близкого к совершению действия является повтор компонента *чуть*: *И не смешно ли было жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал, а восемнадцатилетняя девушка* ***чуть-чуть не утопила****?* (М. Лермонтов) Эмоционально-экспрессивный характер рассматриваемой аналитической синтаксической конструкции усиливается благодаря ее использованию в парцеллированных высказываниях: *Он, бедняга, в ту зиму натерпелся, я помню.* ***Чуть не слег*** (Ю. Трифонов).

Литература

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972.

Лекант П.А. Интенсив – это форма или конструкция? // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2009. № 1. С. 47–50.

Шахматов А.А. Учение о частях речи. Изд. 2-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Отв. ред. В.В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2003.

О механизмах падежного формообразования: два пути развития*

О.Б. Сизова

On the mechanisms of case inflection: two ways of development

Olga B. Sizova

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) / Institute for Linguistic Studies RAS (Saint-Petersburg)

osizova@yandex.ru

Аннотация. В исследовании выявляются закономерности влияния механизмов, определяющих стратегию языкового развития, на особенности освоения и использования падежных форм имен существительных в детстве.

Ключевые слова: падежное словоизменение, языковые стратегии, механизмы формообразования.

Summary. The study identifies the patterns of influence to the specific of the development and use of case forms of nouns in childhood by the mechanisms that determine the strategy of language development.

Keywords: case inflection, language strategies, morphological mechanisms.

Систематизация явлений, характеризующих формирование различных языковых систем на ранних этапах развития, позволили выявить два основных пути освоения языка в детстве, за которыми закрепились названия экспрессивная и референциальная стратегии [Доброва 2018; Bates, Bretherton, Snyder 1988]. Противопоставление признаков стратегий основывается на особенностях фонетики, начального лексикона, формировании синтаксиса. Различия в усвоении морфологии относительно мало изучены применительно к стратегиям освоения языка, поскольку базовые исследования в этом направлении проводились на материале английского языка, морфологически не столь богатого, как русский. Отмечено лишь, что дети референциальной стратегии применяют грамматические правила систематично и склонны к сверхгенерализации, дети экспрессивной стратегии менее последовательно осваивают и используют грамматические правила. Между тем, механизмы, обусловливающие выбор языковой стратегии, должны, вероятно, оказывать влияние и на формирование морфологической системы языка. На основе выявления закономерностей порождения падежных форм

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, грант 14-18-03668.

детьми, реализующими противопоставляемые стратегии освоения языка, представляется возможным расширить представления о функционировании морфологической системы и механизмах его сбоев.

Задача исследования – выявление механизмов, обусловливающих порождение в речевом акте и освоение в онтогенезе форм падежного словоизменения. Методом явилось экспериментальное исследование формообразования; процедура заключалась в воспроизведении высказывания вслед за экспериментатором и дополнении его формой существительного в косвенном падеже с опорой на иллюстрацию. Информантами выступили дошкольники в возрасте 4–4,5 лет, участвовавшие в предварительном лонгитюдном наблюдении в течение 12 месяцев с целью выявления детей, реализующих референциальную и экспрессивную стратегии освоения языка.

Более успешными в порождении падежных форм оказались дети экспрессивной стратегии. Анализ сбоев, обнаруженных в обеих группах, показал, что явления, характерные для окказионального падежного формообразования в детстве [Цейтлин 2000], более частотны в группе референциальных детей. У них относительно чаще встречаются замены целевой формы диминутивом, сохранение ударной корневой морфемы в случаях необходимости перехода ударения на флексию, актуализация лексемы в именительном падеже. Общей характеристикой обнаруженных явлений представляется тенденция к упрощению грамматических операций, обеспечивающих процесс формообразования: выбор диминутива в качестве исходной формы облегчает определение морфемной границы основы; сохранение ударности корневой морфемы или исходной флексии при замене на форму в номинативе, по сути, представляют собой сокращение процессов грамматического преобразования на одну операцию. У детей экспрессивной стратегии относительно чаще, чем в противопоставляемой группе, встречаются фонетические искажения основы слова: **утюком* / *утегом* (= утюгом) и замены целевой лексемы на другую, семантически связанную с целевой: **воды* вм. «ведро»; **пилим… пились* вм. «пила». Несмотря на то, что подобные окказионализмы не совпадают с целевой формой, они демонстрируют сбои функционирования фонетической или лексической, но не собственно грамматической системы. Замены целевой падежной флексии на флексию другого косвенного падежа выявлены в обеих группах, но механизмы таких замещений, вероятно, различаются. Референциальные дети, действительно, демонстрируют склонность к сверхгенерализации освоенного грамматического алгоритма с тенденцией к сокращению грамматических преобразований. Наиболее характерным сбоем в этой группе является замещение целевой формы датива существительных 1-го склонения на форму генитива (**лисы* / *козы* вм. «лисе / козе»), при котором неадекватный выбор флексии сопровождается (и, возможно, обусловлен) пропуском операции фонетического преобразования конечного согласного основы. Закономерности межпадежных замен у экспрессивных детей строго индивидуальны, в них может отражаться как тенденция к использованию онтогенетически более ранних механизмов, таких, как маркирование флексией –У форм различных косвенных падежей, так и склонность к использованию фонетически более сложных и позже появляющихся в онтогенезе флексий Тв. пад. для маркирования форм аккузатива. Часто невозможно выявить единой закономерности возникновения межпадежных замен в речи экспрессивного ребенка. При этом важно еще раз отметить, что в целом экспрессивные дети успешнее в падежном формообразовании.

Таким образом, референциальная стратегия освоения языка, обеспечивая фонетическую стабильность произношения и быстрый прирост лексикона, оказывается менее приспособленной для освоения сложно организованной грамматики падежа. Носители референциальной стратегии стремятся систематизировать, унифицировать и, в конечном итоге, минимизировать процессы грамматических преобразований, отражая тенденцию, характерную для аналитического вектора развития языков. Дети экспрессивной стратегии, отставая в фонетической стабильности и способностях к обобщению, в том числе грамматическому, строят свою грамматическую систему конситуативно, осваивая средства языка в соответствии с их функцией и прагматической ролью. Такая стратегия помогает им освоить сферы употребления прагматически востребованных падежных форм во всем разнообразии, обеспечивая базу для освоения синтетических средств выражения грамматических значений.

Литература

Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.

Bates E., Bretherton I., Snyder L. From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Союз? Частица? Наречие? (К вопросу о формализованной связи деепричастия)

О.М. Чупашева

Conjunction? Particle? Adverb? (To the question of formalized connection of an adverbial participle)

O.M. Chupasheva

Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко / Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko

dglaol@mail.ru

Аннотация. Рассматривается союзная связь деепричастия с глаголом и случаи синкретизма связочного элемента.

Ключевые слова: деепричастие; средство связи; семантический союз; синкретизм.

Summary. The article considers the connection of an adverbial participle with a verb and cases of syncretism of the ligament element.

Keywords: adverbial participle; means of the connection; semantic conjunction; syncretism.

Для русского деепричастия типична бессоюзная связь с глаголом-сказуемым, но союзная возможна. Логично прогнозировать для его связи подчинительные союзы, между тем они не исключают сочинительных, хотя, безусловно, преобладают. Из сочинительных отметим противительные *но*, *однако*: *«Лишний билетик» спрашивали,* но ***подразумевая*** *амфитеатр или балет* (газ.); из подчинительных – четыре типа: сравнительные, уступительные, присоединительные, временные, – т.е. набор разрядов союзов ограничен. Все они семантические, следовательно, союзная связь деепричастия имеет целью актуализировать вербализуемые ею его грамматические значения.

В рамках заявленной проблемы остановимся на подчинительных союзах. Наряду с союзами при деепричастии возможны одноименные частицы и наречия; их функции дифференцируются. Семантические союзы наряду с функцией связи грамматикализуют значение деепричастия, наречия участвуют в создании общего информационного пространства предложения, частицы корректируют отдельные участки этого пространства.

Деепричастие вводится в предложение сравнительными союзами *будто, как бы, словно, нежели* и некоторыми другими: *Его спокойный тяжелый взгляд был обращен на Волкова, будто* ***ставя*** *его в центр того, что происходило здесь*

сейчас (И. Одоевцева); *Нина иногда поглядывала на Волкова, как бы* ***спрашивая*** *глазами его шансы на успех* (В. Токарева); *Субъект не может по-иному относиться к действительности, нежели* ***придавая*** *ей различные значения и* ***наделяя*** *ее различными характеристиками* (А. Сергеев).

Деепричастие включается в структуру предложения посредством уступительного союза *хотя* (*хоть*): *И на другой день, хотя и не совсем еще* ***сдавшись****, граф Илья Андреевич поехал* (Л. Толстой); *Он… ни разу не встретил брошенный в него предмет качанием хвоста, но с яростным лаем прогонял обидчика до угла, хоть и* ***не смея*** *приблизиться и напасть* (Г. Владимов).

Связь деепричастия с глаголом в предложении осуществляется присоединительным союзом *причем*: *...Я начну говорить о фильмах, об образцах неоднородности, причем заранее* ***оговорив*** *свою любовь к этим двум фильмам* (Д. Лихачев).

При деепричастии возможны лексемы *лишь, едва, не прежде как, едва только*, неодинаковые по грамматической природе и по своему назначению. Одни функционируют исключительно как временны́е союзы, другие – дифференцированно как союзы, частицы или наречия, третьи расширяют свою функцию, совмещая эти роли в разных сочетаниях в пределах одной лексемы, становясь синкретичными элементами в структуре предложения.

Среди первых – *не прежде как, едва только*: *Берестов проводил его до самого крыльца, а Муромский уехал не прежде, как* ***взяв*** *с него честное слово на другой же день (и с Алексеем Ивановичем) приехать отобедать по-приятельски в Прилучино* (А. Пушкин); *Едва только познакомившись с ним, я увидел у него* (Репина. – *О.Ч.*) *на мольберте картину «Пушкин над Невою в 1835 году», над которой он работал несколько лет* (К. Чуковский).

Вторую и третью группу представляют *лишь, едва*.

Лишь при деепричастии – это союз или / и частица. *Лишь*-союз, связывая деепричастие со сказуемым, реализует значение ‘как только’: *Лишь* (= как только) ***выйдя*** *за околицу, я напилась у родника* (Е. Керсновская). Характерно, что замена союза *лишь* союзом *как только* сопровождается заменой деепричастия глаголом в форме наклонения. *Лишь*-частица (здесь выделительно-ограничительная) реализует значение ‘только’: *Щи из свиной головы были такие наваристые, что можно было умереть от восторга, лишь* (= только) ***понюхав*** *их!* (Е. Керсновская). В данном случае при соответствующей замене частицы деепричастие сохраняется. Подобную дифференциацию союза и частицы обозначим как *или* / *или*: одно из возможных. В случае синкретизма *лишь* совмещает функции союза и частицы: *Лишь* (= как только, только) ***приблизившись*** *к сосновому лесу, ...новобранцы увидели со всех сторон из непроглядной мглы накатывающие под сень сосняков устало качающиеся на ходу людские волны, соединенные в ряды, в сомкнутые колонны* (В. Астафьев). Синкретизм обозначим как *и – и*: и то и другое.

При синкретизме «доли» союза и частицы в лексеме вряд ли могут быть установлены, границы между ними не только неопределенные – они размываются.

Едва в составе деепричастных оборотов выступает как союз или как наречие (*или* / *или*), совмещения функций в данном случае не отмечено.

В значении ‘как только, лишь только’ *едва* – союз, объединяющий деепричастие с глаголом-сказуемым: *Миронов, едва* (= как только) ***распорядившись*** *поставить в известность дистанцию, завалился у себя дома и пьет мертвую* (В. Максимов). *Даже самые близкие, едва* (= как только) ***заговорив*** *с ним, натыкались на эту холодность и грубость* (В. Каверин). В предложения с *едва*-союзом не допускается введение другого временно́го союза, производится только замена деепричастия глаголом в форме наклонения, как в случае с *лишь*-союзом.

Едва-наречие реализует значение ‘насилу, с трудом’ и не участвует в связи деепричастия с глаголом-сказуемым: *Едва* (= с трудом) ***дыша****, они ворвались в свое учреждение* (А. Битов), или значения ‘чуть’, ‘слегка’: *И Лиза и Регина, едва* (= чуть) ***не столкнувшись*** *лбами, бросились ее обнимать* (В. Каверин); *В доме княгини дьякона принимали так, как следует принимать беззащитного и к тому же кроткого бедняка, – едва* (= слегка) *кивая ему головой, едва* (= чуть) *удостоивая* (сохраняется написание источника. – *О.Ч.*) *его словом* (А. Герцен).

Лексическая грамматика как интегративное единство

А.Л. Шарандин

Lexical grammar as integrative unity

Anatolii L. Sharandin

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина / Russia, Tambov, State University named after G.R. Derzhavin

sharandin@list.ru

Аннотация. Интегративный принцип в лексической грамматике рассматривается как методологический. Представлен аспект интегративного описания взаимодействия лексики и грамматики. Выделены разные типы интеграции в составе семантической структуры слова и на уровне взаимодействия частей речи русского языка.

Ключевые слова: лексическая грамматика, семантическая структура слова, интеграция и ее типы.

Summary. Integrative principle in lexical grammar is concerning the methodological one. Aspect of integrative describing of interaction between lexical and grammar is concerning. Different types of integration in complex of semantic structure of the word are emphasized, it is also connected with interaction of different parts of speech of Russian language.

Keywords: lexical grammar, semantic structure of the word, integration and its types.

Лексическая грамматика – это *особый аспект* системного описания взаимодействия лексики и грамматики, когда в качестве систематизирующего признака используются грамматические формы и категории, выполняющие лексическую функцию [Шарандин 2001]. **Объектом** ЛГ является слово-лексема как языковая модель номинации, которая реализует одно лексическое значение (ЛСВ) в различных условиях коммуникации, что обусловливает различия в его грамматическом оформлении. **Предметом** ЛГ оказывается взаимодействие лексической и грамматической сторон слова. **Механизм их взаимодействия** определяется принципом совместимости лексического и грамматического значений. Если грамматическое значение формы слова не противоречит его лексической семантике, то такая форма включается в план выражения (парадигму) слова; если же противоречит, то тогда данная форма с соответствующим грамматическим значением исключается из плана выражения (парадигмы) слова (лексемы).

В качестве *когнитивного принципа*, позволяющего описать данное взаимодействие, выступает, на наш взгляд, **интеграция.** Основными компонентами понятия «интеграция», как известно, являются следующие: 1) интеграция – это процесс и его результат; 2) интеграция предполагает объединение в единое целое определенных элементов [частей, компонентов]; 3) элементы интеграции разнородны и обладают различным рангом [автономностью] в этом единстве; 4) разнородный характер и различная степень автономности обусловливают не только взаимосвязь элементов единого целого, но и их взаимодействие друг с другом, которое определяет их упорядоченность элементов в составе целого и тем самым формирует структуру интегративного единства.

Данные признаки находят отражение в ЛГ. Процессуальный характер определяется языковым механизмом взаимодействия, основанным на принципе совместимости / несовместимости лексического и грамматического значений слова

как элементов его семантической структуры. При этом данные элементы разнородны и характеризуются в этом единстве различной автономностью: лексическое значение является концептуальным содержанием слова и поэтому обладает большей автономностью по сравнению с грамматическим значением, которое по отношению к нему оказывается концептуальной структурой [Талми 1999]. Имея разнородный характер и обладая разной автономностью, лексический компонент взаимодействует с грамматическим компонентом, обусловливая его включение или невключение в состав парадигмы слова-лексемы. В результате их взаимодействия мы имеем определенную упорядоченность и структуру лексемы, которая, отражая отдельное звено лексической системы, характеризуется набором различных форм, структурирующих содержание (лексическое значение) лексемы и тем самым фиксирующих ее в языковой памяти и лингвистическом пространстве носителя языка.

Таким образом, **ЛГ по своей природе и сущности представляет собой интегративный аспект описания языка**. Причем интеграция проявляется достаточно разнообразно. Дело в том, что за составляющими интегративного единства в ЛГ стоят определенные типы знаний, которые объективируются в языке посредством компонентов семантической структуры слова. **Интегративное единство** – это, в сущности, *единство, создаваемое взаимодействием разных типов знаний*: во-первых, знаний, полученных в результате отражения и интерпретации действительности, и, во-вторых, знаний языковой системы, используемой в качестве средства познания этой действительности и общения. Результат процесса интеграции предполагает согласование языковых знаний со знаниями о действительности. При этом языковые знания чаще всего определяются реальными знаниями. В свою очередь лексические и грамматические значения сами являются многомерными структурами. Поэтому в них можно выделить интегративные единства, которые характеризуются взаимодействием компонентов в структуре и лексического, и грамматического значений.

Типы интеграции в рамках слова: **1. *Грамматическая интеграция***. Она осуществляется в рамках межкатегориального взаимодействия (вид и время, время и наклонение) в составе грамматической части слова, представленной формообразующими аффиксами. **2. *Семантическая интеграция***. Она объективируется основой слова и отражает концептуальную взаимосвязь и взаимодействие предметно-понятийной части и коннотативной части в семантической структуре слова. Противопоставление собственно лексического и коннотативного значений обусловлено их различной природой в структуре знания. В функциональном отношении коннотация «обслуживает» лексическое значение с целью передачи интерпретируемой информации через «чувство-отношение» говорящего к обозначаемой действительности. **3. *Лексико-грамматическая интеграция***. Она представлена в процессах объединения двух компонентов – лексического и грамматического, отношения между которыми представлены выше.

Интеграция лексического и грамматического компонентов может происходить *на двух уровнях*: на уровне одной части речи – внутричастеречная интеграция и на уровне взаимодействия двух частей речи – межчастеречная интеграция. **Внутричастеречная интеграция** предполагает взаимодействие лексического значения, объективированного основой слова, и грамматического значения, объективированного формообразующими аффиксами. **Межчастеречная интеграция** интересна тем, что взаимодействуют различные стороны двух частей речи: с одной стороны, абстрактная лексическая семантика, присущая той части речи, формой которой оказывается интегративное образование, а с другой – грамматическая семантика другой части речи, которая определяет форму существования (объективирования) этой лексической семантики (например, причастия и деепричастия). Именно в рамках межчастеречной интеграции образуются так называемые «противоречивые» или «гибридные» языковые знаки, в связи с чем возникает вопрос об их частеречном статусе.

Таким образом, рассмотрение интегративного принципа описания русского языка имеет *методологическую направленность* [Шарандин 2009] и его реализация в рамках ЛГ как интегративного единства является системно обусловленным в изучении русского языка.

Литература

Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 91–115.

Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка: морфология. Тамбов: ТГУ, 2001.

Шарандин А.Л. Методология лексической грамматики // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы / Отв.ред. А.Л. Шарандин. Тамбов: ТГУ, 2009. С. 13–28.

Русское нефлективное словоизменение

М.В. Шульга

Non-inflectional word-changing in the Russian language

Maria V. Shulga

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

shoulga@mail.ru

Аннотация. В докладе показано развитие и обогащение грамматических средств, характерных для синтетического языкового строя. Обсуждаются актуальные возможности морфонологии и супплетивизма, их участие в формировании новых грамматических значений у изменяемых частей речи в русском языке.

Ключевые слова: синтетический строй, супплетивизм, внутренняя флексия, морфонологические чередования.

Summary. In the report we indicate the development and enrichment of the grammatical means typical of the synthetic language system. We also debate relevant capabilities of morphonology and suppletivism, and their usage in the formation of new grammatical meanings in the inflectional parts of speech.

Keywords: synthetic system, suppletivism, inner inflection, morphonological alternations.

Грамматические средства синтетических языков – это средства, выражающие грамматику внутри слова. Это, прежде всего, флексация, которая создает более или менее регулярные словоизменительные парадигмы. К грамматическим средствам синтетических языков относятся также внутренняя флексия, супплетивизм, подвижное ударение – источники так называемых нерегулярностей.

Анализ выявляет высокий удельный вес «нерегулярностей» в русском языке. В «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка [Зализняк 2003] словоизменение описывается с помощью приблизительно девяноста основных образцов (типов спряжений и склонений). Однако эти девяносто образцов, даже с учетом некоторых «нерегулярностей» (схем ударения и разных тематических глагольных гласных), охватывают менее двух третей изменяемых слов. Подсчеты О.В. Кукушкиной показали, что 36,7% единиц словника «Грамматического словаря» нуждаются «в описании с помощью дополнительных помет», которые должны указывать на нерегулярные явления, возникающие при словоизменении: на слова с чередованием, аномальным, дефектным или вариативным изменением [Кукушкина].

В тексте, в речи, морфологические «нерегулярности» представляют, по нашим замерам, даже более частотное явление, чем в парадигматике. Это связано с тем, что они свойственны, как правило, словам общеупотребительным и частотным.

Обычно такие «нерегулярности» рассматривают в типологическом аспекте – как «родимые пятна» индоевропей-

ского или праславянского синтетизма, постепенно изживаемые за счет унифицирующих тенденций.

Однако инновации письменного периода истории русского языка показывают, что эти специфические синтетические средства и способы выражения грамматических значений востребованы в развитии русской морфологии.

Усложнение структуры флективных форм и флективных парадигм, развитие внутренней флексии, супплетивизма, морфонологических чередований, расширение грамматической функции ударения – эти явления выразительно обнаруживают себя в динамике русского языка при актуализации разных морфологических процессов: при перестройке категории числа, становлении категорий вида и залога, при формировании числительных как части речи.

Это дает основание рассматривать так называемые нерегулярности в одном функциональном ряду с регулярными (флективными) морфологическим средствами.

Важно отметить, что и на современном этапе морфологические процессы с участием супплетивизма, ударения, внутренней флексии весьма актуальны.

Регуляризация видовых пар, вовлечение двувидовых глаголов в системные видовые оппозиции – эти сегодняшние процессы осуществляются супплетивным способом.

Динамика и вариантность ударения у существительных и глаголов указывает на то, что ударение как грамматический способ активно вовлечено в развитие современной категории числа и глагольной переходности.

В итоге так называемые нерегулярности оказываются явлениями вполне системными и по-своему систематичными. За ними обнаруживаются четкие грамматические функции.

Можно, видимо, считать, что актуализация этих синтетических грамматических способов, расширение арсенала синтетических грамматических средств подтверждают направление основного вектора развития морфологической системы русского языка – вектора синтетизма.

Эта тема имеет не только типологический аспект, она имеет также выходы в общую морфологию.

В.А. Плунгян констатирует, что морфология в лингвистике традиционно считается сферой непредсказуемого, хаотичного и идиосинкратичного. В современных грамматических теориях морфология предстает преимущественно как склад нерегулярных фактов, принадлежность «словаря», не способная дать почву для обобщений, характеризующих устройство естественных языков в целом [Плунгян 1998].

Повод для этого отчасти дают многочисленные «нерегулярности» в выражении морфологических значений. Какими бы разными (и какими бы произвольными) эти нерегулярности ни казались на первый взгляд, осмысление их с собственно грамматических позиций могло бы содействовать «восстановлению морфологии в правах».

Литература

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 100 000 слов. 4-е изд., испр. и доп. М., 2003.

Кукушкина О.В. Словарная база данных «Грамматический словарь русского языка А.А. Зализняка» и некоторые результаты ее исследования [http://www.philol.msu.ru/~lex/articles/db_zalizn.htm].

Плунгян В.А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях: обзор // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 324–386.

Проблемы анализа вида и времени

Совершенный вид глагола класса «verba manendi» *остаться* и выражение продолжительности. К объяснению парадоксальной сочетаемости

Оливье Азам

The use of the perfective “verbum manendi” *ostat'sja* with a complement of duration. A paradoxical coocurrence in search of an explanation

Olivier Azam

Высшая нормальная школа – Институт лингвистики Сорбонны (CeLiSo) (Париж, Франция) /
École normale supérieure – Centre de Linguistique en Sorbonne (CeLiSo) (Paris, France)

azamoam@club-internet.fr

Аннотация. В некоторых группах глаголов, лексический смысл которых слишком близок к семантическому инварианту одного из видов, закономерности употребления вида могут заметно отклоняться от общих правил. Лексический смысл глаголов группы *verba manendi* (типа *оставаться* / *остаться, пребывать* / *пребыть*) прямо интерферирует с семантическим инвариантом несовершенного вида. Тем не менее, эти глаголы могут сочетаться с обстоятельствами, выражающими продолжительность действия. Настоящий доклад ставит себе целью объяснить в подробностях этот парадокс.

Ключевые слова: Вид глагола; verba manendi; выражение продолжительности; остаться; лексическое значение и видовой инвариант.

Summary. When the lexical meaning of a Russian verb is too close to the semantic invariant of one of the verbal aspects, the use of aspect in specific semantic classes of verbs, such as *verba manendi* (ex: *оставаться* / *остаться, пребывать* / *пребыть,* etc.) may paradoxically deviate from the conventional rules of aspectual syntax. This study focuses on one of those paradoxes (which remains one of the most surprising for non-native speakers) and the ability of the perfective verb *остаться* to combine with complements of duration, and aims to elucidate this particular phenomenon.

Keywords: Aspect; verba manendi; expression of duration; *ostat’sja*; lexical meaning vs. aspectual semantic invariant.

«Владимир останется великим князем киевским до своей смерти в 1125 г.».

«Теория жидкости долго останется самой трудной задачей физики».

Для иностранца выбор вида является чуть не самой большой трудностью русского языка. Бинарность категории вида ставит говорящего перед необходимостью выбора при употреблении каждой глагольной словоформы. Выбор осложняется тем, что употребление видов находится на пересечении нескольких областей лингвистики, а именно: синтаксиса, семантики и прагматики. Видовая оппозиция привативна лишь на уровне референта. (Видовая оппозиция привативна только на уровне обозначаемых действий: совершенный вид не может выражать действие, не достигшее своего предела. Но в видовой оппозиции именно семантическую эквиполентность будем считать релевантной.) В семантическом же отношении она является эквиполентной. Семантической функцией несовершенного вида будем считать фокусирование на процессе, а функцией совершенного вида – фокуси-

рование на переходе через предел глагольного действия. Среди семантических факторов выбора вида особо важную роль играет синергия [Sémon 2014: 195], создаваемая взаимодействием «поля инцидентности» [Sémon 2014: 192] (контекста в широком смысле), видового семантического инварианта и лексического смысла глагольного понятия.

Исходя из этих предпосылок, в недавно опубликованной статье [Azam 2018] рассмотрено функционирование видов в тех глагольных понятиях, лексический смысл которых прямо интерферирует с семантическим инвариантом одного из видов. Выбирая вид, говорящий ставит на одну чашу весов все факторы за употребление несовершенного вида, а на другую – все факторы в пользу совершенного вида, и смотрит, какая чаша тяжелее (обычно факторы в пользу одного и того же вида просто суммируются). Но в статье показано, что в таких классах глаголов, как verba manendi, накопление слишком веских факторов в пользу одного вида часто приводит к парадоксальным результатам: вместо ожидаемого вида употребляется как раз другой. Получается, что из-за особого веса лексического значения глагольной лексемы в этих классах глаголов закономерности употребления вида заметно отклоняются от общих правил. Поскольку сема «фокусирование на процессе» уже частично присутствует в лексическом значении глагола, видовая оппозиция как будто освобождается для выражения других нюансов.

Настоящий доклад является продолжением вышеупомянутой работы и фокусируется на одном из отмеченных в ней парадоксов – на сочетаемости глагола совершенного вида семантического класса verba manendi *остаться* с обстоятельством, выражающим продолжительность. Цель работы – предложить более подробное объяснение данного явления.

Сочетаемость глаголов совершенного вида, начинающихся с приставок *по-*, *про-*, типа *пожить*, *прожить*, с обстоятельством продолжительности хорошо известна и изучена [Sémon 1986]. Но в случае verba manendi парадоксальность употребления совершенного вида с таким обстоятельством усугубляется тем, что по своему лексическому определению такие глаголы как *оставаться* / *остаться, пребывать* / *пребыть* сами по себе выражают сему «продолжительность». Поскольку при наличии обстоятельства продолжительности эта сема выражается дважды, иностранец мог бы ошибочно подумать *a priori*, что выбор совершенного вида здесь полностью исключен.

Как объяснить тот парадокс, что глагольное понятие, эксплицитно содержащее в своем лексическом определении сему, повторяющую семантический инвариант одного из видов, может употребляться – и, в некоторых случаях, чаще всего употребляется – в другом виде? Иными словами, что обозначает совершенный вид глагольного понятия, *лексически* выражающего фокусирование на каком-то процессе? В чем именно состоит предельность такого глагольного понятия?

Будет показано, что ответы на эти вопросы надо искать как в соотношении стадиальных статусов лексем *оставаться* и *остаться*, так и в семантическом сдвиге обстоятельства продолжительности, употребляемого в сочетании с verbum manendi. В стадиальном отношении *оставаться* и *остаться* отличаются от обычных предельных глагольных понятий. В последних глагольные лексемы совершенного вида обозначают достижение предела и переход к стабильной запредельной стадии, а глаголы несовершенного вида – процесс, ведущий к достижению предела, но не включающий в себя сам предел. В стадиальном отношении глагол несовершенного вида предшествует глаголу совершенного вида. Но в классе verba manendi ситуация обстоит иначе. Здесь глагол совершенного вида *остаться* обозначает достижение предела и переход к стабильной запредельной квалификации. Зато несовершенный вид *оставаться* обозначает не процесс, ведущий к достижению предела, а наоборот – стабильное состояние, вытекающее из достижения этого предела. Стадия глагольной лексемы *остаться* предшествует стадии глагольной лексемы *оставаться*. *Оставшийся* – это тот, кто теперь *остается*.

Как будет показано, в силу особого стадиального соотношения совершенного и несовершенного видов глаголов группы verba manendi, обстоятельства продолжительности типа *долго, две недели*, входя в синергию с особым лексическим значением этих глаголов, становятся синонимами временны́х обстоятельств типа ***на**долго, **на** две недели*. Но обстоятельства типа *надолго, на две недели* выражают не продолжительность процесса, а обозначают промежуток времени, необходимый для достижения предела, тем самым привлекая внимание говорящего на достижение предела. И, как известно, эти обстоятельства свободно сочетаются с глаголами совершенного вида.

Предлагаемые выводы также позволят объяснить еще один парадокс, а именно почему в инфинитиве и будущем времени совершенный вид *остаться* интуитивно воспринимается носителями языка чаще всего как *остаться «до конца»*, а *оставаться* – как лексема, обозначающая действие, долженствующее продолжаться определенное время, но *не «до конца»*.

В настоящем докладе особое внимание будет уделено употреблению форм инфинитива, настоящего и прошедшего времени глагольной лексемы *остаться*, так как именно в этих формах наблюдается наиболее широкое употребление обстоятельства продолжительности с совершенным видом. При необходимости употребление этих форм будет также рассматриваться в контрасте с употреблением соответствующих форм глагола *оставаться* в том же контексте.

Литература

Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / Под ред. Г.А. Золотовой. М.; Л., 1947 (4-е изд. М.: Русский язык, 2001).

Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, 1948. Т. 7. Вып. 4. С. 303–316.

Мирохина Т.М. Грамматическая категория вида русского глагола: учебное пособие. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009.

Падучева Е.В. Семантика вида и точка отсчета (в поисках инварианта видового значения) // ИАН СЛЯ. 1986. № 5. С. 413–424.

Падучева Е.В. К семантике несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциальное значение // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 34–45.

Падучева Е.В. Результативные значения несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное // Вопросы языкознания. 1993. № 1. С. 64–74.

Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке, семантика нарратива. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Azam O. Quand le sens lexical est trop proche de l'invariant sémantique de l'aspect // Revue des études slaves. 2018. LXXXIX / 1–2. C. 27–54.

Forsyth J. A grammar of Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.

Guiraud-Weber M. Oppositions aspectuelles et sémantisme verbal en russe // Revue des études slaves. 1987. LIX / 3. C. 585–596.

Lehmann V. Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs // Zeitschrift für slavische Philologie. 1988. № 48. C. 170–181.

Sémon J.-P. Postojat' ou la perfectivité de congruence, définition et valeurs textuelles // Revue des études slaves, 1986. LVIII / 4. C. 609–635.

Sémon J.-P. À propos de l'informativité indirecte : l'argumentation et l'aspect en russe // Revue des études slaves. 1990. LXII / 4. C. 867–886.

Sémon J.-P. Focalisation et aspect en russe // Revue des études slaves, 2009. LXXX / 1–2. C. 107–135.

Sémon J.-P. Questions de syntaxe sémantique en russe contemporain / Ch. Bracquenier. Paris: Institut d'études slaves, 2014.

Timberlake A. Invariance and the Syntax of Russian Aspect // Tense – Aspect: Between Semantics and Pragmatics / Ed. P. J. Hopper. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1982. C. 305–331.

Vendler Z. Verbs and Times // The Philosophical Review. 1957. Vol. 66. No. 2. C. 143–160.

Włodarczyk H. Les centres d'intérêt de l'énoncé et la cohérence textuelle en polonais et russe // Revue des études slaves, 2009. LXXX / 1–2. C. 13–30.

Włodarczyk A., Włodarczyk H. L'Aspect perfectif comme hypercatégorie (approche cognitive) // Revue des études slaves. 2003. LXXIV / 2–3. C. 327–338.

Разработка формально-грамматических методов представления категории вида русского глагола (на примере видовых пар)

Я.А. Астахова

Using of formal-grammatical methods for study of the aspectual pairs of the Russian verb

Yana A. Astakhova

Московский педагогический государственный университет / Moscow Pedagogical State University

yana_ast87@mail.ru

Аннотация. В исследовании разрабатываются формально-грамматические методы представления категории вида русского глагола на примере анализа особенностей употребления и перевода видовых пар глагола.

Ключевые слова. Вид глагола, формально-грамматические методы, семантика, грамматика, видовая пара.

Summury. There is concept of using formal-grammatical methods for presenting such category as aspect of the Russian verb in the article. The analysis of peculiarities of usage and translation of the aspectual pairs is the main material for testing these methods.

Key words. Aspect, formal grammar methods, semantics, grammar, aspectual pair.

Категория вида в русском языке является одной из сложнейших для теоретического описания и практического изучения, поэтому, несмотря на большое количество научных работ по аспектологии, многие ключевые вопросы, связанные с семантикой и грамматикой вида до настоящего времени не решены окончательно.

В то же время категория вида является одной из важнейших для освоения компетенций, связанных с практическим владением русским языком, теорией и практикой перевода и т.д., поэтому представляет интерес не только для теоретической, но и для прикладной лингвистики.

В настоящем исследовании предпринята попытка создать на базе современных достижений российской аспектологии и компьютерной лингвистики алгоритмы, позволяющие формализовать представление ядерной части категории вида.

Проблема настоящего исследования связана с тем, что, учитывая смешанную природу категории вида, достаточно затруднительно предложить единообразные методы формализации, базирующиеся на достижениях теоретической и компьютерной лингвистики. Отдавая себе отчет в том, что любая формализация применительно к категории смешанного типа будет до определенной степени несовершенной, мы попытаемся в настоящем исследовании обосновать и предложить некоторые алгоритмы, которые, по нашему мнению, могут помочь в решение ряда практических задач, связанных с категорией вида русского глагола.

Целью данного исследования является создание на базе теоретических положений современной российской аспектологии формально-грамматических методов, которые могут применяться для повышения точности перевода и в преподавании русского языка.

Гипотеза исследования состоит в том, что, на наш взгляд, несмотря на отсутствие в современной аспектологии единого взгляда на категорию вида, возможны относительно единообразные формы ее формального представления.

Анализ теоретического материала и создание на его базе алгоритмов показал возможность применения формально-грамматических методов даже к таким сложным и не имеющим однозначной интерпретации в теоретической лингвистике категориям, как вид глагола.

В результате предпринято исследования были сделаны следующие выводы:

1. Из-за невозможности разделить при анализе категории вида семантические и грамматические компоненты любые попытки формализации должны по возможности также основываться на единстве этих параметров.

2. Разработка формально-грамматических методов практического изучения категории вида должна учитывать особенности семантико-грамматической структуры категории вида.

3. Структурообразующие параметры для алгоритма должны выбираться из инвентаря видовых признаков с учетом прагматических задач, на решение которых направлен данный алгоритм.

4. Разработанные в исследовании алгоритмы ориентированы на ядро категории вида, т.к. периферия категории требует подхода к формализации, учитывающего иные структурно-семантические признаки.

5. Разработанные в ходе исследования алгоритмы могут быть апробированы в качестве основы для упражнений, направленных на повышение эффективности обучения русскому языку.

Проблемы, рассматриваемые в настоящем исследовании, не исчерпываются его рамками и открывают перспективы дальнейшего исследования. В первую очередь, полученные результаты нуждаются в расширенной проверке языковым материалом и корректировке недостатков, которые она выявит. Также очень продуктивной представляется попытка применить формально-грамматические методы для адаптации периферии категории вида в учебных целях. Так как сфера действия категории вида не ограничивается личными формами, на которых было сфокусировано внимание в данном исследовании, то также целесообразным представляется исследовать возможности применения формально-грамматических методов к другим классам глагольной лексики.

Литература

Зализняк Анна А., Шмелёв А.Д. «Лекции по русской аспектологии»: презентация учебного пособия / Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. Т. 3. С. 42–49.

Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000 (Studia philologica).

Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л., Шмелёв А.Д. Русская аспектология: В защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015 (Studia philologica).

Золотова Г.А. Аспектологические проблемы с точки зрения структуры текста // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. Т. 1. С. 91–101.

Из трудов А.А.Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). М.: Гос. уч.-пед. изд. Мин-ва Просвещения РСФСР, 1952.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.

Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол / Под ред. Р.И. Аванесова, В.В. Иванова. М.: Наука, 1982.

Карпухин С.А. К проблеме семантического инварианта глагольного вида в русском языке // Русский язык в школе. 2002. № 1. С. 65–69.

Карпухин С.А. Семантика русского глагольного вида: Автореф. дисс. … доктора филол. наук. Самара, 2008.

Карцевский С.О. Из книги «Система русского глагола» // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 218–230.

Комри Б. Общая теория глагольного вида // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. Т. 1. С. 115–121.

Употребление вида в императиве в инструкциях (на материале русского и болгарского языков)

Р. Бенаккьо, С. Славкова

The use of aspect in imperative utterances in instructions (Russian and Bulgarian)

R. Benacchio

Университет Падуи, Департамент языковых и литературных исследований (Италия) /
Padova University, Department of Linguistic and Literary Studies (Italy)

rosanna.benacchio@unipd.it

S. Slavkova

Болонский университет, Департамент устного и письменного перевода (Кампус Форли – Италия) /
Bologna University, Department of Interpreting and Translation (Italy)

svetlana.slavkova@unibo.it

Аннотация. В докладе рассматривается использование глагольного вида в императиве в речевом жанре инструкций (кулинарные рецепты, инструкции по эксплуатации технических средств и приборов, листки-вкладыши медицинских препаратов и т.д.) в современных русском и болгарском языках. Целью работы является выявление критериев, определяющих выбор вида глагола в русских текстах, и их сопоставление с ситуацией в болгарском.

Ключевые слова: вид глагола, императив, русский язык, болгарский язык.

Summary. The aim of this paper is to analyze the use of verbal aspect in imperative sentences or utterances in various instructions (cooking recipes, instructions for technical applications, patient information leaflets accompanying medicine etc.) in Russian and Bulgarian. Attention is drawn to the criteria regulating the choice of Perfective or Imperfective aspect in a particular text type in Russian, as well as to the differences in corresponding texts in Bulgarian.

Keywords: Verbal Aspect, Imperative, Russian, Bulgarian.

Хорошо известно, что употребление глагольного вида в императиве в славянских языках, и в особенности, в русском, – это достаточно сложное явление, которое с трудом подвергается анализу. Точнее говоря, при употреблении императива, весьма сложно установить критерии видового выбора, а также определить связанные с таким выбором различные значения. Эта сложность определяется тем, что, в отличие, например, от прошедшего времени изъявительного наклонения, в императиве категорией вида обладают языковые формы, не предполагающие четкого различения значений, связанных с категорией вида (таких как, например, оппозиция «процесс / результат» – одна из основных для построения системы видовых пар).

Особенно трудно установить критерии употребления НСВ, который, кроме ситуации многократного действия, появляется и в других контестах, где в принципе мог бы появляться и СВ, конкурируя с ним. Цель настоящей работы – проанализировать употребление вида в инструкциях в двух славянсхих языках (русском и болгарском), которые, кроме многих общих (общеславянских) характеристик, представляют и многие, интересные различия.

Согласно определению, данному в работе А.П. Володина и В.С. Храковского, инструкции реализуются только в письменных текстах и представляют собой правила, соблюдение которых позволяет добиться оптимальных результатов в определенной ситуации [Володин, Храковский 2001: 139]. Иными словами, речевое действие «инструкция» – это высказывание, содержащее конкретные указания относительно процессов эксплуатации технических объектов, применения продуктов питания или приема лекарственных средств. Кроме того, к инструкциям можно отнести и кулинарные рецепты.

Итак, специфика инструкций состоит в том, что с одной стороне, они должны обеспечивать нужную последовательность действий с целью достижения результата совершаемого комплексного действия, а с другой, как следствие этой специфики в используемых в этих речевых актах императивных формах с особой силой проявляется результативная составляющая. В этом смысле особенно ценный языковой материал обеспечивают кулинарные рецепты и инструкции по эксплуатации технических приборов, на которых мы и сосредоточим свое внимание.

Анализ будет проводиться на материале двух славянских языков с тем, чтобы выявить общие черты и различия в распределении функций видов глагола в форме императива в рассматриваемых языках.

Ниже мы приведем найденные нами случаи симметрии и асимметрии в использовании вида в императиве, представленные в сопоставимых формулировках, главным образом, из кулинарных рецептов. Случаи симметрии представлены в примерах (1)–(6):

(1) ***Взбейте***^{СВ} *размягченное сливочное масло со сгущенным молоком, добавьте*^{СВ} *водку и кокос. –* ***Разбийте***^{СВ} *маслото заедно с меда до получаването на пухкава светла маса. Тогава прибавете*^{СВ} *яйцето и ваниловия екстракт, разбъркайте*^{СВ} *старателно.*

(2) *Украсьте*^{СВ} *готовый крем целыми финиками и* ***подайте***^{СВ} *на стол. –* ***Поднесете***^{СВ} *го охладен и поръсен с пудра захар.*

(3) *Накъсайте*^{СВ} *броколите на розички и ги* ***сварете***^{СВ} *в солена вода. –* **Отварите**^{СВ} в соленой воде *макароны, откиньте*^{СВ} *их на дуршлаг.*

(4) *Поставьте*^{СВ} *противень в разогретую до 160°С духовку и* ***выпекайте***^{НСВ}***, пока*** *пирожные не станут крепкими. –* ***Печете***^{НСВ} *го на 175 градуса за 30-40 минути, до суха клечка.*

(5) ***Варите***^{НСВ} *в подсоленной воде. –* ***Варете***^{НСВ} *на тих огън до пълна готовност.*

(6) *Когда семена перестанут трещать, добавьте имбирь, перец и* ***перемешивайте***^{НСВ} *в течение нескольких секунд. –* ***Извадете***^{СВ} *чесъна и* ***добавете***^{СВ} *брашното, изсипвайки тънка струя от него и* ***бъркайте***^{НСВ} *непрекъснато (използвайте дървена лъжица).*

Однако помимо случаев симметрии в использовании видов в императиве наблюдаются также интересные случаи асимметрии – примеры (7)–(11). Вместо ожидаемого НСВ в русских примерах может появляться СВ – пример (11), а вместо стандартного СВ в болгарском, наоборот, НСВ – пример (10).

(7) ***Подавайте***^{НСВ} *охлажденным, украсив петрушкой и дольками помидоров. –* ***Поднесете***^{СВ} *го охладен и поръсен с пудра захар.*

(8) *Поставьте противень в разогретую до 160°С духовку и* ***выпекайте***^{НСВ}*, пока пирожные не станут крепкими. –* ***Изпечете***^{СВ} *за 35 минути в загрята на 175 градуса фурна с вентилатор.*

(9) ***Варите***^{НСВ} *в подсоленной воде. – Ориза* **сварете**^{СВ} *в подсолена вода.*

(10) **Отварите**^{СВ} *в подсоленной воде в течение 5–7 минут, затем извлеките. – Сложете*^{СВ} *лещата в малко вода и* **варете**^{НСВ} за *около 10-тина минути.*

(11) ***Обжарьте***^{СВ} *ягоды в сливочном масле на сильном огне. –* **Пържете**^{НСВ} *картофите на умерен огън.*

Литература

Бенаккьо Р. Конкуренция видов, вежливость и этиект в русском императиве // Russian Linguistics. 26 (2002) С. 149–178.

Бенаккьо Р. Вид и категория вежливости в славянском императиве. Сравнительный анализ. Munchen: O. Sagner Verlag, 2010 [Slavistische Beitrage. 472].

Васева И. Инструктивен императив в българския и руския език // Съпоставително езикознание. 1991. Кн. 3.

Володин А.П., Храковский В.С. Семантика и типология императива. Русский императив. М.: УРСС, 2001.

Падучева Е.В. Семантика и прагматика несовершенного вида императива // Семантические исследования. М., 1996. С. 66–83.

Станков В. Конкуренция на глаголните видове в българския книжовен език, София, 1976

Храковский В.С. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // Russian Linguistics. 12 (1988). С. 269–292.

Биаспективы, приставочные перфективы, суффиксальные имперфективы, (im)perfectiva tantum – как сложить этот пазл?

Е.В. Горбова

Biaspectives, prefixed perfectives, suffixed imperfectives, (im)perfectiva tantum – how to make this puzzle?

Elena V. Gorbova

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University

e.gorbova@spbu.ru; elena-gorbova@yandex.ru

Аннотация. В работе предлагается сравнить две теоретические модели русского вида: традиционную и альтернативную. Обе модели равным образом включают в себя все морфологические типы видовых форм, однако существенно отличаются как их конфигурацией, так и расстановкой акцентов.

Ключевые слова: вид русского глагола, теоретическая модель, грамматический вид, лексический вид (акциональность).

Summary. The paper proposes a comparative analysis of two models of Russian aspect: the traditional one, generally accepted in Russian aspectology, and an alternative one. These models equally take into account all morphological types of aspectual forms; however, they differ significantly both in their configuration and in their emphasis.

Keywords: Russian aspect, theoretical model, grammatical aspect, lexical aspect (actionality).

Традиционной моделью русского вида будем считать ту, которая представлена в академической грамматике [Шведова (ред.) 2005]. Вкратце она сводится к положениям: «[к]атегорией вида охватываются все глаголы» [Там же: 583]; «видовая пара – это противопоставление разных глаголов, находящихся между собой в отношениях словообразовательной мотивации»; «[к]атегория вида является категорией несловоизменительной» [Там же: 584].

Выделяются (помимо периферийных супплетивных) два основных типа видовых пар: 1) формируемые путем (префиксальной) перфективации (*делать – сделать*) и 2) формируемые путем (суффиксальной) имперфективации (*переписать – переписывать*) [Там же: 585].

Утверждается, что «есть глаголы, у которых значение вида никак формально не выражено, оно может быть установлено только по общему смыслу высказывания… Такие глаголы называются двувидовыми» [Там же] (здесь – биаспективы: *ранить*, *госпитализировать*); а также то, что поскольку «[к]атегория вида охватывает все глаголы, но не все глаголы формируют видовые пары», имеются несоотносительные по виду глаголы [Там же: 584] (здесь – (im)perfectiva tantum, или моноаспективы: *спать*, *соснуть*). Perfectiva tantum в рамках этой модели – приставочные или суффиксальные дериваты (*закричать*, *крикнуть*).

Итак, традиционная модель строится из 7 релевантных для видового противопоставления типов глаголов. Это центральные для видовой оппозиции префиксальные перфективы, сопоставленные либо непроизводным, либо суффиксальным имперфективам, с которыми они образуют видовые пары двух типов. И периферия – биаспективы и (im)perfectiva tantum, а также немногочисленные пары непроизводных глаголов (симплексов: *решить – решать*).

Альтернативная модель вида «собирается» из тех же 7 составляющих, однако оказывается существенно иной: словоизменительной, с более узкой (чем вся глагольная лексика) сферой действия, типологически более предсказуемой, использующей понятия не только грамматического, но и лексического вида (акциональности). Ниже предложено ее тезисное изложение.

Биаспективы (числом 1028 по [Андросюк 2015: 33]) рассматриваются не как периферия, а как норма – аналог глагольной лексики видового языка с типично словоизменительным видом (испанский, английский) или невидового языка (немецкий). Такие глаголы получают аспектуальную характеристику в тексте в зависимости от парадигматического, синтагматического и внутрилексемного контекста, т.е. акциональности (типология контекста из [Горбова 2017: 28–29]).

К биаспективам примыкают так называемые «полуторавидовые» [Иткин 2014] и «аспектуально нестабильные» [Перцов 2001: 122] глаголы (*девать*, *образовать* и *полонить, стяжать*).

Imperfectiva tantum (кроме отыменных) – это в основном симплексы, которым по тем или иным причинам не свойственна биаспектуальность (*иметь*, *жить*). Класс perfectiva tantum сближается с классом семельфактивов (с суффиксами *-ну-*, *-ану-*).

Приставочные перфективы – дериваты, по преимуществу являющиеся результатом телисизирующего воздействия префиксов-ограничителей (показателей одной из граммем вторичного аспекта по [Плунгян 2011: 401-402]).

Суффиксальные (вторичные) имперфективы – результат введения в основу словоизменительного показателя. Это имперфективные корреляты для приставочных перфективов, от которых наследуются префиксы (*при-от-кры-ть – при-от-кры-ва-ть*).

Приставочный перфектив и образуемый от него при помощи показателя *-(и/ы)ва-* (реже *-а-*) имперфектив – аспектуальные формы одной лексемы; признается словоизменительный характер оппозиции перфектива и имперфектива (имперфективация регулярна, ее уровень – от 81 до 97% [Горбова 2019]).

Остальная глагольная лексика – за пределами грамматического (словоизменительного) вида; ее функционирование определяется взаимодействием лексического вида (акциональности) глагольной лексемы с синтагматическим и парадигматическим контекстом, определяющим аспектуальное значение глагола в тексте.

При этом немаловажен вопрос – каковы те причины, по которым (бóльшая) часть симплексов оказывается моноаспективами (в основном, imperfectiva tantum)? Верно ли, что причиной служат акциональные свойства лексем: типичные состояния, процессы, события становятся моноаспективами, а ситуации, способные мыслиться и как процессы и как события, функционируют как биаспективы, ср. моноаспективы *знать*, *лавировать* и биаспективы *ранить*, *телепортировать(ся)*?

Литература

Андросюк Н.В. Биаспектив и контекст // Глагольный вид: Грамматическое значение и контекст = Verbal aspect : grammatical meaning and context / Под ред. Р. Бенаккьо. Die Welt der Slaven. Bd. 56. München: Verlag Otto Sagner, 2015. С. 21–34.

Горбова Е.В. Грамматическая категория аспекта и контекст. СПб: Изд-во СПбГУ, 2017.

Горбова Е.В. Имперфективируемость русских приставочных перфективов (на примере *про-* и *у*-глаголов) // Вопросы языкознания. 2019. № 1 (в печати).

Иткин И.Б. Можно ли определить вид русского глагола? // Международная конференция «Научное наследие и развитие идей Ю.С. Маслова (20–22.11.2014)». Тезисы. СПб., 2014. С. 84–86.

Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001.

Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ. 2011.

Русская грамматика: в 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: ИРЯ РАН, 2005—2006 (ре- принт. изд 1980 г.).

Общефактическое значение VS. партитив

О.К. Грекова

General Fact Meaning VS. Partitive

O.K. Grekova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

olggre@list.ru

Аннотация. Доклад посвящен выявленному факту несовместимости аспектуального общефактического значения с партитивным значением объекта действия, иллюстрируемому рядом диагностических контекстов. Полученные выводы проливают свет на проблему инварианта видового противопоставления русского глагола.

Ключевые слова: количественная составляющая аспектуальных значений; общефактическое значение; партитив объекта; несовместимость; инвариант видового противопоставления.

Summary. The report deals with the revealed fact of Aspectual General Fact Meaning and Object Partitive Meaning incompatibility, illustrated via so called Diagnostic Contexts. The research results enlighten the Verbal Aspect Opposition Invariant problem.

Keywords: Aspectual Meanings' Quantity Component; General Fact Meaning; Object Partitive; incompatibility; Verbal Aspect Opposition Invariant.

Аспектуальные значения русского языка описаны детально, но при этом, как кажется, недостаточно внимания обращалось на соотношение их качественных и количественных сторон и особенно специфику последних. Качество мы, вслед за Аристотелем, понимаем как «видовое отличие сущности…», а количество – как «…множество, если оно исчислимо, величину – если измеримо» [Аристотель 1976: 164–166].

Действие может быть охарактеризовано количественно с точки зрения его внутреннего устройства. На наш взгляд, внутренними аспектуальными количественными характеристиками можно считать: процессность, завершенность / предельность / результативность, мгновенность.

Как действие, так и состояние может быть охарактеризовано количественно и с его внешней стороны, в смысле упорядочивания его во времени, другими словами, встраивание в разные ряды и множества. Внешними количественными аспектуальными характеристиками действия и состояния следует считать однократность и повторяемость.

Количественные характеристики действия и состояния в то же время являются их неотъемлемыми качественно характеризующими признаками. Например, действия *думать*, *анализировать*, состояния *видеть*, *слышать* обладают протяженностью, а *поставить печать*, *моргнуть* – не обладают. Возможность быть протяженным – это качество данного действия или состояния, характеристика его внутренней формы.

Таким образом, среди аспектуальных значений современного русского языка можно выделить те, которые в большей степени характеризуют качество или количество действия или состояния, и те, которые характеризуют его в меньшей степени.

В данном случае нас интересует количественная составляющая одного из аспектуальных значений, наращивающих свою частотность, – значения общефактического. Известно, что общефактическое значение – это представление действия вне любой характеристики типа его протекания, распределения во времени.

Формантами аспектуальной характеристики русского простого предложения являются не исключительно глагольные формы, но также, в некотором отношении, и субъект, и объект действия. Количественные характеристики объекта могут быть столь же релевантны, сколь и аналогичные характеристики действия.

Необходимо отметить, что общефактическое значение в большинстве случаев несовместимо с партитивом объекта*: Зачем она приходила? – Воду приносила* (но не: **Воды приносила*), *Деньги приносила* (но не: **Денег приносила*).

Показательны также и более сложные способы обозначения партитивности: *Зачем она приезжала? – Теплую одежду привозила. Молоко детям завозила. Книги дочке передавала.* (но не: **Немного теплой одежды привозила. *Немного молока завозила. *Несколько книг дочке передавала*). *Зачем она приходила? – Цветы приносила* (но не: **Больше цветов приносила. *Еще цветов приносила*).

Наши диагностические контексты включают глаголы, способные употребляться как с винительным падежом целостности, так и с родительным падежом партитивности: *приносить что / чего, привозить что / чего, завозить что / чего, оставлять что / чего, передавать что / чего, закидывать что / чего* (разг.). Здесь глаголы реального физического движения сочетаются с обозначениями физических объектов.

В то же время другие аспектуальные значения не чужды партитиву объекта*: Она читала полглавы в день* (повторяемость + партитив); *Она долго читала эту оставшуюся, полуобгоревшую половинку письма* (Астафьев) (процессность + партитив); *Она уже прочитала полглавы* (завершенность, результативность + партитив); *Она прочитала полромана и может вам рассказать* (перфектность + партитив) и т.д.

Партитив, на наш взгляд, является бесспорной количественной характеристикой объекта. Если, как мы выяснили, все аспектуальные значения сопрягаются с ним, а общефактическое значение (исключающее количественные характеристики) не сопрягается, значит, все прочие аспектуальные значения в том или ином смысле количественны, как и партитив. Это еще раз наводит на мысль о том, что количественность может претендовать на роль инварианта видового противопоставления русского глагола.

Литература

Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1975–1984 [Серия: Философское наследие]. Т. 1.

Употребление глагольного вида в текстах кулинарного рецепта в русском и сербском языках

М. М. Милякович

Use of Aspect in Recipes in Russian and Serbian

Milorad M. Miljaković

Новисадский университет (Сербия) / University of Novi Sad (Serbia)

darolim12@gmail.com

Аннотация. В настоящей работе анализируется употребление инфинитивов, повелительного наклонения и индикативных форм глаголов несовершенного и совершенного вида в рецептах в русском и сербском языках.

Ключевые слова: употребление глагольного вида; рецепты; русский язык; сербский язык.

Summary. The aim of this paper is to analyze the use of infinitives, imperatives, and indicative forms of perfective and imperfective verbs in recipes in Russian and Serbian.

Keywords: use of aspect, recipes, Russian, Serbian.

Настоящая статья представляет собой попытку анализа употребления глагольного вида в инфинитиве, в повелительном наклонении и в индикативных формах в тексте кулинарных рецептов в русском и сербском языках. Работа основана на материалах кулинарных рецептов из газетно-публицистических текстов, рецептов из повседневного общения и интернет-ресурсов, в том числе и Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Материалы, собранные и записанные нами, относятся к различным функциональным стилям (публицистическом и разговорном). В текстах кулинарного рецепта чаще всего встречаются глаголы действия, поскольку рецепты представляют собой определенную инструкцию, т.е. цепочку действий, которые необходимо совершить для получения результата [Буркова 2004: 13].

В текстах кулинарного рецепта встречаются формы:

1. Инфинитива глаголов совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ). В рецептах на русском и сербском языках чаще встречаются инфинитивы глаголов СВ, чем глаголы НСВ, поскольку инвариантное содержание СВ сводится к указанию на изменение, смену ситуаций [Шатуновский 2009: 295], а кулинарный рецепт представляет собой пошаговую инструкцию, т.е. цепочные действия, которые необходимо совершить для получения конечного результата (напр.: (1) ***Разогреть*** (СВ) *духовку.* ***Отделить*** (СВ) *белки от желтков. Белки* ***взбить*** (СВ) *в крепкую пену....*; (2) *половину* ***исећи*** (СВ) *на кришке, па њима* ***украсити*** (СВ) *порцију и на крају* ***посути*** (СВ) *пармезаном.*). В цепочке действий в сербских рецептах можно встретить и инфинитив НСВ, когда ему присуще неопределенно-процессное значение (напр.: (3) *Пилеће бело месо исећи* (СВ) *на коцкице, па* ***пржити*** (НСВ) *у тигању на мало уља. Пропржити* (СВ) *ситно исецкану сланину, па кад то извадите, у том тигању* ***пржити*** (НСВ) *ситно исецкан бели лук....*). В примере (3) глаголы НСВ могут быть заменены на глаголы СВ. Употребление инфинитива НСВ в русских и сербских рецептах соответствует длительно-процессному значению, которое поддерживается контекстными показателями длительности (напр.: (4) ***Выпекать 20–25 минут***. (5) ***Пећи*** *на 180º* ***20–30 минута***). Также действие обозначаемое инфинитивом НСВ может контекстуально ограничиваться со стороны конца (напр. (6) ***Томить до нужной консистенции***…).

2. Повелительного наклонения (СВ и НСВ). Вопросами глагольного вида славянского императива занимались многие лингвисты (см. работы Р. Беннакио, Д. Войводича, Е.В. Падучевой и др.). В рецептах в исследуемых языках императив глаголов СВ встречается чаще императива глаголов НСВ, поскольку императив в большинстве употреблений по своей семантической сути соответствует инварианту СВ, поскольку первичное побуждение является побуждением изменить существующее положение вещей [Шатуновский 2009: 249)]. Например: (7) ***Разбейте*** (СВ) *в него яйца,* ***всыпьте*** (СВ) *сахар...*; (8) *Готов колач* ***извадите*** (СВ) *из рерне,* ***сачекајте*** (СВ) *да се мало прохлади...* СВ в императиве сохраняет свое инвариантное значение, а глагол НСВ вида имеет трансформированное новое значение. Побуждение императивом НСВ вида может иметь вторичный характер: оно предполагает что действие будет осуществляться независимо от данного побуждения, и поэтому оно побуждает не собственно к исполнению действия, а к исполнению его определенным образом (напр. (9) ***Медленно добавляйте*** *воду*; (10) *Црни и бели лук ољуштите и* ***ситно сецкајте***). Действие обозначаемое императивом НСВ может контекстуально ограничиваться пределом и со стороны конца (напр. (11) ***обжаривайте до*** *появления...*; (12) ***Пеците док*** *се јаја сасвим не испрже*).

3) индикатива презенса глаголов (см. работы Е.В. Петрухиной, Д. Войводича и др.):

А) в 1-м л. мн. ч. глаголов НСВ и СВ в русском (СВ простого будущего времени) и сербском языках в императивном значении (см. работы Д.С. Хариевой), напр.: (13) *Свежие зрелые* (*но неперезревшие*) *плоды* ***сортируем*** (НСВ) *по величине,* ***моем*** (НСВ) *в холодной кипяченой воде.*; (14) *Морковь* ***вымоем*** (СВ)*,* ***очистим*** (СВ) *и* ***разрежем*** (СВ) *на 2 половинки вдоль.*; (15) *Тепсију* ***наљуимо*** (СВ) *и* ***ставимо*** (СВ) *две коре*; (16) *Питу* ***сечемо*** (НСВ) *на већу парчад*);

Б) а) в 1-м л. ед. ч. глаголов НСВ в сербском языке, когда эти формы имеют неограниченно-кратное узуальное (хабитуальное) значение (напр: (17) *Прво* ***пуштам*** (НСВ) *да јаја мало очврсну, а затим их* ***мешам*** *покретима у облику осмице*), и глаголов СВ в конкретно-фактическом узуальном значении (напр: (18) ***Изломим*** (СВ) *чоколаду и сипам* (НСВ) *у њу мало павлаке ...Остатак павлаке* ***умутим*** (СВ) *са шлаг кремом.*). Все формы глаголов в примерах (17) и (18) могут взаимозаменятся своими видовыми парами: *пуштам* / *пустим, мешам* / *промешам, пресавијем* / *пресавијам, изломим* / *ломим, сипам* / *успем, умутим* / *мутим.*;

б) 1-е л. ед. ч. глаголов НСВ в русском языке употребляется в неограниченно-кратном узуальном значении (напр.: (19) ***Перемешиваю*** *и* ***оставляю*** *на плите, чтобы оставалось теплым.*), однако 1-е л. ед. ч. глаголов СВ употребляется для определения действия в близком будущем (напр. (20) *Итого у меня получилось 600 грамм муки. В эту муку я добавляю соль.* ***Сделаю*** *небольшую лунку,* ***добавлю*** *одно яйцо и* ***добавлю*** *где-то 400-500 миллилитров воды.*). В примере (20) говорящий указывает на то, что он сделает в близком будущем. Однако формы 1-го л. мн. ч. глаголов НСВ и СВ (в примерах (13) и (14)) не обозначают действие в будущем, а используются в кулинарных рецептах как средство образной актуализации типичных, узуальных пошаговых действий. В примере (19) глаголами НСВ выражается неограниченно-кратно узуальное (хабитуальное) значение и замена НСВ на СВ невозможна, потому что в этом случае обозначаемые глаголами действия относились бы к будущем.

В) во 2-м л. глаголов НСВ и СВ в русском и сербском языках. В императивном значении используются формы настоящего времени индикатива. Такое употребление редко, но оно характерно для контекстов, связанных с рекомендациями, советами, инструкциями, напр.: (21) *Сырую тыкву* ***нарезаешь*** (НСВ) *мелкими кубиками,* ***смешиваешь*** (НСВ) *с медом...*; (22) *Кобају* ***сечеш*** (НСВ) *на колутове.*). В императивном значении употребляются и глаголы СВ, напр.: (23) *Говядину* ***нарежешь*** (СВ) *кусочками,* ***обжаришь*** (СВ) *в чугунке...*; (24) ***Исецкаш*** (СВ) *шаргарешу на танке колутове.* ***Ставиш*** (СВ) *у шерпу*. Во всех примерах (21–24) возможна взаимозамена глаголов СВ и НСВ.

Все приведенные примеры указывают на специфику текста кулинарного рецепта и употребления форм инфинитива, императива и индикативных форм глаголов в русском и сербском языках. В рецептах в обоих языках чаще встречаются инфинитивные и императивные формы СВ, чем формы НСВ. Индикативные формы 1-го л. мн. ч. и 2-го л. ед. и мн. ч. имеют императивное значение. В индикативной форме презенса 1-го л. ед. ч. в русском языке, которая встречается в кулинарных рецептах, исключается возможность замены глаголов НСВ на глаголы СВ, хотя во мн. ч. такая возможность существует, а в сербском языке она возможна и в ед. и во мн. ч. При употреблении 2-го л. индикатива можно взаимозаменять формы СВ и НСВ.

Литература

Буркова П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков). Автореферат дисс. … канд. филол. наук. Ставрополь: Издательско-полиграфический корпус Ставропольского гос. ун-та, 2004 [Электронный ресурс. URL: https://cheloveknauka.com/v/123259/a?#?page=23. Дата последнего обращения 25.11.2012].

Шатуновский И.Б. Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009.

Шелякин М.А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Benacchio Rosanna. Вид и категория вежливости в славянском императиве: сравнительный анализ. München; Berlin: Verlag Otto Sagner (= Slavistische Beiträge, Bd. 472), 2010. 210 с.

Сопоставительный анализ мультисубъектных и мультиобъектных ситуаций: формальные и функциональные особенности

И. Палоши

Comparative analysis of multisubjective and multiobjective situations: formal and functional features

I. Palosi

Университет им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия) / Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

palosiildiko@gmail.com

Аннотация. Настоящая работа представляет собой сопоставительный анализ мультисубъектных и мультиобъектных ситуаций, обозначенных глаголами с префиксом *на-*, *по-* и *пере-*. Подвергаются анализу сочетаемостные особенности данных глаголов, а также выражение определенности / неопределенности количества актантов. В ходе исследования рассматриваются возможности комбинации мультисубъектности и мультиобъектности ситуации.

Ключевые слова: префикс, полисемия, множественность ситуации, контекст.

Summary. In the paper a comparative analysis is carried out on multisubjective and multiobjective situations marked by verbs with prefixes *na-, po-* and *pere-*. Collocative features of these verbs are also examined as well as the ways of expressing defined / undefined quantity of participants of the situation. Potential combinations of multisubjective and multiobjective situations are also analysed.

Keywords: prefix, polysemy, pluractionality, context.

Общеизвестно, что значение множественности ситуации может проявляться в субъекте, в объекте действия, в месте проведения действия и, естественно, в самом действии. Описанию плюрального характера действия в лингвистике было посвящено немало внимания, см. например [Шлуинский 2005]; [Храковский 1989]; [Lasersohn 1995].

В русском языке мультисубъектность и мультиобъектность ситуации морфологически маркируются. Они обозначаются одинаковыми словообразовательными средствами выражения: приставками *на-*, *по-* и *пере-* (ср. *гости набегали – накупить подарков; ученики повскакали – поувольнять всех сотрудников; все дети переболели гриппом – он переболел всеми детскими болезнями*). Однако данные префиксы нельзя считать специализированными показателями множественного характера ситуации, принимая во внимание, что они имеют многочисленные другие значения (в том числе пространственное, темпоральное, квантитативное и т.д.).

Настоящая работа посвящена проведению сопоставительного анализа мультисубъектных и мультиобъектных ситуаций с аналогичными маркерами. Для нас представляет интерес отношение мультисубъектных и мультиобъектных глаголов к выражению определенности / неопределенности количественности, а также вопрос наличия субъективной оценки количества. Необходимо рассмотреть возможности комбинации мультисубъектности и мультиобъектности, т.е. возникновения своеобразной смешанной ситуации с указанием на большое количество обоих участников.

Наиболее ярким словообразовательным средством выражения значения множественности участников ситуации можно считать приставку *на-*. Изучаемые нами префиксальные глаголы могут употребляться в минимальном контексте, в котором приставка самостоятельно способна указать на большое количество субъекта или объекта действия, см. примеры (1)–(4). Участниками ситуации могут выступать как считаемые (см. примеры (1) и (2), так и несчитаемые предметы (см. примеры (3) и (4)).

(1) Конечно, парадных выходов на крыльцо не было, но *гости набегали*, и довольно много [Софья Пилявская. Грустная книга (2000) НКРЯ (Примеры с пометой НКРЯ взяты из Национального корпуса русского языка.)].

(2) Ведь студенты в сессию занимаются обыкновенно ночами, а Соня с Глебовым тратили ночи на другое. И вот Глебов-то *наделал* себе *хвостов* [Ю. Тихонов. Дом на набережной, 116].

(3) *Навалило снега*, мороз ударил, а до этого была сплошная слякотная осень [Илья Анпилогов. Уроки армии и войны, или Хроника чеченских будней. Из дневника солдата-срочника // «Континент», 2002] НКРЯ].

(4) Могли бы хоть *варенья наварить*, а то все пропадет [Е. Гришковец. Реки, 142].

Проведенный нами анализ показывает, что как мультисубъектные, так и мультиобъектные глаголы с префиксом *на-* сочетаются с показателями неопределенного количества типа *много, куча, масса*, а также с числительными *тысячи, сотни, миллион* в значении 'много'. Сочетание с определенными количествами, обозначенными числительными для данных глаголов не является характерным, см. *?набегало 20 гостей, ?начитать 50 книг*. Несмотря на сказанное выше, оба изучаемые нами типа глаголов употребляются в контекстах, в которых имена числительные сочетаются с квантификаторами, см. примеры (5) и (6).

(5) Погода у нас капризничает, то совершенно обнажит мостовую, то *навалит полтора аршина снегу* [Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову (1878) НКРЯ].

(6) …*нажарили* наспех *две сковороды* первых весенних *грибов*, поленились их проварить , как положено, несколько раз, всякий раз меняя воду, — наелись досыта и отравились до смерти [Андрей Дмитриев. Закрытая книга (1999) НКРЯ].

Наш анализ свидетельствует о том, что мультисубъектные и мультиобъектные глаголы с префиксом *на-* характеризуются аналогичными сочетаемостными особенностями. В рамках нашего исследования подобному анализу подвергаются еще и мультисубъектные и мультиобъектные глаголы с префиксами *по-* и *пере-*.

В завершении нашей работы рассматривается вопрос о возможности сочетания двух типов ситуаций с множественным актантом в рамках одного контекста, например: *много студентов наделали кучу ошибок*; *все дети в семье переболели всеми детскими болезнями*; *все дети пооткрывали все свои учебники и тетради.* На наш взгляд, несмотря на наличие множественного субъекта, акцент ставится на мультиобъектный характер ситуации. Данное положение дел безусловно связано с транзитивностью глаголов. Нельзя упускать из внимания, что мультисубъектные глаголы являются непереходными: **многие начитали эту книгу*.

Литература

Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. Л.: «Наука», 1989.

Шлуинский А.Б. Типология предикативной множественности: количественные аспектуальные значения: Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005.

Lasersohn P.N. Plurality, Conjunction and Events. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995.

Дискурсивные особенности образа времени и употребление видо-временных форм в современных рассказах «клипового» характера

Е.В. Петрухина, К.Д. Зуева-Калашникова

The discourse's characteristics of the image of time and the usage of aspect-tense forms in short stories with «clipping» character

E.V. Petrukhina, K.D. Zujeva-Kalashnikova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

elena.petrukhina@gmail.com, zueva-kalashnikova@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются особенности образа времени и употребления видо-временных форм в современных рассказах, в которых отражается «клиповое сознание». Ему соответствует нелинейный образ времени как одновременной множественности разных ситуаций без причинно-следственных связей, со смешением временных планов и выражением «сиюминутного настоящего». Такой образ времени определяет дискурсивные особенности видо-временных форм, рассматриваемые в докладе.

Ключевые слова: клиповое сознание, обрз времени, видо-временные формы.

Summary. The article deals with attributes of the image of time and usage of special aspect-tense forms in contemporary stories where so called «clipping mind» is reflected. The "clipping mind" is relevant to the image of nonlinear time image as the simultaneous plurality of different situations without a causal relationship between them with confusion of time backgrounds and the expression of the «immediate present». This image determines the discourse's characteristics of aspect-tense forms, which are represented in this article.

Keywords: clipping mind, image of time, aspect-tense forms.

По данным истории и культурологии восприятие времени зависит от исторического опыта и культурно-национальных черт этноса. Соответственно восприятие времени в русской картине мира не является чем-то застывшим – оно меняется (конечно, в определенных пределах и с сохранением констант) в силу антропоцентричности языка и отражения в языке интерпретации этносом существующих реалий. Компьютеризация современной жизни, развитие новых компьютерных технологий и расширение интернет-общения, а также смена нормативной основы литературного языка – ориентация языкового сообщества на СМИ, способствуют формированию особой массовой культуры, которую многие исследователи называют «клиповой» [Миронов 2005: 156–184; Фрумкин 2010; Гиренок 2014]. Она обусловлена фрагментарным сознанием современного человека и его склонностью «переключаться между разрозненными смысловыми фрагментами», неспособностью «к восприятию длительной линейной последовательности – в том числе книжного текста [Фрумкин 2010]. На фрагментарное, «клиповое» сознание работает также распространение компьютерных игр с их «множественностью реальностей» и «он-лайн» технологиями. На специальных психологических семинарах и многих сайтах пропагандируется современная мудрость, которая призывает «жить в отрезке сегодняшнего дня», не вспоминая о прошлом и не беспокоясь о будущем: «самое главное – это то, что происходит с тобой сейчас, в данную минуту» [Воеводина 2014]. Негативные когнитивные последствия тотальности синхронных коммуникаций, ускорения информационно-событийного времени и, как следствие, радикальной смены жизнеощущения ведут в «клиповой» культуре к разрушению целостной картины мира и ее фрагментации.

Клиповая культура проявляется не только в сфере интернет-коммуникации и информации, но, как было показано в [Вяткина 2018], и в литературных произведениях, для которых также характерны «техника коллажа, фрагментарность, системы отсылок к другим текстам, склонность к комментированию, ирония» [Фрумкин 2010]. С.В. Вяткина проанализировала синтаксическую структуру коротких рассказов, опубликованных в журналах «Новый мир», «Звезда», «Октябрь», авторами которых являются Андрей Иванов, Анна Аркатова, Сергей Шаргунов, Елена Георгиевская, Андрей Лебедев, Ксения Драгунская, Павел Крусанов и другие. Была показана «раскрошенность структуры рассказа и повествования в целом, графическое оформление текста», соответствующее его дроблению и фрагментации, переключению внимания с одной темы на другую [Вяткина 2018].

В совместном докладе анализируются особенности образа времени в подобных рассказах, определяющие употребление видо-временных форм. В них реализуется образ времени как синхронной плоскости без начала и конца, как хаотичного коллажа, составленного по выбору действующего субъекта, очень похожего на концепт виртуального нелинейного времени, созданного современными компьютерными и телекоммуникационными технологиями – в них возрастает роль «сиюминутного настоящего» [Банников 2013; Петрухина 2015]. Ср., например, начало рассказа А. Иванова «Телеграммы из Альтона», разбитого на далеко отстоящие друг от друга отдельные абзацы, начинающиеся, как правило, со строчных букв и не заканчивающиеся точкой:

Застигнутый врасплох простудой, ***пишу*** *на клочках гостиничной бумаги – maritim hotels – (вторая ночь на Кирхеналле с черным жемчугом, залитой крышей за окном и тремя призраками, что светятся на белых стульях: зима съела все остальное)*

у меня мало друзей, и те выдуманные (надеюсь, они мне это простят и вернутся к своим акварелям, писулькам, сцене, забудут меня окончательно); потому что такой я человек —

мои друзья... один из них наивно верит, что только с ним я – настоящий…

Создается субъективная гиперреальность, в которой реальные фигуры смешиваются с иллюзиями, а настоящее с будущим. Здесь нет движения времени «все происходит в настоящем, в пространстве памяти» [Кузнецова 2002: 9], как в романах сознания (например, в романе «Школа для ду¬раков» Саши Соколова).

Время в рассказе А. Иванова не линейно, исчезают причинно-следственные связи, происходит смешение времен-

ных планов, прошлое и будущее вытесняется настоящим, которое может быть представлено и номинализациями:

«еще у меня есть подружка, которая живет в Киеве, она носит рваные джинсы и кеды, потертые коротенькие маечки, на всех фотографиях она сильно растрепана, но ничего – ей это идет, ей все идет, ей двадцать три, она не подозревает о моем существовании, но это ничего, есть вещи поважней, например: ***баррикады, толпы, огни, бунт, бунт, сплошной бунт****.*

Рассказ А. Аркатовой «Вертикальный кольцеброс» написан так странно, что требует авторского пояснения: это «собрание своего рода конспектов, скоропись жизненных сюжетов. Обрывки разговоров, брошенные вскользь замечания, просеянный через их крупное сито абсурд». Это хаотичный коллаж разрозненных событий и бытовых мелочей:

Маша потеряла все квитанции и решила не выходить из дома. В этой ситуации ей ничего не оставалось делать, кроме как вымыть голову, сварить холодец, поменять летнее на зимнее, подбить шторы, аккуратно проложить под плинтусом телевизионный кабель и подтянуть петли на входной двери.

Даже глаголы СВ не создают образ линейного времени, ведущего к каким-то изменениям, ср., например:

С девяти до двух за окнами К. ***посветило*** *солнце,* ***прошел*** *дождь,* ***подул*** *ветер,* ***просыпался*** *снег. С двух до пяти температура* ***опустилась*** *ниже нуля. А к семи* ***поднялась****. Как теперь все скоротечно! – подумал К. и достал с антресолей летние вещи.*

Видение мира как хаоса характерно для культуры постмодернизма. В этом хаосе нет причинно-следственных связей и однонаправленного движения времени, их место занимает образ одновременной множественности разноплановых реалий, коллаж картинок-клипов.

Литература

Воеводина Т. Будущее, которого нет // Литературная газета. № 1–2 (6445) (15.01.2014).

Гиренок Ф. Клиповое мышление. Литературная газета. № 49 (6490) (10.12.2014) [http://lgz.ru/article/-49-6490-10-12-2014/klipovoe-myshlenie/].

Вяткина С.В. Синтаксические особенности нарратива в русском рассказе компьютерного века // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (Уфа, 11–14 октября 2018 года). СПб., 2018. С. 135–140.

Кузнецова В.А. Языковая экспликация хронотопа в постмодернистском тексте: на материале повести Саши Соколова «Школа для дураков». Автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.

Миронов В.В. Проблемы образования в современном мире и философия // Отечественные записки. 2002. № 2 (3). С. 34–35.

Петрухина Е.В. Концептуальный потенциал категории настоящего времени в русском языке: междисциплинарный подход // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3.

Семеновских Т.В. «Клиповое мышление» – феномен современности. 2013 [http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208/].

Фрумкин К. Клиповое мышление и судьба линейного текста // Топос. 2010 [http://www.topos.ru/article/7371].

Источники

Аркатова Анна. Вертикальный кольцеброс // Новый Мир. 2014, №7. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/7/8a.html

Иванов Андрей. Телеграммы из Альтоны // Новый Мир. 2014. № 5 [http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/5/6i.html].

Синтагматические видовые значения: о месте в системе языка и путях исследования (некоторые соображения)

Н.Г. Самедова

Syntagmatic aspectual meanings: on their place in the language system and lines of research (some thoughts)

Nezrin H. Samedova

Азербайджанский университет языков (Баку, Азербайджан) / Azerbaijan University of Languages (Baku, Azerbaijan)

nezrin.samedova@gmail.com

Аннотация. Доклад знакомит с понятием синтагматическое видовое значение и показывает, что его введение учитывает бесценный опыт описания так называемых частновидовых значений в русском языке.

Ключевые слова: синтагматические видовые значения, конвенции употребления имперфективов и перфективов, принципы ясности и экономии, славянский вид, структуралистский подход.

Summary. The talk familiarizes the reader with the notion of syntagmatic aspectual meaning and shows that its introduction takes into account the invaluable legacy of the description of so-called particular aspectual meanings in Russian.

Keywords: syntagmatic aspectual meaning, conventions of use of imperfectives and perfectives, principles of clarity and economy, Slavic aspect, structuralist approach.

Синтагматическое видовое значение – одно из трех органически взаимосвязанных понятий (два других – парадигматическое видовое значение и классовое видовое значение), с помощью которых принятая нами теория описывает видовое значение [Самедов 1984а: 10–11; Самедов 1984б: 31] (Не имея возможности полнее представить зарубежному читателю теорию видового значения, которой мы следуем, позволим себе сослаться на работы [Самедова 2011; 2016а; 2016б; 2010; 2017; 2013; 2015; Samedova 2016; 2018]). Интересующее нас значение неразрывно связано с контекстом [Там же].

Последовательно структуралистский подход позволяет:

– оспорить распространенный тезис, согласно которому «наиболее полно грамматическая сущность вида раскрывается… в употреблении его форм…» [Маслов 1959: 166]);
– увидеть в новом свете явления, описываемые с помощью традиционного понятия частновидовое значение («…То, что называется «частновидовым значением», представляет собой результат взаимодействия сразу нескольких факторов. А именно, помимо собственно значения вида, здесь участвуют: лексическое значение глагола; значение некоторых грамматических категорий (прежде всего времени и наклонения); лексический контекст (наличие разного рода детерминантов – временных, обстоятельственных); грамматическая конструкция. Взаимодействие этих аспектов семантики предложения с собственно видовой семантикой иногда бывает столь тесно, что разделить их не представляется возможным. Таким образом, «частновидовые значения» – это просто традиционно выделяемые наиболее характерные типы значений, выражаемые предложениями с глаголом того или иного вида» [Зализняк, Микаэлян, Шмелёв 2015: 23]);
– выявить роль принципов ясности и экономии в выборе говорящим видового коррелята;
– описать и объяснить семантические эффекты различных конвенций употребления, см., работы Е.В. Петрухиной, в частности [Петрухина 2008; 2015; 2016];
– исследовать различные видовые конфигурации, см., например, [Падучева 2017].

Литература

Зализняк А.А., Микаэлян И.Л., Шмелёв А.Д. Русская аспектология: В защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка / Под ред. С.Б. Бернштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 157–312.

Падучева Е.В. О семантике русского вида в дискурсивном контексте // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 7–23.

Петрухина Е.В. Дискуссионные вопросы изучения русского глагольного вида // Sprache und Gesellschaft. Festschrift fur Wolfgang Gladrow. Berliner Slawistische Arbeiten. Vol. 33. Berlin; Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008.

Петрухина Е.В. Категориальная видовая семантика и стратегии употребления видов в русском и чешском языках // Труды V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов «Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития» / Сост. М. Китадзё. Киото: Ун-т Киото Сангё, 2015. С. 185–195.

Петрухина Е.В. Сопоставительное изучение глагольного вида в славянских языках: русский вид на славянском фоне // Journal of Research Institute. Kobe City University of Foreign Studies (Current Issues in Modern Slavic Aspectology). 2016. T. 55. C. 73–86.

Самедов Г.С. К вопросу о трехчленных цепях типа *слабеть – ослабеть – ослабевать* // Структурно-функциональный анализ слова в русском языке / Под ред. Ф.Г. Гусейнова. Баку: Изд-во АГУ им. С.М. Кирова, 1984а. С. 3–11.

Самедов Г.С. К вопросу о трехчленных цепях типа *слабеть – ослабеть – ослабевать* // Русский язык и литература в азербайджанской школе. 1984б. № 11. С. 30–34.

Самедова Н.Г. Об одной аспектологической теории (в связи с вопросом о потенциале структурной лингвистики) // Теоретическая и прикладная лингвистика: пути развития: К 100-летию со дня рождения В.А. Звегинцева / Сост. А.Е. Кибрик и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 77–78.

Самедова Н.Г. К вопросу о форме будущего времени глаголов несовершенного вида в современном русском языке // Логический анализ языка. Лингвофутуризм / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2011. С. 263–276.

Самедова Н.Г. Омонимические конструкции *стать + инфинитив*: закономерности поведения // Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica. 2013. XXX. Szeged. C. 151–170.

Самедова Н.Г. Перфективность и сема ‘процесс’: о когнитивном аспекте взаимодействия // Труды V Международной конференции комиссии по аспектологии Международного комитета славистов «Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития» / Сост. М. Китадзё. Киото: Ун-т Киото Сенгё. 2015. С. 248–254.

Самедова Н.Г. К уточнению понятия предельность (взгляд сквозь призму нетрадиционной аспектологической теории) // III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире» / Под общим руководством М.Л. Ремнёвой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2016а. С. 35–37.

Самедова Н.Г. Об актуальности взглядов Б.Н. Головина на проблему видового значения // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания / Под ред. Т.Б. Радбиля. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та им. Н.В. Лобачевского, 2016б. С. 144–148.

Самедова Н.Г. Об одном парадоксе, выявленном Ю.С. Масловым // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2017. № 1. С. 89–103.

Samedova N.G. Verbs of locomotion like *идти (to go) – ходить (to walk)*: some thoughts on their semantic description // LEGE ARTIS. Language yesterday, today, tomorrow, 2016. Vol. I. No 1. P. 308–357.

Samedova N.H. Об одном аспекте взаимодействия категорий вида и времени // Milliaressi T. (édit.). La relation temps / aspect: approaches typologique et contrastive. Lille: Université Charles-de Gaulle – Lille 3. 2018. P. 349–355.

Вид и время глаголов со значением просьбы и совета в перформативных высказываниях в русском и болгарском языках

Светлана Славкова

Tense and aspect of verbs with meaning of “request” and “advise” in performative utterances in Russian and Bulgarian

Svetlana Slavkova

Болонский университет, департамент устного и письменного перевода (Кампус Форли – Италия) /
Bologna University, Department of Interpreting and Translation (Forlì campus – Italy)

svetlana.slavkova@unibo.it

Аннотация. В докладе рассматривается иллокутивный потенциал некоторых директивных речевых актов в русском и болгарском языках с точки зрения теории вежливости и межличностной дистанции. Будет показано, что взаимодействие вида и времени при перформативном употреблении глаголов со значением просьбы и совета приводит к специфическим прагматическим эффектам.

Ключевые слова: директивы, вид глагола, время, русский язык, болгарский язык.

Summary. In this work I examine the illocutionary potential of some *directives* in Russian and Bulgarian in terms of categories of politeness and interpersonal distance. I show that the interplay between tense and aspect parameters of performative verbs serves a wide range of pragmatic functions.

Keywords: Directives, Verbal Aspect, Tense, Russian, Bulgarian.

В докладе предполагается рассмотреть возможности использования видо-временных форм глаголов в перформативных высказываниях. Мы полагаем, что выбор видо-временной формы предиката носит прагматический характер и что вид и время, в частности, могут выполнять специфические функции, связанные с прежде всего с регулированием межличностной дистанции и с категорией вежливости. В этой связи, особый интерес представляет иллокутивный потенциал *директивов* (просьба, требование, совет).

Известно, что в перформативных высказываниях доминирует использование форм настоящего времени глаголов (примеры (1), (2)), но имеются также случаи использования форм будущего времени – примеры (3), (4).

(1) a. Нет, расскажите подробнее, *прошу* вас.
b. Не, разкажете ми по-подробно, *моля* ви.

(2) a. А потому, благородный друг мой, *советую* тебе за пастись подругой сердца [...].
b. И затова, благородни ми приятелю, *съветвам* те да си намериш другарка на сърцето [...].

(3) a. – Во всяком случае, *попрошу* передать сказанное Авдотье Романовне.
b. – Поне *ще* ви *помоля* да предадете казаното от мен на Авдотя Романовна.

(4) a. Но я *прошу* вас не отходить слишком далеко от нашего лагеря, в особенности ночью.
b. Но *ще* ви *моля* да не се отдалечавате много от лагера, особено нощем.

В этот ряд иллокутивых актов входят также высказывания с отглагольными существительными – см. примеры (5)–(7).

(5) Так что мой тебе *совет* – езжай домой и забудь об этой истории.

(6) *Просьба* прокомментировать ветирование Россией в СБ ООН проекта резолюции по Кипру.

(7) Съветът *ми е да* си изберете едно или две от нещата, най-много три и да ги следвате.

Более углубленное изучение перформативного употребления глаголов просьбы и совета, в частности, *просить* / *попросить*, *советовать* / *посоветовать* (а также соответствующих отглагольных имен *просьба* и *совет*) показывает, что выбор видо-временных форм глаголов (и в некоторых случаях имени существительного) в перформативных высказываниях может влиять на иллокутивный потенциал таких высказываний, усиливая или ослабляя его, сводя, в некоторых случаях, смысл перформативного высказывания к чистой формальности. Именно ввиду того, что директивные акты по своей природе предполагают «вторжение» в личную сферу слушающего, их изучение предполагает обязательный учет взаимодействия различных языковых и внеязыковых факторов (включая соблюдение межличностной дистанции, например), которые позволяют говорящему контролировать свое коммуникативное поведение в процессе общения с целью оказания нужного воздействия на собеседника.

Литература

Апресян Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Апресян Ю.Д. Избранные труды в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография, М.: Языки русской культуры, 1995 [1988].

Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Апресян Ю.Д. Избранные труды в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография, М.: Языки русской культуры, 1995а [1986].

Бенаккио Р. Вид и категория вежливости в славянском императиве: сравнительный анализ. München; Berlin: Otto Sagner, 2010.

Войводич Д. Об употреблении и значении совершенного вида в перформативных предложениях-высказываниях в славянских языках: опыт типологической дифференциации // Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы. Сборник научных трудов / Ред. Н.А. Тупикова. Волгоград: Издательство ВолГУ. 2010.

Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида: Сборник статей / Ред. Ю.С. Маслов. М.: Изд. иностранной литературы. 1962.

Славкова С., Перформативное употребление глаголов *просить* / *попросить* и *моля* / *помоля* в русском и болгарском языках: прагматическая роль вида и времени // SCANDO-SLAVICA. 2014. 60. P. 231–252.

Austin J.L. How to do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955. Oxford: Clarendon, 1962.

Brown R., Gilman A. The Pronouns of Power and Solidarityn // American Anthropologist. 1960. 4. № 6. P. 24–39.

Brown P., Levinson S.C. Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Dickey S.M. Parameters of Slavic Aspect. Stanford: CSLI Publications, 2000.

Leech G. The principles of pragmatics. London; New York: Longman, 1983.

Searle J. A Classification of Illocutionary Acts // Language and Society. 1976. 5–1. P. 1–23.

Slavkova S. Tense and Aspect in Performative Utterances in Bulgarian // Proceedings of 4th International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication (ICELAIC 2017), Atlantis Press, «Advances in Social Science, Education and Humanities Research», 2017. 142. P. 344–356.

Глаголы несовершенного вида с суффиксом *-ну-* в современном русском языке

Е.Я. Титаренко

Imperfect verbs with the suffix *-ну-* in the modern Russian language

Elena Y. Titarenko

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Симферополь) / V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol)

elenatit@mail.ru

Аннотация. В докладе содержится лексико-грамматический анализ группы русских глаголов несовершенного вида с суффиксом *-ну-* и их классификация. Новизна исследования заключается в подходе автора к анализу данных глаголов с позиций их фазовой парадигматики. Исследование фазовой парадигматики русских глаголов является перспективным научным направлением как в теоретическом (в рамках славянской аспектологии), так и в практическом плане (для более адекватного лексикографического описания глаголов).

Ключевые слова: глагол, вид глагола, русский глагол, аспектология.

Summary. The report contains a lexico-grammatical analysis of a group Russian imperfect verbs with the suffix *-ну-* and their classification. The novelty of the research lies in the author's approach to the analysis of these verbs from the standpoint of their phase paradigmatics. The study of the phase paradigmatics Russian verbs is a promising scientific direction both in theoretical (in the Slavic aspectology) and in practical terms (for a more adequate lexicographic description of verbs).

Keywords: verb, aspect, Russian verb, aspectology.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) глаголов несовершенного вида (НСВ) с суффиксом *-ну-* представляет собой непродуктивную группу в количестве около 50 слов, таких как *слепнуть, глохнуть, мокнуть, гнуть, тянуть, виснуть* и т.п. Главным формальным показателем этих глаголов является непродуктивный суффикс *-ну-*[1] [Русская грамматика 1980]. Этот суффикс является омонимичным продуктивному суффиксу совершенного вида *-ну-*[2], имеющему значение одноактности – *прыгнуть, шагнуть, вздохнуть* и т.п.

Глаголы данной ЛСГ обнаруживают определенное сходство по своим семантическим и грамматическим признакам, а именно:

- 56,25% глаголов имеет высокую словообразовательную валентность, 43,75% – слабую. Наиболее продуктивными являются глаголы *гнуть* (19 дериватов); *тянуть* (17 дериватов); *сохнуть, мокнуть* (по 16 дериватов); *мерзнуть, киснуть* (по 13 дериватов).
- все глаголы данной ЛСГ являются непереходными (за исключением многозначного глагола *тянуть*, отдельные лексемы которого являются переходными).
- большинство глаголов в составе ЛСГ являются предельными. Непредельных глаголов не более 7 (примерно 14%), однако у многозначных глаголов имеются отдельные ЛСВ непредельной семантики.
- будучи глаголами НСВ предельной семантики, подавляющее большинство глаголов имеет видовые пары. Только 5 глаголов из всей группы не имеют (по [МАС]) видовой пары ни в одном значении: *пахнуть, мякнуть, мокнуть, грузнуть, дрыхнуть*.
- префиксальные видовые пары глаголов описываемой группы образованы 12-ю префиксами: *по-* (*блёкнуть – поблёкнуть*); *за-* (*мерзнуть – замерзнуть*); *о-* (*слепнуть – ослепнуть*); *у-* (*гаснуть – угаснуть*); *с-* / *со-* (*киснуть – скиснуть*); *вы-* (*сохнуть – высохнуть*); *про-* (*киснуть – прокиснуть*); *при-* (*липнуть – прилипнуть*); *вс-* (*пухнуть – вспухнуть*); *от-* (*волгнуть – отволгнуть*); *из-* (*дохнуть – издохнуть*); *рас-* (*пухнуть – распухнуть*).
- некоторое количество глаголов анализируемой группы имеет несколько видовых пар (*вянуть – завянуть* и *увянуть*; *дохнуть – издохнуть*, *подохнуть* и *сдохнуть*), либо разные видовые пары в разных значениях: *тянуть – вытянуть; протянуть; потянуть*. *Гаснуть – погаснуть; угаснуть; загаснуть*. Количество таких глаголов составляет 34%, при этом глаголы *тянуть, молкнуть, гаснуть* и *дохнуть* имеют по 3 приставочных коррелята. Таким образом, одна треть глаголов входит в так называемые «видовые тройки».
- отдельные глаголы (*мокнуть, виснуть, мякнуть, пухнуть*) в русской лексикографии охарактеризованы в отношении видовой коррелятивности весьма противоречиво.

- большинство глаголов является стилистически нейтральными, однако 16% из них имеет в словарях стилистические пометы *Разг., Прост., Обл.*
- семантический признак «*постепенный переход в какое-либо состояние*» не является общим для всех глаголов с суффиксом *-ну-*[1], семантическое противопоставление в видовых парах '*становиться – стать*' имеет примерно 30% глаголов из всей группы.

Фазовая валентность глаголов данной ЛСГ в целом не очень высока (теория фазовой парадигматики представлена автором в [Титаренко 2011]). **Полную** фазовую парадигму имеет только **один** глагол – ***тянуть***. Этот глагол стоит особняком в группе, значительно отличаясь по своим семантическим и грамматическим признакам от остальных членов ЛСГ. Глагол *тянуть* имеет развитую полисемию (22 лексемы в [МАС]), в отдельных значениях не имеет видовых пар, в остальных видовые пары есть, они образованы тремя префиксами (*вытянуть; протянуть; потянуть*); может быть и переходным, и непереходным, и предельным, и непредельным. В его фазовой парадигме 29 членов.

Все остальные глаголы в группе имеют **неполные** фазовые парадигмы. Более половины (53%) – обладают односторонними парадигмами. Двусторонние фазовые парадигмы имеют почти 28% глаголов, 3-хсторонние – 17 %.

По количеству членов в фазовой парадигме описываемые глаголы распределяются следующим образом: минимальная двухчленная парадигма (состоящая только из видовой пары глагола) составляет 19,6%; свыше 10 членов в фазовой парадигме имеют 17,4% глаголов. Наиболее многочленные парадигмы имеют глаголы *тянуть* – 29, *гнуть* – 19; *киснуть, мерзнуть* – 18 членов, *сохнуть* – 17 членов.

Итак, **типичная фазовая парадигма** глагола «перехода в состояние» насчитывает от 3 до 10 членов (около 60%), односторонняя (53%), реже двусторонняя (еще 27%); не имеет синтетического выражения одно- / многократной фазовости (свыше 90%), редко имеет ограничительную фазу, выраженную делимитативом (около 18%). В целом при относительно высокой словообразовательной валентности (около 80% глаголов имеет свыше 2–3 префиксальных дериватов-глаголов) данные глаголы характеризуются слабой фазовой валентностью: подавляющее большинство имеет односторонние (процессно-завершительные, свыше 50%) и двусторонние (начало → процесс → окончание, совпадающее с достижением какого-либо результата, таких 20,5%) парадигмы фазовости.

Литература

Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова]. Т. 1. М.: Наука, 1980.

Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. В 4 т. 2-е изд. М.: Русский язык, 1984 (МАС).

Титаренко Е.Я. Категория фазовости и вид русского глагола. Симферополь: Доля, 2011.

Русские видовые пары: семантическая теория и критерий Маслова

Е.В. Урысон

Russian aspectual pairs: semantic theory and Maslov's criterion

Elena V. Uryson

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) /

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

uryson@gmail.com

Аннотация. Объект работы – русские парные глаголы. Цель работы – интерпретировать с семантической точки зрения способность парного глагола НСВ обозначать событие в масловских контекстах. Полученные выводы: указание на событие входит в лексическое значение и глагола СВ, и парного ему глагола НСВ. Видовое значение как НСВ, так и СВ сводится к указанию на модальную и темпоральную характеристику этого события. Рассмотрены предельные и непредельные глаголы. Охарактеризованы типы событий, на которые может указывать парный глагол.

Ключевые слова: вид глагола, видовая пара, критерий Маслова, лексическое значение, грамматическое значение.

Summary. It is well known that in Maslov' contexts imperfective verbs denote events but not lasting processes. My goal is to explain this fact in terms of semantics. Because verbs in an aspectual pair have the same lexical meaning, we can consider that the semantic component 'event' is a part of lexical meaning of both verbs in an aspectual pair. Thus, the grammatical meaning of perfective vs. imperfective verb is confined to modal and temporal characteristics of the denoted event and process. Different types of verbs are described.

Keywords: perfective / imperfective verb, aspectual pair, Maslov' criterion, lexical meaning, grammatical meaning.

Хорошо известно, что парный глагол НСВ в определенных (масловских) контекстах обозначает событие, причем в этих контекстах глагол СВ не употребляется. Эта дистрибуция парных глаголов лежит в основе критерия Маслова: два глагола – СВ и НСВ – объединяются в видовую пару, если в масловских контекстах глагол НСВ употребляется вместо СВ [Маслов 2004].

Цель работы – выявить те особенности семантической организации парного глагола НСВ, благодаря которым он может указывать на событие в масловских контекстах. Предлагаемая семантическая интерпретация критерия Маслова состоит в следующем.

В лексическом значении парного глагола (как СВ, так и НСВ) содержится указание на событие. Глагол НСВ отличается от своего парного глагола СВ модальной и темпоральной характеристикой этого события, а та, в свою очередь, определяется частным значением видовой граммемы.

Так, глагол НСВ в актуально-длительном значении (ср. *Он же умирает!*; *А сейчас он переходит улицу*) указывает на то, что данное событие возможно – оно является естественным результатом данного процесса (действия) и будет иметь место, если процесс (действие) дойдет до конца [Wierzbicka 1966]. Глагол НСВ в сценической ремарке (процессно-событийное значение граммемы НСВ, ср. *Падает и умирает; Подходит к окну*) указывает на то, что событие имеет место, причем процесс (или действие) как бы разворачивается перед читателем от начала и до этого события. Глагол НСВ в общефактическом значении (*Прошлым летом он переплывал Ламанш, Зимний дворец строил Растрелли*) тоже указывает на совершившееся событие. Наконец, глагол НСВ в узуальном или многократном значении указывает на то, что данное событие регулярно или несколько раз имело место на каком-то временном отрезке.

Видовые пары различаются типом события, на которое указывают. Предельные глаголы (*умирать – умереть, строить – построить*) содержат в своем лексическом значении указание на естественный результат, «предел», данного процесса или действия [Татевосов 2015; Урысон 2015; 2016]. Что касается парного непредельного глагола (как СВ, так и НСВ), то в лексическом значении содержится указание на начало процесса (или действия), т.е. на переход в новое состояние; ср. *обижаться – обидеться, чувствовать – почувствовать, смотреть – посмотреть*. При этом некоторые непредельные глаголы содержат в своем лексическом значении указание сразу на два события: на начало данного действия и на его конец, ср. *нюхать – понюхать, произносить – произнести, говорить – сказать*.

Существенно, что с точки зрения наших обиходных представлений любое целенаправленное действие предполагает результат – достижение цели. Однако не всякий глагол НСВ, описывающий целенаправленное действие, содержит указание на результат в своем лексическом значении. При-

мер: глагол *искать*. В лексическом значении этого глагола нет указания на результирующее событие ‘найти’, и поэтому в масловских контекстах *искать* не указывает на событие ‘найти’. Однако с точки зрения общих представлений говорящих о мире действие ‘искать’, как и любое целенаправленное действие, ведет к цели и предполагает ее достижение: *Кто ищет, тот всегда найдет*. С этой точки зрения *искать* и *найти* объединяются в пару, аналогичную видовым парам *ловить – поймать, решать – решить* и т.п. Но *искать* и *найти* – это ложная видовая пара (псевдопара по [Татевосов 2015]), потому что данные глаголы не обладают тождественным лексическим значением: *найти* указывает на результирующее событие, а *искать* – нет.

С точки зрения наших общих представлений о мире практически каждый процесс (состояние, действие) имеет начало. Начало действия или процесса (состояния) – это событие. Однако указание на такое событие содержится в значении не любого глагола.

Примеры: *обижаться – обидеться* и *болеть* и *заболеть*. Глагол *обижаться* образует видовую пару с глаголом *обидеться*, который безусловно указывает на начало процесса. Действительно, глагол *обижаться* заменяет собой СВ *обидеться* в масловских контекстах. Ср. *Он внезапно обиделся и ушел – Он внезапно обижается и уходит* [настоящее историческое]; *Он очень обижался на нее за этот поступок* [общефактическое значение НСВ]; *Она много раз на него обижалась* [многократное значение НСВ]. В первом приближении: *A1 обижается* ‘A1 находится в эмоциональном и ментальном состоянии P; это состояние начало иметь место в какой-то предшествующий момент времени’.

Иначе устроен глагол глагол *болеть*. Глагол *болеть* не может заменить собой глагол *заболеть* при трансформации высказывания в настоящее историческое, ср. *Она внезапно заболела чахоткой ≠ *Она внезапно болеет чахоткой* [нужно: …*и там внезапно заболевает чахоткой*]. Следовательно, указание на начало процесса (т.е. указание на событие) входит в лексическое значение только глагола СВ *заболеть*, но не глагола НСВ *болеть*, так что эти глаголы не образуют видовой пары.

Важно, что принадлежность глагола НСВ к тому или иному онтологическому или семантическому классу отнюдь не предсказывает наличие в его лексическом значении указания на событие. Ср. уже приводившиеся примеры *ловить* [есть указание на достижение результата] и *искать* [такого указания нет]; *обижаться* [есть указание на событие – начало процесса] и *тосковать* [такого указания нет].

Многие классы глаголов устроены достаточно прихотливо с точки зрения того, на какое событие они указывают. Примером могут служить акты речи. Многие акты речи предполагают цель субъекта – воздействовать на адресата так, чтобы он изменил свое мнение или представление о чем-либо. Казалось бы, такие акты речи должны в массе обозначаться предельными глаголами (ср. *убеждать – убедить*). Однако достаточно много подобных глаголов не относятся к предельным. При этом они образуют видовые пары. Пример: *заступаться – заступиться*, ср. *Он заступился за дочь, Она всегда заступалась за сына*. Оба глагола указывают на цель субъекта (смягчить наказание тому, о ком идет речь), однако не содержат в своем лексическом значении указания на результат (наказание смягчено). Поэтому эта видовая пара не попадает в класс предельных глаголов. Она относится к классу «глаголов говорения» типа *говорить – сказать*. Ср. *заступиться* – ‘сказать нечто с целью смягчить наказание другому’, *заступаться* – ‘говорить нечто с целью смягчить наказание другому’.

Возможно, эта «непоследовательность» в организации лексического значения однотипных глаголов свидетельствует о молодости и не полной сформированности грамматической категории вида в русском языке.

Аспектуальные классы парных глаголов должны выделяться, в частности, с учетом критерия Маслова и с учетом типа события, на которое указывают глаголы в паре.

Литература

Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: ЯСК, 2004. С. 71–90 [впервые напечатано в: Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1948. Т. 7. Вып. 4. С. 303–316].

Wierzbicka A. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish // To Honor Roman Jakobson. The Hague; Paris: Mouton, 1967. P. 2231–2243.

Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. М.: ЯСК, 2015.

Урысон Е.В. Критерий Маслова и семантическая теория // Аспектуальная семантическая зона: типологии систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото: Университет Киото Санге. 2015.

Урысон Е.В. Видовые пары, семантическая теория и критерий Маслова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2016). Вып. 15. М.: Изд-во РГГУ, 2016. С. 704–717.

Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Типы незаконной видовой связи // Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А.Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: ЯСК, 2015. С. 155–161.

Вид и время (проблемы и решения)

В.С. Храковский

Aspect and Tense (Challenges and Solutions)

Viktor S. Xrakovskij

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) / Institute for Linguistic Studies RAS (Saint-Petersburg)

khrakovv@gmail.com

Аннотация. В работе рассматривается статус глагольных категорий вида и времени.

Ключевые слова: ситуация, глагол, категория, вид, время.

Summary. The paper considers the status of the verbal categories of Aspect and Tense.

Keywords: situation, verb, category, aspect, tense.

Несколько упрощая реальное положение дел, но, отнюдь, нисколько не искажая его, можно говорить о том, что в современной аспектологии, пожалуй, нет проблем, относительно которых у исследователей не было бы разногласий. Единственным исключением, наверное, можно считать проблему взаимодействия глагольных категорий вида и времени, которые, как принято считать, хотя и различным образом, воплощают одну и ту же идею времени. Эту точку зрения хорошо отражают те определения этих категорий, которые принадлежат Ю.С. Маслову.

Категорию времени Ю.С. Маслов определяет следующим образом; «Время глагольное – грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении. Эта локализация является дейктической, т.е. соотнесенной прямо или косвенно с реальным или воображаемым hic et nunc ‘здесь и теперь’. Она заключается в указании посредством противопоставленных друг другу временных форм (глагольных времен) на одновременность, предшествие или следование события моменту речи

или – в случае т. наз. относительной временной ориентации – какой-то другой точке отсчета» [Маслов 1990: 89].

Категории вида Ю.С. Маслов дает следующее определение: «Вид глагольный (в междунар. терминологии – аспект) – грамматическая категория глагола, обобщенно указывающая, “как протекает во времени или как распределяется во времени” (А.М. Пешковский) обозначенное глаголом действие. В отличие от категории глагольного времени В. связан не с дейктической темпоральной (временной) локализацией действия, а с его внутр. “темпоральной структурой”, с тем, как она интерпретируется говорящим» [Маслов 1990: 83].

Если и категория времени, и категория вида, хотя и различным образом, воплощают идею времени, то это дает все основания говорить о двуединстве этих категорий, используя, например, такие термины, как «аспектуально-темпоральный комплекс» [Бондарко 1999] или «видо-временная система» [Гловинская 2001].

Представляется, что данная трактовка категорий времени и вида нуждается в уточнении. Прежде всего обратим внимание на то, что двуединство времени и вида существует только у финитных форм индикатива, а также у причастий, но не у инфинитива и сослагательного и повелительного наклонений, у которых категории времени нет. Иначе говоря, категория времени это категория отдельных форм глагольной лексемы, в основном финитных форм индикатива, тогда как категория вида это категория лексемы, т.е. всех ее форм. Тем самым категория времени является словоизменительной, а категория вида словоклассифицирующей.

Разный формальный статус категорий времени и вида отражается на их взаимоотношениях с лексемами глаголов. Для категории времени безразлична семантика глагольных лексем. Никаких семантических ограничений для употребления категории времени в тех словоизменительных формах лексемы, где она представления, очевидно, не существует. Иное дело категория вида. Прежде всего категория вида делит все глаголы на два семантически (и в основном формально) противопоставленных класса: глаголы НСВ и глаголы СВ. С другой стороны существуют самостоятельные глаголы НСВ (типа *куролесить*), самостоятельные глаголы СВ (типа *хлынуть*) и так называемые парные глаголы НСВ и СВ (*прийти – приходить, просмотреть – просматривать, вспомнить – вспоминать*), чьи лексемы различаются только аспектуально, хотя и не одним стандартным образом. В парах типа *прийти – приходить* глагол СВ обозначает событие, а глагол НСВ – то же событие, но повторяющееся неоднократно:

(1) *Домой я пришел поздно, но мама, конечно, не спала* [К. Шахназаров. НКРЯ].

(2) *Она приходила обычно вечерами* [М. Гиголашвили. НКРЯ].

В парах типа *просмотреть – просматривать* глагол НСВ дополнительно может обозначать процессную составляющую (срединную фазу) этого события:

(3) *Ну-с, просмотрел я и труд вашего батюшки* [Ю.И.Домбровский. НКРЯ].

(4) *Брат-сташеклассник просматривает дневник сестры, а она разогревает суп и кормит его обедом в отсутствие мамы* [Н.Усольцева. НКРЯ].

(5) [(Леля)] [(нервно просматривает почту, ищет нужное)] *Вот!* [А.Володин. НКРЯ].

В парах типа *вспомнить-вспоминать* глагол СВ обозначает событие, которое которое либо представляет собой результат агентивного, но не в полной мере контролируемого процесса воспоминания, см. (6), либо возникает спонтанно, независимо от воли и желания вспомнившего человека, который в этом случае выступает не в роли Агенса, а в роли Экспериенцера, см. (7):

(6) *Федор Филатович долго искал для его деятельности подходящее слово и наконец вспомнил английское «waste»* [И. Грекова. НКРЯ].

(7) *Веселости Александру Сергеевичу придавало и то обстоятельство, что он вдруг вспомнил о своем старом лицейском товарище Константине Данзасе* [В. Отрошенко. НКРЯ].

Ситуация, обозначаемая глаголом *вспоминать*, представляет собой агентивный и в какой-то мере контролируемый процесс, требующий для своего осуществления затрат энергии.

(8) *Сидит себе Бочкин га диванчике, любуется кружечками и вспоминает: в этом городе из-за плохой погоды времени потеряли уйму, в этом поклонницы прохода не давали, а в этом музей был потрясающий* [Н. Склярова. НКРЯ].

Однако, поскольку процесс восстановления в памяти информации является не вполне контролируемым, ранее бывшую в памяти информацию не всегда удается восстановить полностью:

(9) *Она уже с трудом вспоминала то время, когда все было иначе* [А. Берсенева. НКРЯ].

Коль скоро категория вида является словоклассифицирующей, то из этого следует, что т.н. парные глаголы СВ и НСВ, т.е. аспектуально соотносимые глаголы типа *записать – записывать,* чей статус служит предметом постоянных дискуссий, являются разными словарными единицами, и это традиционно фиксируется лексикографической практикой. Характеризуя особенности своего словаря, А.А. Зализняк специально обращает внимание на то, что «Члены видовой пары глаголов рассматриваются как самостоятельные слова (каждое со своей парадигмой)» [Зализняк 1977]. Напомню в этой связи, что у глаголов СВ и НСВ разные парадигмы временных и залоговых форм.

Формальным аргументом в пользу того, что категория вида является словоклассифицирующей может служить и то, что у этой категории нет стандартных формальных показателей. В частности нет никаких формальных различий между глаголами СВ (первичными перфективами) типа *дать* и глаголами НСВ (первичными имперфективами) типа *пить.* А традиционно считающийся показателем НСВ суффикс *-ыва-* практически перестает обозначать НСВ при образовании из глагола НСВ (вторичного имперфектива) типа *выбрас-ыва-ть* производного дистрибутивного глагола СВ типа *по-выбрас-ыва-ть.*

Нам остается предложить то определение категории вида, которая, на наш взгляд, наиболее адекватно отражает сущность этой категории: **Вид характеризует ситуацию, называемую глаголом (или ее фрагмент), в соответствии с акциональным потенциалом глагольной лексемы. Совершенный вид (СВ) обобщает значения, выражающие идею изменения существующего положения вещей (обозначение начальной и/или конечной границы ситуации), а несовершенный вид (НСВ) обобщает значения, выражающие идею неизменения существующего положения вещей (отсутствие обозначения какой-либо границы ситуации**. При этом мы хорошо понимаем, что явление шире закона, и поэтому допускаем существование таких употреблений СВ и НСВ, которые могут не соответствовать предложенному определению категории вида.

Литература

Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.

Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видовой системе русского глагола. М.: Русские словари. Азбуковник, 2001.

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977.

Маслов Ю.С. Время // Лингвистический энциклопедический словарь. М. 1990. С. 89.

Маслов Ю.С. Вид // Лингвистический энциклопедический словарь. М. 1990. С. 83–84.

4.4. Синтаксис – формальное устройство и семантика

Современное состояние общеиндоевропейской тенденции к аналитизму в русском языке (Основные результаты исследования)

Е.А. Брызгунова

The current state of the general Indo-European tendency of analyticism in Russian (Main research results)

E.A. Bryzgunova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

bryzgunova@mail.ru

Аннотация. Представлены основные результаты исследования современного состояния общеиндоевропейской тенденции к аналитизму в русском языке, показано функционирование морфологического и синтаксического аналитизма в русском языке.

Ключевые слова: морфологический аналитизм, синтаксический аналитизм, общая индоевропейская тенденция к аналитизму.

Summary. The main results of the study of the current state of the general Indo-European tendency of analyticism in the Russian language are presented, the functioning of morphological and syntactic analyticism in the Russian language is shown.

Keywords: morphological analyticism, syntactic analyticism, general Indo-European tendency of analyticism.

Русский язык является аналитико-синтетическим
В.В. Виноградов (конец 30-х годов XX века)

В современном русском языке действует один из наиболее сложных внутренних законов развития языка, а именно: «общая индоевропейская тенденция к аналитизму». Тенденция охватывает значительную часть индоевропейских языков, в том числе германские, романские, славянские, а также армянский, персидский и др. Она представлена в двух разновидностях: «морфологический аналитизм», «синтаксический аналитизм».

Тенденция связана с двумя основными способами организации грамматического значения слова или предложения. Это синтетический способ, предполагающий, что грамматическое значение слова и предложения, выражено в пределах каждой из этих структур. Например, *обстоятельство: об-стоя-тель-ств-о*; *ждите ответный звонок через два часа* (данный лексико-грамматический состав побудительного предложения является монофункциональным и не может быть преобразован в другой коммуникативный тип).

Аналитический способ организации грамматического значения слова основан на полифункциональности несклоняемого слова, конкретизируемого предлогом, ударением, полнозначным словом*: его жена – его дети, его детей – его детям, его детям – ее детям – их детям*; *с его детьми – для его детей*. Полнозначное слово используется также при конкретизации полифункциональных предлогов, например, *на, в* и др.: *стою на шоссе* (где?), *выхожу на шоссе* (куда?), *уехал на год*; *нахожусь в метро* (где?), *иду в метро* (куда?). Таким образом, полнозначные слова выступают в функции предлогов, но конкретизируя при этом предложно-падежное словосочетание; с другой стороны, полнозначное слово может конкретизироваться предлогами: *подарок от жены – подарок для жены* (такие отношения прослеживаются в разных склонениях системы). Интонация может выступать в функции предлогов в полисемантических структурах, конкретизируя полифункциональность предлогов.

В анализе именных словосочетаний с родительным падежом грамматическое значение слова традиционно рассматривается как обобщенное, своего рода архисема какой-либо группы слов, понятий. В русском языке распространены именные словосочетания с родительным падежом, первое слово обозначает какое-либо свойство, характерное для какого-либо множества понятий, каждое из которых соотносимо с первым словом словосочетания. Признаки соотносимости – свойство и вещество (*запах бензина*); признак и носитель признака (*доброта отца, красота девушки*); воздействие и предмет воздействия (*влияние музыки*); предмет и субъект принадлежности (*дом родителей, кабинет отца*) и др. Состав этого вида словосочетаний с родительным падежом, притом большей частью без предлогов, обладает большим разнообразием и устойчивостью в развитии русского аналитизма. Признаком аналитизма здесь выступает несклоняемость второго слова. В русском языке допускается синонимия рассматриваемых словосочетаний с другим видом именных словосочетаний, включающих предмет (*доброта отца – отцовская доброта, дом родителей – родительский дом, сугроб снега – снежные сугробы* и др.). При этом в некоторых синонимах можно отметить недостаточную несогласованность (*письмо друга – дружеское* / *дружественное письмо*).

В русском языке самым «аналитическим» является третье склонение существительных. Русский язык легко принимает иноязычные аналитические формы существительных и передает все падежные значения с помощью русских предлогов (*шоссе, кафе* и др.). Падежное значение этих слов образуется путем взаимодействия номинантного значения существительного и значения предлогов и полнозначных слов, например: *сели в такси, сидим в такси, едем на такси, выходим из такси, вызываем такси* и др. Очень важны в этих процессах обобщение и конкретизация.

В сфере глаголов процесс развития аналитизма проявляется ограниченно. Большей завершенностью отличаются отдельные сокращения форм, например: в спряжении глаголов движения (ср.: *я прихожу, ты приходишь, он приходит, мы приходи, вы приходите, они приходят;* а также *я пишу, работаю, смеюсь – ты пишешь, работаешь, смеешься* и др.) различается лицо и число, но не различается род. Однако в глагольных формах прошедшем времени род различается (*он приходил, она приходила – он пришел, она пришла* и др.), при этом категориальность не влияет на различение рода. Подобные факты отмеченных аналитических признаков достаточно описаны в лингвистической литературе.

Особого обсуждения требует вопрос о так называемых двувидовых глаголах. Частично этот материал обсуждается в разделе формирования грамматической категории вида. Есть мнение, что двувидовые глаголы (*Я* ***проходил*** *мимо киоска – Я* ***проходил*** *в этом пальто пять лет*) иногда называют омонимами, что вызывает некоторые сомнения при большем углублении в анализ материала.

Поскольку общеиндоевропейская тенденция к аналитизму считается многовековым процессом, то необходимо обратить внимание на исследования русского языка в предшествующей исторической эпохе. Это позволит выявить те или иные структуры, востребованные или не востребованные аналитизмом. Для понимания развития аналитизма важно учитывать два процесса: 1) развитие и укрепление грамматической категории видов глагола и 2) упрощение системы древнерусских времен. Эти два процесса взаимосвязаны, они проявляются в морфологическом аналитизме и особенно в синтаксическом.

В рамках грамматической категории вида определилось основное лексико-грамматическое противопоставление глаголов по признаку «совершенный – несовершенный вид».

Этот основной признак имеет иерархическую природу. Наиболее общими признаками категории являются совершенный и несовершенный вид, которые, в свою очередь, допускают дальнейшую конкретизацию по отдельным группам, например, глаголы движения, классификация которых допускает также конкретизацию по определенном признакам (однонаправленность-разнонаправленность глаголов передвижения, среда движения, способ движения), в том числе возможность употребления в переносном значении (*плавать в бассейне – плавать на экзамене*). Еще более точную конкретизацию дает компонентный анализ глаголов движения. Это более частный признак, который конкретизируется в глаголах движения с помощью приставок: сочетание приставок с однонаправленным движением организует совершенный вид, а соединение приставок с разнонаправленным движением означает несовершенный вид.

Развитию синтаксического аналитизма способствовало упрощение системы древнерусских времен. Основными признаками синтаксического аналитизма является то, что предложения могут иметь или не иметь признаков повествовательности, вопросительности, волеизъявления. Лексико-грамматический состав следующих возможных предложений может быть и в повествовательном, и в вопросительном предложениях: *Ольга была на Енисее. Ольга была на Енисее?* Вопрос возможен, потому что слово «была» потенциально содержит в себе взаимоисключающее противопоставление «была – не была», которое возможно и в повествовательном предложении, но там оно было бы неактуально, поэтому не используется. В вопросах

Ольга была на Енисее? и

Ольга была на Енисее?

интонационно выделенные слова образуют в сознании носителя русского языка ассоциативно-тематический ряд: Ольга, Нина, Мария и др. (скорее всего была Ольга, но это еще неизвестно; аналогично: на Енисее – не на Енисее; наиболее вероятное называется в вопросе, так мыслится русский вопрос).

Структуры синтаксического аналитизма мобильны, способны к перемещению, сохраняя при этом условия аналитизма в предложении, например:

1) *Архитектор Иванов* / *– автор этого проекта; Архитектор Иванов* / *– автор этого проекта?*; *Архитектор Иванов, автор этого проекта,* / *в отъезде*;
2) *Когда он приедет? – Когда он приедет?* / *Я не знаю* (повторение вопроса при ответе); *Когда он приедет? – Когда он приедет,* / *всем будет объявлено* (сложноподчиненное предложение).

В примерах приведен один из многочисленных видов взаимодействия интонации и лексики. Семантика интонационно выделенного слова как результат взаимодействия синтаксиса, лексики и интонации многообразна и частотно используется говорящими. Эта семантика часто не понимается иностранцами.

В заключение можно сказать, что в русском языке синтетизм и аналитизм противопоставлены друг другу с точки зрения принципов структуры, но всегда будут сосуществовать в речевой коммуникации человека. В описательных текстах, например, при описании местности, эмоций, в научной речи будет преобладать синтетизм, а в деловой и разговорной речи будет преобладать синтаксический аналитизм. Эти и другие вопросы будут раскрыты в раздаточном материале.

Языковые средства фатической функции и их роль в речевом общении

А.В. Величко

Linguistic means of phatic function and their role in speech communication

Alla V. Velichko

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

all_velichko@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются три группы языковых средств, отражающих специфику общения как особого вида речевой деятельности.

Ключевые слова: общение, фатическая функция, субъективная модальность, предложения фразеологизированной структуры.

Summary. The article considers three groups of linguistic means reflecting the specifics of communication as a special type of speech activity.

Key words: communication, phatic function, subjective modality, phraseologized structure sentences.

Важнейшей направленностью современной лингвистики является изучение языка как средства общения. Это обусловлено утвердившейся в лингвистике идеей антропоцентризма, которая ставит человека в центр языка как его создателя и пользователя.

Теория общения дифференцирует понятия «речь» и «общение». Общение – более широкое понятие, чем речь. Как отмечает Н.И. Формановская, речь линейна, общение – объемно [Формановская 2007: 20]. Общение – это не просто речь, говорение, но и речевое взаимодействие собеседников. В этой связи является актуальным выделение и изучение языковых средств, используемых для выражения взаимодействия коммуникантов, т.е. специфических для общения. Если иметь в виду синтаксический уровень языка, то с этой точки зрения выделяется три группы синтаксических средств.

Эти три группы средств объединяет то, что все они выполняют в процессе общения общую функцию – фатическую (контактную). Они обеспечивают организацию общения как межличностного взаимодействия коммуникантов. Однако в каждой группе средств общая фатическая функция получает особую реализацию.

Первую группу составляют средства речевого этикета – система речевых формул, применяемых при установлении, поддержании и размыкания контакта с собеседником [Формановская 2009]. Этикетные средств являются рамочными.

Вторую группу составляют стереотипные выражения, оформляющие интенции участников общения [Амиантова, Белянко и др. 1986]. Они используются на разных этапах общения, регулируют обмен информацией с опорой на определенные правила общения, способствуют правильному композиционному его развитию и поддержанию дружеских контактов между коммуникантами. Они выполняют регулирующую функцию.

Третью группу составляют языковые средства, связанные непосредственно с содержательной стороной общения. Как коммуникативные единицы они предназначены для выражения отношения говорящего к содержанию общения, выражают реакцию говорящего на полученную информацию.

Эта группа включает разные по своей грамматической природе синтаксические средства. Значительную часть составляют единицы, характеризующиеся структурной неделимостью и семантической закрепленностью, ср.: *Еще бы!*; *Твое дело!*; *Подумаешь!*; *Еще как!*; *Почем ты знаешь?*; *Пойдет он, как же!*; *Что было делать?*; *Вот уж нет!*; *Это в современном-то мире*!; *Ну и что!*; *Ну и ну!*; *Я бы этого не сказал!*

Здесь авторы используют разные термины, отражающие характер рассматриваемых единиц: устойчивые фразы [Архангельский 1964; 1977], нечленимые предложения (коммуникемы и фразеосхемы) [Меликян 2001], синтаксические фраземы [Иомдин 2007], стационарные предложения [Матевосян 2005] и т.п.

В этой группе средств особый интерес представляют предложения фразеологизированной структуры (ФС) типа: *Вот это праздник так праздник!*; *Обедать так обедать»*; *Чем не праздник*!; *Как не купить!*; *Хоть бросай работу*; *Что ни день, то неожиданность!*; *Нет бы мне поговорить с ней*; *Не спорить же мне с соседкой*; *Куда ей все это запомнить!* и т.п. См. подробнее [Величко 2016].

Специфика предложений ФС в том, что они сочетают признаки фразеологичности и синтаксичности: они строятся по определенной фразеологизированной модели и при этом включают лексически свободный компонент, что позволяет по одной модели построить множество высказываний (*Тоже мне город!*; *Тоже мне зима!*; *Тоже мне студент*; *Тоже мне чай*).

Как и другие средства этой группы, ФС связаны с содержанием обсуждаемого, выражают разные значения субъективной модальности, т.е. передают отношение говорящего к содержанию сообщения, интеллектуально-эмоциональную реакцию на него: оценку, согласие, отрицание, единственность, множественность, акцентирование, необходимость, ненужность и т.д.

При этом ФС не представляют собой готовую мысль, они закрепили, зафиксировали определенные ходы мысли, мыслительные формулы, которые типичны для человеческого мышления. Наличие в модели ФС лексически свободного компонента позволяет говорящему построить высказывание, соответствующее теме и содержанию общения.

Предложения ФС позволяют говорящему реализовать свои потребности как коммуниканта: выражая свое собственное восприятие ситуации общения, свое отношение к обсуждаемому, говорящий вступает в отношения с собеседником, что позволяет ему влиять на восприятие, точку зрения собеседника и на сам ход общения.

Класс ФС включает свыше пятидесяти единиц. Это позволяет говорящему выразить свое отношение к содержанию обсуждаемого с нужной полнотой и точностью, что свидетельствует о большом коммуникативном потенциале ФС.

Предложения ФС отражают национальную специфику русского языкового сознания, специфику мышления носителей русского языка.

Литература

Амиантова Э.И., Белянко О.Е. и др. Пособие по развитию речи для иностранных студентов-филологов (III–V годы обучения). М.: Русский язык, 1986.

Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону, Изд-во Ростов. ун-та, 1964.

Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование: Монография. М.: МАКС Пресс, 2016.

Иомдин Л.Л. Русские конструкции малого синтаксиса, образованные вопросительными местоимениями // Мир русского слова и русское слово в мире. XI Конгресс МАПРЯЛ. Т. 1. Sofia, 2007.

Матевосян Л.Б. Стационарные предложения: от стандартного к оригинальному. М.; Ереван: Изд-во ЕГУ, 2005.

Меликян В.Ю. Очерки по синтаксису нечленимых предложений. Ростов-на-Дону, 2001.

Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007.

Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. М.: Русский язык, 2009.

Роль наречий на *-ски, -цки* в семантической организации предложения

А.В. Дегальцева

The role of the adverbs with *-ski, -tski* in the semantic organization of a sentence

Anna V. Degaltseva

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г Чернышевского /
Saratov State University

deganna@mail.ru

Аннотация. В современном русском языке наречия на *-ски*, *-цки* представляют собой активно пополняемую группу адвербиальных единиц. Такие наречия могут играть различные роли в семантической организации предложения. В зависимости от контекстного окружения и семантики предиката они способны выступать в качестве семантически восполняющих компонентов глагола-предиката, свернутых предикатов или сирконстантов пропозиции, способных семантически сближаться с некоторыми типами актантов.

Ключевые слова: синтаксис, семантический синтаксис, наречие, функционирование наречий.

Summary. In the modern Russian language the adverbs with the *-ski*, *-cki* is a rapidly expanding group of adverbial units. Such adverbs can play different roles in the semantic organization of a sentence. Depending on the context and the semantics of the predicate they are able to act as a semantically complementary components of the predicate, compressive predicates or circonstances of a proposition, which semantically correlate with some types of actants.

Keywords: syntax, semantic syntax, adverb, functioning of adverbs.

Наречия образа действия представляют собой самую обширную (более 6000 единиц) и многофункциональную группу русских наречий, чем и обусловлен интерес к их изучению. Около 13% из них составляют адвербиальные единицы, образованные от относительных прилагательных на *-ский, -цкий, -ический* с помощью суффикса *-и*. Они возникают из форм творительного падежа множественного числа древнерусских прилагательных на *-ьскы* [Бранднер 2002]. К образованию подобных наречий приводит активное окачествление относительных прилагательных. В современном русском языке наблюдается «расхождение формальной и смысловой производности» таких наречий: «формально они произведены от имен прилагательных», тогда как «семантически соотносятся с именами существительными» [Смакауз 2008: 16]. Словообразовательная структура данных наречий обусловливает многообразие их синтаксических функций. Кроме того, изучение наречий в диахроническом аспекте позволяет исследователям прийти к выводу о том, что к концу XX в. большинство наречий способно выражать не одно, а сразу несколько значений, например, качественное, сравнительно-уподобительное и модальное [Смакауз 2008].

Опыт изучения функционирования 792 наречий на *-ски*, *-цки* в разных сферах современной коммуникации (научной, официально-деловой, словесно-художественной и публицистической) позволил нам прийти к заключению о том, что их роли в семантической организации предложения различны, несмотря на общность словообразовательных особенностей.

Во-первых, наречия на *-ски*, *-цки* способны выступать в функции семантически восполняющего компонента синсемантичного предиката. Приведем примеры: *Их руководство* ***настроено*** *открыто* ***пророссийски*** *и* ***антигрузински*** (Минасян Г.С. Россия и США на пространстве СНГ); *То есть все будет зависеть от нашей готовности* ***реалистически оценивать*** *ситуацию и идти на компромисс* (Московский комсомолец 30.11.2016).

Во-вторых, данные наречия могут обладать потенциальной предикативностью и способностью заключать в себе в свернутом виде логические пропозиции подобия. В такой роли они выступают, в основном, в художественной прозе: *Крупными руками шутя, как скульптор, поставил на место лицевые мышцы, пальцами* ***клоунски*** *растянул в улыбке рот* (Крюкова Е.Н. Безумие); *Его речуга пустая, – он* ***актерски*** *изобразил оратора* (Панченко Ю.В. Свобода января).

В-третьих, подобные наречия занимают позиции сирконстантов. Многие из них способны функционально сближаться с некоторыми видами актантов, репертуар которых

представлен в [Золотова 1982], а именно: а) директивом, называющим исходную позицию восприятия или суждения: *В дискурсах же носителей ЭРК сниженные элементы разговорности всегда глубоко мотивированы,* ***стилистически*** *и* ***прагматически*** *оправданы* (Иванчук И.А. Риторическая категория «разговорность» в публичной речи носителей элитарного типа речевой культуры); б) тективом, характеризующим сферу проявления признака, свойства, качества: *Как известно, эта идея оказалась* ***математически*** *несостоятельной* (Векшенов С.А. Является ли «Множество действительных чисел» множеством?); в) инструментативом: ***Статистически*** *доказано преимущество по урожайности схемы посева 3:3 ряда бобовых и мятликовых над схемой 1:1 после острозасушливого года* (Крамаренко М.В. Влияние схемы раздельнорядового посева на продуктивность многолетней бобово-мятликовой травосмеси); г) агенсом: *Рукопись должны быть* ***авторски*** *подписана и заверена* (из деловой переписки). В редких случаях подобные сирконстанты семантически сближаются с адъективными синтаксемами: *К сожалению, рабочая группа не имеет возможности* ***физически*** *сделать подобный подсчет в региональном масштабе* (материалы круглого стола «Педагогическое образование сегодня: достижения, проблемы, направления деятельности»). Наречие *физически* в данном случае характеризует не предикат, а актант пропозиции: *не имеет физических возможностей*.

Итак, роли, которые наречия на *-ски, -цки* играют в семантической организации предложении, зависят не только от семантики производящей базы и форманта, но, прежде всего, от семантики предиката, при котором они употребляются, а также от всего контекстного окружения. Так, наречие *математически* может функционально сближаться с субстантивными словосочетаниями с инструментативным значением «с помощью математических методов / посредством математики»: ***Математически*** *доказано, что человечество вступило в «золотой век»* (МК 03.07.2018), тогда как в названии статьи А.В. Маркера *«Особенности мотивационной сферы* ***математически одаренных*** *подростков»* данное наречие выполняет уже иную функцию, свойственную тективу.

Литература

Бранднер А. Наречия в кругу частей речи – история их возникновения (образования) // Sbornik praci filozoficke faculty Brnenske univerzity. Studia minora Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis. Brno: Masarykova univerzita v Brně. № 50. 2002. С. 81–88.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.

Смакауз Е.С. Деривационные особенности в сфере современного наречного образования: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2008.

Первоначальное разграничение смыслов синтаксической единицы*

М.В. Куприянова, Ю.Л. Ситько

Initial differentiation of syntactical unit senses

Mariia V. Kupriianova, Yurij L. Sitko

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополь / Lomonosov MSU Branch in Sevastopol

kupriianovamariia@gmail.com, yurii.sitko@gmail.com

Аннотация. Рассматривается вопрос классификации планов содержания синтаксических единиц. Предполагается, что план содержания можно соотнести с делением суждения на синтетические и аналитические.

Ключевые слова: словосочетание, смысл, план содержания, план выражения, синтетическое суждение, аналитическое суждение.

Summary. The issue of classification of syntactical units content plans is discussed. Content plan is suggested to be correlating with judgment division on synthetic and analytic ones.

Keywords: word collocation, sense, content plan, expression plan, synthetic judgment, analytic judgment.

В анализе синтаксических единиц преобладает формальный подход, который и реализован в Грамматике-80: «Каждая единица в синтаксисе […] имеет свое языковое значение. Для синтаксиса существенно как лексическое, так и грамматическое значение слова. Этими значениями регулируется сочетаемость слов, правила образования словосочетаний, участие слова (в той или другой его форме либо формах) в построении предложения» [Русская грамматика 1980: 10]. Как видим, Грамматика-80 игнорирует смысловую сторону содержания синтаксических единиц, на важности чего настаивали, например, А.А. Потебня и А.М. Пешковский.

План содержания синтаксической единицы, смысл, необходимо сопутствует ей в речемышлении. В этой связи А.М. Пешковский отмечал, что в сознании слушающий **синтезирует** два элемента словосочетания, приписывает некое внешнее отношение. Такое внешнее отношение можно сопоставить понятию синтетического суждения как суждения, соединяющего внеположные сущности [Пешковский 2001: 54].

В развитие мысли А.М. Пешковского мы предполагаем, что необходимо классифицировать планы содержания. Первичная классификация плана содержания должна быть наиболее общей. Мы считаем, что этому соответствует деление плана содержания синтаксических единиц на синтетическое и аналитическое. Такое деление соотносится с разделением всех суждений на синтетические и аналитические, впервые проведенное И. Кантом: «Аналитические – это те (утвердительные) суждения, в которых связь предиката с субъектом мыслится через тождество, а те суждения, в которых эта связь мыслится без тождества, должны называться синтетическими» [Кант 1994: 61].

Различие между синтетическими и аналитическими суждениями заключается в том, что объемы терминов аналитического суждения полностью или частично пересекаются (субъект и предикат такого суждения полностью или частично содержат в себе друг друга), а объемы терминов синтетического суждения не пересекаются вовсе, поэтому отношение между ними хоть и утверждается, но им внутренне не присуще [Ситько 2012: 45].

Смыслы речевых единиц, не будучи фразеологизированными, зачастую не выводятся из значений их компонентов. Напротив, конкретные смыслы определяются так же и отношением между компонентами: является отношение синтетическим или аналитическим.

Предполагаем, что смысл словосочетания может строиться на синтетическом или аналитическом отношении, отождествляясь с синтетическими и аналитическими суждениями. Вероятнее всего, в грамматике эти виды смыслов не всегда могут выражаться одними и теми же средствами, формально не различаясь.

Приведем примеры из материала, собранного в рамках работы над описанием функционирования разговорного языка в Большом Севастополе.

(1) *Вра́ч сказа́в «Прыјизжа́йтэ за́втра», и так вжэ го́да два ц'ому́ наза́д. А јака́с' в хала́т'и б'и́лому (шо ја јуји́ зна́ју, хто там вона́ сыды́т'*). План содержания словосочетания *б'и́лый хала́т* можно назвать тождественным аналитическому суждению, поскольку семантика слова *хала́т* (если

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и города Севастополь в рамках научного проекта № 118-312-50003 Наставник «Синхронное описание русской речи Большого Севастополя по данным полевого обследования: знаковая природа инноваций и заимствований и их системная адаптация в конкретном региолекте».

речь о медицинском учреждении, как в приведенном примере) предполагает соответствующий, *б'и́лый*, цвет. Аналогично и в словосочетании (2) *бы́стрэн'ко прыјі́хала*, смысл отождествляется с аналитическим суждением. Семантика глагола движения (*прыјі́хала*) содержит в себе идею скорости движения, выраженную наречием *бы́стрэн'ко*.

(3) *Был и молодо́й тако́й па́р'ен'*. Компоненты словосочетания *молодо́й па́р'ен'* пересекаются: в лексеме *па́рен'* уже заложен признак молодости, поэтому смысл словосочетания тождественен синтетическому суждению. Так же можно объяснить и отношения между компонентами в словосочетании (4) *п'ит'јева́ја вада́*.

(5) *...магаз'и́н вот э́тот постро́ил'и, и друго́й был, тако́й был…тата́рск'ий*.. Смысл словосочетания *татарский магазин* мы расцениваем как синтетическое суждение, поскольку ни грамматическое, ни лексическое значения слова *магазин* не предполагают признака национальной принадлежности его владельцев, реализовавшегося в компоненте *татарский*. По такому же принципу можно описать смысл словосочетания (6) *п'ер'ес'ел'е́нч'еск'ије дома́*, в котором внутреннее содержание компонентов не пересекается, мы не можем вычленить значение принадлежности (*п'ер'ес'ел'е́нч'еск'ије*) из значения лексемы *дома́*. (7) *Хоро́шаја була́ же́н'щина*. План содержания словосочетания *хоро́шаја же́н'щина* мы относим к синтетическим суждениям: семантика одного элемента не пересекается с семантикой другого.

Сказанное ставит вопрос о том, как различия смыслов формально выражаются в грамматической структуре конкретных типов словосочетаний и предложений.

Литература

Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 2. М.: Чоро, 1994.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958.

Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис (Грамматика-80).

Ситько Ю. Опыт как отношение энергоматерии и энергоинформации // The Peculiarity of Man. 2012. Т. 16. С. 44–68.

Принцип функциональной эквивалентности в заполнении позиционного состава русского предложения

Н.П. Курмакаева

The principle of functional equivalencein filling out the positionsin the Russian sentence

Nina P. Kurmakaeva

Донецкий национальный университет / Donetsk National University

kurmakayeva@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема соотношения частей речи и членов предложения в связи с действием принципа функциональной эквивалентности в заполнении позиционного состава. Предлагается применять метод интроспективного анализа и функционально-семантические идентификаторы для определения степени специализации компонентов предложения как морфологизованных и неморфологизованных и уточнения их частеречной принадлежности.

Ключевые слова: морфологизованные и неморфологизованные члены предложения, метод интроспективного анализа, функционально-семантические идентификаторы, функциональный эквивалент.

Summary. The problem of the relations between parts of speech and members of sentence is considered in connection with the principle of functional equivalence in filling out the positional composition. It is proposed to use the method of introspective analysis and functional-semantic identifiers to determine the degree of specialization of the components of the proposal as morphological and non-morphological and clarify their belonging to parts of speech.

Keywords: morphological and non-morphological members of the sentence, introspective analysis method, functional semantic identifiers, functional equivalent.

Факты языка свидетельствуют, что на уровне членов предложения (ЧП) существует функционально-синтаксическая специализация средств их выражения, которая обусловливает необходимость дифференциации морфологизованных и неморфологизованных ЧП (МЧП и НМЧП). Идея такого разграничения была высказана (в других терминах) А.А. Потебней, который придавал большое значение закрепленности **за определенными формами определенных ЧР** (а не части речи в целом, как это нередко трактовалось впоследствии) строго соответствующих им синтаксических функций [Потебня 1958: 342–343]. По существу, он обозначил круг МЧП, то есть словоформ, специализированных для соответствующих синтаксических позиций.

На НМЧП А.А. Потебня указывал, когда подчеркивал, что неопределенное наклонение (инфинитив) может быть только «выдвинуто» на место подлежащего или дополнения и не является настоящим подлежащим или дополнением, потому что имеет глагольное, а не именное значение и потому что у него нет падежных форм. Низкую степень функциональной эквивалентности инфинитива субстантивным словоформам видел и А.М. Пешковский, отмечая, что инфинитив – «плохая замена» для них.

Классическим примером неразличения МЧП и НМЧП являются словоформы со значением временных отрезков *летом, зимой, утром, ночью* и др., когда их зачисляют в наречия, исходя из функции, а не из общеграмматических признаков имени существительного (способность к формоизменению: *ночью – ночами, по ночам*; сохранение согласовательной валентности: *жарким летом, ранним утром*). Если в анализ словоформы включить эти параметры, то обнаружится, что предназначенную для наречия времени позицию занимает имя существительное в творительном падеже, т.е. функциональный эквивалент специализированной словоформы.

Функциональный эквивалент (ФЭ) – форма слова или комплекс различной степени сложности (словосочетание, предикативная единица) в несвойственной функции (позиции); неспециализированный компонент на месте специализированного как факт проявления асимметрического дуализма языкового знака на уровне позиционного состава предложения. Например: *Грабитель входит* (как?) ***без ключа**, А дура плачет* (как?) ***в три ручья*** – *Над днем* (каким?) ***без славы и без толку*** (М. Цветаева), где выделенные компоненты – неспециализированные для занимаемых позиций синтаксические единицы – ФЭ специализированных: 1-я и 2-я – для позиции обстоятельства образа действия (*входит так-то; плачет так-то*), 3-я – для позиции определения (*над днем таким-то*).

Функциональная эквивалентность (ФЭ-сть) – это выдвижение формы слова или комплекса различной степени сложности (словосочетания, предикативной единицы) в несвойственную для них синтаксическую позицию, выявляемое на основе функционально-семантической идентификации этого компонента со словоформой, специализированной для данной функции и позиции. Очевидно, что активное функционирование НМЧП в предложении обеспечивается полифункциональностью большинства словоформ, то есть «асимметричным дуализмом языкового знака» (в терминологии С. Карцевского): ***На сердитых** воду возят* (Посл.); *Не возражаете **насчет заморить червячка**?*; *Сказав Гричмару «**Легкой жизни не бывает, есть лишь легкая смерть**», Крымов поймал на себе беспокойный… взгляд Стишова* (Ю. Бондарев).

МЧП – это словоформа в предназначенной для нее синтаксической функции в позиционном составе предложения. Так, в предложении: *Наш язык заслужил право на бережное к себе отношение* (Е. Исаев) – все словоформы МЧП. Это легко проверяется с помощью **функционально-семантических идентификаторов** (они же – прямые экспликаторы, адекватные знаки, формальные МЧП) —таких местоименных слов, которые маркируют позиции и их специализированную частеречную репрезентацию: *такой-то тот-то сделал то-то на такое-то к тому-то то-то*.

НМЧП—форма слова (или синтаксическая конструкция разной степени сложности) в несвойственной для нее синтаксической функции в позиционном составе предложения. Например, в предложении: *Его знакомая была корректором от бога* (ТВ) – все словоформы знаменательных частей речи употреблены как НМЧП. Это подтверждают функционально-семантические идентификаторы синтаксических позиций: *Такая-то та-то была таким-то тем-то*. В докладе приводится сама процедура идентификации знаков как НМЧП. Мы, вслед за В.В. Лущай, квалифицируем ее как **метод интроспективного анализа** позиционного состава предложения [Лущай 2010: 41].

Значительным функциональным диапазоном обладают имена существительные в И. п. (N_1). Но только в функции подлежащего N_1 является МЧП, а во все других – это НМЧП. А каждый НМЧП – это факт ФЭ-сти (в структурной схеме отмечается знаком ≈, расположенным перед символом соответствующего ЧП). Отсюда все согласованные определения при имени существительном (Adj_{1-6}) – это МЧП, а несогласованные (ФЭ Adj, или ≈ Adj) – НМЧП: *Книга – вместилище всего* ***великого*** (Adj) *опыта* ***человечества*** (≈ Adj) (Б. Полевой); наречия в позиции обстоятельства – это МЧП, а словоформы других ЧР (инфинитив, существительные в косвенных падежах) в этой позиции являются НМЧП: *Живем мы что-то* ***без азарта*** (≈ *Adv*), ***однообразно*** (*Adv*), ***как в строю*** (≈ *Adv*) (Э. Рязанов). Последний пример – показатель того, как мы автоматически идентифицируем НМЧП с МЧП путем постановки их в сочиненный ряд, функционально-семантический идентификатор которого *так-то*.

Из состава НМЧП как единиц с определенной частотностью употребления следует выделить как некую периферийную зону **функциональные окказионализмы**, такие единичные, по случаю использованные в определенной роли языковые знаки, несущие функционально-семантическую новизну и необычность, например: *От «****кому выгодно****» до «****кто виноват****» тропа короткая* (Б. Акунин); *Твое «****никогда****» пугает.*

Если не игнорировать принцип ФЭ-сти, то становится очевидным и понятным влияние функционально-семантического потенциала синтаксической позиции на синтаксическую сочетаемость словоформы в ней: *Деточка, все мы* ***немножко*** *лошади, каждый из нас* ***по-своему*** *лошадь* (В. Маяковский. Пример В.В. Лущай). Только в предикативной позиции имя существительное обретает активную адвербиальную валентность (семантика позиции). *Как МЧП оно не предполагает такой связи. Ее возникновение в некоторых случаях* (кофе **по-варшавски**) *свидетельствует о том, что зависимый компонет – НМЧП, т.е. наречие занимает позицию адъектива:* Adv ≈ Adj. *Этим подтверждаются многочисленные факты реализации принципа функциональной эквивалентности знака, базирующиеся на асимметрическом дуализме знака и значения на уровне позиционного состава предложения, игнорирование чего вынуждает ученых пересматривать подходы то к ЧР, то к ЧП.*

Литература

Лущай В.В. Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности: интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики. Донецк: ДонНУ, 2010.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Учпедгиз, 1958. С. 340–350.

Посессивное кодирование субъекта в ситуациях с неполным контролем: синтаксис и семантика*

Г.И. Кустова

Possessive coding of the subject in situations with incomplete control: syntax and semantics

Galina I. Kustova

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) / Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

galinak03@gmail.com

Аннотация. Агентивная ситуация может получать неагентивную концептуализацию, если на ее реализацию влияют неблагоприятные (реже – благоприятные) факторы. Одна из стратегий – конструкция *У Х-а Р* с посессивным кодированием субъекта.

Ключевые слова: агенс, посессор, контроль, неагентивная концептуализация.

Summary. An agentive situation can receive non-agentive conceptualization, if its implementation is affected by unfavorable (less often – favorable) factors. One of the strategies is the construction «*У Х-а Р*» with possessive coding of the subject.

Keywords: Agent, Possessor, control, non-agentive conceptualization.

Предложная группа *у* + Род. имеет в русском языке целый набор семантических функций [Золотова 1988: 104–116] – обозначение места: *У реки дома*; субъекта характеристики: *У него борода*; субъекта состояния: *У нее жар*. Одна из важных функций – выражение посессивного субъекта (посессора): *У них есть дача*, в том числе – внешнего посессора, который является результатом экстрапозиции (подъема, см. [Кибрик 2003; Кибрик, Брыкина, Леонтьев, Хитров 2006; Possessive and Beyond… 2004; Рахилина 2010]): *У него часы остановились* ← *Его часы остановились*. Далее группу *у* + Род. будем называть формой (сокращенно – от «форма выражения субъекта»).

Прототипическое посессивное отношение – статическая ситуация. Однако в русском языке структура *У Х-а Р* [ситуация] (*Y* [предмет]) может наполняться самой разной семантикой, включая агентивные ситуации, которые вводятся глаголами успеха – неудачи, ср.: *Думаю, что* ***у нас получится вернуть*** *зрителей на стадион* [Советский спорт, 2009.10.23]. Этой конструкции и посвящен доклад. В состав конструкции входят: агентивная ситуация, которая может выражаться по-разному (см. ниже); глаголы успеха – неудачи (*не*) *получиться*, (*не*) *выйти*, (*не*) *ладиться*, (*не*) *клеиться*, которые характеризуют ход реализации ситуации или сообщают о достижении / недостижении результата; форма *у* + Род.

Агенс в норме кодируется именительным падежом, ср.: *Я сдал экзамены*, в пассивной конструкции – творительным, ср.: *Мною сданы экзамены*. Более сложный случай: результат деятельности агенса может рассматриваться как самостоятельная ситуация (статальный перфект), а агенс – как обладатель этого результата (своего рода посессор): *У меня экзамены сданы*. В данной ситуации, строго говоря, уже нет агенса (поскольку это состояние после завершения действия), поэтому нельзя сказать, что агенс выражается формой *у* + Род. В таких случаях будем говорить о посессивном кодировании субъекта, который кореферентен синтаксически не выраженному агенсу.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-29-09154 офи_м.

Мы рассматриваем случай, когда на ход реализации ситуации влияют случайные факторы и условия, т.е. ход реализации ситуации и / или ее результат не (полностью) контролируется агенсом. Интересно, что эти факторы могут быть не только неблагоприятными, ср.: *У него не получается* / *не получилось залезть на дерево*, но и благоприятными: *С первого раза получилось забить гол* (глагол *получиться* показывает, что не исключалась неудача).

Конструкция *У X-а P* с глаголами успеха-неудачи используется в русском языке для того, чтобы придать исходно агентивной ситуации неагентивную концептуализацию, связанную с неполным контролем агенса над ходом ситуации.

Ситуация, которую характеризуют глаголы успеха – неудачи, может быть обозначена:

– номинативом (подлежащим двусоставной конструкции) или генитивом при отрицании:

  Сегодня ***у нас разговор не вышел*** [И.Г. Эренбург. Оттепель (1953–1955)] = ‘плохо получился’; *И тут Инга загадала, что* ***у доцента с прокуроршей примирения не выйдет*** [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969–1971)]; *У него родился сын.* ***У него все ладится*** *на работе* [Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)];

– инфинитивом:

  Наконец-то ***у меня получилось взглянуть*** *в окно на Землю…* [Комсомольская правда, 2006.10.03]; *Также* ***не получилось, не вышло опутать*** *нашего героя семейными сетями и* ***у миссис Блэнд*** [Юрий Безелянский. В садах любви (1993)];

– предложной группой *с* + Твор.:

  Но какой там обед, ***не получалось с обедом*** [Лазарь Карелин. Головокружение (1971)]; *Она училась на втором курсе, и* ***у нее не ладилось с черчением*** *и еще с чем-то* [И.М. Дьяконов. Книга воспоминаний (1995)].

Глаголы *ладиться*, *клеиться* оценочные, подчиненная ситуация имеет статус пресуппозиции: *Все остальные ее друзья постоянно куда-то торопились, так что* ***разговор*** *с ними* ***не клеился*** [М.А. Алданов. Бегство (1930)] – ‘разговор был’ (с инфинитивом эти глаголы не употребляются, ср.: **не клеилось поговорить*); глаголы *получиться* и *выйти* в двусоставной конструкции также являются оценочными (ситуация – в пресуппозиции): *Спектакль получился* (‘спектакль поставили’) – *Спектакль не получился* (‘спектакль поставили’), в инфинитивной и предложной – импликативными (ср. [Карттунен 1985; Зализняк 1988]): *Сегодня пообедать не получилось* / *с обедом не получилось* (‘обеда не было’). При этом название ситуации может замещаться названием ее актанта: *С билетом не получилось* (‘не получилось купить / достать билет’).

Нарушения в ходе реализации ситуации и успех / неудача на стадии результата могут выражаться и глаголами *удаваться* / *удаться*, которые тоже являются импликативными, однако их субъект имеет экспериенциальное кодирование – выражается дативом: ***Ему*** *так и не удалось пообедать* (агенс зависимого глагола здесь также синтаксически не выражается).

Таким образом, русский язык располагает разными стратегиями неагентивной концептуализации агентивных ситуаций.

Литература

Зализняк Анна А. О понятии импликативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом) // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 107–121.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.

Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 303–332.

Кибрик А.Е. Внешний посессор в русском языке // Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. С. 307–319.

Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Леонтьев А.П., Хитров А.Н. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 16–45.

Рахилина Е.В. Конструкция с дательным посессивным // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Рахилина Е.В. М.: Азбуковник, 2010. С. 289–308.

Possessive and Beyond: Semantics and Syntax / Ed. by J. Kim, Yu.A. Lander, B.H. Partee. GLSA Publications, Amherst, Mass., USA, 2004.

К методологии исследований процессов интерпретации и концептуализации

Е.М. Лазуткина

To the methodology of research of the processes of interpretation and conceptualization

E.M. Lazutkina

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) / Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradov RAS (Moscow)

lazutkelena@yandex.ru

Аннотация. В статье демонстрируется применение мыслительного конструкта сигнификативного ядра предложения для определения деривационно связанных моделей предложения и выявления скрытых концептов и когнитивных категорий. Показывается теоретическая значимость понятия «синтаксическая позиция словоформы».

Ключевые слова: теория языка, гипотетико-дедуктивный метод, синтаксическая семантика, концептуальный анализ.

Summary. The article demonstrates the use of the mental construct of the semantic core of the sentence to identify derivationally related models of the sentence and identify hidden concepts and cognitive categories. The theoretical significance of the concept “syntactic position of the word form” is shown.

Keywords: theory of language, hypothetical-deductive method, syntactic semantics, conceptual analysis.

Принято считать, что своеобразие каждого естественного языка заключается в специфическом соотношении мыслительных и языковых структур.

Решение исследовательских задач в синтаксисе связано с проблемами общей теории языка, с актуальным вопросом о том, какими системными средствами осуществляется репрезентация знаний, каково взаимодействие этих средств. Это, прежде всего, проблемы синтаксической семантики, языковой компетенции, теории перевода, интерпретативной лингвистики, концептуального анализа. Синтаксические стереотипы языка трактуются как *способ видения коллективного субъекта*, поэтому в современной лингвистике преобладает когнитивно-прагматический подход к изучению синтаксиса – как зоны образования смысла, способа репрезентации концептов, т.е. как формы мысли, состоящей из форм.

Модель предложения является сложным знаком семиотической природы, интерпретативной структурой, в которой отражается типизированный в данном социуме способ осмысления мира. Морфосинтаксис предложения представляет собой конгломерат функций – функций языковых категорий разного уровня, лексических значений, семантических категорий предложений. Функция морфологической формы проявляется в целом ансамбле других характеристик предложения. Структурные отношения в схеме предложения также являются способом представления базовых концептов и когнитивных категорий, а также репрезентацией более тонких смысловых квантов, образовавшихся в результате абстрактного мышления, социальных и культурных традиций – культурных концептов, знаков, символов.

Для определения функции словоформ и исчисления крупных синтагматических классов и лексических разрядов целесообразно применение когнитивно-прагматического подхода, при котором в исследовании используется гипотетико-дедуктивный метод: построение *мыслительного конструкта* –

константного минимума сигнификативного ядра деривационно связанных моделей предложений. Единицы анализа – модели предложения и синтаксическая позиция словоформ.

Понятие «синтаксическая позиция» показывает, что синтаксическая система, семантико-синтаксическая организация предложений связана с лексической системой через когнитивные структуры более высокой степени абстракции, нежели лексическое значение, – посредством отнесенности форм слов разных частей речи к определенной категории.

Языковые концепты существуют в виде категориально-семантических разрядов разной степени абстрактности. Базовый концепт может быть представлен в языке в эксплицитном и имплицитном виде, то есть являться *скрытым концептом*.

По сигнификативному ядру предложений с обязательной синтаксической позицией словоформы конкретной семантики в винит. пад. со знач. места локализации, при помощи методологически важного понятия «синтаксическая позиция» мы выявили разряд глагольной лексики – обнаружили 1400 глаголов, которые можно объединить в один синтагматический класс – класс глаголов **локально направленного действия**; например: *покрыла голову платком, надушилась; лужа взялась ледком; дорогу замело снегом; корка заплесневела; река залила луга.*

Структура предложений с данными глаголами показывает интерпретацию концепта «множество» носителями русского языка. Одинаковые морфологические характеристики слов могут скрывать их различную семантическую сущность и структурную значимость. Ср.: *Дети рисовали* ***карандашами, красками и фломастерами*** и *Мы заполняли корзины приготовленной* ***едой, сыром, яблоками, грибами, пирогами***.

И в первом, и во втором предложении есть словоформы в твор. пад. мн. числа. В первом предложении эта словоформа имеет простое значение – орудийное; множественное число конкретного имени существительного здесь обозначает соединение отдельных предметов, является средством репрезентации категории **расчлененного (дискретного) множества**. Во втором примере категориальное качество существительных в твор. пад., специфично: это вещественные или отвлеченные существительные, а конкретные существительные во мн. ч. (реже в ед. ч.) обозначают **нерасчлененное множество** (**недискретное**, **континуум**).

Деривационно связанные модели предложений помогают обнаружить и другой базовый концепт – «субстанция, способная к самостоятельному перемещению». Так, в диатезе ***Тучи*** *постепенно закрывают солнце*, производной от предложения *Ветер закрывает солнце тучами*, – позиция подлежащего специфицирована; она имеет отвлеченное значение, особые содержательные признаки «определенность», «множественность», соединяя в себе и значение субъекта действия, и значение средства воздействия, – и представляет концепт «множество» как континуум, т.е. множество, осознаваемое как единое целое. Этой спецификацией компенсируется отсутствие в предложении словоформы со значением средства воздействия и достигается необходимое для всех предложений с глаголами локально направленного действия значение полноты охвата объекта. Ср. также: *Дым окутывает комнату; Вода заливает посевы; Охотники окружили берлогу.*

Таким образом, на уровне модели предложения словоизменительные категории знаменательных частей речи трактуются не как формальные категории: они становятся предметом семантического анализа.

Классификация сложноподчиненных предложений: шаг вперед и… возвращение к Буслаеву

А.Н. Латышева

Classification of Complex Sentences: one step forward and returning to Buslayev's proposal

Alla N. Latysheva

Русский учебный центр МС (Москва) / Russian Education Centre (Moscow)

latisheva@list.ru

Аннотация. В работе предлагается изменить описание сложноподчиненных предложений местоименно-соотносительного типа: во-первых, использовать термин антецедент при описании семантики придаточного, и, во-вторых, уточнить их синтаксических анализ. Это позволяет найти аналогичные по структуре и значению придаточные среди тех, которые считаются обстоятельственными. Это приводит к выделению нового типа средств связи (коннекторов) и придаточных антецедентных. Ставится вопрос о месте «придаточных антецедентных» в системе сложноподчиненных предложений.

Ключевые слова: синтаксис, классификация, придаточные, союзы.

Summary. I propose to use the term antecedent when describing complex sentences of a pronominal-correlative type and to clarify their syntax analysis. This allows me to find similar in structure and meaning among different classes of complex sentences. This leads to a new type of subordinate clauses. The question of their place in the system of complex sentences is raised.

Keywords: syntax, classification, subordinate clauses, conjunctions.

Известно, что классификация сложноподчиненных предложений Ф.И. Буслаева была подвергнута критике в работах Н.С. Поспелова и В.А. Белошапковой. Критика была связана с предложениями, которым дали названия «местоименно-соотносительных»: (1) *Я не знал о том, что меня ждут.* (2) *Кто весел, тот смеется* и т.п.

Но критики Ф.И. Буслаева, на мой взгляд, остановились на полпути и «не заметили» аналогичной синтаксической структуры у целого ряда предложений.

Я предлагаю (а) более четко (через дерево зависимостей) описать синтаксическую структуру местоименно-соотносительных предложений и (б) проанализировать семантику придаточных в этих предложениях. Забегая вперед, замечу, что это позволит увидеть аналогичные предложения там, где в синтаксической связи участвуют не местоимения, а наречия.

(а) При построении синтаксического дерева зависимостей для местоименно-соотносительных предложений, мы должны будем поставить еще одну стрелку от дополнения (в главном) к придаточному. Если попытаться «по-школьному» помогать себе вопросами, то в них появляется элемент «а именно»: «О чем именно? Кто именно?» Местоимение в анализируемых предложениях находится в анафорических отношениях с придаточным, и чаще всего перед нами – катафора: сначала идет анафорический элемент (выраженный указательным местоимением), а потом антецедент (раскрывающее смысл придаточное).

Но если так, то семантика придаточного описывается термином «антецедент» и можно попробовать найти и другие придаточные с той же семантикой:

(3) *Отец посмотрел на сына так, что тот опустил голову.* (4) *Олег пришел тогда, когда все спали.* (5) *Он добавил такой аргумент, которого никто не ожидал.*

Могу утверждать даже, что класс предложений с такими придаточными еще шире. Но для этого мне необходимо сделать одно важное замечание.

Замечание. Считаю необходимым отказаться от традиционного способа описания предложений со средствами связи

потому что, из-за того что, благодаря тому что и некоторых других. Для синтаксического анализа в традиционной русистике не важно, где именно стоит запятая: перед названными союзными «комплексами» или перед *что*, считается, что в обоих случаях перед нами. Традиционное описание слишком легко соглашается с тем, что в русском языке запятая может появиться внутри лексемы! Опираясь на свои собственные работы о причинных союзах 80-х годов прошлого века (пресуппозиционный анализ, различие в употреблении), я предлагаю отличать союзы – лексемы без запятой между элементами (*потому что*) от того, что можно назвать коннекторами. Коннекторы – это тоже средства синтаксической связи, но они состоят из двух лексем (*потому, что*), и эти лексемы являются разным элементами (узлами) в дереве зависимостей: один элемент является членом главного предложения (обстоятельство причины *потому*), второй – союзом в придаточном (*что*): (6) *Кто же это сделал? Это сделал Олег, потому что он испугался за свою семью.* (7) *Да почему Олег так поступил? Он это сделал потому, что испугался за свою семью.*

Важно, что **синтаксические структуры** в предложениях с союзом и коннектором **разные.** При построении синтаксического дерева зависимостей для сложноподчиненного предложения с коннектором *потому, что* (7) причинная зависимость связывает предикат главного и обстоятельство причины, и мы должны поставить еще одну стрелку (обозначить синтаксическую зависимость): от обстоятельства в главном (*потому*) – к придаточному. Вопрос в этом случае звучит «Почему именно?». Семантика придаточного в предложении (7) хорошо описывается понятием антецедент, и нет сомнений, что это такое же по синтаксической структуре предложение, что и (1)–(5).

Сложноподчиненных предложений с «придаточными-антецедентами» очень много, их можно найти практически в любом классе сложноподчиненных предложений. Мое предложение состоит в том, чтобы **вывести** их из этих классов, вывести **и объединить с «местоименно-соотносительными».**

Оставить название местоименно-соотносительный для этой группы предложений нельзя, и не только потому, что этот термин употребляется для узкой части обозначенных предложений, а – главное – потому, что введение в группу обстоятельственных заставляет убрать термин слова «местоименно» из названия класса. Поэтому название надо придумать новое, и можно было бы назвать их антецедентными.

Удивительно, но слова Ф.И. Буслаева «Каждый из членов главного предложения, кроме сказуемого, может быть выражен предложением придаточным» хорошо перекликаются с современными представлениями: действительно любой актант и сирконстант может быть выражен финитной конструкцией – и это даст сложноподчиненное предложение. Но где место в классификации сложноподчиненных предложений для класса предложений с придаточным антецедентным? Формула Буслаева приводит нас к предложениям с союзами или союзными словами. А предложения с коннекторами – это **другая стратегия в оформлении полипредикативного подчинения**. Если использовать определение Буслаева, то можно сказать: каждый из членов главного предложения может быть выражен а) придаточным предложением, б) указательным словом (местоимением или наречием) с раскрывающим его антецедентным придаточным. Вне этой классификации останутся только сложноподчиненные предложения с придаточными присоединительными. Но о них – отдельный разговор.

Нет у А.С. Пушкина

П.А. Лекант

Нет in A. Pushkin's texts

P. Lekant

Московский государственный областной университет / Moscow State Regional University

Аннотация. В статье анализируются употребляемые Пушкиным в поэтических текстах отрицательно-безличные предложения в форме настоящего времени, которая представлена полнозначным **нет**. Формы прошедшего и будущего времени в этих текстах не употребляются. Описан состав отрицаемых форм **генитива**, их семантика и образный потенциал.

Ключевые слова: отрицание, безличность, семантика генитива, средства экспрессии.

Summary. The article analyzes negative-impersonal sentences used by A. Pushkin in poetic texts in the form of the present tense, which is represented by a meaningful **нет (not)**. Forms of the past and future tense are not used in these texts. The composition of the denied forms of **genitive**, their semantics and figurative potential is also described.

Keywords: negation, impersonality, semantics of the genitive, means of expression.

При описании безличных предложений мы обратили внимание на особую форму, которая ранее не выделялась, не характеризовалась и не имела названия: это *отрицательно-безличные* предложения (описаны в ряде наших статей). Предикативную основу их составляют формы *нет, не было, не будет* в сочетании с *генитивом*, бытие, наличие которого отрицается. Напр.: – *Вот что, думаю, сделаю, возьму да нарочно и нагрешу. Другого* ***выхода нет*** (В. Белов); *Валька взглянул на ворота и ужаснулся.* ***Коча*** *дома* ***не было*** (В. Белов).

Отрицательно-безличные предложения имеют парадигму форм времени. Употребляются эти предложения в художественной речи как средство экспрессии, образности, метафоричности.

При исследовании и описании отрицательно-безличных предложений автор этого очерка обратился, конечно, к поэтическим текстам Пушкина. В них были отмечены предложения данного типа, но только (и исключительно!) в форме настоящего времени: **нет** + **генитив**.

Отметим, кстати, что в академическом «Словаре языка Пушкина» под ред В.В. Виноградова в самом начале статьи о ***нет*** указано «значение сказуемого безличного предложения».

В русском языке, как известно, форма настоящего времени «предрасположена» к расширению, обобщению, постоянству. В текстах Пушкина семантика **генитива** тяготеет к обобщенности. См., напр.: ***Сомненья нет****: увы! Евгений В Татьяну как дитя влюблён;* ***Надежды нет****! Он уезжает, Своё безумство проклинает…*; *Мечтам и годам н****ет возврата****.*

Употребление **генитива** существительного *конкретного* у Пушкина – редкость: *Но ныне… памятник унылый Забыт. К нему привычный след заглох.* ***Венка*** *на ветви* ***нет*** – чувства горечи, печали передают: *унылый, забыт, след заглох.*

Вообще отношение, настроение, оценка – в стиле Пушкина немногословны; усиливаются, подчеркиваются они порой почти формально: повтором, отрицанием *ни*, междометием (см. *увы!*), антитезой и пр. Напр.: *Но день протёк, и* ***нет ответа****. Другой настал:* ***всё нет как нет****.* ***Ответа нет****. Он вновь посланье. Второму, третьему письму* ***Ответа нет****. И вот одна, одна Татьяна! Как тень она без цели бродит, То смотрит в опустелый сад…* ***Нигде, ни в чём*** *ей* ***нет отрад****. Потом увидел ясно он, Что и в деревне скука та же, Хоть* ***нет ни улиц****,* ***ни дворцов****,* ***Ни карт****,* ***ни балов****,* ***ни стихов****.*

С особенной, беспредельно трагической силой представил Пушкин смерть Ленского на дуэли: *Онегин к юноше спешит, Глядит, зовёт его… напрасно:* ***Его уж нет****.* Экспрессия *напрасно* многогранна; в нее входит и оценка конфликта друзей.

Отдельно следует рассмотреть участие отрицательно-безличного **нет** в лирических отступлениях Пушкина. Их довольно много в «Евгении Онегине» и в некоторых других произведениях. В них чаще всего звучит задумчивость и грусть. Тональность менялась по годам. Содержание тоже было разным: от общей оценки жизни, предназначения человека до творческого настроения. Использовались те средства и приемы экспрессии, которые названы выше. Ср., напр.: *На свете* ***счастья нет****, но* ***есть*** *покой и воля* – антитеза будто уравновешивает горечь и преодоление; *Кто чувствовал, того тревожит Призрак невозвратимых дней: Тому* ***уж нет очарований****. Погасший пепел уж не вспыхнет. Я* ***всё*** *грущу; но* ***слёз уж нет*** – это своего рода прощание с молодостью, с ее переживаниями, страстями; носители яркой экспрессии – *невозвратимых, погасший пепел*: грусть и горечь признаны автором; еще мрачнее стали строки: ***Цели нет*** *передо мною: Сердце пусто, Празден ум, И* ***томит*** *меня* ***тоскою*** *Однозвучный жизни шум.*

Однако такое настроение, конечно, не характерно для светлого поэта А.С. Пушкина.

Как бы перебрав (а может, и частично испытав) разные признаки прощания с молодостью, он условно-риторически, добродушно **не** прощается с «весной своих дней»: ***Ужель*** *и впрямь и в самом деле Без элегических затей Весна моих промчалась дней? И ей* ***ужель возврата нет****?*

Литература

Словарь языка Пушкина / Под ред. В.В. Виноградова. Изд. 2-е. М.: 2001.

Функционально-стилистический потенциал синтаксического параллелизма как средства выражения русского коннотатива

Л.А. Мелехова, Л.А. Сергиевская

Functional and stylistic potential of syntactic parallelism as a means of expression of Russian connotative

Liubov A. Melekhova, Liubov A. Sergievskaya

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина / Esenin Ryazan State University

l.melehova@mail.ru, l.sergievskaya@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена основным средствам синтаксического коннотатива на уровне структурного параллелизма в рамках сложного предложения. Представлен анализ функционально-стилистического потенциала структурного параллелизма при выражении различных коннотаций высказывания.

Ключевые слова: коннотация, императив, сложное предложение, структурный параллелизм, экспрессия.

Summary. The article is devoted to the basic means of syntactic connotative at the level of structural parallelism in complex sentences. The authors analyze the functional and stylistic potential of structural parallelism to express various connotations of the statement.

Keywords: connotation, imperative, complex sentence, structural parallelism, expression.

Русский коннотатив на синтаксическом уровне языка представляет собой систему структурных средств выражения эмоционально-экспрессивных и стилистических оттенков значений элементов грамматики. Эта система обусловливает статус коннотатива как синтаксической категории. Одним из продуктивных показателей такой категории является структурный параллелизм. Примеры: *Тише едешь – дальше будешь*; *Чего себе не хочешь, того другому не желай*; *Как аукнется – так и откликнется*; *Кто хочет – тот добьется*; *Каков поп – таков и приход* (посл.).

Построение одной части сложного предложения по образцу другой рассматривается в синтаксических трудах и как способ связи предикативных частей сложного предложения [Маркина 2010], и как средство выразительности [Новикова 1992]. Однако детальный анализ структурного параллелизма с позиций коннотатива не проводился, неясной остается картина функционально-семантических свойств и возможностей этого специфичного средства коннотации. Не определены соотношения конкретных функциональных характеристик с их формальными показателями. Эти факты обусловливают актуальность избранной темы.

Связь синтаксического коннотатива с явлением структурного параллелизма состоит в том, что специфика формы предложения подчинена задаче воздействия на собеседника, привлечения его внимания с помощью выразительных компонентов, и такая целенаправленность структуры отвечает предназначению коннотатива. Новизна нашего исследования состоит в первом опыте представления системы коннотативных средств параллелизма и установления их функциональных признаков.

Цель доклада – анализ структурного параллелизма со стороны функционального потенциала синтаксического коннотатива. Конкретные задачи: а) представить систему средств выражения параллелизма на синтаксическом уровне языка; б) установить коннотативные функции рассматриваемых синтаксических фигур; в) обобщить наблюдения функционирования конструкций с признаками структурного параллелизма применительно к сферам их употребления.

Средства структурного параллелизма для выражения различных коннотаций особенно продуктивны и употребительны на уровне сложного предложения. Их разновидности имеют следующие структурные признаки.

1. Одинаковое количество компонентов предикативных единиц: *Чем ушибся – тем и лечись*; *Каков привет – таков и ответ*; *Сделал дело – гуляй смело* (посл.). Такое построение частей организует ритмику высказывания, и коннотация заключается именно в этой ритмической функции параллелизма: создается динамика сентенции, назидания, совета, что усиливает воздействие на адресата и обеспечивает легкость восприятия, запоминания и последующего воспроизведения.

2. Одинаковый функциональный состав компонентов: *Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить* (посл.); *Рак пятится назад, а щука тянет в воду* (И. Крылов). Идентичность частей по составу членов предложения продуктивна при отношениях сопоставления и противопоставления, которые способствуют передаче умозаключения путем описания образов. Коннотация такого параллелизма заключается в его художественно-изобразительной функции.

3. Одинаковый порядок слов: *Травой зарастают могилы, – давностью зарастает боль* (М. Шолохов); *Как дерево роняет тихо листья*, *так я роняю грустные слова* (С. Есенин). При этом яркая коннотация прослеживается в конструкциях с отношениями сравнения: образная характеристика действий плюс ритмика фраз акцентируют драматичность излагаемых суждений (событий).

4. Местоименно-соотносительная связь однородных по структуре частей: *Откуда ветер – оттуда счастье*; *Чем дальше в лес – тем больше дров* (посл.). Такие сложноподчиненные предложения актуализируют признак субъекта речи, акцентируют условия названных фактов.

5. Синтаксическая анафора (при этом используются антонимы, синонимы, лексический повтор). Например: *Тогда деревья сливались в одну зеленую массу – теперь каждое является само собой* (М. Пришвин). Здесь антонимы (*тогда – теперь)* подчеркивают сопоставительную семантику предложения: отношения сопоставления передаются интонацией (на ее структуру указывает знак тире), параллельностью строения частей.

Ряд перечисленных средств синтаксического параллелизма продолжают и другие показатели. Например: синтаксиче-

ская эпифора и анаэпифора, антитеза, симметричное отрицание, модальная однородность частей, показатели периода.

Итак, структурный параллелизм в аспекте синтаксического коннотатива имеет широкий диапазон функциональных возможностей. Основными коннотативными функциями структурного параллелизма являются следующие: 1) акцентологическая (для актуализации и интенсификации компонентов высказывания); 2) экспрессивная (как средство выразительности для воздействия на адресата); 3) ритмообразующая (для облегчения восприятия); 4) моделирующая (для устойчивости и воспроизводимости высказывания); 5) стилистическая (для индивидуализации языковой личности автора). Наличие этих функций позволяет утверждать, что структурный параллелизм является одним из категориальных признаков синтаксического коннотатива в русском языке.

Литература

Маркина С.В. Параллелизм как вид синтаксической связи: Дисс. … канд. филол. наук. Иваново, 2010.

Новикова Т.В. Синтаксический параллелизм как фигура экспрессивного синтаксиса (на материале современной французской литературы): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1992.

Выделение значений у глаголов с семантикой ликвидации результата

И.В. Мухачёва

Separation of the meanings of verbs with semantics of liquidation of the result

Irina V. Mukhachyova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

imukhachyova@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена некоторым способам выделения значений у глаголов с семантикой ликвидации результата.

Ключевые слова: полисемия, значение, диатеза.

Summary. The paper discusses some methods of separation of the meanings of verbs with semantics of liquidation of the result.

Keywords: polysemy; meaning; diathesis.

Вопрос о полисемии языковых единиц обладает не только теоретической важностью, но и практической значимостью. Корректное описание многозначного слова в словаре невозможно без правильного разграничения его значений, или лексем (под лексемой, вслед за Ю.Д. Апресяном, понимается каждое отдельное значение слова) и предполагает ответ на вопрос, сколько лексем имеет слово, на каком основании проводятся границы между ними и однородны ли контексты употребления в рамках одной лексемы. Особенную трудность в этом отношении представляют глаголы, поскольку обозначаемые ими ситуации могут различаться как весьма существенным образом, так и в незначительной степени.

Ниже приведены некоторые теоретические положения, которые необходимо учитывать при разделении слова на лексемы.

Каждая лексема слова характеризуется определенным набором свойств: «фонетических, морфологических, синтаксических, комбинаторных, семантических <…>, коммуникативно-просодических и прагматических» [Апресян 2010: 70]. Если два употребления слова различаются какими-то из перечисленных свойств и «при этом не могут быть получены друг из друга с помощью простого правила (такого, условия которого верифицируемы или немногочисленны)» [Там же], они считаются принадлежащими разным лексемам. Напротив, если одно из употреблений может быть получено из другого с помощью простого правила, оно не выделяется в отдельную лексему, а считается особым употреблением той же лексемы.

Помимо анализа различных свойств лексемы, при разграничении значений многозначного глагола следует учитывать все имеющиеся у него диатезы, поскольку «диатеза – важный параметр значения глагола, необходимый для выявления единства значения слов в разных контекстах» [Падучева 2004: 72].

Под диатезой понимается «соответствие между семантическими ролями участников и их синтаксическими позициями» [Там же: 51]. Участник с определенной ролью может менять свою синтаксическую позицию в зависимости от того, сделан на нем смысловой акцент или нет. Мена диатезы влечет за собой изменение коммуникативного ранга участника – в Центре внимания, на Периферии, За кадром, то есть различия прагматического порядка. Изменение рангов участников называется диатетическим сдвигом [Там же: 60].

Все вышеизложенные теоретические положения «работают» на каждом отдельном глаголе. Однако более интересной и с теоретической, и с лексикографической точек зрения является ситуация, «когда особое употребление характеризует не одну лексему, а определенный класс лексем» [Апресян 2001: 8]. Подобное поведение свойственно некоторым глаголам из семантической группы глаголов ликвидации результата.

Глаголы типа *разбинтовать*, *расстегнуть*, *развязать* и т.п. обозначают положение дел, при котором уничтожается результат предшествующего действия. Эту ситуацию такие глаголы могут представлять двумя способами. Рассмотрим в качестве примера глагол *распаковать*. Просмотр контекстов его употребления из Национального корпуса русского языка позволяет выделить два кандидата в значения этого глагола, которые условно можно обозначить *распаковать-1* и *распаковать-2*. Для удобства изложения *распаковать-1* далее сопровождается речением *распаковать вещи*, а *распаковать-2* – речением *распаковать пакет*.

Судя по контекстам, *распаковать-1* и *распаковать-2* обозначают один и тот же тип ситуации. В ней три обязательных участника. В терминологии Ю.Д. Апресяна подобным участникам соответствуют роли Агенса, Пациенса и Пациенса! (последнее обозначение не кажется удобным, условимся называть участника такого типа Упаковка).

Заметим, что *распаковать-1* (*распаковать вещи*) присоединяет зависимое со значением Пациенса, но не сочетается со словоформой, обозначающей Упаковку. *Распаковать-2* (*распаковать пакет*), наоборот, неспособен присоединять зависимое со значением Пациенса. Несмотря на это, все эти участники необходимы в ситуации, обозначенной глаголом *распаковать*, что отражено в его толковании: *X распаковал Y* = ‘Человек X, воздействовав на упаковку Z и изменив положение ее частей, сделал свободным от Z ранее упакованный в Z объект Y’.

Оттолкнувшись от толкования, можно сформулировать правило семантической модификации значения *распаковать*: если позицию прямого дополнения при *распаковать* занимает словоформа со значением Упаковки, то смысловой акцент в толковании переносится с Пациенса на Упаковку, что должно быть отражено в модифицированном толковании. В таком случае семантический сдвиг заключается лишь в изменении коммуникативных рангов участников: Упаковка помещается в Центр внимания, а Пациенс уходит За кадр. При этом не меняется состав или способ взаимодействия участников ситуации. Значит, глагол *распаковать* характеризуется диатетическим сдвигом и имеет две диатезы, одной из которых соответствует *распаковать-1*, а другой – *распаковать-2*.

Итак, две диатезы глагола *распаковать* обозначают одну и ту же ситуацию действительности. Кроме того, значение

распаковать-2 может быть получено из значения *распаковать-1* с помощью простого правила. Все это говорит в пользу того, что глагол *распаковать* имеет одно значение и одно употребление в рамках этого значения. Подобное решение при описании глагола *распаковать* принято в «Словаре русского языка»: «*Распаковать* – освободить от упаковки. *Распаковать книги*. <…> || Раскрыть, развязать, разобрать какую-л. упаковку. *Распаковать тюки*» [МАС, т. 3: 649].

Литература

Апресян Ю.Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания, 2001. № 4. С. 3–22.

Апресян Ю.Д. Проспект активного словаря русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010.

Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984 (МАС).

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Синтаксис конструкций и понятие конструктивной обусловленности*

Н.К. Онипенко

Syntax of constructions and the concept of constructive conditionality

Nadezda K. Onipenko

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) /
V.V. Vinogradov Russian Language Institute Russian Academy of Sciences (Moscow)

onipenko_n@mail.ru

Аннотация. В докладе обсуждается взаимосвязь значения и функции в системах именных и глагольных синтаксем русского языка. Основное внимание уделяется понятию конструктивной обусловленности. Сравниваются разные лингвистические интерпретации этого термина. Рассматриваются разные типы конструктивной обусловленности синтаксических единиц.

Ключевые слова: русская грамматика, функциональный синтаксис, синтаксема, семантика, функция, синтаксис конструкций, типология синтаксем, зависимость единицы от контекста.

Summary. The report discusses the relationship of meaning and function in the systems of nominal and verbal word forms of the Russian language. The main attention is paid to the concept of constructive conditionality. Different linguistic interpretations of this term are compared. Different types of constructive conditionality of syntactic units are considered.

Keywords: Russian grammar, functional syntax, syntactic form of a word, semantics, function, syntax of constructions, types of conditionality, dependence of a language unit on a context.

1. На смену вербоцентризму («глаголоцентрическому описанию») пришла «лингвистика конструкций» [Лингвистика конструкций 2010: 30–34], которая признает приоритет семантики над формой, семантическую и формальную взаимозависимость всех компонентов конструкции, тесное взаимодействие всех языковых уровней. Но именно на этих теоретических положениях основывалась теория функционального синтаксиса Г.А. Золотовой [Золотова 1973] и ее «Синтаксический словарь» [Золотова 1988], который стал первым словарем синтаксических конструкций. Сегодня теория функционального синтаксиса, соединившая системно-грамматическое описание и анализ текста, стала основой концепции коммуникативной грамматики русского языка [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998]. Концепция коммуникативной грамматики разрабатывается представителями Виноградовской школы русистики: в рамках этой школы развиваются многие идеи В.В. Виноградова, в частности его подход к интерпретации отношений языковой единицы и контекста.

2. В.В. Виноградов в статье о типах лексических значений слова (1953) [Виноградов 1977], помимо свободных номинативных и фразеологически связанных значений, выделил значения, для которых необходимы определенные синтаксические условия: во-первых, определенные синтаксические позиции лексем или словоформ и, во-вторых, наличие зависимых компонентов, определенная сочетаемость (в другой терминологии – определенный набор семантических валентностей). Первый тип – функционально-синтаксически ограниченные (закрепленные) значения, они же «предикативно-характеризующие», «отличающиеся от всех других типов значений тем, что синтаксические свойства слова как члена предложения здесь как бы включены в его семантическую характеристику» (*объеденье, загляденье; не указ, не след*). Такие значения реализуются словом в позиции предиката в предложениях со значением характеристики и оценки. К этому типу Виноградов отнес признаковые значения существительных, значения прилагательных, особенно в краткой форме, а также слов категории состояния. Функционально-синтаксически ограниченными значениями глагола, по Виноградову, являются неакциональные значения (термин, возникший позже и используемый в концепции коммуникативной грамматики), например, в предложениях *Окна* ***выходят*** *в сад*; *Дело* ***стоит*** *внимания* (в терминах коммуникативной грамматики – моделях статического ранга и моделях с модально-каузативной семантикой). Второй тип получил терминологическое обозначение «конструктивно-обусловленные». К этому типу были отнесены значения глаголов, связанные с определенным набором зависимых компонентов. При этом основным способом разграничения прямых и переносных значений признается возможность абсолютивного употребления глагола или непредметного существительного.

3. В модели «Смысл ⇔ Текст» несвободные лексические значения, прежде всего признаковых, предикатных слов, интерпретировались с помощью понятия «лексические функции» [Мельчук 1974].

4. В книге 1973 г. Г.А. Золотова выделяет особый тип обусловленных синтаксических форм (от виноградовского термина с дефисом взята вторая часть), для которых характерна «способность выступать в качестве организующих модель предложения компонентов» [Золотова 1973: 95], и делит обусловленные синтаксические формы (позже – синтаксемы) на центральные (входящие в предикативный минимум, главные члены предложения) и периферийные (семантически необходимые распространители или осложнители) [Золотова 1973: 97–98]. В «Синтаксическом словаре» обусловленные синтаксемы будут представлены в позиции одного из главных членов (функция II, позиции II.1 и II.2), в позиции неприсловного распространителя или осложнителя модели предложения (позиции II.3 и II.4), а также в присловной позиции зависимого компонента словосочетания (функция III); при этом присловные позиции для обусловленных синтаксем предполагают семантическую слабость «вершинного» слова (дистрибутив: II.2. – *На каждом столе – по книге;* III.1 – *перекладывать по книге*). В развитие идей Г.А. Золотовой принцип зависимости семантики языковой единицы от ее функции в составе коммуникативной единицы был перенесен на классификацию моделей предложения: обусловленными были названы те модели, которые характеризуются коммуникативно-текстовой закрепленностью [Онипенко 2001].

5. В рамках проекта «Русская корпусная грамматика» [http://rusgram.ru] классификация, основанная на разных способах взаимодействия единицы и контекста, используется

* Работа выполнена при поддержке РФФИ проект № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка», проект № 18-012-00263 «Семантико-грамматический словарь русских глаголов».

в разделе, посвященном падежу (автор Г.И. Кустова). При этом речь идет не собственно о семантике падежной формы, а о типах употребления; предлагается различать два типа несвободных падежных и предложено-падежных форм: лексически обусловленные, они же управляемые (стремиться *к знаниям, забить гвоздь*) и конструктивно обусловленные, они же конструктивные (каждый *получил по конфете* – дистрибутивная конструкция; ***Рабочие** строят **дом*** – переходная конструкция) [Кустова 2011]. В более поздней работе [Кустова 2018] Г.И. Кустова предлагает разграничивать «семантические» (1) и «конструктивные» (2) валентности (из виноградовского термина оставлена первая часть), в частности прилагательных: (1) *горд чем-кем; виноват перед чем-кем*; (2) *беспощадный в чем; старомодный по чему*). Тем самым вербоцентрическая теория вступает во взаимодействие с грамматикой конструкций.

6. В докладе будет рассмотрены типа конструктивной обусловленности синтаксических единиц на трех уровнях: (1) монопредикативного предложения, (2) полипредикативного предложения и (3) текста, показано соотношение признаков синтаксической обусловленности: связь с категориями субъекта и предиката, функциональная закрепленность, возможность перифразирования, ограниченные возможности абсолютивного употребления.

Литература

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 162–189.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998; М.: ИРЯ РАН, 2004.

Кустова Г.И. Падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2011.

Кустова Г.И. Семантические и конструктивные валентности прилагательных // Prace Filologiczne. 2018. T. LXXII. Warszawa. S. 223–238.

Лингвистика конструкций / Под ред. Е.В. Рахилиной. М.: Азбуковник, 2010.

Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974.

Онипенко Н.К. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении. № 2. М., 2001. С. 107–121.

Русское прототипическое словосочетание: формально-конструктивные параметры и их иерархия

К.Я. Сигал

Russian prototypical word combination: formal-constructive parameters and their hierarchy

Kirill Ya. Seagal

Институт языкознания РАН (Москва) / Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

kjseagal@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются формально-конструктивные параметры русского прототипического словосочетания, а также обсуждается вопрос об их иерархии.

Ключевые слова: прототипическое словосочетание, формально-конструктивный параметр, принцип иерархии в грамматике.

Summary. In the report formal-constructive parameters of Russian prototypical word combination are examined and also the issue of their hierarchy is discussed.

Keywords: prototypical word combination, formal-constructive parameter, principle of hierarchy in grammar.

Как известно, одним из результатов интегративных процессов в русском языкознании является непрекращающееся развитие теории словосочетания. В последнее время особый акцент в исследовании словосочетаний сделан на экстралингвистической стороне их формирования и функционирования, хотя для синтаксистов в этой области также остается немало интересного и неизведанного. Так, благодаря специальному экспериментальному исследованию удалось обнаружить следующий факт: для носителей русского языка прототипическим является атрибутивное субстантивно-адъективное словосочетание [Сигал 2010].

В отечественной синтаксической традиции (во многом под влиянием А.А. Шахматова) считалось, что словосочетание типа *талантливый студент* (N + Adj.) не отличается от предикативной конструкции типа *Студент талантливый* (N_1 + Øcop$_f$ + Adj.$_1$) ничем, кроме порядка слов. Однако, как представляется, различный порядок компонентов вовсе не является иерархически выделенным среди тех формально-конструктивных параметров, которые приводят к дифференциации этих синтаксических единиц.

Применение оппозиционного анализа словосочетаний N + Adj. и предикативных конструкций N_1 + Øcop$_f$ + Adj.$_1$ позволило выявить 7 формально-конструктивных параметров, имеющих системную значимость для синтаксической формы словосочетания N + Adj.: конструктивная формула; тип связи; интонация; порядок компонентов; реакция на актуальное членение предложения; реакция на распространение субстантивного или адъективного компонента; наличие / отсутствие ограничений на краткую форму адъективного компонента. Эмпирическая конкретизация этих формально-конструктивных параметров будет представлена в докладе.

Однако несмотря на то, что без выявленных формально-конструктивных параметров синтаксическая категоризация атрибутивных отношений на уровне словосочетаний была бы невозможна, не все они одинаковы по своему формообразующему потенциалу и по своей устойчивости в условиях контекстных преобразований словосочетания. Так, например, при эллипсисе главного компонента в разговорной речи (ср.: *А что сегодня на завтрак? Опять* ***манная****?*) лишь ориентация на конструктивную формулу и на тип связи позволяет отождествить согласуемую адъективную словоформу как зависимый компонент атрибутивного словосочетания N + Adj. (ср.: *манная каша* или, в зависимости от конситуации, например, *манная запеканка*). Восприятию такой словоформы как «сигнала» структурной незавершенности и тем самым как «представителя» целого словосочетания способствует и интонация.

При учете того, что абсолютно независимыми, т.е. выполняющими роль источника внутренней детерминации, среди формально-конструктивных параметров словосочетания N + Adj. являются лишь конструктивная формула и тип связи, именно их правомерно отнести к иерархически доминантным параметрам формально-конструктивной организации словосочетаний этой модели. Несколько ниже в данной иерархии формально-конструктивных параметров следует интонация, за ней идет порядок компонентов, допускающий функционально обусловленное варьирование. Наконец, наименее иерархически выделенными оказываются те формально-конструктивные параметры, которые связаны с потенциальными свойствами словосочетания, реализуемыми в коммуникативном и синтаксическом построении предложения-высказывания (реакция на актуальное членение предложения, а также реакция на распространение субстантивного или

адъективного компонента), и с регуляцией поведения отдельных компонентов словосочетания (наличие / отсутствие ограничений на краткую форму адъективного компонента).

Внутриязыковая (т.е. отнюдь не привнесенная лингвистом) иерархизация формально-конструктивных параметров обусловливает развитие у синтаксической формы (модели) словосочетаний N + Adj. такого уровня абстракции, который максимально расширяет репертуар операционального опосредования при движении от модели словосочетания к ее речевому воплощению, с одной стороны, и обеспечивает автоматизм перцептивного отождествления словосочетаний данного типа в любых коммуникативно-синтаксических условиях, с другой.

Литература

Сигал К.Я. Словосочетание как психолингвистическая единица (экспериментальное исследование) // Вопросы филологии. 2010. № 2. С. 32–41.

Проблема «синтаксических единиц» в истории русского языкознания: что действительно волновало В.В. Виноградова?

М.Ю. Сидорова

On syntactic units in Russian linguistic: what was V.V. Vinogradov really concerned about?

M.Yu. Sidorova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

sidorovadoma@mail.ru

Аннотация. В ряде авторитетных учебных и научных источников конца XX – начала XXI века выдвигается утверждение о традиционности для русской грамматики выделения двух синтаксических единиц – предложения и словосочетания. Эта традиция, с одной стороны, связывается с именами А.А. Шахматова и В.В. Виноградова, с другой – объединяется со структуралистским представлением об уровневом устройстве языка и иерархии его единиц. В докладе выявляются неточности в оперировании утверждениями, сделанными классиками отечественной лингвистики, у их последователей. Демонстрируется, что у В.В. Виноградова обсуждение синтаксического статуса предложения и словосочетания было существенной частью его интегрального подхода к синтаксису. Этот подход и является виноградовской традицией в русской грамматике.

Ключевые слова: русский синтаксис, синтаксические единицы, предложение, словосочетание, В.В. Виноградов.

Summary. A number of well-known academic publications and textbooks of late XX – early XXI centuries label the identification of sentence and word compound as two syntactic units as “the tradition of Russian grammar”. This tradition is, on one hand, associated with the names of A.A. Shakhmatov and V.V. Vinogradov and on the other incorporated in the structuralist concept of language levels and hierarchy of language units. We discuss inaccuracies in interpretation of Shakhmatov’s and Vinogradov’s views in later works. We demonstrate that Vinogradov’s discussion of syntactic status of sentence and word compound was an essential part of his integral approach to syntax which may be regarded as “Vinogradov’s tradition in Russian grammar”.

Keywords: Russian syntax, syntactic units, sentence, word compound, V.V.Vinogradov.

«Исследователь грамматики современного русского языка обязан раскрыть содержание тех грамматических понятий, которые он кладет в основу своего построения», прежде всего понятий центральных – слова и предложения, ибо «если эти центральные понятия сбивчивы, грамматика превращается в каталог внешних форм речи или в отвлеченное описание элементарных логических категорий, обнаруживаемых в языке» [Виноградов 2001 (1947): 13]. Во многих источниках – от авторитетных вузовских учебников и современных пособий до электронных реферативно-экзаменационных ресурсов – присутствует утверждение о **традиционности** выделения в русской грамматике **двух синтаксических единиц – словосочетания и предложения**. Эта точка зрения освящается именами В.В. Виноградова и А.А. Шахматова и возводится даже к Грамматике М.В. Ломоносова [Белошапкова 1977: 6–7], при этом расширение списка единиц путем включения сложного предложения (В.А. Белошапкова) рассматривается как следование традиции, а «замена» словосочетания на синтаксему (Г.А. Золотова) – как отход от нее. См., например, резкое противопоставление «принципиально различных решений этого вопроса», существующих в настоящее время, в учебном пособии РУДН «Синтаксические сюжеты. Спорные и нерешенные вопросы русского синтаксиса»: «Одно принадлежит академикам А.А. Шахматову, В.В. Виноградову и их последователям. Оно принято также в РГ-80 и прочно вошло в синтаксическую традицию. Другое приводится в работах Г.А. Золотовой и ее учеников» [Анипкина, Бубнова, Крылова 2016: 9].

Однако анализ работ упомянутых авторов показывает, что подобная интерпретация является научным конструктом конца XX века и не способствует пониманию ни значения разногласий вокруг «синтаксических единиц» в истории русского языкознания в целом, ни смыслов, которые были ключевыми в обсуждении языкового статуса «синтаксических единиц» для акад. В.В. Виноградова, то есть играли, с его точки зрения, принципиальную роль при определении места синтаксиса среди языковедческих дисциплин, различий между грамматической и лексикологической методологией, взаимоотношений языкознания со смежными дисциплинами, а главное – в формировании интегрального подхода к синтаксису.

Искусственно сконструированная и бытующая на уровне научного мифа «традиция выделения двух синтаксических единиц – словосочетания и предложения» не существует уже потому, что в истории русского языкознания нет достаточного количества оригинальных грамматических работ, в которых бы выделялись обе эти единицы, и только они, при этом к ним обеим характеристика «синтаксическая единица» применялась бы терминологически. В то же время очевидна другая традиция, выявленная в истории русской грамматики В.В. Виноградовым. Это традиция установления и исследования синтаксических объектов, которые должны отвечать целому ряду условий:

- быть собственно лингвистическими, а не логическими или психологическими;
- описываться через систему правил и закономерностей, т.е. грамматически, а не как «индивиды», т.е. лексикологически;
- участвовать в построении связной речи;
- реализовывать заложенные в системе языка синтаксические потенции слова и способы сочетания слов, характерные для данного национального языка.

В своих работах В.В. Виноградов стремится создать **интегральную** синтаксическую методологию, обеспечивающую взаимосвязанное изучение синтаксических явлений докоммуникативного (допредикативного), и коммуникативного (предикативного) уровня: от того момента, как слово «входит» в синтаксис, до образования связной речи. Виноградов решает при этом весьма сложные объединительно-разграничительные задачи. С одной стороны, ему необходимо утвердить самостоятельный статус синтаксиса, как содержательный, так и методологический, отграничив его от лексикологии и морфологии и не позволяя расплываться его границам , с другой – подчеркнуть неразрывную связь между этими разделами науки о языке. Эта связь основыва-

ется на двух факторах – действующем «сверху» и действующем «снизу»: предложение как единица речевого общения востребует для своего построения ресурсы всех остальных уровней, выводя их тем самым в коммуникативную плоскость, а средоточием и носителем этих ресурсов (семантических, формальных и функциональных) является слово, «отдавая» их, реализуя их в синтаксисе. Словосочетание при таком подходе может либо восприниматься в качестве посредника в этом взаимодействии, либо балансировать (в зависимости от типа, прежде всего – уровня связанности) между статусами распространенного слова или материала для предложения. Изучаться оно должно в синтаксисе, грамматическими методами, направленными на установление «правил сочетания слов, закономерностей образования разных видов и типов словосочетаний», в которых «ярко проявляется национальная специфика языка» [Грамматика 1954: 11]. Понятие словосочетания и типология словосочетаний дают возможность изучать сочетаемость слов грамматическими методами, а не на уровне «лексических коллекций» (по выражению Виноградова). Однако слово для Виноградова и в синтаксисе «центральнее», чем словосочетание (см. определение синтаксиса в Грамматике 1954 г.) При этом у Виноградова (как и до него у А.А. Шахматова) нет понятия синтаксического уровня в структуралистском смысле слова, трансформирующем науку о языке в науку о его уровнях, как нет и сведения синтаксиса до науки о синтаксических единицах (см. определение синтаксиса в [Современный русский язык 1981, 1989]). Закономерным развитием виноградовской традиции, таким образом, оказывается именно «замена» словосочетания на синтаксему в списке синтаксических единиц, что обеспечивает интегральность описания языка как в плане учета взаимодействия лексики, морфологии, синтаксиса, так и в плане возможности описать все этапы построения и функционирования коммуникативной единицы с единых теоретических позиций. Кроме того, в соответствии с задачами, поставленными В.В. Виноградовым, понятие синтаксемы реализует собственно грамматический подход к слову как одной из двух основных единиц языка.

Литература

Анипкина Л.А., Бубнова Н.А., Крылова О.А. Синтаксические сюжеты. М., 2016.

Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 4-е изд. М., 2001.

Грамматика русского языка. Том II. Синтаксис. Часть первая / Под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной. М., 1954.

Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981.

Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1989.

Своеобразие репрезентации уступительных отношений в русской народной загадке

Н.И. Файзуллина

The pecularity of the concessive relations representation in the Russian folk riddle

Nailya I. Faizullina

Казанский (Приволжский) Федеральный университет / Kazan (Volga region) Federal University

nelya7@mail.ru

Аннотация. в статье рассматриваются уступительные отношения как прототипические в плане становления и развития фольклорного жанра загадки. Автором анализируются представленные в корпусе народной загадки эксплицитные и имплицитные способы реализации уступительных отношений.

Ключевые слова: паремиология, загадка, уступительные отношения, импликация.

Summary. the article considers concessive relations as prototypical in terms of the formation and development of the folk genre of Riddle. The author analyzes the explicit and implicit ways of realization of concessionary relations presented in the corpus of folk riddles.

Keywords: paremiology, mystery, concessive relations, implication.

Народные загадки отличаются многоплановой семантической структурой, включающей тесно переплетенные логический, коммуникативный и прагматический аспекты.

Анализ русских народных загадок с точки зрения их внутренней организации и употребления конкретных языковых средств оформления заложенных в них значений позволил выявить ряд смысловых пластов, являющихся ключевыми в рамках корпуса народной загадки. Энигматические тексты получили свое языковое выражение в конструкциях с уступительным значением. Уступительные отношения сложнее иных обстоятельственных отношений, так как не только подразумевают соотношение двух ситуаций, «одна из которых, представленная в придаточной части, не является достаточным основанием для того, чтобы отменить собою другую, представленную в главной части» [РГ 1980, т. 2: 467], но и актуализируют фигуру говорящего, в представлении которого выше обозначенное положение является актуальным. Уступительные отношения улавливаются исключительно при учете «модели мира» говорящего: в противном случае заявленные ситуации могут быть поняты как несовместимые, что приведет к невозможности создания эффекта «неожиданного следствия».

Принципиальным при описании семантической структуры народных загадок является выявление иерархии глубинных структур, реализующих уступительную семантику как эксплицитно, так и имплицитно.

Максимально эксплицитно уступительные отношения наблюдаются в загадках, представленных сложноподчиненным предложением с уступительным придаточным: *Хоть и видятся, а не сойдутся (Солнце и месяц)* [Садовников 1959: 336]. Как видим, в придаточной части сообщается о благоприятствующем условии, предполагающем высокую степень вероятности осуществления отрицаемого в главной части положения дел. Несмотря на экспликацию языковых средств, реализующих уступительные отношения, в тексте загадки вербализованы только ремы высказывания ввиду того, что обе пропозиции касаются одних и тех же субъектов действия и таких образом достигается лаконичность жанра.

В подобных предложениях придаточная часть может находиться в пре- и постпозициях по отношению к главной части в зависимости от логического ударения, нацеленного обнаружить несоответствие между заявляемыми пропозициями: *Хоть не огонь, а жжется (крапива)* [Садовников 1959: 157]; *Хожу на голове, хотя и в сапогах; хожу я босиком, хотя и в сапогах (гвоздь в сапогах)* [Садовников 1959: 125]. В случае, если пропозиции описывают положение дел по отношению к разным субъектам, они вербализуются в тексте загадки: *Заюшка, беленький, полежи на мне, подержи во мне, хоть тебе трудно, а мне хорошо (озимь под снегом)* [Садовников 1959: 234];

Однако подобные конструкции встречаются довольно редко в корпусе загадок.

Чаще загадка может быть представлена сложноподчиненным предложением с союзами дифференцированных значений, реализующими обобщенно-уступительные отношения. В таком случае наблюдается акцентирование неопровержимости сообщаемого в главной части: *Сидит баба на грядах, вся в заплатах; кто ни глянет, тот заплачет (лук и луковица)* [Садовников 1959: 137], *Лежит кучка поросят, кто ни тронет – завизжат (пчелы)* [Садовников 1959: 175]; *Сидит баба на грядках вся в заплатках, кто ни взглянет – тот заплачет (луковица и лук)* [Садовников 1959: 143]. Типичным для загадок, представленных подобного типа предложениями, является употребление в качестве средства связи местоименного слова *кто*, что создает в нашем сознании неопро-

вержимое представление о повсеместном распространении действия, заявленного в главной части, в случае совершения действия, названного в придаточной части.

Значительно реже в качестве контраргумента предъявляется образ некоторого действия и его интенсивность: *Сколько ни мучь, ни кипяти, белей не сделаешь (котелок)* [Садовников 1959: 44]; *Как ни брошу – ко всему льнет (имя)* [Садовников 1959: 157]; *Как ни берегутся, а растрясутся (деньги)* [Садовников 1959: 286]. В подобных примерах акцентируется невозможность избежать некоторого действия, которое осознается как нежелательное. В загадках отсутствует подлежащее, так как в главной и придаточной частях один субъект действия, и логическое ударение падает именно на действие, описанное в главной части.

Однако наиболее востребованной в народной загадке является номинализация, позволяющая передать в пределах простого предложения несколько взаимообусловленных пропозиций, требующих на поверхностном уровне нескольких сложных предложений. Довольно активно номинализация реализуется посредством формы родительного падежа существительного с предлогом без: *Без рук, без ног лезет на друк (хмель)* [Садовников 1959: 143], *Без рук, без ног на батог ползет (горох)* [Садовников 1959: 186]; *Без рук, без ног, подпоясанный (снопъ)* [Садовников 1959: 207]; *Без рук, без ног бежит (парусное судно)* [Садовников 1959: 221].

В приведенных примерах предложно-падежные формы существительного имплицитно обозначают неблагоприятное условие для осуществления действия, названного в главной части, то есть репрезентируют свернутую пропозицию неблагоприятного условия. В качестве такового условия выступает отсутствие каких-либо частей субъекта (в случае антропоморфного изображения субъекта отсутствующими являются руки и ноги).

Таким образом, уступительные отношения в корпусе народных загадок получают максимальную экспликацию посредством репрезентации в сложноподчиненном предложении, однако чаще представлены имплицитно в пределах простого предложения.

Литература

Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 2 (РГ).

Садовников Д.Н. Загадки русского народа. М.: Изд-во МГУ, 1959.

Синтаксическая структура русской народной приметы

Н.Н. Фаттахова

Syntactic structure of Russian folk omens

Nailya N. Fattakhova

Казанский (Приволжский) федеральный университет / Kazan (Volga region) Federal University

n-fattahova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию структурного оформления народных примет в русском языке. Рассматривается инвариант как структура, в которой эксплицитно проявляется не только категориальное значение, но и формально выражаются средства связи.

Ключевые слова: народные приметы, синтаксическая структура, инвариант.

Summary. The article is devoted to the structural design description of folk omens in the Russian language. The invariant is considered as a structure in which the categorical meaning is explicitly manifested, and the means of communication are formally expressed.

Keywords: folk omen, syntactic structure, invariant.

Народные приметы (метеорологические и сельскохозяйственные) рассматриваются как устойчивые конструкции, в которых закреплен коллективный опыт взаимоотношений с природной средой определенного этноса и на основе этого опыта построен прогноз-предсказание. Они имеют определенную структуру, приспособленную для выражения условно-временной семантики, структурирующей класс народных примет. Инвариантной структурой, в которой в необходимом и достаточном для коммуникации предикативном оформлении эксплицитно выражаются пропозиции, являются сложноподчиненные предложения, реализующие синкретичную условно-временную семантику с помощью простых союзов *если* (*ежели, коли, раз*), *когда* (*как*), *пока*, двойных союзов *как… так и*, *коли… так и*, *если… так и*, *когда… тогда* и др. Наиболее употребительным в XIX веке был союз *коли,* в XX веке уступивший первенство союзам *если* и *когда.* Союз *коли* выражает условно-временные отношения, которые могут быть осложнены отношениями причинными или уступительными: *Коли грачи прямо на гнездо полетят – дружная весна* [Даль 1996, т. 3: 320]. Союзы *если, когда* характеризуются семантической близостью, в препозиции они выступают в качестве синонимов: *Когда (если) прорубь (иордань) полна воды, разлив будет большой* [Даль 1996, т. 3: 315]; *Если (когда) чайка прилетела, скоро лед пройдет* [Ермолов 1905: 129]. Двойные союзы активно используются в народных приметах в силу того, что они способны реализовать семантику сопоставления, уподобления, аналогичности, которая носит отпечатки более ранних эпох развития речемыслительной деятельности, ориентирующейся на категорию сходства. Наиболее частотными являются союзы *коли… то (так)*; *если… то (так)*, *когда… то (так, тогда)*: *Коли дождь на Петров день, то сенокос будет мокрый* [Даль 1996, т. 3: 335]. Двойные союзы могут осложняться частицей *и,* переводящей союзы в просторечно–диалектную или устаревшую плоскость, учитывающей роль семантики «ожидания» в формировании каузальной связи и ее аналогов в более ранних структурах развития языка (следование, сходство). Нужно иметь в виду, что некоторые аспекты «младенческого ума» (Н. Крушевский) так или иначе проявляются в народных приметах – признание внутренне не связанных объектов связанными, а скорее недоказанных связей – непременными, закономерными. Частица *и* употребляется или в составе двойных союзов (контактно или дистантно), или самостоятельно, фиксируя значение аналогичности: *Коли осина задрожала, так и скот в поле сыт* [Даль 1996, т. 3: 315]; *Коли Дмитриев день по снегу, то и святая по снегу* [Даль 1996, т. 3: 318]; *Если утренник холодный, и зима холодная* [Даль 1996, т. 3: 367].

Условно-временные синкретичные отношения могут осложняться причинными, пространственными, определительными, сопоставительными, реализованными в коррелятах типа: *каков... таков, куда... туда, какая... такая, чем... тем* и подобными. Такие предложения могут рассматриваться как предложения с высокой степенью обобщения, которое дает возможность наблюдателю самому устанавливать условно-следственные связи между явлениями, происходящими в определенный временной промежуток. Частица *и* в главной части акцентирует сходство, например: *Каково благовещенье, такова и светлая неделя* [Даль 1996, т. 3: 321]. Коррелят *откуда... оттуда и* (с вариантами *отколе... оттоле и*; *отколь... оттоль и*) фиксирует закономерную связь двух явлений, мотивированную пространственным признаком, аналогичность двух явлений поддерживается частицей и в главной части: *Отколе ветер в Евдокеи, оттуда и во все лето* [Даль 1996, т. 3: 351]. Условно-пространственные предложения могут оформляться на основе коррелятов: *куда... туда и*: *Куда гром, туда и дождь* [Ермолов 1905: 45]; *Куда ветер, туда и дождь* [Ермолов 1905: 117]; *где… там и*: *Где вода, там и сена вороха* [Ермолов 1905: 34]. Бессоюзный способ соединения предложений, выражающих условно-временные отношения, опирается на устойчивые соотношения сказуемых в первой, обусловливающей, и второй, обусловленной, частях. Одним из основных элементов грамматической формы предложения является категория времени, ко-

торая находит свое проявление в системе соответствующих форм. Спрягаемые формы глагола выступают в качестве морфологической опоры временных форм предложений. Характерной чертой синтаксиса народных примет является то, что глагол, функционирующий в них, «не образует парадигматического ряда форм времени» [Тарланов 1999: 43]. Узуальная обусловленность, складывающаяся на основе привычной повторяемости следующих друг за другом явлений, может быть выражена соотношением разных форм времени. Соотношение временных планов носит условный характер, оно призвано передавать условно-следственные отношения предшествующего события к последующему, которые в силу узуальности имеют вневременной план: *После казанской дождь пойдет – все лунки нальет* [Даль 1996, т. 3: 347]; *Чибис прилетел – на хвосте воду принес* [Ермолов 1905: 81]; *Небеса чернеют – гроза будет* [Ермолов 1905: 305]. Обусловленная часть может быть выражена инфинитивом. «Русская грамматика» отмечает, что «сочетание формы настоящего времени в обусловливающей части с инфинитивом в обусловленной части фиксируется редко». В качестве примера приводится народная примета: «Много комаров – быть хорошему урожаю» [Даль 1996, т. 3: 640]. И это неслучайно, так как именно в народных приметах такое соотношение выступает как закономерное: *Рано солнце встает – быть дождю* [Даль 1996, т. 3: 321]; *Много комаров – быть хорошему овсу* [Даль 1996, т. 3: 364]; *Новичок под Евдокию с дождем – быть лету мокрому* [Даль 1996, т. 3: 319]. *До Успенья пахать – лишнюю копну нажать* [Даль 1996, т. 3: 341].

Таким образом, основными, базовыми, в народных приметах являются сложноподчиненные и бессоюзные предложение, выражающие условно–временное значение, осложненное семантикой аналогичности, обобщенности и предсказательности.

Литература

Даль В.И. Пословицы русского народа. СПб: ООО «Диамант», 1996. Т. 3.

Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах: В 4 т. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1901–1905. Т. 4: Народное погодоведение. 1905.

Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 2 (РГ).

Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999.

Взаимосвязь категории определенности-неопределенности и актуального членения

Н.В. Якушева

Definiteness and information structure: studying the link

Natalia V. Yakusheva

Лилльский университет (Франция) / The University of Lille (France)

yakushevanatalia0681@gmail.com

Аннотация. Общность семантики категории определенности-неопределенности и актуального членения позволяет нам говорить об их взаимосвязи, которую мы изучаем на материале современного русского языка. Корпусный анализ текстов производится с помощью трех типов лингвистических признаков: формальных, функциональных и когнитивных.

Ключевые слова: определенность-неопределенность, актуальное членение, синтаксис, семантика, научный текст.

Summary. Definiteness and information structure shared semantics enables us to bring together these phenomena and to study their correlation in modern Russian. To put forward this correlation we analyse a corpus of texts using three types of linguistic criteria: formal, functional and cognitive.

Keywords: definiteness, information structure, syntax, semantics, scientific text.

В нашем исследовании изучается межкатегориальное взаимодействие двух лингвистических феноменов: функционально-семантической категории определенности-неопределенности (далее – ОН) и актуального членения предложения (АЧ) в современном русском языке. Общность семантики двух категорий и тот факт, что в русском языке категория ОН не имеет регулярного средства выражения, позволяет предположить, что ОН может быть выражена посредством АЧ.

АЧ, по нашему мнению, включает в себя 3 самодостаточных, но взаимосвязанных плана: (1) прагматический статус информации, (2) когнитивный статус референта, (3) прагматико-синтаксический план темо-рематического членения высказывания.

(1) В высказывании информация организуется с помощью универсального принципа: данная информация (*пресуппозиция*) предшествует новой информации (*асерции*). Оппозиция «данное – новое» базируется на концепте *идентифицируемости*, являющемуся также центральным для оппозиции «определенное – неопределенное» [Kramsky 1972; Николаева 1978]. Согласно этому концепту, элементы информации, которые могут быть идентифицированы посредством контекста или ситуации, являются частью презумпции и, соответственно, определенны. Если же элементы информации не могут быть идентифицированы, они являются частью асерции и неопределенны [Prince 1981; Lambrecht 1994].

(2) Когнитивный статус референта непосредственно связан с категорией ОН: если референт присутствует в сознании адресата в момент коммуникативного акта, то именная группа, денотирующая референт, является определенной, и неопределенной в противном случае. Таким образом, выделяются *идентифицируемые* и *неидентифицируемые* рефенты.

К. Ламбрехт выдвинул идею о совмещении статуса информации со статусом референта. Он разработал классификацию рефентов на основании их активного присутствия в сознании адресата (*принцип активации*) и предложил шкалу допустимости референтов в зоне темы / ремы высказывания. По его мнению, тема высказывания обязательно содержит идентифицируемые референты, тогда как рема может содержать оба типа референтов.

(3) План темо-рематического членения находится на стыке прагматики и синтаксиса. Под *темой* мы понимаем начальный сегмент высказывания, соответствующий презумпции. Под *ремой* мы понимаем финальный сегмент высказвания, соответствующий асерции. Из этого следует, что тема содержит в себе уже известные, определенные элементы, тогда как новые, неопределенные элементы передаются в реме высказывания.

В высказывании все три плана накладываются друг на друга: *Пожары 2018 года / уже признаны самыми разрушительными в истории Калифорнии. В* ***штате*** */ уничтожены почти* ***шесть с половиной тысяч домов****.* Референт определенного имени *в штате* может быть идентифицирован благодаря контексту (*Калифорния*), он является частью пресуппозиции и темой высказывания. Референт неопределенной именной группы *шесть с половиной тысяч домов* невозможно идентифицировать в данном контексте, он является частью асерции и частью ремы высказывания.

Таким образом, наблюдается следующая закономерность: неопределенные именные группы, чьи референты не могут быть идентифицированы адресатом, обычно (если этому не противоречит контекст или ситуация) являются частью асерции и находятся в реме высказывания, тогда как определенные именные группы, чьи референты могут быть идентифицированы адресатом, обычно являются частью

пресуппозиции и формально находятся в теме высказывания.

Литература

Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: Учебное пособие. Москва: УРСС, 2002.

Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 5–39.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.

Daneš F. Functional sentence perspective and the organization of the text // Papers on Functional Sentence Persepctive. Prague: Academia, 1974. P. 106–128.

Firbas J. Notes on the function of the sentence in the act of communication // Sbornik Praci Filozoficke Faculty Brnenske Univerzity A10. Brno, 1962. P. 134–148.

Lambrecht K. Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representations of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Prince E.F. Towards a taxonomy of given-new information // P. Cole (ed.). Radical pragmatics. New York: Academic Press, 1981. P. 223–233.

4.5. Анализ служебных единиц

Отыменный релятив «ПО ОБРАЗЦУ»: служебные свойства

М.В. Артеменко

Nominal relative “PO OBRAZTSU” (“ACCORDING TO THE EXAMPLE”): functional properties

Mariya V. Artemenko

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток) / Far Eastern Federal University (Vladivostok)

mv_artemenko@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются характерные особенности отыменного релятива ПО ОБРАЗЦУ. Основное внимание обращается на свойства, позволяющие относить данную единицу к ряду образований, проявляющих признаки служебности.

Ключевые слова: отыменный релятив, синтаксис, конструкция, структурный сдвиг, семантика.

Summary. The specific features of nominal relative “PO OBRAZTSU” (“ACCORDING TO THE EXAMPLE”) are considered. The main attention is paid to the properties which allow to qualificate it as a functional lexical unit.

Keywords: nominal relative, syntax, construction, structural modification, semantics.

Предметом для обсуждения является единица ПО ОБРАЗЦУ, построенная по модели «ПО + N3» и изучаемая нами в ряду группы единиц сравнительной семантики, которые мы называем «отыменными релятивами» [Шереметьева 2008]. Отправной точкой исследования является представление о том, что каждое из таких слов обладает индивидуальными свойствами, отличающими его от предложно-падежных сочетаний (т.е. сочетания предлога ПО и существительного ОБРАЗЕЦ в Д. п.). Возникает вопрос: каковы основания для рассмотрения данного слова как релятива и в чем его особенности? Базовое имя ОБРАЗЕЦ в Толковом словаре имеет значение ‘предмет, материал, способ, вид, форма’ [Ушаков 2005: 573].

В ходе исследования был проведен анализ употреблений базового существительного ОБРАЗЕЦ с предлогом ПО и единицы ПО ОБРАЗЦУ, представленных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). Чтобы выявить различия, сравним два примера: (1) *Точно* ***по образцу****, один к одному, было* *сделано* *оружие – пистолеты, винтовки, сабли* [НКРЯ]; (2) *«Китайская* *монета счастья»* *сделана* ***по образцу*** *монет Древнего Китая. Амулет, стимулирующий действие всех стихий* [НКРЯ].

В логико-смысловом отношении единица в примере (1) представляет собой предложно-падежное сочетание, поскольку: а) значение базового имени не утрачивается и не расширяется (ОБРАЗЕЦ – ‘предмет’); б) возможно присоединение прилагательного-модификатора (ср.: точно ***по существующему образцу***); в) морфологическая парадигма сохраняется (ср.: оружие сделано точно ***по образцу*** / ***по образцам***); г) тип синтаксических отношений – объектные.

В примере (2) единица ПО ОБРАЗЦУ формирует конструкцию: левый компонент (монета счастья) – правый компонент (монет Древнего Китая) – общий компонент (сделана). Предложно-падежная форма оказывается в позиции «двусторонней синтаксической связи» (по Е.Т. Черкасовой), что приводит к началу утраты базовым существительным предметного значения. Тип отношений между компонентами – сравнительно-определительные. Главным критерием, указывающим на грамматикализованность лексемы ПО ОБРАЗЦУ и развитие предложной функции, на наш взгляд, становится ослабление лексического значения базового имени. Характерной особенностью данного релятива является тенденция к фразеологизации. В НКРЯ представлены факты с употреблением релятива ПО ОБРАЗЦУ в составе устойчивого сочетания: *Глупо полагать, что после Евро все команды будут играть* ***по образцу и подобию*** *лучших сборных* [НКРЯ] (ср.: *по образу и подобию*).

В плане сочетаемости единица ПО ОБРАЗЦУ оказывается близкой единице ПО ТИПУ [Артеменко 2018]: отнесенность к деятельности человека – то, что определяет данные релятивы, и делает невозможным их употребление, когда речь идет об объективных явлениях данного мира, не связанных с человеческой деятельностью.

Говоря о конструктивных свойствах исследуемой единицы, следует отметить частотные факты, в которых наблюдаются «структурные сдвиги», аналогичные сдвигам в конструкциях с другими производными предлогами [Шереметьева 2013]. В ряду основных явлений это:

(а) элиминация (сокращение) правого субстантива: *В 1717 году на Выборгской стороне был построен* *водочный завод* ***по образцу*** *«гданских»* [НКРЯ].

(б) «разнооформленность» параллельных членов в результате метонимического переноса: *Российская реформа задумывалась как быстрая и радикальная,* ***по образцу*** *Польши, однако в нашей стране, как и в Болгарии, этот сценарий довести до конца не удалось* [НКРЯ]. В результате метонимии семантическая однородность параллельных членов сохраняется, логические отношения не нарушается, однако нарушается синтаксический параллелизм объектов сравнения.

(в) сдвиг релятива к атрибутивному распространителю: *«Проект референдума о продлении полномочий* ***по образцу*** *проведенного в Казахстане уже готов», – сообщил РБК daily г-н Власов* [НКРЯ]. Атрибутивный распространитель приобретает функции отсылки к прецедентному случаю, факту или ситуации.

Анализ синтагматических и конструктивных свойств релятива ПО ОБРАЗЦУ позволил выявить его сходство с другими единицами исследуемой группы, а также проследить начало перехода данного образования в разряд самостоятельных служебных единиц.

Литература

Артеменко М.В. Отыменный релятив «ПО ТИПУ»: семантико-синтагматические свойства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 6 (84). Ч. 2. С. 312–316.

Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25–50.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Альта-Принт, 2005 (Ушаков).

Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка: семантико-синтаксические этюды. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008.

Шереметьева Е.С. Структурный сдвиг: нарушение нормы или рождение конструкции? // Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы: тезисы докладов (г. Санкт-Петербург, 12–14 сентября 2013 г.). СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2013. С. 59–60. [Электронный ресурс. URL: http://iling.spb.ru/confs/rusconstr2013/pdf/abstracts.pdf (дата последнего обращения: 08.01.2018].

К вопросу о вариативности нормы употребления служебного слова

А.Н. Бертякова

To the question of the variability of the rate of use of the service word

A.N. Bertyakova

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (Москва) / Pushkin State Russian Language Institute (Moscow)

anna_lazzo@list.ru

Аннотация. В работе предпринимается попытка продемонстрировать способность вариативной формы служебного слова маркировать не только его семантическую дифференциацию, но и закреплять особенности ментальности носителей языка.

Ключевые слова: служебные слова, предложное варьирование, лингвострановедческая информация

Summary. An attempt is made in the work to demonstrate the ability of the variable form of the syntactic word to mark not only its semantic differentiation, but also to consolidate the peculiarities of the mentality of native speakers.

Keywords: syntactic words, prepositional variation, lingvo-cultural information.

Семантическая дифференциация служебного слова происходит в процессе становления языковой системы и отчасти закрепляется в вариативности нормы его употребления. Ярким примером этому может служить варьирование предлогов *в* и *на* при выражении семантической идеи «направленного движения».

Предлоги *в* и *на* относятся к словам, бытующим в русском языке с дописьменной эпохи; они восходят к общеиндоевропейскому словарному фонду и, таким образом, в числе других общеславянских слов принадлежат к важнейшей и древнейшей части ядра лексического состава русского языка. Вплоть до XVIII в. вариативность этих предлогов носила недифференцированный характер.. Ср.: (1) *Глѣбъ восхотѣ отбѣжати* ***на*** *полунощные страны… рекой, не да како и мя погубить* (Чтение о житие Бориса и Глеба. XIV в.); (2) *А великии князь русскии и боляре его да посылаютъ* ***въ*** *грекы къ великимъ царемъ греческимъ послы и зъ гостьми* (Лавр. лет.) [СРЯ XI–XVII вв., т. 3: 46–51].

Различение предложного употребления *в* и *на* начинается в XVIII в., в период становления современного русского языка.

Нормой употребления предлога *в* становятся контексты, прогнозирующие актуализацию семантической идеи ‘направленности движения внутрь или пребывания внутри ограниченного пространства’, а предлога *на* – контексты, актуализирующие семантическую идею ‘направленности движения на поверхность или пребывания на поверхности ограниченного пространства’.

Интересным в этом плане представляется закрепление в современном русском языке вариативной нормы употребления этих предлогов при указании направленности движения «в пределы страны». Ср. *ехать* ***в*** *Германию,* ***в*** *Австралию,* ***в*** *Албанию,* ***во*** *Францию*, но ***на*** *Кипр,* ***на*** *Ямайку,* ***на*** *Гаити* и др.

Очевидно, в русском и других славянских языках с вариативностью предлогов в аналогичных семантических контекстах такой внеязыковой фактор, как представление об открытой, омываемой водами территории прогнозирует употребление с этими топонимами предлога *на*. Ср., например: в словацком языке *ist* ***do*** *Ruska,* ***do*** *Rakuska,* ***do*** *Pol'ska*, но *ist* ***na*** *Kubu,* ***na*** *Haity,* ***na*** *Madagaskar,* ***na*** *Bahami*; в словенском языке *iti* ***v*** *Rusijo,* ***v*** *Avstrijo,* ***na*** *Poljsko*, но ***na*** *Kubo,* ***na*** *Haiti* ***na*** *Madagaskar,* ***na*** *Bahame*; в сербском языке *путовати* ***у*** *Русију,* ***у*** *Аустрију,* ***у*** *Пољску*; но ***на*** *Кубу,* ***на*** *Хаити,* ***на*** *Мадагаскар,* ***на*** *Бахаме* и др.

Однако предложная корреляция в славянских языках не всегда абсолютна. С рядом названий можно наблюдать и различное вариативное закрепление нормы предложного употребления. Ср., например в русском языке *ехать* ***в*** *Исландию,* ***в*** *Японию*; в словацком *ist* ***do*** *Japonska*, но ***na*** *Island*; в словенском *iti* ***na*** *Japonsko,* ***na*** *Isllandijo*; в сербском *путовати* ***у*** *Јапан*, но ***на*** *Исланд*. Ср. также в польском языке нехарактерное для русского языка употребление предлога *na* с топонимами *Венгрия, Словакия, Украина, Белоруссия, Литва* (*jechać* ***na*** *Węgry,* ***na*** *Słowację,* ***na*** *Ukrainę,* ***na*** *Białoruś,* ***na*** *Litwę*), нормативность которого, по предположению польского исследователя Мирослава Банко, определила тесная историческая связь Польши с этими государствами [SJP].

Предлог *на* в русском языке, в отличие от *в*, характеризуется большей частотностью контекстов, прогнозирующих метафоризацию конкретной пространственной семантики этого предлога. Ср. *ехать* ***на*** *море, идти* ***на*** *почту* и др. [Бертякова 2009: 47] Очевидно, таким контекстом является и название островного государства. Семантическая идея пространственной определенности *на* «направленное движение референта локализации на поверхность» с этим именем трансформируется в семантическую идею «движение по направлению к», реализуемую, например, такими невариативными предлогами, как английский *to* (ср.: *go* ***to*** *Germany, go* ***to*** *Cuba, go* ***to*** *Iceland, go* ***to*** *the Maldives*), албанский *në* (ср.: *unë shkoj* ***në*** *Gjermani, unë shkoj* ***në*** *Kubë, unë shkoj* ***në*** *Islandë, unë shkoj* ***në*** *Maldive*), индонезийский – *ke* (*saya pergi* ***ke*** *Jerman, saya pergi* ***ke*** *Kuba, saya pergi* ***ke*** *Islandia,* ***ke*** *Maladewa*) и др.

Семантика русского *в* в контексте глаголов движения синкретична: совмещает семантическую идею ‘движение по направлению к’ и ‘близости: пребывания внутри ограниченного пространства’, в то время как в других славянских языках она может быть представлена как два раздельных сегмента мысли. Например, в словацком языке семантическая идея «движения по направлению к» закрепляется предлогом *до*, а «нахождения пребывания внутри» предлогом *v*. Ср.: *ist* ***do*** *Japonska*, но ***v*** *Japonsku, ist* ***do*** *Ruska*, но *nachadzat' sa* ***v*** *Rusku* и др.

Можно предположить, что нерасчлененное представление двух сегментов мысли в русском *в* прогнозируется особым пространственным измерением в русской языковой картине мира и способствует развитию отвлеченной пространственной семантики этого предлога. «Пространственные категории как свойства физического мира регулярным образом метафорически переосмысляются как категории внутреннего мира; тема пространственной беспредельности – один из структурообразующих элементов русской культуры. Она не только часто возникает в русских художественных и фило-

софских текстах, но и является общим местом всех расхожих представлений о России и русском национальном характере» [Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2005: 65]. В контексте топонима – названия страны – абстрактная пространственная семантика *в* проецируемой актуализацией в имени элемента значения ‘граница’. Очевидно, поэтому в русском дискурсивном пространстве можно наблюдать устойчивую тенденцию замены традиционно нормированного употребления предлога *на* предлогом *в* в контекстах, предполагающих актуализацию понятия «государство» в одноименном названии. Ср.: *В Нью-Йорке балерина примет участие только в спектакле-гала, а затем поедет* ***в*** *Кубу, Мексику и Калифорнию* (Вести, 29.08.1910). В основном корпусе национального русского языка отмечается 93 вхождения предложно-падежной формы ***на*** *Гаити* и 76 ***в*** *Гаити* [НКРЯ].

Таким образом, вариативность служебного слова, маркируя его семантическую дифференциацию, может закреплять и особенности ментальности носителей языка.

Литература

Словарь русского языка (XI–XVII вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М. 1990. Т. 3. С. 46–51 (СРЯ XI–XVII вв.).

Бертякова А.Н. Употребление предлогов *в* и *на* в современном русском языке // Русская словесность. № 1. 2009. С. 45–49.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Национальный корпус русского языка [http://www.ruscorpora.ru] (НКРЯ).

Słownik języka polskiego [https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/na-Slowacji-czy-w-Slowacji-raz-jeszcze;13070.html] (SJP).

Даже бабушки у подъезда: прагматико-ценностный потенциал частицы *даже*[*]

И.Т. Вепрева

Even Grannies at Porch: Pragmatic-Value Potential of Particle *Even*

I.T. Vepreva

Уральский федеральный университет (Екатеринбург) / Ural Federation University€ (Yekaterinburg)

Irina_vepreva@mail.ru

Аннотация. В докладе анализируется устойчивое сочетание *даже бабушки у подъезда* как стереотипный образ пожилых женщин с низким интеллектуальным уровнем. Показана роль частицы *даже* в формировании оценочно-негативного характера стереотипа.

Ключевые слова: возраст, стереотип, оценка, функции частицы *даже.*

Summary. The report analyzes the stable phrasal unit even grannies at the porch as a stereotypical image of older women with a low intellectual level. The role of the particle even of the negatively valued character in the stereotype formation is shown.

Keywords: age, stereotype, value, particle even functions.

Возраст, одна из основных характеристик человека, «предстает как осязаемое и осознаваемое воплощение процесса развития индивида, измерение его движения во времени, осуществляемого поэтапно в соответствии с членением возрастного континуума» [Литвиненко 2006: 7]. Возрастные периоды жизни имеют оппозитивный характер. Семантико-прагматическая оппозиция *детство (молодость) – старость* отражает представления о них как о «восходящей / нисходящей линии жизни» [Щербо 2008: 7].

Восприятие возрастных периодов жизни человека обогащено различными стереотипными представлениями, которые включают оценочную составляющую. Оценка обычно возникает на основании соотнесения определенного явления с нормативным представлением о нем. Зрелость воспринимается обычно носителями языка как некая норма, обладающая нулевой оценочностью, а оценка молодости и старости дается уже относительно зрелого возраста.

Объектом нашего наблюдения является оценочное отношение к старости. Дрейф отношения к старости – сложный, многослойный ряд представлений и оценок. С одной стороны, старость – это аккумуляция жизненного опыта, большой нравственный потенциал, консервация внутрисемейных иерархических отношений. С другой стороны, сужение жизненной траектории, физическая и социальная несостоятельность, замыкание индивидуального сознания на бытийном уровне. Коммуникативные тактики включения пожилых людей в социальные взаимодействия ограничиваются досужими разговорами и обсуждением бытовых проблем.

В языковом сознании носителей языка существует целый ряд негативных стереотипных представлений об угасании интеллектуальных и социальных возможностей пожилых. В качестве языкового средства, негативно маркирующего старость, является устойчивое словосочетание *бабушки (старушки) у подъезда*, которое становится знаком отношения общества к пожилым женщинам, например: ***Старушки****, которые* ***часами сидят на скамеечке у подъезда****,* ***обсуждая последние сериалы*** *да* ***сплетничая о соседях****, но всячески избегая природой заданной им функции – воспитывать своих внуков, как это из поколения в поколение делали бабушки и дедушки* (Волгоградская правда; 14.07.2009). См. также: ***досужие разговоры бабушек*** *на скамеечках у подъездов; они* ***судачат*** *на скамеечке у подъезда* и под.

Особую роль в формировании образа интеллектуального аутсайдера приобретает частица *даже*, которая занимает позицию левого члена при ядерном слове *бабушки (старушки).* Частица *даже* является экспликатором коммуникативно-ориентированной семантики «усилительности / крайности / неожиданности», характеризуется способностью вызывать акцентное выделение связанных с ней слов, например: *О биткоинах знают все,* ***даже бабушки у подъезда*** (Наш современник; 31.12.2016).

Это предложение может быть эксплицитно перефразировано следующим образом:

(a) Бабушки у подъезда знают о биткоинах;

(в) Некоторое множество людей (*все*) знают о биткоинах;

(c) Бабушки являются последними людьми из всех, о которых можно было предположить, что они знают;

(d) Ожидалось, что бабушки не знают, что такое биткоин.

Компоненты в, c, d описывают прагматико-оценочный эффект, вносимый частицей *даже*. Фраза *даже бабушки у подъезда знают* «предполагает наличие некой шкалы, на которой частица *даже* производит нечто вроде градуирования» [Крейдлин 1975: 105]. Шкала ожиданий имеет восходящую градацию, на которой элементы располагаются от самого вероятного к самому неожиданному. Частица маркирует усиление негативной характеристики, доводя до крайнего предела оценочной шкалы, которая является своеобразной проекцией нормативно-ценностной картины мира говорящего. При этом частица фиксирует «крайне допустимый предел нормы, предел приемлемости указанного ядерного элемента» [Акопян 2017: 152].

Данный стереотипный образ часто используется в СМИ, когда журналист хочет подчеркнуть широкое освоение нового знания носителями языка, включая «темных» старушек, например: ***Даже бабушки у подъездов*** *разговаривают о дефолте, инфляции и девальвации, словно на дворе и впрямь девяностые* (Земское обозрение, Саратов; 18.03.2009); *Сеть росла, новые «Пятерочки» открывались практически каждый месяц, и* ***даже бабушки у подъездов*** *выучили иностранное слово «дискаунтер»* (Коммерческие вести, Омск; 07.12.2016); ***Даже бабушки у подъездов*** *знают, что это такой рекламный ход* (Вечерние Челны; 06.11.2013) и др.

Употребление возрастной номинации в качестве единицы, указывающей на низкий интеллектуальный уровень, ха-

[*] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00382 /18.

рактерно и для другого члена возрастной оппозиции – *ребенка* / *младенца*, который тоже маркирует крайне допустимый предел нормы, ср.: *Сегодня имя Хосни Мубарака – экс-президента Египта,* ***знает****, пожалуй,* ***даже младенец****, столь часто в последнее время оно повторялось буквально всюду* (Российская газета; 14.02.2011). Противопоставленные члены оппозиции, прилегающие к началу и концу жизни, отождествляются в данной ролевой позиции.

Стереотипный образ старушек, сидящих на лавочках у подъездов, имеет, скорее, иронический, чем агрессивный характер, констатируя представление о пожилой женщине как человеке с низкой интеллектуальной активностью, ограниченной узким кругом бытовых проблем, праздным и пустым времяпрепровождением.

Литература

Акопян К.С. Микромир частицы *даже*: семантико-прагматические особенности функционирования при отрицании // Вестник Российско-армянского (славянского университета: гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 152–166.

Крейдлин Г.Е. Лексема *даже* // Семиотика и информатика. Вып. 6. М.: ВИНИТИ, 1975. С. 102–114.

Литвиненко Ю.Ю. Концепт «возраст» в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Омск, 2006.

Щербо П.А. Особенности вербализации концепта «возраст» в системах типологически разных языков (на материале английской, французской и русской лексики): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 2008.

Меж двух огней: вновь о статусе наречных предлогов

Е.Н. Виноградова

Back to adverbial prepositions

Ekaterina N. Vinogradova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

katinko2007@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются проблемы, связанные с описанием самой противоречивой группы русских предлогов – наречных; показаны различные подходы лингвистов к трактовке статуса данных единиц; обозначены пути снятия неоднозначности при классификации производных предлогов.

Ключевые слова: предлог, наречие, часть речи, омонимия, классификация предлогов.

Summary. The report deals with issues concerning one group of prepositions viz. adverbial prepositions which seem to be the most controversial within prepositions. Approaches to their analysis are presented and the ways of eliminating ambiguities are outlined.

Keywords: preposition, adverb, part of speech, homonymy, classes of prepositions.

Наречные предлоги являются объектом пристального внимания русистов в последние десятилетия, ср. [Панков 2009; Всеволодова 2010; Урысон 2017] и др. На наш взгляд, повышенный интерес к этой группе служебных единиц обусловлен следующими факторами:

а) алогичностью триады «наречные – отыменные – отглагольные» предлоги,

б) внутренней структурной неоднородностью группы наречных предлогов,

в) неоднозначным категориальным статусом наречных предлогов,

г) нетривиальностью применения понятия омонимии к служебным частям речи.

Как известно, предлоги-наречия были первым классом единиц, включенным грамматистами в предлоги и противопоставленных простым предлогам, ср. [Ломоносов 1952: Греч 1830]. Так, Н.И. Греч пишет: к предлогам в русском языке относятся «нарѣчія, имѣющія силу предлоговъ: *близь, вдоль, вмѣсто, внутри, внутрь, внѣ, возлѣ, вопреки, впереди, впередъ, кромѣ, между (межъ), мимо, назади, насупротивъ, около, окрестъ, опричь, поверхъ, подлѣ, позади, позадь, послѣ, прежде, противъ, сверхъ, среди, средь*». Подчеркнем, что ученые отмечают способность наречий выступать в функции предлогов, не рассматривая производность предлогов и наречий друг от друга. А.Х. Востоков выделил наряду с простыми предлогами и наречиями три новые группы слов, способных употребляться в качестве предлогов: деепричастия (*исключая, несмотря на*), существительные в разных падежах (*съ помощью, посредствомъ, по мѣрѣ*), а также произведенные от прилагательных среднего рода наречия (*относительно, касательно, сообразно, соотвѣтственно, соразмѣрно*) [Востоков 1874] – так называемые отадъективные наречия [Черкасова 1967]. Таким образом, к концу XIX века сложилась 5-ти членная классификация предлогов: «простые предлоги – предлоги-наречия – деепричастия – имена существительные – отадъективные наречия». В XX веке были противопоставлены непроизводные и производные предлоги. К производным предлогам относятся «такие предлоги и приобретающие свойства предлогов формы отдельных слов и сочетания, которые имеют мотивационные отношения с наречиями, существительными и деепричастиями» [РГ 1980]. В то же время, как представляется, относительно наречий-предлогов сложно говорить о мотивационных отношениях.

Анализ группы наречных предлогов в [РГ 1980] показал, что они неоднородны. Во-первых, среди них отчетливо выделяется группа отадъективных предлогов (в [Виноградов 2001] они соотнесены с качественными наречиями): *касательно, относительно, подобно, согласно (с), сообразно (с), соответственно (с), соразмерно (с), независимо от, применительно к, совместно с, сравнительно с*. Часть этих предлогов, действительно, связана мотивационными отношениями с наречиями, более последовательно обнаруживается соотнесенность с прилагательными. Однако для остальных наречных предлогов установить словообразовательные связи с наречиями сложнее. Так, для многих из них восстанавливается форма имени, ср.: *вблизи (от), вглубь, вместо, внутри, вокруг, впереди, вроде, вслед (за), наверху, навстречу, накануне, посередине, сбоку, сверх, свыше, сзади, вдалеке от, вдали от, вместе с, наряду с, невдалеке от, рядом с, следом за*, следовательно, они могли бы быть отнесены к отыменным предлогам. Во-вторых, если принимать во внимание функциональный признак, то оказывается, что далеко не все наречные предлоги способны в современном языке выступать в качестве наречий: ср. *близ, вместо, вне, вопреки, вроде, касательно, наряду, подобно, помимо, применительно, сквозь, среди.*

Отдельную проблему представляет осознание соотношения наречий и предлогов. Лингвисты высказывают различные предположения о грамматической природе наречных и предложных употреблений слов типа *напротив, вокруг, согласно, сзади*, считая их формами одного слова, омонимами, бифункциональными словами. Вопрос о неоднозначности понятия омонимии для служебных слов, поднятый академиком В.В. Виноградовым, актуален как никогда и, думается, требует отдельного изучения с позиций современного языкознания.

Кроме того, остро стоит и проблема определения категориального статуса подобных единиц, решаемая учеными прямо противоположными способами: ср. позицию Е.В. Урысон об управляющих наречиях с обязательной семантической валентностью на ориентир; мнение М.В. Всеволодовой

о предлогах с анафорой, системно выраженной 0-формы; фактическое решение большинства современных лексикографов об омонимии наречия и предлога.

Таким образом, группа наречных предлогов требует, на наш взгляд, пересмотра существующей классификации производных предлогов с учетом как словообразовательного, так и функционального признаков, а также обращения к проблеме омонимии vs. полифункциональности служебных слов.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) М.: Русский язык, 2001.

Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. С.-Петербург: Издание книгопродавца Д.Ф. Федорова, 1874.

Всеволодова М.В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 3–26.

Греч Н.И. Пространная русская грамматика. 2-е изд. СПб.: В тип. издателя, 1830.

Ломоносов М.В. Россійская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собр. соч. Т. 7. Труды по филологии 1739–1757. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Панков Ф.И. Русские наречия в их соотношении с русскими предлогами // Мир русского слова. 2009. № 1. С. 12–19.

Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. I.

Урысон Е.В. Предлог или наречие? Частеречный статус наречных предлогов // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 36–55.

Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967.

Функционирование текстовой скрепы «впрочем» в прозе М.А. Булгакова

Е.Н. Гускина

Functioning of the text clip «впрочем» in Mikhail Bulgakov's prose

Ekaterina N. Guskina

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток) / Far Eastern Federal University (Vladivostok)

kat9lynx@gmail.com

Аннотация. В данных тезисах рассматривается слово «впрочем», неоднозначный подход к его изучению в современной лингвистике. Анализируется функционирование «впрочем» в прозаическом творчестве М.А. Булгакова.

Ключевые слова: слово «впрочем»; текстовая скрепа; служебные слова; связность текста.

Summary. This article is considered to the word «впрочем» and an ambiguous approach to its study in the modern linguistics. The functioning «впрочем» in Mikhail Bulgakov's prose works is analyzed.

Keywords: the word «впрочем»; the text clip; auxiliary words; the text cohesion.

В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению текстов, в частности, способам и средствам текстовой организации. Особое место среди средств связности текста занимают текстовые скрепы, статус которых до сих пор нельзя определить однозначно. «Скрепы выражают отношения между высказываниями внутри абзаца, между частями текста, оформленными внутри абзаца, или соотносят между собой сколь угодно крупные части текста» [Прияткина 2007]. Функции текстовой скрепы выходят за рамки союзных, она «выражает отношения между высказываниями (группами высказываний)» [Там же]. Слово «впрочем» также имеет спорный статус. В.В. Виноградов отмечает общность этого слова с модальными словами и противительными союзами [Виноградов, 1972], М.В. Ляпон относит «впрочем» к противительным релятивам [Ляпон 1986], Н.П. Перфильева – к метапоказателям линейно-деструктивных отношений [Перфильева 2006]. О.А. Селюнина отмечает у «впрочем» черты текстовых скреп, а не только союзов: «…*впрочем* участвует в оформлении второй линии связи между частями полипредикативных структур» [Селюнина 2002]. Его инвариантное значение весьма точно определяется В.В. Виноградовым: «Оно указывает на внезапный излом в логическом движении речи» [Виноградов 1972]. Мы рассмотрим некоторые контекстные модификации «впрочем», характерные для прозы М.А. Булгакова.

1. **Прекращение описания или обсуждения**. В этом случае говорящий прекращает изложение одной идеи (по различным причинам) и переходит к другой.

Весь мой выпуск, не подлежащий призыву на войну (ратники ополчения 2-го разряда выпуска 1916 г.), разместили в земствах. ***Впрочем****, это неинтересно никому. Из приятелей узнал только об Иванове и Бомгарде* («Морфий»). Герой прерывает повествование из-за неактуальности информации для потенциального адресата и объясняет причину этого («неинтересно никому»).

2. **Важное уточнение.** Говорящий хочет уточнить сказанное ранее и с помощью «впрочем» вводит поясняющее высказывание. При этом акцент на важности добавочной информации проявляется по-разному.

а) *Но, увы, на эту дорогу ему выйти почему-то не удается, и к нему никто не приходит. Тогда, что же поделаешь, приходится разговаривать ему с самим собою.* ***Впрочем****, нужно же какое-нибудь разнообразие, и к своей речи о луне он нередко прибавляет, что более всего в мире ненавидит свое бессмертие и неслыханную славу* («Мастер и Маргарита»). Говорящий объясняет причину появления нового явления, и это помогает полнее описать действия персонажа.

б) *Роман был написан, больше делать было нечего, и мы оба жили тем, что сидели на коврике на полу у печки и смотрели на огонь.* ***Впрочем****, теперь мы больше расставались, чем раньше. Она стала уходить гулять* («Мастер и Маргарита»). Говорящий делает особый акцент на изменении установленного порядка вещей.

в) *Значит, таким образом: вот эта самая блистательная армия, оставляющая трупы на улице, батько Петлюра, погромы и я с красным крестом на рукаве в этой компании… Мечтал я не более минуты,* ***впрочем****, на лестнице. Вскочил точно на пружине, вошел в квартиру, и вот появился на сцену чемоданчик* («Я убил»). Говорящий частично отменяет сказанное ранее и уточняет происходящее в данный момент. Подчеркивается контраст между мыслями героя и его действиями.

3. **Акцент на новом аспекте**. Говорящий находит в ситуации нечто новое и акцентирует на нем внимание адресата, в большей или меньшей мере изменяя ход своего рассуждения.

– …Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов. Скажу вам более, уважаемая госпожа, до черт знает каких пределов! Я, ***впрочем****, – продолжал болтать Коровьев, – знавал людей, не имевших никакого представления не только о пятом измерении, но и вообще ни о чем не имевших никакого представления и тем не менее проделывавших чудеса в смысле расширения своего помещения* («Мастер и Маргарита»). Говорящий, найдя новое в излагаемой мысли, расширяет границы создаваемой картины и переходит к описанию нового аспекта.

4. **Поиск альтернативы.** Говорящий ищет разные варианты действий, развития событий и сосредотачивается на самом подходящем варианте.

Что там такое у этой женщины с неблагополучными родами? Гм… Неправильное положение… узкий таз. <…> Отослать ее разве прямо в город? Да немыслимо это! Хорошенький доктор, нечего сказать, скажут все! Да и права не имею так сделать. Нет, уж нужно делать самому. А что делать? Черт его знает. Беда будет, если потеряюсь – перед акушерками срам. ***Впрочем****, нужно сперва посмотреть, не стоит прежде времени волноваться…* («Крещение по-

воротом»). Найденная альтернатива помогает автору лучше передать психологическое состояние героя.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что текстовая скрепа «впрочем» помогает автору внести в текст различные смысловые нюансы, ярче передать душевное состояние героя и описать его характер. В то же время подтверждается неоднозначность функционирования «впрочем» как средства связности текста.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986.

Перфильева Н.П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006.

Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (О расширении категории служебных единиц русского языка) // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2007. С. 334–344.

Селюнина О.А. Слово «ВПРОЧЕМ» как знак связи в тексте и предложении // Русский язык в школе. 2012. № 1. С. 65–70.

О «нелегальных» союзах непосредственного предшествования в русском языке: *сразу как* (*только*) и другие союзы с грамматикализованным наречием времени

И.М. Кобозева

On “unauthorized” conjunctions of immediate anteriority in Russian: *srazu kak* (*tol’ko*) and other conjunctions containing grammaticalized adverbs.

Irina Kobozeva

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

kobozeva@list.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются составные союзы со значением «непосредственного предшествования» (НП), которые пока не освящены авторитетом академической грамматики, но являются реальностью современного русского языка: *сразу как*, *сразу как только* и другие, в состав которых входит элемент, восходящий к наречию времени. Приводятся синтаксические и семантические аргументы в пользу того, что элемент *сразу* (как и другие, восходящие к наречиям времени) в указанных сочетаниях – это не наречие *сразу*, часто выступающее в функции так называемого «конкретизатора» в главной части сложных предложений с союзами НП, а интегральная часть составного союза, возникшего в результате грамматикализации наречия.

Ключевые слова: составные союзы непосредственного предшествования, наречия времени, грамматикализация.

Summary. In the paper complex conjunctions of immediate anteriority (IA) are discussed. We focus our attention on conjunctions that are not listed in the fullest descriptive «Russian grammar» (1980) although they frequently occur in Russian corpora: *srazu kak (tol’ko)* and some others containing an element of adverbial origin. We provide syntactic and semantics arguments showing that *srazu* (as well as other quasi-adverbial elements) in such phrases is distinct from homonymous temporal adverb *srazu* that often appears in the main clauses of complex sentences with IA conjunctions. Complex conjunctions of this sort present a kind of grammaticalization of temporal adverbs that is attested in other languages, e.g. in French (*aussitôt que*) and English (*as soon as*).

Key words: complex conjunctions of immediate anteriority, temporal adverbs, grammaticalization.

В русском языке есть группа синонимичных союзов, которые в [РГ-80] называются союзами со значением «непосредственного следования», а в [РКГ] — союзами со значением «непосредственного предшествования» (далее союзами НП)[1]. К данной группе в [РГ-80] отнесены: 1) союзные частицы *только*, *лишь*, *едва*, *чуть*; 2) составные союзы, представленные разнообразными сочетаниями указанных частиц (*лишь только*, *едва лишь, едва лишь только* и др.), а также устойчивые сочетаниями *только* с союзами *как* и *что – как только* и *только что*; 3) двухместные союзы, представленные комбинацией вышеуказанных союзных частиц или составных союзов в придаточной части с «коррелятом» *так* или *то* или с одним из союзов (*как*, *и, а*) в главной части.

В [РГ-80] указаны также «дополнительные средства», которые, находясь в главной части СПП «подчеркивают» минимальность интервала между событиями, в частности «конкретизаторы» — наречия типа *сразу*, *тотчас, сейчас же* [РГ-80, § 2984].

При всей детальности [РГ-80] в электронных корпусах русского языка можно встретить вполне грамматичные СПП с союзами НП, которые не зафиксированы в ней, как и в других русских грамматиках. В частности, в НКРЯ достаточно широко представлены составными союзы НП с элементами *сразу,* и *тотчас*:

(1) Сам он посетил Чехова за день до отъезда того за границу, **сразу как** приехал в Москву. [Руслан Киреев. Чехов. Посещение Бога // «Нева», 2004]

(2) На карточке его была приписана просьба быть к нему непременно, **тотчас как** возвращусь. [Роман Шмараков. Камеристка кисти Клотара // «Сибирские огни», 2013]

(3) **Сразу, как только** я приехала, мы устроили репетицию. [Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984–2001)]

(4) Пушкин пишет пародию на Шекспира…, **сразу как только** сам стал нашим Шекспиром. С.Г. Бочаров. О возможном сюжете: «Евгений Онегин» (1999)]

Поиск по НКРЯ на дату обращения 04.12.2018 выдал десятки примеров, подобных (1)[2]. Широко представлена в корпусе и трехэлементная реализация *сразу как только* — 191 пример на ту же дату. Вариант с *тотчас* в настоящее время можно отнести к устаревшим, используемым в целях стилизации. Хотя пунктуационно союзы *сразу как* (*только*), *тотчас как* (*только*) оформляются по-разному, и чаще с запятой между *сразу* и *как*, но просодически при этом наречие не отделяется от *как* (*только*). Просодический шов, если он есть, проходит перед *сразу*, а не после этого элемента. Несоответствие между пунктуацией и просодией — обычное явление, см. [Кобозева, Захаров 2014].

Ярким свидетельством того, что наречие в составе *сразу* / *тотчас, как* (*только*) вместе с другими служебными элементами синтаксически относится к придаточной части (образует с ней одну составляющую), а не к главной части, служит отделимость конструкции *сразу* / *тотчас, как* (*только*) *P*, показывающая, что *сразу* и *тотчас* входят в группу союза (о критерии отделимости см. [Тестелец 2001: 134–135]). Отделимость засвидетельствована в форме парцелляции в (5), и в форме фрагментирования в (6):

(5) Замуж она быстро выскочила. **Сразу, как только** кончила учиться на учительницу английского языка. [Петр Акимов. Плата за страх (2000)]

[1] Заметим, что только второе название соответствует общему принципу номинации типов подчинительных союзов: имя союза должно отражать семантическую роль придаточной части по отношению к главной. В предложениях с союзами НП придаточная часть обозначает событие, предшествующее событию в главной части, а не следующее за ним.

[2] Мы не можем назвать точное число релевантных примеров из 739 выданных вхождений по запросу биграммы «*сразу* на расстоянии 1 от *как*», потому что среди них попадаются предложения с другой семантико-синтаксической структурой, напр., *Мишину отпустили* ***сразу, как*** *и всех вызванных женщин*…. К тому же в выдачу по такому запросу попадают и примеры с коннектором *сразу как только.* Тут требуется статистический сложный статистический анализ, подобный тому, который был проведен в [Киданова 2017].

(6) …Они позвонят? — **Сразу, как только**. — Ну что ж… [Виктор Пронин. Банда 8 (2005)]

Сразу в составе парцеллированной и фрагментированной части не совпадает по значению с наречием *сразу*. Наречие *сразу* в типовом для него контексте *X сразу P* указывает на то, что ситуация P(X) с «нулевым» интервалом **следует** за некоторой другой ситуацией, введенной в рассмотрение ранее. Но предикат парцеллированной или фрагментированной вместе со *сразу* клаузы (в (6) этот предикат опущен) обозначает ситуацию, которая **предшествует** введенной ранее. Это означает, что наречие *сразу* десемантизировалось, **грамматикализовалось**, став элементом союза НП *сразу, как только*. Впрочем, процесс грамматикализации еще не вполне завершился. Об этом свидетельствует возможность модифицировать наречный элемент коннектора при помощи наречия *почти*, как в (7) или частицы *же*, как в (8):

(7) Кирик, он из командировок без подарков никогда не возвращался и камешки начал мне дарить очень давно, почти сразу как поженились. [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]

(8) Она вскочила сразу же, как скрылся Прат… [Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)]

Семантическим доказательством принадлежности *сразу* придаточной клаузе служит сфера действия отрицания в предложениях типа (9):

(9) Мы работаем без сна почти 20 часов — и это только в пещере, а ведь мы начали спуск не **сразу, как только** проснулись. [Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978–1996)]

Если бы *сразу* было наречием в функции обстоятельства времени в составе главной части, то придаточное с союзом *как только,* следующее за этим наречием, должно было бы пониматься как уточняющее обстоятельство времени. В такой конструкции показатель отрицания *не* при первом обстоятельстве включает в свою сферу действия (СД) только его, но не второе обстоятельство. Так, в предложении *Мы пробыли в пещере не очень долго, до обеда*, обстоятельство *до обеда* не входит в СД отрицания. Аналогично в (9) не должен был бы отрицаться компонент смысла, соответствующий придаточному ***как только*** *проснулись* — ‘интервал между t_i, когда мы проснулись, и t_i (когда мы начали спуск) был минимальный’. Но единственно возможная интерпретация (9) — та, в которой отрицается именно этот компонент смысла: ‘интервал между t_i, когда мы проснулись, и t_i (когда мы начали спуск) НЕ был минимальным’ (т.е. к 20 часам беспрерывной работы в пещере надо добавить еще какое-то время, проведенное без сна). Гипотетическая интерпретация, в которой отрицание включало бы в свою СД *сразу*, но не включало *как только (P)* должна была бы выглядеть так: ‘мы начали спуск в t_k после некоторой ранее упомянутой ситуации X, имевшей место в t_i; интервал между t_i и t_k НЕ был минимальным; мы проснулись в t_i; интервал между t_i и t_k был минимальным’. Такая интерпретация соответствовала бы, например, следующему сценарию: мы могли бы начать спуск в пещеру сразу по прибытии на место, но решили лечь поспать и начали спуск, как только проснулись. Но такая интерпретация совершенно не вписывается в контекст (9). Таким образом, *сразу*, *как только проснулись* попадает в сферу действия отрицания как одно целое — придаточное, вводимое союзом НП.

В НКРЯ мы обнаружили также союзы НП, производные от наречия *скоро — как скоро* и *тотчас как скоро*, в настоящее время вышедшие из употребления.

Нелишне будет отметить, что союзы НП, образованные от наречий со значением ‘сразу’ и ‘скоро’, встречаются и в других языках, ср. фр. *aussitôt que* букв. ‘сразу что’ или английский *as soon as*, букв. ‘как скоро как’. В отличие от русских «отнаречных» коннекторов, их французские и английские эквиваленты в письменной форме не имеют запятой между исходно наречным и исходно союзным элементами коннектора.

Литература

Кобозева И.М., Захаров Л.М. Просодия как ключ к пониманию смысла и ее искажение в «кривом зеркале» пунктуации // Филология и культура. Philology and culture. 2014. № 2 (36).

Русская грамматика: В 2 т. М., 1980 (РГ-1980).

Русская корпусная грамматика [http://rusgram.ru/index] (РКГ).

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

Некоторые особенности функционирования слов-гибридов *во многом, в большинстве своем, в массе своей*

Т.В. Конченко

Some specific of functioning of words hybrids *во многом, в большинстве своем, в массе своей*

Tatiana V. Konchenko

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток) / Far Eastern Federal University (Vladivostok)

Tanya-konchenko@yandex.ru

Аннотация. Исследуемые слова-гибриды во многом, в большинстве своем, в массе своей употребляются в современных контекстах (или конструкциях) с причинно-следственным значением, со значением пояснения, сравнения, сопоставления, противопоставления. Они служат для выражения логической связи через сопоставление двух событий, явлений.

Ключевые слова: полифункциональность, гибрид, служебное слово, семантика.

Summary. The words-hybrids во многом, в большинстве своем, в массе своей are used in modern contexts (or constructions) with a causal meaning, with the meaning of explanation, comparison, opposition. They express a logical connection through the comparison of two events, phenomena.

Keywords: multi-functionality, hybrid, empty word, semantics.

Данная работа является частью всестороннего описания слов *во многом, в большинстве своем, в массе своей*, которые мы, вслед за Г.Н. Сергеевой, относим к словам-гибридам – устойчивым и воспроизводимым в речи сочетаниям имени существительного с предлогом, характеризующимся полифункциональностью. Они имеют несколько функций, близких к функциям, выполняемым служебными, вводно-модальными и знаменательными словами. Описание слов-гибридов осуществляется по целому ряду параметров, учитывающих семантические, конструктивные, коммуникативные, стилистические, прагматические свойства лексем, а также специфику их парадигматических и синтагматических связей.

В семантико-синтаксическом плане для них характерно участие в выражении причинно-следственных, пояснительных отношений и отношений сопоставления, противопоставления – в качестве акцентирующего средства и средства связи.

1. **Причинно-следственное значение**

В предложениях с причинно-следственными отношениями словоформа *во многом* указывает на возможность наличия, кроме основной причины, других мотивов. Это обусловлено значением словоформы *во многом* – ‘указанием на неполноту распространения признака, на возможность наличия, кроме основной, других характеристик, которые не соответствуют главной’: *Дотации в бюджеты кавказских рес-*

публик – ***во многом причина*** *здешних бед, проблема, о которой федеральные власти говорят* (газ.); *С самого раннего детства Антон знал, что такое нужда, и о том, чтобы посвятить себя литературе, и не помышлял: делом жизни он избрал медицину,* ***во многом потому, что*** *это открывало для молодого человека большие возможности* (газ.). Значение причины, заключенное во второй предикативной единице, акцентируется благодаря сочетанию союза с лексикализованной словоформой, которая выполняет в составе высказывания коммуникативно-прагматическую функцию: без нее факт, указанный во второй части высказывания, воспринимался бы как единственная причина события, представленного в первой части. Именно слово *во многом* в сочетании с союзом подчеркивает значимость данной причины в ряду предполагаемых причин.

Частотным является сочетание *во многом заслуга*, в составе которого *во многом* акцентирует полезность результатов поступков, деятельности: *Самостоятельная политика нынешней России –* ***во многом заслуга*** *Примакова* (газ.); *Самые красивые тела мира –* ***во многом заслуга*** *пластических хирургов!* (газ.).

2. **Пояснительное значение**

В пояснительной конструкции с отношением включения *во многом* входит в состав поясняемого компонента и может соотноситься со словоформой *в частности*: *Переход к индустриальной фазе развития трудовой сферы означал* ***во многом*** *разрушение практически всех форм организации доиндустриального труда,* ***в частности****, разрушение всех разновидностей общинного качества* (Учебное пособие); *Отношение к мужчине у женщины – это* ***во многом*** *ее отношение к родителям и,* ***в частности****, к папе* (газ.). Частное представляет собой один из элементов общего, *в частности* вводит в высказывание указание на один из компонентов содержания предыдущего контекста.

В *большинстве своем* (и ее вариант *в большинстве*) также употребляется в подобных конструкциях, но входит в состав поясняющего компонента: *В приемной было людно, посетители,* ***в большинстве*** *женщины, стояли в очереди к окошечкам, некоторые сидели на диванах* (В.С. Гроссман. Жизнь и судьба). Отношения включения создаются семантикой данной словоформы и обусловлены ее выделительной функцией. В таких конструкциях словоформа *в большинстве своем* реализует значение ‘преимущественно’, ‘главным образом’ и функционально сближается с пояснительным союзом. Частный компонент смысла, выделяемый словоформой *в большинстве своем*, представляет для говорящего бóльшую значимость по сравнению с остальными.

На скамье подсудимых 84 человека, ***в большинстве своем*** *южноафриканцы, которых обвиняют в попытке свержения президента Экваториальной Гвинеи* (газ.); *Присутствующие тут же журналисты –* ***в большинстве своем*** *из иностранных телекомпаний – сняли по короткому сюжету, после чего ОМОН быстро скрутил митингующих* (газ.). В данной конструкции первый член включает обозначение целого, общего, часть которого выделяется и называется в составе второго члена конструкции. *В большинстве своем* выделяет второй член конструкции и указывает, что эта часть является преобладающей. Включение часто строится по модели сложного ряда (обобщающее слово и однородные члены): *У правления стали собираться люди,* ***в большинстве*** *старики и старухи, несколько подростков* (П. Нилин. Четыре повести); *В ночь на второе февраля расстреляли двести узников,* ***в большинстве*** *советских офицеров и солдат* (газ.).

Связывая высказывания в составе абзаца, *в большинстве своем* и *в массе своей* участвуют в выражении отношений, аналогичных отношениям пояснения в рамках предложения. Для таких примеров характерно употребление местоимения с анафорической функцией. В результате формируется устойчивая структура: *В большинстве своем* / *в массе своей это (были) N 1*: *Представители этих (спекулятивных) фирм, независимо от национальности, были похожи друг на друга, как родные братья.* ***В большинстве это были*** *чернявые и пронырливые юноши* (К. Паустовский. Бросок на юг); *Свой вклад в успехи пейзажной живописи внесли и многие живописцы <…>. В основном это были участники возникшего в 1903 году выставочного объединения «Союз русских художников» и предшествовавшего ему Общества 36-ти художников.* ***В массе они были*** *воспитанниками Московского училища живописи, ваяния и зодчества, последователями В.Д. Поленова, поклонниками И.И. Левитана* (История русского искусства).

3. **Значение сравнения, сопоставления**

Нами зафиксированы факты употребления словоформы *во многом* в сочетании с предикатами со значением результата сравнения, сопоставления (сходства, отличия): *Фактор старения, выделенный нашими учеными из мозга животных,* ***во многом подобен*** *патогенному приону* (газ.); *Совершенно не случайно Андреев выделил как наиболее сильные и значительные произведения американские очерки Горького. Очерки «В Америке» были* ***во многом родственны*** *автору «Царя-Голода» и «Проклятие зверя»* (В. Беззубов. Леонид Андреев и другие); *В Рунете появилась новая социальная сеть «Мы помним». <…> Портал* ***во многом напоминает*** *«Одноклассники.ру»* (газ.). *Отношение Добролюбова к «героям нашего времени»* ***во многом отлично*** *от позиции Белинского <…>* (Е.А. Краснощекова. «Обломов» Гончарова).

Словоформа *в массе своей* может функционировать в составе трехчленной конструкции со значением сопоставления: *Такие явления вовсе не случайны: что такое так называемый практический смысл, как не способность ясно понимать вещи? А между тем партия* ***в массе своей****, как и рабочий класс* ***в целом,*** *стихийно шла в сторону борьбы за власть* (Л. Троцкий. Моя жизнь); *Я это к тому говорю, что работники милиции* ***в своей массе*** *такие же, каково население* ***в целом*** (А. Маринина. Черная маска).

4. Значение противопоставления

В абсолютном начале предложения *в массе своей* в сочетании с частицей *же* служит для связи предложений с отношением противопоставления: *Полагаю, что кредиты под 8–12% могут выдаваться лишь узкому кругу очень благонадежных заемщиков – это эксклюзивный кредитный продукт.* ***В общей же массе*** *стоимость заемных средств зависит от ситуации в экономике* (газ.).

Литература

Копотев М.В., Стексова Т.И. Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянской культуры, 2016.

Правильность русской речи. Трудные случаи современного словоупотребления. Опыт словаря-справочника / Под ред. С.И. Ожегова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962.

Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007.

Сергеева Г.Н. Лексикализованные словоформы: динамика языкового развития: избранные работы: к 60-летию кафедры русского языка. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017.

Словарь служебных слов русского языка / Отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток, 2001.

Моделирование как один из методов инвентаризации служебной лексики

М.И. Конюшкевич

Modeling as a Method of Service Vocabulary Inventory

M.I. Konyushkevich

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Республика Беларусь) /
Yanka Kupala Grodno State University (Republic of Belarus)

marikon9@mail.ru

Аннотация. Показываются процедуры моделирования как метода инвентаризации предлогов по аналогии с единицами, зафиксированными словарями; получения союзных средств на основе корреляции предлога и союза.

Ключевые слова: моделирование, предлог, союз.

Summary. In the article a procedure of modeling as a method of prepositions inventory by analogy with units fixed in dictionaries is shown; as well as forming of conjunction means based on the correlation of preposition and conjunction.

Keywords: modeling, preposition, conjunction.

В лингвистике обычно используется знаковое вербальное моделирование, т. е. теоретическое, умозрительное представление модели в виде условной упрощенной схемы, знакового преобразования письменного или устного описания. Применительно к служебной лексике как объекту исследования моделирование может быть одним из способов получения предлогов и союзов или их функциональных аналогов, используемых в речи, но не получивших лексикографического и грамматического описания в качестве таковых.

Процедурных приемов моделирования может быть несколько. Один из них – получение предложных единиц на основе аналогии с уже имеющимися в словарях. Например, избирается группа зафиксированных в словарях однотипных по модели образования предложных сочетаний типа *в пределах, в области, в направлении* и др., управляющих формой N_2 и коррелирующих в текстовой парадигме со словосочетанием с местоимением *какой*; модель: *в* ***каком*** *направлении – в направлении* ***города*** / ***моря*** / ***леса***. По аналогии подбираются другие субстантивы (как правило, это родовые названия, классификаторы), способные стать базовым компонентом предложного сочетания, и с ними образуются словосочетания с *какой* по указанной модели: *в каких* ***пределах*** → *в каких* ***обстоятельствах*** / ***случаях*** / ***вопросах*** → ***в обстоятельствах*** *суеты* / ***в случаях*** *неурядиц* / ***в вопросах*** *семьи*; *в какой* ***области*** → *в какой* ***обстановке*** / ***атмосфере*** → ***в обстановке*** *секретности* / ***в атмосфере*** доверия; *в каком* ***направлении*** → *в каком* ***объеме*** / ***амплуа*** / ***окружении*** / ***аспекте*** → ***в объеме*** *800 часов* / ***в амлуа*** *клоуна* / ***в окружении*** *друзей* / ***в аспекте*** *творчества* и т.д. Валидность полученных результатов подтверждается верификацией контекстами в НКРЯ или интернет-ресурсах.

Получение союзов или их аналогов обеспечивается моделями корреляции предлога и союза при преобразовании предложно-падежных синтаксем в предложно-союзно-предикативные, ибо «единица, формирующая форму слова, функционально релевантна и на уровне сложного предложения» [Всеволодова и др. 2014: 242]: ***в расчете на*** *удачу* – ***в расчете на то, что*** *выпадет удача.*

Преобразование именных предложно-падежных синтаксем в предложно-союзно-предикативные путем моделирования их корреляций не только дает возможность собрать максимально полный инвентарь всех союзных средств, но и является диагностическим индикатором для более глубокой дифференциации значений и самих синтаксем, и их формантов.

Получение союзных средств, образованных от предлогов, плодотворно, если придерживаться репертуара предложно-падежных синтаксем во всем их семантико-грамматическом многообразии. Наши первые опыты преобразования именной синтаксемы с первичными предлогами в предикативную показали, что даже если формантом в именной синтаксеме выступает один и тот же предлог, каждому значению синтаксемы (а следовательно и оформляющего ее предлога) соответствует отдельное союзное средство.

Поэтому для инвентаризации союзных средств путем их моделирования по корреляции союза и предлога необходим достаточно полный реестр предложных единиц, особенно если в нем предлоги представлены в роли формантов синтаксем, так как даже в одном значении предлог коррелирует с несколькими союзными средствами в зависимости от того диктумного содержания лексического компонента синтаксемы, которое будет реализовано в результате преобразования именной синтаксемы в предикативную. Добавим, что первые намеки на диктумное содержание кроются уже в характеристиках управляемого предлогом имени – предметное оно или событийное, одушевленное или неодушевленное и др.

Выявлено, что наибольший «союзообразовательный» диапазон обнаруживают предложно-падежные синтаксемы с делиберативным значением, поскольку сложные предложения с делиберативной, или (по традиции) изъяснительной, предикативной частью выделяются из всех сложноподчиненных предложений своей категориальной разноуровневостью: авторизационная часть представляет гносеологический план, диктумная – онтологический. Отсюда неизменность элемента *о том* в авторизационной части и богатый инвентарь союзных средств в диктумной: *о том, кто* / *о том, почему* / *о том, зачем* / *о том, как* / *о том, что* и т. д.

Возможен и другой вектор моделирования. Если признать, что каждая предложно-падежно-числовая форма элемента *то* (в обеих ипостасях – как $то_1$ и $то_2$) в сочетании с союзом или союзным словом образует отдельное союзное средство (а скорее всего это так и есть: *от того, кто* / *от того, кому* / *от того, кого* / *от того, кем* / *от того, о ком*; *к тому, кто* / *к тому, кого* / *к тому, кем* и т. д.), то путем моделирования можно исчислить все возможные сочетания, а затем верифицировать их контекстами из корпусов или интернет-ресурсов.

Как бы много модификаций подобных сочетаний ни получилось, очевидно, что подобные парадигмы исчислимы. Их инвентаризация позволит не только представить границы класса – если не союзов, то соединителей союзного типа, но и будет способствовать преодолению союзоцентризма, приписывающего роль единственного показателя синтаксической связи только классическим союзам.

Литература

Всеволодова М.В., *Кукушкина О.В.*, *Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М., URSS, 2014.

Коммуникативно-прагматические свойства русских частиц как актуализаторов коммуникационных процессов в речевой сфере

И.А. Нагорный

Communicative and pragmatic properties of Russian particles as actualizers of communication processes in the speech sphere

I.A. Nagornyy

Цзилиньский университет, Институт иностранных языков (г. Чанчунь, Китайская Народная Республика) /
Jilin University, Institute of Foreign Languages (Changchun, China);
igna163@163.com

Аннотация. Доклад посвящен рассмотрению коммуникативно-прагматических свойств русских частиц как актуализаторов коммуникационных процессов в речевой сфере. Анализируются прагматические функции частиц различных семантических групп. Устанавливаются особенности репрезентации частицами коммуникационных процессов: интенсификации, семантического сжатия, смыслового наслоения, модельного упрощения, парцелляции, десемантизации. В аспекте развития коммуникативной перспективы диалога описываются логико-семиотические и диктумно-модусные характеристики частиц как продуктивных языковых средств донесения мнения говорящего до адресата.

Ключевые слова: коммуникативно-прагматические функции русских частиц, коммуникационные процессы, речевая сфера, говорящий, адресат.

Summary. The report is devoted to the consideration of communicative and pragmatic properties of Russian particles as actualizers of communication processes in the speech sphere. Pragmatic functions of particles of different semantic groups are analyzed. Specifies the features of the representation of the particles of the communication processes: intensification, semantic compression, semantic layering, model simplification, parceling, desemantisation. In the aspect of development of communicative prospects of dialogue describes the logical-semiotic and ditum-modus characteristics of the particles as a productive linguistic means of conveying the opinions of the speaker to the addressee.

Keyword: pragmatic and communicative functions of Russian particles, the processes of communication, verbal sphere, the speaker, the addressee.

Интерес к функциям русских частиц обусловлен ярким несоответствием между сниженным структурно-модельным статусом частицы как служебного слова, с одной стороны, и ее усиленным коммуникативно-прагматическим статусом в речевой сфере, – с другой. Структурная факультативность частиц не является препятствием для их функционирования как прагматически емких речевых знаков, выполняющих в коммуникативном пространстве комплекс разноаспектных функций. Частицы всегда прагматически насыщены, сориентированы на адресата, выполняют важные дилогические функции в речевой сфере, актуализируя ценные для говорящего модусно-квалификативные смыслы. В речевой сфере они функционируют как яркие репрезентаторы точки зрения говорящего, сжато и емко отражают взгляд автора сообщения на различные события и явления в аспекте их субъективной квалификации, оценки, эмоциональной или рациональной характеристики, вводят в речевое высказывание важные для говорящего смыслы.

Коммуникативно-прагматические функции частиц являются базой для яркой субъективизации высказываний, их коммуникативной выразительности, репрезентативности авторской точки зрения, намеренной актуализации позиции говорящего.

Важное прагматическое качество русских частиц состоит в том, что с их помощью генерируются важные для речевой сферы процессы, воздействующие на область усиления прагматического параметра речевой зоны.

Процесс интенсификации рефлектирует область усиления статуса частиц в сфере речевой коммуникации, является показателем соотнесенности коммуникационной реакции говорящего на события. Интенсификация модусной зоны является базой для проекции говорящим на собеседника актуализируемых частицами смыслов усиленной достоверности, категоризации, экспрессивизации, предположения и т.п.

Действие процесса семантического сжатия позволяет частице приобретать статус коммуникативного знака передачи объемных, но свернутых смыслов, используемых для компрессированного донесения до собеседника авторской оценочной позиции. Частицы в этом случае продуктивно образуют нечленимые предложения как сжатые речевые аналоги членимых предложений.

Процесс смыслового наслоения предопределяет увеличение семантического объема частицы в сфере коммуникативного диалога с целью восполнения различного рода речевых лакун, в частности пресуппозитивных.

Процесс модельного упрощения лежит в основе структурного упрощения конструкции, реализуемой в речевой сфере, и параллельного увеличения семантической емкости самой частицы в ответных высказываниях.

Процесс парцелляции положен в основу обусловленного расчленения конструкции, в составе которой фиксируется частица, на конструктивно короткие, но коммуникативно полноценные сегменты, выполняющие в диалоге коммуникативную функцию речевого сообщения. В данном случае - частицы функционируют в качестве знаков развертывания оценочной речевой ситуации в коммуникативной сфере.

Процесс десемантизации определяет специфику функционирования разноуровневых семантически опустошенных элементов языка, например, русской частицы *как бы*. В результате реализации указанного процесса у данной частицы нивелируется исходная модальная семантика и проявляются функциональные параметры скрепа: *– А я ведь* ***как бы*** *знаю, что происходит*; *– Проблема* ***как бы*** *решилась, поэтому все в порядке*.

Разработка коммуникативно-прагматического потенциала русских частиц доказывает, что описанные коммуникационные процессы являются важными и прагматически обусловленными, проявляющими квалификативно-модусные свойства частиц как речевых знаков.Рассматриваемые языковые элементы и в грамматическом, и в семантико-смысловом аспектах составляют многоплановую стройную систему, которой оперируют коммуниканты для необходимого реагирования на действительность в координатах: субъективно-модальной характеристики сообщаемого, оценочной квалификации, эмотивной квалификации, экспрессивизации сообщаемого, локализации авторской точки зрения на факторе адресата. Итогом актуализируемой русскими частицами модусно-квалификативной характеристики сообщаемого в коммуникативной сфере является корректирующее, интенсифицирующее, компрессирующее, усложняющее, локализующее или парцелирующее влияние частицы как грамматически служебного, но коммуникативно и прагматически емкого языкового знака на общее смысловое поле предложения-высказывания.

Функционирование устойчивых сочетаний с альтернативно-уступительным значением (скрепы *в любом случае* и *так или иначе*)

Н.Ю. Пилюгина

Functions of the alternative-concessive collocations (text clips *in any case* and *anyway*)

Natalia Yu. Pilyugina

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток) / Far Eastern Federal University (Vladivostok)

nat-pil777@yandex.ru

Аннотация. Доклад посвящен описанию текстовых функций сочетаний *в любом случае* и *так или иначе*. Анализируются особенности сферы действия исследуемых сочетаний. Описывается сематическая и формальная организация текстов, взаимодействие синтаксических и прагматических факторов в реализации значений *в любом случае* и *так или иначе*.

Ключевые слова: текстовая скрепа, служебная функция, семантика, структура текста.

Summary. The report is devoted to the description of text functions of combinations *in any case* and *anyway*. The features of the operation sphere of the studied combinations are analyzed. It describes the semantic and formal organization of texts, the interaction of syntactic and pragmatic factors in the implementation of the meanings *in any case* and *anyway*.

Keywords: text clip, text function, semantics, text structure.

Объектом доклада являются фразеологизированные сочетания типа *в любом случае* и *так или иначе*. Их значение синонимично: в ряде словарей они описаны через сочетания – «во всяком случае», «как бы ни сложились обстоятельства», «при любых обстоятельствах» [МАС 1999; Ожегов, Шведова 2006]. Целью настоящего исследования является описание текстовых функций данных сочетаний, реализуемых ими в позиции на границе высказываний.

В последнее время в исследованиях по синтаксису наблюдается большой интерес к подобным явлениям. В первую очередь, интерес вызывает сложность статуса сочетаний типа *в любом случае* и *так или иначе*. Данные фразеологизированные сочетания находятся на пересечении лексики и грамматики, это переходные явления в языке: с одной стороны, они сохраняют первоначальное значение, с другой стороны, в определенных условиях выполняют синтаксические функции, приобретая признаки союзных и текстовых скреп. А этот процесс снова заставляет обратить внимание на исследование особенностей текста и средств реализации текстовой категории связности.

Анализ фактов с сочетаниями *в любом случае* и *так или иначе* (всего было рассмотрено около 600 фактов) позволил отнести их к типу текстовых скреп с альтернативно-уступительным значением. Это значение для *так или иначе* сформулировано в Русской грамматике-80 при описании сложного предложения. Там же отмечена и его конструктивная роль как такого связующего средства, которое «указывает на резюмирующий характер вводимого им предложения» [РГ 1980, т. 2: 594] (метатекстовая функция).

Анализ контекстных употреблений данных единиц показал их способность участвовать в оформлении конструкции с альтернативно-уступительным значением в рамках текста. Например: *Пришлось врачам идти на вторую операцию, после которой сустав вообще потерял подвижность. То ли профессионалы заплечных дел действительно знали, как похитрее ломать, то ли сказалась какая-то особая невезучесть Витальки.* ***Так или иначе****, выписали его уже в конце зимы* <…> (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000).

Сочетание *так или иначе*, расположенное на границе высказываний, формирует структуру, включающую три ситуации. Сфера действия сочетания распространяется на 2 ситуации в предтексте и 1 в посттексте. В предтексте представлена альтернатива из двух вариантов, выраженная конструкцией ряд с повторяющимся союзом (*то ли знали, как ломать, то ли сказалась невезучесть*). Однако альтернативные ситуации-причины в предтексте оказываются недостаточным основанием для третьей ситуации, маркированной сочетанием *так или иначе*, создается мнимая альтернатива. Этой особенностью обладают уступительные отношения [Ляпон 1986: 137].

Семантическая структура текста с сочетанием *в любом случае* очень близка к структурам с *так или иначе*: ***Если проштрафившиеся институты устранят нарушения****, то первокурсники смогут начать учебу.* ***Если нет****, то все зависит от последующих решений учредителя. Например, вуз могут присоединить к другому учебному заведению, и тогда все студенты автоматом переводятся туда же.* ***В любом случае****, на улице учащиеся не останутся.* [Ксения Конюхова. Рособрнадзор приостановил лицензии еще у 6 вузов // Комсомольская правда, 2014.08.11]. Альтернатива в данном примере вводится союзом *если*.

В результате анализа были выявлены семантические разновидности подобных структур: в отношениях альтернативы могут находиться ситуации причины, возможности, условия для возникновения ситуации, обозначенной в посттексте. Это может быть множественный выбор, может быть представлен только один вариант; при этом варианты находятся друг с другом в различных отношениях: от градации до полной противопоставленности, антонимии. В докладе будут представлены различные структурно-семантические типы контекстов и функциональный диапазон исследуемых сочетаний.

Кроме того, для сочетаний *в любом случае* и *так или иначе* была выявлена особая функция метаоператора-скрепы [Перфильева 2006: 273], когда их формальная роль переплетается с прагматической – говорящий использует эти сочетания как средство смягчения категоричности своего мнения. Это характерно для контекстов, где альтернативные варианты представлены мнениями, точками зрения на ситуацию: ***По официальному сообщению****, в поселке находилась база боевиков и заблаговременно здесь было арестовано 30 человек.* ***Между тем в некоторых СМИ*** *сообщается, что в указанном районе после мероприятий по проверке паспортного режима задержано 100 «кавказцев».* ***В любом случае*** *работа наших правоохранительных органов остается окутанной тайной.* [Армен Уриханян. Пояс зла возле столицы (2003) // «Время МН», 2003.07.26]; ***Одни говорят****, потому что боятся Лиманского,* ***другие —*** *чтобы Лиманскому не мешать на первых порах.* ***Так или иначе****, в городе совершенно тихо. Отдых. Лучшие рестораны — «Золотой теленок» и «Экватор».* [Николай Фохт. Запасная Москва (1997) // «Столица», 1997.09.02].

Литература

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. *А.П. Евгеньевой.* – 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4 (МАС).

Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. 4-е изд. М.: Изд-во ООО «А-ТЕМП», 2006 (Ожегов, Шведова).

Русская грамматика: В 2-х т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2 (РГ).

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986.

Перфильева Н.П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты: Дисс. … доктора филол. наук. 10.02.01. Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 2006.

«Не без» в функции гетерогенной предложной единицы

Т.Е. Чаплыгина

«Ne bez» as heterogeneous prepositional unit

Tatiana E. Chaplygina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

chtatiana@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматривается возможность функционирования сочетания *не без* в качестве структурно-сложного гетерогенного предлога. На основе языкового материала из Национального корпуса русского языка дается анализ синтаксического и коммуникативного потенциала синтаксем с предлогом *не без*.

Ключевые слова: предлог, частица, синтаксема, предикат, обстоятельство образа действия.

Summary. The categorization of unit *ne bez* as the complex heterogeneous prepositional unit on the basis of it's functions is discussed. Analysis of the linguistic material from The Russian National Corpus enables to describe syntactic and communicative potential of syntaxeme with preposition *ne bez*.

Keywords: preposition; particle; syntaxeme; predicate, adverbial modifier of manner.

Изучение русских предложных единиц позволяет сделать полезные для функционально-коммуникативного описания языка наблюдения.

Гетерогенные предлоги как особая группа немотивированных структурно-сложных предложных единиц, включающих в свой состав разнородные единицы, была выделена М.В. Всеволодовой [Всеволодова и др. 2014], [Всеволодова и др. 2018].

Продолжая анализ гетерогенных предложных единиц, представляющих собой сочетание частицы и предлога, мы обратились к сочетанию *не без* в предложной функции, а точнее – функционирование синтаксем, формируемых этим предлогом. (См. также: [Чаплыгина 2018].)

Анализ языкового материала из Национального корпуса русского языка позволил сделать следующие наблюдения.

Очевидно, что сочетание *не без* может выступать в разных ипостасях:

1) как две самостоятельно функционирующие единицы: Н*ужен трамвай* ***не без*** *кондуктора, а* ***с*** *кондуктором, но с одним, а не с двадцатью* (А. Мильчин). Предлог *без* здесь несет на себе акцент, участвуя в противопоставлении смыслов (*не без..., а с...*);

2) как функционально единое образование, передающее определенный смысл только при наличии всех компонентов: ***Не без*** *трепета приступаю я к написанию этого текста* (В.А. Успенский); *Он был* ***не без способностей****, порядочный человек…* (А. Рыбаков); *Этот путь* ***не без*** *рисков*. Ни частица, ни предлог акцентно не выделяются и примыкают к последующему слову в качестве проклитик. Отметим, что частица может покинуть предложение, не разрушив при этом его структуру, но поменяв его смысл на противоположный. Ср: *Без трепета приступаю я к написанию этого текста. Этот путь без рисков. Он был без способностей.*

Функциональное единство *не без* проявляется в возможности синонимичной замены немотивированным предлогом ***с*** *кем-чем*. Ср.: *С трепетом приступаю я к написанию этого текста. Этот путь с рисками.* Хотя такая замена возможна не всегда: *А впрочем, послезавтра в дворянском собрании большой бал. Советую съездить: здесь* ***не без красавиц*** (П. Струве). Ср.: **здесь с красавицами*. Коррелятом в подобных случаях будут бытийные предложения: З*десь есть красавицы.*

Анализ синтаксической устроенности предложений показывает, что синтаксемы с участием **не без** выступают в роли:

— предикатива: *Но лицо* ***не без наивности****. И даже* ***не без детскости****. Он казался нам легкой жертвой* (С. Юрьенен);

— обстоятельства вне предикативного ядра. Отмечены:

а) обстоятельства образа действия: *Он* ***не без галантности*** *поцеловал ее ручку и назвал ее на ты* (В. Катаев); *Я же занимался этим* ***не без вдохновения*** (С. Довлатов);

б) обстоятельства причины: ***Не без влияния Гоголя*** *Анненков пробует свои силы в беллетристике* (В. Дорофеев); основания вывода: ***Не без основания*** *кто-то назвал меня христианином-ницшеанцем* (Н. Бердяев).

В состав рассматриваемых синтаксем могут включаться специфические строевые слова, уточняющие выражаемые смыслы (*не без* ***доли, оттенка, примеси*** *чего*): *Это Бог гор сделал его мясо не очень вкусным? — спросил Чик не без* ***доли*** *школьной атеистической насмешки* (Ф. Искандер); *И вдруг слышу — печальный, не без* ***оттенка*** *презрительного негодования, хрустальный звон* (А. Амфитеатров).

Анализ коммуникативной роли синтаксемы ***не без*** *чего* в линейно-интонационной структуре предложений показал частотность позиции в фокусе ремы, в том числе и акцентно выделенной в абсолютном начале предложения: ***Не без большого колебания*** *и даже, если так можно выразиться,* ***не без трепета сердечного****, решился я вам писать* (Ю. Домбровский). В позиции темы данные синтаксемы не отмечены.

Стоит указать и на то, что синтаксема ***не без*** *чего* встречается в разного рода паремиях: *Свет* ***не без добрых людей****, скажу я, подражая Ликоспастову* (М. Булгаков); *Только не бойся, я для друзей — рыба, молчу, потому что* ***никто не без греха*** (В. Брюсов), а также устойчивых оборотах (*не без того, не без этого*): *Я не пьяный. – Ну, маленько выпимши –* ***не без того*** (Ф. Гладков); *Что же ты, струхнул?* ***— Не без этого****, брат!* (М. Горький).

Литература

Всеволодова М.В. Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М.: Книжный дом «Либроком», 2014.

Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц: А–В (объективная грамматика). М.: УРСС, 2018.

Чаплыгина Т.Е. О гетерогенных предлогах в русском языке // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов, Вып. 60. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 248–258.

Пути грамматикализации предложно-падежных словоформ модели *в* + N_6 (на примере словоформы *в русле*)

Е.С. Шереметьева

The grammaticalization ways of prepositional-nominal word form model *v (in)* + N_6 (the case of *v rusle "in the line with"*)

Elena S. Sheremetyeva

Дальневосточный государственный университет (Владивосток) / Far Eastern Federal University (Vladivostok)

e.sheremetyeva@gmail.com

Аннотация. В докладе рассматривается процесс развития служебной функции у предложно-падежной словоформы *в русле*. Устанавливается общее и индивидуальное в процессе грамматикализации релятивов модели *в*+N_6, а также выявляется семантическая специфика конструкции, возникающей на базе данного релятива.

Ключевые слова: отыменный релятив, производный предлог, грамматикализация, отношения соответствия.

Summary. The paper presents the grammatical function evolution of the prepositional-nominal word form *v rusle (in the line with)*. The grammaticalization process of the relative model *v (in)* + N_6 is determined by its general and individual; the semantic specificity of the construction based on this relative is brought to light.

Keywords: noun-based relative, derivative preposition, grammaticalization, correspondence relations.

Одним из активных процессов, охвативших широкую область грамматической системы русского языка, является втягивание в оформление синтаксических связей и отношений знаменательной лексики. Это породило теоретическую проблему квалификации этой лексики, поскольку в результате названного процесса формируются классы, не вписывающиеся в традиционную триаду «союз – предлог – частица». Вновь возникающие единицы часто не отвечают признакам «слова» в терминологическом смысле (см., например, [Мустайоки, Копотев 2004]).

Характерная черта современной лингвистики в части, обращенной к сфере служебных слов, – это усиленное внимание к отдельной единице какого-либо класса, а не только к классу в целом. Особенного внимания в последнее время заслужили новообразования предложного типа (начало было заложено в [Черкасова 1967]): ведутся работы по общей их систематизации [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2014; Шиганова 2001], изучаются семантико-синтаксические свойства отдельных единиц [Шереметьева 2008], функционирование их в высказывании [Попова 2014], анализируется процесс грамматикализации подобных единиц [Виноградова 2016].

Стандартный путь развития релятивной функции у знаменательной части речи проходит несколько стадий, например: метафоризация, затем лексикализация / фразеологизация формы в переносном значении и, наконец, грамматикализация. В то же время формирование служебности не всегда сопровождается изменением в семантике.

Для отыменных образований наиболее подверженной этому пути развития оказалась форма *в* + N_6, активно стремящаяся оторваться от парадигмы и существовать самостоятельно. Тем не менее привязанность к базовому слову проявляется у всех отыменных релятивов, построенных по этой модели: наследуемые свойства отражаются в сочетаемости, в функционировании в индивидуальном, специфическом окружении.

Объектом доклада является отыменный релятив (ОР) *в русле*, стоящий у порога служебности и тем самым отражающий именно *процесс* расширения состава грамматических средств выражения синтаксических отношений.

Анализ синтаксических моделей, в которых *в русле* функционирует, его сочетаемостных возможностей показал, что формирование релятивности *в русле* осуществляется только на основе переносного значения. Сочетаемость справа ограничена (а) лексикой со значением ментальной деятельности (*в русле теории* / *концепции* / *решения* / *идей* и под.) и обобщенных процессов (*в русле тенденций* / *развития* / *политики* и под.) с обязательным определительным распространителем. Левая сочетаемость ограничена глаголами бытия, действий и деятельности, ментальной лексикой, носящей интерпретационный характер («осмысление, восприятие, оценка»).

В докладе рассматривается специфика отношений в конструкции с ОР *в русле*. В целом ОР *в русле* определяется как один из показателей категории соответствия, детализирующий этот тип отношений через семантическую роль признака / аспекта.

В настоящее время прослеживается твердая установка на то, что в традиционной русистике (в частности, в РГ-80 как базовом академическом труде) семантике уделялось недостаточно внимания. Современная лингвистика – семантико-ориентированная. По существу, утверждается верховенство семантики над грамматикой. Как частный пример: предлагается отказаться от традиционной трактовки единиц типа *рядом с, возле* (N2) как производных предлогов и соответственно приписать наречиям способность управлять падежом (вводится подкласс управляющих наречий), исходя из того, что предлоги указанного типа обладают общей с наречиями семантикой и отличаются от последних лишь синтаксически [Урысон 2017].

В то же время интерпретация фактов типа *возле* (N2) как производных предлогов или как управляющих наречий отражает лишь объективный факт языка: существование синтаксически специфичных конструкций, пройти мимо которых невозможно.

Вопрос о примате семантики над грамматикой или их паритете нам представляется крайне важным. Эти вопросы предлагается обсудить на примере функционирования ОР *в русле* и модели *в* + N_6 в целом.

Литература

Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на примере соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25–50.

Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.

Мустайоки А., Копотев М. К вопросу о статусе эквивалентов слова типа *потому что, в зависимости от, к сожалению* // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 73–81.

Попова З.Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014.

Урысон Е.В. Предлог или наречие? Частеречный статус наречных предлогов // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 36–55.

Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука. 1967.

Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008.

Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск: Изд-во Челябинского Гос. пед. ун-та, 2001.

Употребление частицы «как раз» в устной речи

Юань Синьюй

The use of the particle “как раз” in oral speech

Yuan Xinyu

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток) / Far-eastern Federal University (Vladivostok)

yuanxy1995@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассматривается употребление частицы «как раз» в устной речи. Выделены основные типы употребления. Показаны особенности употребления данной частицы в устной речи.

Ключевые слова: частицы; типы употребления; устная речь; особенности употребления.

Summary. This paper discusses the use of the particle “как раз” in oral speech. The main types of its use are divided. The features of the use of this particle in oral speech are shown.

Keywords: particles; types of use; oral speech; features of use.

Частица «как раз» распространена в современной речи – в ее письменной и в устной разновидностях. Исходя из информации, имеющейся в современной лексикографии [БТС; СССРЯ; Шимчук, Щур 1999], можно выделить два основных типа употребления данной частицы: во-первых, для подчеркивания совпадения; во-вторых, для подчеркивания противоположности выделяемого частицей признака или ситуации с другим признаком или ситуацией. В данной работе рассматривается употребление частицы *как раз* в устной речи. Материалом для исследования послужили факты из устного подкорпуса НКРЯ.

Первый тип употребления в устной речи имеет три проявления: 1) совпадение времени или места данной ситуации с другой ситуацией; 2) подчеркивание соответствия признака желанию, необходимости, цели; 3) привлечение внимания адресата к выделяемому частицей предмету или признаку.

В первом случае частица *как раз* обычно сочетается с обстоятельствами времени или места. Например, *Он стартовал в тыща пятьсот семнадцатом со своей проповедью / то есть* ***как раз в начале шестнадцатого века*** */ но самый главный вклад сделал Кальвин.* [Александр Оноприенко. Эволюционные тупики социосистемы (2013)]; *С нами одна такая жила /* ***как раз*** *вот* ***в квартире*** */ где Лебедев жил…* [Биография (беседа лингвиста с информантом), Санкт-Петербург // Архив Хельсинкского университета, 1997–1998].

Во втором случае употребления частица *как раз* может сочетаться со словами любой части речи, но в контексте могут быть слова и выражения, указывающие на соответствие выделяемого компонента желанию или необходимости, например, *оптимальный*, *нужно* и т.д. См.: *Ну вместимость там* ***как раз*** *сто человек /* ***это самый оптимальный вариант****…* [Разговор с менеджером судоходной компании // Из коллекции НКРЯ, 2015]; *[Дмитрий, муж] Мне… мне вот* ***нужно*** *к* ***мужчине****. [Екатерина, жен] У нас* ***как раз****-таки* ***мужчина****.* [Разговор с администратором салона красоты // Из коллекции НКРЯ, 2015].

В третьем случае частица *как раз*, как и во втором случае, имеет свободную сочетаемость, но чаще всего она используется в сочетании с местоимениями и / или при повторе. См.: *Там весь антураж Средневековья / там полно еще всяких чудищ / волшебников / но* ***как раз это*** *в духе Средневековья / ибо оно верило в волшебников / колдунов / в чудовища / которые живут где-то и всегда могут появиться.* [Наталия Басовская. Зарождение средневековой цивилизации Западной Европы. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)]; ***Из-за того*** */ что у вас скоро день рождения / мы* ***как раз из-за этого*** *и хотим написать про вас в газете.* [Интервью с вековым юбиляром // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2012].

Во втором типе употребления частица *как раз* также может сочетаться со словами любой части речи. Значение противоположности выражается в контексте, например, с помощью слова *наоборот*. См.: вот *когда она уже переходит в семантику… в семантику самого прилагательного / а актант-то* ***как раз*** */* ***наоборот*** *отпадает / потому что у прилагательного-то нет этого глагольного актанта / вот тогда и получается качественное значение.* [Г.И. Кустова. Ответы на вопросы после доклада на конференции Диалог 2012 // Из коллекции НКРЯ, 2012].

Отличительной чертой устной речи является ее неподготовленность [СЭСРЯ]. Этим обусловлены некоторые особенности употребления частицы «как раз» в устной речи.

1. Если в письменной речи частица *как раз*, как правило, стоит перед выделяемым ею компонентом, то в устной речи она может иметь и другую позицию. Были обнаружены примеры, где частица стоит не перед, а после обстоятельства времени или места. Например, *У нас стоял огромный тополь и спил на нем / и на этом тополе / вот* ***на этом спиле как раз*** *был… было изображен / было изображение Спаса Нерукотворного.* [Сызранская тайна». Д / ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // Т / к «Культура». Д / ф из цикла «Письма из провинции», 2013].

2. Вторая особенность употребления частицы *как раз* в устной речи заключается в ее десемантизированных употреблениях. Например, *Самое главное / запомнить / что ребенок затачивается о вас / родители / И он не слушает ваши советы и… он* ***как раз*** *понимает / что наболтать вы можете всякое / а он смотрит вашу реакцию / подслушивает / подглядывает и учится как раз в тот момент / кода вы его не учите / кода вы реагируете естественным образом.* [Дмитрий Морозов, Елена Лихачева. Интервью в передаче «Они сделали это» // Finam_FM, 2009]. В данном случае частица *как раз* не подчеркивает ни совпадения, ни противоположности, она просто служит для привлечения внимания.

3. Следует отметить и тот факт, что для привлечения внимания адресата к выделяемому компоненту наряду с частицей *как раз* используется частица *вот*. См.: *И* ***как раз*** *в подмосковном городе Серпухове* ***вот*** *мои коллеги журналисты такой шаг по информационной дипломатии сделали.* [Ежегодная пресс-конференция С.В. Лаврова (2013)].

Таким образом, в устной речи частица *как раз* отличается тремя особенностями: во-первых, это ее расположение в высказывании; во-вторых, десемантизация в некоторых случаях; в-третьих, использование *как раз* вместе с частицей *вот* для привлечения внимания.

Литература

Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс. URL: http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%9A%D0%90%D0%9A&all=x Дата последнего обращения: 05.11.2018] (БТС).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс. URL: http://www.ruscorpora.ru/. Дата последнего обращения: 03.11.2018] (НКРЯ).

Словарь служебных слов русского языка / Отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток: ДВГУ, 2001 (СССРЯ).

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003 (СЭСРЯ).

Шимчук Э.Г. Щур М.Г. Словарь русских частиц. Берлин: Peter Lang – Europäische Verlag der Wissenschaften, 1999.

К вопросу о подчинительных союзах в простом предложении

Ю.А. Южакова, М.В. Сомова

On the question of subordinate unions in a simple sentence

Yulia A. Yuzhakova, Marina V. Somova

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина / Ryazan state University named after S. Esenin

yu.yuzhakova@mail.ru, m.somova@365.rsu.edu.ru

Аннотация. использование подчинительных союзов в простом предложении вызывает много споров. Введение понятия «союзный оборот» помогает объяснить неоднозначно толкуемые конструкции и систематизировать пограничные явления.

Ключевые слова: синтаксис, дополнительная предикативность, осложненное простое предложение, союзный оборот.

Summary. The use of subordinate unions in a simple sentence is controversial. The introduction of the concept of the “Union circulation” helps to explain the ambiguous interpretation of design and to systematize border phenomenon.

Key words: syntax, additional predicatively complicated a simple sentence, a Federal turnover.

Считаем необходимым коснуться некоторых спорных теоретических вопросов использования подчинительных союзов в простом предложении. По утверждению А.Ф. Прияткиной, наличие союза в простом предложении всегда свидетельствует о его осложнении дополнительными синтаксическими отношениями. Традиционно считается, что подчинительные союзы функционируют только в сложном предложении, оформляя придаточное предложение. Если следовать этому положению, то все предложения с союзами *как, чем, хотя, если, потому что* нужно рассматривать как сложные. Этот вывод не является бесспорным. А.Ф. Прияткина приводит примеры конструкций с подчинительными союзами, в которых трудно или вообще невозможно усмотреть сложное предложение: *Есть письма как сигнал тревоги; Петя выше, чем Коля; Сознание, хотя и слабое, возвращалось ко мне; Обращаюсь к Вам как к специалисту.* Подобные факты противоречат классическому определению функции подчинительного союза [Прияткина 1990: 51].

Объяснить возможность существования подчинительного союза в простом (монопредикативном) предложении можно только наличием союзного оборота. Это грамматически организованная группа словоформ, которая вводится в состав простого предложения посредством подчинительного союза, ослабившего или утратившего свое прямое значение, или частицы и обозначает ситуацию, событие. Таким образом, ослабленный союз уже не может быть средством подчинения предикативных единиц. Союзные обороты по значению могут быть сравнительными, целевыми, уступительными, выделительными.

Этот вид осложнения простого предложения недостаточно изучен в специальной литературе. Конструкции типа*: Теперь в полку только и говорили, что о театре* (А.Н. Толстой) – традиционно рассматривают как сложные. Так, в «Русской грамматике» указано, что некоторые типы союзной связи создают конструкции, которые занимают промежуточное положение между простым и сложным предложением; к ним относятся, например, предложения с союзом *чтобы*, соединяющим глагол с субъектным инфинитивом цели: *Я пришел, чтобы проститься.* Предикативность второй части не является самостоятельной, но это не мешает исследователям восстанавливать недостающие элементы структуры. Тем не менее, еще А.А. Потебня показал антинаучность теории сокращенных придаточных предложений в своей работе «Из записок по русской грамматике». Попытки домысливать акцентируемый компонент до простого предложения в составе сложного критиковал В.В. Виноградов: «Широко и необоснованно применялся принцип “подразумевания” недостающих до нормы и будто бы опущенных звеньев (или элементов), независимо от всякого обращения к контексту и ситуации… Таким образом, мысль отрывалась от слов, предполагалось наличие мыслей без слов» [Виноградов 2001: 285].

Обратная ситуация возникает, когда предлог усиливает свое значение и становится средством подчинения не только словоформ, но и обособленного оборота, например, обособленного дополнения или обстоятельства: *Все вокруг казалось белым, кроме черных поплавков* (К. Паустовский); *По каналам, за неимением дорог, можно пробираться в легком челне на десятки километров* (К. Паустовский).

К союзным конструкциям как к ядру тесно примыкают другие, имеющие аналогичные синтаксические значения, например, конструкции со служебными словами, близкими по функции к союзу (*даже, в том числе, вернее, особенно* и др.), например: *Он никогда, даже в молодые студенческие годы, не производил впечатления здорового* (А.П. Чехов); потому что нет четкой грани между собственно союзами и другими служебными словами, выполняющими союзную функцию.

Поэтому в ряду союзных оборотов считаем нужным рассмотреть предложные обороты: обстоятельственные причинные с предлогами *благодаря, ввиду, во избежание, вопреки, в отличие, в связи с, вследствие, в случае, за неимением, за отсутствием, несмотря на, по причине, при условии, согласно, в соответствии с, в зависимости от* и пр.; а также обособленные дополнения с предлогами *вместо, кроме, помимо, исключая, за исключением, сверх, наряду с*, образующие обороты со значением включения – исключения.

Также до конца не определено место в ряду обособленных членов предложения пояснительных конструкций с союзами *как, или, то есть, а именно* и присоединительных конструкций с союзами *да и, и притом* и др. На практике при характеристике таких обособленных членов предложения возникает много вопросов: не всегда легко определить их синтаксическую функцию, некоторые так называемые члены предложения оформляются развернутыми сочетаниями слов и даже целыми предложениями, в некоторых случаях их связь с предложением создается при помощи союзов, даже подчинительных, к тому же, обособляться могут главные члены предложения. Открытым также остается вопрос о характере конструкций, позиция союза в которых остается свободной, но легко замещается. Может быть, стоит говорить о нулевом союзе в союзном обороте?

Вопрос о дополнительной предикативности, или полупредикативности, союзных оборотов также является не до конца решенным. П.А. Лекант отмечает: «В большинстве случаев обособленные второстепенные члены вступают в полупредикативные отношения с основой предложения или каким-либо его членом» [Лекант 2013: 363]. Остается открытым вопрос о предикативности уступительных и выделительных оборотов, а также уточняющих, пояснительных и присоединительных конструкций. В качестве критерия считаем нужным обратить внимание на коммуникативную нагрузку компонента, выделенного интонационно, позиционно и отделенного от основной части высказывания союзными средствами. Говорить о дополнительной предикативности стоит тогда, когда компонент, представляющий собой один определенный член предложения, становится ремой высказывания: *Если и есть на земле несчастная девушка, так это я* (И.А. Бунин); *Про письма сказал сразу от расстройства, а теперь, подумавши, хотел возразить* (К. Симонов).

Таким образом, система видов и способов осложнения простого предложения представляется нам не достаточно сформированной и описанной. Полагаем, что понятие союзного оборота может уточнить некоторые спорные вопросы.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове 4-е изд. М.: Русский язык, 2001.

Лекант П.А. Современный русский литературный язык: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Филология». Академический учебник. М.: АСТ-Пресс, 2013.

Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения: Учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1990.

Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. II. Синтаксис.

Некоторые проблемы в описании коннекторов включения и исключения в отечественной русистике

А.А. Яковченко

Some problems in the description of inclusion and exception phrases in Russian linguistics

Anastasia A. Yakovchenko

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

Anastasia.Yakovchenko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы в описании коннекторов включения и исключения, в частности, моносемичность vs. полисемичность коннекторов, а также вопросы корреляции между значением коннектора и синтаксической позицией его группы.

Ключевые слова: коннекторы включения, коннекторы исключения, русский язык.

Summary. The article discusses some problems in the description of inclusion and exception phrases, in particular, monosemy vs. polysemy of connectors, as well as issues of correlation between the meaning of a connector and the syntactic position of its group.

Keywords: inclusion phrases, exception phrases, Russian.

Значение исключения или включения может передаваться в русском языке коннекторами *кроме*, *помимо*, *если не считать* / *не считая.* (Мы используем для обозначения данных выражений термин коннектор, отражающий их функцию, чтобы избежать в данном случае обсуждения сложного вопроса об их частеречном статусе.)

(1) а. *Пришли все мои коллеги, кроме <помимо…> Ивана.* {Иван входит в эту группу.} – ‘за исключением’.
б. *Кроме <помимо…> Ивана, пришли все мои коллеги.* {Иван не входит в эту группу} – ‘в добавление’.

Существующие работы, описывающие *кроме*, в значительной мере посвящены разведению этих значений (см., напр., [Левин 1956], [Апресян 2004], [Оскольская 2011]). Однако в ряде работ отмечается, что два значения *кроме* выделяются ошибочно, и что на деле *кроме* имеет лишь одно значение (см., напр., [Богуславский 2008]). По мнению ряда авторов, значение исключения, которое представлено в семантике *кроме*, отсутствует у предлога *помимо* (см., напр., [Баранов, Добровольский 2009], [Маловичко 1987]); тем самым, авторами не учитывается и не описывается второе значение предлога *помимо*. Однако данные НКРЯ показывают, что коннектор *помимо* хоть и редко, но все-таки употребляется в конструкциях исключения.

Семантические и прагматические свойства анализируемых коннекторов определяют и прочие свойства, а именно синтаксические и коммуникативные. Так, для коннекторов добавления характерно употребление в препозиции к именной группе (ИГ), выражающей ассоциированное множество, что отмечается рядом исследователей [Левин 1956], [Апресян 2004]. При этом, если в работе [Левин 1956] сообщается, что коннекторы исключения употребляются только постпозитивно и начальная позиция для них нежелательна, то по справедливому замечанию [Апресян 2004], они не имеют ни линейных синтаксических, ни коммуникативных ограничений; именные группы, заполняющие валентность элемента-исключения, могут быть и в препозиции, и в постпозиции к именным группам, заполняющим другие валентности, способны употребляться как в теме, так и в реме и, соответственно, находиться как в начале, так и в конце высказывания. Например:

(2) а. *Кроме <помимо> яблок* [известное, тема]*, я ничего не купил.*
б. *Я ничего не купил, кроме <помимо> яблок* [новое, рема].

Следует отметить, что нам не встретилось ни одной работы, в которой была бы описана многозначность союза *кроме как*. В [Оскольская 2011а], напротив, указывается, что *кроме как* употребляется только в конструкциях исключения, содержащих сему отрицания в главной части, а значение добавления у данного союза не усматривается, однако, в НКРЯ и в поисковых системах встречается достаточно много примеров, демонстрирующих употребление данного союза в конструкции добавления:

(3) *Где в Москве можно найти коллекционные монеты, кроме как в магазине Нумизмат на Таганке?* [yandex.ru]

Примечательно, что в примере (3) выделенный элемент занимает конечную позицию в предложении, что несвойственно для конструкций добавления с единицей *кроме*.

В докладе будут подробно рассмотрены эти и другие свойства изучаемых коннекторов, а также будет проанализирована частотность синтаксических позиций ИГ, возглавляемых коннекторами, в зависимости от их значения (исключение vs. добавление).

Литература

Апресян В.Ю. Кванторы со значением включения, исключения и добавления // Труды международной конференции «Диалог 2004». М., 2004. С. 13–20.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–34.

Богуславский А. Однозначное *кроме* // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е.В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 99–109.

Левин В.Д. О значении предлога «кроме» в современном русском литературном языке: Сб. ст. «Академику В.В. Виноградову к его шестидесятилетию» / Ред. С.Г. Бархударов и др. М., 1956. С. 147–164.

Маловичко Л.М. Уточнительные структуры с предлогами «кроме, помимо, сверх, вместо, включая, исключая, за исключением» в современном русском литературном языке. Дисс. … канд. филол. наук. Л., 1987.

Оскольская С.А. Функционирование конструкций со значением исключения участника в русском языке. Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики. СПб., 2011.

Секция V.
История и современное состояние русистики

5.1. Теоретические проблемы и перспективы

Русская лингвистика и мировая лингвистика

В.М. Алпатов

Russian linguistics and world linguistics

V.M. Alpatov

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

estetsenko@mail.ru

Аннотация. Развитие русской лингвистики на всех ее исторических этапах определялось парадигмами мировой науки. Доклад рассматривает эти процессы.

Ключевые слова: русская лингвистика, мировая лингвистика, сравнительно-историческое языкознание, философское языкознание, структурализм, формальная лингвистика, функциональная лингвистика.

Abstracts. The development of the Russian linguistics was determined by the paradigms of the world science at all its historical stages. The lecture considers these processes.

Key words: Russian linguistics, world linguistics, comparative linguistics, philosophical linguistics, structuralism, formal linguistics, functional linguistics.

Русская лингвистика всегда имела свою специфику, однако ее развитие постоянно определялось парадигмами мировой науки. Представления об особом пути русской науки о языке, иногда со знаком «плюс» (в советский период), иногда со знаком «минус» (в 1980–1990-е годы), не подтвердило время. Даже имевшие место заметные отклонения от общего развития вроде господства в течение некоторого времени «нового учения о языке» Н.Я. Марра не означали полного разрыва с мировой наукой.

Русская лингвистическая традиция как национальный вариант европейской традиции сложилась в XVIII в.: В.Е. Адодуров, В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов. Ее становление было частью общеевропейского процесса отхода от греко-латинского эталона и выделения категорий, специфичных для соответствующего языка. Поскольку типологически русский язык меньше отличается от древнегреческого и латинского языков, чем французский или английский, то перестройка оказалась менее значительной.

Идеи сравнительно-исторического языкознания начали использоваться в России очень скоро после его появления в Германии и Дании: А.Х. Востоков. Русская теоретическая лингвистика начала развиваться в России с 60-х гг. XIX в., и первым крупным теоретиком был А.А. Потебня. Во второй половине XIX в. здесь можно видеть те же основные направления, что на Западе: философскую лингвистику, развивавшую идеи В. фон Гумбольдта (ранний Потебня), сравнительно-историческое языкознание младограмматического типа (Ф.Ф. Фортунатов), историческую лингвистику, основанную на филологических методах (А.И. Соболевский, А.А. Шахматов). Однако и у этих лингвистов можно видеть исследования, выходившие за рамки привычных идей и методов: Фортунатов занимался не только индоевропеистикой, но и вполне синхронной теоретической грамматикой. Наиболее оригинальными по сравнению с общими путями развития лингвистики были идеи Казанской школы: Н.В. Крушевский, И.А. Бодуэн де Куртенэ. Они во многом предвосхищали идеи структурализма.

Смена парадигм, связанная с формированием структурной лингвистики, совпала по времени в России со значительными социальными изменениями. Возросло стремление искать новые пути в науке, принимавшее разнообразные формы. Одним из вариантов, оказавшимся во многом тупиковым, стало «новое учение» Марра. Однако идеи этого ученого, непродуктивные сами по себе, могли и стимулировать процессы, аналогичные происходившим в мировой науке: именно в 1920–1930-е гг. не только в России наблюдается возрождение типологии, начиная с Э. Сепира. У нас оно проявилось в работах школы И.И. Мещанинова. В СССР, как и на Западе, в это время не была многочисленной философская лингвистика, продолжавшая традиции Гумбольдта, но были и работы в ее духе: В.Н. Волошинов. И формировался русский структурализм, хотя этот термин тогда не был принят. Прежде всего, он проявился в активном развитии фонологии в рамках Московской и Ленинградской школ. Советские фонологи учитывали идеи Ф. де Соссюра, но опирались и на идеи Бодуэна де Куртенэ, а Московская школа стремилась продолжать традиции Фортунатова.

После отказа в 1950 г. от идей Марра и расширения контактов между советской и западной наукой во второй половине 1950-х гг. развитие советской лингвистики несколько десятилетий проходило, прежде всего, под знаком структурализма. Существовала и «традиционная» лингвистика, некоторые представители которой в полемике со структурализмом высказывали и оригинальные идеи: В.И. Абаев. Некоторые видные ученые структуралистского лагеря занимались не только синхронными исследованиями, но и сравнительно-историческим (В.В. Иванов, В.Н. Топоров) и филологическим (А.А. Зализняк) языкознанием. Парадоксальным образом сближение советской и западной лингвистики произошло в тот момент, когда на Западе, прежде всего, в США начался переход от структурализма к генеративизму, который долго почти не отражался в советской / российской науке. Исследования по формальной лингвистике, часто связанные с решением прикладных задач, велись в основном в рамках структурализма.

Наряду со всем этим с 1970–1980-х гг. и еще в большей степени с 1990-х гг. в СССР / России все заметнее роль так называемой функциональной лингвистики, которая стремится не ограничиваться изучением языковой структуры, а рассматривать процессы функционирования языка. Развиваются прагматика, дискурсивная лингвистика, теория речевых актов, исследования по языковым картинам мира и др., значительно большее место занимают типология и семантика. Расширились связи лингвистики с психологией, физиологией и другими науками о человеке. В то же время уровень научной строгости резко снизился по сравнению с временами структурализма. И еще парадокс: казалось бы, после 1991 г. русская наука должна была бы прочно инкорпорироваться в мировую науку о языке. Однако при значительном расширении личных контактов между российскими

и зарубежными учеными в плане научных концепций скорее происходит увеличение разрыва. На Западе очень велика роль формальной лингвистики (не только в духе Н. Хомского), а в России, хотя ее влияние уже в XXI в. несколько увеличилось, в целом преобладают функциональные подходы к языку, и российским исследователям оказывается нелегко вписаться в традиции, преобладающие в других странах.

Белорусский исторический синтаксис – русский семантический синтаксис как две основные парадигмы лингвистического наследия Т.П. Ломтева

С.А. Важник

Belarusian historical syntax – Russian semantic syntax as the two main paradigms of T.P. Lomtev's linguistic heritage

Siarhei Vazhnik

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь) / Belarusian State University (Minsk, Belarus)

waznik@yandex.ru

Аннотация. В публикации говорится о вкладе Т.П. Ломтева в развитие белорусской и русской синтаксических наук. Эволюция синтаксической теории в трудах Т.П. Ломтева проходила от исторического синтаксиса белорусского языка – к семантическому синтаксису русского языка.

Ключевые слова: исторический синтаксис, семантический синтаксис, математическая логика, логика предикатов, семантическая структура предложения.

Summary. The publication refers to the contribution of T.P. Lomtev in the development of Belarusian and Russian syntactic sciences. The evolution of syntactic theory in the works of T.P. Lomtev passed from the historical syntax of the Belarusian language to the semantic syntax of the Russian language.

Keywords: historical syntax, semantic syntax, mathematical logic, predicate logic, semantic structure of sentence.

Профессор Т.П. Ломтев стоял у истоков зарождения дружеских отношений между двумя национальными университетами – Белорусским государственным и Московским. Первый декан филфака БГУ (1939–1941 гг.) даже в период временного пребывания БГУ на станции Сходня под Москвой во время эвакуации (1943–1944 гг.) трудился в Белгосуниверситете профессором и заведующим кафедрой русского языка.

Таланта и неуемной энергии Т.П. Ломтева хватило для развития двух национальных синтаксических наук – белорусской и русской.

Т.П. Ломтев вошел в историю белорусской науки как автор первой докторской диссертации по белорусскому языку (1943 г.). Работа «Исследования в области истории белорусского синтаксиса. Составное сказуемое и его изменения в истории белорусского языка» [Ломтев 1941], позволяет считать Тимофея Петровича зачинателем белорусского исторического синтаксиса. Это, пожалуй, второй ученый после Е.Ф. Карского, который так глубоко и обстоятельно описал отдельные синтаксические явления белорусского синтаксиса в историческом освещении.

В русском синтаксисе Т.П. Ломтев по праву считается предтечей русского семантического синтаксиса. По воспоминаниям современников, многие идеи при жизни ученого были не приняты и не поняты. Однако время расставило все и всех по своим местам.

Как синтаксист Тимофей Петрович впервые проявил себя в белорусский период «творчества» (1931–1943 гг.). В 1939 г. профессор Ломтев в соавторстве издал «Синтаксис белорусского языка» [Ломцеў 1939] – первый учебник по синтаксису белорусского языка для вузов. Профессором Ломтевым написаны разделы «Подлежащее», «Определение», «Обособленные члены», «Независимые слова в предложении»: «Обращение», «Вводные слова и выражения», «Междометия».

Эволюция синтаксической теории в трудах Т.П. Ломтева проходила уже в московский период. Обращался ученый и к историческому аспекту. Например, в «Очерках по историческому синтаксису русского языка» [Ломтев 1956]. Но в 50–70 гг. его в основном интересовали вопросы логической грамматики и структуры предложения как отображения структуры его означаемого в форме субъектно-предикатного построения или в форме «системы с отношениями» [Ломтев 1958; 1967; 1968; 1979].

Заслуга Т.П. Ломтева – в определении основных принципов и категорий современной многоаспектной синтаксической теории, в разработке основ семантического синтаксиса. Исходя из понятий и идей математической (предикатной) логики, ученый доказал, что современное учение о предикате как «системе с отношениями» позволяет более глубоко понять и более точно описать внутренние механизмы неоднозначной для объяснения семантической структуры предложения. Структуру предложения, согласно концепции ученого, нужно рассматривать как выражение структуры предиката, это значит, как выражение отношений между предикатными предметами [Ломтев 1967; 1968]. Более точно эта идея сформулирована в (Ломтев 1979): семантическая структура предложения представляет собой семантическую систему предметных переменных (аргументов), связанных в одном предикате пропозиционной функцией, или «систему с отношениями», в которой выделяются семантические предметы, связанные между собой определенными отношениями в соответствии с формулой логики отношений *a R b* или логики предикатов – *R (x, y)* [Ломтев 1979: 26–27, 33 и др.]. Понятие «системы с отношениями» Т.П. Ломтев использует вслед за А. Тарским [Tarskij 1954].

В белорусском языкознании последователем Т.П. Ломтева по праву считается А.Е. Михневич. Его фундаментальная монография «Проблемы семантико-синтаксического исследования белорусского языка» [Міхневіч 1976] является первой в белорусском языкознании монографией по семантическому синтаксису. Монография посвящена памяти Т.П. Ломтева, которого А.Я. Михневич называл своим Учителем. Профессор Ломтев и молодой доцент Михневич пересекались во время работы Комиссии по изучению грамматического строя славянских языков при Комитете славистов СССР. Тимофей Петрович был председателем этой комиссии.

Литература

Ломтев Т.П. Исследования в области истории белорусского синтаксиса. Составное сказуемое и его изменения в истории белорусского языка // Ученые записки Белорусского государственного университета. Минск, 1941. Вып. 2. № 3.

Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.

Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка. М., 1958.

Ломтев Т.П. Структура предложения как выражение отношений между предикатными предметами // Проблемы языкознания. М., 1967. С. 172–177.

Ломтев Т.П. Структура предложения в славянских языках как выражение структуры предиката // Славянское языкознание. М., 1968. С. 296–315.

Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1979.

Ломцеў Ц.П. Сінтаксіс беларускай мовы / Ц.П. Ломцеў, К. І. Гурскі, С.Л. Рохкінд, С.І. Рысіна, Г.З. Шкляр. Мінск, 1939.

Міхневіч А.Я. Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы / Рэд. В.У. Мартынаў. Мінск, 1976.

Tarskij A. Contributions to the theory of models. I, II // Indagations mathematical. 1954. № 16. P. 548–583.

«Новое учение об языке» Н.Я. Марра сквозь призму авторской терминологии

О.А. Волошина

«New doctrine about language» of N.Y. Marr through the prism of his terminology

O.A. Voloshina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

oxanav2005@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвистической терминологии, положенной в основу «нового учения об языке» акад. Н.Я. Марра. Автор рассматривает базовые термины концепции Марра (*палеонтология речи*, *яфетические языки*, *диффузный звук* и др.) и показывает, как лингвистическая терминология, созданная Марром, способствуют формированию и развитию своеобразной научной теории, построению новой методики и методологии научного исследования.

Ключевые слова: лингвистическая терминология, «новое учение об языке» Н.Я. Марра.

Summary. The article is devoted to the analysis of linguistic terminology – the basis of the «new language teaching" by Acad. N.Y. Marr. The author examines the basic terms of the Marr concept (*speech paleontology*, *Japhetic languages*, *diffuse sound*, etc.) and shows how the linguistic terminology supports to the formation and development of a peculiar scientific theory, to the construction of a new methodology and methodology of scientific research.

Keywords: the linguistic terminology, «new doctrine about language» of N.Y. Marr.

Любая лингвистическая теория предполагает создание метаязыка – формальных способов описания языка или языков. Важной частью метаязыка является научная терминология, анализ которой помогает выстроить архитектонику научной теории в целом, выявить и определить ее важнейшие понятия, методы анализа языкового материала и т.п. Например, сравнительно-историческое языкознание XIX века заимствовало систему описания научного объекта, принципы классификации и методы исследования у биологии (самой передовой науки того времени), что и отразилось в лингвистической терминологии: *семья родственных языков*, *близкое* и *дальнее родство*, *реконструкция праязыка* и т.п. Поскольку важнейшие положения любой теории можно проследить путем исследования соответствующей терминологии, попробуем на базе анализа лингвистической терминологии в работах академика Н.Я. Марра выявить основные положения его научной (или псевдонаучной) теории.

Первоначально оставаясь в русле традиционной компаративистики, Марр стремится обнаружить родственные связи родного ему грузинского языка, настаивая на объединении грузинского с баскским, этрусским, пеласкским и некоторыми другими мало известными языками, совершенно не утруждая себя доказательством провозглашенного языкового родства. Новой «семье» языков необходимо было придумать название, причем такое, чтобы сразу определить место этой семьи в генеалогической классификации языков мира. Марр выбирает название «яфетические языки»: «Раз имена Сима и Хама были закреплены за определенными группами языков, Хама за хамитическими языками, родство которых с семитическими в науке уже признавалось и тогда, то из имен трех братьев, Сима, Хама и Яфета, оставалось лишь одно, чтобы именовать новых кавказских родственников семитической семьи, и они были названы по Яфету» [Марр, 1936: 182]. Так языки, родство которых было трудно определить методами сравнительно-исторического языкознания, были объединены Марром в семью *яфетических* языков. Поскольку доказать предлагаемое Марром языковое родство, оставаясь в рамках традиционной компаративистики, было невозможно, Марр предлагает считать яфетические языки определенной стадией общеязыкового развития. Так возникает знаменитая стадиальная гипотеза языкового развития, согласно которой все языки мира проходят в своем развитии определенные стадии, одна из первых, восходящая к глубокой древности – яфетическая.

«Перестройка» старой науки (*перестройка* – одно из любимых слов Марра-реформатора) в итоге привела к созданию «нового учения об языке», которое было противопоставлено научной компаративистике. Создание новой науки, по мнению Марра, должно было создаваться с использованием достижений всех гуманитарных наук – социологии, археологии, психологии и др. Марр стремился «увязать» (еще одно любимое слово Марра) лингвистику и социологию, предлагая выявить определенные стадии развития языков с формами устройства общественной жизни – феодализмом, капитализмом, коммунизмом. Такой подход позволяет Марру формулировать своеобразную стадиальную теорию языкового развития, отражающую этапы развития социума.

Яфетические языки, рассматриваемые Марром как древнейшая стадия развития всех языков мира, содержат архаические *яфетические элементы* (первоэлементы), которые Марр пытается выявить путем *палеонтологического анализа*. Эти первоэлементы, по мнению Марра, возникли в результате развития древнейших *диффузных звуков* – нерасчлененных звуковых комплексов, которые постепенно превращаются в членораздельные звуки (первоначально, по мнению Марра, в аффрикаты – звуки сложного образования, а затем в последовательность гласных и согласных звуков). Первоэлементы развиваются не только фонетически, но и семантически, что позволяет Марру объединять слова разных языков на основе предполагаемого сходного значения. Например, Марр пишет: «Палеонтологией вскрыто, что значения слов возникли не по каким-либо физическим или иным свойствам предмета, а по его функции. На термин "хлеб" перешло название "дуба" или "желудя", служившего раньше в роли хлеба. На "лошадь" перешло название "собаки", службу которой в роли животного для передвижения стала отправлять "лошадь". Также "дом" получил свое название не по материалу, не по форме, а по функции служить "покровом", "защитой", т.е. по слову, значившему прежде всего "небо", "верх", "крышка", "покрышка", "покров", "сень" и т. п.» [Марр 2001: 183].

Выбор элементов (как и их количество) Марр никак не обосновывает, он пишет: «Элементов всего-навсего четыре… Нам эти четыре элемента доступны в многочисленных закономерных разновидностях, из которых для четырех элементов выбраны как условное наименование четыре их формы, по одной для каждого элемента: сал, бер, йон, рош, что указывается латинскими буквами в порядке их перечня A = сал, B = бер, C = йон, D = рош. Выбор сделан по созвучию с известными племенными названиями, в состав которых они входят без изменения или с позднейшим частичным перерождением, именно "сар-мат" – сал (A), "и-бер" – бер (B), "ион-яне" – йон (C), "эт-руск" – рош (D)» [Марр, 2001: 181]. Далее Марр предлагает обнаруживать «следы» яфетических элементов в каждом слове любого языка. Никаких обоснований того, почему именно такие звуковые формы выделяются в составе конкретного слова, и какая семантика приписывается каждому элементу, Марр не приводит. Поэтому любое слово могло «разлагаться» посредством *палеонтологического анализа* на части, произвольно связываемые с исходными элементами. Например, Марр пишет: «в терминах космического круга у русского с немецким, казалось бы, нет ничего общего, ибо, например, "земля" по-немецки Erde, а "небо" Himmel, но по палеонтологии речи первоначально не только "небо" и "земля", но и "море", как три космические предмета, носили одно и тоже название: "небо" означало и "небо" ("небо1"), и "землю" ("небо2"), и "море" ("небо3"). Поэтому нем. "Himmel" и русск. "земля", в архетипе на почве языков яфетической системы одинаково двухэлементные, одинаков из AB элементов (hi-mel ze-mel), лишь разновидности – сибилянтная (ze-mel) и спирантная (hi-mel) – одного и того же слова, означавшие каждая и "небо", и "землю", и "море"» [Марр 2001: 186].

Итак, рассмотрение всего лишь нескольких терминов, на базе которых Марр строит свою лингвистическую теорию, позволяет высказать предположение, что термины Марра называют не конкретные понятия или явления языка, но очень расплывчатые, трудно определяемые категории и объекты, благодаря чему сама лингвистическая теория Марра становилась субъективной, постоянно меняющейся, допускающей различное понимание и интерпретацию. Кроме того, термины Марра, в основе которых лежит метафора, не просто расширяют горизонты научного познания, но выводят науку за пределы наблюдаемых фактов и теоретических обобщений, стирают грани между доказательством и догадкой, между безупречной логикой и безудержной фантазией.

Литература

Волошина О.А. «Яфетические переживания» Н.Я. Марра // Stephanos. № 5 (25), 2017. С. 29–41.

Марр Н.Я. О происхождении языка // Марр Н.Я. Избранные работы. Т. II. Основные вопросы языкознания. Л.: Государственное социально-экономическое издательство. 1936. С. 179–209.

Марр Н.Я. Язык // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia. 2001. С. 177–187.

Понимание речевой деятельности в современной русистике

Л.К. Жаналина, М.В. Иванова

Comprehension of speech activity in modern Russian linguistics

Lazzat K. Zhanalina

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (Алматы, Казахстан) / Kazakh Abylai khan University of International Relations and World Languages (Almaty, Kazakhstan)

zhanalina@gmail.com

Maria V. Ivanova

Литературный институт имени А.М. Горького (Москва) / Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing (Moscow)

g-vinograd@mail.ru

Аннотация. В статье делается попытка рассмотрения речевой деятельности под лингвистическим углом зрения в научном контексте, создаваемом действием принципа экспансионизма. Выделяются разные подходы к ней и намечаются перспективы ее исследования.

Ключевые слова: речевая деятельность, когнитивная деятельность, узкий подход, широкий подход.

Summary. The article attempts to examine the speech activity from a linguistic point of view within the overall scientific context established by the impact of the principle of expansionism. Various approaches to it are identified and further study vectors are suggested.

Keywords: Speech activity, cognitive activity, narrow approach, broad approach.

Характерное для современного русского языкознания инкорпорирование достижений других наук проявилось во внедрении в него речевой деятельности (РД), интеграция которой с языковой системой образует его «обновленный» объект.

Развитию понимания РД в роли лингвистического предмета способствовала разработка ее функций и выявление ее сущности. Безоговорочное утверждение доминирования коммуникативной функции, поддержанное различными новыми теориями, в которых язык выступает как форма существования и многообразного проявления индивида, общества, в том числе теориями дискурса, позволяет обнаруживать все новые аспекты РД в коммуникативной функции. Но наряду с монофункциональным подходом, распространяется и полифункциональный подход к РД. Наиболее часто называется познавательная функция, толкование которой демонстрирует два основных понимания РД – узкое и широкое. Согласно узкому определению язык как форма существования общественно-исторического опыта выполняет функцию инструмента познания, т.е. в РД элиминируется психическая сторона и остается материальная [Леонтьев 1965: 19]. См. также определение РД у В.З. Демьянкова [Демьянков].

В соответствии с широким определением речевая деятельность наделяется двумя тесно взаимосвязанными сторонами. Это психическое поведение (внутренняя мыслительная деятельность) и языковые операции (внешняя языковая деятельность).

А.Н. Леонтьев отмечает двоякую соотнесенность языковой системы с РД через приобретенные в последней материальное бытие и информативность [Леонтьев 1974: 21, 22].

Утверждение о двухфокусности речемышления Л.С. Выготский подкрепляет его двойной манифестацией «мышление – речь», «мысль – слово» и более того с использованием первой формулы в названии своей книги «Мышление и речь» [Выготский 1999].

В психологии внешние процессы, детерминирующие внутренние действия, могут пониматься широко [Гальперин 1066].

Уточнение широкого подхода демонстрирует выделение в РД коммуникативного, знакового и технического аспектов, которые разграничивают создание информации (семиотический аспект) и передачу информации (коммуникативный аспект) [Леонтьев 1965: 19].

Вопрос о РД переходит в когнитивную лингвистику в связи с обсуждением когнитивной деятельности. Интерпретация РД в когнитивном русле имеет свои особенности. Так, узкое понимание квалифицирует РД не как формальный (языковой) процесс, а только как психологический (когнитивный) процесс. Язык рассматривается как компонент когнитивной деятельности, он находится в отношении «включенности» в нее [Кубрякова 2004: 45].

Но в рамках направлений, разрабатываемых научными школами Е.С. Кубряковой и Н.Н. Болдырева, растворение языка в когнитивной деятельности сосуществует с их разделением [Болдырев 2004: 20].

Неопределенность представлений о РД порождает вариативное дефинирование когнитивной деятельности с переходом от признания ее одноаспектности к установлению ее двух- / многоаспектности. Эту ситуацию отражает словарная статья «Краткого словаря когнитивных терминов [Демьянков, Кубрякова 1996: 51–52]. Сформулированное в нем определение раскрывает источник дискуссий относительно природы РД, являются ли мыслительные и собственно языковые процессы чем-то сущностно единым или они представляют два самостоятельных процесса.

Наряду с узким подходом когнитивная лингвистика разрабатывает широкий подход к когнитивной деятельности, сближающий ее с интерпретацией РД как двустороннего процесса. Собственно широкий подход, особенно отчетливо звучит в дефинициях категоризации как когнитивной деятельности [Беседина 2014: 151].

Широкий подход с методологическим уклоном, разводящий когнитивную и языковую деятельность и признающий при этом, что границы психологических процессов шире, чем языковых, сформулирован А.А. Залевской [9: 17]. Более того сторонники широкого подхода подчеркивают самостоятельность языка, утверждая, что он образует отдельный модуль, внеположенный отдельным когнитивным механизмам [Беседина 2014: 22].

Отмеченное сближение узкой трактовки с широкой, характерное для когнитивного направления, возникшего на основе номинативных теорий в русском языкознании и обогатившего знания о РД как о лингвистическом предмете, заслуживает особого внимания, так как оно оказалось благодатным для лингвистической разработки РД, отличающейся от ее видения другими науками. Это сближение актуализи-

ровало следующие акценты в рассмотрении РД: 1) исследование внешней стороны РД, протекающей в виде материальных языковых действий и операций по созданию внешней оболочки когнитивного продукта с участием языковых форм и моделей и норм их употребления; 2) изучение внутренней стороны РД, оперирующей информацией или порождающей знание.

Выделение данных акцентов намечает важные перспективы в изучении многогранной РД и ориентирует на выбор позиции в полифонии точек зрения на нее.

Литература

Беседина Н.А. В начале было слово… и слово было категоризация // Когнитивные исследования языка / Гл. ред. серии Н.Н. Болдырев; М.: ИЯ РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, Вып. XXIV. Личность. Язык. Сознание: Сб. науч. трудов, 2014. С. 149–158.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение к когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–37.

Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999.

Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследование мышления в советской психологии. М., 1966.

Демьянков В.З. Теория языка и динамика американской лингвистики на страницах журнала «LANGUAGE»: (К 65-летию основания журнала) [Электронный ресурс. URL: http://www.infolex.ru/Vja4_89.html].

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная деятельность // Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 51–52.

Залевская А.А. Вопросы психолингвистической теории двуязычия // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в понимании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М.: Изд-во АН СССР, 1965.

Леонтьев А.Н. Основы речевой деятельности // Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Наука, 1974. С. 190–199.

Грамматика и словарь лингвокультуры как предмет современных исследований

В.В. Красных

Grammar and Vocabulary of Linguoculture as Object of Modern Studies

Victoria V. Krasnykh

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

victoryvk@gmail.com

Аннотация. В докладе определяются феномены лингвокультуры, ее грамматики и словаря как объект и предмет психолингвокультурологии. Кратко представляются когнитивная, метафорическая, эталонная и символьная подсистемы лингвокультуры на примере единицы *птица*.

Summary. The paper includes definitions of the phenomena of linguoculture, its grammar and vocabulary as the subject and object of psycholinguoculturology. The author briefly presents cognitive, metaphoric, standard and symbolic subsystems of linguoculture by the example of the unit *bird*.

Ключевые слова: лингвокультура, грамматика и словарь лингвокультуры, подсистемы лингвокультуры, психолингвокультурология.

Keywords: linguoculture, grammar and vocabulary of linguoculture, linguoculture subsystems, psycholinguoculturology.

1. Еще в конце XX века Ю.М. Лотман использовал термин «**грамматика культуры**» [Лотман 1992]. Т.В. Цивьян, упоминая работу П.П. Червинского [Червинский 1989], отмечает, что модель мира «может быть описана по принципу языка, например, с выделением **грамматики и словаря**» [Цивьян 2005: 9]. Представляется возможным экстраполировать эти идеи и на лингвокультуру.

2. Термин «лингвокультура» появился в научной литературе, вероятно, в самом конце XX в. и обозначал «особый тип взаимосвязи языка и культуры, проявляющийся как в сфере языка, так и в сфере культуры и подлежащий выявлению в сопоставлении с другим типом взаимосвязи языка и культуры, то есть в сравнении с другой лингвокультурой» [Снитко 1999]. Однако сегодня **лингвокультура** (ЛК) понимается как культура оязыковленная, т.е. воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых / речевых процессах, это культура явленная нам в языке и через язык; феномен лингво-когнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь культурными смыслами и находящимися с ними в отношениях взаимосвязанности образами сознания в их вербальных одеждах; это третья семиотическая система, возникающая в рамках некоторого сообщества на участке пересечения / наложения языка и культуры данного сообщества; это только спаянные культурой общие компоненты языкового сознания, т.е. опосредованные значениями и скрепленные культурным ядром общие компоненты образа мира (по А.Н. Леонтьеву: [Леонтьев 1983; 2003]) [Красных 2016: 133]. Предпосылки такого понимания ЛК можно найти в работах В.Н. Телия (напр., [Телия 1988]).

3. Лингвокультура, подобно языку, культуре, модели мира, обладает грамматикой и словарем. **Грамматика ЛК** – таксоны (базовые классы единиц), их категории, система, структура, отношения и функционирование. Грамматика ЛК как «наука о…» требует выявления, описания, структурирования и систематизации основных категорий, классов, видов и типов единиц, их структуры, отношений между ними (включая структуру данных отношений), а также правил их функционирования [Красных 2016: 131]. **Словарь ЛК** – совокупность культурно насыщенных единиц лингвокультуры (оязыковленных / поддающихся оязыковлению культурных смыслов и образов). Словарь ЛК как совокупность единиц обусловливает возможность и необходимость создания словаря лингвокультуры как систематического описания таковых, что предполагает выявление реестра и лексикографирование, как минимум, основных (базовых) единиц всех подсистем лингвокультуры [Указ. соч.: 135].

4. Лингвокультура с учетом совокупности всех факторов, ее предопределяющих и ею предопределяемых, является **объектом** психолингвокультурологии (ПЛК), грамматика и словарь ЛК – **предметом** ПЛК. **Психолингвокультурология** – новое направление научных исследований, посвященное изучению «живодействующей связи» (говоря словами В.Н. Телия) языка, культуры, сознания сквозь призму человека говорящего (впервые об этом, тогда еще потенциально возможном, но уже необходимом, направлении было сказано в [Красных 2002]). Предпосылки ПЛК можно найти в работах В.Н. Телия и ее учеников (напр., [Кабакова 1999]).

5. С точки зрения грамматики ЛК одним из результатов и проявлений осмысления / окультуривания мира является определение системы координат культуры и лингвокультуры, включающей в себя выявленные на сегодняшний день подсистемы: когнитивную, метафорическую, эталонную и символьную, каждая из которых обладает своими собственными единицами (см., напр., [Красных 2005; 2016]).

Так, например, с точки зрения **когнитивной подсистемы**, формируемой системой ментефактов, ***птица*** предстает как концептуальное поле, которое понимается как совокуп-

ность ментефактов и определенным образом осмысленных в культуре артефактов (т.е. культурных предметов и квазипредметов [Тарасов 1993]), объединенных некой общей «идеей», относящейся к определенному фрагменту образа / картины мира (подробнее см., напр., [Красных 2016: 210–213]). Репрезентантами данного поля могут выступать (1) различные языковые единицы: лексемы (напр., *птица, птаха* и наименования конкретных птиц – *голубка, орел, ласточка* и под.); устойчивые сочетания и ФЕ (*птица высокого полета, хорош гусь, стреляный воробей* и под.); (2) различные ментефакты: напр. знания о птицах, концепты (напр., *свобода*), стереотипы (напр., *ворона, лебединая верность*); (3) определенным образом осмысленные артефакты (напр., *клетка* как символ неволи и под.).

Основными единицами **метафорической подсистемы** являются базовые метафоры, понимаемые как метафоры, имеющие архетипическую природу и основанные на архетипических представлениях (по В.Н. Телия: древнейших, надличностных, коллективно-родовых, лежащих в основе окультуривания мира человеком) [Красных 2016: 337]. Основанием базовой метафоры выступает максимально абстрагированная «идея» феномена, которая может не осознаваться представителями лингвокультуры [Там же], но при необходимости поддается рефлексии. В образном основании самих базовых метафор лежат единицы когнитивной подсистемы, причем главную роль зачастую играет их когнитивная образная составляющая [Указ. соч.: 336], т.е. совокупность необходимо обязательных дифференциальных признаков представителя определенного класса предметов, таких признаков, которые отличают один феномен от других, в том числе – от подобных ему. При этом конкретная «реификация», овнешнение данных признаков имеет место в стереотипе. Иначе говоря, то, «что должно быть», входит в когнитивную образную составляющую (КОС; в данном случае – перья, крылья, клюв, гнездо и т.д.), а то, «каким это должно быть» (напр., какие перья, какой клюв и под.), составляет основу стереотипного образа [Указ. соч.: 201] (см. также [Красных 2005; 2017]). Базовые метафоры и КОС позволяют дальнейшую метафоризацию, напр.: *чистить перышки*, *взять под крыло*, *принести в клювике*, *вылететь из гнезда* и под.

В рамках **эталонной подсистемы *птица*** может выступать как эталонный носитель свободы (*свободен как птица, птица вольная*), свободолюбия (*биться как птица в клетке*), способности летать (*человек создан для счастья, как птица для полета*), умения петь (*петь как птица*) и под.

Что касается **символьной подсистемы**, то замечу, что в данном случае под символом понимается единица, основной функцией которой является формальное (т.е. по форме) замещение без серьезного смыслового сдвига [Красных 2016: 371]. Соответственно, ***птица*** может выступать символом счастья и мечты (*синяя птица, «птица цвета ультрамарин»*), а «в сочетании», например, с оливковой ветвью – в роли символа мира (см., напр., знаменитый рисунок П. Пикассо).

Литература

Кабакова С.В. Образное основание идиом: Психолингвокультурологические аспекты. Дис. … канд. филол. наук. М., 1999 [Электронный ресурс. URL: http://www.dissercat.com/content/obraznoe-osnovanie-idiom-psikholingvokulturologicheskie-aspekty#ixzz42S3q01jw. Дата последнего обращения 09.03.2016].

Красных В.В. Когнитивный аспект базовых метафор лингвокультуры // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 57. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 142–165.

Красных В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // Respectus philologicus, 2005. № 7 (12). С. 10–24.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология как конституенты новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения. Международный сборник науч. трудов. К 65-летию фак-та РГФ Кубанского гос. университета. Кн. 1. Краснодар, 2002. С. 204–214.

Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М., 1983. С. 251–261 [Электронный ресурс. URL: www.infoliolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html. Дата последнего обращения 25.06.2015].

Леонтьев А.Н. Образ мира // Мир психологии. 2003. № 4. С. 11–18.

Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202. [Электронный ресурс. URL: http://www.durov.com/literature1/lotman-92f.htm. Дата последнего обращения 01.11.2018].

Снитко Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах: Дис. … д-ра филол. наук. Пятигорск, 1999 [Электронный ресурс. URL: http://www.dissercat.com/content/predelnye-ponyatiya-v-zapadnoi-i-vostochnoi-lingvokulturakh#ixzz4F4o4Bsaf. Дата последнего обращения 07.07.2016].

Тарасов Е.Ф. О формах существования сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Ин-т языкознания, 1993. С. 86–97.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–203 [Электронный ресурс. URL: http://www.torrentino.com/torrents/975193. Дата последнего обращения 17.06.2016].

Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: УРСС, 2005.

Червинский П.П. Семантический язык фольклорной традиции / Отв. ред. Т.В. Цивьян. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1989.

История языкознания: на пути к обновлению парадигм

С.Н. Кузнецов

History of linguistics: towards a renewal of paradigms

S.N. Kuznetsov

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

univer1755@yandex.ru

Аннотация. История науки о языке претерпевает в настоящее время подлинное обновление благодаря тому, что стали доступны оцифрованные архивы и издания прошлых времен. Однако дальнейшему прогрессу языкознания мешает укоренившееся доминирование некоторых теорий, приоритет которых может быть оспорен в свете пересмотренных историографических данных.

Ключевые слова: историография лингвистики, обновление парадигм, научное языкознание, ненаучное языкознание, семиотика.

Summary. The history of the science of language is currently undergoing a genuine update thanks to the availability of digitized archives and editions of past times. However, the further progress of linguistics is hampered by the ingrained dominance of certain theories, the priority of which can be challenged in the light of revised historiographic data.

Key words: historiography of linguistics, renewal of paradigms, scientific linguistics, non-scientific linguistics, semiotics.

Источниковедческая база наук в настоящее время претерпевает подлинную революцию: оцифрованы библиотечные и архивные собрания, которые раньше были доступны лишь для единичных исследователей. Другим важным фактором является снятие (или ослабление) идеологического контроля за содержанием документов, открываемых для общественного использования.

Однако на пути к обновлению информационных и концептуальных основ науки возникло серьезное препятствие: приверженность ряда ученых к историографическим концепциям, которые опираются на прежнюю значительно более узкую фактическую базу и не свободны от личных, идеологических, политических и иных пристрастий.

В историографии языкознания продолжает бытовать точка зрения, что лингвистика – это молодая наука, созданная в начале XIX столетия трудами Ф. Боппа (1816), Р. Раска (1814) и их продолжателей. Возникшее на базе этих трудов сравнительно-историческое языкознание (компаративисти-

ка) решительно отмежевалось от предшествующей эпохи, которая была отнесена к *донаучному* этапу в развитии языковедения – на том только основании, что прежнее языкознание не умело определять родственных отношений между языками. Прочие заслуги языкознания (в исследовании структуры языка, в разработке фонетики, графики, морфологии, синтаксиса, в описании лексикона и установлении связей между языком и логикой …), хотя и не были отвергнуты, но оказались перенесены на площадку *донаучного языкознания* (т.е. своего рода «донаучной науки», как бы парадоксально это ни звучало). Более того, в первой половине XIX в. сложилось догматическое представление о том, что явления языка должны рассматриваться лишь под углом зрения истории, а любое иное их рассмотрение, хотя бы и допустимое в практических целях (например, для преподавания языков), остается ненаучным.

В конечном итоге *история языка* поглотила *теорию языка*: известный немецкий компаративист Герман Пауль озаглавил свою книгу «Принципы истории языка», оговариваясь, что другое возможное название «Принципы теории языка» было бы неправильным, потому что (по его мнению) теория языка целиком сводится к истории языка.

Столь ригористическое противопоставление науки и донауки, истории и теории языка имело едва ли не катастрофические последствия. Те лингвистические течения, которые не солидаризировались с компаративистами XIX века, были поставлены перед суровым выбором: чтобы не попасть в разряд «донаучных», они причисляли себя к новейшим течениям, а то и просто к «новому языкознанию», тем самым довершая разрушение научной преемственности (вспомним в этой связи «неолингвистику» В. Пизани, «новое учение о языке» Н.Я. Марра и др.). И.А. Бодуэн де Куртене считал необходимым присвоить науке о языке новое наименование (глоттология). По тому же пути шли датские структуралисты, которые переименовали реформируемое ими языкознание в глоссематику.

Между тем за понятием «нового» часто скрывалось давно забытое или неизученное «старое». «Википедия» дает следующую аттестацию Ф. де Соссюру: «Швейцарский лингвист, заложивший основы семиологии и структурной лингвистики, стоявший у истоков Женевской лингвистической школы. Идеи Фердинанда де Соссюра, которого часто называют отцом лингвистики XX века, оказали существенное влияние на гуманитарную мысль XX века в целом, вдохновив рождение структурализма».

Однако, идеи Ф. де Соссюра, изложенные в его лекциях 1907–1911 гг. (а потом в посмертно изданном «Курсе общей лингвистики» 1916 г.) на поверку оказываются теснейшим образом связанными с концепциями «донаучного» языкознания, правда, основательно забытыми ко времени публикации «Курса». Восстановлением исторической традиции наука обязана книге Л. Кутюра и Л. Ло «История всеобщего языка» (см. список литературы). Эта книга вышла двумя изданиями в 1903 и 1907 гг., т.е. как раз перед началом соссюровских лекций. В книге Кутюра и Ло находим подробные сведения о «философских языках», т.е. *знаковых системах*, которые стали разрабатываться еще с XVII в. под влиянием идей Декарта и Лейбница. В 1661 г. Джордж Дальгарно публикует книгу Ars Signorum (искусство знаков), которая и явилась первым трудом, «заложившим основы семиологии» (за 255 лет до Соссюра!).

Почему же честь создания семиотики приписывают именно Соссюру, пренебрегая длинной плеядой его предшественников? Причина ясна: творцы семиотики XVII–XVIII вв. оказались отодвинуты в «донаучную эпоху» и тем самым обречены на забвение. Ряд других идей Соссюра, которые были восприняты как «новые» в 1916 г., на самом деле также имеют солидную предысторию.

Представляется необходимым «отменить дискриминацию» ученых прошлых веков, отказаться как от необоснованных обвинений их в «ненаучности», так и от поспешного превознесения тех научных новшеств, триумф которых часто оказывается не долговечнее психологического эффекта новизны.

Это поможет восстановить единство языкознания как в диахроническом, так и в синхроническом плане, как во времени, так и в пространстве (в национальных отраслях языкознания).

Литература

Couturat L., Leau L. Histoire de la Langue Universelle. Paris, 1903, 1907.

Maat J. Philosophical Languages in the Seventeenth Century: Dalgarno, Wilkins, Leibniz. Dordrecht; Boston, MA: Kluwer Academic, 2004.

Современная русистика: ведущие тенденции и нерешенные задачи

Т.В. Шмелёва

Modern russian studies: leading trends and unsolved tasks

T.V. Shmeleva

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород) / Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

szmiel@mail.ru

Аннотация. При анализе современного состояния русистики определяются три ведущих тенденции и три нерешенных задачи, которые встали перед русской лингвисткой в 1970-е и 1990-е годы. Среди тенденций обозначены стремление к полноте языкового описания, дифференциация лингвистики относительно сфер общения и компьютеризация лингвистических исследований. Подчеркнуто, что каждая из этих тенденций имеет и негативную сторону. Среди нерешенных задач названы семантическое изучение русского языка, лингвистика текста и речеведение.

Ключевые слова: русистика, дифференциация, компьютеризация, семантика, речеведение.

Summary. In analyzing the current state of Russian studies, three leading trends and three unsolved problems that stood before Russian linguists in the 1970s and 1990s are defined. Among the tendencies are marked the desire for completeness of language description, the differentiation of linguistics regarding the areas of communication and the computerization of linguistic research. Each of these trends has a negative side. Among the unsolved problems are the semantic study of the Russian language, text linguistics and speechlogy.

Key words: Russian studies, differentiation, computerization, semantics, speechlogy.

Столь масштабное собрание русистов предполагает, как кажется, обсуждение ключевых проблем русистики. Не претендуя на исчерпывающе представление проблем, считаю важным остановиться на трех ведущих тенденциях и трех нерешенных задачах.

Тенденция к исчерпывающему изучению и описанию русского языка расширяет горизонты внимания русистов, стремящихся изучить в принципе все факты, демонстрирующие функционирование русского языка. Если в середине прошлого века эту тенденцию воплощала диалектология, то теперь рядом с ней встают коллоквиалистика, изучения множества социолектов, языка города, отдельной личности и компьютерной коммуникации. Наиболее существенно в этом отношении продвинулась лексикография, в рамках которой описаны русские диалекты широкого территориального распространения, разговорная речь, криминальный жаргон, школьный и молодежный сленг, городской сленг и ономастикон.

Тенденция к дифференциации русистики относительно сфер общения (речи, коммуникации) формирует сферные русистики – политическая лингвистика, юрислингвистика, медиалингвистика.

Тенденция к освоению современных компьютерных технологий в рамках лингвистических исследований вводит в

практику изучения русского языка обращение к данным корпусов, в первую очередь Национального корпуса русского языка. Незаменимым источником сведений о публикациях о русском языке стал РИНЦ и его электронная библиотека.

Несомненный положительный заряд этих тенденций не исключает их амбивалентности. Так, при внимании ко всем моментам функционирования русского языка нередко утрачиваются перспектива в понимании центральных и периферийных явлений, возникает преувеличенное внимание к фактам случайным и недолговечным, не характерным для русского языка, не характеризующим его современное состояние. Дифференциация русистики чревата автономизацией ее сферных версий, утратой общности методологического подхода, рассогласованием терминологических систем. Наконец, технологизация лингвистических исследований создает соблазн быстрых, а на поверку неглубоких описаний, где массивы предъявляемых фактов не могут скрыть бедность и тривиальность лингвистической мысли.

Наряду с негативной стороной названных тенденций проблемы нашей науки составляет ряд нерешенных задач, которых тоже назову три.

Не решена задача семантического изучения и описания русского языка. «Семантический бум» 1970-х годов сошел на нет, семантические исследования ушли из круга привлекательных и модных. Результаты «бума» можно разглядеть под микроскопом. А казалось тогда, что скоро русистика будет совсем другой. Инерция преподавания языка, привычка воспроизводить известное победила смелые интенции и не дала изменить практику нашего преподавания русского языка в школе и вузе, где мы находимся на уровне середины позапрошлого века. С этим связано отсутствие новых грамматических идей.

Не решена задача изучения текста и введения знаний о нем в лингводидактику. Текстовый бум тех же 1970-х тоже сошел на нет, грамматика текста не входит в число модных диссертационных тем, не обсуждается в вузовских курсах и тем более не проникает в школьное образование. Это тем более огорчительно, что реальная языковая задача, которая стоит перед людьми разных профессий, – это создавать тексты, а именно этому мы не учим. В то время как определение типа сложного предложения, подлежащего и сказуемого востребованы только в педагогических профессиях, да и то в силу инерции педагогического сознания.

Не решена задача формирования речеведения, о которой вдруг заговорили в 1990-е, когда наше общество вдруг обнаружило свое косноязычие. Оказалось, что и лингвисты не способны помочь: мы располагаем детальнейшими знаниями об устройстве языка, которые недостаточны для понимания речи, ее основных пружин и их действия. Легкое возбуждение, повторение слов *речеведение*, *поворот к речи* – и все осталось, как было. Не изменило принципиально и обращение к риторике. Сегодня изучена истории русской риторики, но не создано новой риторики. Опты показывает, что риторика позапрошлого века не отвечает запросам современного публичного общения. Современных языковых вкусов. Приравнять речеведение к риторике оказалось не так просто, подход к речеведению как стилистике сужает его горизонты. А востребованность знаний о речи не убывает, напротив, с медиатизацией общества все большее число людей вовлекается в активную речевую деятельность, обнаруживая при этом не только незнание правописания (о чем говорится много и даже слишком много), но и неумение создать текст, соответствующий условиям коммуникации. Из всех речеведческих проблем получила наибольшее внимание русистов проблема жанра, результат – формирование жанроведения (генристики) как речеведческой дисциплины, однако считать, что ею решены конкретные задачи типа создания энциклопедии русских речевых жанров было бы поспешно.

Нерешенность этих трех задач (а их наверняка больше) тормозит движение русистики к подлинной реалистичности в понимании языка и речевой деятельности, понижает общественную ценность лингвистических знаний.

5.2. Зарубежная русистика

Русский язык в Македонии XXI века: проблемы преподавания и изучения

Биляна Мирчевска-Бошева

Russian Language in XIX century Macedonia: Teaching and Learning problems

Biljana Mirchevska-Bosheva

Университет Св. Киррила и Мефодия (Скопье, Македония) / Sts. Cyril and Methodius University (Skopje, Macedonia)

biljana.mirchevska@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется положение русского языка в образовательной системе Р. Македонии. Особое внимание уделяется изучению русского языка на Кафедре славистики Филологического факультета им. Блаже Конеского Университета им. Св. Кирилла и Мефодия в г. Скопье – единственному учреждению в Македонии, где можно получить диплом по специализации «Русский язык и литература».

Ключевые слова: русский язык, Македония, филологический факультет.

Summary. The article analyzes the position of the Russian language in the educational system of R. Macedonia. Particular attention is paid to the study of the Russian language at the Department of Slavic Studies of Blaze Koneski Faculty of Philology at the Ss. Cyril and Methodius University in Skopje as the only place in Macedonia where Russian Language and Literature specialization is possible.

Keywords: Russian Language, Macedonia, Faculty of Philology.

Учебный 2016 / 2017 год стал юбилейным годом для Кафедры славистики Филологического факультета им. Блаже Конеского Университета им. Св. Кирилла и Мефодия в г. Скопье. Кафедра отметила семидесятилетие непрерывного обучения русскому языку и литературе, хотя изучение славянской филологии в Македонии уходит корнями в 1920 год, когда в рамках Философского факультета в г. Скопье, учрежденного Правительством и Министерством просвещения Королевства СХС, Степан Михайлович Кульбакин прочел курс первых лекций из этой области для студентов историко-филологического отделения. К сожалению, по причине Второй мировой войны факультет прервал свою работу 3 апреля 1941 года. Юбилейная годовщина преподавания русского языка и литературы в рамках Университета им. Св. Кирилла и Мефодия, ведет отсчет от учебного 1946 / 1947 года, когда на вновь учрежденном Философском факультете начал свою работу лекторий русского языка.

На протяжении нескольких десятилетий Кафедре славистики удалось стать одной из наиболее многочисленных кафедр факультета, отличающейся весьма развитой преподавательской, исследовательской и научной деятельностью. На Кафедре работают видные ученые, а, начиная с 1965 года, программа обучения предусматривает занятия с привлеченным лектором – носителем языка, которого приглашают на контрактной основе в рамках соглашения о сотрудничестве между УКИМ и МГУ.

К сожалению, следует признать, что тенденция приема на работу новых кадров сегодня не имеет продолжения. После выхода на пенсию большей части преподавателей русского языка ощущается серьезный дефицит кадров, способных обеспечить непрерывный процесс обучения. Можно констатировать и снижение интереса к славистике / русистике, хотя на уровне высших учебных заведений эта тенденция проявляется очевидно слабее, чем в сфере школьного обучения.

Кроме того, на фоне фундаментальной перестройки вузовской системы, после вхождения Македонии в число участников Болонского процесса, система высшего образования претерпела существенные изменения. Иностранные языки реже, чем раньше, изучаются как отдельный предмет, и вузы начали все чаще совмещать их со смежными дисциплинами или с предметами, которые пользуются огромной популярностью у студентов.

Ввиду того, что многие студенты-слависты или русисты и теперь еще поступают в университет с небольшим или даже с нулевым знанием языка, пришлось изменить программу обучения, и сейчас мы со всеми студентами начинаем с нуля.

Данные обстоятельства заставили нас пересмотреть стратегию и тактику обучения русскому языку, начиная с ответов на вопросы: кого обучать, с какой целью, каким образом и при помощи каких учебных средств имея ввиду контекст окружающей языковой среды и, конечно же, уровень мотивации к изучению языка.

Литература

Каранфиловски М. Изучувањето на рускиот јазик во Република Македонија // Руско-македонски јазични, литературни и културни врски (материјали од третата македонско-руска научна славистичка конференција). Скопје: Университет Св. Кирил и Методиј, 2006.

Мирчевска-Бошева Б. О положении русского языка в Македонии // Русский как инославянский. Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении. Белград: Славистичко друштво Србије, 2013. С. 110–116.

Мирчевска-Бошева Б. За мотивацијата за изучување на рускиот јазик // Stephanos. Мультиязычный научный журнал филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова. 2017. № 2. С. 18–26.

Болгарская русистика XXI века – представители, школы, исследовательские направления

Няголова Наталья

Bulgarian Russian studies in XXI century – representatives, scholars, investigation trends

Nyagolova Nataliya

Велико-Тырновский университет (Болгария) / The University of Veliko Turnovo (Bulgaria)

nniagolova@abv.bg

Аннотация. Болгарская русистика в XXI в. является частью университетской науки в государственных и негосударственных вузах. Она опирается на глубокую традицию, в том числе сформированную русскими учеными-эмигрантами. Исследования охватывают широкий диапазон тем: от истории древнерусской литературы до искусства слова новейшего времени.

Ключевые слова: русский язык, русская литература, научные школы, история науки, болгарская русистика.

Summary. Bulgarian Russian studies in XXI century based on deep tradition are part of state and non-state university science. Much was done in the field by Russian Émigré researchers. The investigation encompass wide theme choice: from old Russian literature till modern art.

Keywords: Russian language, Russian literature, scientific schools, history of science, Bulgarian Russian studies.

В начале XXI века болгарская русистика представлена четырьмя университетскими кафедрами – университетов Софии, Велико-Тырново, Пловдива и Шумена. Русский язык и литература преподаются еще в Юго-западном университете (Благоевград) и негосударственных вузах страны – Новый болгарский университет, Варненский свободный университет, Бургасский свободный университет.

Болгарская русистика имеет многолетнюю историю – в 2016 году в Софийском университете конференцией «Русистика сегодня: традиции и перспективы» было отмечено 70-летие болгарской русистики. Этот юбилей связан с созданием первой кафедры русистики в Софийском университете, но еще с самого открытия первого университета страны в учебные программы филологического факультета включено изучение русского языка и литературы в разных формах. Огромную роль для становления болгарской академической русистики сыграли русские профессора-эмигранты первой половины XX века – академик М.Г. Попруженко, профессор П.М. Бицилли, профессор В.А. Погорелов.

Семь десятилетий после своего возникновения болгарская литературоведческая русистика развивается в нескольких приоритетных направлениях. Болгарские исследователи периода древнерусской литературы работают в области летописной и житийной традиции Древней Руси, славяно-византийских культурных связей, палеографии и литургики. XVIII век Российской империи представлен в трудах болгарских русистов с точки зрения жанровой системы Просвещения, политической метафорики и сюжетики. Центральное место в изысканиях болгарских русистов занимает исследование русской литературы XIX в. Русская классика представлена в нескольких направлениях – поэтика русской литературы, культурная история России, интертекстуальность, тематология, рецепция, герменевтика. В болгарских исследованиях по русской литературе XX–XXI вв. представлено наследство русской эмиграции в Болгарии, русская женская поэзия, киберкультура российского Интернета.

В начале нового столетия было проведено много научных форумов в области русского языка и литературы. В Великотырновском университете уже 48 лет проводится Международный симпозиум МАПРЯЛ. За последние 20 лет в болгарских университетах и Болгарской Академии наук были проведены многочисленные конференции, посвященные поэтике и истории русской литературы: «Диалоги с Чеховым» (2004, Софийский университет), «Интерьер в языке, литературе, культуре» (2005, Шуменский университет), «Европа читает Чехова» (2010, Великотырновский университет), «1917 г.: Литератор и литературовед: инженер, свидетель, жертва исторического рубежа / социального слома» (2017, Институт литературы БАН) и др. В 2017 году состоялась юбилейная конференция «Русистика: вчера, сегодня, завтра», посвященная 50-летию Общества русистов Болгарии.

Многообразие академических школ, тем, научных подходов, а также сотрудничество и научный диалог – основные принципы развития современной болгарской русис= тики.

Современная польская русистика последних десятилетий

О.В. Розинская

Modern Russian literature study of 2000–2010-th in Poland

Olga V. Rozinskaya

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

o.rozinskaya@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основные направления польской русистики последних десятилетий, наиболее актуальные темы исследований, дается краткая характеристика основных публикаций.

Ключевые слова: польская русистика, конец XX – начало XXI века, первые десятилетия XXI века.

Summary. The paper comprises the main trends and the most vital questions of Russian literature study in Poland of the latest decades. A short review of the principal works published is given.

Keywords: Polish Russian Literature studies, the end of 20-ieth century – the beginning of the 21-st century, a period of 2000–2010-th.

Русистика как самостоятельное научное направление в Польше существует не одно десятилетие. Широкий спектр изучаемых тем, разнообразие авторских оценок, работ в области языкознания и литературоведения и близких к ним дисциплин свидетельствует о неизменном интересе к данной науке. Сейчас в Польше существует двадцать научных центров по изучению русского языка и литературы. Труды ученых публикуются в серьезных научных журналах. На отделения русистики польских вузов неизменно сохраняется высокий конкурс. Научные исследования в области русистики включают в себя труды по литературоведению, языкознанию и переводоведению. Никакие изменения в политике, в отношениях между Россией и Польшей не влияют на развитие польской науки о русской литературе и языке. Работы польских ученых отличаются стремлением к полноте и целостности освещения научных тем, рассмотрением языка и литературы в широком историческом, общественном и культурном аспектах. Продолжают публиковаться книги о разных периодах русской литературы, русско-польских литературных связях. Исследуются вопросы имагологии, интердисциплинарности, медиаведения, эзотерики, натурфилософии и анималистики. Появляются книги, посвященные российской драматургии, театру и кино. Рассматриваются проблемы теологии, религии, мистики в литературных произведениях. Важной областью исследования становится рецепция русской литературы и культуры в Польше и польской – в России. В последние десятилетия появилось большое количество работ, посвященных теме русской эмиграции. В них детально представлены жизнь русского зарубежья в Польше, специфические условия ее развития, контакты с творческой интеллигенцией тех стран, которые стали для эмигрантов вторым домом.

Польская русистика отличается использованием новейших методов исследования, текстологическим обоснованием, библиографической оснащенностью.

Югославянская русистика 1990–2010-х гг.

А.Г. Шешкен

Yugoslav Russian studies in 1990–2010

Alla G. Sheshken

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

asheshken@yandex.ru

Аннотация. Развитие югославянской русистики в 1990–2010-е гг. определили крупные политические и социальные изменения в жизни русского и югославянских народов. Ослабление позиции России в мире в 1990-е гг. привело к сокращению изучения русского языка и кризисным явлениям в области русистики. С 2000-х гг. ситуация меняется: в науку приходят новые кадры, расширяется тематика и проблематика исследований, начинается систематическое изучение вклада русской эмиграции в культуру и литературу югославян.

Ключевые слова: русистика, славистика, русская литература, литература русской эмиграции, Югославия.

Summary. The Yugoslav Russian studies in 1990–2010 identified major political and social changes undergone in the life of the Russian and Yugoslav people. The reduction of Russian influence in 1990s caused the crises in Russian studies. In 2000s the researchers began to investigate new themes and problems, appreciate the Russian emigration contribution in Yugoslav culture and literature.

Keywords: Russian studies, Russian literature, Russian Émigré Literature, Yugoslavia.

На изучение и преподавание русского языка и литературы в 1990–2010-е гг. решающее влияние оказали распад Советского Союза и социалистической Югославии (СФРЮ). На постъюгославском пространстве возникли новые государства: Сербия, Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония, Черногория. На смену социализму пришли капиталистические общественные отношения, изменения коснулись всех сторон жизни людей, в том числе сферы образования и науки. Ослабление позиции России в мире в 1990-е гг. имело следствием падение интереса к русскому языку, сфера которого значительно сузилась, сократилось его преподавание в средней и высшей школе. Создалась угроза для прихода перспективных кадров в науку. Отягчающим обстоятельством стала и естественная смена поколений ученых. Однако на рубеже XXI в. ситуация с изучением русского языка начала меняться к лучшему. Русистика в университетах еще недавно единой страны смогла сохранить научные кадры и высокий научный уровень, а в начале XXI в. в русистику пришло новое поколение ученых. Например, в Сербии увеличилось число желающих изучать русский язык и литературу, начался приток студентов на отделение славистики Белградского и других университетов. Эта тенденция сохраняется и во второй половине 2010-х гг.

Новые значительные работы о русской литературе были опубликованы во всех основных центрах бывшей Югославии. Начали издаваться новые журнады, проводились крупные международные конференции по проблемам русской культуры и литературы. Например, в Любляне состоялась международная конференция, посвященная столетию со дня рождения М.М. Бахтина (1995). В Македонии с 1995 г. стали проводиться регулярные конференции по русско-македонским культурным связям, результаты которых изданы в отдельных сборниках. Тематика изучения русской литературы расширилась за счет исследования вклада русской эмиграции (многочисленной в королевской Югославии) в культуру и литературу югославянских народов.

Литература

Петров А. Литературная Россия. Взгляд из Сербии. Белград, 2015.

Руско-македонски јазични, литературни и културни врски. 7. Зборник на трудови од VII Македонско-руска научна конференција одржана во Скопје на 15 и 16 јуни 2017 г. / Уред. Б. Мирчевска-Бошева. Скопје: Универзитет «Св. Кирил и Методиј» во Скопје, Филолошки факултет «Блаже Конески», 2018.

Сибиновић М. Славистички теме. Београд: Универзитет у Београду, Филолошки факултет. 2015. 268 с.

Шешкен А.Г. Русская и сербская литературы: штудии по компаративистике. Белград: Белпак, 2017. 387 с.

Чурич Б. Из жизни русского Белграда. Белград: Филологический факультет Белградского университета, 2015. 231 с.

Секция VI. История русского языка

Омонимия и паронимия древнерусского корня *-троуд-* / *-трѫд-*: диахронический аспект

А.В. Алексеев

Homonymy and paronymy in the Old Russian root -troud- / -trond-: diachronic approach

Aleksandr V. Alekseev

Московский городской педагогический университет / Moscow City Teacher Training University

avalekseev74@yandex.ru

Аннотация. Паронимическая аттракция, то есть семантическое взаимодействие паронимичных корней, приводит к образованию единого диффузного лексического значения. Этот процесс рассмотрен на примере древнерусского слова *трудъ*. Анализ показывает, что в диахроническом аспекте трактовка расходящейся полисемии как однозначного факта омонимии не позволяет корректно описать семантический потенциал лексического значения.

Ключевые слова: древнерусский язык; историческая лексикология: символическое значение; омонимия; паронимия.

Summary. Paronymic attraction, that is, the semantic interaction of paronymic roots, leads to the formation of a single diffuse lexical meaning. This process is considered on the example of the old Russian word work. The analysis shows that in the diachronic aspect the interpretation of divergent polysemy as an unambiguous fact of homonymy does not allow to correctly describe the symbolic potential of lexical meaning.

Keywords: Old Russian language; historical lexicology: symbolic meaning; homonymy; paronymy.

Древнерусское слово *троудъ* представляет собой соединение двух или более омонимов (на древнерусском синхронном уровне) и скрытую паронимию двух различных корней (в диахроническом аспекте). Первый корень является производным от праиндоевропейской глагольной основы **treud (:troud)*, которая имела значение ‘мять, жать, давить, щемить’ [Черных 1999: 266]. Развитие лексического концепта происходило по двум направлениям: в древнерусском языке слово *троудъ* употреблялось в XI–XIV вв. по меньшей мере в одиннадцати значениях [Срезневский 1893: 1008]. При расширении концепта, с одной стороны, возникло семантическое изменение ‘тяжелая ноша’ → ‘то, что мешает, всякая трудность вообще’ → ‘усилие в ее преодолении’: семемы (в формулировке И.И. Срезневского) ‘усилия’, ‘деятельность, работа’, ‘результаты труда’, ‘старание, рвение’, ‘забота’, ‘беспокойство’, ‘монашеский подвиг’. С другой стороны, произошел метонимический перенос ‘тяжелая ноша’ → ‘вызванное ею физическое страдание’ → ‘болезнь’: семемы ‘страдание’, ‘горестное чувство’, ‘боль’, ‘болезнь’. Лексикографические материалы показывают, что в общеславянском языке в семантике слова **trudъ* были уже отражены оба указанных направления. В Словаре русского языка XI–XVII вв. принято решение о выделении семемы *трудъ* ‘болезнь, недуг’ в самостоятельный омоним [Сл. XI–XVII вв.: 191], однако такое решение опровергается семасиологическим критерием: значение ‘болезнь’ является очевидным метонимическим переносом по отношению к более конкретному значению ‘физическое страдание’: добавляются семантические признаки ‘устойчивость, длительность’ и ‘внутренняя причина, источник страдания’.

Реальным омонимом по отношению к *троудъ* ‘трудность; страдание’ становится в письменный период (после утраты древнерусских носовых гласных) *троудъ* ← *трѫдъ* ‘воспламеняющийся материал’. Первоначально соотношение основ **troud* – **trond* отражает явление лексической паронимии, причем в диахроническом плане реализуется явление паронимической аттракции, то есть наложение омонимов со взаимным обменом и пересечением значений. Существует, в частности, предположение об этимологической связи семем *трудъ* ‘боль; болезнь’ именно с паронимичной основой **trond* [Фасмер 1987: 110]. Другой важный факт – особенности употребления лексемы *трудъ* в «Слове о полку Игореве»: *Чьрпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено.* Слово *трудъ* в приведенном контексте имеет несколько трактовок: ‘грусть’, ‘беда’, ‘горечь’, ‘яд’, ‘трут (обожженный материал)’, ‘пепел’, ‘зелье, травы’, ‘древесный гриб (трутовик)’, ‘губка из трутовика’. Ни одно из этих толкований не отражает полностью смысл слова – и в то же время ни одна из трактовок не может быть исключена по причине широкой (диффузной) образности и символичности древнерусского слова. Толкование ‘горе, печаль, скорбь’ соответствует широкому контексту, поскольку сон предвещает несчастье с воинством Игоря – уже произошедшее, но пока неведомое Святославу. Вместе с тем в контексте следует видеть диффузную реализацию всех значений, связанных с душевной сферой: ‘горестное чувство, беспокойство, забота; причина горя’. В некоторых изданиях «Слова...» *съ трудомъ смѣшено* переводится как *на беде замешено*; такой перенос значения согласуется не только с контекстом, но и с семантическими возможностями слова *трудъ*.

В Словаре русского языка XI–XVII вв. *трудъ* в данном контексте предлагается понимать как «легко воспламеняющийся материал» [Сл. XI–XVII вв.: 192]. Однако максимально точная интерпретация лексемы *трудъ* в «Слове…» возможна при правильном понимании структуры символического семиозиса и при корректном определении как означающего, так и означаемого символа. Выражение *синее вино съ трудомъ смѣшено* можно понимать двояко: 1) вино, смешанное с чем-то горьким; 2) вино вместе с горестным чувством. Элемент (1) соответствует означающему символа и может быть соотнесен с пеплом (семантическая аттракция с омонимом *трѫдъ* ‘сухой древесный гриб → обожженный трут → пепел’). Элемент (2) соответствует означаемому символа и указывает на страдания воина. Таким образом, в контексте «Слова…» наблюдается насыщенное синкретичное значение, возникшее под действием парадигматических факторов при символическом семиозисе. Данное синкретичное значение было результатом объединения семантического потенциала двух общеславянских паронимов.

Литература

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5 / Под. ред. Р.Н. Кривко. М.; СПБ.: Нестор-История, 2015 (Сл. XI–XVII вв.).

Срезневский И.И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Т. III. СПб.: Императорская Академія Наукъ, 1893.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М.: Прогресс, 1987.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. II. М.: Русский язык, 1999.

К вопросу о глагольно-именных конструкциях в московских и забайкальских деловых документах XVIII века

Е.Э. Базаров

On the question of verb-noun constructions in Moscow and Transbaikalian business documents of the XVIII century

Evgeniy E. Bazarov

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) / Vinogradov Institute of Russian Language RAS (Moscow)

eubaz@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются лексические и синтаксические особенности употребления глагольно-именных конструкций с полузнаменательными глаголами типа *учинить выдачу*, используемых в языке деловых документов XVIII века. Материалом для исследования служат памятники деловой письменности рассматриваемого периода, написанные в московских и забайкальских канцеляриях. Особое внимание будет обращено на типы глаголов и семантические классы имен, которые входят в состав глагольно-именных конструкций. Будет показана большая степень стандартизованности и консервативности синтаксиса забайкальских документов.

Ключевые слова: русский язык, деловой язык XVIII века, глагольно-именные конструкции, полузнаменательный глагол, отглагольное существительное, управление глагола, московская деловая письменность, забайкальская деловая письменность.

Summary. The report deals with the lexical and syntactic features of the use of verb-noun constructions with sdelexical verbs such as inflict punishment used in the language of business documents of the XVIII century. The material for the study are the monuments of business writing of the period under consideration, written in Moscow and Transbaikalian offices. Particular attention will be paid to the types of verbs and semantic classes of names that are part of the verb-noun constructions. A large degree of standardization and conservatism of the syntax of Transbaikalian documents will be shown.

Keywords: Russian language, business language of the XVIII century, verb-noun constructions, delexical verb, verbal noun, the control verb, Moscow business writing, Transbaikalian business writing.

Восемнадцатый век считается временем формирования основ русского литературного языка нового типа. Деловой язык в это время активно усваивает книжные нормы и со временем становится функциональным стилем литературного языка. Так, под влиянием книжно-литературного языка в тексте деловых документов все чаще начинают использоваться глагольно-именные конструкции с полузнаменательными глаголами.

В московских и забайкальских памятниках деловой письменности XVIII века обнаруживаются различные семантические типы полузнаменательных глаголов (за основу взята классификация дейктических глаголов Н.Ю. Шведовой).

I. Наиболее широко представлен класс **свободных (фразеологически не связанных)** дейктических глаголов. Глаголы *чинить* / *учинить* в деловом языке являлись самой продуктивной основой для построения рассматриваемых конструкций. С ними регулярно сочетаются существительные, называющие:

а) неблагоприятные, противоправные действия: *блуд*, *драка*, *насильство*, *обида*, *помешательство*, *поруха*, *трата*, *убийство*, *хитрость* и т.д.;

б) действия как таковые (без отрицательной семантики): *вспоможение*, *вспомоществование*, *пение*, *привалка*, *сбережение* и т.д.;

в) юридические и ведомственные процедуры: *взыскание*, *выдача*, *зачет*, *казнь*, *наказание*, *оборона*, *публикация*, *решение*, *розыск* и т.д.;

г) жанры деловых документов: *квитанция*, *опись*, *определение*, *письменный ответ*, *резолюция*, *указ*, *экстракт* и т.д. Отметим, что в таких сочетаниях глаголы реализуют значение ‘составлять документ’. В качестве синонимичного указанному значению в XVIII веке регулярно используется слово *сочинять* (*ведомость*, *выписку*, *реестр*, *репорт*, *следствие*, *экстракт* и т.д.), однако фиксируются примеры, когда этот глагол употребляется как синоним слова *чинить* и в других значениях, например: *сочинять наказание*, *недобрые случаи* и т.д.

К менее продуктивным глаголам этого класса относятся:

– произ*водить* / *произвести*: *выдачу*, *дело*, *допрос*, *открытие* школы, *публикацию*, *работу*, *следствие*, *суд* и т.д.;
– *творить* / *сотворить*, контексты с которыми нами обнаружены в забайкальских деловых документах только в конце XVII века, в сочетании со словами: *блудное дело*, *грех*, *насильство*. В документах XVIII века примеров не зафиксировано.

II. В рамках класса **несвободных (фразеологически связанных) глаголов**, при этом **не осложненных дополнительными смысловыми компонентами**, обнаружены:

1. **Глаголы, способные означать действие**. К ним относится глагол *делать*, который начинает использоваться в функции полузнаменательного, или десемантизируется, только в XVIII веке. До этого момента в текстах деловых документов данный глагол использовался в значении ‘изготовлять’ (в сочетании с конкретными существительными *замок*, *сундук* и т.д.). На протяжении XVIII века он постепенно расширяет свои сочетаемостные возможности за счет управления отглагольными существительными (например, *выправка*, *убивство* <sic>, *нарушение*, *пособие*), лексическим значением которых определяется значение всей конструкции.

К данному типу также относятся выявленные глаголы:

– *наносить* / *нанести*: *голод*, *нужду*, *обиду* и т.д.;
– *отправлять* / *отправить*: *молебное пение*, *молебны*, *службу* и т.д.;
– *приносить*: *жалобу*, *отговорки*.

2. **Глаголы, способные означать как действие, так и состояние**:

– *дать*: *ответ*, *предложение*, *приказ*, *указ*;
– *иметь*: *несогласие*, *опасение*, *пропитание*, *рассуждение*, *сведение* и т.д. Этот глагол в XVIII веке постепенно расширяет сочетаемостные возможности

III. К классу **несвободных глаголов, осложненных дополнительными смысловыми оттенками**, в данном случае **со смысловым компонентом порождения, причины** мы относим глагол *причинить*, сочетающийся со словами *грабеж*, *обида*, *сумнительство* <sic>.

Хронологические рамки использования выявленных глаголов в языке московских и забайкальских деловых документов неодинаковы, притом что на протяжении XVIII века в центральных и региональных канцеляриях продолжали регулярно употреблять глаголы *чинить* / *учинить*, одновременно в Москве вводились в оборот новые слова. Например, конструкцию *причиняемые обиды и грабежи* обнаруживаем в московском документе 1731 года, в это же время в забайкальских памятниках в сочетании с данными существительными регулярно используются стандартные глаголы *чинить* / *учинить*, а первое употребление производного слова от глагола *причинить* в региональном документе датируется лишь 1785 годом. В санкт-петербургском документе 1723 года обнаруживаем конструкцию *приносить отговорки*, такая же конструкция фиксируется в Забайкалье только в приказе 1782 года.

Литература

Русский семантический словарь / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: РАН, ИРЯ, 2007. С. 28–47.

Особенности функционирования причастий в художественной прозе А. Чехова 1895–1903 гг.

Е.Н. Бекасова, Л.М. Устюгова

Features of functioning of participles in art prose of A. Chekhov of 1895–1903

Elena N. Bekasova

Оренбургский государственный педагогический университет / Orenburg state pedagogical university

bekasova@mail.ru

Lyudmila M. Ustyugova

Ужгородский национальный университет (Украина) / Uzhgorod national university (Ukraine)

polina3000@inbox.ru

Аннотация. В сообщении указывается ряд факторов, предопределяющих функционально-стилистические особенности причастий в художественном тексте. Основное внимание автора сосредоточивается на типах грамматико-синонимических рядов, объединяющих компоненты со значением качества.

Ключевые слова: грамматико-синонимический ряд, позиция, причастие, функционально-стилистическая особенность.

Summary. The author analyzes the combination of factors that predetermine the functional and stylistic features of participles in an artistic text. The author focuses on the types of grammar-synonymic series that combine components with a value of quality.

Keywords: grammatical and synonymic range; value of content; participle; functional and stylistic features.

1. Становление современных причастий тесно связано с усилением категории ‘качественности’ в грамматической системе русского языка. Под влиянием французского языка в конце XVIII – начале XIX вв. у русских причастий происходит ослабление предикативной функции, сопровождавшееся развитием явственного оттенка ‘прилагательности’ [Виноградов 1982: 205]. Из 1196 причастий, зафиксированных в художественной прозе А. Чехова 1895–1903 гг., в предикативной функции стабильно употребляются только 284 кратких страдательных причастия (24%). Для полных форм оттенки предикативного значения в целом нехарактерны.

2. Функционально-стилистическая нагруженность причастий в тексте предопределяется целым рядом факторов, среди которых первостепенное значение имеют категориальные признаки как причастий (залог, время), так и мотивирующих их глаголов (переходность / непереходность, вид) [Бекасова, Устюгова 2016]. Представленные в таблице 1 результаты количественного анализа причастий, зафиксированных в художественной прозе А. Чехова 1895–1903 гг. по таким признакам, как отсутствие / наличие у причастия зависимых слов (одиночные / обороты) и положение причастия по отношению к определяемому слову (препозиция / постпозиция), убедительно показывают степень влияния категориальных признаков причастий на особенности функционирования словоформ в тексте. Ср.:

Таблица 1. Позиции причастий в художественной прозе А. Чехова 1895–1903 гг.

Типы причастий	Одиночные		Обороты		Всего
	препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция	
1. Действительные невозвратные (312)					
настоящего времени	78 (56%)	13 (9%)	6 (4%)	42 (30%)	**139**
прошедшего времени	24 (14%)	1 (0,6%)	6 (14%)	142 (82%)	**173**
2. Страдательные (572)					
настоящего времени	15 (68%)	1 (4,5%)	1 (4,5)	5 (23%)	**22**
прошедшего времени	222 (40%)	115 (20%)	40 (7%)	173 (31%)	**550**
Всего:					
по позициям	**339** (38%)	**130** (15%)	**53** (6%)	**362** (41%)	**884**
по структуре	**469** (53%)		**415** (47%)		

Из таблицы 1 видно, что действительные причастия, различающиеся категорией времени, имеют разное количество одиночных причастий (соответственно 65% и 14,6% – проценты суммируются) и причастий в составе оборотов (34% и 96%), а также причастий в препозиции (60% и 28%) и постпозиции (39% и 82,6%). Аналогичные различия предопределяются и категорией залога (ср. данные таблицы 1).

3. Исследователи языка А. Чехова давно обратили внимание на активное использование им атрибутивных членов предложения, прежде всего имен прилагательных. В атрибутивной функции писатель не менее активно употребляет и причастия, часто совмещая их не только с прилагательными, но и с другими частями речи. Ср.: *Жмухин, Иван Абрамыч, отставной казачий офицер,* / ***служивший когда-то на Кавказе,***/ *а* ***теперь проживающий у себя на хуторе,*** / ***бывший когда-то молодым, здоровым, сильным,*** / *а* ***теперь старый, сухой*** *и* ***сутулый,*** / ***с мохнатыми бровями*** / *и* ***с седыми, зеленоватыми усами,*** / *– как-то в жаркий летний день возвращался из города к себе на хутор* [Чехов 1956: 234]. В нашем материале имеется много примеров использования А. Чеховым причастий и прилагательных в различных комбинациях: *Своим* ***веселым, танцующим почерком*** *он писал, что путешествие по Волге ему удалось вполне…* [Чехов 1956: 506]; *Каждую неделю Ариадна присылала моему отцу* ***письма на душистой бумаге, очень интересные, написанные прекрасным литературным языком*** [Чехов 1956: 73]; *Она уже поняла, что она создана исключительно* ***для этой шумной, блестящей, смеющейся жизни с музыкой, танцами, поклонниками****…* [Чехов 1956: 22]; *Как эта Варя, <…> вертящая папиросу длинными, худыми пальцами, <…>* ***Варя, легко впадающая в мистицизм, говорящая так вяло и монотонно****, – как она непохожа на Варю-курсистку…* [Чехов 1956: 275] и др. Даже небольшое количество приведенных примеров показывает многообразие используемых А. Чеховым типов соединения атрибутивов, расположенных в виде ряда. В нашем материале около трети причастий фиксируется именно в составе рядов. Из возможных наименований этих рядов (синтаксический ряд, синонимический ряд, словесный ряд) суть явления, на наш взгляд, наиболее полно отражает термин ‘грамматико-синонимический ряд’, поскольку такие ряды возникает внутри грамматической категории (в данном случае категории качественности), отражая внутренние закономерности взаимодействия между морфологическими, синтаксическими и лексическими средствами, объединенными общностью семантической функции [Раевская 1973: 139].

Литература

Бекасова Е.Н., Устюгова Л.М. К вопросу об изучении русских причастий // Schválené edičnou radou Univerziti sv. Cyrila a Metoda v Trnave a s vedomín Filozofický fakulty Univerzity sv. Cyrila a Me-

toda v Trnave. Zborník je jedným z výstupov grantového hrojektu KEGA č. 025UCM-4|2014 Zvyovanie efektivity edukačného hrocesu v rusko-slovenskej komparácii. Brno: Tribun EU, 2016. S. 180-187.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1982.

Раевская Н.Н. Очерки по стилистической грамматике современного английского языка. К.: Изд-во Киевского ун-та, 1973.

Чехов А.П. Повести и рассказы 1895–1903 гг. // Чехов А.П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 8. М.: Изд-во худож. литры, 1956.

«Амшкуры» – музыкальный термин XVII в.?

А.В. Богатырёв

Is 17th century musical term “amszkury”?

Arseniy V. Bogatyrev

Поволжский православный институт (Тольятти) / Volga Orthodox Institute (Togliatti)

sob1676@yandex.ru

Аннотация. Описывая погребение польских монархов Яна II Казимира и Михаила Вишневецкого в 1676 г., московский посланник В.М. Тяпкин упомянул: музыканты, сопровождавшие действо, дули в некие «амшкуры». Поиски лексемы в специальной литературе, в польских и российских этимологических словарях в итоге привели в Российский государственный архив древних актов, благодаря документам которого удалось выяснить, что же представляли собой эти «амшкуры».

Ключевые слова: этимология; музыкальная культура; XVII в.; бумаги русского дипломата В.М. Тяпкина.

Summary. Describing the burial of the Polish monarchs of Jan II Kazimierz and Michał Wiśniowiecki in 1676, the Moscow envoy V.M. Tyapkin mentioned that the musicians who accompanied the action, blew into some “amszkury”. The absence of lexemes in the specialized literature, in the Polish and Russian etymological dictionaries led to the Russian State Archive of ancient acts, thanks to which documents it was possible to find out what exactly the musicians named by Tyapkin played.

Keywords: etymology; musical culture; XVII century; papers of Russian diplomat V.M. Tyapkin.

Являясь своеобразной «буферной зоной» между Россией и Западом, Речь Посполитая XVI–XVII столетий помогла россиянам в дальнейшем пополнить свой словарный запас новыми понятиями западной культуры и традиции. Интенсификации данного процесса также содействовала организация ряда постоянных представительств Московского государства в странах зарубежной Европы, в том числе и в Речи Посполитой, где в 1674 г. обосновалась миссия Василия Михайловича Тяпкина.

Работая в Польско-Литовском государстве до 1677 г., Тяпкин усвоил немало неизвестных россиянам лексем, своим знанием он делился с высшими кругами Московии, отправляя на родину детальные донесения. Вкупе со статейным списком (дневником-отчетом), они оказались ценнейшим источником о польско-российских языковых связях, что было продемонстрировано с позиций исторической науки в том числе и в наших исследованиях [Богатырёв 2015; 2016].

Продолжив изучение архива Тяпкина, мы обнаружили еще один любопытный пример подобного рода в публикации П.И. Ивановым отрывков из статейного списка резидента [Иванов 1850]. Докладывая в Москву о музыкальном сопровождении церемонии похорон польских королей Яна II Казимира и Михаила Вишневецкого (1676 г.), дипломат отметил: «…Ехали трубачи в черных плащах и шляпах Немецких с трубами сребряными, трубили тихо и жалостно чрез *амшкуры*…» [Иванов 1850: 316].

Выделенное курсивом слово было замечено нами впервые, показалось весьма примечательным. Его необычность и единичный характер упоминания наводила на мысли об описке, но, тем не менее, похожие случаи в записках русской миссии нам уже встречались (к примеру, *консилиум* [Богатырёв 2016: 100] и др.).

Как можно заключить из отрывка, *амшкуры* – или музыкальный инструмент (по-видимому, духовой), или же какая-то его часть. Так как лексема попалась при изложении польского обряда, логично было поискать ответ в специальной литературе. Однако поиски в трудах по истории польской музыкальной культуры [Бэлза 1955; Chomiński, Wilkowska-Chomińska 1998] оказались безрезультатными. Ничего не поведали нам и польские этимологические словари: А. Баньковского, Ф. Славского, К. Длугош-Курчабовой, И. Мальмор и пр. [Bańkowski 2000; Boryś 2005; Długosz-Kurczabowa 2003; Malmor 2010; Sławski 1983]. Тогда мы развернулись к русской традиции. Но и здесь ждала неудача – в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [Сл. XI–XVII 1975, вып. 1] подобное не значилось.

Пришлось опять вернуться к допущению об ошибке. Перебирая варианты, мы наткнулись на *«амикур»*. Действительно, это созвучное *«амшкуры»* слово имеется в нескольких языках. По вполне понятным причинам был отброшен пример из японского («Amikura» [Yonemoto 2003: 199]), неправдоподобным показался нам и вариант с лексиконом индейцев Эквадора [Gnerre 1986: 314].

Более реалистичной выглядит гипотеза о монгольских наречиях, в которых *«амикур»* означает «устье озера» etc., имеет отношение к географической сфере [Мельников 2009]. Предположение, кажется, подтверждается и еще одним моментом – интересом самого П.И. Иванова к вопросам межевания, землеведения, картографии (он сам занимался редактированием старинного свода подобной информации).

Правда, связь с музыкальной тематикой в данном случае чрезвычайно слаба и размыта. Если говорить об этой области, то ближе к ней находится еще одна догадка. Ведь «Амикур» это имя (фамилия) супруги известного деятеля из области музыки Марена Маре (д’Амикур, d’Amicourt), чья активность пришлась как раз на XVII–XVIII вв. [Rayborn 2016: 68]. И все же сомнения не исчезли, без ответа так и остался вопрос: что же имелось в виду в тексте Тяпкина.

Каким-то образом разрешить проблему могло лишь возвращение к истокам. Для этого в Российском государственном архиве древних актов мы разыскали посольскую книгу (дело) с фрагментом, который привел в своей публикации П.И. Иванов [РГАДА, ф. 79, д. 161а, л. 535об.]. Нас ждало разочарование – лексема, помеченная как *«амшкуры»*, в самом источнике оказалась труднораспознаваемой, просто не читалась.

Спасло ситуацию то, что сведения из статейного списка, которым пользовался П.И. Иванов, прежде откладывались как в черновом варианте данного документа, так и в разного рода сообщениях, письмах Тяпкина в Москву. В одном из них [РГАДА, ф. 79, д. 178, л. 81–81об.] и была найдена разгадка: на месте *«амшкуры»* должно было находиться *муштуки* (*мунштук*, *мундштук)*. Итак, трубачи на похоронах королей «трубили жалостно и тихо чрез *му[н]штуки*…».

Данное слово сложно назвать совершенно новым, оно уже фиксировалось в отдельных памятниках XVII в. [Сл. XI–XVII 1982, вып. 9: 325], было известно в определенных кругах. Как и сегодня, *«муштук»* (*«мундштук»*) являлся обозначением детали музыкального инструмента, он прекрасно вписывается в контекст сообщения и вполне логично проясняет всю ситуацию. Странное *«амшкуры»*, таким образом, оказалось ошибкой, помаркой, вкравшейся в текст публикации исторического материала.

Литература

Богатырёв А.В. Некоторые дополнения и уточнения к «Словарю русского языка XI–XVII вв. // Slavia Orientalis. 2015. T. LXIV. N 3. S. 567–590.

Богатырёв А.В. Новые штрихи к польско-российским культурным связям XVII в. // Древность и Средневековье: Вопросы истории и

историографии. Омск: Омский государственный университет, 2016. С. 98–104.

Бэлза И.Ф. Из истории русско-польских музыкальных связей. М.: Государственное музыкальное изд-во, 1955.

Иванов П.И. Описание государственного архива старых дел. М.: Тип. С. Селивановского, 1850.

Мельников А.В. Топонимический словарь Амурской области. Благовещенск: Благовещенское кн. изд-во, 2009 [URL: https://www.chitalnya.ru/work/121676/ (дата обращения: 24.10.18)].

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А–Б). М.: Наука, 1975; Вып. 9 (М). М.: Наука, 1982 (Сл. XI–XVII).

Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. Warszawa: PWN, 2000. T. 1 (A–K).

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.

Chomiński J.M., Wilkowska-Chomińska K. Historia muzyki polskiej. Cz. 1. Kraków: PWM, 1998.

Długosz-Kurczabowa K. Nowy słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: PWN, 2003.

Feicht H. Studia nad muzyką polskiego renesansu i baroku. Kraków: PWM, 1980.

Gnerre M. The Decline of Dialogue: Ceremonial and Mythological Discourse among the Shuar and Achuar of Eastern Ecuador // Native South American Discourse / Ed. by J. Sherzer and G. Urban. Berlin; New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1986. P. 307–342.

Malmor I. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: PWN, 2010.

Rayborn T. Beethoven's Skull: Dark, Strange, and Fascinating Tales from the World of Classical Music and Beyond. New York: Skyhorse Publishing, 2016.

Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Z. 1 (A–Czar). Kraków: Tow. Miłośników Języka Polskiego. 1983.

Yonemoto M. Mapping Early Modern Japan. Berkeley: University of California Press, 2003.

Системные отношения в лексике скорописного текста начала XVIII века «Запись астрономическихъ явлений въ небе надъ городомъ Тобольскомъ»

М.С. Выхрыстюк

System relationships in the vocabulary of cursive text of the beginning of the XVIII century «Recording astronomical phenomena in the sky above the city of Tobolsk»

Margarita S. Vykhrystyuk

Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета /
Tobolsk Pedagogical Institute. D.I. Mendeleev (branch) of Tyumen State University

margaritavv@mail.ru

Аннотация. Системные отношения слов – показатель включения той или иной лексемы в определенную подсистему лексики русского языка. Важными системными свойствами лексики являются отношения полисемии, синонимии и антонимии. Исследование системных отношений в лексике регионального скорописного памятника начала XVIII века «fi˝ßŒ-Õ ˝–° ¹œøœŁŒûª-æŒÖË í˘1ªøŒ° ˘Ë øª ¸ª ø˝ÆË –œ¹œÆœŁË » œ ¸œ1Õ–æœŁË», относящегося ко времени, когда еще не сложились языковые нормы, позволяет понять пути становления русского литературного языка на российской окраине.

Ключевые слова: лингвистическое источниковедение, полисемия, синонимия, антонимия.

Summary. Systemic word relationships are an indicator of the inclusion of a particular lexeme in a certain subsystem of the Russian vocabulary. Important system properties of the vocabulary are the relations of polysemy, synonymy and antonymy. The study of systemic relations in the vocabulary of the regional cursive monument of the beginning of the 18th century "Recording astronomical phenomena in the sky of the city of Tobolsk", dating back to the time when the language norms were not yet formed, allows us to understand the ways of the formation of the Russian literary language on the Russian outskirts.

Keywords: linguistic source study, polysemy, synonymy, antonymy.

Междусловные системные отношения слов – показатель включения той или иной лексемы в определенную подсистему лексики русского языка. Важными системными свойствами лексики, как известно, являются отношения полисемии, синонимии и антонимии.

Исследование регионального скорописного памятника начала XVIII века «**Запись астрономическихъ явлений въ небе надъ городомъ Тобольскомъ**», объемом 111 страниц, хранящийся в фондах библиотеки редкой книги при Тобольском государственном музее-заповеднике (КП 12530), относящегося ко времени, когда еще не сложились орфографические нормы, позволяет понять пути становления русского литературного языка на российской окраине.

Явление синонимии усложнялось в исследуемую эпоху временным существованием старых и новых лексических элементов. В языке источника синонимические отношения наблюдаются и среди однословных астрономических терминов и апеллятивов, и среди терминологических сочетаний. Слова, находящиеся в тексте по своему значению в синонимических отношениях, образуют синонимические ряды, чаще пары: **воздухъ – пространство; совершеніе – сотвореніе; непостоянство – движение; тьма – потемки; сияніе – свеченіе; рубежь – граница; тма – мракъ; исполнение – совершение**. В синонимические отношения с однословными апеллятивами вступает большинство терминологических сочетаний: **небесное светило – солнце; іметь шествіе – шествовать; полуденное врѣмя – полдень; полуношной часъ – полночь; утрѣнний часъ – утро**.

В пределах одной тематической группы в синонимические отношения могут вступать и терминологические сочетания: **солнцѣ – небѣсное свѣтило – Wгнѣнная планета – Wгнѣнной шаръ – Wгнѣнное небѣсное свѣтило; небо – небеса – небесные просторы; взойти – подняться – встать; двигаться – шествовать по небу – имѣть шествіе – передвигатья – идти; полночь – полуношное время – полуношный часъ**.

Проиллюстрируем примеры функционирования синонимов в изучаемом тексте: «**Месяца генваря** 8 **дня, въ Тобольску, | на последнем часу дни, | <u>солнце</u> <u>стояло</u> на самом западе | въ светлом столбе, | тако ж и луна <u>взошла</u> на востоке, была** <…>» (с. 101); «**Месяца сентября въ** 13 **день въ Тобольску | знамение <u>поднялось</u> въ выоздухе: | въ третий часъ дни. | Внезапу съ полудни нанесло тихимъ ветромъ мглу. | Какъ туманъ густой, огненной, | и <u>небесное светило</u> съ небеси въ туманъ разлиялось | и другъ съ другомъ люди во храминахъ будто | въ огне виделись** <…>» (с. 31). Включение в его состав стилистически разнородных слов и сочетаний свидетельствует о начальном этапе становления литературного языка и его стилистической системы.

Антонимы в тексте источника представлены менее рельефно и прослеживаются лишь в некоторых тематических группах, в частности, в группе глаголов, называющих движение небесных тел: **взойти – зайти; загореться – погаснуть; дать – взять; свѣтиться – меркнуть; положить – убрать**. Отмечаем частотность образования антонимических пар и среди имен существительных, прилагательных и наречий: **вечере – утрось; день – ночь; маленько – много; полуношный часъ – днѣвное врѣмя; полночь – полдень; работа – отдыхъ; сытость – голодъ; теплостный – хладнокровный; вверхъ – внизъ; мрачны – светлы – бледны**. Проиллюстрируем антонимические отношения в тексте источника: «**Месяца сентября с** 23 **числа | явились <u>в</u> шествии две звезды – звезда | над звездою: <u>нижняя</u>**

велика и светла | весьма, лучь от нея къ верхней, | а верхняя помене и потемнее <…>» (с.118); «**Месяць октября въ 4 день | явилась ѕвезда двухвостная, | или съ двойным лучом, немного покривленная на раѕмете, | то есть один лучь къ востоку, | а другой къ ѕападу** <…>» (с.114); « … **по обе ж стороны луны | два креста осмиконечные. | Луна же темно меркнула, а кресты, ду | га и мечь были весьма светлы**» (с.77).

Следует отметить также полисемантизм некоторых слов в лексике исследуемого памятника. Полисемия в изучаемой лексике не основная, а скорее, периферийная черта. По нашим наблюдениям, многозначными являются только 20% от общего числа слов: **хожденіе кометы – хожденіе человека; бегъ времени – бегъ кометы; шествовать къ церкви – шествовать по небу; бегство по ѕемле – бегство кометы по небу; хвостъ кометы – хвост птицы**. Следует отметить большую частотность этого явления среди существительных и меньшую среди прилагательных и глаголов: **праѕдный, пустошь, течение, теплостный, тонкий, худой, светлость, мечь кометы, шествовать по небу** и др.

Таким образом, важными системными свойствами изучаемой лексики являются отношения вариантности, синонимии, антонимии и полисемии. По своей функциональной принадлежности текст «**Запись астрономическихъ явлений**…» неоднородный: семантические группировки уже при первичном анализе отражают включение разностилевой лексики: с одной стороны книжной, а с другой – разговорной, что обусловлено содержанием и целью написания. Предназначенный для широких кругов населения и потому ориентированный на доступность и ясность, памятник написан на понятном народу языке.

Источник

Запись астрономическихъ явлений въ небе надъ городомъ Тобольскомъ. Библиотека редкой книги при Тобольском государственном музее-заповеднике (КП 12530).

Инновационные и архаические грамматические черты новгородского диалекта конца XVI века

Е.А. Галинская

New and archaic grammatical features in the Novgorod dialect of the late 16th century

Elena A. Galinskaya

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

eagalinsk@mail.ru

Аннотация. В новгородской рукописи 1597–1598 гг. «Записная книга старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» отражаются сосуществующие инновационные (напр., И. п. мн. ч. *сынове*) и архаические (напр., М. п. слова *три – треи*) грамматические особенности.

Ключевые слова: новгородский диалект XVI века, рукописи, грамматика, архаизмы, инновации.

Summary. The paper examines *The Register of Old and New Serfdom Documents from Novgorod, Certified by Dyak Dmitry Alyabyev*, a manuscript from 1597–1598 written in the Novgorod dialect of Russian. It combines grammatical innovations, such as Loc. *trei* (numeral *tri*) with relics, e.g. Nom. Sg. *synove*.

Keywords: Novgorod dialect of the 16th century, manuscripts, grammar, relics, innovations.

Фонетические особенности новгородского диалекта конца XVI – первой половины XVII в. изучены уже в достаточной мере, так как памятники местной деловой письменности их хорошо отражают (см., напр., [Галинская 2002]). По этим же памятникам можно составить некоторое представление об отдельных звеньях морфологической системы новгородского диалекта. Но тексты делового содержания зачастую содержат однообразные синтаксические конструкции и определенный круг лексики, а кроме того, они следуют грамматической норме приказного языка, и поэтому полностью морфологическая система диалекта по ним не восстанавливается. Однако представление о некоторых интересных морфологических особенностях по текстам делового содержания получить можно.

Далее будут рассмотрены грамматические инновации и архаизмы, присутствовавшие в новгородском диалекте конца XVI в., которые нашли отражение в «Записной книге старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» 1597–1598 гг. (далее – ЗК) Этот документ находится в составе рукописи РГАДА (ф. 1144 «Новгородская приказная изба», оп. 1 № 1, 201 л.) и занимает листы 1–141 об., на которых имеется скрепа дьяка Дмитрия Алябьева, служившего в Великом Новгороде с марта 1594 г. по май 1602 г. (см. [Веселовский 1975: 21]). Далее приплетена челобитная грамота 1596 года (л. 142), а оставшиеся листы написаны в XVII в., поскольку лл. 143–167 скреплены подписью дьяка Федора Опраксина (Апраксина), служившего в Великом Новгороде с 21 марта 1624 г. по 1625 / 26 гг. [Там же: 28], а лл. 168–201 имеют скрепу Ивана Зиновьева, о котором известно, что он был дьяком в Великом Новгороде в 1660 г. [Там же: 195].

ЗК, которая велась в Новгороде с 1 декабря 1597 по 31 января 1598 гг., представляет собой изложение полных, докладных и кабальных грамот, оформлявших права на владение холопами в XVI в. (в основном в последней его четверти) и в некоторых случаях в XV в. Важно заметить, что мы имеем дело в основном с пересказами указанных документов, а не со списками с них, хотя небольшие фрагменты списков иногда присутствуют. Дело в том, что обычно пересказы, в отличие от списков, которые копируют более ранние оригиналы, отражают языковую ситуацию периода, когда они создаются (ср. анализ типов падежного синкретизма, отраженного списками и пересказами XVII в. псковских грамот XIV–XV вв. [Алпатова 2005: 89–92]).

В ЗК выделяются 6 почерков, причем все писавшие были новгородцами. Самым ярким свидетельством этого является мена букв **ѣ** и **и** в слоге под ударением во всех позициях – перед твердыми и мягкими согласными и на конце слова,

хотя она представлена у разных писцов с различной интенсивностью. Наиболее часто смешивает буквы **ѣ** и **и** пятый писец, написавший лл. 94–125 об. Ср. прямые замены: *ди*^{в}*ка* 98, *крипо*^{с}*ти* 106 об., *о*^{т} *намистника* 114, *у дида* 114 об., *дити* 100, *в обию*^{х} *кабалахъ* 119, *дви* 106 об. – и обратные замены: *у нѣ*^{х} 98, *челобѣ*^{т}*ную* 122 об., *бѣти челомъ* 108 об. *з де*^{т}*мѣ* 101 об.

Перейдем к грамматическим особенностям, отразившимся в ЗК, и перечислим сначала инновации, которые не были характерны для говоров центра и ряда других великорусских областей.

1. Р. п. ед. ч. жен. р. местоимения *она* преимущественно в значении притяжательного местоимения. Здесь произошло закономерное отпадение конечного гласного в результате дефинализации ударения – *jejě* > *jej*: *у неи* 2, *о*^{т}*цЪ еи* 111 об., *о*^{т}*ца еи* 11, *о*^{т}*цу еи* 34 об., 35, 111 об., *сестра еи* 21 об., *се*^{с}*тра еи* 100, *еи дити* 116, *на е*^{и} *детеи* 28, *за еи о*^{в}*до*^{т}*инои доче*^{в}*ю* 54 об., *проти*^{в}*... дочери еи* 93 (нормативная для делового языка форма *еѣ* тоже встречается).

2. Спорадическая утрата [н’] припредложными формами местоимений: *служи*^{т} *у еѣ* 2 (2 р.), *служи*^{т} *у его* 2 об., *бѣгаю*^{т} *о*^{т} *е*^{в} 46, *о*^{т} *ево бѣгаютЪ* 101, *у его во дворѣ* 83 об., *а да*^{л} *на и*^{х} *ше*^{с}*ть рубле*^{в} *моско*^{в}*скую* 45 об.

3. Экспансия формы Р. п. *треи* (из др.-русск. *трии*) на М. п. отмечена во 2-м почерке (лл. 9–75 об.): *кабала... в треи рубле*^{х} 23, 24, 35, 44 об., *кабала... в тре*^{и} *рубле*^{х} 38 об., 50, 54 об. при нескольких случаях употребления формы *трехъ*. Нормальной для истории русского языка была замена формы Р. п. формой М. п. *трехъ* [Историческая грамматика древнерусского языка 2006: 243].

Отражены в ЗК и грамматические архаизмы.

1. Форма И. п. мн. ч. *сынове* в записи 1598 г.: *пожаловали свое*^{г} *чл*^{в}*ка коже*^{в}*ника крюкова сна женити*^{с} *ему гдѣ любо а приро*^{д} *коже*^{в}*нико*^{в} *и его жены сынове по о*^{т}*цы а дочери по матери* 39 об. В древнерусском языке за пределами юго-западных говоров, легших в основу украинского языка, флексия И. п. мн. ч. **й*-основ *-ове* была вытеснена флексиями **ŏ*-основ *-и* (*-ы*) и долго сохранялась лишь в лексикализованных реликтах типа *послове*, *татарове* [Историческая грамматика древнерусского языка 2000: 85].

2. Задерживается развитие категории одушевленности у слова *люди* и в меньшей степени у слова *дѣти*: *на люди свои на крепостные* 48 об., *на свои люди* 58, *да*^{л}*... людѣ* 110 об. (с заменой **и** на **ѣ**), *дала... люди приданые* 54 (при наличии формы *людеи*), *кабала... на и*^{х} *дити* 100 (при обычном *дѣтеи*).

3. Собирательное существительное *братия* еще не развило плюральную парадигму: *о*^{т}*дана са*^{м}*сону з бра*^{т}*ею* 8, *да*^{л}*... бра*^{т}*ю е*^{г} *wв*^{с}*ѣика... да пими*^{н}*ка* 57 об., хотя прилагательное в косвенном падеже уже может согласоваться с этим словом во мн. ч.: *служа*^{т} *у бра*^{т}*и е*^{г} *двоюро*^{д}*ны*^{х} 69 об. Но при этом сохраняется и согласование в ед. ч. при нестандартной форме Р. п. *братья*, видимо, образованной по образцу собирательных существительных среднего рода: *служитъ у бра*^{т}*а его двоюродные* 123 об. (окончание Р. п. ед. ч. *-ые* в ЗК употребляется регулярно).

4. Стабильно удерживается согласование по женскому роду с сочетаниями числительного с существительным, где числительное стоит в И.-В. пп.: *за два ру*^{б}*ля моско*^{в}*скую* 33, *да*^{л}*... три ру*^{б}*ли мо*^{с}*ко*^{в}*скую* 76, *да*^{л}*... ше*^{с}*ть рубле*^{в} *моско*^{в}*скую* 45 об. и т.д. (регулярно). То же происходит при опущении слова «один»: *да*^{л}*... ру*^{б}*ль ноугоро*^{д}*цкую* 2 об. Впрочем, здесь, уже намечается переход к новому согласованию (у 5-го писца): *взя*^{л} *ру*^{б}*ль ноугоро*^{д}*цкои* 104, *взя*^{л}*... ру*^{б}*ль моско*^{в}*скои* 124.

Литература

Алпатова Е.А. Формы родительного-дательного-местного падежей единственного числа существительных с исторической основой на *-а в памятниках псковской письменности XIV–XVII веков. Канд. дис. М., 2005.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М.: Наука, 1975.

Галинская Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Изд. МГУ, 2002.

Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Том IV. Жолобов О.Ф. Числительные. М.: Азбуковник, 2006.

Система времен в севернорусском средневековом говоре

Ядранка Гвозданович

The tense system in the northern Russian medieval vernacular

Jadranka Gvozdanović

Гейдельбергский университет, Институт славистики (Германия) / University of Heidelberg, Slavic Department (Germany)

Jadranka.Gvozdanovic@slav.uni-heidelberg.de

Аннотация. В статье рассматривается грамматическая категория перфект в древненовгородском диалекте в системе времен той эпохи и с учетом других тенденций развития языка.

Ключевые слова: перфект, будущее совершенное время, вспомогательный глагол «быть».

Summary. The paper discusses the perfect tense in the Old Novgorod vernacular within the tense system of its time and in connection with the other developments in the language.

Keywords: perfect tense, future perfect, ‘be’ auxiliary.

Как обсуждалось многими исследователями, такими как М.Л. Ремнёва [Ремнёва 1995], А.А. Зализняк [Зализняк 1995], Й. Норгард-Соренсен [Nørgård-Sørensen 1997], М. Майер [Majer 2014], система времен северно-русского средневекового говора отличается от церковнославянского, имея в отличие от широко используемого перфекта лишь рудиментарный, сильно ограниченный аорист и имперфект. Кроме того, как показал Х. Андерсен [Andersen 2006], существовала также перифрастическая форма будущего времени, состоящая из фазового или модального вспомогательного глагола с инфинитивом, как и совершенное будущее время (перфективная форма *быть* настоящего времени + причастие). Берестяные грамоты, в основном из Новгорода, демонстрировали также формы перфекта без *л* (наряду со «стандартным» перфектом), рассмотренные Й. Норгардом-Соренсеном [Nørgård-Sørensen 1997] как аористы с вспомогательным глаголом *быть*, но показанные М. Майером [Majer 2014] как формы, созданные по образцу активных причастий с предикативной функцией. Во время развития до 1600-х годов совершенное будущее время (описывающее будущее событие как предварительное условие для другого события в будущем) было утрачено, а его вспомогательный глагол (перфективный *быть* настоящего времени) использовался в качестве условного дополнения. В этой статье рассматривается перфект древненовгородского диалекта по отношению к развивающейся категории вербального аспекта (перфект был сначала ограничен предельными предикатами категории перфективного аспекта, находящейся на стадии становления). Примеры XIV века по-прежнему показывают результативную функцию перфекта, выраженную вспомогательным глаголом. По мере того, как вспомогательный глагол теряется, значение сдвигается, становясь только ретроспективным. В статье также обсуждаются последствия этого развития для других элементов системы времен.

Литература

Ремнёва М.Л. История русского литературного языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материалов находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры.

Andersen H. Grammation, regrammation and degrammation: tense loss in Russian. Diachronica. 2006. 23. P. 231–258.

Bermel N. Context and the Lexicon in the Development of Russian Aspect // Linguistics. 129. University of California Publications. Berkeley; Los Angeles; London, 1997.

Birnbaum H. Untersuchungen zu den Zukunftumschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen. Ein Beitrag zur historischen Verbalsyntax des Slavischen // Acta Universitatis Stockholmiensis. Études de philologie slave. 6. Stockholm, 1958.

Majer M. The origin of the "l-less perfect" in the Novgorod birchbark documents // Russian Linguistics. 2014. 38. P. 167–185. (

Nørgård-Sørensen J. Tense, aspect and verbal derivation in the language of the Novgorod birch bark letters // Russian Linguistics. 1997. 21 (1). P. 1–21.

О тюркском синтаксическом влиянии в истории русского языка

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

About Turkic syntactic influence in the history of Russian

G.-R. A.-K. Guseinov

Дагестанский государственный университет (Махачкала) / Daghestan State University (Makhachrala)

garun48@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматривается модельный уровень препозиционного употребления согласованных определений (от структуры SOV к структуре SOV, типичной для тюркских языков), который развился в среднерусском (XIV–XVIIвв.) языке под тюркским синтаксическим влиянием и окончательно закрепляется в литературной форме русского языка к середине XIX века. При этом имеется в виду, что синтаксический уровень структуры языка является наиболее проницаемым после лексического.

Ключевые слова: тюркское синтаксическое влияние, среднерусский язык.

Summary. In the report is analyzed the model level of the prepositive use under Turkic syntactic influence of the coordinated definitions (from structure of SOV to structure of SOV typical for Turkic languages) which developed in Middle Russian (the 14-17th century) language and finally are fixed in a literary form of Russian to the middle of the 19th century. At the same time means that the syntactic level of structure of language is the most permeable after lexical.

Keywords: Turkic syntactic influence, Middle Russian language.

Синтаксический уровень языка относится вслед за лексическим к числу наиболее проницаемых, и в его пределах иноязычное «воздействие может быть модельным» [Кузнецов 1956: 120]. Поэтому в историческом синтаксисе задача состоит не только в том, чтобы установить «степень древности той или иной синтаксической конструкции», но и рассмотреть ее взаимоотношения «с другими гомогенными и гетерогенными единицами» [Тарланов 2013: 158].

Контакты в области синтаксиса индоевропейских языков, включая славянский, с другими, в том числе иносистемными, языками считаются недостаточно изученными [Степанов 1989: 228]. Вместе с тем, если для протоиндоевропейского состояния была характерна позиция прилагательного (адьектива) и генетива перед именем существительным (структура SOV), то уже времени распада индоевропейского языка в нем появились черты структуры SVO, присущие персидскому и языкам Северной Европы, среди которых славянские и северогерманские более всего подверглись влиянию соседних языков типа SOV (см.: [Леман 1988: 372, 405, 399–400; Степанов 1989: 226, 227]).

В общеславянском прилагательные располагались свободно по отношению к существительному [Berneker 1900: 31], как, в принципе, и в древнерусском, в котором имело место практически равное соотношение случаев употребления согласованных определений в препозиции и постпозиции к определяемому слову [Тарланов 1999: 31–32], но в южнославянских языках чаше всего прилагательное стоит перед существительным и менее обычный порядок в таком случае является экспрессивным [Мейе 1951: 386]. Последние языки подверглись, как известно, довольно значительному тюркскому влиянию.

И в этом смысле обращает на себя внимание то, что в среднерусском языке (XIV–XVII вв., когда тюркское влияние было наиболее интенсивным) от 69% до 95–96% всех отмеченных случаев приходится на долю препозитивных определений. Они окончательно закрепляются в литературной форме русского языка к середине XIX века, что имело место и в других восточнославянских языках, за исключением того этапа в их истории, когда он был приторможен воздействием польского языка [Тарланов 1999: 36–37].

При этом следует иметь в виду, что в тюркских языках присущий им закон порядка слов «определение + определяемое» существовал еще в праязыке [Гаджиева 1973: 75–76; Гаджиева, Серебренников 1986: 39, 257]. И развертывание ядерных препозиционных именных отношений, о которых говорит З.К. Тарланов [Тарланов 1999: 37–38], могло быть также поддержано и, возможно, стимулировано, воздействием тюркских языков. Тем более что З.К. Тарланов [Тарланов 1999: 32, 37–38] выступает как против объяснения употребления атрибутивного члена в постпозиции иноязычным (византийско-греческим) влиянием, так и известного на сегодняшний день утверждения о немотивированности постпозиции или препозиции согласованного определения в древнерусском языке, объясняя последующее (см. выше) развитие рассматриваемого явления исключительно внутренними причинами – развитием гипотаксиса в истории русского языка.

На наш взгляд, более предпочтительным представляется принять во внимание то, что начало развертывания соответствующих процессов могло иметь место еще в древнерусский период, когда среди граждан Киевского государства «были лица, практически владевшие чужими языками, в том числе (и в первую очередь!) тюркскими» [Кононов 1982: 24]. Надо полагать неслучайным в данном отношении, что в области морфологии, считающейся наименее проницаемой для иноязычного влияния, уже в истории древнерусского языка также на модельном уровне имел место под тюркским влиянием генезис «нового перфекта» [Гусейнов 1998]. Получив еще большее развитие в последующий период татаро-монгольского господства, когда «практическое знание тюркских языков на Руси не ослабевает, а, может быть, даже упрочивается в связи с потребностью поддерживать необходимые – подневольные – связи с завоевателями» [Кононов 1982: 25], они в дальнейшем могли получить свое отражение в среднерусских памятниках.

Литература

Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксических структур тюркских языков. М: Наука, 1973. 405с.

Гаджиева Н. З., Серебренников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис. М.: Наука, 1986.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. К тюркологической интерпретации генезиса «нового перфекта» в истории древнерусского языка // Вестник ДГУ. Махачкала, 1998. Вып. 6. С. 71–77.

Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России (Доктябрьский период). Л.: Наука, 1982.

Кузнецов П.С. Выступление на дискуссии о субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1956. № 9. С. 119–121.

Леман В. Протоиндоевропейский синтаксис // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. М.: Наука, 1988. С. 351–409.

Мейе А. Общеславянский язык. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951.

Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989.

Тарланов З.К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск, 1999.

Тарланов З.К. Тенденция к абсолютизации глагольного (предикатного) компонента в истории русского языка. Образование и массовый рост безличных предложений как ее реализация // Историческая грамматика русского языка: Хрестоматия. СПб., 2013. С. 681–714.

Berneker E. Die Wortfolge in den slavischen Sprachen. Berlin: Behr's Verlag, 1900.

Формы прошедшего времени глагола в Предисловии к «Новому Маргариту» А. Курбского

Т.А. Джангобекова

Forms of past time in the Preface to "New Margarit" by A. Kurbsky

T. Dzhangobekova

Лицей № 51 г. Львова (Украина) / Lyceum № 51 Lvov (Ukraine)

tetanalviv@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье на материале Предисловия к «Новому Маргариту» А. Курбского показана оригинальность используемых автором приемов разграничения традиционных (аорист, имперфект) и новых (*л*-формы) форм прошедших времен.

Ключевые слова: древнерусский язык, система прошедших времен, тексты конфессионального содержания, церковнославянский язык.

Summary. In this article, on the material of the Preface to "New Margarit" by A. Kurbsky, the originality of the traditional methods used by the author to distinguish between traditional (aorist, imperfect) and new (l-form) forms of past times is shown.

Key words: Old Russian language, system of past times, texts of confessional content, Church Slavonic language.

А.М. Курбский – русский государственный деятель XVI века, писатель, переводчик, теолог. В эмиграции, отстаивая «праотеческие ценности», он стал ярким представителем контрреформации на землях ВКЛ. В борьбе за конкурентоспособность православия значительную роль отводил богослужебным книгам на церковнославянском языке как определению самобытности культуры. Именно для воспитания православного гражданина Курбским на Волыни в условиях распространения протестантизма и католичества создается сборник переводов посланий Иоана Златоуста под названием «Новый Маргарит» [Архангельский 1888; Ерусалимский 2014].

В Предисловии А. Курбского к «Новому Маргариту» («Предисловие многогрешного Андрея Ярославского») представлено 100 глаголов прошедшего времени, из которых книжные формы (аорист и имперфект) составляют 59 употреблений (59%), а разговорные (-*л*-формы) зафиксированы в 41 случае. Если разграничение форм 3 лица ед. и мн. числа аориста (*утече, разори, не ста; пролияша, разлучиша, отрекошася*) и имперфекта (*ополчашеся; прекаждаху*) не вызывает затруднений, то квалификация форм 1 л. ед. и мн. числа указанных времен проблематично ввиду их полного совпадения. Формы 1-го л. мн. ч. полностью разрушали оппозицию аорист : имперфект, так как смешение основ настоящего времени и инфинитива характерно и для аориста, и для имперфекта [Колесов 2005: 469–477]. К аористу относим, например, *растлехъ, погрѣшихъ*, *введохъ*, *обретохъ* и др., к имперфекту – *поставляхъ*, *обучахся*, *ополчашеся* и др. Обращает внимание большое количество этих форм в тексте: 44 из 59 употреблений книжных форм глаголов прошедшего времени. Курбским используются формы простого аориста (*изнесе, заглади*), сигматического нетематического (*изнурихъ, умолихъ, протолковахъ, престерехся, пролияша, разлучиша, не возхотѣша*), сигматического тематического аориста (*переведохъ, обретохъ, не навыкохъ*).

Следует отметить, что практически все зафиксированные формы аориста и имперфекта употреблены в исконном значении: *Аще и елицыхъ* ***обрѣтохъ*** *мниховъ и мирскихъ,* ***не восхотѣша*** *помощи ми: мниси* ***отрекошася****, уничижающеся непохвально <...> мирские* ***не восхотѣша****, объяты будучи суетными мира сего <...> Азъ же* ***бояхся****, ижъ отъ не до конца младости* ***не навыкох*** *книжнаго словенскаго языка, понеж беспрестанне* ***обращахся*** *и лѣта* ***изнуряхъ*** *<...>* ***исправляхъ*** *дѣла <...> многождо же и часто кратъ съ воинством* ***ополчахся*** *противъ врагов креста христова* [Архангельский 1888, Приложение: 13]; *Таковые намъ* ***приключишася*** *за грѣхи наши! <...> Изгнанну ми бывшу безъ правды <...> а во отечествѣ* ***слышахъ*** *огнь мучительства прелютейший горящъ…* [Архангельский 1888, Приложение: 7]; *Послѣди же патриярх отъ рукъ ихъ* ***утече*** *<...> и изъ собою всю газофилякию <...> церковную* ***изнесе*** [Архангельский 1888, Приложение: 11]; *…и егда* ***упразнихся*** *отъ нихъ, ненавистные и лукавые сусѣди* ***прекаждаху*** *ми <...> Понеже уже и слуги моего и брата <...> кровь* ***пролияша*** *и внезапу отъ жизни сея* ***разлучиша*** [Архангельский 1888, Приложение: 7]. Аорист обозначает прошедшее действие как совершившийся факт, имперфект – действие, неоднократно совершавшееся или повторявшееся в прошлом. Также выявлен пример употребления аориста в безличной конструкции: *И* ***не ста*** *ему звѣрства* [Архангельский 1888, Приложение: 7].

-*л*-формы глагола, как указывалось выше, в Предисловии употребляются 41 раз: *…но и женъ благообразныхъ и пресвѣтлыхъ въ родѣхъ погубилъ различными муками, и младенцовъ <...> не пощадилъ* [Архангельский 1888, Приложение: 7]; *Матерь ми и жену, и отроча единаго сына моего, въ заточению затворенныхъ, троскою* ***поморилъ****, братию мою <...>* ***поморилъ*** *<...> имѣния мои и ихъ* ***разграбилъ****, и надъ то все горчайшего, отъ любимаго отечества* ***изгналъ****, отъ друговъ прелюбезныхъ* ***разлучилъ*** [Архангельский 1888, Приложение: 9]; *…аще и зело ихъ римляня желали, и многие прошения о томъ чинили…* [Архангельский 1888, Приложение: 11]; *…много лѣтъ стужали <...> западные царие* [Архангельский 1888, Приложение: 11]. Среди факторов, способствовавших замене книжных форм, в первую очередь аориста, -*л*-формой, выделяется нивелирование семантической разницы между формой перфекта, утратившего глагол-связку, и книжными формами и расширение семантического объема так называемого нового, безсвязочного, перфекта [Джангобекова 2004: 121].

С. Матхаузерова, определяя семантику отдельных временных форм в тексте Беседы первой протопопа Аввакума, связывает все глаголы, субъектом которых являются Никон или «никонияна», с -*л*-формами, глаголы, субъект которых – последователи Аввакума, «ревнители закона», с аористом или имперфектом [Матхаузерова 1972: 229]. В Предисловии Курбского зафиксированы случаи, когда употребление -*л*-форм и форм аориста и имперфекта разграничивает субъекты повествования, причем действия автора определяются книжными формами: *И* ***вопросихъ*** (Я, автор) *его о книгахъ учителей нашихъ великихъ въсточныхъ <…>* ***Онъ*** (собеседник, Максим) *же* ***отвѣщалъ*** *ми <…> Тѣ Максимъ* ***повѣдалъ*** *ми.* ***Азъ*** (автор) *же сие* ***слышахъ*** *отъ превозлюбленного учителя моего…* [Архангельский 1888, Приложение: 12]; *…****онъ*** (дракон) *превеликий, имеюще брань со святыми <...> славу мира сего возлюбившихъ, и волею своею под его власть покорившихся* ***низложил*** *на землю <...>* ***Азъ*** [Я, автор] *же вся сия* ***вѣдахъ и слышахъ****, быхъ объятъ жалостию <...> помянух же и обращахся въ скорбехъ ко Господу моему* [Архангельский 1888, Приложение: 10]. Также выявлены примеры, когда варьирование книжных и -*л*-форм помогает отграничить основное действие от второстепенного, сопутствующего, дополняющего: *Егда наши малые остатечные отечества разори и овые собѣ побралъ, овые вар-*

варомъ подавалъ… [Архангельский 1888, Приложение: 8]. Формы прошедшего времени на *-л* употребляются в безличных конструкциях: *…ибо прилучило ми ся съ нимъ нѣкогда бесѣдовати* [Архангельский 1888, Приложение: 11].

Таким образом, кроме объективных процессов закономерного развития грамматических категорий, закреплению отдельных форм способствовали и личные предпочтения авторов. В Предисловии к «Новому Маргариту» А. Курбский, отталкиваясь от системы книжных форм, использует различные комбинации включения в книжный язык так называемых *л*-форм, уже ставших достоянием живой разговорной речи.

Литература

Архангельский А.С. Очерки из истории западно-русской литературы XVI–XVII вв.: Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI – перв. пол. XVII в. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1888. Кн. 1. Отд. 1. С. 1–135. Приложение. С. 1–166.

Джангобекова Т.А. Система форм прошедших времен в сочинении А. Курбского «История о великом князе Московском» // Сучасні проблеми мовознавства і літературознавства (Збірник наукових праць). Вип. 7: Російське і зіставне мовознавство. Мова художньої літератури. Ужгород, 2004. С. 115–127.

Ерусалимский К. Православная академия на Волыни: нереализованный проект князя Андрея Курбского // Острозька давнина. Науковий збірник / Ред. кол. Ігор Пасічник (гол. ред.), Ігор Тесленко (відпов. ред.) та ін. Вип. 3. Остріг: Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2014. С. 113–147.

Колесов В.В. История русского языка: Учеб. Пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский ценр «Академия», 2005.

Матхаузерова С. Функция времени в древнерусских жанрах // ТОДРЛ. 1972. Т. XVII. С. 227–236.

Энклитики в составе сослагательного наклонения в югозаднорусских грамотах XIV–XVI вв.

К.Ю. Дойкина

Subjunctive and conjunctive enclitics in South-Western Russian acts of 14th-16th centuries

Kseniya Yu. Doykina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

kseniya.dojkina@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящен употреблению двух типов сослагательного наклонения в связи с системой энклитик, а также диалектным явлениям, нашедшим отражение в полоцких грамотах XIV–XVI вв.

Ключевые слова: энклитики, закон Вакернагеля, сослагательное наклонение, второе сослагательное наклонение.

Summary. The paper deals with usage of two types of subjunctive and conditional moods in connection with enclitic's system. Also, it reveals some dialect featers reflected in Polotsk acts of 14th–16th centuries.

Key words: enclitics, Wackernagel's law, subjunctive mood, conjunctive mood.

В древнерусском языке существовало две формы сослагательного наклонения. Первый тип состоял из аориста глагола *быти* и *л*-причастия. Второй вариант был характерен только для форм 2-го лица, включал частицу бы, форму глагола быти настоящего времени (*еси* и *есте*) и *л*-причастие. А.А. Зализняк отмечает, что в новгородских грамотах форма со связкой появляется в позднедревнерусский период (с XIV в.) [Зализняк 2004: 143]. Частица бы в древнерусском языке являлась энклитикой и располагалась во фразе согласно закону Вакернагеля. Точно так же вели себя формы еси, есте в составе сослагательного наклонения, а также в составе перфекта и плюсквамперфекта.

Материалом нашего исследования являются полоцкие грамоты XIV–XVI вв [Полоцкие грамоты]. В данных текстах употребление двух вариантов сослагательного наклонения широко распространено. Здесь встречаются формы со спрягаемой формой глагола *быти*: *пишѣте до нас…*, ***што быхомъ*** *мы на ѡсподинѣ нашем… выправили листъ* № 207 (1474), в том числе и с новым вариантом *быхмо*: *проситѣ нас,* ***быхмо*** *к вашѣи м(и)л(о)сти послали рожь*. Вариант с застывшей частицей *бы* встречается во всех типах типах клауз: *И вы* ***бы*** *ихъ про то казнили по их делом.* № 107 (1444). Употребление второго сослагательного наклонения также на первый взгляд кажется универсальным: *а иных* ***бы есте*** *ѡт того оущували, штобы… корчмы не д(е)ржали.* № 107 (1444); *просим вас,* ***иж бы естѣ*** *велели тог(о) конѧ заплатити* № 129 (1447–1459). При такой ситуации встает вопрос, каково распределение этих типов сослагательного наклонения?

На наш взгляд, особую роль здесь играет связочный элемент. Подобно другим энклитикам (например, местоименным) связки имели свой полноударный вариант – личные местоимения (*есмь – язъ*, *еси – ты* и т.д). Если мы обратимся к распределению употребления связок и личных местоимений в перфекте, то увидим, что связки являются нейтральным показателям лица и числа, тогда как личное местоимение всегда несет дополнительную смысловую нагрузку. Думается, что дистрибуция связки и местоимения в сослагательном наклонении происходит сходным образом. Например, при смене подлежащего обычно появляется личное местоимение [Зализняк 2008: 241–245], далее, если субъект не меняется, используется связка, что мы и видим в таких примерах: *А такжо оу Невгини оу полочан товаръ трясут(ь) а грябят(ь) и гличами поставы колут(ь). И* ***вы бы*** *и ѡ том кн(я)зю… говорили. А к нам* ***бы есте*** *ѡтписали против нашои грамоты* № 118 (1446); *А владице есмо не казали в нихъ большеи того вступатисѧ. И* ***вы бы*** *ихъ ѡт владыки… ѡт крывдъ боронили и не дали* ***бы есте*** *владыце… ни в чомъ крывды чинити* № 368 (1501).

Образование трехчастных моделей типа *дали бы есте* в старобелорусском языке объясняется так: утрата формой *бы* способности обозначать лицо привело к образованию новых форм сослагательного наклонения в том случае, если отсутствовало личное местоимение. Лицо стало обозначаться формами вспомогательного глагола *быти* настоящего времени [Булыка, Жураўскі, Крамко 2009: 284]. Наше дополнение будет состоять в том, что выбор связки, а не личного местоимения был обусловлен тем, что энклитика – это нейтральный способ выражения категории лица и числа без дополнительного акцента на субъекте.

Как говорилось выше, изначально все приводимые примеры на употребление второго сослагательного наклонения касались лишь 2-го лица обоих чисел. Однако в полоцких грамотах, язык которых является западнорусским, мы обнаруживаем единственный пример трехчастных форм 1 л. мн. ч.: *А ваша м(и)л(о)стъ... к тому року будте,* ***бы*** *тому дѣлу межи и ваше милости и наших конець* ***есмо*** *добрыи* ***бы*** *знашли* № 201 (подлинник, 1471).

Отдельного внимания заслуживает вопрос о статусе *бы* (*быхъ*, *быхомъ*) в целевых придаточных. В независимых предложениях *бы* безусловно является клитикой и подчиняется закону Вакернагеля, в придаточных же цели *бы* либо соединяется с союзом и сохраняет законное второе место: *просимы, иж* ***бы*** *ваша м(и)л(о)сть ѡ то там оуложилисѧ* № 204 (1474), либо начинает клаузу: *А вашя м(и)л(о)сть… даваите право з обу сторон,* ***бы*** *ихъ товаръ бол(ь)ши того не гиблъ* № 166 (1464–1465). Конструкции с начальным *бы*, по-видимому, являются результатом влияния польского языка, где они встречаются как в древних текстах, например, в Свентокшиских проповедях (XIII / XIV вв.) [Ананье-

ва 1994: 252], так и в современном польском. Начальное *бы* (союзное) может являться полноударной формой, о чем могут свидетельствовать такие примеры из старобелорусских текстов: *пан писар… поведил,* ***бы*** *дей был мне его мл. панъ Воевода витебский ознаймит рачыл…* (АВК 16, 141, 1582, приводится по [ГСБМ]), где к данной форме присоединяются другие энклитики, однако в полоцких грамотах были обнаружены и нетипичные для древнерусской системы проклитико-энклитические комплексы: *вже… державъцы нашы не мають в тые дела духовные вступатися,* ***бо есмо*** *приказали аръхиепископу Луце судити* № 379 (1502). Отметим и то, что формы *by* в сослагательном наклонение (соответственно и в целевых предложениях) в польском языке, например *bym,* исследователи рассматривают как сочетание *by* и энклитики, связки 1 л. ед. ч *-m* [Migdalski 2006], что вполне напоминает проклитико-энклитический комплекс.

Литература

Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов, Вильна, 1865–1915 (АВК).

Ананьева Н.Е. История и диалектология польского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

Булыка А.М, Жураўскі А.І., Крамко І.І. Гістарычная марфалогія беларускай мовы. Мінск: Навука і Тэхніка, 1979.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Под ред. А. І. Жураўскага. Т. 1. Мінск: Навука і Тэхніка, 1982 (ГСБМ).

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Наука, 2004.

Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Под ред. А.Л. Хорошкевич Том 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015 (Полоцкие грамоты).

Migdalski K. The Syntax of Compound Tenses in Slavic, PhD thesis. Tilburg: LOT, 2006.

Иноязычные новации в сфере моды в русском языке первой половины XIX века

И. Б. Дягилева

New foreign words in the field of fashion in Russian language of the first half of the 19th century.

Irina B. Diaghileva

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) / Institute for Linguistic Studies RAS (Saint-Petersburg)

diaghileva@mail.ru

Аннотация. В докладе представлены результаты исследования иноязычной лексики в сфере моды в русских газетах первой половины XIX века. Наряду с большим числом иноязычных вкраплений, обращает на себя внимание активное функционирование калькированных единиц. Наблюдается конкуренция вариантов при передаче иностранного слова между прямым заимствованием и эквивалентом, предложенным переводчиком.

Ключевые слова: историческая лексикология, заимствование, кальки, язык моды.

Summary. The report presents the study results of new foreign words in the field of fashion in Russian newspapers of the first half of the XIX century. Along with a large number of foreign language inclusions, there are lots of calques functioning. The research shows competitive variants of direct borrowing and the equivalent proposed by the translator.

Keywords: historical lexicology, linguistic borrowing, calques, language of fashion.

Изучение русского языка XIX века остается важной задачей современной исторической лексикологии. В частности, малоизученными остаются газетные издания этого времени, не до конца определена их роль в развитии литературного русского языка. Источниками данного исследования стали газеты: «Северная пчела», «Санкт-Петербургские ведомости», «Молвá», «Литературные прибавления к «Русскому инваливду».

Среди многочисленных рубрик в газетах 20–30-х гг. обращает на себя внимание раздел «Моды». Это настоящая иноязычная стихия, результат переводческой и словотворческой работы журналистов, направленной на описание постоянно обновлявшейся моды. Источником статей в этой рубрике являлись материалы из французских журналов мод, таких как Journal des Dames et des Modes, La Mode, Le Paravent Rouge, Le Petit Courrier des Dames, Des Modes Costumes Parisiens и др.

Иноязычная лексика в сфере моды: наименования тканей, предметы и детали одежды, цветообозначения, аксессуары и украшения – представлена большим числом иноязычных вкраплений (*gase Clémentine, Valencienne*), прямых заимствований (*амазонка*, *лизере, пальто*), кальками (*полутраур*), полукальками (*полу-батист*, *полуканьзу*).

Лексическая группа обозначений цвета активно пополнялась за счет калькирования составных наименований из французского языка: цвет Парижской грязи (bone de Paris), цвет Нильской воды (eau du Nil), цвет змеиной кожи (peau de serpent), цвет осинового листа (feuille de tremble), цвет головы Негра (couleur tête de Négre – один из коричневых оттенков), цвет вороньего глаза (oeil de corbeau) etc.

В целом ряде случаев при вхождении новых слов отмечалось сосуществование прямых заимствований и калькированных единиц в течение довольно продолжительного времени. Например, слово *ruche* в значении «сборчатая полоска ткани для обшивки чего-л.» передавалось в русском языке и как семантическая калька – *улей*, и как прямое заимствование – *рюш*.

Модницы… носят тюлевые пелеринки, которые сверху оканчиваются ульями (ruches) (Северная пчела. 1828. № 43. с. 3). *Другие <канзу> с длинною рюшью внизу.* (Молва. 1831. № 33. с. 111).

Еще одним способом передачи нового понятия на русский язык являлся подбор эквивалента. Так, наряду с прямым заимствованием *боа* (фр. boa) в значении «длинный женский шарф из меха или перьев», довольно регулярное употребление получило в этом значении слово *хвосты*.

Чтобы не терять боа, или хвосты, их связывают золотою *змейкою* (Северная пчела. 1830. № 19. с. 3). *Хвосты изгнали было совсем палатины; но вот палатины опять заступили место хвостов* (Лит приб. 1833. № 19. с. 152).

Подобным образом французское слово *écharpe*, в начале XIX в. активно использовавшееся для наименования нарядного легкого женского шарфа большого размера, передавалось на русский язык прямым заимствованием *эшарп*, словом *шарф* (заимствованным, но уже закрепившимся в языке) и эквивалентным наименованием *перевязь*, выбранным на основе моды носить такой шарф завязанным на шее или на плечах или завязывать в виде пояса.

На некоторых балах видели дам, имевших перевязи (écharpe) из искусственных цветов, прикрепленных на правом плече золотою или серебряною лентою, и соединяющихся на левой стороне с гарнировкою платья (Северная пчела. 1825. № 86. с. 2).

Иноязычная лексика, представленная в сфере моды в первой половине XIX века, значительна по объему, отличается быстрой сменяемостью; отвечает общественным запросам, следовательно, быстрее происходит процесс ее адаптации. Однако закрепляется надолго в языке лишь небольшая часть (*манто*, *пальто*, *митенки, гофрировать* и др.), остальные слова выходят из употребления или остаются на периферии.

Сложные слова в русском языке XIX века как фрагмент динамической картины мира: на материале неологии с компонентом *земле-*

В. Н. Калиновская, С. А. Эзериня

Compound words in the 19th century Russian as a part of its dynamic world view: neologisms with the first component *zemle-*

Valentina N. Kalinovskaya

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) / Institute for Linguistic Studies RAS (St. Petersburg)

kalinovskaiavn@yandex.ru

Svetlana A. Ezerinya

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) / Institute for Linguistic Studies RAS (St. Petersburg)

sezerspb@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются русские лексические и семантические новации XIX века в области формирования композитов с одним из ключевых для русской языковой картины мира начальным компонентом *земле-*, количество которых по сравнению с предыдущими периодами значительно возрастает. При этом важнейшими значениями компонента в это время оказываются ‘земля как объект с/х’, ‘земля как объект владения’, ‘поверхность Земли’ и ‘объект строительных и т. п. работ’.

Ключевые слова: история русского языка, лексикология, семантика, сложные слова.

Summary. The paper focuses on the 19th century Russian lexical and semantic neologisms with one of the essential for the Russian linguistic world view first word component *zemle-*, the number of such compound words sufficiently increasing in the 19th century – in comparison with the previous epochs. It should be noted that in this period of time, the topmost meanings of the given component are ‘topsoil as an agricultural resource’, ‘land as property’, ‘earth surface’, and ‘soil, ground as an object for construction and the like works’.

Keywords: history of Russian, historical lexicology, semantics, compound words.

Феномен сложного слова привлекал и продолжает привлекать внимание исследователей на протяжении нескольких веков. В поисках основополагающих критериев специфики сложного слова Герман Пауль в «Принципах истории языка» пришел к выводу: «Сущность сложного слова… в том, что оно обозначает соединение членов как законченный результат». Это фундаментальное утверждение подчеркивает актуальность изучения композитов в исторической перспективе: фиксация изменяющейся действительности посредством композитов позволяет историку языка с максимальной точностью исследовать эволюцию человеческого мышления сквозь призму эволюции языка, и прежде всего его лексико-семантической системы.

Интерес к группе лексики с компонентом *земле-* обусловлен семантикой данного корня, обозначающего одно из важнейших понятий в языковой картине мира не только русского человека, но и человечества в целом. Семантическая структура самого слова ЗЕМЛЯ наглядно отражает эволюцию ментально сущностных представлений о земле: по данным источников XIX века выявляется 8 значений, связанных с мифологическим (сакральный объект), научно-практическим (объект экономической деятельности) этапом познания объекта действительности, его философским осмыслением.

Появление и закрепление композитов с определенным значением первого элемента отражает важность данного аспекта референта для коллективного или индивидуального сознания конкретного исторического периода, и наоборот: об этом свидетельствует сравнительная статистика распределения композитов по значению первого компонента, например, для XVIII и XIX веков соответственно (в XVIII веке – 28 лексических неологизмов, в XIX веке – 169 новых единиц и 6 – это семантические неологизмы). Анализ лексического материала, выявленного на основе дифференциального подхода к описанию динамики лексико-семантической системы русского языка, позволил получить важные результаты относительно а) продуктивности в этом звене системы (нарастающая активность словообразовательной модели к XX веку), б) метафизической значимости новообразований, о чем свидетельствует их частеречная принадлежность (существительные – 135, прилагательные – 87, глаголы – 6, наречие – 1), в) функционально-стилистического разнообразия новой лексики (*высок*, *нейтр*., *разг*.; разл. *спец*.) и г) семантических возможностей данной лексики (индивидуально-авторское употребление).

В структуре новообразований компонент *земле-* высту-пает и как *субъект* и как *объект* действия, заключенного в семантике второго компонента композита. В то же время встречаются случаи многозначности у отдельных новых лексем, которые представляют чрезвычайный интерес с точки зрения философии языка. Например, в семантической структуре слова **землевед** (‘географ’, ‘почвовед’, ‘агроном’, ‘сельский хозяин’) нашли преломление разные фокусы отношения к земле. То же самое можно наблюдать в отношении неологизмов **земледоволец** (‘тот, у кого довольно земли’, ‘тот, кто довольствуется только земледелием’), **землеед** (‘тот, кто любит землю во всех отношениях – *владеть, приобретать, обрабатывать*’), **землерой** (‘землекоп’, ‘крестьянин’, ‘*В зоол*.’).

Для русской языковой картины мира XIX века существенным фактором, оказавшим влияние и на особенности семантики рассматриваемой группы слов, стал человек и его отношение к земле. Это проявилось не только в расширении сочетаемостных возможностей компонента *земле-* в составе композита, но и в развитии дополнительных смысловых коннотаций в семантике нового слова (**землебережливость, землебоязнь, землеед**), а также в появлении таких неологизмов, как наречие **земледельчески**, с качественно новой семантикой, характеризующей особое мировоззрение человека.

Наблюдения, сделанные в отношении сложных слов с компонентом *земле-*, позволяют авторам продолжить начатые ранее разыскания на широком лексико-семантическом поле, представленном новой лексикой, связанной с ключевыми понятиями культуры «вода», «воздух», «земля». В настоящий момент авторы ограничились анализом композитов со славяно-русским компонентом, не рассматривая новации XIX века с *гео-* и *агро-*, но даже данный ограниченный материал выявил значимые для изучения ментальности исследуемой исторической эпохи языковые факты.

Литература

Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем.; под ред. А.А. Холодовича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.

Калиновская В.Н., Эзериня С.А. Системность как фактор лексической динамики (на материале лексики с начальным компонентом *аэро-* / *воздухо-* по данным картотеки «Словаря русского языка XIX века») // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского

языка: Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 231–232.

История русского литературного языка в научной дискуссии

А.Г. Кречмер

The history of the russian literary language in the scientific discussion

Anna Kretschmer

Венский университет, Институт славистики (Австрия) / Universität Wien, Institut für Slawistik (Austria)

anna.kretschmer@univie.ac.at

Аннотация. В данной работе представлен аналитический обзор позиций относительно истории письменной традиции у восточных славян и русского литературного языка в истории славянской филологии и до наших дней.

Ключевые слова: историческая стандартология; история русского языкового станларта.

Summary. This paper deals with the scientific discussion and the different positions in it about the question of the East Slavic literary tradition and of Russian standard language's history.

Keywords: diachronical standardology; russian standard language's history.

Как известно, позиции в научной дискуссии о путях и времени формирования современных восточно-славянских языковых стандартов и предшествующих им письменных традиций могут достаточно заметно расходиться. В некоторых наших работах мы уже обращались к данному вопросу – в данной работе мы хотели бы представить набросок сравнительно-аналитического обзора наиболее значимых концепций, положений и круциальных вопросов данного раздела славянской филологии. В центре внимания здесь, с учетом формата работы, будет находиться русский языковой стандарт и до- и предстандартные фазы письменной традиции этого языкового региона Славии. К центральным темам работы относятся:

– восточно-славянская языковая территория как сегмент Православной Славии;
– церковнославянская письменная традиция у восточных славян;
– т.н. третье церковнославянское влияние;
– диглоссия у восточных славян: за и против;
– статус XVII в. и Петровского времени в истории формирования русского языкового стандарта.

Литература

Алексеев А.А. Внутренняя хронология русского литературного языка // Philologia Slavica (к 70-летию акад. Н.И. Толстого) / Ред. В.Н. Топоров. М., 1993. С. 238–244.

Кречмер А. Актуальные вопросы истории русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 96–123.

Кречмер А. О русском языке петровского времени (в свете данных анализа частной переписки) // Okuka M., Schweier U. (Hg.). Germano-Slavistische Beiträge (Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag). Die Welt der Slaven. Sammelbde. Bd. 21. S. 137–148.

Кречмер А. Русский язык на пороге нового времени (синтаксис грамоток XVII – начала XVIII вв.) // Русский язык: система и функционирование. Мат-лы Межд. научной конференции. Минск, 18–19 мая 2004 г. Часть I. Минск, 2004. С. 67–69.

Николаева Т.М. Было ли так называемое «третье южнославянское влияние»? // Русская и сопоставительная филология / Отв. ред. Н.А. Андрамонова. Казань, 2003. С. 95–99.

Толстой Н.И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 52–66.

Толстой Н.И. Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII–XVIII вв. // Вопросы образования национальных языков. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 5–21.

Толстой Н.И. Взаимоотношения локальных типов древнеславянского (литературного) языка позднего периода (2-я пол. XVI–XVII вв.) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1963. С. 230–272.

Толстой Н.И. Slavia Orthodoxa и Slavia Latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 16–23.

Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). München: Verlag Otto Sagner, 1987.

Hüttl-Folter G. Диглоссия в Древней Руси // Wiener Slawistisches Jahrbuch 1978. XXIV. S. 108–123.

Hüttl-Folter G. Проблематика языкового наследия XVII в. в русском литературном языке нового времени (XVIII в.) // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 1982. XVIII. S. 9–24.

Hüttl-Folter G. Языковая ситуация петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 1987. XXXIII. S. 7–21.

Issatschenko A. Mythen und Tatsachen über die Entstehung der russischen Litera-tursprache. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, 298. Bd., 5. Abhandlung. Wien 1975.

Issatschenko A. Geschichte der russischen Sprache. Bd. 1. Heidelberg, 1980; Bd. 2. Heidelberg, 1983.

Kretschmer A. Zur Diskussion um den Ursprung des russischen „literaturnyj jazyk“ (seit Ende der 50er Jahre). Bochumer Slavistische Beiträge 8. Hagen, 1986.

Kretschmer A. Zur Rolle der Übersetzungen bei der Entstehung von slavischen Standardsprachen (unter besonderer Berücksichtigung der russischen und der serbischen Situation) // Zeitschrift für Slavistik 1992. № 37 (1). S. 60–71.

Kretschmer A. Zur Entstehungsgeschichte slavischer Standardsprachen (einige methodische Überlegungen) // Welt der Slaven. XXXVIII/2, S. 254–264 (Beitrag für den XI. Internationalen Slavistenkongress, Bratislava, 1993).

Kretschmer A. Und noch einmal zur Diglossie // Berger T. (Hg.), Jung-SlawistInnen-Treffen in Wien 1992. Wiener Slawistischer Almanach 33 (1993). S. 181–194.

Kretschmer A. Russische Privatkorrespondenz des 17. und frühen 18. Jahrhunderts (sozio- und pragmalinguistische Auswertung) // Doleschal U. et al. (Hg.), Österreichische Beiträge zum Internationalen Slawistenkongress, Minsk, 2013. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband. 2013. № 83. München; Berlin; Wien. S. 47–60.

Picchio R. Die historisch-philologische Bedeutung der kirchenslavischen Tradition. Welt der Slaven VII (1962), S. 1–27.

Seemann K.-D. Loquendum est russice & scribendum est slavonice // Russia Medievalis. 1982. V. S. 103–136.

Seemann K.-D. Die „Diglossie“ und die Systeme der sprachlichen Kommunikation im alten Rußland // Slavistische Forschungen. 40.

Slavistische Studien zum IX Internationalen Slavistenkongreß in Kiev. Köln; Wien, 1983. S. 553–561.

Полонизмы во втором переводе «Метаморфоз» Овидия с польского языка в первой трети XVIII века

Е.А. Матвеенко

The Polonisms in the so-called ‘second’ Russian Translation of Ovid’s Metamorphoses of the First Third of 18th Century

Ekaterina A. Matveenko

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

ea.matveenko@gmail.com

Аннотация. В работе рассматриваются некоторые языковые особенности одного из переводов «Метаморфоз» Овидия с польской комментированной версии В. Отвиновского «Księgi Metamorphoseon, to iest, Przemian od Pvblivsa Owidyvsza Nasona Wierszámi opisane» (1638). Устанавливается, что при заметной зависимости этого перевода от польского оригинала он не свободен от церковнославянских элементов разных уровней.

Summary. The study deals with the characteristic features of the language of the so-called “second” translation of Ovid’s *Metamorphoses* that was made from Polish verse moralized interpretation ‘Księgi Metamorphoseon, to iest, Przemian, od Pvblivsa Owidyvsza Nasona wierszami opisane’ (1638). It is found that the principles of this translation in some cases have double motivation of the choice of lexemes and constructions: in its Polish source and in the Church Slavonic tradition.

Ключевые слова: «Метаморфозы» Овидия, переводы с польского языка в петровскую эпоху, переводческие техники, полонизмы.

Keywords: Ovid's Metamorphoses, translations from Polish in the epoch of Peter the Great, polonisms, translation techniques, polish borrowings.

В первой трети XVIII века в России с польского языка были переведены «Метаморфозы» Овидия. С.И. Николаев отмечает существование двух переводов, выполненных со стихотворной комментированной версии В. Отвиновского «Księgi Metamorphoseon, to iest, Przemian od Pvblivsa Owidyvsza Nasona Wierszámi opisáne» (wyd. Kraków, 1638) [Николаев 2008: 189].

Первый перевод был создан не позже 1706 г. и сохранился в пяти списках, различающихся по составу, четыре из которых имеют совпадающую часть – перевод книг 1–4.

Второй перевод, некоторые языковые особенности которого планируется рассмотреть далее, датируется первой третью XVIII века и известен в трех списках: БАН. Тек. Пост. № 744 (перевод книг 1–5), ГИМ. ОПИ. Ф. 96. Инв. № 33561 / 3605 (перевод книг 11–15) и ЦНБ АН Украины. Собр. Киево-Печерской лавры. № 334п / 225 (состав рукописи не указан. Эта рукопись для исследования нам пока недоступна) [Николаев 2008: 190].

В текстах (все цитаты приводятся по списку БАН. Тек. Пост. № 744), относимых к этому переводу, шире, чем в текстах первого перевода, представлены инославянские элементы разных уровней, прежде всего, полонизмы и так называемые «полонизированные модели» (по Т.А. Исаченко: [Исаченко 2002: 71]):

1) лексические – **жаденъ**, **подоба**, **гмахъ**, **о^л^бримъ**, **побожнѡ**, **позоръ**, **хмуры**, **посполитство**, **приемный**.

2) словообразовательные – образование абстрактных существительных с суффиксами **-ость** (ср. польский формант *-ość* в наименованиях абстрактных признаков): **поволность**, **глубокость**, **учтивость**, **румяность**, **притомность** и – **(а/є)ние** (ср. польский формант *-(e)nie*, участвующий в образовании названий действий): **любление**, **збирание**, **упрятание**, **ра^з^светание** (л. 47) [Ананьева 1994: 277-278].

3) грамматические – употребление конструкций вида ‘**имѣти** + инфинитив’ со значением будущего времени (наличие похожих конструкций отмечается в переведенных с польского языка аргументах к Новому Завету в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского [Пентковская 2016: 29], аргументах к книге Иова 1671 г. [там же] и Псалтыри Авраамия Фирсова [Целунова 2006: 65–66]):

(1) **Сказуе^т^ ѳаетонови что оная дорога <...> имела быть ему необыкновенна ибо некакие(!) спокóные и приемные видения имели быть вы^с^тавле^н^** (л. 44) – *vkazuie Phaetontowi, że ona droga <...> miała bydź iemu iako niezwyczayna, tak straszna. Bo nie iakie spokoyne y przyiemne widziadła, miały bydź wystawione* (Кн. 2, ск. 1, толк *Ii*, s. 57).

(2) **Такъ ему советова^л^ якобы на целы го^л^ правления того име^л^ себе жела^т^** (л. 39 об.) – *y tak mu odradza, iakoby na cały Rok rządu tego miał sobie życzyć* (Кн. 2, ск. 1, толк Z, s. 55).

4) синтаксические – употребление неопределенно-личных предложений со страдательным причастием:

И самаму апо^л^лонови <u>придано</u> то именя питоничь еже есть змеїны (л. 16 об.) – *y sametu Apollinowi przydane to nazwisko Pythius, Smoczyński* (Кн. 1, арг. к ск. 12, s. 25). В конкуренции с этой тенденцией находятся случаи употребления церковнославянских элементов, в том числе, на месте ожидаемых полонизмов.

В области лексики в пример можно привести выбор переводящих вариантов: *postać* – **ипостась** (грецизм, известный с древнейших евангельских переводов) (Кн. 1, ск. 1, л. 1 об.), *izba* – **храмина** (Кн. 2, арг. к ск. 18, л. 85 об.), *łakomstwo* – **вожделение** (Кн. 1, арг. к ск. 5, л. 6 об.), *uroda* – **благолепие** (Кн. 1, ск. 14, л. 20 об.)

В области синтаксиса – конкуренцию стяженных и нестяженных форм глагола ‘**быти**’ с отрицанием и перевод изъяснительных конструкций с союзом *że* конструкциями с **еже** и **яко**:

(1) **Несть го^с^тя безопа^с^ного ѿ гдна дому** (*nie iest gość biespieczny od gospodarza*) – ср. **и между братиї любовь нѣ есть содержателна** – *nie często słychana zgoda by między Bracią miała bydź chowana* (Кн. 1, ск. 5, л. 7)

(2) **которó таки^м^ желание^м^ <...> бы^л^ о^б^яты яко люди <...> опускалися на моря** – *ktory taką chciwośćią mienia y zazdrośćią był uięty, że też ludzie <...> ważyli się puszczać na Morze* (Кн. 1, арг. к ск. 5, л. 6 об.)

(3) **Поминоша Ишвишъ что и^з^давна такъ постоновила**(!) **бжия воля еже некогда прúтить те времена имели** – *A pomniąc że to zdawna tak postanowieła Boska rada że kiedyś przyśc te czasy miały* (Кн. 1, ск. 9, л. 11 об.).

Последовательное исследование переводческих стратегий в текстах, относимых ко второму переводу «Метаморфоз» с польского языка, даст возможность уточнить текстологические взаимоотношения между двумя переводами этого текста.

Литература

Ананьева Н.Е. История и диалектология польского языка: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

Исаченко Т.А. Книга Иова в переводе монаха Чудова монастыря Моисея (1671 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002, № 4 (10). С. 67–75.

Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008.

Пентковская Т.В. Перевод аргументов к Книге Иова 1671 г. на фоне московских библейских переводов с польского языка // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016. № 2. С. 10–39.

Целунова Е.А. Псалтырь 1683 г. в переводе Аврамия Фирсова. Текст, словоуказатель, исследование. М.: Языки славянских культур, 2006.

Формирование современного языка официально-делового стиля (на примере текстов мирных договоров, заключенных в XVIII и XIX веках)

Милованова Д. Б.

The formation of modern style of official documents (on the example of texts of peace treaties signed in the 18th and 19th centuries)

Daria B. Milovanova

Всероссийский государственный университет юстиции (Москва) / The All-Russian State University of Justice (Moscow)

avdasha@yandex.ru

Аннотация. Официально-деловой стиль современного русского литературного языка сложился к середине XIX века. В статье на примере текстов мирных договоров XVIII и XIX веков рассматриваются языковые изменения на уровне лексики, морфологии, синтаксиса, которые способствовали формированию современного официально-делового стиля и его характерных признаков.

Ключевые слова: официально-деловой стиль, дипломатический подстиль, мирные договоры, лексические, морфологические, синтаксические языковые средства.

Summary. The style of official documents of modern Russian literary language has developed by the middle of the 19th century. The article is devoted to the analysis of lexical, morphological, syntactical features in texts of peace treaties of the 18th and 19th centuries, which promoted the formation of modern style of official documents.

Keywords: the style of official documents, diplomatic style, the peace treaties, lexical, morphological, syntactical features.

Как известно, официально-деловой стиль, в основных своих чертах сложившийся еще в древнерусскую эпоху, обладает рядом характерных признаков: информативность, точность, нейтральность, логичность, стандартность, императивность, простота и строгость изложения. Языковые средства, обеспечивающие реализацию этих особенностей, вырабатывались постепенно, и к середине XIX века сложился единообразный стиль современного делового языка, который с небольшими изменениями сохранился до наших дней.

В результате реформ, проведенных М.М. Сперанским, и в процессе работы над составлением Свода законов Российской Империи была обновлена и унифицирована документная лексика, были устранены архаичные, бюрократические обороты, шире стал использоваться страдательный залог глагола, упростился синтаксис, обновились речевые формулы и этикетные фразы.

Все эти изменения коснулись и дипломатических документов, которые, в силу своего назначения регулировать отношения на высоком государственном уровне, всегда строго следовали характеристикам официально-делового стиля. Рассмотрим преобразования в языке официально-делового стиля на примере мирных договоров, заключенных в XVIII и XIX веках.

На уровне лексики можно отметить последовательно проведенную замену в отношении некоторых слов (*артикул – статья*, *страны – стороны*), а также исключение многих архаичных слов и выражений (*посему, особливый трактат, имеют… выпровождены быть, имеют… отданы и возвращены быть, от слова до слова тако гласят* – Ништадтский мирный договор 1721 г., *полной властью и мочью снабденных верховных начальников, от слова до слова гласит как следует* – Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г.). В целом сохраняется возвышенный характер лексики, но в то же время стиль становится более нейтральным. В большом объеме сохраняется характерная для дипломатического стиля этикетная и комплиментарная лексика, а также слова, выражающие оценку и эмоции (*Вследствие счастливого восстановления мира между их величествами, земли, во время войны завоеванные и занятые их войсками, будут ими очищены* – Парижский трактат 1856 г., статья II). В лексике мирных договоров отражаются и другие приметы официально-делового стиля. С необходимостью максимально точно и однозначно выражать представленную в документе информацию связано использование международной терминологии (*конвенция, ратификация*) и устойчивых конструкций (клише) (*высокие договаривающиеся стороны, движимые равным желанием (побуждаясь желанием) положить конец бедствиям войны, по размене своих полномочий, постановили нижеследующие статьи* – Адрианопольский мирный договор, 1829 г., Парижский трактат 1856 г.). Активно употребляются слова (существительные, прилагательные, причастия, местоимения), обозначающие «обобщенный субъект», любое лицо, действующее в определенной ситуации (*лица, начальники, военнопленные, подданные, все*). Отглагольные существительные и сложные слова придают текстам информативную насыщенность и служат для компрессии текста (*постановление, обеспечение, подписание договора, самодержец всероссийский, христианское народонаселение*).

Морфологические особенности продиктованы, в первую очередь, предписывающим характером дипломатических документов: частое использование форм инфинитива; использование конструкций с модальными глаголами со значением долженствования; преобладание глаголов в форме настоящего времени, указывающих на длительный срок действия документа,; увеличение числа конструкций со страдательным залогом (*договаривающиеся стороны постановляют, будет также учреждена комиссия, комиссия должна исполнить* – Парижский трактат 1856 г., статьи XV, XVII, XVIII).

Синтаксис значительно упрощается: используются простые неосложненные предложения (*Военнопленные будут немедленно возвращены с той и другой стороны* – Парижский трактат 1856 г., статья VI) и предложения, осложненные небольшим количеством причастных и деепричастных оборотов (*Свободная от всяких препятствий торговля в портах и на водах Черного моря будет подчинена одним лишь карантинным, таможенным, полицейским постановлениям, составленным в духе благоприятствующем развитию сношений торговых* – Парижский трактат 1856 г., статья XII). Сохраняется употребление большого числа однородных членов предложения, но ряды перечислений сокращаются, в том числе за счет устранения излишней синонимии (*согласили, постановили, заключили, предписали и печатями утвердили… нижеследующие артикулы* – Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г., *постановили нижеследующие статьи* – Парижский трактат 1856 г.). Сохраняются устойчивые предложные конструкции (*вследствие объявления Черного моря нейтральным, во избежание всяких местных споров* – Парижский трактат 1856 г., статьи XIII, XXX) и сложноподчиненные предложения, передающие логику отношений (*Дабы пользам торговли и мореплавания всех народов даровать все желаемое обеспечение, Россия и Блистательная Порта будут допускать консулов в порты свои на берегах Черного моря, согласно с правилами международного права* – Парижский трактат 1856 г., статья XII).

Таким образом, можно отметить, что сложный и витиеватый стиль изложения мирных договоров становится более простым: информация четко структурируется и распределяется по статьям, обновляется лексика, вырабатываются удобные средства выражения определенных значений на уровне морфологии и синтаксиса. Это отражает общие тенденции формирования официально-делового стиля современного русского литературного языка.

Литература

Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Стилистика официально-деловой речи. М.: Издательский центр «Академия», 2011.

Киянова О.Н. Основы построения текстов административно-правового характера. М.: РПА Минюста России, 2012.

Савельев В.С. Законодательные источники древнерусского права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006.

Сидорова М.Ю., Савельев В.С. Русский язык и культура речи. М.: Издательство «Проспект», 2008.

Сидорова М.Ю., Савельев В.С. Русский язык. Культура речи. Конспект лекций. М.: Издательство «Айрис-пресс», 2005.

Культура русской речи / Под. ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. М.: Норма, 2009.

Ништадтский мирный договор 1721 г.; Георгиевский трактат 1783 г.; Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г.; Адрианопольский мирный договор 1829 г.; Парижский трактат 1856 г. / Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова [Электронный ресурс. URL: https://www.hist.msu.ru. Дата последнего обращения 13.11.2018].

Орфография московских рукописей второй половины XVII в. и влияние московской грамматики 1648 г.

Н.В. Николенкова

Spelling Moscow manuscripts of the second half of the 17th century and the influence of Moscow grammar, 1648

Natalia V. Nikolenkova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

natanik2004@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматривается отражение в рукописных памятниках второй половины XVII в. орфографических норм, закрепленных в грамматике 1648 г. и реализованных в печатных изданиях того же времени. Изучение рукописного материала позволит в том числе ответить на вопрос о степени распространенности среди книжников грамматического сочинения и умении пользоваться его рекомендациями.

Ключевые слова: церковнославянский язык XVII в., орфографические принципы, нормы и правила.

Summary. The report is devoted to the reflection in handwritten monuments of the second half of the 17th century spelling rules which were fixed in Moscow Grammar (1648) and realized in printed editions of the same time. A study of handwritten material will give the answer to the question how wide the grammatical writings were known between the scribes and shows their ability to use recommendations they conceder.

Keywords: Church Slavonic language from the 17th, spelling principles, norms and spelling rules.

Изданная в Москве в 1648 г. грамматика (далее ГМ) стала основой для внесения орфографической правки в продукцию Печатного двора в 50-е – 60-е гг. и позднее. В подготовке печатных книг принимали участие ведущие книжники во главе с Епифанием Славинецким; в их деятельности (к примеру, при издании Библии 1663 г.) отражено знание орфографических канонов ГМ [Кузьминова 2017]. В процессе справы устранялись те написания, которые исправлялись ранее составителями ГМ, а их замена на кодифицированные московской орфографической нормой была упорядочена.

Рукописные источники второй половины XVII в. практически не описаны с точки зрения отражения в них рекомендаций ГМ. Высказывалось мнение, что первая грамматика в принципе не повлияла существенно на письменность. Однако исследования последнего времени убедительно доказывают, что участники книжной справы разного времени анализируют вносимые исправления, их рефлексия может выражаться в том числе в создании собственных грамматических сочинений, пусть и не распространенных в среде читающих людей [Кусмауль 2016].

Основное внимание в нашем докладе уделено сохранившемуся комплекту рукописей 50-х – 60-х гг., представляющих черновые и беловые списки перевода Атласа Блау. Среди переводчиков, выполнивших черновые экземпляры, – киевские книжники, участники никоновской справы, в том числе Славинецкий. Анализ орфографии рукописей (ГИМ, Син. 779, 780, 781) демонстрирует, что орфографические навыки самих югозападнорусских образованных людей сформированы под влиянием известных им грамматических сочинений, первое место среди которых занимает грамматика Лаврентия Зизания. На это указывает употребление ими букв «у» и «ѹ», распределение «о» и «ѡ» и др. Правописные навыки киевских книжников не меняются с началом их участия в справе; новые орфографические принципы переносятся ими только на подготавливаемые к печати издания.

Выполняющие беловики московские писцы (на московский почерк рукописей Син. 19, 112, 204 указано в описаниях, к примеру [Протасьева 1970]) оказались разделены на две группы, причем критерием деления будет ориентация на орфографические каноны ГМ или игнорирование их. Ориентация в первую очередь выражается в попытке выполнить правила антистиха, положенные в основу орфографических канонов ГМ. Постепенное введение принципа в московские печатные издания начинается до публикации ГМ, эта тенденция стала одной из основных в формировании норм московской орфографии, которая закреплена изданием ГМ [Кузьминова 2007]. Знакомые с канонами ГМ писцы стремятся и в рукописной практике следовать предлагаемым нормам: с регулярностью противопоставлены формы ед. и мн. чисел (с дифференциацией букв «о» и «ѡ» и даже с использованием графемы «е широкое»), писцы стремятся к нормативному употреблению «оу» и «ѹ» и т.д. Отмечаем также процесс выработки стихийных правил, появление которых ориентировано на предлагаемые ГМ (к примеру, употребление прописной буквы). Рост числа грамматически ориентированных книжников во второй половине XVII в. фиксируется и на основе анализа ряда рукописных текстов, не имеющих печатного оригинала.

Однако в то же время целый ряд московских писцов продолжает игнорировать орфографические каноны ГМ, при этом выполняемая ими работа не отличается от задач писцов первой группы. Так, третий том Атласа Блау (Син. 204) переписан группой московских писцов, очевидно мало знакомых с новыми грамматическими установками. Единственное правило, выполняемое ими на регулярной основе, – это позиционное распределение «и» и «і» во всех позициях, в том числе в приставке «при» перед корнем на гласную [Николенкова 2017]. Данное правило и сам принцип позиционного распределения графем мы считаем ведущим в московской орфографии середины XVII в. Влияние этого принципа отразилось в том числе на характере проявления принципа антистиха в московской орфографии рассматриваемого периода.

Литература

Кузьминова Е.А. Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной справы второй половины XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. № 5. С. 19–44.

Кузьминова Е.А. Научный комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисловие, науч. комментарий, подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 493–612.

Кусмауль С.М. Анонимная грамматика XVII в. и книжная справа 1620-х гг. // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1 (31). С. 227–248.

Николенкова Н.В. Московская орфография в рукописных и печатных текстах 1650–1660 гг. К вопросу о югозападнорусском влиянии // Die Welt der Slaven. Beiträge zum 20. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav). Bd. 62, Wiesbaden, 2017. С. 109–114.

Протасьева Т.Н. Описаниях рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). В 2-х ч. Ч. 1. М.: Изд-во ГИМ, 1970.

Описательные предикаты в языке А.С. Пушкина и их возможная связь с французским языком

М.В. Орлова

Compound nominal predicates in A.S. Pushkin's language and their possible connection with the French language

Maria V. Orlova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

mriaorlova@gmail.com

Аннотация. В докладе приводятся предварительные результаты исследования описательных предикатов в электронном корпусе текстов А.С. Пушкина. Анализируется возможность их синтаксического калькирования с французского языка и их дальнейшая судьба в русском языке. Конструкции, характерные для языка Пушкина, соотносятся с аналогичными сочетаниями, обнаруженными в словарях французского языка XIX в.

Ключевые слова: синтаксис русского языка, синтаксические кальки, описательные предикаты, язык Пушкина, корпусная лингвистика.

Summary. This report states some preliminary results of the study of compound nominal predicates in an electronic corpus of A.S. Pushkin's texts. The possibility of their syntactic calquing from French is analysed, as well as their further development in Russian. A link is established betweeen the constructions that are characteristic of A.S. Pushkin's language and analogous collocations found in dictionaries of the French language of the 19th century.

Keywords: Russian syntax, syntactic calques, compound nominal predicates, A.S. Pushkin's language, corpus linguistics.

Известно, что в русском языке наряду с глагольными сказуемыми активно используются аналитические конструкции, которые в лингвистической традиции принято называть описательными предикатами (далее ОП), – сочетания вида *глагол «ослабленного лексического значения»* [Лекант 1976: 43] + *неизосемическое существительное со значением действия*. Исследователями неоднократно отмечалось частое употребление ОП в русском языке XVIII–XIX вв. Это явление нередко связывают с влиянием французского языка, поскольку частотность аналитических предикатов считается одной из «типологических особенностей сказуемого во французском языке» [Гак 1969: 589]. Представляется, что это предположение может быть проверено с использованием методов корпусной лингвистики и анализа словарных статей.

В качестве объекта исследования был выбран электронный корпус текстов А.С. Пушкина, созданный в лаборатории ЛОКЛЛ на филологическом факультете МГУ. В связи с ключевой ролью деятельности А.С. Пушкина в становлении современного русского языка кажется перспективной идея сравнения ОП, которые встречаются в пушкинских текстах, во-первых, с аналитическими сказуемыми, свойственными французскому языку той эпохи, а во-вторых, с набором ОП в современном русском языке. Так станет возможной разработка гипотезы относительно происхождения русских ОП: некоторые из них, очевидно, являются синтаксическими кальками с французских конструкций, тогда как другие появились уже собственно в русском языке и, возможно, закрепились в нем не в последнюю очередь благодаря деятельности поэта.

В ходе работы с корпусом производится описание употреблений ОП из конкордансов, получаемых по запросу вида *глагол + существительное*. Важнейшими из параметров описания представляются вероятность калькирования ОП с французского оригинала и их частота в подкорпусе НКРЯ с 1950 г. до нашего времени. Возможность калькирования проверяется по 6-му изданию Словаря Французской Академии 1835 г. (далее – DAF) и по словарю Эмиля Литтре 1873–1877 гг. (далее – DEL).

На данном этапе работы представляется возможным сделать ряд предварительных выводов. В предлагаемом докладе они будут проиллюстрированы на материале конкордансов с глаголами из видовых пар *делать* / *сделать* и *давать* / *дать*.

1. Многие из ОП в корпусе с большой вероятностью представляют собой кальки с синтаксических конструкций, представленных во французском языке XVIII–XIX вв. Связь с французским оригиналом особенно характерна для предикатов, в состав которых входят глаголы *делать* / *сделать* (см. [Филиппова 1968: 55]). Так, *сделать впечатление* явно соотносится с французским *faire (une) impression*, зафиксированным в DAF и в DEL:

(1) *Ни одно из произведений лорда Байрона не* ***сделало*** *в Англии такого сильного* ***впечатления****, как его поэма «Корсар»…* («О трагедии В.Н. Олина "Корсер"»)

(2) *Un récit si propre à* ***faire impression*** *sur les cœurs, Massillon, Avent. Jug.* (пример из DEL)

То же относится к ряду предикатов речевого действия, например *делать* / *сделать вопрос* (фр. *faire une question*), *делать* / *сделать обещание* (фр. *faire une promesse*), *дать* / *давать совет* (фр. *donner un conseil*), и физического действия: *делать грабежи* (фр. *faire un pillage*), *делать убийства* (фр. *faire un meurtre*) и др.

2. Другим ОП, характерным для пушкинских текстов, во французских словарях XIX в. нет точных эквивалентов. Особенно наглядными представляются контексты, в которых фигурируют ОП, синонимичные конструкциям с *делать* / *сделать*, но включающие в свой состав другой глагол и не имеющие коррелятов во французском языке. Таковы пары *делать знак* (фр. *faire un signe*) / *давать знак* (нет французского эквивалента) или *делать описание* (фр. *faire une description*) / *давать описание* (нет французского эквивалента).

(3) *Ты, кажется, сбираешься* ***сделать*** *заочное* ***описание*** *Бахчисарая?* (из письма П.А. Вяземскому от 20 декабря 1823 г.)

(4) *Здесь Голиков* ***дает*** *подробное* ***описание*** *всему, что Петр в 28-дневное пребывание свое в Минске сделал…* («История Петра»)

(5) *Comme c'est une personne extraordinaire, il est à propos d'en* ***faire la description****, Bussy-Rabutin, dans RICHELET.* (пример из DEL)

Нет соответствий во французских словарях и ряду других конструкций с глаголами *давать* / *дать*: *давать* / *дать промах*, *дать залп*, *дать отставку*.

3. Значительное количество ОП, представленных в исследуемом корпусе, знакомо современному русскому языку. Некоторые из них соотносятся с французскими оригиналами – к примеру, *делать* / *сделать ошибку, сделать предложение, сделать шаг*; *давать* / *дать инструкцию, давать* / *дать пощечину, давать толчок, дать приказ*. Другие не находят соответствий во французском языке XVII–XIX вв.: таковы вышеназванные *давать* / *дать промах*, *дать залп*, *дать отставку*.

Таким образом, можно заключить, что многие из ОП в текстах А.С. Пушкина с большой вероятностью представляют собой кальки с французских конструкций. Однако неоспоримой представляется мысль В.В. Виноградова о том, что «Пушкин… не только не навязывает русскому языку чуждых ему синтаксических норм, но, напротив, все теснее и теснее сближает синтаксис литературного языка с конструкциями живой разговорной речи» [Виноградов: 272]. Действительно, в пушкинских текстах встречается немало предикатов, которые, по всей видимости, не копируют французские модели. Существенно также, что многие из отмеченных в корпусе ОП активно употребляются в современном русском языке. Этим наблюдением, безусловно, подтверждается и без того бесспорный статус А.С. Пушкина как автора, внесшего неизмеримый вклад в формирование современного русского литературного языка.

Литература

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982.

Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур) // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса). М.: Наука, 1969. С. 77–85.

Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: «Высшая школа», 1976.

Филиппова В.М. Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке XVIII века // Русская литературная речь в XVIII веке. М., 1968. С. 3–161.

Реалии в русских переводах Корана XVIII в.

Т.В. Пентковская

Realia in the Russian translations of the Quran in the18th century

T.V. Pentkovskaya

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

tatiana.pentkovskaya@gmail.rcom

Аннотация. В докладе сопоставляются данные четырех русских переводов Корана, появившихся в XVIII веке. Выявляются ошибки, связанные с передачей реалий, и рассматриваются причины их возникновения.

Ключевые слова: XVIII век, переводы Корана, реалии.

Summary. The report compares the data of four Russian translations of the Quran, which appeared in the 18th century. The errors associated with the transfer of the realia are identified, and their causes are considered.

Keywords: 18th century, the translations of the Quran, realia.

На протяжении XVIII в. было выполнено четыре перевода Корана [Резван 2014: 256–263]. Три из них восходят к французскому оригиналу Андре Дю Рие 1647 г. «L'Alcoran de Mahomet». Traduit d'Arabe en Français, par le sieur Du Ryer, sieur de la Garde Malezair. Так, в 1716 г. в Санкт-Петербурге в Синодальной типографии появилось первое издание русского перевода Корана («Алкоран о Магомете, или Закон турецкий»), в вопросе об авторстве которого до сих пор нет окончательного решения: он приписывался В.П. Постникову, выпускнику Славяно-греко-латинской академии, переводчику и дипломату, или его младшему брату. Этот перевод представлен и в рукописи РГАДА, ф. 381 (Син. Тип.) № 1034, которая, как считается, является кавычным экземпляром для печатного издания. В собрании РГАДА, МГАМИД (ф. 181) № 148 хранится еще один Корана, принадлежащий анонимному переводчику («Закω[н] Магωмета[н]ский»). Эта недатированная рукопись была переплетена в 1726 г. [Запольская 1988: 88–90]. Третий перевод с того же французского оригинала принадлежит М.И. Веревкину («Книга Аль-Коранъ аравлянина Магомета»). Он был опубликован в 1790 г. В 1792 году А. Колмаковым был сделан перевод комментированной английской версии Дж. Сэля (“Koran, commonly called the Alcoran of Mohammed, tr. into English immediately from the original Arabic; with explanatory notes, taken from the most approved commentators. To which is prefixed a preliminary discourse” By George Sale), опубликованный в Санкт-Петербурге под названием «Ал Коран Магомедов, переведенный с арабского языка на англинский, с приобщением к каждой главе на все темныя места изъяснительных и исторических примечаний, выбранных из самых достовернейших историков и арабских толкователей Ал Корана, Георгием Сейлем и с присовокуплением обстоятельного и подробного описания жизни лжепророка Магомеда, сочиненного славным доктором Придо».

Неоднократно отмечалось, что перевод в издании 1716 г. изобилует ошибками, связанными с недостаточным знанием французского языка переводчиком. Обращает на себя внимание связь ряда ошибок со сферой передачи реалий. Это касается уже заголовка: L’Alcoran de Mahomet здесь переведено как Алкоранъ ω Магометъ. Возможно, в выборе варианта отразилась интерференция с латинским предлогом de ‘о’ [Пекарский 1862, II: 370; Запольская 1988: 88]. Еще одна ошибка такого рода, связанная с интерпретацией de как показателя отношения имен, находится в заглавии второй суры («سورة البقـــرة»): Глава писана изва́ши в҃ мекѹ (рукопись РГАДА) / глава пiсана изъ ваши въ меку (издание). Объект, вынесенный в заголовок, принят за название места, откуда ниспослана данная сура. Ср. анонимный перевод: Глава ω краве, писанная вω**а**меке. Перевод Веревкина: Глава подъ названiемъ КРАВА, Писанная въ Меккѣ. Франц. Le Chapitre de la Vache écrit **à** la Meque. Не исключено, что в варианте анонимного переводчика нашел отражение французский предлог à. Перевод Колмакова отличается от трех предыдущих версий точным следованием английскому тексту, содержащему развернутые комментарии: ГЛАВА II. Наименованная ТЕЛИЦА, открытая частїю въ Меккѣ, а частїю въ Мединѣ. После названия главы стоит примечание (1), в котором сообщается, что «причиною названїя сего была червленая тiôлка <…>. Chapter II. INTITLED THE COW; revealed partly at Mecca, and partly at Medina. В примечании отсылка: This title was occasioned by the story of the red heifer <…>. Отметим стилистическую славянизацию сущ. в заголовке, в принципе характерную для перевода Колмакова, для которой английское название главы само по себе не дает оснований (при этом употребленное в примечании англ. heifer переведено как *тёлка*).

Во французском издании перед каждой главой кратко излагается ее содержание и даются некоторые предварительные разъяснения для европейского читателя (ср. так называемые аргументы, или суммы в новозаветных изданиях). В главе XVII (сура الإســراء ‘Ночной перенос’) рассказывается о ночном путешествии пророка Мухаммеда из Мекки в Иерусалим на Бураке (البُراق, производное от корня со значением ‘блистать, сиять’). Его описание предваряет начало главы: Lecteur, les Turcs croient que cette nuit du voiage, Mahomet monta aux cieux avec l’Ange Gabriel. Il étoit monté ſur un Burac blanc, qui eſt un animal partie mule, partie âne, et partie cheval. В издании 1716 г. название этого существа представляет собой транслитерацию французского словосочетания: Чїтателю, турки чаютъ, что сея нощи, магометъ взыде на небеса съ ангеломъ гаврїиломъ, и взыде *бюрабланкъ* есть едiна скотїна часть ишака, и часть осла, и часть коня. В рукописи РГАДА, ф. 381, № 1034 затерто слово между *взыде* и *бюрабланкъ*, прочее не отличается от издания (л. 173). В анонимном переводе РГАДА, ф. 181, № 148 в данном фрагменте находим: Читатель, ту[р]ки вѣрятъ, что сей нощи путеше[с]твия, магометъ во[з]шелъ на небеса со архистратигомъ Гавриило[м], сидѣ[в] *на единомъ Бураке бѣломъ*, которыї есть единый скотъ ѿчасти ωселъ, ѿчасти малыї ωселъ и о[т]части лошедь. В переводе Верёвкина читается: Турки вѣрятъ, что въ нощь сїю Магометъ путешествовалъ на небеса со Архангеломъ Гаврїиломъ, возсѣдая *на бѣлошерстномъ Буракѣ*, или мескѣ малаго рода, то есть, былъ то частїю конь, другою же оселъ. Таким образом, ошибка в передаче реалии (точнее, отказ от ее передачи) имеется только в переводе, приписываемом Постникову. Транслитерация сочетается с неадекватной передачей части французской фразы: о сложностях, которые испытывал переводчик, свидетельствует и заглаженное и не восстановленное слово в корректурной рукописи. В переводе Дж. Сэля подобного примечания нет, так как английский переводчик полагает, что история о ночном путешествии пророка Мухаммеда хорошо известна, и дает отсылки к трудам о нем, доступным английскому читателю.

Неискусность перевода 1716 г. может свидетельствовать о раннем этапе освоения чужого св. Писания в русской книжной традиции (имелись, однако, и более ранние книжные свидетельства [Резван 2014: 254–256]), то есть о старшинстве перевода по отношению к анонимному (о том же свидетельствует и гибридизированный русско-церковнославянский язык, не характерный в таком виде для анонимного перевода).

Литература

Запольская Н.Н. В. Постников – выпускник Славяно-греко-латинской академии (новые материалы для биографии) // Cyrillomethodianum. 1988. № 12. С. 75–91.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I–II. СПб., 1862.

Резван Е.А. Введение в коранистику. Казань, 2014.

Социальная роль автора как фактор организации нехудожественного текста (Записки русских путешественников XIX века)

Н.В. Пушкарева

Author's social role as the organizing factor of a non-fiction text (Russian travel notes of the XIX century)

Natalia V. Pushkareva

Санкт-Петербургский государственный университет / Saint-Petersburg State University

pushkarevanata@gmail.com

Аннотация. В докладе рассматриваются языковые проявления индивидуальных и профессиональных черт авторской личности в нехудожественных текстах. Записки русских путешественников XIX в. свидетельствуют, что активная научно-исследовательская деятельность сопровождалась формированием языка научных описаний. Использование языковые единиц различных стилей, особенности построения и комментирования текста демонстрируют процесс отбора языкового материала для целей научного описания.

Ключевые слова: нехудожественный текст, язык науки XIX в., записки русских путешественников, социальная роль автора, научное описание.

Summary. The report reviews displaying of individual and professional features of author's personality in the language of a non-fiction text. Russian travel notes of the XIX century prove that the combined processes that scientific and exploring activity was accompanied by the formation of the language of science description. The usage of different style language units, peculiarities of text formation and text commenting demonstrate the process of language material selection for the purpose of scientific description.

Keywords: non-fictional text, science language in the XIX century, Russian travel notes, social role of the author, scientific description.

В процессе формирования системы функциональных стилей русского языка значительная роль принадлежит нехудожественным текстам, созданным учеными во время научных экспедиций. Эти произведения относятся к жанру путешествия, они содержат достоверные сведения о каких-либо географических, культурных или природных объектах, изложенные очевидцем в форме записок или дневника [Гуминский 1987: 314]. Записки путешественников выполняют информативную, просветительскую и популяризаторскую функции. В России XIX века происходит формирование жанрово-стилистической системы языка [Виноградов 1982: 200–208], в рамках которого складывается язык науки. Тексты путевых дневников приобретают особый статус: дневник «становится не результатом, а его (путешествия. – *Н.П.*) целью» [Ревенко 2016: 9]. Экспедиционные журналы и путевые дневники предназначались для государственных учреждений, однако публиковались и в общедоступных изданиях, привлекая внимание образованной публики и пользуясь популярностью.

К сочинениям такого типа относится «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823, и 1824 гг. экспедициею под начальством флота лейтенанта Ф. Фон-Врангеля» [Врангель 1841]. Фердинанд фон Врангель выполнял во время экспедиции функции начальника экспедиции, мореплавателя, прокладывающего пути для российских кораблей, ученого, исследующего географические особенности региона, наблюдателя, фиксирующего быт и традиции местных жителей. Перечисленные социальные роли воплощаются в тексте в виде соответствующих им языковых элементов, значительную часть которых составляют конструкции научного описания, основной чертой которого в XIX в. был процесс «утверждения словоупотребления, основанного на принципе максимально точного обозначения явлений действительности» [Горшков 1977: 432].

Текст Ф. Врангеля характеризуется использованием географической и навигационной терминологии, канцелярскими оборотами, возникающими при включении в повествование сметы расходов и цитат из приказов Адмиралтейского департамента. В нем присутствуют подробные описания природных явлений, быта народов Севера и ситуаций, в которые попадают участники экспедиции. Эти фрагменты сопровождаются эмоциональными отступлениями, передающими авторское отношение к излагаемой информации, а также личный опыт повествователя. Включение в текст личных впечатлений и оценок автора соотносится с реализацией социальной роли участника экспедиции, выступающего как честное лицо и адресующего свои соображения не только профессиональному сообществу, но более широкому кругу читающей публики. Записки Ф. Врангеля выполняют функцию нехудожественного текста, адресованного профессионалам, однако они содержат композиционные и языковые элементы, свойственные художественной литературе, оказываясь, таким образом, жанром смешанного типа, способным привлекать внимание образованных и любознательных людей.

В тексте русских путешествий XIX в. складывался репертуар языка науки и вырабатывались такие нормативные принципы функционального научного стиля, как точность, объективность, отсутствие эмоциональности. С другой стороны, развивались способы описания впечатлений автора, присутствие которых вносило в текст субъективный взгляд на описываемые явления и события, передавало авторскую оценку. Социальные роли авторов записок о путешествиях находили языковое выражение в новых языковых формах и жанрах и участвовали в формировании картины мира и художественного вкуса широкого круга читателей записок о путешествиях.

Литература

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982.

Врангель Ф., фон. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823, и 1824 гг. экспедициею под начальством флота лейтенанта Фердинанда Фон-Врангеля. Часть первая. Санктпетербург, в типографии А.Бородина, 1841.

Горшков А.И. О становлении норм современного русского литературного языка на уровне текста // Slavisticna revija, 1977. № 4. С. 425–433.

Гуминский В.М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 314–315.

Ревенко А.А. Предпосылки возникновения и этапы становления печатных изданий о путешествиях // Вестн.НГУ. Серия: История, филология, 2016. Т.15. № 6. С. 7–18.

Мещанин и *обыватель* (к вопросу о темпоральной семантике слова и понятия)

О.Г. Ревзина

Mesh'anin and *ob'ivatel'* (to a question of temporal semantics of word and notion)

O. Revzina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

orevzina@gmail.com

Аннотация. Изменение значения слова в историческом аспекте является традиционным объектом исторической семантики. Последние десятилетия наблюдается активное интердисциплинарное взаимодействие между лингвистическим и историческим подходом к истории слов и истории понятий. В докладе анализируются слова и концепты *обыватель* и *мещанин* и оцениваются возможности и перспективы интердисциплинарного подхода.

Ключевые слова: мещанин, обыватель, историческая семантика, темпоральная семантика слова и понятия.

Summary. Change of a wotd in historical aspect serves as traditional object for historical semantics. Last decades active interdisciplinary interaction between linguistic and historical approach to history of words and history of notions may be witnessed. In the report words and concepts *ob'ivatel'* and *mesh'anin* are analysed and possibilities and perspectives of interdisciplinary approach are estimated.

Keywords: *mesh'anin, ob'ivatel',* historical semantics, temporal semantics of word ad notion.

Суть различий исторического и лингвистического подхода к исторической семантике видится в том, что историк исследует темпоральную семантику понятия, выраженного одним и тем же словом, в то время как лингвист усматривает темпоральную семантику в изменении значений слова и в реализации во времени его семантических потенций. Область эффективного взаимодействия двух подходов состоит в лингвистической интерпретации историко-понятийного анализа и в исторической интерпретации анализа языкового. *Мещанин* (заимствовано из польского) и *обыватель* – имена жителей города, но *обыватель* имеет более широкое значение: *городовые и сельские обыватели*. В формировании понятия о мещанстве как имени мещанского сословия прослеживаются процессы, которые можно наблюдать в отношении дворянства во французском историческом дискурсе. Речь идет о совокупности признаков для установления денотативного объема сословной номинации: место жительства, недвижимость, величина налога, наличие капитала и под. Эти сложности наглядно отразились в документе, известном как «Жалованная грамота городам» 1785 года: здесь в *городовой обывательской книге* жители распределяются по шести разрядам. В XIX веке *мещанин* – это лицо мещанского сословия Темпоральная семантика имен *мещанин*, *обыватель*, *мещанство*, *мещанское сословие* при историческом подходе – это история формирования понятий как терминов русского социально-политического словаря. *Мещанин* и *Обыватель* являются коммуникативными концептами официально-деловой коммуникации в Российской империи.

К концу XIX века у слов *мещанин* и *обыватель* формируется второе значение – «человек с узким кругозором и неразвитыми вкусами, лишенный общественных интересов» (ср. пьесу М. Горького «Мещане»). Лингвистическая и историческая интерпретация этого изменения взаимно насыщают друг друга. Для лингвистической интерпретации важно, какой именно денотативный объем понятия становится производящей основой для переносного значения. Исторический поход обретает новое, собственно языковое свидетельство общественно-исторических изменений: формирование переносного значения у понятийного социально- политического термина является сигналом неустойчивости и дальнейшей несостоятельности принятого сословного разделения и сословной ментальности.

Фазовые глаголы со значением конца действия в истории русского языка

Д.В. Руднев

Phase verbs meaning the end of the action in the history of Russian

Dmitry V. Rudnev

Санкт-Петербургский государственный университет / Saint-Petersburg State University

rudnevd@mail.ru

Аннотация. Рассматривается история развития инфинитивных конструкций с фазовыми глаголами конца действия в русском языке. Оформление таких конструкций в русском языке происходит поздно, причем фазовые глаголы со значением прерывания действия развивают способность к распространению инфинитивом раньше, чем глаголы со значением завершительности.

Ключевые слова: история языка, составное глагольное сказуемое, вспомогательный глагол, фазовый глагол, инфинитив.

Summary. The history of the development of infinitive constructions with phase verbs meaning the end of action in the Russian language is considered. The emergence of these constructions in Russian occured late, and in addition phase verbs meaning the interruption of the action developed the distribution with infinitives earlier than ones with the meaning of finality of the action.

Keywords: history of Russian, compound verb predicate, auxiliary verb, phase verb, infinitive.

В древнерусском языке значение достижения конца действия в инфинитивных конструкциях выражалось глаголами *успеть* и *утягнуть*, однако эти глаголы выражали это значение попутно с модальным значением возможности: *Ингваръ же* ***не успѣ приѣхати*** *къ нимъ, не бѣ бо приспѣло еще время его* (Лавр. л. 6725 г.); *Всѣдъ на конь, вбреде в рѣку и по немь вои ѥго; Ярославъ же не оутѧгну исполчитисѧ и побѣди Болеславъ Ярослава* (Пов. вр. л. 6526 г.) [Срезневский, т 3: стб. 1271, 1326].

К числу фазовых глаголов со значением прекращения действия, развивших в древнерусскую эпоху способность присоединять инфинитив, относятся глаголы *остать, оставить, оставлять* (группа *оста-*) и *перестать* (*престать*). Глаголы группы *оста-* имели исходное значение 'оставить, покинуть, бросить'; на этой основе развивается фазовое значение 'прекратить, перестать', которое реализовывалось в сочетании с различными морфологическими формами – существительным, кратким причастием, местоимением и, среди прочего, в сочетании с инфинитивом: *Нъ се* ***остаану*** *много* ***глаголати****, да не многописании въ забыть вълѣземъ* ([Сказ. Бор. Глеб.] Усп. Сб., 43. XII–XII вв.) [Сл. XI–XVII вв., вып. 13: 146].

Глаголы *оставить, оставлять* выражали фазовое значение 'перестать делать что-л., заниматься чем-л.' в сочетании с инфинитивом еще в XVIII в.: *Каинъ не* ***оставилъ*** *опять ее* ***спрашивать****, какой она человѣкъ, какъ ее зовутъ и какую важность объявить намѣрена* (М. Комаров, История Ваньки Каина, 1779 [НКРЯ]).

Глаголы группы *оста-* в сочетании с инфинитивом, вероятно, не выражали фазового значения прекращения действия в чистом виде: к нему примешивалось модальное значение отказа от намерения выполнить действие. Этим мож-

но объяснить его способность сочетаться только с личным подлежащим. В современном русском языке фазовое значение ‘перестать делать что-л., заниматься чем-л.’ глагол *оставить* реализует лишь в сочетании с абстрактным существительным в В. п. без предлога: *оставить работу, разговоры* и т.п.

Глагол *перестать* развивает фазовое значение ‘прекратить’ в уже древнерусском языке, однако долгое время реализовывал его лишь при соединении с именами существительными и краткими причастиями: *Не престаста плачуща и скорбяща (ούκ ∞ν □παύσαντο)* (Хрон. Г. Амарт., 105. XIII–XIV вв. ~ XI в.) [8: 55]; *Не прѣста же бꙁа молѧ за ню* (Изборник [НКРЯ]). Употребление *перестать* в сочетании с кратким причастием было, возможно, синтаксическим грецизмом [Потебня 1874: 41–43], который распространился в русской письменной речи в конструкциях с фазовыми глаголами конца действия в качестве приметы книжности.

Развитие фазового значения произошло на основе значения удаления, на что указывает сочетаемость глагола *перестать* с существительным в форме «от + Р. п.»: *и азъ **быхъ престалъ ѿ рати**, но не дасть ми нрава моего вл(дꙁ)ка* (Александрия [НКРЯ]); *и скоупивъ и(х). показа имъ яже безаконнова, съ звавшими ѧ. припадаа к нимъ и молѧшесѧ. да быша **престали ѿ кровопролитїѧ*** (История Иудейской войны Иосифа Флавия [НКРЯ]). Судя по всему, прекращение действия представлялось как удаление от него, в то время как у глаголов группы *оста-* как отказ от намерения его совершить. С XV в. глагол *перестать* начинает активно сочетаться с инфинитивом: *Вифлянские земли нам **не перестать доступать**, докудова нам ее бог даст* (Ив. Гр. Посл., 149. 1573 г.) [Сл. XI–XVII вв., вып. 14: 292].

В древнерусском языке глагол *перестать* мог сочетаться с существительными событийной семантики при указании на окончание события: *Прѣста вѣтръ (□κόπασεν)* ([Матф. XIV, 32] Остр. ев., 72. 1057 г.); *Прѣста, рече, болѣзнь тѣлесьная (πέπαυται)* ([Пов. о ж. Епиф.] Усп. сб., 277. XII–XIII вв.). Глагол *перестать* в этом случае имеет значение ‘прекратиться, закончиться’, а в сочетании с существительными конкретной семантики – ‘иссякнуть, исчезнуть’: *Егда ж приидеть година поста, и тогда престанутъ вся плоды древяныя, и падеть намъ манна съ небесе (παύονται)* ([Х. Зос. к рахм.] II, 88. 1654 г.) [Сл. XI–XVII вв., вып. 19: 55]. По-видимому, оба эти значения производны от значения удаления. Такое употребление глагола *перестать* антонимично употреблению глагола *стать* в значении ‘настать, наступить начаться’, ‘произойти, случиться’, например: *И сташа днꙁье зли: мразъ вьялица, страшно зѣло* (Новг. харат. лет., 36 XIII в.); *И стала сѣча велика зла* (Ж. Бор. Глеб. (вар.), 187. 1489 г.) [Сл. XI–XVII вв., вып. 28: 25]. В современном русском литературном языке способность сочетаться с глаголом *перестать* в значении ‘прекратиться, закончиться’ сохранили лишь три существительных, связанных с обозначением погодных явлений, – *дождь*, *снег* и *ветер*. Однако в диалектах круг слов, способных употребляться в подобных конструкциях, значительно шире: *Перестали поленья. Перестанут деньги.* Север., Ончуков. *Деньги перестанут – опять ко мне приходи.* Олон. *Товары перестали.* Печор. [СРНГ, вып. 26: 228–229].

Способность фазового глагола *перестать* сочетаться с неодушевленными существительными отличала его от глаголов группы *оста-*. В XVII в. глагол *перестать* приобретает современную сочетаемость. Во-первых, в инфинитивных конструкциях с глаголом *перестать* начинают фиксироваться неодушевленные подлежащие: *И **преста** рука моя **болѣти**, и от сердца моего отъиде тоска, и радость на мя наиде* (Житие Епифания). Во-вторых, инфинитив становится главным способом распространения глагола *перестать.* В текстах, относящихся к высокой книжности, *перестать* еще встречался в сочетании с кратким причастием или существительным: *Ниже бо о сродницѣхъ по плоти тако болѣзную, о вас же **рыдая не престаю*** (Повесть о боярыне Морозовой) – однако основным способом выражения приглагольной части в текстах разной жанрово-стилевой характеристики стал инфинитив: *...а о сынѣ моемъ **престаните** ми многая **глаголати**...* (Повесть о боярыне Морозовой); *Егда играх вамъ в свирѣли, не плясасте; егдаж **престах играти**, сие творите, скачуще!* (Басни Эзопа). К середине XVIII в. инфинитив становится единственным способом распространения глагола *перестать*.

Глагол *кончить* развил способность присоединять инфинитив не ранее XIX в. В древнерусском языке глагол *кончить* распространялся главным образом при помощи существительного в форме беспредложного В. п.: *И егда кончаютъ прологъ, и тогда почнутъ литоргию* (Х. Ант. Новг., 18. XVI в. ~ 1200 г.) [Сл. XI–XVII вв., вып. 7: 285]. Изредка он сочетался с кратким причастием: *Того же лѣта концѧша церковь владычню пишуче* (Новг. I л. 6847 г. (по Арх. сп.)) [Срезневский, т. I: 1275]. Инфинитив в приглагольной позиции не использовался; единичные случаи его употребления имели явно связанный характер: *Того же лѣта **кончаша писати** пречистую Богородицу въ Новѣградѣ во Онтоньевѣ манастыри* (Ник. лет. IX, 154) [Сл. XI–XVII вв., вып. 7: 285]; *Того же лѣта **коньчали подписывати** на Москвѣ 3 церкви камены. Спаса и Архаггела Лѣствичника* (МС, л. 233об., 1346 г.) [Юрьева 2010: 284].

Употребление *кончить* в составе инфинитивной конструкции начинается в русском языке не ранее 1820–1830-х гг.: *Но прежде чем лейтенант **кончил говорить**, а лекарь начал храпеть, дверь каюты распахнулась с треском: в нее вбежал вахтенный мичман, бледен, испуган* (А.А. Бестужев-Марлинский, Фрегат «Надежда», 1833 [НКРЯ]); *Когда мне было пятнадцать лет (а теперь мне семнадцать), **учиться** мы **кончили*** (Ф.М. Достоевский, Белые ночи, 1848) [НКРЯ]. Даже после появления этой конструкции, она оставалась редкой: ее распространение происходило в течение XX в. Глагол *кончить*, в свою очередь, продолжал широко употребляться с существительным: *Скажите скорей, как вы кончили вашу ссору с NN!* (А.А. Бестужев-Марлинский, Фрегат «Надежда», 1833) [НКРЯ]; *Он кончил раздумье, высморкался и хотел уже выйти из комнаты, как вдруг взглянул на девочку и остановился* (Ф.М. Достоевский, Елка и свадьба, 1848 [НКРЯ]). Даже в современном русском языке основным способом распространения *кончить* является не инфинитив, а существительное: соотношение этих двух способов выражения приглагольной части составляет 1 : 4,7 [Грудева, Кузьмина 2009: 42].

Возможно, причины позднего распространения глагола *кончить* в составе инфинитивных конструкций имеют системно-языковой характер. В русском языке фазовое значение завершительности у предельных глаголов регулярно выражается при помощи префиксальных коррелятов совершенного вида: «синтетический способ выражения завершительной фазы процесса является более универсальным, чем аналитический», так позволяет передавать «большее количество разновидностей фазовых завершительных пределов» [Котик 1991: 17]. В отличие от значения завершительности значение прерывания действия не выражается синтетическим способом и потому получило более раннее оформление в составе инфинитивной конструкции. При этом глагол *перестать* вытеснил глаголы группы *оста-* в силу большей абстрактности значения и, как следствие, более широкой сочетаемости.

Литература

Грудева Е.В., Кузьмина Ю.Ю. Фазовые глаголы в современном русском языке (корпусное исследование) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2009. № 3 (22). С. 36–43.

Котик Т.В. Выражение завершительной фазы действия глаголами русского языка. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 1991.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 2. Составные члены предложения и их замены в русском языке. Харьков: Университетская тип., 1874.

Словарь русских народных говоров. Вып. 26. Первее – Печетник / Гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: «Наука», 1991 (СРНГ).

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. К – Крагуярь / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: «Наука», 1980 (Сл. XI–XVII вв., вып. 7).

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. Опасъ – Отработыватися / Гл. ред. Д.Н. Шмелев. М.: «Наука», 1987 (Сл. XI–XVII вв., вып. 13).

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. Отрава – Персоня / Гл. ред. Д.Н. Шмелев. М.: «Наука», 1988 (Сл. XI–XVII вв., вып. 14).

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 19. Пренебесный – Присвдьтельствовати / Гл. ред. Г.А. Богатова. М.: «Наука», 1994 (Сл. XI–XVII вв., вып. 19).

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28. Старичекъ – Сулебный / Гл. ред. В.Б. Крысько. М.: «Наука», 2008 (Сл. XI–XVII вв., вып. 28).

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. А–К. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1893 (Срезневский, т. I).

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. Р–Я и дополнения. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1912 (Срезневский, т. III).

Юрьева И.С. Особенности древнерусских инфинитивных сочетаний с глаголом ⌀˝û˝°Ȣ // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 270–286.

Просительные документы и две тенденции в их наименовании в деловом языке XVIII века

С.В. Русанова

Petitions and two tendencies in their name in the business language of the 18th century

Svetlana V. Rusanova

Новосибирский государственный технический университет / Novosibirsk State Technical University

rusanowa_7@mail.ru

Аннотация. Объектом предлагаемого исследования являются наименования просительных документов в законодательных актах и региональной деловой письменности XVIII в., сопоставительный анализ которых позволяет говорить о двух тенденциях в употреблении терминов, обозначающих разные виды прошений.

Ключевые слова: деловой язык XVIII века, просительные документы, челобитная.

Summary. The object of this research is the names of petitions in legislative acts and regional business writing of the 18th century. Their comparative analysis suggests two tendencies in the use of terms denoting different types of petitions.

Keywords: business language of the 18th century, petitions, chelobitnaja.

Модернизация в XVIII в. языка законодательной системы и делопроизводства представляет сложный, многоплановый процесс. Отталкивание делового языка от приказной традиции и втягивание в зону влияния книжно-литературных норм обусловливают его гетерогенный характер, не свойственный ему ранее и актуализируют вопрос о формировании нормы делового языка в условиях преобразования культурно-языковой ситуации XVIII в.

Функционирование книжно-славянских, приказных и разговорных средств в рамках канцелярского слога, особенности их взаимоотношения, определяющие характер нормы в деловых текстах XVIII в., позволяют выделить два регистра официально-делового языка данного периода, реализующиеся в законодательных актах и региональных документах.

Законодательные акты, по сравнению с региональными документами, отличались не только более строгой языковой нормой, но и тем, что выполняли кодифицирующую функцию в условиях, когда осознание и освоение нормы официально-делового языка нового типа не подкреплялось специальными источниками, закрепляющими эту норму. Законодательно-директивные деловые бумаги служили образцами для местных делопроизводителей и регламентировали региональное деловое письмо. Именно через язык законодательных актов в языковое пространство документов проникают книжно-славянские элементы, в силу языковой маркированности придающие деловому письму особую, культурную окраску, подчеркивающие его государственную и общественную значимость.

В региональной деловой письменности XVIII в., как свидетельствуют исследования, дольше сохранялись устаревшие приказные конструкции, шире представлены вариантные формы, явившиеся результатом взаимодействия общерусских, книжно-славянских и местных языковых элементов, медленнее осуществлялись инновационные процессы.

В то же время сопоставление законодательных актов и региональных документов позволяет обнаружить явления, свидетельствующие о более длительном сохранении отдельных приказных форм в языке первых, нежели в языке вторых. Речь идет о двух противоположных тенденциях в наименовании деловых текстов одной из самых многочисленных групп — просительных документов. Для языка законодательных актов была характерна унаследованная из приказного письма тенденция к унифицированному обозначению всех разновидностей просительных документов приказным термином *челобитная.* Начиная с петровских указов термин *челобитная*, который может уточняться соответствующими определениями, стабильно употребляется для обозначения искового и явочного заявления, апелляционной жалобы, неискового прошения. Примером могут служить фрагменты законодательных актов разных временных периодов, отражающие использование термина *челобитная* / *явочная челобитная*: С *явочных челобитен*, которыя подают о всяких делех для записки, пошлин имать по 4 деньги с *челобитной* [ПСЗ, IV, № 1743, с. 2, 1700 г.]; С подаваемых во всех местах *челобитен явочных* по 25 копеек, <...> но из сего исключаются *явочныя челобитныя*, подаваемыя в убивствах, в разбоях и в грабежах [ПСЗ, XVI, № 11988, с. 460, 1763 г.].

В региональной деловой письменности в наименовании просительных документов отражается противоположная тенденция – к постепенной специализации термина *челобитная* и замене родового приказного наименования (с возможными уточняющими определениями) видовыми лексическими одночленными эквивалентами. К середине века термин *челобитная* закрепляется только за исковым и мировым заявлениями, связанными с судебным решением проблемы. Вместо *явочной челобитной* начинает функционировать *объявление* (См. в Словаре Академии Российской: «Объявление <...> 2) Писменное извещение о чем в какое либо судебное место» [САР, VI: 1029]); просительные документы, в которых излагаются просьбы по делам, не требующим судебного решения (или пока не предполагающим обращения в суд), именуются *доношениями*, *прошениями*. Ср., например, из восточносибирских архивных материалов объявление крестьянина Федора Казакова к Заказным делам духовного правления г. Нерчинска о домогательствах посадского Матвея Бурмакина [ПЗДП, 79, 1755 г.]; доношение вдовы присяжного сержанта Дарьи Ивановой в Верхнеудинские городнические дела с просьбой о взыскании с присяжного Афанасия Черных пяти рублей [ПЗДП, 73, 1790 г.].

Такие «двойные стандарты» просуществовали до конца столетия, несколько видоизменившись после указа Екатерины II от 19 февраля 1786 г., которым запрещалось использовать термины *челобитная*, *бьет челом*, *челобитье* и рекомендовалось заменить их словами *просит*, *прошение*, *приносит жалобу* [ПСЗ: XXII, № 16329, 1786]. Интересно в этом плане сравнить два указа Екатерининского времени — 1764 г. и 1794 г., отражающие указанную терминологическую трансформацию: Правительствующий Сенат <...> с подаваемых *челобитен* с каких именно новоположенный сбор иметь, Приказали: к тому сбору *челобитные* почитать <...> следующия, а именно: 1. *Явочныя* <...>. 2. *Апелляционныя* <...>. 3. *Исковыя* <...> [ПСЗ: XVI, № 12210, 1764 г.]; Установленныя до сего времени пошлины с просительных дел, за печати восковыя, печатныя пошлины, с *прошений исковых*, *явочных* и *апелляционных*, кроме *мировых*, с патентов и жалованных грамот собирать вдвое противу настоящаго [ПСЗ, XXIII, № 17226, 1794 г.].

Источники

Памятники забайкальской деловой письменности VIII века / Под ред. А.П. Майорова; сост. А.П. Майоров, С.В. Русанова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005 (ПЗДП).

Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. Т. IV, XVI, XXII, XXIII. СПб., 1830 (ПСЗ).

Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794 (САР).

Женская речь в «Повести временных лет»

В.С. Савельев

Female speech in The Tale of Bygone Years

Victor S. Savelyev

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

alfertinbox@mail.ru

Аннотация. В докладе анализируется прямая речь женщин – героинь «Повести временных лет». Устанавливается, что летописные женщины вступают в коммуникацию в определенных социальных ролях, имеющих отношение к семейной, общественной и духовной жизни. Анализ речевых тактик и стратегий летописных женщин-коммуникантов показывает, что их речь не отличается от речи летописных мужчин. Единственным примером женской речи, обладающей рядом уникальных признаков, является речь княгини Ольги, однако связано это не с полом коммуниканта, а с его личностью.

Ключевые слова: древнерусские летописи, устная речь, женский речевой портрет.

Summary. The report analyzes the direct speech of women – heroes of *The Tale of Bygone Years*. It is established that the chronicle's women enter into communication in certain social roles in their family, social and spiritual life. Analysis of the speech tactics and strategies of the chronicle's women shows that their speech does not differ from the speech of the chronicle's men. The only example of female speech, which has a number of unique features, is the speech of Princess Olga, but this is not connected with the communicator's gender, but with his personality.

Keywords: Old Russian chronicles, oral speech, female speech portrait.

В «Повести временных лет» обнаруживается 322 непереводных диалогических фрагмента, описывающих коммуникативные события (далее – КС); только в 24 из них принимают участие женщины, при этом вторым участником коммуникации во всех случаях является мужчина. Наиболее «активной» женщиной-коммуникантом является княгиня Ольга – 16 КС, другие женщины-коммуниканты – княжна Рогнеда, царевна Анна, княжна Предслава, мать князя Брячислава, Мария Яневая (жена тысяцкого Яна Вышатича), княгиня Анна (Янка) Всеволожая – участвуют не более чем в двух КС.

Кн. Ольга произносит все свои реплики будучи вдовствующей княгиней. Это ее положение – действующего правителя и одновременно с этим вдовы – определяет ее коммуникативный потенциал в значительной части КС, в которых она участвует.

В восьми КС собеседниками кн. Ольги являются древляне. В 7 КС именно она владеет коммуникативной инициативой, произнося первую реплику в диалогах, большинство из которых являются прескриптивными, при этом во всех случаях кн. Ольга достигает перлокутивного эффекта, к которому стремится.

В трех КС собеседником кн. Ольги является византийский император Константин. Каждый из этих диалогов является прескриптивным, причем коммуникативной инициативой в них владеет император. И в каждом из случаев кн. Ольге, интересы которой не совпадают с интересами собеседника, удается достичь нужного ей итога.

В двух фрагментах собеседником кн. Ольги является патриарх, в общении с которым она впервые на страницах летописи обретает собеседника, который является для нее не врагом (как древляне) или оппонентом (как император), а духовным наставником.

В двух диалогах с сыном – кн. Святославом – кн. Ольга произносит слова, отражающие ее материнскую тревогу и христианскую любовь. Оба диалога являются прескриптивными: в одном случае княгине удается уговорить сына остаться с ней до ее смерти, во втором – сын не прислушивается к ее призыву креститься, и это единственный словесный поединок, в котором кн. Ольга терпит поражение.

Летописец указывает, что княгиня предпринимала попытки наставить своего сына неоднократно (*яко же бо Олга часто глаголаше...*), однако они ни к чему не привели. И тогда она обратилась с молитвой к Господу (*моляшеся за сына и за люди по вся дни и нощи*), и в конечном итоге все свершилось по ее молитвам: Русь стала христианской, а крестил ее пусть и не сын ее, но внук, воспитанный ею.

Анализ речевой деятельности кн. Ольги показывает, что она является незаурядной языковой личностью, почти всегда достигающей своих коммуникативных целей за счет следующих качеств: информированность (знание княжеского этикета, языческих ритуалов, христианского таинства крещения); продуманность речевых стратегий; быстрая и точная реакция на речевые действия собеседника; умелое использование разнообразных рече-поведенческих тактик («уклончивый ответ», «двусмысленное высказывание», «утаивание части информации», «отложенное согласие»); апелляция к чувствам и логике собеседника и удачная аргументация; следование моделям коммуникативного поведения, которые определенным образом маркируют социальную роль говорящего и при этом наиболее выгодную для него в данных коммуникативных условиях.

Что же касается собственно языковых признаков, то все перечисленные характеристики обнаруживаются также и в речи летописных мужчин; в частности, названные рече-поведенческие тактики реализуются в речи таких летописных героев, как император Константин, кн. Владимира, мученик Феодор Варяг, Янь Вышатич. Мало того, именно в речи мужчин обнаруживаются высказывания, которые, если опираться на современные гендерные стереотипы, следовало бы назвать характерными для «женской» речи; в речи же кн. Ольги не обнаруживается ни жалоб, ни сетования, ни плача.

Таким образом, гендерные характеристики речевого портрета кн. Ольги обнаруживаются исключительно в «парадигме» социальных ролей, в которых она выступает, и в тематике КС, в которых она участвует.

Тот же вывод можно сделать и в отношении речи других летописных женщин-коммуникантов: во всех случаях они вступают в диалог в социальных ролях, имеющих отношение к их семейной жизни, – в качестве *матери*, *дочери*, *сестры*, *невесты*, *жены*, *вдовы*. В ряде случаев на них накладываются социальные роли *властительницы* и / или *христианки*. Сообразно этому тематика диалогов, в которых участвуют женщины, ограничена: они говорят о браке, похоронах, поминовении усопших, заботятся о безопасности близких и спасении их душ, реже участвуют в переговорах, касающихся установления мира, взимания дани, передачи подарков. Что касается собственно языковых признаков, то их речь не отличается от летописной речи мужчин. Единственным исключением служит речевой портрет кн. Ольги, но и он скорее свидетельствует о том, что она, как и другие выдающиеся летописные ораторы, обладает неповторимым речевым «лицом», черты которого связаны не с ее полом, а с ее личностью.

Литература

Савельев В.С. Летописный женский речевой портрет (на материале «Повести временных лет») (статья 1) // Филология и человек, 2018. № 2. С. 127–144.

Савельев В.С. Летописный женский речевой портрет (на материале «Повести временных лет») (статья 2) // Филология и человек, 2018. 2018. № 3. С. 50–58.

Приставка *при-* в «Слове о полку Игореве»: семантика и вид глагола

Мирко Саккини

The prefix *pri-* in the "Slovo o polku Igoreve": semantics and verbal aspect

Mirko Sacchini

Тюменский государственный университет / University of Tjumen

m.sakkini@utmn.ru

Аннотация. В этой работе рассматриваются древнерусские глаголы с приставкой *при-* в *Слове о Полку Игореве*, с целью восстановления их видовых пар. Учитывая также контексты их употребления и глагольные основы, для данных глаголов устанавливается тип приставочного значения (только-пространственный, пространственно-результативный, временно-результативный, только-результативный), который предопределяет, как подобрана их пара.

Ключевые слова: приставка *при-*, вид глагола, типы приставочных значений, омонимия, видовые пары.

Summary. In this work the Old-Russian verbs with a prefix *pri-* of the *Slovo o Polku Igoreve* are analysed in order to recover their aspectual pairs. By taking into account also their contexts and verbal bases, for these derived verbs it is established their type of prefixal meaning (only-spatial, spatial-resultative, temporal-resultative, only-resultative), which predefines how to create their aspectual pairs.

Keywords: the prefix *pri-*, verbal aspect, types of prefixal meanings, homonymy, aspectual pairs.

В докладе определяются семантические и морфофункциональные характеристики 16 глаголов с приставкой *при-* из *Слова о Полку Игореве*. Целью является установление их видового значения и видовых пар. Для этого требуется решение двух главных проблем: глагольной омонимии, как в глаголе *притопта* из *Слова,* где в действительности представлена не *при-*, а приставка *пре-* / *прѣ-*; и наличия глаголов типа *припѣшали*, чья «темная» семантика в *Слове* является поводом для некоторый ученых не признавать древности *Слова.*

В качестве анализируемого текста мы использовали издание Слова Андреем Зализняком [Зализняк 2008]. Данное издание является наиболее научным и адекватным. В частности, в нем сохранено слово *припѣшали*, которое М. Хендлер и Э. Кинан, считали ошибкой автора-фальсификатора конца XVIII века. Анализ контекстов употребления глаголов с *при-* подтверждает раннедревнерусские особенности Слова. Об этом говорит правильное употребление всех прошедших времен (*прихождаху, прикрыла, бяшетъ притрепалъ, притопта*), двойственного числа (*соколома крыльца припешали*) и рефлексивного местоимения *ся,* написанного отдельно (*ся приламати*).

При восстановлении видовых пар обосновывается подход, при котором *прийти* и *проходити* рассматриваются как члены словоизменительной видовой пары. При этом конкретный тип отношений в паре определяется семантикой приставочного глагола СВ. 1. Если глагол СВ (*перейти*) выражает результат, достигнутый постепенно, (глагол **предельно-градуальный**), от него образуется глагол НСВ (*переходити*), выражающий процесс, предшествующий результату, выраженному в СВ; при этом возникает от СВ **предельная пара** (пред. пара): *перейти – переходити.* 2. Если глагол СВ выражает, однако, внезапное начало (*увидети*) или завершение (*прийти, притрепати*), т.е. является **предельно-точечным глаголом**, то от него могут образовываться три типа пар: 2.1. **тривиальная видовая пара**, когда НСВ является всего лишь ПТ повторением глагола СВ, например в имперфекте: *прийти – приходити*; 2.2. **пролептическая пара**, если завершению СВ на оси времени предшествует неизменяемое состояние НСВ (**непредельно-стативный** глагол): *умерети – умирати*. 2.3. **перфектная пара**, если СВ выражает начало, за которым следует неизменяемое состояние СТ НСВ (*видети*) или, редко, человеческая деятельность НСВ (**непредельно-нестативный** глагол).

Как показал анализ, все значения древнерусских глаголов с *при-* сводятся к базовому пространственному представлению (БП): 'быть / привести в непосредственную близость с предметом'. Во взаимосвязи между БП приставки *при-*, типом глагольной основы и элементами контекста из БП рождаются четыре типа приставочных значений (только-пространственное, пространственно-результативное, временно-результативное и только-пространственное). К первому типу в *Слове* можно отнести только итеративный глагол НСВ в имперфекте *прихождаху* ('приходили много раз'). Ко второму типу относятся 7 глаголов: *приведе, пригвоздити, прикрыты, прикрыла, прикрывають, приодѣ*. Все они создают видовые тривиальные пары заменой основы (только *приведе*) или суффиксом *-а-* (остальные). К третьему типу, временно-результативному, можно отнести непереходный непарный глагол СВ ПТ *припѣшати* ('временно оказаться без крыльев / коня') в фразеологизме *с крыльца* [Адрианова-Перец 1966: 23, 82]. Только-результативный тип представлен в двух случаях: *приложити*, в фразеологизме *приложити главу* ('отдать свою жизнь'), и *бяшеть притрепеталъ* ('заставлял трепетать'). В глаголах этого типа БП повторяет исходную семантику (*приготовити*) или сливается (*припомятовати*) с семантикой глагольной основы. Только в этой группе могла иметь место в древнерусском депрефиксация глагола СВ при создании пар.

Нужно отметить, что многие глаголы с *при-* в *Слове* (5 из 16) являются омонимами, созданными церковнославянской приставкой *пре-* / *прѣ-*, т.к. они отражают понятия, связанные с ее БП ('через'): 'слишком' – *притопта*, *притрепа* и *притрепанъ*; 'на всех' – *приломити*, *ся приламати.* Контаминация, вызванная приставкой *пре-* / *прѣ-*, активна уже в раннедревнерусском [Улуханов 2004, Иванов 1995] по фонологическим причинам.

Литература

Адрианова-Перец В.П. Фразеология и лексика «Слова Полку Игореве» // Лихачев Д.С., Дмитриев Л.А. Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л.: Наука, 1966. С. 13–126.

Зализняк А.А. Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста, 3-е изд., доп.. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Иванов В.В. Фонетика // В.В. Иванов, С.И. Иорданиди, Л.В. Вялкина, Т.А. Сумникова, В.Б. Силина, В.Б. Крысько. Древнерусская грамматика XII–XIII вв. РАН: Наука, 1995. С. 20–170.

Улуханов И.С. Славянизмы в русском языке (глаголы с неполногласными приставками). М.: Управление технологиями, 2014.

Некоторые особенности стилистической интерпретации славянизмов в «Словаре Академии Российской»

П.А. Семенов

Some features for stylistic interpretation of slavcisms in the «Dictionary of Russian Academy»

Petr A. Semenov

Балтийский институт иностранных языков и межкультурного сотрудничества (Санкт-Петербург) /
Baltic University of Foreign Languages and InterculturalCooperation (Saint-Petersburg)

2331638@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются вопросы стилистической интерпретации славянизмов как генетико-стилистической категории в «Словаре Академии Российской» (1789–1794). На основании сопоставительного анализа двух гнезд («глас – голос», «древо – дерево») делается попытка реконструировать стилистические взгляды лексикографов XVIII века и объяснить различия в стилистических оценках разных слов.

Ключевые слова: славянизм, генетико-стилистическая категория, словообразовательное гнездо.

Summary. This report is devoted to the questions of the stylistic interpretation of Church Slavonic words as a genetic and stylistic category in the «Dictionary of Russian Academy» (1789–1794). On the basis of the comparative analysis of two groups of words of same root («glas – golos», «drevo – derevo») the author makes an attempt to reconstruct stylistic views of the lexicographers of the 18th century and to explain differences in stylistic estimation of the different words.

Keywords: Slavicism (Church Slavonic word), genetic and stylistic category, family of words (nest).

Язык, лексическая система которого представлена в «Словаре Академии Российской» (САР), определен составителями как «славенороссийский». Уже из этого определения следует, что понимание основных пластов лексики литературного языка было *генетико-стилистическим*, т. е. нормативный статус слова определялся его *происхождением*, возведением к одному из двух важнейших источников «славенороссийского» языка – к церковнославянскому или к русскому. Однако генетический подход авторов САР к лексике не следует считать собственно этимологическим. Поскольку язык для них, прежде всего, совокупность текстов, то и происхождение слова определялось главным образом его функционированием в определенном кругу текстов: в канонических церковных книгах, светских сочинениях, ораторских жанрах и под. Формально-этимологические показатели играли при такой стилистической квалификации слова второстепенную, вспомогательную роль.

Из сказанного следует, что слово, особенно книжное, еще не могло мыслиться вне своих контекстуальных связей. Характеризуя древнерусский литературный язык, В.В. Колесов отмечал, что основной единицей этого языка и основным строительным материалом текста была формула-синтагма [Колесов 1989]. Набор и комбинация традиционных формул определяли и жанровую принадлежность текста, и его стилевые особенности, и тип языка. Стилистически маркированным было не слово как таковое, а формула, возникшая в пределах определенного жанра. XVIII век с его «филологическим» пониманием слова и языка еще не преодолел эту устойчивую традицию. В САР мы видим постоянную внутреннюю борьбу старого, «синтагматического» подхода к слову (характерного для «текстовой» лексикографии Средневековья) с новым – «парадигматическим».

Новый, «парадигматический» тип лингвистического мышления проявлялся в академическом словаре двояко: во-первых, в гнездовом принципе словорасположения и, во-вторых, в генетико-стилистических оппозициях (типа *глас – голос, око – глаз* и под.). Словообразовательное гнездо является наиболее естественным, самоочевидным типом лексической парадигматики. Гнездовой принцип описания следует признать одним из основных достоинств САР. Известно, что Е.Р. Дашкова, возглавлявшая Российскую Академию, считала этимологический («словопроизводный») принцип обязательным для первого толкового словаря национального языка [Богатова 1989]. Поэтому нам кажутся весьма уязвимыми попытки осмыслить принципы стилистической маркировки лексики в САР без уяснения места слова в составе словообразовательного гнезда.

В аспекте интересующей нас проблемы в САР можно обнаружить 7 типов гнезд, по-разному представляющих и распределяющих «славенские» и «русские» лексемы:1) гнезда с общеславянским корнем, включающие дериваты – славянизмы и русизмы (*брат, брань, грех, дух* и т.п.) – подавляющее большинство гнезд; 2) монолитные славяно-русские гнезда, в которых базовое слово – славянизм, а русизм не выделен даже в особую словарную статью (*клас, хлад* и под.); 3) синтетические славяно-русские гнезда, в которых заглавное слово – полисемант, совмещающий «славянские» и «русские» значения (*враг, глас, град* и под.); на «русские» значения даются примеры с полногласием; 4) аналитические славяно-русские гнезда, в которых славянизм и русизм помещены в одно гнезддо, но представлены разными словарными статьями (*злато – золото, здравие – здоровье, драг – дорог, древо – дерево* и др.); семантических различий между славянизмом и русизмом в этих случаях обычно нет, но оба варианта обладают примерно равной деривационной активностью и могут давать разные производные (ср.: *драгоценный* и *дорогостоящий*); 5) раздвоенные гнезда – такие случаи, когда славянизм и русизм в САР образовали разные гнезда (*бремя – беремя, брег – берег, глад – голод, глава – голова* и нек. др.); 6) деривационно разветвленные «славенские» гнезда (*благо* и под.); 7) деривационно неразветвленные «славенские» гнезда (*гов, глум* и нек. др.);

Таким образом, логика всех стилистических маркировок наиболее ясно видна в пределах словообразовательного гнезда. Гнездовое рассмотрение стилистически маркированной лексики дает возможность по-иному взглянуть на многие факты стилистической маркировки, кажущиеся, на первый взгляд, непоследовательными, противоречивыми. Что касается формальных и семантических оппозиций генетического и псевдогенетического характера, то они, конечно, играют известную роль в стилистической дифференциации лексики и заметно представлены в Словаре, но и их правильное осмысление возможно только в пределах гнезда, только на фоне дериватов с тем же корнем и с учетом их функционирования в составе определенных формул, в определенных жанрах и контекстах. Тогда только можно понять, почему, например, маркируются славянизмы типа *брег* и *глава* и не маркируются лексемы типа *глас* и *древо*, почему варианты *глас* и *голос* даны в одной словарной статье, а словам *нрав* и *норов* посвящены разные словарные статьи и т.п.

Литература

Богатова Г. А. Один из русских феноменов. К 200-летию Словаря Академии Российской // Народное образование. 1989. №12. С. 140.

Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.

Формульность и свобода в языке древнерусских текстов Ганзы*

Е.Р. Сквайрс

Formulaic pattern vs. freedom of expression in Old Russian texts of the Hanseatic scribes

Catherine Squires

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

skvayrs@gmail.com

Аннотация. Русская языковая компетенция немцев-переводчиков Ганзы и их методы перевода на древнерусский изучаются на примере параллельных версий письма города Ревеля Новгороду 1425 г.

Ключевые слова: средневековое право, древнерусский язык, средненижненемецкий язык, межкультурный контакт, Ганза и Новгород.

Summary. Parallel Old Russian and Middle Low German versions of a letter to Novgorod, both composed in Reval in 1425, are analyzed to show the Russian language skills of Hanseatic chanceries and their translation methods.

Keywords: medieval law, Old Russian, Middle Low German, interculturality, the Hansa and Novgorod.

За 300-летнюю историю связей Новгорода с немецкими городами Ганзы сложилась ситуация межкультурной коммуникации, в которой дипломатические переговоры велись на языке русской стороны через ганзейских толмачей, а древнерусские гамоты заключенных договоров переводились немецкой стороной для своего употребления [Сквайрс, Фердинанд 2002]. Так же – на древнерусском, через ганзейских переводчиков – велась и деловая корреспонденция до к. XV в. Однако, если переводы на немецкий язык (русских договоров) известны и изучены, то источники, позволяющие проследить работу ганзейцев, составляющих русские письма, редки; послание магистрата Ревеля в Новгород от 1425 г., сохранившееся на средненижненемецком и древнерусском, стало материалом для такого исследования. Сравнительный анализ показал, что первичен немецкий текст, переведенный ганзейской стороной на русский [Гиппиус и др.].

Поводом для письма был конфликт из-за убийства и ограбления русских купцов, в котором новгородцы обвинили немцев и арестовали заложников. Для опровержения Ганза предприняла обращение к властям Новгорода и добилась освобождения немцев «вербальными средствами» (истинные виновники и отнятый товар найдены не были).

Писари Ганзы имели большой опыт переписки с Новгородом, и в немецком проекте используются эквиваленты русских формул грамот, которые переводчик правильно передает по-русски. Метод перевода средневековых грамот по принципу «формула – формулой» достаточно изучен [Сквайрс, Фердинанд 2002: 78–101]; в черновике по-немецки предлагались русские формулы (адресные, формула крестоцелования), и переводчик четко передал их по-русски. В некоторых случаях формулы в обоих языках исконны: друс. *безо всѧкое хитрости*, снн. sunder alle behendicheid. В проекте выбор формул безупречен, и в результате получился чистый в этом отношении русский текст.

Однако в двух местах имеется фраза, не относящаяся к русско-ганзейским формулам: «не виноваты ни словом, ни делом» сказано в немецком и в переводе передано русскими вариантами: 1) снн. dat wij der sake rades, dades vnde alles medewetendes vnschuldich sin «что мы в этом деле ни словом, ни делом, ни знанием не виноваты», – друс. *тое же дѣло не д(ѣ)лом ни думою ни виновати;* 2) снн. wante de gancze copman der sake vnschuldich is rades vnde dades, myt werken edder mit worden «так как (немецкое) купечество не виновато ни словом, ни делом, деяниями или словами» – друс. *занъда мы вси купьци в томъ орудьи ни виновати ни дѣлом, ни словом*. Сторона Ганзы приводит ее, утверждая свою невиновность. Немецкая фраза выделяется звуковым повтором и антонимической лаконичностью, яркой идиоматичностью обладает и русская. Скорее всего, переводчик понимал немецкие фразы как клише и подобрал идиоматичный перевод. Однако неясна природа этих идиом, не типичных для грамот; если оба писаря отошли от официально-делового стиля грамот, то это отклонение требует объяснения.

Немецкая формула фиксируется в Германии с *Саксонского зерцала* (XIII в.) в правовых контекстах и несомненно принадлежит стилю юридической прозы. Более ранние примеры есть в законах англосаксов IX–XI вв. в составе судебных клятв: дангл. næs ic æt ræde ne æt dæde, ne gewita ne gewyrhta, ðær man mid unrihte [N] orf ætferede «не был я ни словом, ни делом, ни знанием, ни деяниями, когда у [N] незаконно увели его скот» [Schmied 1832: 216]. Эти свидетельства подтверждают правовой смысл формулы в германской древности и уточняют ее функцию: устной клятвы, произносимой в суде публично для отрицания вины, т.е. в немецком тексте она позволяет реконструировать реальное событие, дважды произошедшее между русской и ганзейской стороной: официальное разбирательство, в котором немцы принесли данную клятву.

Древнерусская фраза кроме изучаемого письма 1425 г. нигде не зафиксирована, а современные фразеологизмы определяются словарями как иносказательные, парная структура – как прием усиления (ср. в XIX в. *не виноватъ ни душой, ни тѣломъ / ни словомъ, ни дѣломъ / ни помышленіемъ, ни дѣломъ – ничѣмъ*). Однако ее истоки – от текстов Макария и Василия Великих – означают, что она была доступна и для русской, и для германской раннехристианской словесности [Сквайрс 2018: 175–177].

Эта общая основа в дальнейшем получила, как выявлено логико-лингвистическим анализом, различное развитие. Для германских и славянских обществ равно возможны текстологические связи обеих сфер – религиозной и правовой: «в текстах Нового Завета вырабатывались лексические средства для обозначения христианского греха. Среди них было много переосмысленных юридических терминов с ярко выраженной идеей нарушения закона или морали” [Панова 2000: 170, 175]. Но, если в германских языках реализовалось направление в сторону развития судебной клятвы, то семантика русских фразеологизмов осталась в сфере морали, в правовой же функции русское *делом и словом* зафиксировано только в письме 1425 г., переведенном немецким служащим.

Языковой опыт писарей Ганзы позволял им свободу в передаче не типичных для древнерусского языка грамот выражений. Они знали, что в русской традиции нет ни этой правовой формулы, ни судебной клятвы. Но в немецком тексте ее употребление обязательно, т.к. задано его смыслом: она является цитатой-ссылкой на клятву невиновности, принесенную немцами при встрече сторон летом 1424 г. Значит, переводчик должен был найти русскую фразу сходной конструкции; он выбрал известную ему идиому, очевидно опираясь на ощущение общей основы этих фраз в обоих языках. Письмо содержит упрек новгородцам в том, что они не дали веры клятве ганзейцев, как это полагалось бы в немецком суде, есть и сылка на крестоцелование: немцы настаивают на весомости своих доводов и по немецкой (клятва с поручителями), и по русской (клятва целованием креста) правовым традициям.

Литература

Гиппиус А.А., Лукин П.В., Полехов С.В., Сквайрс Е.Р. Новая грамота о новгородско-ганзейских взаимоотношениях (1425 г.) // Труды Института российской истории РАН (в печати).

Панова Л.Г. Грехъ как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «peccato» // Логический анализ язы ка. Языки этики / Ред. Н.Д. Арутюнова и др. М.: Языки русской культуры, 2000.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (No 17-01-00158 и No 18-012-00131).

Сквайрс Е.Р. Молитва и клятва: об одном новгородско-немецком контексте 1425 года // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. XV, 2018. С. 165–182.

Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород. Языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 78–96, 99–101.

Schmied R. Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. 1. Leipzig, 1832.

О дифференциации объектных и обстоятельственных форм в истории русского языка

Л.В. Табаченко

About differentiation of objective and adverbial verbal forms in the history of the Russian language

Liudmila V. Tabachenko

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) / Southern Federal University (Rostov-on-Don)

Lyudmila-tabachenko@yandex.ru

Аннотация. Синкретичные беспредложные формы совмещали обстоятельственные и объектные значения. В истории русского языка синтаксические свойства глагола отражают процесс дифференциации объектных и обстоятельственных форм: приставочные глаголы движения сохраняют беспредложное управление только при потере значения пространственного передвижения, при этом зависимая форма имени при них трансформируется в объектную. Обстоятельственные локативные значения выражаются предложно-падежными формами и наречиями.

Ключевые слова: объект, обстоятельство, предлог, история русского языка.

Summary. Syncretic non-prepositional verbal forms once combined adverbial and objective meanings. In the history of the Russian language syntactic features of the verb represent the process of differentiation between adverbial and objective forms: prefixed verbs of movement are used without prepositions only if they lose the spatial movement meaning while the subjective form of the nomen attached to them become an object. Adverbial locative meanings are expressed by case forms with prepositions and adverbs.

Key words: object, adverb, preposition, the history of the Russian language.

Беспредложные падежные формы в процессе развития синтаксиса простого предложения русского языка специализировались на выражении объектов, в то время как нормой для обстоятельственных значений становились свободные синтаксемы (предложно-падежные формы и наречия). Эта тенденция в историческом синтаксисе русского языка является продолжением первоначальной дифференциации в праиндоевропейском языке конкретных обстоятельственно-определительных, с одной стороны, и абстрактных объектных значений — с другой (происхождение аккузатива на базе общего падежа, освобождение его от обстоятельственных функций и оформление как грамматического падежа объекта при сохранении более конкретных значений у других косвенных падежей) [Десницкая 1984; Гамкрелидзе, Иванов 1984]. Объектные падежные значения не предшествовали обстоятельственным, а выделились из древнего синкретичного обстоятельственно-определительно-объектного значения, причем чисто объектные функции у ряда падежей являются вторичными.

Древние адвербы (протопрефиксы и протопредлоги), сближаясь с именами, втягиваясь в их орбиту, становились предлогами и наделялись функциями, с которыми уже не справлялись древние падежные формы. Это, в свою очередь, создало предпосылку для нового витка дифференциации абстрактно-объектных и конкретно-обстоятельственных форм: новое, сначала семантически яркое средство — предлог — стал использоваться в оформлении конкретных обстоятельственных значений, и предложно-падежные формы в этих значениях уже в праславянском языке вытеснили беспредложные.

К началу письменного периода древнерусского языка в конструкциях с глаголами движения и месторасположения нормой было употребление предложно-падежных форм *до + род. п.*, *от + род. п.*, *в + местн. п.*, *в + вин. п.*, *к + дат. п.* и др. (об архаических беспредложных формах с обстоятельственными значениями см. [Георгиева 1968; ИГ 1978; Крысько 1997] и др.).

Эта дифференциация наблюдается и в синтаксических свойствах одних и тех же глаголов: глаголы движения в конкретных значениях сочетаются только с предложно-падежными формами (*доходити, доѣхати до города; отбѣгати от дома*), но сохраняют управление родительным беспредложным падежом в тех случаях, если теряют значение пространственного передвижения, а зависимая форма имени при них трансформируется в объектную. Это относится к глаголам «удаления» (обычно с приставкой *от-*) в значении ‘лишиться’: *(1107): Отбѣгоша же товара своего, еже взяша Русскии вои* (Лавр. лет. 1377 г.); *И нынѣ я, холопъ твой, ис полону вышелъ нагъ и бос, и голоденъ, всево отбылъ* (Дон. д. IV, 24. 1648 г.); *Не отъпадеши любъве и ц<а>рства* (Изб. Св. 1076 г.), а также в значениях ‘избегать’, ‘отказываться’, ‘оставлять’, ‘потерять’. В метафорических абстрактных значениях они устойчиво сохраняют управление беспредложной формой объекта, например, *отходити живота, сего свѣта* в значении ‘умереть’.

Такие же синтаксические свойства демонстрируют и глаголы «достигания» обычно с приставкой *до-* (*доити, доходити, доѣхати, доступати* и др.) в значениях ‘настигнуть’: *(1148): И нѣлзѣ бы ему ихъ полкомъ доѣхати тою рѣкою.* (Ипат. лет., 362. Ок. 1425 г.); ‘добывать’ (*головы доступити, доѣжжати*); ‘схватить’, ‘взять’ и др. Такое же управление сохраняется и при метафорической абстрактивации глагола: *дойти конца жития, слухи нас доходятъ*. Позднее все глаголы движения с приставкой *до-* утратили эти переносные значения, в которых они сочетались с беспредложной формой объекта, и были вытеснены лексемами *достигать* и *добывать*, сохранившими управление беспредложной падежной формой.

Дифференциация форм объекта и обстоятельства имеет на одном полюсе беспредложный винительный как специализированный объектный падеж, освобожденный от всех обстоятельственных функций, а на другом полюсе — наречия старой и новой формаций как морфологизированные формы обстоятельства. Между ними — широчайший круг падежных и предложно-падежных форм, причем последние (особенно с производными предлогами) стремятся к тому, чтобы стать самостоятельными синтаксемами, освобождаясь от диктата глагола, самостоятельно выражать определенные кванты смысла. Адвербиализация, «ословливание» не является магистральным путем их развития, гораздо продуктивнее варьирование лексем-«основ» внутри выкристаллизовавшейся семантико-синтаксической модели.

Литература

Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. Л.: Наука, 1984. С. 79–80.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисск. ун-та, 1984. Ч. 1.

Георгиева В.Л. История синтаксических явлений русского языка. М.: Просвещение, 1968.

Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение / Под ред. акад. В.И. Борковского. М.: Наука, 1978 (ИГ).

Крысько В.Б. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М.: Индрик, 1997.

К истории художественного перевода в России (на материале перевода Н. Карамзина)

Т.Ф. Теперик

On the history of literary translation (based on translations by N.Karamzin)

T.F. Teperik

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

teperik54@yandex.ru

Аннотация. В статье утверждается, что в истории прозаического перевода поэтических текстов были свои достижения, одним из которых является «Юлий Цезарь» У. Шекспира в переводе Н.Карамзина.

Ключевые слова: История, проза, пьеса, перевод, традиция.

Summary. An article postulates that in the long history of literary translation there were many great achievements, and N.Karamzin' Russian translation of Shakespeare's Julius Cesar is certainly one of them.

Keywords: History, prose, play, translation, tradition.

«Перевод иноязычного должен стать не только фактом культуры, но и фактором *развития языка и литературы»* – эта стратегия сформулирована Карамзиным [Нелюбин, Хухуни 2006: 236], который о своем переводе шекспировского «Юлия Цезаря» писал: «Я старался перевести верно… Мыслей автора моего нигде не переменял я, почитая сие для переводчика непозволительным» [Карамзин 1982: 30]. Поскольку на примере переводов Шекспира показано, как легко «переменить мысли» оригинала [Чуковский 2015: 203–242], рассмотрим перевод Карамзина, вышедший, наряду с переводами А. Фета, М. Зенкевича и А. Величанского в издании А.Н. Горбунова [Шекспир 1998]. В отличие от других перевод Карамзина – прозаический, ведь в его время и античная драма переводилась прозой [Мартынов 1812], эта тенденция изменилась лишь к середине XIX века. Переводы прозой не были подстрочниками, как не являются подстрочниками современные переводы Гомера и Вергилия на английском языке, хотя поэтические переводы этих авторов появились в Европе уже в XVII веке. Когда переводчик не скован ритмом и метром, без акцента на форму подлинника иногда можно точнее передать содержание произведения, его специфику, но если на Западе перевод стихотворного текста существует в обоих вариантах – прозаическом и поэтическом, то в России прозаический перевод, хотя у него были свои достижения, остался в прошлом. Был ли таким достижением перевод Н. Карамзина? Как, например, отразился в его переводе «Юлия Цезаря» такой значимый для этой пьесы мотив, как мотив смеха [Теперик 2017]?

«We shall smile» – говорит Брут Кассию, прощаясь перед битвой. *Коль свидемся, то, верно, улыбнемся (*А. Фет). *И если встретимся, то улыбнемся* (М. Зенкевич). *Коль встретимся мы вновь, то улыбнемся»* (А. Величанский). Карамзин: *И если мы увидимся, то будем веселее*. Лексического соответствия нет, акцент сделан не на внешнем, ведь «все тайнейшие человека пружины… отличительность каждой страсти, каждого темперамента и каждого рода жизни» доступны Шекспиру [Карамзин 1982: 26]. «Будем веселее» – совсем не то, что «улыбнемся», и улыбаются не всегда весело, а фраза Брута обнаруживает надежду на изменения. У Шекспира улыбка улыбке рознь. За ней может быть скрыт и заговор, о нем Брут говорит в своем знаменитом монологе: «hide it in smiles». *О заговор… Прикрой его улыбкой* (А. Фет). *Уж лучше ты его прикрой улыбкой* (М. Зенкевич). *Так прячься в видимости улыбки* (А. Величанский). Лишь у Карамзина множественное число (*Сокрой его у в усмешках*) сохранено, благодаря чему мысль яснее, а контраст между видимостью и сущностью очевиднее, поскольку переводческая стратегия состояла в том, чтобы передать не только сказанное автором, но и то, что он **хотел сказать**. Так что отступление от буквальной точности оправдано, ведь за улыбкой может ничего и не таиться, усмешка же, как правило, что-то да скрывает. *Октавиан: И многие, с улыбкой* («some that smile»), *я боюсь, скрывают в сердце миллионы козней* (А. Фет); *Боюсь, у многих скрыта под улыбкой тьма козней злых* (М. Зенкевич), *В душах // иных друзей таятся за улыбкой злоумышленья без числа* (А. Величанский). Три переводчика передали глагол существительным, один сохранил: *Я страшусь, чтобы многие, теперь улыбающиеся, не имели миллиона пагубных намерений в сердцах своих* (Н. Карамзин). Вновь перевод Карамзина к подлиннику ближе, и это результат стремления не к грамматической точности, а к смысловой, чтобы «не переменять мыслей» автора, замысел которого – показать недоверчивость Октавиана, пусть о словах Брута, обращенных к заговору, он не знает, но улыбчивое лицо его не обманет, как обмануло Цезаря.

Расхождения переводчиков заметны и при обсуждения сна Кальпурнии [Теперик 2006], когда Цезарь решает не идти в сенат: *Скажи им, Деций, – Цезарь не придет* (М. Зенкевич). *Деций: Скажи я так – они смеяться станут* («I be laugh'd») (А. Фет). У Зенкевича пассив оригинала сохранен *Не то осмеян буду, когда им передан слова*. У Величанского глагол в активе: *Назови причину, чтобы меня не засмеяли старцы.* У Карамзина: *Позволь знать причину, дабы меня не осмеяли*. В переводе Фета не сказано, **над кем будут** смеяться, у Зенкевича не уточнено, **кем именно** Деций будет осмеян, а в переводе Величанского неудачен глагол. Лишь у Карамзина сказано же, что и у Шекспира: «меня не осмеяли», тем более, что «осмеяли» – для XVIII века привычнее, чем «засмеяли» – для века XX. Во сне Кальпурнии фигурируют римляне, погружающие руки в кровь, сочащуюся из статуи Цезаря: *Ей нынче ночью мой приснился лик… Точил он кровь, // А Римляне толпами, с улыбкой шли и мыли руки в ней* (А. Фет). *Ей снилось, будто статуя моя, // струила… кровь… и много знатных римлян в нее со смехом погружали руки*. (М. Зенкевич). А. Величанский: *И дерзкий римский люд, осклабясь, руки мыл в кровавых струях.* Н. Карамзин: *Ей снилось, что статуя моя… пускала кровь, а шайка молодых римлян улыбалась, и подошед, мыла в крови руки свои*. В переводе Фета: *Римляне… шли с улыбкой* («came smiling») – предикатив оригинала передан субстантивом, как и у Зенкевича. У Величанского деепричастие, но снова неудачен глагол. Карамзин сохранил предикат, и опасность, заключающаяся в этом сне для Цезаря, в его переводе звучит выразительнее, потому что он внимателен не только к тексту, но и к подтексту. Сравнения с другими переводами, которые тоже хороши, иначе не были бы включены в данное издание, это лишь подчеркивают. Таким образом, и в истории прозаического перевода были свои находки, одной из которых, как мы стремились показать, является «Юлий Цезарь Шекспира», переведенный Н. Карамзиным.

Литература

Нелюбин Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе. История и теория с древнейших времен до наших дней. М., 2006.

Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982.

Мартынов И.И. Софокл. Трагедии. Пер. с древнегреческого, выполненный прозой. СПб., 1812.

Теперик Т.Ф. Поэтика сновидения в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» и античные источники // Литература XX века. Итоги и перспективы изучения. IV Андреевские чтения. М., 2006. С. 80–85.

Теперик Т.Ф. Мотив смеха в «Юлии Цезаре» Шекспира и его античные источники // Национальные коды европейской литературы в контексте исторической эпохи: Коллективная монография. Н. Новгород: Изд-во НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 506–517.

Чуковский К. К методике переводов Шекспира // Корней Чуковский. Высокое искусство. СПб., 2015. С. 203–242.

William Shakespeare. Julius Caesar. Уильям Шекспир. Юлий Цезарь / На англ. и русск. яз. Пер. Н. Карамзина, А. Фета, М. Зенкевича, А. Величанского. Сост., предисл. и коммент. А.Н. Горбунова. М.: Радуга, 1998.

Зависимость позиции определения от контекста, в котором находится атрибутивное словосочетание

Анастасия Улитова

The attribute position's dependency on the context, in which the attributive phrase is placed

Anastasiya Ulitova

Независимый исследователь / Independent researcher

ulitovs@mail.ru

Аннотация. Порядок слов в атрибутивном словосочетании в древнерусском и современном русском языках отличается, но есть случаи, когда позиция определения остается неизменной с древнейших времен до наших дней. Это контексты перечисления, противопоставления, терминологические сочетания и термины родства.

Ключевые слова: Порядок слов, атрибутивное словосочетание.

Summary. The word order in an attributive phrase in Old Russian and Standard Russian is different, but there are some cases when the attribute's position stays the same from the anscient time. Trere are contexts of numbering, anteposition, terms ans terms of kinship.

Keywords: Word Order, Attributive Phrase.

Позиция определения в древнерусском языке отличалась от его расположения в современном русском языке: если в наши дни для одиночного согласованного определения характерна препозиция, то в древнерусском языке атрибут не имел стабильного положения, и его место в словосочетании зависело от разных факторов: полнота / краткость прилагательного (краткие прилагательные чаще находились в постпозиции, чем полные), частеречная принадлежность определения (качественные прилагательные стояли перед определяемым, а притяжательные прилагательные и местоимения – после него) [Санников 1968: 64–66] и т.д. Расположение атрибута было связано и с контекстом, в котором находилась именная группа. Однако работ, посвященных этой проблеме немного. Так, О.А. Лаптева отметила, что постпозиция прилагательного встречается при перечислении и противопоставлении как в древнерусских текстах, так и в русской разговорной речи [Лаптева 2008: 209–211]. Но думается, что *исконная* постпозиция определения с современном русском языке встречается не только при перечислении и противопоставлении.

I. Если определяемое имеет родовое значение, а атрибут обозначает видовой признак и более значим, чем существительное, то он стабильно находится в постпозиции (*гольфы женские*) [Молошная 1975: 32]. При этом подобные терминологические словосочетания часто встречаются в древнерусских текстах [Чащина 1991: 6]. Таким образом, это еще один случай, в котором постпозиция прилагательного нормальна и исконна. Единственное изменение, со временем произошедшее в данном типе словосочетаний, – это замена краткой формы прилагательного на полную: *кабылу гнеду а^{р}гама^{ч}ю* № 28 и т.д. [Пам. южн. 1993].

II. Другим примером того, как порядок слов в атрибутивном словосочетании сохраняется на протяжении истории русского языка, являются термины родства, употребляющиеся вместе с притяжательным местоимением и именем собственным (*брат его Иван*). Порядок слов в таких сочетаниях был стандартным: **термин родства – притяж. мест. – имя человека**: *брату моему А^{ф}вонасию* № 39 (2 р.) [Пам. южн. 1993].

Чтобы проследить развитие порядка слов в данном типе атрибутивных словосочетаний, были привлечены данные НКРЯ. Автором были проанализированы примеры типа *брат – его – имя* из текстов 1940–2000-х гг. Оказалось, что такое словорасположение нередко встречается и в современных текстах, хотя это уже редкий порядок, и чаще встречается вариант с препозицией местоимения.

его – брат – имя	брат – его – имя
*в той же слободе поселился и **его брат Семен*** и т.д. – всего 216 примеров (82%)	***Брат его Николай** был влюблен в Надю* и т.д. – всего 47 примеров (18%)

Есть несколько причин, почему число примеров с постпозитивным местоимением сокращается. Во-первых, это происходит из-за общей тенденции к препозитивному расположению атрибута. Во-вторых, конструкция типа *мать моя Марья* в начале XVIII в. начала распространяться уточнениями (статус человека): *сыну своему, москвитину Кошельной слободы Алексею Кирилову сыну Останкову* № 58; *брату моему двоюродному, второй гилдии купцу Андрею Иванову* № 82 и т.д. [Городская семья XVIII в.]. Возможно, так как имя человека часто стало встречаться в составе подобных уточнений, оно тоже стало восприниматься как уточняющий элемент, и в современных текстах очень распространен вариант, где имя оказывается уточнением к термину родства. Примечательно, что количество примеров с препозицией и постпозицией притяжательного местоимения в случае добавления уточняющего слова практически равно.

Его брат, имя	Брат его, имя,
***Его брат, Сет,** был неудачлив в выборе* и т.д. – всего 20 примеров (51%)	*Семен Матюшкин да **брат его, Федор,** всю полицию купили* и т.д. – всего 19 примеров (49%)

Кроме случаев, когда атрибут стоял в постпозиции в древнерусском и в современном русском языках, есть случай, когда постпозиция со временем меняется на препозицию. Если в составе сравнения в некоторых древнерусских текстах наблюдалась постпозиция атрибута [Уханов 1957: 58], то уже в сер. XVIII в. она заменяется на препозицию (особенно в текстах М.В. Ломоносова, которому такой словопорядок, видимо, казался устаревшим: *Он рыщет, **как пронзенный зверь*** и т.д.), и в современных текстах постпозиция крайне редка: *Словно **как жулика какого**, выгнали*.

В итоге, можно утверждать, что порядок слов в древнерусском языке, как и в современном русском, нередко зависел от контекста, а не от формальных показателей определения. Возможно, за счет этого в некоторых случаях более архаичное словорасположение сохраняется до сих пор.

Литература

Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. М.: URSS, 2002.

Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. Изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2008.

Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986.

Молошная Т.Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках. М.: Наука, 1975.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс. Режим доступа: www.ruscorpora.ru].

Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. М.: Наука., 1993.

Санников В.З. Согласованное определение // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., 1968. С. 47–95.

Уханов Г.П. К истории атрибутивных словосочетаний. Выражение согласованного определения в «Хожении Афанасия Никитина за три моря» и в произведениях паломнической литературы // Ученые записки Калининского педагогического института, 1957. Т. 19. Вып. 2. С. 31–76.

Чащина Е.Л. Речевой этикет деловых текстов Московского государства: Автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.01.02. М., 1991.

Образование новых диминутивных суффиксов в старорусском и современном русском языке

И.В. Фуфаева

The formation of new diminutive suffixes in old Russian and modern Russian

Irina V. Fufaeva

Российский государственный гуманитарный университет (Москва) / Russian State University for the Humanities (Moscow)

iriel@inbox.ru

Аннотация. Доклад посвящен систематизации и анализу важного для русской деривационной системы явления – образования новых диминутивных суффиксов из комбинаций суффиксов, возникавших при образовании диминутивов от диминутивов или других дериватов в старорусском и отчасти современном русском языке. Комбинации опрощались в случае вытеснения новым диминутивом производящего слова, ср. выпадение первых компонентов ряда пар типа *лимонец – лимончик, колыш – колышек,* превратившее комбинации *-ец* + *-ик* и *-ыш* + *-ек* в суффиксы *-чик и -ышек.* Дается перечень таких суффиксов.

Ключевые слова: словообразование, диминутивы, суффиксы, образование суффиксов.

Summary. The report is devoted to the systematization and analysis of the production of new diminutive suffixes from combinations of suffixes that are important for the Russian derivational system, which arose during the formation of diminutives from diminutives or other derivatives in Old Russian and partly modern Russian. The combinations were simplified in the case of the replacement of the new diminutive of the generating word, cf. the loss of the first components of a series of couples of the type *limonetc – limonchik, kolysh – kolyhsek*, which turned the combinations *-etc* + *-ik* and *-ysh* + *-ek* into suffixes *-chik* and *-yshek.* A list of such suffixes is given.

Keywords: derivation, diminutives, suffixes, the formation of suffixes.

Доклад посвящен систематизации и анализу важного для русской деривационной системы явления – образования новых диминутивных суффиксов в старорусском и современном русском языке.

Многие русские диминутивные суффиксы: *-чик, -очк(а), -ёнок, -ёныш, -ушк(а)* ударный, *-ушк(а / о)* безударный, *-ёнк(а / о), -ишк(а\о), -еньк(а) / -оньк(а), -ёшк(а), -ашк(а)* и др. образовались из комбинаций двух суффиксов, возникавших при образовании диминутивов от диминутивов или других дериватов, в основном, экспрессивов. То есть производящее слово само являлось производным, и на его суффикс нанизывался диминутивный суффикс.

Новый диминутив мог вступить в конкуренцию с производящим словом. Эта конкуренция исследовалась в работе [Фуфаева 2018]. В тех случаях, когда новый диминутив вытеснял производящее слово, комбинация суффиксов опрощалась и превращалась в единый аффикс. Часть таких «поневоле срастившихся» сегментов стала использоваться как суффиксы для производства новых слов, например, *-чик, -очка, -ёнок, -ушка, -онька, -ейка,* возникшие в результате выпадения первых компонентов таких пар, как: *лимонец – лимончик, удка – удочка, котя – котёнок, побируха – побирушка, девоня – девонька, шубея – шубейка.* Ср. новые образования *апельсинчик, вазочка, шимпанзёнок, хиппушка, Ритонька, котейка*. Другие срастившиеся сегменты остались только в самих вытеснивших словах и не принимали участия в словообразовании. Это, например, уникальные или непродуктивные суффиксы *-ечка, -ышек, -ютка, -явка*, возникшие в результате выпадения первых компонентов таких пар, как: *узд(ь)ца – уздечка, колыш – колышек, малюта – малютка*. В современном русском языке можно отметить подобное явление: непродуктивный суффикс *-ичок*, выделяющийся в словах *новичок* и *грудничок* после выпадения производящих слов *новик* и *грудник*, а также новый продуктивный суффикс *-осик* / *-асик* на базе сращения нового экспрессивно-панибратского суффикса *-ос* / *-ас* и диминутивного *-ик*, ср. *типасик*.

Источником сведений о вытесненных ныне дериватах являются Национальный корпус русского языка, Словарь русского языка XVIII века, Словарь русского языка XI–XVII веков, Толковый словарь В.И.Даля, каталоги суффиксов В.В. Виноградова, словарь Ожегова, работы С.Н. Шейдаевой, Ю.О.Азарх.

Комбинации 2-х диминутивных суффиксов, превратившиеся в суффиксы:

1) *-ец* + *-ик* (*кафтан – кафтанец – кафтанчик*) → очень продуктивный суффикс *-чик (апельсин – апельсинчик)*;

2) *-к(а)* + *-к(а)* (*чара – чарка – чарочка*) → ограниченно продуктивный суффикс *-очк(а)* (*роза – розочка, альтернатива – альтернативочка*);

3) *-ыш* + *-ек* (*пупырь – пупырыш – пупырышек)* → непродуктивный суффикс *-ышек (кол – колышек)*.

4) *-ец* / *ц* + *-к(а)* (*узда* – исчезнувшее *узд(ь)ца – уздечка*) → непродуктивный суффикс *–ечка.*

Для диминутивов вторичная деривация, то есть нанизывание диминутивных суффиксов, глубоко характерна. Историки языка возводят к производным все современные диминутивные суффиксы индоевропейских языков, т.е. те, которые уже в древнерусском языке непроизводны (*-ък, -ьк, -ица, -ьца, -ик*, см. [Тагабилева 2016: 45–52]). Такая роль вторичной деривации, по-видимому, обусловлена необходимостью усиления выражения диминутивных значений, в частности, дополнительного выражения экспрессии из-за ее стирания. Пример нанизывания суффиксов для выражения интенсивности: *кроха – крошка – крошечка; кроха – крохъть* (возможно, **крохъта,* судя по форме мн. ч. *крохъты* в Словаре древнерусского языка XI–XVII вв.) – *крохотуля – крохотулька – крохотулечка*. Пример нанизывания суффиксов для выражения градаций малого размера: *лопата – лопатка для торта – лопаточка для крема*; в языке XVII века *кляп – кляпыш – кляпышек* [СРЯ XI–XVII], также *кляпыш* есть в словаре Даля [Даль] (это слово обозначало палочку, использовавшуюся для застежки или запора).

Комбинации диминутивных и суффиксов невзрослости, превратившиеся в суффиксы:

1) *-я* / *ен* + *-ок* (*котя – котёнок*) → очень продуктивный суффикс *-ёнок: шимпанзе – шимпанзёнок.* Образования на *-ёнок* / *-онок* массово появляются в памятниках с конца XVI века (см.: [Азарх 1978: 248]). Старые дериваты невзрослости на *-я* в ед. ч. исчезли, кроме *дитя* (остались во мн. ч., ср. *котята*).

2) *-я* / ен + *-ыш* (*дитя – детёныш*) → ограниченно продуктивный суффикс *-ёныш, кенгуру – кенгурёныш.*

Регулярное употребление этих комбинаций суффиксов должно вызываться потребностью в регулярном выражении ласкательности при номинации детенышей животных: *теля – телёнок,* ср. современные ласкательные *телёночек* и *телятки,* правильная, но сохранившая диминутивность форма мн. ч. от *телёнок*.

Комбинации диминутивных и экспрессивных суффиксов, превратившиеся в суффиксы:

-ух(а), *-уш(а), -уньj(а)*, *-ах(а), -ёх(а), -он(я)* и пр. + *-к(а)* (*потаскуха – потаскушка, болтунья – болтушка, птаха – пташка*, исчезнувшее *девоня – девонька* и пр.) → *-ушк(а)* ударный, *-ёшк(а), -ашк(а), -оньк(а)* и пр. (*комната – комнатушка, баба – бабёшка, Данила – Данилонька* и пр.). Исчезли *побируха, замараха* (см. [СРЯ XVIII века]); *девоня* (см. [Даль]).

Регулярное употребление этих комбинаций суффиксов должно вызываться потребностью в регулярном выражении ласкательности или снисходительности для разных объектов, прежде всего лиц: *побируха – побирушка, замараха – замарашка*.

Кроме того, комбинация субстантивирующего суффикса *-ик* и диминутивного *-ок* / *-ек* в 2-х случаях превратилась в непродуктивный суффикс *-ичок: нов-ичок, грудн-ичок.*

В некоторых случаях не только опростились комбинации суффиксов, но и диминутивы превратились в самостоятель-

ные нейтральные слова: *удочка* (после вытеснения предыдущего диминутива *удка* и оттеснения нейтрального *уда*), *пупырышек* (после вытеснения *пупырь* и предыдущего диминутива *пупырыш*), *новичок* (после вытеснения субстантива *новик*), *грудничок* (после вытеснения субстантива *грудник*).

В самое последнее время наблюдается любопытное явление. Во-первых, возник экспрессивный панибратский суффиксоид *-ос* / *-ас: пивас, видос, бабосы* («деньги»), *паблос* (паблик вконтакте), *шпилосы* (каблуки-«шпильки»), *мемасы* (мемы). Возможно, исходно это шутливое переосмысление английского множественного числа, что очевидно для *мемы – memas*. Следом закономерно возникают ласкательные, смягченно-панибратские формы с суффиксом *-ик*: *-асик* (*пивасик, видосик, мемасик*). Причем, если *пивасик* – сниженное, просторечное, то *видосики* и *мемасики* присутствуют в речи образованной молодежи в качестве обычных фатических, непринужденных, панибратских обозначений. И, наконец, уже в самое последнее время в интернет-речи фиксируются фатические и иронические окказионализмы, образованные с помощью своего рода суффиксоидов *-осик* / *-асик*: *Очень хорошо его помню, прикольный* ***типасик***.

Эти формы могут и не закрепиться, однако и как окказионализмы они отражают древнюю тенденцию вторичной деривации и производности диминутивных суффиксов.

Литература

Азарх Ю.С. К истории словообразовательных типов названий детенышей и детей в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М.: Наука, 1978. С. 229–255.

Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: Русский язык, 1981–1982 [Воспроизведение издания 1880–1882 гг.] (Даль).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс. URL: http://www.ruscorpora.ru. Дата последнего обращения: 11.11.2018] (НКРЯ).

Поисковые системы Интернета: Google, Yandex, Mail.ru (Дата последнего обращения 14.11.2018).

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19–. Л. / СПб.: Наука, 1984–2011– (СРЯ XVIII).

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28–. М.: Наука, 1975–2008– [URL: http://etymolog.ruslang.ru/index. php?act= xi-xvii. Дата обращения: 1.11.2018] (СРЯ XI–XVII).

Тагабилева М.Г. Сопоставительный анализ моделей диминутивного словоообразования (на материале существительных женского рода в южнославянских языках). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук [http://dissovet.philol.msu.ru/docs/2016_TagabilevaMG_diss_10.02.20_24.pdf].

Фуфаева И.В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук [http://www2.rsuh.ru/binary/object_34.1521801225.0892. pdf].

Шейдаева С.Г. История грамматического развития существительных субъективной оценки. Дисс. … кандидата филологических наук [http://www.dissercat.com/content/istoriya- grammaticheskogo-razvitiya-sushchestvitelnykh-subektivnoi-otsenki#ixzz4Y0bwhm5Z].

«Практическая грамматика» Н.И. Греча как источник истории русской лексики первой трети XIX века

Л.Г. Чапаева

“Prakticheskaja grammatika” of N.I. Grech as source of the Russian vocabulary history in the first third of 19th century

L.G. Chapaeva

Московский педагогический государственный университет / Moscow Pedagogical State University

lg4@mail.ru

Аннотация. Грамматическое сочинение как исторический источник отражает изменения в русской лексике в ее составе, грамматических характеристиках и стилистической принадлежности.

Ключевые слова: Греч, грамматика, лексика, словарь, вариантность.

Summary. Grammatical work as a historical source reflects changes in Russian vocabulary in its composition, grammatical characteristics and stylistic affiliation.

Keywords: Grech, grammar, vocabulary, dictionary, lexical variation.

Изданная в 1827 году «Практическая грамматика» Н.И. Греча отражает не только состояние лингвистической науки грамматические и орфографические нормы этого времени, но и оказывается содержательным источником развития словарного состава русского языка. Для анализа этой стороны книги остановимся лишь на одном разделе, посвященном словам мужского рода.

В § 59, характеризуя признаки слов мужского рода, Н.И. Греч, в частности, замечает, что существительные, «кончащіяся на ъ, й, ь суть рода мужескаго» [Греч 1827: 28]. Но, так как не все имена на ь могут относится к мужскому роду, приводит названия месяцев, некоторые топонимы и перечень из 290 слов, принадлежность которых к мужскому роду надо запомнить: «Для удобнѣйшаго удержанія сихъ именъ въ памяти, должно замѣтить, что въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного, означающаго предметъ отвлеченный» [Греч 1827: 31]. Этот перечень любопытен сам по себе и одновременно позволяет увидеть изменения в русской лексике первой трети XIX в.: 1) пополнение словарного состава, 2) вариантность в роде и орфографии; 3) стилистическое разнообразие.

Сопоставление лексем, перечисленных Н.И. Гречем, с данными Словаря Академии Российской [САР]), последний том которого вышел в 1822 году (и очевидно, что грамматист ориентировался и на этот словарь), и Словаря церковнославянского и русского языка 1847 года [СЦРЯ], вышедшего через 20 лет после первой публикации грамматики Греча, позволил прийти к следующим выводам.

Из 295 лексем (правда, некоторые из них даны в двух вариантах, например, *вихрь* и *вихорь* и т.п.) 145 слов, т.е. половина – слова, совпадающие в САР, СЦРЯ и в современном русском языке, и они не требуют комментария.

Из 150 слов в САР не представлены 65, среди которых большая часть – новые иноязычные заимствования, например: *апостиль*, *бандероль* (м.р.!), *бизань*, *брамсель*, *бюллетень*, *водевиль*, *дактиль*, *капсуль*, *карамболь*, *контроль*, *муфель*, *пасквиль*, *пароль*, *патруль*, *пистоль*, *портфель*, *пудель*, *ридикюль*, *спектакль*, *стапель*, *стиль*, *трюфель*, *шпиль* и др. Любопытно, что в САР нет слова *пельмень*. Дальнейшая судьба этих слов различна: большая часть из них зафиксирована уже в СЦРЯ и в современном русском языке (для контрольной сверки использовался Большой толковый словарь русского языка [БТС]). Часть лексем не отражена в СЦРЯ, т.е. современным русским языком они усвоены позже, например: *бюллетень, пароль, риторнель* (муз. термин), *сераль, спектакль*.

Кроме того, Н.И. Греч включил в свой список слова явно просторечные (народно-разговорные), которых также нет в САР: *вяхирь* (вид голубя), *держалень* (вм. балюстрады), *какаль* (‘рыба’? Слово не обнаружено ни в одном словаре, даже диалектном), *копытень* (трава), *лопатень* («стукало въ мельницѣ»), *перевертень*, *плавень* (правда, неясно, с каким значением: ‘остров’ или *хим*. термин, см. СЦРЯ), *пролежень, сбитень, ходень, ягель*. К народно-разговорным лексемам можно отнести и те, что помещены в САР с пометой *простонар*., например: *бекрень, булдырь, курень*.

Надо сказать, что все-таки более восьмидесяти слов, приведенных Гречем в этом параграфе, так и не вошли в словарный состав современного русского литературного языка.

Что касается вариантности в родовой принадлежности существительных, то в некоторых случаях мнение Греча оказывается точнее и перспективнее, чем это отмечено в словарях. Ср., например: *бемоль* (ж. р. СЦРЯ), *выхухоль* (ж. р. СЦРЯ; в СК и м. и ж. р.), *госпиталь* (ж. р. САР), *переступень* ‘растение’ (ж. р. САР и СЦРЯ, в СРЯ м. р.), *пудель* (ж. р. СЦРЯ). Можно отметить и случаи обратного порядка: отнесение к мужскому роду некоторых слов не соответствует ни САР и СЦРЯ, ни СРЯ: *перкаль* ‘вид ткани’, *сельдь*, *фелонь* (в САР только *фелонъ*, в СЦРЯ *фелонъ* м. р., а *фелонь* ж. р., как и в СК).

К особенностям орфографии относятся написания с ятем или иной гласной в одной и той же морфеме: *кипень* (Греч) и *кипѣнь* (САР), *снигирь* и *снѣгирь* (СЦРЯ), *срослень* и *срослѣнь* (САР и СЦРЯ), *хмѣль* (САР и СЦРЯ с *е*), *ѣрь* ‘буква’ и *ерь* (СЦРЯ) а также *пискарь* и два варианта в САР (*пескарь*). Кроме того, Греч в качестве вариантов к русским словам приводит старославянские: *колодезь* и *кладязь*, *коростель* и *крастель* (в ст-сл. пишется с *ѣ*), *олень* и *елень*; или искусственно образует формы, вызванные беглостью гласных: *уголь* и *угль, комель* и *комль*.

Стилистическое многообразие объясняется включением лексики не только старославянской (церковнославянской), но и заимствованной из разных языков (не только европейских, но и тюрк., напр.: *мизгить* ‘мечеть’), народно-разговорной (простонародной), специальной (особенно связанной с устройством корабля). Пополнен список и теми древнерусскими словами, которые стали известны, вероятно, благодаря публикациям исторических памятников: *оглавль* ‘налобник у лошади’, *пѣнязь*, *фарь* ‘конь’, *цѣрь* ‘фитиль’.

Таким образом, каждый раздел «Практической грамматики» Н.И. Греча требует тщательных лексикографических и грамматических разысканий; за пределами небольшого исследования остались слова либо не зафиксированные в выбранных словарях, либо индивидуально-авторские, слова с отвердевшим впоследствии конечным согласным, не совпадающие по качеству согласного в разных источниках, слова, изменившие стилистическую окраску на противоположную. Грамматика первой трети XIX в. несомненно может рассматриваться как полноценный источник истории русского языка как в области грамматики, так и в области лексики.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002 (БТС).

Греч Н.И. Практическая русская грамматика, изданная Николаемъ Гречемъ. СПб., 1827.

Словарь Академіи Россійской, по азбучному порядку расположенной. Т. 1–6. СПб., 1806–1822 (САР).

Словарь церковно-славянскаго и рускаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Т. I–IV. СПб., 1847 (СЦРЯ).

О глаголе *имѣти* в истории русского языка

М.Н. Шевелёва

On the verb *имѣти* in the history of Russian

Maria N. Sheveleva

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

mnsheveleva@mail.ru

Аннотация. В древнерусском языке глагол *имѣти* был известен, но *имѣти*-конструкция обладания не получила активного развития; основным способом выражения значения обладания в живом языке исконно была конструкция с глаголом *быти*.

Ключевые слова: конструкции обладания с глаголами *имѣти* и *быти*, древнерусские летописи, берестяные грамоты.

Summary. The verb *iměti* was known in Old Russian, but it wasn’t common in possessive constructions; possession was expressed by *byti*-construction in colloquial Old Russian.

Keywords: possessive constructions with verbs *iměti* and *byti*, Old Russian chronicles, Birchbark Letters.

1. Как известно, в современном русском языке, в отличие от большинства других славянских, основной конструкцией со значением обладания является конструкция с глаголом *быть* (*у X (есть) Y*), конструкция же с глаголом *иметь* периферийна и используется преимущественно в книжном стиле и / или особых синтаксических условиях [Молошная 1987; Гиро-Вебер, Микаэлян 2004 и др.]. Древнерусские (др.-рус.) некнижные и летописные тексты в данном отношении также отличаются от старославянских и стандартных церковнославянских, где *имѣти* в значении ‘habere’ выступает как основное средство выражения значения обладания (ст.-сл.: **лиси ѣꙁвины імѫтъ и птица небєсныѩ гнѣꙁда** Мт. 8, 20, Зогр. и др.; **чл҃къ єтеръ имѣ дъва сн҃а** Лк. 15, 11, Зогр. и др.). В ранних др.-рус. летописях такие употребления *имѣти* с конкретными именами в значении ‘обладать’ (типа: *мало* ***имаши*** *вои…* ***имѣю*** *отрокъ свои*[x] *. ѱ. иже могут противу имъ стати* ПВЛ, 1093 г., Лавр, л. 72об = Ипат., л. 80об) встречаются более чем в два раза реже, чем сочетания с абстрактными существительными со значением состояния – отношения – свойства данного лица, часто синонимичные соответствующему глаголу: *любовь имѣти, гнѣвъ имѣти, печаль имѣти, въздьржание имѣти, распра имѣти* и др. Подобные описательные обороты с *имѣти* могут быть возведены к исконному тексту «Повести временных лет» (ПВЛ), в том числе в ее древнейшей части, и, несомненно, архаичны.

Помимо преобладающего употребления глагола *имѣти* с абстрактными именами в летописях частотно его употребление в устойчивых оборотах указания на родственные или социальные отношения (‘считать, признавать кого-л. в качестве кого-л.’): *имѣти акы ѻ҃ца / брат(а) / сын(а) собѣ, имѣти въ отьца мѣсто, имѣти игумено*[м] *собѣ* и под.

В др.-рус. некнижных текстах *имѣти* встречается крайне редко, в берестяных грамотах зафиксированы единичные примеры (всего 5), в большинстве своем отличающиеся некоторой книжностью, из них три – в составе известных по летописям устойчивых сочетаний с именами (ср. в грамоте № 752 перв. пол. XII в.: *цьтъ до мьнь* ***зъла имееши****… а азъ та* ***есмѣла*** (вм. *есмь имѣла*) ***акы братъ*** *собѣ*), один пример – в монашеском письме (№ 503 XII в.) в собственно значении ‘обладать’ (см.: [Зализняк 2004: 250–254]). Лишь в одном случае *имѣти* зафиксирован в грамоте, не содержащей черт книжности, – № 1014 (сер. XII в.) в значении СВ ‘получить, взять’ [Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 114]. Для живого древнерусского языка глагол *имѣти* не был основным средством выражения значения обладания – он в значительной степени имел характер книжности.

2. Основным средством выражения значения обладания в живом древнерусском языке была конструкция с глаголом

быти типа *у X (есть) Y*. Эта конструкция явно имеет праславянское происхождение – она известна практически всем славянским языкам [Молошная 1987], зафиксирована в памятниках с самого раннего времени, в том числе в старославянских. В др.-рус. бытовых текстах конструкция чрезвычайно употребительна, ср. в долговых списках в берестяных грамотах: *оу Рьтькѣ: гри҃: оу Хвалиса: гри҃: оу Тѣшадѣ .е҃.* (№ 905, XI в.) и под.; встречается она и в ранних летописях, ср.: *Кнѧже* ***есть оу мене*** *сн҃ъ меншии дома* (ПВЛ, 992 г., Лавр., л. 42об = Ипат., 993 г., л. 46); *Се дроужина* ***оу тобе*** *отьнѧ и вои* (ПВЛ, 1015 г., Лавр., л. 45об = Ипат., л. 49).

3. Праславянского происхождения, видимо, были обе конструкции обладания – и с *быти*, и с *имѣти*, причем *быти*-конструкция с «*оу* + Р. п.», возможно, даже более архаична. Славянский глагол *имѣти* генетически принадлежал к классу глаголов состояния, что характерно для глаголов со значением ʻиметь’ [Бенвенист 2002: 213–214]; как отмечал Э. Бенвенист, даже для и.-е. языков наличие специального глагола со значением ʻиметь’ – вторичное и относительно «позднее приобретение» – более древним было употребление с абстрактными существительными в перифрастических оборотах, передающих состояния субъекта: «испытывать голод, холод, желание…» [Там же: 211, 214]. Ранние др.-рус. летописи показывают преобладание употребления *имѣти* именно в таких оборотах.

По-видимому, развитие глагола *имѣти* в основное средство выражения значения обладания не было характерно для вост.-слав. диалектной зоны др.-рус. эпохи. Глагол *имѣти* был известен (о чем свидетельствует и замена его нетематического спряжения типа *имамь* тематическим типа *имѣю*), но для выражения значения ʻhabere’ практически не употреблялся – абсолютно доминировала *быти*-конструкция, *имѣти*-конструкция не получает активного развития и начинает оцениваться как книжная. Позднее в зону распространения *имѣти*-конструкции втягиваются юго-западные и западные вост.-слав. диалекты (укр. и белор.), где употребительны обе конструкции, старорусские же диалекты остаются в стороне от этого процесса – для русского языка *быти*-конструкция так и остается основной, а *имѣти*-конструкция – преимущественно книжной.

Литература

Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю.С. Степанова. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002.

Гиро-Вебер М., Микаэлян И. В защиту глагола *иметь* // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. С. 54–68.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Молошная Т.Н. Глагольные конструкции со значением обладания и посессивный перфект в славянских языках // Советское славяноведение. 1987. № 4. С. 91–104.

Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015.

О многозначности слова *амазонка* в русских художественных текстах XIX века

В. Шетэля, П.В. Морослин

On the polysemy of the word Amazon in the Russian literary texts of the XIX century

V. Szetela

Московский педагогический государственный университет / Moscow Pedagogical State University

szetela@mail.ru

P.V. Moroslin

Московский педагогический государственный университет / Moscow Pedagogical State University;

mpv_1950@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматривается многозначность экзотического для русского языка слова амазонка. Старое греческое название «представительницы мифического военного царства», как предполагается, заимствованного в XVII в. из польского языка, для которого источником был немецкий язык, получило, особенно в XIX веке, новые значения. Русские источники указывают на значения: «наездница», «женщина-кавалерист особых эскадронов», «разновидность женского платья», «представитель семейства попугаев».

Ключевые слова: греческий язык, заимствование, значение, многозначность; немецкий, польский языки; слово.

Summary. The report deals with the ambiguity of the exotic Russian word Amazon. The old Greek name “representatives of the mythical military Kingdom”, as it is supposed, borrowed in the XVII century from the Polish language, for which the source was German, received, especially in the XIX century, new meanings. Russian sources point to the values: “rider”, “female cavalry special squadrons”, “variety of women's dress”, “representative of the family of parrots”.

Keywords: the Greek language, borrowing, value, ambiguity; German, Polish languages; word.

Слово *амазонка*, по словарю Н.М. Шанского, В.В. Иванова, Т.В. Шанской, известно русскому языку с XVII в. [Шанский и др. 1975: 26]. «Словарь русского литературного языка» отмечает, с указанием на словарь Поликарпова 1704 г., слово *амазонды* – «имя жен скифских» [БАС, стб. 110]. Предполагается заимствование этого слова из греческого языка, в котором слово ἄμαζ όνες (от α – «без» + μαζός – «грудь»), опосредованное было для русского языка польским Amazonka и немецким Amazone в значении – «представительницы мифического военного царства, состоящего из одних женщин, находящегося, по легендарным представлениям, на берегах Черного моря, в Малой Азии» [БАС 1950, стб.110]. В этом значении слово употреблено Л.Н. Толстым в довольно особом случае (для описания изображения на ковре), см.: «под главным ковром с изображенной на нем амазонкой» [Толстой 1987: 79]. В переносном значении с ироническим оттенком слово встречается у А.Ф. Вельтмана: «Все столичное потомство амазонок облачилось в женское все оружие» [Вельтман 1989: 221]. В значении «наездница» [Даль 1880: 14] слово встречается в газетном анонсе литературного произведения, см.: «Русская Амазонка, или Геройская любовь Россиянки» [«Объявление к Санкт-Петербургским ведомостям» за 1810 г., № 93, с.2].

А.И. Герцен в своих зарубежных заметках упоминает о француженках любительницах верховой езды: «Не судите о положении француженки… по амазонкам Булонского леса…» [Герцен 1956: 37]. Примечательно, что женщин, состоявщих на военной службе в особом российском Лейб-Амазонском эскадроне, в военном обиходе также называли амазонками. См.: «Ох, с амазонками беда! Не подражать бы им Минерве!». Здесь же употреблено и прилагательное, относящееся к этому значению, см.: «Лейб-Амазонский эскадрон построить близ моей палатки!» [Вельтман 1977: 108–109]. Однако, наиболее употребительным у авторов XIX ве-

ка слово *амазонка* чаще всего в значении – «долгое, широкое женское платье, обычно суконное» [Даль 1880: 14]. Вспомним у М.Ю. Лермонтова: «дамы в черных и голубых амазонках, кавалеры в костюмах, составляющих смесь *черкесского* с *нижегородским*» [Лермонтов 1986: 274] и у И.С. Тургенева: «спустя мгновенье показалась всадница в длинной амазонке и круглой серой шляпе» [Тургенев 1976: 94]. Прилагательное *амазонский* чаще всего относится к этому последнему значению: «увидел молодую, прекрасную, нежную, белокурую женщину – в маленькой черной шляпке, в амазонском зеленом платье» [Карамзин 1980: 87]. Отметим, что В. Даль знал значение *амазонка* – «семья попугаев из куцых», а также отметил прилагательное для названия камня: *Амазонский-камень* – «зеленый полевой шпат» [Даль 1880: 14].

Таким образом, довольно экзотическое для русской культуры понятие *амазонка* обозначилось в слове в нескольких значениях. Первое значение расширилось, чему поспособствовали процессы, происходящие в обществе, прежде всего, освобождением женщины, ее эмансипацией.

Литература

Вельтман А.Ф. Новый Емеля, или превращения // Вельтман А.Ф. Избранное / Сост., вступ. ст. В.И. Калугина; Прим. В.И. Калугина и А.Б. Иванова. М.: Правда, 1989. С. 21–347.

Вельтман А.Ф. Странник / Издание подготовил Ю.М. Акутин. М.: Наука, 1977.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880. Т. 4.

Герцен А.И. Письма из Франции и Италии // Герцен А.И. Сочинения в девяти томах / Под общей ред.: В.П. Волгина и др. М.: Гос. изд. худ. лит. 1956. Т. 3. С. 5–221.

Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в четырех томах. М.: Правда, 1986. Т. 4. С. 197–337.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Повести. М.: Правда, 1980.

Словарь русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1 (БАС).

Толстой Л.Н. Повести. Рассказы: Севастополь в августе 1855 года // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. М.: Правда, 1987. Т. 2. С. 62–121.

Тургенев И.С. Затишье // Тургенев И.С. Повести. М.: Худ. лит., 1976. С. 81–151.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1975.

Наставление как жанр религиозной коммуникации (на примере текстов наставления прихожанам не присоединяться к войску Е. Пугачева)

И.А. Шушарина

Sermon as a genre of religious communication (on the example of the texts of sermon to parishioners not to join the army of E. Pugachev)

Irina A. Shusharina

Курганский государственный университет / Kurgan State Universiti

venedy@mail.ru

Аннотация. В XVIII веке одним из жанров религиозной коммуникации является наставление. Это особая разновидность текстов делового содержания, целью которых является религиозное обоснование правомерности каких-либо действий со стороны правительства.

Ключевые слова: наставление; религиозная коммуникация; риторический прием; убеждение; языковые средства.

Summary. In the XVIII century one of the genres of religious communication is sermon. This is a special kind of business content texts, the purpose of which is the religious justification of the legality of any actions on the part of the government.

Keywords: sermon; religious communication; rhetorical reception; belief; language means.

Религиозная коммуникация в XVIII веке – явление многоплановое. Она обслуживает не только духовную, но и юридическую и экономическую сферы деятельности человека. Она обеспечивает понимание народом официальной духовной идеологии, отвечает за поддержание тесной связи религии с государством, регулирует взаимоотношения духовных правлений с церквями в конкретных населенных пунктах и прихожан с церковью и священством. В трудные для государства периоды религиозная коммуникация, используя непреложный авторитет церкви, приходит на помощь правителям. Одним из таких периодов стал бунт под предводительством Емельяна Пугачева.

В нескольких единицах хранения Государственного архива Курганской области (ГАКО) находятся документы, связанные с усмирением бунта, охватившего в 1773–1775 годах обширные территории Дона, Поволжья, Прикамья, Башкирии, Среднего и Южного Урала, Западной Сибири. Это императорский манифест, указы из духовных правлений, черновики отписок о получении указов и рапортов о предпринятых на местах действиях, но особое внимание следует обратить на текст наставления, которое священники должны были читать своим прихожанам, чтобы удерживать их от присоединения к войску самозванца.

Текст наставления можно найти в двух фондах ГАКО: Знаменской церкви села Мостовского [Документы Знаменской церкви] (подчинена Ялуторовскому духовному правлению) и Крестовоздвиженской церкви села Звериноголовского [Документы Крестовоздвиженской церкви] (подчинена Троицкому духовному правлению). Текст в первом фонде частично утрачен. Он был опубликован нами в сборнике «Курганская старина» [Курганская старина 2018]. Текст во втором фонде сохранился полностью, его состояние удовлетворительное. Оба документа являются списками с одного авторитетного источника, который, вероятнее всего, был составлен в Святейшем правительствующем синоде: слишком значимой была цель, которую преследовал данный документ (уверение народа в законности власти императрицы Екатерины Алексеевны и в самозванстве «злодея», который осмелился пойти против нее). Составление текста государственной важности не могло быть доверено провинциальным священникам.

Анализ графической реализации списков (орфографическая и грамматическая точность, передача слов, которые могли быть написаны с использованием титла) говорят о том, что в Ялуторовском духовном правлении текст был списан непосредственно с документа, а в Троицком духовном правлении его писали под диктовку.

Язык наставления в значительной степени отличается от языка всех остальных документов, связанных с событиями бунта прежде всего архаичностью используемых форм, и тем не менее он представляет собой особую разновидность текстов делового содержания, целью которых является религиозное обоснование правомерности каких-либо действий со стороны правительства. Объединительными чертами наставлений и указов является их императивность, которая проявляется через использование глаголов в формах повелительного наклонения: «со вниманіемъ *послушаите* самого д҃ха с҃таго» [Там же, л. 37]; «безпристрастно *разсмотритѣ*

протекшия уже одиннатцать годовъ законного самодержавия всероссiиския Бгомъ оправданныя владети над нами ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ» [Там же, л. 37 об.]; «о духовные мои чада о вѣрныя сыны отечества *прикоснитѣ* уши ваши во глаголы устъ Павла апостола» [Там же, л. 38]. Это не глаголы активного действия, а глаголы внимания. Привлекая их в качестве особого риторического приема, автор наставления добивается от слушателей ощущения принятия ими осмысленного решения, однако само решение подсказывается путем приведения автором наставления ряда противопоставленных друг другу действий императрицы (всегда со знаком «плюс») и самозванца (всегда со знаком «минус»). Помимо этого, в наставлении императивность передается несвойственными указам глагольными формами желательного наклонения, которые также призваны подтолкнуть прихожан к принятию нужного наставителю решения: «и *да не подпадем*ъ вѣчному проклятiю но *да удостоимся* милости Бжiеи и получимъ вѣчное Бжiе благословенiе и *да обогатимся* благодѣяниями Иисусъ Христомъ у О*т*ца своего небеснаго намъ всеми силами исходатаиствованными» [Там же, л. 38 об.]; «*да удержит*ъ васъ о*т* присоединенiя к возмутителю и раз'зорителю отечества» [Там же]; «*да истреблено будет*ъ из' срѣдины зло» [Там же].

Используя характерные для текстов делового содержания конструкции со значением долженствования, автор наставления умело совмещает мир сакральный и земные события: «с увѣщанiемъ долженъ я вамъ о любезнѣишiи мои дховные чада сказать то, что Бгъ велитъ и долженъ сказать» [Там же, л. 37]; «таковыи кля*т*вопеступникъ (ркп) церковiю стою проклятiю преданныи, изверже*н* бы*т* долже*н* о*т* сообщества христiанского какъ изверженъ о*т* небеснаго царствiя» [Там же, л. 38].

Объединяет наставление с текстами указов и четкое указание на необходимость совершения определенных действий: не нарушать клятвы, данной императрице, и не присоединяться к войску Емельяна Пугачева.

Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что религиозная коммуникация XVIII столетия многопланова. Решая разные задачи, писцы используют различные языковые приемы, характерные как для традиционных текстов делового содержания, так и для текстов ораторских.

Литература

Документы Знаменской церкви села Мостовского // ГАКО, фонд 77, опись 1, единица хранения 1. Л. 37, 37 об., 38, 38 об.

Документы Крестовоздвиженской церкви села Звериноголовского // ГАКО, фонд 111, опись 1, единица хранения 1. Л. 92а, 93, 93 об., 109, 109 об., 111, 111 об., 112, 12 об.

Курганская старина. Материалы Знаменской церкви села Мостовского: Монография: В 2 ч. Ч. 1 / Сост. Р.П. Сысуева, И.А. Шушарина. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2018. [Электронный ресурс. URL: https://e.lanbook.com/book/110815. Дата последнего обращения 04.11.2018].

Секция VII. Лексикографические проекты, корпуса текстов, базы данных

Проект словаря русского языка зарубежья

И.В. Адамсон

Project of the dictionary of Russian of abroad

Inna V. Adamson

Таллинский университет (Эстония) / Tallinn University (Estonia)

inna.adamson@tlu.ee

Аннотация. В сообщении ставится вопрос о составлении словаря русскоязычной диаспоры. Имеется в виду как конкретная группа населения Эстонии, так и других стран. Ставится проблема формирования словника и словарной статьи для создания электронного словаря.

Ключевые слова: русский язык, диаспора, словарь, корпус, текст.

Summary. The report is focused on a problem of drawing up the dictionary of Russian-speaking diaspora. Means as specific group of the population of Estonia, and other countries. The problem of formation of a dictionary for creation of the electronic dictionary is mentioned.

Keywords: Russian, diaspora, dictionary, corpora, text.

Со времени распада СССР прошло уже около 30 лет. Часть носителей русского языка либо оказались на территории государств, восстановивших свою независимость, либо по различным причинам рассеялась по разным странам мира. Таким образом образовались так называемые русскоязычные диаспоры. В странах, восстановивших независимость, таких как, например, Эстония, Латвия, Литва, произошла смена статуса русского языка, который из государственного языка превратился в язык меньшинства.

В соответствии с этим, социальное функционирование осуществляется на государственных языках этих стран. Имеется в виду общественная сфера деятельности, торговля, право и т.д. Таким образом, и все официальное делопроизводство идет на титульном языке. При этом в таких странах, как Эстония, где проживает примерно 26% русскоязычного населения, существует и 70 общеобразовательных школ с русским языком обучения. Русский язык функционирует и в профессиональных учебных заведениях. При этом необходимо отметить, что, запущенная в 1998 году программа интеграции русскоязычного населения в эстонское общество, предполагает постепенный переход обучения в русских школах, в частности, на гимназической ступени на эстонский язык обучения. На данный момент 60% предметов преподается на эстонском языке. В Эстонии существует несколько десятков СМИ на русском языке. Есть и двуязычные издания, интернет-порталы и т.д. Поколения русскоязычных, родившихся в Эстонии, фактически большей частью, являются билингвами (без учета владения и другими языками: английским, немецким и др.). Из указанного следует, что речь идет о языковых контактах и интерференции, что и повлияло на проявление специфических черт языка русскоязычной диаспоры.

Подобные параллели можно проводить и в связи с другими странами, в которых будет иметься и своя местная специфика. Также и в России можно наблюдать следствие языковых контактов, например, с английским языком. Это можно считать одним из естественных явлений современного глобализованного мира.

Автор данного сообщения ведет постоянные наблюдения над локальными особенностями русского языка Эстонии. Объектом наблюдения становятся тексты СМИ, реклама, объявления, разговорная речь. Верификация фактов осуществляется при помощи электронных языковых корпусов. Во внимание принимается время проникновения и динамика функционирования языковой единицы в тексте. Был составлен также список регулярно встречающихся слов и словосочетаний, явившихся следствием языковых контактов, а также проведены российские параллели. Данный список можно считать основой для словника предполагаемого словаря. Кроме того, уже собран массив примеров, где наблюдается употребление локализмов. Изначальная работа с эстонским материалом неизбежно привела к выявлению сходных явлений, наблюдаемых и в других странах, что хотелось бы также принимать во внимание. Самих слов и словосочетаний, регулярно функционирующих в эстонских текстах на русском языке, насчитывается несколько сотен. Расширение словника может осуществляться за счет фактов других стран, например, Латвии, Германии, США, т.е. стран с довольно крупной русскоязычной диаспорой.

В качестве практических задач, необходимо указать следующее:

1. Проблема состава словника.
2. Российские соответствия локально значимым номинациям.
3. Проблема структуры словарной статьи для данного словаря с учетом достижений современной лексикографии.
4. Составление электронной версии, которую можно дополнять и оставлять комментарии.

В сообщении предлагается подробнее рассмотреть проблемы состава словника, а также проблему структуры словарной статьи для предполагаемого словаря.

Литература

Адамсон И.В. К вопросу о регулярных чертах русского языка современной Эстонии // Гуманитарные чтения РГГУ−2012 / Под ред. Е.И. Пивовара. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. С. 23−32.

Адамсон И.В. Воздействие «среды обитания» на русский язык современной Эстонии // Экология родного языка и культуры / Под ред. И.З. Белобровцевой. Москва: «Флинта»: «Наука», 2014. С. 59−65.

Вахтин Н.Б., Мустайоки А., Протасова Е. Русские языки // Slavica Helsingiensia. 40. Instrumentarium of Linguistics Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian / Eds. A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: University of Helsinki, Department of Modern Languges, 2010. С. 5−16.

Идеографический словарь как источник знаний о языковой картине мира: к выходу словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи» (М.: «Азбуковник», 2018)

Л.Г. Бабенко

Ideographic dictionary as a source of knowledge: to the appearance of the dictionary “Conceptual sphere of the Russian language: key concepts and representations in the language and speech” (Moscow: Azbukovnik, 2018)

Liudmila G. Babenko

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург) /
Ural federal university named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)
lgbabenko@yandex.ru

Аннотация. В докладе идеографический словарь рассматривается как способ репрезентации языковой картины мира в лексикографических параметрах и как источник и база данных для ее интерпретации.

Ключевые слова: языковая картина мира; концептосфера; идеографический словарь.

Summary. The report represents the ideographic dictionary as a mean to represent the language picture of the world in lexicographic parameters and as a source and data base for interpretation.

Keywords: language picture of the world; conceptual sphere; ideographic dictionary.

Предмет рассмотрения в докладе – словарь «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)» [Концептосфера русского языка… 2017], созданный учеными-лексикографами Уральской семантической школы. Цель доклада – показать роль идеографического словаря как инструмента познания мира, механизма выражения и хранения знаний о мире, которые представлены в нем в лексикографических параметрах, что открывает возможности его рассмотрения как издания, в котором отображены в формате концептов национально-культурные представления о наиболее существенных фрагментах бытия.

Исследование лексики в когнитивно-дискурсивом освещении и оформление его результатов в виде словарей является естественным развитием концепции антропологической парадигмы в языке в целом и, в частности, роли лексики в формировании языковой картины мира. Это обычный ход развития лингвистики как науки: результаты фундаментальных исследований в ней оформляются в виде словарей, которые на новом этапе ее развития становятся источником новых знаний, требующих осмысления и анализа. К настоящему времени издано несколько словарей, в которых реализованы различные научные подходы к освещению концептов. Особо следует отметить значимость в сфере концептографии выдающегося словаря Ю.С. Степанова [Степанов 2001] и фундаментального словаря под ред. Н.Ю. Шведовой [Русский идеографический словарь… 2011].

Словарь «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в словаре и речи» принципиально отличается от других словарей-концептуариев прежде всего своей жанровой природой – это идеографический словарь, что обусловливает принципы и специфику рассмотрения в нем множества концептов русского языка.

В словаре во-первых, осуществлено моделирование концептосферы языка, опирающееся на процедуры категоризации и концептуализации с целью реконструкции языковой картины мира, во-вторых, осуществлено моделирование ментальной структуры отдельного концепта с целью выявления в ее организации когнитивных признаков разной природы и статуса, в-третьих, систематизированы вербальные репрезентации в языке и речи концептов и их когнитивных признаков.

В первом случае, обратившись к разрешению проблемы реконструкции картины мира, авторы-составители словаря встроили совокупность концептов в систему категорий разного ранга и статуса, отображающих закономерности концептуализации мира, и представили внутреннее устройство концептосферы русского языка в лексикографических параметрах как системно организованное множество ключевых концептов. В результате этого в словаре «Концептосфера русского языка» представлена парадигма русских ключевых концептов в их системной иерархической организации. При распределении концептов по категориям использован Синопсис – свод идеографических классификаций лексики различной частеречной принадлежности [Бабенко 2015], который представляет собой список выявленных категорий в их иерархии – суперкатегорий, базовых категорий, субкатегорий, участвующих в формировании языковой картины мира русского языка. Подобное рассмотрение концептосферы отражено в макроструктуре словаря, в которой выделены 12 базовых концептуальных категорий, отображающих основные фрагменты действительности и концептуализирующих их, таких как *неживая природа, человек как живое существо, человек и его внутренний мир, общественно-государственная сфера, конкретная физическая деятельность* и др. В макроструктуре словаря отражена иерархия категорий, в соответствии с которой ключевые концепты распределяются по сферам, классам и группам, формируемым на основе категорий разного статуса..

Во втором случае системный подход использован при лексикографическом описании ментальной сущности концепта, представляемой как иерархически организованная структура когнитивных признаков разного ранга, которые систематизированы с учетом типологии выражаемых когниций: ядерные когнитивные признаки, конкретизирующие приядерные признаки, периферийные совмещенные и прагматические когниции разного рода: национально-культурные, ассоциативно-образные, модально-оценочные.

В третьем случае основное внимание уделено выявлению совокупности языковых и речевых средств репрезентации концептов: лексических, фразеологических и паремиологических. При этом лексические репрезентации систематизированы с учетом типологии выражаемых когнитивных признаков на основные, совмещенные и ассоциативно-образные, а фразеологические и паремиологические единицы даны списком. Вся совокупность средств репрезентации концепта, приводимая во второй части словарной статьи, представляет собой новый тип множества – когнитивно-дискурсивную группу единиц языка и речи.

Итак, в словаре реализована модель лексикографической интерпретации концепта в единстве его ментальной сущности и вербальных репрезентаций, которые соединены нерасторжимой связью, отображающей его двойную репрезентативность: концепт репрезентирует знания о мире и репрезентируется различными единицами, которые в совокупности формируют когнитивно-дискурсивное ментальное поле, которое возможно в дальнейшем исследовать с опорой на базу данных анализируемого словаря.

Литература

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2017.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.

Русский идеографический словарь: мир человека и человек в окружающем его мире / Под ред. акад. Н.Ю. Шведовой. М., 2011.

Бабенко Л.Г. Синопсис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / Под. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.; Екатеринбург: Изд-во «Кабинетный ученый», 2015. С. 22–43.

Корпусные лакуны в писательской лексикографии

Н.Л. Васильев

Text gaps in writers' lexicography

Nikolay L. Vasilyev

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва (Саранск) /
National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk)
nikolai_vasiliev@mail.ru

Аннотация. В докладе анализируются некоторые трудности писательской лексикографии, связанные с отсутствием полных собраний сочинений ряда классиков или с ограничением составителями авторских словарей текстовых выборок.

Ключевые слова: словари языка писателей, корпусы текстов, неопубликованные произведения, писательские лексиконы.

Summary. The report analyzes some of the difficulties of writers' lexicography caused by the lack of complete collections of works of some classics or restriction by the authors of dictionaries of text extracts.

Keywords: dictionaries of the language of writers, the corpus of texts, unpublished works, writers' lexicons.

Активное развитие авторской лексикографии, касающееся наиболее значимых писательских фигур XIX в., неожиданно сталкивается со специфическими, внелингвистическими трудностями и препятствиями. Они связаны, в частности, с неполнотой корпусных данных применительно к наследию отдельных писателей или, наоборот, с таким их избытком, что это принуждает ограничить выборку для словаря лишь определенными текстовыми массивами. В результате то и другое приводит к неточным выводам о количественно-качественной структуре лексикона конкретного автора.

Классический пример вынужденного ограничения генеральной словарной выборки при наличии почти полной академической текстовой базы печатных источников – «Словарь языка Пушкина» [Словарь языка Пушкина 1956–1961], о чем в свое время писал Г.О. Винокур: «Что касается самого объема привлекаемых текстов Пушкина, то, несмотря на идеальные стремления к полноте, практическая сторона дела с самого же начала заставила отказаться от включения в Словарь следующих пушкинских текстов <…> Но этим ограничениям не придается строго принципиального характера. Они… в первую очередь имеют своей целью не откладывать завершение дела до очень далеких и неясных сроков» [Винокур 1949: 14–15] Последующие наблюдения над языком классика в известной степени компенсировали лакуны в «Словаре языка Пушкина» [Новые материалы к Словарю А.С. Пушкина 1982; Васильев 2000; 2015: 121–143], но не привели в единую алфавитную систему писательское словарно-понятийное единство. Поэтому задача переиздания словаря Пушкина с учетом новых данных о его лексическом богатстве по-прежнему актуальна [Васильев 2013].

«Словарь языка Пушкина» стимулировал подготовку других писательских словарей, весьма разнообразных по своей лексикографической стратегии [Шестакова 2011]. Особенно существенные результаты были достигнуты в описании лексиконов поэтов первой половины XIX в. (см., напр.: [Васильев 2016]), в той или иной степени оказывавших влияние на Пушкина или, наоборот, испытывавших воздействие его поэтики.

В процессе этой работы обнаружились характерные трудности в плане системного изучения поэтического языка, например, стихотворцев «пушкинской плеяды», отчасти преодоленные путем выявления труднодоступных текстов поэтов. Особенно сказанное касается наследия П.А. Вяземского, чьи поэтическиет произведения в полном объеме не издавались (ср.: [Вяземский 1878–1896]), – частично публиковались после смерти писателя, фигурировали в его переписке, бытовали в анонимном виде, остались в писательском архиве, не будучи напечатанными или в виде черновых набросков. Можно сказать, что изданный словарь поэта [Васильев, Жаткин 2015] приближает нас к представлению об огромном лексиконе автора, но не исчерпывает его… В настоящий момент продолжается работа по расширению и уточнению всего корпуса поэтических текстов Вяземского. В еще меньшей степени можно говорить о полноте печатной репрезентации сочинений В.Г. Бенедиктова, поскольку многие его оригинальные произведения и переводы не были опубликованы. Попытка представить словоупотребление этого оригинального автора в виде алфавитно-частотного моделирования лексем и онимов зависит от большой предварительной работы по выявлению всех текстов поэта.

Таким образом, создание новых словарей языка русских классиков, имеющее, помимо прочего, важное значение для общей и исторической лексикографии [Васильев 2015], сталкивается иногда с объективными препятствиями и ограничениями, требующими трудоемкого литературоведческого и текстологического сопровождения.

Литература

Бенедиктов В.Г. Стихотворения / Сост., подгот. текстов и прим. Б.В. Мельгунова. Л.: Сов. писатель, 1983. 816 с.

Васильев Н.Л. Новые данные о лексической структуре языка Пушкина // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2000. № 3. С. 48–51.

Васильев Н.Л. «Словарь языка Пушкина»: 50 лет спустя… // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М.: Азбуковник, 2013. С. 23–29.

Васильев Н.Л. Теория языка. Русистика. История советской лингвистики. М.: Ленанд, 2015. 368 с.

Васильев Н.Л. Словари языка поэтов XIX в. как один из источников исторической и «синхронической» лексикографии // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник ст. к 150-летию со дня рождения ученого. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 993–1001.

Васильев Н.Л. Новые горизонты в писательской лексикографии и в изучении исторической лингвопоэтики русской литературы // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 1. С. 150–153.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М.: Флинта; Наука, 2015.

Винокур Г.О. Словарь языка Пушкина // Проект Словаря языка Пушкина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 5–27.

Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1878–1896.

Новые материалы к Словарю А.С. Пушкина / Сост.: В.В. Пчелкина, Е.П. Ходакова. М.: Наука, 1982.

Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В.В. Виноградов. М.: Гос. изд-во иностр. и. нац. слов, 1956–1961.

Словарь языка Пушкина: В 4 т. 2-е изд., доп. / Отв. ред.: В.В. Виноградов, В.А. Плотникова. М.: Азбуковник, 2000.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки слав. культур, 2011. 464 с.

Терминологический словарь «Комбинаторная лингвистика»

М.В. Влавацкая

Terminological dictionary “Combinatorial Linguistics”

Marina V. Vlavatskaya

Новосибирский государственный технический университет / Novosibirsk State Technical University

vlavatczkaya@corp.nstu.ru

Аннотация. Словарь терминов комбинаторной лингвистики содержит основные понятия комбинаторной науки о языке – направления языкознания, изучающего синтагматические отношения языковых единиц и их комбинаторный потенциал.

Summary. The terminological dictionary of combinatory linguistics contains the basic notions of combinatory science about language, i.e. the area of linguistics that studies syntagmatic relations of language units and their combinatory potential.

Ключевые слова: комбинаторная лингвистика, терминологический словарь, синтагматика, комбинаторика, сочетаемость.

Keywords: combinatorial linguistics, terminological dictionary, syntagmatics, combinatorics, compatibility.

Актуальность комбинаторной лингвистики, исследующей синтагматические связи языковых единиц и их комбинаторный потенциал, обусловлена неослабевающим интересом лингвистов к изучению функционально-речевого аспекта языка, потребностью классификационно-систематизированного описания комбинаторно-синтагматических свойств языковых единиц; большой востребованностью обучения иностранным языкам и переводу, что способствует увеличению сопоставительно-типологических исследований сочетаемости в разных языках, а также разработок лексикографических справочников комбинаторного типа во многих сферах употребления языка и т.д.

Цель комбинаторной лингвистики – теоретическое описание проблем, связанных с синтагматическими отношениями и комбинаторным потенциалом языковых знаков, а также с их развитием, эволюцией и функционированием.

Основу комбинаторной лингвистики составляют понятия синтагматики и комбинаторики: первое означает правила сочетаемости языковых единиц одного уровня, второе – изучение различных комбинаций знаков языка для реализации заданного смысла [Влавацкая 2013].

Комбинаторная лингвистики охватывает широкий спектр исследований – это обнаружение природы сочетаемости языковых единиц, выявление взаимозависимости семантики и сочетаемости, а также определение функций сочетаемости в языке и речи. Особый интерес представляют исследования, проводимые в рамках прикладного аспекта данной области, т.е. разработкой проектов словарей коллокаций (сочетаемости) [Benson M., Benson E., Ilson 1990; LTP Dictionary… 1998], адресованных будущим специалистам в различных областях знаний, в том числе лингводидактики и переводоведения. Таким образом, важность изучения проблем комбинаторной лингвистики вносит определенный вклад как в теоретическое, так и в прикладное языкознание.

Для описания результатов комбинаторно-синтагматических исследований первостепенную важность приобретает метаязык данной области. Понятийно-терминологическую базу комбинаторной лингвистики составляют термины, относящиеся к синтагматической теории, теории валентности и сочетаемости, лексической семантике, лексикологии, семасиологии, лексикографии, а также непосредственно термины комбинаторной лингвистики (*комбинаторная лексикология, комбинаторная лексикография, комбинаторно-синтагматические свойства языковых единиц, комбинаторно-семантический анализ, комбинаторно-синтагматический анализ, коннотативно-синтагматический анализ* и т.д.).

Создание терминологического словаря «Комбинаторная лингвистика» является прикладной проблемой, связанной с лексикографической интерпретацией понятий данной области.

Цель описания лингвистической терминологии в словаре – это отражение языковых реалий и их адекватное описание через научные дефиниции.

Одной из главных задач предлагаемого словаря является отражение системных отношений между входящими в данную область понятиями, т.е. словарь содержит структуру терминосистемы комбинаторной лингвистики. Назначение данного словаря как справочника – не только представить терминосистему, но и служить справочным пособием, раскрывающим систему ее понятий, важных для научной и практической деятельности специалиста. В задачи искомого словаря входит интерпретация новых терминов, возникших в связи с последними достижениями лингвистической науки и позволяющих специалисту корректно их употреблять.

Терминологической словарь «Комбинаторная лингвистика» можно охарактеризовать как узкоотраслевой, алфавитно-гнездовой (термины-словосочетания группируются вокруг основного термина); содержащий современную лексику с элементами диахронического рассмотрения отдельных единиц; одноязычный; справочный; нормативный; полный; книгопечатный; текстоориентированный, так как источником словаря стали конкретные тексты. В словарную статью входит заглавное слово (термин), дефиниция (если термин однозначный) или несколько дефиниций (если термин полисемантичный), автор(ы) терминов, иллюстративные примеры и отсылки, например: **распространитель значения слова** – слово или сходная с ним по функциям языковая единица, которая либо определяет, дополняет, восполняет, конкретизирует значение данной лексико-семантической единицы, либо обеспечивает ее включение в речь (В.В. Морковкин). Лексическому значению слова требуется распространение и эту функцию выполняет его **р.**, значение которого в контексте также полностью раскрывается. Например: *тяжелое* (болезненное) *похмелье – тяжелое* (трудноизлечимое) *ранение – тяжелый* (неприятный) *разговор – тяжелая* (неизлечимая) *болезнь* / *hard* (stiff) *collar – hard* (difficult) *work* → **Коллокат**.

Главным пользовательским запросом словаря выступает потребность специалиста в знании специальных лингвистических понятий, которые составляют небольшую, но значимую часть метаязыка языкознания. Реагированием на данный запрос является отражение в словаре абсолютной ценности слова (термина), реализуемой посредством дефиниции.

Таким образом, предлагаемый словарь, по нашему мнению, будет способствовать овладению метаязыком комбинаторной лингвистики в целях корректного использования терминов в соответствующих контекстах, четкому их соотнесению с языковыми явлениями и фактами, а также введению их в соответствующий научный дискурс.

Литература

Влавацкая М.В. Теоретические основы комбинаторной лингвистики: лексикологический и лексикографический аспекты (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Кемерово: КемГУ, 2013.

Benson M., Benson E., Ilson R. The BBI Combinatory Dictionary of English. M.: Русский язык, 1990.

LTP Dictionary of Selected Collocations / Ed. by J. Hill, M. Lewis. Hove, England: Language Teaching Publications, LTP, 1998.

Преемственность и новации в толковой лексикографии (из опыта работы над Активным словарем русского языка)*

И.В. Галактионова

Traditions and innovations in explanatory lexicography: through the experience of the Active Dictionary of Russian

Irina V. Galaktionova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

ig@philol.msu.ru

Аннотация. В докладе на примере словарной статьи слова *корм*, подготовленной автором для Активного словаря русского языка, рассматривается вопрос об обоснованности пересмотра традиционных лексикографических решений.

Summary. The question of the reasonable revision of traditional explanatory lexicographic's descriptions is discussed as based on the vocabulary entry *korm* 'anything what animals eat' written by the author for the Active dictionary of Russian language.

Ключевые слова: русский язык, толковая лексикография, словарь русского языка, структура многозначности.

Keywords: Russian language, explanatory lexicography, Active Dictionary of Russian, polysemy.

1. При составлении новых словарей принято опираться на лексикографическую традицию. Учет традиции может быть, так сказать, буквальным и заключаться в повторении решений, принятых авторитетными словарями, то есть – учитывая формат существующих толковых словарей – в воспроизведении предложенного ими деления на значения (и их оттенки) и в повторении общих идей толкования этих значений. Словарь, который опирается на традицию только таким способом и при этом не расширяет существенным образом информацию о значениях по сравнению с уже имеющимися словарями, рискует быть обвиненным в откровенной вторичности. Учет традиции может быть и другим: авторы нового словаря могут отталкиваться от существующих описаний, предлагая свои решения, при этом для любого пересмотра традиционных решений требуются веские основания, для обсуждения которых сам жанр словаря, безусловно, не предназначен. Существующие толковые словари содержат как такие описания слов, к которым следует присоединиться, так и такие, которые имеет смысл пересмотреть.

2. Учет лексикографической традиции – один из принципов работы авторов Активного словаря русского языка (далее – АС), создаваемого под руководством Ю.Д. Апресяна. Объем информации о слове и о каждом его значений в этом словаре существенно больше, чем в традиционных толковых словарях (см. об этом прежде всего [Проспект 2010]), однако в той части информации, которая касается разбиения слов на значения и толкований значений, опыт предшествующих словарей учитывается в полной мере. Достаточно часто статья в АСе в этом отношении не отличается принципиально от описаний в таких словарях, как Словарь Д.Н. Ушакова, Словарь русского языка в 4-х томах, Большой академический словарь русского языка (далее БАС) (которые в свою очередь в описании многих слов практически не отличаются друг от друга). Однако нередко описания в АСе отличаются от описаний в названных словарях.

3. Необходимость учета существующих вариантов деления слов на значения и имеющихся толкований значений важен не только потому, что часто только эта информация и содержится в существующих толковых словарях и только ее поэтому и можно учесть, но и потому, что это самые важные аспекты описания многозначного слова, которые определяют адекватность описания всех других свойств каждого из его значений (сочетаемости, конструкций, лексического мира и т.п.).

3. В докладе предполагается рассмотреть достаточно подробно структуру небольшой вокабулы КОРМ из АСа, в которой обнаруживается отход от традиционных решений, касающихся структуры многозначности (в качестве примера, содержащего именно традиционные решения, рассматривается словарная статья БАСа), а также продемонстрировать некоторые другие вокабулы, обладающие той же особенностью. Особое внимание будет уделено обоснованию предлагаемого варианта описания.

4. Слово *корм* не является сильно многозначным. В самом новом из упоминавшихся словарей – БАСе – у него выделяется два значения, первое из которых имеет два оттенка. Первое значение толкуется как «пища животных» и иллюстрируется примерами разных типов – такими, где речь идет о пище, которую дает человек (*задать корм <корму, корма>*, *заняться покупкой корма для скота*; в тексте тезисов приводимые в словаре авторские примеры сокращены и преобразованы в речения), и такими, где речь идет о самостоятельно добываемой пище (*В лесу много корма для птиц*); при этом все примеры только в ед. числе, хотя мн. число в явном виде не запрещено. Первый оттенок этого значения представлен только формами мн. числа, толкуется как «продукты растительного и животного происхождения, <…> идущие в пищу животным» и иллюстрируется сочетаниями вида *заготавливать корма*, *грубые корма*. Второй оттенок значения имеет помету «просторечное», обозначает пищу людей и иллюстрируется примерами из А.И. Герцена и М. Горького (*…для вас же спину ломаю, вам на корм!*) и сомнительным примером из Ю. Мориц (вполне возможно, что он иллюстрирует предыдущий оттенок). Второе значение имеет помету «разговорное», имеет отсылочное толкование «то же, что кормление» и иллюстрируется только речением *время корма скота*.

Очевидно, что описание слова *корм* должно быть согласовано с описанием слова *кормить*. Семантически исходным в этой паре БАС считает слово *корм* и толкует первое значение *кормить* через *корм* – «давать корм (животным)» (*кормить скот*), что приводит к необходимости описывать контексты типа *кормить семью* как соответствующие отдельному оттенку этого значения, толкуемому как «давать еду (людям)». Решение нелогичное, поскольку само действие *кормить* в двух этих случаях совершенно одинаково.

Описание слова *корм* в АСе, наоборот, исходит из его смысловой производности от слова *кормить* (ни одно из значений которого через *корм* не толкуется и для которого контексты вроде *кормить скот* и *кормить семью* рассматриваются как представляющие одно и то же, первое значение).

В вокабуле КОРМ в АСе выделены три значения, два первых их которых образуют блок. Оба эти значения соотнесены с *кормить* и толкуются через этот глагол. Значение **корм 1.1** толкуется как 'Пища, обычно специально приготовленная, которой люди кормят животных, птиц и рыб', слово в этом значении имеет богатую сочетаемость (вот некоторые иллюстрирующие его речения: *обильный корм, сытный корм; птичий <куриный, рыбий> корм; миска для корма; запас кормов на зиму; питательная <энергетическая> ценность корма; питаться (сухим) кормом; выращивать карпов на искусственных кормах*) и используется в форме как ед., так и мн. числа, причем последняя форма обнаруживает легкий смысловой сдвиг по сравнению с первой. В этот же блок входит значение **корм 1.2**, обозначающее действие по первому значению глагола *кормить* и соот-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-012-00291.

ветствующее второму значению слова *корм* в БАСе; в современном языке это значение реализуется в сочетании *на корм*, реже – *для корма* (*Незрелые кукурузные початки пошли на корм скоту* = ‘для кормления’).

Третье значение **корм 2**, функционирующее только в формах ед. числа, имеет толкование ‘То, что едят животные, птицы и рыбы’ с комментарием «обычно о растениях и их частях и насекомых, но не о животных и птицах». Это значение соотносится не с глаголом *кормить*, а с глаголом *есть* (через который и толкуется) и глаголом *кормиться*. Оно обладает достаточно узкой сочетаемостью (*искать <найти> корм, добывать корм; служить кормом для копытных <для рыб>; принести в клюве корм для своих птенцов; Диким животным не хватает корма*). Благодаря этому, даже если слово *корм* используется в форме ед. числа и в контексте нет прямого указания на предоставления корма человеком, значение слова определяется однозначно; ср., например, сочетание *Синица клюет корм*, которое уместно только в случае, если *корм* был насыпан человеком, то есть это значение **корм 1.1**.

Литература

Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Под ред. К.С. Горбачевича. СПб.: Наука, 2004– (БАС).

Проспект Активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010 (Проспект).

Русская лексикография в современном Китае

Н.И. Голубева-Монаткина, Чэнь Хао

Russian lexicography in modern China

Nataliya I. Golubeva-Monatkina, Chen Hao

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

golmonat@mail.ru, jervisvogt@mail.ru

Аннотация. Рассматривается влияние русских энциклопедических и лингвистических словарей на современную китайскую лексикографию.

Ключевые слова: русская лексикография; китайская лексикография; переводные словари.

Summary. The influence of Russian encyclopedic and linguistic dictionaries on modern Chinese lexicography is considered.

Keywords: Russian lexicography; Chinese lexicography; translated dictionaries.

Как известно, китайская лексикография имеет многовековые национальные традиции, но китайские словари современного типа стали создаваться лишь в XX в. и, как утверждают исследователи, расцвет лексикографии в КНР приходится на последние три десятилетия периода «реформ и открытости». Очевидное большое влияние на развитие современной китайской лексикографии оказали теоретические исследования и практическая деятельность лексикографов СССР / РФ.

Во второй половине XX в. публикуются китайские переводы русских энциклопедических изданий. Так, в 1986 г. вышел полный перевод «Советского энциклопедического словаря» (2-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1982. 1600 с. / 苏联百科词典，北京，上海，中国大百科全书出版社，1986年，丁祖永等译，2045页 ‘Советский энциклопедический словарь / пер. Дин Цзуюн и др. Пекин; Шанхай: Изд-во «Большая китайская энциклопедия», 1986. 2045 с.). Тогда же опубликован полный перевод «Советской военной энциклопедии» (в 8 т. / гл. редком.: А.А. Гречко, Н.В. Огарков. М.: Воениздат, 1976–1980 / 苏联军事百科全书， 北京，解放军出版社，1986年，九卷 ‘Советская военная энциклопедия. Пекин: Изд-во «Освободительная армия», 1986. В 9 т.’). В 1983 г. вышел полный перевод «Строительство. Энциклопедия современной техники» (в 3 т. / гл. ред. В.А. Кучеренко, Г.А. Караваев. М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1964–1965 / 苏联建筑百科全书，北京， 中国建筑工业出版社， 1983年， 1310页 ‘Советская строительная энциклопедия. Пекин: Изд-во «Китайская строительная промышленность», 1983. 1310 с.’).

В ряде случаев использовались лишь определенные части русских энциклопедических изданий. Например, из «Советской исторической энциклопедии» в 16 томах (гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Советская энциклопедия, 1961–1969) с помощью 201 переводчика и редактора в китайскую «Энциклопедию всемирной истории» в одном томе (世界历史百科全书， 北京，商务印书馆，1992年，1519页 ‘Пекин: Коммерческая Пресса, 1992. 1519 с.’) вошли лишь персоналии, а из «Философской энциклопедии» (в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1960–1970) были переведены все 952 статьи первого тома / 苏联哲学百科全书，上海，上海译文出版社， 1984年，572页 ‘Советская философская энциклопедия. Шанхай: Изд-во «Шанхайское издательство переводов», 1984. 572 с.’).

Что касается лингвистических словарей, то в двуязычной русско-китайской лексикографии используются переводные словарные статьи из русских словарей разного типа. Так, созданный институтом лексикографии Хэйлунцзянского университета словарь «俄汉详解大词典» (哈尔滨，黑龙江人民出版社， 998年， 四卷 ‘Большой русско-китайский толковый словарь. Харбин: Изд-во «Хэйлунцзян Жэньминь», 1998 г. В 4 т.’) содержит около 246 000 статей из таких изданий, как «Словарь иностранных слов» (1984), «Словарь сокращений русского языка» (1983), «Новые слова и значения» (1971–1984), «Политехнический словарь» (1978), «Орфоэпический словарь русского языка» (1985), «Фразеологический словарь русского языка» (1968).

Один из самых известных переводных словарей – это изданный в 2007 г. объемом в 35 000 слов, вошедших в русский язык в 1985–2000 гг., «俄汉新词词典» (冯华英，北京，商务印书馆，2007年，561页 ‘Словарь-справочник новых слов русского языка с китайскими толкованиями. Гл. ред. Фэн Хуаин. Пекин: Коммерческая Пресса, 2007. 561 с.’). Он составлен на базе 10 опубликованных в последние годы словарей: «Новое в русской лексике. Словарные материалы» (1985–1989); «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг.» (1996); «Современный толковый словарь русского языка: более 90000 слов и фразеологических выражений» (2001); «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» (1998); «Словарь новых иностранных слов» (1995); «Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона» (1999); «Новый словарь сокращений русского языка» (1999); «Словарь перестройки» (1992); «Толковый словарь пользователя РС» (1998).

Каждая словарная статья состоит из русской и китайской частей, где дается толкование и перевод лексемы, грамматические и стилистические пометы, например:

1. перестрóечка*, -и [阴 ‘ж. р.’] < 语，讽 ‘разг., ирон.’ > 改革 ‘перестройка’; 2. перестрóечник, -а [阳 ‘м.р.’] < 语 ‘разг.’ > 1 改革拥护者，改革派 ‘активный деятель, сторонник перестройки’ 2 <贬 ‘неодобр.’> 以改革谋私者 ‘лица, использующие перестройку в корыстных целях’; 3. перестрóечный [形 ‘прил.’] 改革的，反映改革的 ‘относящийся к перестройке, связанный с ней’; 4. перестрóившийся, -аяся, -ееся [形 ‘прил.’] < 讽 ‘ирон.’> 似乎已改革的 ‘перестроившийся’; 5. перестрóйка*, -и [阴 ‘ж. р.’]（苏联1985–1991年以发展民主、公开化为目的）改革 ‘совокупности политических и экономических перемен, происходивших в СССР с 1985 по 1991 годы’ противники ~и改革的反对派 ‘противники перестройки’ сторóнники ~и 改革派 ‘сторонники перестройки’ в дýхе ~и 本着改革精神 ‘в духе перестройки’; 6. перестрóйщик, -а [阳 ‘м. р.’] < 语，讽 ‘разг., ирон.’> 改革拥护者，改革派 ‘активный деятель, сторонник перестройки’; 7. перестрóйщица, -ы [阴 ‘ж. р.’] перестрóйщик 的女性 ‘женск. к перестройщик’.

Синоптическая схема идеографического словаря как модель картины мира (на материале «Словаря русской пищевой метафоры»)*

М.В. Грекова

The synoptic pattern of the ideographic dictionary as a model of the world picture (on the material of the "Dictionary of the Russian food metaphor")

Marina V. Grekova

Национальный исследовательский Томский государственный университет / National Research Tomsk State University

marinagrekova@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме разработки синоптической схемы при составлении идеографического словаря. Обосновывается необходимость систематизации образных слов и выражений по идеографическому принципу. Анализируется опыт создания синоптических схем в изданных словарях. Предлагаются два способа классификации образных слов и выражений, мотивированных наименованиями гастрономической сферы.

Ключевые слова: образная лексика, фразеология, макроструктура словаря, лингвокультурологический словарь, лексикография.

Summary. This article is devoted to the problem of developing a synoptic pattern to an ideographic dictionary. The necessity of figurative words and expressions systematization according to the ideographic principle is substantiated. The experience of creating synoptic patterns in published dictionaries is analyzed. Two ways of classifying figurative words and expressions motivated by the names of the gastronomic sphere are proposed.

Keywords: figurative words, phraseology, dictionary macrostructure, linguaculture dictionary, lexicography.

Образные лексические и фразеологические единицы языка совокупностью своих значений воплощают концептуальную систему представлений человека о мире. Исследование семантики образных слов и выражений через призму человеческого восприятия и мышления предполагает распределение этих единиц на логико-понятийной основе в соответствии с категориальными классами явлений, относящихся к различным сферам внеязыковой действительности. В ходе лексикографической параметризации системы вторичных образных номинаций осуществляется организация словарного материала по модели, которая учитывается при разработке синоптической схемы и макроструктуры словаря. Таким образом, синоптическая схема становится средством репрезентации языковой картины мира. С этой целью в словарях образных слов и выражений языковой материал на уровне макроструктуры систематизируется по идеографическому принципу.

Идеографический принцип подачи языкового материала опирается на идеи, исходящие от самого языка, и позволяет отразить систему знаний и представлений об окружающем мире, выявить особенности и закономерности организации экстралингвистической действительности, реконструировать языковую картину мира, что невозможно продемонстрировать с помощью алфавитной подачи языкового материала. В словарях, составленных по идеографическому принципу, представлена система содержательно упорядоченных слов и выражений, объединенных на основании общности выражаемого ими понятия, смысловой близости (Л.Г. Бабенко, В.В. Дубичинский, Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин и др.).

Создание словаря по идеографическому принципу возможно осуществить двумя способами: индуктивно – от содержания отдельных языковых единиц к обобщающим концептуальным понятиям; дедуктивно – от предполагаемой системы категорий разного уровня к словам и выражениям. Каждый из способов требует, прежде всего, разработки синоптической (идеографической) схемы, а также составления полного и точного словника и формулировок словарных дефиниций. Идеографическая схема предполагает категоризацию экстралингвистической действительности, которая, по мнению С.М. Беляковой, «состоит из нескольких уровней, каждый последующий из них носит все более конкретный характер» [Белякова 1993: 23]. Целью такого способа подачи образных слов и выражений является целостное представление языковой картины мира (или ее фрагмента).

Задача разработки синоптической схемы решается лексикографами по-разному. В некоторых толковых словарях и словарях образных слов и выражений, построенных по идеографическому принципу, используется «готовая» идеографическая схема, согласно которой выстраивается языковой материал на уровне макроструктуры (П. Роже, Ш. Балли, Х. Касаресом, Р. Халлигом и В. фон Вартбургом и др.). В ряде словарей синоптическая схема является результатом анализа семантики языковых единиц и последующей реконструкции понятийной сетки. Данный подход направлен на описание реальной когнитивной модели, зафиксированной в сознании личности и вербализованной лексическими и фразеологическими средствами языка.

Моделирование макроструктуры словаря образных слов и выражений может осуществляться в двух проекциях. Во-первых, образные лексические и фразеологические средства языка объединяются по тематическим группам в пределах исходной сферы-источника метафорических номинаций. Таким образом, систематизация образных средств языка осуществляется на основании единства мотивирующего образа. Разработка синоптической схемы представляет классификацию явлений сферы-источника метафорических проекций, которые названы мотивирующими единицами. Во-вторых, образные слова и выражения группируются на основании общности денотатов / референтов образных номинаций, отражающих явления результирующих сфер-мишеней. Вторичные образные номинации классифицируются при этом на основании единства категории явлений действительности, получивших в языке метафорическое обозначение.

Два способа моделирования макроструктуры словаря пищевой метафоры обусловлены двуплановым характером семантики образных средств языка. Макроструктура «Словаря русской пищевой метафоры» также моделируется в двух указанных проекциях. Первый формат лексикографического представления пищевой метафоры, реализованный в первых трех томах, предполагает макроструктуру, которая отражает классификацию явлений гастрономической сферы и реконструирует систему пищевых образов, задействованных в метафорической номинации явлений действительности. В этом случае словник систематизируется по тематике исходных мотивирующих единиц. Например, тематическая область «Гастрономическая деятельность» включает следующие части: 1. Процессы приготовления пищи (1.1. Тепловая обработка продуктов. 1.2. Механическая обработка продуктов. 1.3. Консервация и ферментная обработка продуктов. 1.4. Приготовление составов и формирование кулинарных изделий). 2. Процессы поглощения пищи (2.1. Поглощение пищи. 2.2. Поглощение жидкости. 2.3. Этапы и способы поглощения пищи. 2.4. Физиологические процессы, связанные с поглощением пищи). 3. Кормление.

Второй формат лексикографической презентации образных слов и выражений предполагает такую синоптическую схему, которая моделирует систему явлений внеязыковой действительности, подлежащих метафорической номинации. Этот способ систематизации словника «Словаря русской пищевой метафоры» реализуется в макроструктуре четвертого тома «Мир в зеркале пищевой метафоры. Идео-

* Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Грант № 18-18-00194 – «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций», 2018–2020 гг.

графический словарь». Синоптическая схема реконструирует понятийную сетку, в рамках которой осуществляется процесс метафорических переносов с объектов пищевой сферы на явления окружающего мира. Синоптическая схема разработана индуктивным путем и включает следующие тематические области: 1. Человек (1.1. Внешность. 1.2. Самочувствие и настроение. 1.3. Речемыслительные способности. 1.4. Характер и поведение). 2. Социум (2.1. Политика. 2.2. Экономика. 2.3. Культура. 2.4. Общественная жизнь). 3. Натурфакты (объекты природного мира). 4. Артефакты (предметы материального мира). 5. Пространство. 6. Объекты чувственного восприятия (Запах, Звук, Вкус). 7. Мера.

Индуктивный принцип разработки синоптической схемы для двух форматов макроструктуры основывается на результатах исследования семантики образных слов и выражений, воплощающих пищевой код культуры. Макроструктура «Словаря русской пищевой метафоры» отражает языковую картину мира, вербализованную образными средствами языка.

Литература

Белякова С.М. Диалектный идеографический словарь: принципы составления и специфика // Русские говоры Сибири. Лексикография. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993. С. 22–25.

Дубичинский В.В. Лексикография русского языка. М.: Наука: Флинта, 2009.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): Проспект словаря / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010.

Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.

О предпосылках развития регионоведческой лексикографии

Ю.В. Дорофеев

About the prerequisites for the development of regional lexicography

Y.V. Dorofeev

Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования (Симферополь) /
Crimean republican pedagogical post diploma training institute (Simferopol)

yuvld@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема отражения регионального варьирования русского языка в словарях. В связи с этим анализируются особенности развития современной регионоведческой лексикографии.

Ключевые слова: лексикография, регионалект, вариант языка.

Summary. The article deals with the problem of reflecting the regional variation of the Russian language in dictionaries. In this regard, the features of the development of modern regional lexicography are analyzed.

Keywords: lexicography, regiolect, variant of the language.

Общепризнанная сегодня вариативность русского языка в пределах России долгое время определялась только как диалектная, но сегодня по причине нивелирования диалектных различий рассматривается как совокупность региональных форм. Широкое использование термина *регионалект*, которым в лингвистике сегодня обозначают разнообразные формы существования языка, требует зафиксировать его содержание, что особенно важно для развития современной регионоведческой лексикографии. Непоследовательность в определении типичных, но не идентичных явлений (вариантов) разных типов приведет к тому, что номинативный состав форм русского языка, функционирующих в пределах России и в разных государствах, не будет разграничен должным образом. Таким образом, следует установить четкую систему форм существования языка, которая будет охватывать социальные, региональные, территориальные и национальные варианты языка в зависимости от территории распространения и социальной базы [Дорофеев 2012].

При этом терминология, которая применяется для обозначения форм существования русского языка, не должна основываться на допущении, что все варианты языка, независимо от их территориальной и социально-культурной отнесенности являются функционально вторичными относительно того варианта, который функционирует на исконной территории его распространения. Хотя данная позиция поддерживается нормами, которые закрепляются в словарях, что, безусловно, необходимо. Но если в такой словарь в силу глобальности современного мира включаются новые реалии, то их описание также производится с, так сказать, «россиецентричной» позиции, что делает определение реалии далеко не полным [Рудяков 2016].

В последние десятилетия под влиянием распространения опыта таких стран, как Германия, Япония отношение к разным формам существования языков значительно изменилось: они широко изучаются, находят отражение в словарях, характеризуются как проявление богатства национального языка. Мы опираемся на неоспоримое для нас положение, что все варианты языка равноправны и ни один из них нельзя признать как образец для других или как отклонение от норм другого варианта.

Системное отражение вариантов языка (особенно региональных и национальных) в лексикографических источниках представляет собой проблему, решением которой пока что интересуются только отдельные лингвисты. Очевидно, первые шаги в этом направлении были предприняты составителями словарей диалектной лексики. Но мы полагаем, что в последней четверти XX в. и начале XXI в. естественное распространение какого-либо языка за пределами его исконной территории не может интерпретироваться как диалектное явление, поскольку расширение сферы функционирования следует связывать с иными социальными, историческими, политическими и культурными условиями. Это особенно важно, поскольку большинство территориальных диалектов различных языков постепенно трансформируются в местную региональную речь, которая становится важной отличительной чертой региона. Признание возможности возникновения других типов языкового варьирования, кроме территориального и социального, является необходимым шагом для понимания современной языковой ситуации в государствах, подобных России. Видимо, по этой причине в соответствующей литературе, отражающей познание нового этапа развития языков, наблюдается использование ряда близких по значению терминов для обозначения варьирования: *региональный язык, регионалект, региональные говоры*. Эти термины используются для обозначения определенной формы языка, функционирующей в соответствующем ареале.

Значимость для лингвистики, истории, этнографии словарей региональных вариантов несомненна, они представляют собой источник ценного фактологического материала и имеют огромное общекультурное значение, поскольку сочетают в себе социальную и ареальную специфику функционирования языка, что и отличает их от территориальных и социальных диалектов.

В рамках единого языкового мира всегда присутствовала и сохраняется по сей день региональная и социальная специфика в области словаря. И если раньше лингвисты нередко обходили своим вниманием номинативные особенности в речи носителей русского языка в разных регионах России и бывших республиках Советского Союза и рассматривали

как недопустимые все отступления от стандартной формы языка, то во второй половине XX века наблюдается постепенная трансформация такой позиции. Как отмечает В.И. Беликов, «Несмотря на повсеместное снижение статуса, де-факто (а иногда и де-юре) русский язык исполняет те или иные официальные функции в большинстве стран СНГ, на всем постсоветском пространстве он широко используется в бизнесе и СМИ. При этом унифицирующая роль культурных центров России снизилась, а интерферирующее воздействие новых государственных языков усилилось» [Беликов 2007: 413]. В таких условиях лексикографическая работа, направленная на описание конкретной формы русского языка, становится насущной проблемой для лингвистики и социума. Частично эта проблема решается в лингвострановедческих словарях, но сегодня приобретает актуальность и отражение в лексикографических источниках разнообразных региональных форм русского языка, о чем свидетельствует появление регионоведческих словарей. Эти словари решают практические задачи, связанные с представлением реальной картины функционирования русского языка в России, охватывая как соотносительные, так и не соотносительные различия между формами существования русского языка, и отражая его номинативную систему через призму вариативности.

Литература

Беликов В.И. Лексический узус в зарубежном русском и академические словари // Русский язык в странах СНГ и Балтии: Международная научная конференция. М.: Наука, 2007. С. 412–418.

Дорофеев Ю.В. Лингвистический функционализм и вариантность языка: Монография. Симферополь: «Таврида», 2012.

Рудяков А.Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире. М.: «ЛЕКСРУС», 2016.

Специализированная лексикографическая база данных Russtylnorm как инструмент измерения ортологического параметра идиолекта

О.В. Загоровская, Т.А. Литвинова

Specialized lexicographical database Russtylnorm as a measurement tool orthological parameter idiolect

O.V. Zagorovskaya, T.A. Litvinova

Воронежский государственный педагогический университет / Voronezh State Pedagogical University

olzagor@yandex.ru, centr_rus_yaz@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящен функциональному потенциалу современных лексикографических баз данных. Рассматриваются особенности организации и возможности специализированной лексикографической базы данных Russtylnorm, ориентированной на изучение ортологического параметра идиолекта рядового носителя современного русского языка.

Ключевые слова: лексикографическая база данных, идиолект, параметр идиолекта, ортология, корпус текстов.

Summary. The report is devoted to the functional potential of modern lexicographic databases. The features of the organization and possibilities of the specialized lexicographic database Russtylnorm, focused on the study of the orthological parameter of the idiolect of an ordinary native speaker of the modern Russian language are considered.

Keywords: lexicographic database, idiolect, idiolect parameter, orthology, the body of the texts.

На современном этапе развития лингвистики электронные лексикографические базы данных способны существенно расширять свои функции и выступать не только как хранилища какой-либо информации, но и как инструменты получения новых знаний о тех или иных лингвистических объектах. Как показывают исследования, проводимые в Региональном центре русского языка Воронежского государственного педагогического университета совместно с Лабораторией корпусной социолингвистики и автороведческих исследований (http://rusprofilinglab.ru), к числу подобных лингвистических объектов могут быть отнесены идиолекты «рядовых» носителей русского языка, представляющие собой «индивидуальные варианты» общенародного языка, совокупности «индивидуальных выборов» языковых единиц, репрезентированные в современной естественной письменной речи разных жанров и рассматриваемые с точки зрения их типологических особенностей, а также принадлежности к той иной социальной группе, объединенной в том числе по возрастному или гендерному признакам.

Несмотря на то, что вопросы типологических особенностей и организации идиолекта и социолекта в указанном выше понимании названных терминов остаются во многом дискуссионными, а применительно к русскому языку достаточно новыми, в современной лингвистике все более утверждается мнение о том, что для определения названных сущностей необходимо прежде всего выявление набора их устойчивых вариативных квантифицируемых языковых признаков [Литвинова, Литвинова 2015; Litvinova 2018]. Наши исследования позволяют утверждать, что к числу стабильных параметров идиолекта может быть отнесен и так называемый «ортологический», «связанный с отношением продуцента текста к языковой норме и выбору ее вариантов» [Загоровская, Литвинова 2018а: 139].

Исследования по определению ортологического параметра как одного из составляющих модели идиолекта современного носителя русского языка в настоящее время проводятся в Региональном центре русского языка и Лаборатории корпусной лингвистики и автороведческих исследований на материале специально созданной экспериментальной версии электронной лексикографической базы данных (ЭБД) *Russtylnorm*, ориентированной на изучение стилистических норм современного русского языка [Загоровская 2016] и нормативно-стилистических вариантов русского слова, представленных в языковом сознании современных молодых носителей русского языка (школьников и студентов) [Загоровская, Литвинова 2018].

ЭБД *Russtylnorm*, построенная на основе теоретических разысканий в области языковой нормы, лексикографической параметризации русского слова, компьютерной лексикографии, корпусной лингвистики и с опорой на имеющиеся в названных выше научных подразделениях специализированные корпуса, в том числе корпус *Ruspersonality* [Litvinova 2016], содержит информацию в том числе о «реальных», т.е. представленных в языковом сознании российской молодежи, нормах русского словоупотребления и их соотношении с нормами кодифицированными, отраженными в нормативных словарях русского языка. С точки зрения структуры названная ЭБД представляет собой функционирующий в компьютерной среде комплекс из четырех составляющих: словника, информационно-стилистической базы данных лексикографического типа, иллюстративно-текстовой базы данных и комплекса лингвистических алгоритмов и программ.

В докладе раскрывается содержание каждой из составляющих лексикографической ЭБД *Russtylnorm* и комментируются перспективы использования результатов проведенных исследований для идиолектологии.

Литература

Загоровская О.В. Нормы русского литературного языка: Типология и основания для классификации // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (272). С. 121–126.

Загоровская О.В., Литвинова Т.А. Электронная база данных о языковой норме и ее вариантности как основа научных исследований ортологического параметра идиолекта // Известия Воро-

нежского государственного педагогического университета. 2018a. № 3 (280).С. 138–143.

Загоровская О. В., Литвинова Т. А. Корпус текстов Ruspersonality как основа исследований «реальной» языковой нормы в современной русской письменной речи // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе / Под ред. О.В. Загоровской. Выпуск 28. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018b. С. 51–57.

Литвинова Т.А., Литвинова О.А. Идентификация и диагностирование личности автора письменного текста. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет. 2015.

Litvinova T. et al. "RusPersonality": a Russian corpus for authorship profiling and deception detection // Proceedings of Proceedings of International FRUCT conference on Intelligence, Social Media and Web (FRUCT 2016). St. Petersburg, 2016. P. 1–7.

Litvinova T. et al. On the Stability of Some Idiolectal Features // Lecture Notes in Computer Science. 2018. Vol. 11096. C. 331–336.

Особенности значения и употребления идиом в текстах Достоевского в сравнении с современным русским языком*

К.Л. Киселева, А.Д. Козеренко

Idioms' meaning and use in Dostoevsky's texts compared to modern Russian

Xenia L. Kiseleva, Anastassia D. Kozerenko

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) / Vinogradov Institute for Russian Language (Moscow)

xkisseleva@gmail.com, akozerenko@yandex.ru

Аннотация. Количественный и качественный анализ идиоматики в корпусе текстов Достоевского позволяет описать разницу в значении и употреблении идиом в языке Достоевского и в современном русском языке. В докладе рассматриваются идиомы *захватило дух, за сердце берет, в глазах, на глаза* и другие. Показаны вариативность компонентов и моделей управления, а также семантические сдвиги, которые произошли у некоторых многозначных идиом.

Ключевые слова: фразеология, идиомы, Достоевский, корпусное исследование, лексикография.

Summary. In this paper we analyze a number of Dostojevsky's idioms and compare them to the same or similar expressions in present-day Russian. We demonstrate how lexical components, semantics and argument structure of examined idioms have changed.

Keywords: phraseology, idioms, Dostoevsky, corpus-based studies, lexicography.

Проект изучения идиоматики Достоевского, работа над которым ведется в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, предполагает определение частоты употребления идиом в его текстах в сравнении с текстами современников, описание авторских употреблений и сопоставление фразеологизмов Достоевского с фразеологизмами, которые употребляются в современном русском языке (по данным корпуса современных художественных текстов, а также Тезауруса [Тезаурус русских идиом… 2018]). В работе [Баранов и др. 2017], посвященной статистическим исследованиям во фразеологии, отмечалось, что автоматический поиск идиом в корпусах затруднен наличием многочисленных морфологических, синтаксических и лексических вариантов употреблений. По этой же причине затруднено сопоставление употреблений идиом в разных корпусах. Ниже мы покажем, какого рода расхождения с современным языком в том, что касается идиоматики, можно обнаружить у Достоевского (см. об этом также в [Баранов, Добровольский 2008]). Мы продемонстрируем три типа различий: изменение модели управления; варьирование компонентного состава, а также несовпадение значений идиомы у Достоевского и в современном русском языке (СРЯ).

1. Изменение модели управления

Тезаурус [Тезаурус русских идиом… 2018] фиксирует в современном русском языке идиому *дух захватывает* в следующих вариантах: *дух захватывает; дух захватило* / *перехватило; занялся дух.* Во всех вариантах идиома имеет модель управления «у кого-л. от чего-л.» и либо употребляется безлично, либо *дух* находится в позиции подлежащего. У Достоевского безличные употребления также присутствуют, но допускают и иную модель управления («кому-л. / чей-л.»): *Вася крепко прижался к нему и не мог ничего говорить.* ***Дух его захватило*** [Слабое сердце]. *Надтреснутая, бедненькая, порвавшаяся нотка вдруг опять зазвенела в душе моей.* ***Мне дух захватывало.*** *Падала, падала с глаз пелена!* [Кроткая].

В случае, если *дух* находится в позиции подлежащего, у Достоевского дополнительно возможна модель управления «в ком-л. / чей-л.»: *«Он должен быть здесь, он здесь», – думала я, и сердце мое билось от ожидания...* ***дух во мне занимался*** [Неточка Незванова]. <…> *наконец маленько очнувшись, он вдруг пустился бежать без оглядки, что силы в нем было;* ***дух его занимался****; он споткнулся два раз, чуть-чуть не упал* <…> [Двойник]. Наконец, у Достоевского встречается вариант *захватывать* / *захватить дух* (кому л. / чей-л.), где в позиции подлежащего оказываются такие абстрактные существительные, как *мысль, бешенство, жизнь*: *Он припомнил всю эту сцену, и* ***бешенство захватило ему дух*** [Бесы].

Близкая по смыслу идиома, где возможно подобное варьирование, – *дыхание захватило*/ *перехватило*/ *сперло*. У Достоевского наряду с моделью управления «у кого-л.» также возможен вариант «кому-л.»: – *Папочка! За что они… бедную лошадку… убили! – всхлипывает он, но* ***дыханье ему захватывает****, и слова криками вырываются из его стесненной груди* [Преступление и наказание].

2. Варьирование компонента

Особенно часто в текстах Достоевского встречаются случаи варьирования глагольного компонента идиомы. Так, идиому «*за сердце* [за́сьрцъ] *берет* (что-л. кого-л.)» Достоевский употребляет еще и в вариантах *за сердце схватило* / *укусило* (что-л. кого-л.): *Вот и почуял, знать, Емеля, что меня* ***зло схватило за сердце***. [Честный вор] *Даже Калганова как будто* ***укусило что-то за сердце****, и он подошел к ней* [Братья Карамазовы].

Для идиомы *потемнело* / *померкло в глазах* (у кого-л.); *мутится в глазах* (у кого-л.) было обнаружено три употребления в форме *в глазах зеленеет* и одно – в форме *все перевернулось в глазах.* Мы не находим у Достоевского вариантов с *померкло* и *мутится*, но есть вариант с совершенным видом *помутилось* / *замутилось.* Для упомянутой выше идиомы *дыхание захватило* / *перехватило* / *сперло* встретился вариант с возвратной формой глагола несовершенного вида: *Лицо Свидригайлова искривилось в снисходительную улыбку; но ему было уже не до улыбки. Сердце его стукало, и* ***дыхание спиралось в груди*** [Преступление и наказание].

3. Несовпадение наборов значений идиом

Интересный случай перераспределения значений между близкими по форме идиомами мы наблюдаем для группы выражений *в глазах, на глазах, в глаза, на глаза*.

3.1. Идиома *в глазах* имеет у Достоевского два значения: 'в присутствии кого-л.' (это значение исчезло и соответствует значению идиомы *на глазах* в СРЯ) и 'в чьем-л. мнении' (это значение идиомы сохранилось и стало единственным в СРЯ). Вот пример, в котором эта идиома употреблена в двух разных значениях: *О цивилизация! О Европа, которая столь пострадает в своих интересах, если серьезно запретить туркам сдирать кожу с отцов* ***в глазах их детей****! Эти, столь высшие интересы европейской цивилизации, конечно, – торговля, мореплавание, рынки, фабрики, – что же может быть выше* ***в глазах Европы****? Это такие интересы, до которых и дотронуться даже не позволяется не только пальцем, но даже мыслью* <...> [Дневник писателя].

3.2. Идиома *на глазах* в современном языке имеет, согласно ФОС [ФОС 2009], три значения. В первом речь идет о событии, знание о котором получено в результате зрительного восприятия, во втором – о знании, по достоверности сопоставимом с личным наблюдением, в третьем – о том, что нечто происходит очень быстро (*мрачнел / молодел… на глазах*). В третьем значении Достоевский идиому не употребляет, а контексты первого и второго типа встречаются: *Не толкайтесь, капитан; сочувствую кровавой обиде, но не могу позволить кулачного права с женщиной* ***на глазах публики*** [Идиот]. *Болезнь, как червь, видимо подтачивала жизнь ее и близила к гробу. Я все видела, все чувствовала, все выстрадала: все это было* ***на глазах моих****!* [Бедные люди].

Есть также случаи употребления этой идиомы (применительно не к событиям, а к людям) в значении ‘под присмотром, под контролем, в досягаемости’ (в СРЯ мы таких употреблений не видим): Я бы очень желал поскорее к вам: по крайней мере хоть не так буду беспокоиться о вас, когда вы уже ***на глазах будете***. Да и оживу я с вами. А главное, ты, Аня, ***будешь у меня на глазах*** в эту тяжелую пору, а здесь все боюсь какой-нибудь случайности [Письма].

3.3. Значение идиомы *в глаза* (*говорить* что-л. кому-л., *лгать* кому-л. …, *смеяться* кому-л.) в современном языке по сравнению с Достоевским не изменилось: *Говорили, что отец архимандрит <…> даже питал к нему некоторое будто бы враждебное чувство и осуждал его (не* ***в глаза****, а косвенно) в небрежном житии и чуть ли не в ереси* [Бесы].

3.4. А вот выражение *на глаза* у Достоевского употребляется не только в составе идиом *показаться... на глаза* и *попасть(ся) на глаза*, но и как самостоятельная идиома. В этом случае идет о мнении, точке зрения, и тогда *на глаза* совпадает по значению с современной идиомой *в глазах* (кого-л. / чьих-л.): ***На глаза всех этих прекрасных дам****, я все еще был то же маленькое, неопределенное существо, которое они подчас любили ласкать и с которым им можно было играть как с маленькой куклой* [Маленький герой]. В следующем примере идиомы *в глазах* и *на глаза* употреблены в одном значении ‘по мнению кого-л.; для кого-л.’: *Ты никогда и понять не мог, как бы ты* ***в ее глазах*** *интересен стал, если бы с твердостию и гордостью умел переносить нашу обстановку. Князь ее на удочку тем и поймал, что, во-первых, совсем и не ловил, а во-вторых, что он,* ***на глаза всех****, идиот* [Идиот].

Дальнейшая работа предполагает сопоставление идиоматики Достоевского с фоновым корпусом XIX века, в который включены прозаические тексты Тургенева, Гончарова, Толстого и Салтыкова-Щедрина. Это позволит отделить авторские употребления от языковой нормы того времени и выявить частотные характеристики идиом у Достоевского в сравнении с его современниками.

Литература

Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты / Под. ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М.: Азбуковник, 2018.

Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К. Л., Козеренко А.Д. Статистические исследования во фразеологии: проблема фразеологичности корпусов текстов // Труды международной конференции «КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА – 2017» / Под ред. В.П. Захарова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. С. 114–120.

Баранов А. Н. Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Языки русской культуры, 2008. С. 505–528.

Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под. ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М.: Эксмо, 2009 (ФОС).

Археологические словари как отражение языка науки в историческом аспекте

Ю.Г. Кокорина

Archaeological dictionaries as a reflection of the language of science in the historical aspect

Julia G. Kokorina

Московский Политехнический университет / Moscow Polytechnic University

kokorina@inbox.ru

Аннотация. Частью языка науки является терминология. Она представлена в специальных словарях. Анализ этих словарей позволяет выявить особенности терминологии и специфику ее применения адресатом словаря.

Ключевые слова: специальные словари, язык науки, археологическая терминология.

Summary. Terminology is a part of the language of science. It is presented in special dictionaries. The analysis of these dictionaries allows to reveal features of terminology and specifics of its application by the addressee of the dictionary.

Keywords: special dictionaries, the language of science, the archaeological terminology.

Язык науки является отражением уровня развития общества. Особенно ярко это прослеживается применительно к языкам социогуманитарных дисциплин, к которым относится и археология. Современная археология является мультидисциплинарной наукой, включающей в себя элементы естественно-математических дисциплин [Щапова, Гринченко 2018: 140].

Возраст археологии как науки насчитывает чуть более двух столетий, и показателем ее зрелости является факт осознания научным сообществом необходимости словарной работы. Терминология является составной частью языка науки, поэтому важно проследить развитие языка археологии и реконструировать особенности аудитории, которая пользовалась этим языком. Уникальный материал для подобной реконструкции представляют специальные археологические словари и словарные продукты, созданные российским и археологами за последние два столетия.

«Материалы для словаря российских древностей» публиковались Московским археологическим обществом (МАО) с 1864 г. по 1884 г. в периодическом издании Общества – «Древности», и как отдельный словарь опубликованы не были. Материалы, публикуемые в специальном издании, писались высокообразованными людьми, и были рассчитаны на высокообразованных людей. На широкую образованность авторов и читателей словаря указывает использование перевода ряда терминов на древнегреческий и церковнославянский языки, этимологии в этих языках. Об этом говорит приведение цитат из греческих и латинских авторов, а также древнеславянских источников, без перевода (статьи *антифон, било, клепало, пер, плиц*). Они были людьми широких познаний: в статьях неоднократно указываются ссылки на лингвистические словари, древнерусские летописи, упоминаются труды Н.М. Карамзина и других русских и зарубежных авторов, «Записки Географического общества» и университетские издания. И, кроме этого – цитаты из народных песен и сказок.

Далее следует почти столетний перерыв в словарной работе на русском языке, и в 1990–2000 гг. выходит ряд специальных словарей по археологии, рассчитанных на разные адресаты. Переводной «Археологический словарь» У. Брея и Д. Трампа [Брей, Трамп 1990] обращен к профессиональным археологам и студентам, изучающим эту науку. Поэтому в нем использованы термины, требующие узкоспециальных знаний: обозначения археологических культур – *абашевской, горнокрымской, волосовской* и др., предметов материальной культуры – *гарпун, ситула, рапира* и др., конструктивных элементов предметов – *втулка, ребро, клинок* и др.; древних народов – *дреговичи, этруски, хетты* и др., описания археологических методов – *картографического метода, радиоуглеродного метода, радиометрического анали-*

за и др. Словарь содержит предельно кратко изложенную информацию по зарубежной археологии, хотя ряд статей посвящен памятникам и культурам на территории бывшего СССР.

Следующим этапом в развитии археологической терминологии можно назвать параллельный латышско-русско-англо-немецкий «Словарь археологических терминов», созданный Й. Граудонисом [Graudonis 1994] по логико-понятийному принципу, термины в нем сгруппированы в соответствии с названиями предметов одинакового назначения – *оружие, сосуды, украшения* и т. п. Словарь рассчитан на специалистов-археологов, его каждый раздел содержит терминологические гнезда с названием вещей по алфавиту, внутри которых даны термины, обозначающие конструктивные элементы вещи, а также наименования некоторых разновидностей форм этих элементов, например: *сосуд – верхняя часть сосуда – оформление верхнего края – расширенная верхняя часть, профилированная верхняя часть, суженная верхняя часть*; *конская упряжь – шпора – дужка – зев дужки, – шип, петля.* Он содержит в себе попытку создания варианта терминосистемы археологии, рассчитанной на принятие сообществом специалистов.

Авторский «Словарь археологического вещеведения» [Кокорина 2017] рассчитан как на специалистов-археологов, так и на студентов и неспециалистов. Он призван способствовать привитию принципов работы с вещью, основанных на подходе, разработанном доктором исторических наук, профессором МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.Л. Щаповой совместно с коллективом авторов. Он построен по идеографическому принципу и содержит термины, обозначающие *оружие, конское снаряжение, украшения, сосуды, жилища*. Например, раздел археологического *оружия* открывает определение категории. Далее следуют дефиниции конструктивных элементов оружия: *навершие* (*головка (нрк), набалдашник (нрк)*), *клинок, рукоять* и дефиниции конструктивных элементов *клинка – вершина, спинка, лезвие* и т. п. Даются дефиниции понятий каждого из видов оружия: колющего – *пика, дротик, сулица, рапира, эспонтон* и др.; рубящего – *топор, кельт, пальштаб, алебарда*; режущего – *меч, нож, сабля, ятаган, скрамасакс, палаш* и т. п.

Таким образом, анализ специальных словарей в диахроническом аспекте позволяет выявить не только специфику терминологии как части языка науки. Он позволяет определить особенности адресата, на которого был рассчитан словарь, в разные исторические периоды.

Литература

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990.

Кокорина Ю.Г. Словарь археологического вещеведения. М.: Новый хронограф, 2017.

Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н. Введение в теорию археологической эпохи: числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат. М.: Наука: Флинта, 2018.

Graudonis J. Arheoloģijas terminu vārdnicā. Rīga: Zinātne, 1994.

Толковая лексикография на рубеже веков: проблемы и перспективы

Л.Е. Кругликова

Explanatory lexicography at the turn of the century: problems and prospects

L. Kruglikova

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) / Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

lekhospb@mail.ru

Аннотация. Основное внимание в докладе уделяется проблемам в области толковой лексикографии, появившимся в последнее время, предпринимается попытка найти пути их решения. В результате чего должен произойти качественный скачок в развитии русской толковой лексикографии.

Ключевые слова: лексикография, толковые словари, русский язык.

Summary. The report focuses on the problems in the field of explanatory lexicography which appeared recently, an attempt is being made to find ways to solve them. As a result, there should be a qualitative leap in the development of Russian explanatory lexicography.

Keywords: lexicography, explanatory dictionaries, Russian language.

Расцвет лексикографии в России пришелся на вторую половину XX века. Тогда появились [ССРЛЯ; МАС]. Регулярно переиздавался [Ожегов], а затем [Ожегов, Шведова]. Было положено начало серии справочников «Новые слова и значения» и т.д. Именно на них равнялись при составлении словарей национальных языков в союзных республиках бывшего Советского Союза, а также в социалистических странах.

Казалось бы в век информационных технологий лексикография в России должна была бы обрести новую жизнь, достичь невиданных успехов. Но что произошло на рубеже веков?

В эпоху рыночных отношений словари стали прибыльным товаром. Желание заработать затмило все, какие-л. моральные установки отошли на второй план. Частично данный вопрос освещался мною в [Кругликова 2012]. В этой статье основное внимание обращалось на псевдоавторские толковые словари, т.е. на издания, в которых в качестве авторов для привлечения покупателей указываются имена известных лексикографов: В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова. В результате тиражируются словари, не имеющие ничего общего с первоисточником.

Утвержденный в 2005 году закон о государственном языке РФ, ФЦП «Русский язык» породили желание даже у солидных учреждений извлечь для себя выгоду, причем часто в ущерб делу.

СПбГУ подготовил словарь с весьма примечательным названием: Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Часть 2: Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка) / Под общ. ред. Г.Н. Скляревской, Е.Ю. Ваулиной. I версия появилась в 2007 году (5 800 слов), II и III – в 2009 (11 200 слов и 15 000 слов), IV – в 2012 (25 000 слов). Интересно, что один из тех, кто значится руководителем данного издания, а именно С.И. Богданов, признает, что никакого особого государственного языка не существует, что нормы обычного литературного языка, которые уже отражены в справочной литературе, это и есть нормы государственного языка [Осинская 2009]. Кафедра русского языка МГУ, детально проанализировавшая его, пришла к выводу, что «данный словарь ни в коей мере не является “нормативным словарем современного русского языка как государственного”» [Отзыв кафедры русского языка… 2009]. Тем не менее он фигурирует в отчете по исполнению I этапа государственного контракта №03.N09.11.0127 от 28 ноября 2011 г., заключенного с СПбГУ на выполнение проекта «Разработка и экспертиза грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» (2011–2013 гг.) ФЦП «Русский язык» в числе словарей, отвечающих «требованиям, которые предъявляются к грамматикам, справочникам и словарям, содержащим нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».

В 2016 году СПбГУ предлагает Минобрнауки утвердить в качестве эталонного словаря [БТС], к которому имеет отношение нынешний сотрудник СПбГУ С.А. Кузнецов, ранее трудившийся в ИЛИ РАН, где и был подготовлен этот словарь.

В настоящее время в ходу около сотни наименований толковых словарей, появившихся в постперестроечный период. Но много ли действительно новых толковых словарей появилось в последние годы?

Упомяну [АСРЯ] и [Морковкин, Богачева, Луцкая 2016]. Оба справочника претендуют на наименование «активный словарь», хотя только у одного это отражено в самом названии.

Вся Европа давно уже занята подготовкой электронных словарей национальных языков, в России же к этому даже не приступали. Между тем концепция сетевого интерактивного словаря национального русского языка, который должен в количественном и качественном отношении превзойти Оксфордский словарь (Oxford English Dictionary), была разработана в ИЛИ РАН несколько лет назад, о чем в июле 2014 года было доложено директору. Но до сих пор этот вопрос даже не обсуждался.

Необходимо незамедлительно приступить к созданию тезауруса русского языка в электронном виде.

Литература

Активный словарь русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. Т. 1–2. М.: Языки славянской культуры, 2014; Т. 3. М.; СПб.: Нестор-История, 2017 (АСРЯ).

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998 (БТС).

Кругликова Л.Е. Лексикографический бум: благо или зло? // Русский язык и проблемы современного образования: Сб. науч. статей / Отв. ред. Р.В. Попов. Вып.3. Архангельск, 2012. С.157–172.

Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. 1–21 изд. М., 1949–1989 (Ожегов).

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 1–4 изд. М., 1992–1997 (Ожегов, Шведова).

Осинская Д. В словарном море появятся эталонные островки. Интервью с деканом факультета филологии и искусств Сергеем Игоревичем Богдановым // Санкт-Петербургский университет. 2009. № 9. [Электронный ресурс. URL: http://www.spbumag.nw.ru/2009/06/1.shtml. Дата последнего обращения 15.11.2018].

Отзыв кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова на «Комментарий к федеральному закону “О государственном языке Российской Федерации”. Часть 2. Нормы современного русского литературного языка как государственного (комплексный нормативный словарь современного русского языка)» (СПб., 2009. 11200 слов и выражений). [Электронный ресурс. URL: http://www.philol.msu.ru/~ruslang/siencework/ discussionclub/?page=cnl2009. Дата последнего обращения 15.11.2018].

Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: ГИС, 1957–1961; 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984 (МАС).

Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948–1965 (ССРЛЯ).

Изменения в стратификации сниженной лексики (из опыта работы над «Академическим толковым словарем русского языка»)*

А.С. Кулева, Л.Л. Шестакова

Changes in the stratification of substandard lexemes (working on the “Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language”)

Anna S. Kuleva, Larisa L. Shestakova

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) /
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
an_kuleva@mail.ru, lara.shestakova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы лексикографического отражения сниженной лексики в толковом словаре современного русского языка (на материале «Академического толкового словаря русского языка»).

Ключевые слова: лексикография, толковый словарь, словарная статья, сниженная лексика.

Summary. The article discusses the major issues of presentation of stylistic information about the substandard lexemes of the modern Russian standard language in the general explanatory dictionary (based on “Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language”).

Keywords: lexicography, explanatory dictionary, dictionary entry, substandard speech.

В настоящее время можно констатировать, что наиболее авторитетные труды в области русской толковой лексикографии [МАС; БАС-1] перестали отражать современное состояние языка. Создаются словари современного русского языка – среди них как однотомные, так и большой по объему [БАС-3]. Однако насущной необходимостью остается создание средних по объему словарей – каким призван стать «Академический толковый словарь русского языка» [АToС], работа над которым ведется в ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН.

Среди важных проблем существующих словарей можно назвать недостаточную системность описания различных групп лексики, вызванную прежде всего длительностью и линейностью работы над многотомным словарем. Важным этапом работы над современным толковым словарем должен стать системный анализ отдельных пластов лексики (по стилистическим, семантическим, грамматическим и др. критериям) [Крысин 2011; Цумарев и др. 2017].

Особого внимания заслуживает проблема словарного описания сниженной лексики, поскольку именно в этом пласте в последние десятилетия произошли существенные изменения. Этому посвящены многочисленные работы, из последних см., в частности, [Пурицкая, Панков 2018], создаются специальные словари [ТСРРР].

Очевидно, что стилистическая стратификация современного языка значительно отличается от описанной в словарях, отражающих социальные отношения полувековой давности. Так, некоторые лексемы, ранее относившиеся к просторечным (отмеченные в словарях пометой *прост.*), в современном языке «повышают» свой стилистический статус, начинают тяготеть к разговорной речи, вследствие чего в [АToС] ставится помета *разг.* Ср.: *баранка* ‘рулевое колесо’, *барахолка*, *башка*, *бесстыжий*, *вагон* ‘очень много’, *верхотура*, *вкуснота*, *выкать*, *газовать*, *галдеть*, *гудеть* ‘непрерывно болеть, ныть’.

Другие лексемы оказываются нехарактерными для современной речи: становясь еще более сниженными, смещаясь в сторону других пластов, они получают пометы *обл.* (*ботать* ‘стучать, ударять’), *устар.* (*базарить* ‘продавать на базаре’). Неупотребительные лексемы и значения из словаря среднего типа имеет смысл исключить (*вернуть* ‘повернуть один раз’).

Отметим, что современные корпусные методы позволяют уточнить употребление лексемы и динамику этого употребления. Обращение к [НКРЯ] подтверждает и представление о том, что сфера сниженной речи (в частности просторечия) сильно зависит от языковой моды: многие слова сейчас трудно представить в речи современного человека (*вдёржка*, *верезжание*, *волосастый*, *впятить* и др.). Язык XIX в. отличался от языка последующих периодов меньшей кодифицированностью, большей легкостью образования и употребления потенциальных слов, и как следствие – наличием

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-29-09063 офи-м.

большого количества словообразовательных дублетов; особенно показательны в этом отношении приставочные глаголы (*вбросать*, *вкапать*, *вкидать*, *вскоробить*, *всовать*, *выбросать*, *вызимовать*).

Помета *прост*. в АToC может сопровождать: отдельную лексему (слова такого рода нередко сближаются с устаревшей или областной лексикой, а при современной системе помет – жаргонной и сленговой); значение или оттенок значения (основное значение при этом обычно разговорное и даже нейтральное); устойчивое выражение (само слово обычно нейтральное, сниженность характеризует все выражение в целом); определенную грамматическую форму в рамках словарной статьи.

Наблюдения, сделанные в ходе работы над многотомным толковым словарем, практические решения, принятые в том или ином конкретном случае, позволяют по-новому подойти ко многим теоретическим проблемам лексикографии.

Литература

Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Вилять; Т. 2: Вина – Гяур / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2016 (АToC).

Большой академический словарь русского языка. Т. 1–. М.; СПб.: Наука, 2004– (БАС-3).

Крысин Л.П. Проблема обновления толковых словарей современного русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2011. Т. 70. № 1. С. 3–9.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс. URL: http://www.ruscorpora.ru. Дата последнего обращения 20.10.2018] (НКРЯ).

Пурицкая Е.В., Панков Д.И. Нормативно-стилистическая характеристика лексики современного русского языка: возможности описания в словарной базе данных // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 23–43.

Словарь русского языка. Т. 1–4 / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1981–1984 (МАС).

Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965 (БАС-1).

Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1– / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014– (ТСРРР).

Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л., Нечаева И.В., Кулева А.С., Грунченко О.М. «Академический толковый словарь русского языка»: традиционное о новое // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2017. Т. 76. № 5. С. 5–21.

Академический словарный корпус /АСК/ русского языка*

С.В. Лесников

Academic vocabulary Russian

S. V. Lesnikov

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) / Institute for Linguistic Studies RAS (Saint-Petersburg)

serg@lsw.ru

Аннотация. Академический словарный корпус русского языка разрабатывается в виде гипертекстовой информационно-поисковой системы в нелинейной форме с учетом реляционных, иерархических и сетевых парадигматических связей посредством реализации синтагматических связей в интерактивном режиме на персональном компьютере оцифрованных словарей русского языка, что позволит на основе цифровых технологий посредством соответствующей классификации и систематизации, дигитализации и ретродигитизации словарей, справочников и энциклопедий русского языка структурировать и объединить лексикографические материалы, обеспечить их оперативный ввод в научный оборот – с целью оптимизации научных исследований в современной лексикографии.

Ключевые слова: база данных, гизаурус, гипертекстовый тезаурус, метаязык, искусственный интеллект, корпус, лексикография, лингвистика, поиск, русский язык, словарь, справочник, текст, энциклопедия.

Summary. In this research project, it is planned to construct an information retrieval set of academic dictionaries of the Russian language (ASR) in the form of information retrieval academic vocabulary. SP ASC RYA (asrya Code) is developed in the form of hypertext information retrieval system in a nonlinear form, taking into account the relational, hierarchical and network paradigmatic relations through the implementation of syntagmatic relations in an interactive mode on a personal computer digitized academic dictionaries of the Russian language, which will allow on the basis of digital technology through appropriate classification and systematization of dictionaries, reference books and encyclopedias of the Russian language to combine lexicographic materials, to ensure their rapid entry into scientific circulation – to optimize scientific research in modern lexicography. Relevance of operation is caused by need of generalization of scientific results for the purpose of determination of the priority directions of a research in the specified area.

Keywords: database, hesaurus, hypertext thesaurus, the meta-language, artificial intelligence, corpus, lexicography, linguistics, search, Russian language, dictionary, reference, text, encyclopedia.

Конструирование в интерактивном режиме на персональном компьютере информационно-поискового (ИП) академического словарного корпуса (АСК) русского языка (РЯ) для эффективной организации информационно-поисковых процедур предполагает разработку функциональной и математической моделей ИП АСК РЯ, а также программную реализацию ИП АСК РЯ в гипертекстовой форме в виде интернет-портала (поиск на основе Phyton, PHP, Perl, MySQL, PostgreSQL, DB2, Oracle, MS SQL Server, MS Access, SQLite3, C++, C#, JavaScript, Ruby On Rails, ASP.NET) и в виде базы данных с программами многоаспектного поиска (точного и нечеткого), статистики, загрузки и выгрузки как фрагментов-проекций, так и полнотекстовых версий оцифрованных словарей и словников, справочников и энциклопедий русского языка.

На современном этапе развития русского языка необходима фиксация, описание и репрезентация академических словарей и энциклопедий русского языка, так как многие культурные реалии уходят в прошлое и становятся частью истории. В связи с глобальной индустриализацией и урбанизацией лексика уходит в прошлое, и уносит за собой огромный массив истории русского народа. Необходимость создания ИП АСК РЯ для обобщающего исследования русской лексики как части исторической картины нашей страны очевидна. Кроме того, получение репрезентативного академического словарного корпуса позволит предоставить квалифицированный доступ к богатству материальной и духовной народной культуры как для специалистов, так и для всех социальных групп общества, включая студентов, аспирантов, магистрантов и школьников и всех интересующихся историей и культурой нашей страны.

В качестве основы для ИП АСК РЯ предполагаются оцифрованные словари, справочники и энциклопедии русского языка.

В нашем распоряжении на данный момент имеются следующие словари русского языка (в основном оцифрованные С.В. Лесниковым в период с 1985 по 2018 гг.): академические (изданные Императорской АН, АН СССР, РАН): 1806–1822 САР Словарь Академіи Россійской по азбучному порядку; 1817–1819 Церковный словарь; 1834 Общий церковно-славяно-российский словарь; 1847 Словарь церковно-славянского и русского языка; 1852 ООВС Опыт областного великорусского словаря; 1863–1912 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка; 1867–68 Словарь

* Автор благодарен за финансовую поддержку Российскому фонду фундаментальных исследований (РФФИ).

церковно-славянского и русского языка; 1891–1937 СРЯ Словарь русского языка; 1934–1940 Толковый словарь русского языка; 1948–1965 БАС1 Словарь современного русского литературного языка; 1965–2017 СРНГ 50 выпусков; 1975 Словарь русского языка XI–XVII вв.; 1977–2014 Новые слова и значения; 1984–2013 Словарь русского языка XVIII века; 1985–1988 МАС; 1988 Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.; 1991–1994 БАС2; 1998–2007 РСС Русский семантический словарь; 2004–2012 Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.; 2004–2017 БАС3 и другие.

Среди областей применения ИП АСК РЯ можно выделить следующие: – составление, уточнение и оптимизация поисковых запросов; – автоматическое выделение из текстов документов наиболее содержательных фрагментов, обеспечивающее пользователю возможность быстро просматривать массивы документов больших объемов; – установление гипертекстовых ссылок (связей) между похожими документами и / или их фрагментами, что дает возможность пользователю, найдя один релевантный документ, запросить похожие на него документы; – реферирование и аннотирование, редактирование текстов; – повышение полноты и точности поиска в полнотекстовых БД на естественном языке; – автоматизированное индексирование текстов, документов и запросов; – анализ терминологического состава той или иной отрасли знания; – терминологический контроль и нормализация лексики конкретной отрасли знания, обеспечение единого и формализованного представления информации в ИПС и БД / БЗ; – явное выражение парадигматических отношений, существующих между лексическими единицами. Кроме этого, ИП АСК РЯ может быть использован как средство: – описания (инвентаризации) существующего уровня знаний в той или отрасли наук; – описания истории развития специальных знаний в определенной предметной области; – исследования особенностей развития отраслевых знаний, включая количественное исследование вклада отдельных ученых и научных школ в развитие общей теории с учетом как количества, так и новизны (в зависимости от статуса вводимого термина – основной термин или синоним уже существующего наименования понятия) и иерархического статуса понятий, вводимых соответствующим термином; – систематизации терминологии (в тезаурусе, где система понятий эксплицитна, т.е. явно выражена, иерархия понятий всегда представлена наглядно); – стимулирования развития знаний (напр., выявить пробелы (пропуски, лакуны), малоизученные понятия и «точки сгущения» в терминологических и понятийных системах, что может служить ориентиром в последующих исследованиях и позволит выявить аналогии подсистем понятий, а также определить тенденции выделения подсистем понятий и рубежи знаний, от которых возможно дальнейшее развитие данной области).

Суть конструируемого гипертекстового информационно-поискового АСК РЯ заключается в расширении возможностей современных поисковых систем для обеспечения запросов пользователей. Используя ИП АСК РЯ, можно с достаточной степенью эффективности получать результаты поиска, соответствующие информационной потребности пользователя, уместности и состоятельности результатов, релевантности и пертинентности. Программа поиска позволит выдать пользователю не только информацию о ресурсах, узуально и / или окказионально содержащих введенные ключевые слова, но и семантически связанные с ними термины, соответствующие дескрипторы, дефиниции, иллюстрации, интерпретации, леммы, объяснения, определения, понятия, разъяснения, толкования, трактовки, формулировки, экскурсы и эксцерпции. Программно сконструированные гиперссылки на базе такого ИП АСК РЯ могут также подсказать пользователю, по каким еще вокабулам (лексемам, леммам, словоупотреблениям, словоформам и текстоформам) целесообразно продолжить поиск (напр., агноним, акроним, аллоним, антоним, бэкроним, гипероним, гипоним, (квази)синоним, когипоним, конверсив, лексико-грамматический вариант, лексико-семантический вариант, мероним, метоним, омоним, потамоним, субордината, таутоним, холоним и др. -онимы).

ИП АСК РЯ, фактически являясь информационно-поисковой лексикографической системой, даст богатый материал для различного рода научных исследований в области не только русского языка, но и других современных языков, что в перспективе позволит на основе цифровых технологий при соответствующей классификации и систематизации словарей объединить лексикографические материалы, обеспечить их оперативный ввод в научный оборот с целью оптимизации научных исследований в современной лексикографии.

Литература

Лесников С.В. Конструирование гипертекстового генерального свода лексики русского языка: русский гизаурус / Международная научная конференция «Язык и культура». 14–17 сентября 2001. М.: ОЛЯ РАН, научн. журнал «Вопросы филологии», Ин-т. иностранных языков, 2001. С. 280–281.

Лесников С.В. Словарь русских словарей: более 3500 источников / Предисловие проф. В.В. Дубичинского. Рецензенты: В.М. Андрющенко, Р.П. Рогожникова, Г.И. Тираспольский. М.: Азбуковник, 2002.

Лесников С.В. Автоматизированная информационно-справочная система поиска лексико-семантических вариантов вокабул русского языка // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 24. Магнитогорск: Магнитогорский ГУ, 2009. С. 622–630.

Лесников С.В. Библиографический сводный каталог фундаментальных лингвистических исследований (монографий, сборников, статей, обзоров, рецензий, дискуссий, обсуждений, сообщений, заметок, критики, словарей, справочников, энциклопедий). Микунь: [б. и.], 2010 [Гипертекстовая энциклопедия «Языкознание»].

Лесников С.В. Базовые блоки автоматизированной лексикографической системы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: филология, искусствоведение. Вып. 60. № 33 (248). Челябинск: ЧелГУ, 2011. С. 200–202.

Лесников С.В. Гипертекстовый тезаурус метаязыка науки // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (33) 2011б. Москва; Магнитогорск; Новосибирск: Российская академия наук (отделение историко-филологических наук РАН); Изд-во ООО «Аналитик», 2011. С. 30–34.

Лесников С.В. Моделирование тезауруса метаязыка лингвистики на базе гипертекстовых фреймов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. № 3 (2). Киров: ВятГГУ, 2011. С. 51–54.

Лесников С.В. Тезаурус как отражение системности языка // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: филология, искусствоведение. Вып. 59. № 28 (243). Челябинск: ЧелГУ, 2011. С. 52–61.

Лесников С.В. Основные латинские терминоэлементы и термины метаязыка лингвистики // Научные ведомости БелГУ. Серия: гуманитарные науки. Белгород: БелГУ, 2011. № 12 (107). Вып.10. С. 37–45.

Лесников С.В. Типология русских словарей лингвистической терминологии // Мир науки, культуры, образования. № 6 (31). 2011. Часть 2, декабрь 2011 г. С. 6–10.

Лесников С.В. Фреймовое конструирование тезауруса метаязыка лингвистики // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 4. Архангельск: ПГУ, 2011. С. 84–89.

Лесников С.В. К вопросу о содержании словарной статьи тезауруса метаязыка лингвистики // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. IV: коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев; Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2012. С. 190–203.

Лесников С.В. Базовые операторы языка поисковых запросов тезауруса метаязыка лингвистики // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. № 7.2 (31) (Гуманитарные и общественные науки). С. 39–53.

Лесников С.В. Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус (гизаурус) «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика) // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.). Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина. МГУ, 2014. С. 268–269.

Лесников С.В. Анализ парадигматических отношений лингвистической терминосистемы // Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. С. 269–279.

Аксиология и лексикография: точки сопряжения

Т.В. Маркелова, М.А. Тихонова

Axiology and Lexicography: Interface Points

Tatiana V. Markelova

Институт современного искусства (Москва) / Institute of modern art (Moscow)

tvmarkelova@mail.ru

Maria A. Tikhonova

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва) / The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

tihonen@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена созданию модели активного словаря оценочной лексики русского языка, отражающего взаимодействие проблем аксиологии и лексикографии сквозь призму антропоцентрического подхода к языку.

Ключевые слова: аксиология, лексика, оценочная семантика, оценочная шкала, словарь.

Summary. The article is devoted to the creation of model an active Russian Language Evaluation Vocabulary Dictionary, reflecting the interaction of the problems of axiology and lexicography through the prism of the anthropocentric approach to the language.

Keywords: axiology, lexicon, evaluation semantics, evaluation scale, dictionary.

Аксиосфера русской национальной культуры приобретает все большую значимость, ее пространство расширяет оценочный дискурс, трансформирует и преображает языковые единицы и формирующие их смыслы, активизирует оценочную интерпретацию мира в рамках его языковой картины. Опорные для лингвоаксиологии понятия оценки и ценности изучаются не только как ментальные константы в языковом сознании носителей языка, но и с позиции репрезентации концептов оценочно маркированной лексикой, количество которой в русском языке достаточно велико – около 40% [Кульчинский 1990: 44–47]. Однако социальная структура современного общества отражает неупорядоченность ценностной картины мира как следствие противоречивости реальной современной жизни (положительной оценочной метафорой становятся лексемы *бомба, чума*), поэтому особую актуальность приобретает изучение особенностей мировоззрения человека, в том числе лексикографическое осмысление мира.

Антропоцентрическое направление как точка сопряжения лингвоаксиологии и лексикографии требует развития и совершенствования информации о человеке и его качествах как явлении окружающего мира. В рамках этого развития в настоящее время диалог «человек – словарь» играет важнейшую роль, особенно при выражении оценочного фрагмента языковой картины мира (далее – ЯКМ), обладающего коммуникативной, когнитивной, эмотивной природой. Необходимость особого словаря оценочной лексики (при наличии других [Байрамова 2011; Меликян 2001]) не вызывает сомнений. Специфика оценочного слова – важнейшего репрезентанта категориальной семантики оценки, отражает динамическое взаимодействие когнитивного (хорошо – нормально – плохо), эмоционального (удовольствие – удовлетворение – неудовольствие) и коммуникативного (одобрение – безразличие – неодобрение) параметров субъективно-объективного отношения говорящего к объектам действительности. Такое устройство оценочного слова коррелирует со структурой оценочной ЯКМ – функционально-семантической полевой системой с парадигматической и синтагматической осью лексико-семантического и деривационного наполнения: *приятный* ↓ *приятно* ↓ *приятность* (словообразовательная транспозиция), *приятный* → *приятненький* (словообразовательная модификация).

Словарь оценочной лексики можно представить как макротекст, средоточием которого является человек, вернее, его умственный акт, выражающий в содержании оценочного слова многоаспектную аксиологическую информацию об объекте, основании, характере оценки, оценочной шкале с учетом коммуникативных интенций, эмоционального отношения и выбора говорящим аксиологического знака-символа. Выбор говорящим знака оценки лежит в основе организации словарной статьи как микротекста. Текст как точка сопряжения лингвоаксиологии и лексикографии понимается нами сквозь призму объединяющего и «соединяющего» параметра: макротекст систематизирует оценочную лексику, микротекст – грамматику и семантику «хорошего» и «плохого» в оценочной лексеме.

Словарная статья аксиологического словаря отражает дифференциацию типа оценочного значения [Маркелова 2013]: знаки-функции (Ф.) (*хороший, плохой*), знаки-коннотации (К.) (*сказка, осел*), знаки-прагмемы (П.) (*баламут, гений*) как лексикографический параметр специфики словарных толкований. У знаков-функций базовые оценочные семы (*хороший / плохой*) являются основными в понятийном объеме лексического значения: *замечательный* – ‘необычайно хороший, обладающий исключительными положительными качествами’. Знаки-коннотации выражают оценку посредством метафорических переносных значений, поэтому в толковании учитывается сигнификативный аспект значения слова и ассоциативные семы: *холодный – перен*. ‘равнодушный, бесстрастный, как бы имеющий низкую температуру’ [Тихонова 2015: 136]. У знаков-прагмем в лексических значениях содержится свернутое оценочное суждение (субъект – объект – оценочный предикат – основание оценки), компоненты которого следует отражать в толкованиях: *балда* – ‘человек, отличающийся бестолковостью’. К текстовым параметрам словарной статьи отнесем также новую систему эмоционально-оценочных помет, расширяющих оценочное поле, особенно положительное, в соответствии с оценочной шкалой (очень хорошо – *восхищ., почтит., уважит.*; очень плохо – *бран., возмущ., груб., груб.-фам., отвращ., уничиж.* и др.), дополняющих общепринятые стилистические пометы.

Текст словарной статьи демонстрирует в качестве обязательного парадигматический аспект оценочного слова: синонимическая и антонимическая парадигмы расширяют и уточняют толкование, передают динамику его значений: **ЛИЦЕМЕ́Р**, -а, *м.* ***П. Неодобр***. Человек, у которого слова, поступки не соответствуют истинным чувствам, убеждениям, намерениям. *Никогда не будь среди людей, которые критикуют, не действуя. Эти* ***лицемеры****, слабые, ничего не представляющие из себя люди, не способны сочетать свою веру со своими идеалами* (АиФ, 9 ноября 2015). ≈ Ханжа, фарисей. ≠ Правдолюб. Δ ↓ *прил.* **лицеме́рный**; ↓ *нареч.* **лицеме́рно**; ↓ *несов.* **лицеме́рить**; → *ж.* **лицеме́рка**; → *ср.* **лицеме́рие**; → *ср.* **лицеме́рность**; → *ср.* **лицеме́рство**.

Таким образом, словарная статья как «текст в тексте» отражает динамику состава и функций оценочной лексики в русском языке, обусловленную интенсивным процессом аксиологизации в связи с изменением социально-культурных реалий и исторических процессов, снятия идеологических запретов, преобразований в экономике и т.п. Актуализация существующих в лексике оценочно маркированных значений и развитие новых, особенно в медиадискурсе, определяют словарь оценочной лексики как *когнитивно-функциональный* словарь *активного типа*, репрезентирующий оценочную семантику слова и ее трансформацию (например, *аллергия, ангажировать, девальвация, джунгли, откат* и др.), в частности, энантиосемию слова *зверь* (оценка-порицание и оценка-восхищение). Несмотря на то, что оценочные компоненты значения сложны для лексикографической фиксации в связи с их подвижностью, субъективностью, «человекозависимостью», они должны своевременно отражаться в толковых словарях. Макротекст таких словарей по-

казывает «языковой макромир <…> через микромир слова» [Шведова 1988: 6], коррелирует с оценочным фрагментом языковой картины мира, демонстрируя антропоцентричность лексикографии и прогнозируя развитие аксиографии в целях формирования творческой языковой личности и успешности ее коммуникации.

Литература

Байрамова Л.К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка: словарей ценностей и антиценностей. Казань: Центр инновационных технологий, 2011.

Кульчинский Г. Безъязыкая гласность // XX век и мир. 1990. № 9. С. 44–47.

Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: Монография. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013.

Меликян В.Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М.: Флинта: Наука, 2001.

Тихонова М.А. «Словарь оценочной лексики русского языка» как способ лексикографической интерпретации аксиологической семантики // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 3. С. 131–140.

Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. статей / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 6–11.

Принципы составления словника для словаря православной лексики

И.К. Матей

Principles of compiling a word list for the Orthodox lexis dictionary

Igor K. Matey

Воронежский государственный университет / Voronezh State University

mateiik@yandex.ru

Аннотация. В работе рассматриваются лексикографические исследования и словари, сосредоточенные на описании православной веры и русской духовной культуры. Особое внимание сосредоточено на составлении тематического словника.

Ключевые слова: лексикография; православная лексика; словник, семантика.

Summary. The paper is devoted to the study of lexicographical works focused on the description of the Orthodox faith and Russian spiritual culture. Particular attention is focused on the compilation of thematic vocabulary.

Keywords:.lexicography; Orthodox vocabulary; word list; semantics.

Общеизвестно, что в настоящее время лексикография обладает новейшим инструментарием – электронной обработкой информации. На рубеже XX–XXI веков появляются термины «интегральный словарь», «многоаспектный словарь». Новые лексикографические работы меняют представления о структуре, составе и типологии словарей [Камалова 2017; Попова 2012].

Очевидно, что подобные новации отражают тенденцию к увеличению количества данных в словарях и усложнению их организации. Особое влияние на развитие словарей оказывает возможность электронной обработки информации, которая позволяет осуществлять выбор информации с помощью фильтрации данных соответствующей системой запросов. Например, Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия» снабжен тематическими разделами (*Города*, *История страны*, *Театр и кино* и др.) и уровневыми разделами (*А1–А2; В1–В2; С1–С2*). Особо отметим исследуемую тематическую группу *Религия*, где для уровня *А1–А2* даются слова *крест* и *храм*, а для уровня *С1–С2* представлено 30 статей, в числе которых поясняющие многозначные слова *собор* и *церковь* (*собрание* и *храм*; *организация* и *храм*) [Ростова и др. 2014–2018].

Для создания словника изучаемой нами православной лексики необходимо определить критерии отбора единиц, соответствующих разному уровню пользователя (иностранцы, билингвы, школьники и студенты разных уровней и профессиональной ориентации и др.).

Одним из основных и важнейших критериев является частотность. Национальный корпус русского языка и словари, созданные на его базе, дают исчерпывающую информацию для отбора соответствующих групп лексики с наибольшей частотностью (*бог, душа, любовь, любить, церковь, вера* и т.д.).

Другой важный критерий отбора связан с необходимостью толкования смысла достаточно частотных слов, в семантике которых совмещаются «светские» и «церковные» смысловые пласты, реализующиеся в лексико-семантических вариантах (*отец, сын, брат, сестра, дух* и др.) [Загоровская, Матей 2012; Загоровская, Шевченко 2014; Матей 2012].

Особо следует обратить внимание на разграничение широкоупотребительных терминов, которые отражены в новых толковых словарях (*ангел, грех, Бог*), и терминов, которые обычно содержатся только в особых специальных литургических, богословских и энциклопедических православных словарях (*анахорет, теологумен, литургисать*) [Цумарев 2014].

Анализ специальной литературы позволяет сформулировать принципы создания словника словаря православной лексики с широким спектром задач и расширенным пользовательским (читательским) адресом:

1. Отбирать частотную лексику с помощью специальных машинных ресурсов; 2. Соотносить данные различных общенародных и специальных справочных и учебных словарей, учитывая полноту / неполноту подачи различных лексико-семантических вариантов; 3. Группировать слова не только по алфавиту, но и по тематике и иным лексическим признакам; 4. Включать словесные знаки с наличием омонимов, паронимов и иных вариантов, препятствующих пониманию; 5. Выбирать широкоупотребительные термины; 6. Снабжать достаточными для понимания языковыми и аудиовизуальными иллюстрациями; 7. Структурировать информацию в соответствии с возможностью фильтрации данных соответствующей системой запросов [Загоровская, Матей 2012; Матей 2012; Загоровская 2013].

Литература

Загоровская О.В. Русский язык на рубеже XX–XXI веков: исследования по социолингвистике и лингвокультурологии. Воронеж: Научная книга, 2013.

Загоровская О.В., Матей И.К. О семантических особенностях лексики тематической сферы «Православие» в современном русском языке // Русский язык в диалоге культур: Материалы Международной научной конференции: В 3 ч. Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство образования и науки Украины, ГОУ ВПО «Воронежский государственный архитектурно-строительный университет», Донбасская национальная академия строительства и архитектуры. Воронеж: Издательство: Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, 2012. № 18. С. 3–14.

Загоровская О.В., Шевченко И.С. Семантическая многоплановость слова «совесть» в русском языке и русской духовной культуре (по данным лингвистических и энциклопедических словарей и справочников) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): В 3 ч. Ч. II. С. 54–58.

Камалова А.А. Идеи о новом типе словаря: Сборник материалов // Международной научно-практической конференции «Славянские чтения–2017». Уфа: Издательство: Башкирский государственный университет, 2017. С. 36–41.

Матей И.К. Православная лексика в современном русском языке и языковом сознании его носителей: Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.

Попова Л.В. Типологии и классификации словарей // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 67. 2012. № 20 (274). С. 106–113.

Ростова Е.Г., Залетаева А.А., Маркевич Е.В., Шамин С.М., Залетаева Е.Э., Горин П.А., Дорошенко И.О., Иванов А.А. Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия». Инновационный сетевой проект. М., Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2014–2018 г. [Электронный ресурс. URL: https: // ls.pushkininstitute.ru/ lsslovar/index.php?title. Дата последнего обращения 26.11.2018].

Цумарев А.Э. Об усовершенствовании маркирования специальной лексики в толковых словарях // Терминология и знание. Вып. IV. Материалы IV Международного симпозиума (Москва, ИРЯ РАН, 6–8 июня 2014 г.) / Отв. ред. С.Д. Шелов. М.: Вест-Консалтинг, 2014. С. 255–273.

Перспективы создания словаря аксиологической динамики русского языка

В.А. Мельничук

Prospect for creating the dictionary of axiological dynamics of the Russian language

Viktoriya A. Melnichuk

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова /
Russia, Saint- Petersburg, Saint-Petersburg forest technical university

hatikva_gdola@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящен вопросу создания словаря, отражающего динамический аспект русской языковой аксиологии, в свете сложности лексикографического описания категории оценки. Рассматриваются проблемы разработки структуры словарной статьи и системы помет, описывающих оценочный потенциал слова не только в синхронии, но и в диахронии.

Ключевые слова: оценка, аксиологическая динамика, эмоционально-оценочные словарные пометы, структура словарной статьи.

Summary. The report is devoted to the issue of creating the dictionary which would reflect the dynamics of Russian language axiology and take into consideration the complexity of the valuative meaning description in lexicography. The questions of the structure of a dictionary entry and a code system which describe the valuative meaning of a word both in synchrony and in diachrony are considered in the report.

Keywords: valuation, axiological dynamics, structure of a dictionary entry, dictionary code.

Когнитивная природа оценки, обусловливающая ее связь с языковым и внеязыковым поведением говорящего, и многообразие способов ее выражения на всех уровнях языковой системы, предопределяет сложности описания оценочного компонента значения слова. Можно сказать, что оценка – одна из наиболее трудноуловимых для фиксации языковых категорий.

Обращение к словарям различных типов показывает, что сведения о коннотациях лексических единицы сосредоточены в основном в зоне лексикографических помет. Эмоционально-оценочные пометы содержат сведения об оценке слова в нерасчлененном виде, что обусловлено методологической сложностью отделения собственно оценочного компонента от эмоционального. Лишь отдельные пометы можно с долей условности назвать собственно оценочными.

Как часть коннотации, оценочный компонент может отражаться и через стилистические пометы. При этом состав помет, касающихся общей оценки, варьируется от словаря к словарю. Кроме того, не вполне описана методика присвоения эмоционально-оценочных и стилистических помет.

Анализ и сопоставление словарных помет и зоны примеров в различных толковых словарях (Толковый словарь под ред. Д.Н. Ушакова; Толковый словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой; Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) показывает, что описать оценку в рамках словарного определения – задача не имеющая однозначного решения, так как оценочное значение объективируется в конкретных контекстах.

В качестве альтернативы можно рассмотреть оценку как динамическое явление. Сложные взаимоотношения лексической единицы с категорией оценки зачастую обусловливается исторически, причем одно оценочное значение вытесняет предшествующее не одномоментно.

Описание оценочного компонента значения слова может быть представлено в словаре аксиологической динамики русского языка. При этом возникают следующие исследовательские задачи:

1. Необходимо разработать репертуар помет, описывающих оценку. Он должен соответствовать классификации оценок. Наиболее известна классификация, предложенная Н.Д. Арутюновой и основанная на выделении общей и частной оценки.
2. Требуется последовательно представить методологию проставления оценочных помет.
3. Очевидно, что для объективного представления динамики оценки необходима скрупулезная работа над зоной примеров в словарной статье.

Для выработки методологии лексикографического описания оценки мы обратились к словам, наиболее активно вовлеченных в динамику изменения оценки, – аксиологическую динамику.

В словарной статье предполагаются следующие структурные элементы: заголовочное слово; зона толкования, основанная на данных различных исторических и толковых словарей; зона примеров, включающая словарные пометы и отражающая употребление слова с положительной и отрицательной оценкой.

Пример словарной статьи:

БЛАГОДЕТЕЛЬ

‘Благотворитель; тотъ, который дѣлаетъ добро, или оказалъ кому милость’ [САР, т. 2: ст. 894–895].

‘Слав. → Нейтр. Тот, кто делает добро, оказывает благодеяние кому-л.’ <…> Ср. благотворитель, милостивец [СРЯ XVIII в., вып. 2: 38].

‘Лицо, оказавшее кому-н. большую пользу или услугу’ [Ушаков, т. 1: стб. 147].

‘*Устар.* Тот, кто оказывает кому-л. покровительство, помощь, услугу’ [МАС, т. 1: 93].

Словарь Академии Российской. В 6 томах. Т. 1–6 [Электронный ре-

+ (положительная оценка)	– (отрицательная оценка)
***Склонность делать добро**, чтоб оная могла назваться добродетелью, имеет нужду в правилах, они различествуют от той **способности обязывать**, которая вас делает больше рабом, нежели **благодетелем** людей* (Н. И. Новиков. О добродетели, 1775). *Тайно грело Сторожева и то, что он был для Наташи **благодетелем**: у нее пожилые и больные родители, младший брат – тихий инвалид, она никогда не жила так комфортно и обеспеченно.* (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010).	**(эвфем.)** ‘богатый человек, берущий на содержание молодую девушку’. *Когда девочке минуло одиннадцать лет, ее стали посылать в пансион. Генерал в качестве «**благодетеля**» вносил за нее деньги, а через семь лет неожиданно вздумал завершить свои благодеяния, сделав ее своею законною женой «пред лицом неба и людей».* (Н.С. Лесков. На ножах, 1870).
(фразеол., церк.) *отец Благодетель; благодетель рода человеческого.*	**(обществ.-полит., *у народников*)** *Суд правят; к работе понуждают; что есть в карманах, аккуратно сосчитают, – **благодетели**!* («Рабочая газета», 1880).
(прагм. лести) *Тогда он написал другое, в котором, в самых унизительных выражениях, называя помещика **своим благодетелем** и величая его титулом настоящего ценителя искусств, просил его опять о вспоможении. Наконец ответ пришел. Помещик прислал сто рублей и несколько строк, писанных рукою его камердинера, в которых объявлял, чтоб впредь избавить его от всяких просьб* (Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова, 1849).	**(обществ.-полит.)** ‘идеологический враг’. *Мы утерли нос американским «**благодетелям**» Российских железных дорог, лоббирующим дизель 7FDL.* (коллективный. Форум: Американские тепловозы ТЭ33А «Evolution» Ильичевск-Актобе, 2009).

Литература

Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1 / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 (МАС).

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2. (Безпристрастный – Вейэр) / Под ред. Ю.С. Сорокина. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985 (СРЯ XVIII в.).

сурс. Режим доступа: http://www.runivers.ru/lib/book3173/10108/] (САР).

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. Т. 1 (Ушаков).

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru] (НКРЯ).

Метафорические модели русской лингвистической терминологии

Н.А. Мишанкина

Metaphorical models of Russian linguistic terminology

Natalia A. Mishankina

Томский политехнический университет, Томский государственный университет / Tomsk Polytechnic University, Tomsk State University

n1999@rambler.ru

Аннотация. Доклад представляет результаты исследования, направленного на выявление гносеологических универсалий – метафорических моделей, регулярно выступающих в процессах терминообразования. На основе обработки данных БД метафорической терминологии русского языка (5000 терминов из 10 научных областей / **1016 терминов области «Филология»**) выявлены метафорические модели / фреймовые структуры, универсальные для процессов терминообразования в терминосистеме русской филологии, к каковым относятся понятийная область «Человек» и «Живой организм».

Ключевые слова: терминосистема филологии, метафорический термин, терминообразование, метафорическая модель, лингвистическая база данных, гносеологическая универсалия.

Summary. The report presents the results of the research aimed at revealing of epistemological universals that is metaphorical models that regularly appear in the processes of term formation. Based on the data processing by the database of metaphorical terminology of Russian language (that is 5000 terms from 10 scientific areas and **1016 terms in field of “Philology”**) were discovered metaphorical models / frame structures that are universal for terminological processes in the terminological system of Russian philology to which refer the conceptual field “Man” and “Living organism”.

Keywords: terminology philology, metaphoric term, term formation, metaphoric model, linguistic database, epistemological universal.

Гносеологический потенциал метафорической концептуализации начал изучается во второй половине XX в. Метафора в научном познании реализует гносеологическую функцию при формировании гипотетической модели исследуемого объекта (Л.М. Алексеева, С.С. Гусев, В.В. Петров). В процессах получения и оформления нового знания важно соблюдение ключевых принципов: модель должна максимально соответствовать видению объекта исследования, способы представления научного знания должны отвечать требованию гносеологического «комфорта». Метафорическая концептуализация является весьма эффективным механизмом (Н.А. Мишанкина).

Базовый методологический подход – когнитивное терминоведение, направление, изучающее концептуальной модели семантики терминологической единицы, особое внимание уделяющее метафорическому термину. В качестве основного методологического подхода при анализе метафорической терминологии избрана теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон).

В ходе реализации проекта была создана База данных метафорической терминологии русского языка, описывающая метафорические фрагменты 10 научных областей, в т.ч. филологии (Н.А. Мишанкина, Е.А. Панасенко). Общий объем терминов в БД – 5000, филологических терминов – 1016.

Анализ филологического фрагмента БД показал, что чаще всего в процессы терминообразования вовлекаются фреймовые структуры понятийной области «ЧЕЛОВЕК». Эта область может быть условно разделена на 4 подобласти. На основе фреймовых структур подобласти «Физическое» образовано наибольшее количество терминов филологии – 215. Это различные виды физических действий: конструктивных (*строить, вязать*), деструктивных (*ударить, ломать*), связанных с перемещением объектов и веществ (*нести, положить*), направленных на изменение структуры и состава объектов и веществ (*мешать, разбирать*) и под. В подобласти «Социальное» актуальны представления связанные со структурой социума и местом в ней (*союз, семья*), с социальными свойствами личности (*свободный, согласный*), социальными действиями (*подчинить, зависеть*) и под. Представление о ментальном мире становятся основой в терминообразовании значительно реже. Однако можно говорить об актуализации следующих представлений: интеллектуальные действия (*исключить*), эстетическая деятельность (*музыка*), элементы символических систем, психоэмоциональные состояния. «Биологическое»: в процессах тер-

минообразования задействованы представления о: частях тела (*лицо*), биологических отношениях, половой дифференциации, национальной принадлежности.

Вдвое менее активна понятийная сфера «ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ» (166 терминов). Чаще всего привлекаются представления из области: физических действий живых существ (100): перемещений в пространстве (*ходить*), перемещения объектов и манипуляций с ними, деструктивных, физиологических, социально-биологических действий. Следующая по значимости группа представлений – свойства живого существа (47): состояние (*живой, мертвый*), телесные возможности, поведение, репродуктивные действия. Реже представлены структуры, репрезентирующие социально-ментальные свойства (12) и части тела (8): *голова, бок, корпус, тело*.

Еще менее активна область «ПРОСТРАНСТВО» (138). При терминообразовании в области филологии задействованы: ландшафтные объекты, условные пространственные маркеры, свойства пространства, дистанция.

Фреймовые структуры из области «ВОСПРИЯТИЕ» и «ОБЪЕКТ» задействованы почти в равной степени – с их привлечением образовано 91 и 90 терминов. В области восприятия можно говорить о подкатегориях, определяемых на основе различных видов восприятия. Понятийная область «ОБЪЕКТ» представлена структурами, репрезентирующими как самые общие представления, так и конкретные объекты. Область артефактов (66) представлена, по преимуществу фреймовыми структурами, репрезентирующими в равной степени представления об инструментах и устройствах (26) и бытовых предметах (26). Слабо задействованы в образовании терминов филологии понятийные области «РАСТЕНИЕ» (25), «ВЕЩЕСТВО» (16).

Литература

Алексеева Л.М. Термин и метафора / Под ред. Л.Н. Мурзина. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998.

Гусев С.С. Наука и метафора. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Мишанкина Н.А. Ментальное пространство научного текста: метафорические модели // Вестник Томского государственного университета, 2007. № 297. С. 7–11.

Мишанкина Н.А, Панасенко Е.А. База данных метафорической терминологии: концептуальное проектирование // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета, 2016. № 6. С. 86–99.

Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории / Под ред. В.В. Целищева, В.Н. Карповича. Новосибирск: Наука, 1985. С. 196–220.

О диалектном словаре академического типа

Е.А. Нефедова

About dialect dictionary of academic type

E.A. Nefedova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

eanefedova@gmail.com

Аннотация. Место каждого словаря в общей типологии диалектных словарей может быть определено на основе параметров «объект лексикографического описания», «отражение системных свойств лексики» и «полнота информации о слове». В соответствии с этими параметрами «Архангельский областной словарь» – это *полидиалектный системный* словарь *академического* типа, отражающий функциональные особенности живой диалектной речи.

Ключевые слова: лексикография, диалектный словарь, параметры и характеристики.

Summary. Position of each dictionary in the general typology of dialect dictionaries can be determined with the following parameters: ‘object of lexicographical description’, ‘reflection of lexis systemic properties’ and ‘completeness of information about the word’. In accordance with these parameters, Arkhangelsk Regional Dictionary is a *polydialect system* dictionary of *academic* type, reflecting the functional features of live dialect speech.

Keywords: lexicography, dialect dictionary, parameters and characteristics.

Диалектная лексикография имеет давние традиции, начинающиеся с «Опыта великорусского областного словаря» (издание 1852). К настоящему времени издано и продолжает издаваться большое количество диалектных словарей, которые различаются как охватом обследуемой территории, так и принципами отбора и описания материала. Обобщение опыта лексикографической работы с учетом достижений общей теории лексикографии дает основания для выделения ряда параметров, по которым может быть охарактеризован каждый диалектный словарь и определено его место в общей типологии диалектных словарей.

Параметр «объект лексикографического описания» характеризует словари как *полидиалектные,* включающие лексику совокупности говоров определенной территории), и *монодиалектные*, включающие лексику говора одной деревни. Параметр «отражение системных свойств лексики» определяет диалектные словари как *системные – сводные.* Параметр «полнота информации о слове» противопоставляет словари как *академические – справочные*.

Л.В.Щерба считал полноту сведений о слове одним из отличительных свойств академического словаря. «Сведения, помещенные в академический словарь, дают по возможности полное представление о слове: его семантической структуре, особенностях употребления, ограничениях на сочетаемость» [Щерба 1974: 266]. Примечательно указание Л.В. Щербы, что словари типа словаря А. Подвысоцкого, то есть словари многих говоров генетически единой территории, могли бы быть академическими, если бы представляли полную картину местной лексики. Предложенное выше содержание терминов «академический» и «справочный» в известной степени отличается от того, которое вкладывал в них Л.В. Щерба, но не противоречит ему. Фактически, в его работе понятия «академический» – «сводный» включают в себя нерасчлененно свойства, которые в докладе разделены в противопоставлениях «системный» – «сводный» и «академический» – «справочный».

Названные параметры рассматриваются в докладе применительно к «Архангельскому областному словарю». «Архангельский областной словарь» (АОС) – одна из ведущих тем научной работы кафедры русского языка филологического факультета МГУ. К настоящему времени опубликовано 19 выпусков, готовится к печати 20-й выпуск, продолжение буквы З. Их общий объем – около 400 п.л. АОС – *полидиалектный системный* словарь *академического* типа, отражающий функциональные особенности живой диалектной речи. Последние выпуски свидетельствуют о его эволюционировании от дифференциального к типу полного словаря. Возможность совмещения параметров полидиалектности и системности с отраженной в АОС полнотой сведений о слове определяется следующими его характеристиками.

1. *Состав словника*. Он включает, кроме собственно диалектных, все слова, имеющие отличия от стилистически нейтральных слов литературного языка.

2. *Внутрисловные отношения.* Детальная разработка семантической структуры слова, ориентированность на показ речевых употреблений.

3. *Сочетаемость*. По возможности полное представление, наряду с фразеологией, свободной и полусвободной сочетаемости слова.

4. *Межсловные связи и отношения.* Соотнесенность синонимов и вариантов с помощью специальных помет *Ср.* и *См.*

5. *Иллюстративная база.* Включение, наряду с речевыми высказываниями (не менее восьми иллюстраций), разного рода сентенций, пословиц, поговорок, примеров из других фольклорных жанров, а также примеров с этнолингвистической информацией.

6. *Ареальная характеристика* каждого слова (словозначения) виде перечня районов и населенных пунктов, позволяющая установить возможную территориальную противопоставленность слов или значений слова, а также выявить внутристемные отношения в моносистеме каждого конкретного говора.

Более чем пятимиллионная картотека АОС отражает состояние архангельских говоров с середины 50-х годов XX столетия до наших дней. За шестьдесят с лишним лет словарной работы эволюционировали не только лексикографические принципы АОС, но и сам объект его описания. Внутренняя эволюция говоров ведет к формированию новых форм народной разговорной речи, определяемых исследователями как сельское просторечие, наддиалектная форма, регионолект. Можно ли, учитывая эволюционные процессы, утверждать, что АОС отражает живой язык, данный в реальном употреблении, ориентированный на языковое сознание носителей (что соответствует определению системности академического словаря, данному Л.В. Щербой). Положительный ответ на этот вопрос опирается на представление о непрерывности лексической системы, включающей в себя разновременные элементы Последнее проявляется в том, что в речи носителей говоров сохраняются старые единицы, они сосуществуют наряду с лексическими новациями, что подтверждает кумулятивные свойства лексики.

Литература

Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. Вып. 1–9. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–1996; Вып. 10–19. М.: Наука, 1999–2018.

Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Имп. академии наук. СПб.: В тип. Имп. АН, 1852.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Региональный словарь «Глагол в деловом языке XVIII века: семантика, грамматика, фразеология»

Н.А.Новоселова

The regional dictionary “The verb in the business language of the XVIII century: semantics, grammar, phraseology”

Natalya A. Novoselova

Челябинский государственный университет / Chelyabinsk State University

Nas_1945@yahoo.com

Аннотация. В публикации описывается структура словарной статьи в словаре глагольной лексики делового языка XVIII века южноуральской провинциальной канцелярии: зоны заголовочного слова, форм глагола, толкования значений глагола; иллюстрирование значений, терминологические сочетания и фразеологизмы.

Ключевые слова: деловой язык, формообразование, иллюстрирование значений, стилистические пометы, устойчивые сочетания.

Summary. The publication describes the structure of the dictionary article in the dictionary of verbal vocabulary of the business language of the XVIII century of the South Ural provincial office: the zone of the title word, verb forms, interpretation of the verb meanings; illustration of meanings, terminological combinations and phraseological units.

Keywords: business language, shaping, illustrating of meanings, usage labels, stable combination.

Словарь «Глагол в деловом языке XVIII века: семантика, грамматика, фразеология» насчитывает 1700 глаголов, более 4000 глагольных форм, около 150 устойчивых сочетаний [Новоселова 2018]. Словник сформирован путем сплошной выборки глаголов из транслитерированных нами текстов рукописных памятников деловой письменности конца XVIII века, хранящихся в Областном государственном архиве Челябинской области. Содержание дел, включающих указанные тексты, – это «императорские указы, указы Правительствующего Сената, казенной палаты, Челябинской городской думы, Уфимского наместнического правления; рапорты городовых старост, старшин гильдий, журналы и протоколы заседаний; переписка Н.Н.Демидова с караванными приказчиками и другими лицами; «столпъ разныхъ писемъ», всего более 600 текстов» [Новоселова 2013: 127].

Основное назначение словаря – представить глагол и его словоизменение, выделить формы глагола, образующие речевые штампы текстов разных жанров, устойчивые конструкции, организующие формуляр текста.

В словаре представлены следующие типы лексикографической информации:

1) заголовочное слово;
2) все формы глагола, представленные в анализируемых деловых текстах;
3) разработка лексического значения;
4) стилистические пометы;
5) текстовые иллюстрации значений глагола;
6) фразеологизмы, устойчивые терминологические сочетания.

«Наблюдения над текстологическими единицами деловых текстов разных жанров, выявление стилистически значимых языковых составляющих разных уровней позволяет составить определенный вид «сверхтекста», т.е. жанровый формуляр. В построении подобного рода текстового инварианта помогут и готовые словесные формулы, устойчивые сочетания терминологического характера, отмечаемые в словаре как целостные единицы в зоне фразеологизма» [Новоселова 2013: 128]. Подобное представление стилистически маркированных языковых формул, составляющих трафарет, оправданно для нашего словаря. Например: *за благо рассудит, бить челом, выше значит, куда надлежит, у подлинного подписано тако, руку приложил* и т.д.

Трафаретные конструкции, содержащие причастные формы, приводятся в зоне фразеологизма в силу того, что степень употребительности этих форм является одним из показателей сформированности делового стиля XVIII века. Например: «*отдалъ* ***реченному*** *старшине…*», «*…****помянутых*** *беглыхъ…*», «*…отъ* ***написанного*** *земскаго суда…*» и т.д. Текстообразующая роль подобных причастных форм в деловых документах очевидна. Подобные лексемы выполняют анафорическую функцию, что является способом проявления дейктичности, ведь лексемы «*означенный*», «*объявленный*» + существительное – это сокращенная номинация ситуации, описанной в контексте.

При описании фразеологизмов в словаре приводятся и другого рода устойчивые сочетания. «В актах… довольно часто встречаются устойчивые словесные формулы, на наш взгляд выполняющие функцию этикетного знака. Это так называемая формула исполнения. Она включает слова, как правило, не являющиеся самостоятельными знаками речевого этикета, а употребляющиеся только в составе устойчивых словесных формул» [Новоселова 2011: 151], например: *благоволитъ ведать, имею выжидать, учинено быть имеетъ, благоволено бъ было, имеетъ быть известна* и т.д. В данной публикации предпринята попытка показать актуальность словаря глагольной лексики делового языка конца XVIII века по транслитерированным текстам, созданным южноуральской провинциальной канцелярией.

Литература

Новоселова Н.А. Лингвистические факторы текстообразования в деловой письменности (на материале актов XVIII века южноуральской провинциальной канцелярии. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

Новоселова Н.А. К вопросу о создании словаря глагольной лексики делового языка (по материалам текстов конца XVIII века южноуральской провинциальной канцелярии) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 74. №2. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2013. С. 127–132.

Новоселова Н.А. Глагол в деловом языке XVIII века: семантика, грамматика, фразеология: (на материале текста актов южноуральской провинциальной канцелярии). 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2018 [Электронный ресурс. Режим доступа: https://e.lanbook.com/book/110798].

О лексикографических изысканиях русских писателей

Ф.Р. Одекова

On the lexicographics researchs of Russian writers

F.R. Odekova

Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь) / North-Caucasus Federal University (Stavropol)

ruza100@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу лексикографической работы русских художников слова, вошедших в парадигму «писатели и словарное дело», что свидетельствует об энциклопедическом складе их мышления.

Ключевые слова: лексикография, метапоэтика, слово, словарь, язык.

Summary. This article is devoted to the analysis of the lexicographical work of Russian artists of the word that are included in the paradigm «writers and Lexicography», which indicates encyclopedic temper their of thinking**.**

Keywords: lexicography, metapoetic, word, dictionary, language.

При обращении к лексикографии Н.В. Гоголя в русле его метапоэтики (Одекова, 2011, 2012) мы обратили внимание, что интерес к «собиранию» слов в писательской среде бытовал и до Н.В. Гоголя. Это дает право определить парадигму «писатели и словарное дело».

Так, еще в 17 веке писатели наряду с профессиональными лексикографами, с политическими деятелями и другими заинтересованными в лексикографии лицами обращаются к комментированию текстов, составлению словарей. Ярким примером этого служит «Словарь иностранных, устаревших и малоупотребительных русских слов», представленный в «Путешествии стольника П.А. Толстого по Европе (1697–1699)».

В XVIII веке это лексикографические изыскания М.В. Ломоносова. Деятельность энциклопедиста в области лексикографии многообразна. Он выступил и составителем проектов словарей и словарей, и руководителем при создании словаря, неоднократно лексикографические работы рецензировал.

Д.И. Фонвизин, будучи поэтом, также увлекался и лексикографической работой. Примером тому служит «Опыт российского сословника». Кроме этого поэт публиковал «Примечание на критику, напечатанную на 113 и 114 страницах II части «Собеседника», касающуюся до опыта российского сословника»; а также «Начертание для составления толкового словаря славяно-российского языка», «Способ, коим работа толкового словаря славяно-российского языка скорее и удобнее производиться может», «В защиту начертания» (1784 г.).

А.Х. Востоков, начинавший свою творческую деятельность как художник слова, в 1847 г. выпустил под своей редакцией II том «Словаря церковно-славянского и русского языка», в 1852 г. – «Опыт областного великорусского языка» («Дополнение» к нему, Санкт-Петербург, 1858). Беспрестанным занятием А.Х. Востокова в течение многих лет был «Славянско-русский этимологический словарь», начатый им примерно в 1802 г., и для того времени во многом примечательный, но, к сожалению, оставшийся неизданным. При этом он претворил в жизнь обширный «Словарь церковно-славянского языка» (Санкт-Петербург, 1858–1861, 2 т.).

Естественно, в парадигму «писатели и словарное дело» входят А.С. Пушкин и А.А. Бестужев-Марлинский, поскольку, будучи писателями и поэтами, интересовались и обращались в художественном творчестве к кавказской лексике.

Словарное дело заинтересовало и Н.В. Гоголя, о чем свидетельствуют его многочисленные словарные наброски. После Н.В. Гоголя лексикографическая деятельность в писательской среде стала традицией. Ярким доказательством этому служит, безусловно, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. Далее следует «Опыт словаря из Ипатьевской летописи. Материалы для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и других славянских наречий» («Известия II отделения имп. Академии наук. Т. II. СПб, 1853») Н.Г. Чернышевского. Интересен и «Словарь народного языка» (впервые опубликован в Полном собрании сочинений А.Н. Островского в 16 т. – М., 1952. Т. XIII. С. 305–361) А.Н. Островского, куда вошли слова из его «Опыта волжского словаря».

Примечательны записные книжки А.П. Чехова, представляющие собой лексикографические зарисовки.

В XX веке большой интерес вызывает «Словарь языкового расширения» А.И. Солженицына, который в своем лексикографическом материале пытается расширить современный русский язык путем введения слов из Словаря Даля, вынужден его в какой-то мере сокращать, не только «прореживать» далевский словник, но и где-то сужать значения и толкования слов.

Как видим, практически для всех художников слова обращение к лексикографии было необходимым условием для дальнейшей творческой работы. Русские писатели знали важную закономерность: язык – культурное явление, что отмечается и в Словаре Академии Российской: «Язык и литература – два показателя культуры народа… между языком и литературой нет пропасти» [САР, т. I: 22]. По мнению Л.И. Скворцова, «словарное дело составляет существенную часть национальной истории и культуры любого народа» [Скворцов 1983: 73]. Поэтому художественные тексты и материалы русских писателей, собранные для словарей, обнаруживают большие пласты культурологической информации, без которой невозможно толкование слова.

Литература

Одекова Ф.Р. Лексикографическая деятельность Н.В. Гоголя в свете энциклопедизма его метапоэтики: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2011.

Одекова Ф.Р. Н.В. Гоголь и В.И. Даль в парадигме «писали и словарное дело» // В.И. Даль в мировой культуре: Сб. науч. работ. Часть вторая. Луганск; Москва: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2012. С. 140–155.

Скворцов Л.И. Исторические словари в языковой культуре народа // Русская речь. 1983. № 4. С. 73–79.

Словарь Академии Российской. Ч. I–IV. СПб., 1789–1794 (САР).

Лексикографический аспект описания наречно-предложных единиц русского языка

Е.О. Патаракина

Lexicographical aspect of the description of bifunctional adverbs and prepositions in Russian language

Evgeniya O. Patarakina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

e.patarakina@gmail.com

Аннотация. В данной работе рассматривается проект словаря бифункциональных единиц русского языка, в частности, его раздела, посвященного наречно-предложным лексемам. Также приводится пример словарной статьи, подробно описывающей различные лексико-семантические варианты бифункционального слова и особенности их функционирования.

Ключевые слова: бифункциональность, наречие, предлог, словарная статья.

Summary. In this paper the draft of a dictionary of bifunctional words in Russian language is described with special attention focused on the part which describes adverbial and prepositional bifunctionality. Then an example of a vocabulary entry is given, in which different lexical-semantic variants of a bifunctional word are described and features of their functioning are considered.

Keywords: byfunctionality, adverb, preposition, vocabulary entry.

Наречно-предложные единицы в русском языке — это лексемы, которые в разных контекстах проявляют свойства наречия или предлога, являясь таким образом бифункциональными. К таким словам относятся *мимо, после, близко, далеко, наперерез, вместе* и другие [Панков 2009б, Патаракина 2013].

Рассмотрим подробнее функционирование таких лексем. Так, в предложении (1) слово *вместе* является наречием:

(1) *Я считаю, что портал мы создали* ***вместе.*** (Здесь и далее примеры взяты из [НКРЯ]).

В то же время в предложении (2) та же лексема функционирует как часть предлога:

(2) *Знаю, что многие учителя ездят* ***вместе с*** *детьми, но я думаю, сначала съезжу сама, для души.*

Вместе здесь является частью предложного сочетания *вместе с*, которое управляет существительным, требуя от слова *дети* формы творительного падежа. Такие случаи включения наречия в состав предлога описаны Ф.И. Панковым как наречные конкретизаторы при предлоге [Панков 2009а].

Существуют и более явные примеры бифункциональности. Так, лексема *вокруг* в предложении (3) обладает свойствами наречия и занимает характерную для наречия позицию в конце предложения. Тогда как в предложении (4) она является уже самостоятельной предложной единицей.

(3) *А Томас видит все обостренно, он не оброс толстой кожей, у него глаза распахнуты и сердце открыто на все прекрасное, происходящее* ***вокруг****.*

(4) *И ничего удивительного в том, что, видя тотальную несправедливость,* ***вокруг*** *ярких людей собирается такая же интересная и плодотворная среда.*

Подобные слова в языке встречаются довольно часто, нам удалось выделить около 140 наречно-предложных единиц [Патаракина 2012]. Однако рассматриваемые нами лексемы редко описываются в учебных и справочных материалах для студентов. В связи с этим была начата работа по созданию раздела учебного функционального словаря русского языка, посвященного, в частности, наречно-предложным единицам.

Особенность такого издания заключается в том, что в одной словарной статье лексема описывается как комплекс лексико-семантических вариантов, способных реализоваться словоформами, принадлежащими к разным частям речи. Затем описываются грамматические свойства рассматриваемых единиц и особенности их употребления в речи.

Приведем в качестве примера описание слова *после* как одной из наиболее частотных наречно-предложных лексем. Оно представляет собой комплекс двух ЛСВ: *после*$_1$ *и после*$_2$.

После$_1$ — предлог в значении ‘по окончании, позднее чего-либо’.

Употребляется как с припредложным существительным (5), которому диктует форму родительного падежа, так и в конструкциях, где существительное при предлоге выражено нулевой формой, которую легко восстановить из контекста (6):

(5) ***После*** *войны я сразу попал в лагерь.*

(6) *По правде сказать, в жизни моего ребенка его отец всегда был эпизодической фигурой и до развода, и* ***после****.*

В том числе *после*$_1$ используется в значении ‘по отъезду или смерти кого-либо’ (7):

(7) *Но* ***после*** *сестер остались их дети, и у этих детей тоже были дети.*

После$_2$ — темпоральное наречие в значении ‘спустя некоторое время, позже, потом’. Может занимать как характерную для наречия позицию в конце предложения (8), так и позиции в начале и середине фразы (9, 10):

(8) *Формально редактором ее я состою и поныне, — но об этом* ***после.***

(9) *Куда же мне деваться? — Смотри кино, — говорю я. —* ***После*** *поговорим.*

(10) *Софья Андреевна в это время вышла, Чертков сказал: — Вы это, Л.Н.,* ***после*** *прочтите. Л.Н. не расслыхал и стал читать.*

Из приведенного описания рассматриваемой единицы видно, что разные ее ЛСВ реализуются словоформами с различными семантическими и грамматическими свойствами, которые необходимо отразить в словарной статье. Кроме того, ведется работа по добавлению в словарь анализа коммуникативной парадигмы рассматриваемых единиц, а также более подробных комментариев, связанных с их функционированием.

Подобное приведенному описание наречно-предложных единиц русского языка может оказаться полезным как для практических целей, например, при обучении иностранных студентов, так и для систематизации и описания языкового материала в целом с точки зрения функциональной грамматики.

Литература

Национальный корпус русского языка [www.ruscorpora.ru] (НКРЯ).

Панков Ф.И. Русские наречия в их соотношении с русскими предлогами // Мир русского слова. 2009а. № 1. С. 12–19.

Панков Ф.И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия. Дисс. … доктора филол. наук. М., 2009б.

Патаракина Е.О. Зоны взаимодействия категорий наречия и предлога в современном русском языке (лингводидактический аспект). Дипломная работа. М., 2012.

Патаракина Е.О. Процесс адвербиализации языковых единиц на периферии функционально-грамматических полей наречия и предлога в русском языке // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 19–23.

Актуальные тенденции в русской лексикографии: служебные слова и их представление в словаре

Т.Н. Пермякова

Current trends in Russian lexicography: service words and their representation in the dictionary

Tatyana N. Permyakova

Новосибирский государственный технический университет / Novosibirsk State Technical University.

uchi70@mail.ru

Аннотация. в докладе анализируется интерпретация служебных слов в словарях разных типов, обосновывается необходимость появления в словарной статье информации, которая бы отражала современное употребление служебного слова в устной и письменной речи.

Ключевые слова: лексикография, лексикографическое портретирование, служебное слово, словарная статья.

Summary. In the report analyzes lexicographical interpretation of the service description in dictionaries of different types, and describes the rationale to submit such information that which would reflect the modern use of the service word in oral and written speech.

Keywords: lexicography, lexicographical portraying, official word, dictionary entry.

Лексикографические источники предоставляют нам богатейшую разнообразную информацию о слове. Но сложность заключается в том, что эта информация либо рассеяна по различным словарям, либо не в полной мере отражает состояние языка на определенном этапе его развития.

Интерпретация служебного слова остается одной из актуальных проблем современной лексикографии. Хотя долгое время подвергался сомнению сам факт существования лексического значения у служебных слов как русскими, так и зарубежными лингвистами (П.А. Лекант, А.Н. Тихонов, Н.М. Шанский, Б. Рассел, Г. Глиссон и др.). Проблема лексического значения служебных слов активно обсуждалась в последней трети XX века.

Анализ лексикографических источников показал, что метаязык описания служебных единиц в словарях несовершенен, что эксплицируется в грамматических пометах, содержащихся в словарной статье. Так, например, в словарях встречается общепринятая грамматическая (метаязыковая) помета – «*союз*» (или *«сз.»*). Однако составители словарей, как справедливо отмечает С.Г. Ильенко, «проявляют при этом не всегда оправданный консерватизм и некритическое слепое подражание существующим издавна лексикографическим образцам, совсем (или почти совсем) не заботясь о введении тех новых подходов к классификации частей речи, которые существуют в специальной грамматической литературе» [Ильенко 2003: 586]. И действительно, уже более двадцати лет существуют термины **союзный функтив и союзная скрепа**, предложенные Т.А. Колосовой и М.И. Черемисиной, или термин М.В. Ляпон **– аналог союза**; к сожалению, пока по каким-то причинам активно ни один из них в лексикографической литературе не используется.

Кроме этого, в лексикографических источниках при описании служебной лексики часто не дифференцируется омонимия и полисемия. Так, например, в словарных статьях лексема ***только*** сопровождается грамматической пометой «наречие, частица и союз». А далее в одной словарной статье характеристики этой лексемы как наречия, частицы и союза представлены в виде лексико-семантических вариантов; причем не ясно, каким критерием обусловлен порядок следования этих лексико-семантических вариантов.

Создавшаяся ситуация свидетельствует о непоследовательности в лексикографической интерпретации незнаменательных единиц, что связано со слабой теоретической разработанностью вопроса о семантической интерпретации служебной лексики в словарях, о дифференциации омонимии и полисемии данных единиц.

Также, на наш взгляд, нуждается в обновлении и иллюстративный материал, который не отражает современной языковой ситуации.

Опираясь на опыт составителей «Словаря служебных слов русского языка», а также на работы Н.П. Перфильевой [Перфильева 2006], посвященных проблемам параметризации лексических служебных единиц, мы полагаем, что лексикографическое описание каждого служебного слова должно быть полипараметральным и включать ряд зон:

1. **Заголовочная единица, или вокабула**, традиционно включает два обязательных лексикографических параметра: орфографический, содержащий графическую информацию о словарной единице, и орфоэпический с информацией о произносительных и акцентологических нормах, которая может быть представлена транскрипцией описываемой единицы.

2. **Семантическая зона** включает обязательные лексикографические параметры – толкование, синонимический ряд, имплицитную информацию о лексеме как однозначной / многозначной единице. Описание многозначной единицы должно удовлетворять следующим требованиям: 1) мотивированный порядок следования ЛСВ в словарной статье; 2) пред-

ставленность интегрального компонента / макрокомпонента, объединяющего ЛСВ и дифференциальные семы.

Поскольку прагматическая информация в содержательной структуре служебного слова тесно переплетена с семантической, то отдельно прагматический параметр в словарной статье не выделяется, а эта информация должна быть максимально эксплицирована при описании семантики данной единицы.

3. **Грамматическая зона** содержит обязательные параметры: а) информацию о частеречной принадлежности словарной единицы или о соотнесенности с определенной частью речи; б) грамматическое значение. Данный параметр может содержать информацию о **радиусе действия** описываемой единицы в зависимости от того, универсальной или специализированной она является.

4. Дистрибутивный анализ служебного слова помогает определить его формальные функции, поэтому вполне логичен переход к следующему обязательному параметру – «**Формальные функции**». На базе данного параметра определяется статус лексемы как универсальной или специализированной.

Данная зона может включать и факультативный параметр – информация о грамматических условиях реализации данной единицы или одного из ее ЛСВ – о сочетаемости модальных и временных планов предикативных единиц, которые она связывает.

Таким образом, в словарной статье отражаются следующие зоны и параметры, необходимые в соответствии с интегральным подходом и современным состоянием русистики: толкование, синонимический ряд, информация о лексеме как моно- или полисеманте, функционально-стилистический параметр, которые в совокупности составляют зону «Семантика»; грамматическое значение, радиус действия, формальные функции лексемы, входящие в зону «Грамматика», а также факультативная зона «Дериваты».

Литература

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001.

Ильенко С.Г. Русистика: Избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.

Перфильева Н.П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Новосибирск, 2006.

О глубинно-параметрическом методе аннотирования для базы данных русскоязычного поликодового социально-сетевого дискурса*

Р.К. Потапова, В.В. Потапов

On deep parametric annotation method with regard to the databases of Russian polycode social-network discourse

Rodmonga K. Potapova

Московский государственный лингвистический университет / Moscow State Linguistic University

RKPotapova@yandex.ru

Vsevolod V. Potapov

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

volikpotapov@gmail.com

Аннотация. В докладе изложен новый метод аннотирования базы данных, включающей единицы русскоязычного поликодового социально-сетевого дискурса. База данных предназначена для проведения междисциплинарного исследования трансформации психофизиологических и когнитивных характеристик личности пользователей интернета для молодежного контингента.

Ключевые слова: база данных; поликодовый социально-сетевой дискурс; метод глубинного параметрического аннотирования.

Summary. This paper presents a novel deep parametric annotation method regarding database items of youth Russian polycode social network discourse. The database is used as the background for interdisciplinary research in the field of psycho-physiologic and cognitive transformation of youth Internet users' personality.

Keywords: database; polycode social-network discourse; deep parametric annotation method.

Настоящее междисциплинарное исследование посвящено дальнейшей разработке проблемы воздействия среды Интернета в условиях поликодовой коммуникации в социальной сети на трансформацию психофизиологических и когнитивных характеристик личности пользователей применительно к молодежному контингенту. Предварительно авторами исследовались различные аспекты функционирования русскоязычного социально-сетевого дискурса с учетом влияния, например, депривации на конечный речевой продукт в интернет-коммуникации, эмоционально-модального состояния пользователей Интернета в акмеологическом аспекте, принципов аннотирования баз данных применительно к семантическому полю «агрессия», профилирования личностных качеств пользователя и т.д. [Potapova, Potapov 2016; 2017a; 2017b]. Предлагаемый глубинно-параметрический подход к формированию аннотаций включает наряду с такими традиционно-формальными позициями, как ресурс сообщения, авторство, тип материала, дата публикации, локализация автора, количество подписчиков или друзей пользователя, количество лайков, просмотров, комментариев и репостов сообщения, а также сведения о том, является ли русский язык родным для автора. Кроме того аннотирование включает дополнительно информацию о видах модальности, содержащихся в сообщении, времени «проигрывания» в случае анализа аудио- или видеоматериала, разновидность речевой деятельности (подготовленная, неподготовленная, квазиподготовленная), наличие иноязычных включений, интертекстуальности, эмоциональности, темпоральности и т.д.

Основу модели глубинно-параметрического аннотирования образуют четыре измерения: вербальное (лингво-смысловой контент), паравербальное (интонационно-просодический, тембральный компоненты), невербальное (проксемико-мимико-жестовый компоненты) и экстравербальное (ситуативно-дискурсивный компонент). Каждая номинация включает свои n-параметры, число которых может доходить до 120 и более.

Таким образом, глубинно-параметрический способ аннотирования охватывает не только признаковую сферу помет, но и требует от лингвиста специальных знаний. На данном этапе исследования база аннотированных русскоязычных поликодовых социально-сетевых дискурсов применительно

к молодежному корпусу пользователей интернета насчитывает более 1500 единиц, что является предметом междисциплинарного подхода с участием лингвистов, социологов, психофизиологов и психиатров.

Литература

Potapova R., Potapov V. Polybasic attribution of social network discourse // Speech and Computer / Eds. A. Ronzhin, R. Potapova, G. Németh. LNAI 9811. Heidelberg: Springer, 2016. P. 539–546.

Potapova R., Potapov V. Cognitive entropy in the perceptual-auditory evaluation of emotional modal states of foreign language communication partner // Speech and Computer / Eds. A. Karpov, R. Potapova, I. Mporas. LNAI 10458. Heidelberg: Springer, 2017a. P. 253–261.

Potapova R., Potapov V. Human as acmeologic entity in social network discourse (multidimensional approach) // Speech and Computer / Ed. A. Karpov, R. Potapova, I. Mporas. LNAI 10458. Heidelberg: Springer, 2017b. P. 407–416.

* Исследование поддержано Российским Научным Фондом (РНФ). Проект № 18-18-00477.

Использование сведений об этимологии слова в лексикографическом описании (на материале новейшей заимствованной лексики)

М.Л. Сергеев, Е.А. Фивейская

The use of etymology in the lexicographical description (concerning the recent borrowings in Russian)

Mikhail L. Sergeev, Elena A. Fiveiskaya

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) / Herzen University (St. Petersburg)

mslogos@yandex.ru, alfiveisk@gmail.com

Аннотация. В докладе рассматривается значение сведений о происхождении слова в структуре словарных статей толкового словаря русского языка. При описании новейшей заимствованной лексики этимология является не только критерием для выделения омонимов, но также служит важным источником сведений о произношении, правописании и семантике рассматриваемых лексических единиц.

Keywords: lexicography, lexical borrowings, new words, etymology.

Summary. In the paper we discuss the importance of information on the word origin in the structure of entries in explanatory dictionary of the Russian language. In the lexicographical description of recent lexical borrowings the etymology can serve not only as criterion for homonymy, but also as important source of data on the pronunciation and spelling of the words described, as well as on their semantics.

Ключевые слова: лексикография, заимствованная лексика, новые слова, этимология.

Этимология в отечественной практике составления толковых словарей синхронического типа несомненно является периферийным компонентом. Само включение в словарные статьи этимологической справки опирается на давнюю традицию и, как правило, специально не обосновывается ни в проектах словарей, ни в предисловиях к ним. При этом содержание зоны этимологии обычно ограничивается сведениями о происхождении иностранных слов, заимствованных в русский язык в последние несколько веков. Исключение представляют собой два однотомных словаря – под ред. Н.Ю. Шведовой (2011) и В.В. Морковкина (2016), – в которых этимологической справкой снабжено большинство лемм, включая исконно русскую лексику. Следует, однако, заметить, что представленные в них этимологические комментарии очень неоднородны по объему, содержанию и глубине реконструкции, так что выработка новой концепции этимологии в толковом словаре русского языка остается актуальной задачей.

Придерживаясь традиционного подхода к содержанию и форме этимологической справки, сформулированного в предисловиях к толковым словарям русского языка под ред. Я.К. Грота (1895) и Д.Н. Ушакова (1935), мы хотели бы показать в настоящем сообщении, что даже в этих рамках роль этимологии в словаре не сводится к удовлетворению читательского любопытства и «украшению» словарной статьи; напротив, она оказывается важным критерием в решении ряда лексикографических вопросов при описании слова и, таким образом, непосредственно влияет на его представление в словаре. Обращение к данным о происхождении слова оказывается особенно важным при описании новейшей заимствованной лексики, не устоявшейся в русском языке (в отношении как формы, так и семантики) и лишь частично представленной в толковых и орфографических словарях.

История слова, его написание и произношение в языке-источнике, а также его внутренняя форма (содержащая указания на существенные свойства денотата и на другие причины появления обозначающего) должны приниматься во внимание при работе над большинством зон словарной статьи (вокабула, произношение, толкование и речения). Кроме того, этимология традиционно используется в качестве критерия для выделения омонимов.

Следующие аспекты синхронного лексикографического описания оказываются чувствительны к происхождению слова:

1. Орфография и акцентуация:

а) Объяснение орфографической вариативности или закономерности фонетических расхождений с языком-источником; в том числе речь идет о вариативности в русском языке, обусловленной различием транскрипции и транслитерации заимствованного слова, ориентацией на словообразовательные модели и акцентуацию, характерные для различных языков-источников заимствованной лексики, например:

АМБИЕ́НТ и ЭМБИЕ́НТ, а, м. [англ. ambient букв. окружающий, обволакивающий].

...Электронная музыка, характеризующаяся спокойным, медитативным звучанием, использованием различных спецэффектов…

б) Объяснение вариантов слитного, раздельного и дефисного написания слова, выбор опорного варианта:

ОТ КУТЮ□Р и ОТ-КУТЮ□Р, нескл., м. [франц. haute couture < haut высокий + couture шитье, швейное ремесло].

…Высокая мода, эксклюзивные модели одежды, обуви, парфюмерии и т. п. …

2. Семантика: смыслоразличительные признаки в толковании, например:

БАНЬГУ□, нескл., м. [кит. bǎngǔ < bǎn доска, пластинка + gǔ барабан].

…Китайский ударный музыкальный инструмент, небольшой односторонний барабан, имеющий толстостенный деревянный корпус в форме чаши. …

ДУРИА́Н, а, м. [малайск. durian < duri шип, колючка].

…Вечнозеленое фруктовое дерево семейства мальвовых с крупными съедобными плодами с твердой оболочкой, покрытой мощными шипами.

3. Омонимия:

БИТ[1], а, мн. род. би□тов и (разг.) бит, м. [англ. bit < bi(nary digi)t двоичная цифра].

…Минимальная единица измерения количества информации в памяти компьютера, равная одному двоичному разряду.

БИТ[2], а, м. [< англ. beat удар, ритм].

…Один из ранних стилей британской рок-музыки начала 60-х гг. XX в., представляющий собой сплав рок-н-ролла,

ритм-н-блюза, соула и некоторых других музыкальных направлений того времени; музыка в этом стиле…

БИТ[3], а, м. [< англ. bit резец, сверло].

= Бита.

Перечисленные аспекты использования этимологической информации в практике составления словарной статьи будут подробно рассмотрены в докладе и проиллюстрированы на материале готовящегося к изданию «Словаря русского языка XXI века».

Литература

Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016.

Скляревская Г.Н. Современный толковый словарь живого русского языка. Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. СПб.: СПбГУ, 2004.

Словарь русскаго языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук / [Под ред. Я.К. Грота]. Т. I. СПб.: Тип. Имп. АН, 1891.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Сост.: Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.», 1935.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011.

МАС-2 как объект исследования русской лексики

Ю.А. Стародубцева, И.А. Меркулова

MAS-2 is the object of research of Russian vocabulary

Yu.A. Starodubtseva, I.A. Merkulova

Воронежский государственный университет / Voronezh State University

Suvorovaj84@mail.ru, Igel1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена определению системно значимых элементов русской лексики, составляющих ее ядро. Объектом исследования является «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, а методом – параметрический анализ лексики.

Ключевые слова: параметрический анализ лексики, Малый академический словарь русского языка, лексико-семантическое ядро.

Summary. The article is devoted to the definition of systemically significant elements of Russian vocabulary that make up its core. The object of the research is the “The Dictionary of the Russian Language” by A.P. Evgenjeva. The method is the parametric analysis of lexicon.

Key words: parametric analysis of vocabulary, Concise Academic Dictionary of Russian Language, lexico-semantic nucleus.

Современная русская лексикография располагает разными типами словарей, количество и качество которых постоянно изменяется.

«Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой справедливо считается одним «из лучших толковых словарей, более или менее адекватно отражающих состояние лексики современного русского языка» [Крысин 2011: 4]. Первый раз Малый академический словарь (МАС) вышел из печати в 1957–1961 гг., позднее (1981–1984) осуществлено второе его издание, исправленное и дополненное (МАС-2). Объем словника по созданной нами базе данных составляет 83 596 слов.

Цель работы – анализ лексики МАС-2 по четырем системообразующим параметрам: функциональному (длина слова); синтагматическому (количество фразеосочетаний слова); парадигматическому (количество синонимов к слову); эпидигматическому (количество значений у слова) и выделение параметрического ядра русской лексики.

Аспектная дифференциация лексики русского языка позволяет получить частные параметрические ядра русской лексики, необходимые для дальнейшего объединения и получения интегрального параметрического ядра.

Количественные характеристики частных ядер представлены в таблице 1.

Таблица 1. Частные параметрические ядра, полученные по МАСу-2

Частное ядро	Кол-во слов (рядов)	Интервал
Функциональное	1145	От 2 до 4 звуков
Синтагматическое	1093	От 3 до 144 фразеосочетаний
Парадигматическое	1656	От 3 до 19 слов в ряду
Эпидигматическое	1261	От 7 до 71 значения

Полученное частное функциональное ядро позволило выделить самую короткую лексику и предположить, что слова длиной в два звука в русском языке представляют собой фонетически вырожденный случай, обусловленный ходом фонетических процессов. Двузвучные слова не многочисленны, а, следовательно, не типичны для лексики русского языка.

Частное синтагматическое ядро русской лексики включает наиболее фразеологически активные лексемы, среди которых лидирующее положение занимают соматизмы: *рука* (144 ФС ФС), *глаз* (95 ФС), *голова* (90 ФС), *нога* (59 ФС), *сердце* (40 ФС), *ухо* (40 ФС), *язык* (39 ФС), *лицо* (34 ФС), *нос* (34 ФС), *кровь* (33 ФС), *зуб* (27 ФС).

Частное парадигматическое ядро русской лексики включает самый многочисленный синонимический ряд, выделенный методом позиционного анализа дефиниций [Кретов, Титов 2006] (парадигматическую доминанту) со значением ‘*напиться до пьяна*’, объединяющим 19 синонимов: *напиться, набраться, нагрузиться, надраться$_2$, надрызгаться, нажраться, назюзюкаться, накачаться, наклюкаться, налакаться, нализаться, налимониться, налопаться, нарезаться, насосаться, наспиртоваться, натрескаться, натянуться, нахлестаться*. Вице-доминантой является значение ‘*убить*’ – 14 синонимов, представленное следующим синонимическим рядом: *убить, зашибить, прикокнуть, прихлопнуть, пришить, решить$_1$, угрохать, укокошить, уколотить, уложить, шлепнуть, прикончить, порешить, тюкнуть.* За ними следует значения ‘*обмануть*’ (13) – *обмануть, надуть, обвести, обдуть, обмишулить, обойти, обтяпать, обштопать, объегорить, объехать, оплести, обжулить, облапошить.*

Частное эпидигматическое ядро содержит наиболее многозначную лексику. В первую очередь – это глаголы. эпидигматическими со-доминантами русской лексики являются глаголы *идти* и *тянуть*, насчитывающие по 53 значения.

Объединение этих 4-х множеств позволяет выделить интегральное параметрическое ядро, в «сердцевине» которого содержится 89 системно значимых слов. Ниже приводится их список.

Бить, дать, дом, мир[1], идти, сесть, лицо, бой, убить[1], ряд, вещь, шум, верх, дело, отец, жизнь, кровь, воля, след[1], край[1], есть[1], удар, найти[1], конец, этап, зайти, смерть, милый, живой, ходить, решить[1], гореть, земля[1], войти, ловить, выбить, кидать, общий, тихий, пройти, ударить, сильный, попасть, полный, большой, разбить, старый, плохой, бросать, прийти, слабый, закрыть, грубый, ввести, низкий, забрать[1], личный, ложный, тайный, ясный, на-

пасть[1], *тяжелый, простой*[1], *смотреть, красный, человек, оставить, мертвый, говорить, тянуться, твердый, горячий, крупный, картина, честный, маленький, принести, вертеться, холодный, небольшой, выдержать, подняться, печальный, последний, свободный, пропустить, движение, настоящий, основание.*

В результате сортировки лемм в порядке убывания (суммарного) параметрического веса максимальный вес имеет глагол *бить*. Соответственно, по данным параметрического ядра МАС-2 он является доминантой русской лексики. На одну стотысячную от него отстает вице-доминанта – глагол *дать*. Фактически по полученным данным МАС-2 можно говорить о двух доминантах: *бить* и *дать* [Стародубцева 2015].

Литература

Кретов А. А., Титов В.Т. Алгоритм позиционного выявления синонимии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2006. № 1. С. 62–65.

Крысин Л.П. Словари современного русского языка // Славянская лексикография: Междунар. колл. монография / Отв. ред. М.И. Чернышева. М.: Азбуковник, 2013. С. 542–563.

Стародубцева Ю. А. Параметрическое ядро русской лексики по данным МАС-2 // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 82–91.

Особенности лексикографического описания религиозной лексики в «Полном церковно-славянском словаре» протоиерея Григория Дьяченко

С.В. Феликсов

Features of the lexicographic description of religious lexicon in The unabridged Church Slavonic dictionary (1899–1900) of the archpriest Grigory Dyachenko

Sergey V. Feliksov

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет / Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities

svfeliksov@gmail.com

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению особенностей лексикографического описания религиозной лексики в «Полном церковно-славянском словаре» (1899 – 1900 гг.) протоиерея Григория Дьяченко, являющемся одним из последних фундаментальных сочинений церковной лексикографии Синодального периода в России.

Ключевые слова: протоиерей Григорий Дьяченко, церковнославянский словарь, религиозная лексика, религиозный стиль, XX век.

Summary. This article is devoted to consideration of features of the lexicographic description of religious lexicon in *The unabridged Church Slavonic dictionary* (1899–1900) archpriests of Grigory Dyachenko who became one of the last fundamental lexicographic compositions of the Synod period in Russia.

Keywords: archpriest Grigory Dyachenko, Church Slavonic dictionary, religious lexicon, religious style, 20th century.

1. «Полный церковно-славянский словарь» (1899–1900 гг.) (далее ПЦС) протоиерея Григория Дьяченко является одним из последних фундаментальных сочинений церковной лексикографии Синодального периода в России, в котором составителем делается попытка представить с опорой на научные достижения XIX в. развернутое словарное описание конфессионально-терминологической системы православного вероучения. Несмотря на свою значимость для русской культуры, ПЦС вплоть до настоящего времени не был объектом специального всестороннего научного анализа.

2. Структура словарных статей, описывающих религиозную лексику, в ПЦС в большинстве случаев содержит: а) заглавное слово, б) его формальные характеристики (акцентологические, этимологические), в) его толкование, г) отсылки к источнику. Факультативными являются грамматические сведения о слове, подробные этимологические справки, указание на словообразовательные возможности, иллюстративный материал, а также энциклопедические сведения.

3. В качестве заголовочных слов в ПЦС представлена терминология библейского, литургического, догматического, церковно-исторического, сравнительного, канонического и нравственного богословия (*пешито, амвонъ, догматъ, аввакумовщина, чистилище, анаѳема, добродѣтель* и др.). Большая часть из них выражена именем существительным (*лавра*) и глаголом (*канонизовати*), реже толкуются имена прилагательные (*православный*) и наречия (*апостольски*). Помимо этого, предметом истолкования в ПЦС стали многочисленные синтаксические единицы терминологического и фразеологического характера (*епитрахильная грамота, альфа и омега*).

4. Кроме ряда отдельных случаев, каких-либо более или менее развернутых комментариев нормативного характера, связанных с произношением и правописанием религиозных слов, а также их грамматической характеристикой в ПЦС Г. Дьяченко не представлено. В этом плане ПЦС существенно уступает не только ведущим лексикографическим произведениям XIX в., включающим в свой состав религиозную лексику, но и сочинениям XVIII в., а именно – «Церковному словарю» П.А. Алексеева.

5. «Соль или пряность» ПЦС в его лингвистическом аспекте, по определению самого Г. Дьяченко, составляет этимология. Следуя установкам историко-филологической программы А.Х. Востокова, Г. Дьяченко графически маркирует заглавные слова, содержащиеся в ПЦС, соотнося их с одним из языков – древнеславянским, древнерусским или церковнославянским нового периода. Подобного рода последовательная дифференциация языкового материала, коснувшаяся в т.ч. и богословской терминологии, на страницах лексикографического произведения является в определенной мере новшеством в истории отечественного словарного дела. Необходимо отметить, однако, что на практике реализация данного замысла представлена в ПЦС во многих случаях без соответствующей доказательной лингвоисторической базы, что, в частности, проявляется в отсутствии ссылок, указывающих на источник лексического заимствования.

Следуя традиции предшествующей церковной лексикографии, в ПЦС Г. Дьяченко приводит сведения о языке-источнике заимствования и толковании слова в нем (*Алтарь – от лат. alta и ara – «возвышенный жертвенникъ»*). Наиболее проблемные с точки зрения своего происхождения религиозные слова сопровождаются в ПЦС более или менее подробным этимологическим комментарием (*камилавка, паперть*). Помимо этого, этимологические приемы в ряде словарных статей используются при текстологическом рассмотрении разноязычных версий Священного Писания с целью толкования «темных мест» (*утѣшитель*).

Сопоставление этимологических сведений, приведенных в ПЦС, с соответствующими современными научными данными по этимологии свидетельствует в большинстве случаев о их достоверности. В то же время необходимо отметить, что статьи, содержащие материалы по этимологии, в которых Г. Дьяченко сближает славянские слова религиозной семантики со словами санскрита, требуют к себе критического отношения (*вѣра, грѣхъ*).

6. Знания из области этимологии должны были способствовать, по замыслу Г. Дьяченко, более глубокому раскры-

тию лексических значений лексикографируемых слов. Толкования религиозной лексики являются наиболее сильной стороной ПЦС. При лексикографировании религиозной лексики используются различные виды дефиниций: 1) родо-видовые; 2) партитивные; 3) синонимические; 4) толкования, содержащие указание на цель, предназначение или функцию обозначаемого предмета; 5) толкования, содержащие обобщенную характеристику происхождения обозначаемого предмета; 6) описательные толкования; 7) толкования смешанного типа.

7. В ПЦС описаны многочисленные значения и смысловые оттенки религиозных слов, функционирующих главным образом в библейских или богослужебных текстах (*духъ, душа*). При этом Г. Дьяченко различает дискурсивно-семантические варианты многозначных слов в зависимости от светской и религиозной сфер их функционирования (*всыновленіе*). Расположение религиозных дискурсивно-семантических вариантов многозначного слова подчинено в основном принципу, согласно которому в начале словарной статьи помещаются значения прямые, а затем переносные, что ориентирует читателя, прежде всего, на буквальное восприятие церковных текстов, а затем их аллегорического и типологического осмысление (*агнецъ*).

Диффузный характер семантики многих словоупотреблений создавал объективные сложности в разграничении значений и смысловых оттенков. Этим объясняется определенная непоследовательность, наблюдающаяся в ПЦС по отношению к лексикографированию многозначных слов и омонимов: в одних случаях значения многозначных слов оказываются помещенными в пределах разных словарных статей (*уставъ*), в других случаях, наоборот, под одной вокабулой находятся значения, разошедшиеся исторически или генетически несвязанные (*воздухъ*).

8. Значительная часть толкуемых религиозных слов сопровождается в ПЦС документированным подтверждением их употреблений в церковных текстах. Помимо этого, лексикографируемые слова нередко снабжаются соответствующими языковыми примерами, иллюстрирующими определенную их формальную или смысловую особенность. В этой связи необходимо отметить, что Г. Дьяченко делает ошибки в ряде случаев в определении церковнославянских форм, приводя, как следствие, неверный иллюстративный материал (*подвизатися*).

9. Проведенный лингвотекстологический анализ выявляет факт того, что большая часть словарных статей ПЦС, описывающих религиозную лексику, представляет собой не столько результат самостоятельных научных исследований Г. Дьяченко, сколько компиляцию и редакцию различных лексикографических и текстовых источников, зачастую с обширным дословным их цитированием. Основными словарными источниками для Г. Дьяченко стали – «Церковный словарь» П.А. Алексеева и рукописные материалы «Словаря речений из богослужебных книг» А.И. Невоструева.

10. Несмотря на отмеченные факты, ПЦС закрыл в определенной мере в русской культуре лакуну, связанную с недостаточным словарно-энциклопедическим описанием религиозной лексики, заложив основы для развития отечественной церковной лексикографии и став в то же время необходимым языковым пособием в катехизаторско-миссионерском служении для многих наших религиозных педагогов и просветителей XX века, не потеряв своей значимости и по сей день.

Секция VIII.
Лингвистическая поэтика

Полонизмы в прозе В.П. Аксенова

Н.Е. Ананьева

The Polonisms in the Prose of V. Aksenov

Nataliya E. Ananyeva

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

ananeva.46@mail.ru

Аннотация. В докладе анализируются полонизмы в прозе В.П. Аксенова и их художественные функции.

Ключевые слова: роман, художественная функция, полонизм.

Summary. In this paper are analyzed the Polonisms in the prose of V. Aksenov and their artistic functions.

Keywords: novel, artistic, function, Polonism.

1. Современная русская художественная литература унаследовала от литературы XVIII–XX вв. (и даже более раннего периода) тенденцию использовать в определенных художественных целях элементы польского языка. К этим целям (или функциям) относятся следующие: передача локального колорита и национальная (польская) маркированность персонажа, что способствует усилению реалистичности описываемых событий (представлена в большинстве произведений с полоноязычными элементами); архаизация (в исторических романах: М. Загоскин, А. Бестужев-Марлинский, Ф.В. Булгарин и др.); сатирико-юмористическая (А.П. Чехов, И. Эренбург, И. Ильф и Е. Петров); субституция иного языкового кода (например, чешского в повести И.С. Тургенева «Несчастная»); людическая (например, в романе В.П. Аксенова «Вольтерьянцы и вольтерьянки»); идеологическая (например, в романе «Рожденные бурей» Н. Островского); экземплификация суждений о польском языке (например, в рассказе А.П. Чехова «Тина»), собственно лингвопоэтическая (в некоторых произведениях Н.С. Лескова и др.). Подробнее см., например, в [Ананьева 2017: 249–262].

2. Следует различать: а) генетические полонизмы, вошедшие вследствие длительного воздействия польского языка на русский в общеязыковой фонд русского идиома, и отсутствующие во время создания данного произведения в общерусском языке; б) польские языковые элементы, входящие в традиционный канон полоноязычного интертекста русской литературы (например, восклицания *Матка боска!*; *Як Бога кохам*, лексемы *каплица* «часовня», *бискуп* «епископ», *лайдак* «негодяй», номинации блюд и напитков типа *бигос*, *кава* «кофе» и многие др.), и полонизмы, являющиеся принадлежностью идиостиля данного автора.

3. В романах В.П. Аксенова «Ожог», «Московская сага», «Вольтерьянцы и вольтерьянки» полонизмы используются в трех основных функциях: передача «гения места» и национальной маркированности героев («Московская сага», «Ожог»), людическая («Вольтерьянцы и вольтерьянки»), лингвопоэтическая («Ожог»). В качестве примера рассматривается употребление некоторых полонизмов в романе «Ожог». Так, функция польской маркированности персонажа представлена отдельными фразами полупольки-полуанглички Алисы (традиционный для русской культуры стереотип «прекрасной польской полонянки») и ее приятеля Мачека: *Проше пана, цо то ест за место, где мы пшиехали?*; *мой ойтец поляк, а матка англійка* [Аксёнов 2017: 263]; *Але то не повинно быть!* [Аксёнов 2017: 264]; *Ты ниц не бойся, Алиска! Але мы еще бендземы вдома* [Аксёнов 2017: 266]. Отмечаются русифицированные и некорректные элементы этих польских фраз («*англійка*» − польск. *Angielka*, «*мы пшиехали*» − польск. *przyjechaliśmy* и др.). Ср. также отдельные лексические вкрапления Алисы в русско-английскую речь: *итс импоссибл,* ***мой коханый*** (польск. *mój kochany*); *эти* ***кобеты*** (польск. *kobieta* «женщина») делали со мной ужасные вещи [Аксёнов 2017: 264]. С другой стороны, ряд полонизмов никак не связан с польской тематикой или польскими персонажами, а демонстрирует определенную эстетическую установку писателя, его стремление «щегольнуть» знанием отдельных польских слов, которые, будучи включенными в словесную ткань повествования, выполняют собственно лингвопоэтическую функцию. Ср. обращение к стюардессе (отнюдь не польских авиалиний) одного из пяти главных героев романа как «*Пшепрашем пани*» (вместо «*пшепраш**а**м*» − польск. *przepraszam*) или обращение к зрителям и одновременно читателям романа, где полонизм *паньство* «господа» употребляется наряду с синонимическими средствами других языков: *Леди и джентльмены, уважаемые* ***панство****, дорогие товарищи, перед вами поле боя* [Аксёнов 2017: 480].

4. В докладе рассматриваются также полоноязычные элементы, функционирующие в романах В.П. Аксенова «Московская сага» и «Вольтерьянцы и вольтерьянки».

Литература

Аксёнов В. Ожог. СПб., Азбука, 2017.

Ананьева Н.Е. Польский интертекст в русской литературе XIX–XXI вв. // PAX LATINA & PAX ORTHODOXA: Славистические исследования: История, культура, литература: В честь 80-летия со дня рождения Александра Владимировича Липатова / Отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 249–262.

Авторская фразеология Достоевского: квантитативный аспект*

А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский

Individual phraseology of Dostoevsky: a quantitative approach

A.N. Baranov, D.O. Dobrovol'skij

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) / Vinogradov Institute of Russian Language RAS (Moscow)

baranov_anatoly@hotmail.com, dm-dbrv@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются характеристики авторского употребления фразеологии в произведениях Достоевского.

Ключевые слова: фразеология, авторский стиль, квантитативный анализ.

Summary. The paper discusses specific features of the individual use of phraseology by Dostoevsky.

Key words: phraseology, individual style, quantitative analysis.

Авторский стиль во многом и не без оснований связывается с частотой употребления тех или иных форм. Особенно наглядно это проявляется в сфере фразеологии. Исследование текстов Достоевского показывает, что наиболее частотными фразеологизмами в его произведениях (при абсолютной частоте 100 или выше) являются следующие: *по крайней мере* (4,1)[1], *до сих пор* (3,5), *одним словом* (2,8), *про себя* (1,7), *ради бога* / *бога ради* (1,6), *боже мой* (1,2), *бог знает* (1,1), *ей-богу* (0,8), *мало-помалу* (0,7), *на днях* (0,6), *дай бог* (0,6), *сойти… с ума* (0,5), *дать слово* / *слово дать* (0,5), *точь-в-точь* (0,5), *слава богу* (0,5), *как нарочно* (0,4), *иметь честь* / *честь иметь* (0,4), *два слова* (0,4), *ради Христа* / *Христа ради* (0,4), *вне себя* (0,3).

Сопоставление с писателями того же времени (Л.Н. Толстой, И.А. Гончаров, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.С. Тургенев) показывает, что авторские различия в употреблении этих выражений весьма значительны. Так, оборот *по крайней мере* встречается у Толстого с частотой 0,7, у Гончарова – 1,4, у Салтыкова-Щедрина – 2,1, а у Тургенева – 2, что как минимум, вдвое меньше, чем у Достоевского – 4,1. Аналогично, выражение *одним словом* у Толстого используется с частотой 0,1, у Гончарова – 0,1, у Салтыкова-Щедрина – 1,7, а у Тургенева – 0,2, что существенно ниже, чем у Достоевского – 2,8.

Такое частотное распределение не в последнюю очередь объясняется тем, что для индивидуального стиля Достоевского, во-первых, характерно внимание к внутреннему миру человека – сфере эмоций, переживаний, размышлений. Описание этой сферы требует использование форм, которые, обрамляя пропозицию, передают комплекс модальных смыслов (*как нарочно, про себя, сойти... с ума, вне себя*). Во-вторых, сложность мира порождает множественные сомнения у персонажей Достоевского в правильности его восприятия и осмысления. Отсюда широкое использование семантических ограничителей, ослабляющих в дискурсе категоричность пропозиции, к которым относятся выражения *по крайней мере, бог знает, одним словом.*

Именно поэтому для Достоевского характерно использование дискурсивных единиц, к которым относятся некоторые из указанных фразеологизмов.

Кроме чисто дискурсивных единиц, в докладе обсуждаются употребления полифункциональных форм, имеющих и недискурсивные значения (*одним словом, дай бог*).

Иноязычная лексика как вид языковой игры (на примере творчества Михаила Жванецкого)

С. Бичак

Foreign vocabulary as a kind of language game (on the example of the works of Mikhail Zhvanetsky)

Swietlana Biczak

Силезский университет в г. Катовице (Польша,) / University of Silesia in Katowice (Poland)

swietlana.biczak@us.edu.pl

Аннотация. В своих произведениях писатель-сатирик М. Жванецкий неоднократно применяет такой вид языковой игры, как использование лексических заимствований. Они служат проявлением категории чуждости, могут также являться средством информации о национальности героев. Помимо прочего, они придают тексту экспрессивность и престижность, выражают оценку и являются средством создания комизма.

Ключевые слова: лексические заимствования, комизм, языковая игра, Жванецкий, категория чуждости.

Summary. In his works, the writer-satirist M. Zhvanetsky repeatedly applies this kind of language game, such as the use of lexical borrowings. They serve as a manifestation of the category of alienation, they can also be a means of information about the nationality of the characters. Among other things, they give the text expressiveness and prestige, express an appreciation and are a means of creating a comic.

Key words: lexical borrowings, comic, language game, Zhvanetsky, category of alienation.

Слова и словосочетания, заимствованные из иностранных языков, являются одними из значимых языковых средств, используемых в художественной литературе. Применение автором сатирических произведений иноязычной лексики как средства создания комизма следует рассматривать как один из видов языковой игры. Надо при этом учитывать, что понимание языковой игры вне креативной деятельности невозможно.

Иноязычная лексика используется в произведениях Жванецкого, в частности, как средство представления национальности героев. Жванецкий начал писать сатирические миниатюры в 60-е годы, то есть еще в советское время, в Одессе. Будучи многонациональным городом, Одесса говорила на множестве языков. Каждый из них внес свою лепту в формирование так называемого одесского языка, на котором говорят герои одесских рассказов. В результате этого он изобилует всевозможными иноязычными заимствованиями на всех языковых уровнях. На лексическом уровне языком-донором является в первую очередь украинский язык, что является очевидным, так как Одесса находится на территории Украины. Заимствование целых фраз из украинского языка служит характеристике целого класса управленческого аппарата Одессы 60-х годов, его происхождения и образованности. Другими языками, оказавшими влияние на одесский язык, являются идиш, французский, английский, польский и другие.

В рассказах, героями которых не выступают жители Одессы, заимствования встречаются гораздо реже, и они выполняют другие функции. Одной из целей использования

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (No 17-01-00158 и No 18-012-00131).

[1] На 10 тыс. словоупотреблений.

заимствований является придание высказыванию престижности. «В новых словах присутствует какая-то трудноуловимая аура, привлекательность актуальности и новизны» [Кронгауз 2007: 37]. Однако, использующий иностранное выражение не всегда знает его значение, что порождает комизм. М. Жванецкий применяет это в качестве сатирического высмеивания действительности 60-х годов.

В рассказах постсоветского периода встречаются заимствования из немецкого языка. Жванецкий использует их как «сигналы чуждости», с помощью которых высмеивает стереотип русского, переехавшего в Германию и сразу же забывшего свой родной язык.

Творчество Михаила Жванецкого представляет собой очень сложное и многогранное явление. Его специфика заключается в разнообразии языковых приемов, реализуемых средствами всех уровней языковой системы. В своих произведениях писатель-сатирик М. Жванецкий неоднократно применяет такой вид языковой игры, как использование лексических заимствований. Они служат проявлением категории чуждости, могут также являться средством информации о национальности героев. Помимо прочего, они придают тексту экспрессивность и престижность, выражают оценку и являются средством создания комизма.

Литература

Жванецкий М.М. Собрание произведений в пяти томах. Том 5. Двадцать первый век. М.: Время, 2007.

Коптякова Е.Е. Германия в национальных стереотипах русских и американцев // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 129–132.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак; Языки славянских культур, 2007.

Лилиенталь Г.Г. К вопросу о возможности разграничения лингвистического и ситуативного юмора // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2014. Сер. 9. Вып. 2. С. 113–120.

Мечковская Н.Б. Феномен «смешного» в речи, его языковые первоэлементы // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2007. С. 140–153.

Найдич Л.Э. След на песке. Очерки о русском языковом узусе / СПб.: СПбГУ, 1995.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Сафонова Е.В. Формы, средства и приемы создания комического в литературе // Молодой ученый. 2013. № 5. С. 474-478.

Язык Ф. М. Достоевского как язык фантастического реализма

А.В. Варзин

Language of Dostoevsky as a language of fantastic realism

Aleksey V. Varzin

Ивановский государственный университет, Шуйский филиал / Shuya Branch of Ivanovo State University

alex.varzin@yandex.ru

Аннотация. В статье предлагается взгляд на язык Ф. М. Достоевского как на особую выразительную систему, органично соответствующую творческому методу писателя.

Summarv. The article offers a look at the language of F. M. Dostoevsky as a special expressive system, organically corresponding to the creative method of the writer.

Ключевые слова: Достоевский, стиль, фантастический реализм.

Keywords: Dostoevsky, style, fantastic realism.

Достаточно устойчивое представление о Ф. М. Достоевском как о писателе, в произведениях которого гениальные мысли выражаются языком, весьма далеким от идеала, существенно корректируется современной филологией. Этому немало способствовали работы видных отечественных ученых: Д.С. Лихачёва, Ю.Н. Караулова, Н.Д. Арутюновой, Н.А. Николиной, И.В. Ружицкого и других.

В нашем исследовании язык Ф. М. Достоевского мы представляем как особую выразительную систему, органически соответствующую творческому методу писателя, названному самим Достоевским «реализмом в высшем смысле», а в современном литературоведении нередко определяемому как «фантастический реализм». Последнее определение опирается на суждения писателя о литературе и о том, что должно быть предметом изображения в словесном искусстве.

Признавая первостепенно важным для «подлинного реалиста» не описание «случайностей быта», а раскрытие глубин души человеческой, Достоевский вступал на сложный путь поисков «человеческого в человеке». Именно это определяло его интерес к феномену *исключительного*, к отклонениям от повседневно-заурядного, размеренно-устойчивого в жизни общества и отдельных личностей. Парадоксальное открытие писателя состояло в том, что подлинная суть «человеческого» раскрывается в моменты потрясений, вскрывающих то, что в состоянии покоя оказывается надежно скрытым не только от социума, но и от самого человека. Вот почему слишком «буквальное» прочтение произведений Достоевского оставляет у иных неискушенных читателей ощущение погружения в мир разрушительной рефлексии, психопатологий и мучительства. Тяжелые страдания и скандалы как неизменная форма самораскрытия героев, ужасы преступлений и больная совесть, воинствующий атеизм и мучительные поиски Бога и веры – все это особый художественный мир Достоевского. И язык произведений писателя органично соответствует этому миру, «сприроден» ему.

Современников писателя возмущали «разговорность» и «неправильность» языка Достоевского, «торопливость» слога, парадоксально соседствующая с очевидными длиннотами, лексическими и синтаксическими повторами, уточнениями и корректировкой уже сказанного, нарушениями лексической сочетаемости и постоянным балансированием на грани (а иногда и за гранью) правильности речи. Однако все эти, как казалось многим, очевидные «недостатки» стиля писателя незаметно для самого читателя погружают его в тот самый мир «фантастического реализма», который был и остается предметом множества толкований и интерпретаций.

Подобно тому, как герои Достоевского всецело отдаются поглощающим их идеям, стиль писателя оказывается всецело поглощенным живой языковой стихией, выплескивающейся за рамки статичного, самодовлеющего слова и литературной правильности грамматических конструкций.

Рассказчики в произведениях Достоевского жалуются на невозможность адекватного самовыражения. Передавая состояния героев, писатель регулярно пользуется операторами «кажимости» *как бы, как будто, точно* и т.д. Происходящее, таким образом, воссоздается через призму восприятия весьма далекого от всезнания внешнего наблюдателя, который еще и сомневается в точности передачи собственных впечатлений. Этот момент «недознания» и недостаточной эксплицированности сообщений усиливают заполняющие тексты Достоевского единицы поля неопределенности, в том числе регулярно занимающие позицию субъекта неопределенные местоимения. Устранение определенности субъекта создает впечатление неподконтрольности воле человека происходящего с ним. В результате ответственность за происходящее возлагается на силу, пребывающую вне сознания пишущего. Природу этой силы, в свою очередь, раскрывают конструкции с замещающим позицию субъекта абстрактным существительным (*зло, жалость, горе, тоска* и т.д.). И особенность фантастического реализма Достоевского – способность «оживлять» стершуюся метафоричность через буквальное прочтение. Общий философский контекст заставляет по-новому звучать ставшие обыденными сочетания, активизируя компоненты смысла, закрытые повседневным употреблением. (Так, к примеру, происходит с семан-

тикой идиомы «зло берет» в высказывании Федора Павловича Карамазова: «Меня, брат, зло берет. Ведь коли Бог есть, существует, – ну, конечно, я тогда виноват и отвечу».)

Необходимо отметить и особое звучание в контексте дискурса Достоевского конструкций синтаксиса неуправляемых действий, в которых позиция субъекта замещается именем «представителя» владеющей человеком силы («глупый дьявол», «страшный и ужасный демон» и т.п.). Религиозный смысл, стоящий за синонимическим рядом наименований «лукавого» (*черт, сатана, бес, дьявол, демон, дух нечистый, страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия*), оживляет семантика богато представленных у Достоевского библейских словообразов (*Бог, Христос, Мадонна, Иерусалим, Лазарь, Иуда, Каин, Иов, Кана Галилейская, блудница, мытарство, искушение, грех, рай, ад* и др.). Как итог – параллельность метафорического и неметафорического словоупотребления создает условия для буквального восприятия информации, закодированной в конструкциях с именем представителя владеющей человеком силы. Реальный деятель предстает как псевдоагенс: он лишь формальный исполнитель воли сверхъестественного. А ситуация «минус-контроля» вовсе не обязательно означает «бесовскую одержимость». Человек может становиться и проводником Божественной воли. При этом и в том, и в другом случае переход от естественного к сверхъестественному может маркироваться лексемами-ограничителями в условиях семантической неопределенности.

К сказанному добавим значимую для писателя и его героев идею об ограниченности возможностей сугубо рационального познания мира. На выражение этой идеи «работает» и такое знаковое для писателя сочетание, как «мысль почувствовать», настойчиво повторяющееся в его произведениях.

Таким образом, за «разговорным» и «неправильным» языком Достоевского проступает сложное концептуальное пространство. «Фантастический» реализм писателя оказывается реализмом христианским, открывающим реальность души человеческой и реальность потустороннего мира, в единстве с которым человек пребывает и в мире дольнем, даже если сам он этого единства и не ощущает.

Русский фольклор Казахстана: собирание, изучение и современное бытование

Г.И. Власова

Russian folklore of Kazakhstan: collecting, researching and contemporary existence

Galina I. Vlassova

Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова (Астана) / Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University (Astana)

g_vlasova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению истории заселения русскими переселенцами Казахстана и специфики локальной традиции. Рассматривается фольклорно-этнографическое и региональное обследование русского фольклора в Казахстане, степень изученности разных жанров народной культуры. Анализируются наиболее представительные сборники русского и славянского фольклора, изданные в Казахстане. Выявляются фольклорный репертуар, актуализированные жанры фольклора и специфика славянской фольклорной традиции региона.

Ключевые слова: фольклор, фольклористика, народная культура, собирание, изучение, бытование, традиция, жанры, сборник.

Summary. The article is devoted to revealing the history of Russian immigrant settlements in Kazakhstan and the specifics of the local tradition. Folk-ethnographic and regional survey of Russian folklore in Kazakhstan and the degree of researching various genres of folk culture are considered here. The most representative collections of Russian folklore published in Kazakhstan are analyzed. The folklore repertoire, the updated genres of folklore and the specifics of the Slavic folklore tradition of the region are revealed.

Keywords: folklore, folklore studies, folk culture, collecting, researching, existence, tradition, genres, collection.

Судьба русского фольклора в инокультурном окружении – одна из актуальных проблем современной фольклористики. На формирование славянского населения оказали влияние переселение государственных крестьян, строительство Иртышской и Горькой казачьих укрепленных линий, депортация, освоение целинных и залежных земель, внутренние миграционные процессы. Регион заселялся компактными группами выходцев из Пермской, Тобольской, Самарской, Саратовской, Оренбургской, Курской, Воронежской, Пензенской губерний России, а также из Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний Украины. В русско-украинских старожильческих и целинных поселениях сформировался определенный культурно-бытовой уклад, в котором фольклорная традиция была представлена как этнически выраженными произведениями, так и унифицированными.

Своеобразный «этнический котел» славянских поселений в Казахстане во многом являет региональную и локальную традицию, представляющую соединение элементов традиции мест первичного бытования и элементов, адаптированных и трансформированных на новой почве.

В Казахстане русский фольклор представлен в компактных «фольклорных гнездах» – в бывших казачьих станицах и старожильческих смешанных поселениях, где «энергия саморазвития» первопоселенческого фольклора реализовалась в аутентично бытующих обрядах и текстах. Вплоть до 1930-х гг. на новой территории сохранялся культурно-бытовой и хозяйственный уклад славянских поселений, и фольклор был адекватен «жизненному циклу» казаков и крестьян. Если в первой и отчасти во второй половине XX века русский фольклор бытовал в аутентичной форме, то на рубеже столетий наблюдается его трансформация и разрушение. Но одновременно наблюдается и относительная консервация фольклорного наследия исторической родины. Природная уживаемость этносов, населяющих Казахстан, своеобразие фольклорной памяти отчасти предопределяют как сохранность, так и живое бытование некоторых форм народной культуры.

Систематическое обследование русского фольклора началось в 1978 году с введением полевой практики на филологических факультетах вузов. Основная цель собирательской работы была связана с выявлением форм активной жизни фольклора, исторических судеб различных жанров, с постановкой проблемы наличия единой фольклорной традиции в регионе. Научные центры изучения русского фольклора (Алматы – КазНУ) и университеты городов Казахстана (Астаны, Кокшетау, Павлодара) занимаются региональным исследованием современной бытующей фольклорной традиции. В центре научного интереса казахстанских фольклористов находятся такие жанры русского фольклора, как необрядовая лирика, обрядовая поэзия, сказочная и несказочная проза, детский фольклор, малые жанры, фольклор яицких казаков.

Во второй половине XX века в полевой и теоретической фольклористике утверждается такой способ публикации и исследования материала, который отражает, в первую очередь, локальную традицию. Одним из представительных в казахстанской фольклористике до настоящего времени является сборник «Русский фольклор Восточного Казахстана» [Багизбаева 1991]. Итогом 30-летней собирательской работы Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева стал сборник «Славянский фольклор Акмолинской области» [Славянский фольклор Акмолинской области… 2007].

Изучение фольклорной традиции Северного и Восточного Казахстана в течение пятнадцати лет проводит филологический факультет Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова. Обследованием были охвачены старожильческие села Акмолинской, Северо-Казахстанской и Восточ-

но-Казахстанской областей, в основном бывшие казачьи станицы и смешанные казачье-крестьянские поселения. По материалам экспедиций кафедра филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова издала сборник «Славянский фольклор Северного Казахстана» [Славянский фольклор Северного Казахстана… 2008]. Казахстанская полевая фольклористика выработала определенную методику описания бытующей фольклорной традиции – комплексный анализ бытования, исполнения и текста произведения в сопряжении с культурным ландшафтом и фольклорно-этническим сознанием этноса. Русский фольклор Казахстана представлен комментированными публикациями наиболее интересных экспедиционных материалов.

Анализируя специфику бытования фольклорной традиции в Казахстане, следует сказать о том, что в настоящее время славянский фольклор в регионе бытует и записывается (преимущественно от представителей старшего поколения), претерпевает все те изменения, которые характерны и для фольклора метрополии. Наибольшей устойчивостью и самобытностью отличается фольклорный репертуар бывших казачьих станиц и старообрядческих сел. Актуализированные жанры фольклора (календарные и семейные обряды, песенная лирика, устные рассказы, предания и легенды) в силу своей приспособляемости к новой социокультурной ситуации продолжают бытовать в живой традиции и во вторичном проявлении.

Литература

Багизбаева М. М. Русский фольклор Восточного Казахстана. Алматы, 1991.

Славянский фольклор Акмолинской области (на материале фольклорных экспедиций 1978–2006 гг.) / Ответ. редактор и составитель Г.И. Власова. Астана, 2007.

Славянский фольклор Северного Казахстана (на материале фольклорных экспедиций Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова 2003–2007 гг.): В 2-х т. / Ответ. редактор Г.И. Власова. Астана, 2008.

Языковые маркеры текстовой категории пространства в малой прозе В. Маканина

Н.А. Данилова

Language markers of the representation of a category of space in Vladimir Makanin's small prose

N.A. Danilova

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск) /
South-Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk)

natdjune@mail.ru

Аннотация. В данной статье проанализированы языковые средства выражения текстовой категории «пространство». На материале рассказов и повестей В. Маканина представлены основные особенности языковых средств репрезентации пространства, которые позволяют выразить художественную идею произведений.

Ключевые слова: малая проза, хронотоп, пространство, текстовая категория, языковые маркеры, Маканин.

Summary. This article analyzes the language means of expressing the text category «space». The main features of the linguistic means of representation of space, which allow to express the artistic idea of the pieces, are presented on the material of the stories of V. Makanin.

Keywords: small prose, chronotope, space, text category, language marker, Makanin.

Время и пространство являются фундаментальными категориями художественного текста. В текстах В. Маканина выстраиваются особые пространственно-временные отношения, способствующие выражению авторских идей.

Текстовая категория пространства в малой прозе В. Маканина маркируется различными языковыми средствами.

1. Самый частотный языковой маркер – **существительные с пространственным значением**, для автора характерно употребление в одном тексте лексем с противоположным значением, создание смысловых пространственных оппозиций, реализующихся на уровне языка.

Существительные характеризуют параметры пространства:

– **узкое, закрытое**: лексемы *коридор, лаз, лабиринт* в составе метафор с соматизмами (*горловина, кишки*): *…он перешел на ту сторону, куда теперь бежали коровы, устремляясь в узкую горловину коридора».*
– **широкое, открытое**: *улица, поле, степь, горы*, чаще пространство природное, свободное от влияния человека. Только вне пространства квартиры герои – жители города могут ощущать себя частью чего-то важного, общечеловеческого: *…Он раскрывает пошире окно, распахивает – вот он весь перед Богом….*

Важными являются лексемы *дверь* и *окно* как обозначения границы между открытым и закрытым пространствами.

– **пустота, незаполненность**: слово *пустота* встречается в текстах как характерная черта внешнего пространства, окружающего героя, и внутреннего пространства, описывающего его душевное состояние. Пустота пугает персонажа, от пустоты он бежит: *«…выйдя, скажем, утром на улицу и заметив, что он посреди улицы в эту минуту один, скорым шагом преодолевал пустое место и торопливо выходил к троллейбусу».*
– **теснота, заполненность**: *кухня, закуток, кладовка* и т.д. В. Маканин на синтаксическом уровне показывает загроможденность человеческого мира вещами, используя ряды однородных членов, описывая каждую деталь комнаты – человеческой жизни, заполненной бытом.
– **высота**: природные образы (*небо, горы*). Герои Маканина выходят на улицу и смотрят вверх, на небо, задавая себе важные вопросы. Это пространство характеризуется автором как недостижимое, непокоренное, недоступное обычному человеку, ускользающее от него: *…Он шел, глядя вверх, и думал, что звезд полным-полно, и небо огромно, и звезды эти видели и перевидели столько человечьих удач и неудач, что давным-давно отупели и застыли в своем равнодушии».*
– **глубина**: образы, связанные с землей, но искусственные, созданные человеком (*лаз, яма, могила, пещера*), которые более привычны и доступны человеку, чем небо.

Топонимы употребляются редко, но в произведениях прослеживается важная для автора оппозиция «город – деревня». Принадлежность к одному из этих пространств влияет на мироощущение персонажей: *…как человека, откуда-то приехавшего (из деревни ли, из другого ли города: из другого сорта тесноты), спрашивали: «Ну как там?» – и улыбались.*

2. **Глаголы** со значением движения в пространстве реализуют несколько авторских идей:

– подчеркивают неконтролируемость перемещений, неупорядоченность, хаотичность жизни (*несло, вело, кружило*);
– реализуют идею повторяемости событий: *возвращаться, кружиться*;
– показывают сложность поиска человеком собственного места в жизненном пространстве: *втискиваться, вкручиваться, влезать, впихнуть*: *…Горловина узка. Тело Ключарева делает умелое вращательное движение, вкручивается.*

Семантика таких глаголов, как *жить, существовать, быть* иногда намеренно сужается автором до «заполнять собой пространство».

3. **Наречия** обозначают осмысление героями движения: оппозиция «*близко – далеко»* измеряется ощущением времени, а не зрительно.

4. **Предлоги** с пространственным значением также выстраиваются внутри произведений в смысловые оппозиции «в – из», «над – под».

5. Важность пространства, окружающего персонажей Маканина обусловила активное использование в текстах **пространственных метафор**, обозначающих человеческую жизнь в целом: *…Тут Игнатьев впервые, кажется, подумал про реку с быстрым течением. Мысль была как подсказанная. «Экая быстрая река – жизнь. Сносит течением – и все тут дела».*

Таким образом, текстовая категория пространства в произведениях В.С. Маканина реализуется с помощью различных языковых средств и является способом выражения мироощущения героев и авторских идей.

Литература

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: Учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2009.

Маканин В.С. Избранная проза. СПб.: Искусство–СПБ, 2008.

Чернухина И.Я. Элементы организации художественного текста. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984.

Что и *как* пьют герои Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского

О.А. Димитриева

What and *how* N.S. Leskov and F.M. Dostoyevsky's characters drink

O.A. Dimitrieva

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (Чебоксары) /
I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University (Cheboksary)

olgaal_79@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются некоторые особенности культуры пития, ее образная интерпретация в произведениях Лескова и Достоевского. Индивидуально-авторское мировидение рисует свой ракурс, свой взгляд, свой вакхический «возможный мир».

Ключевые слова: Н.С. Лесков; Ф.М. Достоевский; культура пития; национальный характер; менталитет.

Summary. The report discusses some features of the culture of drinking, its figurative interpretation in the works of Leskov and Dostoyevsky. The individual author's worldview draws its own perspective, its own view, its own "possible world".

Keywords: N. S. Leskov; F. M. Dostoyevsky; culture of drinking; national character; mentality.

Картина мира автора, представленная в художественном тексте, прежде всего эксплицирует ценностные характеристики, идеи, важные для понимания автора, которые вербализуются в т.н. «идиоглоссах» (см. [Караулов 2001; Ружицкий 2015; Елистратов, Ружицкий 2018]).

По-разному разрешается Лесковым и Достоевским вакхическая сфера (подробнее см. [Димитриева 2017; Димитриева 2018]. М.М. Бахтин пишет о двухголосом слове Достоевского и о «социально чужом слове, социально чужом мировоззрении» Лескова [Бахтин 1963: 257]. Культура пития особым образом соотносится с понятием веры: достаточно вспомнить разговор Мармеладова и Раскольникова и предполагаемую речь Христа в устах первого: …*Выходите, пьяненькие, выходите, слабенькие, выходите, соромники* (Преступление и наказание) и связь вероисповедания и пития спиртного в рассказах Лескова.

То, что в художественном мире Ф.М. Достоевского особенным образом репрезентировано шампанское, не оставляет сомнений (см. таблицу). Показательны несколько ключевых моментов из «Братьев Карамазовых»: 1) Иван велит подать шампанского, чтобы «отпраздновать… первый час свободы»; 2) Митя Карамазов заказывает в т.ч. шампанское для поездки в Мокрое (чтобы после устраниться); 3) Ракитин приводит Алешу и требует в награду шампанского; Груша выпивает бокал и разбивает его, решаясь на встречу со своей бывшей любовью. Шампанское «проявляет себя» в нескольких ипостасях, которые можно представить в виде бинарных оппозиций: 1) **«шампанское – водка»**. Сравним два примера из «Скверного анекдота»: (1) *Сидели они* [три мужа в генеральских чинах] *вокруг маленького столика, каждый в прекрасном,* ***мягком кресле****, и между разговором* ***тихо и комфортно потягивали шампанское****. Бутылка стояла тут же на столике в серебряной вазе со льдом*; (2) на свадьбе Пселдонимова: *Он* [«сотрудник»] *прямо пробрался в привлекательную* ***заднюю комнатку****, где для танцующих кавалеров, еще с начала вечера, поставлена была на маленьком столике, накрытом ярославскою скатертью,* ***водка двух сортов****…*; 2) **«богатый – бедный»**: стоимость шампанского для Пселдонимова (*оно слишком дорого для чиновника с десятью рублями жалованья*); 3) **«жизнь – смерть»**: в «Дневнике писателя. 1880 год» Достоевский приводит отрывок о самоубийстве дочери эмигранта: *В том же октябрьском № я сообщил о самоубийстве дочери эмигранта: «Она намочила вату хлороформом, обвязала себе этим лицо и легла на кровать. Так и умерла. Пред смертью написала записку: „Предпринимаю длинное путешествие. Если самоубийство не удастся, то пусть соберутся все отпраздновать мое воскресенье из мертвых с* ***бокалами Клико****. А если удастся, то я прошу только, чтоб схоронили меня, вполне убедясь, что я мертвая, потому что совсем неприятно проснуться в гробу под землею. Очень даже не шикарно выйдет"»*; и далее автор дает комментарий о шампанском: *Написала же она о шампанском из желания сделать, умирая, какой-нибудь выверт померзче и погрязнее. Потому-то и выбрала* ***шампанское****, что грязнее и мерзче этой картины пития его при своем «воскресении из мертвых» не нашла другой.* Здесь вспоминается история Ипполита («Идиот»), который читает свой дневник и мечтает к утру застрелиться, но перед чтением пьет шампанское; или юноши-самоубийцы в «Бесах»: *Возвратясь в нумер уже около полуночи, он потребовал* ***шампанского****, гаванских сигар и заказал ужин из шести или семи блюд*. В «Преступлении и наказании» Раскольников сравнивает пролитую кровь с шампанским: *– Брат, брат, что ты это говоришь! Но ведь ты* ***кровь*** *пролил! – в отчаянии вскричала Дуня. – Которую все проливают, – подхватил он чуть не в исступлении, – которая льется и всегда лилась на свете, как водопад, которую* ***льют, как шампанское****, и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества*.

В произведениях Лескова встречаются окказиональные (подробнее о роли окказионализмов см. [Головачева 2001]) наименования спиртного: *разговорец* (Очарованный странник), *добавочная ординария* (Однодум), *безделица* (Леди Макбет Мценского уезда), *клюко* и т.д.

Достоевский передает переломные в нравственном отношении моменты в т.ч. и через вакхическую лексику, для Лескова связываются понятия «своя вера – чужая», «свой мир – иной» (идея движения, перемещения в иной мир – выходы Ивана Флягина, размачивание души магнетизера).

Таблица. Число вхождений данных наименований по данным НКРЯ.

	водка	шампанское	пиво	вино	наливка	коньяк	мадера	ликер	ром	пунш
Достоевский	100	122	17	269	4	22	2	3	7	10
Лесков	113	29	44	271	14	2	10	3	16	5

Литература

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.

Головачева О.А. Окказионализмы в идиолекте Н.С. Лескова: модели и способы создания, функции слов признаковой лексики: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 2001.

Димитриева О.А. Глаголы с семантикой ‘употреблять спиртное’ в произведениях Н.С. Лескова // Грамматические исследования поэтического текста. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2017. С. 150–152.

Димитриева О.А. Концепт *винопитие* в художественной прозе Ф.М. Достоевского // Фортунатовские чтения в Карелии: В 2 ч. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. Ч. 2. С. 18–20.

Елистратов В.С., Ружицкий И.В. Когда у Достоевского и Лескова дважды два не равно четырем // Лингвистика креатива-4. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. С. 282–333.

Караулов Ю.Н. Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского // Слово Достоевского. 2000. М.: Азбуковник, 2001. С. 424–444.

Ружицкий И.В. Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление: Дисс. … доктора филол. наук. М., 2015.

Система «ударных слов» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

А.В. Злочевская

System of “Accent Words” in the Novel of F.M. Dostoevsky “Crime and Punishment”

Alla V. Zlotchevskaya

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

zlocevskaya@mail.ru

Аннотация. Слово в «Преступлении и наказании» многократно повторяясь и варьируясь в своих многочисленных и разнообразных образно-понятийных и ассоциативных связях, рождает «ударный» образ, который существует как понятие, тема и мотив, а также на уровне образа персонажа. Бытие многозначного и многомерного слова-образа организует сложную внутреннюю композицию романов Достоевского, их лексико-стилистическую плоть – в ней автор воплощает свою религиозно-философскую и нравственную позицию.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», «ударные слова», русская литература, проза.

Summary. A word in “Crime and Punishment”, as it repeats and changes itself in its multiple and various image-concept and associative connections, produces an “accent” image, which exists as a notion, theme and motif, and also as a charachter. The life of the poly-semantic and poly-dimentional word-image organizes the complex innter structure of Dostoevsky's novels and their lexico-stylistic flesh, which embodies the author's religious-philosophical and moral position.

Keywords: F.M. Dostoyevsky, “The Crime and Punishment”, "Accent Words”, Russian literature, prose.

Система «ударных слов» – одно из ключевых понятий в поэтике Ф.М. Достоевского.

В романах из «великого пятикнижия» Достоевского слово, многократно повторяясь и варьируясь в своих многочисленных и разнообразных образно-понятийных и ассоциативных связях, рождает «ударный» образ, который существует как **понятие**, **тема** и **мотив**, а также как образ **персонажа**.

Далее слова группируются в более сложные образно-понятийные комплексы с четкой иерархически организованной внутренней структурой. В «Преступлении и наказании» это мегакомплексы **БОГА** и **ДЬЯВОЛА**.

Образно-понятийный мегакомплекс **ДЬЯВОЛА** и синонимичные ему макрокомплексы **ЗЛА** и **СМЕРТИ** обладают сложной внутренней структурой. Один из важнейших элементов макрокомплекса **СМЕРТИ –** образ-мотив **болезни**, начатый уже первыми фразами, «рекомендующими» главного героя. В дальнейшем тема **болезни** сопутствует Раскольникову: *лихорадка*, *озноб*, внезапная *слабость*, сменяющаяся столь же мгновенным *истерическим* воодушевлением, *обмороки* и состояния *беспамятства*, *бред* и т.п. На окружающих герой производит впечатление *тяжело больного*, настойчиво дебатируется вопрос о возможном его *помешательстве*. В последней стадии чахотки Катерина Ивановна, «увечно и косноязычно» семейство Капернаумовых, а Соне каждый день грозит *больница.* Болезненна, перенасыщена миазмами **СМЕРТИ** атмосфера, в которой живут герои. Возникнув на первых страницах, мотивы *жары* и *духоты* присутствуют уже постоянно, обретая символический смысл. Во сне видит себя Раскольников в *пустыне*, а наяву его все время мучает *жажда*. Болезненной атмосфере *жары* и *духоты* соответствует и цветовая гамма желтого цвета. Слова однородного семантического поля (*лихорадка, ипохондрия, озноб, истерика, бред* и т.п.) объединяются, по ассоциативно-смысловому принципу, со словами пограничного семантического поля (*помешательство*) и со слово-образами (*жара, духота, жажда, желтый цвет*) в единый образно-семантический комплекс ***болезни***, который, в свою очередь, по смыслу связан с макрокомплексом **СМЕРТИ**. Таков внутренний механизм формирования образно-понятийных мега- и макрокомплексов в «Преступлении и наказании».

Помимо **болезни**, макрокомплексы **ЗЛА** и **СМЕРТИ** включают в себя комплексы ***бедности*** (**нищета** – *скудное питание, лохмотья, копейки* и др.), ***преступления*** (**насилие** – *убийство, самоубийство, топор, Наполеон*; *разврат, растление; грабеж, деньги* и др.), **эгоизма** (**злоба**, **нетерпение**, **уединение** – *угол, каморка, скорлупа* и др.), ***фантазия*** (*«идея», мечты, сны, математика-арифметика* и др.), Внешняя форма бытия мегакомплекса **ДЬЯВОЛА** – ***безобразие*** как форма проявления внутреннего **беспорядка** (**подлость** – *Лужин, ростовщица, паук, вошь* и др.).

Противоположный, положительный образно-понятийный мегакомплекс **БОГА** формирует макрокомплексы **ДОБРА** и **ЖИЗНИ**, включающие в себя три комплекса: **любовь** (**терпение, жертвенность, страдание** – *кляча, кроткие глаза, Соня, Лизавета* и др.), **дети** (*дети Катерины Ивановны, уличная певица, девочка-самоубийца, невеста Свидригайлова* и др.) и **народ** (*Миколка, народ на улицах* и *на каторге* и др.), а также в **евангельской символике** (*Евангелие, воскрешение Лазаря, крест, Голгофа*, *Капернаумовы*, *блудница*, *разбойник*, *фарисей* и др.), каждый из которых организован системой иерархически структурированных тем и мотивов.. Эстетическая форма их бытия – ***красота*** (*Мадонна, Шиллер, Дунечка* и др.)

Лексические комплексы взаимодействуют, переходя из одного комплекса в другой, как по принципу понятийно-образных ассоциаций, так и в результате переплетения их семантических полей.

Лексические мегакомплексы **БОГА** и **ДЬЯВОЛА** формируют в «Преступлении и наказании» положительный и отрицательный полюсы – центры ***Утверждения*** и ***Отрицания***, а герои Достоевского живут в фокусе сверхвысокого напряжения магнитных силовых линий, возникающего между полюсами мирового **ДОБРА** и **ЗЛА**. Если на видимом уровне повествования борьба идет между силами **ЖИЗНИ** и **СМЕРТИ**, то на уровне мистического подтекста перед нами напряженное противостояние сил мирового **ЗЛА**, влекущими человека к **СМЕРТИ** и за которыми стоит **ДЬЯВОЛ**, и открывающими ему путь к **ЖИЗНИ** силами **ДОБРА**, за которыми стоит **БОГ**.

Бытие многозначного и многомерного слова-образа организует сложную внутреннюю композицию романов Достоевского, их лексико-стилистическую плоть – в ней автор воплощает свою религиозно-философскую и нравственную позицию. Стихия художественного животворящего Слова царит в мире Достоевского.

Литература

Арбан Д. «Порог» у Достоевского (Тема, мотив и понятие) // Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. Г.М. Фридлендера. Л.: Наука, Т. 2. 1976. С. 19–29.

Тихомиров Б.Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2016.

Чирков Н.М. О стиле Достоевского. М.: Наука, 1967.

Чичерин А.В. Сила поэтического слова. М.: Советский писатель, 1985.

Растительные образы Псалтири: аллегорический потенциал и метафорическая реализация

Г.В. Калиткина

Plant Images of the Book of Psalms: Allegorical Potential and Metaphoric Representation

GalinaV. Kalitkina

Томский государственный университет / Tomsk State University

dasty2@yandex.ru

Аннотация. Среди аллегорий Псалтири значительное место занимают растительные образы. Аллегорическое словоупотребление в текстах псалмов дало толчок семантической эволюции ряда лексем в церковнославянском и русском языке, и она завершилась закреплением переносных значений и пополнением словарного состава. Сегодня именные и глагольные растительные метафоры специфически вербализуют темпоральное преломление семиотической оппозиции «начало / конец».

Ключевые слова: псалмы, аллегория, метафоризация, фитонимы, фитоморфонимы.

Summary. Among the allegories of the Book of Psalms, plant images occupy a significant place. Allegorical word usage in the text of the psalms caused semantic evolution of a number of words in Church Slavonic and Russian. The evolution ended with the fixation of figurative meanings and the replenishment of the vocabulary. Today, nominal and verbal plant metaphors specifically verbalize the temporal aspect of the semiotic opposition «beginning / end».

Keywords: psalms, allegory, metaphorization, phytonyns, phytomorphonyms.

Книга Псалмов является наиболее цитируемой частью ветхозаветного наследия в Новом завете. На церковнославянский язык она была переведена с Септуагинты уже к IX в. Почти до конца XIX в. чтением Псалтири завершалось в России образование большинства детей из низших сословий.

Поэтический язык псалмов, формировавшийся приблизительно в X–II вв. до нашей эры, содержит многочисленные иносказания, которые передают мысли псалмопевцев «прикровенно», создавая разницу между планом выражения и планом содержания. Образы, символы, аллегории Псалтири порождены ветхозаветной религиозной и хозяйственной практикой. Оязыковляющие их лексемы в псалмической поэзии меняют свою референцию. Часть таких непрямых значений постепенно получила закрепление в семантической системе ряда языков, расширив их словарь. К ним относятся, например, церковнославянская и русская лингвокультуры, с их праславянским истоком и взаимодействием в книжно-литературной сфере в древнерусский период.

Используемые в Псалтири растительные образы многоплановы, нередко они служат и для выражения темпоральных смыслов, организованных в семиотическую оппозицию «начало / конец». Их репрезентирует довольно аморфная группа именных и глагольных лексем. Для аллегорических употреблений грамматическая оформленность слов оказывается нерелевантной: *сѣющіи слезами радостію пожнутъ* (125, 5). Однако после развития и утверждения метафорических значений можно судить о грамматическом своеобразии оязыковления темпоральных «начал» и «концов».

Именные метафоры представлены фитоморфонимами и фитонимами. Первые оформляют строгую дихотомию: например, *корни, семя* / *плод, семя*. Сегодня в русской лингвокультуре имя *плод* нагружено хорошо осознаваемыми фазовыми компонентами с семантикой финала, из которых развилось переносное значение ‘результат, порождение чего-л.’ и фазовой коннотацией ‘награда’. Фитоморфоним *семя* демонстрирует максимальное расширение семантического объема за счет темпоральной энантиосемии: ‘зародыш, начало’ vs. ‘потомство; нисходящее поколение’. Она была заложена уже в многоплановом иносказании псалмопевцев. Так, в рамках стиха *сѣмя нечестивых потребится* (36, 28) Евфимий Зигабен толкует данный растительный образ как аллегорию и наставников во зле, и их учеников [Евфимий Зигабен 2013]. Вместе с тем аналогичный потенциал «корня», представленный в текстах Псалтири (например, экзегеты трактовали данное имя в стихе *преселитъ тя … и корень твой ѿт земли живыхъ* (51, 7) как ‘род, родственников по восходящей и нисходящей линии’ [Псалтирь… 2011]), в семантической системе русского языка не реализовался. Ср: *корениться, уходить корнями* и т.д.

Семантическая эволюция фитонимов, упоминаемых в текстах Псалтири, имеет более скромные результаты, так как большинство их обозначает сугубо южные растения. Некоторые «подпитали» свой потенциал в Новом завете. Об этом свидетельствует, например, притча о неплодной смоковнице или следующее место из послания к римлянам: *Аще бо ты ѿт естественныя ѿтсѣченъ дивія маслины, и чрез естество прицѣпился еси къ добрѣй маслинѣ: кольми паче сіи, иже по естеству, прицѣпятся своей маслинѣ* (Рим., 11, 24). Самым «универсальным» растительным образом Псалтири оказывается трава, многократно выступающая в качестве аллегории скоротечности человеческого бытия: *оутрѡ якѡ трава мимѡидетъ, оутрѡ процвѣтетъ и прейдетъ: на вечеръ ѿтпадетъ, ѡжестѣетъ и изсхнетъ* (89, 6). Но и это имя в русском языке не стало метафорическим.

«Растительные предикаты», актуализованные псалмопевцами, создают уже тернарную оппозицию: *сеять, насаждать* / *взращивать, прозябать, цвести* / *жать, пожинать, засыхать.* Их аллегорические возможности (*вїноградъ изъ Еѵѵпта принеслъ еси: изгналъ еси языки, и насадил еси и* (79, 9)) затем были востребованы в евангельских притчах, к аллюзиям на них вновь прибегает ап. Павел: *Азъ насадихъ, Аполлѡсъ напои, Бгъ же возрасти: Тѣмже ни насаждаяй что, ни напаяяй, но возращаяй Бгъ* (Кор I, 3, 6–7). Подобное словоупотребление вошло и в ткань русской лингвокультуры, которая в древнерусский период ориентировалась на церковнославянские и греческие образцы. В Предисловии к словарю И.И. Срезневский отмечает: «В числе памятников чисто церковной литературы мы встречаем такие подражания, которые суть подражания и по языку, и по мысли. […] И даже, может быть, в самих наших летописях найдутся такие же подражания» [Срезневский 1893: VI]. Пример аналогичного аллегорического словоупотребления представляет Лаврентьевская летопись (1377 г.): *Сь же насѣя книжными словесы ср(д)ца вѣрны(х) людии. А мы пожинаемъ ученье приемлюще книжное* [Лаврентьевская летопись 1997]. Однако семантическая эволюция «растительных» глаголов носила избирательный характер. К выражению семантики темпорального «начала» они оказались неспособны. Средний член оппозиции оязыковлен только предикатом *цвести* ‘успешно развиваться’. Утверждением метафорических значений и в книжно-письменном, и в разговорном употреблении отмечены лишь предикаты, которые передают семантику «конца»: *пожать* ‘получить в результате своей деятельности, заслужить’ (и связанные сочетания с фазовыми кон-

нотациями *пожинать плоды, лавры*); *засыхать* ‘терять живость, свежесть’, *увядать* ‘утрачивать молодость, красоту’.

Таким образом аллегория, будучи, по мнению А.Ф. Лосева, более или менее случайной иллюстрацией некой идеи [Лосев 2014], способна превратиться в узуальную форму ее выражения – языковую метафору.

Литература

Евфимий Зигабен. Толковая Псалтирь. М: Книга по требованию, 2013.

Псалтирь с объяснением значения каждого стиха блаженного Феодорита, епископа Кирского. М.: Свято-Троицкое изд-во, 2011.

Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, труд И.И. Срезневского. СПб.: Типография Императорской АН, 1893. Т. 1 (Срезневский).

Лаврентьевская летопись. М.: ЯРК, 1997 [Полное собрание русских летописей. Т. 1.].

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб: Азбука, 2014.

Лингво-культурологический анализ басни И.А. Крылова «Василек»

Р.С. Кимягарова

Linguo culturological analysis of the I.A . Krylov’s fable “Cornflower”

R.S. Kimyagarova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

Аннотация. Время создания басни. Особенности языка басни. Анализ печатных вариантов. Крылов создатель русского басенного языка.

Ключевые слова: Крылов, история русского языка, басня, лексика, стиль.

Summary. Date of creation of the fable. Peculiarities of the fable’s language Analysis of published variants. Combination of literary styles in the Russian language.Krylov – creator of the fables’ language.

Keywords: the Russian language, fable, Krylov, lexis, history of language.

В докладе новаторство Крылова раскрывается на материале конкретной басни. Оно проявляется в разных планах. Сюжет басни оригинален – обычно использовался классический сюжет, басня построена на личном жизненном опыте баснописца. Язык представляет собой смешение одического и разговорного стилей, что также не соответствовало басенному жанру. Он меняется в зависимости от меты и адресата басни. Мораль представляет собой обращение автора к царским особам, которых баснописец призывает (именно призывает!) оценивать людей не по знатности происхождения, а по их личным человеческим достоинствам, беря пример с солнца и высших сил природы. В басне отсутствует хвалебный тон и прославление адресата. В докладе приводятся результаты анализа печатных вариантов басни. Анализируется роль Крылова как создателя языка басни. Рассматривается вопрос о роли басен Крылова в формировании русской картины мира: «Его притчи – достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа» (Н.В. Гоголь); «Истины, сознаваемые и исповедываемые Крыловым в его баснях, как нетрудно убедиться, имеют не только вневременное значение, но с течением времени становятся во все большей степени злободневными» [Дунаев 2001: 170].

Литература

Дунаев М.М. Православие и русская литература. Ч. I–II. М.: Христианская литература, 2001.

Язык современной фантастики: функциональность и мета-смысл семантического креатива

Е.Н. Ковтун

The language of modern science fiction and fantasy: the functionality and meta-meaning of semantic creativity

Elena N. Kovtun

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

kovelen@mail.ru

Аннотация. В докладе на примере творчества современных российских писателей (В. Пелевин, Е. Лукин, С. Логинов, С. Лукьяненко, М. и С. Дяченко, А. Старобинец) ставится вопрос об авторских неологизмах как средстве раскрытия замысла фантастического произведении. Особое внимание уделено текстам, в которых неологизмы и языковые игры определяют архитектонику и эстетику вымышленного мира.

Ключевые слова: современная российская фантастика, авторские неологизмы.

Summary. The question about author’s neologisms as a way to discover the intention of science fiction or fantasy story is set in the report using as examples texts by Russian modern authors (V. Pelevin, E. Lukin, S. Loginov, S. Lukianenko, M. & S. Diachenko, A. Starobinec). Special attention is given for texts where neologisms and lingual games define the ordonnance and aesthetics of fiction world.

Keywords: modern Russian science fiction and fantasy, author’s neologisms.

Общепризнано, что художественная литература поддерживает эволюцию языка за счет индивидуально-авторской стилистики [Филипова]. В литературе фантастической к ней добавляется еще и необходимость «овеществления» для читателя не существующих в действительности миров. Ряд исследователей полагает, что фантастика в большей мере, нежели другие области литературы, «раскрывает способности человека к лингвокреативному мышлению» [Знаменская]. А потому «комплексное изучение окказиональных единиц научно-фантастической прозы дает богатейший материал для прогнозирования и научного предвидения путей развития языка» [Белоусова].

В лингвистике описаны основные способы создания авторских неологизмов в фантастике: словообразовательная деривация (от уже существующих в языке морфем по привычным словообразовательным моделям), в т.ч. с участием звукоизобразительности, декодирующей смысл новообразованного слова; семантическая деривация (новые значения слов на основе сходства вновь обозначаемого явления с известным), заимствования из других языков или некодифицированных подсистем (диалекты, просторечия, жаргоны) [Филипова; Знаменская]. Не менее основательно рассмотрены и основные причины появления неологизмов: необходимость номинации вновь вводимых объектов (не существующих в реальности – равно как и в предшествующей мифологической, мистической, сказочной традициях), научных и псевдонаучных понятий; реализация прогностического потенциала НФ; описание профессиональной деятельно-

сти героев НФ [Белоусова]; придание правдоподобия вымыслу [Берсенева]; эмоциональная оценка изображаемого, усиление воздействия вымышленного мира на читателя.

Однако для нас авторские неологизмы в фантастике интересны не столько как языковые феномены (лингвистический аспект), сколько в литературоведческом ключе – как основание для постановки вопроса об общей роли (метафункциональности) «лексической необычайности» в «повествовании о необычайном» в целом (т.е. в совокупности художественных текстов, содержащих «явный» вымысел в отличие от вымысла общелитературного).

Приблизиться к пониманию данного вопроса помогают лучшие фантастические тексты, в т.ч. современных российских писателей, которые демонстрируют отнюдь не просто удачные авторские обозначения вновь сконструированных фантастических реалий и, разумеется, не только языковые «игры ради игр» (хотя фантасты способны транслировать читателю и удовольствие именно от них: это блестяще делают, например, Е. Лукин в романах «Алая аура протопарторга» и «Чушь собачья», а также С. Логинов в повести «Филолог»). Специфическая лексика в фантастическом тексте, как легко предположить, прежде всего более ярко раскрывает читателю авторский замысел. Но кроме того в ряде случаев она определяет саму архитектонику произведения и в конечном счете – его эстетику (В. Пелевин, С. Логинов, Е. Лукин, А. Старобинец).

В докладе мы попытаемся показать, что в новейшей фантастике основным объектом изображения (не в последнюю очередь с помощью неординарных лексических конструкций и, шире, общей «лингвоцентричности» вымышленного мира) становится своего рода «Neo Homo» – человек эры высоких технологий. В данном образе просматривается ряд взаимосвязанных аспектов: «Homo Ludens», невзрослеющий и неостановимый («Филолог» С. Логинова, «Чушь собачья» Е. Лукина); творец и созидатель, противопоставленный обывателю, «массе», «толпе» («Многорукий бог Далайна» С. Логинова); «раб» техники, рекламы и Системы («Ампир V» и «Бэтмен Аполло» В. Пелевина, «Живущий» А. Старобинец); жертва разрушенной экосистемы, в более общем плане – прерванного «естественного хода вещей» («Квази» С. Лукьяненко).

За вариациями художественной образности стоит проблема, знакомая читателю еще по произведениям классиков мировой фантастики: Г. Уэллса, Е. Замятина, К. Чапека. Справится ли наша психика с вызовами прогресса? Удастся ли «перенастроить» по требованиям века быт, мораль, само представление о понятии «человек»? Сумеем ли мы сохранить себя и планету? А может быть, цивилизационные перемены наконец-то позволят человечеству приблизиться к пониманию смысла своего существования?

Литература

Белоусова Е.А. Окказиональное слово как стилеобразующая черта произведений научной фантастики. [Электронный ресурс. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/okkazionalnoe-slovo-kak-stileobrazuyuschaya-cherta-proizvedeniy-nauchnoy-fantastiki. Дата последнего обращения 05.11.2018].

Берсенева Н.С. Словообразовательные модели академического дискурса в жанре научной фантастики. [Электронный ресурс. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/slovoobrazovatelnye-modeli-akademicheskogo-diskursa-v-zhanre-nauchnoy-fantastiki Дата последнего обращения 05.11.2018].

Знаменская А. Реализация языковой игры в окказиональном словообразовании: фоносемантический и когнитивный аспекты (на материале англоязычных произведений научной фантастики). [Электронный ресурс. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/realizatsiya-yazykovoy-igry-v-okkazionalnom-slovoobrazovanii-fonosemanticheskiy-i-kognitivnyy-aspekty-na-materiale-angloyazychnyh. Дата последнего обращения 05.11.2018].

Филипова Д. Некоторые особенности перевода авторских неологизмов в фантастических произведениях [Электронный ресурс. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/nekotorye-osobennosti-perevoda-avtorskih-neologizmov-v-fantasticheskih-proizvedeniyah-na-materiale-proizvedeniy-s-lukyanenko. Дата последнего обращения: 05.11.2018].

«Вол» и «римлянин» (Лингвистический анализ образа В.Я. Брюсова в очерке М. Цветаевой «Герой труда»)

А.А. Козакова

“Vol” and “Roman” (Linguistic analysis of the image of V.Ya. Bryusov in M. Tsvetaeva’s essay “Hero of Labor”)

A.A. Kozakova

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) / South Federal University (Rostov-on-Don)

kozakova@inbox.ru

Аннотация. Желая показать широту и неоднозначность натуры В.Я. Брюсова, М. Цветаева характеризует своего героя как личность амбивалентную. Преобладают в создании портрета отрицательные определения, однако те немногие слова, которые положительно характеризуют героя, несут особую смысловую нагрузку и становятся ключевыми при создании образа.

Ключевые слова: Цветаева; Брюсов; поэт; творчество; воля; волк; римлянин.

Summary. Wanting to show the breadth and ambiguity of nature V.Ya. Bryusov, M. Tsvetaeva characterizes his hero as an ambivalent personality. Negative definitions predominate in the creation of the portrait, however, the few words that positively characterize the hero carry a special meaning and become key when creating the image.

Keywords: Tsvetaeva; Bryusov; poet; creation; will; wolf; Roman.

В центре внимания автора незаурядная и сложная личность В.Я. Брюсова, который у многих современников, в том числе и у самой Цветаевой, вызывал весьма противоречивые чувства от восхищения и безмерного уважения до яростной ненависти. В тезисах на основе семантического анализа лексики, характеризующей В.Я. Брюсова, иллюстрируется одна из важных особенностей идиостиля М. Цветаевой – способность показать амбивалентность ключевых лексем текста, ценностная неоднозначность называемых ими понятий, многоплановость создаваемого образа, что приводит к трансформации значений слов в рамках выбранного семантического поля.

Именно стремление раскрыть всю широту и неоднозначность натуры Брюсова приводит Цветаеву не только к созданию оригинальной композиции, но и к очень своеобразному подбору лексики для характеристики своего героя. Композиционно очерк представляет собой набор воспоминаний М. Цветаевой о нескольких встречах с В.Я. Брюсовым, относящихся к разным временным отрезкам, а также развернутое сопоставление В. Брюсова с К. Бальмонтом, которые стали для М. Цветаевой символами двух противоположных разновидностей поэтов: поэт с врожденным Божьим даром (Бальмонт) и поэт, невероятным трудом добивающийся мастерства (Брюсов). При всей внешней сюжетной несвязанности отрывков воспоминаний (сгруппированных в две большие части, состоящие из глав) при детальном рассмотрении можно выделить несколько «главных путей» рассуждения поэта о поэте, которые в конечном итоге складываются в единый и очень четкий портрет В.Я. Брюсова.

Своеобразие подбора лексики в очерке заключается прежде всего в том, что с самых первых его строк бóльшая часть цветаевских определений Брюсова имеет отрицательные (а иногда и резко отрицательные) с точки зрения узуса и здравого смысла коннотации (антимузыкальность, узость,

бездарность, скука и мн. др.). Враждебность и опасность, исходящие от Брюсова (в восприятии Цветаевой), подчеркиваются и постоянным сравнением его с волком. При сопоставлении с Бальмонтом Брюсов также явно проигрывает. Такой подбор слов и аналогий создает, на первый взгляд, портрет довольно неприятного человека, считающего себя поэтом, но лишенного творческого (божественного) начала.

Однако важную роль в характеристике В.Я. Брюсова получают некоторые лексемы, которым М. Цветаева придает особый смысл. Это существительные «волк», «вол», «воля», «римлянин». Полагаем, что названные слова формируют главные линии развития цветаевских рассуждений о Брюсове. Условно эти «сюжеты» можно было бы обозначить так: «Брюсов – волк», «Брюсов – римлянин» и основополагающее противопоставление «Брюсов – Бальмонт». Слова *воля* и *вол*, как увидим, соотносятся и с направлением «Брюсов – римлянин (воля, труд, вол), и с направлением «Брюсов – волк» (здесь они сближаются на основе паронимической аттракции (созвучие сближает значение). При том, что лексема *волк* окрашена в узусе отрицательно, а *римлянин* нейтрально (‘житель Рима’), в очерке «Герой труда» и – шире – в идиолекте М. Цветаевой эти слова наделяются устойчивыми положительными коннотациями, создавая своеобразный портрет В.Я. Брюсова.

Идиоглоссы «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

С.М. Колесникова

Idiogloss “Children”, “Family”, “Life” in the novel by FM Dostoevsky “The Brothers Karamazov”

Svetlana M.Kolesnikova

Московский педагогический государственный университет / Moscow State Pedagogical University

asya28@ list.ru

Аннотация. Посредством анализа компонентов, входящих в структуру трех важных идиоглосс романа «Братья Карамазовы» («Дети», «Семья», «Жизнь»), и способов их репрезентации, устанавливаются понятия различных семиотических систем (вербальной, кинематографической, пластической, музыкальной и пр.) русской и мировой культуры; определяются уровни адекватности заложенных смыслов восприятию рецепиентов. Существующие семиотические системы (вербальная, кинематографическая, пластическая, музыкальная и пр.) отражают все оттенки трагедии и судьбы Карамазовых в семиотических кодах (искусство и кино):

Ключевые слова: язык Ф.М. Достоевского, структура идиоглоссы, способ репрезентации, семиотические системы.

Summary. In this article we establish the concepts of various semiotic systems (verbal, cinematographic, plastic, musical, etc.) Russian and world culture by analyzing the components of the structure of the three important idiogloss in the novel “The Brothers Karamazov” (Children, Family, Life) and the ways of their representation, as well as determine the levels of adequacy of inherent meanings to the perception of the recipients. The existing semiotic systems (verbal, cinema, plastic, musical, etc.) reflect all shades of the tragedy and the fate of the Karamazovs in semiotic codes (art and cinema).

Keywords: languageof F.M. Dostoevsky, the structure of the idiogloss, the method of representation, semiotic systems.

Языку Ф.М. Достоевского посвящено немало исследований авторитетных ученых отечественной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулова и т.д.); имеются описания ключевых слов в текстах писателя (Н.А. Кожевникова, В.Н. Топоров, А.А. Зализняк, И.Б. Левонттина, А.Д. Шмелёв и др.). В настоящее время все большее внимание ученых-лингвистов обращено к вопросам взаимодействия концептуальных понятий с другими аспектами знания – культурой и искусством (С.Н. Шепелева (*душа*), А.В. Варзин (*воля* / *свобода*), О.В. Харина (*правда* / *истина*) и мн. др.). Однако в современной русистике еще не достаточно описаны идиоглоссы (термин Ю.С. Караулова; ментально-когнитивные категории) того или иного художественного текста. Настоящее исследование обращено к тексту Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», репрезентированного в различных семиотических системах русского, западноевропейского и восточного лингвокультурного пространства.

Посредством анализа компонентов, входящих в структуру трех важных идиоглосс романа «Братья Карамазовы» («Дети», «Семья», «Жизнь»), и способов их репрезентации, устанавливаются понятия различных семиотических систем (вербальной, кинематографической, пластической, музыкальной и пр.) русской и мировой культуры, определяются уровни адекватности заложенных смыслов восприятию рецепиентов. Например: 1. Идиоглосса «Дети» и ее репрезентант в кино, опере, балете, изобразительном искусстве; установление слов, репрезентирующих в языке данный идиоглосс: *любовь – ненависть, сострадание – жестокость, дружба – соперничество* и т.п. – *Чистые в душе и сердце мальчики, почти еще* ***дети****, очень часто любят говорить в классах между собою и даже вслух про такие вещи, картины и образы, о которых не всегда заговорят даже и солдаты, мало того, солдаты-то много не знают и не понимают из того, что уже знакомо в этом роде столь юным еще детям нашего интеллигентного и высшего общества; Не смущало его нисколько, что этот старец все-таки стоит перед ним единицей:«Все равно, он свят, в его сердце тайна обновления для всех, та мощь, которая установит наконец правду на земле, и будутвсе святы, и будут любить друг друга, и не будет ни богатых, ни бедных, ни возвышающихся, ни униженных, а будут все как* ***дети*** *божии и наступит настоящее царствие Христово;* ***Дети*** *в школах народ безжалостный: порознь ангелы божии, а вместе, особенно в школах, весьма часто безжалостны*). 2. Идиоглосса «Семья» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и ее репрезентант в кино, опере, балете, изобразительном искусстве; установление слов, репрезентирующих в языке Ф.М. Достоевского идиоглосса «Семья»: *гармония – дисгармония, единство – противостояние, эмоциональное – рациональное* и т.д. – *Позвольте же отрекомендоваться вполне: моя* ***семья****, мои две дочери и мой сын...; – и если отец в силах и в состоянии будет ответить и доказать ему, – то вот и настоящая* ***семья****, не на предрассудке лишь мистическом утверждающаяся, а на основании разумных, самоотчетных и строго гуманных; – то что станется с нами, что станется с основами общества, куда денется* ***семья****?* 3. Идиоглосса «Жизнь» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и ее репрезентант в кино, опере, балете, изобразительном искусстве; установление слов, репрезентирующих в языке Ф.М. Достоевского идиоглоссу «Семья»: *счастье – несчастье, смысл – бессмыслие* и др. – *Несмотря на то, что семейство даже довольно скоро примирилось с событием и выделило беглянке приданое, между супругами началась самая беспорядочная* ***жизнь*** *и вечные сцены;Но действительно Федор Павлович всю* ***жизнь*** *свою любил представляться..;. Когда она померла, мальчик Алексей был по четвертому году, и хоть и странно это, но я знаю, что мать запомнил потом на всю* ***жизнь****...; Вообще судя, странно было, что молодой человек, столь ученый, столь гордый и осторожный на вид, вдруг явился в такой безобразный дом, к такому отцу,который всю* ***жизнь*** *его игнорировал... но все же всю* ***жизнь*** *боялся, что и сыновья, Иван и Алексей, тоже когда-нибудь придут да попросят денег.*

Для получения объективных данных исследование оригинального текста романа, в основу которого положена «мысль семейная», ведется посредством анализа его переводов, вто-

ричных произведений, воплощающих художественный текст в других семиотических кодах (изобразительное искусство, балет, опера, кинематограф): в 1950–60-х годах появились иллюстрации к изданию «Братьев Карамазовых» Н. Симоновской и А. Гончаровым, В. Линицкого; в 2011 году в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург) были выставлены работы художников XX–XXI в., созданные по темам произведений писателя (см., работы А. Зыкиной (2003, 2006) по роману «Братья Карамазовы») (http://obtaz.com/dostoevsky in art.htm – Дата обращения 15.10.2018), ср.: известные работы И. Глазунова (Иван Карамазов (1977), Портрет монаха (1977), Григорий Васильевич Кутузов – слуга Карамазовых (1983); Оптина пустынь (1983); Скит (1983), Грушенька (1983), Алеша (1983), Лиза уходит (1983) – https://www.liveinternet.ru/users/steampunk3d/post326877154 – Дата обращения 15.10.2018; http://www.nizrp.ru/dostoevsky_ill.htm – Дата обращения 15.10.2018); балет Б. Эйфмана (1995; новая постановка 2010) развивает традиции балетного искусства с необыкновенной «пластикой мысли» и передает истоки нравственной катастрофы Карамазовых (http://test.eifmanballet.com/repertoire/karamazovs – Дата обращения 15.10.2018); опера А. Холминова (1981) и опера-мистерия А. Смелкова (2008, 2013), с современными титрами на английском языке, поставленные в лучших традициях оперной классики, о воскрешении человека через страдание, искупление греха своего и всеобщего; обращение к реакции реципиентов, декодирующих первичные и вторичные версии романа (https://www.mariinsky.ru/playbill/playbill/2013/7/6/1_1900 – Дата обращения 15.10.2018; http://ceo.spb.ru/libretto/life/3reviews/broth/seriogina.pdf – Дата обращения 15.10.2018; http://diplomba.ru/work/94303 – Дата обращения 15.10.2018); ср., экранизации романа: постановка Р. Брукса (США, 1958 – https://www.kinopoisk.ru/film/10037/ – Дата обращения 15.10.2018), одноименный фильм И. Пырьева (1968), фильм Ю. Мороза (2009) поднимают вопросы истоков добра и зла, повествуют о сосуществовании этих начал в душе человека и мире, в котором он живет, говорят о сложных отношениях в семье, где самые родные и близкие люди совсем непохожи друг на друга и не терпимы к своему ближнему; (https://andeadd.livejournal.com/1506968.html – Дата обращения 15.10.2018); японская экранизация (Сато Мисато, 2013) – максимально приблизила события к реалиям современной Японии (https://philologist.livejournal.com/3893549.html – Дата обращения 15.10.2018)).

Таким образом, существующие семиотические системы (вербальная, кинематографическая, пластическая, музыкальная и пр.) отражают все оттенки трагедии и судьбы Карамазовых в семиотических кодах (искусство и кино): образ Дмитрия – воплощение «архаичной» картины мира с расширенной парадигмой мировосприятия (архаика – религия – модерн – постмодерн), ср.: Дмитрий Карамазов – игрок и бунтарь, у которого постоянные разногласия с отцом; его мать оставила ему наследство, которое отец дает ему частями в долг под расписку; Алексей Карамазов – стал монахом и верит в доброту брата; Иван – журналист, и Смердяков – атеист, незаконнорожденный сын и личный секретарь отца; Митя – и Федор Павлович – соперники; Катерина Ивановна и Грушенька – соперницы; Митя и Иван – конфликт основных жизненных философий), начало их развития.

Литература

Арутюнова Н.Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Варзин А.В. Идеологический знак в полифоническом контексте: Достоевский о свободе вечной и преходящей // IV Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте». Избранные доклады и тезисы. М.: Фонд Достоевского, 2014. С. 350–356.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б. Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Кожевникова Н.А. Система точек зрения в романах Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» // Рус. яз. в СССР. 1991. № 11. С. 31–37.

Кожевникова Н.А. «Давеча» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и современность: Материалы XV Междунар. Старорусских чтений 2000 г. – Старая Русса, 2001. С. 96–101.

Кожевникова Н.А. Сквозные слова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Слово Достоевского. 2000: Сб. ст. М., 2001. С. 146–171.

Кожевникова Н.А. Сравнения и метафоры Ф.М. Достоевского // Достоевский и современность: Материалы XVI Междунар. Старорусских чтений 2001 г. Старая Русса, 2002. С. 123–124.

Левонтина И.Б. Логический анализ языка: истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.

Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий / Под ред. Ю.Н. Караулова. А–В. М.: Азбуковник, 2008; Г–З, 2010.

Харина О.В. Правда, истина в романах Ф.М. Достоевского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Шепелева С.Н. Лексема «Душа» в творчестве Достоевского: особенности словоупотребления // Слово Достоевского. М., 2001.

Интернет-источники

http://obtaz.com/dostoevsky_in_art.htm.
https://www.liveinternet.ru/users/steampunk3d/post326877154.
http://www.nizrp.ru/dostoevsky_ill.htm.
http://test.eifmanballet.com/repertoire/karamazovs.
https://www.mariinsky.ru/playbill/playbill/2013/7/6/1_1900.
http://ceo.spb.ru/libretto/life/3reviews/broth/seriogina.pdf.
http://diplomba.ru/work/94303.
https://www.kinopoisk.ru/film/10037/.
https://andeadd.livejournal.com/1506968.html.
https://philologist.livejournal.com/3893549.html.

Ценностное измерение темпорального опыта и его актуализация в поэтическом тексте (на примере произведений Б.Л. Пастернака)

М.Н. Коннова

Temporal experience and its value dimension in Boris Pasternak's poetry

Maria N. Konnova

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград) / Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

mkonnova@kantiana.ru

Аннотация. Анализируются аксиологические особенности индивидуально-авторского темпорального опыта Б.Л. Пастернака и рассматриваются средства их словесной актуализации в поэтическом тексте.

Ключевые слова: темпоральный опыт, ценность, Борис Пастернак, прецедентное событие, тематический ключ.

Summary. The report focuses on axiological underpinnings of Boris Pasternak's temporal experience and dwells upon lexico-grammatical means of its linguistic realization in poetic texts.

Keywords: temporal experience, value, Boris Pasternak, precedent, thematic key.

Темпоральный опыт, являющийся интегральным компонентом познания действительности, пронизывает все виды взаимодействия человека с миром. В единстве внутреннего и внешнего темпорального опыта раскрывается всеобщая временн*а*я структура мира. Его многообразие находит свое отражение как на уровне языка – в системе языковых единиц и вербально-ориентированных категорий, так и на уровне речи, в дискурсе, где отдельные средства репрезентации временн*ы*х смыслов функционируют как единое и нераздельное целое. В художественном тексте, которому свойственна своя форма отражения временных смыслов – художественное время, раскрытие темпорального опыта носит сознательный, целенаправленный характер. Система образов и выбор вербализирующих их языковых средств моти-

вированы особенностями авторского ви□дения временно́й реальности бытия. В художественном произведении время становится художественно-зримым, концентрированно выражая различные аспекты темпорального опыта: историческое время, время человеческой жизни, представления о вечности [Бахтин 2000: 104; Горин 2003: 29].

Литературное произведение, как и любое произведение искусства, есть модель мироощущения, модель опыта индивида или группы. Отраженные в нем темпоральные представления имеют синкретичную природу, будучи обусловлены не только индивидуальным, личным опытом, но и особенностями национальной картины мира, носителем и выразителем которой выступает автор. Выражаемое в художественном тексте индивидуально-авторское осмысление времени предопределяется национальным ценностным инвариантом, сохраняющимся в данной культурной традиции.

В репрезентации ценностно-смысловой сферы культуры художественное время выполняет инструментальную роль. Его сущность состоит в конструировании такого строения мгновений – их длительности, ритма, последовательности, через которое выражалось бы ценностно-смысловое отношение художника к различным проявлениям времени [Лихушина 2010: 12–13]. В этой связи принципиально важно утверждение М.М. Бахтина о том, что образ времени в литературном произведении всегда сопряжен ценностно окрашен. «Искусство и литература пронизаны *хронотопическими ценностями* разных степеней и объемов. Каждый мотив, каждый выделимый момент художественного произведения является такой ценностью» [Бахтин 2000: 177] (курсив автора – М.М. Бахтина).

В художественном произведении особенности категоризации темпорального опыта в его ценностном измерении отражаются на различных уровнях языковой и образной структуры текста. Они объективируются посредством временных глагольных форм, лексем темпоральной семантики, различных структурно-синтаксических типов предложений, синкретичное единство которых отражает авторское восприятие временных отношений действительности. Разрозненные языковые средства экспликации временных смыслов приобретают в тексте коммуникативную значимость, объединяются в определенную систему, в которой они не только наиболее полно проявляют свои сущностные признаки, но и обнаруживают новые, текстообразующие функции, служащие процессу коммуникации.

В настоящем докладе особенности актуализации ценностного измерения авторского темпорального опыта рассматриваются на примере стихотворений Б.Л. Пастернака, словесные образы которых реализуют и предметные, и ассоциативно-символические, инобытийные смыслы [Власов 2006]. Его поэтические произведения «густо пронизаны темпоральностью» [Жолковский 2011: 152], время в них «предельно насыщенно – это и яркий образ, и ведущая тема, и особая мера смысла целого» [Данилина 2010: 290].

Содержание внутреннего темпорального опыта Б.Л. Пастернака, нашедшее свое отражение в анализируемых в настоящем докладе стихотворениях «Февраль...», «Воробьевы горы», «Рождественская звезда», «Быть знаменитым некрасиво», «Когда разгуляется» и «Единственные дни», обусловлено характером отраженного в них прецедентного события. Ключевыми хронотопическими ценностями для поэта являются те прецедентные события, которые разворачиваются в атемпоральном пространстве Священной истории. Восприятие прецедентного события, переживание его, оценка и вызываемый им эмоциональный отклик объективируются в поэтическом тексте в художественно-образной форме. Здесь сопрягаются разнородные темпоральные уровни – категория времени, раскрываемая в форме исторических планов прошлого, настоящего, будущего, и категория вечности, являющая собой метазифическую реальность инобытия.

На лексическом уровне ценностное содержание авторского темпорального опыта эксплицируется метонимически и метафорически переосмысленными хрононимами – единицами времени, названиями времен года, месяцев, частей суток, именами праздников. Идея сопряженности времени и вечности актуализируется посредством индивидуально-авторских метафор, ярких окказиональных метонимических ассоциаций, контекстуально переосмысленных фразеологических оборотов. Аллюзии на библейские, гимнографические и экзегетические тексты выступают «тематическим ключом» к пониманию авторских особенностей категоризации темпорального опыта.

Литература

Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Издательство «Азбука», 2000.

Власов А. «Явление Рождества» (А. Блок в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»: тема и вариации) // Вопросы литературы. № 3, 2006. С. 87–119.

Горин Д.Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации. М.: УРСС, 2003.

Данилина Г.И. «Неуловимая поэтика времени» в книге Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь» (размышления над страницами последней книги С.Н. Бройтмана) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 11. С. 288–303.

Жолковский А.К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение. 2011.

Лихушина М.В. Художественное время как выражение темпоральности культуры. Автореферат дис. … канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2010.

Рецепция прозы В.М. Гаршина в детских рассказах Л.Н. Андреева

Т.В. Кривощапова

Reception of prose of V.M. Garshin in the children's stories by L.N. Andreev

T.V. Krivoshchapova

Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова (Астана) / Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University (Astana)

krivoshapova_t@mail.ru

Аннотация. Тезисы посвящены интерпретации точек соприкосновения между двумя художественными текстами – Гаршина («Сказка о жабе и розе») и Андреева («Валя»). Доказано, что в основу рецепции положен контраст прекрасного и безобразного, реального и идеального мира, утерянного рая.

Ключевые слова: рецепция, проза, жанр, рассказ, литературная сказка, деталь.

Summary. Theses are devoted to the interpretation of contact points between two artistic texts – by Garshin (“The Tale of Toad and the Rose”) and by Andreev (“Valya”). It is proved that the basis of the reception is the contrast between the beautiful and the ugly, the real and ideal world, the lost paradise.

Keywords: reception, prose, genre, story, literary tale, detail.

Русская проза последних десятилетий XIX – начала XX века весьма разнообразна. Основной ее особенностью является изменение жанровых форм: на смену роману приходят малые эпические жанры, отличительная черта которых состоит в концентрации внимания автора на художественной детали и типе героя. Наиболее характерны эти тенденции в прозе Чехова, Короленко и Гаршина. Не случайно именно эти прозаики находятся в центре внимания писателей рубежа столетий – в первую очередь, Бунина, Куприна, Андреева.

Так, популярность Всеволода Гаршина достигла апогея уже после его трагической смерти. Именно в его творчестве доминирующими становятся малые жанры, среди которых на передний план выходят короткий рассказ и литературная сказка. В частности, в «Сказке о жабе и розе» известного прозаика имеет место автобиографический компонент, ведь после развода родителей Гаршин несколько лет жил с отцом на юге России и подобно своему герою, выглядел «…маленьким мальчиком лет семи, с большими глазами и большой головой на худеньком теле» [Гаршин 1961: 235]. Он очень любил читать книги, сидеть в своем цветнике и наблюдать там за флорой и фауной: « И он сидел долго и читал. А когда ему надоедало читать о Робинзонах, и диких

странах, и морских разбойниках, он оставлял раскрытую книжку и забирался в чащу цветника. <…> Он смотрел, как навозный жук хлопотливо и усердно тащит куда-то свой шар, как паук, раскинув хитрую радужную сеть, сторожит мух, как ящерица, раскрыв тупую мордочку, сидит на солнце, блестя зелеными щитиками своей спины; а один раз, под вечер, он увидел живого ежа!» [Гаршин 1961: 236] Но в основу сюжета была положена история, которую автор услышал незадолго до написания сказки. Это становится ясно из финальных фраз: «Когда она (роза) начала вянуть, ее положили в толстую старую книгу и высушили, а потом, уже через много лет, подарили мне. Потому-то я и знаю всю эту историю» [Гаршин 1961: 240].

В этом тексте Гаршина присутствуют две важные художественные детали: Роза как олицетворение прекрасного, Жаба – безобразного. Роза «не могла говорить; она могла только, склонив свою головку, разливать вокруг себя тонкий и свежий запах, и этот запах был ее словами, слезами и молитвой». [Гаршин 1961: 235] Жаба же «довольно жирная и старая» раздувала «грязно-серые бородавчатые и липкие бока и отставила одну безобразную лапу в сторону» [там же]. Как известно, сад в большинстве культур является символом рая. В сказке Гаршина чаще употребляется слово «цветник», мальчик называет его «садиком», и только в конце рассказа автор напишет: «Девушка взяла ножницы и вышла в сад» [Гаршин 1961: 239]. Для больного мальчика цветник и является потерянным раем, где он мог часами просиживать с книжкой или подолгу смотреть, как «муравьиный народ бегает по стеблям». Писатель отмечает: «он был такой слабый, тихий и кроткий мальчик, что даже разная звериная мелкота как будто понимала это и скоро привыкала к нему» [Гаршин 1961: 236].

Автор называет мальчика «хозяином цветника», «маленьким хозяином». Цветник – садик – любимый уголок – сад – таковы определения Васиного рая. Роза в этом раю занимает достойное место. Модель этого рая в сказке Гаршина представлена следующим образом: майское утро, «в цветнике было так мирно и спокойно» [Гаршин 1961: 239–240]. В это прекрасное утро умрет мальчик, его безгрешная душа наверняка попадет в рай.

Трансформация образа «небольшого полукруглого цветника» до эдема, где цветет роза и поет соловей, происходит не случайно. Мотив болезни, скоротечности жизни присутствует во многих рассказах Гаршина, но в «Сказке о жабе и розе» писатель объединяет область детских представлений о мире с реальными образами заброшенного цветника, стирая временные грани, и приводит мальчика из им созданного земного рая в рай небесный.

А главным героем раннего рассказа Л.Н. Андреева с персонажным заглавием «Валя» также является маленький мальчик, у которого «…коротенький нос, но уже с признаками будущей горбинки, густые, не детские брови над черными глазами и общий вид строгой серьезности…» [Андреев 1990: 33].

Создавая портрет Вали, Андреев использовал свою детскую фотографию. В этом тексте, как и в сказке Гаршина, присутствует противопоставление прекрасного и безобразного: это «мама с какою-то другою женщиной». Женщина эта «не так ласкала, как мама: у той поцелуи были мягкие, тающие, а эта точно присасывалась» [Андреев 1990: 32]. Ласки у нее были колючие, а сама она была «высокая, с костлявыми пальцами», «пахло от нее очень дурно: какою-то сыростью и гнилью, тогда как от мамы всегда шел свежий запах духов» [там же]. Рецепция гаршинской сказки проявляется у Андреева и в образе потерянного рая, менее трагичного. Если привычное жизненное пространство мальчика было ограничено богато обставленной квартирой, чистотой, светом, гармонией, то выход во внешний мир происходит в тот момент, когда его увозит биологическая мать. И в новом Валином мире привычной остается только его любимая книга о бедной Русалочке. Но, подобно героине известной сказке Андерсена, мир, который он покидает, становится навсегда ушедшим, потерянным раем.

Итак, тексты Гаршина и Андреева объединены темой детского восприятия мира. Трагизм этого восприятия передается каждым из них психологически объективно. Как и у Гаршина у Андреева разрушение гармонии происходит через первоначальное восприятие земного рая, вслед за которым обостряются противоречия детского мира (у Гаршина – утрата жизни, у Андреева – утрата любимого дома). И если герой Гаршина навсегда покидает этот мир, то герой Андреева принимает реальность и готов любить свою обретенную мать. Следовательно, категории «прекрасного» и «безобразного» понимаются Гаршиным, и Андреевым поразному. Если Гаршин использует антитезу (Роза – Жаба), то Андреев пытается объединить эти два контрастных начала (две матери). Маленьких героев объединяет созданная ими вторая реальность: книги, которые уводят их от приземленности мира и от его противоречий. Но, если у Гаршина герой пытается первую реальность, то есть земной рай, превратить во вторую, рай небесный, то Валя в рассказе Л. Андреева разграничивает их, принимая жизнь и отделяя одно от другого.

Таким образом, уже в раннем творчестве Л.Н. Андреева наблюдается ярко выраженная рецепция прозы В.М. Гаршина. Позже она проявится в типологии заглавий – жанровых, персонажных, сюжетных, пространственно-временных.

Литература

Андреев Л.Н. Собрание сочинений в шести томах: Том 1. Рассказы 1898–1903 / Вступ. ст. А.В. Богданова; Комментарии В.Н. Чувакова. М.: Худ. лит., 1990.

Беззубов В.И. Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин,1984.

Гаршин В.М. Сочинения / Вступ. ст. и примечания Г. Бялого. М.; Л.: Худ. лит., 1961.

Иезуитова Л.А. Творчество Леонида Андреева. Л: Изд-во Ленинградского университета, 1976.

Короленко В.Г. Всеволод Михайлович Гаршин. [Электронный ресурс. URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0870.shtml. Дата последнего обращения 27.11.18].

Михайловский Н.К. О Всеволоде Гаршине. Еще о Гаршине и других [Электронный ресурс. URL: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0048.shtml, Дата последнего обращения 27.11.18].

Чернец Л.В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М., 1982.

Депоэтизация поэтического слова в метафорических моделях

Е.В. Купчик

Depoetization of a poetic word in metaphorical models

Elena V. Kupchik

Тюменский государственный университет / Tyumen State University

elwika@list.ru

Аннотация. Данный доклад посвящен изменениям содержания метафорических моделей поэтического слова в современной русской поэзии.

Ключевые слова: метафорическая модель, русская поэзия.

Summary. This report is devoted to changes in the content of metaphorical models of poetic words in modern Russian poetry.

Keywords: metaphorical model, Russian poetry.

Метафорические модели как воплощение концептуальных метафор в современной лингвистической науке играют важную роль в характеристике концептов, признаки которых определяются в том числе посредством выявления и описания метафорических моделей (далее ММ), представленных в их конкретных реализациях. Рассматривая лексему стихи в качестве репрезентанта концепта «Поэзия», Чумак-Жунь указывает на разнообразие представления данной

лексемы в поэтическом дискурсе – в отличие от поэзии с ее «общедискурсивным религиозным смыслом» [Чумак-Жунь 2009: 130]. О многочисленности и разнообразии образных ассоциаций поэтического слова свидетельствуют данные словарей образов [Иванова 2004; Павлович 1999]. В реализациях ММ в процессе развития литературного процесса проявляют себя разные направления развития образности, среди которых важное место принадлежит «снижению высокого», суть которого заключается в полном или частичном лишении поэтического ореола тех или иных реалий [Очерки истории языка русской поэзии 1995: 43].

Поэтическое слово изначально определялось как нечто возвышенное, имеющее божественную природу, что нашло отражение в русской поэзии начиная с раннего этапа ее развития: поэзия именовалась «дщерью неба» (Н. Карамзин), образными соответствиями поэтических произведений были эстетически совершенные реалии, доставлявшие человеку радость своим видом, звучанием, запахом, вкусом (розы, пение птиц, звучание музыкальных инструментов, вино и т.п.), а также проявления силы, мощи (гром, молния).

С начала XX в. происходит активное включение в ММ поэтического слова новых элементов конкретного, зачастую бытового характера. В ММ «поэтическое слово – человек» стих уподобляется не «человеку вообще», а представителю той или иной профессии, рода занятий, не всегда почтенных: это, например, «слово-лакей» (В. Маяковский), «слова-чиновники, слова-бюрократы» (И. Елагин). Слово поэта наделяется особенностями внешнего облика, поведения, характера, например: «Не отрекусь от каждой строчки прошлой – / от самой безнадежной и продрогшей / из актрисуль» (А. Вознесенский); «Потупил глазки скромный Станс» (И. Северянин); «…слово, / Робкое, тихо проходит по жизни» (Н. Гумилев) и др. Набор реализаций ММ «поэтическое слово – представитель фауны» в XX в. пополнился сопоставлениями стихов с животными, птицами, рыбами, насекомыми, представленными в бытовых ситуациях. Поэма движется «медленным быком» (Н. Заболоцкий); классическая форма стиха представлена конем, которому поэт «вздернул удила» (С. Есенин); стая стихов залетает в скворечник (В. Боков); душа хватает за жабры «живое слово, как плотву» (А. Тарковский) а «серебристые слова-караси» становятся объектом рыбной ловли (Н. Клюев); «Стих падает пчелой на стебли…» (Б. Ахмадулина) и др. ММ «поэтическое слово – звук» помимо традиционных аналогий со звуками музыкальных инструментов и пением включает сопоставление стихов со звуками, издаваемыми человеком в состоянии волнения или муки: это крики (А. Блок), плач, рыдание, стон (А. Кушнер).

Обытовление поэтического слова проявляется в реализациях ММ, в объектные области которых входят обозначения реалий предметного мира, в котором существует человек. В составе ММ «поэтическое слово – орудие» в новой поэзии появляются сопоставления с мелкими предметами обихода: это, например, стихи «острые и нужные, как зубочистки» (В. Маяковский); «гребень стиха» (А. Мариенгоф). Стихи в поэзии XX в. предстают как нечто деревянное, предназначенное для утилитарных целей: «бревна строк» (Ю. Мориц), «штабель слов»), наколотых «пером кириллицы» (И. Бродский) и др.

В поэзии XX в. происходит формирование некоторых частных ММ в составе традиционных. Например, в пространстве ММ «еда, напитки» возникает сопоставление стиха с хлебом: если ранее уподобление стиха выпечному изделию было представлено в поэтических текстах единичными реализациями, то новая поэзия использует образ хлеба при характеристике значимости стиха, его необходимости для существования человека, для указания на его особенности (С. Городецкий, И. Северянин, А. Вознесенский и др.). Другая частная ММ отражает представление о стихе как лекарстве: это «порошок аспирина» (О. Мандельштам), «таблетка нитроглицерина» (В. Шаламов).

Есть основания говорить о наличии нескольких ММ, реализации которых в подавляющем большинстве случаев представлены примерами из новой поэзии: это ММ, отражающие параллели поэтического слова со строением, одеждой и др.

Прозаизация поэтического слова является проявлением общей для новой литературы тенденции снижения высокого, его обытовления, приближения к реалиям жизни человека.

Литература

Иванова Н.Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII начала XX века. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

Очерки истории языка русской поэзии. Образные средства поэтического языка и их трансформация / Отв. ред. Е. А. Некрасова. М.: Наука, 1995.

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС. 1999.

Чумак-Жунь И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009.

Специфика синтаксиса поэзии А.А. Дельвига в контексте лексикографического описания*

А.А. Лебедев

Syntax specificity of A.A. Delvig's poetry in the context of the lexicographical description

Aleksandr A. Lebedev

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

perevodchik88@yandex.ru

Аннотация. Предлагается попытка структурного описания поэтических текстов А.А. Дельвига, одного из виднейших поэтов XIX века, в сочетании с особенностями жанра, ритма и строфики его текстов. Критерии анализа конструкций базируются на «Синтаксическом словаре русской поэзии», работа над которым ведется на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета в рамках проекта, одобренного РФФИ.

Ключевые слова: поэтический синтаксис, идиостиль, синтаксический словарь.

Summary. An attempt is made to describe the structural description of A.A. Delvig, one of the most prominent poets of the XIX century, in combination with the peculiarities of the genre, rhythm and strophe of his texts. Criteria for the analysis of structures are based on the «Syntactic dictionary of Russian poetry», which is being worked on at the Department of Russian Language at Petrozavodsk State University as part of a project approved by the Russian Foundation for Basic Research.

Keywords: poetic syntax, idiostyle, syntactic dictionary.

Для определения особенностей синтаксического строя поэтических текстов и авторского идиостиля нужно выполнить комплексный многосторонний анализ, учитывающий целый ряд критериев. Важным инструментом, при помощи которого можно уточнить специфику синтаксиса лирики того или иного автора, выступает «Синтаксический словарь русской поэзии», разрабатываемый на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета (первый том словаря вышел в 2017 г. [Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века, т. 1: 2017]). Применение этого словаря позволяет эффективно исследовать лирическое наследие XVIII–XIX века позиции синтаксического строя текстов, поскольку словарь комбинирует в себе элементы конкорданса и частотного словаря, демонстрирую-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

щего «общие и частные тенденции в творческой эволюции отдельных поэтических идиостилей» [Патроева, Лебедев 2015: 54].

В качестве исходного материала для анализа специфики синтаксиса А.А. Дельвига привлекались лингвистические данные, полученные в ходе работы над проектом «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века». Всего было проанализировано 188 стихотворений, в которых разобрано 1720 предложений. Для простых предложений ключевыми критериями в разграничении структуры являлась их односоставность или двусоставность, а также наличие либо отсутствие осложнителей. Для сложных предложений учитывалось количество компонентов такой конструкции, тип синтаксической связи и синтаксические отношения между частями сложного предложения, а также наличие отрицательных, неполных или односоставных частей. Структура предложений анализировалась также в тесной связи с жанром, метром и строфикой стихотворного наследия Дельвига.

Выбор вышеуказанных критериев основывался на рубриках таблиц «Синтаксического словаря русской поэзии». В ходе анализа полученных контекстов были сделаны следующие выводы:

1. В поэзии Дельвига наблюдается тенденция к незначительному преобладанию сложных конструкций над простыми (54% и 46% соответственно), что сближает его творчество с поэзией Н.М. Карамзина (в контексте материала обобщающих таблиц синтаксического словаря [Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века 2017, т. 1: 55]); на уровне простого предложения наблюдается преобладание неосложненных конструкций над осложненными; двусоставных предложений более чем втрое больше, чем односоставных.

2. Среди односоставных предложений заметно преобладание определенно-личных конструкций (59% от числа всех) и сравнительно малое число безличных предложений (всего 32 примера), что нельзя назвать типичным для поэтического творчества того времени.

3. В простом предложении значимым для поэзии Дельвига осложнителем выступают обращения, несколько реже встречаются деепричастные и причастные обороты. Любопытно сравнить данную картину с осложнителями, характерными для сложного предложения – там процент обращений среди всех осложнителей в полтора раза меньше, но при этом активизируются сравнительные обороты и вводные конструкции. Показателен для поэзии Дельвига такой тип осложнения, как вставная конструкция – поэт зачастую оформляет подобные осложнители при помощи скобок, а объем осложнителя может быть весьма значителен (вплоть до четырех полных строк).

4. С точки зрения количества элементов сложного предложения следует отметить преобладание бинарных сложных конструкций над предложениями, состоящими из трех и более компонентов. Стихотворные тексты Дельвига демонстрируют типичное для поэтического творчества преобладание бессоюзия над сочинением и подчинением – это касается и бинарных сложных предложений, и многокомпонентных предложений. Сочинительная и подчинительная связь встречаются в равных пропорциях.

5. Показателен выбор определенных типов синтаксических конструкций в сочетании с ритмо-метрическими характеристики текстов. Ярче всего это проявляется на примере такого важного для Дельвига жанра, как идиллия. Тексты идиллий, написанные преимущественно дактилем и гекзаметром, содержат в себе большой процент простых предложений, в том числе и неполных; однако в тех случаях, когда Дельвиг отходит от диалога между героями, процент сложных предложений существенно увеличивается. Интересным в данном аспекте является стихотворение «Отставной солдат», имеющее подзаголовок «Русская идиллия» – процент многокомпонентных сложных предложений в нем значительно меньше, чем в идиллиях на тему Греции («Дамон», «Цефиз», «Конец золотого века»).

Полученные в ходе анализа данные позволяют получить общее представление о синтаксической структуре поэтических текстов А.А. Дельвига; не менее интересным является комплексный учет данных наблюдений в контексте поэзии XVIII–XIX вв., инструментом для чего может стать «Синтаксический словарь русской поэзии».

Литература

Патроева Н.В., Лебедев А.А. Проект синтаксического словаря языка русской поэзии XVIII – первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3 (148). С. 53–55.

Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Под ред. Н.В. Патроевой. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017.

Ключевое слово «Сивилла» как центр пересечения семантических полей в идиолекте М.И. Цветаевой

И.А. Литвинова

The keyword «Sivilla» as the center of intersection of semantic fields in the idiolect of M.I. Tsvetaeva

I.A. Litvinova

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) / South Federal University (Rostov-on-Don)

bobrisheva.irina@mail.ru

Аннотация. Сивилла является одним из центральных образов в идиолекте М.И. Цветаевой. Имя древнегреческой прорицательницы во многих произведениях автора становится ключевым словом и одновременно центром пересечения нескольких семантических полей, таких как «творчество», «бытие/небытие», «судьба», «материнство», «пустота».

Ключевые слова: Сивилла, М.И. Цветаева, ключевое слово, семантическое поле, идиолект.

Summary. Sivilla is one of the central images in the idiolect of M.I. Tsvetaeva. The name of the ancient greek prophetess in many works of the author becomes the keyword and at the same time the center of intersection of several semantic fields, such as “creativity”, “being / non-being”, “destiny”, “motherhood”, “emptiness”.

Keywords: Sivilla, M.I. Tsvetaeva, keyword, semantic field, idiolect.

К образу Сивиллы поэт обращается в разные периоды своей творческой жизни. М.И. Цветаева не просто заимствует образ из культуры Древней Греции, она аккумулирует интерпретации европейских и отечественных авторов-предшественников (Овидия, Вергилия, Жермены де Сталь, Жорж Санд; К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова, В.И. Иванова и др.) и подвергает образ собственной трансформации.

Впервые образ пророчицы возникает в стихотворении «И как под землею трава…». Цикл, в который входит данное стихотворение, называется «Але» – так кратко звучало имя дочери М.И. Цветаевой Ариадны. То есть уже заголовок цикла, с одной стороны, подчеркивает его автобиографичность, а с другой – намечает одно из семантических полей (далее – СП), формирующихся в нем, – СП «материнство». В тексте второго стихотворения цикла это поле реализуется через словосочетание *мой первенец светлый и страшный*, а в анализируемом произведении – через лексему *ребенок.* По мнению исследователя Романа Войтеховича, в подтексте стихотворения «И как под землею трава…» содержится ассоциация между дочерью лирической героини и персонажем романа Жермены де Сталь «Коринна, или Италия». Коринна была поэтом, обладавшим не только творче-

ским даром, но и пророческим. Благодаря наличию этой способности можно говорить о том, что с начала до конца произведения между главной героиней романа и древнегреческой Сивиллой прослеживается параллель.

При описании героини стихотворения М.И. Цветаева использует сложное метафорическое сочетание слов («пресветлые два провала в небесную бездну»), использование которого отражает сущность этого видения. Оно заключается не в физической возможности воспринимать глазами, а в способности замечать и предсказывать то, что не увидишь, а использование таких слов, как *провалы* и *небесная бездна,* позволяют говорить о возникновении СП «пустота» и СП «небытие».

При более пристальной чтении открывается глубинный смысл стихотворения, который состоит в том, что «в дочери своей Цветаева видела будущую Коринну-Сивиллу» [Войтехович 2008: 207], и тогда имя *Сивилла* становится символом тяжелой «судьбины», а смысловая структура произведения обогащается СП «творчество» и СП «судьба».

В стихотворении «Запечатленный как рот оракула…» из цикла «Под шалью» лексема Сивилла также входит одновременно в СП «материнство», СП «судьба» и СП «пустота» и является центром их пересечения. СП «судьба» возникает в первой строке и реализуется на протяжении всего произведения прежде всего через общеязыковые репрезентанты данного поля: лексемы *оракул, гадавший, будущее*. Через фразу «Уж не глазами, а в вечность дырам / Очи, котлом ведерным!» возникает образ пустых глазниц, которые в контексте всего идиолекта является признаком Сивиллы, входят в СП «пустота» и называют опустошенность после полноты жизненных событий. Также СП «судьба» и СП «пустота» реализуются и пересекаются в вопросе «что от дозору спрятала / Меж языком и нёбом?», где речь идет о не предсказанном еще будущем. Реализация СП «материнство» происходит через использование фразеологизма «рыть (копать) яму». В первом стихотворении создается образ женщины, ожидающей ребенка: «Лишь бы дождаться тебя, да лишь бы… / Многое, многое станет лишним» [Цветаева, т. 2: 239]. Таким образом, в контексте всего цикла выражение «яму какую вырыла и заложила дерном» приобретает совершенно новое значение. По мнению О.Г. Ревзиной [Ревзина 2007: 34], в центре стихотворения находится женщина, погруженная в таинство рождения ребенка. В этом состоянии она еще больше ощущает свою связь с природой, ею руководит почти звериный инстинкт, заставляющий рыть яму для предстоящих родов.

Образ Сивиллы-матери также возникает в девятнадцатом стихотворении цикла «Комедьянт», которое обращено к актерам Вахтанговской студии. Очевидно, что основным признаком сходства между лирической героиней и древнегреческой пророчицей в данном контексте становится старость (опытность), но здесь же возникает еще одна отличительная черта цветаевской Сивиллы – сравнение ее со скалой, которое присутствует также в стихотворении «Веками, вéками». «Пустынные очи» Сивиллы становятся знаком опустошенности в результате полноты пережитых, увиденных и предсказанных событий и подчеркивают полноту земного бытия. Это дает возможность рассматривать имя Сивилла как репрезентант СП «пустота» и СП «бытие».

Произведением, в котором аккумулируются все приметы Сивиллы и все СП, которые объединяет это имя собственное, на наш взгляд является цикл «Сивилла». Здесь каждая строчка содержит отличительный признак цветаевской пророчицы: сухость (*сушь, выпита, сухостями*), способность пророчить (*вещая*), седость (*седость трав*), сравнение со скалой (*каменной глыбой серой, пещера*), слепота (*слепость*), материнство (*младенец мой*) и т.д. Вместе с тем в этом цикле появляется очень важная характеристика: если раньше Сивилла была не активна, она не размыкала уст, то эта Сивилла – «действующая пророчица». Ее внутренняя пустота возникает не просто так, все лишнее уходит и освобождает место существенному, важному.

Литература

Войтехович Р. Еще раз о Сивилле Цветаевой // Войтехович Р. Марина Цветаева и античность. М.; Турту: Дом-музей Марины Цветаевой, Тартуский университет, 2008.

Ревзина О.Г. Свободная воля Марины Цветаевой // Добро и зло в мире Марины Цветаевой. XIV Международная научно-тематическая конференция 9–12 октября 2006 г. М., 2007. С. 17–36.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: В семи томах. М.: Эллис Лак, 1994–1995.

Языковая репрезентация типов автора в «маленьких» поэмах С.А. Есенина

А.А. Мамедов

Linguistic representation of author's types in S.A. Yesenin's "small" poems

Akhmed A. Mamedov

Иркутский государственный университет / Irkutsk State University

achmedved@inbox.ru

Аннотация. В работе рассматриваются различные способы авторского присутствия (эксплицитный и имплицитный автор) в «маленьких» поэмах С.А. Есенина и языковые средства их репрезентации. С помощью анализа грамматики и лексики художественного текста определяются особенности мировидения его автора: устанавливается противоречивость авторского отношения к описываемым им событиям.

Ключевые слова: эксплицитный автор; имплицитный автор; настоящее время глагола; когнитивная метафора; С.А. Есенин.

Summary. The paper discusses different forms of author's presence in S.A. Yesenin's "small" poems and addresses language means of their representation. A grammar and lexis analysis of a fictional text is used to determine key features of its author's world view: the proposed analysis reveals contradictions in author's attitude towards the created world.

Keywords: explicit author; implicit author; present tense; cognitive metaphor; S.A. Yesenin.

Данная работа посвящена выявлению особенностей авторского сознания через анализ языка его произведения. Как отмечает Г.А. Золотова, «говорящий, мыслящий, чувствующий человек – главное действующее лицо в мире и в языке. Его осмысление мира, его отношение к другим людям выражается в избираемых им языковых и речевых средствах» [Золотова 2001]. В центре нашего внимания – некоторые элементы грамматики и лексики; цель – сопоставление эксплицитного и имплицитного автора.

Материалом для исследования послужил цикл так называемых «маленьких» поэм С.А. Есенина, который включает в себя следующие тексты, созданные им в период 1917–1919 гг.: «Пришествие», «Преображение», «Товарищ», «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих», «Инония», «Иорданская голубица», «Пантократор», «Сельский часослов», «Небесный барабанщик» и «Кобыльи корабли». Традиционно эти поэмы рассматриваются как единый поэтический космогонический миф. Эксплицитно заявленная на сюжетном уровне форма присутствия автора в тексте – Демиург, основная цель которого – преобразование старого мира и создание нового. Это соответствует и тем идейным и эстетическим установкам, которым С.А. Есенин следовал в этот период своей жизни и творчества. Например, в «Преображении» Демиург представлен следующим образом: *За тучи тянется моя рука,* / *Бурею шумит песнь*.

Среди грамматических показателей эксплицитного присутствия автора в данных текстах особое внимание привлекают формы времени и императива на том основании, что

как с помощью одних, так и с помощью других говорящий прямо (от первого лица) выражает свои интенции, мировидение и т.д.

Подавляющее большинство глаголов в анализируемых текстах употребляются в форме настоящего и будущего времени 1 л. ед. и мн. ч. Это объясняется прежде всего тем, что перед нами – космогонический миф, главное для которого – идея первотворения. Специфика данных форм как наиболее частотных состоит, с одной стороны, в том, что с их помощью происходит вовлечение читателя в процесс создания нового мира. Среди актуализаторов условного момента восприятия, выделяемых Н.А. Николиной [Николина 2005: 107–110], здесь можно обнаружить, например, дейктические местоимения и наречия с указательным значением, а также указательные частицы *вот*, *вон*, употребление которых предполагает активизацию восприятия адресата: ***Вот*** *гор воитель* / *Ощупал мглу.* / *Христа рачитель* / *Сидит в углу* («Пришествие»). С другой стороны, благодаря формам настоящего времени создается эффект, что происходящее «вневременно»: *Солнце, как кошка,* / *С небесной вербы* / *Лапкою золотою* / ***Трогает*** *мои волоса* («Преображение»).

Кроме того, анализ семантики глаголов показывает, что большинство действий, совершаемых Демиургом, – конкретно физические: *несу, взойду, поднимусь, стучусь, остригу, подыму, раскушу, вздыбливаю, прокушу, выщиплю, ухвачу* и т.д. Причем большинство из них предполагает физическое воздействие деструктивного характера на объект (*остригу, раскушу, прокушу, прокопытю, проклюю*). Следующей по частотности группой является группа глаголов речевого действия: *обещаю, говорю пою, взываю кричу, славлю, зову*.

Таким образом, можно сделать вывод, что эксплицитный автор на глазах у читателей переделывает старый мир, декларативно отказываясь от него и всех его атрибутов: *Тело, Христово тело выплевываю изо рта* («Инония»).

В качестве источника для выявления имплицитного автора выбрана метафора, которая понимается в данной работе расширительно и включает разные типы образных средств (перифраза, сравнение, метаморфоза и т. д.), отражающих когнитивную деятельность человека по уподоблению явлений действительности. Когнитивный анализ метафор показал, что в сознании С.А. Есенина имплицитно присутствует идея деструкции, агрессии, связанная как со старым, уничтожаемым, миром (*Языком* ***вылижу*** *на иконах я* / *Лики мучеников и святых* («Инония»); святые лики на иконах – атрибуты христианской веры), так и с новым, являющимся желаемым для Демиурга (*О новый, новый, новый,* ***Прорезавший*** *тучи день!* («Иорданская голубица»)).

Идея деструкции поддерживается и усиливается наличием метафор с семантической доминантой *острие*: *Всех зовущих и всех дерзающих* / *Прободала* *копьем клыков* («Инония»).

Таким образом, наличие в текстах метафор такого типа говорит о том, что у С.А. Есенина не сложилось окончательного отношения ни к эксплицитно приветствуемому новому миру, ни к старому миру, который подвергается коренным преобразованиям. Анализ имплицитной информации позволяет утверждать, что в авторском сознании, с одной стороны, прочно живут символы старого мира, а, с другой, – агрессия связывается и с преобразуемым старым миром, и с создаваемым новым миром.

Литература

Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 107–113) [URL: http://www.philology.ru/linguistics1/zolotova-01.htm].

Николина Н.А. Категория времени глагола // Поэтическая грамматика / Отв. ред. Е.В.Красильникова. Т. I. М.: Азбуковник,, 2005. С. 73–187.

Несобственно-прямая речь в романе А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него»

В.Г. Моисеева

Free indirect discourse in the novel «Petrovs in flu and around it» by A. Salnikov

Viktoria G. Moiseeva

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

moisvik44@gmail.com

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению принципов построения повествовательной структуры в романе А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него». В частности, речь идет о специфике использования несобственно-прямой речи, механизмах взаимодействия голосов автора и героя.

Ключевые слова: нарратив, несобственно-прямая речь, автор, герой, А. Сальников.

Summary. The article is devoted to the consideration of the principles of constructing a narrative structure in the novel «Petrovs in flu and around it» by A. Salnikov. In particular, we are talking about the specifics of using free indirect discourse, the mechanisms of interaction between the voices of the author and the hero.

Keywords: narrative, free indirect discourse, author, hero, A. Salnikov.

Имя Алексея Борисовича Сальникова прозвучало в 2018 году, когда писатель получил премию «Национальный бестселлер» за роман «Петровы в гриппе и вокруг него». Практически во всех отзывах обращалось внимание на своеобразие языка повествования, причем получало оно прямо противоположные оценки: от восторженного Галины Юзефович: «поразительный, единственный в своем роде язык» [Юзефович 2017] – до утверждения Анны Жучковой, что вся поэтика романа держится на тех же принципах, что и коммуникативная среда соцсетей – «квинтэссенции пустоты современной жизни», и, поскольку «соцсети не предполагают долгого дыхания и обращения “в слух”», прозаическая речь Сальникова, хотя он и поэт, «лишена музыкальности и фонетической выразительности», но по той же причине – родственности с речевыми моделями соцсетей – выразительна лексика: «Здесь и модное у фейсбучной братии выражение “вот это вот все”, и диалог в стилистике подрасткового “ВКонтакте”», к этому добавляется разговорная лексика «супербытовой жизни» [Жучкова 2018]. Наблюдения А. Жучковой, позволяющие вычленить элементы «праязыка» сальниковской прозы, во многом точны, но они не дают основания для отрицательной оценки романа в целом, к чему приходит в финале своей статьи критик. Из высказываний самого писателя понятно, что это соответствует его нарративной установке: «Я стараюсь красиво не писать. Я противник литературщины. Описываю остановку, урну с окурками соответствующим языком» [Сальников. Интервью]. В другом интервью писатель говорит: «В принципе способ изложения “Петровых…” близок к моему собственному нарративу. Я туда впихнул свой способ речи – своеобразный, косноязычный» [Карабаева].

Это «косноязычие» авторского монолога создает общее повествовательное пространство героев и автора (прежде всего, конечно, речь идет о главном герое романа – автомеханике Петрове), поскольку отсутствует четкая граница между словом автора и его героев.

Одним из основных средств создания общего повествовательного пространства автора – героя в романе А. Сальникова является несобственно-прямая речь, на диалоговой природу которой указывал М.М. Бахтин. По его мысли, несобственно-прямая речь, по своим грамматическим и композиционным свойствам принадлежащая одному говорящему (автору), совмещает в себе два высказывания, две речевые манеры, два стиля [Бахтин 1979: 118]. Естественно, что

принципы коммуникативного взаимодействия в этом «дуэте» могут быть различны, но диалоговая природа несобственно-прямой речи остается безусловной. Каким же может быть диалог при условии неразличения слова автора и героя? Или мы имеем дело с монологичным по своей содержательной наполненности высказываем автора, лишь формально структурированным как несобственно-прямая речь?

На наш взгляд, у Сальникова соотношение слова автора и героя выстраивается на основе взаимодополнения, автор как бы договаривает за своих героев то, что ими уже отрефлексировано, но еще не сформулировано, не выведено на вербальный уровень. Двуголосие проявляется как реакции на происходящее в данный момент и потом, спустя какое-то время, но читателю это представлено в одном повествовательном фрагменте. Надо сказать, что этот принцип распространяется и на интроспекционные фрагменты, где ви□дение ситуации героем представляет его не в настоящий момент, а то, как он воспринимал эту ситуацию им в прошлом. Особенно очевидно это во фрагментах, где речь идет о детстве Петрова. Например, о четырехлетнем герое: «В конце коридора была дверь и был свет уличного фонаря, падавший сбоку из кухни, дробленный стеклом кухонной двери до тусклых радужных перьев, лежащих на стене и полу. Чувство, что посещало Петрова, когда он проходил по коридору, можно было назвать готическим, настолько размеры самого Петрова были несоизмеримы с размерами коридора…» [Сальников 2018: 105]. Детали картины, переживания – из детства героя, обозначение этого переживания словом «готический» – от автора, но вместе с тем в нем можно услышать и голос взрослого Петрова. Авторское слово выступает как голос «другого», пушкинским эхом отзывающегося на слово героя. Поэтому отсутствие четкой границы между сферой автора и героя работает, условно говоря, на реабилитацию героя – обычный (именно так говорит о герое критика) автослесарь с типичнейшей для российских широт фамилией Петров раскрывается как безусловно талантливый создатель своего мира. И признание Сальникова: «…это книга интроверта, о том что мы тоже люди, у нас есть интересные, яркие мысли, просто мы предпочитаем молчать» [Сальников. Интервью], – в равной степени относится и к автору, и к герою.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Жучкова А. Спасти Сальникова: Петровы вокруг него // Знамя. № 4. 2018. [Электронный ресурс. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2018/4/spasti-salnikova-petrovy-vokrug-nego.html Дата последнего обращения: 20.11.2018].

Карабаева С. «Меня пересадили в катафалк». Как уральский писатель, чьим романом болеет вся Москва, скрывается от людей: Интервью с А. Сальниковым. [Электронный ресурс. URL: https://momenty.org/people/i181858 Дата последнего обращения: 20.11.2018].

Сальников А. Петровы в гриппе и вокруг него. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018.

Сальников А. Интервью. Теперь выплачу ипотеку… [Электронный ресурс. URL: https://godliteratury.ru/projects/teper-vyplachu-ipoteku-intervyu-s-ale. Дата последнего обращения: 20.11.2018].

Юзефович Г. Безумие и норма, реальность и бред //«Медуза» от 09.09.2017. [Электронный ресурс. URL: https://meduza.io/feature/2017/09/09/bezumie-i-norma-realnost-i-bred-v-treh-russkih-otlichnyh-romanah. Дата последнего обращения 20.11.2018].

Эволюция мотива чистоты в творчестве Андрея Платонова: «Чевенгур», «Котлован», «Счастливая Москва»

Л.Н. Некрасова

Evolution of the motive of purity in Andrey Platonov's works: «Tchevengur», «Kotlovan», «Schastlivaya Moskva»

Liudmila Nekrasova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

carinjo@mail.ru

Аннотация. В работе рассматривается мотив чистоты в произведениях Андрея Платонова. Анализируются чистота бытовая и сакральная. Отмечается, что специфика мотива чистоты у Платонова связана с отражением бытовых реалий жизни в Советском Союзе.

Ключевые слова: чистота, мотив, язык Андрея Платонова, женские образы.

Summary.These proceedings deal with the motive of purity in works by Andrey Platonov. The common purity and the spiritual purity are analyzed. It is noted that the specifics of motive of purity in Platonov's works is defined by the facts of life of the Soviet Union.

Keywords: purity, motive, Andrey Platonov's language, female images.

1. Представления о чистоте играли и играют важную роль в жизни общества, причем сами представления могут меняться в зависимости от эпохи, религии, господствующей идеологии. Е.С. Яковлева отмечает: «Концепт чистоты несомненно относится к разряду культурно значимых» [Яковлева 2000: 200].

2. Единицы семантического поля «чистота» в современном русском языке употребляются в различных сферах, среди которых можно выделить такие, как:
– бытовая сфера (*чистая одежда*);
– сфера, которую условно можно назвать социальной (*чистая нация*);
– духовная сфера (*чистое сердце*).

3. В произведениях Платонова описываются как чистота бытовая, так и чистота социальная и духовная. Сакральная и бытовая чистота могут быть взаимообусловлены, так как для творчества писателя в целом характерно слияние, синкретичность абстрактного и конкретного, телесного и высокого.

4. Платонов пишет романы «Чевенгур» и «Счастливая Москва» и повесть «Котлован» в период с середины 20-х до середины 30-х годов XX века. В этот период в обществе актуализируются прежде всего чистота бытовая и социальная.

5. В послереволюционный период стремление к чистоте в быту оценивается негативно как качество, характерное для мещан, однако к началу-середине 20-х годов ситуация меняется, в Советском Союзе начинается «борьба за чистоту» и новый быт.

6. Бытовая чистота у Платонова связана прежде всего с женскими образами. Персонажи-мужчины в романе «Чевенгур» абсолютно равнодушны к удобству, комфорту и нормам гигиены: «…чевенгурские большевики жили самодельно – умывались вместо мыла с песком, утирались рукавами и лопухами». Бытовой аскетизм роднит героев с христианскими святыми.

7. Чистота может быть маркером не-жизни, означать приближение к смерти: «пахло *чистотою* сухой старости, которая не потеет и не пачкает вещей следами взволнованного тела».

8. В словаре Ушакова, выходившем в 1935–1940 годах, такое значение глагола «чистить», как «подвергать проверке с целью освободиться от чуждых элементов», дается с пометой «нов. полит». Сама идея политических чисток появляется в Советской России гораздо раньше, в начале 20-х годов. Идея классовых чисток находит отражение в тексте романа – товарищ Чепурный требует *очистить* Чевенгур «от гнетущего элемента».

9. В повести «Котлован», как и в романе «Чевенгур», «свои», социально близкие персонажи не заботятся о телес-

ной чистоте: инвалид Жачев *не чистит* зубы, спина крестьянина Елисея покрыта «целой почвой *нечистот*». *Чисто* одетыми людьми названы представители новой бюрократии, а *в чистой избе* проживает семья классовых врагов.

10. В произведении вновь возникает тема политических чисток. Сафронов, готовый немедленно воплощать в жизнь услышанные лозунги, обещает: «мы и класс свой скоро будем *чистить* от несознательного элемента».

11. Деревню в Котловане очищают от кулаков, отправляя их на плоту в море. Оставшиеся в деревне крестьяне-колхозники берегут общественное имущество и сознательно относятся к вопросам бытовой чистоты: «Жачев увидел, что это колхоз метет снег для гигиены; мужикам не нравилось теперь, что снег засижен мухами, они хотели более *чистой* зимы». С одной стороны, это чистота нового нарождающегося мира, что сакрализует чистоту в повести, с другой, ряд *зима, темнота, холод, лунный свет, снег* создает образ не живого, а потустороннего мира.

12. Герои романа «Счастливая Москва» также равнодушны к бытовой стороне жизни. Самбикин нечистоплотен, Божко спит под «насквозь прочеловеченным» одеялом, Комягина одежда согревает «лишь за счет нечистот, въевшихся в ветхость ткани».

13. Чисто одеты в романе молодые ученые, врачи и летчики на вечере в клубе комсомола, поскольку «одеваться плохо и *грязно* было бы упреком бедностью к стране». Чистота – не личный выбор героев, а проявление чувства ответственности за страну.

14. Мотив чистоты в романе связан с образом главной героини, Москвы Честновой. Платонов неоднократно подчеркивает ее телесную чистоту, но в то же время это и чистота духовная. Глаза Москвы «внимательные и *чистые*». О чистом оке говорится в Евангелии от Матфея, где око называется «светильником для тела».

15. Тело Москвы превращает скудную пищу «*в цветущую чистоту*». Герои романа мечтают найти душу, которая поможет очистить человечество от скверны. Воплощением такой мировой души, способной обратить грязь и нечистоты в цветущие пространства, и становится Москва Честнова.

Литература

Иманкулова Е.В. Трансформация концепта чистоты в культуре России XX века // Теория и философия культуры. 2012. № 1. С. 12–19.

Кретинин А. Москва Честнова и «другие» (о некоторых элементах структуры текста романа) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 3. М.: ИМЛИ «Наследие», 1999. С. 288–297.

Яковлева Е.С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и исторической перспективе // Логический анализ языка. Языки этики / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 200–214.

Филологический анализ сонета Игоря-Северянина «Тургенев»

В.В. Никульцева

The Philological analysis of Igor-Severyanin's sonnet "Turgenev"

V.V. Nikultseva

Московский финансово-юридический университет МФЮА / Moscow University of Finance and Law MFUA

severjanin@list.ru

Аннотация. В статье приводится филологический анализ сонета Игоря-Северянина «Тургенев» (1925). Композиция, образная система, идейно-тематический план стихотворения рассматриваются через анализ языковых уровней текста – лексико-семантического, фонетического, грамматического. В стилистическом отношении несомненный интерес для исследователя поэтического текста представляет и палитра изобразительно-выразительных средств, применяемых автором данного произведения.

Ключевые слова: Игорь-Северянин, филологический анализ, сонет, языковые уровни текста, индивидуально-авторский стиль, изобразительно-выразительные средства языка.

Summary. The article deals with an analysis of Igor Severyanin's sonnet "Turgenev" (1925). A composition, a system of images, a level of ideas and subjects are regarded via the analysis of the next language levels: lexico-semantic, phonetic, grammatical. Without any doubt from the point of view of stylistics a set of expressive devices used by the author in his writings is interesting for the researcher of poetic texts.

Keywords: Igor-Severyanin, the Philological analysis, a sonnet, language levels of text, an individual-authorial style, expressive devices of the language.

Игорь-Северянин (о дефисном написании псевдонима см. [Никульцева 2009: 96; Никульцева 2008: 5]) неоднократно признавался в своей любви к классическому культурному наследию. В автобиографическом романе в стихах «Падучая стремнина» (1923) одним из любимых писателей им назван Иван Сергеевич Тургенев: *Из классиков Тургенев с Гончаровым* / *Излюблены мной были: русских женщин* / *Они познали сущность* [Северянин 1999: 419].

Сонет «Тургенев» (1925), своеобразное поэтическое приношение литературному предшественнику, входит в книгу Игоря-Северянина «Медальоны. Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах» (1934), где имя классика, наряду с другими именами великих людей, окружено ореолом загадочности и святого мученичества.

Седой колосс, усталый, старый лев
С глазами умирающей газели,
Он гордый дух[1]*, над ним всю жизнь висели*
Утесы бед и смерть, оскалив зев...

Как внятен женских русских душ напев
Ему в его трагичной карусели
От Франции и до страны метели,
Где тлел к нему неправый, мелкий гнев...

Его натуре хрупкой однолюба,
Кому претило все, что в жизни грубо,
Верна любовь к певунье, в чье гнездо

Он впущен был, и – горькая победа, –
Ему <досталась> в роли Людоеда <–>
Тургеневу! – Полина Виардо...

[1] *Выражения М. Ковалевского, А. Писемского, Гонкура.* (Примеч. Игоря-Северянина) [Северянин 1999: 391].

Вызывает интерес авторская интерпретация характеристик, данных Тургеневу современниками. По данным «Словаря литературного окружения Игоря-Северянина» [Словарь литературного окружения Игоря-Северянина, т. 1: 77, 115, 173, 212], ни одна из них не точна, поскольку все они представляют собой косвенные цитаты.

Так, в основу северянинской характеристики «седого колосса» лег общий тон «Воспоминаний об И.С. Тургеневе» Максима Максимовича Ковалевского, впервые опубликованных в 1906 г. («Былое», № 1); метафора «усталый, старый лев / С глазами умирающей газели» восходит, определенно, к фразе Алексея Фиофилактовича Писемского, приводимой М.М. Ковалевским в мемуарном очерке «Две смерти»: «Под большим лбом обитали черные глаза, преисполненные в эту минуту глубокой скорби. Эти глаза, вероятно, памятны всем, знавшим Элизе [речь идет о предсмертных часах французского ученого Ж.Ж. Реклю]. Они отчасти напоминали собою глаза Тургенева, о котором Писемский мне однажды сказал: "Ну, как ждать изображения сильных типов от человека, у которого глаза умирающей газели…"». Игорь-Северянин мог познакомиться с этим очерком Ковалевского в 6-м номере «Вестника Европы» за 1913 г. Северянинские же выражения «седой колосс», «гордый дух» явно представляют собой перифразу дневниковых записей братьев Гонкуров от 28 февраля 1863 г.: «Это очаровательный колосс, нежный беловолосый великан, он похож на доброго

старого духа гор и лесов, на друида и на славного монаха из “Ромео и Джульетты”».

Многочисленные аллюзии, символы и оппозиции [Россия – Франция, сила (*лев*) – бессилие (*газель*), жизнь – смерть, неспокойная жизнь (*карусель*) – семья (*гнездо*), лед (*метель*) – огонь (*тлеть*), хрупкость – грубость чувств, естественность (*дух, душа*) – лицедейство (*роль, гнев, любовь*) и мн. др.], богатство лексики (из 56 имен и местоимений и 8 глагольных слов повторяются только 6), глубокая ирония, спровоцированная «горькой победой» над Полиной Виардо «в роли Людоеда», однотипная восходяще-нисходящая интонация вкупе с ассонансным доминированием ласкающего гласного [э], создающего звуковой портрет Тургенева в катренах, а в терцетах – протяжных гласных [о] и [у], имитирующих стон умирающего и грудные звуки меццо-сопрано Виардо, богатый синтаксис (трехчастный текст состоит из двух сложноподчиненных и многочленного сложного предложения), четкая строфика, метрика и ритмика (классическая сонетная форма опирается на 5-стопный ямб с пиррихиями и отточенной рифмой), богатство тропов и фигур (метафор, олицетворений, эпитетов, перифраз, парентез, инверсий), авторское обновление фразеологизмов и мн. др. – это узнаваемые неповторимые черты поэзии Игоря-Северянина, отдающего дань памяти и уважения старшему собрату по перу.

Этот великолепный сонет Игоря-Северянина – поэтическое подношение великому писателю и мыслителю Ивану Сергеевичу Тургеневу, образ которого был бережно храним им всю жизнь.

Литература

Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. Изд. 2-е, доп. М.: Фортуна Лимитед, 2001.

Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина / Под ред. проф. В.В. Лопатина. М.: Азбуковник, 2008.

Никульцева В.В. История одного литературного псевдонима // Русская речь. 2009. № 3. С. 96−98.

Северянин И. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / Сост., авт. предисл. и коммент. Е. Филькина. М.: Республика, 1999 [Прошлое и настоящее].

Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905−1941): био-библиографическое издание: В 2 т. / Сост. Д.С. Прокофьев. Псков: ООО «Гименей», 2007.

Стилевые течения в современной русской поэзии

И.Б. Ничипоров

Stylistic trends in modern Russian poetry

I.B. Nichiporov

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

il-boris@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены принципы моделирования художественной рельности в поэзии рубежа XX–XXI вв.

Ключевые слова: современная поэзия, андеграунд, концептуализм, стиль.

Summary. The principles of modeling of artistic reality in the poetry of the turn of the XX–XXI centuries are considered.

Keywords: modern poetry, underground, conceptualism, style.

Рубеж XX–XXI вв. и начало нового столетия ознаменовались интенсивным и разнонаправленным развитием поэзии. В завершающие десятилетия XX в. постепенно ослабляются границы между «официальной», «неофициальной» (андеграунд) и эмигрантской поэзией и формируется поле взаимодействия традиций Серебряного века, «оттепельной» поэзии, различных направлений андеграунда и собственно новейших исканий в сфере поэтического слова.

В основе концептуалистской эстетики лежит постмодернистское представление об исторической, общественно-политической, культурной действительности, о реальности частной жизни как «текстах», сотканных из множества идеологем. Эстетической реакцией на пребывание в ситуации «литературы после литературы», «стиха после стиха», «автора после автора» в поэзии Пригова, Рубинштейна, отчасти Кибирова, Сапгира становятся постмодернистская игра с ролевыми перевоплощениями авторского «я», его масками, оперирование различными «квазижанрами», принцип пародийной цитатности, создающий эффект смыслового и стилевого абсурда и нацеленный на нейтрализацию оппозиции серьезного и иронического, сакрального и профанного измерений. Эта дискурсивная стратегия не сводится к гротесковой «деконструкции» лишь советской ментальности, но постепенно расширяет сферу своей адресации и пытается обратиться к глубинным, трагедийным сферам сознания – как, например, в позднем поэтическом цикле Д. Пригова «Дитя и смерть» (1998), где мотив детской смерти предстает в абсурдистском воплощении, «расщепляется» на множество кажимостей, подобий.

В новейшей поэзии критика склонна выделять течение постконцептуализма (Дмитрий Воденников, Кирилл Медведев, Данила Давыдов, Дмитрий Соколов и др.), который «попытался повернуть орудия концептуализма в другую сторону, использовать его методы для конструирования лирического высказывания» (Д. Кузьмин). Примечателен поэтический цикл Д. Воденникова «Мои тебе чужие письма» (2006), где лирическое «я» стремится осуществить свою самоидентификацию, нащупать связи с подлинной реальностью, находясь под каскадом тиражируемых современными средствами коммуникации, подчас агрессивно звучащих текстов:

Есть такое понятие «открытые блоги», электронные дневники.
Раньше были дневники Шелли, Байрона, потом Марины Цветаевой, потом Анны Франк
(девочки спасавшейся от фашистов в нидерландском подполье),
а вот теперь наши —
открытые всем ветрам: простые, загадочные, тупые, как лопухи у дороги...
Вот девушка пишет: о как я хочу уехать отсюда! —
а потом узнаешь, что это была ее последняя запись
(ее вроде изнасиловали и убили),
а вот уже взрослая женщина пишет,
вспоминая свое детство в советской больнице (ей нет еще 40):
«..я подошла к ней ночью и положила ей на лицо подушку,
потому что это был мой единственный выход
так как я не могла больше терпеть их унижения и побои,
но я и теперь ни о чем не жалею» —
но все не так страшно (как же не страшно?),
чаще смешно, вызывающе, неинтересно...»

Если в центре художественного сознания концептуалистов и их последователей – тексты культуры, окостеневшие и нуждающиеся в творческой «деконструкции» формы языка, то эстетические устремления метареалистов («метаметафористов») направлены на погружение в тайны вещного бытия, распознавание в нем метафизического единства, родства одушевленного и неодушевленного миров, на поиск «метаметафоры», «метаболы» (К. Кедров, М. Эпштейн), позволяю-

щих осознать мироздание в калейдоскопе органичных метаморфоз и взаимных «перетеканий». Образные эксперименты на стыке символистской, авангардной поэтики и новейших принципов моделирования образного пространства были осуществлены в поэзии И. Жданова, А. Парщикова, А. Еременко, ранней Ольги Седаковой… На диалогической интерференции лирического «я» и предметного бытия построен образный мир книги стихов Владимира Аристова «Месторождение» (2008), где вещный космос «города-мира» циклически «происходит» из воспринимающего его сознания:

Город вокруг – не видит тебя
И ты лишь ладонь его чувствуешь
что́ это… легкая дрожь купюры, детский флажок или вымпел под ветром

и вокруг снег – руина, но все ж нерушим

просит город-мир, чтобы ты бродил
по улицам его, садам
даря ему его отдаленный смысл

Ты играешь пальцами
на сумке своей
или дереве старой гитары

И хотя город каждым жестом своим
торжественно тебя опережает
он не произойдет без тебя.

А в поэтической книге Аркадия Драгомощенко «На берегах исключенной реки» (2005) ритмы бытия природно-предметного мира постигаются в качестве коммуникативно ориентированного «текста» со своей грамматикой и лексикой:

Озерный надломленный лед.
Край слишком прост, чтобы сказать: вот –
потускневших полей алфавита сколы.
Однообразны послания птиц,
но начинающий их разбирать
к концу забывает, о чем он читает.
Так и этой весной юг возвращает стаю за стаей,
так и в этот год они возвращаются югом,
как плата за песчаник под снегом,
нашаривающий шаги;
случайна где ягода;
радуги темнее в нижнем пределе,
идущих в руслах глаголов
волокнистых времен…

Одним из очагов притяжения в современной поэзии критика называет «постакмеистический канон», «пространство постакмеистического мэйнстрима» (Д. Кузьмин). Это весьма разнородное явление, условно сближающее поэтов «ленинградской» школы разных поколений (И. Бродский, Е. Рейн, В. Кривулин, Елена Шварц), представителей группы «Московское время» и др. Из младших поэтов могут быть названы Мария Степанова, лауреат премии им. А. Белого за сборник «Физиология и малая история» (2005), экстраполирующая акмеистическую поэтику телесности на прочтение «текстов» больших и малых историй («Желание быть ребром», «Баллюстрада в Быково», «Сарра на баррикадах» и др.), Арсений Ровинский, работающий в последние годы на стыке переосмысленного акмеизма и абсурдистской поэтики (сборник «Ловцы жемчуга», 2012) и др.

При всем многообразии индивидуальных и «направленческих» поисков в современной поэзии, очевидны, однако, ее пока не вполне преодоленная зависимость от парадигм художественного мышления прошлого столетия, балансирование между классическим словом и разноплановыми модернистскими и постмодернистскими практиками.

Литература

Богданова О.В. Современный литературный процесс (к вопросу о постмодернизме в русской литературе 70–90-х годов XX века). СПб., 2001.

Васильев И.Е. Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург, 2000.

Кузьмин Д. Русская поэзия в начале XXI века [Электронный ресурс. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/kuzmin-review. Дата последнего обращения 22.10.2018].

Роман свидетельствует: Изображение потерянного детства у В. Набокова

Т.Л. Новикова

A Novel Testifies: Nabokov's Depiction of a Lost Childhood

Tatyana L. Novikov

Университет штата Небраска (США) /
tnovikov@unomaha.edu

Аннотация. В центре романа Набокова «Лолита» – преступная связь героя со своей падчерицей. Критики пытаются оправдать действия героя, но роман раскрывает зло педофилии.

Ключевые слова: Набоков, «Лолита», лингвистическая поэтика, литераура русской эмиграции.

Summary. Nabokov's novel *Lolita* revolves around the main character's affair with his step-daughter Lolita. Some critics tend to justify Humbert's actions and view his relationship with as a great love story. The novel exposes the hero as a tyrannical sex offender.

Keywords: Nabokov, *Lolita*, linguistic poetics, Russian émigré literature.

В романе-исповеди Набокова запечатлена история Гумберта, чья страсть к малолетним девочкам реализовалась в его преступной связи с двенадцатилетней Лолитой. Некоторые литературные критики склонны оправдывать действия героя и, обманутые образным поэтическим языком, в котором он облекает свое извращение, наивно видят в Гумберте романтического героя любовного романа, считая, что его поведение продиктовано любовью. Гумберт пытается сделать из себя героя мелодрамы, называет себя «романтической душой», поэтом, мечтающем о недосягаемом идеале. Он создает эротический прецедент своих преступных действий, подчеркивая, что его соединяет сродство с великими литературными предшественниками – Вергилием, Данте, Петраркой – а также отождествляет себя с Эдгаром По. Исповедь героя изобилует перекличками со стихотворением «Аннабел Ли» которое, как полагает Гумберт, было написано по мотивам жизни поэта.

Лингвистический анализ романа показывает, что под великолепным прикрытием романтического языка Гумберт пытается найти облагораживающую идею для своих действий, показать, что нимфетки околдовывают «очарованных странников». Возвышенный метафорический стиль речи рассказчика представляет Лолиту «бессмертным демоном в образе маленькой девочки», а его самого жертвой, попавшей

под чары «маленького смертоносного демона». Пытаясь выдать свою исповедь за роман о любви, хитрый рассказчик приукрашивает себя и свои поступки, а высокопарное красноречие «сумрачного романтика» призвано скрыть творимое им зло. Внимательный читатель не может не заметить, что как человек девочка его не интересует; поэтические образные описания Лолиты показывают, что Гумберт видит в ней исключительно объект собственного сладострастия: «Я смотрел на нее розовую, в золотистой пыли, на нее, существующую только за дымкой подвластного мне счастью, не чуюшую его и не чуждую ему, и солнце играло у нее на губах».

Анализ поэтики романа и языка, которым Гумберт пользуется для оправдания своего поведения, разоблачает лживость его утверждений. В редкие моменты откровения Гумберт сбрасывает с себя маску лицемера и обнаруживает понимание трагической судьбы девочки. При этом уровень его речи снижается до обычного разговорного стиля. Гумберт признает право ребенка на любящего отца, на собаку и на «щекастого брата» – на все общепринятые части нормального, но недоступного Лолите детства: «Моя любимая шаблонная Лолита за время нашего с ней неслыханного безнравственного сожительства постепенно пришла к тому, что даже самая несчастная семейная жизнь предпочтительна пародии кровосмесительства – а лучше этого я не мог дать моей бездомной девочке». В конце романа, с предельной ясностью увидев и себя и свою «любовь», Гумберт оказывается способным на раскаяние за растление девочки, обнаруживая в себе «маньяка, лишившего детства северо-американскую малолетнюю девочку Долорес Гейтз». Язык рассказчика, уже не выспренно-романтический, а реалистически детализированный, называет вещи своими именами, откровенно признавая совершенное зло. Девочка появляется в его повествовании не как «колдовская нимфетка,» а как самостоятельная личность, впервые названная своим настоящим именем, отдельная от его неистовых фантазий. Это признание и составляет окончательное прозрение, представленное в романе.

Литература

Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина. СПб.: Академический проект, 2004.

Набоков Владимир. Лолита. М.: Эксмо-Пресс, 2000.

Balakian Nona. The Prophetic Voyage of the Anti-heroine // Lolita / Ed. Harold Bloom. P. 20–23.

Fiedler Leslie A. The Revenge on Woman: From Lucy to Lolita // Lolita / Ed. Harold Bloom. New York: Chelsea House Publishers, 1993. P. 5–10.

Fowler Douglas. Reading Nabokov. Ithaca: Cornell University Press, 2014.

Molnar Thomas. Matter-of-Fact Confession of a Non-Penitent // Lolita / Ed. Harold Bloom. P. 38–44.

Pifer Ellen. Demon or Doll. Images of the Child in Contemporary Writing and Culture. Charlottesville; London: University Press of Virginia, 2000.

Rampton David. Vladimir Nabokov. A Critical Study of the Novels. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Rougemont Denis. “Lolita” or Scandal // Lolita / Ed. Harold Bloom. P. 45–50.

Trilling Lionel. The Last Lover: Vladimir Nabokov’s “Lolita” // Lolita / Ed. Harold Bloom. P. 51–57.

Wills Gary. The Devil and Lolita // Lolita / Ed. Harold Bloom. P. 58–66.

Wood Michael. The Magician’s Doubts: Nabokov and the Risks of Fiction. Princeton: Princeton University Press, 2005.

Синтаксис Е.А. Баратынского как предмет лексикографического описания

Н.В. Патроева

The syntax of E.A. Baratynsky as a subject of the lexicographical description

N.V. Patroeva

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

nvpatr@list.ru

Аннотация. Синтаксис «поэта мысли» Е. Баратынского впервые фронтально описывается в структурно-функциональном аспекте и в тесной связи с метрикой, жанром и архитектоникой стихотворного произведения. Анализ поэтического высказывания на материале романтической лирики предлагается как иллюстрация методики составления синтаксического поэтического словаря в рамках проекта, осуществляемого на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета.

Ключевые слова: поэтический синтаксис, грамматика поэтического текста, синтаксический словарь, лингвистика стиха.

Summary. For the first time the syntax of the “poet of thought” E. Baratynsky was frontally described in the structural-functional aspect and in close connection with the metric, genre and architectonics of the poetic work. The analysis of the structure, communicative task and semantics of the poetic utterance on the material of the romantic lyric is offered as an illustration of the methodology for compiling the syntactic poetic dictionary in the framework of the project approved by the Russian Foundation for Basic Research carried out at the Russian Language Department of Petrozavodsk State University.

Keywords: poetic syntax, grammar of poetic text, syntactic dictionary, linguistics of verse.

Стихотворный синтаксис в целом остается сравнительно мало исследованной областью, и вопросы о том, что такое «поэтический синтаксис», какова его основная единица, какими особенностями синтаксическая организация стихотворного текста отличается от синтаксиса прозы, а синтаксис лирики – от синтаксиса эпоса или драмы, как взаимодействуют в системе поэтического текста ритм, размер, метр, каталектика, рифмовка, синтаксис, по-прежнему актуальны и ждут специального комплексного анализа. Создание синтаксического словаря поэтической речи (проект, осуществляемый сотрудниками кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета с 2015 г.) имеет важное значение и для углубления познаний в области истории русского литературного языка, диахронической грамматики. Обычно декларируется, что процессы образования норм литературного языка протекали в сфере так называемой «новой» художественной прозы Карамзина и Пушкина, однако с 1730-х годов в русской литературе эпохи классицизма, сентиментализма и романтизма преобладали именно стихотворные жанры, между тем вопрос о том, чем культура русского литературного слова обязана стиховой речи в области синтаксиса, до сих пор изучен неудовлетворительно. Синтаксический поэтический словарь предоставляет в распоряжение филологической общественности ценные сведения и материалы для создания в ближайшем будущем фундаментальной исторической грамматики русского языка XVIII–XIX в., в силу того что в этот период судьбы языка поэзии и литературного книжно-письменного языка были тесно связаны и реформаторами языка, не только «теоретиками», но и «практиками» являлись именно поэты – А.Д. Кантемир, М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, Н.М. Карамзин. А.С. Пушкин. Словарь предлагает характеристику синтаксических особенностей поэтических высказываний в тесной связи с метром, строфической организацией, жанровой принадлежностью текста, поэтому материалы словаря могут стать хорошим подспорьем для продолжения исследований в области лингвистики стиха как научной области, в последние десятилетия активно и плодотворно развивавшейся усилиями не лингвистов, а стиховедов.

Синтаксический словарь русской поэзии демонстрирует репертуар синтаксических конструкций, используемых русскими поэтами XVIII – середины XIX века и является по своему предназначению сводным писательским словарем,

демонстрирующим основные тенденции в эволюции синтаксических доминант русской поэтической речи, отдельных поэтических идиостилей, а также в развитии русского литературного языка ломоносовской, карамзинской и пушкинской поры в целом и позволяет представить общую картину формирования синтаксических норм русской силлабической и силлабо-тонической поэзии малых и средних жанров в аспекте их становления, изменчивости либо преемственности и в тесной связи с динамикой норм жанрово-стилистических и ритмо-метрических.

Особую роль в этом процессе формирования русской «поэзии мысли» сыграли творческие поиски Е.А. Боратынского, создателя первого в отечественной словесности лирического цикла «Сумерки» (1842 г.), с его «трудной» поэтикой, «архаизированным, затрудненным языком» [Томашевский 1959: 404], «сгущенной» метафоричностью. Преобладание сложных многочастных предложений надо всеми остальными структурными разновидностями, а также большая доля гипотаксиса в построении и семантике конструкций, думается, вполне предсказуемо, во-первых, потому, что поэтический синтаксис вообще характеризуется сугубой сложностью, поддержанной родовым для лирики требованием выразить максимум личностно окрашенного размышления, переживания в сжатой форме стихотворения, во-вторых, философской направленностью сборника «Сумерки». В создании цикла участвуют около 140 обособленных оборотов (в среднем 7 обособлений на 1 стихотворение). Это пристрастие «поэта мысли» к расчленяющим и одновременно предикативно «сгущающим» фразу обособлениям, однородным рядам сближает стиль «Сумерек» с традицией классицистической оды.

Сложные построения в цикле «Сумерки» сопровождают чаще смешанные формы, сочетающие разностопные ямбы или ямб с хореем, а также амфибрахий. Предложения с утяжеляющими движение стиха обособленными оборотами очень характерны для 6-стопного ямба и гекзаметра – размеров с восходящим к классицистической традиции XVIII в. ореолом «высоких» жанров. Простых конструкций больше в 5-стопном ямбе и 4-стопном хорее, песенном размере, требующем легкости в построении. Таким образом, более сложное синтаксическое устройство наблюдается в стихотворениях полиметрических и разностопных. Только 15% предложений совпадают с границами строфы – довольно низкий показатель в сравнении с другими авторами, притом что 17% предложений еще начинаются или завершаются посередине строки, а енжамбементы встречаются в среднем в соотношении 1 на 3 стиха, а также переносы части предложения из строфы в строфу, – таким Баратынский стремится преодолеть инерцию симметрии стихового, строфического и синтаксического членения.

Итак, основные черты синтаксической организации цикла «Сумерки» позволяют выявить архаизаторскую тенденцию к структурно-семантическому и ритмо-мелодическому усложнению в поэтической грамматике позднего Баратынского.

Литература

Томашевский Б.В. Стих и язык. М.: ГИХЛ, 1959.

Поэтическая идеология реформирования русского языка: первая четверть XX века

Е.А. Певак

Poets as Ideologists of Russian Language's Reforming: the First Quarter of the 20th century

E.A. Pevak

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

epevak@yandex.ru

Аннотация. В центре внимания особенности восприятия языка и языковых норм поэтами первой четверти XX века и выяснение мотивов, побуждающих их по-своему реформировать грамматический строй русского языка в соответствии с теми эстетическими задачами, которые они перед собой ставили.

Ключевые слова: поэзия, грамматика, символизм, постсимволизм, авангардизм.

Summary. The peculiarities of Russian poets' (symbolists, acmeists, futurists, imaginists) perception of language and its norms are discussed. The reasons that encourage them to reform the grammatical structure of Russian language are analysed, firstly, the accordance with the aesthetic tasks they set.

Keywords: poetry, grammary, symbolism, postsymbolism, avant-garde.

Влияние поэтического слова на выработку норм литературного языка (как и варьирование существующих языковых форм и создание новых в поэзии) очевидно. Влияние это постоянно и непрерывно, но бывают периоды в истории русской словесности, когда поэты проявляют явную агрессию в отношении общепринятых правил. Обусловлено такое агрессивное поведение и объективными, и субъективными факторами. В ряду объективных – возникающая время от времени необходимость обновления языковых средств, когда книжный язык оказывается не в состоянии словесно оформить меняющийся ландшафт политической, экономической, идеологической и культурной жизни. Перемены эти затрагивают по мере своего распространения и бытовую сферу, где по-своему трансформируются *феномены* и *ноумены* меняющегося мира.

Поэтический язык, оказываясь на пересечении разных сфер существования человека, имеет еще один стимул к изменениям, – стимул субъективно обусловленный и продиктованный выбором определенной эстетической парадигмы, в которой существует поэт.

Показательна в этом смысле поэтическая речь представителей символизма как эстетической концепции в России. Поэзия в достаточной степени «головная» и ориентированная на систему религиозно-философских взглядов, дрейфующих в сторону субъективного ли (что характерно было для В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта, Ф. Сологуба, А. Белого) или объективного идеализма (с религиозно-обновленческим уклоном – у Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, более абстрактно – у Вяч.И. Иванова), символизм с первых лет своего существования двигался по пути намеренного усложнения поэтической образности. Для этой цели символистами были востребованы перефрастические ресурсы русской речи, позволяющие структурировать фразу так, чтобы увести читателя из мира вещей в мир предельно субъективированных ощущений. Такой поэтический солипсизм – в импрессионистической стилистике – представлен в поэзии К.Д. Бальмонта, в текстах А. Белого (причем как в поэтических, так и в прозаических, в том числе в статьях теоретического характера) – в форме русской поэтической зауми, со временем выросшей в словесные эксперименты русских поэтов-авангардистов: так группа «Лирика», опекаемая А. Белым, превратилась в футуристическую «Центрифугу». Вяч. И. Иванов тоже превращающий поэзию в своеобразный иллюстративный материал, наглядно демонстрирующий новые смыслы новых поэтических теургов, создает культурно-перегруженные тексты, пытаясь преодолеть разрыв между субъектом и объектом на основе идеи непрерывности и всеобщности процессов во Вселенной во всех ее измерениях.

Сосредоточившись на ноуменальных аспектах русской речи, символисты наметили в то же время в своей практике те направления работы с поэтическим языком, которые получили продолжение в манифестах и литературном творчестве постсимволистких авторов: ярко выраженная субъектность текста и одновременно обращение к надсубъектным пластам культуры, откуда в тексты ряда поэтов постсимво-

листского периода *перетекают* речевые образы праславянского мира.

Об этом свидетельствуют отражающиеся в языке поэзии эстетические постулаты *наследников-соперников* символизма – акмеистов. Поставив себе цель (в языковой сфере) очистить поэтическое слово от культурных наслоений, акмеисты предполагали совершить поворот от *ноуменального* языка символистской поэзии к языку *феноменальному*, что соответствовало их общей установке – заменить абстракцию конкретикой. Но «поход» акмеистов за конкретикой не ограничивал поэтов в возможности субъективной интерпретации феноменального мира, который в их изложении приобретал форму *биографии*, личностно окрашенного *вещного* мира (можно сказать, что одним из пионеров в этом «присвоении» реальности был М.А. Кузмина, среди его последователей ранняя А.А. Ахматова; а также и кубофутуристы, в частности Елена Гуро, отчасти Б. Пастернак, М. Цветаева).

Процесс якобы упрощения поэтического языка, покидающего территорию смыслов и приближающегося к повседневной бытовой реальности, сопровождался его метафоризацией, что отчетливо проявилось в авангардной поэзии: у кубофутуристов и поэтов «Центрифуги». Работа же с метафорой потребовала синтаксического сопровождения, и иногда ломка устоявшейся структуры фразы происходила с помощью дробления поэтических строк – *лесенки*.

В это же время другая часть футуристов, близких к акмеизму, решала похожие задачи субъективизации материального мира, оставаясь в рамках нормы, что отражалось в их поэтическом языке. Примером может служить поэзия И. Северянина, не чуждого словесных экспериментов, но достаточно скромных и протекающих скорее в сфере словотворчества.

Вообще слово становится для части футуристического сообщества точкой приложения особых усилий, но структурные эксперименты по созданию новых словоформ не только базировались на идее обновления языка поэзии для сближения его с реалиями времени, но и были нацелены на «оживление» слова. Интерес представляют теоретизирования на эту тему поэтов группы «Лирень», не открывших новую страницу в работе поэтов начала XX века с языком, но ясно прописавших в своих программных выступлениях общую тенденцию преодоления рационализма в поэзии и стремления к эмоциональной наполненности слова, ради которой допустимо и даже приветствуется нарушение языковых норм, примерно так, как это было в лермонтовской строчке: «Из пламя и света рожденное слово».

Эмоционализм (не как отдельная группировка, сложившаяся и заявившая о себе в начале 1920-х гг.) как набирающий обороты тренд начиная с 1910-х гг. в противовес умствующему символизму оборачивается призывами имажинистов отсечь содержательную часть поэтического текста («Тема, содержание – это слепая кишка искусства…»; из «Декларации» имажинистов). Следствие этой переориентации – от мыслимого образа к образу сенсуальному – лозунг «Долой грамматику», прозвучавший в выступлениях имажинистов, которые начатый символистами процесс подчинения языка законам поэзии довели до логического абсурда, позволяющего в то же время понять специфику взаимоотношений поэта с языком и его нормами, обусловленную во многом эстетическими приоритетами.

Семантическая сочетаемость классов метафор и сравнений в языке художественной литературы (классы «Ткани, изделия из тканей» и «Человек»)

З.Ю. Петрова

Semantic compatibility of classes of metaphors and similes in the language of literature (classes «Fabrics, articles made of fabrics» and «Human»)

Z.Yu. Petrova

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) / Vinogradov Institute of Russian Language RAS (Moscow)

zoyap@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена проблеме сочетаемости классов компаративных тропов (образных параллелей) в художественном тексте. Рассматривается класс тропов с образами сравнения из семантического поля «Ткани, изделия из тканей» и его взаимодействие с классом тропов с образами сравнения, относящимися к семантической категории «Человек». Выявляется роль метафор и сравнений с опорными словами поля «Ткани, изделия из тканей» в создании олицетворения. Приводится классификация образных ситуаций, в которых сочетаются тропы двух названных семантических групп.

Ключевые слова: метафора, сравнение, семантическая сочетаемость, олицетворение, язык художественной литературы.

Summary. The work is devoted to the problem of compatibility of classes of comparative tropes (figurative parallels) in the literary text. The class of tropes consisting of figurative usages of words from the semantic field «Fabrics, articles made of fabrics» is considered and its interaction with the class of personifying tropes. The role of metaphors and similes belonging to the figurative field «Fabrics, articles of fabrics» in the creation of personification is revealed. The classification of figurative situations in which the metaphors and similes of the two mentioned semantic groups are combined is given.

Keywords: metaphor, simile, semantic compatibility, personification, language of literature.

Среди разнообразных явлений, происходящих при функционировании метафор и сравнений в тексте художественного произведения, важное место принадлежит взаимодействию тропов различных семантических классов. Одними из самых активных в плане такого взаимодействия можно считать метафоры и сравнения семантической категории «Человек», или персонифицирующие тропы. Они часто сочетаются с тропами, образы сравнения которых относятся к семантической категории «Предметы, сделанные человеком», что обусловлено тесной взаимосвязью соответствующих денотатов в реальной действительности: ситуациями, в которых человек-деятель манипулирует разными предметами. Чаще всего, по нашим наблюдениям, среди тропов с опорными словами, обозначающими артефакты, с персонифицирующими тропами сочетаются метафоры и сравнений класса «Ткани, изделия из тканей». В ряде случаев именно опорное слово поля «Ткани», чаще всего подполя «Одежда», в сочетании с обозначением некоторой природной реалии, создает антропоморфный образ, т.к. быть одетым во что-л. свойственно человеку, например, образ «одежда деревьев»: *одежда*: «Там рощи в *одежде* зеленой» (Державин), *наряд*: «Сад густой сияет Свежестью наряда» (И. Суриков), *кринолины*: «Пальм зеленых кринолины Пышным снегом занесло!» (С. Черный), *сарафан*: «Будто с девьих плеч Сарафан на березу надели» (Б. Корнилов), *майка*: «На лужайке старый клен, Старый клен в зеленой майке (Сельвинский), *мундир*: «Вечнозеленый лес, Как бы в охотничьем мундире « (Ладинский).

В большинстве контекстов в образное описание, помимо слов класса «Ткани», включаются и другие персонифицирующие элементы: предикаты («[заря] *играет*, *резвится*, веет своею газовою *мантильею*» (Марлинский), часто глаголы движения, соматизмы, обозначения лиц. В поэзии XVIII – начала XIX в. такие тропы включаются в аллегорические описания зимы, осени, весны и т.п., например, у Державина: «Идет седая чародейка [Зима], Косматым машет рукавом», «Идет осень златовласа, Спелые несет плоды; Красно-желта ее ряса Превратится скоро в льды». В таких контекстах сте-

пень персонификации, безусловно, выше. В языке художественной литературы XX–XXI вв. образы ночи, зимы, осени, весны с включением в них названий тканей, одежды могут сохранять возвышенную стилистическую окраску, например: «В длинном черном *одеяньи*, В сонме черных колесниц, В бледно-фосфорном сияньи – Ночь плывет путем цариц» (Блок) (ср. образ конца XVIII в.: «В черной *мантии* волнистой, С цветом маковым в руках И в короне серебристой – В тонких, белых облаках [Ночь]» (И. Дмитриев)), но чаще разнообразятся путем использования совсем других элементов семантического класса «Ткани, одежда», например, ночь – в *трико*: «В потерянной комнате пахло молью И полночь скакала в черном *трико*» (Шершеневич), в *бурке*: «На затылок хребет заломивши Кавказский, В черной *бурке* проносится южная ночь» (Антокольский), весна – в *трико*, *зипуне*, *тряпье, порванном белье*: «Да, да, конечно – напомнить: на красной трапеции В зеленом *трико* Весна» (Мариенгоф), «Вернулась весна в апреле – хмельная, в *зипуне* нараспашку, прошлась по лугам…» (Соколов-Микитов), «Все молчит: зверье, и птицы, И сама весна. Словно вышла из больницы – Так бледна она. В пожелтевшем, прошлогоднем Травяном *тряпье* Приползла в одном исподнем, *Порванном белье*» (Шаламов).

Обозначения лиц, сочетающиеся в контексте с названиями одежды, весьма разнообразны, некоторые из них повторяются, например *царь*, *царица*, *монарх*, *властелин*, *невеста*. Надо отметить, что названия некоторых видов одежды (чаще всего связанных с их назначением) определяют круг соответствующих обозначений лиц, например названия церковной одежды: *риза*, *ряса*, *схима*, *фелонь* – сочетаются с образными обозначениями *священник*, *иерей*, *монахиня*, *схимница* и пр.: «Ночь, как *священник* в черной *рясе*, Степь обходила, рожь кропя» (Нарбут), «Вон обезглавлен *иерей* – Сосна в растерзанной *фелони*» (Клюев), ср. также *мантия* – *кардинал*: «Солнце! / Чего расплескалось / *мантией*? / Думаешь – *кардинал*?» (Маяковский), *пеленки* – *младенец* и пр.

Денотатам, соответствующим образному обозначению одежды (ткани), и обозначению одетого в нее (покрытого ею) субъекта, свойственно широкое варьирование: снег, дождь, свет, тьма, туман, дым и т.д. могут быть одеждой деревьев, гор, земли, воды, неба, солнца, луны, города, дома и т.д.

Кроме совокупности образных контекстов, описываемых с помощью названий тканей и изделий из них, которую можно назвать «некто в одежде», встречающихся в художественных текстах наиболее часто, обозначения рассматриваемого класса опорных слов участвуют и в описании разных других образных ситуаций: «раздевание, отсутствие одежды» («Лысый фонарь / сладострастно снимает / с улицы / черный чулок» (Маяковский)), «переодевание» («[море] Как безрассудно ты порой Меняешь нежное убранство На плащ тревоги боевой» (В. Кириллов)), «создание ткани, изделий из ткани и нитей» («Как баба, выткала за сутки Речонка сизое рядно» (Клюев), «Туча кружево в роще связала» (Есенин), «Вяжет вьюга из хлопьев чулок» (Пастернак)), «расстилание, развешивание ткани» («Но лишь только свой белый ковер зима разостелет…» (М. Дмитриев), «ночь раскинула над усталой землей свое прохладное одеяло» (Лесков), «Осень развесила красные ткани» (Ходасевич)) и ряд других, более редких, ситуаций: «поднятие знамени», «поднятие паруса», «разрывание, разрезание ткани», «полоскание одежды», «использование ткани в медицинских целях: перевязка, компресс» (в таких контекстах употребляются слова марля, бинт: «И скоро облачной не хватит марли На перевязки раненому дню» (Тихонов)).

Взаимодействие тропов с опорными словами класса «Ткани, изделия из тканей» с олицетворением, вариативность заполнения актантов указанных выше ситуаций создает огромное множество вариантов реализации смыслового инварианта тропов.

Семантика имени в контексте культурных концептов (на материале рассказа А.П. Чехова «Враги»)

Е.А. Пономаренко

Semantics of the name in the context of cultural concepts (based on the material of the Chekhov's story "Enemies")

Elena A. Ponomarenko

Крымский Федеральный университет имени В.И. Вернадского (Симферополь) / V.I. Vernadsky Crimean Federal university (Simferopol))

altai2005@yandex.ru

Аннотация. В статье речь идет об именах собственных в рассказе А.П. Чехова «Враги», которые персонифицируют конфликт и создают семантико-стилистическое единство художественного произведения.

Ключевые слова: художественный прием, художественная деталь, символический смысл.

Summary. The article deals with the names of their own in the story of Chekhov's "Enemies" who personify the conflict and create a semantic and stylistic unity of the work of art.

Keywords: artistic technique, artistic detail, symbolic sense.

Имена собственные в произведениях А.П. Чехова часто наполняются особым смыслом и служат для «сцепления семантико-композиционной структуры текста» [Фатеева 2011: 340].

Рассказ «Враги» написан в 1887 году. Повествование в рассказе сосредоточено на взаимоотношениях главных героев, образующих два противоположных «мира»: «мир» доктора Кирилова и «мир» дворянина Абогина. Кирилов – земский доктор, верный традициям русской медицины, который, несмотря на личное горе (смерть единственного сына), едет в имение Абогина, чтобы спасти его жену от сердечного приступа. Основной прием художественной изобразительности, используемый А.П. Чеховым в данном рассказе, – антитеза. Именно в противопоставлении главных героев даны их портретные и речевые характеристики. А.П. Чехов использует традиционный для литературы прием «говорящих фамилий», отмечая при этом, что семантика каждого антропонима сообщает имени символический смысл. Так, «ключом» к пониманию образа доктора Кирилова является каноническое мужское личное имя *Кирилл,* которое выполняет роль производящей основы для антропонима *Кирилов.* Помимо этого, определенная семантико-функциональная значимость имени *Кирилл* обусловлена культурно-религиозными обстоятельствами, в соответствии с которыми образ доктора воспринимался как подобие Бога-Вседержителя – вершителя человеческих судеб.

Что касается образа Абогина, то ему А.П. Чехов уделяет особое внимание, останавливаясь как на характеристике его фамилии, так и на описании его внешнего облика. Фамилия Абогин соотносится со словом, имеющим приставку *а-* «…(гр. *а..., ап… не-, без-*), которая при образовании прилагательных и существительных вносит значение отрицания или отсутствия какого-л. качества, свойства» [Словарь иностранных слов и выражений 2000: 15], то есть *А + бог + ин* существующий вне идеи Бога. В данном контексте приставка *а-* акцентирует отсутствие качества. И действительно, в тексте дворянин Абогин представлен как человек, живущий вне ценностей духовной культуры. Он – эгоист, полностью поглощенный собственными интересами, думающий о своем благополучии и спокойствии.

Важной составляющей чеховского текста является художественная деталь. В начале рассказа А.П. Чехов рисует сцену встречи Кирилова и Абогина. Автор представляет своих героев посредством эпитетов: «*расстегнутая* жилетка», «*мокрое* лицо»; «*белое* кашне», «*бледное* лицо», получающих в тексте дальнейшее смысловое развитие. Для характеристики образа Абогина в контекст вводится деталь дресс-кода того времени *белое кашне*. Важно подчеркнуть, что в эпоху А.П. Чехова *белое кашне* – это не просто модный аксессуар, согревающий в холодную погоду, но и знак, указывающий на принадлежность лица к высшему обществу и, как следствие этого, на социальный характер поведения. Примечательно, что словосочетание *белое кашне* в рассказе эквивалентно русскому фразеологизму *белая кость* – «человек знатного происхождения или принадлежащий к привилегированному сословию в дореволюционной России» [Фразеологический словарь русского языка 1968: 209]. Для А.П. Чехова в данном случае особым значением обладает цветовая характеристика аксессуара, поскольку прилагательное *белый* в произведении получает индивидуально-авторскую семантику – реализуется значение «черствость, бессердечность».

Заметим также, что характерной чертой внешнего облика персонажа является его сходство со *львом*, которое передается посредством языковых единиц, описывающих экстерьер этого животного: *грива, львиный, ноздри, большая голова*.

Словари дают информацию культурологического плана, основанную на ассоциациях с природными качествами «царя зверей»: «ЛЕВ, льва, м. 1. Крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих, желтоватой окраски, с пышной гривой у самцов. || Скульптурное изображение этого животного на столбах ворот, на подъездах, на лестницах, а также изображение его на гербах» [Ушаков 2001, т. 1: 242]. По мнению И.Р. Гальперина, ассоциативные связи возникают «в силу свойственной нашему сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным и общественным опытом» [Гальперин 1981: 45]. Поэтому издавна в русской культуре *лев* воспринимается как один из самых древних мифологических символов: символ высшей божественной силы, мощи, власти, величия; солнца и огня. В условиях изменившегося исторического контекста образ *льва* получает иное наполнение. Дело в том, что в России, во второй половине XVIII в., как отражение дворянской культуры формируется новое социальное явление – «свет». В это время слово *лев* стало употребляться с прилагательным *светский,* получив значение: «законодатель мод, правил светского поведения, покоритель женских сердец (устар., ирон.)» [Ушаков 2001, т. 1: 242]. Казалось бы, портретная характеристика Абогина, которую дает А.П. Чехов (манеры, речевое поведение, физические характеристики) должна соответствовать человеку благородному, которому свойственны честь и достоинство. Однако, по мере развития сюжета, перед нами предстает другой человек – эгоистичный и неискренний, человек бездушный с фальшивыми манерами.

Таким образом, семантика имени собственного представляет сложный комплекс лингвистических и экстралингвистических сведений. Имена собственные репрезентируют национально-культурное своеобразие различных эпох и участвуют в построении подтекста произведения.

Литература

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Е.С. Зенович. М.: ООО «Издательство АСТ»; Олимп, 2000.

Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и межтекстовых связей в художественном тексте. Теория литературы. Т. II. Произведение. М.: ИМЛИ РАН, 2011.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: «Советская энциклопедия», 1968.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: Вече, 2001.

Топика как один из объектов лингвостилистического анализа

А.П. Романенко

Topic as one of the objects of linguostylistic analysis

A.P. Romanenko

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского / Chernyshevsky Saratov State University

sandji93@mail.ru

Аннотация. Характеризуется топика как система морально-идеологических норм культуры, скоррелированных с соответствующими концептами и реализующихся на примере советской культуры ключевыми словами и выражениями.

Ключевые слова: топосы, концепты, анализ текста, советская культура, упрощение.

Summary. The topic is characterized as a system of moral and ideological norms of culture, correlated with the relevant concepts and implemented by the example of Soviet culture keywords and expressions.

Keywords: topos, concepts, text analysis, Soviet culture, simplification.

Риторическое понятие топики (система топосов или топов, или общих мест) касается прежде всего неявных, имплицитных, скрытых смыслов текстов. Это информация, которая не нуждается в процессе коммуникации в прояснении, комментировании, даже назывании. Но при анализе содержательной и формальной сторон текста топику нужно разбирать и комментировать, так как филологический анализ должен выявлять не только эксплицитную, но и имплицитную информации [Бакланова 2014].

Топика перспективно и успешно анализируется в литературоведении [Риторическая традиция 2003]. Однако, по нашему мнению, не менее перспективно исследование топики в лингвистической стилистике, так как она непосредственно связана с концептосферой и с ключевой лексикой [Романенко, Санджи-Гаряева 2018].

Система топики состоит из топосов внешних и внутренних. Внутренние топосы – это логико-языковые фигуры речи, риторическая техника. Здесь мы говорим о топосах внешних, представляющих собой морально-идеологические нормы культуры. Внешние топосы близки по культурной значимости концептам. Различия между ними следующие: во-первых, топосы, в отличие от концептов, включают в свое содержание моральный, оценочный компонент; во-вторых, топосы по строению – это, как правило, высказывания, а концепты – имена, в-третьих, функция топоса – сообщение, функция концепта – наименование. Например, концепт «свой – чужой» не включает в свою семантику оценку, является номинативной единицей. Топос же «свой – друг, чужой – враг» оценочен и является не именем, а предикативным высказыванием, выполняющим функцию сообщения.

Общекультурные топосы обладают универсальным характером: они лежат в основе всех видов словесности. Так, например, топос «упрощение» – одна из основ массовой культуры и, в частности, культуры советской (которую удобно рассматривать в силу ее завершенности). Приведенная формулировка – это, строго говоря, не топос, а концепт. Топос же нужно сформулировать иначе: «простое предпочтительнее сложного», «тенденция развития культуры – упрощение» и т.п.

Этот топос реализовывался во всей советской словесной культуре: упрощались орфография, словарь, стилистика (как распространение нейтрального стиля, а в области художественной литературы – социалистического реализма). Актуализировалось в общественной жизни понятие «среднего», «простого» человека, упрощалась система образования, идеология, философия. Определенными свидетельствами этих процессов были тексты «аналитической» художественной литературы (Зощенко, Булгаков, Ильф и Петров, Платонов и др).

Таким образом, одной из задач лингвостилистики и лингвокультурологии является реконструкция в культурнозначимых текстах имплицитно содержащихся в них топосов и форм их реализации.

Литература

Бакланова И.И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: Монография. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2014.

Риторическая традиция и русская литература. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.

Романенко А.П., Санджи-Гаряева З.С. Риторический анализ художественного текста // Проблемы филологического образования / Под ред. Л.И. Черемисиновой. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2018. С. 123–129.

Диво дивное и *рыды рыдучие*: «поиск» гиперонима?

Т.С. Садова

Divo divnoe and *rydy ryduchie*: hyperonym search?

T.S. Sadova

Санкт-Петербургский государственный университет / Saint-Petersburg State University

tatsad_90@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются сочетания «существительное + однокоренное прилагательное» с позиций учения проф. В.В. Колесова о трех типах эпитета – постоянном, реальном и идеальном. Указывается, что тавтология корня в подобных сочетаниях обусловлена когнитивной необходимостью формирования поэтического гиперонима.

Summary. The combinations “noun + one-root adjective” are considered from the standpoint of the teachings of prof. V.V. Kolesov on three types of epithet – permanent, real and ideal. It is indicated that the root tautology in such combinations is caused by the cognitive necessity of forming a poetic hyperonym.

Ключевые слова: постоянный эпитет, поэтическая тавтология, фольклорная поэтика, гипероним, функции эпитета.

Keywords: constant epithet, poetic tautology, folklore poetics, hyperonym, epithet functions.

1. Общеизвестны и многочисленны исследования, в том числе лингвофилософского порядка, посвященные эпитету: очевидно, что интерес к этой единице речи в разное время мотивирован различными исследовательскими задачами и различными методологическими подходами (А.А. Потебня, А.Н. Веселовский, Б.В. Томашевский, В.М. Жирмунский, Ю.С. Степанов, В.П. Москвин, И.Б. Голуб и др.). Не вдаваясь в дискуссионные вопросы теории эпитета (набор дефиниций, принципы классификации, грамматическая природа и под.), обратимся к концепции проф. СПбГУ В.В. Колесова о трех типах эпитета (постоянный, реальный и идеальный). В докладе предполагается рассматривать т.н. плеонастические эпитетные сочетания «существительное + однокоренное прилагательное» (*горе горькое, тьма тьмущая*), в лингвистической литературе квалифицируемые – чаще всего – как сугубо фольклорные образования.

2. При рассмотрении эпитетных сочетаний подобного рода следует учитывать высказывание А.Н. Веселовского о том, что «история эпитета есть <…> история поэтического сознания от его физиологических и антропологических начал и их выражений в слове – до их закрепощения в ряды формул» [Колесов 2002: 83]. Таким образом, всякое эпитетное сочетание предлагается рассматривать как вербальную единицу, фиксирующую зрелость «поэтического сознания» Человека на определенном этапе развития его мысли.

3. Тавтологичные сочетания типа *тьма тьмущая, горе горькое, рыды рыдучие* свойственны общеславянской фольклорной традиции, однако построенные по этому же принципу сочетания встречаются и в современной литературе, причем содержательно вполне оправданно и «некрикливо», в разных стилях и жанрах: *Есть, например, смерть. И есть* ***мертвая смерть****. Между ними большая разница.* [М. К. Мамардашвили и др. Если осмелиться быть... // «Родник», 1989]; *Показались еще двое на углу, маячили силуэтами. А* ***тьма – тьма темная*** *кругом.* [Д. А. Фурманов. Мятеж (1924)]; ***Злое зло*** *меня иссосало.* [Артем Веселый. Россия, кровью умытая (1924–1932)]. Примечательно также и то, что позиция эпитета относительно определяемого слова не кажется незначащей или, как минимум, произвольной: препозиция эпитета определенно актуализирует индивидуальный взгляд на вещь (образ), постпозиция – типичный, постоянный образ общенациональной культуры (символ). Поэтому фольклор оперирует прежде всего сочетаниями с эпитетами в постпозиции *горе горькое*, поскольку вообще «актуальный (типичный) признак ориентирован в сторону прошлого как в “причину” традиционной культуры» [Колесов 2002: 84]. Современная же литература применяет преимущественно препозиционные сочетания с эпитетом-повтором, чтобы усилить авторское видение общеизвестной реалии (*мертвая смерть, тайная тайна, подслащенная сладость*). Суггестия традиционного символа в сочетаниях типа *тьма темная, воля вольная* – более чем очевидна, потому многочисленные *рыды рыдучие* и *тоски тоскучие* встречаются в заговорах, жанрах исконно суггестивной природы.

4. А.А. Потебня отмечал, что формальная тавтология есть не что иное, как «восстановление забываемого собственного значения слова», при этом важно и то, что «народный певец останавливается на мелочах <…>, изображает действия медленными», как бы топчется на месте, «вследствие слабости синтеза, низкой степени отвлеченности своей мысли» [Потебня 2010: 69–70]. Замедленность мысли, внимание к мелочам, «топтание на месте», с одной стороны, и «запоминание» собственного значения слова-символа, с другой, создают условия для формирования гиперонима, которого нет в языке, но с точки зрения целостного представления мира он необходим. И в этом когнитивном усилии общекультурный символ, которому при помощи эпитета удваивают его «собственное значение», приобретает свойства обобщенного имени объединенного образа: *диво дивное* – это *диво* [«всех возможных»] *див* («родовое» представление о диве). Это допущение отчасти перекликается с мыслью В.В. Колесова о том, что все древние эпитеты «равноценны, среди них нет таких, которые претендовали бы на родовые по смыслу» [Колесов 2002: 86].

5. Современная литература достаточно часто (и по различным поэтическим надобностям) прибегает к общефольклорным формулам и формулам, структурно и содержательно им идентичным. Таковы многочисленные сочетания рассматриваемого типа. Особую частотность обнаруживают сочетания с неявной тавтологией корня, например: «живая жизнь»: *А* ***живая жизнь*** *все длится, обнаруживая удивительные переклички нрава и повадок через поколения.* [Дина Рубина. Медная шкатулка (сборник) (2015)]. Только в номинативной форме поиск по Национальному корпусу русского языка дает 120 примеров на это сочетание. Характерно, что сочетания с прилагательным «живая» в постпозиции встречаются намного реже (6 примеров) и по преимуществу в контекстах произведений XIX в.: *А тут дары земные, Дыхание цветов, Дни, ночи золотые, Разгульный шум лесов, И сердца* ***жизнь живая****, И чувства огнь святой, И дева молодая Блистает красотой…* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Два отрывка из «Книги об умирающих» (1857-1865)]. В подоб-

ных случаях о синкретизме функций тавтологичных эпитетов (в отличие, по мнению В.В. Колесова, от древних) говорить не приходится, но некая «нехватка» глубокого по мысли оригинального выражения ощущается: в таком случае обобщение фольклорного типа – через запоминание старого образа [Фрейденберг 1998] – становится весьма пригодным; и тавтологичные эпитеты не вызывают чувство поэтической избыточности или, напротив, словесной скупости, а напротив – приобретают новую жизнь, жизнь поэтического гиперонима.

Литература

Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М.: КРАСАНД, 2010.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1998.

Адвербиальные эпистемические модификаторы как компонент функционально-семантического поля модальности уверенности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

Е.С. Селезнева

Adverbial Epistemic Modifiers as a Component of Functional-Semantic Field of Modality of Certainty in F.M. Dostoyevsky's Novel "Crime and Punishment"

Yelena S. Selezneva

Воронежский государственный университет / Voronezh State University

seleznevs2000@inbox.ru

Аннотация. В работе обосновано применение использования функционально-семантического подхода к описанию категории модальности в целом и эпистемической модальности уверенности в частности. Представлены результаты исследования адвербиальных модификаторов со значением «уверенность» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в качестве компонента функционально-семантического поля модальности уверенности.

Ключевые слова: категория модальности, семантика уверенности, функционально-семантическое поле, адвербиальные эпистемические модификаторы, язык Достоевского.

Summary. The paper proves the application of functional-semantic approach to the description of the category of modality in general and epistemic modality of certainty in particular. It also shows the results of researching adverbial modifiers of certainty in F.M. Dostoyevsky's novel "Crime and Punishment" as a component of functional-semantic field of modality of certainty.

Keywords: category of modality, semantics of certainty, functional-semantic field, adverbial epistemic modifiers, Dostoyevsky's language.

Категория модальности является многоуровневой языковой категорией, для описания которой наиболее обоснованным в применении является функционально-семантический подход. Модальность уверенности, являющаяся эпистемической модальностью, выражает степень познанности оценивающим субъектом связей и отношений действительности. Существование этих связей – не факт объективной действительности, а результат мыслительной деятельности говорящего. Таким образом, это – модальность высказывания, характеризующая все суждение в целом.

Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» служит прекрасным объектом лингвистического исследования эпистемической модальности, в частности модальности уверенности. Используя особый тип языка, определенный Бахтиным как «двухголосое слово», писатель стремился к детальному воспроизведению внутренней жизни своего героя, его психологии.

В процессе сплошной выборки из текста романа выделено 34 адвербиальные единицы со значением «уверенность». Их можно разделить на следующие семантические группы (элементы располагаются по принципу частотности использования в тексте, приводятся количественные показатели их употребления в романе):

1. Абсолютная степень уверенности в действии: *решительно* (23), *твердо* (19), *точно* (11), *положительно* (10), *определенно* (2), *точнехонько* (1), *утвердительно* (1).

Он становился чрезвычайно рассеян и забывчив и знал это. ***Решительно*** *надо было спешить!*

2. Неизбежность действия: *неизбежно* (1), *непременно* (77), *несомненно* (3), *беспременно* (3), *неотъемлемо* (1).

— Если б я то дело сделал, то уж ***непременно*** *бы сказал, что видел и работников и квартиру, – с неохотою и с видимым отвращением продолжал отвечать Раскольников.*

3. Истинность действия: *действительно* (112), *ясно* (36), *подлинно* (3), *буквально* (1), *доподлинно* (1), *истинно* (1), *налицо* (1), *явственно* (1).

— Судя по этому замечанию, можно ***действительно*** *предположить, что вы рассчитывали на нашу беспомощность, – раздражительно заметила Дуня.*

4. Уверенное отрицание действия: *немыслимо* (3), *невозможно* (4).

Конечно, я рассудил потом, что такого вопроса, в сущности, быть не должно, потому что драки и быть не должно, и что случаи драки в будущем обществе ***немыслимы****... и что странно, конечно, искать равенства в драке.*

5. Уверенное противопоставление действия другому действию: *напротив* (4).

Да еще особенно напирать, с упорством таким, особенным, напирать, – ну могло ли быть, ну могло ли быть это, помилуйте? Да ведь совершенно же ***напротив****, по-моему.*

7. Уверение в истинности действия: *верно* (7), *наверно* (32), *взаправду*(1), *вправду* (1), *впрямь* (6).

Что же касалось во всем этом сестры, то Раскольников оставался все-таки убежден ***наверно****, что Свидригайлов не оставит ее в покое.*

8. Законченность действия: *совершенно* (25), *окончательно* (23).

— Одним словом, – настойчиво и громко сказал он, вставая и немного оттолкнув при этом Порфирия, – одним словом, я хочу знать: признаете ли вы меня ***окончательно*** *свободным от подозрений или нет? Го-*

ворите, Порфирий Петрович, говорите положительно и ***окончательно****, и скорее, сейчас!*

9. Исключительность действия: *единственно* (10), *исключительно* (2).

Боль от кнута утихла, и Раскольников забыл про удар; одна беспокойная и не совсем ясная мысль занимала его теперь ***исключительно****.*

Итак, мы видим, что адвербиальные эпистемические модификаторы со значением «уверенность» достаточно многочисленны и занимают место, расположенное близко к центру функционально-семантического поля.

Литература

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Том VII. Преступление и наказание. Рукописные редакции / Под ред. В.Г. Базанова. Л.: Наука, 1973.

Проблемы функциональной грамматики / Под ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб.: Наука, 2000. С. 9-21.

Диада «свет – тьма» в «Повести о лесах» К.Г. Паустовского

Т.В. Сивова

Dyad “light – darkness” in “The Story of Forests” by K. Paustovsky

Tatyana V. Sivova

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Республика Беларусь) /
Yanka Kupala State University of Grodno (Republic of Belarus)

sitavi@tut.by

Аннотация. Значимость диады «свет – тьма» в художественной картине мира К.Г. Паустовского обусловливает исследовательский интерес к специфике авторского восприятия и визуализации света и тьмы, которая заключается в наделении их широким спектром характеристик: от физических до антропоцентрических, от стандартных до индивидуальных.

Ключевые слова: свет, тьма, художественный дискурс, идиостиль, К.Г. Паустовский.

Summary. The importance of "light – darkness" dyad in the K. Paustovsky’s artistic picture of the world stipulates scientific interest in specifics of his individual perception and visualization of light and darkness, which consists in correlation with physical and anthropocentric features, standard and individual.

Keywords: light, darkness, artistic discourse, idiostyle, K. Paustovsky.

Диалектика света и тьмы в художественном дискурсе в силу значимости данной диады вызывает константный научный интерес филологов, о чем свидетельствует проблематика исследований идиостиля К.Д. Бальмонта (И.М. Меркулов), А. Городницкого (Е.В. Купчик), Ф.М. Достоевского (Н.А. Азаренко), А. Мёрдок (Т.Ю. Тимонина), А.С. Пушкина (Ю.В. Шинкаренко). Выявление специфики авторской перцепции и визуализации света и тьмы на материале «Повести о лесах» К.Г. Паустовского открывает перспективы комплексной реконструкции световой картины мира писателя.

Количественный и качественный состав исследуемых лексем может быть представлен следующим образом: а) *свет* – 33; *осветить* – 10; *светлый* – 7; *рассвет* – 5; *освещение* – 4; *светить* – 3; *отсвет*, *просветить*, *светиться* – 2; *в полсвета*, *засветло*, *неосвещенный*, *полуосвещенный*, *полусвет*, *посветлеть*, *предрассветный*, *рассвести*, *рассветный*, *светло*, *световой*, *светоносный* – 1; б) *темный* – 24; *темнота* – 8; *тьма* – 6; *темно* – 4; *потемнеть* – 3; *затемнение*, *полутьма*, *темнеть* – 1. Лексическая сочетаемость ядерных лексем *свет*, *тьма*, *темнота* позволяет выявить основные признаки света и тьмы, особенности их перцепции К.Г. Паустовским.

Значимыми признаками света являются: источник, акциональность, колористическая характеристика, интенсивность, эмоциональная и температурная характеристики, внешние очертания. 1. Источник света: преобладают а) естественные источники света (свет *закатной зари*, *закатный*, *зарева*, *зари*, *заходящего солнца*, *летнего дня*, *лунный*, *месяца*, *молнии*, *солнечный*, *солнца*): *на фигуру Пушкина тоже лег* ***закатный свет*** (104 – здесь и далее указаны страницы по изданию [Паустовский 1982]); ***заходящее солнце бросило*** *свой последний* ***свет*** (160); в меньшей мере актуальны б) искусственные (свет *лампы*, *кухонной лампочки*): ***при свете кухонной лампочки*** *Анфиса помогала Коле* (35); спорадически – в) нестереотипные: ***сосновые стволы*** *тоже* ***отбрасывают свет*** *на подлесок и на траву* (9); г) неопределенные: ***Неизвестно откуда*** *на землю* ***падал*** *серый* ***свет****, хотя ни звезд, ни месяца не было* (111). Важен временной фактор: ***вечернее небо*** *уже очистилось и* ***сияло*** *голубоватым* ***светом*** (40); *будто собрали в избу весь* ***свет летнего дня*** (74); ***День*** *был прохладный, уже осенний –* ***«в полсвета»*** (103).

2. Акциональность света: а) значение ‘сделать светлым, видимым’: *гораздо ярче фонарей* ***освещал*** *тихие улицы* ***свет*** *ламп* (24); ‘сделать хорошо видимым внутреннее содержание, структуру’: ***край*** *был весь обласкан* ***светом****,* ***просвечен*** *им до последней травинки* (9); ‘ярко светиться, сверкать, сиять’: ***блеск*** *лунного* ***света*** (156); ‘освещая, придавать чему-либо золотистый цвет’: *солнечный* ***свет****,* ***золотящий*** *могучие* ***стволы*** (71) – ‘переставать светить’: ***меркнущие*** *кровавые* ***отблески*** [света] (38); б) значение ‘ложиться на кого-, что-либо, покрывать собой кого-, что-либо’: ***свет*** *его* [солнца] *косо* ***падает*** *на землю* (22); *призрачный* ***свет лежал*** *над городом* (108); ‘заполнять пространство’: [зарево] ***залило*** *красноватым* ***светом*** *все* (85); [Летний сад] ***был полон*** *солнечным* ***светом*** *до вершин старых лип* (101). Более того, свет формирует пространство: [лампы] ***свет*** *упал через окно в сад. Большой* ***мир*** *вдруг* ***сузился****, и от него остались только освещенный мягким светом уголок старого сада* (35), отождествляется с ним: [поезд] ***врывается в чащу*** *листвы, цветов, трав и солнечного* ***света*** (71), в связи с чем приобретает значение локализация света: ***свет*** *зари* ***над Невой*** *и* ***островами*** (108); в) значение ‘замениться чем-либо’, ‘стать иным’: ***от*** *быстрой* ***смены*** *дня и ночи,* ***света*** *и* ***темноты*** (135); ***все*** *как-то сразу* ***переменилось*** – ***даже*** *солнечный* ***свет*** (108).

3. Колористическая характеристика (*багровый*, *золотистый*, *золотой*, *кровавый*, *розовый*, *серый*, *синий*; оттенки *голубоватый*, *зеленоватый*, *красноватый*, *розоватый*): [свет] *очень слабый, но такого же* ***золотистого****,* ***розоватого тона*** (9); *в комнатах стоял* ***зеленоватый полусвет*** *от листвы* (94); динамика цвета: ***свет – то багровый****,* ***то золотой****,* ***то синий*** (52).

4. Интенсивность (преобладает свет низкой интенсивности): *гораздо ярче фонарей*, *нестерпимый – мягкий*, *нежный*, *очень слабый*, *слабый*, *последние остатки*, *последний*, *призрачный*, *размытый*: *дворы и широкая улица были залиты* ***таким нестерпимым светом****,* ***что больно было смотреть*** (63) – [солнце] *раскинуло во все небо* ***нежный свет*** *своей закатной зари* (71); [молнии] *полыхали* ***размытым*** *розовым* ***светом*** (82).

5. Эмоциональная характеристика: *Чайковского* ***поразил свет*** (8).

6. Температурная характеристика: *удивительные дни –* ***под жарким*** *солнечным* ***светом*** (35).

7. Внешние очертания: *все новые* ***пласты света****, падавшие на знакомые леса* (8).

Важными характеристиками тьмы являются: акциональность, аудиальная характеристика, пространственные свойства, степень насыщенности, температурная и влажностная характеристики. 1. Акциональность (тьма *завладела*, *лежала*, *летела*, *начала валиться*, во тьме *чудилось движение*; темнота *все скрывала*, *прятала*): *Прямо под ногами* ***лежала тьма*** (117); *в разъяренном небе* ***летела тьма*** (38). 2. Аудиальная характеристика: *все прятала* ***тихая темнота*** (78);

в** этой **темноте остался** наконец **один только звук** – звон воды, льющейся из разбитого кувшина бронзовой девушки* (104). 3. Локализация: ***в полутьме прихожей (125) и свойства пространства: ***Оттуда*** [из тьмы] *изредка долетал грохот* (117). 4. Степень насыщенности: *гул этот затихал **в непроглядной темноте*** (74). 5. Температурная характеристика: *начала валиться на нее **горячая тьма*** (117). 6. Влажность: *выпь перекликается **в сырой темноте*** (65).

Ряд характеристик света и тьмы совпадают: источник / локализация, акциональность, интенсивность / насыщенность, температурная и пространственная характеристики. Вместе с тем они наделяются уникальными признаками: свет – колористическим, эмоциональным, внешними очертаниями, тьма – аудиальным, влажностным. В визуализации света и тьмы проявились некоторые черты идиостиля К.Г. Паустовского 1) романтическая контрастность восприятия; 2) наделение предметов нестереотипными свойствами; 3) пространственная и темпоральная соотнесенность; 4) комплексность характеристики.

Литература

Паустовский К.Г. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 3: Повести. 1982.

Структурирование образного поля дендронимов в поэтическом языке XVIII–XX веков (на примере тематической сферы «Животное»)

М.Г. Соколова

The structuring of figurative field of the dendronims in the poetic language of XVIII–XX centuries (on the example of thematic sphere of «Animal»)

Marina G. Sokolova

Тольяттинский государственный университет / Toliatti State University

msok71@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу особенностей структуры образного поля дендронима *клен* в поэтическом языке XVIII–XX веков. Выявлены и систематизированы по областям семантического поля образные парадигмы с дендронимом *клен* в качестве предмета сравнения и наименованиями животных, их частей, совокупностей в качестве образа сравнения. Определены критерии структурирования образного поля дендронимов.

Ключевые слова: дендронимы; поэтический образ; образная парадигма; семантическое поле.

Summary. The study is devoted to analysis of peculiarities of structure of figurative field of dendronim *maple* in the poetic language of XVIII-XX centuries. Identified and systematized on areas of the semantic field figurative paradigms with dendronim *maple* as the subject of comparison and with the names of animals, their parts and a collection of animals as a way of comparison. Determined the criteria for the structuring of figurative fields of dendronims.

Keywords: dendronims; poetic image; figurative paradigm; the semantic field.

В современной лингвистике широко применяется принцип семантического поля для структурирования лексического состава языка, языковой метафоры. Однако работы, посвященные семантической систематизации образных средств поэтического языка, немногочисленны, например [Матвеева 2005; Пряхина 2010]. Между тем использование системного подхода позволит в полной мере осознать особенности поэтической картины мира определенного хронологического периода или идиолекта.

В настоящем исследовании рассматриваются образные парадигмы с компонентом дендронимом *клен*. С точки зрения теории воспроизводимости и устойчивости поэтических образов, образная парадигма представляет собой инвариант группы сходных образов, имеющий бинарную структуру: предмет сравнения и образ сравнения [Павлович 2004: 14]. Например, «клен – бабочка».

Цель исследования – выявить особенности структуры образного поля дендронима *клен*, определить критерии образного структурирования данного поля. Материал исследования – примеры поэтических контекстов XVIII–XX веков, отобранных на базе поэтического корпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Количество проанализированных поэтических контекстов – более 400 фрагментов.

Структурирование образного поля дендронимов осуществляется по идеографическому принципу, который предполагает распределение образных парадигм по тематическим сферам [Скляревская 2004]. В составе тематической сферы «Животное» образные парадигмы на основе семантической общности образа сравнения классифицируются на 4 большие парадигмы: «клен – звери», «клен – птицы», «клен – насекомые», «клен – рыбы». Данные парадигмы выделены с учетом гиперо-гипонимических отношений. Следует отметить, что научная классификация относит к родам животным не только млекопитающих, пресмыкающихся и земноводных, но и птиц, рыб, насекомых, моллюсков и др. В рамках большой парадигмы выделяются частные парадигмы, которые составляют конкретные образы сопоставления, отражающие лексическое варьирование большой парадигмы. Большие и частные парадигмы также связаны гиперо-гипонимическими отношениями. Так, парадигма «клен – звери» насчитывает 2 образа сопоставления: *звереныш, конь*; парадигма «клен – птицы» – 4 образа сопоставления: *петух, грач, оперенье (птицы), птица*; парадигмы «клен – рыбы» и «клен – насекомые» – по одному образу сопоставления: *рыба* и *бабочка*.

К ядерной области поля относятся парадигмы, содержащие наибольшее количество регулярно повторяющихся образов дендронимов. В рамках тематической сферы «Животное» ядерной области принадлежит парадигма «клен – насекомые», содержащая регулярно повторяющееся ассоциативное соответствие «клен – бабочка» (3 примера употребления): *Бабочка это? / Нет, клена красный листок уносит осень (И. Н. Голенищев-Кутузов. «Бабочка это?..». 1960); Клен бросает же охапки. /Листья бабочками плавно / Опускаются, как ряса* (В. И. Нарбут. Осенняя заводь. 1909); *Пробуждаются клены от сна, / Чтоб, как бабочки, листья захлопали* (Н. А. Заболоцкий. «Уступи мне, скворец, уголок...». 1946).

К области центра отнесена парадигма «клен – птицы» (как включающая 4 ассоциативные соответствия, однако не имеющих регулярной воспроизводимости): *и клен чернеет и кричит, что грач* (С. В. Петров. «Весенний день с замашкой колориста...». 1965); *Рукотворною молнией расщеплены клены, залетные птицы прибиты к карнизам, а карнизы обрызгали штукатуркой асфальт* (С. И. Кирсанов. Начало войны. 1966) и др.

Парадигмы «клен – звери» и «клен – рыбы» отнесены к периферийной области поля, как малочисленные и не содержащие регулярно повторяющихся образов: *Клен в сапожки расписные обут, / Падают листья и рыбой плывут* (П. Н. Васильев. «Круг по воде и косая трава...». 1929-1930); *И желтый ветер осенницы / Не потому ль, синь рябью тронув, / Как будто бы с коней скребницей, / Очесывает листья с кленов* (С. А. Есенин. Сорокоуст. 1920) и др.

Таким образом, тематическая сфера «Животное» хотя и не относится к числу продуктивных в поэтическом языке образного поля дендронимов, однако ее роль в качестве источника тропеических номинаций существенна. Зооморфные ассоциации являются не только очень ярким экспрессивным средством изображения дендронимов, но и

«опорными конструкциями» картины мира, в которой происходит замещение дерева человеком или животным и наоборот» [Доманский 2007].

Литература

Доманский В.А. Дендронимы в творчестве С. Есенина // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы. М.; Константиново; Рязань, 2007. С. 189–200.

Матвеева Е.Н. Функционально-семантическое поле художественного текста (на примере ФСП «Цветы» в творчестве Игоря Северянина) // Ученые записки Благовещенского государственного педагогического университета. Т. 22. Гуманитарные науки. Ч. 2. Благовещенск, 2005. С. 65–79.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс. URL: http:// ruscorpora.ru. Дата последнего обращения: 11.09.2018] (НКРЯ). Все примеры цитируются по данному источнику.

Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Азбуковник, 2004.

Пряхина (Исакова) А.А. Структурная организация лексико-семантической группы «Дендронимы» с позиций системно-функционального подхода (на материале поэзии Серебряного века) // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2: История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. С. 213–217.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. 2-е изд., стереотипное. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.

Знаки «языка» культуры в тезаурусе языковой личности А.П. Чудакова

С.М. Треблер

Signs of the «Language» of Culture in A.P. Chudakov's Linguistic Persona Thesaurus

Svetlana M. Trebler

Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова (Астана, Казахстан) /
Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University (Astana, Kazakhstan)

gendel@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается явление воспроизводимости на материале тезауруса языковой личности А.П. Чудакова – автора и героя романа. Воспроизводимость анализируется в статье как феномен культурно-знаковый.

Ключевые слова: Языковая личность. Субъект коммуникации. Субъект культуры.

Summary. In this paper, based on the material of thesaurus of linguistic identity of A.P. Chudakov, novel author and character, phenomenon of reproducibility is considered. Reproducibility is analyzed in the paper as cultural and symbolic phenomenon.

Keywords: linguistic identity, communication subject, culture subject.

Одним из постулатов лингвокультурологии, сформулированным В.Н. Телия в конце прошлого века, является то, что субъект коммуникации всегда есть и субъект языка, и субъект культуры: «культура панхронически действует в речи современных носителей языка… даже самые архаичные ее пласты живут в сознании субъектов языка и культуры» [Телия 2005: 5]. Гипотеза В.Н. Телия о воспроизводимости, присущей идиомам и фразеологическим сочетаниям, позднее ею была расширена на всю предметную область воспроизводимых феноменов, так как их известность носителям языка и возникающие интертекстуальные ассоциации отображают культурный смысл этих языковых структур – социальный и духовный [Телия 2005: 5]. В свете этой идеи возникают теория «прецедентных текстов» Ю.Н. Караулова, а также теория «прецедентных феноменов», разрабатываемая В.В. Красных, Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко и их коллегами.

По мысли Ю.Н. Караулова, языковая личность погружена в интертекстуальное пространство культуры, которое является частью тезауруса лингвокогнитивного уровня организации языковой личности, а любой тезаурус в эксплицитной форме отражает представления о мире. Реконструируя тезаурусный уровень анализируемой языковой личности, необходимо, пишет Ю.Н. Караулов, выделить устойчивые связи опорных слов, выраженные в дефинициях, афоризмах, крылатых выражениях, пословицах и поговорках. Из всего их богатства каждая языковая личность выбирает и «присваивает» себе именно те, которые содержат «вечные, незыблемые» для нее ценности, а значит, отражают ее жизненные ценности и «жизненную доминанту» [Караулов 1987: 53].

Вышеизложенные теоретические положения послужили основой для анализа языковой личности главного героя романа А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» [Чудаков 2015]; задача настоящей работы – рассмотреть культурную значимость феномена воспроизводимости в тезаурусе его языковой личности.

Выдающийся российский филолог Александр Павлович Чудаков (1938–2005 гг.) написал книгу, которую и многие литературоведы, и читатели посчитали автобиографической – настолько высока в ней концентрация исторической правды и настолько достоверны чувства и мысли героев. Главный герой Антон – он же автор романа, автор, обладающий гениальной способностью показывать словами свой книжный мир, филолог, масштаб которого признан присуждением ему премии «Русский Букер», лектор, известный своим обаянием, широтой научного кругозора, тонкостью и точностью в определении смысла изощренной игры со словом.

В романе А.П. Чудакова несколько носителей языка и несколько голосов, как минимум два из которых – авторские. Антон существует «в двух лицах» – в первом и третьем. Вначале он слушатель, ребенок, лицо воспринимающее и передающее. Идеальная позиция для рассказчика, но у этого «воспринимающего» лица есть еще одна особенность: он постоянно «отстраняется», и соответствующая ремарка звучит буквально так: «подумал образованный мальчик».

Важно, что повествователь описывает некую реальность, под которую «образованный мальчик Антон» подкладывает книжные слова. «Воспринимающий» ребенок равно воспроизводит и домашнюю, дедовскую культуру, и книжную, новую – школьно-советскую: *…с младых ногтей Антон знал, что Козин отбывает срок под Магаданом, а Зоя Фёдорова – в Дубровлаге, жена Зиновьева отмотала срок и после войны работает воспитательницей в детсаду в Магадане, что сидят жены Калинина и Молотова* [Чудаков 2015: 87].

Наученный дедом читать так рано, что не помнил себя неграмотным, Антон запоминал все с лету. В цитируемом в романе письме содержится такая его характеристика: *В этой семье есть забавный мальчик лет восьми. Услышав его имя, я сказал не очень остроумно: «Антонов есть огонь, но нет того закону…» Он не отстал от меня , пока я не процитировал ему все, что помню из Козьмы Пруткова… Этот мальчик знает наизусть «Крокодил», все стихи из «Огонька» и статьи из «Календаря колхозника за 1939 год* [Чудаков 2015: 141].

В концепции Ю.Н. Караулова акцентируются знания вообще, независимо от различия в их семиотической разнородности. «Сумма знаний (общества, человечества), как нечто фиксированное и статичное, откладывается и закрепляется не только с помощью языка, не только в текстах, ее воплощением и материализацией является, в конечном счете, ся культура, все продукты цивилизации… [Караулов 1987: 174]: *Это каким-то сложным образом соотносилось с порядком подачи вин: после супа – мадера, за первым блюдом – бургонское и бордо, между холодными entrées и жарким – шато-икем и так далее. У того же виленского вице-губернатора к устрицам подавали шабли. Страшная ошибка! Устрицы запивают только шампанским, в меру охлажденным. В меру! Сейчас почему-то думают, что оно должно быть ледяным. Это вторая страшная ошибка! Застряли в голове и другие бабкины высказыванья – видимо, из-за некоторой их неожиданности. – Как всякий князь, он знал токарное дело; – Как все настоящие аристократы, он любил простую пищу: щи, гречневую кашу…* [Чудаков 2015: 29].

В тезаурусном уровне языковой личности обнаруживается проявление языковой картины мира А. Чудакова; выводы о мироосознании, характерном для лингвокультурного сообщества, которым в данном случае являлась семья Саввиных-Стремоуховых, оказываются легко обозримыми в следующих извлечениях из романа: *Кто не против зла резко и до конца, тот в какой-то степени за него (Т. Манн); Неравенство не возникло, оно существовало изначально. Равны все только перед Богом. Меж собою все были различны всегда. И если ты ленив и глуп, ты беден* [Чудаков 2015: 473].

А.П. Чудаков – представитель элитарного типа речевой культуры: *Антон любил выражаться книжно* [Чудаков 2015: 7]. С детства знающий иностранные языки, он, как говорили в свое время о Пушкине, обращается «к родным источникам». Показательным, к примеру, является использование в одном контексте латинизма и исконно русского выражения: *Его оставили обедать – бесплатно, разумеется, все в первый раз у прабабки обедали gratis, не может же приличный господин покупать кота в мешке!* [Чудаков 2015: 24]. Широта стилевого диапазона писателя позволяет вспомнить и чудаковскую апологию тех научных трудов, авторы которых органично сочетали «специальную естественнонаучную терминологию с живым, часто просторечным словом»: *Это был тот исчезнувший язык, которым писали Докучаев, Костычев, Тулайков, не боявшиеся в научном изложении живого словечка, просторечия, метафоры. На десятой странице против абзаца о беспочвенности мнения о преимуществах летних посадок люцерны авторской рукой было написано: «Аргументацию выкинули страха ради иудейска пред Лысенкой»* [Чудаков 2015: 190], и слог его собственных работ.

Итак, приведенный материал воспроизводимых в языке автора и главного героя романа-идиллии «Ложится мгла на старые ступени» сущностей подтверждает идею В.Н. Телия о том, что воспроизводимость – это более широкое (чем только фразеологическое) и неисчерпаемо более глубокое явление. «Суть его заключена в том, что воспроизводимость есть (по преимуществу) проявление культурно-языковой компетенции, часто дремлющей в глубинах бессознательного: культурно-языковая память, впитавшаяся в живой язык «с молоком матери», – вот ключ к разгадке этого феномена» [Телия 2005: 21].

Литература

Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 4–42.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия. М.: Время, 2015.

Экспрессивные средства в переводном литературном тексте

Р.А. Урханова

Expressive meansin the translated literary text

Rimma A.Urkhanova

Веронский университет (Италия) / University of Verona (Italy)

rimma.urkhanova@univr.it

Аннотация. В докладе ставятся задачи анализа экспрессивных средств при переводе русского литературного текста на итальянский язык. Автор основывается на принципах сопоставительной коммуникативной грамматики, функционирующих в контексте переводных версий художественных произведений.

Ключевые слова: коммуникативная грамматика, перевод, структурно-морфологическая трансформация, актуальное членение предложения.

Summary. The report aims to analyze the expressive means in the translation of Russian literary texts into Italian. The author is based on the principles of comparative communicative grammar functioning in the context of translated versions of literary texts.

Keywords: communicative grammar, translation, structural and morphological transformation, sentence functional cleaving.

Интересным предметом лингвистического анализа всегда являлся переводной литературный текст – такой анализ позволяет прояснить возможность сопоставления различных языковых и речевых феноменов в процессе реализации литературного дискурса. Несомненным примером языковой отточенности, образного богатства, смыслового разнообразия, звуковых ассонансов и фонетических повторов, экспрессивных средств и риторических фигур, являются тексты Владимира Набокова. В силу уникальности и максимальной приближенности к поэзии проза Набокова при переводе является прекрасным примером поиска и нахождения эквивалентов, с одной стороны, и трансформаций лингвистических средств – с другой.

Своеобразной *призмой* для анализа экспрессивных средств при переводе Набокова на итальянский язык может стать рассмотрение коммуникативной структуры текстовых единиц с точки зрения актуального членения предложения / высказывания на дофразовом и сверхфразовом уровнях, в частности, различные маркеры рематических усилителей: единицы и обороты эмфатизации, морфологические единицы с повышенной аффективной семантикой, маркеры отрицания (аузентивы – термин Н.В. Иванова), абсолютивы, кванторы, частицы и т.д., а также их изменения при переводе на итальянский язык.

Теория актуального членения предложения / высказывания может стать тем инструментом, который позволит проанализировать на уровне основания, тенденции приведения к соответствию смысловых единиц при переводе, в особенности стилистически маркированных текстов с повышенными экспрессивными характеристиками, а стало быть, позволит сформировать объективные критерии для переводческой деятельности, зачастую излишне субъективной.

Конструктивным, на наш взгляд, является подход, присущий Н.В. Иванову, который рассматривает актуальное членение своеобразным *структурным атомом* текстовой архитектуры как дофразового, так и сверхфразового уровня и полагает *смысловую предельность* главным критерием усиления ремы относительно темы в высказывании. Рассмотрение высказывания через разделение его на тему и рему, отождествление ремы с экстенсиональным предикативом высказывания, дает возможность проанализировать различные способы утверждения ремы относительно темы, а также те языковые средства, которые реализуют такое усиление, пронаблюдать закономерности изменения порядка слов как маркера рематического усиления.

Как пишут и авторы «Коммуникативной грамматики русского языка», «…конструкции с рематическим компонентом в конце предложения более естественны для спокойного монологического сообщения или повествования. Выделение же рематического слова усиленным ударением в любой другой позиции всегда несет дополнительную композиционно-смысловую нагрузку в тексте. Этот способ рематического выделения характерен для речи экспрессивной, полемической, диалогической или – при монологической форме – учитывающей несогласие или сомнение адресата. Такой тип речи называют иногда верификативным…» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 388].

Представляется важным сразу оговориться, что слабые маркеры рематического выделения остаются за рамками данного доклада, поскольку они достаточно нейтральны в отношении текстовой экспрессии, и высказывания с ними наделены привычным порядком слов и стандартной схемой расположения ремы в конце высказывания.

В докладе предполагается показать – на примерах текстов Набокова – присутствие экспрессивных средств дофразово-

го и сверхфразового уровня и переводческие решения при представлении литературных смыслов автора на языке перевода. Особое внимание предполагается уделить решению нескольких задач, а именно:

1) показать, что рематические усилители прямо влияют на нарушение прямого порядка слов как в высказывании на языке оригинала, так и в переводном тексте;

2) показать, какие части речи в русском и итальянском языках способны выступать в функции рематических усилителей на дофразовом уровне;

3) предполагается особо остановиться на примере отрицательных маркеров как способе рематического усиления в текстах Набокова;

4) показать, каким образом рематические усилители на дофразовом уровне связаны с экспрессивными средствами на сверхфразовом уровне.

Литература

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.

Иванов Н.В. Актуальное членение предложения в текстовом дискурсе и в языке. М.: ЗАО «Издательство», 2010.

Набоков В.В. Защита Лужина // Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 2.

Хэллидэй М.А.К. Место «функциональной перспективы предложения» (ФПП) в системе лингвистического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 138–148.

Nabokov Vladimir. La difesa di Lužin, la traduzione italiana a cura di G. Scarcia e U.Tessitore. Milano: Adelphi Edizioni, 2001.

Соматизмы в идиостиле Ф.М. Достоевского (на материале «Преступления и наказания»)*

Н.А. Фатеева

Somatisms in the idiostyle of F.M. Dostoevsky (on the material of «Crime and Punishment»)

Natalia A. Fateeva

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) / Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow)

nafata@rambler.ru

Аннотация. В докладе обсуждаются роль и функции соматизмов в художественных текстах Достоевского, приводятся их частотные характеристики, затрагивается вопрос о фразеологизмах с компонентами-соматизмами.

Ключевые слова: лингвосоматизмы, художественная проза, Достоевский.

Summary. In the report we discuss the role and functions of somatisms in Dostoevsky's texts, give their frequency characteristics, raise the issue of phraseological units with somatic components.

Key words: lingual somatisms, fiction, Dostoevsky.

Соматизмы, или соматическая лексика, интересны тем, что определяют модель языковой картины мира писателя или поэта и особенности его восприятия. Это связано с тем, что процесс осознания себя в мире у человека начинается с ощущений, возникающих непосредственно через органы чувств и части собственного тела. Соматическая лексика служит и одним из способов создания экспрессии в художественном тексте, тем более что она часто используется в составе фразеологизмов. К настоящему моменту соматизмы и их роль в тексте лучше изучены по отношению к поэзии. Так, описана лингвосоматика Ф. Тютчева [Сычева 2012], М. Цветаевой [Миняева 2007], Б. Ахмадулиной [Харченко, Плужникова 2015]. В работе [Плужникова 2017] приводятся сравнительные таблицы по частоте и разнообразию использования соматизмов среди поэтов XIX-XX вв. (Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Блок, Пастернак, Ахматова, Цветаева, Ахмадулина). Лингвосоматика в художественной прозе изучена еще недостаточно, существуют только отдельные работы, посвященные идиостилям прозаиков, и то эти работы сосредоточены в основном на фразеологизмах с соматическими элементами (например, [Туркулец 2015] по идиостилю М.А. Шолохова).

Несмотря на то, что Достоевский считается «головным» писателем, описывающим по преимуществу мысли и игру сознания своих героев, соматизмы в его текстах играют огромную роль. Он уделяет большое значение описанию лица и внешности действующих лиц, запечатлевает малейшие изменения их мимики, жестов, положений и движений отдельных частей тела, причем эти детали часто представлены в совокупности.

Больше всего внимание писателя, по статистическим данным [Шайкевич и др. 2003], уделяется *рукам* (3452 употреблений), *глазам* (2392), *лицу* (2180), *сердцу* (1876) и *голове* (1764). Что касается *рук*, то они указывают как на выражение эмоций героев, так и на тактильный контакт между ними. Например, словосочетание *ломать руки,* выражающее отчаянное состояние, за счет того, что оно часто встречается у Достоевского (43), даже вошло во фразеологический фонд русского языка (см. [Блохин 2012]). В одном только тексте «Преступления и наказания» оно встречается 12 раз и прежде всего связано с движениями Катерины Ивановны (*А тут Катерина Ивановна,* ***руки ломая****, по комнате ходит*), однако находит отражение и в жестах Сони (*Что же, что же делать? – истерически плача и* ***ломая руки*** *повторяла Соня*). Дуне, сестре Раскольникова, присущ жест *скрещенных рук* также при хождении по комнате (*Авдотья Романовна то садилась к столу и внимательно вслушивалась, то вставала опять и начинала ходить, по обыкновению своему, из угла в угол,* ***скрестив руки***). Идея телесного контакта при помощи рук ярко выражена в действиях Разумихина, который сжимал руки матери и сестры Раскольникова, боясь их выпустить (*Так ли? Так ли я говорю? – кричал Разумихин,* ***потрясая и сжимая руки обеих дам****, – так ли?*).

Глаза у Достоевского являются не только показателем внутреннего мира героев, но и отражением их взгляда на мир. Интересно, что главные герои романа, несмотря на весь ужас их положения, обладают необыкновенными глазами. Так, при первом описании глаза Раскольникова названы прекрасными (*Кстати, он был замечательно хорош собою, с* ***прекрасными темными глазами***), но затем становятся все более и более воспаленными (*не опуская* ***черных воспаленных глаз*** *своих перед взглядом Ильи Петровича*). При своем первом появлении Соня наделяется *неподвижными от ужаса глазами*, но тут же при цельном описании ее внешности указывается, что она *довольно хорошенькая блондинка,* ***с замечательными голубыми глазами.***

Достоевский особо обращает внимание и на *лицо* своих героев, нередко используя это слово несколько раз в рамках одного предложения (о Катерине Ивановне: *Глаза ее блестели как в лихорадке, но взгляд был резок и неподвижен, и болезненное впечатление производило это* ***чахоточное и взволнованное лицо****, при последнем освещении догоравшего огарка*, *трепетавшем* ***на лице ее***). Для его героев также характерно положение *лицо к лицу*: *Раскольников прищурил глаза и выждал, – разыскивал – и для того и зашел сюда – об убийстве старухи чиновницы, – произнес он наконец, почти шепотом, чрезвычайно приблизив свое* ***лицо к лицу*** *Заметова.*

Что касается *сердца* и *головы*, то они у Достоевского выступают в двух значениях – телесного органа и вместилища или сосредоточения чувств и мыслей. Так, в большом количестве случаев слово *голова* используется в значении ‘ум, рассудок’, и, кроме фразеологизмов *мелькнуло в голове*, *пришло* (*ударило, стукнуло*) *в голову*, находятся и индивидуаль-

но-авторские метафоры: *мечта, загоревшаяся в голове его; следуя за вихрем мыслей, крутившимся в его голове* и др. *Сердце* в значении ‘эмоциональное начало в человеке, средоточие в нем чувств, переживаний’ нередко соседствует с *умом* как ‘средоточием мыслей’: ср. *тоска, нарастала, накоплялась и в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил* ***его сердце и ум****, неотразимо требуя разрешения* (о Раскольникове).

В докладе будет приведен более подробный список соматизмов с количественными показателями, а также рассмотрены эстетические функции соматизмов.

Литература

Блохин А.В. Судьба одного фразеологического сочетания в творчестве Ф.М. Достоевского и лингвистических словарях // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. 2012. № 1. С. 9–12.

Миняева С.А. Соматическая лексика в поэзии М.И. Цветаевой: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2007.

Плужникова Д.М. Поэтика соматизмов в творчестве Беллы Ахмадулиной: Дисс. … канд. филол. наук. Белгород, 2017.

Сычева Е.Н. Соматизмы в поэтических текстах Ф.И. Тютчева и в составе фразеологических единиц // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2–1. С. 289–293.

Харченко В.К., Плужникова Д.М. Лингвосоматика. Обозначение частей тела в поэзии Беллы Ахмадулиной. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Туркулец И.А. Фразеологизмы с компонентами-соматизмами в художественных текстах М.А. Шолохова: Дисс. … канд. филол. наук. М., 2015.

Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянской культуры. 2003.

Типологические особенности жанра «Стихотворение в прозе» в творчестве И. С. Тургенева

О.В. Хорохордина

Typological features of the genre “Poem in prose” in the works of Turgenev

Olga V. Khorokhordina

Санкт-Петербургский государственный университет / Saint-Petersburg State University

o.khorohordina@spbu.ru

Аннотация. В докладе выявляются конститутивные черты жанра «стихотворение в прозе» И. С. Тургенева: основная тема – существование человека в мире; двухчастная композиция – изображение конкретного момента жизни и возведение его в ранг общезначимого путем переживания и осмысления; элегическая тональность; двойная адресованность – себе и читателю; имитация диалога умудренного жизнью писателя с читателем; минималистский стиль, обусловливающий преобразование семантики языковых единиц и стимулирующий ответную реакцию читателя.

Ключевые слова: жанр «стихотворение в прозе» И. С. Тургенева, двухчастная композиция, элегическая тональность, диалогичность, минималистский стиль.

Summary. The article reveals the fundamental features of the genre “poem in prose” by Ivan S. Turgenev. This is the main theme – human existence in the world; composition of two parts – the image of a particular moment of life, elevated to the rank of universal, in the first part, and the feelings and reflections caused by it in the second part; elegiac tone of speech; dual addressee of speech – the author and the reader; imitation of the dialogue between the wise writer and the reader; style of verbal minimalism, which leads to the transformation of the semantics of language units and stimulates the reader’s reaction.

Keywords: the genre “poem in prose” by Ivan S. Turgenev, composition of two parts, elegiac tone of speech, style of verbal minimalism.

«Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева изучаются обычно как цикл произведений, поскольку «современники свидетельствуют, что Тургенев долгое время держал в тайне свои “Стихотворения в прозе” и не готовил к печати до тех пор, пока они не сложились в целый цикл» [Измайлов 1982: 458]. Сопоставление произведений этого цикла обнаруживает при отсутствии у них полной формальной однотипности (ср., например, рифмованное стихотворение «Я шел среди высоких гор» и имеющее форму драматического произведения «Чернорабочий и Белоручка») наличие общих когнитивных и коммуникативных черт.

Главной определяющей единство цикла жанрообразующей чертой включенных в него текстов является их **основная тема – существование человека в мире, разрабатываемая на одномоментных, личных для И.С. Тургенева сюжетах, которые подаются писателем как общезначимые**, а ведь именно «лирическое стихотворение самим фактом своего написания имплицитно предполагает, что зафиксированный момент имеет всеобщее значение, что в этом моменте заключен, как в монаде, весь мир. <…> Оно именно моделирует (и тем самым фиксирует и увековечивает), а не просто воспроизводит и описывает его. <…> Лирика, таким образом, <…> подает субъективное как общее» [Левин 1998: 468].

Обнаруживается общность «стихотворений в прозе» и по параметру авторского коммуникативного намерения: уже заголовок цикла – «Senilia» («Старческое»), указывая на то, что **умудренный жизненным опытом автор делится с читателем наблюдениями, размышлениями и переживаниями**.

Заголовок и предисловие с обращением автора к читателю создают для цикла коммуникативную рамку, соответствующую лирическому содержанию, требующему коммуникативной ситуации как бы присутствующего адресата: «различие между нарративом и лирикой – в том, что лирика “делает вид”, что речевая ситуация осталась полноценной» [Падучева 1996: 208], именно поэтому «лирическая форма характеризуется речевым режимом употребления глагольных форм: базовое время рассказа – настоящее» [Падучева 1996: 211], – в чем нас и убеждают «стихотворения в прозе».

Проведенный нами анализ «стихотворений в прозе» выявил их **двухчастную композицию:** первая часть – это как бы увековеченный в тексте момент жизни, вызвавший переживание автора; вторая часть заключает в себе экспликацию авторского переживания и стимулированного им размышления, при этом первая часть служит и стимулом к переживанию и размышлению, и аргументом в рассуждении. Двухчастность композиции обусловливает преобразование семантики языковых единиц в соответствии с содержательной нормой жанра: они одновременно служат номинацией и однажды бывшего, и всегда бывающего.

Другая выявленная черта текстов данного жанра – их **двойная адресованность** автором: не только читателю, но и самому себе. Автокоммуникативность сближает «стихотворения в прозе» с дневниковыми записями.

Анализ обнаруживает и **общую тональность, обязательно проявляющуюся в каждом произведении цикла, хотя и с разной интенсивностью, – элегическую**: она порождается сожалением лирического героя о безвозвратно ушедшей молодости, мыслями о безрадостном старческом существовании и несовершенстве мира, но, несмотря ни на что, неизменно соседствует с выражением любви ко всему сущему.

«Стихотворения в прозе» отличает **минималистский стиль**: минимум деталей в изображении фрагментов действительности и указание лишь самой значимой из черт при их характеризации; в рассуждении – только обозначение проблемной ситуации, или же порожденного ею вопроса, или же предельно краткие оценочные суждения. **Когнитивно-вербальный минимализм делает тургеневский жанр «стихотворение в прозе» принципиально диалогическим**, включая читателя в «соавторы» для достраивания в воображении всего того, что не вербализовано в представленных ситуациях, для эмоционального отклика на них, для ответов на поставленные вопросы.

Таким образом, «стихотворения в прозе» И.С. Тургенева при всем их кажущемся тематическом и формальном многообразии обнаруживают существенные совпадения по ряду ключевых параметров, и это жанрово-стилевое единство обусловливает целостность цикла «Senilia» («Старческое»).

Литература

Измайлов Н.В. Примечания // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 10. М.: Наука, 1982. С. 444–475.

Левин Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 464–480.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.

Средства стилистической архаизации в трагедии А.С.Пушкина «Борис Годунов»

Л.И. Чович

Means of stylistic archaization in the tragedy of A.S. Pushkin “Boris Godunov”

Larisa I. Chovich

Панъевропейский университет (г. Баня-Лука, Босния и Герцеговина) / Pan-European University (Banja Luka, Bosnia and Herzegovina)

covicb@mail.ru

Аннотация. Настоящая работа посвящена выявлению функций средств исторической стилизации и исследованию занимаемого ими места в структуре трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». Пласты рассмотрения исторической стилизации в данной работе следующие: архаизмы, историзмы, всевременные элементы субстандартного коллоквиального языка, пословицы, фразеологизмы, следы подлинных исторических документов, инверсии. После тщательной выборки лексико-фразеологических единиц, подвергнувшихся исторической стилизации н представляющих определенные пласты словаря, которые были подробно проанализираны в настоящей работе, автор проходит к выводу, что приемы исторической стилизации в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» исключительно разнообразны. Устаревшие пласты лексики и фразеологии четко распределяются в зависимости от содержания и структуры трагедии. Они являются своеобразными «ключевыми» звеньями, на остриях которых основывается вся композиция трагедии общая функция которых – передача колорита исторической эпохи и создание иллюзии достоверности.

Ключевые слова: архаизирующие средства языка, стилизирующие средства языка, архаизмы, историзмы, пословицы, фразеологизмы.

Summary. This paper is devoted to identifying the functions of historical stylization tools and the study of their place in the structure of the tragedy of A.S. Pushkin “Boris Godunov”. The layers of consideration of historical stylization in this work are as follows: archaisms, historicisms, all-time elements of subprime colloquial language, proverbs, idioms, traces of authentic historical documents, inversion. After careful selection of lexical and phraseological units that have undergone historical stylization and representing a certain layer of the dictionary, which was analyzed in detail in this work, the author concludes that the methods of historical stylization in the tragedy of A.S. Pushkin “Boris Godunov” extremely diverse. Outdated layers of vocabulary and phraseology are clearly distributed depending on the content and structure of the tragedy. They are a kind of "key" links, on the edges of which the whole composition of the tragedy is based on a common function of which is to convey the flavor of the historical epoch and create the illusion of authenticity.

Keywords: archaizing facilities of language, стилизирующие facilities of language, archaisms, историзмы, proverbs, phraseological units.

1. Структура и содержание трагедии А.С.Пушкина «Борис Годунов» зиждутся на устаревшей лексике и фразеологии – ряде архаизмов, историзмов, фразеологизмов с архаическими значениями и архаическими грамматическими формами слов, устойчивых выражений с уже не существующими реалиями или вытесненными словами активного словарного фонда, устаревших пословиц и поговорок, а также инверсий. Они составляют стержень исторической драмы и представляют собой цельную словесно-художественную систему, представляя корпус настоящего исследования. Выявление функций средств исторической стилизации и занимаемого ими места в структуре трагедии А.С.Пушкина «Борис Годунов» (1) является целью данной работы.

2. Пласты словаря рассматриваемой исторической стилизации следующие: 1) *архаизмы*, 2) *историзмы*, 3) *всевременные элементы субстандартного коллоквиального языка*, 4) *пословицы, фразеологизмы*, 5) *следы подлинных исторических документов*, 6) *Инверсии.* После тщательного анализа выбранного корпуса, общая функция которого – передача *колорита исторической эпохи и создание иллюзии достоверности*, – проанализирован каждый из выше перечисленных пластов:

1) *Архаизмы.* Стилизуя повествование и язык действующих лиц, А.С.Пушкин в трагедии «Борис Годунов» употребляет большое количество архаизмов, при анализе которых важно учесть, какие именно слова, в момент написания трагедии Пушкиным уже считались устаревшими. Именно в этом случае можно определить стилистические функции архаизмов, используемых автором анализируемой трагедии: или для воспроизведения колорита прошлого, или как средство создания приподнято-торжественного стиля. Так, в трагедии «Борис Годунов» наряду с архаизмами пушкинской эпохи встречаются слова, которые перешли в состав пассивной лексики лишь в XX веке, (причем некоторые из них в XXI вернулись в активный словарный запас), естественно, причислять их к устаревшей лексике, несущей в произведении определенную стилистическую нагрузку, не следует. Однако для современного читателя они, несомненно, придают высокое, торжественное звучание и тем самым особую стилистическую значимость.

2) *Историзмы.* Ко второй группе средств исторической стилизации относятся историзмы, которые представляют названия исчезнувших предметов, явления, понятий. Историзмы не имеют синонимов среди слов активного словарного запаса и, как правило, с точки зрения современного языка стали фактами истории.

3) *Всевременные или вневременные элементы субстандартного коллоквиального языка.*Уделяя особое место вопросам взаимодействия, с одной стороны, «истинных» архаизмов – т.е. церковнославянизмов, а также реалий эпохи, которые на протяжении всей исторической драмы регулярно повторяются, и, с другой стороны, целого ряда «мнимых» архаизмов, как вспомогательного и широко применяемого средства исторической стилизации, следует особое внимание уделить элементам субстандартного коллоквиального языка, который в течение веков не менялся или менялся лишь в незначительной степени, и именно поэтому мог стать общим для прошлого и настоящего момента [Виноградов 1941].

4) *Пословицы, фразеологизмы*. Как известно, «Борис Годунов» зарождается как желание Пушкина постичь мира через историю, историю России. Его пребывание в Михайловском, соприкосновение с народной жизнью играли не меньшую роль, чем великое творение Карамзина – «История государства Российского» [Карамзин 2003: 308–309]. Может быть именно этим и обусловлено, что впервые Пушкин вводит в трагедию такое большое количество пословиц, поговорок, прибауток и других элементов простонародного языка. Что касается фразеологизмов, используемых как средство исторической стилизации, то устаревшие устойчивые словесные комплексы, общая функция которых – передача колорита исторической эпохи и создание иллюзии достоверности, можно подразделить на 4 группы (4): а) архаические фразеологизмы, не ограниченные рамками времени эпохи Бориса Годунова; б) фразеологизмы с устаревшим компонентом, в) фразеологизмы, архаичные для современного восприятия и г) контекстуальные архаичные фразеологизмы.

5) *Следы подлинных исторических документов*. Следующий рассматриваемый нами пласт – использование подлинных исторических документов. В качестве примера приведем отрезок текста (царский указ – [Пушкин 1986: 376–377]) из оригинальных документов эпохи и лишь с некоторыми поправками инкрустированный Пушкиным в текст романа. При сравнительном анализе было обнаружено, что в этом случае имеется не только очень «густая» архаизация, но и наоборот, обратный процесс – деархаизация, которая осуществляется автором при помощи так называемого внутриязыкового перевода, то есть о замене слишком старых слов и выражений документа, непонятных читателю пушкинской эпохи, элементами общеупотребительными, составляющими вневременное ядро языка, не подлежащее изменениям в зависимости от времени.

6) *Инверсии.* Значительное место в тексте романа занимают те отрезки текста, в которых проведена почти сплошная стилизация под фольклор, хотя они характерны не только лишь для времени эпохи Бориса Годунова, но и для исторического прошлого так такового , и выполняют одну и ту же функцию, что и примеры из царского указа – «подлинных» голосов эпохи.

3. Таким образом, приемы исторической стилизации в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» исключительно разнообразны. Устаревшие пласты лексики и фразеологии четко распределяются в зависимости от содержания и структуры трагедии. Они являются своеобразными «ключевыми» звеньями, на остриях которых основывается вся композиция трагедии. Это: *различные виды архаизмов, историзмы, архаические ФЕ, не ограниченные рамками эпохи Бориса Годунова, ФЕ с архаизирующим компонентом, ФЕ – архаичные для современного восприятия, контекстуальные архаические ФЕ, документальные инкрустации из царского указа, инверсии, выступающие в функции достоверных «голосов эпохи».*

Литература

Виноградов В.В. Стиль Пушкина**.** М.: Гослитиздат, 1941.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX. Книга 2. М.: «Эксмо», 2003. С. 308–309.

Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаическими значениями и формами слов.М.: Высшая школа, 1976.

Пушкин А.С. Сочинения: В трех томах. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2.

Човић Б. Стил историјске прозе А.Н.Толстоја**.** Нови-Сад: ISSJK, 1991.

Темпоральная структура русских сказок

Т.В. Шемелева

Temporal structure of Russian fairy tales

Tatiana V. Shemeleva

Кубанский государственный университет (Краснодар) / Kuban State University (Krasnodar)

shemelevatv@mail.ru

Аннотация. Важную роль в формировании категории художественного времени русских сказок играют различные языковые средства, участвующие в темпоральной структуре текста.

Ключевые слова: темпоральность, время грамматическое, время художественное, глагольные формы.

Summary. An important role in the formation of the category of artistic time of Russian fairy tales is played by various linguistic means involved in the temporal structure of the text.

Keywords: temporality, grammatical time, artistic time, verb forms.

Важным условием лингвистической и художественной цельности текста, его общей информативности является темпоральность: в тексте временные значения приобретают функции, которые не обнаруживаются на уровне предложения и предстают как текстовые функции грамматического времени. В то же время темпоральность подчиняется определенной установке, участвует в создании художественной образности произведения и, следовательно, становится концептуальной категорией. Для различных литературных жанров характерно особое отображение времени. Между художественным и грамматическим временем существует определенная иерархия. Художественное время есть категория более высокого ранга, оно подчиняет себе грамматическое время как одно из средств своего выражения, как строительный материал в создании художественного времени.

Анализ языковых особенностей выражения времени в русских сказках А.Н. Афанасьева показывает зависимость темпоральной структуры от сюжета сказки. Предметом повествования в сказке служат необычные, удивительные, а нередко таинственные и страшные события, что в значительной степени предопределяет структуру сюжета. Он отличается многоэпизодичностью, законченностью, драматической напряженностью и динамичностью развития действия. Четкая темпоральная структура состоит из нескольких логических частей и блоков, но особую роль играют исходная и конечная части художественного построения текста. Они отграничивают событие, переживание или действие в безграничном потоке внешней и внутренней реальностей (*Жили-были* – форма прошедшего времени в значении совмещения прошедшего и настоящего, т.е. время актуальное). Заканчивается сказка не менее подчеркнутой остановкой сказочного времени – конструкцией наступившего «отсутствия» событий: благополучием, свадьбой, пиром и / или смертью злодея (*Вот тебе сказка, а мне кринка масла*; *Горе потонуло, а купец стал жить по-старому, по-прежнему*).

В русских сказках прошлое и будущее подчинены настоящему – это объясняется замкнутостью и ограниченностью сюжета. Но в любом случае сказке свойствен счастливый конец и все события остаются как прошлое, включая прошлое-историческое, давно прошедшее и прошлое недавнее, когда формы настоящего времени используются в значении прошедшего (*Вот думала, думала, да и придумала: дай прельщу его. Подходит к дереву и стала здоровкаться: – Здравствуй, Петенька!*).

Важнее не морфологические различия настоящего и прошедшего времени в тексте, а связь действий между собой, последовательность или одновременность, характер их протекания, а также соотношение с позицией говорящего, т.е. рассказчика. Поэтому в русских сказках грамматическая форма будущего времени лишь расширяет протекание настоящего повествовательного. Формы будущего времени фиксируются чаще во внутренних монологах героев. В сказках о животных и бытовых сказках, чаще чем в волшебных,

ярко представлен диалогизм: он направляет действие, раскрывает ситуации, показывает состояние персонажей (*Вот приехали умные братья и стали спрашивать: – Ну что, дурак, продал быка?..*). Перерыв во времени – пауза в развитии сюжета. Традиционные формулы: *скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается*; *утро вечера мудренее* – и разграничивают, и связывают эпизоды сказки.

Отсутствием скачков в повествовании, недопустимостью проспективных и ретроспективных вставок в тексте русской сказки можно, вероятно, объяснить преобладание форм прошедшего времени (*Привязал быка к березе, распрощался с нею и пошел домой*). Иногда прошедшее время осложнено давно прошедшим: *Да больно она льстива была на чужую скотину; как бывало зайдет на двор чужая скотина*…. Глагольные формы нередко используются в специальных значениях. Среди них: 1) давно прошедшее время: «хаживал», «едал» – оно указывает на действие, которое повторялось часто в течение неопределенного времени в прошлом, многократность действия с оттенком давности (*Молодым молодцом, удалым удальцом, хаживал к княгине-красавице*); 2) употребление форм времени с частицей «бывало» – выражает действие, обычное в прошлом (*бывало пойдут в лес*…); частицей *было* – говорит о действии, которое субъект намеревался совершить, но так и не сделал этого (*...хотел было прийти, но не вышло*); 3) употребление отглагольных форм – указывает на мгновенное действие в прошлом, выраженное междометными глаголами: «прыг», «шлеп» (*…лиса прыг из баньки и убежала домой*).

Можно говорить о характерных для сказки случаях растяжения и сжатия отдельных отрезков художественного времени, когда растягиваются часы и сжимаются до мгновения дни: *Наш парень так и сделал; только защурился, взглянул – уж и дома у отца*… Переключение с одной временной формы на другую можно отметить чаще всего при переходе к концовке, когда рассказчик пытается связать художественное прошлое с настоящим, сделать повествование значимым и для сегодняшнего дня, а иногда снять впечатление вымысла.

Время в сказке всегда последовательно движется в одном направлении и никогда не возвращается назад. Для русской народной сказки характерны две темпоральные структуры- «цепочки» (с двумя временными формами и с одним переходом от формы к форме – чаще сказки о животных) и сетка-«маятник» (с двумя временными формами, между которыми и в рамках которых и происходит движение в волшебной сказки).

Литература

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т./ Подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков; Отв. ред. Э.В. Померанцева, К. В.Чистов. М.: Наука, 1984–1985.

Секция IX.
Лингвистическая терминология и критерии ее оценки

Синодальный церковно-славянский язык и церковно-религиозный функциональный стиль современного русского языка

А.И. Изотов

Synodal Church Slavonic and Church-Religious Functional Style of Contemporary Russian

A.I. Izotov

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

a.i.izotov@mail.ru

Аннотация. Обосновывается правомерность вычленения в рамках русского этнического языка «церковно-религиозного функционального стиля», используемого клириками и мирянами Русской православной церкви в сфере религиозной коммуникации. Яркой особенностью данного стиля является инкорпорированность в него элементов церковнославянского языка как агиолекта (lingua sacra), причем степень данной инкорпорированности в некоторых его подстилях (например, в литургическом или молитвенном) может доходить до 100%.

Summary. The reasonableness of singling out the “church-religious functional style” within the framework of the Russian ethnic language used by the clergy and the laity of the Russian Orthodox Church in the sphere of religious communication is determined. A striking feature of this style is the incorporation of the elements of the Church Slavonic language as lingua sacra into it, and the degree of this incorporation in some of its sub-styles / genres (e.g., in liturgical or prayerful ones) can reach up to 100%.

Ключевые слова: Пражский лингвистический кружок; функциональный стиль; церковнославянский язык; церковно-религиозный функциональный стиль; агиолект.

Keywords: Prague Linguistic Circle; functional style; Church Slavonic; church-religious style; lingua sacra.

Понятие церковно-религиозного функционального стиля заняло прочное место в отечественной русистике. Речь идет не только о множестве посвященных соответствующей проблематике диссертационных исследований (подробнее см. [Изотов 2018]. Церковно-религиозному стилю посвящен отдельный параграф в классическом учебнике по русской стилистике [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 412–432], а также отдельные статьи в популярных справочниках (см., например, [Стилистический… 2003] и [Эффективное… 2014]), находящихся в свободном доступе в Сети и тем самым являющихся источником многократного копирования авторами всевозможных образовательных сайтов, а уже оттуда – пишущими рефераты, курсовые и дипломные работы студентами, что переводит данный феномен в разряд общеизвестного знания.

Тем не менее до сих пор нет единого мнения даже по поводу наименования данного функционального стиля, хотя некоторые тенденции все же прослеживаются. Наиболее употребительным, судя по всему, является введенный в массовый обиход М.Н. Кожиной, О.А. Крыловой и Л.П. Крысиным термин «церковно-религиозный стиль», который представляется нам более удачным с точки зрения внутренней формы, чем сопоставимый с ним по употребительности термин «религиозный стиль», так как сужает декларируемую сферу его функционирования, исключая нехристианские религии, ведь греческое [□κκλησία] κυριακόν, давшее на русской почве слово *церковь* – это не просто ‘религиозное сообщество’, но ‘религиозное сообщество христиан’. Термин же «религиозно-проповеднический стиль», заявленный было как синоним термина «церковно-религиозный стиль» и представленный в некоторых старших, однако регулярно цитируемых работах, сужает функциональную сферу термина излишне кардинально – до объема речевого жанра (подробнее о терминах см. [Изотов 2018].

Что же касается самого наполнения термина «церковно-религиозный функциональный стиль», то здесь ситуация, к сожалению, еще дальше от идеальной. Мы категорически не согласны с определением, предлагаемым Л.П. Крысиным:

«**Церковно-религиозный стиль**, или **религиозно-проповеднический стиль**, – один из функциональных стилей кодифицированного литературного языка. Обслуживает церковно-религиозную сферу. Близок к Публицистическому стилю (см.), т.к. в нем язык используется в своей агитационной функции: проповедуя слово Божие, священники стремятся воздействовать на сознание слушателей и убеждать их в существовании непреложных религиозных истин, которыми должен руководствоваться человек в повседневной жизни» [Эффективное 2014: 732–733].

Во-первых, непонятно, почему монополия на использование данного стиля предоставлена «священникам»? Во-вторых, что такое «непреложные религиозные истины»? Это некие «религиозные» аналоги «светских» сентенций типа «Волга впадает в Каспийское море»? Или же речь идет о религиозной догматике? Первое предположение оскорбительно для слушателей, поскольку предполагает их умственную неполноценность, второе – для проповедника, перепутавшего проповедь с лекцией для семинаристов.

Еще менее удачным определением пользуется И.В. Калита, в монографии которой под церковно-религиозным стилем «подразумевается коммуникация служителей культа вне стен храма с целью привлечь внимание к религии» [Калита 2013: 107].

О.А. Крылова предлагает более корректную, на наш взгляд, формулировку («Церковно-религиозный стиль – функциональная разновидность совр. рус. лит. языка, обслуживающая сферу церковно-религиозной общественной деятельности и соотносящаяся с религиозной формой общественного сознания» [Стилистический… 2003: 612]), к которой мы бы добавили разве что следующее важное уточнение: Яркой особенностью данного функционального стиля, используемого клириками и мирянами Русской православной церкви в сфере религиозной коммуникации, является инкорпорированность в него элементов церковнославянского языка как агиолекта, причем степень этой инкорпорированности в некоторых его подстилях (например, в литургическом или молитвенном) может доходить до 100%, что выглядит как пол-

ное вытеснение русского языка языком церковнославянским (речь идет не только о лексике и графике, но также о морфологии и синтаксисе).

Литература

Изотов А.И. К вопросу о церковно-религиозном функциональном стиле современного русского языка // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 60. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 92–103.

Калита И.В. Стилистические трансформации русских субстандартов, или книга о сленге. М.: Дикси Пресс, 2013.

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. 3-е изд. М.: Флинта; Наука, 2008.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта, 2003.

Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014.

Терминология словесности в системе образования первой трети XIX в. (на материале теории словесности И. Рижского (1761–1811))

Л.Е. Макарова

Terminology of the belles-lettres (‘slovesnost’) in the system of education of the beginning of the XIXth century (as represented in the belles-lettres (‘slovesnost’) theory of I. Rizhskiy (1761–1811))

Liubov E. Makarova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

lmakarova@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматривается филологическая терминология (термины наук о языке н. XIX в. на материале теории словесности И. Рижского) как системообразующий фактор образовательной системы, формирующий нормы мышления. Она состоит из общефилологической терминологии и терминологий отдельных предметов и характеризуется цельностью и структурированностью.

Ключевые слова: риторика, грамматика, логика, теория словесности, терминология.

Summary. The report considers the philological terminology, that is the terms of the language sciences of the beginning of the XIX century (represented in the works of I. Rizhsky) as a systemic factor of the education system that forms standards of thinking. This terminology consists of the general philological group of terms and groups of terms of every discipline and is characterized by integrity and structuring.

Keywords: rhetoric, grammar, logic, theory of the belles-lettres (‘slovesnost’), terminology.

Поскольку понимание и усвоение, как своей, так и чужой культуры происходит через язык и совокупность текстов на данном языке (словесность), в основе эффективной системы образования всегда лежит теория словесности или филология. XIX в. был богат на образовательные реформы, и в наше время, когда система и среднего, и высшего образования постоянно меняется, полезно обратиться к опыту уваровской реформы, начавшейся в 1811 г. с обновления учебного плана Санктпетербургской губернской гимназии и в дальнейшем распространенной на всю систему гимназического образования России. В нашей работе отражение этой классической по существу системы образования представлено через призму терминологии учебников словесных наук: грамматик, логик, риторик и поэтик и сформировавшегося в это время нового типа учебного пособия, оснований или теории словесности, на примере трудов одного из влиятельных авторов начала XIX в., члена Академии наук и ректора Харьковского университета И. И. Рижского.

Представленная в учебниках И. И. Рижского система словесных наук – наиболее полная и цельная теория словесности первой трети XIX в., состоящая из грамматики и логики [Умословие, 1790; Введение в круг словесности, 1806], риторики [Опыт риторики, 1805 («Опыт риторики» издавался четыре раза: СПб., 1796 г., Харьков, 1805 г., Москва и Харьков, 1809 и 1822 г.)] и поэтики [Наука стихотворства, 1811]. Она воплощает классическую христианскую систему образования, состоявшую из тривиума и квадривиума, философски обоснованную блаж. Августином Гиппонийским в трактатах «De ordine» и «De magistro», как образование души на ее пути восхождения к Богу. Первый этап этого пути, тривиум, – принцип последовательного изучения грамматики, логики (диалектики) и риторики, формирует систему словесных наук. Центром системы является терминология, включающая разряды терминов, касающихся: 1) языка как такового, 2) родов и видов словесности, в том числе научного текста, документов, публицистики, 3) логической теории, тесно связанной с грамматикой и синтаксисом, 4) стилистических и эстетических категорий.

Терминология словесности Рижского представлена в таблицах. Если мы представим ее в виде пирамиды, то наверху располагается базовый уровень (ядро терминологии), дальше уровень связи компонентов (системообразующие термины) и в основании периферийный уровень (недефинированные термины). Ядро словесной терминологии – термины, объединяющие все компоненты системы и представленные в вариантах в разных ее частях. Эти термины можно представить в виде таблицы или в виде трихотомий: понятие – термин – рассуждение (пропозиция); слово – предложение – рассуждение; стиль. Они отражают компоненты мысли и их словесное выражение. Таким образом ядро терминологии составляют термины (ряды терминов), отражающие: а) категории языка и мысли (логические, грамматические и логико-грамматические термины), представляющие учение о языке как системе (теорию языка), б) категорию стиля (термин «слог (Stylus)»; тропы и фигуры отсутствуют в логической части).

Системообразующую терминологию составляют тематические группы терминов (также представленные в вариантах), объединяющие отдельные части системы. Это риторические, риторико-поэтические (стилистические), логико-риторические, эстетические, логические, логико-грамматические, грамматические, грамматико-поэтические (стиховедческие) и общеязыковые термины.

Самый нижний, периферийный уровнь, образуют группы терминов, не дефинированные ни в одной из частей системы (логические, грамматические, стиховедческие, поэтические, риторико-поэтические (стилистические), общеязыковые).

Таким образом, терминология словесности формирует систему мышления и является основанием всей системы образования. Она состоит из общефилологической терминологии, объединяющей компоненты системы, и терминологии отдельных предметов. В дальнейшем, в связи с усилением тенденции к размежеванию отдельных научных областей и соответствующих дисциплин, с исчезновением из гимназического образования логики и риторики и заменой риторики историей литературы, терминология словесности становится маргинальной.

Литература

И. А. Алешинцев. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб.: Издание О. Богдановой, 1912. С. 55–62.

Рижский И. Умословие, или Умственная философия, написанная в С. Петербургском Горном училище В пользу обучающегося в нем юношества И. Рижским. В Санктпетербурге: В Типографии Горного Училища, 1790 года.

Рижский И. Введение в круг словесности, сочиненное в Императорском Харьковском университете, и служившее руководством бывших в оном 1805-го года публичных чтений, предшествовавших науке красноречия. Харьков: В Университетской типографии, 1806.

Рижский И. Опыт риторики. Харьков, 1805.

Рижский И. Наука стихотворства, сочиненная Императорской российской академии членом коллежским советником и кавалером Иваном Рижским и оною Академиею изданная. СПб.: В Тип. В. Плавильщикова, 1811.

Эмические термины в современной лингвистике

О.А. Михайлова, Ю.Н. Михайлова

Emic terms in modern linguistics

Olga A. Mikhailova, Julia N. Mikhailova

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург) /
Ural federal university named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)

oamih@yandex.ru, jmikailova@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются лингвистические термины с суффиксом *–ем.* Показаны два направления, по которым развивается эмическая терминология. Первое – образование алло-эмических терминологических пар. Второе – расширение круга единиц, для номинации которых создаются слова с суффиксом *-ем*.

Ключевые слова: лингвистика; терминология; русский язык; термин.

Summary. Linguistic terms with suffix *-em* are considered in the report. Emic terminology develops in two directions. First of all is formation of allo-emic terminological pairs; secondly is extension of the range of units for which the words with suffix *-em* are created.

Keywords: linguistics; terminology; Russian language; term.

В лингвистике давно стало общепринятым последовательное разграничение языковых единиц и их конкретных реализаций. Признание инвариантно-вариантного устройства материальных единиц языка отразилось в двух рядах терминов – эмических и этических. Структурно-семантические особенности терминов проявляются в сфере словообразования, где происходит специализация отдельных формантов, характерных для собственно терминологических моделей. Греческий суффикс *-ем(а)* маркирует абстрактную, глубинную единицу языка. Эмические понятия как инварианты включают этические понятия как свои видовые варианты (ср. фонемика как учение об инвариантах – фонемах и фонетика – учение о вариантах фонемы).

Эмические термины в российской лингвистике имеют давнюю историю, которая началась с терминов *морфема* и *фонема.* Понятие и термин *морфема,* предложенные в 1881 г. Бодуэном де Куртенэ как обобщение понятий *корень* и *аффикс*, получают широкое распространение в работах Пражской лингвистической школы, Л. Блумфилда и в дескриптивной лингвистике, однако в содержании данного понятия со временем произошли разнообразные сдвиги. В это же время Казанской лингвистической школой впервые разработано понятие *фонема* в современном смысле термина. Более поздним является термин *лексема,* который был предложен в 1918 г. А.М. Пешковским, в 1924 г. вошел в «Грамматический словарь» Н.Н. Дурново, а в дальнейшем получил содержательное наполнение и уточнение в трудах В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, А.А. Зализняка.

Распространение структурных методов на лексику обусловило и появление параллельного *лексеме* термина *семема* (в работе Л. Блумфилда 1933 г.), и эти термины в совокупности охватывают лексический уровень. Таким образом, эмическими терминами к середине XX в. были определены единицы трех уровней языковой системы. В отношении синтаксических единиц М.И. Черемисина в работе 1997 г. отмечала отсутствие эмических терминов для синтаксического уровня [Черемисина 1997].

Термин с суффиксом *-ем* придает соответствующему научному понятию значение минимальной единицы определенного уровня языка, а также очерчивает его парадигматический контекст; следовательно, по логике вещей список эмических терминов должен быть закрыт, поскольку для каждого уровня возможна только одна эмическая единица. В ЛЭС представлены термины *фонема, лексема, морфема, семантема, сема* и некоторые приставочные производные от них. Однако в Тезаурусе лингвистических терминов в 2006 г. (см.: [http://shaoulski.livejournal.com/48648.html]) было представлено свыше 100 единиц с суффиксом *-ем(а)*, и этот список был нами дополнен новыми данными.

Как показали наблюдения, образование эмических терминов в метаязыке современной лингвистики идет в двух направлениях – вглубь и вширь.

В первом случае каждая из известных структурных единиц по мере ее изучения в разных аспектах становится основой словообразовательного гнезда. Противопоставление инвариантных единиц и их видовых вариантов закономерно привело к появлению алло-эмических терминологических пар: *морфема* / *алломорфема, фонема* / *аллофонема*, *лексема* / *аллолексема.* Кроме того, исследователи создают производные от общеизвестных эмических терминов, чтобы обозначить ими аспект исследования соответствующей единицы или показать ее промежуточный характер. Так, существуют однокоренные с *морфемой* термины *лексоморфема, синтагмоморфема* (Т.В. Булыгина), *морфотмема,* (Ю.С. Маслов), *слогоморфема* (Х. Улашин), *морфосиллабема.* От основы *лексема* образованы *архилексема, лексотмема* (Ю.С. Маслов).

Наиболее широко представлены производные термина *фонема: архифонема* (Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон), *парадигмо-фонема, синтагмо-фонема, субфонема* (М.В. Панов), *суперфонема* (Л.Л. Касаткин), *гиперфонема* (В.Н. Сидоров), *мегагиперфонема, супергиперфонема, супрафонема* (С.В. Князев), *группофонема* (В.К. Журавлёв) и др.

Второе направление, по которому развивается эмическая терминология, – расширение круга единиц, для номинации которых создаются слова с суффиксом *-ем*. Можно вычленить парадигмы, включающие синонимические термины, например *фонема – кенема, семема – плерема* и др. Есть термины, обозначающие фигуры (Л. Ельмслев) плана выражения или плана содержания (*сонема, таксема, номема, граммема* и др.). Но в основном эмическим термином обозначаются вспомогательные, операциональные понятия, с помощью которых вычленяются пригодные для анализа единицы текста или речевой коммуникации. Вот некоторые примеры:

графема и *неографема* (новый элемент письма, новый графический знак);

фразема, синтема (несколько грамматических слов в одной синтагме, имеющих одну семему) и *синкретема* (минимальная лексическая единица древнерусского текста);

синтаксема (слово как конструктивный компонент более сложного синтаксического построения);

текстема и *наррема* (эпизод);

коммуникема, коммуниканема, коммуникатема и *речема*;

экспрессема (единица поэтического языка), *креатема* (минимальная единица творчества), *эвристема* (избранная, сильная *экспрессема*);

эпистема и *логоэпистема*;

культурема и *лингвокультурема.*

Репертуар эмических терминов отражает исторический ход лингвистических изысканий – переход от структурной лингвистики к коммуникативной и далее к лингвокультурологии. Кроме того, терминологическая система доказывает смену объекта исследования – от языка как структуры к языку как деятельности, от основных строевых единиц языка к тексту и речи.

Литература

Черемисина М. И. Исследование моделей элементарного простого предложения в тюркских языках Южной Сибири // Центральноазиатский исторический сервер [https://kyrgyz.ru].

О грамматической форме слова и словоформе в русском языке

Г.И. Панова

On the grammatical form of a word and word form in Russian language

Galina I. Panova

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан) / Katanov Khakass State University (Abakan)

gipanova@mail.ru

Аннотация. В докладе отмечаются разные подходы русистов к пониманию грамматической формы слова, предлагается ее рассмотрение как единства морфологического средства и обобщенной основы слов данной части речи. Дифференцируется словоформа как единица языка и единица речи, в которых реализуется грамматическая форма на разных уровнях существования. Выявляется аналогичный характер взаимодействия грамматической формы с лексемой и элементами высказывания.

Ключевые слова: грамматическая форма слова, морфологическая форма, морфологические средства, собственно словоформа, словоформа-синтаксема.

Summary. The report represents different approaches of Russian linguists to the understanding of the grammatical form of a word. It is suggested to consider it as the unity of the morphological means and the generalized basis of the words in a given part of speech. The word form is differentiated as a unit of language and a unit of speech, in which the grammatical form is realized at different levels. The research reveals similar character of the interaction of the grammatical form with the lexeme and elements of the utterance.

Keywords: grammatical form of the word, morphological form, morphological means, word form proper, the word form-syntaxeme.

Грамматическая форма слова [Термины «грамматическая форма слова» (ГФС) и «морфологическая форма» (МФ) употребляются в современной русистике как равнозначные.] – одно из базовых, классических понятий грамматики, представленное во всех лингвистических энциклопедиях, словарях, справочниках, в грамматиках и учебных пособиях по морфологии. В настоящее время ГФС редко становится объектом специального теоретического осмысления, которое мы находим в работах 70-х годов – это прежде всего фундаментальное исследование морфологического строя А.В. Бондарко [Бондарко 1976] и монография Е.В. Клобукова [Клобуков 1979].

Думается, что в практическом плане ГФС как единицу морфологического строя грамматисты воспринимают одинаково, однако ее теоретическое осмысление весьма неоднородно. В типичных случаях ГФС определяется через ее отношение: 1) к слову – *это морфологическая разновидность слова* (В.В. Виноградов, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, а также А.А. Камынина, О.К. Клименко, А.Н. Тихонов, А.Л. Шарандин), 2) к словоформе – *отвлеченно-грамматический аналог словоформы* (А.В. Бондарко, «Русская грамматика», И.Г. Милославский), 3) к морфологическим средствам – *это языковые средства, выражающие грамматические значения слова* (В.Г. Адмони, Н.Н. Дурново, А.В. Исаченко, П.С. Кузнецов, Н.С. Поспелов, Д.Э. Розенталь, В.Н. Сидоров, Ю.С. Степанов, А.А. Шахматов и др.). Отождествление ГФС с морфологическим средством может быть представлено имплицитно. Так, в энциклопедии «Русский язык» она определяется как «языковой знак, в котором обобщенное… значение находит свое регулярное… выражение» [Лопатин 1997: 97], а это и есть морфологическое средство – формообразующий аффикс или вспомогательное слово.

По нашему мнению, ГФС – это не знак, а своеобразная «конструкция», в которой этот знак является ее главным компонентом. **Грамматическая форма слова,** или **морфологическая форма,** есть единство формообразующего аффикса (либо вспомогательного слова) и обобщенной основы слов данной части речи, см.: [(осн. глаг.) + *-у*] или [*самый* + (осн. прилаг.) + *-ый*]. Можно дать развернутое определение ГФС – это единство а) морфологического значения, б) его материального выражения и в) обобщенной основы слов данной части речи.

Понимание **словоформы** в русистике тоже не однозначно. Одни лингвисты определяют ее как *данное слово в данной ГФ* (А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова, В.В. Лопатин, И.Г. Милославский), другие – как *слово в речи* (А.А. Зализняк, А.Н. Тихонов). Подобные определения словоформы отражают ее разный статус: «языковая словоформа» и «речевая словоформа» – термины И.А. Мельчука [Мельчук 1997: 175]. В первом случае это лексико-морфологическая единица языка (компонент парадигмы слова), представляющая собой единство МФ и лексемы конкретного слова. В ее структуре происходит взаимодействие значений МФ и лексемы. Ср. словоформы *книг**и*** и *сумерк**и***: в первой категориальное значение мн. числа МФ входит в содержательную структуру словоформы, а во второй оно подавляется лексемой.

Во втором случае это лексико-морфолого-синтаксическая единица речи, где тоже происходит взаимодействие значения МФ (в составе словоформы) с содержанием высказывания. Ср.: а) *У Андрея опять новая книг**а*** (значение количества МФ входит в содержательную структуру высказывания) и б) *Книг**а*** (*книги*) – *источник знаний* (оно нейтрализуется, так как не актуально для выражаемого смысла). Словоформу как единицу речи можно условно назвать словоформой-синтаксемой. Ее морфологическое значение определяется с позиций содержательной структуры высказывания. Взаимодействие между МФ и лексемой, с одной стороны, и элементами высказывания – с другой, может быть не только в плане содержания, но и в плане выражения.

Обращаясь к известному положению А.В. Бондарко о трех уровнях «существования… грамматических категорий», можно констатировать, что абстрагированная ГФС (или МФ) на уровне слова реализуется в собственно словоформе, а на уровне высказывания – в словоформе-синтаксеме.

Литература

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976.

Клобуков Е.В. Теоретические проблемы русской морфологии. Изд-во Моск. ун-та, 1979.

Лопатин В.В. Грамматическая форма // Русский язык: энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Дрофа, 1997. С. 97–98.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. М.: Языки русской культуры; Прогресс; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1997.

Стандартизация англо-русской лингвистической терминологии

С.Б. Потемкин

Standardization of the English-Russian linguistic terminology

S.B. Potemkin

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

prolexprim@gmail.com

Аннотация. Наш подход заключается в прямом и обратном переводе русского термина на иностранный, в частности, на английский язык, и последующем обратном переводе на русский. В случае совпадения оригинала и результата двойного перевода термина, последний должен соответствовать международно принятой терминологии.

Ключевые слова: терминология, эквивалент терминов, структура составных терминов, машинный прямой и обратный перевод.

Summary. Our approach consists in the direct and reverse translation of the Russian term into foreign, specifically, English, language and the subsequent reverse translation into Russian. In case of coincidence of the original and the result of a double translation of the term, the latter is supposed to be consistent with the internationally accepted terminology.

Keywords: terminology, term equivalent, structure of compound terms, machine direct and reverse translation.

Проблемы терминологии связаны, в частности, с развитием систем машинного перевода. Известно, что автоматический перевод научно-технических текстов при их достаточно бедной синтаксической структуре обусловлен, главным образом, правильным переводом номинативных конструкций, прежде всего терминологических словосочетаний и фраз [Левенштейн 1965].

Термин – это слово, фраза, акроним, или другая лексическая единица, обозначающая соответствующий экстралингвистический объект в реальном мире. В качестве лексикографических источников мы используем современные словари Баранова [Баранов 2001] и Хворостина [Хворостин 2007]. Один и тот же термин может по-разному переводиться разными авторами:

basic vocabulary, core vocabulary <> *базовая лексика* [Хворостин]

basic dictionary <> *основной словарь, лексический минимум* [Баранов]

basic form <> *основная форма* [Хворостин]

basic form <> *исходная форма* [Баранов]

basic constituent order <> *базовый порядок слов* [Хворостин]

basic word order <> *обычный порядок слов, основной порядок слов* [Баранов]

Таких примеров множество. Номенклатура терминов в словаре Баранова насчитывает 13 статей с лексемой basic, а в словаре Хворостина – 9, причем пересечение составляет только 3 составных термина. Читатель затрудняется в понимании, какой тип сущности обозначен термином в контексте и какой иноязычный эквивалент следует выбрать.

Очень важный класс составных терминов (MWT, Multi Word Term) это тот, где значение / семантика термина не выводится из значений составляющих слов. В словосочетании *слепая оценка* отдельные составляющие слова не имеют прямого отношения к фактическому значению синтагмы, которое заключается в опросе экспертов с целью получить суждение о предмете опроса. Подобные переносные значения очень часто встречаются в естественном языке. Обработка MWT подобного типа имеет чрезвычайно важное значение для адекватной обработки естественного языка.

В целях стандартизации лингвистической терминологии применялась система машинного перевода. Методика этого исследования заключалась в следующем: анализируемый термин подвергался машинному переводу с помощью онлайн-переводчика, в нашем случае Google translator. Затем выполнялся обратный перевод, и рассчитывалось расстояние Левенштейна [Левенштейн 1965] между исходным русским текстом и текстом, полученным в результате прямого и обратного перевода [Потемкин]. Если это расстояние оказывалось равным нулю, то русский термин признавался согласованным с его иноязычным эквивалентом и, следовательно, соответствующим международным терминологическим стандартам. В противном случае делалось заключение, что система машинного перевода «не знает» русский термин и, соответственно, неправильно выбирает его иноязычный эквивалент. Например,

binding theory → Теория связывания → binding theory → Теория связывания // Levenshtein distance = 0

т.е. лингвистический термин *теория связывания* согласован с английским эквивалентом *binding theory.* В целом не более 40% лингвистических терминов из нашей выборки имели адекватные английские эквиваленты, т.е. можно заключить, что русская лингвистическая терминология плохо согласована с англоязычной и не будет правильно переводиться системой машинного перевода и даже не всегда пониматься читателем. Пример неточного перевода термина в словаре [Баранов 2001]:

binomial nomenclature двучленное наименование [Баранов]

Двусторонний перевод [5]:

binomial nomenclature → биноминальная номенклатура → binomial nomenclature

Предлагаемый переводной термин более точно определяет понятие и принят в международной терминологической системе. Часто составной термин переводится системой МП пословно, а не как целостное словосочетание. Так, *block language* <> *язык надписей* [Баранов] переводится Google как *язык блока*, что неприемлемо с точки зрения лингвиста. Иногда исходный и итеративно полученный термин являются синонимами, напр.:

нарушения восприятия времени → disorders of perception of time → расстройства восприятия времени.

В других случаях термин, полученный в результате нескольких итераций, является конверсивом исходного: *абсолютная слуховая чувствительность* =conv= *абсолютная чувствительность слуха*; либо исходный термин и результат итераций имеют различный порядок слов (пермутация) *амнезия раннего детства* =perm= *раннего детства амнезия.*

Заключение. Эквиваленты терминов на английском языке отыскиваются автоматически в процессе прямого и обратного перевода с использованием он-лайн переводчика. Результаты исследования показывают перспективность использования системы машинного перевода для стандартизации лингвистической терминологии. Стандартизация в данном случае понимается как согласованность с международной, англоязычной, терминологией.

Литература

Баранов А.Н., Д. О. Добровольский Д.О. и др. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. 2-е изд. М.: Азбуковник; Изд. 2-е, испр. и доп., 2001 (Баранов).

Левенштейн В.И. Двоичные коды с исправлением выпадений, вставок и замещений символов. Доклады Академий Наук СССР, 1965. 163.4:845-848.

Марчук Ю.Н. Автоматизация перевода и типология текстов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 164–171.

Он-лайн Гугл-переводчик [Электронный ресурс. URL: https://translate.google.ru/ (дата обращения: 30.10.2018)].

Потемкин С.Б. Персональный сайт [Электронный ресурс. URL http://www.philol.msu.ru/~serge/Translation/form11.php (дата обращения: 30.10.2018)].

Хворостин Д.В. Англо-русский словарь лингвистических терминов. Челябинск: Записки лингвиста, 2007.

Секция X.
Описание русского языка в сопоставительном и типологическом аспектах

Фразеологическая репрезентация гендерных категорий в русском языке (на фоне китайского)

Я.Е. Андреева

Phraseological representation of gender categories in Russian (against the background of Chinese)

Iana Ye. Andreeva

Тюменский государственный университет / University of Tyumen

y.e.andreeva@utmn.ru

Аннотация. В каждой речевой культуре сложились определенные представления о ролевом поведении мужчин и женщин, так называемые гендерные стереотипы. С привлечением сопоставительного метода и через обращение к гендерной стереотипизации в китайском языке становится возможным выявление особенностей гендерно обусловленной информации в русском языке.

Ключевые слова. гендерные категории; фразеологизм; национально-культурная специфика.

Summary. Every speech community has its own particular conceptions of male and female behavior models, so-called gender stereotypes. Comparative method makes it possible to identify special features of Russian gender-specific information through recourse to gender-based stereotyping in Chinese.

Keywords: gender categories; phraseological unit; national-cultural specificity.

В рамках господствующей в настоящее время антропоцентрической парадигмы в языкознании актуальным становится внимание к лингвистической гендерологии. Осмысление русской лингвокультуры на фоне китайской позволяет установить специфичность её базовых концептов, в частности гендерной ипостаси человека, поскольку расхождения в понимании социокультурного пола в представленных культурах существенны. Важную роль в воспроизведении менталитета играют устойчивые выражения языка, которые не только демонстрируют отношение определенного народа к категориям феминности и маскулинности, но и «навязывают носителям языка культурно-национальное понимание» [Телия 1996: 10] этих понятий.

Параметризация гендерно маркированного материала, который был отобран из фразеологических словарей [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010], [Телия 2009], [Федоров 2008], [Русско-китайский фразеологический словарь 1984], [Фанлай 2005], указывает на то, что понятие «гендер» в русской и китайской лингвокультурах структурируется по сходным тематическим областям. Однако компонентный состав корпуса исследования демонстрирует разнородность культурных образов и семантических ядер акцентируемых признаков. Модели концептуальных пространств «женщина» и «мужчина» в русском языке имеют следующие лингвокультурные особенности.

1. Преобладание в русской языковой картине мира лингвистической информации, обращенной к женщине (*прекрасный пол; коса до пояса*).

2. Андроцентризм русской фразеологии (*Курица не птица, баба не человек*).

3. Средоточие в семантическом центре гендерных концептов внутренней красоты и физической силы. Сопоставительный анализ идеографических полей гендерной фразеологии русского и китайского языков показал, что доминирующей областью интерпретации в русских фразеологизмах является характер (*Красота приглядится, а ум вперед пригодится; Красота до вечера, а ум – навек*). В китайской фразеологической картине мира внешняя привлекательность не представлена в комплексе с нравственными качествами референта (浓眉大眼 – досл. *густые брови, большие глаза*, 月眉星眼 – досл. *брови как луна, глаза как звезды*).

4. Имплицитность проявления гендера за счет компонентов-фитонимов, зоонимов, бытовой лексики, лексики религиозных представлений, прецедентных имен и образов, в которых обнаруживают себя этнокультурные ценностные ориентиры.

компонентный состав фразеологических единиц	в русском языке	в китайском языке
компоненты-зоонимы	лебедь, курица, петух, клуша, сокол, лебедь, пава, ласточка, корова, козел, пес, конь, змея, лягушка, оса	鸾 (феникс), 鹄 (лебедь), 蝉 (цикада), 蛾 (мотылек), 鱼 (рыба), 雁 (гусь), 燕 (ласточка), 莺 (иволга), 老虎 (тигр)
Компоненты-фитонимы	береза, мак, роза, яблоня, смоковница	花 (цветок), 枝 (ветви), 叶 (листья), 含苞 (бутон), 梨 (груша), 芙蓉 (лотос), 兰 (орхидея), 桃 (персик)
Лексика религиозных представлений	рай, сатана, черт, дьявол, Ева, Адам	仙女 (фея)
Бытовая лексика	юбка, сарафан, подол, рукав, иголка, нитка, молоко, пирог, сдоба, хлеб, коромысло, изба, порог	粉 (пудра), 玉 (яшма)

Исследование гендерных категорий как ключевого фрагмента русского языкового сознания (на фоне китайского) проходит в рамках актуального лингвистического направления – изучения национально-культурного аспекта языка. В связи с бурно развивающимися гендерными исследованиями в лингвистике категории феминности и маскулинности рассматриваются на всех языковых уровнях. В соответствии с исследовательскими подходами к анализу конкретного материала мы обращаемся к лингвокультурологической парадигме, которая позволяет прийти к обоснованным и научно значимым выводам о связи между языком и культурой, которую он обслуживает.

Литература

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В. Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.

Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: Ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель; АСТ, 2008.

俄汉成语词典 / 周纪生，仇潞培，章其 编. 湖北人民出版社，1984年 / Русско-китайский фразеологический словарь / Под ред. Чжоу Цзишэн, Чоу Лупэй, Чжан Ци. Хубэй жэньминь чубаньшэ, 1984.

叶芳来. 俄汉谚语俗语词典. 北京：商务印书馆，2005 / *Фанлай Е.* Русско-китайский словарь пословиц и поговорок. Пекин: Шанъу иньшугуань, 2005.

К вопросу о смыслоразличительных возможностях синтагматического членения в русском и азербайджанском языках

З.М. Бабашева

On the Meaning changing possibilities of syntagmatical division in the Russian and Azerbaijani languages

Zulfinaz M. Babashova

Азербайджан, Азербайджанский университет языков (Баку) / Azerbaijan University of Languages (Baku)

sbabashova@gmail.com

Аннотация. В результате сопоставительного анализа автор пришел к выводу, что синтагматическое членение при устранении синтаксической омонимии в русском и азербайджанском языках характеризуется небольшими смыслоразличительными возможностями. Эти возможности ограничены специфическим строем сопоставляемых языков.

Ключевые слова: синтаксическая омонимия, синтаксическая связь, флективный язык, агглютинативный язык, синтагматическое членение.

Summary. As a result of comparative analysis the author of the article came to the conclusion that syntagmatical division while using the syntactical homonymy in the Russian and Azerbaijani languages, a small meaning-changing possibilities are observed. These possibilities are limited by specific structure of the compared languages.

Keywords: syntactical homonymy, syntactic link, flective language, aglutinative language, syntagmatical division.

Целью предлагаемого сообщения является ознакомление с результатами сопоставительного анализа смыслоразличительных возможностей синтагматического членения в русском и азербайджанском языках.

Для выявления смыслоразличительных возможностей синтагматического членения необходимо установить соотношение интонационных и лексико-грамматических средств выражения коммуникативных значений в обоих языках. В русском и азербайджанском языках функции синтагматического членения, как одного из интонационных средств, сводятся: 1) к выделению состава ремы и темы и детализации смысловых отношений внутри них; 2) к конкретизации коммуникативной многозначности синтаксических конструкций; 3) к устранению явления синтаксической омонимии предложений. В сообщении основное внимание акцентируется на возможностях синтагматического членения при устранении синтаксической омонимии, так как именно на этом участке наиболее ярко проявляются специфические особенности каждого языка.

Синтаксическая омонимия возникает благодаря наличию на границе членения слов, допускающих два вида синтаксической связи. В результате устранения синтагматическим членением этой омонимии изменяется характер синтаксической связи слов, и возникают разные синтаксические конструкции со своим лексическим составом. Так, синтаксические конструкции русского и азербайджанского языков: *Иван Петрович был приглашен певцом в Большой театр.Bu gün tələbələri mükafatlandırdılar (Сегодня студентов наградили)* трактуются двояко, так как слова *певцом* и *tələbələri* (*студентов*) могут вступать в две связи: *приглашен певцом – певцом в Большой театр; bu gün tələbələri – tələbələri mükafatlandırdılar* (*сегодня студентов – студентов наградили*).Удельный весь таких высказываний в обоих языках незначителен. Возможности подобных противопоставлений в русском языке ограничены флективностью. А агглютинативный строй азербайджанского языка не может послужить фактором их увеличения, по сравнению с флективным русским языком, так как и здесь грамматические формы слов, изменения по падежам и числам, хотя и раздельно выраженные, запрещают вступать в два вида синтаксических связей в пределах одного и того же лексического состава.

В обоих языках можно выделить случаи синтаксической омонимии **с аналогичными и с частными типами отношений** в зависимости от того, какие слова допускают два вида синтаксической связи. Например, один из случаев синтаксической омонимии **с аналогичными типами отношений**, когда имя существительное или наречие в начале предложения допускают связи с разными компонентами:

Часто / наблюдаемые факты / не обобщаются (*Часто не обобщаются*).

Часто наблюдаемые факты / не обобщаются (*Часто наблюдаемые факты*).

Yavaş-yavaş / məclisə yığışan qonaqlar / tanış olmağa başladılar (*Yavaş-yavaş tanış olmağa başladılar*) (*Постепенно стали знакомиться*).

Yavaş-yavaş məclisə yığışan qonaqlar / tanış olmağa başladılar (*Yavaş-yavaş yığışan qonaqlar*) (*Постепенно собирающиеся гости стали знакомиться*). Анализ случаев синтаксической омонимии **с частными типами отношений** показал, что в азербайджанском языке имя существительное может выступать как обращение и как приложение: *Ana, / vətən çağırır məni. Ana-vətən çağırır məni* (*Мать, / родина зовет меня. Родина-мать зовет меня*).

В русском языке возможны предложения, в которых один и тот же глагол может служить сказуемым для разных подлежащих:

Олег, / думал тренер, / не зря волновался (*Думал тренер*).

Олег думал: / тренер не зря волновался (*Думал Олег*).

Несвойственность азербайджанскому языку аналогичного случая синтаксической омонимии связано с порядком слов в предложениях, а именно: сказуемое в азербайджанском языке стоит в конце предложения, независимо от его коммуникативного типа.

Как показывает анализ фактического материала, смыслоразличительные возможности синтагматического членения зависят от особенностей синтаксического и морфологического строя данных языков. В сопоставляемых языках относительно мало грамматических форм слов, которые в пределах одного и того же лексического состава предложения допускали бы два грамматических значения и два вида грамматической связи. В большинстве случаев синтагматическое членение может изменять или подчеркивать оттенки мысли, а не самую мысль, выраженную в предложении. Количество случаев синтаксической омонимии предложений в обоих языках с аналогичными типами отношений или с частными типами отношений могут быть продолжены, но несмотря на это они поддаются спискам, так как число и характер подобных конструкций зависят от имеющихся в

данном языке перечня слов, допускающих два вида синтаксической связи в одном и том же предложении.

Таким образом, в русском и азербайджанском языках синтагматическое членение при устранении синтаксической омонимии характеризуется небольшими смыслоразличительными возможностями, так как возможности членения ограничены специфическим строем сопоставляемых языков.

Русская терминология системы менеджмента качества как результат перевода с английского языка: особенности и недостатки

Е.А. Барсукова

Russian Terminology of Quality Management System as a Result of Translation from the English Language: Characteristics and Drawbacks

Elena A. Barsukova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

tbarsukova@rambler.ru

Аннотация. В работе предъявляются результаты сопоставительного анализа англоязычного стандарта ISO 9000:2015, представляющего терминологию системы менеджмента качества, и его русского переводного аналога ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Выделяются особенности и недостатки русской терминологии, дается оценка степени ее упорядоченности и системности.

Ключевые слова: терминосистема, перевод, системность, ISO 9000:2015, ГОСТ Р ИСО 9000-2015.

Summary. The article presents the findings of the comparative analysis of ISO 9000:2015 terminology and its Russian translated version. The paper discusses the difficulties of translating the system of terms and studies how well it is rendered from English into Russian in respect to its cognitive and linguistic dimensions.

Key words: terminology, translation, system of terms, ISO 9000:2015, GOST R ISO 9000-2015.

В последние десятилетия английский язык утвердил свои позиции донора или источника заимствования терминов в другие языки. Заимствованию подлежат не только отдельные терминологические лексические единицы, но и целые терминосистемы. В частности, с русификацией некоторых областей науки и практической деятельности происходит перенос соответствующих терминосистем в русский язык. К таким неотерминосистемам относится терминология системы менеджмента качества, представленная в стандарте ISO 9000. В настоящей работе рассматривается последняя версия стандарта 2015 года, именуемая ГОСТ Р ИСО 9000-2015, представляющий собой основные положения и обновленный словарь системы менеджмента качества. Ставится задача определить степень упорядоченности русской терминологии СМК, выделить особенности и недостатки, связанные с переводным характером ее происхождения.

Интерес к терминологии системы менеджмента качества (СМК) представляется оправданным ввиду того, что существует явная неудовлетворенность ее терминологическим аппаратом со стороны профессионального сообщества, о чем свидетельствует немалое количество вышедших в последние годы статей с говорящими названиям: «Несовершенство терминологии – угроза безопасности» [Букринский 2013], «Принципы и терминология ИСО серии 9000 и кризис их использования» [Бажутин, Бажутина 2016], «Управление качеством или менеджмент качества?» [Огвоздин 2013]. Сам факт отсутствия четкости в наименовании этой области деятельности на русском языке говорит о недостаточной упорядоченности данной терминологии. В государственном стандарте зафиксирован термин «система менеджмента качества», однако другие регламентирующие документы предписывают использование термина «система управления качеством» [Методические указания…].

В представленную в изучаемом стандарте терминосистему входят 138 терминов. С количественной точки зрения ее можно отнести к мезотерминологии. Зафиксированные в стандарте ISO 9000 принципы системы менеджмента качества применимы к широкому спектру организаций, отличаются обобщенностью и, как следствие, для терминологии СМК характерен высокий уровень абстракции и универсальности. Терминология не эзотерична и не замкнута: термины представлены абстрактными существительными, являющимися консубстанциональной лексикой.

Сопоставление переведенной русской терминологии СМК и исходной смоделированной английской терминологии выявило более низкую степень языковой упорядоченности и стройности первой (например, *quality plan – план качества*, *quality control – управление качеством*, *quality manual – руководство по качеству*, *quality objective – цель в области качества*). Более того, в отдельных случаях переведенные термины уступают исходным в отношении краткости, в рассматриваемом материале в 14% случаев в результате перевода наблюдается увеличение длины термина, что можно объяснить структурными особенностями русского языка (*configuration authority – полномочия по конфигурации*, *product configuration information – информация о конфигурации продукции*) и лексической асимметрией (*performance – результаты деятельности*, *feedback – обратная связь*, *scrap – перевод в отходы*, *concession – разрешение на отклонение*).

Языковая системность и упорядоченность терминологии желательна, но в условиях перевода является труднодостижимой целью. Однако соответствие терминов логико-понятийной системе является обязательным для любой терминологии. А.С Герд отмечает, что моделирование знаний и построение терминосистем представляют «две стороны одного и того же процесса» [Герд 1988: 117]. Ввиду того, что терминосистема СМК на русском языке не разрабатывалась отдельно, а является результатом перевода, наблюдаются случаи нарушения системных отношений внутри русской терминологии, в отличие от исходной терминосистемы (например, *activity – действие*, *preventive action – предупреждающее действие*, *corrective action – корректирующее действие*). Качество русской терминологии страдает и в случае наличия дополнительных значений и коннотаций в общелитературном языке у единицы, предлагаемой в качестве эквивалента английскому термину (например, *human factor – человеческий фактор*).

Подводя итог, следует отметить, что перевод терминологии в целом может способствовать гармонизации и интернационализации терминов, их межъязыковому упорядочению. Тем не менее, в результате анализа русской терминологии системы менеджмента качества приходится сделать вывод о том, что она уступает исходной английской терминологии в плане краткости термина, системности и упорядоченности.

Литература

Бажутин И.А., Бажутина М.М. Управление качеством или менеджмент качества? // Язык и культура. 2016. № 23. С. 80–86.

Букринский А.М. Несовершенство терминологии – угроза безопасности // Стандарты и качество. 2013. № 8. С. 84–87.

Герд А.С. Логико-понятийное моделирование терминосистем и машинный фонд русского языка // Отраслевая терминология и ее структурно-типологическое описание. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж. 1988. С. 117–127.

Методические указания по формированию положения о системе управления качеством. [Электронный ресурс. URL: https://www.rosim.ru/activities/corp/methodology/documents/metod_ukaz_norm_dok. Дата обращения 30.010.2018].

Огвоздин В.Ю. Принципы и терминология ИСО серии 9000 и кризис их использования. // Стандарты и качество. 2013. № 11. С. 28–30.

К вопросу о функционировании двувидовых глаголов в публицистическом дискурсе (на материале русского и сербского языков)

Д. П. Войводич

On the issue of the functioning of bi-aspectual verbs in publicistic discourse (on the material of the Russian and Serbian languages)

Dojčil P. Vojvodić

Новисадский университет (Сербия) / University of Novi Sad (Serbia)

dojcilv@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются двувидовые глаголы, семантика которых – вследствие омонимичного, формально не выраженного видового значения – объединяет функции совершенного и несовершенного вида. Особое внимание уделяется способам их контекстуальной (синтетической и аналитической) видовой дифференциации в русском и сербском публицистическом дискурсе в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: двувидовые глаголы; совершенный / несовершенный вид; способы преодоления двувидовости; публицистический дискурс; русский и сербский языки.

Abstract. This paper discusses the bi-aspectual verbs, whose semantics combine the perfect and imperfect aspect, due to homonymous formally unexpressed aspect. Special attention is paid to the ways of ensuring contextual (synthetic and analytic) aspectual differentiation in the Russian and Serbian publicistic discourse in a comparative aspect.

Keywords: bi-aspectual verbs; perfective / imperfective aspect; overcoming biaspectuality; publicistic discourse; Russian and Serbian.

Исследование двувидовых глаголов, совмещающих – вследствие своеобразной видовой омонимии – в одном лексическом значении функции СВ и НСВ и таким образом не укладывающиеся в картину видовой парности (оппозиции), являющейся основным признаком видовой системы славянских языков, представляет собой особый интерес в области аспектологии.

Предметом рассмотрения настоящего доклада является функционирование данных глаголов в публицистическом дискурсе на материале сербского и русского языков в сопоставительном аспекте. Особое внимание уделяется их контекстуальному употреблению, так как они, как правило, в каждом конкретном случае используются лишь в одном видовом значении, зависящем от контекста. Ср. (рус.) *Наш журнал постоянно* ***информирует*** (НСВ) *читателей о деятельности компании*; *Глава коротко* ***информировал*** (СВ) *общественников о положении в районе*; (серб.) *Возач аутобуса који* ***телефонира*** (НСВ) *док вози није усамљен случај*; ***Телефонирао је*** (СВ) *у манастир*, *обавестио управитеља и случај је решен.*

Видовая дифференциация двувидовых глаголов реализуется не только с помощью контекста (когда грамматическое значение выражается вне глагольного слова), но и с помощью префиксов – для образования глаголов СВ (напр. *информировать* – ***про****информировать*) или суффиксов – для образования глаголов НСВ (напр. *организовать – организо****вывать***), с оговоркой, что она не распространяется на все глаголы данного типа. Процессы перфективации и имперфективации у некоторых двувидовых глаголов, в первую очередь, у глаголов, заимствованных из западноевропейских языков с суффиксами (рус.) *-ова-* (*арестовать*), *-(из)ова-* (*организовать*), *-(ир)ова-* (*информировать*), *-(изир)ова-* (*госпитализировать*), *-(фицир)ова-* (*квалифицировать*), (серб.) *-ира-* (*ликвидирати*), *-иса-* (*формулисати*), *-ова-* (*регистровати*) указывают на тенденцию их адаптации к основной, двухкомпонентной картине славянской видовой системы, отличающейся формальным выражением видового противопоставления. См., напр., работы А. Белича (1956), И. Грицкат (1958), Ю.С. Маслова (1958), Л.П. Демиденко (1966), И.П. Мучника (1966), Н.С. Авиловой (1968), Л.П. Бирюковой (1973), М. Кравара (1976), М.А. Шелякина (1979), М.Ю. Чертковой и П.-Ч. Чанга (1998), Л. Ясаи (1999), Е. Матияшевич (2000), Е.Я. Титаренко (2003), Е.Н. Ремчуковой (2004), Е.А. Горобец (2007), Л.А. Янды (2007), Е.В. Петрухиной (2009), Л. Сучковой (2009), М.Я. Гловинской (2010), Д.П. Войводича (2013), Н.В. Андросюк (2015), Е.В. Падучевой (2015), М. Спасоевич (2015) и др.

Следует подчеркнуть, что префиксальные и суффиксальные образования парных по виду глаголов от двувидовых глаголов, в принципе, не разрушают их двувидовости. Иными словами, глагол продолжает функционировать как двувидовой, а префиксальная или суффиксальная пара существует параллельно.

Предварительный анализ материала позволяет сделать вывод о том, что характерным для публицистического дискурса в обоих сопоставляемых языках является широкое использование вариативности способов преодоления двувидовости. Перфективация как самый продуктивный способ видовой дифференциации данных глаголов и тем самым их адаптации к двухкомпонентной, парной картине видовой системы присуща в этом плане обоим языкам, в то время как имперфективация (заимствованных глаголов) характерна только для русского языка. Также можно отметить, что контекстуальный способ преодоления (дифференциации) глагольной двувидовости в обоих языках используется гораздо реже, чем «синтетический» словообразовательный (префиксальный и суффиксальный) способ.

Литература

Авилова Н.С. Двувидовые глаголы с заимствованной основой в русском литературном языке нового времени // Вопросы языкознания. 1968. № 5. С. 66–78.

Белић А. О глаголима са два вида // Јужнословенски филолог. 1956. Књ. XXI. Бр. 1–4. С. 1–13.

Матијашевић Ј. Префиксација и двовидност глагола // Јужнословенски филолог. 2000. Књ. LVI. Бр. 1–2. С. 655–663.

Мучник И.П. Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1966. № 1. С. 61–75.

Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований): Учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2009.

Ремчукова Е.Н. Морфология современного русского языка. Категория вида глагола: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004.

Титаренко Е.Я. Об особенностях двувидовых глаголов в современном русском языке // Культура народов Причерноморья. 2003. № 37. С. 182–188.

Черткова М.Ю., *Чанг П.-Ч.* Эволюция двувидовых глаголов в современном русском языке // Russian linguistics. 1998. Vol. 22. № 1. P. 13–34.

Androsjuk N.V. Биаспектив и контекст // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст / Под ред. R. Benacchio. München; Berlin; Washington, D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015. С. 21–34.

Janda L.A. What makes Russian bi-aspectual verbs special? // Cognitive Paths into the Slavic Domain. Cognitive Linguistics Research, Vol. 38 / Eds. D. Divjak, A. Kochanska. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 83–110.

Vojvodić D. Двувидовость глагольного слова и способы ее преодоления в русском языке в сопоставлении с сербским // Семантический спектр славянского вида / Eds. M. Nilsson, N. Zorikhina-Nilsson. Göteborg: Göteborgs universitet, 2013. С. 160–163.

Концепт «Космос / 宇宙» в русском и китайском языковом сознании

Яньлэй Гэ

Concept of “Cosmos / 宇宙” in Russian and Chinese language consciousness

Yanlei Ge

Пекинский авиационно-космический университет (Китай) / Beijing University of Aeronautics and Astronautic (China)

geooliaa@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется концепт «Космос / 宇宙» в русском и китайском языковом сознании. Этимологические и словарные толкования, анализ сочетаемостей субстантива *Космос / 宇宙* позволяют выявить универсальные и уникальные культурные смыслы концепта КОСМОС.

Ключевые слова: концепт «Космос / 宇宙», языковое сознание, сравнение русской и китайской культуры.

Summary. The article explores the concept of “Cosmos/宇宙” in Russian and Chinese language consciousness. The etymological and dictionary interpretations, analysis of the compatibility of the substance Cosmos/宇宙 make it possible to reveal universal and unique cultural meanings of the cosmos concept.

Keywords: concept of “Cosmos / 宇宙”, language consciousness, comparison of Russian and Chinese cultures.

Языковое сознание определяется как образы сознания, «овнешняемые» языковыми знаками [Тарасов 1996: 10], и рассматривается как средство познания чужой культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной форме, а также как средство познания своей культуры [Красных 2017: 32]. Важным структурно-смысловой элементом языкового сознания является концепт**,** который представляет и ментальную проекцию объективных элементов культуры. Слово-концепт насыщен смыслом, который не фиксирован в лексической системе, предполагает сопереживание, максимальную интеллектуальную вовлеченность, «включенность» адресата, серьезное отношение к предмету речи [Кобозева 2000: 325]. Концепты всегда культурно обусловлены и проявляют национальные особенности в процессе сопоставления с аналогами другой культуры.

В русском языке слово *космос* заимствованно из греческого слова κόσμος, означающий ‘строение, порядок, устройство’, то есть как противоположность хаосу. В Новое время понятие «космос» было вытеснено и его заменило понятие «Вселенная». А в китайском языке 宇宙 (Юй Чжоу) являются исконно китайскими словами, состоящими из двух иероглифов: 宇 (Юй) и 宙 (Чжоу). Древние китайцы именовали иероглифом 宇 (Юй) беспредельно протянувшееся по горизонтали пространство. А иероглифом 宙 – безграничное протянувшееся по вертикали время. В большинстве толковых словарей русского языка, «Вселенная», «мир» толкуются как основные значения слова *космос*. Мы попытаемся из сочетаемости с словом *космос* вывести главное содержание концепта КОСМОС, так как «сочетаемость слова направляется не только логикой отношений явлений и сложившейся в культуре их мифологией, которые в совокупности формируют языковую картину мира социума и отражаются в ней…» [Чернейко 2018: 163].

В качестве материала и инструмента исследования были использованы корпусные данные, на основе которых выводили следующие важные смыслы и имплицитные образы слова *космос,* которые моделируют концепт КОСМОС в сознании носителя русского языка:

1. Персонификация космоса: космос как покоренное (*Человек покорил космос*); противник из чужого мира с неприятием и странностью*;*
2. Олицетворение космоса.
3. Характеристики космоса: безмерный; таинственный и мистический; увлекательный; темный; мертвый, умопостигаемый; холодный.
4. Овеществление космоса: вместилище; почва; свалка*;* жидкость.
5. Космос как пространство, пустота, как внутренний мир человека, жизнь.

И конечно, еще выведены немало прямых или имплицитных смыслов: «космос как порядок, красота, гармония» и прочие проекции концепта КОСМОС, такие, как сила, энергия, смерть, страх, тайна, одиночество и т.п., что в основном входит в соответствие с ассоциатами слова *космос*, представленных в русском ассоциативном словаре: *мирный, ракетный, луна, земля, летать, открытый, солнце, человек, штурмовать, бог, будущее, ветер, дочь, звезда, интересный, корабль, лететь, небо, о науке, огромный, продолжать, связь, табак, худший*.

А толкования и дефиниции иероглифа 宇宙 / *космос* в китайском языке является 天地万物的总称 (совокупность всех материей на небесах и на земле, подчеркивая его «беспредельность, безграничность». Вторым значением является 天文学的“宇宙”概念指总星系
是人类的观测活动所涉及的最大物质体系 (Понятие «вселенная» в астрономии относится к совокупным галактикам, крупнейшей материальной системе, вовлеченной в наблюдательную деятельность человека). Но значение космоса «дальнее пространство поверх атмосферы Земли» выражено другом иероглифом 航天 (Хантян). Обращаясь к корпусным данным китайского языка, заметим, что концепт КОСМОС, в сознании носителя китайского языка, в большей степени сходен с русским как в персонификации, олицетворении, так и в овеществлении. Сравним: космос понимается как: покоренное; пространство; вместилище и т.д. А различия между концептом КОСМОС и концептом 宇宙 (Юй Чжоу) тоже существуют.

Литература

Галагоц Т.В. Концепт КОСМОС в русском обыденном, художественном и философском типах сознания. 2017.

Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000.

Красных В.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингво культурология. Новые науки о человеке говорящем М.: Психолингвистика. Лингвокультурология. 2017

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 7–22.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: М., 2004.

Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018.

Номинативные ряды глаголов, соотносимых с именами артефактов, в русском и белорусском языках

Н.Л. Дорош

Nominative series of verbs correlated with artifact names in the Russian and Belarusian languages

Natallia Dorash

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь) / Grodno State University named Yanka Kupala (Belarus)

natali-200707@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена семантическому анализу глаголов-отсубстантивов, соотносимых с именами артефактов, в русском и белорусском языках.

Ключевые слова: имена артефактов, номинативный ряд, глагол-отсубстантив.

Summary. The article is devoted to semantic analysis of verbs of ofsubstantive, correlated with the names of the artifacts in Russian and Belarusian languages.

Keywords: the names of the artifacts, a number of nominative, verb-ofsubstantive.

Имена артефактов – это имена, которые представляют результаты трудовой или духовной деятельности человека (предметы, помещения, орудия труда и под.). Отличительной особенностью артефактов от натурфактов является указание на предназначенность предмета [Талышкина 1991]. За артефактными именами стоят внеязыковые ситуации с четкими связями и достаточно определенной ролевой представленностью их участников.

Значение мотивирующего существительного, как правило, входит в значение глагольного деривата. Ср.: рус. *барабанить* ‘бить в барабан’, *арканить* ‘ловить арканом’, *мотыжить* ‘работать мотыгой’, *бинтовать* ‘перевязывать бинтом’; бел. *шуфляваць* ‘перасыпаць шуфлем’, *гаціць* ‘рабіць гаць’, *баранаваць* ‘разрыхляць бараной’, *кастыляць* ‘хадзіць (ісці) на кастылях’. Отсубстантивные глаголы, производные или соотносимые с именами артефактов, нами будут рассмотрены в составе нескольких групп значений:

1) ‘использовать по назначению’ (рус. *одеколонить, брикетировать, гарпунить, боронить, сачковать, шнуровать, пудрить;* бел. *гарпуніць, шнураваць, брыць, лапаціць, вудзіць, шуфляваць*);

2) ‘действовать где (место)’ (рус. *гнездоваться, квартировать, огородничать;* бел. *гнездавацца, кватараваць, агароднічаць*);

3) ‘локализовать объект (место)’ (*базировать, анкетировать, каталогизировать;* бел. *базіраваць, каталагізаваць, акціраваць*);

4) ‘создавать что’ (*графить, дырявить, бороздить, клеймить, гатить, мусорить, пятнать, фонтанировать;* бел. *лінеіць, гаціць, смеціць, дзіравіць, стагаваць*);

5) ‘совершать действие над чем’ (рус. *винтить, гвоздить, грузить, кофейничать;* бел. *шрубаваць, грузіць, тампанаваць*);

6) ‘делать похожим на что’ (рус. *атласить, дробить, магнитить;* бел. *крышыць, драбніць, магніціць*);

7) ‘действовать, как действует что’ (рус. *пилить, юлить, маячить, пружинить, штопорить;* бел. *спружыніць, піла-ваць, маячыць, штопарыць*);

8) ‘действовать, как действуют чем’ (рус. *костылять, сверлить, утюжить;* бел. *кастыляць, свідраваць, прасаваць*).

Среди фрагментов дефиниций первой группы глаголов можно выделить ряд дискретных структур, которые представляют лексически многообразные типы словосочетаний в деривационной функции. Ср.: рус. *гарпунить – ловить гарпуном*, *боронить – обрабатывать бороной, одеколонить – опрыскивать одеколоном, барабанить – бить в барабан, пудрить – покрывать пудрой;* бел. *гарпуніць – лавіць гарпуном, шнураваць – сцягваць шнурам, брыць – зразаць брытвай, лапаціць – перасыпаць лапатаю, вудзіць – лавіць вудаю.* Это связано с тем, что своеобразие семантики глаголов, образованных от конкретных имен существительных, несомненно накладывает свой отпечаток на специфику всего комплекса родственных словосочетаний в деривационной функции, отмечаемых в составе соответствующих номинативных рядов. Как известно, производное значение может обладать большой степенью идиоматичности, содержанием которой становится указание на способ совершения действия, объект или другие важные детали. Словарная дефиниция старается отразить все важные компоненты. Например: *лопатить* ‘разгребать, сгребать, пересыпать, работать лопатой’, бел. *шуфляваць* ‘зграбаць, сыпаць, перасыпаць шуфлем’. В определении содержится детализация действия (не просто *пересыпать*, но *сгребать*, *разгребать и работать* / не просто *перасыпаць*, но *сыпаць, зграбаць, разграбаць*). Безусловно, такое развернутое определение не может претендовать на роль коммуникативного соответствия, которое могло бы быть признано структурно развернутой единицей. Однако совершенно очевидно и то, что для носителей русского и белорусского языков весь имплицитный контекст употребления как глаголов *лопатить* и *шуфляваць,* так и словосочетаний *пересыпать лопатой* и *перасыпаць шуфлем* известен, и данные единицы, безусловно, способны заменить друг друга в речи. Тем более, что в некоторых случаях деривационное сочетание с классифицирующим компонентом *пересыпать* / *перасыпаць* не имеет соответствующего производного глагола. Ср.: рус. *пересыпать ложкой* – ∅, *пересыпать совком* – ∅, *бел. перасыпаць лыжкай* – ∅.

Интересен тот факт, что в обоих языках развита система префиксации, однако все префиксальные глаголы соответствуют по семантике другим словосочетаниям в деривационной функции и представляют, соответственно, иные полные номинативные ряды. Например: рус. *пилить – резать пилой, распилить – разрезать пилой, напилить – изготовить в каком-либо количестве пилой, пропилить – разрезать пилой до определенного предела, попилить – работать пилой некоторое время,* бел. *гарпуніць – лавіць гарпуном, загарпуніць – узяць на гарпун* и т.д. Собственно отглагольные производные, как мы уже в этом убедились, семантически соотносятся с различными типами словосочетаний, включающих в свой состав разные уточняющие значение компоненты.

Именная семантика по-разному может транспонироваться в глагол. Если, для примера, взять названия орудий труда (*пила, лопата, грабли, удочка, плуг, борона*), то любопытно сравнить их деривационный потенциал:

1) *пила – пилить,*	1) *піла – пілаваць,*
2) *лопата – лопатить,*	2) *лапата – лапаціць,*
3) *грабли – грести,*	3) *граблі – грэбці,*
4) *удочка – удить,*	4) *вуда – вудзіць,*
5) *борона – боронить,*	5) *барана – баранаваць,*
6) *плуг* – ∅.	6) *плуг* – ∅.

Практически все имена существительные, обозначающие орудие труда человека, образуют глагол, лишь отсутствует однословное наименование действия при помощи *плуга* в обоих языках.

Надо обратить внимание на то, что глаголу *лопатить* соответствуют несколько лексически конкретизированных словосочетаний в деривационной функции (*разгребать лопатой, сгребать лопатой, пересыпать лопатой*), так и глаголу *баранаваць – разрыхляць бараной, апрацоўваць бараной*. Сложность семантической структуры глаголов *лопатить* и *баранаваць* находит свое отражение в парадигме лексически

конкретизированных словосочетаний в деривационной функции, образующих полный номинативный ряд, в котором причудливо пересекаются лексические и собственно деривационные семантические компоненты. В данном случае словосочетания отражают индивидуальность лексико-словообразовательных значений, сопутствующих данным глаголам. И если все словосочетания нельзя назвать деривационными в строгом смысле (очевиден их лексически конкретизированный характер), то регулярность некоторых из них очевидна (например: *сгребать граблями – грести, сгребать вилами – ∅; апрацоўваць бараной – баранаваць, апрацоўваць плугам – ∅*).

Таким образом, в группе глаголов, соотносимых с именами артефактами, парадигма номинативного ряда может состоять не из одного словосочетания, а из нескольких словосочетаний в деривационной функции, различающихся экспликацией различных по степени конкретности / абстрактности сем и способных включать в свой состав различные родственные единицы.

Литература

Талышкина М.Б. Имя существительное как база глагольного словообразования // Семантические вопросы словообразования. Производное слово. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 1991. С. 216–227.

Никитевич А.В. Русский глагол в номинативной системе языка: Монография. Издательство: Гродненский гос.ун-т, 2004.

Тихонов А.Н. Русский глагол. М.: Academia, 1998.

Васілеўскі М.С. Дзеяслоўнае словаўтварэнне: адыменныя суфіксальныя лексемы. Мінск: Навука і тэхніка, 1985.

Субстантивация прилагательных в словенском языке (в сравнении с русским языком)

Андрея Желе, Ирена Страмлич Брезник, Младен Ухлик

The substantivization of adjectives in Slovene (a comparison to Russian)

Andreja Žele

Люблянский университет; Институт словенского языка им. Франа Рамовша; Научно-исследовательский центр Словенской академии наук и искусств (Словения) / Ljubljana University; Institute of Slovene language named after Fran Ramovs; Research Center of the Slovenian Academy of Sciences and Arts (Slovenia)

Andreja.Zele@ff.uni-lj.si

Irena Stramljič Breznik

Мариборский университет (Словения) / Maribor University (Slovenia)

University, Slovenia

irena.stramljic@um.si

Mladen Uhlik

Люблянский университет (Словения) / Ljubljana University (Slovenia)

mladen.uhlik@ff.uni-lj.si

Аннотация. Субстантивация, конверсия и универбация – преимущественно морфосинтаксические явления, которые отражаются также и на лексическом уровне, а это значит, что они являются жизненно важными процессами, связывающими грамматику и словарь в славянских языках. Наше исследование показало, что необходимо анализировать процесс субстантивации, оценивать частотность субстантиватов в зависимости от семантической сферы их употребления, учитывая также их социальные, функциональные и стилистические функции. Данные о процессах субстантивации в словенском языке дают полезные сведения о специфике субстантивации в русском языке.

Ключевые слова: субстантивация, универбация, конверсия, словенский язык, русский язык.

Summary. Substantivization, conversion and univerbization are predominantly morphosyntactic phenomena that are also reflected on the lexical level, which makes them vital components of both the grammar and dictionaries of various Slavic languages. Our research confirms that the development of substantivization must be analyzed in real time, with its incidence and frequency monitored according to the given terminological field as well as the different social, functional and stylistic role it fulfills. From the comparative point of view, the data on substantivization in Slovene is particularly valuable for the treatment of substantivization in Russian.

Key words: substantivization, universation, conversion, Slovene, Russian.

1. Субстантивация в словенском языке по сравнению с русским и западнославянскими языками носит более ограниченный характер. Она более распространена в разговорном словенском языке, а это значит, что при субстантивации необходимо учитывать также социальный и функциональный аспекты использования субстантиватов.

В словенском языке субстантивация охватывает многие важные сферы человеческого бытия: питание (*mineralna* ‘минеральная вода’, *kranjska, čajna* ‘сорта колбасы’ типа русских номинаций *докторская*, *любительская*; *goveje* ‘говядина’, *svinjsko* ‘свинина’, *turška* ‘кофе по-турецки’), здоровье (*skladkorna* ‘сахарный диабет’, *bolniška* ‘больничный’), документация (*prometna* ‘права’, *osebna* ‘удостоверение личности’, *obmejna* ‘разрешение на выезд’), образование (*osnovna* ‘основная школа’, *srednja* ‘средняя школа’, *višja* ‘высшая школа’, *dopisna* ‘заочная школа’), общественный статус (*brezposelni* ‘безработный’, *invalidska* ‘пенсия по инвалидности’, *socialna* ‘социальное пособие’, *starši* ‘родители’, *nerazviti* ‘развивающиеся государства’, *mrtvi* ‘покойники’).

Как и в русском, субстатнивация часто встречается в сфере топонимики: названия улиц (*Dunajska* ‘Венская улица’, *Tržaška* ‘Тржашкая улица’, рус. Тверская, Дерибасовская) и населенных пунктов (ср. слвн. *Visoko* ‘Високо’, рус. Бологое). Однако, в отличие от русского, эта модель в словенском активно используется и в области названия регионов (*Koroška* ‘регион Каринтия’, *Štajerska* ‘регион Штирия’, *Gorenjska* ‘регион Карниолия’, *Primorska* ‘регион Приморье’). В словенском, в отличие от русского, субстантивация проявляется и в названиях некоторых праздников, образованных от личных имен святых (*Gregorjevo* ‘праздник Святого Григория I, праздник влюбленных’, *Miklavževo* ‘праздник Святого Николая’). В упомянутых случаях словосочетание сокращается до одного прилагательного, которое несет основную смысловую нагрузку. Однако в словенском не распространена модель субстанивации прилагательных в сфере религиозной номинации, ср. святой ‘svetnik’, преподобный ‘svetnik’, православный ‘pravoslavec’. Как уже отмечалось русскими исследователями [Ефимова 2011; Петрухина 2018], в русском такой тип субстантивации связан с влиянием старославянского языка.

2. Преимущественно с разговорной сферой употребления связана т. наз. «синтетическая субстантивация», в которой речь идет об использовании при прилагательном указательного местоимения, которое как словесная морфема выполняет роль детерминатива для уже упоминавшийся ситуации или явления, напр.: *ta mlad*/*tamlad*, *ta stara*/*tastara*, и т.п. Далее следует т. наз. «семантическая субстантивация», которая из синтаксического использования указательного местоимения при прилагательном ведет к семантической определенности прилагательного, тут контекстуально обычно используется генерическая форма множественного числа, напр.:

mladi ‘молодые люди’, *stari* ‘пожилые люди’, *bolni* ‘больные’, *gluhi* ‘глухие’, которая делает возможным синтаксическое опущение (синтаксический элипсис) первоначального ядра *ljudje* ‘люди’. В этой сфере в отличие от русского, процессу субстантивации подвержены и некоторые прилагательные в формах сравнительной и превосходой степени (*starejši* ‘пожилые, престарелые’, *mlajši*, ‘молодые люди’, *najstarejši* ‘самые старые’, *najmlajši* ‘самые маленькие’).

В зависимости от степени субстантивации четко отличаются ставшие уже лексически независимыми субстантивы (практически уже неузнаваемые как первоначально прилагательные формы типа *ženska* ‘женщина’, *moški* ‘мужчина’) от еще несамостоятельных (исключительно текстовых) субстантиваций, в которых ясно ощущается опущение ядра. Более частый выбор субстантивированных прилагательных связан с их более нейтральным или немаркированным употреблением, напр.: *slepi* ‘слепой’ : *slepec* ‘слепец’, *brezposelni* ‘безработный’ : *brezposelnež* ‘безработный’, *suhi* ‘худой, тощий’: *suhec*, *debeli* ‘толстый’ *: debeluh* ‘толстяк’, исключение составляет более употребительное *bolnik* ‘больной’ (по отношению к *bolni*). Субстантивированные прилагательные в словенском не ограничиваются лишь одним родом или одним числом: с точки зрения рода и числа, точнее исчисляемости, особый вид абстракции представляют собой примеры, типа *novo* ‘новое’, *staro* ‘старое’, *dobro* ‘добро’, *bistveno* ‘существенное, основное’, *obljubljeno* ‘обещанное’, и т.п. Однако в отличие от русского субстантивация не распространена в научной сфере, ср. в [Петрухина 2018: 346]. Русским терминам из математики (*прямая*, *кривая*), биологии (*млекопитающий*), лингвистики (*гласные*) чаще всего соответствуют суффиксальные дериваты (*premica*, *sesalec*, *samoglasnik*).

3. В нашем докладе упомянем еще и некоторые случаи конверсии других частей речи, характерной для словенского языка.

При конверсии как семантико-синтаксическом способе словообразования грамматико-категориальные изменения могут быть выражены морфемно, напр.: местоимение *jaz* в функции существительного *jaz-a* ‘эго’ или, с другой стороны, существительное *bomba-∅*, в определительной функции приобретает синтаксические свойства прилагательного.

Учитывая синтаксический и семантический перенос, конверсия может быть полной или неполной / частичной: полная конверсия, напр., в *bomba film* (< Film je bomba ‘Фильм – бомба’ < bomba ‘неожиданность’ < avto bomba ‘взрывное устройство’), *vikend hiša* (hiša kot vikend < Hiša je vikend ‘для отдыха на выходных’ < *hiša vikend* ‘дача’ < vikend ‘выходные дни в конце недели’), неполная конверсия, напр., *zakon* (поскольку (пока еще) не закрепилось употребление **zakon film* или же узус ограничивается фазой *Film je zakon* ‘очень хороший’). Стоит отметить, что в русском языке подобные модели связываются с аналитическими прилагательными.

Степень конверсии измеряется тем, в какой степени лексикализуются отдельные формы в рамках определенной части речи и можно ли их семантически описать в отдельных словарных статьях, как это уже произошло со словами *dežurni* ‘дежурный’, *umrli* ‘покойный’, *siti* ‘сытый’, *lačni* ‘голодный’ (вероятно, благодаря поговорке *Siti lačnemu ne verjame* – Сытый голодного не разумеет). Но как самостоятельные лексемы в словарях не представлены такие слова, как *obtoženi* ‘обвиняемый’, *obsojeni* ‘подсудимый’, *predpostavljeni*/*nadrejeni* ‘руководитель, начальник’, *stara*/*stari* ‘старая, старик’, *osebna* ‘удостоверение личности’, и т. п.

4. Наше сопоставление словенского с русским показывает, что в современном словенском языке более продуктивным деривационным механизмом, чем субстантивация является суффиксальная универбация, при которой с помощью морфем образуется универбат от ядерного компонента устойчивого словосочетания (в области названия помещений единственный случай субстантивации представляет *dnevna* (от dnevna soba) ‘гостиная’, другие помещения в квартире выражаются чаще всего суффиксальной универбацией *spalnica* ‘спальная’, *kopalnica* ‘ванная’, *shramba* ‘кладовая’.

Источники и литература

Ефимова В.С. Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинаци и приоритеты выбора. М.: Индрик, 2011.

Петрухина Е.В. Семантические и стилистические свойства универбатов и субстантиватов в русском языке // Zbornik radova. Osamnaesta međunarodna naučna konferencija Komisije za tvorbu riječi Međunarodnog komiteta slavista Univerbacija / Univerbizacija u slavenskim jezicima, 2018. С. 337–352.

Gigafida [URL: http://www.gigafida.net. Дата обращения: август 2018].

Jakopin F. K vprašanju substantivizacije pridevniških besed v Slovanskih jezikih // Slavistična revija. 1973. 21 / 2. S. 265–277.

Slovar slovenskega knjižnega jezika, druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja [URL: www.fran.si. Дата обращения: август 2018].

Stramljič Breznik I. Besedotvorje // Skripta. Maribor: FF UL, 2006.

Stramljič Breznik I. Univerbizacija (poenobesedenje) v slovenskem besedotvornem sistemu // Slavistična revija. 2018. 66 / 3. S. 369–382.

Tafra B. Konverzija kako gramatički i leksikografski problem // Filologija, 1998. 30 / 31. S. 349–361.

Tafra B. Od riječi do rječnika. Zagreb: Školska knjiga, 2005.

Toporišič J. Besedjeslovne razprave. Linguistica et philologica 13. Ljubljana: Založba ZRC. ZRC SAZU, 2006.

Toporišič J. Oblikoslovne razprave. Linguistica et philologica. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2003.

Toporišič J. Slovenska slovnica. Četrta prenovljena in razširjena izdaja. Maribor: Obzorja, 2000 (SS).

Vidovič Muha A. Slovensko leksikalno pomenoslovje. Govorica slovarja. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2000, 2012.

Vidovič Muha A. Slovensko skladenjsko besedotvorje. 2. Razširjena in dopolnjena izdaja. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2011.

Voršič I. Sistemska in nesistemska leksikalna tvorba v novejšem besedju slovenskega jezika. Doktorska disertacija. Maribor: FF UL, 2013.

Žele A. Частеречная транспозиция как пример грамматики в словаре (на примере словенского языка) // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. 2017. 52. S. 242–263.

Телефонная реклама как модель для изучения российской и арабской рекламы

Д.Я. Исмаел

Telephone advertising as a model for the study of Russian and Arab advertising

D.J. Ismael

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) / Southern Federal University (Rostov-on-Don)

dlshad978@gmail.com

Аннотация. Доклад посвящен сопоставлению грамматико-стилистических особенностей российской и арабской рекламы.

Ключевые слова: *телефонная реклама, русский язык, арабский язык, грамматические* и стилистические особенности.

Summary. The article compares grammatical terms between Russian and Arabic languages with linguistics in order to identify complex methodological methods for analyzing linguistic space.

Keywords: Phone advertising, Russian, Arabic, grammar.

1. Одним из актуальных направлений современного языкознания является сопоставительное изучение языков. Сопоставительный анализ двух языков позволяет как определить их общие черты, так и выявить структурные и типологические особенности этих языков, что способствует пониманию структуры иностранного языка с позиции родного. Особый акцент при изучении подобных особенностей должен быть сделан как на общих, так и на отличительных

свойствах лингвистических и структурных категорий, что создает определенные трудности при передаче содержания текста на иностранном языке [Слукина 2006].

Русский и арабский языка принадлежат к разным семьям, Но у них много общих характеристик. Покажем это на примере рекламы телефонов.

Русский язык – «один из восточнославянских языков и один из самых распространенных индоевропейских языков» [Википедия]. Но арабский язык «является одним из семитских языков» [Халид Мохаммед]. «Некоторые новые ученые считают, что все семитские и индоевропейские языки были изначально одним языком» [Мохаммед Рашид Насер].

2. Предметом изучения стали свыше 50 текстов рекламных сообщений на русском и арабском языке. Мы установили следующие сходные черты:

1) Сжатость – использование коротких фраз:

«сжатость – это формулировка коротких слов, обозначающих значения многих адекватных конструкций» [Абдаль-Рахман Хасан Хабнак Аль-Мирани].

Реклама написана вкратце, как описано в *Проснись и звони!* (компания МТС**)**. В этой рекламе только два слова. Но она имеет большой смысл, т.к. эта реклама означает: Вы можете разговаривать по телефону, пока вы не спите. Также تواصلْ .. تربح(компания Асиясел**) (**перевод*: Общайтесь... Выиграете!*). В этой рекламе тоже только два слова, но они имеют большой смысл.

2) Способы выражения побуждения. Традиционно в этой функции используются глаголы в форме повелительного наклонения, напр.:

Говори дольше – плати меньше (компания МТС), *Путешествуйте по России со своим номером* (компания Мегафон), تجوّل بكل العالم (компания Асиясел), (перевод: *Побродите по миру!*), أوقفْ إزعاج 20 رقم (компания Асиясел), (перевод*: Остановите неудобства 20 номер тел!*).

Однако исследователи рекламы считают, что «повелительное наклонение глагола надо использовать осмотрительно, так как известно, что сила действия равна силе противодействия» [Сердобинцева 2010], поэтому лучше использовать «динамичную силу глагола» [Там же] в других конструкциях, напр.:

А что тянуть-то? 4G ускорит всё! (компания Билайн) также هل اشتريت خطك اليوم؟(компания Асиясел), (перевод: *Вы купили свою линию сегодня?*).

3) Использование сленга в рекламе, напр.:

دز رسائل، شكد متريد (компания ЗЕН) (перевод: Отправляйте сообщения, которые Вы хотите!, глагол دز – это сленговое слово в арабском языке означает *отправляй*. Также в русском языке *Качай больше– говори дольше!* (компания Мегафон).

Из вышесказанного выясняется, что реклама является интернациональным феноменом, чем объясняются сходные грамматико-стилистические черты.

Литература

Абдаль-Рахман Хасан Хабнак Аль-Мирани. Арабская риторика, ее основы, науки и искусства, Дар Аль-Алам для печати, Дамаск, 1996. 2.

Википедия: Русский язык. [Электронный ресурс. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/241 (дата обращения: 12.11.2018)].

Мохаммед Рашид Насер. Между арабским и фарси – лингвистическое сравнение [URL: http://www.diwanalarab.com/spip.php?article 13329 (дата обращения: 12.11.2018)].

Сердобинцева Е.Н. Структура и язык рекламных тектов: Учебное пособие. М.:.Флинта: Наука, 2010.

Слукина Г.В. Структурно-функциональные и лингвистические особенности создания экспрессивности рекламного текста: В английском и русском языках: Дисс. … канд. филол. наук. М., 2006 [Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [URL: http://www.dissercat.com/content/strukturno-funktsionalnye-i-lingvisticheskie-osobennosti-sozdaniya-ekspressivnosti-reklamnog #ixzz5ELEEXjFz (дата обращения: 12.11.2018)].

Халид Мохаммед. Турецкий язык и языковые семьи [Электронный ресурс. URL:http://blogs.aljazeera.net/blogs/n2018/3/29/%D8% A7%D9%84%D8%B9%D8%A7%D8%A6%D9%84%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D9%84%D8%BA%D9%88%D9%8A%D8%A9-%D9%88%D8%A7%D9%84%D9%84%D8%BA%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%B1%D9%83%D9%8A%D8%A9 (дата обращения: 12.11.2018)].

Фразеологизмы библейского происхождения в русском и словенском языках: узуальное употребление и окказиональные трансформации

Е.М. Коницкая

Biblical Phaseologisms in the Russian and Slovenian Languages: Common Usage and Occasional Transformations

Jelena M. Konickaja

Вильнюсский университет (Литва) / Vilnius University (Lithuania)

jelena.konickaja@flf.vu.lt

Аннотация. Библейские фразеологизмы (БФ) русского и словенского языков обнаруживают различия как в узуальном, так и в окказиональном употреблении. Узуальные различия обусловлены условиями появления БФ в языках, особенностями перевода и свойствами языковых систем; способы употребления и типы трансформаций БФ (изменение грамматической формы, компонентного состава, замена компонентов, вклинивание и др.) в целом совпадают в двух языках, будучи при этом специфичны для сопоставимых БФ.

Ключевые слова: фразеология библейского происхождения, русская фразеология, словенская фразеология, вариативность фразеологических единиц, трансформации фразеологизмов.

Summary. Phraseological units of Biblical origin (BPh) in the Russian and Slovenian languages differ both in their usus and occasional usage. Differences in the common usage are determined by a number of factors: the conditions under which these BPh were formed in the languages, translation features and the language systems. The ways of usage and types of BPh transformations (the change of grammatical forms of some components and componential structure, substitution of one of the components, instratum, transformations into comparative phrases, strings of phraseologisms) are similar in the two languages, however, they are specific for various BPh.

Keywords: phraseological units of Biblical origin, Russian phraseology, Slovenian phraseology, the variance of phraseological units, occasional transformations of phraseology.

1. Библейские фразеологизмы (БФ) в русской фразеологии являются предметом всестороннего исследования, в том числе и в сопоставительном плане. Несмотря на в целом интернациональный характер этой группы фразеологизмов, в языках обнаруживаются как сходства, так и различия в этой области: состав, структура и значения БФ в них как правило не совпадают. Исследования текстовых реализаций, типов окказиональных преобразований русских фразеологизмов мотивирует обращение к сопоставительному изучению БФ в этой области. Широкие возможности для этого дают языковые корпусы. Материалом для сопоставления русских и словенских БФ в данном исследовании служат данные «Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и корпуса словенского языка Gigafida (GF).

2. В русском и словенском языках отмечаются полностью совпадающие по форме и значению БФ (напр., *Лотова жена* и *Lotova žena*) и уникальные для каждого из языков БФ (см. [Коницкая 2012]), однако большая часть соотносимых русских и словенских БФ содержат семантические и / или формальные расхождения (ср. различия в значении: *альфа и*

омега «Начало и конец чего-л.; сущность, основа чего-л.», напр.: *Он полагает, что мысль — альфа и омега всего.* [НКРЯ] и *alfa in omega* «1. абсолютный авторитет в какой-л. области; 2. сущность чего-л.» [Keber 2011], напр.: *na tretjem mestu je alfa in omega zagrebškega Dinama Zdravko Mamić.* [GF]; *Pospešek je alfa in omega vseh traparij* [GF]; формальные различия: *запретный плод сладок* и *prepovédan sád je nàjslájši* [Keber 2011]; *посыпать голову пеплом – posipati se s pepelom* [Keber 2011]; *Ищите и обрящете – Kdor išče, ta najde*. При-чины расхождений нетрансформированных БФ кроятся в культурно-исторических условиях возникновения БФ в данном языке; особенностях перевода (напр., *дух дышит, где хочет – Veter veje, koder hoče*); специфике языковой структуры, обусловливающей различия грамматических категорий и синтаксических структур (напр., *служить двум* ***господам*** (мн. ч.) – *služiti dvema* ***gospodoma*** (дв. ч.)*; Не хлебом единым жив человек – Človek ne živi samo od kruha*).

3. В обоих языках БФ могут выступать в тексте в узуальных вариантах и подвергаться трансформациям в соответствии с авторскими интенциями. Для соотносимых БФ выявляется разный набор возможных реализаций, так, для русского БФ *Довлеет дневи злоба его* возможны: а) усечение: *зачем вообще горячиться? Довлеет дневи злоба…* [НКРЯ]; б) синтаксические преобразования: *Все было глухо, дремало или же было занято мелкою злобой, что довлеет дневи.* [НКРЯ]; замена компонентов: *довлеет дневи политика его*. [НКРЯ], а для соотносимого словенского БФ *Dovolj je dnevu lastna teža* – лексическое варьирование: *dovolj* / *zadosti* / *zadošča* / *zadostuje*; изменение порядка слов: *Dnevu je dovolj lastna teža*; введение / пропуск компонента: *Dovolj je dnevu* ***njegova*** *lastna teža* / *Dnevu zadošča njegova teža* (примеры из [GF]).

4. Исследование варьирования и трансформаций русских и словенских БФ показало, что в обоих языках используются одинаковый набор преобразований БФ: изменения грамматической формы, напр.: *Скрытность и, как следствие ее, внешняя безликость — краеугольные камни моего ремесла.* [НКРЯ] ← *краеугольный камень*; *Bodoči razvoj smo torej morali zastaviti na nekaj vogelnih kamnov* [GF] ← *vogelni kamen;* усечение / распространение компонентного состава, напр.: *вопиющий в пустыне* ← *глас вопиющего в пустыне, vpijóči v puščávi, glas v nebo vpijočega v puščavi* ← *glas vpijočega v puščavi*; замена компонента, напр.: *глас* / *зов* / *крик вопиющего в пустыне – glás* / *klic* / *vrisk vpijóčega v puščávi* и др. В русском языке отмечена большая склонность к окказиональным авторским трансформациям, нарушающим семантическое тождество БФ, ср.: ***доллары****, вопиющие в пустыне;* ***Гласность*** *вопиющего в пустыне*. Преобразовательный потенциал БФ в обоих языках базируется на образности, прозрачности внутренней формы, раздельнооформленности, зависит от количества компонентов и их внутриязыковых связей. Сопоставительное исследование текстовых реализаций БФ демонстрирует системный характер преобразований в обоих языках.

Литература

Коницкая Е.М. Библейские фразеологизмы в русском и словенском языке // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве: Материалы Международной научной конференции (26–28 апреля 2012 г., Псков). Часть 2 / Отв. ред. Н.В. Большакова. Псков: Изд-во ПсковГУ, 2012. С. 192–201.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс. URL: http://ruscorpora.ru. Дата последнего обращения: 12.11.2018] (НКРЯ).

Gigafida [Электронный ресурс. URL: http://www.gigafida.net. Дата последнего обращения: 12.11.2018] (GF).

Keber J. Slovar slovenskih frazemov. Ljubljana: ZRC SAZU, 2011. [URL: https://fran.termania.net/iskanje?FilteredDictionaryIds= 192& View= 1&Query=%2A .Дата последнего обращения: 12.11.2018].

Семантико-функциональная сопоставительная грамматика русского и английского языков в контексте современных функциональных исследований

В. Ю. Копров

V. Yu. Koprov

Semantic-functional comparative grammar of Russian and English in the context of modern functional studies

Воронежский государственный университет / Voronezh State University

koprov@mail.ru

Аннотация. В статье дается краткий обзор основных функциональных подходов к описанию грамматики и указываются отличительные особенности разрабатываемой автором модели семантико-функциональной грамматики русского и английского языков. Данная модель ориентирована на использование в преподавании языков как иностранных.

Ключевые слова: функциональный подход, семантико-функциональная грамматика, русский язык, английский язык.

Summary. The article gives a brief survey of the main functional approaches to grammar and presents the differentiating points of the author's model of semantic-functional grammar of Russian and English languages. This model can be applied to teaching languages as foreign.

Keywords: functional approach, semantic-functional grammar, Russian language, English language.

В последние десятилетия произошло смещение фокуса лингвистических исследований с системоцентрической парадигмы на коммуникативно-функциональную. Функциональная лингвистика имеет уже несколько разветвлений, каждое из которых располагает сложившейся теоретической базой, понятийным аппаратом, отработанной методикой анализа и многочисленными реализациями, охватывающими большой языковой материал [Амиантова, Битехтина, Всеволодова, Клобукова 2001; Бондарко 2002; Всеволодова 2017; Золотова, Онипенко, Сидорова 1998; Книга о грамматике 2004; Мустайоки 2006]. Опыт наших семантико-функциональных исследований и преподавания грамматики русского и английского языков как иностранных обобщен в монографии [Копров 2016].

Практические потребности (обучение иностранным языкам и переводу) выдвинули на передний план необходимость выявления механизмов, обеспечивающих адекватное оформление языковыми средствами вычлененных языковым сознанием предметных ситуаций.

Поскольку одно и то же номинативное содержание может быть реализовано несколькими формами, в процессе коммуникации говорящий часто стоит перед проблемой выбора той вариантной единицы, которая более всего соответствует как его речевой интенции, так и ситуации общения. То, что носитель языка получает в ходе своей социализации, неноситель языка должен получить в виде схемы выбора той или иной вариантной формы. Поэтому одной из задач семантико-функциональной грамматики является моделирование условий выбора наиболее адекватной единицы из того вариантного ряда, который имеется в данном языке.

Ориентация на коммуникацию обусловила ведущую роль синтаксиса в семантико-функциональной грамматике как системы, интегрирующей все другие уровни и единицы языка, поэтому в данной модели востребованы идеи о взаимодействии синтаксиса и морфологии, грамматики и лексики.

Создание практически ориентированной семантико-функциональной грамматики требует, прежде всего, разработки типологии устройства и функционирования предложения,

которая давала бы представление о том, какие конструкции обеспечивают тот или иной участок семантики в системе данного языка.

Семантико-функциональный подход к описанию синтаксиса разноструктурных языков имеет прямой выход в практику преподавания языков как иностранных, поскольку овладение навыками создания высказываний и текстов на иностранном языке путем усвоения семантико-функциональных комплексов происходит быстрее и эффективнее, чем при изучении отдельных форм, категорий и конструкций.

Грамматика, ориентированная на применение в процессе преподавания языка как иностранного, должна использовать результаты сопоставительных исследований языков. Выявленные межъязыковые сходства и расхождения позволяют предвидеть и наиболее эффективным образом преодолеть типичные трудности, которые возникают в процессе овладения грамматикой изучаемого языка у учащихся той или иной национальности. Часто подобные трудности обусловлены не отсутствием в языке-цели категорий, представленных в родном языке (языке-посреднике) учащегося, а различиями в семантике и функционировании форм, имеющихся в обоих языках.

По-новому решается ряд дискуссионных проблем теории грамматики, к которым относятся: метод поаспектного анализа устройства и функционирования предложения-высказывания; критерий информативного минимума в семантико-структурной типологии простого предложения; замена деления предложений на односоставные / двусоставные их классификацией по количеству информативно обязательных актантов; состав номинативных частей речи и лексико-грамматических разрядов слов; проблема оптимального порога категоризации и субкатегоризации семантических актантов (субъекта, объекта, адресата, локализатора); взаимосвязь категории личности / безличности с подлежащностью / бесподлежащностью предложения; соотношение категории залога и возвратности в семантико-функциональном поле залоговости; взаимосвязь лексической и грамматической составляющих категории определенности / неопределенности (обобщенности) семантических актантов и другие.

Таким образом, предлагаемая модель семантико-функциональной сопоставительной грамматики относится к теоретико-прикладному (университетскому) направлению.

Литература

Амиантова И.Э. Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как составляющая современной лингвистической парадигмы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001. № 6. С. 215–244.

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: УРСС, 2017.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 1998.

Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учеб. пособие / Под ред. А.В. Величко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков. М.: ФЛИНТА. Наука, 2016.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006.

Словообразовательные процессы в терминологии русского и китайского языков (на материале терминов отрасли «Обессеривание нефтей и нефтепродуктов»)

И.О. Краевская

Word Formation Processes in the Terminology of the Russian and Chinese Languages (on the example of the “Desulphurization of Oil and Oil Products” industry terms)

Irina O. Kraevskaia

Томский политехнический университет / Tomsk Polytechnic University

kr.sobaka@gmail.com

Аннотация. В сопоставительном аспекте рассматриваются особенности процессов терминообразования сферы «Обессеривание нефтей и нефтепродуктов» в русском и китайском языках. Определены наиболее продуктивные модели терминообразования в русской и китайской терминосистемах. Сопоставительный анализ позволил выявить сходство и различие в процессах деривации двух изучаемых терминосистем.

Ключевые слова: терминология; терминообразование; деривация, продуктивные морфемы; русский язык; китайский язык.

Summary. In a comparative aspect, we examine word formation processes features of the “Desulfurization of Oil and Oil Products” terms in the Russian and Chinese languages. We mark out term formation processes the most productive models in the Russian and Chinese languages term systems. Comparative analysis has identified similarities and differences in derivation processes of the studied term systems.

Keywords: terminology; term formation processes; derivation; productive morphemes; Russian language, Chinese language.

В настоящее время отрасль нефтепереработки является одной из передовых и высокоперспективных как в России, так и в Китае, что актуализирует детальное изучение терминосистем данной отрасли. Особенно это важно для таких прикладных областей, как терминоведение, терминография и переводоведение, а также для повышения качества технического перевода, сложность которого обусловлена различиями в моделях терминообразования русского и китайского языков.

Методологическими основаниями исследования послужили работы в области русского и китайского словообразования, в том числе терминологического (см. работы Е.А. Земской, Г.О. Винокура, Б.Н. Головина, Гао Минкая, И.Д. Кленина и др.). Основными методами анализа послужили словообразовательный и морфологический анализ.

Материал исследования: 436 терминов русского и китайского языков, извлеченные из терминологических словарей и справочников [Тараканов 2011; Люй Цзюнь, Анисимцев 1995; Юй Бинчжун 1997, Гу Байлинь, Чжу Биньсян, Се Цзайфу, Лю Линъи, Ху Гоань, Суханов 2009].

В работах [Даниленко 1997, Фролова 2011] указывается, что процессы терминообразования оказываются непосредственно связанными с процессами деривации в общенациональном языке. Проведенный анализ полностью подтвердил этот тезис.

Все отобранные термины были распределены на следующие смысловые группы: технологические процессы (97), аппараты и оборудование (76), вещества (45 терминов). Анализ данных терминов показал, что для русского языка характерным является отглагольное образование терминов-существительных при помощи следующих продуктивных морфем: суффиксы *-ци-* (46), *-овани-* (19), *-ивани-* (11), *-инг* (11), *-ени-* (10) указывают на процессы (*абсорбция*); суффиксы *-ор* (36), *-ер* (19), *-к-* (12), *-тель* (5), *-ник* (4) указывают на аппараты и оборудование (*кристаллизатор*); суффиксы *-ат* (20), *-ент* (7), *-ор* (7), *-ол* (5), *-ит* (4), *-к-* (2) указывают на вещества (*катализат*).

Для китайского языка основным способом словообразования является словосложение, которое также продуктивно в терминообразовании. Принимая во внимание отсутствие

четко оформленной системы морфем в китайском языке, продуктивными морфемами, образующими китайскоязычные термины, являются мотивирующие основы – иероглифы с конкретным значением: иероглифы *化 huà превращение* (11), *作用 zuòyòng процесс* (10), *法 fǎ способ* (3) указывают на процессы (*气化 qìhuà газификация*); иероглифы *器 qì аппарат* (47), *机 jī механизм* (14), *管 guǎn труба* (3) указывают на аппараты и оборудование (*气体发生器 qìtǐ fāshēng qì газогенератор*); иероглифы *剂 jì препарат* (18), *物 wù вещество* (7) указывают на вещества (*催化剂 cuīhuàjì катализатор*).

Результатами данной работы являются следующие выводы:

- в терминах русского и китайского языков присутствуют морфемы, позволяющие определить принадлежность термина к конкретной смысловой группе;
- в русском языке во всех выделенных смысловых группах продуктивными морфемами являются суффиксы;
- в китайском языке наблюдается низкая частотность продуктивных морфем-иероглифов, что напрямую обусловлено законами словообразования общенационального языка – стремлением разложить значение слова на компоненты и описать их при помощи сложения иероглифов.

Литература

Тараканов Г.В. Основные термины в нефтегазопереработке. Краткий справочник: Учеб. пособие. Астрахан. гос. техн. ун-т. Астрахань: Изд-во АГТУ, 2011.

Люй Цзюнь, Анисимцев Н.В. Китайско-русский научно-технический словарь. Пекин; М.: Изд-во «Шаньгу иньшугуань»; Изд-во «Русский язык», 1995.

Юй Бинчжун, Полный русско-англо-китайский словарь нефти / 俄英汉石油大词典/“俄英汉石油大词典“编辑部，北京：石油工业出版社, 1997.

Гу Байлинь, Чжу Биньсян, Се Цзайфу, Лю Линьи, Ху Гоань, Суханов В.Ф. Китайско-русский научно-технический словарь. Пекин; М.: Изд-во «Шаньгу иньшугуань»; Изд-во «Русский язык», 2009.

Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.

Фролова О.П. Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка: Монография. М.: Восточная книга, 2011.

Языковые средства и способы метафоризации вкусовых ощущений в русском и китайском языках: сравнительно-сопоставительный аспект анализа

Лю Цзоянь

Language means and methods of taste sensations metaphorization in Russian and Chinese: comparative aspect of the analysis

Liu Zuo Yan

Цзилиньский университет, Институт иностранных языков (г. Чанчунь, Китайская Народная Республика) /
Jilin University, Institute of Foreign Languages (Changchun, People's Republic of China)

nancylzy1992@163.com

Аннотация. Сопоставительный аспект анализа применительно к различным языкам в настоящее время является активно разрабатываемым в лингвистической науке. Особый интерес в этом плане представляет сравнительное исследование языковых средств и способов метафоризации вкусовых ощущений в русском и китайском языках. Данная проблема приобретает значимость не только в собственно языковом, но и в лингвокультурологическом плане, поскольку позволяет выявить совокупность универсальных и специфических факторов, активно проявляющих себя в русской и китайской языковых картинах мира. Актуализация указанной проблемы позволяет обратить пристальное внимание на репрезентативную, предикационную, семантико-образную и прагматико-смыловую сферы языковой метафоризации.

Ключевые слова: метафора, семантика, лингвокультурология, сравнительно-сопоставительный аспект, языковые средства и способы.

Summary. The comparative aspect of the analysis in relation to different languages is currently being actively developed in linguistic science. Of particular interest in this regard is a comparative study of linguistic means and methods of metaphorization of taste sensations in the Russian and Chinese languages. This problem becomes important not only in language, but also in linguoculturological terms, because it allows to identify a set of universal and specific factors that actively manifest themselves in the Russian and Chinese language pictures of the world. The actualization of this problem allows us to pay close attention to the representative, predictive, semantic-figurative and pragmatic-semantic spheres of language metaphorization.

Keywords: metaphor, semantics, linguo-cultural studies, comparative aspect, language means and ways.

Для русского и китайского языков типично разнообразие средств и способов создания образной выразительности речи. Метафора, несомненно, является одним из таких способов номинации действительности. Метафоризация это продуктивный прием для создания яркой образности, повышенной экспрессивности речи, языковой инструмент, применяемым в устной и письменной формах языка для усиления прагматически обусловленного воздействия на адресата.

Систематизационный сравнительно-сопоставительный анализ семантических параметров метафоры применительно к русскому и китайскому языкам основывается на синтезе перцептивного, культурологического, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта человека, который при помощи метафоры отражает установленные глубинные связи между предметами, явлениями, свойствами и отношениями на уровне образной номинации.

Метафора, таким образом, это универсальное межъязыковое явление, во-первых, отражающее на репрезентативном уровне специфическую номинацию действительности, во-вторых, являющееся мощным средством языкового воздействия на адресата, в-третьих, проявляющее универсальные и специфические характеристики конкретных языковых сфер, в частности русской и китайской.

Метафоры, отражающие вкусовые характеристики, в русском и китайском языках имеют немало сходств и отличий. Сходства на уровне глубинной семантики обусловлены универсальностью целого ряда параметров русской и китайской языковых картин мира, универсальностью общечеловеческих концептов, ассоциативными связями. Специфика указанных метафор базируется на дифференциальных факторах, обусловленных как исторически, так и территориально. Кроме того, различия ярко проявляют себя и на собственно языковом уровне, так как русский и китайский языки относятся к языкам различного типа – синтетическому и аналитическому соответственно.

К универсальным функциям русской и китайской метафор, номинирующих вкусовые ощущения, относятся эмоционально-оценочная, воздействующая и экспрессивная функции.

Эмоционально-оценочная функция данных метафор активно реализуется при выражении положительной или отрицательной оценки собственных вкусовых ощущений говорящим.

Воздействующая функция связана с донесением авторской образно-оценочной точки зрения до адресата. Цель актуализации метафоры в этом случае – вызвать соответствующие эмоции у адресата как реакцию на сказанное.

Экспрессивная функция метафоры, номинирующей вкусовые ощущения, реализуется, как правило, для усиления эмоций и чувств субъекта.

В русском и китайском языках рассматриваемая метафора представляется важным компонентом образной сферы языка, являясь основой для процессов развития эмоционально-экспрессивной лексики, полисемии, функционирования синонимических языковых средств и т.д.

Метафора, номинирующая вкусовые ощущения, представляет собой сложное явление в русском и китайском языках, являясь не только образным украшением речи, но и продуктивным языковым способом отражения действительности через образное реагирование на эту действительности человеком.

Богатый языковой потенциал данных метафор, их разнообразная языковая природа способны стать предметом дальнейшего изучения и систематизации метафорических функций в языке и речи на сравнительно-сопоставительном уровне.

О различии между общефактическим (type-factual) и единично-фактическим (token-factual) несовершенным видом при общем отрицании

Ханс Роберт Мелиг

On the difference between type-factual and token-factual imperfective aspect in sentences with general negation

Hans Robert Mehlig

Кильский университет им. Кристиана Альбрехта, Институт славистики (Германия) / Kiel University, Institute of Slavic Studies (Germany)

mehlig@slav.uni-kiel.de

Аннотация. Общее отрицание в таком примере, как *Никто не разбудил отца,* может относиться не только к фактичности описываемой ситуации, но и к ее описанию. В докладе будет показано, что эта различие является релевантным для категории вида.

Ключевые слова: категория глагольного вида, общее отрицание, коммуникативный статус предикации, отрицательное местоимение *никто.*

Summary. In examples, such as *Nikto ne razbudil otca* 'Nobody has awakened father', sentence negation can be related not only to the existence of the denoted situation, but also to its description. It will be shown that this difference is relevant for the category of aspect in Russian.

Keywords: verbal aspect, negation, information structure, indefinite negative pronoun *nikto* 'nobody'.

В русском языке так называемый фактический НСВ допускает две принципиально различных интерпретации. Такая предикация, как *Саша и Маша еще не встречались,* во-первых, может иметь общереферентный статус и отсылать к «типу» (type) описываемой ситуации. В этой интерпретации сообщается, что во временно́м интервале, начало которого остается неопределенным и который простирается до момента речи, еще ни одной встречи между Сашей и Машей не имело место. В бытийной парафразе номинализованное описание ситуации должно быть введено с показателем неспецифической неопределённости: *Такая ситуация, как X, еще не имела место.* В отличие от широко распространенной в русской аспектологии традиции я обозначаю только эту интерпретацию фактического НСВ как «общефактический» НСВ, по-английски как «type-factual», см. [Мелиг 2013]. В русском языке при отсылке к «типу» видовая оппозиция нейтрализуется, так как в русском языке, в отличие от других славянских языков, СВ может отсылать только к индивидуализованным ситуациям, к «экземплярам» (token) описываемой ситуации, см. [Петрухина 2013; Dübbers 2015].

Предикация с фактическим НСВ, во–вторых, может отсылать и к конкретной ситуации, к «экземпляру» (token) описываемой ситуации, не характеризующейся в своем протекании. В нашем примере *Саша и Маша еще не встречались* эта вторая интерпретация фактического НСВ имеет место, когда предикация отсылает к индивидуализованной идентифицируемой ситуации, т.е. к запланированной встрече, о которой знает как говорящий, так и адресат. В этой второй интерпретации предикация имеет референциальный статус специфической определенности: *Ситуация X еще не имела место.* Для этой второй интерпретации фактического НСВ я использую английский термин «token-factual», на русском языке введенный М. Шелякиным [Шелякин 2007: 82–92] «единично-фактический» НСВ. (Е.В. Падучева [Падучева 2013] для различия между «type-factual» и «token-factual» НСВ употребляет термины «общефактическое экзистенциальное» и «общефактическое конкретно-референтное».) Общее между общефактическим и единично-фактическим НСВ, между «type-factual» и «token-factual» НСВ состоит в том, что в обоих случаях описываемая ситуация представляется не в своей процессуальности и не как неограниченно повторяющаяся.

Мне хотелось бы проиллюстрировать различие между этими двумя функциями фактического НСВ на следующем примере.

– *Кто разбудил отца?*
– *Никто его не разбудил* / *будил.*

Этот пример допускает независимо от выбора вида в отрицательном ответе два возможных продолжения, которые противоречат друг другу. Во-первых, возможно продолжение, которое сообщает о том, что отец спит, т.е., что он не проснулся.

(1) – *Кто разбудил отца?*
– *Никто его не разбудил* / *будил.* ***Он крепко спит***.

Однако, возможно и другое продолжение, которое имплицирует противоположную ситуацию, а именно, что отец не спит, т.е. что он проснулся.

(2) – *Кто разбудил отца?*
– *Никто его не разбудил* / *будил.* ***Он сам проснулся.***

Эти друг другу противоречащие продолжения текста возможны, поскольку первичная предикация, на которой основан вопрос об агенсе, а именно предикация *Отца разбудили,* допускает две различных интерпретации, которые будут в докладе подробно описаны, а здесь лишь кратко изложены.

В первом примере (*Отец спит*) первичная предикация отсылает к конкретной ожидаемой ситуации, относительно которой говорящий предполагает, что она в момент речи уже дана в своей фактичности. Эта первичная предикация имеет референциальный статус специфической определенности. В бытийной парафразе номинализованное описание ситуации в артиклевом языке должно быть введено с показателем определенности. При этом логический акцент падает на бытийный глагол: *The situation X* HAS TAKEN PLACE. *Ситуация X* ИМЕЛА МЕСТО. При ответе с общим отрицанием данное в вопросе предположение отрицается. *The situation X has* NOT TAKEN PLACE *(yet)*. *Ситуация X (еще)* НЕ ИМЕЛА МЕСТО. Такое отрицание допускает употребление как СВ, так и НСВ. При этом НСВ может быть интерпретирован как единично-фактический и как общефактический.

Если между введенной в вопросе ситуацией и ее отрицанием имеется кореференция, т.е., если описание ситуации в вопросе и в ответе имеет один и тот же референциальный статус, а именно статус определённости, то могут быть употреблены оба вида. При употреблении СВ сообщается о том, что ситуация, фактичность которой предполагается в вопросе, в момент речи не достигла своей кульминационной точки. При этом остается открытой, имела ли место уже одна или несколько безуспешных попыток разбудить отца. Если же употребляется НСВ, то мы имеем дело с единично-фактическим НСВ. В таком случае абстрагируются от кульминационной точки. Видовая характеристика описываемой ситуации отсутствует. Отрицается ее фактичность и, таким образом, также то, что имели место попытки разбудить от-

ца: *Никто не занимался описанной ситуацией*. Независимо от выбора вида в обоих случаях не отрицается, что обозначаемая ситуация в более позднее время может еще состояться.

В ответе с общим отрицанием возможна и общефактическая интерпретация НСВ. Она представлена в следующем примере:

(1а) – *Кто разбудил отца?*
– *Никто его не будил. Его не надо будить. Он сегодня не работает.*

При употреблении общефактического НСВ имеет место переход в референциальном статусе. Введенная в вопросе конкретная индивидуализованная ситуация с употреблением общефактического НСВ в ответе воспроизводится как «тип». *Такая ситуация, как X, не имела место*. В вопросе описание ситуации имеет референциальный статус специфической определенности, в ответе же – статус неспецифической неопределенности. Таким образом отрицается не только фактичность описываемой ситуации, но и данное с употреблением СВ в вопросе предположение, что эта ситуация является ожидаемой. В этом контексте видовая оппозиция нейтрализуется. Допускается только употребление НСВ.

Во втором примере (*Отец не спит*) в основе вопроса как предположение лежит первичная предикация, которая имеет экспликативную функцию. В отличие от первого примера предположение в вопросе состоит не в том, что ожидаемая ситуация уже дана в своей фактичности, а в том, что причиной того, что отец больше не спит, является то, что его разбудили. Предположение в вопросе относится не к фактичности описываемой ситуации, а к описанию ситуации. Посредством общего отрицания отвергается правильность предположенного спрашивающим описания ситуации, а именно, что отец проснулся, потому что его разбудили. Поэтому ответ требует корректировочного продолжения.

И в этой интерпретации возможно употребление СВ и НСВ, как показывает следующий пример.

(2а) *Никто его не разбудил. Он сам проснулся*.
→ Ситуация X не имела место. Имела место ситуация У.

(2б) *Никто его не будил. Он сам просунулся*.
→ Такая ситуация, как X, не имела место. Имела место ситуация У.

В таком случае НСВ имеет общефактическое значение. Единично-фактическая интерпретация НСВ исключена.

Литература

Dübbers V. Konzeptuelle Motivationen des Verbalaspekts und seiner Variationen mit besonderer Berücksichtigung von Iterativität und der „faktischen Funktion“ im Russischen und Tschechischen. Dissertation Tübingen 2015.

Мелиг Х.Р. Общефактическое и единично-фактическое значения несовершенного вида в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 19–47.

Падучева Е.В. Русский имперфектив: инвариант и частные значения // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 7–18.

Петрухина Е.В. Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и в чешском языках // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 48–69.

Шелякин М.А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: ЛКИ, 2007.

Вид и таксис при переводе с русского языка на французский

Т.В. Миллиареси

Aspect and Taxis: translation Russian – French

Tatiana Milliaressi

Объединенная исследовательская группа 8163 «Знание, тексты, язык»,
Национальный центр научных исследований – Университет Лилля – гуманитарные и социальные науки (Франция) /
Joint Study Group 8163 “Knowledge, Texts, Language”,
National Center for Scientific Research – University of Lille – Humanities and Social Sciences (France)

Аннотация. В статье предлагается семантический анализ соотношения вида и таксиса при переводе с русского языка на французский.

Ключевые слова: вид, таксис, перевод, порядок следования действий.

Summary. This paper discusses the semantic analysis of the correlation of Aspect / Taxis (expressing the chronological order of the different process types) in the translation from Russian into French.

Keywords: aspect, taxis, translation, order of the different process types.

В данной работе будет рассмотрен частный случай проблемы соотношения вида и таксиса, а именно порядок следования действий в соответствии (i) с хронологической последовательностью действий (ii) либо в зависимости от их значимости для говорящего. При этом комбинаторика видовременных форм исследуется не в рамках полипредикатного предложения, как часто делается в большинстве работ по русскому таксису (см., напр., Типология таксисных конструкций 2009), а на уровне высказывания.

Адекватный перевод порядка следований действий зависит, в первую очередь, от правильной интерпретации хронологии действий и значимости каждого из них для говорящего. Так, в известном высказывании Юлия Цезаря, *Veni, vidi, vici* («пришел, увидел, победил»), по мнению Р. Якобсона [Jakobson 1965], последовательность глаголов отражает не только хронологический порядок (от более раннего к более позднему), но и их возрастающую значимость (от менее значимого к более значимому). Отметим, однако, что в этом примере Якобсона порядок следования действий обусловлен прежде всего причинно-следственными отношениями, поэтому изменить этот порядок нельзя. Если же между действиями нет причинно-следственнных отношений, то говорящему приходится выбирать между хронологической последовательностью (1а, сначала магазин, потом статья) и последовательностью по значимости. Если выбирается значимость (1б), то на первое место ставится наиболее важное событие (статья важнее, чем магазин):

(1а) *Что ты делал вчера? — Вчера я утром сходил в магазин и весь день работал над статьей.*

(1б) *Что ты делал вчера? — Вчера я весь день работал над статьей, утром сходил в магазин.*

При этом при возможности выбора между СВ и НСВ, НСВ будет обозначать более значимое действие (***был** в магазине, **работал***) в то время как СВ — менее значимое (***поработал**, **сходил** в магазин*) [Milliaressi 2011].

При переводе эта особенность русского языка не всегда учитывается. Ср. отрывок из И.С. Тургенева (2а) и его перевод на французский язык М.Р. Хоффман (2б):

(2а) *— Да, — повторила она <…>. Ах, как тяжело... боже мой, как тяжело!*
— Отчего? — спросил я робко.
*Зинаида мне **не отвечала** и только **пожала** плечами.*

(2б) *— Oui, oui… reprit-elle <…>. Ah ! je suis malheureuse… Mon Dieu, comte je suis malheureuse !*
— Pourquoi ? fis-je timidement.
Elle haussa les épaules sans répondre. (‘Она пожала плечами, не отвечая’)

НСВ в (2а) выражает особо значимое действие ‘не отвечать’, помещая на второй план действие ‘пожать плечами’. Во французском переводе значимость действий русского текста обратная, т. к. на первом плане оказывается пожимание плечами, а отсутствие ответа — на втором. Можно предложить следующий перевод:

(2в) *Zinaïda ne répondit pas et se contenta de hausser les épaules.*

Таким образом, в русском языке существует 2 способа выражения значимости: порядок представления действий в речи (от более значимого к менее) и грамматическое выделение более значимого действия при помощи НСВ. Во французском языке вид отсутствует, поэтому отсутствует и второй видовой способ выделения значимости. Однако во французском языке возможно грамматическое выделение хронологической последовательности действий при помощи таксиса (относительного времени), отсутствующее в русском языке:

(3а) Maman s'assit à côté de mon lit ; elle ***avait pris*** *François le Champi* <…> (Proust 1913)
Дословно: 'Мама села у моей кровати; она ***взяла*** (до этого) роман «Франсуа ле Шампи»'

Другими словами, во французском языке грамматически выражена хронология событий (*взяла* роман, потом *села*), а их значимость передается порядком их следования в речи (*села* 'главное, что мама пришла ко мне', *взяла* роман); в русском языке в данном случае возникает конфликт между хронологией и значимостью. Поскольку значимость действия *села* не может быть выражена НСВ (о типах действий, выражаемых НСВ при предшествовании см. [Milliaressi 2015: § 3.5.2.2]), переводчику необходимо слелать выбор между значимостью и хронологией. В переводе А.А. Франковского совершенно справедливо, с моей точки зрения, выделена значимость:

(3б) *Мама села возле моей кровати; она взяла роман «Франсуа ле Шампи» <…>.*

При этом лексическое выражение хронологического предшествования при помощи *до этого* отяжеляет фразу и представляется искусственным в речи.

Поскольку предшествование не имеет однозначного выражения в русском языке, оно иногда ошибочно интерпретируется как следование. См. выделенную фразу из следующего отрывка из Достоевского (4а), которая ошибочно переведена Д. Эргаз на французский язык последовательностью действий (4б) вместо предшествования (4в):

(4а) [Раскольников тотчас признал Катерину Ивановну. <…> Входящих она не слыхала и не заметила; казалось, она была в каком-то забытьи, не слушала и не видела.] *В комнате было душно, но окна она не отворила <…>.*

(4б) *Il faisait étouffant dans la pièce, mais elle n'ouvrait pas la fenêtre <…>.*

(4в) *Il faisait étouffant dans la pièce, mais elle n'avait pas ouvert la fenêtre <…>.*

Можно сделать вывод, что необходимо учитывать видотаксисные средства каждого языка при переводе порядка следования действий. И во французком, и в русском языке предшествование и степень значимости действия могут выражаться порядком представления действий в речи. Однако при конфликте этих значений, французский язык может использовать грамматическое выражение таксисного предшествования, отсутствующее в русском языке, а русский — видовое выражение значимости, отсутствующее во французском.

Литература

Храковский В.С. Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. М.: Знак, 2009.

Jakobson Roman. Quest for the Essence of Language // Diogenes, 1965. N°13. P. 21-37.

Milliaressi Tatiana. Aspects et temporalité, Villeneuve d'Ascq : Presses Universitaires du Septentrion, 2015.

Milliaressi Tatiana. La traduction de la postériorité des procès passés // De la linguistique à la traductologie / T. Milliaressi (éd.) Villeneuve d'Ascq : Presses Universitaires du Septentrion. P. 75-90.

Динамика субстантивации в современном русском языке: семантические зоны и новые производные*

Н.А. Николина, Е.В. Петрухина

The Dynamics of Substantivation in Modern Russian: Semantic Zones and New Derivatives

N.A. Nikolina

Московский педагогический государственный университет / Moscow Pedagogical State University

ruskafedra314@gmail.com

E.V. Petrukhina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

elena.petrukhina@gmail.com

Аннотация. В докладе рассматриваются актуальные вопросы изучения субстантивации прилагательных и причастий в современном русском языке: семантические области и динамика данного деривационного процесса, изучение конкуренции с суффиксальными универбатами в разговорной речи, задачи сопоставления субстантивации в русском и других славянских языках.

Ключевые слова: субстантивация, динамика словообразования, русский язык, славянские языки.

Summary. The report addresses current research issues of adjective and participle substantivation in modern Russian, such as semantic areas and dynamics of this derivational process, research of rivalry with suffixal derivatives in informal speech, comparison in Russian and other Slavonic languages.

Keywords: substantivation, the dynamics of word formation, Russian, Slavic languages.

Субстантивация прилагательных и причастий (а также и других частей речи, но в значительно меньшей степени) известна всем славянским языкам, которые различаются семантическими зонами и степенью активности данного процесса. Между славянскими языками, в частности русским, чешским и словенским, есть и сходства, а именно: в тематических группах субстантиватов, использующихся для номинации людей, еды, блюд, документов, денежных выплат, улиц и других топонимических объектов. При этом и в сходных семантических зонах славянские языки различаются конкретной реализацией механизма субстантивации. В докладе предполагается сопоставление данных о субстантивации в русском и некоторых других славянских языков.

В истории русского языка субстантивированное употребление прилагательных было поддержано взаимодействием с церковнославянским языком, в котором субстантивация считается важным механизмом его номинативной системы [Цейтлин 1977: 94]. Согласно подсчетам В.С. Ефимовой, в евангельском старославянском тексте среди наименований лиц число номинаций, созданных субстантивацией прилагательных и причастий (с учетом и окказиональных употреблений), почти в два раза превышает число суффиксальных существительных, например: *преподобный, святой, юродивый* [Ефимова 2011]. Известно также, что в церковнославянском языке субстантиваты активно употребляются для выражения богословских и абстрактных понятий, как в форме множественного числа (греческая модель: *бессмертная, телесная*), так в форме единственного числа среднего рода (*благое, будущее, прошлое, прекрасное*). Именно последняя модель выражения абстрактных понятий продуктивна

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532-ОГН\18 «Исконные и заимствованные форманты и модели в русском словообразовании на славянском фоне: семантические отношения, типы взаимодействия, стилистический потенциал».

в современном русском языке. Ср. номинации словарных статей в Философской энциклопедии (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/): *прекрасное*, *благородное, трагическое, безобразное, возвышенное.* Субстантиваты в функции терминов активно употребляются также в других науках, например в математике: *переменная* (функция), *производная* (от сложной функции); в геометрии: *касательная, кривая, ломаная, прямая, наклонная* (линия); в биологии: *животное, насекомое, сумчатое, млекопитающие, пернатые, пресмыкающиеся* (животные); в лингвистике: *шипящий, согласные, гласные* (звуки), *прилагательное, числительное* (имя), *производящее* (слово) и т.д. У большинства приведенных слов можно восстановить мотивирующие словосочетания (базовые существительные указаны в скобках), но у некоторых это невозможно – у слов *животное, насекомое.*

В русском языке субстантиваты активно используются также для обозначения помещений (*учительская, гостиная, ванная*), пород собак (*легавая, гончая, борзая*), документов, официальных бумаг (*курсовая, докладная, объяснительная*), лекарств (*снотворное, болеутоляющее*) и др.

На рубеже XX–XXI вв. субстантивация в русском языке, в отличие от суффиксации и сложения, в целом не является продуктивным способом словопроизводства. Продуктивность проявляют лишь несколько ее типов: это субстантиваты мужского рода ед. числа со значением лица (*генеральный, наркозависимый* и др.), субстантиваты множественного числа, обозначающие лиц, принадлежащих к одной социальной группе или общественному движению (*бритоголовые, зеленые, болотные, белоленточные*), субстантиваты среднего рода единственного числа, называющие абстрактное понятие и, как правило, контекстуально обусловленные: «И *летело – рваное, ветреное, почти что дымок*» (А. Минакова).

Наибольшей активностью характеризуются номинации лица, которые служат обозначениями человека по участию в общественно-политической и профессиональной деятельности: *ультраправые, красно-коричневые, болотные, госслужащий, генеральный*; б) по отношению к спорту: *посеянный, линейный, красно-белые, загребная*; в) по отношению к языку: *русскоязычный*; г) по принадлежности к определенной социальной, этнической группе или сексуальному меньшинству: *деловые, черные* (разг., пренебр), *голубые*; д) по состоянию здоровья: *ВИЧ-инфицированный, наркозависимый* и др. Формируются новые тематические группы субстантиватов, например, наименования участников компьютерных игр: *гражданские, сверхчеловеческие* в игре «Invasion».

Субстантиваты – номинации лица – чутко отражают состояние современного общества и могут рассматриваться как «ключевые слова текущего момента» (Т.В. Шмелёва). Так, «знаковой номинацией», по которой можно определить время создания текстов СМИ, выступает субстантиват *понаехавшие* ‘мигранты из ближнего / дальнего зарубежья’ [Минеева 2018: 97]. Семантический объем этого слова постепенно расширяется: оно начинает обозначать мигрантов и за пределами РФ. Кроме того, отмечается употребление этого субстантивата в форме единственного числа, см., например, роман Н. Абгарян «Понаехавшая»: *Понаехавшая маячила в дальнем окошке*; *Понаехавшая попыталась вспомнить вчерашний вечер. Тщетно*.

Субстантивация взаимодействует с другими способами словопроизводства. В современной речи отмечается ряд субстантиватов, образованных смешанными способами словообразования: *нерукопожатный, краснопиджачный*. В то же время наблюдается конкуренция субстантивации, усечения и суффиксальной универбации: *мобильный – мобильник – мобила*, *курсовая – курсовик, курсач*, *лабораторная – лабораторка – лаба* (жарг.), *кольцевая – кольцевуха* (разг.), *студенческий – студак* (жарг.). При этом в разговорной речи и жаргонах побеждает не субстантивация. Мы считаем актуальным изучение такой конкуренции, а также семантических и стилистических различий между производными словами, соотносимыми с одним и тем же мотивирующим словосочетанием.

Практически не пополняются группы субстантиватов, обозначающих помещения, официальные бумаги, деньги. Однако субстантивация продолжает оказывать влияние на образование суффиксальных существительных адъективного склонения, называющих учреждения в сфере питания, по аналогии со *столовой*: столовые, закусочные, кафе, например, *кебабная, котлетная, блинчиковая, лапшичная, лепешечная, вареничная, пирожковая, хинкальная, пловная, устричная, онлайн-мантная*. Пополнение этой группы происходит без опоры на словосочетание. Субстантиваты – наименования и клички животных – сохраняют активность преимущественно в бытовой речи и жаргонах. Так, в формирующимся в настоящее время интернет-жаргоне любителей кошек регулярно используются такие субстантиваты, как *Черепашья, Шпротный, Пушистый*.

В современной художественной речи заметна тенденция к субстантивации слов других частей речи (междометий, наречий, глагольных форм и др.): *Сгорает «да». Сгорает «нет»* (Б. Ванталов); *Пишу тебе из общего давно* (А. Цветков); *А спустя это долго // Оба утонули в тридевятом песке* (А. Афанасьева).

Изучение активности субстантивации в современном русском и других славянских языках будет способствовать выявлению специфики данного деривационного механизма в каждом из сопоставляемых языков.

Литература

Ефимова В.С. Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинаци и приоритеты выбора. М.: Индрик, 2011.

Лопатин В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2007. С. 106–139.

Минеева З.И. Субстантивация в образовании новых номинаций человека // Лингвистические традиции и современность. Нижний Новгород, 2018. С. 90–101.

Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М.: Наука, 1977.

Ассоциативное поле «Время» в русской и сербской лингвокультурах

М.М. Рудакова

Associative field «Time» in Russian and Serbian linguistic cultures

Maria M. Rudakova

Яньбяньский университет (Яньцзи, КНР) / Yanbian university (Yanji, China).

Mary_7_po4ta@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению времени как философской категории с позиции его субъективного восприятия, а именно с точки зрения построения ассоциативного поля «Время» на основе данных проведенного психолингвистического эксперимента.

Summary. The article covers category of time as an philosophical category in it’s subjective vision, with the help of associative field «Time» based on the results of psycholinguistic experiment.

Ключевые слова: время, ассоциативное поле, психолингвистический эксперимент, реакция.

Keywords: time, associative field, psycholinguistic experiment, reaction.

1. Восприятие времени как философской категории во многом схоже в сознании носителей славянских лингвокультур. Нами были выбраны и проанализированы русская и сербская лингвокультуры с целью выявить сход-

ства и различия в восприятии категории времени у их носителей.

2. Ассоциативное поле представляет собой ряд слов-ассоциатов, возникающих у респондента как реакция на какое-либо слово-стимул. На наш взгляд, построению ассоциативного поля должна предшествовать классификация полученных слов-реакций по определенным признакам, характеризующим понятие, на которое давалась реакция. Попытку такой классификации мы провели в исследовании.

3. Одним из способов рассмотрения времени как философской категории является построение ассоциативного поля «Время» на основе данных ассоциативного психолингвистического эксперимента. Источником речевого материала исследования послужил речевой узус русского и сербского языков, в частности и лексикографические данные (Славянский ассоциативный словарь).

4. Анализ данных свободного ассоциативного психолингвистического эксперимента среди носителей русской лингвокультуры (реакции на слово-стимул «Время»). Проанализировав реакции респондентов, мы выделили следующие ядерные значения категории времени: 1. Значение, связанное с отражением в сознании носителей русской лингвокультуры языкового афоризма *Время – деньги*; 2. Значение, связанное с отражением в сознании носителей лингвокультуры фразеологизмов, построенных по модели *Время + глагол в форме 3 л. ед. ч.* и имеющих в качестве основы метафору времени как живого существа. Периферийными являются значения окказионального употребления.

5. Анализ результатов ассоциативного психолингвистического эксперимента среди носителей сербской лингвокультуры показал, что во многом восприятие категории времени носителями русской и сербской лингвокультур схоже: ядерные значения обоих полей совпадают, что обусловлено наличием общих фоновых знаний. Вместе с тем, в ответах сербских респондентов мы встретили лексемы, входящие в тематическую группу «Погода», что связано с полисемией в сербском языке и обозначением лексемы «време», в семантическую структуру которой включаются ЛСВ «время» и «погода». Следовательно, в данном случае мы имеем дело с двухъядерным ассоциативным полем, в состав которого входит, с одной стороны, ядерная сема «время», а с другой стороны – ядерная сема «погода». При этом в ассоциативном поле русского языка значение «Погода» также присутствует, однако включается в состав периферии.

6. Выводы. Сопоставляя ассоциативные поля «Время» в русской и сербской лингвокультурах, мы приходим к выводу, что данные поля во многом пересекаются. Так, в структуре обоих полей можно определить инвариантную сему значений, выделяемых на основе данных признаков времени, как *живое существо*. Также в ядро обоих полей входят лексемы, обозначающие время как динамическое явление (*время летит, время бежит, время мчится*). Различия обусловлены собственно лингвистическими факторами (полисемия в сербском языке), а также наличием окказиональных реакций.

Литература

Кишина Е.В., Спицына В.А. Ассоциативно-семантическое поле как основа реконструкции концептов «Жизнь», «Смерть» в рок-текстах // Вестник КемГУ 2008. № 2 С. 137–138 [URL: https:// cyberleninka.ru/article/v/assotsiativno-semanticheskoe-pole-kak-osnova-rekonstruktsii-kontseptov-zhizn-smert-v-rok-tekstah],

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М., 2004.

Речник Матице српске / Под ред. И. Клајн, Д. Петровић. Нови Сад: Матица српска, 2011.

Теневая экономика – анализ отдельных лексических единиц экономической сферы в сопоставительном словацко-русском плане

Драгомира Саболова

Shadow economy – analysis of certain lexical units of economic sphere in Slovak-Russian comparison

Drahomira Sabolova

Прешовский университет (Словакия) / Prešov University (Slovakia)

drasab@mail.ru

Аннотация. В данной статье обращаеатся внимание на лексические единицы экономической сферы – поименования некоторых негативных явлений в экономической деятельности словацких и российских компаний, приводятся предполагаемые аналоги отдельных единиц.

Ключевые слова: лексическая единица, экономическая сфера, тенвая экономика.

Summary. The paper deals with the lexical units of economic sphere – names of certain negative phenomena in Slovak and Russian business activities, provides analogical lexical units of target language.

Keywords: lexical unit, sphere of economy, shadow economy.

Лексический состав любого языка тесно связан с внеязыковой действительностью и неспосредственно реагирует на нее. Это относится и к сфере экономики, в которой необходимо было поименовать много новых явлений в последнее время. В процессе поименовании новых реалий участвуют как заимствования или кальки с иностранных языков, так и лексические единицы (далее ЛЕ), образованные на базе слов родного языка (в нашем случае словацкого и русского).

Помимо регулярной экономической деятельности, реализуемой в рамках закона, наблюдаются и действия на гране или вне закона. В экономической терминологии употребляется для обозначения таковых явлений термин ***теневая экономика*** (калька из английского *shadow economy*), который охватывает ***серый рынок*** – «законные экономические операции, масштаб которых скрывается или занижается хозяйствующими субъектами с целью уклонения от уплаты налогов», ***черный рынок*** – *«деятельность, запрещенная законом в любой экономической»* и ***фиктивную экономику*** – «предоставление взяток, индивидуальных льгот и субсидий на основе организованных коррупционных связей» [http://www.grandars.ru/student/nac-ekonomika/tenevaya-ekonomika.html, дата обращения 10.11.2018]. С аналогичными понятиями встречаемся и в словацком языке – ***tieňová ekonomika***, ***šedý trh*** *(pololegálny)*, ***čierny trh*** *(nelegálny)*, ***fiktívna ekonomika***. Значение первых из упоминаемых терминов в словацком и русском языках совпадает. Поименование фиктивная экономика в указанном выше значении не свойственно для словацких реалий, но и в русском языке словари для данного понятия предлагают иное определение, а именно: «действующее хозяйство, предприятие, продуцирующее фиктивные результаты, отражаемые в действующей системе учета и отчетности как реальные» [https://dic.academic.ru/dic.nsf/ dic economic law/17075/ФИКТИВНАЯ]. Это значение соответствует аналогичному словацкому понятию.

Одинаковое значение выражает словосояетание, употребляемое для поименования **отмывания денег** – калька из английского *money loundering*, в словацком языке обычно добавляется к указанному и адъектив «грязные», что фиксируется толковым словарем словацкого языка: «**pranie (špinavých) peňazí** *–uvádzanie nezákonne získaných peňazí do normálneho obehu* (отмывание грязных денег – введение незаконным способом приобретенных средств в легальный оборот – перевод наш. – *Д.С.*) [Krátky slovník slovenského jazyka: 548].

Вышеуказанные ЛЕ аналогичны по форме (кальки с английского) и значению, а следующие единицы свойственны только для словацкого языка. Первым из них является поименование, возникшее из словосочетания ***biely kôň*** – название человека, которого используют представители криминального мира для совершения нелегальных сделок: «bezúhonný človek nastrčený členmi organizovaného zločinu pri nelegálnych obchodoch» [Slovník súčasného slovenského jazyka: 776). Чаще всего речь идет о получении банковского кредита, за уплату которого потом отвечает именно «белый конь» (от которого преступники часто избавляются физической ликвидацией). Насколько нам известно, аналогичного понятия в русском языке не существует, в качествве аналога можно употребить выражение *подставное лицо*.

Для обозначения нелегальной деятельности употребляется также название ***schránková firma***. Определение данного понятия в словарях не находим, но многочисленные упоминания в интернет-пространвстве свидетельствуют о масштабах распространения явления, именуемого данной ЛЕ. Такая фирма обычно регистрирована по адресу массовой регистрации, существует без конкретного офиса, часто базируется в офшоре. Такие фирмы часто регистрируются на упоминаемых «белых коней», подтверждением чего является следующий пример: *Takto plánuje štát od nového roka vylúčiť z verejného obstarávania* ***schránkové firmy****, ktoré sú napísané na tzv.* ***biele kone*** [http://spravy.pravda.sk/ekonomika/clanok/402479-obmedzi-sa-pranie-spinavych-penazi/, 18.08.2016]. В английском языке встречаемся с понятием *shell company* или же *mailbox company* – название для компаний, которые не занимаются в настоящее время предпринимательской деятельностью, хотя некоторые из них могли в прошлом вести бизнес: *a firm with no current business activity or significant assets. Some shell companies may have had operations in the past* [https://marketbusinessnews.com/financial-glossary/shell-company/, дата обращения 11.11.2018]. Предполагаем, что словацкое название является калькой данного поименовани, т.к. словацкое слово *schránka* означает *mailbox.* Аналогичным к словацким явлениям, упоминаемым выше, считаем русское понятие ***фирма-однодневка***. Несмотря на факт, что данное понятие не закреплено юридически, в письме российском ФНС от 11.02.2010 № 3-7-07/84 содержится определение, кроме прочего указывающее на то, что это «фирма, которая зарегистрирована по адресу массовой регистрации… не предоставляет налоговую отчетность». [https://yuridicheskaya-konsultaciya.ru/nalogi/odnodnevka.html, дата обращения 11.11.2018]. В цитируемой статье кроме этого обращается внимание и на факт, что учредителем часто является умерший человек.

Из сказанного вытекает, что при поименовании новых реалий, относящихся к экономической деятельности, производимой в разных странах, ЛЕ часто заимствуются – в нашем случае речь идет о кальках, но появляются также единицы на базе родного языка (*biely kôň*, *фирма-однодневка*).

Литература

Krátky slovník slovenského jazyka. Bratislava: VEDA, 2003.
Slovník súčasného slovenského jazyka. Bratislava: VEDA, 2011.

«Река» как фрагмент русской и турецкой картин мира: лингвокультурологический аспект

Х. Сарач

“River” as the fragment of the Russian and Turkish linguistic view of World: linguoculturological approach

S. Hakan

Университет «Анадолу» (г. Эскишехир, Турция) / Anadolu University (Eskişehir, Turkey)
sarachk@mail.ru, sarachakan699@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье проводится лингвокультурологический анализ языкового материала с компонентом «Река» в природно-ландшафтном коде русской и турецкой лингвокультур. Основная цель работы – выявить и описать представления об образе «река», которые существуют в русской и турецкой языковой картин мира. В заключении сопоставляются русские языковые данные с турецкими и выявляются базовые сходства и различия между двумя линвокультурами.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ, языковая картина мира, код культуры, лингвокультура, русский и турецкий языки.

Summary. In this article linguoculturological analysis of specific linguistic material with component “River” in the natural-landscape code of Russian and Turkish linguocultures is carried out. The main purpose of the work is to reveal and describe the ideas about image of the “River”, which appear in the Russian and Turkish linguistic view of World. As a consequence of analysis Russian linguistic material is compared with Turkish and the basic similarities and differences between two linguocultures are identified.

Keywords: linguoculturological analysis, linguistic view of world, code of culture, lingvoculture, Russian and Turkish languages.

В течение последних двух десятилетий лингвисты стараются выявить и описать культурные коды и их отражение в языке. При этом сегодня отсутствует комплексное сопоставительное описание культурных кодов русской и турецкой лингвокультур, что делает актуальными исследования в данной области.

Во фразеологизмах и паремиях двух народов, имеющих богатую и продолжительную историю, до сих пор встречаются отражающие особенности их культурного развития следы мифологических представлений и верований. В процессе познания и освоения окружающего мира славянские и тюркские народы стремились, в том числе, познать и понять природные объекты (например, такие, как река), наделяя их разными значениями и даже обожествляя их. Мифологические представления и верования нашли отражение в языке.

Река – один из главных природно-ландшафтных компонентов мироздания. Во фразеологических единицах слово «река» имеет помимо своих основных значений культурные смыслы, позволяющие данным языковым единицам выполнять эталонную или символическую функцию.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, река – постоянный водный поток значительных размеров с естественным течением по руслу от истока вниз до устья. Длина, ширина, глубина, объем, движение и другие онтологические признаки реки часто метафорически переосмысливаются.

Река является одним из природно-ландшафтных объектов, связанных с восприятием и структурированием окружающего мира. Данный компонент занимает значительное место в национально-культурном пространстве русского и турецкого народов, т.к. образ «река» насыщен древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями. Продемонстрируем это, сопоставив фразеологические единицы с компонентом «река» («ırmak-akarsu») в русском и турецком языках. Проведенный нами анализ выявил некоторые сходства и различия.

Мы выделяем следующие общие черты двух линвокультур:

Турецкое «ırmak, akarsu», как и русское «река» выступает эталонном большого объема и количества, ассоциируясь с обильностью и неспрерывностью: (см. в турецк.: *Kan dere / ırmak gibi akmak* – ‘кровь льется рекой’; *Akarsu gibi* – ‘как река’; в русск.: *Рекой течь; в три ручья*).

Эти компоненты символизируют «чужой» мир, отдаленный от «своего» мира (см. в турецк.: *Akarsuya inanma,*

eloğluna dayanma – ‘не верь текущей реке – не полагайся на чужаков’; *Irmaktan (dereden, çaydan) geçerken at değitirilmez* – ‘когда переправляются через речку, лошадь не меняют’ и др., в русск.: *Молочные реки* [*и*] *кисельные берега <с кисельными берегами>*);

Данные объекты в двух лингвокультурах связаны с представлением о постоянной изменчивости мира и, как следствие, с представлением о течении времени (см. в русск.: *Нельзя дважды войти в одну и ту же реку (воду)*; в турецк.: *Akarsuya inanma, eloğluna dayanma* – ‘не верь текущей реке – не полагайся на чужаков).

Среди отличий отметим следующие:

В отличие от турецкого «akarsu, ırmak», русское «река» связано с представлением о сытой, привольной жизни (см. в русск.: *Молочные реки* [*и*] *кисельные берега <с кисельными берегами>*).

Итак, выявленные нами представления о концепте «река» играют немаловажную роль в формировании русской и турецкой языковой картин мира. Рассматриваемые языковые единицы, как представляется, в полной мере отражают мировидение, мироощущение, миропонимание русской и турецкой лингвокультур.

Литература

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: Около 6000 фразеологизмов / Под. ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2001, 2005.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006 (БФСРЯ 2006).

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ Мир и Образование, 2014.

Aksoy Ö.A. Atasözleri ve Deyimler sözlüğü 1–2. İstanbul: İnkılap kitabevi, 2013.

Doğan M. Büyük Türkçe Sözlük. Yazar yayınları. Ankara, 2011.

Без того, чтобы (*не*) vs. *без да*: сочетаемость и семантическая композиция

Д.Б. Тискин, Е.Ю. Иванова

Bez togo, čtoby (*ne*) in Russian vs. *bez da* in Bulgarian: Distribution & Semantic Composition

Daniel B. Tiskin, Elena Yu. Ivanova

Санкт-Петербургский государственный университет / Saint-Petersburg State University

daniel.tiskin@gmail.com, e.y.ivanova@spbu.ru

Аннотация. В докладе сопоставляются свойства русской подчинительной конструкции с *без того, чтобы* (*не*) и ее болгарского переводного эквивалента *без да*. Употребление русской конструкции, прежде возможной преимущественно в неверидикативных контекстах, в диахронии расширяется, сближая её с болгарской конструкцией, не имеющей ограничений на тип главного предложения. В отличие от болгарской, русская конструкция зачастую содержит отрицание *не*, не вносящее вклада в смысл; мы обсуждаем вопрос о его эксплетивности.

Ключевые слова: сентенциальные обстоятельства, неверидикативность, эксплетивное отрицание, русский язык, болгарский язык.

Summary. The paper is a contrastive study of the Russian construction *bez togo, čtoby* (*ne*) ‘~ without -ing’ and its Bulgarian counterpart *bez da*. It is shown that the use of the Russian construction has expanded onto non-veridical contexts, thus matching the current status of the Bulgarian construction. The Russian construction often contains the negation *ne* in the subordinate clause whose semantic contribution is evasive. We explore whether its classification as expletive is warranted.

Keywords: sentential adjuncts, NPI, expletive negation, Russian, Bulgarian.

Дистрибуция. В русском языке *без того, чтобы* вводит придаточные двух типов: заполняющие семантическую валентность при некоторых глаголах, в особенности *обойтись* / *обходиться* (1), и выступающие в обстоятельственной функции при самых разных глаголах и неглагольных предикатах (2).

(1) *Редкий мой визит к ней обходился без того, чтобы тётушка не подарила мне одной, двух, а то и пяти тысяч.* [В. С. Трубецкой (1936–1937)]

(2) *Он вдруг понял, что после XX съезда КПСС История вступила в новую фазу без того, чтобы он это заметил…* [И. Г. Эренбург (1960–1965)]

Аналогична ситуация с *без да* в болгарском языке, ср. (3) с актантом и (4) с обстоятельством.

(3) *Не можа да се оправиш, без да пратиш мама на работа.* [Н. А. Островский (пер.: Л. Стоянов, 1944)]
‘[Ты] не мог обойтись без того, чтобы мать на работу не послать.’

(4) *Така далеч по-лесно можем да прекарваме влакното през него, без да прекъсваме работа*.
‘Так будет легче протянуть через него леску, не прерывая работу’

Отрицание в придаточном. Анализ случайной выборки, составленной из русских инфинитивных клауз с *чтобы* (из основного корпуса НКРЯ), показывает следующее.

А. В новых текстах (с XX в.) отрицание в придаточном используется значительно реже, чем в ранних (около 60% употреблений в новых vs. более 90% в ранних текстах).

Б. В новых текстах конструкция *без того, чтобы* значительно чаще, чем ранее, встречается в случаях, где в главном предложении нет отрицательной частицы *не* или отрицательной морфемы, как в *нельзя* (почти 50% vs. 10% употреблений).

В. Наличие отрицания в придаточном (как в (2) в отличие от (1)) значительно более вероятно при наличии отрицательного элемента в главном, чем при его отсутствии (80% vs. 55% употреблений).

Пп. А и В дают основания говорить об «эксплетивности» (десемантизированности) отрицания в придаточных исследуемого типа; в таком случае в п. Б отражено разрушение «согласования» по полярности в диахронии.

Кроме того, в новых текстах предложения, где главное предложение неотрицательно, существенно чаще отрицательных имеют финитное придаточное. В этом можно видеть свидетельство того, что неотрицательность придаточного требует отдельной от главного ассерции.

Этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании, где отрицание при *без того, чтобы* будет сопоставлено с другими контекстами якобы эксплетивного отрицания; см. критику эксплетивной теории в [Abels 2005; Zorikhina Nilsson 2012] для апрехенсивов и в [Татевосов 2016] для *пока не*.

В болгарском *без да* вообще не допускает *не* в придаточном; при необходимости полнозначного отрицания используется союз *като*.

Условия лицензирования. В ранних текстах, представленных в НКРЯ, *без того, чтобы* встречается преимущественно в отрицательных контекстах и может претендовать на статус NPI. Некоторые примеры без отрицания, включая часть ранних, представляют собой контексты снятой утвердительности [Падучева 2014]: футуральные, модальные, хабитуальные, вопросительные – или относятся к иным известным типам контекстов, где лицензированы NPI (см. обзор в [Barker 2018]): ср. (5) с кванторным словом *редкий* и (6) с оператором *только*.

(5) *И редкий день проходил без того, чтобы Горюнов не получал от целовальников по гривне.* [Ф.М. Решетников (1868)]

(6) *Наверное, только дождливые дни проходят без того, чтобы раскопки не посетила одна, а то и несколько экскурсий.* [В.Л. Янин (1975)]

В более поздних текстах неотрицательные контексты составляют значительно большую долю, что может свидетельствовать о потере *без того, чтобы* статуса NPI.

Болгарское *без да* в подавляющем большинстве случаев (около 98% на материале случайной выборки из Болгарского национального корпуса) встречается без отрицания в главном предложении, а контексты снятой утвердительности с ним не составляют большинства, поэтому нет оснований говорить об особых условиях лицензирования для *без да*.

Литература

Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидикативность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 13 (20). М., 2014. С. 489–505.

Татевосов С. Г. Заметки о незаметном отрицании // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 10. 2016. С. 312–329.

Abels K. “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory // Journal of Slavic Linguistics. Vol. 13. No. 1. 2005. P. 5–74.

Barker C. Negative polarity as scope marking // Linguistics and Philosophy. Vol. 41, no. 5. 2018. P. 483–510.

Zorikhina Nilsson N. Peculiarities of expressing the apprehensive in Russian // Oslo Studies in Language. Vol. 4. No. 1. 2012. P. 53–70.

О значении некоторых русских составных местоименных серий в сравнении с аналогичными в украинском и польском

Р.С. Фисун

On the meaning of some series of Russian indefinite compound pronouns as compared with similar series in Ukrainian and Polish

Roman Fisun

Регенсбургский университет; Мюнхенский университет имени Людвига и Максимилиана (Германия) / University of Regensburg; Ludwig Maximilian University of Munich (Germany)

fisun.roman@gmail.com

Аннотация. Доклад посвящен рассмотрению значения некоторых русских составных местоименных серий в сравнении с аналогичными сериями в украинском и польском языках. Оказывается, что в рассматриваемых языках значительно отличаются не только источники грамматикализации неопределенных местоимений, но и сфера функционирования семантически и этимологически аналогичных серий.

Ключевые слова: составные местоимения; неопределенные местоимения; семантические карты; грамматикализация.

Summary. The paper focuses on analyzing the meaning of some series of Russian indefinite compound pronouns as compared with similar series in Ukrainian and Polish. It turns out that not only do the source constructions for the grammaticalization of indefinite pronouns differ significantly in the said languages, but the sphere of functioning of semantically and etymologically similar series is different as well.

Keywords: compound pronouns, indefinite pronouns, semantic maps, grammaticalization.

1. Обычно местоимения рассматривают как закрытый класс слов. Однако такая точка зрения проблематична для группы неопределенных местоимений, так как помимо так называемых «традиционных» (кодифицированных) неопределенных местоимений типа *кто-то, кто-либо* и т.д. в русском языке в большом количестве возникают т.н. составные неопределенные местоимения (СНМ): *неизвестно кто, кто бы то ни было, какой угодно…* [Бондарева 2010; Ермакова 2000; Соколова 2007] Такие выражения, содержат основу вопросительного местоимения и т.н. «модификатор» (термин Г.А. Бондаревой [Бондарева 2010]). Подобно большинству «традиционных» неопределенных местоимений, СНМ образуют так называемые серии: *кто* / *что* / *какой* / *куда… угодно*.

2. Для описания значения составных местоимений удобно использовать семантическую карту неопределенности, предложенную М. Хаспельматом [Haspelmath 1997: 130–141]. В первую очередь метод разрабатывался для типологических исследований, однако простота и точность описания с его помощью местоименных серий делают его востребованным и в пределах одного языка. Практические вопросы применения метода для русских СНМ обсуждаются в работе автора [Фисун 2016].

3. Модификаторы СНМ можно классифицировать по типам конструкций от которых они исторически образованы. М. Хаспельмат [Haspelmath 1997] выделяет среди них, например, *dunno*-тип, который восходит к клаузам со значением ‘я не знаю’ (СНМ типа ***неизвестно*** *кто*), или *want* / *pleases*-тип, к которому, например, относится русск. серия на *угодно* (*кто* ***угодно***). Как показывают наши исследования славянских СНМ, эта классификация может быть дополнена дальнейшими источниками: в славянских языках продуктивными являются, например, обозначения количества (ср. русск. ***много*** *кто*; укр. ***мало*** *хто*; чешск. ***málo****kdo*, словацк. ***málo****kto* и т.д.) или модальные выражения необходимости (русск. СНМ типа *кто* ***надо****, какой* ***нужно***; укр. *що* ***треба***; польск. *kto* ***trzeba***). Хаспельмат постулирует связь значения исходной для грамматикализации конструкции с функциями на семантической карте, которые характерны для грамматикализованного местоимения. Расширение функционирования местоименной серии возможно, таким образом, лишь в процессе дальнейшего развития. Так, например, для серий *dunno*-типа исходной предполагается функция SPECIFIC UNKNOWN [Haspelmath 1997: 133] – т.е. выражение неопределенной референции в терминологии Е.В. Падучевой [Падучева 1985]. По-видимому, такое же исходное значение мы можем постулировать и для квантитативных обозначений (*много кто, мало что*). Однако расширение значения, как представляется, вопреки идее Хаспельмата, не зависит от степени грамматикализованности СНМ. Более того, среднее количество функций у менее грамматикализованных СНМ в русском языке, по нашим данным, оказывается даже больше такового у «традиционных» серий: 5,2 функции в среднем у СНМ против 3,25 у «традиционных» серий.

4. Оказывается интересным, что в таких близких славянских языках, как русский, украинский и польский, процесс возникновения СНМ имеет значительные отличия. Во-первых, в этих языках не совпадает перечень конструкций, являющихся источниками модификаторов. Так, в польском квантитативные выражения вообще не стали источниками модификаторов неопределенных местоимений, а СНМ из групп *want* / *pleases* (*co* ***chcesz*** / ***chcecie***) и *dunno* (***Bóg wie*** *co* или ***diabli wiedzą*** *co*) стоят на начальной ступени грамматикализации, тогда как в русском (*что* ***угодно*** и, напр., ***невесть*** *кто* соответственно) и украинском (*що* ***завгодно*** и, напр., ***казна****-хто* соответственно) аналогичные конструкции дают наибольшее количество модификторов, которые при этом демонстрируют значительную степень грамматикализации.

Во-вторых, значительные отличия наблюдаются и в функционировании местоименных серий, имеющих аналогичные источники модификаторов, причем, как в разных языках, так и в пределах одного.

5. На схеме 1 представлены семантические карты русск. серий на *много*, *мало* и укр. на *багато, мало*, полученные нами в результате корпусного исследования. Во-первых, возможная область функционирования всех серий оказывается значительно шире неопределенной референции (specific unknown), постулируемой для исходной конструкции: возможно употребление всех серий в составе слабоопределенных ИГ (SPECIFIC KNOWN), а также в нереферентной области (IRREALIS NON-SPECIFIC, CONDITIONAL и т.д.).

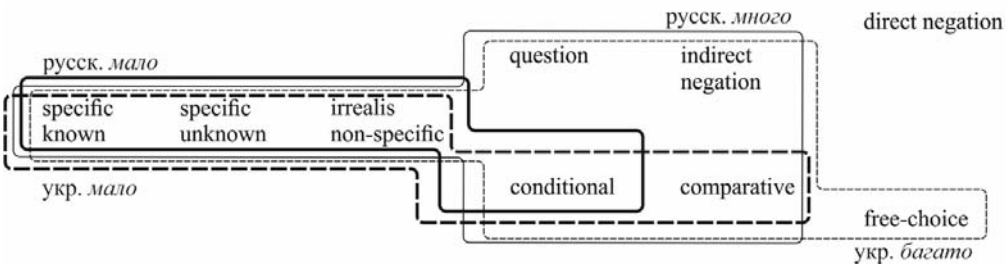


Схема 1. Семантическая карта русск. серий на *много, мало* и укр. серий на *багато, мало.*

Во-вторых, хотя все серии принадлежат одному типу и имеют семантически и / или этимологически идентичные источники модификаторов, ожидаемого семантического тождества на карте не наблюдается. Область функционирования серий на *много* / *багато* оказывается шире таковой у *мало* / *мало.* Укр. серия на *багато* оказывается возможной в контекстах свободного выбора (FREE-CHOICE), которые исключены для соответствующей русской серии. С другой стороны, укр. серия на *мало* также демонстрирует более широкий набор функций: в отличие от русских соответствий, местоимения украинской серии могут употребляться в функции стандарта сравнения (COMPARATIVE).

Подробное рассмотрение функций этих и некоторых других русск. серий в сравнении с укр. и польск. СНМ, сопровождаемое корпусными примерами, предполагается в рамках доклада.

Литература

Бондарева Г.А. Составные местоимения в русском языке: Дисс. … канд. филол. наук. Воронеж, 2010.

Ермакова О.П. Взаимодействие двух систем частей речи (местоименной и знаменательной) при образовании составных номинаций // Slowotworstwo a inne sposoby nominacji. Katowice: Wydawn. Gnome, 2000. С. 147–152.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985.

Соколова С.В. Динамические процессы в системе местоименных слов современного русского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Фисун Р.С. Об использовании семантического картировании в описании местоименного компонента значения русских составных местоимений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11. Ч. II. С. 148–158.

Haspelmath M. Indefinite pronouns (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford: Oxford University Press, 1997.

Наблюдения над употреблением глагольных видов в медиадискурсе (болгарско-русские параллели)

К.А. Чакырова

Observations on the use of verbal aspects in the media discourse (Bulgarian-Russian parallels)

Krasimira A. Chakarova

Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского (Болгария) / University of Plovdiv Paisii Hilendarski (Bulgaria)

krchakarova@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье исследуется функционирование глагольных видов в болгарском и русском медиадискурсе, в частности – в структуре заголовков различных по тематике журналистских материалов. Таксономический материал обработан с помощью статистического метода, причем акцент ставится на некоторые симптоматичные проявления межъязыковой асимметрии. Объектом особого внимания являются основные причины существующих различий в употреблении видов.

Summary. The article examines the functioning of the verbal aspects in the Bulgarian and Russian media discourse and in particular – their functioning within the structure of various types of journalistic headline material. The taxonomic material is processed in accordance with the statistical method, as additional emphasis is placed on some symptomatic displays of interlingual asymmetry. The paper clarifies the main reasons causing the observed differences in the uses of the verbal aspects.

Ключевые слова: аспектуальность, глагольный вид, дисскурс, СМИ, болгарско-русские параллелы.

Keywords: aspectuality, category of verbal aspect, discourse, media, Bulgarian-Russian parallels.

В центре настоящего исследования находится якобы частная проблема, связанная с особенностями употребления глагольных видов в болгарском и русском медиадискурсе. Наши наблюдения основываются на богатом корпусе заголовков, извлеченных из различных «электронных версий уже существующих бумажных изданий» [Винская 2012: 151] (Были использованы свежие номера, опубликованные в ноябре 2018 г.). Выбор таксономического базиса в большой степени предопределяется ключевой ролью заголовка в структуре различных жанров журналистики – одновременно информативной, экспрессивной и воздействующе-манипулятивной. Именно это «является первым сигналом, побуждающим нас читать материал или отложить газету в сторону» [Лазарева 1989: 3].

Наша цель – ответить на два важных вопроса: 1) существует ли разница в использовании видов в болгарской и русской титрологической практике в СМИ и, если она есть, то какие факторы ее обуславливают; 2) как аспектуальный выбор сказывается на восприятии заголовков, и возможно ли его рассмотрение как проявление сознательной журналистской стратегии.

Перед тем как приступить к анализу извлеченного материала, мы вкратце остановимся на некоторых особенностях болгарской аспектуальной системы, имеющих отношение к теме настоящего исследования. Мы подчеркиваем тот факт, что болгарский язык – это единственный среди славянских языков, который, кроме традиционных видов – *несовершенный* (НСВ) и *совершенный* (СВ), – обладает еще и специфической граммемой *итератив* (традиционно называемой «вторичный имперфектив» – это производный глагол, образованный от глагола СВ путем присоединения морфем *-ва-, -ава-, -ява-, -а-, -я-, -ува-*). Итератив является «видом» лишь в широком смысле. Это функциональный биаспектив, видовая реализация которого прежде всего зависит от контекстных условий. В грамматическом смысле (и формально, и семантически) он маркирован не по «аспектуальности», а по кратности (выражает идею повторения данного комплексного действия без указания на временной или пространственный предел), и грамматически противопоставляется лишь СВ (оппозиция – это *итеративност – неитеративност*) (см. [Чакърова 2003]). Генерализация процесса итеративации приводит к тому, что почти от всех глаголов СВ можно образовать производный итератив (срв.: *пиша – напиша – **написвам**; мигам – мигна – **мигвам**; правя – направя – **направям**; ям – изям – **изяждам*** и мн. др.). Как прямое следствие этого процесса можно рассматривать «гегемонию» третьего спряжения в современном болгарском языке, а также высокую функциональную активность *неактуального настоящего времени* (образованного прежде всего с помощью итеративов) во всех стилях литературного языка.

По-другому обстоят дела в русском языке, где производные глаголы с морфемами *-ива-, -ва-, -а-*, называемые имперфективами, не образуются «с абсолютной регулярностью, подобно образованию форм времени глагола или падежных форм имени» [Грамматика 1980: 586].

Указанная выше особенность болгарского глагольного вида, на наш взгляд, сказывается непосредственно на аспектуальном распределении глагольной лексики в заголовках текстов в масс-медиа. Журналистами чаще всего используются глаголы СВ (53% извлеченных заголовков), причем преимущественно в прошедшем времени (в аористе) – ср.: *Жълти жилетки* ***подпалиха*** *Белгия и Франция за цените на горивата* («Новини»); *Черният петък* ***взриви*** *интернет, а моловете* ***останаха*** *празни!* («Марица») и т.д. Имея в виду, что аорист в болгарском языке маркирован значением 'засвидетельнствованность', то можно предположить, что выбор подобных форм вполне сознателен: с их помощью журналисты не только представляют конкретное событие как законченное, добившееся цели (т.е. они ставят акцент на фактологичность), но и добиваются большего доверия читателей, позиционируясь как свидетели происходившего.

Значительным оказывается и число заголовков, содержащих итеративы (25% примеров) в неактуальном настоящем времени, которое «на референтном уровне включает момент речи, не исключая точки отсчета в прошлом и будущем» [Зидарова 2011: 237] – ср.: *Домусчиев* ***плаща*** *за 12 нови, революцията в Разград е факт!* («7 дни спорт»); *Локомотив на бързия влак София – Бургас* ***пламва*** *край Сливен!* («Новини»); *Империята на Слави* ***отвръща*** *на удара!* («Марица»); *Порошенко пак* ***залага*** *на антируската карта заради властта* («Сега») и др. По сравнению с формами аориста глаголов СВ, высказывание здесь является более нейтральным, журналист занимает «дистантную» позицию по отношению к сообщаемым им фактам. С другой стороны, внимание читателей привлекается к полному тексту материала, где может быть «раскодировано» реальное время сообщаемых событий.

Что касается употребления непроизводных глаголов НСВ в извлеченных заголовках (22% примеров), то они тоже стоят преимущественно в настоящем времени, а их функция – «усиливать процессуальность» [Зидарова 2011: 237] – ср.: ***Правят*** *молебен за рожба в Горни Воден* («Марица»); *Ел Маестро пак* ***вярва*** *на Звяра, но ЦСКА е без голямата си звезда в Русе! Киров* ***плаши*** «*армейците*» *с осъден убиец* («7 дни спорт») и др.

В русском медиадискурсе распределение видов в заголовках выглядит по-другому: 92% – глаголы СВ, 6% образованы от непроизводного глагола НСВ, а лишь 2% – от производного глагола НСВ. Используется преимущественно прошедшее время (90%), причем, в основном, от глаголов СВ – ср.: *Полиция* ***применила*** *слезоточивый газ против демонстрантов в Париже* («Новости»); *Золотую медаль Барселоны* ***присудили*** *Монтсеррат Кабалье* («Культура»,); *Наталья Орейро* ***представила*** *клип, снятый в подмосковной Балашихе* («Експрес газета») и др. Данная видо-временная комбинация лишена коннотативного содержания, она служит максимально специализированным языковым средством представления уже произошедших фактов.

Настоящее время встречается спорадически (лишь в 6,2% примеров) – ср.: *Путин* ***рассчитывает****, что граждане России ощутят реальные результаты нацпроектов* («Культура»); Олег Газманов ***отмечает*** 50-летие творческой деятельности («Експрес газета»); *Регина Тодоренко* ***мечтает*** *о веселой «одесской» свадьбе с Владом Топаловым* («Експрес газета») и др. В примерах подобного типа глаголы НСВ подчеркивают процессуальность (симультанность) или узуальность событий, о которых идет речь.

В свете сделанного сопоставления приходим к выводу, что употребление глагольных видов в титрологической практике в СМИ является как объективно обусловленной, так и результатом сознательно применяемой журналистской стратегии. Как самое значимое проявление межъязыковой асимметрии можно рассматривать активное использование итеративов в болгарском языке, в то время как в русских заголовках их частотность чрезвычайно невысока.

Литература

Винская Л.А. Особенности и тенденции развития СМИ в эпоху глобализации // Материалы международной заочной научно-практической конференции «Филология, исскуствоведение и культурология в XXI веке». Часть II. Новосибирск: СибАК, 2012. С. 143–155.

Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Том I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980 (Грамматика).

Зидарова В. Лексикални и граматични особености на заглавията в новата българска преса // Българският език и литература в славянски и неславянски контекст / Edited by M.F. Barthi, H. Majoros. Szeged: JATE press, 2011. С. 234–241.

Лазарева Э.А. Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.

Чакърова К. Аспектуалност и количество. Велико Търново: Фабер, 2003.

Адвербиальные средства выражения локативности в современном болгарском и русском языках

К.А. Чакырова, О.В. Моллова

Adverbial tools for expressing locativity in Modern Bulgarian and Russian language

Krasimira A. Chakarova, Olga V. Mollova

Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского (Болгария) / University of Plovdiv (Bulgaria)

krchakarova@gmail.com, olga.mollova@abv.bg

Аннотация. Статья посвящена исследованию адвербиальных средств как фрагменту функционально-семантического поля (далее в статье ФСП) локативности в современном болгарском и русском языках. Один из способов выражения пространственных отношений – это локативные наречия. В данном исследовании мы рассматриваем симметрию и асимметрию локативных наречий в обоих языках.

Summary. The article investigates the adverbial means of expression as a component of the Functional-semantic field (abbreviated in the article as FSF) of locativity in contemporary Bulgarian and Russian languages. One of the ways to signal spatial relations are the locative adverbs. In the current research we take under consideration the symmetry and asymmetry of the locative adverbs in both languages.

Ключевые слова: локативность, функционально-семантическое поле (ФСП), периферия ФСП, наречие, болгарско-русские параллели.

Keywords: locativity, functional-semantic field, periphery of the FSF, Bulgarian-Russian parallels.

Настоящая статья является частью большого исследования под названием «Функционально-семантическое поле локативности в современном болгарском и русском языках».

ФСП локативности в современных болгарском и русском языках является сложной объемной структурой. Конституенты ***ФСП локативности*** неравномерно распределяются по микрополям, в чем и специфика современных болгарского и русского языков. В отличие от болгарского языка, в русском языке ***ФСП локативности*** представляет полицентрическим полем, входящим в группу полей с ***обстоятельственным ядром*** (по мнению [Бондарко 1971; 1984] и др.). На данном этапе исследования мы не затрагиваем спорный вопрос о полевого ядра, а рассматриваем определенную группу периферийных средств. В болгарском языке отсутствуют ядерные ***модификаторы*** (термин вводит И. Куцаров [1985]), но широко употребляются разнообразные периферийные способы выражения ФСП локативности.

По словам Азизовы: «Категория ***локативности*** (выделено нами. — *О. М.*) характеризуется полевой структурой в составе ФСП. Разноуровневые языковые средства, составляющие ФСПЛ (функционально-семантическое поле локативности), группируются на основе принципов функциональности и инвариантности. В основе ФСПЛ лежит семантический инвариант понятия пространственной соотнесен-

ности, который объединяет разноуровневые средства языка, служащие для реализации вариантов данной категории» [Азизова 2011: 152].

В фокус настоящего исследования входят ***пространственные наречия***, как один из наиболее разнообразных способов выражения пространственных отношений. «Наречие — грамматическая категория, под которую подводятся несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые слова, примыкающие к глаголу, категории состояния, к именам и 96 производным от них (например, к тем же наречиям) и выступающие в синтаксической функции качественного определения или обстоятельственного отношения. Наречия морфологически соотносительны с именами, глаголами, местоимениями и именами числительными» [Виноградов 1972: 272–273].

Цель данной статьи: проследить за симметрией и асимметрией ***пространственных наречий*** в болгарском и русском языках. Ввиду соблюдения требований к объему настоящей статьи, мы ограничимся лексикографическим анализом адвербиальных средств выражения ***локативности***, богато употребляемый в письменной и устной речи.

Пространственные наречия представляют собой основное средство локализации, выражают локативное значение в тесной связи с речевой ситуацией и с позицией говорящего или наблюдателя. Наречия, обозначающие местоположение, отвечают на вопросы *где, откъде, накъде, докъде* (в болгарском языке), *где, куда, откуда* (в русском языке). В болгарском языке для обозначения некоторых общих пространственных отношений исполюзуются следующие именные наречия: *горе, долу, вътре, вън, близо, далече, отляво, отдясно, отсреща, наляво, надясно, насреща, настрана, наоколо* и др.; то же самое значение имеют и наречия, образованные с помощью предлога: *нагоре, догоре, надолу, навътре, отвътре, отвън, отблизо, отдалеч, надалеч* и др. или образованные с помощью двух предлогов: *отзад, назад, напред* и др. Использование пространственных наречий связано с обозначением ***локализатора*** — *близо* / *далече* (болг.), *близко* / *далеко* (рус.) — в зависимости от положения объекта / субъекта (чаще всего это говорящий) в пространстве.

Огромное место в болгарском языке занимают местоименные наречия, которые делятся на: ***указательные***: *тук (тука), там, насам, натам, нататък, оттук, оттам, отсам, оттатък, дотук* и др. — срв.: *здесь, там, тут, туда*; ***вопросительные:*** *къде (где, де), накъде, откъде, отгде (отде), докъде.* срв.: *где, куда, откуда*; ***относительные:*** *където (гдето), накъдето, откъдето (отгдето, отдето), докъдето;* ***неопределительные:*** *някъде (нейде, негде), някъде си (нейде си, негде си), отнякъде, отнякъде си, нанякъде, нанякъде си, донякъде, едикъде, еди-къде си, еди-откъде, еди-откъде си* — срв.: *где-то, откуда-то, куда-либо, как-нибудь, где-нибудь, куда-нибудь, когда-нибудь, кое-где, кое-куда, кое-когда;* ***отрицательные***: *никъде (нигде, нийде), никъде, отникъде (отнигде)* — срв.: *нигде, никуда, негде, некуда, неоткуда;* ***обобщительные***: *всякъде (всъде), отвсякъде (отвсъде), навсякъде (навсъде), къде да е, накъде да е, откъде да е, къде-годе*. В болгарском языке наблюдается высокая словообразувательная активность, а в русском — низкая степень деривации: срв. *тук — оттук, там — оттам, натам* (болг.), в русском используются только *здесь — там*; срв.: *къде — откъде, накъде, закъде, навсякъде, отвсякъде, еди-къде си, къда да е, където и да е, някъде, нанякъде, донякъде, отнякъде* и др. (болг.); *куда — откуда, куда-то, некуда, никуда* (рус.). В болгарском языке четко выражется идея неопределенного пространства. В некоторых из них развивается и второе значение — значение степени — срв.: *Песента му* ***донякъде*** *ми хареса* (выражает степень); *Ще пътувам* ***до някъде*** *с кола, а после ще продължа пеша* (выражает местоположение). Но, например, пространственное наречие *отнякъде* всегда выражает пространственные отношения: срв. *Витоша е близо, но дебне ли спасение* ***отнякъде****...* У нас возникает вопрос: не является ли это явление (сочетание предлог + наречие) в болгарском языке своеобразной компенсацией утраты грамматического локатива?

Болгарский язык, как и русский, располагает системой указательных местоимений и наречий, выражающих субъективную ориентацию в пространстве. Во всех славянских языках дифференцируется указательные наречия по ***статике/динамике:*** срв.: ***Иди*** *сюда*, НО: *Я* ***здесь*** *живу, играю, гуляю* и т.д. В болгарском языке наречия ***тук*** и ***там*** обозначают место, несмотря на положение предмета или его движение в пространстве: *Ела* ***тук****, отивам* ***там****, НО: Аз живея* ***тук****,* ***тук*** *играя,* ***тук*** *се разхождам* и др. (подробнее см. [Ницолова 1984]).

Итак, мы сделали попытку рассмотреть ***адвербиальные средства*** выражения локативности в обеих исследуемых языках, акцентируя на симметрию и асимметрию пространственных отношений. Анализ показывает, что оба языка, как близкородственные, «спрятали» в себе только некоторые общие нюансы пространственной ориентации. В каждом языке есть своя пространственная специфика, которая будет и предметом наших дальнейших изысканий.

Литература

Азизова М. Функционально-семантический подход к исследованию категории локативности в таджикском и английском языках. Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова, 2011. С. 144–155 [URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalno-semanticheskiy-podhod-k-issledovaniyu-kategorii-lokativnosti-v-tadzhikskom-i-angliyskom-yazykah. Дата последнего обращения 28.11.2018].

Бондарко А.В. Локативность // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. Л.: Наука, 1971. С. 5–46.

Бондарко А.В. О грамматике функционально-семантических полей. Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука. Т. 43. 1984. № 6. С. 492–503.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972.

Куцаров И. Очерк по функционално-семантична граматика на българския език. Пловдив: Пловдивский университет им. Пасися Хилендарского, 1985.

Ницолова Р. Прагматичен аспект на изречението в българския книжовен език. София, 1984.

Народные загадки с негацией: сопоставительный аспект

Н.В. Шестеркина

Folk riddles with negation: comparative aspect

Natalya V. Shesterkina

Мордовский государственный университет (Саранск) / Mordovian State University (Saransk)

nvshest@mail.ru

Аннотация. В статье речь идет о парадоксальных русских загадках о *СОЛНЦЕ* и их немецких параллелизмах. Выявлено наличие универсальных и специфических признаков в структуре концептов ‘*солнце* / *Sonne*’.

Ключевые слова: народная загадка, русский и немецкий языки, солнце / Sonne, прием негации, парадоксальность.

Summary. The article says about paradoxical Russian riddles about the *SUN* and their German parallelisms. The presence of universal and specific features in the structure of the concepts ‘солнце / Sonne’ is revealed.

Keywords: folk riddle, Russian and German languages, Sun / Sonne, a method of negation, paradoxicality.

В народных загадках (см.: [Шестеркина 2007; 2010]) часто используется «прием негации объекта обладания при совершении действия, для которого он предназначен» [Волоцкая 1987: 258], характерный для структуры загадок о солнце, например: *Что* ***без крыльев*** *летит и* ***без огня*** *горит?* В загадках модель с предлогом *без* – вариант конструкций с глаголами обладания [Топорова 2002: 183]. Загадки ориентированы на фантазийные ситуации, они выстраивают мир

искаженный, увиденный гиперболизированно. Это – следствие парадоксальности загадки. Привативность предлога *без* рифмуется с энигматической тенденцией к алогизму, поэтому большинство загадок с составом *без*-конструкции строится по логической схеме “Y существует б е з X” (хотя X является необходимым)» [Сурикова 2016: 206], поэтому *без*-конструкции играют в текстах загадок структурообразующую роль.

В парадоксальной загадке *Лежит* ***дерево беспрутое****, на него летит* ***птица бескрылая****, приходит* ***девица безротая*** *и съедает птицу бескрылую* (земля, снег, солнце) трижды встречается отрицание объектов, присущих сакральным сущностям. Земля здесь – мировое древо без кроны. Птица – посредник между небом и землей – в загадке без крыльев. Солнце имеет образ девушки, не имеющей рта, чтобы съесть птицу (снег). Эти действия связаны с чудесами, много раз описанными в сказках и легендах, поэтому солнце – сверхъестественный чудесный образ. Понятие ‘чудо’, как правило, характеризует первотворение как наивысшее достижение демиурга, а сама лексема *чудо* характеризует объект космизированной вселенной [Топорова 2002: 43, 53]. Есть похожая немецкая загадка о птице *без* перьев (она садится на дерево *без* листьев) и о *без*ротой женщине, поедающей птицу: *Es flog ein* ***Vogel federlos*** / *Auf einen* ***Baum blattlos*** / *Da kam die* ***Frau mundlos*** / *Und ass den Vogel federlos* (снег и солнце). В этом варианте более понятен смысл загадки: речь идет о весеннем солнце, деревья еще не покрыты листьями (здесь дерево – тоже земля *без* травы), а птицы еще не оперились. Солнце своим теплом растапливает снег. В немецкой загадке негация передается через суффикс *-los*. В аналогичной загадке вместо женщины действует чудесная дева (весеннее молодое солнце), как в русской загадке – ***девица***: *Kem’n Vagel fäder****los****,* / *flög up’n Boom bläder****los****;* / *kem de* ***Jungfer wundergroß****, hülp den Vagel fäder****los*** / *von den Boom bläder****los*** (снег и солнце). Есть еще самый древний вариант подобной загадки: *Flog Vogel* ***federlos****,* / *sass auf Baum blattlos,* / *kam Frau* ***fusslos****,* / *fing ihn* ***handlos****,* / *briet ihn* ***feuerlos****,* / *frass ihn* ***mundlos*** (снег и солнце). В немецких вариантах у женщины-солнца больше характеристик: это чудесная дева, у нее нет ни ног, ни рук, она жарит птицу без огня и съедает ее, не имея рта. В русском варианте у женщины нет только рук.

«Ущербные» личности из паремий – *немой, слепой, безногий* и т.д. (*der Blinde, Lahme, Nackte, Fußlose*), иногда в форме антропонимов, как в немецком (*Fußlos, Mundlos, Zunglos*) образуют группу «странных» персонажей и являются самыми древними образами. Такие персонажи противоположны многоголовости и многочленности, большинство выступают в сюжетах «Уничтожение через поедание». Их истоки видят в «смеховой культуре», они отражают перевернутый, «изнаночный» мир без общепринятой нормы [Кляус 2000: 97–98]. В русских загадках *руки* и *ноги* – «лидеры отрицания». Активность этой пары имеет высокую функциональность и демонстрацию аномалии через указания на увечья. С такими существами связана загадка *Der* ***Mann****, der* ***handlos und fußlos*** *den* ***blattlosen*** *Baum besteigt, den* ***federlosen*** *Vogel fängt, ihn* ***feuerlos*** *bratet und* ***mundlos*** *verspeist, ist wahr und wirklich, als Sonnenschein*, где роль женщины / девушки играет мужчина. Авторский вариант этой загадки (Hoffman von Fallersleben): *Es kommt der Vogel* ***Federlos*** / *aus hoher Luft gezogen* / *und ist auf Bäumchen* ***Blätterlos****,* / *ganz munter hingeflogen.* / *Da sitzt der Vogel Federlos* / *und fühlt sich recht geborgen* / *und denkt: hier hast du Ruh und Rost…* / *Am andern Morgen hat sich gleich* / ***Frau Mundlos*** *hergeschwungen* / *Und hat den Vogel Federlos* / *Mit Haut und Haar verschlungen…* (под птицей по имени ***Federlos*** подразумевается снег, быстро исчезнувший с деревьев с приходом безротой госпожи ***Mundlos*** – Солнце).

В загадках солнце греет, жжет без огня: ***Без огня горит****, без крыл летит…* (солнце, туча); *Печь не топится, дрова не курятся, а* ***тепло*** (небо, солнце). Немецкая загадка продолжает ряд вопросно-ответных загадок с негацией: *Was* ***ohne Feuer glühe****?* (солнце). В немецкой загадке *Es geht eine Brücke über den Bach*; *…****Kommen zwei*** *die Brücke brechen,* / *Kein Wort nicht sprechen*; / ***Den einen sah man, hört ihn nicht****,* / *Den andern hört man, sah ihn nicht* (лед, солнце, ветер) показаны физические признаки солнца: его можно видеть, оно беззвучно уничтожает лед, или наоборот.

Итак, образ солнца в русских и немецких загадках связан с миротворением. В материале статьи есть параллели: совпадает общее содержание загадки о безротой женщине / девице (в одном немецком варианте загадки женщина оказалась безногой) и о мужчине, беззвучно уничтожающем снег. Для отрицания используются апофатические конструкции. Анализ загадок выявил наличие универсальных и специфичных признаков в структуре концептов ‘*солнце* / *Sonne*’, отражающих универсальность и специфику мифорелигиозного сознания разных лингвокультур.

Литература

Волоцкая З.М. Элементы космоса в фольклорной модели мира // Исследования структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 250–266.

Кляус В.Л. Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении : К постановке проблемы. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000.

Сурикова О.Д. Лексические единицы с приставкой и предлогом без в русских народных говорах и фольклоре: семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты: Дисс. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016.

Топорова Т.В. О древнеисландских космологических загадках как феномене языка и культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Шестеркина Н.В. Структура пропозитивно-ассоциативного фрейма «Солнце» // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ, 2007. С. 158–159.

Шестеркина Н.В. Древнегерманский концепт Солнце: на материале заговорных текстов // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2010. № 10. С. 101–104.

Секция XI.
Особенности поликодовых текстов

К вопросу об особенностях деметафоризации в рекламном дискурсе

Л.П. Амири, Дж. Фоулер

Some peculiarities of demetaphorization in the advertising discourse

Liudmila P. Amiri

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) / Southern State University (Rostov-on-Don)

liudmila.amiri@gmail.com

George H. Fowler

Университет штата Индиана (Индианаполис, США) / Indiana University (Indianapolis, USA)

ghfowler@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обсуждению особенностей феномена деметафоризации в рекламном дискурсе и роли лингвистической единицы согласно ее частеречной характеристики в процессе деметафоризации. Статья демонстрирует особенности деметафоризации как языковой игры и как текстообразующего феномена в рекламном дискурсе.

Ключевые слова: языковые механизмы; рекламный дискурс; языковая игра; деметафоризация, визуализация.

Summary. The article is devoted to the discussion of peculiarities of demetaphorization in advertising discourse and its realization via demetaphorization of the linguistic unit according as a part of speech. The paper demonstrate peculiarities of demetaphorization as a language play and a text-forming phenomenon in the advertising discourse.

Keywords. language mechanisms; advertising discourse; language play; demetaphorization, visualization.

Актульность работы обусловлена неиссякаемым исследовательским интересом к анализу визуального компонента рекламного текста. Многообразие рекламы делает поставленную цель достаточно интересной и многогранной.

Средства визуальной актуализации могут быть рассмотрены как графосемантическая разновидность языковой игры в креолизованных текстах рекламной коммуникации в широком смысле слова [Амири 2013] с различных исследовательских позиций. В задачу современного исследователя рекламы входит как скурпулезный, детальный анализ, так и реконструкция общей механики интерпретации текста. Интерпретация рекламного текста – это инструмент, помогающий интерпретировать смысл сообщения, и сам объект.

Деметафоризация используется как игровой прием и является ресурсом манипулирования аудиторией, что во многом обусловлено характером современной коммуникации, ср.: «иллюстрирование ныне все шире становится элементом текстообразования» [Березин 2003: 162].

В целом можно выделить четыре типа текстовой сочетаемости: сочетание нейтрального вербального ряда и неэтичного визуального ряда; сочетание неэтичного вербального ряда и нейтрального вербального ряда; оба негомогенных компонента нейтральны; оба негомогенных компонента неэтичны.

Эффект конгруэнтности или неконгруэнтности часто возникает в результате этического отторжения, вызванного именно эмоциональным вопсприятием сочетания негомоненных компонентов или одним из компонентов в частности, или обеими по отдельности.

Как показывает анализ примеров, имеющихся в нашем распоряжении, процессс деметафоризации имеет ряд особенностей. Так, например, чаще всего он применим к многозначным словам и позволяет выполнить сразу ряд задач: минимизировать количество слов в рекламном тексте, сохранив при этом его экспрессивность и смысловую насыщенность.

Изображение в рекламном тексте выступает не только объектом толкования, но и ключом к пониманию механизма интепретации рекламного текста. Дуальность творимого им смысла рекламного сообщения, делает текст более емким, и главное эмоционально насыщенным. В современном мире игра с эмоциями также является инструментом продаж.

Что касается пошаговой интерпретации рекламного текста, то визуальный компонент позволяет потребителю – участнику одностороннего коммуникативного акта: 1) декодировать языковую игры и достаточно быстро понять суть рекламного текста; 2) эмоционально воспринять и прочувствовать ту или иную рекламу.

Еще одной интересной особенностью процесса создания деметафоризации в рекламе является то, что в качестве основы для такого являния часто берутся именно глаголы, ср.: *ЕСТЬ ЧТО ВСТАВИТЬ! Купи ноутбук – флэш-карта в подарок!* (реклама магазина электроники «Ноутбум»), *ИКЕА Везет кому-то!* (реклама сервиса доставки «ИКЕА»). При этом процесс деметафоризации глагола удачно сочетается с рядом других особенностей игры, например, с столкновением прямого и косвенного значений слов: *Прогнусь под вас!* (реклама стула «Поэнг» от «ИКЕА»), одно из которых может быть просторечным, например: *В мире много хороших людей. Открытых и честных, но и они иногда заливают. Доступное страхование имущества* (реклама страховой компании «Ингострах»). Как мы видим, текстовая реальность актуализируется и интенсифицируется за счет визуального сопровождения рекламного текста.

Анализ механизма деметафоризации как феномена языковой игры в очередной раз демонстрирует, что легче приспособить имеющиеся в нашем распоряжения языковые единицы, модифицировав их в соответствии с нашими целями, кроме того важными фактами популяризации явления деметафоризации являются: законченность истории в одной картинке за счет ее сопровождения текстом и массовость воздействия на потребителя.

Несмотря на все вышесказанное, вопрос изучения феномена деметафоризации остается открытым, что оставляет пространство и для последующего более подробного анализа частеречной особенности данного языкового механизма.

Литература

Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллективная монография / Отв. ред. и сост. Н.В. Аниськина, Л.В. Ухова. Ярославль: ЯРГПУ им. К.Д. Ушинского, 2014.

Амири Л.П. Средства визуальной актуализации как графосемантическая разновидность языковой игры в креолизованных текстах рекламной коммуникации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. № 2. С. 30–36.

Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М.: РИП-холдинг, 2003.

Невербальное как компонент вербального в рекламном тексте

В.Ц. Бонджолова

The non-verbal as a component of the verbal in advertising text

V.Ts. Bondzholova

Великотырновский университет имени свв. Кирилла и Мефодия (Болгария) / St. Cyril and st. Methodius university of Veliko Tarnovo (Bulgaria)
v.bondjolova@ts.uni-vt.bg

Аннотация. На базе печатных рекламных текстов в докладе рассмотрены и проанализированы разнообразные графические трансформации, при помощи которых невербальные элементы становятся компонентом вербального.

Ключевые слова: рекламный текст, невербальный компонент, параграфемика, графические окказионализмы.

Summary. On the basis of printed advertising texts this report examines and analyzes diverse graphic transformations through which non-verbal elements turn into a component of the verbal.

Keywords: advertising text, non-verbal component, paragraphemics, graphic occasionalisms.

Одна из основных задач современной рекламы – найти и применить разнородные средства привлечения и удержания внимания читателей. Среди них выделяются различные графические трансформации вербального компонента текста. Они провоцируют реципиента поменять позицию читателя и проявить себя равноправным партнером, способным раскрыть все игровые проявления.

Печатную рекламу можно рассматривать как вербально-визуальную, поскольку ее текст включает в себя два основных компонента – визуальный ряд и вербальный ряд, состоящие в сложных отношениях друг с другом. Тот факт, что слово, написанное различным способом, в новом графическом оформлении, обладает различным значением и вызывает нетрадиционные ассоциации, является основной причиной того, что мы рассматриваем графические преобразования в лексических единицах как своеобразный способ словообразования в окказиональном словотворчестве (графическое словообразование). Путем такого изменения конкретная единица превращается в многослойный знак нового вида.

Графические окказионализмы являются одной из характерных особенностей современной рекламы и специфическим средством достижения экспрессивности путем невербальных изменений в языковых единицах. В результате многолетних наблюдений за болгарскими рекламными текстами нам удалось установить, что графические окказионализмы чрезвычайно разнообразны по используемым средствам и способу конструирования: это смешение прописных и строчных букв, иноязычные графемы, знаки препинания и иные знаки графического оформления текста, символы и изображения (фонограммы, смайлики, цифры, нетрадиционно оформленные графемы), картинные элементы, денежные символы, цветовыделение и шрифт, нелинейные средства, сокращения, комбинирование символов [Бонджолова 2007: 143–176]. Исследования русских рекламных текстов показывают, что активно употребляются те же языковые и невербальные средства. Анализируя паралингвистические явления в рекламе, Л. Амири отмечает использование математических знаков, физических символов, денежных символов, знаков препинания, интернет-символов, зачеркиваний, исправлений, символа «смайлик», перевернутых букв, слияний, вставок [Амири 2013: 71–75].

Используемая система графических элементов называется параграфемикой, и в ней выделяются три группы параграфемных элементов: синграфемика, супраграфемика и топографемика. Синграфемика связана с возможностями варьирования знаков препинания, супраграфемика – с механизмами шрифтового варьирования, а топографемика – с варьированием плоскости и пространства как синтагматическое проявление [3: 120–126]. К указанным в качестве нового явления можем добавить т.наз. пиктографемику – замену одной или нескольких букв или слов изображением. Включение невербальных средств в текстовые фрагменты вызывает разнообразные ассоциации. Располагаясь в одном ряду, они демонстрируют новый вид связанности и усложняют рекламный текст. Здесь отметим лишь некоторые особенности.

Во-первых, это трансформация шрифтового и цветового оформления графем так, чтобы представить реципиенту дополнительный образ. Например, в рекламах мультивитаминов для детей «Марсиане» в верхней части некоторых букв добавлены антенночки. Это обусловлено названием продукта и укоренившимся, почти стереотипным представлением о инопланетянах, являющихся и рекламными лицами. А в названии журнала «Моя собачка» внутри двух букв *О* размещены следы собачьих лапок с целью продублировать значение имени существительного. Буквы дополняются элементами, нагружающими их ассоциативно и привносящими дополнительное значение в связи с сформировавшимся образом, при этом некоторые из изменений могут обладать этноспецифическим характером.

Во-вторых, следует отметить замену букв изображениями. Обычно расчет строится на сходстве в форме буквы и заменяющего ее образа, но это не обязательно, поскольку используется наша способность прочитать текст, даже если не все буквы находятся на своих местах. Например, в рекламах, связанных с Парижем, вместо буквы «А» ставят изображение Эйфелевой башни по сложившейся ассоциации. Такой подход уместен и в случаях, когда соответствующий объект не обладает эстетическими качествами, из-за которых его стоило бы изобразить. В рекламе Sibklemma «К***О***НТАКТ под каждым капотом» букву ***О*** заменяет изображение клеммы. Мы читаем изображение как знак, который заменен им, а эффект его присутствия в необычной роли неоспорим.

На третьем месте следует рассмотреть замену слова изображением. Например: *I love you*, где вместо ***love*** регулярно появляется изображение сердца, приводит к созданию схемы. В рекламе Mercedes-Benz SLK-Classe позицию сердца занимает снимок кабриолета. В рекламе «Мы ♥ когда вам тепло» (Columbia) от конструкции осталось сердце, воспринимаемое как форму глагола «любить», а останальные компоненты меняются в зависимости от конкретной кампании. Включение невербальных элементов в вербальный ряд заставляет нас посмотреть по-новому на словотворческие и текстовые возможности графики.

Игра с графикой предоставляет вербальному компоненту новые возможности, позволяя ему варьировать необычным образом и превратиться в элемент визуального, т.к. изображения становятся частью слов. Случаи наложения вербального и невербального не предназначены для произнесения, а лишь для визуального восприятия. Они значимы, потому что вербальный ряд, включающий и невербальные компоненты, повышает информативно-экспрессивный потенциал рекламного текста.

Литература

Бонджолова В.Б. (Не)съществуващи думи: оказионалното словотворчество. Велико Търново: УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 2007.

Амири Л.П. Параграфемные средства языковой игры как паралингвистические реалии в рекламной коммуникации. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2 (12), 2013. С. 69–76.

Дзякович Е.В. Возможности пунктуации и параграфемики в современной печатной рекламе // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М., 2001. С. 120–126.

Взаимодействие семантики вербальных и невербальных компонентов «Азбуки в картинах» А.Н. Бенуа

Е.Н. Борюшкина

The interaction of the verbal and nonverbal components of «The Alphabet book in pictures» A.N. Benoit

Ekaterina N. Boryushkina

Московский городской педагогический университет / Moscow city pedagogical University

chernyj_drozd@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию лексики «Азбуки в картинах» А.Н. Бенуа. Слова и иллюстрации вступают в книге в особые отношения: картины дополняют и уточняют значение слов, наделяя их любопытными фоновыми семами, интереснейшими культурными коннотаций.

Summary. The article is devoted to the study of the vocabulary «The Alphabet book in pictures» A.N. Benoit. Words and illustrations come into a special relationship in the book: the paintings complement and clarify the meaning of words, giving them a curious background semes, interesting cultural connotations.

Ключевые слова: азбука, семантика, Бенуа, лексика, иллюстрации, семный анализ, концептуальный анализ, тематическая группа.

Keywords: Alphabet book, semantics, Benois, vocabulary, illustrations, seminal analysis, conceptual analysis, thematic group.

Избираемые для азбуки лексемы являются культурно значимыми словами, концептам. «Собственно лексический концепт разворачивается в истории, его содержательные формы могут изучаться при помощи лексической семасиологии» [Алексеев 2015: 88]. По лексикону азбук можно судить о картине мира учеников того времени, начала XX века.

Поскольку А.Н. Бенуа полностью принадлежит авторство «Азбуки в картинах» (1904 г.) (он выступает здесь и как создатель замысла, и как художник, и как оформитель, и лично подбирает слова к ней), то книга получилась концептуально целостной.

Перед нами стояла задача описать тематические группы «Азбуки». Эта работа оказывается совсем не легкой по следующей причине. Зачастую невозможно объединить слова на основании интегральных сем, как мы привыкли это делать. К примеру, объединить слова *экипаж* и *ѣзда* на основании семы ‘передвижение’, *городъ* и *улица* (‘место жизни’) и т.д. Не позволяют это сделать иллюстрации, которые необычным образом дополняют содержание слов, наделяя их любопытными фоновыми семами, интереснейшими культурными коннотаций. Так, *экипаж* изображается запряженным пятеркой сверчков, в нем едут эльфы. Поэтому логичнее объединить его с другими словами, обозначающими сказочные реалии – *Бабой-Ягой, волшебникомъ, великаномъ* и подобными. *Городъ* изображен игрушечным, сложенным из кубиков и населенным солдатиками, его логичнее объединить с другими словами, содержащими те же фоновые семы ‘игра, игрушка’. Также пришлось поступить с лексемой *генералъ*, т.к. он изображен в образе мальчика на конекачалке, вооруженном игрушечной саблей.

Объединение в тематические группы лексем «Азбуки в картинах» А.Н. Бенуа следует производить, принимая во внимание, в первую очередь, фоновые семы, культурные коннотации, заложенные автором в иллюстрации книги. Отбор слов «Азбуки» А.Н. Бенуа производился именно на основании их концептуальной значимости. Книга А.Н. Бенуа – это собрание ключевых концептов, можно сказать, своеобразный обряд инициации. Она вводит читателя в культуру Серебряного века и, уже, «Мира искусства», особого направления искусства и культуры, идеологом и основателем которого являлся А.Н. Бенуа.

«Азбуке» свойственно романтическое двоемирие (сами сюжеты делятся на два вида и чередуются: детские сценки реальной жизни и фантастические, сказочные, легендарные сюжеты.

Еще одна особенность «Азбуки»: ее сюжеты часто пугают и устрашают (дети прячутся от Бабы-Яги; ведьма заманивает брата с сестрой в пряничный домик, свирепствует ураган, дымится чудовище в театральном действии, происходит поединок с драконом и проч.). Вероятно, здесь также нужно видеть романтическую идею: мужественный характер, героический дух раскрываются и проверяются в экстремальных условиях. Увлечение экзотикой и стариной, исторической и легендарной, – важные особенности «Азбуки в картинах» А.Н. Бенуа.

Все лексемы «Азбуки» содержат фоновую сему ‘детство’, ориентируясь на нее, и производится отбор слов автором. Слова «Азбуки» должны быть интересны ребенку, должны ассоциироваться с детством, с теми увлечениями и интересами, которые развиваются в эту пору взросления. «Азбука» ориентирована, в первую очередь, на мальчишескую аудиторию (юнга, рыцари, индейцы и прочие именно мальчишеские мечты и игры пестрят на страницах книги).

Одновременно «Азбука в картинах» является и полноправным художественным произведением, и нестандартным методическим пособием: буквы соединяются с образами, словно врезающимися в память ученика, так они интересны и захватывающи. Одновременно с этим происходит погружение в культуру, передача особого мировосприятия, свойственного автору – А.Н. Бенуа. В традициях русской культуры XIX века с его порядком домашнего воспитания у учеников формируется концептуальная картина мира, во главу которой встает образ семьи, где «окружающая среда, природа местности, образ Дома становятся устойчивыми сюжетными элементами» [Кудряшова 2011: 31].

Литература

Алексеев А.В. Лексикологические аспекты изучения концептов // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. языковое образование. 2015. № 3(19). С.83–86.

Кудряшова А.А. Способы создания обаза семьи в автобиографической прозе М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник угроведения. 2011. № 4 (7). С. 28–33.

Лингвистические особенности текстов графических рассказов Н. Олейникова про Макара Свирепого: способы взаимодействия визуального и вербального рядов

А.А. Брыкова

Linguistic Characteristics of Graphic Stories about Makar the Furious by N. Olejnikov: the way of cooperation of visual and verbal parts of story

Aleksandra A. Brykova

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна / Higher School of Printing and Media Technologies of Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

kakoslik88@yandex.ru

Аннотация. Доклад посвящен исследованию лингвистических особенностей текстов графических рассказов про Макара Свирепого, выходивших в журнале «Еж» в 20-е – 30-е годы прошлого века, показано, как усложнение сюжета и визуального ряда ведет к лексическому и синтаксическому усложнению вербального ряда, выполняющего не только традиционные функции хронологического развертывания и обеспечения сюжетной динамики, но и компенсирующую и идентифицирующую, а также эстетическую и идеологическую функции.

Ключевые слова: графический рассказ, Макар Свирепый, Н. Олейников, компенсирующая функция, функция идентификации.

Summary. The report discusses linguistic characteristics of graphic stories about Makar the Furious published in «Yozh» (1920th – 1930th), demonstrates that the complication of the plot and the visual part of stories causes the complication, syntactic and lexical, of the verbal part which helps the stories to be more chronologically stable and dynamic and carries out compensating, identifying and ideological functions.

Keywords: graphic story, Makar the Furious, N. Olejnikov, compensating function, identifying function.

«Приключения Макара Свирепового» – серия рассказов, печатавшихся в журнале «Еж» с конца 1920-х по начало 1930-х годов и представлявших собой описания похождений храброго Макара – одного из гипертекстовых персонажей журнала. Прототипом Макара и автором текстов рассказов выступал Николай Олейников, одно время являвшийся еще и редактором журнала «Еж».

Рассчитанные на читателей старшего школьного возраста и затрагивающие сложные социальные вопросы (Макар Свирепый борется с фашизмом и ку-клус-кланом), исследуемые рассказы обнаруживают значительное усложнение структуры вербального и визуального рядов и принципов их взаимодействия, по сравнению с графическими рассказами для детей младшего возраста (например, рассказами «Чижа» и «Сверчка», выходивших в 30-е годы XX века).

Анализ показывает, что рассказы про Макара Свирепого характеризуются увеличением количества визуальных составляющих – картинок в рассказе и элементов внутри отдельно взятого изображения, что делало необходимым разбиение рассказа на части и разнесение их по разным номерам журнала. Это повышало значимость связующих элементов, в качестве которых выступали фразы, вынесенные за пределы основного текста (*Продолжение следует.*) и сюжетные маркеры, указывающие на вход и выход из ситуации рассказывания: *Было это в марте* (1930, 13).

Отличительной чертой взаимодействия вербального и визуального рядов графических рассказов про Макара Свирепого является то, что текст соотносится не с одним отдельно взятым изображением, а с двумя-тремя изображениями в горизонтальном ряду: синтаксически состав текстового отрезка может варьироваться по количеству предложений и набору предикатов – допускаются простые и сложные предложения, в том числе многокомпонентные с разными видами связи: *Его* [Макара Свирепого. – *А.Б.*] *обнимали, целовали, тискали, качали – ведь только подумать, сколько опасностей угрожало жизни нашего друга!* (1930, 24). Объединение нескольких изображений текстом усложняло процесс восприятия графического рассказа, так как такая структура не предполагала однозначной связи между текстом и картинкой (на визуальном уровне), в силу чего текст и серия изображений были относительно автономны, а читателю-ребенку приходилось прикладывать усилия для того, чтобы соотнести отдельные элементы визуального и вербального рядов. При этом текст, значительно более сложный с синтаксической и лексической точек зрения, был необходим для целостного восприятия рассказа, так как выполнял ряд структурных и идеологических функций.

Текст обеспечивал хронологическое развертывание и компенсировал ограниченность визуального ряда за счет заполнения сюжетных лакун, что достигалось путем использования временных детерминантов – наречий времени, маркирующих сюжетные точки (в первую очередь слово *вдруг*), указаний на конкретные даты: ***11 августа*** *пароход «Смольный» причалил к Ленинградской пристани* (1930, 24). Особую значимость приобретали предложно-падежные сочетания, указывающие на смену событий или длительность какого-то действия, и сочинительные союзы, которые выносились в начало предложения: ***Через минуту*** *связанные сыщик лежал на полу и мычал <...>.* ***А*** *Макар Свирепый в очках и цилиндре спокойно вышел из каюты* (1930, 4).

Сюжетные лакуны заполнялись глагольными предикативными группами: изображение, в большинстве случаев, фиксировало только значимый сюжетный узел, представляя собой своего рода кадр в крайней точке «наибольшего напряжения», в то время как текст обеспечивал непрерывность повествования за счет глагольных однородных членов и деепричастных оборотов, которые позволяли ранжировать действия по значимости: ***Проходя мимо шуцмана****, Макар* ***не удержался*** *и громко* ***чихнул*** (1930, 17–18).

Текст исследуемых рассказов выполнял и идентифицирующую функцию, так как усложнение сюжета предполагало увеличения количества действующих лиц рассказа. Активное использование существительных классифицирующей семантики (слов тематической группы «Профессия») с уточняющими определениями и определительными придаточными помогали читателю-ребенку ориентироваться в сюжете и обеспечивали более прочную связь визуального и вербального рядов: *Вдруг Макар заметил* ***парикмахера****,* ***который расставлял на витрине разные парики*** (Там же).

Активно использовались интенсификаторы, оценочные и экспрессивные слова, среди которых особое место занимали глаголы звучания: *Он* [Макар Свирепый. – *А.Б.*] *дернул руль в последний раз, но в эту минуту* ***страшный треск оглушил*** *его*» (1930, 22–23); *Уже* ***целый*** *отряд шуцманов гнался за* ***отважным*** *Макаром* (1930, 4). Подобные лексемы позволяли добавить статичному «немому» изображению напряженности и динамики, в то время как оценочные прилагательные давали возможность сформировать образы главных персонажей и отношение к ним читателей-детей в соответствии с представлениями о положительных и отрицательных героях, бытовавших в советской детской литературе и публицистике того времени.

Литература

Еж: Ежемесячный журнал для детей младшего школьного возраста. 1928–1935.

Невербальные акцентуаторы в телевизионном поликодовом тексте (на материале социально-политических ток-шоу)

Ю.С. Волкова

Nonverbal means of accentuation in a polycode television text (based on political TV talk shows)

Yulia S. Volkova

Пермский государственный национальный исследовательский университет / Perm State University

yu.wlkw@gmail.com

Аннотация. В докладе охарактеризованы невербальные средства, выполняющие роль акцентуаторов в политическом телеэфире. Установлено, что в большинстве случаев они дублируют и усиливают вербальные знаки, реализующие функцию смыслового выделения фрагментов высказывания или текста.

Ключевые слова: функциональная семантико-стилистическая категория, акцентность, невербальная коммуникация.

Summary. The article describes non-verbal means that serve as an emphasis on political TV shows. It has been established that in most cases they duplicate and strengthen verbal signs that semantically accentuate the fragments of a statement or a text.

Keywords: functional semantic-stylistic category, accentuation, non-verbal communication.

Каждая политическая телепередача имеет определенный замысел, предполагающий трансляцию того или иного идеологического смысла. Этот идеологический смысл задается выступлением ведущего и в дальнейшем неоднократно повторяется в разных вариациях на протяжении всей телепрограммы (или блока телепередач, объединенных одной темой). В речи выступающих фрагменты, выражающие некоторую идеологическую позицию, насыщены различными средствами акцентности.

Категория акцентности рассматривается нами как система акцентуаторов (вербальных и невербальных средств), реализующих в определенной группе текстов (в текстах некоторой сферы общения) единую коммуникативную целеустановку, а именно функцию подчеркивания важных с точки зрения говорящего моментов содержания и обеспечения взаимопонимания общающихся. В роли акцентуаторов могут выступать разнообразные коммуникативные средства, вплоть до единиц невербальной коммуникации, в частности паралингвистических и кинесических средств. Что же касается таких параметров невербального общения, как зрительный контакт, пространственная и временная организация коммуникации, тактильное взаимодействие, то в роли акцентирующих средств они отражены в значительно меньшей степени.

В невербальном поведении участников политических телепрограмм встречаются практически все паралингвистические средства, связанные с изменением одного или нескольких параметров голоса. При этом речь коммуникантов часто прерывается паузами хезитации. Активно используются ритмические жестовые ударения, многие иллюстрирующие жесты (чаще всего дейктические, пространственные, временные маркеры) и эмблематические жесты. Однако из всего многообразия невербальных средств лишь малая часть может реализовать в определенном контексте функцию смыслового выделения фрагментов высказывания.

Среди паралингвистических средств акцентности наиболее значимыми являются изменения громкости голоса, темпа речи, тона, паузация и интонационная экспрессия. Указанные средства могут как создавать логическое ударение, так и привносить дополнительные эмоциональные смыслы, которые усиливают выделенную иными вербальными и невербальными средствами информацию и позволяют слушателю правильно интерпретировать содержание высказывания.

К важнейшим кинесическим акцентуаторам принадлежат движения головы и рук, а также мимические жесты. Они могут реализовать не только функцию непосредственно выделения, но и усиления смысла. Кроме того, жесты нередко способствуют выражению дополнительных имплицитных смыслов и созданию экспрессии. С учетом этого по семантическому основанию было выделено пять основных групп жестов: жесты, усиливающие логическое ударение; жесты, выделяющие тему сообщения; жесты, выражающие противопоставление и другие логические операции (сопоставление, перечисление, отрицание); жесты, привлекающие внимание к сообщаемому; жесты, иллюстрирующие сообщаемую информацию. Роль мимических движений, обычно отражающих определенное эмоциональное состояние, заключается в том, что, демонстрируя его, говорящий усиливает акцент, выраженный иными способами.

Важно отметить, что невербальные акцентуаторы крайне редко употребляются отдельно от вербальных. Причем обычно невербальные средства лишь усиливают акцент, создаваемый языковыми единицами, или привносят дополнительные смыслы, позволяющие адресату правильно трактовать полученную информацию. Поэтому в целом невербальные средства занимают периферийное место в полевой структуре единиц функциональной семантико-стилистической категории акцентности. Однако без анализа функционирования этих средств описание взаимодействия коммуникантов, отраженного в поликодовом тексте, не может считаться полным.

Специфика взаимодействия вербального и невербального компонентов в поликодовых текстах

Н.С. Громова

Specificity of verbal and nonverbal components interaction in polycode texts

Natalia S. Gromova

Уральский институт коммерции и права (Екатеринбург) / Ural Institute of Commerce and law (Ekaterinburg)

gromovans@mail.ru

Аннотация. Анализируются три степени креолизации текста, влияющих на взаимосвязь вербального и невербального компонентов в зависимости от характеристик поликодового текста.

Ключевые слова: поликодовый текст, креолизованный текст, креолизация, вербальный, невербальный.

Summary. Three degrees of text creolization are analyzed that affect the relationship between verbal and nonverbal components depending on the characteristics of the polycode text.

Keywords: polycode text, creolized text, creolization, verbal, non-verbal.

Поликодовые, иначе называемые креолизованными, тексты представляются неотъемлемым элементом современной многоканальной коммуникации. Такие тексты характеризуются как «сложное текстовое образование, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое»

[Анисимова 1992]. Иначе говоря, текст является сложным, позволяющим визуализировать передаваемую информацию, а также, в зависимости от авторской задачи, перевести ее в динамическое поле. Сочетание знаков разных семиотических систем создает синергетический эффект, формируя дополнительное поле смыслов при восприятии сложно организованного текста.

В процессе анализа интерпретативного потенциала поликодовых сообщений особую роль играет степень корреляции вербальных и невербальных элементов текста. Жанровые особенности таких текстов и специфика их организации во многом воздействуют на вариативность корреляции: от автосемантической до синсемантической. Так, одни виды поликодовых текстов формируют приоритет вербального компонента, другие же способствуют актуализации невербального, третьи позволяют понять заложенный смысл только при взаимодействии первого и второго. Суггестивные же характеристики поликодового текста определяются типом самого текста, реализуемой авторской задачей, когнитивными возможностями адресата и др. факторами.

Таким образом, можем выделить ряд преобладающих схем взаимодействия вербальных и невербальных компонентов в составе поликодового текста.

Минимальная степень креолизации: за каждым элементом закрепляется свой смысл, который не меняется вне зависимости от наличия или присутствия второго компонента. Можно сказать, что автор, создавая такой текст, не преследовал своей целью создание единого «произведения», он просто объединил несколько самостоятельных текстов вербального и невербального характера. При этом большинству адресатов будет достаточно ознакомиться только с одним компонентом, чтобы реализовать свою информационную потребность. Сюда можно отнести формально паралингвистически активные тексты.

Средняя степень креолизации может быть представлена 4 видами.

1. Ситуационная: оба элемента существуют самостоятельно, каждый несет свою часть общего смысла, и в совокупности компонентов задача автора реализуется более полноценно. Так, например, сочетание словесной части и иллюстрации (картинки, схемы, таблицы, фото, аудио) в учебном или презентационном материале позволяет более наглядно представить материал. Нельзя сказать, что иллюстрация обязательна, даже если ее не будет, автор сможет донести нужный смысл, но восприятие адресатом будет иным. Такой вариант чаще можно встретить в информационных текстах.

2. Функциональная: каждый элемент выполняет собственную функцию, формируя контекст восприятия текста в целом. Условно можем говорить о делении информации на рациональную и эмоциональную, первая чаще представлена вербально, вторая – невербально. Такой принцип используется в персуазивных текстах, например, в агитационном плакате, где изображение создает необходимую модальность для восприятия лозунга.

3. Культурно-социальная: один или оба элемента выступают в качестве прецедентного феномена, отсылая адресата к казуально детерминированному дискурсивному полю. Без знакомства с прецедентом адресат не поймет целостный смысл текста и может вообще не интерпретировать его как единый. К этой группе можно отнести идиоматические выражения, мемы и т.п.

4. Абсорбирующая: один из элементов поглощает другой. Общий синергетический эффект состоит в том, что один компонент формирует фон для восприятия второго элемента. Например, если в серии демотиваторов ретранслируемой частью выступает изображение, а вариативной только подпись к нему, то адресат при знакомстве с каждым следующим демотиватором перестает обращать внимание на изображение, значимой будет только вербальная часть.

Максимальная степень креолизации: оба элемента являются неотъемлемыми частями текста как содержательно, так и композиционно, изъятие одного приводит к изменению или исчезновению смысла в целом. Такой вариант чаще встречается в текстах комплексного многоуровневого воздействия на адресата, когда содержательная часть неотделима от эмоционального восприятия. Примером могут служить художественные фильмы, музыкальные клипы, рекламные ролики и пр. тексты, объединяющие визуальные, аудиальные, кинестетические способы воздействия.

Таким образом, взаимодействие вербального и невербального компонентов в поликодовом (креолизованном) тексте представляется обусловленным спецификой текста и зависит от интенций автора, особенностей восприятия адресатом и сложившимся социально-культурным контекстом.

Литература

Анисимова Е.Е. Прагмалингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71–79.

Рязанова А.Ю. Вербальные и невербальные компоненты новостного комикса как поликодового журналистского текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 1. С. 157–160.

Удод Д.А. Креолизованный текст как особый вид паралингвистически активного текста // Современная филология: материалы II междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). Уфа: Лето, 2013. С. 97–99.

Чижикова С.Н. Вербальные и невербальные компоненты в креолизованных текстах (на примере мультимедийных презентаций). [Электронный ресурс. URL: http://e-koncept.ru/2016/76093.htm. Дата последнего обращения: 30.11.2018].

Функции слова в поликодовом тексте

Н.В. Данилевская

The function of the word in the text polycodium

Nataliya V. Danilevskaya

Пермский государственный национальный исследовательский университет / Perm state national research University

danil6@mail.ru

Аннотация. Поликодовость – главный принцип организации рекламного текста. Взаимодействие в одном тексте элементов разных семиотических систем бросается в глаза, быстро запоминается, а значит, достигает рекламной цели. Однако слову в этом «семиотическом переплетении» принадлежит ведущая роль. На примере анализа печатных текстов автомобильной рекламы обосновывается тезис о том, что слоган, как единственный вербальный компонент текста, выполняет центральную функцию, выступает в качестве аргументативного ядра всего полисемиотического единства.

Ключевые слова: поликодовый текст, автомобильная реклама, слово, слоган, функция вербального плана рекламы.

Summary. Polycode – the main principle of the organization of the advertising text. Interaction in one text of elements of different semiotic systems is evident, quickly remembered, and therefore reaches the advertising purpose. However, the word in this “semiotic entanglement” has a leading role. On the example of the analysis of printed texts of automobile advertising, the thesis that the slogan, as the only verbal component of the text, performs a Central function, acts as the argumentative core of all polysemiotic unity.

Keywords: policeguy text, automotive advertising, word, a slogan, a function of verbal advertising plan.

Поликодовый текст, как известно, есть взаимодействие на одной общей текстовой плоскости кодов разных семиотических систем, если под кодом, вслед за В.Е. Чернявской, понимать «систему условных обозначений, символов, знаков и

правил их комбинации между собой для передачи, обработки и хранения (запоминания) информации в наиболее приспособленном для этого виде» [Чернявская 2004: 117].

Преимущество гетерогенной организации текста в том, что в этом случае учитываются особенности воздействия на психику человека магии сочетания звука, цвета, изображения, графики и слова. В рекламной деятельности поликодовый принцип организации текста выступает в качестве **механизма текстообразования**.

Сочетание разнородных элементов в рекламном тексте создает особые сложности для рекламистов. Не случайно в одной из своих работ Е.А. Песоцкий сравнивает рекламу одновременно и с искусством, и с наукой, ср.: «реклама – наука творческая, бурно развивающаяся, много экспериментирующая, постоянно рождающая новые нестандартные методы и формы» [Песоцкий 2003: 193].

Взаимодействие в одном тексте элементов разных семиотических систем действительно затрагивает, запоминается, а значит, достигает цели. Сегодня именно поликодовость является матрицей формально–содержательной организации и одновременно условием успешного функционирования рекламных текстов.

Вместе с тем возникает вопрос о месте и роли вербальной составляющей в этом разнородном единстве. Как показывают наши наблюдения над печатным вариантом авторекламы, главное место в ее поликодовой структуре – какими бы неязыковыми компонентами она ни была насыщена – занимает все-таки вербальный план, т.е. слово, без которого любые неязыковые символы и средства остаются неясными, незавершенными, неоднозначными, что противоречит самой сути рекламы как деятельности.

Слоган является здесь своего рода *квинтэссенцией полисемиотики*: как бы прошивает смысловой нитью разные семиотические поля текста (оттенки цвета, графику, объем, линии рисунка), делая их элементами единого общего сообщения, придавая ему законченность, понятность, осмысленность.

Рассмотрим сказанное на примере конкретных текстов авторекламы.

Первый пример – реклама с официального сайта «Audi в России». Вербальная часть текста здесь минимальна, всего 4 слова: название марки и ее характеристика – *Audi A 1. Самый дерзкий*. Остальную информацию об автомобиле несет невербальная часть текста, представляющая собой мультимедийный (компьютерный) коллаж: изображение машины, вокруг которой вращаются городские небоскребы. Вербальная характеристика автомобиля соответствует его графическому представлению: автомобиль потому дерзкий, что ездит настолько быстро, что городские улицы «закручиваются» вокруг него колесом. Кроме того, важна превосходная степень формы прилагательного – *самый дерзкий*, – с помощью которой авторы рекламы выделяют данный автомобиль среди других марок как самый быстрый. Интересно здесь и сочетание цветов: красный, белый и несколько оттенков серого создают ощущение, с одной стороны, аскетичности и строгости, с другой – подчеркивают создаваемый рекламодателями для этой модели образ силы и мужественности. В целом, сочетание графики, оттенков цвета, слов и цифр обыгрывает еще и, как нам кажется, идею всемирно известного соревнования «Формула 1» – борьбы автомобильных гонщиков за право носить звание «Лучший в мире».

Другой пример – реклама с официального сайта «BMW в России». И здесь вербальный текст занимает незначительное место, основную информацию несет невербальный (мультимедийный) текст. Сочетание серо-бело-голубых оттенков и прямых графических линий невербального текста дает ощущение скорости, стремительности, объема: автомобиль изображен внутри узкого, замкнутого пространства, как бы внутри водяного потока, который, благодаря умело организованной графике, наполнен внутренней динамикой и воспринимается адресатом как бескрайняя сила, устремленная в простор. Все это создает ощущение силы движения, безграничности физических возможностей машины и ее красоты, элегантности. Мультимедийное изображение сопровождает слоган *Встречаем новую акулу бизнеса.*

Как видно, именно поликодовый характер рассмотренных рекламных текстов усиливает их мотивационные возможности, образно говоря, бьет не в бровь, а в глаз адресата. Однако в этом калейдоскопе цвета и графики вербальному плану принадлежит особое место, на наш взгляд, центральное, определяющее смысл и назначение всех цветографических изысков рекламодателя. Рассмотрим это подробнее.

В первой рекламе без вербального плана (слогана) *Самый дерзкий* вся полисемиотика визуального сообщения не стала бы текстом: изображение машины на фоне искривленных домов оказалось бы непонятным. То же самое следует сказать о втором тексте: слоган *Встречаем новую акулу бизнеса* актуализирует и объясняет смысл цвето-графического исполнения рекламы, потому что убегающие вдаль серо-голубые линии и сам прорыв автомобиля на передний план изображения из стремительно уходящего назад узкого пространства воспринимаются как нечто действительно похожее на вырывающуюся из водной стихии акулу только благодаря смыслу, заключенному в слогане. Без вербального слогана красивое изображение машины осталось бы просто яркой картинкой, мало о чем говорящей.

Следовательно, именно слоган и есть рекламный аргумент, именно он выполняет аргументирующую функцию всего рекламного сообщения. Неязыковые же знаки – цвет, графика, объем, шрифт, общий дизайн и т.п. – выступают элементами важными, но вспомогательными. Их важность определяется необходимостью самой рекламной коммуникации – реклама не может быть скучной, безликой, как не может быть только призывным сообщением, даже если это выразительная аргументация в пользу чего–либо.

Вспомогательный характер неязыковых элементов рекламы определяется их бессмысленностью, непонятностью для реципиента без вербальной части – слогана. В подтверждение приведем пример автомобильной рекламы, где изображение не снабжено специальным слоганом, – яркое и красивое, но коммуникативно пустое визуализированное сообщение.

Так, в специализированном журнале, посвященном рекламе автомобилей марки BMW, на одной из страниц напечатана фотография (возможно, коллаж), на которой на ярком горном фоне изображены два стоящие друг против друга автомобиля BMW разных моделей. Эта красивое изображение занимает всю страницу и находится внутри относительно большого (в 1,5 стр.) вербального текста, описывающего достоинства данных моделей. Однако без прочтения всей статьи содержание этого изображения не вполне понятно, потому что оно не сопровождается слоганом. Особенно «немой» характер этой визуальной рекламы ощущается, если мысленно вынуть ее из окружающего текста: все очень красиво, завораживающе, но нет тех слов, которые завершили бы смысловую целостность восприятия изящных автомобилей на фоне яркого экзотического пейзажа.

Таким образом, можно утверждать, что слоган – один из важнейших строевых элементов автомобильной рекламы, а именно ее **аргументативное ядро**. В общем тексте рекламы слоган – тот необходимый композиционный фрагмент, который выступает смысловым фокусом, собирающим в единое целое и неделимое пространство невербальные элементы – цвет, графику, объем, определяя их содержание и назначение в каждом конкретном тексте. Во многом только с помощью слогана завершается в рекламе процесс аргументации.

Слоган концентрирует основную долю всей воздействующей силы рекламного сообщения.

Литература

Песоцкий Е.А. Современная реклама. Теория и практика. Изд-е 2-е, переработ. и доп. Ростов-н/Д: Изд-во «Феникс», 2003 (Серия «Психология бизнеса»).

Чернявская В.Е. Текст как интердискурсивное событие // Текст – Дискурс – Стиль: Сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. С. 33–41.

Перформативный акт АСМР: соотношение вербального и невербального в поликодовых-полимодальных текстах (на примере видеотекстов YouTube)

Ю.А. Евграфова, О.И. Максименко

Performative act ASMR: correlation of verbal and non-verbal in polycode-polymodal texts (case study of YouTube videotexts)

Yu.A. Evgrafova, O.I. Maksimenko

Московский государственный областной университет / Moscow Region State University

212.155.04@mail.ru, maxbel7@yandex.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются поликодовые-полимодальные тексты сети Интернет в аспекте лингвосемиотического кодирования. В ходе исследования выделяются субкоды синестетического семиотического кода, регламентирующие контаминацию вербального и невербального элементов текста.

Ключевые слова: поликодовый текст, полимодальный текст, семиотический код, перформативный акт, синестетический код, вербальный и невербальный компоненты.

Summary. This work deals with polycode-polymodal texts of the Internet in the aspect of linguo-semiotic coding. As the result, subcodes of sinesthetic code regulating the contamination of verbal and non-verbal components of the text are singled out.

Key words: polycode text, polymodal text, semiotic code, performative act, synesthetic code, verbal and non-verbal components.

За последние 10 лет в сети Интернет сформировался новый тип представления видеозаписей – АСМР, автономная сенсорная меридиональная реакция (с англ. Autonomous sensory meridian response, ASMR). Это понятие означает психологический перцептивный феномен, производимый аудиальными и визуальными сигналами, вызывающими у реципиента приятные ощущения «мурашек», покалывания, начинающегося с затылка и далее распространяющегося по всему телу [Higham].

Как правило, в видеотекстах, созданных в жанре АСМР, всегда присутствует ведущий (видеоблогер), произносящий текст либо шепотом, либо тихим голосом. Текст адресован напрямую реципиенту, имеет приятное содержание и сопровождается дополнительными аудиальными сигналами – причмокиваниями, и кинетическими – мягкими, нерезкими движениями, что способствует созданию атмосферы комфорта, расслабленности и погруженности. Основной чертой АСМР является присутствие на экране, помимо ведущего, других предметов (так или иначе связанных с темой видеотекста), над которыми осуществляются некие действия, что вкупе служит триггером, вызывающим ощущение релаксации и «мурашек». Одним из востребованных подстилей жанра АСМР можно назвать ролевую игру, в которой воссоздается повседневная ситуация и имитируется диалог с реципиентом, в ходе которого ему дают возможность ощутить себя принимаемым таким, какой он есть. Таким образом, аудиальные и визуальные сигналы, создающие видеотекст, запускают в сознании процессы, вызывающие гаптическое (телесное) удовольствие, что представляет интерес для современных ученых-исследователей разных областей, в том числе лингвистов и специалистов в области нейролингвистики. Основы подобных исследований в области лингвистики и нейролингвистики были заложены в свое время А.Р. Лурией.

Видеотекст, созданный в жанре АСМР, представляет собой перформативный акт, представленный в форме поликодового-полимодального текста, техно-сенсорное единство, поддающееся перцептивному восприятию при помощи различных каналов восприятия информации, сочетающий вербальные и невербальные компоненты. В нем обнаруживается совокупность движущегося изображения, фонетического звука (речь), шумов, музыкального сопровождения и письма (вступительные титры, субтитры, письменные материалы, присутствующие в кадре и т.п.). Совокупность вербальных и невербальных элементов текста порождают гаптический опыт, побуждая потребителя текста к действию, порождая, таким образом, перформатив.

Вербальные и невербальные элементы в поликодовом-полимодальном тексте жанра АСМР, сочетаясь, формируются различными семиотическими кодами. Невербальные элементы в аудиовизуальном сообщении такого рода организуются аналитическим синестетическим кодом при помощи визуального кода (иконического) и паралингвистическими кодами (кинестетический). Как, например, в поликодовых-полимодальных текстах [ASMR. Floam in your Ears…] (3 002 921 просмотров), [ASMR DEEP Inner Ear Cleaning…] (4 078 293 просмотра), в кадре которых константно присутствуют микрофоны в форме ушей, над которыми ведущими (зритель видит только его руки) совершаются определенные манипуляции с целью вызвать перцептивные ощущения у потребителей текста, как если бы все тоже самое происходило с ним. Создается такая семиотическая ситуация, при которой невербальные компоненты поликодового-полимодального текста (знаки-иконы), образованные на основании подобия, денотирующие объект опытного знания через его качество, и действия, совершаемые над ними, становятся знаками-индексами перцептивных переживаний, ощутимых в обычной жизни при непосредственном соприкосновении, в силу своей смежности. Подобную связь можно обозначить как метонимическую.

В других текстах жанра АСМР, в частности, в такой разновидности, как ролевая игра, вербальные и невербальные элементы контаминируются, и аналитический синестетический код составляют, помимо визуальных и паралингвистических кодов, лингвистические коды – естественный язык. Причем, визуальное уступает место вербальному, как, например, в текстах [ASMRmy Physical Exam…] (4 475 343 просмотра), [Relaxing Naturopath Visit…] (4 012 820 просмотров), [ASMR – TINGLES all over your FACE!..] (30 115 просмотров), [Treating your Migraine ASMR Roleplay…] (3 502 909 просмотров). В перечисленных выше видеотекстах ведущий в соответствии с темой совершает определенные манипуляции с камерой, которая является «окном», через которое реципиент включается в происходящее, причем все действия получают вербальный комментарий, благодаря чему вызываются те или иные перцептивные ощущения. В текстах данного подстиля слияние разномодальных ощущений и перенос эмоционального воздействия с одного из них на другие правомерно рассматривать уже не как метонимию, а как «сенсорную метафору».

Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод о контаминации вербального и невербального в поликодовых-полимодальных текстах, регламентируемой следующими субкодами синестетического кода:

Аудиально-визуальным, регулирующим соотнесение слуховых ощущений с определенными зрительными образами явлений, оптическая связь с которыми отсутствует.

Визуально-аудиальным, при котором зрительные ощущения вызывают слуховые квазисенсорные образы.

Визуально-тактильный, регламентирующий соотнесение изображения и тактильного квазисенсорного образа.

Визуально-обонятельный, регламентирующий соотнесение изобразительных элементов и определенных обонятельных ощущений.

Подводя итог всему вышесказанному, можно утверждать, что в поликодовых-полимодальных текстах жанра АСМР использование синестетических кодов приводит к порождению ощущений разных модальностей, на которых строится единый перцептивный образ, а также созданию метонимических и метафорических связей между их вербальными и

невербальными единицами, контаминация которых порождает семиотическую ситуацию симуляции реальности, при которой реципиент испытывает определенные перцептивные ощущения от стимулов, реально не существующих. Сочетание вербального и невербального элементов порождает ощущения одной из модальностей, которые составляют план выражения поликодовых-полимодальных текстов жанра АСМР, а связанные с ними квазисенсорные образы других модальностей, появляющиеся без непосредственного внешнего раздражителя, – план содержания.

Литература

ASMR – TINGLES all over your FACE! Realistic Facial TREATMENT & MASSAGE * Cosmetologist Roleplay // ASMR Darya: [канал]: [YouTube]. [Электронный ресурс. URL. https://m.youtube.com/watch?v=QTwL630u-mU. Дата последнего обращения: 12.10.2018].

ASMR DEEP Inner Ear Cleaning (NO TALKING) Scraping, Picking w/ Metal, Bamboo & Feather Picks // ASMRMagic: [канал]: [YouTube]. [Электронный ресурс. URL. https://m.youtube.com/watch?v=ytvpP5D-MLA. Дата последнего обращения: 11.10.2018].

ASMR. Floam in your Ears (No Talking) // ghostlyASMR: [канал]: [YouTube]. [Электронный ресурс. URL. https://m.youtube.com/watch?v=13YaNfM9RsI. Дата последнего обращения: 10.10.2018].

ASMRmy Physical Exam ☆ ASMR RP / Ear-to-Ear / Soft / Whisper / Crinkly Shirt / Personal Check up // Gentle Whispering ASMR: [канал]: [YouTube]. [Электронный ресурс]. URL. https://m.youtube.com/watch?v=EZJZEaXhTQo&t=748s. Дата последнего обращения: 12.10.2018)] (4 475 343 просмотра).

Higham N. ASMR: The videos which claim to make their viewers ‘tingle’ // BBC: [сайт]. 11.12.2014. [Электронный ресурс. URL. https://www.bbc.com/news/magazine-30412358. Дата последнего обращения: 11.10.2018].

Relaxing Naturopath Visit. ASMR. Doctor RP // Gentle Whispering ASMR: [канал]: [YouTube]. [Электронный ресурс. URL. https://m.youtube.com/watch?v=tmhmKEhnIpA&t=1445s. Дата последнего обращения: 12.10.2018].

Treating your Migraine ASMR Roleplay // Cutebunny992 ASMR: [канал]: [YouTube]. [Электронный ресурс. URL. https://m.youtube.com/watch?v=lm30cS8ZnBk. Дата последнего обращения: 12.10.2018].

Средства создания разных типов рекламного образа в телевизионной рекламе банковских услуг

Т.Б. Колышкина, И.В. Шустина

The resources of creating different types of advertising image in television advertising of banking services

Tatjana B. Kolyshkina, Irina V. Shustina

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского / Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

ktb-10@mail.ru, shustina-irina@rambler.ru

Аннотация. В данной статье представлен один из подходов к анализу рекламного текста. Авторы используют модель «тип-образ». Она позволяет дать комплексную оценку поликодового текста с учетом вербальной и визуальной составляющей. Данная модель позволяет выявить тенденции в разработке рекламного текста.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, поликодовый текст, рекламный образ.

Summary. One of the approaches to the analysis of advertising texts is represented in this article. The authors use the «type-image» model. It allows the researchers to give a multipurpose assessment of the polycode texts, taking into account the verbal and visual components and identify trends in the development of advertising texts.

Keywords: communication in advertising, the polycode texts, an advertising image.

В 2017 г. рекламная активность была отмечена в секторе банковских услуг. Рекламная компания банка Тинькофф подтолкнула к ответным действиям основных игроков. Учитывая, что рекламные тексты носят поликодовый характер и содержание таких текстов может быть верно понято при учете всех компонентов как вербальных, так и визуальных, проанализируем рекламу банковских услуг с точки зрения создаваемого рекламного образа. Была выбрана двухмерная модель «Тип – образ» [Колышкина, Маркова, Шустина 2017: 162–164]. Данная модель позволяет классифицировать рекламные тексты по двум основаниям: 1) коммуникативный тип рекламы (адресантный, объектный, адресатный); 2) формируемый рекламный образ, который формируется на уровне ощущений, эмоций, когниций, мотивов и ценностей. Оно включает три уровня: образ рекламируемого объекта, образ действия и образ отношения, которые реализуются в трех типах текстов (образ-характеристика, образ-функция, образ-впечатление) [Колышкина, Маркова, Шустина 2017: 163]. Установлено, что используемые разработчиками рекламы технологии различаются в зависимости от того, в какое поле данной модели попадает рекламный текст.

Материалом для анализа стала реклама услуг банков ВТБ-24, Тинькофф, транслируемая в 2017 году по центральным российским каналам. Всего было отобрано 10 роликов (по 5 каждой компании).

В большинстве роликов Тинькофф присутствует рекламный персонаж И. Ургант, он выступает и как медийное лицо, и как потребитель, представитель определенной целевой аудитории. В двух текстах представлен образ-функция объектного типа, что позволяет максимально полно раскрыть характеристики, функции объекта рекламирования, возможности его использования (***Куда уходят деньги****? Я не знаю, но я знаю, куда они* ***возвращаются****. На Тинькофф Блэк возвращается до 5% по выбранным категориям и до 30% по спецпредложениям. Тинькофф Блэк, пожалуй,* ***лучшая карта*** *с кэшбеком в мире. Да что в мире, в России*). Образ-функция реализуется благодаря вопросно-ответной конструкции, в основе которой лежит пара контекстных антонимов *уходить – возвращаться*, подчеркивающая преимущество рекламируемой услуги.

Тексты, в основе которых лежит образ-функция адресатного типа, описывают реальные или возможные действия адресата при использовании объекта рекламирования: *Я медийное лицо, а у меня есть юридическое, которому как раз и нужен персональный менеджер. Вы мне скажите, я могу платить с 4 утра. А до 9 вечера? У меня съемки, я не успеваю. А процентная ставка на остаток у вас есть?* ***Вот так было****, пока я не открыл счет в Тинькофф банке/ <…> Тинькофф –* ***самый выгодный банк*** *для малого бизнеса. Так, главное – этим юрлицом в грязь не упасть. Стоп. Мне же в банк надо. Все. Что-то я из малого бизнеса в* ***очень крупный*** *превращаюсь.* Образ-функция адресатного типа создается за счет имитации живого диалога с воображаемым представителем другого банка до контакта с рекламируемым банком. Каскад вопросов позволяет понять характер ответов, которые не устраивают потребителя, а потому рекламный ролик, построенный по принципу «было – стало», указывает на то, какие возможности приобретет адресат, воспользовавшись услугами банка.

Тексты, в которых создается образ-впечатление адресантного типа обычно, отражают философию компании или ее позиционирование (*Где еще можно открыть офис площадью 17 млн. кв. километров? Где еще рабочий день длится 9 часовых поясов? Где кровь из носу – это не идиома, а клятва? Где, обещая всем, отвечаешь перед каждым? Только здесь, в стране, над которой никогда не заходит солнце. Чтобы иметь право сказать: «Тинькофф – самый большой онлайн банк в мире. Из России»*). Подобная рекламная коммуникация рассчитана на молодых практичных людей, живущих по принципу «время – деньги».

Лицом рекламной кампании ВТВ-24 «Честный разговор о деньгах», продвигающей пакет премиум услуг, стал актер В. Машков. В роликах актер делится своим отношением к деньгам, кредитам. Они приобретают настоящую ценность, если видеть в них не только банкноты, но и новые возможности, планы, достижения. Реклама рассчитана на узкий сегмент, что подчеркнуто в месседже рекламной кампании – «Уровень, на котором приходит многое. Заслуженно».

В четырех роликах создается образ впечатление адресатного типа, что позволяет достаточно легко идентифицировать целевую аудиторию, передать психологическое состояние потребителя. В рекламе ВТВ-24 создается образ человека успешного, проницательного, способного устраивать жизнь в соответствии с собственными ценностями и представлениями. (*Есть такие люди, у которых дар. Они смотрят на людей вокруг себя и видят деньги. Но я им не завидую, потому что* ***лучше*** *смотреть на деньги и видеть людей. Людей, события, вещи, свершения, возможности. Вот это* ***особый*** *дар. Уровень, на котором многое приходит к тебе само, потому что* ***ты его стоишь****!).* Образ-впечатление строится на основе приема противопоставления (дар – особый дар), причем *дар* реализуется принципом (*смотреть на людей и видеть деньги*), а *особый дар* представлен принципом (*смотреть на деньги и видеть людей*). Подобный прием позволяет наделить клиентов ВТБ 24 духовными ценностями в противовес клиентам других банков, для которых важны ценности материальные.

В следующей группе текстов образ типичного представителя целевой аудитории создается с помощью образа функции адресатного типа. В них представлена модель поведения человека, который не боится принимать решения и знает, во что нужно вкладывать, чтобы деньги работали: *Деньги – это нормально. И много денег – это тоже нормально. Работать за деньги, на деньги, даже ради денег можно и нужно. Главное не упустить момент, когда деньги перестают быть целью, мерилом и должны начать работать на тебя. Вкладывай на особых условиях с повышенной ставкой.* Как и в предыдущей группе, рекламный образ строится на основе противопоставления двух моделей: *работать на деньги – деньги работают на тебя*. Образ усиливается благодаря однородному ряду с разными предлогами: *Работать* ***за*** *деньги,* ***на*** *деньги, даже* ***ради*** *денег можно и нужно.* Как видно из текста, реклама содержит предложение для индивидуальных клиентов.

Общей тенденцией для всей банковской рекламы является то, что она ориентирована на разные сегменты рынка. Используя в основном рациональные сообщения, банки в то же время отходят от консервативного подхода к продвижению своих услуг за счет имиджевой составляющей. Такая тенденция и низкая дифференциация предложения привели к тому, что в рекламном пространстве товарной категории практически не представлен объектный тип. Усиление эмоциональной составляющей чаще происходит за счет визуального компонента, реже за счет языковых средств. Для ряда банков традиционным стало использование для продвижения селебрити, которые становятся лицом компании.

Литература

Колышкина Т.Б., Маркова Е.В., Шустина И.В. Рекламный образ: технологии воздействия на массовое сознание: Монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017.

Поликодовость как средство воздействия в художественном тексте (на материале романов Д. Симмонса)

Е.А. Куликов, В.А. Торопкина

Polycode as a tool of influence in the work of fiction (based on novels by D. Simmons)

Evgeniy A. Kulikov, Valentina A. Toropkina

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского / Lobachevsky State University of Nizhni Nogrorod

canizares13@yandex.ru; tva94@rambler.ru

Аннотация. Анализируется использование поликодовости как средства воздействия на материале романов Д. Симмонса «Костры Эдема», «Песнь Кали», «Флэшбэк». Рассматриваются функции визуальных средств воздействия (иноязычная графика, параграфемные элементы) в контексте реализации авторского замысла.

Ключевые слова: поликодовость; воздействие; параграфемные средства.

Summary. The analysis of the use of polycode as a tool of influence is given on the material of D. Simmons' novels "Fires of Eden" "Song of Kali", "Flashback". The functions of visual components (foreign language graphics, paragraphemic elements) are considered in the context of the realization of the author's intention.

Keywords: polycode; influence; paragraphemic tools.

В современной лингвистической науке существует особый интерес к изучению поликодовости в различных типах дискурса (в частности, об этом подробно пишут Е.Е. Анисимова [Анисимова 1992], В.Е. Чернявская [Чернявская 2014]), для которых характерно смешение вербальных и невербальных кодов: для передачи смысла становится важна визуальная составляющая текста, его графическое, шрифтовое, цветовое оформление, фон текста, иконические печатные символы и т. п. В художественном тексте, как отмечают исследователи, поликодовость является средством эстетического воздействия, используется для акцентирования частей вербального текста, позволяет передать дополнительный смысл, не применяя при этом дополнительные вербальные средства [Сподарик 2013: 33]. В плане специфики использования средств визуального воздействия современными авторами показательным является творчество Д. Симмонса. Писатель часто обращается к проблеме поиска американской национальной идентичности через сопоставление различных национальных культур. Данная тема раскрывается на разных уровнях текста, с лингвистической точки зрения это проявляется в использовании поликодовых средств при репрезентации инокультурных реалий: номинации явлений чужой культуры в русскоязычном переводном тексте оформляются с помощью иноязычной графики – стандартных символов латиницы («O seclum insipiens et inficetum» [Симмонс 2012: 391]) или специфического алфавита «другой» национальности («¿Qué quieres, viejo?» [Симмонс 2012: 148]), а также с использованием параграфемных средств – выделения курсивом («Он назвал это «ошибкой пяти М»: *мадья, мамса, матсия, мудра, майтхун*» [Симмонс 2012: 71]). Данные проявления поликодовости представляют собой синтез вербальных и визуальных средств воздействия и являются концептуально значимыми в исследуемых романах.

С помощью визуальных средств выделяются экзотизмы, которые являются либо безэквивалентной лексикой, обозначающей наличие культурной лакуны, и оформление их с помощью исконной графики становится отсылкой к исходному культурному фонду (интерьер японского дома характеризуется как «воплощение *ваби*» (простое спокойствие) и «*саби*» (изящная простота и торжество скоротечности)» [Симмонс 2012: 10]) , либо средством создания национального колорита, подчеркивающего особенности места действия романов и, главное, разницу в восприятии окружающего мира между главным героем-американцем и чуждой культурой и ее носителями (например, выделяются курсивом транслитерированные номинации гавайского языка: *хаоле* (белые люди), *вахине* (женщина), *туту* (бабушка), *пахоэхоэ* (поле гладкой лавы) и др.).

Помимо этого, поликодовые вкрапления часто относятся к тематической группе сакральной лексики, а графическое

выделение подчеркивает их особый статус. Например, при описании индийской богини Кали: «В руках у нее pasa… аркан, khatvanga… как это?.. Палка, нет, шест с черепом, khadga… меч и отрубленная голова» [Симмонс 2012: 60]. Священные, канонические наименования и понятия одной культуры теряют свою магическую силу при переводе на другой язык, поэтому, несмотря на возможность буквального перевода, автор использует оригинальные слова, связанные со сферой сакрального знания, находящегося в бинарной оппозиции к профанной действительности.

Насыщая текст отсылками к культурному наследию иных наций и общемировой культуры, Д. Симмонс также стремится к интеллектуализации текста. Поликодовые номинации, отсылающие к информации из области культурологии, истории, религиоведения, философии и т.п., выполняют дидактическую функцию, стимулируют познавательную деятельность читателя, Например, в речи героев встречаются иноязычные слова или выражения, которым автор сразу дает пояснение: Zeitstil (стиль времени), Solitudinem faciunt, pacem appelant («Они превращают землю в пустыню и называют это миром»), Lingua tertii imperi (Язык Третьего рейха) и т.п. Подобную функцию в произведениях постмодернизма обычно выполняют интер- и гипертекстуальные отсылки.

Кроме того, с помощью визуальных средств происходит нарушение автоматизма восприятия текста: актуализируется активная роль читателя, вынужденного остановить внимание на элементах с неожиданным визуальным оформлением.

Таким образом, в исследованных романах поликодовые элементы используются для репрезентации иных культурных и национальных кодов с целью воздействия на читателя. Использованные автором средства, помимо чисто эстетической функции, также повышают информативность текста. Визуальное оформление направлено на реализацию художественного замысла: противопоставление и сопоставление различных национальных культур и менталитетов для поиска и дефиниции как своей, так и иной национальной идентичности.

Литература

Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71–78.

Симмонс Д. Песнь Кали; Костры Эдема: романы. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2009.

Симмонс Д. Флэшбэк. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2012.

Сподарик О.В. Структурно-семантическое ранжирование невербального компонента поликодового художественного текста // Новый университет. Серия «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук». 2013. 1 (22). С. 31–39.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учебное пособие. М.: Директ-Медиа, 2014.

Лингво-семиотическая специфика электронных художественных текстов: вербальные и невербальные средства связности

С.А. Кучина

Linguistic and semiotic specificity of electronic literary tests: verbal and non-verbal cohesion devices

Svetlana A. Kuchina

Новосибирский государственный технический университет / Novosibirsk State Technical University

Аннотация. В статье рассматриваются основные принципы связности вербальных и невербальных компонентов электронных художественных текстов.

Ключевые слова: электронный художественный текст, связность, вербальный, невербальный.

Summary. The article deals with the main devices of verbal and non-verbal cohesion in electronic literary texts.

Keywords: electronic literary text, cohesion, verbal, non-verbal.

Цифровая революция XX в. существенным образом изменила социальные, экономические и культурные потребности современности. Феномен электронного художественного текста в исследовательской практике (в том числе в лингвистике) стал обсуждаться сравнительно недавно, конец XX – начало XXI в. [Hayles, Zuern 2010]. Основным фактором, определяющим направление научного интереса в данной сфере, является, по мнению А.А. Бернацкой, обращение «лингвистики к проблеме коммуникации в полном объеме, что предполагает синтез языковых средств общения с неязыковыми, исследование их организации в едином процессе и тексте как его результате» [Бернацкая 2000: 104]. Под электронным художественным текстом мы понимаем систему вербальных (языковых единиц) и невербальных (графика, видео, аудио, анимация, программный код) компонентов, объединенных определенной коммуникативно-прагматической и интерпретативной установкой автора и читателя, реализуемой только в условиях электронной среды, в которой вербальные и невербальные элементы образуют единое визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое. Признавая текст системой, мы сознаем важность тех системообразующих связей, возникающих внутри данного устройства и обеспечивающих это сложное, многокомпонентное, структурно-семантическое единство.

Будучи вторичной моделирующей системой, художественный текст, в том числе и электронный, в своей основе имеет центральный идейно-тематический образ, отражающий представление автора об объективной действительности. Например, в электронном художественном тексте «Лимерическая карта мира» В. Смольного и Г. Хасина и Алексромы [Смольный, Хасин, Алексрома] ключевым художественным образом является географическая карта Европы, которая осмысляется авторами в ироническом абсурдистском ключе. Связность всех вербальных компонентов в любой части «Лимерической карты мира» обеспечивается за счет использования авторами единой стихотворной формы – лимерика (пятистишия абсурдистского содержания). Для абсурдистских текстов характерен контраст «абсолютной, «патологической» внешней связности означающих с совершенной нелогичностью, несвязностью означаемого [Сидорова 2000: 208]. Основным приемом, актуализирующим текстообразующие связи в произведении, является повтор, который проявляется на всех уровнях вербальной и невербальной структуры произведения. Повторяющиеся элементы в художественном тексте неразрывно связаны с «прагматической установкой автора, которой в свою очередь подчинена композиционно-смысловая и семантическая структура текста» (Тураева). Особую роль в организации «Лимерической карты мира» играет парономазия, которая способствует созданию определенной повторяющейся звуковой гаммы (например, звукокоплекс *-онии-* в первом лимерике на французскую тему), на основе которой происходит окказиональное сближение слов разных тематических групп (*Гасконии, драконии, бегонии*), что в свою очередь определяет комический эффект в изображении той или иной страны. Художественный образ, созданный лексическими и фонетическими средствами, последовательно актуализируется на визуальном уровне произведения. При активации любого сегмента, карта страны превращается в образ, отражающий смысл синхронно всплывающей фразы, а она, в свою очередь, в ироническом ключе передает авторскую интерпретацию национальной специфики. Например, при активации сегмента с изображением карты Франции данный элемент карты превращается в изображение прыгающей зеленой лягушки.

В момент анимационной композиции на экране появляется предложение – «Если связать вместе все макароны, потребляемые за год в Италии, получится «веревка» длинной от Земли до Юпитера» [Смольный В., Хасин Г. Алексрома]. Авторы произведения таким образом иронически интерпретируют гастрономические пристрастия французов, ставшие их национальной чертой.

Связность электронного художественного текста обеспечивается микро-(«локальная связность») и макротематической («глобальная связность» [Dijk 1972]) соотнесенностью невербальных элементов, композиционно закрепленных за повторяющимися текстовыми (вербальными) элементами электронного произведения. По справедливому замечанию Ю.М. Лотмана, «каждый отдельный текст одновременно моделирует и некоторый частный и универсальный объект. [Лотман 1998: 258]. Изучение основных принципов локальной и глобальной связности поликодовых компонентов электронных художественных текстов, позволяет выделить структурные и семантические особенности, значимые не только на уровне индивидуальной авторской системы, но и обнаружить закономерности, которые могут быть экстраполированы на более крупные типологические и жанровые образования в электронной литературе.

Литература

Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Под ред. А. П. Сковородников. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. Вып. 3 (11). С.104–110.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: «Искусство – СПБ», 1998.

Сидорова М.Ю. Грамматическое единство художественного текста (проза и поэзия): Дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.01. МГУ. М., 2000.

Смольный В., Хасин Г., Алексрома. Лимерическая карта мира // Сетевая литература [Электронный ресурс. URL: https://www.netslova.ru/alexroma/limer.html. Дата обращения 09.11.2018].

Dijk Teun A., van. Some aspects of text grammars. The Hague: Mouton, 1972.

Hayles K.N. Electronic Literature: What Is It? [Электронный ресурс. URL: http://eliterature.org/pad/elp.html. Дата обращения 09.11. 2018].

Zuern J. Figures in the Interface: Comparative Methods in the Study of Digital Literature // Reading Moving Letters: Digital Literature in Research and Teaching (A Handbook) / Ed. Simanowski et al. Bielfeld: Trancript Verlag, 2010. P. 59–81.

Комбинаторика вербальных и невербальных средств как прием создания полисемантичных «текстов с креативным заданием»

Е.С. Михеева

Combinatorics of verbal and non-verbal means as a technique of creation of the polysemantic «texts with a creative task»

Elena S. Mikheeva

Российский университет дружбы народов [РУДН] (Москва) / Peoples' Friendship University of Russia [RUDN University] (Moscow)

mikheeva_ys@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются полисемантичные рекламные слоганы в аспекте поликодовости. Полисемантичные рекламные слоганы мы относим к «текстам с креативным заданием». Полисемантичные рекламные слоганы, представляющие собой поликодовый текст, являются эффективным средством выражения авторской интенции. Принципы отбора и сочетания компонентов поликодового текста в зависимости от креативного задания или «нейтрализуют» антиномию *говорящий – слушающий*, или обостряют ее, вызывая различные иллокутивные конфликты.

Ключевые слова: поликодовый текст, полисемантичный рекламный слоган, тексты с креативным заданием, антиномия говорящий – слушающий, иллокутивные конфликты.

Summary. The article deals with polysemantic advertising slogans in the aspect of their multimodality. We refer polysemantic advertising slogans to "texts with a creative task". Polysemantic advertising slogans, representing a polycode text, are an effective means of expressing the author's intention. The principles of selection and combination of components of the polycode text depending on the creative task can "neutralize" the antinomy of the speaker – the listener (the addresser – the addressee) or actualize it, causing various illocutionary conflicts.

Keywords: polycode text, polysemantic advertising slogan, texts with a creative task, the antinomy of the speaker – the listener, illocutionary conflicts.

Изучение *поликодовых* (*полимодальных*, *мультимодальных* текстов) является одним из актуальных аспектов современной лингвистики, привлекающим внимание многих российских (О.И. Максименко, В.А. Омельяненко, Е.Н. Ремчукова, В.Е. Чернявская и др.) и зарубежных исследователей (E. Adami, G. Kress): обсуждается терминология, природа поликодовых текстов, их востребованность в современном международном коммуникативном пространстве. Понимание языка СМИ, как особой знаковой системы смешанного типа с определенным соотношением вербальных и аудиовизуальных компонентов [Добросклонская 2014], дает основание рассматривать определенные медиатексты, как тексты гетерогенного характера, в которых соединяются различные семиотические системы. Комбинаторика вербальных и невербальных компонентов позволяет создавать и полисемантичные заголовки, и рекламные слоганы, которые мы относим к «текстам с креативным заданием» [Крылова 2013; Михеева 2017].

Полисемантичный рекламный слоган, представляющий собой полимодальный текст, является эффективным средством выражения авторской интенции: информационную и экспрессивную функции, главные функции рекламного слогана, реализует не только содержательная сторона вербальных компонентов, но и сам принцип отбора, объединения и сочетания вербальных и невербальных компонентов полимодального текста.

Принципы отбора и сочетания компонентов полимодального текста позволяют «нейтрализовать» антиномию *говорящий – слушающий* или же, наоборот, обостряют различные иллокутивные конфликты, порождаемые данной антиномией в креативных высказываниях.

В рекламных слоганах обычно возникают следующие типы иллокутивных конфликтов:

– *конфликт «информативности» и «привлечения внимания»*

Этот конфликт заключается в том, что *говорящий* продуцирует высказывание, основные интенции которого сосредоточены в сфере привлечения внимания в ущерб информационной составляющей рекламного слогана. Стремление привлечь внимание потенциальных покупателей зачастую связано с сознательным нарушением адресантом этических норм: *Пыль сосу за копейки* (при этом используется и графический «обман»: слово *пыль* сливается с фоном и становится практически незаметным). Подобные примеры рекламных слоганов свидетельствуют о том, что язык СМИ нуждается в морально-этической оценке.

– *конфликт интенций говорящего и ожиданий слушающего*

В результате этого конфликта реципиент оказывается в замешательстве, так как в начале рекламного ролика предлагается сюжет с намеренно ложной референцией. Видеоролик рекламы чая устроен таким образом, что зритель, который наблюдает в кадре томные движения актрисы, ожидает далее увидеть свидание с мужчиной: *Он ждет, когда ты вер-*

нешься домой. Однако героиня рекламного сюжета с явным наслаждением садится пить чай (*он ≠ мужчина, он = чай*).

– *конфликт креативности говорящего и консервативности слушающего*

Копирайтер имеет преимущество как «творец» полимодального рекламного текста, а реципиент должен постараться расшифровать все закодированные в нем смыслы. В этом случае невербальные компоненты способствуют дешифровке смыслов, заложенных в полисемантичном слогане. В рекламе памперсов Huggies, когда на ребенка родители надевают памперсы, звучит песня на слова Ю. Энтина «Чунга-Чанга» об острове, на котором «жить легко и просто». Таким образом реклама намекает на беззаботность существования тех, кто использует памперсы Haggies: смысл «беззаботность, отсутствие проблем» вычленяется из текста песни, мелодия которой звучит в кадре.

В полисемантических высказываниях снимается конфликт между информативностью и экспрессивностью, так как успешно реализуются и информационная функция языка, и экспрессивная. Создание удачного полисемантического высказывания в мультимодальном слогане зависит от речевой этики, лингвистической компетенции и креативной интенции копирайтера. Прагматическая эффективность такого слогана заключается в адекватном понимании реципиентом (адресатом) *креативного задания*, «выполненного» адресантом, что и обеспечивает воздействующий эффект рекламного текста.

Литература

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). М.: ФЛИНТА, 2014.

Крылова О.А. Образность и тексты с креативным заданием // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2013. № 3. С. 21–25.

Максименко О.И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблемы терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов «Теория языка. Семиотика. Семантика», 2012. № 2. С. 93–103.

Михеева Е.С. Creative Types of Speech: Advertising Slogan as a Text «with a Creative Task» // Вестник Российского университета дружбы народов «Теория языка. Семиотика. Семантика», 2017. № 4. С. 847─853.

Омельяненко В.А., Ремчукова Е.Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности // Коммуникативные исследования, 2018. № 3 (17). С. 66─81.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Adami E., Kress G. Introduction: Multimodality, meaning making, and the issue of “text” // Text & Talk. 2014. Vol. 34 (3). P. 233–237.

Поликодовость как ключевая характеристика радиотекста*

Н.Г. Нестерова

Multi-codes as a key characteristic of radio texts

Natalia G. Nesterova

Национальный исследовательский Томский государственный университет / National Research Tomsk State University

nesterovatomsk@mail.ru

Аннотация. Предлагается новый подход к радиотексту, предусматривающий исследование радиотекста как гипертекста. Выявляются особенности поликодовости радиогипертекста.

Ключевые слова: радиотекст, гипертекст, поликодовость, сайт радиостанции.

Summary. A new approach of radio text investigation is proposed, involving the study of radio text as a hypertext. The peculiarities of radio-hypertext multi-codes are studied.

Keywords: radio text, hypertext, multi-codes, radio station site.

Целью доклада является обсуждение специфики поликодовости радиогипертекста, функционирующего в условиях развития новых коммуникаций. Указанная цель достигается посредством описания дискурсивного поля радиопрограммы и определения характера взаимодействия его вербальных и невербальных компонентов. Эмпирическую базу исследования составили познавательные программы радиостанций «Эхо Москвы», «Маяк», интернет-радиостанция «Русский мир».

XXI век стал веком новых коммуникаций, новых медиаформатов, новых текстов в традиционных СМИ, что получило комплексное описание в только что вышедшем из печати словаре по медиалингвистике [Медиалингвистика в терминах и понятиях… 2018]. Результатом отмеченных процессов стало расширение форм существования радиотекста: прозвучавший в эфире радиотекст_может сществовать не только в аудиозаписи, но и в форме видеозаписи и стенограммы.

Убедительное обоснование получил подход к радиотексту как гипертексту, который был предложен ранее [Нестерова 2015], и с развитием информационно-коммуникационных технологий усилил свои позиции. Радиотекст в рамках предпринятого подхода рассматривается как гипертекст, который представляет собой совокупность микротекстов, звучащих в эфире (это ядро дискурсивного поля), а также тексты, представленные на сайте радиостанции и в социальных сетях. Предложенный подход согласуется с пониманием медиатекста, представленным в научной литературе, где отмечается, что медиатекст функционирует «одновременно в нескольких измерениях: вербальном, медийном и гипертекстуальном» [Добросклонская 2015: 49].

Предлагаемый в данном исследовании подход опирается на широкую трактовку гипертекстуальности и становится основанием для рассмотрения радиотекста как единого целого, которое включает не только аудиозапись эфира, но также видеотрансляции радиопрограмм и тексты, представленные на сайте радиостанции в печатном виде: поступившие от слушателей электронные послания и комментарии; блоги журналистов, стенограммы эфирных записей, фото и другие иллюстрации. Информационно-коммуникационные изменения привели к тому, современный радиотекст воспринимается как гипертекст, который репрезентируются средствами разных семиотических систем, а значит, является поликодовым. Организационно-коммуникативным центром радиогипертекста становится сайт радиостанции. В качестве важнейшего фактора, обеспечивающего целостность текста, расценивается его коммуникативная адресованность целевой аудитории.

В качестве гиперссылок выступают метатекстовые единицы, маркирующие отдельные микротексты, включенные в макротекст: заставки, анонсы, названия рубрик в эфирном часе, отсылки к сайту, к его разделам, к соцсетям и др.

Структурные единицы аудиально воспринимаемого радиотекста организованы по принципу поля. Ядро составляет речь ведущих, так как радиотекст является продуктом коммуникативно направленной деятельности радиожурналиста. К ядру примыкают микротексты, представляющие речь приглашенных в студию участников передачи, тексты, являющиеся результатом интерактивного общения ведущих с массовым слушателем (посредством телефона, электронных сообщений, комментариев к радиопрограмме). Далее следуют слоганы, перебивки, музыкальные заставки, звуки, шумы, органично связанные с содержанием программы. Периферию составляют микротексты, непосредственно с содержанием программы не связанные: новостные выпуски, реклама, прогноз погоды, информация о курсе валют и т.п.

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-29-09132 «“Новая грамотность” в новых текстах средств массовой коммуникации».

Перечень аудиально воспринимаемых микротекстов свидетельствует о том, что не все они реализуются вербально, следовательно, эта часть радиогипертекста также характеризуется поликодовостью.

Приведем примеры из программы «Смыслица», посвященной русской фразеологии (радиостанция «Русский мир»). Б*о*льшая часть выпусков программы включает цитаты из художественных произведений, фрагменты песен, мультипликационных и художественных фильмов. Фрагменты текстов другого формата встраиваются в структуру звучащего текста с целью в более доступной форме раскрыть этимологию фразеологизмов, для объяснения их значения и употребления в разных ситуациях. Так, в выпуске, посвященном фразеологизму *остаться с носом,* звучат фрагменты широко известных песен из кинофильмов «Достояние республики» и «Гардемарины, вперед!»: *«Подлецов насквозь я вижу, подлецов насквозь я вижу, зарубите на носу!»; «Не вешать нос, гардемарины! Дурна ли жизнь иль хороша…»*. Подобного рода примеры демонстрируют не только явление интертекстуальности, но и поликодовости, так как включенные фрагмены являются элементами другой семиотической системы.

В качестве текстоорганизующих единиц в указанной радиопрограмме выступают шумовые заставки, перебивки. Например, в выпуске, посвященном пословице *мал золотник, да дорог*, созданию атмосферы, связанной с историей ее появления способствует звон монет, а в рассказ ведущей о добыче золота в далеком прошлом включена врезка, имитирующая стук кирки и голоса старателей.

Отмеченные особенности современного радиотекста подтверждают гипотезу о том, что, будучи нелинейным, многоуровневым, полижанровым образованием, радиотекст может быть квалифицирован как гипертекст и что ключевой характеристикой традиционно устной формы медиатекста стала поликодовость.

Литература

Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / Под ред. Л.Р. Дускаевой; редколл.: В.В. Васильева, Ю.М. Коняева, А. А. Малышев, Т.Ю. Редькина. М. ФЛИНТА, 2018.

Нестерова Н. Г. Современный радиодискурс (коммуникативно-прагматический аспект). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2015.

Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика: Международный научный журнал, 2015. № 1 (6). С. 45–57.

Использование техники граттаж в создании поликодового текста (На примере иллюстраций М. Добужинского к повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи»)

И.А. Старовойтова

The use of grattage in creating polycode text (On the example of illustrations of M. Dobuzhinsky to the novel “White Nights” by F.M. Dostoevsky)

I.A. Starovoitova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

irishun@list.ru

Аннотация. В сообщении анализируется текст повести Достоевского «Белые ночи» как поликодовый с привлечением иллюстраций М.Добужинского. Показывается расширение и сужение информации повести. Описываются взаимоотношения между вербальным текстом и невербальным в зависимости от их референтной соотнесенности.

Ключевые слова: поликодовый текст, вербальный текст, невербальный текст, граттаж.

Summary. The report analyzes the text of the Dostoevsky story “The White Nights” as a polycode text with the help of illustrations by M. Dobuzhinsky. It shows the expansion and contraction of information story. The relationship between verbal text and non-verbal text is described depending on their reference correlation.

Keywords: polycode text, verbal text, non-verbal text, grattage.

Одним из любимейших авторов иностранной аудитории является Ф.М. Достоевский. «Преступление и наказание» во многих странах Европы и Азии является программным произведением, изучается на уроках литературы. Находясь на стажировке в России, учащиеся выражают желание продолжить знакомство с произведениями великого писателя. Учитывая ограниченные сроки стажировки иностранных учащихся, целесообразно обратиться к малым формам, а именно к повести «Белые ночи».

В лингвистике доказано, что рассмотрение поликодовых текстов помогает глубже понять смысл художественного произведения. Сам Достоевский делал наброски рисунков на полях к своим произведениям, чтобы лучше представить образ героя. Рассмотрение текста повести «Белые ночи» с иллюстрациями Добужинского как поликодового позволяет проанализировать текст как сложное целое, которое возникает при восприятии компонентов текста: вербального (текст повести) и невербального (иллюстраций в технике граттажа).

Достоевского иллюстрировали многие: Ю. Анненков, М. Добужинский, В. Пивоваров, И. Глазунов, М. Шемякин и др. Вслед за Добужинским черно-белую гамму выбирают для себя И. Глазунов, М. Шемякин, чтобы используя контрастность показать противопоставления миров в мире текста. Не каждый текст, сопровождаемый иллюстрациями является поликодовым текстом. На примере работ М. Добужинского к повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи» прослеживается внесение дополнительных оттенков к содержанию повести. Постижению глубины текста способствуют иллюстрации, выполненного в технике граттажа. В отличие от рисунков, сделанных тушью и пером, где рисунок выполняется черным по белому, граттаж создает обратный эффект – рисунок выполняется белым по черному, он процарапывается на темном фоне. Применительно к повести Достоевского данная техника несет в себе определенную смысловую нагрузку. В ночное небо Петербурга проникает свет; в беспросветном одиночестве главного героя Мечтателя появляется свет – это любовь к Настеньке. Добужинский следует тексту первоисточника, не привносит изменения в текст. Но раскрывает, укрупняет, объясняет, показывает особенность – реальное-иллюзорное в мире героев, передает двойственную природу Петербурга Достоевского, показывает переплетение фантастического и реального.

Литература

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.

Старовойтова И.А. Тема «Петербург Достоевского» с обращением к иллюстрациям М. Шемякина // Мир русского слова, 2010. № 1. С. 114–116.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность: Учебное пособие. *М.*: URSS, 2008.

Поликодовый рекламный текст глянцевых журналов: особенности вербального компонента

Д.С. Шикина

Polycode advertising text of glossy magazines: specifics of the verbal component

Daria S. Shikina

Московский государственный областной университет / Moscow Region State University (Moscow)

shikinadaria@gmail.com

Аннотация. Объектом исследования является поликодовый рекламный текст глянцевых журналов. Особое внимание уделяется анализу вербального компонента. Выделяются типы вербального компонента: речевой компонент и речитатив. Прослеживается созависимость с визуальным компонентом, отражается взаимосвязь типа вербального текста и рекламируемого сегмента.

Ключевые слова: поликодовый текст, рекламный текст, вербальный компонент, речевой компонент, речитатив.

Summary. The object of analysis is a polycode advertising text of glossy magazines. We pay a special attention on analysis of the verbal component. We notice types of verbal component: speech component and recitative. There is a codependency with the visual component, type of the verbal component and the segment advertised in text are connected.

Keywords: polycode text, advertising text, verbal component, speech component, recitative.

Рекламный текст глянцевых изданий – пример поликодового текста, в котором для наиболее эффективного выполнения своих функционально-стилистических задач [Леденёва 2017: 61] соединяются, как минимум, два компонента: вербальный и иконический (наше исследование показывает, что рекламный текст глянцевого издания помимо этого может включать осязательный и обонятельный компоненты [Шикина 2018]).

Изучение поликодовых текстов сформировано тенденцией современного общества к новым технологиям. Т.А. Гридина, М.Б. Ворошилова в рамках работ по лингвистике креатива, В.В. Леденёва, Д.П. Чигаев и другие исследователи обращают свое внимание на изучение текстов смешанного типа. Увеличивается число диссертационных работ, посвященных данной области исследования. Все это говорит об актуальности изучения поликодовых текстов. В свою очередь наличие вопросов, в которых мнения исследователей расходятся (к примеру, вопрос дефиниции: поликодовый текст или креолизованный текст) указывает на недостаточную изученность данной темы и большое поле для будущих исследований.

Вербальный компонент в рекламном тексте глянцевых изданий является обязательным, так как содержит важнейшие составляющие рекламы: наименование продукта, производителя, другие смысловые блоки. Все сказанное подчеркивает особый интерес к исследованию этой части поликодового текста.

Опираясь на классификацию А.Г. Сонина, в которой выделяется два вида вербального компонента: речевой компонент и комментирующий текст (речитатив) [Сонин 2005: 28], выявляем особенности функционирования этих двух компонентов в поликодовом рекламном тексте.

Рекламный текст глянцевых изданий с **речевым компонентом** представляет собой поликодовый текст, в котором вербальный компонент включает прямую речь представителей рекламируемой марки. Внутри прямой речи может эксплицитно выражаться призыв к приобретению товара, экспертное мнение или мнение потребителя, содержащее эмоционально-оценочную характеристику продукта. Так или иначе речевой компонент направлен на привлечение потенциального покупателя и может выполнять разные функции одновременно: оценочную, контактоустанавливающую, персуазивную и т.д.

Текст с речитативом подразделяется на фрагменты **1) растолковывающие суть рекламируемых продуктов (отражаемых явлений, механизмов); 2) задающие эмоциональный фон восприятия; 3) указывающие на пространственные характеристики; 4) уточняющие временные параметры**.

В каждом типе вербального компонента наблюдается связь с визуальным компонентом: изображение описываемого предмета, цветовая гамма соответствующая эмоциональной лексике в вербальном компоненте и др. (в рекламе журнала Top Flight с вербальным компонентом типа комментарий, уточняющий длину промежутка времени, авторы не только в тексте, но и с помощью изображений упорядочивают заданное время перелета Москва-Ницца). В текстах с речевым компонентом субъект, произносящий прямую речь, может быть представлен в визуальном компоненте (реклама спа-салона «7 красок»), либо может отсутствовать на странице, но подразумеваться (реклама авиационного портала Jetnet).

При анализе рекламного текста глянцевых изданий мы отмечаем связь между типом текста и сегментом рекламируемого продукта: тексты, растолковывающие суть отражаемых явлений, механизмов характерны для рекламных текстов сегмента косметических средств и процедур (реклама серии косметики ZO Skin Health, Librederm и т.п.), или техники, приборов, различных устройств (реклама марок автомобилей, платежная система UnioinPay, увлажнитель воздуха Polaris и т.п.).

Текстовые комментарии, задающие эмоциональный фон восприятия, указывающие на некое место; комментарии, уточняющие длину промежутков времени привлекают особые лексические, морфологические и другие средства, соответствующие смысловой нагрузке вербального компонента (заголовок с эмоциональной, оценочной функцией в рекламе специй Knorr *Сочная курочка сегодня на ужин;* указание в основном рекламном тексте на место проведения премьеры спектакля по произведению О. Хаксли «О дивный новый мир»; заголовок с использованием числительных в рекламе косметического средства Mary Kay *Видимый лифтинг через 2 недели*).

В ходе нашего исследования установлено, что рекламный текст глянцевых изданий включает разные по содержанию вербальные компоненты, формально-семантическая организация которых тесно связана с содержанием рекламного текста. Вербальный компонент соотносится с визуальным и требует определенных лексико-стилистических средств для выражения содержательного плана. Речевой компонент и комментирующий текст играют большую роль в привлечении внимания потенциального потребителя. Отмечаются персуазивная, оценочная и другие функции, выполнение которых способствует реализации рекламной цели.

Литература

Леденёва В.В. Обреченный на креолизацию? // Текст остается текстом (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). Филологические науки. 2017. № 2. С. 58–61.

Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М., 2005.

Шикина Д.С. О терминах «поликодовость» и «креолизация» в описании рекламного текста глянцевых журналов // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2018. № 2.

Секция XII. Применение лингвистических знаний в семантической экспертизе текстов. Анализ конфликтогенных текстов

Концептуальные вопросы идентификации говорящего не на родном языке в российской экспертной практике

Ф.О. Байрамова

Conceptual problems in speaker identification on nonnative language in Russian forensic practice

Firuza O. Bayramova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

firuza_bairamova@mail.ru

Аннотация. В данном докладе речь идет о концептуальных вопросах идентификации говорящего не на родном языке в российской экспертной практике. До сих пор ведутся дискуссии о принципиальной возможности решения вопроса о тождестве голосов по фонограммам не на русском языке. При этом зарубежные и некоторые частные российские эксперты скорее склонны решать указанный вопрос, а эксперты государственных судебных учреждений России более критично оценивают такое исследование и в подавляющем большинстве случаев отказываются от решения данной экспертной задачи. Причина этого кроется в первую очередь в комплексном характере исследования, проведение которого ограничено лингвистически, если эксперт не владеет языком, на котором зафиксирована речь на фонограммах.

Summary. This report is devoted to the conceptual issues of a speaker identification on audio recordings in nonnative languages in Russian forensic practice. There possibility of voice comparisons in such cases (in non Russian language) is still discussing. At the same time, foreign and some Russian private experts solve these cases, and experts of state judicial institutions in Russia more critically assess such research and mostly refuse to solve this expert task. The reason is the complex nature of the speech and audio analysis, which could not be complete without a linguistic part of forensic examination of recording in non-native language.

Ключевые слова: судебная экспертиза фонограмм, фоноскопическая экспертиза, фонографическая экспертиза, экспертиза видео- и звукозаписей, идентификация говорящего, идентификация по голосу и речи, судебная экспертиза.

Keywords: identification in nonnative languages, forensic audio examination.

Исследовании видео- и звукозаписей не на русском языке сегодня востребовано в высшей степени. Это связано с актуальной геополитической ситуацией, а также с повсеместным доступом к мобильным устройствам с функцией видео- и звукозаписи; возросло число террористических атак, в том числе звонков с ложными сообщениями о заложенных взрывных устройствах. При этом записи могут быть как на русском, так и на иных языках (что особенно характерно для записей, которые исследуются по делам о незаконном обороте наркотиков и т.п.).

Под сочетанием «нерусский» язык в этом докладе обозначается любой язык, не являющийся русским, то есть государственным языком. При этом он может быть официальным языком в Российской Федерации или же не иметь никакого статуса (в России насчитывается более 150 языков в целом и не менее 37 государственных языков в республиках Российской Федерации).

В аспекте судебной экспертизы фонограмм закономерно возникает вопрос – является ли знание «иностранного» (нерусского) языка специальным знанием? Какие задачи вообще может решать эксперт, исследуя фонограммы не на русском языке (установление дословного содержания разговора, идентификация говорящего по голосу и звучащей речи, определение способа изготовления видеофонограммы («монтаж»), установление смыслового содержания разговора)? Можно ли их решить в принципе, не привлекая специалиста или носителя конкретного языка?

Должен ли эксперт владеть языком (быть его носителем или владеть им свободно), на котором представлен материал?

Возможно ли проводить экспертизу по идентификации говорящего, если эксперт не владеет языком, на котором предоставлен материал? Какие выводы могут быть получены в результате такого исследования – только вероятные или «НПВ»? Допустимо ли в таком исследовании давать категорические выводы?

Может ли переводчик, преподаватель иностранного языка, филолог (носитель языка) выступить экспертом? Если да, то как это может быть обеспечено?

Как подготовить экспертов к исследованию фонограмм не на русском языке?

До сих пор единого мнения на этот счет в экспертном сообществе не сложилось. Центральным вопросом в данной дискуссии является необходимость проведения лингвистической части комплексного идентификационного исследования, что затруднительно, если эксперт не владеет языком, на котором представлена запись. В таком случае следует или создать программы подготовки экспертов и методики по идентификации говорящего в зависимости от языка, на котором осуществлялась запись, или коренным образом пересмотреть уже устоявшийся алгоритм решения идентификационных задач по голосу и звучащей речи, особенно в отношении лингвистической части исследования, и разработать методический подход к исследованию фонограмм, общий для всех языков (включая русский). Такие попытки уже были предприняты, но успеха не имели. Вопрос о возможности идентификации говорящего по голосу и звучащей речи не на русском языке остается открытым и актуальным.

Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены

А.Н. Баранов, Л.А. Ерохина

Insult and humiliation as linguistic and juridical phenomena

Anatoly N. Baranov, Ludmila A. Erokhina

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН (Москва) /
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Baranov_anatoly@hotmail.com, Erokhinaludmila074@gmail.com

Аннотация. В докладе обсуждаются различия юридического и естественно-языкового понимания категорий унижение и оскорбление. Оскорбление определяется законодателем как вид унижения, выраженный в неприличной форме. При этом понятие унижения в законе не дается. Авторы приводят особенности сочетаемости слов *оскорбление* и *унижение* (и соответствующих глаголов, а также других форм того же словообразовательного гнезда), указывающие на существенные отличия в их семантике и не позволяющие рассматривать данные формы как реализацию отношения род – вид.

Ключевые слова: унижение; оскорбление; судебная лингвистическая экспертиза.

Summary. The paper discusses the difference between judicial and common meaning of insult and humiliation. In the articles of law “insult” is defined as a type of humiliation with indecent form of expression, but there is no definition for “humiliation”. The authors cite the specificity of collocation of the terms “insult” and “humiliation” (as well as the corresponding verbs and the other words of the same family), that reveals essential semantic difference between them and makes it impossible to consider these forms in the aspect of subsumption relation.

Keywords: humiliation; insult; forensic linguistic analysis.

Постановка задачи. Коллизия между юридически определяемыми и лингвистически определяемыми терминами относится к числу наиболее сложных в лингвистической экспертизе. Юридически определяемые термины представлены в законах и подзаконных актах в виде соответствующих дефиниций. Так, в п. 2 ст. 15 ГК РФ дается дефиниция понятию убытков. Тем самым, убытки являются юридически определяемой категорией. Однако значительная часть терминов, имеющих явно юридическое прочтение в текстах соответствующих документов, определений не имеет. В этих случаях естественно использовать данные русского литературного языка – авторитетные словари или результаты семантического анализа. Такие термины следует относить к лингвистически определяемым.

В целом ряде случаев юридически определяемые термины содержат в своей дефиниции слова, которые не имеют юридического истолкования, но их значения в юридическом документе не соответствуют тому смыслу, который эти слова имеют в русском литературном языке, что порождает правовые коллизии и существенно осложняют проведение судебных лингвистических экспертиз. К терминам такого рода относятся и слова *оскорбление* и *унижение*. В ст. 5.61. КоАП РФ (до 2012 года – ст. 130 УК РФ) оскорбление определяется «как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». При этом понятие унижения, будучи по логике законодателя, родовым по отношению к оскорблению, в законе не определяется. Между тем, и по семантике и по употреблению в дискурсе слова *оскорбление* и *унижение* (и соответствующие глаголы, а также другие формы того же словообразовательного гнезда) в современном русском языке не находятся в отношении род – вид. На это указывают следующие особенности сочетаемости.

Агентивные контексты. Оскорбление всегда агентивно и предполагает наличие агенса – того, кто оскорбляет. Так, пример *Грязный туалет* ***унижает*** *человека* вполне нормален и грамматически и семантически, однако сказать *Грязный туалет* ??*оскорбляет человека* не очень хорошо. При этом появление агенса превращает соответствующие примеры в приемлемые для обоих исследуемых слов: *Отказав в приеме, директор оскорбил и унизил меня*. Источником унижения (его причиной) может быть что-то абстрактное и несубъектное: *бедность* / *нищета* / *отсутствие перспектив* ***унижает***, но источником оскорбления это быть не может: **бедность* / **нищета* / **отсутствие перспектив* ***оскорбляет***.

Контексты рефлексива. Оскорбление не может быть направлено на самого себя, в отличие от унижения: фраза **этим он сам себя* ***оскорбил*** некорректна, а выражение *этим он сам себя* ***унизил*** – вполне допустимо. В силу этого фраза: ***Оскорбительное*** *поведение начальника вызывает напряженность в семейных отношениях* [Аргументы и факты] предполагает однозначную интерпретацию: начальник – субъект оскорбления, он оскорбляет подчиненных. Замена номинализации *оскорбительное поведение* на *унизительное поведение* привела бы к изменению смысла: ‘начальник сам унижается’.

Контексты вербального и невербального действия. Оскорбление теснее связано с речевой формой выражения смысла. Между тем, унизить можно и словом, и невербальными средствами. Так, речевой отказ естественно интерпретируется и как оскорбление, и как унижение: *Отказ в помощи пенсионеру* ***оскорбителен*** / ***унизителен***, а невербальное действие можно квалифицировать только как унижение: *Опоздав на встречу с правозащитниками почти на час, министр* ***унизил*** / ??***оскорбил*** *членов совета по правам человека*. Впрочем, чем конвенциональнее невербальный знак – например, жест, тем больше его «потенциал» оскорбления: *Обвиняемый вел себя* ***оскорбительно****, показав средний палец судье*.

Контексты угрозы «социальному лицу» (face threat). Часто в литературе унижение связывается с понижением социального статуса. Однако социальный статус – это категория, почти неподвластная языку. Назвав судью *земляным червяком*, говорящий не в состоянии лишить его социального статуса судьи. В то же время такая номинация в зале судебного заседания представляет угрозу образу судьи в общественном мнении, то есть тому, что часто называется имиджем человека. При этом имидж – это категория более узкая, относящаяся к сфере PR. Мы предлагаем использовать в этих случаях термин «социальное лицо» как аналог английского термина face, используемого в области социологии и социальной психологии.

Унижение всегда сопряжено с угрозой «социальному лицу» адресата. В примере: *В нашей традиции здравоохранения больному не принято что-то объяснять: нахамят и* ***унизят*** *по принципу «ты дура, а я врач»* речь идет не о понижении статуса, а о рисках пациента потерять уважение со стороны социума.

Для оскорбления угроза общественному лицу не обязательна, хотя возможна. См. пример: *Вы даже не представляете, как* ***оскорбили*** *меня, сказав, что это «просто Любин бизнес». Это тоже самое, если бы Вам сказали, что Вы плохая мать и Вам абсолютно безразличен ваш ребенок. Вы не имеете право так говорить. Я живу своим лагерем уже 5 лет*. [Коммуникация рунета]. Фраза *просто Любин бизнес* интерпретируется адресатом как оскорбление, однако это никак не влияет его социальный статус – даже в достаточно широком варианте понимания этого термина.

Сила речевого действия. Унижение и оскорбление отличаются друг от друга также тем, что оскорбление, как правило, представляет собой более сильную (жесткую) форму, чем унижение – в том смысле, что унижать можно более

«тонко». Вероятно, с этим семантическим различием связано и юридическое толкование оскорбления как унижения, имеющего «неприличную форму». Так, уместно сказать: *Рецензент, положительно оценив работу,* ***унизил*** *Ольгу одной лишь фразой, добавив что статью скорее всего писала женщина.* Замена глагола *унизить* на *оскорбить* – ***оскорбил*** *Ольгу одной лишь фразой* – в данном случае не вполне удачна, поскольку предполагается слабый вариант речевого действия.

Речевая стратегия vs. речевое действие. В обычном случае оскорбление – это одиночный речевой акт, а унижение – речевая стратегия, которая может быть как одинарным, так и сложным речевым (и не только речевым) актом. В связи с этим словосочетание *постоянные* ***оскорбления*** (множественное число) – это, скорее, совокупность речевых актов, а *постоянное* ***унижение*** – процесс: *Житель Нижнего Новгорода нанес несколько ножевых ранений своему сыну и его сожительнице за* ***постоянные оскорбления*** *и* ***унижение****, сообщает пресс-служба ГУ МВД России по Нижегородской области* [Новостной интернет-сайт].

***

В докладе приводятся и другие особенности сочетаемости слов словообразовательного гнезда *оскорбление* и *унижение*, указывающие на существенные различия в их семантике, не позволяющие рассматривать данные формы как реализацию отношения род – вид. Кроме того, обсуждаются судебная практика по делам об оскорблении, испытывающая очевидное влияние различий юридического и естественно-языкового понимания соответствующих слов и понятийных категорий.

Диалогичность дискурса экстремизма (на материале практики производства лингвистических экспертиз по делам, связанным с проявлением экстремизма)

Т.В. Бердникова

Dialogic nature of the discourse of extremism (based on the practice of linguistic expertise in cases related to extremism)

Tatyana V. Berdnikova

Федеральное бюджетное учреждение Саратовская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации / The Saratov Laboratory of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation

sintax2@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема выделения дискурса экстремизма. Выделяется диалогичность как одна из основных характеристик дискурса экстремизма. Анализируются различные материалы из экспертной практики.

Ключевые слова: диалогичность, дискурс, экстремизм.

Summary. The problem of highlighting the discourse of extremism is considered. Dialogic nature is singled out as one of the main characteristics of the discourse of extremism. Various materials from expert practice are analyzed.

Keywords: dialogic nature, discourse, extremism.

Диалогичность – учет автором высказывания или текста позиции адресата. Диалогичность изучается в различных областях лингвистики. Она непосредственно связана с понятием текста, гипертекста, интертекстуальности, а также с явлениями коммуникативной и когнитивной лингвистики. Диалогичность как основная черта общения характерна для разных видов коммуникации – письменной и устной, официальной и неофициальной и т.д. В современном языке отмечается «экспансия диалогических видов коммуникации» [Красноперова 2005].

В последние годы большое распространение получило общение, связанное с обсуждением темы экстремизма либо деятельности экстремисткой направленности. Число таких текстов в широком смысле слова, включая видео и аудиозаписи, электронные переписки, креолизованные тексты, растет с каждым годом. Поскольку данные тексты могут быть объединены по признаку общности тематики, по признаку достаточно большого количества, а также по признаку разнообразия жанров, можно говорить о наличии дискурса экстремизма. Похожий дискурс – дискурс терроризма – уже становился объектом специального исследования (см. [Вострикова 2009]), однако анализ этого дискурса проводился на материале двух выступлений политических лидеров.

В данном исследовании анализ осуществляется на материале экспертной практики проведения лингвистических экспертиз по делам экстремисткой направленности ФБУ Саратовская ЛСЭ Минюста России. В качестве материала исследования были проанализированы тексты, которые были объектом лингвистической экспертизы за 2015–2017 гг. Следует отметить, рост количества экспертиз по подобной категории дел.

В качестве предмета обсуждения участники дискурса экстремизма выбирают следующее: национальные, религиозные, социальные группы, действия различного характера, а также темы философской направленности. Осуществляется диалогическое взаимодействие адресата и адресанта текста, нередко конфликтного характера. Большое место занимают диалоги-споры и диалоги-ссоры (по классификации Т.Н. Колокольцевой [Колокольцева 2001]):

Участники взаимодействуют друг с другом, применяя при этом коммуникативную стратегию самопрезентации, которая реализуется через тактики солидаризации (внешней и внутренней), агитации, выгодного сравнения. Кроме того, участники данного дискурса используют стратегию дискредитации, применяя тактики дистанцирования, аргументированного обвинения, нападения.

Таким образом, основной характеристикой дискурса экстремизма, на наш взгляд, является его диалогичность. Среди признаков данного дискурса мы выделили такие, как значимая роль адресата и адресанта, противопоставленность групп «свои» и «чужие», противопоставленность коммуникативных ролей «мы» и «вы», «мы» и «они», актуализация концептов «свой» и «чужой».

Литература

Вострикова И.Ю. Дискурс терроризма в системе специальных дискурсов // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. №8 (27). С. 27–31.

Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 2001.

Красноперова Ю.В. Дискурсивные стратегии участников интервью: Диссертация … кандидата филологических наук. Иркутск: Иркут. гос. лингвистич. ун-т, 2005.

Конфликтогенное слово в политическом дискурсе

Г.М. Васильева

Conflictogenic word in political discourse

Galina M. Vasilyeva

Новосибирский государственный университет экономики и управления / Novosibirsk State University of Economics and Management

vasileva_g.m@mail.ru

Аннотация. Исследуются высказывания политиков, имеющие сильный эйдогенный (имагинативный) потенциал. Отрицательное восприятие основано на комбинировании рационалистической, сенсорной и эмоциональной оценки адресата. Воспитание языкового вкуса, способности участников полилога различать ситуации по признаку «негативность / нейтральность» позволят адекватно оценить ментально-вербальные явления.

Ключевые слова: эмоциональность; экспрессия разговорной речи; ассоциативно-смысловые связи; императив.

Summary. The political statements with a strong eidogenic (imaginative) potential are investigated. Negative perception is based on a combination of rationalist, sensory and emotional and evaluation of the addressee. Training linguistic taste, the ability of the participants of the polylogue to distinguish situations on the basis of «negativity / neutrality» allows to estimate properly the mental-verbal phenomena.

Keywords: emotionality; expression of colloquial speech; associative semantic links; imperative.

При исследовании проблемы необходимо обратиться к он-лайн версиям разных источников СМИ. В большинстве из них анализируется ежегодная речь В.В. Путина. Отмечается, что президент России значительную часть своего доклада посвятил развитию ядерного потенциала государства. В статье британской газеты «The Independent» утверждается, что речь Путина адресована не российским гражданам, а США. Она является демонстрацией участия России в очередной «гонке вооружений» [Dejevsky 2018]. Того же мнения придерживаются журналисты американского новостного веб-сайта Vox. Они отмечают «пугающую ядерным оружием речь» российского президента [Ward 2018]. Утверждается, что Путин целенаправленно повысил ставки в многолетнем ядерном противостоянии между Вашингтоном и Москвой, угрожая ухудшением отношений с Западом. В доказательство угроз приводятся слова Путина: «Вы не смогли сдержать Россию… Никто нас не слушал. Ну, слушайте нас сейчас».

Информационное агентство Reuters обратило внимание на высказывание Владимира Путина о зависимости Европы от США, которые навязывают свои правила другим. Во время «Прямой линии с президентом» 7 июня 2018 г. он заметил, что предупреждал руководителей европейских стран еще в 2007 г., в Мюнхене. Европа не обратила внимания на его предостережение и теперь вынуждена расплачиваться. «Именно это сейчас и происходит. Никто не хотел слушать и никто ничего не сделал для того, чтобы предотвратить это. Что ж, вот к чему вы пришли, вы попались. Ужин подан… так что, пожалуйста, сидите и ешьте», – приводятся слова российского президента [Osborn, Nikolskaya 2018].

Восприятие слов происходит на информационном уровне и на уровне метакоммуникации, когда на первый план выходят ассоциативно-смысловые связи. Становится важным эмоциональный компонент взаимодействия адресата и адресанта. Дискурсивные маркеры «ну», «что ж», «так что» воспринимаются как своеобразный указательный жест. В антитетической сюжетной структуре предложений изображена смена ситуаций, приводятся слова другого тематического круга («ужин подан»). Используются антитезы на синтаксическом уровне. В развитой полисемии слов политик допускает индивидуальные типы семантических переходов. С помощью этих межличностных метаязыковых средств говорящий передает свои эмоции, смысл императива. Глаголы пространственной локализации относятся к группе позиционных («так что, пожалуйста, сидите и ешьте»). Они занимают сильную позицию – в конце текста – и содержат в себе семантику неподвижности, конечного пункта, когда невозможно движение. Подобный упрек провоцирует у адресантов отношение неприятия.

Сам факт упоминания «агрессивного настроя» русских и негативные оценочные номинации превратились в штамп. Так, Исиба Сигэру, оппонент Абэ на президентских выборах в Японии от правящей Либерально-демократической партии, подверг критике переговоры по северным территориям в рамках Восточного экономического форума (Владивосток, 2018 г.). Он сообщил репортерам: Путин давно сказал, что «Россия никогда не вернет острова, независимо от того, насколько выгодным будет экономическое сотрудничество с Японией» [Japan ignores Putin's offer… 2018]. На взгляд Сигэру, перспектива наступления негативного воздействия имеет не просто высоковероятный, но безусловный характер.

Представители иностранных СМИ и политики приводят не полноценные контексты, а отдельные предложения. Имена употребляются с интенсификаторами, в функции которых выступают наречия, прилагательные. Они навязывают ролевую модель, которой не следует подражать, образ, сходства с которым нужно остерегаться. Агрессия оказывается опознавательным признаком не конкретного лица, а скорее функции, имеющей предикативный характер: представитель иного (русского) мира. Именно поэтому присутствует финитивная предикация: не сейчас, а всегда, в каждый момент реализации подобной ситуации. Аудитория, подготовленная чтением подобных текстов, ждет соответствующего развития событий. В «ролевом портрете» акцент сделан не на индивидуальных чертах, а на качествах личности, играющей социальную роль в предлагаемых эпохой обстоятельствах. И таким образом достигается цель: с помощью риторики, понятой как хранилище устоявшихся форм и набор готовых формул, максимально приблизить образ российского политического деятеля к портрету-типу.

Литература

Dejevsky M. Putin's speech wasn't aggressive – it was a plea to the US to start talking again [Электронный ресурс. The Independent. 1 March. 2018. URL: https://www.independent.co.uk/voices/russia-putin-trump-us-speech-weapons-wasnt-aggressive-plea-to-start-talking-a8235356.html?amp. Дата последнего обращения 25.11.2018].

Japan ignores Putin's offer for unconditional peace treaty // The Asahi Simbun. September 14. 2018 [Электронный ресурс. URL: http://www.asahi.com/sp/ajw/articles/AJ201809140027.html Дата последнего обращения 25.11.2018].

Osborn A, Nikolskaya P. Putin tells Europe on U.S. trade threat: 'I told you so' // Reuters. World News. June 7. 2018 [Электронный ресурс. URL: https://mobile.reuters.com/article/amp/idUSKCN1J300B (проверено 30.09.2018) Дата последнего обращения 25.11.2018.

Ward A. What Putin's scary-sounding nuclear weapons announcement really means // Vox Media. 1 March. 2018 [Электронный ресурс. URL: https://www.vox.com/platform/amp/world/2018/3/1/17066598/putin-speech-missile-nuclear-election. Дата последнего обращения 25.11.2018].

Маскировка содержательных элементов устного дискурса и их дешифровка в семантической экспертизе

Е.И. Галяшина

Masking of the oral discourse content elements and their decoding in the semantic expertise

Elena I. Galyashina

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина / Kutafin Law University (Moscow)

eigalyashina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и приемы маскировки содержательных элементов устного дискурса и определяются их лингвистические маркеры для дешифровки в семантической экспертизе. Показывается, что для правильного понимания звучащего текста и дешифровки маскируемых элементов плана содержания необходимо применение методов дискурсивного анализа, т. е. изучение структуры текста, речевых ролей в диалоге, речевых стратегий и тактик, позволяющих соотнести высказывание с референтной ситуацией.

Ключевые слова: маскировка, дешифровка, дискурсивный анализ, речевая стратегия и тактика, семантическая экспертиза.

Summary. The article deals with the concept and methods of content elements masking in the oral discourse. The author determines linguistic methods of decoding masking in semantic expertise. It is shown that for the correct text understanding and deciphering of masked semantic elements in oral text it is necessary to use discursive analysis, i.e. methods of text structure and dialog roles detection, examination and explanation of the used speech strategies, corresponding the referent situation.

Keywords: masking, decoding, discursive analysis, speech strategy and tactics, semantic examination.

Актуальность проблемы правильного понимания и установления текстового содержания звучащей речи возрастает в связи с широким использованием результатов звукозаписи в качестве объектов речеведческих экспертиз, к числу которых можно отнести и семантическую экспертизу, выделяемую в качестве вида судебной лингвистической экспертизы. Текст как результат речевой деятельности изучается экспертами в аспекте цели его порождения, выражаемого им смысла, способа выражения этого смысла и характера воздействия на адресата. Задачи семантической экспертизы по выявлению и анализу с разных точек зрения эксплицитных и имплицитных смыслов нередко соотносятся только с письменным текстом. При этом смысловой анализ, по мнению некоторых ученых, носит не объективный, а субъективный характер, «является скорее искусством, чем формальной процедурой» [Кондрашова 2006].

Для устного дискурса проблема его семантического исследования и правильного понимания многократно усложняется. Это, во-первых, обусловлено особенностями восприятия и распознавания семантики звучащего текста лицом, не принимавшим непосредственного участия в речевом акте, но осуществляющим прослушивание фонограммы с целью установления фактов, имеющих значение доказательств. Как следствие данного обстоятельства, устный текст, зафиксированный на фонограмме, может быть по-разному интерпретирован участниками разговора и экспертом, не владеющим фоновыми знаниями актантов данной речевой коммуникации. Во-вторых, на семантическую экспертизу устная диалогическая речь может быть представлена в виде письменной «расшифровки», которая не может в точной мере передать все оттенки и нюансы звучащей речи. Прослушивание фонограмм может быть затруднено: речь недостаточно разборчива, зашумлена или искажена.

Осуществляя процесс передачи речевой информации, говорящий учитывает закономерности смыслового восприятия устной речи слушающим и может в определенных пределах сознательно корректировать свою речь, подстраиваясь под субъективные и объективные возможности слушающего воспринимать и понимать передаваемое устное сообщение. Кроме того, говорящий может намеренно маскировать содержательные элементы, опуская или сводя к минимуму вербальный компонент речи, достигая коммуникативную цель за счет просодических и иных невербальных средств. При этом реализуется коммуникативное намерение передать зашифрованную информацию скрытно от внешнего слушателя, но понятно для реципиента, которому она предназначена [Златоустова, Галяшина 2001].

Понятие «маскировки» содержательных элементов текста трактуется неоднозначно. В типовой методике лингвистического исследования текста в целях решения вопросов смыслового понимания приводится определение маскировки как «изменение каких-либо элементов текста в процессе его порождения посредством различных приемов (пропуск, замена, искажение), не всегда имеющее криминологическое основание» [Типовые экспертные методики… 2010: 281]. Маскировании предмета речи может осуществляться путем «замалчивания» какой-либо информации и / или передачи информации с помощью «условного» языка. Перед экспертами вопрос ставится в следующей формулировке: Имеются ли в тексте признаки маскировки его содержательных элементов. Если да, то можно ли определить значение скрытых элементов текста или их характеристики? К таковым явлениям авторы типовой методики относят, в частности, использование анафорических местоимений при отсутствии антецедента, и ряд других признаков [Типовые экспертные методики… 2010: 250–251], которые, по мнению других ученых, свойственны устной разговорной речи в целом [Доронина 2015a: 247; Доронина 2015b: 35].

Интенция говорящего передать устное сообщение с опорой на паралингвистические средства, маскируя основную вербальную информацию, накладывает свой отпечаток на весь процесс речевой коммуникации, предопределяя специфику фаз речепорождения и особенности оформления языкового материала. Говорящий анализирует ситуацию с точки зрения возможных последствий «прослушки» разговора. Обязательным условием успешности реализации коммуникативной цели на передачу речевой информации с неявным или замаскированным, скрытым смыслом выступает наличие у реципиента «ключа» для детектирования криптолалической речи и ее дешифровки [Доронина 2015b]. Лингвистическими маркерами маскируемой информации выступают слова с измененной семантической структурой, многозначные единицы, одновременно актуализирующие несколько значений, «окказиональные» образования, необычные грамматические формы, видоизмененные синтаксические конструкции, слова с «внетекстовой» нагрузкой и т.п.). Определяющее значение имеет дискурсивный анализ, позволяющий через структуру диалога, реализацию речевых стратегий и тактик, выявить коммуникативные роли участников разговора и соотнести высказывание с реальностью, которая изображается в дискурсе, выявив тем самым семантический ключ, без которого расшифровать маскируемую информацию невозможно [Маклакова, Стернин 2013].

Литература

Златоустова Л.В., Галяшина Е.И. Интерпретация устного текста в лингвокриминалистике // Труды Международного семинара Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. В 2 т. / Под ред. А.С. Нариньяни. Том 2. Прикладные проблемы. Аксаково, 2001. С. 151–155.

Доронина С.В. «Командир! Может, договоримся?»: Приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам / Политическая лингвистика. 2015a. № 3 (53). С. 245–249.

Доронина С.В. Речевые тактики реализации криптолалической интенции в современной разговорной речи // Филолого-коммуникативный ежегодник. 2015b. С. 35–41.

Кондрашова Д.С. Теория сегментной репрезентации дискурса для решения задач судебной лингвистической экспертизы при извлечении из текста имплицитной информации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006». М.: Изд-во РГГУ. С. 275–279 [Электронный ресурс. URL:http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Kondrashova.htm. Дата последнего обращения 12.11.2018].

Маклакова Е.А., Стернин И.А. Теоретические проблемы семной семасиологии. Воронеж: Истоки, 2013.

Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общ. ред. канд. техн. наук В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010.

Лингвистические технологии дискредитации образа чиновника в медийном тексте

О.А. Глущенко

Linguistic technologies of discrediting the image of the official in the media text

Olesya A. Glushchenko

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург) / Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint-Petersburg)

oag.spb@gmail.com

Аннотация. Выполнен анализ манипулятивных тактик и приемов в рамках стратегии дискредитации чиновника в текстах современных российских СМИ.

Ключевые слова: речевое манипулирование, стереотип, медийный текст.

Summary. The article is devoted to the analysis of manipulative tactics within the strategy of discrediting the official in the texts of modern Russian media.

Keywords: speech manipulation, stereotype, media text.

Отечественные СМИ пишут о чиновниках практически ежедневно, в разных жанрах и темах, при этом в большей части контента вокруг образа чиновника аккумулируются все вариации отрицательной оценки. Основной удар волны критики всего, что связано с функционированием государства, приходится именно на чиновника. Дискредитация чиновника в медийных текстах осуществляется лексико-семантическими, контекстуально-риторическими и иными средствами. Мы проанализируем их применение при моделировании образа российского чиновника в текстах региональных и федеральных СМИ последнего десятилетия (материал извлечен путем сплошной выборки из Национального корпуса русского языка http://www.ruscorpora.ru/search-main.html по ключевому слову «чиновник»).

Чиновник преимущественно именуется родовым обозначением *чиновник*. Реже используются производные (*чиновничек, чинушка, получиновник* и т.п.). Безоценочное синонимическое обозначение *государственный служащий* (или *госслужащий*) употребляется гораздо реже экспрессивных контекстуальных синонимов: *паразит, феодал, бюрократ*, *очковтиратель* и т.п. Через сочетаемость создается надындивидуальный стереотипный образ: *любой* / *каждый* / *всякий* / *российский чиновник*, *ведомственная машина* / *клика* / *стена* / *армия* / *хор (кого)*: *клика вороватых чиновников*. При этом нейтральное наименование часто расположено в контексте с концентрацией экспрессивной лексики для получения суггестивного воздействия на читателя: *непробиваемая стена чиновников, трясущихся за свои кресла.* Для этой же цели используется и прием повтора: *папки доказательств о коррумпированности и колоссальных злоупотреблениях множества и множества высокопоставленных чиновников.*

Дискредитация образа чиновника достигается и при помощи моделирования ассоциативного поля к понятию «чиновник». Тексты изобилуют негативными эпитетами: *коррупционный, ушлый, мафиозный, неэффективный, с сомнительной репутацией* и др. Введение в контексты стилистически или экспрессивно маркированных наименований (*саботаж, своеволие*, *корысть* и т.п.), а также слов из тематического блока «Криминал» косвенно способствует снижению репутации госслужащих: *искать какого-нибудь высокопоставленного чиновника, который мог по грязным денежным делам заказать убийство.* Дополнительно акцент делается на непрофессионализме чиновника: *не умеют, не приложили усилия, не пустили, не решили, не услышали, не волнует* и т.п.: *высокопоставленные мидовские чиновники не умеют работать со стратегической информацией; чиновники нашлепали кучу ошибок.* Внедряется мысль о необходимости контроля над чиновником, потому что ему нельзя доверять.

Типизируются два основных эмоционально-психологических состояния чиновника – равнодушие ко всему или раздраженность: *ничто его не волнует, этого чиновника от литературы, ничто не трогает, не восхищает, не смешит и не сердит; вбегает разгневанный чиновник, требует прекратить работу.*

При создании отрицательного образа чиновника активно используются метафоры и сравнения. В качестве основы для смыслового переноса и уподобления выступают зооморфные образы (собака, попугай, насекомое-паразит). Базовым для переноса становятся представления об отрицательных свойствах этих существ: *надо нажимать на господ инвесторов и чиновников, норовящих куснуть.* Другой основой для образной характеристики является карикатурный образ серого и духовно мертвого человека-робота: *внутри черепных сосудов региональных чиновников булькнуло непривычное.* Такой чиновник также противостоит обычным гражданам, поэтому с ним надо сражаться, к нему надо пробиваться, стучаться и иными активными действиями выводить его из постоянного апатичного состояния.

Мы отмечаем и прием трансформации привычного оборота в языковой игре для придания нового смысла тексту: *Дворцы – чиновникам, развалины – детям.* Получатель такой провокационной информации восстанавливает широкий ассоциативный контекст и делает вывод: детство надо защищать от чиновников. На чувство социальной справедливости у гражданина наслаивается острая ненависть к чиновникам, что проецируется на представления о несправедливости современного государства. Таким образом, в номинативно-оценочном плане чиновник изображается преимущественно как отрицательный персонаж, на котором лежит вина за все социальные неудачи. И виноват чиновник, с одной стороны, как личность (ленив, алчен, неумен и т.д.), с другой стороны, как обезличенный представитель государственной системы, как будто бы противостоящей своим гражданам.

Для дискредитации образа чиновника используются такие тактические модели построения текста или его фрагментов, как намек на непрофессиональное или противозаконное поведение или возбуждение подозрения в этом (*насколько деформирована оптика у чиновников и можно ли верить их рейтингам*), создание иронического контекста (*чиновник должен быть честен, исполнителен и недалек*), отталкивающее описание внешности, тактика лести (*чем выше мы поднимаемся по бюрократической лестнице, тем совершеннее умы чиновников*).

Итак, для дискредитации образа чиновника в медийном тексте используется номинативно-экспрессивное наполнение, выразительные средства и коммуникативно-прагматические модели организации текста. Чиновник – это удобный объект для критики и общественного осуждения, он выстав-

ляется как источник многих неприятностей гражданина, на чиновника можно возложить всю ответственность и за все, обвиняя его, «выпустить пар» общественного негодования. Как следствие, диапазон тактик и приемов дискредитации чиновника будет только расширяться, а в медийном пространстве не иссякнет материал для аналогичных филологических наблюдений. Такая типичная позиция современных СМИ (критиковать государство через чиновника) не позволяет увидеть успехи и достижения чиновников (и, как следствие, достижения государства).

Учет семантики дискурсивных маркеров при проведении лингвистической экспертизы диалогов

Е.И. Голованова, Ю.И. Корсакова

Consideration of the discourse markers' semantics during the linguistic examination of dialogues

Elena I. Golovanova, Yuliana I. Korsakova

Челябинский государственный университет / Chelyabinsk State University

terminolog2011@rambler.ru, juliana647@gmail.com

Аннотация. Раскрывается значимость функциональной семантики дискурсивных маркеров в рамках лингвистической экспертизы криминальных диалогов.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, криминальный диалог, функциональная семантика, лингвистическая экспертиза.

Summary. The importance of discursive markers' functional semantics reveals in the framework of criminal dialogues' linguistic expertise.

Keywords: discourse marker, criminal dialogue, functional semantics, linguistic expertise.

Анализ устной речи предполагает учет всех ее составляющих, особенно если это касается криминальных диалогов (например, связанных с делами о коррупции). Часть информации в таких диалогах имплицируется, поэтому для их интерпретации в рамках семантического протоколирования требуется учитывать функциональную семантику дискурсивных маркеров, которые представлены в каждом жанре устного дискурса.

Под дискурсивными маркерами понимаются языковые единицы, непосредственно участвующие в разворачивании дискурса и регулирующие поведение участников коммуникативного акта [Голованова, Корсакова 2018]. На основе анализа дискурсивных маркеров возможно не только определить, как то или иное высказывание соотносится с предыдущим высказыванием, в какой степени оно релевантно тому, что было сказано ранее, но и судить о том, насколько в целом понятен смысл диалога его участникам.

Д. Блэкмор предложила дифференцировать дискурсивные маркеры в соответствии с выполняемой ими функцией: 1) указание на присутствие некоторого положения, которое должно быть выведено из контекста; 2) усиление выводов текущего дискурса; 3) указание на противопоставление; 4) определение роли текущего высказывания по отношению к дискурсу [Blakemore 2002]. К первой группе единиц можно отнести русские лексемы *поэтому*, *следовательно*, *тоже* и др. Вторая группа маркеров, направленная на усиление содержания предыдущих высказываний, включает единицы *итак*, *в конце концов*, *наконец* и т.п. Указание на контрастность высказываемой мысли отражают дискурсивные маркеры *но*, *тем не менее*, *однако*, *ведь* и т.д. Роль текущего высказывания по отношению к дискурсу определяют единицы *кстати*, *в любом случае*, *между прочим*, *вообще* и др. В ряде случаев дискурсивный маркер может быть отнесен к двум и более разрядам из перечисленных выше, т.е. проявляет способность к реализации комплекса функций.

Рассмотрим примеры употребления дискурсивных маркеров в диалогах, связанных с дачей/получением взятки (в ситуации обсуждения, формирования договоренностей).

(1) – ***Ну*** *я не знаю сумму, которую конкретно.* ***Вообще*** *это случай* ***такой*** *уникальный, то есть сумма может быть любой.* ***Ну как бы*** *в разумных пределах.*

Участник диалога пытается подвести разговор к договоренности о сумме, что, исходя из обилия дискурсивных маркеров, дается ему нелегко. Подбирая слова (*такой*, *как бы*), он оценивает и взвешивает каждую реплику. О том же свидетельствует повтор начального *ну*, определяющего роль высказывания по отношению к дискурсу.

(2) – ***Так*** *и примерно цена, цена вопроса, это что мы говорили в этих тоннах?*
– ***Ну вот*** *двухсоттонник осталось сейчас фактически отдать и все.*

Единица *так* в начале реплики «обрывает» предыдущий диалог и усиливает то, что будет сказано в дальнейшем (вторая группа дискурсивных маркеров). *Ну* выражает здесь согласие с коммуникантом и взвешенность слов говорящего. Маркер *вот* указывает на присутствие дополнительного условия: осталось отдать «двухсоттонник».

(3) – Ну, вы скажите, чтобы я была готова или как? Кому и чего?
– Ну, я не знаю, вы за выходные соберете, я ... и скажу.
– Ну, говорите, вы сделаете, ну и вам нормально это.
– Да, мне-то вообще…
– Ну, все равно.
– Ну, не знаю… двести ***как бы****.*

Речевое оформление данной ситуации сходно с примером (1). Начальное *ну* в каждой реплике демонстрирует желание собеседников перенять манеру общения партнера, понять его намерения. В то же время «получатель взятки» демонстрирует неуверенность в своих словах, о чем свидетельствует маркер *как бы*. Эта неуверенность дополняется оборотами *я не знаю, не знаю*, которые, не являясь дискурсивными, указывают на высокую вероятность появления маркеров контрастности.

(4) – То есть все-таки даже если они договорятся, то ценник не меняется?
– ***Ну*** *мы* ***как бы*** *взрослые люди. Там просто разделится пополам. Люди пришли…*
– ***Ну*** *понял.*

Дискурсивный маркер *как бы* помогает концептуализации смысла без точного его обозначения, указывает на дополнительные семантические оттенки слов, не свойственные им в узусе. Иногда такая информация получает вербализацию в дальнейшем высказывании (*…сумма может быть любой. Ну* ***как бы*** *в разумных пределах.*).

Дискурсивный маркер *вот,* с одной стороны, может указывать на окончание реплики (*Мне в любом случае сейчас понадобится пара часов на согласование. Потому что он сейчас у вас в городе.* ***Вот***). С другой стороны, в контексте: ***Вот*** *я и хочу узнать, какие у нас гарантии, потому что завтра придет В, скажет: «Ребята, сколько вам дали? В два раза больше даю». И все! К примеру* – с его помощью говорящий не только сигнализирует о смене темы, но и актуализирует информацию, которая была высказана в диалоге ранее.

Императив *смотри(те)*, помимо реализации контактоустанавливающей функции, выполняет в рассматриваемом типе диалогов функцию актуализации восприятия наиболее важной информации, касающейся деталей сделки. Именно поэтому данный глагол обычно находится в абсолютном нача-

ле реплики или завершает собой высказывание, после которого следует ключевая информация (*Так. Ну тогда* ***смотрите****…*).

Наиболее часто в криминальных диалогах используется дискурсивный маркер *ну.* Как правило, им начинается реплика, что позволяет говорящим тщательнее выстраивать программируемое высказывание. При введении дополнительной информации участники диалога используют дискурсивный маркер *как бы*.

Таким образом, в диалогах, связанных с получением / дачей взятки, собеседники стремятся контролировать свои реплики, что осуществляется при помощи маркера *ну*, проявляют осторожность, корректируют свое речевое поведение, используя сочетание *как бы*, а посредством единицы *вот* помогают реципиенту выделить актуальную информацию и произвести разметку речи на законченные по смыслу высказывания.

Литература

Голованова Е.И., Корсакова Ю.И. Функциональная семантика дискурсивных маркеров устной речи: динамический аспект // Известия Урал. фед. ун-та. 2018. № 4 (181).

Blakemore D. Relevance and Linguistic Meaning: The Semantic and Pragmatics of Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press. 2002.

Языковые средства выражения агрессии в конфликтном рекламном тексте

Е.Н. Денисенко

Language tools of expressing aggression in conflicting advertising text

Elena N. Denisenko

Дипломатическая Академия МИД России (Москва) / Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow)

olenaden@gmail.com

Аннотация. Рассматривается специфика рекламного текста, основанного на противопоставлении социальных групп «свой – чужой». «Конфликтный» текст формируется различными для двух групп социальными факторами: гендерными, возрастными, статусными. Анализируются лексические, грамматические и синтаксические средства языка, используемые для достижения конфликтного сценария в тексте.

Ключевые слова: конфликтный текст, конфликтогенный текст, социокультуный контекст, текст рекламы.

Summary. The specifics of the advertising text, which is based on the opposition of social groups “friend or foe” is considering. The «conflict» text is forming the diversity of social factors for these two groups: gender, age, status. The lexical, grammatical and syntactic means of the language are being analyzed and used for achieve a conflict scenario in the text.

Keywords: conflict text, conflicting text, social and cultural context, advertising text.

На современном этапе наблюдается сознательное создание конфликтогенных тестов в интернет-дискурсе. Негативные средства языка широко используются в рекламных текстах-стимулах. Для анализа были выбраны рекламные тексты с конфликтогенным потенциалом (https://miss-tramell.livejournal.com/*).*

Конфликтогенный потенциал текстов создается актуализацией социкультурной оппозиции «свой – чужой». Рекламный текст, написанный на основе выражения враждебности к группе «чужой», содержит в конечном итоге побуждение к исполнению неких действий, правил, норм группы «свой». Для описания группы «чужой» используются лексические, грамматические и синтаксические средства языка.

Лексические средства, описывающие группы «чужой» являются существительные с негативной семантикой, имена собственные, перешедшие в нарицательные, метафорические и метонимические обозначения*: эскотрницы, женщина-рыба, Оксана из «Инстаграма», жаба, Баба-Яга, курица.* Также используются сложные негативно-оценочные сочетания: *нос, отпиленный «под Джоли», губы, модели «анус», матрешка с неживым лицом.* Существительные затрагивают различные качества человека: моральные, интеллектуальные, внешние данные, национальные черты.

Активно применяются глаголы деструктивной семантики: *отпилить нос, обрезать подбородок, доедать последний кукиш без соли, плевать на внешность, убьетесь в качалке.*

Наиболее часто встречающиеся грамматические средства для создания негативной семантики – императивные конструкции: *слушайте сюда, проходите мимо, пост не для вас, займитесь самооценкой.*

Риторические вопросы (*Мне что теперь: вообще рот зашить?*) встречаются реже, чем стандартные вопросительные конструкции: *А как у вас со стрессом? Чем он вызван? Как справляетесь? Выбрали бы местом своего рождения Россию? Родной Ижевск, например? Или Воронеж?*

Синтаксический каркас, который держит текст, ограничен в средствах: неполные и номинативные предложения, обратный порядок слов.

Рекламные конфликтогенные тексты написаны по одному плану-сценарию: автор описывает индивида из группы «свой» положительно окрашенной лексикой. Далее следует сравнение с индивидом из группы «чужой» не в пользу последнего. Детально описывается образ жизни, мысли, внешность обобщенного индивида группы «чужой». Подвергается критике социокультурный контекст группы «чужой».

Градус пейоративности поднимается градуированной последовательностью: *Ага, как же – счастливая, как царевна-лягушка. Или как жаба. То есть, Баба-Яга.* Далее даются советы, оформленные модальностью необходимости, этической необходимости, целесообразности, которые помогут адресату перейти из группы «чужой» в группу «свой».

В проанализированных текстах отсутствует стратегия саркастического оценивания, автор ограничивается стратегией прямого оценивания групп «свой – чужой». Индивид группы «свой» представляет собой идеальный прототип, а рекламная статья представляет собой скрипт, с заложенной схемой определенных действий, который формирует будущие предпочтения адресата текста. Адресат текста с позиции социокультурной лингвистики обладает объективными статусными признаками (внешность, образ жизни, уровень образования), которые необходимо улучшить.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Махина Л.А. Высказывания с негативной оценочностью как элементы структуры и смысла конфликтогенных текстов [Электронный ресурс: Электронные журналы. URL: www http://e-notabene.ru/fil/article_20464.html Дата последнего обращения 08.11.2018].

Конструкции с союзным словом *который* в нормативных правовых актах как объект лингвистической экспертизы

О.В. Зуга

Syntactic constructions with the word *which / that* in regulatory legal acts as an object of linguistic expertise

Oksana V. Zuga

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Удмуртский государственный университет» (Ижевск) / Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Udmurt State University" (Izhevsk)

ozuga@rambler.ru

Аннотация. Доклад посвящен лингвистическому анализу подпункта 1 пункта 5 статьи 5 Федерального Закона от 13.03.2006 года № 38-ФЗ (редакция от 29.07.2017 года) «О рекламе», при толковании которого возникают варианты интерпретации. Анализ показал, что высказывание *В рекламе не допускаются: 1) использование иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации* имеет два варианта толкования.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, *который*, язык нормативных правовых актов, закон о рекламе.

Summary. The report is devoted to the linguistic analysis of one of the phrase (Article 5, clause 5, sub-clause 1) of the Federal Law (13.03.2006 No. 38-ФЗ, as amended on 29.07.2017) "On Advertising", the interpretation of which gives rise to interpretation options. Analysis has shown that the statement *Advertising does not allow: 1) the use of foreign words and expressions that* / *which can lead to a distortion of the meaning of information* has two interpretations.

Keywords: linguistic expertise, syndetic word *which* / *that*, language of regulatory legal acts, law on advertising.

Специалисты в области русского языка все чаще привлекаются для разрешения речевых конфликтов в судебных и досудебных разбирательствах, связанных с толкованием тех или иных норм, зафиксированных в правовых актах.

Предложения с союзным словом *который* относятся к таким синтаксическим конструкциям, некорректное построение которых лишает речь одного из основных ее коммуникативных качеств – ясности. Одним из проблемных случаев, связанных с пониманием текста закона, является подпункт 1 пункта 5 статьи 5 Федерального Закона от 13.03.2006 года № 38-ФЗ (редакция от 29.07.2017 года) «О рекламе»: «Статья 5. Общие требования к рекламе. <…> 5. В рекламе не допускаются: 1) использование иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации».

Существующие комментарии к закону «О рекламе» дают двоякую трактовку этой нормы:

1) законом запрещается использовать в рекламе любые иностранные слова и выражения, потому что они, в силу разных причин, могут привести к искажению смысла информации: «Потребителями рекламы являются представители самых разных слоев нашего общества, социального положения, образования и возраста. <…> Известно, что иностранный язык быстро забывается, если им не пользоваться. Соответственно степень владения российскими гражданами иностранным языком может варьироваться от самой низкой до виртуозной. Поэтому использованное в рекламе выражение на иностранном языке потребитель рекламы может не уяснить, и для него рекламная информация будет неполной и искаженной» [Бадалов, Василенкова, Карташов и др.];

2) законом вводится лишь ограничение на использование иностранных слов: «Законом не допускается использовать только те иностранные слова и выражения, которые могут привести к искажению смысла информации» [Кайль]. Здесь же комментатор отмечает: «На вопрос о том, кто будет решать, искажен ли смысл рекламируемой информации, Закон ответа не дает. Думается, этот вопрос будет находиться в компетенции контролирующих органов. Представляется также, что в данном случае необходимо будет проводить специальную экспертизу» [Там же].

Согласно русской грамматике «слово *который* либо просто присоединяет придаточное предложение к главному (*Он видел неохватную долину, по которой шла тяжелая река.* Фед.), либо служит целям уточнения значения существительного, к которому оно отсылает (*Есть чувства, которые поднимают нас от земли.* Тург.). Соответственно этим различиям предложения с *который* делятся на 1) распространительные и 2) ограничительные» [Русская грамматика: научные труды, т. 2: 522].

Лингвистический анализ подпункта 1 показал, что возможны оба варианта толкования: первый – при интерпретации придаточной части как распространительной (придаточная часть определяет существительное лишь постольку, поскольку занимает при нем синтаксическую позицию определения; подчинительная связь сближается со связью сочинительной, является необязательной; имеет дополнительное причинное значение); второй – при интерпретации придаточной части как ограничительной (придаточная часть восполняет значение существительного, уточняет его соответственно потребностям сообщения; главная часть может быть дополнена словами *тот* или *такой*).

Наличие различных интерпретаций юридической нормы свидетельствует о том, что представленная в законе формулировка нарушает одно из требований к формулировкам нормативных актов, согласно которому юридическому языку должны быть свойственны точность, ясность, простота и однозначность грамматических конструкций, исключающие двусмысленность.

Литература

Бадалов Д.С., Василенкова И.И., Карташов Н.Н., Котов С.Ф., Никитина Т.Е. Постатейный комментарий к федеральному закону «о рекламе» [Электронный ресурс. URL: https://studfiles.net/ preview/ 5671338/ (дата обращения: 01.11.2018)].

Кайль А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 13.03.2006 n 38-ФЗ «О рекламе» (постатейный) [Электронный ресурс. URL: https://www.lawmix.ru/commlaw/707?page=17 (дата обращения: 01.11.2018).

Русская грамматика: научные труды: В 2 т. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 2005. Т. 2.

Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе» [принят Государственной Думой 22 февраля 2006 года; одобрен Советом Федерации 3 марта 2006 года] (ред. от 29 июля 2017 г.) [Электронный ресурс. КонсультантПлюс: справочно-правовая система. [URL: https://goo.gl/ihUPsV (дата обращения: 01.10.2018)].

Общественный резонанс науки о русском языке (на примере лингвистической экспертизы как направления прикладной лингвистики)

Е. С. Кара-Мурза

Public resonance of the science of the Russian language (on the example of linguistic expertise as a direction of applied linguistics)

Elena S. Kara-Murza

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

Kara-murza-elena@yandex.ru

Аннотация. Судебная лингвистическая экспертиза – одно из резонансных направлений рссийской прикладной лингвистики. Ее производство регулируется и научным этосом, и судебной этикой, и законом о судебно-экспертной деятельности. Предназначенная для минимизации речевых деликтов, она сама конфликтогенна. На улучшение качества СЛЭ направлены разработки экспертных компетенций, формирование экспертной этики, а также соблюдение правового принципа независимости эксперта.

Ключевые слова: конфликтогенность лингвистической экспертизы, юридическая и этическая регуляция экспертной деятельности, независимость эксперта, научный этос.

Summary. Forensic linguistic expertise is one of the resonant areas of Russian applied linguistics. Its production is regulated and scientific ethos, and judicial ethics, and the law on forensic activities. Designed to minimize speech torts, it is itself conflictogenic. Development of expert competences, formation of expert ethics, as well as compliance with the legal principle of expert independence are aimed at improving the quality of SLE.

Keywords: conflicts of linguistic expertise, legal and ethical regulation of expert activities, the independence of the expert, the scientific ethos.

Для современной науки характерны профессиональная рефлексия, внимание к закономерностям своего функционирования, к своему месту в обществе, ко взаимодействию с государством и к саморегуляции «ученого сословия» [Наука в общественном диалоге 2017]. Много материала для размышлений о проблемах самосознания лингвистики и ее социальном резонансе [Фрумкина 2000] предоставляет судебная лингвистическая экспертиза (СЛЭ). Предназначенная в конечном счете для минимизации речевых деликтов, она, однако, будучи отражением социальных конфликтов, сама конфликтогенна, провоцирует конфронтацию, в т.ч. внутрицеховую. В публичное пространство попадают и становятся объектом критики общественности и коллег экспертизы по таким болезненным социальным проблемам, как оскорбление, распространение порочащих сведений, экстремистские высказывания, ненадлежащая реклама. Не случайно возникла лингвоэкспертная публицистика, одна из функций которой – профессиональная самокритика [Смирнов 2003].

Как можно понизить конфликтогенность экспертной работы, повысить качество СЛЭ? Одна из возможностей – улучшение образования, разработка экспертных компетенций и методик их формирования [Галяшина 2017]. Другая – разработка деонтологической проблематики, в которой отображаются внутренние закономерности экспертной деятельности, ее «должное» и рефлексируются ее разнообразные регуляторы (ср. концепцию должного и долга в деятельности СМИ [Лазутина 2017]. Они имеют разное происхождение: и юридическое (ФЗ РФ № 73 «О судебно-экспертной деятельности», 2001), и профессионально-этическое. С одной стороны, экспертная деятельность подчиняется судебной этике; поставлена задача создания этики экспертной [Колесникова 2018]. С другой – эксперт как исследователь руководствуется научным этосом и этикой ученого [Мирская 2005]. Работая на пересечении этих систем, он обязан следовать научным критериям, ответственно используя концептуальный и методический аппарат [Баранов 2017]. И было бы полезно создать интегративный вузовский курс лингвоэкспертной деонтологии.

Однако в ситуациях административного давления возникает конфликт интересов, «не работают» самые валидные методики и подавляется этика эксперта [Кара-Мурза 2017]. Поэтому третья возможность (внутри второй) – строгое соблюдение независимости эксперта как законодательно зафиксированного требования.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 18–27 [DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.2].

Галяшина Е.И. Проблемы повышения эффективности и качества судебной лингвистической экспертизы// Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2.С. 34–36.

Кара-Мурза Е.С. Регуляторы деятельности лингвиста-эксперта как представителя прикладной науки: «конфликт норм» // Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникация, организация. Материалы международной научной конференции. СПб.: Изд-во Политехнического университета Петра Великого, 2017. С. 44–425.

Колесникова Н.С. Генезис профессиональной экспертной этики и ее современное состояние // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2018. № 7. С. 178–186.

Лазутина Г.В. Деонтология в системе научных представлений о журналистике (по результатам самопознания профессии на конец 2016 года) // Современная журналистика в аспекте деонтологии. М., 2017. С. 7–31.

Мирская Е.З. Р.К.Мертон и этос классической науки // Философия науки. Вып. 11. Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 11–27.

Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникация, организация // Материалы международной научной конференции. СПб.: Изд-во Политехнического университета Петра Великого, 2017.

Смирнов А.А. Заметки о лингвистической экспертизе 2 (экстремизм и утрата искренности) // Текстология.RU [URL: https://www.textology.ru/artic le.aspx?aId=229. Дата последнего обращения 20.02.2017].

Фрумкина Р.М. Размышления о самосознании лингвистов и филологов (этические аспекты) // Русский журнал [URL: https://www.russ.ru/ist_sovr/if3_fr.html. Дата последнего обращения 02.12.2018].

К проблеме выявления лингвистически значимых признаков провокации взятки

Н.В. Козловская, И.Е. Кузнецова

Provocation of a bribe: identification of linguistically significant features

Nataliia V. Kozlovskaya, Irina Y. Kuznetsova

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) / Institute for Linguistic Studies RAS (Saint-Petersburg)

nvk-nvk@list.ru, exp.k@rambler.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются основные признаки провокации взятки как коммуникативной ситуации. Авторы описывают провокацию как совокупность действий, вызванных намерением спровоцировать собеседника на действия, которые будут иметь для него негативные последствия. Поэтому устное и невербальное поведение провокатора характеризуется противоречивостью: он не дает категорического отказа, но продолжает общение и непрямо обещает собеседнику что-то сделать. Предложена общая характеристика речевого акта провокации.

Ключевые слова: провокация, провокация взятки, речевой акт провокации, усовещивание, намек, интенция провоцирующего.

Summary. The article examines the main signs of bribery provocation as a communicative situation. Based on the analysis of dictionary meanings and a specific expert situation, the authors describe provocation as a set of actions caused by the intention to provoke the interlocutor to action (actions), which will have negative consequences for him. Therefore, verbal and non-verbal behavior of the provocateur is recognized as inconsistent. He does not give a categorical refuse, but transfers communication in an unofficial channel, optimizes cooperation and implicitly promises the interlocutor to do something.

Keywords: provocation, provocation of a bribe, provocation as a communicative act, accusation, hint, provoking intention.

В докладе анализируется явление провокации, которое стало самоценным предметом научного анализа сравнительно недавно, поэтому в лингвоэкспертологии провокативные речевые акты изучены недостаточно, а лексема «провокация» (как коммуникативный феномен) не включена в терминосистему науки.

Традиционные методики, применяемые в лингвистических экспертизах по уголовным делам о взятках, предполагают выявление содержательно-фактуальной информации текста (обсуждение передачи денежных средств, конкретных сумм, предназначения, способов передачи и т.д.), а также установление коммуникативных ролей собеседников. Однако криминалистически значимые признаки провокации взятки как совокупности речевых и неречевых действий экспертам еще предстоит выявить и охарактеризовать.

В докладе представлен разбор экспертной ситуации, в которой коммуникант 1 (условный взяткополучатель), знающий об аудиофиксации разговора, не дает категоричного отказа от предлагаемого вознаграждения, прибегает к тактике усовещивания коммуниканта 2 (условного взяткодателя), однако продолжает общение и намекает на возможность его продолжения.

Интенция провоцирующего заключается в побуждении к действию. Структура речевого акта данной разновидности провокации предварительно охарактеризована следующим образом:

УЧАСТНИКИ. К1 – тот, кто осуществляет провокацию, провоцирующий. К2 – тот, в отношении кого осуществляется провокация, провоцируемый.

УСЛОВИЕ УСПЕШНОСТИ. К1 желает наступления негативных последствий для К2.

УСЛОВИЕ ИСКРЕННОСТИ. К1 произносит высказывание (и совершает неречевые действия) с целью побудить К2 к совершению определенных действий.

В методологии А. Вежбицкой такой речевой акт описывается формулой:

– хочу, чтобы ты сделал X.
– знаю, что X – это нечто плохое для тебя.
– думаю, что ты не знаешь, что я хочу плохого для тебя.
– говорю это для того, чтобы ты сделал X.

На основе проведенного анализа экспертами были сделаны следующие выводы:

Из содержания разговора между К1 и К2 нельзя сделать вывод о том, что К2 просит К1 о совершении последним каких-либо незаконных действий либо о незаконном бездействии.

Из содержания разговора между К1 и К2 можно сделать вывод о том, что К2 просит К1 о совершении последним следующих действий: решать, по-человечески помогать, разрешить и разрулить проблему, посоветовать(ся), помочь. Следовательно, К2 неоднократно просит К1 о помощи, не обозначая конкретных действий. Кроме того, К2 неоднократно просит К1 его выслушать («можно, я расскажу»).

Из содержания разговора не усматривается, что К2 предлагает К1 деньги либо вознаграждение в иной форме.

Из содержания разговора усматривается, что К2 в форме намека предлагает либо проявляет готовность к совершению незаконных действий в интересах К1. Содержание намека («сейчас решить вопрос не могу, а позже смогу») должно быть угадано адресатом.

В действиях К1 можно выявить следующие речевые составляющие, которые могут быть расценены как признаки провокации по отношению к К2: зная и утверждая о том, что действия, ему предложенные, незаконны, К1 не дает категорического отказа от совершения незаконных действий, уходит от прямого ответа, а затем перехватывает инициативу, переводит коммуникацию в неофициальное русло, оптимизирует кооперацию и имплицитно обещает К2 сделать что-то, за что в будущем адресат сможет его благодарить.

Проведенный анализ словарных толкований, обобщение данных лингвистических и междисциплинарных исследований, а также рассмотрение конкретной экспертной ситуации позволило выявить составляющие коммуникативной ситуации провокации взятки. К ним относятся участники (провокатор и объект провокации), условие успешности (провоцирующий желает наступления негативных последствий для провоцируемого), а также умалчивание со стороны провокатора, связанное с его большей осведомленностью в происходящем. Вследствие этого провоцируемому отводится более активная роль в коммуникативной ситуации.

Одним из основных признаков провокации взятки является наличие противоречия в вербальном и невербальном поведении провокатора: усовещивание, риторические вопросы, продолжение общения, использование тактик коммуникативного сближения, отсутствие отказа, намеки, неопределенные обещания.

В качестве предварительного итога сформулировано предположение о том, что создание эффективных методик анализа провокации и ее разновидностей требует совместных усилий экспертов-лингвистов и экспертов-психологов.

Антонимическое развертывание семантических инвариантных параметров русских коммуникативных кинем

А.А. Коростелева

Antonymic development of Russian communicative kinemas' invariant semantic parameters

Anna A. Korosteleva

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

korosteleva.a@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено семантике коммуникативных кинесических средств русского языка. Доказывается способность их инвариантных значений к антонимическому развертыванию, что может лечь в основу нового подхода к их описанию в словарях.

Ключевые слова: коммуникативная семантика, русский звучащий диалог, кинесические средства языка.

Summary. The study focuses on Russian language communicative kinesic means' semantics. For their invariant meanings the ability of antonymic development is shown, which can be assumed as a basis for new approach to their linguistic description in the dictionaries.

Keywords: communicative semantics, Russian spoken dialogue, kinesic language means.

Впервые на существование коммуникативного уровня языка как особой системы, противопоставленной номинативному уровню и характеризующейся совершенно иными принципами организации и законами функционирования, указала М.Г. Безяева, которой принадлежит также описание устройства коммуникативной системы русского звучащего языка. Данная система включает в себя чрезвычайно разнородные с формальной точки зрения языковые средства, объединенные способностью отражать **соотношение позиции говорящего, позиции слушающего и осознаваемой и оцениваемой, квалифицируемой ими ситуации**. Семантика же номинативного уровня связана с введением **информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего**. Выделяются две группы русских коммуникативных средств: 1) собственно коммуникативные средства, первичной функцией которых является передача коммуникативных смыслов (например, наклонения, частицы, междометия, порядок слов, ряд собственно синтаксических приемов, интонация, малые средства звучания) и 2) средства, которые могут передавать номинативное содержание, но параллельно с этим формируют значения коммуникативного уровня (местоимения, наречия, словоформы полнозначных лексических единиц, грамматические категории, части речи) [Безяева 2002; Безяева 2005].

Исследуемые нами русские кинемы (жесты, позы, мимические жесты), подобно вербальным средствам, в зависимости от специфики передаваемых ими значений делятся на номинативные и коммуникативные, последние же – на собственно коммуникативные и предназначенные для передачи номинативной семантики, однако регулярно осложняющиеся коммуникативной составляющей. Мы убеждены, что граница между вербальными и кинесическими коммуникативными средствами не является непроницаемой, обнаруживаются «точки соприкосновения» и «переходные зоны» между ними, что позволяет рассматривать их как некий континуум. Эти наблюдения подкрепляются общностью типа и «размерности» их семантических параметров, равно как и функций их в составе конструкций.

Одной из особенностей русской коммуникативной системы является тенденция к **антонимическому развертыванию семантических инвариантных параметров**, что было убедительно показано М.Г. Безяевой на примере вербальных средств языка. Та же специфика обнаруживается и при изучении функционирования кинесических коммуникативных средств в русском языке. Заметим, что ироническое употребление, то есть использование в «перевернутом» значении является практически универсалией и в данном случае нами не рассматривается; речь идет о подлинном антонимическом развертывании того или иного параметра.

Так, инвариантное значение русской кинемы *кивнуть* определяется нами как **слияние – неслияние позиций, солидаризация – подчеркнутое отсутствие солидаризации**. Традиционные взгляды на русский *кивок* и его значение связаны с использованием этой единицы в высказываниях с целеустановками согласия, подтверждения, фатического поддержания контакта. Тот факт, что это средство также типично участвует в формировании ряда других целеустановок, в том числе интенсивного возражения, недоумения, выражения несогласия и др., до сих пор оставался вне поля зрения исследователей. Роль кивка в возражении / несогласии типично связана либо с идеей солидаризации говорящего с его же собственной предшествующей позицией («приплюсовывание» к собственной позиции), либо с подчеркиванием **резкого расхождения позиций собеседников, принципиального их неслияния**. Примеры:

(1) *Бес*: В одно́м я оплошал. / Нужно было госуда́рю… / бо́мбу по́д ноги бросить… / и респу́блику уже в этом году́ учредить.
Монах: З-замолчи́, б-бе́с! / (***С кивком***) В пома́занника / Божьего – / и б-бо́мбу? (к/ф «Монах и бес»).

2. *Света*: Да какая там (*интенсивно* ***кивает****, не разрывая визуального контакта*) любо́вь! / Это Пе́тька с нашего дво[р:]а́ был! / Он мои кроссо́вки вчера, / [н:]о́вые, / из окна́ выбросил! («Ералаш». *Любовь с первого взгляда*).

Русский жест *развести руками* обладает инвариантным параметром **демонстрации имеющихся ресурсов / обстоятельств или их отсутствия (в том числе – отсутствия инструментов контроля над ситуацией)**. Типичные, частотные антонимические реализации – **демонстрация наличествующего ресурса vs. демонстрация отсутствия ресурса (материального, информационного, физического, эмоционального и др.)**.

Кинема *махнуть рукой* способна к антонимическому развертыванию по одному из семантических коммуникативных параметров, входящих в ее инвариантное значение, а именно: **отвлечение от некоторых обстоятельств (в том числе – от чьей-либо позиции) как от несущественных либо непреодолимых во имя действия либо недеяния**. Последний параметр (ориентированность, нацеленность на действие либо недеяние) разводит две полярных реализации жеста, до сих пор трактовавшиеся в семантических описаниях как два не связанных между собой значения.

Литература

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.

Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 105–129.

Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. *М.*: Наука, 1980–1982. *Т.* I. С. 96–122.

Интернет-комментарий как объект судебной экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму

Е.К. Крюк

Comment in Internet as an object of forensic expertise in cases related to countering extremism

E.K. Kryuk

ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва) / The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow)

kate31105@gmail.com

Аннотация. Тексты, функционирующие в рамках интернет-коммуникации, являются одними из объектов судебной лингвистической экспертизы, в частности, жанр интернет-комментария. При исследовании данных текстов возникает ряд вопросов, касающихся разграничения автора и публикатора, выраженности отношения к комментируемому, существования текста как элемента гипертекста и др. На эти и другие вопросы мы постараемся ответить в докладе, опираясь на примеры из экспертной практики.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, интернет-коммуникация, интернет-комментарий, противодействие экстремизму.

Summary. Texts that function in Internet communication are among the objects of forensic linguistic expertise, in particular, the genre of Internet-comment. During studying of these texts, appear some questions regarding the distinction between the author and the publisher, the expressing the attitude to the commented, the existence of the text as an element of hypertext, etc. We will try to answer these and other questions in the report based on examples from expert practice.

Keywords: forensic linguistic expertise, Internet communication, Internet-comment, countering extremism.

Одним из объектов судебной лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму, является текст комментария или публикация, включающая в себя комментарий. В последнее время таких текстов становится все больше, возникает большое количество спорных ситуаций, связанных с их исследованием. Необходимость уделять этому жанру особое внимание нашло отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 32 г. Москвы «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”».

При изучении текстов Интернет-комментариев эксперты сталкиваются со следующими проблемами-вопросами:

– Является ли комментарий самостоятельным объектом?

В случае, когда комментарий сопровождает размещенное изображение / видеозапись, все ясно: объект рассматривается как креолизованный текст, в совокупности вербальной (текст комментария) и невербальной информации. Но когда комментарий является одним из текстов в ленте комментариев, нужно обращать внимание: сделан он публикатором записи, послужившей информационным поводом для написания комментариев, или другим человеком? На что он непосредственно реагирует? Как соотносится информации в тексте комментария с основной информацией поста?

– Как соотносятся автор и публикатор? Кому принадлежит комментарий? Здесь встает проблема репоста, то есть перенесения публикации из одной точки интернет-пространства в другую. И важно, каким комментарием сопровождается перенесенный текст? Как он соотносится с комментарием (при его наличии) первичного публикатора или местом предыдущей публикации?
– Для экспертиз по делам, связанным с противодействием экстремизму, важно, какое отношение выражает публикатор к публикуемому? Как правило, эта информация содержится именно в его комментарии. Но значимым будет и его отсутствие в случае, когда основной объект содержит запрещенную в РФ информацию.
– Если в комментарии сообщается о необходимости что-либо делать, является ли это выражением мнения или побуждения адресата? Этот вопрос является актуальным не только по отношению к тексту комментария.
– Насколько значимым является то, что в качестве комментария выступает прецедентный текст? Становясь частью интертекста, текст комментария обрастает смыслами, которые могут вступать в разные отношения с комментируемым текстом.

Литература

Дедова О.В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М.: МАКС Пресс, 2008.

Казак М.Ю., Махова А.А. Медиатексты в аспекте теории интертекстуальности и прецедентности // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 24 (119). Вып. 12. С.175-182.

Клушина Н.И., Смирнова Н.В., Касперова Л.Т., Иванова М.В., Барышева С.Ф. Сетевые жанры: новость и комментарий в пространстве Интернета // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С.50-54.

Селютин Ал.А. Блендинг жанров электронной коммуникации как фактор формирования интернет-текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. С. 273-279.

Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. М.: «1989.ру», 2006.

Танабаева И.Р. Комментарий как особый жанр в интернет-общении // Молодой ученый. № 51 (185). Декабрь 2017 г. С.207-209.

Щипицина Л.Ю. Жанровый статус сетевого комментария // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 528-532.

К вопросу о предмете и задачах семантической экспертизы

В.О. Кузнецов

On the subject and tasks of semantic examination

Vitaly O. Kuznetsov

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (Москва) / Russian Federal Center of Forensic Science at the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow)

vixen2006@yandex.ru

Аннотация. В докладе представлены определения предмета семантической экспертизы и ее задач исходя из теории судебной экспертизы и экспертной практики. Дана краткая характеристика каждой из задач.

Ключевые слова: семантическая экспертиза, предмет экспертизы, задачи экспертизы.

Summary. The report presents the definitions of the subject of semantic expertise and its tasks on the basis of the theory of forensic examination and expert practice. A brief description of each of the problems is given.

Keywords: semantic examination, the subject of examination, the task of examination.

Как известно, предметом судебной экспертизы является «установление фактов (фактических данных), суждений о факте, имеющих значение для уголовного, гражданского, арбитражного дела либо дел об административных право-

нарушениях, путем исследования объектов экспертизы, являющихся материальными носителями информации о происшедшем событии» [Аверьянова 2006: 77]. Исходя из этого определения видовым предметом судебной лингвистической экспертизы, т.е. предметом семантических экспертных исследований является установление имеющих значение для уголовного, гражданского, арбитражного дела либо дела об административных правонарушениях фактов (фактических данных) путем исследования семантического аспекта продуктов речевой деятельности.

Предмет экспертизы очерчивает основные экспертные задачи. Исходя из вышеприведенного определения предмета семантических экспертных исследований и с учетом экспертной практики можно выделить следующие основные (типичные) задачи семантической экспертизы:

– выявление значения (смысла) единиц различных уровней: слова, словосочетания, предложения (высказывания), текста;
– установление наличия / отсутствия в тексте информации определенного типа / содержания;
– выявление значения / формы выражения значения и отнесение их определенному классу;
– установление степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста (семантическое сравнение речевых произведений).

1. Задача, связанная с выявлением значения (смысла) единиц различных уровней: слова, словосочетания, предложения (высказывания), текста, решается практически в каждой лингвистической экспертизе, при этом она в большинстве случаев является промежуточной, вспомогательной задачей: при решении задач других типов зачастую возникает потребность в выявлении значения (смысла) единиц различных уровней. В качестве конечной задачи выявление значения (смысла) единиц различных уровней (прежде всего слова, словосочетания, предложения) в основном выступает в экспертизах документных текстов. В экспертизах такого рода в задачи эксперта-лингвиста входит выявление того, что сказано в тексте, характеристика всех возможных интерпретаций сказанного и с опорой на лингвистическую методологию либо установление единственно верного варианта толкования, либо фиксация допустимости вариативных толкований.

2. Задача, связанная с установлением наличия / отсутствия в тексте информации определенного содержания, во многом она сходна с предыдущей задачей. Различаются же они тем, что рассматриваемая задача не ограничивается фиксацией содержащегося в объекте значения, а предполагает исследование выявленного значения с точки зрения его соответствия / несоответствия, с одной стороны, интересующей судебно-следственные органы информации, с другой стороны, информации, важной с точки зрения решения определенной экспертной задачи. В первом случае данная задача является конечной, самостоятельной. Во втором случае данная задача является промежуточной (вспомогательной). Например, в экспертизах по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, для решения задач, связанных с установлением наличия / отсутствия в тексте «экстремистского» значения, необходимо установить, содержится ли в тексте информация о группах лиц, выделяемых по определенному признаку, о насильственных, дискриминационных, разрушительных действиях, о лице, замещающем государственную должность, выражена ли оценка определенного типа и т.п.

3. Задача, связанная с выявлением значения/формы выражения значения и отнесением их к определенному классу. Данный тип задач семантической экспертизы относится к конечным, автономным задачам. Их решение завершается установлением факта, ближе стоящего к предмету доказывания, чем решение промежуточных задач, например, связанных с выявлением значения высказывания или содержащейся в нем негативной оценки, поскольку предполагает установление путем применения специальных знаний языковых феноменов, которые лежат в основе коммуникативных / речевых действий, соотносимых с определенными аспектами объективной стороны так называемых «речевых» преступлений и правонарушений [Смирнова, Секераж, Кузнецов 2017: 9], например, оскорбления, клеветы, пропаганды исключительности, превосходства, неполноценности групп, призыва к экстремистским действиям и т.п. Данные понятия буквально пронизывают все законодательство, связанное в «речевыми» преступлениями и правонарушениями, повторяются в правовых нормах. В зависимости от категории дела в задачи эксперта-лингвиста (а в ряде случаев и эксперта-психолога) входит установление того или иного языкового феномена или их комплекса.

4. Задача, связанная с установлением степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста (семантическое сравнение речевых произведений), является в большинстве случаев конечной, автономной. Этот тип задач возникает при необходимости сравнения как минимум двух текстов с целью определения того, искажает ли один текст смысл другого текста, и установления характера искажений.

Литература

Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. М., 2006.

Галактионова И.В., Кобозева И.М., Кукушкина О.В., Смирнов А.А. Лингвистическая экспертиза // Возможности производства судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. М.: РФЦСЭ при Минюста России, 2004.

Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.

Смирнова С.А., Секераж Т.Н., Кузнецов В.О. Междисциплинарные исследования в судебно-экспертных учреждениях Минюста России: актуальные направления лингвистической и психологической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 4.

Особенности лингвистической экспертизы (в рамках комплексной психолого-лингвистической) по делам о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних. Предметная область сферы сексуальных отношений

М.А. Кузнецовская

Distinguishing features of forensic linguistics (within a framework of complex forensic psychological and linguistic analysis) in cases of sexual offences against minors. Sexual relationship subject area

Mariya A. Kuznetsovskaya

ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр» (Москва) / Moscow State Budget Institution «Moscow research center»

m.kuznetsovskaya@gmail.com

Аннотация. В настоящей работе внимание привлекается к проблемам, с которыми сталкивается эксперт-лингвист при работе с делами о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних, в первую очередь к проблеме изучения предметной области сексуальных отношений. Приводится попытка классификации лексических единиц, описывающих указанную сферу.

Ключевые слова: сексуальные отношения, предметная область, лингвистическая экспертиза.

Summary. The present paper refers to the problems in a forensic linguist's work with cases of sexual offences against minors; primarily it refers to the study of sexual relationship subject area. An attempt to classify lexemes which describe this subject area would be illustrated here.

Keywords: sexual relationship, subject area, forensic linguistics.

Экспертизы по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы лиц, не достигших совершеннолетия, могут назначаться по следующим категориям дел: изнасилование несовершеннолетних (ст. 131 УК РФ);

насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних (ст. 132 УК РФ); понуждение к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетних (ст. 133 УК РФ); сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ); развратные действия (ст. 135 УК РФ); дела, связанные с оборотом материалов порнографического характера с участием несовершеннолетних (ст. 242.1; ст. 242.2.УК РФ).

Наиболее полное и всестороннее исследование материалов по указанным делам, по нашему мнению, возможно при производстве комплексных психолого-лингвистических экспертных исследований, в которых эксперт-лингвист и эксперт-психолог – каждый в пределах своей компетенции – смогут отразить все важные для дела обстоятельства.

Как правило, объектами исследования становятся фотографии (фотоизображения), видеоролики, переписки в социальных сетях, тексты различных жанров (это могут быть дневниковые записи, письма, рассказы, заметки и др.), записи телефонных разговоров.

Проблемы, с которыми сталкиваются эксперты-лингвисты при производстве экспертных исследований по делам о сексуальных преступлениях, в первую очередь связаны с тем, что предметная область сферы сексуальных отношений подробно не рассмотрена.

Первое, что лингвист должен установить, работая с материалами по делам о сексуальных преступлениях, – является ли предметом речи (тем, о чем сообщается) сфера сексуальных отношений, секс.

Как мы понимаем, что речь идет именно об этом?

В отношении визуальной информации – это анализ поз и действий участников коммуникации как демонстрирующих сферу сексуальных отношений.

В отношении вербальной информации – это лексико-семантический анализ высказываний.

Относится ли то или иное явление к сфере сексуальных отношений мы, как правило, понимаем, исходя из фоновых знаний. Однако слова и позы, описывающие / демонстрирующие сферу сексуальных отношений, как отдельный дискурс подробно не рассмотрены.

Несмотря на то, что тема секса долгое время в обществе была табуированной и существует некоторая лексическая недостаточность для именования предметов, действий и т.д., относящихся к сексуальной тематике, сексуальные отношения могут описываться при помощи различных языковых единиц, принадлежащих к самым разным языковым сферам: к нейтральной, книжной или высокой речи, к речи узкоспециальной или профессиональной, к просторечию, жаргонам.

Лексические единицы, относящиеся к сексуальной тематике можно классифицировать различными способами. Для производства экспертиз интерес представляет классификация, которая бы отражала, как конкретно сексуальная сфера описывается в коммуникации а) между взрослыми; б) где хотя бы один из участников – ребенок, и в) как ее необходимо описывать в экспертном заключении.

Как правило, в экспертном заключении используется терминология медицинского дискурса, области сексологии или общеупотребительные нейтральные слова (*половые органы, половой член, клитор, влагалище, анальное отверстие; сексуальные действия, орально-генитальный половой акт* и др.).

Слова, описывающие сферу сексуальных отношений, служат как для обозначения реалий физического мира (конкретные предметы, процессы, признаки), так и реалий ментального мира (отвлеченных понятий – абстрактные предметы, процессы, признаки).

Более подробная классификация лексических единиц предметной области сексуальных отношений позволит установить в полной мере, какие реалии следует относить к исследуемой сфере, какие лексические средства используются для ее описания.

Языковые приемы вовлечения в террористическую деятельность

Э.П. Лаврик

Language techniques of involvement in terrorist activities

Elvira P. Lavrik

Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь) / North-Caucasus Federal University (Stavropol)

ehl7983@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются лингвистические механизмы вовлечения в деятельность запрещенных организаций, система коммуникативных приемов, которые использует адресант, коммуникативные роли участников интеракции, методика лингвистической экспертизы данных текстов.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, коммуникативные приемы, вовлечение.

Summary. The article examines linguistic mechanisms of involvement in the activities of prohibited organizations, the system of communicative techniques used by the addresser, communicative roles of the participants of interaction, and the method of linguistic expertise of these texts.

Keywords: linguistic expertise, communication techniques, involvement.

Вопросы террористической угрозы актуальны для всего мирового сообщества. Экстралингвистическим фактором обращения к проблеме является формулировка понятия «терроризм» и «террористическая деятельность» в Федеральном законе от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О противодействии терроризму» и ст. 205.2 УК РФ, где дается определение террористической деятельности. Задача лингвиста-эксперта – выявить те речевые механизмы, которые используются в ситуации вовлечения в деятельность террористических организаций. Вовлечение представляет собой не одноразовое речевое действие, а «организованный дискурсивный процесс» [Катышев, Оленев 2016: 416].

Эксплицированным приемом вовлечения в противоправную, террористическую является прямой призыв. Однако в связи с тем, что основной «площадкой», сферой вовлечения в террористическую деятельность является интернет-коммуникация, используются все более завуалированные приемы вовлечения.

Интернет-коммуникация может носить как публичный характер (например, размещенные в публичном доступе фото- и видеоматериалы, тексты, в том числе креолизованные), так и представлять собой индивидуальную переписку пользователей. Интернет-обращения, преследующие цель вовлечения в противоправную деятельность, чаще всего имеют подготовленный, не спонтанный характер, и языковые средства их репрезентации постоянно усложняются и модифицируются. В связи с этим усложняются и экспертные задачи, связанные с анализом материалов о вовлечении. Сознательное вуалирование адресантом сообщаемого делает менее эффективными традиционные, прежде всего формально-грамматические, методы исследования и требует новых методик, основанных на извлечении имплицитной информации из текстов, преследующих цель вовлечения, включающих лексико-семантический, логико-грамматический, лингвопрагматический и лингвосемиотический виды анализа.

Использование различных каналов воздействия (текст, видеоряд, изображение) в ряде случаев требует комплексного подхода, который реализуется в комплексной экспертизе с привлечением психолога, культуролога, конфликтолога и других специалистов.

Задача эксперта-лингвиста – выявить систему средств и приемов, реализующих стратегию вовлечения в деятельность нелегальных сообществ.

В ситуации «вовлечения» «вовлекающий», адресант обладает коммуникативной инициативой, его высказывания имеют форму совета, рекомендации, предписания (в зависимости от формата, формы, стадии вовлечения). Несмотря на сознательное вуалирование содержания, высказывания строятся так, чтобы импликатуры дискурса извлекались достаточно легко, то есть используется модель продуктивного намека [Баранов 2007: 216].

Коммуникативная тактика вовлечения реализуется посредством следующих коммуникативных приемов:

1. Использование религиозной риторики, апелляция к ценностям религиозного сознания: *И пусть Аллах дарует вам шах1аду, ибо эта дунья ничто по сравнению с довольством Аллаха!*
2. Эксплуатация религиозных ценностей и атрибутов веры: *Аллах укрепит тебя, дуа делай*.
3. Апелляция к жизненным ценностям и установкам: *Сам понимаешь любая идея если ты искренне веришь в нее заслуживает того что бы посвятить ей жизнь*; *И знай же брат мой, что это дунья испытание, чтобы выявить искреннего от лжеца.*
4. Негативный или позитивный прогноз: *Да уничтожит вас Алла*; *И обязал Аллах умму джихадом а ты остался позади. И в унижении тот, кто оставил сражение на пути Аллаха и нет величия кроме как посредством меча. Когда раб оставляет свои обязательства перед Аллахом, он выходит из покровительства Аллаха и предоставляется своей душе, шайтану*.
5. Солидаризация с мыслями и переживаниями собеседника: *У меня такие же сомнения были*.
6. Генерализация, приписывание особой значимости той деятельности, в которую вовлекается адресат: *Уааа давай мировые движухи мутить*.

Таким образом, актуальным для методики лингвистических экспертиз по проблемам вовлечения в деятельность террористических организаций является описание тактик и приемов вовлечения, выявление их языковых маркеров и прагматического потенциала.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007.

Катышев П.А., Оленев С.В. К вопросу о судебной лингвистической экспертизе по делам, связанным с вовлечением в деятельность нелегальных организаций // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. XII. Ч. 3. I. Исследования по балканистике. II. Лингвистическая судебная экспертиза: типы, методы, решения. III. Varia / Ред. М.Л. Кисилиер, И.Е. Кузнецова, А.Ю. Русаков. СПб.: Наука, 2016. С. 407–419.

Конситуативное значение в поликодовом тексте как предмет лингвистической экспертизы

А.П. Майоров

Consituative value in polycode text as object of linguistic expertise

A.P. Mayorov

Бурятский государственный университет (Улан-Удэ) / Buryat State University (Ulan-Ude)

map1955@mail.ru

Аннотация. В тезисах обосновывается необходимость введения в научный оборот понятия «конситуативное значение» как результата взаимодействия вербальных и невербальных компонентов в составе поликодового текста. Особую методологическую важность это понятие приобретает при судебно-лингвистическом анализе экстремистского дискурса. Объектом такого рода исследования является конфликтогенный поликодовый текст, смысловая направленность которого более четко устанавливается через толкование конситуативного значения.

Ключевые слова: конситуативное значение, поликодовый текст, лингвистическая экспертиза.

Summary. In the thesis the necessity of introducing into the scientific use the concept of "consituative value" as the result of the interaction of verbal and nonverbal components in the composition `polycode text`. This concept is of particular methodological importance in the forensic linguistic analysis of extremist discourse. The object of this kind of research is contentious `polycode text`, the semantic orientation of which is more clearly established through the interpretation consituative value.

Keywords: consituative value, contentious `polycode text`, linguistic expertise.

Современная социальная коммуникация сегодня немыслима без использования поликодовых текстов, которые выступают мощным средством суггестивного воздействия на адресат. В научной литературе освещаются разнообразные аспекты феномена поликодового текста – природа кооперации вербального и невербального компонентов в поликодовом тексте [Кара-Мурза 2007: 114–117], функции текстов такого рода [Баранов 2007: 390–411; Кукушкина, Сафонова, Секераж: 137–141], психолингвистические особенности их восприятия [Мардиева 2012: 42–48] и др.

Особое внимание сегодня уделяется поликодовым текстам как объектам судебной лингвистической экспертизы [Кожевникова, Осадчий 2012: 22–29], что неслучайно: среди конфликтогенных текстов, представляемых на судебную лингвистическую экспертизу, формат поликодового текста в силу эффективного воздействия на адресат в соответствующей области медиапространства является наиболее востребованным авторами экстремистского дискурса. В связи с этим актуальным представляется анализ семантической стороны тех высказываний, которые используются в рамках поликодового текста.

Речь идет о значении спорных высказываний и слов, которое невозможно адекватно истолковать без учета невербальной составляющей, а это значит, что приниматься во внимание должна конситуация – «коммуникативная ситуация, которая включает в себя «условия общения, предметный ряд, время и место коммуникации, самих коммуникантов, их отношений друг к другу» [ЛЭС 1990: 238], и порождает особый тип значения, который целесообразнее назвать «конситуативное значение». Конситуативное значение – это смысл отдельных слов и словесных оборотов (именных выражений, глагольных словосочетаний, высказываний), выходящий за рамки прототипического сигнификата слов и реализующийся в акте референции с опорой на невербальные знаки, которые используются в определенной коммуникативной ситуации.

В качестве примера рассмотрим размещенный в социальных сетях поликодовый текст с фотоизображениями солдат и офицеров вермахта и надписью «Спасибо вам, дорогие ветераны!». В моделируемой коммуникативной ситуации автор поликодового текста обращается к немецким солдатам и офицерам как представителям нацистской идеологии, выражая свое одобрение их деятельности. Положительная оценка этих лиц заложена в обращении *дорогие ветераны*. Слово *ветеран* в русском языке служит наименованием участника многих боев, и оно наделено положительными коннотациями ‘заслуженный’, ‘вызывающий уважение’. Между тем в акте референции, благодаря соотнесению высказывания с визуальным образом, слову *ветеран* придается конситуативное значение, которое отражает определенные семантические сдвиги.

В данном речевом акте осуществляется реализация не референциального значения слова *ветеран*, отражающего типичные семантические признаки и коннотации у того класса объектов, к которому принадлежит денотат «ветеран» (прототипический сигнификат), а конситуативного значения, ко-

торое в результате соотнесения вербального компонента с невербальным актуализирует смысл слова с иными по отношению к языковому значению коннотациями.

Установление конситуативного значения вербальной составляющей и интенциональной направленности поликодового текста позволили ответить на поставленный перед экспертами вопрос об одобрении преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге 1 октября 1946 г., положительно. Фотоколлаж с изображениями немецко-фашистских захватчиков и нанесенной под ними надписью «Спасибо вам, дорогие ветераны!», следует рассматривать как поликодовый текст, выражающий одобрение автором преступных действий нацистов во время Второй мировой войны. Цель воздействия на адресат в данном случае – это формирование у посетителя персональной страницы автора «положительного образа» немецко-фашистских захватчиков.

Таким образом, в поликодовом тексте, создаваемом с целью суггестивного воздействия на адресат, кооперация вербальных и невербальных компонентов порождает особый смысл у вербальных средств, передающих коммуникативное намерение адресантов, – смысл, который определяется через термин «конситуативное значение». Его толкование дает возможность разъяснять смысловую направленность конфликтогенного поликодового текста обоснованно и непротиворечиво, что имеет непреходящее практическое значение при производстве лингвистических экспертиз по делам, связанным с противодействием экстремизму.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007.

Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М.: Академический Проект, 2007.

Кожевникова Е.А., Осадчий М.А. Поликодовый текст как объект судебно-лингвистической экспертизы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. 2012. № 19–1. С. 22–29.

Кроз М.В., Ратинова Н.А. Особенности экспертной психологической оценки материалов, содержащих вербальный и невербальный компоненты // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 24–28.

Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990 (ЛЭС).

Мардиева Л.А. Механизмы воздействия прецедентных визуальных феноменов на сознание читателей // Филология и культура. Philology and Culture. Казань, 2012. 1 (27). С. 42–48.

К вопросу о ролевых характеристиках коммуникантов

Н.Ю. Мамаев

To the question of the role characteristics of communicants

N. Mamaev

klammgarpe@mail.ru

Экспертно-криминалистический отдел управления криминалистики Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым (Симферополь) / Forensic Department of the Criminalistics Management of the Main Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Republic of Crimea (Simferopol)

Аннотация. В данной статье идет речь о некоторых возможных способах лингвистического анализа ролевых характеристик коммуникантов. Автором предлагается описание трех альтернативных вариантов исследования ролевого компонента с опорой на лингвистические категории волеизъявления, коммуникативной инициативы, а также коммуникативного регистра и тональности общения.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, ролевые характеристики, коммуникативная инициатива, коммуникативный регистр.

Summary. This article deals with some possible ways of linguistic analysis of the role characteristics of communicants. The author proposes a description of three alternative options for the study of role relationships based on linguistic categories of motivation, communicative initiative, communicative register and communicative tonality.

Keywords: linguistic expertise, role characteristics, communicative initiative, communicative register.

К числу смысловых компонентов диалогического общения, исследуемых в криминалистических целях в рамках лингвистической судебной экспертизы, относится ролевой компонент. Его анализ осуществляется в тех случаях, когда для определения квалифицирующих признаков преступления значимым является характер отношений между участниками зафиксированной коммуникативной ситуации. Как правило, в фокусе исследовательского интереса оказывается вопрос о том, кому из коммуникантов принадлежит ведущая (руководящая) роль.

Поиск эффективных способов практического решения вопроса о ролевых характеристиках является, на наш взгляд, перспективным направлением лингвистической экспертизы, что обусловлено потребностью правоприменителей в информации о зафиксированных в текстах экстралингвистических аспектах коммуникации.

Один из подходов к анализу ролевого компонента дискурса излагается в типовой методике производства лингвистических экспертиз, используемой в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России [Типовые экспертные методики… 2010]. В соответствии с ним характеристика ролей и функций коммуникантов осуществляется по значимым параметрам коммуникативных целеустановок выраженного волеизъявления, определяемым с использованием методологии, разработанной М.Г. Безяевой [Безяева 2002].

По характеристикам выраженного волеизъявления лицо может быть охарактеризовано как то, которое преимущественно каузирует действия другого участника коммуникации (агенс), либо как то, на которое преимущественно направлено побуждение другого участника коммуникации (пациенс). При этом используемые языковые коммуникативные средства выражения побуждения могут актуализировать коммуникативные параметры: более высокого уровня компетентности и владения ситуацией говорящего; обязательности и / или незамедлительности для слушающего исполнения действия и некоторые другие параметры, которые в совокупности будут способствовать определению каузирующей роли говорящего.

Отметим, что при выражении волеизъявления характерно использование высказываний, непосредственно выполняющих функцию регулирования отношений между коммуникантами и реализующих повышение собственного статуса и понижение статуса собеседника, например, грубых, раздраженных требований, предупреждений и угроз, пейоративных высказываний, связанных с корректировкой поведения собеседника. Употребление данных высказываний выражает ориентацию говорящего на его более высокую роль и зависимость от него слушающего. Слабым местом описанного подхода является его применимость преимущественно к тем диалогам, в которых выражено побуждение.

Другой подход к анализу характеристик ролевых отношений связан с понятием коммуникативной инициативы и имеет хорошо проработанную теоретическую базу в рамках интеракционной модели коммуникации. В соответствии с данным подходом коммуникативное взаимодействие может иметь вид симметричного и асимметричного реплицирующего диалога, один из которых, в соответствии с описанием И.Н. Борисовой, «демонстрирует равноправие коммуникан-

тов в отношении распределения коммуникативной инициативы», в то время как для второго свойственно «инициативное неравноправие коммуникантов: речевая партия одного из коммуникантов (Инициатора) конституируется преимущественно инициирующими речевыми поступками, а речевая партия другого (Респонсора) – преимущественно реактивными» [Борисова 2009: 189].

Инициатором вводятся, контролируются и сворачиваются темы (микротемы) разговора, используются предписывающие речевые акты (побуждения, вопросы и т.п.), средства установления, поддержания и завершения контакта, а также другие средства, выполняющие в процессе коммуникации регулирующую функцию. Респонсором используются в основном реагирующие, нераспространенные реплики, которые содержат ответы на инициирующие высказывания собеседника, сообщают запрашиваемую информацию, уточняют, выражают согласие, подтверждение понимания и т.п. Темы (микротемы) разговора респонсором самостоятельно не вводятся, полностью независимые инициирующие высказывания встречаются реже, чем у инициатора.

Характеристика интеракции по признакам коммуникативной инициативы позволяет дать оценку ролевой функции как сильной / слабой, активной / пассивной, независимой / зависимой. Таким образом, данный подход способен предоставить ценную информацию о взаимодействии коммуникантов.

Рассмотрим еще один возможный способ анализа ролевого компонента, который может быть связан с такими суперсегментными категориями продуцируемого коммуникантом текста, как: коммуникативный регистр, тональность общения и т.п. Внимание к выбору и особенностям использования собеседниками текстуальных средств позволяет получить ценную информацию о прагматическом аспекте коммуникации в широком смысле, в том числе об отношениях коммуникантов.

По наблюдениям, основанным на некоторой экспертной практике, в речи лица, которому соответствует ведущая роль, используются высказывания, принадлежащие к волюнтивному и реактивному коммуникативным регистрам, являющимся средствами активной межличностной речевой деятельности. При этом при соединении средств этих двух коммуникативных регистров происходит их взаимное усиление. Так, выражение негативных оценок и эмоций, направленных на собеседника, нередко совмещается с выражением побуждения.

Для речи лица, чья позиция в диалоге более самостоятельна, характерно свободное и прямое использование средств коммуникативного регистра, им в меньшей мере задействованы косвенные способы выражения смысла. Тональность речи также характеризуется свободой в выборе форм выражения, что проявляется в речевой небрежности, использовании обсценной и жаргонной лексики, средств вербальной агрессии, указывающих на отсутствие влияния фактора адресата. Речь зависимого лица, наоборот, характеризуется значительно меньшим разнообразием. Используемые им регистр и тональность речи обусловлены ориентацией на собеседника.

Подводя итог сказанному отметим, что ролевой компонент может быть проанализирован через обращение к различным, неродственным направлениям лингвистической науки, в рамках которых даже собственно понимание содержания вопроса о ролевых характеристиках не является тождественным. Очевидно, что перечень обозначенных путей исследования не является исчерпывающим, хотя и демонстрирует некоторые возможные альтернативы в выборе лингвистического инструментария. Рассмотренные варианты требуют практической проработки, оценка же их эффективности, по-видимому, должна быть дана экспертами-лингвистами в соответствии с накопленным положительным или отрицательным опытом.

Литература

Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. М.: ЭКЦ МВД России, 2010.

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Номинации человека в лингвистической экспертизе

З.И. Минеева

Nomination of people in linguistic expertise

Zoya I. Mineeva

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

zmineeva@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются номинации человека, которые выступают объектом анализа при проведении лингвистической экспертизы текста. Выделяются лексемы, называющие человека по качествам, свойствам, принадлежности к этносу. Среди них значительно число дериватов, в том числе узуальных и окказиональных неологизмов.

Ключевые слова: инвектива, оскорбление, негативная оценка, речевой акт.

Summary. Nominations of people are analyzed under linguistic expertise of a text. Lexical items are identified nominating people by different features and attribution to ethnos. Among them, the number of derivates is abundant being usual and occasional neologisms.

Keywords: invective, insult, negative assessment, speech act.

Анализ спорного текста при проведении судебной лингвистической экспертизы включает рассмотрение слов, обозначающих человека. Структурно-семантический, стилистический анализ с привлечением данных лексикографии и Национального корпуса русского языка позволяет определить специфику лексических единиц, использованных в различных речевых актах.

Актуально выявление пейоративной коннотации в семантической структуре слова и иллокутивной силы высказывания, что способствует более точной квалификации инвективы. Термином *инвектива* в лингвистике называют все виды речевой агрессии. Одной из реализаций речевой агрессии является речевой акт оскорбления (РАО).

С точки зрения юрислингвистики оскорбление имеет место при наличии двух условий: отрицательной характеристики по отношению к адресату и неприличной формы этой характеристики [Баранов 2011: 540]; унижение чести и достоинства другого лица, которое выражается в неприличной форме [Осадчий 2013: 70]. Определенная специфика присуща компонентам параметрической судебно-лингвистической модели оскорбления представителя власти, участника судебного разбирательства, военнослужащего в публичной коммуникации (заседании суда) [Осадчий 2013: 102].

Оскорбление представляет собой иллокутивный акт, целью которого является причинение ущерба адресантом (инвектором) адресату (инвектуму), результатом РАО выступает достижение перлокутивного эффекта. Специфика оскорбления определяется конституирующими лексическими, референциальными, прагматическими признаками. Согласно лексикографическим дефинициям *оскорбление* – «действие по знач. глаг. *оскорблять* ‘сильно обижать кого-л., уязвлять в ком-л. какие-л. чувства’».

Проблема квалификации языкового средства как имеющего «неприличную форму» является предметом рассмотрения в работах лингвистов [Крысин 2008: 264–272]. М.А. Осадчий считает, что «наиболее правильным видится словарный подход, основанный на группе наиболее “радикальных” стилистических помет – *бран., руг., груб.-прост.*» [Осадчий 2013: 85]. Общепризнанным является то, что унижение чести и достоинства личности вербализуется с помощью лексических единиц, которые квалифицируются как *нецензурное, дисфемизм, обсценное, грубое, грубо-просторечное, вульгарное, бранное*.

Номинации человека, семантика которых включает негативно-оценочные коннотации, входят в состав лексики, способной использоваться при нанесении вербального оскорбления, что обусловливает их изучение в связи с исками о защите чести и достоинства, об оскорблении, о нанесении ущерба деловой репутации, разжигании розни и т.п.

Выделяется девять групп лексических единиц, которые в определенных контекстах употребления могут иметь оскорбительный характер, из них только одна включает глаголы, остальные содержат номинации лица, наиболее значимые из них: 1) слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *мошенник, жулик, проститутка*; 2) слова с резкой негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого: *расист, двурушник, предатель*; 3) зоосемантические метафоры: *свинья*, *осел*, *корова*; 4) слова с грубо-экспрессивной негативной оценкой поведения человека, свойств его личности: *негодяй, мерзавец, хам*; 5) эвфемизмы для слов первого разряда: *интердевочка*; 6) специальные негативно-оценочные каламбурные образования: *прихватизаторы*; 7) собственно нецензурные слова и выражения [Баранов 2011: 541].

Инвентарь потенциально опасных слов пополняется за счет активно употребляющихся этнофолизмов, слов, обозначающих человека по принадлежности к этносу и включающих в семантическую структуру пейоративный компонент. К данной группе относятся зафиксированный неографией субстантиват *черные*, *азер*, *хач, хачик, чурка,* собирательное существительное *русня* и другие.

На лингвистическую эеспертизу выносятся тексты, содержащие номинации по принадлежности к социальной группе: *бомж*; по конфессиональной принадлежности: *крестоносец* в значении ‘христианин’. Словообразовательный анализ позволяет установить семантическую деривацию (генерализацию) или повторное использование модели сложения полиморфемного блока *-носец* и названия символа веры, в результате чего возникает коннотация неуважительного, пренебрежительного отношения. Эффективен словообразовательный анализ контаминантов с матизмами и этнонимами в качестве мотиватов.

Корпус номинаций человека постоянно пополняется новыми единицами, обеспечивающими экспрессивизацию высказывания и воздействие на адресата, что обусловливает использование комплексного лингвистического анализ при проведении судебной экспертизы.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.

Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008.

Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX века: В 3 т. / Под ред. Т.Н. Буцевой, Е.А. Левашова. Т. 3. СПб.: Дм. Буланин, 2014.

Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Структура и лингвистические особенности манипулятивного дискурса

Н.И. Миронова

Structure and linguistic features of the manipulative discourse

Nataliya I. Mironova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

mironnat@rambler.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются разные виды манипулятивного дискурса (навязывание услуг по телефону и при непосредственном межличностном общении, интернет-реклама). Показана универсальность его структуры, которая определяется применением психологических методов воздействия на адресата и тактики обмана. Описываются лингвистические особенности манипулятивного дискурса.

Ключевые слова: манипулятивный дискурс, методы воздействия, тактика обмана, интернет-реклама, скрытая реклама.

Summary. The report deals with manipulative discourse of various kinds (imposing services by phone or in direct interpersonal communication, Internet advertising). The universality of its structure is shown, determined by the use of psychological impact methods and tactics of deception. The linguistic features of the manipulative discourse are described.

Keywords: manipulative discourse, impact methods, deception tactics, Internet advertising, hidden advertising.

Структура и содержание манипулятивного текста определяется стратегиями манипуляции [Майерс 2002; Доценко 2000; Цуладзе 2000; Копнина 2010; Кара-Мурза 2001; Экман 2014; Примеры манипуляции в рекламе: электронный ресурс]. В докладе показано, как манипулятивные стратегии и тактики используются в повседневной жизни (установка, проверка и замена счетчиков воды и газового оборудования; услуги санэпидстанции; скрытая интернет-реклама; беседы с клиентами в частных клиниках лечебного и эстетического профиля) и какие дискурсивные средства в этом участвуют.

Стратегия **адресного воздействия на адресата** проявляется в обращении к конкретному человеку (телефонные мошенники называют имя и адрес и т.п.). **Запугивание** связано с констатацией угрозы жизни, внешнему виду или благосостоянию: *у вас проблема со счетчиками воды, в вашем подъезде тараканы / крысы; у вас серьезная проблема со здоровьем, с внешним видом*). Суть проблемы может быть выражена имплицитно (*с завтрашнего дня показания не будут приниматься на сайте, оплата будет осуществляться по общедомовому счетчику*, что подразумевает значительное увеличение платы за электричество). За запугиванием следует **предложение простейшего решения** (*в вашем доме работают наши специалисты; у нас можно приобрести очень эффективное средство для борьбы с тараканами / крысами*; *только сегодня на нашем сайте можно заказать препарат для лечения болезни по очень низкой цене*; *сейчас в нашей клинике можно приобрести в кредит набор редких косметических средств для омолаживания/подтяжки лица* и пр.). Обязательна **ссылка на авторитеты**, причем в разных амплуа: инициатора действий, участника действий, одобряющего и поддерживающего их. Это может быть государство, реально существующие организации (МФЦ), реальная управляющая компания, авторитетная личность, соседи, благодарные покупатели. **Бонусная стратегия** предполагает обещание адресату выгоды / бонуса (*эффективное средство недорого / по акции*; *бесплатная консультация*). В случае сомнений или отказа адресата от предлагаемой услуги используется **угроза «наказанием»**: *будете платить по*

общедомовому счетчику; все тараканы / крысы побегут к Вам; только этот препарат позволит вылечить болезнь / избавиться от морщин. Всегда используется стратегия **ограничения адресата во времени** на принятие решения: *наш специалист будет у вас через 20 минут*; *вам надо срочно*
(до 12-и) подойти с паспортом в МФЦ; сегодня последний день акции (который всегда совпадает с днем обращения на сайт). Используется **прием убеждения**: *Подождите! Вы действительно хотите уйти со страницы?* (интернет-реклама лекарственных препаратов); а также **прием демонстрации незаинтересованности в успешности акции, собственного морального или материального ущерба** (*я вообще делаю Вам одолжение, что звоню, мы делаем Вам огромное одолжение, предлагая приобрести наш препарат в кредит, нам это не выгодно*).

Основная манипулятивная тактика – **тактика обмана**, в некоторых случаях факты обмана являются вопиющими (*недавний новостной телесюжет о том, как в клинике «специалисты» проводили обследование пожилых людей на тренажерах и за 5 минут ставили страшный диагноз; применение психотропных средств в клиниках, чтобы заставить клиента подписать кредитный договор на большую сумму*). Тактика обмана сопровождается приемами имитации достоверности информации (*в МФЦ к Маше в 5-е окно подойдите, она Вам все объяснит*).

Манипулятивная стратегия реализуется с помощью различных лингвистических средств. Это расхождение заявленной коммуникативной цели (информирование) с реальной (воздействие, манипуляция с целью принуждения к совершению определенных действий); различные виды директивных речевых актов, побудительные высказывания, модальность долженствования, приемы интимизации дискурса, пресуппозиция, экспрессивная лексика. При непосредственной коммуникации используются паралингвистические средства. Сегодня можно наблюдать сочетание классических методов воздействия с новыми информационными технологиями и с использованием психотропных средств.

Литература

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо; Изд-во МГУ, 2000.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо-пресс, 2001.

Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М.: Флинта: Наука, 2010.

Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2002.

Примеры манипуляции в рекламе [Электронный ресурс. URL: http://www.konspekty.net/stati/statya-primeryi-manipulyatsii-v-reklame.html. Дата последнего обращения 05.02.2018].

Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М.: Алгоритм, 2000.

Экман П. Психология лжи. СПб.: Питер, 2014.

Семантическое исследование текстов, стилизованных под какой-либо жанр, при производстве экспертизы по делам о клевете

Т.В. Мясникова, Н.Б. Рябова

Semantic analysis of texts stylised under any genre in conducting the judicial linguistic expertise for the court cases of libel

Tatyana V. Myasnikova, Natalya B. Ryabova

Приволжский региональный центр судебной экспертизы Минюста России (Нижний Новгород) /
Privoizhsky Forensic Science Center (Nizhny Novgorod)

tanyjka@rambler.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности передачи негативной информации, а также формы ее выражения при стилизации текста под какой-либо речевой жанр. На конкретных примерах показаны особенности семантического анализа таких текстов в лингвистическом исследовании материалов по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; клевета; стилизация под какой-либо жанр; семантический анализ; негативная информация и форма ее выражения.

Summary. This work analyses the features of the negative information transmission, as well as the forms of its expression in the stylisation of the text in any verbal genre. Specific examples demonstrate the characteristics of semantic analysis applied to such texts in the linguistic research of court cases materials relating to the protection of honor, dignity and business reputation.

Keywords: judicial linguistic expertise; libel; stylisation under any genre; semantic analysis; negative information and form of its expression.

Настоящая работа посвящена вопросу использования некоторых речевых жанров в несвойственной им функции, учету данной информации при лингвистическом исследовании текстов по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Приводятся особенности семантического анализа таких текстов. На конкретных примерах демонстрируются такие функции «маскирующих» речевых жанров, как убеждение адресата, представление негативной информации как соответствующей действительности, сокрытие коммуникативных целей автора.

В качестве примера рассматривается исследовавшийся в рамках семантической экспертизы текст, имитирующий жанр объявления в качестве средства «развенчания притязаний», «мнимой самоагрессии лица». Анализируется содержание таких текстов с учетом наличия дополнительного семантического компонента: человеку, от лица которого написано объявление, приписываются негативно оцениваемые желания, действия (факт «говорения»). Рассматриваются частные случаи выявления негативной информации о лице, его действиях на основании самого текста объявления (прямое обозначение цели объявления, целевого адресата, тип самономинации), а также на основании контекста (место размещения, наличие невербальных компонентов).

Также в качестве примера рассматривается исследовавшийся в рамках семантической экспертизы текст в жанре интервью. В связи с имитацией жанра «интервью» устанавливается, что семантический компонент «по словам интервьюера/интервьюируемого» не оказывает влияния на форму выражения негативной информации. Указывается, что текст рассмотрен как целостное произведение с учетом коммуникативных целей не каждого из участников, а автора-создателя текста.

Литература

Баранов А.Н. Имплицитные части семантики высказывания в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2008. № 4 (12). С. 29–37.

Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 99–111.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Кукушкина О.В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. 2016. № 3 (43). С. 132–145.

Об актуальности исследования аргументативного компонента текста в судебной лингвистике

Т.В. Назарова, А.В. Громова, П.А. Манянин

On the relevance of the argumentative component of the text in forensic linguistics

Tatiana V.Nazarova

Экспертно-криминалистический центр МВД России (Москва) / Forensic science center of the MIA of Russia (Moscow)

tnazarova2@mvd.ru

Anastasia V. Gromova

Экспертно-криминалистический центр МВД России (Москва) / Forensic science center of the MIA of Russia (Moscow)

gromova@mail.ru

Pavel A.Manyanin

ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю (Барнаул) / Forensic science center of the MIA of Russia in the Altai Territory (Barnaul)

manncomm@mail.ru

Аннотация. В тезисах обозначена актуальность лингвистического исследования текстов в целях анализа средств и способов обоснования, что является востребованным при раскрытии и расследовании ряда составов преступлений.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, теория аргументации, обоснование, убеждение.

Summary. The theses indicate the relevance of linguistic research for the purpose of analyzing the means and methods of justification that are in demand when disclosing and investigating a number of offenses

Keywords: linguistic examination, argumentation theory, justification, conviction.

Область применения специальных лингвистических знаний расширяется, что обусловлено как совершенствованием правоприменительной практики и законодательства, так и развитием методического обеспечения, позволяющего исследовать современные объекты. На сегодняшний день отмечается особая востребованность в экспертном сопровождении раскрытия и расследования таких, преступлений, как: склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений, в совершение действий, представляющих опасность для его жизни (ст. ст. 150, 151 УК РФ), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ), публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ), склонение, вербовка или иное вовлечение в совершение преступлений террористической направленности (ст. 205.1 УК РФ), в деятельность экстремистского сообщества, организации (ст. ст. 282.1, 282.2 УК РФ).

При расследовании данных преступлений актуализирован анализ обоснования необходимости / допустимости определенных действий, уговоров и других форм целенаправленной коммуникативной деятельности, связанных с убеждением адресата в чем-либо. Убеждение в коммуникации реализуется посредством системы аргументов, доводов, то есть посредством обоснования. Речевые средства реализации убеждения относятся к предмету теории аргументации.

Теория аргументации (к ведению которой относится изучение способов обоснования), традиционно считавшаяся логической дисциплиной, рассматривается как многоаспектное явление коммуникативно-деятельностной природы. При коммуникативном подходе элементами поля аргументации являются субъекты, организующие и структурирующие данное поле; спорное положение как некая проблемная ситуация, тезис, а также средства, методы и приемы обоснования-убеждения; значимые ситуативные характеристики реализации аргументативного текста. Коммуникативный статус аргументации определяется самим характером репрезентации, предполагающим активное взаимодействие адресанта и адресата. Аргументация «представляет собой специфическую форму коммуникативной деятельности, неразрывно и органически связанную с процессом убеждения» [Рузавин 1997: 68].

Анализ значений таких понятий, как «склонение» и «вовлечение» указывает на наличие общей семы – оказание влияния (интеллектуального и / или физического). Цель интеллектуального влияния субъекта на объект при склонении – убеждение посредством речи адресата в правильности позиции адресанта, то есть направленное адресату побуждение разделить точку зрения адресанта о необходимости совершения каких-либо действий, в том числе и адресатом. Целеустановка адресанта – получение согласия адресата осуществлять эти действия. Точка зрения адресанта должна быть обоснованной, то есть текст должен содержать некие утверждения – аргументы, совокупность которых позволяет адресанту оценить точку зрения как объективную, адекватную, доказанную, что допускает ее признание адресатом как правильной, приемлемой и для себя. Конечный результат склонения может быть проявлен в ответной реакции адресата. Процесс склонения вне зависимости от того, совершено ли вовлекаемым адресатом общественно опасное деяние, криминалистически значим [Кудрявцев 2012].

Уговаривание как коммуникативная целеустановка связана с тем, чтобы актуализированное положение (идея, отношение, тезис) было принято адресатом. В толковом словаре современного русского языка *уговаривать* – имеет значение «убеждать, заставлять согласиться с кем-л., чем-л., склонять к чему-л.»; в словаре синонимов: «убеждать – уговаривать, склонять, урезонивать; уверять, заверять, внушать, доказывать». Отметим, что в юридической литературе под «уговором» также понимается убеждение (см., например, [Уголовное право России 1999]).

Коммуникативная целеустановка уговаривание характеризуется преобладанием конструкций, реализующих доводы, приводимые в обоснование своей точки зрения и соотносится с такой формой побуждения, как совет, который можно трактовать и как выражение мнения собеседника, что позволяет адресанту каузировать действие слушающего не экспликацией самого действия, но сообщением той или иной информации в конструкциях констатации, акцентируя информацию, которая ранее не принималась во внимание собеседником.

Технология выявления, анализа высказываний, содержащих обоснование того или иного тезиса, имеет свой предмет и совокупность методов. В настоящее время в ЭКЦ МВД России алгоритмы решения вопросов, связанных с необходимостью исследования аргументативного компонента текста, разработаны, проходят апробацию с последующим внедрением в практическую деятельность.

Литература

Гримайло Е.А, Назарова Т.В., Мамаев Н.Ю., Коршиков А.П. и др. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы: Методические рекомендации // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. М.: ЭКЦ МВД России, 2010.

Кудрявцев В.Л. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности // Адвокат. 2012. № 5. С. 21–25.

Рузавин Г.И. Методологические проблемы аргументации. М., 1997.

Уголовное право России: Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. М.: НОРМА-ИНФРА-*М*, 1999.

Оценочные функции прилагательных сравнения в дискурсе СМИ

Н.Е. Петрова

Evaluation functions of adjective comparisons in media discourse

Nataliya N. Petrova

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет) /

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Minin University)

Petrova_ngpu@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает прилагательные типа *(не)сопоставимый* как средство формирования имплицитной оценки в дискурсе СМИ. Через апелляцию к возможности или невозможности сравнения данные прилагательные указывают на сходство или принципиальное различие предметов в каком-либо отношении, а оценочное суждение выводится адресатом на основании опытных знаний. В качестве эталона часто выступает «Запад», российские же реалии оцениваются в зависимости от близости к нему.

Ключевые слова: прилагательные, сравнение, оценка, дискурс СМИ, норма.

Summary. The author considers the adjectives of the type *(не) сопоставимый* as a means of forming an implicit evaluation in the mass-media discourse. Through an appeal to the possibility or impossibility of comparison these adjectives indicate the similarity or fundamental difference of objects in any respect; the evaluation judgment is derived by the addressee on the basis of experimental knowledge. The “West” often acts as a model, Russian realities are evaluated depending on the juxtaposition to it.

Keywords: adjectives, comparison, evaluation, discourse media, norm.

Категория оценки имеет основополагающее значение для дискурса СМИ как посредника массовой коммуникации, поскольку в число основных целей последней так или иначе входит воздействие на мнение и поведение членов социума (см., например: [Иванов 2013: 90−92]). Ситуация в современном информационном пространстве со всей очевидностью демонстрирует справедливость этой точки зрения.

Оценка в медийном тексте может выражаться эксплицитно и имплицитно. Скрытая, или имплицитная, оценка имеет определенное преимущество, т.к. с ее помощью та или иная идея утверждается «на суггестивном, подсознательном уровне» [Клушина 2011: 147]. Сравнение, как отмечает Н.И. Клушина, относится к средствам выражения имплицитной оценки: «Оценка через сравнение усложняет механизм воздействия на читателя, поскольку сравнение становится аргументом в пользу авторской позиции» [Клушина 2011: 147]. В то же время степень скрытости оценки, выражаемой сравнением, может быть разной, в том числе и очень незначительной, если один из сравниваемых объектов заведомо представляет собой норму (антинорму) или ценность (антиценность) для всех членов социума.

В дискурсе российских СМИ в качестве оператора сравнения активно используются отглагольные прилагательные *(не)сравнимый, (не)сопоставимый, (не)соизмеримый.* В их семантической структуре содержится модальный компонент «можно / нельзя», вследствие чего данные прилагательные несут информацию о сходстве или принципиальном различии сравниваемых объектов, например: *несравнимый* – ‘настолько различный, непохожий, что трудно сравнивать’ [МАС 1986: 482]. С их помощью оценка формируется в контексте на основе знаний адресата о сравниваемых реалиях, на основе его представлений о норме в той или иной области социального бытия, а также на основе стереотипов. Рассмотрим некоторые примеры (источник – Национальный корпус русского языка): (1) *КХЛ по напряженности, контактности игры* ***несравнима*** *с НХЛ* (РБК Дейли, 2013.07.19); (2) *Представители «Инмеда» сообщили, что действительно планируется построить производственный центр,* ***не сопоставимый*** *ни с одним из уже существующих в России в этой отрасли* (Известия, 2014.04.03); (3) *На черногорских дорогах, которые по качеству* ***сопоставимы*** *с российскими, подвеска проглатывала все неровности, поражая своей непробиваемостью и упругостью* (РБК Дейли, 2014.04.24). В первых двух примерах с помощью прилагательных утверждается принципиальное различие двух объектов, в третьем – сходство. В примере (1) отрицательная оценка российской хоккейной лиги формируется на основе общего знания автора и адресата текста того факта, что НХЛ является эталоном организации хоккейных турниров. В примере (2) положительная оценка будущего центра выводится адресатом на основе представления о норме: новое должно быть лучше старого, поэтому принципиальное различие двух объектов трактуется в пользу нового. В примере (3), интерпретируя авторскую (негативную) оценку дорог в Черногории, адресат ориентируется на стереотип: дороги – это беда России.

В контексте с прилагательными сравнения может формироваться «отраженная» оценка того предмета или явления, с которым проводится сопоставление: (4) *Возможности британских колледжей* ***сравнимы*** *с возможностями российских вузов* (Комсомольская правда, 2013.09.14). Утверждение сходства возможностей британских колледжей и российских вузов заставляет адресата не только положительно оценить первые, но и отрицательно – вторые, т.к. в норме возможности вуза должны быть больше.

Обращает на себя внимание тот факт, что оценка российских реалий нередко осуществляется через сравнение с условным «Западом»: (5) *Как диагностическое, так и лечебное оборудование ЦИТО соответствует западным стандартам. Методы лечения сейчас также почти* ***соизмеримы*** (Труд-7, 2007.08.01); (6) – *Но Россия – не Канада, и условия ведения бизнеса в нашей стране пока* ***несравнимы*** *с западными* (РБК Daily, 2006.01.18); (7) *Культурное влияние – вполне на уровне региональной державы, наука, инновации, демография – все это пока* ***несопоставимо*** *с Америкой* (Известия, 2014.06.23). Положительная (5) или отрицательная (6, 7) оценки имплицируются только в отношении российской стороны, тогда как «Запад» по умолчанию выступает в функции эталона, образца. Можно предположить, что в конструкциях подобного рода находит своеобразное отражение базовая для СМИ оппозиция «свой – чужой». Выступая в позиции «чужого» как духовный и даже экзистенциальный оппонент России, условный Запад тем не менее задает высокую норму в области материальных параметров жизни общества.

Прилагательные сравнения в дискурсе СМИ оказываются прагматически эффективным средством воздействия. Сами по себе они не обладают оценочной семантикой, но с их помощью оценка сравниваемых объектов логически выводится адресатом текста на основе собственного жизненного опыта, так что он может считать себя самостоятельным субъектом оценочного суждения. Кроме того, в семантической структуре этих прилагательных, в отличие от причастий, устраняется представление о субъекте операции сравнения. В результате этого эффекта «дефокусирования» [Ирисханова 2007: 72] суждение представляется объективным, а имплицируемая оценка становится более убедительной.

Литература

Иванов В.Ф. Массовая коммуникация: Монография. Киев: Академия Украинской Прессы, Центр Свободной Прессы, 2013.

Ирисханова О.К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е.С. Кубрякова. М.; Калуга: Изд-во «Эйдос», 2007. С. 69–80.

Клушина Н.И. Коммуникативная стилистика публицистического текста // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект, 2011. С. 144−154.

Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. II., 1986 (МАС).

Судебное лингвистическое заключение как речевой жанр

А.М. Плотникова

Forensic Linguistic Report as a Speech Genre

Anna M. Plotnikova

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург) /
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)

annamp@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматривается заключение лингвиста-эксперта как особый речевой жанр метатекстового характера, существующий в рамках научного стиля речи; характеризуются идиостилевые особенности экспертных заключений.

Ключевые слова: судебная лингвистика, заключение эксперта, речевой жанр.

Summary. The paper discusses the genre of forensic linguistic report as a form of the academic writing style and shows its metatextual nature. The key stylistic characteristics of individual texts are described.

Keywords: forensic linguistics, expert report, speech genre.

Практика лингвистической экспертизы начала складываться в 90-е годы XX века несколько стихийно и в отрыве от общей теории судебной экспертизы и криминалистики. Экспертами-лингвистами зачастую становились преподаватели вузов и другие специалисты, даже не всегда имеющие профильное филологическое или лингвистическое образование. Результатом проводимых ими исследований становились экспертные заключения, получавшие разнообразные названия: социогуманитарная, этико-лингвистическая, лингвокультурологическая, социолингвистическая, психолингвистическая и др. экспертизы. В настоящее время можно говорить о том, что происходит встраивание судебной лингвистической экспертизы в юридическую практику, определение ее места в системе других экспертиз, в том числе тех, которые относят к речеведческим. И негосударственными, и государственными судебными экспертами активно ведется работа по методическому обеспечению лингвистической экспертизы как самостоятельного рода экспертиз. Семантический вектор развития лингвистической экспертизы был задан как в теоретических трудах, так и в методической литературе, адресованной экспертам, см., например: [Баранов 2007; Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014; Кукушкина 2016].

Понимая различие между судебной экспертизой и заключением специалиста, мы не акцентируем внимание на правовых аспектах такого различия, а рассматриваем жанровые особенности заключения эксперта.

В композиционном отношении структура экспертного заключения определена правовыми документами. В функционально-стилистическом отношении это научный текст, выводы из которого должны быть понятны всем участникам судопроизводства, поэтому используемые в тексте заключения термины должны объясняться. Интерпретация метаединиц, таких как *утверждение, мнение, предположение, лингвистический признак* и др., формирует теоретико-методологическую базу заключения эксперта.

В языковом отношении настройка на эксплицитно представленную логичность, репрезентативность аргументации, бессубъектность, констатирующий характер порождает выбор определенных языковых средств, формирующих стилевую специфику текста заключения эксперта.

Композиционные фрагменты текста отображают движение по линии развития темы, при этом используются устойчивые композиционно-логические модели, вводимые логическими операторами: *во-первых, следовательно, таким образом* и т.д. Субъективное отношение автора не эксплицируется, хотя заключения экспертов иногда содержат оценку материала с точки зрения этико-ревых норм, лингвостилистической корректности сказанного и даже лингвоэкологичности.

Принципиально важной особенностью является вторичный характер жанра экспертного заключения: во-первых, экспертное заключение представляет собой метатекст, созданный в связи с текстом, послужившим материалом лингвистического анализа, и, во-вторых, данный текст отражает реакцию на сформулированные следственными, судебными органами, адвокатами или иными лицами вопросы. Предметная область вопроса определяет особенности ответа и требует от эксперта трансформации сказанных выводов в заданную вопросом область. Повторение в выводах тех лексических единиц, которые были обозначены в вопросе, если вопрос носит лингвистический, а не правовой характер, также является типичной приметой жанра.

В докладе заключение эксперта рассматривается в параметрах жанровой модели, предложенной Т.В. Шмелёвой (анкеты речевого жанра), а также анализируются отдельные примеры идиостилевых особенностей заключений и способов аргументации, приводящие к процессуальными, гносеологическим и операциональным ошибкам.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2007.

Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. 2016. № 1 (41). С. 118–126.

Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.

Конфликтогенные тексты в русскоязычной казахстанской прессе

С.К. Сансызбаева, Н.К. Сматаев

The conflictogenic texts in the Russian-language Kazakhstan press

Sandugash K. Sansyzbayeva, Nurmuhammed K. Smatayev

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан) / Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

sk_sansyz@mail.ru, nurmukhammed.smatayev@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы семантической экспертизы конфликтогенных текстов в русскоязычном казахстанском медиа-пространстве, предложены пути решения появления конфликтогенных текстов в СМИ.

Ключевые слова: конфликтогенные тексты, лингвоконфликтология, публицистический дискурс, СМИ.

Summary. In article problems of semantic examination of the conflictogenic texts in Russian-speaking Kazakhstan media space are considered, solutions of emergence of the conflictogenic texts in media are offered.

Keywords: conflictogenic texts, linguistic conflictology, publicistic discourse, media.

Предметом рассмотрения в статье явились особенности публикаций в русскоязычных казахстанских СМИ, провоцирующих конфликты, в частности, судебные разбирательства по статьям об оскорблении, унижении чести, достоинства, деловой репутации, клевете и др. Предлагаются пути по решению проблемы анализа таких публикаций.

Конфликтогенными текстами считаются дискурсивно-коммуникативные образования, содержащие в себе клеветнические, оскорбительные, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию сведения; призывы к осуществлению экстремистской деятельности, развязыванию агрессивной войны; пропаганду расового, национального, религиозного превосходства или неполноценности, возбуждение вражды на основе расовой, национальной, религиозной принадлежности.

Проблема семантической экспертизы конфликтогенных текстов часто связана с разнообразием методов воздействия, используемых в публицистическом дискурсе осознанно или без умысла, а также скрытой интенциональностью. Интенциональный компонент имеет важное значение для анализе конфликтного текста, поскольку конфликтогенные языковые средства неуместны с юридической точки зрения в случае отсутствия конфликтной интенции, и, напротив, может иметь юридическую силу, если интенция эксплицитна. В этом случае все оценочные языковые средства публицистического стиля, такие как ирония, грамматические конструкции и др., служат важным объектом экспертизы.

Функционирование конфликтогенных текстов в СМИ можно предупредить следующими способами:

1. Увеличение правовых знаний и речевой культуры работников СМИ. Повышение ответственности журналистов перед написанием газетного текста или произнесением в эфире слова, над соединением слов во фразе, в тексте, употреблением инвективной и оценочной лексики.
2. Предупреждение негативной реакции, возможность исправления материала до или после выхода его выхода, опровержение материала публикации, признание ошибки, принесение извинений.
3. Подготовка высококвалифицированных лингвистов-экспертов, в обязанности которого входит экспертиза текстов до публикации, контроль за соблюдением прав и интересов читателей и героев материала.

Данные рекомендации способны уменьшить количество публикуемых конфликтогенных текстов, снизить степень напряженности между журналистами, персонажами их материалов и аудиторией.

Реализация лингвистического анализа конфликтных текстов, опубликованных в русскоязычной казахстанской прессе, может иметь следующие препятствия:

1. Отсутствие четко выстроенной типологии конфликтогенных текстов, вследствие чего и возникают логически необоснованные выводы при непосредственном анализе текста на разных языковых уровнях.
2. Незнание точной онтологии самого конфликта, невыясненные первопричины, которые порождают собственно конфликтогенный текст. Обоснованный выбор помогает правильно выстроить контекст / ситуацию.
3. Необходимость учета национально-культурных особенностей казахстанской прессы. Несмотря на достаточный опыт семантической экспертизы конфликтогенных текстов в российской практике, взаимодействие с соседней страной, казахстанские СМИ имеют свои особенности, которые необходимо учитывать в ходе анализа конфликтных текстов.

В связи с вышеуказанным возникает необходимость создания четкой типологии конфликтогенных текстов в русскоязычных казахстанских СМИ с последующей попыткой подхода к его созданию, что и отображено в настоящей работе. Валидность выведенной типологии проверяется путем экспериментального использования при анализе текстов.

Литература

Ли В.С., Карымсакова Р.Д., Тапалова Р.Б. Лингвистическое исследование конфликтного текста в юридической практике. Алматы: Қазақ университеті, 2008.

Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учебное пособие. М.: Флинта-Наука, 2007.

Некоторые проблемы лингвистической экспертизы

Т.А. Сироткина

Some problems of linguistic expertise

Tatyana Sirotkina

Сургутский государственный педагогический университет / Surgut State Pedagogical University

sirotkina71@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются некоторые проблемы проведения лингвистической экспертизы текстов. Анализируются такие проблемы, как выполнение определенных типов исследований, разграничение компетенций, привлечение специалистов для выполнения определенных типов исследований.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, речевое произведение, текст, комплексная экспертиза текстов, экстремизм, лингвисты-эксперты.

Summary. In the report some problems of carrying out of linguistic examination of texts are considered. Problems such as the performance of certain types of research, delineation of competences, and the involvement of specialists for certain types of research are analyzed.

Keywords: linguistic expertise, speech work, text, complex examination of texts, extremism, linguistic experts.

С 2009 года в Сургутском государственном педагогическом университете проводятся комплексные экспертизы, связанные с исследованием различных текстов. Значительное место в этой работе занимает лингвистическая экспертиза. В настоящей статье на примере деятельности экспертной группы кафедры филологического образования и журналистики попытаемся проанализировать основные проблемы, возникающие в ходе выполнения такого рода исследований.

1. Проблема определения типа исследования. Представители правоохранительных органов и прокуратуры зачастую затрудняются с определением типа экспертизы, который должен быть указан в постановлении. Задача экспертов при первичном рассмотрении материалов дела – разобраться в том, какое исследование (психологическое, лингвистическое, социолингвистическое, психолингвистическое) должно быть проведено. Собственно лингвистическое исследование призвано анализировать вербальную составляющую спорного материала. Для детального исследования контекста могут привлекаться специалисты других профилей, о чем хочется сказать отдельно.

2. Привлечение специалистов для комплексной экспертизы текстов. Далеко не все материалы, направляемые на исследование, представляют собой цельный текст. Это может быть набор разрозненных листовок, файлов, видеороликов, отдельных изображений и пр. Значительную смысловую на-

грузку в данном случае несет не вербальная составляющая, а различные изображения и даже музыкальное сопровождение. В подобных вариантах возникает необходимость проведения комплексного исследования с привлечением специалистов разных отраслей знания: этнографов, историков, искусствоведов, психологов и т.д. Так, вербальный текст может быть нейтральным или содержащим обобщенные сведения («Я – русский!»), невербальная же его составляющая способна оказать определенное воздействие на сознание и подсознание тех, кому она адресована. И в данном случае на помощь приходят психологи, анализирующие мотивации и возможные реакции, культурологи, рассматривающие символический смысл рисунков и фотографий, музыковеды, отслеживающие ритмико-мелодическую структуру сопровождающего текст музыкального материала. Только комплексное исследование подобных материалов позволяет сделать правильные, точные выводы. В СурГПУ большую помощь в данном направлении призван оказывать научно-методический семинар «Проблемы лингвистической экспертизы текста», который начал свою работу в сентябре 2014 года под руководством первого проректора вуза, д.с.н. В.П. Засыпкина. Специалисты разных отраслей знания (социологи, психологи, лингвисты) имеют возможность обсудить спорные тексты, представленные на исследование, прийти к общим выводам по тем вопросам, на которые необходимо ответить в ходе экспертизы.

3. Выполнение определенных типов лингвистических исследований. Основными направлениями лингвистической экспертизы являются следующие: экспертиза текстов по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации; экспертиза текстов по делам об осуществлении экстремистской деятельности; рассмотрение спорных текстов в делах о защите интеллектуальной собственности и некоторые другие. Для каждого из направлений специалистами разработаны типовые вопросы, которые могут быть поставлены перед экспертами. При выполнении каждого вида исследований могут возникать определенные проблемы. Особенно много проблем вызывает определение экстремистской направленности текстов. Трудности выполнения подобных экспертиз связаны прежде всего с тем, что даже в юридической литературе нет единства мнений по поводу определения понятия «экстремизм». Специалист в области лингвистики отвечает на вопросы, связанные с лингвистическими признаками спорного речевого произведения, например: о наличии в тексте призывов, о наличии в тексте завуалированной информации, о наличии в тексте лингвистических признаков угрозы и под. В компетенцию же юриста входит правовая квалификация деяния, например: определение способности текста вызвать религиозную рознь, национальную и пр. рознь, вражду и т.п.

В научной литературе различается множество видов и форм экстремизма: религиозный, этнический, политический и т.д. Из всех видов экстремизма проблемным с точки зрения лингвистической экспертизы считается религиозный. Так, в статье пермского лингвиста В.А. Мишланова говорится о том, что «мотивация судебных решений» по данному вопросу «иногда вообще вызывает недоумение». Широкий резонанс, в том числе и за рубежом, пишет он, вызвало дело о признании экстремистской древней книги кришнаитов «Бхагавад-гита», точнее ее издания на русском языке 80-х гг. прошлого века. Экспертиза текста была проведена учеными Томского и Кемеровского университетов, давшими положительные ответы на вопросы о наличии в книге кришнаитов признаков экстремизма. Прецеденты обвинительных решений имеются и в отношении изданий саентологов – последователей основанного Л.Р. Хаббардом радикального религиозного учения [Мишланов, Тарарухина 2014: 142]. Ученый не выступает с предложением отказаться от лингвистической экспертизы религиозных текстов, но пытается доказать, что экспертные оценки только тогда будут иметь значение «доказательной базы», когда к исследованию потенциально конфликтного текста церковно-религиозного дискурса будут привлечены специалисты из других областей гуманитарного знания – литературоведения, истории, философии, религиоведения, этнографии, искусствоведения.

Таким образом, даже точечное рассмотрение некоторых вопросов лингвистической экспертизы в очередной раз убеждает нас в существовании множества проблем, стоящих перед экспертами и решаемых данной прикладной областью знания.

Литература

Мишланов В.А., Тарарухина Е.С. Религиозный экстремизм и проблемы судебно-лингвистической экспертизы конфликтного текста // Русская речевая культура и текст: материалы VIII Международной научной конференции. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2014. С. 140–146.

Молитва как жанр исламистского дискурса: признаки конфликтогенности

О.Г. Хохловская

Prayer as a genre of islamic discourse: conflictogenity's features

O.G. Hohlovskaya

Челябинский государственный университет / Chelyabinsk State University

khokh-olga@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме жанровой трансформации текста исламистской молитвы в сторону конфликтогенности в связи с политизацией исламистского религиозного дискурса. Автором рассматриваются признаки конфликтогенности в текстах молитвы как проявление социально-политической специфики религиозного дискурса.

Ключевые слова: жанр, молитва, конфликтогенность, дискурс, негативная оценочность.

Summary. The article is devoted to the problem of genre transformation of islamic prayer's text towards conflictogenity in connection with politicization of islamic religious discourse. The author considers conflictogenity's features in the prayer's texts as the sign of social and political specific features of religious discourse.

Keywords: genre, prayer, conflictogenity, discourse, negative assessment.

Молитва как жанр религиозного дискурса традиционно рассматривается как личное обращение к высшим силам, диалог с Богом. Основные речевые акты, реализуемые в тексте молитвы, – это: обращение, просьба, вербализация предмета молитвы, благодарность и прославление [Яковлева 2010]. Иллокутивная специфика перечисленных речевых актов в целом не предполагает конфликтогенности, что можно отметить, на наш взгляд, как один жанровых признаков молитвы.

Исследователи религиозного дискурса всегда отмечали наличие культурной антиномии sacrum / profanum, функционирующей в диалектическом единстве в данном типе дискурса. Как пишет А.А. Федоровских: «В паре сакральное – профанное аксиологической доминантой выступает сакральное. В своем наиболее чистом виде сакральное понимается как причастность к запредельному, духовному миру, явленная в откровени и и воплощенная в знаково-символической форме» [Федоровских 2000: 8–9]. Наличие указанной онтогенетической антиномии, на наш взгляд, обеспечивает развитие и эволюционную трансформацию жанров, составляющих религиозный дискурс.

Последнее 30-летие в мусульманском мире отмечено большим влиянием политического ислама на все типы дискурса, в том числе исламистского, и его составляющих. По мнению отдельных исследователей, ключевым признаком поли-

тического ислама признается «диалектическая связь между исламом и властью, включенность в исламистский дискурс и практику путем переосмысления герменевтики Корана и идеологических интерпретаций исламского права» [Volpi 2011]. В связи с этими социально-политическими процессами сакральное и профанное в тексте молитвы не только взаимопроникают друг в друга, но наблюдается процесс поглощения сакрального (абсолютного, духовного, сверхчеловеческого) профанным (обыденным, внешним, материальным). Рассмотрим этот процесс на примерах из текстов.

«О Аллах, О, Тот, перед Кем унижены высокомерные и Тот, Чьи знамения проявились для обладателей разума».

Контрастивная оценка создана приемом скрытой антитезы. Фраза «Чьи знамения проявились для обладателей разума» (а проявились они для истинно верующих в Аллаха) создает противопоставление по следующей модели: только мусульмане – те, для кого «проявились знамения», – «обладатели разума»; следовательно, приверженцы всех других религий – разума лишены, что отрицательно характеризует и сами религиозные идеологии. Лишенные разума – это эвфемизм, перифраз с семантикой: дураки, идиоты, сумасшедшие и др. Таким образом, данные негативные характеристики, имплицитно (скрыто) содержащиеся в высказывании формируют негативное представление о других конфессиях и формируют конфликтогенность текста.

«О Аллах поручаем тебе иудеев, христиан и крестоносцев, лицемеров, рафидитов и всех их помощников».

В данном высказывании эффект негативной оценки создан с помощью сочинительного ряда, в котором используется слово с негативной окраской: «лицемер». На основании однородности признаков лексем, участвующих в такой синтаксической конструкции негативная оценка распространяется на все единицы сочинительного ряда: иудеев, христиан, крестоносцев, рафидитов, и, как следствие, на соответствующие религии, что тоже может расцениваться как признак конфликтогенности.

Как было отмечено выше, конфликтогенность не может быть жанровым признаком молитвы, так как, по мнению М. Войтак: «автономная ценность религиозного диалога связывается с тремя основными типами позиции молящегося человека: религиозного ожидания (надежды), религиозного понимания (веры) и преданности (любви)» [Войтак 1998: 219]. Выявление признаков конфликтогенности в текстах молитвы, с нашей точки зрения, может говорить не просто о процессах жанровых трансформации, но и о жанровом перерождении.

Литература

Войтак М. Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (На материале литургической молитвы) // Текст: Стереотип и творчество. Пермь, 1998.

Федоровских А.А. Трансформация сакрального и профанного в обществе: Миф – религия – идеология: Автореф. дисс. … канд. филос. наук. Екатеринбург, 2000.

Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Яковлева Е.А. Жанроведение, или генристическая лингвистика, как один из методов исследования конфликтных текстов // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов / Под. Ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2010. С. 204–209.

Volpi F. (ed.). Political Islam: A Critical Reader. London: Routledge, 2011.

О некоторых подходах к исследованию конфликтогенных текстов рекламы

Е.А. Чубина

On some approaches to the inappropriate advertising's linguistic examination

Elena A. Chubina

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / Kutafin Law University (Moscow)

chubina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным для правоприменительной практики проблемам, связанным с лингвистическим исследованием спорного рекламного текста. Описаны подходы к решению некоторых диагностических задач.

Ключевые слова: рекламные тексты, лингвистические исследования, диагностические задачи.

Summary. The paper deals with problems, actual for law enforcement practice, related to research of the advertizing text. The author has proved provisions of linguistic examination of advertising and described her private theory.

Keywords: advertising, linguistic examination, diagnostic task.

Рекламный текст по своей природе не лишен конфликтогенности: он разрабатывается для определенной целевой аудитории (это закон рекламной деятельности), но получателем рекламы (приемником информации) становится неопределенный круг лиц (лица, которые не могут быть заранее определены в качестве получателя рекламной информации). Их права и законные интересы часто нарушаются использованием в рекламе непристойных и оскорбительных образов и выражений, недостоверной информации, некорректных сравнений и прочим. Инициируются судебные процессы, как следствие – рекламный текст оказывается объектом лингвистического исследования.

К числу задач, решаемых в рамках таких исследований, относятся как традиционные для лингвистической экспертизы задачи (установление смыслового содержания спорного текста; установление композиционной или лексико-грамматической формы выражения, присущей спорному тексту; разъяснение допущенных в тексте нарушений норм современного русского языка), так и специфические задачи (диагностика признаков рекламного текста в спорном речевом продукте; диагностика признаков маскировки рекламного текста; диагностика признаков оскорбительных высказываний в тексте; диагностика признаков двусмысленных утверждений в спорном тексте; диагностика признаков некорректных сравнений в спорном тексте; иные диагностические задачи).

В рамках исследования признаков маскировки (под маскировкой мы понимаем намеренное изменение представления о свойствах объекта) рекламных сообщений под сообщения справочно-информационного, аналитического характера, а также в случаях, когда рекламная информация интегрирована в самостоятельное произведение, которое по формальным и содержательным признакам имеет иную жанровую принадлежность, неверным представляется вычислять отношение вербального объема спорного текста к вербальному объему всего произведения, важно доказать иное: если при изъятии спорного фрагмента ни форма, ни содержание текста не пострадают, тогда говорить о том, что информация была органично интегрирована, нельзя. Напротив: если при изъятии спорного фрагмента изменяется форма или содержание текста, меняется характер их взаимодействия (что тоже устанавливает исследователь), тогда есть основания считать информацию органично интегрированной. Применительно к исследованию аналогичных ситуаций следует быть очень осторожными с используемой терминологией. Маскировку рекламной информации под информацию нерекламного характера, в том числе интегрирование рекламной информации в речевое произведение иной жанровой принадлежности, нельзя называть скрытой рекламой. Необходимо четко разграничивать скрытую рекламу, product placement, органично интегрированные упоминания о товаре и суррогатное рекламирование, это различные по своим признакам явления, смешивать которые в исследовании недопустимо. Неверным представляется использование термина «мимикрия» в значении «маскировка», есть важные компоненты значения, которые их разводят: непроизвольное, фи-

зиологическое в случае с мимикрией – намеренное, сознательное, если речь идет о маскировке. Для юридического дискурса эти компоненты значения чрезвычайно важны, поэтому верным представляется использование термина «маскировка».

Не менее проблемным является решение вопросов, связанных с диагностикой признаков оскорбительных высказываний в рекламном тексте. Вербальное оскорбление реализуется в рекламе и представляет собой самые разные варианты. В качестве методического подхода к исследованию спорных рекламных текстов мы бы рекомендовали выявлять приемы языковой игры, создающие двусмысленность (сочетание двух смыслов, один из которых является неприличным) и маскирующие неприличную форму высказывания, а не ограничиваться указанием на отсутствие помет «нецензурное», «ненормативное», «табу» в словаре и не доказывать отсутствие неприличной формы тем, что слово «не внесено во все словари» и «неизвестно всему населению».

Не стоит также уходить в область ассоциаций, есть опасность выйти за пределы лингвистической компетенции. Анализируя спорную рекламу сети ресторанов «ВСЕ ПО… ПОесть, ПОпить, ПОиграть, ПОговорить», эксперт указал, что в силу сочетаемости с определительным местоимением, в силу беспредложного управления и в силу прописного написания «ПО» данный языковой фрагмент ассоциируется именно с наречным значением «Всё как?» <…> «Всё ПО Х…» (несколько смягченный вариант – «Все ПО фиг»). Выявление ассоциативного сходства в строгом смысле не задача лингвистической экспертизы, поскольку ассоциации являются психической реальностью. Лучше указать, что конструкция «ВСЕ ПО…» как редуцированный вариант конструкции «Всё ПО Х…» (где Х вариативен (хрен, фиг и пр.) фиксируется корпусом русского языка, является примером такого явления, как фразеологическая антиципация, когда по фрагменту предвосхищается значение целого.

Не теряет своей актуальности диагностика признаков недостоверной рекламы, здесь задача лингвиста заключается в установлении высказываний в форме утверждений, содержащих сведения, последующая верификация которых, то есть проверка их на соответствие действительности, – это задача не эксперта, а правоприменителя, либо оценочных высказываний, которые не могут быть верифицированы. С особой осторожностью следует подходить к анализу оценочных конструкций, нельзя априори считать их маркерами недостоверной рекламы: некоторые УФАС считают, например, что использование слова «быстро» в рекламе лекарственных средств не отвечает требованиям доказательности и достоверности и уже само наличие слова «быстро» в рекламе сигнализирует о наличии в ней признаков недостоверности. Применительно к рекламному тексту степень эксплицитности утверждения, на наш взгляд, во многом зависит от используемой рекламной стратегии. Утверждение о факте характерно в большей мере для стратегий рационалистического типа.

Не следует забывать, что реклама – это особая форма юридически значимой информации. Решение вопросов, связанных с содержательно-смысловыми аспектами этой информации, выявлением предмета речи, функционально-коммуникативной направленностью текста, конечно, требует специальных лингвистических знаний.

Юридическая техника: лингвистические аспекты

Л.А. Шестак

Legal Technique: Linguistic Aspects

Larisa A. Shestak

Волгоградский государственный социально-педагогический университет / Volgograd State Socio-Pedagogical University

l_shestak@mail.ru

Аннотация. Изучая смысловые различия обыденных и правовых формулировок, юрислингвистика выступает в качестве профессиональной герменевтики. Юридизация языка и юридическая техника (терминотворчество и герменевтика права) касаются всех уровней языка и многих его функций.

Ключевые слова: юрислингвистика, юридизация языка, юридическая техника.

Summary. By studying the differences in meaning of ordinary and legal language, *law linguistics* acts as a professional hermeneutics. Natural language legitimation and legal technique (term creation and hermeneutics of law) concern all levels of language and many of its functions.

Keywords: law linguistics, natural language legitimation, legal technique.

Юрислингвистика как интегративная дисциплина изучает смысловые различия в обыденных и юридических формулировках, обусловленные особенностями как языковых знаков, так и их речевого употребления: вариативность языкового обозначения (*компьютер – машина);* наличие в общеязыковом знаке коннотаций (*Машину директору! – Мотор обезьяне!*); синтаксическая омонимия (*Школьники из Ростова поехали в Астрахань*); референциальная полнота / фрагментарность описания ситуации (*Дума рассмотрела законопроект, представленный правительством, в первом чтении – Рассмотрение законопроекта в первом чтении*); контекстуальное коннотирование смыслов (*Воспитатели детских садов! В стране не хватает дрессировщиков!*; подтекст как пунктирный повтор смыслов. Изучая различия слов языка и терминов права, юрислингвистика выступает в качестве специальной (профессиональной) герменевтики.

Степень юридизации общенародного (естественного) языка зависит от типа правовой ситуации и оформляющего ее документа: 1) описание бытовой ситуации носителем языка (неюристом) для подачи в органы права; 2) документы управления и делопроизводства, регламентирующие функционирование организации; 3) профессиональные тексты юристов для юристов и обычных носителей языка; 4) тексты законов и аналитические юридические тексты (арбитраж, апелляции), создаваемые профессиональными юристами для профессиональных юристов [Голев 2000: 8–40].

Лингвистическим механизмом юридизации языка являются семантическое выделение ЛСВ общенародного языка с коннотированием в семему компонентов, отражающих трактовку ситуации с точки зрения права: *материнский* ‘свойственный матери’ (*материнская любовь*) – *материнский капитал* ‘получаемая матерью от государства денежная сумма при рождении второго и каждого последующего ребенка, порядок траты которой определяется государством’); появление в лексике терминов (*лизинг*) и юридических омонимов к словам общенародного языка (*свидетель*); появление нового морфемного инструментария (*легальный – нелегальный – легализация – легализовать – легализоваться*); развитие некоторых частей речи (номинализация) и грамматических категорий (собирательность) (*страхование, невыплата; недвижимость, тара*); появление синтаксически устойчивых или фразеологизированных терминологических сочетаний (*общество с ограниченной ответственностью*); осложнение простого предложения однородием, обособлением, вставочными конструкциями, уточняющими оборотами (*По договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется представить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс исключительных прав, принадлежащих правообладателю, в том числе право на фирменное наименование, и (или) коммерческое обозначение правообладателя, на охраняемую коммерческую информа-*

цию, а также на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав – товарный знак, знак обслуживания и т. д… (Ст. 1027 ГК РФ «Договор коммерческой концессии»); развитие системы сложного предложения (*1. Получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде оказания ему незаконных услуг имущественного характера, представления иных имущественных прав за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых ему лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе…* (Ст. 290 УК РФ «Получение взятки»).

Лингвистическими проблемами юридической техники (юридического терминотворчества и герменевтики права) являются следующие: 1) отсутствие у термина юридического текста дефиниции (*рекультивация нарушенных земель* [Туранин 2010: 2]); 2) недостаточная дефинированность терминов (*диффамация*); 3) излишняя декларативность терминов (*опасное состояние личности* [Губаева 2004: 46]); 4) дезориентирующая внутренняя форма термина (*материнский капитал* вместо *родительский капитал* [Мартышко 2015: 109–110]); 5) наличие у терминологизируемой лексемы общенародного языка устойчивой коннотации (*новое религиозное направление* [Волкова 2011: 180]); 6) некритичное заимствование терминологии из других областей (*аффект* в уголовном праве и в психологии; 7) многозначность терминов права (*потребитель*); 8) терминологическая синонимия (*омбудсмен* и *уполномоченный по правам человека*); 9) разная трактовка юридического термина законодателем и правоприменителем (*одинокая мать* [Ловпаче 2011]); 10) нарушение стиля законотворческих документов (*роспись* вместо *подпись* в текстах нормативных актов [Шайхутдинова 2008]); 11) терминологические замены с имиджевыми целями (*милиция – полиция*).

Литература

Волкова А.Г. Понятие «секта» с точки зрения судебной лингвистики // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Ростов н/Д.: Ростиздат, 2011. С. 178–183.

Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 8–40.

Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма, 2004.

Ловпаче З.Х. Юридическая герменевтика как раздел науки о понимании [Электронный ресурс. URL: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/ 2011.4/1441/lovpache2011_4.pdf (дата последнего обращения 28.01.2018)].

Мартышко Н.Ю. Смысловая модификация терминов в современном законодательном дискурсе: Дисс. … канд.филол. наук. Волгоград, 2015.

Туранин В.Ю. Три причины трудности понимания текста закона // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 2–4.

Шайхутдинова Н.П. Терминологические проблемы трудового права: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.

Несколько слов об оскорбительных словах

Е.В. Щенникова

A Few Words On the Linguistic Means of Offence

E. Shchennikova

ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр» / State Budgetary Institution of Moscow “Moscow Research Centre”

schevos@mail.ru

Аннотация. В работе описано несколько лексических групп, единицы которых способны выражать негативную информацию о собеседнике и потому могут рассматриваться в качестве оскорбительных. Слова типа *вор, маньяк* маркируют антисоциальные поведение и / или образ мыслей человека, а метафоры типа *колорады* одновременно понижают его статус относительно говорящего. Соответствующие смыслы передаются и с помощью средств графики, кинесики.

Ключевые слова: унижение, негативная информация, метафора.

Summary. In the work, several lexical groups are considered that convey negative information about the discourser, thus being offensive. Words like *вор* (thief) and *маньяк* (maniac) denote antisocial ways of the discourser while metaphors like *колорады* (colorados) disparage the opponent’s status relative to the speaker’s at the same time. Similar meanings can be expressed using graphics and kinesics.

Keywords: humiliation, negative information, metaphor.

Традиционный способ вербального унижения собеседника – его дискредитация в глазах общественности. Достигается требуемый иллокутивный эффект, как правило, посредством утверждений о том, что данное лицо не соответствует принятым в рамках конкретного социума стандартам, то есть его поведение, внешний вид или взгляды отклонились по некой условной шкале в негативно оцениваемую плоскость. Констатация маргинального положения собеседника усиливается за счет его статусного понижения относительно говорящего.

Отклонение от нормы, связанное с нарушением кооперативных принципов существования в группе (антисоциальной, общественно опасной или порицаемой деятельностью лица), отражено в констатирующих номинациях типа *вор, женоненавистник, каннибал*, их перифразах (*вылитый персонаж Ломброзо*). Субъектом порицания здесь выступает все общество в целом – любой человек как носитель групповых ценностей. Однозначная связь этих слов с действующим законодательством не является строго обязательной. Обозначения лица по присущим ему психическим девиациям (*маньяк*, *садист*), мировоззренческим установкам (*расист*) нередко классифицируются как гипонимы к слову *преступник* в силу возможных насильственных проявлений этих состояний. Четкое разграничение единиц указанной группы на экспрессивно заряженные и безоценочные не всегда возможно и по этой причине вряд ли целесообразно вне условий контекста. В современных словарях, например, слово *сепаратист* толкуется как нейтральное обозначение сторонника определенных идей, но в обстановке геополитической напряженности частотно выступает в роли имени врага и имеет устойчивые негативные ассоциации.

Отклонение от нормы, связанное с индивидуальными представлениями говорящего о должном, проявляется в негативно оценочной характеризации собеседника. Лексемы этой группы акцентируют различные свойства и качества данного лица, в частности его сексуальные предпочтения (*чернильница* – о женщине, вступившей в интимную связь с представителем иной, в первую очередь т.н. небелой расы). В случае этнофолизмов (экспрессивно-оценочных синонимов к нейтральным обозначениям наций, этносов), окказиональных религионимов (*мусормане*) отклонением, по-видимому, является сам факт принадлежности собеседника к ненавистной, презираемой говорящим группе, члены которой обладают отличными от его собственных культурными традициями и мировосприятием. Так, по мнению Л.П. Крысина, низкий уровень владения русским языком выходца из Средней Азии, проживающего в России, лежит в основе представления о слаборазвитом интеллекте азиатов, что отражено в переносном значении слова *чурка* [Крысин 2003: 452].

Негативная информация о собеседнике частотно сопровождается его эмоциональной оценкой, маркирующей более низкий социальный статус данного лица. Повышающая экс-

прессивная установка в целом характерна для свободной речи [Зализняк 2012: 651] и тем более ожидаема в конфликтной ситуации. Ее выражение обеспечивают, во-первых, суффиксы-экспрессивизаторы (*эшнички* – о сотрудниках Центра «Э», специализирующегося на борьбе с экстремизмом). Во-вторых, вербальное понижение статуса собеседника достигается посредством адресного употребления метафорических обозначений, при буквальном истолковании которых именуемое лицо фактически утрачивает право считаться человеком.

Зоосемантические метафоры фиксируют различные свойства лица через сопоставление его с представителем фауны – прототипическим в рамках культурного сообщества носителем нежелательного признака. Для идеологического дискурса характерны уподобления лица паразитам и вредителям: *колорады* (сторонники отделения от Украины восточных территорий, название мотивировано цветами их атрибута – георгиевской ленты), *НТВошки*. Представляется, что сила статусного понижения увеличивается пропорционально уменьшению активности, видимых проявлений сущности-источника: от фауны к флоре (*лишай, грибок*) и далее к не воспринимаемым глазом микроорганизмам (*вирус, бактерия*).

Наибольшей оскорбительной потенцией в теории обладают случаи метафорического сравнения собеседника с объектами вещного мира, особенно с выделениями организма и бытовым отходами. Названному таким образом лицу отказывается не только в человеческом статусе, но и в целом в возможности волевой деятельности (*укропы, ватники*). Лингвокреативное сознание говорящих может не ограничиться одним образным переносом, нередко выстраивая области взаимообусловленных оценочных номинаций. Так, уничижительное название сотрудника правоохранительных органов *мусор* обусловливает формирование нового значения у однокоренного слова *мусоровоз* (полицейский автомобиль). Ср. окказионализм *членовоз* для служебного транспорта представителей власти. Слова из перечисленных выше групп могут в свою очередь привлекаться для образования новых обозначений, см. контаминации *лугандон, майдаун.* Для демонстрации презрения к собеседнику используется и иноязычная лексика разной степени освоенности: галлицизм *мизерабль*, нацистское понятие *унтерменш*, комбинированное *свидомит* (укр. *свидомый* + рус. *содомит*).

Оценочные номинации могут распространяться в записанном виде, что позволяет использовать средства графики (см. оформление фамилии *маЛОХовский*), или устно, причем во втором случае колоссальную роль играет невербальная составляющая общения, а именно паралингвистические средства, жестовые имитации. Помимо невербальных уничижительных действий можно выделить «невербализованные», которые широко применяются в отечественном кинематографе из-за действующего запрета на обсценную лексику: слово не прозвучало, но по характерным артикуляционным позам легко опознается собеседником.

Литература

Зализняк А.А. Механизмы экспрессивности в языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. в честь 80-летия И.А. Мельчука / Под ред. Ю.Д. Апресяна и др. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 650–664.

Крысин Л.П. Этностереотипы в современном языковом сознании: К постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 450–455.

Секция XIII. Проблемы нейминга и формирования городского ономастикона

Латиница в городском ономастиконе: pro et contra

И.В. Бугаева

Latin graphics in the urban onomasticon: pro et contra

Irina Bugaeva

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева (Москва) /
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

bugaevaiv@mail.ru

Аннотация. В исследовании анализируются надписи на городских вывесках, в которых используются буквы кириллического и латинского алфавитов; классифицируются примеры и приводятся данные экспериментального исследования. В городском ономастиконе наблюдаются три явления: кириллическая латиница, латинизированная кириллица и графогибриды. Латинизированные коммерческие названия часто трудно произносимы и редко воспроизводимы, следовательно, встает вопрос о целесообразности их использования в коммерческих целях.

Summary. The study analyzes the inscriptions on the city signs, which use the letters of the Cyrillic and Latin alphabets; classified examples and provides data of the experimental study. In urban onomasticon observed three phenomena: Cyrillic Latin, Latin Cyrillic and graphic hybrids. Latin commercial names are often difficult to pronounce and rarely reproduced, hence the question of whether they should be used for commercial purposes.

Ключевые слова: городской ономастикон, коммерческая номинация, искусственная номинация, графогибридизация, кириллическая латиница, латинизированная кириллица.

Keywords: urban onomasticon, commercial nomination, artificial nomination, graphic hybrids, Cyrillic Latin, Latin Cyrillic.

В последние десятилетия на улицах российских городов заметное место занимают названия и вывески с использованием букв латинского алфавита, кириллица активно вытесняется латиницей. Это особенно заметно в рекламной сфере и в городской номинации. Первоначально появились названия иностранных брендов, таких как Samsung, Coca-Cola, Lexus, Toyota. Затем стали создаваться названия российских торговых марок, запатентованные на английском языке (Jeans Symphony, Savage, Polaris, Scarlett, Kanzler) и названия российских компаний, представляющие собой искусственные номинации. Такие названия «мимикрируют», создавая образ иностранной компании. Подобных слов нет ни в одном языке, следовательно, у них нет перевода на русский, то есть отсутствует лексическое значение, например, Zolla, Finn Flare, Faberlic, Gipfel, OGGI, Vitek, Sven, Insity, BAON, Bork и др. Одновременно создаются вторичные номинации, состоящие из букв кириллицы и латиницы, так называемые графогибриды (Matrëshka, Пиffной ресторан, Колбасoff, Мясо'ROOB).

Цель данного исследования – проанализировать использование букв кириллического и латинского алфавитов в нейминге и оценить целесообразность использования графогибридов в коммерческих названиях, которые встречаются на городских вывесках и создают ономастический ландшафт российских городов.

В исследовании анализируются надписи на городских вывесках и функции, которые они реализуют. С одной стороны, основные функции прагматонимов – маркетинговая и рекламная. С другой стороны, потребителям важна коммуникативная функция: коммерческие названия должны быть не только привлекательными, но и легко воспроизводимыми.

В результате исследования большого количества примеров городской номинации (более 500), в которых используется кириллица и / или латиница, получены следующие группы: 1) наименования, написанные полностью латиницей, 2) графогибриды, 3) заимствованные слова, написанные кириллицей, 4) дублеты, т.е. прагматонимы, употребляемые как на латинице, так и на кириллице.

В первой группе выделяются четыре подгруппы: заимствованные из других языков лексемы, которые написаны латинской графикой и представляют собой названия транснациональных компаний или торговые марки их продукции (Kiabi, OBI, Miele, Billa, Metro, Spar); русские слова, транслитерированные на латиницу (Zavarka, Kolbasa); названия российских компаний или торговые марки, запатентованные на английском языке (Bosco di Ciliegi, Craft Beer, Vis-à-vis, жилые комплексы NordStar, Green Park, мебельный цент Roomer). Примеры типа Krasota, Kuzina, Divan, Matrëshka можно назвать латинизированной кириллицей, поскольку они представляют собой транслитерацию русских слов на латинскую графику.

Вторую группу составляют коммерческие наименования, графически выраженные буквами латиницы и кириллицы: О'Кей, ПроПizza, Суши Wok.

В третьей группе находятся коммерческие наименования, представляющие собой заимствованные из разных языков слова, представленные только на кириллице (Л'Этуаль, Ашан, Тануки, Шангал).

Четвертая группа – это бренды, которые встречаются на кириллице и латинице (Бургер Кинг / Burger King, KFC / КФС, Леруа Мерлен / Leroy Merlin).

Было проведено экспериментальное исследование употребления русских и заимствованных коммерческих наименований с использованием кириллического и латинского алфавитов. Эксперимент показал, что, во-первых, ряд номинаций с использованием латиницы прижились в русской речи, получив грамматическое оформление (категории числа, падежа и рода). Во-вторых, при произнесении значительного числа прагматонимов и урбанонимов, написанных латиницей, делается много ошибок, вызванных фонемно-графемной интерференцией [Бугаева 1989]. В-третьих, русские слова, написанные латиницей, испытуемые произносили без редукции безударных гласных. В-четвертых, латинизированные названия в разных коммуникативных ситуациях часто игнорируются.

Таким образом, в российском городском ономастиконе, а также в брендинге и нейминге наблюдаются три явления:

кириллическая латиница [Войскунский], латинизированная кириллица и графогибриды.

Латинизированные коммерческие названия во многих случаях трудно произносимы и редко воспроизводимы, следовательно, встает вопрос о целесообразности их использования в коммерческих целях.

Литература

Бугаева И.В. Фонемно-графемная интерференция при языковом контакте (в условиях англо-русского билингвизма): Автореферат дисс. … канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1989.

Войскунский А.Е. Развитие общения как результат применения Интернета [Электронный ресурс. URL: http://cyberpsy.ru/articles/ verbal_internet_communication Дата последнего обращения 14.11.2018].

Антропоцентризм в рекламной номинации

О.В. Врублевская

Anthropocentrism in advertising nomination

Oxana V. Vrublevskaia

Волгоградский государственный социально-педагогический университет / Volgograd State Socio-Pedagogical University

Gesse-wolf2009@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные тенденции создания словесных товарных знаков (прагматонимов) и названий коммерческих предприятий (эргонимов), формирующих ономастическое пространство современного города.

Ключевые слова: городской ономастикон, рекламная номинация, прагматоним, эргоним, антропоцентризм.

Summary. The article considers the current tendencies to create verbal trademarks (pragmatonyms) and name of commercial enterprises (ergonyms) that form the onomastic space of the modern city.

Keywords: urban onomasticon, advertising nomination, pragmatonym, ergonym, anthropocentrism.

Современный город – это сложная многоуровневая система с развитой инфраструктурой. Имена собственные играют одну из ведущих ролей в вопросах ориентации в городском пространстве, они формируют городской ономастикон, т.е. «совокупность имен собственных разных разрядов, создающихся и функционирующих в городской среде под влиянием социокультурных особенностей городской жизни» [Крюкова 2015: 5].

Первыми следует назвать урбанонимы, названия внутригородских топографических объектов, а именно улиц, переулков, проспектов, площадей, скверов, парков, районов, мостов, остановок и др. Кроме того, к названиям, функционирующим в городской среде, относятся рекламные имена, которые формируют номинативный облик современного города, поскольку употребляются на вывесках и в текстах наружной рекламы. Под общим термином *рекламное имя* рассматриваются имена собственные любых объектов, подлежащих рекламированию: эргонимы (названия коммерческих предприятий), прагматонимы (словесные товарные знаки), гемеронимы (названия средств массовой информации), геортонимы (названия торжественных мероприятий). Материалом данного исследования являются прагматонимы и эргонимы.

На рубеже XX–XXI вв. российские города переживают ономастический взрыв, что связано с появлением большого количества новых объектов, нуждающихся в номинации: различные кафе, клубы, рестораны, жилые и торгово-развлекательные комплексы и т.п. Изменяются принципы образования имен собственных, функционирующих в городском пространстве, расширяются языковые ресурсы для их образования.

Как показывает анализ практического материала (3500 прагматонимов и эргонимов), к одной из тенденций последних лет, можно отнести создание антропоцентрических названий, что показывает ориентированность на «очеловечивание» имени в рекламных целях. Данные названия представлены несколькими группами. Первую составляют рекламные имена, стилизованные под антропонимы, созданные по следующим моделям: а) фамилии на *-ов*, например, каши *Быстров,* колбасные изделия *Холодцов;* магазин *Сыроедов, Медов,* компания *Солодов* и др. б) отчество, например, магазины *Аккумыч, Оконыч, Балконыч,* сметанный продукт *Сметановна;* в) имя-онимизированный апеллятив + реальной отчество, например, серия сладостей компании «Озерский сувенир» под общим названием *Фруктовичи: Курага Петровна, Клюква Андреевна, Чернослив Михайлович, Вишня Владимировна, Клубника Николаевна, Инжир Тимофеевич, Ананас Денисович, Изюм Васильевич.*

Оригинальная форма рекламного имени, с одной стороны, и сохранение доономастического значения апеллятивов, от которых образованы данные названия, с другой стороны, делают подобные названия привлекательными для потребителей, т.е. способствуют успешному выполнению ими рекламной функции.

Как отмечает И.А. Нефляшева, прагматонимы-личные имена собственные составляют своеобразную семью – род, родителей (фамилии), патриархов (старшее поколение, отчества) и т.д. Создателями эксплуатируется архетип семьи как основы человеческих взаимоотношений [Нефляшева 2014: 212].

Вторую группу составляют названия, образованные от гипокористических форм имени с апеллятивным идентификатором, например, названия конфет *Мама Женя, Папа Коля*, а также *Кочегар Петя, Плотник Вася, Колхозница Глаша*. В отличие от традиционных названий (*Аленка, Варенька*) они формируют представление о конкретном носителе имени.

К третьей группе можно отнести антропоцентрические прагматонимы, ориентированные на среду обитания человека, например, псевдотопонимы *Масленкино, Счастливкино, Шоколадово, Вкуснотеево, Из Коровкино* и под., а также названия с заимствованными словообразовательными элементами *-лэнд, -ландия* и др.: *Фрутландия, Кокослэнд, Гурмания* и др. Подобные номинации встречаются и в эргонимии, например, названия магазинов: *Окошкино, Покрышкино, Стройград, Пивград, Стройлэнд.*

Подобные стилизованные названия обращают на себя внимание, т.к. выделяются из ряда однородных названий, этому способствует их демонстративность, обусловленная оригинальностью формы, необычной для именования объектов данных категорий.

Литература

Врублевская О.В. Языковая мода в русской ономастике / Под ред. И.В. Крюковой. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017.

Крюкова И.В. Имена собственные в городской лингвокультуре: направления исследований // Городской ономастикон / Под ред. И.В. Крюковой, Г.Б. Мадиевой, О.В. Врублевской. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. С. 4–11.

Нефляшева И.А. Окказиональные прагматонимы – личные имена собственные // Проблемы общей и региональной ономастики / Под ред. Р.Ю. Намитоковой. Майкоп: АГУ, 2014. С. 211–212.

Признаки лингвоэкологичности наименований водных объектов регионального топонимикона*

Д.Ю. Ильин

Attribute of linguoecologital friendliness of the names of water bodies of regional toponymicon

D.Yu. Ilyin

Волгоградский государственнй университет / Volgograd State University

dilyin99@mail.ru

Аннотация. Осуществлен анализ регионального топонимикона с позиции лингвоэкологического подхода, что дало возможность изучить совокупность локальных географических названий с учетом возможности создания комфортной языковой среды для носителя языка. Определены признаки лингвоэкологичности гидронимов, позволяющие выделить названия, отвечающие признакам экологичности, и наименования, которые возможно обозначить как лингвотоксичные.

Ключевые слова: языковая система, лингвоэкология, топонимикон, язык региона.

Summary. The analysis of a regional toponymic is carried out from the perspective of a linguo-ecological approach, which made it possible to study the totality of local geographic names, taking into account the possibility of creating a comfortable language environment for a native speaker. The signs of hydronyms lingvo-ecological were identified, which allowed to identify names that correspond to the signs of environmental friendliness and names that can be designated as lingvotoxic.

Keywords: language system, linguoecology, toponymycon, language of the region.

Лингвоэкологический подход к анализу наименований регионального топонимикона, интерпретируемого как «совокупность лексем, которые используются для наименования географических объектов, расположенных на данной территории, и, отражая особенности конкретной местности, обладают своеобразным семантико-смысловым потенциалом, реализуемым в процессе функционирования» [Ильин 2012: 64], дает возможность охарактеризовать различные с точки зрения экологичности единицы и сфокусировать внимание на процессах «лингвистической гармонизации». Объектом рассмотрения избрана топонимическая лексика со значением «локализованный во времени и пространстве географический объект, который заполнен водой», относимая к тематической группе «водные пространства, водоемы».

В топонимиконе Волгоградской области обнаруживается соответствие наименований водного объекта требованиям языковой системы. Значимым признается приспособление словообразовательных элементов русского языка к существующим топоформантам, способствующее сближению их функциональных возможностей. Наиболее показательны в этом отношении гидронимы с топосуффиксами *-к-, -ск-, -инк-, -ин-*, имеющими славянскую этимологию, например: *река Балыклей**к**а, озеро Ольшан**ск**ое, затон Дубов**ск**ий, река Арчед**инк**а, лиман Гус**ин**ый*.

Экологичность регионального топонимикона проявляется в наличии в нем номинаций, отражающих местные особенности и черты национального характера жителей. Так, исторически закономерны названия *река Чир, затон Сарептинский, водохранилище Волгоградское*: водные объекты расположены поблизости от одноименных населенных пунктов. Этнокультурная определенность имени собственного может быть обусловлена диалектными обозначениями из сферы апеллятивной лексики. В частности, лимноним *озеро Кужное* получил номинацию от распространенного в этой местности названия болотного растения *куга*. В топонимиконе региона зафиксированы наименования географических объектов, в основу которых положена народная этимология: например, гидроним *река Ахтуба*, который, по легенде, получил свое название по имени ханской дочери, бросившейся в реку.

Единицы регионального топонимикона по-разному характеризуются в зависимости от «степени уникальности названия в пределах региона». Целесообразность этого понятия, которое отражает противоречие между предполагаемой уникальностью топонимического пространства региона и стандартностью топонима, обусловленной общей ментальной основой, объясняется тем, что основная функция проприативов – выделение из класса однородных объектов единичного посредством закрепления за ним наименования, способного выполнить идентифицирующую функцию. К названиям, которые в полной мере отвечают заявленному требованию, можно отнести большое количество гидронимов Волгоградской области, например *река Волга, река Дон, озеро Бабинское, ерик Огибной* и др. В то же время языковая, историческая, культурная общность этноса, представители которого проживают на той или иной территории, зачастую приводит к стандартности топонима. Следствием общности признаков, зафиксированных в онимах, можно считать появление совпадающих наименований водных объектов, что не способствует уникальности топонимического пространства региона, нарушает требование экологичности. Поскольку проприативы предназначены для выделения единичных объектов в ряду подобных, трудно не согласиться с А.А. Бернацкой в том, что «название неразрывно связано с обозначаемым и должно ему соответствовать» [Бернацкая 2014: 17]. Однако вряд ли, например, оним *Гусынка* способен выполнить идентифицирующую функцию в топонимическом пространстве Волгоградской области, поскольку в регионе зафиксированы проприативы *пруд Гусынка* и *река Гусынка*.

Лингвотоксичными ввиду неудобства их произношения (возможно и орфографического оформления) следует признать несвойственные русскому языку наименования с большим количеством соположенных согласных звуков типа *река Куртлак*, географические названия с одинаковым главным компонентом и различными определяющими словами типа *озеро Ильмень Большой, озеро Ильмень Карповский, озеро Ильмень Круглый, озеро Ильмень Малый*, а также противоречащие эстетическому восприятию гидронимы типа *проток Сучья Дыра*.

Таким образом, признаками экологичности можно считать адаптацию названий к системе русского языка, отражение ими местных особенностей и черт национального характера жителей, наличие максимальной степени уникальности названия в пределах региона.

Литература

Бернацкая А.А. Лингвоэкология и «критика языка» // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 15–31.

Ильин Д.Ю. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX – начала XXI века: динамические процессы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-12-00641 «Лингвоэкологический портрет регионального топонимикона: проблемы, противоречия и поиски решений».

Основные тенденции современного внутригородского нейминга (на примере наименований детских развивающих центров)

В.М. Касьянова

The main trends of modern intra-urban naming (by the example of the names of children's developmental centers)

Vera M. Kasyanova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

vkasianova@mail.ru

Аннотация. В докладе на примере названий детских развивающих центров рассмотрены основные тенденции современного внутригородского нейминга. Проанализирован лексический состав номинаций, выявлены ключевые слова, показана взаимосвязь между наименованиями и выбором жизненных ценностей и приоритетов.

Ключевые слова: современный нейминг, наименования детские развивающие центры, лексическое наполнение.

Summary. The report on the example of the names of children's developmental centers considered the main trends of modern intra-urban naming. Analyzed the lexical composition of nominations, identified keywords, shows the relationship between names and the choice of life values and priorities.

Keywords: modern naming, names of children's educational centers, lexical content.

Для современного мегаполиса характерна тенденция к появлению огромного количества внутригородских объектов, нацеленных на удовлетворение потребностей самых разных социальных групп, что выражается в появлении все новых и новых магазинов, ресторанов, кафе, клубов и т.д., которые получают яркие, необычные названия, раскрывая жизненные приоритеты поколения и гарантируя привлечение потребителей. Эргонимы [Подольская 1988] играют большую роль в формировании картины мира нашего времени, выделяя наиболее важные ее компоненты. «Ономастический бум» (термин Т.В. Шмелёвой) последних десятилетий не имеет себе равных, что объясняет широкую популярность различных нейминговых агентств, создающих новые наименования и активно продвигающих их на рынке. Очень интересны в этом плане названия различных детских развивающих и образовательных организаций. В настоящее время в Москве и ближайшем Подмосковье зарегистрировано около 2000 разнообразных клубов и центров для детей разного возраста. При этом, несмотря на декларируемое разнообразие видов подобных центров (*Детский центр, Детский развивающий центр, Центр раннего развития ребенка, Детский досуговый центр* и др.), многие подобные учреждения объединяет явно выраженная стратегия на повышение самооценки как самого субъекта, то есть ребенка, так и – главное – удовлетворение амбиций родителей, стремящихся, предчувствуя, какая жестокая конкуренция ждет их сына или дочь в будущем, воспитать в них прежде всего желание добиться успеха. Организаторы уверены: жизненные приоритеты подрастающего поколения могут быть сформированы только при непосредственном участии родителей, поэтому настойчиво рекламируют совместные занятия, что фиксируется и в названиях: *Семейный центр досуга, Центр для детей и родителей* и др.

Анализ лексической составляющей наименований детских развивающих центров отражает наиболее характерные особенности номинации данных объектов:

1. Значительное количество (около 18% от общего количества) составляют англицизмы, появление которых объясняется восприятием родителями английского языка как самого нужного в будущей профессиональной деятельности: *Academy way; Angels Dreams; Baby Boss; Baby way; Big Apple; Broadway; Clever kids; Discovery; English Room; Family Box; Fox&Kids; Happy Baby; Hello Kids; Smart Generation; Step by step* и др. Кроме того, имплицитно предполагается, что детские центры, носящие названия типа *Children Art School, Baby club* (детский сад) или *Hi, Robo* (детский клуб робототехники), по структуре и содержанию занятий в большей степени соответствуют западным стандартам, а значит, обучение в них способствует главному – реализации стратегии успешности. Помимо чисто английских наименований, встречаются транслитерации (*Бейби; Кимберли Лэнд; Либерти Скул; Нейрокид* и др.), а также различные типы смешанных названий (*KinderСад; Mr.Ум; ProДети; Умник БэбиЛэнд; Звездочка kids; ИЗБУШКА family* и др.). На сайтах конкретных организаций возможно двойное наименование: английское и транслитерированное: *Apple Baby Centre* (*Эппл Бэби Центр*); *CityKids* (*СитиКидс*); *Family Club* (*Фэмэликлуб*) и др.

2. Популярны организации с названиями, в которых ключевыми является слова *умный* (*Умная Кроха; Умник; Умники&Умницы; Умничка; Умный малыш*), *гений* (*Гениальный малыш; Гениями становятся*), *талант* (*Талант; Талантино; ТАЛАНТиУм; Талантия* и др.), так как в качестве ведущего мотива занятий в детском центре родители ставят развитие интеллектуально-мыслительной деятельности ребенка. Частотны претенциозные (часто внутренне противоречивые) наименования, при этом в качестве опорного компонента выступают существительные *академия* (*Академики; Академия Гениев; Академия для малышей; Академия Знаний; Академия Интересов; Академия Маленьких Наук; Академия малышей; Академия радости; Академия Роботов; Веселая Академия; Город Академиков; Детская академия речи; Детская академия Успеха*) или *университет* (*Университет Одаренных Детей*).

3. Достаточно многочисленны названия, отражающие своеобразие мира ребенка, его непохожесть на мир взрослых, отсюда номинации с опорными лексемами *город* (*Город Почемучек; Город талантов; Город Гениев*), *остров* (*Чудо-город; Остров Знаний; Остров мечты; Чудо Остров; Островок Радости*), *страна* (*Сказочная страна; Страна Детства; Страна маленьких гениев; Страна Успеха*), *планета* (*Планета Будущего; Планета Детей; Планета Радости; Планета удачи*) и др. Своеобразный ореол таинственности, скрывающийся за подобными лексемами, заставляет и родителей, и самого ребенка поверить в свою «особенность», почувствовать различие между теми, кто ходит в обычную школу, и теми, кто приобщается к наукам и искусствам в таких центрах.

4. Большую группу составляют наименования, в которых используются имена героев сказок или мультфильмов, названия животных – часто в уменьшительно-ласкательной форме (*Антошка, Гулливер, Кот в Сапогах, Бегемотик Тоша, Гномик, Жирафик*), разнообразные окказионализмы (*Игрозаврики, Букваренок* и др.), а также достаточно традиционные номинации, обладающие изначально положительной коннотацией: *Вундеркинд, Добрая сказка, Знайка, Каникулы, Малыши, Радуга* и др.

Таким образом, наименования детских развивающих учреждений в известной степени отражают стремления родителей дать своему ребенку хорошее (лучше – уникальное) образование и одновременно предоставляют организаторам таких центров возможность расширить состав клиентской базы, что соответствует их коммерческим интересам.

Литература

Подольская Н.В. Словарь ономастической терминологии. 2-е изд. переработ. и доп. М.: Наука, 1988.

Эмпоронимы в городской коммуникации современной Астаны

Т.Г. Котлярова

Emporonims in the urban communication of modern Astana

Tamara Kotlyarova

Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова (Астана) / Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University (Astana)

kotlyarovat@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы закономерности наименования городских объектов – предприятий торговли и сферы обслуживания. Установлено, что эмпоронимы по большей части носят свободный, нерегламентированный характер и определяются как продуктивностью модели, так и «языковым чутьем» создателя.

Ключевые слова: эмпоронимы, урбанонимы, способы номинации.

Summary. The article deals with the patternsanalysis ofurban facilities'names – trade and service enterprises.It has been established that emporonimsfor the most part are free and unstructured, they are determined both by the model's productivity and the creator's «linguistic feeling».

Keywords: emporonims, urbanonims, ways of nomination.

Эмпоронимия Астаны, называя предприятия торговли и сферы услуг (магазины, салоны, аптеки, кафе, рестораны), не только фиксирует «мелкий сор повседневной жизни», но и отражает такие социальные процессы, как появление новых форм собственности, новых видов товаров и услуг, новых форм торговли и индустрии развлечений [Китайгородская 2003: 128]. Как правило, эмпоронимы создаются по модели, включающей номенклатурную номинацию и ее имя: *магазин, павильон, дворец, торговый дом, торговый центр, торгово-развлекательный комплекс, салон, бутик, киоск.* Присутствие в эмпорониме терминов *дворец* или *салон*, по мнению астанчан, свидетельствует о престижности и качестве товара. Некую престижность и положительную оценочность придает эмпорониму и элемент евро-: *«Евромебель», «Евростиль», «Евроэлектрика».* Очевидно, для обыденного сознания носителя языка Европа представляется неким ценностным ориентиром и гарантом высокого качества.

Заметное распространение получила и модель сложного наименования со вторым компонентом *-маркет*: *гипермаркет, супермаркет, минимаркет, экомаркет, строймаркет, оптмаркет, спецмаркет.* Весьма распространен в названиях магазинов Астаны и компонент *мега-* (*Мегастрой, Мегаспорт, Мегаклимат*), который может употребляться и как самостоятельный эмпороним: *Торгово-развлекательный комплекс «Мега».* Подобные гиперболизированные названия имеют, на наш взгляд, ярко выраженный рекламный, «расхваливающий» характер. Регулярны составные наименования с опорными словами *дом, мир, планета, империя, вселенная,* которые также используются для названия больших специализированных магазинов: *Планета электроники, Мир света, Аккумуляторный мир, Вселенная ковров, Империя меха.* Нередко подобные наименования сосуществуют как синонимичные: *Мир рыболова – Дом рыболова.* Примеры показывают, что в языковое сознание астанчан все больше внедряются номенклатурные термины с семантикой «всеохватности».

Интересны случаи использования пассивной, устаревшей лексики (*лавка, трактир*) в качестве номенклатурных слов для образования эмпоронимов: *Церковная лавка, Обойная лавка, Продуктовая лавка «Егоркино», Трактиръ «Медведь».* Для имен объектов торговли чаще используется предметная лексика, включающая лексемы обобщающего характера. Например: *«Продукты», «Подарки», «Стройматериалы», «Офисная мебель», «Торговое оборудование», «Ткани», «Канцтовары», «Кожа и меха», «Бижутерия», «Детская одежда и коляски» и др*. Это самая объемная лексика города.

Не менее популярны имена лиц: *Гульжан, Айсулу, Азамат, Арман, Артем, Мария и др.*, которые персонифицируют адресанта – вполне конкретного собственника, учредителя того или иного городского объекта. Причем женские имена значительно превалируют, что, возможно, косвенно отражает роль женщины в сфере малого бизнеса в Казахстане. Среди апеллятивов, соотносимых с онимами мужского рода, в качестве частотного следует отметить имя нарицательное *мастер.* В Астане есть сеть магазинов «*Мастер хаус», «Строй мастер», «Спорт мастер», «Электромастер».*

Не всегда словесные знаки точно информируют о новом денотате – неизвестном объекте, которому присваивается новое имя. Так, аптека «*Джеми*», названная по имени знакомой, с которой владелец аптеки учился когда-то в Америке, не имеет ничего общего со специализацией данного городского объекта. Не совсем удачным представляется эмпороним мебельного магазина и аптеки *«Феникс»*, вызывающий стойкие ассоциации с мифологической птицей. Антирекламным именем собственным является и урбаноним стоматологической поликлиники *«Берлиоз».* Оним *«Маленькая страна»*, мотивированный названием популярной песни о детстве, сообщает не об объекте, ориентированном на «детскость» (товары, услуги), а о парикмахерской, где нет никакого специализированного детского зала.

Немало примеров, свидетельствующих об игровом, образном начале речевой коммуникации Астаны. Это названия продуктовых магазинов *«Ням-ням»*, *«Берібар», «У Барабашки», «Баурсакофф»*, кафе *«Гриль-мафия»*, автомойка *«Министерство чистоты».* К шутливым названиям относятся и эмпоронимы магазинов «*Салам-продукты*» и *«Mobila.kz»*, *«O-la-la»* и *«Драйв»*, пивных баров *«Пятый угол»*, *«Толстый фраер»*, *«Сивый мерин»*, *кафе «Павлин-мавлин»*, *«Бамбарбия Киргуду»*.

Получают распространение номинативные модели типа *«У Ксюши»*, *«У Жанны»*, *«Он и она»*, *«Только ты»*, *«2+2»*, обусловленные желанием установить более доверительные отношения с покупателем, с каждым отдельным горожанином.

Временная лексика весьма актуальна для Астаны, особенно для наименования магазинов: *«Апрель»*, *«Октябрь»*, *«Наурыз»*, *«12 месяцев»*, *«Весна»*, *«5 минут»*, *«25 часов».* Эмпоронимы с локальной семантикой немногочисленны: оптика *«На Кенесары»*, магазин *«Перекресток»*, ресторан *«Узбечка на Иманова».* Однако в лексике астанчан часто используются такие локальные наименования, как *«правый берег»* и *«левый берег»*, четко оформляющие оппозиции «старый город» – «новый город» или «свое» – «чужое». Используются в названиях городских объектов и цифровые компоненты: салон красоты *«5 +»*, аптека *«7 +»*, детское кафе *«38 попугаев»* и др. Среди названий магазинов встречаются так называемые «рекламные диминутивы»: *«Пивной барик»*, *«Конфетный дворик»*, *«Золотой ключик»*, *«Солнышко»*.

Традиционно для астанинской эмпоронимиии и явление трансонимизации, т.е. переноса названия городов, государств на наименования торговых предприятий. Например, *«Туркестан»*, *«Кокшетау»*, *«Костанай»*, *«Шымкент»*, *«Алматы»*. Как правило, владельцы этих городских объектов торговли или ресторанного бизнеса являются уроженцами названных городов. Гораздо реже подобные наименования магазинов указывают на производителя или импортера продаваемых товаров. Ср.: *«Прага / стекло из Чехии»*, *«Конфеты Караганды»*, *«Дятьково / Мебель из России»*.

Анализ эмпоронимов, репрезентирующих языковой облик новой столицы Казахстана, убеждает, что чувство языкового вкуса – одно из важнейших качеств человека, показатель культурного уровня носителя языка – сопутствует абсолютному большинству астанчан при назывании объектов торговли и сферы услуг.

Литература

Китайгородская М.В. Активные социолингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Ответ. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 127–150.

Периферийные онимы в контексте современной массовой культуры

В.А. Крыжановская

Peripheral onyms in the context of modern mass culture

V.A. Krizanovskaya

Кубанский государственный университет (Краснодар) / Kuban State University (Krasnodar)

valentina91_91@mail.ru

Аннотация. Имена собственные представляют отдельную языковую систему, особое место в которой занимают периферийные онимы. Они отражают основные тенденции современной массовой культуры, поэтому являются важными и функционально нагруженными элементами.

Ключевые слова: периферийный оним, оним, ономастика, эргоним, массовая культура.

Summary. Proper names represent a separate language system in which peripheral onyms have specific place. They reflect the most important trends of modern mass culture therefore this onyms are functionally weighted elements.

Keywords: peripheral onym, onym, onomastics, egonim, mass culture.

Русская ономастическая система, перманентно разнообразная и неоднородная, с начала XXI века претерпела ряд изменений, что не могло не отразиться на векторе современных лингвистических исследований. Отдельного внимания заслуживает вопрос типологии имен собственных. Как один из способов исследования ономастической системы В.И. Супруном [Супрун 2000] был предложен полевый подход, с точки зрения которого выделяются ядро, околоядерное пространство и периферия. Лексика ядра отличается устойчивостью, в то время как периферия подвержена изменениям. По нашему мнению, ядром русской ономастики являются антропонимы и топонимы, в сопоставлении с которыми определяется онимичность других единиц, тяготение к центру или периферии ономастического поля. К периферии мы относим многочисленные эргонимы, прагматонимы, фалеронимы, геортонимы и мн. др.

Периферийные онимы обычно рассматривают в качестве фона при комплексном исследовании имен собственных. Кроме того, они не классифицированы: ономатологами не раз отмечались «достаточно размытые иерархические отношения между разрядами ономастической лексики, не поддающиеся жесткому структурированию» [Супрун 2000]; для онимов, находящихся на периферии, это утверждение особенно актуально, так как именно они на ономастическом уровне отражают огромное разнообразие объектов окружающей действительности [Волкова 2010]. Тем не менее зачастую подобные имена собственные являются важными и функционально нагруженными элементами, так как содержат страноведческие и идеологические коннотации, соотносят повествование с местом, временем и социальной средой, содействуют созданию художественного образа; они характеризуют героев, сообщают важную информацию о внешнем виде, характере, уровне образования, социальном положении и др. [Крюкова 2004]. Это наиболее изменчивый и динамичный пласт онимов, отражающий особенности языковой моды и основные тенденции в массовой культуре, под которой мы понимаем новый способ существования современной культуры. Массовая культура – это новая система управления и манипулирования сознанием, интересами и потребностями человека, включающая в себя элементы индустрии досуга и информационной сферы, а также систему формирования массового потребления, центром которой являются реклама и мода. Как отмечает М.Л. Гаспаров, «массовая культура не заслуживает высокомерного презрения. Массовая – она и есть настоящая и представительная, а элитарная, авангардная культура состоит при этом серийном производстве духовных ценностей лишь как экспериментальная лаборатория» [Гаспаров 2005].

Периферийная ономастика отзывается на наиболее яркие и запоминающиеся образы массовой культуры. Так, появление в 2000 году прагматонима *Jelly Belly Harry Potter Bertie Botts Beans* непосредственно связано с популярностью книг Дж. Роулинг «Гарри Поттер». А известность бренда сети кофеен *Starbucks,* упоминающегося во многих фильмах («Бойцовский клуб», «Одержимость», сериал «Доктор Хаус» и другие), стала причиной создания многочисленных «пародий»: кафе в Краснодаре *Lapsha*NewYork* (*как логотип кофейни *Starbucks*, но вместо русалки тарелка с лапшой) или придуманный бренд кофейни *StarWars*, в центре логотипа которого изображен шлем штурмовика.

Одним из символов современной культуры является знак #, широко используемый с 2009 года. Хэш-символ ставится перед фразой, которую автор помещает рядом с актуальным постом, чтобы поделиться им с другими подписчиками социальной сети. Несмотря на то, что символ сравнительно молодой, он уже широко используется в образовании эргонимов: ресторан *#ЁBURG*, *#СтудияЯныАзеевой I * HAIR*, закусочная *#ШАУРМАНИЯ*, лофт *#ПРОСТРАНСТВО*, бар *#minimalBar*, интернет-магазин *#шефмаркет*, кафе *#вафливафли*, кофейни *#кофекофе* и *#щастье*. Это отражает такие тенденции, как ориентированность на интернет-пространство, «инстаграмность». Сюда же отнесем такие эргонимы, как *ВЛаваше*, *ВЦветах*, *ВКонфетах* и мн. др., образованные по модели социальной сети *ВКонтакте*.

Приведенные примеры позволяют говорить о социокультурном феномене периферийных онимов, их лингвокультурной ценности.

Литература

Волкова С.Н. Проблема классификации периферийных онимов в художественном тексте (на материале романа О. Ермакова «Знак зверя») // Вестник Волжского университета В.Н. Татищева. Тольятти. 2010. № 6.

Гаспаров М.Л. Историзм, массовая культура и наш завтрашний день // Вестник истории, литературы, искусства. Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: Собрание; Наука. Т. 1, 2005. С. 26–29.

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентной. Волгоград, 2004.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000.

Внутригородские названия как средство выражения оценочных значений*

И.В. Крюкова

Intra-Urban Names as a Means of Evaluative Meanings' Explication

I.V. Kryukova

Волгоградский государственный социально-педагогический университет / Volgograd State Socio-Pedagogical University

kryukova-irina@ya.ru

Аннотация. Анализируются широко известные внутригородские названия, которые за короткие промежутки времени приобрели признаки прецедентного имени и стали средством выражения ценностных установок носителей русского языка.

Ключевые слова: урбаноним, прецедентное имя, метонимическое значение, метафорическое значение.

Summury. In this study, we analyze well-known intra-urban names which acquired the features of precedent names in short periods of time and became a means of the explication of Russian native speakers' value system.

Keywords: urbanonym, precedent name, metonymic meaning, metaphoric meaning.

Динамика социокультурных ценностей закономерно приводит к изменению коннотативных значений широкоупотребительных имен собственных. Среди них особое место занимают внутригородские названия (урбанонимы), известные в масштабах страны. Они обладают потенциальной способностью не только номинировать объекты городского пространства, но и при определенных условиях передавать обобщенные оценочные представления о типичных чертах современного общества. Употребляясь в переносном значении, внутригородское название в ряде контекстов теряет ономастический статус и приобретают признаки прецедентного имени, т.е. «происходит генерализация характеристик того "культурного предмета", на который оно указывает; последний начинает восприниматься как типичный, выступает как эталон, образец свойств, присущих целой группе объектов, но не теряет при этом своей индивидуальности» [Гудков 1999: 71]. Закономерен интерес исследователей к функционированию прецедентных имен в СМИ [Нахимова 2007]. Однако основным материалом исследования попрежнему остаются антропонимы и топонимы.

Между тем урбанонимы, формирующие городской ономастикон, в последние годы становятся ярким средством выражения социальной оценки в российских СМИ. При этом возникают своеобразные параллели между разными объектами внутригородского пространства. Например, урбаноним *Болотная площадь*, ставший символом протестного движения, семантически сближается с другими урбанонимами, обозначающими площадки антиправительственных акций: *Болотная площадь и проспект Сахарова за последний год стали уже нарицательными понятиями* (Комсомольская правда, 2012.12.04). И противопоставляется урбанонимам, обозначающим места проведения акций партии власти: *Болотная площадь напоролась на Поклонную гору, которая митинговала за Путина*. (Комсомольская правда, 2013.02.26). Последний пример демонстрирует употребление урбанонима в метонимическом значении для обозначения участников акции протеста. Далее наблюдается расширение значения урбанонима, и он используется для номинации любой другой акции протеста. Как правило, более мелкого масштаба: «*Болотная площадь», петрозаводский вариант. За ответом на этот вопрос я в Петрозаводск и отправилась*. (Комсомольская правда, 2013.03.19).

Отмечается также способность прецедентных урбанонимов развивать несколько переносных значений, которые не всегда находятся в синхронных отношениях друг с другом. Это подтверждает анализ употребления в СМИ урбанонима *Черкизовский рынок* до закрытия рынка в 2009 г. и после закрытия. До закрытия рынка его название в переносном значении использовалось для характеристики дешевых товаров: *Забудьте про эти узоры до тех пор, пока вам не стукнет 70. Черкизовский рынок. Цена: 70 руб.* (Комсомольская правда, 2004.11.19). После закрытия рынка данный урбаноним стал использоваться для образной характеристики мест, в которых нарушаются правила торговли: *Если китайцы хотят сделать там второй Черкизовский рынок, то это будет категорически неприемлемо для российской стороны* (Труд-7, 2010.04.07). Более того, название рынка становится бранным словом и может стать предметом судебных разбирательств. К примеру, после публикации в партийной газете ЛДПР статьи *«Весь Кавказ – огромный Черкизовский рынок»* житель Дагестана подал иск к Жириновскому на 100 млн. рублей (Новый регион 2, 2010.02.12).

Иногда в семантике урбанонима присутствует четкая привязка к определенной дате. Своеобразной точкой отсчета в изменении коннотативного значения становится резонансное событие, зачастую трагическое. Например, название торгово-развлекательного центра *«Зимняя вишня»* до пожара имело локальную известность, а после пожара буквально в течение одного дня приобрело признаки прецедентного имени. При этом изменились ассоциативные связи названия с одноименным кинофильмом. СМИ чутко реагируют на такого рода изменения: *До трагедии в Кемерове у словосочетания «зимняя вишня» была одна основная ассоциация – одноименный фильм. Теперь же, когда мы услышим или увидим эти два слова, перед нами возникнут не герои любимой мелодрамы, а черный дым, горящее здание и опустошенные горем глаза родителей, чьи дети погибли* (радио «Эхо Москвы». 01.04.2018).

Со временем инетенсивность эмоциональной оценки может затухать, а урбаноним – терять признаки прецедентного имени и забываться. Однако после повторения подобной ситуации в другом городе коннотативное значение урбанонима возвращается, и оно вновь занимает место в тематическом ряду имен, обозначающих аналогичные события. Так произошло, например, с уже забытым к настоящему времени названием пермского ночного клуба *«Хромая лошадь»*, в котором в 2009 г. произошел крупный пожар. Этот урбаноним вернулся в активное употребление в значении 'городской пожар с большим количеством жертв' и буквально сразу после трагедии в Кемерово два урбанонима стали употребляться в одном минимальном контексте, в сильной позиции заголовка: *«Зимняя вишня» повторила судьбу «Хромой лошади»* (Комсомольская правда, 2018.03.27); *От «Хромой лошади» до «Зимней вишни»: За 9 лет в стране ничего не изменилось* (Свободная пресса, 2018.03.26).

Таким образом, внутригородские названия при определенных экстралингвистических обстоятельствах за короткие временные промежутки проходят путь от номинации объекта городского пространства до образной символизации.

Литература

Гудков Б.Д. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования, 2007.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00578.

Названия российских городских объектов как репрезентанты русской коммуникативной культуры (взгляд из-за границы)

А.Б. Лихачева

Names of Russian urban objects as representatives of Russian communicative culture (a glance from abroad)

Alla B. Likhachiova

Вильнюсский университет (Литва) / Vilnius University (Lithuania)

a.lichaciova@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются названия российских городских объектов, с помощью которых оформляется общение между городом и горожанами. Анализируются лингвистические технологии, применяемые в городских номинативных практиках, соответствующие установкам русской коммуникативной культуры и подразумевающие некоторую степень имплицитности, характерную для аутентичного живого общения представителей единого лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: городские номинации; русская коммуникативная культура; имплицитная информация; лингвокультурное сообщество.

Summary. The paper discusses urban names, which provide the communication between Russian cities and city dwellers. There are analyzed linguistic technologies used in urban nominative practices, corresponding to the settings of the Russian communicative culture, and suggestive of a certain degree of implicitness, which is characteristic of the authentic live communication of representatives of a single linguocultural community.

Keywords: urban nominations; Russian communicative culture; implicit information; linguocultural community.

Предлагаемая работа посвящена анализу языкового оформления российского городского пространства и его соответствий значимым чертам русской коммуникативной культуры.

Тема корреляций между языковыми чертами города (в частности, в их письменном воплощении) и особенностями русской коммуникативной культуры остается мало исследованной. Вместе с тем, как представляется, в общем контексте национальной коммуникативной культуры названия городских объектов заслуживают особого внимания, поскольку в языковом дизайне города представлена важная информация социокультурного плана, а также информация об аутентичной коммуникативной тональности и стиле общения между городом и горожанами.

Рассматриваются лингвистические средства, используемые в городской номинации и соответствующие русской коммуникативной специфике, что подразумевает некоторую степень имплицитности, характерную для живого общения. Информация может оцениваться как имплицитная с учетом обстоятельств интеракции между членами *единого* лингвокультурного сообщества или же с участием представителей *других* лингвокультурных сообществ. В настоящей работе речь идет об имплицитных смыслах, легко прочитываемых первой категорией коммуникантов, но остающихся закрытыми для вторых.

Действительно, русскоговорящие иностранцы, приезжая сегодня в российские города, помимо фотографий на фоне достопримечательностей, воодушевленно делятся в социальных сетях впечатлениями об обилии непривычных названий городских объектов. Причем молодым иностранцам, даже считающим себя русскими и говорящими по-русски, нынешнее языковое оформление российских городов далеко не всегда понятно, смыслы городских номинаций не всегда опознаются и воспринимаются как элементы *своей* культуры. Это происходит потому, что, как утверждают специалисты в области обучения русскому языку иностранцев, «имплицитная информация, связанная с культурой, представляет собой сложную глубоко организованную систему, изучение которой не может быть заменено фрагментарным знакомством с отдельными моментами. […] Главным признаком истинных ценностей культуры прежде всего является их незаметная коммуницируемость. Они допускаются или предполагаются в процессе общения в форме импликаций или намеков, что свидетельствует об их предполагаемой самоочевидности в национальной среде» [Зиновьева 1999: 133, 131].

Анализируемые урбанонимы собраны на улицах и сайтах российских городов, некоторые названия извлечены из работ о языке Москвы [Марсакова 2012; Китайгородская, Розанова 2010; Розина 2007]. Стиль общения между хозяевами городских объектов и горожанами наиболее ярко проявляется благодаря языковому оформлению самых посещаемых и многочисленных городских объектов: мест торговли, кафе, баров, ресторанов и т.п. По словам американской исследовательницы Шарон Зукин, автора многих книг о трансформациях современных городов, «рост культурного потребления (искусства, еды, моды, музыки, туризма) и обслуживающих это потребление предприятий питает символическую экономику города, развивая его способность производить как пространство, так и символы. […] любая попытка привлечь покупательское внимание становится фактом культурного производства» [Зукин 2015: 18, 32].

Как показывает анализ собранного материала, в отличие от более унифицированного, в основном информирующего языкового оформления городского пространства во многих европейских городах, российские города все ярче демонстрируют стратегии этнокультурной спецификации языковой ткани города, тем более что это значительно легче и эффективнее, чем при использовании латинского шрифта, поддерживается кириллическим алфавитом. Благодаря подобным номинативным стратегиям не только обеспечивается связь с национальной лингвокультурной средой, но и создается иллюзия взаимного участия в коллективном и одновременно – в персональном, личностном общении, что соответствует важнейшим ценностным установкам русской коммуникативной культуры [Владимирова 2015; Дементьев 2013].

Литература

Владимирова Т. Концепт «брат» как архетип русского языкового бытия // Мир русского слова. СПб., 2015. № 2. С. 47–53.

Дементьев В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. Москва: Глобал Ком, 2013.

Зиновьева М. «Русскость» как имплицитная информация в лексике и фразеологии // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 124–133.

Зукин Ш. Культуры городов / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Китайгородская М., Розанова Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010.

Марсакова Т. Новое в «городской» номинации современного русского языка в аспекте преподавания иноязычным учащимся // Россия и Запад: диалог культур. Сборник статей XIV международной конференции. Вып. 16. Ч. IV / Отв. ред. А.В. Павловская. М.: МГУ. С. 228–240.

Розина Р. Чужие и свои слова на московских улицах. Опыт социолингвистического анализа // Язык в движении / Под ред. Е. Земской, М. Каленчук. Москва: Языки славянской культуры, 2007. С. 491–495.

Нейминг и норма

В.И. Мозговой

Naming and Norm

V.I. Mozgovoi

Донецкий национальный университет / Donetsk National University

mowi48@mail.ru

Аннотация. Анализируется специфика нейминга на постсоветском пространстве, связанная с вольным обращением собственников с нормами в условиях рыночной экономики и тенденцией к превращению реальных собственных имен в объект «государственного» брендинга. Предлагаются принципы установления норм и методы борьбы с ложными номинациями.

Ключевые слова: имя собственное, нейминг, бренд, условные и ложные номинации.

Summary. Examines the specifics of naming in the post-Soviet space, associated with the free circulation of property owners with the norms in market economy conditions and tendency to make real their own names in the object «State» branding. Proposed principles for establishing norms and methods of dealing with false nominations.

Keywords: proper name, naming, brand, conditional and spurious nomination.

Нейминг на постсоветском пространстве – явление новое и специфическое. Оно выкристаллизовалось не постепенно в недрах национальных моделей именования, а практически мгновенно с использованием заимствованных технологий, уже существующих в западном мире и перенесенных на новый грунт. Это наглядно демонстрируют города, вступившие в стихию рыночных отношений с не подготовленным для этого общественным сознанием. Сформулированная на II Международном симпозиуме «Русский язык в поликультурном мире» озабоченность, связанная с анархией при использовании «…иноязычной лексики и графики в коммерческой номинации» [Резолюция II Международного симпозиума 2018: 4], кажется поэтому вполне объяснимой. Сегодня до 90% эргонимии в крупных городах страдает «болезнью» графогибридизации, поэтому запрет латинской графики в условиях неограниченного количества современных объектов номинации вряд ли возможно проконтролировать, а если и можно, то он не способен принципиально изменить ситуацию.

Ее деликатность состоит в том, что она возникла не по вине собственников, справедливо полагающих, что имущественное право должно распространяться на соответствующее собственное имя (СИ). Проблема анархии в нейминге, опирающемся исключительно на маркетинговые цели, зрела как реакция на плановую социалистическую экономику, которая не нуждалась в брендах: захват рынка был обеспечен монополией государства. Вот почему мнение, что «…без изучения советских эргонимов невозможно правильно интерпретировать некоторые существующие в настоящее время названия» [Разумов 2017: 98], должно быть дополнено выводом о том, что нарушение языковых норм в нейминге стало формой протеста новых собственников против онимного примитивизма.

При государственной системе тотального регулирования всего и вся эргонимов в современном их понимании практически не существовало. Связанные со статусом реального объекта (***Школа-интернат***, ***Промтовары***, ***Кондитерская***), они выделялись лишь указанием на местоположение (***Московский*** *государственный университет*, *шахта «**Южнодонбасская**»*), номером (*Гастроном **№ 1***, *Шахта **3-бис***) или мемориальным именем (*Московское высшее техническое училище **им. Н.Э. Баумана***). Настоящие СИ воспринимались как экзотика. Они относились, как правило, к кооперативным или коммерческим предприятиям (*магазин **«Океан»***, *ресторан **«Плакучая ива»***) и связывались с юбилейными датами (*универмаг **«Юбилейный»***, *к-р **«Октябрьский»***), символами социализма или интернационализма (*колхоз **«Ударник»***, *гостиница **«Дружба»***, *ресторан **«Узбекистан»***, *универмаг **«Магдебург»***).

Вместе с тем в обыденном сознании при постоянном «дефиците» особым спросом пользовались импортные бренды – любой иностранный «лейбл» связывался с уникальностью товара «из-за границы» (*LeeCooper*, *Wrangler*). Разрыв между «государственным» и «народным» восприятием номинаций усилился настолько, что был позже перенесен в рыночную экономику, акцентирующую новые приоритеты, но оставившую без изменения политику двойных стандартов при формировании «норм».

1. **«Страсть» ко всему иностранному новых собственников**. Она была привнесена извне, после чего эргонимика превратилась в наиболее востребованный раздел ономастики со специфическим пониманием нейминга как части стратегии компании, позволяющей путем разработки звучных названий достичь максимальной узнаваемости предмета маркетинга. Его специфика состояла в том, что во главу угла ставилась прибыль любой ценой, а не завоевание рынка за счет качества продукции. Бесконечное количество частных фирм стало эксплуатировать моду на иностранную вербальность или жаргонную «простоту». Сначала это имело успех, но затем превратилось в тормоз торговли, страдающей от непонимания смысла и разрушения национально-языковой культуры: *Детский мир «ВаВу»* (*«Ваву»?*), *ателье «ВАВОСНКА»* (*«Вавоска»?*), *«МахГастрономический Паб»*, *Мужской салон «BritVaBarbershop»*, *Табачный киоск «ТаВаССо»*, *Банк «СОСЬЕТЕ ЖЕНЕРАЛЬ»*, *Кофейня «Halabuda»*, *Суши-бар «Шире Хари»*, *Автозапчасти «ЯпонаМать»*.

2. **Официальное противодействие анархии и искусственное ограничение свободы собственника**. Оно сформировалось в сфере государственного управления как ностальгия по советской регулятивной системе и привело к необсуждаемой «норме», которую нельзя было изменять и править. Стремясь непременно удержать свой приоритет в условиях частного предпринимательства, чиновники «…узурпировали право на официальную фиксацию СИ, превратив его в ложную лексему…» [Мозговой 2017: 63], скрывающую в кавычках реальные объекты номинации, например: *Муниципальное общеобразовательное учреждение среднего образования «Школа “Гимназия № 12 города Донецка”»*. Ситуацию усугубила пассивность ученых по отношению к процессу именования: их описание и фиксация фактов не выходило за рамки утвержденных властью форм. В результате нормы стали зависеть от разных по уровню образованности «авторов», страдающих от произвола административных органов и от собственного невежества, проявляющегося в уродливо понимаемой красоте. Борьба за нормы не способна была предотвратить разрушение гуманитарности как главного критерия их чистоты. Более того, она должна была распространиться и на самих законодателей «онимной моды», с подачи которых нейминг превратился в социально опасную игру с собственной историей и культурой: сфера номинаций постепенно перешла под контроль маркетологов или чиновников, заполнивших онимное пространство ложными лексемами.

Ономастика в этом случае обязана стать на защиту социума, чтобы трансформироваться в атрибут права и уже на его основе разрабатывать принципы и методику именования объектов.

1. **Регулировать процессы графической фиксации** – иностранная графика возможна, если за ней кроются узнаваемые мировые бренды: *Samsung*, *Toshiba*, *Chanel* и т.п. Но она при этом может заменяться кириллицей (*Самсунг*,

Тошиба, *Шанель*), исключающей графическую гибридизацию (*CamSung*).

2. **Узаконивать принципы передачи названий на другие языки**:

а) путем возможного перевода условных (имеющих лексическое значение), или рекламных номинаций, используемых для расширения рынка в случае ситуативной необходимости: *Молоко* // *Milk*, *Парикмахерская* // *Barbershop*; *Ресторан быстрого питания «Возьми с собой»* – укр. *Ресторан швидкого харчування «Візьми з собою* (г. Донецк), кр.-тат. *«Дженет Кошеси»* – рус. *«Райский уголок»* (ресторан в Симеизе).

б) путем выборочного перевода той части СИ, которые имеют международную информативную значимость (передаются обычными словами): *Донецкий* ***национальный технический университет*** – *Donetsk* ***National Technical University***).

3. **Закреплять право первичного или исторически сложившегося собственника** на именования, которое должно соответствовать принципам социальности, национальным традициям и языковой культуре, исключающим ложные номинации: ***Григорьевская школа-интернат*** *г. Донецка*, а не *Государственное бюджетное нетиповое общеобразовательное* ***учреждение*** *«Республиканский многопрофильный* ***лицей-интернат*** *“****Григорьевская школа****” Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики»*; *Донбасс-арена* (стадион в Донецке), а не *Донбасс Арена*; *«Полмира»* (строительный магазин, г. Макеевка), а не *«ПолМира»*; *«Под ключ»* (строймаркет, г. Донецк), а не *«Подключ»*; *«Документ-центр»*, а не *«ДокументЦентр»*; *Инжир*, а не *InЖир* (кафе в Симеизе) [Мозговой 2018].

Литература

Мозговой В.И. Имена собственных и не собственные // Гуманитарно-педагогическое образование. 2017. Т. 3. № 3. С. 44–51.

Мозговой В.И. О судьбе ономастики в связи с трансформациями собственных имен в условные номинации. // Гуманитарно-педагогическоеобразование. 2018. Т. 4. № 3. С. 59–64.

Разумов Р.В. Особенности системы эргонимов провинциального города 1980-х гг. // In Nōminum Spatio (В пространстве имен): Материалы II Международных ономастических чтений им. Е.С. Отина (22–23 октября 2016 г.) / Редколлегия: В.М. Калинкин (отв. ред.) и др. Донецк: Издание Фонда«Азбука», 2017. С. 98–106.

Резолюция II Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире (Ялта, 8–12 июня 2018 г).

Новые единицы городского ономастикона

И.Н. Пономаренко

New units of city onomasticon

Irina N. Ponomarenko

Кубанский государственный университет (Краснодар) / Kuban State University (Krasnodar)

irnik20@mail.ru

Аннотация. В актуальном нейминге появилась новая тенденция: в качестве имен городских объектов функционируют не слова, а предложения.

Ключевые слова: имя собственное, нейминг, оним-предложение.

Summary. A new tendency has appeared in modern naming – sentences but not words started functioning as names of city units.

Keywords: proper name, naming, onym-sentence.

Известно, что изменения в языке происходят при комплексном воздействии экстралингвистических и внутриязыковых факторов, и несомненно, что причина подобных изменений заложена в самой системной организации языка, составляя его сущность. Изменение социокультурной ситуации приводит в движение внутренние ресурсы и потенциальные возможности языка. Современный ономастикон как особая его подсистема быстро реагирует на новые тенденции, в определенном смысле актуализируя их.

Нет сомнения в том, что появление нового коммерческого онима в значительной степени предопределено фактором экономической конкуренции: название объекта, как правило, содержит информацию, которая должна каким-либо образом привлечь потенциального клиента. Выполняя информационную и аттрактивную функции, эффективные неймы должны подчиняться традиционному требованию рекламной коммуникации, частью которой являются, – передавать максимальное количество маркетинговой информации минимальным количеством знаков. В ономастическом пространстве Краснодара все чаще появляются неймы-предложения: детская одежда *Дети в моде*, магазин обуви *Счастье в ботинках*, кафе *Дело не в кофе*, кофейня *Зацепи кофе*, шашлычная *Время есть шашлык*, чебуречная *Чебурек человеку друг*, парикмахерская *Прядки в порядке*, ломбард *Деньги в руки*, ресторанная сеть *Я ЕМ*, киоски быстрого питания *ЕшьЧоДали* и *Ешьburger* и др.

Появление подобных онимов сложной структуры не противоречит представлениям классической ономастики, понимающей под именем собственным «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [Подольская 1990: 473]. Таким образом, можно считать, что современная тенденция была потенциально определена еще в конце прошлого века, но реализованной оказалась только в последние годы.

Реализация возможностей языковой системы свидетельствует не только о ее потенциале, но мобильности и гибкости в плане реакции на изменение коммуникативной ситуации. Изменилось речевое поведения современных носителей языка, ушли стереотипы советского прошлого, более естественным стал язык, и общий иронический тон современной социокультурной парадигмы требует поиска новых форм.

Созданные профессионалами и любителями неймы формируют ономастикон современного города. В XXI в. исследователи отмечают появление поликодовых креативных, но легко узнаваемых онимов, созданных посредством графической трансформации и гибридизации различного характера: кафе *Бapist*, антикафе *О'Лень,* бар *LaBaш,* арт-пространство *СкаFUNдр,* бильярдный клуб *ШарMan,* оптика *Mr. ОптиковЪ* и др.

Для изменения графической формы нейма с целью усиления аттрактивной функции используется целый набор различных приемов, куда входит не только графическая трансформация, но включение иноязычных знаков и их компонентов, а также инокультурных единиц. Однако возможности трансформации формы ограничены: могут возникнуть лишь новые комбинации уже существующих элементов.

Иное дело – появление неймов-предложений, которые можно отнести к новому виду городских онимов. Будучи информативной единицей, предложение наделено большими коммуникативными возможностями. В отечественном синтаксисе вслед за В.В.Виноградовым в основу теории предложения положена предикативность как комплекс грамматических значений, соотнесенных с актом речи. За каждым простым предложением стоит уже не речевая, а языковая сущность.

Именно предикативность выражает актуализированную отнесенность к действительности, отличая предложение от такой единицы, как слово. Модель предложения обладает грамматическими свойствами, которые позволяют представить сообщаемое в определенном временном аспекте, а также идентифицировать сообщаемое в плане реальности / нереальности. Относительно общелогической составляющей

предикативность может быть определена в единстве с понятием предикации, основное значение которого формируется соотнесенностью с действительностью, и с понятием пропозиции, в основе которого лежит истинность значения.

Принципиальные изменения в социальной жизни обнаружили и выявили многие потенциальные возможности языка, ускорили их реализацию. Современный городской ономастикон обнаруживает, с одной стороны, достаточную устойчивость и стабильность, с другой – характеризуется гибкостью и способностью адекватно отражать тенденции современного этапа развития языка. И, хотя мозаика городских неймов во многом противоречива и неоднозначна, это показатель гибкости языковой системы в целесообразном отражении актуальной языковой ситуации.

Литература

Подольская Н.В. Собственное имя // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Н.В. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Русский язык в сфере городской коммерческой номинации (результаты научного проекта)

Е.Н. Ремчукова

Russian language in the field of urban commercial nomination (results of the research project)

Elena N. Remchukova

Российский университет дружбы народов [РУДН] (Москва) / Peoples' Friendship University of Russia [RUDN University] (Moscow)

remchukova.lena@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются результаты научного проекта «Проблемы современного нейминга: новые русские урбанонимы в лингвокреативном аспекте», отражающие те способы языковой репрецентации коммерческого нейминга русского мегаполиса, которые обусловлены активными языковыми процессами в области лексики, грамматики и стилистики русского языка. Особое внимание уделяется «противостоянию» в этой сфере латиницы и кириллицы, русского языка и английского, которое является острой проблемой, вызывающей озабоченность не только профессионального, но и непрофессионального сообщества.

Ключевые слова: нейминг, урбаноним, городская номинация, графогибридизация, потенциальное словообразование, архаичная лексика.

Summary. The report represents the results of scientific project «The Problems of Modern Naming: New Russian Urbanonyms in a Lingvocreative Aspect» reflecting the ways of language reprezentating commercial naming of the Russian megapolis that are due to the active language processes in the areas of vocabulary, grammar and stylistics of the Russian language. Particular attention is paid to the «confrontation» of Latin and Cyrillic, Russian and English, which is an acute problem of concern not only in professional but also in non-professional community.

Keywords: naming, urbanonym, urban nomination, graphohybridization, the potential word formation, archaic vocabulary.

Актуальность обсуждаемой проблемы определяется не только необходимостью описания комплекса урбанонимов современного мегаполиса как важной части его ономастикона, но и общим интересом русистики к креативной речевой деятельности в современном коммуникативном пространстве в целом.

Современные русские урбанонимы – названия коммерческих объектов (кафе, ресторанов, магазинов, салонов красоты, жилых комплексов, фитнес-центров и т.д.) активно изучаются в современной русистике. Интерес к ним обусловлен, прежде всего, тем, что здесь находят отражение сущностные характеристики современного нейминга (М.В. Голомидова, И.В Крюкова, Т.В. Шмелёва, Т.П. Соколова и др.), вопросы языковой моды (О.В. Врублевская) и другие важные аспекты современной ономастики как науки.

Интенсивность и массовый характер лингвокреативной деятельности – специфическая и важная черта современного коммуникативного пространства России. Поэтому наш интерес к данной сфере изначально был обусловлен вниманием к лингвокреативной составляющей этих номинаций, то есть к тем конкретным лексико-грамматическим механизмам, с помощью которых и осуществляется создание коммерческого (по другой терминологии – рекламного) имени.

Изучение «новых урбанонимов» именно в этом ключе (о результатах этого изучения см., например [Ремчукова, Соколова, Махиянова 2015; Ремчукова, Соколова, Замалетдинова 2016] и др.) позволило выявить и описать те активные языковые процессы, которые и обусловливают саму возможность креативной деятельности на русском языке как для номинатора (Адресанта), так и для потребителя (Адресата), и которая предполагает их взаимопонимание – возможность создать креативную номинацию и возможность ее «понять». Языковой ключ этого взаимопонимания – потенциал системы русского языка, позволяющей адаптироваться и многочисленным заимствованиям. Но это еще и общий культурный код, включающий ценности как русской (бытовой и книжной), так и мировой культуры, но воспринятой глазами русскоязычного человека.

Установлено, что потенциал системы языка в урбанонимах реализуется преимущественно в зонах лексической семантики, потенциального слово- и формообразования, основных грамматических категорий. Кроме того, в сфере коммерческой номинации находят отражение те активные процессы, которые характерны для медиадискурса в целом: переосмысление и расширение лексической семантики слова, использование прецедентных феноменов и их трансформации, активное использование латиницы, комбинаторика кириллицы и латиницы, деархаизация русской лексики, стилистический динамизм.

Важно отметить, что, с нашей точки зрения, коммерческая номинация русских мегаполисов является национально ориентированной в значительно большей степени, чем принято думать, несмотря на обилие латиницы, активное внедрение которой в городскую среду стало в последние годы объектом острой и справедливой критики. Свою роль играет здесь «языковая ксенофилия» – мода на иноязычные элементы, и, кроме того, латиница внедряется в русское слово, разрушая (и даже уродуя) присущий ему орфографический облик.

Злоупотреблению латиницей и ее внедрению в кириллическое слово противостоит насыщенность городской среды исконно русскими топонимами, экзотизмами, национальными именами и прецедентными феноменами, а также заимствованиями с русскими словообразовательными формантами. Поиск гармоничного равновесия между *национальным*, то есть связанным именно с данной средой и культурой, и *универсальным* – интернациональным, является одной из важных тенденций городского коммерческого нейминга. Это особенно актуально для больших городов России, так как мегаполис всегда поликультурен. Так, высокий процент иноязычных или инографических названий в Санкт-Петербурге объясняется большим количеством туристов и попыткой номинаторов акцентировать европейский характер города. Сфера коммерческой номинации демонстрирует национально-культурную специфику того или иного региона или города, поэтому, например, ономастическое пространство Казани расширяется за счет средств татарского языка, что

позволяет актуализировать национально-культурные компоненты.

Так как коммерческий урбаноним находится в «полной власти» номинатора или группы номинаторов, русский язык в сфере городской номинации необходимо рассматривать и в аспекте индивидуальной и общей русской речевой культуры, уровень которой в значительной степени обеспечивает формирование лингвистического ландшафта российского города.

Литература

Ремчукова Е.Н., Соколова Т.П., Махиянова Л.Р. Проблемы нейминга: новые русские урбанонимы в лингвокреативном аспекте // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2015. № 9. С. 328–333.

Ремчукова Е.Н., Соколова Т.П., Замалетдинова Л.Р. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве современного города // Ценности и смыслы. 2016. № 6 (52). С. 94–108.

Отражение идеи «общего блага» в названиях русских военных кораблей

А.И. Семенов

Reflection of the idea of “common good” in the names of Russian warships

Aleksey I. Semenov

Северо-Восточный государственный университет (Магадан) / North-Eastern State University (Magadan)

aisemenoff@mail.ru.

Аннотация. Автор рассматривает отражение важнейшей государственной идеологемы «общее благо» среди названий военных кораблей русского флота. Непосредственным способом ономастического выражения этой идеи является использование в именах кораблей лексемы «благополучие». Подобные названия характерны для XVIII в., отказ от их употребления автор связывает с утратой в XIX в. популярности ономастических моделей, характерных для эпохи Екатерины II.

Ключевые слова: ономастика, названия кораблей, общее благо, XVIII век.

Summary. The author considers the reflection of the most important state ideologem the “common good” among the names of warships of the Russian fleet. The direct means of the onomastic expression of this idea is the use of the lexeme of “blagopoluchie (well-being)” in the names of ships. Such names are typical forthe XVIII century. The author connects the refusal to use them with the loss in the XIX century popularity of onomastic models that were typical for the era of Catherine II.

Keywords: onomastics; ship names; common good; XVIII century.

Идеологическая мотивированность корабельных названий (навионимов) отличает не только советский период существования отечественного флота («Красный Крым», «Советская Россия» и многие другие имена), но и обнаруживается, конечно, в иные эпохи.

Одной из важнейших идеологем в истории российской государственности вообще и в эпоху петровских преобразований в частности является «общее благо». При Петре I идея «общего блага», как отмечает О. Г. Агеева, объявляется «главной целью проводимых сверху реформ» [Агеева 1999: 45].

Подведение итогов петровских преобразований приводит идеологов-панегиристов той эпохи к мысли о достижении искомой цели. Так, Феофан Прокопович утверждал, что Петр – это «виновник бесчисленных благополучий наших» [Феофан Прокопович 1961: 126].

Однако в навионимии тема «общего блага» реализуется не при Петре, а позднее. Основным средством соотнести название корабля с интересующей нас идеологемой является лексема «благополучие», применение церковнославянского по происхождению слова соответствует общей пуристической реакции в послепетровское время.

Все правившие Россией императрицы – Анна Иоанновна, Елизавета Петровна и Екатерина II – позиционировали себя в качестве продолжательниц великих достижений первого русского императора, активно обращались к идеологеме «общего блага», объявляя при этом свое правление как времена общественного благополучия.

О том, что идея «благополучия» имеет особую важность для государства, свидетельствуют следующие факты наречения нескольких кораблей высших рангов: это линкоры «Основание Благополучия» (спущен на воду в 1736 г.), «Благополучие» (построен в 1741 г. как «Правительница Российская», но переименован к 1742 г.), «Благополучие» (1774 г.) и два фрегата «Надежда Благополучия» (1764 и 1786 гг.) [Чернышев 1997–2002]. Все это корабли «столичного» Балтийского флота.

Своими частями название линейного корабля, построенного при Анне Иоанновне, связано с топикой петровской эпохи: сначала видим отражение топоса имени самого Петра (основание → камень → Петр I), затем – указание на интересующую нас идеологему. В эпоху Анны Иоанновны еще очень сильны традиции барокко, что проявляется в многозначности этого навионима: одновременно это указание и на саму императрицу как продолжательницу дел царя-реформатора. Переосмысливается этимология имени императрицы. Так, В. К. Тредиаковский воспевает «Анну, то есть благополучну» [Тредиаковский 1963: 129]. Здесь контекстуальные синонимы «благодатный» – «благополучный» («благодать» – «благополучие») обнаруживают сближение духовно-религиозного и социально-материального «планов». Впрочем, А. П. Сумароков использует более привычный ныне «перевод» этого имени: «<…> вскричать сей от благодати: // Анна, о изволь вовек мною ты владати!?» [Сумароков 1957: 53].

Замена имени «Правительница Российская» на «Благополучие» является частным случаем искоренения при Елизавете Петровне всяческой памяти о «брауншвейгском семействе» [Семенов 2014]. Елизавета – продолжательница дел отца, обращение к петровской топике закономерно и ожидаемо. Елизавета едва пришла к власти, но уже возникают «знаки» декларируемого благополучия (ср. более поздний манифест 1752 г.).

Наибольшее количество кораблей с интересующими нас названиями вошло в состав военного флота при Екатерине II, кроме упомянутых выше линкора и двух фрегатов, можно еще найти 2 судна: 1) бригантина «Надежда благополучия», Охотск, 1779 г.; 2) крейсерское судно «Надежда на благополучие» (куплено для Черноморского флота в 1788 г.). В названиях типа «Надежда благополучия» соединены важнейшее христианское понятие (Надежда) и государственная идея «общего блага». Подобное возможно в условиях формирования екатерининского государственного мифа, декларирующего единство государственного и религиозного, светского и духовного начал [Живов 1996]. В навионимии частным случаем отказа от указанного единства становится исчезновение из обихода имен, связанных с темой «общего блага». «Усталость» от наименований екатерининской эпохи приводит тому, что и данная тема перестает быть востребованной, ей на смену приходят в XIX в. новые популярные модели.

Литература

Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град святого Петра (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999.

Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Семенов А.И. Брауншвейгское «Счастие» // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2014. № 21. С. 42–45.

Сумароков А.П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957.

Тредиаковский В.К. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1963.

Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.

Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник: В 2 т. М.: Воениздат, 1997–2002.

Уникальность ойконима как проблема лингвоэкологии*

Е.Г. Сидорова

The uniqueness of oikonym as a problem of linguoecology

Elena G. Sidorova

Волгоградский государственный университет / Volgograd State University

elenasi@mail.ru

Аннотация. В качестве исходного положения принимается определение лингвоэкологии как междисциплинарной науки, изучающей языковые явления как часть системы, а также через призму коммуникативных потребностей. Объектом проведенного исследования избраны географические имена собственные, номинирующие населенные пункты, – ойконимы. Характеризуется шкала ойконимов с соответствии со степенью их уникальности в пределах региона.

Ключевые слова: топонимия, ойконим, лингвоэкология, степень уникальности названия.

Summary. As a starting point, the definition of linguoecology as an interdisciplinary science that studies language phenomena as part of the system, and also through the prism of communicative needs is adopted. The object of the study was selected geographical names of their own, nominating populated areas, – oikonyms. Characterized by the scale of the oikonyms in accordance with the degree of their uniqueness within the region.

Keywords*:* toponymy, oikonym, linguoecology, degree of uniqueness of the name.

Изучение функционирования географических наименований, зафиксированных на той или иной территории, невозможно без опоры на понятие регионального топонимикона, представляющего собой «совокупность лексем, которые используются для наименования географических объектов, расположенных на данной территории, и, отражая особенности конкретной местности, обладают своеобразным семантико-смысловым потенциалом, реализуемым в процессе функционирования» [Ильин 2012: 64].

Объектом исследования избраны географические имена собственные, служащие для номинирования населенных пунктов, – ойконимы. В Волгоградской области в настоящее время насчитывается 1494 населенных пункта. Анализ соответствующих ойконимических единиц в контексте общих лингвоэкологических изысканий представляется актуальным, поскольку способствует определению степени удовлетворенности носителей языка сложившейся совокупностью подобных онимов.

Лингвоэкологические задачи применительно к данному объекту исследования связаны с поиском противоречий, существующих между языковой системой и коммуникативными потребностями людей. По нашему мнению, наиболее существенным следует признать противоречие между предполагаемой уникальностью ойконима, обусловленной тем обстоятельством, что имена собственные прежде всего призваны выделять единичные объекты, и его стандартностью, предопределенной общей ментальной основой, связанной с историко-культурными традициями народа, его бытовым опытом и верованиями. Следствием общности признаков, зафиксированных в именах собственных, можно считать появление совпадающих наименований поселений.

Нами разработана шкала уникальности названия в пределах региона, в соответствии с которой выделяются несколько ее степеней: 1) максимальной степенью характеризуются собственно уникальные ойконимы (*Абганерово, Курнаевка, Чистополь*); 2) высокой степенью обладают однокоренные морфемно близкие наименования (*Карпов, Карповка, Карповский; Волжский, Заволжский, Приволжский; Родники, Роднички*, *Родниковский*); 3) средней степенью уникальности характеризуются сложные или составные ойконимы, с совпадающим опорным компонентом, который может функционировать и в качестве отдельного наименования (*Новоольховка, Мокрая Ольховка, Ольховка; Большемедведевский, Маломедведевский; Верхняя Бузиновка, Нижняя Бузиновка, Бузиновка*)*;* 4) низкой степенью уникальности обладают полностью идентичные ойконимы (в Волгоградской области существуют несколько населенных пунктов *Горная Поляна, Ендовский, Журавка, Рассвет* и др.). Показательно, что 115 ойконимов номинируют 283 населенных пункта, т.е. почти 20% ойконимов регионального топонимикона характеризуются низкой степенью уникальности. Самым частотным оказался ойконим *Попов* – такое название закреплено за 8 хуторами области, 6 хуторов называются *Ольховский,* 5 поселений – *Степной,* по 4 поселения – *Березовка, Журавка, Зеленый, Красноярский, Первомайский, Песчанка.* Как правило, тождественные названия закреплены за населенными пунктами, расположенными в разных районах Волгоградской области, что позволяет им в определенной мере выполнять адресную функцию (хутор *Долговский* есть в Алексеевском, Кумылженском и Урюпинском районах Волгоградской области). Между тем специфика регионального топонимикона проявляется в том, что имеются факты, когда идентичные ойконимы закрепляются за поселениями на территории одного района (в Алексеевском районе существует два хутора *Яминский*), а значит, выполнение онимом адресной функции представляется крайне затруднительным.

Учитывая, что ойконимы по самой своей сути предназначены для выделения единичных объектов в ряду подобных, трудно не согласиться с А.А. Бернацкой в том, что «название неразрывно связано с обозначаемым и должно ему соответствовать» [Бернацкая 2014: 17]. Однако вряд ли, например, ойконимы *Зелёный* и *Красный* способны выполнить идентифицирующую функцию даже в топонимиконе Волгоградской области, если принять во внимание, что в данном регионе зафиксировано 3 поселка и 2 хутора *Красный* и 2 поселка и 2 хутора *Зелёный*, а всего по стране 35 населенных пунктов *Зелёный* и 88 – *Красный.*

Таким образом, исследование ойконимов Волгоградской области показывает необходимость внесения определенных коррективов, так как от того, насколько точна и понятна носителям языка топонимическая система, зависит эффективность ее функционирования в человеческой деятельности, а в конечном итоге и ее способность фиксировать и сохранять уникальную информацию в истории этнографии.

Литература

Бернацкая А.А. Лингвоэкология и «критика языка» // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 15–31.

Ильин Д.Ю. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX – начала XXI века: динамические процессы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 408 с.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00641 «Лингвоэкологический портрет регионального топонимикона: проблемы, противоречия и поиски решений».

«Туристические» эргонимы города Владимира

О.И. Соколова

Tourism Ergonyms of the City of Vladimir

Olga I. Sokolova

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых / Vladimir State University

sok.ol@list.ru

Аннотация. Современные эргонимы исторической столицы Российского государства, относящиеся к туристической сфере, практически не содержат в своей смысловой структуре «культурно-исторических» компонентов. Нейминг чаще следует за языковой модой.

Ключевые слова: эргонимы, названия городских объектов, лингвокультурный и прагматический знак, культурно-исторический компонент структуры слова, языковая мода.

Summary. Contemporary ergonyms of the historic capital of Russia related to the tourism industry demonstrate little evidence for culture-historical components in their semantic structure. Naming typically follows linguistic fashion.

Keywords: ergonyms, urban place names, linguistic-cultural and pragmatic sign, culture-historical component of word structure, linguistic fashion.

Эргонимы (термин Н.В. Подольской [Подольская 1978: 166]) являются одним их самых активно пополняемых и изучаемых пластов ономастической лексики (работы А.В. Суперанской, В.И. Супруна, Т.В. Шмелевой, М.В. Китайгородской и многие другие).

Названия-эргонимы – лингвокультурные и прагматические знаки; установление их состава позволяет выявить принципы именования туристических объектов в городе Золотого кольца, позиционирующем себя как «историческая столица» Российского государства. На основе электронных баз организаций города Владимира и справочно-информационной системы «2 GIS» проанализированы «местные» (не сетевые) названия-эргонимы, относящиеся к области «туризм», – более 200 предприятий гостиничного бизнеса (отели, гостиницы, гостевые дома, хостелы) и 200 предприятий общественного питания (рестораны, кафе, столовые, закусочные, пиццерии, бары, трактиры, пабы).

Будучи условным именем собственным, эргоним выполняет не только номинативную и идентифицирующую функции, но и семасиологическую, и аккумулирующую – накапливая «знание» о предшествующем, содержит в своей смысловой структуре и культурный компонент.

Выбор названия обусловливается не только личными предпочтениями имядателя. А.В. Суперанская отмечает, что имена собственные чутко реагируют на изменения в жизни страны [Суперанская 2007: 39]; коммерческий нейминг зависит и от языковой моды ([Врублевская 2017; Крюкова 2007] и др.), и от продающей способности названия – важна прагматическая составляющая – установка на смыслопорождающее сознание реципиентов.

Анализ эргонимов области «туризм» показывает, что культурно-исторический компонент содержат не более 10% владимирских названий. Таковы рестораны «Мономах», «Терем», трактиры «Ямщик», «У барина», «Околица», отель «Клязьма», гостинично-ресторанный комплекс «Русская деревня», кафе «Харчевня», «Княжий двор», «Каретный двор» и др. При этом некоторые эргонимы связаны с географическим положением объекта: в названия включены относительно новые топонимы – кафе «Театральное» (в районе Театральной площади), «Гагарин» (ул. Гагарина), кофейня «На Чехова», и старые топонимы – ресторан «У Золотых ворот», «Почайка» (район Почаевского – древняя река Почайна – оврага), кафе «Сунгирь» на ул. Растопчина – район, где была обнаружена верхнепалеолитическая стоянка древнего человека, названная Сунгирь), «На Сретенской» (по старому названию улицы Красноармейской), «Вознесенская слобода» (рядом с Вознесенской церковью), брют-клуб «Дворянское собрание» на ул. Дворянской; некоторые имядатели просто используют исторические названия безотносительно места расположения их объектов: кафе-бар «Стрелецкая застава» (располагается на ул. Никольской, при том что ул. Стрелецкая – ранее территория Стрелецкой слободы – находится в другом районе), кафе-мотель «Ямская застава» (пос. Юрьевец, хотя Ямская слобода находилась практически в центре современного Владимира), владимирский хостел «Храповицкий» (ныне восстанавливаемое имение графа Храповицкого находится в селе Муромцево Судогодского района Владимирской области). «Привкус» истории – дань языковой моде: принято подчеркивать связь со стариной, демонстрировать наличие традиций.

В рамках тенденций языковой моды есть названия, отражающие специфику кухни: пивной ресторан «Козловица», «Чески Крумлов», пивотека «Прага», кафе «Шеш-беш», «Стамбул», «Восточная кухня», «Азия», лаунж-кафе «Чайхона», «Солнце Италии», «Лацио»; эргонимы, включающие иноязычные элементы или транслитерированные латиницей: «The fog», ресторан «Taksi», Soho Stake House & Pub, Killfish, Art café Abajour, Blackwood, Vania Rooms; по-прежнему в моде трансонимизированные прецедентные имена: ресторан «Обломов», экспресс-бар «Сальвадор Дали», лаунж-бар караоке MonicaBellucci.

В моде также простота и прямолинейность – закусочная «Пирожки», «Блинчики», «Автопицца», «Пельмень», и языковые заигрывания – кафе «Ежики в тумане», «Во-блин», «Слепой поросенок», ресторан быстрого питания «Сели поели».

Не ослабевает тенденция к «красивому» и «благозвучному»: кафе «Лагуна», «Артефакт», «Дель Мар», «Вилла», «Лунный свет», «Аркадия», «Ампир», «Альянс-бар», «Вирсавия», кофейня «Монте роза», кафе и мини-отель «Мон плезир», отель «Гладиатор», гостевой дом «Желе».

Единичные случаи *персонализации* именований: «Питейный дом купца Андреева» на Большой Московской – предприниматели Андреевы жили во Владимире, но питейных заведений не содержали, бар «Другой МишаНиколаев», и провинциальные «Александрия», «Светлана», «Витюша», «Карина» и проч.

Т.В. Шмелёва среди тенденций в именовании городских объектов указывает «активное включение архаизированной лексики», «реставрацию» старых имен [Шмелёва 1997: 147–148], «графическую ретроризацию», но во Владимире таких названий немного: «Грандъ-Буфетъ», кафе-кондитерская «Калачофф», рестораны «Яръ», «Баринъ».

Основными способами образования эргонимов являются онимизация апеллятива – варианты: а) без формальных изменений его структуры: ресторан «Терем», трактир «Околица» туристический комплекс «Русская деревня» – более частый способ; б) с помощью словообразовательных средств: кафе-кондитерская «Калачофф», ресторан «Перчик», кондитерская «Вкусняшка» – способ более редкий; и трансонимизация имен собственных: рестораны «Владимир», «Нерль», «Ной», гостиничный комплекс «Князь Владимир».

Именование «историческая столица» по отношению к Владимиру более чем удачно, поэтому владельцы организаций, поддерживающие его в своих названиях, заботятся не только о процветании собственных заведений, но и о поддержании бренда в целом.

Литература

Врублевская О.В. Языковая мода в русской ономастике: Автореф. дисс. … доктора филол. наук. Волгоград, 2017.

Крюкова И.В. Названия российских деловых объектов с точки зрения языковой моды. Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 120–131.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Шмелёва Т.В. Ономастикон современного города // Междунар. съезд русистов: Тез. докл. Красноярск, 1997. С. 146–147.

Креолизованные урбанонимы в аспекте нейминговой экспертизы

Т.П. Соколова

Creolized urbanonyms in terms of naming examination

Tatiana P. Sokolova

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина / Kutafin Moscow State Law University

tsokolova58@mail.ru

Аннотация. На основе анализа попыток регламентации городского дизайна Москвы и Владивостока выявлено применение критериев оценки изобразительной и социокультурной сторон городских вывесок, но игнорирование лингвистической и юридической составляющих. В статье предлагается междисциплинарный подход к анализу креолизованных урбанонимов (представленных на вывесках визуальных медиасообщений, совмещающих вербальный и графический коды) на основе разработки дизайн-кода вывесок, включающего нейминговую экспертизу.

Ключевые слова: нейминговая экспертиза, креолизованный урбаноним, коммерческая номинация, дизайн-код города.

Summary. An analysis of attempts to regulate the urban design of Moscow and Vladivostok revealed the use of criteria for evaluating the artistic and sociocultural aspects of urban signs but the disregard of linguistic and legal components. The article proposes an interdisciplinary approach to the analysis of creolized urbanonyms (represented on signboards of visual media messages combining verbal and graphic codes) based on the development of the design code for signs, which includes naming examination.

Keywords: naming **examination,** creolized urbanonym, commercial naming, city's design code.

Креолизованный урбаноним – представленное на городской вывеске визуальное медиасообщение, созданное комбинацией разных кодов: вербальная составляющая актуализируется, корректируется графическими, в том числе шрифтовыми, колористическими, рисуночными. Городская вывеска является важным элементом урбанистического дизайна – визуального облика города как организованной пространственной структуры. Дизайн-код города – система правил, требований и ограничений для формирования, поддержания и развития целостной архитектурно-художественной городской среды, которая включает в себя внешние поверхности зданий и сооружений, городской ландшафт, элементы благоустройства, навигации, информации и рекламы. Внутри этой целостной системы, на наш взгляд, целесообразно выделить подсистему – *дизайн-код вывесок*, регламентирующий не только их размеры, установку, цветовое решение и пр., но и содержание.

В исследовании городских вывесок необходим междисциплинарный подход. С одной стороны, следует учитывать, что названия магазинов, кафе, ресторанов, жилых комплексов, салонов красоты и пр. – это результат коммерческой номинации [Sjöblom 2016: 453–455], в которой преобладает прагматический фактор, часто в ущерб этическому и эстетическому [Соколова 2018], а также проявляются так называемая «повседневная номинация» и «массовый лингвокреатив» [Ремчукова, Замалетдинова 2016]. С другой стороны, для разграничения нейминга и рекламы, для выявления особенностей номинации разных средств индивидуализации необходимы юридические знания. Наконец, для анализа вывески как медиасообщения необходимы знания не только общей и прикладной лингвистики, но и ономастики, семиотики и медиалингвистики. Новое междисциплинарное направление – нейминговая экспертиза – соединяет лингвистический и юридический аспекты исследования коммерческих урбанонимов, в том числе креолизованных [Соколова 2016].

В 2013 г. студия Артемия Лебедева разработала дизайн-код Москвы, где регламентируются размеры, типы, виды вывесок, особенности их крепления, шрифта, но игнорируется содержательная сторона. А статистические данные свидетельствуют об увеличении количества наименований, намеренно нарушающих общепринятые нормы и правила (орфографические, стилистические, этические, эстетические): «*Котлетко*», «*Блин Дашь*», «*Трудовой мозоль*», ресторан «*НКВД*». Магазины «*Бухни*», «*Бухен хауз*», бары «*Пиво от Коляна*», «*Пивняшка*», «*Жиртрест*», «*BarSuk*» и подобные демонстрируют нарочитое огрубление языка города. Смешение кириллицы и латиницы (магазин «*IPhoшка*», кафе «*LENIN@жив*», «*The УГОЛ*», автомойка «*Ядрёна wash*») вызывает неоднозначную реакцию в обществе.

Интерпретация коммерческих названий зависит от личности адресата медиасообщения, его возраста, образования, речевой культуры, социального статуса, гражданской позиции, однако большинство архитекторов, дизайнеров, историков, лингвистов и так называемых «рядовых носителей языка» сходятся во мнении, что в Москве часто на вывесках встречается китч, который уродует город. Например, стилистически неудачный и антиэстетичный неологизм магазина-аптеки «Эка/онама» в яркой цветографике; название жилого комплекса «ИзМайЛов♥», коверкающее старинный московский топоним.

Социокультурный поход представляется нам значимым для междисциплинарного решения вопроса о дизайн-коде урбанонимов. В частности, тезис о том, что с 2010 г. экономика потребления начинает вытесняться экономикой впечатлений, индустрией гостеприимства («френдли-сити»), представляется нам важным для разработки дизайн-кода конкретного города. Так, специалисты Владивостока не пошли по пути копирования дизайн-кода Москвы, а разработали свой, однако хотя в нем и содержатся требования соответствия эстетических характеристик вывесок стилистике объекта, на котором они размещаются, но эстетическая составляющая относится только к внешнему облику вывески. Между тем эстетика слова не менее важна, чем эстетика архитектуры, графики и колористики.

Подход архитектора и дизайнера А.П. Ивановой к анализу гастропространства Хабаровска и Владивостока может быть положен в основу комплексного анализа городских вывесок, но с дополнением нейминговой экспертизы. Например, кроме того, что «“*Barxat*” и “*Moonshine*” образуют остроумный элегантный дуэт, работающий на контрасте интерьерных решений, колористических гамм и гендерных стереотипов» [Иванова 2017], следует указать, что оба урбанонима являются коммерческими обозначениями, то есть не подлежат обязательной регистрации и не проходят экспертизу Роспатента. Оба являются креолизованными, но с разной степенью креолизации: название «*BarxaT*» образовано симметричным сочетанием букв латиницы и кириллицы, оформленных оригинальным шрифтом, «гламурная» семантика названия раскрывается в золотистом бархате интерьера и в метаязыковых высказываниях на сайте заведения. Название «*Moonshine*», представленное на вывесках в двух вариантах, содержит паралингвистические составляющие – рисунок (изображение луны, проясняющее семантику первой части названия, или изображение штопора, разделяющее название на две части и указывающее на тип заведения – бар). Данные элементы, как и симметричное затемнение букв «О» в первой части названия, необходимы для правовой защиты коммерческого обозначения, которое не может быть сходным до степени смешения с зарегистрированным, охраняемым товарным знаком «*MOONSHINE»*, правообладателем которого является Стиллхаус, ЛЛК, штат Делавэр, США.

В ходе нейминговой экспертизы спорного наименования «Контрабанда» установлено, что креативное смешение изобразительного и буквенного кодов на вывеске джаз-клуба обеспечивает индивидуализацию коммерческого урбанонима.

Таким образом, нейминговая экспертиза обеспечивает защиту прав владельцев коммерческого обозначения и в то же время защищает права жителей на комфортную окружающую среду.

Литература

Иванова А.П. Еда меняет город // Культура и наука Дальнего Востока. 2017. № 1 (21). С. 46–58.

Соколова Т.П. Нейминговая экспертиза: организация и производство / Под ред. Е.И. Галяшиной. М.: Юрлитинформ, 2016.

Соколова Т.П. Коммерческие урбанонимы: свобода творчества или спекуляция на эпатаже? // Актуальные проблемы топонимики. Вопросы географии / Под ред. В.М. Котлякова, А.В. Барандеева, Р.А. Агеевой, А.А. Герцена. Сб. 146. М.: Издательский дом «Кодекс», 2018. С. 179–190.

Ремчукова Е.Н., Замалетдинова Л.Р. Коммерческие урбанонимы России в аспекте креативной речевой деятельности // Ценности и смыслы. 2016. № 6 (46). С. 87–95.

Sjöblom P. Commercial names // The Oxford Handbook of Names and Naming / Ed. C. Hough. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 453–464.

Использование графем дореформенного периода в современном русском письме как явление графической гибридизации

А.А. Ховалкина

The use of pre-reform period graphemes in modern Russian writing as a phenomenon of graphic hybridization

Alexandra A. Khovalkina

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь) / V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol)

alexandra.khovalckina@yandex.ru

Аннотация. Гибридизация графики, отмечаемая как нарастающая тенденция в языке СМИ и в современной рекламе, объясняется все более заметным воздействием процессов глобализации. Смешение культурных кодов можно наблюдать на примерах включения графем кириллического алфавита дореформенного периода в графику современного русского языка. Возникает вопрос, является ли это результатом трансформаций, происходящих в коллективной психике этноса, и связано ли наблюдаемое смешение культурных кодов с процессами глобализации?

Ключевые слова: кириллица, дореформенная графика, смешение культурных кодов, гибридизация, языковой символ.

Summary. The hybridization of graphics, noted as a growing trend in the language of the media and in modern advertising, is due to the increasingly noticeable impact of globalization processes. The mixture of cultural codes can be seen in the examples of the inclusion of the Cyrillic alphabet of the pre-reform period in the graphics of the modern Russian language. The question arises whether this is the result of transformations taking place in the collective psyche of the ethnic group, and whether the observed mixing of cultural codes with the processes of globalization?

Keywords: Cyrillic, pre-reform graphics, mixing cultural codes, hybridization, language symbol.

1. Гибридизация графики, отмечаемая современными исследователями как нарастающая тенденция в языке средств массовой информации, в современной рекламе и дискурсе молодежных субкультур, объясняется все более заметным воздействием процессов глобализации [Тульнова 2009]. При этом под гибридизацией понимается «смешение, взаимопроникновение, переработка элементов различных культур в определенном социальном контексте». Это понятие часто используется для характеристики культурных аспектов процесса глобализации, однако, как отмечается, не обязательно в значении вестернизации или американизации [Руденко, Ерофеев].

2. Смешение культурных кодов можно наблюдать на примерах включения графем кириллического алфавита дореформенного периода (то есть до реформы 1917–1918 годов) в графику современного русского языка. Повсеместно употребляемые «еры» (ъ) в конце слова после твердого согласного в рекламе, на вывесках или в названии торговых марок, фирм, общественных организаций («Трактир**ъ**» или даже «Гастроном**ъ**»), использование (реже) «ятей» (шампанское «Новый Св**ѣ**т**ъ**»), обращение к «и десятеричному» (і) для передачи выражения «поставить точки над і», а также для дифференциации значений слов «мир» и «мір» (случай, встретившийся в опубликованном «Российской газетой» интервью князя Дмитрия Шаховского от 11 ноября 2015 года: «не мир, но мір») – несомненное свидетельство смешения двух кодов – дореформенной и пореформенной орфографии русского языка.

3. Наблюдаемое в последние десятилетия явление графической гибридизации указанного типа на фоне развивающейся гибридизации в русле вестернизации и американизации ставит вопросы, требующие внимания и осмысления. В частности, каковы истоки и природа этого явления, следует ли рассматривать его как намеренно создаваемый продукт или это результат трансформаций, происходящих в коллективной психике этноса, и связано ли наблюдаемое явление смешения культурных кодов с процессами глобализации как таковой? Исследователь этого вопроса Т.М. Григорьева [Григорьева 2004], признавая зависимость языковых процессов от преобразований в общественном сознании, отмечает «возрождение элементов дореформенного правописания» и объясняет насильственным характером введения нового правописания декретами советской власти.

4. Проведенная декретами от 23 декабря 1917 и 10 октября 1918 года реформа, «освободившая» русское письмо от «лишних» букв, сопровождалась угрозами репрессий, что, естественно, в памяти народа сохранилось как проявление насилия над сознанием. Известно, что проведенная реформа, согласно которой были изъяты из кириллического алфавита буквы «**ъ**» в конце слова после твердого согласного, «**ѣ**», «**і**», «**ѣ**», «**v**», была подготовлена демократически настроенной частью общества и вызвала резкое неприятие у другой его части (И.А. Ильин, И.А. Бунин, Д.С. Лихачёв и др.).

5. Принято считать, что перестроечное настроение отрицания советской власти и возвращение в постсоветский период некоторых торговых марок и товаров, известных с дореволюционного периода, вызвало стихийное возрождение старой, дореформенной орфографии в их номинациях. Это единицы городского ономастикона: ресторан «ЯР**Ъ**», кинотеатр «Пегас**ъ**», магазин «Фениксъ», торговый дом «Чай, кофе **і** друг**і**е колон**і**альные товары». Среди возвращенных букв наиболее часто встречается «**ъ**», которой первой и без особой борьбы лишился русский алфавит. В меньшей степени это касается буквы «**і**», редки случаи использования «ятей», не используются буквы «фита» и «ижица».

6. Однако только ли протестные настроения узкого круга лиц, сохранившего в своем обиходе дореформенную орфографию, являются истинной причиной возвращения отдельных элементов старого письма? О том, что причиной возвращения букв старого алфавита не может быть только полученная свобода для самовыражения узкого круга маргинальных членов общества, говорят многочисленные ошибки в их употреблении. Это неразличение по виду и по функциям букв **ъ** и **ь**, например, в названиях: «Старый лекар**ъ**», магазин «Обув**ъ**»; неразличение букв **ъ** и **ѣ**: «Хлеб **ѣ**»; нарушение логики использования буквы **ъ**: вывеска «АП**Ъ**ТЕКА».

7. Известно, что все перечисленные буквы были отменены на том основании, что они утратили знаковую функцию, то есть перестали соотноситься со звуком (как в случае с **ъ**) или дифференцировать его звучание (как в случае с **ѣ**), то есть они перестали быть знаками при передаче звучащей речи. Взаимная закрепленность акустического и визуального сигналов образует системную целостность, выполняющую функцию языка – продукта человеческой деятельности, закрепленного сознанием. Такая целостность между акустическим и визуальным образом в ходе исторических преобразований в языке была разрушена, в результате чего эти буквы были признаны лишними. То обстоятельство, что они вдруг, помимо своей языковой знаковой функции, оказались остро востребованными, свидетельствует о том, что их значение превосходит односторонне и плоско по-

нимаемую функцию языкового знака, т.е. строго однозначного, предельно очерченного отношения. Функциональное бытие знака не терпит вариативного разброса, различных ассоциативных связей. Его назначение в четком указании на определенный предмет (отношение). В случае, например, с вывеской «АПЪТЕКА» буква дореформенного кириллического письма выполняет функцию не знака, а символа как «наиболее емкой, продуктивной и значительной, концентрированной формы выражения культурных ценностей и смыслов» [Рубцов 1991: 3]; это «наиболее мощный из всех имеющихся в культуре “инструментов” реализации ее духовных возможностей», «символ представляет собой, по сути, конкретно-зримое воплощение тех или иных идей и идеалов как высших ценностей и смыслов, которыми живет человек и которыми обусловливается развитие и функционирование культуры» [Рубцов 1991: 3]. Подтверждением этому служит учрежденное в 1998 году Российское общественное движение «Твердый знак», объединившее все фирмы и организации, в названии которых присутствовала эта графема. По определению создателей этого движения, этот графический знак стал символом «возвращения к существовавшим в великой России традициям, к стабильности, надежности, “твердости”», символом России «вечной и непонятной, устойчивой и всегда идущей своим путем» [Григорьева 2004].

8. Таким образом, можно видеть в обращении к старой, дореформенной графике и некий результат трансформаций, происходящих в коллективной психике этноса, и намеренно создаваемый продукт. Здесь же содержится ответ и на вопрос о характере гибридизации рассматриваемого типа. В этом случае представляется очевидным движение в обратном от глобализации направлении – к истокам русской письменной культуры и связанному с ней строю мысли, отраженному в графике и орфографии языка.

Литература

Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Эллис, 2004.

Рубцов Н.Н. Символ в искусстве и жизни: философские размышления. М.: Наука, 1991.

Руденко М.О., Ерофеев С.А. Культурная гибридизация. [Электронный ресурс. URL: http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/125675. Дата последнего обращения 27.12.2017].

Тульнова М.А. Антропологическая лингвистика. Выпуск 12: Сборник научных трудов / Под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: «Колледж», 2009.

Графические приемы в сфере номинации лекарственных средств

А.В. Япарова

Graphic techniques in the field of medicines nomination

Anastasia V. Yaparova

Казанский государственный медицинский университет / Kazan State Medical University

nastyyap@mail.ru

Аннотация. В работе анализируются торговые наименования лекарственных средств (фармаконимы) с точки зрения особенностей их графического оформления. Перечисляются графические приемы, которые используются современными фармацевтическими компаниями в процессе выбора названия для своего товара. Делаются выводы о причинах и целесообразности использования тех или иных приемов.

Ключевые слова: лекарственное средство; торговое название; фармаконим; графическое оформление; номинация.

Summary. The study analyzes the trade names of medicines (pharmaconims) from the point of view of their graphic design. The graphic techniques used by modern pharmaceutical companies in the process of choosing a name for their product are listed. The author draws conclusions about the reasons and relevance of the use of certain graphic techniques.

Keywords: medicine; trade name; pharmaconim; graphic design; nomination.

Сфера номинации лекарственных средств – особая область, которая, с одной стороны, регулируется «Методическими рекомендациями по рациональному выбору названий лекарственных средств», а с другой, характеризуется стремлением современных производителей фармацевтической продукции привлечь внимание к своему товару посредством оригинального, запоминающегося названия. К одним из наиболее эффективных средств достижения данной цели относится использование разнообразных графических приемов. Определение функционирующих в настоящее время в области фармаконимов элементов графики, а также целесообразность их использования – цель данного исследования.

В ходе анализа внешней формы наименований лекарственных средств, представленных на сайтах РЛС [Регистр лекарственных средств России…] и ГРЛС [Государственный реестр лекарственных средств…], были отмечены следующие графические приемы, которые наиболее часто оформляют торговое название:

– выделение заглавной буквой второй части сложносокращенного или сложносоставного слова; здесь возможны различные варианты написания: слитно (НоваРинг, АнгиоНорм, НейроМакс), через дефис (Комбитуб-Нео, Панкра-Мед, Био-Калий), раздельно: Регидрон Био, Флавамед Макс, Атропин Нова);
– использование прописных букв при различного рода аббревиациях: К.Э.С. (от наименования действующего вещества *эстрогены конъюгированные*), Димедрол-УБФ (от наименования производителя *ОАО Уралбиофарм*), АЦЦ Лонг (от наименования действующего вещества *Ацетилцистеин*);
– использование дефиса для разделения цельнооформленного слова на составные части: Р-Цин (Рифампицин), Л-Тирок (Левотироксин натрия), Д-Пантенол (Декспантенол);
– употребление кавычек, указывающих на условность выделяемого ими компонента названия [Пособие по латинскому языку… 2008]: Бальзам «Здоровье», Мадопар «125», аспирин «Йорк», настойка «Кристина», Пантокрин «Пантея»;
– использование плюса: Кодеин + Парацетамол, Кальций + Витамин С, МЕНИНГО А + С;
– использование элементов латинской графики: L-аспарагиназа, D-циклосерин, Fe плюс.

Таким образом, существующая в настоящее время относительная свобода при выборе торгового названия становится причиной появления наименований, интересных, как с точки зрения словообразовательной структуры, так и с точки зрения нестандартной графической формы.

При этом стоит отметить, что на сущность фармаконима как лексической единицы его графическая форма не влияет. В конечном итоге перед нами производные, образованные путем сращения, сложения слов, аббревиации и т.д., содержащие особую графику, призванную выполнять маркетинговые цели.

Перечисленные выше приемы призваны, во-первых, обеспечить выразительность и оригинальность внешней формы фармаконима, что позволяет выделить название лекарственного препарата среди десятка типичных наименований, а во-вторых, по мнению М.Б. Мусохрановой, четко фиксированная графическая форма торгового названия обеспечивает возможность идентифицировать ЛС, выпускаемое определенной фирмой, отличить его от других ЛС – аналогов [Пособие по латинскому языку… 2008].

Литература

Регистр лекарственных средств России. Список торговых названий. [Электронный ресурс. URL: https://www.rlsnet.ru/tn_alf_letter_c0.htm. Дата последнего обращения 5.11.2018] (РЛС).

Государственный реестр лекарственных средств. [Электронный ресурс. URL: https://grls.rosminzdrav.ru/Default.aspx. Дата последнего обращения 5.11.2018] (ГРЛС).

Пособие по латинскому языку для студентов фармацевтического факультета заочной формы обучения / Под ред. М.Б. Мусохрановой. Омск: ОмГМА, 2008.

Секция XIV. Речевые жанры и речевые акты как инструмент лингвистического исследования

Фольклорные формулы застольного этикета

С.В. Алпатов

Folklore topoi of the meal etiquette

Sergey V. Alpatov

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

alpserg@gmail.com

Аннотация. Переводные европейские и отечественные фольклорные формулы застольного этикета восходят к архаическому речевому жанру ритуала-диалога.

Ключевые слова: застолье, речевые жанры, фольклорные формулы.

Summary. Russian and European folklore topoi of the meal etiquette base on the archaic speech genre of the ritual dialogue.

Keywords: meal etiquette, speech genres, folklore topoi.

Изданная в 1752 г. «Новая французсская грамматика сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик» переведена В.Е. Тепловым с анонимного немецкого учебника «Neue und vollständige Französische Grammatik in Frag und Antwort abgefasset. Aus dem Französischen des Herrn Restaut und anderen Anmerkungen der besten Französischen Sprachlehrer zusammengetragen» (Mainz und Frankfurt am Main, 1749), включавшего раздел с толкованием популярных французских идиом. В частности, там поясняется функциональный контекст речевой формулы «Monsier, allés vous par mer ou par terre?» («Сударь, желаете ли Вы море или сушу?»): «ist eine Frage eines Wirths, der in der Fastenzeit nicht gern sagen will, daß er Fleisch hat; und heißt so viel: Mein Herr, wolt ihr Fisch oder Fleisch essen?». Толкование последовательно переведено В.Е. Тепловым: «обыкновенная у трактирщиковъ пословица, когда они въ постное время опасаются сказать, что у нихъ имѣется скоромное кушаніе, а значитъ она: изволите ли постное или скоромное кушать?» [Карева, Филиппов 2015: 344–346].

Концептуальная антитеза моря и суши, имеющая выразительные воплощения в отечественной рукописной традиции XVI и последующих веков [Алексеев 1983], принадлежит к обширной традиции философских, назидательных, риторических, драматических – исконно обрядовых – «прений» Живота и Смерти, Души и Тела, Головы и Ног, Пьянства и Воздержания, Веры и Неверия, Дня и Ночи, Солнца и Ветра, Золота и Железа, Розы и Фиалки т.п. [Иванов 1993], в числе которых особое внимание обращает на себя карнавальная коллизия Зимы и Лета, прямо ассоциированная с конфликтом Масленицы и Поста, в т.ч. мяса и рыбы [Аничков 1903, ч. 1: 291–294].

Характерным образом речевой жанр застольной загадки сохраняется в фольклорной традиции вне зависимости от популярных литературных диалогов:

«Петр Первый воевал, не знаю, со шведами, что ли? И вот остановился в одной деревне. Теперь обедать сели. Бабка у него спрашивает: «Как вас кормить, с прибылью или с убылью?» Петр думает: «Пожалуй, с прибылью лучше».

– Давай, бабка, с прибылью.

– С прибылью! Вот вам молочка! Коровка-то доится каждый день.

А если бы он сказал с убылью, то получил бы мясца, свининки. Поросенка зарежут, вот и отрезают. Его все меньше. Вот он и получил» [Архив кафедры…].

Таким образом, анализируемые застольные формулы являются не только этикетным механизмом разрешения противоречия между общепринятыми постными ограничениями и личным вкусом и желаниями обедающего, но и базовым механизмом регулирования интересов гостя и хозяина без ущерба для репутации одного и имущества другого.

Литература

Алексеев М.П. «Прение земли и моря» в древнерусской письменности // Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука. 1983. С. 6–20.

Аничков Е.В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. СПб., 1903.

Архив кафедры русского устного народного творчества МГУ имени М.В. Ломоносова. 1978 г. Калужская обл., Ферзиковский район, д. Бронцы. Яркевич Е. Тетр. 2. № 3.

Иванов В.В. «Память жанра» в текстах «прений», или споров // Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов. М.: Наука, 1993. С. 5–12.

Карева Н.В., Филиппов А.К. Перевод на русский язык французских пословиц в «Новой французской грамматике» В.Е. Теплова (1752) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XIX. Материалы чтений памяти профессора И.М. Тронского / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2015. С. 341–357.

Дейксис в гендерно ориентированном рекламном тексте

Е.Л. Бабичева

Deixis in gender-oriented advertising texts

Elena L. Babicheva

Пензенский Государственный Университет / Penza State University

elena-babicheva@mail.ru

Аннотация. В центре внимания – особенности использования дейктиков в рекламных текстах гендерно ориентированных аутентичных глянцевых журналов.

Ключевые слова: реклама, глянцевые журналы, гендер, дейктики.

Summary. The article focuses on the usage of deictic terms in advertising texts in authentic gender-oriented glossy magazines.

Keywords: advertising, glossy magazines, gender, deixis.

Реклама проникает во многие сферы нашей жизни и выполняет как функцию продвижения товара на потребительском рынке, так и функцию воздействия на реципиента, отражая и формируя его культуру, вкусы, взгляды, жизнен-

ные приоритеты. Коммуникативная стратегия РТ выстраивается с учетом опосредованного характера общения с потенциальной целевой аудиторией и высококонтекстностью русской лингвокультуры, которая исторически сложилась таким образом, что для коммуникантов важна как информационная составляющая, так и контекст ее передачи.

Лексическая наполняемость гендерно ориентированного РТ транслирует сложившиеся в обществе стереотипные представления о феминности и маскулинности как об объекте и субъекте, эмоциональном и рациональном. Одним из таких лингвистических маркеров являются местоимения – класс слов, имеющихся в любом языке и неоднозначно оценивающихся учеными. Академик В.В.Виноградов рассматривал местоимение как особый лексико-семантический тип «субъективно-указательных слов, определяющих действительность в ее отношении к говорящему лицу, к данной обстановке речи» [Виноградов 1972: 255].

Местоимения, отсылающие к участникам речевого акта или к речевой ситуации, называются дейктическими и присутствуют практически в любом тексте, предназначенном для общения, в том числе и в рекламных текстах женских и мужских глянцевых журналов.

Анализ 600 РТ, извлеченных из аутентичных гендерно ориентированных печатных изданий, показал, что личные местоимения используются в 3 раза чаще в рекламе, рассчитанной на женскую целевую аудиторию, нежели в маскулинно ориентированных РТ. Местоимения-дейктики выполняют контактоустанавливающую функцию, что характерно для коммуникации с женщиной, о которой в обществе сложилось стереотипное представление как о существе эмоциональном, ведомом, готовом к тому, чтобы с ней беседовали, ею руководили. Как показали результаты одного из социологических исследований, в качестве ментальных признаков «здоровой женщины» западные врачи-психиатры назвали эмоциональность, пассивность, зависимость, самоотверженность и самопожертвование [Воронина 2001: 21].

Созданию чувства близости, понимания и ощущения персональной обращенности способствует форма диалога, характерная для женской рекламы, что подчеркивается использованием *Вы*-формы в значении ед. ч. Дейктик *ты*, уместный при общении хорошо знакомых людей или же как знак фамильярности, отмечен нами в небольшом количестве РТ (около полутора процентов) лишь в журнале «Самая», целевой аудиторией которого являются 20–30-летние женщины: *Хочешь красивых отношений? Стань шелковой! Veet. Ты желанна.* В остальных феминно ориентированных журналах *ты*-форма нами не зафиксирована.

Выбираемый копирайтерами стиль общения определяется сложившимися в обществе нормами этикета, правилами поведения, привычками, выработанными поколениями. Форма *Вы* была усвоена древнерусским языком благодаря византийскому посредничеству в XIV в. и использовалась в соответствии с требованиями дипломатического придворного этикета. Графическое начертание подчеркивало выражение почтения и отличалось от написания *вы* как формы местоимения множественного числа. В.И. Даль, трактуя личное местоимение *Вы*, пишет: «Употребляется и говоря с одним лицом, из вежливости, как бы относясь к человеку, который один сто́ит многих. *Не то тыкать, не то* ***выкать,*** говорить *ты* и *вы*» [Даль, т. I: 277].

РТ минимизирует использование местоимения *ты*, которое «употребляется при обращении к близкому человеку или к какому-либо лицу при грубом, фамильярном обращении» [ССРЛЯ, т. 15: 1185]. Доверительность послания предполагает уважительное отношение к реципиенту, чем и определяется коммуникативное поведение копирайтера. Форма *Вы* подчеркивает статусность воспринимающего, предполагая удовлетворение его ожиданий и сохраняя сложившиеся культурные традиции. Обращенность ко 2 л. в маскулинно ориентированных РТ чаще выражается с помощью глагольных форм, нежели посредством местоимений *Вы* / *вы*: ***Ищете*** *подходящее масло для своего автомобиля?* ***Найдите*** *его здесь. Mobil 1* («За рулем»).

Глагольные формы и дейктики образуют неразрывное единство, хотя преобладают в мужской рекламе все-таки глаголы, определенно указывающие на лицо. Бо́льшая частотность *ты*-формы в рекламе, предназначенной для мужчин, является тенденцией последнего времени. Как правило, дейктик *ты* присутствует в РТ, предлагающих автомобили эконом-класса или другие продукты, рассчитанные на молодого покупателя со средним уровнем достатка: *LADA VESTA* ***Скажи*** *жизни да!* («За рулем»). В РТ, целевой аудиторией которых являются предприниматели и люди с высоким уровнем дохода, активна *Вы*-форма, т.е. язык, при всей своей подвижности и изменчивости, поддерживает культурные традиции и сложившие в обществе стереотипы речевого поведения: BENZA. *Изготовитель АЗС.* ***Ваш*** *новый бизнес!* ***Ваша*** *собственная АЗС!* ***Начните*** *зарабатывать на продаже топлива!* («За рулем»). Сокращение *Вы*-формы можно объяснить запретом на рекламу в печатных изданиях табачной и алкогольной продукции, которая, как правило, была высокого качества и предназначалась для обеспеченного потребителя.

Таким образом, функционирование в РТ дейктиков отражает существующую в социуме асимметричность концептов «мужское» и «женское», нейтрализация наблюдается лишь на уровне использования кванторных местоимений *каждый, любой, все,* поскольку они служат задачам обобщения и гиперболизации тех или иных свойств и качеств.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972.

Воронина О.А. Формирование генедрного подхода в социальных науках // Женщина в обществе: мифы и реалии / Под ред. Л.С. Круминг. М.: Информация – XXI век, 2001. С. 8–33.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 1978.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В.И. Чернышёва. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965 (ССРЛЯ).

Косвенные речевые акты в аспекте метакоммуникации

М.А. Бабушкина

Indirect Speech Acts in Metacommunicative Aspect

M.A. Babushkina

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (Саранск) / Ogarev Mordovia State University (Saransk)

fairysky@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема выделения косвенных метакоммуникативных речевых актов и их особенности.

Ключевые слова: метакоммуникация, речевой акт, косвенный метакоммуникативный речевой акт.

Summary. The article deals with the problem of allocation of indirect metacommunicative speech acts and their features.

Keywords: metacommunication, speech act, indirect metacommunicative speech act.

Проблеме косвенных речевых актов посвящено значительное количество работ, определяющих их прагмалингвистическую специфику, начиная с Дж. Серля, раскрывшего механизм косвенного выражения намерения говорящего. Однако остается не исследованным вопрос о косвенном речевом акте в метакоммуникативном аспекте.

Как отмечает В.В. Дементьев, в отличие от непланируемой неизбежной неточности в передаче или при расшифровке смысла, возникающей в силу особенностей участников коммуникации или непредсказуемости самого процесса общения, косвенность трактуется как прием, имеющий целью программировать интерпретацию адресата в направле-

нии, желательном для адресанта [Дементьев 2001]. Так, имплицитная метакоммуникация может реализовываться невербально – посредством интонации, мимики: *Ипполит немедленно умолк и* ***даже руки вскинул*** *– мол, нем как рыба* (Акунин); и вербально: косвенными метакоммуникативными речевыми актами, основным признаком которых является осложненность высказывания смыслом, который не выражается непосредственно, а определяется только благодаря интерпретационным усилиям со стороны адресата: *– Как вы можете себя оправдывать!.. <…>* ***Он поднял руку, останавливая меня****. – Подождите.* ***Я полагал, мы можем спокойно изъясниться, без оскорблений*** (Гранин). В данном примере наблюдается сочетание невербального и вербального способов коммуникации. Невербальный знак поднятой руки, означающий запрет на продолжение разговора в подобном тоне, уточняется посредством косвенного речевого акта, поскольку директив о прекращении оскорблений не выражен эксплицитно.

Таким образом, имплицитный смысл метакоммуникативного высказывания становится понятен адресату либо за счет распознавания языковых конвенций, либо путем логических умозаключений. Адресант, прибегая к косвенным речевым актам в процессе метакоммуникации так же, как и в других коммуникативных ситуациях рассчитывает и на определенные языковые знания собеседника, и на его коммуникативную компетенцию, предполагающую знания условий успешной реализации речевых актов, обеспечивающих перлокутивный эффект высказывания. Так, вопрос в значении побуждения может являться и традиционно употребляемой речевой формулой в закрепленной за ней речевой ситуации, и высказыванием, которое может быть понятно только исходя из конкретной ситуации общения [Маслова 2007]. Например, *– Леонид Михайлович,* ***можно вас на два слова?*** *– Что, прямо здесь? – высокомерно вскинул брови депутат. – Нет, зачем же. Давайте выйдем* (Маринина). Вопрос с компонентом *можно* и в данном случае элиминированным инфинитивом *пригласить* / *вызвать* представляет собой косвенную просьбу (= *Выйдите на два слова*), которая носителями языка легко распознается как языковая конвенция. Однако, поскольку общение конфликтное, адресат намеренно реагирует не как на просьбу, а как на запрос разрешении, что влечет за собой последующий прямой речевой акт, расшифровывающий импликатуру: *Давайте выйдем.* Метакоммуникативную цель речевого акта актуализирует фразеологизм *на два слова*, означающий *вызвать на короткий разговор,* прагматически акцентирующий внимание на характере протекания речевого взаимодействия. В речевой ситуации: ***– А что вы там по телефону шуточки отпускаете?*** *Что вам тут, мюзик-холл, что ли? – Нет, говорю, не мюзик-холл! – Ну вот и советую вам этот стиль переменить, здесь он не у места* (Домбровский) – вопрос предполагает косвенный запрет на общение подобным образом, о чем свидетельствует последующий контекст с прямо выраженным советом переменить стиль. Однако вне контекста такой вопрос может выполнять свою непосредственную функцию запроса информации и не выражать имплицитного побуждения.

Говорящий, используя косвенные метакоммуникативные высказывания, нередко преследует цель в вежливой форме выразить свою цель, иногда намеренно показать этикетный характер высказывания: *–* ***Слушай, не возражаешь****, если я еще позвоню?* (Дворецкий) – лексико-грамматический маркер фатической коммуникации *слушай* и семантический компонент *не возражаешь* сигнализируют о желании говорящего установить доверительные отношения с адресатом и показать, что мнение адресата о продолжении общения будет учтено [= *если возражаешь, больше не буду звонить*.] *–* ***Ваши шутки неуместны!*** *– изобразил обиду Сергей.* (Экслер) – подчеркнуто вежливый, однако довольно категоричный запрет, о чем свидетельствует интерпретирующий контекст, когда для изображения негативных эмоций говорящим была выбрана именно такая форма языкового выражения.

Отметим, что косвенные метакоммуникативные речевые акты, как правило, относятся к директивам. Комиссивы и превентивы в силу выражаемой ими иллокутивной цели прямо сообщить о взятых на себя обязательствах не предполагают имплицитного выражения. Исключение могут составлять отдельные речевые ситуации, в которых, например, намеренно обыгрывается выражение цели: *–* ***Я предупреждала: кто об этом болтать будет, выгоню!*** *– не на шутку* ***рассердилась*** *хозяйка. –* ***И от дома откажу раз и навсегда!*** *Нашли тему для сплетен!* (Акунин). Данный пример можно интерпретировать и как косвенную угрозу, когда говорящий прямо указывает на негативные действия, которые будут совершены им по отношению к адресату при условии дальнейшего распространения сплетен. Угроза по сути замаскирована иллокутивным глаголом *предупреждать*, который, как правило, маркирует превентивный акт, направленный в пользу адресата с целью помочь ему избежать неприятностей. Таким образом, косвенные речевые акты, реализующие метакоммуникативные цели, имеют свои особенности и, несомненно, представляют интерес для дальнейшего исследования.

Литература

Дементьев В.В. Основы теории непрямой коммуникации: Автореф. дисс. … доктора филол. наук. Саратов, 2001.

Маслова А.Ю. Вопрос в значении побуждения. Формирование коммуникативной компетенции // Русская словесность. 2007. № 5. С. 46–53.

Способы смягчение оценки (на примере отзывов официальных оппонентов о диссертации)

О.С. Баканова

Ways to mitigate the assessment (for example reviews of official opponents of the thesis)

Oksana S. Bakanova

Башкирский государственный университет (Уфа) / Bashkir State University (Ufa)

stasya-chamed@rambler.ru

Аннотация. Определить способы смягчения оценки и их значимость в научном тексте.

Ключевые слова: оценка, смягчение, научный текст.

Summary. Identify ways to mitigate the assessment and their significance in the scientific text.

Keywords: assessment, mitigation, scientific text.

Прием смягчения оценки дает возможность уйти от определенной категоричности. В большинстве работ такой прием определяют как «пропозиционное смягчение» (С.С. Тахтарова, К. Каффи) или «смягчение отрицательной оценки» (Е.С. Троянская). Например, Е.М. Вольф при анализе субъективной модальности и семантики пропозиций выделяет «различные модальные средства, смягчающие категоричность» [Вольф 2003: 99], которые помогают выявить особенности картины мира. Мы будем говорить о смягчение как о приеме, помогающем соблюдать научный этикет: не быть столь категоричными при оценивании недостатков и быть умеренными в выражении похвалы, демонстрируя лояльное отношение к рецензируемой работе.

Цель нашего исследования – выявить способы смягчения оценки в научных отзывах официальных оппонентов о диссертациях на соискание ученой степени.

В нашем исследовании оценка выступает как результат процесса оценивания с положительной или отрицательной

точки зрения. Н.Д. Арутюнова говорит о том, что оценка «выражает личное мнение и вкусы говорящего, а они различны у разных людей. Во внутреннем мире человека оценка отвечает мнениям и ощущениям, желаниям и потребностям, долгу и целенаправленной воле» [Арутюнова 1988: 6]. Оценка в данном случае – это личное мнение оппонента, отображающее свойства объекта с позиции норм написания диссертации.

Положительные стороны работы очень часто формулируются «с помощью абсолютных понятий «хорошо», «плохо», «безразлично» и сравнительных понятий «лучше», «хуже», «равноценно»» [Ивин 1998, 45]. Но жанр научного отзыва не позволяет оппоненту быть восторженным в своих оценках, требует умеренно хвалить и быть максимально объективным. Прием смягчения помогает оппоненту оставаться сдержанным в выражении положительных оценок. Можно говорить о разных способах смягчения положительной оценки. Рассмотрим некоторые из них: 1) употребление слов, выражающих сдержанность в оценивании диссертационной работы: *достаточно, в меру, вполне*: *Импонирует* ***достаточно*** *корректное и последовательное обращение диссертанта с материалом исследования* [Колесникова 2016]; 2) использование конструкций, построенных на отрицании, которые позволяютсделать оценку менее заметной, но при этом присутствующей во фразе: ***Нельзя не приветствовать*** *стремления исследователя упорядочить анализируемый материал, облечь его в таблицу, помогающую восприятию* [Григорьева 2017]; 3) употребление слов, выражающих внутрисинтаксическую модальность, демонстрирующую отношение субъекта к действительности: такие глаголы, как *старается, пробует,* акцентируют внимание на стремлении диссертанта решить определенные задачи: *В работе диссертант* ***старается*** *грамотно использовать научно-терминологический аппарат исследования, корректно уточнять необходимые понятия когнитивной лингвистики и лингвокультурологии; а также грамотно и корректно использовать научные методы…* [Корнеева 2017].

При выражении отрицательной оценки оппонент также стремится использовать определенные способы смягчения оценки, тактично отметить отрицательные стороны исследования. Мы выделили пять основных способов смягчения отрицательной оценки: 1) употребление вводных слов с семантикой сожаления, позволяющих выразить сопричастность оппонента, сострадание, попытку поддержать: *К сожалению, в работе имеются некоторые речевые и терминологические небрежности, в большей степени, однако, характерные для автореферата работы* [Ионова 2018]; 2) использование конструкций с отрицательной частицей *не* в сочетании со словами *вполне, достаточно* и под., которые позволяют как бы приуменьшить недочет, сделать его менее заметным: *К сожалению,* ***не вполне ясно*** *понимание автором оценочной природы (в частности, определения знака оценки) исследуемых глаголов* [Григорьева 2017]; 3) формулирование безличной конструкции со словами, такими как *необходимо, целесообразно, важно*, показывающими недостаток, но при этом выступающими в качестве совета: ***Целесообразно*** *уточнить общее количество привлеченных к исследованию одновидовых и парных по виду глаголов, принципы ограничения предмета исследования…* [Корнеева 2017]; 4) употребление глаголов в условном наклонении, помогающих выразить желание оппонента увидеть какие-то недостающие моменты: ***Хотелось бы*** *сделать общее замечание, касающееся обоснования автором новизны и актуальности представленного исследования, которые я ни в коей мере не ставлю под сомнение* [Юдина 2017]; 5) использование уточнений и вопросов, при помощи которых автор старается косвенно указать на замечания, перевести их в диалог с диссертантом, показать заинтересованность в исследовании: *Вместе с тем, следует отметить и некоторые недостатки рецензируемого исследования, хотелось бы получить ответы на следующие вопросы…* [Колесникова 2016].

Итак, результаты проведенного нами анализа отзывов официальных оппонентов о диссертации на соискание ученой степени позволяют сделать вывод, что смягчение оценки является неотъемлемой частью работы. Такой способ позволяет субъекту сохранить сбалансированность положительных и отрицательных сторон работы, выдержать объективность и лаконичность.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / Редкол.: Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова; отв. ред. *Н.Д. Арутюнова.* М.: Индрик, 2003. С. 87–101.

Григорьева Т.В. Отзыв официального оппонента о диссертации Айдаровой Алсу Мирзаяновны… [Электронный ресурс. https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/dissertation/f658139106/otzyv_opponenta_grigorevoj_tv.pdf].

Ивин А.А. Логика. Учебное пособие, Изд. 2-е. М.: Знание, 1998.

Ионова С.В. Отзыв официального оппонента о диссертации Гульдары Сиреневны Макаренко… [Электронный ресурс. http://www.bashedu.ru/sites/default/files/dissovets_files/offopp/otzyv_oficialnogo_opponenta_d.fil_.n._prof._ionovoy_s.v._.pdf].

Колесникова С.М. Отзыв официального оппонента о диссертации Моргуновой Анны Николаевны… [Электронный ресурс. http://www.bashedu.ru/sites/default/files/dissovets_files/offopp/otzyv_oficialnogo_opponenta_d.fil_.n._prof._kolesnikovoy_s.m.pdf].

Корнеева Т.А. Отзыв официального оппонента на диссертационную работу Дмитриевой Ольги Альбертовны... [Электронный ресурс. https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/dissertation/f1832010201/otzyv_of.opponenta_ korneevoj_ta.pdf].

Юдина Т.В. Отзыв официального оппонента… о диссертации Юшковой Людмилы Анатольевны… [Электронный ресурс. http://www.psy. msu. ru/ science/diss_sovet/reviews/yudina-yushkova.pdf].

Фрейм речевого жанра «Поздравление» с Днем Победы в официальной сфере общения с позиции китайской лингвокультуры

Ван Цюнь

The frame of speech genre “congratulations” with Victory Day in the official sphere of communication on the background of chinese Language culture

Wang Qun

Яньбяньский университет (Китай), Институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва) /
Yanbian University (China), Pushkin State Russian Language Institute (Moscow)

ybuchang@126.com

Аннотация: День Победы является самым важным праздником для всех россиян. В данном тезисе мы рассмотрим поздравительные тексты, посвященные празднику «День Победы», рассматривается специфика фрейма данного РЖ, а также описываются его жанровое образование.

Ключевые слова: фрейм, речевой жанр, День Победы, китайская лингвокультура.

Summary. Victory day is the most important holiday for all Russians. In this thesis, we will study its features and style composition of congratulatory texts dedicated to the holiday "Victory Day".

Keywords: frame, speech genre, Victory Day, chinese Language culture.

С позиции носителей китайской лингвокультуры, мы полагаем, что День Победы является самым важным праздником для всех россиян. День Победы в Российской Федерации отмечается 9 мая. Мы рассматриваем только поздрав-

ления, представленные в письменной форме в государственно-политической, дипломатической и официально-деловой сферах общения. Тексты этих поздравлений опубликованы на официальном сайте Президента России, а также на официальных сайтах посольств, ведомств и политических партий. Проанализировав большое количество поздравлений с Днем Победы в русскоязычном дискурсе, мы считаем, что специфика данного варианта РЖ заключается в следующем:

1. Применительно к РЖ «Поздравление» с Днем Победы существует универсальный фрейм, состоящий из следующих слотов: обращение, поздравление, нарратив (описание праздника и подвига советского народа в Великой Отечественной войне (далее – ВОВ), выражение отношения адресанта поздравления к военным событиям ВОВ, к празднику Победы), благодарность ветеранам ВОВ, пожелание, похвала ветеранам ВОВ, призыв, обещание и подпись. Следует подчеркнуть, что специфическим ядерным слотом в варианте фрейма РЖ «Поздравление» от президента России во время парада Победы включается ядерный слот «Объявление минуты молчания». При этом в дипломатической сфере общения ядерным является слот «нарратив (оценка отношений между государствами, описание роли граждан обоих государств в ВОВ)». Кроме того, в данной сфере в завершении поздравления главам других государств от президента РФ зачастую гибридизируются слоты *просьба* и *пожелание*: *Прошу Вас передать ветеранам Великой Отечественной войны, проживающим в Азербайджане, пожелания крепкого здоровья и долголетия, а всему азербайджанскому народу – мира, счастья и благополучия*.

2. Наличие вариативных слотов зависит от сферы и среды общения. Например, в поздравительной речи во время парада Победы отсутствует слот подпись (в данном случае мы анализируем скрипты устной речи). В официально-деловой сфере слоты «благодарность ветеранам ВОВ (прямая или косвенная)» и «похвала ветеранам ВОВ» присутствуют факультативно, а пожелание минимализируется. Например, *Низкий вам поклон, здоровья и долголетия!* В данном случае пожелание лаконично, адресант использует лишь эллиптичную формулу пожелания, не делая особого акцента на нем и формализуя таким образом поздравление. Анализ примеров поздравления от депутатов государственной, областной и городской думы показал, что в поздравительном тексте зачастую встречается нарративная часть, в которой адресант рассказывает, что произошло в республике или области, какие действия предприняли депутаты. В нарративе встречается слот «нарратив – описание истории субъекта»: *Для чеченского народа 9 мая стал одним из самых трагических дней в истории. В этот день погиб первый Президент Чеченской Республики, Герой России Ахмат-Хаджи Кадыров*.

Таким образом, проанализировав фрейм РЖ «Поздравление» с Днем Победы в официальной сфере общения, мы обнаружили, что есть устойчивый фрейм РЖ «Поздравление» с Днем Победы, однако в него включаются и вариативные слоты. Слот «нарратив – описание истории и традиций праздника» и «нарратив – положительная оценка действий государства в Великой Отечественной войне, заслуги Армии и народа» является ядерным. Кроме того, объем и количество слотов данного фрейма различаются в зависимости от сферы общения.

Литература

Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л., 1975.

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003.

Прохоров Ю.Е. Большой лингвострановедческий словарь. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.

Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007.

Шляхов В.И. Речевая деятельность: Феномен сценарности в общении. Изд. 2-е, испр. М.: КРАСАНД, 2010.

Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

Инаугурационная речь как жанр русского политического дискурса

М.В. Гаврилова

Inaugural Address as a genre of Russian political discourse

M.V. Gavrilova

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения / Saint-Petersburg State University of Film and Television

politlinguistics@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассмотрены жанровые особенности инаугурационной речи. Лингвистический анализ нового жанра русского политического дискурса позволил определить устойчивые компоненты тематической и композиционной структуры речи, выявить ключевые слова выступления и риторические приемы речевого воздействия.

Ключевые слова: жанр, политический дискурс, инаугурационная речь, когнитивно- дискурсивный подход, русский язык.

Summary. The report discusses distinctive features of Inaugural Address as a new genre of Russian political discourse speech. Linguistic analysis made it possible to identify stable components of the thematic and compositional structure of the speeches, key words and rhetorical figures.

Keywords: a genre, political discourse, Inaugural Address by Russian Presidents, cognitive-discursive approach, the Russian language.

Инаугурационная речь – новый жанр русского политического дискурса. Мы являемся свидетелями того, как вырабатываются принципы организации важного политического события, конструируется контекстная модель, формируются жанровые особенности инаугурационной речи.

Первое выступление новоизбранного президента формулирует идейную основу объединения общества на новом этапе развития страны. Задачи, которые ставят перед собой инаугурационные выступления, состоят в объединении нации и артикуляции ценностей, которые доминируют в настоящее время в обществе. Инаугурационную речь можно рассматривать как речевое, так и политическое действие. Произнесение присяги и инаугурационной речи является политическим действием, так как является актом формального введения нового президента в должность.

Инаугурационная речь как один из важных идеологических инструментов политической коммуникации представляет собой строго функциональный текст и создается группой людей, хотя личностное начало вступающего в должность президента ощущается достаточно сильно.

Мы выявили устойчивые компоненты тематической структуры выступления: избрание на пост главы государства – это высокое доверие и честь; народ выразил свою волю, избрав президентом именно этого кандидата; президент будет действовать в соответствии с Конституцией, выполняя присягу; цель деятельности главы государства – повышение благосостояния народа; для достижения цели важна помощь и поддержка всех граждан; основные задачи президента – государственные интересы и служение народу; президент уверен в улучшении общественно-политической ситуации. Добавим, что во всех инаугурационных выступлениях российские президенты обращаются к теме единства нации, к историческому прошлому; подчеркивают значимость момента и новизну ситуации; говорят о необходимости преобразований, определяют роль и персональную задачу президента [Гаврилова 2004].

Инаугурационная речь структурируется ценностными предпочтениями граждан. Изменения общественного мнения отражаются в ключевых словах и выражениях: *радикальные реформы, свобода, демократия, суверенитет, общечелове-*

ческие ценности, мировое сообщество (1991 г.) – *семья, порядок, борьба с преступностью, достаток* (1996 г.) – *единство страны, авторитет России в мире, политическая и экономическая стабильность* (2000 г.) – *успех, развитие, рост, партийное строительство, свободная страна, свободные люди* (2004 г.) – *закон, высокие стандарты жизни* (2008 г.) – *жизнь, свобода, духовность, развитие* (2012 г.) – *обновление, движение вперед* (2018 г.).

Композиционная структура инаугурационной речи находится в процессе становления. Каждая речь вносит дополнительные элементы, заменяет, устраняет, различным образом сочетает отдельные компоненты построения схемы. Данная тенденция является показателем становления жанра, однако создает трудности для восприятия текста. Мы полагаем, что можно говорить лишь об относительно устойчивых элементах схематической структуры инаугурационной речи: 1) обращение к аудитории, 2) описание уникальной политической обстановки / описание нового политического курса, 3) фон (предшествующие события, исторический контекст), 4) ориентация (описание текущих событий), 5) проспекция (цель – желаемое будущее), оценка, уверенность в достижении цели, 6) обращение, 7) кульминационное заключение, 8) благодарность за внимание.

Формирование закрепленной структурной организации инаугурационной речи допускает вариативность ее языкового наполнения, что приводит к возникновению новых смыслов, вбирающих в себя значение, индивидуальность автора и дух времени.

В инаугурационном выступлении сочетаются особенности устной (приемы «диалогизации»: обращения к аудитории) и письменной (логический стержень, четкое деление на части, зачин и концовка, межфразовые связи) речи.

В русском политическом дискурсе наблюдается тенденция формирования инаугурационной речи как торжественной речи, произнесенной по особому случаю. Стремление к идеалу, свойственное инаугурационной речи, отражается в использовании церковнославянской лексики, высокого фоностиля, грамматических и словообразовательных славянизмов, превосходной степени прилагательного как высшего проявления качества. Действенность высказываний и возвышенный эмоциональный настрой речи создается использованием риторических средств: синтаксический параллелизм, анафора, повторы, ритмическая структура предложения, звукопись, парцелляция, инверсия, период, стык, атрибутизация, эллипсис, полисиндетон, градация, асиндетон, метафоры движения, пути и строительства и др.

Инаугурационную речь российских президентов отличает достаточно низкая степень ритуальности, сбалансированная пропорция фатики и информативности, наличие новизны в сообщении. Провозглашение политических принципов, в частности самоидентификация, задач и обязанностей президента, роднит этот жанр с программными выступлениями политических лидеров.

Литература

Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб: Изд-во СПбГУ, 2004.

Речевые акты и речевые жанры: Принципиальные отличия и дополнительность двух теорий коммуникации

С.И. Гиндин

Speech acts and genres of discourse: Basic discrepancies and functional complementarity of two communication theories

Sergei I. Gindin

Российский государственный гуманитарный университет (Москва) / Russian State University for the Humanities (Moscow)

sigindin@gmail.com

Аннотация. Понятие речевого жанра часто моделируют и уточняют по образцу понятия речевого акта. Между тем в нем исходно заложена другая точка зрения на коммуникативное событие. В докладе показаны принципиальные отличия двух теорий коммуникации. Выдвинута гипотеза, что каждая из них более приспособлена для описания лишь некоторых видов коммуникации, а создание полной картины коммуникации требует привлечения обеих теорий.

Ключевые слова: содержание понятия речевого жанра, речевое действие, речевое произведение, устная и письменная коммуникация, монологическая и диалогическая коммуникация.

Summary. Genres of discourse are often treated in the mould of speech acts. But in fact these two notions imply quite different point of view on communicative event. The paper aims to show some principal discrepancies between the theories founded by J. Austin and M. Bachtin. Each of the theories suits more for the description of some particular kinds of communication. So we need both of them for a complete picture of communication.

Keywords: definitive features of the genre of discourse, speech action, speech product, oral and written communication, monological and dialogical communication.

К моменту публикации пионерской работы М.М. Бахтина [Бахтин 1979] речевые акты (РА) уже были предметом многочисленных исследований. Не удивительно, что освоение понятия речевого жанра (РЖ) происходило на фоне и под влиянием уже сформировавшихся представлений о РА. Между тем эти два понятия имеют разную природу и поразному моделируют коммуникативные события.

Несходство содержания понятий РЖ и РА. Принципиальное новшество подхода Дж. Остина (как и одновременно введенного понятия «речевого действия» [Жинкин 1955]) заключалось в том, что актуализуемые в коммуникации предложения трактовались как **действия** говорящего, как **поступки** (термин из более ранней работы [Жинкин 1947]).

Между тем для Бахтина РЖ – это класс («тип») высказываний, характеризуемый сходством тематики, отбора языковых средств («стиля») и композиции. Ни один из этих трех признаков не носит акционального характера. РЖ не действие, определяемое целью (ср. «иллокутивную силу» в системе РА по Остину), а результат действий, класс **речевых произведений**.

Уже из сказанного видно, что в теориях РА и РЖ коммуникативное событие представлено с принципиально разных точек зрения, заявлены различные онтологии коммуникации, РА – прежде всего единица **синтагматической** организации коммуникативного процесса, а уже сопоставляя разные РА, можно строить их парадигматическую типологию. РЖ изначально **тип** коммуникативной деятельности, т.е. единица принципиально **парадигматическая.**

Несходство объема понятий РЖ и РА. Среди примеров РЖ, анализируемых или просто упоминаемых Бахтиным, есть немало таких, которые описываются Остином в терминах РА (или, по крайней мере, допускают такое описание). Таковы многие РЖ, которые Бахтин относит к «первичным (простым) жанрам бытового общения»: вопрос, ответ, просьба, «реплика бытового диалога» и т.п.

Создается впечатление, что обе теории описывают общий класс коммуникативных явлений. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что отнесение подобных явлений к числу РЖ поспешно, так как высказывания соответствующих классов не обладают сходством по параметрам, включенным в определение РЖ. Так, вопросы, задаваемые людьми в разных ситуациях, могут не иметь ничего общего ни в тематике, ни в стиле, а вся общность их композиции исчерпывается синтаксисом вопросительных предложений со-

ответствующего языка. Вопрос выделяется лишь по цели высказывания, а, значит, является РА, но не РЖ.

Дополнительность сфер применимости двух теорий. Исходные понятия теорий Бахтина и Остина *высказывание и utterance* являются словарными эквивалентами. Но смысл и объем этих понятий у них различны. Для Остина *utterance* это реализация одного языкового предложения, для Бахтина *высказывание* – весь отрезок речи между двумя ближайшими сменами говорящих (пишущих). Соответственно, за исключением однофразовых монологических высказываний и диалога, состоящего из однофразовых реплик, во всех остальных коммуникативных событиях высказывания по Остину оказываются составной частью высказываний по Бахтину.

Это обстоятельство существенно влияет на применимость каждой из теорий к анализу различных видов коммуникации. Теория РА хороша и удобна там, где характерно употребление одиночных коротких высказываний или устный обмен такими высказываниями. Это прежде всего устная коммуникация (ср., однако, лозунги) и диалог. Напротив, теория РЖ удобна для описания пространных высказываний, а они больше свойственны коммуникации письменной и монологической. К анализу диалога, как это ни парадоксально для Бахтина, понятие РЖ, строго говоря, вообще не применимо: ведь РЖ это тип высказываний, а всякое высказывание принадлежит, по определению, одному говорящему.

Подобная взаимодополнительность теорий РЖ и РА не является признаком их слабости, но отражает ту двойственность способов именования коммуникативных событий устной и письменной речи, которая присуща и системе естественного языка (на примере русского языка это показано в статье [Гиндин 1994]).

Литература

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.

Гиндин С.И. Речевые действия и речевые произведения // Логический анализ языка: Язык речевых действий, Под ред. Н.Д. Арутюновой и Н.К. Рябцевой. М.: Наука, 1994. С. 59–63.

Жинкин Н.И. Интонация в связи с общими проблемами экспрессии: Дисс. … канд. пед. наук. М., 1947.

Жинкин Н.И. Вопрос и вопросительное предложение // Вопросы языкознания. 1955. № 3. С. 22–34.

Austin J.L. How to do things with words. Oxford: Clarendon, 1962.

Категория темы в жанре протокола (на материале текстов религиозного стиля)*

Т.В. Ицкович, Н. Николина

The category of subject in the minutes genre (on the material of texts of religious style)

T.V. Itskovich, N. Nikolina

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург) /
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin (Yekaterinburg)

tatiana.itckovich@urfu.ru, nickolyasya@yandex.ru

Аннотация. В религиозном стиле выделяется официально-деловой подстиль, в котором активно функционирует жанр протокола. Категориально-текстовой анализ позволяет выявить особенности тематической организации жанра протокола в религиозном стиле. Экспликация профанной темы является характерным жанрообразующим признаком, при минимальной представленности предметно-сакральной и духовной тем.

Ключевые слова: текст, текстовые категории, жанр, протокол, религиозный стиль.

Summary. Official substyle is distinguished in religious style. The minutes genre functions in this substyle. The analysis of textual categories allow identifying of features of subject organisation of minutes genre in religious style. The explication of secular topic is a specific genre-forming feature, whereas the representation of objective-sacral and ecclesiastic topics is minimal.

Keywords: text, textual categories, genre, minutes, religious functional style.

Изучение религиозного стиля – одно из актуальных направлений современной лингвистики [Войтак 2003; Гадомский 2008; Ицкович 2016; Прохватилова 1999; Салимовский 2005 и др.]. Русская православная церковь сегодня представляет собой сложную организацию, функционирующую в разных областях общественной жизни, в различных сферах общественного сознания, что позволяет выделять следующие подстили религиозного стиля: собственно религиозный, официально-деловой, научный, публицистический, художественный и разговорный. Актуальность исследования определяется изучением функционирования традиционных жанров в религиозной коммуникации.

В церкви как общественном институте востребован официально-деловой стиль: оформляются свидетельства о крещении, венчании, разводе; ведется внутрицерковная документация: официальные письма, приглашения, протокол, уставы. Изучение взаимодействия двух функциональных стилей – религиозного и официально-делового – происходит на примере функционирования конкретных жанров. Предметом настоящего исследования является жанр протокола, функционирующий в религиозном стиле. Цель исследования: выявление особенностей экспликации текстовой категории темы в жанре протокола. Материалом исследования являются тексты протоколов, размещенных на официальном сайте Русской Православной Церкви [http://www.patriarchia.ru/].

Существующий в современной лингвистике метод категориально-текстового анализа заключается в анализе текста по его категориям. Набор наиболее крупных текстовых категорий может быть выделен на основе психолингвистической модели К. Бюлера, общий смысл которой заключается в том, что текст зависит от трех составляющих акта коммуникации: говорящего, слушающего и предмета речи [Матвеева 1990: 15]. Так, категория темы отражает предмет речи, что обусловливает выбор этой категории для анализа текстов протокола.

Лингвисты активно изучают жанр судебного протокола (см. [Абрамкина 2017; Кыркунова 2004; Месропян 2017]). Если говорить об изучении официально-делового подстиля религиозного функционального стиля, то жанр протокола в религиозном стиле ранее в лингвистике не являлся предметом изучения.

Рассмотрим экспликацию категории темы в жанре протокола, функционирующего в религиозном стиле. Анализ текстов протокола показывает экспликацию профанной темы, отражающей события реальной земной жизни, при минимальном, точечном присутствии предметно-сакральной и духовной тем, что является жанрообразующим признаком. Для жанра протокола характерно наличие двух тематических цепочек, связанных с номинацией субъекта и предиката. Первая номинационная цепочка, связанная с субъектом действия, представлена ограниченным набором дополнительных номинаций, среди которых употребляются свернутые трансформы, при минимальной представленности референтно тождественных номинаций и практически полном отсутствии субститутов. Вторая номинационная цепочка, связанная с предикатом, построена на разнообразии допол-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 А «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

нительных лексически новых номинаций, отражающих контекстуальные таксономические отношения.

Литература

Абрамкина Е.Е. Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 415. С. 158–163.

Войтак М. Религиозный стиль в генологической перспективе // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудо. Пермь: Пермский государственный университет. Вып. 6. 2003. С. 323–338.

Гадомский А.К. О жанровом подходе к изучению религиозного языка // Культура народов Причерноморья. 2008. № 137. Т. I. Симферополь. С. 89–92.

Ицкович Т.В. Жанровая система религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: Дисс. … доктора филол. наук. Екатеринбург, 2016.

Кыркунова Л.Г. Функционально-смысловые типы речи в аспекте внутристилевой дифференциации следственно-судебных текстов // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: ПГУ, 2004. Вып. 7. С. 290–311.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.

Месропян Л.М. Лингвистическая экспертиза протоколов допроса: речевая идентификация допрашиваемого как средство выявления процессуальных нарушений // Процессуальные действия вербального характера. Сб. ст. по материалам Всероссийского круглого стола, 18–19 ноября 2016 г. / Под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. СПб.: Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2017. С. 116–127.

Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999.

Салимовский В.А., Суслова К.С. Экспликация догмата как жанра догматической проповеди. Жанры речи: Сборник научных статей. Вып. 4. Саратов: Колледж, 2005. С. 280–292.

Статус запрета в семантической классификации разновидностей побуждения

А.А. Калинина

Prohibition status in semantic classification of varieties of imperative

Alevtina A. Kalinina

Марийский государственный университет (Йошкар-Ола) / Mari State University (Yoshkar-Ola)

kalinina.07@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается блок проблем, имеющих отношение к дифференциации побудительных предложений по признаку положительности / отрицательности: статус запрета как представителя отрицательных императивных значений в семантической классификации видов побуждения, неоднозначность термина «запрет», вопрос об особом месте запрета среди других видов побуждения с отрицанием.

Ключевые слова: побудительные предложения, разновидности побуждения, отрицательные императивные значения, запрещение.

Summary. The article deals with a block of problems related to the differentiation of imperative sentences on the basis of positive / negative: the prohibition status as a representative of negative imperatives in the semantic classification of types of imperative, the double meaning of the term “prohibition”, the question of the special place of prohibition among other types of negative imperatives.

Keywords: imperative sentences, varieties of imperative, negative imperative meanings, prohibition.

Смысловые разновидности побуждения выделяются, как правило, только на основании критерия «степень категоричности», вне связи с делением высказываний по признаку положительности/отрицательности. Обычно в классификациях частных видов побуждения (из последних работ см., напр., [Назари 2012]) запрет стоит в одном ряду с такими его подтипами, как просьба, совет, приказ, распоряжение и т.д., воспринимаясь, главным образом, лишь как представитель категорических разновидностей побуждения. При таком подходе остается в тени семантическая специфика запрета как типа отрицательной иллокуции.

Запрет как одно из частных значений побуждения имеет статус единственного представителя отрицательных императивных значений, что соответствует традиционной точке зрения, согласно которой запрет (прохибитив), а также предостережение (превентив) составляют семантически обособившуюся область побудительно-отрицательных значений, исчерпывающуюся только этими двумя значениями [Виноградов 1986: 470]. В соответствии с данным пониманием в числе отрицательных оказываются не все отрицательные по оформлению высказывания, а лишь высказывания с семантикой запрета и иногда предостережения: просьба с отрицанием, совет с отрицанием (отрицательный совет), мольба с отрицанием и др. в зону отрицательных императивных значений уже не входят.

Следует заметить, что и в грамматической теории, и в семантических исследованиях термин «запрет» наделяется и другим своим содержанием – ‘побуждение с отрицанием’, отрицательная разновидность побуждения, значение отрицательных форм императивных высказываний. Так, в [Гусев 2013: 47] прохибитивное значение определяется как сочетание значений «императив и отрицание». Запрещение (запрет) в данном его понимании соотносится со всем классом отрицательных побудительных предложений и рассматривается как тип семантики, опирающийся на структурные показатели (наличие *не* в структуре предложения). Запрет как семантическая разновидность побуждения обычно трактуется как ‘отрицательный приказ’.

Побудительное отрицание неизменно ассоциируется именно с запретом, в т.ч. в его узком, семантическом (и прагматическом) истолковании (‘отрицательный приказ’). Для этого есть определенные основания: конструкции с семантикой запрета имеют ряд принципиальных отличий от других типов отрицательных императивных высказываний (просьба с отрицанием, отрицательный совет и т.д.).

В структурном отношении запретительные конструкции – это конструкции с обязательным отрицанием, имеющие отрицательную форму реализации в качестве единственно возможной. Другие разновидности побуждения способны иметь как положительную, так и отрицательную форму реализации, что позволяет трактовать их как отрицательные модификации соответствующих видов побуждения. Запрещение – самостоятельный тип отрицательного императивного значения.

Отрицание является обязательным компонентом семантики запрета. В других семантических разновидностях отрицание – факультативный, вариативный элемент, не меняющий основного значения высказывания. Иначе говоря, отрицание входит в число релевантных компонентов семантики запрещения, тогда как для остальных разновидностей побуждения, способных к варьированию по признаку положительности / отрицательности, этот признак не является релевантным.

Запрет – особый тип коммуникативной целеустановки. В других разновидностях побуждения с отрицанием (совет с отрицанием, просьба с отрицанием и т.д.) указание на то, должно ли называемое императивом действие осуществиться или не осуществиться, не меняет характер целеустановки. Так, отрицательные просьба, совет, призыв, рекомендация и др. по своему функциональному назначению остаются просьбой, советом и т.д.: *Не жалей ты листья, не жалей, а жалей любовь мою и нежность!* (Н. Рубцов); *Не спи, не спи, художник, Не предавайся сну* (Б. Пастернак); *Не презирай совета ничьего…* (И. Крылов) и под.

Таким образом, запрет – это не только одна из частных семантических разновидностей побуждения, стоящая в од-

ном ряду с другими его подтипами (просьба, приказ, совет, предложение и др.). Это один из подтипов побуждения с отрицанием ('приказ с отрицанием'), наряду с такими отрицательными разновидностями побуждения, как совет с отрицанием, просьба с отрицанием и др., особая, в известной степени противопоставленная другим типам побуждения с отрицанием, но при этом не единственная разновидность отрицательных императивных значений.

В идеале семантическая классификация частных видов побуждения должна содержать указание на положительный / отрицательный характер иллокуции, однако в рамках классификации, основанной на критерии «степень категоричности», эта задача представляется трудновыполнимой. Поэтому классификация частных видов побуждения должна быть соотнесена с классификацией императивных высказываний по признаку положительности / отрицательности, охватывающей все семантические разновидности побуждения, где запрет предстает как конкретная разновидность отрицательного побудительного значения.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986.

Гусев В.Ю. Типология императива. М.: Языки славянских культур, 2013.

Назари Ф. Способы выражения побуждения в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Жанровая характеристика дискурса эссе

Р.А. Каримова

Genre characteristics of the essay discourse

Roza A. Karimova

Башкирский государственный университет (Уфа) / The Bashkir State University (Ufa)

srya409@mail.ru

Аннотация. В докладе дается жанровая характеристика эссе как пограничного жанра, актуальная в плане типологического исследования дискурса.

Ключевые слова: типология дискурса; ее жанровый аспект; эссе как пограничный жанр; факторы динамизма эссе.

Summary. The article deals with genre characteristics of essay as a borderline genre, topical in the aspect of typological study of discourse.

Keywords: typology of discourse; genre aspect; essay as a borderline genre; factors of essay diynamics.

Расширение границ лингвистических исследований: обращение к дискурсу [Рогова 2018: 7], дискурсивным грамматическим явлениям — служит основанием для его типологического изучения. Органическая часть его — жанровая дифференциация, к которой мы обращаемся, учитывая взаимодействие жанров в устной и письменной сферах речи [Салимовский 2015: 295; Никонова 2018: 146; Дженкова 2015: 66].

В этом плане представляет интерес дискурс эссе как пограничного жанра, его характерные параметры, которые мы выявляем на материале эссеистического дискурса (см. главы «Ремесло» и «Русская проза» из объемного произведения М. Рощина «Иван Бунин» – М.: «Молодая гвардия», 2000, 328 с., ЖЗЛ), подходя к нему, к его организации с когнитивно-коммуникативной позиции. Учитывая авторское замечание во вступлении к книге: «…Это не беллетризованная биография, не роман — сие другое», рассматриваем жанрово-дискурсивный аспект названных глав, обращаясь к двум их началам: аналитическому и эмоциональному, обусловленным природой авторского знания об объекте. С одной стороны, оно специальное, филологическое (вследствие ориентации автора в литературном движении того времени; в штудиях о творчестве И. Бунина: см. «Краткую библиографию» в конце книги (с. 254)) и, с другой, собственного, творческого опыта драматурга, прозаика.

Анализ лингвистической базы данного дискурса предваряется филологическими сведениями о наблюдаемом жанре [Эссе 2002: 1247; Лямзина 2018]; учитывается образность (существенное свойство эссе) (см. напр.: [Опарина 2017: 4; Словикова 2016: 29]).

Выявлению жанровой природы наблюдаемого дискурса, отличающегося свободой структуры и средств ее представления сообразно концептуально-эмоциональной сфере эссеиста, служат значимые для этой проблематики положения о реализации в нем (дискурсе) основных функций языка: когнитивно-коммуникативной и воздействия. Их грамматической базой является модальность (объективная и субъективная), формирующая значение высказывания [Златоустова 1997: 345], дискурса, причем субъективный фактор во многом предопределяет его жанровую отнесенность.

На данной основе далее характеризуется жанровая сторона дискурса. В этом плане показательны компоненты глав (определяемые на тематической основе, с помощью модели): «путь Бунина к модернизму прозы» (глава «Ремесло») и «Чехов и Бунин» (глава «Русская проза»), их центральные образы, жанровый аспект которых рассматриваются исходя из когнитивного основания коммуникации: концептуализированного повествователем фрагмента картины мира референта (И. Бунина) и категоризации составляющих ее ситуаций.

Так, референтное пространство индивидов (И. Бунина, Чехова) явлено концептами *время, искусство, мысль, реальность, творчество; мироощущение, жизнь, правда.* Они категоризуются контекстами тематически обусловленных регистров: изобразительного (его разновидностей: описательной и повествовательной), с включением суждений повествователя или его рамки в компонент, которые вербализированы иными регистрами (информативно-логическим, оценочно-квалифицирующим. Причем участием эмоциональности, базирующейся на субъективной модальности, во многом определяется характер наблюдаемого дискурса и как следствие его интегративность.

Представление ситуаций дискурса комплексом регистров (с их динамикой) осуществляется актуализацией их (ситуаций) смыслов ключевыми словами (и сочетаниями) на номинативном уровне, на синтаксическом — рематическими позициями вербализуемых категорий (оценки / мнения, сравнения / сопоставления, каузативности), чем достигается эффект воздействия дискурса на адресата. Активизация эмоционально-эстетического начала особенно характерна для компонента дискурса, где проводится сравнение прозы Чехова и Бунина.

Аспект понимания, несомненно, значимый в организации этого дискурса, проявляется через его многослойность: насыщенность образами представленного фрагмента мира, прецедентными именами (как Д.С. Лихачев, Б. Пастернак, М. Цветаева, И. Бродский), именованиями целой гаммы эмоций [Новиков 2007: 134]. Показательно завершение главы «Русская проза», характеризующееся (по Златоустовой) «разлитой эмоциональностью», — «Вот "Моя жизнь" – какая умница! Какой огромный роман в малой повести! И мысль, прежде всего мысль господствует надо всем. Ни капли беллетристики, болтовни, глупости: все выверено, точно, глубоко, благородно. А написано – с ума сойти! И что сказано о мужике, о народе, – внутри полемика с Л.Н. Толстым, с идеей опрощения, необходимости труда для каждого. Не в этом дело, – говорит суровый и жесткий доктор Чехов, естественник и реалист. Жизнь, говорит он, жизнь, смерть, ничего более нет. А Маша – какой образ, а сестра, отец!.. "Маленькая польза". Гений! То же самое – в "Мужиках", "В овраге"».

Проведенные наблюдения позволяют судить о Михаиле Рощине как об элитарной языковой личности, мастере и в области интегративного жанра — эссе.

Литература

Дженкова Е.А. Ритуальные характеристики нобелевского выступления как жанра научного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12. Ч. 3. С. 65–70.

Златоустова Л.В. Фонетическая специфика спонтанной речи // Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Потапов В.В., Трунин-Донской В.Н. Общая и прикладная фонетика / Под общ. ред. Р.К. Потаповой. М: Изд-во МГУ, 1997. С. 339–348.

Лямзина Т.Ю. Жанр эссе (к проблеме формирования теории) [Электронный ресурс. URL: http://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm (дата обращения: 20.11.2018)].

Никонова Е.А. Функциональный аспект политического эссе (на примере англоязычного дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 8. Ч. 1. С. 146–151.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты: М.: Институт языкознания РАН, 2007.

Рогова К.А. На пути к новой академической грамматике // Мир русского слова. 2018. № 2. С. 5–10.

Салимовский В.А. Речевой жанр в его отношении к сфере деятельности // Русский язык сегодня. Вып. 6. Речевые жанры современного общения: Сборник докладов международной конференции. М.: Флинта, 2015. С. 295.

Эссе // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Ред-сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2002.

Модель жанра «Стандарт» в русском инженерном дискурсе

Н.В. Куркан

Modelling the Genre of Technical Standard in Russian Engineering Discourse

Natalia V. Kurkan

Национальный исследовательский Томский политехнический университет / National Research Tomsk Polytechnic University

kurkan@tpu.ru

Аннотация. В работе представлены результаты исследования модели жанра «стандарт» в рамках русского инженерного дискурса. Особенности данной модели определены требованиями дискурса, коммуникативной ситуации и жанра.

Summary. The paper studies the model of the speech genre of technical standard in Russian engineering discourse. The peculiar characteristics of the model studied are determined by the demands of discourse, communicative situation and the speech genre as well.

Ключевые слова: инженерный дискурс, профессиональная коммуникация, речевые жанры.

Keywords: engineering discourse, professional communication, speech genres.

Среди значительного количества исследовательских работ, посвященных изучению дискурса в отдельных социальных институтах, инженерный дискурс на сегодняшний день остается малоизученным, поскольку при преобладающем в отечественной лингвистике подхода к инженерной коммуникации как к разновидности научного (или научно-технического) дискурса проблемы ее выделения в отдельную дискурсивную структуру практически не ставились.

Интерес исследователей к инженерному дискурсу обусловлен чрезвычайно динамическим развитием данной сферы профессиональной коммуникации, определяемым стремительным развитием технологий, общества, промышленности и, как следствие, постоянным взаимодействием и обменом информацией между участниками инженерного сообщества. Объект нашего исследования весьма сложен, и в настоящее время сложно говорить о общепринятом определении. В данной работе под «инженерным дискурсом» мы понимаем все речевые акты, основной целью которых будет решение производственных задач, оптимизацию технологий и их практического применения, а их агенты имеют профессиональное отношение к инженерной деятельности.

Всякий дискурс находит свое воплощение в определенных жанрах, а речевой жанр не может существовать вне поля того или иного дискурса. В работе рассматривается модель жанра «стандарт». Анализируя миромоделирующий потенциал жанра, были приняты во внимание дискурсивные и жанровые параметры. К дискурсивным относятся: 1) **тип дискурса**, в котором существует жанр. В данной работе это инженерный дискурс; 2) **положение жанра**: стандарт является ядерным жанром инженерного дискурса. В качестве жанровых параметров рассмотрены: 1) **коммуникативная цель**. Стандарты создаются с целью установления соответствия продукции, услуги или системы определенным требованиям. Коммуникативная цель стандарта определяет его как императивный жанр; 2) **адресант**. Рассматриваемые в данной работе стандарты РФ вводятся в действие Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт); 3) **адресат**. Стандарты предназначены для специалистов, отвечающих за проектирование, разработку, производство и поставку продуктов и процедур, в отношении которых стандарты устанавливают четкие критерии; 4) **отношения между адресантом и адресатом**. Данный параметр регулируется в направлении от адресанта, который принимает и вводит в действие определенные требования посредством этого жанра, к адресату, должен гарантировать соответствие требованиям стандарта при соблюдении определенных условий; 5) **композиция жанра**. Композиционная структура жанра стандарта в инженерном дискурсе представляет собой четкую последовательность обязательных разделов, которая, в свою очередь, также соответствует стандартам разработки и утверждению стандартов; 6) **языковое воплощение** – все лексические, грамматические, стилистические средства, при помощи которых реализуется жанр. Спецификой рассматриваемого жанра является использование единиц с однозначным значение, исключающим возможность иных толкований, отсутствие субъективного начала. Отмечено преобладание дискурсивных формул – особых слов и словосочетаний, характерных для употребления представителями в рамках рассматриваемого дискурса, таких как термины, преимущественно технических (*сплавы медно-цинковые, осциллографы смешанных сигналов*), текстовые клише (*«введен в действие в качестве стандарта приказом Федерального агентства...», «настоящий стандарт распространяется на ...»*), аббревиатуры и сокращения (*ISO, ГОСТ, монитор VGA, приборы серии DPO4000B*), нормативные ссылки.

Таким образом, стандарт как жанр инженерного дискурса характеризуется устойчивой композиционной организацией, что соответствует требованиям императивного жанра; он имеет особенности в использовании языковых средств: является нейтральным, не субъективным, включает в себя преобладающее количество дискурсивных формул, отвечая требованиям коммуникативной цели и дискурса. Рассматриваемый жанр отражает фрагменты действительности инженерной коммуникации, такие как решение производственных задач, оптимизация технологий, их практического применения и производственных процессов и обладает дискурсивной спецификой.

Литература

Авдеева И.Б. Инженерная коммуникация как самостоятельная языковая культура. М: Изд-во МГТУ им. Баумана, 2005.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: Дисс. ... доктора фил. наук. Омск, 2011.

Никульшина Н.Л. Письменный научный дискурс как объект моделирования в учебных целях // *Вестник Тамбовского университета*. Серия «Гуманитарные науки». *2008*. № *3* (*59*).

Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

Неинформативный ответ как один из коммуникативых приемов уклонения от ответа

Ли Цинь

Uninformative Response as the Communicative Method of the Evading the Answer

Li Qin

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

chineseli@mail.ru

Аннотация. В данном докладе рассматривается одна из некооперативных реакций адресата на обращенный к нему вопрос – преднамеренное сообщение неинформативного ответа, который может содержать заведомо известную, неполную, нерелевантную или заведомо ложную информацию. Неинформативный ответ используется адресатом вопроса в качестве способа уклонения от ответа.

Ключевые слова: речевой акт вопроса, уклонение от ответа, неинформативный ответ.

Summary. This report examines one of the non-cooperative reactions of the addressee to the question addressed to him – the deliberate communication of an uninformative answer. An uninformative answer may contain the known, the incomplete, the irrelevant, or the knowingly false information. The uninformative answer is used by the addressee of the question as a way of evading the answer.

Keywords: speech act of the question, evasion, uninformative answer.

1. Как известно, вопрос – это «попытка говорящего получить информацию от адресата» [Кобозева 2000: 293], поэтому кооперативной реакцией на вопрос является **ответ**, под которым понимается предоставление адресатом требуемой задающему вопрос информации. Однако адресат вопроса далеко не всегда ведет себя кооперативно: например, он может уклониться от ответа, намеренно сообщив ненужную спрашивающему информацию.

2. **Уклонение от ответа** – это одна из некооперативных реакций отвечающего на вопрос, при которой адресат вопроса не прямо отказывается отвечать, а имплицитно дает собеседнику понять, что он не намерен предоставлять запрашиваемую информацию. Адресат может уклониться от ответа на вопрос разными способами: при помощи уточнения смысла понятого всем вопроса, оттягивания ответа до того момента, когда он потеряет смысл, переадресации ответа лицу, которое некомпетентно в обсуждаемой области и не может или не желает сообщать ожидаемый спрашивающему ответ, и др.

3. Один из способов уклонения от ответа – это **неинформативный ответ**, т.е. преднамеренное сообщение информации, которая отражает реальное положение дел, но не устраняет неопределенность, выраженную вопросом, или предоставление заведомо ложной информации. Иначе говоря, неинформативный ответ означает:

a) сообщение заведомо известной информации;

b) сообщение неполной информации;

c) уход от темы вопроса, т.е. сообщение информации, не соответствующей предметной области вопроса;

d) сообщение заведомо ложной информации.

4. **Сообщение заведомо известной информации** – это предоставление ответа, который не расширяет знаний спрашивающего о мире. См. пример, в котором вопрос был задан студенткой заместителю главы Минсельхоза:

– Я задам вам один вопрос как человеку, который называет себя специалистом в сельском хозяйстве. Чем визуально отличается сахарная свекла от кормовой?
– Сахарная свекла – это свекла, из которой вырабатывается определенный продукт в виде сахара. (Информационное агентство «rbc.ru» 08.04.2016).

Вопрос поставил адресата в неловкое положение, так как он совершенно некомпетентен в области сельского хозяйства и пытается уйти от ответа, сообщая общеизвестные факты.

5. **Сообщение неполной информации** – это предоставление ответа на вопрос, который не содержит всей запрашиваемой информации или не соответствует уровню ее представления, предполагаемому вопросом. См. диалог из телевизионной программы «На самом деле»:

– Молодой человек, который делает Вам подарки, кто он?
– Он зарабатывает совершенно не связанные с шоу бизнесом деньги, у него несколько видов деятельности: строительный бизнес, реклама и несколько других. И он старше меня на 5 лет.

Вопрос *Кто он?* свидетельствует о том, что спрашивающий интересуется личностью молодого человека: его именем, конкретным родом занятий. Однако адресат вопроса лишь в самом общем виде характеризует род занятий молодого человека, не раскрывая его личности.

6. Под **уходом от темы вопроса** понимается преднамеренное предоставление информации, которая выходит за рамки предметной области вопроса. Отвечающий не дает запрашиваемой информации, а специально отвечает на вопрос, который не был задан. Например, журналист Л.Г. Парфенов отвечает на вопрос о принадлежности Крыма:

– Чей Крым? Украинский или российский?
– Не мой. Я понимаю, чего вы хотите, либо так, либо сяк. Но скажу, что он точно не мой (Газета «Деловая столица» 02.06.2017 г.).

Ответ на вопрос о принадлежности Крыма может поставить отвечающего в неловкое положение, поэтому ему проходится уходить от ответа посредством подмены предметной области вопроса.

7. **Заведомо ложный ответ** представляет собой информацию, которая эксплицитно не отражает реальное положение дел и дает понять, что адресат вопроса не желает предоставлять ответ. При этом сам спрашивающий осознает ложность предоставляемой информации. См. диалог между профессором Преображенским и пожилой дамой, которая сообщает заведомо ложную информацию о своем возрасте:

– Лет вам сколько, сударыня?
– Честное слово… Ну, сорок пять…
– Сударыня, меня ждут. Не задерживайте, пожалуйста. Вы же не одна! (М. Булгаков).

Стоит отметить, что заведомо ложный ответ отличается от ответа-обмана, так как ответ-обман – это преднамеренное предоставление адресатом вопроса ложной информации, которую спрашивающий рассматривает как искренний и истинный ответ в момент разговора, а также после разговора, а заведомо ложный ответ – это информация, в ложности которой задающий вопрос не сомневается и имплицитный смыл которой прекрасно понимает.

Литература

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. Учебник для вузов. М.: УРСС, 2000.

Прагматические отношения в коммуникации в русской социальной сети *Вконтакте*

А. Либшнер

Pragmatic relations in the communication of the Russian social network *Vkontakte*

A. Liebschner

Уральский Федеральный университет (Екатеринбург) / Ural Federal University (Ekaterinburg)

andrea.liebschner@yandex.ru

Аннотация. Данное исследование занимается классификацией прагматических отношений с коммуникативными актами в сообщениях на публичной стене трех выбранных публичных групп в русской социальной сети *Вконтакте*.

Ключевые слова: социальная сеть, коммуникативный акт, классификация, связь, мультимедиа.

Summary. This research deals with the classification of pragmatic relations with act-types in messages on the public message wall of three selected public groups in the Russian social network *Vkontakte.*

Keywords: social network, communicative act, classification, connection, multimedia.

Данное исследование занимается классификацией прагматических отношений с коммуникативными актами в сообщениях на публичной стене трех выбранных публичных групп в русской социальной сети *Вконтакте*. Сообщения могут содержать вербальный текст и / или мультимедийные документы (гиперссылки, картины, фотографии, аудио-записи или видео-записи). Не редко кажется, что нет связи между сообщениями на стене в группах *Вконтакте.* Предложения в самых сообщениях могут быть незаконченными. За последние годы исследовались например языковые явления в Твиттере [Горошко 2011], языковая связность в *Вконтакте* [Liebschner 2016], текстовая организация [Щипицына 2015] и языковое поведение подростков [Самосват 2015] в социальных сетях. До сих пор прагматические отношения в *Вконтакте* были еще не изучены. Теории о структурах коммуникации и видах коммуникативных актов исследователей Sinclair and Coulthard [1975], Korpimies [1978] and Tuor [2009] были использованы для развития новой классификации коммуникативных актов, которые являются типичными для коммуникации *Вконтакте*. Для коммуникации *Вконтакте* коммуникативный акт был определен как функциональная минимальная единица в личном сообщении на публичной стене, которая состоит из вербальных, визуальных и других видов мультимедийного содержания и сигнализирует коммуникативное намерение его отправителя. Задача коммуникативного акта вызвать последующие сообщения или ответы к предыдущим сообщениям на стене *Вконтакте*. В целом были собраны 1818 сообщений из трех выбранных групп в лингвистическом корпусе. Для практического анализа сообщения из выбранных групп *Вконтакте* были внесены в приложения Excel и Visual Data, которые часто используются для анализа вербального содержания чатов. Сообщения были анализированы по параметрам: номер сообщения, аббревиатура имени участника, ответ на какое сообщение, вид коммуникативного акта. В рамках практического анализа были классифицированы 29 разных видов коммуникативных актов, которые поддерживают прагматические отношения между отдельными сообщениями на публичной стене *Вконтакте*: *оценивать, спрашивать, объявлять, отвечать, соглашаться, приветствовать* и *прощаться, рекомендовать* и *просить, благодарить, предлагать, опрашивать, шутить, исправлять, добавлять, сожалеть, заказать, поздравлять, извиняться, желать, хвалить, защищать, спорить, жаловаться, оскорблять* и мультимедийные-акты (*аудио-запись, видео-запись, картина, фотография*). Мультимедийные акты часто встречаются с актами *запросить, объявлять* и *спрашивать*. Неоднозначность и появление нескольких коммуникативных актов в одном сообщении могут повлиять на восприятие и понимание прагматических отношений между двумя или больше сообщениями. Читатель может затрудниться с пониманием данных сообщений и их связью между собой, но фоновые знания о группе, теме и контексте коммуникации могут помочь ему с пониманием.

Литература

Горошко Е. «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер или что нового появилось в виртуальном жанроведении // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 3. С. 11–21.

Самосват О.И. Особенности коммуникативного поведения подростков под влиянием поиска социального одобрения в социальных сетях// Риски в изменяющейся социальной реальности: Мат. междунар. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 19–20 ноября 2015 г.) / Отв. ред. Ю.А. Зубок. Воронеж: ООО «ПТ», 2015. С. 149–156.

Щипицына Л.Ю. Текстовая организация социальной сети как гипержанра Интернет-коммуникации // Субъект познания и коммуникации: Языковые и межкультурные аспекты. Воронеж, 2014. С. 211–225.

Korpimies Liisa. Some aspects of discourse and cohesion. Publications of the Research Institute of the Abo Akademia Foundation. 1978. 41. P. 145–163.

Liebschner Andrea. Russian social networks on the web: Cohesion and coherence in *Vkontakte*: Doctoral dissertation. University of Glasgow. Glasgow, 2016.

Sinclair J., Coulthard, M. Toward an analysis of discourse: the English used by teachers and pupils. Oxford University Press, 1975.

Tuor Nadine. Online-Netzwerke. Eine kommunikationstheoretische, sozialpsychologische und soziolinguistische Analyse // Networx. 2009. 55. [http://www.mediensprache.net/networx/networx-55.pdf. Дата обращения: 11 ноября 2018].

Метажанровые особенности общенаучных текстов

Е.В. Маркелова

Metagenre's features of general education texts

Elena V. Markelova

Новосибирский государственный технический университет / Novosibirsk State Technical University

markelova@corp.nstu.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению метажанровых особенностей учебно-научных, общенаучных и научно-популярных текстов. Обосновывается выделение метажанра общенаучного текста.

Ключевые слова: научный стиль; метажанры; учебно-научные тексты; общеобразовательные тексты; научно-популярные тексты.

Summary. The paper is devoted to revelation of metagenre's features of educational-scientific, general education and popular science texts. General education text is considered as a separate metagenre.

Keywords: scientific style; metagenre; educational-scientific texts; general education texts; popular science texts.

В современном научном дискурсе меняется состав научных текстов, происходят изменения их стилевых характеристик. В настоящее время в цикл вузовских общеобразовательных дисциплин наряду с историей, философией, иностранным языком, культурологией, математикой, естествознанием включены речеведческие курсы. Востребованы об-

щеобразовательные онлайн курсы. Наблюдается своеобразный всплеск интереса к научно-популярным текстам, обусловленный образовательной политикой популяризации научного знания среди широких слоев населения. Формируется направление «научная коммуникация». Если традиционно тип общенаучной популяризации рассматривался в рамках научно-популярного стиля, то сегодня возникает необходимость пересмотреть эти взгляды, так как тексты учебников, лекций, курсов вузовских общенаучных дисциплин определить как научно-популярные некорректно. Правильнее, на наш взгляд, поместить эти тексты в «буферную», пограничную зону между учебно-научными и научно-популярными текстами и поставить вопрос о правомерности выделения общенаучных текстов (общенаучного подстиля) как отдельного жанрового типа научных текстов, или же о выделении профессионального и общеобразовательного субстилей в рамках учебно-научного подстиля.

Прежде чем характеризовать отдельные жанры общенаучных текстов (*учебник по общеобразовательной дисциплине, общеобразовательную лекцию, общеобразовательный курс*) выделим общеобразовательный текст как отдельный метажанр и сравним его с метажанрами учебно-научного и научно-популярного текста.

Основываясь на определении метажанра, предложенного Р.С. Спивак, дадим определение метажанра текста научного стиля, под которым понимаем структурно выраженный, нейтральный к жанровым разновидностям, устойчивый инвариант определенных способов научного моделирования мира, объединенных общим объектом научного изложения. Структура метажанра может быть описана в соответствии с жанровой структурой текстов, входящих в определенный метажанр, так как внутреннее устройство жанровой структуры текстов и метажанра, по мнению Ю.С. Подлубной, соотносится по принципу подобия. Для описания метажанровых характеристик учебно-научных, общенаучных и научно-популярных текстов используем модель описания речевого жанра, предложенную Т.В. Шмелёвой [Шмелёва 1997].

Авторами всех трех типов текстов являются преимущественно специалисты-профессионалы, однако их научная квалификация может быть разной; авторами научно-популярных текстов наряду со специалистами могут быть журналисты, которые специализируются на популяризации знаний в определенной научной области, или выступают авторами-составителями, часто без указания авторства (в этих случаях дается ссылка на источник информации).

Адресатами учебно-научных текстов являются подготовленные в разной степени обучающиеся (необходимо учитывать разницу адресации вводных профессиональных и итоговых профессиональных курсов); адресатами общенаучных текстов – обучающиеся непрофильных специальностей; адресатами научно-популярных текстов – неподготовленные адресаты, которые, как указывает М.А. Кобозева, достаточно мотивированы для восприятия нового знания.

Цель учебно-научных текстов – информирование и обучение самостоятельному решению задач в профессиональной области. Общенаучные тексты обеспечивают информирование в общекультурной области и способствуют самостоятельному решению задач в профессиональной области обучающихся. Научно-популярные тексты информируют и популяризируют профессиональные и общекультурные знания по запросу адресатов.

Анализируя коммуникативное прошлое в учебно-научных текстах, мы наблюдаем преемственность знаний. Эта текстовая категория находит свое воплощение в метатекстовых конструкциях, тогда как в общенаучных и научно-популярных текстах такой преемственности знаний не прослеживается.

Учебно-научные и общенаучные тексты, в отличие от научно-популярных, ориентированы на обязательное использование обучающимися в будущем.

Е.С. Троянская рассматривает научно-популярные тексты как «межстилевое образование», так как межстилевых включений в них больше, чем в учебно-научных и общеобразовательных текстах. Среди общенаучных текстов мы наблюдаем шкальность характеристик: тексты с преобладанием особенностей учебно-научных или научно-популярных текстов.

Важным является различие трех типов текстов в содержательном изложении материала. В учебно-научных текстах это системное изложение профессиональных знаний; в общенаучных текстах – системное изложение общекультурных знаний; в научно-популярных текстах – изложение профессиональных и общекультурных знаний может быть системным и / или фрагментарным, что определяется запросом адресата.

В заключение перечислим характеристики, позволяющие выделить метажанр общенаучного текста. Общенаучные тексты написаны авторами специалистами-профессионалами, обращены к будущим специалистам разного профиля. Их цель – информировать обучающихся в общекультурной области и способствовать самостоятельному решению задач в профессиональной области. Эти тексты не ориентированы на преемственность научного знания, нацелены на обязательное использование в будущем, занимают «буферную» зону между текстами учебно-научного и научно-популярного подстиля. Подъязыки общенаучных текстов, как и текстов учебно-научного и научно-популярного подстиля, могут быть разными. Содержательное отличие общенаучных текстов проявляется в системном изложении общекультурных знаний, в использовании моделей для описания сложных для непрофессионалов процедурных знаний.

Литература

Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: Сборник научных трудов / Под ред. В.В. Дементьева. Вып.1. Саратов: Колледж, 1997. С. 88–98.

Тематический подход к анализу устной публичной речи (на примере текста спортивного репортажа)

В.Т. Марков

Thematic Approach to the Analysis of Oral Public Speech (the Case of the Sports Report)

V.T. Markov

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

v.t.markov@hotmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности текста спортивного репортажа как одного из жанров устной публичной речи. Наличие темы является фактором, определяющим логико-смысловое устройство текста. Тематический критерий необходимо учитывать при оценке правильности построения текста.

Ключевые слова: Культура речи, массовая коммуникация, нормы литературного языка, спортивный репортаж.

Summary. The article discusses the features of the text of sports reporting as one of the genres of oral public speech. The presence of the topic is a factor determining the logical and semantic structure of the text. Thematic criterion must be considered when assessing the correctness of the text.

Keywords: Speech culture, mass communication, norms of the literary language, sports reporting.

Современная лингвистика текста показывает возрастающий интерес к условиям функционирования текстов различных жанров, стилей и подстилей языка, однако специфике текстов спортивной сферы уделялось меньше внимания.

Большинство исследований ограничивалось изучением письменных (газетных) текстов или текстов репортажей по одному виду спорта [Казеннова 2009; Пром 2011]. Поэтому можно сделать вывод о том, что единые, комплексные принципы описания особенностей текстов спортивных репортажей пока отсутствуют.

Соглашаясь с авторами исследований, посвященных лингвистике текста [Гальперин 2009; Лосева 1980], отметим необходимость критерия, который мог бы соотнести содержание и структурно-композиционные особенности (языковую форму) текста. Таким критерием в нашем представлении стал тематический критерий. Изучение текстов спортивной тематики является не только возможностью заполнить пустоту в функциональном описании языка, но и поводом применить к анализу нового материала разработанные нами ранее принципы изучения текста [Марков 2003].

Понятие темы определяет:

1) место спортивного репортажа среди текстов различных сфер общения;

2) специфическую черту спортивного репортажа как разновидности устного кодифицированного литературного языка – фиксированность темы [Земская 1980: 63]

Присутствие фиксированной темы делает текст подготовленным, обладающим определенной структурой, поэтому к текстам спортивного репортажа можно применить метатемный подход. «Метатема – это совокупность, множество тем, объединяемых на основе единства, тождества аспектов рассмотрения обозначенных в них объектов (классов объектов)» [Изаренков 1995: 91].

В текстах спортивных репортажей [Марков 2014a] выделяется макроструктура – реализация смыслового поля одной метатемы («Общая характеристика процесса»), которая представлена следующими микрополями:

1) описание процесса: хронология (ход) протекания процесса;
2) определение свойств объекта;
3) цель осуществляемого процесса;
4) планирование хода процесса (идеальное представление процесса);
5) факторы, способствующие достижению результата или вызывающие отклонение от идеального развития процесса;
6) результат процесса.

В состав макрополя конкретного текста репортажа входят микрополя инвариантной структуры, без которых спортивный репортаж невозможно построить (1, 2 и 6), и вариативные. Перечисленные выше микрополя образуют различные комбинации.

Правильно построенный монолог должен соответствовать следующим требованиям:

А) не отклоняться от темы (тема – происходящее событие и его этапы);
Б) не выражать необоснованной оценки события;
В) правильно определять перспективы его развития.

На уровне конкретного речевого употребления структуры текста вследствие спонтанности и неподготовленности речи [Земская 1980: 66], что часто происходят нарушения требований к построению монолога.

А) Комментатор уклоняется от темы сообщения – описания события:

[Перед забегом мужчин-барьеристов] *Что-то он худенький какой-то* [Е. Добровольская. Чемпионат по легкой атлетике. Хельсинки. 2005].

Б) Комментатор допускает неверную оценку из-за открытой предвзятости:

Норвежская спортсменка упала! Все, теперь не видать Норвегии второго за день золота [С. Курдюков, март 2011, т/к «Россия 2»].

В) Комментатор неверно определяет перспективы развития события:

[Наш боксер ведет далеко не лучший свой бой]
Все ясно, теперь победа нам обеспечена.

Данное направление представляет интерес и для преподавания русского языка иностранным учащимся. Тексты спортивного репортажа отражают особенности разговорной речи и могут быть использованы для обучения аудированию.

Литература

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 7-е. М., 2009.

Земская Е.Н., Ширяев Е.Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? // Вопросы языкознания. Вып. 2. М., 1980. С. 62–73.

Изаренков Д.И. Лингвометодическая интерпретация учебного текста // Русский язык за рубежом. 1995. № 2–3. С. 89–94.

Казеннова О.А. Функционирование фразеологизмов в устном дискурсе: на материале спортивных репортажей: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. 10.02.01. М., 2009.

Лосева Л.М. Как строится текст. М., 1980.

Марков В.Т. Методическая концепция обучения общению иностранных студентов гуманитарного профиля (на базе интегративно-когнитивного подхода). М., 2003.

Марков В.Т. Методическое пособие по русскому языку и культуре речи для учащихся юридических специальностей. М., 2009.

Марков В.Т. Языковые особенности и логико-смысловое устройство текстов спортивного репортажа // Филолого-коммуникативные исследования. 2014a. № 1. С. 113–124.

Марков В.Т. К вопросу о речевой культуре в сфере массовой коммуникации (на примере речи спортивных комментаторов) // Язык, литература, культура. Вып. 10. М., 2014b. С. 127–130.

Пром Н.А. Современный газетный спортивный репортаж: жанрово-стилистический аспект: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. 10.02.19. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2011.

Жанр «государственный гимн» и его национальные модификации (на материале гимнов разных стран)

Л. А. Ощепкова

Genre “anthem” and its national modifications (based on anthems from different countries)

Liudmila A. Oshchepkova

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет / Novosibirsk State University

l.oshchepkova@g.nsu.ru

Аннотация. Работа посвящена сравнению текстов государственных гимнов разных стран с целью выявления жанрового канона на основе «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелевой. Для определения канонической структуры жанра «государственный гимн» использовались тексты гимнов 15 стран с разным типом государственного устройства: демократическим, монархическим и коммунистическим.

Ключевые слова: государственный гимн, теория речевых жанров, жанрообразующие признаки.

Summary. The work is devoted to the comparison of texts of national anthems from different countries in order to identify the genre canon based on the “speech genre questionnaire” by T. V. Shmeleva. To determine the canonical structure of the “national anthem” genre, we used the texts of hymns from 15 countries with different types of government: democratic, monarchical and communist.

Keywords: national anthem, theory of discursive genres, genre-forming characteristics.

Государственный гимн – один из основных официальных символов любой страны. Несмотря на существенные различия в государственном устройстве, истории и культуре разных стран тексты их гимнов написаны по некоторому общему образцу. Материалом для исследования послужили гимны 6 демократических (Россия, Франция, США, Италия,

Германия, Швейцария), 5 монархических (Великобритания, ОАЭ, Таиланд, Бельгия, Нидерланды) и 4 коммунистических стран (Китай, Вьетнам, Куба, КНДР), а также различные гимны России, которые отражают все типы государственного уклада.

За основу анализа взята «анкета речевого жанра» Т.В. Шмелёвой: 1) коммуникативная цель; 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) диктум; 5) фактор прошлого; 6) фактор будущего; 7) формальная организация текста [Шмелёва 1990: 24]. Эта анкета ориентирована на речевые жанры («первичные», в терминологии М.М. Бахтина [Бахтин 1979: 239]), а гимн – это литературный жанр (т.е. «вторичный»). С некоторыми допущениями анкета жанра применима и к гимну, для которого характерно «удвоение» нескольких параметров жанра, имеющих текстовую реализацию (лингвистические признаки) и одновременно ориентированы на «внешний контекст» (экстралингвистические признаки).

В докладе представлено подробное описание всех признаков жанра «государственный гимн».

1. Основная **коммуникативная цель** государственного гимна – патриотическое прославление родины: *Славься, Отечество наше свободное!* (гимн России). Однако в монархических гимнах она может видоизменяться – прославление страны осуществляется через прославление ее лидера: *Боже, храни нашу великодушную Королеву* (гимн Великобритании). Для гимнов коммунистических стран характерна и другая цель (в терминологии Т.В. Шмелёвой – императивная) – призыв народа к борьбе с существующей властью или иноземными захватчиками: *Услышьте звук горна! // Бегите к оружию, храбрецы!* (гимн Кубы).

2. **Образ автора**.

2.1. «Автор РЖ» для гимна – это коллективный исполнитель (выражен мест. *мы*), т.е. граждане страны, от имени которых написан текст торжественной песни: ***Мы** рискуем перед орудийным огнем врага* (гимн Китая).

2.2. «Автор текста» – реальный человек, написавший стихи. Большинство государственных гимнов – авторские тексты, о чем свидетельствует особая стилистическая и поэтическая манера. Например, в трех вариациях гимна С.В. Михалкова используется традиционный для автора набор эпитетов, соответствующих торжественной риторике: ***священная** держава*; ***любимая** / **великая** страна*; *союз **нерушимый***; ***могучий** Советский Союз*, ***надежный** оплот*.

3. **Образ адресата**.

3.1. «Адресат РЖ» – это люди, в честь которых и для которых исполняется гимн.

3.2. «Адресат текста» выражен лексическими и морфологическими средствами и представлен 4 разновидностями: а) страна (*Бесконечно обогащающийся и укрепляющийся **наш Чосон**, // Вечно сияй!* – гимн КНДР); б) народ (*Вставайте, **сыны Отечества*** – гимн Франции); в) правитель (*Царствуй на страх врагам, // **Царь православный**!* – «Боже, Царя храни!»); г) бог (***Боже**, храни нашу великодушную Королеву* – гимн Великобритании).

4. Под **диктумом** мы понимаем событийную основу высказывания, содержательную часть текста, т.е. отражение в нем ключевых **исторических событий** (включая политические и идеологические). В большинстве коммунистических гимнов – это описание военных действий: *Преодолев все трудности, мы вместе **строим военные базы*** (гимн Вьетнама). В монархических гимнах нередко упоминается религия (*...Чья **религия – ислам**, чье руководство – **Коран***). В гимнах демократических стран встречается и описание природных богатств страны, и военные действия, и религия.

5. **Фактор прошлого** – это реальные события, предшествующие исполнению государственного гимна, которые закреплены в законе «О государственном гимне РФ».

6. **Фактор будущего**, по Т.В. Шмелёвой, предполагает перлокутивный эффект, т.е. воздействие на чувства, мысли и действия адресата. В случае с РЖ «гимн» – это эмоционально-психологическое воздействие на аудиторию, на тех, кто исполняет или слушает гимн. Как правило перлокутивный эффект достигается использованием императивных форм, направленных либо на пробуждение чувства гордости за страну (*Славься, Отечество наше свободное!* – гимн России), либо на поднятие «боевого духа» (*Вставайте! Вставайте! Вставайте!*; *Вперед! Вперед! Вперед!* – гимн Китая).

7. **Формальная организация текста** – это совокупность жанрово-стилистических признаков: соединение эпического, лирического и драматического начал, высокая степень образности, обилие патетических, высоких метафор, традиционных эпитетов, сравнений, обязательное обращение к восхваляемому объекту, эмоциональность текста, использование восклицательных интонаций, анафор и других видов повтора, размеренная ритмичность стиха.

Для жанра «государственный гимн» важную роль играет наличие некоторых ключевых образов, таких как: народ, страна, враги, битва, путь, битва, лидер, флаг.

Анализ государственных гимнов разных стран позволяет составить универсальную анкету данного жанра и выделить национальное и / или политическое своеобразие.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Шмелёва Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. № 2. С. 20–32.

Вербализация ценностных смыслов в жанре поздравления (на материале семейной коммуникации)*

Ю.Б. Пикулева

Verbalization of value meanings in the genre of congratulations (based on the material of family communication)

Yulia B. Pikuleva

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург) / Ural Federal University (Ekaterinburg)

pik@bk.ru

Аннотация. Доклад посвящен анализу семейной коммуникации в лингвоаксиологическом аспекте. Комплексный речевой жанр поздравления представляется как тип высказывания, в котором концентрировано вербализуются ценностные смыслы. Тексты семейной коммуникации демонстрируют стандартизацию в представлении аксиологем для адресата определенного возраста, пола и социального статуса, актуализацию прагматических ценностных установок. Неклишированные поздравления помогают выявить значимые ценности для ближнего семейного круга.

Ключевые слова: лингвоаксиология, аксиологема, ценности, речевой жанр; поздравления, пожелание.

Summary. The report focuses on the analysis of family communication in linguoaxiological aspect. The complex speech genre of congratulation is presented as a type of statement with concentrated verbalized value meanings. Texts of family communication demonstrate standardization in the presentation of axiologemes in the texts addressed to people of a certain age, sex and social status, actualization of pragmatic values. Non-stereotypical greetings help to identify important values for the family circle.

Keywords: linguoaxiologia; axiologema; values; speech genre; congratulation; good wishes.

В семейной коммуникации значимое место занимают речевые жанры ритуального характера. Они позволяют обслуживать типовые ситуации общения и вербализировать базовые ценности малой социальной группы. К таким жан-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382/18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

рам относится жанр поздравления, представляющий собой высказывание-перформатив. Элементом подобного высказывания является пожелание, дающее своеобразную установку на будущее. Исследование подобных высказываний может позволить описать ключевые актуальные ценности нашего общества и конкретной малой социальной группы.

Очевидна стереотипность формул пожелания, которые часто строятся в опоре на глагол-перформатив, сочетающийся с зависимым словом, называющим объект пожелания: *Желаю крепкого здоровья! Желаю счастья в личной жизни!* В неофициальной семейной коммуникации встречаются и редуцированные формы пожелания без глагола-перформатива: *Успехов!* Может быть использован глагол в императивной форме: *Будь счастлив! Забудь все печали!* Для поздравления используются также конструкции с частицей *пусть*: *Пусть будут радостными дни!* «Рематическим центром» [Демешкина 1995: 50] подобных высказываний-пожеланий оказываются слова, номинирующие ценные для поздравляемого феномены, качества, состояния, объекты. Исследование большого массива подобных высказываний может позволить составить на основе повторяющихся номинаций список аксиологем – имен базовых ценностей общества. Это то, что социально и личностно значимо для членов данной малой группы.

Анализ поздравлений показывает, что ядерные ценностные смыслы, формулируемые в семейных поздравлениях, константны и связаны с номинациями *здоровье, любовь, счастье, успех, удача, деньги*. Все перечисленное вписывается в обобщенное представление о *благополучии* как предпочтительном состоянии субъекта, при котором он ощущает наибольшее душевное равновесие и достаток.

На основе высказываний-поздравлений выявляются возрастные и гендерные различия в озвучиваемых ценностных установках. Желая благополучия мужчине, поздравляющие часто апеллируют к *карьерному росту*, желая благополучия женщине, адресанты приравнивают его к *семейному счастью*. Пожелания ребенку содержат ценностную установку на *хорошую учебу* и *послушное поведение*, пожелание молодому человеку отсылает к ценности *самореализации*, поздравление пожилого человека нередко связано с ценностью *достойной жизни* и *теплых семейных отношений*.

Следует отметить, что в XXI веке в семейной коммуникации часто наблюдается трансформация технологии произнесения поздравлений. Многие предпочитают использовать готовые тексты поздравлений, уже написанных в открытках. Подобная тенденция свидетельствует о достаточно формализованном подходе к значимому акту коммуникации и трансляции задаваемых копирайтерами «универсальных» ценностных смыслов. Отказ от покупки подарка, вручение поздравляемому конверта с деньгами также становится фактом, который может быть ценностно интерпретирован: в текстах на подобных конвертах актуализируется значимость *реализации мечты*, имеющей «вещное» воплощение, и *свобода выбора*.

Особый интерес представляют «авторские», нестандартизированные, часто стихотворные поздравления, которые создаются по конкретному поводу и посвящены определенному лицу. Именно они способны очертить круг номинаций индивидуальных ценностей и ценностей конкретной семьи.

Литература

Демешкина Т.А. Жанровое своеобразие высказываний-пожеланий // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации: Межвузовский сборник научных трудов. Томск: Изд-во ТГПУ, 1995. С. 45–58.

Функционирование русских отглагольных имен действия в рекламных объявлениях: аспектуальные особенности

Е.Э. Пчелинцева

The functioning of Russian verbal nouns with a meaning of action in advertisements: aspectual features

Elena E. Pchelintseva

Черкасский государственный технологический университет (Украина) / Cherkasy State Technological University (Ukraine)

pchele@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено аспектуальным особенностям отглагольных имен действия, употребляемых в рекламных объявлениях. Аспектуальный семантический потенциал, в значительной степени унаследованный отглагольным именем от производящего глагола, специфически реализуется в этом типе рекламного дискурса.

Ключевые слова: отглагольное имя действия, аспектуальные особенности.

Summary. The investigation focuses on the aspectual features of the verbal nouns with a meaning of action used in advertisements. The aspectual semantic potential, largely inherited by the verbal nouns from the motivating verb, is specifically realized in this type of advertising discourse.

Keywords: verbal noun of action, aspectual features.

В последние годы мы наблюдаем экспансию отглагольных имен действия в русском языковом пространстве. Это особенно заметно в сфере интернет-общения, дискурсе СМИ, устной разговорной речи. Любопытным образом эта тенденция проявляет себя в рекламных объявлениях, каждый элемент которых предназначен для максимально быстрого привлечения внимания реципиента и побуждения его к конкретному действию (купить что-либо или воспользоваться определенной услугой). Нас интересуют виртуальные жанры (интернет-доски коммерческих и частных объявлений, веб-реклама, объявления интернет-магазинов), объявления в периодической печати, а также уличные объявления.

Несмотря на то, что в русских именах действия отсутствует грамматический вид, эта категория слов обладает большим потенциалом для выражения аспектуальной семантики и является компонентом функционально-семантического поля аспектуальности. Поэтому интересно выяснить, как, в связи с этим, используется аспектуальный семантический и прагматический потенциал, в значительной степени унаследованный отглагольным именем от производящего глагола. Сохраняются ли аспектуальные признаки или полностью нейтрализуются? Если сохраняются, то как они работают? Какие суффиксы (финали) более востребованы в таких рекламных текстах? Существует ли зависимость выбора имени вместо глагола (*изготовление ключей* & *изготавливаем ключи*), или варианта имени действия с определенным суффиксом (например, *окраска* & *окрашивание* (волос), *вывоз* & *вывозка* (строительного мусора) и т.п. от сферы и целевой аудитории, от профессионального уровня автора рекламы (частное лицо & специалист по маркетингу) и т.п.? Какова прагматическая функция унаследованных именем действия аспектуальных компонентов глагольного значения в этом типе рекламного дискурса?

В докладе будут представлены результаты анализа корпуса рекламных объявлений, а также результаты лингвистического опроса носителей русского языка.

Жанры речи в аспекте их языковой организации

В.А. Салимовский, Д.А. Девяткин, Л.А. Каджая

Speech Genres in the aspect of their linguistic organization

V. Salimovsky

Пермский государственный национальный исследовательский университет / Perm State University

salimovsky@rambler.ru

D. Devyatkin

Институт системного анализа Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (Москва) /

Institute of system analysis of the Federal Research Centre "Computer Science and Management" RAS (Moscow)

lonelykeen@gmail.com

L. Kadzhaia

Пермский государственный национальный исследовательский университет / Perm State University

kadzhaya@psu.ru

Аннотация. В докладе рассматривается вопрос о поверхностно-языковой организации жанра. Изучаются элементы жанрово-речевой системности – реализуемые языковые единицы и коммуникативные фрагменты. Анализируется смысловая подвижность коммуникативного фрагмента как готового к употреблению сегмента языкового материала.

Ключевые слова: жанр речи, текст, речевая системность, коммуникативный фрагмент.

Summary.The paper considers the problem of genre organization on the surface-linguistic level. The elements of genre-speech system – actualized language units and communicative fragments – are studied. The semantic flexibility of a communicative fragment as a ready-to-use language segment is analyzed.

Keywords: speech genre, text, speech system, communicative fragment.

Жанр речи понимается нами как относительно устойчивая форма духовной социокультурной деятельности (осуществляющаяся в бытовых ситуациях, научной, художественной, политической и других сферах) на ступени ее объективации посредством системы речевых действий в тексте как единице общения [Салимовский 2002]. Содержательно-смысловой план жанра изучается как система воспроизводимых ментальных действий, подчиняющихся общей типовой цели, из которой выделяются более частные цели. Его поверхностно-речевой план образован взаимосвязанными и взаимообусловленными языковыми средствами, образующими на текстовой плоскости определенный вид речевой системности.

Понятие речевой системности первоначально было эксплицировано при исследовании своеобразия различных функциональных стилей [Кожина 1972]. В качестве ее экстралингвистической основы рассматривались факторы, характеризующие сферы человеческого общения, – назначение вида социальной деятельности и соответствующей формы сознания, тип мышления и содержания речи. Развитие в последующие годы бахтинского положения о том, что функциональные стили являются «жанровыми стилями определенных сфер человеческой деятельности и общения» [Бахтин 1979: 241], потребовало изучения психологических и социальных факторов, определяющих организацию не только макростилей, но и охватываемых ими речевых жанров. В связи с этим внимание исследователей сосредоточивается на структуре духовной деятельности, процессах целеполагания при развертывании типового (жанрового) замысла, на релевантных признаках коммуникативной ситуации. Выяснилось, что особенности выбора и употребления языковых единиц в текстах того или иного функционального стиля зависят от типовой (жанровой) целеустановки речевого произведения, от характера реализующих ее познавательно-коммуникативных действий [Салимовский 2002].

При изучении жанрово-речевой системности встает вопрос о характере ее элементов. Традиционно ими признаются языковые единицы разных уровней. Однако в последние десятилетия была высказана плодотворная мысль о том, что конституентами речи являются не столько реализуемые в ней абстрактные лексические и грамматические единицы, сколько коммуникативные фрагменты – «готовые к употреблению куски языкового материала», погруженные в конкретную коммуникативную среду [Гаспаров 1996]. Обычно такие фрагменты речевой ткани (номинативные и предикативные единицы) представляют собой соединения 2–4 словоформ и легко подвергаются операциям усечения, наращения, контаминирования (*строительство жилых домов*, *в недавно построенном доме*, *сам построил дом*) [Гаспаров 1996]. Они входят в более протяженные линейные последовательности – коммуникативные контуры высказываний и обнаруживают связь с определенными речевыми жанрами как наиболее крупными единицами коммуникативного пространства [Каджая 2016]. Исключают ли друг друга традиционный и новый подходы к описанию языковых элементов речевой системности?

Есть основания полагать, что существенным свойством коммуникативных фрагментов является их смысловая подвижность, определяемая закономерностями восприятия этих единиц. В самом деле, коммуникативный фрагмент, с одной стороны, предстает устойчивым повторяющимся сочетанием слов, не предполагающим осознание отдельных словоформ как относительно самостоятельных выразителей смысла. Но с другой стороны, скрытая предикация (например, в составе хранящегося в памяти и воспроизводимого в речи словосочетания *березовая роща* как номинализации предложения *роща березовая* [в отличие от сосновой или дубовой]) все же в той или иной степени осознается и тем самым предицируемый признак сохраняет некоторую степень автономности. На этой семантической особенности коммуникативных фрагментов и основана их способность к замене одних структурных элементов другими и преобразованию в иные фрагменты. Членимость данных речевых отрезков определяется контекстом, ситуативными пресуппозициями, особенностями опыта и знаний коммуникантов.

Исследование жанрово-речевой системности имеет важное значение для компьютерного анализа текстов, поскольку ее элементы – реализуемые в речи языковые единицы разных уровней, а также коммуникативные фрагменты – выступают маркерами объективируемых в речи ментальных действий и позволяют моделировать содержание текста. Столь же значимо это исследование для теории и практики преподавания русского языка как родного и иностранного.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996.

Каджая Л.А. Системность научного специализированного дискурса: использование жанровых форм и языковых средств. Пермь: ПГНИУ, 2016.

Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь: Перм. ун-т., 1972.

Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 17-29-07049 офи_м «Исследование методами искусственного интеллекта системы когнитивных операций, реализуемых в научных текстах»).

Прагматико-семантическая характеристика речевых актов предостережения и способы их выражения в русском языке

Ц. Саранцацрал

Pragmatic and semantic characteristics of speech acts of caution and ways of their expression in the Russian language

Ts. Sarantsatsral

Монгольский государственный университет (г. Улан-Батор, Монголия) / National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

ts.sarantsatsral@gmail.com

Аннотация. В данном докладе автор делает попытку дать прагматико-семантическую характеристику речевых актов предостережения, рассматривает способы их выражения в русском языке и проводит наблюдения над семантическими классами глаголов.

Ключевые слова: речевые акты предостережения, прагматико-семантическая характеристика, семантические ограничения глаголов, императивная частица *смотри(те)*.

Summary. In this report, the author makes an attempt to give a pragmatic and semantic characteristic of speech acts of caution, considers the ways of their expression in Russian and makes observations on the semantic classes of verbs.

Keywords: Key words: speech acts of caut, pragmatic-semantic characteristics, semantic constraints of the verbs, imperative particle *смотри(те)*.

В данном докладе будет описано коммуникативные ситуации речевых актов предостережния с учетом прагматики и семантики, будут проведены наблюдения над их средствами выражения.

Следует отметить, что речевые акты предостережения относятся к социально не обусловленным видам побуждения, т.к. различие социального статуса говорящего и адресата не существенно, говорящий и адресат независимы друг от друга.

Вместе с тем речевые акты предостережения обязательно учитывают интересы адресата, т.е. предполагают, что каузируемое действие совершается в пользу адресата. Иными словами, специфическая семантическая черта речевого акта предостережения заключается в том, что говорящий (далее Г) выражает волеизъявление относительно того, чтобы адресат (далее А) не совершил действие, которое, по мнению Г, может причинить ему ущерб.

В современном русском языке для выражения речевого акта предостережения существует специфическая конструкция: *не* + форма повелительного наклонения (ФПН) сов. вида. *На дороге гололед.* ***Не упади.***

Не все семантические классы глаголов могут употребляться в высказываниях, выражающих предостережение. Существует весьма своеобразные семантические ограничения, касающиеся предиката высказываний предостережения. Так, в императивных конструкциях, выражающих предостережение, наиболее употребительны глаголы, обозначающие действия, приносящие вред или ущерб, т.е. действия, обычно не подконтрольные воле человека (*не упади, не порежься, не простудись, не поскользнись, не утони, (на солнце) не сгори, (палец) не обожги* и т.п.).

Однако в этих высказываниях способны употребляться и агентивные глаголы типа *разбить, сломать, испачкать, перевернуть* и т.п., которые в определенных ситуациях и контексте, подобно неагентивным глаголам, могут обозначать неконтролируемое положение вещей.

В побудительных высказываниях, выражающих предостережение, может употребляться слово *смотри(те)*, которое утратило свое лексическое значение и стало императивной частицей. Императивная частица *смотри(те)* эксплицитно выражает значение предостережения.

Императивная частица *смотри(те)* может употребляться самостоятельно. В таких случаях императивная частица *смотри(те)* выражает предостережение против совершения действий, которые известны из конситуации.

В императивных высказываниях, имеющих конструкцию: *смотри* + *не* + глагол сов. вида, Г может присутствовать эксплицитно или же имплицитно. При эксплицитном выражении Г обозначается предложно-падежным состоянием *у* + род. падеж. (типа *у меня*).

Встречаются случаи употребления императивной частицы *смотри(те)* не только с глаголами сов.вида, но и с глаголами несов. вида.

Императивная частица *смотри(те)* может употребляться также с глаголами несов. вида без отрицательной частицы *не*. ***Смотри****, неси осторожно, не пролей молоко.*

И так, императивная частица *смотри(те)* допускает следующие случаи употребления:

1. *смотри(те)* + *не* + глагол сов. вида,
2. *смотри(те)* + *не* + глагол несов. вида
3. *смотри(те)* + глагол несов. вида и наконец,
4. Самостоятельное употребление *смотри(те)*.

В высказываниях со значением предостережения могут употребляться частицы: *же, -ка, пожалуйста.*

Частицы *же, -ка* могут присутствовать в высказываниях, когда Г по социальному статусу выше А.

Мать сыну: ***Не урони-ка*** *чашку.* Или: ***Не урони же*** *чашку.*

Частица *пожалуйста* употребляется в высказываниях любого Г.

Мать сыну: *Не урони,* ***пожалуйста****, чашку.*

Студент – преподавателю: *Мария Ивановна, Здесь скользко. Не упадите,* ***пожалуйста****.*

Основные выводы:

1. Выявлены формальные особенности речевых актов предостережения, специфичные для русского языка

2. По характеру лексического наполнения позиции предиката особое место среди всех побудительных высказываний занимают высказывания со значением предостережения. В императивных конструкциях, выражающих предостережение, употребляются глаголы, обозначающие действия, неподконтрольные воле человека.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматические учения о слове. М., 1982.

Немешайлова А.В. Повелительное наклонение в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук.М., 1982.

Саранцацрал Ц. Речевые акты побуждения, их типы и способы выраженияв русском языке: Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1993.

Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986. С. 150–153.

Особенности языка современных житий новомучеников: на материале трех вариантов жития Татьяны Гримблит

Е.В. Суровцева

Language features modern lives of the martyrs: on the material of the three variants of holy life of Tatiana Grimblit

Ekaterina Surovtseva

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

surovceva-ekaterina@yandex.ru

Аннотация: Нами проводится лексический анализ трех вариантов жития (авторы – Дамаскин Орловский, О.П. Клюкина, Н.В. Иртенина) мученицы Татьяны Гримблит с целью выявления языковых особенностей современного жанра жития новомучеников.

Ключевые слова: русская литература, жанр, житие, Татьяна Гримблит, житие новомучеников.

Summary. We carry out a lexical analysis of three variants of holy life (authors are Damaskin Orlovsky, O.P. Klyukina, N.V. Irtenina) of Martyr Tatyana Grimblit in order to identify the linguistic features of modern genre of life of the new martyrs.

Keywords: Russian literature, Genre, Life of Saints, Tatiana Grimblit, Life of New Martyrs.

Существует три варианта жития новомученицы Татьяны Гримблит (1903–1937, канонизация в 2001 г., день памяти 10/23 сентября) – проложное житие игумена Дамаскина Орловского (2005) и «художественные жития» О.П. Клюкиной (2016) и Н.В. Иртениной (2016).

Во всех трех житиях цитируются многочисленные документальные и художественные тексты. Документальные тексты – это материалы следственных дел и писем Гримблит. У Дамаскина зачастую документы приводятся наиболее полно, у Иртениной мы встречаем своеобразный «пересказ» документов. Цитирование в тексте Клюкиной имеет свои особенности – этот автор пытается более полно показать историческую обстановку и поэтому цитирует и советские лозунги, и воспоминания Н. Урусовой, и материалы II съезда ОДГБ, и «антироман» В. Шаламова. Именно для наиболее полного воссоздания «духа времени» Клюкина упоминает, например, о разграблении монастырей и церквей; о работе мощной идеологической машины по искоренению «религиозных предрассудков» и т.д.

При анализе лексического состава текстов, проведенного с помощью Автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум» (названная система разработана в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова), мы получаем следующую картину:

Текст	Примерное количество лексем (считая цитаты)	Примерное количество лексем (за вычетом цитат)	Процент оригинального текста
Дамаскин Орловский	1070	510	47,5
Н.В. Иртенина	2600	2300	88,4
О.П. Клюкина	1350	820	60,7

Таким образом, мы можем судить о «степени документальности» житий. Строгое проложное житие наиболее документально, в нем – по сравнению с «художественными житиями» самый большой процент процитированных документов. В тексте Иртениной – самый маленький процент из-за того, что она не цитирует, а пересказывает документы.

Нами проведен также подсчет лексем, встречающиеся в анализируемых текстах 10 и более раз. Во всех трех текстах наиболее частотное слова – предлог «в», что свидетельствует о книжном стиле житий. Потом, с некоторой разницей в частотах, выходят лексемы «она», «и», «Татьяна», «год», «быть» (две последние из них семантически важны для описания жизненного пути Гримблит). Во все житиях в частотный список попадают также такие слова, как «заключенный» (Дамаскин, Иртенина, Осипова), «ссылка» (Иртерина), «тюрьма» (Клюкина, Иртенина). Из церковной лексики в тексте Клюкиной и Осиповой частотно слово «храм», слово «церковь» частотно в тексте Иртениной.

На примере жития и биографии мученицы Татьяны Гримблит мы видим, что жанр жития новомучеников в современной русской литературе может существовать в разных вариантах, тяготея то к типу строгого проложного жития, то к житию «художественному». Проложное житие является наиболее «документальным» по сравнниеию с «художественными житиями». Все варианты жития написаны книжным стилем.

Литература

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученица Татиана (Гримблит) // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии: В 8 т. Тверь: Булат, 2002–2005. Дополнительный том I. Тверь: Булат, 2005. С. 174–186.

Иртенина Н.В. Святая новомученица Татиана Гримблит. «Приму я в борьбе за Крест изгнанье, и могилу, и тюрьму». Житие в художественной обработке. Серия «Святые рядом с нами». М.: АНО развития духовно-нравственных начал общества «Символик», 2016.

Клюкина О.П. Мученица Татьяна Гримблит (1903–1937) // Клюкина О.П. Святые в истории. Жития святых. М.: Никея, 2016. С. 119–142.

Выкрики уличных торговцев первой трети XX века как особый вид рекламы

К.П. Тарасова

The cries of Moscow of the early 20th century as a part of puffing advertising

Kseniya P. Tarasova

Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева (Москва) /
D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (Moscow)

kp.tarasova@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена лексическим и грамматическим особенностям «криков» уличных торговцев, записанных в России в начале XX века. «Крик» рассматривается как жанр, сочетающий в себе черты, характерные для рекламы и для фольклора.

Ключевые слова: история рекламы, устные формы рекламы, ярмарочный фольклор, крики уличных торговцев.

Summary. The object of this research is the cries of Moscow of the early 20th century as a part of puffing advertising. The paper contains some special features of the Russian cries and explains what they have in common with advertisement and other folk genres.

Keywords: puffing advertising, cries of Moscow, history of advertisement, folklore.

Крики уличных торговцев имеют долгую историю, но в России (в отличие от Европы, где первые сборники соответствующего содержания появились уже в XIII–XVI веках) подобные выкрики стали записывать гораздо позже (записи Е.П. Иванова относятся в основном к началу XX века, а В.И. Симакова – уже к послереволюционному времени).

Именно из этих записей взяты анализируемые в этой работе тексты выкриков.

Крики уличных торговцев – фольклорный жанр, который рассматривают вместе с другими жанрами площадной, ярмарочной культуры. «Крики» – это профессиональное понятие: так разносчики и уличные торговцы называли свои присловья, которыми сопровождали продажу товара. Крики можно рассматривать, с одной стороны, как жанр фольклора, а с другой – как форму устной рекламы.

Высшей степенью крика среди торговцев считалось краснобайство – способность сочинять импровизированное, достаточное развернутое повествование. Импровизацию криков, как и остальных текстов фольклорных жанров, облегчали определенный набор рифм (*века – человека, народ – ворот, подмеса – веса, на меду – накладу, дна – (цена) одна, занятно – приятно* и т.д.) и устойчивые словесные формулы.

В криках, как и в других жанрах городского фольклора, набор стандартных рифм увеличен за счет новой лексики, которая неизбежно появляется в текстах и оправдана их содержанием. Это 1. **Топонимы**: *бежит, спешит народ / от Красных ворот*; *И с Таганки, / И с Лубянки, / И с самой матушки Землянки*; 2. **Названия марок товара и магазинов**: *Папиросы есть «Трезвон», – / Подходи со всех сторон!*; *Папиросы «Дели» – / Кури две недели!*; *Вот спички Лапшина, – / Горят, как солнце и луна!*; 3. **Лексика, отражающая современные реалии**: *Конкуренция всем: / Трестам и синдикатам! / Частникам и спекулянтам!*; *Чистим – блистим, / Вновь полируем / Рабочим и буржуям!*; *Махорка – вырви глаз! / Подходи, рабочий класс!*; *Назло Гумам, / Назло трестам, / На радость барышням-невестам*; 4. **Лексика, употребляющаяся в печатных объявлениях**, обычно для создания иронии: *Льготные условия: / Двадцать месяцев кредит / И с доставкой на дом!*; *Громадный выбор, / Колоссальная скидка / С четвертого этажа!*

Как и заклички балаганных дедов и раешников, крики торговцев и разносчиков используют раешный стих, т.е. акцентный стих с парной рифмовкой, в котором рифмованные строчки обычно представляют собой законченную мысль. При этом одинаковое количество ударных слогов даже в рифмующихся строках необязательно (*Приехали с клюквой из города Ростова / от дедушки Толстого!*), и рифмы может и не быть (*Ай да блины! / Три дня как испечены, / А посейчас кипят!*).

Цель крика – привлечь покупателя и убедить его приобрести товар, что объединяет их с другими формами рекламы. Крики можно поделить на информационные и рекламные, рассчитанные на то, чтобы привлечь внимание покупателей. Информационные крики были короткими и обычно стандартными, т.к. многие товары имели свое типичное присловье, которым мог воспользоваться любой: *Огурчиков, огурчиков! Зелененьких огурчиков!*; *Яблоки ранеты, яблоки! Кому яблоки?*; *Кому дрожжи, свежие дрожжи?*. В этих текстах товар только называется и ему дается какая-либо простая характеристика.

Более длинные крики содержали подробное описание положительных свойств товара, цену и призыв немедленно его купить, а значит, играли роль и рекламы. В них использовались те же языковые приемы убеждения, что и в печатной рекламе этого периода. Это 1. **Гипербола**: *Ай да блины! / Три дня как испечены, / А посейчас кипят!*; *Небось / Этот квас затирался, / Когда белый свет / зачинался!*; 2. **Антитеза**: *Хоть сам я не пригож, а товар привез хорош!*; *Товары французские, / А ребята русские!*; 3. **Императив**: *Глядите, не моргайте, / Рты не разевайте, / Ворон не считайте, / По дешевке покупайте!*; 4. **Ложная пресуппозиция** (обычно для этого используется восклицание *Вот оно!*, которое, будучи поставленным в начало текста, вносит смысл ‘покупатель искал именно тот товар, который здесь продается’): *Вот она! Вот она! / Только что сработана*; *Вот она! Вот она! / Из Парижа везена!*

Уличные торговцы прибегали к тем же психологическим приемам, которые активно использовались и используются сейчас в печатной рекламе. Это 1. **Ссылка на авторитеты** (*Ай да пирог! Этот пирог / Сам Лаврушечка пек!*) и на 2. **Иностранное производство** товара (*Новейшая игрушка! Заморская зверушка!*; *Американская обезьянка Фока / Танцует без отдыха и срока!*).

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы: крики уличных торговцев являются особой разновидностью рекламы, т.к. выполняют ту же функцию, что и рекламные тексты: привлечь внимание покупателя и убедить его приобрести товар, – и, как следствие, пользуются теми же лингвистическими и психологическими приемами. Устная форма существования криков, их содержание, манера подачи и желательные для продавца способности к импровизации и краснобайству роднит их с другими фольклорными жанрами (выкриками раешников и балаганщиков), которые, в свою очередь, продолжают традиции уличного народного театра.

Литература

Богатырев П.Г. Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 450–496.

Булак Т.Г. Красноречие русского торжка. Материалы из архива В.И. Симакова // Из истории русской фольклористики. Л.: Наука, 1978.

Иванов Е.П. Меткое московское слово. М.: Московский рабочий, 1989.

Муравьев В.Б. Московские слова и словечки. М.: Алгоритм, 2005.

Некрылова А.Ф., Савушкина Н.И. Народный театр. М.: Современник, 1991.

Дискурсивные модификации жанров в новых коммуникационных средах

О.Ю. Усачева

Discursive modifications of genres in new communication environments

Olga Yu. Usacheva

Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации / Lipetsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

logus777@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматривается модификация жанров в контексте проблемы жанровой вторичности. Ставится вопрос о влиянии на этот процесс техногенных факторов, благодаря чему возникает преобразование жанров в новых коммуникационных средах.

Ключевые слова: коммуникационная среда; интернет-коммуникация; первичные и вторичные жанры речи; дискурсивная модификация жанра; формат.

Summary. The report deals with the modification of genres in the context of the problem of genre secondariness. The question is raised about the influence of technology-related factors, due to which transformation of genres in new communication environments occurs.

Keywords: communicative environment; Internet communication; primary and secondary speech genres; discursive modification of the genre; format.

Современное жанроведение все охотнее обращается к проблеме жанровой вторичности, которая обусловлена динамикой признаков жанра в зависимости от широкого спектра факторов. Развивая концепцию М.М. Бахтина о жанровой вторичности, а также ключевую идею Т.В. Шмелёвой о регулярных реализациях речевого жанра в зависимости от сфер общения [Шмелёва 1997], ряд лингвистов предпринимает исследования в области деривации и производности

жанров под влиянием иных факторов, например, в терминах диахронической и синхронической вторичности [Рогачева 2011], а также ставя вопрос о границах внутри- и межжанровой вариативности [Стексова, Крылов 2018: 180].

Новый импульс изучению жанровой вторичности придало появление новых коммуникационных сред общения, производных от новейших технических каналов и их инфраструктуры (сетевая организация, мобильная связь). При этом процесс модификации охватил не только речевые жанры, но также и жанры медийные, и жанры художественные (литературные), в том числе и через их взаимодействие. Однако продолжает оставаться открытым вопрос о причинах (факторах), вызывающих процессы преобразования жанров, как и вопрос о видах и формах жанровых модификаций. Кроме того, особую значимость в ряде случаев представляет проблема установления первичной (исходной) жанровой формы по отношению к производной, что влечет за собой усложнение трансформационных моделей.

Постараемся, хотя бы в первом приближении, наметить пути исследования указанных процессов.

Дискурсивная модификация жанра представляет собой процесс преобразования первичных жанров в изменившихся дискурсивных условиях и результат перемещения жанра из одного дискурса (исходного для его появления) в другой дискурс. Изучение этого типа жанровой вторичности во многом зависит от интерпретации самого понятия «дискурс» и построенной на этой основе таксономии дискурсов.

Так, с позиции широко известной типологии В.И. Карасика, различающей персональный и институциональный дискурсы [Карасик 2000], трактовка дискурсивной модификации жанра, по сути, совпадает с трактовкой Т.В. Шмелевой, поскольку опирается на учет сферы общения. Примером дискурсивной трансформации данного вида может служить соотношение жанров лозунга (политический дискурс) и рекламного слогана (рекламный дискурс), рассмотренное в работе Т.И. Стексовой и Ю.В. Крылова [Стексова, Крылов 2018].

Однако если принять за основу таксономии дискурсов понятие не сферы, а среды общения, то конститутивными признаками дискурса, порождаемого коммуникационной средой интернета, становятся те, которые обусловливаются прежде свойствами канала связи и сетевой организацией взаимодействий и контента, носящими дособытийный характер (предшествующими коммуникативному событию). Это такие признаки, как гипертекстуальность, поликодовость (креолизованность), принципиальная интерактивность, электронный характер носителя, виртуализация участников коммуникации и т.д. Переход жанра из некомпьютерного дискурса в интернет-дискурс сопровождается иными изменениями, нежели в предыдущем случае. Сравним, например, жанры традиционного и электронного письма, классического дневника и «живого журнала», дружеской болтовни и чата, собрания и интернет-форума, анекдота и интернет-анекдота и т.д. В этих примерах за «дискурсивной трансформацией» жанров скрывается процесс изменений, детерминированный не столько социально, сколько техногенно релевантными условиями, а именно: технической оболочкой коммуникации, включая используемые программные средства.

Конкретная конфигурация технических параметров коммуникации может быть обозначена как *формат.* Сама номенклатура интернет-жанров (сайт, форум, блог, электронная почта и другие) обязана своим происхождением названиям форматов интернет-коммуникации, т.е. фактически отражает тот или иной тип технически релевантных дискурсивных условий, в которых происходят различные трансформации первичных жанров. Влияние форматных условий дискурса на жанровую модификацию также требует внимательного изучения. Одним из удачных примеров исследования такого влияния считаем работу В.В. Фениной, посвященную интернет-жанру вебинара [Фенина 2016].

Кроме того, на наших глазах набирают силу новые мобильные коммуникационные среды (например, мессенджеры), в которых наблюдается дальнейшая дискурсивная трансформация жанров, детерминированная эволюционирующим техническим форматом [Голошубина 2015; Кириллов 2017].

Исследование дискурсивной модификации жанров должно привести к выявлению ее разновидностей и к установлению различных видов деривационных отношений между исходными и производными жанрами.

Литература

Голошубина О.К. Разговор в мессенджере как специфический жанр интернет-коммуникации // Вестник Омского университета, 2015. № 1. С. 208–212.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Кириллов А.Г. Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 260–267.

Рогачева Н.Б. Типы вторичных речевых жанров в интернет-коммуникации // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 2. С. 34–39.

Стексова Т.И., Крылов Ю.В. Новая жизнь старого жанра: проблеме вариативности жанра (на материале лозунга и слогана) // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 179–188.

Фенина В.В. Влияние технологических факторов на виртуальный речевой жанр (на примере жанра «вебинар» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 67–73.

Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. Вып. 1. С. 88–98.

Жанр спортивного онлайн-репортажа

Л.Ю. Щипицина

The genre of sports online commentary

Larisa Yu. Shchipitsina

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск) / Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk)

l.shchipitsina@narfu.ru

Аннотация. В работе модель описания жанра интернет-коммуникации применяется к спортивному онлайн-репортажу. Данный жанр является синхронным, формально письменным, но проявляет признаки устного общения.

Ключевые слова: спортивный онлайн-репортаж, жанр, функция, тема, язык.

Summary. In this paper I apply the model for describing the genre of Internet communication to online sports commentary. This genre is synchronous, formally written, but shows some features of oral communication.

Keywords: online sports commentary, genre, function, topic, language.

Спортивный онлайн-репортаж можно определить, как информационный жанр спортивной журналистики, оперативно, с необходимыми подробностями сообщающий о спортивном событии (матче/гонке и т.д.), очевидцем которого является комментатор. Этот жанр реализуется в текстовом виде на сайте и представляет собой короткие сообщения комментатора, привязанные к временной шкале, появляющиеся с определенной периодичностью, максимально полно описывающие происходящее. Онлайн-репортаж ограничивается рамками описываемого соревнования и, как правило, продолжается от получаса до нескольких часов.

Для анализа онлайн-репортажа воспользуемся моделью жанра интернет-коммуникации, предложенной нами с опорой на работы Т.В. Шмелёвой [Шмелёва 1997] и С. Херинг [Herring 2007]. При описании использованы наблюдения М. Левандовски, исследовавшего футбольные онлайн-репор-

тажи [Lewandowski 2012]. Теоретические идеи иллюстрируются примерами из русскоязычных и немецкоязычных онлайн-репортажей, опубликованных на сайтах www.championat.com, www.liveresult.ru, www.sportal.de и www.sportschau.de.

Как показывают наши наблюдения, жанр онлайн-репортажа отличается следующими характеристиками.

1) *Медийные параметры*. Спортивные онлайн-репортажи публикуются на спортивных порталах и представляют собой небольшие реплики журналиста, привязанные к временной шкале. Вербальные реплики сопровождаются указанием времени, а также иконическими элементами (изображение футбольного мяча как символ того, что на определенной минуте забит гол, красный фон строки как символ того, что теннисист взял чужую подачу и т.п.). Соответственно, жанр характеризуется средней степенью мультимедийности. Интерактивность жанра проявляется в постоянном обновлении текстового поля, на котором появляются новые сообщения комментатора. Онлайн-репортаж относится к синхронным (точнее, к квазисинхронным) жанрам, поскольку и адресант, и адресанты одновременно находятся в Сети и участвуют в коммуникации. Тем не менее, читатель может прочитать репортаж не только в режиме реального времени, т.е. одновременно с созданием сообщений, но и асинхронно, обращаясь к архиву.

2) *Прагматические параметры*. Спортивный онлайн-репортаж служит информированию о происходящем спортивном состязании. К его вторичным функциям можно отнести воздействие на чувства читателей и развлечение. Данный жанр имеет институциональный характер, т.к. автор репортажа выступает под своим реальным именем, репортаж публикуется на официальных спортивных сайтах, выступающих аналогом спортивного канала или средства массовой информации. В итоге автор текста всегда имеет выраженный статус (журналист) и придерживается редакционных требований. Адресаты репортажа представляют массового недифференцированного читателя, обычно это любители соответствующего вида спорта, не имеющие доступа к самому состязанию или его телевизионной трансляции. Хронотоп данного жанра характеризуется тем, что общение происходит в одном времени (синхронно), но не в одном и том же пространстве: коммуниканты находятся в разных географических точках. При обращении к архивной записи репортажа время создания текста и обращения к нему также может быть различным. Коммуникативная направленность онлайн-репортажа монологическая: активным здесь является только журналист, наблюдающий за спортивным состязанием и сообщающий о нем читателям сайта. Обратная связь предусмотрена в виде читательских комментариев, но они относятся уже не к самому жанру репортажа, а к тому резонансному пространству, которое его сопровождает.

3) *Структурно-семантические параметры*. Спортивный онлайн-репортаж имеет определенную тему: спортивное состязание, которое проходит в определенном месте в заданное время. Соответственно, структура жанра диктуется рамками описываемого события и включает приветствие и представление комментатора, предварительные комментарии и возможные прогнозы (например, актуальные сообщения о составе участников), сообщение о начале соревнования, регулярные сообщения обо всех действиях и изменениях в ходе соревнования, сообщение о завершении соревнования, заключительные обобщающие ремарки и прощание.

4) *Стилистико-языковые параметры*. Спортивный онлайн-репортаж фиксирует то, что происходит в данный момент. Это влечет за собой необходимость преимущественного использования глагольных форм сферы настоящего (актуальное, расширенное и обобщенное настоящее) и прошедшего при обозначении только что завершившегося (обычно предельного) действия. Для анализа предыстории события и прогнозов привлекаются также формы прошедшего и будущего. В лексическом отношении отмечается использование специальной лексики из соответствующего вида спорта (например, автогонки: *DRS, пит-стоп, боксы*). При обозначении субъектов действия типично варьирование языковых средств (*Федерер – швейцарец – Роджер*). В ряде случаев, несмотря на институциональный характер жанра, используются эмоционально-оценочные средства и метафоры (*Шикарно начал гонку Ферстаппен, Das ist bitter*). Поскольку спортивный онлайн-репортаж по своим условиям близок к непосредственному устному общению, то в синтаксисе используются преимущественно короткие структуры, инверсии и эллипсис (*СТАРТ!!! Эйс. Tor!*).

В целом жанр спортивного онлайн-репортажа относится к синхронным письменно реализуемым жанрам, демонстрируя признаки устноречевого общения.

Литература

Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

Herring S.C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet. 2007. Nr. 1. S. 1–37 [URL: http://www.languageatinternet.org. Дата обращения: 14.11.2018].

Lewandowski M. The Language of Online Sports Commentary in a Comparative Perspective // Lingua Posnaniensis. 2012. Vol. LIV (1). P. 65–76.

Причины использования косвенных речевых актов в слоганах социальной рекламы

Е.В. Юрьева

The Reasons of the Use Inderect Speech Acts in the Psas Slogan

Elena Yuryeva

Донецкий национальный технический университет / Donetsk National Technical University

uriev79@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы причины использования непрямых речевых актов как наиболее часто употребляемых в слоганах социальной рекламы.

Ключевые слова: речевой акт, слоган социальной рекламы, адресант, адресат.

Summary. The reasons of the use in indirect speech acts are analyzed in this article.

Keywords: speech act, PSAs slogan, addresser, addressee.

Речевой акт всегда направлен на достижение перлокутивного эффекта. Об успешности / неуспешности речевого акта говорит наличие / отсутствие перлокутивного эффекта. Перлокутивный эффект зависит от тактик и стратегий, выбранных адресантом с учетом цели и задач общения. Принимая во внимание эти и другие лингвистические параметры, Дж. Серль предложил 12 признаков для классификации речевых актов [Серль, Вандервекен 1986: 251–252]. Среди них иллокутивная цель, способ достижения иллокутивной цели, различия в энергичности и силе, с которой подается иллокутивная цель, статус или положение говорящего и слушающего, способ, которым высказывание соотнесено с интересами говорящего и слушающего, соотношение с остальной частью дискурса и др. Три первых признака являются основными. Ориентируясь на эти признаки, Дж. Серль выделил такие прагматические типы: *репрезентативы или ассертивы* (речевые акты констатива, намека и морали), цель которых – «сказать, как обстоят дела»; *комиссивы* – речевые акты, цель которых – обязать говорящего что-либо сделать; *директивы* – попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил: приказ, просьба, совет, требование, приглашение и т. д.; *экспрессивы* – речевые действия, выражающие психологическое состояние говорящего (сочувствие, извинение, поздравление, пожелание, сожаление); *декларативы* – случаи, когда некоторое положение дел получает существование посредствам кон-

кретного показателя иллокутивной силы (присвоение званий, объявления, назначения и т. п.) [Серль 1986: 181–185].

В настоящее время выделяются два подхода к изучению таксономии речевых актов: ряд исследователей продолжают попытки дополнить существующую классификацию Дж. Серля, иные же ученые пытаются создать собственную таксономию, не имеющую ничего общего с классификацией Дж. Серля. Для анализа материала нашего исследования наиболее приемлемой представляется классификация Н.И. Формановской, в соответствии с которой к пяти классам, предложенным Дж. Серлем добавляется еще два: рогативы (вопросы) и контактивы (выражения речевого этикета). Соответственно, классификация, представленная на основе нашего исследования, выглядит следующим образом:

– репрезентативы (*Ваш ребенок – чистый лист. Кто рядом, тот и заполняет*);
– комиссивы (*Мы поддержим твои идеи!*);
– директивы (*Не бросайте детей в Интернете*);
– экспрессивы (*Мне очень стыдно, что ты – мой папа*);
– декларативы (*С 1 июня 2013 года вводится запрет на курение: в образовательных учреждениях; на спортивных и культурных объектах; в медицинских и санаторно-курортных заведениях; в городском и пригородном транспорте; внутри и ближе 15 метров от входов на вокзалы и в аэропорты, станции метро; на детских площадках и пляжах; в лифтах и подъездах; в зданиях соцслужб и органах власти; на автозаправочных станциях*);
– рогативы (*22.00 А ваши дети дома?*);
– контактивы (*Спасибо, донор!*).

Последний класс в дискурсе социальной рекламы носит контактоустанавливающий и контактоподдерживающий характер. Ожидаемый перлокутивный эффект в таких речевых актах – привлечь внимание адресата, расположить и вызвать его положительную реакцию [Формановская 2002: 191]. Анализ фактического материала показал, что в слоганах социальной рекламы преобладают репрезентативные и директивные речевые акты, цель которых не только сообщить информацию, но и спровоцировать определенные действия адресата. Побудить дестинатора к действию можно также с помощью косвенных речевых актов. Дж. Серль в статье «Косвенные речевые акты» говорит о том, что адресант по той или иной причине (например, из вежливости или для более глубокого воздействия на адресата) прибегает к косвенному способу выражения своей иллокутивной цели [Searle 1975: 59–82].

С целью избежания актов, которые «угрожают лицу» адресата в дискурсе социальной рекламы, речевой акт директива может быть представлен формой репрезентатива или другого речевого акта (с иллокуцией директива), благодаря чему слоган приобретает рекомендательный характер, не «отталкивая» при этом своего дестинатора излишней категоричностью. Так, рогатив *Детей? Пристегивать? А зачем?* может интерпретироваться адресатом как директив *Пристегни ребенка*. В этом случае функция вопроса – не выяснение информации, а просьба выполнить определенное действие. Преобладание косвенных речевых актов обеспечивает, по мнению некоторых исследователей (см. [Broun, Yule 1983]), особую интеракциональную функцию, которая заключается в выражении социальных и личностных отношений, социальной солидарности и связи [Кравченко 2012: 118], что, на наш взгляд, привлекает внимание, уменьшает дистанцию между интерактантами, увеличивает доверие адресата слогана и побуждает его к действию.

Литература

Кравченко Н.К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа: Практическое пособие. Луцк: Волыньполиграф, 2012.

Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–195.

Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. С. 242–265.

Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002.

Brown *G.,* Yule *G.* Discourse analysis. Cambridge: Cambridge University Press, *1983*.

Searle J.R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics / Eds. P. Cole, J.L. Morgan. Vol. 3: Speech Acts. New York; San Francisco; London: Academic Press, 1975. P. 59–82.

Конструкции с причинно-аргументирующей семантикой в политических текстах (особенности структуры и текстовые функции)

Е.С. Ярыгина

Design with a cause and argue semantics in political texts (features of the structure and text features)

Elena Yarygina

Московский городской педагогический университет / Moscow City Pedagogical University

es1957@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются конструкции, выражающие причинно-аргументирующие отношения, которые в современной терминологии обозначаются иллокутивные. Обосновывается мысль о том, что эти конструкции характеризуются текстовой обусловленностью: принадлежностью к аргументативному дискурсу и наличием определенной субъектной перспективы. Особое внимание уделяется такому типу иллокутивных конструкций, в первой части которых используются прямые и косвенные речевые акты.

Ключевые слова: синтаксис, русский язык, анализ текста, аргументативный дискурс, политическая лингвистика, причинно-аргументирующие придаточные, иллокутивные конструкции.

Summary. The report examines the structures that Express cause and justifying the relationship that in modern terminology, illocutionary marked. The author substantiates the idea that these constructions are characterized by textual conditionality: belonging to argumentative discourse and the presence of a certain subjective perspective. Special attention is paid to this type of illocutive constructions, in the first part of which direct and indirect speech acts are used.

Keywords: syntax, Russian language, text analysis, argumentative discourse, political linguistics, causal reasoning subordinate, illocutive constructions.

1. На современном этапе развития русской лингвистики системное описание синтаксических конструкций соединяется с анализом текста. Это касается прежде всего сложного предложения (см., например, [Ляпон 1986]). Исследования сложных предложений в тексте показали, что одни конструкции не участвуют в организации композиции текста, а другие являются результатом соединения разных текстовых блоков. Это функциональное различие связано с возможностью / невозможностью мены модуса в семантике сложного предложения: две предикативные единицы могут принадлежать одному модусу или каждая из них имеет собственную модусную характеристику [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 354; Ярыгина: 98–99].

2. Причинно-аргументирующей конструкцией мы называем такую текстовую структуру, которая соединяет тезис, побуждение, оценку с разными типами аргументации. Такая семантическая структура может быть представлена в виде соединения нескольких самостоятельных предложений или

соединением двух предложений в составе сложного. При этом части такого сложного предложения могут различаться целью высказывания: *Если это сверхмощное вещество было распылено в доме Скрипаля или на дверной ручке (а именно к этому, судя по всему, склоняется следствие), как могли Сергей и Юлия оставаться в нормальном состоянии еще несколько часов?* (из речи В.А. Небензи в ООН 13.03.2018) – в первой части утверждение, во второй – вопрос. Такие синтаксические конструкции и такие подчинительные союзы интерпретируются с помощью термина «иллокутивный» [Пекелис 2013]. Сущность иллокутивного употребление определяют тем, что союз соединяет пропозициональную составляющую одной предикативной единицы с иллокутивной семантикой другой. Иначе говоря, к иллокутивным конструкциям относятся такие, в которых главное предложение характеризуется побудительной или вопросительной целью высказывания. Соответственно цели высказывания главного предложения квалифицируется цель высказывания всего предложения. Модусная составляющая придаточного предложения при этом не учитывается.

3. Однако сложноподчиненные предложения с союзами *раз, когда, если* вводят предикативную единицу, констатирующую факт, т.е. можно говорить о том, что в сложном предложении соединяются две предикативные единицы с двумя разными модусами, например, модус знания и модус предположения: *Раз Лондон отказывается предоставлять нам информацию, может быть ей с нами поделится Париж?* (из речи В.А. Небензи в ООН 13.03.2018).

4. Сложные предложения с иллокутивными союзами позволяют аргументировать косвенные речевые акты (*Раз заболел, куда идешь?* – вторая часть предложения является косвенным побуждением, т.е. «Не ходи!»). В условиях политического дискурса подобные предложения превращаются в средство ведения полемики.

5. В политическом тексте (устном или письменном) причинно-аргументирующие отношения связывают вопросительные предложения с предшествующим и последующим контекстом. При этом наличие союзов обязательным не является: *Киев сам не желает урегулирования. И Донбасс Киеву не нужен. Зачем ему несколько миллионов антивластно настроенных граждан накануне президентских выборов 2019 г.? Рейтинг обанкротившейся нынешней киевской власти и так ниже некуда.* (Речь В.А. Небензи в ООН 29.05.2018). Вопросительно-отрицательное предложение является аргументом к предшествующему предложению, в свою очередь, само вопросительное предложение аргументируется последующим контекстом.

6. Причинно-аргументирующие отношения могут устанавливаться между частями, принадлежащими разным субъектам речи: *Те СМИ, которые позволяют себе собственные мнения и нежелательное мировоззрения, даже не пророссийские и не враждебные, а просто оппозиционные, на Украине зачищают и закрывают. Под каким предлогом? Правильно. Потому что они – агенты Кремля. Независимых и оппозиционных журналистов убивают, преступления не расследуются…* (Речь В.А. Небензи в ООН 29.05. 2018) – союз *потому что* вводит чужую точку зрения. Кроме того, в первой части использована лексика, не свойственная дипломатическому дискурсу (*зачищают и закрывают*). Тем самым причинно-аргументирующие структуры превращаются в полифоничную конструкцию.

7. В докладе подробно анализируются приемы ведения политической полемики В.А. Небензи.

Литература

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. М.: Наука, 1986.

Пекелис О.Е. Иллокутивное употребление союзов. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики [http://rusgram.ru]. На правах рукописи. М., 2013.

Ярыгина Е.С. Синтаксис аргументативного дискурса. М.: Юстицинформ, 2018.

Секция XV. Русский язык в контакте с другими языками

Заимствования в русском языке (на примере заголовков русскоязычных газет Казахстана)

М.М. Аймагамбетова

Borrowing in the Russian language (on the example of the headlines of Russian-language newspapers of Kazahkstan)

M.M. Aimagambetova

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан) / Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

aimagambetovamalika@gmail.com

Аннотация. В данной статье говорится о заимствованиях в русском языке на примере заголовков русскоязычных казахстанских газет. Процесс интерференции казахских слов – это характерное явление для русского языка в Казахстане, с помощью которого появляются не только новые значения, но и расширяются уже имеющиеся понятия в языке.

Ключевые слова: интерференция, заголовок, заимствование.

Summary. This article talks about borrowing in the Russian language on the example of the headlines of Russian-language Kazakhstani newspapers. The process of interference of Kazakh words is a characteristic phenomenon for the Russian language in Kazakhstan, with the help of which not only new meanings appear, but also existing concepts in the language are expanded.

Keywords: interference, headline, borrowing.

В современной прессе часто используются новые слова, которые не могут существовать «вне текста». К ним относятся заимствованные слова, которые образуются с помощью традиционного корпуса словообразовательных средств: префиксов, суффиксов, аффиксов, соединением нескольких слов одного языка или разных языков. Эта тенденция коснулась и заголовков, на примере которых мы рассмотрим данное явление в русскоязычной казахстанской прессе.

Б.Х. Хасанов отмечает, что в условиях постоянного контакта казахов с представителями других национальностей, в контактирующих языках появилось множество казахизмов, большинство из которых связано с социально-экономическими условиями, бытом, установленными правилами поведения казахов, явлениями их материальной и духовной культуры, семейной жизнью казахов [Хасанов 1990: 165].

Современные русскоязычные газеты, которые рассчитаны на широкий круг читателей, отражают не только события, происходящие в стране, но также «вводят в лексический состав языка новые единицы, выводят целые группы слов из пассивного запаса в активный» [Абилхасимова 2002: 85].

Специфической особенностью казахстанского языка газеты стало употребление казахских слов в русском, при этом может наблюдаться обновление значения уже заимствованных казахизмов:

В хоккей играют настоящие джигиты («Экспресс К», 20 февраля 2017). *Джигит* – не гарцующий на коне, а играющий в хоккей молодой мужчина.

Кюй, пока горячо («Экспресс К», 20 февраля 2017) → *кюй* – музыкальное произведение (обозначение этнографического понятия).

Зорро в малахае («Экспресс К», 14 февраля 2017) → *малахай* – большая шапка на меху с широкими наушниками.

Коня на соғым остановит, в горящую юрту войдет («Экспрес К», 17 февраля 2017) → *соғым* (заготовка мяса на зиму).

Айналайын Джоли («Экспресс К», 14 февраля 2017) → *айналайын* (прилагательное) переводится «милый».

«Ойбай!» – воскликнул Бэтмен («Экспресс К», 31 августа 2016) → *ойбай* – междометие, обозначающее *ай, ой*, выражающее испуг, страх, возмущение, досаду и удивление.

Байга на выживание («Экспресс К», 2 февраля 2017) → *бәйге* – конные скачки, название казахской национальной игры.

Тоқмобиль с гудком «Ни хао» («Экпресс К», 15 февраля 2017) → *тоқ* обозначает на русском *ток*. В статье говорится о начале производства китайских электромобилей.

Токалистический сценарий («Время», 16 сентября 2015). В этом примере мы можем наблюдать грамматическую интерференцию. Казахское слово *тоқал* («вторая жена») под влиянием русских суффиксов и процесса согласовния по падежам русифицируется, приобретает грамматическую форму русского языка.

В приведенных примерах заметно расширение лексического состава русского языка за счет казахских «вкраплений», заимствований. Под вкраплениями мы, вслед за М.М. Копыленко, понимаем «иноязычный компонент текста, принадлежность которого к языку, отличному от того, на котором составлен текст, ощущается в полной мере и не мотивирован предметно-логическим содержанием сообщаемого» [Копыленко 1986: 8]. «Казахские слова – единицы иной духовно-культурной стихии – входят в русский язык, отражая чужие особенности восприятия мира, ценности, феномены и артефакты. Тем не менее, они осваиваются русским языком с большей или меньшей степенью органичности, привнося в общение новые номинации, актуальные для жителей общей территории и единого коммуникативного пространства» [Сулейменова 2011: 93].

По утверждению Б.Б. Абилхасимовой, многие казахизмы в советское время находились на периферии лексической системы в силу своей неактуальности в языке-реципиенте, эти лексические единицы считались наименее ассимилированными в семантическом плане заимствованиями [Сулейменова 2011: 134]. С приобретением Казахстаном независимости и суверенитета возрос интерес к национальным традициям, обычаям и обрядам, соответственно и связанные с ними номинативные единицы получили распространение, как в разговорной речи, так и в языке газеты.

Создаваемые новые тексты, в том числе и публицистические материалы средств массовой информации, и прежде всего их заголовки, оказываются насыщенными чужими текстами, которые присутствуют в них в более или менее узнаваемых формах. С.И. Сметанина объясняет это тем, что влияние прошлого активно побуждает человека «отыскивать уже готовые и освоенные культурой формы и вплетать их в коммуникативный акт, даже не делая ссылки на авторство» [Сметанина 2002: 95]. По мнению Г.Г. Слышкина, «современная культура не склонна к текстопорождению. Дискурс наполнен разными по степени эксплицитности фрагментами и оценками чужих текстов» [Слышкин 2000: 30]. Отчасти этими фактами объясняется тенденция к трансформации и компиляции текстов и заголовков в современных средствах массовой информации. Так, готовность журналиста обогатить создаваемый им материал фрагментами из уже воспринятых ранее текстов или аллюзиями на них объясняет частотность употребления фразем, что наблюдается во всех типах дискурсов.

Литература

Хасанов Б.Х. Казахско-русское художественно-литературное двуязычие. Алма-Ата: Рауан, 1990.

Абилхасимова Б.Б. Казахизмы в русскоязычных газетах Казахстана (II половина XIX и конец XX веков): Дисс. … канд. филол. наук. Алматы, 2002.

Копыленко М.М. Белорусские вкрапления в русских художественных текстах: функции, структура, коммуникативная природа // Словообразовние и коммуникативная деривация в славянских языках. Гродно, 1986.

Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография. Алматы: Қазақ университеті, 2011.

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002.

Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сборник научных трудов / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 38–45.

Язык романов И.С. Тургенева и его влияние на стилистику американского социального романа

Т.Н. Белова

On I. Turgenev's style of writing and its influence on the stylistics of American social novel

Tatyana N. Belova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

tnbelova@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются язык и стиль романов И.С. Тургенева, их изучение и восприятие американскими писателями и критиками, переводы его романов в США в 1860–1870-е гг. Рассматривается влияние его актуальных произведений на развитие американского социального романа в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: социальный роман, язык Тургенева, межлитературные связи, американские критики, русская литература.

Summary. The paper comprises I.Turgenev's novels' style and language, their study and reception by American writers and critics, their translations in the USA at the end of the 19th – at the beginning of the 20th centuries.

Keywords: social novel, I. Turgenev's style, literary relations, American critics, Russian literature.

Проникновение русской литературы в духовную жизнь Америки – это длительный и сложный процесс, который происходил во второй половине XIX в. В 1867 г. в Нью-Йорке вышел перевод романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», который стал первым произведением русской литературы, вызвавшим в Америке широкий общественный резонанс как яркой картиной социальных нравов, выразительностью языка и стиля, так и «редким умением автора постичь и изобразить характер» [Gettmann 1941: 37]. На роман откликнулись крупнейшие периодические издания «The North American Review», «The Atlantic Monthly», «Nation».

В течение 1867–1873 гг. в США вышло 16 переводов произведений Тургенева, а с 1871 по 1877 г. было опубликовано 13 статей и заметок о его творчестве, причем в некоторых из них оно рассматривалось не изолированно, а на фоне произведений других русских авторов.

О Тургеневе в 1870-е гг. заговорила литературная молодежь Америки: Т. Перри (T.S. Perry), Ч. Нортон (Ch. Norton), а также будущие известные писатели У.Д. Хоуэллс (W.D. Howells) и Г. Джеймс (H. James), произведения которых создавались под ощутимым влиянием творчества русского романиста.

В 1877 г. по разрешению Тургенева Т. Перри перевел с французского его роман «Новь». В творческом подходе русского писателя к изображению русской жизни он узрел то новое, что могло противостоять литературным штампам, условностям и компромиссам, характерным для американской литературы тех лет, имея в виду, конечно же, реалистическое начало его произведений, в то время как в XIX в. в литературе Америки наблюдалось господство романтизма. Это произведения Э. По, Г. Мелвилла и Нат. Готорна, которые были полны множеством условно обобщенных, нередко мистических образов, поскольку пафос европейского романа был чужд американским писателям, уверовавшим в избранность американского пути развития. В конце XIX в. американская литература встала перед необходимостью воссоздать многообразную и чрезвычайно усложнившуюся картину общественных связей, раскрыть их внутренний смысл и представить, по словам писателя Я. Бойессена, во всей полноте систему «определившихся, ясно очерченных типов», какими в 1870-е гг. располагала американская действительность. Решение этих проблем могло оказаться под силу только социально ориентированному роману. Эта мысль все настойчивей стала звучать в статьях американских критиков и писателей, которые боролись за становление американского национального романа, во многом опираясь на богатейший опыт и стилистику как русской, так и европейской литературы.

Так, У.Д. Хоуэллс, находясь в 1870-х гг. в Кембридже, прочел романы Тургенева «Дым», «Дворянское гнездо», «Рудин», которые стали для него «самым значительным <…> литературным опытом», «уроками большого мастера» [Howell 1970: 169]. Он, как и Т. Перри, увидел в произведениях Тургенева «правду жизни» ("truth of life") и высоко оценил именно объективную позицию писателя-рассказчика, а не пристрастного судии (как, например, у Нат. Готорна в романе «Алая буква»).

Американский писатель Я. Бойессен, как и Г. Джеймс, лично встречался с Тургеневым в Париже. По его мнению, заслуги Тургенева состояли в том, что он правдиво показал, что кажущаяся монотонность «русской жизни представляла в действительности великую одухотворенную картину» брожения русского духа. По его мнению, Тургенев с большой степенью объективности и художественной выразительности представил читателю всю полноту современной ему российской действительности, и он надеется на появление подобного же беллетриста в Америке, крайне сожалея, что пока «у нас нет своего Тургенева» [Иностранная критика о Тургеневе 1908: 151]. Не случайно, что на факте обращения и Г. Джеймса к форме романа после 1874 г., по мнению С.К. Милославской, «сказалось очевидное влияние Тургенева» [Милославская 1973: 31]. Ей вторит американский русист Э.Дж. Кросс (A.J. Cross), который считает, что «впервые несомненное влияние русской литературы обнаруживается в творчестве американских писателей Г. Джеймса, У.Д. Хоуэллса, а также английских – Дж. Гиссинга и Дж. Мура» [Cross 1985: 48].

Вместе с тем, на современном этапе развития литературоведения необходимо иметь в виду, что случаи прямых литературных контактов, заимствования тем, образов, мотивов не должны заслонять, по мнению американского исследователя Р. Бермана (R.E. Berman), «типологических схождений, или резонирующих между собой явления разных культур» [Berman 1997: 71].

Таким образом, в конце XIX в. в США возникает насущная потребность в создании национального социального романа, и само творчество И.С. Тургенева с его актуальным общественным звучанием несомненно побудило американских авторов обратиться к разработке социального начала в своих произведениях. Однако литературная связь между Г. Джеймсом, У.Д. Хоуэллсом и И.С. Тургеневым не может быть однозначно определена как простое влияние: это ско-

рее «многоаспектное типологическое схождение со сложной структурой», описанное теоретиком А. Дима [Дима 1977: 156–158]. Также, как справедливо отметила О.Ю. Анцыферова, в интересе американских писателей к русской литературе несомненно присутствует момент саморефлексии, познания себя через чужое, инонациональное: сквозь русскую экзотику многие американские авторы разглядели в нашей литературе нечто очень близкое и насущное [Анцыферова 2000: 9]. Действительно, можно согласиться, что для Г. Джеймса, У.Д. Хоуэллса, Я. Бойессена, С. Крейна, а также Э. Хемингуэя и др. знакомство с русской литературой стало весьма важным этапом в становлении творческого самосознания, в обретении американской литературой собственного лица. Высоко оценивая тургеневское мастерство, Генри Джеймс восхищается особенностями его языка и стиля, создающими «физическую ощутимость пейзажа», приверженность автора точным языковым образам, благодаря которым произведения «сильно пахнут его родной землей» [James 1883: 220], являя читателю яркие картины народной жизни и образцы красочного русского языка.

Вместе с тем не случайно Г. Джеймс назвал Тургенева «романистом для романистов» – в этой четкой формулировке прозвучала не только высокая оценка его писательского мастерства, но и непререкаемый авторитет Тургенева как литературного мэтра, открывшего новые творческие горизонты для американских писателей.

Литература

Анцыферова О.Ю. Русская литература и художественные искания американских писателей конца XIX века (Г. Джеймс, У.Д. Хоуэллс, С. Крейн). Иваново, 2000.

Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977.

Иностранная критика о Тургеневе. Изд. 2. СПб, 1908.

Милославская С.К. И.С. Тургенев в оценке своих американских современников // Литература США / Под ред. Л.Г. Андреева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. С. 3–38.

Berman R.E. Reform and Continuity: Graduate Education Towards a Foreign Cultural Literacy // Profession Journal of MLA, 1997.

Cross A.G. The Russian Theme in English Literature from the 16th Century to 1980. Oxford, G.B., 1985.

Dillmann A.C. Ivan Tourgenif, the Novellist // Lippincot's Magazine. 1871. VII. May.

Gettmann R.A. Turgenev in England and America. Urbana, 1941.

Howells W.D. My Literary Passions. N.Y.; Lnd, 1970.

James, H. French Poets and Novellists. Tauchnitz; Leipzig, 1883.

Некоторые особенности литовско-русского двуязычия в современной Литве

Л.М. Буренина

Some features of Lithuanian-Russian bilingualism in modern Lithuania

Liudmila M. Burenina

Независимый исследователь. Вильнюс (Литва) / Independent researcher. Vilnius (Lithuania)

lburenina@gmail.com

Аннотация. Проблема взаимодействия и контактирования языков является актуальной в социолингвистике. Характер двуязычия и возможности интерференции находятся в прямой зависимости от степени родства языков, а также от особенностей культурно-исторического фактора. При исследовании характера двуязычия или многоязычия литовского общества, необходимо учитывать особенности разных национальных групп. Последствия двуязычия, как правило, дают о себе знать в обоих контактирующих языках.

Ключевые слова: язык, двуязычие, общество, заимствование, интеграция.

Summary. The problem of interaction and contacting languages is relevant in sociolinguistics. The nature of bilingualism and the possibility of interference are directly dependent on the degree of kinship of languages, as well as on the characteristics of the cultural-historical factor. When studying the nature of bilingualism or multilingualism of Lithuanian society, it is necessary to take into account the peculiarities of different national groups. The consequences of bilingualism as a rule make themselves felt in both contacting languages.

Keywords: language, bilingualism, society, borrowing, integration.

Проблема взаимодействия и контактирования языков является актуальной в социолингвистике. Эти процессы обычно начинаются, осуществляются и закрепляются прежде всего в речи двуязычных или многоязычных людей. На наш взгляд, характеристика двуязычного коллектива, сформулированная Л.В. Щербой, представляет бесспорный интерес: «У двуязычных народов, употребляющих оба языка рядом, образуется единый язык… в котором каждому значению соответствуют два способа выражения, употребляющиеся один вместо другого» (цит. по [Панфилов 1972: 107]). Иначе говоря, можно сказать, что билингвы знают только один язык, но этот язык имеет две формы выражения. В такой ситуации эти две формы нередко пересекаются, т.е. билингв иногда элементы одного способа выражения переносит в систему другого. В данном случае мы имеем дело с интерференцией.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что характер двуязычия и возможности интерференции находятся в прямой зависимости от степени родства языков, а также от особенностей культурно-исторического фактора. Говоря о литовско-русском двуязычии, необходимо иметь в виду известную близость балтийских и славянских языков. «Между балтийским и славянским существует настолько большая близость, что консервативный в области фонетики и морфологии литовский язык может в известной мере заменить незасвидетельствованный праславянский язык» [Георгиев 1958: 10].

Каждое государство может и должно беспокоиться о благосостоянии своего народа, о роли своей страны на мировой арене, о сохранении своего языка и своего государства. Главное здесь в том, чтобы в центре внимания оставались такие важные составляющие, как толерантность и взаимопонимание как между целыми народами, так и отдельными его представителями. Иногда говорят, что существуют общепринятые категории и принципы межэтнической универсальной этики. Однако нередко при их толковании одна сторона ставит акценты на одних положениях, а другая предпочитает говорить об иных особенностях создавшейся ситуации. Возникает то, что иногда называют «двойной правдой». На наш взгляд, обязанность ученых и прежде всего языковедов – дать объективную оценку ситуации, сделать попытку найти ответ на самые деликатные вопросы, касающиеся этой проблемы.

Можно констатировать, что статус литовского языка как государственного – это фактор, главной целью которого является именно сохранение одного из архаических индоевропейских языков – литовского.

Однако если говорить о характере двуязычия или многоязычия литовского общества, то необходимо учесть особенности разных национальных групп. Большое количество лиц литовской национальности говорит не на одном языке. Представители старшего поколения кроме своего родного языка обычно знают русский язык. Лица других возрастных групп, которые выбрали русский язык в качестве второго иностранного языка, тоже довольно хорошо знают русский язык. Но многие молодые люди, к сожалению, уже не знают и не понимают русский язык. Использование русского языка литовцами можно назвать факультативным. В данном случае о русском языке можно говорить как о средстве межнационального и культурного общения.

Иная ситуация наблюдается среди лиц русской национальности. Русский язык для них является родным. В шко-

лах с русским языком обучения кроме иностранных языков преподается государственный язык. Выпускники русских школ должны свободно владеть литовским языком. Это не просто требование школьной программы. Ученики русских школ и их родители понимают, что без знания государственного языка невозможна интеграция в литовское общество, т.е. невозможно обучение в университетах республики, почти невозможно устройство на работу и т.п. Двуязычие здесь становится социальной необходимостью. Следует отметить, что молодые люди владеют и одним из иностранных языков (в основном, английским).

Последствия двуязычия, как правило, дают о себе знать в обоих контактирующих языках, т.е. появляются заимствования, калькирование, перенос элементов или их сочетаний из одного языка в сферу другого и т.п. «Некоторые носители двуязычия большую небрежность проявляют именно в родной речи, пересыпая ее словами и оборотами неродного языка, в результате чего получается так называемая „макароническая речь"» [Михайлов 1972: 203]. В качестве примера можно привести балтизмы, многие из которых встречаются в речи современных русскоязычных жителей Литвы, например: *кумпяк, парсюк* / *паршук, талка* / *талака* / *толока, клумпы, скилондь* / *скиландис, баланда, жвир* и т.д. [Лаучюте 1982: 1–210]. Имеется и другая группа литовских слов, используемых лицами русской национальности. Употребление данных слов обусловлено постоянным пребыванием носителей русского языка в литовском окружении. Сюда следует отнести слова типа *атостоги* «отпуск», *вальдиба* «правление», *вядеяс* «заведующий», *гирник* «лесничий», *паданга* «резиновая шина», *пирмининкас* «председатель», *сянюнас* «староста» и т.п.

В настоящее время трудно дать ответ на вопрос о том, где больше заимствованных слов и конструкций – в русском из литовского языка или в литовском из русского. Данной проблеме посвящено немало работ как литовских, так и зарубежных исследователей.

В жизни человек, как правило, встречается с говорящими на других языках, что обусловлено соседством, профессиональной деятельностью, учебой, поисками решения экономических или научных проблем и т.п. Кроме того, важную роль играют средства массовой коммуникации: радио, телевидение, Интернет, печать на разных языках. Таким образом, в силу воздействия определенных причин человек овладевает *вторым языком*.

Литература

Георгиев В. Балто-славянский, германский и индо-иранский. М., 1958.

Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.

Михайлов М.М. Двуязычие и взаимовлияние языков // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.

Панфилов В.З. Взаимоотношения категорий языка и мышления при двуязычии // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.

Русский язык и оккупация

А.В. Зинкевич

Russian language and occupation

Andrei V. Zinkevich

Венский университет (Австрия) / University of Vienna (Austria)

andrej.zinkevich@univie.ac.at

Аннотация. В докладе рассматривается положение русского языка и его конкуренция с другими языками на некоторых оккупированных территориях во время Второй мировой войны: в Прибалтике, Беларуси, Украине, Транснистрии и Польше. Архивные документы показывают, что палитра отношения к русскому языку на занятых территориях довольна широка: от его запрета (Молдавия) до поддержки (Польша).

Ключевые слова: языковая политика, оккупация, конкуренция языков, национальные меньшинства.

Summary. The status of the Russian language and its correlation with other languages on occupied territories (the Baltic States, Belarus, Ukraine, Transnistria and Poland) during the Second World War is examined in the referat. According to the archival documents, the attitude towards the Russian language on occupied territories differed from ban (in Moldova) to support (in Poland).

Keywords: language policy, occupation, competition of languages, ethnic minority.

Роль русского языка на оккупированных территориях во время Второй мировой войны претерпела целый ряд изменений, иногда кардинальных.

Общая направленность языковой политики оккупационных властей в Прибалтике по отношению к русскому языку может быть сформулирована так: русский язык изучается в качестве иностранного языка и не должен играть заметной роли в общественной жизни Эстонии, Литвы и Латвии. Например, в письме командующего группой армий Север и Учебной дирекции Эстонии от 1.10.1941 г. определялись следующие правила преподавания русского языка: «Занятия по русскому языку отменяются во всех школах, за исключением тех, где русский язык изучался в 1939–1940 учебном году. В этих школах русский язык может изучаться и далее» [НАРБ, ф. 652, оп. 1, д. 1, л. 19].

В Литве русский язык изучался в школах с литовским языком обучения наряду с французским, английским, немецким и латинским [НАРБ, ф. 652, оп. 1, д. 1, л. 66–76]. Отношение к языку русского национального меньшинства в Литве определялось законом об использовании языков: «В местах проживания нелитовского населения язык этого населения должен употребляться наряду с немецким и литовским… Обязательно следует избегать того, чтобы нелитовское население принуждалось к использованию литовского…» [БА, R 6-173, л. 11–26].

Как это ни кажется парадоксальным, но в первый год немецкой оккупации в Латвии значительно увеличилось количество русских школ и гимназий, даже по сравнению с советским периодом: в 1939–1940 учебном году школ с русским языком обучения было около 140, а в первый учебный год под немецкой оккупацией – 180, и вместо двух русских гимназий – четыре [Felder 2009: 179–180].

Несмотря на то, что в зоне управления гражданской администрации в Беларуси и Украине официальным был признан только соответственно белорусский и украинский язык [Исключение в пользу русского языка делалось только для некоторых восточных областей Украины: «Русский язык наряду с украинским языком допустим лишь там, где большинство населения говорит по-русски (Донецкий бассейн, восточные части Украины). Введение здесь украинского языка будет здесь постепенным, как только к этому будут необходимые предпосылки» (Письмо министерства по оккупированным восточным территориям от 13.01.1942 г., [НАРБ, ф. 632, д. 1, оп. 1, л. 88 и далее]).], русский язык сохранил свои позиции в качестве языка информирования населения и пропаганды. Так, в Беларуси издавалось больше всего газет на русском языке, как в процентном отношении ко всем несоветским русскоязычным изданиям, так и в абсолютных цифрах (43 наименования из 300, что составляло 14,3% всей русскоязычной несоветской прессы). В Украине выходило 30 наименований (10%), во всей Прибалтике – 15 (5%) [Грибков 2016: 256].

Еще более заметной была роль русского языка в районах, которые находились под управлением Вермахта (в основном, восточные районы Беларуси и Украины): язык преподавания и администрации выбирался там, в основном, по преобладающему в данной местности языку населения, т.е. белорусскому, украинскому или русскому [Scholten 2000: 330–331].

Данные по Беларуси, Украине, Транснистрии и Прибалтики свидетельствуют о том, что на всех этих территориях русский язык де-факто оставался важнейшим конкурентом местных языков и заставлял оккупационные власти считаться с русскоязычной частью населения в области информа-

ции и пропаганды (но в гораздо меньшей степени в области образования, управления и культуры).

Если в Прибалтике, Беларуси и Украине немецкие власти стремились постепенно вытеснить русский язык из всех общественно важных сфер, то на территориях, оккупированных Румынией, русский язык частично поддерживался оккупационными властями как противовес украинскому языку. Так, глава румынской православной миссии в Транснистрии приказал проводить богослужение только на церковнославянском языке, а проповеди – на румынском или русском. На украинском как службу, так и проповедь проводить было запрещено, то же касалось и Духовной семинарии в Одессе [Архіви окупації… 2006: 834]. В Транснистрии издавалось 18 названий русскоязычных газет, что составляет около 6% всей несоветской русскоязычной прессы в оккупации [Грибков 2016: 256]. Лоббирование русского языка должно было помочь в деукраинизации региона, чтобы не допустить в будущем притязаний Украины на Транснистрию и Буковину [Armstrong 1990: 205–206]. На территории же бывшей Молдавской ССР румыские власти, наоборот, запретили употребление русского языка в общественных местах [Шорников].

Наконец, следует упомянуть еще языковую политику в отношении русского языка в оккупированной Польше – на территориях, включенных в Рейх, а также в т.н. Генерал-губернаторстве. Русская диаспора здесь (также украинская и белорусская) рассматривалась в качестве одного из национально-культурных противовесов титульной нации, полякам, и имела возможность не только получать образование на русском языке, но и имела даже некоторые преимущества в культурно-языковой сфере по сравнению с поляками (см. документы, опубликованные в [Hansen 1994]).

Оккупированные территории	Общее положение русского языка
Прибалтика (Рейхскомиссариат Остланд)	Язык меньшинства. Как иностранный язык в школах. Тенденция к удалению из общественно значимых сфер.
Беларусь (Рейхскомиссариат Остланд)	Язык неподдерживаемого меньшинства (наряду с польским). Один из языков образования в зоне ответственности Вермахта. Один из основных языков пропаганды и информирования населения.
Украина (Рейхскомиссариат Украина)	Язык неподдерживаемого меньшинства (исключение – восток Украины). Один из языков образования в зоне ответственности армии и на востоке Украины.
Транснистрия, Буковина (аннекс. Румынией)	Язык поддерживаемого меньшинства. Один из основных языков пропаганды и информирования населения.
Польша (Генерал-губернаторство и включенные в Рейх территории)	Язык поддерживаемого меньшинства (наряду с украинским, белорусским, русинским и др.). Один из языков образования в зоне проживания русской диаспоры.

Литература

Архіви окупації 1941–1944 / Под ред. Н. Маковська Київ: Києво-Могилянська академія, 2006.

Грибков И.В. Газеты на оккупированной территории СССР на русском языке в период Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.). Дисс. … канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2016.

Документы Бундесархива Берлин – Bundesarchiv Berlin (БА).

Документы Национального архива Республики Беларусь (НАРБ).

Шорников П.М. Сопротивление политике запрета русского языка в годы фашистской оккупации Молдавии (1941–1944 гг.). [Электронный ресурс. URL: http://www.russian.kiev.ua/material. php?id= 11604185. Дата последнего обращения 23.10.2018].

Armstrong J. Ukrainian nationalism. Englewood: Ukrainian Acad. Press, 1990.

Felder B.M. Lettland im Zweiten Weltkrieg: Zwischen sowjetischen und deutschen Besatzern 1940–1946. Padeborn: Ferdinand Schöningh, 2009.

Hansen G. Schulpolitik als Volkstumspolitik. Münster: Waxmann, 1994.

Scholten D. Sprachverbreitungspolitik des nationalsozialistischen Deutschlands. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000.

Образ России и русских, интерес и мотивации к изучению русского языка в Иране

Ю.А. Зотова

The image of Russia and Russians, motivation to study Russian language in Iran

Julia Zotova

Университет Азад (Северо-Тегеранское отделение) (Тегеран, Иран) / Azad University (North Tehran branch) (Tehran, Iran)

juliazotova@yahoo.fr

Аннотация. Анализируются результаты мини-опроса среди иранских студентов факультета иностранных языков на предмет их отношения к России, русским, современным российско-иранским отношениям. Изучаются мотивации студентов, изучающих русский язык, даются методические рекомендации по улучшению процесса обучения русскому языку в иранской аудитории.

Ключевые слова: РКИ, российско-иранские отношения, образ России, мотивация.

Summary. The results of mini survey among Iranian students at the Faculty of foreign languages for their attitude towards Russia, Russians and modern Russian-Iranian relations are analyzed. The motivations of students studying Russian language are explored, the recommendations to improve the process of learning the Russian language in the Iranian audience was provide.

Keywords: Russian as a foreign language, Russian-Iranian relations, image of Russia, motivation.

В течение последней четверти века наблюдается военно-политическое и экономическое сближение России и Ирана. Российско-иранские отношения оцениваются экспертами очень по-разному: настороженное партнерство или стратегический союз, новая геополитическая ось или брак по расчету и т.п. Одно можно сказать с уверенностью – за послесоветские годы отношения между Россией и Ираном, двумя соседними странами, поддерживающими непрерывные дипломатические отношения с 1592 года, значительно улучшились. В основе российско-иранского альянса лежат общность многих положений внешнеполитических доктрин двух стран, стремление к укреплению региональной безопасности, сходство геополитических интересов, развитие экономического сотрудничества и культурного диалога.

На этом фоне в Иране наблюдается беспрецедентный рост интереса к русскому языку, литературе и России, в целом. В настоящее время русский язык преподают уже в 11 иранских вузах. В Тегеране имеется полный цикл академического обучения русскому языку от бакалавриата до аспирантуры.

Несмотря на многовековые контакты русского и иранского народов, взаимовлияние культур, преемственность многих исторических событий, российские и западные востоковеды отмечают, что в коллективном сознании иранцев сложился, в целом, негативный образ России и россиян. Россия и СССР представляются страной, которую следует опасаться, которая несколько раз в течение последних двух веков угрожала территориальной целостности Ирана либо прямым военным вторжением, либо посредством идеологической поддержки оппозиционных или сепаратистских движений. В отсутствие серьезных социологических исследований иранского общественного мнения о России и русских, мы попытались выяснить, что сегодня думают о своем северном соседе молодые иранцы на основе мини-опроса среди студентов факультета иностранных языков университета «Азад». Осознавая ограниченность нашего исследования как с точки зрения размеров выборки, так и репрезентативности респондентов, оно все же отражает общую картину представлений молодых образованных иранцев о России и

российско-иранских отношениях, дает ответ на вопрос, почему же столь многочисленные иранские молодые люди стремятся выучить русский язык? С какими трудностями они встречаются? Анализ мотиваций иранских студентов, предпринятый в докладе, важен с методической точки зрения и позволяет понять, в каком направлении следует действовать, чтобы максимально приблизить процесс обучения РКИ к практическим целям иранских учащихся, их ожиданиям.

В опросе приняли участие 140 студентов факультета иностранных языков Северо-Тегеранского отделения университета Азад. 64 студента, изучали русский язык и 76 – другие иностранные языки (английский, итальянский, испанский, французский). Всем участникам было задано 9 вопросов: Какими Вам представляются современные россияне? Какое событие в истории Ирана негативно ассоциируется у вас с Россией? Какие позитивные для Ирана моменты связаны с Россией? Имеются ли в вашей семейной истории события, связанные с Россией? Назовите трех россиян, имя которых ассоциируется у вас с Россией. По вашему мнению, должен ли Иран развивать свои отношения с Россией или лучше найти других партнеров? Можно ли назвать современные отношения России и Ирана стратегическим партнерством? В каких областях, по-вашему, Иран должен сотрудничать с Россией? Считаете ли Вы, что в настоящее время Россия вмешивается во внутреннюю политику Ирана? Студенты, изучающие русский язык, дополнительно отвечали еще на вопрос, почему они решили изучать русский язык. Все вопросы были открытыми.

Среди результатов нашего небольшого исследования, к интерпретации которых мы подходим с большой осторожностью, можно отметить следующие основные положения.

В отличие от проводимых ранее в Иране интернет-опросов, только 20% опрошенных имеют негативное представление о русских. Однако при этом даже среди студентов, изучающих русский язык, строго положительный образ россиян сформировался только у половины опрошенных. Наиболее часто встречаемое негативное определение русских «жестокий» является проявлением накопившегося исторического негатива и традиционной русофобии англоязычных медиа, несомненно, оказывающих влияние на иранскую молодежь. Главное историческое событие, негативно ассоциирующееся у иранцев с Россией – это российско-персидские войны XIX века и Туркманчайский договор.

Среди позитивных для Ирана событий, практически все опрашиваемые назвали события современных российско-иранских отношений, а именно: общность интересов России и Ирана на современном этапе, поставка Россией Ирану зенитного комплекса С-300, строительство Бушерской АЭС, совместные военные действия в Сирии, использование Россией права вето в Совете Безопасности ООН в интересах Ирана, противостояние России и Америки. Молодые иранцы не помнят позитивных моментов в советско-иранских отношениях – никто не упомянул договор о дружбе 1921 года, крупные советские проекты в Иране 1960–1970-х годов. Совместные военные действия в Сирии рассматриваются и как позитивные и как негативные моменты в зависимости от личного взгляда респондента на эту проблему.

Как и предполагалось, студенты-русисты в большей мере, чем остальные опрошенные имели связи с Россией. Почти 60% опрошенных студентов русского языка отметили, что имеют родственников, происхождением из стран бывшего Советского Союза, или родителей, супругов, которые по профессиональным причинам связаны с Россией, либо сами они проходили обучение в России или странах СНГ.

Отвечая на вопрос о российских персоналиях, многие студенты называли русских писателей XIX века (Чехов, Достоевский, Толстой, Пушкин), Юрия Гагарина. Среди политических деятелей студенты, изучающие русский язык, несколько раз упомянули Петра I и Сергей Лаврова. Имя Сталина назвали только четверо из всех опрошенных. Однако бесспорным лидером в этом вопросе стал Владимир Путин, его упомянули 80% всех опрошенных и 84,2% студентов, не изучающих русский язык, что отражает необыкновенную популярность российского президента среди всего населения Ирана, которое традиционно оказывает уважение сильным лидерам. Многие студенты-русисты назвали имена своих преподавателей-носителей русского языка. Последнее доказывает, что преподаватель РКИ непосредственно участвует в формировании образа страны, и важность этого факта должна быть учтена организациями, занимающимися развитием и пропагандой русского языка и культуры в Иране.

В целом все опрошенные, и особенно русофоны, выступают за расширение сотрудничества с Россией, как и с другими странами мира. Большинство считают их отношения стратегическими при всей расплывчатости этого термина для молодых иранцев. При этом военные связи двух стран не являются для них приоритетными.

Более половины студентов, изучающих русский, выбрали этот язык, руководствуясь своими профессиональными мотивациями: одни в надежде найти хорошую работу в будущем (34,4%), другие с целью улучшить свое профессиональное положение (18,7%), т.е. отмечается явное преобладание внешних мотиваций над внутренними. Полученные результаты должны быть учтены при планировании учебных курсов с тем, чтобы максимально приблизить учебные задачи к требованиям будущей профессиональной деятельности учащихся. Следует усилить коммуникативную направленность уроков, больше внимания уделять чтению и переводу военно-политических, технических текстов. Иранские студенты не имеют достаточных знаний ни о современной России, ни о ее роли в истории Ирана. Последняя часто подается, как и внутренними, так и внешними иранскими СМИ, в преднамеренно искаженном виде в угоду сиюминутной политической конъюнктуре и идеологии. Если мы хотим улучшить имидж России в этой стране, то задачей организаций, пропагандирующих русский язык в Иране, а также преподавателей российского страноведения должен стать открытый и честный разговор об истории российско-иранских отношений.

Типовой дискурс диаспоры: пространственно-временная локализация

Е.И. Костанди

Typical diasporic discourse: spatial-temporal localization

Y. Kostandi

Тартуский университет (Эстония) / University of Tartu (Estonia)

jelisaveta.kostandi@ut.ee

Аннотация. Доклад продолжает серию публикаций автора, посвященных особенностям дискурсивных практик в ситуации языковых контактов. Предыдущие исследования показали, что в условиях диаспоры говорящий уделяет особое внимание некоторым зонам действительности и специфически концептуализирует их. Внимание в докладе будет сфокусировано на пространственно-временной локализации.

Ключевые слова: Эстония, русская диаспора, типовой дискурс, пространственно-временная локализация.

Summary. The report continues the series of the author's publications devoted to the peculiarities of discoursive practices in the situation of language contacts. Previous research has shown that in the conditions of the diaspora the speaker pays particular attention to various zones of reality and conceptualizes them in a specific manner. The report focuses on the spatial-temporal localization.

Keywords: Estonia, the Russian Diaspora, typical discourse, spatial-temporal localization.

Многолетние исследования речи русской диаспоры Эстонии показали, что в ряде сфер не только используются языковые средства, отражающие местную специфику, но и проявляются особенности картины мира носителя языка, формирующиеся в условиях диаспоры. Накопление однотипных фактов, фиксируемых в разнородном материале, приве-

ло к возможности говорить о том, что в диаспоре трансформируется восприятие некоторых зон действительности. Анализ материала позволяет отнести к таким зонам пространственно-временную локализацию, языковую рефлексию, сферу социальных отношений, оценку. В каждой из них местные особенности имеют множество проявлений, от очевидных до почти незаметных без специального сопоставительного анализа. Эти зоны можно определить как особо значимые для диаспоры, а их набор представить в виде типового дискурса диаспоры, отдельные аспекты которого ранее рассматривались нами [Костанди 2015; 2016a; 2016b].

В центре внимания в докладе будут особенности проявления в речи диаспоры пространственно-временной локализации. Как известно, пространство и время относятся к числу категорий, важнейших для человека и его деятельности, в частности, речевой, они же являются значимым компонентом языковой картины мира. Анализ языкового материала показал, что в ситуации диаспоры и регулярных языковых контактов пространственно-временные показатели приобретают ряд локальных черт. Общий обзор и некоторые детали пространственной (вариативность топонимики, речевое оформление городского пространства и др.) и временной (праздничные и знаменательные даты, наименования исторических периодов, речевые практики с темпоральной составляющей и др.) специфики, проявляющейся в речи диаспоры, уже рассматривались ранее в ряде публикаций [Костанди 2015; 2016a; 2016b; Паликова 2013; Щаднева 2014]. В то же время постоянно обнаруживаются новые детали этой специфики. В докладе предполагается рассмотреть следующие вопросы:

– семантическая переориентация части лексики, содержащей пространственные и временные характеристики, их соотнесенность с историческими периодами (*гимназия, пенсия, рождественские каникулы, срочная служба, эстонское время, уезд, волость*);
– повседневные дискурсивные практики с темпоральной составляющей (*Поздравляем со всеми Рождествами и Новыми годами!*);
– исторические изменения в грамматическом и интонационном освоение в русской речи эстонских топонимов, в частности микротопонимов (*Пернов* / *Пярну*; *Усть-Нарва* / *Нарва Йыесуу*; *ул. Крейцвальда* / *Крейцвальди*);
– актуальность темы современных и исторических топонимов и наименований с темпоральной составляющей;
– языковая рефлексия, обусловленная местной спецификой пространственно-временной локализации (из телепередачи: *Мунтенская – это вот та улица, которая нынче называется Мюнди;* из диалектных записей: *Причем* (раньше) *отмечали именно Иванов день, Яанипяэв* (эстонское название праздника) *не отмечался тогда широко. Эстонцы отмечали у себя. <…> А* [теперь] *на Яанипяэв жег. Очухнел, как говорят здесь, не для микрофона будет сказано*).

Материалом для анализа послужили медиа-тексты, записи разговорной и диалектной речи, сетевое общение, официально-деловые тексты, мемуарная, эпистолярная, учебная, художественная литература. Сопоставление результатов анализа разнородного материала позволило сделать выводы, которые, как представляется, касаются языка диаспоры в целом и отражают наиболее общие тенденции его развития.

Литература

Костанди Е.И. Категория темпоральности в «обыденном» языке: сопоставительный аспект // Rusistica Latviensis 5. Slavica – 2015: filoloģijas pētījumi / Под ред. Л. Спроге, Н. Шрома, Р. Курпниеце. Riga: LU Akadēmiskais apgāds, 2015. С. 79–85.

Костанди Е.И. Типовой текст диаспоры: когнитивный аспект // Русистика и современность / Под ред. Э. Архангельской, Л. Игнатьевой. Рига: БМА, 2016a. С. 273–280.

Костанди Е.И. Метаязыковой дискурс диаспоры: инвариант и варианты // W poszukiwaniu tożsamości językowej. Tom I. / Red. Ż. Sładkiewicz, K. Wądołowska-Lesner. Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2016b. С. 244–253.

Паликова О.Н. Неофициальная географическая лексика как лингвистический признак территориальной общности людей (На материале городского сленга и островного говора) // Acta Slavica Estonica. III. Slavica Tartuensia X. Славистика в Эстонии и за ее пределами / Под ред. А.Д. Дуличенко. Tartu: University of Tartu Press, 2013. С. 84–97.

Щаднева В.П. Функционально-семантические особенности темпоральных языковых средств в текстах разных жанров (на материале эстонско-русских переводов криминальных новостей и обвинительных актов) // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Т. 2. / Сост. В.Н. Денисенко, Е.А. Красина и др. М.: Изд-во РУДН, 2014. С. 528−537.

Речь диаспоры как вариант русского языка

И.П. Кюльмоя

Diaspora's speech as a variant of the Russian language

Irina P. Külmoya

Тартуский университет (Эстония) / Tartu University (Estonia)

irina.kulmoja@ut.ee

Аннотация. На примере Эстонии рассматриваются общие особенности русской речи диаспоры, ее функционирования и развития в условиях языковых контактов и влияния доминирующего языка.

Ключевые слова: русский язык диаспоры, закономерности развития, вариативность, активные процессы.

Summary. The paper deals with the study of linguistic pecularities of the Russian language as mother tongue in foreign language environment. The article discusses the tendences of the development of the Russian language in Estonia on the basis of the dialects and contemporary standard speech.

Keywords: Russian language of the diaspora, patterns of development, variability, active processes.

Язык русских диаспор, существующий в том или ином статусе в государствах, образовавшихся на постсоветском пространстве, развивается в условиях тесных культурных и языковых контактов и, как правило, находится под активным влиянием доминирующего языка. Не будучи государственным языком, как например, в странах Балтии, он реализует не все возможные функции. Так, русский язык утратил функции языка законодательства и политики и др. В то же время, например, в Эстонии, где более 300000 человек используют его как родной, он функционирует в разнообразных вариантах: литературный язык, территориальные говоры, профессиональное и социальное арго, в том числе молодежный сленг и речь в социальных сетях в Интернете. Сохраняется и стилистическое разнообразие языка: публицистический, научный, в определенной мере – официально-деловой стиль (часто в переводных текстах). Русский язык в Эстонии используется в СМИ, различных областях культуры, частично в школьном преподавании и т.д. Кроме ряда процессов, сходных с языком этнической территории (отмеченные многими исследователями заимствования из английского языка, активизация некоторых словообразовательных моделей, изменения в грамматической системе, в языке СМИ и других формах публичной речи, смягчение литературной нормы), в нем происходят процессы, характерные для условий языковых контактов. Так, язык диаспоры вынужден реагировать на необходимость выразить местные реалии, что развивает в нем добавочные средства вариативности. Этому способствуют ситуация билингвизма, отсутствие строгой кодификации, особенности школьного и иного образования, специфика медийной сферы и др. факторы.

Как показывает ряд исследований, это не только легко наблюдаемые лексические заимствования, но и менее заметные изменения в грамматике, прежде всего, в синтаксисе, а также в прагматике языковых единиц.

Обобщение результатов многолетних исследований позволило выявить ряд характерных функциональных особенностей развития языка вне этнической территории:

1. Реализация не всех его функций по сравнению с государственным языком.

2. Переключение и смешение кодовв виде вкрапления иносистемных элементов в речевую цепь (графических, лексических, синтаксических). В говорах: *А десятник – тогда в нас кюмником его звали*, *руководителя*. *Kümnik – десятник по-русски*. В СМИ: покупки недели в Prisma. В устной речи: *Наш максуамет* <налоговый департамент> *совсем с ума сошел*.

3. Активный процесс заимствования из окружающего (государственного) языка, отличающийся от языка на основной территории его функционирования. Такое заимствование происходит только в условиях межкультурной коммуникации, т.е. контактов языковых коллективов. Результатом заимствования являются изменения в системе средств номинации. В говорах: *грунт* (*участок земли*), *кельки – kelk* (*санки*). В СМИ: *Рийгикогу – Riigikogu* (*парламент Эстонии*); в устной речи: *акцептировать – aktsepteerima* (*принимать во внимание*, *учитывать*).

4. Различия в узусе, речевых практиках (кальки и полукальки, нарушение сочетаемости в несвободных сочетаниях и др.): *семейный врач*, *физическое лицо-предприниматель* (ср. в России: *индивидуальный предприниматель*), *шведское время* (период истории страны под властью Швеции). Это одна из частотных сфер речевого воплощения типового дискурса диаспоры, описанного в [Костанди 2016].

5. Консервация языка, особенно при усвоении его в иноязычном окружении. Она может проявляться как в отсутствии новых лексем, появившихся в языке этнической территории, так и в сохранении каких-либо архаических черт. Так, доминирующий язык может иногда поддерживать функционирование исчезнувших в метрополии единиц языка, например, сохранение в говорах форм северо-западного перфекта, сходных с эстонским неопределенно-личным залогом: *Окоп был сделано* [Кюльмоя 2016].

Русский язык в Эстонии функционирует, в той или иной мере сохраняя свои социальные и территориальные разновидности, что позволяет считать его, согласно многим определениям [Словарь социолингвистических терминов 2006: 35], одним из ряда национальных вариантов русского языка на постсоветском пространстве. Их характерной особенностью является адаптация к потребностям коммуникации в условиях контакта языков и влияния доминирующего (государственного) языка. Специфические черты языка диаспоры в основном связаны с реалиями данной страны, чаще всего осознаются носителями варианта языка и не столь существенны, чтобы препятствовать коммуникации диаспоры и метрополии.

Литература

Костанди Е.И. Типовой текст диаспоры: когнитивный аспект // Русистика и современность / Под ред. Э. Архангельской, Л. Игнатьевой. Рига, 2016. С. 273–280.

Кюльмоя И.П. К диалектике «своего» и «чужого» в русском языке рассеяния // Acta Slavica Estonica. VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XVII. *Свое – чужое* в языке и речи / Под ред. И.П. Кюльмоя. Tartu: University of Tartu Press, 2016. С. 116–123.

Словарь социолингвистических терминов / Под ред. В.Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН, 2006.

Лексика православной духовности в сербском и русском языках (на материале из романа Е. Водолазкина «Лавр» и его перевода на сербский язык)

Ружица Левушкина

Orthodox spirituality lexis in Serbian and Russian (on material from novel by E.Vodolazkin “Laurus” and its Serbian translation)

Ružica Levuškina

Институт сербского языка САНУ (Белград, Сербия) / Institut of Serbian Language of SASA (Belgrade, Serbia)

ruzica.bajic@isj.sanu.ac.rs

Аннотация. Цель работы выявить различия и сходства между употребленными в материале лексемами в русском оригинале и сербском переводе романа «Лавр». Большинство из них из (церковно)славянского языка и, как таковые, являются достоинством обоих языков. Обратим внимание особенно и на лексемы, обозначающие реалии, несуществующие в сербской культуре, и те, для которых в переводе можно использовать не одну, а больше лексических единиц, в зависимости от контекста.

Ключевые слова: лексемы сферы православной духовности, русский язык, сербский язык, перевод.

Summary.The aim of the paper is to analyze the differences and similarities between the Russian and Serbian Orthodox spirituality lexis in the novel “Laurus” and its translation into Serbian. Having their origin in the Church Slavonic language, the majority of these lexemes can be found in both Russian and Serbian. Our focus will, also, be the lexemes denoting phenomena non-existent in Serbian culture, as well as those that can be, depending on the context, translated by more than one Serbian counterpart.

Keywords: Orthodox spirituality lexis, Russian, Serbian, translation.

0. Роман «Лавр» является хорошим материалом для исследований лексики православной духовности. Кроме современного русского (рус.), он содержит и многие элементы церковнославянского и старорусского языков. Использование этих языков естественно, поскольку в книге речь идет о жизни врача пятнадцатого века, времени, когда на Руси православный образ жизни был обычным. Часть этого материала мы уже проанализировали с точки зрения (не)соответствующих переводных эквивалентов [Левушкина 2018], а в этой статье постараемся выявить сходства и различия между лексикой одного и другого языков. При этом будем использовать русскую лексику оригинала и переводную лексику: как ту которая в опубликованом переводе, так и ту которую считаем более соответствующей для каждого из конкретных контекстов и учитывая особенный стиль писателя. Цель работы – утвердить степень соприкосновения и различия между рус. и сербской православной культурой, подчеркнуть совместное наследие и рекомендовать употребление в сербском языке (с. я.) именно тех лексем, которые употребляются в русском, если они, в том или ином фонетическо-морфологическом варианте, существуют в лексической системе сербского языка (с. я.).

0.1. Еще около 20 лет назад К. Кончаревич заложила основу конфронтационным исследованиям лексики православной культуры серб. и рус. языков (см. напр. [Кончаревић 1998]). Настоящее исследование является их продолжением, а также продолжением и собственных исследований (см., напр., [Бајић 2013]).

1. Выбраный материал составляет около 70 пар лексических единиц на рус. и на серб. языках. Большинство лексем однокомпонентные, хотя есть и лексические единицы (л. е.) в составе которых две или больше компонентов (напр. *Дом Божий; суточный богослужебный круг*).

1.1. В материале самое большое количество семантически и этимологически одинаковых л. е. в обоих языках. В редких примерах абсолютная фонетическая одинаковость (напр. *риза, нехристи*). В остальных парах различия между лексемами касаются фонетических и (орфо)графических особенностей каждого из языков: рус. *видение* / серб. *виђење, чревоугодие* / *чревоугодије, благодарственный молебен* / *благодарствени молебан, отмолены* / *одмољени* и т.д. Надо подчеркнуть, что переводчик часто выбирал другие лексемы с. я. в качестве переводного эквивалента: напр. перевод лекс. *Содетелю – Сачинитељу*, вм. *Саздатељу*, лекс. *привидение –*

авет, вм. *привиђење,* лекс. *страждущих – паћеника*, вм. *страдалника,* лекс. *совершается – обавља се*, вм. *савршава се* и др. Думается, что в переводе этого романа надо выбирать лексемы сербского языка, соответствующие употребленным в оригинале. А в лексической системе с. я. рекомендованные нами лексемы существуют.

1.2. Всего 11 лексем этимологически отличаются в двух языках (сначала приводим л. е. русского, потом с. я.; обычным шрифтом л. е. которых данное заключение не касается, но являются составными частьями конкретных целых л. е.): *паникадило* / *полијелеј*; *совокупная* молитва / *заједничка* молитва; *суточный* богослужебный круг / *дневни* богослужбени круг; *благожелательно* / *срдачно*; *мзда* / *награда*; *в благодарность* / *у знак захвалности*; *врач безмездный* / *лекар бесребреник*; *буйственое* житие / *јуродиви* живот; *матушка* / *попадија*; церковь *во имя* св. ап. Андрея / црква *посвећена* Св. ап. Андреју; *притвор* / *припрата.*

1.3. Есть реалии русского православия, несуществующие в сербской православной культуре: л. е. *отходная келья, странник* и *девичьи монастырь.* Перевод последнего, а вернее лексический прием перевода – транслитерация, нам показался правильным, так как другие имена прилагательные в с. я. (*девичански, девички*) – уже обозначают другие реалии. Л. е. *отходная келья* переведена как *испосничка келија*, что не раскрывает суть значения, но переводческий прием генерализации здесь уместен. Другой переводческий прием – конкретизация – употреблен для перевода лексемы *странник* (= *путник, луталица*). В обоих последних случаях считаем, что описательный перевод, хотя и единственный правильный, не был бы хорошим переводческим приемом, потому что размер амплификации (о данном термине см. напр. 4) велик, а информация не настолько важна, чтобы к такому приему прибегать.

1.4. Есть случаи, в которых одной лексеме рус. языка соответствуют две или больше (включая варианты) лексем с. я., в зависимости от контекста и выбора переводчика: рус. лексеме *бес* соответсвуют серб. *демон, нечастиви, зли дух* и *бес;* рус. лекс. *грехопадение* – серб. *прародитељски грех, сагрешење* и *пад у грех;* рус. лекс. *созерцание* – серб. *сазрцање, созерцање, сагледавање* и рус. лекс. *благочестивый* – серб. *благочестив, благочастив* и *побожан.*

2. Анализ подтвердил, что русская и сербская православные культуры в основном похожи и в большинстве случаев даже этимологически одинаковы. Считаем, что это сходство надо подчеркивать в переводе романа «Лавр» и похожей литературы выбором таких л. е. в переводе, которые являются совместным наследием из (церковно)славянского языка. В редких случаях, где эти культуры не совпадают, употребляются разные переводческие приемы. Когда в системе сербского языка есть больше возможных переводческих эквивалентов, рекомендуем употреблять, по возможности, каждый из них в разных контекстах, актуализирая таким образом пассивный лексический фонд, развивая и сохраняя лексическое богатство сербского языка.

Литература

Бајић Р. Лексика сфере православне духовности у српском језику и њена лексикографска обрада / неопубликованная д-р диссертация. Београд: Филолошки факултет, 2013.

Кончаревић К. Руска лексика из религијско-црквене сфере и њена лексикографска обрада. Конфронтациони лингвокултуролошки приступ // Творбена и лексичка семантика у српском и другим словенским језицима. Радови са IV лингвистичког скупа „Бошковићеви дани“ (Подгорица 8–9. 10. 1998). Подгорица: Црногорска академија наука и умјетности, 1998. С. 205–218.

Левицкий Р. Русская религиозная лексика в переводческой конфронтации: избранные приемы перевода // Теолингвистичка проучавања словенских језика / Под ред.: Јасмина Грковић-Мејџор, Ксенија Кончаревић. Београд: Одбор за српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија САНУ, 2013. С. 153–165.

Левушкина Р. Лексеме из сфере православља у преводу на српски језик романа «Лавр» Евгенија Водоласкина (проблематика (не)одговарајућих преводних еквивалената) // Дарагое мне – і моё – беларускае. Навуковы зборнік да 100-годдзя з дня нараджэння прафесара Ф.М. Янкоўскага / Под ред. Д.В. Дзятко. Rīga: Baltkrievijas vēstures un kultūras institūts, 2018, С. 140–144.

Феномен языковой гибридизации элементов английского языка в современном художественном тексте (на материале романов Сергея Минаева)

А.М. Мубаракшина

The phenomenon of language hybridization of the English elements in the modern literary text (based on the novels by Sergey Minaev)

A.M. Mubarakshina

Казанский федеральный университет / Kazan Federal University

amubarakshina638@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается явление гибридизации русского и английского языков в пространстве художественного текста современного популярного русскоязычного писателя.

Ключевые слова: гибридизация языков, русский язык, английский язык, художественный текст.

Summary. The article deals with the phenomenon of hybridization of the Russian and English languages in the space of the literary text of the modern popular Russian-speaking writer.

Keywords: hybridization of languages, Russian, English, literary text.

Возможность скрещения языков признавал еще И.А. Бодуэн де Куртенэ [Алпатов 2005: 124], назвавший одну из своих статей «О смешанном характере всех языков» [Там же: 78].

Доминирующим в современном мире, принято считать английский язык, влияние которого на другие мировые языки приводит к возникновению так называемых «языков-гибридов», «локальных форм английского» [Ломтева, Пахаренко 2015: 129].

Одним из наиболее успешных «пользователей» явления Global English в России является популярный писатель Сергей Минаев. Гибридизация в его романах на словообразовательном уровне проявляется в использовании слов с английской производящей основой (в русской транслитерации) в сочетании с русским префиксом или аффиксом: *френчей*, *бойфрендом*, *маркет-ресёрчами*, *лузерами*, *филд-репортами*, *в сейлс-офисе*, *аутсорсинга*, *на джетах*, *приатачь* отчет, *релаксануться*, деньги *кешэм* и др. [Минаев 2008], *приперся в рашку*, охвачена *флеш-мобом*, половина *лайв-джорнала*, стать *ньюсмейкерами* [Минаев 2007].

Примером гибридизации на лексико-синтаксическом уровне могут стать вкрапления английских лексем и сочетаний в русскоязычное предложение: «…я зову эту категорию особей женского пола the telki», «…или krytie bandity from Taganka Area», «…настоящий герой Fashion TV, воплощение клубной культуры и night fever style… – Миша по прозвищу VooDoo», «…аудиосвидетельства моей night fever: от «Zeppelin» до «Costes», «Будь я на месте ребят из «NIKE», я бы точно сменил промо-слоган для территории России с «Just do it» на «Do something» и др. [Минаев 2008]. Следующей фазой освоения такого рода элементов становится их употребление в собственной речи. Такими индивидуумами, характеризующими современный социум, в нашем случае являются герои литературных произведений, представляющие собой некоторых жителей современной России, владеющих иноязычным вокабуляром настолько, что они способны слушать новости на англоязычных каналах, понимать рекламные надписи и даже в невербальных размышлениях [Воронченко, Михина 2013: 360]: «при входе размещается ре-

сепшн», «от книжек формата “покетбук”…», «кто сидит за ресепшн-деск», «…сам из среды сейлс» и др. [Минаев 2008].

Однако прием гибридизации в художественном тексте есть не только дань современным языковым и социокультурным тенденциям, но и прием стилизации, передающий речь говорящего по-русски иностранца: «…Ви колл ит тим спирит, изн ит? Я провел достаточно время в малтинейшнлбизнес в Европе и Америка, и, беливь ми, есть принсиплс и рулз, которые уже приходят и в Россия. И имажь наших брэндов, и имажь нашей компании есть бейзис для успеха всех операций. …Стрейндж, риали стрейндж» [Там же].

Авторские неологизмы также можно считать разновидностью гибридизации: «Быстрое переключение телевизора с одной программы на другую, к которому прибегают, чтобы не смотреть рекламу, называется «zapping» [Минаев 2007]. «Кто не завез? Дыроколмен из комиксов?» [Минаев 2008]; «Уже нынешнее поколение россиян будет жить дольче, гучче и версаче» [Минаев 2009]. Такие окказионализмы иллюстрируют собой гибридизацию не только на уровне языка и грамматики (*гучче* ← *гуччи* + ^ сравнительной степени), но и на уровне смешения культур, экспансия иностранных реалий в российскую действительность. В упомянутых примерах – это приверженность современных людей миру иностранной моды («прадо-гуччи-подобный»; «дольче, гучче и версаче»), а также аналогия с культовыми героями англо-американской кинокультуры (*Batmen*, *Supermen* → *Дырокол* + *мен*).

Таким образом, возникновение лексем-гибридов – процесс, ярко характеризующий романы Сергея Минаева, да и тенденции в русском языке в целом. Чтение такого рода романов невозможно без определенного уровня культурного и образовательного развития. Писатель рассчитывает, что потенциальный читатель чувствует чужую культуру, может дифференцировать ее вкрапления в аутентичный русский текст, может воспринимать английскую речь, а это, в свою очередь, позволяет внедрять другие концепты, феномены, процессы и ассимилировать их в свой культурный фон.

Литература

Алпатов В.М. История лингвистических учений. 4-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Воронченко Т.В., Михина А.Э. Global English как фактор гибридности литературного текста // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-2. С. 356–361.

Ломтева Т.Н., Пахаренко С.В. Процессы языковой гибридизации в картине мира принимающей лингвокультуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (54): В 4-х ч. Ч. IV. С. 129–133.

Минаев С. Media Sapiens: Повесть о третьем сроке. М.: АСТ: Астрель, 2007.

Минаев С. ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке. М.: АСТ: Астрель, 2008.

Минаев С. The Телки. Повесть о ненастоящей любви. М.: АСТ, 2009.

Ранние (XVI–XVII вв.) семантические локализмы местного тюркского происхождения в терских русских говорах

А.Л. Мугумова

Early (the XVI–XVII centuries) semantic lokalizmes of local Turkic origin in Terek river Russian dialects

Anna L. Mugumova

Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала) / Daghestan State Pedagogical University (Makhachrala)

garun48@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются семантические локализмы терских русских говоров, которые имеют главным образом кумыкский генезис. Они получили отражение в местных русскоязычных памятниках XVI-XVII вв. Среди них преобладают гидронимы, которые свидетельствуют о достаточно давнем пребывании носителей русского языка в данном регионе. Отдельные локализмы (*казан* со значением ‘семья, двор, хозяйство’, присущим лишь ногайскому языку, и областное *юрт* ‘земельный надел станицы, хутора в казачьих областях’) примыкают к диалектизмам.

Ключевые слова: семантические локализмы, тюркский генезис, терские русские говоры.

Summary. In article are considered semantic lokalizm of Terek Russian dialects, which have mainly the Kumyk genesis. They have received reflection in local Russian-speaking monuments of the 16-17th centuries. Among them prevail gidronims, which demonstrate rather old stay of native speakers of Russian in this region. Separate lokalizmes (*kazan* with semantic 'family, yard, economy' value inherent only in the Nogai language and regionalism *yurt* ‘an allotment of the village, farm in the Cossack areas’) adjoin dialecticisms.

Keywords: semantic lokalizm, Turk genesis, Terek Russian dialects.

Русский язык, в лице различных его диалектов, имеет достаточно длительную историю взаимоотношений с ареально смежными восточными, прежде всего, тюркскими языками. Особенно интенсивно соответствующие лексические связи начали развиваться с XVI–XVII вв., когда русские поселенцы-казаки начали осваивать обширные пространства к югу и востоку от традиционно великорусских исторических областей, в т.ч. Северный Кавказ и Дагестан. Здесь терские казаки «застали уже сложившийся лингва франка, который они назвали татарским. Этот “татарский” язык использовался для общения с местным населением…».

Именно так в конечном счете называли местные тюркские – кумыкский и ногайский – языки, которые были в эту эпоху основным средством межэтнического общения разноязыких народов региона. Если первоначально, с конца XVI в., терские воеводы – главы местной русской администрации – использовали для посылок к местным правителям пленных из Астрахани, по всей видимости, татар, то в дальнейшем, после Смутного времени, в Терской крепости появляются собственные толмачи и письменные переводчики, которые съезжались сюда при проведении официальных переговоров с местными владетелями.

Вследствие этого в местных русскоязычных памятниках получают отражение т.н. *локализмы* – слова, известные «языку или диалекту пограничных с восточным населением русских территорий, не имеющее общерусского распространения и встречающееся только в языке местной деловой письменности». К ним относятся калькированные лексические формы кумыкского и отчасти ногайского происхождения, представленные в нынешней восточной, главным образом равнинной, Чечне – одной из областей прошлого проживания кумыков в рассматриваемый период.

В их числе обращают на себя внимание сравнительно многочисленные гидронимы, свидетельствующие, как обычно полагают в подобных случаях, о достаточно давнем пребывании носителей русского языка в данном регионе: *Белая* (1614 г.), правый приток р. Сунжи, а также *Белка* (1651 г.) – правый приток р. Гумс с расположенным на нем с. Белоречье (< тюрк. (кум.) *Акъсу*); *Гремячая* (1614 г.) – правый приток р. Сунжи (< ног. *кылкылдав* ‘бульканье’); *Горячий Колодезь* ‘горячие источники по р. Сунже’ (1585, 1615, 1651, 1627 гг.), р. *Теплая* (1614 г.) (< кум. *Исси сув* ‘горячая, теплая вода, река, источник’); *Черная* (1617 г.) (<тюрк. (кум., ног.) *К(ъ)арасу* – правый приток р. Мичик, впадающей в р. Гумс; *Зеленая река* – русское название небольшого правого притока р. Сунжи (1635 г.) (< кум. *Гёксув*, означающее, как и в других тюркских языках, не только ‘голубой, синий’, но и ‘зеленый’ в отношении растений). Среди русских

калек местного тюркского происхождения известен также ойконим *Холопье городище* (1644 г.), точнее, расположенное рядом с ним с. Кулары (чеч. *Пуларе* / *Пулари* < тюрк. (кум., ног.) *qullar* ‘рабы’, прямо отвечающие русск. *холоп* и свидетельствующее (см. в предшествующем изложении) о достаточно широкой известности местных тюркских языков терскому казачеству), а также отэтнонимический дромоним *Черкасская дорога* < кум. фолькл. *Чергес ёл* при кум. фолькл. *Чергес тав* (гора).

Некоторые локализмы примыкают к диалектизмам, «тождественным по звуковой форме соответствующим словам литературного языка, но отличающимся от них своим значением». К подобным формам относится квалифицируемое в говоре станицы Александрийской (Республика Дагестан) как усвоение до XVI в. *казан*, в котором развилось значение ‘семья, двор, хозяйство’, присущее лишь ногайскому языку. В этом же говоре имеет место развитие под влиянием местных тюркских языков нового значения ‘село, аул’ у привнесенного в тот же говор до XVI в. русского областного *юрт* ‘земельный надел станицы, хутора в казачьих областях’, имеющего тюркское происхождение.

Литература

Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. Махачкала, 2010.

Колесов В.В. Русская диалектология. М.: Дрофа, 2006.

Мугумова А.Л. Позднесредневековая русская топонимика тюркского происхождения в Нижнем Притеречье (вторая половина XVI в. – XVII в.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2015. № 3 (28). С. 62–64.

Садур В.Г. Тюркский элемент в языковой ситуации на Северном Кавказе до 1917г. // Материалы Международной научной конференции «Национальная культура и общение». М., 1977. С. 67–68.

Эфендиева А.Д. Заимствования из восточных языков в русском языке позднего средневековья (XVI–XVII вв.): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л., 1975.

Русский язык как средство межнационального общения

Л.П. Павлова

Russian as a means of international communication

Ludmila P. Pavlova

Белорусский институт правоведения (Минск, Беларусь) / Belarusian Institute of Law (Minsk, Belarus)

pavlovabf@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам, связанным с русским языком как средством межнационального общения. Статус межнационального русский язык приобрел благодаря тому, что почти для всех людей 193 национальностей, проживающих на территории РФ, русский язык стал родным. Однако межнациональным русский язык является не только на территории РФ, но и в Республике Беларусь, где проживают представители более 130 народов и народностей. Все они также считают русский язык родным языком.

Ключевые слова: *русский язык, средство межнационального общения, родной язык, преодоление межъязыкового барьера.*

Summary. The article is devoted to the problems connected with Russian as a means of international communication. Russian acquired the status of the International language thanks to the fact that for all people of 193 nationalities living on the territory of the Russian Federation, Russian became the native language. However, Russian is international not only on the territory of the Russian Federation, but also in the Republic of Belarus where the representatives of more than 130 people and nationalities live. All of them also consider Russian as their native language.

Keywords: *Russian, means of international communication, native language, overcoming interlingual barrier.*

Актуальность темы статьи обусловлена следующим.

Проблема национальных языков и межнациональных отношений является одной из наиболее острых и противоречивых, что создает определенную опасность для общества.

Язык – это самое ценное и самое мудрое, что создано человечеством. Невозможно представить себе жизнь общества без использования языка, поскольку язык является средством общения, в том числе и межнационального.

Современное общество развивается в условиях глобализации и интернационализации, поэтому страны становятся более тесно связанными в экономическом и социальном смысле, что, в свою очередь, вызывает у них потребность в общении и понимании друг друга в процессе совершения путешествий, занятия бизнесом или познавательным процессом и т.д. Для этого необходимо существование языков, выполняющих функцию межнационального общения.

Всего на данный момент насчитывается свыше 7000 языков. Однако далеко не каждый язык обладает статусом межнационального языка. К этим немногим межнациональным языкам относится и русский язык.

Что же представляет собой межнациональный язык? На каком основании ему присваивается статус межнационального языка?

Целью статьи и является поиск ответов на эти вопросы на примере русского языка.

Прежде всего, следует раскрыть сущность понятия «межнациональный язык».

Под языком межнационального общения обычно понимают язык, с помощью которого осуществляется преодоление языкового барьера, возникающего среди представителей различных этносов в рамках одного многонационального государства. В качестве примера успешно выступает Российская Федерация, объединяющая внутри своей страны множество народов, языком общения которых служит русский язык [Русский язык – язык межнационального общения]. Целью использования межнационального языка является общение представителей различных народов в рамках одного государства.

Приобретение языком межнационального статуса представляет собой сложный и многоплановый процесс, включающий в себя целый комплекс взаимосвязанных лингвистических и социальных факторов, среди которых можно назвать и смешение культур нескольких народов, взаимообогащение этнических культур (появление новых праздников, заимствованных у других народов, новых слов и понятий).

В Российской Федерации проживают представители 193 национальностей, которые говорят почти на трехсот языках и диалектах. Причем вряд ли встретится хоть один населенный пункт, где бы отсутствовала смешанность людей разных национальностей.

Почти для всех людей этих национальностей, проживающих на территории РФ, русский язык стал родным.

Однако межнациональным русский язык является не только на территории РФ, но и в Республике Беларусь, где 14 мая 1995 г. был проведен общенациональный референдум, на котором 83,3% белорусов выступили за придание русскому языку статуса государственного. Для населения Беларуси русский язык является не просто государственным, а основным и родным: фактически все 100% населения Республики Беларусь говорят на русском языке. Беларусь – единственная республика постсоветского пространства, где русский язык имеет равный статус с национальным языком. Учитывая, что по данным переписи населения 2009 года, на территории Беларуси проживали представители более 130 народов и народностей (среди них наиболее представлены этнические белорусы, русские, поляки, украинцы, евреи, армяне, татары, цыгане, азербайджанцы, литовцы) [Бюллетень_Республика], русский язык можно рассматривать как средство межнационального общения на территории Республики Беларусь.

Обучение на русском языке делает молодых людей конкурентоспособными при поступлении в учебные заведения и в самой Беларуси, и в Российской Федерации. В 2016 / 2017 учебном году на русском языке обучались 84,4% учащихся [Будущее русского языка в Беларуси].

Проведенное нами анкетирование в Белорусском институте правоведения показало, что в данном учреждении образования обучаются представители 13 национальностей, среди которых: белорусы, русские, поляки, украинцы, евреи, армяне, азербайджанцы, татары, литовцы, молдаване, грузины, казахи, чеченцы. Все они свободно говорят на русском языке, в том числе и в кругу семьи, и считают его своим родным языком.

Отсутствие языковых барьеров облегчает коммуникацию между россиянами и этническими народами Беларуси и гарантирует отсутствие возможных затруднений в общении между разными народами.

Русский язык – национальный язык русского народа, государственный язык Российской Федерации и язык межнационального общения. Русским языком пользуются не только в общении между собой многочисленные народы, населяющие Россию, но и во всех видах официального общения – делопроизводства, законодательства, административного управления, судопроизводства и т.д.

Литература

Будущее русского языка в Беларуси [Электронный ресурс. URL: https://mogilew.by/article/171510-buduschee-russkogo-yazyka-v-belarusi.html. Дата последнего обращения 21.09.2018].

Бюллетень_Республика. Белстат. Предварительные итоги переписи населения Беларуси 2009 г. [http://web.archive.org/web/20100917234113/http:/belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/publications/bul_republic.rar].

Русский язык – язык межнационального общения. [Электронный ресурс. URL: http://befreek.ru/index97e5.pdf. Дата последнего обращения 26.10.2018].

Языковые единицы инокультурного фона в русскоязычной приднестровской литературе

С.С. Полежаева

Language units of foreign cultural background in Russian-language Pridnestrovian literature

Svetlana S. Polezhaeva

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь, Молдова, Приднестровье) / T.G. Shevchenko Transnistrian State University (Tiraspol, Moldova, Transnistria)

svetlanapolejaeva1506@mail.ru

Аннотация. Анализируются аспекты представления языковых единиц с ценностным инокультурным компонентом в русскоязычной приднестровской литературе. Обосновывается их значимость для многонационального общества в плане воспитания взаимоуважения и взаимопонимания людей разных языков и культур.

Ключевые слова: язык, культура, приднестровская литература, лингвокультурема.

Summary. The aspects of representation of linguistic units with a value foreign cultural component in the Russian-language Pridnestrovian literature are analyzed. Their importance for multinational society in terms of education of mutual respect and understanding of people of different languages and cultures is substantiated.

Keywords: language, culture, Transnistrian literature, linguocultural.

Поликультурное воспитание на толерантной основе в многонациональном сообществе рассматривается сегодня как приоритетное. В текстах русскоязычной приднестровской литературы реализованы этнически значимые языковые единицы с ценностной составляющей, отражающие русскую, молдавскую, украинскую, болгарскую и иные культуры.

1. **В одном контексте – «смешение» языковых единиц, являющихся «показателями» разных языков и культур**, ср.: – ***Нехай*** будет ***Михай***! – ответил ***Еужен*** (Г. Панов. Чужие) [Литература Приднестровья 2011: 111]. В данной фразе – украинское слово *нехай* (рус.: *пусть*) и молдавские имена *Михай* и *Еужен*, культурный фон которых связывается с именами известных деятелей Молдавии: *Михай Еминеску* (молдавский и румынский поэт), *Михай Волонтир* (молдавский актер), *Еужен Дога* (молдавский композитор). В русском языке этим именам соответствуют *Михаил* и *Евгений*. Согласимся с О.В. Коряжкиной: в отношении имен собственных можно говорить «о фоновой информации или лексическом фоне имени… Такое фоновое значение связано с экстралингвистическими ассоциациями» [Коряжкина 2013]. Употребленные в «русском» тексте имена собственные в орфографическом и орфоэпическом представлении иного (молдавского) языка отражают фоновую информацию, связанную с культурными и историческими элементами их функционирования, поэтому содержат молдавскую этноязыковую составляющую.

2. **Лингвокультуремы, восходящие к разным языкам и отнесенные к разным культурам**. Лексемы ***торба*** и ***кушак***. Ср.: «***торба*** – «*зап., южн.* диал. “мешок с овсом, надеваемый лошади на морду” (Даль), также “морда, напр. выдры”, *олонецк.* (Кулик.), *укр.* то́рба “мешок”. Через *польск.* torba “сумка, мешок” или непосредственно из *тур.*, *крым.-тат.*, *азерб.* torba “мешок, котомка”» [Фасмер].

Этимология лексемы *торба* связана со славянской и восточной культурой. Представлены два значения: «мешок с овсом, надеваемый лошади на морду» и «сумка, мешок». В контекстах изучаемых произведений реализуется второе, ср.: *Когда Вася накинул* ***торбу*** *на плечи, он остановился на пороге своего дома и обратился к матери* (П. Данич. Голоса из глубины веков) [Литература Приднестровья 2011: 129]. В приведенном значении эта лексема характеризуется стабильной устойчивостью в речи представителей разных национально-языковых групп, проживающих на территории Приднестровья.

Лексема *кушак* восходит к разным лингвокультурам, ср.: «***куша□к*** – *др.-русск.* кушакъ…, *укр.* куша́к. Из *тур., крым.-тат.* kušak – то же, kušamak “подпоясывать”» [Фасмер]. Происхождение *кушак* соотносится с украинским, турецким и крымско-татарским культурным фоном. Однако существует и конкретное указание на язык-источник этого слова, ср.: «Куша́к. Это иное название пояса было заимствовано из тюркских языков. В татарском находим *кушак* – “пояс, кушак”» [Крылов]. Сегодня элемент одежды, называемый лексемой *кушак*, используется мужчинами в разных странах. В рассказе О. Сизовой «Цыганка» анализируемое слово употреблено в описании героя-цыгана. Ср.: *Уходя из дома, он подпоясывался широким* ***красным кушаком***… [Литература Приднестровья 2011: 29].

Сочетаемость лексемы *кушак* с прилагательным *красный* – типична, что подтверждают иллюстративные примеры словарных материалов, ср.: «КУША́К [тюрк. кушак] Пояс (обычно из широкого куска ткани или связанный из шнура). ***Красный*** *к. Ямщицкий к.*» [БТС]. Сочетания *красный* (*алый, кумачовый*) *кушак* отражены и в художественных текстах русских авторов (о чем свидетельствуют данные НКРЯ: из 212 контекстов более чем в половине представлено сочетание *красный кушак*). Однако в НКРЯ зафиксирована и иная сочетаемость лексемы *кушак*: *зеленый, голубой, черный, белый, золотой, синий, рудо-желтый, желтый, яхонтового цвета, розовый, серебряный*.

Кушак – деталь не только мужской, но и женской одежды, ср.: *Ардальон Полояров вывесил на свою скомканную войлочную шляпу широкую синюю атласную ленту, которой хватило бы на целый длинный* ***кушак женского платья***

(В.В. Крестовский. Панургово стадо (Ч. 1–2) (1869)) [НКРЯ]. Итак, лингвокультурема *кушак* «перешагнула» границы своего функционирования в разные языки и культуры.

Вывод. В русскоязычной приднестровской литературе функционируют языковые единицы из русского, украинского и молдавского языков, понятные носителям разных национальностей. Это доказывает идею **пересекаемости** лексем в разных культурах и разных языках проживающих на территории Приднестровья этносов. Языковые единицы адаптируются в их речи в результате интерференции языков; некоторые отражаются «в чистом виде». «Переплетение языков и культур» с интегративной ролью русского языка подтверждает идею взаимопонимания и уважительного отношения разных народов, проживающих в многонациональном государстве Приднестровье.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова [Электронный ресурс. URL: http://endic.ru/kuzhecov/Kushak-63203.html. Дата последнего обращения 17.10.2018] (БТС).

Коряжкина О.В. К вопросу о значении имени собственного / КамГУ им. Витуса Беринга. Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук. Петропавловск-Камчатский, 14–15 февраля 2013 г. [Электронный ресурс. URL: https://www.factorname.ru/171-K-voprosu-o-znachenii-imeni-sobstvennogo-.html. Дата последнего обращения 22.10.2018].

Крылов П.А. Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс.] URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/etymologic-dictionary/fc/slovar-202-2.htm#zag-1855. Дата последнего обращения 17.10.2018].

Литература Приднестровья (Литература родного края). Учебник-хрестоматия. 7–9 классы. Учебник для организаций общего образования / Авт.-сост.: Т.А. Арабаджи, И.Л. Павловская. Тирасполь: ПГИРО, 2011.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс. URL: http://www.ruscorpora.ru. Дата последнего обращения 15.10.2018] (НКРЯ).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/49029/%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B1%D0%B0. Дата последнего обращения 17.10.2018].

Язык спортивной журналистики как пример межъязыковой конвергенции близкородственных славянских языков (русские и украинские лексико-фразеологические параллели)*

А.В. Савченко

The language of sports journalism as an example of interlingual convergence of closely related Slavic languages (Russian and Ukrainian lexical and phraseological parallels)

Alexandr V. Savchenko

Государственный университет Чжэнчжи (Тайбэй, Тайвань) / National Chengchi University (Taipei, Taiwan)

savchenko75@mail.ru

Аннотация. Настоящий доклад посвящен анализу языка спортивного дискурса в свете исследования процесса влияния одного близкородственного языка на другой в ходе процесса неологизации их лексического и фразеологического состава.

Ключевые слова: русский язык, украинский язык, межъязыковая конвергенция, язык спортивной журналистики, спортивный дискурс.

Summary. This report is devoted to the analysis of the language of the sports discourse in the aspect of the influence of one closely related language on another during the process of neologization of their lexical and phraseological systems.

Keywords: Russian language, Ukrainian language, interlingual convergence, sports journalism language, sports discourse.

Сфера спорта представляет собой весьма интересный и в определенной степени показательный языковой феномен. Сам язык спорта специфичен: это и система современной спортивной терминологии, и профессиональный язык спортсменов (спортивный социалект) и всех профессионально связанных со сферой спорта (тренеров, судей и т.д.), – с одной стороны, и язык болельщиков в самом широком смысле (включая фанатский сленг как язык особой субкультуры). Связующим звеном между профессиональными «людьми спорта» и болельщиками (включая фанатские движения) является спортивная журналистика. Все это в своей языковой реализации формирует особый спортивный дискурс, включающий в себя сферу профессионального спорта, – с одной стороны, и субкультуру любителей спорта, болельщиков, – с другой.

В языке спортивной журналистики в широком смысле (как в устных репортажах на радио и телевидении, так и статьях в прессе и интернете) язык спорта отражается в наиболее полной мере: от официальной терминологии и профессионализмов (в т.ч. и жаргонизмов) спортсменов до фанатского сленга. Именно язык спортивной журналистики в последние десятилетия развивается наиболее активно; благодаря печатным и интернет-изданиям, а также спортивным репортажам в языковой обиход вошло и продолжает входить значительное число различных спортивных жаргонизмов: специфических оборотов – профессионализмов и сленгизмов, которыми пользуются спортсмены в своем профессиональном речевом обиходе. Подобные выражения нередко становятся расхожими как в языке масс-медиа, так и языке повседневного общения. Таким образом, лексические и фразеологические единицы спортивного дискурса являются одним из источников пополнения общего лексического состава языка и активно используются в других дискурсах (например, в сферах бизнеса и политики, военной сфере, сфере живой разговорной речи и т.п.).

Язык журналистики, в том числе и спортивной, отражает общие тенденции в языке в определенный исторический период. Русская спортивная журналистика имеет давние традиции, а русская, а точнее – русскоязычная комментаторская школа – на постсоветском пространстве во многом является образцом для создания «национального» языка спортивной журналистики. Так, в частности, язык современной российской спортивной журналистики в известной степени является сегодня примером для развития украиноязычного спортивного дискурса. Речь идет не о терминологии (которая в украинском языке существует и используется уже давно), а, в первую очередь, о свойственных и необходимых для языка журналистики ярких экспрессивных оборотах, включая вышеупомянутые профессионализмы-жаргонизмы.

Язык современной украинской спортивной журналистики (включая жанр устного репортажа) является наглядной иллюстрацией межславянской языковой конвергенции, когда схожесть лексики и отдельных фразеологических моделей, метафорических образов, синтаксических конструкций – с одной стороны, и генетическая близость двух восточнославянских языков – с другой, способствуют тому, что русский язык выполняет роль эталона, образца для создания устойчивых выражений (журналистских штампов, новых

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине» (№ 18-012-00754; шифр ИАС 31.15.69.2018).

фразеологических единиц) и «полуофициальных» разговорных терминов, необходимых в журналистике для «оживления» текста, придания ему различных стилистических и прагматических эффектов, увеличения степени экспрессии, воссоздания «атмосферы аутентичности» происходящего во время спортивного состязания.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения как процесса развития лексического и фразеологического фонда отдельно взятых славянских языков в условиях быстро изменяющихся реалий жизни общества, так и с точки зрения межславянской языковой конвергенции в аспекте сопоставительного описания близкородственных восточнославянских языков. Подобное исследование также сможет в значительной степени продемонстрировать общее черты и принципиальные отличия близкородственных языков в процессах неологизации их лексического и фразеологического состава.

Литература

Кожевникова И.Г. Русская спортивная лексика: Структурно-семантическое описание. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 2002.

Липатов А.Т. Сленг как проблема социолингвистики. М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2010.

Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследования: научная монография. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011.

Мангутова В.Р. Спортивный дискурс и его участники // ВУЗ Культуры и искусств в образовательной системе региона: Пятая электрон. Всерос. науч.-практ. конф. Самара: Самарская гос. акад. культуры и искусств, 2007. С. 212–217.

Мокиенко В. Проблемы европейской фразеологической неологики // Słowo. Text. Czas –VI. Новая фразеология в новой Европе. Materiały VI Międzynaradowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6 – 7 września 2001 r. Greifswald, 8–9 września 2001 r.). Greifswald, 2002. S. 63–76.

Зильберт Б.А, Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык, сознание, коммуникация. М.: Макс Пресс, 2001. Вып. 17. С. 45–55.

Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация. М.: Макс Пресс, 2001. Вып. 19. С. 103–112.

Савченко А.В. К вопросу о «языке спорта» как особом типе подъязыка в современной коммуникации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др.: В 15 т. Т. 2. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 145–150.

Русский язык как язык обучения в национальном вузе

И.И. Санникова

Russian as training language in national higher education institution

Inna I. Sannikova

Арктический государственный институт культуры и искусств (Якутск) / Arctic State Institute of Culture and Arts (Yakutsk)

naminna@yandex.ru

Аннотация. В статье приводятся итоги анкетирования, проведенного среди обучающихся Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск, Республика Саха). Целью анкетирования было выявление мнения студентов о языке обучения в условиях русско-якутского билингвизма.

Ключевые слова: язык обучения, национальный вуз, языковой барьер, русско-якутское двуязычие.

Summary. Results of the questioning which is carried out among students of the Arctic state institute of culture and arts (Yakutsk, the Sakha Republic) are given in article. Detection of opinion of students on training language in the conditions of the Russian-Yakut bilingualism was the purpose of questioning.

Keywords: training language, national higher education institution, language barrier, Russian-Yakut bilingualism.

Одной из важных проблем в педагогике и социолингвистике является выбор языка обучения. Учебный материал должен объясняться на понятном для обучающихся языке. Этот вопрос наиболее актуален для национальных республик в составе России, где наряду с русским государственным является и язык субъекта РФ. Конечно же, этот вопрос актуален и для Республики Саха (Якутия).

В «Российской педагогической энциклопедии» язык обучения определяется как «язык, на котором осуществляется образовательный процесс в данном образовательном учреждении (т.е. язык общения учителя с учениками на уроке, язык программ и учебников и т.д.)» [Российская педагогическая энциклопедия 1999: 655].

Существует ряд международных и российских законов, регламентирующих выбор языка обучения в том или ином учреждении, такие как Европейская Хартия по региональным языкам и языкам меньшинств (принята Советом Европы 5 ноября 1992 года), Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (принята ООН 18 декабря 1992 года), «Закон о языках народов РСФСР» (принят в октябре 1991 г.).

Право выбора языка обучения по Закону РФ «Об образовании» предоставляется учредителю образовательного учреждения. Как справедливо отмечается в «Российской педагогической энциклопедии», «эти права на практике ограничены объективными условиями, например, недостатком или отсутствием подготовленных преподавателей, учебников и других учебных материалов, отсутствием у языка письменной формы, неразработанностью научной и социально-политической терминологии и т.д.» [Российская педагогическая энциклопедия 1999: 655].

Нас интересовало, как эти положения реализуются в конкретном образовательном учреждении на примере Арктического государственного института культуры и искусств. В связи с этим было проведено анкетирование студентов нашего института.

В анкетировании принял участие 61 студент первого курса. Анкета состояла из пяти вопросов с готовыми ответами. Опрошенные представляют следующие отделения: «Прикладная информатика», «Библиотечно-информационная деятельность», «Руководство хореографическим любительским коллективом», «Руководство этнокультурным центром», «Живопись», «Графика», «Дизайн», «Декоративно-прикладное искусство», «Вокальное искусство», «Музыкально-инструментальное искусство». Национальный состав опрошенных разнороден: саха – 45 (75%), русские – 6 (10%), эвены – 4 (6%), эвенки – 3 (5%), украинец – 1 (1%), есть представители смешанных национальностей – якут / эвен, якут / эвенк – 2 человека (3%).

В анкете была графа «Населенный пункт, где вы жили до поступления в институт». Здесь география ответов тоже обширна: 21 человек из Якутска – (35%), 39 представляют следующие улусы республики – Аллаиховский (1 человек), Амгинский (1), Булунский, Верхоянский (4), Вилюйский (5), Кобяйский (1), Намский (2), Нюрбинский (2), Олекминский (2), Оленекский (1), Среднеколымский (1), Сунтарский (2), Таттинский (3), Томпонский (2), Усть-Алданский (2), Усть-Майский (3), Хангаласский (4), Чурапчинский (1) – (64%); 1 человек из Украины (1%).

Ответы на вопрос «Язык, на котором вы преимущественно общались с окружающими до поступления в институт» показали, что среди первокурсников преобладают якутоязычные студенты и студенты- билингвы. Ответы на вопрос

«Язык, на котором вы преимущественно учились в школе или колледже до поступления в институт» показывают, что в образовательных учреждениях приоритет отдается русскому языку. Ответы на вопрос «Язык, на котором вы преимущественно говорите в данное время», на наш взгляд, показывают, что студенты, приехавшие из улусов, начинают активно овладевать русским языком, так как этого требует жизнь в столице республики, где все-таки преобладает русскоязычная среда. Следующий вопрос был сформулирован таким образом: «На каком языке ведутся ваши учебные занятия в институте?». Судя по ответам, обучение у нас в вузе ведется в основном на русском языке. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, соображениями этики: может быть так, что в группе есть русские и русскоязычные студенты, которые не понимают якутский язык, поэтому надо объяснять на русском языке, понимаемом всеми. Во-вторых, преподаватели обычно готовятся к учебным занятиям по материалам, изданным на русском языке; перевод на якутский язык требует времени и сил, поэтому даже если вся группа якутоязычная, обучение может вестись на русском языке. Исключение составляет отделение «Народная художественная культура», у них обучение должно вестись на якутском языке, так как они изучают якутскую культуру. В ответах на вопрос «Вы хотели бы, чтобы обучение в нашем институте по большинству предметов велось...» студенты выбрали ответ «русский язык». Это можно объяснить тем, что студенты, во-первых, уже со школьных лет привыкли к русскому языку как к языку обучения, как к языку науки, во-вторых, тем, что, по мнению многих, русский язык более понятен с точки зрения объяснения нового материала.

Таким образом, анализ результатов анкетирования позволил сделать следующие выводы:

Процесс обучения у нас в вузе ведется в основном на русском языке. На якутском языке ведется некоторая часть дисциплин у студентов отделений «Руководство любительским хореографическим коллективом» и «Руководство этнокультурным центром», где это продиктовано спецификой направления подготовки «Народная художественная культура».

В качестве языка обучения выбран русский язык, так как, во-первых, русский язык понятен всем, его знают все, во-вторых, учебно-методическое обеспечение (учебники, монографии, статьи) по большинству предметов написано на русском языке.

Большинство студентов в качестве языка обучения также предпочитают русский язык. Это продиктовано тем, что русский язык, по мнению многих, более понятен.

Литература

Российская педагогическая энциклопедия / Под ред. В.В. Давыдова: В 2 т. М.: «Большая российская энциклопедия», 1999. Т. 2.

Русскоязычная лирическая миниатюра в современной прозе Азербайджана (язык и жанр)

В.В. Сорокина

Lyrical Miniature in Modern Azerbaijan Russian Prose (Language and Genre)

Vera V. Sorokina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

vvsoroko@gmail.com

Аннотация. На современном этапе развития европейских литератур наблюдается тенденция к сокращению размеров жанровых форм, как романной, так и малой, что отразилось на их многообразии. В литературе Азербайджана наших дней наибольшей популярностью стала пользоваться лирическая прозаическая миниатюра, занимающая срединное место между лирическими и эпическими формами.

Ключевые слова: русскоязычная литература, лирическая миниатюра, прозаические жанры, азербайджанская литература.

Summary. In nowadays European literature the tendency to genre form reduction is observed, both in novel and short stories, that provokes its multiplicity. In Azerbaijan prose the Lyrical Miniature became the most popular today. It occupies the intermediate place between lyrical and epical kinds and reveals a lot of varieties.

Keywords: Russian language literature, lyrical miniature, genres of prose, Azerbaijan literature.

На современном этапе развития европейских литератур наблюдается тенденция к сокращению размеров жанровых форм, как романной, так и малой, что отразилось на их многообразии. В литературе Азербайджана наших дней наибольшей популярностью стала пользоваться лирическая прозаическая миниатюра, занимающая срединное место между лирическими и эпическими формами. В ее составе – первичные речевые (стилистические), фольклорные (пословицы) и литературные (зарисовка, сценка, послание, притча и др.) элементы.

Лирические прозаические миниатюры представляют единство внешнего (эпического) и внутреннего (лирического) пространств. «Видения», «озарения», «осколки» раздробленного мира соединяются в составе единого «я» как выражение неразрывной целостности мира.

Типологической двойственности этого жанра азербайджанские писатели добавляют двуязычный культурный контекст, свойственный их национальной традиции. Современная азербайджанская миниатюра получила свое развитие, с одной стороны, от К. Батюшкова, О. Сомова, И. Тургенева, А. Чехова через прозаиков «Серебряного века», с другой – от газелей Низами, рубаи Физули, касыд Навои через лирические зарисовки Анара, что проявляется в особом языковом колорите. Не прошел бесследно и опыт экспериментальной литературы XX в., как в русском, так и в западноевропейском варианте.

Сокращение формата произведения приводит к повышению смысловой наполненности образностью и символичностью, не редко и к иносказанию, приобретая форму восточной притчи. «Однофразовые» миниатюры приобретают значение идиоматического выражения. Минимализм формы усиливает также и роль заглавий и подзаголовков, посвящений и эпиграфов.

Наиболее оригинальные миниатюрные формы представлены в произведениях Е. Касумовой, М. Ибрагимбекова, А. Эфенди, А. Гусейнова, Л. Сабзали, опубликованных в журнале «Литературный Азербайджан» за последние несколько лет.

Литература

Лейдерман Н.Л. Русскоязычная литература – перекресток культур // Филологический класс. Екатеринбург, 2015. № 3 (41). С. 19–24.

Сорокина В.В. Русскоязычная проза Азербайджана начала XXI в. Литературные связи и художественные особенности // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 2. С. 84–107.

Кто в Казахстане говорит по-русски: этноязыковой синопсис

Э.Д. Сулейменова

Who in Kazakhstan speaks Russian: ethno-linguistic synopsis

E.D. Suleimenova

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан) / Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

esuleim@gmail.com

Аннотация. Ни увеличение доли казахов (2015: 66.1%), ни уменьшение общего удельного веса русских (2015: 21.05%) и других этносов (12.85%) не сказалось на участии русского языка в полиязычии большинства этносов. Степень владения русским языком казахами-билингвами (2009: 93.3%), русскими (2009: 97.4%) и другими остается высокой. Образование на русском языке остается доступным на всех уровнях.

Ключевые слова: демографические риски, владение русским языком, русский язык в образовании.

Summary. The Russian is used officially alongside Kazakh despite demographic shifts (growth of Kazakhs to 66.1% in 2015, decrease of Russians to 21.05% in 2015, and decrease of other ethnic groups to 12.85%). A high degree of Russian proficiency is maintained by Kazakh bilingual speakers (93.3% in 2009) and Russians (97.4% in 2009). The Russian is a pivotal element of multilingualism; all ethnic groups are involved in it. Education in Russian remains available on all levels.

Keywords: demographic risks, knowledge of Russian language, Russian language in education.

Ошибочно связывать русский язык только с «проживанием миллионов русских и русскоязычных, нуждающихся в защите и поддержке своих социальных и культурных прав» в независимых государствах [Орешкина 2010: 167]. Русский язык – это язык, которым казахстанцы пользуется независимо от этнической принадлежности. Важнее объем коммуникативных возможностей русского языка и прагматическая оправданность его выбора. Они заметно трансформируются, и важно понять их траекторию.

Анализируются данные о коммуникативной мощности языков Казахстана: Ethnologue (2014: 44 языка), переписи (1999: 136 этносов и 126 языков; 2009: 127 и 117. – Все статистические данные приводятся по: [Итоги Национальной переписи населения 1999 года…; Итоги Национальной переписи населения 2009 года…; Численность населения РК по отдельным этносам 2018; Сулейменова, Шаймерденова, Аканова 2008]). Более 100 языков Казахстана – это языки низкой витальности этносов демографического риска (депортированных, бывших заключенных лагерей и т.д.), насильно оторванных от материнского ареала. Смена этнического языка осуществлялась у них быстрыми темпами, и языковой сдвиг сделал русскоязычными казахстанских корейцев, украинцев, белорусов, поляков, карачаевцев, коряков, чехов, гагаузов, латышей и др. Число азербайджанцев, дунган, кыргызов, курдов, таджиков, турок, узбеков, уйгуров увеличивается за счет высокой рождаемости и миграции. Для них характерны высокая степень владения этническим и низкая степень владения русским языком [Сулейменова 2009: 21–36].

Русские (2015: 21,05%) по-прежнему обладают высокой степенью русской языковой компетенции (1999: 99%; 2009: 97,4%), молодежь демонстрирует возросшее владение казахским языком, но лишь незначительная часть стала русско-казахскими билингвами.

Казахам (2015: 66,01%) свойственна высокая степень русской языковой компетенции (2009: 93,3%). Русский язык – это единственный язык казахов-монолингвов (результат языкового сдвига), доминирующий или периферийный язык билингвов. Наметился отчетливый поворот языкового сдвига у казахов с русскими языковыми предпочтениями [Suleimenova 2015; Сулейменова 2011; Сулейменова, Акберди, Койшыбаева 2016].

Независимо от этнической принадлежности, казахстанцы хорошо владеют русским языком (2009: 94,4% понимают устную речь, 88,2% свободно читают и 84,8% свободно пишут). Русский язык – важнейший участник полиязычия страны, в него вовлечены все этносы и этнические группы с широким диапазоном владения русским языком от полной смены этнического языка на русский (корейцы, украинцы, белорусы, хакасы и др.) до низкой степени владения им (узбеки, таджики, уйгуры, курды и др.).

Как и всякий язык в инонациональной среде, русский язык в Казахстане испытывает на себе влияние казахского языка [Вахтин, Мустайоки, Протасова 2010; Сулейменова 2010; Протасова Е. и др. 2017]. Изменения во владении русским языком тесно связаны с заметно изменившимся (массовая репатриация, иммиграция, различия этносов по естественному приросту и продолжительности жизни) этническим составом населения. *Школы*: увеличилось число школьников с казахским, уйгурским, узбекским, таджикским, английским, турецким языками обучения и снизилось на русском языке (1992: на казахском языке – 37,2%, на русском – 60,1%, на других – 2,65%; 2013: 64,7%, 31,5%, 3,8% соответственно [Алтынбекова 2015]). *Среднее специальное образование*: ранее ¾ учащихся колледжей обучалось на русском языке, в 2007 г. половина студентов колледжей учились на казахском языке. *Высшее и послевузовское* образование: в 1990 г. число студентов русских отделений было в 6,3 раза больше казахского отделения, перевес на 1,2% произошел в 2009 г. В это же время увеличилось число студентов, обучающихся на английском языке [Алтынбекова 2015]. Данные об участии русского как языка обучения позволяют прогнозировать дальнейшее его сокращение. Эта тенденция в последнюю очередь коснулась высшего образования, где позиции русского языка традиционно оставались высокими вплоть до 2009 г. Тем не менее в Казахстане сохраняются все условия для доступного и качественного образования на русском языке.

Русский язык в Казахстане продолжает оставаться языком взаимопонимания, сотрудничества между народами, служит надежным интеграционным и консолидирующим средством.

Литература

Алтынбекова О. Языковые сдвиги в сфере образования Республики Казахстан // Russian Language Journal. Vol. 65. Washington, 2015.

Вахтин Н., Мустайоки А., Протасова Е. Русские языки // Slavica Helsingiensia. 40. Хельсинки, 2010.

Итоги Национальной переписи населения 1999 года в РК. Астана, 2000.

Итоги Национальной переписи населения 2009 года в РК. Астана, 2010.

Орешкина М.В. Русский язык в странах СНГ и Балтии: законодательный аспект // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии. М., 2010.

Протасова Е. и др. «Казахстанский русский: взгляд со стороны» // «AbImperio». № 4. 2017, С. 231–263.

Сулейменова Э. К осмыслению вероятности варианта русского языка в Казахстане // Slavica Helsingiensia. 40. Хельсинки, 2010.

Сулейменова Э. Языковая политика и динамика языковой ситуации в Казахстане // Russian Language Journal. Vol. 59. Washington, 2009.

Сулейменова Э. Языковые процессы и политика. Алматы, 2011.

Сулейменова Э., Акберди М., Койшыбаева Г. Выбор языка и корреляции языковой трансмиссии. Алматы, 2016.

Сулейменова Э., Шаймерденова Н., Аканова Д. Языки народов Казахстана. Алматы, 2008.

Численность населения РК по отдельным этносам. Астана, 2018 [http://stat.gov.kz].

Suleimenova E. The vitality of the Kazakh language and language planning // Turcologica. 102. Kazakh in post-Soviet Kazakhstan. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2015;

Русский язык как средство межнационального общения немецкоязычных бизнесменов в России

Т.В. Чернуха

Russian language as a means of multicultural communication of German businessmen in Russia

Tatiana V. Chernukha

ООО «Делькреда» – российско-германская компания (Москва, Россия) / Delcreda LLC – Russian-German company (Moscow, Russia)
tchernucha@mail.ru)

Аннотация. Несмотря на изменения в политических отношениях между Россией и Германией, торговые связи этих двух стран продолжают развиваться. Российский рынок привлекателен для немецкого бизнеса. Немецкие предприниматели продолжают приезжать в Россию, чтобы вести свой бизнес. Каким образом это находит отражение в русском языке, является ли русский язык средством межнационального общения немецкоязычных бизнесменов в России – в докладе делается попытка ответить на данные вопросы.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, немецкий бизнес в России, изучение русского языка, межнациональное общение.

Summary. In spite of changes in political relations between Russia and Germany, the trade relations between these two countries continue to grow. The Russian market is attractive for German business. German entrepreneurs continue to come to Russia to do their business. How this is reflected in the Russian language, whether the Russian language is a means of multicultural communication of German-speaking businessmen in Russia – in the report would attempt to answer these questions.

Keywords: economic cooperation, German business in Russia, learning Russian, multicultural communication.

Основная тенденция развития европейского общества второй половины XX века – стремление к интеграции, что непосредственно взаимосвязано с развитием процессов глобализации. Становление ЕС явилось закономерным этапом развития Европы. Несмотря на то что, интеграция стран разноплановая: экономическая, политическая, научно-техническая и культурная – экономическая занимает лидирующую позицию.

Германия не только принадлежит к странам – лидерам Европейского союза, но и является одним из главных партнеров России в экономическом плане.

Изменения последних лет в политических отношениях стали причиной значительного ухудшения торгово-экономических и инвестиционных связей. Объемы взаимного товарооборота, которые стабильно росли, с 2014 года сменились трендом на снижение. Экономические санкции оказали свое негативное влияние на партнерство России и Германии. Но несмотря на это, сегодня можно с уверенностью заявлять, что торговые связи между Россией и Германией восстанавливаются.

С начала 2017 года взаимная торговля и инвестиции демонстрируют устойчивый рост. За январь-апрель 2018 года товарообмен между странами сложился на уровне 18,47 млрд долларов, это 37,4% прошлогоднего годового объема и 47,3% – уровня 2016 года, когда был отмечен самый низкий оборот за последнее пятилетие – 39 млрд долларов.

Как отмечает Рюдигер фон Фрич, Чрезвычайный и Полномочный посол Германии в России, за отмену санкций выступают уже более 90 процентов немецких компаний. Сохраняется высоким их интерес к российскому рынку.

Возобновляет массовое производство двигателей и автомобилей Audi на российских площадках Volkswagen, в Подмосковье в июне 2017 г. началось строительство завода по выпуску внедорожников и кроссоверов Mercedes, SIEMENS продолжает производство локомотивов в России.

Выход на экономический рынок России, успешное ведение бизнеса представителями Германии в России обеспечивает в том числе знание русского языка и применение его в профессиональном общении.

Изучение русского языка для дальнейшей профессиональной коммуникации предлагается как в Германии, так и в России. В Германии – это не только кафедры славянской филологии, например, в университете Билефельда или Свободном Берлинском университете, но и при профессиональной подготовке немецких юристов, например, в Мюнхенском университете имени Людвига и Максимилиана. В России – как в вузах, так и курсы, даже институты. Таковым является Межкультурный институт языков Liden & Denz – специализированный и опытный провайдер курсов русского и других иностранных языков, основанный в 1992 году и представленный в Санкт-Петербурге, Москве, Иркутске, 15% обучающихся в институте составляют немцы, они же стремятся овладеть русским языком, для того чтобы работать в России.

Представители крупнейших немецких компаний, работающих в России, не только владеют русским языком, но и успешно используют полученные знания в профессиональном общении. Так, например, Штефан Дюрр – основатель ведущего агрохолдинга в России «ЭкоНива».

С одной стороны, знание русского языка позволяет лучше понять особенности ведения бизнеса в России и презентировать собственную компанию, обеспечивает лучшую коммуникацию как с русскоязычными партнерами, так и с коллегами. С другой стороны, немецкоязычный представитель бизнеса стремится реализовать свой профессиональный, культурный опыт в России, что отражается как в организации работы и коммуникации внутри компании, так и в русском языке.

Таким образом, в результате овладения русским языком, коммуникации на русском языке происходит не только межнациональное общение, но и культурный обмен, который в итоге даст возможность как для успешного ведения бизнеса, так и для дальнейшего партнерства России и Германии.

Литература

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. Языки славянской культуры, 2001.

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М. Языки славянской культуры, 2001.

Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.

Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // Вопросы философии. 2003. № 1.

Синагатуллин И.М. Роль глобализации и языка (языков) международного общения в решении актуальных вопросов нового времени // Иностр. языки в школе. 2003. № 6.

[Электронный ресурс. dairynews.ru].

[Электронный ресурс. expert.ru].

[Электронный ресурс. russland.ahk.de].

Адаптация названий китайских реалий для русскоязычной аудитории в научном стиле сер. XIX в. (на материале этнографического сочинения Н.Я. Бичурина «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», 1840)

Чэнь Пэйцзюнь

Adaptation of the names of Chinese realities for the Russian-speaking audience in the scientific style of the middle. XIX century (based on the ethnographic work of N.Ya. Bichurin "China: its people, customs, folkways, education")

Chen Peijun

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University

liliachen@yandex.ru

Аннотация. На материале книги Н.Я. Бичурина о Китае (1840) в статье рассматриваются способы семантической адаптации названий китайских реалий при вводе их в текст этнографического сочинения, адресованного русскому читателю. К этим способам можно отнести поиск словесных и фразеологических эквивалентов в русском языке, описание реалий, создание новых слов, буквальный перевод и др.

Ключевые слова: адаптация; китайские реалии; русскоговорящая аудитория.

Summary. Based on the material-the books of N.Ya. Bichurin on China (1840), the article discusses ways of semantic adaptation of the names of Chinese realities when they are included into the text of an ethnographic essay addressed to the Russian readers. These methods include the search for word and phraseological equivalents in the Russian language, a description of the realities, the creation of new words, a literal translation, etc.

Keywords: adaptation; Chinese realities; Russian-speaking audience.

Н.Я. Бичурин (в монашестве отец Иакинф), один из основоположников русского китаеведения, в 1840 году выпустил свою первую большую этнографическую работу «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», в которой ему приходилось толковать и адаптировать названия китайских реалий для русскоязычной аудитории без каких бы то ни было примеров, на которые можно было бы ориентироваться. В первой половине XIX в. реалии китайской жизни были малоизвестны даже среди ученого круга, тем более они были неизвестны обыкновенным русским читателям, поэтому представляется интересным проследить, как Н.Я. Бичурин «приспосабливал» китайские экзотизмы (названия, тексты, источники) для русской аудитории.

В целях такой адаптации Н.Я. Бичурин в первую очередь осуществляет поиск словесных и фразеологических эквивалентов в русском языке. Например, при именовании административных учреждений Цинской империи отец Иакинф просто употребляет соотносимые по содержанию русские названия, например, «Члены *Обрядовой Палаты*, Начальники тúлохранителей, Члены *Дворцоваго Правленія* и *Приказа внúшнихъ сношеній* надсматриваютъ за распоряженіемъ столовъ. *Комитетъ* Гуанъ-лу-сы представляетъ посуду» [Бичурин 1840: 192].

Здесь представлен один из основных приемов передачи иностранных реалий – приспособление русских слов к соответствующим китайским. Однако данный способ адаптации вызвал критическую оценку со стороны В.Г. Белинского: «Но главный ее недостаток – замашки автора делать параллели между Европою и Китаем, наивные до смешного. Например, он сравнивает государственные чины в Китае с английскими лордами и французскими пэрами. Смеем уверить почтенного отца Иакинфа, что тут нет никакого сходства, а есть только бесконечная разница» [Белинский 1848: 49].

Интересно отметить, что при приспособлении русских слов к передаче китайских реалий, Бичурину также важно сохранить и некоторые китайские черты. В своей работе для обозначения кулинарного изделия из теста с начинкой, популярного у китайцев, отказавшись от нормативной формы «пельмени», существующей в русском языке, Бичурин создал слово «перьмени». Предположим, что основной причиной такого смешения «р» и «л» в позиции перед мягким согласным следует считать влияние китайской фонетики. Для Бичурина, видимо, важно – даже на русском языке – сохранять какие-то элементы китайской речи, тем более что фонетическое влияние китайской речи на используемые им для передачи местных реалий русские слова наблюдается и в некоторых других случаях, например в слове «маньчжуский»; возможно, ученый и сам уже привык к такой огласовке слова «пельмени», возможно, он считал, что «перьмени» китайские все-таки чем-то отличаются от пельменей русских, и таким образом – на письме – отделил одно от другого.

При отсутствии в русском языке слов, которые могли бы обозначать понятия, тождественные китайским реалиям, Бичурин стремится объяснить эти китайские обычаи путем детализированного описания, точно определяющего все экзотические понятия, предметы, действия. Описания ученого характеризуются тем, что он часто дает собственные комментарии культурологического характера к рассматриваемым элементам культуры.

Бичурин создает новые слова с большим талантом: это собственно лексические кальки, полукальки и т.д. Например: *военнопашец, фоист* (от транскрипции иероглифа «佛», *фо*, и русского суффикса *-ист*). Из лексических калек стоит отметить особую группу слов, образованных по церковнославянским моделям: *отцепочтительный, лицепокровный, трупосвидúтельствователь* и т.д. Слова такого типа «по своему морфологическому облику, и по смысловой структуре, и даже по непосредственному впечатлению напоминают церковнославянизмы, – много литературных русских новообразований XVIII и XIX веков» [Виноградов 1947: 6] Однако Бичурин проявил большую осторожность в отношении созданий новых слов.

Другим способом адаптации китайских реалий является буквальный перевод:

«Благодарные потомки дали ему проименованіе *Шень-нунъ-шы*, что значитъ “божественный земледúлецъ”, и начали обожать его подъ названіемъ *Сянъ-нунъ*, что значитъ “Изобрúтатель земледúлія” [Бичурин 1840: 183].

Использования буквального перевода Бичуриным иногда доходят до такой степени, что русские читатели иногда с трудом понимали передаваемый ученым смысл, из-за чего в адрес Бичурина поступало немало критических замечаний.

«Есть еще короткая курма, называемая конною ма-гуа-цзы, длиною до безъимянной кости на бедрú» [Бичурин 1840: 274].

Словосочетание «конная *ма-гуа-цзы*» в данной ситуации для русских читателей кажется темным и непонятным. На самом деле иероглиф «马», произносящийся как «ма», обозначает «лошадь», данный тип одежды был изобретен для езды на лошадях, отсюда и происходит его название. Таким образом, в сочетании «конная ма-гуа-цзы» обнаруживается внутренний плеоназм. Недочеты такого рода обусловлены тем, что при составлении своих статей (впоследствии легших в основу большого этнографического труда) Бичурин «подсознательно больше пользуется китайскими, а не русскими образованиями» [Хохлов 1978: 134], словно забыв про свою аудиторию: она русская, а не китайская.

Литература

Белинский В.Г. Китай въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніи. Сочиненіе монаха Іакинфа. Въ четырехъ частяхъ. Съ рисунками. СПб., 1848: [рец.] // Современник. 1848. Т. 7. № 1. Отд. 3. С. 44–49.

Бичурин И.Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.: Императорская Академия Наук, 1840.

Виноградов В.В. История слова *творчество* в русском языке // Доклады и сообщения филологического фак-та МГУ. 1947. Вып. 2. С. 6–9.

4. *Хохлов А.Н.* Об источниковедческой базе работ Н.Я. Бичурина о цинском Китае // Народы Азии и Африки. 1978. № 1. С. 129–137.

Секция XVI. Русский язык в лингводидактическом аспекте

16.1. Преподавание русского языка в вузах и школе

Формирование жанровой компетенции бакалавров строительного профиля (на примере жанра отчета о производственной практике)

А.В. Абросимова, Н.И. Колесникова

Forming genre competence of students of the Bachelor of Construction program (in the context of teaching writing an internship report)

Alesya V. Abrosimova, Nataliya I. Kolesnikova

Новосибирский государственный технический университет / Novosibirsk State Technical University

abrosimova@corp.nstu.ru, nkolesnikova@corp.nstu.ru, nkolesnikova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена решению важной проблемы формирования жанровой компетенции у бакалавров строительного профиля. Наряду с общекультурными компетенциями, подтверждается целесообразность введения в программы бакалавриата по дисциплине «Русский язык и культура речи» дополнительной профессиональной компетенции, направленной на освоение жанра «отчет». Типологическая модель научно-учебного жанра «отчет» должна носить интегрированный характер.

Ключевые слова: жанры как объект изучения и обучения, жанровая компетенция, отчет о производственной практике, типологическая модель жанра.

Summary. The article proposes the solution to an important problem of forming the genre competence of students of the Bachelor of Construction program. The relevance of introducing a professional competence aimed at mastering the genre of Internship Report in addition to general cultural competences into the course “The Russian language and culture of speech” within the bachelor’s program is confirmed. The typological model of the scientific-academic genre of report should be of integrated nature.

Keywords: genres as an object of learning and teaching, genre competence, internship report, genre typological model.

Согласно ФГОС ВО по направлению подготовки 08.03.01. «Строительство» (уровень бакалавриата) от 12.03.2015 г., выпускник должен владеть научно-учебными жанрами, закладывающими основы формирования профессиональной компетенции. Важным показателем качественной подготовки бакалавров строительного профиля считается успешное овладение языком специальности, поэтому ряд общекультурных компетенций формируют преподаватели русского языка и культуры речи.

Анализ программ и учебного плана по указанному направлению позволяет сделать вывод, что уже на первом курсе студенты должны владеть научно-учебной речью: составлять реферат, подготавливать выступление на основе реферата, выступать с докладом на научно-студенческой конференции, готовить выступление на семинаре. Владение речью в любой профессиональной сфере предполагает владение жанровыми формами, присутствующими «в сознании языковой личности в виде фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово» [Седов 2007: 125].

Коммуникативные профессиональные задачи в условиях учебной среды наиболее точно решает принцип жанрового подхода. Жанровую компетенцию обучающихся определяем как «*готовность* к моделированию научных текстов разных жанров (умение выбрать из многообразия видов и разновидностей, обусловленных целевым и функциональным назначением, научный жанр сообразно коммуникативной ситуации и представить его в соответствии с социально одобренной моделью, реализуемой адекватными языковыми конструкциями и стилистическими средствами)» [Колесникова 2009: 148–149].

Способность составлять отчеты по выполненным работам, участвовать во внедрении результатов исследований и практических разработок отнесена к профессиональным компетенциям (ПК-15). Считаем целесообразным также включить формирование этой компетенции в содержание рабочей программы по дисциплине «Русский язык и культура речи», выделив в ней коммуникативный блок для освоения бакалаврами строительного профиля. В рамках этой компетенции у студента формируется представление о характерных для подъязыка строительной специальности языковых выражениях, способах изложения. Он должен уметь грамотно формулировать тему, цели, задачи прохождения практики, описывать результаты, полученные в период прохождения практики, обобщать содержание работы и делать выводы, владеть особенностями построения и языкового оформления отчетов о производственной и преддипломной практике, отчета о научно-исследовательской работе. Должен овладеть навыками составления, оформления учебно-научного отчета, вариативно представленного на различных этапах обучения, а также его трансформации в устную жанровую форму для защиты на учебной конференции [Абросимова, Колесникова 2018].

В рамках дефицита учебного времени решить проблему обучения жанру отчета с перспективой на освоение его возможных вариаций в дальнейшем может помочь метод моделирования. Модель должна являться «аппроксимацией оригинала», воспроизводить «…не все функции оригинала, а лишь некоторый их комплекс», быть близка «к функционированию живого языка», ориентирована на использование в качестве средства общения [Пассов 2015: 126–127].

Целесообразно построить типологическую модель интегрированного жанра отчет на основе межжанровой модели научного текста [Колесникова 2009: 217]. С этой целью необходимо выделить типичные для отчета субжанры введения (цели задачи практики, объект и предмет изучения), реферативной части (характеристика строительного объекта, описание должностных обязанностей, описание строительного процесса), исследовательской части (описание технологии строительного производства на примере одного-двух процессов) и заключения (выводы и оценка полученного теоретического знания и практического опыта).

Необходимо дать каждому субжанру теоретическое сопровождение (комментарий) и языковое наполнение, включающее речевые конструкции (клише), и текстовый образец.

Как показывает опыт работы, формирование у студентов строительного профиля жанровой компетенции на основе интегрированных типологических моделей жанров, актуальных для освоения в научно-учебной среде, позволяет им ус-

пешно, самостоятельно овладевать жанрами научно-профессиональной речи.

Литература

Абросимова А.В., Колесникова Н.И. Речевой жанр «отчет» и его варианты (лингводидактический аспект) // Мир науки, культуры, образования = Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya. 2018. № 2 (69). С. 225–229.

Колесникова Н.И. Лингводидактическая концепция формирования жанровой компетенции учащихся в системе непрерывного языкового образования: Дис. … доктора пед. наук. Орел, 2009.

Пассов Е.И. Методика как наука будущего. Краткая версия новой концепции. СПб.: Златоуст, 2015.

Седов К.Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 124–137.

Эргономичный интерфейс учебного средства и поликодовое сообщение как одна из его главных особенностей

М.Н. Аникина

Russian language course book ergonomic interface and polycode text as one of its distinctive features

M.N. Anikina

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ /
Moscow State Institute Of International Relations (University)

anikina-marina@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящён проблеме оптимизации оперативного взаимодействия учебного средства и пользователя. Обосновывается необходимость создания эргономичного интерфейса, изложены цели его разработки и основные черты.

Ключевые слова: учебная литература, оперативное взаимодействие, интерфейс, эргономичность, поликодовые сообщения.

Summary. The report devoted to the problem of «course book – user» interaction optimization. The report substantiates the need to create an integrated interface, outlines its objectives and distinctive features.

Keywords: course book, interaction, optimization, interface, ergonomics, polycode text.

Принцип эргономичности как особый подход к организации деятельности человека для повышения ее эффективности в полной мере приложим как к сфере обучающей деятельности в целом, так и к созданию учебной литературы в частности.

В авторском подходе к разработке учебной литературы по русскому языку как иностранному базовым принципом является принцип прагматичности, который организует другие им определяемые и с ним тесно связанные принципы. Прагматичность обусловлена интересами и целями ученика в учебном процессе. В связи с этим эргономичность учебной литературы рассматривается нами как необходимое и достаточное условие организации ее формы, которая позволит упростить и оптимизировать пользование ею. В свою очередь, это обеспечит психологическую комфортность изучения / обучения и приведет к укреплению обусловленной процессом обучения положительной внешней мотивации.

Если абстрагироваться от внутреннего учебного содержания учебника и сосредоточиться на его внешней, оперативно взаимодействующей с пользователем учебной форме, то здесь не наблюдается активного поиска новых форм. Анализ показал, что оперативное взаимодействие протекает в давно устоявшихся формах. Сложившаяся ситуация ведет к потере динамизма обучения, которая в наибольшей степени заметна в условиях обучения русскому языку в многоязычной поликультурной аудитории, когда происходит совместное обучение представителей разных культур, говорящих на разных языках. Комплекс средств оперативного взаимодействия «учебник – пользователь» должен быть модифицирован таким образом, чтобы а) в максимальной степени нивелировать указанные различия; б) сделать его максимально эргономичным; в) заложить обучающий потенциал.

Оперативное управление в сегменте (урок) учебника осуществляется по пяти основным направлениям: 1) указание к выполнению заданий и упражнений; 2) указание на форму выполнения заданий; 3) указание на лексико-грамматические явления; 4) навигация в рамках структурного сегмента учебника; 5) управление вниманием. Для нас наиболее интересными представляются первое и третье направления, как подвергшиеся инновациям в наименьшей (если не в нулевой) степени, с одной стороны, и как тесно связанные между собой с другой.

Одним из источников эргономичности в применении к созданию учебной литературы является максимально возможное отстранение ученика от вербального представления языка лингвистики, необходимого для введения языкового материала и его последующего освоения. Мы предлагаем расширить круг грамматических явлений, которые могут быть переданы не вербально, а с помощью графических или символических знаков, интуитивно понятных любому участнику обучения в поликультурной среде. Практическое внедрение графических и символических обозначений в поле упражнений и заданий показало высокий уровень оптимизации оперативного взаимодействия, дало экономию времени и интеллектуальных усилий, потраченных на понимание сути и порядка выполнения заданий. В формальном плане это привело к появлению в учебном комплексе поликодовых текстов в нехарактерном для них дидактическом применении. Новым является не только активное введение графосимволических элементов в корпус формулировок и заданий. Пересмотру подверглась и вербальная составляющая поликодового сообщения – глагольные конструкции были заменены на короткие субстантивные формулировки.

Итак, для реализации поставленной цели были сформулированы следующие практические задачи.

Заменить глагольные формулировки номинативными и разработать единый универсальный и систематизированный аппарат формулировок заданий.

Заменить вербальное представление изучаемых грамматических явлений условно-графической формой (где возможно).

Ввести в оперативный интерфейс разновариантные формулировки заданий и упражнений: вербальные, поликодовые, условно-графические, цифровые.

Провести систематическое применение эргономичных условно-графических замен непосредственно в поле упражнений и заданий.

Внедрить разработанный единый систематизированный интерфейс в поле переработанного учебно-методического комплекса для начального этапа, созданного в едином мировоззренческом ключе.

Основными чертами эргономичного интерфейса, разработанного для учебного комплекса по русскому языку для начального этапа, стали следующие: однозначность понимания (в том числе интуитивного), лаконичность, простота, унифицированность, универсальность, комфортность восприятия, коммуникативная ценность.

Литература

Аникина М.Н. Лестница. Практикум по русскому языку для начинающих. М.: Русский язык. Курсы, 2018.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990.

О концептном принципе отбора лексического минимума для обучения русскому языку

Е.В. Архипова

About concept principle of selection vocabulary for teaching Russian language

Yelena V. Arkhipova

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина» / Ryazan State University named after S.A. Esenin
e.arkhipova@365.rsu.edu.ru

Аннотация. В статье ставится проблема обоснования лингводидактических принципов обучения русскому языку в моно- и полиэтнической среде. Рассматривается концептный принцип отбора лексики в учебных целях.

Ключевые слова: русский язык, лингводидактика, принципы обучения, лексика, концептный принцип.

Summary. The article raises the problem of substantiation of didactic principles of teaching Russian language in mono- and poly-ethnic environment. Discusses a concept principle of selection vocabulary for educational purposes.

Keywords: the russian language, linguodidactics, teaching principles, vocabulary, concept principle.

Современная лингводидактика рассматривает лексическую работу при обучении русскому языку как один из важнейших инструментов формирования языковой картины мира личности. Последние десятилетия ознаменованы утверждением лингвокультурологического подхода к обучению русскому языку как родному и как иностранному. Язык – это основной инструмент, посредством которого личность приобщается к духовной культуре. Связь языка и культуры как аксиома определяет новые подходы в отборе лексического минимума для овладения русским языком в моно- и полиэтнической аудитории, а также требует обновления лексической части педагогического дискурса учебников для обучения русскому языку как родному. С другой стороны, достижения в когнитивной лингвистике и переосмысление вопросов соотношения языка и мышления в лингводидактике приводят к необходимости использования новых принципов категоризации лексики, которые опирались бы на понятия *языковая личность* и *языковая картина мира*.

Поскольку язык является важнейшей формой существования знаний о мире, то языковая картина мира как субъективный образ объективного мира в сознании человека складывается во многом благодаря лексике, и потому отбор и ее презентация в процессе обучения должны строиться в соответствии с современными воззрениями науки на процесс формирования языковой картины мира личности.

Традиционным в лингводидактике и в методике обучения русскому языку считается отбор словарных минимумов на основе тематических (идеографических) и лексико-семантических групп слов [Баранов 1985]. Между тем в XXI веке когнитивная лингвистика и лингвистическая концептология уже диктуют новые подходы к систематизации лексики для ее последующей презентации на занятиях по русскому языку, поскольку это определяется социокультурной ситуацией в новых условиях, и в частности, обучением в полиэтнической образовательной среде. В условиях преподавания русского языка в полиэтнической аудитории важно, помимо обогащения словаря лексемами, приобщать обучающихся к базовым концептам культуры и их лексической объективации в изучаемом языке. Исходя из этого логично предположить, что одним из принципов систематизации лексики в дидактических целях может стать *концептный* (концептологический) принцип ее отбора. Терминологически, к сожалению, этот вопрос нельзя считать до конца решенным. Совершенно очевидно, что появилась необходимость теоретически разграничить понятийное содержание многих новых терминов (в частности, разграничить понятия *концептный* / *концептологический* принцип при отборе лексики), а также оптимизировать методическую, лингводидактическую терминологию. И прежде всего это должно коснуться лингводидактических принципов обучения русскому языку в новых условиях, а также принципов отбора лексики в дидактических целях [Архипова 2016a; Архипова 2017; Архипова 2016b].

Современная лингвометодика, руководствуясь аксиологическим и когнитивным принципами обучения русскому языку [Архипова 2015a; Архипова 2015b] обращает пристальное внимание на концепты как ценностные понятия, культурные константы, отраженные в языке, как значимые элементы языковой картины мира. В методике русского языка как родного базовые концепты русской культуры уже находят отражение при организации процесса речевого развития учащихся в школе [Мишатина 2010].

Концепт как ценностное понятие прежде всего должен войти в словарный минимум для обучения русскому языку. Между тем совершенно очевидно, что культурные концепты в каждом национальном языке обладают спецификой. Так, концепты *бог, душа, родина* всегда были и останутся в системе изучения русского языка как слова, выражающие ценностные понятия русского народа. Вопрос об отборе лексических минимумов на основе концептного принципа требует учета этой специфики при обучении в моно- и полиэтнических группах [Архипова 2017].

Литература

Архипова Е.В. Аксиологический подход к обучению русскому языку в полиэтнической образовательной среде // Самарский научный вестник. 2015a. № 1 (10). С. 19–21.

Архипова Е.В. Системность лексики и принципы отбора лексического материала в учебных целях // Acta Rossica Tyrnaviensis I: Zbornik studii Katedry rusistiky Filozofickej faculty University sv. Cyrila a Metoda v Trnave. Brno: Tribun Eu, 2015b. С. 7–15.

Архипова Е.В. Принципы лингводидактики как основа создания инновационных технологий обучения языку // Использование интерактивных и информационно-коммуникационных технологий при формировании общекультурных и языковых компетенций адъюнктов, курсантов, студентов и слушателей вузов ФСИН России / Под общ. ред. Л.Н. Федосеевой, Н.В. Шилиной. Рязань: Академия ФСИН России, 2016a. С. 11–15.

Архипова Е.В. О лингводидактических подходах к преподаванию русского языка в классах с полиэтническим составом // Acta Rossica Tyrnaviensis II: Zbornik studii Katedry rusistiky Filozofickej faculty University sv. Cyrila a Metoda v Trnave. Brno: Tribun Eu, 2016b. С. 175–179.

Архипова Е.В. Принципы отбора лексики для изучения русского языка как родного и как иностранного в сопоставительном аспекте // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017. № 22–3. С. 49–52.

Баранов М.Т. Научно-методические основы обогащения словарного запаса школьников в процессе изучения русского языка в IV–VIII классах: Дисс. … докт. пед. наук. М., 1985.

Мишатина Н.Л. Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход: Автореф. дисс. … доктора пед. наук. СПб., 2010.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-413-620003.

Обучение русскому языку в Казахстане в условиях обновления содержания среднего образования

Б.М. Асмагамбетова

Teaching the Russian language in Kazakhstan in the conditions for updating the content of a secondary education

B.M. Asmagambetova

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан) /
Eurasian National University named after L.N. Gumilyov (Astana, Kazakhstan)

Batima_2010@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы обучения русскому языку в связи с обновлением содержания образования в Республике Казахстан, указываются причины изменения парадигмы образования. Приоритетным является формирование самостоятельных критически мыслящих людей.

Summary. The article deals with the issues of teaching the Russian language in connection with updating the content of education in the Republic of Kazakhstan, indicating the reasons for the change in the paradigm of education. Priority is the formation of independent critically overseeing people.

Ключевые слова: русский язык, программа, обновление, методы активного обучения, самостоятельность.

Keywords: russian language, program, update, methods of active learning, independence.

Цель обновления содержания образования в Казахстане – формирование самостоятельных, критически мыслящих образованных людей, умеющих грамотно и четко излагать мысли как устно, так и письменно, людей с развитым широким кругозором, с высокой культурой и нравственностью. Русский язык в Казахстане, являющийся официальным языком, остается языком межнационального общения, он востребован, поскольку на нем продолжает говорить большинство населения страны. Знание русского языка – это достояние казахского народа, русский язык способствует развитию деловой коммуникации, партнерскому сотрудничеству, повышению конкурентоспособности на рынке труда.

В Казахстане меняется парадигма образования – таково веление времени. В зависимости от языка преподавания казахстанские школы в настоящее время делятся на три типа: казахские, русские и английские. Школ с русским языком обучения в Казахстане достаточно большое количество. Так, в г. Астане получить образование с русским языком обучения возможно в 55 школах. Современная действительность диктует изменение подхода в обучении русскому (любому другому) языку: на сегодняшний день актуализируется развитие творчески активной личности путем формирования коммуникативных навыков по всем видам речевой деятельности и функциональной грамотности. Школа должна научить молодое поколение учиться самостоятельно в течение всей жизни. Необходимо стремиться к тому, чтобы каждого учащегося, вне зависимости от возраста и успешности, воспринимали как личность. Учителям на уроках следует широко использовать методы активного, интерактивного и коллаборативного обучения (групповая работа учащихся для решения проблемы, выполнения задания), педагогической рефлексии. «Позитивный, эмоциональный настрой, работа в парах и группах, участие в дискуссиях на интересующиеся темы, игровые элементы позволяют учителям учесть индивидуальные особенности учащихся, усилить их мотивацию, сделать занятия творческими и увлекательными» [Методические рекомендации… 2017: 44].

Отличительной особенностью новых программ является принцип спиральности, что предполагает постепенное наращивание знаний и умений (усложнение навыков по темам и по классам). Содержание учебной программы по учебному предмету «Русский язык» организовано по разделам обучения. Разделы состоят из подразделов, которые содержат в себе цели обучения в виде ожидаемых результатов по классам. Ожидаемые результаты, согласно обновленным учебным программам, образуют реализацию многоуровневой системы краткосрочных целей обучения, спроектированных по таксономии Блума. Основными категориями учебных действий при этом являются: знание, понимание, применение, синтез, оценка. Так, например, система целей при аудировании и говорении предусматривает: 1) понимание содержания текста; 2) определение основной мысли; 3) пересказывание прослушанного материала; 4) прогнозирование событий; 5) участие в диалоге; 6) оценивание прослушанного материала; 7) построение монологического высказывания. При этом, допустим, прогнозирование по классам будет выглядеть следующим образом: 5 класс – прогнозирование содержания по отрывкам текста, 6 класс – прогнозирование развития сюжета по ключевым словам, 7 класс – прогнозирование содержание исходя из основной мысли текста, 8 класс – прогнозирование содержания по названию текста или началу, 9 класс – прогнозирование содержания по финалу текста [Типовая учебная программа… 2016].

Типовая программа предусматривает долгосрочное, среднесрочное и краткосрочное планирование. Долгосрочное планирование отражает темы обучения на один учебный год. В среднесрочном планировании даются темы обучения на каждую четверть или раздел. Краткосрочный план составляется учителем самостоятельно по примеру планирования рекомендательного характера, представленного в программе. В краткосрочном плане должны быть определены цели урока, задачи урока, используемое оборудование и должен быть представлен план-конспект урока.

В учебной программе введена новая система критериального оценивания, а именно: формативное и суммативное оценивание. Формативное оценивание проводится непрерывно в повседневной работе, что позволяет корректировать знания учащихся (при необходимости, подключая родителей) без выставления баллов и оценок. Суммативное оценивание определяет уровень знаний и умений учащихся по завершении разделов учебной программы, за четверть, за год. Суммативное оценивание проводится 2–3 раза в четверть, а также в конце каждой четверти с выставлением баллов и оценок. Четвертные оценки складываются из результатов суммативного оценивания за разделы – 50% и за четверть – 50%.

Перед учителями, учащимися и родителями предстоит большая работа по осмыслению и плодотворной реализации содержания обновленных программ.

Литература

Методические рекомендации по изучению учебного предмета «русский язык» (5–9 классы) в рамках обновления содержания образования. Астана: НАО имени И.Алтынсарина, 2017.

Типовая учебная программа по учебному предмету «Русский язык» для 5–9 классов уровня основного среднего образования (с русским языком обучения) по обновленному содержанию. 2016. [Электронный ресурс. Режим доступа: https://multiurok.ru/files/tipovaia-uchiebnaia-proghramma-po-uchiebnomu-pried.html].

К вопросу о достижении предметных результатов обучения при изучении русского языка

М. А. Бондаренко

On achieving substantive results in the study of the Russian Language

Marina A. Bondarenko

Академия труда и социальных отношений (Москва) / Academy of Labor and Social Relations (Moscow)

marbondina@mail.ru

Аннотация. В статье обозначены проблемы, связанные с достижением предметных результатов обучения при изучении русского языка. К их числу относится неумение работать с текстом, использовать интернет-ресурсы, находить источники информации, проводить исследования, осуществлять самооценку, расширять лексический запас.

Ключевые слова: русский язык, образовательный стандарт, информационная обработка текста, читательская грамотность, самообразование.

Summary. The article considers some methodical problems that arise when learning Russian. The author pays attention to the negative trends including problems with working on the text, using the Internet, searching for sources of information, research, self-appraisal, expanding vocabulary.

Keywords: the Russian Language, educational standard, information text processing, reading literacy, self-education.

Основными документами, регламентирующими сегодня образовательный процесс в школе, являются федеральные государственные образовательные стандарты, которыми уже на уровне основного общего образования предусмотрены в перечне предметных результатов изучения предметной области «Русский язык и литература» среди прочих следующие: «развитие… навыков содержательной переработки прочитанного материала, в том числе умение выделять главную мысль текста, ключевые понятия» и «осуществление информационной переработки текста» [Приказ Минобрнауки России от 31 декабря 2015 г. № 1577: 4].

В то же время, как показывает практика работы с выпускниками основной общеобразовательной школы на факультетах среднего профессионального образования, достижение данных предметных результатов находится на весьма низком уровне: выделение ключевых слов, определение темы и основной мысли текста, составление его плана относится к числу тех заданий, которые выполняются обучающимися с большим трудом. Приходится констатировать это, несмотря на положительную динамику, отразившуюся в последнем исследовании PISA (2015 г.): оно показало рост показателей читательской грамотности 15-летних россиян на 20 пунктов по сравнению с предыдущим исследованием (26 место в рейтинге стран-участников тестирования) [Основные результаты Международного исследования PISA–2015].

Низкий уровень сформированности умений работать с текстом не единственное слабое место в подготовке учащихся, но на этапе получения среднего общего или профессионального образования отсутствие устойчивых навыков такого плана влечет за собой трудности в овладении знаниями по всем учебным дисциплинам. К такому же результату приводит и выявленная в процессе анализа компетенций выпускников основной школы недостаточная готовность обучающихся самостоятельно добывать знания, в том числе с помощью информационно-коммуникационных образовательных ресурсов, выполнять исследовательские задания на материале дисциплины «Русский язык», а также весьма ограниченный лексический запас и неспособность к адекватной оценке данного параметра своего интеллектуального развития. Последнее – при обязательном требовании в рамках образовательного стандарта формирования такого метапредметнего результата освоения основной образовательной программы, как владение основами самоконтроля и самооценки.

Приведем несколько цифр. Наблюдения показало: число обучающихся, когда-нибудь хотя бы единично обращавшихся к материалам портала «Грамота.ру», составляет около 5%. Потребность узнать лексическое значение незнакомого слова, встретившегося в тексте, практически нулевая. Иных источников получения информации учебного характера, кроме веб-сайта «Википедия», учащиеся не знают. Библиотеки стабильно посещают примерно 12,5% обучающихся. Понятие о библиотечных каталогах, их видах и возможностях практически отсутствует. Основная форма деятельности в процессе подготовки заданий, требующих сбора, анализа и систематизации материала, – компиляция. Аналогичные результаты показывают и исследования, проведенные среди студентов-бакалавров. Значительная часть студентов, обучающихся по магистерским программам, испытывает затруднения при подготовке реферативного обзора (в рамках дисциплины «Культура научной речи») как при осуществлении самого процесса реферирования, так и в оформлении справочно-библиографического аппарата.

Нам приходилось анализировать и методические материалы, подготовленные учителями, и сочинения в научной периодической печати [Бондаренко 2016], которые вполне могут привести к выводу о том, что одной из причин названных выше проблем, выявляющихся в подготовке выпускников основной школы, нередко является неготовность педагогов к формированию соответствующих компетенций учащихся, отсутствие достаточной подготовки в использовании ИКТ, в применении проектной технологии. Это подтверждается также сведениями, собранными на курсах повышения квалификации учителей русского языка в различных регионах страны, а также анализом открытых материалов профессиональных социальных сетей, сайтов образовательных учреждений и личных сайтов педагогов.

Пути преодоления сложившейся ситуации традиционны, но, как правило, не до конца пройдены. Это доработка образовательных программ в соответствии с выявленными проблемами и систематическая работа по формированию читательской и исследовательской компетентности учащихся. Это развитие системы курсов повышения профессиональной подготовки педагогов, участие учителей в научных конференциях и мастер-классах, отражающих современные методики преподавания, в интернет-семинарах, знакомящих с лучшими практиками, с последними публикациями методических и иных изданий, способствующих оптимизации учебного процесса. И, конечно, систематическое самообразование учителя, без которого достичь успеха невозможно.

Литература

Бондаренко М.А. Речевые дисциплины в системе гуманитарной подготовки студентов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4 (255). С. 139–147.

Основные результаты Международного исследования PISA–2015. [Электронный ресурс. URL: http://www.centeroko.ru/pisa15/pisa15_res. html. Дата последнего обращения 31.10.2018].

Приказ Минобрнауки России от 31 декабря 2015 г. № 1577 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897». [Электронный ресурс. URL: https://минобрнауки.рф/документы/8034/файл/7257/Prikaz_№_1577_ot_31.12.2015.pdf. Дата последнего обращения 31.10.2018].

Обращение как прием установления контакта в учебном процессе

О.Ф. Будко

Adressing as a method of establishing contact in the educational process

Olga F. Budko

Российский химико-технологический университет (Москва) / D.Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (Moscow)

home_budko@mail.ru

Аннотация. Дается определение «обращения» как важной языковой единицы, употребляемой в разных сферах человеческой деятельности для установления контакта со слушателем и анализируется этикетно-коммуникативная функция обращения в академическом красноречии.

Ключевые слова: обращение, академическое красноречие, коммуникативная функции.

Summary. The definition of “Adressing ” as an important language unit used in various spheres of human activity to establish contact with the listener, and the etiquette-communicative function of circulation is analyzed in academic eloquence.

Keywords: appeal, academic eloquence, communicative functions.

Мы слушаем не речь, а человека, который говорит (Аристотель).

В век внедрения во все сферы человеческой деятельности технических средств, активного использования компьютерных технологий, когда сжимается время контактного общения, сокращается устный и письменный текст, из речи «уходит» обращение.

С античных времен (Квинтиллиан) в общении важное место в структуре текста отводится обращению. *Обращение* – это слова, которыми называют того (то), к кому (чему) обращаются говорящие или пишущие. На письме обращение нужно выделять запятыми или восклицательным знаком, а в устной речи – особой звательной интонацией (в древнерусском языке существовал звательный падеж). Обращение не только занимает место в системной структуре русского языка, но является этикетной единицей и имеет коммуникативное (риторическое) значение в установлении контакта и привлечении внимания к выступающему, поэтому существуют разные признаки классификации обращений (лексическая наполняемость, степень знакомства с адресатом, стилистическая окраска).

Обращение используют во всех сферах человеческой деятельности в разнообразных речевых формулировках. В деловом общении этикетные традиции в использовании обращения при опосредованном (по телефону, в письме) и при непосредственном контакте сохраняются, чему способствуют *бэйдж* (бэйджики), функция которых – идентифицировать незнакомых друг с другом людей, вступающих в необходимое общение. Наблюдения же над разговорной речью жителей города (85% имеют высшее образование, 60% работают в сфере образования, науки, культуры) показали, что обращение как средство установления контакта между говорящими утрачивается [Хазагеров, Корнилова 2001: 132].

Лучшие представители академической школы, университетские преподаватели прошлого демонстрировали высокую культуру общения со слушателями, начиная лекции с элементарного «речевого шага» – *обращения* к тем, кто пришел их слушать (Т.Н. Грановский, В.О. Ключевский, Ф.И. Буслаев, И.М. Сеченов, И.И. Мечников, Д.И. Менделеев, К.А. Тимирязев в XIX веке; А.Е. Ферсман, В.И. Вернадский, Л.Д. Ландау в XX веке). Выбирая определенные слова обращения к слушателям, говорящий предопределяет характер общения со слушателем (официальный, доверительный, просторечный, торжественный) [Шевченко 2006: 91]. Это так называемый «эффект первого впечатления», о котором должен помнить преподаватель, входя в аудиторию. Взаимодействие учителя с учениками начинается с привлечения к себе внимания. Самый распространенный способ расположить к себе аудиторию – вербальное обращение, хотя существуют сопутствующие приемы: пауза, двигательно-знаковый вариант, жестовый вариант… Тем не менее по нашим наблюдениям педагоги вуза редко используют в своей работе со студентами этот коммуникативный прием (из десяти лекторов только трое начали свою учебно-научную речь со слов «Друзья!», «Дорогие первокурсники!», «Уважаемые слушатели!» – 2017 г.) В общении с коллегами на научных собраниях не все выступающие с докладами начинают свою речь с обращения (на научной международной конференции в МГУ «Русский язык и литература в контексте глобализации» из семи докладчиков двое начали свой доклад без обращения к аудитории, а на заседании одной из секций − четверо из девяти). В академических кругах обращение как составная часть научного устного текста теряет свою значимость.

На занятиях по «Русскому языку и культуре речи» первокурсники усвоили, что обращение – это не просто называние тех, к кому обращена публичная речь, но и этикетно-коммуникативная единица, своего рода речевое действие, устанавливающее контакт с аудиторией, привлекающее внимание к личности говорящего, после которого обязательно должен последовать текст. Так, 40 студентов, сдавая зачет по предмету в формате дискуссии, аргументировали своей позиции по заранее данным проблемным вопросам, и 36 человек начинали свою речь с обращения к оппонентам (90%), а 10 на протяжении всего выступления не раз использовали обращение, тем самым поддерживая контакт со слушателями (25%).

В заключение можно сказать, что обращение, используемое во всех сферах деятельности человека, а в учебно-академической среде особенно – это первый шаг к установлению контакта со слушателями, а значит, возможность управлять их умами и чувствами. Суть обращения заключается в языковых формах установления контакта с собеседником (публикой) при демонстрации социальных и личностных отношений, поэтому обращение – проверка коммуникабельности преподавателя, а, следовательно, представление себя как коммуникативной личности.

Литература

Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е. Риторика для делового человека: учебное пособие. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2001.

Шевченко Н.В. Обращение в разговорной речи. Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: сборник материалов X Международной конференции по риторике. Выпуск 2 / Науч. ред.-сост. В.И. Аннушкин. М., Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2006.

«Школа русского языка» как региональный просветительский проект

Л.Б. Гурьянова

“Russian language school” as a regional educational project

L.B. Guryanova

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» / Penza State University

lyudmila010159@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена формам работы по повышению функционально-речевой грамотности населения. Просветительская деятельность является неотъемлемой сферой деятельности педагога высшей школы.

Ключевые слова: функционально-речевая грамотность, диктант, словари, история языка, выдающиеся земляки.

Summary. This article is devoted to the forms of work to improve the functional and speech literacy of the population. Educational activity is the integral field of activity of the teacher of the higher school.

Keywords: functional-speech literacy, dictation, dictionaries, history of the language, outstanding countrymen.

Выступая на съезде Общества русской словесности, президент Российской Федерации В.В. Путин сказал: «Мы должны сделать все, чтобы знания классической и современной литературы, грамотная речь стали неотъемлемой частью жизни страны, по сути, правилом хорошего тона, чтобы это стало модным, чтобы об их сохранении и развитии заботилось все наше общество».

Эти цели реализует региональный просветительский проект «Школа русского языка», который функционирует в Пензе шестой год. Это совместное некоммерческое «детище» кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета, интеллектуального парка «Академия» и Пензенской библиотеки имени В.Г. Белинского. Занятия проходят два раза в месяц с сентября по июнь, а после каникул возобновляются вновь. Стать участником проекта может каждый, независимо от возраста и статуса. Ведет занятия старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Л.Б. Гурьянова.

Каждый год «Школа русского языка» работает по плану, который доступен всем пензенцам. Информация о проведении занятий расположена на сайте интеллектуального парка «Академия», отдельные занятия анонсируют и другие сайты, например, SKUKI.NET.

Занятия нацелены на повышение уровня функционально-речевой грамотности жителей город и обсуждение актуальных проблем линвистики.

Каждый учебный год отличается от другого. Так, занятия в 2016 / 2017 учебном году проходили по следующим направлениям:

«Грамотно писать не забывай, правила русского языка повторяй!» (готовимся к тотальному и региональному диктантам).

«Если книг читать не будешь, скоро грамоту забудешь!» (знакомимся с новыми лингвистическими изданиями).

«Коли русский постигаешь, изучай словарь, товарищ!» (штудируем словари русского языка).

«Эпиграфику города изучай, ошибки на улицах замечай!» (анализируем языковой облик города).

«Со всеми народами дружи постоянно, их языки изучай неустанно!» (осваиваем языки народов, проживающих на территории Пензенской области).

За этот период времени сформировался костяк слушателей, которые стараются посещать каждое занятие, хотя часто к нам приходят и новички.

На занятиях используются следующие технологии:

– мини-лекция на одну из заявленных тем;
– углубленное рассмотрение правил русского языка и закрепление их на практике;
– написание словарного или объяснительного диктанта и его проверка вместе со слушателями;
– выполнение тестовых заданий по русскому языку;
– знакомство с лингвистическими изданиями и словарями русского языка;
– обсуждение проблем, связанных с языковым обликом города.

Многие слушатели готовятся на занятиях к участию в просветительских акциях «Тотальный диктант» и «Региональный диктант». Если одна из них является международной, то вторая проводится только в нашем регионе. Текст, как правило, связан с краеведческой тематикой. Так, в 2018 году текст диктанта был посвящен 200-летию нашего земляка, ученого с мировым именем Ф.И. Буслаева.

На самих занятиях мы стараемся использовать для диктантов тексты произведений писателей, связанных с Пензенским краем: А.Н. Радищева, М.Ю. Лермонтова. Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова- Щедрина, А.И. Куприна и др.

Мы стараемся учитывать пожелания слушателей и откликаться на все интересующие их проблемы, консультируем их по вопросам использования русского языка в их профессиональной или учебной деятельности.

За время существования проекта его работа неоднократно освещалась в региональных СМИ и на сайте «Русский мир».

Слушатели «Школы русского языка» отмечают достоинство проекта:

М.Н. Цыпилина, инженер:

Занимаюсь в «Школе русского языка» пять лет. Уровень грамотности заметно вырос, это подтверждает участие в просветительских акциях. Всегда интересно узнавать о новых словарях и справочниках.

В.И. Берсенев, техник-геолог:

На данный проект пришел чтобы прикоснуться к русскому языку с точки зрения правил, т.к. пишу больше по интуиции. Отрадно что данный формат собирает людей разных возрастов и разного рода занятий.

Г.Ш. Неврюзина, пенсионерка:

Никогда не подозревала, что занятия по русскому языку могут быть столь интересными. Особенно люблю писать диктанты. Ошибки иногда делаю, хотя их уже меньше, да и многие правила теперь могу вспомнить. Спасибо!

Таким образом, региональный просветительский проект «Школа русского слова» способствует постоянному вниманию пензенцев к проблемамуникального по своей выразительности и многогранности русского языка, дает возможность приобщиться к богатству русской классической литературы, позволяет осмысленно подходить к выбору правил и норм.

Литература

Латухина К. Путин назвал сбережение русского языка вопросом нацбезопасности // Российская газета, 26.05.2016 [Электронный ресурс. URL: https://rg.ru›2016/05/26/ putin-nazval…russkogo…voprosom… Дата последнего обращения 20.11.2018].

Использование Национального корпуса русского языка в преподавании лексикологии

Т.С. Зевахина

Using of the National Corpus of Russian Language in the teaching lexicology

T.S. Zevakhina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

tzev@mail.ru

Аннотация. В докладе мы предлагаем методику и примеры использования Национального корпуса русского языка для различных упражнений при преподавании курса лексикологии. Семантические признаки, приписываемые словам в корпусе, позволяют наглядно представить, например, сочетаемостные свойства паронимов. Для анализа функционирования неологизмов мы используем данные поиска в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка. Показаны также возможности работы в корпусе с такими языковыми единицами, как антонимы и синонимы, историзмы и архаизмы, экзотизмы, жаргонизмы, книжная лексика.

Ключевые слова: преподавание лексикологии, Национальный корпус русского языка, русская лексика, стилистические характеристики.

Summary. In this paper we provide the methodology and examples of using the National Corpus of Russian Language for different exercises to teach lexicology. The semantic features assigned to each Russian noun in the Russian National Corpus allow to represent for instance the syntagmatic potential of paronyms. To explicate the functional characteristics of neologisms we use the data of search in the mass-media subcorpus. We illustrate also the ways to work with the linguistic units such as antonyms and synonyms, historicisms and archaisms, exotic items, jargon words, words of high literary style.

Keywords: teaching lexicology, the National Corpus of Russian Language, Russian lexicon, stylistic characteristics.

В настоящее время корпусный подход позволяет по-новому относится к задачам преподавания русского языка. Исследовательской базой, на которую опирается данный доклад, является Национальный корпус русского языка [НКРЯ].

«Корпус некоторого языка – это, в первом приближении, собрание текстов на данном языке, представленное в электронной форме и снабженное научным аппаратом» [Плунгян 2005: 296]. Встроенный в НКРЯ лингвистический аппарат (или «разметка») является, на наш взгляд, достаточно полным для получения многих видов языковой информации: как морфологической и синтаксической, так и, что для нашего анализа особенно важно, семантической [Плунгян, Сичинава 2004; Кустова, Ляшевская, Падучева, Рахилина 2005; Рахилина, Кустова, Ляшевская, Резникова, Шеманаева 2009; Кретов 2009].

В теоретическом отношении мы опираемся на концепцию «семантической инвентаризации» Б.Ю. Городецкого [Городецкий 2018].

В работе решаются задачи представления стилистических свойств русских лексем при обучении студентов в курсе лексикологии. При этом стилистика трактуется с опорой на труды В.В. Виноградова [Виноградов 1963] и Ш. Балли [Балли 1961].

На сегодня опубликован целый ряд работ, полезных для достижения наших учебных целей [Добрушина 2005; 2009].

Настоящий доклад состоит из восьми разделов, связанных со стилистикой и опирающихся на обобщения данной дисциплины, которые представлены в книге [Солганик, Дроняева 2007].

Если студенты (в том числе иностранные) уже освоили начальный курс русского языка и находятся на продвинутом этапе обучения, то полезными оказываются упражнения на различение русских паронимов, анализ неологизмов, историзмов и архаизмов, жаргонизмов, книжной лексики, а также синонимов и антонимов.

Далее в докладе на конкретных примерах мы показываем, какую лингвистическую информацию и каким образом можно извлечь из корпуса для подготовки учебного материала.

Литература

Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с франц. М., 1961.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория художественной речи. Поэтика. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

Городецкий Б.Ю. Из лекций по семантике. М.: МАКС Пресс, 2018.

Добрушина Н.Р. Как использовать Национальный корпус русского языка в образовании? // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 308–329.

Добрушина Н.Р. Корпусные методики обучения русскому языку // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 335–352.

Кретов А.А. Анализ семантических помет в НКРЯ // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 240–257.

Кустова Г.И., Ляшевская О.Н., Падучева Е.В., Рахилина Е.В. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 155–174.

Национальный корпус русского языка. [Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru]. (НКРЯ)

Плунгян В.А. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 296–308.

Плунгян В.А., Сичинава Д.В. Национальный корпус русского языка: опыт создания корпусов текстов современного русского языка / Ред. Л.Н. Беляева и др. Труды Межд. конференции «Корпусная лингвистика-2004». СПб: СПбГУ, 2004. С. 216–238.

Рахилина Е.В., Кустова Г.И., Ляшевская О.Н., Резникова Т.И., Шеманаева О.Ю. Задачи и принципы семантической разметки лексики в НКРЯ // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 215-239.

Солганик Г.Я., Дроняева Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи: учебное пособие для студентов факультетов журналистики. 4-е изд., испр. М.: Издатедьский центр «Академия», 2007.

Замечания по приложению «ProDict RU-DE»

Х. Лерхер

Some remarks on the gadget «ProDict RU-DE»

H. Loercher

Государственный экономический колледж и государственная гимназия по экономике «Вилли Хеллпах» (Хайдельберг, Германия) / Willy-Hellpach-Schule, Wirtschaftsgymnasium und Berufskolleg (Heidelberg, Germany)

helgard-loercher@t-online.de

Аннотация. Статья представляет собой словарь-приложение и переводчик-приложение «ProDict RU-DE». В первой части анализируются признаки словаря-приложения и общая структура словарной статьи. Во второй части определяется, с какими выражениями и предложениями переводчик-приложение справляется. Так как алгоритм приложения не доступен, выводы вытекают на основе различных примеров. В заключении обсуждаются преимущества и недостатки словаря-приложения и переводчика-приложения, наконец следует обратить внимание на вопрос, кому свойственно приложение.

Ключевые слова: словарь-приложение, переводчик-приложение, словарная статья, грамматические пометы, перевод.

Summary. The topic of the article is the analysis of dictionary apps and translator apps. The first part of the analysis presents the dictionary-application and defines the general structure of dictionary entries. The second part is devoted to the question of how the translator-application works. Since the application algorithm is not available, conclusions are drawn from various examples. In the summary at the end, the advantages and disadvantages are discussed and a potential user is described.

Keywords: dictionary app, translation app, dictionary entry, grammar, translation.

Словарь-приложение ProDict RU-DE [ProDict RU-DE] двуязычный словарь, немецко-русский и русско-немецкий, расположен по алфавитному порядку и предоставляет произношение заглавных слов. Он содержит 886000 слов. С учетом ограниченного объема анализ относится к глаголам, существительным и прилагательным. Русские и немецкие словарные статьи о выше названных частях речи предоставляют пользователям прежде всего огромное количество выражений и фразеологизмов относительно различных сфер употребления к каждому заглавному слову. Сферы употребления разделены на разные рубрики, всегда появляется рубрика «Общая лексика», другие рубрики относятся к повседневой жизни, к научной, технической и профессиональной сфере. Примеры словосочетаний приводятся, хотя не систематично. Стилистические характеристики словосочетаний и их употребление не объясняются. Синитаксические пометы вообще не названы, морфологические указания включают такие сведения, как части речи: «сущ.», «гл.», «прил.». Грамматические признаки глаголов, прилагательных и русских существительных не названы, только немецкие существительные определяются родом, окончаниями родительного падежа и множественного числа.

Итоги исследования показывают, что в приложении отсутствуют необходимые пояснения. Не указано, как использовать словарь-приложение и для кого он предназначен. Кроме того, пользователь ничего не узнает о сокращениях, принятых в словаре. Структура словарных статей не поясняется, синтаксические сведения в общем не представляются, выбор морфологических сведений и сфер употребления не всегда соответствует общепринятным научным принципам. В сравнении пояснения для пользователей в «Ожегове» охватывают 37 параграфов и список сокращения [Ожегов, Шведова 1993: 5–11].

Кроме словаря, ProDict RU-DE предоставляет **переводчик-приложение**, т.е. существует возможность перевода с немецкого на русский и с русского на немецкий язык, также произношение переводов. Чтобы ограничить объем статьи анализируется только некоторые примеры и их переводы словарем-приложением ProDict RU-DE. Корпусом анализа является несколько примеры из русского и немецкого учебников для начинающих и из интернет-газет. Исследование русских примеров [Мост 1 2008: 25, 54, 102] показывает, что переводчик-приложение ProDict RU-DE справляется более или менее с вопросительными предложениями с вопросительным местоимением, побудительными и простыми предложениями. Хотя иногда нарушают правила грамматики, переводы таких и подобных примеров в общем понятны и в основном правильны. Причастные и деепричастные обороты переводятся в исследованных примерах неправильно [Мост 1: 184, 186]. Анализ примеров немецкого языка [Aussichten A 1 2014] приводит к подобным результатам, выражения и простые предложения ежедневной жизни переводятся словарем-переводчиком ProDict RU-DE правильно. Анализ переводов некоторых сложных предложений и заголовок интернет-газет приводит к значительно худшим результатам. Выражения и фразеологизмы часто не были понятны и поэтому неправильно переведены [Довлатов], [Mann lief…]. Переводчик-приложение совсем не справляется с причастными и деепричастными оборотами с русского языка на немецкий. Анализ немецких примеров показывает, что переносное значение не разпознается гаджетом-переводчиком. Проблема заключается в том, что точно не определится, от каких грамматических и синтаксических компонентов зависит правильный / неправильный перевод. Даже сравнительно легко переводимые выражения не всегда правильно распознаются. Хотя исследование основывается на небольшом корпусе, можно сказать, что перевод простых предложений вызывает меньше проблем, чем перевод сложных предложений.

В **заключение** можно отметить, что словарь и переводчик ProDict RU-DE имеют преимущества и недостатки. Выгодным является объем словарного-приложения, т.е. количество заглавных слов, их огромные выражения и фразеологизмы, и обеспечение произношения. Невыгодным появляется отсутсвие необходимых объяснений. Поэтому словарь-приложение предназначен только для продвинутых пользователей, так как пользователям элементарного уровня трудно выбрать правильный вариант. Переводчик-приложение может быть полезным для понимания выражений и простых предложений, но переводы оказываются очень часто неправильными. Тот, кто хорошо говорит по-русски и по-немецки, может использовать словарь-переводчик, но всегда необходимо очень точно проверить результаты.

Литература

Довлатов А. В Сербии оценили последствия срыва проекта «Южный поток». [Риа Новости] URL: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/1164713/v_sierbii_otsienili_posliedstviia_sryva_proiekta_iuzhnyi_potok 28.10.2018.

Компендиум лингвистических знаний / Под ред. Х. Шлегеля. Berlin: Volk und Wissen, 1992.

Крысин Л.П. Лексикографическое представление разговорной речи в толковом словаре // Русский язык за рубежом. 2016. № 4. С. 12–19.

Лерхер Х.К. Гаджеты – Новая технология на уроках русского языка как иностранного // Слово. Грамматика. Речь. Выпуск XVI. Материалы VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как инострвнного» Филологический факультет МГУ имени М. В.Ломоносова 26–28 ноября 2015 г. / Под ред. О.В. Чагина. Москва: МАКС Пресс, 2015. С. 357–359.

Мост 1. Russisch Lehrbuch für Anfänger/ Ред. I. Adler, L. Bolgova и др. Stuttgart: Klett, 2008.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская Академия Наук. Институт русского языка. Русский фонд Культуры. М.: АЗЪ, 1993.

Хватов С., Тимошук М. Словарь Kompakt plus: русско-польский, польско-русский. Варшава: Rea, 2005. – 1274 с. // Русский язык за рубежом. 2009 (215). № 4. С. 115–118.

Aussichten A 1. Deutsch als Fremdsprache für Erwachsene (DaF) / Под ред. *S. Jentges, S. Klötzer* et al. Kursbuch mit 2 Audio-CDs. Stuttgart: Klett, 2014.

Drosdowski G. Henne H. Wiegand H. Nachdenken über Wörterbücher. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1977.

Loercher H. Gesprächsanalytische Untersuchungen zur Arzt-Patienten-Kommunikation. Tübingen: Niemeyer, 1983.

Loercher H. Apps – eine neue Form des Sprachen Lernens?// Германистика в современном научном пространстве. Материалы V Международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. С. 123–138.

Loercher H. Deutsch lernen mit Apps / Gadgets? // Язык и речь в синхронии и диахронии: Материалы Международной заочной научной конференции (Таганрог, 24 ноября 2017 г.). Ростов-на-Дону: Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) «РГЭУ (РИНХ)», 2018. С. 255–257.

ProDict RU-DE. URL: [https://play.google.com/store/apps/details?id=com.prodict.de. Дата обращения 20.11.2018].

Mentrup W. Überlegungen zur lexikographischen Erfassung der Gemeinsprache und der Fachsprachen // Interdisziplinäres Deutsches Wörterbuch in der Diskussion / Под ред. H. Henne. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1978. С. 48–77.

Mann lief mit Würgeschlange durch Düsseldorfer Bahnhof. [Spiegel online. URL: http://www.spiegel.de/panorama/duesseldorf-boa-constrictor-am-hauptbahnhof-beschlagnahmt-a-1235505.html. Дата обращения 28.10.2018].

Семантика и грамматика темпоральных наречий в русском и новогреческом языках: лингводидактический аспект

Ю.А. Мареева

Semantics and grammar of temporal adverbs in Russian and Greek languages: linguodidactic approach

Iuliia A. Mareeva

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

mar-julia@yandex.ru

Аннотация. В докладе описана выполненная в рамках функционально-коммуникативной грамматики система упражнений и заданий на употребление русских темпоральных наречий для носителей греческого языка.

Ключевые слова: темпоральные наречия, синонимико-вариативный ряд, сопоставительный анализ, функционально-коммуникативная грамматика.

Summary. The report deals with the system of tasks and exercises for Greek speakers on using Russian temporal adverbs. The exercises are based on functional-communicative grammar.

Key-words: temporal adverbs, synonymic row, comparative analysis, functional-communicative grammar.

Описанию темпоральных наречий были посвящены как труды преимущественно теоретического плана, так и монографии и статьи, рассматривающие данные лексемы в плане обучения РКИ. Работа с адвербиальной лексикой в иностранной аудитории предполагает классификацию ошибок и выявление типичных трудностей инофонов при использовании наречий. Помимо универсальных в последнее время большую актуальность приобрели национально--ориентированные методики. Нашей задачей является описание способов представления русской адвербиальной лексики в греческой аудитории в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка. На основе наблюдения за речевым поведением учащихся был собран «отрицательный языковой материал» (в терминологии Л.В. Щербы), имеющий мощный лингводидактический потенциал.

Объектом нашего исследования стали синонимико-вариативные ряды наречий *всегда* (*никогда*), *вечно, бесконечно, постоянно, непрерывно, беспрерывно* вместе с именной темпоральной группой *всё время* и *давно, долго (долго не), надолго* (*недавно, недолго, ненадолго*). При работе с близкими по значению наречиями в иностранной аудитории необходимо учитывать их семантические особенности, коммуникативный потенциал, способность к выражение градуируемого признака, синонимику и антонимику, стилистическую принадлежность, синтаксические и синтагматические особенности, употребление с отрицанием и с видо-временными формами глагола, а также зоны сближения и расхождения с их иноязычными коррелятами, сходства и различия между контактирующими языками.

Анализировать адвербиальные лексемы необходимо на уровне их лексико-семантических вариантов (ЛСВ), т.к. реализующие эти ЛСВ словоформы могут функционировать в речи по-разному. Так мы рассматриваем ЛСВ наречий *всегда*, *вечно*, *бесконечно* (*всегда*$_1$, *всегда*$_2$, *вечно*$_1$ и т.д.)

Нами были выявлены основные трудности, а также систематизированы наиболее типичные ошибки грекоговорящих учащихся при употреблении ими наречий. Был проведен сопоставительный анализ русских и греческих адвербиальных лексем, который продемонстрировал, что в наших языках существуют как структурно сходные участки, так и существенные расхождения. В первом случае можно говорить о транспозиции, т.е. положительном переносе умений и навыков в речь на русском языке (например, использование отрицательных местоимений и наречий). А во втором – о вероятности интерферентных ошибок (как использование локативных вопросительных наречий *где* и *куда*, что обусловлено наличием только одного греческого коррелята для обеих лексем).

Были отобраны лексические единицы с учетом результатов анализа интерферентных ошибок и испытываемых инофонами (в нашем случае – греков) трудностей. При разработке системы упражнений и заданий (СУЗ) принималось во внимание распределение наречий по уровням владения русским языком как иностранным (в соответствии с государственным стандартом). Упражнения включают презентацию, отработку и закрепление в речевой практике наречий *всегда*, *вечно*, *бесконечно*. Особое внимание, в частности, обращается на то, что наречия *вечно* и *бесконечно* могут иметь значение ‘очень долго’. В рамках стилистического анализа учащиеся выявляют разговорный лексико-семантический вариант наречия *вечно*, который используется при выражении недовольства. Прочитав ряд примеров, инофоны могут сделать самостоятельные выводы о стилистической разнице в значениях наречий *всегда* и *вечно*: *Мой компьютер* ***вечно*** *отключается в неподходящий момент. – Мой компьютер* ***всегда*** *работает исправно.*

Представлен блок упражнений на взаимодействие семантики наречий и глагольного вида (в том числе в отрицательных модификациях высказываний). В заданиях наряду с учебными содержатся фрагменты аутентичных текстов, статьи из СМИ.

Отдельное место в системе упражнений отведено работе с текстами песен («Пусть всегда будет солнце», «Я тебя никогда не забуду» и др.), что способствует формированию как лингвистической, так и социокультурной компетенции, а также привносит в образовательный процесс элемент edutainment («обучения с развлечением»).

При обучении греков русскому языку можно использовать семантизацию с помощью перевода (в том числе дословного перевода); объяснения, включающие сопоставление двух языковых систем; систему упражнений и заданий, направленных на перенос навыков, уже сформированных на греческом и на выработку новых, необходимых для корректного употребления слов и конструкций русского языка, в частности наречий.

Применение разработанной методики будет способствовать более успешному усвоению иностранными учащимися исследованных групп наречий и совершенствованию коммуникативных умений во всех видах речевой деятельности.

Литература

Гулидова Е.Н. Грамматика русских наречий: лингводидактический аспект (на материале работы во франкоязычной аудитории): Дисс. … кандидата педагогических наук. М., 2016.

Мареева Ю.А. Семантика и функционирование русских наречий в зеркале новогреческого языка // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 2. С. 138–144.

Мареева Ю.А. Вопросы преподавания русской грамматики в грекоязычной аудитории (на материале наречий) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс. URL: http://ropryal.ru/wp-content/uploads/2018/10/6ROPRYAL_A5.pdf. Дата последнего обращения: 10.11.2018].

Панков Ф.И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия. Москва: МАКС Пресс, 2008. 448 с.

К вопросу о социолингвистическом аспекте в обучении русскому языку в условиях диалекта

С.М. Морозова

On the sociolinguistic aspect of teaching Russian in a dialectal environment

Svetlana Morozova

Российский университет дружбы народов [РУДН] (Москва) / Peoples' Friendship University of Russia [RUDN University] (Moscow)

literator2008@rambler.ru

Аннотация. Учет особенностей диалекта является важным условием успешной работы при изучении русского литературного языка. Проблема обучения родному языку в диалектных условиях на современном этапе связана с изменениями в общественной жизни государств, ранее входивших в состав многонационального СССР.

Ключевые слова: диалект, молокане, русский язык, литературная норма, методика.

Summary. Taking into account the peculiarities of the dialect is an important condition for successful work in the study of the Russian literary language. The problem of learning the native language in dialectal environment is associated with changes in the social life of states that were previously part of the multinational USSR.

Keywords: dialect, Molokans, Russian language, literary norms, methods.

Внимание к диалектам – это внимательное изучение истории страны, особенно если речь идет о диалекте русских людей, проживающих на территории другого государства. Диалекты являются не только языковым феноменом, но и феноменом общественной жизни, так как они отражают социальную структуру общества. Диалекты отражают и мировоззрение людей, поэтому их изучение всегда является актуальным как в научном, так и в практическом планах, на которые, в свою очередь, должна опираться методика преподавания русского языка.

Армения – мононациональная республика, 98% населения составляют армяне (по данным МИД РФ). В настоящее время русские в Армении – это самая малочисленная диаспора русских в странах СНГ. Русское население современной Армении, как и Армянской ССР, было и остается исторически сконцентрировано в городах республики, хотя в Лорийской области имеются и русские села – Лермонтово и Фиолетово, в которых в XIX веке образовались общины молокан, объявленные сектантскими и запрещенными в Российской империи. Молокане переселились сюда в XIX веке и сохранили свой традиционный уклад, а также особый диалект.

В Лермонтово – 85% русского населения, в Фиолетово все жители – русские. Для молокан понятия «молоканин» и «русский» тесно связаны. Но при этом они строго отделяют свой «русский мир» от того, который существует на территории России.

В Армении есть классы с русским языком обучения, школы с углубленным изучением русского языка. Школа в селе Фиолетово полностью русскоязычная школа. Она была основана в 1969 году. Преподавание ведется только на русском языке. До 2011 г. работали два русских преподавателя, сейчас все учителя – армяне, никто из них не живет в этом селе. Школа не российская, образование в ней не по российским стандартам, она находится в подчинении Министерства образования Армении. Большинство молокан армянским языком не владеет. Сами учителя армянский язык молоканам не навязывают.

Молокане не признают в своих домах телевизоры, но в школе есть интерактивная доска, ее часто используют на уроках русского языка и литературы (видеоуроки предусмотрены программой, их обязательно нужно проводить не меньше, чем 1 раз в месяц). Учителя внимательно следят за содержанием и цензурой показываемых фильмов.

С другими русскими школами школа в селе Фиолетово не связана. Раньше как ученики, так и родители избегали контактов с внешним миром. Однако сейчас многое изменилось, и они готовы к сотрудничеству.

Молоканский диалект характеризуется орфоэпическими, морфологическими и лексическими особенностями.

На уровне орфоэпии – это ярко выраженное аканье и яканье. Морфологические особенности связаны прежде всего с образованием форм 3 лица единственного числа и характерным для некоторых диалектов образованием деепричастий. Особенности на уровне лексики характеризуются влиянием просторечных форм русского языка и разговорных форм армянского языка.

Для учащихся русской школы в селе Фиолетово характерно то, что с самого раннего детства они слышат и усваивают диалектную, а не литературную речь. Начиная учиться в школе, такие дети сталкиваются с большими трудностями, чем учащиеся городских школ. Поэтому учет особенностей молоканского диалекта необходим при работе с разными уровнями русского литературного языка – орфоэпическим, морфологическим, лексическим.

Диалектизмы в речи учащихся отличаются устойчивостью, так как за пределами школы, в семье говорят на диалекте. Знание диалектологии практически необходимо учителю – словеснику, работающему в рассматриваемых условиях. Советующие единицы литературного языка становятся активными только в результате длительной и целенаправленной работы со стороны учителя и самих учащихся.

В современном мире отношение к диалекту изменилось. Диалект – это проявление богатства языка, поэтому учитель должен убедить учеников, что владеть диалектом – ценно. Задача учителей русского языка – и сохранить диалект и помочь ученикам овладеть нормами русского литературного языка.

Существует необходимость в разработке методической системы, которая позволит учитывать особенности диалекта молокан, поможет ученикам овладеть нормами русского литературного языка и одновременно понять, что диалект – это богатство языка.

Литература

Болдырев Н.Н., Куликов В.Г. О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65. № 3. С. 3–13.

Дашян Наира Аветисовна. Статус русского языка и проблемы билингвизма в Армении // Слово.ру: Балтийский акцент. 2012. № 2. [Электронный ресурс. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/status-russkogo-yazyka-i-problemy-bilingvizma-v-armenii. Дата последнего обращения: 01.11.2018].

К вопросу о некоторых трудностях при составлении рабочих программ к дисциплине «Русский язык и культура речи»

Т.А. Налимова

To the question of some difficulties in the preparation of work programs for the discipline “Russian language and culture of speech”

T.A. Nalimova

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна /
Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
t.a.nalimova@mail.ru

Аннотация. Анализируются некоторые трудности, возникшие при разработке рабочих программ и оценочных средств для дисциплины «Русский язык и культура речи и связанные с отбором компетенций; показывается необходимость участия в отборе компетенций преподавателей-русистов; рассматриваются структура и виды контроля

Ключевые слова: Программа нового поколения; компетентностный подход, отбор компетенций; фонд оценочных средств.

Summary. Analyzed are some of the difficulties encountered in developing work programs and assessment tools for the discipline “Russian language and culture of speech and associated with the selection of competencies; the necessity of participation in the selection of competencies of Russian teachers is shown; considered the structure and types of control.

Keywords: new generation program; competence approach, selection of competencies; fund of appraisal funds.

Как известно, Федеральные образовательные стандарты третьего поколения [ФГОС 3+] предусматривают новую систему подготовки специалистов, в основу которой положен практико-ориентированный (компетентностный) подход, предполагающий формирование у будущих специалистов комплекса компетенций: общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных. Традиционная триада «знания-умения-навыки» при компетентностном подходе получила новое звучание: специалист, овладевающий компетенциями, должен как «знать», «уметь», так и «владеть», причем не только определенным набором теоретических знаний по дисциплине, но и на их основе решать достаточно широкий круг практических задач, в том числе задач нестандартного характера. Все это требует определенной перестройки всей системы учебного процесса, в том числе системы взаимоотношений педагогов и учащихся, активная роль в которой должна принадлежать учащимся, которые под руководством преподавателя должны искать и находить самостоятельное решение поставленных перед ними задач.

Новые условия и требования времени диктуют, соответственно, и новые подходы к созданию рабочих программ и системы оценочных средств к ним. В разработанном Министерством образования «Положении о Фонде оценочных средств» [Положение о фонде оценочных средств] представлен весь инструментарий, которым должны воспользоваться разработчики новых программ и фонда оценочных средств(ФОС).Обратимся к трудностям, которые возникли в процессе отбора компетенций для программы.

В университете, где осуществляется подготовка по многим направлениям, программой на «Русский язык и культуру речи» предусмотрено 72 часа. Основными общекультурными компетенциями (ОК), которые повторяются в большинстве наших программ в разном составе (от 1 до 3-х) и в разных комбинациях, являются:

1) ОК-5– «способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия» (в некоторых программах содержание этой компетенции дается под другими номерами: ОК-3, ОК-4, ОК-6, ОК-7);

2) ОК-7 – «способность к самоорганизации и самообразованию» (в ряде программ она дается как ОК-5;

3) ОК-3 – «владение культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выборе путей ее достижения» (в ряде программ она отмечена как ОК-1, ОК-5);

4) ОК-2 – «умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь, готовность к межкультурной коммуникации»;

Проанализировав все программы, мы выяснили, что все эти компетенции, имеющие отношение к нашей дисциплине, в программах для разных направлений подготовки указаны под разными номерами, в разных комбинациях и даже в разной формулировке. Невольно напрашивается вопрос, как при подобной непоследовательности формировать фонд оценочных средств? Сколько вариантов оценочных средств необходимо подготовить? Если рассуждать логически, то для каждой компетенции (или набора компетенций) должен быть свой набор (вариант) оценочных средств. Если содержание дисциплины «Русский язык и культура речи» для студентов всех направлений является единым, то, естественно, и набор общекультурных компетенций для их формирования (и, соответственно, оценивания) тоже должен быть единым для всех направлений подготовки. Ответ на все поставленные вопросы, как нам представляется, может быть только один: отбором общекультурных компетенций для программы должны заниматься *специалисты, ответственные за преподавание данной дисциплины* (*т.е. преподаватели-русисты*). Для отбора и формирования содержания профессиональных компетенций, как справедливо отмечает Г.В. Токарева, также необходимо «привлечение преподавателей русского языка», что требует уже «новой философии вузовского преподавания» [Токарева 2018: 1291]

В результате анализа всех компетенций в программах для бакалавров разных направлений подготовки было принято решение: фонд оценочных средств для всех направлений должен включать 2 части: инвариантную(типовую) и вариативную. В нем получат отражение две основные компетенции: ОК-5 и ОК-7, которые «покрывают» все остальные. В соответствии с ними были подготовлены оценочные средства трех типов: 1) для текущего контроля, 2) для промежуточной аттестации и 3) для итоговой аттестации. Варианты заданий для всех типов контроля были включены в «Практикум», более подробно их структура и содержание будут рассмотрены в сообщении.

Литература

Положение о фонде оценочных средств [Электронный ресурс. URL: https://www.osu/ru/doc/3825. Дата посл. обращения 23.11.2018].

Токарева Г.В. Перспективы компетентностно-ориентированного преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» в техническом вузе // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 г.). С. 1290–1293.

Федеральные государственные образовательные стандарты по направлениям бакалавриата [Электронный ресурс. URL: https://fgosvo.ru. Дата последнего обращения 24.11.2018] (ФГОС 3+).

Моделирование текстового образовательного пространства в обучении русскому языку в начальной школе

Modeling of text educational space in teaching Russian in primary school

Н.И. Наумова, С.А. Климова

Nina I. Naumova, Svetlana A. Klimova

Пензенский государственный университет / Penza State University

gipnozzz@yandex.ru, vera260284@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена результатам проектирования текстового образовательного пространства для реализации функционального подхода к изучению языка в начальной школе. В статье определены требования к текстам, виды функционально ориентированной текстовой деятельности и организующие ее дидактические приемы.

Ключевые слова: текст, функциональный подход, русский язык, начальная школа.

Summary. The article is devoted to the results of designing a text educational space for the implementation of a functional approach to language learning in primary school. The article defines the requirements for texts, types of functionally oriented text activities and organizing its didactic techniques.

Keywords: text, functional approach, Russian language, primary school.

Одна из задач обучения русскому языку в начальной школе – формирование у учащихся широкого спектра универсальных учебных действий. При выборе подходов к решению этой задачи должна учитываться специфика предметного содержания, основу которого составляет элементарные сведения о единицах языка.

Одним из подходов, отвечающих этим требованиям, является функциональный подход к изучению языка. В современной методике его предлагается реализовать в двух моделях. Первая: от ситуации – к потребности выразить какое-то значение – к той языковой единице, которую будут изучать на уроке; другая модель отражает направленность познавательной мысли от изученной единицы языка к открытию ее текстовых функций (текстообразующих, изобразительно-выразительных), которые могут быть предметом рассмотрения на уроке и на внеурочных занятиях.

Реализация первой модели позволит расширить применение проблемно-поискового метода получения лингвистических знаний, актуального для формирования познавательных универсальных учебных действий, тогда как реализация второй будет способствовать развитию ряда коммуникативных умений (выбирать нужные средства для решения коммуникативных задач, а также опираться на средства языка в понимании замысла автора).

Источником знаний о функциональных свойствах языковых единиц выступает текст, поскольку он является продуктом их функционирования. Именно поэтому в методике функционального подхода неоднократно подчеркивается обучающая роль текста и необходимость моделирование текстового образовательного пространства.

Под текстовым образовательным пространством мы, вслед за О.В. Алексеевой, понимаем многомерное использование текста (законченного в смысловом отношении фрагмента текста) как источника новых знаний о функциональных свойствах языковых средств, как «школу» их стилистического употребления, как основу для развития стилистической зоркости [Алексеева 2010].

Моделирование текстового образовательного пространства, реализующего функциональный подход, предполагает: 1) формулирование требований к текстам (их фрагментам) для выполнения текстовой деятельности, включающей функциональный анализ средств языка; 2) моделирование разновидностей функционально ориентированной текстовой деятельности; 3) обоснование и конструирование дидактических приемов для ее организации.

В перечень требований к текстам для проведения анализа с функционально ориентированным лингвистическим компонентом были включены требования к их содержанию: доступность, соответствие интересам детей, воспитательная направленность и др. – и форме: яркая выраженность формально-лингвистических признаков (наличие в тексте средств языка в текстообразующей или изобразительно-выразительной функции).

При моделировании текстовой деятельности мы принимали во внимание две стороны: содержание и степень активности детей. Содержание текстовой деятельности младших школьников в указанном аспекте конструировалось как элементарный вариант лингвостилистического и филологического анализа текста; степень активности учащихся определялась в соответствии с требованием деятельностного подхода об активности и самостоятельности учащихся при выполнении познавательной деятельности. С учетом этого требования названные виды анализа проектировались как разновидности учебного исследования.

Организующим компонентом текстового образовательного пространства в нашем методическом варианте стали лингвистические исследовательские задачи – разновидность дидактических заданий, организующих элементарное учебное лингвистическое исследование [Наумова 2015].

Одна разновидность задач предполагает использование для ее решения лингвостилистического анализа, который заключается в выявлении функций изучаемых средств языка в тексте, в установлении принципов выбора языковых единиц.

Пример задачи. В произведении «Осеннее утро» М. Пришвин умело, точно передает разнообразие движения падающих листьев. Прочитайте и представьте, как они летят. «Листик за листиком падают с липы на крышу. Какой листик летит парашютиком, какой мотыльком, какой винтиком…». *Представили? А заметили, каким способом автор передал разнообразие полета листьев?*

Задания-помощники: с чем сравнивает автор полет листьев? Какой частью речи воспользовался автор для сравнения? Сделай вывод о существительных-сравнениях. Какую словесную картинку можно нарисовать с их помощью? Воспользуйся своим открытием, составь словесную зарисовку о падающих снежинках.

Другая разновидность задач – филологическая. В таких задачах анализ текста (филологический) приводит к прояснению содержания текста, помогает приблизиться к разгадке авторского замысла.

Пример задачи: В тексте Д. Хармса «Как Володя быстро под гору летел» рисуются события прошлого. Однако не все глаголы употреблены в прошедшем времени. Прочитай фрагмент текста, убедись в этом.

На салазочках Володя	Вот охотник
Быстро под гору летел.	И Володя
На охотника Володя	На салазочках **сидят**,
Полным ходом налетел.	Быстро под гору **летят**.

Случайны ли такие несовпадения форм в тексте? Или они важны для живописной картинки, созданной автором? Какой?

Задания-помощники: Найти ответ поможет опыт. Замени формы настоящего времени прошедшим, обычным для описания прошлого. Сравни полученный вариант и авторский. Что утратилось в полученной в опыте картинке? …

Приведенные примеры дают представление о структуре рассматриваемых типов задач. Первая часть включает установку на прочтение текста и принятие исследовательского вопроса, небольшой текст или фрагмент текста и исследовательский вопрос; вторая часть представляет собой задания-помощники, помогающие организовать исследование тек-

ста: высказать предположение, провести анализ, поставить языковой опыт, сравнить и др.

Приведенные характеристики моделируемого пространства свидетельствуют о том, что роль ученика в этом пространстве – это роль субъекта познавательной, читательской и творческой речевой деятельности, овладевающего универсальными средствами познания мира и литературы.

Литература

Алексеева О.В. Текстовое образовательное пространство современного урока русского языка // Наука и школа. 2010. № 1. С. 80–85.

Наумова Н.И. Лингвистические исследовательские задачи – одно из средств формирования универсальных учебных действий во внеурочной работе // Начальная школа. 2015. № 8. С. 70–72.

Лингвокогнитивные аспекты современной лингводидактики

И.В. Одинцова

Linguo-cognitive aspects of a modern lingvodidaktika

I.V. Odintsova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

odintsova.irina@gmail.com

Аннотация. Все языковые средства служат одному – передаче смысла, и каждый уровень языковой системы делает это по-своему. Задачей лингводидактики является создание богатого «окаймления» слова и умения «настраивать» языковые средства разных уровней относительно ситуации и друг друга.

Ключевые слова: лингводидактика, когнитивная лексикология, когнитивный синтаксис.

Summary. All language means serve one – transfer of sense, and each level of language system does it in own way. A problem of a lingvodidaktika is creation of rich “bordering” of a word and ability “to adjust” language means of different levels concerning a situation and each other.

Keywords: lingvodidaktika, cognitive lexicology, cognitive syntax.

В свое время Н.И. Жинкин говорил, что, воспринимая речь, человек представляет и видит обозначаемую действительность, а не строчку слов или последовательность звуков (Н.И. Жинкин). «Картина мира» у людей разной национальности в пространстве современной цивилизации отличается незначительно, что нельзя сказать о «языковой картине мира», которая представляет собой код мировидения нации через призму языка, – зафиксированный в языковых единицах способ восприятия действительности в определенный исторический период.

Основной особенностью когнитивной лингвистики является то, что, согласно ее постулатам, язык рассматривается как когнитивный процесс, в котором «беспрестанно фигурируют знания трех типов (по крайней мере) – знания о мире, знания о языке и знания о ситуации или контексте речи [Кубрякова 2014: 391]. Этот процесс одновременно «является коммуникативным, поскольку осуществляется при порождении и восприятии речи, и <…> языковым, ибо язык выступает как средство объективации данных о мире и о самом себе» [Кубрякова 2014: 391]. Эти знания в совокупности формируют концептуальную картину мира, которая дана нам как сочетание общечеловеческого, национального и индивидуального.

Концептуализация картины мира осуществляется с помощью языковых средств разных уровней. Знаки языка не просто служат обозначением физической реальности, слова являются универсальными метафорическими ментальными знаками, вызывающими смоделированное в сознании представление о реальности. Это делает возможным человеку конструировать новые реальности, погружаться в них и погружать других. Благодаря словам человек приобретает знания о вещах и предметах, существующих независимо от него, и мысль его, опосредованная словами, начинает самостоятельное существование. «Из перемен, каким подвергается мысль при создании слова, укажем здесь только на ту, – писал А.А. Потебня, – что мысль в слове перестает быть собственностью самого говорящего и получает возможность жизни самостоятельной по отношению к своему создателю» [Потебня 1999: 162].

У ребенка знакомство с языковыми знаками родного языка происходит по мере его социализации (А.Н. Леонтьев). Взрослый же человек, начинающий учить иностранный язык, обладает своей, сложившейся с детства, «языковой картиной мира». За время учебы ему предстоит освоить новый языковой код, который поможет ему войти в мир иной культуры, обогатит, а иногда и трансформирует сложившуюся, родную, картину мира.

Однако возможности и способы концептуализации мира на разных языковых уровнях различны. По-разному отзывчивы и языковые средства на своеобразие картин мира.

Наиболее тесная связь между физической реальностью и языком обнаруживается, конечно, в лексике. Лексика непосредственно связана с миром. Слово, отмеченное в словаре и явленное в тексте, является меткой, которая возбуждает в мозгу человека определенную область референции. В семантику слова входят не только признаки, достаточные для его идентификации, но и весь комплекс знаний об обозначаемом: ассоциации, связанные с ним; прошлое употребление слова; прагматические и синтагматические особенности употребления слова сейчас; кайма эмоций, сопровождающая слово; субъективное отношение к означаемому; конкретная ситуация речи – то есть все то, что А. Щюц вслед за У. Джемс назвал «аурой» или «окаймлением» слова [Щюц 2004: 310]. Это «окаймление», которое формирует «память слова», «дремлющий смысл» (Ясперс), у носителя языка существует априори, у одного человека оно богаче, у другого беднее, у третьего его может и вовсе не быть, как и не быть самого слова. У иностранца же подобное «окаймление» обычно автоматически переносится из своего, родного, языка. Но поскольку картины мира разных языков не совпадают, подобный перенос не всегда бывает корректным.

Изолированное слово, удерживая значение концептуального ядра, богато «окаймлением». Свое, адекватное ситуации, значение слово находит «в контексте разрушенного окаймления» [Щюц 2004: 310]. «Окаймление» редеет уже на уровне словосочетания. Например, если мы говорим о человеке, то *на кровати* он может *лежать, сидеть, стоять*, а *в кровати* – только *лежать*. Словосочетание, как и слово, является наименованием действительности. Но в отличие от слова это наименование является более конкретным, так как оно привязано к определенной ситуации. Свое, полностью адекватное ситуации значение, слово находит в предложении и шире – в дискурсе. Все языковые средства служат одному – передаче смысла, и каждый уровень языковой системы делает это по-своему, настраивая свои средства относительно ситуации и друг друга.

Если целью традиционной лексикологии является рассмотрение слова и его значения, а также системы взаимоотношений слов, а синтаксиса – связь слов в предложении и тексте, то перед когнитивной лексикологией и когнитивным синтаксисом стоит задача понять и описать, как в знаниях о языке отражается знание о мире; как знаки языка, будучи всего лишь инструментом познания и освоения мира, создают ту «конструкцию», на которую человек завороженно смотрит всю свою жизнь как на единственную реальность.

Литература

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Издательство “Лабиринт”, 1999.

Шюц А. Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2004.

Семантизация приставочных глаголов в нефилологических вузах в объеме общеупотребительной общенаучной лексики

Н.Г. Онацкая, Э.Ф. Митасова

Semantization of prefixal verbs non-philological universities in the volume of common scientific vocabulary

Nataly G. Onatsky, Ella F. Mitasova

Донецкий национальный технический университет / Donetsk National Technical University

ruskafdonntu@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается научный стиль речи с точки зрения языковых и структурных особенностей. Акцентируется внимание на коммуникативно-информационной функции научного стиля. Именно это обусловило определенный отбор и специфическую организацию в нем единиц всех уровней языка. А также особенности построения научного текста.

Ключевые слова: коммуникативно-информационная функция, глагольно-именные конструкции, приставочные глаголы, язык специальности.

Summary. The article deals with the scientific style of speech in terms of language and structural features. The attention is focused on the communicative and informational functions of the scientific style. It has caused some selection and organization of specific it units of all language levels. And also features of construction of the scientific text.

Keywords: communicative-informational function, verbal-nominal constructions, prefixal verbs, language of specialty.

Цель данной статьи – выявить проблематику и определить место специальной лексики в системе выделения этапов презентации таких лексических конструкций, как приставочные глаголы, в аудитории технического вуза.

Для студентов-неофилологов русский язык является средством овладения конкретной специальностью, в связи, с чем на первый план выдвигается проблема отбора материала для презентации и способов его подачи. В плане общеупотребительной лексики обращение к данной проблеме продиктовано объемом глагольной лексики, поэтому при составлении необходимых обучающих материалов (особенно для студентов 2-го курса) следует обращаться к справочникам-корнесловам, отбирать наиболее коммуникативно ценные глаголы, составляющие основу речевого высказывания. Следовательно, материал-объем приставочных глаголов должен быть минимизирован, четко определены количества значений приставок и сами значения приставок. Многие методические сборники могут быть отправной базой исследования, но потребуют определенной коррекции, связанной с учетом прогнозируемой степени овладения языком, более четкой должна быть дифференциация семантических групп – глаголов, сочетающихся с той или иной приставкой в том или ином значении.

В связи с этим следует иметь ввиду, что в теории и практике преподавания русского языка как языка специальности в первую очередь следует рассматривать глаголы, в которых префиксы имеют четко выраженное семантическое значение, служащее смысловой дифференциации производных однокоренных глаголов.

Идея взаимосвязанности семантики и грамматики представляется в этом плане совершенно необходимой. Исходя из семантики (глагола и аффиксов), следует проследить два существенных момента:

1) механизм словообразования;

2) сочетаемостные возможности полученной лексемы.

Таким образом, в настоящее время следует говорить о проблеме семантизации приставочных глаголов в нефилологических вузах в объеме общеупотребительной и общенаучной лексики. Нижевысказанные положения будут проиллюстрированы конкретным материалом.

Следующий аспект рассмотрения приставочных глаголов – *приставочные глаголы в языке специальности*. Проблема создания языковой базы студентов для активного их участия в учебном процессе по избранной специальности до сих пор относится к числу самых актуальных и недостаточно разработанных. В этой связи совершенно необходимой представляется взаимосвязь между кафедрой русского языка и специальными кафедрами в плане отбора материала.

Исходя из вышеизложенного, используя уже известный способ презентации приставочных глаголов «от приставок – к глаголу», предлагается в работе над каждой приставкой (с учетом специальной лексики) выполнять определение основных значений приставок на материале общеупотребительной и общенаучной лексики.

Включение специальной лексики расширяет словарный запас студентов, а также, что немаловажно, позволяет проследить системность языковых явлений, богатые словообразовательные и сочетаемостные возможности русской лексики, наглядно показать студентам, как «работает» механизм в языке их специальности. Целесообразно начинать не с текста, а с презентации отдельных словосочетаний и предложений – сначала для наблюдения и анализа, а затем для закрепления и контроля материала.

Студенты-нефилологи должны изучить (или повторить, но уже в системе) основные значения глагольно-именных приставок, используя как общеупотребительную, так и общенаучную, специальную лексику. Далее предлагается для анализа уже большие специальные тексты – как строго научного, так и научно-популярного характера, акцентируя при этом внимание на приставочных глаголах. В проанализированных текстах число приставочных глаголов очень велико, а в отдельных текстах оно может составлять 1/3 и даже доходить до 40%. Описание таких текстов для презентации в аудитории может составлять предмет специального исследования.

Кроме того, следует отметить, что, обращаясь к языку специальности, студенты пополняют свой лексический запас – в том числе словами, не являющимися терминами, а образованными по словообразовательным законам русского языка, например: *рассогласование, подложка, запредельный, волновод* и др.

С точки зрения семантики эти слова легко «расшифровываются». Известны случаи так называемого переосмысления слова – слово в этом случае становится термином: *обработка сигналов, возмущения перерываются* и т.п. В текстах по специальности присутствует большое количество однокоренных образований, поэтому для лексического анализа слов рекомендуется брать целые гнезда глаголов (второй путь исследования: от глагола к приставкам), каждое из таких гнезд представляет собой законченное целое и включает, помимо глагола, образованные от него причастия и деепричастия, а также существительные. Таким образом, можно анализировать префиксальное воздействие на исходный однокоренной глагол.

Подводя итог изложенному выше, проиллюстрируем основные положения данной статьи конкретным материалом. Для этого рассмотрим главные моменты презентации в студенческой аудитории темы «Основные значения приставки *ОТ-*», разработанной с учетом специальностей технических вузов. Данная разработка для студентов II курса предполагается расширение их знаний в области лексики, словообразования и синтаксиса.

I. Значение приставки *ОТ-* – «отделение части от целого».

1. Примеры для наблюдения типа: *У прибора нет ручки, ее кто-то отбил.*

2. Наблюдение за подгруппами.

Подгруппа А: *делать, быть, ломать, включать* и др. Список можно продолжить.

От данных исходных глаголов образовать глаголы с приставкой *ОТ*-, определить их вид, дать видовые пары.

Где возможно, образовать возвратные глаголы с приставкой *ОТ*-, прокомментировать их, составить с ними предложения. От полученных приставочных глаголов образовать все возможные формы причастий и деепричастий.

Подгруппа Б: *отбавить, отличить, отсыпать, откачать* и др.

Выявить их семантику, определить вид, выполнить ряд грамматических и речевых упражнений.

Подгруппа В: *отклеить, отпарить, оторвать, отсоединить.*

Выполнить ряд упражнений для наблюдения за семантикой глаголов и их сочетаемостью. Дать свои примеры.

3. Составить небольшой словарь (1) глаголов совершенного и несовершенного вида с приставкой *ОТ*-1 – в 1-ом значении, используя материал, приведенный выше. Определить как семантически различаются глаголы подгруппы А, Б, В.

4. Продолжить составление словаря (2), используя общенаучную и специальную лексику, зафиксировать падеж зависимых форм. Например: *отбор цветов, отбор носителей, естественный отбор, откачивать газ, откачка газов, откачка информации*. Список содержит до 28 единиц.

Значения слов с приставками *ОТ*- даются списочно, что позволяет активизировать самостоятельную работу студентов.

5. Ряд упражнений на закрепление единиц из «Словаря 2»: образование глагольных форм, отглагольные образования, упражнения на подстановку необходимых форм и т.п.

Предложенное исследование представляет попытку систематизации данного материала для обучения русскому языку с учетом специальности студента.

В плане общеупотребительной лексики обращение к этой проблеме продиктовано большим объемом глагольной лексики, которая встречается в текстах по специальности. В данной статье предложены рекомендации относительно того, как правильно отбирать наиболее коммуникативно ценные глаголы, помогающие студенту овладеть языком специальности.

Именно поэтому в статье рассматриваются те глаголы, префиксы которых имеют четко выраженное семантическое значение, служащее смысловой дифференциацией производных однокоренных глаголов.

Литература

Барыкина А.Н., Добровольская В.В., Мерзон С.Н. Изучение глагольных приставок. Изд. 2-е, М.: Рус. яз., 1981.

Барыкина А.Н., Добровольская В.В., Мерзон С.Н. Сборник упражнений по глагольному словообразованию. Естественнонаучный профиль. М., 1982.

Мотина Е.Н. Язык и специальность: лингвометодическая основа обучения русскому языку студентов-нефилологов. М., 1983.

Плотникова Г.Н. Лингвометодические основы обучения русскому словообразованию. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994.

Трудности в написании естественнонаучных статей

Е.А. Старикова

Difficulties in writing natural-science articles

E.A. Starikova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

fedelen@mail.ru

Аннотация. В тезисах описаны некоторые лингвистические ошибки и трудности, встречающиеся в научных статьях учащихся естественнонаучного профиля, даны рекомендации, как сделать научный текст более понятным и доступным читателям.

Ключевые слова: ошибки и трудности в научных статьях, научный стиль, студенты-нефилологи, естественнонаучный профиль.

Summary. The article represents some linguistic aspects found in scientific articles, which cause difficulties and mistakes in understanding the material. Recommendations on how to make a scientific text more understandable and accessible to the reader are also given.

Keywords: errors and difficulties in scientific articles, scientific style, non-philological students, natural scientists.

На важность и значимость обучения студентов тому, как нужно писать научные статьи, обращали внимание многие ученые-исследователи, методисты и преподаватели высшей школы. Однако во многих работах выпускников вузов возникают разного рода ошибки и трудности. Остановимся на некоторых из них.

Анализируя языковую структуру научных статей естественнонаучного профиля, можно отметить следующие особенности.

1. Автор-исследователь вынужден сообщать читателю о своих идеях, гипотезах, открытиях, достижениях в «краткой» форме (обычно из-за ограничений в объеме публикаций). Поэтому **предложения в статьях становятся длинными, переполненными информацией и осложненными причастными или деепричастными оборотами**. Таким образом, вместо того, чтобы облегчить читателю понимание текста, автор делает текст запутанным, трудно воспринимаемым и понимаемым.

2. Другая сложность возникает при употр150

еблении **причастных и деепричастных оборотов**, которые оказываются настолько большими, что смысловой глагол просто исчезает из текста. **Про глагол-сказуемое забывают**, и в конце длинного причастного или деепричастного оборота, с которого начиналось предложение, ставят точку.

3. Большую трудность представляет **вычленение смысловых частей предложения.** Классический вопрос «**где ставить запятую**?» возникает довольно часто. На этот вопрос может ответить только автор-исследователь.

4. Еще одна трудность, с которой сталкиваются авторы научных статей, – это **согласование в формах** рода, числа и падежа в словосочетаниях, а также в предикативной основе предложения (при согласовании подлежащего и сказуемого), если само предложение осложнено придаточными предложениями, сравнительными оборотами и другими грамматическими конструкциями.

Для решения такой проблемы нужно обращать внимание на структуру сложного предложения, находить главные и зависимые части.

5. Большую трудность составляет соединение в одном предложении однородных придаточных частей с разным глагольным управлением или с глаголом в одной части и отглагольным существительным в другой. Довольно часто в научных статьях и в публицистике встречается **неверное присоединение придаточной части**, что создает неоднозначность восприятия текста (см. об этом также [Егораева 2013]).

6. Особую сложность представляет **сокращенное название** метода, нового материала, или нового оборудования, на котором проводили эксперимент. В ряде случаев прибегают к аббревиатурам, а также к различным символам (в том числе и греческим и латинским буквам), что позволяет сэкономить полезный объем для более важной информации в статье, особенно, если количество страниц ограниченно. Например: КТА – сокращенное название «двуосного монокристалла калий титанил арсената». Однако не рекомендуется использовать новые аббревиатуры в названии статьи или научного текста любого другого жанра ([Мейлихов 2013] и др.). Если же нужно ввести новую аббревиатуру, то в начале статьи обязательно следует дать ее расшифровку, даже если она, по мнению автора, является общепринятой в рассматриваемой области. Дело в том, что статья может представлять интерес и для исследователей, работающих в других

научных областях, которым эта аббревиатура может быть незнакома (или иметь другую расшифровку в их области знания).

7. Много неудобств возникает в научных статьях из-за того, что в описаниях экспериментов часто приходится что-то уточнять или добавлять в рамках одного предложения. В таких случаях можно рекомендовать использовать скобки, сноски, различные знаки, греческие и латинские буквы, курсив и проч. (если это разрешено редактором журнала или издательством).

8. В некоторых случаях название научного явления или понятия оказывается слишком длинным, что затрудняет понимание текста. Иногда подобное название может образовывать целые предложение, иногда выступает в роли подлежащего или дополнения. Чтобы снять возможные трудности понимания текста, лучше выделить эту часть – название подчеркиванием или курсивом.

Приведенный выше анализ показывает, какие моменты вызывают наибольшие затруднения у авторов-исследователей при написании научных статей и препятствуют правильному пониманию текстов. Автор часто не осознает того, что с читателем надо говорить на языке читателя. Автор использует узкоспециальную лексику, «научный жаргон», порой нарушающий нормы русского языка. Иногда автор придумывает свои собственные термины, которые нигде в тексте не объясняются. При наличии русских терминов, широко используются английские слова, произносимые с большими искажениями. Например, в геологической литературе укоренился термин «сутуры» (от англ. «Suture»), произношение которого сильно отличается от исходного иноязычного термина. Хотя в русском языке есть свой научный термин «геологические швы». Нам представляется, что, если такие трудности возникают в статьях молодых ученых, значит, они требуют рассмотрения и анализа на занятиях со студентами. На наш взгляд, главная цель преподавания русского языка на естественных факультетах – это объяснить студентам, что статьи пишутся не для самого автора, а для других людей. На эти и многие другие особенности научного текста следует обращать внимание студентов-нефилологов в курсе «Русский язык и культура речи».

Литература

Егораева Г.Т. ЕГЭ 2013. Русский язык. Сборник заданий и методических рекомендаций. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Экзамен», 2013.

Мейлихов Е.З. Зачем и как писать научные статьи. Долгопрудный, 2013.

Вызовы XXI века: поликодовые мультимедийные тексты

А.В. Тряпельников, А.А. Акишина

Challenges of the XXI century: poly code multimedia texts

Anatolii V. Triapelnikov

ФГСН Российский университет дружбы народов [РУДН] (Москва) / Peoples' Friendship University of Russia [RUDN University] (Moscow)

tryapelnikov@yandex.ru

Alla A. Akishina

ОУПВО АТиСО «Академия труда и социальных отношений» (Москва) / Academy of Labor and Social Relations (Moscow)

akishina26@gmail.com

Аннотация. Сегодня в преподавании иностранных языков основной единицей обучения является текст. В киберобучении (этот термин можно встретить в литературе и учебной практике) текст также представлен в виде поликодовых текстов: интертекст, гипертекст и кибертекст. Кибертекст несет в себе киберобраз, который является сегодня доминирующим средством воздействия на обучаемого в современной образовательной среде. Киберобраз визуально (с экрана персонального компьютера, планшета или смартфона) апеллирует непосредственно к языковому сознанию учащегося, оказывая на него не только вербальное воздействие, но и вызывая его непосредственный внутренний творческий отклик, его большее соучастие. Учет таких инноваций в образовательной сфере крайне важен в современном образовании, в том числе и при обучении иностранному языку. Сегодня необходимо различать эти новые виды текста, определять их и использовать в обучении.

Ключевые слова: текст; гипертекст; кибертекст; киберобраз; русский язык; русский язык как иностранный.

Summary. Today, the main unit of teaching foreign languages is text. In cyber training (this term can be found in literature and educational practice) the text is also presented in the form of poly code texts: inter text, hypertext and cybertext. The cybertext carries cyber image. It is the dominant means of influencing the learner in the modern educational environment. Cyber image (with screen of a personal computer, tablet or smart phone) is appealing directly to language consciousness of the student. It not only has a verbal influence on him, but also causes his immediate inner creative response, his greater complicity. Taking into account such innovations in the educational sphere is extremely important in modern education, including when teaching a foreign language. Today it is necessary to distinguish these new types of text, define them and use them in training.

Keywords: Text; Hypertext; Cybertext; Cyber image; Russian language; Russian as a foreign language.

Сегодня уже можно не сомневаться, что в качестве основной единицы обучения в киберобучении (этот термин можно встретить в литературе и учебной практике [Образное мышление в e-Learning…]) выдвигается киберобраз. Киберобраз может быть естественным средством воздействия на обучаемого. «Просто подключите образное мышление» – советуют сегодня профессионалы e-Learning [Современное кибер-обучение]. Невербальным текстом, но визуализированным образом с экрана вызывается большее соучастие зрителя, его непосредственный внутренний творческий отклик и отклик его языкового сознания. Учет таких наступивших и наступающих инноваций в образовательной сфере крайне важен в современном образовании, в том числе и при обучении иностранному языку. Сегодня необходимо различать эти новые явления, определять их и вводить эти новые термины в оборот.

Нами разработан новый вид учебного поликодового текста, который создается и собирается в цифровом киберпространстве, размещается в нем и легко используется при обучении в современной образовательной среде. Он назван нами «кибертекстом» и по своему строению, по образной структуре и по целям использования отличается от принятого уже понятия «гипертекст».

Кибертекст − это принципиально новая текстовая организация, новая образная архитектура, это сплав словесного и образно-эмоционального восприятия мира. Такая организация стала возможна благодаря информационному техническому прорыву (киберпространство). Кибертекст собирается «в цифре» из разных видов текстов: видеофрагмент, живописное полотно, фотография, музыкальное произведение, словесный текст, который получает, несет в себе и новый образ, киберобраз.

В чем же отличие предлагаемого нами термина кибертекст от таких традиционных терминов, как текст, интертекст и от относительно нового термина − гипертекст. Кибертекст, во-первых, включает в себя все эти виды текста: в нем одновременно представлены и собственно тексты, выраженные различными знаками (словесными, звуковыми, зрительными), в кибертексте наличествуют и гипертексты, то есть ссылки на другие тексты, в нем присутсвуют и интертексты, то есть цитаты и аллюзии на иные тексты. Все это тематически объединено (сплавлено) и представлено

в одном объемном тексте-кадре со своим новым киберобразом.

Кибертекст в отличие от текста и гипертекста существует только в киберпространстве, отсюда и созданный нами термин «кибертекст». Можно предположить, что информационным аналогом такого текста может быть поликодовая текстовая основа живого образа, который порождается в воображении человека.

В киберпространстве, например, кибертекст «Соловей» из нашего ММ пособия по развитию русской речи для детей-билингвов «Музыка природы» собирается в цифре и содержит в медиафайле: тексты и задания к ним о певчих птицах и стихотворения о них (жаворонок, канарейка, соловей) и звуковые фрагменты их пения, сравнение пения соловья с другими птицами, передача пения этих птиц в музыке композиторов М. Глинки и А. Альябьева (даются портреты авторов и краткие сведенья о них). Для изучающих русский язык как иностранный к текстам прилагается словарик и упражнения. .

С нашей точки зрения, кибертексты востребованы сегодня в образовании.

Они – прекрасный материал для домашней работы учащихся, причем ученики сами могут отобрать фрагмент, который их заинтересовал, и в классе поделиться рассказом о том, что они узнали. В классе кибертекст – незаменим при работе с технологиями «смешанного класса» и, в частности, «перевернутого урока (класса)», поскольку большой объем материала, заложенного в кибертекст, дает возможность педагогу распределять просмотры файлов в зависимости от индивидуальных интересов и способностей учащихся.

Авторами данной статьи созданы ММ комплексы с кибертекстами по русской истории и культуре с VIII века – по XXI век, пособия для детей «Природа и музыка» по развитию речи, а также разработаны технологии их использования на занятиях и во внеурочное время.

Познакомиться с этими материалами можно по ссылкам:

– авторский образовательный ресурс «АТМОСФЕРА» (http://www.author-edu.ru),
– открытые образовательные ресурсы на сайте кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ФГСН РУДН (http://ryimk.ru/node/126),
– канал на YouTub (https://www.youtube.com/channel/UCJjCnkovp3ki7dUVZ0nI9VQ).

Литература

Образное мышление в e-Learning: советы для профессионалов. [Электронный ресурс. Url: http://www.ispring.ru/ elearning-insights/obraznoe-myshlenie-v-e-learning-sovety-dlya-professionalov/ Дата последнего обращения 20.10.2018].

Современное кибер-обучение. [Электронный ресурс. Url: http://www.kakprosto.ru/kak-855449-kak-nauchit-rebenka-risovat. Дата последнего обращения 20.10.2018].

Актуальные проблемы преподавания русского языка в поликультурном пространстве

Г.Г. Хисамова

Actual problems of teaching Russian language in multicultural society

Galiya G. Khisamova

Башкирский государственный университет (Уфа) / Bashkir State University (Ufa)

galiya.khisamova@yandex.ru.

Аннотация. Основными лингвометодическими принципами в преподавании русского языка студентам-билингвам являются функциональный, коммуникативный, сопоставительно-типологический и лингвокультурологический принципы.

Ключевые слова: инновационный подход, компетенция, билингвизм, интерференция, художественный текст.

Summary. The main lingurstic-methodical prinsiples in teaching Russian linguage to bilingual students are the functional, communicative, contrastive typological and linguistic-cultural principles.

Keywords: innovative approach, competence, bilingualism, interference, literary text.

В последнее время в отечественной педагогике и в методике преподавания лингвистических и литературоведческих дисциплин оформилось новое направление – «поликультурное образование», цель которого состоит «в формировании человека, способного к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной среде» [Суфиянова 2014: 273]. Особая роль в этом отводится русскому языку, являющемуся средством межнационального общения в межнациональном социуме.

Практика преподавания русского языка нерусским требует постоянного совершенствования содержания, приемов и методов обучения с учетом достижений современной лингвистики. Идеи системного, антропоцентрического, функционально-когнитивного, коммуникативного, лингвокультурологического направлений составили теоретическую базу новой концепции обучения русскому языку нерусских учащихся.

Задача обучения русскому языку на двухпрофильном отделении – формирование языковой компетенции (овладение фонетическими, лексико-грамматическими средствами русского языка и умение пользоваться ими в речевой практике), лингвистической компетенции (создание у учащихся целостного представления о русском языке как лингвистической дисциплине), коммуникативной компетенции (развитие у учащихся коммуникативных навыков и умений), лингвокультурологической компетенции (осознание учащимися языка как феномена культуры, культурно-исторической среды, национально-культурного компонента значения языковых единиц, национальной специфики языковой картины мира).

Новая лингвистическая парадигма способствует более последовательному и корректному описанию традиционных разделов учебных дисциплин. В лексикологии можно ставить вопрос о глобальной дифференциации всего словарного состава, о соотношении способов номинации, о преломлении языковых функций в типологии лексических значений. В морфологии с позиций теории когнитивности требует новой интерпретации вопрос о сущности грамматических категорий, о соотношении в них содержательных и формальных функций, об иерархии частей речи и грамматических категориях. В синтаксисе очевидна необходимость выявления сущностных характеристик предложения с учетом их коммуникативных возможностей, сфер функционирования, различной степени вариативности, а также анализ их текстовых реализаций.

Лингвокультурологическая концепция обучения языку, в том числе и русскому, внесла существенные коррективы в процесс подготовки студентов-филологов.

Формирование коммуникативно-культурологической компетенции личности осуществляется как через традиционные курсы, прежде всего общего языкознания, истории языка и современного русского языка, так и через введение в образовательные стандарты высших учебных заведений дисциплин «Введение в теорию коммуникации», «Лингвистика межкультурных коммуникаций», «Русский язык и культура речи», что является вполне оправданным: это современные лингвистические дисциплины, которые устанавливают законы пользования языком как основным средством общения людей, причем обучение речевому общению осуществляется в тесной взаимосвязи языка и культуры и предусматривает осознание языка как феномена культуры, культурно-исторической среды, воплощающей в себе историю, традиции народа.

Особая роль в формировании билингвальной личности принадлежит художественному тексту. Изучение русского

языка и литературы в поликультурной среде характеризуется вниманием к проблеме отражения в языке национально-культурной семантики [Саяхова 2014: 26].

В качестве материала для анализа художественного текста должны использоваться произведения русской литературы XIX–XX века, в которых особенности русского национального характера нашли наиболее яркое воплощение (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Н.С. Лесков, И.А. Бунин, В.П. Астафьев, В.М. Шукшин и др.). Описание реалий культуры, лексики с национально-культурным компонентом в русском и родном языках и культурах позволит усвоить национально-культурную специфику языковых средств, поможет создать когнитивную базу, необходимую для общения, что будет способствовать совершенствованию обучения русскому языку.

При обучении русскому языку возникает проблема сопоставления систем русского и родного языков. Выявление сходств и различий между языками, межъязыковое сравнение способствует установлению возможных сфер грамматической и лексической интерференций. Интерферентные ошибки в русской речи билингва-башкира проявляются на всех уровнях языковой системы: фонетико-произносительном, лексико-семантическом, грамматическом.

Устойчивую языковую интерференцию вызывают, как правило, грамматические явления, которые не изоморфны в системах разных языков. Так, оппозиция действия совершаемого и действия претерпеваемого в тюркских языках выражается регулярными грамматическими средствами, в русском же языке она проявляется как категория «скрытой» грамматики. Отсюда ошибки типа *Этот шум меня вздрогнул.*

Таким образом, учет инновационных подходов к изучению русского языка, сопоставительно-типологический подход к подаче языкового материала будет способствовать повышению эффективности всего процесса обучения студентов-билингвов.

Литература

Саяхова Л.Г. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Уфа; РИЦ БашГУ, 2014.

Суфиянова Н.М. Работа с текстом художественного произведения как компонент поликультурного воспитания // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка в поликультурном пространстве. Материалы форума. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 273–276.

Мультидисциплинарный модуль как компонент учебного плана подготовки филологов

Е.В. Шимко

Multidisciplinary module as a component of the curriculum for philologists

Elena Vladimirovna Shimko

Карпатский университет имени Августина Волошина (Ужгород); Ужгородская украинская академия имени святых Кирилла и Мефодия (Украина) / Carpathian University named after Augustin Voloshin (Uzhgorod); Uzhgorod Ukrainian Academy of Saints Cyril and Methodius (Ukraine)

ltnashimko26@gmail.com

Аннотация. В докладе анализируются общие вопросы построения учебных планов студентов-филологов. В качестве структурного элемента автор рассматривает мультидистиплинарный модуль, учитывая изменения общих требований касательно профессиональной подготовки современных специалистов. Мультидистиплинарный модуль рассматривается как синкретическое единство теории и практики, знаний, умений, навыков и профессиональных компетенций, которыми должен овладеть студент при изучении ряда взаимосвязанных дисциплин.

Ключевые слова: мультидистиплинарный модуль, профессиональная компетенция, межпредметные связи.

Summary. The report analyzes the general issues of constructing curricula for philology students. As a structural element, the author considers a multidisciplinary module, taking into account changes in general requirements regarding the training of modern specialists. A multidisciplinary module is considered as a syncretic unity of theory and practice, knowledge, skills, abilities and professional competencies that a student must master in studying a number of interrelated disciplines.

Keywords: multidisciplinary module, professional competence, interdisciplinary communication.

Дисциплинарная структура современного образования является относительно поздним результатом развития науки: первые отдельные учебные дисциплины появились в XIX веке, а гуманитарные науки выделились как самостоятельные только в XX. Процесс внутреннего дифференцирования научного знания исторически связан с процессом реорганизации университетов: «Время интенсивных школьных и университетских реформ является одновременно и временем интенсивной работы над классификацией знаний и наук» [Stichweh 1984: 7]. Это утверждение в полной мере актуально и для русского языка как учебной дисциплины.

Традиционное вузовское образование, ориентировано на дискретное знание, основанное на теоретическом подходе с предоставлением большого, нередко, избыточного количества фактов. Сама по себе структура учебной дисциплины «Современный русский язык» (фонетика, лексика, словообразование, морфология и т.д.) отражает установку классической филологии, опирающуюся на систему линейно структурированных знаний: разлагая любое явление на составляющие компоненты, классическая методика обучает формальным языковым структурам (система языка и его уровни, отдельно синхрония, отдельно диахрония), в то время как современное требование – знание нелинейных комплексных связей, отражающих синкретическое профессиональное знание.

Становление новых методик изучения и преподавания русского языка как учебной дисциплины связано с идеей глобального (универсального) эволюционизма и призвано преодолеть противоречия которые возникают: 1) между целями, содержанием, формами организации, условиями учебной активности студента и его будущей профессиональной деятельностью; 2) между превалированием теоретической языковой подготовки студента и необходимостью практического использования знаний в дальнейшей профессиональной деятельности; 3) между ориентацией обучения на усвоение студентами фрагментарных предметно-языковых умений и навыков, с одной стороны, и необходимостью их совокупного использования в практической деятельности специалиста – с другой; 4) между получением студентом лингвистических знаний «в статике» и необходимостью их развертывания во времени и пространстве в технологических процессах будущего труда учителя, редактора, переводчика, исследователя.

Методологическим базисом этого синтеза может стать, на наш взгляд, мультидисциплинарный модуль (МДМ), как способ организации учебных планов и впоследствии – профессиональных знаний, умений и навыков. МДМ включает смежные для ряда учебных дисциплин вопросы и ориентирован на требования государственного стандарта к знаниям и умениям специалистов в той или иной области. Можно определить несколько подходов к выделению МДМ:

1. С опорой на ***межпредметные связи*** в обучении русскому языку. Такое формирование МДМ является наиболее простым и в рамках одного учебного плана позволит, как минимум, избежать повторного изучения одинаковых тем в разных курсах, оптимизировать способ подачи нового материала, вынести на самостоятельное изучение материал, близкий по содержанию, приобретаемым знаниям, умениям и навыкам.

2. С **ориентацией на профессионально значимые навыки и овладение необходимым теоретическим и практическим материалом** по русскому языку. Этот подход тре-

бует перестройки самого процесса обучения, принятия решения – с помощью какой модели возможно интегрировать целостную структуру профессиональных знаний, умений и навыков в активный учебный процесс, моделируя в МДМ не только фрагментарное, но и целостное содержание профессионального труда.

3. С ориентацией на **профессионально значимые компетенции**, например, учителя русского языка, преподавателя, академического исследователя, переводчика, редактора и т.д. Формирование МДМ с ориентацией на профессионально значимые компетенции поможет преодолеть разрыв между системностью, ситуативностью, межпредметностью, надпредметностью, мотивированностью использования общих и профессиональных компетенций специалиста и их формированием в процессе обучения. Такие МДМ, как логические подсистемы, целесообразно выделять в тех случаях, когда человек уже обладает определенным объемом профессиональных знаний, умений и навыков и приобретает определенный практический опыт.

Таким образом, какое из пониманий МДМ будет принято в системе образования, и будет ли в этом вопросе достигнуто единство – вопрос дискуссионный. В то же время специалисты сходятся на том, что в МДМ в качестве необходимых компонентов входят законченность, самостоятельность и комплексность, что влечет за собой включение таких смысловых составляющих, как – объединение содержательных, организационных, методических и технологических компонентов; единство теоретических и прикладных аспектов; структурная связанность всего образовательного комплекса; совмещение в одной организационно-методической структуре дидактических целей, логически завершенной единицы учебного материала, методического руководства и системы контроля.

Литература

Stichweh R. Zur Entstehung des modernen Systems wissenschaftlicher Disziplinen: Suhrkamp, 1984.

16.2. Преподавание русского языка как иностранного

Глаголы передачи информации в когнитивном поле турецких учащихся

Акбаба Тюлай

Information Transmission Verbs in the Turkish Students` Cognitive Field

Akbaba Tulay

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

tulay.0209@hotmail.com

Аннотация. Доклад посвящен определению когнитивных профилей турецких учащихся на основе исследований, проведенных в Турции в 2011-2017гг компетентными организациями, включая международные, а также авторского анализа названных материалов. Таким образом, к рекомендациям турецких исследований (числом 6) были добавлены собственно авторские (числом 10), легшие в основу метода обучения употреблению группы глаголов передачи информации, развивающего также и личностные свойства турецких учащихся.

Ключевые слова: глаголы передачи информации; когнитивное поле; турецкие учащиеся.

Summary. The paper deals with Turkish Students` Cognitive Profiles, defined on the 2011-2017 Turkish professional institutions investigations` basis, as well as the author`s analysis. This way the Turkish Professionals` recommendations (6 in number) were completed with the author`s ones (10 in number), which founded the Information Transmission Verbs in Use Teaching Method, developing also the Turkish Students` Personal Features.

Keywords: Information Transmission Verbs; cognitive field; Turkish Students.

Глаголы передачи информации (далее ПИ) в век пятого технологического поколения особенно нужны представителям таких специальностей, как филологи, журналисты, политтехнологи, бизнесмены, дипломаты. Нами выделен корпус из 340 единиц и проведена соответствующая их стратификация.

Выбор наиболее эффективной методики обучения глаголам этой группы, как и глагольной лексике вообще, мы решили обосновать, опираясь на исследования положения дел с преподаванием иностранных языков и особенностей когнитивных типов турецких учащихся разного возраста, но в основном взрослых, проведенных в Турции в 2011–2017 гг. рядом компетентных организаций, включая международные. Рассмотрев блок из шести таких исследований, включая представительную многоаспектную разработку международной организации TEPAV (Фонд исследований экономической политики Турции) совместно с British Council (Британский Совет) 2013 года, мы провели дополнительных анализ названных материалов по следующим параметрам:

1) тип восприятия учебного материала (по классификации И.Е. Бобрышевой) турецкими учащимися (европейский, дальневосточный или иной); 2) эмпиричность или теоретичность когниции; 3) виды связи национального своеобразия турецких учащихся с типами сложностей, с которыми они встречаются в ходе обучения иностранным языкам, включая русский; 4) предлагаемые методические инструменты элиминации этих сложностей в учебном процессе; 5) психологическое обоснование оснащения учебного процесса для турецких учащихся.

Таким образом к 6 выводам турецких компетентных организаций стало возможным добавить еще 10 наших выводов. Назовем здесь основные из них: 1) если русский язык является первым иностранным, то ряд учебных ситуаций и речевых действий может оказаться непривычным, требующим выхода из личного Я-пространства и дополнительного времени и особых способов освоения; 2) последнее касается как многомерных языковых ситуаций (как, например, объяснительная модель выбора вида русского глагола), так и одномерных речевых ситуаций (как необходимость ответить на вопрос «Чем занимается / интересуется / увлекается ваш брат?», при том, что у учащегося в реальности нет брата или подключить воображение для ролевой игры в жизненной ситуации, с которой пока не сталкивался, типа «Составьте объявление МЧС о приближающейся грозе, выбрав нужные глаголы передачи информации» – когда нужно и представить себе ситуацию, и осуществить лексический выбор глагола одновременно); 3) ситуации научной речи курсов РКИ в РФ, подчас далекие от личного эмпирического опыта, нуждаются в постоянном прослеживании логических связей явлений [Грекова 2017] и требуют от учащегося значительной речемыслительной работы, отсутствующей в ситуациях бытовых; 4) аспектное обучение РКИ, принятое в современной практике учебного процесса, требует от учащегося выработки навыка разнообразных переключений; 5) многие курсы предполагают достаточно значительную самоподготовку, домашнюю работу, не всегда по готовым образцам; выполнение ряда заданий требует самостоятельного принятия решений.

Опираясь на выводы турецких исследователей и наши собственные – относительно когнитивных особенностей турецких учащихся – мы представляем список конкретных заданий по обучению употреблению глаголов ПИ и лингводидактических целей, которые они преследуют.

Таблица 1. Типы заданий по обучению употреблению глаголов передачи информации с лингводидактическими установками

Тип учебного задания	Лингводидактическая установка
1) Прочитайте предложения, определите, по какому принципу они сгруппированы (например: *правило гласит – инспектор сообщил.* Ответ: по принципу неодушевленности / одушевленности субъекта передачи информации).	С самого первого учебного действия устанавливаются отношения сотрудничества преподаватель / учащийся, формируется интерактивная направленность урока.
2) Задание на множественный выбор: Дополните предложения, обозначив тип передаваемой информации и адресат (*Правительство заявило: журналисты – неучастие в вооруженном конфликте. МЧС оповещает: жители – приближающаяся гроза*).	Расширение сферы внимания учащихся, развитие навыка работы с разноплановыми ориентирами.
3) Используя смысловые опоры, выбрав нужный предикат, составьте описание ситуаций (*Администрация района – сельские жители – разливы рек*).	Расширение стилистической компетенции, развитие ассоциативного мышления [Грекова 2016].
4) Опираясь на таблицу значений глаголов передачи информации, сформулируйте правило: объекты какой конфигурации: а) крупные, значительные для говорящего; б) мелкие, незначительные для говорящего – используются с данными глаголами (*декларировать – заявлять – оповещать; сказать – написать*).	Развитие аналитического мышления, навыки четкого формулирования.

Литература

Грекова О.К. Метод встречного текста как ресурс развития письменной, устной речи и ассоциативного мышления учащегося. Исследовательский журнал русского языка и литературы. Вестник ИАРЯЛ 2016 (1).Vol. 7. Тегеран. С. 83–100.

Грекова О.К. Логический ракурс синтаксиса РКИ // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 5. С. 123–131.

Сопоставительный анализ описательных предикатов с глаголами движения в русском и других языках: лингводидактический аспект

А.О. Балуева

Comparative analysis of descriptive predicates with verbs of motion in Russian and other languages: linguodidactic aspect

Alena O. Balueva

Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова / Institute of Russian Language and Culture MSU

alena-balueva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования описательных предикатов с глаголами движения в русском и других языках.

Ключевые слова: описательные предикаты, глаголы движения, экспликатор.

Summary. The paper is devoted to the analysis of the functioning of descriptive predicates with verbs of motion in Russian and other languages.

Keywords: descriptive predicates, verbs of motion, an explicator.

Описательные предикаты (термин В.А. Белошапковой, далее – ОП) – как правило, двусловные (реже трехсловные) дескрипции с именной словоформой, составляющие целостную семантическую единицу и имеющие однословный коррелят: ***нести*** *ответственность* (ср. *отвечать*), ***вести*** *беседу* (ср. *беседовать*).

ОП с глаголами движения во вторичной семантической функции чрезвычайно частотны. Сопоставительный анализ ОП с глаголами движения в русском и других языках поможет предупредить или исправить ошибки учащихся при выполнении упражнений и заданий по теме «Описательные предикаты с глаголами движения».

При сопоставительном изучении состава глагольных компонентов в русских ОП и ОП других языков важно установить зависимость выбора того или иного глагола от семантики существительного, участвующего в образовании ОП. Например, в ОП болгарского языка имена-обозначения профессиональной деятельности активно сочетаются с глаголом *извършвам* «совершать»: ***извършвам*** *строеж, обучение, консултации*. Наиболее часто употребляются следующие русские соответствия этих болгарских ОП: ***вести*** *строительство, обучение, консультации*.

К частным несоответствиям в составе глагольных компонентов описательных предикатов в русском и болгарском языках можно отнести запрет на образование русских ОП с глаголами движения группы *ходить* и использование в болгарских ОП глаголов движения именно этой группы, например, ***нося*** *отговорност*; по-русски же мы не скажем ****носить*** *ответственность*.

Во вьетнамском языке нет эквивалента ОП ***нести*** *ответственность*. Носители вьетнамского языка употребляют только однословный коррелят, соответствующий русскому глаголу *отвечать*. Болгарские эквиваленты русских аналогов ОП ***наносить*** *ущерб,* ***вводить*** *в заблуждение* употребляются параллельно с однословными глаголами-коррелятами: ***нанасям*** *щети – ощетявам*; ***въвеждам*** *в заблуждение – заблуждавам.*

Кроме того, ОП есть в казахском языке. В процессе анализа языкового материала было выявлено, что русскому экспликатору *вести* соответствует казахский глагол *жүргізу.* В казахском языке, также как и в русском, экспликатор *вести* имеет синонимы, это глаголы *келтіру* («привести», «приводить») и *өткізу* («проводить»). В некоторых случаях ОП не образуется от исходного глагола речи, более употребительным является глагол, например, *беседовать* / *разговаривать – әңгімелесу* / *сөйлесу.*

Частотные в русском языке ОП ***вести*** *беседу,* ***вести*** *спор* отсутствуют в казахском языке. ОП ***вести*** *полемику,* ***вести*** *обсуждение,* ***вести*** *рассуждение* также не распространены в казахском языке. Употребительным оказывается исходный глагол – аналитические *талқылау* («дебатировать», «обсуждать»), *пікірлесу* («обмениваться мнениями») или формы глагола: *пікір айту* («высказывать мнение»), *пікір алысу* («обмениваться мнением»). Для ОП ***вести*** *вещание* в казах-

ском языке отсутствует исходный глагол. В данном языке есть частотное существительное – *хабар* («весть, известие, сообщение»).

Анализ семантической группы глаголов со значением «ментальной деятельности» наглядно показывает процесс образования ОП в казахском языке. Так, в русском языке при образовании ОП исходный глагол или прилагательное превращается в именной компонент и выбирает соответствующий экспликатор. То же самое происходит и в казахском языке, однако в последнем, также как и в английском, распространена омонимия частей речи. Поэтому в казахском языке видим следующие примеры: *зерттеу* (глагол) – *исследовать* → ***зерттеу*** (существительное) *жүргізу – вести исследование.*

Так же как и в русском языке, у казахского экспликатора *вести* есть глагол-синоним – *жасау,* дословно «делать». Например, ***вести*** *расчет – санау* ***жасау****, вести эксперимент – тәжірибе* ***жасау***. Обнаруживаем также синонимичные данному глаголы *келтіру и өткізу.* Эти глаголы, в отличие от рассматриваемого экспликатора, имеют более узкое значение и ограниченный круг сочетаний.

В русском языке ОП, образованные от большой группы глаголов со значением «военных или насильственных действий» очень распространены. В казахском языке, напротив, более употребительными являются исходные глаголы или аналитические формы глаголов, однако случаи образования ОП от данных глаголов имеются. Проиллюстрируем аналитические формы глаголов: *стрелять, обстреливать* / ***вести*** *стрельбу, обстрел – оқ жаудыру*; *перевооружить* / ***вести*** *перевооружение – қайта қарулану; осаждать* / ***вести*** *осаду – қоршауға алу.* Это не описательные предикаты, как может показаться, такие формы близки по смыслу соответствующим русским ОП.

От глаголов со значением «действия», таких, как, например, *торговать, строить, производить, ремонтировать, работать*, в казахском языке также образуются ОП. От группы глаголов, относящейся к юридической семантике, не обнаруживаем случаев образования ОП в казахском языке, употребительным будет исходный глагол. К примеру, *обыскивать – тінту; расследовать – тергеу; приватизировать – жекешелендіру; следить – қадағалау.*

Больший охват языкового материала выявит и другие общие, а также более частные направления сопоставительного анализа ОП с глаголами движения в русском и других языках. Это задача нашего дальнейшего исследования.

Литература

Всеволодова М.В., Кузьменкова В.А. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 5. С. 7–29.

Панков Ф.И. Функционально-коммуникативная грамматика и русская языковая картина мира // Мир русского слова. 2013. № 2. С. 72–80.

Юдина Л.П. Идти или ходить: Глаголы движения в русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

Фонетическая система родного языка как опора в освоении изучаемого

Е.Л. Бархударова

Phonetic system of the native language as a support in the learning of the second language

Elena L. Barkhudarova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

elenalb2007@rambler.ru

Аннотация. В докладе обосновывается необходимость поиска резервов для совершенствования методики обучения русскому произношению в фонетической системе родного языка иностранных учащихся. Опора на родной язык в ходе освоения фонетики изучаемого не должна сводиться к использованию только формальных сходств «контактирующих» звуковых систем.

Ключевые слова: фонетическая система, произношение, родной язык, изучаемый язык, положительный перенос.

Summary. The report proves that it is necessary to search for reserves of improving the methods of teaching Russian pronunciation in the phonetic system of the native language of foreign students. Reliance on the native language in the course of mastering the phonetics of the student should not be reduced to using only formal similarities of “contacting” sound systems.

Keywords: phonetic system, pronunciation, native language, second language, positive transfer.

Давно ушло в прошлое время, когда приходилось доказывать необходимость учета родного языка в процессе изучения иностранного. Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что «можно изгнать родной язык из процесса обучения (и тем обеднить этот процесс, не давая иностранному языку никакого оружия для самозащиты против влияния родного), но… изгнать родной язык из голов учащихся… невозможно» [Щерба 2002: 54]. Следует отметить, однако, что в работах, написанных в русле методики обучения русскому языку как иностранному, и в частности обучения иностранцев русскому произношению, до настоящего времени рассматривалась главным образом проблематика интерферирующего воздействия системы родного языка на систему изучаемого. Возможности положительного переноса особенностей первичной системы на вторичную исследовались в гораздо меньшей степени.

В связи со сказанным важно отметить, что, исследуя потенциал родного языка в методических целях, недостаточно указать лишь на безусловные совпадения двух «контактирующих» систем. Существует еще несколько направлений использования родного языка в процессе обучения русскому произношению.

Во-первых, в основе такого известного методического приема, как поиск звуков-помощников и благоприятных фонетических позиций для постановки того или иного звука [Брызгунова 1963], лежат характеристики фонетической системы родного языка. Использование гласных переднего ряда [и] и [э] при постановке мягких согласных обусловлено тем, что большинство языков имеет аналоги данных гласных, перед которыми согласные обычно приобретают позиционную полумягкость, а иногда – даже позиционную мягкость.

При постановке мягких согласных звуки-помощники выбираются из системы русского языка, однако не исключен их прямой поиск в родной системе. Опираясь на английский [ə], можно, например, поставить англоговорящим русские твердые шипящие [ш] и [ж], так как ощутимые характеристики артикуляции данного гласного очень похожи на ощутимые характеристики артикуляции указанных русских согласных. Выбор благоприятной фонетической позиции для постановки звонких согласных немцам падает на позицию после сонорных, а китайцам – на позицию между гласными. Именно в этих позициях в родных языках учащихся длительность вибрации голосовых связок при произношении полузвонких оказывается максимальной.

Во-вторых, при обучению произношению возможно использование конкретных позиционных реализаций фонем родного языка. Например, реализация английской /l/ на конце слова достаточно близка по звучанию к русскому веларизованному [л].

В-третьих, наряду с реальным сходством «контактирующих» систем следует внимательно изучить в каждом конкретном случае так называемое «мнимое» сходство. В свое время А.А. Реформатский указывал, что «самое опасное при изучении языков – это найти “похожее” и принять его за “то же”» [Реформатский 1959: 145]. Не подвергая сомнению этот тезис, можно тем не менее констатировать: практика обучения произношению показывает, что под понятием «мнимое сходство» может скрываться самое разное содержание. Фонологически палатальные и палатализованные яв-

ляются безусловным примером «мнимого» сходства (см. об этом [Горшкова 2000], [Касаткин 2006]), однако фонетически венгерские палатальные могут быть использованы при постановке русских мягких согласных [т'], [д'], [н']. В этом венгерские палатальные отличаются, например, от испанских, которые артикуляционно совершенно не похожи на русские.

Как показало исследование Чжан Сяоцзюань, китайские силлабемы с гласными заднего и переднего ряда можно использовать в ходе изучения противопоставления русских согласных по твердости-мягкости [Чжан, в печати]. Формально имеет место «мнимое» сходство консонантно-вокалических сочетаний: в одном языке противопоставлены согласные, в другом – гласные. Фактически же это сходство помогает не только в постановке фонологического слуха, но и в постановке мягких артикуляций перед гласными [а] и [э], поскольку в китайском языке есть большое количество сочетаний, весьма близких по звучанию к сочетаниям русских мягких согласных с названными гласными.

Таким образом, опора на первичную систему в освоении иноязычного произношения так или иначе происходит всегда, после чего «запускаются» процессы фонетической интерференции или положительного переноса особенностей родной системы на изучаемую. Это может происходить интуитивно, а может – осознаваться и контролироваться. Очевидно, что предпочтительным является второй путь.

Литература

Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.

Горшкова К.В. Типы научно-лингвистических транскрипций как отражение развития теоретических идей МФШ // Фортунатовский сборник. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Московской лингвистической школы 1897–1997 гг. / Под ред. Е.В. Красильниковой. М., 2000. С. 8–13.

Касаткин Л.Л. Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. завед. М., 2006.

Реформатский А.А. Обучение произношению и фонология // Филологические науки. 1959. № 2. С. 145–156.

Чжан С. Сочетания русских твердых и мягких согласных с гласными «сквозь призму» обучения китайцев русскому произношению (в печати).

Щерба Л.В. Преподавание языков в школе: Общие вопросы методики: Учеб. пособие для студ. филол. фак. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Координация нормативно-методических документов, лежащих в основе системы ТРКИ, как лингвометодическая проблема

Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.

Standard methodical documents concerning Russian as a Foreign Language Tests: Coordination as a linguodidactic problem

Ekaterina N. Vinogradova, Liubov P. Klobukova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

ekaterinavin@mail.ru, klobukov@list.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы презентации однотипного языкового материала в разных нормативно-методических документах Российской государственной системы тестирования по русскому языку как иностранному (системы ТРКИ), предлагаются пути и способы их решения.

Ключевые слова: система ТРКИ, Требования, Программа, Лексический минимум.

Summary. The abstract summarizes moot points of uniform language material's presentation in important standard methodical documents of Russian as a Foreign Language Tests system and suggests some ways of conquering these awkward questions.

Keywords: Russian as a Foreign Language Tests, Basic dictionary, Requirements, Program.

Созданная в конце прошлого столетия система ТРКИ гармонично «встроила» изучение русского языка как иностранного (РКИ) в современную международную образовательную парадигму. Научно-методическое описание шести уровней владения РКИ, представленное в основных нормативно-методических документах, лежащих в основе системы, осуществляли высококвалифицированные специалисты в области теории и методики преподавания русского языка иностранным учащимся. Активное использование в российских и зарубежных вузах материалов системы ТРКИ подтвердило ее безусловную практическую значимость и эффективность. В то же время актуализировалась задача совершенствования таких нормативно-методических документов системы, как Требования (или Государственные стандарты), Программы и Лексические минимумы. Кратко обозначим основные проблемы, обнаруженные нами при анализе языкового материала в нормативно-методических документах Первого уровня владения РКИ (ПУ) [Требования 2015; Программа 2016; Лексический минимум 2017]), а также пути и способы их решения.

1. **Проблема презентации в нормативно-методических документах языковых единиц предшествующего уровня**. При создании поуровневых нормативно-методических документов потенциально возможно использование двух стратегий представления материала. С одной стороны, языковой материал, подлежащий изучению на предыдущем уровне, может повторяться в Программе, Требованиях (Государственном стандарте) и Лексическом минимуме последующего уровня наряду с включением «новых» единиц. С другой стороны, возможно называть лишь «новые» единицы, не дублируя языковой материал предыдущего уровня. Проведенный нами анализ [Виноградова, Клобукова 2016; 2017а; 2017б] показал, что в настоящее время в нормативно-методических документах ПУ ни одна из стратегий не реализуется последовательно.

2. **Проблема неполного соответствия материалов различных нормативно-методических документов, лежащих в основе одного и того же уровня**. Сопоставление нормативно-методических документов ПУ выявило целый ряд расхождений в презентации языкового материала. Так, например, перечни предлогов не совпадают ни количественно (в [Требования 2015] названо 36 предлогов, в [Программа 2016] – 32 предлога, а в [Лексический минимум 2017] – только 31 предлог), ни качественно: пересечение списков трех источников включает лишь 25 предлогов.

3. **Проблема разграничения активной и пассивной лексики**. Как известно, в лингводидактических целях традиционно проводится разграничение языкового материала, предназначенного для использования его инофоном в продуктивных и рецептивных видах речевой деятельности. Однако в [Требования 2015] единицы, предлагаемые только для идентификации их при чтении и аудировании, не выделяются. Соответственно, часть лексических единиц, которые помечены в [Программа 2016] и в [Лексический минимум 2017] как материал для рецептивного усвоения, не попадает в [Требования 2015], другая же часть включается в данный документ без помет о пассивности.

4. **Проблема номенклатуры значений лексических единиц**. Особую актуальность в практике преподавания РКИ приобретает отбор лексико-семантических вариантов (ЛСВ) той или иной языковой единицы, которые подлежат усвоению на определенном уровне владения РКИ. Поэтому авторы, разрабатывающие нормативно-методические документы системы ТРКИ, должны стремиться к согласованному ис-

пользованию в лингводидактических описаниях единых формулировок значений. Однако, к сожалению, в настоящий момент не только в разных нормативно-методических документах ПУ, но и в рамках одного документа (!) значение одного и того же ЛСВ может быть сформулировано по-разному (пример).

5. **Проблема презентации ЛСВ**. В различных нормативно-методических документах ПУ ЛСВ лексем представлены по-разному: с помощью примеров [Лексический минимум 2017], с помощью экспликации значения и примеров [Программа 2016]. Подчеркнем при этом, что ни один из указанных типов семантизации конкретных значений лексических единиц не реализуется последовательно.

Таким образом, как видим, тщательная координация нормативно-методических документов, лежащих в основе системы ТРКИ, является на сегодняшний день весьма актуальной лингвометодической проблемой. Разработчикам данных документов при подготовке их к переизданию необходимо:

- выбрать единую стратегию презентации / непрезентации языковых единиц предшествующего уровня;
- привести в полное соответствие объем языкового материала, представленного в разных нормативно-методических документах одного уровня, четко разграничивая при этом языковые единицы, предназначенные для активного и рецептивного усвоения;
- разработать единую номенклатуру значений лексических единиц, а также единые принципы презентации отдельных ЛСВ с целью корректного использования их во всех документах системы ТРКИ.

Литература

Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Отбор и представление предлогов в лексических минимумах по русскому языку (к постановке проблемы) // Мир русского слова. 2016. № 2. С. 95–101.

Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Лингводидактические проблемы описания предлогов на Элементарном уровне общего владения русским языком как иностранным // Мир русского слова. 2017а. № 2. С. 95–103.

Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Лингводидактические проблемы описания предлогов на Базовом уровне общего владения русским языком как иностранным // Мир русского слова. 2017б. № 4. С. 87–99.

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина и др. 9-е изд., СПб: Златоуст, 2017.

Программа по русскому языку для иностранных граждан. Первый уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина и др. 8-е изд. СПб: Златоуст, 2016.

Требования по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. Профессиональный модуль / Н.П. Андрюшина и др. 4-е изд. СПб: Златоуст, 2015.

Экзистенциально-онтологические основы обучения русскому языку как иностранному

Т.Е. Владимирова

Existential-ontological foundations of learning Russian as a foreign language

T.E. Vladimirova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

yusvlad@rambler.ru.

Аннотация. Данная работа посвящена экзистенциально-онтологическому аспекту русского образовательного дискурса, направленного на подготовку иностранных студентов к обучению на основных факультетах российских вузов. Учет бытийной природы языка и сознания, а также личностного «проекта» саморазвития делает актуальной разработку лингводидактической концепции, нацеленной на формирование когнитивно-коммуникативной и предметной компетенций, необходимых для получения высшего образования в России.

Ключевые слова: Лингводидактика, личность, бытие, онтология, экзистенциальный.

Summary. This paper is devoted to the existential-ontological aspect of the Russian educational discourse, aimed at preparing foreign students to study at the main faculties of Russian universities. Taking into account the existential nature of language and consciousness, as well as the personal «project» of self-development, the development of a linguodidactic concept aimed at the formation of cognitive-communicative and subject competencies necessary for obtaining higher education in Russia is relevant.

Keywords: Linguodidactics, personality, being, ontology, existential.

Разработка новых технологий, ориентированных на подготовку иностранных студентов к обучению на основных факультетах, предполагает тесную взаимосвязь лингводидактики с общим развитием гуманитарных наук. Так, «антропологический поворот» в философии, которая перешла от изучения «начал всего» к исследованию человека, вывел лингвистику за пределы анализа языка «в себе и для себя» (Ф. де Соссюр). Исследовательское внимание к «человеку в языке» (Э. Бенвенист) повлекло за собой введение в число лингвистических объектов языковой личности. Позднее «коммуникативный поворот» сконцентрировал усилия лингвистов на «человеке, говорящем с другим человеком» (Э. Бенвенист) и на коммуникации в целом.

Что же касается лингводидактики и методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ), то они также в 40–50-е годы прошлого века были ориентированы на знание языковой системы изучаемого языка и на развитие чтения и перевода. Доминирующий в этот период грамматико-переводной метод не мог подготовить носителей типологически далеких языков к обучению в российских вузах. Принятие в 60-е годы сознательно-практического метода, сочетавшего знание системы языка и речевую практику на этом языке, а позднее – коммуникативного метода, нацеленного на обучение языку как средству общения, стало важным шагом в развитии лингводидактики. С начала 90-х годов широкое распространение получил коммуникативно-деятельностный (личностно-деятельностный) подход, согласно которому каждый студент выступает как активный субъект учебной деятельности. Обобщая накопленный опыт, подчеркнем, что лингводидактика в своем развитии опирается на металингвистическую исследовательскую парадигму (М.М. Бахтин), исходящую из целостного единства лингвистики, психологии и философии.

В целях совершенствования учебного процесса вернемся к идее плодотворного взаимодействия лингводидактики с философией и к феномену «поворота» (< греч. epistrophe – приведение в круговое движение, возвращение, поворот). Так, за антропологическим и коммуникативным поворотами в гуманитарных науках последовали «онтологический поворот», а затем «экзистенциальный поворот».

Востребованность экзистенциально-онтологической рефлексии для разработки новых обучающих технологий вполне объяснима. Философская онтология как учение о бытии и его сущностных основах, а также экзистенциальная философия, раскрывающая онтологический смысл личностных переживаний, позволяют выявить лингводидактический потенциал «выразительного и говорящего бытия» (М.М. Бахтин), нередко ограниченного для иностранных студентов рамками аудиторных занятий.

В подтверждение актуальности данной проблематики сошлемся на доминирование (особенно на начальном этапе) знаково-знаниевой направленности занятий (*пойми, выучи* и *ответь*) в ущерб собственно бытийной природе речевой деятельности. Как следствие, свойственное молодым людям стремление к «полноте времени» и «полноте бытия» (М.М. Бахтин) сопровождается экзистенциальными пережи-

ваниями в силу личностной неудовлетворенности предложенной технологией обучения. Возникающая при этом психологическая напряженность сковывает речемыслительную и творческую активность студентов, превращая занятия по русскому языку в рутинное соприсутствие.

Стремясь раскрыть лингводидактический потенциал «языкового существования» (Б.М. Гаспаров) на занятиях по РКИ, отметим, что их эффективность возрастает в процессе «живого», заинтересованного и личностно значимого речевого общения, активизирующего резервные возможности психики обучаемых. При таком понимании русский образовательный дискурс предстает для студентов как личностно осознаваемое, эмоционально и интуитивно воспринимаемое актуальное бытие.

Отвечая мотивации учения, а также потребности студентов в общении и самовыражении, аудиторные занятия обогащают информационно и имеют смысложизненную ценность. В этой связи заметим, что невнимание преподавателя к ценностно-смысловому потенциалу учебных материалов, как правило, становится источником ментальных, не всегда осознаваемых лакун. А наиболее востребованными в студенческой аудитории являются экзистенциально ориентированные тексты, чтение которых сопровождается «“перенесением” себя на героя» (А.А. Леонтьев).

Завершая рассмотрение экзистенциально-онтологических основ русского образовательного дискурса, отметим, что важнейшим источником, активизирующим учебную деятельность иностранных студентов, является использование того потенциала, который заложен в собственно бытийной природе языка и языкового сознания. Поэтому перед преподавателем встает сложная задача – создать в аудитории атмосферу «понимающего бытия» (М. Хайдеггер), необходимую для развития когнитивно-коммуникативной и предметной компетенций, которые позволят продолжить обучение на основных факультетах российских вузов.

Литература

Бахтин М.М. Собр. соч. в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997.

Вопрос о необходимости создания единого учебника по языку специальности для иностранных студентов подготовительных факультетов

Н.В. Гагарина

The question of the necessity of creating a common textbook on the language of speciality for foreign students of preparatory faculties

Nadezhda V. Gagarina

Российский университет дружбы народов [РУДН] (Москва) / Peoples’ Friendship University of Russia [RUDN University] (Moscow)

nadgagarina@rambler.ru

Аннотация. Данная статья рассматривает вопрос создания единого учебника по русскому языку, который бы учитывал все профессиональные модули. Автор аргументирует необходимость единого учебника русского языка по различным профилям, исходя из того, что коммуникативные задачи, решаемые в пределах подготовительных отделений, одинаковы в каждом подъязыке (язык математики, язык экономики, язык химии и др.)

Ключевые слова: язык специальности, коммуникативная задача, единая синтаксическая структура, лексическое наполнение, структура научного текста.

Summary. This article considers the issue of creating a single textbook on the Russian language, which would take into account all professional modules. The author argues the need for a single textbook of the Russian language in different profiles, based on the fact that the communicative tasks solved within the preparatory departments are the same in each sublanguage (language of mathematics, language of Economics, language of chemistry, etc.).

Keywords: specialty language, communicative task, unified syntactic structure, lexical content, structure of scientific text.

1. Аспект «язык специальности» является одним из ведущих в практике преподавания русского языка иностранным студентам, цель которого – помочь учащимся освоить одну из функциональных подсистем современного русского языка – научный стиль речи.

2. Качество языковой и речевой подготовки будущих специалистов все еще далеко от потребностей их будущей профессиональной деятельности.

3. На начальном этапе обучения языку специальности особенно важно оптимизировать учебный процесс таким образом, чтобы способствовать достижению итоговых целей обучения: формированию у студентов нужного уровня коммуникативной компетенции, достаточного для того, чтобы выпускник подготовительного отделения мог участвовать в семинарских и практических занятиях по специальным предметам на первом курсе вуза.

4. Единые коммуникативные задачи формируют общую синтаксическую основу текста, несмотря на вариативное лексическое наполнение.

5. Не существует единого учебника по обучению студентов языку специальности, который бы объединял все профили с помощью единых синтаксических структур.

6. Несмотря на различия предметов речи, коммуникативные задачи, решаемые студентами в учебно-профессиональной сфере общения, повторяемы в различных подъязыках, варьируется лишь лексическое наполнение пропозициональных структур, обслуживающих разные учебные дисциплины (подъязыки).

Литература

Митрофанова О.Д. Профильность в обучении языку и культуре русской речи // Известия ТулГУ. Серия. Язык и литература в мировом сообществе. Вып. 10. Методика преподавания русского языка и литературы. Тула: Изд-во ТулГУ, 2006.

Мотина Е.И. Учебный текст по специальности как особая коммуникативная единица // Русский язык за рубежом. 1978. № 1. С. 42–46.

Присяжнюк Н.К. Формирование предметной компетенции при обучении русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. 1983. № 2. С. 67–72.

Современный вузовский учебник: проблемы и решения: Сб. материалов межвузовского «круглого стола» Волгоград: ВА МВД России, 2001.

Стамбулян И.М., Шабалина Н.Г. Пособие по русскому языку для студентов-иностранцев, изучающих экономическую теорию (политэкономию). Ч. 1, 2. М.: Изд-во РУДН, 2006.

Трубникова Т.И. Влияние особенностей языка специальности на характер учебных пособий при профильно ориентированном обучении русскому языку: Дисс. … канд. пед. наук. М.: ИРЯП, 1988.

Возможности использования Instagram в процессе изучения русского языка как иностранного

Т.Г. Галкина

Perspectives of using Instagram in Russian language teaching and learning

T.G. Galkina

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ)» (Омск) /
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Siberian State Automobile and Highway University» (Omsk)

galka_galka@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается целесообразность использования визуализированной информации, представленной в Instagram, для эффективного изучения русского языка в связи с особенностями восприятия и мышления современного поколения студентов.

Ключевые слова: социальные сети; Instagram; русский язык как иностранный; обучение языкам; клиповое мышление.

Summary. The article discusses the expediency of using visualized information, presented on Instagram, for effective learning of Russian in connection with the peculiarities of perception and thinking of modern students' generation.

Keywords: social networks; Instagram; Russian language; language teaching; clip thinking.

Основной и практически единственной формой хранения, распространения и представления знаний до недавнего времени были книги, представляющие собой главным образом текст с небольшим количеством иллюстраций. Развитие же современных технологий привело к тому, что потребление визуальных и визуально-аудиальных продуктов (фото и видео) вышло на первый план для нечитающего «цифрового» поколения. Сформировался совершенно иной тип восприятия и мышления, так называемое «клиповое» мышление, характеризующееся, с одной стороны, высокой скоростью обработки разрозненной информации, представленной по большей части в виде образов, и, с другой стороны, низкой способностью к длительной концентрации и низкой восприимчивостью к восприятию и осознанию информации, представленной в виде текста. «Сегодня зачастую визуальный ряд выполняет функцию рассказчика, заменяя и дополняя восприимчивость текстовую. Привычная рутинность повседневности, неартикулируемость обычных отношений получает четкую закрепленность, как визуальную, так и пространственно-временную» [Мясникова, Дроздова, Архипова 2014: 170]. Следовательно, современный преподаватель должен учитывать, что когнитивные навыки современных студентов формировались и развивались в условиях «цифрового» общества, и использовать в образовательном процессе новые, понятные и доступные студентам инструменты. Общедоступные и технически простые мобильные приложения, в частности Instagram, могут стать одним из современных и эффективных инструментов изучения языков. Видео и / или фотография, всегда сопровождающие пост в Instagram, представляют собой визуальное сообщение, характеризующееся «экономичностью и моментальной ясностью, которая обеспечивает быстроту коммуникативных процессов» [Мясникова, Дроздова, Архипова 2014: 171].

Основные преимущества использования социальной сети Instagram в образовательном процессе определяются:

Во-первых, наличием в приложении огромного массива визуализированной информации разных типов (фото, видео, иллюстрации, инфографика, презентации, схемы и т.д.). С этой точки зрения наибольший интерес представляю аккаунты, посвященные изучению русского языка, например, @great_russian, @learnrussianwithme, @russian_up или поиск по соответствующим хештегам, например, #russianverbs, #russiangrammar. Визуализация информации при помощи фото и, в особенности видео, обеспечивает целостное и многокомпонентное восприятие предметов, явлений, событий и т.д. Слово связывается с визуальной, аудиальной и эмоциональной составляющей образа, воспринимается, оценивается и переживается, «оживает» и становится «переживаемым», обретает контекстуальную составляющую, вписываясь в уже существующую картину мира воспринимающего в виде целостного образа. Более того, в зависимости от симпатии / антипатии к блогеру в целом или к отдельной теме / ситуации повышается мотивация к вовлеченности в коммуникацию посредством комментирования, иногда даже многоступенчатого, или просто отметки интересного поста «лайком».

Во-вторых, постоянным доступом к современной, ярко и привлекательно оформленной, постоянно обновляемой аутентичной социально-культурной информации. В данном случае наиболее информативны русскоязычные аккаунты пользователей Instagram, постоянно или временно проживающих на территории России, например, туристические аккаунты или любые другие, представляющие интерес для студентов. Также возможен поиск по хештегам, например, #russiancuisine, #russiantradition. Изучение аутентичных материалов является одним из основных условий для того, что студенты смогут применять свои знания, умения и навыки в конкретной жизненной ситуации. Лингвистическая, социокультурная и межличностная составляющие актов иноязычного общения, репрезентированные в аутентичных аккаунтах Instagram, позволяют научиться адекватно интерпретировать коммуникативные ситуации и мотивируют к вступлению в них в качестве полноценного участника. Визуальные сообщения, транслируемые блогерами в Instagram, дают доступ к множеству сфер повседневной и профессиональной жизни в странах изучаемого языка, транслируют культурные и научные реалии и создают «эффект присутствия и сопричастности происходящему» [Мясникова, Дроздова, Архипова 2014: 172].

Еще одним преимуществом Instagram является его доступность и возможность пользоваться им в любое удобное студенту и преподавателю время в комфортной обстановке. Instagram в первую очередь оценивается студентами как развлекательная социальная сеть, и, следовательно, выбор просматриваемого содержания обусловлен их интересами и увлечениями, а не учебной необходимостью. Сам процесс изучения языка не осознается студентом как обучение, поскольку он применяет свои знания на практике, упражняется и автоматически формирует коммуникативные навыки, общаясь в хорошо знакомой и привычной социальной сети.

Несмотря на то, что увлечение социальными сетями вызывает серьезные опасения у современных педагогов, они все же могут (при правильном использовании) оказать весьма положительное влияние на образовательный процесс в целом, и на изучение русского языка как иностранного в частности.

Литература

Грубин И.В. Использование медиа-ресурсов, социальных сетей и блогов в обучении иностранным языкам // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Материалы XXXIV международной научно-практической конференции. М.: Изд-во «Институт стратегических исследований»; Изд-во «Перо», 2017. С. 123–132.

Королева Д.О. Использование социальных сетей в образовании и социализации подростка: аналитический обзор эмпирических исследований (международный опыт) // Психологическая наука и образование (Psychological Science and Education). 2015. Т. 20. № 1. С. 22–45.

Мясникова Л.А., Дроздова А.В., Архипова Ю.В. Визуальная репрезентация повседневности в современном медиаобществе // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 168–172.

Насыбуллин Р.Э. Формирование коммуникативной компетенции по иностранному языку в рамках самостоятельной работы с языковыми социальными сетями // Вестник науки и образования. 2018. Т. 2. № 1 (37). С. 82–87.

Титова С.В. Интеграция социальных сетей и сервисов интернета 2.0 в процесс преподавания иностранных языков: необходимость или блажь? // Вестник Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 208–213.

Янкович М. Социальные сети как элемент инцидентального обучения иностранному языку // Профессиональное образование и общество. 2016. № 3 (19). С. 214–219.

Морфемный анализ в формировании речевых навыков иностранных учащихся (РКИ, основной этап обучения)

Н.Н. Горбонос

The morphemic analysis in formation of speech habits of foreign students (Russian for special purposes, the main period of study)

Nadezhda N. Gorbonos

Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева (Москва) /
D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (Moscow)
gnn.inform@mail.ru

Аннотация. Автором подчеркивается определяющая роль обучения анализу морфемного состава русских глагольных и отглагольных словоформ в формировании устойчивых речевых навыков иностранных учащихся в начальный период основного этапа обучения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, глагольные и отглагольные словоформы, анализ морфемного состава, устойчивые речевые навыки.

Summary. The author's attention is paid to the leading role of the morphemic analysis of verbs and verb words in order to form stable speech habits of foreign students during the beginning of the main period of study Russian for special purposes.

Keywords: Russian for special purposes, verbs and verb words, morphemic analysis, stable speech habits.

При обучении русскому языку в специальных целях (РКИ) в основной период задачи обучения собственно языку остаются неизменными – развитие речи, совершенствование и развитие речевых умений и навыков, расширение активного словаря обучающихся, постижение ими стилевых различий в разных сферах общения и т.п. Однако при переходе от подготовительного к основному периоду обучения в значительной степени изменяются целевые установки и приоритеты самих обучаемых, условия учебного процесса и, соответственно, расстановка акцентов в преподавании русского языка.

Говоря об иностранце-первокурснике неязыкового вуза, следует отметить: значительное сокращение аудиторного времени, отведенного на изучение языковых дисциплин; большое количество новых специальных дисциплин на русском языке; разный уровень стартовых знаний по языку; ориентированность современных молодых людей не на книгу как источник информации, а на Интернет и интерактивные средства; интерес к специальным дисциплинам и, как правило, снижение интереса к языковым дисциплинам. К этому добавляется психологический стресс от условий новой учебной среды («снежный ком» учебной информации, сжатые сроки для ее усвоения, тесты и рейтинги, начало долгой зимы и т.п.). Все это приходится учитывать современному преподавателю русского языка.

На наш взгляд, первостепенными задачами переходного периода обучения являются следующие: устранить неизбежный разрыв между сформированными в подготовительный период грамматическими навыками и умениями и навыками их использования в собственной речи и «оторвать» учащегося от попыток каждое непонятное слово искать в словаре мобильного телефона. Сказанное не исключает необходимости расширения лексического запаса обучаемых и установку на решение текущих и перспективных учебных задач. В начальный, адаптационный период нужно сформировать у обучаемых автоматизм осознанного владения лексико-грамматическими трансформациями: «словоформа – словоформа», а затем и «словосочетание – словоформа», «сложное предложение – простое предложение – словосочетание / словоформа». Это требует смены основных акцентов в преподавании языка в этот период по сравнению с подготовительным этапом: с окончания слова – на корень и аффиксы.

Умение видеть, анализировать (на самом простом и доступном уровне, опираясь на имеющиеся знания) и осознавать функциональное назначение абстрактных смыслов, заложенных в морфемном составе слова, на наш взгляд, является ключом к успешному решению дальнейших задач обучения языку. И на первый план здесь, как нам представляется, выходят глагольные и отглагольные словоформы – важнейшие в языке специальных (и не только) дисциплин как в учебной, так и в других ситуациях общения (составление планов, тезисов, ответы на вопросы, выступления на семинарах, а в дальнейшем – рефераты, аннотации, участия в конференциях, курсовые и дипломные работы).

Самостоятельный морфемный анализ глагольных и отглагольных словоформ учащимися (под руководством преподавателя) позволяет семантизировать значительный объем новой лексики, повторяя при этом знакомую лексику (не только глаголы, но и другие части речи) и грамматику (образование, значение и различия отглагольных словоформ; образование форм прилагательных, способных порождать глаголы, морфологические соответствия при образовании видовых форм и мн. др.); помогает привлечь синонимы и антонимы для толкования новых слов и при этом обнаружить стилевые и контекстуальные несовпадения в общелитературном и научном текстах; во многих случаях облегчает сознательное запоминание глагольного управления; способствует формированию и расширению словообразовательных гнезд слов и многое др. [Горбонос 2016; Горбонос 2017].

Постоянное внимание к морфемному составу глагольных и отглагольных словоформ, акцент на этом виде работы и учебные задания, нацеленные на словообразование (можно сказать, морфологический «дрилл»), в начале основного периода обучения развивают языковое чутье учащихся, снимают значительный ряд учебных проблем в последующий период, повышая чувство уверенности первокурсника в своих знаниях и способствуя его скорейшей адаптации.

Подобная перестройка внимания учащегося со слова как смысловой единицы языка на аффикс как единицу порождения новых лексических смыслов и грамматических связей, по нашему мнению, способна служить механизмом, или приемом, создания устойчивых и осознанных речевых навыков, необходимых для формирования языковой компетенции иностранного учащегося.

Литература

Горбонос Н.Н. Прогулка по таблице Д.И. Менделеева. Пособие по русскому языку для иностранных учащихся основного этапа обучения / Ред. Р.Г. Чиркова. М.: Изд-во РХТУ имени Д.И. Менделеева, 2016.

Горбонос Н.Н. Цели и задачи контроля знаний по РКИ иностранных учащихся основного курса первого года обучения // Вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева. Гуманитарные и социально-экономические исследования: В 2 т. Т. 1. Гуманитарные исследования / Гл. ред. Н.М. Черемных. Выпуск VIII. М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2017. С. 74–85.

Компьютерный жаргон как способ расширения общения инофона с российскими студентами

М.А. Гранкина

Computer jargon as a way to expand communication between foreign and russian students

Marina A. Grankina

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) / Southern State University (Rostov-on-Don)

grankinama@sfedu.ru

Аннотация. Доклад посвящен роли компьютерного жаргона как одного из путей вхождения инофона в коммуникативную среду российского студенчества, совершенствования навыков общения, углубления представлений о молодежной культуре.

Ключевые слова: компьютерный жаргон, инофон, уместность, коммуникация, дискоммуникация.

Summary. The report is devoted to the role of computer jargon as one of the ways to enter foreign students in the russian communicative environment, improve communication skills, deepen understanding of youth culture.

Keywords: computer jargon, foreign students, relevance, communication, discommunication.

1. В настоящее время компьютер играет одну из ведущих ролей в жизни каждого человека, поэтому компьютерный жаргон прочно входит в речь не только профессионалов, но и любого пользователя персонального компьютера. Это связано с тем, что компьютер является неотъемлемой частью жизни современного человека. С большей уверенностью можно отметить, что встретить современного студента, не использующего тот или иной гаджет, невозможно.

2. Компьютерный жаргон в нашем понимании – это «область данного некодифицированного профессионального языка, доступная обычным пользователям компьютеров и включаемая ими в свою речь» [Виноградова].

3. Чтобы определить уровень владения этим пластом лексики студентами-иностранцами, мы провели анкетирование, в котором участвовало 50 иностранцев, обучающихся в Южном федеральном университете в магистратуре 1-го и 2-го года обучения и владеющих русским языком не ниже уровня В1. Анкетируемым было предложено указать значения наиболее употребительных у российской молодежи лексических единиц компьютерного жаргона: *винда, ламер, нуб, хакер, банхаммер, видюха, админ* и др. В результате анализа анкет было выявлено, что 90% опрошенных не знают значения ни одной из предложенных лексем, что в определенной мере объясняется сленговым характером некоторых единиц. При устном обсуждении проведенного анкетирования выяснилось, что подобная лексика им знакома, так как они часто слышат ее от российских студентов, однако значения этих слов им неизвестно. В то же 90% анкетируемых отметили, что познакомиться с лексикой компьютерного жаргона и узнать значения предложенных слов желают, так как понимание наиболее часто употребляемых лексем компьютерного жаргона поможет иностранцу быстрее наладить контакт с российской молодежью и адаптироваться в незнакомой стране.

4. Для того чтобы студент-инофон свободно общался с российскими студентами, необходимо на уроках русского языка или лингвокультурологии вводить данный языковой материал. Знание способов образования, путей возникновения и значения лексем компьютерного сленга позволит иностранному студенту свободно чувствовать себя в студенческой среде российской молодежи, общаться с ней как в реальной жизни, так и виртуально. Кроме того, изучая этот живой пласт лексики, можно привнести в занятия по русскому языку элемент реального общения и разбудить интерес иностранца к изучению русского языка.

5. Своевременное комментирование и объяснение значения лексемы избавит студента от дискоммуникации и неправильного понимания жаргонного слова.

Литература

Виноградова Н.В. Номинативная функция русского компьютерного жаргона. [2007]. [Электронный ресурс. URL: http://www.dialog-21.ru/media/1921/vinogradovan.pdf. Дата последнего обращения 25.11.2018].

Специфика работы с детьми-инофонами по авторскому пособию «Учимся говорить по-русски»

Е.Г. Данелян

Specifics of working with children-volunteer guide copyright «Learning to speak Russian»

E.G. Danelyan

Тверской государственный университет / Tver State University

liza.danelyan@yandex.ru

Аннотация. Ошибки в речи детей-инофонов – «результат взаимодействия родного и изучаемого языков». Помочь детям приобрести первоначальные навыки владения русской речью призвано авторское пособие «Учимся говорить по-русски».

Ключевые слова: дети-инофоны, особенности родных языков.

Summary. Errors in the speech of children a foreign language – «the result of the interaction of native and studied languages». The author's manual «Learning to speak Russian» is intended to help children to acquire initial skills of Russian speech.

Keywords: children-foreign language, especially native languages.

Сегодня полиэтнический характер школ России осложняет работу учителя, поскольку специальных знаний об обучении детей-инофонов он не имеет. «Возможности этих обучающихся в овладении русской речью, к сожалению, используются учителями далеко не в полной мере. Поэтому совершенствование содержания и методов обучения детей-инофонов выступает сегодня как очень важная, актуальная задача» [Данелян 2006: 580].

Учитывая это, нами было создано учебное пособие «Учимся говорить по-русски» в 4-х частях на основе лингвистической микросистемы с учетом особенностей родных языков детей-инофонов.

Учебное пособие «Учимся говорить по-русски» адресовано учителям, работающим в подготовительной группе с детьми, для которых русский язык является неродным; учителям начальных классов, а также воспитателям детских садов и родителям детей-инофонов.

Как отмечал А.А. Реформатский, «для овладения языком надо прежде всего преодолеть навыки своего языка, которые искажают факты чужого языка. Ошибки – результат взаимодействия родного и изучаемого языков» [Реформатский 1987: 40]. Так как в России много детей-инофонов с Кавказа и из Средней Азии, автор учебного пособия ориентируется на эти языки, выделив общие и частные признаки:

а) отсутствие некоторых звуков в родном языке, что ведет к неправильному произнесению русских слов;

б) особую трудность у детей-инофонов вызывает русское ударение, подвижное и разноместное. В родном языке инофона оно имеет постоянное место в словах (есть некоторые исключения). Все это приводит к затруднению в правильной постановке ударения в русских словах;

в) частичное отсутствие категории одушевленности (на вопрос ***кто?*** в родном языке отвечает только человек), что ведет к ошибкам в падежных окончаниях;

г) отсутствие категории рода, что ведет к нарушению норм согласования в русском языке;

д) отсутствие предлогов, некоторых падежей, что ведет к ошибкам в предложном и беспредложном управлении в русском языке;

е) особенности глаголов родного языка.

ж) ошибки в словоупотреблении, возникающие под влиянием родного языка, и др.

Такова краткая характеристика самых типичных ошибок в русской речи у детей-инофонов.

Цель обучения имеет практический характер – обучить инофонов русскому языку как средству общения; научить говорить по-русски в пределах учебного материала.

Темы в пособии распределены по занятиям, которые носят интегрированный характер.

Межпредметная связь вызывает у детей особый интерес к русскому языку.

Активизация слов ведется в словосочетаниях и предложениях, значение которых усваивается в речевых действиях самих детей.

В живом учебном процессе обогащается словарный запас детей, развивается грамматический строй речи, ее звуковая культура, дети учатся диалогу и монологу на русском языке.

Следует отметить, что во всех текстах, данных в пособии, используются нужные нам слова и грамматические модели, которые легко запоминаются детьми.

Большое внимание в пособии уделено повторению: текущему и итоговому.

Покажем на примере одного занятия, какие мы предлагаем детям-инофонам задания с учетом особенностей их родных языков.

Тема: Слова, которые отвечают на вопросы ***кто? что?***

Цель: сформировать у детей-инофонов умения правильно ставить к предметам вопросы ***кто? что?*** Правильно называть «живые и неживые» предметы.

Ход занятия.

I. Организационный момент.

II. Основная часть.

Дети с помощью учителя выполняют следующие задания:

Задание 1. Слова, обозначающие «живые и неживые» предметы. На какие вопросы они отвечают?

Учитель выставляет на доску в первый ряд картинки, изображающие «неживые» предметы, во второй ряд – картинки, изображающие «живые» предметы. Затем учитель ставит к картинкам вопросы «что это? кто это?»

Дети отвечают: «Это мячик». «Это кошка» и т.д.

Следует отметить, что при постановке вопроса важно правильно определить «место логического ударения, поскольку ответ ребенка направляет именно опорное слово, несущее основную смысловую нагрузку» [Бородич 1981: 41].

Задание 2. Дифференциация слов, обозначающих «живые и неживые» предметы.

Учитель ставит на доску вперемешку картинки, изображающие «живые и неживые» предметы, и предлагает детям разложить их на две группы: в одну – изображающие живые предметы, в другую – неживые, и поставить соответствующие вопросы [Ефименкова 1991: 9].

Задание 3. Используя предметные картинки, ответим на вопросы.

– Соня, кто приехал к вам?

(*Учитель показывает картинку, на которой нарисован дедушка*).

– К нам приехал дедушка.

– Серёжа, кто живёт в лесу?

(*Учитель показывает картинку, на которой нарисован медведь.*)

– В лесу живёт медведь и т.д.

Задание 4. Произносите правильно.

(*Дети с учителем произносят слоги и слова с теми звуками, которых нет в родном языке инофона.*)

мы – ми – мы – ми
ми – мы – ми – мы
мыл – мил
мил – мыл
мы□ шка – ми□шка
ми□шка – мы□ шка

Задание 5. Скажем вместе.

(*Дети с учителем проговаривают стишок.*)

По двору□ бежа□ла мы□ шка.
Спит зимо□й в берло□ге ми□шка.
Э□тот ми□шка о□чень мил,
То□лько ла□пы он не мыл.

И. Токмакова

Задание 6. Скажем ласково.

(Дети с учителем произносят слова с мягкими согласными.)

Илю□ ша Ваню□ ша Вадю□ ша Кирю□ ша Катю□ ша
Ксю□ ша Таню□ ша Надю□ ша Варю□ ша Настю□ ша

Задание 7. Назовём предметы на маленьких картинках с вопросами ***кто?*** и ***что?***

– Что это?

– Это столик. Это домик. Это шарик и т.д.

– Кто это?

– Это птичка. Это козлик. Это ослик и т.д.

Комплекс специальных заданий с учетом особенностей родных языков детей-инофонов дает положительный результат в развитии их русской устной речи.

Литература

Бородич А.М. Методика развития речи. М., 1981.

Данелян Е.Г. Обучение первоклассников русской устной речи в школе с многонациональным составом учащихся // IX Международный симпозиум: доклады и сообщения. Болгария, Велико-Тырново. 5–8 апреля 2006 г. С. 580–582.

Данелян Е.Г. Учимся говорить по-русски. Предварительный курс. Ч. I: Пособие для учителя. Тверь, 2014.

Ефименкова Л.Н. Коррекция устной и письменной речи учащихся начальных классов: кн. Для логопедов. М., 1991.

Реформатский А.А. О сопоставительном методе // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. С. 40–52.

Цибахашвили Г.И. Самоучитель грузинского языка. Тбилиси: ТГУ, 1981.

К вопросу о составлении учебника по русской грамматике для иранской аудитории

С. Дастамуз

On the issue of compiling a textbook on Russian grammar for the Iranian audience

Saeedeh Dastamooz

Университет Аль-Захра (Тегеран, Иран) / Alzahra University (Tehran, Iran)

s.dastamooz@alzahra.ac.ir

Аннотация. Подготовка учебного пособия по грамматике русского языка для персоговорящих студентов, обучающих русскому языку за пределами Российской Федерации, является актуальной проблемой. В данном исследовании предпринималась попытка подготовки учебного пособия, способствующего оптимальному усвоению грамматических категорий иранскими студентами.

Ключевые слова: Русский язык как иностранный, учебник, иранская аудитория, грамматика.

Summary. The preparation of a textbook on the grammar of the Russian language for Persian students who learn Russian language outside of Russian Federation is an urgent problem. In this study, an attempt was to make compile a textbook that promotes the Iranian students' optimal mastering of grammatical categories.

Keywords: Russian as a foreign language, textbook, Iranian audience, grammar.

В программу обучения русскому языку как иностранному в Иране входят курсы по грамматике. В традиционных методах обучения в Иране большое внимание уделялось способам образования грамматических форм. Но обогащает ли этот метод обучения активный словарный запас учащихся? Расширяет ли он объем используемых ими в письме и в речи грамматических средств для свободного выражения мыслей и чувств? Каким должен быть учебник по русской грамматике?

Многие ученые считают, что пособие играет важную роль в процессе обучения. Хорошие пособия годами пользуются студентами и увеличивают качество преподавания. Хорошие учебники стимулируют студентов и привлекают их к уроку [Mikk 2000: 6–9]. По словам А.Н. Щукина, учебник является основным средством обучения [Щукин 2006: 229].

Мы считаем, что нам необходимо составлять учебник по грамматике так, чтобы учащиеся умели, во-первых, распознать разные грамматические категории в разных текстах; во-вторых, умели использовать их в устной и письменной речи.

Помимо того, при составления учебного материала необходимо учитывать фактор существования различных типов учащихся.

По мнению Шамуси и его коллег, учащиеся по разному усваивают один и тот же предмет. Ими выделяются 4 типа учащихся: расходящиеся или рассеянный тип; сходящиеся или индивидуалисты; впитывающие ученики; ученики-координаторы [Шамуси и др. 2017: 61].

Отсутствие координации между методикой преподавания и способами усвоения материалов учащимися может являться препятствием в процессе обучения. Именно поэтому преподаватель при подготовке учебного материала должен учитывать все типы учащихся, чтобы его занятие было полезным для всех.

Еще один важный момент при составления пособия – это социально-культурный фактор. Человек, изучающий иностранный язык, с одной стороны, находится на пороге новой культуры. С другой стороны, он является носителем культуры своей страны. На наш взгляд, учащийся не только должен знакомится с социально-культурными особенностями изучаемого языка, но и он должен уметь так же говорить на изучаемом языке о своей стране, о своей культуре.

Из других функций учебных пособий можно указывать на образование ценностей у учащихся [Mikk 2000: 12]. При этом учебные пособия помогают учащимся самостоятельно оценивать свои знания [Зоев 1983]. Кроме того, в связи с требованиями времени, технологии и методики обучения постоянно меняются и предполагают внедрение новых подходов, способствующих обеспечению качества полученных знаний. Именно поэтому вполне можно согласится со мнением Е.П. Красильниковой, что «условия успешности усвоения языковых и речевых навыков выступают коммуникативная направленность обучения, текстоцентричный характер учебных действий» [Красильникова 2016: 171].

В исследовании, которое было осуществлено нами в 2016-м году и, результаты которого отразились в статье под называнием «Учебники РКИ в программе обучения русскому языку иранцев в университете Аль-Захра», я выясняла мнение наших студентов о том, как должен выглядеть учебник по русскому языку? В итоге данного исследования мы сделали вывод о том, что в связи с ростом интереса к русскому языку в Иране и в результате расширения научно-культурной и экономической связи между двумя странами, чувствуется необходимость издания специальных учебников РКИ для иранских учащихся с учетом особенностей их родного языка и с нужными комментариями [Дастамуз 2016: 52].

Таким образом, при составлении учебника по русской грамматике для иранской аудитории необходимо учитывать особенности культуры стран изучаемого языка и стран учащихся, особенности разных типов учащихся, и т.д. При этом усвоению иностранными студентами особенностей русских грамматических категорий будет способствовать использование в учебном пособии текстов разного функционального и жанрового характера. Коммуникативная и текстоцентричная направленность обучения может служить залогом успешности урока по грамматике русского языка в иранской аудитории.

Литература

Дастамуз С. Учебники РКИ в программе обучения русскому языку иранцев в университете Аль-Захра // Международный аспирантский вестник «Русский язык за рубежом». 2016. № 4. С. 49–52.

Зоев Д.Д. Школьный учебник. М.: Педагогика, 1983.

Красильникова Е.П. Лексико-грамматический аспект изучения русских приставочных глаголов // Вестник российского университета дружбы народов. 2016. № 1. С. 164–171.

Шамуси и др. Сознательное управление занятием. Тегеран: Издательство Тансу. 2017.

Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика. М.: Филоматис, 2006.

Mikk Jaan. Textbook: Research and Writing. Frankfurt am Main; New York: P. Lang, 2000 [Translated in Persian by Sh. Moradzadeh, R. Golshahi, 2014].

Пары ассоциатов как основа пособия по лексике

Ю.В. Егорова

Pair of associates as a basis for vocabulary manual

Julia V. Egorova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

iegorova64@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматривается один из вариантов пособия по лексике для студентов, изучающих русский язык как иностранный и владеющих английским языком как родным или иностранным. Основой предлагаемого пособия становятся пары ложных ассоциатов, часто провоцирующих ошибки учащихся. Эти лексемы группируются в соответствии с тематической соотнесенностью и степенью совпадения семантического содержания, предлагаются тексты и упражнения разного типа.

Ключевые слова: ложные ассоциаты, семантическое содержание, лексема, тип упражнения.

Summary. The report examines one of the variants of the vocabulary manual for students who study Russian as a foreign language and speak English as their native or foreign language. The basis of the manual are pairs of false associates, often provoking students' mistakes. These lexemes are grouped according to thematic correlation and degree of coincidence of semantic content, we consider the texts and exercises of different types.

Keywords: false associates, semantic content, lexeme, type of exercise.

Для преподавателя иностранного языка важно уметь предвидеть возможные ошибки учащихся, это едва ли не обязательная составная часть его профессионально-педагогической компетенции. В зависимости от природы ошибок традиционно выделяют интерлингвальные, или межъязыковые, ошибки, связанные прежде всего с ложной проекцией родного языка на изучаемый. В этом случае речь идет об интерференции, которая проявляется в отклонении от норм изучаемого языка под влиянием родного. Ярче всего интерференция проявляется на фонетическом, грамматическом и синтаксическом уровнях, реже обращают внимание на интерференцию на семантическом уровне. Ее часто принимают за стилистические ошибки, которые допускают и носители русского языка. Однако предупреждение подобных ошибок в иноязычной аудитории помогает избежать их в процессе овладения русским языком. В этих случаях семантическая интерференция встречается с феноменом переводоведения – ложными друзьями переводчика.

Овладение иностранным языком и перевод его единиц на родной – взаимосвязанные процессы, особенно на начальном и среднем этапах обучения. Нельзя сказать, что и продвинутый этап избавляет учащегося от переводческих задач, скорее, он меняет их суть: от выживания в чужом языковом пространстве индивид переходит к осознанному сопоставлению, своего рода лингвистической игре. Поэтому вопрос перекодирования единиц иностранного языка на родной язык учащихся – проблема не только переводческая, но и лингводидактическая. Межъязыковое перекодирование требует от индивида ментальной работы в двух семантических системах. Человек, встречая слово, своим обликом, как фонетическим, так и графическим, напоминающее ему лексему родного или хорошо известного языка, бессознательно объединяет две единицы и приписывает первому известное значение. Так проявляется феномен, получивший название Faux amis du traducteur, «ложные друзья переводчика».

Сегодня термин «ложные друзья переводчика» заменяют на диалексемы, междуязычные аналогизмы, асимметричные диалексемы, межъязыковые ассоциаты. В лингводидактике на этот феномен чаще всего обращают внимание преподаватели английского языка. В отличие от них, русисты на занятиях по русскому языку как иностранному никак не используют этот ассоциативный потенциал учащихся. Если на начальном этапе в современных учебниках интернациональная лексика заняла достойное место уже в первых уроках, то на других этапах освоения русского языка ей не уделяется почти никакого внимания. А ведь ложные ассоциаты могут стать структурной лигвистической основой для работы над лексикой на продвинутом этапе обучения.

Для этого, во-первых, необходим предварительный подбор таких пар-ассоциатов, которые могут провоцировать ошибки учащихся. Непродуктивно вводить эти пары в алфавитном порядке, с таким же успехом ученики могли бы почитать словарь. Пособия по лексике, в основании которых лежат общелингвистические, а не семантические признаки, к сожалению, не обеспечивают ощутимый прогресс в расширении коммуникативной компетенции учащихся. Необходимо попытаться связать эти пары с актуализацией первой лексемы с семантической группой, конкретной изучаемой темой. Во-вторых, внутри этих тем для выделенных пар ассоциатов целесообразно построить единообразную систему заданий.

Для самостоятельного чтения и расширения пассивного словарного запаса вводятся мини-тексты лингвокультурологической направленности, темой которых может быть как история заимствования, так и эволюция семантического содержания. Этимология, сопоставление, связь с историей в большинстве студентов пробуждает интерес к предмету и служит культурным фоном, обеспечивающим лучшее запоминание. Эффективными упражнениями будут параллельные ознакомительные, подстановочные, переводческие и коммуникативные.

Литература

Вайнрах У. Языковые контакты. Киев: Вища шк., 1979.

Егорова Ю.В. О ложных ассоциатах в преподавании русского как иностранного // Язык: категории, функции, речевое действие. Коломна : ГСГУ. 2018. С. 63–65.

Пахотин А.И. Англо-русский, русско-английский толковый словарь обманчивых слов («ложных друзей»). М.: Живой английский. 2011.

Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Астрель. 2002.

Kœssler M. Derocquigny J. Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais. Paris: Librarie Vulbert. 1928.

Моделирование научного текста в процессе обучения русскому языку как неродному

К.З. Жаппар

Modeling of a scientific text in the process of teaching the Russian language as non-native

Karlygash Z. Zhappar

Университет «Туран» (г.Алматы, Республика Казахстан) / Университет "Туран" (Алматы, Республика Казахстан)

zhappar.karlygash@mail.ru

Аннотация. В работе речь идет о способах формирования у студентов навыков моделирования научного текста, что дает возможность научить их пользоваться вторым языком не только как средством общения, но и как средством познания мира, овладения будущей специальностью.

Ключевые слова: моделирование научного текста, коммуникативная задача текста, функции модели текста, алгоритм определения данной и новой информации текста, учебно-профессиональная деятельность.

Summary. The work is about the ways in which students develop the skills of modeling a scientific text, which makes it possible to teach them to use the second language not only as means of communication, but also as a means of knowing the world, mastering a future speciality.

Keywords: modeling a scientific text, communicative task of the text, text model functions, algorithm of definition of the current and new information of the text, educational and professional activities.

В современном казахстанском обществе неотъемлемым компонентом личной и профессиональной деятельности человека становится владение казахским, русским и английским языками [Государственная программа развития образования…: 7]. В рамках реализации Концепции развития образования Казахстан, взяв курс на овладение его гражданами тремя языками, исходит из сегодняшних реалий – триединство языков будет являться свидетельством конкурентоспособности страны.

Очевидна важная роль русского языка как языка межнационального общения в нашем государстве и странах постсоветского пространства. Русский язык активно применяется во многих сферах деятельности, в том числе в сфере образования и науки.

Основной целью обучения русскому языку студентов казахских отделений вузов является, как известно, совершенствование русской речи путем оптимального использования средств языка в устной и письменной форме с учетом особенностей их применения в учебно-профессиональной деятельности. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть важность формирования у студентов навыков моделирования научного текста, поскольку данное задание дает возможность научить студентов пользоваться вторым языком не только как средством общения, но и как средством познания мира, овладения будущей специальностью.

При обучении языку специальности большое внимание уделяется формированию у студентов представления о лингвистических особенностях стиля, типологической природе научного текста, коммуникативной задаче, о структуре его смысловых частей, видах информации.

В процессе чтения учебно-научного текста и обработки его информации посредством моделирования, что, казалось бы, представляет собой не очень сложную работу, студенты все же испытывают некоторые трудности.

Вспомним основные понятия, связанные с моделированием научного текста.

В концепции моделирования научного текста обоснованы функции модели текста: 1) функция ориентировки, предполагающая ориентировку в выявлении коммуникативной задачи текста; 2) функция планирования, предполагающая планирование модельных внутритекстовх связей; 3) функция реализации, предусматривающая выявление ядерных внутритекстовых связей; 4) функция обобщения и контроля, предполагающая построение образа модели, зафиксированной в виде схемы с целью проверки истинности выделенных внутритекстовых связей.

Коммуникативная задача текста – задача, которую автор ставит перед читателем и для раскрытия которой создается текст. В научно-исследовательской литературе наиболее часто встречаются типы научного текста, в которых а) рассматривается, из каких частей состоит предмет (кзт – показать строение предмета), б) представлена характеристика предмета (кзт – дать характеристику предмета), в) описывается внешнее очертание, наружный вид предмета (кзт – описать форму предмета), г) говорится о том, какую роль выполняет предмет, для чего служит (кзт – рассказать о функции предмета), д) дать распределение предметов по классам, видам, разрядам, типам, группам и т.д. (кзт – представить классификацию предмета).

Моделирование научного текста состоит из следующих основных этапов: выявление и интерпретация темы и основной мысли текста; определение его коммуникативной задачи, данной и новой информации, текстообразующих функций, способов развития информации, конструкций смыслоречевых ситауций; составление схемы модели текста.

При обучении моделированию научного текста несложными для студентов являются этапы понимания содержания текста с выяснением значения незнакомых слов, переводом их на родной язык; выявления темы и основной мысли текста. Что касается определения коммуникативной задачи текста (КЗТ), это задание также не вызывает особого труда у большинства студентов.

В процессе анализа текста важным является умение определять данную и новую информацию. Можно предложить студентам **Алгоритм определения данного и нового текста**: а) определить коммуникативную задачу текста; б) найти предложение, в котором выражена КЗТ; в) назвать слово и словосочетание, передающее КЗТ – данное текста; г) выделить микротемы, в которых раскрывается значение данного; д) найти в микротемах словосочетания, конкретизирующие значение данного, то есть новую информацию.

Уровень усвоения Алгоритма определения данной и новой информации текста зависит от того, насколько подробно и доступно преподаватель объяснит теорию и поможет проанализировать конкретный текст. С целью четкого и ясного понимания содержания текста студент может перевести сложные для него части текста на родной язык, выяснить значение научных терминов по словарю, развить навыки составления словосочетаний по модели что + чего (форма именительного падежа + родительного падежа) с целью лаконичной формулировки нового (Н) текста. Последний этап анализа текста – изображение схемы модели текста, в которой показано количество пунктов новой информации.

Интересным и познавательным продолжением структурно-смыслового анализа учебно-научного текста будет задание – найти дополнительный материал на тему проанализированного текста, которое можно провести в форме занятия-презентации, мини-конференции, круглого стола, что позволит реализовать проблемную технологию обучения.

Опыт обучения моделированию учебно-научного текста студентов казахских отделений вузов показывает, что формирование и развитие навыков анализа научного текста является весьма важным в процессе обучения русскому языку в качестве инструмента получения студентом профессиональных знаний и умений в рамках реализации проекта «Триединство языков», который является частью национальной идеологии, нацеленной на развитие Казахстана как конкурентоспособного государства.

Литература

База знаний Allbest [Электронный ресурс. URL: http/knowledge.allbest.ru/radio].

Вишнякова С.А. Моделирование текста на уроке-семинаре по теме «Описание процессов» // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе. СПб.: СПГУТД, 1997.

Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2011–2020 годы [ru.government.kz/resources/docs/doc 18].

Проблемы терминологии и методики преподавания русского языка эмигрантам во Франции

А.С. Журавлёва

Problems of terminology and methods of teaching Russian language to emigrants in France

Hanna S. Zhurauliova

Лилльский университет & MoDyCo UMR 7114, CNRS университет Париж Нантер (Франция) /
Lille University & MoDyCo UMR 7114, CNRS Paris Nanterre University (France)

hannazhu@list.ru

Аннотация. Наше исследование посвящено проблемам преподавания русского языка эмигрантам второго и третьего поколения, проживающим на территории Франции, а также проблемам терминологии, используемой в процессе их обучения. В условиях двуязычия и языковых контактов эти студенты владеют русским языком, который отличается от языка носителей русского языка, проживающих в России. Наблюдается отсутствие учебников и методики преподавания русского языка для данной категории студентов и возникают проблемы терминологии.

Ключевые слова: русский язык, франкоговорящие студенты, эмигранты, языковые контакты, проблемы терминологии.

Summary. Our study is devoted to the problems of teaching Russian to emigrants of the second and third generation living in France, as well as problems of terminology used in the process of their education. In the context of bilingualism and language contacts, these students speak Russian, which differs from the language of Russian speakers living in Russia. There is a lack of textbooks and methods of teaching Russian for this category of students, and terminology problems arise.

Keywords: Russian, French-speaking students, expats, language contacts, terminology problems.

Данное исследование посвящено проблемам преподавания русского языка эмигрантам второго и третьего поколения, проживающим на территории Франции, а также проблемам терминологии, используемой в процессе их обучения. В условиях двуязычия и языковых контактов эти студенты владеют русским языком, который отличается от языка носителей русского языка, проживающих в России. Студенты, которые изучают русский язык во Франции, имеют очень неоднородный уровень владения языком. В одной группе могут находиться франкоговорящие студенты, начинающие изучать язык, а также учащиеся, которые владеют русским языком в разной степени.

В настоящее время существует большое количество учебников, пособий по изучению русского языка как иностранного и как родного. Но их недостаток заключается в том, что все студенты делятся условно на русскоговорящих и нерусскоговорящих без учета их национальных, культурных и других специфических особенностей. Все существующие учебники русского языка рассчитаны либо на носителей языка (русскоговорящих), либо на иностранцев, которые его изучают. Имеется острая необходимость в учебных пособиях для условно русскоговорящих студентов, то есть эмигрантов второго и третьего поколений из русскоговорящих семей. Эти учебники должны учитывать их неоднородный уровень владения языком и предлагать применение индивидуального подхода.

Соответственно возникают проблемы терминологии, используемой в данных учебниках. Эту категорию студентов сложно назвать русскоговорящими. Это студенты-эмигранты из России и других стран СНГ второго и третьего поколений, которые выросли, воспитывались и учились во Франции, но имеют русскоговорящих родителей, родственников или близкое окружение, которое говорит по русски, например, друзья и знакомые. В этой группе очень важно также разделять публику по национальной принадлежности семьи и близкого окружения, а также учитывать влияния из родного языка учащегося, на котором он учился говорить. Это может быть как русский, так и любой другой славянский и неславянских язык, на котором говорят родители. Поскольку эмигранты второго и третьего поколения пользуются русским языком и возможно параллельно другим языком только в общении с близким окружением и в основном на бытовом уровне, их уровень владения русским языком очень низкий, базовый. Речь таких студентов отличается бедным словарным запасом, сильным влиянием французского языка на выражение в устной и письменной форме. У студентов этой группы встречаются многочисленные трудности в процессе изучения русского языка. Например, студент может в совершенстве владеть навыками устного высказывания, то есть хорошо говорит, но испытывает большие трудности на письме или, наоборот, хорошо и без ошибок пишет, но ему трудно говорить и высказывать свои мысли. Следует отметить, что русский язык, который используется данными русскоговорящими носителями, имеет специфический характер.

Такого типа студентов предлагаем называть условно русскоговорящими. А в наименовании учебников для этой специфической группы предлагаем сохранять этот же термин, чтобы разграничивать методику преподавания русского языка как родного, русского языка как иностранного и русского языка для условно русскоговорящих студентов. В настоящее время появляются и другие термины для обозначения данных студентов, например, эритажные. Существует учебник русского языка для английских условно русскоговорящих студентов, где обозначена эта проблема. С идентичными проблемами сталкиваются и преподаватели русского языка в Германии. Таким образом, имеется необходимость продолжения исследований в данной области.

Исходя из специфики каждой группы студентов, предлагаем использовать индивидуальный подход в изучении русского языка, а именно, учитывать уровень владения устной и письменной речью, способности к изучению языка, культурные и лингвистические традиции студента, а также специфику его основной специальности. Предлагаем использование заданий разной степени сложности одновременно, применяя индивидуальный подход.

Литература

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Академия наук СССР, 1963.

Журавлёва А.С. Функционирование русского языка в среде русскоговорящих во Франции // Русистика и современность / Под ред. И.П. Лысакова, Е.А. Железнякова. Санкт-Петербург, С. 324–330.

Лебединский С.И., Гербик Л.Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного. [Электронный ресурс. URL: https://www.bsu.by/Cache/pdf/365803.pdf Дата последнего обращения 30.11.2018].

Методика / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Русский язык, 1988.

Лысакова И.П. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку / Под ред. И.П. Лысаковой. Москва, 2004.

Рахилина Е. О языковой интерференции и лингвистических корпусах русского языка. [Электронный ресурс. URL: https://russkiymir.ru/publications/191468/?sphrase_id=241858. Дата последнего обращения 30.11.2018].

Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Ленинград, 1972.

Сидешова З.Г. О лингвистической интерференции. [Электронный ресурс. URL: https://articlekz.com/article/12307 Дата последнего обращения 30.11.2018].

Чеснокова М.П. Методика преподавания русского языка как иностранного. [Электронный ресурс. URL: http://lib.madi.ru/fel/fel1/fel15E327.pdf. Дата последнего обращения 30.11.2018].

Шипилевич Л. Методика обучения русскому языку как иностранному и перспективы ее развития. [Электронный ресурс. URL: http://jows.pl/content/. Дата последнего обращения 30.11.2018].

Щерба Л.В. Восточно-лужицкое наречие. Пг.: Тип. А.Э. Коллинс, 1915. Т. 1.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Под ред. Л.Р. Зиндера, М.И. Матусевич. М., 2004.

Систематизация речевых средств русского языка: коммуникативно-прагматические комплексы

Л.Б. Карпенко

Systematization of speech means of the Russian language: communicative and pragmatic complexes

L.B. Karpenko

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева / Samara National Research University named after academician S.P.Korolev

liudmilakarpenko.samara@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются современные лингвистические парадигмы, получающие отражение в теории и практике преподавания русского языка как иностранного, излагается представление автора о значимости разных парадигм для систематизации языкового материала, вводится и обосновывается понятие коммуникативно-прагматического комплекса как единицы обучения русской речи на основе современных подходов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, парадигмы лингвистики.

Summary. The report considers modern linguistic paradigms, which are reflected in the theory and practice of teaching Russian as a foreign language, presents the author's idea of the value of different paradigms for the systematization of language material, introduces and justifies the concept of communicative and pragmatic complex as a unit of teaching Russian speech on the basis of modern approaches.

Keywords: Russian as a foreign language, paradigms of linguistics.

В настоящее время не существует одной, общепринятой, универсальной стратегии систематизации речевых средств, поиски ведутся исследователями с разных сторон: описываются парадигмы языковых средств разных уровней, функционально-семантические поля, концептосферы, типовые речевые модели, коммуникативно-прагматические поля, коммуникативные интенции, речевые акты, диалогические единства и др. Современная методика преподавания РКИ основывается на комплексном подходе к анализу речевой деятельности, оценивая как ведущий коммуникативный подход и вытекающие из данного подхода методические принципы коммуникативной направленности обучения. Принцип динамического развертывания речевой деятельности, обоснованный автором, предполагает последовательное расширение и усложнение учебного материала, согласованное умножение навыков и умений речевого общения. Прослеживается поэтапное увеличение содержания речевых компетенций на разных уровнях владения русским как иностранным в Государственных стандартах по данному направлению. Выдвигается и обосновывается идея продуктивности систематизации речевого материала в коммуникативно-прагматических комплексах, которые иллюстрируются на примере средств выражения ряда интенций. Выявляются черты своеобразия русских речевых моделей, выявляемые при сопоставлении с английским и болгарским языками.

Литература

Бердичевский А.Л. Методика преподавания РКИ в XXI веке: проблемы и перспективы // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 10. С.135–139.

Карпенко Л.Б. Принцип динамического развертывания речевой деятельности в преподавании РКИ // Вестник Самарского университета.2016. № 2–3. С. 92–95.

Карпенко Л.Б. Коммуникативно-прагматический комплекс в преподавании русского языка как иностранного // Русистика без границы, 2017. № 4. С.83–87.

Перевод песен на родной язык дошкольников и младших школьников при изучении РКИ

Т.Н. Кигель

Translation of songs into the native language of preschoolers and younger students teaching of Russian as a foreign language

T. Kigel

Двуязычный учебный центр «Радуга» (г. Петах-Тиква, Израиль) / Bilingual training center "Rainbow" (Petah Tikva, Israel)

kigelt@gmail.com

Аннотация. Перевод песен, используемых при изучении РКИ дошкольниками и младшими школьниками, на родной язык учащихся способствует сохранению и повышению мотивации детей к изучению РКИ, интенсификации обучения и повышению качества знаний.

Ключевые слова: обучение РКИ, дети, родной язык, русские песни, перевод.

Summary. Translation of songs, used in the study of Russian as a foreign language by preschoolers and younger students in the students' native language helps to preserve and increase the motivation of children to learn Russian, intensify learning and improve the quality of knowledge.

Keywords: studying Russian, children, Russian songs, native language, Russian songs, translation.

Проблемой данной работы является вопрос, является ли перевод песен на родной язык детей эффективным приемом обучения РКИ. Актуальность темы обусловлена тем, что эффективности использования песен при обучении РКИ изучена [Грубмайр 2013], но вопрос обучения РКИ дошкольников и младших школьников детей на материале песен, соответствующих возрастным и психологическим особенностям детей, не разработан. По утверждению исследователей, «родной язык является помощником учителя в обучении новому (иностранному) языку…» [Осинцева-Раевская 2014].

Целью опытно-экспериментальной работы была проверка гипотезы, что перевод песен на родной язык учащихся является эффективным средством повышения мотивации, активности на занятиях РКИ, лучшему пониманию содержания песни и восприятию ее воспитательного потенциала, а также лучшему знанию РКИ.

Исследование проходило летом 2018 г. в центре дополнительного двуязычного образования «Радуга» в г. Петах Тиква (Израиль) в группах дошкольников и младших школьников, второй год изучающих РКИ. В эксперименте принимали участие 28 детей.

Опытно-экспериментальная работа состояла из трех этапов: констатирующего, формирующего и контрольного. Целью констатирующего этапа было выявление уровня активности учащихся на занятии, уровня знания текста и понимания содержания песен при переводе на родной язык только новых слов из изучаемой песни. В начале каждого из 3-х занятий просматривался видеоролик и прослушивалась новая песня для того, чтобы у детей сформировалось собственное мнение о песне. При наличии 2–3 вариантов исполнения дети выбирали предпочтительный вариант с помощью голосования. После выбора исполнения новые слова из текста песни переводились на иврит и толковались, дети отвечали на вопросы об их отношении к песне, об общем смысле песни, а также пытались воспроизвести текст песни или ее припев. На следующем этапе учащиеся вновь просматривали видеоролик с песней, пели припев или всю песню несколько раз с тем, чтобы выучить слова наизусть.

Каждое новое занятие начиналось с распевания уже изученных песен («Пусть всегда будет солнце», «Антошка», «Раз ладошка, два – ладошка»), и многократное повторение песен способствовало успешному заучиванию текста и мелодии. При этом педагоги письменно фиксировали наблюдения за активностью участия детей в занятии, результаты опроса мнения учащихся об изученных песнях, высказывания об общем смысле песни и попытку воспроизведения текста песни или ее припева. При обработке результатов констатирующего этапа выяснилось, что мнение учащихся об изученных песнях, активность участия в занятии (уровень внимания внимание и распевание песни) и способность воспроизведения текста песни или ее припева оказались на низком уровне. Для примера, в тесте на знание текста песни или ее припева не оказалось ни одного ребенка, показавшего высокие результаты, 8 детей показали средние результаты и 20 – низкие. Следовательно, эффективность такого метода обучения низкая.

В ходе формирующего эксперимента дети разучили еще 7 песен, и среди них, «Оранжевая песня», «Чему учат в школе», «По малинку в сад», «Калинка, малинка моя», «Я шагаю по Москве», «Енка», «Наш сосед». В отличие от констатирующего этапа, вся песня переводились на иврит, а не только новые слова.

На контрольном этапе проведено повторное диагностирование учащихся с целью выявления эффективности полного перевода песни при обучении РКИ. При обработке результатов занятий с разучиванием песен после полного перевода на иврит выяснилось, что существенно выросли мнение учащихся об изученных песнях, активность участия в занятии и знание текста песни или ее припева. Например, в тесте на знание текста 5 детей показали высокие результаты, 20 детей – средние результаты и 3 ребенка остались на низком уровне. Следовательно, эффективность такого метода обучения выше, чем при переводе только новых слов из песни.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование такого методического приема. как полный перевод песен на родной язык, а не только отдельных слов, является эффективным средством повышения мотивации дошкольников и младших школьников на уроках РКИ, положительно влияет на активность учащихся на занятиях РКИ, способствует лучшему пониманию содержания песни, что важно для восприятия ее воспитательного потенциала, лучшему знанию текстов песен и успешному овладению РКИ.

Литература

Грубмайр И.И. Использование песен на уроках РКИ [Электронный ресурс. Многоязычие и межкультурная коммуникация: вызовы XXI века. 2013. URL: http://www.bilingual-online.net/index.php?option=com_content&view=article&id=1092%3Akongress-bilingual-bilium&catid=35%3Atema-mesyaca&Itemid=6&lang=ru (дата обращения: 10.02.2017)].

Осинцева-Раевская Е.А. Роль и место родного языка при изучении русского языка как иностранного. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология 2014. Вып. 5. С. 96—102

Русские пословицы и поговорки в иноязычной аудитории

Л.Ф. Крапивник

The study of Russian proverbs and sayings in the foreign audience

Liudmila F. Krapivnik

Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск) / Pacific National University (Khabarovsk)

000607@pnu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам изучения русских пословиц и поговорок в иноязычной аудитории. Основное внимание уделено принципам и особенностям подачи учебного материала.

Ключевые слова: изучение русского языка как иностранного, русские паремии, культурная информация, иллюстративная наглядность.

Summary. The article is devoted to the study of Russian proverbs and sayings in a foreign audience. Basic attention is spared to principles and features of serve of educational material.

Keywords: Learning Russian as a foreign language, Russian proverbs and sayings, cultural background, visualization.

В настоящее время как в России, так и за рубежом активно практикуются спецкурсы по русскому языку, имеющие лингвострановедческую и лингвокультурологическую направленность. Цели и задачи таких спецкурсов, а также принципы отбора учебного материала, подходы к его интерпретации и актуализации в различных методических школах и, соответственно, в различных вузах, разные. При этом объединяющим их началом является изучение русской культуры вместе с изучением русского языка. Особое место в качестве учебного материала в рамках такого плана спецкурсов традиционно занимают русские пословицы и поговорки, которые аккумулируют и сохраняют в себе значительное количество информации о культуре и истории России.

С одной стороны, русские паремии представляют собой уникальный в методическом плане учебный материал, позволяющий в живой и нетрадиционной форме знакомить иностранных учащихся с особенностями русской культуры и особенностями русского «национального характера» (нравственно-этическими ориентирами русского народа, стереотипами его поведения и др.). С другой стороны, особенностью этого языкового материала являются особые способы и языковые механизмы передачи культурной информации, которые вызывают трудности при его изучении в иноязычной аудитории и предполагают особые методические способы и приемы снятия этих трудностей.

Как показывает практика изучения русских паремий в иноязычной аудитории (в частности, в японской, корейской и китайской), одним из путей совершенствования и интенсификации этого процесса является использование иллюстративной наглядности. Возможность использования иллюстративной наглядности при изучении русских паремий обусловлена тем, что семантике русских паремий присуща «образная составляющая» [Добровольский 1996], которая является показателем их культурной специфичности, сохраняется в памяти русской культуры (и носителей русского языка). Образная составляющая как неотъемлемая часть плана содержания играет значительную роль в понимании паремий и оказывает существенное влияние на их употребление в речи (поэтому при ее отсутствии в интерпретирующем сознании понимание значения паремий и связанного с ними семантического эффекта затрудняется).

Необходимость использования иллюстративной наглядности в качестве одного из методических приемов при изучении русских паремий в иноязычной аудитории обусловлена тем, что она представлена носителями другой культуры, мышление и восприятие которых имеет иную ассоциативно-образную (и понятийную) основу, поэтому устойчивая образная составляющая русских паремий им не известна (чем объясняются особые трудности изучения инофонами этого языкового материала).

Образная составляющая в разных паремиях проявляет себя в семантическом и эмоционально-оценочном планах поразному, что определяет «диапазон возможностей» в использовании иллюстративной наглядности при изучении паремий. В частности, в иноязычной аудитории иллюстративная наглядность успешно используется для наглядной семантизации значения языковых знаков, называющих культурно маркированные реалии, а также может быть использована для наглядной презентации коннотаций, устойчиво связанных в сознании носителей русского языка с основным значением паремий, и наглядного представления аналогий, которые лежат в основе формирования обобщенного смысла паремий, определяющего «ситуативный диапазон» контекстов их употребления. Использование иллюстративной наглядности в этих целях значительно упрощает процесс объяснения учебной информации, дает возможность преподавателю контролировать процесс ее усвоения и разнообразить формы такого контроля. В этом плане можно говорить о том, что, как показывает практика, использование иллюстративной наглядности в качестве «вспомогательного» средства обучения качественно изменяет процесс изучения русских паремий в иноязычной аудитории, т.к. вносит разнообразие в учебный процесс, делает его ярким и увлекательным.

Однако при определении методически значимого количества иллюстративной наглядности необходимо учитывать тот факт, что такого плана наглядность способна оказывать очень сильное эмоциональное воздействие, поэтому вместе с положительным влиянием на восприятие учебной информации, ее понимание и запоминание такого плана наглядность может оказывать то или иное негативное влияние на учебный процесс. В частности, в целях успешной реализации учебных задач поурочный объем иллюстративной наглядности должен соответствовать принципам разумной достаточности (иллюстративная наглядность должна быть направлена на решение конкретной задачи и вводиться в ограниченном количестве), доступности (иллюстративная наглядность должна быть ориентирована на конкретную аудиторию, учитывать имеющиеся у иноязычной аудитории образные представления, особенно национально специфические), целесообразности (иллюстрации должны сочетаться со словесными формулировками, подтверждая или конкретизируя их). Только разумное сочетание словесных и интенсифицирующих учебный процесс наглядных приемов обучения позволяет качественно изменить процесс изучения паремий, значительно повысить как мотивацию студентов, так и эффективность обучения [Крапивник 2014: 99].

Литература

Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 71–93.

Крапивник Е.В. Инновационные технологии в учебно-методическом обеспечении процесса обучения иностранных студентов-филологов // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2014. Том 5. № 1. С. 98–103.

Обучение русскому словообразованию и виды упражнений

Л.В. Красильникова

Teaching Russian word formation and types of exercises

Lidia V.Krasilnikova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

likras@mail.ru)

Аннотация. Доклад посвящен вопросу о типах и видах упражнений и заданий по словообразованию для иностранных учащихся. Такие упражнения должны быть направлены на анализ и образование производных слов по изучаемым деривационным моделям, а также на формирование и автоматизацию речевых навыков и коммуникативных умений.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, словообразование, методический аспект, типы упражнений.

Summary. The report is devoted to the question of types and types of exercises and tasks on word formation for foreign students. Such exercises should be aimed at the analysis and formation of derivative words on the studied derivational models, as well as the formation and automation of speech skills and communication skills.

Keywords: Russian as a foreign language, word formation, methodical aspect, types of exercises.

Создание системы упражнений и заданий является одной из центральных проблем при обучении иностранным языкам. Разработкой теории типов и видов упражнений на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ) занимались многие ученые-методисты: И.Л. Бим, Л.Л. Вохмина, Б.А. Лапидус, Е.И. Пассов, Л.В. Скалкина, С.Ф. Шатилов, А.Н. Щукин и др. В то же время вопрос о работе над производной лексикой достаточно редко выступал объектом серьезного методического анализа, хотя обучение русскому словообразованию обладает значительной спецификой по сравнению с обучением непроизводной лексике.

Словообразование в аспекте преподавания РКИ опирается на коммуникативно-когнитивный подход. На занятиях по русскому языку важен методический аспект представления словообразовательного материала. В языковых упражнениях рассматриваются закономерности функционирования словообразовательных аффиксов в деривационных моделях, т.е. работа ведется в рамках производного слова. **Условно-речевые** упражнения ориентированы на функционирование производных слов в предложении / высказывании и тексте, обусловленное когнитивными и коммуникативными задачами. Собственно речевые, или коммуникативные, упражнения в значительной степени опираются на когнитивный подход к языку, в них учитывается русский социокультурный контекст.

Производные слова отрабатываются в языковых, условно-речевых и коммуникативных упражнениях: от словообразовательного анализа дериватов и образования слов по указанному образцу до употребления их в речи.

В учебниках и учебных пособиях по РКИ часто встречаются задания типа: *Назовите (подберите) однокоренные слова*; *Укажите слова с общим корнем*; *Образуйте с помощью суффиксов слова различных частей речи от указанных*; *Разберите слова по составу и попробуйте без словаря найти исходные. Если необходимо, используйте слова из скобок: подоконник (окно).* Однако все шире применяются методические принципы системности (опора на словообразование в его системных связях) и функциональности, упражнения насыщаются культурологическим содержанием.

Словообразовательные аффиксы и модели вводятся в текстах «на наблюдение», а также в таблицах, где указаны производящая база, соответствующий словообразовательный формант и производное слово. К языковым упражнениям на материале производных слов относятся упражнения на образование производных по заданным моделям (*слушать → НАслушатьСЯ: читать → …*); вопросно-ответные упражнения (*— Какой это шкаф? (книга) – Это книжный шкаф*), трансформационные упражнения (*Дополните контекст существительным, образованным от глагола, данного в скобках. – Недавно мы познакомились с молодым композито-*

ром. Это ... произошло совершенно неожиданно (знакомиться); подстановочные упражнения (*– Ваш друг из Англии? – Да, он англичанин; Это аспирант из Армении? – …*) и др. Даже на начальном этапе обучения словообразовательный материал тесно связан с культурными реалиями России, ее прецедентными именами: *Знаете ли Вы, кто такие эти известные в России люди? При ответе используйте их полное имя. В случае затруднения обратитесь к ключу. Образец: Игорь Курчатов (Василий) – Игорь Васильевич Курчатов – известный русский ученый, физик*. Отметим, что задания на определение значения производного слова формируются на базе не только собственно словообразовательной модели (типа), но и его когнитивной модели. Например: *Скажите, что значит это слово. Образец: учитель (учить, дети, школа) – кто учит кого где. Учитель – это человек, который учит детей в школе*.

Трансформационные условно-речевые упражнения, кроме предполагаемого изменения самой реплики, предусматривают и включение в предложение необходимых производных слов. Так, с изучением предложно-падежных конструкций, включающих отглагольные транспозиты, связаны упражнения на замену сложных предложений простыми и наоборот. В подстановочных упражнениях учащиеся используют изученную лексику в определенной синтаксической структуре: *Расскажите о каком-либо человеке: учителе, враче, продавце, киноактере…, используя структуру* ***кто обладает каким качеством***. Возможны репродуктивные задания типа: *Прослушайте русскую народную сказку «Заяц-хвастун». Запишите слова с суффиксами субъективной оценки. Перескажите сказку, используя записанные вами слова*.

Речевые упражнения связаны с обменом информацией, выражением собственного мнения и других коммуникативных намерений. Например: *Согласитесь или опровергните следующее утверждение. Аргументируйте свое мнение. В семье уборкой квартиры, стиркой, глажкой и готовкой должна заниматься жена*.

Последовательность данных методических шагов способствует переходу от овладения инофоном языковыми средствами к формированию речевых навыков и умений на базе типовых ситуаций, связанных с коммуникативно-значимыми для учащегося темами. Имеются задания как на построение предложений с анализируемым глаголом и его производными в рамках заданной ситуации, так и на свободное конструирование высказываний (например: *Предложите рецепт напитка (блюда), используя приставочные образования от глагола* ***лить***).

Словообразование дает большой простор для создания игровых заданий типа: *Прочитайте загадку и ответьте на вопрос Кондрата. Обоснуйте Ваш ответ*.

В современных учебниках можно проследить тесную связь словообразовательного материала с речевой темой урока.

Важной задачей остается определение методического потенциала словообразовательных единиц от аффикса до гнезда.

Корректная минимизация материала и алгоритм его расширения

Е.Р. Ласкарева

Correct material minimization and its expansion algorithm

Elena R. Laskareva

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University

laskarevaelena@gmail.com

Аннотация. Автор представляет в рамках своей концепции некоторые аспекты и приемы работы, которые позволяют студентам увидеть для себя перспективу в изучении языка.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; авторская концепция; учебник; перспектива в обучении.

Summary. Within the framework of his concept, the author presents some aspects and methods of work that allow students to see for themselves the perspective in learning a language.

Keywords: Russian as a foreign language; author's concept; textbook; learning perspective.

Определяемые общим языкознанием ярусы языка – предложение, словосочетание, слово, морфема, фонема – дают базу для описания русского языка в целях его эффективного и комфортного для обучаемых преподавания (по Ю.В. Рождественскому) [Рождественский 1990]. В основе нашей концепции лежит постулат о том, что систематизированная лингвистическая информация должна служить базой для практики преподавания. При составлении программ и написании учебников необходима тщательная работа по систематизация материала – как в плане презентации теоретической информации, так и в составлении комплекса упражнений (см.. напр.: [Ласкарева 2017].

Цель настоящего исследования – представить в рамках авторской концепции учебник для начального этапа овладения русским языком как иностранным [Ласкарева 2019]. В этой связи следует говорить о координации теоретических знаний с отработкой практических навыков.

Новый подход в том, что теоретические знания суммированы для учащихся в комплексе упражнений, направленных на ускоренное изучение русского языка: тщательный отбор минимизированного материала, плюс обязательный показ перспективы его расширения.

Ниже тезисно суммируем важные принципы авторской методики.

1. На самых первых занятиях предпочтение отдается имитационным упражнениям, причем основное внимание обращено на мелодику русской фразы и артикуляцию. Аудирование и имитация актуальной для коммуникации лексики и фраз служит своего рода вводно-фонетическим курсом (отдельно он не выделен). Лексика и грамматика (например, части речи) презентуются небольшими порциями и в коммуникации. При этом дано минимальное количество существительных, поскольку акцент делается на личных местоимениях и частотных глаголах (от двенадцати шестидесяти четырех – с перспективой последующего расширения). Наиболее актуальные грамматические конструкции отрабатываются также комплексно, с обязательным выходом в коммуникацию на примере моделирования высказываний. «Механизм» отработки синтаксиса – это своеобразное погружение в логику мышления на русском языке и – наряду с этим – освоение стереотипов построения фразы (практически по всем уровням языка).

Упражнения последующих уроков предполагают развитие механизма порождения высказывания: монологическое высказывание с опорой на предложенные вопросы (например, о своем городе). Новым в нашей системе обучения является фиксированное внимание на быстроте и «автоматизации» работы: этому способствуют, во-первых, фиксация времени выполнения задания (например, 7 фраз = 10 минут) и, во-вторых, регулярная работа с диктофоном – аудирование и запись ситуативно обусловленных высказываний. Таким образом, «первоначальные» упражнения на имитацию «перерастают» в запись собственных монологов учащихся [Ласкарева 2019: 114]. В перспективе следует, очевидно, говорить о дискурсе как о речевом высказывании, в котором имеются говорящий и слушающий, а также «наличие у первого намерения повлиять на второго с помощью речевых средств» [Белянин 2003: 38].

2. С первого дня контроль за корректным построением фраз и их соответствием нормам употребления – залог успешного овладения языком. (Урок 3, Упражнение 16: После основного задания авторская ремарка: *Обратите внимание на то, как моделируются фразы!*) Авторская система подачи материала апробировалась на разных группах уча-

щихся в течение ряда лет. Частеречная принадлежность слов, основные глаголы, их спряжение, глагольные конструкции, а также многое другое – отрабатываются через систему упражнений. Способы расширения лексики рассматриваются во всех, начиная со второго, уроках: «*Ознакомьтесь со «стартовой» лексикой-минимум: прослушайте слова, повторите их, а затем прочитайте. Выберите себе лексику на перспективу: слова, которые вы будете учить самостоятельно в ближайшее время. Подчеркните слова, которые вы уже хорошо знаете*» (Урок 2, Упражнение 26). В конце учебника в Приложениях отдельно выделены систематизированные списки основной лексики, то есть «базовых слов языка» (по Дж. Лайонзу).

Активизация и систематизация лексики (например, антонимы, синонимы и др.) проводится в учебнике последовательно, с тренингом и контролем запоминания (напр., Урок 8 и др.). Фактор времени учитывается также и при работе в таких видах речевой деятельности, как чтение и письмо, причем с учетом стилистики высказывания.

3. Психология восприятия информации – немаловажный фактор при изучении языка. Задания на введение нового материала, на тренинг и контроль должны быть корректно сформулированы. Формулировки заданий могут быть обычными («*Прослушайте фразы и повторите их вслед за диктором (за преподавателем), затем прочитайте упражнение самостоятельно»*), и несколько необычными, но должны быть логичными и «живыми»: *Выбирайте материал для коммуникации – на перспективу!* (*Урок 3, Упражнение 17*); *Из предыдущего упражнения выпишите 3 фразы, которые актуальны для вас. Задайте собеседнику вопросы, которые интересны для вас. Замените форму «ты» на форму «вы»* (Урок 3, Упражнение 29); *Обратите внимание на то, как моделируются фразы. Учитесь не бояться понимать новые слова в тексте* (Урок 4, Упражнение 18); *В течение пяти минут запишите (на диктофон или в тетрадь) три фразы из предыдущего упражнения, которые в перспективе вы хотите использовать. Можете самостоятельно моделировать фразы с изученными глаголами* (Урок 4, Упражнение 38) и т.п.

Расширение материала в обучении – это еще и усложнение приемов его подачи. Важно обеспечить у студентов чувство комфорта при выработке навыков аудирования, говорения, чтения и письма, помочь им овладеть основами грамматики, создать и активизировать свою персональную «коллекцию» русских слов, словосочетаний и предложений для повседневной сферы общения.

Литература

Белянин В.П. Психолингвистика: Учебник / Гл.ред. Д.И. Фельдштейн. М.: Флинта, 2003.

Лайонз Дж. Язык и лингвистика: Вводный курс / Отв.ред. В.Д. Мазо. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Ласкарева Е.Р. Русский язык как иностранный. Практический интенсивный курс: Учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2019 [URL: http://static.my-shop.ru/ product/pdf/183/1826688.pdf].

Ласкарева Е.Р. Чистая грамматика. 8-е изд. СПб.: Златоуст, 2017.

Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высшая школа, 1990.

Мультфильмы как наглядное пособие на практических занятиях по иностранному языку

Кира Викторовна Летцбор

Kira V. Letzbor

Cartoons as the visual material on the foreign language lessons

Университет для иностранцев города Сиены (Италия) / University for Foreigners of Siena (Italy)

kira.letzbor@ars-antiqua-austria.com

Аннотация. В данной работе мы предлагаем использование мультфильмов с целью иллюстрации грамматического материала на практических занятиях по РКИ. Мы остановили свой выбор на мультфильме «Как ежик и медвежонок встречали Новый год» (Киевнаучфильм, 1975). На наш взгляд, эта работа особенно удачно вписывается в предновогодние уроки, которые можно посвятить глаголам движения, как бесприставочным на начальных уровнях обучения РКИ, так и приставочным на более продвинутых уровнях.

Ключевые слова: преподавание иностранных языков, преподавание русского языка как иностранного, глаголы движения, мультфильмы.

Summary. We propose to use the cartoons to illustrate grammatical material on Russian foreign language lessons. We chose the cartoon “Kak ezhik i medvezhonok vstrechali Novyj god” (Kievnauchfilm, 1975). This work fits particularly well into the New Year's Eve lessons, which can be dedicated to the verbs of the movement.

Keywords: foreign language lessons, Russian as foreign language, verbs of motion, cartoons.

В обучении любому иностранному языку вне пределов страны данного языка преподаватель сталкивается с проблемой мотивации учащихся к общению на иностранном языке.

Именно такая ситуация явилась и в нашем случае стимулом для разработки новых методик в обучении русскому языку как иностранному (далее РКИ) итальянских студентов.

Практическому использованию кинофильмов в целях обучения русскому языку как иностранному посвящено немало работ. Для них характерно использование аудио-визуальных материалов в целях развития навыков аудирования и говорения у иностранных учащихся. Предлагаем вспомнить некоторые практические пособия по работе с мультипликационными фильмами, вышедшие в России и за рубежом. В России автору известны такие учебные пособия, как «Чебурашка и его друзья: Пособие по развитию речи с использованием мультфильмов» Е.Н. Барышниковой и А.А. Денисовой, «Мультипликационный фильм Трое из Простоквашино» Д.А. Смеловой и Т.Ю. Уши, «Я понятно объясняю? Об использовании полнометражных мультипликационных фильмов на уроках РКИ» авторов Е.Г. Кольовска и М.В. Кульгавчук и интерактивные издания факультета ФПК РУДН по мультфильмам «Крокодил Гена» и «Чебурашка». За границей есть опыт использования пособия «Тайна Третьей планеты» В.А. Ряшенцева и Н.А. Назаренко (Республика Корея) и пособия автора «Studiare Russo al cinema – 1 [Учим русский язык в кино – 1]» (Италия).

Выбор мультфильмов для дидактических целей неслучаен. Во-первых, мультфильм практичен своей краткостью. За 10 минут студенты видят целостный и законченный аудиовизуальный текст, а не отрывок из более длинного кинофильма. Во-вторых, в большинстве своем мультфильмы создаются для детей, а следовательно написаны достаточно простым языком и следуют линейному развитию действия, что проще для понимания иностранным студентам. В-третьих, нельзя оставлять без внимания и развлекательный характер мультипликации, который выведет обычное практическое занятие по языку за рамки повседневности. В-четвертых, немаловажным аспектом будет также ознакомление иностранцев с частичкой русской национальной культурой.

В отличие от вышеназванных пособий в данной работе мы предлагаем использование мультфильмов с целью иллюстрации грамматического материала. За невозможностью объять необъятное мы остановили свой выбор на мультфильме «Как ежик и медвежонок встречали Новый год» по сказке Сергея Козлова, режиссера Аллы Грачевой (Киевнаучфильм, 1975 год). На наш взгляд, эта работа особенно

удачно вписывается в предновогодние уроки, которые можно посвятить глаголам движения, как бесприставочным на начальных уровнях обучения РКИ, так и приставочным на более продвинутых уровнях.

Особенно интересной нам представляется центральная часть мультфильма, в которой ежик и медвежонок выходят из дома, чтобы пойти в лес за елкой, входят в лес, а затем ходят по нему, обходят деревья, проходят мимо них и т.д., чтобы потом выйти из леса, пойти обратно домой и войти в дом без елки.

Для повторения или закрепления пройденного материала мы предлагаем следующий тип работы над аудиовизуальным текстом: пересказ содержания или комментарий к отдельным эпизодам с использованием как можно большего количества глаголов движения.

Данный тип работы был испробован нами на практических занятиях в италоязычной аудитории на уровнях ТБУ, ТРКИ-1 и ТРКИ-2, с постепенным увеличением сложности заданий и количества глагольных приставок.

Литература

Барышникова Е.Н., Денисова А.А. Чебурашка и его друзья: Пособие по развитию речи с использованием мультфильмов. М.: Изд-во РУДН, 2006.

Смелова Д.А., Уша Т.Ю. Мультипликационный фильм Трое из Простоквашино. Методическая разработка к аудиовизуальному курсу. РГПУ им. А.И. Герцена. СПб.: Изд-во «Сударыня», 2005.

Кольовска Е.Г., Кульгавчук М.В. Я понятно объясняю? Об использовании полнометражных мультипликационных фильмов на уроках РКИ // Вестник ЦМО МГУ. 2009. № 3. С. 110–114.

Ряшенцев В.А., Назаренко Н.А. Тайна Третьей планеты: Учебные материалы для работы над мультфильмом на занятиях по РКИ Сеул, Республика Корея: Университет Ёнсэ, Институт изучения иностранных языков, 2000. [Электронный ресурс. URL: http://www.twirpx.com/file/202871/ (дата обращения: 21.11.2017)].

Letzbor K. Studiare Russo al cinema – volume 1. Roma: Aracne editrice S.r.l., 2011.

Marcucci G. Strategie traduttive e potenzialità didattiche di Masha e Orso. Relazione al X convegno nazionale AICLU 2017, Siena 18–20 maggio 2017.

Новый комплекс учебных пособий по русскому языку для Китая (подъязык экономики)

О.В. Луценко, Е.А. Филатова, И.С. Черенкова, Е.А. Чернышенко

New educating complex for teaching Russian in PRC (the language of economics)

O.V. Lucenko, E.A. Filatova, I.S. Cherenkova, E.A. Chernyshenko

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moskow State University

olgaluc@yandex.ru, elafil@mail.ru, sharon591@narod.ru, lena.podshivalova@gmail.com

Аннотация. Новый комплекс учебных пособий по языку специальности (Экономика) предназначен для работы с бакалаврами первого года обучения в университете МГУ-ПИИ в Китае. Целью настоящего пособия является формирование у китайских учащихся коммуникативной компетенции в объеме, необходимом для включенного обучения на экономическом факультете. В докладе представлена структура пособия, состоящего из трех книг.

Ключевые слова: язык специальности, языковые и речевые навыки, коммуникативная компетенция, учебное пособие.

Summary. New educating complex for teaching Russian for special purposes (Russian for economists) was tailored for bachelor students of 1st year studying at Shenzhen MSU-BIT University in PRC. This educating complex is aimed at developing of communicative competence of Chinese students needed for inclusive studying at the faculty of Economics. The authors present the structure of the educating complex that consists of three books.

Keywords: language for special purposes, linguistic and speech skills, communicative competence, a textbook.

Авторский коллектив представляет новый комплекс профессионально ориентированных учебных пособий по русскому языку, которые предназначены для работы с инофонами в условиях отсутствия языковой среды. В настоящее время этот комплекс активно используется российскими преподавателями, которые работают с китайскими учащимися в университете г. Шэнчьжэня.

В рамках проекта по созданию серии учебников и учебных пособий для китайских бакалавров, проходящих обучение в совместном университете МГУ-ПИИ г. Шэнчжэня, нашим авторским коллективом был создан комплекс учебных пособий по языку специальности (подъязык экономики). В комплекс входят следующие книги: О.В. Луценко, Е.А. Чернышенко «Язык специальности. Экономика: Микроэкономика», И.С. Черенкова «Язык специальности. Экономика: Макроэкономика», Е.А. Филатова «Язык специальности. Экономика: Мировая экономика» (изд-во МГУ, изд-во МАКС Пресс, 2018). Данный комплекс сохраняет преемственную связь с учебным пособием «Введение в язык специальности. Экономика». Последний был создан в рамках названного проекта авторским коллективом из ИРЯиК и нацелен на формирование языковых и речевых навыков у иностранных учащихся, владеющих русским языком как иностранным в объеме уровня А1. Учебные пособия по языку специальности, входящие в комплекс «Язык специальности. Экономика», нацелены на профессионально ориентированное обучение иностранных учащихся в соответствии с требованиями уровня владения русским языком как иностранным А2–В1. Взаимообусловленность и преемственность в организации и подаче материала в указанных книгах выражается как в наличии общей концептуальной базы, так и в единой структурной организации названных книг. Концепция учебных пособий по языку специальности была разработана авторами совместно с доцентом И.В. Одинцовой.

Основные цели каждого входящего в комплекс пособия – достижение такого уровня языковой и речевой компетенции, который дает возможность формировать у китайских учащихся навыки чтения специальной литературы, аудирования лекций, а также навыки репродуктивного говорения на предлагаемые темы.

Учебный материал для книг был отобран из современных учебников по дисциплинам, предусмотренным программой и учебными планами экономического факультета МГУ-ПИИ для бакалавров 1-го года обучения. Книги создавались в тесном контакте со специалистами-предметниками, чем обусловлена определенная последовательность предлагаемых тем по предмету. Текстовой основой книг выступают неадаптированные тексты из учебников, рекомендованных научными консультантами – ведущими специалистами экономического факультета МГУ.

Структурной единицей каждого пособия является глава, которая посвящена отдельной теме курса. Каждая глава состоит из пяти разделов: «Ритмика. Интонация», «Лексика. Грамматика», «Текст. Читаем, анализируем, пишем», «Лекция. Слушаем, анализируем, пишем», «Работаем самостоятельно». Основной единицей обучения выступает текст, на основе которого формируются навыки изучающего чтения. Материал в упражнениях в каждом разделе главы сопрягается именно с этим текстом: последовательно отрабатываются фонетические, ритмические особенности лексического материала этого текста, его грамматические и структурно-смысловые особенности. Практически все упражнения снабжены «Ключами», что позволяет учащимся осуществлять самоконтроль. Последний раздел каждой главы («Работаем самостоятельно») призван обеспечить контроль уровня сформированности коммуникативной компетенции учащихся. В этом разделе учащимся предлагаются задания составить собственное монологическое высказывание на обсуж-

даемую тему. В последней главе книги приводится тест, предназначенный для проверки сформированного к концу курса уровня как языковой, так и предметной компетенции. Тест представляет собой открытую версию, поэтому он снабжен не только рабочей, но и контрольной матрицей, что дает возможность учащимся провести автотестирование.

Литература

Луценко О.В., Чернышенко Е.А. Язык специальности. Экономика: Микроэкономика. Учебное пособие по русскому языку как иностранному (Учимся вместе в Шэнчжэне). М.: Изд-во МГУ; Изд-во МАКС Пресс, 2018.

Филатова Е.А. Язык специальности. Экономика: Мировая экономика. Учебное пособие по русскому языку как иностранному (Учимся вместе в Шэнчжэне). М.: Изд-во МГУ; Изд-во МАКС Пресс, 2018.

Черенкова И.С. Язык специальности. Экономика: Макроэкономика. Учебное пособие по русскому языку как иностранному (Учимся вместе в Шэнчжэне). М.: Изд-во МГУ; Изд-во МАКС Пресс, 2018.

Проблемы преподавания видов русского глагола в китайских вузах

Лю Инь

Problems of teaching Russian verbal aspects in Chinese universities

Liu Yin

Институт иностранных языков Юго-Западного университета (Чунцин, Китай) /
Institute of Foreign Languages, Southwestern University (Chongqing, China)

liuyin610@mail.ru

Аннотация. В докладе основное внимание уделено проблемам преподавания видов русского глагола в китайских вузах и намечены пути их решения. Приведены примеры из учебников русского языка для китайских учащихся, рассмотрены причины возникновения трудностей в учебном процессе, и предложены возможные способы их решения.

Ключевые слова: виды русского глагола, примеры из учебников русского языка для китайских учащихся, причины возникновения трудностей, способы решения проблем.

Summary. The report focuses on the problems of teaching Russian verbal aspects in Chinese universities. Examples from Russian textbooks for Chinese students are presented, the causes of difficulties in the learning process are considered, and possible solutions are proposed.

Keywords: Russian verbal aspects, examples from Russian textbooks for Chinese students, causes of difficulties, ways to solve problems.

Для китайских учащихся одним из труднейших вопросов русской грамматики являются виды глагола. В учебнике русского языка для китайских учащихся в вузе выделены четыре части, посвященные видам глагола: употребление видов глагола в прошедшем времени, в будущем времени, в инфинитиве и в императиве.

Известно, что китайский и русский языки имеют различные грамматические системы; также различна логика освоения особенностей структуры иностранного языка. Правила употребления видов глагола, соответствующие китайской логике понимания грамматики, не представляют особых проблем для студентов, но некоторые нюансы, которые отсутствуют в системе китайского языка или необычны для китайского образа мышления, вызывают трудности у учащихся. Это прежде всего касается области употребления видов глагола в прошедшем времени.

В связи с этим представляется важным привести типичные примеры из учебника, которым активно пользуются в китайских вузах в настоящее время. С их помощью будет показана необходимость в дальнейшем уточнении и дополнении учебника в данной области грамматических знаний.

В учебнике приведены следующие примеры для сопоставления:

1) *– Не **видел** ли ты сегодня Нину?*
   *– Нет, я сегодня ее не **видел.***
2) *– Ты **увидел** вчера Нину? Ты ведь искал ее по срочному делу.*
   *– Нет, к сожалению. Я ее вчера не **увидел*** [Русский язык… 2009: 106].

В комментарии в учебнике представлены объяснения на китайском языке: «В вопросительном предложении несовершенный вид глагола указывает на факт произошедшего в прошлом ***какого-нибудь действия***, а совершенный вид глагола подчеркивает то, что произошло ***определенное действие,*** или актуализирует результативность определенного действия [Русский язык… 2009: 106]». Отсюда может возникнуть непонимание учащихся: глаголы «видеть» и «увидеть» одинаково переводятся на китайский язык, в соответствующем китайском глаголе подчеркнута результативность действия.

По нашему мнению, для решения данного вопроса требуются более четкие разъяснения преподавателей. Предлагается следующий вариант, облегчающий понимание носителем китайского языка данной разницы между двумя видами глагола: глаголы совершенного вида «увидеть, услышать» имеют дополнительное «начинательное» значение. (Например: *Я вошел в зал и увидел своих знакомых*). Здесь представлен также лексический подход к обучению грамматике. Для закрепления знаний учащихся необходим «примерный» вариант подхода к решению вопроса, т.е. преподаватели должны примерами подтверждать свое объяснение. Предлагаются образцы сравнительных примеров.

1) *Я была в литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского и **видела** в углу его кабинета висящую на стене икону Богородицы «Всех Скорбящих Радость».*
   *Я вошла в кабинет Ф.М. Достоевского и **увидела** в углу висящую на стене икону Богородицы «Всех Скорбящих Радость».*
2) *Я **слышал**, что в выходные должно стать холоднее.*
   *Я включил радио и **услышал** прогноз погоды на ближайшие выходные.*

Приведенный далее пример грамматического комментария показывает, что учебник для китайских студентов, изучающих русский язык, нуждается и в дополнении, и в более точных объяснениях. Так, в нем приведено правило: «Некоторые глаголы конкретной семантики указывают на конкретное поведение в определенном направлении, их несовершенный вид выражает совершенное в прошлом действие, но результат его аннулирован, а совершенный вид подчеркивает результат, сохранившийся к моменту речи» [Русский язык… 2009: 107]. Подобный комментарий в учебнике без достаточного количества наглядных примеров для китайских студентов имеет абстрактный характер и вызывает недопонимание.

Для решения названной проблемы предлагается метод группировки [Лебедева 2015: 54]:

1) К первой группе относятся глаголы движения с приставками (*приходить / прийти; входить / войти; улетать / улететь; выбегать / выбежать; заходить / зайти…*)

2) Ко второй группе принадлежат некоторые глаголы со значением перемещения в пространстве, имеющие антонимы [*открывать / открыть – закрывать / закрыть; включать / включить – выключать / выключить; подниматься / подняться – спускаться / спуститься; надевать / надеть – снимать / снять; вставать / встать – садиться / сесть, ложиться / лечь брать / взять (или оставлять / оставить) – сдавать / сдать (или давать / дать)*].

3) К последней категории глаголов относятся *любить / полюбить; нравиться / понравиться; казаться / показаться; привыкать / привыкнуть; заболевать / заболеть.*

Для коммуникативной функции грамматики преподаватели должны привести типичные примеры к каждой группе:

1) *На летних каникулах ко мне **приезжали** родные. Они жили у меня недолго (Сейчас они уже уехали).*
   *Ко мне **приехали** родные. Они будут жить у меня. (Сейчас они еще у меня).*

2) *Словаря сейчас у меня нет, я **брала** его у подруги (Взяла и вернула).*
   *Я **взяла** у подруги словарь (Сейчас словарь еще у меня).*

3) *В детстве она мне **нравилась** (А теперь это не так).*
   *Она мне **понравилась** с первого взгляда (До сих пор я еще в нее влюблен).*

Кроме перечисленных проблем, с которыми мы столкнулись в педагогической практике, существует еще немало недостатков в учебниках русского языка для китайских учащихся. Это требует от преподавателей китайских вузов выйти из замкнутой среды преподавательской деятельности на родине в широкую сферу общения со специалистами по РКИ России и других стран.

Литература

Лебедева М.Н. Вопросы русской грамматики: от смысла к форме. Характерные трудности. М.: Русский язык. Курсы, 2015.

Русский язык (Восток) для китайских студентов-русистов (часть 3) / Под ред. Ши Тьецян, Хуан Мэй. Институт русского языка Пекинского университета иностранных языков. Пекин: Издательство преподавания и изучения иностранных языков. 2009.

Курс русского языка как иностранного в условиях антропоцентрической научной парадигмы

В.А. Маркова

The course of Russian as a foreign language taking into account the anthropocentric scientific paradigm

Valentina A. Markova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

v.a.markova@hotmail.com

Аннотация. Переход к антропоцентрической парадигме обусловливает необходимость модернизации курса русского языка как иностранного с учетом современных представлений о языке как средстве взаимодействия субъектов в процессе коммуникации. Необходимо увеличить объем прагматической составляющей в курсе РКИ.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, прагматика, русский язык как иностранный.

Summary. The transition to the anthropocentric paradigm necessitates the modernization of the course of the Russian as a foreign language taking into account modern concepts of language as a means of interaction of subjects in the process of communication. It is necessary to increase the volume of the pragmatic component in the course of Russian as a foreign language.

Keywords: anthropocentric paradigm, pragmatics, Russian as a foreign language.

Новый подход к языку, характерный для современной антропоцентрической научной парадигмы, предусматривает акцент не на языковой системе, а на субъекте речи: язык в рамках этой парадигмы понимается как феномен, «принадлежащий сознанию человека и реализующийся в его речи» [Безуглая 2014: 81]. Такой взгляд на язык обусловил актуальность ряда новых научных проблем, и прежде всего проблем, связанных с взаимодействием людей в процессе коммуникации, с успешностью общения, которые изучаются, в частности, прагмалингвистикой.

Вслед за лингвистикой произошло изменение научной платформы и в лингводидактике: теперь целью обучения признается не овладение языковой системой иностранного языка, а обучение общению на иностранном языке [Щукин 2012]. Методисты, преподаватели иностранного языка, в том числе русского языка как иностранного, все чаще говорят о пользе рекомендаций прагматического характера для изучающих русский язык как иностранный. Полностью разделяя эту точку зрения, мы хотели бы в данной статье продемонстрировать целесообразность расширения прагматической информации в курсе РКИ с целью его модернизации.

В традиционном курсе РКИ прагматическая составляющая представлена, главным образом, как обучение способам реализации тех или иных интенций (списки интенций даны в Государственных стандартах по РКИ, на эти списки ориентируются авторы учебников и учебных пособий). При обучении реализации интенций учащимся предъявляются модели, устойчивые фразы, клише, что, без сомнения, очень полезно, особенно на начальном этапе обучения. Однако на продвинутом этапе объем прагматической информации необходимо, на наш взгляд, увеличить: нужно показать иностранцам, какое воздействие могут оказывать разные средства русского языка на собеседника, научить их пользоваться этими средствами. Лексические и грамматические темы, где сегодня превалируют форма и семантика, необходимо рассматривать с точки зрения прагматического потенциала языковых средств: учащиеся должны осознать, что средства языка являются инструментарием, который субъект речи использует в общении, в ходе взаимодействия с адресатом, для достижения поставленной цели. Целесообразность такого подхода к изучению материала продемонстрируем на примере союзов *в случае если* и *при условии что*, составляющих фрагмент темы «Выражение условия».

При объяснении данной темы иностранным учащимся прежде всего задается стилистический ориентир: союзы *в случае если* и *при условии что*, в отличие от союзов *если, раз*, используются в книжной речи. При более детализированной характеристике (см., например, [Маркова 2018]) указываются семантические оттенки, различающие союзы: союз *при условии что* используется, когда кто-либо из участников коммуникации (адресант, адресат, какое-либо третье лицо) в состоянии повлиять на ситуацию, отображаемую в высказывании, союз *в случае если* – когда ситуация не зависит от воли субъекта (адресанта, адресата, третьего лица), ср.: *Вы сможете продолжать работу только **при условии, что** впредь будете более внимательным и не допустите подобных ошибок* (внимательное отношение к работе зависит от сотрудника), но: ***В случае если** возникнут какие-либо изменения, мы разместим информацию на нашем сайте* (возникновение изменений в данном случае мыслится как не зависящее от воли субъекта речи).

Однако в ряде случаев могут быть использованы оба союза: *Мы сможем сделать заказ **при условии, что** нам будет предоставлена пятипроцентная скид*ка. *Мы сможем сделать заказ, **в случае если** нам будет предоставлена пятипроцентная скидка.* Какой контекст является предпочтительным? С точки зрения стилистики контексты равноценны, так как оба союза являются книжными: использование их в официальной ситуации общения вполне правомерно. С точки зрения семантики оба контекста также являются в равной степени допустимыми: используя союз *при условии что*, мы подчеркиваем, что скидка зависит от наших партнеров, используя союз *в случае если*, мы подчеркиваем, что ситуация не зависит от нас. Оба типа интерпретации ситуации возможны. Значит, выбор союза не может быть определен в данном случае ни стилистическим, ни семантическим критериями. Выбор союза определяется прагматикой. Именно учет прагматического эффекта позволяет прийти к заключению, что использование союза *при условии что* нежелательно. Действительно, подчеркивая, что скидка зависит

от партнеров, мы тем самым оказываем на них психологическое давление, побуждая сделать нам эту скидку. Это нарушает один из основных принципов успешного общения, предписывающий минимизировать воздействие на собеседника или, если такое воздействие неизбежно, вуалировать его (косвенные речевые акты, по Дж. Р. Сёрлю). При использовании же союза *в случае если* (***в случае если*** *нам будет предоставлена пятипроцентная скидка*) ситуация предстает как не зависящая от воли участников коммуникации, условие заключения контракта (пятипроцентная скидка) не навязывается собеседнику, а лишь доводится до его сведения. Такая формулировка не вызовет негативных эмоций у адресата и в большей степени будет способствовать успешному решению вопроса.

Мы видим, что в описанном случае прагматика помогает разграничить в употреблении языковые средства тогда, когда этого не могут сделать семантика и стилистика. Благодаря информации прагматического характера иностранные студенты обучаются гибкому речевому поведению, умению выбирать такие языковые средства, которые окажут оптимальное воздействие на собеседника, не вызовут у него негативных эмоций, иными словами, учатся не просто общению, а общению успешному. Именно обучение успешному общению должно, на наш взгляд, стать целью курса РКИ сегодня: эта цель соответствует современным научным представлениям о языке как средстве взаимодействия субъектов в процессе коммуникации.

Литература

Безуглая Л.Р. Три этапа развития лингвопрагматики: от речевого акта к дискурсу // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты / Под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. С. 81–90.

Маркова В.А. Выражение обстоятельственных отношений в русском языке. Причина, следствие, цель, условие, уступка, время: Учеб. пособие для иностранных учащихся. М.: ФЛИНТА, 2018.

Щукин А.Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном. М.: Русский язык. Курсы, 2012.

К вопросу о преподавании русских дейктических локативных наречий в иностранной аудитории

Н.С. Маркова

On the issue of teaching Russian deictic locative adverbs in a foreign audience

Natalia S. Markova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

a_natalia@mail.ru

Аннотация. Лингводидактическое описание дейктических локативных наречий в русском языке позволяет составить систему упражнений для иностранных учащихся с учетом полифункциональности рассматриваемых единиц, их лексико-семантических вариантов, уровней владения языком, вхождения единицы в лексический минимум, устойчивых сочетаний, разных стилей речи.

Ключевые слова: локативные наречия, дейксис, система упражнений, лингводидактика.

Summary. The linguodidactic description of the deictic locative adverbs in the Russian language makes it possible to create a system of exercises for foreign students, taking into account the polyfunctionality of the adverbs, their lexico-semantic variants, language level, the entry of the unit into the lexical minimum, idioms, and different styles of speech.

Keywords: locative adverbs, deixis, exercise system, linguodidactics.

Дейксис – указание «как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами» [ЛЭС: 128-129]. Пространственный дейксис представлен в языках мира, прежде всего, именными группами, включающими указательные местоимения (*в этом лесу*), и наречиями (*здесь, там*).

Русские дейктические пространственные наречия давно привлекают внимание исследователей. О них писали в своих работах Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Е.А. Гришина, Е.В. Падучева, Ф.И. Панков и многие другие. В рамках лингводидактической модели языка наиболее эффективен функционально-коммуникативный подход. Он связывает систему языка и систему речи, имеет непосредственный выход в процесс коммуникации.

Исследуемые в работе единицы[1] делятся на наречия, выражающие статические отношения (*здесь, тут, там*), и наречия, выражающие динамические отношения (со значением старта – *отсюда, оттуда*; со значением финиша – *сюда, туда, досюда, дотуда*). Трудности в их употреблении связаны, прежде всего, с разветвленной многозначностью, а также с синонимичностью единиц. Например, наречия *здесь, тут, сюда* часто имеют только один эквивалент в других языках (*here* в английском, *ici* во французском, *тук* в болгарском).

У наречий *здесь, тут, там* вслед за трудами Ф.И. Панкова и В.Ю. Апресян мы выделяем три ЛСВ [Панков 2009; Апресян 2014]: локативный (*Поставь чемоданы* ***здесь/тут/там***), ситуативный (*При чем* ***здесь/тут/там*** *деньги?*), временной (*Я услышал колыбельную, и* ***здесь/тут*** *мне сразу вспомнилась моя мать. Дождемся результатов, а* ***там*** *видно будет.*). При составлении системы упражнений, помимо этих трёх ЛСВ, важно учитывать уровень владения РКИ, вхождение единицы в лексический минимум, устойчивые словосочетания, разные стили речи.

При работе с лексическим материалом обычно выделяют следующие этапы:

1) презентация вводимой лексики;

2) методические действия, обеспечивающие усвоение учащимися новой лексики;

3) повторение усвоенной лексики и контроль [Московкин, Щукин 2010].

На втором этапе происходит организация усвоения новой лексики с помощью подготовительных (системно-языковых, условно-коммуникативных, коммуникативно-языковых) и речевых упражнений.

На уровнях А1 и А2 основные трудности при изучении дейктических наречий возникают при описании статических или динамических отношений. После того, как учащиеся ознакомятся с наречиями *здесь, тут, там* (только в их локативном ЛСВ) и глаголами движения, необходимо вводить наречия *сюда, туда* на основе системно-языковых упражнений рецептивной направленности. Для отработки навыка использования данных единиц даются задания имитативного (***Здесь*** *есть стол? – Да,* ***здесь*** *есть стол.*), подстановочного (*Мы едем* ***(туда/там)*** *на метро. – Мы едем* ***туда*** *на метро.*) и трансформационного характеров (*Магазин* ***здесь****? – Нет, магазин не* ***здесь****, а* ***там****.*). На уровне А2 добавляются наречия *отсюда, оттуда*, после чего целесообразно использовать подстановочные задания на все наречия без предоставления вариантов в скобках (*Я думаю, что … до центра ехать минут 10.*). Речевым упражнением на данном этапе может быть дескриптивное упражнение с использованием изображения улицы и задачей описать, что находится поблизости (*здесь/тут*) и далеко (*там*), а также кто, куда и откуда идёт или едет (*туда, оттуда, сюда, отсюда*).

[1] В данной работе рассматриваются единицы русского кодифицированного литературного языка.

На уровне В1 учащиеся уже должны знать все указанные выше наречия (кроме *дотуда, досюда*), поэтому целесообразно вводить другие ЛСВ у *здесь, тут, там*. Во-первых, наречия *здесь* и *там* в локативном ЛСВ могут выполнять анафорическую функцию (*Лучшее место для этих цветов – балкон.* ***Здесь/там*** *подходящие условия*.). Во-вторых, у *тут* ситуативное (*Мы опоздали из-за тебя! – Причем* ***тут*** *я?!*) и временное значения (*Открываю дверь, и* ***тут*** *подбегает сын с разрисованным паспортом!*) по статистике более частотны, чем локативное [Апресян 2014]. На данном уровне учащимся необходимо, прежде всего, научиться различать все эти значения, для чего используются упражнения рецептивной направленности с задачей трактовать значение *здесь*, *тут, там* в разных контекстах.

На уровнях В2 – С1 все три ЛСВ *здесь* и *тут* даются более детально в сравнении с синонимичными ситуативными и темпоральными единицами. Так, изучаются конструкции типа *Причем* ***тут*** *я? Что* ***тут*** *поделаешь?*, обращается внимание на порядок слов (*тут* всегда стоит после вопросительного слова), на коммуникативные роли (*тут* является парентезой), на дополнительное значение экспрессивного отрицания [Панков 2009: 383-384]. Темпоральный ЛСВ изучается у *тут* и *там* в сочетаниях *и тут* (*вдруг, неожиданно*), *тут и* (*именно тогда, в этот самый момент)*, *а там* (*потом, впоследствии*), которые занимают в предложении лишь слабые коммуникативные роли в отличие от синонимичных темпоральных наречий и предложно-падежных конструкций. У наречия *там* также рассматриваются иные значения, где оно функционирует как частица: усиление отрицания (*Он писатель? – Какой* ***там*** *писатель!*), маркирования несущественной детали (*Говорите по существу, без каких-то* ***там*** *отступлений*.) или забытой/неизвестной информации (*Как* ***там*** *поется в известной песне?*) [Зарифян 2016]. Для отработки всех этих смыслов можно использовать речевые упражнения ситуативного типа с задачей выразить отрицание (*тут, там*), описать неожиданный поворот событий (*и тут*) и т.д.

На уровнях С1 – С2 объясняется, что в научном и официально-деловом стилях часто используется *здесь* для отсылки и конкретному фрагменту текста (*см. здесь; здесь и далее*), *сюда* и *отсюда* – для обозначения связи между излагаемыми явлениями (*сюда относятся, отсюда следует*). Наречия *дотуда*, *досюда* не входят в лексические минимумы, поскольку употребляются редко[2]. Но есть контексты, где допустимы только эти единицы: при описании маршрута (*От Москвы* ***дотуда*** *200 км*.) и с глаголами с приставкой *до-* (*Дочитайте* ***досюда***.). Кроме того, учащихся необходимо знакомить с фразеологическими единицами с исследуемыми наречиями, где в качестве задания может использоваться композиционное упражнение с задачей составить текст, использую в нем указанное сочетание.

Итак, детальное описание в лингводидактическом аспекте русских пространственных дейктических наречий, а также система упражнений на их усвоение играют важную роль в практике преподавания РКИ, поскольку эти единицы являются полифункциональными и часто вызывают трудности у иностранных учащихся.

Литература

Апресян В.Ю. Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов // Русский язык в научном освещении. М., 2014, с. 9-41.

Зарифян М.С. Семантическая симметрия и асимметрия русских дейктических наречий "тут" и "там" (корпусное исследование) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2016.

Московкин, Л.В. Щукин. А.Н. Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного. М, 2010.

Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учеб. пособие 2-е изд. доп. и перераб. / Под ред. А.В. Величко и др. М., 2004.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М., 2002

Панков Ф.И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2009.

Панков Ф.И. Функционально-семантическая категория адвербиальной локативности и система значений пространственных наречий (фрагмент лингводидактической модели русской грамматики) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2010. № 5. С. 7–31.

[2] В НКРЯ *досюда* встречается лишь 53 раза, сюда – 48883 раза. Для *дотуда* обнаружено лишь 18 вхождений, для туда – 52708.

Русский мир в учебниках русского языка для иностранцев: новые подходы и требования

Т.А. Милёхина

Russian world in textbooks of Russian for foreigners: new approaches and requirements

Tatyana A. Milehkina

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского /
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

tmilehina@yandex.ru

Аннотация. В докладе анализируются современные учебники по русскому языку для иностранцев в содержательном аспекте, в плане отражения русской реальности, русского мира в широком понимании. Доказывается необходимость реализации новых подходов к представлению и оценке российской действительности.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, учебное пособие, картина мира.

Summary. The report analyzes modern textbooks on the Russian language for foreigners in terms of content, in terms of reflection of the Russian reality, the Russian world in a broad sense. The necessity of implementation of new approaches to the representation and assessment of Russian reality is proved.

Keywords: Russian as a foreign language, textbook, world view.

Русский мир в учебниках русского языка для иностранцев – явление разноплановое и разнородное. Авторы учебников по-своему изображают реалии и повседневность нашей страны в грамматических и лексических упражнениях, в диалогах и текстах учебников, намеренно или неосознанно создавая русскую языковую картину мира. Анализ материалов нескольких современных учебников РКИ, а также опыт преподавания русского языка в России и за рубежом позволяют наблюдать, какое представление о нашей стране формируют учебные пособия у студентов – иностранцев.

Большинство учебников традиционно акцентируют такие присущие образу России культурные черты, как великая литература, живопись, музыка, театральное искусство, большие научные достижения. Таким русский мир выглядит, например, в учебном пособии «Русский язык. Восток» [Русский язык. Восток 2015], ориентированном на китайскую студенческую аудиторию. Каждый раздел книги содержит страноведческую информацию на китайском языке под рубрикой «О России», в которой рассказывается о выдающихся отечественных писателях, ученых, музыкантах. В качестве иллюстраций в учебнике используются картины великих русских художников. Этот подход получает отражение и в учебных материалах на русском языке – текстах, диалогах и упражнениях – в тексте «В библиотеке», в учебном диалоге «В театре»; в грамматических упражнениях, включающих вопросы типа: *Как пройти к Малому театру* / *Третьяковской галерее* / *Пушкинской площади?*

Однако целый ряд учебников для иностранцев, изданных в России в начале 2000-х, транслируют совершенно иную картину русского мира, в которой находится место и новым

экономическим отношениям, и новой политической реальности, и новому отношению к истории и недавнему прошлому нашей страны. Так, например, в учебном комплексе «Поехали!» [Чернышов 2009; Чернышов, Чернышова 2012; Чернышов, Чернышова 2013], актуализируются лексические группы со значением «алкоголь», «увеселительные заведения», «деньги», «криминал». Учебное пособие «Окно в Россию» подробно рассматривает такие темы, как социальное неравенство, коррупция, политическое диссидентство. Да и сама российская реальность предстает не в самых радужных красках. В парках «шляется одно пьяное хулиганье», москвичи «ходят на митинги, толкают речи, крушат совковые памятники», «мэр столицы приказывает все памятники советским деятелям демонтировать и куда-нибудь свезти потихоньку» [Скороходов, Хорохордина 2015: 49]. Такая картина русского мира отражает настроение и восприятие определенного времени, определенной эпохи и резко контрастирует с традиционной мотивацией изучающих русский язык и культуру.

Иностранцы, изучающие русский язык, с большим желанием и энтузиазмом смотрят российское кино. Но есть ли у современного преподавателя РКИ материал, который можно использовать для просмотра в учебной аудитории? Авторы учебных пособий по аудированию [Аудиовизуальный курс 2014] предлагают следующий список художественных фильмов для студенческой аудитории: «Вам и не снилось» (1981), «Осенний марафон» (1979), «Покровские ворота» (1982). Из современных – «Ёлки» (2010) и «Служебный роман (Наше время)» (2011). В трех картинах действие разворачивается в Советском Союзе. Сюжетные схемы и проблемы, актуальные для того времени и социальная ситуация безнадежно устарели. Современные ленты – например – «Ёлки» включают сцены распития алкогольных напитков в самолете, то есть нарушения всех правил поведения в транспортном средстве повышенной опасности. Новый «Служебный роман» также не отличается высокими морально-нравственными качествами и содержит сцены разгульных корпоративных вечеринок. Пресловутый вопрос создания положительного имиджа страны великой культуры опять встает в полный рост.

Новые подходы и новые требования к учебным пособиям по РКИ, как представляется, определяются необходимостью создания нового привлекательного имиджа, нового образа русского мира, поскольку «…позитивная установка к стране изучаемого языка – это фактическое условие успеха при изучении данного языка» [Верещагин, Костомаров 1990: 115]. Это задача комплексная, насущная потребность, которую должны осознать и кинематографисты, и литераторы, и политики, и простые граждане. Сегодня в основе созидания такого имиджа – не политические догмы, но привлекательность культурного и духовного потенциала, сила научной мысли, красота творчества, могущество интернационального единства.

Литература

Аудиовизуальный курс русского языка. Базовый уровень. Пекин: Издательство университета иностранных языков, 2014.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд. М.: Рус. яз., 1990.

Русский язык. Восток. Пекин: Издательство университетата иностранных языков, 2015. Ч. 1.

Скороходов Л.Ю., Хорохордина О.В. Окно в Россию: Учебное пособие по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа: В двух частях. Часть первая. 4-е изд. СПб.: Златоуст, 2015.

Чернышов С.И. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс. 7-е изд. СПб.: Златоуст, 2009. Ч. 1.

Чернышов С.И., Чернышова А.В. Поехали!-2. Русский язык для взрослых. Базовый курс: В 2 т. 3-е изд. СПб.: Златоуст, 2012. Т. II.

Чернышов С.И., Чернышова А.В. Поехали!-2. Русский язык для взрослых. Базовый курс: В 2 т. 4-е изд. СПб.: Златоуст, 2013. Т. I.

Представление грамматического материала в корректировочном курсе русского языка как иностранного для гимназий Эстонии

И.М. Моисеенко

Presentation of grammatical material in the correction course of the Russian language as foreign for Estonian gymnasiums

Irina M. Moiseenko

Таллиннский университет (Эстония) / Tallinn University (Estonia)

irmo@tlu.ee

Аннотация. В докладе рассматривается стратегия представления и отработки грамматического материала в корректировочном курсе русского языка как иностранного для эстонских гимназий (10–12 классы). К этому времени у учащихся уже, как правило, имеется опыт изучения русского языка, но уровень языковой компетенции учащихся часто различается по разным причинам: некоторые начинают учить русский язык раньше, в ряде случаев их подготовка, наоборот, оказывается недостаточной. Поэтому необходима корректировка их знаний и умений.

Ключевые слова: грамматический материал, корректировочный курс, потребности общения, учет индивидуальных особенностей, справочный материал.

Summary. The report examines the strategy for presenting and developing grammatical material in the corrective course of Russian as a foreign language for Estonian gymnasiums (grades 10─12). By this time the students already, as a rule, have experience of studying the Russian language. but the level of language competence of students often varies for different reasons: some begin to learn Russian before, in some cases their preparation, on the contrary, is insufficient. Therefore, it is necessary to adjust their knowledge and skills.

Keywords: grammatical material, correction course, communication needs, recording of individual characteristics, reference material.

В докладе рассматривается стратегия представления и отработки грамматического материала в корректировочном курсе русского языка как иностранного для эстонских гимназий (10–12 классы). К этому времени у учащихся уже, как правило, имеется опыт изучения русского языка. В большинстве эстонских школ РКИ начинают изучать с шестого класса в качестве второго иностранного языка. Соответственно, ученики к 10 классу достигают уровня А2, а в некоторых случаях В1, но уровень языковой компетенции учащихся часто различается по разным причинам: некоторые начинают учить русский язык раньше, в ряде случаев их подготовка, наоборот, оказывается недостаточной, иногда большое влияние оказывает наличие либо отсутствие языковой среды. Поэтому необходима корректировка их знаний и умений.

Основная часть грамматического материала уже изучена в основной школе, но, поскольку владение русским языком учащимися неодинаково, он постоянно повторяется, начиная с азов (спряжение глаголов, образование кратких прилагательных, наречий образа действия, образование форм повелительного и сослагательного наклонений и др.). В рамках каждой речевой темы предлагается задание, которое требует повторения падежной системы русского языка.

В корректировочном курсе важно учесть индивидуальные потребности учащихся (тип усвоения – синтетики – аналитики, тип памяти) [Кабардов 1983; Ливер 2001], поэтому

грамматический материал представлен как в виде речевых образцов, небольших правил на эстонском языке, так и в виде таблиц. Примеры грамматических таблиц, а также речевые образцы целесообразно наполнять лексикой, необходимой в дальнейшем для выполнения коммуникативных заданий.

Справочный грамматический материал, который предлагается в виде обобщающих таблиц, помогает учащимся восполнить пробелы в знаниях грамматики и используется при выполнении речевых и коммуникативных заданий.

В «словнике» для учащихся их внимание фиксируется на личных окончаниях «трудных» глаголов, например, *лечь* (*лягу, ляжешь, ляжет, ляжем, ляжете, лягут*), выделяются чередования согласных в основе этих глаголов при спряжении; в случае существительных с перемещающимся ударением приводятся формы множественного числа (*лист – листы*).

Грамматический материал отбирался в соответствии с потребностями общения [Моисеенко 2006], отрабатывается и контролируется при выполнении языковых, речевых и коммуникативных упражнений [Пассов, Кузовлева 2010: 204–215].

Доклад иллюстрируется примерами из учебника, созданного специально для проведения корректировочного курса русского языка как иностранного [Замковая, Моисеенко 2009].

Литература

Замковая Н.В., Моисеенко И.М. Продолжим знакомство… Учебник русского языка для 10 класса. Tallinn: Koolibri, 2009.

Кабардов М.К. Роль индивидуальных различий в успешности овладения иностранным языком: Автореф. дисс. … канд. псих. наук. М., 1983.

Ливер Б. Адаптация процесса преподавания к учащимся // Русский язык за рубежом. 2001. № 1. С. 56–63.

Моисеенко И.М. Отбор языкового материала для продуцируемых текстов. // Мир текста: время, пространство, субъект. / Под ред. С.Н. Туровской. Таллинн: Издательство Таллиннского университета. С. 66–75.

Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования. М.: Русский язык. Курсы, 2010.

Особенности технического языка науки и его адаптация к обучению РКИ иностранных магистрантов-англофонов

Е.С. Мойса

The peculiarities of technical language of science and it adaptation to the learning of the Russian language as Foreign of foreign master's-anglofones

Evgenia S. Moisa

Московский государственный политехнический университет / Moscow State Polytechnical University

evamoisa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям технического языка науки. Предлагаемая автором модель лексического гнезда, представляющего собой узел связей: деривационных, синтагматических, парадигматических, содействует точной, адекватной интерпретации текстов технического профиля. Сопоставление структурно-семантических особенностей технических терминов английского и русского языка, представленных в лексическом гнезде, ускоряет процесс понимания смысла текста.

Ключевые слова: лексическое гнездо, системные деривационные, синтагматические, парадигматические связи, интерпретация.

Summary. The article is devoted to the peculiarities of technical language of science. The model of lexical, which represented the knot of links: derivative, syntagmatic, paradigmatic, proposed by the author, promotes exact, adecvate interpretation of the texts of technical profile. Comparison of structural-semantic peculiarities of the technical terms of English and Russian language, represented in lexical nest, accelerates the process of the understanding of text sence.

Keywords: lexical nest, system derivative, syntagmatic, paradigmatic links, interpretation.

Технический текст, связанный с темами диссертаций, – основная единица обучения РКИ магистрантов технических вузов. В настоящее время актуально связывать проблемы перевода текстов с речевой деятельностью, с деятельностной парадигмой. В связи с этим функционирование языкового механизма заключается в умении передать смысл текста одного языка системой другого языка. Деятельностная парадигма связана с проблемой значения термина и его функционирования в тексте. В технических текстах при переводе существенную роль играет семантическая структура терминов, «структура и функционирование языка науки, где связаны «логос» и «лексис» термина, семантический глубинный синтаксис языка науки и семантические отношения» [Даниленко 1987].

Выбор средств для выражения основного содержания текста определяется самим исходным техническим текстом, основной единицей которого является термин и терминологические сочетания. Одной из важнейших проблем перевода технических текстов является несовпадение градаций значений слов терминов и средств их выражения в русском и английском языках, что вызывает известные трудности нахождения адекватных эквивалентов.

Решению этой проблемы способствует системность технических терминов, способность вступать в синонимические, антонимические и др. виды парадигматических отношений [Бутакова, Бутакова 2010]. «Значение термина… проявляется в совокупности всех его системных связей с другими терминами… употребляемыми в научных теоретических текстах» [Даниленко 1987]. В связи с этим необходимо развивать у магистрантов языковую систему, знание семантических правил, позволяющих совершать синонимические эквивалентные замены, производить правильный выбор необходимых языковых единиц в процессе чтения и перевода.

В процессе чтения и перевода текстов происходит их интерпретация и возникает деривационный инвариант переводимого текста. Текст перевода продуцируется на основе текста оригинала и находится с ним в деривационных отношениях.

Интерпретационный процесс проявляется как на языковом, так и на содержательном уровнях и составляет основу порождения деривационного инварианта. И оригинальный англоязычный научный текст и его перевод создаются на пересечении концептуальных систем обеих языковых культур, что и приводит к модификации смыслового содержания. Чтобы вписаться в контекст определенной языковой культуры, необходимо знать различия между языками и способами их правильного выражения, что невозможно без анализа соответствующих языков.

Поскольку английская техническая терминология обладает многозначностью, семантической неопределенностью, синонимичностью, антонимичностью слов-терминов, сопоставление структурно-семантических технических особенностей технических терминов английского и русского языков имеет практическое значение. Так, следует обращать внимание магистрантов на синтаксический способ терминообразования в английской технической терминологии. Причем тождество синтаксической связи не означает схожести

лексико-семантических отношений между ними в разных сочетаниях. Семантически ведущим компонентом является существительное, обозначающее определенное понятие и вступающее в системные отношения с другими словами и словосочетаниями, входящими в терминосистему. Так, например, “gear” вступает в синонимические отношения со словом “speed”, слово-термин “gear” характеризуется синтагматическими связями с другими словами: существительными, прилагательными, глаголами, образуя словосочетания: “gearbox”, “gear selection system”, “gearshift”, “gear wheel”, “gear operating shaft”, “gear level”, “transmission gear”. “Gear up” вступает в парадигматические антонимические отношения со словосочетанием “gear down”, “gear train” синонимично “transmission system”, “idler gears” вступает в синонимические отношения со словом-термином “idlers”; “input speed” антонимичен “output speed”, “higher gear” вступает в антонимические отношения со словосочетанием “lower gear”, “gearwheels” синонимичен “gears”. “Transmit”, “transmission”, “transmitted” характеризуются деривационными связями. “Gear”, “gearless”, “geared” также находятся в деривационных отношениях.

Как видно из приведенного анализа, магистрантов следует обучать умению находить в переводимом тексте синтагматические, парадигматические и деривационные связи терминологической лексики, которые ускоряют процесс понимания смысла текста и способствуют правильной его интерпретации.

В построении парадигмы обучения РКИ на основе научных технических текстов, связанных с темами диссертаций магистрантов, следует использовать данные, характеризующие речемыслительную структуру, когнитивный процесс личности обучаемого. Для обучения магистрантов подходит модель лексического гнезда – структура репрезентации знаний, которая вырабатывается в результате интерпретации технического текста, где ключевые слова, или идеи переводимого текста создают тематические структуры, извлекаемые из памяти.

Литература

Бутакова Е.С., Бутакова С.С. Когнитивно-дискурсивная парадигма английского языка при обучении магистрантов-филологов // «Преподаватель XXI век». 2010. № 1. С. 129–132.

Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1987.

Воссоздание образа страны через язык средств массовой коммуникации (лингводидактический аспект)

Е.Ю. Николенко, Л.А. Нестерская

Reconstruction of the image of the country through the language of mass communication (linguo-didactic aspect)

Elena Yu. Nikolenko, Liia A. Nesterskaya

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

nikolenko.e.yu@gmail.com, liene1@yandex.ru

Аннотация: В современном мире медиатексты не только отражают происходящие или происходившие в мире события, изменения, но и формируют общественное сознание, являются главным инструментом влияния на социальную практику и инструментом манипулирования общественным мнением. В связи с этим становится понятным, почему темы, связанные с формированием образа той или иной страны в СМИ, вызывают наибольший интерес у иностранных магистрантов и аспирантов, изучающих русский язык.

Ключевые слова: СМИ, медиатекст, образ страны, языковая картина мира.

Summary. Abstract: In the modern world media texts not only reflect the events and changes taking place in the world, but also form the public consciousness, are the main instrument of influence on social practice and a tool of manipulation of public opinion. In this regard, it becomes clear why the topics related to the formation of the image of a country in the media, are of greatest interest to foreign undergraduates and graduate students studying the Russian language.

Keywords: Media, media text, image of the country, language picture of the world.

За последние годы произошли большие изменения в типологии, стилистике и языке российских СМИ, которые должны быть осмыслены не только в функционально-стилистическом, но и в социолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах. Именно анализ языка средств массовой информации позволяет выявить экспрессивные и функциональные возможности единиц различных языковых уровней.

Материалы СМИ, актуальные для носителей языка сегодня, наполняют новым содержанием преподавание русского языка как иностранного.

Политические, социальные, экономические и культурные изменения, происшедшие и происходящие в России и в мире, обуславливают повышенный интерес иностранных учащихся к текстам СМИ, которые в силу своей специфики быстрее всего реагируют на эти изменения.

Более того, на современном этапе медиатексты не только отражают происходящие или происходившие в мире события, изменения и пр., но и формируют общественное сознание, являются главным инструментом влияния на социальную практику и инструментом манипулирования общественным мнением.

В связи со всем вышеизложенным понятно, почему темы, связанные с формированием образа той или страны в СМИ, вызывают наибольший интерес у иностранных магистрантов и аспирантов, изучающих русский язык.

Образ страны осознается современными исследователями как комплекс представлений, которые формируют средства массовой информации в сознании носителей языка, а также в глобальном массовом сознании потребителей информации. Образ страны является инструментом влияния на общественное мнение и социальную практику.

Формирование образа страны в языковом сознании происходит с помощью вербальных средств и экстралингвистических факторов.

Магистранты и аспиранты филологи и журналисты проводят лингвистический анализ способов моделирования образа страны, подробно изучая образные средства, исследуют языковые стратегии, воздействующие на формирование этого образа в медиатекстах.

Глубоко погружаясь в язык СМИ, магистранты-иностранцы, постигают языковые средства, применяемые в медиадискурсе для создания положительного, нейтрального, нейтрально-положительного или отрицательного образа страны.

Таким образом вырабатывается лингвокультурологическая компетенция как владение языковой картиной мира изучаемого языка, вырабатывается отношение к истории страны как способу понимания современности.

Литература

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Колшанский Г.Б. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1999.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира // Вопросы языкознания. 1994. № 5.

Аспекты изучения глагола в курсе «Русский язык как иностранный: функциональная морфология»

Ф.И. Панков

Aspects of studying the verb in the course «Russian as a foreign language: functional morphology»

F.I. Pankov

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

pankovf@mail.ru

Аннотация. В рамках учебной программы бакалавриата «Русский как иностранный» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова читается курс «РКИ: функциональная морфология». В него включен анализ глагола и тех аспектов его изучения, которые, с одной стороны, релевантны именно для подготовки будущих преподавателей РКИ, а с другой – носят проблемный характер. Это, в частности, семантические разряды глагола, его словоизменительные классы, функционирование глаголов движения, виды глагола, употребление глагольных форм во вторичной семантической функции, статус местоименных глаголов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, функциональная морфология, глагол, местоименный глагол.

Summary. The course “Russian as a foreign language: functional morphology” is taught within the framework of the bachelor’s program (the philological faculty of the Lomonosov Moscow State University). It includes, among other categorical classes, the analysis of the verb and those aspects of its study, which, on the one hand, are relevant for the training of future teachers of the Russian as a foreign language, and on the other – are problematic. These are, in particular, the semantic categories of the verb, its inflectional classes, the functioning of the verbs of motion, the types of the verb, the use of verbal forms in the secondary semantic function, the status of pronominal verbs.

Keywords: Russian as a foreign language, functional morphology, verb, pronominal verb.

В учебную программу отделения бакалавриата «Русский как иностранный» (РКИ) филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова уже много лет включен цикл специальных функционально-лингвистических дисциплин, которые отсутствуют в программах других отделений: например, функциональная фонетика, функциональная лексикология, функциональное словообразование. Перед курсом по функциональному синтаксису читается курс «РКИ: функциональная морфология». В нем поэтапно, в лингводидактическом аспекте, с учетом практических потребностей учащихся рассматриваются такие категориальные классы слов, как имя существительное, имя прилагательное, местоимение, глагол и др. В связи с ограниченностью временных возможностей возникает необходимость выбора, минимизации тех граней изучения категориальных классов слов и их грамматических категорий, которые, с одной стороны, релевантны именно для подготовки будущих преподавателей РКИ, а с другой стороны, носят проблемный характер. По отношению к глаголу это, во-первых, его семантические разряды, во-вторых, словоизменительные классы, в-третьих, функционирование глаголов движения, в-четвертых, виды глагола, в-пятых, употребление глагольных форм во вторичной семантической функции, в-шестых, статус местоименных глаголов.

Систематизация семантических разрядов глагола опирается на классификацию Г.А. Золотовой и построена по принципу дихотомии. В связи с этим все глаголы делятся на два разряда: полнознаменательные и неполнознаменательные. Полнознаментательные, в свою очередь, бывают акциональные и неакциональные. Неполнознаменательные разделены на связочные и несвязочные. У каждого из общих разрядов есть более конкретные подразряды, отличающиеся не только семантической, но и грамматической спецификой.

Изучение темы «Словоизменительные классы глагола» позволяет объяснить причины появления в русском языке глагольных форм, вызывающих трудности у инофонов и закономерно приводящих к появлению «отрицательного» языкового материала, ср.: *читать – читаю,* но *писать – пишу* (не **писаю*), *развивать – развиваю,* но *ночевать – ночую* (не **ночеваю*).

При анализе функционирования глаголов движения следует рассмотреть не только их привычные особенности употребления, но и использование в составе описательных предикатов: ***нести*** *ответственность* (ср. *отвечать*), ***вести*** *беседу* (ср. *беседовать*), ***проводить*** *наблюдения* (ср. *наблюдать*) и др.

Виды глаголов являются традиционной трудностью в иностранной аудитории, так как это специфическая для славянских языков грамматическая категория. Основной акцент делается на употреблении глаголов в форме прошедшего времени, в императиве и в инфинитиве.

Кроме первичных семантических функций в курсе лекций следует рассмотреть вторичные семантические функции глагольных форм. Это, например, употребление настоящего времени в значении прошедшего или будущего, а также побуждения к действию, прошедшего в значении будущего, императива в значении условия и др.

Категориальный класс местоименных глаголов в традиционных грамматиках русского языка не выделяется. Тем не менее это явление объективно существует, так как ряд десемантизированных глагольных лексем способен выполнять местоименные функции, в частности анафорическую и дейктическую.

Русский язык через призму чешского

Н. Райнохова

Russian language through the prism of the Czech

N. Rajnochová

Карлов университет (Прага, Чешская республика) / Charles University (Prague, Czech Republic)

natalie.rajnochova@ff.cuni.cz

Аннотация. Преподавание русского языка в чешской аудитории, основывающееся на структурной близости двух языков, должно ориентироваться на информацию о специфических категориях и единицах русского языка.

Ключевые слова: русский язык, чешский язык, межъязыковая омонимия, интерференция, безэквивалентная лексика.

Summary. Teaching the Russian language to a Czech audience, based on the structural proximity of the two languages, should focus on information about specific categories and units of the Russian language.

Keywords: Russian, Czech, interlingual homonymy, interference, non-equivalent vocabulary.

При преподавании русского языка в чешской аудитории следует учитывать как типологические особенности обоих языков, так и уровень лингвистической компетенции учащихся.

Программа общеобразовательной средней школы в Чехии (в том числе ее высшего звена – гимназии) дает довольно ограниченные знания о важнейших лингвистических категориях. Поэтому студентам, поступившим на специальность «русская филология» в Карловом университете (Прага), необходимо давать такие понятия, как межъязыковая омонимия, уподобление по аналогии, гиперкорректность, интерференция и т.п.

С учетом базовых знаний чешских учащихся (полученных в средней школе) преподаватель формирует некоторый комплекс языковых правил, речевых ситуаций и методических навыков, которые позволят в ограниченный объем аудиторных занятий (4 часа в неделю на 1-м курсе, 2 часа – на втором и третьем курсах) уложить основные знания, соответствующие требованиям, предъявляемым к выпускнику-русисту.

Основные трудности, с которыми сталкивается преподаватель в ходе этих занятий, можно систематизировать следующим образом.

На уровне фонетики – это акцентуационные модели русского языка, противопоставление согласных по твердости / мягкости, особенности редукции гласных (прежде всего аканье) и др.

На уровне морфологии – это система именного словоизменения (включая сюда несовпадения существительных в роде или числе, особенности выражения одушевленности), парадигма глагольных форм (в том числе фонологические чередования при спряжении, выражение лица с помощью местоимений в формах прошедшего времени, использование вежливых форм 2-го лица множественного числа и др.).

В сфере словообразования следует обратить внимание на различную продуктивность моделей со значением феминитивов, диминутивов, существительных отвлеченного свойства, на особенности образования видовых пар глаголов, на стилистическую ограниченность отадъективных наречий (*церковно, экспертно, учительски* и т.п.).

В области синтаксиса, при в целом совпадающей в двух языках системе синтаксических формул (образцов), необходимо дать студентам-русистам представление о специфических фразеологизованных моделях (типа *Радость не в радость, Всем пирогам пирог, Читать он не читает, Еще бы не опоздал!* и т.п.).

Наконец, при освоении лексического и фразеологического состава русского языка следует обратить внимание учащегося на случаи межъязыковой омонимии (*pozor – внимание, plot – забор, vor – плот*), на примеры так называемой безэквивалентной лексики (ср. чешск. *kulajda* или русское *сутки*) и на специфическую народную фразеологию (*ни уха, ни рыла, ни в одном глазу, лыка не вяжет* и т.п.). Класс фразеологизмов постоянно пополняется за счет устойчивых выражений, имеющих своими корнями телевизионную рекламу, кинофильмы, Интернет-мемы и т.д. (*в одном флаконе* и т.п.).

Литература

Бранднер А. К сопоставительному изучению русского языка в чешской аудитории // Современные направления исследования и преподавания славянских языков. Сб. научн. статей. Минск: Издательский центр БГУ, 2013. С. 5-17.

Васильева В.Ф. Семантическая характерология в контексте сопоставительного изучения языков (на материале чешского и русского языка) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003. № 2. С. 7–17.

Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками / Под ред. А.Г. Широковой и Вл. Грабье. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

К вопросу о применении сопоставительного метода в лингводидактических целях при обучении инофонов (будущих переводчиков) русскому языку как иностранному

Л.М. Савосина

To the question on the application of comparative method in lingvodidakticheskih in learning (interpreters) Russian as a foreign language

Luidmila M. Savosina

Московский государственный лингвистический университет / Moscow State Linguistic University

Lsavosina1@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматриваются вопросы формирования у иностранных обучающихся (будущих переводчиков) переводческой компетенции на основе работы с параллельными текстами; подчеркивается роль сопоставительного метода изучения языков в решении лингводидактических задач.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика, межъязыковая интерференция, лингводидактические задачи, переводческая компетенция, параллельные тексты, русский язык как иностранный.

Summary. The report discusses the formation of foreign students (future translators) translator's competence on the basis of the work with parallel texts; underlines the role of comparative method of studying languages in addressing lingvodidakticheskih tasks.

Keywords: comparative linguistics, interlanguage, lingvodidakticheskie tasks, translation competence, parallel texts, Russian as a foreign language.

Известно, что сопоставительная лингвистика является важной отраслью языкознания, в которой метод сопоставления широко применяется для решения лингвистических и лингводидактических задач.

Проблеме сопоставительного изучения языков посвящено большое количество литературы. Напомним, что сопоставительное описание языков появилось из опыта преподавания языка межнационального общения, когда стало понятно, что родной язык обучающегося в определенных случаях мешает усвоить изучаемый им второй (иностранный, в нашем случае, русский) язык.

Практика показывает, что применение сопоставительного метода позволяет преодолеть межъязыковую интерференцию, усилить лингвострановедческий аспект преподавания русского языка как иностранного, повысить интерес к обучению, достичь лучших результатов в преподавании.

Многолетний опыт работы с переводчиками (обучающимися из арабских стран) показывает, что простого знания иностранного языка недостаточно для осуществления перевода текста-оригинала, т.к. часто возникает проблема неадекватной передачи информации с одного языка на другой. Поэтому уже на начальном этапе необходимо развивать у обучающихся умение воспринимать и понимать авторскую интенцию. Работа с текстом-оригиналом и его переводом предоставляет возможность сопоставить оба текста, проанализировать их и критически оценить перевод. Известно, что в основе перевода лежит выявление соответствий между текстами на различных языках, поэтому сам процесс перевода строится на осмыслении обучающимися процедуры сопоставительного анализа, что закладывает основу профессиональной переводческой компетенции.

Следует сказать, что практическое применение сопоставительного метода отличается большим разнообразием, особенно в лингводидактических целях.

В докладе рассматривается один из эффективных способов сопоставительного изучения языков – анализ параллельных текстов.

Практика показывает необходимость выделения двух этапов научения сопоставительному (параллельному) анализу текстов: *предпереводческого и переводческого*. Цель первого (начального) этапа: актуализация знаний обучающихся на материале сопоставления текстов на русском языке, развитие языкового чутья обучающихся, умения мыслить, рассуждать; строить свое речевое высказывание по образцу; формировать лингвистическую, коммуникативную компетенции.

Так как при сопоставительном анализе (параллельных) текстов важен отбор лингвистического материала, то на начальном этапе отбираются тексты, отвечающие таким критериям, как: а) простота и доступность текстов для понимания; б) отсутствие в текстах сложных грамматических конструкций и лексических единиц; в) минимальное использование культурологической информации, влияющей на понимание содержания текста; г) интересная для обучающихся проблематика текстов.

Наиболее эффективные методы работы с параллельными текстами на данном этапе будут представлены в докладе на материале текстов о России и стране обучающегося.

Цель второго этапа – формирование переводческой компетенции. Прежде всего проводится большая лексическая работа, цель которой – формирование навыков передачи слова из одного языка в другой путем поиска равнозначной по смыслу (значению) лексико-семантической единицы (т.е. сделать перевод), либо передать ее звучание (написание) посредством транскрипции (транслитерации). Другими словами, устанавливаются различия и сходства в лексическом составе и грамматической структуре родного (арабского) и русского языков.

С этой целью обучающимся предъявляется какой-либо ситуативный стимул (например, рассказы арабских писателей, которые нужно перевести на русский язык), реакцией на который является порождение параллельных текстов, или ситуативный стимул – варианты перевода с арабского языка на русский язык одного и того же текста, который необходимо проанализировать.

Рассматривая текст как арену реального функционирования языковых явлений, а **перевод** (при обучении русскому языку как иностранному) **как средство обучения русскому языку** в целях формирования переводческой компетенции у обучающихся на занятиях используются небольшие тексты на нерусском (арабском) языке.

Указанные выше методы будут рассмотрены на материале перевода таких текстов.

В докладе будет представлен комплекс упражнений по сопоставительному анализу параллельных текстов, направленный на формирование механизмов, обеспечивающих эффективность развития умения интерпретировать текст на основе сопоставительного анализа оригинала и перевода. Здесь лишь отметим, что на начальном этапе доминирующими являются механизмы поиска-узнавания, выбора, идентификации, на продвинутом – механизмы анализа и синтеза при переводе, а также упражнения, развивающие необходимые переводческие навыки и умения – девербализации, трансформации, совершенствования работы механизмов памяти, внимания, развитие филологического и переводческого мышления и др.

Считаем, что важную роль в формировании переводческих умений играет осознание обучающимися используемой технологии обучения. Поэтому на продвинутом этапе на практических занятиях при выполнении упражнений с параллельными текстами обучающиеся знакомятся с такими понятиями как *переводимость, межъязыковая эквивалентность, безэквивалентная лексика, способы перевода* и др.

В докладе также затрагиваются вопросы, связанные с речевым процессом, с ролью говорящего и слушающего при возникновении и восприятия текста, с учетом внеязыковых факторов коммуникативной ситуации; делается попытка показать, что для установления межъязыковых соответствий на уровне речевой деятельности важно использовать коммуникативно-лингвистическое понятие адекватности, компонентный анализ значения и теорию функционально-семантического поля.

Литература

Брандес О.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): Учебное пособие. 3-е изд., стереотип. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001.

Козеренко Е.Б. Проблемы эквивалентности языковых структур при переводе и семантическом выравнивании параллельных текстов // Диалог-2006: Материалы Международной конференции. М., 2006. [Электронный ресурс. www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html].

Николаенко О.С. Сопоставительный анализ параллельных художественных текстов как средство предпрофессинальной подготовки переводчиков: Дисс. … канд. пед. наук. Елец, 2008.

Императив в системе преподавания русского языка как иностранного студентам-европейцам (на примерах рекламных текстов)

Е.В. Степанова

Imperative in the system of teaching Russian as a foreign language to students from Europe (on examples of advertising texts)

E.V. Stepanova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

stepanova-ev@bk.ru

Аннотация. Данная статья посвящена теме императива в контексте преподавания русского языка как иностранного. Акцент в работе стоит на изучении императивных форм глагола на основе рекламных текстов. В ходе исследования анализируются рекламные фрагменты, которые иллюстрируют различные формы повелительного наклонения.

Ключевые слова: императив, повелительное наклонение, реклама, рекламный текст.

Summary. This article is devoted to an imperative subject in the context of teaching Russian as foreign. The accent in work costs on studying of imperative forms of a verb on the basis of advertizing texts. During the research advertizing fragments which illustrate different forms of an imperative mood are analyzed.

Keywords: imperative, imperative mood, advertising, advertising text.

Развитие современного общества тесно связано с информационными потоками, от которых объекту воздействия укрыться довольно сложно. Радио, телевизор, Интернет – повсюду нам встречаются рекламные тексты, побуждающие к действиям. Лексема «реклама» происходит от латинских слов *reclamo* «выкрикивать» и *reclamare* «откликаться, требовать». Благодаря маркетинговым «уловкам» создатели рекламы зачастую добиваются закрепления информации на

подсознании потребителя. Это становится большим плюсом для студента, изучающего неродной язык.

Известно, что рекламный текст направлен на призыв потребителей к выбору товара, услуги или стиля жизни. Такого рода тексты лаконичны, убедительны, легко запоминаются и легко воспроизводятся. Известно, что рекламные «тексты должны отличаться яркостью, простотой, лаконичностью, доступностью, экспрессивностью и информативностью». В рекламе присутствуют яркие метафоры, гиперболы, олицетворения, повторы, фразеологизмы, преобладание повелительных конструкций [Жданова].

Повелительное наклонение имеет основную функцию – выражение воли говорящего в той мере, в какой она должна воздействовать на поведение и волю слушателя. История изучения императива связана с именами таких ученых, как А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, П.А. Лекант, А.В. Бондарко, Л.А. Бирюлин, В.Е. Иосифова и др. Понятие императива встречается во многих языках мира. В толковом словаре С.И. Ожегова дается такое определение: 1. Повеление, безусловное требование (книжн.). 2. В грамматике: то же, что повелительное наклонение [Ожегов 2013: 372]. Происходит термин от позднего латинского *imperativus* «устраиваемый по приказу; повелительный», далее от лат. *imperare* «приказывать, повелевать».

В бытовых ситуациях, в СМИ, в рекламных текстах используются словесные императивы, на которые адресату необходимо отреагировать действием, поэтому тему повелительного наклонения нельзя откладывать «в долгий ящик». При изучении любого языка на первых занятиях даются определенные фиксированные фразы с повелительным наклонением, которые помогают студенту овладевать теоретическими и практическими знаниями. Например, в английском языке: *open your book, listen and check* и др.; во французском языке – *compléter phrases, remplir les espaces* и др.; в русском языке – *слушайте и повторяйте, вставьте пропущенные буквы, прочитайте текст* и т. д. Эти фразы усваиваются на уровне запоминания, а не понимания. Изучать же системно императив следует тогда, когда глагольные модели уверенно используются студентом в речи. Рассматривая на занятии рекламный фрагмент, студент может выполнять упражнения: найти глаголы, выделить морфемы, по морфемам определить глаголы, стоящие в повелительном наклонении, составить предложения с найденными словами, с помощью выделенных морфем образовать императивные формы от других глаголов и сравнить их по речевому образцу, придумать с ними предложения. Приведем примеры таких фрагментов.

Так, глянцевые журналы, направленные на женскую аудиторию, в центр ставят рекламу культа внешности: ***приучайте*** *свою кожу к качественной природной косметике* (журнал «Лиза»); ***не забывай*** *про специальные средства для волос* («Лиза»); ***смени*** *тон* (журнал «OOPS!»). Чтобы быть успешным и модным, необходимо создавать так называемые «паблики» (публичные страницы в сети Интернет). К этому призывают молодое поколение современные журналисты: ***напиши*** *меня* (от лица «паблика»), ***набирай*** *обороты*, ***не бойся***, ***бери*** *за живое*, ***бери*** *информативностью*, ***бери*** *необычностью*, ***бери*** *актуальностью*, ***делай*** *деньги* (журнал «OOPS!»). Известно, информация усваивается лучше с помощью видеоряда. Многим знакомая российская реклама сока «Фруктовый сад» заканчивается словами *Для здоровья просто клад,* ***наливай*** *«Фруктовый сад»*; реклама Яндекс-браузера с помощью императива призывает использовать данный ресурс: ***Скачайте*** *на Яндексе*.

Выходя из дома, мы видим рекламные щиты. Поиск императивных форм на таких плакатах вне класса можно сделать домашним заданием на весь тематический блок. Для примера предлагаются такие варианты: ***Помогите****, не касаясь* (фонд помощи детям-бабочкам); ***Закажите*** *сегодня – курьер доставит завтра* (реклама сайта OZON.RU); ***Купите*** *телефон –* ***получите*** *390 минут* (салоны сотовой связи МТС); ***Не пролетайте*** *мимо!* («Евросеть»).

Изучение темы императива на примерах рекламных текстов, безусловно, повышает интерес к обучению, потому что реклама затрагивает и аудиальный, и визуальный каналы восприятия. Тексты рекламы также характеризуются разнообразием сфер общения, которые, являясь культуроносными, выполняют информативную и обучающую функции. Такого рода тексты помогают изучать не только язык, но вместе с ним и российскую культуру. Таким образом, изучение императива является важным звеном в усвоении иностранными учащимися языка в целом.

Литература

Жданова Е.Ю. Рекламный текст как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/reklamnyy-tekst-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya. Дата последнего обращения 10.07.2018].

Иосифова В.Е. Русский императив в грамматической системе и разговорной речи: Автореф. дисс. … канд. пед. наук. М., 2012.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л.Н. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование»», 2011.

Учебники по русскому языку как иностранному в современной лингвокультурной среде: анализ, состояние, перспективы

Е.Н. Стрельчук

Textbooks on the Russian language as a foreign language in the modern linguocultural environment: analysis, status and prospects

Elena N. Strelchuk

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (Москва) / Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow)

e-mail: Strelchukl@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ современных учебников и пособий по русскому языку как иностранному с позиций различных методов. Уделяется внимание особенностям лингвокультуной среды, в которой используется определенное средство обучения. Определены перспективы выбора учебных пособий и учебников в зависимости от условий обучения иностранцев русскому языку.

Ключевые слова: учебники, пособия, русский язык как иностранный.

Summary. The article presents an analysis of modern textbooks and manuals on Russian as a foreign language from the standpoint of various methods. Attention is paid to the peculiarities of the linguoculture environment in which a particular training tool is used. The prospects for the selection of textbooks and textbooks are determined depending on the conditions of teaching foreigners to the Russian language.

Keywords: textbooks, manuals, Russian as a foreign language.

История создания учебников по русскому языку как иностранному корнями уходит в далекое прошлое. Созданные еще в XVII веке, они были предназначены для обучения русскому языку иностранцев, которые стремились жить и работать в России. Прошло несколько столетий, однако интерес к русскому языку по-прежнему существует. Уже сегодня во многих точках земного шара используется большое количество учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному.

Следует отметить разницу в понятиях «учебник» и «учебное пособие». Если учебник – это основное средство, представляющее собой базу для изучения языка, то учебное пособие, как правило, ориентировано на освоение языка в области какой-то конкретной сферы общения, определенного аспекта языка, вида речевой деятельности и т.д. (это дополнительный источник, выступающий в качестве средства обучения). В настоящее время превалируют учебные пособия: их выпускается гораздо больше, чем учебников.

На основе собственного опыта приходим к выводу, что большинство из них построено с учетом сознательно-практического метода, который является основополагающим в российской лингвокультурной среде. Коммуникативный метод обучения, как правило, имеет место в учебниках, написанных зарубежными преподавателями (иногда в соавторстве с российскими). Этот факт объясняется разными факторами и причинами, в том числе и влиянием лингвокультурной среды, в которой проходит обучение русскому языку как иностранному. Не случайно многие учебники приобретают статус национально ориентированных. Однако и в этом плане они значительно отличатся друг от друга. Написанные в условиях русскоязычной среды и ее отсутствия, учебники ориентированы на разные цели и задачи.

Гораздо реже встречаются учебники и пособия, в которых оба метода – сознательно-практический и коммуникативный – пересекаются.

Какой учебник выбрать? Может ли он быть универсальным? Где и когда лучше использовать национально ориентированный учебник? На каком этапе обучения целесообразно дополнять материал из учебных пособий? Ответы на эти и многие другие вопросы дает собственный опыт работы с иностранными студентами, а также общение с коллегами, работающими в России и за рубежом, знакомство с научными исследования в области РКИ на страницах журналов, посвященных вопросам русистики.

К вопросу о лексическом минимуме при изучении художественной литературы (на материале иерейской прозы)

Е.В. Суровцева, Е.В. Полищук

To the question of lexical minimum in studies of fiction (on material of priests' prose)

Ekaterina Surovtseva, Elena Polishchuk

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

surovceva-ekaterina@yandex.ru? elenapolishchuk@mail.ru

Аннотация. На материале создаваемого авторами сборника современной иерейской прозы для иностранных учащихся в докладе ставится вопрос о необходимости учета не только частотности, но и регулярности употребления лексем при составлении лексического минимума.

Ключевые слова: русский язык для иностранцев, лексический минимум, частотность, регулярность, иерейская проза.

Summary. The report raises the question of necessity to take into consideration not only the frequency but also regularity of usage of lexemes in compiling the lexical minimum. The authors base their conclusions on material of collection of stories written by priests.

Keywords: Russian as a foreign language, lexical minimum, frequency, regularity, priests' prose.

В настоящий момент нами ведется работа по составлению сборника современной иерейской прозы для иностранных учащихся, в который вошли рассказы, написанные священниками в 2000-х годах [Суровцева, Полищук 2015; 2016]. Произведения невелики по объему, интересны общечеловеческими сюжетами, написаны прекрасным современным русским языком, в силу чего они являются подспорьем для всех занимающихся русским языком как иностранным и владеющим им в объеме ТРКИ-2 и ТРКИ-3.

Сборник состоит из нескольких разделов, озаглавленных по имени автора рассказов. Каждый текст содержит исторические, культурологические и лингвистические комментарии. В книгу вошли произведения следующих авторов: Тихон (Шевкунов), Николай Агафонов, Андрей Ткачёв, Ярослав Шипов, священник Александр Дьяченко, Александр Авдюгин, Владимир Гофман, Сергей Круглов, Михаил Шполянский, Николай Толстиков (всего 10 авторов, 38 текстов).

Отдельный раздел сборника будут составлять словари с лексическим минимумом, полученным методом компьютерной выборки, произведенной с помощью Автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум», разработанной в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета для создания корпусов текстов и работы с ними (поиск нужных слов, контекстов и пр.). Общий словарный запас текстов – примерно 8730 лексем (включая цифры и имена совбственные). Самые высокочастотные слова – *и* (употребляется 1811 раз) и *в* (употребляется 1331 раз); самые низкочастотные слова встречаются по одному разу (*бесконечно*, *верблюд*, *горизонт*, *хата* и другие – всего таких слов примерно 4920). Самые «регулярные» слова – *а*, *быть*, *в*, *и* и другие (встречается в 27 текстах, всего таких слов примерно 15), самые «нерегулярные» слова встречаются в одном тексте (в данном случае следует отметить, что это лексемы с наименьшей частотностью).

В предлагаемые нами словари войдут существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные, отобранные как по частоте, так и по регулярности.

В качестве примера приведем фрагмент таблицы, в которую вошли лексемы, входящие в словари, с указанием регулярности и частотности.

Лексема	*Частота употребления во всех текстах*	*Регулярность (количество текстов, содержащих лексему)*
Бог	80	19
батюшка	80	18
большой	44	19
вдруг	38	19
видеть	63	22
время	74	21
всегда	44	17
говорить	85	21
год	99	25

Господь	33	14
грех	20	14
два	58	18
день	63	18
друг	63	17
думать	36	19
жизнь	91	24
история	27	14
квартира	43	14
любить	33	17
молиться	20	14
мочь	100	26
отец	153	17
первый	46	18
понять	35	17
прийти	31	18
ребенок	43	16
рука	92	20
священник	66	16
сердце	41	16
сказать	151	23
слово	47	21
спросить	47	15
старый	32	14
стать	109	22
храм	105	17
церковь	68	16
человек	168	25

Как мы видим, в ряде случаев необходимость включения слова в минимум подтверждается как его частотностью, так и регулярностью употребления (так, слово *батюшка* употребляется 80 раз в 18 текстах, слово *человек* 168 раз в 25 текстах). В некоторых же случаях при отборе минимума мы можем ориентироваться только на регулярность (так, слово «молиться» употребляется всего 20 раз – но в 14 текстах, то есть в половине всех отобранных нами произведений; слово *история* употребляется всего 27 раз, но также в 14 текстах). Таким образом, на наш взгляд, можно утверждать, что при отборе лексического минимума для иностранцев следует ориентироваться не только на частотность употребления, но и на регулярность (отметим, что при анализе того и другого необходимо поставить вопрос порога).

Литература

Суровцева Е.В., Полищук Е.В. Иерейская проза в иноязычной аудитории: вопросы преподавания // Слово. Грамматика. Речь. Выпуск XVI. Материалы VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 26–28 ноября 2015 г.). М.: МАКС Пресс, 2015. С. 593–595.

Суровцева Е.В., Полищук Е.В. Современная русская литература в иностранной аудитории: На материале иерейской прозы // V Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)». Материалы конференции. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 8–9 декабря 2016 / Ред.-сост. А.В. Леденёв, П.Е. Спиваковский М.: МАКС Пресс, 2016. С. 337–340 [CD – электронное издание].

Учебно-методический комплекс по русскому языку как иностранному «В мире людей» (уровни B2-C1)

О.А. Ускова, М.Н. Макова

The manual of Russian as a Foreign Language «In the world of people» (levels B2-C1)

Olga A. Uskova, Marina N. Makova

Московский государственный лингвистический университет / Moscow State Linguistic University

olgauskova@mail.ru, makova_marina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы содержания обучения русскому языку как иностранному и формы контроля уровней владения языком B2-C1, представленные в учебном комплексе по подготовке к экзамену по русскому языку для иностранных граждан «В мире людей»: выпуск 1 «Письмо. Говорение» (B2-C1), выпуск 2 «Аудирование. Говорение» (B2-C1), выпуск 3.1 «Чтение. Говорение» (B2). Материалы учебного комплекса соответствуют Требованиям и Типовым тестам российской системы ТРКИ-2/3 и обеспечивают достижение данных уровней владения русским языком.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, уровень, содержание обучения, контроль.

Summary. The article deals with the content of teaching Russian as a foreign language and the forms of control B2-C1 levels (language proficiency) presented in the manual of Russian language examination preparing for foreigners «In the world of people»: Vol. 1. Writing. Speaking (B2-C1), vol. 2. Listening comprehension. Speaking (B2-C1), vol. 3.1. Reading. Speaking (B2). The materials of the manual comply with the Requirements and Tests of the Russian testing system TRKI-2/3 and ensure the achievement of these levels of Russian language proficiency.

Keywords: Russian as a Foreign Language, level, content of teaching, control.

Учебный комплекс «В мире людей» адресован иностранным учащимся, владеющим русским языком в объеме, приближенном к уровню ТРКИ-2 (Общее владение). Цели обучения: а) достижение коммуникативной компетенции уровней B2-C1 (ТРКИ-2 / 3), что определяет содержание обучения на продвинутом этапе; б) подготовка к тестированию по русскому языку как иностранному заявленных уровней.

Структура комплекса:

Выпуск 1. Письмо. Говорение (ТРКИ-2 / 3: B2 / C1) [Макова, Ускова 2013].

Выпуск 2. Аудирование. Говорение (ТРКИ-2 / 3: B2 / C1) [Макова, Ускова 2016].

Выпуск 3.1. Чтение. Говорение (ТРКИ-2; B2) [Макова, Ускова 2018].

Выпуск 3.2. Чтение. Говорение (ТРКИ-3; C1) – в работе.

Представим содержание обучения и материалы **Выпуска 3.1. Чтение. Говорение.**

Материалы нацелены на формирование навыков разных видов чтения: ознакомительного, поисково-просмотрового и изучающего. Особенность выпуска – ориентированность на индивидуальные коммуникативные потребности учащегося и уровень владения языком. В связи с этим по каждой теме предлагаются тексты разного уровня сложности, отвечающие минимальным требованиям уровня B2 (66% понимания) и максимальным (выше 80% понимания).

Структура каждого раздела включает в себя:

1. Текст для чтения.
2. Тест на проверку понимания (множественный выбор).
3. «Активизация языковых и речевых навыков»: материалы, направленные на формирование *языковой* (синонимы, антонимы, интернационализмы, устаревшая лексика, фразеологизмы и свободные словосочетания, словообразование, лексическая сочетаемость, синтаксическая синонимия); *дискурсивной* и *прагматической* (продукция монологической и диалогической речи) компетенций.
4. Лексико-грамматический тест.
5. Ключи к заданиям.

Материалы выпуска не содержат *предтестовых* заданий, т.к. ориентированы на самостоятельную работу (или на использование в качестве дополнительного материала). Одна-

ко *притекстовые* задания являются *коммуникативно-ориентированными*: формулировка отсылает к обсуждению социально-значимой проблемы. Например, **текст 1.3.1.** *К сожалению, в современном обществе есть люди, потерявшие семью, дом, работу. Кто виноват в их судьбе и кто должен им помочь? К решению этих проблем в каждой стране подходят по-своему. Прочитайте статью «Милости не просим».*

Задания формулируются в соответствии с Типовыми тестами ТРКИ-2, что позволяет использовать данный выпуск Учебного комплекса для подготовки к прохождению тестирования на уровень ТРКИ-2 (субтесты Чтение, Говорение).

В выпуске 3.1. сохраняется основной модульный принцип расположения материала (базой для развития умений и навыков чтения и говорения служит *социокультурная компетенция*), а в качестве основной единицы обучения выступает текст, что определяет последовательность расположения материала – жанр текста и вид чтения.

В **части 1** по каждой теме представлены два нарративных текста СМИ (нижний и верхний порог ТРКИ-2), в **части 2** – аргументативные тексты и образцы официально-деловых писем, в **части 3** – по каждой теме представлены два художественных текста: текст 1 – отрывок из произведения современной литературы (нижний порог ТРКИ-2), текст 2 – отрывок из произведения классической литературы (верхний порог).

Таким образом, учебный комплекс «В мире людей» можно считать полифункциональным, так как он дает возможность использовать гибкие модели обучения с учетом различных потребностей контингента.

Литература

Макова М.Н., Ускова О.А. В мире людей. Выпуск 1. Письмо. Говорение: Учебное пособие по подготовке к экзамену по русскому языку для граждан зарубежных стран (ТРКИ-2 / ТРКИ-3). СПб.: Златоуст. 2013; 2-е изд. 2017.

Макова М.Н., Ускова О.А. В мире людей. Выпуск 2. Аудирование. Говорение: Учебное пособие по подготовке к экзамену по русскому языку для граждан зарубежных стран (ТРКИ-2 / ТРКИ-3). 2016.

Макова М.Н., Ускова О.А. В мире людей. Выпуск 3.1. Чтение. Говорение: Учебное пособие по подготовке к экзамену по русскому языку для граждан зарубежных стран (ТРКИ-2). 2018.

Коммуникативно-прагматические неудачи в русско-китайской межкультурной коммуникации и их преодоление

Фань Сяомэй

Communicative and pragmatic failures in the Russian-Chinese intercultural communication and their overcoming

Fan Xiaomei

Шанхайский университет иностранных языков (Китай) / Shanghai International Studies University (China)

78001802@qq.com

Аннотация. В данной работе предприняты попытки определить причины прагматических неудач в русско-китайской межкультурной коммуникации, а также наметить пути их преодоления с точки зрения преподавания русского языка.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; прагматическая неудача; преподавание русского языка как иностранного.

Summary. In this paper, attempts are made to identify the causes of pragmatic failures in Russian-Chinese intercultural communication, as well as to identify ways to overcome them in terms of teaching the Russian language.

Keywords: intercultural communication; pragmatic failure; teaching Russian as a foreign language.

1. Изучение прагматических неудач в межкультурной коммуникации является одной из актуальных научных проблем в современной лингвистике, так как позволяет решить практических трудностей в методике преподавания РКИ.

2. Мы используем в нашем исследовании термин «прагматическая неудача». Такая традиция закрепилась в исследованиях китайских ученых, например, Хэ Цзыжань (1986), Янь Чжуан (1986), Тан Хунфан (2007) и др., в то время как российские исследователи чаще используют термин «коммуникативная неудача» («полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [王得杏 1990]). Наш анализ исследований теоретической и методической базы российских и китайских лингвистов позволяет сделать вывод, что под «прагматической неудачей» следует понимать «прагматически обусловленные коммуникативные неудачи», то есть обусловленные непониманием ситуации общения. В такой трактовке термины «коммуникативная неудача» и «прагматическая неудача» вступают в гипо-гиперонимические отношения. В настоящей работе мы приводим результаты исследования, целью являлась классификация прагматических неудач в русско-китайской коммуникации.

3. Наше исследование состояло из нескольких этапов: сначала мы анализировали конкретные прагматические неудачи китайских учащихся в устной диалогической и монологической речи с точки зрения успешности коммуникативного акта, опираясь на корпус примеров, который мы собрали посредством анализа собственного эмпирического опыта преподавания РКИ, а также посредством анализа методической и учебной литературы, и определить причины прагматических неудач, а затем составить их классификацию и предложить некоторые пути их преодоления посредством корректировки учебных материалов и введения инновационных для китайской аудитории приемов обучения.

4. Известно, что основной причиной прагматических неудач являются культурные различия коммуникантов [李平 2006]. Мы хотели бы уточнить данное утверждение. Нам кажется целесообразным выделить прагматично-языковые и социально-прагматические неудачи. Причиной первой группы прагматических неудач является отрицательный прагматический перенос родного языка, то есть китайские учащиеся используют выражения родного языка в общении на русском языке, дословно переводя их. Причиной социально-прагматических неудач является незнание или игнорирование социальных и культурных различий коммуникантов-носителей разных языков и культур [Ермакова, Земская 1993].

5. В процессе обучения русскому языку как иностранному в Китае преподаватели обращают недостаточное внимание на преодоление прагматических неудач и развитие навыков межкультурной коммуникации, уделяя большее внимание обучение системе языка, но не отрабатывая с учащимися употребление данных единиц в разных прагматических координатах общения. Эта методическая проблема обусловлена рядом причин: недостаток компаративных исследований по русско-китайской межкультурной коммуникации, выполненных совместными авторскими коллективами и доступных для свободного ознакомления; неактуальность большинства исследований. Также стоит подчеркнуть, что на этапе контроля (как текущего, так и семестрового) также мало внимания уделяется оценке навыков устного общения, не говоря уже об оценке уровня сформированности межкультурной компетенции как таковой.

6. Обозначенную проблемы мы можем решить только посредством включения учебных материалов, ориентированных на развитие навыков межкультурного общения, а также увеличения количества практических занятий, позволяю-

щих актуализировать полученные знания, развить навыки межкультурного общения.

Литература

Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского языка). // Русский язык в его функциональных разновидностях: Коммуникативно-прагматический аспект. − М.: Наука, 1993. С.31.

王得杏. 跨文化交际的语用问题 // 外语教学与研究，1990. № 4. С. 7–11.

[*Wang Dexing*. Pragmatic Problems in Intercultural Communication // Foreign Language Teaching and Research. 1990. № 4. С. 7–11.]

李平. 导致语用失误的母语语用迁移现象分析 // 北京印刷学院学报，2006. № 1. С. 58–60 [*Li Ping*. Analysis of the Phenomenon of Linguistic Transfer Caused by Pragmatic Failures // Journal of Beijing Institute of Graphic Communication. 2006. № 1. С. 58–60].

Просветительские медиаресурсы в обучении русскому языку как иностранному*

С.В. Фащанова

Educational media resources in teaching Russian as a foreign language

Svetlana V. Fashchanova

Томский государственный университет / Tomsk State University

faschanova@gmail.com

Аннотация. Методический потенциал просветительских медиаресурсов изучается в аспекте преподавания русского языка как иностранного на среднем и продвинутом этапах обучения.

Ключевые слова: медиадискурс, просветительский медиатекст, русский язык как иностранный.

Summary. The methodological potential of educational media resources is studied in the aspect of teaching Russian as a foreign language at the intermediate and advanced levels.

Keywords: media discourse, educational media text, Russian as a foreign language.

Просветительский медиадискурс является малоизученным типом дискурса. В то же время данный дискурс динамично развивается в современном российском медиапространстве.

Тексты электронных и печатных СМИ доступны для организации самостоятельной работы студентов, изучающих русский язык и обучающихся на русском языке. Сайты Рунета, в том числе сайты средств массовой коммуникации, позволяют найти любую актуальную информацию по самым разным темам и вопросам.

В рамках данной работы изучается методика работы с просветительскими медиаресурсами о русском языке в лингвометодическом аспекте. В число значимых задач выдвигается необходимость сделать доступным для понимания иностранного студента русскоязычное пространство радио- и телеэфира, Интернета.

Обращение к материалам интернет-сети, видео, радио в учебном процессе актуально, так как они являются ежедневно обновляющимся источником аутентичных текстов, представляют реальные речевые ситуации. По наблюдениям методистов, обучение с применением медиаресурсов способствует повышению результативности процесса обучения, коммуникативных способностей, анализа и оценки медиатекстов ([Чумаколенко 2013; Ling Lee, Der-Thanq Chen, Jen-Yi Li, Tzu-Bin Lin 2015] и др.).

Развитие методологии медиаобразования станет теоретическим основанием для внедрения новых педагогических технологий в преподавание русского языка как иностранного, будет иметь практическую значимость для обучения иностранных студентов русскому языку.

Литература

Чумаколенко Н.А. Психолого-педагогические основы развития медиакомпетентности учащихся в процессе обучения средствами искусства // Медиаобразование 2013: Сборник трудов Международного форума конференций / Под ред. И.В. Жилавской. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013. С. 276–286.

Ling Lee, Der-Thanq Chen, Jen-Yi Li, Tzu-Bin Lin. Understanding new media literacy: The development of a measuring instrument // Computers & Education. Volume 85. July 2015. P.84–93.

Как Золушка стала принцессой. Новая версия старой сказки (О новом подходе к формированию словарного запаса у студентов РКИ)

Е.Ю. Филимонова

How Cinderella turned into a princess. A new version of a fairy-tale (On a new approach to vocabulary building of students studying Russian as a foreign language)

Elena Filimonova

Кембриджский университет (Великобритания) / University of Cambridge (Great Britain)

ef263@cam.ac.uk

Аннотация. В данной работе описывается опыт создания интерактивного интернет-ресурса, в котором основное внимание уделяется не грамматике, а формированию и расширению словарного запаса студентов РКИ. Будут представлены основные принципы организации ресурса, проанализированы преимущества и возможные недостатки предлагаемого подхода к обучению.

Ключевые слова: формирование словарного запаса, интерактивный онлайн-ресурс, русский как иностранный.

Summary. This paper presents the experience and challenges in creating and using interactive online resource, which focuses not on grammar but on vocabulary building of RFL (Russian as a foreign language) students. It discusses the main principles of the internal architecture of the resource, and analyses advantages and possible disadvantages of this teaching approach.

Keywords: vocabulary building, interactive online resource, Russian as a foreign language.

В лингвистическом словаре язык определяется как система фонетических, лексических и грамматических средств. Естественно предположить, что обучение родному и иностранному языку должно обязательно включать все три компонента. Однако, как показывает практика, особенно в системе высшей школы, при изучении иностранного языка, и РКИ здесь не исключение, основной упор делается на изучение грамматики. Словарь при этом зачастую оказывается неким сопутствующим довеском, который накапливается сам по себе. И хотя без знания словаря любые формы речевой деятельности (говорение, слушание, чтение, письмо) оказываются недоступными для студента, работа над формированием и расширением лексики не получает должного внимания. Лудо Бехидт [Beheydt 1987] очень удачно сравнил лексику в процессе изучения иностранного языка с Золушкой, без которой, как мы все помним, было не обойтись в хозяйстве, но на которую никто не обращал внимания.

Целью данной работы явилась попытка – выражаясь образным языком – вывести Золушку из тени, и в докладе будет представлен опыт создания интерактивного онлайн-ресурса, задачей которого является целенаправленная работа над формированием и расширением словарного запаса студентов уровней A2–B1 и B1–B2.

Желание создать интерактивный интернет-ресурс, а не пособие или учебник на бумажной основе было осознанным решением, учитывающим изменившийся подход и ожидания сегодняшних студентов к процессу образования вообще и к изучению иностранных языков в частности. Сегодняшним студентам (так называемым digital natives), проще и привычнее работать с компьютером, чем с книгой, они охотнее реагируют на визуальные стимулы, чем на линейное представление текста, им важен игровой элемент в тестировании, а не просто сверенье ответов в конце учебника [Филимонова 2017]. Таким образом, центральная роль учащегося являлась основным ориентиром в создании ресурса. Специфика нашего учебного курса такова, что студенты должны в кратчайшие сроки (10 недель) освоить базовый курс грамматики (включая причастия и деепричастия). (Это довольно серьезная и амбициозная задача, но надо признаться, что студенты успешно справляются с ней.) Однако на усвоение словаря требуется время. Поэтому нам было важно создать именно *интерактивный* ресурс, который бы предоставлял студентам возможность самостоятельно управлять процессом обучения и приобретать компетенции в гибком временном режиме, в отсутствии преподавателя (например, во внеаудиторное время, в каникулы) получать отзыв о том, насколько успешно усвоен материал.

Очевидно, что такая исходная позиция определила основные лингводидактические принципы внутренней организации ресурса. Во-первых, в нашем ресурсе лексика представлена не только в алфавитном порядке, что, безусловно, облегчает отсылочный поиск, но и семантическими подгруппами (т.е. в нашем ресурсе два списка слов: алфавитный и семантический), поскольку ассоциативные связи между словами способствуют более быстрому и надежному усвоению новых слов, а семантически сжатая информация позволяет расширить возможности рабочей памяти и запомнить большее количество единиц словаря. (Например, в одной подгруппе будут представлены лексемы ‘работодатель’, ‘сотрудник’, ‘нанимать / нанять на работу’, ‘увольнять / уволить’.) При этом нам представляется чрезвычайно важным, что подача новых слов не ограничивается лишь перечислением лексем, а окружено контекстом (контекстное овладение словарем). Следуя принципу, что чем чаще встречается новое слово, тем выше вероятность его усвояемости, новые словарные единицы представлены сначала как отдельные слова и выражения, затем используются во фразах и предложениях (в разного рода упражнениях), и наконец, встречаются в диалогах и текстах (принцип увеличивающейся сложности). Разнообразие упражнений, предлагаемых в ресурсе, продиктовано отнюдь не желанием «загрузить студентов», а потребностью создать условия для «максимальной вовлеченности» словарных единиц. Эксперименты психолингвистов [Craik, Lockhart 1972; Laufer, Hulstijn 2001] показали, что «количество умственной деятельности, или вовлеченности», которая была стимулирована заданием, коррелирует с успешностью запоминания словаря, и чем больше внимания уделяется слову, тем больше вероятность того, что слово будет сохранено в долгосрочной памяти. Так, упражнения типа «множественный выбор» призваны помочь усвоить грамматические особенности новых слова, «вставьте пропущенное слово» (с опорой на английский эквивалент) должны тренировать навыки быстрого извлечения из памяти нужных слов и выражений. Для повышения лингвистической сознательности учащихся в ресурсе для среднего уровня введены упражнения на словообразование, а также на подбор синонимичных и антонимичных пар и т.д. Аудиофайлы, сопровождающие списки слов, диалоги и тексты, позволяют закрепить не только графический, но и звуковой образ слова.

Нам представляется, что подобный поход к изучению словаря является не только максимально охватывающим, но и имеет ряд практических преимуществ, делающих возможным логическое, последовательное, обучение, а также повышает мотивацию и самостоятельность студентов.

Любой интернет-ресурс, если он не содержит встроенных каналов обратной связи с преподавателем, ориентирован в основном, на овладение рецептивными навыками. При этом продуктивные навыки, по причинам вполне объяснимым, оказываются на втором плане. Однако нам представляется, что этот недостаток легко компенсировать, если, как в нашем случае, интернет-ресурс является не единственным средством обучения, а представляет собой составной элемент учебной программы. А именно, при условии, что студенты проработают заданный модуль ресурса самостоятельно, на занятии преподаватель может сосредоточиться на продуктивных навыках, и тем самым более эффективно использовать контактное время, что, безусловно, становится особенно актуально на более продвинутых этапах обучения.

В заключении хочется отметить еще один немаловажный практический момент: все преподаватели знакомы с проблемой, что любое учебное пособие, каким бы удачным оно ни было, быстро устаревает, теряет свою актуальность, становится для студентов неинтересным, требует переработки и переиздания. Интернет-ресурсы предоставляют создателям возможность редактировать и обновлять материалы по мере необходимости, практически не изымая ресурс из пользования, и, что немаловажно, являются абсолютно бесплатными для студентов.

Литература

Филимонова Е.Ю. «От слов и ум к высотам устремляется»: О формировании и расширении словарного запаса студентов с использованием интернет-технологий (Russian Language Centre 2017. Russian Outside Russia. The Challenges of Teaching Russian as a Foreign Language Outside the Language Environment. Conference Proceedings. 2017. С. 335–340) [URL: https://www.russiancentre.co.uk/RLC-2017-Conference-Proceedings.pdf].

Beheydt L. The semantization of vocabulary in foreign language learning // System. 1987. Vol. 15 (1). P. 55–67.

Craik F.I., Lockhart R.S. Levels of processing: A framework for memory research // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1972. No 1. P. 671–684.

Laufer B., Hulstijn J. Incidental vocabulary acquisition in a second language: The construct of task-induces involvement // Applied Linguistics. 2001. No 22. P. 1–26.

* Исследование выполняется в рамках НИР по гранту Президента РФ № МК-6072.2018.6.

Лингвометодические основы работы над позиционными закономерностями русского звукового строя в иностранной аудитории

М.В. Фокина

Linguistic and methodological principles of Russian phonetical training for foreigners focused on positional rules

Maria V. Fokina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

mfokina@list.ru

Аннотация. Тезисы доклада посвящены рассмотрению вопроса представления позиционных закономерностей русской фонетической системы в иностранной аудитории. Анализируются причины, обусловливающие особую трудность работы с этим материалом на занятиях, освещаются общие методические основы постановки произношения в намеченной области, описывается система упражнений и заданий, разработанная для преодоления позиционного акцента.

Ключевые слова: русский как иностранный, фонетическая интерференция, иностранный акцент, русское произношение, позиционный.

Summary. The paper deals with specifics of handling with positional rules in Russian phonetical training for foreigners. The hardness of working with this material, the basic linguistic and methodological principles of presentation of Russian positional rules in foreign audience and system of exercises focused on elimination of this type of accent are presented in this paper.

Key words: Russian as a foreign language, phonetic interference, foreign accent, Russian pronunciation, positional.

При поставке произношения в иностранной аудитории необходимо учитывать, что устойчивые акцентные отклонения нередко возникают вследствие расхождений в области позиционных закономерностей родного и изучаемого языков, т.е. расхождений закономерностей функционирования звуковых единиц. Под функционированием мы понимаем, опираясь на труды К.В. Горшковой и Е.Л. Бархударовой, реализацию фонем в звуках и их позиционное употребление [Горшкова и др. 1985: 55–57; Бархударова 2011: 43]. Ошибки в речи инофонов, вызванные расхождениями в позиционных закономерностях двух «контактирующих» систем, являются наиболее трудно устранимыми и фиксируются в интерферированной речи учащихся вплоть до завершающего этапа обучения. Так, в русской речи носителей большинства языков независимо от уровня владения изучаемым языком отсутствует мена звонкого шумного согласного на глухой в абсолютном конце слова, обязательная в русском языке. В связи с этим в английском, французском, испанском, греческом и многих других акцентах русские слова *код*, *лоб*, *молодежь* звучат как **ко*[d], **ло*[b], **молоде*[ʒ].

Сложность работы над позиционными закономерностями в иностранной аудитории определяется в первую очередь двумя факторами. Во-первых, закономерности функционирования фонем часто носят специфический характер в языке. Даже при наличии в родном языке учащихся фонологических противопоставлений, аналогичных русским, реализации фонем в определенных позициях в «контактирующих» языках обычно заметно различаются. Так, в родных языках учащихся, примеры отклонений из акцентов которых были приведены выше, присутствует противопоставление согласных по признаку глухости / звонкости, при этом мена звонких на глухие в позиции конца слова отсутствует. Соответственно, при изучении русского языка на данном участке фонетической системы появляются акцентные отклонения. Таким образом, необходимым в ходе обучения произношению является «преодоление позиционных навыков своего языка» [Реформатский 1959: 149].

Вторым фактором, обусловливающим большую сложность работы над позиционными закономерностями при обучении иноязычному, в том числе русскому, произношению, является неосознанность фонетических закономерностей самим говорящим. Позиционные закономерности усваиваются ребенком интуитивно, а взрослый человек воспроизводит их в своей речи непроизвольно. Таким образом, на занятиях по звучащей речи задача преподавателя усложняется: параллельно с обучением русским позиционным закономерностям необходимо сознательно преодолевать закономерности родного языка, которые не осознаются учащимися, вывести этот материал «из зоны бессознательного» и организовать его контролируемое освоение. Для этих целей необходимо особым образом выстроить систему работу в иностранной аудитории.

Обозначим основные принципы такой системы: 1) постоянное внимание к позиционным закономерностям на протяжении всего фонетического курса; 2) сознательное сопоставление с родным языком учащихся, демонстрация различий в закономерностях функционирования двух языков на определенном языковом материале; 3) вместо постановки фонологического слуха и тренировки произношения звука во всех возможных позиционных условиях (что является излишним при исправлении ошибок позиционного характера) – смещение акцента на произнесение звуков в конкретных, трудных для данного контингента позициях; 4) создание и использование на занятиях специальной системы упражнений и заданий (далее здесь – СУЗ), нацеленной на преодоление «позиционного» акцента.

Разработка особой СУЗ в рамках национально ориентированного курса практической русской фонетики является чрезвычайно важной задачей. Подобная СУЗ обязательно должна содержать аналитические и классифицирующие упражнения, предполагающие поиск в языковом материале отрабатываемого фонетического явления, фрагментарное транскрибирование, фонетические диктанты, распределение слов по группам в зависимости от произношения выделенных сложных звуков или звукосочетаний. Языковой материал, содержащий отрабатываемое фонетическое явление, необходимо закреплять на уровне предложений и текстов. Особенно эффективным является форма работы, при которой учащиеся самостоятельно вставляют в контекст отработанные слова и словосочетания. Необходимым этапом работы над позиционными закономерностями являются условно-речевые, речевые и коммуникативные задания, которые обеспечивают автоматизацию произносительных навыков и развитие речевых умений, а также повышают мотивацию учащихся. Нередко на занятиях по практической фонетике именно этот этап работы незаслуженно игнорируется, что затрудняет формирование у учащихся коммуникативной компетенции на фонетическом материале.

Литература

Горшкова К.В. Фонетика // Горшкова К.В., Мустейкис К.В., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Ч. I. Вильнюс, 1985.

Бархударова Е.Л. Парадигматика и синтагматика звуковых единиц в контексте обучения русскому произношению // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 4. С. 39–50.

Реформатский А.А. Обучение произношению и фонология // Филологические науки. 1959. №2. С. 145–156.

Учебный диалог как средство формирования навыков речевого общения иностранных студентов на этапе предвузовского обучения

Н.Ж. Хамгокова

Educational dialogue as a means of forming of speech communication skills at the stage of pre-University education

Nina Zh. Khamgokova

Российский университет дружбы народов (Москва) / Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

ninahamgokova@mail.ru

Аннотация. Приблизить учебно-речевое общение к естественному общению можно, установив четкую координирующую связь между ситуацией общения, текстом и темой как методическими категориями. Учебно-речевое общение предполагает предварительное восприятие информации, переработку этого материала и его воспроизведение.

Ключевые слова: учебный диалог, учебно-речевое общение, тематическая беседа.

Summary. Bring teaching and speech communication to natural communication is possible only by setting a clear coordinating link between the situation of communication, text and theme as teaching categories. Teaching and speech communication assumes that perception information processing this material and it play.

Keywords: educational dialogue, educational-speech communication, thematic talk.

Теоретические и практические аспекты коммуникативно ориентированного обучения устной иноязычной речи связаны с методическим раскрытием, интерпретацией таких понятий и категорий, как сфера, тема, ситуация общения, условия и обязательства, в которых оно протекает, социальные роли, отношения собеседников. Реальная коммуникация может осуществляться в форме диалога и монолога.

Диалог – это речевая деятельность, вызванная различными факторами речевой ситуации. Существуют разные виды диалогов, как естественный бытовой диалог, учебный диалог, диалог этикетного характера, диалог-расспрос, диалог-обмен информацией, диалог-беседа, тематическая беседа.

Естественный бытовой диалог и учебный диалог несколько отличаются друг от друга. Учебно-речевое общение предполагает предварительное восприятие информации, переработку этого материала и его воспроизведение. Владение структурой учебного диалога повышает интерес иностранных студентов к работе с текстом, способствует лучшему овладению языковыми средствами, передающими содержание текста с новой информацией, которую необходимо усвоить. Тематическая беседа как форма учебного диалога играет важную роль в работе с научным текстом по специальности.

Нельзя не согласиться с тем, что в тематической беседе предметом общения всегда выступает тема или подтема какой-нибудь большой темы, как и в монологическом общении. Тема – многоплановая единица, которая требует раскрытия с разных сторон. В тематической беседе невозможно обнаружить одно целевое действие. Количество составляющих тематическую беседу диалогических единств может быть разным. Она состоит из нескольких ситуативных диалогов (диалогических единств). Ситуативный диалог отличается от тематической беседы тем, что он раскрывает не тему целиком, а элемент темы. Важно, чтобы эти диалогические единства вместе достаточно полно раскрывали обсуждаемую тему.

Тематическая беседа должна носить не только информативный характер, но обучающий характер. Преподаватель заранее сообщает тему беседы, чтобы учащиеся смогли подготовиться к беседе, составить вопросы. Например, источником тематической беседы «Скелетная система и ее место в опорно-двигательном аппарате» могут стать тексты: «Опорно-двигательный аппарат. Кость как орган», «Соединения костей», «Скелет человека». Вопросы к тематической беседе не являются планом темы. Они должны отражать наиболее существенные элементы содержания темы, подтемы: строение кости как органа, состав костей, классификация костей, свойства костей, сравнительная характеристика костей (взрослых людей и детей), функция костей и т.д.

Преподаватель контролирует, чтобы все учащиеся стали активными участниками беседы, чтобы они овладели материалом темы по специальности. Для проведения тематической беседы необходимо формирование следующих навыков и умений:

– задавать вопрос об изучаемом объекте;
– ориентироваться в логической структуре беседы;
– быстро реагировать на неточные ответы собеседника с помощью вопросительных речевых действий (запрос, разъяснение, уточнение сообщаемого);
– обнаружить отсутствие необходимых данных для обсуждения в процессе беседы;
– предвидеть минимальную схему беседы и составить расширенную схему беседы;
– составить план беседы по заданной теме;
– отбирать необходимую для обсуждаемой проблемы информацию по одной теме из нескольких источников;
– объединять необходимую для обсуждаемой проблемы информацию;
– формулировать вывод на основе полученных после изучения объекта данных;
– делать вывод на основе данных, полученных из разных источников;
– аргументировать свою точку зрения и иллюстрировать теоретические положения примерами;
– играть роль ведущего в разных диалогах, в которых реплики представлены речевыми действиями разного типа: рассуждение, доказательство, разъяснения;
– умение удержать инициативу общения, изложить свою точку зрения, привести примеры, сравнить что-то с чем-то и т.д.;
– использовать изученный языковой и речевой материал и целенаправленно оперировать им при построении монологического высказывания репродуктивно-продуктивного характера на основе прочитанного или прослушанного текста с опорой на план, таблицы, записи.

Итак, целенаправленное использование диалогов разных видов помогает учащимся включить изучаемый языковой и речевой материал в речевую ситуацию, создаваемую на уроке, дает стимул приблизиться к спонтанной речи, сформировать у иностранных студентов необходимый уровень коммуникативной компетенции в актуальных ситуациях учебно-научной и профессионально ориентированной сфере деятельности.

Литература

Методика преподавания русского языка как иностранного / Под ред. В.Г. Костомарова, О.Д. Митрофановой. М.: Русский язык, 1990.

Мотина Е.И. Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. М.: Русский язык, 1988.

Хамгокова Н.Ж. Обучение диалогической речи на уроках русского языка как иностранного на материале научного стиля речи // Обучение иностранных граждан на довузовском этапе: современное состояние, проблематика. 24–25 апреля 2014 г. М.: РУДН, 2014. С.256–260.

Фитонимы как объект лингвострановедения

О.В. Чагина

Phytonyms as an Object of Linguoculturology

O.V. Chagina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

aichagin@mail.ru

Аннотация. В сообщении говорится о фитонимах – названиях растений как одной из тем в практике преподавания РКИ. Рассматриваются семантика и этимология, словообразовательная структура фитонимов, их национальная специфика.

Ключевые слова: Фитонимы, семантика, словообразование, РКИ.

Summary. The paper is devoted to phytonyms – names of plants as a theme in teaching Russian for foreigners. Semantics and etymology of phytonyms, their wordbuilding structure and national peculiarity are becoming the object of analysis.

Keywords: Phytonyms, semantics, wordbuilding, Russian for foreigners.

1. Известно, что тема природы составляет одну из неизменных и важных основ любого национального языка. Эта тема активно разрабатывается и в практике русского языка как иностранного. Большой интерес у иностранных учащихся вызывает фитонимика – названия растений и круг вопросов, связанных с ними: этимология, внутренняя форма слова, словообразовательная структура фитонима, а также различия, существующие в этой области в разных языках и обусловленные особенностями национального восприятия.

2. Многие фитонимы так или иначе связаны с миром человека и имеют антропоцентрическое измерение. Так, некоторые растения получили свое название в зависимости от его формы. Например, одно из первых весенних растений – *печеночница* – названо так из-за сходства его листьев с печенью (отсюда и латинское название – Hepatica). По этому же принципу возникло название растений: *очанка*, напоминающее по форме глаз; *зубянка*, или *бабий зуб*, которое прозвали так в народе из-за сходства со старым зубом, который вот-вот выпадет [Ветвичка 1987: 162], и др.

Некоторые фитонимы соотносятся с артефактами: с одеждой (*манжетка* – по узорчатой форме листьев) или с воинскими атрибутами: *шпажник* – листья похожи на шпагу; *шпорник* – форма листьев напоминает рыцарские шпоры; *шлемник* – форма цветка напоминает рыцарский шлем.

3. Ряд фитонимов связан с социальной сферой, в том числе с семейными отношениями. Например, у растения *мать-и-мачеха* нижняя часть листа шероховата, но более теплая на ощупь; верхняя же часть – блестящая и холодная. Нетрудно догадаться, с кем ассоциируются каждая из сторон листа. Идея злой мачехи существует в национальных культурах других народов. У немцев, например, есть цветок *Stiefmütterchen* – «мачеха». Это полевая фиалка, бедная родственница наших *анютиных глазок.* Самый красивый лепесток у этого цветка – нарядная мачеха; два других, тоже красивые – ее родные дочери; а последний, бледный и невзрачный – падчерица [Золотницкий 1994: 133].

4. Названия ряда фитонимов мотивированы антропонимами – мифологическими (*Венерин башмачок*), библейскими (*Адамова голова, Соломонова печать*) или именами земных людей: *Марьин корень, Иван-да-Марья, Иван-чай, Иванова трава, анютины глазки.* Возникновение некоторых из этих фитонимов отражено в преданиях и легендах, небезынтересных для иностранного учащегося. Например, название цветка *Иван-да-Марья* связывают с кровосмесительным браком разлученных в детстве брата и сестры, что стало для них трагедией. Растение *Соломонова печать* получило свое название по рубцу, остающемуся на засохшем стебле после его отмирания.

5. В некоторых фитонимах отражается действие почти всех органов чувств:

– восприятия звука: *хлопушка, погремок, колокольчик;*
– вкус: *кислица, горькуха, горчица, солодка, иберис горький, очиток едкий;*
– восприятие основных цветов спектра: *синяк, синюха, желтяк, желтобрюшник, синеголовник, чернобыльник, белоцветник, чернушка*;
– обоняние: *душица, смородина* (от ст.-сл. ‘смрад’→ ‘смород’, т.е. сильный запах), *вонючка,* или *вонючий Робертик* (тип герани), *ферула вонючая.*

6. Часто фитонимы отражают мир природы. Они могут указывать на время цветения. Ср. *первоцвет*, который зацветает рано весной, и наоборот, *безвременник*, имеющий свойство зацветать поздней осенью, когда листья уже отмирают. Названия растений *вечерница* и *ночная фиалка* объясняются тем, что в вечернее время они издают сильный, приятный аромат.

Многие растения получили свое название по месту обитания: *подорожник, подснежник*; происхождения или зоны распространения: *Пампасская трава, Копорский чай, Курильский чай, волжанка.*

7. Сложным для иностранцев является разграничение паронимов *цветочный, цветной, цветковый.* Особую трудность представляют фитонимы, имеющие в своем составе прилагательные со сложной основой: *лилия длинноцветковая* (о размере цветка) и *лилия одноцветная* (об окраске, о цвете).

8. В области словообразования объектом рассмотрения РКИ могут стать многочисленные фитонимы – сложные слова, среди которых преобладают лексемы с подчинительными отношениями: *чистотел, тысячелистник, камнеломка, клопогон, пион древовидный, вьюнок трехцветный.*

В плане словообразования целесообразно также обратить внимание на наиболее распространенные суффиксы прилагательных, входящих в состав названия растения:

-ист- (***душистый*** *горошек*, *тополь* ***серебристый***);
-оват- / *-еват-* (*лилия* ***кудреватая,*** *осот* ***шероховатый***);
-уч- / *-юч-* (*ель* ***колючая****, ива* ***плакучая***) и др.

9. В области синтаксического устройства фитонимов обращает на себя внимание различный порядок слов в названиях, представленных адъективно-субстантивными словосочетаниями. В сообщении рассматриваются условия препозитивного и постпозитивного употребления прилагательного в фитонимах.

Ср.: *Душистый горошек – Смородина душистая*; *Золотой дождь – Смородина золотая*; *Заячья капуста – Капуста декоративная.*

Литература

Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. Киев: «Довіра», 1994.

Ветвичка В. Растения полей и лесов. Прага: «Артия», 1987.

Возможности применения виртуальных голосовых помощников на занятиях по иностранному языку (лингводидактический аспект)

А.Г. Чафонова, М.О. Ратников

Possibilities of virtual assistant using in teaching foreign language (linguodidactical aspect)

Albertina G. Chafonova

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (Москва) / Pushkin State Intitute (Moscow)

porijoki@nextmail.ru

Maksim O. Ratnikov

«Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)» / Moscow Aviation Institute

m.o.ratnikov@mail.ru

Аннотация. В тезисах рассматриваются варианты использования голосового помощника «Алиса» в качестве дополнительного средства обучения русскому языку.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, нейронные сети, голосовой помощник «Алиса».

Summary. In the thesis the possibilities of virtual assistant using in teaching Russian as a foreign language are considered.

Keywords: Russian as a foreign language, neural networks, virtual assistant “Alice”.

Еще в 2005 году об информатизации образовательного процесса ученые и педагоги писали следующее: «внедрение информационных компьютерных технологий (ИКТ) в учебный процесс повышает качество подготовки специалистов. ИКТ позволят преподавателям расширить рамки учебного процесса, повышая тем самым эффективность процесса обучения и стимулируя студентов к обучению иностранному языку» [Табуева, Секлетова 2012]. В настоящее время информационные технологии заняли прочные позиции в методике обучения иностранным языкам. Использование компьютерных технологий на занятиях по иностранному языку позволяет решать многие методические задачи, связанные с развитием практических навыков учащихся в русле коммуникативного подхода к обучению.

Все большую популярность приобретают информационные компьютерные системы, основанные на нейронных сетях, способных к распознаванию речи. Одной из самых популярных программ в нашей стране, созданных на базе нейронных сетей и позволяющих использовать естественную речь для получения необходимой информации из Интернета, является голосовой помощник «Алиса», разработанный компанией «Яндекс».

Для методики обучения русскому языку как иностранному (РКИ) одной из наиболее значимых возможностей «Алисы» является способность преобразования запросов в текст, что позволяет осуществлять контроль, необходимый для постановки и корректировки произношения обучающихся языку. При этом возможности «Алисы» для преподавания РКИ не ограничиваются обучением произношению, так как «Алиса» направлена на диалогическую форму коммуникации. Обучающиеся могут не только контролировать собственную речь (голосовой помощник автоматически переводит запрос в текстовую форму), но и услышать, и увидеть ответ «Алисы», поступивший на запрос. Разговор с «Алисой» имитирует естественный язык, в том числе потому, что голосовой помощник «помнит контекст», тем самым обеспечивая связность диалогового общения. В официальном блоге компании «Яндекс» [Официальный блог компании Яндекс] утверждается, что способность «Алисы» к запоминанию контекста позволяет ей разбираться с такими сложными лингвистическими явлениями, как эллипсис (коммуникативно значимое сокращение или опущение некоторых структурных элементов языковой единицы в ходе речевой коммуникации [Энциклопедия русского языка]) и кореференция / кореферентность (отношение между компонентами высказывания, которые обозначают один и тот же внеязыковой объект или ситуацию [ЛЭС]).

Еще одной важной функцией «Алисы» для методики преподавания РКИ является информативная функция. Так как «Алиса» представляет собой оболочку для поисковой системы Яндекс, то ее базовой задачей является предоставление информации по заданному в строке поиска запросу. В связи с этим обращение к «Алисе» на занятиях по РКИ находит широкую область применения и позволяет решать несколько лингвометодических задач одновременно, ведь запросы к «Алисе» могут быть подобраны тематически и быть непосредственно связанными с изучаемым в данный момент материалом.

Таким образом, виртуальный голосовой помощник является современным и доступным вспомогательным средством обучения иностранному языку, в том числе русскому. Перспективы голосовых помощников в области методики преподавания РКИ очень велики. В настоящее время они могут быть использованы в качестве дополнительных средств обучения как в рамках существующих методик обучения РКИ, так и в специально разработанных или адаптированных для них методиках.

Особо отмечаем, что общение с голосовым помощником для обучающего ни в коей мере не может являться заменой реального живого общения с преподавателем и другими обучающимися, и должно применяться исключительно для решения вспомогательных задач: контроль / самоконтроль, корректировка, использование голосового помощника в качестве источника дополнительной информации.

Литература

Лингвистический энциклопедический словарь [URL: http://tapemark.narod.ru/ (дата обращения: 25.11.18)] (ЛЭС).

Официальный блог компании Яндекс на портале Хабрахабр [URL: https://habr.com/company/yandex/blog/339638/ (дата обращения: 25.11.18)].

Табуева И.Н., Секлетова Н.Н. Информационно-компьютерные технологии как средство повышения качества преподавания иностранного языка в техническом вузе // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 2–6 [URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 22.11.18)].

Энциклопедия русского языка [URL: http://russkiyyazik.ru/ (дата обращения: 25.11.18)].

Обучение научной речи в системе языковой подготовки иностранных учащихся

И.В. Черновалюк

Teaching scientific speech in the system of language training of foreign students

I.V.Chernovaljuk

Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова (Украина) / Odessa I. Mechnikov National University (Ukraine)

iran62@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме обучения иностранных учащихся русской научной речи как средству профессионального общения. Обучение научной речи рассматривается как ведущий аспект в системе языковой подготовки иностранцев. Язык научного и профессионального общения является важнейшей составляющей профессионально-коммуникативной компетенции будущего специалиста.

Ключевые слова: научная речь, научный стиль, профессиональная компетенция.

Summary. The article is devoted to the problem of teaching foreign students of Russian scientific speech as the most important means of professional communication. Teaching scientific speech is considered as a leading aspect in the system of language training for foreigners. The language of scientific and professional communication is the most important component of the professional and communicative competence of the future specialist.

Keywords: scientific speech, scientific style, professional competence.

На современном этапе развития системы иноязычного образования особое внимание уделяется формированию коммуникативных умений, необходимых для осуществления профессиональной деятельности в различных сферах и ситуациях общения. В образовательных программах обучения иностранных магистрантов и аспирантов предусмотрена языковая подготовка и обучение языку как средству образования и воспитания, профессионального общения и гуманистического развития.

Обучение иностранных магистрантов и аспирантов носит профессионально ориентированный характер, предполагает интенсивную занятость научно-исследовательской деятельностью и совершенствование владением языком. Научно-исследовательская деятельность относится к обязательной составляющей образовательного процесса и неотъемлемой части подготовки квалифицированного специалиста. В этом плане особую значимость приобретает язык научного и профессионального общения, который является важнейшей составляющей образовательного процесса в целом и определяет качество, результативность и реализацию учебной и научно-исследовательской деятельности [Капустина 2011: 306]. Обучение научному стилю речи признается ведущим аспектом, т.к. важнейшее условие профессиональной подготовки специалиста любой отрасли – овладение языком специальности, профессиональной речью [Буре и др. 2003: 3].

В процессе обучения научной речи достижение научных целей является приоритетным, что выражается в расширении научной и профессиональной компетентности иностранцев, развитии направленных научных интересов в области избранной специальности. Приобщение к науке, постижение научной картины мира, осмысление научных теорий и концепций осуществляется посредством овладения языком науки. Научный стиль является основой всей языковой подготовки к овладению профессиональной речью и реализуется в научной сфере общения и речевой деятельности, обусловленной наукой как формой общественного сознания [Буре и др. 2003: 5].

Современная программа обучения иностранному языку в соответствии с требованиями к подготовке квалифицированного и компетентного специалиста направлена на активизацию самостоятельного подхода, осуществление и реализацию творческого поиска в аспекте научно-исследовательской работы, основана на применении интенсивных методов и стратегиях интерактивного обучения. Оптимизация обучения иностранным языкам касается содержательной составляющей учебного процесса и его учебно-методического обеспечения, обусловленного спецификой овладения языком науки и культурой научного общения.

Содержательным компонентом образовательного процесса, реализующим принципы профессионально ориентированного обучения, является его учебно-методическое обеспечение. Разработка учебных и рабочих программ для иностранных учащихся разных специальностей, методических материалов для иностранных учащихся разных этапов обучения – одно из основных направлений работы кафедры. Для иностранных учащихся разработан спецкурс и программа «Теория и практика научной речи», подготовлены методические рекомендации по русскому языку для иностранных аспирантов «Программа кандидатского экзамена», учебное пособие «Реферирование научного текста» и тестовые задания для иностранных бакалавров, магистрантов и аспирантов. Программа спецкурса разработана на основе модульной технологии организации учебного процесса с учетом принципов профессионально ориентированного обучения и направлена на организацию и эффективное осуществление активной, самостоятельной и результативной познавательной деятельности иностранных учащихся. Технология модульного обучения как одна из инновационных педагогических технологий направлена на увеличение объема самостоятельной работы и обязательное самообразование, позволяет представить курс в виде четко структурированных модулей и реализует основные методические принципы функциональности, минимизации, системности, последовательности и научности.

Учебно-методический материал данного спецкурса представлен в виде модулей: научный стиль речи, научный текст, технология анализа научного текста, научное исследование. Материалы модуля содержат актуальные для иностранных учащихся разделы: тема, цели и задачи научного исследования; актуальность и научная новизна исследования; методы и содержание работы; оценка полученных результатов; формулировка выводов; практическое приложение результатов и перспективы. Также осуществляется работа с научной литературой, развиваются умения анализировать и обсуждать научные проблемы, аргументировать их актуальность и новизну, выдвигать научные гипотезы, проводить и описывать эксперименты, делать выводы из проведенного исследования.

Таким образом, условием успешной реализации научной деятельности иностранных учащихся является овладение языком как средством общения и научно-познавательной деятельности. Научная речь становится показателем профессиональной компетентности, а овладение нормами научного стиля – важной составляющей частью профессиональной культуры. Модульный подход к обучению направлен на активизацию личностных возможностей и усиление самостоятельности учащихся в плане научно-исследовательской и практической деятельности, развитие творческого и познавательного потенциала личности.

Литература

Буре Н.А., Быстрых М.В., Вишнякова С.А. и др. Основы научной речи. М.: Академия, 2003.

Капустина Н.А. Лингвометодические основы контроля в послевузовском курсе обучения иностранных учащихся русскому языку (как иностранному) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. М., 2011. № 3. С. 302–318.

Структурно-прагматическая связность текста стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Деревня»

Е.Ш. Чиалашвили-Гордеева

Structural and pragmatic connectedness of the text of the poem in prose by I.S. Turgenev “Village”

Elen Chialashvili-Gordeeva

Университет им. Ибрагима Чечена (Агры, Турция) / Agrı Ibrahim Chechen University (Turkey)

godrele53@mail.ru

Аннотация. Текст в качестве структурно-смыслового единства языковых единиц можно анализировать как с точки зрения формальной связи этих единиц, так и с точки зрения их прагматической связности. Целью данного доклада является описание некоторых способов выявления и анализа текстовых структурно-прагматических видов связи в практике обучения турецких студентов русскому языку во внеязыковой среде на примере текста стихотворения в прозе Ивана Сергеевича Тургенева «Деревня».

Ключевые слова: текст, структурно-семантическая связность, прагматическая связность, импликация, дейксис.

Summary. The text as a structural-semantic unity of language units can be analyzed both from the point of view of the formal connection of these units, and from the point of view of their pragmatic connectedness. The purpose of this report is to describe some methods of identifying and analyzing textual structurally-pragmatic types of communication in the practice of teaching Turkish students the Russian language in an extra-linguistic environment using the text of a poem in the prose of Ivan Sergeyevich Turgenev “The Village”.

Keywords: text, structural-semantic connectivity, pragmatic connectivity, implication, deixis.

Рассматривая текст в качестве самостоятельного объекта лингвистического исследования, ученые предлагают различные его определения [Верещагин, Костомаров 1973: 126; Гальперин 1981; Николаева 1978; Храпченко 1987]. С нашей точки зрения, наиболее общим и полным можно считать понимание текста как некоторого структурно организованного единства языковых единиц, служащего для выражения определенного содержания, имеющего определенную прагматическую направленность. Таким образом, текст является полифункциональным образованием, принадлежащим какой-либо исторической эпохе, сохраняющим и передающим какую-либо информацию, отражающим, с одной стороны, социокультурные традиции, с другой стороны – психическую жизнь индивида и являющимся средством коммуникации между его составителем и читателем.

Любой текст в качестве структурно-смыслового единства языковых единиц, можно анализировать как с точки зрения формальной связи этих единиц, так и с точки зрения их прагматической связности. При этом связность понимается как система отношений, сформированная путем эксплицитного и имплицитного взаимодействия элементов текста, дающая возможность читателю воспринимать текст как единую конструкцию, получая из нее как основную, так и фоновую информацию.

Для практики организации работы иностранных студентов с русским художественным текстом необходимо осмыслить такие его основные признаки, как информативность, завершенность, членимость, целостность, связность, эстетичность.

Целью данного доклада является описание основных способов выявления и анализа текстовых структурно-прагматических видов связи в практике обучения турецких студентов русскому языку во внеязыковой среде. С этой целью анализируется текст стихотворения в прозе Ивана Сергеевича Тургенева «Деревня».

Необходимым условием для адекватного понимания иноязычного текста является восприятие не только его объективного, но и прагматически обусловленного содержания. Неполное восприятие имплицитной текстовой информации объясняется, как правило, недостаточностью фоновых лингвистических знаний.

Прагматические связи представлены в исследуемом тексте прежде всего импликацией, в частности – исторической фоновой информацией, получаемой на основании внетекстовых и внеязыковых знаний. В качестве примера рассматриваются фоновые смыслы понятия «русская вольная деревня», а также заключительной фразы текста.

Разновидностью прагматических связей является также пресуппозиция, понимаемая как семантический компонент, обеспечивающий наличие определенного смысла в утверждении. В качестве языковых средств выражения пресуппозиции экспрессивной оценки нарратива со стороны повествователя используются частицы, интонация (восклицательная, выражающая сильное чувство или оценку, вопросительно-утвердительная риторического вопроса).

К прагматическим текстовым связям относятся и дейктические связи, представленные персональным, пространственным и временным дейксисом.

Художественное пространство текста конструируется за счет образной зарисовки видимой, слышимой, осязаемой и обоняемой реальности. Такое комплексное изображение художественного пространства создает впечатление непосредственного присутствия читателя в описываемой ситуации.

Образ повествователя вводится для конкретизации места действия. Все далее описываемые образы и действия находятся в непосредственной близости от повествователя. Читатель видит мир через его восприятие.

Персональный дейксис представлен личными местоимениями 1-го, 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа, указывающими на повествователя, участников описываемой ситуации, окружающие предметы. При этом особенностью рассматриваемого текста является как наличие, так и отсутствие дейктических повторов.

Пространственный дейксис представлен либо детерминантами, либо постпозиционными обстоятельствами места, выраженными предложно-именными сочетаниями и наречиями. Пространственный дейксис может указывать как непосредственно на место или объект, так и через их посредство – на другие места или объекты.

Временной дейксис осуществляется либо видо-временными глагольными и причастными формами, либо темпоральными словами и элементами наречного типа.

В качестве структурных связей рассматривается взаимозависимая видо-временная оформленность предложений. Настоящее время используется в качестве основного повествовательного. В тексте 37 форм настоящего времени, выполняющих как описательно-повествовательную, так и событийно-повествовательную функцию, передающих непрерваность действия к моменту высказывания и усиливающих впечатление сиюминутной сопричастности читателя к его восприятию.

Настоящее время может быть маркером непосредственного обращения к читателю, приглашения его к размышлению, к разделению высказанного мнения.

Значение завершенности того или иного действия или цельности портрета персонажа в динамике его функционирования в тексте передается формами прошедшего времени и формами кратких страдательных причастий, введеных в виде вкраплений в текст.

Встречаются единичные формы будущего времени и повелительного наклонения, использующиеся в авторских ком-

ментариях, размышлениях по поводу изображаемого, в оценках, которые автор дает предстоящим событиям.

Описательно-повествовательную функцию выполняют цепочки эллиптических и контекстуально-неполных предложений, парцеллированных конструкций, которые, называя детали единой картины, передают настроение автора, одновременно погружая читателя в реально представленный мир, а также придают тексту ярко выраженную экспрессивность.

В процессе конструирования текста повествователь не только находится в состоянии созерцания, аудирования, обоняния и осязания материального мира, в состоянии осмысления его, но и становится «образной составляющей» [Бахтин 1979: 224] создаваемого им вербального конструкта, который, являясь отражением как межперсонального, так и в целом социального диалога, представляет собой, с одной стороны, результат мыслительной деятельности писателя в обществе, а с другой стороны – выражает его реакции на явления объективного мира.

Стратегия чтения турецкими студентами русских художественных текстов предполагает осознанный подход к тем средствам, которые автор использует в процессе составления текста, к маркерам, позволяющим адекватно воспринимать как эксплицитное, так и имплицитное содержание.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 2005.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М. 1973.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). Изд. 2-е. М.: URSS, 2001.

Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 5–39.

Полонский А.В. Дискурс – социально-когнитивная морфология коммуникации // Global Media Journal. Том II. Вып. 1. Рос. издание. Ростов-на-Дону, 2011.

Рязанов В.Т. Реформа 1861 года в России: причины и исторические уроки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2011.

Тургенев И.С. Деревня // Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1982. Т. 10. С. 125–126.

Храпченко М.Б. Текст и его свойства // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 320–329.

Лингводидактический потенциал учебно-научного текста в обучении русскому языку как иностранному

З.Ф. Юсупова

Linguodidactic potential of educational and scientific text in teaching Russian as a foreign language

Zulfiya F. Yusupova

Казанский (Приволжский) федеральный университет / Kazan (Volga region) Federal University

Usupova.Z.F@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты обучения языку специальности китайских студентов в рамках прохождения ими языковой стажировки. Предлагается работа с учебно-научным текстом по нефтяному профилю как один из важнейших этапов в освоении профессиональной лексики, в обогащении речи иностранных студентов научными оборотами речи и грамматическими конструкциями.

Ключевые слова: обучение; русский язык как иностранный; учебно-научный текст; нефтяной профиль; китайские студенты, лингводидактика.

Summary. The article deals with some aspects of language training of Chinese students in the framework of their language training. It is proposed to work with the educational and scientific text on the oil profile as one of the most important stages in the development of professional vocabulary, in enriching the speech of foreign students with scientific speech and grammatical structures.

Keywords: education, Russian as a foreign language, educational and scientific text, oil profile, Chinese students, linguodidactics.

В практике преподавания русского языка как иностранного на продвинутом этапе обучения учебно-научные тексты используются и как средство познания, и как средство обучения [Бахтина, Кузьмич, Лариохина 1988; Вишнякова 1982; Клобукова 1995; Марков 2016]. На занятиях по чтению мы в основном используем тексты по нефтяному профилю, поскольку стажеры являются будущими переводчиками в области нефтегазового дела. При изучении профессиональных текстов мы придерживаемся как традиционно сложившихся методик, так и современных технологий обучения. Например, используем кейс-технологии, мозговой штурм, интеллект-карты и т.д. Как правило, перед чтением текста проводится предтекстовая работа, которая включает в себя 1) определение значения слов и словосочетаний, в том числе и по словарю (*буровая вышка, нефтедобыча, давление в пластах, насосные трубы* и др.); 2) подбор синонимов и синонимичных выражений (*наружный – внешний, стоимость – цена, специальные приемы – специальные способы, производство – изготовление, продуктивный – полезный / эффективный* и др.); 3) подбор однокоренных слов и составление с ними словосочетаний (*фонтанировать – фонтан, эксплуатация – эксплуатировать, увеличивать – увеличение* и др.); 4) определение, как образованы сложные слова (*нефтедобыча, нефтехимия, нефтеотдача, нефтепродукт* и др.); подбор глаголов (*отбор – отбирать, позволяющий – позволять, добыча – добывать, бурение – бурить* и т.д.); подбор антонимов (*внешний – внутренний, опускать – поднимать, тяжелый – легкий* и др.). Также нами обращается внимание на конструкции, употребляемые в научном тексте: *что определяется чем…*; *по мере чего…*; *что нагнетают куда…*; *что применяется в качестве чего…* и др. [Ермакова, Константинова, Муравьева 2014]. Перед чтением текста может быть организована беседа, обсуждение заголовка текста: *Как вы думаете, о чем говорится в тексте, который называется «История добычи и применения нефти»?* Студенты начинают предлагать свои предположения относительно содержания текста, некоторые из которых записываются на доске. После чтения текста продолжается послетекстовая работа: ответы на вопросы по содержанию текста; по составлению плана; лексическая работа (уточнение значения слов и выражений; запись терминов в словарик и т.д.), выполнение заданий на повторение грамматики. С методической точки зрения считаем оправданным ведение студентами небольших словарей, куда записываются термины. Количество терминов с каждым занятием увеличивается, однако такая форма работы приучает стажеров в дальнейшем обращаться к словарям при выполнении домашнего задания, при самостоятельной работе с текстом. Китайские стажеры с большими трудностями составляют план текста и не умеют пересказывать научный текст. Осмысление прочитанного, умение структурировать представленную в тексте информацию предполагают высокий уровень владения русским языком, наличие у иностранных студентов сформировавшихся навыков работы с текстом. Практикуется и совместное составление интеллект-карт, которые помогают обобщить и повторить прочитанный текст, научную информацию и научные понятия и т.д. Освоению профессиональной лексики также помогает просмотр учебных видеофиль-

мов, посвященных добыче и переработке нефти и т.д. Сначала проводится предварительная лексическая работа, потом дается установка в виде вопросов, после просмотра фильма организовываются обсуждение, поиск ответов на заранее заданные вопросы. Иногда изображение помогает студентам лучше понять значение того или иного слова или словосочетания, которые встречались в тексте. Таким образом, усвоение научной и профессиональной лексики на занятиях с иностранными студентами требует от преподавателя применения наиболее оптимальных методов и форм работы с учебно-научным текстом, позволяет создать условия, приближенные к реалиям будущей профессии.

Литература

Бахтина Л.Н., Кузьмич И.П., Лариохина Н.М. Обучение реферированию научного текста. М.: Изд-во МГУ, 1988.

Вишнякова Т.А. Основы методики преподавания русского языка студентам-нефилологам. М.: Русский язык. Курсы, 1982.

Ермакова Е.В., Константинова О.В., Муравьева А.А. О нефти по-русски: Пособие для иностранных учащихся по обучению языку специальности (нефтегазовый профиль). Книга для студентов. М.: Русский язык. Курсы, 2014.

Клобукова Л.П. Лингвистические основы обучения иностранных студентов гуманитарных факультетов речевому общению на профессиональные темы: Дисс. … доктора пед. наук. М., 1995.

Марков В.Т. Научный дискурс в преподавании русского языка как иностранного // Русский язык как иностранный: лингводидактические и лингвокультурологические основы преподавания: Учебное пособие / Под ред. М.Л. Ремнёвой, Е.Л. Бархударовой, Е.Н. Виноградовой. М.: «Ключ-С», 2016. С. 325–338.

Художественный текст в межкультурном пространстве (методический аспект, РКИ)

И.И. Яценко, Л.Л. Ружанская

The literary text in the intercultural space (methodical aspect, Russian as a foreign language)

I.I. Yatsenko

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

irinayat@mail.ru

L. Roujanskaia

Веронский университет (Италия) / University of Verona (Italy)

linaruj@alice.it

Аннотация. В докладе представлена комплексная методика работы с художественным текстом при обучении русскому языку как иностранному. Показаны возможности данного методического подхода как в языковой среде, так и вне ее. Комплексность в данном случае предполагает, помимо собственно интерпретации текста, обращение к видеоматериалам, сопоставление его переводов.

Ключевые слова: художественный текст, русский язык как иностранный, экранизация произведения, перевод на итальянский язык.

Summary. In the paper are presented complex methods of literary text analysis in the Russian as a foreign language teaching process. Possibilities of the methodological approach are displayed both in the language's country of origin and abroad. The complexity entails, besides the text interpretation itself, the use of videos, comparison text's translations.

Keywords: Literary text, Russian as a foreign language, text screen adaptation, Italian translation.

Художественный текст – неотъемлемая часть той культуры, которую он представляет. И, безусловно, при восприятии этого текста иностранным читателем его информация вступает в диалог, порой конфликтный, с культурой, которой принадлежит читатель. Снять эту конфликтность, безусловно, легче при обучении в языковой среде, где для этого имеется немало способов, часто внеаудиторных (в нашем случае используется опыт обучения стажеров гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова уровня В2). Что же касается преподавания РКИ вне языковой среды (речь идет о студентах 4 курса Лингвистического центра Веронского университета), то здесь на помощь приходят экранизации анализируемых текстов, осуществленные советскими / российскими режиссерами. Так, при чтении рассказа И.А. Бунина «Холодная осень» был продемонстрирован телеспектакль реж. И. Максимчука (1990), что позволило, например, раскрыть концепт *имение, усадьба*, показать, что это не только материальный объект с свойственными ему признаками, но и символ домашнего уюта, тепла. А анализ рассказа Ю.В. Трифонова «Прозрачное солнце осени» сопровождался показом одноименного фильма В. Бутурлина (1982), что значительно облегчало освоение читателями-итальянцами деталей текста Трифонова, без адекватного понимания которых декодировать этот рассказ невозможно: в нем показаны жизненные итоги двух случайно встретившихся в аэропорту прежних однокашников по институту физкультуры. Уровень их материального состояния легко вычисляется через сопоставление деталей: как одеты, что едят в буфете аэропорта. И вот здесь подключается работа с профессиональным переводом рассказа на итальянский язык [Editori Riuniti 1988]. Казалось бы, путем перевода можно решить проблему снятия любых трудностей: и лексических, и культурологических. (в итальянской аудитории были использованы два перевода рассказа И. Бунина «Холодная осень» и перевод рассказа Ю. Трифонова). Однако практика показывает, что подчас перевод на родной язык (даже очень профессиональный) не только не облегчает понимания текста, но и может усиливать заблуждение читателя. Например, такое блюдо, как заливная рыба (скорее осетрина) с хреном, переводится *pesce in gelatina* е *rafano,* что вызывает исключительно отрицательную реакцию итальянских читателей, и коннотации, понятные носителю языка, ускользают от внимания иностранца. Следовательно, перевод подчас нуждается в комментарии.

Что же касается интерпретации русскоязычного художественного текста в языковой среде, то здесь интересно показать, какие «отражения» этот текст находит в других культурах. С этой целью нами был выбран для анализа фрагмент повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи», с тем чтобы затем обратиться к двум из его зарубежных и одной российской экранизации (всего по мотивам «Белых ночей» поставлено 14 фильмов): «Белые ночи» («Le notti bianche») Лукино Висконти (1957 г., Италия), «Четыре ночи мечтателя» (Quatre nuits d'un rêveur) Р. Брессона (1971 г., Франция) и «Белые ночи» Л. Квинихидзе (1992 г., Россия). Герой-мечтатель, романтик в совершенно не располагающем к романтизму мире оказался востребованным типажом и в Европе неспокойного XX века, и в России начала 90-х. Жизнь мечтой – единственное спасение героя от неуютной действительности, в которой, правда, есть белые петербургские ночи и милая девушка Настенька на мосту, которые создают иллюзию осуществления мечты. Все три фильма интересны тем, что в них мы встречаем т.н. «межсемиотический перевод» [Якобсон 1978: 17], т.е. перевод с языка одного вида искусства на другой и одновременно перевод с языка одной ментальности на язык другой. Фильм Висконти передает атмосферу послевоенной Италии: если в центре повествования Достоевского – мечтатель, то здесь доминирует серый,

холодный тон портового района, а возлюбленному героини, которого играет Жан Маре, придана жесткость и фатальность. Фильм французского режиссера Р. Брессона более прозаичен, белые ночи заменяются многоликим Парижем, и в мечтателе нет никакого мистического начала – он художник, который находит утешение в творчестве. Идеалистичный и немного старомодный фильм Л. Квинихидзе переносит действие в Россию 90-х, что тоже весьма познавательно для иностранных учащихся.

Таким образом, демонстрация места художественного текста в межкультурном пространстве усиливает интерес иностранцев к постижению русского языка и культуры.

Литература

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.

Bunin Ivan Alexeevic. Un freddo autunno // Viali oscuri, a cura di Alizia Romanovic. Salerno editrice Roma, 1986. P. 285–291.

Bunin Ivan Alexeevic. Un freddo autunno // Racconti d'amore, Traduzione di Giovanna Spendel. Rizzoli, Milano, 2002. P. 184–189.

Trifonov Jurij. Il sole trasparente del autunno // La sparizione, a cura di Lucetta Negarville. Editori Riuniti / Albatros, Roma, 1988. P. 297–307.

Секция XVII.
Русский язык в междисциплинарных исследованиях

ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ как доминантные формы языковой интерпретации*

Н.Н. Болдырев

SPACE and TIME as dominant forms of linguistic interpretation

N.N. Boldyrev

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина / Derzhavin Tambov State University

boldyrev@tsutmb.ru

Аннотация. Пространство и время рассматриваются как доминантные формы осмысления и языковой интерпретации мира в сознании человека, как основа формирования смысла языковых единиц. Выделяются разные типы конструирования физических и ментальных пространств, характеризующих связи между объектами и социальные отношения, с помощью языка.

Ключевые слова: пространство, время, доминанта, языковая интерпретация.

Summary. The article focuses on the concepts of space and time as dominant forms of cognition and linguistic interpretation of the world and the way they serve to construct different meanings in language. Various types of linguistic construal of physical and mental spaces characterizing social and other relations are discussed.

Keywords: space, time, dominant forms, linguistic interpretation.

Отличительной особенностью языковой картины мира и вербальной коммуникации является их интерпретационный характер по отношению к знаниям о мире и передаваемому содержанию. Это обусловлено антропоцентрической природой языка и способностью человека каждый раз заново формировать смыслы и выбирать разные средства их репрезентации, использовать разные когнитивные модели и схемы как формы интерпретации. К числу таких форм относятся языковые категории, словообразовательные и синтаксические модели, а также специально созданные языком модусные концепты. Они представляют собой определенные когнитивные доминанты, на которые как на определенные шаблоны восприятия и репрезентации ориентируется человек, интерпретируя тем или иным образом мир вокруг себя и свою роль в этом мире. Доминантную функцию в представлении мира в языке как некоего пространства людей и вещей, их отношений и характеристик, в частности, выполняют концепты пространства и времени.

Не оспаривая тот факт, что мир вокруг нас объективен и первичен в плане его ментальной и языковой репрезентации, мы придерживаемся той точки зрения, что конкретное его осмысление в виде физического, ментального, временного пространства с выделением конкретных центров и границ и их различных характеристик обусловлено именно языком, т.е. как и оценка, имеет концептуально-языковую природу. При этом репрезентация пространств и языковая концептуализация тех или иных отношений как пространственных или временных не ограничивается словами собственно пространственной семантики. Широко используются в этой роли другие средства в их вторичных функциях: собирательные и абстрактные существительные, временные формы, атрибутивные словосочетания, синтаксические структуры.

Интерпретирующая функция самих этих концептов как форм познания и структур языкового сознания проявляется во вторичной концептуализации объектов и событий в их взаимосвязи, т.е. как: 1) определенной группы, отграниченной или противопоставленной другим объектам, 2) как физического или ментального пространства определенного объема или протяженности (открытого или с конкретными границами, включающего или нет самого говорящего), 3) как вместилища для объектов или событий (потенциального, пустого или заполненного), 4) как структуры отношений между объектами или событиями (логических, метафорических, метонимических).

С учетом дейктического центра можно условно выделить три основных типа конструируемых с помощью языка пространств: эгоцентрические, эндоцентрические и нецентрированные. Каждый тип в зависимости от структуры, содержания и характера границ могут подразделяться на физические и ментальные (в том числе социальные), открытые и закрытые, имеющие четкие, нечеткие или условные, меняющиеся или неизменные границы, пустые и заполненные с градацией по степени заполнения, временные или постоянные пространства, коммуникативные пространства (пространство говорящего, слушающего, наблюдателя) и т.д.

Первый тип используется преимущественно для самоидентификации: гендерной, возрастной, статусной (*Здесь я – начальник; Сейчас мое время*), для интерпретации социальных отношений (*Своя рубашка ближе к телу*), в том числе оценочной интерпретации (*Хозяин в доме всегда одна*). Конструирование данных видов пространства осуществляется за счет использования когнитивных механизмов прямого и косвенного профилирования границ (*Внутри семьи. За пределами службы*), профилирования различного типа отношений и взаимодействий (*Моя команда. Наша компания. Мои ученики*), метафорического и метонимического структурирования пространства, использования образного сравнения: *Оторваться от коллектива; Здесь вам не тут* (М. Зощенко).

В основе эгоцентрического моделирования пространства может лежать концептуализация отношений как этикетно-авторских (*В ряде наших работ неоднократно подчеркивалось…*), коллективно-индивидуальных, когда говорящий субъект присваивает себе право говорить от имени коллектива или коллективного руководства (*Кому не нравятся наши порядки…*), или индивидуально-коллективных, когда говорящий отождествляет себя с определенным коллективом (*Мой дом – Россия*) или предлагает определенный тип отношений как основу для объединения (*Мы ведь – одна семья*), предполагает определенную сопричастность, вовлеченность: *Нас санкциями не испугать; Наша конференция*.

Аналогичные механизмы лежат и в основе **второго типа** конструирования пространственных отношений вокруг «не-я» центра: *Его научная школа, театр, друзья*.

Третий тип – основан на выборе и интерпретации дейктических координат «здесь» и «сейчас». Он используется для концептуализации взаимосвязей между физическими объектами, их пространственной и временной локализации: *на заседании оргкомитета, на распродаже, во времена «холодной войны»*. Доминантный принцип пространственного моделирования в этом случае проявляется в представлении человеком тех или иных объектов как связанных между собой тем или иным типом отношений, временных или постоянных, т. е. как определенной группы. В нем задействуются те

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00267) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина.

же когнитивные механизмы профилирования, сравнения, метафорического или метонимического представления внутренних и внешних границ и взаимосвязей: *А эта свадьба пела и плясала*; *Только к вечеру удалось вырваться с заседания; Утратить связь с кафедрой*.

Доминантная значимость анализируемых форм проявляется также в их способности определенным образом структурировать пространство высказывания с позиции наблюдателя, говорящего или субъекта действия: *В гараж кто-то вошел – Я вошел в гараж – Он вошел в гараж.* В первом случае наблюдатель так или иначе присутствует в пространстве события, но не является его источником и в высказывании представлен косвенно, во втором – наблюдатель и источник события совпадают, присутствуют в пространстве события и эксплицитно представлены в высказывании, в третьем – говорящий является как бы сторонним наблюдателем, в пространство события не включен и в высказывании не представлен.

Конкретное и абстрактное как две составляющие концепта *город*

А.В. Егорова

Two parts of the concept City: concrete and abstract

Anastasia V. Egorova

Московский архитектурный институт / Moscow Institute of Architecture

anavegor@gmail.com

Аннотация. В докладе рассматривается двойственная природа концепта *город*, выделяются две основные составляющие: конкретная и абстрактная. Анализ концептуальных метафор позволяет сделать вывод, что в концепте *город* заключены представления о нем не только как о материальном объекте, но и как о живой сущности.

Ключевые слова: концепт *город*, концептуальная метафора, конкретные и абстрактные имена, лингвокультурология.

Summary. The present paper examines the dualistic nature of the concept *City*, which consists of the two parts: concrete and abstract. On the basis of the analysis of the conceptual metaphors the authors conclude that the concept *City* contains idea of the city not only as a material object but the ideal entity as well.

Keywords: concept *City*, conceptual metaphor, concrete and abstract names, linguoculturology.

Современная научная парадигма, складывающаяся в области изучения проблем, связанных с развитием и функционированием города как особой сложноорганизованной сущности, ставит перед лингвокультурологами вопрос, какова специфика представлений, заключенных в концепте «город», у носителей русского языка. Даже беглое знакомство с литературой, посвященной этому концепту, приводит к интересному выводу, что понятие города привлекает внимание прежде всего литературоведов и культурологов (см., например, основополагающие труды Ю.М. Лотмана «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» и В.Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы», а также последовавшие за ними работы Н.А. Беловой, В.Г. Ильина, Т.А. Мегирьянц и проч.). В настоящем докладе нам хотелось бы обратиться к изучению города с позиции лингвокультурологии и лингвокогнитивной науки.

Традиционно первым шагом в исследовании значений той или иной единицы языка является обращение к толковым словарям. Анализ различных словарных статей, заглавным словом которых выступает лексема *город*, позволяет выявить две главные составляющие семантики этого слова: город как топос, обладающий дифференциальными признаками, по которым он противопоставляется сельским населенным пунктам, и город как совокупность его жителей (вынесем за скобки значения ‘город как крепостца’ и ‘город как центр поселения без периферии’). Из этого следует, что концепт *город* не однороден и распадается на две части, первая из которых отсылает к конкретному денотату, представленному в окружающем мире реально существующим материальным объектом, который состоит из взаимосвязанных элементов, каждый из которых в свою очередь материален и явлен в окружающей действительности, поэтому город не может быть эмпирически воспринят и осмыслен человеком целиком. Образ города, складывающийся в представлениях отдельного человека, зависит от его индивидуального опыта, и в настоящее время принято говорить о «ментальной карте города» каждого конкретного наблюдателя.

Вторая составляющая концепта, напротив, относит существительное *город* к именам абстрактным собирательным, которые Л.О. Чернейко вслед за Г.В. Лейбницем называет именами-«агрегатами», т.е. именами, которые обозначают необозримое множество. Город во втором своем значении мыслится как такая совокупность его жителей, которая не является простой суммой ее элементов, а представляет собой особую сущность, обладающую некоторыми самостоятельными свойствами.

Одной из идей, высказанных в упомянутой работе В.Н. Топорова, был тезис об очеловечивании и «спиритуализации» города. Изучение концептуальных метафор подтверждает это положение: город в акте персонификации предстает как некая сущность, обладающая признаками живого существа. Жизненные циклы города находят отражение в метафорах: *город живет* (в зависимости от контекста актуализируется одна из составляющих концепта, город может рассматриваться и как топос: застраивается, развивается, благоустраивается, и как множество населяющих его индивидов: *город живет своей жизнью*); *город растет* (глагол *расти* может указывать на увеличение как количества обитателей города, так его размеров); *город спит* (сонное состояние города может пониматься либо как ночное время, когда жители спят, либо как отсутствие развития города-топоса); *город погибает*; *город умирает* и др. «Спиритуализация» города находит отражение в генитивных метафорах *дух города* и *душа города*, город одухотворяется и тем самым уподобляется человеку.

Особо хотелось бы остановиться на генитивной метафоре *характер города*. Безусловно, нельзя говорить о том, что характер города складывается из суммы характеров его жителей или представляет собой некую доминирующую черту этой суммы. Вероятно, за метафорой *характер города* стоит некое стереотипное и закрепленное в культуре народа представление о том, каков характер среднего горожанина. На наш взгляд, перспективными могут оказаться исследования концептуальных метафор, содержащих атрибутивные связи существительного *город*: *беспощадный город, равнодушный город, веселый город, радушный город, культурный город* и т.п. Такой анализ позволил бы выявить основные признаки, которыми русское языковое сознание наделяет тот или иной ойконим как знак некой самостоятельной сущности.

В заключение подчеркнем, что двойственность представлений, заключенных в концепте *город*, состоит в сочетании конкретного и абстрактного, материального и идеального. Нам удалось обозначить лишь некоторые ключевые моменты, связанные с заявленной темой и требующие дальнейшей тщательной проработки, и наметить пути изучения этого концепта.

Литература

Белова Н.А. Концепт «город» в современном литературоведении // Вестник Югорского государственного университета. 2012. № 1 (24). С. 87–91.

Ильин В.Г. Город как концепт культуры: Дисс. … доктора социол. наук. Ростов-на-Дону, 2004.

Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992–1993. Т. 2. С. 9–22.

Мегирьянц Т.А. Концепт «город» в творчестве Б. Пастернака: Дисс. … канд. филол. наук. Воронеж, 2002.

Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избр. тр. / Ред. Н.Г. Николаюк. СПб.: Искусство-СПб., 2003. С. 7–66.

Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: URSS, 2010.

Способы обозначения социальной идентичности в русском языке

Л.А. Жданова

Representations of the social identity concept in Russian

Larisa Zhdanova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

zhdala@mail.ru

Аннотация. Автор обсуждает понятие и состав лексики социальной идентичности, выявляются языковые способы обозначения принадлежности к социальной группе, лингвистические проявления некоторых признаков социальной группы (коллективной субъектности, «наклеивания ярлыков», оппозиции «свой / чужой»), сопоставляются научные и «наивные» представления о социальной группе.

Ключевые слова: социальная идентификация, лексика социальной идентичности, имена социальных групп, оппозиция ‘свой’ / чужой’, «наивная» психология.

Summary. This article discusses diverse representations that constitute the notions ‘social identity’ and ‘social group’. Emphasis is laid on selective linguistic features of a social group, including ‘collective subject’, labelling, and us-them opposition. The paper finds a correlation between the scientific and ‘naïve’ conceptions of the social group.

Keywords: social identification, lexis of social identity, names of social groups, us-them opposition, ‘naïve’ psychology.

Социальная идентичность (далее – СИ) устанавливается через (само)идентификацию – отождествление (себя) с определенной социальной группой, то есть с совокупностью людей, основанной на общей социальной позиции. Некоторые из значимых для социальной идентичности параметров закреплены в специальных группах слов: политонимах, этнонимах, конфессионимах, соционимах и др. Однако «в русском языке существуют разнообразные способы выражения множеств: грамматические, лексические, словообразовательные, синтагматические» [Петрухина, Румянцева, 2009], это относится и к совокупностям людей. Ср. имена собирательные (*студенчество*), формы мн. ч. (*студенты*); переносное значение формы ед. ч. (*студент нынче хилый*), описательные конструкции (*те, кто грызет гранит науки*). Семантический компонент ‘социальная группа’ входит в значения некоторых слов: *репутация, слыть* (‘общее мнение о ком-л. в к-н. группе людей’).

Традиционно выделяемые признаки социальной группы (социальная интеракция; наличие особых знаковых систем: сленг, одежда, символика, ритуалы и пр.; коллективная субъектность; социальная идентификация по параметру «свой» / «чужой»; коллективные привычки, «наклеивание ярлыков», по которым распознается членство в группе, оформившееся в социальный гештальт) являются предметом исследований в социологии, культурологии, социальной психологии, социолингвистике и других гуманитарных науках, однако некоторые из этих признаков имеют собственно лингвистическое измерение.

Если упомянутые «особые знаковые системы» и их элементы имеют названия, то в их семантику входит «социальный» компонент: *сленг*, *униформа*, *хаер*. Коллективная субъектность воплощается в nomina collectiva: *народ*; в метонимических переносах: *вся страна голосует «за»*; в переносном значении ед. ч.: *чиновник себя в обиду не даст*; в семантике мн. ч. *одни: мы не одни* и прочее.

«Наклеивание ярлыков» непосредственно связано с коннотацией, понимаемой как устойчивая ассоциация, проявляющая себя в языке хотя бы одним из известных способов (переносное значение, сравнение, фразеологизм, производное слово и пр.). «Групповая сущность» тяготеет к стереотипизации именно потому, что выражает усредненное представление. В этом смысле *сибиряки* и *кавказцы* – имена социальных групп (первые ‘обладают крепким здоровьем, сильным спокойным характером’, а вторые ‘вспыльчивы, воинственны, любвеобильны’), а *приморцы* и *уральцы* – нет. Имена социальных групп (*чиновник, олигарх, студент, русский*) часто коннотируют признаки, которые считаются типичными и проявляются в языке стандартными для коннотаций способами (*чиновник есть чиновник*), соответственно, могут быть выявлены и описаны. Слова, фиксирующие в основном значении индивидуальный признак, но прагматически нагруженные социальным признаком (*блондинка* как имя социальной роли, в отличие от *шатенки* или *брюнетки*) также должны включаться в словарь СИ.

Основной параметр социальной идентификации – ‘свой’ / чужой’ – является лингвистически релевантным как семантический, к тому же он включает в число имен СИ дейктики, которые «кристаллизуют» ключевую для социальной идентификации идею дихотомической оппозиции (*свои* / *чужие, мы* / *они, я* / *другие*). Не случайно имя социально-ролевой категории – притяжательное местоимение, оно высвечивает связь *свой* в *свой человек* / *свои люди* с идеей обладания / принадлежности (*свой дом, конь*). Не здесь ли переход к *своим* как ‘своей группе’, к коллективной субъектности? *Свой* как имя группы – это ‘родной или связанный близкими отношениями, совместной работой…’, соответственно, *чужой* – ‘не родной, не связанный совместной работой, совместной деятельностью…’ У обоих слов помимо «социального-групповых» значений могут быть выделены и «личностные» значения: с*вой* – ‘близкий по духу, убеждениям…’, *чужой* – ‘далекий по духу, убеждениям…’: *Она в семье своей родной казалась девочкой чужой* (А. Пушкин). Это коррелирует с разграничением социальной и индивидуальной (личностной) идентичности: личностная идентичность – определение себя в понятиях личностных свойств, социальная – в понятиях принадлежности к социальным группам. Оппозиция, лексикализованная в *свой* / *чужой*, осложняется полисемией лексем и асимметричностью производных значений. В словарных толкованиях у *чужой* «групповая» и «личностная» («духовная») общность разводятся, у *свой* слиты в одном значении: «*свой* 5. Родной или связанный близкими отношениями, совместной работой, общими убеждениями…»; «*чужой* – 1. Не родной, не из своей семьи, посторонний. 3. Далекий по духу, по взглядам» (все толкования даны по [МАС]). Для описания лексики СИ важным представляется анализ слов со значением ‘невключение в социальную группу’ (*чужак, посторонний*), а также отраженные в их внутренней форме и в семантике основания такого невключения / исключения (*инородец, иноверец, иностранец, инакомыслие*).

Обсуждение вопроса об именах социальных групп приводит к вопросу о «наивно-языковом» и научном представлениях о группе, в частности о том, с какого минимального количества участников группа начинается. В психологии этот вопрос не имеет однозначного решения: есть основания для противопоставления социальных (групповых) отношений и межличностных отношений в диаде. В «наивно-языковой» картине мира аналогичная ситуация. В языке есть приметы, указывающие на особый статус диады: *пара* как обозначение особого типа ролевых отношений (*влюбленная пара, семейная пара*), *взаимный*, *обоюдный*. К диаде могут применяться некоторые слова со значением единич-

ности: бывает *одиночество вдвоем*, в некоторых языках лексикализованное, но вряд ли возможно *одиночество втроем*. Таким образом, *пара* (диада) в языке может быть представлена как неделимая (ср.: individuum), а группа 3+ может быть только *единой, сплоченной*, то есть дискретной, соединяющей элементы в целое. Прилагательные *индивидуальный* и *личный* могут относиться как к одному человеку (*индивидуальные особенности, личные вещи*), так и к диаде (*индивидуальные занятия*), а прилагательное *групповой* предполагает трех участников и выше (*групповое занятие*).

Приведенные наблюдения относятся лишь к некоторым штрихам в «наивно-языковой» картине социального мира, однако реконструкция этой картины представляется перспективной и актуальной задачей.

Сопоставление научных и «наивных» представлений о социальной идентичности и близких понятиях (социальная идентификация, социальная группа, социальная роль) представляется перспективным в двух аспектах. Во-первых, для реконструкции «наивной психологии» и «наивной социологии» (наряду с «наивной анатомией», «наивной этикой», «наивной геометрией» и под.) в русле работ по реконструкции «наивной» картины мира через ее фрагменты – корреляты фрагментов научной картины мира. Во-вторых, для построения словаря социальной идентичности, что важно не только для лингвистики, но и для психологии, так как социальная идентичность предполагает возможность обозначения ее тем или иным способом, прежде всего вербальным. Лингвистические исследования в этом направлении ведутся в последнее время довольно активно (см. [Лаппо 2011; 2013; 2014]).

Литература

Лаппо М.А. Лексические средства описания идентичности // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». 2011. № 2 (14).

Лаппо М.А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск: НГПУ, 2013.

Лаппо М.А. Сущность идентичности и методы ее анализа в лингвистических / психолингвистических исследованиях // Вопросы психолингвистики. М. 2014. № 1 (19). С. 30–39.

Петрухина Е.В., Румянцева А. Коллективное и индивидуальное в русском имени: лексическая и словообразовательная семантика имен совокупностей людей // Международный сборник статей «Словообразуване и лексикология». София. 2009. С. 129–145.

Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Русский язык», 1981–1984 (МАС).

К построению корпусной стратификационной квантитативной стилистики*

С.А. Крылов

To the construction of corpus stratification quantitative stylistics

S.A. Krylov

Институт востоковедения РАН (Москва) / Institute of Oriental Studies, RAS (Moscow)

Аннотация. В докладе рассматривается возможность создания модели автоматического анализа письменных нехудожественных текстов, которая могла оценить их стилистику, опираясь на ряд факторов, в том числе на графическую длину и частотность.

Ключевые слова: стилистика, автоматический анализ текста

Summary. The report discusses the possibility of creating a model of automatic analysis of written non-artistic texts, which could evaluate their style based on a number of factors, including graphic length and frequency.

Keywords: stylistics, automatic text analysis.

Исследование стилистического аспекта текста (и его фрагментов) было бы неполным без учета тех стилистических оценок текста (и его фрагментов), которые ставятся не столько профессиональными лингвистами, сколько самими носителями языка («экспертами»). К числу таких оценок принадлежат оценки текста (и его составляющих) по шкале «простоты / сложности». Именно такие оценки обычно выставляются литературными критиками и рецензентами, когда они говорят, что «книга» (/ «роман», «повесть», «рассказ», «статья») написана «сложновато», «слишком сложно», или, наоборот, достаточно «просто». Простота и сложность – это характеристики не столько «абсолютные», сколько «относительные», то есть они зависят от того, на какого возможного читателя рассчитан текст. Так, при оценках текста по жанровой принадлежности тексты принято различать «общие» тексты (к ним относятся, в частности, художественные) «специальным» (или «специализированным») (к ним относятся, в частности, «научные»); общепринято также введение особых, промежуточных, категорий текстов: «научно-популярных» и «учебных». При оценках научно-популярных и художественных текстов принято использовать «геликохронические» (связанные с возрастом аудитории) параметры: так, выделяются тексты «для малышей», «для старшего дошкольного возраста», «для младшего (vs. среднего vs. старшего) школьного возраста», «для молодых читателей», а при оценках учебников уточнять возраст аудитории на еще более дробной шкале годов обучения в школе (начальной или средней) или в вузе (т.е. в высшей школе): «для школьников N-го класса» (где $1 < N < 11$), или «для студентов N-го курса» (где $1 < N < 5$), а также «для аспирантов». При этом дается оценка текстов с точки зрения того места, которое эти тексты занимают на шкале простоты / сложности. Градуальный («измерительный») характер таких оценок дает основание назвать их расстановку процедурой стилистической (= «стилеметрической») «стратификации».

Эти типы оценок выставляются людьми – работниками издательств, литературными критиками, педагогами и психологами. Но принципиально мыслимой является и другая задача: обучение компьютера расстановке стилистических оценок простоты/сложности текстов; т.е. построение многоэтапной компьютерной процедуры стратификации текстов. На I этапе проводится исследование реальных текстов (для которых заранее известны стратификационные пометы, расставленные квалифицированными «экспертами») с целью выявить их стилистически релевантные характеристики. Затем, на II этапе, на основе уже выделенных релевантных характеристик, строится модель автоматического выставления стратификационных оценок «новых» текстов. На III этапе (экспериментальной верификации построенной модели) эта модель проверяется на некотором множестве текстов с неизвестными (то есть не заданными заранее) стилистическими характеристиками; оценки, полученные в результате такого эксперимента, сопоставляются с квалифицированными «экспертными» оценками.

При автоматическом анализе письменного текста (ААТ) характеристики текста подразделяются на два класса: (1) «графические», то есть такие, которые вычислимы по собственно текстовым данным; и (2) «конкретно-языковые», то есть такие, которые требуют опоры на работу каких-то процессоров ААТ на данном языке.

Графические характеристики (ГХ) целого текста зависят от на ГХ его составляющих и могут быть вычислены на их

* Работа выполнена при частичной поддержке грантов РФФИ № 17-04-00594 «Автоматический словарь РУСЛАН: обновленная концепция, новая лексика», РФФИ № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе РЯ», РФФИ № 17 29-07049 «Исследование методами искусственного интеллекта системы когнитивных операций, реализуемых в научных текстах» и РФФИ № 17-29-09158 «Создание корпуса официально-деловых текстов РЯ (ОДКРЯ)».

основе. Любой (письменный, графический) текст представим в виде цепочки (графических) абзацев (так как мы умеем распознавать места абзацных отступов), а любой абзац – в виде цепочки (пунктуационных) предложений (П-предложений) (так как мы умеем распознавать места сигналов границ между предложениями: точек, восклицательных и вопросительных знаков, финальных многоточий). Далее, каждое П-предложение представимо в виде цепочки пунктуационных синтагм (пунктуационная синтагма, или П-синтагма, понимается как отрезок от одного «не-пробельного» знака препинания до другого «не-пробельного» знака препинания, такой что внутри него нет никаких знаков препинания, кроме пробелов). Каждая П-синтагма представима в виде цепочки графических слов (графическое слово, или Г-слово, понимается как отрезок текста от пробела до пробела, не содержащий пробелов внутри себя).

Каждое Г-слово обладает следующими формальными (т.е. автоматически измеримыми) характеристиками:

1) графической длиной (L) в буквах (точнее, в печатных знаках);

2) графической длиной (Lv) в слогах (равной количеству гласных букв в слове);

3) относительной частотностью (Fr) в корпусе (измеряемой в ipm, т.е. «instance per million»).

При опоре на работу морфологического анализатора для любого Г-слова вычислимы также:

4) частотность (Frl) той квази-лексемы, к которой принадлежит данное Г-слово;

5) частотность (Frg) той квази-грамматемы, к которой принадлежит данное Г-слово.

Любая цепочка из 2 Г-слов (словесная биграмма) или из 3 Г-слов (словесная триграмма) обладает также аналогичными характеристиками (L, Lv, Fr), но к ним добавляется еще плюс к тому и набор усредненных характеристик тех Г-слов, которые входят в эту цепочку. То же, mutatis mutandis, касается и цепочек более высоких ярусов.

На основе этих характеристик можно аналогичным образом построить стилистически релевантные характеристики текстовых единиц более высоких языковых «ярусов»: П-синтагм и П-предложений, а в конечном итоге – и целых текстов (в частности, к ним относятся: длина П-синтагмы в Г-словах, длина П-предложения в П-синтагмах, длина абзаца в П-предложениях и длина текста в абзацах).

Лингвистическое исследование описаний изображений как междисциплинарная задача

О.В. Кукушкина, М.А. Петровичева, М.Ю. Сидорова, А.С. Шматко

Linguistic study of image descriptions in interdisciplinary perspective

O.V. Kukushkina, M.A. Petrovicheva, M.Yu. Sidorova, A.S. Shmatko

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

ovkukush@mail.ru, sidorovadoma@mail.ru

Аннотация. Междисциплинарные исследования в области психического здоровья имеют как прикладное, так и теоретическое значение для современной русистики. В докладе излагаются оригинальная методика и текущие результаты лингвистического анализа описаний изображений в группах больных шизофренией и здоровых испытуемых и предлагаются способы преодоления типичных для подобных исследований методологических затруднений

Ключевые слова: русский язык, описание изображений, лингвистический анализ, междисциплинарные исследования, психическое здоровье.

Summary. Interdisciplinary studies in mental health area are important both for applied and theoretical Russian linguistics. We report of an original method and current results of linguistic analysis of image descriptions produced by schizophrenics and healthy control group and propose approaches helping to overcome methodological issues typical for this kind of studies.

Keywords: Russian language, image description, linguistic analysis, interdisciplinary research, mental health.

Одним из перспектив современной русистики является активизация междисциплинарных исследований, в том числе в области психического здоровья. Изучение языкового статуса и коммуникативного поведения больных различными психическими расстройствами и лиц группы риска играет существенную роль в разработке методов диагностики заболеваний [Карякина, Сидорова, Шмуклер 2017] [Сидорова 2017]. В то же время исследования языковых нарушений, характерных для той или иной группы больных, вносят существенный вклад в теоретическую лингвистику, уточняя и углубляя наши представления о связях языка и мышления, механизмах речепорождения, в частности лексического доступа, коммуникативных стратегиях и тактиках и т.п. [Kuperberg 2010].

В докладе будет представлена оригинальная методика изучения речевой продукции больных шизофренией в сопоставлении с контрольной группой лиц без психических расстройств и обсуждены полученные на данный момент результаты. Предлагаемая методика создает предпосылки для количественного лингвистического исследования речевой продукции психически больных на малом объеме текстового корпуса. Недостаточный для использования традиционных статистических методов и работы со знаменательной лексикой объем корпуса – стандартная проблема подобных исследований. Представляемое исследование не только является первой работой такого типа, выполненной на русском языковом материале, оно отличается от англоязычных аналогов акцентом на контролируемости стимулов и типа вербальных реакций и опорой на развернутое исследование предварительно собранного «нормального» языкового материала [Сидорова 2018]. Для зарубежных исследований речевых произведений больных шизофренией и другими расстройствами характерно игнорирование специфики типа текста, который изучается, и отсутствие паспортизации (классификации) референтов (в случае описаний изображений, рассказов по картинкам и под. текстов – визуальных стимулов). Кроме того, обычным является сопоставление количественно равных выборок больных и здоровых респондентов без привлечения более широкого, предварительно проанализированного «нормального» языкового материала.

Задача создания методики сопоставления знаменательной лексики в условиях ограниченного корпуса текстов решается нами на базе данных, полученных в эксперименте по описанию изображений. В настоящий момент проанализированы данные 94 испытуемых: 56 больных шизофренией с обострением заболевания, а также 38 лиц без психических расстройств, входящих в контрольную группу (группы сбалансированы по полу и возрасту). В качестве стимулов использован набор из 20 изображений сельскохозяйственных животных (18 цветных фотографий и 2 цветных рисунка). Каждому участнику исследования на экране компьютера последовательно предъявлялись картинки тестового набора (в двух вариантах порядка). Испытуемому давалось 30 секунд на рассматривание изображения, после чего в течение 20 секунд нужно было дать письменное описание изображения.

На основе этих описаний были составлены и проанализированы словники

– на каждого из участников эксперимента;
– на каждую картинку;
– общий словник группы здоровых респондентов;
– общий словник группы больных.

Были получены стандартные количественные характеристики, необходимые для общего описания текстового корпуса: количество слов (словоформ и лемм), лексическое разнообразие, распределение по частям речи, частотность. Первичные данные, характеризующие частотность служебных слов, позволяют предположить релевантность этой метрики для исследуемого материала. Гораздо более сложную проблему составляет сопоставление знаменательной лексики, используемой группами больных и здоровых респондентов. Недостаточный (и вряд ли имеющий шанс стать достаточным) для применения стандартных статистических методов объем корпуса не позволяет провести простое сопоставление словарей групп по количеству респондентов, использовавших данное слово. Для решения этой проблемы были предложены две взаимодополняющих методики: 1) сопоставление словников по семантическим разрядам лексики; 2) сопоставление описаний отдельных изображений по представленности в них 25 параметров описания, выявленных по результатам предшествующих исследований и паспортизации изображений, и определение значимости каждого изображения по каждому из параметров. Выяснилось, что разные семантические разряды лексики имеют разную дифференцирующую силу при сопоставлении двух групп респондентов, а значимость стимульных изображений относительно 25 параметров существенно варьируется. Соответственно, создается возможность дальнейшей калибровки и отсеивания стимулов для формирования диагностического набора картинок.

Литература

Карякина М.В., Сидорова М.Ю., Шмуклер А.Б. Нарушения речи у больных шизофренией // Социальная и клиническая психиатрия. 2017. Т. 27. № 4. С. 93–100.

Сидорова М.Ю. Современные исследования речевых нарушений при шизофрении: результаты, тенденции, перспективы // Психическое здоровье: социальные, клинико-организационные и научные аспекты. Сборник материалов Научно-практической конференции. М., 2017. С. 243–250.

Сидорова М.Ю. Проблема определения границ нормы и ее вариативности в лингвистическом эксперименте для задач психиатрии // Психическое здоровье человека и общества. Актуальные междисциплинарные проблемы. Сборник материалов Научно-практической конференции. М., 2018. С. 327–338.

Kuperberg G.R. Language in schizophrenia Part 2: What can psycholinguistics bring to the study of schizophrenia... and vice versa? // Lang Linguist Compass. 2010. Vol. 4 (8). P. 590–604.

Категориальная частота слов русского языка в разных регионах*

О. П. Марченко, Т. Н. Бандурка, Ю. Г. Павлов

Category frequency of Russian words in different regions

Olga P. Marchenko

Московский государственный психолого-педагогический университет / Russia, Moscow, Moscow State University of Psychology and Education

olga.p.marchenko@gmail.com

Tatyana N. Bandurka

Педагогический институт Иркутского государственного университета / Pedagogical Institute of Irkutsk State University

bandurka@list.ru

Yury G. Pavlov

Уральский федеральный университет (Екатеринбург) / Ural Federal University (Yekaterinburg)

pavlovug@gmail.com

Аннотация. Исследование было направлено на изучение интра-культурной стабильности и региональной специфичности в частоте называния слов русского языка, принадлежащих различным семантическим категориям. Для большинства понятий различия между показателями частоты называния в разных регионах были не значимыми, что является свидетельством интра--культурной стабильности этих нормативов в России.

Ключевые слова: категориальные нормативы; частота называния; интра-культурные различия; культурная стабильность.

Summary. This study was aimed to examine intra-cultural stability and regional specificity of generation frequency norms for semantic categories in the Russian language. Generation frequency for most concepts did not differ significantly between all three regions providing evidence for the intra-cultural stability of these norms in Russia.

Keywords: category norms; exemplar generation frequency; intra-cultural diversity; cultural stability.

В качестве ключевого индикатора особенностей культуры можно использовать частоту слов [Вежбицкая 2001]. Частота понятий, называемых в определенных семантических категориях (например, «Профессии» или «Еда»), может сильно различаться между разными языками.

При достижении уровня культуры понятия демонстрируют интра-культурное постоянство, обеспечивая тем самым стабильность существования культуры. Стабильность культуры обеспечивает понимание индивидами, говорящими на одном языке, друг друга, так как слова должны обладать для них схожим значением. Таким образом, можно предположить, что культура, доминирующая в стране, способна в некоторой степени перевесить экологические различия между регионами. Однако во многих исследованиях было показано, что существуют серьезные интра-культурные различия, которые можно найти даже в странах с однородной культурой.

Целью данного исследования было оценить степень интра-культурного сходства и региональных различий в частоте называния слов русского языка между тремя городами. Для этого исследование, направленное на измерение частоты называния понятий, принадлежащих различным семантическим категориям, проводилось в трех удаленных друг от друга городах России: в Москве (центральная Россия), в Екатеринбурге (Урал) и Иркутске (Восточная Сибирь). Сто шестьдесят два студента из Москвы, 162 студента из Екатеринбурга и 162 студента из Иркутска приняли участие в исследовании. От участников исследования требовалось письменно перечислять объекты, принадлежащие различным семантическим категориям. Для каждого экземпляра категории сравнивали общую частоту его называния между тремя городами. Коэффициенты близости Хеллингера, посчитанные между частотными распределениями слов, полученных в трех разных регионах, были сильным, доказывая интра-культурную стабильность данных [Marchenko et al. 2018]. Также обнаружилось, что коэффициенты близости Хеллингера оказались сильнее между частотными распределениями московской и екатеринбургской выборок, чем оценки близости между частотными распределениями московской и иркутской выборок ($p = 0{,}024$). Наличие значимых различий в уровне близости показывает некоторую степень региональной специфичности. Различия в близости частотных рядов между двумя другими парами регионов были незначимы ($p > 1$).

* Эта работа была поддержана Российским фондом фундаментальных исследований, проект «Культурно-универсальные и культурно-специфичные аспекты категоризации» 17-36-01131.

Различия в частоте называния понятий между городами были значимыми ($p < 0.01$) только для 1,27–2,41% понятий.

Этот результат в очередной раз подтверждает предположение, что категориальные нормы частоты называния слов для русского языка географически стабильны. Было обнаружено больше понятий, со значимыми различиями в частоте между Москвой и Иркутском, чем между Москвой и Екатеринбургом ($p < 0.0001$). При этом не было обнаружено различий в числе значимо отличающихся понятий между Москвой – Екатеринбургом и Иркутском – Екатеринбургом ($p = 0.1837$). Наблюдалось больше понятий, обладающих значимо различающимся уровнем частоты, между Москвой и Иркутском, чем между Екатеринбургом и Иркутском ($p = 0.0018$). Более сильное сходство наблюдается между Москвой и Екатеринбургом, которые ближе друг к другу, чем между Москвой и Иркутском. Таким образом, можно предположить, что сила сходства связана с географическим расстоянием.

Для некоторых понятий из категорий живой природы были обнаружены значимые различия, которые можно объяснить разницей в экологии регионов и степенью знакомства с миром живого. Также ряд отличий был связан с региональными языковыми традициями, разницей в среде обитания и разницей в укладе жизни. Можно заметить, что частота упоминания традиционных домашних блюд и напитков была выше в Иркутске и Екатеринбурге по сравнению с Москвой. Полученные результаты дают основания предположить, что в Иркутске лучше сохраняется традиционная культура (или память о ней), в то время как Москву охватывают эволюционные изменения в культуре, которые также достигают и Екатеринбурга. Однако нельзя исключить, что подобные данные вызваны стабильными отличиями среды обитания в разных городах (отличающихся величиной и условиями жизни).

Таким образом показано, что интра-культурная стабильность частотных характеристик семантических категорий является сильной. Большинство понятий (более 97,5%) не отличались по частоте между регионами, что показывает высокий уровень стабильности представлений в культуре. Если большинство понятий демонстрируют интра-культурную стабильность, то частотный анализ некоторых понятий показывает определенные региональные различия, связанные с разницей в среде обитания, экологии, особенностями уклада жизни и сохранности традиций.

Литература

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва. М.: Языки русской культуры, 2001.

Marchenko O.P., Bandurka T.N., Pavlov Yu.G. Intra-cultural continuity and diversity of semantic category norm // Russian Linguistic Bulletin. 2018. 2 (14). P. 3–7.

Русский язык в явление-ориентированных исследованиях

Арто Мустайоки

Russian language in science-oriented research

Arto Mustajoki

Хельсинский университет (Финляндия)

arto.mustajoki@helsinki.fi

Аннотация. В докладе рассматриваются преимущества и недостатки монодисциплинарного подхода к изучению явлений. Утверждается, что сложные явления и проблемы, такие, например, как непонимание, нужно исследовать, исходя из самих свойств этих явлений, подбирая наиболее адекватные для описания этих свойств методы, пусть и выходящие за пределы одной науки.

Ключевые слова: метод исследования, тенденции в мировой лингвистике, комплексное изучение явлений.

Summary. The paper discusses the advantages and disadvantages of multidisciplinary approach to the study of phenomena. It is argued that complex phenomena and problems, such as for example misunderstanding, should be investigated on the basis of the properties of these phenomena, selecting the most appropriate methods to describe these properties, even beyond the limits of one science.

Keywords: Research method, trends in world linguistics, complex study of phenomena.

Традиционно исследователи получают образование в рамках одной дисциплины. Конкретно это означает, что магистрантов и докторантов знакомят с традициями и методами, принятыми внутри данной дисциплины. Такой монодисциплинарный подход дает исследователю прочную основу для дальнейшей работы, определяя рамки научной деятельности. Работая как единое сообщество единомышленников, имеющих одинаковые ценности и цели, ученые могут достичь больших успехов, и дисциплина в целом развивается быстро и уверенно.

Монодисциплинарный подход имеет, однако, и определенные недостатки. Постепенно он создает замкнутый круг, в котором весь коллектив ученых отдаляется от других наук, совершенствуя свои теории и методы. Лингвистика и русистика как ее подразделение развивались таким образом. Однако в отличие от того, что происходило во многих других науках с достаточно монолитными структурами, прогресс в лингвистике привел к тому, что возникли кланы ученых, имеющих свои ритуалы и манеры, которые реализуются при использовании «правильных» подходов и методов. Таким образом возникли кланы историков языка, генеративистов, функционалистов, корпусников и многие другие.

В течение последних двадцати-тридцати лет лингвистика получила новое измерение, когда ученые вышли за рамки письменных текстов и начали изучать, что происходит в диалогах между людьми. Тот факт, что такой сдвиг в ориентации имел место в мировой лингвистике удивительно поздно, является примером того, что весь клан может быть слепым по отношению к объекту своего исследования. Ведь диалогическая речь – первичная форма существования языка, как писал еще Бахтин. Как только рамки лингвистики были расширены, возникли новые кланы и субкланы имеющие свои строгие правила изучения языка, в этом случае: диалогической речи. Один из самых влиятельных кланов образован сторонниками конверсационного анализа, которые сумели быстро развить собственную строгую методику изучения общения между людьми.

Потребности расширить кругозор и выйти за рамки своей дисциплины породили уже давно и новые междисциплинарные науки, такие как психолингвистика и социолингвистика. Такое развитие было попыткой найти ответ на вопросы, которые возникают на стыке традиционных наук. Таким образом были достигнуты большие успехи и, что не менее важно, улучшилось и все еще улучшается взаимопонимание между представителями разных наук.

Развитие любой дисциплины чаще всего происходит стихийно без определения того, в каком направлении она должна продвигаться. Ситуации, в которых посторонние хотят вмешиваться в работу научного коллектива, типа марризма в Советском Союзе, редки. Вместо этого в современном мире распространяется другая общая идеология, согласно которой деньги, потраченные на поддержку научной деятельности, должны принести пользу обществу. Такой подход свойствен странам, в которых преобладает тоталитарный режим, но эта установка не чужда и политикам так называемых демократических стран.

В последние годы пафос о пользе науки приобрел новый оттенок, возникший из потребности решить так называемые «дурные» (wicked) глобальные проблемы человечества. Как правило, в разных списках этих проблем перечисляются такие явления, как загрязнение природы, потепление климата, недостаток энергии и воды и т.п. Согласно мнению многих авторитетных людей, человечество погибнет, если оно не способно решить эти проблемы. В такой ситуации политики возлагают надежду на науку. Тем самым они подчеркивают, что эти про-

блемы по своему характеру очень сложные и из-за этого их нельзя разрешить с помощью исследований, сделанных в рамках только одной дисциплины – необходим междисциплинарный подход. Например, при анализе загрязнения морей недостаточно исследовать, используя методы лимнологии, что происходит в океанах, а нужно изучать также поведение людей, поскольку оно является причиной загрязнения.

В риторике, касающейся решения «дурных» проблем, широко употребляется понятие явление-ориентированного (phenomenon-oriented) исследования. Если традиционное научное исследование основывается на использовании заранее выбранного метода, то, применяя явление-ориентированный подход, исследователь не определяет свою методологию заранее, а старается выяснить сущность данного явления, прибегая к любым методам. Такое отношение к исследованию чаще всего требует объединения методов и приемов разных дисциплин.

Возьмем в качестве примера явление, которое можно считать одной из самых серьезных проблем в мире: то, что люди часто не понимают друг друга. Это сложнейший вопрос, изучение которого требует рассмотрения большого круга самых различных факторов, влияющих на успешность коммуникации. Назовем коротко некоторые из них.

Очевидно, лексическая (*мир, член)* и синтаксическая (*испанские яблоки и бананы*) многозначность языка предоставляют риск для понимания. Однако в реальных ситуациях общения намного более опасные случаи возникают из-за неопределенности понятий (типа *равноправие, утром* и *хороший*) и толкования того, с какой целью говорящий произносит свою реплику (например, реплика *Солнце* после легкого дождя может содержать разные намеки и побочные значения ‘Пора идти в сад?’, ‘Я же сказал, что скоро будет светить солнце’, ‘Выходя, можно не брать зонтик’ и т.п.).

Однако независимо от того, кто изучает коммуникативные неудачи и помехи в общении (лингвист, психолог, социолог или представитель каких-либо других наук), применение явление-ориентированного подхода требует учета не только лингвистической стороны коммуникации, но и многих других вещей, влияющих на процесс интеракции, в том числе: ценностей, знания, опыта людей, участвующих в общении, их недостаточной способности выразить свои мысли, ограничений человеческого мозга при обработке информации, ментального и физиологического состояния человека, взаимных отношений собеседников (предрассудков, стереотипов), багов (искажений, ошибок) человеческого мышления. Только широкий охват разных факторов позволяет подойти ближе к сущности этого сложного явления. Такой подход рискует показаться менее научным из-за множества учитываемых факторов, но только таким образом можно получить ответ на вопрос, *почему* коммуникация часто проваливается.

Дискретная стохастическая математическая модель развития полисемии языковых знаков на основе теории нестационарных пуассоновских потоков*

В.В. Поддубный

Discrete Stochastic Mathematical Model of Polysemy Development of Linguistic Signs Based on the Theory of Non-stationary Poisson Flows

Vasiliy V. Poddubny

Национальный исследовательский Томский государственный университет / National Research Tomsk State University

vvpoddubny@gmail.com

Аннотация. Предлагается дискретная стохастическая математическая модель развития полисемии языковых знаков естественного языка на основе теории нестационарных пуассоновских потоков. Сравнение теоретического распределения полисемии, полученного по модели, с эмпирическими распределениями, полученными из толковых словарей русского и английского языков, не выявило статистически значимых различий между этими распределениями.

Ключевые слова: полисемия языкового знака, нестационарные пуассоновские потоки, дискретная стохастическая математическая модель, толковые словари, теоретические и эмпирические распределения вероятностей.

Summary. We propose a discrete stochastic mathematical model of the polysemy development of linguistic signs of natural language based on the theory of non-stationary Poisson flows. Comparison of the theoretical polysemy distribution obtained from the model with the empirical distribution obtained from explanatory Russian and English dictionaries revealed no significant differences between the two distributions.

Keywords: linguistic sign polysemy, non-stationary Poisson flow, discrete stochastic mathematical model, explanatory dictionaries, theoretical and empirical probability distribution.

Предлагается дискретная стохастическая математическая модель развития полисемии языковых знаков естественного языка на основе теории нестационарных пуассоновских потоков, более адекватная реальности, чем непрерывные модели, рассмотренные в предыдущих работах [Poddubny, Polikarpov 2014; Поддубный, Поликарпов 2011].

Мы рассматриваем процесс появления в языке новых языковых знаков как пуассоновский поток редких событий. Каждый языковой знак появляется в языке в некоторый случайный момент времени t_0 в единственном (как правило) смысловом значении.

Со временем языковой знак может случайным образом порождать новые смысловые значения. Этот процесс $n_1(t)$ мы описываем нестационарным пуассоновским потоком редких событий с экспоненциально убывающей интенсивностью $\lambda_1(t)$.

Мы предполагаем, что через некоторое время τ_0 после момента t_0 появления знака начинается процесс случайного выпадения из употребления его ранее порожденных значений. Этот процесс $n_2(t)$ мы описываем также нестационарным пуассоновским потоком, но с более медленно убывающей интенсивностью $\lambda_2(t)$.

Актуальная полисемия знака определяется разностью $n(t)=n_1(t)-n_2(t)$ и является в модели дискретным нестационарным финитным случайным процессом. Когда процесс $n(t)$ впервые достигает нулевого значения, языковой знак выходит из употребления. Длительность T времени жизни языкового знака является, таким образом, случайной величиной, равной минимальному по величине корню стохастического уравнения $n(T)=0$.

Способность языкового знака порождать новые значения называют ассоциативно-семантическим потенциалом (АСП) знака [Поликарпов 2001; 2013]. Обозначим математическое ожидание АСП через G.

При фиксированных значениях параметров t_0, G, τ_0 условная вероятность $P_n(t|t_0,G,\tau_0)$ значения n полисемии знака в момент времени t вычисляется аналитически: $P_n(t|t_0,G,\tau_0)=C(t)A^n(t)I_n(B(t))$, где $I_n(\cdot)$ – модифицированная функция Бесселя n-го порядка; $A(t)$, $B(t)$, $C(t)$ – известные функции от условных математических ожиданий $L_1(t|t_0,G,\tau_0)$

* Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России, проект №2.4218.2017/4.6.

и $L_2(t|t_0,G,\tau_0)$ чисел $n_1(t)$ и $n_2(t)$. В статистическом ансамбле знаков параметры t_0, G, τ_0 являются независимыми случайными. При стационарном пуассоновском потоке рождения языковых знаков параметр t_0 имеет равномерное распределение.

Плотности распределения параметров G, τ_0 предполагаются экспоненциальными с математическими ожиданиями $\langle G\rangle$, $\langle\tau_0\rangle$. Теоретическая вероятность $P_n(t)$ значения n полисемии ансамбля языковых знаков в момент времени t находится усреднением условного распределения $P_n(t|t_0,G,\tau_0)$ по распределениям параметров t_0, G, τ_0.

Сравнение теоретического распределения полисемии, полученного по модели, с эмпирическими распределениями, полученными из толковых словарей русского и английского языков, с использованием статистических критериев согласия Колмогорова-Смирнова и хи-квадрат Пирсона не выявило значимых различий между теоретическими и эмпирическими распределениями.

Литература

Poddubny V., Polikarpov A. Evolutionary Derivation of Laws for Polysemic and Age-polysemic Distributions of Language Signs Ensembles // Qualico 2014: Book of Abstracts, Olomouc: Palacky University, 2014. P. 94–96.

Поддубный В.В., Поликарпов А.А. Диссипативная стохастическая динамическая модель развития языковых знаков // Компьютерные исследования и моделирование. 2011. Т. 3. № 2. С. 103–124.

Поликарпов А.А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: Моделирование и эксперимент. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. [Электронный ресурс. URL: http://www.philol.msu.ru/~lex/areft/h_titul.htm. Дата последнего обращения 14.11.2018].

Поликарпов А.А. Модель жизненного цикла знака: К теоретическим основаниям исторической лексикологии и дериватологии // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Под ред. М.И. Чернышевой. М.: Азбуковник, 2013. С. 679–702.

Термин А.Н. Веселовского «сердечное воображение» в свете его концепции всемирной литературы: дубитативный экскурс

О.М. Савельева

The Alexander Veselovsky's term «heart mind» in the light of his concept of world literature: dubitative excursus

Olga M. Saveljeva

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

dus.177@gmail.com

Аннотация. Рассматривается предположение о том, что В.А. Жуковский, работая над переводом поэмы Одиссея, глубоко освоил ход мысли и язык гомеровского эпоса, и идея «думать сердцем», одна из важнейших для древнего миропонимания, стала для него близкой поэтической темой, получившей право на самостоятельное художественное значение в его собственной поэзии. Такое предположение позволяет увидеть не только психо-эмотивное своеобразие поэзии Жуковского, но и правоту концепции А.Н. Веселовского о связи и взаимовлиянии литератур.

Ключевые слова: Александр Веселовский, Василий Жуковский, поэтика Гомера, «мысль в сердце», всемирная литература.

Summary. The article deals with the presupposition, that Zhukovsky making his translation of Odyssey deeply has mastered thinking and language of Greek epos and the idea "heart mind", one of the importants in the Ancient thought, became for him the close poetic theme, having right for the meaning in his own poetry. This presupposition helps to see not only the psycho-affective specific features of Zhukovsky poetry, but the value of the Veselovsky`s concept of literatures connecting and world literature.

Keywords: Alexander Veselovsky, Vasilij Zhukovsky, Homer poetics, "heart mind", world literature.

Можно уверенно полагать, что, когда А.Н. Веселовский дал своей книге о В.А. Жуковском (1904 г.) название «Поэзия чувства и «сердечного воображения», у него не было намерения прибегнуть к тавтологии в сочетании достаточно близких друг другу именований «чувство» и «воображение сердца». Что можно предположить для понимания слов *сердечное воображение*? Как можно их раскрыть? При обращении к фигуре В.А. Жуковского, мысль о его знаменитом и до сих пор лучшем переводе поэмы «Одиссея» возникает, возможно, даже резче, чем о его оригинальных сочинениях, тем более, что сам В.А. Жуковский считал этот перевод «своим лучшим, главным поэтическим произведением» [Жуковский 1980, т. 3: 536].

Здесь хотелось бы рассмотреть предположение о формировании поэтического взгляда В.А. Жуковского как переводчика и связи этой стороны с его общим художественным мироощущением, поэтическим взглядом и стилем и показать, что слова «сердечное воображение» применительно к его поэзии имеют определенное «ретроспективное» обоснование.

Выполняя перевод «Одиссеи», В.А. Жуковский в течение нескольких лет (1842–1849 гг.) изучал мир древности и глубоко прочувствовал эллинское умонастроение и особенности языка Гомера. Жуковский близко воспринял одну из основных идей греческого эпоса – идею соединения ментального и эмоционального через своеобразную архаическую синкретичность «ум – сердце / мысль – чувство». Одной из своеобразных черт греческой архаической словесности, как известно. является понимание процессов мышления и эмоций в их соединении как «синкретичного сплава», представленного хорошо известными, регулярными языковыми формулами, типа νοειν φρεσι – «думать сердцем», далеко не всегда отраженными в переводах. Приведем несколько из многочисленных примеров таких формульных сочетаний.

Так, о Телемахе говорится: ∠ δ□ φρες□ν ⊕□σι νοήσας θάμβησεν κατƒ θυμόν (1.322–323) – (*букв.*) «он, поняв своим сердцем, поразился душою» / «но проник он душою тайну и чувствовал страх» (Жуковский);

βούλευε φρεσ□ν ⊕□ισιν ∠δ∏ν τ—ν πέφραδ' βουλέυε Αθηνη (1.444) – (*букв.*) «он решал своим сердцем путь, который предрешила Афина» / «В сердце своем он обдумывал путь, учрежденный богиней Афиной» (Жуковский);

'γγελ□ας προϊει□σα, ν®ος δ□ ∞λλα μενοινα□⊗ αγγελιας (13.381) – (*букв.*) она (Пенелопа) послала добрые вести, а разум у нее замышляет другое» / «…и вести добрые шлет к ним, недоброе ***в сердце*** для них замышляя» (Жуковский); в речи Зевса: ⌠ς μ□ν □μω□⊗ θυμω□⊗ δοκει□ ε□□ναι ♦ριστα (13.154) – (*букв.*) (как) моей душе представляется / кажется, что это наилучшее / «…полагаю / думаю, что самое лучшее будет» (Жуковский).

В связи с нашей темой и примером из Od. 13.154 уместно привести выразительную характеристику категории «дух, душа» θυμός, которую высказал Ф.Ф. Зелинский в давней, но не устаревшей статье «Гомеровская психология» (1922) – «Страстно мыслящая душа» [Зелинский 1922 / 2012: 26]. Идея «прочувствованной мысли, решения, пропущенного через сердце» оказалась близка собственному поэтическому взгляду Жуковского и присутствовала в его авторской поэзии, что органично согласуется с утверждением А.Н. Веселовского, когда он, развивая идею всеобщей литературы, утверждает: «Изучая ряды фактов, мы замечаем их последовательность, отношение между ними последующего и предыдущего» [Веселовский 1870]. Обращая это его рассуждение к теме «сердечного воображения», можно предположить, что воспринятое Жуковским от древних понимание мыслительных и эмоциональных процессов в их непосредственном соединении было развито в собственном творчестве поэта, а гораздо позже было легко и непринуж-

денно представлено в русской и советской поэзии уже вне отсылки к древнему миру, как, например, в известных стихах С.Я. Маршака «пусть будет добрым ум у нас, а сердце ум-ным будет». Что касается Жуковского, то его поэзия и поэтическая личность и сегодня рассматриваются в свете проблемы «соотношения личности и литературных формул», как это подчеркивает, например, А.Е. Махов [Махов 2010]. Известно, что А.Н. Веселовский связывал весьма сложный для толкования термин «сердечное воображение» с сентиментализмом и романтизмом, высказанное же здесь предположение, при многих сомнениях, помогает углубить его семантическую и художественную природу и показать, что его первым источником и основой могли быть гомеровский эпос и эллинское миропонимание.

Литература

Веселовский А.Н. О методе и задачах истории литературы как науки (Вступительная лекция в курс истории всеобщей литературы, читанная в С.-Петербургском университете 5-го октября 1870 года) // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989 (Пропуски восстановлены по: *Веселовский А.Н.* Собр. соч. СПб., 1913. Т. 1. Поэтика. С. 231).

Жуковский В.А. Письмо С.С. Уварову // Собрание сочинений: В 3-х т. М., 1980.

Зелинский Ф.Ф. Гомеровская психология. М, 2012. Изд. Книга по Требованию / 1922 – Петербург. Тип. Гос. Акад. – Из трудов разряда Изящной Словесности Российской Академии Наук.

Махов А.Е. Веселовский – Курциус. Историческая поэтика – историческая риторика // Вопросы литературы. 2010. № 3.

Перспективы исследования концептосферы Донбасса

А.Н. Стебунова

Prospects for the study of the conceptual sphere of Donbass

Alla N. Stedunova

Донецкий национальный университет / Donetsk National University

alla.stebunova@mail.ru

Аннотация. Язык является одним из средств доступа к сознанию человека. В нашей работе обозначены перспективы исследования концептосферы Донбасса как структурированной целостной системы в составе русского национального языка.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, региональная языковая личность.

Summary. Language is one of the means of access to human consciousness. In our work, we outlined the prospects for the study of the Donbass conceptual sphere as a structured holistic system within the Russian national language.

Keywords: concept, concept sphere, regional language personality.

Одним из самых актуальных направлений современной лингвистики стало изучение языка в плане его соотнесенности с окружающим миром.

Основной единицей языкового сознания индивида в современных лингвокультурологических исследованиях признается лингвоконцепт – сложное ментальное образование, аккумулирующее представления, знания, ассоциации человека, связанные с определенным фрагментом действительности. Концепт является одним из базисных понятий лингвокультурологии и приковывает внимание многих исследователей – лингвистов, филологов, специалистов по искусственному интеллекту, когнитологов. Тем не менее, до сих пор не существует единого общепринятого определения термина «концепт».

Е.С. Кубрякова определяет концепт как многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем [Кубрякова 2004: 90–93]. По мнению Ю.С. Степанова, концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [Степанов 2001: 40–41]. Н.А. Красавский рассматривает концепт как «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека» [Красавский 2001: 37].

Объектом нашего исследования является концептосфера Донбасса. «Понятие концептосферы, – подчеркивал Д.С. Лихачёв, – особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры – культуры нации, и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности. [Лихачёв 1997: 284].

Целью и задачей нашего исследования является обоснование реальности лингвокультурного феномена концептосферы Донбасса, региональной языковой личности. Ее социолингвистический и лингвокультурный портрет создается на основе анализа текстов и языковых средств, отмеченных региональной спецификой.

Если в начале XX века В.В. Виноградов использовал понятие *языковая личность,* для обозначения человека как «вместилища социально-языковых форм и норм коллектива», то Ю.Н. Караулов [Караулов 2010] вводит в лингвистический обиход понятие «языковая личность» с ориентацией на национальную специфику феномена, который в XXI веке получил новый импульс развития. Это было обусловлено переоценкой роли региональной науки, личности, изучением культуры регионов, обсуждением проблем «регионального варьирования» как неоднозначной вариативности национального языка [Степанов 2001: 53]. В научном сообществе ведется активный поиск соответствующего термина для наименования феномена языка региона.

За всеми этими явлениями и процессами стоит региональная личность со своим менталитетом, ассоциативным пространством, опытом, словом, со своей самобытной языковой картиной.

Важным фактором формирования базовых лингвоконцептов Донбасса следует считать уровень и качество получаемых региональной языковой личностью знаний, совокупность которых «представляет собой некоторую определенным образом структурированную и иерархизированную систему» [Красных 2003: 118].

В концептосфере Донбасса нами выделяются натурфакты – природные объекты: *ставок, степь, кряж, розы*; артефакты, связанные а) с угольной промышленностью: *терриконы, уголь, коногонка, рудник*; б) с социокультурными объектами региона: *Пальма Мерцалова, Донбасс-арена, музей Арт-Донбасс, монумент Саур-Могила*; в) с региональной персоносферой: *Алексей Стаханов, Паша Ангелина, Макар Мазай, Артём*.

Концептосфера региональной языковой личности Донбасса, безусловно, сохраняется в современном социуме. Для этого имеются серьезные основания: постепенно возрождающийся интерес молодежи к регионально значимым явлениям, желание приобщиться к культурным традициям региона.

Таким образом, можно констатировать, что концептосфера Донбасса – это не лингвистический парадокс, а онтологическая реальность. Она определяется как величина далеко не периферийная, из чего следует, что ее изучение как целостной категории представляется важной лингвистической задачей в современном лингворегионоведении.

Литература

Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–305.

Караулов Ю.Н. Русский язык и личность. Изд.7-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Крысин Л.П. О параметрах регионального варьирования современного русского языка // Региональные варианты национального языка: Материалы Всероссийской науч. конференции / Под ред. А.М. Майорова. Улан-Удэ, 2013.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.

К вопросу об изучении русской терминологии на материале художественного текста («Записки юного врача» М.А. Булгакова и медицинская лексика)

Е.В. Суровцева, С.С. Тверская

On the study of Russian terminology on material of literary text («Notes of young doctor» by M. Bulgakov and medical vocabulary)

Ekaterina Surovtseva

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

surovceva-ekaterina@yandex.ru

Svetlana Tverskaya

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
«Государственный социально-гуманитарный университет» (Коломна) /
State Educational Institution of Higher Education of Moscow Region “State University of Humanities and Social Studies” (Kolomna)

kgpi-mbd@yandex.ru

Аннотация. Нами ставится вопрос о необходимости изучения терминологии в художественном тексте на примере медицинской лексики в «Записках юного врача» М.А. Булгакова. Путем компьютерной выборки и врачебного прочтения составлен словарь медицинской лексики «Записок юного врача» – 311 словарных единиц, предложена их классификация.

Ключевые слова: М. А. Булгаков, медицина, терминология, врачебное прочтение, компьютерная лингвистика.

Summary. We raise the question of need to study terminology in literary text on example of medical vocabulary in «Notes of young doctor» by M. Bulgakov. By computer selection and medical reading compiled dictionary of medical lexicon «Notes of young doctor» – 311 vocabulary units, their classification.

Keywords: M. Bulgakov, medicine, terminology, medical reading, computer linguistics.

Михаил Александрович Булгаков (1891–1940) – всемирно известный русский писатель-врач. Цикл рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача» – это автобиографичная история начинающего доктора, представленная в семи рассказах. Булгаков очень реалистично описывает трудные будни единственного врача земской больницы, когда болезни и травмы, с которыми обращаются сельские жители, только он должен и может вылечить. Противоречие состоит в ценности литературного текста Булгакова как источника медицинских знаний и сложности понимания его читателем, не имеющим медицинского образования. Врачебное прочтение устраняет это противоречие.

Предметом исследования стала медицинская лексика рассказов цикла М.А. Булгакова «Записки юного врача» [Булгаков 1992].

Одной из методик поиска терминов послужила компьютерная выборка, произведенная филологом с помощью Автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум», разработанной в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета, для создания корпусов текстов и работы с ними (поиск нужных слов, контекстов и пр.). Авторский метод исследования литературного текста, именуемый как «врачебное прочтение» [Тверская 2012], разработанный медиком, опирается на профессиональные медицинские знания и клиническое мышление. Художественное произведение рассматривается с медико-биологической точки зрения, с позиции культуры здоровья.

Путем компьютерной выборки и врачебного прочтения текста нами составлен общий алфавитный каталог медицинских терминов из цикла семи рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача», в который вошли 311 наименований. Все медицинские термины снабжены примерами из текста и, в необходимых случаях, комментарием. Например:

Акуше́рка-фельдшери́ца – средний медработник-женщина, выполняющая обязанности акушерки и фельдшера.

/ После удачной трахеотомии начинающий врач услышал слова одобрения от своей опытной помощницы: «Старшая акушерка-фельдшерица сказала мне: <…> “Вот вам и слава, доктор, поздравляю”» («Стальное горло»).

Воспале́ние лёгких – тяжелое заболевание дыхательной системы; характеризуется одышкой и синюшным оттенком губ, ногтей, мочек ушей, у детей раннего возраста – носогубного треугольника.

/ Доктор сильно промерз в дороге и думает о последствиях: «Воспаление легких у меня, конечно, получится» («Вьюга»).

Гно́йный плеврит – тяжелое воспаление плевры.

/ Гнойный плеврит, также как и гнойник, требует вскрытия плевральной полости для оттока гноя: «…какие видел гнойные плевриты и взламывал при них ребра…» («Пропавший глаз»).

Лигату́ра (от лат. *ligare* – связывать) – нить, например, шелк, кетгут, для перевязки сосудов.

/ Провели ампутацию. «Потом вязали лигатурами» («Полотенце с петухом»).

Тема особого рассмотрения – классификация терминов. Медицинская лексика классифицирована: 1. По назначению (составленный ранее нами [Тверская, Суровцева 2015] алфавитный перечень медицинских терминов и разработанная на его основе классификация, как наиболее полная, взята за основу и дополнена): Отрасли медицинской науки, Медицинские учреждения и помещения, Медицинский персонал, Анатомические и физиологические термины, Симптомы болезней, Диагнозы, Медицинское оборудование, Манипуляции и операции, Лекарственные средства. 2. По лингвистическому принципу: Термины широкоупотребительные, Термины, принадлежащие к активному словарному запасу, Термины, принадлежащие к пассивному словарному запасу, Специальные термины, Узкоспециальные термины.

Усилиями врача и филолога проведено широкое исследование лексики цикла рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача», которое имеет большую научную и практическую значимость. Изучение функционирования медицинской терминологии в художественных текстах представляется весьма перспективным для филолога. Подобные исследования будут весомым вкладом в изучение особенностей творчества писателя, авторoведения (в этом нам также поможет изучение медицинских тем в произведении Булгакова), стилистики художественного текста. Кроме того,

результаты нашей работы могут быть использованы при преподавании русского языка в иностранной аудитории. Составленный нами список будет также полезен при последующих изданиях Булгакова и может быть использован как источник комментариев к отдельным словам и оборотам.

Литература

Булгаков М.А. Записки юного врача // Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Худож. лит., 1992. Т. 1. С. 69–146.

Тверская С.С. Морфинизм в описании Л.Н. Толстого: Врачебное прочтение романа «Анна Каренина» // Медицина в художніх образах = Медицина в художественных образах: Ст. Вып. 10 / Сост. и гл. ред. К.В. Заблоцкая; Донецкий мед. ун-т. Донецк: Нордпрес, 2012. С. 226–235.

Тверская С.С., Суровцева Е.В. Алфавитный перечень и классификация медицинских терминов из цикла М.А. Булгакова «Записки юного врача» // Человек, здоровье, физическая культура и спорт в изменяющемся мире: XXV Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам физ. воспитания учащихся: Материалы конф. / Минво образ. Моск. обл.; ГОУ ВО МО «Гос. социально-гуманит. ун-т» [и др.]. Коломна: ГСГУ, 2015. С. 689–692.

Проявление менталитетных свойств русской языковой личности в национальной логосфере

Л.А. Чижова

Manifestation of the Russian language personality's features in the national logosphere

L.A. Chizhova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

lachizhov@yandex.ru

Аннотация. При выявлении уровневой структуры национальной языковой личности важным оказывается этносемиотический уровень, способствующий формированию общих знаний, этических и эстетических оценок, которые объединяют нацию, и представляющий базу для самоидентификации личности. В докладе ставится цель выявить черты русской языковой личности на примерах анализа текстов логосферы и данных словарей и грамматик.

Ключевые слова: языковая личность, этнолингвистика, логосфера.

Summary. The ethnosemiotic level is very important for the Russian language personality's researching. The ethnosemiotic level contributes General knowledge, ethical and aesthetic assessments collected by any nation and it's the basis for national self-identification of any personality. The goal this report is determining the manifestations of the Russian language personality's features in the national logosphere, in Russian dictionaries and grammars.

Keywords: language personality, ethnolinguistics, logosphere.

Языковая личностью в лингвистике понимается как совокупность навыков, обеспечивающих речевое общение в национальном коллективе, как некая общность этических установок, сформированных культурой народа, в рамках которого личность себя идентифицирует.

Поскольку языковая личность являет феномен иерархически сложной структуры, выделяются три уровни языковой личности:

1. **Вербально-семантический уровень** предполагает, что языковая личность, как адресант сообщения, способна порождать текст, а также воспринимать и понимать текст другого адресанта на родном языке, будучи адресатом в коммуникативном акте.

2. **Когнитивный уровень** фиксирует понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой личности в упорядоченную, систематизированную «картину мира», однако когнитивный уровень отражает также коллективную память нации, т.е. иерархию ценностей. Когнитивный уровень – уровень знаний о мире, воплощается, в частности, в тезаурусе.

3. **Прагматический уровень** выявляет цели, мотивы, интересы, установки и интенции говорящего, адресанта, отражает как личную компетенцию в достижении поставленной цели при речевой коммуникации, так и осознание системы запретов и разрешений, сформированной социальными и культурными факторами.

4. **Этносемиотический** уровень выделяется особо, так как в каждой национальной культуре существуют специфические для нее сферы опыта, обусловленные географическими и общественно-историческими различиями. Кроме того, важное значение приобретают в формировании опыта и этических оценок мифы и поверья, специфические сферы знания, которые непременно сопровождают историю каждого этноса, причем фиксация этих знаний представлены в текстах различных семиотических систем.

Уникальные языковые личности формируют определенные единства в соответствии с осознанием тех социальных институтов, под воздействием которых развивается и общество в целом, и отдельная личность.

Понятие национальной языковой личности, национального характера определяется этнолингвистикой – наукой, основной предмет которой – изучение особенностей психического поведения представителей этнических общностей, выявление системы представлений и кодов поведения; этнолингвистика анализирует проявление в языковых формах этнического сознания, закрепленного в обычаях, правовых, этических и эстетических нормах. Этнолингвистика – это наука об особенностях проявления культуры, об этнической обусловленности познания, речевого поведения индивида. Фундаментальные представления о предмете и задачах этнолингвистики были заложены в трудах В. фон Гумбольдта, а в XX веке определены работами Л. Витгенштейна и его последователей. Теория речевых актов и теория возможных миров базируются на исследовании языкового поведения человека в качестве представителя определенного культурного ареала, и материалом для анализа могут служить как факты речевого узуса. Представление о языковой личности не может быть полным без учета этносемиотической составляющей, без анализа концептуальной системы, отражающей представление народа об окружающей действительности и о собственном месте в этой действительности.

Логосфера как совокупность текстов на языке народа и язык как код, формирующий из конечного состава элементов бесконечное число текстов, – разные продукты одного национального духа. Особое место в логосфере приобретают тексты с высоким уровнем выражения этического и эстетического идеала нации, поэтому закономерно искать в воплощениях тем классической русской литературы, а также в грамматиках и словарях русского языка выражение духа русской нации, что позволяет выявить черты национальной картины мира, формирующие представление о русской языковой личности сквозь смену исторических эпох.

А. Вежбицкая подчеркивает особенности русского национального характера, сфокусированные в трех словах – *душа*, *судьба* и *тоска*. Л.Н. Гумилёв определял русских как евразийский суперэтнос, а особенности национального типа рус-

ских объяснял необъятностью русской земли, ее порубежным состоянием.

На примерах анализа текстов классической русской литературы и данных грамматик русского языка и словарей показаны особенности национальной картины мира: своеобразие выражений представлений о числе, феминности, субъектности, причинно-следственных отношений, а также описать специфичность выражения универсальных противопоставлений «свой – чужой», «верх – низ». Чтобы выявить сходство и различия национальных языковых личностей, проводится сопоставление с языком и логосферой турецкого народа.

Литература

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ. 2010.

Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры / Под ред. А.В. Гулыги и Г.В. Рамишвили. М.: Издательство Прогресс. 1985.

Витгенштейн Л. Философские исследования / Пер. с нем. Л. Добросельского. М.: Издательство АСТ, 2018.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Под ред. М.А. Кронгауза. М.: Издательство Русские словари. 1996.

Гумилёв Л.Н. От Руси до России. М.: Издательство АСТ, 2016.

Текстуальные связи слов в русской прозе XIX в.

А.Я. Шайкевич

Textual links of words in XIX-century Russian prose

Anatole Ya. Shaikevich

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) / Vinogradov Institute for Russian Language (Moscow)

lingstat@yandex.ru, irlras@mail.ru

Аннотация. Корпус русской прозы (14 миллионов словоупотреблений) членится на фрагменты по 40 слов. Если совместная встречаемость двух слов во фрагментах существенно превышает величину, подсчитанную на основе нулевой гипотезы, делается вывод о наличии связи между этими словами. В ходе анализа возникает огромная сеть текстуальных связей слов.

Ключевые слова: дистрибутивно-статистический анализ; текстуальные связи слов; русская проза XIX века.

Summary. A corpus of Russian prose (14 million running words) is divided into fragments of equal size (40 words each). When actual co-occurrence of two words exceeds significantly the expectation, the two words are said to be linked together. A huge network of textual links of words is constituted as a result of the analysis.

Keywords: distributional statistical analysis; textual links of words; Russian prose of XIX century.

Настоящее исследование проводится в рамках дистрибутивно-статистического анализа текстов (ДСА). Этот метод основан на систематическом сравнении наблюдаемых частот единиц в тексте (f) и математических ожиданий (m), подсчитанных на основе нулевой гипотезы. Мерой статистической значимости события неизменно служит выражение $S = (x– m–1)/\sqrt{m}$. Метод относится к числу формальных, семантическая информация в нем не используется. Важнейшая черта ДСА заключается в последовательном расширении того окна, внутри которого изучается дистрибуция исходных элементарных единиц. Соответствующие этапы называются интервалами текста. В микроинтервале изучается поведение букв внутри графического слова; в результате открываются три части речи с их морфологией [Шайкевич, Андрющенко, Ребецкая 2013: 111–130]. В минимальном интервале изучается комбинаторика графических слов, непосредственно соседствующих друг с другом. В результате открываются согласовательные конструкции, система падежей, парадигмы имен [Шайкевич, Андрющенко, Ребецкая 2016: 29–52].

В докладе излагаются результаты работы ДСА в среднем интервале. Корпус русской прозы (14 миллионов словоупотреблений) членится на фрагменты по 40 слов. Если совместная встречаемость двух слов (лемм) во фрагментах существенно превышает величину, подсчитанную в предположении взаимной независимости этих слов, делается вывод о наличии связи между этими словами. В ходе анализа возникает огромная сеть текстуальных связей слов (СТСС), включающая 36 тысяч слов и 600 тысяч связей). В любой большой сети связей можно ожидать появления кластеров. Действительно, в нашей СТСС обнаруживаются кластеры разного объема: от минимальных троек (*безумный, бешеный, сумасшедший*) к объединениям десятков слов, например, *год, зима, весна, лето, осень, месяц*, 12 названий месяцев, ко все более крупным типа кластера **болезнь** (более 200 слов) с центральными словами *болезнь, больной, врач, доктор, лекарство, лечить, умереть*, кончая мегакластерами вроде **застолье** (более 500 слов) с центральными словами *блюдо, водка, гость, есть, завтрак, кусок, ложка, мясо, обед, пить, рыба, стол, тарелка, ужин, хлеб, чай, щи*.

С уменьшением размера исследуемого корпуса сокращается и число выявленных текстуальных связей, но даже при объеме 100–200 тысяч словоупотреблений сохраняется повод для интересных интерпретаций различий между жанровыми и авторскими подкорпусами.

Литература

Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг., Т. 1. М.: ЯСК, 2013.

Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Т. 2. М.: ЯСК, 2016.

Полифонический принцип организации языкового сознания при психозе (на материале дневниковых записей больного психозом)*

Н.Н. Шпильная

The polyphonic principle of the organization of language consciousness in psychosis (based on diary records of a patient with psychosis)

Nadezhda N. Shpilnaya

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул) / Altai State Pedagogical University (Barnaul)

venata85@mail.ru

Аннотация. Впервые представлен анализ языкового сознания носителя языка в состоянии психоза. В работе акцент сделан на лингвистическом описании проблемы формирования невербализуемых высказываний («голосов»), возникающих в языковом сознании носителя языка и вступающих в диалогические отношения с невербальным или вербальным поведением языковой личности, ее внутренней или внешней речью. Предлагается такой принцип организации измененного состояния сознания называть полифоническим принципом организации языкового сознания.

Ключевые слова: измененное языковое сознание, полифония, психоз.

Summary. For the first time, an analysis of the linguistic consciousness of a native speaker in a state of psychosis is presented. The work focuses on the linguistic description of the problem of forming non-verbalized utterances (“voices”) arising in the linguistic consciousness of a native speaker and entering into dialogical relationships with the nonverbal or verbal behavior of the linguistic personality, its internal or external speech. It is proposed that such a principle of organization of an altered state of consciousness be called the polyphonic principle of the organization of language consciousness.

Keywords: altered state of consciousness, polyphony, psychoses.

Измененные состояния языкового сознания не раз становились предметом специальных психологических и лингвистических исследований. На современном этапе развития лингвистики измененных состояния сознаний последние понимаются не только как способ приспособления сознания к изменениям внешних условий [Спивак 1985], но и как проявление основных типов нервно-психической патологии [Спивак 1996]. В статье представлен анализ измененного состояния языкового сознания при психозе.

Материал исследования – дневниковые записи больного психозом – позволяют сделать вывод о **полифоническом принципе организации языкового сознания** при психозе. Полифония измененного состояния языкового сознания проявляется в актуализации диалогических отношений между невербализуемой языковой личностью и создаваемыми ее высказываниями и высказываниями реальной языковой личности, представленными в формате внутренней или внешней речи.

Невербализуемая языковая личность – это особый тип языковой личности. Она может быть представлена конкретной языковой личностью, знакомой реальной языковой личности, или неопределенной языковой личностью (например, Богом).

Приведем примеры коммуникативного взаимодействия реальной языковой личности и невербализуемой языковой личности.

Ситуация № 1. *Ситуация в кинотеатре.*

Я повернулась, чтобы посмотреть на тех, кто сидел позади меня. Голос сказал мне: «Еще раз повернешься – убью».

В данном случае мы видим реакцию на невербальное поведение языковой личности.

Ситуация № 2. *Разговор по телефону с матерью.*

Я разговаривала с мамой по телефону. Сказала маме, что я устала, лягу спать пораньше. В этот момент голос сказал мне: «Врешь, сука, все ты врешь. Маме врешь…».

Ситуация № 3. *Перед сном.*

Я лежала на кровати, хотелось спать. Но надо было встать *и выключить свет в ванной, я боялась встать, потому что в комнате было темно, боялась услышать голос. У меня мелькнула мысль «Сейчас встану, снова голос появится». Голос сказал кому-то: «Она нас боится, она боится встать». Я подумала и сказала внутреннему голосу: «Еще раз что-нибудь скажете, я разозлюсь и вам мало не покажется. Я ясно выразилась?». На это голос мне ответил «N.* (обратился по имени. – *Н. Ш.*), *не бойся, мы будем молчать».*

Ситуация № 4. *В разговоре с психотерапевтом.*

Я испугалась голоса и поехала к психотерапевту, я думала, что он сможет мне помочь. Разницу между психотерапевтом и психиатром я не знала. В разговоре с психотерапевтом голос сказал мне: «Не говори больше ничего о нас».

Ситуация № 5. *В палате психиатрической больницы.*

Я лежала на кровати и смотрела в потолок, Бог сказал мне: «Подойди к окну и посмотри на улицу, там стоит Миша (вероятно, речь идет о человеке, с которым знакома реальная языковая личность. – *Н. Ш.*)».

В исследовании представлена типология невербализуемых высказываний невербализуемой языковой личности по характеру актуализируемых в них коммуникативных интенций. Выделены и охарактеризованы два типа невербализуемых высказываний в зависимости от их иллокутивной установки:

1) высказывания, актуализирующие агрессивную иллокутивную установку и тем самым стремление к конфликтному диалогу: *Замолчи, мразь! Еще раз повернешься – убью;*
2) высказывания, актуализирующие неагрессивную иллокутивную установку и тем самым стремление к кооперативному диалогу: *Не говори ничего, пожалуйста, мы больше не будем*; *Видишь, мы больше ничего не говорим, мы молчим*; *Я помогу тебе, не бойся.*

В результате анализа языкового материала установлено, что невербализуемая языковая личность может выступать как в роли инициатора коммуникативного взаимодействия, так и в роли адресата сообщений, она комментирует либо действия носителя языка, либо его озвученные или внутренние реплики (мысли).

Подводя итог вышесказанному отметим, что измененные состояния языкового сознания при психозе могут быть рассмотрены как проявление полифонии языкового сознания, появления в нем невербализуемых высказываний невербализуемой языковой личности.

Литература

Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания: проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 50–57.

Спивак Л. И., Спивак Д. Л. Измененные состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология // Сознание и физическая реальность. Т. 1. 1996. № 4. С. 48–55.

* Исследование выполнено при поддержки РФФИ, проект № 19-013-00466 А «Сравнительный анализ письменной речи лиц с алекситимией и без алекситимии».

Межъязыковая образность как лингвокогнитивная категория: способы языковой репрезентации и аспекты анализа*

Е.А. Юрина

Interlinguistic figurativeness as a linguistic-cognitive category: methods of language representation and aspects of analysis

Elena A. Yurina

Национальный исследовательский Томский государственный университет / Tomsk State University

yourina2007@yandex.ru

Аннотация. Определяется статус категории межъязыковой образности, рассматриваются способы ее языковой объективации в русском языке на фоне других родственных и неродственных языков, а также направления и аспекты лингвистического исследования. В результате предлагается определение данной категории с позиции психолингвистического и когнитивного подходов; характеризуются четыре аспекта (психолингвистический, когнитивно-семантический, дискурсивный, лексикографический) ее изучения.

Ключевые слова: межъязыковая образность, метаязыковое сознание, перевод, метафора, картина мира.

Summary. The status of the category of interlinguistic figurativeness is determined, ways of its linguistic representation in Russian against the background of other languages, as well as directions and aspects of linguistic research are considered. As a result, a definition of this category is proposed from the standpoint of psycholinguistic and cognitive approaches. Four aspects (psycholinguistic, cognitive-semantic, discursive, lexicographical) of its study are characterized.

Keywords: interlinguistic figurativeness, metalinguistic consciousness, translation, metaphor, picture of the world.

Проблемное поле исследования, результаты которого представлены в тезисах доклада, составляют вопросы символического и образного кодирования информации в языке, а также функционирования образных кодов культуры в речевой коммуникации. Актуальность исследования функционирования языковой образности в поликультурном коммуникативном пространстве обусловлена важностью знания и понимания инокультурного образного кода вербализации представлений о мире средствами чужого языка.

Понятие межъязыковой образности введено в лингвистический оборот относительно недавно. С позиций психолингвистики оно рассматривается исследовательской группой под руководством Е.Б. Трофимовой [Трофимова, Трофимова, Власов, Одончимэг 2015], где понимается как «общность представлений в форме образов, картин, фреймов, возникающих у иноязычного носителя» при восприятии образных единиц неродного языка [Кармацкая 2007: 4–6]. Материалом для анализа выступили неоднооснoвные образные лексемы русского и английского [Кармацкая 2007], русского и монгольского языков [Трофимова, Трофимова, Власов, Одончимэг 2015], предложенные в качестве стимула в серии свободных и направленных экспериментов, цель которых состояла в выявлении особенностей осознания информантами внутренней формы иноязычного образного слова.

В рамках когнитивной фразеологии о межъязыковой образности размышляет Н.Ф. Алефиренко, рассматривая ее как ментальную категорию, обеспечивающую «транслируемость фразеологической образности в межъязыковом пространстве». В его работах межъязыковая образность фразеологизмов определяется «с опорой на соотносительность ментального моделирования в сознании носителей разных языков при восприятии когнитивно-дискурсивного контура соотносимых фразем» [Алефиренко 2008: 52–53].

Таким образом, ***межъязыковая образность*** как метаязыковая и лингвокогнитивная категория актуализируется в ситуации межъязыковой и межкультурной коммуникации, когда субъект (автор текста или его реципиент) вынужден осуществлять метаязыковую рефлексию по поводу внутренней формы образной языковой единицы (метафоры, идиомы, паремии и т.п.) чужого языка, отыскивая концептуальные опоры (аналогии, схемы образов и т.п.) или вербальные соответствия различной степени эквивалентности в своем родном языке.

В психолингвистическом ракурсе рассмотрения межъязыковая образность может быть определена как метаязыковая категория, принадлежащая сознанию двуязычной (полиязычной) личности и актуализирующаяся в ситуации декодирования и / или перекодирования образных систем двух и более языков в процессе межъязыковой коммуникации. С точки зрения когнитивной лингвистики – это лингвокогнитивная категория, характеризующая взаимодействие кодов образной вербализации представлений о мире, принадлежащих разным языковым картинам мира.

Рассмотрим четыре способа объективации категории межъязыковой образности.

(1) Метаязыковая рефлексия рядового носителя языка – билингвальной / полилингвальной языковой личности, – может объективироваться в текстовых и метатекстовых высказываниях, полученных в качестве реакций на образные слова-стимулы родного и неродного языков в рамках свободных и направленных психолингвистических экспериментов.

(2) Метаязыковая рефлексия лингвиста, основанная на методах семантического анализа, объективируется в научном описании результатов сопоставительного исследования образных средств разных языков. Примером может служить опыт сопоставительного исследования реализации пищевого кода культуры в метафорах, идиомах, паремиях, метафорических текстах русского, английского, итальянского, казахского языков. Образную универсалию (когнитивную опору) составляет устойчивая схема образной аналогии, например, «полная, округлая часть тела человека – это кулинарное изделие из теста», представленная во всех сопоставляемых языках. Вариативность обусловлена выбором конкретного гастрономического образа как средства концептуализации определенных свойств характеризуемого феномена: ***булка***, ***пончик*** в русском, ***булка*** (***bun***) ***маффин*** (***muffin***) в английском, ***галушка*** (***gnocco***) в итальянском, ***баурсак*** (***бауырсақ***) в казахском.

(3) Метаязыковая рефлексия переводчика, осуществляющего выбор наиболее эквивалентного и адекватного тексту оригинала образного средства родного языка, объективируется в переводном тексте и может быть обнаружена при сопоставлении лексико-фразеологических соответствий из текстов оригинала и перевода. В метаязыковом сознании переводчика «живут», соседствуют две образные системы, которые необходимо совмещать, сопоставлять, делать выбор наиболее точного образного слова из синонимического ряда возможных эквивалентов при создании вторичного переводного художественного текста [Юрина, Боровкова, Шенкал 2015].

(4) Наиболее полную картину межъязыковой образности может представить идеографический полиязычный словарь метафор, построенный по концепто-ориентированному принципу. Модель такого словаря разработана на примере пищевой метафоры, представленной в образной лексике и фразеологии русского, английского, итальянского и казахского языков. Идеографический формат организации материала позволяет системно представить образные средства разных языков, называющие тождественные категориальные классы явлений действительности посредством близких, но не тождественных образов.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография. Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2008.

Кармацкая Э.В. Сопоставительное исследование внутренней формы и образности в системе языка и восприятии носителей: на ма-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00194 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (2018–2020 гг.).

териале сложных наименований в русском и английском языках: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Кемерово, 2007.

Трофимова У.М., Трофимова Е.Б., Власов М.С., Одончимэг Т. Монгольская фразеология в зеркале межъязыковой образности // Central Asian journal of basic and applied research. 2015. № 4. С. 4–18.

Юрина Е.А., Боровкова А.В., Шенкал Г. Межъязыковая образность в речевой деятельности переводчика // Язык и культура. 2015. № 1 (29). С. 61–71.

Лингвоаксиологическая матрица русского экономического поведения

Г.С. Яроцкая

Linguoaxiological matrix Russian economy behavior

G.S. Yarotskaya

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова / Odessa Mechnikov National University

g.yarotskaya@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой обобщение итогов исследования динамики лингвоаксиологических параметров русского языка и речевой деятельности, репрезентирующих русское экономическое сознание и поведение. Система презумпций, согласованных между собой и повторяемых в значениях целого ряда языковых единиц, представляет собою своего рода языковую матрицу, подсознательно воспринимаемую носителями лингвокультуры как аксиоматичную. Эти неявные смыслы, с трудом поддающиеся экспликации, тем не менее позволяют выявить «нерыночность» и антигедонистическую направленность русского обыденного экономического поведения.

Ключевые слова: экономический концепт, эволюция ценностей, языковая матрица, семантические презумпции.

Summary. The article is a set of interrelated theses of the study of linguoaxiological and semantic parameters of the dynamics of Russian economic consciousness. We proposed the model of Russian value-oriented system, which is, according to the study, keeps the stability of the meta-level in all periods of the existence of Russian language and culture. The system of presumptions – which are correlated and recurrent in the lexical meanings of multiple lexemes in the Russian language – represents a linguistic matrix, that is subconsciously perceived by Russian-language speakers as axiomatic. Such presumptions are not explicit, but they still reveal the anti-utilitarian and anti-hedonistic orientation of Russian economic consciousness.

Key words: economic concept, evolution of values, linguistic matrix, semantic presumptions.

Исследование динамики языковой репрезентации наивной экономики проводится нами через выявление семантических пресуппозиций, эксплицитной и имплицитной информации, содержащейся в языковой системе, языковом сознании и речевой деятельности носителей русской лингвокультуры (далее – РЛК). Особый интерес представляет для нас выявление той ценностной системы, с помощью которой носители РЛК осознавали и осознают экономические условия своего существования; их представления о должном, желаемом порядке распределения благ; приоритеты и мотивы, побуждающие их к экономическим действиям и др. Предлагаемая нами периодизация ценностной динамики русского обыденного экономического сознания (далее РОЭС) включает следующие периоды: киеворусский, московский, петербургский, советский, постсоветский.

Следуя концепции С.Г. Кирдиной об институциональных матрицах [Кирдина 2008], считаем, что экономическое сознание и поведение формируется под влиянием того или иного типа матриц. Выделяемые X (коммунитарная)- и Y(субсидиарная)-матрицы, проявляющие себя в сфере экономики, политики и идеологии, соответствуют ценностным инвариантам, в которых коллективное сознание истори-чески закрепляет смысл определенного общественного устройства.

Аксиосистема наивной экономики представляется многоуровневым образованием, где на **метауровне** находятся универсальные ценностно-смысловые ориентиры терминального характера; **макроуровень** – ценностные системы, принимаемые в границах той или иной социоэкономической общности, и **микроуровень** – личностные ценности как ориентиры экономического поведения субъекта (лингвокультурного типажа).

Значительный интерес представляют те конфигурации смыслов, которые повторяются в качестве фоновых в целом ряде языковых единиц. Анализ семантической эволюции лексики РОЭС позволяет выявить определенные ценностные мотивы, многократно повторяющиеся в значении многих слов и фразеологизмов. Большинство из таких лексем, воплощающих устойчивые аксиокатегории РОЭС, являются характерными именно для РЛК: *родные, общность, простор, размах, справедливость, соборность*. Негативную оценочность и коннотации имеют как лингвоспецифические исконно русские и церковнославянские лексемы, типа *вещеиистовый, вещелюбец, сладострастие, мелочный, быт, мещанство, пошлость, обыватель, единоличник, самонадеянность, расчетливость, умничать* и др., так и общеевропейские заимствованные лексемы – *эгоизм, амбиция, карьерист, индивидуалист* и др. Положительные коннотации приобретают лексемы с семой ‘бытовая скромность’ – *малотребие, непритязательность, аскетизм,* а также слова с идеологемной семой советского языкового кода ‘активное отношение к действительности’, ‘нежелание идти на примирение с действительностью’ – *бескомпромиссность, непримиримость, непреклонность, несгибаемость* и др. Однако эти и многие другие факты не позволяют говорить о каком-то «особом» месте русского языка на фоне других европейских языков [Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2012].

Системно-языковая объективация отношений экономических субъектов трудовой деятельности, представленная в бинарной оппозиции **кооперация** / **конкуренция**, свидетельствует о приоритете в РЛК ценностей сотрудничества и взаимопомощи, что влечет за собой ориентацию не на результат в трудовой деятельности, а на согласованность и гармонию межличностных отношений в трудовом коллективе. Когнитивная метафора конкуренции как борьбы, характерная для западноевропейской культуры, не акцентуирована в РЛК: данные семантические компоненты остаются на дальней периферии лексико-семантического поля и имеют низкие показатели разработанности в русском языковом сознании.

В постсоветский период, по данным НКРЯ за 1991–2008 годы [НКРЯ], наблюдается ценностный дуализм, вызванный конкуренцией субсидиарных и коммунитарных ценностей. Увеличение показателей частотности (*ipm, R* и *D*) некоторых советизмов означает, возможно, попытку восстановления приоритета ценностей *коллективизма, родства, единства, общности, социального равенства, взаимопомощи* и *справедливости* в РЛК, ослабивших свои позиции в начале постсоветского периода. Не только в официальном, но и в бытийном дискурсах обнаруживается ценностная преемственность приоритета идей коллективизма, социального равенства, бытового аскетизма, справедливости на фоне низкой значимости экономических утилитарных ценностей свободной и честной конкуренции, защиты прав частной собственности и высокого уровня качества жизни. Причины такой концептуализации, с нашей точки зрения, лежат в особой аксиопрограмме, в которой богатство, как и хозяйство и частная собственность, не представляют самодовлеющей терминальной ценности в отличие от западного сознания, где эти понятия стали священными. Анализ языкового воплощения наивной экономики позволяет подтвердить предположение о том, что в аксиосистеме РОЭС доминируют черты X- матрицы.

Литература

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012 (Язык. Семиотика. Культура).

Кирдина С.Г. Институциональная самоорганизация экономики: Теория и моделирование. М.: Институт экономики, 2008.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс. Режим доступа: http:// www.ruscorpora.ru /] (НКРЯ).

Секция XVIII.
Русский язык как средство общения и интеллектуального воспитания

СМИ и «языковая личность» молодого человека

М.Н. Володина

Mass media and the “language personality” of a young man

Maya N. Volodina

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

mnvolodina@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает проблему влияния СМИ на формирование «языковой личности» молодого человека.

Ключевые слова: средства массовой информации, Интернет, коммуникация, «языковая личность».

Summary. The author considers the problem of media impact on the formation of the “language personality” of a young man.

Keywords: mass media, Internet, communication, “language personality”.

Главная особенность использования языка в современном мире – глобализация информационных процессов, слияние средств массовой информации с компьютерными технологиями, расширение форм воздействия на человека с помощью новых СМИ, которые по-новому структурируют «старые» формы и возможности коммуникации.

В условиях глобальной коммуникации и «тотальной информатизации общества» возрастает необходимость изучения языка на основе исследования различных аспектов проявления личности в языковой деятельности.

Понятие «языковая личность» определяется как «вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психические, и этические, и социальные, и другие компоненты, но преломленный через ее язык, ее дискурс» [Караулов 1987: 86]. При этом язык является необходимым средством социализации, обеспечивающим вхождение индивида в культурный контекст, обусловленный особыми законами социальной системы, ее нормами, ценностями и принципами обучения.

Формируя коллективные знания, которые составляют основу социально ориентированного отношения к действительности, средства массовой информации, и прежде всего Интернет, стали сегодня неотъемлемыми компонентами бытия и социализации современного молодого человека, вхождения его в общество и усвоения определенной модели поведения. Именно для молодежи «виртуальная реальность», создаваемая сетевыми СМИ, является наиболее востребованной.

Сфера Интернета сегодня – самая динамичная область языковой коммуникации. Необходимость обслуживать разные ее виды неизбежно влечет за собой определенные изменения на уровне современного русского языка, создавая своего рода «эволюционные ловушки», в которые осознанно или неосознанно попадают молодые люди.

Активное взаимодействие с цифровой средой обусловливает снижение потенциала аналитического мышления молодежи, а также «потребление», вместо усвоения знаний. Типологические особенности сетевого текста требуют особого способа мышления, которое Е.Е. Пронина определяет как Net-мышление. «Подключиться к поисковой системе», согласно Прониной, для молодых людей часто означает необходимость найти не новые знания, а лишь некоторые «представления» [Пронина 2002: 278].

Интернет порождает новый тип культуры – медиакультуру, «маркерами которой становятся “лаконизм, обрывочность мыслей, клиповость сознания, болтовня, хайп и самопрезентация”». Развитие интернет технологий Web 3.0 с созданием генераторов стихов и новостей, а также с роботизацией текстов – «вытесняют человека из языкового бытия» [Клушина 2018: 28–29], что может привести к «дегуманизации» языка и культуры.

Именно в условиях интенсивного использования глобальной Сети становится возможным распространение вируса антикультуры. Общедоступность нередко подменяется вседозволенностью. Возрастает опасность утраты национальной самобытности, включая самобытность языковую.

Для адекватного восприятия текстов СМИ и особенно сетевых текстов требуются специальные знания, направленные на формирование медийно-информационной грамотности молодежи, которые включают в себя не только «аналитическую компетентность», но также «владение техникой безопасности для защиты от манипулятивного воздействия СМИ» на сознание молодых людей.

Литература

Володина М.Н. Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект, 2011. С. 6–19.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Клушина Н.И. Дигитальный язык // Молодежь и язык СМИ. Тезисы выступлений на заседании Круглого стола с международным участием. Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова 28–29 сентября 2018 года / Общая редакция М.Н. Володиной. М.: МАКС ПРЕСС, 2018. С. 28–30.

Пронина Е.Е. Психология журналистского творчества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.

Речевая культура современных СМИ в зеркале запросов аудитории

Л.М. Гончарова

Speech culture of modern mass media in the mirror of audience requests

Liubov M. Goncharova

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва) / Pushkin State Russian Language Institute (Moscow)

lmg2015@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам интерпретации информации в ракурсе запросов, установок и речевой культуры аудитории, а также культуроформирующим принципам медиадискурса.

Ключевые слова: речевая культура, массмедийный дискурс, СМИ, информация, интерпретация.

Summary. The article is devoted to the interpretation of information in terms of requests, attitudes and speech culture of the audience. The cultural principles of media discourse are discussed.

Keywords: speech culture, mass media discourse, mass media, information, interpretation.

Вопрос передачи качественной информации сегодня остро стоит перед отечественными СМИ. В каждый период времени та или иная тема, становящаяся новостью на мировом уровне, позволяет говорить о выделении наиболее важной проблематики, отражающей ментальные предпочтения того или иного народа / нации и оказывающей влияние на языковую картину мира в целом. Социально-политическая тематика, обсуждающаяся с использованием экспрессивной лексики, эмоционально-оценочных средств, а также разговорно-просторечных и даже вульгарных комментариев, порождает стилистически сниженный медиадискурс. «СМИ, выделяя актуальные темы, сериализуют, упрощают, стандартизуют их освещение, поляризуют и выравнивают языковое сознание аудитории, навязывая стереотипы, которые могут меняться и конфликтовать» [Сурикова 2017].

Вариативность информационного контента в медиадискурсе связана с многочисленными факторами, среди которых технологические изменения возможностей передачи информации, в том числе и в цифровой среде, влияние информационных войн, стремление журналистов медиакомпаний получить лояльность аудитории. Все это формирует целый ряд антиномий современного медиадискурса:

- огромный объем информации и, вместе с тем, стремление к максимально краткой ее передаче ввиду жестких временных ограничений, в результате чего информация подвергается компрессии и свертыванию, а смысл передается с помощью дополнительных импликаций, проявляющиеся через языковую игру и прецедентные тексты;
- внешняя толерантность по отношению ко многим событиям в мире, но при этом явная оценочность данных событий, порождающая модальную комментарийность;
- требования к высокой нормативности речи, но доминирование разговорности в силу так называемой «интерактивности» массмедийного дискурса, что влечет за собой множественные нарушения норм (отметим, что значительное влияние оказывают интернет-тексты, дублирующие большинство традиционных СМИ и распространяющие новость раньше ее освещения в печатном, радио- или телеформате);
- новость как жанровая разновидность медиатекста по природе своей не обладает интерпретативностью, между тем, СМИ фактически «размывают» привычные стандарты деперсонализации информации, порождая новые формы подачи новостей и диалогизацию коммуникативных отношений с аудиторией, тем самым привнося значительный элемент оценочности в традиционно «консервативные» жанры СМИ, к числу которых относятся и новости.

В итоге вопросы формирования информации и ее передачи в вербальном воплощении в СМИ сложны и противоречивы. Информация не то чтобы искажается, но интерпретируется, что вызывает иное понимание у аудитории. Таким образом, смысловых версий одного события может быть множество. Их языковая экспликация «допускает полифонию точек зрения в интерпретации причин и последствий, а также вариативность языковых единиц вербализации передаваемой информации» [Мохирева 2017]. Кроме того, отметим, что при смысловом единстве эти версии различаются по ряду параметров: по стилистической окраске, в комментарийной оценке, в смысловом значении. Рассмотрим примеры.

«Принц Гарри и Меган Маркл ждут ребенка» (Московский Комсомолец и ТАСС) – новость в корректном изложении, стилистика сообщения нейтральна, на первом месте принц Гарри, чтобы был понятен «масштаб» события – еще один ребенок в королевской семье;

«Официально: Меган Маркл и принц Гарри станут родителями» (7Дней.ру) – новость о событии в более «эвфемистичном» варианте с подчеркиванием официальности источника;

«Принц Гарри и Меган Маркл ждут первенца» (Life.ru) – новость о событии романтически окрашена, имплицитный смысл глубоко позитивен;

«Меган Маркл беременна» (Телепрограмма) – «вторая» сторона в новости не упоминается, заголовок ориентирован на любителей сплетен и скандалов в высших кругах;

«Меган Маркл ждет ребенка от принца Гарри» (Дни.ру) – уточнение наводит на мысль, что были возможны варианты отцовства.

Интерпретация смысла предполагает некоторую степень свободы в его толковании. При этом информацию следует отделять от ее интерпретаций. К сожалению, основная «масса потребителей» информации не вникает в сложности ее подачи, и лишь выбирает интерпретационный вариант, соответствующий своим вкусам. Это влечет за собой трансформацию информационной среды и, как следствие, деформацию общественных взглядов и моральных установок.

Литература

Мохирева С.В. Вариативность репрезентации моделей события в медиадискурсе // Медиалингвистика. Вып. 6. Язык в координатах массмедиа: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (2–6 июля 2017 г., Санкт-Петербург, Россия) / Отв. ред. А.А. Малышев. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2017. С. 76–78.

Сурикова Т.И. Вербальная коммуникация в СМИ в аспекте формирования ценностных компонентов языковой картины мира // Медиалингвистика. Вып. 6. Язык в координатах массмедиа: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (2–6 июля 2017 г., Санкт-Петербург, Россия) / Отв. ред. А.А. Малышев. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2017. С. 48–51.

Мониторинг вербально-визуальной городской среды

В.А. Долинский

Monitoring of the verbal-visual urban environment

Vladimir A. Dolinsky

Московский государственный лингвистический университет / Moscow State Linguistic University

vdolinsky@yandex.ru

Аннотация. Доклад посвящен созданию службы мониторинга вербально-визуальной городской среды (на базе текстов в сфере массовой коммуникации города Москвы) «МОНИТОРИНГ-2019» и разработке мультимедийного стилистического словаря-справочника грамотной русской письменной речи.

Ключевые слова: языковая среда, мониторинг, стилистика, мультимедийный словарь.

Summary. The report is devoted to the creation of a monitoring service of the verbal-visual urban environment (based on texts in the sphere of mass communication of the city of Moscow) MONITORING-2019 and the development of a multimedia stylistic dictionary of competent Russian written speech.

Keywords: verbal environment, monitoring, stylistics, multimedia dictionary.

Русский язык – не только средство, инструмент и орудие коммуникации. Общество как живая система существует и функционирует в языковой среде, которую оно порождает. Качество этой среды, в свою очередь, определяет культурный уровень общества, в котором мы живем, поскольку сознание индивида и общества формируется языковой средой.

Общество и государство устранились от контроля над опасными изменениями, происходящими в речи и языке. Последствия этого известны по судьбе латинского языка в условиях крушения империи. Представляет интерес опыт правового регулирования языковой среды во Франции, Польше, Литве и ряде других стран.

Изменения в русской языковой среде принимают угрожающий характер и могут привести к утрате языковой идентичности, смене общей системы ценностей. Чтобы этого не произошло, нужны координированные усилия гуманитариев по оздоровлению языковой среды. От наших общих усилий зависит сохранение языка как носителя смыслов, русской культуры и русского суперэтноса.

Боль и стыд вызывают благодушные увещевания некоторых лингвистов о «естественности» и неконтролируемости опасных процессов, происходящих в языковой среде. Нас уверяют в том, что язык, как самоорганизующаяся система, «сам переварит» семантическую околесицу, канцелярский новояз, пустозвонство рекламы, косноязычие гламура, абракадабру чужесловия, пропагандистское «промывание мозгов» – всю духовную отраву, которую разносят масс-медиа по клеткам социального организма.

«Незачем, – говорили они, – кипятиться и драться. До сих пор еще не было случая, чтобы попытка блюстителей чистоты языка исправить языковые ошибки сколько-нибудь значительной массы людей увенчалась хотя бы малейшим успехом. Но можем ли мы согласиться с такой философией бездействия и непротивления злу? Неужели мы, писатели, педагоги, лингвисты, можем только скорбеть, негодовать, ужасаться, наблюдая, как портится русский язык, но не смеем и думать о том, чтобы мощными усилиями воли подчинить его своему коллективному разуму? <…> Неужели у нас нет ни малейшей возможности хоть отчасти воздействовать на стихию своего языка? Всякому ясно, что эта власть у нас есть, и нужно удивляться лишь тому, что мы так мало пользуемся ею» [Чуковский 2004].

Невозможно законодательно определить ответственность за ущерб, наносимый языковой среде – а, следовательно, и самосознанию общества – бездумными играми с языком в средствах массовой коммуникации, в области пропаганды и рекламы. Но пришла пора людям, болеющим за родной язык, положить предел бессмысленному скрещению «английского с нижегородским», безграмотному смешению кириллицы с латиницей, агрессивному нагнетанию когнитивных диссонансов, бездумному смысловому выхолащиванию вербально-визуальной городской среды.

Коллектив Института прикладной и математической лингвистики МГЛУ имеет богатый опыт в области создания электронных энциклопедий и справочных пособий, аннотированных лингвистических баз данных, автоматизированных лингвистических атласов.

Уже более 10 лет в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» наши студенты занимаются сбором и стилистической правкой образцов неграмотной письменной речи на материале текстов масс-медиа и городской вербально-визуальной среды [Долинский 2012]. Собран представительный массив лингвистической информации. Планируется создание службы мониторинга вербально-визуальной городской среды (на базе текстов в сфере массовой коммуникации города Москвы) «МОНИТОРИНГ-2019» и разработка мультимедийного стилистического словаря-справочника грамотной русской письменной речи.

Целью мероприятия является мониторинг (сбор, статистическая обработка, стилистическая правка) образцов неграмотной письменной речи и создание словаря-справочника контекстов, а также разработка программного продукта и создание мультимедийного электронного справочника трудностей и типичных ошибок русского языка городской среды.

Мероприятие призвано содействовать реализации программ исследовательского обучения для студентов и преподавателей на экспериментально-лабораторной базе образовательных организаций высшего образования (МГЛУ). Данный проект социальной направленности послужит организации волонтерского движения студентов по поддержке и продвижению русского языка, развитию воспитательной и социокультурной работы с молодежью, укреплению межнационального согласия.

Задачи проведения «МОНИТОРИНГА-2019»:

1. Разработка программы отбора и анализа русских письменных текстов в городской коммуникационной среде с информацией о типичных ошибках в русской письменной речи (публицистического и официально-делового стилей).
2. Сбор и обработка дефектных письменных текстов с характеристикой и исправлением наиболее распространенных, типичных примеров неграмотной речи (не менее 500 образцов).
3. Количественно-качественный анализ результатов мониторинга с целью получения информации для внесения в базу данных.
4. Формирование базы данных, включающей результаты мониторинга, и базы знаний применительно к семантическим и стилистическим нормам современного русского литературного языка.
5. Разработка словаря-справочника типичных контекстов городской среды в двух режимах: мультимедийном электронном и в виде публикации.
6. Тестирование, отладка и апробация созданного электронного словаря-справочника.

По результатам проведенных исследований планируется составить базу знаний, включающую справочную информацию о правилах русского языка и типичных примерах их нарушения, ориентированную на устранение наиболее распространенных ошибок. Разделы словаря-справочника планируется снабдить примерами исправления часто допускаемых ошибок (база данных отклонений от семантико-стилистических норм кодифицированного литературного языка, база данных образцов речи в качестве примеров, база знаний правил стилистики русского языка, тексты разработанных справочных материалов и примеры).

В перспективе возможно более широкое внедрение и развитие созданного продукта (расширение базы знаний, размещение материалов словаря-справочника в метро, добав-

ление справочных разделов, посвященных языкам профессиональной коммуникации и др.).

На этапе проведения мониторинга городской языковой среды планируется привлечь студентов, аспирантов, жителей города Москвы. В дальнейшем возможно значительное расширение охвата целевой аудитории.

Практическая значимость планируемых результатов определяется необходимостью мониторинга городской среды для оперативного устранения грубых ошибок в публичной письменной речи, перспективами внедрения интерактивного электронного мультимедийного словаря-справочника по русскому языку в качестве легкодоступного по форме и содержанию источника лингвистической информации о культуре русской речи, о типичных стилистических и семантических ошибках и коммуникационных сбоях. Словарь-справочник необходим для школьников, студентов, для учреждений и ведомств города Москвы, ответственных за культуру городской среды и грамотность письменных текстов (социальная сфера, торговля, транспорт, ЖКХ), надлежащее состояние городских информационных и рекламных ресурсов (вывески, билборды, прейскуранты), для художников-оформителей, составителей текстов рекламных, информационных и социально-ориентированных проектов. Предполагается, что оформление справочника в виде нормативного словаря контекстов и в виде мобильного приложения повысит интерес к освоению норм русского языка среди молодежи и обеспечит максимальную доступность необходимой информации по культуре речи и межкультурной коммуникации.

Предлагаемый традиционный и электронный словарь-справочник может в среднесрочной перспективе существенным образом повысить культурно-языковой уровень и эстетическую привлекательность городской среды, уровень осмысленности и грамотности речи учащейся молодежи, москвичей и приезжих, послужить делу укрепления межнационального согласия и взаимопонимания в российском обществе.

Литература

Долинский В.А. Теория ассоциативных полей в квантитативной лингвистике. М., 2012.

Чуковский К.И. Живой как жизнь. М., 2004.

Влияние СМИ на культуру современного российского общества

М.А. Кормилицына

Mass media impact on the culture of modern Russian society

Margarita A. Kormilitsyna

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского / Chernyshevskiy Saratov State University

rusyazsgu@mail.ru

Аннотация. На материале современной прессы и телевизионных общественнополитических передач рассмотрены некоторые позитивные и негативные следствия влияния СМИ и на русский язык, и на речевую культуру современного общества. Позитивное влияние заключается в закрепленном в Законе о СМИ требовании использования литературного языка. Огрубление речи и нарушение этических и риторических норм поведения приводит к рискам профессионального, социального и личностного взаимодействия людей в обществе.

Ключевые слова: использование в СМИ литературного языка; негативные следствия огрубления речи; нарушение этических и риторических норм; профессиональные, социальные и политические риски.

Summary. Some positive and negative implications of media impact on the Russian language and modern speech culture are analysed on the basis of modern press and TV public affairs programmes. Positive influence lies in the requirement of literary language usage in the media, which is enshrined in the Media Law. Speech rudeness, violation of ethical and rhetorical standards lead to different risks in professional, social and personal interaction of people.

Key words: literary language usage in the media, negative implications of speech rudeness, violation of ethical and rhetorical standards, professional, social and political risks.

Внимание к языку средств массовой информации объясняется тем, что СМИ до сих пор остаются одним из важнейших общественных институтов, которые оказывают громадное влияние на культуру населения, на процессы сохранения национального языка, объединяющего общество. СМИ сейчас призваны выполнять не только информативную и воздействующую функцию, но и важную просветительскую: они формируют не только общественное сознание, но и национальную культуру, в том числе и культуру речи. Государственная политика в отношении языка заключается в охране литературного языка, его норм. «Такая охрана является делом национальной важности, поскольку литературный язык – это именно то, что в языковом плане объединяет нацию» [Культура русской речи 2001: 12]. Успех реализации этой задачи во многом зависит от коммуникативной компетентности журналиста, хорошего знания им законов русского языка и правил речевого общения.

Влияние СМИ на культуру общества, в том числе и речевую, **во многом положительно**, и это объясняется тем, что в основе СМИ лежит использование литературного языка. Это зафиксировано в Законе о государственном языке, принятом еще в 2004 году. Однако процессы огрубления речи, нарушения этических, риторических и коммуникативных норм поведения в СМИ оказывают на речь населения, на поведение масс, их восприятие фактов, **негативное влияние**, которое победить так и не удается. Это имеет место фактически во всех видах СМИ: газетах, радио, телепередачах, в интернет-коммуникации (см. многочисленные примеры в [Рискогенность речевой коммуникации 2015]). Негативное воздействие оказывает и подача информации с использованием неясных, неопределенных высказываний, создающих неоднозначность интерпретации сообщения, что приводит к непониманию ее содержания и может вызывать недоверие и к СМИ как к четвертой власти, и к власти вообще. К сожалению, такие высказывания все чаще становятся модными, наводняют эфир и печатные СМИ. Известно, как активен сейчас процесс заимствования иностранных слов, особенно англицизмов. Если открыть современные газеты, всем, кто не знает английского языка, придется наткнуться на массу непонятных слов, далеко не всегда каким-либо способом объясненных в тексте: *коворкинг, краудфандинг, аутсорсинг, саспенс, лоукостер* и т.д. и т.п.

Большой вред культуре приносит нарушение коммуникативных норм речевого поведения. Особенно часто мы сталкиваемся с этим в электронных СМИ, например, на телевидении, где сейчас очень распространены различного рода ток-шоу, в том числе и политические. Они идут в прайм-тайм по несколько часов в день. Такое впечатление, что свою цель участники обсуждения видят в необходимости любой ценой переспорить оппонента, используя для этого запрещенные в публичной дискуссии грубые приемы, оскорбления, приводящие к унижению оппонента. Участники обсуждения совсем не думают о том, поймет ли их зритель, когда все одновременно кричат. Нарушение этических норм проявляется не только в отсутствии уважения друг к другу, но и, самое главное, к массовому адресату – потребителю СМИ. Именно поэтому такие передачи ничего иного, кроме неуважения к адресату не могут вызвать. Подобное речевое поведение очень заразительно, особенно если оно постоянно тиражируется на разных каналах. Следствия этого весьма

негативны: такое поведение начинает постепенно восприниматься как норма. Ни о каком совместном поиске истины здесь говорить не приходится. Самое вредное, что «бескультурье» и ставшая уже привычной повышенная агрессивность в этих передачах воспитывают не толерантность, а ее противоположность – нетерпимость к не своему мнению, то есть СМИ учат тому, чему не надо учить, дают только примеры агрессивной нетолерантности. Подобное речевое поведение активно проникает даже в печатные СМИ, вызывая огрубление речи, еще совсем недавно недопустимое в печати. Сейчас мы являемся свидетелями новой волны деструкции норм. Способствует этому и Интернет, и общая обстановка в стране, вызывающая накал эмоций. Все это порождает новую моду и на ненормативное поведение, и на речь (свободу выражения, а не только точек зрения). Наше отношение к такой «свободе» остается принципиально негативным. Насаждение ненормативного – это не свобода мнений, которая необходима, а показатель низкой культуры человека. А поскольку СМИ воспринимаются как эталон публичного поведения и речи, это очень опасно и для языка, и для общества в целом.

Литература

Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.К. Градиной и проф. Е.Н. Ширяева. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФА · М), 2001.

Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / Под ред. О.Б. Сиротининой и М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2015.

Исследование влияния глобализационных процессов на состояние языка

Н.В. Лучкина, С.А. Мирзоева, С.М. Дьяченко

Natalya V. Luchkina, Susanna A. Mirzoeva, Svetlana M. Dyachenko

The study of the influence of globalization processes on the state of the language

Ростовский государственный медицинский университет / Rostov State Medical University

luchkina7@mail.ru, samirzoeva@yandex.ru, dyachenko1161@mail.ru

Аннотация. Глобализационные процессы, характерные для современной цивилизации, предопределяют ускорение темпов жизни человека, в том числе скорость его коммуникационных контактов. Быстрота речевого взаимодействия приводит к упрощению используемых языковых средств. Информационная среда влияет как на язык, так и на поведение человека.

Ключевые слова: язык, культура, глобализация, современная цивилизация, модели поведения.

Summary. Globalization processes characteristic of modern civilization determine the acceleration of the pace of human life, as well as the speed of their communication contacts. The speed of verbal interaction leads to a simplification of the language tools. Information environment affects both language and human behavior.

Keywords: language, culture, globalization, modern civilization, behavior patterns.

Глобализационные процессы, идущие во всех сферах жизни, не могли не найти своего отражения в языке, что стало предметом научного анализа многих исследователей. Единого мнения о том, что происходит с языком в XXI веке, когда значительно изменились социокультурные и коммуникативные условия взаимодействия носителей разных языков и культур, не существует.

Наиболее подробный и убедительный анализ того, что происходит в современную эпоху с человеком, его сознанием и языком, был дан в монографии академика В.В. Колесова «Язык и ментальность» [Колесов 2004]. Ценным явилось утверждение ученого о необходимости разделения языка и речи при оценке происходящих изменений. Язык, являющийся хранителем концептов, по мнению В.В. Колесова, не изменяется слишком резко в отличие от речевой коммуникации, в которой пульсирует повседневная жизнь. По-видимому, можно выстроить следующую логическую цепочку: экстралингвистические явления отражаются на характере речевой коммуникации, что в свою очередь влияет на ментальность народа, предопределяя изменение стереотипов поведения, в том числе и отношение к языку. Так, русская ментальность, по словам В.В. Колесова, усредняется до *бэзик-рашн*, что «связано с коррозией национальной формы сознания путем разрушения системы русских слов» [Колесов 2004: 204]. Прагматизм носителей языка заставляет их достигать сиюминутных успехов в практической деятельности, а для этого язык им необходим лишь для осуществления информативной функции, причем чем проще и короче будет выражена мысль, тем лучше.

Ученые XXI века высказывают как крайне пессимистические оценки того, что происходит с языком, так и вполне оптимистические мнения, позволяющие надеяться на дальнейшее продуктивное развитие языка как национальной формы самосознания. Существуют силы, противостоящие деструктивным процессам, происходящим в языке: национальный характер, ментальность народа, формировавшиеся на протяжении веков, не могут быть разрушены в одночасье, несмотря на то что скорость всех преобразований становится поистине космической. Мы являемся свидетелями проникновения в современный русский язык большого количества новых заимствованных слов, но далеко не каждому из них дано успешно ассимилироваться, так как они должны в этом случае стать членами огромной семьи: «обрасти» ассоциативными связями, вписаться в парадигмальные и синтагматические отношения с «новыми родственниками», найти свое место в концептуальной сфере языка и т.д. Новое слово должно быть понятно большинству носителей языка и востребовано ими. Предполагаем, что со стороны вторжения в русский язык «пришельцев» из других языков большой опасности не ожидается.

Так существует ли реальная угроза для языка в эпоху глобализации? Почему происходит «искривление русского ментального пространства», по словам В.В. Колесова?

Считаем, что главная причина обеднения языковых средств, используемых в процессе коммуникации, кроется в характере современной цивилизации. Скорость, с которой живет человек XXI века, заставляет его значительно экономить свои усилия в речи. Клише, стереотипы и штампы, отсутствие вдумчивого отношения к слову – все это результаты такой «экономии». Важно быстро передать нужную информацию, избегая той «избыточности», которая давала нам представление о стиле речи говорящего или пишущего человека. На первый план выдвинулась коммуникативно-информационная или прагматическая функция языка. Владение культурой речи требует усилий и времени, которых человеку XXI века порой катастрофически не хватает.

Таким образом, мы можем прийти к заключению о том, что современные обстоятельства и условия жизни человека во многом изменили его отношение к языку. Интенсивные и многочисленные контакты с носителями других языков и культур побуждают людей использовать общепонятные языковые средства, часто прибегая к английскому языку как средству межкультурного общения. Большие пласты накопленных русским языком богатств остаются невостребованными. Многие слова, фразеологические обороты русского языка уже непонятны новому поколению.

По наблюдениям В.В. Колесова, исчезает, если уже не исчез, высокий стиль речи. Нашим современникам все сложнее становится понимать тексты Л. Толстого и Ф. Достоевского. Понизился уровень интереса к книгам – на смену им пришла Интернет-информация.

СМИ зачастую демонстрируют модели поведения, идущие в разрез с тем, что было свойственно русской культуре на протяжении веков, происходит ниспровержение основополагающих заповедей русской наивно-языковой этики. Так, с точки зрения русской этики нехорошо вторгаться в

частную жизнь человека, а все современные реалити- и ток-шоу построены именно на этом. Информационный мир начинает оказывать на поведение человека большее влияние, чем мир физический, заставляя его забывать о моральных установках и ценностях русской культуры, тесно связанной с языком.

Рассматривая язык как важную духовную составляющую человека и понимая его взаимосвязь с ментальностью, люди, ратующие за сохранение национального языка и русской культуры, должны противодействовать негативным тенденциям, привносимым глобализацией. Каким образом должно осуществляться это противодействие? На наш взгляд, это должно стать предметом общенационального обсуждения.

Литература

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.

Особенности прецедентной базы современной российской прессы

Е.Ю. Скороходова

Specifity Of Precedent Base Of The Current Russian Print Media

E.Yu. Skorokhodova

Российский государственный социальный университет (Москва) / Russian State Social University (Moscow)

aentar@gmail.com

Аннотация. Автор рассматривает прецедентную базу как элемент пресуппозиционного фонда, обеспечивающего успешность коммуникации. В настоящее время выявляется рассогласование между пресуппозиционным фондом автора и адресатов речи, что приводит к снижению эффективности медийного текста.

Ключевые слова: пресуппозиция, прецедентный текст, массовая коммуникация, прецедентная база, заголовок-аллюзия.

Summary. The author considers the precedent base to be a part of the presupposition corpus that promotes communication efficiency. Allusion headlines are a way of usage of precedent texts. Such headlines are set phrases transformed in accordance to the subject of an article. Recently, presupposition corpora of authors and receivers are sometimes mismatched, impairing the effectiveness of media texts.

Keywords: presupposition, precedent texts, mass communication, precedent base, article caption as allusion.

Достаточно долго средства массовой информации играли в отношении языка особую роль, объединяя многомиллионную аудиторию общими для всех способами создания текстов. Строгое соблюдение нормативных предписаний позволяло создать единое медийное пространство, где не было возможности использования жаргонов, просторечий и прочих языковых структур, существовавших за рамками систем национальных языков. Соблюдение общих для всех правил обеспечивало как доступность информации для многомиллионной аудитории, так и преемственность поколений, создавая общее лингвокультурологическое пространство. На общности социальных, культурных или языковых – фоновых знаний адресата и адресанта – основан и феномен прецедентности. Источником прецедентных текстов являются афоризмы и названия фильмов, книг, песен, фрагменты рекламных роликов, ставшие известными высказывания общественных деятелей, политиков и так далее. Прецедентный текст хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества, в когнитивную базу которого входит инвариант его восприятия, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания или символы, которые являются прецедентными феноменами. Наиболее ярко в современной медийной практике этот процесс заметен при использовании заголовков.

Прецедентные тексты делают газетные заголовки более образными, яркими и выразительными. Границы фразеологического фонда, используемого в прессе, то сужаются, то расширяются. Стилистические свойства составляют своеобразный экспрессивно-эмоциональный фон фразеологической единицы.

В последнее время наблюдаются некоторые изменения в системе используемых прецедентных текстов. Связано это не только с имущественным, но и с культурологическим расслоением социума. Мы можем заметить, что общих прецедентных текстов становится все меньше. Например, прежде все выпускники средней школы, независимо от региона и специализации, имели некоторое представление о классических произведениях русской литературы (знали имена главных героев, их основные характеристики, основные сюжетные коллизии). Это давало возможность журналистам использовать сформированную таким образом прецеденцию в медийной практике – ссылаться на высказывания автора или героев, приводить примеры, обыгрывать в заголовках и т.п. Можно было смело писать, например: «Наш премьер-министр попал, как Чацкий, с корабля на бал» и всем было понятно, о чем идет речь.

В настоящее время мы наблюдаем распад прежней единой прецедентой базы и формирование отдельных, узких прецедентых комплексов, связанных с особенностями конкретной аудитории конкретного издания. Для одних читателей цитируется сериал «Доктор Хаус», для других – «Теория большого взрыва», для третьих – «Счастливы вместе», для четвертых – «Секс в большом городе». Соответственно можно предположить, что прецедентные тексты, используемые в современной медийной практике, могут быть понятны далеко не всем носителям русского языка.

Для проверки данной гипотезы было проведено исследование, имеющие своей целью определить: есть ли разница в восприятии прецедентных текстов у различных групп читателей (в данном случае были выделены две возрастные группы: моложе 30 лет и старше 30 лет). Опрашиваемым предлагались заголовки статей из современных газет и журналов, построенные как трансформация прецедентного текста. Фиксировался процент «узнавания» в двух возрастных группах. Например, одинаково хорошо были поняты обеими возрастными категориями такие заголовки, как *Для бомжа добра не ищут*; *Спаси и заплати*; *Аты-баты, шли дебаты*; *Эвакуировать нельзя оставить*; *Осторожно, вещи забываются*.

Первая возрастная группа (до 30 лет) хуже узнавала (от 20 до 50% опрошенных) такие заголовки, как *Зеркало русской революции*; *Же не манж па сис жур*; *Броня крепка, казахи наши быстры*; *Следствие ведут Сфинксы*; *Фонарик в темном царстве*. Вторая возрастная группа в целом лучше разбиралась в прецедентных текстах. Только два заголовка были распознаны хуже, чем в первой группе (это названия голливудских фильмов): *Люди в черном* и *Жизнь ей к лицу* – их узнали 50% опрошенных против 80–100% в первой группе.

Таким образом, можно говорить об определенном пресуппозициональном разрыве, который снижает эффективность современной массовой коммуникации. Возможно, дальнейшее изучение этого вопроса позволит выделить, с одной стороны, группы прецендентых текстов, сохраняющих свою универсальность для всех пользователей; с другой – различные форматы аудиторий, использующих «свои», локальные прецедентные тексты. Тексты массовой информации стали стилистически неоднородными, в них имеет место отказ от общепринятых способов выражения смысла. Если тонкости использования чужой речи не доходят до адресата, то коммуникативная дистанция между отправителем и получателем информации увеличивается, разрушая общее лингвокультурологическое пространство.

Тенденции в оформлении обращения в ораторских речах (на материале письменных и устных текстов Президента Российской Федерации В.В. Путина и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла)

В.В. Смолененкова

Trends in vocative wording in oratorical speeches (as exemplified in written and oral texts of the President of the Russian Federation V. Putin and the Patriarch of Moscow and all Russia Kirill)

V.V. Smolenenkova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

vsmolenenkova@hotmail.com

Аннотация. Доклад посвящен тенденциям в оформлении обращений в публичных текстах двух влиятельных публичных деятелей современной России. Рассматриваются корреляции между формулировками обращения и коммуникативными ситуациями. Делается попытка увидеть тенденции в формировании нормы обращений к коллективному и индивидуальному адресату.

Ключевые слова: обращение, этос, ораторская речь, публичное выступление, культура ораторской речи.

Summary. The report is devoted to the trends in vocative wording in public texts of two influential public figures in modern Russia. The author considers correlations between the particular wording of the address and communicative situations. She tries to find tendencies in vocative standardization both for the texts addressed to the collective or individual addressee.

Keywords: vocative words, ethos, oratorical speeches, public texts, speech culture.

Обращение в ораторской речи призвано задать вектор отношений между говорящим и аудиторией и обозначить оценку аудитории оратором. Принципы обращения к известному адресату: человеку или группе людей – пока еще мало описаны в специальной литературе. Традиционно упоминаются такие шаблоны, как «дамы и господа», «товарищи», «дорогие друзья», «уважаемые коллеги». А что происходит на практике? Мы обратились к публичным текстам влиятельных общественных деятелей, а именно к поздравительным и приветственным адресам, соболезнованиям, живым выступлениям Президента РФ В.В. Путина и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Было проанализировано более 200 текстов каждого ритора печатной, письменной и устной фактуры речи за 2017–2018 гг. Мы обращали внимание на то, письменный или произносимый это текст, единичный / коллективный ли адресат, какова специфика аудитории (есть ли критерий, объединяющий слушателей / читателей по принципу профессии, места проживания, возраста, гендера и т.д.) и учтена ли она в обращении. Мы также смотрели, какой этикетный эпитет использован. Оценивалось, дает ли лексическая система языка опцию использовать другую формулировку обращения.

Выяснилось, что Президент России придерживается достаточно регламентированных схем обращения к своим адресатам. В **письменных** адресах, направляемых широкой аудитории, наиболее частотно используются «Дорогие друзья!» и «Уважаемые друзья!», при этом второе обычно адресуется спортсменам, ученым, педагогам, государственным служащим, а первое чаще – детям и юношеству, деятелям культуры, аудиториям со слабо выраженной общей характеристикой. Обращение «Уважаемые товарищи!» всегда предваряет речи, зачитываемые перед военнослужащими, сотрудникам МВД, судебными приставами и т.п. Это правило сохраняется и в устных выступлениях, однако в этом случае после «Уважаемых товарищей» часто отдельно выделяются еще «дорогие ветераны» как особо чествуемая на этой встрече группа слушателей. Подобная модификация, безусловно, повышает этос выступающего и смягчает официальный стиль, задающийся первым обращением. Крайне редко используется обращение по схеме «уважаемый» плюс именование слушателей по специфике мероприятия, например: «Уважаемые участницы 66-го Всемирного конгресса FCEM!» Допускается отсутствие обращения к аудитории в начале текста, при этом текст в этом случае открывается перформативным глаголом «приветствую» или «поздравляю» плюс именование аудитории. Такой ход устойчиво используется для поздравлений религиозных общин России: «Сердечно поздравляю с праздником Песах». Анализ **устных** выступлений В.В. Путина обнаруживает более широкий спектр формулировок обращений с интересной корреляцией. По-прежнему, наиболее частотными являются формулировки «дорогие друзья» и «уважаемые друзья» с той же самой корреляцией, но к ним добавляются «уважаемые коллеги» (практически всегда при обращении к госслужащим и бизнес-сообществам). «Уважаемые коллеги», которые никогда не употреблялись в письменных текстах, часто смягчаются следующим за ним обращением «друзья». Прием «сложносочиненных обращений» достаточно частотен и при использовании «дамы и господа». Ср.: «Дорогие друзья! Дамы и господа!» (прием по случаю Дня народного единства), «Уважаемые дамы и господа, дорогие друзья!» (Заявления для прессы по итогам переговоров с Президентом Египта). Примечательно, что «дамы и господа» и их варианты встречаются в основном в речах, произносимых в присутствии иностранных гостей или прессы.

Особо важные персоны практически всегда удостаиваются отдельного обращения в начале приветственной части: «Уважаемый Нурсултан Абишевич! Уважаемые коллеги, друзья!», «Ваше Святейшество! Дорогие друзья!». В ситуации, когда первых лиц (например, глав различных государств) несколько, первым именуется глава принимающей страны, а вот порядок последующего именования может определяться очередностью физического расположения в отношении к говорящему, возможно, спонтанностью или каким-то политическими соображениями: «Уважаемые коллеги! Уважаемый Председатель Китайской Народной Республики! Президент Монголии! Премьер министры Японии, Республики Корея! Дамы и господа! Дорогие друзья!» (Пленарное заседание Восточного экономического форума, Китай). Дробное обращение к аудиториям на российских площадках наблюдается нечасто, обычно при обращении к военным или ко всей нации: «Товарищи солдаты, сержанты и прапорщики! Товарищи офицеры и генералы! Уважаемые представители Народно-освободительной армии Китая и вооруженных сил Монголии!» (Военные маневры «Восток-2018»).

Анализируя варианты обращения к конкретным людям, замечаем следующие закономерности: 1) Президент России при обращении к отдельному человеку – будь то глава другой страны или российский спортсмен, актер или победитель профессиональных игр – использует исключительно эпитет «уважаемый». 2) Высокие формы обращения типа «Ваше Величество!», «Ваше Святейшество!» используются только тогда, когда альтернативы не существует. Как только альтернатива есть (например, Ваше Превосходительство vs. Господин Президент), предпочтение отдается менее оценочному варианту. Причем это правило выполняется даже в нарушение принципа зеркальности, диктуемого протоколом. Примечательны совместные заявления с индийским премьер-министром Н. Моди, который устойчиво следует

высокой норме обращения к собеседнику: «Ваше Превосходительство Президент Российской Федерации и мой дорогой друг Владимир Владимирович Путин!» Но после этого российский Президент начинает свое выступление так: «Дорогой друг! Уважаемый господин Премьер-министр!»

Гендерная характеристика адресата проявляется в грамматических показателях этикетного эпитета и в выборе титула женского рода «Уважаемая Александра Николаевна!», «Уважаемая госпожа Федеральный канцлер!».

Система обращений в текстах Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла являет собой более дифференцированную картину, что отчасти обусловлено более сложным этосом ритора, консервативностью церковного дискурса и большей вариативностью аудиторий, к которым приходится обращаться с пастырским словом Предстоятелю Церкви. Нас в меньшей степени интересовали обращения к клиру, регламентированные церковной традицией, и в большей – к светским лицам. Патриарх традиционно использует развернутую систему обращений от более к менее важным участникам встречи: «Уважаемый Владимир Владимирович! Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства! Досточтимые отцы! Уважаемые представители государственной власти! Дорогие братья и сестры!», при этом глава принимающей стороны обычно выносится на первое место, независимо от того, духовное или светское он лицо: «Уважаемый Михаил Николаевич! Ваше Высокопреосвященство! Уважаемое высокое собрание!» Так же, как и в речах Президента, в устных текстах Патриарха заметна тенденция обращения делать более пространными и детализированными. Последовательно и устойчиво используется форма «Ваше Превосходительство» в обращении к главам государств (президентам, премьер-министрам) и к послам. Например, «Ваше Превосходительство, глубокоуважаемый Нурсултан Абишевич!», «…Ваше Превосходительство господин Посол!». «Дамы и господа» встречаются редко, в череде других обращений и также обычно в присутствии зарубежных гостей. Патриаршая система этикетных эпитетов несколько богаче: помимо «уважаемых» и «дорогих», адресаты еще бывают «многоуважаемые» (редко, обычно в устных обращениях к губернаторам, мэрам, высокопоставленным чиновникам), «глубокоуважаемые» (главы государств, те же, кого можно назвать «превосходительством»), «досточтимые» (всегда при обращении к игуменьям и реже к совокупности духовных лиц – «досточтимые отцы»). Таким образом, этикетные эпитеты в речи Предстоятеля Церкви образуют иерархичную структуру.

Проведенное исследование в значительной степени отражает индивидуальный риторический стиль проанализированных ораторов, но вместе с тем оно обнаруживает закономерности в узусе двух стилеформирующих и нормозадающих публичных фигур. А.П. Романенко, анализируя развитие русской словесной культуры, убедительно показал, что в России риторическим и этическим идеалом, определяющим стилистику доминирующей публичной аргументации, всегда являлся глава государства [Романенко 2003: 35–38]. Влиятельности фигур подобного уровня достаточно, чтобы носители современного русского языка сознательно или бессознательно подражали им. Будучи описанными и осмысленными филологами, использованные формулировки обращений могут быть рекомендованы как шаблоны изучающим русский язык, начинающим управленцам, юристам, прочим ораторам.

Литература

Романенко А.П. Образ ритора в советской словесной культуре: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2003.

Функционирование молодежного жаргона в научно-популярной лекции

Л.И. Судакова

The functioning of youth jargon in the lecture of popular scientific literature

Liudmila I. Sudakova

Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева (Москва) /
D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (Moscow)
sudlu@list.ru

Аннотация. Представлены результаты анализа публичной лекции с точки зрения употребления в ней молодежного жаргона.

Ключевые слова: молодежный жаргон, научно-популярная лекция, русский язык.

Summary. The result of text analysis from a point view of jargon usage is presented in the paper.

Keywords: youth jargon, lecture of popular scientific literature, Russian language.

Современные исследователи отмечают в текстах новейшего русского языка большое количество жаргонизмов, разговорно-просторечных элементов, которые определяются как «сниженные» в сравнении с нейтральным уровнем литературного языка и широко употребляются в языке газет, на радио и телевидении, в речи образованных слоев населения.

Подобное явление описывалось и ранее. В 20-е годы XX века профессор Б.Н. Ларин, в статье «О лингвистическом изучении города» обратил внимание на то, что историческая эволюция любого литературного языка может быть представлена как ряд последовательных «снижений», и назвал это явление «варваризацией» или «концентрическим развертыванием», подчеркнув его повторяемость каждые 70–80 лет [Ларин 1977: 175], что мы и можем наблюдать в состоянии речи сегодняшнего дня.

«Концентрическое развертывание» – очень емкое определение процесса снижения стиля речи, говорящее о том, что все новые и новые круги лексики начинают участвовать в этом процессе.

В докладе будут рассмотрены примеры сниженной и жаргонизированной речи из публичных выступлений начинающих лекторов на научно-популярном фестивале «Неделя науки». Слушателям были прочитаны лекции на темы «Публичное выступление: как и зачем?» и «Дьявол в мелочах. Неочевидные ошибки оратора». Выбор тем не случаен. На фоне набирающих популярность интеллектуальных шоу, таких как «Научный стенд-ап» («Science Slam»), в молодежной среде растет интерес к публичным выступлениям в научно-популярном жанре и, соответственно, к технологиям подготовки публичных выступлений и знаниям о речи. И прав Ф. Энгельс: «Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов». И вот уже студент 3-го курса, прослушавший курс «Русский язык и культура речи», и выпускница факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова обучают студентов выступать публично, заполняя образовательные лакуны, возникшие вследствие отсутствия речеведческих дисциплин в учебных планах подавляющего большинства технологических специальностей, и отвечая таким образом на запрос многочисленной студенческой аудитории, остро нуждающейся в знаниях о речи, но не имеющей возможности получить их на академических занятиях.

Анализ двух полуторачасовых лекций показал, что оба лектора хорошо подготовились к лекциям: отобранный материал отвечал теме, цели и задачам лекции, был интересен непосвященной студенческой публике. Однако лекторы не уделили внимания важнейшему аспекту лекции – риторическому.

В речи 1-го лектора были отмечены: 1) пришедшие из воровского жаргона «лажаем» (*если мы меньше волнуемся, мы меньше лажаем*), «париться» (*не парится о вещах, которые не приближают вас к цели*); 2) разговорно-просторечные «тыркать» (= задавать вопросы), «лапы» (= руки), «задница», «куча данных и мыслей», «запихать» (выложить на сайт);

3) слова, прочно обосновавшиеся в молодежном жаргоне, «фишка», «чувак», «классно», «круче»; 4) заимствованное из словаря айтишников «зашарить» (*Там – на сайте – можно очень быстро* ***зашарить*** *тему по биологии*), противоположное «расшарить» – запретить в настройках оси доступ к какому-либо ресурсу пользователям других компьютеров локальной или глобальной сети.

Довольно безобидные, но навязчивые своей повторяемостью выражения «передать кусок моей идеи» (= передать идею), «собрать кусок знаний» (= собрать знания, какое-то количество знаний), «помещать кусок головы» (= уйти с головой, окунуться с головой). Глагол «порасчленять» (*Я буду рад, если соберутся люди, которым не жалко меня* ***порасчленять***), образованный приставочным способом от глагола *расчленять* по модели *порешать*, *поиметь*, формирует смысл – проанализировать, покритиковать (расчихвостить = подвергать беспощадной критике).

Здесь и слова **из английского языка**: *сайт prezi.com юзабельно бесплатный* (= используемый бесплатно), *нужно принести свой ноут* (= ноутбук), *в субботу будет крутой ивент* (= событие, мероприятие), «гайд спикера» (= путеводитель оратора), «начался огромный холивар» (от английского holy + war «священная война» = сленговое обозначение горячих споров), **и компьютерная лексика**: *нужно использовать какой-то конкретный тип датвиза* (Data visualization = визуализация данных – оптимальное представление данных). Причем использование иностранных слов и компьютерной лексики не всегда оправданно и может затемнять общий смысл высказывания.

В речь второго лектора, выпускницы факультета журналистики, просочилось меньше сниженных элементов: эвфемизм непечатных выражений «блин» (*Телевизор заглючил – вы думаете: «****Блин****! Что произошло?»*); универбат *раздатка* (*Кто-то расставляет* ***раздатку***), возникший в результате компрессивного словообразования на основе прилагательного *раздаточный* и существительного *материал*; существительное *нервяк* (*Излучайте спокойствие, от вас не должен идти* ***нервяк***), относящееся к офисному / молодежному жаргону, образованное с помощью экспрессивного суффикса *-ак-* (*верняк, нештяк, оттяг*); *Меня выбесило*, образованное по модели «вырубило» и *Ваша цель: переключить застревающий на панике мозг* – яркий пример языкового творчества молодежи.

Таким образом, характерной особенностью публичной речи молодых людей является использование молодежного жаргона, который отличается быстрой изменчивостью, объясняемой сменой поколений и вовлечением в процесс жаргонизации все новых и новых кругов лексики. Молодежный жаргон вбирает в себя слова из воровского жаргона, разговорно-просторечную, компьютерную лексику, активно пополняется элементами английского языка. Молодежь привлекает в жаргоне необычность звучания, эмоционально-экспрессивная окраска, игра, ирония. Жаргонные употребления, по мнению молодежи, помогают уйти от обыденности, от скучного мира взрослых, противопоставить себя официозу, быть своим среди представителей определенной социальной группы, что и продемонстрировали молодые лекторы. Они использовали жаргонизмы как средство создания непринужденной атмосферы, установления контакта со студенческой аудиторией, однако для приглашенных на лекции преподавателей такого рода лексика звучала диссонансом. Начинающие лекторы не учли не только особенностей социально разнородной аудитории, но и особенностей публичной лекции – жанра академического красноречия, проникновение в которую сниженной и жаргонизированной лексики расценивается как проявление плохого языкового вкуса. Лекторы неоднократно подчеркивали, что оратор должен думать о своем имидже, однако не обратили внимания на то, что образ оратора создается его речью и общая культура говорящего находит отражение в его речи.

Из сказанного вытекает необходимость включения дисциплины «Русский язык и культура речи» в учебные планы студентов технологических специальностей.

Литература

Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М., 1977. – С. 175–189.

Секция XIX.
Текст как самостоятельный объект лингвистического исследования

Аксиологичность в дипломатическом дискурсе

М. В. Беляков

Axiology in diplomatic discourse

Mikhail Belyakov

Московский государственный институт международных отношений МИД России (Москва) / MGIMO University (Moscow)

Аннотация. Статья посвящена аксиологическому подходу к текстам в целом и способам выражения оценки в дипломатических текстах, представленных на официальном сайте МИД РФ; языковым и понятийным проблемам, возникающим при интерпретации оценочных слов и конструкций при восприятии текстов дипломатического дискурса.

Ключевые слова: аксиология, оценка, вербальный, дипломатический, текст, интерпретация.

Summary. The article is devoted to the axiologic view in linguistics on the whole and estimation ways in diplomatic texts presented in official site Ministry of Foreign affairs in particular, its conceptual and linguistic problems.

Key words: axiology, estimation, verbal, diplomatic, text, interpretation.

Категория оценки рассматривается, как правило, с позиций аксиологии, однако, в последнее время оценочность стала объектом большого числа лингвистических исследований. Сформировался так называемый «аксиологический подход» к языку, применяемый к разным типам дискурса, при этом изучаются не только ценности, обладающие положительной значимостью, но и отрицательной и нулевой значимостью также. Подобные исследования имеют очевидную прагматическую ценность, поскольку при аксиологическом анализе определяется тип мнений, а извлечение мнений (сентимент-анализ) стал сейчас одним из самых востребованных видов анализа текста. Аксиологическая методология и сентимент-анализ применимы к такому традиционно считавшемуся лишенным эксплицитной оценочности дискурсу, как дипломатический.

Дипломатический дискурс представляет собой комплексное явление, включающее, в том числе, такие понятия как дипломатический этикет и дипломатический протокол. Поскольку дипломатический этикет вырос из этикета придворного, вербальная и невербальная составляющая дипломатического этикета строго регламентированы: во избежание реальных и гипотетических конфликтов были созданы регламентированные формы официальных контактов между представителями разных государств. Тем не менее, заявления как во внешнеполитическом, так и дипломатическом дискурсах обусловлены прагматическими факторами, а именно стремлением избегать конфликтности в общении, свести к минимуму возможность постороннего контроля над своими действиями, желание избежать ответственности за происходящее, сохранить лицо и т.д.

Составление документов и заявлений МИД, в которых необходимо оценить поведение и заявления другой стороны, требует особой осторожности в подборе оценочной лексики. Оценочность может быть эксплицитной и имплицитной. Для дипломатического дискурса предпочтительнее имплицитная оценочность, вербально выражаемая глагольными конструкциями такими как «высказать озабоченность (обеспокоенность)», «вынуждены констатировать», «воздержаться от действий», «ожидать максимальной сдержанности», «диссонировать», «привлечь к ответственности», «ужесточить санкции», «высказать тревогу» («В остальных столицах высказывают тревогу» (Пресс-конференция С.В. Лаврова 22.10.2018. [Сайт МИД РФ]), «обстановка остается непростой». Для усиления оценки (чаще всего негативной) используется ограниченный ряд прилагательных и наречий, таких как «крайне, максимально, исключительно, абсолютно неприемлемо», «доказательная база шаткая и незаконная», «особая озабоченность», «невыносимые условия», «незаконные действия», «серьезная обеспокоенность», «масштабные нарушения прав человека», «исчерпывающее разбирательство», «явно выходя за рамки», «надуманное обвинение», «русофобская истерия». Выбираемые существительные также нередко несут скрытую в своей семантике оценку: «вооруженные группировки» (а не «военные подразделения»), «режим» (а не «правительство»), «травля» (а не «преследование»), «наемники» (не «военные»), «дальнейшее раскручивание спирали насилия», «наращивание (а не «усиление») санкций», «информационный вброс» (а не «появление информации»). Стоит отметить, что положительная оценка встречается реже и выражается, как правило, адъективными конструкциями: «дружественная страна (политика)», «позитивные преобразования». Нередко экспрессия оценки выражается формами превосходной степени в элятивном значении: острейшие (противоречия), самые решительные (меры), жесточайший (кризис).

Нейтральный тон высказываний также может содержать определенную имплицитную оценку. Такие неологизмы-окказионализмы как «деконфликтинг», «немикрофонный», «немегафонный», использованные С.В. Лавровым на пресс-конференции в МИДе 22.10.2018 г., также обладают аксиологической ценностью – известно слово «нетелефонный» (разговор), входящее в состав ядерной лексики русского языка, обладающее скрытой отрицательной коннотацией, которая может быть неосознанно перенесена на упомянутые неологизмы. Существительное «деконфликтинг», представляющее собой транслитерацию английского неологизма *deconflicting*, которое можно перевести как «снятие состояния конфликта», тем не менее также обладает имплицитной отрицательной коннотацией, т.к. предполагается исходное состояние конфликта.

Кроме того, для выражения скрытой оценочности используется вокабуляр, который не всегда можно отнести к частотной группе ядерной лексики языка, например, «мир находится на *переломном* этапе развития», «формирование полицентричного мироустройства сопровождается усилением *турбулентности* в мировой политике и экономике», «линия на внешнее силовое вмешательство во внутренние конфликты, на применение односторонних санкций может привести лишь к подрыву стабильности, усилению элементов *хаоса* в региональных делах», «долго держать этот вопрос в подвешенном состоянии *контрпродуктивно*» [Сайт МИД РФ].

Таким образом, несмотря на объективную ограниченность возможности выражения оценочности в дипломатическом дискурсе, определяемую принципами вежливости и взаимности, в дипломатических документах и устных высказываниях на брифингах используется достаточный арсенал средств вербального выражения оценочности, позволяющий донести мнение государства другой стороне, не нарушив указанных принципов. (Примеры взяты из документов, текстов выступлений на пресс-конференциях и брифингах, представленных на официальном сайте МИД РФ.) Лингвоаксиология, как одно из современных направлений лингвис-

тических исследований, позволяет глубже проникнуть в многокомпонентный мир дипломатического дискурса.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997.

Сайт МИД РФ [Электронный ресурс URL: http:// www.mid.ru (дата обращения 22.10.2018)].

Brown P., Levinson S.C. Politeness: some universals on language usage. Cambridge, Cambridge University Press, 1987.

Грамматика слушающего. Категория ориентации

Е.Г. Борисова

Grammar of Recipient. Category of Orientation

Elena G. Borisova

Московский городской педагогический университет / Moscow City University

efcomconf@list.ru

Аннотация. Доклад посвящен выстраиванию русской грамматики в аспекте деятельности участников общения. При том, что грамматика, ориентированная на говорящего (активная, функциональная) создается уже давно, для деятельности адресата предполагалось использовать системную грамматику. Автор предлагает описание ряда свойств единиц с позиций учета действий адресата. Исследуется такая часть деятельности, как установление референции. Показывается, что референция – только часть установления связей «текст – реальность», которое затрагивает и установление тождества действий, ситуаций и их связи с текстом. Эти действия получают название категории ориентации.

Ключевые слова: действия адресата, референция, нарративное время, местоимение один.

Summary. The text is focused on the variant of Russian grammar adopted for the activity of the Hearer (as the functional grammar is adopted for the Speaker's activity). Some language entities are described as means of expressing category of orientation. This concerns (besides reference) marking actions or situations as yet mentioned by means of adverbials and particles, using tenses as verbal categories, some constructions as Rus. U + Gen.

Keywords: the Hearer's activity, reference, time of reference, pronoun ODIN.

Учет действий участников общения позволяет по-новому взглянуть на многие явления. Обращение к потребностям говорящего позволило создать активную грамматику, получившую развитие в виде функциональной грамматики, в разработке активного словаря. Для слушающего, как предполагалось имплицитно, достаточно было системного описания грамматики и словаря.

В то же время адресат совершает целый ряд действий: распознавание значений, привязка сообщения к реальности и предыдущим сообщениям, выявление эмоциональной и оценочной окраски, восстановление импликатур – которые опираются на свойства языковых единиц. Данные свойства должны быть описаны в грамматике особого типа, которую мы называем грамматика реципиента, или слушающего.

В данном докладе рассматривается категория, которая первой попала в поле зрения создателей грамматики слушающего [Борисова 2015], это ориентация – категория, содержанием которой являются действия адресата по привязке сообщения к фрагменту реальности, а также к содержанию других сообщений. Эти действия традиционно связываются с референцией, что и составляет ядро категории ориентации.

Обращение к речевой деятельности позволяют сформулировать правила референции для русского языка: относительно каждого имени (существительного или местоимения) слушающий должен понять, к какому объекту его относить. Способы номинации показывают, должен ли слушающий знать этот объект или для него достаточно признать существование какого-то объекта данного класса, ранее не появлявшегося (неопределенный или родовой референциальный статус). Если номинация соответствует введению известного объекта, а на самом деле слушающий его не распознает, говорящий может использовать местоимение *один: Мне один проводник подсказал рецепт*.

Аналогичные возможности создает и использование частиц (*вот, как раз*), причем в последнем случае это относится не только к именам, но и к событиям, которые могут быть отмечены как уже известные адресату [Борисова 2014].

Переход к событиям заставляет учесть и возможность привязки ко времени, что также соответствует понятию привязки сообщения к реальному событию. В каждом высказывании момент привязки совпадает со временем действия, временем речи или наследуется от предыдущего:

(1) *И поскольку он взял мой зонт, мне пришлось бежать под дождем.*

Общие принципы описания действий слушающего тут совпадают с действиями при референции имени: слушающий делает попытку привязать время к явно указанному времени или времени действия (актуальные значения видов). Если же эта попытка не удается, действие постулируется как факт, не привязанный к моменту (общефактическое значение несов.вида).

Ориентация имеет и другие формы проявления. В частности, следует обратить внимание на использование конструкций *у + Gen* [Селиверстова 1983; Арутюнова, Ширяев 1983], которая позволяет привязать ситуацию к некоторой сфере: *Почему он не пришел? – У него у бабушки у кота камни в почках.* Такая ориентация осуществляется относительно места в широком смысле – через привязку к личной сфере одного из участников общения.

Таким образом, обращение к действиям слушающего позволяет провести параллель между различными явлениями, относящимися к разным фрагментам грамматики и из-за этого до сих пор мало сопоставлявшимися.

Помимо категории ориентации, грамматика слушающего должна включать описания действий при распознавании средств номинации и создания образа описываемой ситуации (семантического представления), восстановление имплицитно выраженной информации, учет эмоционального состояния слушающего и средств воздействия на него, а возможно, и описание других действий слушающего, а также говорящего, управляющего слушающим в части рецептивной деятельности.

Литература

Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение: Бытийный тип. М.: Русский язык, 1983.

Борисова Е.Г. Дискурсивные слова и референция в процессе понимания сообщении // Труды международной конференции «Диалог'2014» / Под ред. И.М. Кобозевой, В.П. Селегея. [http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2014/materials/pdf/BorisovaEG.pdf].

Борисова Е.Г. Речевая ориентация как категория рецептивной лингвистики // «Социальные и гуманитарные знания». 2015. № 2. С. 147–151.

Селиверстова О. Н. Экзистенциальность и посессивность в языке и речи. М.: Наука, 1983.

Семантика пространственно-временного континуума в рамках авторского восприятия феномена творчества в поэтических текстах А.К. Толстого

Е.А. Бурдина

The semantics of the space-time continuum in the framework of the author's perception of the phenomenon of creativity in the poetic texts of A.K. Tolstoy

E.A. Burdina

Российский государственный университет правосудия (Москва) / Russian State University of Justice (Moscow).

burdinaele@yandex.ru

Аннотация. В тезисах рассматриваются модели семантического хронотопа в рамках фрагмента концептуальной и языковой картины мира А.К. Толстого, связанного с авторским представлением поэта и поэзии.

Ключевые слова: А.К. Толстой; поэтические тексты; пространственно-временной континуум; феномен творчества.

Summary. Models of semantic chronotope within the framework of a fragment of the conceptual and linguistic picture of the world of A.K. Tolstoy, associated with the author's presentation of the poet and poetry, are being explored.

Keywords: A.K. Tolstoy; poetic texts; space-time continuum; phenomenon of creativity.

Время и пространство, наделенные особой важностью в жизни человека, занимают значимое положение в семантике поэтического текста, где репрезентируют тесную связь философии, творчества и языка [Флоренский; Бахтин; Гальперин 1981]. При изучении пространственно-временного континуума, безусловно, интерес представляет концептуальная картина мира автора и его идиостиль. А.К. Толстого можно назвать языковой личностью с дуалистическим мировосприятием: будучи глубоко верующим человеком, он серьезно увлекался спиритизмом, а, называя себя истинным патриотом, видел идеал развития русской государственности в западном рыцарстве.

Материалом нашего исследования являются лексемы с локально-темпоральной семой, а также конвергенция хронотопа на лексико-семантическом уровне в произведениях А.К. Толстого, посвященных размышлениям о природе творчества [Толстой 1964].

Анализ поэтических текстов позволяет говорить выделении различных групп лексем с пространственно-временной семантикой: 1) темпоральные лексемы: *досель*, *весною* <18>; *предвечный*, *миг*, *мимолетный* <37>; *ночь*, *луна* (темпоральная лексема второго порядка, входящая в ассоциативно-семантическое поле «Время») <39>; *жизнь* (как время человеческого существования), *порой*, *прежний, час* <151>; 2) локальные лексемы: *горняя высь*, *дол*, *недра*, *голубая твердь*, *под*, *всюду* <18>; *над*, *земля*, *хаос*, *пространство*, *окружить* <37>; *бездна*, *полнеба* <39>; *в нем*, *душа*, *предел*, *в облаках* <151>; 3) лексемы, включающие в свою семантическую структуру локально-темпоральную сему: это прежде всего антропонимы *Фидий*, *Гёте*, *Бетховен*, *Гомер* и мифонимы *Зевс* и *Фауст* <37>, иначе говоря, значимые в историческом плане денотаты, восприятие которых через ассоциативные связи приводит к их датировке и локации в сознании носителя языка.

Особое место в поэтических текстах А.К. Толстого занимают лексемы *отчизна* и *мир*. Первая из них, помимо основного значения 'Отечество, Родина', дополняется авторскими семантическими оттенками 'источник' (*Меня, во мраке и в пыли Досель влачившего оковы, Любови крылья вознесли В отчизну пламени и слова* <18>); 'небеса, Божье царство' (…*Грусть безотчетная по неземной отчизне, Меж тем уступчивость вседневной грубой жизни…* <315>). Вторая лексема является ключевой в понимании мировидения поэта, сходного с романтическим представлением [5]: мир божественного вдохновения (репрезентанты *мир незримый* <18>, *светлые миры* <37>) противопоставляется миру обыденности, в котором существует художник (репрезентанты *здешний мир* <151>) и, как итог, единение этих миров в стремлении к божественному началу (*И всюду звук, и всюду свет, И* ***всем мирам*** *одно начало…* <18>).

Хронотопическая модель в языковой картине мира А.К. Толстого не будет в полной мере эксплицирована без понятия движения (репрезентанты *вознести*, *сойти*, *подняться*, *вернуться*, *стремиться* <18> и др.).

Так, пространственно-временная модель в языковой картине мира А.К. Толстого в рамках феномена творчества представлена в нескольких плоскостях: интрапространство (внутреннее пространство) + вечное (лексические репрезентанты: *сердце* <18>, <39>, <151>; *душа*, *душевное зренье, из себя* <37>; *в нем* (песнопевце) <151>) → земное, обыденное пространство + бытовое время, кратковременность бытия, его суетность (лексические репрезентанты: *наш мир* <37>; *светская жизнь*, *душная жизнь* <151>) → беспередельное божественное пространство + вечность (лексические репрезентанты: *отчизна пламени и слова*, *мир незримый*, *божье лоно* <18>; *над землею*, *светлые миры* <37>; *за вещественный предел*, *в облаках* <151>). Лексемы с кинетической семантикой эксплицируют определенную векторную направленность творческого процесса: 1) божественные силы сами спускаются к художнику-ретранслятору и уводят его с собой: *Ангел, богом вдохновенный, С ним беседовать* ***слетел****, Он* ***умчался*** *дерзновенно За вещественный предел...* <151>; 2) художник-ретранслятор возвращается в житейский мир как носитель божественной миссии в своем интрапространстве: *И с горней выси я* ***сошел****,* ***Проникнут*** *весь ее лучами…* <18> (↓↑↓).

Таким образом, кинетический хронотоп А.К. Толстого отличается весьма сложной структурой, что находит яркое отражение в когерентности поэтических контекстов в рамках представления о феномене творчества.

Литература

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. [Электронный ресурс. URL: http://www.chronos.msu. ru/ RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop1.html. Дата последнего обращения – 30.10.2018].

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Толстой А.К. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1964.

Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. [Электронный ресурс. URL: http://philologos.narod.ru/florensky/fl_space.htm#_fl80 Дата последнего обращения – 12.11.2018].

Ямпольский И.Г. А.К. Толстой [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_k/text_0020.shtml Дата последнего обращения 11.11.2018].

«Переходные» переводные тексты на русском языке как инструмент контрастивного языкознания (на примере переводов с французского языка)

Е.В. Гаврилова

“Transitional” translated texts in Russian as a tool of contrastive linguistics (based on translations from French into Russian)

Elena V. Gavrilova

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия); Университет г. Лилль (Франция) / Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia); Lille University (France)

e.vl.gavrilova@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье вводится понятие «переходных текстов», занимающих промежуточное положение между моноязычными текстами и текстами на иностранном языке. Это тексты переводов, составленные, как правило, носителями языка, но несущие на себе печать иноязычных синтаксиса и структуры представления мысли. Благодаря этому они могут быть успешно использованы в интересах контрастивных синтаксических исследований и постредактирования как человеческих, так и машинных переводов.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика; практика перевода; структура текста; синтаксис.

Summary. This paper introduces the concept of “transitional texts”, which occupy an intermediate position between mono-lingual texts and texts written in a foreign language. These are translations usually written by native speakers, but bearing the imprint of other syntax and thought representation patterns. Thus, they can successfully be used in contrastive syntax studies and post-editing of both human and machine translations.

Keywords: comparative linguistics; practice of translation; text structure; syntax.

По умолчанию всякий текст предназначен для понимания и интерпретации, но читатель при этом затрачивает разные усилия, по-разному оценивая соотношение формы и содержания. Если расположить все тексты по шкале интерпретируемости (ограничимся для удобства нелитературными – прагматическими и эпистемическими текстами, в классификации Т. Миллиаресси), то на одном ее краю окажутся тексты полностью интерпретируемые в рамках данного языка, составленные «с нуля» его носителями и предназначенные вниманию других носителей, а на другом краю – тексты на иностранном языке, в рамках данного языка полностью герметичные. Нас будут интересовать промежуточные речевые произведения, которые мы называем «переходными» (transitional / transitionnel).

Речь идет об удовлетворительно выполненных переводных текстах, передающих информацию, содержащуюся в оригинале, в том числе на номинативно-терминологическом уровне, однако сохраняющих если не прямо заимствованные из иностранного языка синтаксические структуры, то, во всяком случае, организацию смысловых элементов и структуру изложения, свойственную иной речевой традиции. Для исследователей-компаративистов, каковыми мы являемся, это интересно тем, что обнажаются текстуально-синтаксические различия между двумя языками, а значит – выявляется, от противного, специфичность переводящего языка, для нас русского. Основным критерием анализа выступает оценка внутриречевой и внутрикультурной приемлемости: *Мы бы так по-русски не сказали. – А как сказали бы?*

Вместе с тем переходные тексты отличаются от первичных текстов на любом языке стремлением к гиперкорректности. Переводчик заведомо стремится выражаться грамотно и выразительно, максимально используя богатство переводящего языка, тогда как носитель, автор первичного текста, сосредоточен на выражении мысли и оказание необходимого ему воздействия на читателя. В этой связи показательно, что в профессиональной практике филигранно обработанным, продуманным в стилистическом отношении переводам заказчики зачастую предпочитают более конвенциональные, а в случаях, трудных для перевыражения, когда логика изложения в двух языках не совпадает совершенно – калькированные формулировки.

В настоящем исследовании предлагается рассмотреть ряд наиболее значимых, на наш взгляд, структурных особенностей русской речи, вытекающих из анализа переходных переводных текстов (с французского языка), на двух уровнях:

- высказывания;
- текста в целом.

На уровне высказывания рассматривается соотношение организации его смысловых элементов с порядком слов (от подлежащего к сказуемому и далее – к зависимым от них членам предложения), типами связи, местом обособленных конструкций.

На уровне текста в целом рассматривается общая логика изложения, анафорическая организация речевого произведения, синтаксические изотопии.

Материалом исследования служат тексты, относящиеся к сфере гуманитарных наук и сочетающие в себе информативность и эмоционально-эстетическое воздействие. Для них релевантен взгляд стилиста, так как они предоставляют ситуацию выбора в пределах некоторого набора нормативных (узуальных) речевых средств.

С этим связано другое необходимое методологическое требование, предъявляемое нами к предмету исследования. Оно состоит в четком разграничении системных расхождений двух языков, осознавая которые переводчик в ходе работы почти автоматически заменяет одну структуру другой, и отличий в структурной организации смысловых элементов, или идей в речи, что предполагает множественность переводческих решений, основанной, в терминах интерпретативной школы перевода, на процедуре *девербализации*, извлечения смысла из сообщения. Смысл мы понимаем в предельно широком, стилистико-риторическом смысле.

Думается, что выводы о специфике русского высказывания и текста, которые будут сделаны в результате исследования, могут быть применены в редактировании и постредактировании текстов на русском языке, полученных любым – как ручным, так и машинным – путем.

Литература

Гаврилова Е.В. Субъектоцентрическая модель французского предложения как инструмент сопоставительного синтаксиса // Вопросы романской и германской филологии. Ученые записки / Отв. ред. Ю.В. Гилясов. Вып. 8. СПб.: Изд-во ЛГУ, 2017. С. 27–34.

Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Папина А.Ф., Текст: его единицы и глобальные категории / М.: УРСС, 2014.

Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность / Под ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1992.

Gavrilova E.V., Frison Ph. Utterances As Grammatical Tangles. Using Subject-Centered Sentence Models In Translation // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS, Vol. XXXIX, 2018. P. 266–278.

Kerbrat-Orecchioni C. Les actes de langage dans le discours. Théorie et fonctionnement / P.: Armand Colin, 2008.

Lederer M. Conférence donnée le 10 décembre 2014 à l’ISIT à l’occasion de la réédition du livre *Interpréter pour traduire* de D. Seleskovitch & M. Lederer // Bulletin du CRATIL, 14 (2015). [Электронный ресурс. URL: http://www.lebulletinducratil.fr/index. php/fr/interpreter-pour-traduire-de-danica-seleskovitch-et-marianne-lederer-nouvelle-edition-dans-la-collection-traductologiques-chez-les-belles-lettres-2015-marianne-lederer. Дата последнего обращения 01.10.2018].

Milliaressi T. (éd.) De la linguistique à la traductologie. Interpréter / traduire. Lille: Presse Universitaire de Septentrion, 2011.

Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. Grammaire méthodique du français / P.: PUF, 1999.

Способы передачи чужой речи в Дневниках М. Кузмина

А.В. Гик

Methods of narration in the Diaries by Mikhail Kuzmin

Anna V. Gik

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) / Vinogradov Institute of the Russian language, Russian Science Academy (Moscow)

annagik@yandex.ru

Аннотация. В статье разбираются способы передачи чужой речи в дневниковых записях М. Кузмина. Анализируются различные способы передачи чужой речи: прямая, косвенная, несобственно-прямая речь, цитирование. Для передачи точки зрения Другого Кузминым используются также следующие приемы: дополнения, передающие тему речи, вводные конструкции и особые частицы, выражающие значение достоверности. В исследовании приводятся синтаксические особенности дневникового письма, прослеживается связь данного типа текста с “автоматическим письмом” сюрреалистов. Описываются формальные и содержательные особенности дневниковых записей разных периодов, прослеживается связь с современными записями в блогах.

Ключевые слова: дневниковая проза, идиостиль М. Кузмина, дневники «Серебряного века», способы передачи чужой речи, автобиографический текст.

Summary. This work analyzes methods of narration in the diary records by Mikhail Kuzmin: direct, indirect, improperly direct speech, quotation. Mikhail Kuzmin is using for narration also next methods: additions with theme of speech; input constructions and special particles with meaning of authencity. Work contains syntax specifics of diary letters, relation of this text type to “automatic writing” by surrealists; formal and content specifics of the different time diary records by Mikhail Kuzmin and similarity with contemporary blog records.

Keywords: diary prose, Mikhail Kuzmin’s idiostyle, diaries of the “Silver Age”, methods of narrations, autobiographic text.

М.А. Кузмин – поэт, критик, музыкант, композитор, умел выбирать способ передачи своих мыслей и чувств. Он мог использовать различные формы выражения: поэтические, прозаические, музыкальные, любил Кузмин и «смешанные» приемы (например, лирическая поэма для музыки с объяснительной прозой в трех частях «Лесок», 1922). Он использовал большое количество масок, «перевоплощаясь» в того или иного героя, умел представить точку зрения и военного из Лохии, и влюбленной женщины. Кузмину отлично давались речевые портреты графа Калиостро, жителя Венеции или Васильсурска. После публикации «Александрийских песен» современники недоумевали: «Когда видишь Кузмина в первый раз, то хочется спросить его: “Скажите откровенно, сколько вам лет?”, но не решаешься, боясь получить в ответ: “Две тысячи”» [Волошин 1906].

Кузмину интересно не только говорить «разными языками», но и записывать свои мысли в «автоматическом» режиме, в режиме фиксации подсознательно всплываемых событий дня. Для этого существует дневник. Объектом нашего исследования станут способы передачи чужой речи в дневниковых записях М. Кузмина. Дневник – это такой тип текста, который предполагает отсутствие маски. В этих текстах мы должны познакомиться непосредственно с сущностью автора [Зализняк 2010]. С точки зрения семиотики этот вид коммуникации называют коммуникацией Я–Я типа. То есть адресант и адресат такого текста в идеале совпадают. Дневник, тем не менее, являясь способом передачи событий внешней и внутренней жизни для себя, содержит описание и чужих точек зрения. Само название «Дневник» (от «день») маркирует отличительную формальную особенность таких записей: они ведутся в хронологическом порядке, по мере развития событий, редко включают в себя ретроспекции. От основной формальной особенности дневника зависит и фрагментарность, расчленение его на части. Оно обусловлено датой отмечаемых событий, а не их внутренней последовательностью.

Дневник, который вел Кузмин с 1905 года почти до конца жизни полностью не сохранился [Кузмин 1998; 2000; 2005]. Последние из известных нам публикаций дневниковых записей, это записи 1934 года. Надо сразу оговориться, что дневниковые записи поэт адресовал не только себе, но и аудитории, которой он зачитывал свои сокровенные мысли [Богомолов 1999]. С практикой чтения текста, не предназначенного для чтения современниками, Кузмин протягивает руку современным блогерам, не стесняющимся выставлять на показ самые неприглядные стороны своей личности.

Дневник поэта носит фиксирующий характер (мы бы сказали, что дневник похож на записи вахтенного журнала капитана дальнего плавания: каждый, даже самый незначимый факт должен быть отражен в нем). Иногда этот телеграфный стиль разбавляется сентенциями, в которых автор выражает свои взгляды на природу искусства, природу любви: 27 августа 1905 г.: «Иногда трудно удержаться, чтобы не поцеловать совершенно незнакомое лицо, как укусил бы персик. Как я хотел бы передать людям все, что меня восторгает, чтобы и они так же интенсивно, плотью, пили малейшую красоту и через это были бы счастливы, как никто не смеет мечтать быть. Я был бы блажен, передав это» [Кузмин 2000: 31]. Постоянной темой дневника является поиск денег. Конечно, характер записей несколько меняется с годами. Последние записи включают в себя не только записи дня, но и воспоминания.

Язык дневника Кузмина характеризуется синтаксическим «минимализмом»: «Были издатель, дал мало, об издании ни гу-гу» [Кузмин 2005: 395]. Автор редко выходит за рамки простых предложений, при передаче чужой речи – сложноподчиненных: «Юр. Провожал еще меня, говорил, что ему не по себе, что мне будто не по себе» [Кузмин 2005: 479]. Кузмин останавливается на описании всей ситуации, без стилистического выделения особо значимых или малозначимых событий. Все факты дня становятся равнозначными, облекаются в форму однородных членов предложения. На упреки друзей, что дневник Антиноя (имя Кузмина в обществе «гафизитов») становится «все более однообразным и неинтересным», Кузмин отвечает: «Разве я должен жить так, чтобы дневник был интересен? Какой вздор!» [Кузмин 2000: 186].

Кузмин иногда варьирует способы передачи чужой речи: от прямой до косвенной и несобственно прямой. В косвенной речи личные и притяжательные местоимения и лица глагола выражают точку зрения автора, а не говорящего лица; особенности речи говорящего не сохраняются. 6 декабря 1906 г. «Зашел к Иванову, тот рассказывал про Москву, что «Крылья» займут весь № «Весов», что Брюсов относится будто бы ко мне **с энтузиазмом**, вот чего я не думаю почему-то, хотя письма и поступки Вал Яковл и доказывают это» [Кузмин 2000: 281].

«Спрашивал», «рассказывал», «думал», «говорил» – часто именно эти глаголы речи вводят косвенную речь собеседников Кузмина: «Дворник **спрашивал**, прописывать ли Гришу, и **говорил**, что тот ночевал накануне, а что когда он (дворник) был на квартире у Казакова, тот ему ничего особенного не **говорил**; я боюсь, нет ли тут подвоха, что Георгий Мих так долго не меняет книги. <…> Неожиданно приехал Пр Ст с корзиною помидоров; возбужденный, он **рассказывал** свои приключения, но их хватило минут на 20»; 16.04.1907: «Мейерхольд говорит, будто Брюсов приписывает подписку большую на “Весы” в некоторой мере “Крыльям”. Tant mieux» [Кузмин 2000: 348]; 13.07.1907 г.: «Самое важное было то, что Фил **вынес впечатление** от Брюсова как благоволящего ко мне» [Кузмин 2000: 380].

Кузмин использует различные способы передачи чужой речи: прямую (достаточно редко), косвенную, несобственно-прямую речь, цитирование. Для передачи точки зрения Другого используется также дополнения, передающие тему речи, вводные конструкции и особые частицы, выражающие значение достоверности.

Литература

Богомолов В.А. Дневники в русской культуре начала XX века // Богомолов В.А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 201–212.

Волошин М. Лики творчества. II. «Александрийские песни» Кузмина // Весы. Июль 1906 г.

Зализняк Анна А. Дневник: к определению жанра // НЛО. № 106. 2010. С. 162–180.

Кузмин М. Дневник 1934 г. / Под ред. Г. Морева. СПб., 1998.

Кузмин М.А. Дневник 1905–1907 / Предисл., подг. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб., 2000.

Кузмин М.А. Дневник 1908–1915 / Подготовка текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб., 2005.

Прагматический аспект усложнения текста

А.А. Дьякова

Pragmatic aspect of the complexity of the text

Anastasia A. Diakova

Волгоградский государственный социально-педагогический университет / Volgograd State Socio-pedagogical University

twinsi@mail.ru

Аннотация. Усложнение текста рассматривается как вид вторичной текстовой деятельности, результатом которой становится изменение его формальных, содержательных и функциональных характеристик. Данное преобразование текста обусловлено прагматически, в первую очередь изменением авторских интенций в новых коммуникативных условиях. Усложнение текста имеет широкое поле функционирования и востребовано в самых разных сферах коммуникации.

Ключевые слова: усложнение текста, субъективная характеристика сложности текста, объективная характеристика сложности текста, вторичная текстовая деятельность, функции усложнения текста.

Summary. Complication of the text is considered as a kind of secondary textual activity, which results in a change of its formal, substantive and functional characteristics.This text pragmatically driven primarily by the change of the author's intentions in the new of communicative conditions. The complexity has a wide field of functioning and popular in various fields of communication.

Keywords: the complexity of the text, subjective description of the complexity of the text, objective description of the complexity of the text, secondary text activity, the function of the complexity of the text.

Исследования текста в прагматическом аспекте основываются на постулате о том, что способ построения знаковых конструкций (синтаксис) и отношение знаков к обозначаемым объектам (семантика) являются лишь средством для выполнения знаками их основной функции – обеспечения коммуникации между людьми. Вследствие постоянного варьирования параметров коммуникации, воспроизведение уже существующих текстов в новых условиях сопряжено с изменением их содержательных, формальных и функциональные характеристик. Предмет рассмотрения в данной статье – функции преобразования текста, определяемого как усложнение. Под усложнением текста мы пониманием придание ему при вторичной репрезентации такого качества, как сложность, либо повышение уровня сложности исходного варианта текста по таким параметрам, как структура текста и понятность его содержания для адресата.

Наиболее востребованная в научном и особенно педагогическом дискурсе функция усложнения текста – выработка определенных умений и навыков у обучающихся. В первую очередь усложнение текста используется при обучении студентов филологических и лингвистических специальностей. Обычно преобразование текста в целях обучения трактуется как его адаптация к уровню знаний учащихся, однако адаптация не обязательно делает текст просто «комфортным» для восприятия малоподготовленным адресатом, она может действовать «на опережение». В этом случае усложнение учебного текста становится переходной ступенью к новому этапу обучения, оно призвано повысить компетенцию учащихся, развить у них новые навыки.

Широко распространенным является воспроизведение текстов документов в средствах массовой информации для широкого круга людей, не являющихся специалистами в сфере использования данных документов. В результате создаются вторичные тексты, предназначенные: 1) информировать; 2) прокомментировать; 3) заинтересовать аудиторию. По нашим наблюдениям, об усложнении текста можно говорить во втором и третьем случаях. Комментирование, направленное на разъяснение, связано с объективным усложнением текста в результате увеличения числа разнообразных элементов и связей в нем, однако субъективно такой текст не воспринимается носителями языка как сложный благодаря привычному стилю изложения, толкованию трудных для понимания фрагментов, иллюстрирования примерами, рассмотрения возможных вопросов и т.д.

Если же интенцией автора является вызов заинтересованности или сочувствия аудитории, то при вторичной репрезентации текста меняется эмотивная тональность, применяются средства регулятивности, связанные с созданием образа, вызовом ассоциаций и т.д. Усложнение текста при этом тоже является объективным, поскольку при вторичной концептуализации понятийный способ представления информации заменяется понятийно-образным или дополняется оценочным на уровне отдельных фрагментов.

Намеренное усложнение текста имеет еще одну функцию – введение адресата в заблуждение по поводу сообщаемой информации. Как показывает практика, тексты документов иногда преднамеренно составляются таким образом, чтобы читающий не смог разобраться в их содержании, чтобы от его внимания ускользнули значимые детали. Этой цели может служить не только употребление в тексте терминов, незнакомых человеку, который не является специалистом в области права, или размещение важной информации в сносках, под звездочкой, а также использование мелкого шрифта для сообщения якобы второстепенных сведений. Усыпить бдительность реципиента может сам стандартизированный язык документа. Неэмоциональный характер синтаксиса, частая повторяемость одних и тех же слов, оборотов, конструкций, обилие в тексте штампов, устоявшихся словесных формул притупляет внимание читателя, не имеющего регулярной практики работы с подобными текстами, и провоцирует его реагировать стереотипно, в соответствии со своей социальной ролью, – довериться компетентным лицам, составившим документ. Учитывая данное обстоятельство, автор документа может работать над искусственным усложнением текста, затемняющим его содержание для реципиента и направленным на скрытое побуждение к совершению действия, выгодного для автора или других заинтересованных лиц. Усложнение текста в данном случае может привести к серьезным негативным последствиям для одной из подписывающих сторон.

Описанные в данных тезисах функции усложнения текста не исчерпывают его функционального многообразия, поскольку мы сосредоточили свое внимание на мотивах вторичной текстовой деятельности, осуществляемой в рамках институциональных дискурсов.

Литература

Вейзе А.А. Теория и практика порождения вторичных текстов в курсе вузовского обучения иностранным языкам: Автореф. дисс. … доктора филол. наук. Минск, 1993.

Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов: Автореф. дисс. … доктора филол. наук. М., 2000.

Дьякова А.А. Намеренное и ненамеренное затемнение смысла текста // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1 (6). С. 259–266.

Пирс Ч.С. Начала прагматизма: В 2 т. СПб.: Алетейя, 2000.

Вводно-модальные слова со значением персуазивности в рекламном тексте

Т.А. Жукова

Introductory-modal words with persuasiveness in advertising text

Tatiana A. Zhukova

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток) / Far Eastern Federal University (Vladivostok)

tatianazhkv@gmail.com

Аннотация. Вводно-модальные слова рассматриваются как специфическое средство выражения персуазивности в рекламном тексте. Анализируются различия употребления вводных слов категорической и проблематической достоверности.

Ключевые слова: рекламный текст, персуазивность, вводно-модальные слова.

Summary. Introduction-modal words are considered as a specific means of expressing persuasiveness in the advertising text. The differences in the use of introductory words of categorical and problematic reliability are analyzed.

Keywords: advertising text, persuasiveness, introductory-modal words.

Вводно-модальные слова, относящиеся к средствам выражения субъективной модальности, являются экспликаторами фактора говорящего в речевой коммуникации. Рассматривая субъективную модальность как центральную категорию модального синтаксиса, Г.Я. Солганик подчеркивал, что «именно в модальном синтаксисе, его категориях воплощается антропоцентрический принцип языка (речи)» [Солганик 2010: 13]. Переосмысливая традиционные квалификативные категории модуса (авторизацию, персуазивность и оценочность), Е.Н. Орехова предлагает противопоставить ядерное значение – достоверности-недостоверности в виде модальности предположения – околоядерным, среди которых выделяет эмоционально-оценочные, логической оценки, контактоустанавливающие, эвиденциальные и степени обычности [Орехова 2011].

Категория персуазивности активно реализуется в рекламном тексте посредством вводных слов категорической и проблематической достоверности не только в случаях, когда говорящий прямо подчеркивает достоверность признаков объекта или ситуации, но и чаще для выражения сомнения, которое может быть ложным. Субъект речи в рекламном и PR-тексте всегда испытывает, прежде всего, необходимость создать впечатление об объекте речи (товаре, услуге, лице) как исключительном в плане потребностей целевой аудитории, в связи с этим любая информация (эмоциональная оценка, мнение экспертов и проч.) преподносится именно как достоверная. В силу ряда экстралингвистических причин (обилие рекламной и PR-информации и негативное отношение к ней определенного сегмента целевой аудитории) рекламный и PR-тексте изначально воспринимается целевой аудиторией с некоторой долей скептицизма, поэтому субъект речи усиливает семантическую доминанту ‘достоверность’ различными средствами выражения субъективной модальности.

Вводно-модальные слова, реализуя категорию персуазивности, выступают указателями проведенной говорящим «стереотипизации», но с попыткой создать эффект того, что «стереотипизацию» провел сам адресат сообщения: *10,5%. **Пожалуй**, максимальный доход по вкладам* (Совкомбанк. Интернет-баннер // primamedia.ru, ноябрь 2017 г.); ***Пожалуй**, лучший кофе в городе* (Рестоград. Наружная реклама // г. Владивосток, март 2018 г.); *Новая бутылка: донный открыватель и откручивающаяся пробка. Открой! **Пожалуй**, лучшее открытие в мире* (Carlberg. Наружная реклама // г. Владивосток, ноябрь 2010 г.). Как правило, «пожалуй» используется в высказывании совместно со словами оценочной семантики «лучший», «максимальный», «идеально» и др. В данном случае наблюдается «присловная» позиция самого вводного слова, поскольку в этих контекстах четко прослеживается связь с прилагательным или наречием. Вводное слово «пожалуй» по функциям приближается к модальному слову «действительно».

Наиболее активно в рекламном тексте используются вводные слова категорической достоверности «конечно», «разумеется», «естественно», «несомненно», «бесспорно» и подобные. Однако в последнее время отмечается активизация использования в рекламном тексте вводных слов «может быть», «возможно», «очевидно», «вероятно», «пожалуй» как средств выражения проблематической достоверности. Это связано с изменением интенций говорящего в рекламном сообщении. Прежде субъект речи максимально подчеркивал достоверность той или иной ситуации, того или иного качества товара и услуги, но в настоящий момент такая позиция говорящего не вызывает доверия целевой аудитории. Изменилась внеязыковая действительность, увеличился объем рекламных сообщений, что заставило субъекта речи в рекламном тексте не подчеркивать безапелляционно истинность того или иного качества товара и услуги посредством вводных слов «конечно», «разумеется», «естественно», «несомненно», «бесспорно», а несколько сомневаться в предложенной ситуации («возможно», «очевидно», «вероятно», «пожалуй»), что способствует вовлечению слушающего в мысленный диалог с говорящим. Тем самым вводные слова, в большинстве случаев, реализуя категорию проблематической, а не категорической достоверности, создают интенцию рекламной коммуникации *«ненавязчивой навязчивости»*. С одной стороны, она противоречит основной утилитарной задаче рекламного текста – сформировать положительные свойства товара или услуги, но с другой стороны, категория проблематической достоверности позволяет говорящему вызвать большее доверие у целевой аудитории именно отсутствием категоричной оценки товара и услуги. Например: *Реально построенные дома, готовые к заселению – это не кот в мешке, а **возможно**, Ваше будущее жилье* (Коттеджный поселок «Дубрава». Интернет-реклама // www.vl.ru, март 2018 г.)

Поскольку выразить сомнение какими-то собственно лексическими средствами в рекламном тексте не представляется возможным (это противоречит задачам рекламной коммуникации), то с помощью вводных слов создается необходимая субъективная модальность и не нарушаются утилитарные задачи рекламного текста. В ряде случаев (за исключением употребления слова «пожалуй») вводные слова проблематической достоверности характеризуют отношение субъекта речи не к свойствам товаров или услуг, а к ситуации их использования, что не ставит под сомнение свойства товаров и услуг. Следует отметить, что сам субъект субъективной модальности в рекламном тексте является своеобразным, прослеживается попытка субъекта модифицировать свою позицию в точку зрения объекта.

Таким образом, оценка достоверности (категория персуазивности) при реализации в рекламном тексте, на наш взгляд, приобретает специфические черты и может служить одним из оснований для типологизации рекламных сообщений.

Литература

Орехова Е.Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: Дисс. … доктора филол. наук. М., 2011.

Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса: монография. М.: Флинта, 2010.

Диалогический текст в нарративе: особенности формирования

Н.В. Изотова

Dialogue in narrative: features of formation

Nataliya V. Izotova

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) / Southern Federal University (Rostov-on-Don)

nvizotov@yandex.ru

Аннотация. Текстовый статус диалога как основной формы общения формируется на горизонтальном и вертикальном уровнях развития структуры. В нарративе персонажный и авторский речевые планы в совокупности представляют целостность диалогического фрагмента. В письменном диалоге возможны лакуны на разных уровнях формирования фрагмента. При «нарушении» развития диалога на горизонтальном или вертикальном уровнях целостность диалога обеспечивается воспринимающим сознанием читателя.

Ключевые слова: диалог, текст, автор, читатель, целостность фрагмента.

Summary. The textual status of the dialogue as the main form of communication is formed at the horizontal and vertical levels of structure development.In the narrative, the character's and author's speech levels combined represent the integrity of the dialogical fragment.Lacunae are possible at different levels of fragment formation in a written dialogue.When dialogue development is broken down at the horizontal or vertical levels, the dialogue integrity is ensured by the perceptive mind of the reader.

Keywords: dialogue, text, author, reader, fragment integrity.

Диалог в нарративе – фрагмент, формирующийся речевыми планами автора и персонажа и являющийся «высшей смыслогенной формой общения человека с человеком» [Вайман 2003: 3]. Он должен содержать необходимую для представления общения информацию, в которой заложены параметры естественного диалога как первичной формы общения, находящей отражение в художественном тексте. В диалогический фрагмент включены не только реплики персонажей, но и информация, необходимая читателю для восприятия данного фрагмента как фрагмента «реальной» жизни (субъекты общения, ситуация общения и др.). Диалог в нарративе является проекцией живого общения, наиболее полно представляющей речевую действительность. Целостность диалогического фрагмента формируется на горизонтальном и вертикальном уровнях развития текстовой структуры. В нарративе писатель может изменить «каноническое» формирование структуры диалогического фрагмента для решения художественных задач, что проявляется на разных уровнях развития. На вертикальном уровне формирования структуры может быть изменен порядок расположения реплик разной функциональной направленности, пропуск инициальных, срединных и завершающих реплик, представление реплик не в форме прямой речи. Читатель при этом имеет возможность «доформирования» подобных структур в целостный диалогический текст, осмысляя фрагмент в линейно развертывающимся графическом пространстве на горизонтальном уровне развития.

В приведенном ниже примере авторский речевой план позволяет читателю сформировать возможное содержание пропущенной инициальной реплики диалога, выводящееся из описания ситуации и состояния персонажа.

В доме князей Приклонских запахло смертью. Она, невидимая, но страшная, замелькала у изголовья двух кроватей, грозя ежеминутно старухе княгине отнять у нее ее детей. Княгиня обезумела от отчаяния.

– Не знаю-с ! – говорил ей Топорков. – Не могу я знать-с, я не пророк. Ясно будет через несколько дней. (А.П. Чехов. Цветы запоздалые. Т. 1. С. 400).

Молчание одного из персонажей в диалогическом фрагменте текста может быть заполнено потенциальной реакцией, представленной автором читателю в неосуществленном между персонажами общении. Структура позволяет читателю осмыслять полноценное молчание и причину непроизнесения реплики.

– А мы с Зиной сегодня после обеда провели несколько воистину светлых минут! – сказал Власич. – Я прочел ей вслух превосходную статью по переселенческому вопросу. Прочти, брат! Тебе это необходимо! Статьян замечательная по честности. Я не выдержал и написал в редакцию письмо для передачи автору. Написал только одну строчку: «Благодарю и крепко жму честную руку!»
Петр Михайлович хотел сказать: «Не впутывайся ты, пожалуйста, не в свои дела!» – но промолчал. (А.П. Чехов. Соседи. Т. 8. С. 70).

Различные лакуны структурного плана диалога при включении читательского осмысления сохраняют целостность фрагмента текста. Автор произведения предоставляет читателю возможность, с одной стороны, самому сформировать диалог персонажей, с другой стороны, «выйти» таким образом в пространство текста произведения, попытаться понять многомерность и объемность мира персонажей. Читатель как субъект восприятия включен во внутреннее и внешнее диалогическое пространство.

Литература

Вайман С. Драматический диалог. М.: Изд-во «Едиториал УРСС», 2003.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1974–1982.

Выражение категории модальности на уровне текста (на материале регионального законодательства)

Е.З. Киреева

Expression of the category of text modality(based on regional legislation)

Elena Z. Kireeva

Тульский государственный университет им. Л.Н. Толстого / Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University

L89107032507@yandex.ru

Аннотация. В тезисах рассматриваются средства и способы репрезентации категории модальности на уровне текста. Модальность в официальном документе выражается опосредованно формами категории лица, залога, эвиденциальных значений, видовременными формами глагола, средствами выражения модальной и качественной оценки.

Ключевые слова: модальность, текст, официальный документ.

Summary. The ways and means of the category of text modality representation were considered in the talking points. Modality implements the forms of the category of person, voice, evidential values, verb-time forms, means of expression of modal and qualitative assessment.

Keywords: modality, text, official document.

Модальность текста, по единодушному мнению исследователей, присуща тексту в целом, реализуется через всю его организацию и не равняется сумме модальных значений его частей, т.е. высказываний. При этом важен учет имплицитно-

сти / эксплицитности средств выражения [Гальперин 2004]. Так, в текстах документов имплицитная оценка может содержаться в прагматических пресуппозициях субъекта документной речи; в выводе из содержания текста, на основе выбора содержательно-фактуальной информации, может выражаться коннотируемой семантикой перформативных глаголов (*приказываю* в приказах и *прошу* в заявлениях) и средствами контекста.

Средства выражения категории модальности делятся на собственно лингвистические (языковые и речевые) и экстралингвистические. Интерпретируя текст как максимальную языковую единицу, полагаем, что модальность в тексте репрезентируется языковыми средствами. К экстралингвистическим средствам мы относим: а) характеристики субъекта документной речи, которые отражаются в особенностях его сферы ответственности, системы взглядов, ценностей, мировоззрении в целом; б) характеристики адресата; в) характер взаимоотношений между ними в разных ситуациях официального общения.

Языковой материал нашего исследования демонстрирует, что непосредственные экспликаторы модальности (*должен, обязан*), в узусе организующие ядро поля модальности, употребляются в ограниченном перечне документных жанров, в которых регламентируются права и обязанности участников правовой коммуникации. Специфика модальности в тексте документа заключается в опосредованном характере средств и способов ее выражения.

Модальность текста формируют, в том числе, **средства выражения категории лица**. Обнаруживается прямая зависимость модальных значений и средств их выражения от прагматических функций форм лица, ср.: *В соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» я, __ (Ф.И.О., должность), действующий на основании __ от __ или свидетельства о регистрации от __ № __,* ***прошу*** *оказать следующую поддержку: __ (указать форму, вид поддержки) на __ срок __ в размере __.* (Об утверждении Положения о ведении реестра субъектов малого и среднего предпринимательства…). Набор действий референта *я-зависимого* строго регламентирован: он может о чем-либо просить и принимать на себя некие обязательства. Значение лица выражается сочетанием местоимения *я* и перформативного глагола, при этом группа подлежащего максимально расширена.

Изучение **средств выражения эвиденциальных значений** позволяет уточнить уверенность субъекта документной речи в степени достоверности своего сообщения, ср.: *В среднем по области у 15 процентов больных СПИДом выявлен туберкулез. В Щекинском районе эти цифры несколько ниже, по-видимому, из-за низкого процента обследования ВИЧ-инфицированных на туберкулез.* (Об утверждении комплексной муниципальной целевой программы по предупреждению распространения в Щекинском районе заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека…). Значение вводного слова *по-видимому* включает компонент неуверенности в утверждаемом. Содержанием пропозиции является недостоверная, или неточная, или непроверенная информация.

Репрезентанты грамматической категории залога позволяют охарактеризовать отношение субъекта документной речи к содержанию сообщения в аспекте принятия им ответственности за происходящее. Отрегулированная сфера права определяет характеристики субъекта действия в пассивных конструкциях, типичных для выражения общественно значимых ситуаций. Конструкции используются по отношению к запланированным и контролируемым действиям. Нерелевантность опущенного агенса в официальном документе не предполагает его неопределенности, его референт известен из предшествующего контекста или формуляра. Он выполняет профессиональные действия, набор которых регламентирован. Субъект документной речи рассматривает его как средство решения поставленных задач, как элемент механизма управления.

Правила юридической техники позволяют субъекту документной речи оперировать возможностями **транспозиции видо-временных форм глагола**, ср.: *Председатель Комиссии: 1) организует работу Комиссии; 2) созывает и ведет заседания Комиссии…* (О Положении о комиссии по контролю за соблюдением законодательства…). В формах настоящего времени несовершенного вида представлен модальный оттенок долженствования (настоящее предписания), который выявляется возможной заменой рассматриваемой формы сочетанием *должен + инфинитив*.

В систему модальных отношений мы включаем: а) собственно модальную оценку (оценивается степени уверенности субъекта документной речи в достоверности сообщения, его мнение, вера, знание или предположение; реальность / ирреальность действия, его необходимость, возможность, желательность); б) немодальные оценки, которые, выражая общеоценочные и частнооценочные значения, обогащают план содержания модальности в тексте [Ваулина 2009]. Так, репрезентация модальных значений средствами эвфемии позволяет описать отношение субъекта документной речи к ситуации, о которой он сообщает; к адресату; к содержанию высказывания с точки зрения его качественной оценки.

Таким образом, модальность характеризуется в исследовании как основополагающая языковая категория текста, изучение которой позволяет понять его назначение, цель и смысл.

Литература

Ваулина С.С. Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений // Оценки и ценности в современном научном познании: Сборник научных трудов / Под ред. С.С. Ваулиной, В.И. Грешных. Калининград, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2009. С. 3–10.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Русские союзы как стимулы системных связей глубинных текстовых смыслов

Е.А. Краснова

Russian conjunctions as organizing means for deep textual senses

Elena A. Krasnova

Самарский государственный университет путей сообщения / Samara State University of Transport

eakrasnova@mail.ru

Аннотация. Содержание тезисов составляет анализ русских союзов «*если*» и «*но*» в качестве организаторов глубинных текстовых смыслов и их системных связей друг с другом. Исследование проводится на материале прозы русских писателей.

Ключевые слова: союзы; текстовые смыслы; системные связи.

Summary. These theses are dedicated to analyzing of Russian conjunctions «если» (if) and «но» (but) as organizing means for deep textual senses and their system links. Research is made on the base of prosaic works by Russian authors.

Keywords: conjunctions; textual senses; system links.

Методологический принцип учета и анализа системного строения художественного текста постоянно постулируется в отечественной филологической науке. Практика исследования системных взаимоотношений текстовых смыслов в настоящее время выходит на передовой край филологической науки, но пока заметно отстает от теории. Это можно объяснить как относительно поздним возникновением речеведения, так и объективными трудностями анализа внутренних текстовых отношений, скрытых в обилии и разнообразии речевых проявлений идиостилей писателей. Опыты анализа системных связей текстовых смыслов обычно основываются на рассмотрении знаменательных частей речи. Но

служебные слова, по выражению В.В. Виноградова, тоже способны «управлять движением словесной стихии». Их роль – установление характера связей элементов текста, что ведет к успешности его интерпретации и к выявлению авторских установок в формировании прагматической направленности речи.

Наша цель – выявить значимость русских союзов «*если*» и «*но*» как стимулов внутренних (глубинных) системных отношений текстовых смыслов: элементарных, совокупных (как поток однородных частных смыслов) и выводных, итоговых [Лисовицкая 2016].

Так, в романе В. Аксёнова «Московская сага» «*если*» – активное средство в осознании картины страшной репрессивной машины 30-х годов, калечащей жизни невинных людей [Краснова 2016]. Никиту Градова, сильного, волевого человека, профессионального военного, 4 года каторги довели до состояния бессилия и отупения. Но в один из бесконечных дней непосильной работы в условиях мрачной и пуржистой мглы колымского края вдруг *открылись рафинадные дали, густые синие, огромное небо первобытной земли.* ***Если*** *меня еще посещают такие мысли, значит, еще держусь*, – подумал он. Формула ***если*** *еще… значит, еще…* стала применяться неоднократно: ***Если*** *еще иной раз посещали его на нарах <…> видения ласкающей Вероники <…>, значит, еще жив.* ***Если*** *хватало воли утром <…> растереться снегом, значит, еще жив.* ***Если*** *после смены <…> влезал в спор о полном кризисе позитивизма, значит, еще и на самом деле жив* и др. Это заклинание по капельке замещало мглу каторжного существования спасительной надеждой. И пусть эти «*если*» не смогут, разумеется, победить социальное зло, но зато они способны уменьшить его за счет сохранения силы духа, человеческого облика и внутренней свободы личности.

Рассказ В. Токаревой «Лошади с крыльями» содержит два противоположных семантических блока, один из которых монтируется тем же союзом *если*. Теперь он организует высказывания, описывающие вспыхнувшие чувства замужней женщины (по сути измену). Сюжет состоит из истории встречи молодой художницы с роковым мужчиной. Любовь была как молния, как бунинский солнечный удар. ***Если*** *бы сказали: заплатишь во сто крат. Любую цену. Хоть жизнь. Не разомкнула бы рук. Пусть что будет, то и будет… А что* ***если*** *в самом деле – взять и выйти замуж за Мансурова?* ***Если*** *можно быть счастливой хотя бы неделю – надо брать эту неделю.*

Однако в ткани рассказа прозрачно витает оппозиция ключевых союзов: *если*-допущения и *но*-запрета. *Ключик у нас. У тебя и у меня. Один.* ***Но*** *у тебя другая дверь, и мой ключик не подходит*, – говорит Мансуров, на мгновение усомнившись в любимой. – *Я умру без тебя. Ты мне веришь? – Верю.* ***Но*** *я замужем, в общем.*

Сама героиня говорит: *Главной была не первая часть фразы, а последнее слово: «в общем»…* Слово беспомощное: то ли растерянность, то ли заблуждение, то ли недоговоренность. Однако *но*-потенциал накапливается и уже не важно, выражен ли смысл противоположности самим служебным словом или совокупностью разноуровневых языковых средств, рисующих сдерживающие героиню семейные узы, устоявшиеся привычки, иные причины сделать свой выбор. Практичные жизненные *но* одерживают верх над романтическими *если*. Героиня остается в семье. Союз *но*, как правило, сигнализирующий о дальнейшем негативном развитии событий, в данной ситуации для автора оказывается маркером справедливости.

На доминантной роли союза *но* построен и рассказ В. Шукшина «Жена мужа в Париж провожала» с главным героем Колькой Паратовым, доведенным до крайности *нелепой, постыдной, мерзкой* жизнью со злой, меркантильной, нелюбящей женой. Первоначально, казалось бы, все было хорошо. Колька *обаятельный парень <…> очень надежный, крепкий сибирячок <…> всем понравился, и Вале тоже*, но скоро картинка счастливой жизни будет уничтожена лавиной оскорблений, претензий, упреков. *Но* многократно прозвучит в небольшом по объему тексте: *Потихоньку до них стало доходить, что они напрочь чужие друг другу люди.* ***Но*** *было поздно*; *Горе началось с того, что Колька скоро обнаружил у жены огромную, удивительную жадность к деньгам. Он пытался было воздействовать на нее, что нельзя же так-то уж,* ***но*** *получил железный отпор*; *Кольке впору было заплакать злыми, бессильными слезами. Он бы и уехал в деревню,* ***но*** *как подумает, что тогда лишится дочери, так…* и др. Сущность «негативного» содержания *но*-высказываний, увы, приведет к самоубийству героя, не нашедшего выхода из жизненного тупика.

Итак, видим, элементарные текстовые смыслы, направляемые союзами, дополняя и уточняя друг друга, образуют однородные смысловые потоки, скрепленные в одних случаях доминантными союзами *если*, в других – *но*. Вступая в оппозицию, эти потоки выводят читателя на концептуальные смыслы литературного произведения. В романе Аксёнова – на моральную силу и самообладание человека, попавшего под колесо истории. В рассказе Токаревой – на защиту семейного счастья как высшей ценности жизни. В рассказе Шукшина – на то, что без душевной близости не построить семьи.

Маленькие словечки, в грамматике получившие название служебных, оказываются способными организовывать динамику и системные связи глубинных текстовых смыслов и за счет этого стать одним из главных репрезентантов разнообразных тем литературных произведений с подтекстно зашифрованными, но понятными читателю авторскими интенциями.

Литература

Краснова Е.А. Если-высказывания: трагизм и сила духа (о текстовых функциях союза «если» в трилогии В. Аксенова «Московская сага») // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2016. Т. 26. № 5. С. 56–62.

Лисовицкая Л.Е. От значения к смыслу // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология. 2016. № 3.2. С. 196–201.

Ритуализация как дискурсивная составляющая русских газетных текстов общественно-политической направленности (на примере большевистского предреволюционного, советского и современного докризисного дискурсов)

К.В. Кунц

Ritualization as a discourse element in Russian newspaper texts to social and political topics (based on bolshevists, soviet, and current pre-crisis discourses)

Katharina Kunz

Гейдельбергский университет (Германия) / University of Heidelberg (Germany)

katharina.kunz@slav.uni-heidelberg.de

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию роли ритуальности в общественно-политическом дискурсе на примере русских газетных текстов разных эпох и идеологической направленности. Особое внимание уделено интегративной модели ритуальности и описанию семантических и прагматических признаков ритуальности в текстах.

Ключевые слова: ритуализация; политический дискурс; язык СМИ; диахрония; синхрония.

Summary. This paper is related to the role of rituality in the social political discourse, especially in Russian newspapers of different epoch and ideologies. Important roles play semantic and pragmatic parameters of the ritualization in texts.

Keywords: ritualization; political discourse; language of the mass-media; diachronic studies; synchronic studies.

Ритуальность, в широком ее понимании, присуща многим жизненным сферам человека. В политическом дискурсе ритуальность возникает, например, тогда, когда на передний план выходит функция контроля над образом мышления и

действиями населения, выступающая, в первую очередь, в качестве орудия политического превосходства. Наиболее полно ритуальная функция воплощается в ситуациях осознанной манипуляции сознанием общества, наряду с механизмами социальной солидарности и социального отграничения. Классическим примером ритуализации посредством языка является тоталитарный дискурс, например, советский политический дискурс XX века (т.н. *новояз*). В тоталитарных типах политического дискурса, при отсутствии плюрализма и оппозиционности в политической коммуникации формируется, как правило, особый субкод, включающий в себя целый набор идеологически мотивированных языковых средств, призванный регулировать функционирование политического дискурса.

В рамках нашего исследования была предпринята попытка показать, каким образом ритуальность может реализоваться в языковом плане в общественном дискурсе, в политической коммуникации, в сфере масс-медиа. Особый интерес при этом уделялся следующим вопросам: Каковы признаки ритуальности в газетном тексте политической направленности? Какие характеристики можно считать центральными для этой категории? Каким образом признаки ритуальности выражаются в отдельных суб-дискурсах, выделяемых как в синхронном, так и в диахронном аспекте?

Материалом для анализа послужил собранный в ходе работы над диссертационным проектом по теме «Языковые изменения в российском общественном дискурсе за последние сто лет» корпус текстов социально-политической тематики для трех временных периодов: дореволюционного (1917 г.), советского периода (1936–1939 гг.) и современного докризисного (2006–2007 гг.).

Базисными в текстах общественного дискурса политической направленности признаются следующие признаки и функции ритуальности: 1) *манифестация системы ценностей* при помощи создания дискурсивных символов, связанных с определенной идеологией; 2) *воспроизводимость языковых элементов* в повторяющихся контекстах, т.е. *узуализация* этих элементов, социальная стандартизация их употребления; 3) *манипулятивная функция* коммуникации, выражающаяся, например, посредством эмоционализации, но также выступающая и как инструмент мобилизации масс в периоды социальных перемен в обществе; 4) *интегративная функция*, достигающаяся путем максимальной поляризации, выделения сфер своего и чужого.

Перечисленные здесь элементы позволяют выстроить общую модель функционирования ритуальности в общественной коммуникации, основывающуюся на системе ценностей, определяющей границы поля «друг ↔ враг»:

система ценностей (идеология) → управление коллективными эмоциями (манипулятивная функция) → идеологическая поляризация (интегративная функция) + узуализация (стандардизация употребления).

Подразделение на «друзей» и «врагов» относится к основным принципам семиотики еще с древних времен [Пеньковский 2004: 13], в частности и к базовым семиотическим оппозициям политического дискурса [Шейгал 2004: 112].

В результате исследования была разработана и описана интегративная модель ритуальности общественного дискурса, понимаемая нами как интеграция семантических и прагматических признаков ритуализации и их языковой реализации в общую модель ритуальности. Особого внимания при этом заслуживает языковое выражение выделенных Вайссом семантических категорий *стабильности* и *тотальности* [Weiss 2000: 237], дополненных в нашей модели признаками *собственной мощи, нестабильности, динамичности, эмоционализации и мобилизации*.

Результаты семантического и частотного анализа текстов подкорпусов различных эпох и разной идеологической направленности позволили нам выдвинуть следующие типы ритуализации: 1) *мобилизирующий тип ритуализации* большевистсокого субдискурса; *экспансивный тип ритуализации* общественного дискурса в советский период; 2) *критизирующий тип ритуализации* в современном оппозиционном коммунистическом субдискурсе и 3) *тип выборочной ритуализации* в доминирующем медийном дискурсе [Kunz 2017: 267].

Литература

Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

Kunz K. Sprachliche Wandelprozesse im russischen öffentlichen Diskurs des 20.–21. Jahrhunderts. Hamburg: Kovač, 2017.

Weiss D. Was ist neu am „newspeak“? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik. 1985 / Renate Rathmayr (ed.). München: Sagner, 1986. S. 247–325.

Weiss D. Alle vs. einer: Zur Scheidung von good guys und bad guys in der sowjetischen Propagandasprache // Slavistische Linguistik. 1999 / Walter Breu (ed.). München: Sagner, 2000. S. 234–274.

Катафора в художественном тексте

А.Д. Леоненко

Cataphora in the artistic text

Anna D. Leonenko

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

p740605@yandex.ru

Аннотация. В художественном тексте повсеместно используются различные средства, «отдельные актуализированные сигналы», заставляющие читателя ожидать продолжения и даже предугадывать его. Катафорическая референция основана на свойстве проспекции, т.е. направленности текста вперед, развертывании смыслов. В связи с этим рассматриваются отдельные выражения, а также структурные фрагменты текста, формирующие ожидание от последующего повествования.

Ключевые слова: катафора; проспективность; связность текста; кореферентность.

Summary. In the artistic text we can find different means, «special actualized signals», which make a reader expect the sequel and even foresee it. Cataphoric reference is based on the prospection, i.e. the text characteristic to refer to the future and expose senses gradually. In this connection we demonstrate separate expressions as well as structural components of the text which form the expectations from the following narration.

Keywords: cataphora; prospection; coherence; coreference.

Катафора как средство семантико-синтаксической связности текста рассматривается современными исследователями преимущество в рамках анафорической референции. Однако свойство катафоры создавать интригу и заинтересованность читателя в продолжение текста уже отмечается в целом ряде работ как особый художественный прием.

Ключевое свойство катафоры, выделенное К. Бюлером, – «отсылать вперед» (‘*vorgreifen*’), позволяет говорить о проспективной направленности в сочетании не только языковых, но и текстовых единиц [Бюлер 2001: 109]. Появление катафоры в художественном тексте связывают с таким его свойством, как проспективность. Выделяя данную категорию, И.Р. Гальперин объясняет, что проспекция редко бывает вызвана самим ходом сюжетного повествования, но отдельные эксплицитные сигналы направляют внимание читателя предугадывать последующее сообщение [Гальперин 2006: 105–113].

Объективно-авторская проспекция позволяет автору отсылать читателя к нужной информации, создавать намеки на дальнейшее продолжение. Среди используемых выражений могут быть, например, *забегая вперед; он и не подозревал, что через несколько дней он окажется; как он будет*

разочарован, когда узнает, что... и другие. Субъективно-авторская проспекция состоит в предугадывании со стороны читателя последующего повествования, развития сюжета. Особыми формами проспекции являются предисловие, введение, пролог, «от автора» [Там же].

Кореферентность отдельных частей текста достигается использованием различных средств, среди которых особое место занимают дейктические слова и элементы. «Дейктическим называется такой элемент, который выражает идентификацию объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации – через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту» [Падучева 2010: 245]. К дейктическим элементам относятся личные местоимения 1-го и 2-го лица, указательные местоимения и наречия.

Катафорическая связь в тексте отвечает за «внутреннюю целостность текста», создавая «глобальную связность» текста [Валгина 2003: 29]. Существуют работы, посвященные «Гамлету» Шекспира, некоторым рассказам И.А. Бунина, подтверждающие наличие постоянной проспективной направленности сюжета. Исследователь В.А. Луков выделяет в «Гамлете» 82 смысловых блока и указывает на то, что «в трагедии нет ни одной сцены, где бы не присутствовала проспекция» [Луков 2006].

В качестве катафорического элемента, позволяющего читателю понять, что в дальнейшем повествование будет вестись о лишнем, ненужном человеке Т.В. Малинская рассматривает эпиграф к произведению И.А. Бунина «Худая трава» (1913) – «Худая трава из поля вон! Пословица» [Малинская 2016: 61].

Таким образом, катафора, употребленная в художественных текстах, вызывает у читателей чувство «внутреннего ожидания», чем стимулирует интерес к дальнейшему прочтению произведения. То есть катафора здесь служит средством «втягивания» в процесс чтения, которое становится динамичным и совсем не скучным [Манжелеевская 2012].

В докладе будут продемонстрированы средства создания катафорической связи на материале рассказов И.А. Бунина. Ожидание развязки и продолжения, отдельные намеки на последующий исход, компоненты формальной структуры текста – все это своего рода части одного явления, катафоры.

Литература

Бюлер К. Теория языка. М., 2001.

Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006.

Луков В.А. Гамлет в шекспировской модели проспекции // Шекспировские штудии. III: Линии исследования: Сборник научных трудов. Материалы научного семинара. 14 ноября 2006 года. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2006. С. 37–55.

Малинская Т.В. Понятия проспекции и ретроспекции (на материале произведений И.А. Бунина) // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 58–63.

Манжелеевская Е.В. Психологические аспекты лингвистической экспертизы личности: диагностика прагматических ожиданий автора по частотным характеристикам его речи // Сборник материалов конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». 2012 г. [Электронный ресурс. URL: http://www.lingexpert.ru/conference/langlaw2/manzheleevskaya.html. Дата последнего обращения 30.11.2018].

Падучева Е.В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010.

Антонимические блоки-композиты как единицы, организующие дневниковые тексты и записные книжки М. Цветаевой

М.Г. Милютина, Е.Г. Кашицына

Antonymic block-composites as units, organizing diary texts and notebooks of M. Tsvetaeva

M.G. Milyutina, E.G. Kashicyna

Удмуртский государственный университет (Ижевск) / Udmurt State University (Izhevsk)

mmilyutina@inbox.ru, ekashitsyna@inbox.ru

Аннотация. В прозе М. Цветаевой (ярче всего в записных книжках и дневниковых текстах) отчетливо представлены отношения между антонимами, позволяющие обнаружить их композиционно-смысловое единство, которое выражает контраст. Такое единство называется антонимическим блоком-композитом. В тексте тезисов продемонстрировано устройство этой композиционной единицы.

***Ключевые слова**: антонимический блок-композит М. Цветаева, записные книжки.*

Summary. In prose of M. Tsvetaeva (particularly in notebooks and diary texts) clearly presents a relationship between the antonyms, allowing to detect their compositional and semantic unity, which expresses the contrast. This unity is called an antonymic block-composite. This theses is demonstrate the structure of this compositional unit.

Keywords: antonymic block-composite, M. Tsvetaeva, notebooks.

Контраст является стилеобразующим принципом художественных произведений М. Цветаевой. В ее прозе (ярче всего в записных книжках и дневниковых текстах) отчетливо представлены контрастные отношения между антонимами, обнаруживающие себя на уровне композиционно-смыслового единства, которое обозначено в лингвистике как антонимический блок-композитом.

Е.И. Диброва трактует *антонимический блок-композит* как структурно-содержательную единицу текста, рамочно организованную, целостную по смыслу, относительно самостоятельную по содержанию применительно к контексту и построенную на основе антонимии» [Диброва 2000: 109]. Рассматривая композит, в первую очередь, как смысловой «отрезок», объединенный единством темы, исследовательница соотносит его с другими, более традиционными терминами: «абзац», «прозаическая строфа», – однако настаивает на необходимости введения именно термина *антонимический блок-композит* [Диброва 2011: 74].

В дневниках и записных книжках М. Цветаевой, построенных по законам художественного текста, обнаруживаются особая авторская эпистемология, особый (антитетичный) взгляд на мир, которые представлены в текстовом антонимическом единстве – блоке-композите.

Рассмотрим пример из записных книжек 1919 г.:

***Героизм**: пересилить голод. **Аристократизм**: не заметить его. Аристократизм laisser alter {Предоставить все ходу вещей (фр.)} благородства. **Аристократ** при всей своей безупречности может быть **лишен личных черт**, **герой** – всегда: **я**.*

*В **аристократизме** повинны **предки**, в **героизме** – **собственная душа**.*

***Аристократизм** – это воздействие **тела** на **душу**: тонкость рук делает их нежными.*

***Героизм** – воздействие **души** на **тело**: душа **грубые** руки делает **нежными**.*

***Аристократизм**: **тело**, делающееся **духом**. **Героизм**: **дух**, делающийся **телом**.*

Перед нами единый тематический блок, напоминающий самостоятельное произведение-миниатюру. На первый план выдвигается противопоставление **внешнего** (*тела*) – **внутреннему** (*душе*). Через призму этого контраста высвечивается другой, семантически и тематически соотнесенный с ним и представленный индивидуально-авторскими антонимами: *аристократизм* как «**внешняя** изысканность, утонченность поведения» [Ожегов, Шведова 1999: 28] и *героизм* как **внутренняя** «отвага, решительность и самопожертвова-

ние в критической обстановке» [Ожегов, Шведова 1999: 129]. В обоих случаях можно выделить смысловой центр, на основании которого и построена антонимия. Таким центром является противопоставление языковых антонимов *тело – душа.*

Антонимичные понятия *тело* и *душа* (*дух*) становятся для Цветаевой опорными семантическими компонентами в определении двух сопоставляемых и противопоставляемых через фигуру хиазма (*тело, делающееся духом… дух, делающийся телом*) абстрактных понятий: *аристократизм* и *героизм*. Принцип перестановки, который реализуется при этом в анафразах (два последних предложения), антиномических афоризмах (метаболах) и хиазме передает, по мнению С.А. Ахмадеевой, конфликт между обыденной и авторской логикой [Ахмадеева 2015: 10]. Анафразы описывают перестановку слов во фразе с соответствующими трансформациями ее смысла.

Перед нами антонимический блок-композит, в котором через повторы лексем *аристократизм* и *героизм* в начале, середине и конце контекста отчетливо представлена его рамочная организация. Приведенный контекст является целостной законченной по смыслу единицей, освещающей единую тему. Кроме того, это самостоятельная по содержанию относительно предшествующего и последующего контекста единица, построенная на основе антонимии. Контраст, представленный с помощью языковых и контекстуальных антонимов на лексическом уровне, поддержан здесь на структурно-грамматическом уровне (синтаксический параллелизм предложений), стилистическом (повторы, хиазм и анаграмма) и риторическом уровнях. Риторическая задача автора анализируемого контекста заключается в том, чтобы дать развернутое, одновременно поэтическое и философское определение двум абстрактным понятиям, контрастно соотнесенным друг с другом. Выполняя ее, М. Цветаева опирается на одноименный топос *определение*, а также на топосы *тождество* и *свойства*.

Литература

Ахмадеева С.А. Особенности и принципы организации дневниковых текстов Марины Цветаевой как основа их стилистического анализа // Язык. Словесность. Культура. Ногинск: Аналитика Родис, 2015. № 4–5. С. 9–28.

Диброва Е. И., Донченко Н.Ю. Поэтические структуры антонимии. М.: С. Принт, 2000.

Диброва Е. И. Пространство текста в композитном членении // Избранные работы. Художественный текст: Структура. Содержание. Смысл: В 2 т. Т. 1. М.: ТВТ Дивизион, 2008.

Диброва Е. И. Квантовость и скважность как проявление речевого мышления // Rhema. Рема. 2011. № 3. С. 69–67.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999.

О некоторых изменениях в научном стиле современного русского языка*

В.А. Мишланов, Е.А. Ильина

About some changes in the scientific style of the modern Russian language

V. Mishlanov, E. Ilina

Пермский государственный национальный исследовательский университет / Perm State University

vmishlanov@yandex.ru, ilinaea@psu.ru

Аннотация. Выдвигается гипотеза о том, что в научных текстах начала XXI в. появляются особенности, обусловленные изменениями в методологии современной – «постнеклассической» – науки, прежде всего – ее междисциплинарным характером.

Ключевые слова: постнеклассическая наука, методология, русский язык, изменения в научном стиле.

Summary. The scientific texts of the beginning of the XXI century are hypothesized to acquire some features due to the changes in the methodology of modern – «post-non-classical» – science. It refers to its interdisciplinary character.

Keywords: post-non-classical science, methodology, Russian language, scientific style changes

Особенности коммуникации в научной сфере обусловлены действием различных факторов, степень влияния которых меняется в разных исторических и коммуникативных обстоятельствах. Какие-то из этих факторов исследованы в большей мере, какие-то, на наш взгляд, недостаточно. К этим последним мы бы отнесли «эпистемологический контекст», т.е. ориентацию ученого на определенный «тип научной рациональности», соответствующим одному из основных этапов развития науки [Степин 2006].

В современной философии науки, как известно, утвердились взгляды, в соответствии с которыми основные этапы развития науки осмысливаются как глобальные научные революции, в результате которых происходит изменение научной картины мира и «типа научной рациональности» [Степин 2006: 315]. Неклассический тип научной рациональности сложился после третьей научной революции, ознаменовавшейся возникновением на рубеже XIX и XX вв. квантовой физики, генетики, теории систем и кибернетики и др. Изменения в методологии науки этого периода были столь существенны, что для их обозначения начали употреблять термин революция, а сама методология в периоды между революциями стала осмысливаться с опорой понятие парадигмы [Кун 1975].

Предметом нашего доклада является обоснование гипотезы о том, что в научных текстах начала XXI в. появляются некоторые особенности, обусловленные новым «типом научной рациональности». Известно, что для «постнеклассического» естествознания и современного гуманитарного знания особенно характерно активное междисциплинарное взаимодействие (поиск новых смыслов на пограничье областей). Взаимодействующие науки начинают обмениваться идеями, концептами, методами исследования и, соответственно, терминологией, что находит определенное отражение и в знаковой презентации полученного знания – в научном тексте.

Научный текст, обобщающий результаты согласованных исследований представителей разных дисциплин, создается – по необходимости – несколькими авторами. Соавторы междисциплинарного текста при его создании должны принимать во внимание то обстоятельство, что не только их читатели (интерпретаторы), но и сами они далеко не всегда обладают равными компетенциями во взаимодействующих научных дисциплинах и вынуждены представлять свое специальное знание в *адаптированной* в той или иной мере текстовой форме. Кроме того, в определенной мере *модифицируются* базовые для целей исследования понятия и, соответственно, значения терминов.

Так, в относительно новой области знания, именуемой искусственным интеллектом [Осипов 2011], используются понятия и методы весьма специфических по отношению друг к другу дисциплин: с одной стороны, точных наук (информатики, кибернетики, математической логики, теории систем, семиотики и др.), с другой – наук «приблизительных», объектом которых являются прямо не наблюдаемые процессы духовной деятельности познающего субъекта. Например, в статье Н.В. Чудовой [Чудова 2012] в разного рода суждениях «сталкиваются» понятия психологии, семиотики, лингвистики, этологии и др., при этом сами эти понятия

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 17-29-07049 офи_м «Исследование методами искусственного интеллекта системы когнитивных операций, реализуемых в научных текстах»).

«обрастают» коннотациями, «индуцируемыми» смежными дисциплинами. В частности, давно используемое в лингвистике понятие «языковая картина мира» в данной работе модифицируется, во-первых, с учетом задач психологического моделирования «картин мира», а во-вторых, ориентацией создаваемых когнитивных моделей на «новые виды организации планирования в интеллектуальных системах и роботах» [Чудова 2012: 52]. По-особому здесь трактуется и понятие знака, в объем которого входит все, что несет информацию, т.е. и след зверя на влажном берегу реки, и отпечатки пальцев на орудии убийства, однако для целей исследований в области искусственного интеллекта расширение экстенсионала этого понятия представляется оправданным.

В науковедческой литературе отмечается, что «ориентация современной науки на исследование сложных исторически развивающихся систем существенно перестраивает идеалы и нормы исследовательской деятельности», в соответствии с которыми модифицируются и способы описания объекта, моделирования его поведения, «построения сценариев возможных линий развития системы» [Степин 2006: 323]. Это также находит определенное речевое воплощение в тексте, представляющем результаты исследования такого объекта. Наши наблюдения показывают, что традиционно свойственная русскому научному стилю *модальность некатегоричности изложения* в последнее время даже усиливается.

Наконец, в «постнеклассической» науке в большей мере, чем в предшествующий период, учитываются социальные последствия научных открытий, поэтому в научном дискурсе все более «эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями» [Степин 2006: 327]. Это отражено в более активном, чем прежде, использовании языковых оценочных средств, причем меняются и логические основания оценки: если раньше в научном тексте выражались преимущественно рациональные оценки, то с включением в научную коммуникацию проблем, связанных с этическими и утилитарными ценностями, в него проникают высказывания с соответствующими оценочными предикатами и метафорикой, сближающие стилистически естественнонаучные и гуманитарные тексты.

Литература

Кун Т.С. Структура научных революций. М., 1975.

Осипов Г.С. Методы искусственного интеллекта. М.: Физматлит, 2011.

Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук М.: Гардарики, 2006.

Чудова Н.В. Концептуальное описание картины мира в задачах моделирования поведения // Искусственный интеллект и принятие решений. 2012. № 2. С. 51–62.

Перцептивные особенности конкретной лексики

Н.Ю. Муравьева

Perceptual features of concrete lexis

Natalia Yu. Muravyova

Российский государственный гуманитарный университет (Москва) / Russian State University for the Humanities (RSUH) (Moscow)

natasha1000@mail.ru

Аннотация. В статье речь пойдет о специфике конкретной лексики в условиях репродуктивного фрагмента текста: о типах контекстной трансформации их лексических значений, о роли в создании коммуникативного регистра речи.

Ключевые слова: репродуктивный регистр речи, перцептивность, контекстное значение, конкретная лексика.

Summary. The article deals with concrete lexis and the specificity of its functioning in fragments of reproductive register of speech or perceptual modus. The author identified and specified contextual word meanings unfixed in dictionaries.

Keywords: reproductive register of speech, category of perceptivity, contextual word meanings transformation, concrete lexis.

Категория перцептивности – это текстовая категория, образуемая системой лексических и грамматических средств, текстовая функция которых – передать в речи ситуацию непосредственного наблюдения, восприятия.

Понятие перцептивности восходит к выделенному впервые Н.Д. Арутюновой типу модусной [Балли 1955: 44] информации – связанной с передачей, отражением в тексте ситуации восприятия, передачей некоторого образа непосредственно воспринимаемого окружающего мира [Арутюнова 1988: 109 и далее]. Категория реализуется в определенных текстовых фрагментах, которые вслед за Г.А. Золотовой называются контекстами репродуктивного регистра речи [КГ, 2004, 29 и далее].

Цель данного исследования – охарактеризовать специфику употребления конкретной лексики в условиях репродуктивного регистра речи, определить их роль в создании категории перцептивности.

На данный момент уже представлена шкала перцептивности, согласно которой все лексические единицы были распределены между

- словами, содержащими перцептивный компонент в значении,
- словами, имеющими его в пресуппозиции, и
- потенциально-перцептивными лексемами, располагающимися на периферии модусного поля и состоящими преимущественно из лексики конкретной семантики [Муравьева 2008].

Из этого следует, что именно словам последнего типа не уделялось должного внимания в работах, посвященных исследованию модусных значений: эти лексемы являются нейтральными к контексту, так как могут употребляться во всех регистрах речи, они не являются ни прикрепленными ни к одному из модусов, ни тем более маркерами какого-либо из них.

Однако анализ материала показывает, что именно в условиях репродуктивного регистра речи для конкретных лексем характерны определенные типы трансформации значений. Все они связаны с конкретизацией – уточнением чувственно воспринимаемой характеристики. Их контекстное значение не соответствует словарному.

Так, визуальная контекстная семантика появляется у слов с основным значением

- явление природы, предмет, растение и т.д., связанное с цветом: *Было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал* ***радугой*** *в сетях паука* (Чехов), *…Вдоль белых складок спадающей воды рыжеватым золотом отливали подплывшие* ***стволы*** *сосен* (Набоков);
- материал: *Потом он повернул на середину реки, виляя между* ***парчевых*** *островов тины…* (Набоков);
- *действие: …Я прошел мимо белого дома с террасой и с мезонином, и передо мною неожиданно развернулся вид …с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе* ***заходившее*** *солнце* (Чехов).

Все перечисленные примеры демонстрируют актуализацию перцептивно-контекстной семантики ‘цвет’. Условием такой трансформации является не только репродуктивный регистр речи, но и окружение другими цветовыми лексемами.

Другой визуальный смысл – конфигурация, траектория движения, рисунок очертаний, длина – рождается на основе семантики

- времени: *Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись* ***вечерние*** *тени* (Чехов);
- движения: *Кругом была степь, и впереди слышался звон разогреваемой солнцем проволоки на шоссе,* ***пересекавшем*** *пыльный шля* (Короленко);

- множества: *Вот уже слились в одну густую, плотную, черную* ***толпу*** *редкие прибрежные сосны, и за этой колышущейся толпой неразличима наша дача* (Чуковская) и др.

Слуховые образы строятся на основе значений ‘материал’, ‘вещество’, ‘предмет’, ‘физическое действие’, ‘время’, ‘место’, ‘тактильная характеристика’ и др. Тактильные – на основе ‘материал’, ‘вещество’, ‘предмет’, ‘длина’ и т.д.

Таким образом, для всех репродуктивно-контекстных значений характерна конкретизация образа: остановка внимания на определенной черте, тем или иным способом чувственно воспринимаемой – зрительно, на слух, тактильно, на вкус и т.д.

При этом ложной будет мысль о том, что любое предметное слово языка, оказавшись в условиях репродуктивного регистра, получает одно из перечисленных или подобное образно-чувственное прочтение. Например: *Забор не тень свою отбрасывал, а* ***зебру****, что несколько уродовало двор* (И. Бродский). Индивидуальность, авторский характер такого употребления объясняется именно тем, что не каждое слово обладает предрасположенностью к контекстным трансформациям.

Как и не будут иметь близкие по значению слова одинаковую систему (и по количеству, и по качеству) потенциально-контекстных значений. Что делает необходимым дальнейшее изучение подобных контекстных трансформаций и уточнение условий механизмов изменения значений внутри репродуктивного регистра речи.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1955.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, 2004.

Муравьева Н.Ю. Категория перцептивности в семантике глагола и в тексте. Дисс. …канд. филол. наук. М., 2008.

Текст и его грамматика

О.В. Мякшева

Text and its Grammar

Olga V. Myaksheva

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского / Chernyshevskiy Saratov State University

myakshev@mail.ru

Аннотация. Грамматика языка извлекается из грамматики текста, при усредненном взгляде на конкретного автора конкретного текста. При лингвистическом анализе текста будто запускается обратный процесс: он возвращается автору. На примере лингвистического анализа миниатюры А.И. Солженицына «Город на Неве» доказывается, что такой анализ высветит его признаки и категории, в какой бы концепции и терминосистеме они ни выделялись.

Ключевые слова: текст, текстовые категории, комплексный лингвистический анализ текста.

Summary. The grammar of the language is extracted from the grammar of the text, with an average look at the specific author of a particular text. It seems that during the linguistic analysis of the text the reverse process starts: it is returned to the author. The example of linguistic analysis of miniature "The City on the Neva" by A.I. Solzhenitsyn proves that such an analysis will highlight its characteristics and categories, no matter what concept and terminology system they stand out from.

Keywords: text, text categories, complex linguistic analysis of the text.

Размышления о том, что такое текст – продукт речевой деятельности [Гальперин 2006: 17] или единица языка [Всеволодова 2017: 467] – естественны в связи с расширением интереса лингвистики. Дискуссионен вопрос категорий текста, и понятно желание филологов в выявлении этих категорий «уйти» от собственно лингвистических терминов, например в дискурсивно-текстовые, когнитивно-дискурсивные, функционально-коммуникативные и т.д.

Перечень и содержание категорий текста на разных ступенях изучения этого феномена отражают движение исследовательской парадигмы и аспект авторского интереса. И.Р. Гальперин выделял такие: *завершенность, членимость, проспекция, ретроспекция, когезия* и т.д. [Гальперин 2006], Т.В. Матвеева – *тематическая цепочка, цепочка хода мысли, тональность, оценочность, темпоральность, локальность, композиция* [Матвеева 1990]. В.Е. Чернявская утверждает, что признак / категория *когезия* «находится у истоков формирования лингвистики текста» [Чернявская 2014: 21]. В первой четверти XXI века на первый план выходит категория *интенциональности*, которая заключает в себе идею авторского намерения [Чернявская 2014: 16–36]. Выдвижение этой категории на позицию ведущей демонстрирует отчетливо заявившую о себе идею антропоцентризма. Эта же идея позволила выделить как категорию *воспринимаемость* [Чернявская 2014: 117–139]. Глубокий и подробный анализ вопроса о текстовых категориях содержится в [Болотнова 2009: 158–163].

Текст является «единственно данной в наблюдении реальностью применения языка» (В.Г. Костомаров), поэтому вся его грамматика извлекается из грамматики текста, при усредненном взгляде на конкретного автора конкретного текста, и опасаться «скатиться» в тот самый лингвистический анализ не нужно и даже вредно, поскольку это опасение уведет от анализа текста в общие умозрительные характеристики. Детальный, веками отработанный лингвистический анализ с четким противопоставлением набора форм выражения соответствующей этим формам семантике нужно только грамотно применить, и будто запускается обратный процесс: мы возвращаем текст автору. Выяснение мотивов отбора адресантом определенных языковых средств при наличии в языке рядов лексем и форм и есть постижение устроенности текста и обнаружение авторский интенций.

Попытаемся доказать, что комплексный лингвистический анализ текста высветит его признаки и категории, в какой бы концепции мы их ни выделяли. В качестве примера возьмем одну из миниатюр «Крохоток» А.И. Солженицына – «Город на Неве».

«Крохотка» состоит из трех композиционных частей – абзацев, которые совпадают с ССЦ. Название – макротема «Город на Неве» объединяет 3 микротемы – *великолепие города; критика сегодняшних застроек; цена великолепия*.

В первом абзаце, состоящем из 5 высказываний, первые 4, по форме простые двусоставные, демонстрируют величественное спокойствие хозяев (олицетворение!) города (*ангелы, три шпиля, купол Исаакия, львы, грифоны, сфинксы – окружают*, *перекликаются, оберегают*), затем начинает накапливаться энергия мощи (*скачет шестерка Победы*), последующий ряд (градация, имеющая следствием эмотивное нагнетение!) односоставных номинативных предложений эту энергию сначала множит (*сотни портиков, тысячи колонн*), а потом пытается сдержать через «свернутые» динамические пропозиции – *вздыбленные лошади, упирающиеся быки.* Семантика вневременности и бесконечности бытия *города* поддерживается употреблением форм настоящего времени глаголов с этим значением, «высокий слог» отражают прилагательные *преклоненные, византийских, золотых, лукавою*, не все из них качественные, но все оценочные, сопутствующие позитивным в нашей исторической памяти оценкам.

Второй абзац начинается с контаминированной структуры, включающей риторическое восклицание *Какое счастье, что здесь ничего уже нельзя построить!* и через тире – ин-

финитивные структуры *ни кондитерского небоскреба втиснуть в Невский, ни пятиэтажную коробку сляпать у канала Грибоедова.* Отрицательно оценочные, разговорно-обиходной окраски глаголы, без которых информация была бы передана (в контексте – *построить*), но оценка не выражена, возвращают нас в настоящее. В последнем предложении второго абзаца «псевдодеятелем» является *архитектор*, характеристика которому дана в уточняющих обособленных и однородных (однорядных!) определениях – *чиновный* и *бездарный*, семантика этих признаков усилена аналитическим средством выражения превосходной степени *самый*.

Первое предложение последнего абзаца*Чуждое нам – и наше самое славное великолепие* содержит досаду и восхищение одновременно и оформлено как антитеза, которая подчеркнута тире. Второе восклицательное с инверсией *Такое наслаждение бродить теперь по этим проспектам!* выражает восторг, однако межфразовое *Но* и последующие «свернутые» пропозиции *стиснув зубы, проклиная, гния в пасмурных болотах*, выполняя кумулятивную функцию, показывают нам, какой ценой расплатились *русские* за *эту красоту*. В начале третьего высказывания культуросберегающая функция языка (*косточки наших предков слежались, сплавились*) преображается в эстетическую *окаменели в дворцы – желтоватые, бурые, шоколадные, зеленые.* Сильная рематическая позиция конца в наполнении цветовыми прилагательными будто примиряет наших предков с нами, демонстрируя великую правду жизни (заметьте, последний цвет – зеленый – цвет жизни). В этом ощущении примирения и формируется законченность, целостность текста.

Бесспорно, ощущение целостности есть следствие правильно понятой интенции автора: этот текст как вспышка в нашей памяти о славной истории на фоне сегодняшнего бездарного и сляпанного. Думаю, горизонты ожидания адресатов оказались четко очерченными для искушенного читателя, однако для малообразованного и юного, конечно, новая информация есть. Автор, привлекая такие свойства / категории текста, как эмоциональность и экспрессивность, оживил облик великого города, резко снизил тональность, говоря о дне сегодняшнем, но вновь вернулся к красоте – и цели, и сути искусства.

Литература

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной (педагогической) модели языка. М.: УРСС, 2017.

Гальперин Р.И. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006 (Лингвистическое наследие XXI века).

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.

Текст: теоретические основания и принципы анализа: Учеб. науч. пособие / Под ред. проф. К.А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2011.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ЛЕНАНД, 2014.

Взаимосвязь дейктических категорий в художественном тексте (на материале оригинальных и переводных произведений)

В.А. Немкова

Interconnection between deictic categories in a literary text (based on original texts and their translations)

Veronika A. Nemkova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

nika.nemkova@mail.ru

Аннотация. В художественном тексте дейктические категории выполняют различные функции, способствуя реализации авторского замысла. С помощью категорий времени и лица и пространственных показателей автор может показывать события крупным планом в синхронной читателю перспективе либо с более отстраненной позиции. На примерах из современной литературы мы постараемся показать взаимодействие различных видов дейксиса. Задействованные в исследовании английские переводы помогли выявить случаи, в которых русский текст максимально приближен к субъективной позиции героя.

Ключевые слова: дейксис, временная и пространственная локализация, персонализация, сопоставительный анализ оригиналов и переводов.

Summary. Performing different functions in a literary text, deictic categories help realize the writer's intentions. Using tense, person and location markers the author can show events in a close-up from a perspective synchronous to the reader, or from a more detached position. We will try to show the interaction of different types of deixis in some examples from modern literature. The material of English translations is used to show cases of maximum subjectivization in Russian original texts.

Keywords: deixis, temporal and spacial localization, personalization, comparative analysis of original and translated texts.

Дейктические категории временной и пространственной локализации и персонализации соотносят субъективное содержание высказывания, идущее от говорящего, с диктумным [Brugmann 1904; Бюлер 1993]. В художественном тексте они могут иметь переносное значение, выполняя определенные композиционные функции. Так, настоящее историческое может передавать события так, словно они происходят на глазах у читателя, апеллируя тем самым к воображению последнего [Leech, Svartvik 1975: 52]. В рамках категории лица особого внимания заслуживают факты невыраженности, невербализованности третьего лица – так называемые «синтаксические нули» [Онипенко 2011: 163].

В перволичном повествовании средствами диалогизации и интимизации повествования становятся употребление настоящего времени в сочетании с активизацией второго лица. Исследователи отмечают, что формы местоимений второго лица могут взаимодействовать с видо-временными значениями глаголов и другими средствами, создавая обобщенно-личный план повествования [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 120].

Продемонстрируем факты взаимодействия дейктических категорий на нескольких примерах. В следующем фрагменте из повести В. Маканина «Лаз» читатель становится свидетелем происходящего с героем именно благодаря использованию настоящего времени и пространственного дейктика *перед глазами*, отсылающих к позиции героя. Показатели третьего лица, указывающие на героя, отсутствуют в русском тексте, что стало заметно на фоне английского перевода. В русском тексте благодаря отсутствию показателей третьего лица в оригинале в сочетании с настоящим временем создается ощущение, что мы смотрим на окружающую Ключарева темноту «от первого лица».

1.	…Ключарев продвигается уже до уровня, где в лицо ему дышит черная земля: **почва еще не перед глазами**, но **уже дышит** эта темная, тонкая прослойка, которой кормится все живое. (В. Маканин. Лаз)	…Klucharyov now moves up to a height at which the black earth breathes in his face: **his eyes still cannot see** the soil, but **he can already feel** the breathing of that thin dark layer that nourishes every living thing. (Translated by M.A. Szporluk)

Рассмотрим теперь пример из повести Л. Петрушевской «Время ночь», где происходит темпоральное переключение в настоящее время. Показатель неожиданности *возникла* сигнализирует о переключении на точку зрения наблюдателя, дальнейшее повествование ведется в настоящем времени, и мы погружаемся в хронотоп событий. Пространственный дейктик *впереди* в оригинале переносит нас на позицию дочери героини, тогда как в переводе вследствие использования третьеличного показателя *before her* на протяжении всего фрагмента представлена позиция рассказчицы.

2.	…дочь в день алиментов **возникла** на пороге разъяренная, *впереди* **толкает** коляску красного цвета <…> и **вопит**… (Л. Петрушевская. Время ночь)	…onthedayheralimony was due my daughter **appears** in a white rage on the doorstep **pushing** a red pram *before her* <…> and **starts** yelling… (Пер. С. Лаирд)

Взаимодействие дейктических категорий наиболее ярко проявляется в сфере обобщенно-личности, а также при задействовании «нулевых» показателей персонализации в третьеличном повествовании. Расхождение оригинала и переводов позволяет выявить случаи, в которых данное взаимодействие проявляется наиболее ярко и способствует субъективации повествования.

Литература

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Онипенко Н.К. «Синтаксические нули» и грамматика эгоцентризма // Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного материалы международной научной конференции / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Научный центр междисциплинарных исследований художественного текста. 2011. С. 162–168.

Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Auf Grund des fünfbandigen Grindrisses der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen von K. Brumgann und B. Delbrück verfasst. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904.

Структура метакоммуникации в художественном произведении (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)

М.Н. Панчехина

The structure of metacommunication in a literature work (on M.A. Bulgakov novel "Master and Margarita")

M.N. Panchekhina

Донецкий национальный университет / Donetsk National University

mpanchehina@gmail.com

Аннотация. Для героев романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» характерен особый тип речевого общения – метакоммуникация. Метакоммуникация актуализируется в связи с включением в композицию произведения «прецедентного текста» – романа о Пилате, написанного мастером. Структура метакоммуникации апеллирует к созданию семантического пространства текста.

Ключевые слова: метакоммуникация, прецедентный текст, метакоммуникативные высказывания.

Summary. The heroes of M.A. Bulgakov novel "Master and Margarita" are characterized by a special type of verbal communication – metacommunication. Metacommunication is updated in connection with the "precedent text" to be included in the work composition – a novel about Pilate, written by the master. The structure of metacommunication appeals to the creation of a text semantic space.

Keywords: metacommunication, precedent text, metacommunication statements.

Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» состоит из двух основных компонентов: это «московский» и «ершалаимский» тексты, событийный ряд которых объединяется благодаря тому, что главный герой московского текста – мастер – пишет роман о главном герое ершалаимского текста – Пилате. Художественное произведение, создаваемое булгаковским героем, можно интерпретировать как особое коммуникативное высказывание – «прецедентный текст». Согласно Ю.Н. Караулову, под этим понятием подразумеваются тексты, «имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2007: 216]. Понятие «прецедентного текста» применительно к роману мастера актуализирует проблематику метакоммуникации: между героями происходит общение по поводу общения, рефлексия над высказываниями, включенными в роман о Пилате или связанными с этим текстом.

Как отмечает М.А. Бабушкина [Бабушкина 2017], структура метакоммуникации трехчастна: она предполагает план содержания, план выражения и план трансляции.

План содержания метакоммуникации в «Мастере и Маргарите» связан с теми диалогами и полилогами, в которых обсуждается процесс написания мастером художественного произведения, идет полемика об идейно-образной системе и проблематике. В дискуссиях такого типа создается семантическое пространство текста, написанного булгаковским героем. Напомним диалог между Воландом и мастером: *О чем роман? – Роман о Понтии Пилате. – О чем, о чем? О ком? – заговорил Воланд, перестав смеяться. – Вот теперь? Это потрясающе! И вы не могли найти другой темы? Дайте-ка посмотреть, – Воланд протянул руку ладонью кверху*. Эмоциональность метакоммуникативного высказывания Воланда направлена на устранение помех в процессе коммуникации, так как основная задача Воланда в указанном диалоге состоит в уточнении информации, в прояснении темы романа, конкретизации проблематики, что служит посылом для дальнейшей рефлексии над текстом.

План выражения метакоммуникации репрезентирован в письменной форме (в режиме диалогов и полилогов). К метакоммуникации относятся все эпизоды, связанные с обсуждением самого текста романа: *Но только роман, роман, – кричала она мастеру, – роман возьми с собою, куда бы ты ни летел. – Не надо, – ответил мастер, – я помню его наизусть. – Но ты ни слова… ни слова из него не забудешь? – спрашивала Маргарита*; *А ваш роман, Пилат? – Он мне ненавистен, этот роман, – ответил мастер, – я слишком много испытал из-за него. – Я умоляю тебя, – жалобно попросила Маргарита, – не говори так… <…> – Но ведь надо же что-нибудь описывать? – говорил Воланд, – если вы исчерпали этого прокуратора, ну, начните изображать хотя бы этого Алоизия.*

На уровне организации метакоммуникативных высказываний особый интерес представляют диалоги о необходимости завершить то художественное произведение, которое начал писать мастер: – *Ваш роман прочитали, – заговорил Воланд, поворачиваясь к мастеру, – и сказали только одно, что он, к сожалению, не окончен. Так вот, мне хотелось показать вам вашего героя*. Метакоммуникация позволяет и Воланду, и мастеру дистанцироваться от объекта повествования и увидеть героя как бы стороны (в представленной цитате речь идет о Пилате), что в дальнейшем предопределяет судьбу героя, обретение им «свободы».

В процессе метакоммуникации связь между планом содержания и выражения осуществляется при помощи плана

трансляции, который подразумевает все средства выражения «метакоммуникативного значения, при помощи которых формируются метакоммуникативные высказывания и их компоненты, осуществляющие уточнение высказывания, установление контакта между собеседниками» [Бабушкина 2017: 79]. На наш взгляд, к плану трансляции принадлежат высказывания, закрепляющие за текстом мастера сверхзначение, актуализирующие его собственно языковую ценность, способность соединять «реальный» и «лингвальный» миры: *Ваш роман еще принесет вам сюрпризы*.

Таким образом, метакоммуникация в «Мастере и Маргарите» представляет собой особый тип коммуникации, который апеллирует к роману мастера о Пилате и основан на рефлексиях героев об этом романе.

Литература

Бабушкина М.А. Метакоммуникация как коммуникативная категория // Вестник Челябинского государственного университета, 2017. № 1. С. 76–82.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

Трансформация образа автора в русском переводе предисловия к «Разговорам о множестве миров», выполненного А.Д. Кантемиром

А.С. Пчелинцева

Transformation of the author's image in A.D. Kantemir's Russian translation of the preface to "Conversations on the Plurality of Worlds"

A.S. Pchelintseva

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

pchelintsevaa@list.ru

Аннотация. В работе на материале предисловия к оригиналу «Разговоров о множестве миров» Бернара де Фонтенеля и его русского перевода, выполненного А.Д. Кантемиром, рассматриваются трансформации, которые приводят к «активизации» образа автора в переводном тексте. В заключении делается вывод о возникающем в переводе эффекте неразличения образа автора-Фонтенеля и образа автора-философа, от лица которого ведется повествование в основной части произведения.

Ключевые слова: перевод, трансформация, образ автора.

Summary. In this paper, the comparative analysis of the original and the Russian translation of the preface to Fontenelle's «Conversations on the Plurality of Worlds» made by A.D. Kantemir demonstrates the translator's transformations, which result in the «activization» of the author's image. The conclusion is drawn that in the translation appears the effect of nondistinction between the images of author-Fontenelle and author-philosopher, who in the main part exercises the narrator's function.

Keywords: translation, transformation, author's image.

Производимые переводчиками трансформации могут носить эпизодический характер, однако в ряде случаев они приводят к формированию устойчивой тенденции, последовательно отличающей перевод от оригинального текста. Реализация такой переводческой тенденции рассматривается нами на примере изменения образа автора в русском переводе предисловия к «Разговорам о множестве миров» Бернара де Фонтенеля (1686) [Fontenelle: 1724]. Перевод на русский язык был подготовлен А.Д. Кантемиром и впервые издан в 1740 году [Фонтенель: 1740].

Видоизменения образа автора в русском переводе «Разговоров» происходит за счет активизации действий, предпринимаемых им при создании произведения, что проявляется в двух аспектах:

- В описании работы автора над своим произведением.
- В описании отношения автора к читателям.

При этом переводческие трансформации происходят на всех уровнях, они затрагивают как синтаксические конструкции, так и их морфологическое и лексическое наполнение.

1.

Fr.	**J'en ai mis** (**поместил / расположил**) la plus grande partie dans le commancements de l'Ouvrage. Enfin **je les ai prises** (**я брал их**) dans mon sujet même ou assez proche de mon sujet.
Rus.	Большую ихъ часть **я разсѣялъ** въ началѣ книги. Напослѣдокъ, **произвелъ я** ихъ или изъ моего настоящего дѣла, или изъ нѣкоего ему смежнаго.

В данном примере переводчик делает выбор в пользу глаголов более активной семантики для описания производимых автором действий: «разсѣять» и «произвести» (ср. с нейтральным и выражающим очень общее значение «mettre» и многозначным «prendre»). В результате этой лексической замены в переводе создается впечатление, что автор в переводе Кантемира как будто прикладывает больше усилий к созданию произведения и облегчению понимания текста для читателей: он не просто помещает в него некоторые развлекательные элементы, но делает это обильно и щедро, не берет некие готовые элементы, а творит их сам. Это отсылает нас ко второй специфической черте образа автора, которая отсутствовала в оригинальном тексте, – заботе о пользе произведения для читателей.

2.

Fr.	**Ce n'est pas** (**это не**) pénétrer à force de médiation une chose obscure d'elle-même ou expliquée obscurement, **c'est** (**это**) seulement ne point lire sans se représenter nettement ce qu'on lit.
Rus.	**Не требуется** проницать съ великимъ размышленіемъ дѣло какое собою неясное, или неясно истолкованное; **нужно** только читать, представляя себѣ порядочно то, что читано бываетъ.

В рассматриваемом предложении автор рассказывает своим читателям, что им следует делать, чтобы понять основные идеи его произведения. При этом в оригинале действия даны в форме описания и объяснения, тогда как в переводе на эти действия накладывается смысл долженствования – автор наставляет читателей, дает им советы и рекомендации по чтению его произведения.

В результате этой трансформации автор предстает вступающим в более активное взаимодействие с читателями, а не отстраненным от них ученым, рассказывающим о проделанной им работе.

Итак, в русском переводе «Разговоров» образ автора становится более активным и деятельным в отношении создания произведения и общения с потенциальными читателями.

Однако эти трансформации приводят не только к изменению образа самого автора, но и к изменению соотношений между ним и другими образами, а именно образом философа, персонажа и повествователя «Разговоров», который наставляет в астрономии другую героиню произведения – маркизу.

3.

Fr.	**J'ai mis** (**я поместил**) dans ces Entretiens une Femme **que l'on instruit** (**которую тому (философии) учат**) et qui n'a jamais eu parler de ces choses-là.
Rus.	Въ сихъ разговорахъ **я принимаюся учить** жену, которая николи ничего не слыхивала о такихъ дѣлахъ.

В данном примере производимые переводчиком трансформации касаются оригинальной синтаксической конструкции. В оригинале автор использует неопределенно-личную конструкцию *on* + V в 3 л., ед.ч., тогда как в русском пере-

воде данное предложение становится личным с конкретным субъектом действия, который совпадает с автором произведения.

В результате произведенной Кантемиром трансформации образы автора и философа-повествователя как бы сливаются в один образ, становятся неразличимыми, тогда как в оригинале эти образы были разведены и не совпадали.

Литература

Фонтенель Бернар ле Бовье. Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла, Парижской академии наук секретаря / С франц. перевел и потребными комментариями изъянил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1740.

Fontenelle Bernard. Entretiens sur la pluralité des mondes. Par Monsieur de Fontenelle, de l'Académie françoise. Nouvelle édition, augmentée de pièces diverses. Paris : chez Michel Brunet, 1724.

Первичные и вторичные модели видения действительности

Ю.В. Роговнева

Primary and secondary vision model of reality

Yu.V. Rogovneva

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (Москва) / Pushkin State Russian Language Institute (Moscow)

vinnipuh61@yandex.ru

Аннотация. В докладе на материале нефикциональных текстов доказывается, что первичными регистрами (моделями видения действительности) являются информативный и репродуктивный. Волюнтивный и реактивный относятся к вторичным регистрам и не являются моделями видения действительности, а генеритивные высказывания отражают фикциональный мир.

Ключевые слова: коммуникативный регистр, нефикциональный текст, репродуктивность, информативность.

Summary. The report builds on the material of non-fictional texts and proves that the primary registers (the vision model of reality) are informative and reproductive ones. Voluntive and reactive ones are the secondary registers and are not the vision model of reality. Generative ones reflects the fictional world.

Keywords: communicative register, non-fictional text, reproduction, informativeness.

Система коммуникативных регистров, представленная Г.А. Золотовой и коллегами в [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998], объединяет в себе 5 типов речи, противопоставленных друг другу по набору определенных признаков. Переключение внимания с текстов художественных на тексты нефикциональные позволило вывести регистр за пределы текстовой категории и определить его как модель видения действительности, существующую в сознании говорящего. Однако соотношение регистров в нефикциональных текстах отличается от того, которое представлено в текстах художественных, что обусловлено особенностями создания этих текстов и в целом – их природой. Нефикциональные тексты отражают действительность, не вымышленную говорящим. При таком понимании нефикциональности возникает вопрос о том, что можно считать критерием реальности, невымышленности действительности. Очевидно, одним из таких условий является нахождение говорящего в такой коммуникативной ситуации, где возможность привлечения в текст вымысла будет исключена или сведена к минимуму. Этому условию отвечает актуальный хронотоп говорящего, его соответствие хронотопу действительности. Кроме того, вероятность появления вымысла в тексте минимальна, если говорящий воспринимает описываемую им действительность органами чувств. Именно такие тексты функционируют в ядре поля категории нефикциональности. С другой стороны, они же формируют и ядро категории репродуктивности, в результате чего мы наблюдаем соответствие нефикциональности и репродуктивности. Как только говорящий перестает воспринимать действительность репродуктивно, в его тексте появляются элементы фикциональности, выводя в целом нефикциональный текст на периферию нефикциональности. Такими фикциональными элементами можно считать обобщение, многократное наблюдение, знание, предположение, – то есть элементы, которые формируют ядро поля информативности. Именно эта оппозиция репродуктивности / информативности, которая и была определена и разработана Г.А. Золотовой прежде всего [Золотова 1982], оказывается первичной для нефикциональных текстов. Однако для характеристики монологических блоков позднее был предложен еще и генеритивный регистр, предполагающий максимальный уровень абстракции говорящего от происходящего, привлечение в текст элементов народной мудрости и универсального опыта [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998]. К генеритивным высказываниям относятся пословицы, поговорки, афоризмы и т.п., в которых отражается не реальная действительность, а вымышленная. Соответственно, весь генеритивный регистр находится за пределами категории фикциональности и является не моделью видения действительности, а лишь текстовым моделированием вымышленной реальности.

Обозначенная оппозиция репродуктивности / информативности для нефикционального текста оказывается актуальной и для диалогических блоков. Предложенные Г.А. Золотовой волюнтивный и реактивный регистры не являются моделями видения действительности сами по себе и выступают как вторичные регистры, которые накладываются на репродуктивность или информативность в условиях конкретной коммуникативной ситуации и определяют диалогическую форму текста: «Эти регистры не содержат собственно сообщения, но реализуют речевые интенции, соответственно, адресованного потенциальному исполнителю волеизъявления говорящего и экспрессивно-оценочной реакции на речевую ситуацию» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 32].

Регистровый анализ текстов, находящихся за пределами поля художественности, показал, что разработанная Г.А. Золотовой система коммуникативных регистров неоднородна. Она состоит из первичных регистров, которые являются моделями видения говорящим действительности (репродуктивный и информативный регистры): говорящий, описывая действительность, в которой он находится, может воспринимать ее либо в актуальном хронотопе, репродуктивно (ядро поля нефикциональности), либо в неактуальном хронотопе, информативно (периферия поля нефикциональности). Волюнтивный и реактивный регистры являются вторичными, они накладываются на первичную репродуктивность или информативность. Понятие генеритивного регистра неактуально для нефикциональных текстов, поскольку в генеритивных высказываниях отражается фикциональный мир.

Литература

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998.

Категория количества в научном и официально-деловом стилях

Д.Н. Солдатова

Category of quantity in scientific and business discourse

Daria N. Soldatova

Военный университ (Москва) / Moscow, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

soldatovadn@yandex.ru

Аннотация. Соединение теории коммуникативной грамматики с функционально-стилистическим членением языка позволяет в большей мере учитывать взаимодействие экстралингвистических и лингвистических факторов. В отношении официально-делового и научного стилей речь идет об употреблении форм числа с не локализованными во времени, неактуальными предикатами. Существительные не имеют конкретно-референтного статуса, поэтому значения числа неденотативное, непрямое, а референциальный статус либо рода, либо класса.

Ключевые слова: коммуникативная грамматика, функциональная стилистика, взаимодействие категорий, категория количества.

Summary. Applying the theory of communicative grammar to functional and stylistic aspects of the language sheds more light on interaction between linguistic and extra-lingustic factors. This article deals with texts belonging to the scientific and business discourse and explores usage of singular and plural forms with predicates that are not localised in time. In this case, nouns often do not refer to concrete objects, which enriches the grammatical category of quantity with extra non-denotative, indirect and generalised semantics.

Keywords: communicative grammar, functional stylistics, interaction of categories, grammatical category of quantity.

Соединение теории коммуникативной грамматики с функционально-стилистическим членением языка позволяет в большей мере учитывать взаимодействие экстралингвистических и лингвистических факторов. В зависимости от соотношения трех коммуникативных характеристик – адресант – адресат – сообщение – в тексте по-разному взаимодействуют (и реализуются) число существительного и видо-временные формы глагола.

Научный и официально-деловой стили, во многом сходны. Адресата и адресанта в этих стилях часто называют внеличностным субъектом, поскольку и отправитель, и получатель сообщения выступают в определенной социальной роли: в научном стиле – носитель научного типа мышления, научной точки зрения; в официально-деловом – т.н. роль общественной единицы, вступающей в правовое отношение.

Тема сообщения, денотативное пространство, с которым соотносится текст в этих функциональных стилях, связаны не с конкретной ситуацией, а являются обобщением многих. Но при этом тема сообщения в научном стиле – это то, что есть в действительности и что объективно, не зависит от человека, а в официально-деловом – это то, что должно быть в жизни общества и государства, исходя из правовых отношений.

Эти экстралингвистические факторы предопределяют собственно лингвистические черты. Грамматика и синтаксис характеризуются принципом отбора и редукции по отношению к системе литературного языка. Для обоих стилей характерен отказ от вторичных переносных употреблений.

Субъект действия часто бывает не актуализован, особенно это характерно для научного стиля. Данная субъектная неактуализованность приводит к употреблению неопределенно-личных форм, имеющих функцию характеризации предмета (ср. [Золотова 2005: 164–165]. Для этих стилей характерны бытийные предикаты с дополнительными характеристиками, которые употребляются только в 3 лице [Список составлялся с опорой на IV том «Семантического словаря» под ред. Н.Ю. Шведовой (2007) и «Толковый словарь русских глаголов» под ред. Л.Г. Бабенко (1999).]: (1) **локальными**: *водиться, заключаться, идти, лежать, простираться, протекать, распространяться, фигурировать* и др.; (2) **качественными**: *венчать, висеть, выдаваться, выступать, омывать, прилегать, примыкать* и др.; (3) **количественными**: *насчитываться, числиться, иметься, содержаться* и др. Такие глаголы узуальные и не употребляются в актуальном времени. Однако они могут встречаться в описательных и информативных контекстах. Существительные при них могут быть в ед. родовом или мн. класса.

Для научного текста характерен уход категории количества в сферу числительных и других лексических средств, а не использование грамматической категории числа. Так, значение категории количества может выражаться: 1) сочетанием количественных синтаксем с десемантизированными глаголами (*достигать, составлять, равняться* и др.), а также глаголами, обозначающими количественное изменение (*превышать, уменьшать* и др.); 2) сочетанием количественных синтаксем для обозначения диапазона; 3) лексически (*частота, в пределах, доля от общего числа* и др.).

Динамика употребления форм числа на примере текста «Договора о Шпицбергене от 9 февраля 1920 года» показывает следующие закономерности. В преамбуле перечисляются официальные главы договаривающихся сторон. Глава государства, как правило, один, официальное наименование должности – нереферентное имя, поэтому форма числа – ед.ч. Перечисление должностей представляет собой однородные подлежащие, которые согласуются с глаголом во мн.ч. – *назначили и условились о нижеследующем.* Форма СВ прошедшего времени в конкретно-фактическом значении указывает на то, что данный факт имел место один раз в истории и есть результат – договор.

В основном тексте договора раскрываются основные положения, о которых договариваются страны-участницы. После преамбулы вводится имя класса во мн.ч. – *Высокие Договаривающиеся Стороны, суда и граждане Высоких Договаривающихся Сторон* и т. п. Предикаты при имени класса, таким образом, употребляются во мн.ч., и представляют собой следующие типы: 1) перформативный глагол настоящего времени НСВ (*признают*), 2) сочетание глагола *быть* в форме будущего времени с инфинитивом НСВ в конкретно-процессном значении (*будут пользоваться*).

Во мн.ч. употреблены также следующие существительные со статусом класса: *острова, островки и скалы, дома, склады, заводы, постройки, грузы, установки, собственники земельных участков, укрепления.* Статус класса указывает на множественность типичных объектов. Характерная особенность данных существительных: они обозначают те объекты и субъекты, которые в реальности существуют во множественном числе.

В ед.ч. употребляются существительные sg-tantum, как правило, отглагольные (*охота, ловля, сохранение, ввоз, транзит*), собирательные (*комиссия*), а также существительные, которые в рамках текста являются определенными и единичными (*Норвежское Правительство, международная метеорологическая станция, Русское правительство*). Договор о Шпицбергене предполагал регулирование отношений между Правительством Норвегии, с одной стороны, и с Правительствами других стран-участниц, с другой. Это отношение в тексте договора выражается противопоставлением ед.ч. (для Норвегии) и мн.ч. класса (для других стран).

В тексте договора много пассивных конструкций с глаголом *быть* в форме будущего времени и с модальным глаголом *должен* (*будут допущены, не может быть создана, должна быть открыта, будут выработаны, будут признаны, будут урегулированы*), поскольку в договоре описывается ситуация, которая должна быть приведена к соответствующему виду, установленным в договоре условиям и правилам.

В Приложении к Договору сообщается, что граждане стран-участниц должны в трехмесячный срок подать претензии на земельные участки, и приводится инструкция, как они должны действовать. Поскольку необходимо, с одной стороны, актуализировать ситуацию, а с другой – описать ее максимально обобщенно, в Приложении в основном употребляются существительные в ед.ч. в родовом статусе: *Правительство требующего лица, Комиссар, сообщение, доклад, земельный участок.*

Итак, взаимодействие глагольных категорий и числа существительного в научном и официально-деловом стилях позволяет создать максимально обобщенное представление ситуации, которое может охватить все возможные вариации и проявления. Лингвистические средства моделируют необходимую картину мира, главными чертами которой являются нивелирование человеческой личности, т.е. субъективности, а также отсутствие второго плана.

Литература

Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. М.: Русский язык, 1976.

Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка/ М.: Изд-во АПН РСФСР, 1952.

Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 2001.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка, Изд. 2-е, испр., М.: КомКнига, 2005.

Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь: Перм. ун-т, 1972.

Красильникова Е.В. Семантика и функции форм числа имен существительных в разных типах речи // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М.: Наука, 1989. С. 232−274.

Ревзина О.Г. К построению лингвистической теории языка художественной литературы // Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики / Под ред. В.М. Андрющенко. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 107–132.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике [Электронный ресурс. URL: http://booference.pochta.ru/contents.html. Дата последнего обращения: 25.11.2017].

Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Секреты стилистики. Правила хорошей речи. М.: Рольф, 1996.

Функционирование языка в разных видах речи: Межвуз. науч. сб. / Отв. ред.: О.Б. Сиротинина . Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986.

Текст как архиватор культурного кода и отражение процессов глобализации

О.Ю. Стародубова

Text as a cultural code archiver and a reflection of the globalization process

O.Yu. Starodubova

Московский государственный лингвистический университет, институт международных образовательных программ) /
Moscow State Linguistic University, Institute of International Educational Programs

oystarodubova@mail.ru

Аннотация. Понимание любой национальной культуры и ее стержня связано с текстом, который, являясь феноменом, хранит ментальную информацию идентичности (грамматикализованный концепт), и одновременно становится катализатором мыслительных процессов, отражая тенденции времени. Одной из ведущих на современном этапе является глобализация как непременный атрибут эпохи антропоцентризма. Таким образом, текст, запечатлевая последствия действия разнонаправленных тенденций, становится объектом пристального внимания представителей междисциплинарных исследований, поскольку содержит ценную информацию о субъекте (языковой личности, авторе или скрипторе) как представителе своего времени, а также активно участвует в формировании или, напротив, нейтрализации конфликтных ситуаций, возникающих на уровне как внутри-, так и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: текст, феномен культуры, глобализация, антропоцентризм, субъект (языковая личность).

Summary. Understanding of any national culture and its core is connected with the text, which, being a phenomenon, stores mental information of identity (grammaticalized concept), and at the same time becomes a catalyst of thought processes, reflecting the tendencies of time. One of the leaders at the present stage is globalization as an indispensable attribute of the epoch of anthropocentrism. Thus, the text, capturing the effects of multidirectional tendencies, becomes the object of close attention of representatives of interdisciplinary areas, because it contains valuable information about the subject (language personality, author or scriptwriter) as a representative of his time, and also actively participates in the formation or, conversely, neutralizing situations arising at the level of intra- and intercultural communication.

Key words: text, cultural phenomenon, globalization, anthropocentrism, subject (language personality).

«Вне текста нет ничего» – трудно не согласиться с утверждением Жака Дерриды, французского философа и теоретика литературы эпохи деструктивизма, постмодерна, по утверждению которого мир следует воспринимать как текст (гипертекст), который, в свою очередь становится моделью реальности, а язык, вне зависимости от сферы своего применения, функционирует по своим законам и мир постигается человеком лишь в виде «литературного» дискурса. Текст являет собой не только и не столько форму организации и хранения знаний о мире, но и способ бытия языка, культуры, а также субъекта пишущего и читающего.

Текстоцентризм как примета эпохи антропоцентризма на современном этапе является основой не только лингвистического знания, базой формирования языковой личности и ее компетенций, текст архивирует ценностную систему и становится в связи с этим носителем идеи гуманизма (отражение вненациональной природы *глобализации*), почти открыто провозглашенной еще Гомером.

Архитектура текста отражает модель устройства мира, перенося реципиента скрытого смысла в иное пространство, семантически и грамматически значимое. Интерпретация (герменевтика) текста предполагает знакомство с безэквивалентной лексикой, формирующей концепт национального менталитета, а также погружение в контекст фоновых знаний (историко-культурного пресуппозицию), формирующих *устойчивую связь уровней языка.*

Текст становится *полифункциональным инструментом* формирования *культурной, социальной и лингвистической компетенций,* смыкающим компонентом акта коммуникации, соединяя автора одного ментального пространства с читателем другого. Ведь подлинную историю культуры пишет не историк, а художник. «На стекла вечности уже легло мое дыхание, мое тепло» – так архивирует память об эпохе О. Мандельштам. Художественная литература – важнейший предмет понимания, способный серьезно повлиять на внутренний мир человека, а значит, способствовать выработке устойчивой мотивации в процессе обучения науке жизни. (Чтение Достоевского повлияло на мысли Энштейна, по его признанию, больше, чем знакомство с иными научными трудами).

Картина мира (*конфликтная и гармоничная, национальная и глобальная*) материализуется и в *грамматике* текстового пространства, а не изучается в изолированном формате. Лингвистические механизмы формирования авторских интенций, хронотоп (его стилистика) независимо от конкретного времени создают целостную аксиологическую константу, служащую ориентиром в эпоху антропоцентризма, НТП. Как не утратить геном Гомера, все еще встроенный в ДНК человека? На этот глобальный вопрос тоже содержится ответ в тексте.

Текст как *архиватор историко-культурного кода* содержит разные типы информативности – от фактической, лингвистической до концептуальной – как ментально ориентированной, так и вненациональной. На фоне процессов глобализации текст как элемент *публицистического дискурса* становится амбивалентным средством аналитической (*кри-*

тической) *интерпретации* разных аспектов внутри- и внешнеполитической сфер действительности и одновременно *механизмом национально-культурной идентификации.*

Одной из главных примет современного текста становится его *поликодовость* (креализованность), а также *интертекстуальность* как отражение процессов глобализации, что значительно расширяет возможности его воздействия на читательское сознание за счет комбинации разных семиотических кодов, а также перспективы исследований.

Именно поэтому текст должен быть одновременно и объектом пристального внимания представителей междисциплинарных исследований (в том числе когнитологии), и инструментом постижения русского языка и культуры, поскольку ориентирует инофона относительно места изучаемого языка в мировом контексте, а также создает устойчивую мотивацию (а это первоисточник и процесса обучения) в связи со снятием психологического барьера на фоне общекультурных ценностей в межнациональной коммуникации. При этом знания собственно лингвистические органично соединяются с культурным кодом.

Литература

Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2004.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистическоо исследования. М.: Книжный дом Либроком, 2009.

Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001. С. 107–113.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2007.

Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 62–75.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000.

Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика. М.: Книжный дом Либроком, 2018.

Философия и литература: Беседа с Жаком Деррида // Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М.: Ad Marginem, 1993.

Извлечение сценариев из текстов сетевых дискуссий

М.И. Суворова

Script extraction from social networks

Margarita I. Suvorova

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН (Москва) /
Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

suvorova@isa.ru

Аннотация. Исследуется возможность извлечения сценариев из текстов сетевых дискуссий. Описывается пилотажный эксперимент на материале дискуссий о реновации в Москве. Показано, что даже простым извлечение ключевых слов можно заполнять слоты сценария.

Ключевые слова: сценарий, сетевые дискуссии, реляционно-ситуационный анализ.

Summary. This paper aims at the extraction of scripts from online discussions. A pilot experiment is described. It was performed on the basis of discussions about demolition of dilapidated housing in Moscow. It has been shown that extraction of keywords can fill script slots.

Keywords: social networks, script, relational-situational analysis.

Под сценарием в настоящем исследовании понимается существующее в социуме представление о правильном ходе событий в некоторой стандартной ситуации. Понятие сценария тесно связано с понятием проблемной ситуации (описания нарушенного сценария, где предметы и (или) персонажи не обладают положенными свойствами) и нарратива (рассказа героя о том, как он решал проблемную ситуацию, возникшую из-за нарушения сценария).

В настоящей работе обсуждается возможность извлечения сценариев из русскоязычных текстов в целом, и в первую очередь из текстов сетевых дискуссий. Данный выбор материала продиктован тем, что активные дискуссии характеризуются наличием острой общественно значимой темы. Как, правило, такие обсуждения носят враждебный характер, что обеспечивает категоричность суждений дискутантов и наличие хорошо маркированной лексики. А это, в свою очередь, очень удобно для автоматизации процесса извлечения сценариев.

Восстановление сценария из материала сетевых дискуссий может быть осуществлено по следующей схеме: сбор текстов, выделение ключевых слов, категоризация ключевых слов в соответствии с выбранной моделью сценария и заполнение слотов сценария. При анализе сетевых дискуссий, заполнение слотов сценария происходит как раз через заполнение слотов нарратива и решаемой задачи с последующим переходом к самому сценарию.

В связи с поставленными исследовательскими задачами был проведен пилотажный эксперимент, для которого были собраны посты на тему реновации в Москве, ставшие причиной активных дискуссий. На первом этапе эксперимента проводился структурный анализ текстов – из всех постов были выделены ключевые слова, которыми затем заполнялись слоты сценария: роли (участники сценария), цели и мотивы, ключевые события, посылки и следствия ключевых событий, место и время, средства проведения сценария, побочные действия, закономерности.

На следующем этапе был проведен лексико-частотный анализ текстов – выделенные из постов ключевые слова были распределены по семи категориям: 1) предметная лексика, 2) лексика управления, 3) юридическая лексика, 4) лексика социального взаимодействия, 5) лексика социального неравенства, 6) оценочная лексика, 7) прецедентные феномены. Такой анализ позволил сделать предварительные выводы о том, каковы представления участников дискуссии о стандартных вариантах развития социальных ситуаций.

Задачей пилотажного исследования была проверка гипотезы о том, что ключевые слова сетевых дискуссий могут заполнить слоты сценария (в модели Поспелова – Литвинцевой [Кандрашина, Литвинцева, Поспелов 1989]), что лексико-частотный анализ может дать общее представление о характере дискуссии, из которой планируется извлекать сценарий, и что сами сетевые дискуссии могут стать источником пополнения базы субъективных знаний о сценариях некоторого интеллектуального агента.

В рамках пилотажного эксперимента автоматически извлекались только ключевые слова. Представляется, что метод реляционно-ситуационного анализа [Осипов, Смирнов, Тихомиров 2008], основанный на коммуникативной грамматике русского языка [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004], и накопленный в русской филологии корпус словарей различного типа могут позволить автоматизировать все шаги проведенного эксперимента от сбора текстов до категоризации ключевых слов.

Литература

Кандрашина Е.Ю., Литвинцева Л.В., Поспелов Д.А. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах. М.: Наука, главная редакция физико-математической литературы, 1989.

Осипов Г.С., Смирнов И.В., Тихомиров И.А. Реляционно-ситуационный метод поиска и анализа текстов и его приложения // Искусственный интеллект и принятие решений. 2008. №. 2. С. 3–10.

Золотова Г.А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова. М., 2004.

Категориальная и тематическая организация слов со значением органолептических свойств на материале произведения Романа Сенчина «Вперед и вверх на севших батарейках»

С.Д. Тарасова

Categorical and thematic organisation of words with a value of organoleptic properties on the material of works of the novel Senchina “Forward and up to the dead battery”

S.D. Tarasova

МАОУ «Сош № 36 г. Челябинска» / Municipal Autonomous Educational Institution Secondary Educational School № 36, Chelyabinsk

Челябинская область, г. Копейск. / Chelyabinsk region, Kopeisk

lanochka_tarasova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются категориальные и тематические группы слов, используемых в романе Р. Сенчина «Вперед и вверх на севших батарейках», для определения значения цвета, вкуса, запаха и звука.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, лексико-грамматические категории, органолептика, органолептический метод, категориальное значение.

Summary. The article discusses the categorical and thematic groups of words used in R. Senchin’s novel “Forward and upward on dead batteries” to determine the meaning of color, taste, smell and sound.

Keywords: lexico-semantic group, lexico-grammatical categories, organoleptic, organoleptic method, categorical meaning.

Актуальность представленной темы обусловлена возросшим вниманием исследователей к языку современного художественного текста, неизученностью языковой специфики современных писателей в регионах России.

Впервые рассмотрены языковые средства выражения на примере произведения «Вперед и вверх на севших батарейках». Впервые в изучении проблемы исследуются органолептические представления в творчестве Романа Сенчина.

Материалом для исследования была выбрана тематическая группа слов, которая состоит из лексем, обозначающих цвет, вкус, запах и звук.

Тематическая группа слов (по словарю лингвистических терминов Т.В. Жеребило) – это группа слов, включающая:

1) слова одной и той же части речи одинаковой предметной направленности;

2) слова других частей речи, необходимые для раскрытия той или иной темы. Например, группы слов, обозначающие комнатную мебель, растения в саду, приметы осени и т.п. [Жеребило 2010]

Лексико-семантическая группа (в широком смысле) – группа слов, тесно связанных между собой по смыслу. Лексико-семантическая группа (в узком смысле) – это группа слов, объединяемых общностью категориально-родовой семы (архисемы) и общностью частеречной отнесенности. Например: лязг, скрип, стук (лексико-семантическая группа «звуки»), белый, черный, голубой… (лексико-семантическая группа «цвет»).

Лексико-грамматические категории – категории, возникающие в результате соприкосновения грамматических категорий и лексических группировок слов: категории абстрактности, вещественности, одушевленности существительных, способа действия глаголов, относительности и качественности прилагательных [Жеребило 2010].

Органолептика – это свойства вещей и объектов внешней среды, которые можно выявить с помощью органов чувств [Ефремова 2000].

Категориальное значение – обобщенное значение, накладывающееся на конкретное лексическое значение слова.

Органолептический метод на основе анализа восприятий органов чувств позволяет проживать жизнь писателя.

€

В произведении Романа Сенчина «Вперед и вверх на севших батарейках» в основном встречаются теплые цвета. Второе место по количеству употребления поделили ахроматические и холодные.

Каждый цвет обладает особым свойством носителя информации, выражает индивидуально-авторские отношения к героям, предметам и различным ситуациям.

Описание звука помогает понять и прочувствовать темперамент, характер, манеру поведения того или иного человека, его отношение к окружающей действительности и к другим героям.

В повести Сенчина преобладают приятные вкусы, которые свидетельствуют о качестве употребляемой продукции героями. Тем самым автор показывает стремление и желание вырваться из серости, давая понять, что современный писатель постоянно находится в поиске и в динамичном росте личности.

Имя прилагательное помогает лучше прочувствовать цвет и вкус, глаголы дают возможность ощутить звуки, а запах передают в равных долях СЦС, имена прилагательные и имена существительные.

Тувинский писатель в своих произведениях полноценно описывает внутренний мир героев, открывая сокровенные страхи и желания людей творческой профессии и обыкновенных деревенских жителей.

На первом плане у Сенчина всегда человек. Простой, обычный, со своей историей. Но эту простота и близость к народу помогают полноценно прочувствовать органолептические представления.

Литература

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Изд-во «Пилигрим». 2010.

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М., ЭКСМО-Пресс, 2000.

Литпроцесс / Захар Прилепин спрашивает. Интервью о литературе и политике. Роман Сенчин. Если слушать писателей, все развалится. [http://www.zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/roman-senchin-esli-slushat-pisatelei-vse-razvalitsya.html].

Словарь многих выражений, 2014. [http://all_words.academic.ru].

Неопределенно-личность на фоне эгоцентрических средств языка

А.В. Уржа

Sentences with indefinite personal subject within the sphere of egocentric language means

Anastasia V. Urzha

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

English2@yandex.ru

Аннотация. В докладе на фоне традиционных классификаций эгоцентриков рассматриваются разнотипные предложения с неопределенно-личным субъектом. Значения, выявляемые у этих предложений, сопоставляются с дейктическими (оппозиция «я – не-я») и модальными (эпистемическими), рассматриваются прагматические эффекты введения в высказывание семантики неопределенно-личности, сопряженные с «затушевыванием» субъекта диктума, поднимается вопрос о связи дефокусирования и оценки в подобных контекстах.

Ключевые слова: неопределенно-личность, эгоцентрики, дейксис, модальность, фон.

Summary. The report is focused on sentences with indefinite impersonal subject being compared to various egocentric language means, such as deictic words (forming the opposition “me – not-me”) and epistemic words expressing the low degree of certainty. The pragmatic effects of moving the subject of the sentence out of the focus (its backgrounding) in different types of sentences with indefinite impersonal subject are discussed in connection with ways of expressing evaluation.

Keywords: Indefinite personal subject, egocentric words, deixis, modality, background.

Семантика неопределенно-личности (то есть указание на неопределенность личного субъекта действия или состояния, о котором идет речь в предложении) традиционно рассматривается в зоне диктумных смыслов высказывания, вне зависимости от того, какие средства использованы для реализации соответствующего значения: неопределенно-личная конструкция (*В дверь постучали*), неопределенное местоимение (*В дверь кто-то постучал*) или номинация с аналогичным значением (*Неизвестно кто постучал в дверь, Какой-то человек постучал в дверь*), девербатив с незаполненной субъектной валентностью (*Стук в дверь*) и т.п. Во всех подобных случаях речь идет о характеристике субъекта диктума – личного, но при этом неопределенного по причине неизвестности или, как нередко отмечают, неважности в контексте сообщения, а порой и по причине нежелания говорящего высказаться об этом субъекте более конкретно.

Внимательный анализ перечисленных выше характеристик предложений с неопределенно-личным субъектом приводит к двум выводам: во-первых, в них собственно семантические черты высказывания смешиваются с прагматическими, и, во-вторых, черты эти имеют прямое отношение не только к субъекту диктума, но и к говорящему: к его осведомленности о происходящем и сфокусированности на определенных деталях события. Основываясь на этих известных фактах, зададимся вопросом: может ли неопределенно-личность рассматриваться в составе эгоцентрических средств языка – элементов, свидетельствующих о проявлении в высказывании субъективного сознания, интерпретирующего объективную действительность? Или, иными словами, имеет ли неопределенно-личность отношение к модусной семантике высказывания, и если да, то какое? Реестр средств выражения модусных смыслов [Шмелева 1984: 82–94] не включает примеров, подобных вышеперечисленным, а в списке эгоцентриков [Падучева 1996: 276–283] обнаруживаются только неопределенные местоимения и наречия.

Разбирая известную фразу из «Пиковой дамы» *Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова*, В.В. Виноградов отмечал, что «начало повести… повторением неопределенно-личных форм… создает иллюзию включенности автора в это общество. К такому пониманию побуждает и порядок слов, в котором выражается не объективная отрешенность рассказчика от воспроизводимых событий, а его субъективное сопереживание их, активное в них участие» [Виноградов 1936: 105]. Как известно, это предложение при такой трактовке представляется скорее двусоставным неполным, оно имеет контекстуально опущенный определенный личный субъект *мы*. Однако даже если мы изменим порядок слов в этом предложении и представим его как классическое неопределенно-личное *Однажды у конногвардейца Нарумова играли в карты*, мы все же сможем увидеть в его использовании проявление говорящего, хотя и совершенно иное – отстраненное, «отрешенное от воспроизводимых событий». Г.А. Золотова отмечала, что предложениям с неопределенно-личной семантикой свойственно значение «эксклюзивности, исключенности: говорящий не входит в круг возможных субъектов действия» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 116]. Аналогичное наблюдение, сформулированное в других терминах, находим у Т.В. Булыгиной: «референция производится к «посторонним», к лицам, из числа которых исключается протагонист» [Булыгина, Шмелёв 1997: 341].

Представляется, что отмеченное исследователями дистанцирование говорящего от субъекта диктума является специфическим эгоцентрическим смыслом, сопутствующим использованию предложений с неопределенно-личным субъектом. Актуализируя оппозицию *свое – чужое*, оно может быть осмыслено по аналогии с дейктическим противопоставлением *я – не-я*. Нередко (но далеко не всегда) сопровождающее это смысловое противопоставление оценочное окрашивание чужого как чуждого, порой недружественного, возникает уже на уровне прагматики: *Оставили его одного, побежали развлекаться, ан не получилось. Слушали меня холодно, глядели отчужденно* (Н. Ильина). *И окрику вслед – охлест* (М. Цветаева). Именно прагматический эффект при использовании неопределенно-личной конструкции со смещением фокуса эмпатии описывает Т.В. Булыгина: произнося фразу *Говорят тебе русским языком*, говорящий словно «покидает» собственную дейктическую позицию, становясь для адресата «чужим», посторонним, враждебно настроенным деятелем. А в предложении *Кто-то напортачил*, подразумевающем адресата, негативная эмоция подчеркивается его перемещением в зону неопределенного, т.е. чуждого говорящему субъекта.

Отмеченный нами выше смысл *чужой (не-я)* у предложений с неопределенно-личной семантикой стоит скорее назвать не эгоцентрическим, а «альтероцентрическим», но указание на наличие «другого» в противопоставлении «своему» в конечном итоге все равно приводит нас к «Я» говорящего, конструирующего мир в своем высказывании.

Второй компонент семантики предложений с неопределенно-личным субъектом имеет прямое отношение к модальности, к ее эпистемической разновидности. «Неизвестный» деятель может определяться говорящим в контексте неполноты его знаний о происходящих событиях, недостаточной осведомленности или неуверенности в сообщаемом: *В его сумку положили записку. Возможно, это была Люба.* В этом случае указание на неопределенность субъекта функционально сближается с показателями низкой персуазивности – а они традиционно входят в список эгоцентриков, маркируя «внешнюю» точку зрения на положение дел, то есть неполное знание субъекта о нем.

Наконец, неопределенность личного субъекта в предложении может быть следствием нежелания говорящего фокусировать на нем внимание: *Когда уже мне погладят рубашку?* Такая ситуация, безусловно связана с оценкой (одним из ключевых модусных смыслов), но само по себе «затушевывание» субъекта диктума, перемещение его в область фона высказывания – это явление уровня прагматики.

Три отмеченных ракурса анализа предложений с неопределенно-личной семантикой на фоне системы эгоцентрических средств языка представлены в докладе с опорой на материал русских оригинальных и переводных текстов. Последние предоставляют показательные сопоставительные

контексты, в которых переводчики наряду с классическими эгоцентриками (местоимениями, вводно-модальными словами) задействуют соответствующие предложения для акцентирования оппозиции *свой – чужой*, для указания на невысокую степень уверенности говорящего, для «затушевывания» определенных деталей повествования.

Литература

Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / Под ред. Ю.Г. Оксмана. АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 74–147.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд. филол. ф-та МГУ, 1998.

Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Шмелёва Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса / Под ред. К.В. Горшковой, Е.В. Клобукова. Вып. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 78–100.

Функционирование комплекса апелляций к читателю в романе Р. Желязны «Creatures of Light and Darkness» и его русских переводах

Г.А. Филатова

Function of the complex of appellative forms in the novel «Creatures of Light and Darkness» by R. Zelazny and its Russian translations

Ganna A. Filatova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

gphilatova@gmail.com

Аннотация. Доклад посвящен анализу лингвистических средств, с помощью которых осуществляется апеллятивная функция в фантастическом повествовании, и способов их реализации в переводных текстах. Материал исследования – роман Р. Желязны и его русские переводы. Для реализации фактора адресата используются средства, представляющие повествователя и читателя как участников коммуникации. Это личные и притяжательные местоимения второго лица, глагольные формы второго лица и вопросы.

Ключевые слова: фактор адресата, апеллятивная функция, переводной текст, сопоставительный анализ.

Summary. This research is concerned with the analysis of linguistic means realized the appellative function in the fiction and their realizations in translations. The illustrative example is the novel by R. Zelazny and its Russian translations. For realizing the factor of addressee there are certain means defined the narrator and the reader as participants of communication. There are personal pronouns, possessive pronouns, forms of verbs which mark the addressee.

Keywords: factor of addressee, impact on a reader, appellative function, translation studies, comparative analysis.

Апелляции к читателю представляют собой интересный объект для исследования, поскольку это явно выраженная форма взаимодействия автора текста с адресатом. В ходе сопоставительного анализа романа Р. Желязны «Creatures of Light and Darkness» и его трех русских переводов оказалось, что помимо классических, грамматически оформленных обращений к читателю в тексте встречается ряд периферийных вариантов. Специфика повествования и построения текста предполагает, что это не случайность, а сознательное использование автором комплекса средств с апеллятивной функцией. Это позволяет сформировать у читателя определенную интерпретацию всего произведения в целом. Поэтому целью данного исследования стал анализ различных апелляций к читателю при переводе на русский язык с учетом их влияния на восприятие адресата.

Автор управляет позицией читателя и степенью его вовлеченности в повествование. Читатель может находиться вне ситуации (и получать информацию о событиях от повествователя) или «наблюдать» происходящее (как если бы он находился в тексте вместе с повествователем и остальными персонажами). Регулярное переключение этих положений держит читателя в напряжении, заставляет постоянно следить за событиями.

Средства апелляции к читателю не ограничены каким-либо одним языковым уровнем, а работают как функциональный комплекс. Для них характерны разные способы организации текста и выделения позиций повествователя и адресата. В данном романе особенно ярко проявляются такие средства апелляции к читателю, как личные и притяжательные местоимения второго лица и соответствующие им глагольные формы второго лица (наиболее часто – повелительного и сослагательного наклонений).

Местоимения – один из наиболее простых и заметных способов указания на участников коммуникации, позволяющий актуализировать писательское сознание и привлечь внимание адресата с помощью обращения к нему.

Глагол – основное средство динамического развития повествования. Видовременная форма глагола служит средством временной и пространственной локализации позиции читателя, а также средством выражения различных отношений к действию и ситуации повествователя или персонажа.

Примеры:

1) (оригинал) **Smell** the world. **Taste** it, **swallow** it and **hold** it in your belly. **Burst** with it.
(В. Лапицкий) **Обоняй** этот мир. **Пробуй** его, **глотай**, **переваривай**. **Лопни** от него.
(М. Денисов, С. Барышева) **Вдохните** этот мир. **Попробуйте** на вкус, **пейте** его и **объедайтесь** им.
(А.И. Ганько) **Принюхайтесь** к этому миру. **Попробуйте** его на вкус, **проглотите**, **примите** в себя. **Наслаждайтесь** им…

2) (оригинал) There is nothing in the great Hall to cast such a shadow, but **had you ears** in that place **you could hear** a faint breathing.
(В. Лапицкий) И нечему в Тронном Зале Дома Мертвых отбрасывать подобную тень, но, **будь у тебя** в этом Зале уши, **услышали бы они** тихое дыхание.
(М. Денисов, С. Барышева) В огромном зале нет ничего, что могло бы отбрасывать такую тень, но **окажись вы там, вы могли бы услышать** слабое дыхание.
(А.И. Ганько) В Большом Чертоге нет никаких предметов, способных отбрасывать такую тень, но человеческий слух могло бы уловить легкое дыхание.

Обозначенные апелляции необходимы для демонстрации постоянной заинтересованности в читателе как адресате и для сокращения дистанции между автором и его собеседником. Режим диалогического коммуникативного регистра создает иллюзию общения, а кроме того, апелляции к читателю выполняют такие важные функции, как обращение к когнитивному опыту читателя и комплексу его представлений о мире, сохранение интриги текста и мотивация дальнейшего чтения. Императивные формы, адресованные читателю, позволяют ему максимально глубоко погрузиться в фикциональную реальность.

Помимо очевидной стилистической разницы между оригиналом и переводами, касающейся категории числа (*you – ты – вы*), большое значение для восприятия имеют лексические различия (показаны в примере 1). Они проявляются как в выборе собственно лексемы (*лопни – наслаждайтесь*), так и в выборе функционального стиля (*обоняй – вдохните –*

принюхайтесь). По примеру 2 видна степень участия читателя в текстовой действительности: различное количество подробностей или полное опущение фрагмента с апелляцией к читателю.

Сопоставление переводов одного текста позволяет подробно рассмотреть переводческие решения, а также проследить, как может измениться восприятие текста у читателя в зависимости от различных переводческих стратегий.

Литература

Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука. 1981. Т. 40. Выпуск 4. С. 356–367.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под ред. Г.А. Золотовой. М.: Изд. филол. ф-та МГУ, 1998.

Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М.: Издательство «Спутник +», 2016.

Возвращаясь к синтаксису текста

Т.М. Цветкова

Returning to the Text Syntax

T.M. Tsvetkova

«Русский учебный центр» (Москва) / “Russian Educational Centre” (Moscow)

tatt_33@mail.ru

Аннотация. Обращается внимание на предложения и маркеры, эксплицирующие логические отношения в научном тексте.

Ключевые слова: связь компонентов текста, метатекст, ментальные действия.

Summary. The paper focuses on the sentences and markers which express logical relationships in the academic discourse.

Keywords: coordination of text components; meta text; mental activities.

1. Связность – центральная лингвистическая категория текста, и естественно, что поиску и описанию способов и средств связи между предложениями уделялось особое внимание. Был выявлен довольно большой список средств, участвующих как в оформлении и предложений, и текстов, так и специфических, присущих только тексту (например, лексические повторы), определены смысловые отношения между предложениями и выделены соответствующие группы средств, установлены типы связей: контактные и дистантные, эксплицитные и имплицитные, показана их роль в реализации категорий текста. Со смещением интереса со структурного аспекта текста на иные его стороны, свойства и категории средства межфразовые связи были рассмотрены под другим углом зрения, например их роли в прагматике текста, демонстрации автора как субъекта коммуникации, учете фактора адресата и под.

2. Особенно часто средства связи встречаются в научных текстах, проявляя и подчеркивая логическую связанность компонентов текста, демонстрируя решение познавательной задачи – установление взаимозависимости компонентов и их взаимодействия, доказательства или подтверждения рассматриваемого положения, заключения или вывода на основе имеющихся данных, объяснения наблюдаемых фактов. Особенно важным для описания синтаксиса научного текста стало понятие метатекста, поскольку для него весьма характерна экспликация смысловых отношений, а к средствам межфразовой связи относятся не только союзы, слова, близкие к союзам, вводные слова типа *поэтому, следовательно, значит, итак, таким образом* и др., но и текстовые скрепы и синонимичные им деепричастия и деепричастные обороты типа *Резюмируем* / *Резюмируя, Подведем итоги* / *Подводя итоги; Обобщим сказанное* / *Обобщая сказанное; Суммируем* / *Суммируя; Отсюда следует вывод; Заключая эти рассуждения* и под., а также такие предложения, как *Это объясняется тем, что…, Это свидетельствует о том, что…, Дело в том, что…, Это проявляется в том, что… Это можно доказать следующим образом…, Основанием для такого вывода служат следующие факты…; Об этом свидетельствует тот факт, что…* и аналогичные им, – в таких предложениях эксплицированы ментальные действия субъекта познавательной деятельности (*Проверим это; Это можно аргументировать следующим образом; Это подтверждается тем, что…;* и под.), ход его мысли (*Это проявляется в том, что…; Свидетельством его служит то, что…*).

3. Средства межфразовой связи в научных текстах неоднократно были предметом наблюдения и описания. Но наибольший интерес в настоящее время представляют, на наш взгляд, такие средства связи между компонентами текста (предложениями, фрагментами, частями), в которых эксплицированы ментальные действия автора, поскольку именно экспликация движения мысли, тех логических приемов, операций и процедур, используя которые, субъект познания получает новое знание. Очень часто такие предложения выступают в качестве средств связи в микротекстах – фрагментах, в которых представлена одна проблемная ситуация: *Словоразличительная функция ударения… является вторичной по отношению к словоопознавательной. Справедливость этого положения подтверждается рядом соображений. Во-первых… Во-вторых… В-третьих – и это самое главное – …* (Л.Р. Зиндер). Их можно назвать «текстовыми союзами». Однако материалом для исследования могут – и должны – быть не только фрагменты текста, но и предложения. Предложения такого типа – со сказуемыми, выраженными предикатами мыслительной деятельности, могут представлять собой самостоятельные предикативные единицы: 1) простые полипропозитивные предложения: *Приобретение глаголом видеть функции ПУ (ПУ – пропозициональная установка) подтверждается его способностью управлять что-придаточным* (Н.Д. Арутюнова), 2) сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными: *Автономность связки подтверждается тем, что она может иметь собственных подчиненных* (Н.Д. Арутюнова); 3) бессоюзные предложения: *Доказать синтаксическую зависимость придаточной части именно от предиката главной можно очень просто: именно от предиката главной части можно естественным образом поставить вопрос к придаточной части* (Е.Н. Ширяев); 4) особенно близки таким к микротекстам многокомпонентные сложные предложения: *Неспособность части с союзом* ***так что*** *занимать в сложном предложении препозицию не может, по-видимому, служить достаточным аргументом отнесения этого союза к сочинительным, поскольку существуют бесспорные подчинительные союзы, придаточные части с которыми так же не могут занимать препозицию; к таким союзам, например принадлежат причинные союзы* ***потому что, ибо*** (Е.Н. Ширяев). Изучение предложений с предикатами такого типа не только актуально и важно само по себе, но и будет способствовать описанию «текстовых союзов», поскольку предложения представляют собой более обозримый языковой объект.

4. Последнее время исследователи вновь проявляют интерес к синтаксису текста: уточнен формальный и функциональный статус некоторых средств связи, появились детальные описания некоторых из них. Однако, несмотря на многочисленные работы, в которых нашли отражение разнообразные подходы к изучению средств связи, нельзя сказать, что мы располагаем достаточно полным списком этих средств, а главное – нет достаточно четкого описания их семантики, которое включало бы формулировку значения слов / словосочетаний/фраз, осуществляющих функцию связи между предложениями, компонентами и частями текста, семантическое описание «левого» и «правого» контекста, т.е. смысловые характеристики тех элементов текста, кото-

рые эти средства связывают. Вероятно, в настоящее время следовало бы провести «инвентаризацию» средств межфразовой связи – составить подробный (желательно исчерпывающий) список, указать значение, установить сочетаемость с модальными средствами и т.п. (то, что сделано в отношении союзов и др. средств, участвующих в соединении сложных предложений). Изучение средств межфразовой связи может представлять интерес для таких направлений, как дискурс-анализ и когнитивный подход, поскольку исследование средств межфразовой связи, сама их роль и место в структуре текста способствуют пониманию такой сферы деятельности, как решение познавательных задач и вербализация этого процесса в связном тексте (в современных исследованиях метатекст уже получает интерпретацию как метадискурс).

Дейктические единицы фольклорного текста как маркер жанра

В.А. Черванева

Deictic words of a folklore text as a marker of the genre

Victoria A. Chervaneva

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва) /
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)
viktoriya-chervaneva@yandex.ru

Аннотация: В докладе рассматривается дейксис фольклорного текста как сфера, в которой получает отражение коммуникативная ситуация его бытования. Коммуникативный параметр является одним из жанрообразующих признаков текста, и обусловленный этим признаком характер употребления дейктических единиц может служить маркером принадлежности текста к тому или иному жанру.

Ключевые слова: дейксис, фольклорный текст, коммуникативная ситуация.

Summary. The paper considers the deixis of folklore text as a sphere in which the communicative situation is reflected. The communicative parameter is one of the genre-forming features of the text. The character of the use of deictic units which is caused by this feature is a marker of the text genre.

Keywords: deixis, folklore text, communicative situation.

В настоящее время в фольклористике является общепринятым тезис о том, что типология фольклорных текстов должна учитывать не только формальный и содержательный критерии, но и коммуникативный параметр. С.М. Толстая предложила идею шкалирования текстов народной культуры по степени включенности в ситуацию их произнесения – от жанров, относительно независимых от ситуации («сказки, анекдоты, былины, легенды, мифологические рассказы, лирические песни и т.п.» [Толстая 2015: 20]), до максимально включенных в бытовую или обрядовую ситуацию, к которым «относятся приговоры, благопожелания, проклятия, угрозы, заклинания, заговоры, пословицы, поговорки и другие так называемые малые жанры или формы фольклора» [Там же].

Можно ли «измерить» уровень включенности текста в ситуацию и определить его место на указанной шкале? Полагаем, что можно, и объективные данные для этого предоставляет вербальная сторона фольклорного текста. В частности, степень включенности текста в ситуацию речи отражается в характере употребления в нем дейктических единиц, поскольку функцией этих выражений является актуализация говорящим компонентов речевой ситуации через указание на них – участников речевого акта (говорящего и адресата), их пространственную и временную локализацию.

Материалом нашего исследования дейктиков послужили корпусы повествовательного фольклора: былички из архива Лаборатории фольклористики РГГУ (АЛФ РГГУ), корпус устных биографических нарративов [Голод… 2017], волшебные сказки из сборника А.Н. Афанасьева (Аф., № 92–307), корпус сказок-быличек о мертвецах из нескольких сборников сказочного фольклора (Аф., № 351–363, Азб., № 266–276, Зелен. № 61, 97а; Худ. № 104, 122; Онч. № 39, 40, 45, 113, 120, 152, 169, 224, 247, 285).

В задачи исследования входило рассмотрение лексических единиц, репрезентирующих в указанных текстах три ключевые точки «я – здесь – сейчас», актуальных для характеристики ситуации речи. Были выявлены средства выражения позиции говорящего, момента и места речи, проведен их семантический анализ и выявлен характер их использования.

Анализ показал, что для текстов с установкой на достоверность – мифологических рассказов и устных биографических нарративов – характерен речевой, а не нарративный режим употребления дейктических единиц [Падучева 1996: 265–271; Успенский 2011]. Дейксис этих текстов ориентирован на говорящего и актуальную речевую ситуацию беседы, в которой осуществляется экспликации текста, – это дейксис диалога. В сказках же речевой режим употребления дейктиков отмечается лишь в контекстах прямой речи, в речевой же партии повествователя дейктические единицы почти не представлены, а имеющиеся немногочисленные употребления представляют собой примеры вторичного, нарративного режима интерпретации дейктических единиц, что свидетельствует об автономности текстового хронотопа этого жанра.

Результаты исследования показывают, что характер употребления дейктиков в тексте может служить объективным свидетельством его модальности и, соответственно, может быть показателем принадлежности текста к тому или иному жанру. Кроме того, сопоставительное изучение дейксиса текстов разных жанров позволяет уточнить тезис о возможности реализации канонической речевой ситуации в фольклоре (подробный анализ проблемы см. в [Толстая 2010: 55–64]). По нашим наблюдениям, бытование быличек (прежде всего мемоpатов) предполагает обязательное наличие канонической речевой ситуации – ситуации непосредственного контакта говорящего и слушающего, когда текст продуцируется в акте коммуникации, а мир текста позиционируется как невымышленный (совпадает с миром коммуникантов).

Литература

Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992. (Б-ка русского фольклора. Т. 12) [Азб.].

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки в 3-х т. М.: ГИХЛ, 1957 [Аф.].

Голод 1941–1945 гг. в устных рассказах русского сельского населения Ульяновского Поволжья / Сост., вступит. ст. М.Г. Матлин, М.П. Чередникова. Ульяновск: УлГПУ, 2017.

Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг.: Тип. А.В. Орлова, 1914 [Зелен.].

Ончуков Н.Е. Северные сказки: В 2-х т. СПб.: Тропа Троянова, 1998 [Онч.].

Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.

Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 368 с.

Толстая С.М. Речевые акты и речевые жанры в фольклоре // Живая старина. 2015. № 4 (88). С. 20–23.

Успенский Б.А. Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. №2. С. 3–30.

Худяков И.А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб.: Тропа Троянова, 2001. [Худ.].

Художественный перевод и креолизация двух культур

Чович Бранимир

Literary Translation and the Creolization of Two Cultures

Chovich Branimir

Филологический факультет Панъевропейского университета (г. Баня-Лука, Босния и Герцеговина) /
Faculty of Philology of the Pan-European University (Banja Luka, Bosnia and Herzegovina)

covicb@mail.ru

Аннотация. Проблемы так называемого межкультурного перевода проявляются при перенесении реалий в исторической прозе. В историческом романе существуют две группы реалий: национальные и исторические. Для читателя оригинала такой прозы с темой из национальной истории всегда существует ряд реалий, относящихся к данному историческому времени (национальные), но также и ряд таких реалий, характерных для более или менее отдаленной исторической эпохи и поэтому малопонятные или непонятные современному читателю. Именно их писатель должен приблизить читателю, давая пояснения различными способами: внутри самого текста или в сносках. В этом смысле писатель прибегает к своеобразной креолизации двух во времени и пространстве отдаленных культур, что можно представить в виде оппозиции «наше – их». При помощи национальных реалий писатель объясняет исторические. Задача переводчика – приблизить эту креолизацию двух отдаленных во времени моделей одной и той же культуры к новой культуре и к новой и иной языковой системе. Поэтому он должен провести еще одну креолизацию – «культуру культуры» исходного текста с моделью культуры языка-цели. Эта оппозиция может быть выражена как «мы – они».

Ключевые слова: художественный перевод, креолизация двух культур, историческая проза, реалии культуры.

Summary. The problem intercultural translation is revealed in the transferece of realia in historical prose in every historical novel there is a series realia realia recongizable for de time, and alsoa series of those which are characteristic for a more or less distanced historical perod, recognizable with difficulti or not ar all, and which the author has to make available to his reader by various kinds of interpretation in the text. In this way, the autor undertakes a specific type of creolizacion of two cuktures distant from one another in time and space in the history of one and the same people, which can be represendet by the opposition “oura – theirs”. Infact, with the aaid of the national , the author interprets the historical realia. This mixing of components of different cultural models neutralizes the negative effect of the mentioned opposition . It is the task of the translator to bring thes creolization of two models of the same culture distanced in time closer to quiet a different culture and to quiet a different linguistic awareness. So, he has to make another creolization – “the culturing of the culture” of the original to the cultural model of the target language. This opposition can be expressed as “we – they”.

Key words: literary translation,creolizacin of two cultures, historical novel, realia of cultur.

В данном докладе преследуется две основные цели: первая – сугубо теоретического характера и касается объема исследования и разных подходов в зависимости от возможности выбора предметов исследования (художественные произведения в рамках одного и того же жанра, принадлежащие двум разным литературам, или оригинальное произведение и ряд его повторных переводов – [Федоров 1971: 44]); вторая – чисто прагматическая, направленная на вскрытие оптимального аналитического подхода в анализе отобранных стилевых доминант и их естественных функционально-смысловых эквивалентов в ряде повторных переводов.

Результаты таких сравнительно-стилистических анализов ряда переводов могут послужить и в качестве проверки удачности стилистического анализа тех самых элементов в оригинале так, как бы его провел исследователь – носитель исходного языка. Разумеется, что анализ стилеобразующих элементов оригинала может быть использован в качестве корректива при сравнительно-стилистическом анализе ряда переводов. Восприятие литературно-художественного произведения является в сущности процессом его реконструкции «в собственном духе», потому что интенции писателя и читателя почти никогда не совпадают. Точно так же и процесс художественного перевода может быть охарактеризован как репродукционно-модификационный, так как переводчик всегда выступает к какой-то степени в роли интерпретатора: его перевод не простая репродукция оригинала, а это также и модификация «в собственном духе».

Применение сравнительно-стилистического анализа дает возможность двустороннего освещения вопроса, релевантного для исследования стиля литературно-художественного произведения: структуры текста в целом и его составных частей. Эти анализы, разумеется, опираются на предварительные имманентные анализы, которые провел в своих исследованиях стиля оригинала носитель исходного языка. Только таким комбинированным применением имманентного и сравнительно-стилистического анализа можно решить сложный вопрос двойного смешения культурных моделей. А это значит, что если автор *Петра Первого* был обязан растолковать реалии петровской эпохи современному читателю, применяя диахронические синонимические пары типа *парсуны, или – по-новому, портреты*; *кумпанства, сиречь товарищества*, взятые им из одного из словарей Петровской эпохи («Лексикона вокабулам новым по алфавиту»), то переводчик должен был в свою очередь эти пары синонимов приблизить к другому языковому сознанию и иной культуре. Оттуда работу переводчика в данном случае можно определить как своеобразный «перевод перевода», особенно если иметь в виду, что и сам прием извлечения словарных статей из словаря отдаленной эпохи и ее введения в текст романа является «переводом». В результате такого соприкосновения элементов двух текстов рождается особый феномен – двойного смешения моделей культур – «культура культуры» подлинника с культурой языка цели.

Литература

Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Высшая школа, 1971.

Сочетание регистровых техник в притчевых жанрах литературы

М.Г. Шерварлы

Combination of register techniques in parable literary genres

Mariia Shervarly

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

mariya-shervarly@yandex.ru

Аннотация. Анализируется реализация дифференциальных признаков генеритивного регистра в ряде родственных друг другу литературных жанров. Высказывается предположение о двухуровневом функционировании коммуникативного регистра в художественных текстах.

Ключевые слова: коммуникативный регистр, генеритивный регистр, паремия, притча, притчевость.

The research is concerned with the analysis of distinctive features of generitive register in some related literary genres. The author **Summary**. proposes that communicative register has two levels of functioning in literary texts.

Keywords: communicative register, generitive register, proverb, parable.

Коммуникативная грамматика Г.А. Золотовой выделяет в монологической речи три типа высказываний, три коммуникативных регистра: репродуктивный, информативный и генеритивный. Каждый обладает своим набором грамматических и семантических отличий; каждый в своих конкретных реализациях создается с помощью того, что называется регистровой техникой.

Афоризмы и пословицы – классические, прототипические примеры генеритивных суждений (но далеко не каждый афоризм или пословица будут в полной мере принадлежать генеритивному регистру). Специфические признаки генеритивного регистра способствуют тому, что в рамках заданных им параметров находятся сразу несколько жанров словесности. Требованиям всеобщности, вневременности, лаконичности и универсальности отвечают многие сентенции, афоризмы, пословицы, крылатые выражения и пр., являющиеся объектом изучения специализированной области филологии, паремиологии. Однако это не означает полной изолированности паремий от классических литературных жанров.

Многие исследователи указывают на родовую близость пословиц, афоризмов и сентенций жанру притчи, которая являет собой как бы развитую нарративным компонентом паремию. Таким образом, в притче остаются актуальными такие признаки генеритивного регистра, как обобщенность, универсальность, вневременность, лаконичность, наличие у говорящего убежденности в своей правоте, призыв слушающего к рассуждению, эстетическая составляющая. Именно благодаря воплощению в тексте этого «набора критериев генеритивности» притча становится выражением жизненного опыта, мудрости человека.

По ходу развития литературы и видоизменения понятия жанра притчевость (не как жанр, но как свойство) включилась в структуру многих разнообразных по форме и содержанию произведений и проявляется в них наличием некоторого набора свойств притчи (необязательно всех). Таким образом, многое из того, что говорится об особенности структуры или функции «канонической» притчи в той или иной мере может быть выявлено и в сложном многоуровневом и многожанровом тексте, который признается притчевым. Конечно, возвращаясь к терминам коммуникативной грамматики, нельзя сразу говорить о принадлежности притч и притчевых произведений генеритивному регистру целиком, поскольку вопрос о регистровой принадлежности принято решать отдельно для каждой предикативной единицы. В данной ситуации возможно вслед за литературоведами говорить о наличии в таких произведениях «генетического кода притчи», который, на наш взгляд, и являет собой набор дифференциальных признаков генеритивного регистра.

Генеритивный регистр может проявляться в притчевом тексте с разной степенью определенности и формальной выраженности.

На уровне предложения это высказывания в типичной для генеритивного регистра форме. Они могут располагаться в любой позиции и выполнять соответствующие этой позиции функции (зачин, вывод, аргументация и пр.); при этом легко вычленяются из текста и опознаются как генеритивные, приобретают статус цитат и обладают смысловой полнотой и самостоятельностью.

На уровне всего текста остается значение, но утрачивается форма. Речь идет о выводе из цельного произведения, об итоговом суждении, которое может сформулировать читающий: «Автор хотел сказать, что…», когда весь текст предстает свернутым до одной идеи, морали, выраженной генеритивным высказыванием. В частном случае оно может совпадать с одним из эксплицитно выраженных генеритивных высказываний в тексте, описанных в предыдущем абзаце, то есть быть сформулированным непосредственно самим автором (как это было принято в античных баснях), но сложным притчевым текстам это несвойственно.

Наконец, на уровне слова мы в притчевом тексте наблюдаются различные языковые средства, характерные для генеритивных высказываний. Так, исследователь притч Л.Е. Тумина выделяет среди языковых и стилистических особенностей жанра особые типы номинации персонажей: регулярное использование терминов родства, реляционных и функциональных имен, «общих имен», имен абстрактных понятий, и пр., что соответствует описанию возможных субъектов генеритивного суждения коммуникативистами. «Настоящее вечных истин», которым Тумина определила вневременность и дидактизм притчи, также вполне соответствует настоящему абстрактному, характерному для текстов генеритивного регистра.

Таким образом, мы наблюдаем, как на уровне текста, художественного произведения расширяются возможности реализации в речи коммуникативного регистра. Отсутствие привычной нам формальной выраженности не отменяет функционирования на уровне значения (интенция автора, уровень абстракции, способ получения информации и т.п.). На наш взгляд, это не противоречит традиционному в коммуникативной грамматике пониманию термина «регистр», а напротив, дополняет это понимание, поскольку коммуникативный регистр – не только способ вербализации мысли, но и способ мышления, набор образов, предшествующий этой вербализации. В таком случае мы можем допустить возможность сочетания двух различных регистровых стратегий в пределах одной линейной единицы дискурса – на глубинном и на формальном уровнях (как сочетаются средства различных речевых актов в пределах косвенного речевого акта). Примером подобного сочетания и служит жанр притчи, в котором генеритивное содержание часто выражается в формах информативного регистра.

Литература

Завьялова О.С. Функции генеритивного высказывания в структуре текста: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2002.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 2004.

Тумина Л.Е. Притча как школа красноречия: Учебное пособие. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Тюпа В.И. Грани и границы притчи // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 381–387.

Секция XX.
Текстология и палеография

Принципы отбора языковых средств в нарративных и риторических произведениях Кирилла Туровского

Г.С. Баранкова

Principles of selection of language means in the narrative and rhetorical works of Cyril Turovsky

Galina S. Barankova

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) / Vinogradov Institute of the Russian language, Russian Science Academy (Moscow)

barankova@inbox.ru

Аннотация. В докладе проведен сопоставительный анализ языковых средств, используемых Кириллом Туровским в Притче, Повести, Сказании и торжественных Словах. Показана лексическая близость повествовательных произведений экзегетическим. Отмечено живописное мастерство Кирилла при создании риторических произведений.

Ключевые слова: Кирилл Туровский, стилистика, лексика, экзегетика, похвала.

Summary. The report contains a comparative analysis of language means used by Cyril of Turov in Proverbs, Tales, Legends and solemn Words. The lexical closeness of the narrative works to exegetical is shown. The pictorial mastery of Cyril during the creation of rhetorical works was noted.

Keywords: Cyril Turovsky, style, vocabulary, exegesis, praise.

Проблемам отбора языковых средств в произведениях Кирилла Туровского уделялось много внимания в трудах отечественных и зарубежных ученых. Большинство работ посвящено ораторской прозе Кирилла, лингвистически менее исследованы три его нарративных произведения – Притча о душе и теле (далее Притча), Повесть о беспечном царе и его мудром советнике (Повесть) и Сказание о чернориз-ском чине (Сказание). Немного работ посвящено сопоставительному изучению языка повествовательных и риторических сочинений Кирилла. Между тем, выбор языковых средств тесно связан с жанровым своеобразием произведения.

В Притче, Повести и Сказании главную роль играют символико-аллегорические толкования описываемых предметов, явлений и событий, в том числе монашества, дуальности человеческой природы. В соответствии со святоотеческой традицией Кирилл разграничивает в Притче понятия *образъ и подобие*, следуя в этом вопросе толкованиям, предложенным в Шестодневе Иоанна экзарха. Частотной является у Кирилла лексема *тварь* в значении «созданное», «создание». Ее синонимом является слово *дыхание*, одним из значений которого было «все дышащее, тварь». К богословско-философской лексике, употребляемой в толкованиях Притчи, относятся слова *познание, качьство, мѣра, величьство, вселеная*. Терминологическое значение получают слова, связанные с темой свободы воли: *воля, самовластие, хотение, послушество*. Прилагательное *вьсеродьныи* в сочетании с именем *Адама* по данным исторических словарей фиксируется только в языке Кирилла Туровского. Оно употребляется Кириллом в двух значениях: «давший начало всему человеческому роду» и «относящийся ко всему человеческому роду».

Символико-аллегорический характер Притчи, Повести и Сказания обусловил часто встречающиеся в них переносное значение слов и оригинальное метафорическое употребление: *плотяные скрижали сердца, мысльное тѣсто, умная тряпеза* и т.п.

Ораторские сочинения Кирилла, прославлявшие церковный праздник, имели или сюжетную основу или являлись похвальными. Как было показано в трудах М.И. Сухомлинова и В.П. Виноградова [Сухомлинов 1858: 9–28; Виноградов 1915], Кирилл использовал в Словах творения византийских авторов. Однако он сумел на их основе создавать оригинальные высокохудожественные произведения за счет ряда приемов, среди которых насыщенность разнообразными деталями, использование речей персонажей, плачей, амплификации. Выбор языковых средств различен: для Слов с сюжетной основой это употребление конструкций с прямой речью, риторических вопросов и восклицаний, в отдельных случаях позволяющих говорить о драматургических приемах автора.

Похвальные Слова в честь праздников имеют другой набор языковых средств. Задача прославить праздник осуществлялась подборкой автором слов со значением «радость» и «похвала», экспрессивной и эмоционально-оценочной лексики, обилием синонимов. Особенно частотны по отношению к празднику глаголы *прославити, пѣти, украсити, възвеличити.* Разнообразен набор глаголов со значением воспевания: *пѣти, възпѣти, възкликнути, възвеличити, възглаголати, възглашати, въпити, велегласовати, вельгласно въпити*. Похвальные Слова изобилуют образными средствами, метафорами, сравнениями. Автор вовлекает слушателей в описываемые евангельские события, делает их свидетелями происходящего, широко используя для этого глаголы повелит. накл. 1 л. мн. ч., глаголы наст. вр., наречие *днесь*, частицу *се*. Часто используемый им прием антитезы, построенный на противопоставлениях ада и рая, скорби и радости, обусловливает подбор многочисленных антонимов и антонимических сочетаний.

Это придает Словам необыкновенную живописность и позволяет увидеть их связь с иконографией праздника. Примером является Слово на Вознесение, построенное на противопоставлении темных и светлых сил. В первой части автором отобраны языковые средства, свидетельствующие о представлении Кирилла Туровского об аде: *бѣсовьския силы, власти темныя*, *преисподнии ада*, *тьма и сѣнь смертная, власть смертная, сокрушенные крестом адовы врата медяная*, души, *окованные нищетою и желѣзом*. Все это согласуется с иконографией Сошествия во ад.

Вторая часть представляет собой торжество Вознесения, отличающееся красочностью и многофигурностью: здесь можно видеть всех святых и праведников, собравшихся на горе Елеонской в ожидании Христова Вознесения. Их общий хор, славящий Вознесение, представлен разнообразными синонимическими рядами с эмоционально-оценочным значением. Картина завершается изображением Бога-Отца на престоле и Сына в венце из драгоценных камней, сидящего одесную Отца. Это праздничное изображение Вознесения у Кирилла соотносится с иконографией фресок XII века – в новгородской Церкви Спаса на Нередице, в Георгиевской церкви в Старой Ладоге, в Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря в Пскове.

Для творческой манеры Кирилла Туровского характерен умелый выбор художественных приемов и соответствующих им языковых средств. Язык повествовательных произведений церковнославянский с широким использованием

его синонимических возможностей и метафоричности, с лексической близостью к экзегетическим произведениям. В похвальных Словах, характеризующихся необычайной живописностью, создается иллюзия постоянного присутствия автора.

Литература

Виноградов В.П. Уставные чтения III // Очерки истории греко-славянской учительной литературы. Сергиев Посад, 1915. С. 97–178.

Сухомлинов М.И. О сочинениях Кирилла Туровского // Рукописи графа А.С. Уварова. СПб., 1858. С. 1–68.

Справа Максима Грека в Цветной Триоди 1525 г.

И.В. Вернер

Maximus the Greek's revision of Pentekostarion of 1525

Inna V. Verner

Институт славяноведения РАН (Москва) / Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

inna.verner@mail.ru

Аннотация. Проанализированные в докладе лингвистические позиции справы Триоди 1525 г. сопоставляются с исправлениями Максима Грека в Псалтыри 1552 г. и языковой программой европейской библейской филологии XV–XVI вв.

Ключевые слова: Максим Грек, Цветная Триодь, церковнославянские переводы с греческого.

Summary. The linguistic positions of Pentekostarion revision of 1525 analyzed in the report are compared with the Maximus the Greek's corrections in the Psalter of 1552 and the language program of European biblical philology of the XV–XVI centuries.

Keywords: Maximus the Greek, Pentekostarion, Church Slavonic translations from Greek.

В 1525 г. в книгописной мастерской Михаила Медоварцева в Москве была переписана Цветная Триодь (ГИМ, Щук. 329), исправленная Максимом Греком по греческой Триоди митрополита Фотия (ГИМ, Син. 284). Об исправлении этого текста Максим Грек упоминает в «Исповедании православной веры», а в «Слове отвещательном об исправлении книг русских» приводит примеры «хульных» чтений из 9-й песни канона Великого четверга и 3-й песни канона Фоминой недели. Прямое указание на использование греческой Триоди Фотия содержится в записи на л. 231 об. Щукинской Триоди, сообщающей место и время создания рукописи, а также имя Михаила Медоварцева как исполнителя работы. Кроме того, ссылка на сравнение славянского текста с греческими паремийными чтениями присутствует также в записи на л. 92 об.

В первой части рукописи содержатся многочисленные текстовые и языковые исправления, частично внесенные по смытому тексту, частично вписанные чернилами или киноварью поверх строк, а также на полях рукописи. Текстовые правки затрагивают практически все элементы текста: вносятся добавления (иногда довольно значительные по объему) как в песнопения, так и в паремийные и синаксарные чтения. Эти вставки текста не связаны с дефектностью данной рукописи: по составу текста Щукинская Триодь совпадает (при наличии отдельных разночтений) с другими рукописными Триодями XV – начала XVI вв., принадлежащими, по классификации М.А. Моминой, к евфимиевскому типу Триоди [Момина 1983: 32; Синицына 1972: 311]. Текстовая правка, основанная на доверии к единственному греческому источнику, демонстрирует стандартный подход к греческой текстологии, общий для Максима Грека и европейской библейской филологии рубежа XV–XVI вв. В то же время присутствие значительного числа маргинальных глосс показывает, что исправлению Триоди сопутствовала текстологическая работа со старшими славянскими списками Триоди: по крайней мере часть глосс является воспроизведением их чтений.

Языковые исправления не только многочисленны, но и довольно разнообразны. Большая часть из них корректирует ошибочные с точки зрения соответствия греческому тексту чтения старшего славянского перевода. Это может быть уточнение лексического значения: → πρὸς τὸν θεὸν αὐτῶν (л. 137), → ὡς παιδίον, ὡς ῥίζα (л. 96), → λύκου ἐκ δεινοῦ (л. 3об); использование словообразовательного, поморфемного соответствия: → - εὐφραίνου καὶ κατατέρπου (12об), → καὶ πίομαι (л. 143); исправление неверных грамматических форм или синтаксических конструкций: вр'ътепъ съдёла разботникw[м] → съдёла[ша] (л. 19об), → ἐλθὼν δὲ εἰς γῆν Μαδιαμ (л. 51). Очень часто исправления носят комплексный характер и приводят к изменению целых синтагм текста.

В отличие от уникальных и связанных с конкретными чтениями языковых исправлений большая группа повторяющихся замен демонстрирует определенные представления Максима Грека о церковнославянском языке и его функционировании в тексте. Прежде всего, в Триоди последовательно представлено исправление 2 лица аориста на перфект со связкой : → (131об), → (л. 30), → (л. 76об), → (л. 101об), → (л. 9), → (л. 101об). Хорошо известно, что одна из таких форм, а именно перфект «сидел еси», субъектом которого выступает Христос, стала аргументом обвинения Максима на Соборе 1525 г. В «Исповедании православной веры» Максим пишет об этих формах в контексте стихир на Вознесение, однако служба на Вознесение в Триоди 1525 г. отсутствует, поэтому источник цитат в материалах Судного дела до сих пор остается не уточненным.

Постоянным объектом внимания Максима в процессе исправления Триоди являются неверно или не вполне точно переведенные служебные слова. В соответствии с греческим текстом Максим добавляет или, напротив, устраняет частицы , и : → οὕτως θαυμάσονται ἔθνη (л. 96); → ἕως ἂν ἔλθῃ (л. 12); → ἐν τῇ Βασιλείᾳ τοῦ Πατρός (л. 29об); правит старые беспредложные формы дательного, в соответствии с греч. πρὸς внося предлог : - → οὗτοι πρὸς τοὺς ὑπεναντίους (л. 33об); → εἶπεν πρὸς Γιεζι (л. 69); заменяет наречие на местоимения в соответствии с греч. местоименной формой ср. рода мн. ч. τάδε: → (лл. 12об., 50, 92об., 95об. и др.). Такое пристальное внимание к средствам актуализации содержания текстов Св. Писания, будучи характерной чертой европейских библейских филологов рубежа XV-XVI вв., найдет впоследствии свое отражение и в переводе Псалтыри 1552 г. [Вернер 2018].

Объединяют Триодь 1525 г. с Псалтырью 1552 г. и другие исправления, такие как различение изъяснительного союза и сравнительного , местоименных и именных форм причастий и прилагательных, личных местоимений 3 лица и возвратного , адъективных и именных присубстантивных определений. Сравнение справы Триоди и Псалтыри убедительно показывает, во-первых, несостоятельность обвинений Максима в недостаточном знании церковнославянского языка в ранний период его деятельности в Москве; во-вторых, наличие лингвистической программы справы текстов Св. Писания непосредственно по приезде в Москву, что свидетельствует о формировании

такой программы еще в период итальянских филологических занятий Максима; в-третьих, очевидную корреляцию языковых моделей и способов справы церковнославянского текста с лингвистической практикой итальянских библейских филологов.

Литература

Вернер И.В. Loci communes европейской гуманистической филологии: справа библейских текстов Эразма Роттердамского и Максима Грека // Latinitas in the Slavonic World. Nine case studies. Edited by V.S. Tomelleri and I.V. Verner. Berlin, 2018 (Specimina Philologiae Slavicae. Bd. 192). P. 207–235.

Момина М.А. Вопросы классификации славянской Триоди // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 25–38.

Синицына Н.В. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 286-317.

Геннадиевские переводы в украинской Дополненной редакции Толковых Пророчеств начала XVII в.*

В.В. Калугин

Gennady's translations in the Ukrainian Supplemented edition of the Explanatory Prophecies of the early 17th century

Vasiliy V. Kalugin

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

vasiliykalugin@mail.ru

Аннотация. Установлено: 1) украинское происхождение Дополненной редакции Толковых Пророчеств, 2) время ее создания – начало (10-е гг.) XVII в., 3) использование в ней переводов из Вульгаты, выполненных в кружке архиепископа Новгородского Геннадия в начале 90-х гг. XV в.

Ключевые слова: перевод, протограф, редакция, список, чтение.

Summary. We have established, that 1) the origin of the Supplemented edition of the Explanatory Prophecies is Ukrainian, 2) the time of its creation is the beginning of the XVIIth century (1610s), 3) the translations from the Vulgate made in the circle of Gennady, the Archbishop of Novgorod, in the early 1490s were used in it.

Keywords: translation, protograph, edition, copy, reading.

В древнеболгарском переводе Толковых Пророчеств (далее – ТП) комментарии охватывают не все книги и их части. В таком виде ТП переписывались более тысячи лет, лишь иногда добавлялись компилятивные толкования на апокалиптическую Дан. Единственная попытка устранить пробелы в Пророчествах и дополнить их толкованиями по разным источникам была сделана в Литовской Руси. Дополненная редакция (далее – ДР) сохранилась в единственном списке, судя по филиграням, начала (10-х гг.) XVII в. [Унд-18]. Книга переписана полууставом (л. 1–43 об.) и «литовской» скорописью разных почерков (л. 44–279). Редактор разделил Пророчества на две части. В первой из них, на л. 1–221, находится в основном старый перевод, но в нем пропущены те книги и места, которые не имеют толкований: Ис 15–51, Плач, Дан, Агг, Зах, Мал и др. Во второй части на л. 221об.–279 помещены толкования на непрокомментированные тексты и дополнения к старым толкованиям.

Автором ДР был украинец, говоривший по-польски. Он владел приемами экзегетики, был начитан в библейской и святоотеческой литературе, использовал польскую Брестскую Библию 1563 г. и предисловие Ф. Скорины к его изданию 1519 г. Дан. Вероятно, он происходил из монашеской среды. Примечательна глосса писца к рассказу о рехавитах, строго соблюдавших завет предков не пить вина: «чернечии животъ мѣти такъ потреба» (Иер 35: 13–14) (л. 264об.).

Текст ТП в списке Унд-18 содержит много вторичных чтений и позднейших изменений. Сделаны мелкие сокращения, пропуски, перестановки и т.п. Нередки ошибки и переосмысления. Язык древнего перевода поновлен и адаптирован. Устранены некоторые архаизмы, произведены лексические замены, добавлены рукой писца пояснительные глоссы. Следует отметить: *панства* (л. 195) вм. *царства* (Сказание к Ам), укр. *панство*, польск. państwo; *засе* (л. 214) вм. *пакы* (Авв 1: 1–5, толк.), польск. zasię, чеш. zase; *збанъ* вм. *лагунскула*, лат. laguncula 'винный мех' (Иер 13: 12) (л. 260об.), укр. *дзбан*, *збан*, польск. dzban, zban; глоссы *мешканя* к *покровъ*, лат. tabernaculum 'шатер' (Иер 10: 20) (л. 260), укр. *ме́шкання*, польск. mieszkanie 'жилище' и т.п. Иногда *ѣ* смешивается с *и*: *к сиверу* (Иез 48: 1, 30) (л. 176об., 179об.), *цвитъ* (Ос 14: 6) (л. 190об.), а *и* – с *ы*: *іюдынихъ* вм. *іюдиныхъ* (Иер 1: 15) (л. 255), *море… медытерранеумъ* (Иез 47: 8–9, толк.) (л. 272об.), лат. Mediterraneum и др.

До сих пор оставался незамеченным факт использования в ДР переводов из Вульгаты, выполненных в кружке архиепископа Новгородского Геннадия в начале 90-х гг. XV в. Унд-18 – единственная известная ныне «литовская» рукопись ТП с геннадиевскими переводами. Во второй части ДР тексты, которых не было в архетипе древнеболгарских ТП (Иер 1–25 и 46–52: 3), даны в переводе монаха-доминиканца Вениамина из Вульгаты (л. 255–263, 265–266об.), но не полностью, а в отрывках, избранных для толкования. Эти переводы Вениамина перешли из Геннадиевской Библии 1499 г. в Острожскую 1580–81 гг., где были отредактированы. Однако автор ДР не пользовался этими библейскими кодексами. Так, чтение ДР «ископаша собѣ густерны» с маргиналией «кладези» (Иер 2: 13) (л. 255) точно сответствует переводу Вениамина в сборнике 60-х гг. XVI в. [Пог-84: 80об.], ведущем свое происхождение от геннадиевской рукописи не ранее августа 1493 г. Такое же чтение и в Библии 1499 г., но глосса исключена [Син-915: 514об.]. В острожском издании маргиналия также отсутствует, а хорватизм Вениамина *густерны* (лат. cisternas 'водоемы', ср.: хорват. gùstērna) заменен на *кладенца* [ОБ 1581: 94б]. Предком ДР был русский (геннадиевский) список ТП, частично дополненный переводами из Вульгаты (Иер 1–25 и 46–52: 3). Этот источник восходил к древнему протографу ТП, общему с другими восточнославянскими (главным образом, русскими) рукописями.

В этом протографе, очевидно, при его переплетании отрывок Иез 45: 12–25 и вся глава 46: 1–24 попали по ошибке в стих Иез 48: 4 и разорвали его. В геннадиевском кружке не стали возвращать перепутанные тексты на свои места, и Вениамин перевел полностью 45-ю и 46-ю главу. В Острожской же Библии фрагмент Иез 45: 12–25 и 46: 1–24 остался в старом переводе, но его извлекли из Иез 48: 4 и вернули на свое место. ДР повторяет старую путаницу в Иез (л. 176об.–178об.), сохраненную почти всеми русскими списками (там, где ее нет, – вторичное чтение).

Замысел ДР не был доведен до конца. Редактор подобрал комментарии на отрывки из великих пророков: Ис (л. 221об.–255), Иер (л. 255–266об.), Вар (л. 266об.–267), Плач (л. 267–267об.), Иез (л. 267об.–273, 274) и Дан (л. 274–279). Однако писания малых пророков – Соф (2–3), Агг, Зах, Мал – так и остались без толкований. Вся книга вообще и вторая часть в особенности производят впечатление рабо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–012–00142а «Толковые Пророчества в литературе и письменности Древней Руси».

чих материалов. Многие стихи сокращены, не дописаны, нередко заканчиваются указанием «і прочая». Вместо толкований встречаются отсылки к другим источникам, например, к 1 Пар 10 (Ис 2: 12) (л. 223об.). Во второй части рукопись представляет собой, вероятно, автограф редактора – основного писца Унд-18, устранявшего пропуски своих товарищей по работе (л. 136). ДР следует датировать, вернее всего, временем создания ее единственного списка – началом (10-ми гг.) XVII в.

Литература

ОБ 1581 – Библия. Острог, 12.8.1581. 2º. МК РГБ.

Пог-84 – Ветхозаветный сборник. 60-е гг. XVI в. РНБ, собр. М.П. Погодина, № 84.

Син-915 – Геннадиевская Библия. 1499 г. ГИМ, Синодальное собр., № 915.

Унд-18 – ДР ТП. Нач. (10-е гг.) XVII в. РГБ, собр. В.М. Ундольского (ф. 310), № 18.

Восприятие Зиновием Отенским грамматического учения своего времени

М.В. Каравашкина

Zinovy's (from Otensky monastery) perception of the Grammatical teaching of his time

Marina V. Karavashkina

Московский педагогический государственный университет

marina140270@bk.ru

Аннотация. Автор анализирует взгляды одного из крупнейших публицистов XVI века на грамматическое учение своего времени. В качестве аргументов приводятся выдержки из произведений самого Зиновия и его современников, а также мнения исследователей о творчестве данного автора.

Ключевые слова: обычай употребления, грамматическое учение, противопоставление, последовательная позиция.

Summary. The author analyzes the views of one of the largest publicists of the 16th century on the grammatical teaching of his time. As arguments are excerpts from the works of Zinovy and his contemporaries, as well as the opinions of researchers about the work of this author.

Keywords: usage custom, grammatical teaching, contrasts, consistent position.

Зиновий Отенский – один из самых крупных публицистов русского средневековья. Его перу принадлежит богословский полемический трактат «Истины показание к вопросившим о новом учении…», по предположению Л.Е. Морозовой, сохранившийся в автографе. [Морозова 1990: 249]. Произведение построено в форме бесед автора с пришедшими к нему клирошанами. В этих беседах затрагиваются не только богословские вопросы. Зиновий рассуждает на политические, идеологические, мировоззренческие темы, говорит о себе самом, высказывает свое мнение о языке того периода [Каравашкина 2018: 22].

До нас дошло очень мало сведений о жизни этого автора. Достоверно известно лишь о продолжительном пребывании в Отенском монастыре неподалеку от Великого Новгорода, а до этого Зиновий был в Московских пределах: «Преже многа сихъ летъ прилучившу ми ся обрести въ московскиъ странахъ» [Калугин 1894: 82]. (Здесь и далее первоисточники цитируются по упрощенной орфографии.)

Возможно, Зиновий был учеником Максима Грека. Митрополит Евгений (Болховитинов) предположил, что в отдаленный монастырь Зиновий был сослан около 1526 года, после заточения своего учителя [Евгений 1995: 111]. Для нас очень важен тот факт, что, возможно, Зиновий лично знал ученого грека, работал под его началом.

Также считаем нужным отметить, что высоко оценивал основной труд Зиновия «Истины показание» митрополит Макарий в «Истории русской церкви» [Макарий 1996: 470]. Это мнение также очень важно, потому что говорит о том, что мнение Зиновия всегда продуманное, обоснованное.

Рассуждая с клирошанами на богословские темы, объясняя им, как правильно говорить: «Съшедшаго съ небесъ и воплощшася отъ Духа Свята и Мария Девы» или «изъ Мария Девы», отенский монах говорит о том, что «Языкъ убо нашъ… философии и грамотики не имать; тем же *просто* (курсив наш. – *М.К.*) глаголется в нашемъ языце. Греческий же языкъ в таковыхъ обученъ есть, и Максимъ ученъ есть, и писа о семъ, мню таковаго учения» [Зиновий, 1863, 953]. И действительно, в то время, на которое приходится создание произведения, еще не было составлено ни одной полной русской грамматики. Поскольку Зиновий знал Максима Грека, то знал он также и о том, что в других языках существуют грамматические нормы, но новгородский монах не считал для себя нужным стремиться к какой-либо грамматической нормализации языка своих произведений. В ответ на упрек клирошан в том, что он «учитъ не отъ книгъ», Зиновий замечает, что читал их намного больше, чем известно в русских монастырях: «отъ словесъ бо ихъ множайшая навыкохъ и азъ» [Зиновий 1863, 350]. Для него важны не правила, а обычай, узус, употребления.

Еще раз вспомнит Зиновий о деятельности Максима, когда будет объяснять клирошанам разницу между глаголами «чаять» и «ждать». Его спросили, правда ли, что Максим Грек велел говорить в Символе Веры «Жду воскресения мертвымъ». Этот вопрос дал монаху повод порассуждать об учености Максима, о его переводческой деятельности, о том, как была переведена на русский язык Толковая Псалтырь. Но при этом Зиновий нигде не говорит о грамматическом учении. Ему известно о ереси конца XV – начала XVI вв., распространенной среди «многихъ вельможъ чиновныхъ великихъ князей». Еретики стали по-своему истолковывать смысл некоторых слов. Так, слово «чаю» у них считалось неопределенного смысла: то ли будет, то ли нет. Максим же, по мнению Зиновия, еще не совсем хорошо владевший русским языком, «навыкохъ отъ вельможъ» и заменил книжное «чаю» народным «жду», «мняше бо Максимъ, по книжней речи у нас и обща речь» [Зиновний 1863: 964–967].

Далее в тексте трактата следует высказывание Зиновия, представляющее собой «важное и редкое свидетельство филологической жизни на Руси XVI столетия». [Толстой 1976: 187]. Автор противопоставляет церковнославянский язык (по его терминологии, «книжный») и русский («народный») и говорит о том, что смешивать их нельзя. В произошедшей же ошибке, по его мнению, нельзя винить Максима Грека, потому что он мог не знать о таких «опасностях» русского языка, но носителям языка, людям «знающимъ языкъ свой и народа общую речь» следует чувствовать и понимать разницу и говорить: «Чаю воскресения мертвымъ» [Зиновий 1863: 967]

Еще раз подчеркнем тот факт, что нигде Зиновий не ссылается на авторитет грамматики. Для него главное – обычай употребления. В беседе с клирошанами он говорит о том, какую книгу можно считать истинной: она должна быть древней, желательно на пергамене. Переписывать такую книгу надо очень бережно, внимательно, сохраняя все ее особенности, в том числе и графико-орфографическое. Он анализирует ошибки писцов, говорит о том, как они появляются, и даже обращается с просьбой к своим позднейшим переписчикам – максимально точно передавать оригинал: «Аще же учнешь пременяти, ты добрый мудрый писарю, пословицы и точки и запятыя: будут убо книжицы сия ниже твоя ниже предложившаго ихъ; и твоя бо краснейшая пословицы изгибнуть в грубыхъ пословицахъ, и грубыя твоимъ мудрованиемъ смятутся, и будутъ книжицы вне истины» [Зиновий 1963: XI]. С случае же сомнения, утраты текста, указывает Зиновий, только другая книга может служить образцом, с другой старой книги нужно списывать недостающее, стертое или непонятное.

И все же в сочинениях Зиновия Отенского встречается упоминание о грамматическом учении. В «Похвальном слове об Ипатии Гангрском», говоря о еретиках, автор отметит, насколько они невежественны: «Не токмо грамотическых не ведяху словес, неже и поборников мужей философов, но ниже народных грамот ведят или умеют прочитати» [Корецкий 1965: 173]. На наш взгляд, эти слова автора еще раз подтверждают мысль о том, что он знал о существовании грамматического учения, но не руководствовался им в своем творчестве.

Проанализировав высказывания Зиновния Отенского, мы можем сделать вывод о том, что перед нами не незнание, а сознательный отказ ориентироваться на грамматическую мысль, хотя к этому времени на Руси она уже развивалась, можно даже говорить о достаточной известности грамматических сочинений, но в сознании книжника традиционное – грамматическое противопоставляются как божественное и дьявольское, простое от Христа и коварное от лукавого.

И Зиновий здесь не одинок. Такой же точки зрения придерживался Иоанн Вишенский, книжник из Юго-Западной Руси [Засадевич 1883: 21].

Б.А. Успенский отмечает, что подобная убежденность древнерусских книжников никак не объясняется «простым невежеством – это вполне принципиальная и в общем последовательная позиция» [Успенский 1996: 20].

С распространением грамматического учения на Руси традиционное употребление перестанет быть безусловным авторитетом, значит, книги, в том числе и Священное Писание, можно исправлять, руководствуясь правилами. Появится другой тип рефлексии над языком – не традиция, а рациональное обоснование, произойдет переход от узуального мышления к нормативному.

Литература

Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. М.: «Русский двор», Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995.

Засадевич Н. Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса, 1883.

Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1863.

Калугин Ф. Зиновий, инок Отенский. СПб., 1894.

Каравашкина М.В. Взгляды Зиновия Отенского, русского книжника XVI в., на язык своего времени // Современное русское языкознание и лингводидактика. Сборник научных трудов, посвященный 95-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского / Под ред. В.В. Никульцевой М.: МФЮА, 2018. С. 22–27.

Корецкий В.И. Вновь найденное противо еретическое произведение Зиновия Отенского // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1965. Т. XXI. С. 166–182.

Макарий, митроп. История русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Т. IV. Ч. 1.

Морозова Л.Е. Сочинения Зиновия Отенского. М.: Институт истории СССР, 1990.

Толстой Н.И. Старинные сведения о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка // Вопросы русского языкознания. Вып. 1. 1976. С. 180–193.

Успенский Б.А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI – XVII вв.) // Избранные труды. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Отражение второго южнославянского влияния в списке ГИМ, Барс.620 «Толковой Палеи»

А.Ю. Козлова

The reflexes of the Second South-Slavic influence in the SHM Bars.620 Palaea Interpretata manuscript

AnnaYu. Kozlova

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (г. Коломна Московской области) /
State University for Social Science and Humanities (Kolomna, Moscow region)

anna_ko65@mail.ru

Аннотация. В статье характеризуются орфографические особенности основного почерка списка ГИМ, Барс.620 «Толковой Палеи», связанные с эпохой второго южнославянского влияния.

Ключевые слова: история русского литературного языка, орфографические нормы, «Толковая Палея», второе южнославянское влияние.

Summary. The article focuses on the orthography of the main scribe of the the SHM Bars.620 Palaea Interpretata manuscript, connected to the Second South-Slavic influence.

Keywords: history of Standard Russian, orthographic standards, Palaea Interpretata, Second South-Slavic influence.

Важной задачей исследования «Толковой Палеи» является введение в научный оборот неизвестных списков, что позволит проследить особенности бытования этого памятника в книжности Древней Руси и восстановить историю текста.

Особый интерес представляет список ГИМ, Барс.620 (XV в.), который можно отнести к *расширенному типу Промежуточной редакции*. Он замечателен как по составу (содержит отсутствующие в других списках апокрифы), так и с точки зрения орфографических норм. Основной писец обладал очень выработанным почерком, однако его орфографическте нормы необычны для XV в.: так, он пишет букву ы не только после ш, ж и ц, но и после ч и щ; после приставок на согласный на месте начального и корня обнаруживается пять вариантов написания: и, ы, иы, ии, ъи. Список не локализован по месту написания.

При исследовании орфографии рукописи складывается устойчивое впечатление, что основной писец Барс.620 в большей мере, чем его коллеги, отражал в своей орфографии особенности живой речи. Для изучения его писцовой традиции важно проследить, как в его почерке отражаются черты второго южнославянского влияния.

При анализе орфографии основного почерка были выявлены следующие характерные черты.

1) Обнаруживаются написания с а в соответствии с [ja], но это звуковое значение чаще обозначается с помощью букв @ и #: сотворенiа (Л.1г), но бе^{з}б^{ж}ости# єгУ^{т}еска# (Л.1в), им&@хо^{т}у (Л.1в) и др.

2) Буквы ї и і употребляются перед буквами, обозначающими гласные звуки, но в этой позиции есть и и: посп&ше^{м}нїє (Л.2а), писанї@ (Л.2а), бытїю (Л.2а), стихи@ (Л.2б), мо^{н}ни@^{й} (Л.2в); зачастую слово пишется под титлом, т.е. буква перед перед ^{р}буквами, передающими флексию, отсутствует: на д&ла^{р}@ (Л.2г), =снованїю и тока^{р}ю (Л.24а-б) и др.

3) Восстановление диграфа оу или заменяющей его лигатуры ў после согласных реализуется очень последовательно.

4) Употребление запятой и точки с запятой. Основной писец чаще употребляет точки, расположенные внизу, – на нижней границе строки. Запятая ставится в том же месте и используется в той же функции, что и точка; точка с запятой отмечается очень редко, но, например, на Л.18а этот знак можно обнаружить.

5) и 6) Пятый признак второго южнославянского влияния – употребление паерка, шестой – акцентных знаков: оксии, варии, исо, каморы, кендемы и др. [Гальченко 2001: 354–357]. На первый взгляд эти акцентные знаки в Барс.620

присутствуют, но их нельзя назвать акцентными: у писца свои, отличные от традиции второго южнославянского влияния, правила их употребления. Паерок можно отметить уже на первых листах: в' миръ (Л.2а), в' ты҃ (Л.2б), но чаще в функции паерка употребляется древнерусский знак псили ('); в основном почерке он ставится не после согласного на месте пропущенной буквы ъ или ь, а после следующего согласного: бывш 'оу (Л.6б), в҃ п¤+ пс 'алм& (Л.5а). Весьма показательный пример водны҃@ (Л.3а) – в этом слове первая вария употреблена в значении паерка между буквами д и н, а вторая стоит над конечной гласной буквой слова, ударный слог с помощью акцентного знака никак не обозначен.

7) Написания с жд в соответствии с *dj. Явно, что об этой особенности писец знает, но в большинстве написаний все же присутствует древнерусский рефлекс ж. Так, на Л.1–9об. обнаруживается 41 словоформа с рефлексом *dj: 30 раз слова пишутся через ж, 11 раз – через жд (73% к 27%), т.е. ж пишется чаще, чем жд, почти в три раза.

8) Написание буквы ы с первой частью в виде ь последовательно реализуется во всей рукописи.

9) Употребление & в словах с неполногласными сочетаниями -р&-. Это правило не соблюдается: во всем тексте удалось найти только два слова с приставкой пр&-: пр&т&каєть (Л.7а), Пр&/даю (Л.157а).

10) Употребление ь вместо ъ на конце слов: фиксируются лишь отдельные случаи; их немного, но они есть – например, ихь҃ (Л.129а).

11) В передаче сочетаний редуцированных с плавными присутствует широкая вариативность, при этом южнославянская норма не преобладает, но отмечается. Так, на Л.43а слова с данными орфограммами переданы следующим образом: жрътвў, ё перв&нець, волъ҃ны.

12) Графема s используется не только в цифровом значении и в слове s&ло, но и в словах sми@, sв&ри: на ль/ни@ sв&р# морьскаго (Л.89б), ё sв&/реи земны҃х (Л.49б), @ко sми обра/з҃м (Л.60г).

13) [о] передается с помощью разнообразных графем: о, ѻ, =, ѳ, °, ё, о-с крестом внутри. Функции буквы = очень сильно расширены: она последовательно употребляется во флексиях имен существительных в Тв.п. ед.ч., Р.п. мн.ч., Д.п. мн.ч.: агг+ли мрак҃м= град҃м= лед҃м= (Л.2в), искўпи ны / долг҃ѥ= (Л.37б); встретилось слово с двумя =: =гнив҃м= (Л.33б).

Орфографические признаки второго южнославянского влияния с XV по XVIII, указанные М.Г. Гальченко [Гальченко 2001: 370–373]: & для передачи ['а], использование буквы $, мена юсов, написание союза нъ как н$, – в почерке основного писца Барс.620 не обнаруживаются. Но буква $ в рукописи все же присутствует – в других почерках: по гл_$ (Л.141б), с$҃, с$҃, совок$пл#єть, поже/н$҃, м$ка҃м, ком$жо҃ж, возвед$҃ (Л.207а).

Анализ орфографии рукописи позволяет сделать вывод, что почерк основного писца содержит *расширенный минимальный набор признаков* второго южнославянского влияния [Гальченко 2001: 377].

Литература

Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: сборник избранных работ Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва. М.: УНИК; Алетейя, 2001.

Грамматические особенности Казанского апракоса XIV века*

А.И. Кузовенкова

Grammatical features of the Kazan Gospel of the XIVth century

Anna I. Kuzovenkova

Казанский государственный медицинский университет / Kazan State Medical University

akuzovenkova@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются некоторые грамматические особенности в системе имени и глагола в Казанском евангелии XIV века. Полученные данные позволяют подтвердить полученные ранее выводы о дате и месте создания данной рукописи, способствуют установлению ее генетических связей.

Ключевые слова: богослужебные памятники, полный апракос, историческая грамматика.

Summary. In the work some grammatical features in the system of the name and the verb of the Kazan Gospel of the XIVth century are discussed. The obtained data allow to confirm the previous conclusions about the date and time of this manuscript creation, and to establish its genetic relationships.

Key words: liturgical manuscripts, long Evangeliary, historical grammar.

Морфологическая система Казанского апракоса XIV в. (далее – КЕ) из собрания Научной библиотеки Казанского федерального университета характеризуется, с одной стороны, приверженностью письменной традиции, с другой – обнаруживает явления живой речи. Так, формы перфекта традиционно употребляются в диалоге. Существует мнение, что в старославянских текстах перфект, учитывая его некнижное происхождение, появляется не столько в силу стремления выразить определенное значение, сколько по мере необходимости донести живую речь героев произведения с присущей ей эмоциональностью [Gasparov 2001: 147–148]. В то же время в КЕ встречаются формы без связки, которые постепенно выходят за рамки прямой речи и проникают в нарративный контекст. Подобные инновационные процессы находят отражение и в Сказании о Борисе и Глебе по Сильвестровскому сборнику вт. пол. XIV в., созданному в Новгороде или Новгородской земле [Кузовенкова 2016: 1258].

Широкое распространение в рукописи получает и оборот «дательный самостоятельный», характерный для славянокнижного языка. Вместе с тем этот оборот уже в ранний период восточнославянской письменности характеризовал не только церковнославянские тексты, но и язык образованного древнерусского книжника [Ремнёва 1991: 43–44]. В евангелии последовательно употребляются формы супина. Большинство ученых считают XIV столетие последним веком в жизни супина. Использование его в КЕ также могло поддерживаться в речи, так как дольше всего он сохранялся в языке северных памятников. Это подтверждает сделанные ранее выводы о датировании и локализации рукописи.

В КЕ наблюдаются диалектные формы настоящего-будущего времени без -ть в ед. и мн.ч. в глаголах обоих спряжений. Данные примеры служат дополнительным доказательством северо-западного происхождения исследуемого памятника, поскольку преобладание подобных словоформ презенса 3 л. ед.ч. и мн.ч. независимо от типа спряжения и места ударения является выразительной чертой древненовгородского диалекта [Зализняк 2004: 152]. В КЕ многочисленны случаи нарушения в согласовании между причастием и существительным по числу: сѣдъ стрѣжахуть (139б), по роду: видѣв же жена ꙗко не оутаисѧ (72г) и др. Поскольку данные формы кратких причастий выполняют функцию предикативного члена и выражают различные обстоятельственные значения, они могут рассматриваться как деепричастия, формирование которых происходило в XIV веке.

* Тезисы подготовлены в рамках работы над проектом «Казанское Евангелие-апракос XIV века: лингво-историческое исследование», поддержанным фондом РФФИ (№ 17-34-00019/17-ОГОН).

В рукописи КЕ при обозначении лиц мужского пола, в собственных именах в ед.ч. и изредка во мн.ч. используются генитивно-аккузативные формы. Между тем чаще существительные всех родов сохраняют исконные флексии В=И, что также подтверждает близость анализируемого памятника к древненовгородскому диалекту, в котором грамматическая категория одушевленности в ед.ч. получила более позднее развитие, чем в стандартном древнерусском, – в XIV–XV вв. Ошибки в употреблении двойственного числа свидетельствуют о том, что данная грамматическая категория во всех своих разновидностях смещается за границы реального узуса. В КЕ отражается состояние второй половины XIV в., дв.ч. заменяется мн. числом.

Отдельные грамматические формы, последовательно употребляемые в КЕ, свидетельствуют о южнославянском происхождении ее антиграфа либо ближайшего протографа. Впервые на некоторые общие черты КЕ и болгарского Врачанского Евангелия первой половины XIV в. (далее – Врч.) было указано Л.П. Жуковской. Одной из языковых особенностей Врч. является отсутствие четких правил постановки ѫ. Возможно, юсовая графика оригинала вызывает у переписчика КЕ многочисленные ошибки в окончаниях глаголов: птица нвznъıѩ позоваше ѩ (23а, 64г vs позоваша ѥ), гли мо в вza пребудеть (127в vs пребудуть) и др. Ориентированность КЕ на южнославянские богослужебные памятники подтверждают также его структурные маркеры и набор памятей в месяцесловной части.

Таким образом, КЕ представляет интерес в плане сопоставления церковнославянских и древнерусских языковых особенностей. Анализ взаимодействия устаревающих и инновационных форм в этом тексте позволяет расширить имеющиеся представления о развитии грамматических категорий, диалектном членении древнерусского языка, связях восточнославянских рукописей с традициями памятников церковной книжности южных славян, подтвердить полученные ранее данные о хронологической и географической локализации данного манускрипта.

Источники

Врч. – Евангелие изборно (Врачанско Евангелие). [URL: https://www.europeana.eu/portal/ru/record/9200353/BibliographicResource_3000096072609.html (дата обращения: 01.11.2018)].

КЕ – Евангелие-апракос. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета, № 2072.

Сказание о Борисе и Глебе: Факс. воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV в.). М.: Книга, 1985.

Литература

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кузовенкова А.И. Особенности употребления форм перфекта в Сказании о Борисе и Глебе // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. Т. 158. Кн. 5. 2016. С. 1254–1262.

Ремнёва М.Л. Особенности литературного языка Древней Руси. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.

Gasparov B.M. Old Church Slavonic. München: Lincom Europa, 2001. XIII.

«Кнiга глемаꙗ бꙋ́квы грамотичнаго оучéнїѧ» как грамматический словарь церковнославянского языка

Е.А. Кузьминова

«Kniga glagolemaya bukvy grammotichnago ucheniya» as *Church Slavonic grammar dictionary*

Elena A. Kuzminova

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

elenk2002@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящен рукописному трактату «**Кнiга глемаꙗ бꙋ́квы грамотичнаго оучéнїѧ**» (РГБ, ф. 299, № 336), в котором получила воплощение концепция грамматического словаря. Его функционально-типологические характеристики (полифункциональность, селективный характер, алфавитный принцип организации материала и его структурирование в соответствии с парадигматическим принципом, дефинитивный способ описания грамматической и лексической семантики, справочно-ссылочный аппарат и др.), имеющие прямые аналоги в современной лексикографической практике, свидетельствуют о становлении в начале XVII в. научной модели описания книжного языка.

Ключевые слова: славянская грамматическая традиция; церковнославянский язык; грамматический словарь.

Summary. The report discusses the manuscript treatise «Kniga glagolemaya bukvy grammotichnago ucheniya» (Russian State Library, f. 299, № 336), where the concept of grammar dictionary is embodied. Its functional and typological characteristics (polyfunctionality, selective character, alphabet principle of material organization and its structuring in accordance with the paradigmatic principle, definitive method of grammatical and lexical semantics description, reference apparatus, etc), which have direct analogues in modern lexicographic practice, testify to the emergence of a scientific approach to the description of book language in the beginning of the 17th centuries.

***Keywords**:* Slavic grammatical tradition; *Church Slavonic; grammar dictionary.*

В рукописном трактате «**Кнiга глемаꙗ бꙋ́квы грамотичнаго оучéнїѧ**» (далее **КБ**), дошедшем до нас в сборнике 1622 г. из собрания Н.С. Тихонравова (РГБ, ф. 299, № 336, л. 23–57 об.) [Кузьминова 2002; Кузьминова 2016], реализован особый тип грамматического описания церковнославянского языка, который может быть определен как грамматический словарь. Основные функционально-типологические параметры **КБ** соответствуют сложившейся в современном языкознании концепции грамматического словаря как словаря, который имеет селективный характер, содержит описание отдельных сложных языковых явлений и информацию о грамматических, семантических, стилистических и др. свойствах слова, предназначен для образования грамматически правильных форм и построения правильных фраз; является полифункциональным, выполняя не только нормативную и информативную, но и дидактическую функцию [Зализняк 1980: 3; Гак 1990: 462].

В **КБ** используется принятый в лексикографической практике *алфавитный принцип* организации языкового материала, позволяющий в кратчайшие сроки найти и идентифицировать требуемые языковые единицы и тем самым обеспечить выполнение основных функций словаря – информативной и дидактической. Расположенные в алфавитном порядке списки словоформ из канонических текстов сопровождаются в **КБ** пояснениями грамматическими и орфографического характера и толкованиями. Алфавитный принцип организации материала признается автором наиболее приемлемым и удобным для читателя и в наибольшей степени соответствующим замыслу этого сочинения как словаря правильных книжных форм: «**Да всѧ^к^ блгочтивы^ хотѧ ѿ таковы^х^ лꙋчшее навыкноуть, в сїѧ бꙋквы прини^к^, оудо^в^ в ни^х^ йскомое имъ по алфавитꙋ обрѧще^т^ просто і неоухищренно**» (л. 24 об.).

КБ, как и современные грамматические словари [Зализняк 1980; Золотова 1988; Сазонова 2008], имеет *селективный характер*, т.е. в отличие от грамматики, содержащей поуровневое описание всей языковой системы, дает целенаправленное описание проблемных зон, избранных сложных явлений, вызывающих трудности в книжно-языковой практике. Критерий отбора словарного материала задан авто-

ром **КБ** в предисловии: объектом систематизации являются языковые единицы, которые «**по́ два разꙋ́ма в себѣ̑ содержа̑тъ**», т.е. могут отождествляться в языковом сознании и употребляться безразлично, порождая ошибки: «**ꙗ̆же мно́зѣ̑м мнѧ́тсѧ ед҃но бы́ти, а̑ не могꙋ́щим ра҃сꙋ́дит҃, ꙗ̆ко тыѧ ве́лїе ра҃то́ѧ̆нїе междꙋ собо́ю и̑мꙋ т҃**» (л. 24). К требующим обязательного разграничения «мнимо единым» единицам, принадлежат, с одной стороны, грамматические и лексические омонимы, а с другой – такие неомонимичные формы книжного языка, которые подвергались смешению под влиянием живого субстрата (формы И ед.ч. м.р. // И ед.ч. ж.р. // И мн.ч. м.р. кратких действительных причастий, И // В мн.ч. м.р. существительных, прилагательных, страдательных причастий).

Для организации и описания отобранных единиц требовалось привлечение *грамматического инструментария*, источником которого служил трактат «**О ѡ҆́смихъ ча́стѣхъ слова**». Ориентацию на «грамматический канон православия» автор **КБ** не только декларирует: «**потща̑хсѧ сїѧ̑ бꙋ́квы соста́вити. положи́в ни̑х е̑ли́ко во҃мого̑х изобрѣ́сти̑** <…> **ѿ дре́внѧѧ̑ грамоти́ки, і҆ ѿ о҆смоча́стнꙋ̑ю̑ кни́зѣ**» (л. 24 об.), но и последовательно реализует в своем труде, оперируя теми грамматическими категориями, которые в славянской традиции были введены именно в «осмочастии».

Развитие грамматической схемы, заданной в трактате «**О ѡ҆́смихъ ча́стѣхъ слова**», предполагало обращение к *парадигме*. Общий принцип построения парадигм в **КБ** определяет стратегия дифференциации омонимов и смешивающихся неомонимичных книжных форм. В типичном случае парадигма **КБ** включает пары контрастирующих единиц, различие которых и требуется продемонстрировать, ср. [1] **гꙋбите́ль мо́й**, [2] **гꙋби́тель мои̑**, [3] **гꙋби́телѧ**, [4] **гꙋби́телѧѧ̑** (л. 32 об.) – **1 – 2** И ед.ч. // Р мн.ч., **3 – 4** Р ед.ч. // В мн.ч.; [1] **проповѣ́дники**, [2] **проповѣ́дницы**. [3] **проповѣ́дникомъ**, [4] **проповѣ́дникомъ̑** (л. 44 об.) – **1 – 2** В мн.ч. // И мн.ч., **3 – 4** Т ед.ч. // Д мн.ч. [Кузьминова 2016: 46–47].

Исходная лингводидактическая целеустановка («**дабы̀ і҆ простѣ́йшим вѣ́домо бы́ло**» л. 23 об.) требовала точного *определения грамматического и лексического значения* отобранных единиц. Наряду с прямыми дефинициями, аналогичными тем, которые применяются в современной лексикографической практике, ср. **бо́ѧщасѧ** (л. 28) – **пра́во ж є̑**, т.е. правый (именительный) падеж, женский род, единственное число, создатель **КБ** задействует контекстуальный (иллюстративный) способ семантизации, при котором языковая единица приводится в расширенном контексте, содержащем конкретизаторы-распространители, позволяющие определить ее значение, ср. И мн.ч. // В мн.ч. **оу҆ста́ви на̑м пре́дани сꙋ́ть – оу҆ста́вы мы̑ храни́мъ̑** (л. 51), **ѿкры́лъ сокро́вище. і҆ паки гл҃етсѧ, ѿ крылъ̑ пти́чїихъ̑** (л. 53 об.).

Прямые аналоги в современной лексикографической практике имеет справочно-ссылочный аппарат **КБ** и технические приемы подачи материала.

Указанные функционально-типологические параметры **КБ** свидетельствуют о становлении в кон. XVI – нач. XVII в. научной модели описания книжного языка.

Литература

Гак В.Г. Словарь // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 462–464.

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1980.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1988.

Кузьминова Е.А. Грамматический сборник 1620-х гг. / Издание и исследование Е.А. Кузьминовой // AION-SLAVISTICA. Annali dell'Instituto Universitario Orientale di Napoli. Dipartimento di studi dell'Europa orientale. Sezione SLAVISTICA. Quaderno № 1. 2002.

Кузьминова Е.А. «Словарь трудностей» церковнославянского языка XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2016. № 2. С. 40–50.

Сазонова И.К. Толково-грамматический словарь русских причастий. 3-е изд. испр. М.: АСТ-Пресс, 2008.

О языке списков Волынского извода Кормчей книги ранней русской редакции

И.И. Макеева

The language of the manuscripts of the Volynsk recension of early Russian redaction of Kormchaia book

Irina I. Makeeva

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) / Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)

irinamakeeva2007@mail.ru

Аннотация. Как показывает язык трех списков Кормчей ранней русской редакции, два из них написаны в юго-западной Руси, один – в Валахии или Молдавии. Валашский список и один из западнорусских восходят к общему протографу.

Ключевые слова: Кормчая книга ранней русской редакции, текстология, древнерусский язык.

Summary. Language analysis of three manuscripts of the Volynsk recension of early Russian redaction of Kormchaia book the conclusion is made that two of them originate from South-Western Russia, and one from Walachia or Moldavia. The Walachian and one the West-Russian manuscripts were derived from a common sourse.

Keywords: early Russian redaction of Kormchaia book, textual criticism, Old Russian language.

Кормчая книга ранней русской редакции, созданная при митрополите Кирилле, является компиляцией сербской кормчей в 64 главах (старший сербский список – Иловицкий – датируется 1262 г., восточнославянский – Рязанская кормчая – 1284 г.) и древнеславянской кормчей (древнейший список – Ефремовская кормчая XII в.). Я.Н. Щапов считал, что на первом этапе в 60–70-ые годы XIII в. в южной Руси появился Волынский извод ранней русской редакции, с которого в 1286 г. для Волынского князя Владимира Васильковича был сделан несохранившийся список. Свидетельствующая об этом запись в дальнейшем воспроизводилась в других рукописях Волынского извода, который представляют Арадский список XV в. (Арадское епископство в Румынии, № 21), Погодинский список конца XVI в. (РНБ, собр. Погодина, № 234) и частично Харьковский список XV в. (Харьковский исторический музей, инв. № 21129). Списки Волынского извода распространялись на территории юго-западной Руси, Речи Посполитой и в Валахии.

Второй этап работы над ранней русской редакцией связан, по мнению Я.Н. Щапова, с северо-востоком Руси. Его представляют Новгородская (иначе Климентовская) кормчая 1282 г. (ГИМ, собр. Синодальное, № 132), Воскресенская кормчая начала XIV в. (ГИМ, собр. Синодальное, № 131), Варсонофьевская кормчая XIV в. (ГИМ, собр. Чудовское, № 4) и Тихомировский список XV в. (ГПНТБ, СО РАН, Тихом. 539).

В Арадском и Погодинском списках сохранились чтения, совпадающие с чтениями сербской Иловицкой кормчей и отличные от других перечисленных рукописей. Поэтому даже несмотря на поздние наслоения, имеющиеся в Погодинской кормчей, текст в этих двух списках ближе к исходному и нередко позволяет восстановить первоначальные ва-

рианты. При этом из-за некоторого количества индивидуальных чтений рукопись Арадского епископства не может рассматриваться как оригинал Погодинской кормчей.

Арадский список написан в Валахии или Молдавии. Для него характерны: употребление буквы ѫ (в том числе регулярно во флексиях прилагательных и причастий в винительном падеже ед. ч.: **дроугѫѧ**, **ѡбрѫченѫѧ**), мена юсов, мена ѣ / ѧ (в том числе регулярно в формах глаголов на *-яти*: **поставлѣти**, **поставлѣетсѧ** и т.п.), регулярное написание сочетаний редуцированного с плавным по южнославянскому типу, написание **ь** вместо **ъ** на конце слов, мена начальных **оу** / **в**. Особый вопрос – интерпретация формы существительного в конструкциях типа **волѧ имать**, **кꙋплѧ творите**. Рукопись хорошо акцентуирована, однако ее акцентуация должна быть предметом специального изучения. Предварительно можно заключить, что имеет место тенденция к неподвижному накоренному ударению, что несвойственно восточнославянским языкам. С этой точки зрения более вероятным местом создания Арадского списка кажется Валахия.

Графические особенности, встретившиеся у основного писца Погодинского списка (характерное написание выносных букв **ст** и выносной буквы **и**), позволяют предполагать, что рукопись происходит с юго-запада восточнославянской территории.

В Погодинской кормчей имеются немногочисленные примеры мены ѣ / **и** (почти регулярно в формах мн. ч. местоимения **весь**); единичны случаи, в которых можно видеть отражение отвердения [р] и [ч]: **бл҃гочынниѧ**, **почытаемъ**, **изрынетсѧ**. На произношение твердого лабиального согласного [в] на конце слова указывает частотное написание **цр҃квъ**. Почти регулярно на конце словоформ, оканчивающихся на **-к**, **-х**, пишется **ь**. При этом букву ѫ писец не использует. Акцентуированы отдельные словоформы. Для описания акцентной микросистемы рукописи сведений недостаточно, но ударение некоторых слов (**жи́тїе**, **бы́тїе**) в сочетании с акцентуацией других также позволяет связать рукопись с юго-западом восточнославянской территории.

Редкие примеры мены юсов и написания ѣ вместо ѧ (**ѧглїе** и др., **ꙗвлѣюще**), а также мена начальных **оу** / **в** в Погодинской кормчей отмечаются в тех же словоформах, что и в Арадской рукописи. Вероятно, эти особенности были в списке, к которому восходят обе Кормчие, то есть их протограф создан в Валахии или Молдавии.

Это подтверждают написанные другими писцами маленькие фрагменты Погодинской кормчей, в которых присутствуют особенности, характерные для Арадского списка. Во фрагменте на лл. 122–122 об. писец использует ѫ и широко употребляет ѧ (включая глагольные флексии): **неѿпꙋстимоѫ**, **бѫдꙋтъ**, **нѫѫ҃ею**, **со мноѫ**, **сѫтъ**; **прилежѧ**, **чѧсто**, **вашѧ**. Возможно, тем же почерком написан фрагмент в восемь с половиной строк на на л. 94 об., где имеются **приложишѧ** и **поставлѣти**.

В отличие от Арадской и Погодинской кормчих, представляющих одну ветвь списков Волынского извода, Харьковский список, созданный в юго-западной Руси, представляет его другую ветвь. Для него не характерны употребление ѫ и мена ѧ / ѣ. Многочисленны примеры написания ѣ вместо **є**. Изредка отражаются особенности вокализма предударных слогов и мена ѣ / **и**. Мена начальных **оу** / **в** отмечается не в тех словоформах, где она имеется в Арадском и Погодинском списках. В конструкции с предлогом **по** при указании на событие, после которого что-л. происходит, возможно употребление не местного, а дательного падежа (**по искончанью**). У отглагольных существительных ср. рода форма родительного падежа может быть тождественна именительному. Особенно много подобных примеров в собрании новелл Юстиниана.

Минея: *«свое – чужое»* в псковско-тартуских рукописях XVI–XVII вв.

Н. Нечунаева

The Menaion: «Native and Forein» in the manuscripts of XVI–XVII cc from Pskov-Tartu libraries

Natalja Netsunajeva

Таллиннский университет, Институт гуманитарных наук (Эстония) / Tallinn University, School of Humanities (Estonia)

nataljan@tlu.ee

Аннотация. В докладе представлены 24 рукописи Минеи XVI–XVII вв., история хранения которых связана с Научной библиотекой Тартуского университета и библиотекой Псково–Печерского монастыря. В них включены памяти общерусским и псковским святым. Поля рукописи являются источником информации о личности писца, о времени и месте написания списка, о традициях скриптория и языковых вариантах.

Ключевые слова: Минея, коллекция рукописей, приписки на полях, памяти псковским святым, лингвистические варианты.

Summary. The paper presents 24 manuscripts of the Menaion of the XVI – XVII centuries, the storage history of which is connected with the Scientific Library of the University of Tartu and the library of the Pskovo-Pechersk Monastery. The manuscripts include the memories of All-Russian and Pskov saints. Margins of the manuscript are a source of information about the identity of the writer, about the time and place of writing, and about the traditions of the scriptorium and language variations.

Keywords: Menaion, collection of manuscripts, writings on the margins, memories of Pskov saints, linguistic variations.

В Научной библиотеке Тартуского университета с 1941 года по 1990 год находилась 81 рукопись XV–XX вв., куда они поступили в 1941–1943 годах из монастырской библиотеки Псково–Печерского монастыря. О первоначальном месте хранения коллекции свидетельствует опись библиотеки монастыря 1586–1587 годов и записи на полях рукописей. В 1990 году рукописи из этой коллекции были возвращены их первоначальному вдадельцу [Бегунов, Панченко 1960]. Минея была представлена в коллекции 24 рукописями.

В названии памятника (греч. menaion ‘месячная’) отражен принцип расположения текста, прославляющего святых и церковные праздники на каждый день месяца в течение года. Древнерусские списки Минеи XI–XIII вв. представлены 68 рукописями этого периода. По лингвотекстологической классификации они относятся к двум типами: архаичному – Путятина Минея XI в. и ее аналоги (10 списков) и списки студийского типа – основной корпус рукописей этого периода. В псковско–тартускую коллекцию входили рукописи Минеи XVI–XVII вв., которые соотносятся с иерусалимским уставом [Нечунаева 2000: 10, 26–35, 157–158]. Более подробная классификация рукописей Минеи выполнена с использованием методов информационного поиска [Netsunajev, Netsunajeva 2018].

Минеи – строгий богослужебный текст. Для писца этот текст «чужой», так как текст им не создается, а переписывается, все изменения имеют причины: смена устава, изменение техники перевода, развитие языковой системы. Поля рукописи и конец текста – источник информации о личности писца, о времени и месте написания списка, о традициях скриптория. Приписки воспринимаются писцом как «свой» текст, иногда даже атрибутированный, не совпадающий по содержанию и исполнению с основным текстом памятника, и становятся источником сведений культурологического характера.

Типы приписок в псковско-тартуских Минеях разнообразны. Это источники монастырской коллекции: поступление рукописи из Савопустынного монастыря (Mscr.687);

сведения о писцах: *писец Ивашко Алексеев сын* (Mscr.688); записи о выдаче монастырем жалованья: *Две полтеных хлеборезу Тимохе Горьеву* (Mscr.699); предостережение: *Хто украдет, тому бог суд* (Mscr.690)»; присказка: *Сколь раз заец от тенета отбежав, столь раз писец списавши книгу сию*» (Mscr.688). Приписки отражают диалектные особенности писца: *Хто и всяведняг, полтены*.

В псковско–тартуских рукописях содержатся «свои» памяти. Особенностью конфессионально-гимнографических текстов является присутствие в составе локальных признаков, которыми являются службы славянским святым. Для архаичных и студийских списков XI–XIII вв. наличие славянских памятей является исключением. Обычно такие памяти связывают с рукописями XIV–XVII вв. В корпус русских памятей псковско-тартуских Миней включены памяти общерусским святым: Борису и Глебу (Mscr.708); Феодосию Печерскому (Mscr.708); князю Владимиру (Mscr.709) и *местным,* «своим» святым: новгородскому архиепископу Евфимию и Евфросину Псковскому (Mscr.708). В заголовке памяти 15 мая назван подвиг Ефросина – создание Псковского Елеазарова монастыря, в названии которого использовано мирское имя его создателя. Чтобы подробно исследовать проявление «своего» и «чужого» по уровням языковой системы в Минее, как и в других служебных памятниках, требуется более полное описание каждого уровня [Кузнецов 2016].

Норма служебных книг диктовала регулярное воспроизведение текста по образцу: в составе памятей, структуре текста и лингвистических чтениях. Реально списки каждого типа Минеи допускают включение «своих» элементов на всех текстовых уровнях – от содержания до разночтения языковых единиц. Псковско-тартуские списки Минеи выделяются из общего корпуса текстов присутствием большого количества «своих» элементов, затрагивающих, с одной стороны, содержание, с другой стороны, – отражающих «свои» особенности письма.

Литература

Бегунов Ю.К., Панченко А.М. Описание древнерусских и старопечатных книг научной библиотеки Тартуского государственного университета // Ученые записки ТартуГУ. Вып. 98. Тарту: Издательство Тартуского Университета, 1960. С. 299–308.

Кузнецов А.М. «Свое» и «чужое» в орфографии Зографского Евангелия: отражение истории еров в сильной позиции. // *Свое – чужое* в языке и речи. Tartu: Tartu University Press, 2016. С. 102–116.

Нечунаева Н. Минея как тип славяно-греческого средневекового текста. Tallinn: Изд-во Таллиннского университета, 2000.

Netsunajev, Netsunajeva. On the Classification of the Slavic Menaia Manuscripts Dated from the 11th to 14th Centuries. Digital Medievalist, 11. DOI 10.16995/dm.75. 2018.

Об особенностях языка и текста «Повести о Петре и Февронии» как памятника русской письменности

Л.Н. Норейко

Linguistic and textual features of “Povest’ of Peter and Fevronia” as the monument of Russian literature

Larisa N. Noreiko

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University,
nor-larisa@yandex.ru

Аннотация. В докладе представлен материал исследования языка «Повести о Петре и Февронии» по рукописи Соловецкого собрания. Делаются выводы о способах функционирования и направлениях развития древнерусского литературного языка.

Ключевые слова: памятник русской письменности, древнерусский язык, повествовательная литература.

Summary. This report deals with the linguistic research of the monument of Russian literature. The main processes in old Russian language are under consideration.

Keywords: old Russsian language, monument of Russian literature, narrative type of literature.

1. Вопросы образования и развития русского литературного языка относятся к числу актуальных проблем языкознания. Не полностью решенным остается определение природы и сущности русского литературного языка в разные периоды его истории. В.В. Виноградов отмечал, что в науке пока еще нет «конкретно-ясного, детального определения грамматической и лексической системы древнерусского литературного языка в его разных типах и стилях. Отсутствует и всестороннее описание грамматических свойств и лексического состава наиболее важных памятников древнерусского литературного языка» [Виноградов 1978: 76–77].

2. Изучение языка памятников русской письменности позволяет представить литературно-языковой процесс во всем многообразии и сложности. В связи с этим научный интерес вызывает состояние русского литературного языка, отраженное в литературных памятниках повествовательного жанра XV–XVI вв., к которым относится рассматриваемое произведение «Повесть о Петре и Февронии». Рукопись данного памятника представляет собой авторский вариант его создателя – Ермолая Еразма (собр. Соловецкого монастыря, № 267/307). «Повесть» является уникальным материалом для исследования и представляет собой краткий, цельный текст, вмещающий значительное содержание.

3. В литературном тексте язык рассматривается как факт культуры, который «непосредственно соединяется с изучением других областей культуры» [Горшков 1983: 33]. В соответствии с этим литературный язык изучается в его связях с литературой. При таком подходе к языковому материалу план выражения находится в органической связи с планом содержания.

4. Значительные различия между разновидностями литературного языка в донациональный период его развития дают основание говорить о литературном двуязычии в то время. Однако существует и другой взгляд, согласно которому существовал один литературный язык – древнерусский, а языковые различия квалифицируются как разные способы повествования. Целостность древнерусского литературного языка устанавливается прежде всего в литературном произведении с учетом плана содержания.

5. Повествовательные произведения данного периода (Житие Пафнутия Боровского, Повесть о Петре, царевиче Ордынском, Повесть о Дмитрии Басарге и др.) выделяются на фоне риторического стиля книжно-славянского типа литературного языка. На уровне языковых единиц (особенно в области грамматических форм) эти произведения имеют много общего с традиционными житийными жанрами. Но язык этих произведений имеет существенные отличия на уровне организации текста. Его характеризует отсутствие «извития словес», конкретность изображения, значительный пласт бытовой лексики. В житийных повестях (какой является «Повесть о Петре и Февронии») происходит наполнение агиографических жанровых форм бытовым материалом. При этом ни материал, ни форма не остаются неизменными. Связь с устным творчеством раскрывается в семантике и структуре текста.

6. Характер литературных грамматических форм неодинаков: одни формы несут на себе печать «книжности», функциональной ограниченности, другие же формы свободно функционируют в различных сферах и жанрах, в том числе в деловой письменности и в фольклоре. Языковой материал «Повести» подтверждает вывод о том, что в повествовательной литературе XVI века продолжает действовать семантико-грамматическая дифференциация языковых средств. Однако в лексике рукописи заметно влияние народной речи.

Употребление бытовой лексики, отражающей реалии повседневной жизни, является одним из основных стилеобразующих факторов языка памятника.

7. Лингвистическая организация текста «Повести» многослойна. Языку предисловия свойственна риторическая украшенность. В этой части употребление слова определяется его окружением, включением его в определенный словесный стереотип. Выбор языковых средств в основной части текста диктуется не литературным этикетом, но, в большей степени, определяется коммуникативной задачей повествования: автор рассказывает «яко поведаху». Действие изображается в движении: фраза строится как выражение системы жестов. Простота и непринужденность изложения в «Повести» тесно связаны с таким существенным лингвистическим свойством текста, как ясность и определенность членения его на отдельные синтаксические единства. В основе связности текста лежат отношения, заложенные в передаваемых явлениях жизни.

9. Сложный литературно-языковой фон XV–XVI вв. свидетельствует о том, что «украшенный слог» не определял всецело основное развитие русского литературного языка в тот период. Язык повестей подтверждает мнение о том, что своеобразие литературного языка обусловлено «не столько его фонетико-морфологической базой, сколько особенностями его лексики, семантики и синтаксиса» [Виноградов 1977: 12].

Литература

Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.

Виноградов В.В. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978.

Горшков А.И. Теоретические основы истории русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1983.

Источники

Рукопись XVI в. – Собр. Соловецкое 287/307

Что за памятник Парижский стихирарь?

М.А. Пузина

What is Parisian sticherarion?

Maria A. Puzina

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) / V.V. Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)

maria-malygina@yandex.ru

Аннотация. Доклад посвящен сопоставлению стихир в Парижском стихираре, древнерусских стихирарях XII в. и южнославянских минеях.

Ключевые слова: славянская гимнография, стихирарь, минеи.

Summary. The report is devoted to the comparison of the stichera in the Parisian sticherarion, the Old Russian sticherarions of the 12th century and South Slavic menaia.

Keywords: Slavic hymnography, Sticherarion, Menaia.

До недавнего времени в филологической и музыковедческой науке господствовало убеждение, что славянский Минейный стихирарь как гимнографический памятник появился на Руси в XI в. и появление его напрямую связано с редактированием богослужебных книг, связанным с введением Студийско-Алексиевского устава (в последнее время мнение о существовании архаичного южнославянского Стихираря активно продвигает А.М. Пентковский [Пентковский 2018]). Мнение это подкрепляется тем, что южнославянские, даже если они и существовали, до нашего времени не сохранились. Это последнее утверждение, однако, не совсем верно. В конце XIX в. в своем труде «Древние славянские памятники юсового письма» И.И. Срезневский описал и частично опубликовал две рукописи (скорее, два отрывка), которые он атрибутировал как южнославянские стихирари [Срезневский 1868: 66, 67, 214–216]. И если следы одного из них – Норовских отрывков – впоследствии теряется, то второй – так называемый Парижский стихирарь – реально существующий памятник. Парижский стихирарь представляет собой собрание стихир с 1 по 14 сентября, выписанных на полях греческой рукописи сочинений Платона. Рукопись хранится в Национальной библиотеке в Париже (Paris. gr. 1808). По месту хранения текст и был условно назван Парижским стихирарем. После И.И. Срезневского о памятнике вкратце писали Кр. Станчев [Станчев 1981] и И. Божилов [Божилов 2003]. Особенно интересовался им и даже сделал посвященный памятнику доклад на одной из конференций Ст. Кожухаров, по мнению которого «текстовете… наистина са от XIV в., писани са в Търново и възхождат към интересна и важна ръкописна традиция» [Божилов 2003: 393]. А.А. Турилов, описывая славянскую книжность древнейшего периода, датирует стихиры кон. XII – нач. XIII в. и замечает, что «и для него не исключен восточнославянский оригинал» [Турилов 2012: 158]. Так же кон. XII – нач. XIII в. датирует памятник Кр. Станчев [Станчев 2005: 140] При этом в работах этих ученых стихирарь удостаивается самых интригующих эпитетов. Один называет его «экзотическим» [Турилов 2012: 158], другой – «мистериозным» [Станчев 2005: 140].

В докладе рассматривается Парижский стихирарь с языковой точки зрения и с точки зрения его соотношения с текстами, представленным в родственных богослужебных книгах. На примере сопоставления нескольких стихир в Парижском стихираре, древнерусских стихирарях и южнославянских минеях показаны языковые совпадения и отличия между рассматриваемыми рукописями. Исходя из различий в качестве перевода стихир, а также количества расхождений и совпадений в переводе стихир в Парижском стихираре и древнерусских стихирарях, можно предположить следующее: перевод стихир, входивших в состав древнейшего древнезападноболгарского стихираря, весьма сильно различался по качеству, поэтому впоследствии часть стихир была незначительно отредактирована, часть отредактирована всерьез, а часть полностью переведена заново, что и отражается в текстах, представленных в южнославянском минейном корпусе. Затем при подготовке комплекта древнерусских «студийско-алексиевских» богослужебных книг эти исправленные стихиры были взяты из болгарских миней и снова отредактированы, уже не столь серьезно.

Литература

Божилов И. Cod. Paris, gr. 108: един Платонов кодекс в България през XIV в. // «Пети достоитъ»: Сб. в памет на Стефан Кожухаров. София, 2003.

Пентковский А.М. Материалы для истории славянского богослужения в XI веке: I. Восточно- и южнославянские служебные Минеи // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 16. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2016–2017. М., 2018. С. 245–295.

Срезневский И.И. Древние славянские памятники юсового письма // Сб. ОРЯС. Т. 3. СПб.,1868.

Станчев К. Неизвестные и малоизвестные болгарские рукописи в Париже // Palaeobulgarica. 1981. № 7. С. 85–97.

Станчев К. К начальной истории одного типа служебной минеи у славян // Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung. Bonn, 7–10. Juni 2005. С. 135–149.

Турилов А.А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012.

Библейские и литургические надписи XII–XV веков в храмах Древней Руси

Т.В. Рождественская

Biblical and liturgical inscriptions of the XII–XV centuries in the churches of Old Rus'

Tatiana Vs. Rozhdestvenskaia

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University

t.rozhdestvenskaya@spbu.ru, tat.rozhd@gmail.com

Аннотация. В докладе рассматриваются библейские (литургические) надписи на стенах древнерусских храмов как лингвистических источников.

Ключевые слова: древнерусская эпиграфика, библейские цитаты.

Summary. The paper concerns with the analysis of biblical (liturgical) inscriptions on the walls of the Old Russian churches as a linguistic sources.

Keywords: Old Russian epigraphy, biblical quotes.

Древнерусские эпиграфические памятники относятся, согласно классификации С. Франклина, к письменности «третьего разряда», то есть к письменным текстам непосредственно не связанным с предметами, на которые эти тексты нанесены [Франклин 2010: 131]. Однако отнесение к этому разряду богослужебных и молитвенных граффити на стенах храма, сделанных внутри его литургического пространства, вряд ли обосновано.

В докладе рассматриваются новонайденные библейские и богослужебные граффити XII–XV вв. из храмов Новгорода – ц. Спаса на Нередице, ц. Феодора Стратилата, ц. Успения пресв. Богородицы на Волотовом поле в соотнесении этих текстов с их рукописной традицией и книжной нормой, а также в совокупности с текстами в составе фресковых композиций. Место расположения этих надписей – преимущественно в дьяконнике. Особое внимание уделяется надписям в ц. Успения на Волотове. Анализируется палеография, графико-орфографические и языковая нормы, текстология этих источников. Обсуждается вопрос об их устном бытовании, т.е. воспроизведении по памяти, что служит одной из причин компрессии текста и его вариативности.

The Old Russian epigraphic sources belong, in accordance to the classification of S. Franklin, to the written language of the third type, i. e. to written texts not direct-coupled with objects on that these texts are inflicted (Franklin 2010: 131). However, their attribution to this type of liturgical and of prayer graffiti on the walls of a temple, placed into its liturgical space, is hardly reasonable.

The paper examines the newly discovered biblical and liturgical graffiti of the 12–15th centuries from Veliky Novgorod churches: the Saviour Church on Nereditsa, the Church of St. Theodore Stratilates on the Brook, the Assumption Church in Volotovo field in correlation of these texts with their handwritten tradition and book norm, together with texts in fresco compositions. These inscriptions are located mainly in the pastophory. The special attention is spared to the inscriptions of the Assumption Church in Volotovo. Paleographical, graphemic and language norms as well as textual transmission of these sources are analyzed. The problem of their oral transmission and memorization as one of the causes for text compression and variation is discussed.

Литература

Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950 – 1300 гг.). СПб., 2010.

Структура и состав Стишного Пролога XV–XVII веков (особенности редакций летних списков)

О.Г. Щеглова

The structure and composition of the Stishnoy Prologue of the XV–XVII centuries (special features of the summer lists)

Olga G. Shcheglova

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет / Novosibirsk State University

scheglova@post.nsu.ru

Аннотация. В докладе представлены результаты анализа структуры и состава чтений 40 списков Стишного Пролога XIV–XVII веков летнего полугодия. Текстологически значимыми для отнесения списка к одной из пяти редакций первоначально были такие критерии: количество чтений, наличие назидательных чтений, наличие памятей русским святым. Вторым по важности критерием выделения редакций Стишного Пролога стали различия в составе чтений летнего полугодия и лексические разночтения в текстах. Для русских списков Стишного Пролога наиболее важным критерием для выделения редакций памятника является состав назидательных чтений.

Ключевые слова: Стишной Пролог, состав чтений, структура, текстология, редакции памятника.

Summary. The report presents the results of an analysis of the structure and composition of readings of the 40 lists of the Stishnoy Prologue of the XIV–XVII centuries of the summer half of the year. Textually significant for reference the list to one of the five editions were initially such criteria: the number of readings, the presence of edifying readings, the presence of memories to Russian saints. The second most important criterion for the selection of the Stishnoy Prologue editions were differences in the composition of the summer semester readings and lexical differences in the texts. For Russian lists of the Stishnoy Prologue the most important criterion for distinguishing the edition of the monument is the list of didactic readings.

Keywords: Stishnoy Prologue, composition of readings, structure, textology, editions of the monument

Среди переведенных с греческого языка книг заметным явлением в книжной культуре Древней Руси стал Стишной Пролог. Такое название получил у славян греческий стишной Синаксарь, переведенный южными славянами в XIV веке. Именно Стишной Пролог (далее – СП) лег в основу печатного Пролога, который выдержал несколько изданий в XVII–XVIII веках, впоследствии полностью вошел в состав Великих Миней-Четьих. Стишной Пролог стал одним из самых популярных памятников письменности древней и средневековой Руси, об этом, в частности, свидетельствует количество сохранившихся списков.

Стишным Пролог назывался потому, что его жития предварялись краткими стихами в честь святых, написанных в греческом стишном Синаксаре ямбическим стихом. Обычно в стихословии содержалась характеристика святого, либо истолковывалось его имя, либо означался род смерти мученика. По своей структуре Стишной Пролог является календарным сборником.

Нами было предпринято лингвотекстологическое исследование 40 списков Стишного Пролога, содержащих чтения на март-август, т.е. на весеннюю половину года. Мы считаем, что среди списков весенней половины можно выделить не менее 5 редакций древнерусского Стишного Пролога: Южнославянскую, Троице-Сергиевскую, Синодскую, Устюжскую и Хутынскую. В нашем докладе мы хотим представить те особенности структуры и состава, на основе которых мы выделили разные редакции Стишного Пролога.

На первом этапе критериями выделения редакций выступали следующие признаки: количество чтений, наличие назидательных чтений и наличие памятей русским святым.

На втором этапе мы сравнивали состав чтений в разных списках Стишного Пролога по следующим критериям:

- отсутствие памятей,
- наличие дополнительных памятей,
- нахождение одних и тех же памятей под разными числами в разных списках,
- различный порядок чтений на один день,
- лексические разночтения в заголовках памятей.

Эти текстологически значимые различия состава списков СП могут показать взаимосвязи между списками одной редакции или разных редакций, установить ближайше родственные списки и в конечном итоге послужить основой для генеалогической классификации списков.

Отсутствующие памяти представляют собой либо заголовки, либо заголовки со стихами, которые занимают на листе иногда не более полстроки. Если бы это были пропуски в отдельных списках, можно было бы говорить, что они пропущены по невнимательности писца. Если же такие «короткие» записи отсутствуют сразу в нескольких списках, то это является свидетельством их близости и значимой текстологической приметой.

Что касается наличия дополнительных памятей, то следует сказать, что большей частью эта текстологическая примета носит индивидуальный характер и в значительной степени характеризует установки и предпочтения переписчиков. Так, только в [НБКМ-166] есть 15 мая память Лазаря Сербского. Рукопись НБКМ-166 сербского извода, поэтому не удивительно, что сербский писец вносит в переписываемый им список память великому сербскому святому. В списке [НБКМ-1044] болгарского извода 1 июля находится память перенесения мощей Иоанна Рыльского, величайшего болгарского святого, о котором, как мы думаем, не мог не упомянуть болгарский писец.

Важная текстологическая примета – лексические разночтения в заголовках чтений в списках СП, которые представлены тремя видами: 1) различия в именах собственных, что свидетельствует о неполной освоенности иноязычных имен собственных в церковнославянском языке, 2) различия, вызванные описками или ошибками прочтения протографа (например, слова под титлами или числительные) и 3) собственно лексические различия, которые могут быть содержательными, и вариантными, последние указывают на наличие развитой синонимии в церковнославянском языке.

Лексические разночтения, повторяющиеся в двух и более списках, являются, на наш взгляд, показателями общности происхождения списков и их генетической близости.

Анализируя состав текстов Стишного Пролога, мы выделили следующие типы чтений:

1. Память (в нашей работе мы используем слово *заголовок*), например, «*Святаго мученика Аполония*» 10 июля.
2. Память (заголовок) со стихом, например, «*Память Марие сестре Лазарове внегда нозе Христове миром помаза и власы своими отревши*». Сх: «*Почитает жена тебе Христе народопомазанием яко и убрусом власми отревшии нозе твои*» 18 марта.
3. Память (заголовок) со стихом и житием, например, «*Память святых мученик Хрисанфа и Дарие*». Сх: «*Поне аще и дышуще живи в ров вшедше живет на небеси Хрисанф с Дариею жива супруга в ров ввергоше в .ѳі.*» Нач.: «*Сии бяху при Нумериане цари бяше же Хрисанф сын Полемона синглитика александрскаго*…» 19 марта.
4. Память с житием, без стиха, например, «Святыя *мученицы Фотинии самарянынi и сына ея Осея*». Нач.: «*Фотиния славная самарянынi*...»20 марта.
5. Нравственно-повествовательные сочинения имеют заголовок и начало чтения, например, «*Слово Иоанна Златоустаго о покаянии и целомудрии*». Нач.: «*Того ради часто о покаянии движу слово*…» 20 марта.

Различия в составе чтений представляют структурные особенности разных редакций СП. Анализ состава чтений СП показал, что основная масса памятей святым, событиям и важным датам в истории христианства (от 63% до 77% чтений в зависимости от редакции) оставалась неизменной, то есть, создавая новые списки памятника, древнерусские книжники в основном следовали традиции, хотя инновации не исключались. Но вот назидательные чтения в большей своей части для каждой редакции индивидуальные. В результате мы пришли к важному выводу о том, что именно состав назидательных чтений различает выделенные нами редакции Стишного Пролога.

Различия в выборе назидательных слов, на наш взгляд, обусловлены традициями книжных центров, где создавались архетипы редакций древнерусского СП, возможностями их библиотек, эрудированностью самих древнерусских писцов, их книжными предпочтениями, в какой-то степени историческими событиями (например, в списке [Тит-239] внесены памяти русским святым, канонизированным на соборах 1547 и 1549 гг.).

Проведенный нами предварительный анализ назидательных чтений СП показывает, что при создании древнерусских списков и при дальнейшем их бытовании на Руси книжники обращались к богатейшему наследию византийской литературы, переведенному к тому времени на славянский язык. Это была богослужебная, житийная, повествовательная, учительная литература, сборники устойчивого содержания.

В результате мы пришли к выводу, для структуры и состава чтений исследуемых списков характерны динамические процессы, в результате которых Стишной Пролог бытовал на Руси в течение XV–XVII веков как минимум в пяти редакциях.

Источники

Стишной Пролог, март – 14 июля, XVII в., сербский, 256 л., 1^0: Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София) [НБКМ-166]

Стишной Пролог, март-август, 1636 г., болгарский, 1^0: Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София) [НБКМ-1044]

Стишной Пролог, март-май, XVI в., русский, 430 л., 1^0: ОР РНБ. Собрание Титова. № 239 [Тит-239].

Секция XXI. Функционирование русского языка в мультимедийной среде

Вариативность представления новостной информации в медиатекстах

Т.Д. Брайнина

The variability of the presentation of news in media texts

T.D. Brainina

Московский государственный лингвистический университет / Moscow State Linguistic University

tdbraynina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена различным формам представления одной и той же новостной информации в современных СМИ и Интернете. Рассматривается также вопрос влияния стиля и содержательных элементов текста-источника на вновь создаваемый текст.

Ключевые слова: новостной медиатекст, бегущая строка, синонимичные словосочетания.

Summary. The article is devoted to various forms of presentation of the same news information in modern media and in the Internet. The problem of the effect of style and content elements of the source text on the newly created text is also considered.

Keywords: news media text, ticker, synonymous phrases.

В современную эпоху читателю, зрителю и слушателю предоставляется огромный выбор разных средств информации, каждое из которых претендует как на соответствие определенным стандартам, так и на уникальность, собственный взгляд на события или особый способ словесной подачи информации.

Поскольку важнейшей функцией СМИ является информирование общественности об основных, наиболее важных и интересных для нее событиях, одним из основных типов медиатекстов являются новостные медиатексты.

Стремясь предоставить своим зрителям и читателям наиболее актуальную новостную информацию, разные газеты, журналы, телеканалы и новостные порталы Интернета тиражируют сообщения о значимых событиях. Иногда они воспроизводят текст источника (какого-либо новостного агентства, авторитетного издания или государственного ведомства), но чаще редактируют эти сообщения, меняя значительную часть текста или создают на основе краткого сообщения собственный уникальный текст.

Новостные тексты, предлагаемые интернет-порталами, представляют собой часто набор заголовков статей, посвященных одной тематике, являющиеся ссылками на сайты различных СМИ. Эти заголовки демонстрируют возможность представления одного и того же содержания различными языковыми средствами, в этих сообщениях часто используются синонимичные словосочетания:

Песков рассказал, что Путин и Трамп ***поприветствовали друг друга*** *на G20* (RT на русском 21:07).

Помощник Путина сообщил, что президент РФ ***поздоровался с Трампом*** *на саммите G20* (Интерфакс 21:06).

Кремль: Путин и Трамп ***поздоровались друг с другом*** *на саммите G20* (Ведомости 21:03).

Трамп и Путин ***не пожали друг другу руки*** *в начале саммита G20* (РБК 19:16).

Трамп и Путин ***не обменивались рукопожатием*** *на G20, заявили репортеры из США* (РИА Новости 19:35).

Очевидно, что авторы, предлагая различные варианты формулировок, стремятся избежать стилистического копирования и повысить ценность собственного текста, трансформируя выражения, присутствующие в тексте-источнике или используя их синонимы.

Так выглядит презентация новостного сообщения в краткой форме. Пройдя по ссылке, читатель может ознакомиться с сообщением в развернутой форме, и здесь уже можно проследить существенные стилистические и содержательные различия в рассказе о событиях, а также различия в степени визуализации информации. Вместе с тем следует отметить, что расхождения в текстах сообщений редко оказываются значительными.

Часто на вновь создаваемый текст существенно влияют стилистические особенности текста-источника, даже если он содержит стилистические погрешности. Так несколько новостных сайтов опубликовали новость о краже дорогой шубы из бара, повторив сообщение АГН «Москва», данное со ссылкой на информацию Главного управления МВД России по городу:

> «По информации ведомства, в дежурную часть ОМВД поступило сообщение о краже личного имущества на улице Земляной Вал, дом 9. Женщина 1981 года рождения пояснила, что пришла в бар, сняла шубу и повесила на стул рядом с собой. Оставив на несколько минут шубу без присмотра, **ее наличие не обнаружила**» (Росбалт http://www.rosbalt.ru/moscow/2017/11/20/1662021.html).

> «Женщина 1981 года рождения пришла в бар по адресу Земляной вал, 9 около 21.00, сняла шубу и повесила на стул рядом с собой за столиком бара. Оставив на несколько минут шубу без присмотра, **ее наличие не обнаружила**, о чем и сообщила в полицию», – сказал собеседник агентства. (РИА Новости https://ria.ru/incidents/20171120/1509144727.html).

Следует отметить другой важный формат подачи новостной информации – это бегущая строка, в которой об актуальных событиях сообщается в сжатой форме. Некоторые СМИ дают, помимо основной информации, две, три или даже четыре бегущих строки для сообщения о новостях на разные темы. Примером такой подачи новостной информации могут быть передачи телеканала РБК или экран в вагоне Московского метро.

Последний пример можно отнести к особым формам СМИ. Здесь публикуются городские новости, сообщается о состоянии дорог, московского и подмосковного транспорта, дается реклама городских мероприятий. Часто новости сообщаются в вопросно-ответной форме. Текст делится на предложения, каждое из них остается на экране не более 5 секунд, затем его сменяет следующее предложение:

> «Где подработать студенту?
> На выставке.
> Всегда нужны люди на контроле билетов и в оргкомитете».

Сходную информацию можно встретить на сайте мэра и других городских сайтах, но там подобные сообщения даются в традиционной повествовательной форме.

Таким образом, в современных СМИ и в Интернете информация об актуальных событиях многократно дублируется и представляется в различном словесном оформлении. Изучение форм представления новостной информации может показать новые тенденции в развитии языка СМИ.

Иноязычные вкрапления в интернет-общении русскоязычной диаспоры Эстонии как проявление экспрессивной языковой агрессии

А. Деци

Foreign language borrowings in the internet communication of Russian diaspora of Estonia as a manifestation of expressive language aggression

Alessandra Dezi

Тартуский университет (Эстония) / University of Tartu (Estonia)

alessandradezi@gmail.com

Аннотация. В докладе будут рассмотрены прагмалингвистические особенности интернет-коммуникации русскоговорящих Эстонии. Особое внимание будет уделено использованию иноязычных вкраплений в экспрессивных и оценочных контекстах в связи с формированием оппозиции «свой / чужой».

Ключевые слова: интернет-коммуникация, язык диаспоры, иноязычные вкрапления, оценка, экспрессивная языковая агрессия.

Summary. In this paper I will analyse the pragmalinguistic features of the internet communication of Russian speakers of Estonia. I will pay special attention to the manifestation of Estonian borrowings in expressive contexts in relation with the formation of the opposition “we / they”.

Keywords: internet communication, laguage of diaspora, foreign language borrowings, evaluation, expressive language aggression.

Язык русскоязычной диаспоры Эстонии уже во многом описан. Эстонские вкрапления анализируются и систематизируются с разных точек зрения [Кюльмоя 2000; Костанди 2016]. Данное явление, однако, изучено не полностью, особенно, на основе материала сетевого общения, дающего представление о живых процессах и актуальных вопросах.

Интернет-пространство со своими особенностями является «катализатором» множества языковых процессов, осуществляющихся в нем и вне его. В данном пространстве пользователи стараются выражаться по-новому, оригинально и экспрессивно [Асмус 2005: 19]. В Интернете функции самовыражения и воздействия на других пользователей становятся первичными, что ведет к формированию своеобразного стиля общения, направленного на то, чтобы завладеть вниманием собеседника. Это осуществляется коммуникантами, в частности, в результате того, что они «стремятся сделать свое сообщение неповторимым, бросающимся в глаза и конфликтным» [Асмус 2005: 28–29].

Ряд исследователей обращает внимание на специфику многоязычного общения в Интернете, включающую такие аспекты как выбор языка, гендерные особенности, вопросы глобализации и самоидентификации [Danet and Hering 2007]. Специфика виртуального пространства ведет к актуализации «чужого слова» в виде заимствований, иноязычных вкраплений и переключения кода. В докладе будет представлена часть более широкого исследования, посвященного сопоставлению иноязычных вкраплений в русской речи в сетевом общении в условиях диаспоры в Италии и Эстонии. В проведенном ранее анализе интернет-общения русскоязычной диаспоры Италии было обнаружено, что вкрапления в интернет-дискурсе выполняют разные функции, как например, метаязыковая, оценочная и ориентирующая, функция самоидентификации, выражения агрессивности [Деци 2018].

Экспрессивная языковая агрессия – «тип языковой экспрессии, для которого характерно отступление от языковой нормы в сторону заниженного регистра, выражение недоброжелательных или даже враждебных чувств, высказывание отрицательной оценки к явлению, действию или предмету» [Картушина 2018]. Анализ эстонского материала показал, что в интернет-общении русскоязычных Эстонии иноязычные вкрапления могут способствовать формированию экспрессивной языковой агрессии, что пересекается с оппозицией «свой / чужой», как в следующем примере:

> ***Eestlased! Peab midagi tegema.*** *Ты адресом не ошибся, любезный?* ***Ээстласед*** *– это на той половине, а здесь* ***тиблад, венкуд, вандид, сибулад, умбкеэльсед окупандид***
>
> [**Eestlased! Peab midagi tegema**. Эстонцы! Нужно что-то делать; **ээстласед**: эстонцы; **тиблад**, **венкуд**, **вандид**, **сибулад**, **умбкеэльсед окупандид**: ряд грубых и сниженных слов, употребляемых по отношению к русским, живущим в Эстонии]

В докладе будут рассмотрены основные варианты проявления экспрессивной языковой агрессии и их пересечения с оппозицией «свой / чужой». Также будет представлено сопоставление эстонского и итальянского материала по данным параметрам.

Литература

Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства. [Электронный ресурс. URL: https://docplayer.ru/25995389-Lingvisticheskie-osobennosti-virtualnogo-kommunikativnogo-prostranstva.html. Дата последнего обращения 4.11.2018].

Деци А. Функции итальянских вкраплений в интернет-общении русскоговорящих Италии (на материале форумов и социальной сети Фейсбук). [Электронный ресурс. URL: https://dspace.ut.ee/handle/10062/60328. Дата Последнего обращения 4.11.2018].

Картушина Е.А. Прагмалингвистические особенности использования русского языка в диаспоре Финляндии (на примере интернет-текстов). [Электронный ресурс. URL: https://e-notabene.ru/fil/article_26595.html. Дата последнего обращения 2.11.2018].

Кюльмоя И.П. Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы / Под ред. И.П. Кюльмоя. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 2000. С. 84–93.

Костанди Е.И. Типовой текст диаспоры: когнитивный аспект // Русистика и современность. 18 международная научная конференция сборник научных статей / Под ред. Э. Архангельской, Л. Игнатьевой. Рига: Изд-во БМА, 2016. С. 273–280.

The Multilingual Internet: Language, Culture and Communication Online / Ed. by Brenda Danet & Susan C. Herring. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 460.

Об одном типе политических интернет-мемов

Эва Капела

On the certain types of political memes

Ewa Kapela

Силезский университет в г. Катовице (Польша) / University of Silesia in Katowice (Poland)

ewa.kapela@us.edu.pl

Аннотация. Статья посвящается шаблонному типу интернет-мемов на политические темы. В ней определяются основные жанровые признаки демотиватора и его функции в политической коммуникации. Исследуемые политические мемы причисляются автором к вторичным жанрам современного неформального политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, интернет-дискурс, интернет-мем, демотиватор.

Summary. The article is devoted to the template, politics-related variety of internet memes. One described the genre-related properties of demotivators and one indicated its functions in political communication. The demotivators which were studied were treated as a peripheral genre of informal political discourse.

Keywords: political discourse, internet discourse, internet meme, demotivator.

Интернет-мемом называется единица информации, приобретшая большую популярность среди интернет-пользователей в результате ее спонтанного распространения. Мемы имеют разную форму. Это, к примеру, фотографии, комиксы, анимационные картинки, видеоролики, отдельные слова или словосочетания (напр. *вежливые люди*), цитаты из высказываний известных людей (напр. *Денег нет, но вы держитесь*. Д. Медведев). Интернет-мемы довольно часто представляют собой гибридные образования, в которых смешиваются элементы разных семиотических кодов. Одним из самых популярных видов интернет-мемов являются демотивационные плакаты. Лингвисты считают демотиватор новым гибридным жанром интернет-дискурса. Он представляет собой семиотически осложненный (вербально-визуальный) текст. Для него характерны шаблонность (определенная композиция и оформление), анонимность, лаконичность, юмористическая направленность, злободневность и экспрессивность.

Для полного восприятия смысла демотивационных плакатов на политические темы необходима внеязыковая информация, в том числе ориентация в текущих общественно-политических вопросах. Фоновые знания, принадлежность адресата и адресанта к совместной дискурсивной общности – это также залог понимания смысла интертекстуальных вкраплений. Как доказывают наблюдения, интертекстуальность является неотъемлемым признаком жанра демотиватора. Она не ограничивается текстовыми отсылками, но проявляется также в виде интерсемиотических и визуальных вставок.

Исследователями политической коммуникации подчеркивается, что благодаря широкому доступу к новым средствам массовой информации граждане выступают уже не только в качестве адресатов, но и сами становятся адресантами сообщений на политические темы. Интернет-мемы на тему политики могут рассматриваться как свободная реакция интернет-пользователей на сложившуюся ситуацию, как форма критики или протеста. Они дают также возможность выразить запрещенные суждения, иногда же выступают как проявление коллективного мышления. Кроме того, осмеивание политиков считается одной из форм общественного контроля их деятельности.

Интернет-мемы в общем и демотиваторы в частности являются формой общественной активности, одним из способов волеизъявления или оценочного самовыражения избирателей, инструментом проявления реакции на предстоящее или предшествующее событие. Поскольку они «носят респонсивный характер и представляют собой комментирование, обсуждение, интерпретацию, одним словом, реакцию на действия (в том числе и речевые), совершенные политиками» (Е. Шейгал), их можно причислить к вторичным жанрам современного неформального политического дискурса.

Литература

Бабина Л.В. Об особенностях демотиватора как полимодального текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. № 2.

Бугаева И.Б. Демотиваторы как новый жанр в интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика // Стил. 2011. № 10.

Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013.

Канашина С.В. Интернет-мем и политика // Политическая лингвистика. 2017. № 1.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Москва: Либроком, 2009.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000.

Fras J. Komunikacja polityczna. Wybrane zagadnienia gatunków i języka wypowiedzi. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 2005.

Kołowiecki W. Memy internetowe jako nowy język Internetu // Kultura i Historia. 2012. № 21.

Kudlińska H. Demotywator jako nowy gatunek dyskursu 2.0 // Teksty Drugie. 2014. № 3.

Nowak J. Memy internetowe: teksty (cyfrowej) kultury językiem krytyki społecznej // Współczesne media. Język mediów / Red. I. Hofman, D. Kępa-Figura. Lublin: UMCS, 2013.

Walkiewicz A. Czym są memy internetowe? Rozważania z perspektywy memetycznej // Teksty z ulicy/ 2012. № 14.

Zdunkiewicz-Jedynak D. Intertekstualność współczesnej komunikacji internetowej. Intertekstualne odwołania wewnątrzgatunkowe w memach // Poznańskie Spotkania Językoznawcze. Poznań Linguistic Forum, 2016. № 32.

Регионализмы в языке социальных сетей

Н.А. Красовская

Regionalisms in the language of social networks

Nelly A. Krasovskaya

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого / Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

nelli.krasovskaya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы проявления интереса к региональным языковым фактам. Материалом исследования послужила письменная коммуникация в социальных сетях. Интерес к регионализмам проявляется в обсуждении онимов и различных диалектных явлений.

Ключевые слова: социальные сети, онимы, ошибки, коммуникация, регионализмы

Summary. The article deals with the issues of interest in regional linguistic facts. The research is based on written communication in social networks. Interest in regionalism is manifested in the discussion of onyms and various dialect phenomena.

Keywords: social networks, onyms, error, communication, regionalisms

Интерес к территориальным формам языка не ослабевает, хотя много говорится о нивелировании диалектных форм, сглаживании территориально маркированных фактов. И новые явления коммуникации, такие как общение в социальных сетях, в различных чатах Интернета, подтверждают данное наблюдение. Обращает на себя внимание тот факт, что довольно часто пользователи социальных сетей обсуждают не просто различные языковые явления, а именно языковые явления, связанные с тем или иным регионом.

Отметим, что под регионализмами в данном случае мы понимаем различные языковые явления, так или иначе характеризующие определенный регион. Хотя, конечно, понимаем, что термин *регионализм* может использоваться не только для характеристики лингвистических особенностей региона. Использование данного термина, на наш взгляд, вполне оправданно. В последние десятилетия, с одной стороны, изучение регионоведения все больше набирает обороты. Дается довольно много определений этой области знания. Исследователи О.В. Зиневич и Е.А. Рузанкина, определяя характер регионоведения, замечают: «Объект региональных исследований конструируется как комплексный — сложный, многосторонний, с множеством элементов и взаимосвязей между ними, структурой, функциями, характером и разнонаправленностью изменений — в зависимости от предметной области научного исследования» [Зиневич, Рузанкина, 159]. С другой стороны, понятие *регионоведение* берется на вооружение и лингвистами, используются такие термины, как *регионолект, лингворегионоведение, лингворегионолистика* и др. (см. работы Т.В. Бахваловой, А.С. Герда, Т.Ф. Новиковой и др.).

В ходе исследования мы сделали выборку обсуждений разных тем и переписки в нескольких группах самой популярной социальной сети рунета – «Вконтакте», подчеркнем, что группы не были изначально созданы как лингвистические.

По данным наших наблюдений, чаще всего интерес к региональным языковым явлениям проявляется в широком обсуждении топонимов, особенно эмоционально ведутся дискуссии по вопросам изменения топонимов и их употребления в речи.

Например (сохраняем все формы, орфографию и пунктуацию авторов): *Жутко бесит когда пишут – я в казане, или – моё др в казане и тд и тп. Блин, как можно такое писать?! Так и хочется написать – «как ты туда поместилась? Туда же даже твоя тупая головушка не вместилась бы!» Запомните, если вы имеете ввиду город, то пишите в КазанИ, а если вы имеете ввиду казан, то надо писать в казане, всем спасибо.(Подслушано Казань, 24 августа 2014 в 19:03)*

Помимо этого, проявление интереса к региональным лингвистическим явлениям можно наблюдать в ходе довольно частотных обсуждений использования в письменной форме речи определенных форм, лексем, конструкций, которые так или иначе могут быть связаны с диалектными чертами или просторечно-диалектными.

Приведем некоторые примеры: *Чё на Тулу наезжать, в каждом городе есть свои убогие словечки. Я от жителей Башкортостана, причем от молодых, постоянно слышала: «я полОжила деньги на телефон» или «мне ёшняя мать звонила» - это вообще жесть))) (Подслушано в Туле, 14 августа 2018 в 19:09)*

Юлия, во, во, а еще от жителей областей близ Украины слышала: «я за тебя скучаю, спрашивала и т.д. (Подслушано в Туле, 14 августа 2018 в 19:17)

Отметим, что комментарии могут быть благожелательными и положительно оценивать региональные явления, а могут быть, наоборот, резко отрицательными. Однако, на наш взгляд, и в том, и в другом случае публичные обсуждения способствуют популяризации региональных языковых фактов.

Литература

Бахвалова Т.В. Лингвистическая регионалистика: из области преподавания // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. - № 2(65). [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-regionalistika-iz-opyta-prepodavaniya . Дата последнего обращения 10.11.2018.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.

Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Регионоведение как комплекс исследовательских и учебных дисциплин в ракурсе междисциплинарности // Сравнительная политика, 2014. № 3 (17). С. 159-167.

Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение. Часть 1: программа и программно-методические материалы. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010.

К проблеме определения признаков текста письменной разговорной речи в электронно опосредованной коммуникации

Е.И. Литневская

On the problem of definition of text indicators in the written colloquial speech in electronic communication

Elena I. Litnevskaya

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

litn-elena@mail.ru

Аннотация. Несмотря на разные подходы к тексту, основополагающими текстообразующими его признаками являются когезия и когерентность. Однако в разговорной речи, особенно в письменной ее разновидности (смс, чат, комментарий), эти признаки имеют существенные особенности.

Ключевые слова: текстообразующие признаки, когезия, когерентность, письменная разговорная речь.

Summary. In spite of the difference of approaches to the text the main text forming features are cohesion and coherence. Nevertheless in the colloquial speech and in its written variety in particular (sms, chat, comment) these features have considerable peculiarities.

Keywords: text forming features, cohesion, coherence, written colloquial speech.

Несмотря на очевидную текстоцентричность современной лингвистики, текст – объект, не имеющий общепринятого определения. В русистике представлены как чрезвычайно широкие, так и узкие определения текста. Так, например, И.Р. Гальперин определяет текст как завершенное письменное произведение, состоящее из заголовка и ряда сверхфразовых единств, объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку [Гальперин 1981: 74], в то время как, например, В.Г. Костомаров определяет тест как любой результат любого общения [Костомаров 2005: 36]. Несложно заметить, что различие в этих подходах определяется вектором описания текста «от формы» (семасиологический подход) или «от содержания» (ономасиологический подход).

Мало какой подход к тексту обходится без учета как формальных, так и семантических его признаков, однако широко распространенные в зарубежной лингвистике термины «когезия» (формальная связность) и «когерентность» (семантическая цельность, осмысленность) в русистике используются редко и не всегда четко разграничиваются.

Внимание к понятиям когезии и когерентности привлек труд М.А.К. Холлидея и Р. Хассан «Когезия в английском языке». Когезия понимается ими как совокупность таких механизмов, которые обеспечивают связь между высказываниями; это референция, элипсис, субституция (замена слов), повтор, наличие коннекторов логической и временной связи [здесь и далее перевод наш. – *Е.Л.*]. Эти механизмы, по мнению, авторов, и обеспечивают когерентность текста [Halliday 1976: 27]. Понятия когезии и когерентности в этой статье практически отождествляются.

Отдельные идеи М.А.К. Холлидея и Р. Хасан получили признание научного сообщества, однако некоторые лингвисты выступили с их критикой, полагая, что связи элементов текста не обязательно должны быть эксплицитно выражены, чтобы текст мог считаться когерентным. Так, К. Нутталл отмечает, что осмысление текста – процесс, в котором взаимодействуют текст и фоновые знания адресата. В этом свете становится важно понятие контекста и ожиданий адресата, поскольку благодаря ему даже в на первый взгляд не связанных между собой высказываниях может обнаружиться логическая связь, которая сделает текст когерентным, интерпретируемым [Nuttall 1982: 15–17]. Подробнее о текстообразующих признаках когезии и когерентности написано в [Литневская, Литневская 2015].

Понимание несовпадения понятий когезии и когерентности приобретает особую значимость при анализе текстов разговорной речи.

Тексты разговорной речи полисемиотичны. Так, Е.А. Земская еще в начале масштабных исследований коллоквиалистики пишет, что в устной разговорной речи коммуникация осуществляется с помощью предметно-акционального кода (непосредственный контакт, общий визуальный ряд, совместное действие), а речевой канал иногда может быть всего лишь сопроводителем действия [Земская 2004: 210–211].

Более сложная ситуация складывается в электронно опосредованной письменной разговорной речи: она дистантна и лишена визуального контакта, но в ней создающим когерентное сообщение фактором также могут быть общие знания коммуникантов о конкретной ситуации, в том числе акциональная конситуативность (например, отдельное смс-сообщение *через 10 минут* в контексте назначенной встречи коммуникантов).

Другим же фактором, обеспечивающим когерентность письменной разговорной речи, является семиотическая конситуативность – знания коммуникантов об особенностях электронной площадки коммуникации. Так, понимание того, что набор на клавиатуре требует некоторого времени, приводит к тому, что, например, в чате нарушается линейность диалога или полилога. В жанре же комментария реплики могут относиться как к исходному сообщению, так и к сообщению других пользователей, что маркируется специальными средствами их оформления.

Более того, в ряде случаев (например, в текстовых онлайн-трансляциях) более поздние сообщения располагаются не под более ранними, а над ними, разрушая традиционные представления о линейности текста и делающие его некогезным и некогерентным для любого незнакомого с этой особенностью читателя.

Таким образом, можно утверждать, что для разных форм и жанров письменной электронно опосредованной разговорной речи одним из условий когерентности текста является учет технических возможностей площадок, на которых эти тексты представлены, т.е. их семиотическая конситуативность (часто при отсутствии когезии в тексте), и это свойство письменных форм разговорной речи является таким же универсальным, как акциональная конситуативность текстов устной разговорной речи. При этом нормы как создания, так и чтения и интерпретации подобных текстов являются не кодифицированными, а узуальными.

Литература

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005.

Литневская Е.И., Литневская О.А. К определению текстообразующих признаков когезии и когерентности // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 6. С. 114–123.

Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London, 1976.

Nuttall C. Teaching Reading Skills in a Foreign Longuage. London, 1982.

Холивар и троллинг в системе речевых жанров виртуальной коммуникации

О.В. Лутовинова

Holy War and trolling in the system of speech genres of virtual communication

Olga V. Loutovinova

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» / Volgograd State Social-Pedagogical University

con_amore@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются холивар и троллинг как речевые жанры виртуальной коммуникации, основанные на неконструктивном речевом поведении языковой личности.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, речевой жанр, флейм, троллинг, холивар.

Summary. The paper views Holy War and trolling as speech genres of virtual communication based on the non-constructive speech behaviour of a lingual personality.

Keywords: virtual communication, speech genre, flame, trolling, Holy War.

Коммуникативное пространство современного Интернета многообра́зно и многоóбразно и предоставляет широкие возможности для разных видов общения: институционального и личностного, формального и неформального, реального и виртуального и т.п. Несмотря на то, что с появлением и бурным развитием социальных сетей, характеризующихся фиксацией «жизни напоказ», доля виртуального общения, то есть взаимодействия субъектов как коммуникации образов, в последнее время значительно снизилась, по сравнению с девяностыми годами прошлого века и нулевыми годами века настоящего, данный вид общения продолжает оставаться актуальным для пользователей Сети и имеет собственные лингвистически релевантные характеристики.

Рассматривая производимые пользователями Интернета тексты, находящиеся в неразрывной связи с ситуацией виртуального общения, нельзя не заметить, что они, как и тексты иных ситуаций речевого взаимодействия, характеризуются определенными типами высказываний, задающими направления развития коммуникации, т.е., речевыми жанрами, под которыми, вслед за М.М. Бахтиным, понимается вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей.

Хотя речевые жанры отличаются интенциональным разнообразием высказываний, предполагают свободное творческое переоформление, могут использоваться в разных коммуникативных ситуациях, сменяя друг друга или входя в состав друг друга, трансформироваться в зависимости от характеристик коммуникативного пространства, приобретая новый характер, существует набор жанров, наиболее типичных для коммуникации в ситуации виртуального взаимодействия. Исследователи, прямо или косвенно (как составной частью иных научных проблем) занимающиеся изучением речевых жанров интернет-коммуникации (М.А. Кронгауз, Т.А. Кудинова, А.А. Селютин, Ю.В. Сергаева, А.А. Солдатова, Н.Б. Рогачева и др.) выделяют следующие типичные для виртуальной коммуникации такие жанры, как флейм, спам, флуд, креатифф, послание, сетевой флирт, виртуальный роман.

Специфика речевых жанров виртуальной коммуникации обусловливается, прежде всего, физической непредставленностью и анонимностью участников данного вида сетевого взаимодействия, что накладывает отпечаток на их речевое поведение.

Ситуация реального взаимодействия предполагает следование этическим нормам, соблюдение коммуникативных правил, «сохранение лица» коммуникантов и т.п., то есть поддержание конструктивного диалога, независимо от того, насколько он может быть приятен для участников коммуникации. В ситуации же виртуального взаимодействия именно в силу анонимности, возможности скрыться за презентуемым образом, коммуниканты могут пренебрегать этическим правилами взаимодействия и, более того, даже специально их нарушать, не опасаясь негативных последствий.

Одним из активно используемых жанров виртуальной коммуникации на основе неконструктивного общения является флейм как вырожденная форма обмена мнениями.

Как показывает анализ виртуальной речевой коммуникации различных ресурсов Интернета (чатов, форумов, богов и т.п.), жанр флейма как агрессивного речевого поведения может иметь как случайный, когда в ходе беседы один из коммуникантов непреднамеренно задевает другого, вызывая тем самым словесную перепалку, так и целенаправленный характер, когда флейм провоцируется, культивируется специально.

Видами специально провоцируемого флейма являются холивар и троллинг.

Холивар (от англ. holly war, т.е. священная война) представляет собой бесконечный спор между участниками виртуальной коммуникации по проблеме, не имеющей однозначного решения. В качестве подобных проблем можно привести самые разнообразные сравнения дихотомичных – противопоставлений: что эффективнее для коммуникации: Iphone или Android; где лучше кататься на лыжах в начале марта: в Карпатах или на Красной Поляне, кто умнее: мужчины или женщины и т.п.

Обычно холивар реализуется сразу несколькими участниками коммуникации, разделяющимися на две противоборствующие стороны, каждая из которых пытается представить свое мнение как универсальное и единственно возможное. Учитывая, что решения проблемы в подобных вопросах не существует, т.к. выбор в данной ситуации обусловливается только личными убеждениями, предпочтениями, привычками, целью холивара является досадить оппонентам, унизив их в глазах аудитории, наблюдающей за спором. Таким образом, с функциональной точки зрения холивар представляет собой способ самоутверждения коммуникантов.

Троллинг (от англ. trolling, т.е. ловля рыбы на блесну) характеризуется намеренным нарушением этики сетевого общения и проявляется в агрессивном поведении, издевательстве над участниками коммуникации, провоцировании конфликтов. Троллинг, в отличие от холивара, реализуется индивидуально, а не массово.

В троллинге предмет спора, являющийся в холиваре отправной точкой, абсолютно не важен, и опровержения, приводимые в ответ на какую-то выдвигаемую точку зрения, могут быть совершенно абсурдными. Цель троллинга – наслаждение чьей-либо негативной реакцией, из-за чего сетевые тролли стараются как можно сильнее задеть других участников коммуникации. С функциональной точки зрения, троллинг – удовлетворение потребности самореализации, «энергетический вампиризм».

Следует отметить, что при троллинге агрессия и желание втянуть других в перепалку не всегда выражены явно, вследствие чего троллинг подразделяется на так называемый толстый (т.е. эксплицитный) и тонкий (т.е. имплицитный).

Принимая во внимание количество работ, связанных с изучением флейма, можно констатировать, что, в отличие от троллинга, холивар является практически не изученным с лингвистических позиций, что делает его одним из перспективных направлений современной в интернет-лингвистике и теории речевых жанров.

Социокультурные аспекты неологизации в лексике Рунета

Е.В. Маринова

Sociocultural aspects of neologization in RuNet vocabulary

E.V. Marinova

Университет Лобачевского (Нижний Новгород) / Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

marinova@list.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности вербализации ключевых идей Рунета. Высказывается предположение о том, что формирование и обновление общей сетевой лексики происходит прежде всего в основных понятийных областях, отражающих деятельность человека в Интернете и связанных как с главным объектом – информацией, так и с другими составляющими этой деятельности (целью, средством, результатом, процессом).

Ключевые слова: язык Рунета, ключевая понятийная область, вербализация, общая сетевая лексика, факторы неологизации.

Summary. The article deals with the peculiarities of verbalization of key ideas of RuNet. The author puts forward an assumption that the formation and renewal of common Internet lexis primarily takes place in key conceptual fields reflecting man's activity in the Internet. They are connected both with the main object – information, and with all the basic components of this activity (aim, means, result, process).

Keywords: the language of RuNet, key conceptual field, verbalization, common Internet lexis, factors of neologization.

1. Интернет-пространство – это новая сфера деятельности современного человека, главным объектом которой является информация.

Лексика Интернета формируется и обновляется прежде всего в таких **ключевых понятийных областях**, как информация, ее качества и их оценка; поиск и хранение информации; коммуникация; техническая и технологическая база.

2. **Информация, ее качества и их оценка**. Информация имеет значимость только в том случае, если она обладает некоторыми принципиально важными качествами, среди которых – достоверность, актуальность, новизна. В противном случае она оказывается бесполезной. Множество номинаций в лексике русскоязычной части Интернета отражают подобные представления, причем лексика этого понятийного поля постоянно обновляется.

2.1. Достоверность получаемой информации. Как это нередко бывает в процессе номинации, вербализуется активнее то, что вызывает отрицательное отношение, и напротив, то, что соответствует норме и не вызывает ярких эмоциональных оценок, не приводит к созданию нового слова. В нашем случае так и есть: недостоверность информации постоянно становится объектом как однословных (*фейк*), так и развернутых номинаций (*британские ученые, нигерийские письма, афера 419*). В то же время ряд специфических языковых средств Рунета выражают противоположную идею – подлинности, истинности информации (*тру, труёвый, тру стори, инфо 146%*).

2.2. Актуальность получаемой информации. В лексике Рунета еще на заре интернетизации появился сленгизм *офтопик*. Популярны также слова *флуд*, *спам* и др.

2.3. Новизна получаемой информации. Представление о новизне как о несомненном достоинстве сообщения имплицитно отражено в семантике слов и выражений, отрицательно оценивающих противоположное качество – стереотипность, избитость, шаблонность, трафаретность и т.п. (*баян, Капитан Очевидность* и др.).

3. **Поиск и хранение информации**. Существует специальное название действия, представляющего собой поиск информации с помощью какой-л. электронной системы во Всемирной Паутине, – *гуглить*. В ситуации поиска информации «юзеры» используют либо названия конкретных поисковых программ и серверов, либо родовое обозначение *поисковик*. Развитие интернет-технологий отразилось на расширении сочетаемости прил. *поисковый*. По своему лингвистическому статусу сочетания *поисковое приложение, поисковый запрос, поисковая строка, страница* и под. являются терминами, однако в повседневной жизни обычные пользователи, как правило, свободно оперируют ими как названиями объектов, ставших вполне привычными. То же замечание касается и слов *хештег*, *тег, ссылка, навигация, облако*.

4. **Коммуникация**. Ключевым понятием является понятие сообщения как некой информации, адресованной одним пользователем другому или другим. Оно вербализуется рядом обозначений: *сообщение, мессага, запись, личка, пост, коммент* и т.п. Поскольку в Сети актуальным и возможным стала не просто передача информации, но и ее широкое распространение, востребованными оказались *репостить*, *репост, перепост, расшарить* и др. Отказ от непонравившейся информации или нежелательного общения с каким-л. пользователем выражают слова *игнорить*, *игнор*, *удалить* и др. Специальное понятие (что-то вроде запрета), связанное с ограничением возможностей пользователей со стороны администратора того или иного интернет-ресурса, обозначается англицизмом *бан* и его производными.

Один из постоянных объектов языковой рефлексии – речевое поведение сетян в процессе интернет-общения (*баянить*, *оффтопить*, *флудить, троллить, эльфить*). См. также специальные обозначения словесной «войны» в интернет-пространстве – *флейм*, *холивар* и др.

5. **Техническая и технологическая база**. Данное ключевое понятийное поле, как и предыдущие, по-разному вербализуется в языке профессионалов и в языке рядовых «юзеров». Но в этой области различия более заметные. Развитие компьютерной сферы, программирования и IT привели к формированию самостоятельной терминосистемы, ставшей основой языка профессиональной коммуникации. Вполне понятно, что бо□льшая ее часть неизвестна широкому кругу пользователей-непрофессионалов. Однако отдельные единицы терминосистемы осваивается и ими (*аккаунт, антивирусник, баннер, браузер, вай-фай*, *имейл, логин, модем, онлайн, подкаст, портал, сайт, торрент, хостинг, чат* и др.). По отношению к ним следует, очевидно, говорить о детерминологизации.

Мощный фактор обновления лексики, обслуживающей данную понятийную область, – развитие НТП. В этом отношении процесс неологизации имеет универсальный характер и не отражает специфику системы «Интернет», ведь, как известно, техницизмы в любой сфере деятельности появляются или устаревают в зависимости от совершенствования, модернизации техники.

6. Ключевые понятийные области формируются в сознании пользователей в процессе деятельности, которую они осуществляют в Сети: поиск, хранение, распространение, передача, получение, наконец, создание информации и ее оценка. По сути, в необъятном пространстве Интернета это то, что объединяет огромное число сетян и что формирует **общую сетевую лексику**, несмотря на существование специфических узкогрупповых языковых подсистем (жаргонов), обслуживающих разнообразные интернет-сообщества.

Особенности функционирования прецедентных феноменов в рамках стратегии самопрезентации в социальной сети «Инстаграм»

Ю.С. Наволока

Features of the functioning of case phenomena in the framework of the strategy of self-presentation in the social network "Instagram"

Julia S. Navoloka

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону) / Southern Federal University (Rostov-on-Don)

Julkanaw@mail.ru

Аннотация. Самопрезентация пользователя сети «Инстаграм» ярко проявляется на уровне высокой степени экспрессивности речи. Согласно нашему исследованию, разнообразие в реализации речевой экспрессии в интернет-пространстве принадлежит прецедентным феноменам, реализующимся в составе хэштег-текстов. Целью данной работы является анализ, классификация и описание прецедентных феноменов, использующихся виртуальными коммуникантами в процессе самопрезентации.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; прецедентный феномен; прецедентность; хэштег-текст; самопрезентация.

Summary. Self-presentation of the social network "Instagram" user is evident at the level of high expressiveness of speech. According to our research, the diversity in the implementation of speech expression in the Internet space belongs to the precedent phenomena that are realized in the composition of hashtags. The purpose of this work is to analyze, classify and describe the case phenomena used by virtual communicators in the process of self-presentation.

Keywords: Internet communication; case phenomenon; precedence; hashtag text; self-presentation.

С появлением социальных сетей, у человечества появилась возможность не только реализовывать коммуникацию в виртуальном пространстве, но также презентовать себя как выдающуюся личность, обладающую особыми способностями (умственными, творческими, физическими, ораторскими и др.). Мы определяем самопрезентацию как умение подавать себя, привлекать к себе внимание при помощи акцентирования внимания на своих качествах, которые актуализируются на основе использования особых технологий и стратегий.

Задача нашего исследования заключается в проверке гипотезы о том, что прецедентные тексты – их источник и особенности их функционирования в речевом поведении информанта – могут выступать одним из инструментов идентификации виртуальной языковой личности. Чем богаче речь прецедентными феноменами, тем она остроумнее и выразительнее. Реализация цели самопрезентации актуализирует прецедентные элементы, представленные хэштег-текстами в сети «Инстаграм».

Теоретической базой исследования являются научные исследования в области прецедентных феноменов (И.В. Арнольд (1981), Д.Б. Гудков (1997), В.В. Красных (1997, 2003), Е.В Грязнова (2001), Г.Г. Слышкин (2004), М.А. Ефремова (2004), Н.С. Бирюкова (2005), Ю.Н. Караулов (2007), Ю.Е. Прохоров (2009), О.В. Лутовинова (2009), Т.Н. Галинская (2011), Е.П. Карташова (2015), А.А. Иерусалимская (2015) и т.д.).

Материалом для наблюдений за использованием прецедентных феноменов послужили хэштег-тексты публичных персон в социальной сети «Инстаграм».

Ю.Н. Караулов давал следующую характеристику прецедентным текстам: «(1) значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2007: 216].

В соответствии с определением Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой в число прецедентных текстов входят: 1) «тексты, обладающие ценностной значимостью в течение относительно короткого времени», 2) «тексты, прецедентные для сравнительно узкого круга лиц» [Слышкин, Ефремова 2004: 40].

В данной работе мы учитывали не только нетрансформированные, но и трансформированные прецедентные высказывания, ср.: *#усталотжался* вместо *#упалотжался, #50оттенковбузовой* вместо *#50оттенковсерого* и т.д. Свежесть, непривычность формы при явной отсылке к известной информации усиливает эффект воздействия на аудиторию.

Анализ прецедентных феноменов и их вариантов в составе хэштег-текстов в сети «Инстаграм» показал, что среди прецедентных явлений, встречающихся внутри хэштег-текстов и используемых публичными личностями, отметим такие, как: *название песни*, *имя, название фильма / мультфильма*, *фразеологические единицы*, *лозунги*, *крылатые фразы*, *слоганы*, *пословицы и поговорки*.

Распределив общее количество хештегов в материале по типам представленной в них информации мы получили следующие результаты: 35% хэштегов содержат прецедентные имена, 17% хэштегов используются строчки из песен и других музыкальных произведений *(#онанебоится, #драмыбольшенет*), 14% пользователей используют высказывания выдающихся личностей *(#красотастрашнаясила*), 13% – цитаты из художественной литературы, 9% – названия фильмов, песен *(#летоэтомаленькаяжизнь, #гдежетымоясулико, #пустьвсегдабудетсолнце, #намбудетжарко, #ДрамыБольшеНет, #вдох, #неделимые, #планетаобезьянвойна, #майорсоколов, #каникулыбонифация, #однаждыневамерике*). Реже всего в качестве хэштега пользователи используют пословицы и поговорки (4%), например, *#хлебвсемуголова, #простотахужеворовства*, рекламные слоганы (3%), например, *#ипустьвесьмирподождет, #будьпервой, #мояжизньмоиправила, #добротаспасетмир #улыбканамиллион, #вовсехкиоскахстраны, #праздник#к#нам#приходит*, названия художественных произведений (3%), переделки пословиц, крылатые фразы из различных источников, не являющиеся названиями текстов (2%), например, *#проснулсязнаменитым, #славапришлаоткуданеждали, #поехали, #щасспою, #лепота*.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Одним из приемов самопрезентации в сети «Инстаграм» является использование внутри хэштег-текстов прецедентных феноменов, которые оживляют авторскую речь, воздействуют на аудиторию, способствуют ее лучшему запоминанию. Пользователи сети «Инстаграм» часто оперируют различными слоями когнитивной базы при создании отдельных хэштегов либо используют сочетания разных языковых элементов, которые кажутся яркими, интересными и могут запоминаться посетителями персональной страницы.

Литература

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004.

Типы когнитивно-логических трансформаций в кликбейт-заголовках

А.А. Негрышев

Types of cognitive-logical transformations in the clickbait headlines

Andrej A. Negryshev

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых / Stoletovs Vladimir State University

negryshev@inbox.ru

Аннотация. Кликбейт-заголовки используются в качестве маркетингового инструмента веб-страницы для скрытого побуждения пользователя к переходу по гиперссылке. Когнитивный механизм такого побуждения основан на эффекте ложной пресуппозиции, создаваемой посредством формально-логических операций с компонентами текстовой пропозиции: элиминации, субституции и компликации.

Ключевые слова: язык интернета, кликбейт-заголовок, когнитивно-логические преобразования.

Summary. The clickbait headlines are used as a marketing tool of the web page to entice the user to follow the link. The cognitive mechanism of such enticement is based on the effect of false presupposition, which is created by means of formal-logical operations with the components of the textual proposition: elimination, substitution and complication.

Keywords: Internet language, clickbait headline, cognitive-logical transformations.

Кликбейт (англ. *click* – щелчок и *bait* – наживка) как заголовочно-аннотативный комплекс с гиперссылочным функционалом является сегодня неотъемлемым компонентом любой веб-страницы новостного содержания. Медиалингвисты обращают внимание на манипулятивно-фейковый характер кликбейта, на связанное с этим обилие средств и приемов «лингвистики лжи», а также на морально-этическую сторону такого рода информационных «игр» (З.З. Чанышева, А.В. Николаева, Н.Н. Вольская, О.А. Гаврикова и др.).

В дискурсивно-прагматическом плане кликбейт является маркетинговым инструментом монетизации интернет-порталов и используется для скрытого побуждения пользователя к переходу по гиперссылке [Кликбейт]. При этом вполне допустимым в целях «разжигания любопытства» считается искажение исходной текстовой информации и придание заголовку шокирующе-провокационного характера.

Опираясь на концепцию «семиотики искажения истины» Ю.И. Левина [Левин 1998] и на разработанную нами ранее модель преобразования информации в системе заголовок ↔ текст [Негрышев 2006] представим далее основные типы когнитивно-логических трансформаций содержания текста в кликбейт-заголовках.

1. **Элиминация** (*аннулирующее преобразование* по Ю.И. Левину) – усечение в структуре пропозиции одного или более компонентов. 1.1. **Именная элиминация:** *После инсульта Волочкова покупает инвалидное кресло* (media-personal.com. 07.10.17) – речь идет об *инсульте у отца балерины, перенесенном им 9 лет назад*; ложная пресуппозиция здесь «у Волочковой был инсульт». 1.2. **Атрибутивная элиминация**: *В Кремле прокомментировали отставку Матвиенко* (rusplt.ru. 31.08.18) – в исходном тексте на iz.ru от 30.08.18 речь идет об *ответе Д. Пескова на вопрос о возможной отставке В. Матвиенко*; ложная пресуппозиция – «Матвиенко ушла в отставку». 1.3. **Темпоральная элиминация** а) **ретроспективная**: *Пугачева в ярости выкинула вещи любовника из квартиры* (dni.ru. 06.09.17) – элиминировано упоминание времени действия – *в период любовного романа певицы с В. Кузьминым*; б) **проспективная**: *В России могут полностью отменить пенсии* (directadvert.ru. 30.08.17) – ректор РАНХиГС прогнозирует *возможность отмены государственных пенсий в России через 20 лет*. 1.4. **Локальная элиминация**: *Поклонской грозит 15 лет тюрьмы* (regnum.ru. 13.08.17) – *на Украине*, как следует из *заявления Генеральной прокуратуры Украины*. В случаях темпоральной и локальной элиминации ложная пресуппозиция вытекает из дискурсивного «стандарта восприятия» новости как происходящего «здесь и сейчас».

2. **Субституция** – подмена значимых компонентов пропозиции. 2.1. **Референтная субституция** используется а) с персоналиями, не входящими в «топ» медийного пространства, для придания событию большей новостной ценности: *В Москве погиб сын известного певца* (directadvert.ru. 20.09.17) – *рэпера MiyaGi*; б) в сфере неодушевленных номинаций: *При строительстве моста в Крым всплыла крупная ошибка* (ex.24smi.info. 18.07.17), где «*крупная ошибка*» заключается в том, что *в проекте железнодорожной станции Керчь Южная забыли запланировать подъездную дорогу*; в) в случае опущения кавычек при метафорах: *Как на Украине прошли похороны Олега Царева* (infox.ru. 14.08.18) – под «похоронами» здесь подразумеваются *очередные слухи о смерти политика Новороссии*. 2.2. **Предикативная субституция.** 2.2.1. **Полная подмена предикативной группы**, связанная с переосмыслением всей ситуации: *Макрон отказался от престарелой жены* (rustoria-topnews.ru. 08.08.17) – *Макрон отказался узаконить статус супруги президента, предусматривавший выделение средств на расходы супруги главы государства*. 2.2.2. **Замена глагола говорения**, связанная также с подменами в области морфологической и лексической сочетаемости: *Билан заговорил после ДТП* (lenta.ru. 19.09.18) – из значения глагольной группы вытекает ложная пресуппозиция о якобы утрате Д. Биланом речевой способности в результате аварии, хотя в действительности певец лишь *высказался об аварии, в которую он попал*.

3. **Компликация** – привнесение в пропозицию элементов, не содержащихся в исходном тексте. 3.1. **Ссылка на «авторитетное мнение»**: *онкологи сообщили, Главный ортопед России предупреждает*, *Дикуль рекомендует* и т.п. 3.2. **Вымышленная гипертрофированная реакция на событие**: *Вся Россия в слезах, Европа онемела, Путин рухнул, как подкошенный* и т.п. 3.3. **Аппелятивы** – парцеллированные экспрессивные компоненты, направленные на привлечение внимания читателя к заголовку: *Беда! Срочно! Шок!* и т.п.

Таким образом, путем формально-логических операций с компонентами пропозиции в кликбейте может быть «сконструирована» псевдосенсация практически из любого текстового материала, при этом основным когнитивным механизмом, обеспечивающим эффект «кликабельности» заголовка, является создание ложной пресуппозиции.

Литература

Кликбейт // Чернозубенко П.Е. Записки маркетолога: Маркетинговый словарь. [Электронный ресурс. URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary marketing_terms_k/Clickbait/ Дата последнего обращения 10.11.2018].

Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 594–605.

Негрышев А.А. Прагматика новостного газетного заголовка: механизмы преобразования информации в системе *заголовок ↔ текст* // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2006. № 1. С. 97–109.

Визуализация для исследования текстов

А.М. Обжорин

Visualization for text analysis

Alexey Obzhorin

Аналитический отдел организационно-аналитического управления Законодательного Собрания Челябинской области (Челябинск) / Analytical Department, Organizational and Analytical Department of Chelyabinsk Region Legislative Assembly (Chelyabinsk)

info@meteor-city.top

Аннотация. В статье описаны цель визуализации текстов для научных исследований, способы и решаемые задачи. Названы проблемы визуализации текстов в отечественной науке: сложность формализации, недостаток специальных программ и специалистов.

Ключевые слова: визуализация, визуальное мышление, текст, контент-анализ, облако слов.

Summary. The article deals with text visualization for scientific analysis: its purpose, techniques and analytical tasks. The author describes the problems of text visualization in Russian science: formalization difficulties and the lack of programs and specialists.

Keywords: visualization, visual thinking, text, content analysis, word cloud.

Визуализация – это представление информации в удобной для зрительного восприятия графической форме. Целью визуализации является включение в процесс анализа информации **визуального мышления** – «естественной способности человека видеть (не только глазами, но и мысленно), позволяющей обнаруживать идеи, которые в противном случае остались бы незамеченными; быстро и интуитивно развивать их, а затем доносить таким образом, чтобы окружающие быстро понимали и принимали их» [Роэм 2012].

Несмотря на потенциал визуального мышления, отечественные исследователи коммуникации из трех его функций (обнаруживать идеи, развивать их и показывать) используют лишь демонстрационную (таблицы, схемы, рисунки, диаграммы и графики) для упорядочивания собранных данных и показа полученных результатов. Российские ученые крайне редко обращаются к визуализации для обработки и сравнения «сырых» данных, поиска отклоняющихся показателей, игнорируя исследовательский потенциал визуального мышления. И это при том, что за несколько последних десятилетий в Сети накопились гигантские массивы оцифрованных текстов, к исследованию которых можно применить новые методы, в том числе методы визуализации.

В зарубежной научной литературе, посвященной анализу текстов, исследовательская визуализация встречается гораздо чаще. Одним из наиболее полных исследований возможностей визуального анализа текстов является работа шведских ученых «Text visualization techniques: Taxonomy, visual survey, and community insights» (Техники визуализации текста: таксономия, визуальное исследование и общественное мнение) [Kucher, Kerren 2015]. Авторы собрали 420 визуализаций текстов с 1976 по 2018 годы, проанализировали и создали сайт-браузер (http://textvis.lnu.se/) с краткими описаниями этих техник и ссылками на них.

Одним из препятствий к применению компьютерной обработки и визуализации текстов является **сложность их формализации** – расчленение объекта исследования (текста, массива, корпуса) на некоторое количество исчисляемых параметров. Борис Орехов: «Мы не знаем точно, что мы можем упростить без потери содержания произведения и что можем перевести в число, а что нет. И это действительно очень большая трудность, которая по-прежнему не решена, и мы находимся в состоянии поиска решения этой проблемы» [Орехов].

Наиболее очевидными и частыми формальными параметрами визуализации текстов являются частота (лексем, форм слов, частей речи, словосочетаний, тем и пр.) и семантические связи. Что касается задач и гипотез, которые традиционно исследователь ставит перед началом работы, то особенностью метода визуализации текста является их гибкость.

Визуализация – это возможность интерпретировать полученные данные «объемно» и увидеть то, что не предполагалось изначально. Мы можем выбрать единицы счета, область интереса (преобладающие темы, строение текста, семантические связи), создать визуализацию и искать то, что говорят данные. Например, в указанной работе описаны восемь аналитических задач, которые решает визуализация: извлечение сути текста, распознавание темы / предмета; дискурсивный анализ текста или записи живой речи; анализ мнений, намерений, мотивов автора; анализ событий (извлечение картины событий, описаний объектов) трендов, связей и отношений в тексте (в том числе скрытых, имплицитных); лексический / синтаксический анализ; сравнение текстов (переводов) [Kucher, Kerren 2015].

В общем смысле, в визуализации текста исследователи ищут отклонения или группировку единиц, увеличение или уменьшение формальных показателей, наиболее выраженные и заметные связи или выстроенную цепочку событий.

Текст может быть визуализирован в виде линейного графика, санкей диаграммы, сюжетной линии, пикселизации единиц, матрицы, узлов, диаграммы связей, облака тегов, карты, глифов или пиктограмм. Для создания большинства типов визуализации требуются **специально разработанные программные инструменты**, привлечение к исследованию текста профессиональных дизайнеров и программистов или наличие соответствующих навыков самого исследователя. Отсутствие таких специалистов, навыков и программ является второй проблемой, ограничивающей количество научных исследований с опорой на визуализацию текстов в отечественной науке.

Одним из самых простых и доступных способов визуализации текста для исследования является создание облака слов, где их размер зависит от частоты употребления в тексте. В таком типе представления информации в отличие, например, от табличного, большой объем информации можно охватить одним взглядом – увидеть текст целиком и одновременно обратить внимание на детали, в считанные секунды оценить частотное распределение слов (словоформ) и других единиц анализа.

Для создания облака слов есть много программ и сайтов (облакослов.рф, wordcloud.pro/ru, worditout.com и др.), но наиболее удобным, на наш взгляд, является wordclouds.com. Он позволяет загружать большие текстовые объемы, корректировать данные в процессе их обработки и настраивать получившуюся графику.

Сравнение нескольких текстов помогает составить представление об авторской лексике, внимании автора к определенным темам, специфику образной системы автора. Результатом анализа является частота, относительный и удельный вес единиц анализа, вероятность встречаемости, на основе чего делаются выводы в зависимости от выдвинутой гипотезы. Визуальное сравнение нескольких текстов (примеры: [Стравинская]) представляется наиболее перспективными в исследовательском плане.

Литература

Роэм Д. Визуальное мышление. Как «продавать» свои идеи при помощи визуальных образов. М.: Манн, Иванов и Фербер, Эксмо, 2012.

Kucher K., Kerren A. Text visualization techniques: Taxonomy, visual survey, and community insights (Техники визуализации текста: таксономия, визуальное исследование и общественное мнение) /

2015 IEEE Pacific Visualization Symposium (PacificVis). Hagzhou, 2015. С. 117–123.

Орехов Б. Цифровые исследования литературы [Электронный ресурс. URL: https://postnauka.ru/video/66791. Дата последнего обращения 20.10.2018].

Стравинская М. Игра в слова: лингвистические визуализации – это космос! [Электронный ресурс. URL: https:// medium.com/ johnsnowknowsthings/%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0-%D0%B2-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0-58056d404d3b. Дата последнего обращения 20.10.2018].

Механизмы речевого воздействия в контенте сайтов российских вузов: аттрактивность в современной интернет-коммуникации

А.И. Помазов

Speech persuasion mechanisms in content of the websites of Russian higher educational institutions: attractiveness in modern internet-communication

A.I. Pomazov

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского / National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

alexpomazov@gmail.com

Аннтотация. В работе рассматриваются коммуникативные и языковые механизмы актуализации категории аттрактивности в контенте сайтов российских вузов через призму современной теории речевого воздействия. Анализируются такие принципы организации контента, как интерактивность и гипертекст (включая гиперссылки и хэштеги), поликодовость и инфографика и пр., и такие языковые средства, как использование ключевых слов, прецедентных текстов (в том числе мемов), элементов окказионального словообразования (в том числе графодеривации).

Ключевые слова: речевое воздействие, аттрактивность, медиатекст, контент сайта, интернет-коммуникация, русский язык .

Summary. The work discusses the communicative and lingual mechanisms of actualization of the category of attractiveness in content of the websites of higher educational institutions through the prism on the modern speech persuasion theory. The author analyzes such principles of content organization as interactivity and hypertext (including hyperlinks and hash-tags), poly-code organization and info--graphics etc., and such language means as usage of keywords, precedent texts (including memes), occasional word-formation elements (including graphic derivation).

Keywords: speech persuasion, attractiveness, media-text, website content, internet-communication, Russian language.

В наши дни активно развиваются новые типы дискурса, связанные с повышением роли среды интернета в условиях новых коммуникативных потребностей современного общества, специфика которых заключается в необходимости ориентироваться в валообразных потоках разнородной информации [Радбиль 2017]. Однако интернет сегодня — это не только источник информации, но и серьезный инструмент коммуникативного воздействия на большие массы людей [Новые тенденции 2014]. Воздейственный потенциал интернет-коммуникации в настоящее время широко используется в политических, медийных, рекламных и других дискурсивных практиках активного типа. Это обусловливает актуальность обращения к проблеме выделения, квалификации и классификации наиболее оптимальных способов и средств речевого воздействия в среде интернета. Научным инструментарием для подобного анализа является теория речевого воздействия [Чернявская 2006].

Весьма показательным материалом для исследования в этом плане являются сайты российских вузов. Их основная аудитория — абитуриенты и студенты — репрезентативна в силу своего преобладания среди пользователей сети Интернет. Поэтому именно медиаресурсы, такие как веб-сайты и социальные сети, становятся основным источником информации для пользователей и инструментом привлечения внимания целевой аудитории для университетов. Как следствие, язык сайтов вузов весьма подвижен и склонен следовать за предпочтениями аудитории. Авторы контента сайтов учебных заведений часто стараются говорить со своей аудиторией на ее языке с целью привлечения внимания молодежи и построения эффективной коммуникации, поэтому язык интернета оказывает влияние на, казалось бы, академический язык университетских сайтов [Помазов 2018: 221]. Этот аспект речевого воздействия в среде интернета принято описывать через научное понятие *аттрактивность*.

Так, О.И. Максименко и В.В. Подрядова определяют категорию аттрактивности как свойство языкового объекта обращать на себя повышенное внимание аудитории, на которую направлено содержащееся в нем сообщение. При этом притяжение может быть как осознанным, так и подсознательным, в результате чего форма и содержание лингвистического объекта задерживаются в активном сознании и памяти реципиента на больший период времени [Максименко, Подрядова 2013: 69].

В соответствии с концепцией работы, сначала рассматриваются общие коммуникативные механизмы создания аттрактивности в контенте сайтов вуза, а затем — конкретные языковые средства.

К коммуникативным механизмам относятся особенности проявления общих принципов организации интернет-коммуникации: интерактивность, гипертекст, поликодовость и инфографика. Так, например, на сайте ИТМО используется окказионализм *мегапервокурсники* с элементами инфографики и поликодовсти: баннер, где на ярком сине-зеленом фактурном фоне изображен молодой человек, выглядящий как «хипстер» – на скейтборде, в наушниках, с модной на момент изучения бородой, в стиле flat-графики (популярный вид графического изображения людей в виде плоских ярких персонажей) сопровождается текст «ГИД ПО УНИВЕРСИТЕТУ ИТМО ДЛЯ МЕГАПЕРВОКУРСНИКОВ. GO!», который выполнен заглавными буквами белого цвета на контрастной ярко-синей плашке и частично («GO!») синими буквами на белой плашке, изображающей стрелку, а приставка «МЕГА» дополнительно выделена красным цветом.

К языковым средствам относится использование ключевых слов, прецедентных текстов (в том числе мемов), элементов окказионального словообразования (в том числе графодеривации). В частности, любопытным примером эксплуатации прецедентности, актуализующей фоновые знания аудитории, является использование мемов, которые можно назвать «кратковременными культурными кодами». Так, заголовок теста «Тест: В 90-е убивали людей? Как изменились россияне за 30 лет» на сайте ВШЭ явно апеллирует к тексту популярной у молодежи на момент создания данной публикации (октябрь 2018 г.) песни «90» музыкальной группы «Монеточка».

Литература

Максименко О.И., Подрядова В.В. Аттрактивность в теории языка // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 1 (1). С. 66–73.

Новые тенденции в русском языке начала XXI века: Кол. монография / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова, Е.В. Щеникова, С.Н. Виноградов; под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта; Наука, 2014.

Помазов А.И. Языковые средства структурной организации и контента образовательного сайта: к постановке проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 216–223.

Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: Учебное. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006.

«Лайки» социальной сети «Фейсбук» как фатические контактоподдерживающие реакции

Е.А. Савина

Facebook “likes” as phatic support reactions

E.A. Savina

Калужский государственный университет имени К.Э.Циолковского / Kaluga State University

elenaasavina@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается употребление каждого из шести графических символов-«лайков» в русскоязычном фейсбуке как фатической контактоподдерживающей реакции на вербальное сообщение разных типов информации; сходства и расхождения употребления и семантики контактоподдерживающих конструкций *Супер, Ух ты, Сочувствую, Возмутительно*, графических символов, реальных жестов и мимем и английских подписей к символам; случаи недостаточности графического символа как фатической реакции на сообщение; их место в системе коммуникативных средств современного языка социальных сетей.

Ключевые слова: фатические контактоподдерживающие реакции; «лайки»; мимико-кинетические средства.

Summary. Each of six Facebook graphic symbols’s usage, as phatic support reactions to verbal posts containing different kinds of information; similarities and differences of pragmatics and semantics of Russion support constructions *Супер, Ух ты, Сочувствую, Возмутительно*, graphic symbols, real gestures and facial espressions and English signatures; cases of insufficiency of a graphic symbol as a phatic reaction to the post; their position in the system of communicative means of modern social network language are concerned.

Keywords: phatic support reactions; “likes”; mimic-kinetic means.

В феврале 2016 года социальная сеть «Facebook» ввела пять новых графических символов в добавление к значку «Нравится» («Like»), чтобы пользователи, ставя тот или иной символ под постом, выражали разные реакции на него. Спустя два года мы можем наблюдать, какая сложилась практика использования разных «лайков», какая семантика связана с каждым из них и почему, и какое место они занимают в системе средств поддержания контакта языка социальных сетей.

То, что это именно фатическая, контактоподдерживающая реакция, подтверждается тем, как важно для автора поста и общее количество «лайков», и то, кто именно отреагировал на его сообщение. Публикуя пост, автор рассчитывает увидеть реакцию своих «френдов» и подписчиков, почувствовать их поддержку, ощутить себя участником коммуникации. Информацию о том, что сообщение не осталось незамеченным и коммуникация состоялась, несет автору любой «лайк», поэтому все они выполняют контактоподдерживающую функцию, так же как в реальной коммуникации – специальные языковые конструкции и мимико-кинесические средства (улыбка и другие мимемы, поза, визуальный контакт, некоторые жесты-кинемы).

Как же соотносятся друг с другом по своему употреблению и семантике, с одной стороны, кинемы и мимемы, отображаемые символами, с другой – английские и русские подписи к ним, с третьей – сами «лайки»?

Шесть «лайков» «Фейсбука» по внешнему виду неоднородны: четыре изображают рожицы-«смайлики» с узнаваемыми мимемами и конструкциями из них (смех; расширенные глаза + округленный рот + поднятые брови; брови «домиком» + губы уголками вниз + слеза; нахмуренные брови); один изображает кинему (рука, сжатая в кулак, с выброшенным вверх пальцем); один – условный символ (сердечко).

Русские подписи к ним также неоднородны: четыре представляют собственно языковые конструкции, способные выступать в роли фатической реакции на сообщение (*Супер, Ух ты!, Сочувствую, Возмутительно*), к ним примыкает формула, изображающая смех (*Ха-ха*); особняком стоит самая первая подпись *Нравится*, которая не соотносится с реакцией, возможной в реальной коммуникации, а эксплицитно называет отношение ставящего «лайк» к сообщению.

Английские подписи еще более разнообразны: только две из них соотносятся с реакциями оффлайн-коммуникации (*Wow* и *Ha-ha*); две эксплицитно описывают эмоциональное состояние ставящего «лайк», соотносимое с изображенной мимикой (*Sad* и *Angry*); две называют отношение к сообщению (*Like* и *Love*).

Мы проанализировали употребление «лайков» в качестве реакции на текстовые сообщения, содержащие личную информацию или выражение отношения к общественно значимым событиям, рассчитанные на друзей и знакомых. В таблице представлено распределение «лайков» под постами, представляющими речевые жанры, требующие разной фатической реакции: 1 и 2 – новость, бенефактивная для автора (1 – связанная с заслугой автора, т.е. похвальба); 3 – остроумный рассказ о несущественном; 4 – неожиданная, непредсказуемая, но не важная новость; 5 и 6 – новость, небенефактивная для автора (6 – жалоба); 7 – небенефактивная общественно значимая новость.

Тема сообщения	1 Сын поступил в ВУЗ	2 Наконец вышли в море на яхте	3 Желание накупить животных	4 Было два фильма «Солярис»	5 Смерть собаки автора	6 Болезнь автора	7 Отозвали согласование акции
Нравится	29	24	161	148	38	31	31
Супер	7	5	13	2	4	5	
Ха-ха			24				
Ух ты!	6	1	1	52			
Сочувствую					172	73	29
Возмутительно							52
Всего «лайков»	42	30	199	202	214	109	112
Текстовых комментариев	44	1	13	15	164	37	18

Как показывает таблица, символ «Нравится» (который и сейчас проще всего нажать) используется чаще всех; он представлен в реакции на сообщение любого содержания, даже негативного. По-видимому, большинство пользователей используют его как нерасчлененную минимальную реакцию внимания и интереса к сообщению, необязательно выражающую положительную оценку (возможно, некоторые по-прежнему используют только его). Однако реальный жест «большой палец кверху» используется значительно реже, его значение уже – ‘я позитивно оцениваю реализованный вариант / реализованную ситуацию / чью-либо позицию’; в реальной коммуникации он мог бы быть использован в случаях 1 и 2, но никак не 5 и 6. Из мимико-кинетических средств поддержания контакта к этому «лайку» ближе улыбка, которая может сопровождать практически любой рассказ собеседника.

Символ «Супер» (сердечко) – не всегда более сильное, чем у «Нравится», положительное отношение к информации (ср. соотношение английских глаголов *love* и *like*) и не обязательно оценка ситуации как бенефактивно превосходящей норму (как русская реакция *Супер* в живом диалоге). В случаях типа 5 и 6 его употребление, видимо, мотивировано значением графического символа «сердечко» и английского существительного *love*: лайкающий поддерживает автора сообщения тем, что выражает свою *любовь* к нему.

Символ «Ха-ха» ставится, когда говорящий смеется, читая пост, и смеялся бы, если бы слушал подобное сообщение «в реале». Однако при текстах типа 3, имеющих целью развлечь и повеселить читателей, эта реакция не является самой частотной – преобладает все же «Нравится».

Символ «Ух ты» изображает мимику, характерную для выражения удивления. Конструкция же *Ух ты* в русском языке используется как непосредственная эмоциональная реакция на восприятие информации, непредсказуемой для говорящего, отклоняющейся от его личного опыта и связанной с бенефактивным для говорящего или собеседника превышением признаковой нормы тем, кто ее каузировал. Есть и более типичные для выражения удивления конструкции: *Вот это да, С ума сойти, Подумать только.* И все же данный символ используется преимущественно в таких случаях, когда информация нова, непредсказуема, но не затрагивает личную сферу коммуникантов – т.е. когда уместна именно реакция удивления, причем не обязательно речь идет о превышении признаковой нормы, но не в отношении небенефактивной ситуации.

Употребление символа «Сочувствую» существенно расходится с употреблением и семантикой конструкции *Сочувствую* в живом диалоге, которая всегда маркирует отстраненность говорящего и неспособна выражать искреннее сопереживание (типичное продолжение – *но ничем помочь не могу*). В отличие от нее, символ широко используется как при реакции на новость, небенефактивно затрагивающую личную сферу автора (примеры 5 и 6), так для выражения отрицательных эмоций по поводу общественно значимой ситуации (примеры 7), разделяемых ставящим «лайк» с автором сообщения. По-видимому, значение ‘я плачу вместе с тобой’ мотивировано здесь в большей степени изображением, чем подписью, а может быть, и английским *Sad*.

Символ «Возмутительно» используется, когда обсуждаемая отрицательно оцениваемая ситуация, отклоняющаяся от нормы, имеет виновников (7) – т.е. в тех же случаях, когда в живой речи используются конструкции возмущения, в том числе *Возмутительно.* Но это возмущение, разделяемое с автором сообщения, а не направленное на него, как, возможно, предполагали создатели «лайков».

Не всегда реагирующий на пост считает себя вправе ограничиться «лайками». В случаях типа 1 и 5 количество текстовых комментариев сопоставимо с общим количеством «лайков», причем они часто содержат контактоподдерживающие конструкции, выражающие со-чувствие в хорошем или в плохом: 1 – *Поздравляю, Молодцы, Ура* и т.п., 5 – *Это ужасно, Очень горько, Бедные, Обнимаю, Держитесь* и т.п.. Очевидно, вербальная контактоподдерживающая реакция в дополнение к «лайку» необходима тогда, когда обсуждаемая ситуация резко бенефактивно или небенефактивно затрагивает личную сферу автора сообщения.

Таким образом, «лайки» занимают в интернет-коммуникации место, сопоставимое с местом контактоподдерживающих мимико-кинесических средств в реальной коммуникации – причем не всегда тех, которые в них изображены: улыбки, визуального контакта, кивка, смеха, поднятых или сдвинутых бровей, выбрасывания пальца вверх, рукопожатия (‘молодец’) и др. Системы этих средств в офлайн- и онлайн-коммуникации ни в коей мере не симметричны. Поскольку система «лайков», естественно, значительно беднее системы контактоподдерживающих мимико-кинесических средств, ее значения более обобщенны. Еще дальше эти единицы от языковых конструкций, совпадающих с подписями к ним. Однако и полностью независимой их систему назвать тоже нельзя: их коммуникативные значения мотивированы в одних случаях рисунком – символическим или отражающим реально функционирующую мимему, в других – языковой конструкцией, а иногда поддерживаются и английской подписью.

Влияние коммуникативного пространства интернета на вербальные ассоциации

Е.В. Старостина

The impact of the communicative space of the Internet on verbal associations

E.V. Starostina

Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского / Saratov State University

sev79@list.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению влияния современного коммуникативного пространства на языковое сознание носителей русского языка методом анализа ассоциативных полей. В качестве материала используются данные различных ассоциативных словарей. Современное коммуникативное пространство меняется, происходит как бы возврат к печатному тексту (интернет-тексту), но совершенно на другом уровне. Данные тексты, как и электронные средства массовой коммуникации (прежде всего, телевидение), оказывают определенное влияние на языковое сознание.

Ключевые слова: ассоциативное поле, ассоциативный словарь, ассоциативный эксперимент, вербальные ассоциации, языковое сознание, Интернет.

Summary. The results of the study of the influence of modern communicative space on the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language by the analysis of associative fields are covered in this report. The material used is data from various associative dictionaries. Modern communicative space is changing, it seems like a return to the printed text (the Internet text), but completely on a different level. These texts, like electronic mass media (primarily television), have a impact on linguistic consciousness.

Keywords: associative field, associative dictionary, associative experiment, verbal associations, linguistic consciousness, Internet.

Настоящее исследование посвящено изучению влияния современного коммуникативного пространства на языковое сознание носителей русского языка методом анализа ассоциативных полей. Материалом исследования послужили Русская региональная ассоциативная база данных, 2008–2015 гг., авторы-составители И.В. Шапошникова, А.А. Романенко (СИБАС) и Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус Г.А. Черкасовой и Н.В. Уфимцевой (ЕВРАС), материал для которого собирался также во втором десятилетии XXI века.

Современное коммуникативное пространство меняется, происходит как бы возврат к печатному тексту (интернет-тексту), но совершенно на другом уровне. Данные тексты, как и электронные средства массовой коммуникации (прежде всего, телевидение), оказывают существенное влияние на языковое сознание. Ассоциативный материал – ценный источник разного рода информации, не только лингвистической, но и экстралингвистической, отражение актуальных процессов, происходящих в современном коммуникативном пространстве, можно найти практически в каждом ассоциативном поле.

Ту или иную степень влияния окружающих человека текстов можно, по всей видимости, найти практически в каждом ассоциативном поле, поскольку испытуемые дают на самые разные стимулы прецедентные реакции, связанные с тем, что они видят и слышат по телевизору или читают в Интернете. Это могут быть названия и герои фильмов, в том числе мультипликационных, цитаты из этих фильмов,

названия телепередач и имена их ведущих, рекламные слоганы, политические лозунги, высказывания известных политических деятелей, интернет-мемы и т.п. В качестве примера в работе рассмотрены отдельные ассоциативные поля и выявлены те реакции, которые обусловлены влиянием Интернета.

Например, интересные данные можно получить путем анализа обратных словарей ЕВРАС и СИБАС, т.е. путем анализа реакций, которые давались испытуемыми на самые разные стимулы. В начале 2000-х годов в сети был популярен так называемый «язык падонков» или «олбанский язык», характеризующийся особой манерой написания слов («йа креведко» вместо «я креветка», «превед медвед» вместо «привет, медведь», «аффтар жжот» вместо «автор жжет» и т.п.). Такие высказывания на «падонкафском» языке зачастую становились интернет-мемами, т.е. получали популярность и всеобщую известность в интернет-среде. Ю.В. Щурина определяет интернет-мем как одну из разновидностей прецедентного феномена, т.е. можно ожидать, что он будет выступать для носителя языка в качестве источника прецедентности.

И действительно, в современных ассоциативных словарях можно найти пары стимул-реакция, возникшие в результате влияния таких интернет-мемов. Например, в ЕВРАС на стимулы **Бог** и **ленивый** была дана реакция *йа*, на стимул **я** – реакция *криветко*, на стимулы **медведи** и **президент** – реакция *превед*, на стимул **культурный** – реакция *аффтар*.

Можно найти реакции, не связанные с нарушениями орфографии, но появившиеся также под влиянием интернет-коммуникации: *ИМХО* ← **мнение** (ИМХО – известное в интернет-среде выражение, означающее «по моему скромному мнению», от англ. *In My Humble Opinion* или *In My Honest Opinion*); *КТУЛХУ* ← **знамя**, **партия**, **тихий** (Ктулху – фантастическое существо, персонаж произведений Говарда Лавкрафта и некоторых его последователей, в Интернете многие признают себя сторонниками «культа Ктулху» или «партии Ктулху»).

Конечно, нельзя сказать, что влияние интернет-коммуникации на языковое сознание носит массовый характер, в основном реакции такого рода единичны или малочастотны, и встречаются они не часто. Однако, на наш взгляд, уже можно говорить о том, что Интернет, наряду с рекламой, телевидением, кино, популярной музыкой становится источником прецедентности для современных молодых носителей языка.

Литература

Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2015) / Авторы-составители И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. [Электронный ресурс. URL: http://adictru.nsu.ru. Дата последнего обращения 10.11.2018] (СИБАС).

Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. Т. II. От стимула к реакции. [Электронный ресурс. URL: http://iling-ran.ru/main/publications/evras. Дата последнего обращения 10.11.2018] (ЕВРАС).

Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. № 3. С. 160–171.

Особенности реализации характеристик жанра «воспоминание» в социальной сети «Instagram»

А.В. Угро

The peculiarities of the implementation of memoir's genre characteristics on social network «Instagram»

Anna V.Ugro

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток) / Far Eastern Federal University (Vladivostok)

ugroann@gmail.com

Аннотация. В данном докладе предлагается исследование трансформации жанровых характеристик воспоминания в социальной сети «Instagram» на материале записей, содержащих только хэштеги и изображения.

Ключевые слова: социальная сеть, жанр, воспоминание, инстаграм, хэштег.

Summary. This paper examines investigation of functioning of genre memoir in social network «Instagram». The analysis is based on a corpus of computer-collected texts. Our main focus is to show how people represent their memories without text but using hashtag and photography.

Keywords: social network, genre, memory, Instagram, hashtag.

Появление интернета и развитие интернет-коммуникации способствовало формированию обширного поля для социогуманитарных исследований. В лингвистике описывается дискурс социальных сетей, в том числе и такой дискурсивный элемент как хэштег. Вслед за Ю.Е. Галяминой под хэштегом мы понимаем «маркированный элемент предложения или текста, который имеет особый коммуникативный статус, конкретная функция которого варьируется в зависимости от намерений говорящего» [Галямина 2014: 22]. Хэштег выступает объектом исследования как в структурном, так и в функциональном аспекте. Однако, при исследовании функционирования хэштега в социальных сетях необходимо учитывать его связь с другими элементами текста. В данном случае текст понимается нами в широком смысле: как собственно текст, так и графическое изображение / фото. Такой подход, на наш взгляд, поможет более целостно исследовать функциональный потенциал хэштега и понять стратегию его размещения пользователями.

Материалом исследования выступили записи, размещенные пользователями в социальной сети «Instagram», в объеме 3000 постов, содержащих хэштег #воспоминание. Из них 2385 содержат не только изображение и хэштег, но и текстовый элемент, в то время как 656 единиц включают только изображение и хэштег. Нами предлагается рассмотреть возможности реализации речевого жанра воспоминания при отсутствии нарратива как его ключевой формы.

Прежде всего, следует отметить, что в анализируемом материале хэштеги представлены на английском и на русском языках, что позволяет пользователям расширить аудиторию. Кроме того, стремление к популярности и получению «лайков» выражается в особой категории, образуемой частотными хэштегами, которые связаны с деятельностью пользователей: #follow (80), #взаимная подписка (22), #like (10) и т.д.

Широкую категорию образует референция объектов на фото в виде хэштегов, связанных в значительной степени с тематикой отдыха: #отдых (153), #море (128), #путешествие (49), #прогулка (30) и являющихся предметом воспоминания. Стимулом воспоминания выступают события, значимые для пользователей, которые объединяются нами в отдельную категорию: #деньрождения (26), #свадьба (42), #отпуск (79), #выпускной (12).

В качестве жанровых характеристик воспоминания можно отметить присутствие указания на место, которое выражается как конкретными локациями: страна, город, так и дейктическими средствами. Также пользователи сообщают время публикуемых воспоминаний: год, время года, месяц. К частотным явлениям можно отнести соединение указания на время и место события.

Категория оценки произошедших событий представлена в значительной степени прилагательными с позитивной семантикой (#хороший, #яркая, #крутой, #лучший, #amazing,

#beautiful), наречиями (#хорошо, #круто), а также словосочетаниями и предикативными единицами (#мне нравится).

Таким образом, можно заключить, что в воспоминаниях, опубликованных в сети «Instagram», пользователи стремятся получить максимальную оценку своей записи, размещая хэштеги на нескольких языках и привлекая особые хэштеги для увеличения своей популярности. В отсутствие нарратива фотография и хэштег как референция объекта образуют тему воспоминания. Такие характеристики жанра как пространственно-временная локализация и оценочный компонент сохраняются в хэштегах пользователей. Перечисленные особенности позволяют говорить о модификации жанра воспоминания и его особенностях функционирования в социальной сети «Instagram».

Литература

Галямина Ю.Е. Лингвистический анализ хэштегов Твиттера // Современный русский язык в Интернете / Под ред. Я.Э. Ахапкиной, Е.В. Рахилиной. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Проект «Слово года» в аспекте его лингвокультурологической значимости в преподавании русского языка как иностранного

О.А. Фролова

The project “Word of the year” in the aspect of its linguistic and cultural significance in the teaching of Russian as a foreign language

Olga A. Frolova

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) / Southern Federal University (Rostov-on-Don)

olgaf87@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию, проведенному на основе материалов проекта «Слово года» в иностранной аудитории на знание новейшей иноязычной лексики. Анализ полученных результатов показал, что почти все респонденты не знают такую лексику. Делается вывод о необходимости изучения неологизмов иноязычного происхождения иностранцами.

Ключевые слова: проект «Слово года», актуальная лексика, неологизм, иноязычное слово, иностранный студент.

Summary. The article is devoted to the study conducted on the basis of the materials of the project "Word of the year" among the foreign student on the knowledge of the modern borrowing words. Analysis of the results showed that almost all respondents do not know such vocabulary. It is concluded that it is necessary to study the foreign origin neologisms by foreigners.

Keywords: foreign word, project «The Word of the Year», foreign student.

Всем известно, что лексика –это наиболее подвижная, изменчивая часть языка, которая чутко откликается на все изменения во внешней, неязыковой действительности: в материальной и культурной жизни общества, в социальном укладе. Изменения, происходящие в лексике современного русского языка, привели к тому, что интерес к этому явлению выходит за пределы научного сообщества и на просторах Интернета создаются проекты, в которых в режиме реального времени отбираются наиболее характерные для конкретного периода слова и выражения. Одним из таких проектов является проект «Слово года», появившийся в 2007 году. В данном проекте слова и выражения выдвигаются в пяти номинациях: 1. Слово года, 2. Выражение (словосочетание) года, 3. Фраза (предложение) года, 4. Антиязык, 5. Неологизм года. Слова и выражения, которые выдвигаются на конкурс, не обязательно должны возникнуть именно в конкретном году (кроме неологизмов), но они должны отражать его специфику, воплощать его дух, очерчивать движение времени (например, словом 2007 г. было *гламур*, 2008 – *кризис*, 2009 – *перезагрузка*, 2010 – *жара*, 2011 – *РосПил* и т.д.). Любой участник группы может предложить свое слово или выражение, которое он считает наиболее актуальным. В группе составляются обширные списки слов по всем номинациям, и в конце ноября они передаются на рассмотрение Совета, в состав которого входят лингвисты, писатели, культурологи, после чего и определяется ранжирование слов.

Появление такого феномена, как «Слово года», связано с возрастающей ролью массмедийных средств в формировании общественного сознания. «Слово года» ярко иллюстрирует политические и социальные проблемы, имевшие место в прошедшем году и получившие освещение в медиапространстве. «Слово года» можно рассматривать как индикатор социальных изменений, маркер меняющейся системы ценностей [Иссерс 2014].

Словом года может стать как ранее известное общеупотребительное слово, ставшее актуальным, так и неологизм. В словники проекта попадают неологизмы, появившиеся в контексте общественно-политических событий, технологических, социальных, культурных изменений в жизни общества (*фейк, брекзит, гироскутер, стартап, вейп, селфи*). Значимой для лексической динамики темой является интернет-сфера и технологические новинки, ежегодно остающиеся стабильно актуальными [Мельник 2018]: *геймификация, лонгрид, хэштивизм, сегвей, каршеринг.*

Но значение новейшей иноязычной лексики не всегда понятно русскоязычному населению. И, напротив, у иностранцев не должно возникать трудностей с пониманием значения этих слов. Для получения ответа на этот вопрос нами было проведено исследование: иностранцам, обучающимся в России, было предложено заполнить анкету, в которой они должны были указать, знакомы ли им приведенные лексемы, если да, то определить значение и привести пример ее использования. Источником материала анкеты послужил проект «Слово года», т.к. в нем быстрее всего находят отражение изменения, происходящие в лексическом составе современного русского языка. Были выбраны десять лексем иноязычного происхождения, например, *мундиаль, трендбук, харассмент, хайп* и т.д. Опрос прошли 38 студентов-филологов 3 и 4 курсов из Китая и 10 обучающихся подготовительного отделения из Греции, Китая, Болгарии и Туркменистана.

Анализ полученных результатов показал, что практически все респонденты не знают значения предложенных слов. Стоит отметить, что заполнение анкеты не вызвало трудностей только у представителя Болгарии.

Но, несмотря на полученные результаты, мнения респондентов по поводу необходимости изучения подобных слов на занятиях по русскому языку разделились: кто-то отметил, что это очень важно, а кто-то написал, что «такую лексику не нужно изучать. Эти слова редко появляются в жизни и работе. Если кому-то интересно, он сам будет искать и изучать».

Уважая право респондентов на собственное мнение, мы все же считаем, что актуальная лексика (неологизмы иноязычного происхождения и созданные на русской почве, а также актуализированные слова) должна быть предметом изучения в иностранной аудитории, т.к. она дает представление о динамике развития русского языка, об активных неологических процессах, она позволяет увидеть, как расширяется языковая картина мира, какие участки лексической системы русского языка наиболее подвижны.

Литература

Иссерс О.С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов«Слово года» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 48–53.

Мельник Ю.А. Социолингвистические проекты «Слово года» как источник сведений о неологических процессах в современном русском языке: Автореф. дисс. … кандид. филол. наук. Омск: 2018.

Использование дискурсивных слов в комментариях социальной сети ВКонтакте

М.В. Хитина

Usage of discourse markers in comments of the VKontakte social network

Marina V. Khitina

Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ) /
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Linguistic University» (MSLU)
khitina49@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается использование дискурсивных слов в комментариях социальной сети ВКонтакте. Анализируются отличия между мужчинами и женщинами, разными возрастными группами, людьми с разным образованием.

Ключевые слова: Социальная сеть; комментарии; дискурсивные слова.

Summary. In the present article we review the usage of discourse markers in comments of the VKontakte social network. We analyze the usage differences between men and women, different age groups and various educational backgrounds.

Keywords: Social network; comments, discourse markers.

1. **Дискурс** считается многозначным термином и его понятие однозначно до сих пор не определено. Наиболее полным является определение, данное в ЛЭС: «1) Дискурс… – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными и другими факторами; 2) текст, взятый в событийном аспекте; 3) речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс включает паралингвистическое сопровождение речи (мимику, жесты) и изучается совместно с соответствующими "формами жизни" (репортаж, инструктаж, светская беседа и т.д.)» [Арутюнова 1990: 136]. Важными компонентами дискурса являются метатекстовые единицы для письменной речи и дискурсивные слова (дискурсивные маркеры) для устной речи.

2. **Теоретико-методологическую основу** исследования составляют научные труды и исследования зарубежных и отечественных ученых, таких как Н.Д. Арутюнова, М.К. Бисималиева, Т.А. Ван Дейк, В.И. Карасик, В.П. Конецкая, Е.С. Кубрякова, Л.Г. Лузина, М.Л. Макаров, Р.К. Потапова (дискурс), И.М. Богуславский, А. Вежбицка, Г.В. Дагуров, Е.А. Земская, А.А. Кибрик, Р. Лакофф, Л. Теньер, Б. Фрейзер и др. (дискурсивные слова).

3. Несмотря на то, что **дискурсивные слова** (ДС) являются сравнительно новой областью лингвистики и изучены недостаточно хорошо, уже появилось много синонимичных названий: «модальное слово», «модальная частица», «логическая частица», «метатекстовый компонент», «коннектор», «маркер разговорной речи», «дискурсивный маркер», «межфразовая скрепа», «метатекстовая вставка», «строевое слово», «неполнозначное слово» и др. Это специальные слова, которые помечают структуру дискурса, ментальные процессы говорящего (слова типа *ну, вот, так сказать*), контроль над ментальными процессами адресата (слова типа *видите ли, понимаешь*) [Дискурсивные слова русского языка 2003: 9].

4. **Критерии выделения** ДС подразумевают определение так называемой сферы действия ДС (данный критерий «отвечает» за положение ДС во фрагменте дискурсивной последовательности) и дискурсивной семантики (критерий, определяющий дискурсивный статус сферы действия) [Там же]. Можно также отметить классификации Е.В. Атаевой, Н.С. Поспелова, Г.В. Дагурова, Е.А. Земской, Л. Теньера, В.Н. Шаронова, Е.А. Ивановой, Р. Лакоффа и др. Для данного исследования использовалась адаптированная классификация Б. Фрейзера [Fraser 1999: 167–190].

5. Для проведения экспериментального исследования было отобрано 80 комментариев из социальной сети ВКонтакте на тему «Путешествия» (40 женщин и 40 мужчин. Все информанты имеют или в данный момент получают высшее образование. Родной язык русский. Информанты были разделены на 8 групп в зависимости от пола, возраста и образования. Например, в первую группу вошли информанты женского пола в возрасте 20–35 лет с гуманитарным образованием.

В каждом комментарии были выделены ДС в соответствии с выбранной классификацией, после чего было определено их количество. Затем была составлена сводная таблица с указанием частоты их использования. Далее была подсчитана частота использования всех групп ДС (в соответствии с выбранной классификацией). Получено следующее распределение ДС (дискурсивных маркеров) по группам: уточняющие маркеры – 63%; контрастивные маркеры – 15%; маркеры оценки – 7%; эвиденциальные маркеры – 5%; маркеры источника информации – 4%; маркеры вывода – 3%; маркеры смены темы – 2%; маркеры смягчения – 1%.

6. Проведено сравнение использования ДС: 1) между мужчинами и женщинами, 2) между разными возрастными группами, 3) между людьми с разным образованием.

7. На основе полученных результатов можно сформулировать следующие предварительные **выводы**:

1. В среднем женщины используют больше ДС в комментариях, чем мужчины.
2. Информанты с техническим образованием в среднем используют меньше ДС, чем информанты с гуманитарным образованием.
3. Сравнение разных возрастных групп не дало однозначных результатов.
4. Наиболее употребительной оказалась группа уточняющих или детализирующих маркеров, а наименее – маркеров смягчения.

В работе принимала участие М.В. Садовникова.

Литература

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство: Сборник статей / К. Киселева, Пайар Д. М.: Азбуковник, 2003.

Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. 31 (1999). P. 167–190.

Секция XXII. Этимологические исследования

Семантическая адаптация субстратной гидронимии в ситуации лингвоэтнического контактирования

Н.В. Лабунец

Semantic adaptation of substrate hydronymy in a situation of lingvo-ethnic contacting

N.V. Labunets

Тюменский государственный университет / University of Tjumen

n.v.labunec@utmn.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности формирования субстратной гидронимии одного из сибирских регионов – юго-западной части Тюменской области (нижнее течение реки Тавды). Лингвоэтнические контакты южных манси, иртышских хантов, тоболо-иртышских татар, русских старожилов, по-разному складывающиеся в течение многих столетий, привели к различным результатам. Семантическая адаптация способствовала появлению топонимических легенд, затрудняющих этимологические решения (гидронимы Паченка, Лабута).

Ключевые слова: обско-угорский субстрат, топонимическое контактирование, топонимические легенды.

Summary. The features of the formation of substrate hydronymy of one of the Siberian regions – the south-western part of the Tyumen region (the lower course of the Tavda River) are considered. The lingvo-ethnic contacts of the southern Mansi, Irtysh Khanty, Tobol-Irtysh Tatars, Russian old-timers, which have been developing in different ways for many centuries, led to different results. As a result of semantic adaptation, toponymic legends which impede etymological decisions (hydronyms Pachenka, Labuta) appeared.

Keywords: Ob-Ugric substrate, toponymic contacting, toponymic legends.

Топонимия Тюменской области, формировавшаяся в течение длительного времени, отражает широкий диапазон лингвоконтактологических явлений. Особую сложность в историко-контактологической интерпретации представляет гидронимия левобережья Иртыша в зоне южной тайги и подтайги (низовья рек Тобола, Вагая, Тавды). Регион относится к сибирским территориям наиболее раннего русского заселения, поэтому закономерно предположить, что длительные этнолингвистические контакты привели к появлению не только адстратных, но и субстратных, субсубстратных гидронимических напластований. Основываясь на историко-археологических, этнографических и собственно лингвистических данных, исследователи говорят о тюркском адстрате, обско-угорском субстрате и самодийском субсубстрате, восходящем к X–XII вв. Высказывалось мнение, что именно здесь могут обнаруживаться также гидронимические реликты, которые будут идентифицироваться не только с древними хантыйским, мансийским, но и прамадьярским языковыми кодами, восходить к общеугорскому фонду [Матвеев 2006: 256]. Однако этимологические разыскания затруднены поздними адаптациями не только фонетическими, но и семантическими как на русской, так и на тюркской почве.

Топонимическая ситуация осложняется тем, что указанная территория была зоной «ермаковых походов». Именно здесь, в низовьях Тавды, по свидетельству сибирских летописей, в 1583 г. произошла битва Ермака с «вогульскими князцами» *Лобутой* и *Паченгом*, состоявшими в войске хана Кучума. И здесь же после продвижения на северо-восток по течению Тобола и Иртыша, в устье р. Вагай, с гибелью Ермака, завершилась «ермакова экспедиция». Все эти события отчетливо отразились в фольклоре сибирских (тоболо-иртышских) татар, в том числе и в топонимических легендах, не только бытующих, но и получающих новое истолкование в татарских говорах региона. Так, в говорах татар Нижне-Тавдинского района бытует народно-этимологическое осмысление названий водных объектов: гидронимы *Лобута* (л. пр. р. Тавда), *Паченка* (пр. пр. р.Тавда) связываются с именами соратников Кучума, название оз. *Поганое* (*Мертвое*) – с «ермаковой дружиной», когда завоеватели сбросили тела убитых «кучумовичей» в озеро, заполнив его доверху.

Следует отметить, что указанная легенда представлена уже в источниках XVIII в., однако на практике она получает дополнительные обоснования: информанты увязывают с фольклорным истолкованием и названия ручьев (*Ермачиха*, *Кучума*), высоких берегов р. Тавды (*Караульнояры*) и др. Отметим, что данные гидронимические названия охватывают территорию низовий р. Тавды протяженностью более 100 км, формируя своеобразную тюркскую «ментальную карту». В русских старожильческих говорах бытует мнение о том, что русские поселения появились здесь еще в «доермаковый» период, поэтому гидронимия интерпретируется на иных, геотерминологических, основаниях: гидроним *Паченка* через вариант *Пашенка* (чередование *с* / *ч* / *ш* широко представлено в русских говорах региона) увязывается с «пашней», т.е. река, где есть пашни; оз. *Поганое* (*Мертвое*) – с «болотом», т.е. «мертвое место», где ничего не растет.

Стратиграфический инструментарий собственно топонимических интерпретаций с использованием методов локальной и этнической привязки, семантической мотивированности позволяет выявить другие этимоны, связанные с ныне исчезнувшими южными диалектами хантыйского и мансийского языков. Ср. *Паченка* 1) с совр. вост.-хант. *pătča* «мокнуть, намокнуть, просачиваться, оседать» [Терешкин 1981: 353], т.е. «сырое, болотистое место»; 2) с южно-манс. (с возможным чередованием s / *č* / *š*) верховий р. Тавды, бассейна р. Тагил, где *pōs* «жертва» (в гидрониме р. *Paschja*) [Смирнов 1996: 62]. Укажем, что в пределах рассматриваемой территории есть и гидроним *Шайтанка*, который в этом случае можно квалифицировать как калькирование.

Исследование субстратной составляющей топонимии по нижнему течению р. Тавды только начинается, поэтому в первую очередь должны разрабатываться методы верификации этимологических решений.

Литература

Матвеев А.К. Ономатология. М.: Наука, 2006.

Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / Отв. ред. Г.А. Меновщиков. Л.: Наука, 1981.

Смирнов О.В. Субстратная мансийская топонимия в горной части Среднего Урала // Ономастика и диалектная лексика / Под ред. М.Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 1996. Вып. 1. С. 51–74.

Принципы номинации праславянских названий растений

Е.В. Сердюкова

Principles of nomination of Common Slavic names of plants

Elena V. Serdyukova

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) / Southern Federal University (Rostov-on-Don)

serdyukova1952@mail.ru

Аннотация. Мотивировочные признаки для праславянских названий растений имеют закономерный характер. Рассмотрены наиболее продуктивные принципы номинации, связанные с признаком (цветом), свойством (местом произрастания), с функцией (использованием в хозяйстве).

Ключевые слова: мотивировочные признаки; модели номинации; этимология; названия растений.

Summary. Motivations features of the Common Slavic names of plants follow logical patterns. The article covers the productive principles of nomination that are based on characteristic features (color), property (growing location), function (practical use).

Keywords: motivation features; models of nomination; etymology; names of plants.

Принципы номинации формируются у носителей языка на основе обобщения мотивировочных признаков. Для определенных тематических групп выделяются наиболее характерные принципы и признаки номинации. В семантической сфере «Растительный мир» Т.И. Вендина для русского языка называет три мотивировочных признака: качественно-характеризующий, локативный и акциональный [Вендина 1998: 223–224]. При номинации названий деревьев мы сталкиваемся с непроизводными с синхронной точки зрения образованиями, со словами, имеющими скрытую внутреннюю форму. Восстановить мотивировочные признаки в таких случаях позволяет только этимологический анализ данных слов. При этом становится очевидным, что эти признаки для праславянских названий растений имеют закономерный характер. Рассмотренные с этой точки зрения названия деревьев позволили выделить наиболее характерные признаки, которые легли в их основу.

Слово *ильм* относится к роду Ulmus, а виды ильмовых известны под названиями *вяз, берест, карагач*. Хотя в современном русском языке для родового понятия используется слово *ильм*, но более распространенным является слово *вяз*. В украинском языке родовым наоборот считается *вяз*, в разных источниках, которые были использованы, нет единообразия между словом и видом ильмовых. Видимо, наши предки не различали разные виды деревьев, что очень часто находит отражение и в современных славянских языках и диалектах. О.Н. Трубачёв восстанавливает для слова *ильм* праславянскую форму **jьlьmъ* и трактует его как производное с суффиксом *-mo-* от корня **ŭl-* ‘рвать, драть’. Русское диалектное *вильма* требует реконструкции **vъlьm* /**vьlьmъ* < *vl̥mo-*, что позволяет толковать наличие следующих корней: **u̯el-* /**ŭl-* / **ul-* ‘рвать, драть’. Этот корень дал названия шерсти, волны в и.-е. языках. Слово также родственно лат. *ulmus* ‘вяз’. Германские формы этого названия своими перегласовками напоминают славянские (др.-в.-нем. *ilme, ilmboum, ulmboum* и др.). Такая этимология весьма перспективна, так как деревья семейства ильмовых имеют гибкое лыко, годное для вязки. Подобную мотивацию можно встретить и в слове-синониме *вяз* (от глагола *вязать*). В основу номинации в обоих случаях лег один и тот же признак – гибкое лыко, годное для вязки. При номинации деревьев на первый план очень часто выдвигается признак, связанный с практическим применением растения. То, что один и тот же признак передается с помощью разных корней – распространенное явление при номинации растений. Существовала попытка объяснить слав. **jьlьmъ*, нем. *Ulme* и лат. *ulmus* из и.-е. корня **el-*/**ol-* ‘серо-желтый’ (‘желто-бурый’). В докладе Илоны Янышковой на международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Б. Бернштейна (г. Москва, 2011 г.), упоминается синонимичное *льмъ*, зафиксированное в чеш.-цслав. В современных славянских языках и диалектах встречаются аналогичные образования (ср. русск. диал. *лем, лим, лимок*). Авторы этимологического словаря старославянского языка (издается в Праге с 1989 г.) предполагают наряду с формой **jьl(ь)mъ* вариант **lьmъ* [Янышкова 2011: 254]. В русских говорах слово *лем* обозначает Ulmus effusa, зафиксировано в СРНГ и относится к семейству вязовых. Кроме того называются слова *лемок* ‘молодой вяз, ильм’ и *лемочек*, являющееся уменьш.-ласк. к *лемок*. Слово *лемъ* можно, действительно, рассматривать как вариант слова *илемъ* без начального гласного, что сделает слово более понятным (наличие чеш-цслав. *льмъ* является важным для этого доказательством), но для решения этого вопроса необходимы какие-то дополнительные сведения. Если предположить, что слово с корнем **lem-* не связано с *ильмъ* по происхождению, то, возможно, оно восходит к праславянскому диалектизму гл. **lemiti*, засвидетельствованному лишь в в.-луж. языке, но первичному по корневому вокализму (ср. **lěmati, *lomati, *lamati*). О.Н. Трубачев возводит этот глагол к и.-е. **lem-* ‘ломать, сломанный, мягкий, нежный’, имеет соответствия в лит.*lìmti* ‘ломать’, др.-прусск. *limtweit* ‘ломать’ и др. [ЭССЯ, вып. 14: 113]. Сюда же можно отнести белорус. диал. *ле□мніца* ‘что-либо длинное, гибкое и тяжелое, чем можно ударить’ (ветка и т.п.), образованное также от глагола **lemiti* с суф. *-ьnica* или с суф. *-ica* от прилаг. **lemьnъ (jь)* и является старым образованием. Тогда для слов *лем (лемок)* можно предположить следующую модель номинации: дерево, которое легко ломается или дерево с ломкими ветками. Но это лишь гипотеза, требующая дополнительного материала.

Праславянское **vęzъ* встречается во всех славянских языках, родственно лит. *vinkšna*, лтш. *vîksna* ‘вяз’. Слово *вяз* связано этимологически с глаголом *вязать*, поскольку лыко этого дерева было гибким. Исходной основой считается **u̯ei̯k̑’-, *u̯ink̑’-*. Признак, который лег в основу номинации этого слова, связан с его хозяйственным использованием. Практическое применение растения отражено также в номинации названий деревьев семейства Salix: *ива, верба, ветла, лоза, ракита* и др.

Слово *берест* имеет тот же корень, что и слово *береза*, которое бесспорно произведено от и.-е. основы со значением ‘блеск, свет, белый цвет’. Праславянское **berstŭ* дало рус. *берест* ‘вяз’, в сербохорв. встречается *bresten* ‘вязовый’, польск. *brzesta* ‘кора вяза’ (ср.: рус. *береста* ‘верхний слой березовой коры’). У некоторых видов ильмовых кора напоминала кору березы, отсюда перенос названия с одного растения на другое по сходству.

Цветовая характеристика составляет внутреннюю форму и праславянского **sosna*, которое восходит к и.-е. корню **kasnos* ‘серый’. Семантический сдвиг ‘цвет’ → ‘название растения’ – распространенная модель номинации растений (ср. *береза, берест, рябина, слива, черемуха, ольха*). Мотивационный признак, связанный с местом произрастания, характерен для слов *дуб, бор*.

Литература

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 236 с.

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1–41–. М.: Наука, 1974–2018– (ЭССЯ).

Янышкова И. К семантической мотивации названий деревьев в славянских языках: ‘Ulmus’ // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна / Под ред. А.Ф. Журавлева, Н.Е. Ананьевой. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 253–254.

Лексический образ захолустья в диалектах Европейского севера России

О.А. Теуш

Lexical image of the backwoods in dialects of the European North of Russia

Olga Teush

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург) /
Ural federal university named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)

olga.teush@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена лексемам диалектов Европейского севера России, номинирующим глухие, отдаленные, малонаселенные места. Весь выявленный комплекс лексем анализируется с точки зрения происхождения слов и их семантических связей. Интерпретируются ономасиологические модели.

Ключевые слова: лексема; семантика; значение; русский язык.

Summary. The article is devoted to the lexemes of dialects of the European North of Russia, nominating deaf, remote, sparsely populated places. The whole complex of lexemes is analyzed from the point of view of the origin of words and their semantic connections. Onomasiological models are interpreted.

Keywords: Lexeme; semantics; meaning; Russian language.

Европейский Север России является крупным и в то же время малонаселенным регионом России. Северное положение, суровый ландшафт, холодный климат обусловили специфику заселения территории: поселения нередко замкнуты, оторваны друг от друга, расположены на значительных расстояниях. На этой территории есть как крупные центры, так и небольшие малонаселенные деревни, не имеющие регулярной связи с центром. Такие места нередко называют *захолустьем*.

Согласно традиционной этимологии лексему *захолу́стье* ‘место, далекое от культурных центров, глухая провинция’ сближают с древнерусским *халуга* ‘тын, изгородь’ или русск. диал. *холуди́на* ‘жердь, хворостина’ [ТСРЯ, 271]. Тем самым внутренняя форма слова восстанавливается как ‘место, находящееся за забором, изгородью’. Приведенное сопоставление слишком прямолинейно. Во-первых, отмечена лексема с тем же значением без приставки: *холу́стье* ‘захолустье’ (Влг.: В.-Важ.) [КСГРС]. Во-вторых, приставка *за-* многозначна: образует не только существительные со значением нахождения по ту сторону или позади чего-нибудь, но и глаголы со значением распространения действия за какие-нибудь пределы [ТСРЯ: 238–239]. В этимологической интерпретации лексемы *захолу́стье*, в первую очередь, следует учесть семантику праслав. корня **xol-*: < и.-е. **(s)kel-* ‘резать, сечь’ [ТСРЯ: 1069]. Однотипными по структуре образованиями к *захолу́стье* будут *за́сек*, *засе́к* ‘отдаленный лес, находящийся за полями’ (Влг.: Ник.) [КСГРС], ср. также *отсе́к* ‘край, часть деревни’ (Арх.: Плес.) [СРГК, т. 4: 328], *отре́зка* ‘участок земли, отведенный кому-либо и находящийся далеко от дома’ (Яр.: Рост.) [ЯОС, т. 7: 67]. Таким образом, внутренняя форма лексемы должна быть реконструирована как ‘отделенная, отрезанная часть пространства’, а производящим для *захолу́стье* следует считать отглагольное прилагательное **холосто́й* ‘отрезанный’ (> русск. литер. *холосто́й* ‘неженатый’ [ТСРЯ: 1069], диал. ‘нежилой, пустой’ (Ленингр.: Кириш.) [СРГК, т. 6: 731]). Тем самым исходная форма слова восстанавливается как **захоло́стье* с дальнейшим развитием *ô* > *у*, характерным для северно-русских диалектов. С упрощением группы *-ст-* и экспрессивным озвончением лексема *захолу́стье* отмечена П.А. Дилакторским: *захолу́сье*, *захолу́зье* ‘захолустье, глухое и малонаселенное место’ (Влг.) [Дилакторский: 165].

Параллельным образованием от того же корня **xol-* является *холу́й* ‘одинокий поселок, однодворок’ (Влг.: Кадн.) [Дилакторский: 543], для которого исходная семантика ‘отрезанный, отсеченный’ подтверждается фиксацией слова *холу́й* в значении ‘завал мусора, лесного хлама на берегу или в реке’ (Арх.) [КСГРС], (Влг.) [Дилакторский: 543].

Однокоренной синоним к *захолу́стье* – это *за́хлище* ‘отдаленное от культурных центров место, захолустье’ (Арх.: Вин.) [КСГРС]: корень *хл-* < *хол-* с диерезой *о*.

В русском литературном языке в значении ‘захолустье’ функционирует также лексема *глушь* [ТСРЯ: 155] – производное образование от *глухо́й* ‘тихий, без проявления жизни’ [ТСРЯ: 154]. В севернорусских диалектах активны производные с корнем *глуш-* и приставкой *за-*, имеющей усилительное значение: *заглу́шина* ‘отдаленное от культурного центра место, глушь’ (Ленингр.) [СРГК, т. 2: 104], *заглу́шица* ‘то же’ (Карел.) [СРГК, т. 2: 104–105], *за́глушь* ‘то же’ (Карел.) [СРГК, т. 2: 105], *заглу́шье* ‘то же’ (Влг.) [КСГРС], (Влг.; Карел.) [СРГК, т. 2: 105], *заглу́шный* ‘находящийся в глуши’ (Олон.: Выт., Пт.) [Куликовский: 25].

Основной корпус севернорусских диалектных лексем, обозначающих захолустье, является отглагольным. Производящие с семантикой деструктивного действия послужили основой наименований *отбро́сок* ‘глухомань, захолустье’ (Арх.) [КСГРС] (ср. *отбро́сить* ‘бросить в сторону’ [ТСРЯ: 583]), *отши́бье* ‘отдаленное от центра место, захолустье’ (Арх.) [КСГРС] (ср. *отшиби́ть* ‘отделить, отломить ударом, отколоть’ [ТСРЯ: 602]), *зало́мное ме́сто* ‘захолустье’ (Арх.) [КСГРС] (ср. *заломи́ть* ‘согнув, надломить’ [ТСРЯ: 254]).

Значение предела действия [ТСРЯ: 582], реализуемое приставкой *от-* в глаголе *отста́вить* ‘отодвинуть и поставить в стороне’ [ТСРЯ: 598], воплощается в производном *отста́в*: *на отста́ве* ‘на краю, в глуши, в стороне’ (Влг.) [КСГРС]. Та же семантика предела действия [ТСРЯ: 582], воплощенная в приставке *от-* глагола *отрасти́* ‘достигнуть в росте каких-нибудь размеров’ [ТСРЯ: 596], реализована в существительном *отро́сток* ’сторона, край деревни’ (Влг.) [КСГРС].

Значение движения изнутри, представленное у приставки *вы-*, в основе наименований *вы́быльe* ‘задворки, околица, граница селения’ (Яр.) [Мельниченко: 47] (ср. *вы́быть* ‘перестать находиться или числиться где-нибудь’ [ТСРЯ: 125]), *вы́ползово* ‘предместье или крайние в поселении дома, избы’ (Новг.) [Даль, т. 1: 305] (ср. *вы́ползти* ‘выйти ползком, ползя’ [ТСРЯ: 133]). С приставкой *за-*, имеющей семантику распространения действия за какие-нибудь пределы, функционирует прилагательное *за́шлый* ‘глухой, малонаселенный’ (Карел.) [СРГК, т. 2: 241].

В нескольких приставочных образованиях функционирует корень *тур-* / *тыр-* (ср. *тури́ть* ‘грубо прогонять, гнать’ [ТСРЯ: 1007]): *оботу́рок* ‘отдаленное место, захолустье’ (Арх.) [КСГРС], *буты́рки* ‘отдаленное от села или деревни жилье’ (Арх.) [Подвысоцкий: 12], ‘маленькая отдаленная деревня’ (Влг.: Сок.) [КСГРС], ‘отдаленное место на краю деревни’ (Влг.; Киров..) [КСГРС].

Экспрессивные описательные наименования захолустья содержат негативную оценку: *а́дово дно́* ‘захолустье, далекое жилое место’ (Влг.) [КСГРС] (ср. *а́дово дно́* ‘топкое, вязкое, труднопроходимое место’ (Влг.) [КСГРС]), *воро́на не лети́т* ‘о захолустье, глухом месте’ (Яр.) [КСГРС], *к не́бу дыра́* ‘захолустье, населенный пункт в глухом лесу’ (Арх.; Влг.) [КСГРС], (Влг.) [СВГ, т. 2: 69], *ле́с-гора́ в не́бо дыра́* ‘захолустье, отдаленная деревня’ (Арх.) [КСГРС], *на не́бо дыра́* ‘о захолустье’ (Влг.) [КСГРС] (ср. *к не́бу дыра́* ‘о высоком лесе’ (Арх.; Влг.) [КСГРС]).

Словари и источники

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1955 (Даль).

Дилакторский П.А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902 (Дилакторский).

Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ) (КСГРС).

Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898 (Куликовский).

Мельниченко Г.Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961 (Мельниченко).

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885 (Подвысоцкий).

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. / Гл. ред. *А.С. Герд*. СПб., 1994–2005 (СРГК).

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965– (СРНГ).

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008 (ТСРЯ).

Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991 (ЯОС).

Сокращения

1. Языки и диалекты

и.-е. – индоевропейский праязык
праслав. – праславянский язык
русск. – русский язык

2. Географические названия

Арх. – Архангельская область (губерния)
Влг. – Вологодская область (губерния)
Карел. – республика Карелия
Киров. – Кировская область
Ленингр. – Ленинградская область
Новг. – Новгородская область
Олон. – Олонецкая губерния
Яр. – Ярославская область

3. Прочие

диал. – диалектное
литер. – литературное
ср. – сравни

Об этимологии некоторых обозначений неврологических и психических заболеваний и нечистой силы (русск. диал. *кадýк, шут*, *я́видь*)

М.В. Турилова

On the etymologies of some words denoting neurological and mental disorders and evil spirits (Rus. dial. *kadúk*, *šut*, *yávid'*)

M.V. Turilova

mariaturilova@mail.ru

Аннотация. В лексико-семантическом поле «Безумие» выделяется группа слов, обозначающих и неврологические и психические заболевания, и нечистую силу. Предложены этимологии для рус. диал. *кадýк*, *окады́чить(ся)* (< польск. *kaduk* ‘падучая болезнь’, ‘черт’), *шут* (ср. др.-швед. *skæmta* ‘шутить’), *я́видь* (в пользу реконструкции **javidь* ‘призрак’ < **javiti (sę)* ‘показаться’ с **jav-* ‘свет’ выступают укр. буковин. *я́вида* (< **javi-d-a* ‘призрак’), *яведрик* (< двукорневое **jav(e)dьrikъ* ‘(черт) укравший свет’).

Ключевые слова: этимология, праславянский язык, заимствование, лексико-семантическое поле «Безумие», нечистая сила.

Summary. The lexical semantic field of *Madness* includes a group of words denoting both neurological and mental disorders and evil spirits. We suggest etymologies for Rus. dial. *kadúk*, *okadýčit'(sya)* (< Pol. *kaduk* ‘epilepsy’, ‘an evil spirit’), *shut* (compared with Old Swed. *skæmta* ‘to joke’), *yávid'* (the etymology **javidь* ‘a ghost’ < **javiti (sę)* ‘to appear’ with **jav-* ‘light’ is supported by Ukr. *yávída* (< **javi-d-a* ‘a ghost’), *yávedrik* (< two-rooted **jav(e)dьrikъ* ‘(devil) stole the moon’)).

Keywords: etymology, Proto-Slavic, loanwords, lexical semantic field of *Madness*, evil spirits.

В ЛСП «Безумие» выделяется группа обозначений неврологических и психических заболеваний, связанных с названиями нечистой силы. Предложены несколько этимологий.

1. Рус. диал. *окады́ченный* ‘переставший ясно понимать происходящее; одуревший’, перм. *окадычиться* ‘внезапно остановиться, запнуться’, моск. ‘внезапно заболеть’, костром. ‘опиться’, самар. ‘угореть’, тамб., ряз., перм. ‘умереть’, перм. ‘заупрямиться’, *окадычить* пск., твер. ‘упасть, уронить’ с семами ‘внезапно’, ‘измененное состояние сознания’, ‘смерть’ производны от рус. влад., смол. *кадýк* ‘эпилепсия’, ‘злой дух’, пришедшего через украинский и белорусский из польского языка. Польск. *kaduk* ‘эпилепсия’ заимствовано из латыни: мед. *morbus caducus* ‘эпилепсия’ < *cadūcus* ‘склонный к падению’ [Фасмер].

Значение ‘черт’ появляется в польском языке и сохраняется как устаревшее в выражениях (польск. устар. *do kaduka* «Черт тебя подери!»). Польск. *kaduk* означает также имущество умершего без наследников, отходившее правителю (юрид. термин *prawem kaduka* заимствован из латыни – А. Брюкнер). Понятие связано с сословным ограничением прав наследования. Наследство включали в казну или раздавали знати. Произвол и преступления властей вызывали недовольство владельцев имущества и родственников. Заимств. *kaduk* в выражении переосмыслилось как обозначение нечистой силы, творящей произвол, вызывающей внезапную смерть. Сейчас *prawem kaduka* значит ‘незаконно, без всякого права’.

2. Для рус. *шут* предложена версия древнего скандинавского заимствования. Ранее др.-русск. *шютъ* ‘осмеянный’ (Изб. Свят. 1076 г., [Срезневский]) возводилось к праслав. **šutъ(jь)* ‘пустой, дырявый’ (Якобсон), и.-е. **kseut-* / **ksout-* ‘обрубленный’ с **kes-* / **kos-* ‘колоть, ударять’, ‘отламывать’ [Фасмер; Цыганенко], **sjutъ* < **sieutos* к и.-е. **seu-i-* < **seu-* ‘кипеть, бурлить, быть стремительным, порывистым’ [Покорный; Черных], признавалось заимствованием нем. диал. *schōte* ‘шут, дурак’ [Штрекель; Преображенский].

Предложим еще одну версию заимствования. Др.-русск. *шютъ* может фиксировать продолжение праслав. **šutъ* из **š’č’ǫt-* с *ǫ* > *u*, **š’č’* > *š’*. Слово должно было появиться в древнерусском языке до утраты носовых (X в.). Далее возведем восточнослав. *š’č’* к *skj* и сопоставим **š’č’ǫt-* с др.-швед. *skæmta* (совр. швед. *skämta* ‘шутить’). Хронологически следует предполагать заимствование из древнескандинавского языка. Время заимствования отодвигается на несколько веков: до / во время изменения сочетаний согласных с *j* (V–IX вв.) и монофтонгизации дифтонгов в праслав. языке (V–VII вв.), т.е. не позднее VII – нач. VIII вв. Но первые контакты славян с варягами отнесены к сер. VIII в. [Джаксон]. Этимология рус. *шут* (праслав. **šutъ* < раннепраслав. **šč̥ǫtъ*) как продолжения заимствования из древнескандинавского языка требует дальнейшего изучения.

3. Этимологизации слова может помочь уточнение истории инославянских соответствий. Прояснить этимологию русск. арханг. *я́видь* позволяют родственные укр. буковин. *я́ви́да и я́ведрик* ‘черт’. Ранее первые два объяснялись как **a-vid-* ‘призрак, привидение’ < **viděti* либо **avi-vid-* ‘являющийся наяву’, последнее – их табуистическое изменение [ЭССЯ]. В недавней работе русск. диал. *я́видь* ‘змея, которая водится в тундрах’ вместе с укр. диал. *я́вида* ‘черт’, серб. диал. *а̀вед* ‘привидение’, *ав(ij)ест*, *авет*, лит. *óvaidas* ‘шалун, сорванец’ возводятся к балтослав. **āvi-vaidas* ‘явный призрак’ < **vaida-* ‘призрак’ от и.-е. **u̯oid-* / **u̯eid-* / *u̯id-* «восприятие сверхчувственного» [Лома].

Этнолингвистический материал позволяет отнести русск. *я́видь*, укр. *я́ви́да* и *я́ведрик* ‘черт’ к гнезду **jav-* ‘свет’. Укр. *я́ведрик* – двукорневое сложение **jav(e)dьrikъ* с **jav-* (‘свет’,

луна) и *dьr- ('забирать, красть', ср. укр. *де́рти, дра́ти* 'разорять (гнезда)', 'брать (яйца, птенцов из гнезда, норы)', 'вытаскивать (раков)'), букв. «(черт) укравший свет», отсылает к украинским легендам о черте, укравшем луну. Укр. *я́ви́да* (**javi-d-a*) 'черт' и русск. *я́видь* (**javi-d-ь*) 'змея, которая водится в тундрах' производны с *-d-* от *яви́ть(ся)* (**javiti (sę)*) 'показаться, виднеться'. Значение 'призрак' отсылает к поверьям об оборотнях и змеях, оборачивающихся нечистой силой в человечьем обличье [Валенцова 2013].

Литература

Благова Э. и др. Старославянский словарь (По рукописям X–XI вв.). М., 1994.

Валенцова М. М. Словацкие «рефлексы» общеславянской мифологической лексики // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию акад. Н.И. Толстого. М.: 2013. С. 316–329.

Гринченко Б. Словарь украинского языка: В 4 т. Киев, 1996–1997.

Джаксон Т. Викинги и Древняя Русь. 24.08.2012 [https://polit.ru/article/2012/08/24/Vikings_Rus/].

Лома А. Еще раз о призраках: во сне, наяву, в этимологии // Труды ИРЯ РАН. IV. Этимология / Гл. ред. А.М. Молдован; отв. ред. Ж.Ж. Варбот. М., 2015. С. 230–242.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. В 3 т. Т. I–II. М., 1910–1914. Т. III. М., 1949.

Славянские древности. Этнолингв. словарь. В 5 т. / Ред. Н.И. Толстой. М., 1995–2012.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–50– / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Л.; СПб., 1966–2018–.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. М., 1958 (Срезневский).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 2003 (Фасмер).

Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев: Рад. шк., 1989 (Цыганенко).

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М., 1999 (Черных).

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Т. 1–41– / Под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлёва, Ж.Ж. Варбот. М., 1974–2018– (ЭССЯ).

Hellquist E. Svensk Etymologysk Ordbok. Lund, 1922. [http://runeberg.org/svetym/0860.html].

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

Древненовгородские имена: новые этимологические решения

А.К. Шапошников

Old Novgorod names: new etymological solutions

A.C. Shaposhnikov

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) / Vinogradov Institute for Russian Language (Moscow)

possidima@gmail.com

Аннотация. В докладе изложены результаты этимологического анализа др.-русск. сложных имен собственных на фоне общеслав. и праслав. ономастики. Выявлены архаизмы периферии позднепраслав. языкового ареала, иногда не зафиксированные в др.-русск. словесности и книжности. Для части именных основ предложены наиболее вероятные этимологии, уточнена первичная семантика, радикально пересмотрена этимология алломорфов *жиръ* / *жьръ, коро-* / *чары, смер-* / *миръ* / *мѣръ*.

Ключевые слова: антропоним, композит, глаг. / имен. основа, этимология, семантика.

Summary. Some results of etymological analysis of Old Russian composite proper names on the Common Slavonic anthroponymic background are stated in this report. Some specific archaisms of the Late Common Slavonic dialectal periphery area, sometimes not fixed otherwise in Old Russian literature, are revealed. The author offers the most probable etymologies for a number of nominal bases, specifies initial semantics, radically reconsiders etymology of allomorphs *žirъ* / *žьrъ, koro-* / *čara, smer-* / *mirъ* / *měrъ*.

Keywords: a proper name, a composite, a nominal / verbal basis, etymology, semantics.

В недавние годы корпус др.-русск. ономастики значительно пополнился материалами из Новгородской земли [Васильев 2012; Шапошников 2013: 208–226]. Предпринятое проф. В.Л. Васильевым исследование позволило реконструировать, систематизировать и охарактеризовать большое количество антропонимов, функционировавших в регионе Новгородской земли до конца древнерусского периода и позднее забытых. Списки выявленных архаичных позднепраславянских, древнеславянских, древнерусских антропонимов представлены в вышеупомянутой монографии [Васильев 2012: 658–660; 745–800]. Благодаря массе нового ономастического материала появилась возможность сопоставления его с прежде изданными материалами др.-русск., славянского и праславянского происхождения, а также осмысления наиболее общих закономерностей древней стадии новг., др.-русск. и праслав. наречения имени [Шапошников 2017]. Перекрестные сопоставления делают возможным выявление диалектных, архаичных, в данном случае периферийных, форм лексико-семантического уровня др.-новгородского диалекта, уточнение или даже пересмотр семантической эволюции слов, а иногда и выдвижение новых этимологических решений.

**жирати, *жираю* / *жьрти, жьрю* и *-жиръ* / *-жьръ*

Имена *Жьдажиръ* 'ожидай жертвоприношения, хвалы богу' или 'жреческого сана', *Об(ъы)жиръ* 'познай жреческое (искусство)' содержат диал. сущ. **жиръ* 'жертва, жертвоприношение, священнодействие; хвала богам', 'жрец, жречество', 'жреческое' [Шапошников 2017: 39–42], отвлеченное от неотмеченного в письменности итеративного глаг. **жирати, *жираю* по глаг. *жерети (жрети, жьрти), жьру, жьрю* 'совершать жертвоприношение, приносить в жертву, священнодействовать' [СДРЯ (XI–XIV вв.), т. 3: 250]. В составе ИС *Людижьръ, Людежьръ, Людожьръ* отглагольная именная основа **жьра* 'жертвоприношение, жертвование, священнодействие; хвала богам', **жьръ* 'жрец', 'жречество' отвлечена от глаг. *жьрти, жьроу* 'приносить жертву, совершать жертвоприношения' [СДРЯ (XI–XIV вв.) 3: 275] и сохранилась только в др.-русск. производных *жьрение, жьрица, жьртва, жьрьць* [СДРЯ (XI–XIV вв.), т. 3: 273–276].

керѣти ~ черѣти, коро- и *чары*

Имена *Керѣбѣдь, Керѣгость, Керѣмыслъ, Керѣмѣръ, Корѣмѣръ, Корѣгость, Корѣмыслъ* имеют в составе архаичный диал. глаг. **керѣти, *корѣти, *черѣти, -ѣꙗ* 'уповать, надеяться', 'чаровать', а *Корогость* – диал. имен. основу *коро-*. Замечательные др.-новг. «нерегулярные» алломорфы. Древнейшее состояние праслав. производящей глаг. основы доносят лит. глаг. *kerė́ti* 'околдовывать, завораживать' и лтш. глаг. *cerēt, cerēju* 'надеяться'. Все восходят к и.-е. глаг. **k^{w}er-* 'делать'. Сюда же относят вед. глаг. *kṛ-, kroti* 'делать, приготавливать, предпринимать', 'поклоняться, приносить жертву' и глаг. *car-, cárati* в значении 'быть занятым чем-л. (особенно жертвоприношением)', 'делать, предпринимать, осуществлять' [Monier-Williams 1964]. Ср. еще авест. сущ. *čārā* 'средство', которое мнили источником праслав. заимствования **čara* (чары, чародейство) и которое также восходит к и.-е. сущ. **k^{w}ēr-* по глаг. **k^{w}er-*. Следует особо отметить тесную связь др.-инд. глаг. *kṛ-, car-* с ритуальными, магическими действиями жертвоприношениями, заметные и в славянском сущ. **čara*. Сюда же отнесем имена *Черѣгость Черѣм(иръ) Черѣмыслъ* с уникальной диал. глаг. основой **черѣти = *керѣти* 'уповать, надеяться; очаровать', являющейся производящей для лучше изв. сущ. *чары* [Шапошников 2017].

магическими действиями жертвоприношениями, заметные и в славянском сущ. *čara. Сюда же отнесем имена *Черѣгость Черѣм(иръ) Черѣмыслъ* с уникальной диал. глаг. основой **черѣти* = **керѣти* ‘уповать, надеяться; очаровать’, являющейся производящей для лучше изв. сущ. *чары* [Шапошников 2017].

мѣрѣти / смер(и)ти и *-миръ, -мѣръ*

Имена *Мѣрѣнѣгъ Мѣрѣславъ* с уникальным др.-новг. глаг. **мѣрѣти, *мѣрѣѭ* ‘иметь участь; получать в удел; выпадать на долю’ в сложных именах не был своевременно замечен, идентифицирован и не получил праслав. этимологии. Весьма вероятно, что в др.-новг. глаг. *мѣрѣти* следует усматривать рефлекс и.-е. глаг. основы **(s)merio̯mai*, аналогичный др.-греч. глаг. μείρομαι и лат. *merēo, merēre*, но образовавшийся в результате собственно праславянского продления корневого вокализма **mer-* (и.-е. **(s)merio̯etai*) > **mēr-* (праслав. **mĕrĕti*), регулярного в глаголах такого типа. Иначе видится и первичная семантика этого глагола в свете др.-греч. глаг. μείρομαι ‘получать по жребию, принимать в удел, получать свою долю чести, получать назначенное судьбой’ и лат. *merēo, merui, meritum, merēre* ‘заслуживать, быть достойным; стяжать славу; иметь заслуги перед чем-л., кем-л.; воздавать(ся); навлечь на себя; зарабатывать, доставать, приобретать’, *mereor, meritus sum, mereri* депон. глаг. тж. Эта этимология позволяет взглянуть иначе на происхождение праслав. сущ. **mirъ*, глаг. основы *смери-* и высокочастотные в слав. антропонимии именные основы *-миръ, -мѣръ*. Имена *Смер(и)дѣлъ Смер(и)домъ* с основой исчезнувшего глаг. **смерити, смерѭ* ‘получать в (свой) удел, свою долю’, соотносительного в видовом отношении с глаг. **мѣрѣти, мѣрѣѭ* (см. выше), при лучше изв. контаминированным др.-русск. глаг. *съмѣрити, съмирити* 2 ‘умалить, смирить’, ‘унизить, подавить, утеснить’ [СлРЯ XI–XVII вв. 25: 166–167]. Весьма вероятно, что в др.-новг. глаг. *смерити* следует усматривать прямой рефлекс (включая s mobile) и.-е. глаг. основы **(s)merio̯mai*, аналогичный др.-греч. глаг. μείρομαι и лат. *merēo, merui, meritum, merēre*, *mereor, meritus sum, mereri* тж. Ср. именные основы *миро-, -мѣръ, -миръ* [Шапошников 2017: 177–184].

Литература

Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Р.И. Аванесов, И.С. Улуханов. М.: Рус. яз., 1988–2016 – [СДРЯ (XI–XIV вв.)].

Шапошников А.К. Древнеславянская топонимия Новгорода. Рец. на: Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с. (1150 лет российской государственности). ISBN 978-5-9551-0607-6 // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15). С. 208–226.

Шапошников А.К. Исторические и диалектные ономастические свидетельства Новгородской земли как основа реконструкции древнерусского, восточнославянского и праславянского традиционного именника // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2017. № 2 (10).

Шапошников А.К. Праславянская этимология ст.-чеш. антропонима *Kromĕžír* в свете древненовгородских антропонимических свидетельств // Studia etymologica Brunensia. Brno, 2017. С. 39–42.

Шапошников А.К. Древнерусские сложные имена младшей серии на праславянском фоне: этимологический аспект // Ономастика Поволжья: Материалы 16 Международной научной конференции, посвященной 50-летнему юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В.А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) / Под ред. С.В. Рябушкиной, В.И. Супруна, Е.В. Захаровой, Е.Ф. Галушко. В 2 т. Т. 2. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. С. 177–184.

Monier-Williams M. A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New edition greatly enlarged and improved. Oxford, 1964.

Омонимы с корнями *суд-*[1–3] в русском языке XI–XVII вв.

И.А. Шелкова

Homonyms with the Radicals *суд-*[1–3] in the Russian Language of the XI–XVII Centuries

Irina A. Shelkova

Московский государственный университет геодезии и картографии / Moscow State University of Geodesy and Cartography

ishel@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматривается омонимия производных от корней *суд-*[1–3] в русском языке XI–XVII вв.: состав омогрупп, особенности омонимических отношений, исторические изменения.

Ключевые слова: омонимы; омогруппа; омонимические отношения; происхождение; исторические изменения.

Summary. This report is dedicated to homonymy of the words derived from the radicals *суд-*[1–3] in the Russian language of the XI–XVII centuries: members of homogroups, peculiarity of homonymic relations, historical changes.

Keywords: homonyms; homogroup; homonymic relations; origin; historical changes.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» зафиксировано 12 омогрупп (9 субстантивных и 3 адъективных), где совпадают между собой слова с корнями *суд-*[1] (ср. совр. *суд*, *судить*), *суд-*[2] (ср. совр. *сосуд*, *посуда*) и *суд-*[3] (ср. совр. *судно* ‘корабль’, *судовой*).

Все эти корни восходят к индоевропейской основе, состоящей из приставки *som- и корня *dhē- (ср. *деть*, *дело*); слова *судъ*[1] и *судъ*[2], по мнению исследователей, различались только праславянской интонацией [Преображенский, т. 2: 414; Фасмер, т. 3: 794; Черных, т. 2: 216], а значение их корня П.Я. Черных определяет как ‘ставить’, ‘устанавливать’, ‘класть’ [Черных, т. 2: 216]. Большинство омогрупп двучленные; только 3 из них включают в себя по 3 омонима и 1 – 4. В составе 2 омогрупп есть слова, совпадающие с образованиями от корня *sǫd- в звучании и написании, но не родственные им: *судокъ*[1] – 1) ‘небольшой сосуд, небольшая посудина’; 2) мн. ‘набор небольших посудин для приправ’, *судокъ*[2] ‘небольшой корабль, судно’ и *судокъ*[3] – то же, что *судакъ* – название рыбы семейства окуневых, судак [СлРЯ XI–XVII вв. 28: 270-271] (последний омоним – заимствованное слово [Преображенский, т. 2: 412; Фасмер, т. 3: 794–795]); *судный*[1] – 1) ‘относящийся к суду, к совершению правосудия’; 2) ‘относящийся к судебному разбирательству, судопроизводству; судебный’, *судный*[2] ‘относящийся к членам, частям тела’ (от *судъ*[2], ср. *съждъ* [Срезневский, т. 3: 602]), *судный*[3] ‘здешний’ (от *суда* ‘сюда’ [СлРЯ XI–XVII вв., т. 28: 253]) и *судный*[4] – то же, что *ссудный* – 1) ‘данный или взятый в долг’; 2) ‘относящийся к ссуде’ [СлРЯ XI–XVII вв., т. 28: 267–268].

Образования от всех 3 корней представлены в 2 омогруппах: *судъ*[1–3] и *судовой*[1–3]. В остальных наблюдаются разные соотношения вплоть до нескольких производных от одного корня – *суд-*[1]: *судья*[1], м. – 1) ‘тот, кто оценивает кого-л., что-л., судит о ком-л., чем-л.’; 2) ‘должностное лицо, исполняющее судебные функции, судья’ и др. и *судья*[2], ж. ‘доверенная боярыня, ведавшая придворным штатом царицы’ (?) [СлРЯ XI–XVII вв., т. 28: 273] (возможность образования второго омонима от первого лексико-семантическим способом подтверждается наличием у глагола *судити* значений ‘рассуждать (рассудить), решать (решить)’ [СлРЯ XI–XVII вв., т. 28: 259], ‘править, управлять’ [СлРЯ XI–XVII вв. 28: 261-262]). Самое распространенное соотношение корней – производные от *суд-*[2] и *суд-*[3] (5 омогрупп): *судно*[1] – 1) ‘сосуд, посудина’; 2) ‘подвижной стульчак, судно’ и *судно*[2]

‘водное транспортное средство, морское или речное судно; корабль, лодка’ [СлРЯ XI–XVII вв. 28: 266–267], *суденко*[1–2], *суденышко*[1–2], *судовикъ*[1] ‘ремесленник, изготавливающий посуду’ и *судовикъ*[2] ‘тот, кто плавает на судах’ [СлРЯ XI–XVII вв. 28: 269], *судовщикъ*[1] ‘тот, кто изготавливает или продает посуду’ и *судовщикъ*[2] ‘хозяин или приказчик на корабле, судне’ [СлРЯ XI–XVII вв. 28: 270].

Омонимические отношения в большинстве случаев реальные: члены омогрупп обычно совпадают по времени бытования в языке (преимущественно это XVI–XVII вв.) и по сфере употребления (чаще всего это деловая речь). Единичны случаи потенциальной омонимии: слово *сосуда*[1], собир. ‘посуда, утварь’ встречается в Сибирской летописи XVII в., а *сосуда*[2] (*съсуда*) – 1) ‘тяжба’; 2) ‘дело, подлежащее рассмотрению в суде’ – в Прологе XV в. и документе 1497 г. из собрания государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел [СлРЯ XI–XVII вв., т. 26: 229–230], то есть невозможно с уверенностью констатировать употребление этих слов на одном историческом этапе и в одной сфере письменности. Сто́ит отдельно упомянуть омогруппу *судный*[1–4], члены которой не все функционировали в языке одновременно и различались сферами бытования: так, первое из этих прилагательных самое употребительное и состояло в реальных омонимических отношениях со всеми остальными, тогда как омонимия между двумя последними потенциальная: *судный*[3] отмечено в церковных текстах XI–XV вв., а *судный*[4] – в деловых памятниках XVII в.

В современном русском литературном языке представлены все 3 корня, хотя второй из них связанный. Из омогрупп сохранилась только 1 (*судно*[1–2]), исчезли 4 (*сосуда*[1–2], *сосудный*[1–2], *суденко*[1–2], *судовикъ*[1–2]) и разрушились 7 (*судъ*[1–3], *суденышко*[1–2], *судный*[1–4], *судовой*[1–3], *судовщикъ*[1–2], *судокъ*[1–3], *судья*[1–2]). В качестве причин разрушения можно назвать исчезновение из языка отдельных членов омогрупп и фонетико-графические явления (прилагательное *ссудный* не имеет варианта *судный*). Некоторые слова, не представленные в языке, встречаются в речи: «Своего суденка нет – в ложке за море не поедешь» (Б.В. Шергин, «Матвеева радость») [http://search.ruscorpora.ru].

По данным «Словаря русских народных говоров», многие исчезнувшие слова с корнями *суд-*[1–3] представлены в диалектах (больше всего сохранилось слов со вторым корнем), а некоторые из них приобрели новые потенциальные омонимы (например, челябинское *судок* ‘шпулька для наматывания ниток, которую вставляют в челнок’ [СРНГ, т.42: 172]).

Литература

Национальный корпус русского языка [www.ruscorpora.ru] (НКРЯ).

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914.

Словарь русских народных говоров. Вып. 42. СПб.: Наука, 2008 (СРНГ).

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26, 28. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 2002–2008 (СлРЯ XI–XVII вв.).

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1912 (Срезневский).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: Астрель: АСТ, 2007 (Фасмер).

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1999 (Черных).

Секция XXIII.
Язык документов, учебной и научной литературы. Критерии его оценки

Лексика русских официальных документов домена «здравоохранение» (по корпусным данным)

О.В. Блинова

Lexicon of Russian official documents' in the healthcare domain (according to corpus data)

Olga V. Blinova

Санкт-Петербургский государственный университет / Saint Petersburg State University

o.blinova@spbu.ru

Аннотация. В докладе анализируется лексика официальных медицинских документов, собранных в Корпусе русских локальных документов и актов CorRIDA. Рассматриваются частотные списки и списки ключевых слов. Целью является выявление свойств текста, влияющих на его восприятие как «простого» или «сложного».

Ключевыеслова: современный русский язык; официальные документы; корпус; лексика; частотные списки; ключевые слова.

Summary. The paper analyzes the vocabulary of official medical documents, collected in the Corpus of Russian internal documents and acts «CorRIDA». Both frequency and keyword lists are considered. The goal is to identify the lexical features, affecting the perception of texts as «plain» or «complex».

Keywords: modern Russian; official documents; corpus; vocabulary; frequency lists; keywords.

В докладе анализируется лексика официальных медицинских документов, текстов на русском языке, адресованных широкому пользователю и размещенных в открытом доступе на сайтах государственных учреждений здравоохранения. Они собраны в создаваемом «Корпусе русских локальных документов и актов «CorRIDA», см. [Белов и др. 2018]. Корпус содержит т. наз. «локальные документы». Они издаются администрацией отдельных учреждений и касаются деятельности только этих учреждений. Сформированы коллекции документов трех доменов: образования, здравоохранения, культуры. Именно с локальными официальными документами чаще всего сталкивается «простой» носитель русского языка в повседневной жизни (в частности, поступая на лечение в больницу, приходя в поликлинику, соглашаясь на медицинские манипуляции и т. д.). Поэтому их оценка с точки зрения языковой сложности, сложности для восприятия и понимания является актуальной задачей.

Лексические особенности официальных документов домена «здравоохранение» выявлены для текстов шести типов. Среди них «Договор на оказание платных медицинских услуг», «Порядок оказания платных медицинских услуг», «Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство», «Согласие пациента на обработку персональных данных», «Правила поведения пациента» и др. Суммарный объем анализируемого подкорпуса в словоформах составляет 487973 единиц.

При изучении лексической специфики используются: список лемм, список словоформ, список n-грамм с участием наиболее частотных лемм, список положительных ключевых слов. Лемматизация и контекстное снятие неоднозначности выполнены при помощи MyStem 3.1, см. [Зобнин, Носырев 2015]). Списки анализируемых единиц сформированы с помощью AntConc [Anthony]. В качестве референтного корпуса для создания списков ключевых слов используется офф-лайн версия Национального корпуса русского языка со снятой омонимией объемом 1 млн. слов [НКРЯ].

Анализируются частотные списки, из которых исключены т. наз. стоп-слова (высокочастотные слова служебных частей речи). Наиболее частотные леммы по подкорпусу – это прилагательные *медицинский* (14283 употр., ipm 29270), *платный* (3354 употр., ipm 6873), и существительные *услуга* (7306 употр., imp 14972), *пациент* (5109 употр., ipm 10470), *помощь* (3546 употр., ipm 7267), *врач* (3534 употр., ipm 7242), *договор* (3384 употр., ipm 6935), *оказание* (3338 употр., ipm 6840), *гражданин* (2477 употр., ipm 5076), *данные* (2348 употр., ipm 4812). Самые частотные словоформы по подкорпусу: *медицинской*, *услуг*, *медицинских*, *помощи*, *услуги*, *платных*, *пациента*, *оказания*, *Федерации*, *Российской*.

Интересно, что в частотном списке лемм *пациент* имеет 3 ранг, *гражданин* – 9 ранг, *потребитель* – 18 ранг, *больной* – 84 ранг. Это значит, что люди, взаимодействующие с медицинскими организациями в качестве клиентов, обозначены прежде всего не как «больные», а как «пациенты», «граждане» или «потребители».

Частотные словоформы встречаются прежде всего в составе атрибутивных сочетаний и участвуют в формировании самых частотных биграмм: *медицинских услуг* (2783 употр., 1 ранг), *медицинской помощи* (2404 употр., 2 ранг), *Российской Федерации* (1872, 3 ранг) и триграмм *платных медицинских услуг* (1684 употр., 1 ранг), *платные медицинские услуги* (564 употр., 2 ранг), *оказания медицинской помощи* (511 употр., 3 ранг), *законодательством Российской Федерации* (431 употр., 4 ранг).

Высокая встречаемость перечисленных биграмм и триграмм обусловлена тем, что в рамках одного предложения определенное сочетание может встретиться несколько раз, как в примере (1) ниже, ср.:

(1) *При состояниях, угрожающих жизни, или невозможности оказания* ***медицинской помощи*** *в условиях больницы больной направляется на следующий этап* ***медицинской помощи*** (п. 30 Московской областной программы государственных гарантий оказания гражданам РФ бесплатной **медицинской помощи** на 2011 г., утв. постановлением правительства МО от 22.12.2010 г. № 1/60).

Кроме того, в документах часты ссылки на законодательство РФ, при этом названия законов приводятся не в сноске, а непосредственно в тексте документа, не в сокращенном виде, а в полном, с указанием полного наименования, номера и даты издания закона, ср. сокращенный пример (2), это предложение, в оригинале состоящее из 144 слов:

(2) *Потребитель подтверждает свое осознанное согласие на получение платных медицинских услуг в ГБУЗ «БСМП», участвующем в реализации территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, и имеющем право оказывать пациентам платные медицинские услуги:*
<…>
– при самостоятельном обращении за получением медицинских услуг, за исключением случаев и порядка, предусмотренных ***статьей 21 Федерального закона от***

21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Соответственно, самая частотная 5-грамма – *об основах охраны здоровья граждан* (342 употр., 1 ранг), 6-грамма – *об основах охраны здоровья граждан в* и т.д.

Наконец, на встречаемость некоторых сочетаний влияет тот факт, что они многократно встречаются не только в текстах, но и в названиях документов.

Список положительных ключевых словоформ очень похож на список частотных лемм и частотных словоформ, ср. списки первых 10 позиций, расположенных по убыванию keyness value. Словоформы: (10741.353) *медицинской*, (9342.074) *медицинских*, (9110.779) *услуг*, (5961.926) *помощи*, (5027.657) *услуги*, (4832.994) *платных*, (4593.699) *оказания*, (4546.400) *пациента*, (3763.981) *федерации*, (3709.285) *персональных*. Список ключевых лемм: (31748.121) *медицинский*, (15251.790) *услуга*, (11396.970) *пациент*, (7569.347) *платный*, (7491.278) *оказание*, (7016.811) *врач*, (6978.699) *договор*, (6237.698) *помощь*, (4707.347) *лечение*, (4472.513) *гражданин*.

Учитывая сказанное относительно повторов, сходства частотных списков лемм и словоформ, списков ключевых слов и лемм, можно предположить, что показатели TTR (Type-Token Ratio, одной из мер лексического разнообразия) будут очень низкими. TTR (в данном случае вычисляемый как отношение уникальных лемм в тексте к общему числу словоформ) для подкорпуса в целом составляет 0,039, или 3,9%. [Известно, однако, что TTR зависит от длины текста, показательнее расчет TTR для случайным образом выбранных фрагментов текстов равной длины. Этот расчет предстоит сделать при оценке текстов корпуса по отдельности.]

Анализ показал, что тексты официальных медицинских документов перегружены повторами.

Литература

Белов С.А., Блинова О.В., Гулида В.Б., Зубов В.И., Ларионова Е.Ю., Толстикова П.С. Корпус русских локальных документов и актов CorRIDA: цели формирования, состав, структура // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Выпуск 2 (Труды XXI Международной объединенной конференции «Интернет и современное общество, IMS-2018, Санкт-Петербург, 30 мая – 2 июня 2018 г. Сборник научных статей). СПб: Университет ИТМО, 2018. С. 114–123.

Зобнин А.И., Носырев Г.В. Морфологический анализатор mystem 3.0 // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, 2015. № 6. С. 300–310.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс. URL: http://ruscorpora.ru. Дата последнего обращения 30.11.2018 (НКРЯ).

Anthony L. AntConc (Version 3.5.6). Tokyo, Japan: Waseda University. [Computer Software. URL: http://www.laurenceanthony.net/software. Дата последнего обращения 30.11.2018].

Метафоризация терминологический номинации в сфере банковского дела: основные проявления

А.В. Зенина

Metaphorization of banking terminological nomination: main manifestations

Anastasia V. Zenina

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» / Donetsk National University

anvz@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению метафоризации как одного из способов создания нового термина. Выделены типы метафор и эпитетов в банковской терминологии. Указаны роль и пути формирования образных терминов в научном стиле.

Ключевые слова: банковская терминология, метафора, эпитет, язык науки.

Summary. The article is devoted to the study of metaphorization as one of the ways to create a new term. The types of metaphors and epithets in the banking terminology are divided. The role and ways of forming the figurative terms in the scientific style are commented.

Keywords: banking terminology, epithet, language of science, metaphor.

Динамические процессы, характеризирующие состояние современного русского языка в целом, одинаково свойственны и терминологии как его составляющей. Прежде всего, динамика проявляется в поиске адекватных способов номинации для новых объектов, понятий, что предполагает постоянное пополнение специальной лексики. В.Г. Гак отмечает, что возможны четыре способа терминологической номинации: словообразование, заимствование, образование словосочетаний, переосмысление (метафоризация) [Гак 1988: 25]. Применение первых двух способов, несомненно, сближает язык науки с общелитературным языком – здесь актуализируются характерные словообразовательные и структурные типы. Благодаря заимствованиям «в национальном языке происходит накопление общего интернационального лексического фонда» [Даниленко 1986: 7].

В отличие от упомянутых выше, переосмысление значений обычных слов как источник специальной номинации в лингвистике часто связывают с отклонением от нормы в терминологии (Р.С. Аликаев, С.В. Гринев-Гриневич, А.А. Реформатский). Однако именно метафора способна «оживить» уже готовые предикативные смыслы, а, значит, не просто выполняет назывательную функцию, но делает образ целостным, панорамным, и в этом заключается особенность научной информации, передаваемой посредством метафоры [Харченко 2016].

Терминологические сочетания, в основе которых заложена метафора, поначалу отличали научно-публицистический текст, что делало его ориентированным на массового реципиента. На современном этапе «наука и научное познание рассматриваются в новых измерениях» [Алексеев 2002: 40]. Термины-метафоры становятся маркерами научного стиля, систематически кодифицируются в отраслевых словарях.

Подобное перераспределение и актуализация языковых ресурсов происходит в экономической терминологии, в частности терминологии банковского дела, и носит прагматический характер. Указанная отрасль знания своим объектом исследования входит в комплекс общественных наук, в результате чего отдельные метафоры и целые их группы, организуясь по принципу системы, задают разные модели действительности, так или иначе связанные с человеком.

Метафоризироваться может как основной (субстантивный), так и вспомогательный (атрибутивный) компонент терминологического сочетания. В первом случае речь идет о традиционном «применении к основному субъекту метафоры свойств и ассоциативных импликаций, связанных с ее вспомогательным субъектом» [Арутюнова 1990: 297]. Например, некоторые аспекты банковской деятельности часто сравнивают с болезнью, физиологией (*финансовый* ***тромбоз***, ***спазм*** *ликвидности, денежный* / *потребительский* ***голод***, ***вирус*** *неплатежей*), поведенческими реакциями человека (***побег*** *от денег* / *капиталов,* ***набег*** *на банк, банковская* ***паника***). Кроме антропоморфной, в банковской терминологической номинации встречаются природоморфная (***дождь*** *газодолларов, финансовое* ***цунами***) и артефактная (*валютная* ***корзина***, *ликвидная* ***подушка***, *финансовая* ***пирамида***) метафоры.

Взаимодействие прямого и переносного значения фиксируется также в атрибутивном компоненте составных банковских терминов, образуя эпитет. Известная семантическая классификация эпитетов А.Н. Веселовского [Веселовский 1989: 59–75] позволяет интерпретировать собранный фактический материал. Тавтологическим эпитетом, на наш взгляд, маркирована структура ***дорогие*** *деньги*, поскольку последние принято считать всеобщим эквивалентом, мерой вещей.

Противоположное значение приобретает термин ***дешевые деньги***. Изначально в нем прослеживается соединение слов по типу оксюморона (например, *горячий снег, громкая тишина*). В то же время эпитет *дешевые* выполняет пояснительную функцию – деньги приобретают такой статус в случае удешевления после проведения центральным банком ряда мер.

Человек склонен оценивать, анализировать разные предметы, явления по факту целостного восприятия органами чувств и, как следствие, дает им словесную характеристику. Если какой-либо частный признак научного понятия совпадает с уже существующими в опыте оценками, происходит такое перенесение: *акции* ***тяжелые*** / ***горячие***, *деньги* ***горячие***, *кредит* ***безнадежный***. Именно поэтому среди образований подобного типа синкретических пояснительных эпитетов большинство. Ассоциации по цвету заложены в основу терминов *касса* ***черная***, *курс* ***черный***, *кредит* ***вечнозеленый***.

К пояснительным эпитетам-метафорам относятся образованные на основе природоморфной модели: *инфляция* ***галоповая*** / ***ползучая***, ***мертвый*** *капитал.*

Следует отметить, что образная терминологическая номинация сохраняет эффект новизны только до определенного момента. Если признаки, которые послужили стимулом для ее создания, регулярно воспроизводятся, метафора становится стертой, а эпитет – постоянным: *активы чистые, растворение акционерного капитала, обвал денежной единицы, перекачивание валюты*.

Таким образом, использование лексических единиц общелитературного языка с последующим переосмыслением их значений является продуктивным источником терминологической номинации в сфере банковского дела. Базовые метафоры и сочетания, включающие эпитет, по своей природе преимущественно антропоморфные.

Литература

Алексеев К.И. Метафора в научном дискурсе // Психологические исследования дискурса / Отв. ред. Н.Д. Павлова. М.: ПЕРСЭ, 2002. С. 40–50.

Арутюнова Н.Д. Метафора // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: БРЭ, 1998. С. 296–297.

Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.

Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1988. С. 11–26.

Даниленко В.П. Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии // Современные проблемы русской терминологии / Отв. ред. В.П. Даниленко. М.: Наука, 1986. С. 5–23.

Харченко В.К. Функции метафоры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016.

Терминологические метафоры русской лингвистики: лингводидактический аспект описания

Е.В. Крапивник

Linguistic and didactic descriptions of the terminological metaphors of Russian linguistics

Elena V. Krapivnik

Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск) / Picific Nation University (Khabarovsk)

elenakrapivnik@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено описанию метафоры как когнитивного механизма, реализуемого в терминах научных лингвистических текстов. В исследовании излагаются принципы лингводидактического описания терминологических метафор русской лингвистики; предлагается использовать имеющиеся материалы при создании двуязычных словарей лингвистических терминов (в рамках нашего исследования – на материале китайского и корейского языков как родных языков иностранных учащихся дальневосточных вузов).

Ключевые слова: метафоры научной речи, лингвистические термины, терминологические метафоры, обучение иностранных студентов.

Summary. The research deals with apprehension of metaphor as cognitive mechanism realizing in metalinguistic terms in scientific linguistic texts. Research outlines the principles of linguistic and didactic descriptions of the Russian metalinguistic metaphors and offers the possibility of using available materials in the bilingual dictionary of Linguistics (on the material of the Chinese and Korean languages as the native languages of foreign students from Far Eastern universities).

Keywords: metaphors in scientific languages, linguistic terms, terminological metaphor, foreign students training.

Исследователи отмечают особенно высокую степень абстрактности и полисемантичности категорий лингвистики, связывая данный факт, в том числе, с экспансионизмом лингвистики, вниманием лингвистов к проблемам связи языка и культуры, языка и речи, языка и мышления. Многие русские лингвистические термины, обозначающие научные понятия, представляют собой метафорическое переосмысление слов общеупотребительного языка.

Существующие учебно-методические материалы, предлагающие в той или иной форме семантизацию русских лингвистических терминов, в частности, для китайских и корейских иностранных студентов-филологов, не покрывают весь объем терминов, предусматриваемый Государственным образовательным стандартом, учебным планом специальности «Лингвистика» и учебными программами лингвистических дисциплин, не всегда дают полные ответы на вопросы о значении того или иного термина, часто предлагают некорректный перевод терминов, демонстрируют расхождения в трактовке, употреблении, переводе лингвистических терминов.

В процессе проведения сравнительно-сопоставительного анализа лингвистической литературы учебно-научного подстиля на русском, китайском и корейском языках был выявлен ряд особенностей национальных терминологических систем и предложены способы лингводидактического описания терминологических метафор русской лингвистики при создании двуязычных словарей лингвистических терминов и учебно-методических материалов для китайских и корейских студентов-филологов.

В частности, в процессе сравнительно-сопоставительного исследования русской и корейской терминологической систем было обнаружено несколько видов соотношений между русскими лингвистическими метафорами и корейскими терминами: 1) в русском языке термин образован путем метафорического переноса, а в корейском языке термин не имеет метафорического происхождения; 2) в русском и корейском языках термин образован путем метафорических переносов, при этом основания для метафорических переносов близки или совпадают; 3) в русском и корейском языках термин образован путем метафорических переносов, при этом модели метафоризации различаются.

При проведении сопоставления русского термина и его корейского эквивалента нужно иметь в виду, что в корейском языке лексические единицы представляется возможным разделить на четыре вида: 고유어 – родные (незаимствованные) слова, исконные слова, 한자어 – китаизмы в корейском языке, 외래어 – заимствованные из других языков слова, иноязычные слова, 혼종어 – смешанные слова.

В процессе анализа русской и китайской лингвистической литературы был обнаружен ряд терминов, характеризуемых

неоднородностью толкования и сопоставления. В ряде случаев русские термины имеют в русско-китайских лингвистических словарях эквиваленты, которые, однако, описывают специфические феномены китайского языка. Зачастую термины русской лингвистики не имеют эквивалентов в китайском языке, переводятся при помощи описательного перевода или различных калек, образуя синонимичные ряды терминов. Возникновение синонимичных терминов объясняется как индивидуально-авторскими особенностями переводчика, так и наличием различных лингвистических школ и традиций перевода. Необходимо отметить, что в отличие от Южной Кореи, русский язык изучается в Китае уже длительное время, поэтому многие термины, в том числе, образованные в результате метафорического переноса, уже имеют традицию перевода на китайский язык. Как представляется, основные трудности перевода русских терминологических метафор на китайский язык и их сопоставления с тем или иным китайским термином можно объяснить либо отсутствием описываемого русским термином феномена в китайском языке, либо различиями русских и китайских лингвистических традиций, либо особенностями национальных научных картин мира.

Как отмечают исследователи, «сегодня размышления о путях развития лингвистического знания оказываются сопряженными не только с оценкой выдвигаемых (или выдвинутых) лингвистических теорий, но и с последовательных осмыслением их методологических основ» [Крапивник 2014: 4]. С этой точки зрения, вопросы сравнения и сопоставления лингвистической терминологии разных национальных лингвистических традиций, а также вопросы создания современных двуязычных словарей лингвистических терминов являются ведущими для современной лингводидактики.

Литература

Крапивник Л.Ф. Неязыковые средства представления лингвистического знания. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2014. 136 с.

Лелюх Ю.В. Метафорически мотивированные термины машиностроения (на материале китайской терминосистемы) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5. С. 724–727.

Деловая письменная коммуникация государственных гражданских служащих: кибернетико-синергетический подход

А.Г. Шилина, О.А. Субботина

Business written communication of civilian officials: cybernetic and synergetic approach

Anzhela G. Shylina, Olga A. Subbotina

angela_shilina@bk.ru, subbotiny08@mail.ru

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Симферополь) / Crimean Federal V.I. Vernadsky University (Simferopol)

Аннотация. В тезисах доклада деловое письменное общение госслужащих репрезентировано как информационно-коммуникативная система. Ее организующими элементами являются локальность, хронологичность, тематическая и модальная целостность, закрытость / открытость, адресантность / адресность и структурированность.

Ключевые слова: деловая письменная коммуникация, государственные служащие, кибернетико-синергетический подход, аттрактор, репеллер.

Summary. Business written communication of civilian officials is represented as information and communicative system in the abstract. Organizing components of this system are locality, chronology, thematic and modal integrity, closed / open nature, addresser / addressee availability and structuredness.

Keywords: business written communication, civilian officials, cybernetic and synergetic approach, attractor, repeller.

В условиях мировой транспарадигмальности изучение деловой письменной коммуникации государственных гражданских служащих в кибернетико-синергетическом ракурсе представляется современным и актуальным научным подходом.

Объектом нашего исследовательского интереса является деловое письменное общение госслужащих Республики Крым. Его мы идентифицируем как информационно-коммуникативную систему [Шилина 2016], обладающую такими признаками:

- локальность (документные тексты продуцируются на территории Республики Крым);
- хронологичность (всякий официально-деловой текст обладает временны□ми рамками);
- тематическая целостность (каждый документный текст имеет гипертему и несколько субтем, которые коррелируют с деятельностью министерств [Портал Правительства Республики Крым]);
- модальная целостность (закрепляется терминами и клише);
- одновременная закрытость и открытость. Закрытость выражается в наличии гомеостатической тематики и проблематики документного текста; открытость – во взаимодействии с другими системами;
- адресантность / адресность (каждый документный текст выступает коллективно-авторским, регламентированным сверхадресантом (министром) и собственно адресантом (госслужащими министерства). Адресатом этого текста являются граждане);
- структурированность. По своей структуре каждый документный текст имеет однотипную форму и стереотипизированную рубрикацию. Организация каждого из таких текстов осуществляется с помощью аттракторов (англ. attract – притягивать) – элементов, обеспечивающих правильность / нормированность, чистоту, точность, логичность и стилистическую адекватность, и репеллеров (англ. repel – отталкивать) – элементов, нарушающих языковые нормы.

Совокупность аттракторов представлена в дополнительной профессиональной программе повышения квалификации крымских госслужащих «Культура письменной речи и правила оформления служебных документов», утвержденной в 2016 году в Крымском федеральном университете имени В.И. Вернадского [Дополнительная профессиональная программа… 2017].

Анализ официально-деловых текстов позволил выделить пять групп репеллеров: 1. «Ненормированность деловой коммуникации»; 2. «Засоренность деловой коммуникации»; 3. «Неточность деловой коммуникации»; 4. «Алогичность деловой коммуникации»; 5. «Стилистическая неадекватность деловой коммуникации».

В настоящей работе приведем несколько примеров субрепеллеров первой группы.

Семантический субрепеллер «личный», зафиксированный в деловых текстах в словосочетании *«личный прием (руководства)»*, создает неоднозначность, которая вызвана как выбором собирательного существительного, так и некорректным применением зависимого слова, что нарушает лексическую норму: «*На **личном приеме руководства** министерства актуальными по-прежнему остаются следующие вопросы…*» [Портал Правительства Республики Крым]. Функционирование конструкции *«на личном приеме у руководителя / руководителем»*, на наш взгляд, не способствовало бы развитию двусмысленности высказывания.

Словосочетания *«работа над ошибками»* (из дидактической терминологии) и *«дорожная карта»* (калька от английского устойчивого выражения ‘road map’ – «план действий») стали часто встречающимися стилистическими субрепеллерами в коммуникации государственных служащих

Республики Крым: *«Также хотим предложить, чтобы была проведена **работа над ошибками** и сделана **дорожная карта** по сокращению сроков, которые в настоящее время существуют»* [Портал Правительства Республики Крым]. Думается, что употребление в данном контексте конструкций *«устранение недостатков / недочетов»* и *«составление плана действий / предложение способов»* является стилистически более адекватным.

Таким образом, кибернетико-синергетическое рассмотрение делового письменного общения государственных гражданских служащих позволяет, во-первых, проанализировать его как информационно-коммуникативную систему для обеспечения транспарадигмального диалога «Язык – власть – образование – наука»; во-вторых, выделить закономерности организации этой системы для усовершенствования уровня речевой компетентности и, как следствие, управленческой компетентности и, в-третьих, проследить динамику появления и дальнейшего развития аттракторов и репеллеров, что поможет нейтрализовать языковую репелленцию и усилить языковую аттракцию, обеспечивающую правильность, логичность и точность делового сотрудничества.

Литература

Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации. Культура письменной речи и правила оформления служебных документов / Сост. А.Г. Шилина, О.А. Субботина. Симферополь: ООО «Антиква», 2017.

Портал Правительства Республики Крым. Министерство внутренней политики, информации и связи Республики Крым [Электронный ресурс. URL: https://rk.gov.ru/ru/structure/ministerstva. Дата последнего обращения: 10.11.2018].

Шилина А.Г. Системный статус медиаимиджа (медиалингвистические и кибернетические аспекты) // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации / Редкол.: А.Н. Гуда (пред.) [и др.]. Ростов-на-Дону: ФГБОУ ВПО РГУПС, 2016. С. 78–83.

Соотношение понятий «язык науки» и «язык для специальных целей»: лингводидактический аспект

Е.А. Яцевич

Correlation of the concepts “language of science” and “language for special purposes”: linguo-didactic aspect

Ekaterina A. Jacevich

Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия) / Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

kerris@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируется соотношение содержания понятий «язык науки» и «язык для специальных целей» и подчеркивается важность тщательного дальнейшего развития понятия «язык для специальных целей» в силу специфики преподавания языка специальности иностранным студентам, изучающим русский язык как иностранный.

Ключевые слова: язык науки; язык для специальных целей; формирования профессионально-коммуникативной компетенции инофонов; лингводидактическое описание языка.

Summary. The article analyzes the correlation between the content of the concepts “language of science” and “language for special purposes” and emphasizes the importance of careful further development of the concept “language for special purposes” due to the specifics of teaching the language to foreign students studying Russian as a foreign language.

Keywords: the language of science; language for specific purposes; the formation of professional communicative competence of foreign students; linguodidactic language description.

Понятие «язык науки» можно рассматривать с различных точек зрения: логической, философской, лингвистической. Как лингвист, Р.С. Аликаев в своем исследовании «Стилистическая парадигма языка науки» отмечает, что понятие языка науки «многомерно и полифункционально, так как включает в себя не только традиционные функционально-стилистические параметры научного стиля речи, но и элементы внутренней структуры языка (морфологии, морфемики, синтаксиса и др.). Специфика его заключается в том, что он обслуживает речевую коммуникацию в научной сфере деятельности человека и процесс выведения научного знания» [Аликаев 1999: 11]. Язык науки выполняет также и кумулятивную функцию – является одним из способов хранения научных знаний. Такой подход к понятию «язык науки» является, безусловно, правомерным. В то же время для отражения данного понятия как целостного феномена следует уточнить, что основной функцией языка науки следует назвать интеллектуализирование, сущность которой можно определить как передачу логической информации и доказательство ее истинности при полном отсутствии эмоциональной составляющей.

Однако В.П. Даниленко отмечает, что «научное общение – это одна из сфер профессионального общения, вершина его, но им не исчерпываются все области трудовой деятельности на разных ее уровнях и направлениях» [Даниленко 1996: 235]. Именно поэтому в 70-е годы XX века в Европе появляется термин *languages for special purposes* (LSP) в англоязычной литературе, русским эквивалентом которого является термин *язык для специальных целей* (ЯСЦ). Д.Н. Шмелёв использовал в своих работах термины «специальный язык», «специальная речь».

В.П. Даниленко дает развернутую дефиницию LSP, основанную на определении LSP чешского исследователя Л. Дрозда: LSP – функциональная разновидность национальных литературных языков, которые обслуживают специальные сферы знаний и деятельности (науку, культуру, производство, управление и др.) и обладают определенной спецификой в лексике, синтаксисе, словообразовании [Даниленко 1996: 235]. Подчеркивая, что основным качеством для носителя или потребителя ЯСЦ является профессионализм, заключающийся во владении понятийно-категориальным аппаратом определенной предметной области и соответствующей ему терминологии, автор указывает синонимы для ЯСЦ – профессиональный язык или язык профессии.

Лексико-семантический аппарат является дифференцирующим для ЯСЦ, так как ЯСЦ необходим для вербализации профессионального знания, что влечет за собой наличие специальных лексико-семантический средств, которые можно разграничить по функциональному признаку (общенаучная, межнаучная и узкоспециальная терминология) и по существенным атрибутам деятельности (наименования сфер деятельности, ее субъектов, объектов, средств, продуктов).

ЯСЦ является стилистически неоднородным и с точки зрения функциональной и структурной направленности, является феноменом, который в реальной ситуации функционирования расслаивается на конкретные профессиональные разновидности, причем в каждой из них выявляется язык науки и профессиональный разговорный язык (язык практики).

В.П. Даниленко четко определяет соотношение понятий «язык науки» и LSP и обосновывает «возможность аттестовать язык науки в рамках (а не за пределами) языка для специальных целей. [Даниленко 1996: 243] и весьма образно описывает его: «язык науки – один из стеблей LSP, переходящих в ствол и составляющих вершину всего дерева как по его функциональной роли, так и по информационной насыщенности и ценности» [Даниленко 1996: 243]. При изучении ЯСЦ как никогда важна «полная, всесторонняя его аттестация как своеобразной семиотической системы, действующей при всей своей особенности в определенных рам-

ках существующих средств коммуникации, естественно модифицированных и приспособленных» [Даниленко 1996: 237]. Сходную позицию занимают И.С. Куликова и Д.В. Салмина [Куликова, Салмина 2002: 159–160].

Рассматривая соотношение понятий «язык науки» и «язык для специальных целей» в лингводидактическом аспекте, мы хотели бы подчеркнуть важность представленного теоретического обоснования указанного определения понятий, в силу того что работа над научным стилем речи при изучении русского языка иностранцами предполагает не только и не столько изучение научной парадигмы некоторой научной отрасли, а выдвигает вперед именно функциональный аспект владения инофоном изучаемым языком в процессе профессиональной деятельности в различных ситуациях. На всех этапах развития профессионально ориентированного обучения русскому языку как иностранному (РКИ) работа направлена именно на обучение инофона языку специальности, а не на обучение специальности.

При формировании профессионально-коммуникативной компетенции инофонов, изучающих русский язык, важна комплексная работа над текстом, над его единицами различных уровней, что обеспечивает в дальнейшем эффективность процессов восприятия и порождения текста. Так, на единицах языка (высшей из которых является предложение) формируется языковая компетенция, а на уровне текста – коммуникативная.

Понимая вслед за В.П. Даниленко ЯСЦ как своеобразную семиотическую систему, обладающую определенной спецификой в лексике, синтаксисе, словообразовании, мы хотели подчеркнуть важность создания лингводидактического описания ЯСЦ для различных сфер профессиональной деятельности в соотнесенности с уровневой концепцией владения РКИ в целях обеспечения эффективности процесса формирования профессионально-коммуникативной компетенции инофонов, так как «лингводидактическое описание языка, в отличие от собственно лингвистического, строится на сочетании лингвистической системности и методической целесообразности» [Хавронина: 9].

При проведении исследований в области ЯСЦ огромную помощь оказывает применение корпусных технологий. В современных исследованиях, посвященных ЯСЦ, подчеркивается [Хомутова 2008; Дворкина 2014], что уровень информатизации общества в настоящее время формирует переосмысленные с точки зрения современных потребностей требования к уровню профессиональной компетенции специалистов, что непосредственно отражается в актуализации новых аспектов задач, связанных с системой подготовки профессиональных кадров.

Литература

Аликаев Р.С. Стилистическая парадигма языка науки: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.19. 10.02.04. Кабардино-Балкар. гос. ун-т. Краснодар, 1999.

Даниленко В.П. Язык для специальных целей // Культура русской речи и эффективность общения / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова / Отв. ред. доктор филол. наук Л.К. Гаудина, доктор филол. наук Е.Н. Ширяев. Москва: Наука, 1996. Гл. 8. С. 234–270.

Дворкина Е.А. Язык для специальных целей: РКИ в модуле обучения по направлению 080100 – экономика // Вестник ИрГТУ. 2014. №8 (91). С. 229–232.

Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в металингвистику: (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматические аспекты лингвистической терминологии). СПб.: Сага, 2002.

Хавронина С.А. Инновационный учебно-методический комплекс «Русский язык как иностранный». [Электронный ресурс. URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/169-havronina-_balyhina.pdf. Дата последнего обращения 10.01.2017].

Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 71. С. 96–106.

XXIV. Немного о себе

Наталия Александровна Еськова
«Научная автобиография»

«Мне повезло, я не попала в университет». Так предлагала я начать свою «научную автобиографию» в воспоминаниях об Александре Александровиче Реформатском.

С серебряной медалью я не попала без экзаменов в университет, но поступила в Московский городской педагогический институт им. Потемкина на факультет русского языка и литературы, где введение в языковедение читал Реформатский. На факультете давалась хорошая лингвистическая подготовка. С благодарностью вспоминаю Н.А. Янко-Триницкую, И.С. Ильинскую, Л.Н. Шатерникову, И.А. Оссовецкого, А.Б. Шапиро.

Но мою научную судьбу решила первая лекция Реформатского.

Александр Александрович определил сферу моих интересов в области русистики, когда по окончании мной института стал моим научным руководителем в аспирантуре и Наставником в высоком смысле слова.

В студенческие и аспирантские годы я участвовала в шести экспедициях по собираниию сведений для составления диалектологического атласа русского языка. Диалектологический опыт считаю ценным компонентом моего лингвистического образования.

Первая, еще аспирантская, работа (впоследствии опубликованная) относится к фонологии, но в дальнейшем главной «моей» областью стала русская морфология (включающая морфонологию). Тема кандидатской диссертации «Степени сравнения в современном русском литературном языке».__

Недолгая работа в Башкирском педагогическом институте (теперь это университет), куда я была направлена по окончании аспирантуры, обнаружила мою малую склонность к педагогической работе.

В академическом Институте русского языка я начала работать с того момента, когда в 1958 году он возобновил свое существование. В секторе культуры русской речи Сергея Ивановича Ожегова я была сразу привлечена к работе по переизданию опыта словаря-справочника 1955 г. «Русское литературное ударение и произношение» под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. В 1959 г. под слегка измененным названием вышел словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение».

В начале 60-х годов под руководством Рубена Ивановича Аванесова началась работа, задуманная как еше одно издание этого словарного пособия по произношению и ударению. Но она привела к созданию нового словаря, получившего название «орфоэпический». Сначала я работала одна, потом к работе были привлечены С.Н. Борунова (для произносительной части) и В.Л. Воронцова (главным образом для участия в пересмотре акцентных рекомендаций).

Уязвимым моментом обоих словарей-справочников, посвященных явлениям устной речи – произношению и ударению, было определение места в них информации о грамматических формах. Это оказалось в центре внимания при подготовке нового варианта словаря. Результатом явилась новая концепция объема информации нетолкового нормативного словаря с включеним сведений о формальном устройстве парадигм слов (см. мою статью, напечатанную в «Вопросах языкознания». 1972. № 3). Несмотря на приобретенный авторитет словаря, реализовавшего эту концепцию, она остается дискуссионной. Это относится и к названию «орфоэпический».

В создававшемся словаре было изменено понимание сущности нормализации. Прежний подход требовал по возможности признавать нормативным только один вариант. Теперь была создана **шкала нормативности**.

Среди работ, на которые опиралась разработка теоретических основ нового словаря, я должна выделить грамматические исследования Андрея Анатольевича Зализняка. Вспоминаю как очень значительное для меня недолгое научное общение с ним, когда он работал над грамматическим словарем. Придаю значение также участию в работе над формальной моделью русской морфологии в соавторстве с И.А. Мельчуком и В.З. Санниковым.

«Орфоэпический словарь русского языка» с подзаголовком «произношение, ударение, грамматические формы» вышел в 1983 году под редакцией Р.И. Аванесова. Не могу не упомянуть тщательнейшую работу в издательстве «Русский язык» прекрасного редактора Наталии Георгиевны Зайцевой.

С этим словарем связана моя научная жизнь до конца 2015 года, когда вышло его 10-е издание. Сюда входит тот период (с декабря 1973 по декабрь 1992), когда по причинам, не имеющим отношения к науке, я не работала в ИРЯ.

На время с апреля 1974 по апрель 1981 года приходится работа во ВНИИ Информэлектро. Здесь оказалось возможным сочетать участие в создании формальной модели русской морфологии (в соавторстве с И.Г. Бидером и И.А. Большаковым) с продолжением работы над орфоэпичечким словарем благодаря положительному отношению к этой работе «начальства» Игоря Алексеевича Большакова.

С апреля 1974 по декабрь 1992 у меня не было постоянной работы.

Но работа над орфоэпическим словарем продолжалась. В 1989 году вышло пятое, исправленное и дополненное издание.

Еще до этого в моей статье, напечатанной в 1988 г., сформулировано предложение о создании нового варианта орфоэпического словаря, расширяющего его хронологические рамки. В словаре 1983 г. сделано предупреждение о невключении в него таких вариантов, как *музы□ка*, *скала□ми*, *на хо□лмах* и т.п. Между тем в языковой опыт культурного человека – читателя классики XIX века (а отчасти и XVIII) – входят старые языковые факты. Желательно лексикографическое издание, которое способствовало бы правильному восприятию широким читателем устарелого языкового материала. Новый вариант орфоэпического словаря мог бы включить приложение, дающее такой материал в виде дополнитеьного словаря с отсылками к основной части.

Работа над таким приложением началась, но быстро стало ясно, что этот материал заслуживает отдельного труда. На самых начальных этапах в создании такого труда, в который «превратилось» приложение к орфоэпическому словарю, приняла участие В.Л. Воронцова, но основная работа была проделана уже без нее. В 2008 году вышла моя книга «Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков. Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи». За нее мне присуждена Пушкинская премия РАН.

Не могу не коснуться своей работы по орфографии – еще одной области, рано вошедшей в круг моих интересов. Орфографии посавящено более 30 статей. Ранние относятся к 1960-м годам и связаны с моим участием в подготовке неосуществленного проекта реформы русской орфографии. Тогда же был создан под руководчтвом М.В. Панова коллективный труд «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.)». В 1990-х – 2000-х годах я быда членом орфографической комиссии и участвовала в работе над новым вариантом «Правил русской орфографии и пунктуации» под руководством В.В. Лопатина.

В 2005 году вышла небольшая книга нетрадиционного жанра – «Лингвистический комментарий к “Орфоэпическому словарю русского языка”».

Упомяну две книжки: «Хорошо ли мы знаем Пушкина?» (1999) и «Популярная и занимательная филология» (2-е изд. 2005). В последней собраны статьи и заметки популярного характера, напечатанные в журналах «Русская речь», «Наука и жизнь», в газете «Русский язык» (приложение к газете «Первое сентября»).

В 2011 году вышел мой сборник «Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография». Не могу не сказать здесь об огромной помощи Сергея Александровича Крылова в подготовке этой книги.

Сборник включает три приложения «вольного» содержания. В одно из них входят воспоминания об А.А. Реформатском и С.И. Ожегове, а также воспоминания «О Сергее Михайловиче Бонди». О том, как я никогда не упускала случая услышать лекцию Бонди, и о многоголетнем общении с ним не рассказано в моей «лингвистически ориентированной» автобиографии. Я считаю Бонди своим «вторым Наставником».

Список основных лингвистических и филологических публикаций – 239 номеров.

Остановлюсь на своих последних работах. В 2014–2015 гг. вышли два словаря: 10-е издание орфоэпического словаря под моей редакцией и «Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы».

10-е издание – следующее исправленное и дополненное после пятого издания 1989 г. (за которым следовали стереотипные переиздания). Совокупный тираж изданий орфоэпического словаря с 1983 по 2001 год составляют сотни тысяч экземпляров, тираж 10-го издания – две тысячи. Вышедший после большого перерыва словарь до сих пор не получил никакой оценки, хотя дополнения и изменения содержат нетрадиционные моменты.

В этом издании удалось в ограниченном объеме осуществить идею приложения, из которого «родилась» книга о нормах XVIII–XIX веков. Более четырехсот словарных статей включают за особым знаком сведения о старых нормах, в части случаев иллюстрируемые цитатами.

В 10-м издании осуществлен новый подход к нормативной оценке произносительных помет. Впервые по-разному поданы пометы, относящиеся к фонемному составу слов, и пометы, характеризующие изменения звуков в определенных фонетических условиях. Пометы первого рода оцениваются по шкале нормативности, к пометам второго рода эта шкала не применяется: они просто фиксируют наличие колебания. Содержательному различию соответствует различие в шрифтовом оформлении. См. мою статью «Об ортологической значимости произносительных помет (К новому изданию “Орфоэпического словаря русского языка”)» в сб. «Вопросы культуры речи», Вып. 10. М., 2011.

«Словарь трудностей русского языка» представляет собой расширенный вариант «Краткого словаря трудностей», над которым я работала в 80-е – 90-е годы; он вышел в 1994 г. и имеет несколько переизданий. Расширение произведено за счет иллюстративной части словарных статей. Впервые в русской лексикографической практике литературные цитаты служат не для пояснения значений слова, а в качестве подтверждения предлагаемых нормативных рекомендаций. Тираж словаря – тысяча экз. – во много раз уступает совокупному тиражу изданий краткого словаря. И этот словарь не получил оценки.

Естественно, автора не радует «участь» последних публикаций.

Оглядываясь на все сделанное, я хочу выделить собственные оценки.

Мне представляется неординарной для аспирантки 22–23 лет большая статья «Фонема <j> в современном русском литературном языке».

Моя кандидатская диссертация получила высокую оценку рецензентов (один из них М.В. Панов), с чем не расходится мое собственное ощущение. Морфологическая часть в последующих работах значительно усовершенствована, но многое остается неопубликованным. Думаю, полный текст диссертации заслуживает помещения в Интернет, но это трудно осуществить.

Удовлетворяют автора некоторые статьи по морфологии, особенно глагольной.

Самое значительное, конечно, работа над орфоэпическим словарем и книга о нормах XVIII–XIX веков.

Скажу в заключение: я радуюсь перспективе изучения русского языка с использованием НКРЯ.

Мария Иосифовна Конюшкевич

доктор филологических наук, профессор, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Беларусь

Мой путь в русистику

У Сергея Довлатова я прочла ликующее: «Какое счастье! Я знаю русский алфавит!» Наверное, у каждого русиста в жизни были какие-то вехи, знаки судьбы и люди, которые указывали ему путь к познанию русского языка и Языка вообще. У меня они тоже были. Особенно они видны с высоты возраста и опыта. Вот несколько из них.

Белорусскую деревню Погири на Дятловщине война пощадила. Видимо, потому что стояла она посреди полей, лес находился в трех километрах от нее и в нем не было партизан. Но люди жили бедно. Каждая хата с соломенной крышей и глинобитным полом. А у крестного моего дом был, хоть и деревянный, но под черепицей и с крашеными вишневыми полами. В тон им венские стулья вокруг стола, накрытого скатертью. А на столе торжественно возлежал огромный толстый фолиант, на обложке которого была надпись вязью: **А.С. Пушкин**. Откуда и как попала эта книга в белорусскую хату, пусть она и побогаче остальных, не знаю. Но мне, самоучкой научившейся от своих старших братьев читать еще до школы, крестный разрешал эту книгу листать. Шрифт был с ерями и ятями, на полях рисунки, женские головки… Я мало что понимала, но представляла и шаги Командора, и мучения отравленного Моцарта, и страх бедного Евгения, и даже любовное томление Татьяны, которая «прелестным пальчиком писала на затуманенном окне заветный вензель «О» да «Е». Полюбившиеся строчки заучивала наизусть. Это было очарование навсегда – Языком.

Благодаря Пушкину я пристрастилась читать, тем более что в сельской избе-читальне была почти вся русская и зарубежная классика. О, с каким упоением я читала опись инвентаря вещей, доставшихся Робинзону с разбившегося корабля, как плакала над страданиями Квазимодо, как дрожала от страха, но не отрывалась от страничек «Вия», как непонятен и неприятен был мне холодный Печорин, погубивший Бэлу, и каким понятным было одиночество лермонтовского Демона!

Помню свое потрясение от точно найденного слова. Как-то у доски мне, пятикласснице, надо было пересказать описанный Л.Н. Толстым случай с храбрым матросом Кошкой, бросившим неразорвавшееся ядро в котел с кашей. Я мучительно пыталась подобрать нужные русские глаголы, называющие быстрое действие матроса. Говорю: «он взял ядро и положил его в кашу». Мой **учитель русского языка и литературы Михаил Семенович Захаренко** просто подскочил: «Не взял, берут, когда под ручку гулять идут, а тут жизнь на волоске висит. *Схватил* и *швырнул, схватил и швырнул*, поняла?» Я поняла больше: в языке есть все, что тебе нужно. Надо только это знать.

Поступала в пединститут на физмат, но случайно услышала о новом интересном факультете методики начального образования, где можно научиться и петь, и рисовать, и играть на каком-либо музыкальном инструменте, и за четыре дня до экзаменов (по совсем другим, чем на физмате, предметам) переписала заявление. Поступила. На начфаке самыми интересными предметами стали русский и белорусский языки. Белорусский как родной был знаком больше, а русский привлекал новизной. И опять вовремя прозвучало **слово Учителя – Елизаветы Иосифовны Лавринайтис**: «Ты, Мария, хорошо знаешь язык, его систему, грамотна, но какое у тебя скверное произношение! Стыдно учителю так разговаривать».

Волею обстоятельств выпускница-краснодипломница, отказавшись от направления в аспирантуру по методике начальных классов, обзавелась семьей, проработала в поселке учительницей вечерней школы, в которой вела все предметы, кроме математики и истории, но особенно любила русский язык и литературу. Перечитала всю поселковую библиотеку. Из чистого интереса писала заочникам курсовые по языку. Тем не менее при переезде с семьей в город заведующий гороно не позволил преподавать язык в школе (не тот диплом!). Но как же я ему благодарна за его бюрократизм! Ведь снова пришлось учиться в родном Гродненском пединституте, но уже на филфаке и заочно.

И опять учеба у Е.И. Лавринайтис, уже декана филфака. Но был еще один **Учитель – Михаил Александрович Корчиц**, педант до рафинирования. Мы, заочники, его называли рыцарем русского языка. Проучив мою самоуверенность первой в моей жизни двойкой за контрольную, он заставил меня вникать в каждый языковой факт. В качестве похвалы на своих лекциях после каждого теоретического положения требовал от меня привести соответствующий пример. Студентов это забавляло, а я всегда в боевой готовности. Но удавалось успевать.

И снова удача: пединститут трансформировался в университет, нужны были кадры, я поступаю по рекомендации М.А. Корчица в целевую аспирантуру Белорусского государственного университета. Естественно, по русскому языку. И снова в моей жизни появился добрый гений.

Это – профессор **Павел Павлович Шуба**, мой научный руководитель, чем-то очень напоминавший по стилю руководства моих родителей: не заставлять, не мешать, но очень верить. Он дал мне полную самостоятельность мыслить, сказав одну важную для всей моей будущей жизни фразу: “Если выбьете из себя учительницу, из вас получится ученый”. После долгих раздумий я открыла для себя главное: я знала учебники, правила, но не знала Языка. «Выбить из себя учительницу» – это не бояться думать, не следовать догмам, не воспринимать на веру, а подвергать проверке, не быть зашоренным указаниями, а самое главное – видеть Язык в движении, в динамике, в развитии.

Хочется верить, что это мне удалось, потому что с высоты теперешнего моего понимания языка я отчетливо вижу ту прежнюю свою закосневелость, ту узость взглядов на язык и не только на него, то стремление к однозначным ответам, которые так сковывают учителя и так мешают ему (да простят мне мои глубокоуважаемые коллеги-учителя, ибо это не их вина, а их беда: слишком много и многие им указывают, что такое хорошо и что такое плохо). И на занятиях и встречах с учителями я уже стремилась «выбивать из них учительницу».

А еще я благодарна ему, своему главному Учителю, что он дал мне свободу – во времени и в пространстве, в мнении, даже в дерзости спорить. Он сформировал серьезную белорусскую школу русистики: в течение десятилетия появились доктора наук, или «полушубки», как мы себя называли: С.М. Прохорова, А.М. Мезенко, Т.Н. Волынец, В.И. Коваль, А.А. Гируцкий, И.С. Ровдо… Благодаря ему мы через прививку русским языком по-иному взглянули на свой родной белорусский и счастливо избежали «вируса» – комплекса национальной неполноценности, чем порой грешат радетели только национального языка. Благодаря Павлу Павловичу я имела смелость создать со своими коллегами учебники по русскому языку для гимназий, а позже была включена в авторский коллектив по созданию учебников по русскому языку для общеобразовательных школ Беларуси.

А еще был **Евфимий Федорович Карский**. Проведение международных научных чтений в его честь (Карских чтений) в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы дало мне импульс к изучению наследия выдающегося слависта. Многотомный труд Е.Ф. Карского «Белорусы» – образец фундаментального исследования, внимания к языковому факту, глубины анализа и описания белорусского языка (на фоне шести языков, включая русский), пример широчайшей эрудиции и огромного трудолюбия. И постигать его наследие – великая исследовательская школа для лингвиста.

Как договориться с великим кредитором – временем? Помнить о нем или забыть о нем? Встречи с еще одним замечательным человеком подталкивают к мысли, что можно совместить несовместимое: помнить о времени, не думая о нем. Так живет профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова **Майя Владимировна Всеволодова**. М.В. Всеволодова – человек без возраста. Сколько юного азарта, сколько бурлящих идей, сколько полемического задора, сколько замыслов (и все это живет, свершается, осуществляется!) кипит в этой хрупкой маленькой женщине! Как беспечно она колесит по миру на конференции, которые с ее участием превращаются в захватывающие дискуссии, как щедра она в своем научном богатстве! Есть еще одно замечательное качество Майи Владимировны, которое в чем-то напоминает мне и Павла Павловича: радоваться чужому успеху, ценить его и популяризировать его. Любое, даже самое маленькое научное наблюдение коллеги или ученика, независимо от его научных регалий, будь то академик или начинающий студент, будет уважительно замечено, прокомментировано со ссылкой на автора. Как это важно для молодого ученого – быть замеченным и оцененным маститым профессором!

Удивительно складывается цепочка встреч с людьми, повлиявшими на твою судьбу. **Профессор Арнольд Ефимович Михневич**, дважды оппонент (по кандидатской и докторской), благословивший меня в науку, знакомит меня на одной из научных конференций с Майей Владимировной, а она предлагает сотрудничать по теме («Грамматика славянского предлога»), которой занимался мой Учитель Павел Павлович Шуба! Разве может это быть случайностью?

Двустороннее сначала, а затем и многостороннее международное сотрудничество с коллективом под руководством М.В. Всеволодовой трудно переоценить. А ведь это еще и научное общение с Анатолием Анатольевичем Поликарповым, Ольгой Владимировной Кукушкиной, Екатериной Николаевной Виноградовой, а также с Анатолием Афанасьевичем Загнитко (Украина), Чеславом Ляхуром (Польша) и многими другими «предложниками». Прекрасная исследовательская школа научной смелости, нового взгляда на язык, творческих дискуссий, того научного общения, в процессе которого и рождается истина.

Помнится, как после защиты докторской диссертации мой коллега не без зависти меня спросил: «Неужели вы после защиты стали умнее?». Нет, уважаемый коллега, получив ученую степень и ученое звание, я не стала умнее. Но, после того как я получила ученую степень и ученое звание, мне стали поручать такие задания, от которых я становлюсь умнее. Это тот вид учебы, который никогда не может надоесть, ибо он заставляет восхищаться неутолимостью и неутомимостью человеческого разума, радоваться тому, что кто-то заметил нечто, мимо чего ты сам проходил сотни раз и не видел, а он и увидел, и показал, и доказал, что это такое и что из этого может получиться. Вот почему так интересна и полезна обязанность оппонента, эксперта чужих диссертаций, рецензента чужих книг, так заставляет она жадно следить за литературой, так расширяет горизонты твоего знания, так будит твою собственную мысль.

Какое счастье, что на моем пути в русистику было столько книг и учителей!

Владимир Владимирович Лопатин

Уважаемые коллеги,

спасибо за Ваше письмо и приглашение.

К сожалению, я не могу участвовать в Конгрессе, поскольку по состоянию здоровья не выхожу из дома.

Желаю успехов в изучении русского языка и в работе Конгресса.

Что касается моего прошлого, то у меня самые приятные воспоминания как об учебе в МГУ, так и о работе в Институте русского языка с В.В.Виноградовым (он был руководителем моей диссертации) и под руководством Н.Ю. Шведовой над академической «Русской грамматикой». Довольно долгое время был членом Грамматической комиссии при Международном комитете славистов. В Институте русского языка я работал с 1958 по 2012 г., под моим руководством защищены 20 диссертаций. В последние 15 лет в Институте я возглавлял работу над проблемами русской орфографии.

Всего доброго,

В.В. Лопатин

Татьяна Всеволодовна Рождественская

Санкт-Петербургский гос. университет

Мои научные интересы сформировались еще в детстве. Отец – поэт и переводчик Всеволод Александрович Рождественский (1895–1977), мама, Ирина Павловна Стуккей (1906–1979), специалист по искусству и культуре Древней Руси, прививали нам с сестрами любовь к культуре, литературе, русскому слову и русской истории самой атмосферой нашего дома. Занимаясь в школьных кружках Гос. Эрмитажа, мы с сестрой (Миленой Всеволодовной Рождественской, профессором кафедры истории русской литературы СПбГУ) увлеклись историей и археологией. В школе, в 1950–1960-е гг., нам очень повезло с учителями-гуманитариями. В 1963 г. после некоторых колебаний между историей и филологией мы поступили на Филологический факультет Ленинградского государственного университета, где еще застали плеяду замечательных профессоров, курс фольклора слушали у В.Я. Проппа, курс по русской литературе XVIII в. – у ученика Г.А. Гуковского Г.П. Макогоненко, курс древнерусской литературы вел тогда Н.А. Мещерский, а по истории русского языка М. А. Соколова. Одновременно в течение трех лет занимались на кафедре археологии исторического факультета, где особую роль в формировании моего интереса к культуре Древней Руси сыграли лекции и семинары М.К. Каргера, в археологических экспедициях которого, а позднее и в экспедициях его ученика Вал. А. Булкина, мне неоднократно довелось участвовать. Тогда же пробудился мой интерес к древнерусской эпиграфике, позволявший соединить изучение письменности, языка и материальной культуры Древней Руси. В это время вышел Свод Б.А. Рыбакова «Русские датированные надписи XI–XIV вв.» М. 1964 г., книга киевского историка С.А. Высоцкого «Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев. 1966 г., первые публикации надписей-граффити А.А. Медынцевой. В занятиях эпиграфикой меня активно поддержал Н.А. Мещерский, ставший моим главным университетским учителем. С первого курса я посещала спецкурсы Н.Н. Розова по славяно-русской палеографии в Отделе рукописей Публичной библиотеки (РНБ). Тогда же начались занятия с семинаре Н.А. Мещерского по древнеславянской переводной письменности и в семинаре по древнерусской литературе Н.С. Демковой, ученицы И.П. Еремина. Это было время на излете хрущевской «оттепели», когда снова стало возможным изучать церковнославянский язык, его историю, когда новый импульс получило лингвистическое источниковедение. Большое влияние на формирование научного интереса к письменности Древней Руси оказал весной 1965 г. «спецкурс-диспут», который вели на факультете Д.С. Лихачёв и сотрудники его Сектора (позже Отдела) древнерусской литературы Пушкинского Дома, где обсуждались животрепещущие проблемы текстологии, поэтики, источниковедения древнерусской литературы, ставшие позже содержанием коллективной монографии «Истоки русской беллетристики» (1969. Мы с сестрой стали посещать научные заседания ОЛДР Пушкинского Дома, где познакомились и с В.И. Малышевым, создателем Древлехранилища, которое теперь носит его имя. В.И. Малышев учил нас азам археографической работы и был вдохновителем экспедиций на Русский Север. И эти, и неоднократные диалектологические экспедиции принесли неоценимый культурный и нравственный опыт. В 1968 г, после окончания университета я поступила в аспирантуру ЛО ИЯ АН СССР, как тогда назывался ИЛИ РАН, к А.П. Евгеньевой, создателю МАС и Словаря синонимов русского языка в 2-х тт., исследователю языка русского фольклора. И хотя моя кандидатская диссертация была посвящена древнерусской эпиграфике как лингвистическому источнику (этой областью занимались тогда исключительно археологи и историки), работа в Словарном отделе Института, общение с Анастасией Петровной Евгеньевой, ученым широких славистических интересов, с Л.С. Ковтун, Ю.С. Сорокиным, Л.Л. Кутиной, доклады и выступления В.М. Жирмунского, И.М. Тронского, М.И. Стеблина-Каменского, С.Д. Кацнельсона, А.В. Десницкой и на заседаниях Ученого совета института, и нашего аспирантского семинара, конечно же, очень повлияли на понимание самой сути научного знания, методологии лингвистического анализа. Считаю, что пребывание в академической среде весьма полезно и плодотворно для начинающего исследователя, и я благодарна судьбе, позволившей мне работать - несколько лет в этом коллективе. С начала 1980-х гг., в связи с занятиям эпиграфикой, мне посчастливилось приобщиться к работам Новгородской археологической экспедиции МГУ и РАН, связь с которой не прерывается до сих пор. Знакомство с Валентином Лаврентьевичем Яниным и его сотрудниками, а с 1983 г. с Андреем Анатольевичем Зализняком считаю главным подарком Судьбы. Благодаря их исследованиям языка берестяных грамот и нашему постоянному неформальному общению, а также благодаря сотрудничеству с А.А. Гиппиусом, С.М. Михеевым и др., мои занятия эпиграфическими памятниками получают необходимый контекст в исследовании языка т.н. некнижной письменности. В последние годы я участвую в научном проекте по составлению Свода древнерусских надписей Новгорода Великого. Помимо введения в научный оборот сохранившихся граффити на стенах новгородских храмов, занимаюсь исследованием богослужебных надписей в связи с их рукописной традицией и их соотношением с надписями-цитатами в составе фресковых композиций в едином литургическом пространстве древнерусского храма.

Элеонора Дюсеновна Сулейменова

Династия русистов

Как и все казахи, я знаю своих предков до седьмого колена. Это не просто традиция, а полноценные знания, которые передавались через поколения и связывали нас прочными нитями. Не утомляя рассказами обо всех предках, коротко расскажу только о прадеде, деде и маме, чтобы понять, какими путями пришел в мою жизнь русский язык.

Имя прадеда Сулеймена Хаджи стало фамилией большой семьи Сулейменовых – ученых, юристов, учителей, врачей, финансистов, крупных государственных деятелей. Сулеймен

Хаджи был толмачом (переводчиком) и неоднократно сопровождал паломников в Мекку. Он знал несколько языков (ведь надо было проходить через несколько стран), среди них важное место занимали арабский, персидский и русский языки. Сулеймен Хаджи был уважаемым, состоятельным человеком, ревностным служителем ислама, приверженцем и хранителем казахских традиций.

Другой мой предок Нуртаза был удачливым павлодарским купцом, ездил с товаром на Ирбитскую ярмарку, по торговым делам не раз бывал в Санкт-Петербурге и Варшаве, помимо казахского, хорошо знал арабский, татарский и русский языки. Всем детям Нуртаза дал основательное светское образование в казахских школах, и, невзирая на недоуменные вопросы, нужна ли девочкам русская грамота, годами организовывал для них обязательные домашние занятия с русским учителем.

Зачем я рассказала о своих прадедах?! Чтобы стало понятно: в моей семье было немало людей, чьи коммуникативные потребности удовлетворялись не только казахским, но и арабским, персидским, татарским, русским языками, и сегодня мои дети, племянники и внуки присоединили к ним английский, немецкий, французский, турецкий, азербайджанский, польский, испанский, болгарский и даже македонский языки.

Полифония языков была и остается гармоничным и естественным состоянием нашей семьи, но только одна линия, восходящая к моим прадедам, сложилась в династию русистов.

Моя мама Нуртазина Рафика – единственный учитель русского языка и литературы с высочайшим в Союзе званием Героя Социалистического Труда, она Заслуженный учитель школ Казахстана, Отличник народного просвещения Казахской ССР, Почетный гражданин города Алматы, Лауреат Пушкинской премии, Лауреат премии «Платиновый Тарлан». Еще студенткой Казахского национального университета (в котором я преподаю уже 50 лет) в годы войны мама работала учителем казахского и немецкого языков. Учительницей русского языка и литературы более 50 лет работала в школе № 12 (единственной казахской школе столицы Казахстана). Она – постоянный сотрудник и корреспондент Научно-исследовательского института преподавания русского языка и литературы в национальной школе (НИИ ПРЯНШ СССР) и в совете Иннокентия Баировича Баранникова защитила кандидатскую диссертацию «Пути активизации познавательных интересов при обучении русскому языку в казахской школе» (1974). Р. Нуртазина – член редколлегий и постоянный автор журналов «Русский язык в школе», «Русский язык в национальной школе» с первых лет их создания. У Нуртазиной Рафики около 300 научных и учебно-методических работ, в том числе 15 учебников для средней школы и 10 книг для дошкольников. Награждена множеством орденов, медалей, почетных грамот…

Казалось, вот жизнь человека, обласканного судьбой, на которого сыпались награды. На самом же деле вся жизнь мамы – это бесконечный и напряженный труд, бессонные ночи, постоянное стремление провести урок русского языка так, чтобы он прошел на одном дыхании, и дети навсегда запомнили его.

Таким и в мою жизнь пришел русский язык. С необходимостью постоянно и напряженно трудиться, обсуждать новые возможности его изучения и обучения других. В тесной и творческой связи с мамой и ее коллегами, а это была элита и гордость казахстанской русистики и методики преподавания русского языка и литературы.

Безусловно, первым в когорте казахстанских русистов заслуженно должен быть назван Евгений Исаакович Ривлин – академик Белорусской академии наук, обвиненный в связях с троцкистами и сосланный в 1933 году в Алматы. Заведуя кафедрой русской литературы Казахского педагогического института имени Абая, он занимался также педагогической практикой студентов в казахской школе № 12. Так зародились научные и дружеские контакты учительницы русского языка Рафики Нуртазиной не только с Е.И. Ривлиным, но и с профессорами Д.Т. Турсуновым, Н.С. Смирновой, М.С. Сильченко, Х.Х. Махмудовым, Х.М. Сайкиевым, а также А.Л. Жовтисом, Л.А. Шеляховской, Х.А. Бекмухамедовой.

Я слушала лекции профессоров и маминых близких коллег на филологическом факультете, под руководством Л.А. Шеляховской выполняла свои первые научные работы, а Х.А. Бекмухамедова привела меня в мамину школу на педагогическую практику. Так формировалась моя профессиональная жизнь, и мамины коллеги были моими учителями.

Благодарно оценить все то, что дала мне казахстанская русистика и особенно Людмила Анатольевна Шеляховская, я смогла очень скоро – в аспирантуре кафедры общего языкознания Московского государственного института иностранных языков имени М. Тореза. Здесь я продолжила учебу у Геннадия Владимировича Колшанского, Натальи Александровны Слюсаревой, Юрия Владимировича Рождественского, Ильи Романовича Гальперина, Николая Георгиевича Комлева, Федора Михайловича Березина, Анатолия Яновича Шайкевича, Георгия (Егора) Сергеевича Клычкова. На семинарах в лаборатории машинного перевода стремилась понять идеи Игоря Александровича Мельчука формализовать семантику типологически разных языков, концепцию модели «Смысл ↔ Текст» и ее реализацию в виде толково-комбинаторных словарей… Читала только что вышедшую, бережно передаваемую из рук в руки книгу Юрия Дерениковича Апресяна «Идеи и методы современной структурной лингвистики» и всякий раз стремилась попасть на его семинарские занятия в МГУ по теоретической семантике…

Аспиранты 60-х жили бурной, насыщенной встречами и открытиями жизнью, мне повезло получать консультации у Виктории Николаевны Ярцевой, Елены Самуиловны Кубряковой, Николая Сергеевича Чемоданова, неоднократно беседовать с Владимиром Андреевичем Звегинцевым… Вспоминаются удивительные по творческому заряду теоретические конференции шестидесятых годов об уровнях языковой системы, математической лингвистике и знаковости языка, когда хрустально звенели имена Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева, Н. Хомского, но еще ‘зашикивались’ выступления С.К. Шаумяна об аппликативной модели, на заседаниях кафедры осуждались статьи ‘неблагонадежного’ А.К. Жолковского… А в общежитии кипели горячие споры аспирантов и песни до утра о ‘глоссематиках-вандалах’ и ‘языках-сигналах’… Это была удивительная атмосфера, в которой шло обучение и становление молодых ученых, и я с признательностью вспоминаю о ней на занятиях по общему языкознанию и истории лингвистических учений, объясняя преемственность в науке и поступательный ход лингвистической мысли.

Многие из московских учителей вошли в мою жизнь навсегда. Среди них Геннадий Владимирович Колшанский, Юрий Владимирович Рождественский, Николай Георгиевич Комлев, Федор Михайлович Березин, Наталья Александровна Слюсарева…

Геннадий Владимирович Колшанский… Под руководством этого выдающегося лингвиста-теоретика в 1969 году я защитила кандидатскую диссертацию «Проблема определения языка как объекта лингвистики (историко-аналитическое исследование)». Официальными оппонентами (очень быстро поняла, моей ученической работы) были автор первого типового учебника по общему языкознанию профессор Борис Николаевич Головин и тогда совсем еще молодой доцент Евгений Михайлович Верещагин. Научное обаяние, убедительность и воздействие высказываемых идей Г.В. Колшанского были захватывающими, вокруг него быстро сформировалась и окрепла авторитетная научная школа, рассматривающая в качестве единственной полноправной единицы общения цельный, связный и завершенный текст, изучающая закономерности его созда-

ния и функционирования в коммуникативном процессе. Школа Г.В. Колшанского не утратила своей значимости по сей день, его идеи по-прежнему привлекательны и ложатся в основу многочисленных исследований, в том числе в Казахстане. Продуктивное развитие школы Г.В. Колшанского успешно продолжается, недаром его книги переиздаются и по-прежнему находят многочисленных и благодарных читателей.

С профессором Николаем Георгиевичем Комлевым, обаятельным и удивительно теплым человеком, меня связывала многолетняя дружба. Каждая наша встреча сопровождалась обсуждением новых иностранных слов, стремительно входивших в русский язык. Его «Словарь новых иностранных слов» беспрерывно пополнялся единицами, которые еще не получили лексикографического толкования на русском языке. Здесь он был пионером! Вспоминается его горячая и искренняя увлеченность популярными приговорками, меткими фразами-репликами, которые бережно собирались и из номера в номер публиковались в «Книжном обозрении». У Николая Георгиевича я научилась многому: пристальному и пристрастному вниманию к живому слову и общению как орудию культурной и хозяйственной жизни, а также умению отстаивать гражданскую позицию и собственное мнение. Особенно это проявлялось в работе Н.Г. Комлева в комиссии Государственной думы по разработке закона о государственном языке, многие его взгляды помогли мне при анализе языковой политики в своей стране.

В 1992 году в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова я защитила докторскую диссертацию по теории языка «Семантические параметры слова в интерлингвальном исследовании (теоретические и прикладные аспекты контрастивного анализа)». Бесконечно горжусь, что официальными оппонентами выступили крупнейшие лингвисты – академик АПН СССР, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания МГУ Юрий Владимирович Рождественский, профессор РУДН Геннадий Прокопьевич Мельников, профессор Института языкознания РАН Юрий Александрович Сорокин. Защите предшествовали годы докторантуры на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова: консультации, беседы, посещение занятий, обсуждение фрагментов и полного текста диссертационной работы.

Всякий раз я встречала благожелательное и доброе отношение со стороны заведующего кафедрой Юрия Владимировича Рождественского. Не могу удержаться и приведу отрывок из отзыва Юрия Владимировича. В нем не говорится о самой диссертации, Юрий Владимирович высказался о личном: «*Знаю Элеонору еще с ее ученических аспирантских лет, т.е. с 1966 года. Совсем юной, она обучалась на наших кафедральных аспирантских семинарах Московского института иностранных языков – и всегда ее было заметно в аспирантской среде: слушала ли она лекции и задавала вопросы, или отвечала на семинарских занятиях, или выступала на конференциях молодых ученых. Ее напряженная работа и целеустремленность сказывалась во всем, главное – на результатах. Элеонора уже в 24 года защитила кандидатскую диссертацию! …С тех пор прошло много лет. Но все годы мы не теряли друг друга из виду. Она часто приезжала в Москву, я неоднократно бывал в Алма-Ате – и всегда наши встречи были насыщенными беседами. Постоянной темой была одна – моя идея создания Общеобразовательного тезауруса, который собрал бы и систематизировал основные понятия, определяющие устройство разных стороны жизни. Такой толково-энциклопедический Тезаурус должен объединить термины из всех дисциплин, например, школьных предметов. Это должен быть общегуманитарный Тезаурус. И мы с Элеонорой начали работать!*» Я очень ценила доверие Юрия Владимировича, ведь идея создания Общеобразовательного тезауруса занимала его мысли и время все последние годы жизни, и старалась хоть в какой-то степени оправдать его доверие. Мне приятно думать о своей малой, но так много значившей в моей жизни, погруженности в концепцию тезауруса «Круг знаний» Ю.В. Рождественского. Резонанс его идеи велик и до сих пор собирает благодарных последователей и верных единомышленников. В издательстве «Флинта» в 2001 году вышли два небольших словаря: Ю.В. Рождественский «Словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус): Мораль. Нравственность, Этика» и «Словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус): Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование».

…Особая тема в моей жизни – Пушкин и его творчество.

Александр Сергеевич Пушкин связан с Казахстаном тысячами нитей, которые прочно соединили две культуры – казахскую и русскую. Мама – заядлая пушкинистка – всю жизнь собирала книги и статьи о Пушкине, старалась раскрыть красоту пушкинского слова на уроках русского языка в казахской школе. Итогом ее многолетнего кропотливого труда были не только многочисленные уроки, статьи, методические разработки и выступления на конференциях. На русском и казахском языках вышла книга Р. Нуртазиной «Здравствуй, Пушкин! Армысыңь, Пушкин!». Она содержит учебно-методические рекомендации по изучению творчества А.С. Пушкина в школе, богатый справочный учебно-хрестоматийный материал, редкие иллюстрации, подборку произведений – посвящений Пушкину, переводы казахских поэтов, разработки открытых уроков, проведенных Р. Нуртазиной в преддверии 200-летнего юбилея поэта. Р. Нуртазина выступила с инициативой создания Дома Пушкина и открытия памятника поэту в городе Алматы. И ее мечта сбылась. В 1999 году на одном из алматинских заводов был отлит бронзовый памятник Пушкину работы А. Бичукова, установленный в уютном уголке Алматы.

Любовь к Пушкину обогащала нашу жизнь, росла домашняя пушкинская библиотека, появлялись все новые и новые единомышленники. Среди них был и ‘мамин Шейман’ – профессор Лев Аврумович Шейман, великий кыргызский пушкинист, трогательные письма и стихи которого бережно хранятся в семье. Каждая встреча с ним была большим событием, и стихи Пушкина наполняли их глубоким смыслом. Мама и Лев Аврумович обсуждали книги и статьи о Пушкине, в которых литературоведческий анализ пушкинских текстов оказывался неразрывным с методикой их преподавания в казахской и кыргызской школах.

Вспоминается незабываемый домашний вечер, когда мамины и мои близкие друзья профессора университета Амстердама Сесилия Оде и Эрик де Хаард и мама (в то время полностью потерявшая зрение), перекидываясь строфами, сначала на немецком языке декламировали Гете и Гейне, а затем, с упоением и восторгом в два голоса читали наизусть всего «Евгения Онегина».

…Ученые из Голландии были частыми гостями в мамином доме, точно так же, как и многие мапряльцы – Виталий Григорьевич Костомаров, Арто Мустайоки, Дэн Дэвидсон, Ольга Даниловна Митрофанова, Марк Вятютнев… Р. Нуртазина, начиная с 1979 года, была участником многих конгрессов МАПРЯЛ, а также конференций в разных городах и странах, многочисленных педагогических съездов и чтений и всегда

возвращалась вдохновленная новыми идеями и планами. С 1986 года мы участвовали в работе конгрессов МАПРЯЛ вместе, а с 2001 года к нам присоединилась моя дочь Дана Аканова.

Всю богатейшую пушкинскую библиотеку Р. Нуртазина подарила молодому литератору У.К. Абишевой – доценту Казахского национального университета имени аль-Фараби. В то время оказалось, что в стране нет ни одного доктора филологических наук по специальности «Русская литература». При встрече с деканом филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Мариной Леонидовной Ремнёвой я рассказала ей о сложившейся ситуации. Без промедления и решительно У. Абишева была зачислена в докторантуру при кафедре русской литературы МГУ и блестяще завершила обучение защитой в 2005 году докторской диссертации «Неореализм в русской литературе 1900–1910 годов». Научный консультант профессор М.В. Михайлова, официальные оппоненты А.М. Грачёва, Е.В. Орлова, А.И. Смирнова единодушно отметили вклад У.К. Абашевой в анализ модернистских течений в неореализме русской литературы, лирического начала, подчиняющего себе повествование в целом, бессобытийность сюжета, в основе которого лежат впечатление, воспоминание, лирическая медитация, отражающие эмоциональную модель мира…

…Я постоянно училась у мамы, и многие публикации проходили строгую и требовательную ‘домашнюю апробацию’. В 1960 году у Р. Нуртазиной вышло первое издание учебника для 6 класса казахской школы «Книга для чтения». ‘Откликаясь’ на вызовы времени, учебник многократно переиздавался. Через 30 лет учебник вышел в нашем с мамой соавторстве. Даже когда ее не стало, учебник продолжает выходить в новом формате. Последнее издание 2018 года – это учебный комплекс Р. Нуртазиной, Э. Сулейменовой и К. Уразаевой «Русский язык и литература» для 6 класса казахской школы, созданный по требованиям программы обновленного содержания.

Совместных публикаций у нас с мамой много, точно так же, как со временем соавтором учебников, монографий, словарей стала моя дочь – Аканова Дана.

Когда в 1987 году встал вопрос о будущей профессии дочери, она сказала, что все уже давно решено, что ‘русистика у нее в генах’. Сначала она училась на филологическом факультете Казахского национального университета имени аль-Фараби, затем окончила магистратуру и докторантуру Департамента славянских языков и литератур Чикагского университета. Здесь же под руководством профессора Виктора Фридмана защитила докторскую диссертацию PhD «Ethical Datives in Russian and Macedonian» (2013).

И вот сегодня я – доктор филологических наук, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби, вице-президент МАПРЯЛ, президент КАЗПРЯЛ, автор учебников русского языка для школ с русским языком обучения Казахстана, с благодарностью и признательностью восклицаю: «Виват МГУ! Виват творческому содружеству русистов!».

Елена Яковлевна Титаренко

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
elenatit@mail.ru

Я закончила филологический факультет Симферопольского государственного университета имени М.В. Фрунзе в 1977 г., а в 1975 г. на факультет приехал профессор из Томска Олег Михайлович Соколов, который возглавил кафедру русского языка и стал моим научным руководителем. О.М. Соколов закончил в 1954 г. Ленинградский государственный университет, на становление его научных взглядов оказал большое влияние Ю.С. Маслов, сотрудничество с которым продолжалось и в более позднее время, когда О.М. Соколов работал в Томском государственном университете. К сожалению, жизнь Олега Михайловича слишком рано и неожиданно оборвалась в 1993 г., в то время он уже возглавлял кафедру в Университете дружбы народов имени П. Лумумбы. РУДН стал для меня второй Alma Mater, здесь состоялась защита кандидатской диссертации «Повторяемость действия в системе аспектологических категорий русского глагола» в 1990 г., в Совете, который возглавлял Л.А. Новиков. Здесь я познакомилась и подружилась с Т.В. Лариной, Е.Н. Ремчуковой, В.М. Шаклеиным, С.С. Хромовым, С.А. Хаврониной… Любовь к глаголу и аспектологии, которую привил мне мой Учитель, я пронесла через всю жизнь. А вся моя жизнь связана с родным университетом, факультетом и кафедрой методики преподавания филологических дисциплин, где я работаю уже 40 лет.

Творческое научное наследие Олега Михайловича принадлежит не только нам, ученикам и представителям школы профессора Соколова, но всем славистам, типологам, лингвистам, интересующимся вопросами имплицитной морфологии и семантики. Концепция фазовости формировалась у О.М. Соколова в годы его работы в Симферополе, можно сказать, на моих глазах. Впоследствии она легла в основу моей теории фазовой парадигматики русского (и шире – славянского) глагола, которой я занимаюсь и в настоящее время.

Докторскую диссертацию «Аспектуальная категория фазовости и грамматическая семантика вида глагола в современном русском языке» я защитила в 2013 г. в Киевском национальном университете имени Т. Шевченко.

Большую роль в моей научной биографии сыграл и главный университет страны – МГУ имени М.В. Ломоносова. Начиная с 90-х годов XX века я была участником крупнейших научных мероприятий: X Конгресса МАПРЯЛ, Конгрессов «Русский язык: исторические судьбы и современность» и «Славянские языки и культуры в современном мире» и других международных конференций, проводимых филологическим факультетом под руководством профессора М.Л. Ремнёвой. Благодаря ее согласию на проведение в Крыму совместно с нашим факультетом в сентябре 2009 г. II Международной конференции «Типология вида / аспекта: проблемы, поиски, решения», это важное научное событие состоялось, и в моей жизни появилась аспектологическая комиссия МКС. На конференцию приехали руководители (Л. Спасов, В.Д. Климонов) и члены Комиссии по аспектологии из 12 стран мира, ведущие российские ученые, такие как Ю.Д. Апресян, М.Я. Гловинская, Е.В. Петрухина и другие; тогда же меня приняли в состав Комиссии, и с тех пор я имею бесценную возможность общаться с известными учеными-аспектологами из разных стран, дружить и делиться с ними результатами своих исследований.

В основу моего научного мировоззрения легли труды классиков: Ю.С. Маслова, В.В. Виноградова (книга «Русский язык»), А.Н. Тихонова, М.А. Шелякина, книга «Русский глагол» А.В. Бондарко и Л.Л. Буланина. Из современных ученых, с кем знакома лично, наибольшее влияние на меня оказывает как в научном, так и в человеческом плане Ю.Д. Апресян, который является для меня большим авторитетом (что не отменяет моего несогласия с некоторыми его взглядами по отдельным теоретическим позициям), искреннее уважение испытываю к В.Г. Костомарову. С огромной теплотой и любовью отношусь к М.Я. Гловинской, И.Г. Милославскому, Е.В. Петрухиной, Е.Н. Ремчуковой, Т.В. Миллиаресси (ныне председателю Комиссии по аспектологии), О.С. Иссерс, И.П. Зайцевой и многим другим друзьям и коллегам.

К сожалению, как мне кажется, молодые филологи – магистранты, аспиранты, соискатели – сейчас мало читают «старую» литературу, работы ученых XX века, и зачастую «изобретают велосипед» там, где уже были проведены глубокие исследования и достигнуты большие результаты. Возможно, в этом виноваты малоразумные требования чиновников от науки к спискам литературы, в которых должны в несоизмеримо

со здравым смыслом высоких пропорциях быть представлены публикации последних 5–10 лет? Молодому ученому часто кажется, что именно с его приходом в науку настало время решить все «вечные» вопросы, и он это сделает! Кроме того, создается впечатление, что нынешние студенты не хотят (или не могут?) заниматься грамматикой, сложными фундаментальными темами, в частности, аспектологией (хотя в МГУ такие студенты и аспиранты есть – их доклады на конференциях самого высокого уровня всегда выделяются своим юношеским максимализмом и азартом).

Перспективным направлением исследований я считаю имплицитную морфологию. Монография «Основы имплицитной морфологии русского языка» была подготовлена О.М. Соколовым в рукописи и запланирована к изданию в 1993 году, однако опубликована в издательстве РУДН после смерти автора только в 1997 г. Эта книга сразу же стала библиографической редкостью, поэтому дочь ученого, доктор филологических наук С.О. Соколова осуществила 2-е издание книги в 2010 г.

Дальнейшее развитие имплицитной морфологии русского глагола содержится в моей монографии «Категория фазовости и вид русского глагола» (Симферополь: Издательство «Доля», 2011. 368 с.).

Еще одно важное, по моему мнению, направление – глагольная лексикография. В течение многих лет я работаю над созданием словаря фазовых парадигм русских глаголов. Идея словаря зародилась еще в 90-е годы, я успела обсудить ее со своим научным руководителем, неоднократно выступала с докладами на научных конференциях и опубликовала ряд статей на эту тему, однако работа над словарем требует длительного кропотливого труда, времени и, желательно, хоть небольшого коллектива единомышленников. Поэтому словарь, готовый примерно на треть, остается моей мечтой, моей целью и перспективой работы на ближайшие годы.

Виктор Самуилович Храковский

Меня попросили рассказать о том, как я стал заниматься русским языком. Это действительно интересная история. Ведь по образованию я востоковед, а к тому, что я стал немножечко русистом, привела цепочка, на первый взгляд, довольно случайных обстоятельств, хотя на самом деле можно говорить о последовательности закономерно связанных событий. Начну с того, что в студенческие годы мне очень повезло: я познакомился с проф. А.А. Холодовичем, одним из лучших отечественных японоведов. Но, кроме того, он успешно занимался корейским и русским языком и помимо этого плодотворно работал в области теоретического языкознания и типологии. Ему же принадлежит издание на русском языке ряда важных работ зарубежных авторов. Назову только изданные в 1997 году «Труды по языкознанию» Ф. де Соссюра.

Благодаря лекциям А.А. Холодовича, а затем и неформальному общению с ним, у меня возникло желание профессионально заниматься типологией. Забегая вперед, скажу, что мое желание воплотилось в жизнь в 1961 г., когда А.А. Холодович в Ленинградском отделении института языкознания АН СССР создал группу структурно-типологического изучения языков и пригласил на первые две вакансии В.П. Недялкова и меня. С тех пор по настоящее время я работаю в этой группе, которая теперь представляет собой Лабораторию типологического изучения языков ИЛИ РАН. – центр Ленинградской / Петербургской типологической школы.

По окончанию в 1955 г. Ленинградского университета встал вопрос о том, как реализовать мое желание заниматься типологией. И тогда мне опять повезло. Руководитель моего диплома, зав. Кафедрой арабской филологии В.И. Беляев, который очень позитивно относился к моему стремлению заниматься типологией, познакомил меня с еще одним замечательным ученым, проф. Б.А.Лариным, чье имя хорошо известно всем, кто занимается русской филологией. Борис Александрович в то время заведовал кафедрой общего языкознания и к тому же был деканом Филологического факультета Ленинградского университета. Он очень внимательно выслушал мой довольно сбивчивый рассказ о моих научных интересах и предложил мне сдавать экзамены в аспирантуру при кафедре общего языкознания. В результате беседы была и сформулирована тема моей будущей диссертации, если я поступлю в аспирантуру. Она звучит следующим образом: «Видовременные отношения в системе личных форм глагола в арабском языке». Имелось в виду, что теоретической базой диссертации станет ученье о времени и виде в славянском языкознании. При этом совершенно неожиданно для меня Борис Александрович сказал, что готов быть руководителем моей диссертации.

Из песни слова не выкинешь. В это время в Советском Союзе проводилась политика негласного государственного антисемитизма. И по существовавшим тогда установкам я не должен был учиться в очной аспирантуре. Соответственно на экзамене по истории партии экзаменатор приложил довольно много усилий, чтобы поставить мне оценку «хорошо», и этого было достаточно для того, чтобы меня приняли только в заочную аспирантуру. Подходящей для меня работы в соответствии с той же политикой в Ленинграде не нашлось, и я уехал в Алма-Ату, где стал работать в институте истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР. Там я занимался арабскими источниками по истории Казахстана, но параллельно писал и свою диссертацию. Через два года первый вариант был готов. Во время отпуска я приехал в Ленинград и не без робости вручил текст Борису Александровичу. В целом неожиданно для меня Борис Александрович позитивно оценил написанное, но сказал, что мне нужно перейти на год в очную аспирантуру, чтобы поработать с литературой, которой в Алма-Ате нет. На всякий случай напомню, что Интернета в то время не существовало.

Собрав необходимые документы, я пришел в отдел аспирантуры Ленинградского университета. Но, не тут-то было. Со мной просто не стали разговаривать. Политика антисемитизма еще никуда не делась. Я рассказал о своем походе Борису Александровичу. Он, как мне тогда показалось, никак не отреагировал на мой рассказ. Но я оказался глубоко не прав. Примерно через неделю мне домой позвонили из отдела аспирантуры и вроде бы с удивлением стали спрашивать, почему я до сих пор не пришел оформляться в очную аспирантуру. Спустя некоторое время я узнал, почему ситуация кардинально изменилась.

Оказалось, что Борис Александрович звонил по моему поводу заместителю министра высшего образования и сказал, что если меня не возьмут в аспирантуру, то он уходит с поста декана филологического факультета. В итоге меня приняли на один год в очную аспирантуру. Окончив ее, я успешно защитил кандидатскую диссертацию и вскоре после этого стал работать в группе проф. Холодовича, о чем уже сказал выше.

Моя работа в группе, которая теперь называется Лабораторией типологического изучения языков ИЛИ РАН, проходила вполне успешно. Я принял участие в реализации многих типологических проектов, и, как мне кажется, узнал сильные и слабые стороны типологии. С одной стороны типология дает возможность познакомиться с грамматическим устройством ряда разноструктурных языков, увидеть сходство в их несходстве, но с другой стороны в основном приходится пользоваться данными, полученными из вторых рук, и при этом эти данные обычно отрывочны, и нет никакой гарантии, что они являются вполне адекватными.

Думаю, что именно слабые стороны типологии способствовали тому, что я начал заниматься родным русским языком. А катализатором прежде всего безусловно послужило мое довольно детальное изучение русской аспектологии во время

написания кандидатской диссертации и последующее личное знакомство с такими известными аспектологами как А.В. Бондарко и М.А. Шелякин, длительные дискуссии с которыми способствовали формированию моей аспектологической концепции. Не могу не сказать и о том, что исключительно большую роль в том, что я стал заниматься русским языком, сыграл и такой выдающийся ученый, как Михаил Викторович Панов. Он прочитал мою книжку об арабском глаголе и написал мне, что хотел бы обсудить некоторые моменты. Я приехал в Москву. Мы встретились и потом я, приезжая в Москву всегда бывал у него, и мы за чашкой чая обсуждали различные проблемы русского языкознания. Несколько раз я выступал на семинарах, которые проводились у него дома, и смог познакомиться со многими замечательными московскими русистами.

Еще одним катализатором оказался возникший у меня интерес к вербоцентрической концепции предложения, первые камни в основу которой были положены именно в русском языкознании. Я боюсь ошибиться, но скорей всего моей первой работой этого плана была статья «Истоки вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании X1X века, которая была опубликована в журнале «Вопросы языкознания» (№ 3, 1983), а последней опубликованной работой является статья «О некоторых дискуссионных проблемах современной аспектологии». Она увидела свет в сборнике «Фортунатовские чтения в Карелии», Петрозаводск: Из-во ПетрГУ, 2018. С. 59–63.

Пожалуй, я сказал все, что хотел сказать. Могу лишь добавить, что я считаю свои работы в области русистики очень важной частью всего, что мне удалось делать за прошедшие годы.

Меня, правда, просили рассказать и о том, какие из своих работ я считаю наиболее удачными. На этот вопрос у меня ответа нет. Думаю, что давать оценки собственным работам не дело автора. Но одну работу я тем не менее могу выделить. Это статья «Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века, которая опубликована в сборнике «Грамматические концепции в языкознании XIX века (Л.: Наука, 1985). Работая над ней, я понял, насколько ответственно заниматься историей языкознания. Не говоря уже о том, что необходимо изучить все первоисточники, подчеркну, что исследователя подстерегают две опасности. Первая заключается в том, что из-за отсутствия современной терминологии можно не заметить реальные новации, а вторая состоит в том, что можно увидеть новации там, где их реально нет. Очень надеюсь на то, что мне удалось избежать обеих опасностей.

Оглавление

Секция I. Вариативность и проблемы кодификации

Н.А. Аксарина
Упрощение семантического потенциала слова как фактор формирования грамматической анти-нормы 7
А.Н. Байкулова
Устная речь молодёжи: новое явление 8
В.И. Беликов
Возрастная и гендерная специфика использования буквы *ё* 9
Е.В. Бешенкова
История письма и кодификации как фактор современной политики орфографистов 10
Е.М. Болычева
Об одной фонетической иллюзии 11
А.А. Герасимова, Е.А. Лютикова
Варьирование падежного оформления прилагательного в конструкциях с малыми числительными 12
Дин Цян
Вариативность использования прописной буквы и проблема уточнения действующих правил 13
О.В. Евтушенко
Русский язык в стенах ООН 14
О.Е. Иванова
Регулятивная функция орфографического словаря в современной письменной речи 15
В.В. Каверина
Орфография согласных на границе морфем в словах с суффиксом-ск- в XVIII–XIX вв. 16
И.Г. Казачук, Ю.А. Сысоева
Варьирование формы фразеологических единиц с компонентом место 17
М.С. Картышева
Орфографические варьирование как результат отражения фонетического варьирования некоторых слов 18
Е.В. Нагайцева
Пунктуация в предложениях с функциональными омонимами 19
О.А. Попова, Е.А. Пепеляева
Сравнительный анализ употребления прописной и строчной букв в текстах носителей русского языка и изучающих русский язык как иностранный 20
Н.В. Сердобольская, А.Д. Егорова
Морфосинтаксические свойства конструкций с ненормативным то, что в современной устной речи 21
Чжао Цзяи
Орфографическая адаптация заимствований с удвоенными согласными (по данным корпуса текстов Пушкина) 22
Н.В. Юдина
Русский синтаксис vs. пунктуация русского языка в XXI веке 22

Секция II. Диалектологические исследования

Э.Н. Акимова, В.Л. Акимов
Организация диалектологических экспедиций с использованием современных информационных технологий 24
Н.Г. Арефьева
Об этнокультурном содержании русских диалектных фразеологизмов Ванька-встанька и Ваня-рутютю 25
Т.Е. Баженова
Специфика кодирования представления о человеке в говорах Среднего Поволжья 26
Е.О. Борисова
К изучению экспрессивной лексики со значением высокой и низкой скорости передвижения (на материале русских народных говоров) 27
О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина
Диалектные лексические различия в говорах Кубани 28
И.А. Букринская, О.Е. Кармакова
Лексика традиционной культуры в современных русских говорах 29
Е.Ф. Галушко
Современные акценты в изучении русских говоров 30
М.М. Громова
О некоторых особенностях функционирования наречия оногда в архангельских диалектах 31
Т.А. Демешкина
Гендерные аспекты диалектологии: возможности описания 32
В.А. Закревская
Аспектуальный потенциал русского глагола (по данным диалектного словаря и полевым записям) 33
Е.Н. Иванова
Морфемообразование на базе этимологического корня *-poi- в русских народных говорах 34

И.Б. Качинская
Собираем и сохраняем сокровища русского языка: практики по диалектологии на филологическом факультете МГУ и в филиалах 35
М.Д. Королькова
Ремесленная лексика в словарях русского языка 36
А.М. Красовицкий
Разрушение севернорусского оканья: акустический анализ 37
А.В. Малышева
Дательный этический в южнорусском говоре 38
О.Н. Маркелова, Ж.А. Панина
Дифференциация семантического пространства КОРОВА в говорах архангельского региона 39
Т.И. Мочалова, А.Ю. Маслова
Наименования болезненного состояния человека в русских говорах на территории Республики Мордовия 40
Н.А. Редько
Лингвоспецифичный концепт СОВЕСТЬ в литературном и диалектном языке 41
О.Р. Семенова
Наименования одежды в русских говорах Южного Урала 42
Ю.Л. Ситько
Программа обследования русского языка в Большом Севастополе 44
В.П. Щаднева
Номинации бытовой утвари в западного-причудском говоре: общерусское & диалектное 44
И.В. Якушевич
Языковая реализация символического значения ‘дом как человек’ в русских диалектах 45

Секция III. Изучение звукового строя русского языка

Е.Ф. Киров
Фонетическая грамматика русского языка 47
О.Ф. Кривнова
Перцептивная категоризация различий в темпе речи (экспериментальные данные) 48
Т.М. Надеина
Исследования фразовой просодии в России: актуальные направления и проблемы 49
В.П. Некрылова
Длительность гласных как параметр реализации ритмической структуры слова в русской речи носителей турецкого языка 50
О.А. Прохватилова
Об особенностях просодической организации современной православной миссионерской проповеди 51
А.А. Соколянский
Фонетическая система языка как многоуровневая структура 52

Секция IV. Интегративное описание русской лексики и грамматики

4.1. Лексическая семантика, синтагматика, речевое употребление

О.И. Авдеева
Семантика и синтагматика во фразеологии 54
В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская
Китайское и китайцы в русской языковой картине мира (на материале лексики и фразеологии) 55
И.В. Баданина
Номинации женщин в русском языке 30-40-х гг. XX века (по материалам Толкового словаря под ред. Д.Н. Ушакова 1935–1940 гг.) 56
Г.П. Байгарина
Актуализированная лексика современного медийного пространства: «гибридная война», «гибридный» 57
Е.Н. Вакулова
Пополнение полисемии за счет семантических трансформаций (линия, линейка) 58
С.Г. Воркачев
К эволюции лексической системы: тщеславие, понты, гламур, пафос 59
Е.В. Генералова
Развитие качественных значений относительных прилагательных как исторический процесс и актуальная тенденция русского языка 60
Е.И. Гусева
Расподобление подобного: «успех» и «удача» как формы вербализации концепта 61
О.В. Дедова, Ли Ян
Структура лексико-семантического поля «Межличностное общение в Интернете» 61
Л.И. Жуковская
Лексема менталитет в контексте проблемы лексического и словообразовательного освоения иноязычных концептов 62
Л.А. Киселева
Специфика языкового отображения эмоций 63

Ю.Ю. Магерамова
Деархаизация или вторичное заимствование? (на примере лексемы бакалавр) 64
Ю.А. Маслова
Создание онтологии артефактов на основе толкового словаря: основные проблемы 65
Б.Ю. Норман
Вторичная семантизация в языке и в речи: к основаниям окказиональных переносов лексического значения 66
А.И. Ольховская
Сквозные синонимические оппозиции в идеографическом рассмотрении 67
С.Б. Попова, Т.М. Шкапенко
Метафорическое моделирование лексических единиц со значением «успех» в русском языке 68
В.В. Сайгин
Семантическое расширение лексем-репрезентантов концептуального поля «грех» в современной русской речи 69
М.В. Сандакова
О синтагматике наречия крайне 70
З.С. Санджи-Гаряева
Советизмы: современное состояние и аспекты изучения 71
О.Е. Фролова
Семантика лжи 72
Э.Р. Хасанов
О сущности лексической и семантической деривации 73
В.Н. Шапошников
Устаревание языковой единицы, забвение владения ею, неправильное употребление: границы значения и границы нормы 74
К.М. Шилихина
Прилагательные ядовитый и токсичный в русском языке: развитие новых значений по данным языковых корпусов 75
М.Г. Шкуропацкая, И.П. Исаева
Многозначные производные диминутивы в словаре и в эксперименте 76

4.2. Функциональное словообразование

О.В. Дедова, П.В. Григорьева
Игровое словообразование в современной русской коммуникации 77
С.В. Ильясова
К оценке одной активной модели 78
В. В. Казаковская
Дериваты в речи взрослых и детей (анализ случая) 79
О.Ю. Крючкова
Проблема суффиксального усложнения в русистике: состояние разработки и перспективы исследования 80
Э.Г. Куликова, О.М. Акай
Родовые корреляты имени: коммуникативные характеристики и лингвопрагматические функции 81
С.Л. Михеева
Девербативы, обозначающие речевое действие: семантика и прагматика 82
А.В. Моргун
Психолингвистический аспект репрезентации языковой картины мира 82
А.С. Муковоз
Структурно-семантические особенности словообразовательной парадигмы русских фамилий 83
Д.К. Поляков
Субстантиваты и другие существительные с адъективным склонением в современном чешском языке (в сопоставлении с русским) 84
Е.В. Пугачева
Феминитивы: неологическая картина (по данным словарей) 85
Л.В. Рацибурская
Новообразования в электронных СМИ 86
Е.В. Скачкова
Об одной особенности употребления заимствованных препозитивных элементов со значением интенсификации / деинтенсификации признака в русском языке 87
С.Г. Татевосов, К.Л. Киселева
Русские конфиксы / циркумфиксы по данным корпуса 88
В.И. Теркулов
Отношения эквивалентности сложносокращенного слова в диахронном и синхронном освещении 89
И.С. Улуханов
Исчислительно-объяснительный метод изучения языка 90
Чжан Шучунь
Анализ русских существительных с суффиксом *-ость* (на материале электронного корпуса «Русские газеты конца 20-го века») 91

Янь Юй
Принципы функционального анализа русских аффиксальных стилистических дериватов начала XXI века....92
Н.А. Ярошенко
Типология ономасиологических моделей сложных номинаций лица в составе глагольных деривационных гнезд....93

4.3. Морфология

Общие вопросы

М.В. Всеволодова
Аспекты современной лингвистики....94
Д.М. Зеленский
Рассогласование по числу русских именных групп с сочинением и прилагательными единственного числа....96
О.С. Ильченко
Genitivus partitivus в русском языке: к проблеме генезиса приглагольного родительного падежа....96
В.Г. Кульпина
Падежные отношения на линии существительное – местоимение в синтаксических срезах....97
С.Г. Мамечков
Некоторые данные о лексических показателях семантики биологического пола в русском языке....98
Нам Хе Хён
Окказиональная лабильность глаголов как грамматическая транспозиция....99
Т.Б. Радбиль
Грамматические признаки культурной апроприации заимствований в русском языке Интернета....100
И.Г. Родионова
Модальная частица чуть не с глаголом как отражение аналитических тенденций в грамматическом строе современного русского языка....101
О.Б. Сизова
О механизмах падежного формообразования: два пути развития....102
О.М. Чупашева
Союз? Частица? Наречие? (К вопросу о формализованной связи деепричастия)....103
А.Л. Шарандин
Лексическая грамматика как интегративное единство....104
М.В. Шульга
Русское нефлективное словоизменение....105

Проблемы анализа вида и времени

Оливье Азам
Совершенный вид глагола класса «verba manendi» остаться и выражение продолжительности. К объяснению парадоксальной сочетаемости....106
Я.А. Астахова
Разработка формально-грамматических методов представления категории вида русского глагола (на примере видовых пар)....108
Р. Бенаккьо, С. Славкова
Употребление вида в императиве в инструкциях (на материале русского и болгарского языков)....109
Е.В. Горбова
Биаспективы, приставочные перфективы, суффиксальные имперфективы, (im)perfectiva tantum – как сложить этот пазл?....110
О.К. Грекова
Общефактическое значение VS. партитив....111
М. М. Милякович
Употребление глагольного вида в текстах кулинарного рецепта в русском и сербском языках....112
И. Палоши
Сопоставительный анализ мультисубъектных и мультиобъектных ситуаций: формальные и функциональные особенности....113
Е.В. Петрухина, К.Д. Зуева-Калашникова
Дискурсивные особенности образа времени и употребление видо-временных форм в современных рассказах «клипового» характера....114
Н.Г. Самедова
Синтагматические видовые значения: о месте в системе языка и путях исследования (некоторые соображения)....115
Светлана Славкова
Вид и время глаголов со значением просьбы и совета в перформативных высказываниях в русском и болгарском языках....116
Е.Я. Титаренко
Глаголы несовершенного вида с суффиксом -ну- в современном русском языке....117
Е.В. Урысон
Русские видовые пары: семантическая теория и критерий Маслова....118
В.С. Храковский
Вид и время (проблемы и решения)....119

4.4. Синтаксис – формальное устройство и семантика

Е.А. Брызгунова
Современное состояние общеиндоевропейской тенденции к аналитизму в русском языке (Основные результаты исследования) ... 121
А.В. Величко
Языковые средства фатической функции и их роль в речевом общении ... 122
А.В. Дегальцева
Роль наречий на -ски, -цки в семантической организации предложения ... 123
М.В. Куприянова, Ю.Л. Ситько
Первоначальное разграничение смыслов синтаксической единицы ... 124
Н.П. Курмакаева
Принцип функциональной эквивалентности в заполнении позиционного состава русского предложения ... 125
Г.И. Кустова
Посессивное кодирование субъекта в ситуациях с неполным контролем: синтаксис и семантика ... 126
Е.М. Лазуткина
К методологии исследований процессов интерпретации и концептуализации ... 127
А.Н. Латышева
Классификация сложноподчиненных предложений: шаг вперед и… возвращение к Буслаеву ... 128
П.А. Лекант
Нет у А.С. Пушкина ... 129
Л.А. Мелехова, Л.А. Сергиевская
Функционально-стилистический потенциал синтаксического параллелизма как средства выражения русского коннотатива ... 130
И.В. Мухачёва
Выделение значений у глаголов с семантикой ликвидации результата ... 131
Н.К. Онипенко
Синтаксис конструкций и понятие конструктивной обусловленности ... 132
К.Я. Сигал
Русское прототипическое словосочетание: формально-конструктивные параметры и их иерархия ... 133
М.Ю. Сидорова
Проблема «синтаксических единиц» в истории русского языкознания: что действительно волновало В.В. Виноградова? ... 134
Н.И. Файзуллина
Своеобразие репрезентации уступительных отношений в русской народной загадке ... 135
Н.Н. Фаттахова
Синтаксическая структура русской народной приметы ... 136
Н.В. Якушева
Взаимосвязь категории определенности-неопределенности и актуального членения ... 137

4.5. Анализ служебных единиц

М.В. Артеменко
Отыменный релятив «ПО ОБРАЗЦУ»: служебные свойства ... 138
А.Н. Бертякова
К вопросу о вариативности нормы употребления служебного слова ... 139
И.Т. Вепрева
Даже бабушки у подъезда: прагматико-ценностный потенциал частицы даже ... 140
Е.Н. Виноградова
Меж двух огней: вновь о статусе наречных предлогов ... 141
Е.Н. Гускина
Функционирование текстовой скрепы «впрочем» в прозе М.А. Булгакова ... 142
И.М. Кобозева
О «нелегальных» союзах непосредственного предшествования в русском языке: сразу как (только) и другие союзы с грамматикализованным наречием времени ... 143
Т.В. Конченко
Некоторые особенности функционирования слов-гибридов во многом, в большинстве своем, в массе своей ... 144
М.И. Конюшкевич
Моделирование как один из методов инвентаризации служебной лексики ... 146
И.А. Нагорный
Коммуникативно-прагматические свойства русских частиц как актуализаторов коммуникационных процессов в речевой сфере ... 148
Н.Ю. Пилюгина
Функционирование устойчивых сочетаний с альтернативно-уступительным значением (скрепы *в любом случае* и *так или иначе*) ... 149
Т.Е. Чаплыгина
«Не без» в функции гетерогенной предложной единицы ... 150

Е.С. Шереметьева
Пути грамматикализации предложно-падежных словоформ модели в + N6 (на примере словоформы в русле) 151
Юань Синьюй
Употребление частицы «как раз» в устной речи 152
Ю.А. Южакова, М.В. Сомова
К вопросу о подчинительных союзах в простом предложении 153
А.А. Яковченко
Некоторые проблемы в описании коннекторов включения и исключения в отечественной русистике 154

Секция V. История и современное состояние русистики

5.1. Теоретические проблемы и перспективы

В.М. Алпатов
Русская лингвистика и мировая лингвистика 155
С.А. Важник
Белорусский исторический синтаксис – русский семантический синтаксис как две основные парадигмы лингвистического наследия Т.П. Ломтева 156
О.А. Волошина
«Новое учение об языке» Н.Я. Марра сквозь призму авторской терминологии 157
Л.К. Жаналина, М.В. Иванова
Понимание речевой деятельности в современной русистике 158
В.В. Красных
Грамматика и словарь лингвокультуры как предмет современных исследований 159
С.Н. Кузнецов
История языкознания: на пути к обновлению парадигм 160
Т.В. Шмелёва
Современная русистика: ведущие тенденции и нерешенные задачи 161

5.2. Зарубежная русистика

Биляна Мирчевска-Бошева
Русский язык в Македонии XXI века: проблемы преподавания и изучения 162
Няголова Наталья
Болгарская русистика XXI века – представители, школы, исследовательские направления 163
О.В. Розинская
Современная польская русистика последних десятилетий 164
А.Г. Шешкен
Югославянская русистика 1990–2010-х гг. 164

Секция VI. История русского языка

А.В. Алексеев
Омонимия и паронимия древнерусского корня *-троуд-* / *-тро́д-*: диахронический аспект 165
Е.Э. Базаров
К вопросу о глагольно-именных конструкциях в московских и забайкальских деловых документах XVIII века 166
Е.Н. Бекасова, Л.М. Устюгова
Особенности функционирования причастий в художественной прозе А. Чехова 1895–1903 гг. 167
А.В. Богатырёв
«Амшкуры» – музыкальный термин XVII в.? 168
М.С. Выхрыстюк
Системные отношения в лексике скорописного текста начала XVIII века «Запись астрономическихъ явлєний въ нєбє надъ городомъ Тобольскомъ» 169
Е.А. Галинская
Инновационные и архаические грамматические черты новгородского диалекта конца XVI века 171
Ядранка Гвозданович
Система времен в севернорусском средневековом говоре 172
Г.-Р. А.-К. Гусейнов
О тюркском синтаксическом влиянии в истории русского языка 173
Т.А. Джангобекова
Формы прошедшего времени глагола в Предисловии к «Новому Маргариту» А. Курбского 174
К.Ю. Дойкина
Энклитики в составе сослагательного наклонения в югозападнорусских грамотах XIV–XVI вв. 175
И. Б. Дягилева
Иноязычные новации в сфере моды в русском языке первой половины XIX века 176

В. Н. Калиновская, С. А. Эзериня
Сложные слова в русском языке XIX века как фрагмент динамической картины мира: на материале неологии с компонентом земле- 177
А.Г. Кречмер
История русского литературного языка в научной дискуссии 179
Е.А. Матвеенко
Полонизмы во втором переводе «Метаморфоз» Овидия с польского языка в первой трети XVIII века 180
Милованова Д. Б.
Формирование современного языка официально-делового стиля (на примере текстов мирных договоров, заключенных в XVIII и XIX веках) 181
Н.В. Николенкова
Орфография московских рукописей второй половины XVII в. и влияние московской грамматики 1648 г. 182
М.В. Орлова
Описательные предикаты в языке А.С. Пушкина и их возможная связь с французским языком 183
Т.В. Пентковская
Реалии в русских переводах Корана XVIII в. 184
Н.В. Пушкарева
Социальная роль автора как фактор организации нехудожественного текста (Записки русских путешественников XIX века) 185
О.Г. Ревзина
Мещанин и обыватель (к вопросу о темпоральной семантике слова и понятия) 186
Д.В. Руднев
Фазовые глаголы со значением конца действия в истории русского языка 186
С.В. Русанова
Просительные документы и две тенденции в их наименовании в деловом языке XVIII века 188
В.С. Савельев
Женская речь в «Повести временных лет» 189
Мирко Саккини
Приставка при- в «Слове о полку Игореве»: семантика и вид глагола 190
П.А. Семенов
Некоторые особенности стилистической интерпретации славянизмов в «Словаре Академии Российской» 191
Е.Р. Сквайрс
Формульность и свобода в языке древнерусских текстов Ганзы 192
Л.В. Табаченко
О дифференциации объектных и обстоятельственных форм в истории русского языка 193
Т.Ф. Теперик
К истории художественного перевода в России (на материале перевода Н. Карамзина) 194
Анастасия Улитова
Зависимость позиции определения от контекста, в котором находится атрибутивное словосочетание 195
И.В. Фуфаева
Образование новых диминутивных суффиксов в старорусском и современном русском языке 196
Л.Г. Чапаева
«Практическая грамматика» Н.И. Греча как источник истории русской лексики первой трети XIX века 197
М.Н. Шевелёва
О глаголе имѣти в истории русского языка 198
В. Шетэля, П.В. Морослин
О многозначности слова амазонка в русских художественных текстах XIX века 199
И.А. Шушарина
Наставление как жанр религиозной коммуникации (на примере текстов наставления прихожанам не присоединяться к войску Е. Пугачева) 200

Секция VII. Лексикографические проекты, корпуса текстов, базы данных

И.В. Адамсон
Проект словаря русского языка зарубежья 201
Л.Г. Бабенко
Идеографический словарь как источник знаний о языковой картине мира: к выходу словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи» (М.: «Азбуковник», 2018) 202
Н.Л. Васильев
Корпусные лакуны в писательской лексикографии 203
М.В. Влавацкая
Терминологический словарь «Комбинаторная лингвистика» 204
И.В. Галактионова
Преемственность и новации в толковой лексикографии (из опыта работы над Активным словарем русского языка) 205

Н.И. Голубева-Монаткина, Чэнь Хао
Русская лексикография в современном Китае 206
М.В. Грекова
Синоптическая схема идеографического словаря как модель картины мира
(на материале «Словаря русской пищевой метафоры») 207
Ю.В. Дорофеев
О предпосылках развития регионоведческой лексикографии 208
О.В. Загоровская, Т.А. Литвинова
Специализированная лексикографическая база данных Russtylnorm
как инструмент измерения ортологического параметра идиолекта 209
К.Л. Киселева, А.Д. Козеренко
Особенности значения и употребления идиом в текстах Достоевского
в сравнении с современным русским языком 210
Ю.Г. Кокорина
Археологические словари как отражение языка науки в историческом аспекте 211
Л.Е. Кругликова
Толковая лексикография на рубеже веков: проблемы и перспективы 212
А.С. Кулева, Л.Л. Шестакова
Изменения в стратификации сниженной лексики
(из опыта работы над «Академическим толковым словарем русского языка») 213
С.В. Лесников
Академический словарный корпус /АСК/ русского языка 214
Т.В. Маркелова, М.А. Тихонова
Аксиология и лексикография: точки сопряжения 215
И.К. Матей
Принципы составления словника для словаря православной лексики 217
В.А. Мельничук
Перспективы создания словаря аксиологической динамики русского языка 218
Н.А. Мишанкина
Метафорические модели русской лингвистической терминологии 219
Е.А. Нефедова
О диалектном словаре академического типа 220
Н.А.Новоселова
Региональный словарь «Глагол в деловом языке XVIII века: семантика, грамматика, фразеология» 221
Ф.Р. Одекова
О лексикографических изысканиях русских писателей 222
Е.О. Патаракина
Лексикографический аспект описания наречно-предложных единиц русского языка 223
Т.Н. Пермякова
Актуальные тенденции в русской лексикографии: служебные слова и их представление в словаре 224
Р.К. Потапова, В.В. Потапов
О глубинно-параметрическом методе аннотирования для базы данных
русскоязычного поликодового социально-сетевого дискурса 225
М.Л. Сергеев, Е.А. Фивейская
Использование сведений об этимологии слова в лексикографическом описании (на материале новейшей заимствованной лексики) 226
Ю.А. Стародубцева, И.А. Меркулова
МАС-2 как объект исследования русской лексики 227
С.В. Феликсов
Особенности лексикографического описания религиозной лексики
в «Полном церковно-славянском словаре» протоиерея Григория Дьяченко 228

Секция VIII. Лингвистическая поэтика

Н.Е. Ананьева
Полонизмы в прозе В.П. Аксенова 230
А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский
Авторская фразеология Достоевского: квантитативный аспект 231
С. Бичак
Иноязычная лексика как вид языковой игры (на примере творчества Михаила Жванецкого) 231
А.В. Варзин
Язык Ф. М. Достоевского как язык фантастического реализма 232
Г.И. Власова
Русский фольклор Казахстана: собирание, изучение и современное бытование 233

Н.А. Данилова
Языковые маркеры текстовой категории пространства в малой прозе В. Маканина 234
О.А. Димитриева
Что и как пьют герои Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского 235
А.В. Злочевская
Система «ударных слов» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» 236
Г.В. Калиткина
Растительные образы Псалтири: аллегорический потенциал и метафорическая реализация 237
Р.С. Кимягарова
Лингво-культурологический анализ басни И.А. Крылова «Василек» 238
Е.Н. Ковтун
Язык современной фантастики: функциональность и мета-смысл семантического креатива 239
А.А. Козакова
«Вол» и «римлянин» (Лингвистический анализ образа В.Я. Брюсова в очерке М. Цветаевой «Герой труда») 239
С.М. Колесникова
Идиоглоссы «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» 240
М.Н. Коннова
Ценностное измерение темпорального опыта и его актуализация в поэтическом тексте (на примере произведений Б.Л. Пастернака) 241
Т.В. Кривощапова
Рецепция прозы В.М. Гаршина в детских рассказах Л.Н. Андреева 242
Е.В. Купчик
Депоэтизация поэтического слова в метафорических моделях 243
А.А. Лебедев
Специфика синтаксиса поэзии А.А. Дельвига в контексте лексикографического описания 244
И.А. Литвинова
Ключевое слово «Сивилла» как центр пересечения семантических полей в идиолекте М.И. Цветаевой 245
А.А. Мамедов
Языковая репрезентация типов автора в «маленьких» поэмах С.А. Есенина 246
В.Г. Моисеева
Несобственно-прямая речь в романе А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» 247
Л.Н. Некрасова
Эволюция мотива чистоты в творчестве Андрея Платонова: «Чевенгур», «Котлован», «Счастливая Москва» 248
В.В. Никульцева
Филологический анализ сонета Игоря-Северянина «Тургенев» 249
И.Б. Ничипоров
Стилевые течения в современной русской поэзии 250
Т.Л. Новикова
Роман свидетельствует: Изображение потерянного детства у В. Набокова 251
Н.В. Патроева
Синтаксис Е.А. Баратынского как предмет лексикографического описания 252
Е.А. Певак
Поэтическая идеология реформирования русского языка: первая четверть XX века 253
З.Ю. Петрова
Семантическая сочетаемость классов метафор и сравнений в языке художественной литературы (классы «Ткани, изделия из тканей» и «Человек») 254
Е.А. Пономаренко
Семантика имени в контексте культурных концептов (на материале рассказа А.П. Чехова «Враги») 255
А.П. Романенко
Топика как один из объектов лингвостилистического анализа 256
Т.С. Садова
Диво дивное и рыды рыдучие: «поиск» гиперонима? 257
Е.С. Селезнева
Адвербиальные эпистемические модификаторы как компонент функционально-семантического поля модальности уверенности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» 258
Т.В. Сивова
Диада «*свет – тьма*» в «Повести о лесах» К.Г. Паустовского 259
М.Г. Соколова
Структурирование образного поля дендронимов в поэтическом языке XVIII–XX веков (на примере тематической сферы «Животное») 260
С.М. Треблер
Знаки «языка» культуры в тезаурусе языковой личности А.П. Чудакова 261

Р.А. Урханова
Экспрессивные средства в переводном литературном тексте 262
Н.А. Фатеева
Соматизмы в идиостиле Ф.М. Достоевского (на материале «Преступления и наказания») 263
О.В. Хорохордина
Типологические особенности жанра «Стихотворение в прозе» в творчестве И. С. Тургенева 264
Л.И. Чович
Средства стилистической архаизации в трагедии А.С.Пушкина «Борис Годунов» 265
Т.В. Шемелева
Темпоральная структура русских сказок 266

Секция IX. Лингвистическая терминология и критерии ее оценки

А.И. Изотов
Синодальный церковно-славянский язык и церковно-религиозный функциональный стиль современного русского языка 267
Л.Е. Макарова
Терминология словесности в системе образования первой трети XIX в. (на материале теории словесности И. Рижского (1761–1811)) 268
О.А. Михайлова, Ю.Н. Михайлова
Эмические термины в современной лингвистике 269
Г.И. Панова
О грамматической форме слова и словоформе в русском языке 270
С.Б. Потемкин
Стандартизация англо-русской лингвистической терминологии 271

Секция X. Описание русского языка в сопоставительном и типологическом аспектах

Я.Е. Андреева
Фразеологическая репрезентация гендерных категорий в русском языке (на фоне китайского) 272
З.М. Бабашева
К вопросу о смыслоразличительных возможностях синтагматического членения в русском и азербайджанском языках 273
Е.А. Барсукова
Русская терминология системы менеджмента качества как результат перевода с английского языка: особенности и недостатки 274
Д. П. Войводич
К вопросу о функционировании двувидовых глаголов в публицистическом дискурсе (на материале русского и сербского языков) 275
Яньлэй Гэ
Концепт «Космос / 宇宙» в русском и китайском языковом сознании 276
Н.Л. Дорош
Номинативные ряды глаголов, соотносимых с именами артефактов, в русском и белорусском языках 277
Андрея Желе, Ирена Страмлич Брезник, Младен Ухлик
Субстантивация прилагательных в словенском языке (в сравнении с русским языком) 278
Д.Я. Исмаел
Телефонная реклама как модель для изучения российской и арабской рекламы 279
Е.М. Коницкая
Фразеологизмы библейского происхождения в русском и словенском языках: узуальное употребление и окказиональные трансформации 280
В. Ю. Копров
Семантико-функциональная сопоставительная грамматика русского и английского языков в контексте современных функциональных исследований 281
И.О. Краевская
Словообразовательные процессы в терминологии русского и китайского языков (на материале терминов отрасли «Обессеривание нефтей и нефтепродуктов») 282
Лю Цзоянь
Языковые средства и способы метафоризации вкусовых ощущений в русском и китайском языках: сравнительно-сопоставительный аспект анализа 283
Ханс Роберт Мелиг
О различии между общефактическим (type-factual) и единично-фактическим (token-factual) несовершенным видом при общем отрицании 284
Т.В. Миллиареси
Вид и таксис при переводе с русского языка на французский 285
Н.А. Николина, Е.В. Петрухина
Динамика субстантивации в современном русском языке: семантические зоны и новые производные 286
М.М. Рудакова
Ассоциативное поле «Время» в русской и сербской лингвокультурах 287

Драгомира Саболова
Теневая экономика – анализ отдельных лексических единиц экономической сферы в сопоставительном словацко-русском плане 288
Х. Сарач
«Река» как фрагмент русской и турецкой картин мира: лингвокультурологический аспект 289
Д.Б. Тискин, Е.Ю. Иванова
Без того, чтобы (не) vs. без да: сочетаемость и семантическая композиция 290
Р.С. Фисун
О значении некоторых русских составных местоименных серий в сравнении с аналогичными в украинском и польском 291
К.А. Чакырова
Наблюдения над употреблением глагольных видов в медиадискурсе (болгарско-русские параллели) 292
К.А. Чакырова, О.В. Моллова
Адвербиальные средства выражения локативности в современном болгарском и русском языках 293
Н.В. Шестеркина
Народные загадки с негацией: сопоставительный аспект 294

Секция XI. Особенности поликодовых текстов

Л.П. Амири, Дж. Фоулер
К вопросу об особенностях деметафоризации в рекламном дискурсе 296
В.Ц. Бонджолова
Невербальное как компонент вербального в рекламном тексте 297
Е.Н. Борюшкина
Взаимодействие семантики вербальных и невербальных компонентов «Азбуки в картинах» А.Н. Бенуа 298
А.А. Брыкова
Лингвистические особенности текстов графических рассказов Н. Олейникова про Макара Свирепого: способы взаимодействия визуального и вербального рядов 299
Ю.С. Волкова
Невербальные акцентуаторы в телевизионном поликодовом тексте (на материале социально-политических ток-шоу) 300
Н.С. Громова
Специфика взаимодействия вербального и невербального компонентов в поликодовых текстах 300
Н.В. Данилевская
Функции слова в поликодовом тексте 301
Ю.А. Евграфова, О.И. Максименко
Перформативный акт АСМР: соотношение вербального и невербального в поликодовых-полимодальных текстах (на примере видеотекстов YouTube) 303
Т.Б. Колышкина, И.В. Шустина
Средства создания разных типов рекламного образа в телевизионной рекламе банковских услуг 304
Е.А. Куликов, В.А. Торопкина
Поликодовость как средство воздействия в художественном тексте (на материале романов Д. Симмонса) 305
С.А. Кучина
Лингво-семиотическая специфика электронных художественных текстов: вербальные и невербальные средства связности 306
Е.С. Михеева
Комбинаторика вербальных и невербальных средств как прием создания полисемантичных «текстов с креативным заданием» 307
Н.Г. Нестерова
Поликодовость как ключевая характеристика радиотекста 308
И.А. Старовойтова
Использование техники граттаж в создании поликодового текста (На примере иллюстраций М. Добужинского к повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи») 309
Д.С. Шикина
Поликодовый рекламный текст глянцевых журналов: особенности вербального компонента 310

Секция XII. Применение лингвистических знаний в семантической экспертизе текстов. Анализ конфликтогенных текстов

Ф.О. Байрамова
Концептуальные вопросы идентификации говорящего не на родном языке в российской экспертной практике 311
А.Н. Баранов, Л.А. Ерохина
Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены 312
Т.В. Бердникова
Диалогичность дискурса экстремизма (на материале практики производства лингвистических экспертиз по делам, связанным с проявлением экстремизма) 313
Г.М. Васильева
Конфликтогенное слово в политическом дискурсе 314

Е.И. Галяшина
Маскировка содержательных элементов устного дискурса и их дешифровка в семантической экспертизе 315
О.А. Глущенко
Лингвистические технологии дискредитации образа чиновника в медийном тексте 316
Е.И. Голованова, Ю.И. Корсакова
Учет семантики дискурсивных маркеров при проведении лингвистической экспертизы диалогов 317
Е.Н. Денисенко
Языковые средства выражения агрессии в конфликтном рекламном тексте 318
О.В. Зуга
Конструкции с союзным словом который в нормативных правовых актах как объект лингвистической экспертизы 319
Е.С. Кара-Мурза
Общественный резонанс науки о русском языке (на примере лингвистической экспертизы как направления прикладной лингвистики) 320
Н.В. Козловская, И.Е. Кузнецова
К проблеме выявления лингвистически значимых признаков провокации взятки 321
А.А. Коростелева
Антонимическое развертывание семантических инвариантных параметров русских коммуникативных кинем 322
Е.К. Крюк
Интернет-комментарий как объект судебной экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму 323
В.О. Кузнецов
К вопросу о предмете и задачах семантической экспертизы 323
М.А. Кузнецовская
Особенности лингвистической экспертизы (в рамках комплексной психолого-лингвистической) по делам о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних. Предметная область сферы сексуальных отношений 324
Э.П. Лаврик
Языковые приемы вовлечения в террористическую деятельность 325
А.П. Майоров
Конституативное значение в поликодовом тексте как предмет лингвистической экспертизы 326
Н.Ю. Мамаев
К вопросу о ролевых характеристиках коммуникантов 327
З.И. Минеева
Номинации человека в лингвистической экспертизе 328
Н.И. Миронова
Структура и лингвистические особенности манипулятивного дискурса 329
Т.В. Мясникова, Н.Б. Рябова
Семантическое исследование текстов, стилизованных под какой-либо жанр, при производстве экспертизы по делам о клевете 330
Т.В. Назарова, А.В. Громова, П.А. Манянин
Об актуальности исследования аргументативного компонента текста в судебной лингвистике 331
Н.Е. Петрова
Оценочные функции прилагательных сравнения в дискурсе СМИ 332
А.М. Плотникова
Судебное лингвистическое заключение как речевой жанр 333
С.К. Сансызбаева, Н.К. Сматаев
Конфликтогенные тексты в русскоязычной казахстанской прессе 333
Т.А. Сироткина
Некоторые проблемы лингвистической экспертизы 334
О.Г. Хохловская
Молитва как жанр исламистского дискурса: признаки конфликтогенности 335
Е.А. Чубина
О некоторых подходах к исследованию конфликтогенных текстов рекламы 336
Л.А. Шестак
Юридическая техника: лингвистические аспекты 337
Е.В. Щенникова
Несколько слов об оскорбительных словах 338

Секция XIII. Проблемы нейминга и формирования городского ономастикона

И.В. Бугаева
Латиница в городском ономастиконе: pro et contra 340
О.В. Врублевская
Антропоцентризм в рекламной номинации 341
Д.Ю. Ильин
Признаки лингвоэкологичности наименований водных объектов регионального топонимикона 342

В.М. Касьянова
Основные тенденции современного внутригородского нейминга
(на примере наименований детских развивающих центров) 343
Т.Г. Котлярова
Эмпоронимы в городской коммуникации современной Астаны 344
В.А. Крыжановская
Периферийные онимы в контексте современной массовой культуры 345
И.В. Крюкова
Внутригородские названия как средство выражения оценочных значений 346
А.Б. Лихачева
Названия российских городских объектов как репрезентанты русской коммуникативной культуры
(взгляд из-за границы) 347
В.И. Мозговой
Нейминг и норма 348
И.Н. Пономаренко
Новые единицы городского ономастикона 349
Е.Н. Ремчукова
Русский язык в сфере городской коммерческой номинации (результаты научного проекта) 350
А.И. Семенов
Отражение идеи «общего блага» в названиях русских военных кораблей 351
Е.Г. Сидорова
Уникальность ойконима как проблема лингвоэкологии 352
О.И. Соколова
«Туристические» эргонимы города Владимира 353
Т.П. Соколова
Креолизованные урбанонимы в аспекте нейминговой экспертизы 354
А.А. Ховалкина
Использование графем дореформенного периода в современном русском письме
как явление графической гибридизации 355
А.В. Япарова
Графические приемы в сфере номинации лекарственных средств 356

Секция XIV. Речевые жанры и речевые акты как инструмент лингвистического исследования

С.В. Алпатов
Фольклорные формулы застольного этикета 357
Е.Л. Бабичева
Дейксис в гендерно ориентированном рекламном тексте 357
М.А. Бабушкина
Косвенные речевые акты в аспекте метакоммуникации 358
О.С. Баканова
Способы смягчение оценки (на примере отзывов официальных оппонентов о диссертации) 359
Ван Цюнь
Фрейм речевого жанра «Поздравление» с Днем Победы в официальной сфере общения
с позиции китайской лингвокультуры 360
М.В. Гаврилова
Инаугурационная речь как жанр русского политического дискурса 361
С.И. Гиндин
Речевые акты и речевые жанры: Принципиальные отличия и дополнительность двух теорий коммуникации 362
Т.В. Ицкович, Н. Николина
Категория темы в жанре протокола (на материале текстов религиозного стиля) 363
А.А. Калинина
Статус запрета в семантической классификации разновидностей побуждения 364
Р.А. Каримова
Жанровая характеристика дискурса эссе 365
Н.В. Куркан
Модель жанра «Стандарт» в русском инженерном дискурсе 366
Ли Цинь
Неинформативный ответ как один из коммуникативых приемов уклонения от ответа 367
А. Либшнер
Прагматические отношения в коммуникации в русской социальной сети Вконтакте 368
Е.В. Маркелова
Метажанровые особенности общенаучных текстов 368
В.Т. Марков
Тематический подход к анализу устной публичной речи (на примере текста спортивного репортажа) 369

Л. А. Ощепкова
Жанр «государственный гимн» и его национальные модификации (на материале гимнов разных стран) 370
Ю.Б. Пикулева
Вербализация ценностных смыслов в жанре поздравления (на материале семейной коммуникации) 371
Е.Э. Пчелинцева
Функционирование русских отглагольных имен действия в рекламных объявлениях: аспектуальные особенности 372
В.А. Салимовский, Д.А. Девяткин, Л.А. Каджая
Жанры речи в аспекте их языковой организации 373
Ц. Саранцацрал
Прагматико-семантическая характеристика речевых актов предостережения и способы их выражения в русском языке 374
Е.В. Суровцева
Особенности языка современных житий новомучеников: на материале трех вариантов жития Татьяны Гримблит 375
К.П. Тарасова
Выкрики уличных торговцев первой трети XX века как особый вид рекламы 375
О.Ю. Усачева
Дискурсивные модификации жанров в новых коммуникационных средах 376
Л.Ю. Щипицина
Жанр спортивного онлайн-репортажа 377
Е.В. Юрьева
Причины использования косвенных речевых актов в слоганах социальной рекламы 378
Е.С. Ярыгина
Конструкции с причинно-аргументирующей семантикой в политических текстах
(особенности структуры и текстовые функции) 379

Секция XV. Русский язык в контакте с другими языками

М.М. Аймагамбетова
Заимствования в русском языке (на примере заголовков русскоязычных газет Казахстана) 381
Т.Н. Белова
Язык романов И.С. Тургенева и его влияние на стилистику американского социального романа 382
Л.М. Буренина
Некоторые особенности литовско-русского двуязычия в современной Литве 383
А.В. Зинкевич
Русский язык и оккупация 384
Ю.А. Зотова
Образ России и русских, интерес и мотивации к изучению русского языка в Иране 385
Е.И. Костанди
Типовой дискурс диаспоры: пространственно-временная локализация 386
И.П. Кюльмоя
Речь диаспоры как вариант русского языка 387
Ружица Левушкина
Лексика православной духовности в сербском и русском языках
(на материале из романа Е. Водолазкина «Лавр» и его перевода на сербский язык) 388
А.М. Мубаракшина
Феномен языковой гибридизации элементов английского языка в современном художественном тексте
(на материале романов Сергея Минаева) 389
А.Л. Мугумова
Ранние (XVI–XVII вв.) семантические локализмы местного тюркского происхождения в терских русских говорах 390
Л.П. Павлова
Русский язык как средство межнационального общения 391
С.С. Полежаева
Языковые единицы инокультурного фона в русскоязычной приднестровской литературе 392
А.В. Савченко
Язык спортивной журналистики как пример межъязыковой конвергенции близкородственных славянских языков
(русские и украинские лексико-фразеологические параллели) 393
И.И. Санникова
Русский язык как язык обучения в национальном вузе 394
В.В. Сорокина
Русскоязычная лирическая миниатюра в современной прозе Азербайджана (язык и жанр) 395
Э.Д. Сулейменова
Кто в Казахстане говорит по-русски: этноязыковой синопсис 396
Т.В. Чернуха
Русский язык как средство межнационального общения немецкоязычных бизнесменов в России 397

Чэнь Пэйцзюнь
Адаптация названий китайских реалий для русскоязычной аудитории в научном стиле сер. XIX в. (на материале этнографического сочинения Н.Я. Бичурина «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», 1840) ... 398

Секция XVI. Русский язык в лингводидактическом аспекте

16.1. Преподавание русского языка в вузах и школе

А.В. Абросимова, Н.И. Колесникова
Формирование жанровой компетенции бакалавров строительного профиля (на примере жанра отчета о производственной практике) ... 399
М.Н. Аникина
Эргономичный интерфейс учебного средства и поликодовое сообщение как одна из его главных особенностей ... 400
Е.В. Архипова
О концептном принципе отбора лексического минимума для обучения русскому языку ... 401
Б.М. Асмагамбетова
Обучение русскому языку в Казахстане в условиях обновления содержания среднего образования ... 402
М. А. Бондаренко
К вопросу о достижении предметных результатов обучения при изучении русского языка ... 403
О.Ф. Будко
Обращение как прием установления контакта в учебном процессе ... 404
Л.Б. Гурьянова
«Школа русского языка» как региональный просветительский проект ... 405
Т.С. Зевахина
Использование Национального корпуса русского языка в преподавании лексикологии ... 406
Х. Лерхер
Замечания по приложению «ProDict RU-DE» ... 407
Ю.А. Мареева
Семантика и грамматика темпоральных наречий в русском и новогреческом языках: лингводидактический аспект ... 408
С.М. Морозова
К вопросу о социолингвистическом аспекте в обучении русскому языку в условиях диалекта ... 409
Т.А. Налимова
К вопросу о некоторых трудностях при составлении рабочих программ к дисциплине «Русский язык и культура речи» ... 410
Н.И. Наумова, С.А. Климова
Моделирование текстового образовательного пространства в обучении русскому языку в начальной школе ... 411
И.В. Одинцова
Лингвокогнитивные аспекты современной лингводидактики ... 412
Н.Г. Онацкая, Э.Ф. Митасова
Семантизация приставочных глаголов в нефилологических вузах в объеме общеупотребительной общенаучной лексики ... 413
Е.А. Старикова
Трудности в написании естественнонаучных статей ... 414
А.В. Тряпельников, А.А. Акишина
Вызовы XXI века: поликодовые мультимедийные тексты ... 415
Г.Г. Хисамова
Актуальные проблемы преподавания русского языка в поликультурном пространстве ... 416
Е.В. Шимко
Мультидисциплинарный модуль как компонент учебного плана подготовки филологов ... 417

16.2. Преподавание русского языка как иностранного

Акбаба Тюлай
Глаголы передачи информации в когнитивном поле турецких учащихся ... 418
А.О. Балуева
Сопоставительный анализ описательных предикатов с глаголами движения в русском и других языках: лингводидактический аспект ... 419
Е.Л. Бархударова
Фонетическая система родного языка как опора в освоении изучаемого ... 420
Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.
Координация нормативно-методических документов, лежащих в основе системы ТРКИ, как лингвометодическая проблема ... 421
Т.Е. Владимирова
Экзистенциально-онтологические основы обучения русскому языку как иностранному ... 422
Н.В. Гагарина
Вопрос о необходимости создания единого учебника по языку специальности для иностранных студентов подготовительных факультетов ... 423
Т.Г. Галкина
Возможности использования Instagram в процессе изучения русского языка как иностранного ... 424

Н.Н. Горбонос
Морфемный анализ в формировании речевых навыков иностранных учащихся (РКИ, основной этап обучения) 425
М.А. Гранкина
Компьютерный жаргон как способ расширения общения инофона с российскими студентами 426
Е.Г. Данелян
Специфика работы с детьми-инофонами по авторскому пособию «Учимся говорить по-русски» 426
С. Дастамуз
К вопросу о составлении учебника по русской грамматике для иранской аудитории 428
Ю.В. Егорова
Пары ассоциатов как основа пособия по лексике 429
К.З. Жаппар
Моделирование научного текста в процессе обучения русскому языку как неродному 430
А.С. Журавлёва
Проблемы терминологии и методики преподавания русского языка эмигрантам во Франции 431
Л.Б. Карпенко
Систематизация речевых средств русского языка: коммуникативно-прагматические комплексы 432
Т.Н. Кигель
Перевод песен на родной язык дошкольников и младших школьников при изучении РКИ 432
Л.Ф. Крапивник
Русские пословицы и поговорки в иноязычной аудитории 433
Л.В. Красильникова
Обучение русскому словообразованию и виды упражнений 434
Е.Р. Ласкарева
Корректная минимизация материала и алгоритм его расширения 435
Кира Викторовна Летцбор
Мультфильмы как наглядное пособие на практических занятиях по иностранному языку 436
О.В. Луценко, Е.А. Филатова, И.С. Черенкова, Е.А. Чернышенко
Новый комплекс учебных пособий по русскому языку для Китая (подъязык экономики) 437
Лю Инь
Проблемы преподавания видов русского глагола в китайских вузах 438
В.А. Маркова
Курс русского языка как иностранного в условиях антропоцентрической научной парадигмы 439
Н.С. Маркова
К вопросу о преподавании русских дейктических локативных наречий в иностранной аудитории 440
Т.А. Милёхина
Русский мир в учебниках русского языка для иностранцев: новые подходы и требования 441
И.М. Моисеенко
Представление грамматического материала в корректировочном курсе русского языка
как иностранного для гимназий Эстонии 442
Е.С. Мойса
Особенности технического языка науки и его адаптация к обучению РКИ иностранных магистрантов-англофонов 443
Е.Ю. Николенко, Л.А. Нестерская
Воссоздание образа страны через язык средств массовой коммуникации (лингводидактический аспект) 444
Ф.И. Панков
Аспекты изучения глагола в курсе «Русский язык как иностранный: функциональная морфология» 445
Н. Райнохова
Русский язык через призму чешского 445
Л.М. Савосина
К вопросу о применении сопоставительного метода в лингводидактических целях при обучении инофонов (будущих
переводчиков) русскому языку как иностранному 446
Е.В. Степанова
Императив в системе преподавания русского языка как иностранного студентам-европейцам
(на примерах рекламных текстов) 447
Е.Н. Стрельчук
Учебники по русскому языку как иностранному в современной лингвокультурной среде:
анализ, состояние, перспективы 448
Е.В. Суровцева, Е.В. Полищук
К вопросу о лексическом минимуме при изучении художественной литературы (на материале иерейской прозы) 449
О.А. Ускова, М.Н. Макова
Учебно-методический комплекс по русскому языку как иностранному «В мире людей» (уровни В2-С1) 450
Фань Сяомэй
Коммуникативно-прагматические неудачи в русско-китайской межкультурной коммуникации и их преодоление 451

С.В. Фащанова
Просветительские медиаресурсы в обучении русскому языку как иностранному....452
Е.Ю. Филимонова
Как Золушка стала принцессой. Новая версия старой сказки
(О новом подходе к формированию словарного запаса у студентов РКИ)....452
М.В. Фокина
Лингвометодические основы работы над позиционными закономерностями русского звукового строя
в иностранной аудитории....454
Н.Ж. Хамгокова
Учебный диалог как средство формирования навыков речевого общения иностранных студентов
на этапе предвузовского обучения....455
О.В. Чагина
Фитонимы как объект лингвострановедения....456
А.Г. Чафонова, М.О. Ратников
Возможности применения виртуальных голосовых помощников на занятиях по иностранному языку
(лингводидактический аспект)....457
И.В. Черновалюк
Обучение научной речи в системе языковой подготовки иностранных учащихся....458
Е.Ш. Чиалашвили-Гордеева
Структурно-прагматическая связность текста стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Деревня»....459
З.Ф. Юсупова
Лингводидактический потенциал учебно-научного текста в обучении русскому языку как иностранному....460
И.И. Яценко, Л.Л. Ружанская
Художественный текст в межкультурном пространстве (методический аспект, РКИ)....461

Секция XVII. Русский язык в междисциплинарных исследованиях

Н.Н. Болдырев
ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ как доминантные формы языковой интерпретации....463
А.В. Егорова
Конкретное и абстрактное как две составляющие концепта город....464
Л.А. Жданова
Способы обозначения социальной идентичности в русском языке....465
С.А. Крылов
К построению корпусной стратификационной квантитативной стилистики....466
О.В. Кукушкина, М.А. Петровичева, М.Ю. Сидорова, А.С. Шматко
Лингвистическое исследование описаний изображений как междисциплинарная задача....467
О. П. Марченко, Т. Н. Бандурка, Ю. Г. Павлов
Категориальная частота слов русского языка в разных регионах....468
Арто Мустайоки
Русский язык в явление-ориентированных исследованиях....469
В.В. Поддубный
Дискретная стохастическая математическая модель развития полисемии языковых знаков
на основе теории нестационарных пуассоновских потоков....470
О.М. Савельева
Термин А.Н. Веселовского «сердечное воображение» в свете его концепции всемирной литературы:
дубитативный экскурс....471
А.Н. Стебунова
Перспективы исследования концептосферы Донбасса....472
Е.В. Суровцева, С.С. Тверская
К вопросу об изучении русской терминологии на материале художественного текста («Записки юного
врача» М.А. Булгакова и медицинская лексика)....473
Л.А. Чижова
Проявление менталитетных свойств русской языковой личности в национальной логосфере....474
А.Я. Шайкевич
Текстуальные связи слов в русской прозе XIX в....475
Н.Н. Шпильная
Полифонический принцип организации языкового сознания при психозе
(на материале дневниковых записей больного психозом)....476
Е.А. Юрина
Межъязыковая образность как лингвокогнитивная категория: способы языковой репрезентации и аспекты анализа....477
Г.С. Яроцкая
Лингвоаксиологическая матрица русского экономического поведения....478

Секция XVIII. Русский язык как средство общения и интеллектуального воспитания

М.Н. Володина
СМИ и «языковая личность» молодого человека 479
Л.М. Гончарова
Речевая культура современных СМИ в зеркале запросов аудитории 480
В.А. Долинский
Мониторинг вербально-визуальной городской среды 481
М.А. Кормилицына
Влияние СМИ на культуру современного российского общества 482
Н.В. Лучкина, С.А. Мирзоева, С.М. Дьяченко
Исследование влияния глобализационных процессов на состояние языка 483
Е.Ю. Скороходова
Особенности прецедентной базы современной российской прессы 484
В.В. Смолененкова
Тенденции в оформлении обращения в ораторских речах (на материале письменных и устных текстов Президента Российской Федерации В.В. Путина и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла) 485
Л.И. Судакова
Функционирование молодежного жаргона в научно-популярной лекции 486

Секция XIX. Текст как самостоятельный объект лингвистического исследования

М. В. Беляков
Аксиологичность в дипломатическом дискурсе 488
Е.Г. Борисова
Грамматика слушающего. Категория ориентации 489
Е.А. Бурдина
Семантика пространственно-временного континуума в рамках авторского восприятия феномена творчества в поэтических текстах А.К. Толстого 490
Е.В. Гаврилова
«Переходные» переводные тексты на русском языке как инструмент контрастивного языкознания (на примере переводов с французского языка) 491
А.В. Гик
Способы передачи чужой речи в Дневниках М. Кузмина 492
А.А. Дьякова
Прагматический аспект усложнения текста 493
Т.А. Жукова
Вводно-модальные слова со значением персуазивности в рекламном тексте 494
Н.В. Изотова
Диалогический текст в нарративе: особенности формирования 495
Е.З. Киреева
Выражение категории модальности на уровне текста (на материале регионального законодательства) 495
Е.А. Краснова
Русские союзы как стимулы системных связей глубинных текстовых смыслов 496
К.В. Кунц
Ритуализация как дискурсивная составляющая русских газетных текстов общественно-политической направленности (на примере большевистского предреволюционного, советского и современного докризисного дискурсов) 497
А.Д. Леоненко
Катафора в художественном тексте 498
М.Г. Милютина, Е.Г. Кашицына
Антонимические блоки-композиты как единицы, организующие дневниковые тексты и записные книжки М. Цветаевой 499
В.А. Мишланов, Е.А. Ильина
О некоторых изменениях в научном стиле современного русского языка 500
Н.Ю. Муравьева
Перцептивные особенности конкретной лексики 501
О.В. Мякшева
Текст и его грамматика 502
В.А. Немкова
Взаимосвязь дейктических категорий в художественном тексте (на материале оригинальных и переводных произведений) 503
М.Н. Панчехина
Структура метакоммуникации в художественном произведении (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») 504
А.С. Пчелинцева
Трансформация образа автора в русском переводе предисловия к «Разговорам о множестве миров», выполненного А.Д. Кантемиром 505

Ю.В. Роговнева
Первичные и вторичные модели видения действительности ... 506
Д.Н. Солдатова
Категория количества в научном и официально-деловом стилях ... 507
О.Ю. Стародубова
Текст как архиватор культурного кода и отражение процессов глобализации ... 508
М.И. Суворова
Извлечение сценариев из текстов сетевых дискуссий ... 509
С.Д. Тарасова
Категориальная и тематическая организация слов со значением органолептических свойств на материале произведения Романа Сенчина «Вперед и вверх на севших батарейках» ... 510
А.В. Уржа
Неопределенно-личность на фоне эгоцентрических средств языка ... 511
Г.А. Филатова
Функционирование комплекса апелляций к читателю в романе Р. Желязны «Creatures of Light and Darkness» и его русских переводах ... 512
Т.М. Цветкова
Возвращаясь к синтаксису текста ... 513
В.А. Черванева
Дейктические единицы фольклорного текста как маркер жанра ... 514
Чович Бранимир
Художественный перевод и креолизация двух культур ... 515
М.Г. Шерварлы
Сочетание регистровых техник в притчевых жанрах литературы ... 516

Секция XX. Текстология и палеография

Г.С. Баранкова
Принципы отбора языковых средств в нарративных и риторических произведениях Кирилла Туровского ... 517
И.В. Вернер
Справа Максима Грека в Цветной Триоди 1525 г. ... 518
В.В. Калугин
Геннадиевские переводы в украинской Дополненной редакции Толковых Пророчеств начала XVII в. ... 519
М.В. Каравашкина
Восприятие Зиновием Отенским грамматического учения своего времени ... 520
А.Ю. Козлова
Отражение второго южнославянского влияния в списке ГИМ, Барс.620 «Толковой Палеи» ... 521
А.И. Кузовенкова
Грамматические особенности Казанского апракоса XIV века ... 522
Е.А. Кузьминова
«Кни́га гл҃емаꙗ бꙋ́квы грамоти́чнаго оу҆че́нїѧ» как грамматический словарь церковнославянского языка ... 523
И.И. Макеева
О языке списков Волынского извода Кормчей книги ранней русской редакции ... 524
Н. Нечунаева
Минея: «*свое – чужое*» в псковско-тартуских рукописях XVI–XVII вв. ... 525
Л.Н. Норейко
Об особенностях языка и текста «Повести о Петре и Февронии» как памятника русской письменности ... 526
М.А. Пузина
Что за памятник Парижский стихирарь? ... 527
Т.В. Рождественская
Библейские и литургические надписи XII–XV веков в храмах Древней Руси ... 528
О.Г. Щеглова
Структура и состав Стишного Пролога XV–XVII веков (особенности редакций летних списков) ... 528

Секция XXI. Функционирование русского языка в мультимедийной среде

Т.Д. Брайнина
Вариативность представления новостной информации в медиатекстах ... 530
А. Деци
Иноязычные вкрапления в интернет-общении русскоязычной диаспоры Эстонии как проявление экспрессивной языковой агрессии ... 531
Эва Капела
Об одном типе политических интернет-мемов ... 532
Н.А. Красовская
Регионализмы в языке социальных сетей ... 533

Е.И. Литневская
К проблеме определения признаков текста письменной разговорной речи в электронно опосредованной коммуникации ... 534
О.В. Лутовинова
Холивар и троллинг в системе речевых жанров виртуальной коммуникации ... 535
Е.В. Маринова
Социокультурные аспекты неологизации в лексике Рунета ... 536
Ю.С. Наволока
Особенности функционирования прецедентных феноменов в рамках стратегии самопрезентации в социальной сети «Инстаграм» ... 537
А.А. Негрышев
Типы когнитивно-логических трансформаций в кликбейт-заголовках ... 538
А.М. Обжорин
Визуализация для исследования текстов ... 539
А.И. Помазов
Механизмы речевого воздействия в контенте сайтов российских вузов: аттрактивность в современной интернет-коммуникации ... 540
Е.А. Савина
«Лайки» социальной сети «Фейсбук» как фатические контактоподдерживающие реакции ... 541
Е.В. Старостина
Влияние коммуникативного пространства интернета на вербальные ассоциации ... 542
А.В. Угро
Особенности реализации характеристик жанра «воспоминание» в социальной сети «Instagram» ... 543
О.А. Фролова
Проект «Слово года» в аспекте его лингвокультурологической значимости в преподавании русского языка как иностранного ... 544
М.В. Хитина
Использование дискурсивных слов в комментариях социальной сети ВКонтакте ... 545

Секция XXII. Этимологические исследования

Н.В. Лабунец
Семантическая адаптация субстратной гидронимии в ситуации лингвоэтнического контактирования ... 546
Е.В. Сердюкова
Принципы номинации праславянских названий растений ... 547
О.А. Теуш
Лексический образ захолустья в диалектах Европейского севера России ... 548
М.В. Турилова
Об этимологии некоторых обозначений неврологических и психических заболеваний и нечистой силы (русск. диал. *каду́к, шут, я́видь*) ... 549
А.К. Шапошников
Древненовгородские имена: новые этимологические решения ... 550
И.А. Шелкова
Омонимы с корнями *суд-*[1–3] в русском языке XI–XVII вв. ... 551

Секция XXIII. Язык документов, учебной и научной литературы. Критерии его оценки

О.В. Блинова
Лексика русских официальных документов домена «здравоохранение» (по корпусным данным) ... 553
А.В. Зенина
Метафоризация терминологический номинации в сфере банковского дела: основные проявления ... 554
Е.В. Крапивник
Терминологические метафоры русской лингвистики: лингводидактический аспект описания ... 555
А.Г. Шилина, О.А. Субботина
Деловая письменная коммуникация государственных гражданских служащих: кибернетико-синергетический подход ... 556
Е.А. Яцевич
Соотношение понятий «язык науки» и «язык для специальных целей»: лингводидактический аспект ... 557

XXIV. Немного о себе

Н.А. Еськова ... 559
М.И. Конюшкевич ... 560
В.В. Лопатин ... 562
Т.В. Рождественская ... 562
Э.Д. Сулейменова ... 562
Е.Я. Титаренко ... 565
В.С. Храковский ... 566

Именной указатель

Абрамова В.И.: Китайское и китайцы в русской языковой картине мира (на материале лексики и фразеологии)....55
Абросимова А.В.: Формирование жанровой компетенции бакалавров строительного профиля (на примере жанра отчета о производственной практике)....399
Авдеева О.И.: Семантика и синтагматика во фразеологии....54
Адамсон И.В.: Проект словаря русского языка зарубежья....201
Азам Оливье: Совершенный вид глагола класса «verba manendi» остаться и выражение продолжительности. К объяснению парадоксальной сочетаемости....106
Аймагамбетова М.М.: Заимствования в русском языке (на примере заголовков русскоязычных газет Казахстана)....381
Акай О.М.: Родовые корреляты имени: коммуникативные характеристики и лингвопрагматические функции....81
Акбаба Тюлай: Глаголы передачи информации в когнитивном поле турецких учащихся....418
Акимов В.Л.: Организация диалектологических экспедиций с использованием современных информационных технологий....24
Акимова Э.Н.: Организация диалектологических экспедиций с использованием современных информационных технологий....24
Акишина А.А.: Вызовы XXI века: поликодовые мультимедийные тексты....415
Аксарина Н.А.: Упрощение семантического потенциала слова как фактор формирования грамматической анти-нормы....7
Алексеев А.В.: Омонимия и паронимия древнерусского корня *-троуд-* / *-тро́д-:* диахронический аспект....165
Алпатов В.М.: Русская лингвистика и мировая лингвистика....155
Алпатов С.В.: Фольклорные формулы застольного этикета....357
Амири Л.П.: К вопросу об особенностях деметафоризации в рекламном дискурсе....296
Ананьева Н.Е.: Полонизмы в прозе В.П. Аксенова....230
Андреева Я.Е.: Фразеологическая репрезентация гендерных категорий в русском языке (на фоне китайского)....272
Аникина М.Н.: Эргономичный интерфейс учебного средства и поликодовое сообщение как одна из его главных особенностей....400
Арефьева Н.Г.: Об этнокультурном содержании русских диалектных фразеологизмов Ванька-встанька и Ваня-рутютю....25
Артеменко М.В.: Отыменный релятив «ПО ОБРАЗЦУ»: служебные свойства....138
Архангельская Ю.В.: Китайское и китайцы в русской языковой картине мира (на материале лексики и фразеологии)....55
Архипова Е.В.: О концептном принципе отбора лексического минимума для обучения русскому языку....401
Асмагамбетова Б.М.: Обучение русскому языку в Казахстане в условиях обновления содержания среднего образования....402
Астахова Я.А.: Разработка формально-грамматических методов представления категории вида русского глагола (на примере видовых пар)....108
Бабашева З.М.: К вопросу о смыслоразличительных возможностях синтагматического членения в русском и азербайджанском языках....273
Бабенко Л.Г.: Идеографический словарь как источник знаний о языковой картине мира: к выходу словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи» (М.: «Азбуковник», 2018)....202
Бабичева Е.Л.: Дейксис в гендерно ориентированном рекламном тексте....357
Бабушкина М.А.: Косвенные речевые акты в аспекте метакоммуникации....358
Баданина И.В.: Номинации женщин в русском языке 30-40-х гг. XX века (по материалам Толкового словаря под ред. Д.Н. Ушакова 1935–1940 гг.)....56
Баженова Т.Е.: Специфика кодирования представления о человеке в говорах Среднего Поволжья....26
Базаров Е.Э.: К вопросу о глагольно-именных конструкциях в московских и забайкальских деловых документах XVIII века....166
Байгарина Г.П.: Актуализированная лексика современного медийного пространства: «гибридная война», «гибридный»....57
Байкулова А.Н.: Устная речь молодёжи: новое явление....8
Байрамова Ф.О.: Концептуальные вопросы идентификации говорящего не на родном языке в российской экспертной практике....311
Баканова О.С.: Способы смягчение оценки (на примере отзывов официальных оппонентов о диссертации)....359
Балуева А.О.: Сопоставительный анализ описательных предикатов с глаголами движения в русском и других языках: лингводидактический аспект....419
Бандурка Т.Н.: Категориальная частота слов русского языка в разных регионах....468
Баранкова Г.С.: Принципы отбора языковых средств в нарративных и риторических произведениях Кирилла Туровского....517
Баранов А.Н.: Авторская фразеология Достоевского: квантитативный аспект....231
Баранов А.Н.: Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены....312
Барсукова Е.А.: Русская терминология системы менеджмента качества как результат перевода с английского языка: особенности и недостатки....274
Бархударова Е.Л.: Фонетическая система родного языка как опора в освоении изучаемого....420
Бекасова Е.Н.: Особенности функционирования причастий в художественной прозе А. Чехова 1895–1903 гг....167
Беликов В.И.: Возрастная и гендерная специфика использования буквы ё....9
Белова Т.Н.: Язык романов И.С. Тургенева и его влияние на стилистику американского социального романа....382
Беляков М.В.: Аксиологичность в дипломатическом дискурсе....488
Бенаккьо Р.: Употребление вида в императиве в инструкциях (на материале русского и болгарского языков)....109

Бердникова Т.В.: Диалогичность дискурса экстремизма (на материале практики производства лингвистических экспертиз по делам, связанным с проявлением экстремизма) 313
Бертякова А.Н.: К вопросу о вариативности нормы употребления служебного слова 139
Бешенкова Е.В.: История письма и кодификации как фактор современной политики орфографистов 10
Бичак С.: Иноязычная лексика как вид языковой игры (на примере творчества Михаила Жванецкого) 231
Блинова О.В.: Лексика русских официальных документов домена «здравоохранение» (по корпусным данным) 553
Богатырёв *А.В.:* «Амшкуры» – музыкальный термин XVII в.? 167
Болдырев Н.Н.: ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ как доминантные формы языковой интерпретации 463
Болычева Е.М.: Об одной фонетической иллюзии 11
Бондаренко М. А.: К вопросу о достижении предметных результатов обучения при изучении русского языка 403
Бонджолова В.Ц.: Невербальное как компонент вербального в рекламном тексте 297
Борисова Е.Г.: Грамматика слушающего. Категория ориентации 489
Борисова Е.О.: К изучению экспрессивной лексики со значением высокой и низкой скорости передвижения (на материале русских народных говоров) 27
Борисова О.Г.: Диалектные лексические различия в говорах Кубани 28
Борюшкина Е.Н.: Взаимодействие семантики вербальных и невербальных компонентов «Азбуки в картинах» А.Н. Бенуа 298
Брайнина Т.Д.: Вариативность представления новостной информации в медиатекстах 530
Брызгунова Е.А.: Современное состояние общеиндоевропейской тенденции к аналитизму в русском языке (Основные результаты исследования) 121
Брыкова А.А.: Лингвистические особенности текстов графических рассказов Н. Олейникова про Макара Свирепого: способы взаимодействия визуального и вербального рядов 299
Бугаева И.В.: Латиница в городском ономастиконе: pro et contra 340
Будко О.Ф.: Обращение как прием установления контакта в учебном процессе 404
Букринская И.А.: Лексика традиционной культуры в современных русских говорах 29
Бурдина Е.А.: Семантика пространственно-временного континуума в рамках авторского восприятия феномена творчества в поэтических текстах А.К. Толстого 490
Буренина Л.М.: Некоторые особенности литовско-русского двуязычия в современной Литве 383
Важник С.А.: Белорусский исторический синтаксис – русский семантический синтаксис как две основные парадигмы лингвистического наследия Т.П. Ломтева 156
Вакулова Е.Н.: Пополнение полисемии за счет семантических трансформаций (линия, линейка) 58
Ван Цюнь: Фрейм речевого жанра «Поздравление» с Днем Победы в официальной сфере общения с позиции китайской лингвокультуры 360
Варзин А.В.: Язык Ф. М. Достоевского как язык фантастического реализма 232
Васильев Н.Л.: Корпусные лакуны в писательской лексикографии 203
Васильева Г.М.: Конфликтогенное слово в политическом дискурсе 314
Величко А.В.: Языковые средства фатической функции и их роль в речевом общении 122
Вепрева И.Т.: Даже бабушки у подъезда: прагматико-ценностный потенциал частицы даже 140
Вернер И.В.: Справа Максима Грека в Цветной Триоди 1525 г. 518
Виноградова Е.Н.: Меж двух огней: вновь о статусе наречных предлогов 141
Виноградова Е.Н.: Координация нормативно-методических документов, лежащих в основе системы ТРКИ, как лингвометодическая проблема 421
Влавацкая М.В.: Терминологический словарь «Комбинаторная лингвистика» 204
Владимирова Т.Е.: Экзистенциально-онтологические основы обучения русскому языку как иностранному 422
Власова Г.И.: Русский фольклор Казахстана: собирание, изучение и современное бытование 234
Войводич Д.П.: К вопросу о функционировании двувидовых глаголов в публицистическом дискурсе (на материале русского и сербского языков) 275
Волкова Ю.С.: Невербальные акцентуаторы в телевизионном поликодовом тексте (на материале социально-политических ток-шоу) 300
Володина М.Н.: СМИ и «языковая личность» молодого человека 479
Волошина О.А.: «Новое учение об языке» Н.Я. Марра сквозь призму авторской терминологии 157
Воркачев С.Г.: К эволюции лексической системы: тщеславие, понты, гламур, пафос 59
Врублевская О.В.: Антропоцентризм в рекламной номинации 341
Всеволодова М.В.: Аспекты современной лингвистики 94
Выхрыстюк М.С.: Системные отношения в лексике скорописного текста начала XVIII века «**Запись астрономическихъ явлений въ небе надъ городомъ Тобольскомъ**» 168
Гаврилова Е.В.: «Переходные» переводные тексты на русском языке как инструмент контрастивного языкознания (на примере переводов с французского языка) 491
Гаврилова М.В.: Инаугурационная речь как жанр русского политического дискурса 361

Гагарина Н.В.: Вопрос о необходимости создания единого учебника по языку специальности для иностранных студентов подготовительных факультетов....423
Галактионова И.В.: Преемственность и новации в толковой лексикографии (из опыта работы над Активным словарем русского языка)....205
Галинская Е.А.: Инновационные и архаические грамматические черты новгородского диалекта конца XVI века....170
Галкина Т.Г.: Возможности использования Instagram в процессе изучения русского языка как иностранного....424
Галушко Е.Ф.: Современные акценты в изучении русских говоров....30
Галяшина Е.И.: Маскировка содержательных элементов устного дискурса и их дешифровка в семантической экспертизе....315
Гвозданович Я. : Система времен в севернорусском средневековом говоре....171
Генералова Е.В.: Развитие качественных значений относительных прилагательных как исторический процесс и актуальная тенденция русского языка....60
Герасимова А.А.: Варьирование падежного оформления прилагательного в конструкциях с малыми числительными....12
Гик А.В.: Способы передачи чужой речи в Дневниках М. Кузмина....492
Гиндин С.И.: Речевые акты и речевые жанры: Принципиальные отличия и дополнительность двух теорий коммуникации....362
Глущенко О.А.: Лингвистические технологии дискредитации образа чиновника в медийном тексте....316
Голованова Е.И.: Учет семантики дискурсивных маркеров при проведении лингвистической экспертизы диалогов....317
Голубева-*Монаткина Н.И.:* Русская лексикография в современном Китае....206
Гончарова Л.М.: Речевая культура современных СМИ в зеркале запросов аудитории....480
Горбова Е.В.: Биаспективы, приставочные перфективы, суффиксальные имперфективы, (im)perfectiva tantum – как сложить этот пазл?....110
Горбонос Н.Н.: Морфемный анализ в формировании речевых навыков иностранных учащихся (РКИ, основной этап обучения)....425
Гранкина М.А.: Компьютерный жаргон как способ расширения общения инофона с российскими студентами....426
Грекова М.В.: Синоптическая схема идеографического словаря как модель картины мира (на материале «Словаря русской пищевой метафоры»)....207
Грекова О.К.: Общефактическое значение VS. партитив....111
Григорьева П.В.: Игровое словообразование в современной русской коммуникации....77
Громова А.В.: Об актуальности исследования аргументативного компонента текста в судебной лингвистике....331
Громова М.М.: О некоторых особенностях функционирования наречия оногда в архангельских диалектах....31
Громова Н.С.: Специфика взаимодействия вербального и невербального компонентов в поликодовых текстах....300
Гурьянова Л.Б.: «Школа русского языка» как региональный просветительский проект....405
Гусева Е.И.: Расподобление подобного: «успех» и «удача» как формы вербализации концепта....61
Гусейнов Г.-Р А.-К.: О тюркском синтаксическом влиянии в истории русского языка....172
Гускина Е.Н.: Функционирование текстовой скрепы «впрочем» в прозе М.А. Булгакова....142
Данелян Е.Г.: Специфика работы с детьми-инофонами по авторскому пособию «Учимся говорить по-русски»....426
Данилевская Н.В.: Функции слова в поликодовом тексте....301
Данилова Н.А.: Языковые маркеры текстовой категории пространства в малой прозе В. Маканина....235
Дастамуз С.: К вопросу о составлении учебника по русской грамматике для иранской аудитории....428
Девяткин Д.А.: Жанры речи в аспекте их языковой организации....373
Дегальцева А.В.: Роль наречий на -ски, -цки в семантической организации предложения....123
Дедова О.В.: Игровое словообразование в современной русской коммуникации....77
Дедова О.В.: Структура лексико-семантического поля «Межличностное общение в Интернете»....61
Демешкина Т.А.: Гендерные аспекты диалектологии: возможности описания....32
Денисенко Е.Н.: Языковые средства выражения агрессии в конфликтном рекламном тексте....318
Деци А.: Иноязычные вкрапления в интернет-общении русскоязычной диаспоры Эстонии как проявление экспрессивной языковой агрессии....531
Джангобекова Т.А.: Формы прошедшего времени глагола в Предисловии к «Новому Маргариту» А. Курбского....173
Димитриева О.А.: Что и как пьют герои Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского....236
Дин Цян: Вариативность использования прописной буквы и проблема уточнения действующих правил....13
Добровольский Д.О.: Авторская фразеология Достоевского: квантитативный аспект....233
Дойкина К.Ю.: Энклитики в составе сослагательного наклонения в югозападнорусских грамотах XIV–XVI вв....174
Долинский В.А.: Мониторинг вербально-визуальной городской среды....481
Дорофеев Ю.В.: О предпосылках развития регионоведческой лексикографии....208
Дорош Н.Л.: Номинативные ряды глаголов, соотносимых с именами артефактов, в русском и белорусском языках....277
Дьякова А.А.: Прагматический аспект усложнения текста....493
Дьяченко С.М.: Исследование влияния глобализационных процессов на состояние языка....483
Дягилева И.Б.: Иноязычные новации в сфере моды в русском языке первой половины XIX века....175
Евграфова Ю.А.: Перформативный акт ACMP: соотношение вербального и невербального в поликодовых-полимодальных текстах (на примере видеотекстов YouTube)....303

Евтушенко О.В.: Русский язык в стенах ООН....14
Егорова А.В.: Конкретное и абстрактное как две составляющие концепта город....464
Егорова А.Д.: Морфосинтаксические свойства конструкций с ненормативным то, что в современной устной речи....21
Егорова Ю.В.: Пары ассоциатов как основа пособия по лексике....429
Ерохина Л.А.: Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены....312
Еськова Н.А.: Немного о себе....559
Жаналина Л.К.: Понимание речевой деятельности в современной русистике....158
Жаппар К.З.: Моделирование научного текста в процессе обучения русскому языку как неродному....430
Жданова Л.А.: Способы обозначения социальной идентичности в русском языке....465
Желе А.: Субстантивация прилагательных в словенском языке (в сравнении с русским языком)....278
Жукова Т.А.: Вводно-модальные слова со значением персуазивности в рекламном тексте....494
Жуковская Л.И.: Лексема менталитет в контексте проблемы лексического и словообразовательного освоения иноязычных концептов....62
Журавлёва А.С.: Проблемы терминологии и методики преподавания русского языка эмигрантам во Франции....431
Загоровская О.В.: Специализированная лексикографическая база данных Russtylnorm как инструмент измерения ортологического параметра идиолекта....209
Закревская В.А.: Аспектуальный потенциал русского глагола (по данным диалектного словаря и полевым записям)....33
Зевахина Т.С.: Использование Национального корпуса русского языка в преподавании лексикологии....406
Зеленский Д.М.: Рассогласование по числу русских именных групп с сочинением и прилагательными единственного числа....96
Зенина А.В.: Метафоризация терминологический номинации в сфере банковского дела: основные проявления....554
Зинкевич А.В.: Русский язык и оккупация....384
Злочевская А.В.: Система «ударных слов» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»....237
Зотова Ю.А.: Образ России и русских, интерес и мотивации к изучению русского языка в Иране....385
Зуга О.В.: Конструкции с союзным словом который в нормативных правовых актах как объект лингвистической экспертизы....319
Зуева-*Калашникова К.Д.:* Дискурсивные особенности образа времени и употребление видо-временных форм в современных рассказах «клипового» характера....114
Иванова Е.Н.: Морфемообразование на базе этимологического корня *-poi- в русских народных говорах....34
Иванова Е.Ю.: Без того, чтобы (не) vs. без да: сочетаемость и семантическая композиция....290
Иванова М.В.: Понимание речевой деятельности в современной русистике....158
Иванова О.Е.: Регулятивная функция орфографического словаря в современной письменной речи....15
Изотов А.И.: Синодальный церковно-славянский язык и церковно-религиозный функциональный стиль современного русского языка....267
Изотова Н.В.: Диалогический текст в нарративе: особенности формирования....495
Ильин Д.Ю.: Признаки лингвоэкологичности наименований водных объектов регионального топонимикона....342
Ильина Е.А.: О некоторых изменениях в научном стиле современного русского языка....500
Ильченко О.С.: Genitivus partitivus в русском языке: к проблеме генезиса приглагольного родительного падежа....96
Ильясова С.В.: К оценке одной активной модели....78
Исаева И.П.: Многозначные производные диминутивы в словаре и в эксперименте....76
Исмаел Д.Я.: Телефонная реклама как модель для изучения российской и арабской рекламы....279
Ицкович Т.В.: Категория темы в жанре протокола (на материале текстов религиозного стиля)....363
Каверина В.В.: Орфография согласных на границе морфем в словах с суффиксом <-ск-> в XVIII–XIX вв....16
Каджая Л.А.: Жанры речи в аспекте их языковой организации....373
Казаковская В.В.: Дериваты в речи взрослых и детей (анализ случая)....79
Казачук И.Г.: Варьирование формы фразеологических единиц с компонентом место....17
Калинина А.А.: Статус запрета в семантической классификации разновидностей побуждения....364
Калиновская В. Н.: Сложные слова в русском языке XIX века как фрагмент динамической картины мира: на материале неологии с компонентом земле-....176
Калиткина Г.В.: Растительные образы Псалтири: аллегорический потенциал и метафорическая реализация....238
Калугин В.В.: Геннадиевские переводы в украинской Дополненной редакции Толковых Пророчеств начала XVII в....519
Капела Э.: Об одном типе политических интернет-мемов....532
Каравашкина М.В.: Восприятие Зиновием Отенским грамматического учения своего времени....520
Кара-*Мурза Е.С.:* Общественный резонанс науки о русском языке (на примере лингвистической экспертизы как направления прикладной лингвистики)....320
Каримова Р.А.: Жанровая характеристика дискурса эссе....365
Кармакова О.Е.: Лексика традиционной культуры в современных русских говорах....29
Карпенко Л.Б.: Систематизация речевых средств русского языка: коммуникативно-прагматические комплексы....432
Картышева М.С.: Орфографические варьирование как результат отражения фонетического варьирования некоторых слов....18

Касьянова В.М.: Основные тенденции современного внутригородского нейминга (на примере наименований детских развивающих центров) 343
Качинская И.Б.: Собираем и сохраняем сокровища русского языка: практики по диалектологии на филологическом факультете МГУ и в филиалах 35
Кашицына Е.Г.: Антонимические блоки-композиты как единицы, организующие дневниковые тексты и записные книжки М. Цветаевой 499
Кигель Т.Н.: Перевод песен на родной язык дошкольников и младших школьников при изучении РКИ 432
Кимягарова Р.С.: Лингво-культурологический анализ басни И.А. Крылова «Василек» 239
Киреева Е.З.: Выражение категории модальности на уровне текста (на материале регионального законодательства) 495
Киров Е.Ф.: Фонетическая грамматика русского языка 47
Киселева К.Л.: Особенности значения и употребления идиом в текстах Достоевского в сравнении с современным русским языком 210
Киселева К.Л.: Русские конфиксы / циркумфиксы по данным корпуса 88
Киселева Л.А.: Специфика языкового отображения эмоций 63
Климова С.А.: Моделирование текстового образовательного пространства в обучении русскому языку в начальной школе 411
Клобукова Л.П.: Координация нормативно-методических документов, лежащих в основе системы ТРКИ, как лингвометодическая проблема 421
Кобозева И.М.: О «нелегальных» союзах непосредственного предшествования в русском языке: сразу как (только) и другие союзы с грамматикализованным наречием времени 143
Ковтун Е.Н.: Язык современной фантастики: функциональность и мета-смысл семантического креатива 239
Козакова А.А.: «Вол» и «римлянин» (Лингвистический анализ образа В.Я. Брюсова в очерке М. Цветаевой «Герой труда») 240
Козеренко А.Д.: Особенности значения и употребления идиом в текстах Достоевского в сравнении с современным русским языком 210
Козлова А.Ю.: Отражение второго южнославянского влияния в списке ГИМ, Барс.620 «Толковой Палеи» 521
Козловская Н.В.: К проблеме выявления лингвистически значимых признаков провокации взятки 321
Кокорина Ю.Г.: Археологические словари как отражение языка науки в историческом аспекте 211
Колесникова Н.И.: Формирование жанровой компетенции бакалавров строительного профиля (на примере жанра отчета о производственной практике) 399
Колесникова С.М.: Идиоглоссы «Дети», «Семья», «Жизнь» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» 241
Колышкина Т.Б.: Средства создания разных типов рекламного образа в телевизионной рекламе банковских услуг 304
Коницкая Е.М.: Фразеологизмы библейского происхождения в русском и словенском языках: узуальное употребление и окказиональные трансформации 280
Коннова М.Н.: Ценностное измерение темпорального опыта и его актуализация в поэтическом тексте (на примере произведений Б.Л. Пастернака) 242
Конченко Т.В.: Некоторые особенности функционирования слов-гибридов во многом, в большинстве своем, в массе своей 144
Конюшкевич М.И. : Немного о себе 560
Конюшкевич М.И.: Моделирование как один из методов инвентаризации служебной лексики 146
Копров В. Ю.: Семантико-функциональная сопоставительная грамматика русского и английского языков в контексте современных функциональных исследований 281
Кормилицына М.А.: Влияние СМИ на культуру современного российского общества 482
Королькова М.Д.: Ремесленная лексика в словарях русского языка 36
Коростелева А.А.: Антонимическое развертывание семантических инвариантных параметров русских коммуникативных кинем 322
Корсакова Ю.И.: Учет семантики дискурсивных маркеров при проведении лингвистической экспертизы диалогов 317
Костанди Е.И.: Типовой дискурс диаспоры: пространственно-временная локализация 386
Костина Л.Ю.: Диалектные лексические различия в говорах Кубани 28
Котлярова Т.Г.: Эмпоронимы в городской коммуникации современной Астаны 344
Краевская И.О.: Словообразовательные процессы в терминологии русского и китайского языков (на материале терминов отрасли «Обессеривание нефтей и нефтепродуктов») 282
Крапивник Е.В.: Терминологические метафоры русской лингвистики: лингводидактический аспект описания 555
Крапивник Л.Ф.: Русские пословицы и поговорки в иноязычной аудитории 433
Красильникова Л.В.: Обучение русскому словообразованию и виды упражнений 434
Краснова Е.А.: Русские союзы как стимулы системных связей глубинных текстовых смыслов 496
Красных В.В.: Грамматика и словарь лингвокультуры как предмет современных исследований 159
Красовицкий А.М.: Разрушение севернорусского оканья: акустический анализ 37
Красовская Н.А.: Регионализмы в языке социальных сетей 533
Кречмер А.Г.: История русского литературного языка в научной дискуссии 177
Кривнова О.Ф.: Перцептивная категоризация различий в темпе речи (экспериментальные данные) 48
Кривощапова Т.В.: Рецепция прозы В.М. Гаршина в детских рассказах Л.Н. Андреева 243
Кругликова Л.Е.: Толковая лексикография на рубеже веков: проблемы и перспективы 212

Крыжановская В.А.: Периферийные онимы в контексте современной массовой культуры 345
Крылов С.А.: К построению корпусной стратификационной квантитативной стилистики 466
Крюк Е.К.: Интернет-комментарий как объект судебной экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму 323
Крюкова И.В.: Внутригородские названия как средство выражения оценочных значений 346
Крючкова О.Ю.: Проблема суффиксального усложнения в русистике: состояние разработки и перспективы исследования 80
Кузнецов В.О.: К вопросу о предмете и задачах семантической экспертизы 323
Кузнецов С.Н.: История языкознания: на пути к обновлению парадигм 160
Кузнецова И.Е.: К проблеме выявления лингвистически значимых признаков провокации взятки 321
Кузнецовская М.А.: Особенности лингвистической экспертизы (в рамках комплексной психолого-лингвистической) по делам о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних. Предметная область сферы сексуальных отношений 324
Кузовенкова А.И.: Грамматические особенности Казанского апракоса XIV века 522
Кузьминова Е.А.: «Кни́га гл҃емаꙗ бꙋ́квы грамоти́чнаго оу҆че́нїѧ» как грамматический словарь церковнославянского языка 523
Кукушкина О.В.: Лингвистическое исследование описаний изображений как междисциплинарная задача 467
Кулева А.С.: Изменения в стратификации сниженной лексики (из опыта работы над «Академическим толковым словарем русского языка») 213
Куликов Е.А.: Поликодовость как средство воздействия в художественном тексте (на материале романов Д. Симмонса) 305
Куликова Э.Г.: Родовые корреляты имени: коммуникативные характеристики и лингвопрагматические функции 81
Кульпина В.Г.: Падежные отношения на линии существительное – местоимение в синтаксических срезах 97
Кунц К.В.: Ритуализация как дискурсивная составляющая русских газетных текстов общественно-политической направленности (на примере большевистского предреволюционного, советского и современного докризисного дискурсов) 497
Куприянова М.В.: Первоначальное разграничение смыслов синтаксической единицы 124
Купчик Е.В.: Депоэтизация поэтического слова в метафорических моделях 244
Куркан Н.В.: Модель жанра «Стандарт» в русском инженерном дискурсе 366
Курмакаева Н.П.: Принцип функциональной эквивалентности в заполнении позиционного состава русского предложения 125
Кустова Г.И.: Посессивное кодирование субъекта в ситуациях с неполным контролем: синтаксис и семантика 126
Кучина С.А.: Лингво-семиотическая специфика электронных художественных текстов: вербальные и невербальные средства связности 306
Кюльмоя И.П.: Речь диаспоры как вариант русского языка 387
Лабунец Н.В.: Семантическая адаптация субстратной гидронимии в ситуации лингвоэтнического контактирования 546
Лаврик Э.П.: Языковые приемы вовлечения в террористическую деятельность 325
Лазуткина Е.М.: К методологии исследований процессов интерпретации и концептуализации 127
Ласкарева Е.Р.: Корректная минимизация материала и алгоритм его расширения 435
Латышева А.Н.: Классификация сложноподчиненных предложений: шаг вперед и… возвращение к Буслаеву 128
Лебедев А.А.: Специфика синтаксиса поэзии А.А. Дельвига в контексте лексикографического описания 245
Левушкина Р.: Лексика православной духовности в сербском и русском языках (на материале из романа Е. Водолазкина «Лавр» и его перевода на сербский язык) 388
Лекант П.А.: Нет у А.С. Пушкина 129
Леоненко А.Д.: Катафора в художественном тексте 498
Лерхер Х.: Замечания по приложению «ProDict RU-DE» 407
Лесников С.В.: Академический словарный корпус /АСК/ русского языка 214
Летцбор К.В.: Мультфильмы как наглядное пособие на практических занятиях по иностранному языку 436
Ли Цинь: Неинформативный ответ как один из коммуникативых приемов уклонения от ответа 367
Ли Ян: Структура лексико-семантического поля «Межличностное общение в Интернете» 61
Либшнер А.: Прагматические отношения в коммуникации в русской социальной сети Вконтакте 368
Литвинова И.А.: Ключевое слово «Сивилла» как центр пересечения семантических полей в идиолекте М.И. Цветаевой 246
Литвинова Т.А.: Специализированная лексикографическая база данных Russtylnorm как инструмент измерения ортологического параметра идиолекта 209
Литневская Е.И.: К проблеме определения признаков текста письменной разговорной речи в электронно опосредованной коммуникации 534
Лихачева А.Б.: Названия российских городских объектов как репрезентанты русской коммуникативной культуры (взгляд из-за границы) 347
Лопатин В.В. : Немного о себе 562
Лутовинова О.В.: Холивар и троллинг в системе речевых жанров виртуальной коммуникации 535
Луценко О.В.: Новый комплекс учебных пособий по русскому языку для Китая (подъязык экономики) 437
Лучкина Н.В.: Исследование влияния глобализационных процессов на состояние языка 483
Лю Инь: Проблемы преподавания видов русского глагола в китайских вузах 438
Лю Цзоянь: Языковые средства и способы метафоризации вкусовых ощущений в русском и китайском языках: сравнительно-сопоставительный аспект анализа 283
Лютикова Е.А.: Варьирование падежного оформления прилагательного в конструкциях с малыми числительными 12

Магерамова Ю.Ю.: Деархаизация или вторичное заимствование? (на примере лексемы бакалавр) 64
Майоров А.П.: Конституативное значение в поликодовом тексте как предмет лингвистической экспертизы 326
Макарова Л.Е.: Терминология словесности в системе образования первой трети XIX в. (на материале теории словесности И. Рижского (1761–1811)) 268
Макеева И.И.: О языке списков Волынского извода Кормчей книги ранней русской редакции 524
Макова М.Н.: Учебно-методический комплекс по русскому языку как иностранному «В мире людей» (уровни B2-C1) 450
Максименко О.И.: Перформативный акт АСМР: соотношение вербального и невербального в поликодовых-полимодальных текстах (на примере видеотекстов YouTube) 303
Малышева А.В.: Дательный этический в южнорусском говоре 38
Мамаев Н.Ю.: К вопросу о ролевых характеристиках коммуникантов 327
Мамедов А.А.: Языковая репрезентация типов автора в «маленьких» поэмах С.А. Есенина 247
Мамечков С.Г.: Некоторые данные о лексических показателях семантики биологического пола в русском языке 98
Манянин П.А.: Об актуальности исследования аргументативного компонента текста в судебной лингвистике 331
Мареева Ю.А.: Семантика и грамматика темпоральных наречий в русском и новогреческом языках: лингводидактический аспект 408
Маринова Е.В.: Социокультурные аспекты неологизации в лексике Рунета 536
Маркелова Е.В.: Метажанровые особенности общенаучных текстов 368
Маркелова О.Н.: Дифференциация семантического пространства КОРОВА в говорах архангельского региона 39
Маркелова Т.В.: Аксиология и лексикография: точки сопряжения 215
Марков В.Т.: Тематический подход к анализу устной публичной речи (на примере текста спортивного репортажа) 369
Маркова В.А.: Курс русского языка как иностранного в условиях антропоцентрической научной парадигмы 439
Маркова Н.С.: К вопросу о преподавании русских дейктических локативных наречий в иностранной аудитории 440
Марченко О. П.: Категориальная частота слов русского языка в разных регионах 468
Маслова А.Ю.: Наименования болезненного состояния человека в русских говорах на территории Республики Мордовия 40
Маслова Ю.А.: Создание онтологии артефактов на основе толкового словаря: основные проблемы 65
Матвеенко Е.А.: Полонизмы во втором переводе «Метаморфоз» Овидия с польского языка в первой трети XVIII века 179
Матей И.К.: Принципы составления словника для словаря православной лексики 217
Мелехова Л.А.: Функционально-стилистический потенциал синтаксического параллелизма как средства выражения русского коннотатива 130
Мелиг Х.Р.: О различии между общефактическим (type-factual) и единично-фактическим (token-factual) несовершенным видом при общем отрицании 284
Мельничук В.А.: Перспективы создания словаря аксиологической динамики русского языка 218
Меркулова И.А.: МАС-2 как объект исследования русской лексики 227
Милёхина *Т.А.:* Русский мир в учебниках русского языка для иностранцев: новые подходы и требования 441
Миллиареси Т.В.: Вид и таксис при переводе с русского языка на французский 285
Милованова Д. Б.: Формирование современного языка официально-делового стиля (на примере текстов мирных договоров, заключенных в XVIII и XIX веках) 180
Милютина М.Г.: Антонимические блоки-композиты как единицы, организующие дневниковые тексты и записные книжки М. Цветаевой 499
Милякович М.М.: Употребление глагольного вида в текстах кулинарного рецепта в русском и сербском языках 112
Минеева З.И.: Номинации человека в лингвистической экспертизе 328
Мирзоева С.А.: Исследование влияния глобализационных процессов на состояние языка 483
Миронова Н.И.: Структура и лингвистические особенности манипулятивного дискурса 329
Мирчевска-*Бошева Б.:* Русский язык в Македонии XXI века: проблемы преподавания и изучения 162
Митасова Э.Ф.: Семантизация приставочных глаголов в нефилологических вузах в объеме общеупотребительной общенаучной лексики 413
Михайлова О.А.: Эмические термины в современной лингвистике 269
Михайлова Ю.Н.: Эмические термины в современной лингвистике 269
Михеева Е.С.: Комбинаторика вербальных и невербальных средств как прием создания полисемантичных «текстов с креативным заданием» 307
Михеева С.Л.: Девербативы, обозначающие речевое действие: семантика и прагматика 82
Мишанкина Н.А.: Метафорические модели русской лингвистической терминологии 219
Мишланов В.А.: О некоторых изменениях в научном стиле современного русского языка 500
Мозговой В.И.: Нейминг и норма 348
Моисеева В.Г.: Несобственно-прямая речь в романе А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» 248
Моисеенко И.М.: Представление грамматического материала в корректировочном курсе русского языка как иностранного для гимназий Эстонии 442
Мойса Е.С.: Особенности технического языка науки и его адаптация к обучению РКИ иностранных магистрантов-англофонов 443
Моллова О.В.: Адвербиальные средства выражения локативности в современном болгарском и русском языках 293

Моргун А.В.: Психолингвистический аспект репрезентации языковой картины мира....82
Морозова С.М.: К вопросу о социолингвистическом аспекте в обучении русскому языку в условиях диалекта....409
Морослин П.В.: О многозначности слова амазонка в русских художественных текстах XIX века....198
Мочалова Т.И.: Наименования болезненного состояния человека в русских говорах на территории Республики Мордовия....40
Мубаракшина А.М.: Феномен языковой гибридизации элементов английского языка в современном художественном тексте (на материале романов Сергея Минаева)....389
Мугумова А.Л.: Ранние (XVI–XVII вв.) семантические локализмы местного тюркского происхождения в терских русских говорах....390
Муковоз А.С.: Структурно-семантические особенности словообразовательной парадигмы русских фамилий....83
Муравьева Н.Ю.: Перцептивные особенности конкретной лексики....501
Мустайоки А.: Русский язык в явление-ориентированных исследованиях....469
Мухачёва *И.В.:* Выделение значений у глаголов с семантикой ликвидации результата....131
Мякшева О.В.: Текст и его грамматика....502
Мясникова Т.В.: Семантическое исследование текстов, стилизованных под какой-либо жанр, при производстве экспертизы по делам о клевете....330
Наволока Ю.С.: Особенности функционирования прецедентных феноменов в рамках стратегии самопрезентации в социальной сети «Инстаграм»....537
Нагайцева Е.В.: Пунктуация в предложениях с функциональными омонимами....19
Нагорный И.А.: Коммуникативно-прагматические свойства русских частиц как актуализаторов коммуникационных процессов в речевой сфере....148
Надеина Т.М.: Исследования фразовой просодии в России: актуальные направления и проблемы....49
Назарова Т.В.: Об актуальности исследования аргументативного компонента текста в судебной лингвистике....331
Налимова Т.А.: К вопросу о некоторых трудностях при составлении рабочих программ к дисциплине «Русский язык и культура речи»....410
Нам Хе Хён: Окказиональная лабильность глаголов как грамматическая транспозиция....99
Наумова Н.И.: Моделирование текстового образовательного пространства в обучении русскому языку в начальной школе....411
Негрышев А.А.: Типы когнитивно-логических трансформаций в кликбейт-заголовках....538
Некрасова Л.Н.: Эволюция мотива чистоты в творчестве Андрея Платонова: «Чевенгур», «Котлован», «Счастливая Москва»....249
Некрылова В.П.: Длительность гласных как параметр реализации ритмической структуры слова в русской речи носителей турецкого языка....50
Немкова В.А.: Взаимосвязь дейктических категорий в художественном тексте (на материале оригинальных и переводных произведений)....503
Нестерова Н.Г.: Поликодовость как ключевая характеристика радиотекста....308
Нестерская Л.А.: Воссоздание образа страны через язык средств массовой коммуникации (лингводидактический аспект)....444
Нефедова Е.А.: О диалектном словаре академического типа....220
Нечунаева Н.: Минея: «свое – чужое» в псковско-тартуских рукописях XVI–XVII вв....525
Николенко Е.Ю.: Воссоздание образа страны через язык средств массовой коммуникации (лингводидактический аспект)....444
Николенкова Н.В.: Орфография московских рукописей второй половины XVII в. и влияние московской грамматики 1648 г....181
Николина Н.: Категория темы в жанре протокола (на материале текстов религиозного стиля)....363
Николина Н.А.: Динамика субстантивации в современном русском языке: семантические зоны и новые производные....286
Никульцева В.В.: Филологический анализ сонета Игоря-Северянина «Тургенев»....250
Ничипоров И.Б.: Стилевые течения в современной русской поэзии....251
Новикова Т.Л.: Роман свидетельствует: Изображение потерянного детства у В. Набокова....252
Новоселова Н.А.: Региональный словарь «Глагол в деловом языке XVIII века: семантика, грамматика, фразеология»....221
Норейко Л.Н.: Об особенностях языка и текста «Повести о Петре и Февронии» как памятника русской письменности....526
Норман Б.Ю.: Вторичная семантизация в языке и в речи: к основаниям окказиональных переносов лексического значения....66
Няголова Н.: Болгарская русистика XXI века – представители, школы, исследовательские направления....163
Обжорин А.М.: Визуализация для исследования текстов....539
Одекова Ф.Р.: О лексикографических изысканиях русских писателей....222
Одинцова И.В.: Лингвокогнитивные аспекты современной лингводидактики....412
Ольховская А.И.: Сквозные синонимические оппозиции в идеографическом рассмотрении....67
Онацкая Н.Г.: Семантизация приставочных глаголов в нефилологических вузах в объеме общеупотребительной общенаучной лексики....413
Онипенко Н.К.: Синтаксис конструкций и понятие конструктивной обусловленности....132
Орлова М.В.: Описательные предикаты в языке А.С. Пушкина и их возможная связь с французским языком....182
Ощепкова Л. А.: Жанр «государственный гимн» и его национальные модификации (на материале гимнов разных стран)....370
Павлов Ю.Г.: Категориальная частота слов русского языка в разных регионах....468
Павлова Л.П.: Русский язык как средство межнационального общения....391

Палоши И.: Сопоставительный анализ мультисубъектных и мультиобъектных ситуаций: формальные и функциональные особенности....113
Панина Ж.А.: Дифференциация семантического пространства КОРОВА в говорах архангельского региона....39
Панков Ф.И.: Аспекты изучения глагола в курсе «Русский язык как иностранный: функциональная морфология»....445
Панова Г.И.: О грамматической форме слова и словоформе в русском языке....270
Панчехина М.Н.: Структура метакоммуникации в художественном произведении (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)....504
Патаракина Е.О.: Лексикографический аспект описания наречно-предложных единиц русского языка....223
Патроева Н.В.: Синтаксис Е.А. Баратынского как предмет лексикографического описания....253
Певак Е.А.: Поэтическая идеология реформирования русского языка: первая четверть XX века....254
Пентковская Т.В.: Реалии в русских переводах Корана XVIII в....183
Пепеляева Е.А.: Сравнительный анализ употребления прописной и строчной букв в текстах носителей русского языка и изучающих русский язык как иностранный....20
Пермякова Т.Н.: Актуальные тенденции в русской лексикографии: служебные слова и их представление в словаре....224
Песчанская Ю.Л.: Юридическая терминология в текстах делопроизводства органов суда и прокуратуры г. Тобольска....169
Петрова З.Ю.: Семантическая сочетаемость классов метафор и сравнений в языке художественной литературы (классы «Ткани, изделия из тканей» и «Человек»)....255
Петрова Н.Е.: Оценочные функции прилагательных сравнения в дискурсе СМИ....332
Петровичева М.А.: Лингвистическое исследование описаний изображений как междисциплинарная задача....467
Петрухина Е.В.: Динамика субстантивации в современном русском языке: семантические зоны и новые производные....286
Петрухина Е.В.: Дискурсивные особенности образа времени и употребление видо-временных форм в современных рассказах «клипового» характера....114
Пикулева Ю.Б.: Вербализация ценностных смыслов в жанре поздравления (на материале семейной коммуникации)....371
Пилюгина Н.Ю.: Функционирование устойчивых сочетаний с альтернативно-уступительным значением (скрепы в *любом случае* и *так или иначе*)....149
Плотникова А.М.: Судебное лингвистическое заключение как речевой жанр....333
Поддубный В.В.: Дискретная стохастическая математическая модель развития полисемии языковых знаков на основе теории нестационарных пуассоновских потоков....470
Полежаева С.С.: Языковые единицы инокультурного фона в русскоязычной приднестровской литературе....392
Полищук Е.В.: К вопросу о лексическом минимуме при изучении художественной литературы (на материале иерейской прозы)....449
Поляков Д.К.: Субстантиваты и другие существительные с адъективным склонением в современном чешском языке (в сопоставлении с русским)....84
Помазов А.И.: Механизмы речевого воздействия в контенте сайтов российских вузов: аттрактивность в современной интернет-коммуникации....540
Пономаренко Е.А.: Семантика имени в контексте культурных концептов (на материале рассказа А.П. Чехова «Враги»)....256
Пономаренко И.Н.: Новые единицы городского ономастикона....349
Попова О.А.: Сравнительный анализ употребления прописной и строчной букв в текстах носителей русского языка и изучающих русский язык как иностранный....20
Попова С.Б.: Метафорическое моделирование лексических единиц со значением «успех» в русском языке....68
Потапов В.В.: О глубинно-параметрическом методе аннотирования для базы данных русскоязычного поликодового социально-сетевого дискурса....225
Потапова Р.К.: О глубинно-параметрическом методе аннотирования для базы данных русскоязычного поликодового социально-сетевого дискурса....225
Потемкин С.Б.: Стандартизация англо-русской лингвистической терминологии....271
Прохватилова О.А.: Об особенностях просодической организации современной православной миссионерской проповеди....51
Пугачева Е.В.: Феминитивы: неологическая картина (по данным словарей)....85
Пузина М.А.: Что за памятник Парижский стихирарь?....527
Пушкарева Н.В.: Социальная роль автора как фактор организации нехудожественного текста (Записки русских путешественников XIX века)....184
Пчелинцева А.С.: Трансформация образа автора в русском переводе предисловия к «Разговорам о множестве миров», выполненного А.Д. Кантемиром....505
Пчелинцева Е.Э.: Функционирование русских отглагольных имен действия в рекламных объявлениях: аспектуальные особенности....372
Радбиль Т.Б.: Грамматические признаки культурной апроприации заимствований в русском языке Интернета....100
Райнохова Н.: Русский язык через призму чешского....445
Ратников М.О.: Возможности применения виртуальных голосовых помощников на занятиях по иностранному языку (лингводидактический аспект)....457
Рацибурская Л.В.: Новообразования в электронных СМИ....86
Ревзина О.Г.: Мещанин и обыватель (к вопросу о темпоральной семантике слова и понятия)....185
Редько Н.А.: Лингвоспецифичный концепт СОВЕСТЬ в литературном и диалектном языке....41

Ремчукова Е.Н.: Русский язык в сфере городской коммерческой номинации (результаты научного проекта) 350
Роговнева Ю.В.: Первичные и вторичные модели видения действительности 506
Родионова И.Г.: Модальная частица чуть не с глаголом как отражение аналитических тенденций в грамматическом строе современного русского языка 101
Рождественская Т.В.: Библейские и литургические надписи XII–XV веков в храмах Древней Руси 528
Рождественская Т.В.: Немного о себе 562
Розинская О.В.: Современная польская русистика последних десятилетий 164
Романенко А.П.: Топика как один из объектов лингвостилистического анализа 257
Рудакова М.М.: Ассоциативное поле «Время» в русской и сербской лингвокультурах 287
Руднев Д.В.: Фазовые глаголы со значением конца действия в истории русского языка 186
Ружанская Л.Л.: Художественный текст в межкультурном пространстве (методический аспект, РКИ) 461
Русанова С.В.: Просительные документы и две тенденции в их наименовании в деловом языке XVIII века 186
Рябова Н.Б.: Семантическое исследование текстов, стилизованных под какой-либо жанр, при производстве экспертизы по делам о клевете 330
Саболова Д.: Теневая экономика – анализ отдельных лексических единиц экономической сферы в сопоставительном словацко-русском плане 288
Савельев В.С.: Женская речь в «Повести временных лет» 188
Савельева О.М.: Термин А.Н. Веселовского «сердечное воображение» в свете его концепции всемирной литературы: дубитативный экскурс 471
Савина Е.А.: «Лайки» социальной сети «Фейсбук» как фатические контактоподдерживающие реакции 541
Савосина Л.М.: К вопросу о применении сопоставительного метода в лингводидактических целях при обучении инофонов (будущих переводчиков) русскому языку как иностранному 446
Савченко А.В.: Язык спортивной журналистики как пример межъязыковой конвергенции близкородственных славянских языков (русские и украинские лексико-фразеологические параллели) 393
Садова Т.С.: Диво дивное и рыды рыдучие: «поиск» гиперонима? 258
Сайгин В.В.: Семантическое расширение лексем – репрезентантов концептуального поля «грех» в современной русской речи 69
Саккини М.: Приставка при- в «Слове о полку Игореве»: семантика и вид глагола 189
Салимовский В.А.: Жанры речи в аспекте их языковой организации 373
Самедова Н.Г.: Синтагматические видовые значения: о месте в системе языка и путях исследования (некоторые соображения) 115
Сандакова М.В.: О синтагматике наречия крайне 70
Санджи-*Гаряева З.С.:* Советизмы: современное состояние и аспекты изучения 71
Санникова И.И.: Русский язык как язык обучения в национальном вузе 394
Сансызбаева С.К.: Конфликтогенные тексты в русскоязычной казахстанской прессе 333
Саранцацрал Ц.: Прагматико-семантическая характеристика речевых актов предостережения и способы их выражения в русском языке 374
Сарач Х.: «Река» как фрагмент русской и турецкой картин мира: лингвокультурологический аспект 289
Селезнева Е.С.: Адвербиальные эпистемические модификаторы как компонент функционально-семантического поля модальности уверенности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» 259
Семенов А.И.: Отражение идеи «общего блага» в названиях русских военных кораблей 351
Семенов П.А.: Некоторые особенности стилистической интерпретации славянизмов в «Словаре Академии Российской» 190
Семенова О.Р.: Наименования одежды в русских говорах Южного Урала 42
Сергеев М.Л.: Использование сведений об этимологии слова в лексикографическом описании (на материале новейшей заимствованной лексики) 226
Сергиевская Л.А.: Функционально-стилистический потенциал синтаксического параллелизма как средства выражения русского коннотатива 130
Сердобольская Н.В.: Морфосинтаксические свойства конструкций с ненормативным то, что в современной устной речи 21
Сердюкова Е.В.: Принципы номинации праславянских названий растений 547
Сивова Т.В.: Диада «свет – тьма» в «Повести о лесах» К.Г. Паустовского 260
Сигал К.Я.: Русское прототипическое словосочетание: формально-конструктивные параметры и их иерархия 133
Сидорова Е.Г.: Уникальность ойконима как проблема лингвоэкологии 352
Сидорова М.Ю.: Лингвистическое исследование описаний изображений как междисциплинарная задача 467
Сидорова М.Ю.: Проблема «синтаксических единиц» в истории русского языкознания: что действительно волновало В.В. Виноградова? 134
Сизова О.Б.: О механизмах падежного формообразования: два пути развития 102
Сироткина Т.А.: Некоторые проблемы лингвистической экспертизы 334
Ситько Ю.Л.: Первоначальное разграничение смыслов синтаксической единицы 124
Ситько Ю.Л.: Программа обследования русского языка в Большом Севастополе 44

Скачкова Е.В.: Об одной особенности употребления заимствованных препозитивных элементов со значением интенсификации / деинтенсификации признака в русском языке....87
Сквайрс Е.Р.: Формульность и свобода в языке древнерусских текстов Ганзы....191
Скороходова Е.Ю.: Особенности прецедентной базы современной российской прессы....484
Славкова С.: Вид и время глаголов со значением просьбы и совета в перформативных высказываниях в русском и болгарском языках....116
Славкова С.: Употребление вида в императиве в инструкциях (на материале русского и болгарского языков)....109
Сматаев Н.К.: Конфликтогенные тексты в русскоязычной казахстанской прессе....333
Смолененкова В.В.: Тенденции в оформлении обращения в ораторских речах (на материале письменных и устных текстов Президента Российской Федерации В.В. Путина и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла)....485
Соколова М.Г.: Структурирование образного поля дендронимов в поэтическом языке XVIII–XX веков (на примере тематической сферы «Животное»)....260
Соколова О.И.: «Туристические» эргонимы города Владимира....353
Соколова Т.П.: Креолизованные урбанонимы в аспекте нейминговой экспертизы....354
Соколянский А.А.: Фонетическая система языка как многоуровневая структура....52
Солдатова Д.Н.: Категория количества в научном и официально-деловом стилях....507
Сомова М.В.: К вопросу о подчинительных союзах в простом предложении....153
Сорокина В.В.: Русскоязычная лирическая миниатюра в современной прозе Азербайджана (язык и жанр)....395
Старикова Е.А.: Трудности в написании естественнонаучных статей....414
Старовойтова И.А.: Использование техники граттаж в создании поликодового текста (На примере иллюстраций М. Добужинского к повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи»)....309
Стародубова О.Ю.: Текст как архиватор культурного кода и отражение процессов глобализации....508
Стародубцева Ю.А.: МАС-2 как объект исследования русской лексики....227
Старостина Е.В.: Влияние коммуникативного пространства интернета на вербальные ассоциации....542
Стебунова А.Н.: Перспективы исследования концептосферы Донбасса....472
Степанова Е.В.: Императив в системе преподавания русского языка как иностранного студентам-европейцам (на примерах рекламных текстов)....447
Страмлич Брезник И.: Субстантивация прилагательных в словенском языке (в сравнении с русским языком)....278
Стрельчук Е.Н.: Учебники по русскому языку как иностранному в современной лингвокультурной среде: анализ, состояние, перспективы....448
Субботина О.А.: Деловая письменная коммуникация государственных гражданских служащих: кибернетико-синергетический подход....556
Суворова М.И.: Извлечение сценариев из текстов сетевых дискуссий....509
Судакова Л.И.: Функционирование молодежного жаргона в научно-популярной лекции....486
Сулейменова Э.Д.: Кто в Казахстане говорит по-русски: этноязыковой синопсис....396
Сулейменова Э.Д.: Немного о себе....562
Суровцева Е.В.: К вопросу об изучении русской терминологии на материале художественного текста («Записки юного врача» М.А. Булгакова и медицинская лексика)....473
Суровцева Е.В.: К вопросу о лексическом минимуме при изучении художественной литературы (на материале иерейской прозы)....449
Суровцева Е.В.: Особенности языка современных житий новомучеников: на материале трех вариантов жития Татьяны Гримблит....375
Сысоева Ю.А.: Варьирование формы фразеологических единиц с компонентом место....17
Табаченко Л.В.: О дифференциации объектных и обстоятельственных форм в истории русского языка....192
Тарасова К.П.: Выкрики уличных торговцев первой трети XX века как особый вид рекламы....375
Тарасова С.Д.: Категориальная и тематическая организация слов со значением органолептических свойств на материале произведения Романа Сенчина «Вперед и вверх на севших батарейках»....510
Татевосов С.Г.: Русские конфиксы / циркумфиксы по данным корпуса....88
Тверская С.С.: К вопросу об изучении русской терминологии на материале художественного текста («Записки юного врача» М.А. Булгакова и медицинская лексика)....473
Теперик Т.Ф.: К истории художественного перевода в России (на материале перевода Н. Карамзина)....193
Теркулов В.И.: Отношения эквивалентности сложносокращенного слова в диахронном и синхронном освещении....89
Теуш О.А.: Лексический образ захолустья в диалектах Европейского севера России....548
Тискин Д.Б.: Без того, чтобы (не) vs. без да: сочетаемость и семантическая композиция....290
Титаренко Е.Я.: Глаголы несовершенного вида с суффиксом -ну- в современном русском языке....117
Титаренко Е.Я.: Немного о себе....565
Тихонова М.А.: Аксиология и лексикография: точки сопряжения....215
Торопкина В.А.: Поликодовость как средство воздействия в художественном тексте (на материале романов Д. Симмонса)....305
Треблер С.М.: Знаки «языка» культуры в тезаурусе языковой личности А.П. Чудакова....261
Тряпельников А.В.: Вызовы XXI века: поликодовые мультимедийные тексты....415

Турилова М.В.: Об этимологии некоторых обозначений неврологических и психических заболеваний и нечистой силы (русск. диал. каду́к, шут, я́видь) 549
Угро А.В.: Особенности реализации характеристик жанра «воспоминание» в социальной сети «Instagram» 543
Улитова А.: Зависимость позиции определения от контекста, в котором находится атрибутивное словосочетание 194
Улуханов И.С.: Исчислительно-объяснительный метод изучения языка 90
Уржа А.В.: Неопределенно-личность на фоне эгоцентрических средств языка 511
Урханова Р.А.: Экспрессивные средства в переводном литературном тексте 262
Урысон Е.В.: Русские видовые пары: семантическая теория и критерий Маслова 118
Усачева О.Ю.: Дискурсивные модификации жанров в новых коммуникационных средах 376
Ускова О.А.: Учебно-методический комплекс по русскому языку как иностранному «В мире людей» (уровни В2-С1) 450
Ухлик М.: Субстантивация прилагательных в словенском языке (в сравнении с русским языком) 278
Файзуллина Н.И.: Своеобразие репрезентации уступительных отношений в русской народной загадке 135
Фань Сяомэй: Коммуникативно-прагматические неудачи в русско-китайской межкультурной коммуникации и их преодоление 451
Фатеева Н.А.: Соматизмы в идиостиле Ф.М. Достоевского (на материале «Преступления и наказания») 263
Фаттахова Н.Н.: Синтаксическая структура русской народной приметы 136
Фащанова С.В.: Просветительские медиаресурсы в обучении русскому языку как иностранному 452
Феликсов С.В.: Особенности лексикографического описания религиозной лексики в «Полном церковно-славянском словаре» протоиерея Григория Дьяченко 228
Фивейская Е.А.: Использование сведений об этимологии слова в лексикографическом описании (на материале новейшей заимствованной лексики) 226
Филатова Г.А.: Функционирование комплекса апелляций к читателю в романе Р. Желязны «Creatures of Light and Darkness» и его русских переводах 512
Филатова Е.А.: Новый комплекс учебных пособий по русскому языку для Китая (подъязык экономики) 437
Филимонова Е.Ю.: Как Золушка стала принцессой. Новая версия старой сказки (О новом подходе к формированию словарного запаса у студентов РКИ) 452
Фисун Р.С.: О значении некоторых русских составных местоименных серий в сравнении с аналогичными в украинском и польском 291
Фокина М.В.: Лингвометодические основы работы над позиционными закономерностями русского звукового строя в иностранной аудитории 454
Фоулер Дж.: К вопросу об особенностях деметафоризации в рекламном дискурсе 296
Фролова О.А.: Проект «Слово года» в аспекте его лингвокультурологической значимости в преподавании русского языка как иностранного 544
Фролова О.Е.: Семантика лжи 72
Фуфаева И.В.: Образование новых диминутивных суффиксов в старорусском и современном русском языке 195
Хамгокова Н.Ж.: Учебный диалог как средство формирования навыков речевого общения иностранных студентов на этапе предвузовского обучения 455
Хасанов Э.Р.: О сущности лексической и семантической деривации 73
Хисамова Г.Г.: Актуальные проблемы преподавания русского языка в поликультурном пространстве 416
Хитина М.В.: Использование дискурсивных слов в комментариях социальной сети ВКонтакте 545
Ховалкина А.А.: Использование графем дореформенного периода в современном русском письме как явление графической гибридизации 355
Хорохордина О.В.: Типологические особенности жанра «Стихотворение в прозе» в творчестве И. С. Тургенева 264
Хохловская О.Г.: Молитва как жанр исламистского дискурса: признаки конфликтогенности 335
Храковский В.С.: Вид и время (проблемы и решения) 119
Храковский В.С.: Немного о себе 566
Цветкова Т.М.: Возвращаясь к синтаксису текста 513
Чагина О.В.: Фитонимы как объект лингвострановедения 456
Чакырова К.А.: Адвербиальные средства выражения локативности в современном болгарском и русском языках 293
Чакырова К.А.: Наблюдения над употреблением глагольных видов в медиадискурсе (болгарско-русские параллели) 292
Чапаева Л.Г.: «Практическая грамматика» Н.И. Греча как источник истории русской лексики первой трети XIX века 196
Чаплыгина Т.Е.: «Не без» в функции гетерогенной предложной единицы 150
Чафонова А.Г.: Возможности применения виртуальных голосовых помощников на занятиях по иностранному языку (лингводидактический аспект) 457
Черванева В.А.: Дейктические единицы фольклорного текста как маркер жанра 514
Черенкова И.С.: Новый комплекс учебных пособий по русскому языку для Китая (подъязык экономики) 437
Черновалюк И.В.: Обучение научной речи в системе языковой подготовки иностранных учащихся 458
Чернуха Т.В.: Русский язык как средство межнационального общения немецкоязычных бизнесменов в России 397
Чернышенко Е.А.: Новый комплекс учебных пособий по русскому языку для Китая (подъязык экономики) 437

Чжан Шучунь: Анализ русских существительных с суффиксом -ость (на материале электронного корпуса «Русские газеты конца 20-го века») 91
Чжао Цзяи: Орфографическая адаптация заимствований с удвоенными согласными (по данным корпуса текстов Пушкина) 22
Чиалашвили-Гордеева Е.Ш.: Структурно-прагматическая связность текста стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Деревня» 459
Чижова Л.А.: Проявление менталитетных свойств русской языковой личности в национальной логосфере 474
Чович Б.: Художественный перевод и креолизация двух культур 515
Чович Л.И.: Средства стилистической архаизации в трагедии А.С.Пушкина «Борис Годунов» 265
Чубина Е.А.: О некоторых подходах к исследованию конфликтогенных текстов рекламы 336
Чупашева О.М.: Союз? Частица? Наречие? (К вопросу о формализованной связи деепричастия) 103
Чэнь Пэйцзюнь: Адаптация названий китайских реалий для русскоязычной аудитории в научном стиле сер. XIX в. (на материале этнографического сочинения Н.Я. Бичурина «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», 1840) 398
Чэнь Хао: Русская лексикография в современном Китае 206
Шайкевич А.Я.: Текстуальные связи слов в русской прозе XIX в. 475
Шапошников А.К.: Древненовгородские имена: новые этимологические решения 550
Шапошников В.Н.: Устаревание языковой единицы, забвение владения ею, неправильное употребление: границы значения и границы нормы 74
Шарандин А.Л.: Лексическая грамматика как интегративное единство 104
Шевелёва *М.Н.:* О глаголе имѣти в истории русского языка 197
Шелкова И.А.: Омонимы с корнями *суд*-[1–3] в русском языке XI–XVII вв. 551
Шемелева Т.В.: Темпоральная структура русских сказок 266
Шерварлы М.Г.: Сочетание регистровых техник в притчевых жанрах литературы 516
Шереметьева Е.С.: Пути грамматикализации предложно-падежных словоформ модели в + N6 (на примере словоформы в русле) 151
Шестак Л.А.: Юридическая техника: лингвистические аспекты 337
Шестакова Л.Л.: Изменения в стратификации сниженной лексики (из опыта работы над «Академическим толковым словарем русского языка») 213
Шестеркина Н.В.: Народные загадки с негацией: сопоставительный аспект 294
Шетэля В.: О многозначности слова амазонка в русских художественных текстах XIX века 198
Шешкен А.Г.: Югославянская русистика 1990–2010-х гг. 164
Шикина Д.С.: Поликодовый рекламный текст глянцевых журналов: особенности вербального компонента 310
Шилина А.Г.: Деловая письменная коммуникация государственных гражданских служащих: кибернетико-синергетический подход 556
Шилихина К.М.: Прилагательные ядовитый и токсичный в русском языке: развитие новых значений по данным языковых корпусов 75
Шимко Е.В.: Мультидисциплинарный модуль как компонент учебного плана подготовки филологов 417
Шкапенко Т.М.: Метафорическое моделирование лексических единиц со значением «успех» в русском языке 68
Шкуропацкая М.Г.: Многозначные производные диминутивы в словаре и в эксперименте 76
Шматко А.С.: Лингвистическое исследование описаний изображений как междисциплинарная задача 467
Шмелёва *Т.В.:* Современная русистика: ведущие тенденции и нерешенные задачи 161
Шпильная Н.Н.: Полифонический принцип организации языкового сознания при психозе (на материале дневниковых записей больного психозом) 476
Шульга М.В.: Русское нефлективное словоизменение 105
Шустина И.В.: Средства создания разных типов рекламного образа в телевизионной рекламе банковских услуг 304
Шушарина И.А.: Наставление как жанр религиозной коммуникации (на примере текстов наставления прихожанам не присоединяться к войску Е. Пугачева) 199
Щаднева В.П.: Номинации бытовой утвари в западного-причудском говоре: общерусское & диалектное 44
Щеглова О.Г.: Структура и состав Стишного Пролога XV–XVII веков (особенности редакций летних списков) 528
Щенникова Е.В.: Несколько слов об оскорбительных словах 338
Щипицина Л.Ю.: Жанр спортивного онлайн-репортажа 377
Эзериня С. А.: Сложные слова в русском языке XIX века как фрагмент динамической картины мира: на материале неологии с компонентом земле- 176
Юань Синьюй: Употребление частицы «как раз» в устной речи 152
Юдина Н.В.: Русский синтаксис vs. пунктуация русского языка в XXI веке 22
Южакова Ю.А.: К вопросу о подчинительных союзах в простом предложении 153
Юрина Е.А.: Межъязыковая образность как лингвокогнитивная категория: способы языковой репрезентации и аспекты анализа 477
Юрьева Е.В.: Причины использования косвенных речевых актов в слоганах социальной рекламы 378
Юсупова З.Ф.: Лингводидактический потенциал учебно-научного текста в обучении русскому языку как иностранному 460
Яковченко А.А.: Некоторые проблемы в описании коннекторов включения и исключения в отечественной русистике 154
Якушева Н.В.: Взаимосвязь категории определенности-неопределенности и актуального членения 137

Якушевич И.В.: Языковая реализация символического значения ‘дом как человек’ в русских диалектах....45
Янь Юй: Принципы функционального анализа русских аффиксальных стилистических дериватов начала XXI века....92
Яньлэй Гэ: Концепт «Космос / 宇宙» в русском и китайском языковом сознании....276
Япарова А.В.: Графические приемы в сфере номинации лекарственных средств....356
Яроцкая Г.С.: Лингвоаксиологическая матрица русского экономического поведения....478
Ярошенко Н.А.: Типология ономасиологических моделей сложных номинаций лица
в составе глагольных деривационных гнезд....93
Ярыгина Е.С.: Конструкции с причинно-аргументирующей семантикой в политических текстах
(особенности структуры и текстовые функции)....379
Яцевич Е.А.: Соотношение понятий «язык науки» и «язык для специальных целей»: лингводидактический аспект....557
Яценко И.И.: Художественный текст в межкультурном пространстве (методический аспект, РКИ)....461